

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СІХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СІХ.

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1907

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

ІЮЛЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1907 г.

СТРАН.

I. Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Козьмича. Великаго князя Николая Михайловича	5
Иллюстраціи: 1) Гипсовая маска съ лица императора Александра I.—2) Почеркъ императора Александра I.—3) Конвертъ съ адресомъ, писаннымъ Ѳедоромъ Козьмичемъ.—4) Записка Хромова.—5) Келія Ѳедора Козьмича на заимкѣ Хромова.—6) Часовня на могилѣ старца Ѳедора Козьмича.	
II. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XLVII—LIII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	41
III. Записки репортера. I—X. Александра Чехова (Сѣдого)	70
IV. Непутевый дьяконъ. (Разсказъ). Александра Круглова	100
V. Группы и портреты. (Листочки изъ воспоминаній). IV. Д. И. Стахѣва	130
VI. Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка. XIV—XVIII. (Окончаніе). Ф. Д. Бобкова	143
VII. Послѣдніе дни императора Александра I. (По архивнымъ документамъ). Михайла Соколовскаго	165
VIII. Чортовы литеры. (Изъ дѣлъ тайной канцеляріи). М. Я. Королькова	172
IX. Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. XI—XV. Б. Б. Глинскаго	180
Иллюстрація: А. Унковскій въ 1860 г.	
X. Литературныя поминки. В. В. Данилова	205
XI. Что грозитъ общедворянскому архиву. Д—ова	213
XII. По Окѣ. Андрея Фирсова	221
Иллюстраціи: 1) Рязань. Успенскій соборъ.—2) Рязань. Разливъ Оки.—3) Касимовъ. Видъ города и Овскаго мѣста.—4) Касимовъ. Набережная.—5) Касимовъ. Вознесенскій соборъ.—6) Касимовъ. Вазарная площадь.—7) Касимовъ. Техническое училище.—8) Касимовъ. Татарская мечеть.—9) Касимовъ. Татарская теція.—10) Касимовъ. «Острова».—11) Касимовъ. Ледоходъ на Окѣ.—12) Нижній-Новгородъ. Вокзалъ Московско-Казанской ж. д.—13) Нижній-Новгородъ. Слияніе Оки съ Волгой.	
XIII. Иностранцы о Россіи. В. III.	249
XIV. Критика и библіографія	273
1) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1906 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1907. В. Руданова. — 2) П. Покрышкинъ. Православная церковная архитектура XII—XVIII столѣтій въ нынѣшнемъ Сергіевомъ королевствѣ. Изданіе императорской академіи художествъ. Спб. 1906. Приватъ-доцента А—скаго. — 3) Францевъ В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906. Андрея Сиротинина. — 4) «Вѣстникъ археологій и исторіи», издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVII. Спб. 1906. В. Руданова.—5) Полное собраніе постановленій и (См. слѣд. стран.).	

распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IX. Царствованіе государыни императрицы Анны Іоанновны. 1735—1737 гг. Спб. 1905. Томы I и II. Царствованіе государыни императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1745 гг. Спб. 1899 и 1907. М—ова.—6) Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. Томъ первый. 1470—1700 гг. Томъ второй. 1701—1839 гг. Спб. 1897 и 1907. М—ова.—7) С. Р. Вилинскій. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906. А. Я.—8) А. Е. Крымскій. Древне-кіевскій говоръ. Спб. 1907. Z.—9) Бердяевъ П. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальныя и литературныя. Сборникъ статей. Спб. 1907 г. А. Фомина.—10) Львовъ-Рогачевскій, В. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907. А. Ф—на.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 291

1) Преобразователь старой системы врачеванія въ XVIII вѣкѣ.—2) Продолженіе воспомнаній графини де-Буанъ.—3) Героическая Греція 1821—1827 гг.—4) Разоблаченія германскихъ скандаловъ.—5) Отговсюду.—6) Мнѣніе генерала Чіальдини и его сослуживцевъ о завоеваніи королевства обѣихъ Сицилій.

XVI. Смѣсь 312

1) Закладка памятника Гоголю въ Москвѣ.—2) Московскій историческій музей.—3) Археологическій институтъ.—4) Музей имени Крамского.—5) Посмертный даръ А. М. Рылѣва.—6) Головое собраніе общества востоковѣдѣнія.—7) Общее собраніе Краснаго Креста.—8) Чествованіе Н. Д. Струкова.—9) Юбилей Ц. А. Кюи.—10) Юбилей Н. Ф. Лабзина.—11) Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1908 г.—12) Конкурсъ драматическихъ писателей.—13) Отъ совѣта по управленію домою писателей имени В. Ф. Голубева.—14) Открытіе посмертной выставки рисунковъ профессора Н. Прокофьева.

XVII. Некрологи 326

1) Богуславскій, Н. Д.—2) Гефденъ, графъ П. А.—3) Демяненковъ, Н. А.—4) Жмакинъ, В. И.—5) Густинъ, архіепископъ.—6) Ковалевскій, П. М.—7) Прохницкій, В. Л.—8) Сгамбати, М. М.—9) Стояновъ, А. Н.—10) Эльсницъ, А. Л.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Федора Козьмича.—2) Последняя королева (Maria Sofia di Borbone). Ромаль Дэвида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. XV—XXI.

СТАРЕЦЪ ТЕОДОРЪ КОЗЪМИЧЪ.

ЛЕГЕНДА О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ СИБИРИ ВЪ ОБРАЗѢ СТАРЦА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА.

Въ такой странѣ, какъ Россія, уже съ древнихъ временъ народъ часто поддавался самымъ нелѣпымъ слухамъ, невѣроятнымъ сказаніямъ, и имѣлъ склонность придавать вѣру всему сверхъестественному. Стоитъ только вспомнить появленіе самозванцевъ во время Бориса Годунова, извѣстнаго Лжедмитрія I въ Москвѣ и Лжедмитрія II въ Тушинѣ; Стеньки Разина — въ царствованіе Алексѣя Михайловича, наконецъ, Емельяна Пугачева — при Екатеринѣ II, чтобы убѣдиться въ расположеніи народныхъ массъ вѣрить самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ. Этому, обычно, способствовала внезапная кончина или наслѣдника престола, или самого монарха, какъ это было при убійствѣ царевича Дмитрія, казни Алексѣя Петровича и насильственной смерти Петра III.

Когда 19 ноября 1825 года скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ I, послѣ кратковременной болѣзни, толки о томъ, что государь удалился въ невѣдомый монастырь, тотчасъ же распространились въ народѣ; слухи эти ходили и по Москвѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ разные современники, какъ, на примѣръ, братья Булгаковы и другіе. Тогдашнимъ двигателямъ революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. будущимъ декабристамъ, распространеніе такого рода слуховъ и толковъ было на руку для поддержанія смуты въ низшихъ классахъ народа, и конецъ двадцатыхъ годовъ,

т. е. начало царствованія императора Николая I, можно считать временемъ, когда легендарныя сказанія не только объ Александрѣ I, но и объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, достигали наибольшей интенсивности. Потомъ, въ послѣдующіе года, все это замолкло и никто больше не интересовался легендой объ исчезновеніи императора Александра I.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, кажется, въ 1866 году, появился въ Петербургѣ купецъ изъ Томска, Хромовъ, который будто бы привезъ какія-то бумаги императору Александру II отъ скончавшагося благочестиваго старца Ѳедора Козьмича¹⁾, жившаго въ домѣ, принадлежавшемъ Хромову. Говорили, что у Хромова бумаги взяли, его засадили временно въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ отпустили, разрѣшивъ ѣхать обратно въ Томскъ, но при условіи держать языкъ за зубами. При самой тщательной провѣркѣ оказалось, что въ спискахъ лицъ, когда-либо сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости, никакого Хромова не было; что въ дѣлахъ Третьяго Отдѣленія не осталось никакихъ слѣдовъ ни о Хромовѣ, ни о переданныхъ бумагахъ, наконецъ, по наведеннымъ справкамъ у потомковъ Хромова, ничего подобнаго не подтвердилось, кромѣ самаго факта поѣздки его въ С.-Петербургъ. Въ началѣ царствованія императора Александра III купецъ Хромовъ снова былъ въ Петербургѣ, обращался съ прошеніями къ ихъ величествамъ и привозилъ какія-то вещицы, будто бы принадлежавшія старцу Ѳедору Козьмичу, которыя передалъ или переслалъ императору. Фактъ приѣзда Хромова въ Петербургъ вѣренъ, подачи прошеній— тоже, но о вещахъ опять выдуманно, просто къ прошенію была приложена фотографическая карточка старца Ѳедора Козьмича.

Наконецъ, въ 1897 и 1898 годахъ, появились въ печати четыре тома «Исторіи царствованія императора Александра I» Н. К. Шильдера, гдѣ разсказана подробно вся легенда о Ѳедорѣ Козьмичѣ и сдѣланы прозрачныя намеки на то, что самъ авторъ вполнѣ допускаетъ невѣроятную легенду. Привожу для наглядности заключительныя слова Н. К. Шильдера въ IV томѣ: «Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самыя смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвой для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ

¹⁾ Ѳедоръ Козьмичъ скончался въ Томскѣ, гдѣ и похороненъ, въ январѣ 1864 года.

трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали бы небывалымъ загробнымъ апофеозомъ, осѣненнымъ лучами святости».

На такого рода заключение къ обширному и серьезному труду, каково историческое изслѣдованіе Шильдера, — комментарий излишни. Я лично коротко зналъ и глубоко уважалъ Николая Карловича

Гипсовая маска съ лица императора Александра I.

Шильдера, я убѣжденъ въ полной чистосердечности его воззрѣній, но мнѣ всегда казалось непонятнымъ, какимъ образомъ въ серьезной исторической работѣ можно увлечься до того, чтобы закончить свой капитальный трудъ вышеприведенными словами, которые только могутъ поддерживать сомнѣнія и смущать образованную публику. Въ подтвержденіе того, что мое мнѣніе не голословно,

укажу на появленіе цѣлаго ряда брошюръ и книженокъ на тему о сибирскомъ старцѣ, появившихся въ періодъ отъ 1891 г. по 1901 г., какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Заявившись съ того же времени этимъ загадочнымъ вопросомъ, мнѣ пришлось убѣдиться не разъ на мѣстахъ моихъ изслѣдованій, что можетъ сдѣлать съ одной стороны полное невѣжество, а съ другой—слѣпной страхъ передъ какой-то отвѣтственностью. Оказывается, что появленіе брошюръ о сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ обратило на себя вниманіе оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, который навелъ панику на духовенство, особенно черное, вѣроятно, вслѣдствіе ряда грозныхъ секретныхъ циркуляровъ. Такъ, въ одномъ изъ монастырей, недалеко отъ Пекова, ко мнѣ явился монахъ, обѣщая показать что-то интересное, если я его не выдамъ оберъ-прокурору синода. Что же оказалось? У него хранился портретъ Ѳеодора Козьмича, во весь ростъ, масляными красками, точная копія извѣстной фотографіи, и этотъ портретъ былъ спрятанъ въ какомъ-то чуланѣ! Другой разъ, одинъ изъ архіереевъ въ Новгородѣ мнѣ лично рассказалъ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, въ связи съ легендой о старцѣ, но просилъ меня его не выдавать, во избѣжаніе непріятностей съ высшимъ своимъ начальствомъ. Архіерей этотъ впоследствии скончался въ санѣ митрополита.

Мнѣ помогать въ моихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о Ѳеодорѣ Козьмичѣ одинъ молодой человекъ, Николай Аполлоновичъ Лашковъ, бывший чиновникъ особыхъ порученій при новгородскомъ губернаторѣ, графѣ Медемѣ. Лашкова я дважды посылалъ на мои средства въ Сибирь, гдѣ на мѣстахъ онъ сдѣлалъ самыя подробныя справки и составилъ весьма интересный докладъ о всѣхъ сказаніяхъ, толкахъ, разказахъ, анекдотахъ о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ, слышанныхъ имъ во время его путешествія. Кромѣ того, Лашковъ посѣтилъ, по моему порученію, массу монастырей въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи для выясненія того же вопроса. Имъ было встрѣчено не мало затрудненій, и главнымъ образомъ отъ духовенства, которое не то не довѣряло его полномочіямъ, мною даннымъ, не то опасалось для себя непріятностей при осмотрѣ имъ разнородныхъ архивовъ, особенно монастырскихъ.

Что же извѣстно до сихъ поръ о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ? Что достовѣрно? Что нужно отбросить въ область легенды? Старецъ появился въ Сибири въ 1837 году, жилъ въ различныхъ мѣстахъ ¹⁾, ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ окрестнаго населенія (см. подробное донесеніе Лашкова) и никому не обнаруживая своей личности. Его не разъ навѣщали

¹⁾ А именно: въ селѣ Красная Рѣчка, гдѣ понынѣ осталась келія, другая въ селѣ Зерцалахъ, еще одна келія въ селѣ Бѣлый Боръ и, наконецъ, еще келія въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, извѣстная подъ именемъ «Хромовской зыбки».

духовныя лица, мѣстные архіереи и случайные путешественники, особенно послѣ его окончательнаго переселенія въ Томскъ. А именно, въ 1859 году, по приглашенію томскаго купца Семѣна Теофановича Хромова, старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ перебрался къ нему на жительство, имѣя отдѣльную, скромную келію, гдѣ онъ и скончался 20 января 1864 года, въ глубокой старости. Старшая дочь Хромова, Анна Семеновна Оконшниковна, живущая въ Томскѣ и любимица старца Ѳеодора, рассказывала Лашкову слѣдующее: «Однажды лѣтомъ (мы жили въ Томскѣ, а старецъ у насъ на заимкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города) мы съ матерью (Хромовой) поѣхали на заимку къ Ѳеодору Козьмичу; былъ солнечный чудный день. Подъѣхавъ къ заимкѣ, мы увидѣли Ѳеодора Козьмича гуляющимъ по полю по военному руки назадъ и марширующимъ. Когда мы съ нимъ поздоровались, то онъ намъ сказалъ: «Панушки, былъ такой же прекрасный солнечный день, когда я отсталъ отъ общества. Гдѣ былъ и кто былъ, а очутился у васъ на полянкѣ». Еще говорила Анна Семеновна и о такомъ случаѣ: «Когда Ѳеодоръ Козьмичъ жилъ въ селѣ Коробейниковѣ, то мы съ отцомъ (Хромовымъ) пріѣхали къ нему въ гости. Старецъ вышелъ къ намъ на крыльцо и сказалъ: «Подождите меня здѣсь, у меня гости». Мы отошли немного въ сторону отъ келіи и подождали у лѣсочка. Прошло около двухъ часовъ времени; наконецъ изъ келіи, въ сопровожденіи Ѳеодора Козьмича, выходятъ молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый и похожій на покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Старецъ проводилъ ихъ довольно далеко и когда они прощались, мнѣ показалось, что гусаръ поцѣловалъ ему руку, чего онъ никому не позволялъ. Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу кланялись. Проводивши гостей, Ѳеодоръ Козьмичъ вернулся къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ моему отцу: «Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти какъ знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ». Словамъ Анны Семеновны можно довѣрять, потому что она почти всегда была съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, въ годъ смерти котораго (1864) она имѣла уже 25 лѣтъ отъ роду. Въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря была видна еще недавно могила старца, совсѣмъ скромная, съ обыкновеннымъ крестомъ, на которомъ сдѣлана слѣдующая надпись: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца, Ѳеодора Козьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года». Могила эта пользуется большимъ почетомъ у набожныхъ слоевъ общества города Томска, она также уже многіе годы посѣщается и путешественниками. Изъ извѣстныхъ лицъ могли эту посѣтили нынѣ благополучно царствующій государь, будучи еще наслѣдникомъ, во время своей поѣздки по Сибири, а раньше этого великій князь Алексѣй Александровичъ и

членъ государственнаго совѣта Галкинъ-Враской, который возобновилъ могилу старца, устроивъ на ней родъ часовни. Кромѣ покойнаго Н. К. Шильдера, который упомянулъ (въ IV т. своего труда) о разсказѣ двухъ сосланныхъ придворныхъ служителей, якобы признавшихъ въ лицѣ старца—государя Александра Павловича, тотъ же эпизодъ встрѣчается въ брошюрахъ о Ѳеодорѣ Козьмичѣ съ другими еще, тому подобными, сообщеніями; о сходствѣ старца съ императоромъ Александромъ I Шильдеръ, впрочемъ, (стр. 447, т. IV) и самъ говоритъ: «Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича».

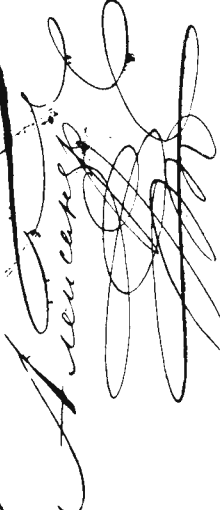
Конечно, такого рода замѣтки, какъ въ брошюрахъ о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, такъ и въ исторіи Александра I-го Шильдера, должны оставлять впечатлѣніе, но однако все это только поэтическіе отблески легенды, весьма заманчивой, но не имѣющей подъ собою никакой почвы. Такъ, напримѣръ, въ числѣ вещей, оставшихся въ келии старца, находится икона «Почаевской Божіей Матери въ чудесахъ» съ инициалами «А», еле замѣтными, но которымъ придавалось особое значеніе; самая же икона очень попорчена, части ея недостаетъ и, очевидно, она подверглась порчѣ отъ времени. Изъ вещей старца остались въ келии: суконный черный кафтанъ, деревянный посохъ, чулки изъ овечьей шерсти, кожаныя туфли, двѣ пары рукавицъ изъ черной замши и черный шерстяной поясъ съ желѣзной пряжкой. Все остальное въ келии новѣйшаго происхожденія, особенно масса иконъ, пожертвованныхъ различными лицами, а также два портрета императора Александра I, одинъ въ коронаціонномъ облаченіи, купленный Хромовымъ въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ рынкѣ, а другой, меньшей величины, копія съ портрета Доу, неизвѣстно кѣмъ здѣсь же, въ келии, повѣшенный.

Купецъ Хромовъ зналъ, конечно, что творилъ, помѣстивъ такого рода портретъ въ келии старца послѣ своей извѣстной поѣздки въ Петербургъ, а его наслѣдники рады были бы такъ или иначе заинтриговать публику и дѣлали даже негласныя предложенія о приобрѣтеніи высокопоставленными лицами келии Ѳеодора Козьмича. Можетъ быть, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія слѣдующіе рукописные остатки отъ старца, а именно: 1) четыре листочка въ видѣ ленты, на которыхъ имѣются отдѣльныя слова, обрывки изреченій, буквы, цифры и годъ 1837 съ числомъ 26 марта, будто бы написанныя самимъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, что вполнѣ возможно; 2) конвертъ съ надписью: «Милостивому государю Семіону Ѳеодоровичу Хромову отъ Ѳеодора Козьмича» и 3) копія съ оставленной записки старца Ѳеодора Козьмича отъ 2-го іюня 1849 года. Всѣ эти три документа находятся еще теперь у наслѣдниковъ Хромова и были въ оригиналахъ предоставлены въ мое распоряженіе; съ нихъ были сняты увеличенныя фотографіи, находящіяся у меня, а оригиналы съ благодарностью отправлены обратно

въ Томскѣ. Первый изъ трехъ документовъ именуется «тайной» Фодора Козьмича. Несмотря на самые тщательные розыски ключа къ этой запискѣ, до сихъ поръ не удалось еще никому разгадать эту «тайну» или дешифровать текстъ. Что касается конверта,

Маршало.
Еще при жизни моей, немцовъ Ганъ и
привести въ совершено сего постанавленій,
я волею на наследниковъ моихъ и потомковъ
во всей силѣ, и со всею могуществомъ, аю
столь близкую въ сердцу моему о Батюшкѣ,
требую на всегда воли Батюшкыной.

Александръ I

Почеркъ императора Александра I.

гдѣ ясно и твердымъ почеркомъ написано: «отъ Фодора Козьмича», то онъ былъ переданъ спеціалистамъ по разбору почерковъ; всѣ имѣющіяся на конвертѣ буквы въ отдѣльности увеличены и сравнены съ другимъ конвертомъ, написаннымъ рукой императора

Александра I, но всѣми экспертами единогласно было признано, что не имѣется ни малѣйшаго сходства, какъ въ почеркѣ, такъ и въ отдѣльныхъ буквахъ, между обоими почерками. Третья же записка представляетъ собою наборъ изреченій изъ священнаго писанія и трудно догадаться, по какому поводу она была написана. Такъ какъ эта записка—копія, а не подлинникъ, то она имѣетъ наименьшее значеніе.

Этими скудными данными исчерпывается почти все то, что удалось собрать намъ по поводу сибирскаго старца. Матеріаль, къ сожалѣнію, небольшой и не дающій никакихъ положительныхъ данныхъ для выясненія его личности.

Обратимся теперь къ событіямъ, происходившимъ въ ноябрѣ 1825 г. въ Таганрогѣ. Императоръ Александръ Павловичъ заболѣлъ 4 ноября въ Мариуполѣ, возвращаясь изъ поѣздки по Крыму, но еще до этого, а именно въ Бахчисараѣ, онъ почувствовалъ первые приступы злокачественной лихорадки. На другой день, 5 числа, государь прибылъ въ Таганрогъ и слегъ въ постель. Бывшій при особѣ государя генераль-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій велъ подробный журналъ о ходѣ болѣзни монарха, начатый 5 ноября. Этотъ журналъ напечатанъ цѣликомъ у Шильдера. Сопровождавшіе его величество медики Вилліе и Тарасовъ также оставили подробные отчеты о болѣзни государя. На записки врача Тарасова неоднократно ссылается Шильдеръ въ своей исторіи. Когда 19 ноября Александръ I скончался въ Таганрогѣ, было сдѣлано вскрытіе его тѣла, которое было набальзамировано. Протоколъ вскрытія тѣла подписанъ девятью врачами, а именно: лейбъ-медикомъ баронетомъ Вилліе, лейбъ-медикомъ Стофрегенемъ, докторами: Рейнольдомъ, Тарасовымъ, Добертомъ, Лакіеромъ, лекарями: Яковлевымъ, Васильевымъ и Александровичемъ. Скрѣпилъ протоколъ генераль-адъютантъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился. Генераль-адъютантъ Чернышевъ». Кромѣ того, былъ сдѣланъ французскій переводъ этого акта. Всѣ эти данныя напечатаны у Шильдера, и если я упомянулъ о нихъ, то только потому, что покойный нашъ историкъ придавалъ особое значеніе этимъ мелочамъ. Такъ, напримѣръ, актъ о кончинѣ государя подписанъ двумя генераль-адъютантами, барономъ Дибичемъ и княземъ П. М. Волконскимъ, и двумя врачами, Вилліе и Стофрегенемъ, а вышеприведенный протоколъ о вскрытіи тѣла скрѣпленъ лишь генераль-адъютантомъ А. И. Чернышевымъ. Шильдеръ обращалъ особенное вниманіе на эту разницу въ скрѣплѣ подписей, удивляясь, отчего протоколъ о вскрытіи тѣла подписанъ только Чернышевымъ. Смѣю думать, что это была простая случайность, не имѣвшая

никакого значенія ¹⁾. Подробности о болѣзни и кончинѣ Александра Павловича можно еще встрѣтить въ рядѣ писаній различныхъ личностей, находившихся въ то время въ Таганрогѣ, а именно: въ письмахъ Дибича къ Константину Павловичу, Соломки къ Михайловскому-Данилевскому, камеръ-фрейлины Валуевой и княгини Софїи Григорьевны Волконской къ вдовствующей императрицѣ Марїи Ѳеодоровнѣ; сюда принадлежатъ также свѣдѣнія, полученныя со словъ камердинера Ѳедорова и кучера Ильи ²⁾: «Выѣхавъ изъ Петербурга очень рано такъ, что только солнце стало показываться на горизонтѣ и проѣхавъ заставу, государь приказалъ остановиться экипажу и самъ поднялся къ коляскѣ на ноги, съ четверть часа изволилъ стоять и смотрѣть на столицу свою во все стороны, и, какъ сердце предвѣщало, въ послѣдній разъ. Здѣсь же съ 1 сентября по 1 ноября видна была комета темная, лучи коей простирались вверхъ на большое пространство, потомъ замѣтили, что она летала, и лучи коей простирались къ западу; къ тому еще въ одну ночь въ октябрѣ, пополуночи во 2 часу многіе жители Таганрога видѣли надъ дворцомъ двѣ звѣзды слѣдующимъ порядкомъ: сначала онѣ были одна отъ другой въ дальнемъ разстояніи, потомъ соединились, и опять до трехъ разъ расходились, послѣ сего изъ одной звѣзды сдѣлался голубь, сѣлъ на вторую звѣзду, и чрезъ короткое время упалъ, и стало его не видно. Засимъ и вторая звѣзда постепенно исчезла.—О кометѣ государь спросилъ кучера своего Илью: Видѣлъ ли ты комету?—Видѣлъ, государь, отвѣчалъ онъ.—Знаешь, что она предвѣщаетъ?—Бѣдствіе и горестъ. Потомъ, помолчавъ, государь изволилъ заключить: Такъ Богу угодно. Наканунѣ отъѣзда его величества въ гибельный Крымъ, государь изволилъ писать собственноручное письмо къ родительницѣ. Это было пополудни, въ 4-мъ часу, въ сіе время нашла туча и сдѣлалось очень темно. Государь приказалъ подать камердинеру свѣчки; между тѣмъ, какъ небо прояснилось, сдѣлалось попрежнему свѣтло и солнце, камердинеръ осмѣлился подойти и доложить: Не прикажете ли, ваше величество, свѣчи принять? Государь спросилъ: для чего?—Для того государь, что по русски со свѣчами днемъ писать не хорошо. — Развѣ въ этомъ что заключается? Скажи правду, вѣрно ты думаешь сказать, что, видѣвъ съ улицы

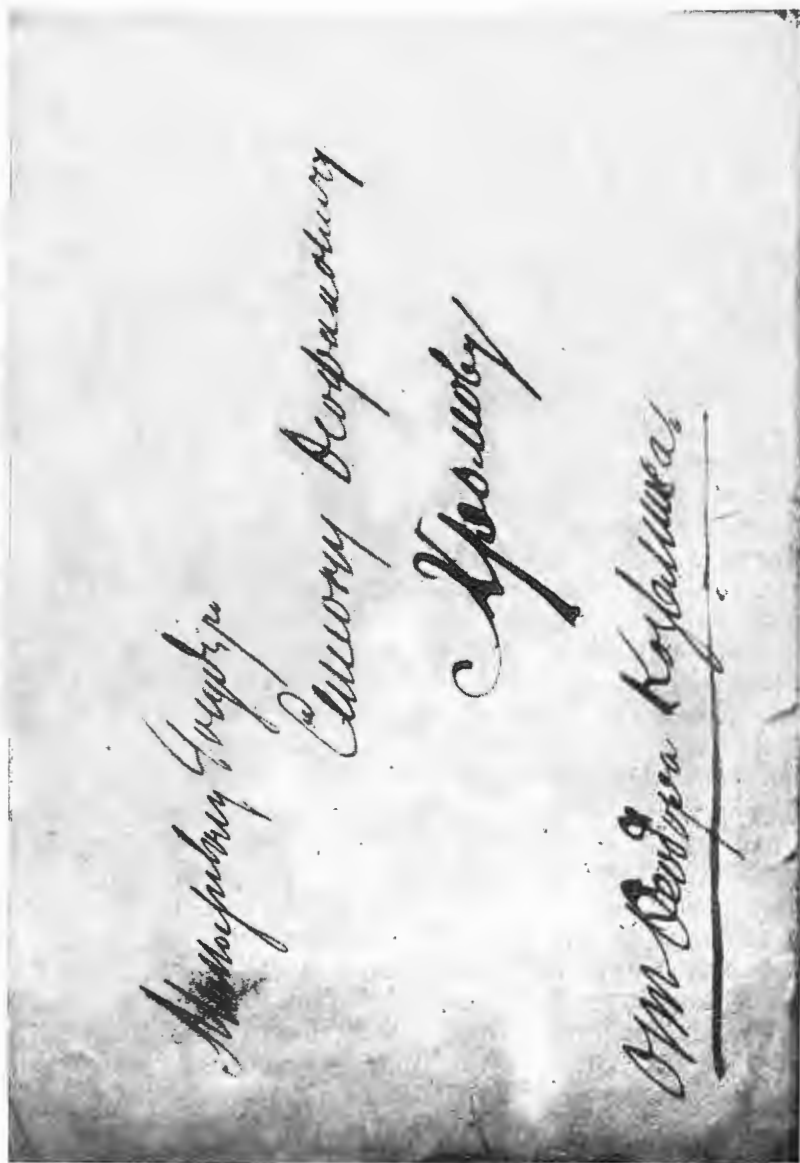
¹⁾ Въ 1899 г. мнѣ было поручено привезти въ Петербургъ тѣло наследника великаго князя Георгія Александровича, скончавшагося 28 іюля того года въ Абастуманѣ. Протоколъ о вскрытіи тѣла подписанъ былъ мною, врачами и тифлисскимъ губернаторомъ Свѣчинымъ; когда же внутренности покойнаго великаго князя были замуравлены въ абастуманской церкви, то протоколъ объ этомъ былъ подписанъ только мною однимъ. Такого рода акты лишь простая формальность и только.

²⁾ «Выписка изъ письма, полученнаго въ С.-Петербургѣ отъ управляющаго Демидовскою конторою въ Таганрогѣ о свѣдѣніяхъ, имъ полученныхъ отъ камердинера Ѳедорова и кучера Ильи».

свѣчи, подумаютъ, что здѣсь покойникъ?—Такъ, государь, по замѣчанію русскихъ.—Ну, когда такъ, сказалъ государь, то возьми свѣчи. На другой день, то есть 20 октября, любезнѣйшій нашъ монархъ изволилъ выѣхать въ Крымъ, не ѣздить туда упрашивали государыня и князь Волконской, но государь далъ слово графу Воронцову быть тамъ и желалъ непремѣнно исполнить свое обѣщаніе; въ бытность же свою тамъ жестоко простудился, что самое весьма долго отъ всѣхъ скрывалъ, и на возвратномъ уже пути за 250 верстъ отъ Таганрога, въ городѣ Орѣховѣ, примѣтили его болѣзнь, гдѣ докторъ Вилліе предлагалъ его величеству принять лекарства, но государь не согласился; потомъ, доѣхавъ до Мариуполя, сдѣлался очень боленъ; ознобъ и жаръ усилился, но для спасенія его величеству не угодно было ничего принимать изъ латынской кухни, какъ самъ государь называлъ дорожную свою аптеку; пріѣхавъ въ Таганрогъ 5 числа ноября, болѣзнь еще сильнѣе оказала злое свое дѣйствіе; въ первый вечеръ прибытія своего, когда подали свѣчи, государь изволилъ припомнить прежній свой разговоръ съ камердинеромъ, сказалъ ему: Оедоровъ, я очень нездоровъ.—Государь, надобно пользоваться.—Государь отвѣчалъ: Нѣтъ, братъ, припомни нашъ прежній разговоръ.—Камердинеръ залился слезами. Государь, замѣтивъ то, сказалъ: Свѣчи, которыя я приказалъ тебѣ убрать со стола, у меня изъ головы не выйдутъ. Это значитъ мнѣ умереть, кои будутъ стоять передъ мной.—Ваше величество, что вы изволите говорить, избави насъ Богъ отъ такого несчастія;—чѣмъ и прекратился разговоръ. Болѣзнь время отъ времени увеличивалась, и всѣ просьбы медиковъ оставались тщетны, но наконецъ государь, видя свою слабость, 18 сего же мѣсяца, въ воскресенье, изволилъ изъявить свое высочайшее согласіе на приглашеніе здѣшняго собора протоіерея, дабы исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ Христовыхъ.

«Смирненіе, кротость, усердіе и твердость въ христіанской религіи, какъ и непреложное упованіе на милосердіе Божіе государя императора были совершенно необыкновенныя. Онъ духовному отцу своему сказалъ предъ исповѣдью: «Прошу садиться, вы со мною поступайте, какъ съ христіаниномъ, забудьте мое величество». Сей день, по приказанію государыни, протоіерей едва могъ упросить его величество начать пользоваться отъ доктора; но сіе уже было поздно—были приложены мушки, горчица и припущены пивки, но все сіе не произвело нисколько желаемаго дѣйствія, во внутренность же монарху никакихъ лекарствъ принять было не угодно. Единственное и всегдашнее его отрицаніе было: Такъ Богу угодно. 16 числа до самой кончины видѣли только страданія и терпѣливость государя. Онъ не могъ уже говорить. Начальная болѣзнь его величества были обмороки и тяжкій сонъ, потомъ сильнѣйшій во всемъ тѣлѣ жаръ, который навѣкъ лишилъ насъ добраго,

кроткаго и милосердаго царя. Твердость и великость духа государыни Всевышній Творецъ подкрѣпилъ. Она полторы сутки находилась при императорѣ; за часъ до кончины, государь, открывъ

Конвертъ съ адресомъ, писаннымъ Федоромъ Козьмичемъ.

глаза и видя около себя предстоящихъ любезнѣйшую царицу, барона Дибича, князя Волконскаго и прочихъ особъ, не могъ говорить, но память еще имѣлъ; сдѣлалъ движеніе рукою, звалъ

государыню, которая къ нему подошла. Государь взялъ въ послѣдній разъ ея руку, поцѣловалъ и, прижавъ потомъ къ сердцу, навѣки съ нею простился, послѣ чего въ скорости въ безмолвной глубокой тишинѣ отдалъ духъ Всевышнему. Наконецъ, на исходѣ души великаго своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязавъ ему платкомъ подбородокъ, залившись слезами, получила сильный обморокъ. Немедленно вынесли ее въ другую комнату».

Почти всѣ эти документы сходятся, даже въ подробностяхъ, о ходѣ болѣзни и о самой кончинѣ государя, нигдѣ не встрѣчается и тѣни намекъ на возможность исчезновенія больного монарха или подозрѣнія въ сходствѣ покойнаго государя съ другимъ лицомъ, когда тѣло усопшаго было положено въ гробъ и совершались ежедневныя панихиды. Наконецъ существуютъ письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ своей матери, маркиграфинѣ Баденской, гдѣ повѣствуется въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ о послѣднихъ дняхъ жизни ея супруга и о подробностяхъ его кончины. Такія же свѣдѣнія сохранились въ отрывкѣ изъ записокъ императрицы, оригиналъ которыхъ находится въ архивѣ собственной Его Величества библіотеки въ Зимнемъ дворцѣ. Вотъ что записала Елизавета Алексѣевна:

«Il revint de son voyage en Crimée Jeudi 5 Nov. vers sept heures du soir. Comme il tardait plus qu'à l'ordinaire à entrer chez moi, l'idée me vint, qu'il pouvait être arrivé malportant; j'éprouvai une angoisse et une tristesse vague et en voyant les lampions dont on avait alluminé la rue, comme lorsqu'il revint de Tcherkask, je me dis avec tristesse: «il partira bien encore une fois d'ici, mais il ne reviendra plus». Lorsqu'il entra, ma première question fut: «Vous portez Vous bien?» Il me dit que non, qu'il avait la fièvre depuis deux jours, qu'il croyait avoir gagné la fièvre de Crimée. Je le fis asseoir, il brûlait, il me dit que le colonel Salomka et le domestique Евстифѣевъ en avait aussi été atteints. Il en attribuait la cause pour lui même à un syrop d'épine-vinette aigri qu'il avait bu à Bachtschisarai, ayant très soif, il croyait que cette boisson lui ayant donné un cours de ventre et ce mal l'ayant affaibli, il était devenu par là plus susceptible de prendre la fièvre. Il dit q'après le premier accès il n'avait pas prévenu Wylie, mais qu'il ne l'avait fait chercher qu'au second, qu'il lui avait donné un punch et que dans la journée courante il n'avait pas de frisson, il se fit apporter du thé avec du citron, et lorsqu'on annonça Wylie, il le fit entrer pour lui dire qu'il se sentait assez bien et qu'il n'avait pas eu de frisson, mais il avait beaucoup de chaleur. Je l'engageai sans peine à aller se coucher de bonne heure après avoir causé cependant une bonne demie heure sur son voyage — en sortant, en me disant le bonsoir, il ajouta: «je suis charmé de vous avoir revues»; en recevant la nouvelle de la

Лицевая сторона

Видиши Анохоу как бже славсеи сласть славо изънсе.

Обратная сторона.

Но сже чбо. а, Молатъ, П, Ипловыцятты.

Лицевая сторона.

1.	2.	3.	4.
а	в	г	д
е	ж	з	и
к	л	м	н

а. Крутица, Стрѣфанъ

Обратная сторона.

1837. г. Мая 26. в. Волы
43. Парч

«ТАЙНА» ТЕОДОРА КОЗЬМИЧА.

Христосъ или бже - Духъ Святой бже таинство - Волыцкая Козьмичева - отъ
 Святыхъ Духа - бже по какому - бже бже и мри - бже раба - бже бже бже бже - Духъ
 бже бже - Духъ бже бже бже - Духъ бже бже - Духъ бже бже - Духъ бже бже - Духъ
 бже бже бже - Духъ бже бже бже - 1847 г. иже бже бже бже бже бже бже бже бже

КОПИЯ СЪ ОСТАВЛЕННОЙ ЗАПИСИ ВЕЛИКАГО СТАРЦА ТЕОДОРА КОЗЬМИЧА».

mort du R. de Bav¹). il m'écrivit, qu'il était inquiet de l'effet qu'il produisait sur moi et qu'il ne serait tranquille que lorsqu'il m'aurait revue.

«Vendredi 6 il me fit dire le matin, qu'il avait très bien passé la nuit. Il vint chez moi vers 11 h. Il était jaune et n'avait pas bonne mine—il avait l'air souffrant. Il s'assit, je lui montrai ses lettres qu'il avait désiré voir la veille, nous parlâmes de ce qu'il s'était passé pendant son absence;—lorsqu'il me quitta je lui demandai, s'il lui convenait que nous dinions ensemble et si cela ne le gênerait pas—«Cela me convient très fort», répondit il. Lorsqu'il vint pour diner, je lui trouvai encore plus mauvaise mine que le matin. Il m'a dit, qu'il me demandait à se lever de table lorsqu'il aurait fini son maigre diner, parcequ'il avait chez lui une pelisse dans laquelle il s'enveloppait. On lui servit une soupe au gruau, il en mangea et dit «j'ai plus d'appetit que je ne croyais», ensuite de la gelée au citron il ne fit que goûter et dit au Maître d'hotel, qu'il faisait les gelées trop sucrés. Il se leva de table. Vers 4 h. il me fit chercher; je le trouvai sur un canapé, il me dit qu'en rentrant chez lui, il s'était couché et avait somméillé, qu'ensuite il avait voulu travailler, mais qu'il en avait été si fatigué qu'il avait du quitter sa table, et qu'il voulait reposer, il me dit de prendre mon livre. Il resta ainsi quelque temps sans parler ni dormir. Nous nous rappelions que nous étions à la veille de l'anniversaire de l'inondation et dimes que nous espérions que cette année finirait heureusement sous ce rapport,— je ne sais quoi de triste et de calamiteux pesait cependant sur moi. Il fit apporter de la lumière de bonne heure, voyant que je n'y verrais plus pour lire,—à cinq h. Feodoroff annonça Wylie; il eut de la peine à l'entendre parceque son ouïe était devenue singulièrement dure, il s'en apercevait lui même et disait que cela provenait de la fièvre et qu'il avait eu la même chose pendant les premiers jours de son Erisipèle. Il reprocha à son valet de ch.—de parler plus bas que de coutume, tandis que lui entendait plus mal que de coutume. Il fit entrer Wylie;— il dit à Wylie aussi de parler plus haut «je n'entends rien du tout», dit-il, —«as dief as pots, comme dit Parland», ajoutait-il gaiement. Wylie lui parla de prendre médecine, il s'y refusa longtemps, Wylie voulait que cela soit sur le champ et il s'en défendait, promettant qu'il prendrait le lendemain matin aussitôt qu'on voudrait tandis qu'en prenant le soir cela troublerait sa nuit, qu'il espérait demain être aussi que la précédente. Wylie assura que l'effet serait passé avant la nuit, il suppliait et moi derrière Wylie de mes regards je suppliais aussi; il me dit enfin: «Vous penchez pour l'opinion de Wylie?» Je fit signe qu'oui.—«Allons fort bien»—et Wylie alla arranger ses pillules. Elles arrivèrent au

¹) Maximilien I—Joseph, Roi de Bavière, beau-frère de l'Imperatrice Elisabeth, le 13 oct. 1825.

bout d'une demie heure, Wylie les portait, le Pr. Wol. entra en même temps—deux manquaient elles s'étaient échappées dans la manche où on les retrouva et on plaisanta sur cet escamotage—nous restâmes seuls encore jusque vers sept h.—Il me dit alors de le quitter parceque l'effet de la medecine approchait. Je lui dis: «je Vous reverrai?» «Oui ce soir»;— cependant comme après neuf h. il ne m'avait pas fait chercher, je fis appeler Wylie qui me dit que la medecine avait fait un bon effet et qu'il s'était endormi après et dormait encore. Wylie se mit à causer très gaiement, enfin je le chargeais de lui dire, s'il le voyait à son reveil, que comme il était tard, j'avais me coucher, et dis le bon soir à Wylie.—En effet il dormit sur le canapé jusqu'à minuit et ne se réveilla que pour se mettre au lit.—Samedi 7 il vint chez moi entre 11 et midi. Il me dit, qu'il se sentait mieux, il me dit: «hier, lorsque j'étais assis là, j'éprouvais un extrême malaise—et le soir, lorsque je vous ai dit de me quitter, parceque la medecine allait faire effet, ce n'était pas tant par cette raison, car l'effet n'est venu que 20 minutes après, mais parceque j'avais de telle angoisse de malaise, que j'avais honte qu'on me vit dans cet état: je ne savais où me mettre, et convint que les pillules lui avaient fait du bien»; il était toujours jaune, mais plus gai. Nous nous occupâmes des coquilles, que j'avais ramassées; ensuite il me dit que je devais aller promener et que lui irait travailler. Je l'engageai, à ne pas tant travailler que cela lui avait fait du mal la veille. Il me repondit: «cela est devenu tellement habitude pour moi, que je ne peux plus m'en passer et que j'ai du vague dans la tête, lorsque je ne fais rien; si je quittais ma place il me faudrait dévorer des bibliothèques entières sans quoi je deviendrais fou». Lorsque je fus rentrée il m'écrivit un billet le dernier pour me proposer de venir assister à son diner.—J'accouru. Il mangea de la soupe au gruau et du gruau sec avec du bouillon. Il avait continué une medecine purgative; après son petit diner il marcha par la chambre et s'arrêta à une de ses commodes et arrangea des paquets d'affaires à expédier, mais au bout de quelque temps il me dit: «il faudra que vous me quittiez bientôt parceque ma medecine travaille, mon estomac ne peut plus rien garder». Il m'envoya diner. Entre 3 et 4 h. il vint chez moi et me trouva couchée sur ce canapé, qu'il s'était plu à arranger pour moi, et dont j'avais fait mon lit aussi. Je lui dit que c'est lui qui devrait être couché et non pas moi et l'engageai à se coucher, il hesita un moment, ensuite il dit qu'il irait se coucher chez lui tantôt. Nous causâmes un peu. Ensuite il se leva et dit «j'étais venu voir pourquoi Vous n'êtes pas allée promener, cet après diner il fait si beau». Je lui dis que j'avais prit l'air à la fenêtre et que j'avais eu deux plaisirs: celui d'entendre la mer et d'écouter le son de la belle cloche de l'Eglise grecque de Const. et Hélène; je lui depeignis la beauté du son de cette cloche avec tant de chaleur, qu'il me dit en sou-

riant: «Vous verrez que Vous Vous plairez tant ici que Vous aurez de la peine à en partir». Environ sept h. il me fit chercher. Je le trouvai deshabillé en robe de chambre couché sur son canapé.—«Qu'est ce que c'est?» lui dis-je;—il me dit que sa medecine l'avait travaillé jusqu'à lui donner des extrémitées froides et mal au ventre, qu'il avait mis une ceinture de flanelle et que Wylie lui avait fait prendre une tasse de thé et qu'il se sentait bien. Il était gai, je lui avais apporté le dessin et le plan que Charlemagne avait fait de notre Maison pour être envoyé à l'Imp. Mère, il l'examina ainsi que l'explication que j'en avais fait par écrit approuva et critiqua en ordonna des corrections. Il dit: «cela fera plaisir à ma Mère, elle le montrera à un tel ou tel autre». Je lui avais apporté aussi les journaux de modes arrivés pendant son absence, il était de bonne humeur, mieux que la veille et causa beaucoup, je lui racontai l'effet qu'avait fait le clavecin du colonel Friederichs sur les Kalmouks. Il rit—et dit: «eh bien, Vous pouvez Vous donner ce plaisir quand ils viendront prendre congé de vous, dites leur que vous avez appris qu'ils aimaient la musique et jouez leur quelque chose». Nous trouvames ensuite, que ce serait contraire à ma dignité à leur yeux, mais il m'engagea à faire jouer le P-cc Wolkonsky pour produire le même effet de joie sur eux, qu'ils avaient exprimés chez le colonel Friederichs.— A neuf h. Wylie et le Pr. Wolk. entrèrent. Wylie demanda, comment il se trouvait, il disait «bien», cependant Wylie lui trouva de la chaleur; et lui dit que surement il avait encore trop travaillé cet après-diner.—«C'est un besoin, cela me calme», répondit-il. Le Pr. Wolk. parla du Bal au club qu'on ne croyait pas donner le lendemain, parcequ'il avait deuil à la cour.—Il leva toute objection, G-al Dibitch entra,—il ordonna encore en sa présence les corrections à faire au dessin.—Ces messieurs sortirent, nous restames seuls,—au bout de quelque temps il me dit le bonsoir et se souleva encore, afin que je puisse mieux l'embrasser avec ma roideur dans la nuque.

«Dimanche 8, il me fit appeler avant que j'aie à la Messe. Il dit avoir eu de la chaleur dant la nuit, cependant il etat habillé, au bout de quelque temps je sortis pour aller à la Messe et revins chez lui après. «Il fait trop mauvais temps pour que Vous sortiez», me dit il (il y aura une tempête); j'acquiesçai avec plaisir.—Il parla pour la seconde fois déjà depuis son retour du Diacon de Tcherkask. Nous parlames de ce qu'on avait fait dans la ville pendant son absence et, suivant ses intentions, pour embellir la ville, — je dis qu'on avait travaillé avec zèle. «Ce sont de bien braves gens», dit-il. Après avoir resté quelque temps, il me dit de le quitter. Il me fit chercher de nouveau, pour assister à son diner,—c'était un verre d'eau pommée avec du jus de groseilles noires,—il fit cependant le signe de croix avant de boire, comme s'il se mettait à table et après avoir bu la moitié. Il le trouva bon et fit chercher Wylie, pour lui

demander s'il fallait conserver la moitié pour son souper, ou s'il pourrait avoir un second verre.—Wylie dit que s'il voulait on lui donnerait le soir un autre verre du même. Il me dit alors que cette boisson était juste ce qu'il lui fallait, qu'il s'en était trouvé une provision par hasard chez le Pr. Wol. à qui sa soeur l'avait donnée et qu'elle l'avait reçue en route d'un monsieur de sa connaissance, et qu'il avait toujours entendu dire que c'était une très bonne chose dans cette maladie. — Vers deux heures il m'envoya diner, entre 5 et 6 il me fit chercher et dit qu'il allait expédier un courier à Petersb. et me donna des directions sur cela. Il avait l'air très souffrant; il avait de la chaleur en soffroit de la tête, j'allai les remplir— je lui en rapportai le resultat; il me dit: «c'est très bien envoyez Vos paquets au G-al Dibitch et quand Vous aurez finis, evenez». Je revins environ à sept h.—il était mieux; je lui avais apporté des journaux la veille (arrivés pendant son absence) qui l'avaient amusé, il me dit de lui en apporter la continuation; je lui dis: «tantôt Vous aviez l'air si souffrant que vous me fessiez mal à voir, Vous paraissez mieux à présent?» «Oui, je me sens mieux», me dit-il;—au bout de quelque temps il recommença à lire les journaux, je lisais de mon côté.—Ensuite il s'arrangea pour dormir et se coucha avec un air de bien-être, qui faisait plaisir à voir— il souriait et s'endormit;—il dormit de la sorte près de deux heures avec la respiration la plus calme, la plus douce; il ne se reveilla qu'une seule fois, regarda autour de lui avec une certaine mine que je croyais de la gaieté et que j'ai retrouvé plus tard dans des moments affreux! et se rendormit en souriant;—le valet de chambre entra pour annoncer Wylie, mais il dormait si bien qu'on ne le reveilla pas. Enfin à neuf h. il se reveilla. Wylie entra — «Comment Vous sentez Vous? Très bien, calme, frais».—Wylie dit: «Vous verrez qu'il y aura de la transpiration»; après avoir parlé quelque temps on l'engagea à se coucher.—«Je suis si bien ici», dit-il;—cependant je m'en allai, pour qu'il se coucha, il me dit encore: «reprenez les journaux, demain Vous m'apporterez ce qui reste». A six h. je fis appeler Wylie, je lui demandai s'il était couché, il me dit qu'il n'avait pas pu l'engager à se coucher, qu'il souriait, en disant toujours: «je suis si bien ici»—que maintenant cependant il avait demandé son lit.—Dans la nuit il eut en effet une bonne et forte transpiration.—Lundi 9. Stoffregen me dit: qu'on pourrait regarder la maladie comme coupée, que si la fièvre revenait, elle prendrait une forme intermittente et qu'on en viendrait bientôt à bout. Que je pouvais donc écrire à Petersb. que la maladie n'était plus que du passé. Je le vis avant de sortir et puis il me fit chercher pour son diner. On lui servit une soupe à l'avoine—il dit qu'il avait véritablement de l'appetit, que c'était la première fois depuis le 3. Il trouva cependant la soupe

trop epaisse et y mit de l'eau il la mangea avec appetit et des prunaux ensuite—il avait même envie d'en manger davantage, mais il dit: «il faut être sage».—Au bout de quelque temps il me dit d'aller diner «et moi comme un homme come il faut», dit-il, «je vais faire ma meridienne». Entre 6 et 7 h. il me fit chercher—d'apporter les journaux:—«Vous m'apportez du hochet comme à un enfant», dit-il. Il lut ce qui restait, mais il était souffrant, il avait de la chaleur. Je lisais en attendant les Mémoires de M-me de Genlis, il me fit quelques questions à ce sujet. A Petersb. il m'avait dit de les prendre, parcequ'il pourrait peut-être les lire, je lui dis que c'était une lecture si frivole, qu'elle était faite pour un malade.

Занмка Хромова.

«Demain! peut-être», dit-il. Dans la soirée il m'avait dit inopinément: «et Votre deuil (pour le roi de Bav.) pourquoi ne le porter Vous pas?» Je lui répondis que je l'avais ôté pour son arrivée, que depuis je n'avais plus eu envie de le remettre, mais que s'il le voullait, je le remettrai demain.—Mardi 10, il devait prendre medecine le matin. Stoffregen vint deux fois me donner des nouvelles de l'effet de la medecine, il me dit qu'il en avait été si affaibli, qu'il s'était trouvé mal. Je n'étais pas étonnée qu'il ne me fasse pas chercher, parceque je savais qu'il n'aimait pas a être derange par quoique ce soit pendant l'effet d'une medecine. J'allai promener, je rentrai, je finis mon diner, il ne me faisait toujours pas chercher. Il me prit des angoisses, je fis chercher Wylie. Wylie m'engagea à entrer chez

lui, et je le trouvai couche dans sa chambre de toilette sur son lit, la tête très prise, il me vit cependant et me dit: «je ne vous ai pas fait chercher ce matin parcequ'j'ai passé une terrible matinée grâce à cette medecine detestable, j'avais mal au coeur, un besoin continuel de me lever, j'étais si faible avec cela»; la fenètre était ouverte, il remarqua qu'il faisait beau: «12 de-grée de chaud au mois de Nov.!» dit-il à Wylie.—Mais bientôt après il retomba dans un cruel assoupissement et la respiration était mauvaise. Pour la premiere fois j'entrevis du danger. Je passai avec Wylie deux ou 3 heures cruelles à ce lit.—Je vis Wylie ému et très sérieux, cependant il disait: «Vous verrez qu'il y aura une forte transpiration», elle vint, mais l'assoupissement continua si fort, qu'il ne sentait pas que Wylie lui éssuyait fréquement le visage. Au bout de quelque temps cependant il revint peu à peu et prit le mouchoir pour s'essuyer en disant: «je vous remercie, je le ferai moi même! Vous n'avez pas votre livre avec vous», me dit-il. Il fallut le changer. Je m'en allai, il me fit chercher lorsqu'il eut changé de linge et était couché sur son canapé dans le cabinet; il était étonnamment bien pour l'état dans lequel il avait passé l'après dîner.—J'avais mon livre et faisais semblant de lire mais je l'observai—il me trouva la figure décomposée. Je lui dis, que j'avais fort mal à la tête qu'on avait fermé un poele qui donnait à cote de mon lit—le fait était vrai, mais c'était mes larmes qui avaient décomposé ma figure; il me demanda qui avait fait cela, je nomma la femme de chambre,—il entra en détail sur la manière dont il fallait chauffer cette chambre. Il me demanda si j'avais été promené, je lui dis qu'oui, je lui racontai que j'avais rencontrée les Kalmouks à cheval et qu'on avait dit, qu'ayant appris qu'il était malade. Ils avaient fait chanter un Tedeum pour sa santé—«Appropos», dit-il, «ils veulent prendre congé de Vous, moi je ne peux pas les voir, ainsi recevez les»; «quand? demandai-je.—«Mais demain, dites le à Wolkonsky». En lui disant le bonsoir et l'embrassant je fis sur ce cher front le signe de la croix, il sourit.—Mardi 11, il me fit dire qu'il avait passé la nuit tranquillement.—J'avais demandé les Kalmouks à 11 h. il me fit dire par le Pr. Wol. de venir chez lui d'abord, après il était assez bien, il me montra un verre avec du vinaigre et de l'eau des Alpes que Wylie avait arrangé pour lui laver le visage—il dit que c'était un delice; il me demanda ce que m'avaient dit les Kalmouks, et si je leur avais fait de la musique. Je dis, que non, que j'avais eu autre chose à leur dire, que je les avais remerciée de ce qu'ils avaient priés pour lui, que je leur avais demandé, si c'était la premiere fois qu'ils étaient entrés dans une de nos Eglises;—j'allais continuer—il ne m'écoutait plus et rappela son valet de chambre, pour lui laver le visage avec le vinaigre arrangé;—il me dit de m'en aller et de revenir avant la pro-

menade;—je revins avant de sortir, il me demanda, où je comptais aller, je lui dis que j'avais envie de descendre la montagne à pied, pour aller à la source.—«Vous trouverez les cosaques là», dit-il, «ils ont à présent leurs chevaux dans un de ces Pakhaus qui sont vides».—«D'où vient?» demandais-je, «ils l'ont désiré afin d'être plus rapproché». Il me dit de revenir après la promenade. Je rentrai chez lui après la promenade; il me demanda si j'avais exécuté mon projet de promenade, je dis qu'oui: «avez vous vu les cosaques?»—«J'ai vu deux bas officiers seulement».—Je lui dis, que la veille, en me promenant du côté de la quarantaine, j'avais été agréablement surprise et touchée de voir que le jardinier Gray travaillait à embellir ma place favorite. Je lui demandais si c'était lui, qui l'avait organisé? Il me répondit avec cet air bon qu'il savait si bien avoir souvent: «oui, comme il ne peut pas travailler dans ce moment de l'autre côté» (à un emplacement où l'Emp. avait voulu faire planter un jardin pour lequel il avait expressément fait venir Gray) «je lui eu dit d'arranger en attendant Votre emplacement favori». Je le remerciai.—Il paroissait assez bien et avait la tête fraîche;—il me dit qu'il fallait que j'aïlle promener encore l'après diner, je le priai de m'en dispenser et l'assurai que je me trouvai beaucoup mieux à la maison, et plus tranquille, lorsque je pouvais être près de lui—je dis ceci avec quelque émotion: «Allons, de la sagesse», dit-il, «soyez sage!»—il me fit goûter sa boisson qui lui paroissait avoir un arriere gout, je le trouvai aussi et il me dit que Egarovitch avait trouvé la même chose. Wylie entra; il lui parla de sa boisson et lui dit ce que nous avions trouvé. Wylie soutint que cela ne pouvait pas être. Quelque temps après Stoffregen entra, pendant qu'il était là encore, il lui dit en me disignant: «Vous a-t-elle dit ce qui lui est arrivé hier?» Je ne me rappelais pas de quoi il s'agissait, c'était l'échauffement causé par le poele, dont il voulait parler; à deux heures il m'envoya diner.—Vers cinq h. je fis chercher Wylie et lui demandai comment cela allait.—Wylie était gai, il me dit qu'il avait de la chaleur dans ce momant, mais que je devais entrer, qu'il n'était pas dans l'état de la veille»¹⁾.

Кромѣ того, имѣются въ собственной Его Величества библиотекѣ копии двухъ писемъ²⁾ неизвѣстнаго лица изъ семейства Шахматовыхъ къ матери и брату, о послѣднихъ дняхъ жизни императора Александра I³⁾. Привожу ихъ цѣликомъ:

¹⁾ Рукописный отдѣлъ собственныхъ Его Величества библиотекъ. Шк. II, п. 6, к. 36, № 1042.

²⁾ Копии эти находились въ футлярѣ, въ которомъ хранится гипсовая маска, снятая съ императора. Маска и бумаги найдены въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, въ собственныхъ комнатахъ императора Александра II.

³⁾ Въ домѣ Шахматовыхъ, въ Таганрогѣ, прожила нѣсколько дней императрица Елизавета Алексѣевна, тотчасъ послѣ кончины государя.

I.

1825 г., ноября 19.

«Ахъ, мой милый братецъ и матушка милая, я не знаю съ чего начать о нашемъ всеобщемъ несчастіи. Вы уже знаете, что нашъ отецъ, государь императоръ, изволилъ возвратиться изъ Крыма зараженъ лихорадкою, которая превратилась въ гнилую и желчную лихорадку, о чемъ отъ насъ скрывали до 15 числа, но какъ я вамъ уже писала, что мы о семъ узнали случайнымъ образомъ, чего нельзя было скрыть отъ всего города, въ ту минуту весь народъ бросился по церквамъ просить Бога со слезами о спасеніи нашего царя, и, кажется, наши грѣшныя молитвы были услышаны: во время самой обѣдни нашъ отецъ пришелъ въ себя, который уже цѣлыя сутки былъ безъ языка и томился на рукахъ императрицы, но открылъ глаза, взялъ руку у государыни, поцѣловалъ и сказалъ ей: «Вы очень устали»,—приказалъ себя посадить и пять минутъ сидѣлъ, приказалъ сдѣлать супъ изъ перловой крупы, взглянулъ въ окошко, сказалъ: «какой прекрасный день»—и легъ, и до восьми часовъ вечера ему было очень хорошо, кушалъ супъ,—безмѣрная радость разливалась по всему городу, находя его уже въ опасности 18;—и представьте себѣ нашъ ужасъ, сего дня по утру прислалъ князь Волконскій къ моему зятю просить, чтобы онъ приготовилъ свой домъ на случай всеобщаго несчастья для императрицы, которую они располагали перевезти къ намъ; но Богъ милосердъ, Онъ воскрешалъ мертвыхъ, а нашъ отецъ и государь еще существуетъ; мы надѣемся, что онъ спасенъ будетъ всеобщими слезами и молитвами, которыя продолжаютъ здѣсь день и ночь. Сію минуту пришла моя женщина изъ дворца сказать намъ, что, слава Всевышнему, нашему государю императору сдѣлалось лучше, и сейчасъ взяли здѣшняго штабъ-лекаря Александровича, о которомъ предложилъ мой зять ибо онъ въ моемъ домѣ пользуется двадцать лѣтъ, и особливо горячки чудеснымъ образомъ лечить; а придворныхъ медиковъ надо повѣснить, что они допустили лихорадку соединиться съ горячкою, хотя они и оправдываютъ себя, что государь не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ; но виноваты тѣмъ, что это скрыли отъ публики, которая конечно бы бросилась со всѣмъ народомъ къ его окошкамъ и умолила бы его лечиться, на что вѣрно бы онъ согласился. Теперь только вся надежда и упованіе на Бога, который укрѣпляетъ и нашу мать императрицу. Она не отходитъ отъ кровати обожаемаго супруга. Они платятъ взаимнымъ попеченіемъ одинъ о другомъ. Когда государь сюда изволилъ пріѣхать, то первыя его были заботы устроить дворецъ какъ можно покойнѣе для императрицы, и не оставилъ ни одного уголка безъ собствен-

наго своего обозрѣнія, чтобы нигдѣ не дуло, и чтобы всѣ выгоды были соблюдены для ея покоя. Наконецъ, по прибытіи ея сюда, онъ былъ съ нею неразлучно. День начинался тѣмъ, что ему доложить: «Государыня проснулась»,—прикажетъ подать ей чай; откушаетъ, ему докладываютъ;—изволитъ ѣхать гулять, ему доложить;—возвратится, также;—и это было, какъ заведенные часы, что онъ наблюдалъ всѣ ея движенія, и тѣмъ попеченіемъ и ласками укрѣплялось ея здоровье отъ дня на день; но мы боимся, чтобы оно опять себя не разстроило. Вотъ чѣмъ мы платимъ за крымскій вояжъ, противъ котораго былъ весь дворъ. Но кто смѣлъ его остановить? Одна государыня его просила оставить до весны. Но онъ сказалъ: «Будь покойна, я только взгляну на тотъ

Келія Федора Козьмича на заимкѣ Хромова.

край и скоро возвращусь». А тамъ тѣмъ случаемъ воспользовались, предложили ему купить имѣніе графа Кушелева, котораго илюминировали горы, ущелья, и представили ему въ очаровательномъ видѣ, гдѣ пили его здоровье, и онъ болѣе получаса стоялъ безъ шляпы въ самой жестокой вѣтеръ; на другой день болѣе 80 верстъ проѣхалъ верхомъ, день былъ жаркій, вѣтеръ ужасный и ночь прехолодная. Вотъ слѣдствіе его болѣзни, то можно ли было его не предостеречь тому человѣку, который знаетъ тотъ климатъ, что тамъ всегда свирѣпствуютъ лихорадки различныя, а теперь самая злая; вотъ какъ пожертвовали единственно для того, чтобы обратить все царское вниманіе на тотъ край и ли-

шаютъ всю Россію милосердаго государя, котораго только однѣ силы борются со смертью уже нѣсколько дней. Сейчасъ пришли сказать, что въ полночь, въ 12 часовъ, сдѣлалось опять очень худо, и онъ страдаетъ. Боже милосердый, поддержи царицу,— а я теряю силы!—19 числа, въ 11 часовъ. Нѣтъ у насъ больше нашего отца, и мы несчастные должны вамъ нашу сердечную горестъ сообщить. Ахъ, сія несчастная минута рѣшила судьбу Россіи».

II.

«Любезный братецъ, я ничего не могу сказать къ вашему утѣшенію. Теперь здѣсь только одни слезы и вздохи о потери нашего отца и государя, у котораго по анатоміи нашли въ головѣ на мозгу воды три унца; но внутренность его была такъ здорова, что надобно бы ему жить сто лѣтъ. Вотъ слѣдствія крымскаго вояжа, о которомъ я вамъ уже писала, что онъ на открытомъ мѣстѣ стоялъ безъ шляпы болѣе получаса, гдѣ былъ жаркій день и пронзительный вѣтеръ, отъ чего онъ получилъ злую лихорадку, которая соединилась съ горячкою, и наконецъ вся простуда остановилась въ головѣ, чѣмъ и кончились его неоцѣненные дни для всей Россіи. Мы теперь оплакиваемъ то, зачѣмъ отъ насъ скрывали его болѣзнь до той минуты, когда уже потеряли въ немъ надежду, и зачѣмъ не пригласили здѣшнихъ медиковъ, которые знаютъ свойство крымской лихорадки. Видно, придворные медики боялись потерять славу, и потому скрывали отъ публики положеніе нашего отца и государя, даже и отъ всѣхъ его окружающихъ, которыхъ мы видѣли всякій день; и они намъ говорили, что, слава Богу, государю лучше, только еще есть лихорадка: это мнѣ сказалъ Лонгиновъ въ субботу вечеромъ, и на воскресенье въ ночь государя приобщали, и уже его страданія продолжались съ разными переменами до четверга, т. е. до 19-го числа. Императрицу до сихъ поръ милосердый Богъ укрѣпляетъ, которую просили переѣхать къ намъ въ домъ, на что она не хотѣла согласиться, и сказала князю Волконскому: «Я увѣрена, что вы раздѣляете со мною мое несчастіе, но неужели вы думаете, что меня привязывала одна корона къ моему мужу? Я васъ прошу не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда есть возможность», — послѣ чего никто не смѣлъ ее просить, и она оставалась цѣлый день одна въ своихъ комнатахъ, и ходила безпрестанно къ тѣлу безъ свидѣтелей; и когда онъ скончался, то она сама подвязала ему платкомъ щеки, закрыла глаза, перекрестила, поцѣловала, заплакала, потомъ встала, взглянула на образъ и сказала: «Господи, прости мое согрѣшеніе, тебѣ было угодно меня его лишить», и пошла въ свои комнаты, гдѣ она уже дала полную свободу своимъ слезамъ. На другой день опять просилъ ее князь пере-

ѣхать къ намъ въ домъ, хотя на нѣсколько дней, на что она согласилась, и уже 4-й день у насъ; но она изволить ѣздить всякій день къ тѣлу и совершенно неутѣшна. Подкрѣпи ее, милосердый Боже!»¹⁾.

Между тѣмъ дѣлались предположенія любителями легенды, что государь, будучи больнымъ, скрылся за нѣсколько дней до своей кончины, что вмѣсто него въ гробъ положено другое лицо (называлась даже по фамилии эта личность), увѣрили, что императрица не присутствовала при его кончинѣ и не видала его даже мертвымъ; забыли, что существуютъ гравюры, литографіи и рѣзныя изъ кости картины, изображающія послѣднія минуты жизни императора Александра I, на которыхъ видны портреты всѣхъ лицъ, съ императрицей Елизаветой Алексѣвной во главѣ, плачущихъ при послѣднихъ минутахъ его жизни. Если допустить малѣйшую правдоподобность этихъ предположеній, то все же надо считаться съ фактами приведенія ихъ въ исполненіе, чисто съ практической стороны. Государь, рѣшившись на такое исчезновеніе, долженъ былъ имѣть сообщниковъ, одного или двухъ по крайней мѣрѣ, или изъ числа приближенныхъ, или со стороны императрицы, или изъ лицъ его прислуги, или, наконецъ, изъ числа его врачей. Кто же были тѣ, которые находились вокругъ Александра Павловича въ Таганрогѣ въ ноябрѣ 1825 года? Прежде всего его супруга, императрица Елизавета Алексѣвна, для которой и было предпринято путешествіе на югъ Россіи, въ виду шаткости здоровья ея величества. Какъ извѣстно, императрица вскорѣ тоже скончалась, на возвратномъ пути въ Петербургъ, въ небольшомъ городѣ Бѣлевѣ, 3-го мая 1826 года. Изъ выдающихся приближенныхъ въ Таганрогѣ находились: начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, вѣрный спутникъ государя во всѣ дни его царствованія, генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ, давно пользовавшійся также довѣріемъ Александра Павловича. Изъ врачей были тамъ: лейбъ-медикъ Вилліе, докторъ Тарасовъ и лейбъ-медикъ ея величества Стофрегенъ. Сопровождали еще государя: вагенмейстеръ полковникъ Соломка, камердинеръ Анисимовъ, камердинеръ Ѳедоровъ, лейбъ-кучеръ Илья Байковъ и другіе низшіе придворные служащіе. При императрицѣ находилась камеръ-фрейлина Е. П. Валугева, а также княгиня Софія Григорьевна Волконская, супруга князя Петра Михайловича.

Если бы государю пришла мысль незамѣтно скрыться, ему пришлось бы войти въ соглашеніе съ кѣмъ-либо изъ вышеупомянутыхъ лицъ, а кромѣ того еще озаботиться о присканіи покой-

¹⁾ Рукописное отдѣленіе собственныхъ Его Величества бібліотекъ. IIIк. II, п. 6, к. 36, № 1041а.

ника, могущаго замѣнить его въ гробу. Какъ ни фантастиченъ былъ бы такого рода замыселъ, но первая часть его, т. е. исчезновеніе, можетъ быть допустима на практикѣ при безусловной охранѣ тайны соучастниками такой драмы, что же касается исполненія второй части невѣроятно труднаго предпріятія, т. е. замѣны государя какимъ-либо подходящимъ покойникомъ, то намъ кажется, что, придавая значеніе этому вопросу, мы вторглись бы въ область уже просто баснословныхъ сказокъ. Тѣмъ не менѣе, пашлись люди, которые намекали, кого именно надо искать въ этой роли замѣстителя въ гробу царствующаго императора.

Дѣло въ томъ, что 3-го ноября 1825 года, возвращаясь въ Таганрогъ изъ Крыма, больной государь встрѣтилъ, не доѣзжая Орѣхова, ѣдущаго изъ Петербурга съ бумагами фельдъегеря Маскова; принявъ бумаги, Александръ Павловичъ приказалъ фельдъегерю ѣхать за нимъ по направленію къ Таганрогу. По неосторожности ямщика, Масковъ на какомъ-то крутомъ поворотѣ былъ выброшенъ изъ перекладной и, ударившись о камень, тутъ же скончался. Императоръ былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого происшествія и приказалъ врачу Тарасову оказать немедленную помощь пострадавшему, что и было исполнено. Помощь оказалась излишней, въ виду моментальной смерти фельдъегеря. На Александра Павловича этотъ случай произвелъ тяжелое впечатлѣніе, что весьма понятно. Шильдеръ подробно описываетъ весь этотъ эпизодъ въ IV томѣ своего труда (стр. 372 и 373) и добавляетъ свой рассказъ выдержкой изъ записокъ врача Тарасова. «Выслушавъ мое донесеніе», пишетъ Тарасовъ, «государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастье! Очень жаль этого человѣка». Потомъ, обратясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

Въ моихъ бесѣдахъ съ покойнымъ Николаемъ Карловичемъ Шильдеромъ онъ неоднократно останавливался на этомъ случаѣ и обращалъ мое вниманіе на замѣтку Тарасова. Послѣ ряда усилій, чтобы найти кого-либо изъ потомковъ убившагося фельдъегеря Маскова, Шильдеру удалось напасть на слѣдъ нѣкоего Аполлона Аполлоновича Курбатова, профессора химіи въ технологическомъ институтѣ. Я лично пригласилъ профессора къ себѣ, и вотъ что онъ мнѣ передалъ въ 1902 году, вскорѣ послѣ кончины самого Шильдера. А. А. Курбатовъ приходился по матери своей внукомъ фельдъегеря Маскова, и у нихъ въ семьѣ сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что будто бы дѣдъ ихъ Масковъ похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, вмѣсто императора:

Часовня на могилѣ старца Федора Козьмича.

Александра I, что это преданіе ему, профессору, тоже извѣстно и что дѣти Маскова допускали возможность такого преданія. Къ сожалѣнію, всѣ дѣти Маскова давно умерли, ихъ было пять, два сына и три дочери, такъ же уже нѣтъ въ живыхъ отца А. А. Курбатова, Аполлона Митрофановича, скончавшагося въ 1857 году, и его жены, Александры Николаевны, рожденной Масковой, умершей въ 90 годахъ. Самъ профессоръ А. А. Курбатовъ (въ то время уже пожилой человѣкъ) скончался въ 1903 году. Другихъ потомковъ какъ сыновей Маскова, такъ и остальныхъ его дочерей мнѣ не удалось отыскать.

Во всякомъ случаѣ курьезно, что такого рода преданіе могло вообще существовать и, по показанію профессора Курбатова, оно хранилось въ семьѣ ихъ въ тайнѣ и, по понятнымъ причинамъ, избѣгалось къ оглашенію. Въ Лефортовскомъ московскомъ архивѣ я нашелъ не только формулярный списокъ Маскова, но и подробное донесеніе капитана Михайлова командиру фельдъегерскаго корпуса майору Васильеву, писанное 6 ноября 1825 г. изъ Таганрога. Оно схоже съ рассказомъ Шильдера и съ описаніемъ Тарасова, но, кромѣ того, указано точно мѣсто, гдѣ похороненъ фельдъегерь Масковъ, а именно въ томъ селеніи, гдѣ случилось съ нимъ несчастіе: «4 числа ноября преданъ землѣ въ семъ же означенномъ селеніи при фельдшерѣ Вельшѣ, который былъ посланъ по приказанію начальника главнаго штаба его высокопревосходительства генералъ-адъютанта Дибича изъ города Орѣхова». Семейству Маскова пожаловано было, по высочайшему повелѣнію, полное содержаніе, получаемое имъ при жизни, и, кромѣ того, нѣсколько разъ отпускалась сумма на уплату долговъ, а младшая дочь Александра (впослѣдствіи Курбатова) опредѣлена была на казенное содержаніе въ мѣщанское училище благородныхъ дѣвицъ¹⁾.

Слѣдовательно, внѣ всякаго сомнѣнія, что тѣло погибшаго фельдъегера Маскова было похоронено на другой день послѣ происшествія, т. е. 4 ноября, за пятнадцать дней до кончины государя. Остается только порадоваться, что документально можно доказать всю несообразность этого преданія относительно Маскова. Говорилось также о какомъ-то солдатѣ Семеновскаго полка, имѣвшемъ большое сходство съ Александромъ Павловичемъ, лично извѣстномъ императору и будто бы находившемся или командированномъ въ Таганрогъ. На это обстоятельство положительно не имѣется никакихъ указаній. По этому поводу я приведу изреченіе, вырвавшееся изъ устъ одного изъ знатоковъ нашей исторіи въ разговорѣ его съ покойнымъ Шильдеромъ на эту тему. Оппонируя Н. К. Шильдеру на цѣлую серію его мистическихъ догадокъ, эта

¹⁾ Выписано изъ дѣла канцеляріи вице-директора, св. 164, № 385, за 1825 г., Лефортовскій московскій архивъ.

личность, которую я не считаю себя въ правѣ назвать, сказала: «J'admets la possibilité de toutes vos conjectures sur la disparition d'Alexandre I, sauf une qui est capitale et qui me parait inadmissible. Comment voulez vous admettre qu'on puisse «escamoter» le cadavre d'un empereur»? Долженъ и я всецѣло присоединиться къ этому мнѣнію и сказать, что болѣе чѣмъ сомнительно допустить возможность подмѣны покойника, когда этимъ покойникомъ является русскій государь. Но въ гипотезахъ, относящихся до такого рода историческихъ событій, приходится останавливаться на всѣхъ этихъ мелочахъ, какъ бы ни казались мелочными подробности, отъ которыхъ зависитъ вполне точное представленіе общей картины и роли отдѣльныхъ личностей.

Продолжая мое изслѣдованіе, обращаюсь къ дальнѣйшей судьбѣ останковъ Александра I по пути слѣдованія ихъ изъ Таганрога въ Петербургъ. Сопровождать тѣло почившаго императора было поручено генераль-адъютанту графу Вас. Вас. Орлову-Денисову, совмѣстно съ другими лицами государевой свиты, на которыхъ было возложено дежурство у гроба по пути слѣдованія печальнаго шествія. Приведу цѣликомъ два донесенія графа Орлова-Денисова отъ 6 и 7 февраля 1826 г., на имя барона Дибича, начальника главнаго штаба его величества: I. «По высочайшему повелѣнію, отъ 2 февраля, за № 196, ваше превосходительство изволили препроводить мнѣ представленное главнымъ по арміи медицинскимъ инспекторомъ, лейбъ-медикомъ Вилліе, мнѣніе касательно свинцоваго гроба, вмѣщающаго тѣло блаженныя памяти государя императора Александра Павловича. Принявъ на себя высокую и священную для меня обязанность сопровождать безцѣнные останки почивающаго въ Бозѣ государя императора, я главнѣйшимъ себѣ долгомъ поставилъ неусыпно пецдись о храненіи оныхъ, какъ во время самага шествія, такъ и на ночлегахъ и дневкахъ. Изъ приложенной у сего въ копіи инструкціи дежурному при гробѣ флигель-адъютанту ваше превосходительство усмотрѣть изволите распоряженія мои по сему предмету; сверхъ того, находящемуся при печальной свитѣ медико-хирургу надв. сов. Тарасову поручено мною строго наблюдать за надлежащей при гробѣ температурой, который, слѣдуя безотлучно во время шествія при ономъ, на ночлегахъ и дневкахъ съ большой аккуратностью смотритъ за содержаніемъ гроба, сколько возможно въ низшей температурѣ. Касательно же осмотра свинцоваго гроба и положенія въ ономъ самага тѣла государя императора, то, не рѣшаяся доселѣ приступить къ нему до полученія на то высочайшей воли, я не премину теперъ вымолнить сіе по выступленіи изъ Москвы при новомъ удобномъ къ тому случаѣ во время ночлега, стараясь сдѣлать сіе, сколько это будетъ возможно, уединеннѣе и осторожнѣе, о послѣдующемъ не премину обстоятельно увѣдомить ваше превосходительство».

(Послано съ флигель-адъютантомъ графомъ Строгановымъ).

II. «По благополучномъ выступленіи изъ Москвы, на второмъ ночлегѣ въ селѣ Чашошковѣ, 7 февраля, въ 7 часовъ пополудни, по удаленіи всѣхъ постороннихъ изъ церкви, генералъ-адъютантами: графомъ Остерманомъ, Толстымъ, Бороздинымъ и Сипягинымъ и мною, флигель-адъютантами полковниками: Германомъ, Шкуринымъ, Коконкинымъ, графомъ Залуцкимъ и ротмистромъ Плаутинымъ, также гвардіи полковниками, кавалергардомъ Араповымъ, Соломкой, и медико-хирургомъ Тарасовымъ для удостовѣренія насчетъ положенія тѣла почивающаго въ Бозѣ императора Александра, предпринято было вскрытіе свинцоваго гроба, и тщательнѣйшимъ осмотромъ онаго, оказалось слѣдующее: по снятіи деревянной крышки, крышка свинцоваго гроба оказалась на своемъ мѣстѣ и въ совершенной сохранности, кромѣ только угла правой стороны близъ головы, который не болѣе какъ на одну линію опустился внизъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ конецъ желѣзнаго прута, служащаго подпоркой свинцовой крышки, немного отсталъ отъ своего мѣста. Когда же свинцовая крышка была съ возможною осторожностью нами поднята, то положеніе самаго тѣла въ гробу представилось намъ въ совершенномъ порядкѣ и сохранности, такъ что въ укладкѣ онаго ни малѣйшей перемѣны на путешествіи не послѣдовало. При семъ вскрытіи, кромѣ ароматнаго и бальзамическаго запаха, никакого газа не было примѣтно. Послѣ сего оба гроба закрыты нами попрежнему». Кажется, донесенія графа Орлова-Денисова барону Дибичу написаны ясно, названы также всѣ присутствовавшіе при вскрытіи гроба поименно. Всѣ эти лица видѣли тѣло почившаго государя, набальзамированное, въ гробу, и никто изъ нихъ ни въ посмертныхъ запискахъ, ни въ разговорахъ и письмахъ не усомнился въ чертахъ лежащаго предъ ними усопшаго, а прошло уже два съ половиной мѣсяца послѣ кончины императора въ Таганрогѣ, и на пути тѣло могло бы легко попортиться и измѣниться, особенно при состояніи дорогъ въ то время. Но, кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства, существуютъ еще напечатанныя въ Берлинѣ записки Леопольда фонъ-Герлаха, который сопутствовалъ принцу Вильгельму Прусскому (будущій германскій императоръ), прибывшему для представительства во время похоронъ и присутствовавшему при вскрытіи гроба близъ Царскаго Села. Въ дневникѣ фонъ-Герлаха, за 4 (16) марта 1826 г., сказано: «Der Prinz (Wilhelm) erzählte, wie der Sarg geöffnet und die Kaiserin Mutter (императрица Марія Ѳеодоровна) mehrere Male der Leiche die Hand geküsst und gerufen: «Oui c'est mon cher fils Alexandre, ah, comme il a maigri!» Dreimal ist sie wieder umgekehrt und zur Leiche gegangen. Der Prinz war sehr ergriffen von dem Anblick der Leiche».

Вполнѣ понятно, что близкіе родственники, какъ мать и братья, а также принцъ Вильгельмъ Прусскій, часто выдавшій покойнаго

государя, должны были найти измѣненія въ чертахъ усопшаго, происшедшія и отъ бальзамированія, и отъ тряски въ пути. Наконецъ, 5 марта, въ Чесмѣ, близъ Царскаго Села, тѣло императора было переложено изъ прежняго деревяннаго гроба въ новый бронзовый гробъ, опять-таки генераль-адъютантами, въ присутствіи князя Александра Николаевича Голицына и князя Алексѣя Борисовича Куракина. Объ этомъ свидѣтельствуютъ генераль-адъютантъ графъ Комаровскій и врачъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ. Кромѣ того, еще дважды до этого, а именно на второмъ переходѣ отъ Новгорода въ присутствіи графа Аракчеева, и въ Бабинѣ, не доходя до Царскаго Села, гробъ былъ вскрываемъ для осмотра тѣла государя. Шильдеръ подробно повѣствуетъ объ этихъ вскрытіяхъ въ IV томѣ исторіи (см. стр. 437 и 438). Послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ едва ли еще можно сомнѣваться въ подлинности личности императора Александра въ гробу, тѣмъ болѣе, что, повторяю, никто изъ современниковъ не высказалъ сомнѣнія ни при жизни, ни послѣ, въ какихъ-либо бумагахъ по этому вопросу. Между тѣмъ, поводы къ такого рода сомнѣнію существовали и тогда, и еще гораздо болѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время. Было извѣстно, что Александръ Павловичъ, уѣзжая на югъ изъ Петербурга, долго молился въ Казанскомъ соборѣ, посѣтилъ какого-то инока въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ долго оставался съ нимъ въ бесѣдѣ; что у государя было точно предчувствіе, что онъ больше не увидитъ своей столицы; что, выѣзжая изъ Петербурга, его величество нѣсколько разъ оглядывался, какъ бы прощаясь, и былъ въ мрачно сосредоточенномъ настроеніи духа. Шильдеръ выражается такъ по этому поводу: «Передъ выѣздомъ изъ Петербурга государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчей со схимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ,—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ» (стр. 354). Конечно, въ этихъ словахъ историка опять звучитъ сомнѣніе и даетъ читателю лишь поводъ ко всякаго рода предположеніямъ. Ходили и другіе слухи о минимъ его желаніи отречься отъ престола. Эти слухи имѣли свое основаніе, такъ какъ Александръ дѣйствительно не разъ выражался, что усталъ отъ бремени правленія Россіей, что ему необходимо покои. Разочарованіе общее было еще замѣтно и ранѣе, со времени Ахенскаго и Веронскаго конгрессовъ, гдѣ мистическое настроеніе государя не было ни для кого тайной. Извѣстно также, что еще лѣтомъ 1819 г., въ Красномъ Селѣ, Александръ Павловичъ имѣлъ бесѣду со своимъ братомъ Николаемъ и великой княгиней Александрой Ѳеодоровной, гдѣ впервые имъ передано о намѣреніи Константина Павловича отречься отъ престола, а также

сказалъ имъ слѣдующее: «Что касается меня, то я рѣшился отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либѣ, нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполне обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во время». Это заимствовано изъ записокъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ дневникѣ императрицы, во время коронаціи ея въ Москвѣ, подъ 15 августа 1826 г., мы находимъ еще такую замѣтку: «Gewiss werde ich beim Anblick des Volks denken wie der selige Kaiser einst sagte, als er von seiner Abdankung sprach: «et comme je me rejoirai quand je vous verrai passer et que moi dans la foule je vous crierai hurrah, en remuant mon bonnet dans les airs». Ich wollte ihn immer prügeln wenn er mir so etwas sagte». Если такого рода изреченія Александра Павловича были извѣстны его ближайшимъ родственникамъ, то они могли бы поддаваться всякимъ сомнѣніямъ, узнавъ о неожиданной кончинѣ государя послѣ кратковременной болѣзни въ Таганрогѣ. Въ дѣйствительности же все обошлось совсѣмъ просто и никому не приходило на умъ въ тѣ времена сочинять фантастическія догадки. А въ личности и дѣйствіяхъ императора Александра, особенно въ послѣдніе годы его жизни, было надъ чѣмъ призадуматься и даже своихъ современниковъ онъ не разъ ставилъ втупикъ, до того его пріемы были подчасъ таинственны и загадочны. Стоитъ только вспомнить про акты по вопросу о престолонаслѣдіи, изъ которыхъ оригиналъ хранился въ Успенскомъ соборѣ, а копія была оставлена въ сенатѣ. Когда князь А. Н. Голицынъ позволилъ себѣ замѣтить государю передъ его отъѣздомъ въ Таганрогъ, что неудобно оставлять акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія при продолжительномъ отсутствіи необнародованными и какая можетъ отъ этого родиться опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія, то государь отвѣтилъ: «Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ» (Шильдеръ, т. IV, стр. 350).

Очевидно, что такого рода поведение Александра Павловича поражало не только родственниковъ и приближенныхъ, но должно было дать поводъ и другимъ лицамъ удивляться, а также дало возможность возникновенію всякихъ толковъ и слуховъ. Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранится сборникъ такихъ слуховъ, въ количествѣ 51, записанныхъ нѣкимъ дворовымъ челоуѣкомъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровымъ, подъ заглавіемъ: «Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ видѣнъ означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ описывать, для дальняго времени незабвеннаго, именно 1825 г., съ декабря 25 дня». Приведу самые характерные изъ этихъ слуховъ, касающихся императора Александра, такъ какъ многіе другіе от-

носятся до великаго князя Константина Павловича. 3 слухъ: Государя убили, изрѣзали и долго его тѣла искали и навѣрное не могутъ утвердить, нашли ли его тѣло, и нельзя узнать, для того на лицо сдѣлали восковую маску. 7 слухъ: Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ. Все тѣло его такъ почернѣло, что никакъ и показывать не годится. Для того и сдѣлали восковую накладку, а гробъ свинцовый въ 80 пудовъ. 9 слухъ: Государь живъ, его продали въ иностранную неволю. 10 слухъ: Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море. 11 слухъ: Гробъ государевъ везутъ ящики, которымъ дано за провозъ 12 тысячъ рублей, что находятъ весьма подозрительнымъ. Шульгинъ, московскій полиціймейстеръ, о семъ разговаривалъ, да и князь Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, находится въ немаломъ сомнѣнн о семъ. 20 слухъ: Князь Долгоруковъ Юрій Владимировичъ, престарой князь, послѣ блаженный кончины Александра I не присягалъ еще ни одному изъ новыхъ государей, а желаетъ прежде видѣть тѣло покойнаго государя своими глазами въ лицо, тогда и присягнетъ кому должно, то народъ изъ онаго ожидаетъ чего-нибудь невеселаго. (Князь Юр. Вл. Долгорукий скончался въ Москвѣ глубокимъ старцемъ, 90 лѣтъ, въ 1830 г.). 24 слухъ: Когда государь поѣхалъ въ Таганрогъ, то за нимъ гнались во всю дорогу многіе господа съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убить его; двое и догнали въ одномъ мѣстечкѣ, но убить не осмѣлились. Такъ народъ заключаетъ, что государь убитъ въ Таганрогѣ вѣрноподданными извергами, ну т. е. господами благородными душами, первѣйшими въ свѣтѣ подлецами. 25 слухъ: Графиню Орлову и жену графа Потемкина высѣкли плетью, зато что они дѣлали балы, на которыхъ были заговоры на царскую фамилію, а онѣ не могли онаго доказать императору, вѣрныя фрейлины распенеблагодарныя каналіи. 31 слухъ: Во время проѣзда черезъ Москву государева тѣла былъ въ Москвѣ изъ нѣкотораго села дьячекъ, смотрѣлъ и онъ, и при прїѣздѣ его въ село стали его спрашивать мужики, что видѣлъ ли государя, а онъ отвѣтилъ—какова государя, это чорта везли, а не государя. Тогда мужикъ его ударилъ въ ухо и потомъ объявилъ управителю и пону, то онаго дьячка взяли въ Москву и попа и дьякона тоже. Попа то отпустили изъ Москвы и отъ службы отрѣшили, а дьячка и дьякона и теперь держатъ и неизвѣстно, что будетъ съ ними. 33 слухъ: Царскаго кучера Плью Байкова отравили ядомъ въ пирожекъ и никакъ не могли его отпнуть молокомъ, а докторъ, который лечилъ покойнаго государя, померъ, прїѣхавши въ Петербургъ. 34 слухъ: Когда привезутъ государя покойнаго въ Петербургъ, и поставятъ тѣло его въ означенномъ соборѣ, тогда вся царская фамилія будетъ его осматривать, а другаго званія кромѣ царской фамиліи не будетъ въ соборѣ никого, а тѣло его будетъ вынуто

изъ гроба и осмотрѣно кѣмъ слѣдуетъ. 36 слухъ: Государя когда привезутъ въ Петербургъ, то стануть его осматривать при иностранныхъ короляхъ и посланникахъ. 37 слухъ: Государево тѣло самъ государь станетъ встрѣчать свое тѣло и на 30 верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него, который ему сказалъ, а онъ бѣжалъ тогда и скрывался до Петербурга. 39 слухъ: Когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходять къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашивали, что государь дѣлаеть, имъ отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь, также и на другой день пришли, получили тотъ же отвѣтъ и ушли опять, тогда пришли на третью ночь, имъ отвѣтили, что государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ государю и сказалъ ему: «Васъ сегодня изрубятъ, приготовьтесь непременно», то государь сказалъ солдату: хочешь за меня быть изрубленнымъ, то солдатъ сказалъ: я не хочу ни того, ни другого; то государь сказалъ ему: ты будешь похороненъ какъ я, а родъ твой будетъ весьма награжденъ, то солдатъ тогда на оное согласился. Онъ надѣлъ на себя царскій мундиръ, а государя спустилъ въ окно, а на солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто государя, и т. д. 32 слухъ: Когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ и тамъ строился дворецъ для Елизаветы Алексѣевны, то государь пріѣхалъ въ оный изъ задняго крыльца, стоявшій тамъ часовой остановилъ его и сказалъ: не изволите входить на оное крыльцо, васъ тамъ убьютъ изъ пистолета. Государь на это сказалъ: хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился, а государь надѣлъ солдатскій мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій, государя, шинель и шляпу и пошелъ въ отдѣляемый дворецъ, прикрывъ лицо шинелью. Какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистолета по немъ выстрѣлили, но не попали, солдатъ повернулся, чтобы назадъ идти, то другой выпалилъ по немъ, прострѣлилъ его, солдата подхватили и потащили въ тѣ палаты, гдѣ жила супруга государева, и доложили ей, что государь весьма нездоровъ и потомъ послѣ померъ, яко государь. А настоящій государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, но неизвѣстно куда, и писалъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобы онаго солдата похоронили какъ меня.

Вотъ самые курьезные слухи, выписанные изъ дѣла, которое приложено къ секретной части дежурнаго генерала и хранится до сихъ поръ въ канцеляріи военнаго министерства. Какъ видно изъ бумагъ, это дѣло было въ связи съ другимъ о двухъ отставныхъ солдатахъ, унтеръ-офицерѣ Медвѣдевѣ и рядовомъ Крутиковѣ, служившихъ при московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и разсказывавшихъ нелѣпыя слухи насчетъ императорской фамиліи. Слѣд-

ствіе было генераль-адъютантомъ Дибичемъ поручено вести генераль-майору Геруа и статскому совѣтнику Тургеневу. Начато было 28 мая, а закончено 10 августа 1826 года.

Не безынтересно также привести выписки изъ писемъ Александра Булгакова къ брату его Константину («Русскій Архивъ»): «27 января 1826 года. Не повѣришь, что за вздорные слухи распространяють кумушки и пустословы по городу. Жаль право, что князь Дмитрій Владиміровичъ (князь Голицынъ) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, кои возьмутся для прекращенія или предупрежденія беспорядковъ. Говорятъ, что подписками обязываютъ фабрикантовъ не выпускать фабричныхъ въ день процессіи, что кабаки будутъ заперты, и множество другихъ подобныхъ мѣръ. Князь поставитъ себя въ непріятное положеніе и заслужитъ нареканіе справедливое всѣхъ тѣхъ, коихъ не допуститъ принять участіе въ отданіи послѣдняго долга. 4-го февраля. Филаретъ съ духовенствомъ лобзали останки безцѣнные, а послѣ всѣ царевичи, князь Д. В., генераль-адъютанты и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смѣяться надъ глупцами, кои трусили, уѣзжали изъ Москвы или просили часовыхъ для себя на это время. Да я своею головою ручался моеѣ женѣ и всѣмъ, что весь городъ будетъ покоенъ, что видъ гроба Александра I заставитъ все на свѣтѣ забыть, и что въ народѣ одно только будетъ чувство — скорбь. А конечно бездѣльники были дѣятельны и разсѣивали разные глупые слухи, кои дураковъ пугали. Благородіе народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ прикладывались, всѣ почти въ землю. Во всю ночь были поклонщики. Ночь не была потеряна. Дабы доставить всѣмъ удовольствіе приложиться къ безцѣнному праху, впустили солдатъ здѣшняго гарнизона. 7-го февраля. Александръ Сергѣевичъ Марковичъ, фельдъегерь, бывшій при государѣ во время его болѣзни, кончины и послѣ оной, видѣлъ все происходившее въ горестное это время, обмываль драгоцѣнное тѣло, дежурилъ 4 сутокъ при ономъ не снавши; открытіе тѣла, бальзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство, удовлетворялъ оное въ полной мѣрѣ. Первый консиліумъ, на который государь очень неохотно согласился, говоря Вилліе, что онъ въ немъ не сомнѣвается и что все дѣлается по волѣ Божьей, былъ 13-го числа. Кромѣ Вилліе, были также Штофрегенъ и Ренгольдъ; сей, вышедъ оттуда, сказалъ Марковичу на ухо: «Золотое время было упущено». Государь не хотѣлъ слышать о лекарствахъ съ начала, когда можно было разорвать болѣзнь. Крѣпкое его сложеніе столь оную преодолевало, что еще 11-го извоилъ самъ бриться безъ всякой усталости, безпрестанно повторялъ: «Не мучьте меня. Дайте мнѣ покой!» И когда императрица стала наиубѣдительнѣйше

его уговаривать принять лекарство, то императоръ, не имѣя чѣмъ возразить, просилъ ее оставить на нѣкоторое время одного, дабы отдохнуть и воспользоваться склонностью, которую чувствуетъ ко сну. Когда приставили пивки, то, какъ скоро чувствовалъ дѣйствіе оныхъ, государь срывалъ ихъ самъ руками и кидалъ на полъ. Всѣ теперь видѣли, сколь гнусна была клевета, выдуманная на вѣрный, богобоязливый и кроткій народъ русскій. Сказали, что когда придетъ тѣло сюда, народъ потребуетъ вскрытія гроба, чтобы увѣриться въ смерти государевой. Какая нелѣпость. Ужели всѣ сіи генералы, адъютанты и всѣ сопровождающіе тѣло (назовемъ одного Илью, плачущаго на козлахъ), ужели они и весь Таганрогъ въ заговорѣ семь, обманутъ Россію? Слухи сіи однако же стали беспокоить князя Д. В.; онъ думалъ всему пособить, напечатать, что тѣло было отиѣто, и напрасно, ибо правда все-таки узнается»

Остановливаясь на всѣхъ вышеприведенныхъ подробностяхъ, я имѣлъ въ виду исчерпать все то, что только относилось до личности императора Александра I, и наглядно доказать всю нелѣпость распущенныхъ толковъ, а также всей легенды о мнимомъ исчезновеніи государя изъ Таганрога.

Что же касается личности старца, умершаго въ 1864 году въ Сибири подъ именемъ Ѳедора Козьмича, то врядъ ли удастся когда-либо вполне точно установить, кто онъ былъ въ дѣйствительности. Для этого было бы желательно отыскать его письма, чтобы установить почеркъ старца, но писалъ ли вообще кому-либо Ѳедоръ Козьмичъ?

Имѣется предположеніе, исходящее отъ родственниковъ графа Дмитрія Ерооевича Остенъ-Сакена, что графъ былъ въ перепискѣ со старцемъ. Во всякомъ случаѣ, было установлено, что сношенія дѣйствительно существовали между ними. Несмотря на всѣ поиски графини Александры Дмитриевны Остенъ-Сакенъ, рожденной княжны Урусовой, вдовы сына графа Дмитрія Ерооевича, въ имѣніи Прилукахъ, Киевской губерніи, удалось найти только пустую шкатулку, гдѣ хранились секретныя бумаги графа Дмитрія Ерооевича. Самые же бумаги и письма были кѣмъ-то извлечены изъ шкатулки, во время долгаго отсутствія владѣльцевъ изъ имѣнія. Дмитрій Ерооевичъ скончался въ началѣ марта 1881 года почтеннымъ старикомъ, и послѣ его смерти никто изъ семейства особенно не интересовался оставшимися бумагами. Между тѣмъ сохранились его дневники, писанные съ 1822 года до самой кончины графа, но и въ нихъ нѣтъ указаній на Ѳедора Козьмича. Эти сношенія графа Дмитрія Ерооевича Остенъ-Сакена съ сибирскимъ старцемъ, которыя подтверждаются наследниками, имѣли, вѣроятно, чисто религіозную подкладку, такъ какъ графъ былъ человѣкъ весьма набожный и любилъ сноситься съ лицами духовнаго

званія и другими святыми людьми. Но явилось еще другое предположеніе. Графъ Д. Е. былъ женатъ на дочери генералъ-майора И. М. Ушакова отъ брака съ княжной Надеждой Дмитріевной Прозоровской. Стали искать въ семьѣ Ушаковыхъ, не было ли кого-либо, имѣющаго отношеніе къ изслѣдуемому нами вопросу. Оказывается, что дочь Степана Ѳеодоровича Ушакова, бывшаго новгородскаго, а потомъ петербургскаго губернатора, Софья Степановна, была замужемъ за Михайломъ Петровичемъ Черторижскимъ. Овдовѣвъ, она была въ связи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ до его женитьбы и имѣла отъ него сына, получившаго имя Семена, а фамилію Великаго. Такимъ образомъ установилось свойство между Семеномъ Великимъ и графомъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ по семейству Ушаковыхъ. Эта Софья Степановна Черторижская, рожденная Ушакова, вышла впоследствии замужъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Она родилась въ 1746 и скончалась въ 1803 году. Относительно ея сына Семена Аванасьевича Великаго извѣстно слѣдующее. Восьми лѣтъ его помѣстили въ Петербургѣ въ Петропавловскую школу и, какъ говоритъ Кобеко въ своей книгѣ «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», выбрали ему въ товарищи неважныхъ лицъ, чтобы онъ «не догадался о причинѣ этого предпочтенія». Съ нимъ обучались Я. А. Дружининъ, сынъ придворнаго камердинера, Ф. М. Брискорнъ, сынъ придворнаго аптекаря, Х. И. Миллеръ, сынъ портного, Г. И. Вилламовъ, сынъ умершаго инспектора Петропавловской школы, и И. К. Вестманъ. По окончаніи наукъ въ школѣ, Семень Великій поступилъ въ морской кадетскій корпусъ и 5-го марта 1789 года изъ сержантовъ Измайловскаго полка, по знанію навигаціонныхъ наукъ, произведенъ въ мичмана. Во время Шведской войны С. А. Великій служилъ подъ начальствомъ капитана Травакина и 28-го іюня 1790 года былъ присланъ къ императрицѣ Екатеринѣ II курьеромъ съ корабля «Не тронь меня» съ донесеніемъ о морскомъ сраженіи 22 іюня. Произведенный за это въ лейтенанты, онъ въ числѣ другихъ офицеровъ былъ посланъ для усовершенствованія въ Англію и, служа въ англійскомъ флотѣ, умеръ на кораблѣ «Вангардъ» на Антильскихъ островахъ, въ 1794 году. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ утонулъ въ Кронштадтѣ. Но, по документамъ архива морского министерства, онъ скончался 13 августа на англійскомъ кораблѣ «Вангардъ», въ Вестъ-Индіи. О Семенѣ Великомъ вообще очень мало осталось свѣдѣній. Извѣстно, что одно время онъ находился въ компаніи молодого графа А. Г. Бобринскаго, въ Парижѣ. Подробныхъ свѣдѣній о его кончинѣ не имѣется. Если гипотеза о томъ, что именно Семень Великій былъ старцемъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ вѣрна, то остается узнать и провѣрить, гдѣ онъ обрѣтался, если не умеръ на кораблѣ въ Вестъ-Индіи, съ 1794 года до 1837, т. е. до момента появленія

старца Козьмича въ Сибири. Но здѣсь пока не имѣется еще никакихъ данныхъ, чтобы поддержать гипотезу. Просматривая генеалогію семейства Ушаковыхъ, мы напали на странное совпаденіе, а именно, что въ ихъ семьѣ постоянно встрѣчаются имена Федора и Козьмы, и даже были Ушаковы, именовавшіеся Федорами Кузьмичами. Но всѣхъ этихъ совпаденій недостаточно для опредѣленія личности сибирскаго старца. Пока не будетъ найдено достовѣрныхъ писемъ или документовъ, писанныхъ рукою Федора Козьмича, нельзя даже и помышлять, чтобы установить загадочную фигуру этого человѣка, а у насъ имѣется только нѣсколько словъ, написанныхъ на листочкѣ и хранящихся въ семьѣ Хромовыхъ, при томъ еще далеко недостаточно данныхъ, чтобы несомнѣнно признать, что все это именно было писано самимъ старцемъ.

Будемъ же надѣяться, что современемъ кому-нибудь удастся разрѣшить эту загадку и опредѣлить личность Федора Козьмича.

Великій князь Николай Михайловичъ.

19 мая 1907 г.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Немногія лица, знакомя съ однимъ политическимъ фактомъ, котораго не называю, найдутъ здѣсь желаемое объясненіе этого факта; да и для другихъ разсказъ мой будетъ, вѣроятно, не лишень интереса, какъ прибавленіе къ исторіи обмана и заблужденій человѣческаго духа. Нельзя не удивляться смѣлости цѣли, какую въ состояніи избрать себѣ и преслѣдовать злоба; нельзя не удивляться средствамъ, на которыя способна она для достиженія этой цѣли. Шиллеръ. «Духовидецъ».

Malheureuse femme! maudits soient les barbares qui ont corrompu ta jeunesse! (несчастливая женщина! да будутъ прокляты варвары, которые развратили твою юность!).

Théâtre de Clara Gazul.

XLVII.

Дымъ отечества.

РАГИЧЕСКАЯ смерть де-Сакса взволновала и глубоко огорчила высшее вѣнское общество, гдѣ такъ любили шевалье. А такъ какъ это печальное событіе совпало съ охлажденіемъ вѣнскаго и петербургскаго дворовъ, то въ гостинныхъ выражали негодованіе на русскихъ варваровъ, лишившихъ столицу благороднѣйшаго человѣка. Теперь находили, что императоръ Павелъ долженъ былъ не подстрекать къ поединку, а, напротивъ, употребить всѣ усилія, дабы склонить противниковъ къ примиренію. Упоминали, что хотя де-Саксъ и былъ незаконный сынъ, однако августѣйшая кровь слишкомъ ясно проявлялась въ его возвышенномъ характерѣ и должно было ее щадить. Такія толки и настроенія гостинныхъ сдѣлали неприятнымъ и тягостнымъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVIII, стр. 706.

посѣщеніе ихъ для Саши Рибоьера, тѣмъ болѣе, что онъ являлся секундантомъ графа Зубова и князя Щербатова. Наконецъ смерть де-Сакса повергла его въ долгую печаль. И ему стало тѣжко участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ. Саша искалъ уединенія, сталъ заниматься древними. Любимымъ его пріютомъ теперь была бібліотека принца де-Линь, который своими обширными свѣдѣніями много помогаль юношѣ.

Саша замѣтно возмужалъ въ теченіе года, проведеннаго въ Вѣнѣ. Любовь опытной, блестящей красавицы вывела его изъ ребячества. По разницѣ лѣтъ, Софія Замойская примѣшивала къ своимъ ласкамъ чисто материнскую нѣжность. Она старалась образовать въ немъ характеръ и поэтому испытывала его. Но характеръ въ юношѣ развернулся самъ собою и съ поразительной быстротой, точно въ немъ была стальная свернутая пружина, сразу выпрямившаяся.

Преднамѣренная размолвка внезапно привела къ полному охлажденію. Тогда временно поблѣднѣвшій образъ царственной Селаниры съ новой силой возникъ въ его воображеніи. Портретъ ея сталъ для юноши священной реликвіей, талисманомъ отъ искушеній. При мысли о Селанирѣ сердце его становилось какимъ-то храмомъ, полнымъ священнаго сумрака.

— О, Селанира! Селанира!—шепталъ юноша, прислушиваясь къ сладкой боли, отъ которой ломило у него въ груди.

Умная красавица Замойская замѣтила перемѣну въ своемъ «пажѣ». Она постаралась перейти съ нимъ къ тону добродушной дружбы, довольная тѣмъ, что первая пробудила въ немъ мужчину. Окруженная поклоненіемъ цвѣта европейской аристократіи, Замойская вела обширныя политическія интриги. Она была полька. Отечество и костель занимали главное мѣсто въ ея жизни. Рибоьеръ тоже сталъ ощущать тоску по родинѣ. Какъ ни была блестяща, интересна, юлна яркихъ впечатлѣній и утонченныхъ наслажденій жизнь Вѣны, мало-по-малу юношу сталъ тянуть къ себѣ сѣверъ. Суровая невская столица теперь представлялась его воображенію въ мощной красотѣ.

По ночамъ сонъ переносилъ его домой. Онъ видѣлъ полковыхъ товарищей, родителей, сестеръ, слугъ. Письма его на родину стали обстоятельны, длинны и наполнены пожеланіями возвращенія на родину.

Однажды, когда онъ занимался въ посольствѣ, графъ Разумовскій позвалъ его къ себѣ.

— Садитесь, Саша,—сказалъ онъ, когда кавалеръ посольства предсталъ, съ должною почтительностью отвѣшивая поклонъ снисходительному начальнику.—Его величеству благоугодно было выразить свою милостивую волю относительно дальнѣйшаго служебнаго поприща вашего.

— Я всецѣло въ рукахъ государя и готовъ исполнить его священную волю со всеѣмъ раченіемъ,—сказалъ разсудительный кавалеръ.

— Государь вновь призываетъ васъ въ Петербургъ. Готовьтесь къ отбытію изъ Вѣны,—сообщилъ посоль.

— Ничто не могло меня болѣе обрадовать, какъ это милостивое повелѣніе государя,—воскликнулъ юноша.—Меня тянетъ домой, въ отечество, къ роднымъ и знакомымъ.

— Эти чувства похвальны,—сказалъ посоль.—Такъ и Одиссей желалъ вдохнуть хотя дымъ отъ очаговъ суровой родины своей Итаки; горькій дымъ, поднимающійся надъ родными кровлями, казался ему сладкимъ. Но мы будемъ грустить, разставаясь съ вами, милый графъ. Мы все васъ сердечно полюбили и, конечно, вы будете мной аттестованы императору съ отличной стороны.

— Глубоко благодаренъ вамъ, графъ,—сказалъ юноша.—Вашъ домъ, ваше отеческое отношеніе ко мнѣ сохраняются въ моемъ воспоминаніи навсегда. Вѣчная благодарность будетъ признательной данью моего сердца вамъ и супругѣ вашей.

— Милый Саша, мы привязались къ вамъ какъ къ сыну. Сvezите поклонъ родителямъ и всеѣмъ петербургскимъ знакомымъ. Сказать ли вамъ, что преклонило волю монаршую къ вашему возвращенію? Въ письмахъ о семъ мнѣ сообщаютъ.

— Скажите, графъ.

— Ну, конечно, настоянія вашей пріятельницы, рожденной княжны Анны Петровны Лопухиной, а нынѣ княгини Гагариной.

— Какъ, она уже замужемъ!—сказалъ Саша, и странно, хотя онъ никогда не питалъ къ княжнѣ ничего, кромѣ дружельюбія, что-то кольнуло его въ сердце.—Она уже замужемъ! Давно ли?

— Свадьбу сыграли три недѣли тому назадъ. Императоръ былъ сватомъ. Въ настоящее время княгинѣ Гагариной отведены особые апартаменты во всеѣхъ дворцахъ столицы и царскихъ пригородныхъ резиденціи. Супругъ ея занимаетъ особливую квартиру въ Петербургѣ. Блестящее служебное поприще открывается князю. Замѣчу, что такъ какъ онъ проявилъ относительно васъ горячее расположеніе въ пребываніе свое здѣсь, то и въ Петербургѣ не лишитъ васъ покровительства. А это послужитъ вамъ большимъ подспорьемъ въ прохожденіи служебнаго поприща.

— Никогда!—съ негодованіемъ сказалъ кавалеръ.—Я въ немъ искать почелъ бы крайнею низостью.

— Впрочемъ, у васъ будетъ достаточно доброжелателей и покровителей,—продолжалъ спокойно посоль.—Княгиня Анна Петровна явится вашей путеводной звѣздой.

— О, путеводная звѣзда со мною!—сказалъ загадочно Рибоньеръ, касаясь груди, гдѣ таилась его реликвія.

Разумовскій улыбнулся. Умные глаза посла засвѣтились пониманіемъ и малороссійскимъ юморомъ.

— Путеводитель юности — ея золотыя мечты! — сказалъ онъ. — Но въ возмужалые годы эти мечты увядаютъ, какъ первые весенніе цвѣты подъ суровымъ дуновеніемъ опыта. Впрочемъ, прощальная аудіенція ея высочества принцессы Маріи Вюртембергской вамъ будетъ дана черезъ три дня. Я уже говорилъ съ Замоиской. Ей же новыя распоряженія относительно васъ стали извѣстны ранѣе, нежели мнѣ. Да благословить же Богъ вашъ путь въ отечество!

Посолъ всталъ и съ нѣжностью обнялъ Сашу, подставляя старческую щеку подъ его почтительное лобзаніе.

— Мой милый юноша, — сказалъ онъ: — княгиня Гагарина выписываетъ васъ въ Петербургъ, надо полагать, потому, что страсть ея къ вальсу не прошла съ замужествомъ, а равнаго вамъ въ семъ искусствѣ не нашлось. Но помните, что теперь еще болѣе надо вамъ опасаться нарушить волю государя, что уже разъ навлекло на васъ его неудовольствіе. Берегитесь опять взять княгиню обѣими руками за талію и заглядываться въ ея черные глаза, хотя бы она васъ къ сему и поощряла!

— Я постараюсь совѣмъ не танцовать вальсъ съ княгиней, — сказалъ холодно Саша.

— Совѣмъ не танцовать — другая крайность. Помните златую середину добраго Горация. Нигдѣ она такъ не служитъ къ нашему благополучію, какъ на скользкомъ придворномъ паркетѣ. Впрочемъ, наблюдая васъ, нахожу въ васъ все, что нужно дипломату и придворному. Съ годами усовершитесь въ сей наукѣ.

— Но не въ ущербъ сердцу, графъ, — сказалъ Саша.

— Сердце человѣческое подобно лунѣ: оно то въ ущербѣ, то вновь прибываетъ и достигаетъ полноты, чтобы опять прійти въ ущербъ.

— Но съ луной бываютъ затменія. Я не хочу этого для моего сердца.

— Сердце въ узахъ разума! Сердце въ узахъ разума! И вамъ не будутъ страшны ни ущербы, ни затменія. Но долженъ васъ предупредить, за пребываніе ваше въ Вѣнѣ все переѣнилось въ отечествѣ. Императоръ уже не тотъ, и весь Петербургъ не тотъ. Или, точнѣе, съ каждымъ днемъ все болѣе уподобляется онъ огромной крѣпости. Всюду заставы, рогатки. Жители прячутся въ домахъ своихъ, но и тамъ трепещутъ. Ссылаютъ сотнями и тысячами. Подозрительность болѣзненная императора все возрастаетъ. Припадки безумнаго гнѣва все чаще. То правда, что не было еще случая, чтобы онъ не отмѣнилъ приказанія, даннаго имъ во время такого припадка, да бѣда въ томъ, что чаще ему не докладываютъ, а спѣшатъ исполнить сіи повелѣнія, какъ бы

помогая все въ имперіи привести въ разстройство и вселить всеобщій ужасъ къ властелину. Въ сихъ обстоятельствахъ тщательно берегитесь, милый Саша, всюду открывающихся пропастей и ловушекъ! Помните, что такъ долго продолжаться не можетъ. Великія переменны ждутъ насъ, и въ скорости. Претерпѣвый до конца спасется. Вѣрность будетъ вознаграждена. Наступитъ часъ, и онъ близокъ, когда талисманъ, который таите на груди своей, дѣйствительно выведетъ васъ на широкій путь почестей, но пока... столь же тщательно берегите его отъ постороннихъ взоровъ! Не удивляйтесь, что старый взоръ мой сквозь покровы прозрѣваетъ. Я—вашъ неизмѣнный другъ. Христосъ съ вами, дитя мое!

Старый вельможа прослезился и перекрестилъ юношу.

Вдругъ до обонянія Саша дошелъ отвратительный запахъ знакомаго кнастера. Онъ обернулся. Въ дверяхъ стоялъ «дядька» Дитрихъ и безмолвно улыбался щучьимъ своимъ рыломъ.

— А, честный Дитрихъ! — сказалъ посолъ. — Я нарочно послалъ за вами. Ввѣряю вашему попеченію нашего кавалера, съ коимъ имѣете вы, по высочайшему государя императора повелѣнію, отбыть обратно въ предѣлы Россійской имперіи. Увѣренъ, что аттестація ваша съ отличной стороны представитъ поведеніе графа его величеству. Впрочемъ... о семъ мы поговоримъ съ вами особо! Идите теперь, графъ. Я освобождаю васъ отъ служебныхъ обязанностей. Приготовляйтесь къ отбѣзду.

XLVIII.

Чужой опытъ.

— Итакъ, мы съ вами расстаемся, милый графъ, — сказалъ де-Линь, когда Саша Рибопьеръ входилъ въ бібліотеку принца. — Замойская сообщила мнѣ эту грустную вѣсть. Я видѣлъ слезы въ ея прекрасныхъ глазахъ... Счастливыи юноша!

Старый принцъ вздохнулъ, улыбаясь.

Саша покраснѣлся; но самолюбіе его было польщено. Впрочемъ, онъ не испытывалъ особаго волненія при мысли о разлукѣ съ красавицей. Образъ царственной Селаниры безраздѣльно владѣлъ всѣмъ его существомъ. Хотя теперь странное раздвоеніе ощущалъ онъ въ себѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ высочайшую волю и возвращеніе его было неминуемо, хотя это и совпадало съ собственнымъ его желаніемъ и отечество также манило юношу и призывало къ себѣ, но въ то же время и вся прелесть безпечной, счастливой вѣнской жизни представлялась воображенію. Онъ ощущалъ грусть разлуки съ прекраснымъ городомъ. Онъ уходилъ, многократно оборачиваясь назадъ и простирая руки къ покидаемому.

Саша изложилъ эти колебанія своей души принцу.

— Намъ пріятно видѣть, что мы сумѣли такъ привязать васъ къ вѣнскому обиходу, — сказалъ принцъ. — Впрочемъ, едва ли въ данное время отечество усладитъ васъ свѣтлыми впечатлѣніями. Хотя оружіе русскихъ, какъ всегда, покрывается лаврами, но мрачныя тучи раздора и ненависти, самовластия и произвола отравляютъ организмъ государства. Теперь въ ваше отечество скорѣе можетъ призывать суровый долгъ гражданина, чѣмъ собственное влеченіе. Толпы изгнанниковъ покидаютъ Петербургъ. Одни, чтобы прозябать въ глухихъ дебряхъ Сибири, другіе, чтобы укрыться въ родовыхъ помѣстьяхъ, наконецъ, третьи совѣмъ покидаютъ отечество. Многіе переплываютъ море, чтобы найти убѣжище въ свободномъ Альбіонѣ. Иные ѣдутъ въ Голландію, въ Германію. Ожидается въ скорости паѣздъ русскихъ и въ Вѣну. Вотъ въ какую минуту вамъ, милый юноша, предстоитъ увидѣть вновь гнѣрборейское небо!

— Да, я уже слышалъ объ этомъ отъ графа Разумовскаго, а раньше отъ графа Зубова. Но все же я не теряю надежды на милость государя къ нашему семейству. Императоръ всегда такъ уважалъ и любилъ отца.

Старый принцъ покачалъ головой.

— Не довѣрйя улыбка падишаха — въ его устахъ сверкнули львиные зубы! Эта восточная пословица пристала особенно къ императору Полю, дивному смѣшенію версальца двора Людовика-Солнца, рыцаря гроба Господня, прусскаго экзерцирмейстера и восточнаго деспота. Я зналъ Павла Петровича еще наслѣдникомъ. Живю помню его при французскомъ дворѣ съ прелестной супругой. Его умъ, образованность, множество прекрасныхъ чертъ души его мнѣ извѣстны. Наконецъ, мысль о немъ всегда соединяется въ моемъ воображеніи съ прекраснымъ закатомъ королевской Франціи, который мы, увы! почитали утренней зарей прекраснаго безоблачнаго дня! Антуанетта! Людовикъ! — взволнованно произнесъ эти имена старый принцъ и на мгновеніе закрылъ лицо руками.

— Милый юноша, — продолжалъ онъ, поборовъ волненіе, вышачное воспоминаніями: — предъ нашей разлукой я хотѣлъ бы передать вамъ нѣкоторые выводы моего опыта. Хотя я отлично знаю, что чужой опытъ мало учитъ, поражая умъ, но не сердце, обиталище нашихъ страстей, во всякомъ случаѣ то, что я скажу, вы выслушаете не безъ пользы для себя.

— Вашъ опытъ, принцъ, усвоенный мною, станетъ для меня заповѣдью, — сказалъ юноша.

— Да, да, не льстите старику! Но тотъ, кто видѣлъ гибель королевской Франціи и крушеніе престола святого Людовика, пережилъ столько, что получаетъ способность прозрѣвать самое буду-

щее. Повѣрьте, пророкомъ не такъ трудно быть. Надо лишь познать глубину человѣческаго безумія, легкомыслія и ничтожества. Я видѣлъ конецъ царствованія Людовика XV. Я видѣлъ юный дворъ дофина и Антуанетты. Я сопровождалъ графа и графиню Сѣверныхъ въ ихъ путешествіи. Я служилъ великой монархинѣ—Маріи-Терезіи. Я видѣлъ Семирамиру сѣвера, сопровождалъ ея шествіе въ Крымъ, видѣлъ лагерь Потемкина... Я позналъ Востокъ и русскихъ властителей и вельможъ. Я никогда не стану осуждать императора Павла за строгости, имъ введенныя въ гвардіи. Но Россія семьдесятъ лѣтъ была управляема женщицами и ихъ любовниками. Сразу невозможно изгнать извѣженность правовъ, интриганство, лесть, подлость, коими заразились высшія сословія въ вашей имперіи. Императоръ Павелъ принялъ скипетръ съ лучшими намѣреніями. Но пошелъ къ цѣли своей слишкомъ прямыми и быстрыми шагами. Онъ повелѣлъ гражданскимъ чиновникамъ открывать присутствія съ шести часовъ утра при свѣчахъ. Въ царствованіе родительницы Павла они едва собирались къ часу и двумъ дня. А роскошь вельможъ! Ихъ наряды, усыпанные брилліантами! А безумная карточная игра! А безпутство гвардейцевъ, даже солдатъ! Все это я знаю. Все это должно обуздать. Но... императоръ Павелъ погибнетъ въ борьбѣ съ національными пороками русскихъ, развившимися подъ женской властью!

Принцъ де-Линь прошелся по книгохранилищу. Кумиры боговъ и бюсты великихъ пѣвцовъ древности и Франціи спокойно бѣлѣли въ сумракѣ обширнаго покоя, стѣны котораго покрывали ряды фоліантовъ. Въ венеціанское окно смотрѣлъ садъ, испещренный красками осени.

Саша съ изумленіемъ слушалъ принца.

Въ первый разъ при немъ такъ говорили о правленіи великой монархини, предъ памятью которой онъ благоговѣлъ.

— Принцъ, — сказалъ онъ: — мнѣ тяжело слышать такое безпощадное осужденіе правленія великой императрицы, которая была мнѣ второю матерью!

— Императрица Екатерина—великая императрица и великая женщина. Не мнѣ ли принадлежитъ это наименованіе ея—Catherine le Grand? И я благоговѣю предъ ея памятью. Но... она все же была женщина, отдававшая дань всѣмъ женскимъ слабостямъ. Геній Екатерины отлетѣлъ вмѣстѣ съ нею. Пороки ея вельможъ, гвардіи, дворянства—остались. Съ ними задумалъ борьбу Павелъ—и погибнетъ. Милый другъ, повѣрьте опыту стараго принца, придворнаго и дипломата,—легче править людьми, потакая ихъ слабостямъ, чѣмъ пытаться исправлять ихъ пороки. Но когда колонна падаетъ, безумецъ будетъ тотъ, кто останется подъ нею стоять,

Императоръ Павелъ — шатающаяся колонна. Знайте это, милый графъ, и остерегайтесь. Берегите себя для будущаго.

— Принцъ, не вы первый предостерегаете меня. Хотя я не понимаю, что можетъ угрожать столь мощному монарху, которому безпрекословно повинуются милліоны.

— Могуущественный монархъ!—сказалъ съ горечью принцъ де-Линь.—Но развѣ не были могуществены короли Франціи? Развѣ—имъ не повиновались такъ же слѣпо? Развѣ еще дофиномъ Людовикъ XVI не былъ обожаемъ своимъ народомъ? И гдѣ все это? Видите, по воздуху плыветъ къ намъ въ окно паутинка. На концѣ ея виситъ смѣлый паучокъ. Но дунетъ вѣтерокъ, паутинка упадетъ на землю, и нога случайнаго прохожаго раздавитъ паучка. Таково и могущество монарховъ и сильныхъ міра. Это гнилая сѣть, жалкое ветхое вретинце. Буря народныхъ волненій рветъ ее въ ключья. Здѣсь, въ Вѣнѣ, въ аристократическихъ домахъ ея, въ этомъ тихомъ книгохранилищѣ вы видите призрачный міръ, кунсткамеру, въ которой собраны обломки прекраснаго прошлаго. Но будущее не съ нами. Новый духъ вѣетъ въ народахъ и все сокрушаетъ, перестраиваетъ, перерождаетъ. Не знаю, остановится ли онъ на порогѣ Россіи. Но императоръ Павелъ объявилъ ему войну. Онъ противопоставилъ ему все свое самовластіе. И это вторая задача, достиженіе которой его погубитъ. Онъ хочетъ воскресить рыцарство и облагородитъ русское пресмыкающееся у ногъ его дворянство. Онъ этотъ духъ рыцарства соединяетъ съ духомъ Версаля и духомъ Фридриха и полагаетъ, что тѣмъ самымъ остановитъ побѣдоносное шествіе духа торгашескаго мѣщанства. Но онъ самъ и вся его имперія въ рукахъ англійскихъ торгашей. Такова на-смѣшка судьбы!

Принцъ помолчалъ. Потомъ подошелъ къ двери, которая вела изъ книгохранилища въ концертъ-залъ и заглянулъ туда. Убѣдившись, что никто не могъ слышать его словъ, принцъ подошелъ къ Рибоньеру и прошепталъ ему на ухо:

— Императоръ Поль погибнетъ. Недовольный поведеніемъ Австріи и образомъ дѣйствій Англій въ Голландіи, онъ готовится внезапно выступить изъ коалиціи и, соединившись съ Бонапартомъ, обѣщавшимъ ему Мальту въ качествѣ гротмейстера ордена, объявить Англій войну, наложить на англійскіе товары запретительное «амбарго», двинуть казаковъ на завоеваніе Индіи, а самому вызвать на поединокъ монарховъ враждебныхъ державъ, чтобы рѣшить распрю народовъ Божіимъ судомъ! Общій голосъ, что императоръ помѣшанъ...

XLIX.

На почтовомъ дворѣ въ Софіи.

Въ концѣ октября 1800 Саша Рибошьеръ со своимъ «дядькой» Дитрихомъ подѣзжали къ Софіи, послѣдней остановкѣ передъ Петербургомъ.

Уже вечерѣло. Небо затянуто было сѣрой мглой. Моросилъ дождь. Только на западѣ въ разсѣлину тучъ прорывался свѣтъ незримаго солнца и блестялъ на измятомъ жнивѣ, пожелтѣлой придорожной травѣ и на мокрыхъ, почти голыхъ, чахлыхъ кустахъ и березахъ. Туманъ клубился надъ однообразной низиной, дышавшей уныніемъ и скукой. Дорога отъ долгихъ дождей превратилась въ безконечное корыто, наполненное жидкой грязью. Четверка лошадей еле тащила поломанную простую повозку съ верхомъ—болѣе утонченный экипажъ совѣмъ бы отказался служить. Путники, измученные ухабами и рытвинами, закиданные грязью, только и мечтали объ остановкѣ, дабы погрѣться, обсушиться, почиститься, поѣсть и попить, отдохнуть, перемѣнить лошадей, кое-какъ починить и подвязать первобытный экипажъ и затѣмъ хотя къ поздней ночи достигнуть Петербурга.

Городокъ Софія чуть видѣлся въ сторонѣ и тонулъ въ туманѣ, сумеркахъ, за пеленой морозящаго дождя. На совершенно пустомъ мѣстѣ стоялъ близъ дороги длинный деревянный домъ въ три жилья, окрашенный полосами въ три цвѣта, какъ и плагбаумъ, перегораживавшій дорогу,—въ желтый, бѣлый и черный прусскіе цвѣта. Къ нему примыкалъ дворъ, совершенно утонувшій въ паръ и обставленный конюшнями.

У плагбаума по другую сторону красовалась такая же полосатая жилая будка, у дверей которой стоялъ офицеръ въ штіблѣтахъ, зеленомъ мундирѣ съ отворотами и фалдами, въ бубляхъ, съ косою, въ трехрогой шляпѣ и съ эспантономъ въ рукѣ, на который онъ оперся весьма картинно. Около сидѣли на полѣницѣ дровъ нѣсколько инвалидовъ въ подобномъ же одѣяніи. Всѣ курили трубки.

Съ перваго взгляда можно было заимѣтить, что почтовый домъ полонъ проѣзжающими. Не только весь дворъ заставленъ былъ всевозможными экипажами, каретами, бричками, таратайками и просто телѣгами, но еще и внѣ двора, вокругъ постройки и у забора стояли повозки. Многія были нагружены кладью, ящиками, узлами, сундуками. Однѣ были отпряжены. Къ другимъ подводили лошадей. Кучера, ямщики, лакеи въ ливреяхъ и дворочья челядь, самаго разнообразнаго обличья, а также кузнецы съ клещами и молотами ныряли между повозками, суетились, кричали, переругивались и пересмѣивались.

Тутъ же возились собаки, хрюкали свиньи и поросята и бедаля грязный козелъ. Всѣ три жилья почтоваго дома были полны. Несмотря на довольно пронзительный холодъ, мокроту и вѣтеръ, окна были открыты. Въ нихъ шелъ дымъ табачный, свѣтились салныя свѣчи и доносился гамъ голосовъ. Всѣ трубы тоже дымились, обличая тѣмъ усиленную страпню къ ужину столь многолюднаго сборища.

— Что это у васъ за съѣздъ такой?—спросилъ Рибопьеръ офицера, подошедшаго для просмотра подорожной.

Содержимое документа, очевидно, не только удовлетворило офицера, но и исполнило почтенія къ новоприбывшимъ.

— У насъ всегда такъ, послѣднее время, графъ, — отвѣтилъ офицеръ.—Одни покидаютъ столицу; другіе возвращаются въ оную. По высочайшему повелѣнію! Все по высочайшему повелѣнію! Съ женами, съ дѣтьми, съ больными стариками, въ двадцать четыре часа—маршъ! Иностранцы и россияне всѣ оной судорогѣ подвержены. Вотъ въ томъ жильѣ, за перегородкой, жена неаполитанскаго банкира на голыхъ доскахъ вчера отъ бремени разрѣшилась. Мужъ едва ума не потерялъ. И что же! Дня не промедлили, да-лѣе двинулись!

— По такой адекой дорогѣ! Можетъ ли статья? — сказалъ изумленный Саша.

— Побыли бы на моемъ мѣстѣ, такъ сказали бы, что подъ нынѣшнимъ царемъ все можетъ статья! — сердито отвѣтилъ офицеръ.

— Однако, я вижу, у насъ въ Россіи нынѣ стали поговаривать весьма вольно!—замѣтилъ удивленный Саша.

— И стали говорить вольно. Потому что все равно нѣтъ спасенья. Молчи—бьютъ, и говори—бьютъ. Такъ лучше жъ говорить. Коли не донесутъ, такъ оклеветаютъ. Коли за неисправность не вышлютъ куда Макарка телятъ не гонялъ, такъ за исправность сто палокъ закатятъ, да и въ Сибири сгноятъ. У насъ, графъ, народъ въ отчаяніе впадаетъ. А когда русскій человекъ впалъ въ отчаяніе, ему море по колѣно. Пойдемте въ почтовый домъ, тамъ наслушаетесь достаточно. На всѣ бока честятъ, особенно бабы. Вотъ тамъ карета госпожи Жеребцовой стоитъ. А сама она на чистой половинѣ пребываетъ. Послушайте, что она говоритъ. А окна открыты и всякаго народа полно.

— Возможно ли, и Ольга Александровна Жеребцова выслана изъ Петербурга!—вскричалъ Рибопьеръ.

— Кажется, сами отъ грѣха выѣзжаютъ изъ предѣловъ Россійской имперіи, велѣдъ за англійскимъ посланникомъ Витвортомъ. Онъ уже недѣлю какъ насъ миновалъ.

Саша велѣлъ подѣхать къ крыльцу почтоваго дома и, поспѣшно выскочивъ изъ повозки, вошелъ внутрь.

Сѣни завалены были пожитками.

Налѣво обширная комната набита была разнообразнымъ народомъ обоего пола и всякаго званія, смѣшавшимся въ полномъ беспорядкѣ, сидѣвшимъ даже на полу, на узлахъ и сундукахъ.

Направо была, названная офицеромъ «чистой половиной», другая комната. Въ ней Саша неожиданно засталъ цѣлое общество хорошихъ петербургскихъ знакомыхъ. На старыхъ вольтеровскихъ креслахъ, обитыхъ простой рогожей, да и то порванной, сидѣла въ собольей, крытой алымъ бархатомъ, шубейкѣ чернобровая, сѣроглазая, румяная, пышная и красивая Ольга Александровна. Противъ же, на стулѣ, помѣщался графъ Шуазель.

Нѣсколько дамъ со своими мужьями, высылаемыми по высочайшему повелѣнiю въ ихъ деревни, сидѣли у стола и играли въ карты.

Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, по собственной сообразительности торопившіеся скрыться изъ столицы, стояли кружкомъ около красавицы Ольги Александровны и старались ей услужить. То несли ей подъ ножки скамеечку—въ видѣ полѣна, обернутаго чымъ-то кафтаномъ то раскуривали для нея трубку, высѣкая въ русской печкѣ огонь при помощи кремня и трута. Жеребцова любила въ дорогѣ курить. Каждый изъ нихъ надѣялся за услуги удостоиться чести быть приглашеннымъ въ спутники, въ карету ея, хотя до слѣдующей станціи. А кто знаетъ! Если понравится, то, быть можетъ, и въ Англію съ собой захватить. Все это общество неумолчно стрекотало по-французски.

Неслышанныя по вольности восклицанія поразили уши Саши Рибоьера, едва онъ переступилъ порогъ комнаты.

— Тиранъ! Вампиръ! Безчеловѣчный извергъ! Позоръ Европы!— кричалъ одинъ изъ гвардейцевъ.

— Пора же наконецъ намъ перемѣнить свою constitution и ограничить звѣрообразное самовластіе!—воскликнулъ другой.

— Нельзя же довѣрять судьбы цѣлой страны и миллионы подданныхъ умалишенному!

Саша остолбенѣлъ, слыша все это, публично провозглашаемое, при открытыхъ окнахъ, когда кругомъ сповалъ всякій народъ.

Вошедшій велѣдъ за нимъ «дядька» Дитрихъ безмолвно улыбался щучьимъ своимъ рыломъ.

— Саша! вась ли я вижу!— вдругъ воскликнула Жеребцова, взглянувъ въ вновь прибывшаго.

Всѣ обернулись на это восклицаніе и, узнавъ Рибоьера, съ живостью привѣтствовали юнаго камергера.

— Откуда вы взялись, графъ? Неужели возвращаетесь въ Петербургъ? Кажется, вы были на побывкѣ въ Вѣнѣ? Что влечетъ вась, новый Даніиль, въ ровъ львиный?—такіе и подобные вопросы и восклицанія сыпались на Рибоьера.

— Оставьте его, господа, — сказала Жеребцова. — Вы его совсѣмъ затормошили. Послѣ Европы ему чудно попасть въ нашъ хаосъ. Онъ растерялся прямо. Подите, Саша, ко мнѣ! — поманила красавица, по своему обыкновенію выставляя для поцѣлуя полные, прелестные локотки свои и пряча пальцы, которые она не любила, находя слишкомъ большими и единственнымъ признаваемымъ ею въ себѣ недостаткомъ. — Садитесь вотъ тутъ, на этотъ боченокъ. Онъ немного засалитъ васъ, но вы и такъ залѣплены дорожной грязью. Да и гдѣ тутъ думать объ опрятности, когда Петербургъ превратился въ истый свиной хлѣвъ!

— Или въ лабиринтъ, гдѣ живетъ Минотавръ, пожиратель людей! — крикнулъ одинъ изъ гвардейцевъ.

— И сторожацій прелестную Ариадну! — прибавилъ другой.

— Поджидающую новаго Тезея! — ввернулъ третій.

— Думаю, что отъ древняго Минотавра было менѣе навоза, чѣмъ отъ всероссійской свиньи въ ея хлѣву! — заключилъ четвертый.

— Перестаньте, господа, прошу васъ! — приказала красавица. — Вы окончательно оглушили нашего милаго графа, который, сказать à parte, замѣчательно возмужалъ и похорошѣлъ за свое пребываніе въ Вѣнѣ.

— О, послѣ такого вступленія можно ожидать, что графу предложено будетъ ради безопасности повернуть обратно въ каретѣ Ольги Александровны! — проворчалъ толстый гвардейскій полковникъ, сидѣвшій на другомъ боченкѣ.

— Молчите! — крикнула ему красавица. — Милый Саша, расскажите, какъ вышло, что вы покинули Вѣну и возвратились въ отечество?

Л.

Туда и обратно.

Рибоньеръ скромно сообщилъ, что онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, ротмистромъ Дитрихомъ, возвращается изъ Вѣны въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію государя и не ожидалъ видѣть и слышать то, что представилось ему здѣсь.

— То ли еще увидите и услышите, — сказалъ толстый полковникъ: — если недѣлю только проживете въ Петербургѣ.

— Вотъ что я скажу вамъ, графъ, — начала Жеребцова: — у насъ теперь конецъ октября, и видите, я уѣзжаю изъ Петербурга и изъ Россіи совсѣмъ, въ Англію. У меня, слава Богу, есть друзья въ Лондонѣ. Его величество король Георгъ очень со мною близокъ. Лордъ Витвортъ выѣхалъ раньше меня и приготовить мнѣ отель, гдѣ я проживу до весны... Въ концѣ марта мѣсяца или въ началѣ апрѣля, когда пройдетъ суровость погоды, теплое вѣяніе

растопить ледяные покровы земли, засіяетъ новое, молодое солнце, тогда, въ свѣтлый праздникъ освобожденія и возрожденія Россіи, я вернусь. Надѣюсь, что найду васъ въ полномъ благополучіи, милый Саша. Хотя нынѣ всякій обыватель Петербурга живетъ въ немъ, какъ на вулканѣ. Я удивляюсь тому, что вѣнскіе друзья не задержали васъ и отпустили въ Россію.

— Но графъ Разумовскій получилъ высочайшее повелѣніе...

— Ахъ, Саша, каждый день выходятъ повелѣнія, отмѣняющія предшествующія, и часто высланные изъ столицы, промедливъ въ пути, возвращаются обратно съ фельдъегеремъ, посланнымъ имъ вдогонку. Нами играетъ прихоть случая. Никто не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра...

— Но все убѣждены, что долго такъ продлиться не можетъ,— досказалъ толстый полковникъ.

— Долго такъ продлиться не можетъ! — хоромъ подхватили гвардейцы.—Перемѣна необходима! Она неминуема!

— Вы удивляетесь тому, что слышите здѣсь, на почтовомъ дворѣ, на народѣ, при открытыхъ окнахъ, — опять заговорилъ полковникъ.—Но поймите, мы дошли до предѣла. Всякая безопасность утрачена. Молчи, говори, дѣлай такъ или иначе, ступи вправо или влѣво, все равно ни за что нельзя ручаться. Мы долго трепетали молча. Но все же надѣялись, все же не постигали всего ужаса нашего положенія. Теперь нѣтъ никакихъ уже сомнѣній. Если такъ продлится, мы все осуждены на безчестье, ссылку, каторгу, на самую казнь. За что? Про что? Деспотическій вихрь насъ подхватилъ и несетъ въ бездну. Безъ революціи, среди глубокаго мира въ странѣ мы переживаемъ терроръ и не хуже французскаго. Болѣе полтора ста офицеровъ гвардіи вышли въ отставку и добровольно уединились въ дальнихъ помѣстьяхъ. Тѣ, что еще служатъ, иди на вахтъ-парадъ, на всякій случай зашиваютъ въ подкладку деньги, ибо часто прямо съ парада сажаютъ въ телѣжку—и маршъ-маршъ! Да всего ни разсказать, ни описать. Надо самому пережить. Что жъ? Русскій человѣкъ таковъ по природѣ своей, что крайняя опасность дѣлаетъ его равнодушнымъ къ самой гибели и развязываетъ ему языкъ!

— Я уже слышалъ это сейчасъ,—сказалъ Саша Рибольтеръ.

— Отъ кого?

— Отъ офицера на заставѣ.

— Ну, вотъ, видите!

— Я полагалъ, что найду васъ въ Петербургѣ,—обращаясь къ Шуазелю, продолжалъ Рибольтеръ: — а нахожу здѣсь. Я везу вамъ теплыя привѣтствія отъ принца де-Лини!

— Ахъ, принцъ де-Лини! Старый другъ! Какъ я вамъ благодаренъ!—обрадовался Шуазель.—Ну, что онъ, такъ же увлекателенъ, этотъ Протей мысли? Какъ его здоровье? Что новаго въ Вѣнѣ?

Старикъ засыпалъ Рибопьера сотней вопросовъ, касавшихся двора и вѣнскихъ гостинныхъ.

Рибопьеръ удовлетворилъ по мѣрѣ возможности старика, который казался совершенно подавленнымъ, опустившимся, дряхлымъ, чему способствовалъ беспорядокъ его костюма, измятое, грязное жабо, порванные кружева манжетъ, криво сидящій парикъ и запачканный кафтанъ. Старикъ пришлось спать не раздѣваясь въ кардегардіи и онъ выѣхалъ, не успѣвъ ничего захватить изъ вещей, только снабженный кредитивомъ знакомымъ англійскимъ купцомъ, тоже сидѣвшимъ съ нимъ въ кардегардіи и затѣмъ высланнымъ въ Лондонъ моремъ.

— Да! да! Принцъ де-Линь, старый другъ... — шамкалъ старикъ.—А мы, эмигранты, лишились милости его величества, да!—съ горестью говорилъ онъ.—Принцъ Конде высланъ! Король Людовикъ и доблестная дочь мученика Елизавета скитаются по лѣсамъ и степямъ Литвы! Да! да! Насъ оклеветали, и дѣло роялистовъ погибло... погибло...—повторялъ Шуазель, и голова его задрожала.—Мы переживаемъ въ Россіи вторую революцію и терроръ!

Рибопьеръ извинился и попросилъ позволенія удалиться, чтобы распорядиться относительно повозки и лошадей.

Когда онъ вышелъ, толстый полковникъ сказалъ:

— Этотъ мальчикъ рожденъ дипломатомъ. Впрочемъ, онъ еще напитанъ вѣнскимъ воздухомъ. Поживетъ въ Петербургѣ—переменится.

Оказалось, что Дитрихъ уже все наладилъ. Повозку лечили трое кузнецовъ, что-то накаливая и наваривая, въ то время какъ въ нее уже впрягали свѣжихъ лошадей, и самъ смотритель почтового дома наблюдалъ, стоя передъ Дитрихомъ на вытяжку. Такое волшебное дѣйствіе кавалеристъ саксонской службы оказывалъ на всѣхъ смотрителей имперіи.

Онъ предложилъ Сашѣ поѣсть изъ дорожнаго запаса тутъ же въ экипажѣ и трогать дальше, чтобы «папенька раньше обрадоваться», съ необыкновенной ужимкой, по-русски объяснилъ Дитрихъ. Саша согласился. Вдругъ кто-то тронулъ его за рукавъ.

Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ худой и мертвенно блѣдный, высокій человѣкъ. На немъ было офицерское платье, но превратившееся почти въ рубище нищаго. Лицо обросло бородой, и лысая голова была обвязана какой-то рванью. На ногахъ его были мужичьи лапти и онучи, да и тѣ разбиты и оборваны.

— Графъ, ради Христа,—умоляюще сказалъ онъ.—Войдите въ наше ужасное положеніе!

— Что такое?—спросилъ удивленный Саша.—Кто вы, государь мой?

— Я не нищій, графъ,—поспѣшилъ объяснить неизвѣстный.—Я—дворянинъ и офицеръ, и честный человѣкъ. Но со мною жена

и двое больныхъ малютокъ. И мы уже недѣлю ютимся здѣсь, питаюсь подавнiемъ проѣзжающихъ, не имѣя силъ и средствъ двинуться дальше. И это въ виду Петербурга, гдѣ, увѣрены мы, милость монаршая утретъ слезы невинныхъ страдальцевъ... И мы не одни тутъ! Здѣсь полная изба такихъ же несчастныхъ офицеровъ, и нѣкоторые тоже съ женами и дѣтьми... Безъ копейки, въ рублищѣ, питаемые только милосердiемъ проѣзжающихъ, тщетно умоляемъ мы довести до начальства о нашемъ ужасномъ положенiи... Какъ же мы въ такомъ состоянiи покажемся на улицахъ столицы. Разсудите, графъ, сами!

Съ возрастающимъ изумленiемъ, состраданiемъ и прямо ужасомъ слушалъ Саша несчастнаго.

— Но я не могу понять, какъ все это могло стать?—сказалъ онъ.—Объясните, государь мой, какъ попали вы, дворяне и офицеры, въ столь затруднительное положенiе.

— Ахъ, графъ! Насъ множество такихъ! со всей Россiи по всѣмъ трактамъ пѣшкомъ бредутъ такiе же несчастливцы, какъ и мы. О, графъ, если бы вы знали всѣ ужасы, мною и несчастной женой и дѣтьми моими уже претерпѣнные, вы... Простите слабость мою, графъ!—несчастнiй зарыдалъ, закрываясь руками.

Саша чувствовалъ, что у него самого подступаютъ и щиплютъ въ горлѣ слезы. Схвативъ за руку офицера, онъ просилъ его успокоиться и разсказать по порядку все.

— Вѣрьте, что я помогу вамъ всѣмъ, чѣмъ только возможно для меня будетъ.

— Графъ,— поборовъ волненiе и глубоко вздохнувъ, заговорилъ офицеръ.—Изъ многихъ полковъ армiи, по всей Россiи стоящихъ, по ложнымъ доносамъ предъ его императорскимъ величествомъ, были многiе офицеры оклеветаны и подверглись ссылкѣ, нѣкоторые въ дальнiе города Сибири. Однако, по разслѣдованiи невинность ихъ стала явной, то по высочайшему повелѣнiю возвращены имъ званiя, отличiя и позволено вступить въ тѣ же полки чиномъ выше, въ коихъ и раньше служили, но при томъ для личнаго представленiя государю императору должны мы всѣ безъ всякаго промедленiя къ Санктпетербурху явиться. Что жъ, высочайшая сiя милость въ пущую кару обратилась намъ, несчастнымъ, испытваемымъ Промысломъ! И безъ того небогатые, лишившись имущества при высылкѣ и, конечно, обнищавъ въ Сибири, принуждены мы многiе съ женами и дѣтьми, пѣшкомъ, Христовымъ именемъ въ столицу пробираться! У многихъ поумерли жены и дѣти. Иные сами пропали. Всѣ переболѣли и претерпѣли великiя злоключенiя отъ стужи, голода, униженiй! Ахъ, графъ, истинно заглянули мы въ пучину человѣческаго бѣдства, и только тѣмъ утѣшались, что многихъ столь же страдающихъ рабовъ встрѣчали, кои свой послѣднiй кусокъ мякиннаго хлѣба съ нами дѣлили и послѣднимъ

лоскутомъ холстины дѣтей нашихъ укрывали! То видя, Бога славили, но и въ самомъ лютомъ злостраданіи не теряли надежды на милость и правосудіе добраго нашего государя! Жена моя, бѣдняжка... Ахъ, графъ, она лишь на высочайшую щедроту живетъ надеждою, вѣруя, что отца встрѣтитъ, лишь бы намъ къ его величеству достигъ! Вѣдь онъ всѣхъ бѣдствъ нашихъ не знаетъ. Онъ хотѣлъ насъ, призывая къ себѣ, возвеличить. Зналъ ли онъ, что изъ того воспослѣдуетъ? Огорчивъ невинныхъ, какъ отецъ, къ себѣ въ столицу призываетъ, желая обласкать и одарить изъ своихъ рукъ. Вѣдь тѣ же рабы крѣпостные, подданные немилостивыхъ господъ, прославляютъ государя Павла Петровича, облегчившаго участь ихъ положеніемъ три дня работать барщину, а три на себя. Крутъ государь къ гвардейцамъ, да къ какимъ? Къ богатымъ, пѣжкнымъ маменькинымъ сынкамъ-офицерамъ, а къ гвардейскимъ солдатамъ,—намъ извѣстна милость царская, что всегда даритъ щедро. Такъ мы не теряемъ на его величество надежды. Но начальники—злудѣи! Они что съ нами дѣлаютъ? Какъ не донесутъ государю, что и голодны мы, и холодны, и босы, и раздѣты! Имѣемъ мы, по прибытіи въ столицу, явиться къ его сіятельству санктпетербургскому военному губернатору, графу фонъ-деръ-Палену. Да вѣдь какъ же въ рубницѣ мы въ столицу войдемъ? И стыдно, какъ офицеру и дворянину, и субординація не позволяетъ! А паче жена и дѣтишки больныя не имѣютъ силъ оставшіяся немногія версты до столицы по невылазной грязи, въ дождѣ, холодѣ, вѣтрѣ пройти... Также и многіе офицеры больныя же въ нашей избѣ. И дѣти, и жены больныя же! А между тѣмъ и изъ сей избы смотритель насъ гонитъ и отказывается печь въ ней топить. И онъ правъ. Дрова казенныя. Пройдите къ намъ, графъ! Убѣдитесь своими глазами, что все сказанное мною не ложно, и, прибывъ въ столицу, доведите о семъ до свѣдѣнія его сіятельства военнаго губернатора фонъ-деръ-Палена!

II.

Подъ отчей кровлей.

Не столько утомленный дорогою и умиленный сладостью свиданія съ близкими, сколько взволнованный первыми впечатлѣніями отечества и потрясенный ужаснымъ положеніемъ нищихъ офицеровъ арміи, ихъ женъ и дѣтей,—и это въ тридцати верстахъ отъ столицы!—Саша Рибоньеръ входилъ подъ отеческую кровлю тихаго дома на Моховой. Здѣсь все было по старому, и вѣщи, и слуги, и отецъ по старому принялъ его съ тихой неопредѣленной улыбкой, съ тихими объятіями и поцѣлуемъ, и съ тихими словами о своемъ удовольствіи видѣть сына здоровымъ, возмужавшимъ и

преуспѣвшимъ по службѣ. Потомъ появилась величавая шаташ и скромныя выросшія и похорошѣвшія дѣвицы-сестры. Ихъ привѣтъ былъ столь же тихъ и порядливъ. И тотчасъ же послали за священникомъ, отслужить благодарственный молебенъ Господу Богу, возвратившему сына семьѣ и отечеству.

— Рара, кромѣ молитвы, освятите день моего возвращенія благотвореніемъ,—сказалъ тогда Саша, и все, что накопѣло въ его сердцѣ, хлынуло потокомъ беспорядочныхъ словъ.

— Поймите, папа, дворяне и офицеры, съ женами и дѣтьми, безъ конейки, почти въ рублицѣ, голодные... И это въ тридцати верстахъ отъ столицы! И это на всѣхъ трактахъ!.. Подумайте, сколько еще несчастныхъ влечется въ пути... Офицеры арміи, проливавшіе кровь за отечество, пострадавшіе невинно, возвращенные государемъ, ввергнуты бессмысленнымъ распоряженіемъ начальства въ пучину бѣдства! Можно ли остаться равнодушнымъ? Не должно ли немедленно оказать имъ великое содѣйствіе! Обратиться къ государю, къ великому князю Александру, къ Палену, къ Ливену...

Мудрый «Dieu du Silence» зорко смотрѣлъ на сына во время внезапной, порывистой и сбивчивой его рѣчи.

— Обратиться къ государю, къ великому князю, къ Палену, къ Ливену... повторилъ онъ за нимъ, какъ бы вслушиваясь въ звукъ этихъ именъ.—Постой! постой! нельзя такъ, вдругъ, не соображаясь. Вотъ мы помолимся, ты почистишься, покушаешь, отдохнешь съ дороги, и мы тогда обсудимъ дѣло обстоятельно, безстрастно, не спѣша.

— Паленька, невозможно!—воскликнулъ Саша.—Маменька и сестрицы, невозможно!

— Что невозможно? Молиться или чиститься и кушать?—съ улыбкой спросилъ старый Рибоньеръ.

— Невозможно даже и молиться, зная, что эти несчастные... Ахъ, если бы вы видѣли и слышали ихъ!

— Ну, хорошо. Обсудимъ это дѣло сейчасъ. Но прежде все-таки позволь поблагодарить твоего наставника господина ротмистра фонъ-Дитриха за всѣ его о тебѣ попеченія и предложить ему удобство, столь и отдыхъ. Господинъ фонъ-Дитрихъ, сердечно благодарю васъ!—продолжалъ старый Рибоньеръ, обращаясь къ «дядькѣ», который вошелъ вслѣдъ за юношей и былъ безмолвнымъ зрителемъ встрѣчи, семейныхъ объятій и благороднаго порыва Саши.—Еще особенно и усиленно благодарить васъ имѣю! Но это--- завтра. А теперь прошу васъ на антресоли.

Но Дитрихъ, улыбаясь щучьимъ рыломъ, отвѣтилъ, что онъ тоже не можетъ ни «чистить себя», ни «кушать», ни «молидва», ни «засыпайтъ», а долженъ сейчасъ ѣхать въ «свой казарма», къ «своему начальникъ», генераль-аншефъ Брискорнъ-фонъ-Ленау-Вюльшенбургъ-Толль.

— Какъ угодно, господинъ фонъ-Дитрихъ, какъ угодно! Служба—прежде всего,—сказалъ старый Рибопьеръ.—А завтра навѣстите меня послѣ полудня для особенной моей благодарности.

— О, да! непременно буду,—отвѣтилъ «дядька» и удалился, оставивъ въ комнатѣ струю специфическаго княстернаго смрада.

— Наконецъ-то я свободенъ отъ этого уroda!—сказалъ облегченно Саша.

— Еще ли свободенъ, увидимъ,—загадочно возразилъ старый Рибопьеръ.—Но оставьте насъ съ Сашей. Мы потолкуемъ обстоятельно.. Да приготовьте ему все же кушать. Да уведите людей отъ дверей

Въ дверяхъ дѣйствительно толпилась дворня, и впереди всѣхъ кормилица Саши и нянюшка его, проливавшія слезы и причитавшія, какой-де онъ сталъ красавецъ, какой умникъ, какой мужчина и т. д.

Въ одинъ прыжокъ Саша очутился у дверей, обнялъ и расцѣловалъ всѣхъ, подбѣжалъ къ другимъ дверямъ, и тамъ всѣхъ перецѣловалъ.

Вслѣдъ затѣмъ оставили сына съ отцомъ наединѣ.

Старый Рибопьеръ подождалъ, потомъ тщательнo заперъ двери, предварительно убѣдившись, что за ними никого не осталось, задвинулъ ихъ тяжелыми драпировками и, подойдя затѣмъ къ сыну, нѣжно обнялъ его вдругъ дрожащими руками и безмолвно, но страстно сталъ осыпать лицо и голову сына поцѣлуями. Затѣмъ отстранилъ его, вытеръ влажные глаза, сѣлъ въ кресло, а на другое, возлѣ себя, указалъ сыну.

— Потолкуемъ,—сказалъ онъ.—Ну! Quid? Quis? Ubi? Cur? Quomodo? Quando? Quibus auxiliis? (Что? Кто? Гдѣ? Почему? Какимъ образомъ? Когда? При чьей помощи?)

Саша зналъ эту манеру отца каждое дѣло обсуждать по риторической хриi, по которой и іезуиты исповѣдуютъ духовныхъ овецъ своихъ.

Онъ не слѣша повторилъ все, что слышалъ на почтовомъ дворѣ въ Софiи. Разказалъ и про Жеребцову съ гвардейцами.

— Удивляюсь тому, что армейскіе офицеры, столь преданные государю, страждутъ, а гвардейцы открыто носятъ его, не боясь доноса!—заклучилъ онъ разказъ свой.

— Да, это странно, конечно, по видимости,—сказалъ задумчиво старый Рибопьеръ:—но на свѣтѣ нѣтъ дѣйствiй безъ причинъ. Если эти гвардейцы такъ говорили, то почему-либо считали сіе для себя безопаснымъ.

— Какъ можетъ безопасной быть такая неосторожность, легкомысліе и неосмотрительность!—удивился юный Рибопьеръ.

— И неосторожность, и легкомысліе могутъ иногда быть слѣдствiемъ весьма осмысленнаго, предуставленнаго плана. Вѣнскіе дипломаты развѣ сего тебѣ не объяснили?—сказалъ старый.

— Меня многому въ Вѣнѣ научили, о чемъ сейчасъ и доложу вамъ, батюшка. Однако, скорѣе можно принять объясненіе офицера на заставѣ, что отчаяніе развязало всѣмъ языки, — сказалъ юный.

— О, другъ мой, вѣдь всѣ заставы и караулы въ непосредственномъ вѣдѣніи военнаго генераль-губернатора столицы, графа фонъ-деръ-Палена. Онъ у насъ нынѣ главная персона. Все отъ него исходитъ и къ нему возвращается. Онъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи иностранныя дѣла, финансы, почту, полицію, а какъ состоитъ военнымъ губернаторомъ столицы, то сія должность предоставляетъ ему начальство надъ гвардіей.

— Но если такъ, то и вольные толки караульныхъ и гвардейцевъ, и бѣдствія армейскихъ офицеровъ на почтовомъ дворѣ въ Софіи, въ тридцати верстахъ отъ столицы, непосредственно касаются Палена и даже не могутъ не быть ему извѣстны?

— Да, непосредственно касаются. Да, не могутъ не быть ему извѣстны, — спокойно подтвердилъ старый Рибопьеръ.

— Но какъ же это такъ? — въ совершенномъ изумленіи спросилъ юный Рибопьеръ.

Dieu du silence молчалъ.

— Мнѣ, впрочемъ, нѣтъ дѣла до вольныхъ толковъ гвардейцевъ... заговорилъ опять Сапа.

— Ну, конечно. Рибопьеры никогда не были доносчиками, — вставилъ отецъ.

— Но я не могу презрѣть просьбы невинныхъ страдальцевъ. Я клялся употребить всѣ мои старанія къ облегченію злосчастной участи ихъ и всѣхъ возвращаемыхъ невинно-пострадавшихъ, коихъ принуждаютъ на собственное иждивеніе являться въ столицу, гдѣ бы и въ какомъ бы положеніи ихъ ни застало высочайшее повелѣніе, — продолжалъ сынъ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать? Воля государя императора священна и должна быть въ точности выполняема, — сказалъ отецъ.

— Но государь, конечно, и не вѣдаетъ о томъ, что выходитъ изъ его повелѣнія. Могъ ли бы онъ тогда на немъ настаивать? Онъ хотѣлъ оказать милость невиннымъ страдальцамъ, и если узнаетъ, что изъ этого проистекло, конечно, отмѣнитъ свое повелѣніе или прикажетъ снабдить ихъ прогонами и одеждой, устроить ихъ семьи.

— Такъ, если ему это все доложить, то все сіе, конечно, и воспослѣдуетъ именно такъ, какъ ты говоришь. Отъ природы государь имѣетъ прекрасное, человѣколюбивое и благородное сердце и въ свѣтлыя минуты доступенъ высокимъ порывамъ, честно соглашается даже, что ошибался. Но кто будетъ ему сіе дѣло докладывать?

— Папенька, поѣзжайте сейчасъ во дворець и попросите кого-нибудь, чтобы доложилъ о васъ государю и все ему расскажите.

— Поѣхать сейчасъ во дворець? Попросить кого-нибудь? Но кто же, однако, сей всемогущій чародѣй «кто-нибудь?»

— Ну, баронъ Николаи или графъ Кутайсовъ.

— Николай? Кутайсовъ? Нѣтъ, я не поѣду во дворець просить ихъ о такомъ дѣлѣ. При томъ же повелѣніе отдано Палену. Значить, и обратиться надо къ нему. Или къ военному министру Ливену. Если ты такъ тронуть участію сихъ офицеровъ, то и обратишься къ нимъ самъ.

— Отлично. Я сейчасъ поѣду! Переодѣнусь и поѣду! — вскакивая, сказалъ юноша.

— Постой. Странно, ты въ Вѣнѣ возмужалъ, тебѣ уже девятнадцатый годъ. Немного, конечно, но Ливену всего 25, а онъ уже третій годъ управляетъ военнымъ министерствомъ. А ты, право, мальчикомъ, до отъѣзда былъ степеніе. Что ты торопишься? И доброе дѣло нужно дѣлать съ умомъ. И даже скажу, что добрыя дѣла въ наше время, быть можетъ, опаснѣе злыхъ. Итакъ, сообрази, что теперь уже поздно. Завтра утромъ ты можешь все это выполнить спокойно, обдуманно и своевременно. Твои офицеры много и долго уже терпѣли. Потерпятъ и еще нѣсколько часовъ. Тѣмъ слаще для нихъ будетъ мигъ избавленія. Я вотъ что тебѣ совѣтую. Ты знаешь, что военный министръ, графъ Христіанъ Андреевичъ Ливенъ, уже генераль-адъютантомъ и пользуется полнымъ довѣріемъ и милостію его величества. Онъ же твой пріятель. Служба его при особѣ государя начинается съ 6^{1/2} часовъ утра. а застаетъ онъ съ государемъ только въ обѣденную пору, въ часъ пополудни. Въ четыре часа Ливенъ опять уѣзжаетъ во дворець и освобождается не ранѣе восьми часовъ вечера. Значить, если ты пріѣдешь къ нему въ три часа, то въ самую будетъ пору.

— Да! да! Онъ прямо и можетъ доложить все государю!

— Прямо ли, другой вопросъ и его дѣло. Но ты знаешь, что онъ недавно женился на прелестномъ ребенкѣ, — ей только что минуло пятнадцать лѣтъ, — Дашенькѣ Бенкендорфъ.

— Знаю. Въ Вѣнѣ еще слышалъ. Я помню Дашеньку на праздникѣ въ Смольномъ, какъ она бѣгала въ горѣлки съ государемъ, Понятовскимъ и принцемъ Конде.

— И на которомъ ты столь удачно танцевалъ вальсъ съ Лопухиной, нынѣ княгиней Гагариной, — улыбаясь, сказалъ старый Рибопьеръ.

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ проклятомъ вальсѣ! — краснѣя, сказалъ Саша.

— Что такъ? Или разлюбилъ? А Гагарина еще на дняхъ у меня спрашивала о тебѣ и прямо заявила, что съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, и вальса протанцевать не съ кѣмъ. Но вернемся

къ нашимъ планамъ. Ты можешь прїѣхать въ три часа къ Ливенамъ. Это часть, въ которой очень легко застать у нихъ или самого графа Палена, или графа Бенигсена, который можетъ устроить твое свиданіе съ военнымъ губернаторомъ, или обоихъ вмѣстѣ. Значить, ты можешь сообщить о своихъ офицерахъ кому захочешь.

— Я буду просить Ливена доложить о семъ великому князю Александру. Сердце его есть чистое милосердіе.

— И ему, если хочешь. Значить, пока до завтра. А теперь расскажи мнѣ о томъ, что открыли тебѣ вѣнскіе дипломаты.

Саша передалъ весьма обстоятельно бесѣды свои съ Разумовскимъ и принцемъ де-Линь.

— Да, они взялись прозрѣвать будущее, — сказалъ, выслушавъ, родитель. — Но кто знаетъ уготованное грядущимъ днемъ? То правда, что здѣсь все пришло въ разстройство и полное смущеніе. Умы въ броженіи. Казематы переполнены. Но это не останавливаетъ толковъ. Дѣйствія и намѣренія государя противорѣчивы и часто загадочны. Скажу тебѣ для руководства, доброжелателямъ государя лучше помалчивать. И тѣ, кто говоритъ о немъ вольно и поносятъ его, въ меньшей опасности, чѣмъ тѣ, кто, зная его отъ природы высокую душу, пытаются спасти его гибнущую репутацію, предупредить его, остановить отъ ошибокъ и отзываются о немъ съ любовью. Да, любить Павла нынѣ едва ли не опаснѣе, чѣмъ ненавидѣть. Это странно, очень странно. Но такъ. Спасать его — пагубная мысль. Къ тому же, и тотъ, кто преклоняется, зная императора Павла, предъ высокими сторонами удивительнаго его характера, признаеть, что невозможно имѣть такого властелина. Но... погребн все сіе въ тайникахъ души своей, и даже, если возможно, истребн изъ самой памяти. Помни золотое правило, которымъ я всю жизнь руководствовался. Нашелъ — молчи, потерялъ — молчи, увидалъ — молчи, услыхалъ — молчи.

III.

Нордъ-вестъ.

Однако, если бы Саша и хотѣлъ истребить изъ памяти своей съ самаго отъѣзда изъ Вѣны преслѣдовавшаго его вѣсть о скорыхъ перемѣнахъ въ отечествѣ, онъ не могъ бы этого сдѣлать — такъ все вокругъ него было какъ бы насыщено ожиданіемъ перемѣны, и въ жуткой тишинѣ замершей и затаившейся столицы, залитой непрерывными дождями, съ постоянными наводненіями отъ дуящаго съ моря бурнаго нордъ-веста, сиповатый вой котораго не переставалъ въ трубахъ, въ напряженномъ этомъ смятеніи пришедшаго въ полное разстройство и хаосъ общества, ширлисъ

и росли самые невѣроятные слухи, не только шопотомъ, но и полнымъ голосомъ передававшіеся за несомнительную истину.

Раздѣвать Сашу къ ночи явился его лакей и другъ дѣтства, нынѣ уже совершеннолѣтній молодой человекъ Саввушка. Они вмѣстѣ играли, учились, проказили, и теперь Саввушка съ благоговѣніемъ и восторгомъ взиралъ на своего барина, камергера и кавалера посольства. Саввушка былъ блѣднолицый, бѣлокурый, съ большими голубыми глазами, чрезвычайно вѣжливый, набожный и начитанный юноша. Онъ даже сочинилъ нѣжную пѣсню, какія въ модѣ были тогда, и она напечатана была въ журналѣ «Трудолюбецъ отдыхающій», сѣренькіе листочки коего выпускалъ въ свѣтъ знакомый его бакалавръ богословія. Саввушка долго слушалъ рассказъ молодого своего барина о вѣнской жизни. Когда же тотъ спросилъ о петербургскихъ новостяхъ, то вздохнулъ и сказалъ: «Худо, очень все худо!» На вопросъ: что же именно такъ ужъ «худо»? Саввушка выложилъ цѣлый ворохъ слуховъ, обращавшихся въ средѣ дворовыхъ столицы и крѣпостныхъ мужиковъ, бывшихъ здѣсь на оброкѣ. Говорили разно. Но все приходило къ тому, что надо ждать большой перемѣны. Слухи, шедшіе отъ дворовыхъ богатыхъ домовъ Петербурга, были неблагоприятны императору Павлу Петровичу. Слуги здѣсь раздѣляли недовольство господъ и толковали, что государь всю гвардію перевести хочетъ и всѣхъ офицеровъ выслать и замѣнить иностранцами, что собрался жениться на актрисѣ Шевалье, а государыню постричь въ монахини, великихъ князей запереть въ Шлиссельбургѣ, что, наконецъ, дрожа и оглядываясь, шепталъ Саввушка, государь сошелъ съ ума и доктора, сколько ни лечатъ, вылечить его не могутъ; толки оброчныхъ крестьянъ были прямо обратнаго содержанія; всѣ симпатіи ихъ, какъ и вообще простого народа, были на сторонѣ Павла; оброчные толковали, что государь въ великой опасности, что господа задумали извести его за то, что полегчилъ крестьянамъ — повелѣлъ три дня въ недѣлѣ править барщину, а три — работать на себя самихъ; за это господа и возненавидѣли царя-батюшку, да за то еще, что при восшествіи своемъ на престолъ повелѣлъ и отъ крѣпостныхъ крестьянъ присягу принимать, чего допрежь того не бывало; и тѣмъ государь народу давалъ волю, становились крѣпостные наравнѣ съ вольными, значитъ, но сенаторы, вельможи и бояре вольность въ указѣ подскоблили, а царя окормили, такъ что онъ лишился разсудка. Такимъ образомъ, слухи сходились въ этомъ пунктѣ: Павелъ Петровичъ явно ославленъ былъ умалниченнымъ. Когда же Саша рассказалъ о несчастныхъ офицерахъ, Саввушка вдругъ сообщилъ, что всюду говорятъ, будто государь не влюбилъ казаковъ и задумалъ всѣхъ перевести, а для того погонять ихъ воевать Китай, черезъ великія степи, гдѣ всѣ они съ голоду должны помереть. Саша изумился,

какъ могъ проникнуть въ народъ, хотя и искаженный, слухъ объ индѣйскомъ походѣ, о чемъ сообщалъ ему принцъ де-Линь въ Вѣнѣ, какъ о величайшей дипломатической тайнѣ. Очевидно, немного на свѣтѣ мудрецовъ, слѣдующихъ золотому правилу его родителя. Пополнивъ всѣми этими разсказами Саввушки первыя впечатлѣнія петербургской жизни, Саша уснулъ крѣпчайшимъ сномъ и всталъ по утру совершенно бодрый, веселый, кипящій энергіей. Утро посвятилъ онъ на посѣщеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, и еще при этомъ наслушался всякой всячины. Множество знакомыхъ домовъ были заколочены, и хозяева ихъ со всей семьей и дворней перекочевали въ помѣстья, подальше отъ грѣха. Многіе знакомые гвардейцы были высланы. Опала при этомъ постигла ихъ семьи и родныхъ. Петропавловская крѣпость была переполнена. На гауптвахтѣ ежедневно собиралось самое разномастное общество. Кто попался съ жилетомъ или круглой шляпой, въ коихъ почитался революціонный духъ, кто произносилъ въ обществѣ слова, исключенныя по высочайшему повелѣнію изъ русскаго языка и замѣненныя другими; то какая-либо дама при встрѣчѣ съ государемъ не выскочила достаточно стремительно изъ экипажа; то другая не сдѣлала достаточно глубокаго реверанса, боясь перемочить въ лужѣ, среди которой судьба судила ей повстрѣчать Павла Петровича, свои юбки. Безчисленные анекдоты передавались товарищами Сашѣ. Самыя необыкновенныя распоряженія смѣнялись еще болѣе удивительными, отмѣнялись, и внезапная отмѣна служила источникомъ новыхъ притѣсеній обывателей, дѣйствовавшихъ по старому повелѣнію, не вѣдая объ его отмѣнѣ, и попадавшихъ впросакъ. Дѣйствительно, казалось, что какой-то злой духъ издѣвается надъ столицей или разстроенный умъ приводитъ все въ хаосъ и на каждомъ шагу ставитъ затрудненія, ввергаетъ въ несчастья и бѣдствія, приводитъ къ разоренію, лишаетъ покоя и увѣренности въ безопасности, въ завтрашнемъ днѣ. Понятнымъ становился этотъ единодушный голосъ, что государь помѣшался.

Рибопьеръ пробовалъ заступиться за государя, приводя въ примѣръ положеніе возвращенныхъ изъ ссылки офицеровъ, о которомъ государь, конечно, и не подозрѣваетъ. Не дѣлается ли то же постоянно начальниками, именемъ государя примѣняющими такъ его распоряженія, что изъ благихъ намѣреній монарха проистекають бѣдствія. Желая погубить государя, вызвать общее недовольство, эти начальники... Крики негодованія, насмѣшки, хохотъ прервали разсужденія Саши.

— Видно, что ты долго пробылъ въ Вѣнѣ и не пенялъ на себѣ всего того, что мы испытали, если можешь заступаться за тирана! кричалъ одинъ.

— Это правленіе ужаса! Это позоръ Европы! — кричалъ другой.

— Доколѣ же нами будетъ распоряжаться умалишенный извергъ?—кричалъ третій.

И все смѣшалось въ общемъ хорѣ.

— Конституцію! Пора обуздать звѣрообразное самовластіе! Мы довольно терпѣли. Намъ нечего терять. Хуже быть не можетъ. Одинъ ужъ конецъ! Это продлится долго не можетъ!

Саша припомнилъ слова родителя, что теперь заступаться за Павла неприятнѣе и даже опаснѣе, нежели поносить его. Онъ умолкъ и перевелъ бесѣду на вѣнскіе маскарады.

Къ тремъ часамъ онъ поѣхалъ къ Ливенамъ. Они жили на Большой Милліонной, какъ разъ напротивъ казармы перваго батальона Преображенскаго полка.

Тамъ онъ въ самомъ дѣлѣ засталъ и военнаго губернатора Палена и длиннаго, сухого, накрахмаленнаго и важнаго графа Беннгсена.

III.

Обезьяна въ аппаратахъ.

Пятнадцатилѣтняя прелестная женщина-ребенокъ, Дашенька Ливень, съ золотистыми локонами и глазами-сафирами, съ тоненькой шейкой, прозрачными ручками, весело болтала около мужа, молодого идеальнаго нѣмца, высокаго и стройнаго графа Христіана Андреевича, въ 25 лѣтъ неуступно генераль-адъютанта, военнаго министра и начальника военно-походной императорской квартиры.

Военный губернаторъ Паленъ сидѣлъ на обычномъ мѣстѣ у воцѣннаго круглаго столика, на которомъ стоялъ необходимый ему огромный графинъ съ лафитомъ, разбавленнымъ водой. Паленъ ежедневно забѣжалъ къ Ливенамъ провести съ ними часть, другой.

Этотъ огромный, широкоплечій, лобастый нѣмецъ все время сыпалъ шуточками и прибауточками, смѣшилъ Дашеньку и забавлялъ ее разсказами о различныхъ приключеніяхъ столичнаго дня. Какъ начальнику полиціи, ему было извѣстно рѣшительно все.

Когда же Палену надо было сообщить нѣчто важное военному министру, Дашеньку выпроваживали, и она, надувъ губки, уходила, жалуясь, что эти несносныя дѣла отнимаютъ у нея мужа даже въ тѣ немногіе часы дня, когда онъ свободенъ отъ служебныхъ обязанностей.

Если при этомъ присутствовалъ графъ Беннгсенъ, то онъ не проразивалъ ни слова. Но время отъ времени Паленъ просилъ его справиться у своей «памяти». Тогда Беннгсенъ методически и не спѣша доставалъ толстѣйшую записную книжку, всю исписанную бисернымъ готическимъ письмомъ и, отыскавъ страничку, подносилъ ее Палену. Тотъ читалъ и возвращалъ книжку, каждый разъ хваля освѣдомленность и отчетливость Беннгсеновой «памяти».

Появленіе Саша Рибопьера встрѣчено было супругами Ливенами съ живѣйшей радостью. Военный министръ обнялъ Сашу и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ отечество.

Дашенька, протянувъ ему ручку для поцѣлуя, выразила удовольствіе, что теперь возвратился одинъ изъ лучшихъ вальсеровъ Петербурга.

— Какъ княгиня Гагарина будетъ рада! — воскликнула Дашенька.— Она всѣмъ жалуется, что послѣ вашего отъѣзда ей не съ кѣмъ вальсъ танцевать! Садитесь, однако, и послушайте ужасно потѣшное, что намъ милый Паленъ рассказываетъ.

Огромный Паленъ съ ужимками буффона налилъ стаканъ лафита и выпилъ залпомъ, заливая «танталову» жажду, обычно пожирившую его внутренности. Потомъ продолжалъ рассказъ, прерванный появленіемъ Рибопьера, состоявшій въ томъ, что у какой-то княгини, большой кокетки, есть маленькая обезьянка. Эта обезьянка, привязанная на длинной цѣпочкѣ, жила въ чуланчикѣ, рядомъ съ уборной княгини. Но однажды, въ ея отсутствіе, порвала цѣпочку и пробралась въ уборную. А такъ какъ изъ своего чуланчика она хорошо могла видѣть все, что дѣлала около туалета ея хозяйка, то и не преминула заняться украшеніемъ своей особы. Всѣ коробки, флаконы были открыты. Обезьянка облила себя всевозможными духами, потомъ вымазалась помадой отъ макушки до кончика хвоста; затѣмъ высыпала на полъ всю пудру и тщателью въ ней вывалилась...

Серебристый неудержимый смѣхъ Дашеньки прервалъ военнаго губернатора.

— Ахъ, какъ потѣшно! Какая прелесть! — воскликнула она, хлопая въ ладони.— Рассказывайте, что было дальше, милый Паленъ! Рибопьеръ, слушайте, слушайте! Навѣрно въ вашей Вѣнѣ не бывало такого удивительно смѣшного?

— Il se regarda au miroir, — продолжалъ Паленъ, — et, satisfait de cette transformation, il la rendit complète en s'appliquant du rouge et des mouches, ainsi qu'il l'avait vu faire sa maîtresse; seulement il se mit le rouge sur le nez, et la mouche au milieu du front...¹⁾

— Le rouge sur le nez! ха! ха! ха! — въ восторгѣ залилась, какъ серебряный колокольчикъ, звонкимъ смѣхомъ Дашенька.— Et la mouche au milieu du front! ха! ха! ха! Рибопьеръ, вы только себѣ представьте: Le rouge sur le nez!

— Ce ne fut pas tout!²⁾ — продолжалъ Паленъ.

¹⁾ Она посмотрѣлась въ зеркало и, довольная этимъ преобразеніемъ, рѣшила его сдѣлать полнымъ, при помощи румянъ и мушекъ, какъ видѣла она, поступаетъ ея хозяйка; только румяна она положила себѣ на носъ, а мушку прилѣпила посреди лба.

²⁾ Это еще не все.

— Обезьянка прикрыла верхъ хвоста кружевнымъ чепчикомъ княгини, ленты же обвязала вокругъ пояса, и внезапно, когда меньше всего ея могли ожидать, посреди ужина появилась въ столовой, вскочила на столъ и побѣжала черезъ блюда, все опрокидывая на пути, къ хозяйкѣ. Дамы подняли крикъ. Онѣ думали, что это дьяволъ явился. Всѣ вскочили. Но когда разсмотрѣли, что это любезный Альманзоръ, — такъ звали обезьянку, — поднялся общій дружный хохотъ.

— Милый Альманзоръ! Какая прелесть!

— Христіанъ! Непремѣнно купи мнѣ обезьянку! — обратилась Дашенька къ мужу.

Военный министр, однако, разсудительно замѣтилъ:

— Я нахожу, что обезьяны весьма потѣшны, если смотрѣть на нихъ издали, но держать ихъ въ апартаментахъ невозможно. Они тамъ позволяютъ себѣ всякія шалости и отъ нихъ замѣчается нечистота и дурной запахъ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Паленъ: — обезьяны потѣшны издали. Но имѣть постоянное общеніе съ глупой, избалованной, злой и нечистоплотной обезьяной въ апартаментахъ, слуга почтенный.

И Паленъ, подмигнувъ Бенигсену, захохоталъ. Grimаса улыбки искажила вытянутое лицо графа. Что касается Ливена, то онъ опустил глаза и придалъ лицу самое безразличное, «общегвардейское» выраженіе.

Замѣтивъ, что Рибоьеръ видимо не расположенъ потѣшаться разсказомъ о проказливомъ Альманзорѣ, а послѣдняя выходка Палена насчетъ «обезьяны въ апартаментахъ» повергла его въ недоумѣніе, военный министр завелъ съ нимъ серьезный разговоръ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ итальянской арміи. Рибоьеръ готовился перейти къ мучившему его дѣлу несчастныхъ офицеровъ, когда появился лакей и доложилъ Ливену:

— Къ вашему сіятельству съ повелѣніемъ государя императора флигель-адъютантъ полковникъ Альбедиль!

И сейчасъ же въ гостиную скорымъ шагомъ, въ полной парадной формѣ, вбѣжалъ запыхавшійся толстый, курносый, низенькій, коротконогій нѣмецъ.

Остановившись во фронтъ, онъ выпучилъ глаза и громко проговорилъ:

— Имѣю честь доложить вашему сіятельству, что государь императоръ мнѣ высочайше повелѣтъ соизволилъ доложить вамъ, что ваше сіятельство изволите быть...

Полковникъ Альбедиль остановился, багровый, съ выпученными глазами, широко разинутымъ ртомъ и выраженіемъ крайней степени ужаса на толстомъ лицѣ.

Это было до того неожиданно и комично, что Дашенька опять расхохоталась, какъ звонкій серебряный колокольчикъ.

— Дуракъ!—вдругъ выпалилъ Альбедиль и, схватившись за голову, жестомъ полного отчаянія, повернулъ направо кругомъ и со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ гостиной. Онъ питалъ глубочайшее почтеніе къ Ливену, начальнику военно-походной императорской квартиры и его непосредственному командиру и преисполненъ былъ чувствъ безпредѣльной къ нему преданности. Поэтому необходимость исполнить столь своеобразное повелѣніе государя повергло его въ неописанный ужасъ и горе.

— Вотъ она обезьяна въ апартаментѣхъ!—проговорилъ сквозь зубы графъ Паленъ.

Дашенька, еще не понимая, что такое произошло, продолжала смѣяться. Ливенъ былъ мертвенно блѣденъ, яростно сжималъ кулаки и кусалъ себѣ губы, стараясь овладѣть собою.

— Не хотите ли стаканъ мафиту?—предложилъ, посмотрѣвъ на него пронзительно, Паленъ.

Но хотя Ливену и было всего 25 лѣтъ, онъ не даромъ занималъ третій годъ постъ министра. Совершенно овладѣвъ собою, онъ попросилъ Дашеньку прекратить смѣхъ, неумѣстный, когда дѣло идетъ о неудовольствіи государя.

— Дѣло весьма серьезно, Дашенька, другъ мой! Если государь такъ на меня разгнѣвался, то, можетъ быть, я уже и не министръ, и не генераль-адъютантъ, ничто. Можетъ быть, сейчасъ... онъ не договорилъ.

— Все можетъ быть!—сказалъ себѣ подъ носъ Паленъ.

Слова мужа привели впечатлительную Дашеньку къ другой крайности. Она вдругъ смертельно перепугалась, всплеснула руками, и на ея сафирахъ забѣгали слезинки.

— Боже мой! Чѣмъ же ты прогнѣвалъ государя?—воскликнула она.

— Рѣшительно не могу уразумѣть. Кажется, ничего такого... Ахъ, Боже мой!—вдругъ вскричалъ Ливенъ, ударяя себя по лбу. Вспомнилъ! Ахъ, Боже мой! Какъ я могъ забыть! Какая несправность! Я погибъ, пропалъ! О, Боже, Боже мой!

— Что такое, Христіанъ, что такое?—мгновенно облившись слезами и простирая ручки къ мужу, вскричала Дашенька.

— Императоръ,—съ выраженіемъ холоднаго трагическаго ужаса на правильномъ, красномъ лицѣ сказалъ Ливенъ,—продиктовалъ мнѣ вчера благодарность карабинерному, его высочества Морица Саксонскаго, полку и велѣлъ мнѣ быть на вахтѣ-парадѣ и прочесть рескриптъ, когда послѣ церемоніальнаго марша государь поворотится и скажетъ: «Ливенъ, читай!» А я...

— А ты? Что же ты?—всплеснувъ руками, вскричала, рыдая, Дашенька.

— А я,—съ тѣмъ же трагическимъ спокойствіемъ договорилъ Ливенъ,—я о приказаніи государя позабылъ, а какъ отъ при-

сутствія на парадахъ вообще освобожденъ, то и не явился на ревю.

— Воображаю себѣ государя, какъ онъ поворачивается и говоритъ: «Ливенъ, читай». А Ливена нѣтъ! Тутъ послѣдовали громъ, молнія, землетрясеніе и посылка бѣднаго толстяка Альбедиди,—говорилъ Паленъ.

— Я долженъ сейчасъ же ѣхать во дворецъ. Можетъ быть, не все еще пропало. Дашенька, другъ мой, успокойся! Я сейчасъ о всемъ извѣщу маменьку.

Маменька графа Ливена, строжайшая статсъ-дама императрицы Маріи Федоровны, пользовалась громаднымъ авторитетомъ при дворѣ. Но Дашенька, перепуганная, рыдала, восклицая:

— Мы погибли! Государь разгнѣвался! Онъ насъ вышлетъ! Онъ отправитъ Христіана въ Ишимскъ! Онъ посадитъ его въ крѣпость!

Съ бѣдной дѣвочкой сдѣлалась истерика. Графъ Паленъ устремился къ ней съ своимъ стаканомъ лафита. Ливенъ вызвалъ женщинъ и сдалъ Дашеньку имъ на руки.

Затѣмъ онъ позвалъ Рибопьера въ сосѣднюю комнату и сказалъ ему:

— Милый другъ, ты видишь самъ, въ какихъ я обстоятельствахъ. Однако надо кончить твое дѣло. При тебѣ, конечно, письма отъ Химеры къ Амуру?

Рибопьеръ показалъ на свою грудь.

— Прекрасно. Передай ихъ сейчасъ же мнѣ и черезъ полчаса они уже будутъ въ рукахъ Селаниры.

— Неужели мнѣ не будетъ дарована награда лично передать ей эти письма?—спросилъ Рибопьеръ.

— Сейчасъ это невозможно, совершенно невозможно. А оставлять письма при тебѣ еще хотя бы на день значило бы подвергать тебя безъ всякой надобности крайней опасности. Отдай же мнѣ письма и не безпокойся. Знай, что услуга твоя безъ награды не останется.

Рибопьеръ досталъ письма и отдалъ ихъ Ливену, который сейчасъ же ихъ спряталъ за широчайшій обшлагъ долгополаго кафтана.

Чувствуя, что выбираетъ неподходящую минуту, Рибопьеръ не могъ однако противиться голосу человѣколюбія и сказалъ:

— У меня есть просьба къ тебѣ, графъ!

— Какая? Я готовъ все для тебя сдѣлать. Только говори поскорѣе. Для меня дорога каждая минута.

Но едва Рибопьеръ сталъ рассказывать о бѣдствіяхъ офицеровъ на заставѣ, лицо военного министра выразило крайнюю степень разочарованія, неудовольствія и досады.

— Ахъ, Саша,—сказалъ онъ.—Ну, есть ли мнѣ теперь время слушать о какихъ-то офицерахъ, какъ бы ни были они несчастны,

и тѣмъ менѣе могу я о семъ докладывать государю, когда я самъ, быть можетъ, черезъ полчаса буду навѣки несчастнымъ! Къ тому же заставы въ вѣдѣніи военнаго губернатора. Паленъ здѣсь. Обратись къ нему. Прости меня! Въ другое время и всякую другую просьбу я всегда исполню. Считаю меня своимъ должникомъ. А теперь...

Не договоривъ, военный министръ поспѣшно ушелъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА.

I.

ЗАПИСКИ эти для печати не предназначались. Писалъ я для себя, надѣясь когда-нибудь въ старости, когда мысленно переживается прошлое, раскрыть въ осенній или зимній вечеръ эту тетрадку и возобновить въ памяти событія, пережитыя въ молодые годы, когда силы, впечатлительность и отзывчивость были еще свѣжи. Другихъ претензій у меня не было. Теперь, когда этой тетрадкѣ исполнилось уже двадцать лѣтъ, ее случайно прочелъ любитель и знатокъ старины С. Н. Шубинскій. Онъ нашелъ содержаніе ея не лишеннымъ нѣкотораго интереса и гостеприимно раскрылъ для нея страницы «Историческаго Вѣстника.» Такова исторія появленія въ свѣтъ этихъ скромныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ и наблюдений.

Самое же зарожденіе этой тетрадки таково. Съ 1886 г. я сталъ работать въ отдѣлѣ «хроники» въ большой и распространенной петербургской газетѣ. Но газета, по тогдашнимъ цензурнымъ и инымъ условіямъ, была принуждена печатать отчеты о событіяхъ общественной жизни не иначе, какъ по извѣстному шаблону, въ основѣ котораго были положены краткость, сжатость, сдержанность и сухое изложеніе факта. Живая, интересная, а подчасъ и пикантная сторона событія, такимъ образомъ, въ газету не попадала. Да ее не пропустила бы и цензура. Мнѣ было жаль предавать забвенію эту живую сторону событій общественной жизни, и я иногда, усталый отъ репортерской и редакціонной работы, но волнуемый свѣжими впечатлѣніями, по ночамъ брался дома за перо и наносилъ на бумагу свои наблюденія, не стѣсняясь ни газетнымъ

шаблономъ, ни цензурою. Записывалъ я съ тою искренностью и правдивостью, съ какими человекъ ведетъ записки не для печати, а лично для себя.

Записки мои носятъ отрывочный, эпизодическій характеръ. Въ большинствѣ описываемыхъ случаевъ отсутствуютъ хронологическія даты; но кое-гдѣ онѣ и попадаются. Когда я писалъ, мнѣ не приходило въ голову, что эти даты могутъ быть сколько-нибудь интересны. Возстановлять же ихъ теперь—значило бы задать себѣ много кропотливаго и въ сущности почти ненужнаго труда: пришлось бы копаться въ архивной пыли старыхъ газетъ. Да и не все ли равно, когда случилось известное событіе—въ 1886 или же въ 1891 году? Земская давность описываемой общественной жизни истекла уже два раза и самыя эти записки извлечены, можно сказать, почти что изъ архивной пыли. За двадцать лѣтъ воды утекло много, условія жизни съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнились, много лицъ сошло со сцены и многое изъ записаннаго здѣсь частью обществомъ позабыто, а частью стало уже почти достояніемъ исторіи.

II.

Жизнь и работа хроникеровъ, или, какъ принято называть ихъ,—репортеровъ, одна изъ тѣхъ особыхъ жизней, которыя не укладываются ни въ какія рамки. Самымъ лучшимъ эпитафиемъ ея можно поставить изреченіе: «не вѣсте ни дне, ни часа»... Сонъ, обѣдъ, отдыхъ, работа—все зависитъ отъ случая и событія. Репортеръ никогда не принадлежитъ себѣ и никогда не можетъ сказать семьѣ опредѣленно, когда онъ возвратится домой. Для того, чтобы съ успѣхомъ заниматься репортажемъ, нужно быть молодымъ, крѣпкимъ, выносливымъ и отъ природы энергичнымъ, сообразительнымъ и находчивымъ человекомъ. Нужно быть вездѣ первымъ, нужно обладать чутьемъ и умѣніемъ быстро ориентироваться. Безъ этихъ качествъ репортеръ—не репортеръ, а простой ремесленникъ, нисколько не застрахованный отъ неудачъ и отъ ошибокъ. Читатель, пробѣгая газету, даже и не подозрѣваетъ, сколько иной разъ труда, усилій и энергій долженъ былъ затратить репортеръ для того, чтобы дать въ газету какихъ-нибудь 15—20 строкъ. Приведу примѣръ изъ собственной практики. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ самый разгаръ своей репортерской службы, зимою, часовъ въ восемь вечера, сидя благодушно съ семьей за чаемъ, я получилъ изъ редакціи лаконическую записку: «Публика слышала гдѣ-то взрывъ. Узнайте.» Неопредѣленіе такого распоряженія для обыкновеннаго смертнаго, кажется, не можетъ быть ничего. Но для репортера такое увѣдомленіе—находка. Оставивъ чай недопитымъ, я немедленно одѣлся и отпра-

вился на поиски, а къ десяти съ половиною часамъ того же вечера уже доставилъ въ редакцію точныя извѣстія о томъ, что на Болотной улицѣ, на такомъ-то заводѣ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ взрывъ газоваго резервуара. И все это происшествіе было описано точно и подробно. И это—вовсе не какая-нибудь особенная заслуга съ моей стороны. Репортеры другихъ газетъ точно такъ же добыли на мѣстѣ эти свѣдѣнія и описали самый взрывъ съ не меньшею добросовѣстностью.

За репортерскія извѣстія различныя редакціи платили и платятъ разное: 3, 4, 5, 7 и даже 10 копеекъ за строчку; но средняя цѣна всегда была — пятачокъ. Бывали однакоже случаи, когда репортеръ получалъ и по двугривенному за строчку. Это былъ король петербургскихъ репортеровъ Шрейеръ, котораго я уже не засталъ въ живыхъ. Онъ работалъ одновременно въ редакціяхъ нѣсколькихъ газетъ и, раздобывъ какое-нибудь интересное и только одному ему извѣстное свѣдѣніе, ѣздилъ изъ редакціи въ редакцію и прямо ставилъ условіе:

— Есть такое извѣстіе, за которое вы пальчики оближете и котораго ни отъ кого, кромѣ меня, не достанете. Двугривенный строка...

И редакціи платили. О Шрейерѣ, какъ о репортерѣ, сложились цѣлыя легенды. Рассказывалось, на примѣръ, что въ судѣ разбиралось какое-то дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Попастъ въ залу суда было невозможно. У дверей стоялъ судебный приставъ. Но Шрейеръ попалъ. Онъ увѣрилъ пристава, что онъ явился спѣшно отъ жены одного изъ защитниковъ, въ домѣ котораго случилось что-то неладное. Приставъ впустилъ его въ залу, но взялъ съ него честное слово, что онъ никому не скажетъ ни слова о томъ, что увидитъ и услышитъ на судѣ. Никакого, конечно, разговора у Шрейера съ защитникомъ не было, а на другое утро публика прочла въ газетахъ именно то пикантное обстоятельство, изъ-за котораго дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Приставъ, встрѣтившись потомъ со Шрейеромъ, горько упрекнулъ его за то, что онъ не сдержалъ даннаго честнаго слова.

— Нужно быть очень наивнымъ человѣкомъ, чтобы вѣрить слову журналиста, — спокойно и нисколько не смущаясь, отвѣтилъ Шрейеръ.

Такихъ легендъ о немъ ходило много, и редакторы не разъ ставили его въ примѣръ намъ, репортерамъ, и называли его королемъ. Но ни одинъ изъ плеяды современныхъ мнѣ репортеровъ въ короли не попалъ, да и не гнался за этимъ. Всѣ работали по силамъ и по разуму, какіе Богъ послалъ. Позвонялъ ночью, въ четыре часа, подадутъ полицейскую телеграмму о пожарѣ гдѣ-нибудь у чорта на куличкахъ—за Московскою заставой или въ Галерной гавани—летнись, не разсуждая и не взирая ни на разстояніе, ни

на погоду. Бываютъ дни, когда нѣтъ ровно никакого дѣла, но бываетъ и такъ, что въ воскресный или праздничный день въ одинъ и тотъ же часъ нужно побывать въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Случаются и такіе дни, когда съ утра и до глубокой ночи не выльзаешь изъ фрака, побываешь въ нѣсколькихъ министерствахъ, на двухъ-трехъ торжествахъ и вечеръ закончишь въ какомъ-нибудь ученомъ обществѣ. Приѣдешь домой такимъ усталымъ и разбитымъ, что даже ѣсть ничего не можешь, а на утро тебя ожидаетъ сюрпризъ. Развернешь газету и видишь, что добрая половина того, что ты добылъ съ такимъ трудомъ, не попала въ хронику по разнымъ редакціоннымъ соображеніямъ, или же по недостатку мѣста. Бываетъ очень обидно. Но еще обиднѣе бываетъ, когда дневной редакторъ поретъ горячку по поводу какого-нибудь событія и настаиваетъ, чтобы репортеры достали его, а вечерній редакторъ найдетъ все это не важнымъ и велитъ разобрать. Паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ. И такія неурядицы встрѣчаются довольно часто.

Въ Англии, говорятъ, хроникеры и репортеры пользуются почетомъ. У насъ же до этого еще далеко. Публика у насъ относится къ репортерамъ довольно подозрительно. Но въ этомъ отчасти виноваты сами репортеры. Есть между ними очень порядочные и достойные люди, но есть и не ахти какіе. Много, должно быть, понадобится времени на то, чтобы въ глазахъ публики репортеры завоевали себѣ должное и заслуженное уваженіе.

Съ другой же стороны, репортажъ имѣетъ и свои хорошія стороны. Репортеры, вращаясь вездѣ и являясь во многихъ случаяхъ непрощеными и даже назойливыми гостями, поневолѣ наблюдаютъ, видятъ и узнаютъ много такого, что не всякому доступно и что, пожалуй, не всякому и вѣдать надлежитъ. Знакомства этихъ тружениковъ обширны. Что бы о нихъ ни говорили, но въ защиту ихъ нужно сказать, что профессія ихъ не легка и что хлѣбъ насущный нерѣдко бываетъ довольно горекъ.

Звонокъ. Подали телеграмму. На Большой Охтѣ горитъ лѣсной складъ. Загорѣлось въ 2 ч. 46 минутъ ночи. Теперь—четверть четвертаго и уже, по словамъ телеграфиста, весь громадный складъ въ огнѣ. Надо ѣхать. Спать, видно, не придется.

III.

— Съѣздите въ С—ское братство,—сказалъ мнѣ редакторъ.— Тамъ сегодня годовщина и чествованіе предѣдателя. Онъ—добрый, но уже ни на что не годный больше старикъ. Напечатаемъ о немъ сочувственный отзывъ—и Богъ съ нимъ...

Отзывъ въ газетѣ о дѣятельности этого старика-генерала дѣйствительно былъ напечатанъ сочувственный, но это была не

правда, а, деликатно выражаясь,—только вѣжливая ерунда. Братство содержитъ на свои средства дѣтскій пріютъ и богадѣльню для старухъ. Дѣломъ завѣдуютъ великосвѣтскія патронессы, награждающія сѣрыхъ жертвователей очаровательной улыбкой и пожимающія имъ руку. Но послѣ этого аристократическія ручки усердно моются горячей водою съ мыломъ. Пріѣхавъ на торжество, я засталъ цѣлый букетъ такихъ патронессъ, нѣсколькихъ военныхъ и довольно плотную кучку жертвователей-братчиковъ. Среди этой публики вертѣлся юркій и очень изящный офицеръ—повидимому, распорядитель праздника. Настроеніе на лицахъ у всѣхъ было серьезное и торжественное. Виновникъ торжества, сѣденскій генералъ, держался въ сторонкѣ съ тѣмъ скромнымъ и полувиноватымъ, но довольнымъ выраженіемъ, какое бываетъ обыкновенно у юбиляровъ. Глаза его какъ будто бы говорили:

— Я сознаю отлично свои заслуги. Я поработалъ для васъ, господа, и многое для васъ и для братства сдѣлалъ. Но напрасно вы, господа, устроили эту шумиху, это публичное чествованіе, я вѣдь и безъ чествованія прекрасно сознавалъ бы свои заслуги. Впрочемъ, если ужъ вамъ такъ хочется почтить меня, то, дѣлать нечего: приношу себя въ жертву...

Я, по молодости и неопытности, обратился къ одному изъ присутствовавшихъ братчиковъ съ вопросомъ:

- Что особеннаго сдѣлалъ вашъ предсѣдатель для братства?
- Ровно ничего,—отвѣтилъ мнѣ братчикъ.
- За что же вы его чествуете?—удивился я.
- За то, что онъ уходитъ...

Я обидѣлся и съ недовольною миною отошелъ въ сторону. Мнѣ показалось, что братчикъ умышленно трунить надо мною. Улучивъ минутку, я обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ одной изъ патронессъ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтила она.—Особеннаго нашъ предсѣдатель не сдѣлалъ ровно ничего. Занималъ только предсѣдательское, почетное мѣсто... А вы отъ какой газеты?

Я назвалъ.

— Въ такомъ случаѣ напишите о немъ что-нибудь этакое... ну, хорошее, что ли... Извините, мнѣ нужно по дѣлу...

Чествованіе началось. Патронессы и военные, выпихнувъ старичка-предсѣдателя впередъ и поставивъ его передъ собою, громко и внятно прочли ему адресъ, въ которомъ въ общихъ и туманныхъ выраженіяхъ было сказано, что онъ, предсѣдатель, сдѣлалъ для покидаемаго имъ братства такъ много хорошаго и добраго, что всѣ братчики оплакиваютъ его уходъ самыми горькими слезами.

Чествуемый генералъ прослезился. Впередъ выступилъ хоръ пріютскихъ дѣтей и, подъ руководствомъ учителя пѣнія, испол-

шил старинную кантату: «Тебя мы любимъ сердечно; будь нашимъ начальникомъ вѣчно...»

Виновникъ торжества опять прослезился.

Все было прекрасно; но нужно было только всмотрѣться въ лица, чтобы понять и оцѣнить это трогательное: «любимъ сердечно». Учитель пѣнія, дирижируя хоромъ малолѣтнихъ сиротъ, нервно жестикулировалъ, краснѣлъ и блѣднѣлъ изъ боязни, какъ бы хоръ его печаянно не совралъ, и со страхомъ посматривалъ на начальницу приюта. Если, не дай Богъ, дѣти сфальшивятъ, то ему зададутъ выговоръ, а можетъ быть даже и откажутъ отъ урока. Дѣти поютъ и дрожатъ: они запуганы еще заранѣе во время сѣвокъ; въ своемъ пѣніи они видятъ одну только тягостную муку и не понимаютъ, что именно и для чего они поютъ и отчего учитель такъ страшно волнуется. Не мало эти призрѣваемые сироты, горланящія «тебя мы любимъ сердечно», получили всяческихъ внушеній и нравоученій, пока заучили музыку и слова этой кантаты. По всему видно, что, одѣвая ихъ по праздничному въ чистыя платья и бѣлыя пелеринки, начальство такъ строго приказывало соблюдать чистоту и не начкаться, что этотъ костюмъ для нихъ—хуже инквизиціонной рубахи.

Начались поздравленія, но всѣ они были искусственныя и должностныя, и самъ виновникъ торжества отвѣчалъ не отъ души, хотя изрѣдка и ронялъ казенныя слезы или же усиленно мигалъ глазами, какъ бы желая вызвать на рѣсницы слезу. Изъ раскрытыхъ дверей съ другой стороны залы робко выглядывали призрѣваемые старухи-богадѣлки въ туго накрахмаленныхъ бѣлыхъ чепцахъ, которые такъ и говорили сами за себя, что они, т. е. чепцы, какъ только кончится празднество, сейчасъ же, по командѣ, будутъ сняты и отнесены въ кладовую до новаго радостнаго событія; старухи же опять повяжутъ головы старыми грязными платками. У старухъ видъ—тоже испуганный и голодный. Дамы-благотворительницы нарочно одѣлись въ изящныя, но простые и скромныя туалеты, ибо истинная благотворительность болѣе всего гармонируетъ съ простотою костюмовъ.

Ложь и лицемеріе—на каждомъ шагу; ложь во всемъ, начиная съ адреса и кончая чепцомъ на старухѣ. Повсюду—одна только казовая сторона. Одно только правда—это постныя лица призрѣваемыхъ и испуганные взгляды дѣтей. Это ужъ—сущая и не прикрашенная правда. Если бы репортеры, описывавшіе это торжество, заглянули (т. е., если бы ихъ пустили) въ этотъ же самый приютъ на другой день и при томъ неожиданно и безъ приглашенія, то они навѣрное увидѣли бы совсѣмъ иную жизнь въ будничной обстановкѣ. Вѣда только въ томъ, что въ будни ихъ не приглашаютъ никуда!

Послѣ привѣтствій, произнесенныхъ старшими, предсѣдателю поднесла вышитую скатерть крохотная дѣвчоночка, лѣтъ двухъ съ половиною (нарочно выбирали поменьше, чтобы вышло трогательнѣе) и сдѣлала что-то въ родѣ книксена. Генералъ забралъ въ ладони ея маленькую головку и умиленно поцѣловалъ въ лобъ. Окончивъ свою миссію, ребенокъ стоялъ, какъ вкопанный, не зная, что дѣлать, и не смѣя шевелиться. Надзирательница сейчасъ же отвела его за локоть въ толпу дѣтей и такъ сдержанно, ласково и съ такою улыбкой, что невольно бросалась въ глаза скрытая за этимъ грубость. Не было сомнѣнія, что дѣвочку задолго до торжества учили, какъ поднести, какъ подать скатерть, какъ пристѣсть—и въ конецъ измучили репетиціями сначала передъ учительницей, потомъ передъ начальницей, а затѣмъ уже и передъ великосвѣтскими благотворительницами. И видно было, что ребенокъ измученъ и запуганъ. Все время среди присутствующихъ похаживалъ изящный офицеръ и приглашалъ, кого слѣдовало, «послѣ торжества закусить». Получилъ приглашеніе и я, но отказался. Тогда любезный офицеръ сообщилъ мнѣ, что «будетъ еще пѣніе»—попросту: новое вытягиваніе кантатъ изъ измученныхъ дѣтей.

Видѣлъ я на своемъ вѣку много картинъ, когда сытые благотворители пьютъ и ѣдятъ и провозглашаютъ тосты, а голодные благотворимые, искоса и алчно поглядывая на ѣду, поютъ вымученныя кантаты. На этотъ разъ предстояло видѣть то же самое; поэтому я, поблагодаривъ радушнаго офицера, подъ предлогомъ спѣшной работы, ушелъ до закуски.

IV.

Повезло мнѣ на благотворительныя празднества. Пришлось побывать въ С—ской богадѣльнѣ на празднествѣ годовщины мѣстнаго благотворительнаго общества. Въ дверяхъ, когда я входилъ, какой-то бородатый господинъ опросилъ меня, кто я такой и отъ какой газеты, и, посмотрѣвъ въ списокъ на клочкѣ бумажки, снисходительно проговорилъ:

— Да, да, отъ этой газеты я приглашалъ. Пожалуйста. Только скажите на всякій случай, какъ васъ зовутъ.

Фамилія моя была немедленно занесена на тотъ же клочокъ, противъ названія газеты. Процедура эта обозначала, что если въ моемъ отчетѣ въ газетѣ проскользнетъ хоть одно неодобрительное слово о торжествѣ или о порядкахъ въ богадѣльнѣ, то меня, раба Божія, въ слѣдующій разъ сюда уже не пустятъ. Съ газетчиками нужно держать ухо востро...

Въ этомъ районѣ жертвователи—мѣстные домовладѣльцы, купцы и фабриканты Выборгской стороны. Они требуютъ, чтобы товаръ

быль показываемъ не какъ-нибудь, а лицомъ. Если они жертвуютъ на масло, такъ лампадки должны горѣть во всю, полнымъ огнемъ; если жертвуютъ матерію призрѣваемымъ дѣтямъ на платьица, такъ дѣти должны предстать непременно въ этихъ одѣяніяхъ; если лабазникъ отвалилъ полпуда гречневой крупы, такъ и весь праздничный обѣдъ долженъ состоять: изъ пироговъ съ кашей, изъ похлебки съ крупой и изъ гречневой каши. Начальство благотворительнаго общества знаетъ это и въ торжественные дни поступаетъ сообразно съ этими вкусами. Ко дню годового праздника все чистится, вылизывается и замазывается. Чепцы на старухахъ—туго накрахмаленные, и сироты блещутъ новыми рубашечками и платьицами. Въ этотъ день старухъ кормятъ передъ публикой, официально и напоказъ, чтобы благотворители и жертвователи, съ медалями на шеяхъ, видѣли, какъ хорошо, сытно и лакомо эти старухи питаются «отъ щедротъ благотворительскихъ». Столъ накрытъ скатертью и на немъ разставлены приборы. Въ будніе дни этой роскоши не полагается, и богадѣлки ѣдятъ на голомъ столѣ. Но при благотворителяхъ нужна скатерть, нужно благолѣпіе. Безъ этого нельзя. Не брезгаютъ и фарисействомъ. Передъ обѣдомъ, въ присутствіи всего сонма благотворителей, выстроились старухи на молитву и выпихнули впередъ дѣвочку-крошку изъ пріюта. Дѣвочка начала читать «Отче нашъ», безъ передышки крестясь и кланяясь. Старухи, молясь, искоса и жадно поглядывали на пироги, разложенные на тарелкахъ, страстно ожидая конца молитвы, чтобы поскорѣе ринуться за столъ. У двухъ-трехъ, отъ расхлывшагося аппетита, заурчало въ животахъ. Но дѣвочка, произнеся «отъ лукаваго», вдругъ ни съ того, ни съ сего махнула «Вѣрую». Вышло неожиданно и некстати и сразу обнаружилась неумѣлая дрессировка, напоминающая дрессировку попугая, говорящаго безъ смысла и безъ пониманія. Старухи остановили младенца съ шипѣніемъ, но притворно праласкали и даже похвалили, а затѣмъ грянули за столъ. Именно грянули, а не сѣли. Перспектива обѣда повкуснѣе ежедневнаго, тощаго, и при томъ на истощенный отъ ожиданія желудокъ—превратила ихъ въ голодныхъ звѣрей. Онѣ сажались быстро, съ несвойственной старости прытью и всѣ стремились, тѣся другъ друга и оттапывая другъ другу ноги, къ тѣмъ приборамъ, гдѣ пироги казались крупнѣе. Эта порывистость—характерна.

Дѣвочку-крошку за чрезмѣрное усердіе похвалили и даже представили одному изъ бородатыхъ благотворителей съ медалью, а тотъ, въ свою очередь, показалъ ее господину въ мундирѣ и съ лентой и похвасталъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, какъ у насъ сиротъ воспитываютъ: отъ земли не видать, а къ молитвѣ усердна...

Превосходительство хотѣло что-то отвѣтить, но въ это время въ сосѣдней комнатѣ зычно рывкнулъ голосъ дьякона, тоже начавшаго читать «Отче нашъ» передъ трапезой, уготованной для почетныхъ гостей. Здѣсь уже были не пироги, а кулебяка, семга, зернистая икра и всякая гастрономія.

Дѣвочки-сироты ѣли за особымъ столомъ и робко поглядывали на старухъ; точно ожидали, что которая-нибудь изъ нихъ, по привычкѣ, пошлетъ за нюхательнымъ табакомъ или за чѣмъ-нибудь другимъ и при этомъ снабдитъ на дорогу соотвѣтственной словесностью. Но на этотъ разъ опасенія младенцевъ были излишни: при гостяхъ-благодѣтеляхъ все должно быть чинно...

V.

Пришлось мнѣ—въ качествѣ репортера—хоронить вице-президента императорской академіи наукъ, извѣстнаго математика, автора знаменитаго въ свое время труда «Теорія вѣроятностей» Виктора Яковлевича Буняковского. Умеръ онъ въ такихъ лѣтахъ, когда уже органы отказались ему служить, а въ самой академіи злословили на тему, что и голова уже перестала быть полезной частью тѣла; осталась только та часть, которая необходима для того, чтобы сидѣть на вице-президентскомъ креслѣ. Острота эта, впрочемъ, стара. Покойный писатель Д. В. Григоровичъ, бывшій членомъ-корреспондентомъ академіи, не очень долюбивалъ академикомъ за ихъ старость и малую продуктивность въ области науки и не разъ говаривалъ въ обществѣ, что современные академики пришли въ такую ветхость, что способны ѣсть одну только манную кашу.

Незадолго до смерти я встрѣтился съ В. Я. Буняковскимъ на лѣстницѣ въ академіи—не на парадной, а на той, которая ведетъ со двора въ малую конференцъ-залу и въ правленіе. Лѣстница эта—анаѶемская, съ вавилонами, закругленіями и ужасно крутая. Взойти на нее—то же, что подняться на Монбланъ. Восхождение на нее Буняковскій началъ вмѣстѣ со мною. Я поклонился ему и опередилъ его. Не спѣша поднялся я на самый верхъ, въ правленіе, раздѣлся, переговорилъ, съ кѣмъ нужно, о дѣлѣ, ради котораго явился, выкурилъ въ канцеляріи папиросу, не спѣша же одѣлся, простился и двинулся обратно. Велико же было мое удивленіе, когда я, спускаясь, увидѣлъ, что за это время старикъ Буняковскій едва-едва сдѣлалъ только половину лѣстницы: до такой степени ноги отказывались ему повиноваться. Вскорѣ послѣ этого онъ покинулъ этотъ міръ спокойно и безъ страданій, какъ умираютъ глубокіе старики. Хоронили его очень скромно и казенно—гораздо скромнѣе, чѣмъ онъ былъ достоинъ за свои ученые заслуги: впереди несли подушки съ орденами и

официальные вѣнки, за гробомъ шли товарищи-академики, тоже едва волочившіе ноги, въ золотыхъ треуголкахъ и тяжелыхъ, затхлыхъ мундирахъ. Рядомъ съ ними плелись два-три репортера и два-три случайныхъ человѣка—и больше никого. Покойный такъ основательно пережилъ своихъ родныхъ, сверстниковъ, друзей и знакомыхъ, что ихъ не осталось никого, чтобы проводить его до могилы. Великій князь—президентъ академіи—прибылъ въ церковь академіи художествъ на отпѣваніе и затѣмъ прошелъ вмѣстѣ съ печальной процессіей только до ближайшаго угла, а затѣмъ сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ. Многие академики тоже вернулись по домамъ съ половины дороги. До кладбища добрались только три академика: А. А. Штраухъ, Л. Н. Майковъ и Я. К. Гротъ, занявшій послѣ покойнаго его вице-президентское кресло. Прочіе же академики не были вовсе на похоронахъ, либо по слабости здоровья, либо—какъ кто-то сострилъ на кладбищѣ—изъ опасенія, чтобы могильные кресты и памятники не напомнили о близкой смерти каждаго изъ нихъ. На могилѣ рѣчей не было: некому было говорить, а главное, некому было слушать.

Кстати—о человѣкѣ и о профессіи. Профессія налагаетъ неизгладимый отпечатокъ. Я знаю репортера одной мелкой газеты, малаго замѣчательно добраго и неспособнаго обидѣть мухи. Но онъ всегда радуется крупнымъ убійствамъ и большимъ пожарамъ, потому что объ этихъ событіяхъ можно написать строкъ 200—300. Другой репортеръ, имени котораго я не назову, глядя во время этихъ похоронъ на академикомъ, покачалъ головою и любовно проговорилъ про себя:

— Эхъ, голубчики, господа академики! Вы и не подозреваете, что у меня уже давно заготовлены и написаны ваши некрологи... Смѣло можете умирать, хоть сейчасъ, а я заработаю...

Послѣ В. Я. Буняковского академія наукъ избрала своимъ вице-президентомъ академика Якова Карловича Грота, знаменитаго своимъ словаремъ русскаго языка, въ которомъ слово «ветчина» пишется, на основаніи какихъ-то высшихъ ученыхъ соображеній,—«видчина». Этотъ же словарь произвелъ и расколъ въ грамотной Россіи по части буквъ «ѣ» и «е» въ словахъ: «лекаръ и лечить»... Якову же Карловичу принадлежитъ и инициатива, въ силу которой академія стала дѣлать изъ отчетовъ о своей дѣятельности большой секретъ для публики. Академія ежегодно производитъ присужденія премій—пушкинскихъ, уваровскихъ, Бера, митрополита Макарія и другихъ. Отчеты объ этихъ присужденіяхъ читаются въ публичныхъ засѣданіяхъ въ малой конференцъ-залѣ. Засѣданія эти только называются публичными, потому что публика ихъ не посѣщаетъ и конференцъ-зала напоминаетъ собою пустыню аравійскую. По окончаніи чтенія присутствующимъ раздается на память и печатный отчетъ о присужденіи. Репортерамъ

и вообще представителямъ печати брошюрки эти обыкновенно раздавались экзекуторомъ тотчасъ же, какъ только академики входили въ залу и занимали свои мѣста. Репортеры прятали отчеты въ карманы и, не теряя времени, расходились по редакціямъ писать по нимъ свои газетные отчеты. Публикѣ брошюрки раздавались тоже передъ началомъ торжественнаго чтенія.

Но случился грѣхъ и, съ академической точки зрѣнія, даже ужаснѣйшій грѣхъ. Одинъ изъ членовъ цензурнаго комитета, имѣя у себя подобную брошюрку, еще наканунѣ публичнаго засѣданія выписалъ изъ нея, кому и за какія сочиненія присуждены будутъ завтра преміи и отослалъ эту выписку въ «Новое Время». Академики пришли въ ужасъ. Публичнаго засѣданія еще не было, а уже весь Петербургъ знаетъ изъ газеты то, что еще должно быть торжественно объявлено съ кафедръ! Я. К. Гротъ, какъ вице-президентъ, при столь ужасномъ инцидентѣ не нашелъ ничего лучше, какъ воспретить раздавать брошюры газетнымъ сотрудникамъ ранѣе конца засѣданія. Сначала-де высиди все скучное засѣданіе и теряй понапрасну дорогое время, а потомъ уже и получай. Какъ его ни убѣждали представители печати, что въ преждевременномъ опубликованіи секрета виноваты не они, а цензура,—онъ все-таки упрямо стоялъ на своемъ и его распоряженіе надолго пріобрѣло въ стѣнахъ академіи силу закона—фактъ, показывающій, что подчасъ и академики проявляютъ похвальную сообразительность.

Съ Я. К. Гротомъ мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться и разговаривать. Человѣкъ онъ былъ, несомнѣнно, умный и, можетъ быть, даже и интересный. Но онъ весь ушелъ въ науку и въ свой словарь, и среди своихъ капитальныхъ и цѣнныхъ трудовъ весь высохъ и сталъ человѣкомъ не отъ міра сего. Онъ производилъ впечатлѣніе ученаго, которому доступны тончайшіе изгибы науки, но который не видитъ и не знаетъ того, что происходитъ на Божьемъ свѣтѣ, внѣ его ученой сферы. Говорили—только не знаю, справедливо ли это,—будто во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ руководила имъ супруга его, Наталья Петровна Гротъ, сестра сенатора П. П. Семенова. Случилось мнѣ побывать и въ квартирѣ Якова Карловича. Кабинетъ его помѣщался на самомъ верху его квартиры, и въ него вела прямо изъ передней очень крутая и неудобная лѣстница. Изъ кабинета внизъ шла жестяная говорная труба. Вся комната была уставлена шкапами и полками, которые ломились отъ обилія книгъ и бумагъ. Для письменнаго стола едва оставалось въ комнатѣ скромное мѣсто. Тутъ-то, среди этой обстановки и въ полномъ уединеніи онъ и предавался своимъ научнымъ работамъ.

Я. К. Гротъ умеръ внезапно и уже довольно глубокимъ старцемъ. Передъ обѣдомъ онъ имѣлъ обыкновеніе, гигиены ради, совершать небольшую прогулку. Послѣ одной такой прогулки онъ

пришелъ домой, прилежъ и скончался—старчески тихо, безболѣзненно и спокойно. Панихиды по немъ были многолюдны, но похороны—такъ же академически-казенны, какъ и похороны В. Я. Буныковского.

VI.

Нѣсколько словъ о современныхъ мнѣ репортерахъ. Съ ними мнѣ приходилось въ большинствѣ случаетъ работать вмѣстѣ, т. е. встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ: на различныхъ засѣданіяхъ, торжествахъ, пожарахъ и т. д. Всѣ они, за очень немногими исключеніями, народъ весьма добрый и милый и представляютъ собою скромныхъ тружениковъ, существованіе и хлѣбъ которыхъ оплачиваются газетною строкою и зависятъ отъ случайностей.

Когда я въ 1886 году занялся репортажемъ, каждая газета имѣла свой собственный кружокъ репортеровъ. Выдающимися среди репортеровъ были: очень почтенный и хорошо извѣстный не только въ Петербургѣ, но и за границей придворный корреспондентъ «Новаго Времени» В. А. Прокофьевъ, дѣловой и ловкій А. М. Лесманъ, работавшій въ «Новостяхъ». Въ этой же редакціи работалъ и милѣйшій И. Е. Кастальскій. Въ «Петербургскомъ Листкѣ» выдѣлялись своей дѣловитостью И. К. Маркузе и И. С. Соколовъ и въ «Петербургской Газетѣ»—А. К. Шайкинъ, М. Н. Сахаровъ и К. В. Хряпинъ. Въ «Петербургскомъ Листкѣ» работалъ и злополучный Коссовскій, закончившій свое бременное существованіе въ сумасшедшемъ домѣ. Были также и репортеры, не принадлежавшіе ни къ какой отдѣльной редакціи и дававшіе свѣдѣнія и замѣтки во всѣ газеты. Къ числу ихъ принадлежалъ милѣйшій и симпатичный Н. И. Котовъ.

Дѣло было поставлено у нихъ такъ, что они не только дѣйствовали врозь, но даже старались всячески мѣшать другъ другу. Петербургскія газеты — большія и малыя — жестоко враждовали между собою и это естественнымъ образомъ отражалось и на сотрудникахъ. «Новое Время» воевало съ «Новостями», а «Петербургская Газета»—съ «Петербургскимъ Листкомъ». Главари дрались передовицами, а репортеры старались обмануть другъ друга на происшествіяхъ. Если кто-либо изъ нихъ зналъ какую-либо новость, то старался повести дѣло такъ, чтобы эта новость попала въ одну только его газету. Пронюхать что-либо и утаить отъ товарищей по ремеслу считалось дѣломъ обычнымъ, а надуть и навести на ложный слѣдъ вовсе не считалось грѣхомъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Н. Н. Животовъ. Это былъ господинъ, въ которомъ въ одинаковой мѣрѣ уживались и хорошія и дурныя стороны. Въ общемъ онъ былъ малый недурной, а въ частностяхъ—не всегда безукоризненный. Прошлое его

мнѣ неизвѣстно и короткаго знакомства у меня съ нимъ не было. Я засталъ его уже прочно установившимся репортеромъ. Работалъ онъ главнымъ образомъ въ «Новостяхъ», но не брезгалъ въ то же время и другими газетами. Впоследствии онъ окончательно перешелъ въ мелкую прессу, гдѣ обнаружилъ самую разностороннюю дѣятельность, былъ и репортеромъ, и романистомъ— писалъ сердцещипательные уголовные романы съ тѣмъ обиліемъ любви и страшныхъ приключеній, отъ котораго у довѣрчиваго читателя волосы на головѣ становятся дыбомъ. Съ однимъ изъ романовъ, который онъ печаталъ въ маленькой газетѣ, произошелъ казусъ. Авторъ писалъ его въ видѣ фельетоновъ и гонораръ получалъ за каждый фельетонъ. Условился онъ съ издателемъ вмѣстѣ весь романъ въ опредѣленное число фельетоновъ, но затянулъ и повелъ завязку такъ, что издатель не предвидѣлъ и конца фельетонамъ. А на мѣсто Животова редакціей былъ уже присаенъ другой романистъ. Издатель поставилъ Животову ультиматумъ.

— Заканчивайте, Н. Н., вашъ романъ. Даю вамъ еще одинъ— и послѣдній — фельетонъ, а затѣмъ совсѣмъ прекращу печатать васъ.

Животовъ, прижатый къ стѣнѣ, волею-неволею долженъ былъ подчиниться. Но какъ выйти изъ затруднительнаго положенія и какъ закончить романъ въ одномъ фельетонѣ? Авторъ нашелся и вышелъ изъ затрудненія съ честью: онъ посадилъ всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ на пароходъ, отошедшій въ Кронштадтъ, и по дорогѣ утопилъ ихъ всѣхъ, вмѣстѣ съ пароходомъ.

Мастеръ онъ былъ на всѣ руки. До репортерства, говорятъ, занимался тѣмъ, что скупалъ платину на Уралѣ и перепродавалъ ее; числился кѣмъ-то въ Человѣколюбивомъ Обществѣ и носилъ поэтому вицъ-мундиръ какого-то неопредѣленнаго вѣдомства; состоялъ членомъ Общества покровительства животнымъ и даже редактировалъ журналъ этого общества. Редактировалъ онъ его удивительно просто: перепечатывалъ изъ газетъ скачки и бѣга и на томъ и заканчивалъ. Обществу онъ былъ полезенъ тѣмъ, что на усиленіе его средствъ устраивалъ подъ его флагомъ лоттерей-аллегри. Но на одной изъ такихъ лоттерей въ Нижнемъ-Новгородѣ прорвался и былъ высланъ, по распоряженію губернатора Н. М. Баранова, изъ Нижняго въ 24 часа. Ярмарочная полиція обнаружила, что онъ будто бы не положилъ въ лоттерейное колесо самыхъ главныхъ и дорогихъ выигрышей. Вышелъ скандалъ. Въ Петербургѣ правленіе Общества покровительства животнымъ, разрѣшившее устройство этой лоттереи, вполнилось, и Н. Н. Животову пришлось давать публичный отчетъ общему собранію. Собраніе происходило въ залѣ городской думы. Къ отвѣту Н. Н. явился въ вицъ-мундирѣ и на кафедрѣ взошелъ съ видомъ чело-

вѣка, глубоко оскорбленнаго взводимой на него клеветою и незаслуженнымъ недовѣріемъ общества. Отчетъ онъ сталъ читать по тетрадкѣ, но изъ этого чтенія никто ровно ничего не понялъ. Выходило только одно, что онъ, Н. Н. Животовъ, хлопоталъ только въ интересахъ Общества, а его за это оскорбили подозрѣніемъ. А если такъ, то онъ лучше предпочтетъ питаться той овсянкой, которой Общество кормитъ бродячихъ собакъ въ своемъ пріютѣ, но членомъ общества ни за что дольше не останется, какъ бы усиленно его объ этомъ ни просили. Произнеся эту громкую фразу, онъ съ паѳосомъ захлопнулъ тетрадку и вышелъ изъ залы при гробовомъ, но краснорѣчивомъ молчаніи всего общаго собранія.

Со мною онъ также продѣлалъ каверзу. Праздновался пятидесятилѣтній юбилей Сергѣя Васильевича Максимова. Состоялся многолюдный парадный обѣдъ въ ресторанѣ Понсе. Говорились рѣчи—самыя задушевныя, остроумныя и милыя, читались стихотворенія и цѣлая куча привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Весь этотъ бумажный матеріалъ складывался въ руки артиста Ивана Ѳедоровича Горбунова. Мы, репортеры, присутствовавшіе на обѣдѣ,—въ томъ числѣ и Животовъ—условились взять весь этотъ матеріалъ, необходимый при описаніи юбилея, поѣхать всѣмъ содомомъ ко мнѣ на квартиру и у меня въ кабинетѣ снять копіи—что кому нужно. Уѣхали мы изъ ресторана ранѣе, чѣмъ кончилось пиршество, чтобы не задерживать своими отчетами типографій. Нужно замѣтить, что юбилей прошелъ съ рѣдкимъ единодушіемъ. На этомъ праздникѣ хѣтъ на одинъ только вечеръ слились всѣ газетныя партіи. Вражды и полемики точно не существовало, а потому и репортерамъ утаивать другъ отъ друга было нечего: можно было воспользоваться матеріаломъ и совместно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень обилень и богатъ. И. Ѳ. Горбуновъ передалъ всю пачку бумагъ мнѣ и возложилъ на меня отвѣтственность за ея цѣлость. Пріѣхали ко мнѣ. Разобрались на моемъ письменномъ столѣ. Стали списывать. Вдругъ оказывается недочетъ: не хватаетъ одного стихотворенія, и именно—самаго изящнаго и остроумнаго, которое предполагалось напечатать въ газетахъ цѣликомъ. Бросились мы искать и на столѣ, и подъ столомъ. Нѣтъ нигдѣ. Рѣшили ѣхать обратно въ ресторанъ къ Понсе и спросить И. Ѳ. Горбунова, не завалились ли стихи гдѣ-нибудь у него въ карманѣ, благо онъ пилъ, какъ подобаетъ пить на юбилей. Хотя товарищи и увѣряли всѣ въ одинъ голосъ, что стихотвореніе я привезъ и что они видѣли его уже у меня на столѣ, и хотя и самому мнѣ помнилось, что я держалъ его въ рукахъ уже у себя дома, тѣмъ не менѣе для очистки совѣсти поѣхалъ въ ресторанъ я и со мною—Животовъ. Прочіе товарищи остались ждать у меня въ кабинетѣ. И. Ѳ. Горбуновъ обшарилъ всѣ свои карманы, но—безуспѣшно. Съ тѣмъ мы и вернулись и

стали снова искать у меня на столѣ, подъ столомъ, на креслахъ и подъ креслами. Перетрясли даже всю подстольную корзину. Животовъ обнаруживалъ самое дѣятельное участіе въ поискахъ и больше всѣхъ волновался и сожалѣлъ о пропажѣ и о томъ, что въ газетѣ, гдѣ онъ работалъ, не будетъ этихъ стиховъ. На томъ и успокоились: пропало—такъ пропало; можетъ быть, завтра найдется. На утро открываю газеты и первое, что попадаетъ мнѣ на глаза въ описаніи юбилея, это злополучное, исчезнувшее стихотвореніе. Воспроизведено оно было въ одной только газетѣ и именно въ той, гдѣ юбилей былъ писанъ Животовымъ. Остальное понятно само собою.

Въ другой разъ приходитъ онъ ко мнѣ съ просьбою. Изъ «Новостей» его уже изгнали и онъ пристроился въ газетѣ «День», гдѣ его еще не знали и поручили ему вести хронику. Просьба заключалась въ томъ, чтобы я написалъ за него въ «День» торжественное засѣданіе академіи наукъ — вещь очень длинную и требующую утомительнаго и долгаго писанія. Былъ уже поздній вечеръ, и я страшно усталъ, продѣлавъ только что эту же самую работу для своей газеты. Отказать товарищу у меня не хватило духа, тѣмъ болѣе, что онъ самымъ жалостнымъ тономъ увѣрялъ, что если въ «Днѣ» не появится отчета объ этомъ торжествѣ, то онъ можетъ лишиться своего теперешняго мѣста въ редакціи. Наговорилъ онъ при этомъ три короба теплыхъ словъ о порядочности и товарищескихъ отношеніяхъ и ушелъ, взявши съ меня слово, что въ назначенный день я непременно явлюсь въ контору газеты получить за работу гонораръ. Просидѣлъ я за этой работой часа полтора, отнесъ статью въ типографію «Дня» и вернулся домой совѣмъ разбитый. Отчетъ былъ напечатанъ, но когда я въ условленный день явился за деньгами, то мнѣ отвѣтили:

— Животовъ отмѣтилъ засѣданіе въ академіи на себя и деньги за эту статью уже получилъ.

Послѣ этого Животовъ встрѣчался со мною, какъ ни въ чемъ не бывало. Товарищѣй онъ надувалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Одинъ разъ мелкій и робкій сотрудникъ, только что начинавшій писать въ «Петербургской Газетѣ», попросилъ его подѣлиться подробностями о какомъ-то событіи. Животовъ охотно исполнилъ его просьбу, но при этомъ умышленно навралъ такой чепухи, которой никогда и не бывало, и даже въ числѣ присутствовавшихъ высокопоставленныхъ лицъ продиктовалъ двухъ покойниковъ. По счастью, обманутый товарищъ спросилъ о томъ же еще кого-то изъ репортеровъ и на этотъ разъ получилъ свѣдѣнія уже правильныя и достовѣрныя. Не случись этого, онъ такъ и напечаталъ бы въ своей газетѣ завѣдомую ложь и, конечно, былъ бы изгнанъ изъ редакціи. Онъ же одному, тоже начинаю-

щему репортеру изъ евреевъ, описывавшему похороны генерала, продиктовалъ, что гробъ съ останками покойнаго былъ покрытъ епитимьею. И такія вещи онъ продѣлывалъ не одинъ разъ.

Сдѣлалъ онъ мнѣ еще какую-то пакость, и я сталъ избѣгать встрѣчъ съ нимъ. На улицѣ я дѣлалъ видъ, будто бы не замѣчаю его. Оказалось потомъ, что и другіе репортеры—не всѣ, впрочемъ,—перестали ему кланяться и подавать руку. Но для Животова это не значило ровно ничего. Понадобились ему какія-то свѣдѣнія, которыя онъ прозѣвалъ, и онъ безъ церемонія зашелъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто бы ничего предшествовавшего и не бывало.

Мало-по-малу онъ, начавъ въ большихъ газетахъ, сталъ опускаться и послѣдніе годы своей жизни работалъ только въ мелкой прессѣ: въ большой онъ уже потерялъ кредитъ. Какъ репортеръ, онъ былъ готовъ итти на все. Понадобилось одной газетѣ описать житье-бытье столичнаго извозчика—и онъ, не задумываясь ни минуты, вошелъ въ сношеніе съ содержателемъ одного изъ извозчичьихъ дворовъ, одѣлся въ армякъ, сѣлъ на козлы и двѣ недѣли проѣздилъ по Питеру извозчикомъ. При этомъ онъ умышленно набѣждалъ на городскихъ и ругался у подъяздовъ съ швейцарами для того, чтобы попасть въ участокъ и въ яркихъ краскахъ описать злоключенія ваньки. Подобныхъ подвиговъ числилось за нимъ не мало. Съ такими способностями онъ могъ бы прекрасно пристроиться при какой-нибудь редакціи и имѣть постоянный и обезпеченный кусокъ хлѣба. Но судьба его преслѣдовала: ему не удавалось нигдѣ ужиться. Умеръ онъ въ одной изъ городскихъ больницъ отъ порока сердца.

Изъ другихъ современныхъ мнѣ репортеровъ интересенъ былъ Николай Ивановичъ Волокитинъ—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Засталъ я его беззубымъ старикомъ, со впалымъ ртомъ и постоянно плохо выбритымъ подбородкомъ. Отъ него всегда пахло пивомъ. Говорили про него, будто бы онъ утро начиналъ, вмѣсто чая, пивомъ. Почеркъ у него, какъ у большинства старыхъ и слабыхъ людей, былъ угловатый и неразборчивый. Руки отъ старости и отъ хроническаго употребленія пива у него тряслись, и товарищи по профессіи иногда острили надъ нимъ, рассказывая, будто бы правая рука его, вмѣстѣ съ карандашомъ, соскакивала съ бумаги подъ столъ и тамъ по инерціи чертила по воздуху до тѣхъ поръ, пока онъ не улавливалъ ея лѣвою и не водворялъ снова на бумагу. Бывало это будто бы съ похмелья. Но къ чести Н. И. нужно сказать, что онъ, хотя и пилъ, но никогда не напивался до неприличія. Я встрѣчался съ нимъ много разъ, но пьянымъ не видалъ его никогда. Работалъ онъ больше сиднемъ, т. е. самъ лично посѣщалъ засѣданія двухъ или трехъ ученыхъ обществъ, а прочія свѣдѣнія доставляли ему рыскавшіе

по городу подручные, которыхъ у него было нѣсколько человѣкъ. Получая самъ по пятаку за печатную строчку, онъ уплачивалъ имъ отъ себя по три и даже по двѣ копейки. Жилъ онъ на Петербургской сторонѣ, но каждое утро аккуратно являлся въ Аничковскій трактиръ у Аничкова моста, гдѣ была его постоянная резиденція, требовалъ себѣ пива и сидѣлъ за столомъ до вечера. Сюда сходились къ нему его подручные молодцы—народъ по большей части не особенно грамотный и выпивающій, но способный узнать, какой архіерей или какой протоіерей служилъ на такомъ-то церковномъ торжествѣ и какіе пѣли пѣвчіе. Они приносили ему со всѣхъ концовъ Петербурга свѣдѣнія, а онъ кроилъ изъ нихъ газетныя замѣтки и разсылалъ по редакціямъ разныхъ газетъ подъ своею фирмою. У него для этой цѣли существовалъ даже и именнoй каучуковый штампель, который онъ прикладывалъ къ каждому листку. Писалъ онъ черезъ синюю переводную бумагу по нѣсколькѣ оттисковъ сразу и всюду отправлялъ одинъ и тотъ же текстъ безъ вариаций. Газеты за старые годы онъ сохранялъ тщательно и пользовался ими: во время лѣтняго затишья онъ перелістывалъ старые номера, выдергивалъ изъ нихъ все то, что раньше «предполагалось» и «проектировалось», и придавалъ этому значеніе уже совершающагося и даже совершившагося факта, но всякій разъ осторожно оговаривался фразою: «мы слышали», «намъ сообщаютъ» и т. п. Если, напримѣръ, какое-нибудь ученое общество въ прошломъ году предполагало учредить комиссію для рѣшенія какого-нибудь вопроса, то въ нынѣшнемъ году Волокитинъ сообщалъ, что такая-то комиссія «организуется», и при этомъ нисколько не заботился о томъ, существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ, или же ея вовсе никогда и не бывало. Писалъ онъ безграмотно и черезчуръ длинно. Сокращать его писанія приходилось въ редакціяхъ иногда болѣе, чѣмъ на половину. Не одинъ разъ, когда онъ являлся въ нашу редакцію, нашъ редакторъ Христомъ-Богомъ умолялъ его писать покороче. Но Волокитинъ каждый разъ отвѣчалъ все одно и то же:

— Сколько бы я ни написалъ,—вы все равно сократите и выбросите половину. Поэтому я нарочно стараюсь писать подлиннѣе, чтобы побольше строкъ осталось послѣ того, какъ вы пройдете карандашомъ по замѣткѣ.

Съ этимъ почтеннымъ репортеромъ однажды случился грѣхъ. Отправляясь однажды вечеромъ на засѣданіе какого-то ученаго общества, онъ выпилъ пива немножко болѣе, чѣмъ слѣдовало. Докладъ затянулся и вышелъ такъ интересенъ, что оставить залу хотя на минуту было невозможно изъ опасенія прозвѣвать что-нибудь важное для газеты. Между тѣмъ пиво сдѣлало свое дѣло и явилась неотложная необходимость выйти, и эта потребность съ каждою минутою становилась все настойчивѣе. Старикъ однакоже

не вышелъ. Зато на другой день сторожа, убирая залу, были не въ духѣ...

Н. П. когда-то окончилъ университетъ со степенью кандидата. Но теперь, глядя на него, этому даже и повѣрить нельзя. Жилъ онъ исключительно одною лишь грошевою газетною работою. Лѣтомъ, когда Петербургъ разѣзжается по дачамъ и репортерамъ дѣлать почти нечего, онъ ходилъ въ камеры мировыхъ судей и вылавливалъ тамъ для газетъ курьезныя дѣла и разбирательства. Умеръ онъ отъ старости. Не будь пива—прожилъ бы дольше. Похоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. Отъ сотрудниковъ газетъ былъ возложенъ вѣнокъ. Въ одной изъ прилегающихъ къ кладбищу кухмистерскихъ была тризна, но большинство товарищей, въ томъ числѣ и я, отъ нея отказались. День похоронъ былъ зимній, пасмурный, безъ солнца. Кто-то сказалъ на кладбищѣ, что такую же беспросвѣтною и пасмурною была и вся жизнь покойнаго.

Ко всему сказанному о жизни репортерской богемы слѣдуетъ прибавить, что большинство ея представителей — люди семейные, но уже по самому складу жизни они мало живутъ дома и проводятъ почти все свое время въ бѣготнѣ и разѣздахъ по городу, въ редакціяхъ, въ трактирахъ и портерныхъ. Если понадобится репортеръ мелкой прессы, не нужно спрашивать адресъ, а нужно только спросить, въ какомъ «капернаумѣ» онъ застѣдаетъ. Но за пребываніе въ трактирахъ осуждать репортеровъ нельзя: другого мѣста для собраній и для обмѣна свѣдѣніями выбрать нельзя. Посѣщать трактиръ вовсе не значитъ—пить. Я знаю репортеровъ, ровно ничего не пьющихъ, но постоянно застѣдающихъ въ «капернаумахъ».

Приведу примѣръ того, какъ фабрикуются иногда мелкими сотрудниками газетныя извѣстія. Одного изъ знакомыхъ мнѣ репортеровъ, семейнаго человѣка, временно изгнали изъ газеты. Произошло это по слѣдующему поводу. Было въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи какое-то торжество. Доставить въ газету свѣдѣнія объ этомъ событіи поручено было редакціей этому самому репортеру. По дорогѣ въ учебное заведеніе бѣдняга застрялъ въ портерной—и опоздалъ: явился на торжество, когда оно уже кончилось. Безъ извѣстія однакоже вернуться въ редакцію было невозможно. Въ трактиръ у пріятелей узнать тоже не удалось ничего. Тогда онъ поступилъ такъ. Сообразивъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ торжества носятъ обыкновенно одинъ и тотъ же официальный и казенный характеръ, онъ, ничтоже сумняшеся, сѣлъ къ столу и описалъ торжество такъ, какъ будто бы самъ на немъ присутствовалъ и все видѣлъ собственными глазами. Въ его отчетѣ духовенство отслужило молебенъ, начальникъ учрежденія произнесъ рѣчь и т. д. Все это было напечатано. Но на другой день по выходѣ газеты редакція получила письмо отъ этого са-

мага начальника, гласящее, что никакого молебна не было, что начальникъ рѣчи не произносилъ, и прочее. Репортеръ, конечно, получилъ отъ редактора здоровую головомойку и счелъ за нужное обидѣться—не на себя однакоже, а на начальника учебнаго заведенія. Рѣшилъ онъ ему отомстить—и отомстилъ. Дня черезъ три онъ напечаталъ въ той же мелкой газетѣ сенсационное, но выдуманное изъ головы извѣстіе, будто бы начальникъ такого-то высшаго учебнаго заведенія переводится на болѣе высокой постъ, а на его мѣсто назначается «болѣе опытный администраторъ». Результатъ для избобрѣтательнаго репортера получился однакоже довольно плачевный. Начальникъ заведенія прислалъ въ редакцію новое и, на этотъ разъ, уже сердитое письмо. Его, вѣроятно, задѣлъ за живое намекъ насчетъ того, что помимо него существуютъ болѣе опытные администраторы. Находчиваго репортера изгнали изъ редакціи, но мѣсяца черезъ полтора приняли снова.

Однако пѣсня о репортерахъ вышла у меня довольно длинной, хотя и далеко еще не исчерпанной. Придется разговоръ о нихъ отложить до другого раза, а теперь надо подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записать скорѣе знаменательное событіе, которому газеты посвятили цѣлые столбцы хвалебнаго еиміама. Событіе это—юбилей о. Іоанна Кронштадтскаго.

VII.

Вѣроятно, я долго буду помнить день 12 декабря 1890 г. Много мнѣ въ этотъ день пришлось видѣть и слышать, многое наблюдать и даже кое-чему удивиться. Наканунѣ, около часовъ двѣнадцати ночи собрались мы въ редакціи и болтали о текущихъ событіяхъ. Неожиданно кто-то вспомнилъ, что завтра въ Кронштадтѣ празднуется 35-лѣтній юбилей о. Іоанна Сергіева. Всполющились. Заговорили о томъ, что такого событія пропустить нельзя, и рѣшили командировать меня, снабдивъ при этомъ деньгами на путевые расходы. Командировка эта не очень порадовала меня: приходилось, поздно улепшисъ въ постель, вставать до зори, чтобы понасть на Балтійскій вокзалъ къ раннему поѣзду, отходящему въ Ореніенбаумъ еще до наступленія утра. А въ эту пору въ Петербургѣ свѣтаетъ поздно. Ночь провелъ я, какъ и всѣ нервныя люди, безпокойно, изъ боязни, какъ бы не проспать, но на утро былъ уже на вокзалѣ. Было еще очень темно, а вокзалъ почему-то былъ освѣщенъ довольно скудно. Нужно было сѣсть на такой поѣздъ, чтобы успѣть совершить путь до Ораніенбаума, оттуда—по льду въ Кронштадтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть къ обѣднѣ, чтобы понасть хоть на конецъ духовнаго торжества въ церкви, которое тоже входило въ программу моего будущаго описанія. Несмотря на очень ранній часъ, въ пассажирской залѣ собралось

уже очень много поклонников о. Иоанна, спѣшившихъ на его юбилей. Многіе были съ адресами и подарками. Былъ тутъ же и извѣстный всему Петербургу секретарь славянскаго благотворительнаго общества Василій Ивановичъ Аристовъ—одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Былъ и докторъ Николай Николаевичъ Дворяшинъ, дважды сидѣвшій въ домѣ сумасшедшихъ, но тѣмъ не менѣе ухитрившійся основать въ Петербургѣ домъ трудолюбія и отвоевать у Александро-Невской лавры одинъ изъ магазиновъ на берегу Невы подъ ночлежный домъ. Мы втроемъ засѣли въ вагонѣ въ одно купе и ѣхать намъ было не скучно. Пока мы были въ дорогѣ, начало свѣтать, и я чуть ли не впервые въ жизни увидѣлъ восходъ зимняго солнца не изъ-за петербургскихъ крышъ, а прямо въ полѣ. Сначала востокъ покрылся густою малиновой краской, а потомъ мало-по-малу освѣтился красными и розовыми лучами. Картина была великолѣпная: и снѣгъ, и деревья, и далекія избы—все стало розовымъ. Я невольно залюбовался этимъ восходомъ, а В. И. Аристовъ, тоже глядѣвшій въ окно, слегка толкнулъ меня и проговорилъ:

— Напиши-ка у себя въ газетѣ, что природа крадетъ красочные тона у художника Клевера...

Дѣйствительно, это была одна изъ клеверовскихъ картинъ, но живая и грандіозная. Изъ Ораніенбаума дорога по льду, при слабомъ морозцѣ, была тоже недурна. Саней тянулся очень длинный рядъ. Я съ Аристовымъ ѣхалъ на одномъ извозчикѣ. Но дорогою мы оба больше молчали. Прибыли мы во время—какъ разъ къ обѣднѣ, но передъ этимъ побывали въ думѣ, гдѣ изъ рукъ самого городского головы получили по два билета—красенькій для входа въ церковь Успенія Божіей Матери и синенькій для «участія въ обѣдѣ въ день 35-лѣтняго юбилея о. протоіерея Иоанна Ильича Сергіева 12 декабря 1890 г.». Устроители обѣда, вѣроятно, предвидѣли, или, вѣрнѣе, сознавали, что почитателей юбиляра надо фильтровать и потому на билетѣ прибавили фразу: «Билетъ просить не передавать другому лицу и предъявлять при входѣ».

Все въ этотъ день въ Кронштадтѣ было проникнуто о. Иоанномъ. Чувствовалось это на каждомъ шагу. О. Иоаннъ—личность популярная и творитъ чудеса. На него смотрятъ одни, какъ на пророка, цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ и какъ на святого человѣка; другіе—скептики—какъ на человѣка, одареннаго магнетическою силою и способностью оказывать гипнотическое вліяніе даже на разстояніи. Говорятъ также, что будь онъ міряниномъ—врачомъ, офицеромъ, чиновникомъ или вообще человѣкомъ свѣтскимъ—его цѣлебная сила была бы одна и та же. Но такъ какъ онъ ходитъ въ рясахъ и священствуется, то его силу и вліяніе приписываютъ святости. Третьи же утверждаютъ, что никакой особенной силы въ немъ нѣтъ и что ему просто «повезло»,

какъ повезло когда-то московскому прорицателю и юродивому Ивану Яковлевичу Корейшѣ. Какъ бы тамъ ни было, но объ его чудесахъ ходитъ много и устныхъ, и печатныхъ рассказовъ. Уличные продавцы газетъ и брошюръ постоянно выкрикиваютъ на Невскомъ либо: «Новое чудо о. Іоанна Кронштадскаго за пять копеекъ», либо «Новая молитва о. Іоанна, цѣна три копейки». Выкрикивали одно время даже курьезное названіе брошюры: «Преступное воровство, открытое по молитвѣ о. Іоанна Сергіева». Въ рукахъ у меня этой книжки не было, но фразу эту я слышалъ на Невскомъ самъ. Портреты его, фотографическіе, фототипическіе и литографированные, до грубой мазни включительно, продаются вездѣ и всюду. Мелкая пресса извѣстнаго пошиба печатаетъ ему чуть не каждый день хвалебные гимны.

О. Іоаннъ посѣщаетъ приглашающихъ его здоровыхъ и болящихъ, пріѣзжаетъ въ каретѣ и служитъ молебны. За это онъ ничего не беретъ, или же беретъ только то, что даютъ, но деньги эти куда-нибудь жертвуетъ, или на глазахъ у всѣхъ отдаетъ какому-нибудь калѣкѣ или оборванцу. Въ виду этого его считаютъ бѣсребренникомъ. Но за него берутъ другіе. Разъѣзжаетъ онъ въ каретѣ въ сопровожденіи двухъ чередующихся кронштадтскихъ дамъ. Дамы эти—и одну изъ нихъ я знаю лично—объявили, что отдаютъ свои силы и время на безкорыстное служеніе «благодати» и что, посвятивъ себя на служеніе о. Іоанну, онѣ служатъ Богу. Между тѣмъ, если обывателю нужно пригласить къ себѣ на молебенъ святого мужа, то онъ, обыватель, долженъ войти сперва въ соглашеніе съ очередною дамою и внести ей предварительную контрибуцію не менѣе десяти рублей. Дѣлается это частью открыто, частью же келейно—какъ случится. Вѣдомо ли о. Іоанну объ этихъ наглыхъ поборкахъ, совершаемыхъ за его спиною,—сказать трудно. Но объ этихъ барыняхъ ходили и ходятъ по городу слухи въ томъ смыслѣ, что будто бы онѣ самымъ беззащитнымъ образомъ обогащаются за счетъ славы и популярности о. Іоанна. Увѣряютъ даже, будто бы одна изъ этихъ дамъ, позабывъ очередь, пріѣхала за нимъ въ каретѣ и увезла молебствовать. Другая не снесла обиды и вторженія въ свои права и задала своей соперницѣ на улицѣ, при публикѣ, трешку. При этомъ соперница въ долгу не осталась, и на мостовой, на мѣстѣ битвы, оказались ключья волосъ и тряпокъ. Наилболѣе же ядовитые скептики злостно утверждаютъ, будто бы и батюшка состоитъ въ заговорѣ съ дамами и онѣ дѣлятся съ нимъ. Вообще же насколько вѣрующіе умиляются, благохвалютъ и уповаютъ, настолько же скептики злорадствуютъ и изрыгаютъ хулу.

На молебнахъ о. Іоаннъ ведетъ себя скромно и просто и отъ предлагаемыхъ ястій и питій отказывается рѣдко, чѣмъ очень радуется пригласившихъ его хозяевъ, увѣряющихъ и увѣренныхъ,

что на нихъ отъ этого снизойдетъ благодать. Общій голосъ говорить, что гдѣ о. Іоаннъ сподобилъ откушать, тамъ благословеніе Божіе пребудетъ и почіетъ. Съ о. Іоанномъ мнѣ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать не одинъ разъ. Это—простой, милый и, повидимому, вѣрующій, но далеко не блестящій образованіемъ и глубиною мысли человѣкъ. Сердца у него много и рассуждаетъ онъ здраво, не выказывая въ бесѣдѣ ни ханжества, ни елейности. Проповѣди его не краснорѣчивы и не глубоки, а сочиняемыя имъ молитвы, афоризмы и мысли—весьма заурядны и приходятъ отъ нихъ въ священный восторгъ могутъ развѣ только очень ужъ вѣрующіе поклонники и почитатели его. Но ни хулить, ни защищать его я не берусь. Его оцѣнить со временемъ исторія; для меня же онъ—только объектъ для наблюденія. Можетъ случиться, что онъ такъ и скончается въ ореолѣ своей теперешней славы и его провозгласятъ святымъ, а можетъ быть онъ и прорвется какъ-нибудь нечаянно—и его развѣнчаютъ. За популярностью онъ гонится очень и любитъ, чтобы о немъ говорили и писали. Теперешняя популярность его, несомнѣнно, велика, а юбилей его представляетъ крупное событіе.

Чествованіе въ стѣнахъ Успенской церкви, куда впускали по краснымъ билетамъ, заключалось въ томъ, что юбиляръ въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ отслужилъ обѣдню и послѣ нея вышелъ на середину церкви, гдѣ духовенство читало ему адреса и подносило иконы. Все время онъ стоялъ въ облаченіи, смиренно поникнувъ головою, и только каждую минуту тяжело вздыхалъ—не знаю только, отъ умиленія ли, или же отъ усталости. Поздравленія духовенства, при всемъ стараніи придать имъ побольше сердечности, вышли немного натянутыми, официальными и, если такъ можно выразиться, казенно-синодальными. Адреса и привѣтствія были написаны семинарскимъ, витіеватымъ слогомъ и особеннаго собою ничего не представляли. Однакоже эта церемонія длилась около часа. Въ числѣ поздравителей и депутатовъ было не мало лицъ въ мундирахъ, съ лентами и съ орденами. Во время этой длинной церемоніи часть публики умиленно плакала, а другая часть безъ всякой церемоніи шмыгала взадъ и впередъ по церкви, выказывая очень мало уваженія и къ юбилю и къ самому торжеству.

Изъ церкви всѣ почетные гости перекочевали въ городскую думу, гдѣ въ огромной залѣ уже былъ накрытъ покоемъ безконечный обѣденный столъ. Распорядительскую часть, т.-е. роль радушныхъ хозяевъ, взяли на себя морскіе офицеры—и, нужно отдать имъ справедливость, оказались очень внимательными и гостепріимными хозяевами. Все у нихъ шло стройно, гладко и въ образцовомъ порядкѣ. Они не сажались за столъ и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы гости ни въ чемъ не терпѣли недостатка. А гостей

было много: огромная зала была полна. Мой голубенькій входной билетъ помѣченъ № 113, но я былъ далеко не изъ послѣднихъ: не мало такихъ же билетовъ было роздано и другимъ почетнымъ гостямъ, прибывшимъ изъ Петербурга со слѣдующими поѣздами.

Въ сторонѣ отъ обѣденнаго стола былъ сервированъ другой столъ—съ водками и обильнѣйшими закусками. О. Іоаннъ, побывавъ дома и переодѣвшись, прибылъ на обѣдъ въ великолѣпнѣйшей цвѣтной шелковой рясѣ. Какъ только онъ явился, сейчасъ же приступили къ закускамъ и прямо-таки набросились на нихъ, потому что всѣ были голодны. В. И. Аристовъ, оказавшійся одноклассникомъ юбиляра, расцѣловался съ нимъ. Цѣловались и многіе другіе. Каждый изъ гостей старался чокнуться рюмкой съ о. Іоанномъ и выпить за его здоровье. О. Іоаннъ не отказывался. Пилъ онъ, не спѣша, плотно закусывая и въ то же время бесѣдуя со всѣми окружавшими его. Я вертѣлся около него и отъ нечего дѣлать слѣдилъ за тѣмъ, сколько онъ выпьетъ. На моихъ глазахъ онъ выпилъ за закускою шесть рюмокъ рябиновой и пять сосудцевъ прочихъ водокъ. При этомъ онъ нисколько не охмелѣлъ, а только сталъ веселѣе, привѣтливѣе и разговорчивѣе.

Во время закуски случился и курьезный эпизодъ. Юбилей праздновался какъ разъ въ то время, когда въ Петербургѣ героемъ дня былъ сотникъ Пѣшковъ. Прогремѣлъ онъ тѣмъ, что пріѣхалъ изъ далекой Сибири въ Петербургъ верхомъ на своемъ «Сѣромъ», сдѣлавъ что-то около восьми тысячъ верстъ. И всадникъ и конь выдержали путешествіе прекрасно и этимъ доказали двѣ вещи—свою выносливость и возможность сдѣлать безъ вреда для здоровья нѣсколько тысячъ верстъ. Сотника Пѣшкова принимали нарасхватъ во всѣхъ великосвѣтскихъ и не великосвѣтскихъ гостиныхъ, слушали его рассказы, удивлялись ему, хвалили и вообще баловали, а большинство иллюстрированныхъ журналовъ помѣстило портреты и его, и его Сѣраго. Конь его понравился наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, и сотникъ счелъ за счастье для себя подарить своего Сѣраго великому князю. Объ этомъ много писалось въ газетѣ.

Этотъ сотникъ Пѣшковъ былъ также на юбилеѣ въ числѣ почетныхъ гостей и обращалъ на себя столько же почти вниманія, сколько и самъ юбиляръ, хотя и держался очень скромно и просто. Я съ нимъ познакомился здѣсь и между прочимъ спросилъ его:

— Не жаль вамъ было разставаться съ вашимъ конемъ, на которомъ вы продѣлали такой огромный путь?

— Конечно, жаль... Привыкъ къ нему... Но что же дѣлать,—отвѣтилъ онъ скромно.

Его кто-то подвелъ къ о. Іоанну и отрекомендовалъ:

— Вотъ, батюшка, сотникъ Пѣшковъ, который пріѣхалъ изъ Сибири верхомъ...

— Изъ Сибири? — переспросилъ о. Іоаннъ и тутъ же прибавилъ:—Это хорошо, что изъ Сибири...

— Это, батюшка, тотъ самый извѣстный сотникъ, который...

— А-а, умникъ, умникъ, — спохватился юбиляръ и погладилъ Пѣшкова по головѣ, какъ ребенка.

Сотникъ, уже привыкшій къ выраженіямъ удивленія въ гостиныхъ, былъ, повидимому, нѣсколько смущенъ такимъ своеобразнымъ отношеніемъ къ своему — какъ говорили тогда — бравому подвигу. Но въ это время позвали къ обѣду. О. Іоаннъ помѣстился, какъ главное дѣйствующее лицо, въ центрѣ стола, а по бокамъ его усѣлись по убывающимъ степенямъ важности почетные гости. Я выбралъ себѣ такое мѣсто, откуда мнѣ было видно каждое движеніе юбиляра и слышно каждое его слово. Обѣдъ былъ весь отъ начала до конца постный. Передъ каждымъ приборомъ было положено тисненное золотомъ меню и на немъ значилось: «Кронштадтъ. 12 декабря. 1855—XXXV—1890. Закуска разная. Обѣдъ: уха изъ живыхъ стерлядей; кулебяка и растегаи; осетрина холодная; стерляди по-русски; бѣлорыбица жареная и дичь; компотъ изъ разныхъ фруктовъ; чай и кофе». Дичь представляла собою единственное скоромное блюдо среди лукулловскаго обилія рыбныхъ блюдъ. За обѣдомъ шли послѣдовательно: хересь, мадера, рейнвейны, красное и бѣлое и, наконецъ, шампанское. О. Іоаннъ выпилъ всѣхъ этихъ винъ — не пропуская ни одного—по сосудцу и, кромѣ того, осушилъ пять бокаловъ шампанскаго, но при этомъ ѣлъ съ прекраснымъ аппетитомъ и все-таки, несмотря на выпитую за закускою водку, не опьянѣлъ нисколько. Я удивился. Но это были пока еще цвѣточки; ягодки оказались впереди.

За обѣдомъ говорилось много самыхъ разнообразныхъ по формѣ, но одинаковыхъ по содержанію рѣчей. Но была произнесена и особенная рѣчь. Произнесъ ее бывший кронштадтскій городской голова Волковъ. О немъ мнѣ сообщили слѣдующее. Былъ онъ головою, но не поладилъ съ сильными міра сего, потому что оказался либераломъ. Его смѣстили и на его мѣсто назначили нынѣшняго голову. Такимъ образомъ нынѣ въ Кронштадтѣ сидитъ не выборный, а назначенный правительствомъ голова. Проверять эту исторію было некогда, и я записываю ее такъ, какъ слышалъ отъ одного изъ распорядителей обѣда — очень любезнаго морского офицера, неусыпно хлопотавшаго о томъ, чтобы я не уѣхалъ съ юбилея голоднымъ...

Итакъ, бывший городской голова г. Волковъ имѣлъ право считать себя въ извѣстной степени обиженнымъ. Онъ, впрочемъ, и не скрывалъ этого въ своей рѣчи, которую произнесъ уже въ самомъ концѣ обѣда. Началъ онъ съ привѣтствія о. Іоанну, затѣмъ перешелъ на обличеніе враговъ, на недостатки теперешняго городского самоуправления и, наконецъ, какъ говорится, ударился въ поли-

тику и произнесъ цѣлую филиппику, но говорилъ красно и кругло, и затѣмъ снова съѣхалъ на юбилей. Видно было, что, пользуясь случаемъ, онъ сводилъ счеты со своими обидчиками и отстаивалъ свою роль либерала и развѣнчаннаго головы. Такое впечатлѣніе произвела эта рѣчь, по крайней мѣрѣ, на меня. Послѣ этого онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Туда же, вслѣдъ за нимъ, вышелъ и присутствовавшій на обѣдѣ сотрудникъ одной изъ мелкихъ газетъ. Вернулся онъ оттуда сіяющій, довольный и, ощупывая карманъ, спросилъ меня:

— Вы будете печатать рѣчь Волкова?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—не буду.

— Напрасно. Рѣчь превосходная. Я завтра въ своей газетѣ напечатаю ее цѣликомъ...

Дѣйствительно, на другой день рѣчь была напечатана, но оказалась, хотя и либеральной, но такой невинной, что вчерашней рѣчи въ ней узнать было нельзя. Видно было, что сотрудникъ сіялъ не даромъ...

Съ этого обильнаго обѣда о. Іоаннъ поѣхалъ на второй обѣдъ въ основанный имъ домъ трудолюбія. Здѣсь угощали его бѣдняки. Сюда перекочевали, вслѣдъ за батюшкою, и многіе сытые до отвала гости—въ томъ числѣ и я. О. Іоаннъ сѣлъ за столъ, выпилъ рюмку водки и, слушая адреса и привѣтственныя рѣчи, поѣлъ ухи, потомъ рыбы и т. д. Словомъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ использовалъ все меню и при этомъ, не отказываясь, пилъ по порядку хересъ, мадеру, бѣлое, красное и шампанское. Я невольно удивился и отъ души позавидовалъ его желѣзному здоровью, а въ особенности тому, что онъ послѣ столькихъ смѣшанныхъ винъ и водокъ не только не захворалъ, но даже и не опьянѣлъ. А ему въ это время, по самому скромному подсчету, было уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Удивительно крѣпкая и здоровая натура!

Назадъ я возвращался опять вмѣстѣ съ В. И. Аристовымъ. Когда мы ѣхали по льду, была уже ночь. Кругомъ—пусто. Направо и налево — безконечная, теряющаяся во мракѣ ледяная равнина. Возница намъ попался какой-то подростокъ, почти мальчуганъ. Дорогою старикъ Аристовъ расшутился. Разказалъ онъ мнѣ между прочимъ, что въ Болгарію онъ показываться не смѣетъ, потому что тамъ онъ за политическія преступленія приговоренъ къ смертной казни и что голова его оцѣнена. Разспрашивалъ онъ мальчугана-извозчика, сколько тотъ зарабатываетъ, а потомъ, когда мы оказались одни-одинешеньки на ледяной пустынѣ между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, онъ вдругъ зловѣщимъ тономъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Гдѣ у тебя ножъ? За голенищемъ? Доставай его скорѣе. Обдѣлаемъ дѣло, пока близко никого нѣтъ...

Мальчуганъ, услышавъ эту рѣчь, погналъ лошадей изо всей силы и успокоился только тогда, когда уже показались близко огни ораніенбаумскаго вокзала. Высадивъ насъ и получивъ плату за проѣздъ, онъ снялъ шапку и, косясь на насъ, набожно перекрестился. Въ вагонѣ мы ѣхали цѣлою компаніей и всю дорогу, до самаго Петербурга, рассказывали анекдоты...

VIII.

Заболѣлъ министръ финансовъ И. А. Вишнеградскій—и заболѣлъ серьезно. Объ этомъ было напечатано въ газетахъ. Болѣзнь министра—дѣло не шуточное. Весь Петербургъ заговорилъ объ этомъ событіи. У подѣзда заболѣвшаго министра стояли цѣлыя вереницы экипажей и нарядъ полиціи. Въ экипажахъ пріѣзжали выразить свое соболѣзнованіе лица высшаго круга, а полиція блюла за тѣмъ, чтобы экипажи становились въ рядъ. Въ городѣ уже называли трехъ лицъ его преемниками, а о болѣзни толковали двояко: одни говорили, будто бы онъ, устраивая русскіе финансы, заработался до переутомленія и слегъ, а по словамъ другихъ—будто бы онъ покушалъ чего-то вреднаго для печени.

Хворалъ онъ долго и такъ упорно, что уже стали ждать его смерти. Въ редакціяхъ газетъ въ виду этого были заблаговременно заготовлены и даже набраны некрологи. Оставалось только при первомъ извѣстіи о смерти пустить наборъ въ машину—и дѣло готово. Извѣстіе это не заставило себя ждать. Пріѣзжаетъ кто-то изъ сотрудниковъ изъ клуба и рассказываетъ, что Вишнеградскій въ одиннадцатъ часовъ вечера съ миромъ отыде въ вѣчность. Объ этомъ-де говорили въ клубѣ, какъ о фактѣ, уже совершившемся, достовѣрномъ и уже не подлежащемъ ни малѣйшему сомнѣнію. Надо было, стало быть, пускать въ ходъ некрологъ. Но редакція поколебалась и рѣшила, что печатать некрологъ безъ провѣрки—рискованно, а съ другой стороны и остаться безъ некролога, буде министръ умеръ, тоже было неудобно. Отрядили меня—благо я на свою бѣду тутъ оказался—сѣсть на извозчика и ѣхать во всю прыть на квартиру къ Вишнеградскому, наводить справки, точно ли онъ умеръ. Было уже два часа ночи, и мое положеніе оказалось въ высшей степени щекотливымъ. Мнѣ неволью вспомнился одинъ изъ романовъ Диккенса, въ которомъ дѣйствующее лицо—гробовщикъ—говоритъ, что онъ не имѣетъ права спрашивать у своихъ знакомыхъ, какъ ихъ здоровье: могутъ подумать, что онъ въ интересахъ своего ремесла справляется, скоро ли они умрутъ. Нѣчто похожее на это было и въ моемъ положеніи. Въ головѣ у меня неволью мелькнула картина, какими глазами посмотрятъ

на меня домашніе, или даже прислуга Вышнеградскаго, если я явлюсь за справкою въ третьемъ часу ночи. А что, если онъ еще не умеръ и я своимъ неделикатнымъ ночнымъ звонкомъ нарушу строго оберегаемый покой умирающаго? Да, наконецъ, живъ онъ или умеръ, но вѣдь и швейцару нуженъ сонъ и покой, и онъ будетъ вполне правъ, если пошлетъ меня ко всѣмъ чертямъ за мой несвоевременный визитъ. Но отказываться отъ порученія было нельзя. Оставить газету безъ некролога невозможно. Не я, такъ другой поѣхалъ бы все равно и испробовалъ бы ту же самую горькую участь. Одѣлся я безъ разговоровъ и поѣхалъ. Часы показывали четверть третьяго, а когда я прибылъ къ мѣсту назначенія, то было уже почти три. Улицы были пусты. Фонари горѣли тускло. Въ окнахъ дома, гдѣ жилъ Вышнеградскій, ни въ одномъ этажѣ не было видно огня. Передъ фасадомъ стоялъ и дремалъ одинъ-единственный городской. Онъ изнывалъ отъ скуки и отъ одиночества, потому что былъ поставленъ не для порядка, а по положенію: передъ подъѣздами у всѣхъ министровъ стоятъ и днемъ и ночью, почета ради, городовые. Нигдѣ въ окнахъ ни одной искорки и ни малѣйшаго вишняго признака, по которому можно было бы снаружи судить, есть въ домѣ покойникъ, или нѣтъ. Дѣлать нечего. Пришлось слѣзть съ извозчика и звонить. Не скажу, чтобы я дернулъ за сонетку храбро. Мнѣ казалось, что я совершаю страшно неделикатный поступокъ. Отвѣта не послѣдовало. Скрѣпя сердце, дернулъ я еще разъ, потомъ—другой, третій и четвертый. Ни звука, ни отклика. Прошло не менѣ четверти часа. Весь домъ спалъ мертвымъ сномъ. Позвонилъ я въ пятый разъ—и мнѣ стало, наконецъ, стыдно. Прождалъ я еще минутъ восемь и въ душѣ искренно желалъ, чтобы ко мнѣ никто не вышелъ. Желаніе мое исполнилось. Я попрежнему стоялъ передъ подъѣздомъ одинъ-одинешенекъ.

— Должно, дома никого нѣтути,—утѣшилъ меня извозчикъ.

Наконецъ, городской, которому, видимо, надоѣло смотрѣть, какъ человекъ ломится ночью въ чужую квартиру, вышелъ изъ своей сонной апатіи и подошелъ ко мнѣ.

— Кого вамъ?—спросилъ онъ.

— Живъ министръ Вышнеградскій?—отвѣтилъ я вопросомъ на вопросъ.

— А кто же его знаетъ? Я сталъ на дежурство поздно, когда парадная была уже заперта. Надо полагать, что еще живъ.

— А можетъ быть и умеръ?

— Можетъ быть, и умеръ. Приѣзжайте завтра. Днемъ скорѣе узнаете...

Съ тѣмъ я и вернулся въ редакцію, нимало не выяснивъ дѣла. Рѣшили съ некрологомъ подождать—и не ошиблись. Вышнеградскій умеръ только черезъ два дня послѣ моей поѣздки.

Почти такое же точно неловкое положеніе испыталъ я и въ другой разъ. Случилось какое-то событіе въ Германіи. По поводу этого событія въ Петербургѣ, въ германскомъ посольствѣ состоялось не то торжество какое-то, не то дипломатическій приемъ. Репортеры въ нашу редакцію извѣстія объ этомъ событіи не доставили—по какой причинѣ—не вѣдаю. Пришлось поздно вечеромъ, почти ночью, ѣхать въ посольство мнѣ же, узнавать, въ чемъ дѣло. До этого ни въ одномъ посольствѣ я еще ни разу не бывалъ и на всякій случай приготовилъ трехрублевку швейцару на чай. Меня предупредили, что съ меньшею суммою обращаться къ посольскому швейцару нельзя: если дать ему рубль, то онъ дастъ два сдачи. Когда я пріѣхалъ къ дверямъ посольства, было уже такъ поздно, что огни были погашены и швейцаръ безъ сюртука, въ одномъ только жилетѣ и вязанной фуфайкѣ подметалъ на сонъ грядущій устланную ковромъ лѣстницу. Когда я обратился къ нему съ вопросомъ, состоялось ли такое-то событіе, онъ отвѣтилъ съ досадою:

— Ach, mein Gott, да состоялось же! И такія-то, и такія-то особы пріѣзжали... Aber ich binн самый проклятый шеловѣкъ, который весь день не имѣетъ никакой покой. Газетныхъ людей приходило такъ много и всякій спрашивалъ такъ подробно, что у меня даже языкъ заболѣлъ отвѣчать.

Разгнѣванный нѣмецъ повернулся ко мнѣ спиною и заработалъ щеткою съ ожесточеніемъ. Мнѣ стало жаль его и очень неловко передъ нимъ. По неопытности я замялся и не сумѣлъ вручить ему трешницу. Пришлось уѣхать чуть не со срамомъ и безъ матеріаловъ для газеты. Но когда я сообщилъ въ редакціи, что событіе состоялось и что къ германскому послу пріѣзжали такія-то и такія-то особы, то этого оказалось совершенно достаточнымъ для сотрудника, который велъ политическій отдѣлъ: статья была написана...

IX.

Умеръ заслуженный профессоръ П. Г. Рѣдкинъ. Въ свое время онъ былъ величиною. На панихиды по немъ на его квартирѣ собиралось довольно много народа; пріѣзжалъ даже министръ народного просвѣщенія Иванъ Давыдовичъ Деляновъ. Похороны однако же были не особенно многолюдны и носили такой же академически-формальный характеръ, какъ и похороны покойныхъ Буняковского и Грота, съ тою только разнѣею особенностью, что православный человѣкъ былъ опущенъ въ могилу на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ похоронена его жена—лютеранка. Отпѣвали его въ церкви академіи художествъ. Тутъ было много профессоровъ университета, но всѣ они очень скоро, во главѣ съ ректоромъ, поло-

жили форменныя треуголки подъ мышки, надѣли фуражки и шляпы и разошлись во-свояси. На кладбище пришла только небольшая горсточка провожатыхъ и то больше родные и знакомые. Ордена на подушкахъ понесли было изъ церкви сенатскіе чиновники, но у нихъ скоро озябли руки, и они сложили подушки въ кучу при первой же литіи на 2-й линіи Васильевскаго острова. Дальнѣйшее шествіе совершилось безъ орденовъ. На могилѣ профессоръ Бершадскій сказалъ умную, но все же казенную рѣчь. Публичныхъ рѣчей въ наше время, безъ разрѣшенія начальства, говорить нельзя. На всѣхъ почти похоронахъ вертятся переодѣтые полицейскіе, прислушивающіеся къ каждой произносимой рѣчи. Одного изъ такихъ сыщиковъ я зналъ въ лицо и разъ даже пилъ вмѣстѣ съ нимъ пиво въ портерной. Человѣкъ онъ необразованный и служить на маленькомъ жалованьѣ.

— Мое дѣло доложить, кто именно уста разверзалъ, а тамъ начальство уже само знаетъ, какъ поступить,—сообщилъ онъ мнѣ въ минуту пивной откровенности.—Списокъ ораторовъ ведется на всякій случай, кромѣ купеческихъ...

— Какихъ купеческихъ?—удивился я.

— Тѣхъ, что на купеческихъ похоронахъ по найму слезныя рѣчи произносятъ...

— Развѣ есть и такіе?

— Ого-го! И какъ еще живутъ! На своихъ лошадяхъ ѣздятъ... Тѣ у насъ въ особомъ списокѣ состоятъ...

Наканунѣ похоронъ П. Г. Рѣдкина редація поручила мнѣ достать отъ родныхъ покойнаго его портретъ для напечатанія. Клятвенно утверждаю, что нѣтъ ничего глупѣе положенія, въ которомъ находится газетный сотрудникъ, которому дано такое порученіе. Семья покойнаго убита горемъ; семья занята погребальными хлопотами; зеркала завѣшены, всѣ ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шопотомъ и т. д.—и тутъ вдругъ, точно изъ земли, вырастаетъ фигура редакціоннаго посланца и проситъ у родныхъ карточку. Родные сначала не понимаютъ, въ чемъ дѣло, потомъ начинаютъ думать и обсуждать, созывается чуть ли не семейный совѣтъ, шепчутся, боятся, не обманъ ли, и уже затѣмъ рѣшаются вручить незнакомому человѣку карточку. Но при этомъ, разъ рѣшившись, даютъ уже не одинъ портретъ, а нѣсколько хронологически разныхъ, для выбора. Такъ случилось и здѣсь. Дочь покойнаго Елизавета Петровна дала мнѣ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, двѣ карточки, но подъ условіемъ, чтобы при печатаніи въ газетѣ голова покойнаго профессора была взята съ одного портрета, а скрутокъ—съ другого и даже написала это распоряженіе на оборотѣ карточекъ собственноручно. Само собою разумѣется, что желаніе ея редакціей выполнено не было вслѣдствіе технической невозможности. Дѣлать изъ двухъ карточекъ одну—далеко не легкая задача.

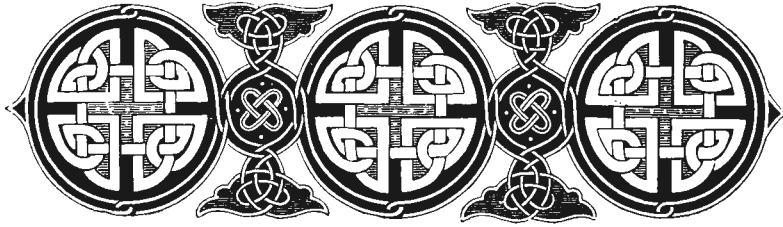
Не лишне по поводу карточекъ отмѣтить курьезъ. Родные, давая карточку покойнаго для печати, не только думаютъ, но даже и заявляютъ, что дѣлаютъ этимъ одолженіе редакціи; редакція же, въ свою очередь говоритъ, что она сама, печатая портретъ, оказываетъ любезность родственникамъ покойнаго. Тутъ и разбирайся, какъ знаешь... Несмотря на это, нашелся все-таки нѣкій господинъ А. Х., именующій себя сотрудникомъ большихъ газетъ, который избралъ своей специальностью собираніе карточекъ архіереевъ, генераловъ и вообще важныхъ особъ. Онъ является въ домъ, рекомендуется сотрудникомъ «Новаго Времени», «Новостей» или «Нивы» и заявляетъ хозяину, что такая-то газета или журналъ желалъ бы напечатать на своихъ страницахъ его портретъ. Тутъ въ практикѣ г. А. Х.—ва бываетъ два случая: либо особа чувствуетъ себя польщенной и тотчасъ же даетъ свой портретъ съ удовольствіемъ, либо гонитъ г. сотрудника въ шею. Последнее случалось чаще, потому что г. А. Х.—въ взимаетъ съ оригинала карточки отъ 3 до 5 рублей «за напечатаніе». Сначала въ редакціяхъ брали у Х. этотъ товаръ и платили ему гонораръ, но когда въ редакціи стали поступать отъ родныхъ лицъ жалобы и запросы, что же, дескать, господа, портрета моего не печатаете? Мы вашему сотруднику 5 цѣлковыхъ безъ торгу заплатили, — то г. А. Х.—ву почти вездѣ показали дверь, а въ двухъ газетахъ было напечатано даже официальное извѣщеніе, что онъ сотрудникомъ не состоитъ. Но съ этого господина все какъ съ гуся вода...

Х.

Основалось въ Петербургѣ общество трезвости, поставившее своей задачей противодѣйствовать пьянству и спасти пьяницъ отъ пагубнаго порока. Первые члены его обязались клятвою абсолютнаго воздержанія въ толстовскомъ духѣ: «обѣщаемся и сами въ ротъ спиртнаго не брать, и никому не предлагать, никого не угощать и всѣхъ отъ спирта отклонять». Общество открылось, но дѣла его, по первому же абцугу, пошли, если не плохо, то вяло. Надо было для того, чтобы поднять дѣло и дать ему ходъ, посадить во главѣ архитрезвенника, пользующагося популярностью. Подумали, погадали и рѣшили предложить мѣсто почетнаго предсѣдателя о. Іоанну Кронштадтскому. О. Іоаннъ принялъ предложеніе и согласился. Когда я прочелъ объ этомъ въ газетахъ, то мнѣ невольно вспомнился его недавній юбилей...

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

НЕПУТЕВЫЙ ДЬЯКОНЪ.

(Разсказъ).

I.

ГО всѣ звали «непутевымъ дьякономъ».

Его такъ называлъ и самъ владыка, «мягкосердечный» Пахомій, который иногда переименовывалъ дьякона въ «притчу во языцѣхъ» и въ «забулдыгу». Однако Аркадій Марковичъ Кустодіевъ, дьяконъ церкви «Никола на Пескахъ» не былъ пьяницей и бездомникомъ. Правда, отъ вина онъ не отказывался, но пить умѣло: только «до положенной границы»,—больше ни одной рюмки. Потому онъ всегда на ногахъ держался крѣпко и языкъ его «не выходилъ изъ послушанія». Не пить вовсе—нельзя: «всѣ дьяконы пьютъ» убѣжденно говорилъ Кустодіевъ, и если ему указывали на непьющаго дьякона, онъ возражалъ:

— Исключеніе! Нѣтъ правила безъ исключенія. Я же человѣкъ правила и потому пью «до положенной границы».

— Стало быть, ты самый правильный дьяконъ,—замѣчали ему со смѣхомъ.

И онъ убѣжденно отвѣчалъ:

— Всеконечно! Когда я пропустилъ какую-либо службу отъ питія? Ни даже вечерни. Прямо съ поминальнаго обѣда на службу, и хоть на единомъ словѣ запнулся бы мой языкъ!

Онъ добавлялъ:

— Я пью, но я не пьяница!

И онъ былъ правъ. Дома онъ почти совсѣмъ не пилъ. О семьѣ онъ заботился, поскольку «надлежитъ пещись»—ибо, говорилъ онъ увѣренно, «чрезмѣрное безпокойство о будущемъ—грѣхъ предъ Господомъ, какъ бы «отрицаніе Его попеченія о людяхъ».

— Развѣ Господь не Промыслитель о насъ?—задавалъ вопросъ дьяконъ.

И на это «благочестивый и досточтимый» спасскій протоіерей Сацердотовъ отвѣчалъ:

— Да, да. Твое разсужденіе благомысляще, дьяконъ!

И все же Кустодіева всѣ звали «непутевымъ дьякономъ».

А звали такъ потому, что онъ держался «не по сану», «несоответственно», какъ выражался тотъ же протоіерей Сацердотовъ,— всегда былъ готовъ «отмочить штуку» и «выкинуть колѣнце», по словамъ настоятеля Никольской церкви, отца Вукола Кондакова, который любилъ выпить больше своего дьякона, но держался чинно, выражался елейно и умѣлъ передъ вышними смиренно молчать. Последней добродѣтели у Кустодіева не было совсѣмъ. Отдавая должное дьякону, о. Вуколъ говорилъ о немъ сокрушенно:

— Самъ себѣ человекъ карьеру портить. Голосъ дивный, такого, можетъ, въ губерніи не найти, службу знаетъ твердо, давно бы попалъ онъ въ соборные протодьяконы, а то и во іереи въ село, а вотъ мается въ здѣшнемъ приходѣ. Владыка какъ-то изволилъ выразиться: «Голосомъ онъ моего протодьякона въ щель забьетъ, но развѣ онъ въ соборъ годится? Такой сюрпризець поднесетъ, что бѣда. Вѣдь помните...»

Отецъ Вуколъ смѣялся, прищуриваясь, и договаривалъ:

— Владыка имѣлъ въ виду «тотъ фактъ».

Кондаковъ не пояснялъ, цотому что всѣмъ былъ уже извѣстенъ «тотъ фактъ», о которомъ въ свое время говорилъ весь Сонскъ.

Фактъ былъ такой.

Кустодіевъ возвращался изъ гостей—подвыпившій, но «на ногахъ твердый». Видитъ онъ, на бульварѣ лежитъ пьяный человекъ. Посмотрѣлъ дьяконъ и узналъ въ пьяномъ человекѣ соседа, живописца Жилина.

— Эй, богомазъ слабоногій, возстань! Грядемъ домой!—зычно крикнулъ Кустодіевъ.

Жилинъ не отозвался ни единымъ звукомъ.

Посмотрѣлъ дьяконъ вокругъ—извозчика нѣтъ. Не долго думая, дьяконъ взвалилъ живописца на свои могучія плечи и понесъ домой.

Ему повстрѣчался членъ консисторіи о. Всеволодъ Пятницкій.

— Отцу протоіерею почтеніе!—рявкнулъ дьяконъ чуть не на всю улицу.

Пятницкій замеръ на мѣстѣ отъ изумленія.

А Кустодіевъ, улыбаясь, продолжалъ:

— Почто изумляешься, отче? Виждь: овцу погибающую возложилъ на рамена и несу въ домовую усыпальницу, спасая отъ псовъ и полицейскихъ, дабы первые не искушали богомаза, а вторые не облегчили бы его кармановъ и не ввергли въ темницу.

Ироническая рѣчь дьякона показалась о. Всеволоду «неумѣстной», а все поведеніе «крайне неприличнымъ и соблазнительнымъ», и протоіерей Пятницкій пожаловался преосвященному. Владыка вызвалъ дьякона къ себѣ.

— Ты что это: спектакли устраиваешь на улицѣ?—спросилъ архіерей, стараясь своему голосу придать строгость, а лицу суровое выраженіе.

— Владыка,—промолвилъ дьяконъ густымъ басомъ, приводившимъ всѣхъ въ восхищеніе:—актеромъ не сотворенъ быть, хотя почитаю отмѣнные актерскія дарованія... Я же, владыка, только по глаголу Господнему поступилъ: спасъ ближняго.

— Зачѣмъ же ты на себѣ-то его тащилъ? Не могъ привезти на извозчикѣ?—спросилъ архіерей, едва удерживаясь отъ улыбки.

— Ваше преосвященство! Если бы нашелся возница, тако бы я и сдѣлалъ. Не обрѣтохъ! А потому возложилъ...

— Замолчи, непутевый,—перебилъ владыка.—Эдакъ ты... и бабу на себя верхомъ посадишь и понесешь? Надо все различать и въ добромъ дѣлѣ.

— Владыка!

— Уходи! Уходи!

Пахомій повернулся и исчезъ за дверями кабинета.

Дьяконъ постоялъ съ минуту въ приѣмной, сдѣлалъ поклонъ по направленію архіерейскаго кабинета и отправился домой.

Всѣ ждали «кары», но ея не послѣдовало.

Вскорѣ послѣ этого благочинному кто-то донесъ, что Кустодіевъ «бѣгаетъ съ чиновниками и съ мѣщанами на гигантскихъ шагахъ, на спольѣ».

Благочинный вытребовалъ дьякона къ себѣ. Кустодіевъ явился къ нему въ широчайшей панамѣ.

— Да ты, дьяконъ, не рехнулся?—спросилъ его отецъ Василій Упокоевъ, преподавъ благословеніе.

— Въ здоровомъ умѣ и въ полной памяти, отче святыи,—отвѣтилъ Кустодіевъ.

— Не видать, не видать. Во-первыхъ, къ чему эта у тебя.. манерная рѣчи? Говори, какъ всѣ... чего комедію ломать? Погоди слушай! А во-вторыхъ, къ чему эта плантаторская шляпа? Къ лицу ли, скажи мнѣ?

— А я не забочусь о томъ, отче, идетъ ли ко мнѣ, или нѣтъ.

— Не въ томъ смыслѣ я... къ сану-то твоему это подходитъ?

— А почему нѣтъ?
 — Полагаешь?—уже сердясь промолвилъ Унокоевъ.
 — А гдѣ указано, что нѣтъ?
 — Самъ сообрази. Можешь ли ты представить себѣ въ такой шляпѣ, примѣрно, апостола?

— Спаситель и апостолы никакихъ шляпъ не носили. Я же такую ношу, ибо глазамъ легко. А что касается апостоловъ, то развѣ можно всегда на нихъ ссылаться?

— Обязательно надо!—воскликнулъ благочинный.

— Отецъ Василій! А развѣ апостолы курили? Вы же вотъ курите!

Унокоевъ не ожидалъ такого возраженія. На мгновеніе онъ смутился, но затѣмъ гнѣвно произнесъ, краснѣя отъ волненія:

— Ты дерзишь, дьяконъ! Ты пользуешься благодушіемъ нашего владыки, но вѣдь всему есть границы... всякому милосердію предѣлъ есть... помни!

И тономъ, не допускающимъ возраженія, онъ добавилъ:

— На гигантскихъ шагахъ бѣгать не смѣй! Панаму сію брось! И такъ ты прославился въ городѣ... Не допрыгайся до... монастыря, дьяконъ. Ступай!

Кустудіевъ ушелъ, но на другой же день ходилъ въ панамѣ по улицамъ и бѣгалъ на гигантскихъ шагахъ.

Благочинный доложилъ о «невозможномъ поведеніи» дьякона епископу.

Тотъ выслушалъ и промолвилъ:

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Несуразный онъ совсѣмъ... А по душѣ хорошій и службу править рачительно, самъ настоятель говорилъ. И прихожане имъ довольны... Я подумаю, отецъ...

— Ваше преосвященство,—слѣйнымъ тономъ промолвилъ благочинный:—для примѣра хотя бы наказать его... для его же пользы... не зная никакой острастки, онъ отъ рукъ отбился, дерзничать сталъ.

Въ желаніи досадить дьякону благочинный передалъ отвѣтъ Кустодіева относительно ссылки на апостоловъ и о куреніи.

Владыка улыбнулся и произнесъ:

— А вѣдь тутъ онъ правъ: неладно вы дѣлаете, что курите. Непохвально это.

Благочинный спохватился, что онъ сдѣлалъ ошибку, наговоривъ на самого себя, и въ смиреніи покорно склонилъ лысую голову.

— Да-а,—въ раздумьи промолвилъ Шахомій:—непутевый онъ... Я подумаю... Иди съ миромъ, отецъ.

Прошло около мѣсяца, а владыка все еще «думалъ» къ великой досадѣ благочиннаго.

II.

Дьяконъ былъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ и не мечталъ ни о протодьяконствѣ, ни о священствѣ въ селѣ, хотя дьяконицѣ очень хотѣлось стать «матушкой».

— Чѣмъ мнѣ здѣсь-то плохо?—спрашивалъ дьяконъ.

И самъ же отвѣчалъ на вопросъ:

— Превосходно здѣсь! Службы всего три раза въ недѣлю:—не затруднительно и есть возможность работать. Отвѣтственности никакой... А доходы... развѣ мало? Благодарю Бога, взысканъ. А если когда и недохватка—такъ трудами своими добавлю.

Онъ прекрасно переплеталъ и помимо частныхъ заказовъ работалъ постоянно на семинарію. Весной онъ рыбачилъ и ходилъ даже на дичь съ ружьемъ. Дѣтей у Кустодіева не было; жена, самъ онъ и сирота - племянница — вотъ и вся семья. Нуждаться не приходилось.

Отецъ Вуколь былъ недоволенъ, что дьяконъ «ходитъ на дичь».

— Не добро это,—говорилъ онъ дьякону.

— Отчего?—спрашивалъ тотъ.

— Не полагается... не надлежитъ по сану. Вникни въ писаніе.

— Апостолы рыбачили.

— Рыбачь и ты... противъ сего не скажу и слова. А съ ружьемъ? Развѣ они стрѣляли?

— Все равно... Ловили рыбу. Значитъ, ее убивали.

— Рыба сама усыпаетъ. А ты кровь проливаешь.

— А мясо мы ѣдимъ, отче?

— Но не сами убиваемъ.

— Это уже увертка, отче. Если нельзя убивать, то нельзя и посылать другихъ убивать за себя. И еще: въ Спасскомъ монастырѣ поваръ изъ монаховъ и убиваетъ живую рыбу... самъ видѣлъ.

— Это опять какъ бы послушаніе,—нехотя возразилъ отецъ Кондаковъ.—Да что толковать съ тобою: тебя не убѣдишь... Лучше доложу владыкѣ, пусть тебя урезонитъ.

Отецъ Вуколь не доложилъ, но за него это сдѣлалъ благочинный.

Епископу надоѣли постоянныя жалобы на Кустодіева. Онъ, видимо, разсердился и проговорилъ:

— Не унимается! Ну, пошли ко мнѣ! И ему внушу...

— Для примѣра бы, ваше преосвященство...

— Знаю самъ... что учишь? Пошли его ко мнѣ... чтобъ сегодня же явился!

Въ голосѣ архіерея зазвучали сердитыя ноты.

Благочинный остался ими доволенъ и со сладкими мечтами о «взыскѣ» вышелъ изъ владычныхъ покоевъ.

Къ дьякону былъ посланъ «нарочный» съ приказомъ: «немедля явиться къ преосвященному».

Кустодіевъ облекся въ «выходную» рясу и отправился къ архіерею, благоразумно послушавшись жены, посовѣтовавшей не надѣвать панамы.

Впервые епископъ встрѣтилъ дьякона сурово, даже гнѣвно.

— Доколѣ это все будетъ продолжаться? — строго спросилъ онъ. — Когда ты дашь мнѣ покой, дьяконъ?

— Не знаю, владыка, вины своей. Сблаговолите сказать, въ чемъ прегрѣшилъ?

— Не знаешь! За дичью охотишься?

— Охочусь, владыка.

— Съ ружьемъ?

— Съ ружьемъ, владыка.

— Сегодня ты на дичь, а завтра на медвѣдя пойдешь! Что ты въ самомъ дѣлѣ: въ монастырь захотѣлъ?

— Ваша воля, владыка!

Этотъ отвѣтъ сразу обезоружилъ архіерея.

«Вѣдь вотъ какой», подумалъ Пахомій.

Но онъ продолжалъ такъ же строго:

— Отчего же не покоряешься наставленіямъ начальства? Немродъ какой еще выискался! Ты лучше дѣломъ бы занимался.

— Я переплетаю, владыка.

— Вотъ это хорошо. А то пой... Ты вѣдь хорошо поешь?

— Прихожане одобряютъ. Говорятъ, что когда пою, напимѣръ, «Чертогъ», то всѣ плачутъ.

— Ужъ будто и плачутъ?—какъ бы недовѣрчиво промолвилъ епископъ.

— Говорятъ такъ. Староста плачетъ, знаю доподлинно.

— Ишь ты какой!

И вдругъ совсѣмъ уже инымъ тономъ Пахомій добавилъ:

— А сейчасъ можешь спѣть «Чертогъ»?

— Могу, владыка!

— Ну-ка спой!

— Только разрѣшите воды выпить: въ горлѣ пересохло.

— Вотъ еще что... ну, выпей!

Служка принесъ стаканъ воды. Кустодіевъ выпилъ залпомъ, крикнулъ, словно послѣ водки, и проговорилъ, обращаясь къ архіерею:

— Могу теперь, владыка: благословите!

— Ну, начинай! — сказалъ Пахомій, откидываясь на спинку кресла!

«Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный!» громоносно грянулъ дьяконъ мощнымъ красивымъ голосомъ, какъ бы выражая неописанный восторгъ при созерцаніи Божественной обители. Торжественные звуки широкой волной разлились по архіерейскимъ покоемъ, невольно заставивъ радостно затрепетать сердце владыки, который остановилъ свой взоръ на лицѣ пѣвца. Но вотъ голосъ дьякона дрогнулъ и сталъ опускаться все ниже и ниже, какъ бы отъ овладѣвшаго пѣвшимъ смущенія при сознаніи, что «одежды не имамъ, да вниду въ оны». Этотъ переходъ отъ восторга къ смущенію былъ выраженъ дьякономъ въ совершенствѣ, словно онъ передавалъ не мелодію композитора, а духовную мелодію своего сердца, только что пережившаго эту сложную гамму разнородныхъ ощущеній. Чувства ясно отражались на подвижномъ лицѣ пѣвца, съ которымъ одинаковыя настроенія, видимо, переживалъ и Пахомій, ликуя въ созерцаніи Спасова чертога и скорбя о «неимѣннѣи одежды».

А дьяконъ весь отдался пѣнію. Изъ его груди вырвалось настойчивое, полное мольбы и надежды воззваніе къ Богу: «Просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче!» Эта надежда перешла въ увѣренность на милость и всемогущество Божіе. Епископъ невольно закрылъ глаза, какъ бы весь превратясь въ слухъ и не желая разсѣивать мысли, сосредоточившіяся на Творцѣ Промыслителѣ, который неимущихъ одежды облакаетъ въ свѣтлыя ризы и спасаетъ всѣхъ, взывающихъ къ нему: «Спаси мя!»

Пѣніе окончилось, а владыка еще нѣсколько секундъ молчалъ и сидѣлъ съ закрытыми глазами, какъ бы зачарованный только что смолкшими звуками.

Но вотъ онъ быстро поднялся съ кресла, съ лицомъ умиленнымъ и растроганнымъ подошелъ къ дьякону и взволнованнымъ голосомъ промолвилъ:

— Да ты понимаешь ли самъ, какой даръ имѣешь отъ Бога? Вѣрю, что плачутъ. Я самъ готовъ заплакать... Не глядя на тебя, можно подумать, что ты не одинъ поешь... И душа въ словахъ слышна, потому и чужія души волнуешь. Но пѣнію-то ты Дамаскинъ, а вотъ непутевымъ прослылъ... что же это?

Архіерей съ укоромъ, съ недоумѣніемъ и въ то же время съ любовью глядѣлъ на дьякона, который смутился отъ похвалъ и потерялъ свою обычную смѣлость.

Епископъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Эхъ, дьяконъ! Самъ себѣ вредишь... Хочешь въ село въ священники?—вдругъ неожиданно закончилъ Пахомій.

— Нѣтъ, владыка, чистосердечно отвѣтилъ Кустодіевъ:—недостойнъ я сана іерейскаго... боюсь отвѣта!

Пристально и проникновенно посмотрѣлъ на него епископъ и сказалъ уже совсѣмъ ласково:

— Не пойму тебя... По душѣ ты золотой, а вотъ поступки твои... Ну, иди съ миромъ... брось только охоту съ ружьемъ!

Не приказомъ, а ласковымъ совѣтомъ повѣяло отъ слова архіерея.

— Владыка! Доброта ваша... сильнѣй кары. Исполняю волю вашу: бросаю отнынѣ ружье!

И Кустодіевъ колѣнопреклоненно поклонился епископу.

— Вотъ и хорошо! Вотъ и спасибо!—радостно воскликнулъ Пахомій, довольный тѣмъ, что добился «исправленія безъ наказанія».

Преподавъ дьякону благословеніе и разрѣшивъ ему облобызать архипастырскую руку, владыка и самъ поцѣловалъ его въ лобъ.

Вечеромъ этого дня епископъ расхваливалъ голосъ дьякона пріѣхавшему въ гости врачу Червинскому.

— Онъ и человѣкъ чудный!—сказалъ докторъ.

— Да, чудный, но и... чудной! — съ усмѣшкой промолвилъ архіерей.—Вотъ на шагахъ гигантскихъ бѣгаетъ... волосы-то треплются по воздуху, словно у барышни...

— Какой грѣхъ на шагахъ бѣгать? Это даже гигиенично, владыка,—замѣтилъ гость.—Жизнь духовныхъ очень ужъ стѣснена... Но вѣдь шаги лучше же картъ.

— Это такъ!—поспѣшно согласился архіерей.—Я студентомъ тоже любилъ бѣгать на шагахъ... бывало и дѣвицу какую занесешь... молодость!—промолвилъ онъ съ легкимъ вздохомъ.

И сейчасъ же добавилъ:

— Только волосы-то пусть бы онъ хоть въ косицу заплеталъ, а то...

Архіерей, не dokonчивъ, засмѣялся своимъ тихимъ, любовнымъ смѣхомъ.

— Хотите, я скажу ему это при встрѣчѣ?—предложилъ Червинскій.

Пахомій посмотрѣлъ на гостя, помолчалъ и отвѣтилъ:

— Скажите... отъ себя, въ видѣ совѣта.

Благочинный остался очень недоволенъ тѣмъ, что Кустодіевъ «покорился ласкѣ» и еще болѣе тѣмъ, что тотъ покорилъ архіерея своимъ пѣніемъ. Онъ ждалъ кары для упрямаго дьякона. Въ этомъ случаѣ благочинному было безразлично: ходитъ или нѣтъ на охоту дьяконъ. Онъ злился, что ошибся въ своихъ ожиданіяхъ.

— Вотъ, отецъ, и непутевый покорился-таки,—сказала благочинному жена.

— Обошелъ владыку, и больше ничего,—сердито отвѣтилъ Упокоевъ:—ему бы взыскъ хорошій: на черныя работы въ монастырь на три-четыре мѣсяца, вотъ бы и смирился... а это что: одно баловство!

— Къ чему же взыскъ, если такъ покорился: чѣмъ хуже?— недоумѣвала добродушная попадья, восхищавшаяся голосомъ дьякона.

— Много ты понимаешь,—пренебрежительно и съ досадой проговорилъ о. Василій, принимаясь за просмотръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Въ противоположность благочинному прихожане остались очень довольны. Они любили дьякона, хотя далеко не одобряли его «чуждечествъ».

Онъ всѣхъ покорилъ своимъ голосомъ и открытымъ, прямымъ характеромъ.

Вольнолюбивый генералъ Перцовъ говорилъ:

— Люблю нашего дьякона: не ханжа, не строитъ изъ себя святоши; каковъ есть, такимъ и кажется, безъ личины елейнаго благочестія.

Староста Анфимовъ любилъ дьякона и за голосъ и за умѣніе играть въ шашки, до которыхъ староста былъ большой охотникъ. Когда дьяконъ заходилъ къ Анфимову въ лавку или на домъ, то обыкновенно сейчасъ же начиналось «сраженіе», длившееся иногда часа два. Анфимовъ угощалъ «партнера» мадерой и пирожками.

— Вѣдь дрянцо мадера-то у Анфимова?—спрашивали дьякона.

— Дешевенькая,—откровенно отвѣчала тотъ и прибавляла съ улыбкой:—даровому коню въ зубы не смотрять.

Полковница Бердяева, хваля голосъ дьякона, всегда замѣчала:

— А осанка чего стоитъ? А волосы—волны, и эти сѣрые открытые глаза?

— Не влюбитесь, Марья Степановна,—смѣясь говорили ей.

— Стара я... а что же: можно и влюбиться... Красавецъ: лицо бѣлое, какъ кровь съ молокомъ, носъ римскій... а брови? Точно нарисованы...

— Да-а,—соглашался отставной профессоръ семинаріи Суковъ:—дьяконъ благообразный... пріятной наружности... только громоздокъ и нѣсколько... грубоватъ.

Всѣ прихожане сходились на одномъ:

— Такого голоса поискать да поискать. Нѣтъ, мы своего дьякона въ обиду не дадимъ. Правда, непутевый немножко, но душа человѣкъ... Мы за него постоимъ. Если что, мы и въ Петербургъ хватимъ!

До Пахомія долгое время архіерействовалъ Никифоръ, который былъ далеко не такъ мягкосердеченъ. Но и онъ считался съ дружной защитой всѣхъ прихожанъ, опасаясь раздражать Перцова, братъ котораго служилъ при дворѣ, и Бердяеву, способную летѣть въ Петербургъ прямо къ митрополиту, если бы дѣло коснулось дьякона. Считался владыка и съ Анфимовымъ, какъ съ богатымъ благотворителемъ не только Никольской церкви, но и дру-

гихъ. Онъ поддерживалъ и «братство», предсѣдателемъ котораго состоялъ епископъ.

Жалобщикамъ на дьякона Никифоръ отвѣчалъ:

— Всѣ прихожане за него: любовь заслужилъ... какъ же тутъ? Противъ всѣхъ чтò я подѣлаю!

Но онъ «пошукивалъ» дьякона и «грозилъ» ему карами.

При епископѣ Пахоміи прихожанамъ нечего было беспокоиться за своего любимца.

III.

Дьяконъ доѣдалъ вторую тарелку свекольниковы, когда жена вдругъ заявила ему:

— Да, а горе-то какое у Тарасихи!

— У Татьяны Савельевны?

Дьяконъ рыгнулъ и замѣтилъ съ удовольствіемъ:

— Важный квасокъ: такъ и отдастъ.

Жена нахмурилась.

— Оно и видно: рыгаешь, какъ мужикъ!

— Не графъ я и есть. Мой батя самъ землю пахалъ, а мать рожь жала и боронила. Дюжая была... не чета тебѣ. Если бы тебя запрячь въ такую работу, на долго ли бы хватило?

— Такъ бы я и стала боронить, дожидайся! Расхвастался чѣмъ!

— А что позорнаго? Куда ты лѣзешь, Манефа? Это все твоя пріятельница-модница настегиваетъ... Охъ, бѣдный отецъ Григорій: не попадья у него жена, а настоящая актерка! Ну, да бросимъ это... Какое же горе у Татьяны Савельевны?

Жена отвѣтила не сразу, выражая этимъ свое недовольство. Дьяконъ положилъ на тарелку рыбы и принялся ѣсть.

— Какое горе! — заговорила жена. — А такое, что по міру ей итти придется... вотъ что!

— Какъ такъ?

— Да домъ-то у нея заложенъ?

— Ну, заложенъ.

— У кого?

— У нашего настоятеля. То-есть, оно не прямо у него, но это все равно: мужъ да жена—одна сатана. Конечно, это не по писанію...

— Ты вотъ тутъ зубы скалишь, а каково ей? Постыдился бы!

— Я-то при чѣмъ? У меня развѣ заложенъ домъ?

— Сказалъ бы ему. Съ архіереемъ ершомъ держишься, а тутъ чего боишься?

Дьяконъ засмѣялся.

— Развѣ я боюсь? Толку мало. Что о. Вуколъ? Онъ пикнуть не смѣетъ передъ Юліей Васильевной. Что ему говорить!

— Ну, ей самой скажи: чего она жадничаетъ? Въ гробъ, что ли, съ собой возьметъ? Дѣтей-то всего одна дочь, да и та кривобокая... какіе ей наряды? а на прожитіе хватить; нечего другихъ грабить. Еще жена настоятеля... а такъ поступаетъ!

— Хорошенько пробери!—сказалъ смѣясь дьяконъ.— Вотъ бы тебѣ, жена, проповѣдь сказать въ соборѣ... а?

— Непутевый ты и есть,—правду говорятъ!

Дьяконица сердито отодвинула тарелку и поднялась съ мѣста.

— Погоди, Златоустъ, а простокваша-то?

— Послѣ свекольниковъ и рыбы развѣ ѣсть станешь?

— А почему нѣтъ? Я не боюсь такого совмѣстительства... давай простоквашу!

Дьяконица молча вышла изъ комнаты.

О. Вуколь за долгіе годы прикопилъ деньжонокъ. Ранѣе онъ служилъ въ селѣ, гдѣ получалъ порядочно, сдавалъ въ аренду землю, перепродавалъ сѣно, хлѣбъ. Жили они всегда скромно. Попадья учитывала каждую копейку и не давала мужу выпить лишней рюмки водки. Когда гости пили много, она становилась злою и свою злобу вымѣщала потомъ на мужѣ, словно онъ былъ виновенъ въ томъ, что гости выпили много вина.

— Я-то при чемъ? Чего на меня кидаешься?—спрашивалъ смиренно Кондаковъ.

— Не зови такихъ ненасытныхъ... ишь, готовы чужое лопать... Да и ты за ними не отстаешь!

— Нельзя же, тогда и они не стануть... неловко.

— И пусть не пьютъ... Погоди, я поступлю, какъ надо.

Послѣ такой «встренки» о. Вуколь долгое время боялся приглашать кого-либо къ себѣ, стараясь подъ разными предлогами избавиться отъ гостей.

Какъ-то разъ о. Вуколь, подъ вліяніемъ лишней рюмки, выпитой на похоронахъ, «размякъ» и далъ одной вдовѣ цѣлковый на бѣдность. Попадья узнала о такой щедрости мужа и принялась «пропекать» его. Она «пилила» его больше двухъ недѣль и въ возмѣщеніе убытковъ лишила его на все это время предобѣденной рюмки водки.

— Ладно, и такъ сидишь, больно сталъ добръ, вдовамъ по рублю даешь, за что еще, надо спросить? Не романъ ли развелъ на старости лѣтъ?

— Полно, мать, въ умѣ ли ты?—растерянно промолвилъ о. Вуколь.

— Я-то въ умѣ... а вотъ ты, кажись, его лишился; много накопилъ, что ли?

При такой экономіи у о. Вукола давненько въ банкѣ лежали если и не милліоны, то тысячи, и «очень кругленькія», какъ выражался Анфимовъ. Кондаковъ давалъ охотно деньги въ ссуду,

особенно подъ залогъ, при чемъ всѣ сдѣлки производились отъ лица Юліи Васильевны. Тарасиха во время болѣзни покойнаго мужа заложила Кондаковой домикъ за триста рублей. Теперь она не могла заплатить долга и просила «переписать его еще на годикъ», но попадья и слышать не хотѣла объ отсрочкѣ.

— Гдѣ хочешь доставай, а деньги внеси, не то продамъ твой домъ,—объявила Кондакова:—мнѣ нужны деньги самой.

Разспросивъ послѣ обѣда жену обо всемъ подробно, дьяконъ крикнулъ и проговорилъ, барабани пальцами по столу:

— Зѣло не ладно выходить. Забыла попадья о притчѣ...

— Ты притчи-то брось,—сказала дьяконица:—лучше переговоры да урезовъ Юлію.

— Съ ней нечего говорить... Меня она терпѣть не можетъ, только сгажу все дѣло.

— Тогда какъ же?

— А вотъ посоветуюсь съ пріятелемъ.

— Съ кѣмъ это?

— Съ Мозгомъ Мозговичемъ.

Дьяконъ указалъ перстомъ на лобъ.

— Все-то у тебя выверты, Аркадій,—снова съ неудовольствіемъ сказала жена.

Дьяконъ засмѣялся и отправился въ спальню.

— Немножко сосну, Манефа... а то туманить... не работаетъ башка.

IV.

Проснувшись, дьяконъ лежалъ и обдумывалъ: какъ бы пособить горю Тарасихи? Уговорить попадью—дѣло трудное, она упряма. Очевидно, она хочетъ воспользоваться случаемъ и пріобрѣсти выгодно домикъ старухи. Да если и пойдетъ попадья на половину уплаты: гдѣ взять денегъ?

Дьяконъ зѣвнулъ такъ, что «сосѣдямъ слышно», по выраженію дьяконицы, и опять задумался.

«Развѣ къ Анфимову обратиться? Туговать тоже; двѣсти рублей, или хоть полтораста даже—не гривенникъ нищему. Предложить ему взять домъ на себя, подъ закладную?»

Эта мысль понравилась дьякону, онъ быстро поднялся съ кровати, накинулъ на себя каламянковую рясу и крикнулъ:

— Жена! Я иду.

— Куда?—отозвалась изъ кухни дьяконица.

— На охоту.

— Какъ на охоту? А Тарасиха?

— Вотъ для нея-то и иду. Можетъ, что и выловлю.

— Къ кому же?

— Тамъ увижу... Гдѣ клонеть...

Онъ надѣлъ свою панаму и вышелъ изъ дому, сопровождаемый ворчаніемъ жены, не любившей «секретовъ и недомолвокъ» мужа.

Анѣмова въ лавкѣ не оказалось.

— Только сейчасъ уѣхали-съ,—объявилъ приказчикъ.— Не хотите ли чайку, о. дьяконъ?

— Стакапекъ можно.

Кустодіевъ выпилъ два стакана крѣпкаго, какъ пиво, чаю и отправился на квартиру къ старостѣ.

— Только сей-минутъ уѣхали въ Семенково по дѣлу... насчетъ аренды...—доложилъ дворникъ.

— Вотъ незадача... не клюетъ!—промолвилъ дьяконъ.

Онъ вышелъ на улицу и остановился въ раздумьи.

«Куда итти? Достать денегъ не легко... не всякій и подъ домъ дастъ, другой скажетъ: «развѣ я ростовщикъ?» Какъ полѣзешь прямо съ такой просьбой? Его любятъ прихожане, это такъ; да вѣдь тутъ не ему и надо-то! Ради Христа попросить для Тарасихи? Э, теперь не первые вѣка христіанства, когда ради Христа на костры шли и имѣнія раздавали. Теперь ради Христа подаютъ копейки и только. А не попытать ли у отца Валентина?—блеснула мысль у Кустодіева.—Онъ за женой взялъ большое приданое. Доходы громадныя: на однихъ молебнахъ больше тысячи получить... Къ тому же охочъ проповѣди о любви говорить... пусть проявитъ ее самъ. Попробую, что теряю? Предложу, въ случаѣ чего, закладную».

Дьяконъ отправился къ о. Валентину Богородскому, жившему въ собственномъ домѣ, на Сиземскомъ Спускѣ.

У о. Валентина были гости и шла картежная игра на трехъ столахъ. Въ кабинетѣ, куда вошелъ дьяконъ, стояло облако табачнаго дыма. Въ ту самую минуту, какъ входилъ Кустодіевъ, щелкнула пробка, кто-то откупоривалъ пиво. Самъ хозяинъ возился съ коробкой сардинокъ.

— А! Его протодьяконство!—воскликнулъ Богородскій, и Кустодіевъ по голосу понялъ, что «отецъ» уже «на взводѣ».—Какими судьбами?—продолжалъ хозяинъ.—Ну, братъ, теперь не пустимъ, засадимъ играть!

— Не играю, о. Валентинъ, не играю!—отвѣтилъ дьяконъ, пожимая пухлую руку хозяина и затѣмъ здороваясь съ его гостями.

Старичокъ-протоіерей, уже вдовецъ и третій годъ собиравшійся въ монастырь, съ улыбкой человѣка, «хватившаго лишку», пожалъ руку дьякону и промолвилъ вопросительно:

— Ну, что? какъ?

— Ничего, отецъ протоіерей, отвѣтилъ дьяконъ:—а вотъ когда вы въ обитель-то?

— Во всякомъ случаѣ послѣ игры,—отозвался за протоіерея тучный кладбищенскій священникъ, сдавая карты:— протопопу такъ везетъ, что мы его попридержимъ... хе-хе-хе!

Круглый животъ о. Грибовцева «заходилъ ходуномъ».

— Хочешь пива, дьяконъ?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, о. Валентинъ. Вѣдь я къ вамъ по дѣлу.

— Какое теперь дѣло!.. Да ты не насчетъ ли духовно-братскаго собранія? Кажись, оно сегодня?

— Да,—подтвердилъ о. Грибовцевъ.

— И Пахомій мягкосердечный будетъ?

— Навѣрное.

— Пусть... Безъ насъ обойдутся. Въ Сонскѣ пятьдесятъ восемь поповъ; если двѣнадцати и не будетъ—неважно.

— Хорошо, если двѣнадцать-то придетъ!—сказалъ тюремный священникъ, отправляя въ ротъ кусокъ рыбы.

— И тѣхъ довольно,—промолвилъ хозяинъ:—что тамъ дѣлать-то? Скучно до тошноты. Все лампадная елейность... это по вкусу владыкъ да «политикамъ» нашимъ... а я не изъ ихъ полка!

— А то вмѣсто духовныхъ-то вопросовъ насчетъ доходовъ подымутся рѣчи,—замѣтилъ маленькій горбатенькій о. Провъ, тербя свои три волосика, замѣнявшіе ему бороду.

— Это-то еще лучше!—кинулъ мимоходомъ кладбищенскій священникъ, и добавилъ громче:—а я васъ тузомъ-съ!

— Будетъ вамъ о доходахъ-то: у васъ всѣ мертвецы на откуп!—иронически проговорилъ съ другого стола соборный ключарь.

Хозяинъ захохоталъ.

— Вотъ ловко сказано!

Кладбищенскій батюшка ничего не отвѣтилъ, вступивъ въ споръ съ визави по поводу послѣдней взятки.

Но за кладбищенскаго настоятеля отвѣтилъ смотритель духовнаго училища, Яковъ Ивановичъ Мерянский.

— Э, отецъ Валентинъ,—промолвилъ онъ, вытирая губы послѣ пива:—у васъ своя доходная статья не хуже: скорбѣть не приходится.

Богородскій обидѣлся.

— А у васъ мало доходныхъ статей?—ехидно спросилъ онъ.—Вонъ у васъ усадебка куплена, а у эконома два домика.

— Братія! почто пререканія?—примирительно сказалъ учитель герменевтики о. Климентъ:—кому мертвые, кому живые, кому угодникі помогаютъ... ну, и слава Богу! Всѣ сыты, всѣ въ теплѣ...

Богородскій махнулъ рукой и произнесъ:

— А и то такъ... ну, васъ!

Онъ подошелъ къ столу съ винами и закусками.

— Если бы вы удѣлили мнѣ минутъ пять, о. Валентинъ!—шепнулъ ему дьяконъ.

— Въ чемъ дѣло? Я сейчасъ тоже сажусь за карты. Да ладно, пойдемъ сюда!

Они прошли въ сосѣдную комнату. Хозяинъ притворилъ дверь.

— Что такое?

— Вѣдь вы при капиталахъ, о. Валентинъ?—прямо началъ дьяконъ.

— Въ какихъ это смыслахъ?—спросилъ Богородскій, подозрительно косясь на Кустодіева.

— Въ самомъ обыкновенномъ: есть у васъ деньги?

— Это мое дѣло... Я у тебя не спрашиваю...

— Я и скрывать не стану: есть въ сберегательной семьдесятъ пять рублей. А вотъ дайте займы рублей триста!

— Тебѣ?

— Не мнѣ... А подъ залогъ...

— Ты, дьяконъ, съ этими дѣлами къ Чепуркину обратись, либо...

Богородскій прищурилъ насмѣшливо глаза и закончилъ:

— Либо къ своему почтенному настоятелю... А я этими дѣлами не занимаюсь. Съ какой стати ты и обращаешься ко мнѣ?—уже обидчиво промолвилъ о. Валентинъ.

— Я не какъ къ ростовщику обратился къ вамъ... а прошу спасти сиротъ.

— А что я за спаситель такой? Иди къ о. Вуколу, пусть онъ спасаетъ. Не бѣднѣй меня... еще богаче, навѣрное.

— Къ нему нельзя.

— Почему это?

— Нѣту у него.

— Э-э! И у меня нѣту! Бумаги не деньги, дьяконъ... ихъ не размѣняешь сразу... вонъ онѣ пали... терять, что ли, стану? Я себя урѣзываю, чтобы выдержать... авось поднимутся.

— Ну, а сто рублей? такія-то деньги и безъ бумагъ найдутся у васъ.

— Не пьянъ, дьяконъ, а говоришь, извини, глупѣе пьянаго. Сто-то рублей развѣ сто копеекъ? Тебѣ сто, другой придетъ сто... это что же? Нѣтъ, ты впрямь чудной дьяконъ! Знаешь что: брось ты это все... пойдѣмъ лучше пиво пить... Оставь ты сиротъ... если всѣмъ сиротамъ помогать, такъ тутъ, братъ, и мертвецы не вывезутъ: безъ гроша останешься! Идемъ пить пиво!

Дьяконъ рѣшительно отказался; онъ простился съ Богородскимъ, и ушелъ, не возвращаясь въ кабинетъ, такъ какъ изъ комнаты дверь выходила прямо въ переднюю.

«Ну, теперь, шабашъ, сегодня больше некуда,—рѣшилъ дьяконъ, очутившись на улицѣ.—Поплетусь къ Панову, поночь у него чайку и поиграю въ лото...» Дьякону пришли на память знакомые священники о. Гурій и о. Евоимій: безъ единого слова дали бы. Но у обоихъ большія семьи, а приходы бѣдные. Что они могутъ предложить? Сами еле перебиваются,

Кустодіевъ повернулъ въ сосѣднюю улицу, изъ которой выѣхала пролетка на резиновыхъ шинахъ. Въ пролеткѣ сидѣлъ, немножко сторбившись, отецъ Всеволодъ.

У дьякона мелькнула новая надежда.

— Отецъ Всеволодъ! Отецъ Всеволодъ!—закричалъ онъ такъ, что лошадь невольно шарахнулась въ сторону отъ испуга.

Кучеръ остановилъ ее.

— Вы это куда, отецъ протоіерей?—проговорилъ дьяконъ, подходя къ пролеткѣ и снимая панаму.

Пятницкій промолвилъ не особенно дружелюбно:

— На собраніе. Если и ты туда, могу подвезти.

— Э, что мнѣ тамъ дѣлать!—махнувъ рукою, сказалъ дьяконъ:—тамъ все высокоумныя разсужденія, а я ученъ мало... до філософіи едва доплелся...

— Напрасно такъ думаешь,—возразилъ Пятницкій.—Тамъ и пѣніе бываетъ. Ты бы могъ быть полезенъ голосомъ.

— Глотка моя, пожалуй пригодилась бы,—добродушно согласился Кустодіевъ и добавилъ, улыбаясь:—не люблю я этихъ собраній: что говорить, лучше дѣлать! Вотъ сдѣлайте-ка доброе дѣло, отецъ протоіерей!

— Какое дѣло? Я тороплюсь... пожалуй уже тамъ теперъ владыка...

— Я въ двухъ словахъ все... Сироты погибаютъ... на улицу выгоняютъ ихъ. Дайте рублей полтора. Ручаюсь, что возвратятъ.

— У меня съ собой и рубля нѣтъ... Да и вообще я въ сеуду не даю. А подавать постольку я не въ силахъ. И почему ты хлопочешь?

Пятницкій такъ посмотрѣлъ на дьякона, словно хотѣлъ спросить: «Да ты не пьянъ ли?» Кустодіевъ какъ бы понялъ взглядъ протоіерея и промолвилъ:

— Вы можетъ, думаете, что я съ пьяныхъ глазъ говорю? Я совѣмъ трезвъ... Сироты гибнутъ... жаль... Одна бабка и защита...

— Пусть обратится въ «Общество покровительства бѣдныхъ»... къ губернаторшѣ, она добрая дама... Я что же могу сдѣлать? Я не членъ даже... Такъ не ѣдешь въ собраніе? Напрасно! Илья, трогай!

Кучеръ дернулъ вожжами и лошадь такъ рванулась, что дьяконъ едва успѣлъ отскочить. Панамы слетѣла съ головы и вѣтеръ понесъ ее по дорогѣ. Дьяконъ словилъ ее уже у края канавы.

— А ты къ Акакію бы!—донесся до слуха Кустодіева голосъ протоіерея.

Дьяконъ всплеснулъ руками, выругавъ себя «азинусомъ». Въ самомъ дѣлѣ: какъ онъ могъ забыть объ дмитровскомъ архимандритѣ Акакіи? Спасибо и на томъ скупому протоіерею, что хотя на архимандрита указалъ,

Дьяконъ нанялъ извозчика и отправился въ Дмитровскій монастырь, находящійся въ двухъ верстахъ отъ города.

Акакія многіе называли прямо «блаженнымъ» за его полное безсребренничество. Онъ раздавалъ все, что получалъ, и нерѣдко самъ сидѣлъ безъ гроша. Когда не было у Акакія денегъ, онъ бралъ у келейника, у кого-нибудь изъ монаховъ, у казначея въ счетъ жалованія и доходовъ. Къ нему обращались семинаристы, гимназисты, чиновники, мѣщане и крестьяне. Возврата онъ не требовалъ, приносили — бралъ, чтобы снова отдать кому-нибудь; не возвращали — онъ даже и забывалъ о долгѣ. Ему многіе дарили на рясы бархату, шелку, разныя вещи; онъ раздавалъ все это вмѣсто денегъ, а самъ ходилъ въ своей выпцвѣтшей ряскѣ — «захудалого монашка» и «съ серебряными часами писаря», какъ выражался казначей, который смѣясь говаривалъ:

— Скоро нашъ Акакій блаженный, подражая святому, пойдетъ въ наемники и будетъ свою заработную плату отдавать бѣднымъ.

Кустодіевъ глубоко уважалъ архимандрита, а тотъ всегда легко встрѣчалъ дьякона. Онъ зналъ о «дьяконовскихъ чудачествахъ», но относился къ нимъ снисходительно:

— Это что, это внѣшнее, — говорилъ онъ: — главное душа... а душа у дьякона славная. У него ужъ натура такая неугомонная... здоровъ онъ очень, крови избытокъ... выхода сила просить... съ годами утихомирится.

Вечерня только что отошла, когда дьяконъ подѣхалъ къ монастырскимъ воротамъ.

— Что, дома архимандритъ-то? — спросилъ Кустодіевъ у привратника.

— Куда ему ѣхать, недомогаетъ что-то, и у службы второй день не былъ.

— А принимаетъ?

— Сегодня изъ города двое были: принялъ. Идите, должно, приметъ и васъ.

Акакій, высокій, сгорбленный старикъ, высохшій «словно мощи», опирался на толстую палку и тяжело дышалъ.

— Что съ вами, отецъ архимандритъ? — участливо спросилъ дьяконъ, принявъ благословеніе и поцѣловавшись съ Акакіемъ, который не допускалъ никого къ лобзанію своей руки.

— Ревматизмъ опять разыгрался, дьяконъ. Покою не нахожу, словно псы мои ноги грызутъ...

— Скипидаромъ хорошо, отецъ архимандритъ.

— Натиралъ, не помогаетъ, — отвѣтилъ Акакій. — Придется, видно, за докторомъ посылать, если не уймется. Садись, дьяконъ... веля чайку подать... ты гость-то рѣдкій.

— Не гость, ваше высокопреподобіе, а проситель.

Архимандритъ вдругъ весь словно съежился, и его лицо приядо виноватое выраженіе.

— Охъ, дьяконъ, не въ пору ты пришелъ, какъ проситель... нищъ я... да ты себѣ, что ли?

— Нѣтъ, отецъ архимандритъ... старуху съ сиротами добрые христіане на улицу выгоняють.

— Нѣтъ у меня ничего... вчера были... даже сегодня вотъ еще оставалось... послѣднюю красненькую отдалъ. Охъ, Господи! Какъ же теперь быть-то? И много надо?

— Да триста бы рублей надо.

— Триста! Ну, такихъ денегъ и взять-то негдѣ... Я и такъ въ монастырѣ по уши въ долгахъ.

— Можно и двумястами, пожалуй обойтись... даже и полтора-ста... не знаю, только, придется ли уломать добрыхъ христіанъ... Долгъ-то триста, весь требуютъ.

— Въ чемъ же дѣло: ты расскажи путемъ.

— Домъ заложень. Пришелъ срокъ. Отерочки не даютъ: или триста подай, или домъ въ продажу.

— Да кто, Чепуркинъ, что ли? У него въ залогѣ? Охъ, онъ лютой!

— И безъ него есть лютые, отецъ архимандритъ!

— Кто же?

— Этого не могу сказать... да что въ имени, авва?

— Это такъ...

Архимандритъ кряхтя поднялся съ дивана.

— Выгонятъ, говоришь?

— Безпремѣнно!

— И съ дѣтьми? Ай-ай! Экое горе... если бы вотъ...

— Если нѣтъ, что жъ дѣлать, отецъ архимандритъ! Я знаю, что вы не отказали бы. Всѣ знаютъ вашу доброту.

— Молчи, дьяконъ! Что такое городишь!

Акакій прошелся, опираясь на палку, по комнатѣ и остановился передъ гостемъ.

— А ста мало?

— Едва ль согласятся. Самое меньшее полтора-ста. И то гадательно. Хотятъ всѣ триста.

— Больше ста не добыть.

Но вдругъ Акакій улыбнулся и промолвилъ:

— А знаешь что мнѣ въ голову пришло, дьяконъ? Вѣдь это хорошо. У меня есть шуба знатная: лисья, бархатная... Свези-ка къ Чепуркину: полтора-ста дастъ навѣрное подъ нее.

— Чепуркинъ жохъ, авва! онъ пятую часть даетъ.

— Ну, вотъ... да она больше трехсотъ стоитъ... Не дастъ! А тогда продай ее.

— А сами вы какъ же?

— Зачѣмъ теперь шуба? Лѣто!

— Будетъ и зима,—улыбаясь сказалъ дьяконъ.

— До зимы еще далеко,—отвѣтилъ Акакій, опускаясь на диванъ.—Еще доживу ли до зимы, кто знаетъ. А тутъ ишь какая бѣда... Да и что мнѣ: у меня другая есть, форсится, что ли, мнѣ? Въ той могу... Бери, дьяконъ, и не смѣй перечить!

Дьяконъ глядѣлъ на худую старческую фигуру архимандрита, на его восковое болѣзненное лицо и думалъ: «нѣтъ, я ошибся: и теперь еще ради Христа даютъ не только копейку, а и послѣднюю рубашку, и на ряду съ лютыми есть блаженные, святые»...

Охваченный благоговѣйнымъ восторгомъ, дьяконъ быстро всталъ со стула и поклонился архимандриту до земли.

— Дьяконъ, да ты никакъ съ ума спятилъ!—смутясь промолвилъ Акакій дрожащимъ голосомъ.—Ты не знаешь, что дѣлаешь, непутевый!

— Я знаю, авва, что вы свѣтъ среди тьмы!—воскликнулъ зычно Кустодіевъ.

Архимандритъ замахнулся на него палкой.

— Не ори, очумѣлый, не ори! Я вотъ тебя батогомъ за такія слова!

И онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ ударить дьякона.

— Бейте, преподобный авва, бейте... все снесу!

— Будетъ тебѣ болтать... надо ѣхать скорѣе... я и чаемъ не стану потчевать тебя... въ другой разъ... бери шубу!

Онъ похлопалъ въ ладоши.

Явился келейникъ.

— Григорій! Гдѣ моя бархатная шуба?

— Въ кладовой, ваше высокопреподобіе!

— Ну, такъ достань-ка ее скорѣе да завяжи во что-нибудь и отдай отцу дьякону. Онъ ее скорняку сvezетъ... пусть поправитъ.

Послушникъ улыбнулся наивной выдумкѣ архимандрита. Не удержался отъ улыбки и дьяконъ. Акакій замѣтилъ и, какъ только келейникъ вышелъ, пригрозилъ дьякону палкой.

— Право, нобью... вотъ увидишь!

Голосъ Акакія звучалъ уже весело: старикъ былъ радъ, что нашелъ способъ помочь.

Онъ началъ хвалить семинаристовъ, на экзаменѣ у которыхъ былъ недавно, и вдругъ, замѣтивъ на столикѣ панаму дьякона, промолвилъ съ улыбкой.

— Что это ты за лопухъ носишь?

— Это панамы, отецъ архимандритъ!

— Да я въ нее весь уйду, безъ остаточка... вотъ такъ шляпу купилъ... и зачѣмъ? ха-ха-ха!

Вошелъ келейникъ съ узломъ въ рукахъ.

Акакій поднялся съ мѣста и, словно боясь, что дьяконъ откажется или начнетъ благодарить, поспѣшно заковылялъ въ сосѣднюю комнату, кинувъ на ходу:

— Вези, мнѣ что-то плохо!

И, не давши прійти въ себя изумленному гостю, затворилъ за собою дверь.

— Ну, авва!—проговорилъ дьяконъ, качая головой.

— Онъ у насъ всегда такой!— съ усмѣшкой замѣтилъ Григорій.

— Святой онъ у васъ старикъ, вотъ что!—сказалъ Кустодіевъ и, взявъ узелъ, направился къ выходу.

— Безсребренный Демьянъ, вѣрно!

— И Демьянъ и Кузьма вмѣстѣ!

У воротъ монахъ спросилъ, указывая на узелъ:

— Это что же, отецъ?

— Это, друже, Акакіево сердце,—отвѣчалъ дьяконъ, садясь на дрожки.—Живо катай въ городъ!—крикнулъ онъ извозчику.

V.

Отставной губернской секретарь Анатолій Ивановичъ Чепуркинъ считался въ городѣ первымъ ростовщикомъ. Началъ онъ свои операціи съ маленькихъ ссудъ, еще въ то время, когда служилъ въ полицейскомъ управленіи. Женившись на сиротѣ съ большими деньгами, Чепуркинъ вышелъ въ отставку, прибралъ женнины деньги къ своимъ рукамъ, вогналъ жену побоями въ гробъ и скоро развернулся во всю ширь. Теперь у него было нѣсколько своихъ каменныхъ домовъ, имѣніе и два его парохода занимались перевозкою грузовъ по рѣкѣ Ягодѣ.

Онъ жилъ полнымъ анахоретомъ: самъ себѣ готовилъ обѣдъ, топилъ печи и не пускалъ дворника дальше передней и кухни. Комнаты стояли въ грязи, вся мебель была покрыта толстымъ слоемъ пыли. Боясь воровъ, Чепуркинъ даже на лѣто не выставлялъ оконъ, отворяя только форточки, и то лишь днемъ. Во всей квартирѣ была такая духота, что у приходившихъ захватывало дыханіе и кружилась голова. Чепуркинъ ѣлъ самое дешевое мясо и то рѣдко, нитаясь больше овощами и чернымъ хлѣбомъ. Вмѣсто чая онъ пилъ настой смородиннаго листа. А капиталы копились и копились. Для кого? У него не было дѣтей и даже близкихъ родственниковъ.

Чепуркинъ зналъ никольскаго дьякона, но не особенно долюблялъ, хотя Кустодіевъ не задѣвалъ его. Дьяконъ только замѣчалъ иногда Чепуркину:

— Анатолій Ивановичъ! Да какъ вы можете жить, словно медвѣдь въ берлогѣ? Убей меня Богъ дня не прожилъ бы!

— У всякаго свой вкусъ,—отвѣчалъ ехидно Чепуркинъ: — вы вотъ любите людей потѣшать, а я не люблю плясать для людской потѣхи.

Свою ссудную кассу Чепуркинъ держалъ открытою отъ восьми часовъ утра до семи вечера. Когда Кустодіевъ подъѣзжалъ къ дому ростовщика, было уже около половины восьмого.

— Еще пустить ли?—подумалъ дьяконъ, поднимаясь во второй этажъ.

Дверь оказалась по обыкновенію запертой.

Дьяконъ позвонилъ. Прошло минутъ пять, но отвѣта не было. Дьяконъ позвонилъ вторично. Прошло еще около пяти минутъ, прежде чѣмъ раздались шаги и изнутри комнаты послышался не то боязливый, не то сердитый голосъ:

— Кто звонить? Касса заперта... завтра!

— Это я, Анатолій Ивановичъ, отойдите!

— Кто я? Никого не пускаю послѣ семи...

— Фу, ты, Боже мой! Не казенное учрежденіе! Можно для знакомыхъ и исключеніе сдѣлать. Это я—дьяконъ отъ Николая съ Песковъ. Ужли по голосу не узнали?

— Отецъ Кустодіевъ?

— Ну, да... Чего вы боитесь?

— Не боюсь я... а правило. Да вамъ что надо? До завтра нельзя развѣ?

— Если бы можно было, не сталъ бы околачиваться два часа у васъ. Не будете въ накладѣ... повѣрьте!

Щелкнула задвижка, послышалось отпирание двери ключомъ, потомъ дверь пріотворилась на цѣпочкѣ.

— Да я, я, и одинъ, не грабители!—сказалъ дьяконъ, смѣясь.

— А вы не кричите! Всѣхъ жильцовъ моихъ перепугаете!—проговорилъ Чепуркинъ, глядя въ щель.—И какія шутки... немѣстныя.

Онъ ворча отперъ дверь и впустилъ дьякона.

— Всѣ руки оттянулъ узелъ... а вы еще держите!—недовольно произнесъ Кустодіевъ, бросая узелъ на диванъ въ передней.

— Что это у васъ: никакъ женинъ салопъ притащили?—съ усмѣшкой спросилъ Чепуркинъ, глядя на узелъ и не пуская дьякона дальше передней.

— Не салопъ... да вы впустите меня въ комнату-то: не здѣсь же разговаривать!—уже сердясь, промолвилъ дьяконъ.

— У меня заперта касса... Пойдемте въ боковушку. Да узелъ-то захватите съ собой!

Дьяконъ положилъ узелъ на столъ въ маленькой комнаткѣ, въ которую они вошли. Она была низкая и полутемная.

— Что у васъ?

— А вотъ,—отвѣтилъ Кустодіевъ, вынимая шубу.

— Это чья же?

— А вамъ не все равно?

— Конечно: я обязанъ знать, чью вещь принимаю...

— Не украдь, не бойтись.

— Если вы по дѣлу пришли, то шутки оставьте, — недовольнымъ тономъ замѣтилъ Чепуркинъ.—На все законъ. Ваша—такъ и въ запискѣ скажете. Не ваша—по порученію. Нужно удостовѣреніе въ послѣднемъ случаѣ, но вамъ я такъ повѣрю.

— И на томъ спасибо,—иронически произнесъ дьяконъ.—Ну-съ, такъ знайте: это шуба архимандрита Акакія.

— А! Блаженненькій прислалъ... Опять, стало, безъ грошей?

— Святые всегда безъ грошей, и вотъ просятъ у грѣшныхъ дать имъ... Не для себя, конечно.

— На землѣ царство грѣшниковъ, и у нихъ приходится одолажаться праведнымъ... Да-съ!

Чепуркинъ осмотрѣлъ внимательно шубу и промолвилъ, поднимая глаза на Кустодіева:

— Сколько же святой отецъ желаетъ получить?

— Двѣ радужныхъ, а то и три.

Ростовщикъ ехидно засмѣялся.

— И видать, что святой... Совсѣмъ цѣны деньгамъ не знаетъ.

— Развѣ много?—пробурчалъ дьяконъ.

— Даже очень много.

— Сколько же, по-вашему?

— Если купить ее, такъ стоитъ... рублей двѣсти. И то много назначилъ.

— Побойтись Бога, Анатолій Ивановичъ! Она совсѣмъ новая, а за нее заплачено пять катенекъ.

— Въ магазинѣ купить, можетъ быть, и пять, а принесите продавать—и трехъ напроситесь! Да ладно уже: пусть двѣсти пятьдесятъ—оцѣнка.

— Сколько же подъ залогъ?

— Самое большое—сто! И это не по правилу... Ну, да надо и праведному услужить: авось, на томъ свѣтѣ пригодится,—съ иронической усмѣшкой прибавилъ Чепуркинъ.

— Мало!—рѣшительно произнесъ дьяконъ.—И чего вы трусите: развѣ Акакіи оставитъ ее у васъ? Думаете, что старъ очень, такъ скоро умретъ? Э, скажу вамъ: всѣ подъ Богомъ ходимъ, Анатолій Ивановичъ... Кто знаетъ, можетъ быть, вы раньше его помрете, либо я...

Желтое лицо Чепуркина искривилось.

— Я еще не собираюсь такъ скоро туда... И зачѣмъ вамъ обо мнѣ упоминать? Дѣло не во мнѣ совсѣмъ!

— Ну, ладно, ладно: живите еще сто лѣтъ... А вотъ уважьте старика: прибавьте... Глядите, какой мѣхъ-то!—похвалилъ дьяконъ.

— Ничего особеннаго,—сухо сказалъ Чепуркинъ.—Ну, извольте: сто двадцать.

— Дайте же хоть полтора!ста!

— Ни за что!

— Да вѣдь триста-то стоить?

— На охотника. Больше я не дамъ.

— Для меня-то! Ну, пусть Акакій не выкупить: все же двѣсти пятьдесятъ получите.

Чепуркинъ задумался. Очевидно, ему не хотѣлось упустить заклада. Дьяконъ понялъ это и промолвилъ рѣшительно:

— Меньше ста пятидесяти не возьму. Тогда лучше пойду къ Изачеку.

Недобрымъ огонькомъ блеснули глаза Чепуркина.

— Вы это что же: угрожаете?—спросилъ онъ.

— Не думаю, а если меньше нельзя? А что дадите, если продамъ вамъ ее?

— Развѣ онъ готовъ и продать?

— Если бы... знать хочу. Ну, сколько?

— Двѣсти дамъ.

— И триста дадите.

— Не дамъ!

— А подъ залогъ полтора ста дадите?

Чепуркинъ усмѣхнулся, покачавъ отрицательно головой.

— Тогда прощайте!—сказалъ дьяконъ, завязывая шубу.

Чепуркинъ остановилъ его.

— Упорный вы. Ну, хорошо: дамъ сто пятьдесятъ. А проценты? Я впередъ беру.

— Нельзя, мой родной. Надо сполна мнѣ полторы сотни. Проценты при выкупѣ... можетъ, и мѣсяца не пройдетъ.

— Это опять противъ правилъ. Но я дамъ сто пятьдесятъ, а напишу сто семьдесятъ пять.

— А проценты какъ?

— Со ста семидесяти пяти.

— Почему же такъ?

— Если отецъ святой выкупитъ въ срокъ,—я беру на два мѣсяца,—лишекъ пойдетъ въ проценты, и уже со ста пятидесяти. А просрочить...

— Съ семидесяти пяти?

— Да, со ста семидесяти пяти. Иначе не могу. И тогда вся сумма считается долгомъ. Это уже правило, какъ въ канонѣ.

— Не грѣши хоты!—вдругъ «на ты» перешелъ дьяконъ.—Ну-у и... Дьяконъ не кончилъ и махнулъ рукою.

— Какъ хотите... началъ Чепуркинъ.

— Ладно, только вотъ уговоръ: если этихъ денегъ мало будетъ, завтра за триста продаю шубу.

— За двѣсти пятьдесятъ! И то набавилъ. Если все такъ дѣлать, то скоро самъ безъ гроша останусь.

Чепуркинъ взялъ съ дьякона расписку, что «онъ, Кустодіевъ, по порученію архимандрита Акакія, сдалъ подъ залогъ шубу и т. д.».

— Ну, и огарантировали же вы себя, Анатолій Ивановичъ,— сказалъ дьяконъ, принимая деньги.—Все для себя...

— Иначе нельзя... а то въ трубу вылетитъ или въ дуракахъ останешься. Дѣло любовное.

— Ну, не всегда любовное... Иной и нехотя, да соглашается. Будемъ говорить откровенно: неужели вы воспользуетесь всѣми правами, если архимандритъ просрочитъ?

— Тамъ будетъ видно: что и какъ... а надо оградить себя. Мнѣ все равно: архимандритъ или сапожникъ. У меня равны всѣ кліенты. И правила для всѣхъ одинаковы. Могу переписать, если что... только на другихъ условіяхъ. Въ чемъ моя выгода, я того не упускаю и зря не прижимаю. Напрасно на меня клеветуютъ. Я дѣлецъ, а не филантропъ, это такъ...

— Ну, и до свиданія!--сказалъ дьяконъ.—Итакъ, можетъ быть, завтра я продаю вамъ шубу за триста!

— За двѣсти пятьдесятъ!--рѣшительно промолвилъ Чепуркинъ, запирая за дьякономъ дверь.

VI.

Дьяконица пила чай съ Тарасихой, когда вернулся домой мужъ.

— Какова наша Юлія-то!--воскликнула Манефа Ивановна.

Снимая рясу, дьяконъ спросилъ:

— А что? Здравствуй, старушка Божья!--добавилъ онъ, отвѣчая на поклонъ Тарасихи.

— Да вотъ,—продолжала жена:—сейчасъ Савельевна отъ папды. Думала умолить. И слышать не хочетъ. «Я, говоритъ, дала потому, что живъ былъ мужъ; ему, какъ мастеровому человѣку, вѣрила,—а ты чѣмъ отдашь? Домъ-то приходитъ въ ветхость, чѣмъ дальше, тѣмъ дешевле будетъ стоять. А еще ты умрешь, вознесь... свои потеряешь. Гдѣ хочешь—доставай! Савельевна-то было ей въ ноги, такъ Юлія чуть ее не оплевала... Вотъ она какова!

— Да-а,—протянулъ дьяконъ, расправляя свои густые волосы:—видно, придется продавать шубу Кузьмы и Демьяна.

Дьяконица въ изумленіи поглядѣла на мужа.

— Ты это что, Аркадій? Никакъ заговариваешься? Или хлебнулъ гдѣ?

— Развѣ не видишь, что ни въ одномъ глазѣ? Ха-ха!

Дьяконъ повернулся къ старухѣ и промолвилъ:

— Такъ всѣ хочетъ получить матушка?

-- Да, всѣ,—хныча отвѣтила Тарасиха.

— Не робѣй, а молись Богу! До пояса я тебя уже выкупилъ, авось и всю смогу! Двѣсти-то пятьдесятъ, чать, Юлія Васильевна возьметъ.

— А гдѣ эти деньги?—спросила жена.

— У Кузьмы и Демьяна.

— Опять выверты! Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! — стукнувъ кулакомъ по столу, воскликнула дьяконица.—Тутъ человѣкъ слезами обливается, а онъ въ смѣшки!

— Не все ли равно у кого? Экое бабье любопытство!

— У тебя деньги въ рукахъ, что ли? — отрывисто бросила вопросъ жена.

— А если и такъ.

— Тогда иди съ Савельевой къ Юліи и уговори жадногу.

— Нѣтъ, это не ладно. Я не пойду съ Татьяной Савельевой.

Пусть она одна идетъ.

— А деньги?

— Сначала пусть узнаетъ: согласится ли матушка взять половину, или хотя двѣсти... Срокъ не сегодня, успѣется.

Дьяконъ обратился къ старухѣ и продолжалъ:

— Ступай-ка къ попадѣ... поговори; что-то она скажетъ. Въ уплату дашь, это статья иная, чѣмъ все переписать...

— А какъ же ей все обсказать?—спросила Тарасиха, накидывая платокъ.—На васъ указать, если станетъ допытываться?

— Не надо. Скажи, что добрые люди даютъ... Ей какое дѣло!..

— Хорошо, батюшка.

Когда старуха вышла изъ комнаты, дьяконъ промолвилъ, наливая чай на блюдечко:

— А попадѣ не напрасно боится,—опустилась Савельевна...— Пожалуй, и не долго протянетъ.

— У нея только одышка сильная, а то ничего еще — бодрая... Смотри, какъ дома со всѣмъ одна справляется. Слушай, Аркадій: скажешь ты или нѣтъ, у кого досталъ денегъ? — закончила дьяконица.

— Тебѣ легче будетъ?

— Дурацкій вопросъ! Я думаю...

— Ну, ну, ладно, успокойся: Чепуркинъ далъ.

— Такъ, на слово тебѣ?

— Экъ хватил! Тогда бы Волга всякъ побѣжала... Подъ залогъ.

— Чего?—съ удивленіемъ спросила дьяконица.

— Акакіева сердца.

— И заблажилъ опять. Скажетъ слово по-человѣчески и снова, какъ балаганный дѣдъ.

— Ха-ха-ха! Вѣрно! То-есть не то, что я — балаганный дѣдъ... а что подъ залогъ сердца Акакія. Послѣднюю шубу отдалъ! От-чего? Потому что отдалъ людямъ свое сердце.

- Значитъ, Акакій далъ свою шубу?
- Ну, да.
- Кто же ее выкупить?
- Будутъ деньги, онъ и выкупить. Не будетъ денегъ—ушелъ шуба.
- Аркадій! Это какъ же? Это... же неловко.
- Я самъ чувствую... Я сказалъ было, такъ онъ застучалъ костылемъ... Иоаннъ Милостивый!
- Истинно такъ. И сколько же онъ раздаетъ... Вотъ разнида-то: онъ и Юлія.
- Чего ты на другихъ-то тычешь,—остановилъ дьяконъ жену.— А мы съ тобой что?
- Что мы?
- А вотъ то же. Дашь свою рогонду?
- А я въ чемъ буду ходить? Я не монашенка.
- Въ старой... А-а! То-то и есть... Нѣтъ, жена: такихъ, какъ Акакій надо поискать да поискать. Послушникъ его назвалъ Демьяномъ безсребренникомъ. А я и сказалъ ему: архимандритъ—Кузьма и Демьянъ,—все вмѣстѣ.
- Вонъ откуда твои загадки-то. Ну, а что, Аркадій, если на половину попадья не согласится?
- Придется шубу продать.
- Это какъ же? Развѣ онъ позволялъ?
- Да.
- Все же это не ладно... оставить старика безъ шубы на зиму.
- Ну, тогда мы съ тобой дадимъ,—сказалъ дьяконъ.
- Откуда ты возьмешь? Много накопилъ?
- Въ сберегательной есть.
- Семьдесятъ-то рублей? Стыдился бы и говорить. Столько ли у другихъ!
- Что же: что есть, то и отдадимъ. А остальные попрошу у Анфимова.
- Да развѣ можно намъ отдать послѣдніе гроши, въ умѣ ты! Случись что—гдѣ опора?
- Дьяконъ засмѣялся.
- Жена хотѣла отвѣтить ему рѣзко, но въ этотъ моментъ вошла Савельевна.
- Ну, что, что?—спросили въ одинъ голосъ мужъ и жена.
- Полтораста не беретъ. Требуется двѣ радужныхъ. Только проценты набавляеги.
- Не уступитъ Чепуркину!—невольнo вырвалось у дьякона.
- Обратясь къ женѣ, онъ добавилъ:
- И пятидесяти не дашь снять?
- Не зли, Аркадій! У Анфимова тысячи, а ты хочешь гроши раздавать,

— Ну, ладно. Не кручинься, старуха, добудемъ еще пятьдесятъ. Зайди завтра къ обѣду.

Если бы деньги въ сберегательной кассѣ лежали на имя дьякона, онъ, не спрашивая жены, снялъ бы ихъ съ книжки. Но Манефа Ивановна положила деньги на свое имя, и теперь безъ ея согласія дьяконъ не могъ взять ихъ изъ кассы.

На другой день послѣ утренняго чая дьяконъ отправился къ Анфимову. Уже вблизи его дома дьяконъ вспомнилъ, что скоро Ильинъ день и староста Ильинской церкви пригласитъ его служить въ праздникъ, за что и заплатитъ, какъ и всегда, двадцать пять рублей.

— Э-э!—сказалъ про себя дьяконъ:—пойду-ка я сначала къ Бывакову и попрошу у него впередъ четвертную. Скажу, что деньги нужны до зарѣзу. Чего ему не дать?

Кондитеръ Иванъ Ивановичъ Бываковъ встрѣтилъ дьякона радушно и предложилъ напитокъ чайку.

— Спасибо, Иванъ Ивановичъ, а только вѣдь я къ вамъ съ просьбой,—пробасилъ Кустодіевъ.—Исполните просьбу и чайку поплю, а то и въ горло не пойдетъ.

— Какая ваша просьба, отецъ дьяконъ? Если могу—исполню съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Можете. Вотъ въ чемъ дѣло: скоро у васъ праздникъ. Будете опять меня приглашать?

— Разумѣется. А развѣ вы хотите отказываться?

— Нѣтъ! Съ удовольствіемъ готовъ служить моей глоткой. А тогда... гм! Дайте мнѣ авансомъ четвертной билетъ! Вотъ какъ надо!

Дьяконъ провелъ рукой по горлу.

— Это пустое дѣло, и разговора не стоитъ, Извольте... съ удовольствіемъ! Да что у васъ случилось? Вѣрно обновку женѣ?

— Хуже!—засмѣявшись отвѣтилъ дьяконъ.

Бываковъ вручилъ четвертную.

— Вотъ спасибо. Теперь и чайку можно!

Дьяконъ просидѣлъ у Бывакова около часу и потомъ отправился къ Анфимову. Кустодіеву никогда не приходилось обращаться за деньгами къ старостѣ. Рѣшившись сегодня на заемъ, который былъ такъ необходимъ, дьяконъ не могъ сразу приступить къ разговору о деньгахъ. Онъ болталъ съ Анфимовымъ о томъ, о семъ, сыгралъ съ нимъ партію въ шашки, а попросить денегъ «не поворачивался языкъ».

Анфимовъ сталъ собираться въ лавку.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, дьяконъ вдругъ спѣшно, среди разговора о пѣніи соловьевъ, словно какъ-то выбросилъ фразу:

— Слушай, другъ милый, дай ты мнѣ двадцать пять рублей! Староста съ удивленіемъ посмотрѣлъ на гостя,

— Двадцать пять? Тебѣ?

— Ну, да. Надо.

Трудно было начать, а теперь слова «посыпалнесь, какъ орѣхи», и дьяконъ продолжалъ сочинять:

— Такое дѣло вышло, что хоть вынь да положи четвертную. Тайкомъ отъ жены.

— Хе-хе! Не любвишка ли завелась?

— Угадал!

— Врешешь, чать? Кто же?

— Скажи ему! А онъ и отобьет!

— Ха-ха-ха!—залился хриплымъ смѣхомъ староста, вѣря и не вѣря дьякону, но довольный тѣмъ, что на него смотрятъ какъ на человѣка, который и въ шестьдесятъ лѣтъ еще можетъ отбить женщину.

— Не отобью,—сказалъ онъ, какъ бы успокаивая.—Мнѣ зачѣмъ? У меня жена еще не старая... я сытъ по горло... хе-хе-хе!

— Да и я сытъ,—въ тонъ старостѣ промолвилъ дьяконъ, смѣясь густымъ красивымъ смѣхомъ.—Да вѣдь знаешь: запретный плодъ всегда сладокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что ли, или такъ все?—спросилъ Анфимовъ, подозрительно глядя на гостя.—Можетъ, не надо и денегъ, все комедь одна? Ты вѣдь балагуръ извѣстный!

— Какая комедь: надо. Вынимай четвертной! Не бойся, отдамъ!

— Вѣрю. А не отдашь, такъ при выручкѣ вычту... хе-хе!

— Отдамъ! Только супружницѣ моей ни слова... ни гу-гу, какъ говорится!

Староста опять подозрительно посмотрѣлъ на дьякона.

— И ты не шутишь это, что тайкомъ отъ жены?

— Истинно! Какъ же ей можно знать, если дама замѣшана...

— Ужли вѣрно—дама?

— Клянусь!.. Если женѣ намекнешь только, тогда прощай: никогда въ шашки играть не приду.

Эту фразу дьяконъ сказалъ совершенно уже серьезно, чѣмъ и повергъ въ полное недоумѣніе Анфимова. «Неужели у него въ самомъ дѣлѣ завелись амурь?» подумалъ кунецъ, вынимая бумажничекъ.

— Не скажу, не бойся,—промолвилъ онъ:—мнѣ какое дѣло... На—бери билетъ!

— Спасибо! И засимъ прощай!

— Спѣшишь на свиданіе?

— Именно! Стораю нетерпѣніемъ... Ну, будь здоровъ!

Дьяконъ крѣпко сжалъ руку старостѣ и вышелъ изъ комнаты.

«Гм!» произнесъ Анфимовъ, покачалъ головой и началъ одѣваться.

Онъ всю дорогу думалъ по поводу словъ дьякона, но, подѣзжая къ лавкѣ, рѣшилъ, что «непутевый» все навралъ: вѣрно, въ карты проигрался и боится сказать женѣ. Какая ему любвишка: жена красивая, да и не такой онъ человѣкъ... «Ну, и врунь же онъ однако!»

Вернувшись домой, дьяконъ засталъ Савельевну, которая что-то рассказывала дьяконицѣ, чистившей ягоды.

— Досталъ?—спросила жена.

— Досталъ.

— У Кузьмы и Демьяна?—съ улыбкой спросила дьяконица.

— Нѣтъ, теперь у грѣшнаго раба Божьяго.

— У Анфимова?

Не отвѣчая на вопросъ, дьяконъ подалъ старухѣ двѣсти рублей и сказалъ:

— Гряди, старица, ублаготвори матушку Юлю. Только про меня ни слова!

— Нѣтъ, нѣтъ, родной, не скажу,—промолвила обрадованная старуха, и, поклонившись низко дьякону, поплелась къ попадѣ.

— А какъ же съ тобой-то она расплатится?—спросила дьяконица.—Ты на себя или на нее взялъ у старосты-то?

— А кто тебѣ сказалъ, что у него?

— У кого же?

— Собирай на столъ... ѣсть хочется что-то!

— Подождешь, еще рано... а проголодался, такъ поѣшь хлѣба. Обѣдъ не готовъ.

Дьяконица была обижена новою неоткровенностью мужа и, отвернувшись отъ него, опять принялась за чистку ягоды.

Дьяконъ улынулся и вышелъ изъ комнаты.

VII.

На другой день около двѣнадцати часовъ ночи дьяконъ возвращался съ именинъ въ обществѣ фотографа Набилкина и телеграфиста Изюмова. Всѣ трое подвыпили, но въ то время, какъ Набилкинъ едва волочилъ ноги, а телеграфистъ постоянно спотыкался, увѣряя, что дорога вся въ ямахъ,—дьяконъ шелъ твердо и только тѣмъ обнаруживалъ свою нетрезвость, что два раза принимался пѣть любимую пѣсню «Среди долины ровныя».

Около соборнаго моста съ компаніей поравнялась пролетка. Въ ней сидѣли о. Павелъ Сацердотовъ и о. Вуколь.

Дьяконъ затянулъ пѣсню, поддерживая валившагося фотографа.

— Да вѣдь это вашъ «непутевый!»—сказалъ Сацердотовъ Кондакову.—И съ какой компаніей: вотъ такъ по-дьяконски!

— Да, да... Что я подѣлаю: я безсиленъ, если самъ владыка покровительствуетъ... по мягкосердію, — политически добавилъ о. Вуколь,

— Да, это такъ,—согласился Саердотовъ. — А еще говорятъ, что вѣра слабѣетъ, и міряне становятся менѣе благочестивы... какое же тутъ благочестіе, если духовныя лица такъ ведутъ себя неприлично и соблазнительно. Въ комъ же мірянамъ искать опоры? И со стороны владыки это, между нами сказать, нѣкоторымъ образомъ попустительство...

О. Павелъ зѣвнулъ и крикнулъ кучеру:

— Чего ты спишь, дерево? До утра, что ли, ѣхать? А я, отецъ,—опять обращаясь къ Кондакову, проговорилъ Саердотовъ: — кажется, перепустилъ насчетъ мадеры и коньячку... Тяжело подъ ложечкой что-то.

— Не съ котлетъ ли свиныхъ это: жирны были!

— Да я всего парочку съѣлъ... Нѣтъ, это съ мадеры... ею отрыгается.

— Не пили бы много.

— Съ горя, о. Вуколь; шутка ли: двѣнадцать рубликовъ простукалъ,—со вздохомъ отвѣтилъ Саердотовъ.—И везетъ же кладбищенскому, право: второй разъ меня обдѣлываетъ. Ну, да погоди, панихида ты эдакая: я тебѣ отомщу... Пойду въ темную и нарѣжу!

И вдругъ онъ опять накинулся на кучера:

— Да ты уснулъ, что ли, чучело? А?

— Подкова хлябаетъ, о. Павелъ,—отвѣтилъ кучеръ:—надо перековать бы!

— Въ недѣлю десять разъ ковать станешь... Жульничаешь... Я вотъ завтра осмотрю! Поѣзжай скорѣй! Надо соды выпить да лечь. Завтра съ молебномъ къ исправнику въ одиннадцать часовъ,—добавилъ о. Павелъ тише, не то про себя, не то обращаясь къ Кондакову.

— Мнѣ здѣсь сходить,—сказалъ о. Вуколь.

— Стой!—крикнулъ Саердотовъ кучеру.

Прощаясь съ Кондаковымъ, онъ замѣтилъ не безъ досады:

— А вы дешево отдѣлались, кажется!

— Всего полтиной.

— Какъ это вы умѣете?

— Я скоро отошелъ... голова что-то заболѣла.

— Знаю я васъ... Голова!.. Матушки боитесь... Ну, спокойной ночи!

О. Вуколь повернулъ въ переулокъ, гдѣ былъ его домъ.

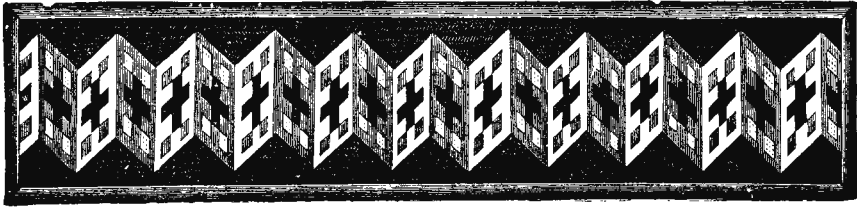
Подойдя къ нему и увидѣвъ въ окнѣ еще огонь, о. Вуколь весь съежился и робко постучалъ въ дверь черного входа.

Александръ Кругловъ.

1906 г., 10 мая.

~~~~~

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки изъ воспоминаній).

IV¹⁾.

(Первые шаги въ литературѣ. — Прошлое Кяхты. — Купцы. — Администраторъ-краснобай и бражники).

РОДОЛЖАЮ мои воспоминанія. На сей разъ—два слова о моемъ выступленіи на литературный путь.

Первая статья была послана мною въ печать изъ Кяхты, гдѣ я прожилъ нѣсколько лѣтъ по торговымъ дѣламъ моего покойнаго отца. Статья была послана въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и напечатана въ нихъ въ осеннихъ номерахъ 1857 года. Съ этого времени до 1864 года, во весь періодъ моихъ многотрудныхъ скитаній по Сибири и Амурской области, я почти ничего не напечаталъ, хотя писалъ много прозой и стихами, но не напечатанное частію оставалось у меня въ бумагахъ, въ ожиданіи будущаго, а большею частію бросалось въ огонь. Въ немъ, такъ сказать, закалялись, возрождаясь въ пламени, мои духовныя силы.

Наступило, наконецъ, такое время, когда будущее, давно ожидаемое, сдѣлалось настоящимъ,—я перекочевалъ въ Петербургъ на постоянное жительство и ухватился обѣими руками за мои уцѣлѣвшія отъ огня рукописи. Это случилось въ концѣ 1864 года, а въ слѣдующемъ, не помню, въ какомъ мѣсяцѣ, я отвесъ мою

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVII, стр. 846.

первую большую статью (въ два печатныхъ листа) въ редакцію журнала «Русское Слово».

Эта статья, какъ и первая, помѣщенная въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», была тоже о жизни въ Кяхтѣ, о торговыхъ ея дѣятеляхъ и о тѣхъ ложныхъ путяхъ, по которымъ они брели въ своихъ торговыхъ дѣлахъ. Она, болѣе подробная, чѣмъ первая, надѣлала въ свое время не мало шуму въ средѣ московскаго и кяхтинскаго купечества. Мой знакомый старичокъ, кяхтинскій купецъ Иванъ Андреевичъ Носковъ, былъ въ это время въ Петербургѣ по дѣламъ «торгующаго на Кяхтѣ купечества». Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ первый же день по выходѣ книжки «Русскаго Слова», въ которой была помѣщена моя статья о Кяхтѣ, пріѣхалъ взволнованный и разсерженный.

Какъ сейчасъ помню, онъ ввалился въ комнату въ верхнемъ пальто и въ калошахъ и грохнулся въ первое подвернувшееся подъ руку кресло, тяжело отпыхиваясь.

— Что же это ты,—говоритъ,—братецъ мой, дѣлаешь, а? На что это похоже! Уфъ! Усталъ, на силу поднялся... Ишь, куда тебя, обидчика, занесло...

— Да, высококонько... Но позвольте, въ чемъ дѣло, чѣмъ вы такъ взволнованы?

— И ты еще спрашиваешь! Хорошъ молодецъ! Раскритиковалъ всѣхъ насъ, кяхтинцевъ, да еще и улыбаешься.

— Да развѣ я неправду написалъ?

— Ха! Неправду! Конечно, неправду. Преувеличилъ, осмѣялъ, освѣщеніе невѣрное придалъ всему дѣлу.

— Въ такомъ случаѣ,—говорю,—напишите возраженіе, разъясните дѣло въ надлежащихъ подробностяхъ.

— И напишу! Не обезсудь, голубчикъ, напишу. Всѣ твои нападки опровергну. Это ужъ само собой разумѣется. А все-таки прежде всего скажу тебѣ,—нехорошо! Да!.. Не порядокъ!.. Ты, братецъ мой, напоминаешь того ребенка, который, начавъ говорить, первое слово выпалилъ матери: дура!..

— Ну, что же! Дѣло возможное,—говорю,—бываютъ всякія матери.

— А заповѣди помнишь?—спросилъ онъ, прищуривъ глазъ.

— Помню.

— То-то. Чти, сказано, отца и мать.

— Заповѣди, Иванъ Андреевичъ, одно, а общественные порядки это ужъ другое.

— Поговори еще.

Онъ гнѣвно оглядывалъ мое убогое помѣщеніе, покачивалъ головой и вздыхалъ, видимо находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ моею статьей.

— Снимите,—замѣтилъ я,—верхнее платье, у меня не холодно. Выйдите, согрѣвшись, простудитесь, пожалуй, погода сырая.

— Безъ тебя знаю, обидчикъ. Не хочу снимать, сейчасъ уйду!

Искренно говоря, онъ, по характеру своему, былъ человѣкъ не гнѣвный, скорѣе добродушный. Статья его не разсердила, вѣрнѣе,—обидѣла, такъ какъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ защитникомъ кяхтинской торговли и слылъ среди купечества великимъ дѣльцомъ въ этомъ отношеніи. Помню, одна кяхтинская дама при разговорѣ о немъ сказала: «Бурятское узкоглазое лицо, широкоскулый, а языкъ у него, какъ бритва. У насъ, при безрыбьи, онъ за крупнаго осетра идетъ и въ нашемъ муравейникѣ блеститъ, какъ мишура на бархатѣ». И вотъ вдругъ дѣятельность этого представителя интересовъ Кяхты и перваго человѣка среди «торгующаго на Кяхтѣ купечества» такъ рѣзко обезславила въ печати юноша, чуть не мальчикъ.

Замѣчу однакоже, что въ порицаніе кяхтинской монополюющей торговлѣ чаемъ попадались въ то время и въ газетахъ и въ журналахъ статьи, и не мало въ нихъ высказывалось упрековъ кяхтинцамъ, въ первомъ ряду которыхъ всегда красовался по защитѣ монополии Иванъ Андреевичъ. Въ «Современникѣ», помню, было сказано: «будущее русское купечество будетъ краснѣть за подобные темные подвиги своихъ предковъ», но вѣдь это были отзывы чужого человѣка и не возмущали Ивана Андреевича,—мало ли, молъ, что строчать писаки ради пяточка, тоже вѣдь люди пить, ѣсть хотятъ, а тутъ, молъ, своей, такъ сказать, братъ, торговаго сословія человѣкъ, руку на земляковъ поднимаетъ и съ такимъ дерзновеніемъ,—разумѣется, обидно! Находясь подъ впечатлѣніемъ такой обиды, онъ ни верхняго платья, ни калошъ не снялъ и, поднявшись послѣ высказанныхъ упрековъ съ кресла, пошелъ къ дверямъ, не успокоенный, напротивъ—обиженный. Несмотря на то, что мы были съ нимъ въ Кяхтѣ въ большой дружбѣ, онъ на прощанье мнѣ даже руки не подаль и только едва кивнулъ головой. Выйдя въ переднюю и уже взявшись за ручку входныхъ дверей, вспомнилъ наконецъ о моей женѣ.

— Кланяйся женѣ-то... Землячка вѣдь она моя.

— Хорошо. Покорно васъ благодарю.

— Гдѣ она, дома нѣту, что ли?

— Да, вышла по хозяйству...

— Охъ, охъ! Ее хотя бы пожалѣлъ. Она—кахтинская, обидно, чай, и ей... Эхъ, голова, голова! Какихъ ты дѣловъ натворилъ!

Онъ вздохнулъ, надвинулъ фуражку на брови и вышелъ изъ квартиры.

Возраженія на мою статью онъ все-таки не написалъ, не потому, что не могъ,—бойкій былъ старичокъ и къ писательству

весьма склонный,—но не рѣшился, и именно на томъ основаніи, что кяхтинцы отсовѣтовали, какъ потомъ, при восстановленіи нашихъ дружескихъ отношеній, онъ самъ мнѣ объяснилъ.

— Намѣревался я тебя, заносчивый молодой человекъ, подъ орѣхъ отдѣлать, да ужъ счастливъ твой Богъ,—ударъ прошелъ мимо.

— Почему же такъ?—спросилъ я.

— Ха! Почему! Говорю: счастливъ твой Богъ,—вотъ и все. Ты знаешь, я человекъ подначальный. Сказано въ писаніи: «твори волю пославшаго», ну вотъ поэтому, значитъ, и отмалчиваюсь. Довѣрители не разрѣшили писать возраженіе,—отмалчивайся, говорятъ, это лучше.

— Смотрите, лучше ли?

— Хе-хе,—засмѣялся онъ, прищуривъ глаза, и спросилъ:—ты басни Крылова помнишь?

— Положимъ, помню,—что жъ изъ этого?

— А вотъ то,—отвѣтилъ онъ:—что въ баснѣ сказано: «полаютъ да отстанутъ».

— Эхъ,—возразилъ я:—не въ томъ, Иванъ Андреевичъ, дѣло. Собачій лай—пустяки. О дѣлѣ нужно заботиться, объ улучшеніи его.

— Само собой!.. Ну только газеты, братъ, въ этомъ не помогутъ. Оно точно что... промышаль онъ, понизивъ тонъ,—слѣдовало бы отписаться, ну нельзя, не велятъ. И правда: «дальше въ лѣсъ, больше дровъ». Отмолчимся.

— Вы хотите запрудить рѣку,—напрасно. Прорвется ваша запруда.

— Посмотримъ. Начальство насъ знаетъ, на него надѣмся...

— То-есть это вы насчетъ поддержки монополевой торговли чаемъ?

— Да, да. Будемъ отстаивать ее, такъ сказать, не щадя живота.

Кяхтинцы, правду сказать, на начальство всего болѣе надѣялись и именно «не щадя живота». Такая ихъ энергическая самоотверженность выразилась однако только въ одномъ—въ ходатайствѣ и въ заискиваніяхъ у высокопоставленныхъ лицъ и въ подачѣ прошеній на высочайшее имя. Въ одномъ изъ послѣднихъ прошеній, высказавъ всѣ свои плаксивыя моленія, они заключили его слѣдующими словами: «спаси - - погибавемъ!»

Такое заключеніе было, конечно, смѣшно въ виду всеѣмъ извѣстнаго размаха роскошной кяхтинской жизни, въ которой десятки тысячъ тратились на прихоти, какъ одинъ грошъ. Спасти ихъ отъ мнимой гибели никто, разумѣется, не могъ, кромѣ ихъ же самихъ, а они никакой дѣятельности для этого спасенія не

проявляли и относились къ положенію кяхтинскаго торговаго дѣла съ поразительной безпечностью. Только и знали одно — посылать въ Петербургъ ходатайства и прошенія. Прошенія и ходатайства посылали они даже не съ почтой, а съ нарочною эстафетой. Эстафета, говорили они, внушительнѣе и болѣе вѣса будетъ имѣть въ глазахъ высшаго начальства: начальство сообразить и пойметъ, что ежели, молъ, по двѣсти рублей бросаютъ на эстафету, значитъ дѣло серьезное, и скорѣе приступитъ къ чтенію присланныхъ бумагъ. Съ составленіемъ и редактированіемъ такихъ бумагъ курьезовъ бывало не мало. Помню, одно изъ прошеній на высочайшее имя начиналось словами: «Вопросъ о кяхтинской торговлѣ»... и изъ-за слова «вопросъ» возникли споры. Одинъ изъ почтенныхъ старцевъ, Я. А. Немчиновъ, сдѣлалъ, на примѣръ, такое возраженіе:

— Невозможно, господа купцы, чтобы прошеніе, назначенное къ подношенію его императорскому величеству, начиналось словомъ «вопросъ». Это не полагается. Вдругъ, Господи благослови, послѣ словъ «ваше императорское величество» и вдругъ — «вопросъ». Это непочтительно!

— Да, да... Оно точно что... не укуратно! Да, само собой, такъ нельзя! — возразилъ нѣкто А. П. Парамоновъ, подписывавшійся на всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ въ таможеню: «Кяхтинскій второй купецъ».

Возраженія того и другого были приняты обществомъ во вниманіе, и слово «вопросъ» переставлено въ другое мѣсто, болѣе приличное, по мнѣнію купцовъ.

Подобныхъ курьезовъ при редактированіи бумагъ общественнаго значенія бывало не мало и, какъ это ни странно, споры возникали даже изъ-за того, на примѣръ, какъ будетъ приличнѣе написать: честь имѣю, или: имѣю честь. Одинъ изъ купцовъ, теперь тоже покойникъ давно, А. М. Лушниковъ, не разъ съ коварной усмѣшкой обращался къ заправителямъ дѣлъ, — къ старшинамъ торговой слободы (они выбирались ежегодно, въ числѣ четырехъ лицъ), — какъ будетъ приличнѣе подписать: «готовый къ услугамъ» или — «къ услугамъ готовый». Купецъ Н. М. Игумновъ, никогда не являвшійся на общественныя собранія, бывало, укоризненно покачиваетъ сѣдой головой, выслушавъ сообщенія о подробностяхъ засѣданія.

— Многодумные господа! Да! Многодумные! Охъ!.. — прошепчетъ, бывало, въ заключеніе сообщеній и перекрестится, взглянувъ на образъ.

Почему онъ крестился — Богъ знаетъ, всего скорѣе именно потому, что сознавалъ, насколько благоразумно, по милости Божіей, поступаетъ, уклоняясь отъ присутствованія на засѣданіяхъ «многодумныхъ» купцовъ.

И вотъ въ какихъ формахъ выражалась защита торговыхъ интересовъ кяхтинскими купцами. Далѣе этого они не шли.

Главнымъ руководителемъ и, такъ сказать, первымъ заправителемъ въ хорѣ «торгующаго на Кяхтѣ купечества» былъ, разумѣется, И. А. Носковъ, бойкій и, не въ осужденіе сказать, безцеремонный человѣкъ. Онъ писалъ прошенія, онъ откомандировывался купцами въ Петербургъ для личныхъ предъ начальствомъ ходатайствъ, онъ давалъ указанія и тонъ въ направленіи общественныхъ дѣлъ и до того увлекался, точнѣе выражаясь, тщеславился сознаниемъ своего положенія въ средѣ кяхтинскаго общества, что запустилъ свои собственныя торговыя дѣла и въ концѣ концовъ—разорился. Но объ этомъ только къ слову, а не въ порицаніе. Да будетъ почтенна его память.

Вельможные петербургскіе чиновники, предъ которыми онъ «предстательствовалъ», какъ уполномоченный отъ «торгующаго на Кяхтѣ купечества», тоже, разумѣется, ничѣмъ не могли помочь уполномоченному даже въ смыслѣ совѣтовъ, такъ какъ сами они, погруженные въ обычныя заботы о служебныхъ своихъ успѣхахъ, не имѣли никакого понятія о томъ ложномъ пути, на который было поставлено кяхтинское дѣло ихъ сановными предшественниками, законодателями правилъ для мѣнновой торговли съ китайцами на Кяхтѣ.

Мѣстные представители власти тѣмъ болѣе объ этомъ не заботились, будучи погружены въ личныя свои дѣла и мечты о томъ, какъ бы выслужиться и получить переводъ изъ пустынныхъ сибирскихъ угловъ въ болѣе привлекательное мѣсто гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи и по возможности поближе къ Петербургу, откуда какъ изъ рога изобилія сыплются на чиновный міръ чины и ордена, и пенсіи, и награды, и пособія,—словомъ, все то, чѣмъ живъ чиновный російскій человѣкъ. Если даже иной шустрый и самонадѣянный представитель власти вмѣшивался въ кяхтинскія торговыя и общественныя дѣла, то вмѣшательство его въ большинствѣ случаевъ обнаруживало только его умственную скудость и неумѣнье исполнять тѣ высокія обязанности, которыя Божіимъ поученіемъ были на него возложены.

Напримѣръ, помню, бывший въ мое время градоначальникомъ въ Кяхтѣ Деспотъ-Зеновичъ, весьма бойкій и смѣлый администраторъ (по крайней мѣрѣ, таковымъ его признавали кяхтинскіе купцы), проявилъ свою дѣятельность прежде всего тѣмъ, что началъ заботиться о виѣшной красотѣ построекъ въ торговой слободѣ Кяхтѣ, потомъ сталъ указывать купечеству на необходимость улучшенія общественной жизни именно въ томъ смыслѣ, чтобы поставить эти улучшенія на европейскую ногу. Для этого первымъ дѣломъ было признано необходимымъ одѣтъ швейцара кяхтин-

скаго общественнаго собранія въ форменный, позументомъ обшитый кафтанъ съ какою-то присущей этой формѣ эпитрахилью черезъ плечо и дать ему въ руки булаву для того, чтобы онъ стоялъ въ указанное время гдѣ слѣдуетъ въ своемъ шутовскомъ кафтанѣ и съ булавой въ рукахъ. Видѣть этого швейцара въ парадномъ нарядѣ въ такомъ далекомъ медвѣжьемъ углу, въ которомъ, кромѣ узкоглазыхъ и широкоскулыхъ китайскихъ и монгольскихъ лицъ да еще мохнатыхъ сибирскихъ собакъ, никого не встрѣчалось на улицахъ по цѣлымъ часамъ,—было трогательно: ишь ты, молъ, какой европейской цивилизаціи нахваталась кяхтинскіе купцы.

Такъ могъ подумать иной простодушный пріѣзжій торговый человѣкъ, и мнѣ кажется, что именно о впечатлѣніи на этого пріѣзжаго торговаго человѣка Деспотъ-Зеновичъ всего болѣе и заботился въ этомъ случаѣ. Потомъ за реформой въ одеждѣ швейцара послѣдовали новыя преобразованія, появился хоръ музыкантовъ, въ большемъ, чѣмъ прежде, ихъ числѣ, отдѣлка кяхтинскаго общественнаго собранія «по-европейски», потомъ библіотека при собраніи, вечера съ танцами, улучшенная аптека, акушерка и т. д. и т. д. все это для обывателей слободы. Но вотъ задача главная!—все это почему-то заводилось не на личныя средства купцовъ, а на деньги, собираемыя «на торговыя нужды». Дальше больше. Дошло, наконецъ, до того, что «въ погонѣ за цивилизаціей» Деспотъ-Зеновичъ сталъ трактовать съ кяхтинцами о томъ, что необходимо итти «наравнѣ съ вѣкомъ», необходимо издавать въ торговой слободѣ Кяхтѣ собственную газету,—въ Кяхтѣ, гдѣ было счетовъ всего тридцать восемь домовъ. Необходимость эту купцы едва ли признавали правильною, но какъ ни какъ, а все-таки въ общественномъ собраніи, и, разумѣется, большинствомъ голосовъ, рѣшили принять предложеніе Деспота-Зеновича и завести газету. Выписали купцы все для этого потребное, начиная отъ типографскаго шрифта до наборщиковъ, метранпажей и корректоровъ включительно, и стали кяхтинцы издавать газету, которая расходилась въ сотнѣ-другой экземпляровъ, а содержаніе ея въ годъ стоило тысячи три-четыре.

Градоначальникъ памятенъ мнѣ въ особенности своимъ краснорѣчіемъ и сознаніемъ собственного величія. Къ слову сказать, онъ, жившій въ г. Троицкосавскѣ, отстоявшемъ отъ торговой слободы Кяхты на четыре версты, вызывалъ къ себѣ на квартиру (помѣщался въ большомъ казенномъ домѣ) всѣхъ кяхтинскихъ купцовъ официальнымъ приглашеніемъ чрезъ свою канцелярію. Получивъ такія приглашенія, купцы пожимали плечами, тяжело вздыхали и перешептывались между собой.

— Опять призываетъ,—вотъ напасть!

— Что дѣлать, братцы, терпѣть надо!—робко заявляли болѣе мирные и молчаливые.

И ѣдутъ, бывало, купцы въ числѣ сорока, а иной разъ полусотни лицъ къ градоначальнику въ Троицкосавскъ и слушаютъ его начальническія рѣчи. Онъ, случалось, заливается цѣлые полчаса, наслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, а купцы стоятъ сплоченной кучей въ дверяхъ и около дверей въ пріемной залѣ его квартиры и хлопаютъ ушами. Наговорится онъ иной разъ до того, что самъ начинаетъ чувствовать утомленіе отъ своей рѣчи и распуститъ купцовъ по домамъ. Купцы, спускаясь съ лѣстницы, перешептываются, покачиваютъ головами, нѣкоторые почесываютъ затылки, вообще—негодуютъ.

— Да къ чему онъ клонить?

— А кто его знаетъ! Много говорилъ,—слышали, чай, сами... И о цивилизаціи и объ Англіи что-то, а куда гнеть—не скоро поймешь. Вотъ пришлетъ бумагу, разберемъ.

— И опять что-то насчетъ расхода изъ общественныхъ суммъ...

— Это ужъ—само собой. Иначе зачѣмъ бы собирать насъ?

— Мудрено! Иванъ Андреевичъ, какъ думаешь? Ты въ первыхъ рядахъ стоялъ.

— Погодите. Пришлетъ бумагу, виднѣе будетъ.

Выползали они одинъ за другимъ на улицу, запруженную ихъ экипажами, усаживались, кто въ коляску, кто въ двухколесный кабриолетъ, и вздыхали, недоумѣвая, за что Господь посылаетъ наказаніе.

И вотъ что удивительно: ни одинъ изъ купцовъ, призывавшійся на выслушиваніе градоначальническихъ рѣчей, не задавался при этомъ мыслию: зачѣмъ и по какому праву одинъ человекъ можетъ такъ безцеремонно вызывать къ себѣ за четыре вереты полсотню торговыхъ людей и держать ихъ чуть не въ дверяхъ залы, не пригласивъ никого сѣсть? Чего бы, казалось, цѣлесообразнѣе было ему самому пріѣхать въ торговую слободу, въ общественное собраніе и тамъ повести рѣчь съ купцами. Такъ нѣтъ: одинъ командуетъ надъ всѣми, а они, какъ покорныя овцы, оставляютъ свои дѣла и ѣдутъ къ нему выслушивать его продолжительныя разглагольствованія о европейскомъ прогрессѣ и цивилизаціи.

Надо отдать справедливость, говорилъ онъ красно, съ жестами, отличавшимися нѣкоторой театральностью. Онъ былъ въ тѣ годы красивой наружности, высокаго роста, статный, съ выразительными темными глазами, носилъ густые усы и видимо холилъ ихъ и расчесывалъ, любуясь самъ собою. Родомъ онъ былъ полякъ и, вѣроятно, въ костелахъ насмотрѣлся, съ какими жестами произносятъ ксендзы свои горячія проповѣди, какъ величественно поднимаютъ руки, потрясаютъ ими въ воздухѣ и закатываютъ глаза

подъ лобъ. Но вотъ въ чемъ смѣшная сторона его краснорѣчія, — палилъ онъ, такъ сказать, по воробьямъ изъ пушки и всего чаще пальба его ограничивалась предѣлами крошечными, которые дальше швейцарской булавы, никому не нужной газеты и излишней роскоши въ приѣмъ высшихъ властей не заходили. Кяхтинскіе воробьи, разумѣется, соглашались съ его указаніями и дѣлали все то, что онъ предлагалъ «въ интересахъ общественныхъ». Кое-кто изъ болѣе сообразительныхъ, положимъ, морщился, мычалъ себѣ подъ носъ возраженіе и шепталъ на ухо сосѣду:

— Говорить красно, а все непутевое.

Покойный А. М. Лушниковъ, не лишенный нѣкотораго знакомства съ литературой, замѣчалъ иногда въ заключеніе купеческихъ отзывовъ о градоначальникѣ.

— Слова, слова, слова! — произносилъ онъ, поглаживая свои щетинистые усы.

Но и сатирическіе отзывы его и робкое мычанье нѣкоторыхъ купцовъ о «непутевыхъ» предложеніяхъ градоначальника цѣли не достигали: предложенія его принимались за приказанія и исполнялись.

Жизнь въ Кяхтѣ, правду надо сказать, была, если можно такъ выразиться, угощательная. Поили, кормили и награждали всѣхъ, кто этого желалъ. Купцы могли, перефразируя слова Фамусова, сказать про себя: «у насъ дверь отперта для званыхъ и незваныхъ, а въ особенности для чиновниковъ, и чѣмъ чинъ выше, тѣмъ ему и угощенія больше». И не только чиновниковъ они радушно угощали, а и своихъ собратьевъ, пріѣзжихъ купцовъ. Пріѣдетъ, на примѣръ, изъ Иркутска какой-нибудь, по словамъ купцовъ, «икрянный лещъ», кяхтинцы даютъ ему обѣдъ и собираются на пиршество во всемъ своемъ составѣ, въ числѣ сорока и пятидесяти человекъ. Пріѣдетъ другой, иной разъ спустя послѣ перваго черезъ недѣлю или двѣ, — опять обѣдъ, третій — тоже, и такъ обѣдъ за обѣдомъ, пиршество за пиршествомъ устраиваются во всю осень и зиму вплоть до весны, когда пріѣздъ торговыхъ людей ослабѣвалъ, обмѣнъ товаровъ на чай и покупка ихъ на серебро и золото затихала на все лѣто. Но когда въ торговую слободу наѣзжалъ самый большой лещъ и самый икрянный, каковымъ именовался купцами генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, тогда пиршества, обѣды, ужины, фейерверки устраивались съ безпримѣрною роскошью, несмотря ни на времена года и ни на какое состояніе погоды. Тогда ѣли и пили и въ кяхтинскомъ общественномъ собраніи, и въ китайскомъ городкѣ Найматчинѣ. У китайцевъ заказывались обѣды въ шестьдесятъ блюдъ, и шаманское при этомъ лилось, какъ говорится, рѣкой, нимало не стѣсняясь сосѣдствомъ съ горячей китайской водкой, майгулу,

которую и самъ генераль-губернаторъ, блаженные и вѣчно достойныя памяти графъ Муравьевъ-Амурскій, и весь штатъ его чиновниковъ вышивали тоже не безъ удовольствія и не безъ любопытства.

Пили въ Кяхтѣ вообще изрядно, пили и въ честь наѣзжавшихъ «лещей», пили и безъ нихъ, какъ говорится, сами по себѣ. Иной разъ обѣды устраивались по случаю пріѣзда торговаго человѣка, пріятели двухъ-трехъ кяхтинскихъ купцовъ, ему дѣлали почетъ общественнымъ обѣдомъ, знакомили съ другими кяхтинцами, — хорошій, молъ, человѣкъ, и, стало быть, потрапезуемъ съ нимъ всѣ вкупѣ и «собща» опорожнимъ десятокъ, другой бутылокъ заграничнаго шипучаго вина. А потомъ, спустя нѣкоторое время, устраивали ему опять обѣдъ, на сей разъ прощальный, Богъ знаетъ, молъ, когда еще придется увидаться съ нимъ, а потому потрапезуемъ еще разъ за его здоровье и пожелаемъ ему гладкой дороги и попутнаго вѣтра. Путина не близкая, къ Макарію на ярмарку катить, а можетъ и дальше, на Питеръ двинется, — какъ же такого путешественника не проводить съ хлѣбомъ съ солью и съ доброй чаркой заграничнаго шипучаго вина!

По части выпивки между кяхтинскими купцами были особенно выдающимися шесть-семь человѣкъ, — не буду называть ихъ фамилій, ибо давно уже имъ пропѣли «во блаженномъ успеніи вѣчный покой». У нихъ бывало съ утра, вмѣсто чаю и кофе, появлялась на столѣ закуска съ внушительной батареей бутылокъ и графиновъ и начиналось «карточное метаніе», продолжавшееся до обѣда, а потомъ, послѣ обычнаго подкрѣпленія силъ сномъ, снова начиналось и не прерывалось далеко за полночь.

Такое препровожденіе времени и такая борьба со спиртными напитками доводила нѣкоторыхъ пріѣзжихъ купцовъ, менѣе, чѣмъ кяхтинцы, искусныхъ въ этомъ дѣлѣ, до того, что они ослабѣвали послѣ двухъ-трехъ дней «до ризъ положенія», и не разъ кяхтинцы, испытанные въ бражничествѣ, посмѣивались надъ ослабѣвшими гостями.

— Бодрствуй, друже, держись прямо, на бокъ не сдавайся. Давай, чокнемся. Ну, будь здоровъ!

— Не могу, благодѣтели, не могу. Ослабѣлъ!

— Эхма! Хорошій человѣкъ, а такъ позорно ведешь себя!..

Помню такой разговоръ у одного изъ купцовъ, специалистовъ въ борьбѣ съ напитками.

Низкорослый и тощій пріѣзжій купецъ, прображничавши нѣсколько дней сряду со специалистами этого дѣла, жаловался, покачиваясь и едва выговаривая слова:

— Уснуть не могу... И мухи, какъ на грѣхъ... одолѣваютъ меня!..

— А—а! Вотъ оно что!—засмѣялись кяхтинцы:—съ мухами воюешь! Брось! Пропадетъ это дѣло, не стоитъ съ ними связываться!

— Не могу, измучили!

— Пренебреги!

— Спать не даютъ...

— Ишь ты какія! Да не выпивши ли онѣ, а?—возразилъ шутивый кяхтинецъ:—гляди, выпивши. Отъ этого отъ самаго онѣ такія навязчивыя. Безпремѣнно—пьяныя. То-то я давеча по утру одну замѣтилъ такую. Представь, братецъ мой, пристала ко мнѣ негодная, такъ и лѣзетъ, а винищемъ отъ нея разить на всю комнату. Теперича я понимаю, отчего она такая назойливая!

— Ну? — въ недоумѣніи спрашиваетъ покачивающійся отъ хмеля купецъ.

— Это, надо полагать, другъ, она отъ тебя винищемъ-то насосалась!..

Такъ кяхтинцы подсмѣивались надъ ослабѣвшимъ собратомъ. Досмѣялись они и дображничаались до того, наконецъ, что чайное дѣло въ Кяхтѣ упало и Сибирь, на всемъ пространствѣ отъ Кяхты до Москвы, лишилась огромныхъ заработковъ отъ перевозки грузовъ—русскихъ товаровъ и китайскимъ чаевъ.

А между тѣмъ, будь въ средѣ кучества настоящіе дѣльные люди,—не говоря уже о бражникахъ,—будь во главѣ начальства не краснобаи, а дѣйствительные администраторы, — кяхтинское дѣло могло еще долго держаться въ прежнемъ торговомъ положеніи, несмотря на то, что контрабандная доставка чаю чрезъ европейскія границы много вредила ей. Продержалось бы оно, можетъ быть, и до нашихъ дней и, можетъ быть, съ открытіемъ желѣзнодорожнаго пути въ Сибирь получило бы иное, болѣе прочное положеніе и развило бы и укрѣпило наши торговыя отношенія къ Китаю. Увы, все это теперь надломлено и надломлено именно съ того времени, къ которому относятся мои воспоминанія.

Нужно замѣтить, что торговое дѣло Россіи съ Китаемъ было при началѣ своемъ поставлено въ невообразимо стѣснительныя условія, ограждено такими узаконеніями, которыя не только не могли способствовать правильному развитію дѣла, а, напротивъ, тормозили его въ самомъ основаніи. Все это теперь, разумѣется, неоправимо, и говорю я объ этомъ только въ видахъ, такъ сказать, памятованія о прошлыхъ ошибкахъ, для избѣжанія ихъ въ будущемъ.

И куческія отношенія къ торговому кяхтинскому дѣлу были тоже до невозможности небрежны, требовали контроля, нуждались въ исправленіи и самыя правила, на основаніи которыхъ были установлены торговыя дѣла съ китайцами. О хозяйственномъ распорядженіи денежными сборами на общественныя нужды и гово-

рить нечего, — разбрасывали ихъ во всѣ стороны безъ сожалѣнія, что, молъ, жалѣтъ, — деньги не наши, общественныя, туда имъ и дорога.

Такъ, напримѣръ, средства, собираемыя на торговыя нужды (по сорока копеекъ съ каждаго вывозимаго изъ Найматчина ящика чаю), тратились, какъ сказано выше, на удовольствія, на угощеніе властей, на прихоти начальства, а сумма такихъ сборовъ была огромная, такъ какъ черезъ таможеню вывозилось ежегодно изъ Кяхты до ста восьмидесяти тысячъ ящиковъ одного только байхового чаю, не говоря о кирпичномъ, котораго приобрѣталось отъ китайцевъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ ящиковъ и который тоже оплачивался сборомъ на торговыя нужды. Тратились эти сборы, однако, совѣмъ не на торговыя нужды. Объ этихъ нуждахъ никто не заботился. Купцы знали одну заботу — ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о поддержкѣ кяхтинской торговли, о недозволеніи свободнаго ввоза чаю въ Россію чрезъ Одессу и другіе торговыя города и писали прошенія на высочайшее имя съ плаксивыми возгласами: «Спаси — погибаемъ».

А между тѣмъ заботы стояли передъ глазами всего російскаго купечества, на эти заботы указывали иностранцы, предлагали даже свое содѣйствіе и участіе въ ихъ выполненіи — и бесполезно: ихъ никто слушать не хотѣлъ. Поднимался разговоръ въ печати о необходимости устройства водяного пути по Ангарѣ и Енисею и по рѣкамъ Западной Сибири, писалось немало статей въ газетахъ объ улучшеніи путей сообщенія, способствующихъ удешевленію перевозки грузовъ, объ устройствѣ Кругобайкальской дороги, о паромныхъ пристаняхъ на Байкалѣ, болѣе удобныхъ, чѣмъ тѣ, которыя тогда были. И всѣ эти толки печати оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь.

И теперь, въ наши дни, когда неудачная война съ Японіей раскрыла наши неурядицы и обнаружила ту плѣсень и тину, какою несетъ отъ всѣхъ начальническихъ предписаній и циркуляровъ, теперь, благодаря именно только этой войнѣ, снова заговорили о необходимости соединенія восточно-сибирскихъ рѣкъ съ рѣками Западной Сибири. Заговорили Богъ знаетъ на долго ли и Богъ знаетъ до чего договорятся, можетъ быть, власть имущіе почечупутся, позѣвываютъ сладко въ разныхъ «временныхъ комиссіяхъ и комитетахъ» и отложатъ важный вопросъ подъ сукно. Примѣры бывали.

И Кругобайкальская желѣзная дорога тоже обязана своимъ открытіемъ войнѣ съ Японіей, и она выстроилась только потому, что насъ, русскихъ, сонныхъ увальней, раскочакали наконецъ Японцы и заставили оглянуться на самихъ себя. Оглянулись мы и убѣдились, что сказанныя поэтомъ слова о русскомъ человѣкѣ могутъ имѣть вовсе не то значеніе, какое поэтъ имъ придавалъ. Онъ

говорить: «Не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный, что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ твоей смиренной». И теперь, въ наши дни, не только гордый иноплеменный взоръ, но и японцы-макаки поняли и уразумѣли, въ чемъ причина нашей «смиренной наготы».

Вотъ на какіе мотивы запѣлъ я, выступая на литературную дорогу. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ пятнадцать, а именно въ концѣ семидесятыхъ годовъ, покойный М. О. Вольфъ приобрѣлъ отъ меня право на напечатаніе моей статьи о Кяхтѣ въ издаваемой имъ «Живописной Россіи» и помѣстилъ ее въ томъ томѣ, въ которомъ отведено мѣсто статьямъ о Восточной Сибири. Въ числѣ этихъ статей есть нѣсколько и моихъ,—о Байкалѣ, о бурятахъ и о Забайкальской области, кромѣ того—вступительная статья о Восточной Сибири вообще.

Статья о Кяхтѣ, какъ я сказалъ выше, произвела на «торгующее на Кяхтѣ купечество» непріятное впечатлѣніе. И. А. Носковъ, огорченный и гнѣвавшійся на меня, скоро, положимъ, примирился со мною, сознавая въ глубинѣ души, что все высказанное о кяхтинской жизни и ея непорядкахъ справедливо. Но другіе купцы, имѣвшіе на Кяхтѣ значительныя торговыя дѣла, большею частью московскіе богачи, заволновались и разгнѣвались и всего болѣе потому, что не кстатѣ раздались такіе неодобрительные отзывы о кяхтинской торговлѣ и главное—«не во благовременіи».

— Ахъ! — скорбно перешептывались они: — молчалъ бы пока что, а теперича, пожалуй, навредитъ нашимъ ходатайствамъ.

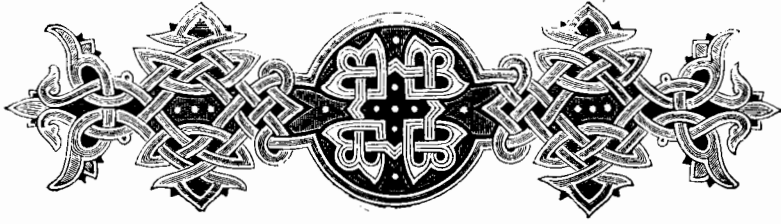
Огорчало ихъ всего болѣе то, что статья появилась въ такое время, когда въ правительственныхъ сферахъ и въ петербургской печати начались уже разговоры о необходимости разрѣшенія свободной торговли чаемъ.

— И сунуло его! — роптали купцы:—вотъ ужъ именно свинью подложилъ подъ ноги.

Купецъ Парамоновъ, подписывавшійся: «кахтинскій второй купецъ», богомольный и благочестивый человѣкъ, вздыхалъ и крестился, взглядывая на образа при разговорѣ обо мнѣ.

— Спаси его Господи, отчаянная голова! — шопотомъ произносилъ онъ, пугливо поглядывая по сторонамъ. — Не ожидалъ я этого отъ него. Сейчасъ умереть—не ожидалъ! Такого многоуважаемаго родителя сынъ и такъ жарить съ плеча. Да! Не укуратная статья!

Д. И. Стахѣвъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

XIV.

Разсужденіе объ освобожденныхъ. — Поѣздка въ Веневь. — Мировые посредники. — Виенія. — Ольридъ. — Отмѣна откупа. — Пьянство. — Польская смута. — Колюбакинъ.

СЕГОДНЯ, 19 февраля 1862 г., ровно годъ, какъ намъ предоставлена свобода устраивать жизнь по собственному желанію. Намъ не продаютъ уже больше наравнѣ съ коровами и овцами, не бреютъ головъ, не рѣжутъ у дѣвокъ косъ, даже не бьютъ по щекамъ. Я пользуюсь свободой и однако остаюсь тѣмъ же самымъ лакеемъ. Всѣ мои товарищи и знакомые тоже продолжаютъ жить на прежнихъ мѣстахъ. Только тѣ, которымъ было отказано отъ мѣста, или вслѣдствіе сокращенія штата прислуги, или за дурное поведеніе, измѣнили свой образъ жизни, но далеко не къ лучшему. На каждомъ шагѣ только и слышишь, что ищутъ мѣста. Поэтому я сталъ обдумывать, что не мѣшало бы устроить контору для нуждающихся въ присканіи мѣста.

Въ маѣ ѣздилъ съ барыней въ Веневь. Это маленькій, незначительный городокъ. Отъ скуки пошелъ на кладбище. Тамъ прочелъ на памятникахъ много курьезныхъ надписей. Нѣкоторыя записалъ. На одномъ памятникѣ было написано:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 734.

Веневской бараночницѣ.

1. Ударилъ часъ. Друзья простите.
Куда. Все знать хотите.
2. Кости зракъ
Смерти знакъ.
Зри се всякъ,—
Будешь такъ.
3. О, вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной.
Всѣ ваши бронзы бесполезны,—
Онѣ не скрасятъ души злой.
Не славьте вы меня стихами,—
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ рай блаженства не прибавятъ.

Пока я занимался чтеніемъ надписей на памятникахъ, ко мнѣ подошелъ сторожъ. На мой вопросъ, давно ли онъ здѣсь служить, отвѣтилъ, что его сюда послалъ самъ Богъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Служилъ я раньше при военномъ складѣ. Однажды ночью, когда я крѣпко спалъ, меня подхватило вихремъ и унесло на кладбище, гдѣ я опомнился и проснулся только утромъ. Сей-часъ же я пошелъ къ священнику, рассказалъ ему о случившемся, и онъ назначилъ меня сторожемъ. Съ тѣхъ поръ тутъ и сижу.

По возвращеніи въ Москву, въ июнѣ, мнѣ по дѣлу Костина пришлось побывать у мировыхъ посредниковъ Лопухина и Трубецкаго. Вотъ настоящіе благородные люди. Я удивлялся ихъ терпѣнію и внимательности, съ которыми они обращаются со всѣми, приходящими къ нимъ за разъясненіемъ недоразумѣній. Послѣ чиновниковъ гражданской палаты и управы благочинія и разныхъ чиновъ полиціи они мнѣ показались ангелами умиротворителями и утѣшителями.

Въ сентябрѣ заходилъ въ гости къ знакомому Куликову, у котораго квартируетъ много студентовъ.

— Платятъ ли они?—спросилъ я.

— Бѣдны, но честны, — отвѣтилъ Куликовъ. — Если денегъ нѣтъ, часы отдають. Одно нехорошо, что они всѣ большіе забіяки и спорщики. Иногда цѣлую ночь до самаго утра галдятъ.

Бздилъ въ Вианію и осматривалъ тамъ покон митрополита Платона. Проводникъ, не умолкая, тянулъ заученную рѣчь: вотъ постель, на которой владыка почивалъ... вотъ комната, въ которой принималъ просителей... вотъ зеркальный потолокъ, въ которомъ отражались фигуры просителей, и тамъ ихъ владыка, подымая очи горѣ, разсматривалъ. Онъ не могъ смотрѣть прямо въ лицо, потому что отъ пронизательнаго, проникающаго насквозь взгляда его просители падали въ обморокъ... вотъ коверъ, подаренный шахомъ персидскимъ... вотъ... и т. д.

Былъ въ театрѣ и смотрѣлъ игру пріѣзжаго англичанина Ольриджа. Онъ игралъ Отелло, а Медвѣдева—Дездемону. Игра и дикція замѣчательныя. Онъ говорилъ шопотомъ, но такъ звучно, что даже въ райкѣ этотъ шопотъ раздражаетъ ухо. Несмотря на то, что онъ говорилъ по-англійски и что, слѣдовательно, я не понималъ ни одного слова, остальные всѣ актеры, понятно, говорившіе по-русски, рядомъ съ нимъ казались мнѣ мелкими, ничтожными и смѣшными.

Купилъ и прочиталъ механику и физику Щеглова. Хотя очень многого не понялъ, но добросовѣстно дочиталъ до конца.

1 января 1863 г. вечеромъ я отправился на прогулку. Подойдя къ Никольскимъ воротамъ, я увидѣлъ около кабаковъ цѣлую толпу. Это праздновалась отмѣна откупа. По случаю удешевленія водки, набросились на кабаки и переполнили ихъ. На Трубной площади опять толпа около кабаковъ. Изъ любопытства зашелъ въ одинъ. Оказалось, что все заготовленное заранее вино уже выпили и толпа ждетъ новаго подвоза. Вотъ она, народная трезвость.

5 января у барыни родилась дочь Марія. Было нѣсколько докторовъ. Большая суета. Невольно я вспомнилъ о деревнѣ. Тамъ роженицы уходятъ изъ общей комнаты въ холодный, темный чуланъ, откуда послѣ родовъ тащатъ ихъ по 25-градусному морозу въ угарную баню, гдѣ лежатъ онѣ дня три и затѣмъ являются въ избу и принимаются, какъ ни въ чемъ не бывало, за работу. Съ кормилицами происходитъ возня неимовѣрная. Одна больна, другая безъ молока, отъ третьей несетъ какъ изъ винной бочки. Вообще теперь весь народъ, послѣ отмѣны откупа, съ утра каждый день пьянствуетъ, и всѣ улицы переполнены пьяными...

19 февраля ходилъ на публичную лекцію профессора Богданова, который читалъ о значеніи зоологическихъ садовъ и звѣринцевъ. Слушая лекцію, я думалъ, что въ день освобожденія крестьянъ изъ неволи говорятъ о томъ, чтобы сажать звѣрей въ клѣтки и держать ихъ въ неволѣ.

Приписался къ ремесленному цеху.

Въ мартѣ слушалъ лекцію профессора Соколова о дыхательныхъ и голосовыхъ органахъ. Послѣ этой лекціи сталъ читать популярную медицину.

Всѣ и вездѣ толкуютъ о полякахъ и польской смутѣ. Въ Польшу назначается Муравьевъ. Говорятъ, что тамъ творятся большія безобразія. Ну, да и здѣсь дѣлается много не совсѣмъ хорошаго. Появилось много просвѣтителей всякаго рода. Открываются школы, воскресные классы, читальни, лекціи. Однако учатъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и не тому, чему слѣдовало бы. Послѣ азбуки сразу географія и чуть не философія. Нравственно религіозная сторона забыта и надъ религіей насмѣхаются. По

моему мнѣнію, въ школахъ должны обучаться не одной только грамотѣ, но и ремесламъ и земледѣлію. Дѣти очень скоро поняли бы все, что имъ необходимо знать, и пріохотились бы къ работѣ. Обратимся къ жизни. Въ деревнѣ, вѣдь, ребятишки, какъ завидятъ мельницу, сейчасъ начинаютъ мастерить свою мельницу изъ щепокъ на ручьѣ; дѣлаютъ лодку изъ коры и т. п. О взрослыхъ я уже и не говорю. Не успѣютъ открыть въ какой мѣстности ткацкую, какъ онѣ начинаютъ расти и послѣ первой черезъ пять лѣтъ ихъ въ той мѣстности уже 10. Нѣтъ, все идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы.

Напечатанная 5 мая статья М. П. Погодина о польскомъ вопросѣ и европейской политикѣ привела въ восторгъ простой народъ. «Вѣдомости», въ которыхъ печатаются адреса отъ разныхъ городовъ и обществъ, высказываются противъ какихъ бы то ни было уступокъ полякамъ и требуютъ немедленнаго подавленія мятежа, хотя бы это даже грозило войной съ Наполеономъ.

Каждый день устраиваются проводы солдатамъ, идущимъ въ Польшу. Муравьевъ съ поляками не церемонится и постоянно высылаетъ ихъ въ Смоленскъ. Всѣ радуются.

Въ іюлѣ заключилъ контрактъ о наймѣ квартиры въ нашемъ домѣ съ генераль-лейтенантомъ Колюбакинымъ, бывшимъ кутаисскимъ губернаторомъ. Генераль страшно вспылчивъ и, какъ рассказываютъ, въ Кутансѣ всѣхъ колотилъ. Извозчикъ мнѣ вчера рассказывалъ, что генераль съѣлъ и велѣлъ ему ѣхать. Проѣхавъ немного, онъ крикнулъ: «Къ сенатору Толмачеву». — «А гдѣ онъ живетъ?» — «Какъ, ты не знаешь, гдѣ онъ живетъ». Бацъ его по уху. Затѣмъ сталъ колотить по спинѣ, приговаривая: «На Прѣснѣ, на Прѣснѣ»... Библіотека у генерала громадная.

XV.

Смерть губернатора Тучкова.—Служба бывшихъ дворовыхъ. — Катковъ и Леонтьевъ.—А. В. Повало-Швейковскій.—Поступленіе на службу на желѣзную дорогу и служба на ней.—Кіевъ и его обывачи.

24 января (1864 г.) происходили похороны умершаго генераль-губернатора Москвы, Тучкова. Не мало пришлось ему пережить волненій и во время объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ и во время студенческихъ беспорядковъ. Добрый былъ человекъ.

19 февраля раздался торжественный звонъ. Я пошелъ въ церковь къ Спиридонію. Въ церкви молящимися нашель только нѣсколькихъ старушекъ. Народа не было. Стало очень грустно мнѣ. Въ такой день и не поставитъ свѣчки за здоровье Освободителя! ихъ. Для кабака вотъ такъ всегда находится и время и деньги...

Въ концѣ года я сталъ раздумывать о своей жизни, о своемъ положеніи и о положеніи вообще всѣхъ бывшихъ дворовыхъ и крестьянъ. Прошло уже четыре года, какъ освободили насъ отъ крѣпостной зависимости. Намъ сдѣлали гражданами земли русской. Каждый изъ насъ имѣетъ право теперь заняться тѣмъ, къ чему онъ чувствуетъ призваніе, имѣетъ право заняться какимъ угодно ремесломъ. Какъ же воспользовался этою свободою я и всѣ мои знакомые, бывшіе дворовые люди. И я и всѣ, кого только я знаю, попрежнему живутъ лакеями у своихъ господъ. Почему? Я думаю, что по привычкѣ. Какъ господа привыкли къ нашимъ услугамъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись, такъ и мы привыкли быть рабами и сидѣть на ихъ шеѣ, не заботясь о будущемъ. Когда мы собираемся вмѣстѣ, о чемъ мы разсуждаемъ? Только о томъ, какъ бы устроить общество или контору опять-таки исключительно только для найма прислуги. Только прислуживать, быть лакеями, только, повидимому, къ этому мы и способны. Другими словами, мы хотя и наемными и по собственному желанію, но остаемся все-таки рабами. Возьмемъ вотъ хоть меня. Я и грамотный, и постоянно много читающій и разсуждающій, вотъ, несмотря на мои 30 лѣтъ, не могу отстать отъ этой безпечной жизни, не могу рѣшиться поступить куда-нибудь письмоводителемъ или конторщикомъ. На словахъ мы способны на все, а на дѣлѣ. Нѣтъ у насъ ни предпріимчивости, ни энергій.

19 февраля (1865 г.) у меня собрались гости, и мы весело отпраздновали этотъ великій день. Разсуждали только объ учрежденіи общества домашней прислуги. Я написалъ уже проектъ. Набралось уже 60 человѣкъ. Когда будетъ 300, тогда предполагаемъ открыть контору.

Въ мартѣ меня призвалъ къ себѣ Хр. Хр. Мейнъ и предложилъ мнѣ поступить конторщикомъ на Рязанско-Козловскую желѣзную дорогу. Я отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что баринъ, Александръ Петровичъ, боленъ и я не могу его оставить. У него, дѣйствительно, несмотря на его богатырское сложеніе, подкашиваются по временамъ ноги, и онъ тогда падаетъ. Я привыкъ къ господамъ и мнѣ жалко ихъ оставить.

Проектъ свой послалъ Каткову и въ апрѣлѣ пошелъ къ нему. Катковъ меня принялъ, выслушалъ, пригласилъ Леонтьева и, сказавъ ему заняться со мною, кивнулъ головою и ушелъ. Леонтьевъ сказалъ мнѣ, что проектъ мой онъ прочиталъ и нашелъ его дѣльнымъ и желательнымъ. «Мы совѣтовали бы, говорилъ онъ, прибавить еще параграфъ о томъ, что членами общества могутъ быть также и требователи прислуги, т.-е. хозяева. Такъ какъ проектъ этотъ не окончательный, а еще, такъ сказать, созидающійся, я его теперь оглашу въ печати съ тою цѣлью, чтобы публика могла

сдѣлать свои замѣчанія и вы могли бы воспользоваться замѣчаніями публики при окончательномъ составленіи проекта».

Одобривъ основную мысль проекта, Леонтьевъ перешелъ къ наборщикамъ ихъ типографіи.

— Это ужасный народъ. Неаккуратность, неопрятность, беспечность. О завтрашнемъ днѣ не думаетъ никто. Сбереженія на умъ не приходятъ. Вотъ наборщики изъ Прибалтійскаго края, такъ тѣ ведутъ себя иначе. Въ ихъ квартирахъ есть даже и обстановка. У нихъ во всемъ и чистота и опрятность. Итакъ, мы за вашу мысль,—закончилъ онъ.

Читалъ Бокля. Какой глубокой умъ!

Черезъ недѣлю отправился въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей». Васильевъ показалъ мнѣ корректуру статьи и заявилъ, что напечатаніе ея откладывается и что когда она будетъ напечатана, неизвѣстно, такъ какъ теперь газета будетъ переполнена другимъ.

Проходя по улицѣ, я встрѣтился съ Мейномъ, который мнѣ сказалъ, что если я теперь же не рѣшусь поступить на желѣзную дорогу, впослѣдствіи я не буду уже имѣть возможность получить мѣсто, и велѣлъ зайти къ нему за полученіемъ рекомендательнаго письма къ Повало-Швейковскому, которому нуженъ приказчикъ. Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, я явился въ гостиницу «Англія» къ Александру Владимировичу Повало-Швейковскому съ письмомъ отъ Мейна.

— Вы отъ Мейна, понимаете ли вы что-нибудь въ постройкахъ, кто вы такой?—быстро задавалъ онъ вопросы, не ожидая отвѣтовъ. — Я даю вамъ 25 рублей въ мѣсяцъ. 27 апрѣля вы уѣзжаете на мѣсто. Передъ отъѣздомъ зайдите и принесите паспортъ,—закончилъ онъ.

Такая рѣшительная и полная энергіи рѣчь на меня сильно подѣйствовала, и я согласился. Мнѣ очень тяжело было расставаться съ господами, тѣмъ болѣе, что Александръ Петровичъ чувствовалъ себя все хуже и хуже. Марья Александровна и Марья Петровна дали мнѣ на дорогу каждая по 10 рублей, и я уѣхалъ изъ Москвы на новое дѣло. Черезъ Рязань и Ряжскъ сначала пріѣхалъ на станцію Яклевецъ, а потомъ на станцію Раненбургъ, гдѣ и занялся присмотромъ за возкою камня и за постройками. Скоро мнѣ увеличили жалованье, и я сталъ получать вмѣсто 25 уже 50 рублей.

5 сентября (1866 г.) открылось движеніе по Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ, и я при этомъ получилъ должность помощника начальника станціи Раненбургъ.

Повало-Швейковскій предложилъ переѣхать на работы въ Кіевъ. Въ Раненбургѣ я просто умиралъ отъ скуки. Поэтому я очень обрадовался предложенію и, несмотря на то, что мнѣ общали

прибавку, немедленно сдалъ должность и укатилъ въ Москву. Здѣсь я женился на портнихѣ Авдотѣ Платоновнѣ. Черезъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ Кіевъ и отсюда на ст. Бобрискъ, гдѣ скоро сталъ получать жалованья тысячу рублей въ годъ.

По дѣламъ мнѣ часто приходилось ѣздить въ Кіевъ. Мнѣ очень нравился Днѣпръ, и я написалъ слѣдующіе стихи:

Я любовался изъ окна
 Доселѣ яростнымъ Днѣпромъ.
 Теперь покрытъ онъ тонкимъ льдомъ
 И не шумитъ его волна.
 Онъ представляетъ чудный видъ,
 Блистая чистымъ серебромъ.
 Онъ такъ повитно говоритъ
 О той могучей силѣ силъ,
 Передъ которой буйный Днѣпръ
 Въ оковахъ ледяныхъ окрѣпъ
 И свой порывъ остановилъ.

Морозы славные и преждевременные. Хохлы говорятъ, что такіе жестокіе морозы нарочно устроили кацапы съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе было перевозить матеріалы для постройки.

Въ декабрѣ 1867 г. узнали о смерти митрополита Филарета. Онъ былъ уменъ до прозорливости, религіозенъ до святости.

Наступаютъ праздники Рождества Христова, а мы сидимъ въ глуши близъ строящейся станціи Бобрискъ. Въ утѣшеніе хохлы стали приносить подарки. Одинъ принесъ куропатокъ, другой два кувшина молока и домашнихъ колбасъ. За это я предложилъ имъ денегъ. Не взяли, водку же выпили съ удовольствіемъ.

6 января 1868 г. былъ въ Кіевѣ и присутствовалъ при освященіи воды. Когда при колокольномъ звонѣ показалась съ Крещатика процессія съ хоругвями, толпа тысячъ въ 50 бросилась къ Днѣпру. Во время толкотни и давки нѣсколько человѣкъ любопытныхъ евреевъ были сброшены въ воду. Толпа смѣялась и шутила, что это новообращенные. Въ процессіи принимали участіе кіевскіе цеховые верхомъ на лошадахъ, со значками въ видѣ флаговъ.

Въ Кіевѣ вообще много особенныхъ обычаевъ. Обыкновенно въ 12 часовъ дня пускается изъ крѣпости ракета. Однажды кіевляне были поражены, не услышавъ выстрѣла ракеты. Весь городъ взволновался. Стали разузнавать и наводить справки, почему ракета пущена не была. Когда узнали, что губернаторъ не утвердилъ расхода на содержаніе прислуги, пускавшей ракеты, немедленно принялись хлопотать, пока не добились - таки онять хлопанья ракетъ.

Похороны тамъ бываютъ особенно торжественны. Раздается звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ. Народъ собирается толпами.

Идутъ пѣвчіе и масса духовенства, несутъ хоругви и иконы. Когда пѣвчіе перестаютъ пѣть, музыка играетъ похоронный маршъ.

— Кого это такъ пышно хоронятъ?—спросилъ я.

— А богатую купчиху. У насъ всегда такъ хоронятъ.

Въ декабрѣ движеніе по новому желѣзнодорожному пути было открыто. Службѣ моей пришелъ конецъ, и я съ женой уѣхалъ въ Москву.

XVI.

Ростъ Москвы.—Козловъ.—Журналъ «Идея».—Смерть Повало-Швейковского.—Поѣздка въ Смоленскъ и Витебскъ.—Стихи.—Подряды.—Процессъ игумены Митрофанія.

Москва съ каждымъ годомъ украшается. Одно меня очень поразило: это обиліе красныхъ вывѣсокъ. Все кабаки и кабаки. Также появилось много банкирскихъ конторъ.

Посоветовавшись съ знакомыми, я выкопалъ свой старый проектъ объ учрежденіи артели домашней прислуги и снесъ его къ Гилярову-Платонову. Онъ по поводу этого проекта напечаталъ передовую статью. Сейчасъ же и другія газеты стали разбирать этотъ вопросъ, высказываясь и за и противъ.

Затѣмъ я понесъ проектъ Погодину. Внимательно выслушавъ меня, Погодинъ обѣщалъ возбудить по этому поводу вопросъ въ первомъ же засѣданіи городской думы.

Получилъ сразу два предложенія. Гиляровъ-Платоновъ заявилъ о желаніи взять меня на службу къ себѣ въ контору редакціи, а Повало-Швейковскій предложилъ съѣздить въ Козловъ для наведенія справокъ о цѣнахъ на строительный матеріалъ. Я избралъ послѣднее и поѣхалъ въ Козловъ. Тамъ я сошелся съ молодежью. По вечерамъ много говорили, спорили, и подъ конецъ рѣшили издавать еженедѣльный журналъ «Идея». Изданіе однако не состоялось, хотя я и написалъ для перваго номера слѣдующіе стихи:

Я изъ крестьянъ попалъ въ лакеи,
Скинувъ лапти и кафтанъ,
Ѣздилъ въ шляпѣ и ливреѣ
За каретой, какъ болванъ.
Въ бѣломъ галстукѣ, жилетѣ,
Куда я не попадалъ?!
Много шлялся я на свѣтѣ
И чего я не видалъ!
На балахъ былъ, на банкетахъ,
На семейныхъ вечерахъ,
У ученыхъ въ кабинетахъ,
На большихъ похоронахъ.
Много чуднаго тамъ слова
Приходилось слышать мнѣ,
Слова вольнаго, живого,

О родной все сторонѣ.
 Много думалъ я въ свой вѣкъ,
 Всякой всячины слыхалъ;
 Но что я—тожь человѣкъ
 Только нынѣ я узналъ,
 Прочитавши чудный, славный,
 Знаменитый манифестъ,
 Коемъ царь нашъ православный
 Съ насъ свалилъ тяжелый крестъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ неожиданно получилъ депешу о смерти Повало-Швейковскаго, умершаго отъ апоплектического удара. Меня страшно поразила смерть этого молодого (35 лѣтъ), дѣятельнаго и энергичнаго человѣка. Работами сталъ завѣдывать Михайловскій, у котораго я и остался на службѣ.

Ѣздилъ въ Смоленскъ. Обратилъ вниманіе на стѣны, которыя разваливаются. Говорили, что всякій, кому только нуженъ кирпичъ,—беретъ себѣ безъ спроса. Впрочемъ, теперь, повидимому, обратили вниманіе на этотъ памятникъ старины, — начали реставрировать башню Веселуху.

Ѣздилъ въ Витебскъ. Городъ живописный. Тамъ я не встрѣтилъ ни одного русскаго,—все либо еврей, либо поляки.

Стихи по поводу манифеста 19 февраля и по поводу процесса Нечаева.

Манифестъ о всеобщей воинской повинности (1871 г.) вызвалъ много неудовольствія среди купечества и дворянства. Мнѣ захотѣлось высказать царю благодарность за всѣ его реформы, и я написалъ стихи, которые отпечатавъ въ типографіи Мамонтова, 3 марта, въ Москвѣ и послалъ ихъ министру двора. Вотъ они:

Девятнадцатаго февраля.

(Воспоминаніе бывшаго крѣпостного).

Я помню дѣтство: такъ свѣтло
 Оно стоитъ передо мной;
 Тогда привольно и тепло
 Мнѣ было жить въ семьѣ родной.
 Я помню вечеръ роковой,
 Когда изъ милыхъ мнѣ людей
 Перенесенъ я былъ судьбой
 Въ Москву—въ толпу чужихъ людей;
 Когда, разставшия съ каѳтаномъ,
 Я принялъ кличку: «человѣкъ»
 И глупымъ сдѣлался болваномъ,
 Моделью нравственныхъ калѣкъ.
 Какимъ тяжелымъ привидѣнемъ
 Стоять лѣтъ десять предо мной,
 Въ какомъ бездѣйствиномъ томленіи
 Тѣ дни убиты были мной.
 Я помню незабвенный годъ...

Какимъ онъ свѣтомъ освѣтилъ
 Царемъ раскованный народъ
 Отъ узъ, которыя носилъ.
 О, какъ тогда мы ликовали,
 Толпою окруживъ амвонъ,
 Когда намъ волю объявили
 Подъ праздничный, веселый звонъ.
 Какъ я въ тотъ мигъ помолодѣлъ,
 Забывъ печальныя тридцать лѣтъ,
 И какъ я пламенно хотѣлъ
 Тогда бѣжать въ университетъ;
 Но поздно было брать уроки,
 Себя наукамъ посвящать,
 Искоренять свои пороки
 И дни младые возвращать.
 Съ тѣхъ поръ я часто вспоминаю
 То дѣтство, то тяжелыя годы,
 И тѣмъ лишь душу улаждаю,
 Что я дождался дней свободы,
 Что я свободнымъ кончу вѣкъ,
 Благодаря царя-отца,
 Познавши, что я человѣкъ,
 Созданье мудраго Творца,
 Творца, Котораго дерзаю
 Я нынѣ пламенно молить
 Благословить царя-державу
 И дни его для насъ продлить,
 И въ души подданныхъ вселить,
 Чтобъ этотъ день благословенный
 Умѣли въ памяти хранить
 И чтить всегда благоговѣнно.

Отъ министра двора мною получено было объявленіе, что государю императору было благоугодно за мои стихи благодарить.

Живу пока въ Москвѣ. Въ окружномъ судѣ разбирается политическое дѣло о Нечаевѣ, Успенскомъ и прочихъ злодѣяхъ. Напрасно эти господа все валяютъ на народъ. Эти не народные герои.

Въ теченіе 1872 и 1873 г. все время провелъ на работахъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и по окончаніи работъ, въ январѣ 1874 г., переѣхалъ въ Москву. Иванъ Самоѣловичъ Зибертъ выдалъ мнѣ обѣщанные проценты съ чистаго барыша въ размѣрѣ 3.750 рублей. Теперь ужъ я богатый человѣкъ. Всего у меня 6.000 рублей.

По порученію Зиберта строю для него дачу въ Сокольникахъ. Заваялся также подрядами. вмѣстѣ съ Урвачевымъ взялъ съ торговъ подрядъ на поставку 4230 штукъ стеколъ для строящагося храма Христа Спасителя. При заказѣ зеркальныхъ стеколъ въ Бельгін Урвачевъ, переводя вершки на сантиметры, ошибся на $\frac{1}{8}$. Очень возможно, что онъ сдѣлалъ это съ умысломъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, избѣгнуть обрѣзковъ толстаго стекла и

съ другой—уменьшить вѣсъ груза, такъ какъ пошлину приходилось платить съ пуда. Такъ или иначе, но стекла оказались мало-мѣрными и не подходящими и поэтому комиссія отказала въ приемкѣ ихъ. Здѣсь мнѣ пришлось убѣдиться, какіе большіе взятчики и смотрителя и десятники. Стекла всѣ были приняты.

Послѣдовалъ указъ о всеобщей воинской повинности. Купцы ропщутъ. Рекрутскія квитанціи поднялись до двѣнадцати тысячъ рублей.

Измѣненіе правилъ о кабакахъ уменьшило ихъ количество. Не думаю однако, чтобы это способствовало къ уменьшенію пьянства въ народѣ, который съ каждымъ днемъ все больше и больше пьянствуетъ и развратничаетъ и все меньше и меньше работаетъ. Лѣность неимовѣрная.

Въ окружномъ судѣ (1874 г.) идетъ скандальный процессъ объ игуменѣ Митрофаніи, бравшей деньги съ разныхъ лицъ, которыя добивались полученія орденовъ или доступа къ высокопоставленнымъ лицамъ для проведенія дѣлъ. Открылось много изъ того, что такъ тщательно оберегали, чтобы не вышло изъ стѣнъ монастыря; но развѣ за этими стѣнами живутъ одни только святые?!

XVII.

Памятникъ женѣ Брюса.—Художникъ Яковлевъ.—Поѣздка въ деревню.—Расчетъ за поставку стеколъ въ храмъ Спасителя.—Похороны Погодина.—Ахтырка.—Консервный заводъ.—Объявленіе войны Турціи.—Наводненіе.—Поставка консервовъ.—Явленіе креста на льду.

Ѣздилъ съ женою къ знакомымъ на свадьбу въ село Глинково. Тамъ въ церкви стоитъ памятникъ женѣ знаменитаго Брюса. Въ глубокой нишѣ изъ чернаго мрамора того же мрамора гробница и надъ ней конусообразная доска, на которой стоятъ изъ бѣлаго мрамора бюсты женщины и склонившіеся воинъ въ кирасѣ.

Въ Борисоглѣбскѣ, куда Ѣздилъ къ знакомому, встрѣтился съ художникомъ Яковлевымъ. Его картины: «Дѣлежъ добычи» и «Грабежъ на большой дорогѣ», были на вѣнской выставкѣ. Теперь онъ возвратился изъ киргизскихъ степей, куда Ѣздилъ писать типы туземцевъ для заказанныхъ ему Солдатенковымъ картинъ «Братья разбойники» и «Цыгане». Онъ знаменитъ, но я смотрѣлъ на него какъ на человѣка ненормальнаго, потому что онъ носитъ китайскую косу. Удивительное время. Женщины-курсистки обрѣзываютъ себѣ косу, а мужчины отпускаютъ!

Лѣтомъ побывалъ въ своей родной деревнѣ. Въ Вичугѣ появились и фабрики и большіе каменные дома, которые выстроили бывшіе мои одноподдверенцы. Да, много перемѣнъ. Нѣкоторые господа, вслѣдствіе своей лѣни и праздной жизни, обрѣдѣли, а мужички, благодаря своей энергіи, наслаждаются теперь жизнью.

На могилахъ родителей поставилъ чугунный памятникъ. Послѣ панихиды пошелъ къ священнику. Грустная картина. И священникъ и жена его постоянно пьютъ. Послѣ этого какимъ же онъ можетъ быть наставителемъ народной нравственности? Осматривалъ лѣсъ и не узналъ. Вырубленъ почти весь. Крестьяне хотѣли его купить, но Глушкова запросила очень дорого. Теперь крестьяне отчаянно его рубятъ, не справляясь, чья это собственность.

По возвращеніи въ Москву обратился въ комиссію за полученіемъ денегъ за поставку стеколъ въ храмъ Спасителя. Миѣ не хотѣли выдать деньги, находя, что въ стеклахъ есть пузырьки. Я отправился съ жалобой къ генераль-губернатору князю Долгорукову, который приказалъ выдать деньги, три тысячи рублей. Когда я явился за полученіемъ денегъ, меня окружилъ, какъ саранча, цѣлый штатъ чиновниковъ и другихъ лицъ, начиная съ бухгалтера и кончая десятскими. На своемъ вѣку много миѣ приходилось видѣть разнаго народа, но такихъ вымогателей я еще ни разу не встрѣчалъ.

Въ октябрѣ (1875 г.) лопнулъ Коммерческій банкъ, въ которомъ лежало на мое имя 1.700 р., принадлежащихъ Урвачеву, 300 р. Шушуевой и собственныхъ 300 руб. У Ивана Самоѣловича Зиберта на текущемъ счету было тысячъ 40.

8 декабря (1875 г.) были похороны М. П. Погодина. Гробъ, за которымъ шла громадная толпа народа, несли студенты. Его зналъ и любилъ народъ, потому что онъ понималъ нужды его и писалъ простымъ, яснымъ слогомъ.

Въ декабрѣ же былъ на похоронахъ моего благодѣтеля, опредѣлившаго меня на службу, строителя желѣзныхъ дорогъ Хр. Хр. Мейна. Изъ произнесенной надъ гробомъ рѣчи узналъ, что его предокъ, голландецъ, открылъ островъ Гуфеландъ-Мейнъ. Покойный пришелъ въ Москву изъ Архангельска пѣшкомъ и сначала поступилъ въ межевую канцелярію, потомъ былъ управляющимъ имѣніемъ и наконецъ строителемъ дорогъ. Это былъ неутомимый труженикъ съ громадною энергіей.

По порученію Ивана Самоѣловича Зиберта поѣхалъ вдоль проектированной линіи Сумы и Конотопъ. Проѣзжая Ахтырку (Харьков. губ.), слышалъ слѣдующій разговоръ. Одинъ помѣщикъ былъ сосланъ Анной Иоанновной въ Сибирь, имѣнія же его были отобраны въ казну. Жена его только и думала о печальной участи своихъ дочерей и непрестанно молилась. Однажды она увидѣла во снѣ Богородицу, которая велѣла ей не печалиться больше о своихъ дѣтяхъ и все оставшіяся у нея деньги отдать на поддержаніе ахтырской церкви. Помѣщица сейчасъ же призвала священника, отдала ему деньги и въ тотъ же день вечеромъ умерла. Въ это время вступила на престолъ Екатерина II, которая велѣла многихъ возвратитъ изъ ссылки и въ томъ числѣ и мужа покой-

ной. Когда императрица узнала, что и мужъ и жена умерли, она велѣла доставить въ Петербургъ двухъ сиротъ, обласкала ихъ, воспитала и потомъ выдала замужъ одну за графа Панина, а другую за графа Чернышева. Впослѣдствіи одна изъ нихъ построила въ Ахтыркѣ новый храмъ, а другая пожертвовала въ него много драгоценной утвари.

Въ сентябрѣ купилъ за пять тысячъ рублей около Рязани дубовую рощу и отправился туда. Первые же дубы, которые свалили, оказались въ срединѣ гнилыми. Едва ли выручу свои деньги.

Въ это время получилъ письмо отъ И. С. Зиберга, въ которомъ онъ сообщалъ, что вмѣстѣ съ Данилевскимъ, Сеченомъ, Киттарой и другими взялъ подрядъ на поставку консервовъ, бульона и сухого мяса для арміи и приглашалъ на службу на устраниваемый заводъ. Сейчасъ же рощу по описи передалъ знакомому и уѣхалъ въ Москву.

Компаніей приобрѣтена была въ Самарѣ мельница, которую необходимо было передѣлать въ консервный заводъ. По контракту нужно было доставить къ 1 апрѣля 1877 г. 135 тысячъ пудовъ консервовъ.

Въ октябрѣ я былъ уже въ Самарѣ, а 18 начались передѣлки на мельницѣ Цвѣтова. Торонились, снѣжили, а дѣло шло не совсѣмъ удачно. Больше 30—40 пудовъ въ сутки не могли высушить. Устраняли всякаго рода приспособленія и добились того, что 19 декабря нашъ заводъ сгорѣлъ. Причиною пожара была деревянная труба въ аршинъ шириною, въ которую была проведена желѣзная труба изъ печи. Отъ вылетѣвшей ли искры, или отъ накалившагося желѣза высохшая труба всыхнула, какъ порохъ. Висѣвшая на трубѣ керосиновая лампа лопнула, и горящій керосинъ разлился по полу. Хотя у насъ была пожарная машина и въ бакѣ было 150 ведеръ воды, но воспользоваться машиною не пришлось, такъ какъ обезумѣвшая отъ испуга толпа рабочихъ, разбѣгаясь, порвала пожарный рукавъ. Спасти заводъ не было никакой возможности. Я это быстро сообразилъ и вмѣстѣ съ генераломъ Глушковымъ занялся спасеніемъ кладовой, въ которой было 40 тысячъ пудовъ свѣжаго мороженнаго мяса. Бабы носили кирпичъ, а мужчины быстро закладывали имъ двери кладовой, — окна были заложены листовымъ желѣзомъ. Изъ завода успѣли выкатить лишь нѣсколько десятковъ бочекъ съ саломъ, и удалось спасти локомобиль.

Подвозъ мяса былъ остановленъ. Алабинъ, ставившій мясо, потребовалъ отступного 28 тысячъ рублей, но потомъ согласился на 16 тысячъ, такъ какъ придрались къ неисполненію имъ контракта, по которому онъ долженъ былъ доставлять мясо въ тушахъ, а не разрубленное, какъ онъ доставлялъ. Сеченъ тотчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ отсрочкѣ.

15 января 1877 г. по возвращеніи Сечена изъ Петербурга было приступлено къ устройству новаго завода. 11 марта заводъ уже дѣйствовалъ. Работа шла быстро. Съ одной только, устроенной мною и поэтому названной Бобковской, сушильни получалось сухого мяса 200 пудовъ въ сутки. 23 марта готова была вся партия мяса. Стали варить бульонъ. Заказъ вскорѣ былъ оконченъ. За работу съ наградой я получилъ 1500 рублей.

26 марта двинулся ледъ и по Самаркѣ и по Волгѣ. Вода залила весь берегъ, затопила заводъ, и волны стали подходить къ самому дому, въ которомъ я жилъ съ женой.

14 апрѣля узналъ, что объявлена война Турціи. Идутъ цѣлые обозы съ новобранцами и провожающими ихъ семьями. Господи, какъ много пьяныхъ!

12 мая. Волга разливается все больше и больше. Домъ нашъ затопило на 1½ аршина. Нижній этажъ и кухня залиты водой. Лодка пристаётъ прямо ко второму этажу. Вечеромъ и ночью, когда волны съ шумомъ разбивались о стѣны и домъ весь шатался, было очень жутко. 17 мая сдалъ заводъ Плѣшакову, съѣлъ съ женою въ подѣхавшую къ дому лодку и пересѣлъ на пароходъ, на которомъ доѣхалъ до Нижняго-Новгорода и оттуда отправился по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Та же компанія, состоящая изъ Сечена, Зиберта, Данилевскаго и Киттары, получила подрядъ на поставку для военнаго министерства консервовъ бульона, щей и гороховой и картофельной похлебки. Меня взяли и назначили мнѣ жалованья 150 рублей въ мѣсяць. 15 іюня заводъ началъ дѣйствовать и къ 20 августа мною сдано было уже много консервовъ. Только желѣзные цилиндры, вмѣщавшіе въ себѣ пять пудовъ, были очень плохи и поэтому даже при самомъ осторожномъ обращеніи съ ними промывались. Къ октябрю военное министерство измѣнило укунорку. Порціи стали раскладываться въ мѣшечки, которые клались въ цилиндры. Черезъ нѣсколько времени опять послѣдовала перемѣна и консервы стали класть въ жестяныя коробки 10, 5 и 1 фун. Коробки эти ставились въ деревянные ящики.

Съ 15 ноябрю наша улица запружена ежедневно и ѣдущимъ и идущимъ народомъ, направляющимся во дворъ Бахрушинской богадѣльни. Всѣ желали взглянуть на прудъ, на которомъ на льду образовался крестъ болѣе темнаго, чѣмъ остальной ледъ, цвѣта. Служатъ молебны и берутъ воду изъ пруда. Разсказываютъ объ исцѣленіяхъ. Ходилъ смотрѣть и я. Форма креста ясно очерчена. По моему мнѣнію, очень возможно, что маляръ, вымывая кисть, сдѣлалъ знакъ креста на льду.

Долго все шли у насъ невеселыя вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій, и наконецъ 29 ноябрю было получено извѣстіе о взятіи Шлевны. Была иллюминація. Москва ликовала. У знакомыхъ встрѣ-

тился съ однимъ старикомъ. «Чему радуются,—говорилъ онъ.—Я помню 12-й годъ. Какъ тогда радовались, изгнавъ изъ Россіи непріятеля. А сколько послѣ этого было еще войнъ. Всегда потомъ радовались. А что толку отъ этихъ радостей. У насъ все бѣдность кругомъ...»

XVIII.

Либавъ.—Латыши.—В. К. Меккъ.—Крушеніе поѣзда.—Вильна.—Жизнь въ Либавѣ.—Поѣздка въ Шлиссельбургъ и Новую ладогу.—Либавскій портъ.

Получилъ отъ Зиберга наградныя по прежнему заводу 1.000 руб. и по московскому 1.500 руб. Согласился на предложеніе ѣхать въ Либаву на дополнительныя работы по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ. 18 января пріѣхалъ въ Либаву. На вокзалѣ всѣ нѣмцы, въ гостиницѣ — латыши. Утромъ я былъ уже на берегу моря. Въ первый разъ я видѣлъ такое безконечное водное пространство и почувствовалъ себя ничтожнѣйшимъ созданіемъ. По берегу ходили гуляющіе и выбирали изъ выброшенной моремъ травы куски янтаря. Либавъ городъ очень чистый. На окнахъ вездѣ цвѣты и чистенькія занавѣси. Почти изъ каждаго дома несутся звуки рояля. Мнѣ передали, что названіе города Либавъ произошло отъ латышскаго слова либа, что значитъ липа. Издавна здѣсь существуетъ обычай, по которому новобрачные должны посадить два дерева рядомъ. По преимуществу сажаютъ липы. У кого имѣется собственная земля, сажаютъ на своей, у кого нѣтъ,—за каналомъ. Теперь тамъ цѣлая роща изъ парныхъ деревьевъ. Да, куда не занесетъ человѣка судьба. Въ прошломъ году я былъ среди киргизовъ, а теперь среди латышей. Это здоровый, работающій народъ. Одежда у нихъ собственнаго издѣлія, пиджакъ, брюки и фуражка сѣрая, изъ домашняго сукна. Сбруя на лошадяхъ тоже самодѣльная. Ёдятъ много рыбы, молока и масла и пьютъ рѣшительно всѣ, но пьяныхъ не видѣлъ ни разу. Мой участокъ работъ простирается до гор. Шавель на протяженіи 150 верстъ. Обращаться съ рабочими мнѣ очень трудно, потому что они состоятъ изъ поляковъ, жмудиновъ и латышей, не понимающихъ по-русски.

Скоро я въ Либавѣ со многими перезнакомился. Разговоры шли преимущественно о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, о Бисмаркѣ и о возможности войны съ Англіей. Шли пожертвованія на устройство добровольнаго флота (1878 г.).

Въ маѣ хоронили моряка, капитана Пинкъ, который взялся поднять изъ воды затонувшій пароходъ при помощи нитроглицерина. Произошелъ преждевременный взрывъ. Пинкъ былъ выброшенъ изъ воды обезображеннымъ трупомъ.

Зимою приѣзжалъ архіепископъ Филаретъ. Прихожане единственной маленькой церкви устроили ему обѣдъ, на который приглашенъ былъ городской голова Чиврихъ и еще нѣсколько нѣмцевъ. Преосвященный въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ, что если не религіозное, то гражданское чувство должно сближать русскихъ съ нѣмцами, въ виду общности интересовъ торговыхъ и по охраненію границъ и что поэтому благоденствіе Россіи должно быть одинаково дорого для всѣхъ подданныхъ, какъ православныхъ, такъ и протестантовъ. Нѣмцамъ преосвященный очень понравился, они подошли послѣ обѣда подъ его благословеніе и пригласили на обѣдъ, который въ честь его устроили въ ратушѣ. Я очень жалѣлъ, что не могъ быть на этомъ обѣдѣ, потому что былъ вызванъ на линію на работы.

Въ январѣ (1879 г.) ѣздилъ съ евреемъ смотрѣть заготовленный лѣсъ. Проѣзжая озеромъ, мы провалились. Мы едва успѣли выскочить изъ саней. Провалившіяся до самой шеи лошади стояли въ водѣ до тѣхъ поръ, пока не подѣхали на подводахъ латыши, которые и вытащили ихъ. Обсунуваться и отогрѣваться я отправился къ латышу, арендатору лѣсныхъ луговъ. Большая его изба раздѣлялась на двѣ части. Устройство кухни необыкновенное. Она состоитъ изъ четырехъ каменныхъ стѣнъ, постепенно суживающихся и кончающихся отверстіемъ шириною обыкновенной трубы. Въ этой трубѣ нѣсколько желѣзныхъ палокъ для копченія ветчины, гусей и рыбы. Полъ тоже каменный. Такая кухня у всѣхъ латышей. Бѣдные дѣлаютъ стѣны изъ прутьевъ плетенныя и обмазываютъ ихъ глиною. Тяга въ кухняхъ очень большая и поэтому тамъ всегда холодно.

Въ февралѣ приѣзжалъ осматривать работы по линіи В. К. Меккъ. На 234 верстѣ въ одномъ изъ вагоновъ лопнулъ бандажъ. Поѣздъ едва успѣлъ остановить всего за три сажени до моста. Если бы не удалось остановить, поѣздъ свалился бы съ моста. Приѣхавъ въ Либаву, Меккъ заказалъ обѣдъ и послалъ за оркестромъ Нордмана. Когда ему сказали, что оркестръ Нордмана не можетъ явиться, такъ какъ играетъ въ городскомъ театрѣ, Меккъ велѣлъ объявить Нордману, что онъ предлагаетъ ему 300 рублей и ужинъ съ шампанскимъ и что, если онъ не явится немедленно, больше никогда приглашать его не будетъ. Черезъ полчаса Нордманъ явился со всѣмъ оркестромъ, а театръ, въ которомъ шла оперетка, остался безъ музыки.

Въ мартѣ С. С. Зибертъ вызвалъ меня телеграммой въ Москву. Я немедленно явился и узналъ, что мнѣ предлагается быть довереннымъ по постройкѣ таможенныхъ зданій въ Либавѣ съ жалованьемъ по 200 руб. въ мѣсяцъ и съ добавленіемъ 15% съ чистаго барыша. Я, разумѣется, согласился и хотѣлъ уѣхать обратно въ Либаву 28 марта, но потомъ рѣшилъ еще разъ зайти къ Зи-

берту, утромъ въ четвертъ. Когда я 29-го прїѣхалъ на Смоленскій вокзалъ, узналъ, что пассажирскій поѣздъ, на которомъ я хотѣлъ было ѣхать, потерпѣлъ крушеніе. Разбито было 9 вагоновъ и убито около 70 пассажировъ. Не захотѣлъ Господь моеѣ гибели. Утромъ, около 5 часовъ, поѣздъ подошелъ къ мѣсту катастрофы близъ станціи Пѣтушково. Полотно дороги на этомъ мѣстѣ было выотою не больше сажени и путь былъ прямой. Въ потерпѣвшемъ крушеніе поѣздѣ отбиты были буфера и вагоны лежали на откосѣ. Отъ одного изъ вагоновъ 3 класса остался лишь одинъ полъ, который былъ весь въ крови. Путь былъ изломанъ, 4 рельса согнуты, шпалы расщеплены. Пассажиры нашего поѣзда сошли посмотреть на мѣсто крушенія. Многіе взяли съ собою щепы отъ шпалъ, находя, что шпалы гнилыя. На первой станціи кто-то изъ пассажировъ написалъ въ жалобной книгѣ заявленіе о гнилости шпалъ, и многіе подписались. Я не подписался, потому что, по моему мнѣнію, на прямомъ пути костыли продолжали бы держаться въ шпалахъ, если бы даже онѣ и были гнилыя. Я върилъ объясненію, что въ одномъ изъ вагоновъ лопнулъ бандажъ, онъ сошелъ съ рельсовъ и сталъ поперекъ пути.

Въ Либавѣ мы и работали и развлекались. Ольга Христофорова Адагурова устроила любительскій спектакль въ пользу бѣдныхъ учениковъ и выручила чистыхъ рублей 200.

Въ августѣ ѣздилъ по дѣламъ въ Вильну. Проѣзжая чрезъ Остробрамскія ворота, надъ которыми помѣщается часовня съ чудотворною иконою Вожіей Матери, я невольно вспомнилъ Москву и Иверскія ворота. Въ Вильнѣ мнѣ рассказали о случаѣ, какъ одинъ помѣщикъ сдѣлалъ пожертвованіе для иконы дорогой французскій коверъ, ожерелье и проч. Черезъ нѣсколько времени помѣщикъ прїѣхалъ опять и около иконы не нашелъ ни ковра, ни ожерелья. Для разъясненія онъ поѣхалъ къ ксендзу. Каково же было его удивленіе, когда онъ свое ожерелье увидѣлъ на шеѣ хорошенькой племянницы ксендза и коверъ на полу въ его квартирѣ.

21 ноября было получено извѣстіе о взрывѣ вагона императорскаго поѣзда. Всѣ были возмущены и не только русскіе, но и нѣмцы. По поводу избѣжанія государемъ опасности служили молебны и устранивали иллюминаціи.

Въ декабрѣ за работы по желѣзной дорогѣ получилъ отъ Зиберта 5 тысячъ рублей.

На праздникахъ заѣзжалъ съ визитомъ къ отставному майору Михайловскому. Онъ ставилъ горшокъ со щами въ печь. Получая 33 рубля въ мѣсяцъ пенсіи, онъ вынужденъ былъ самъ и стряпать, и стирать, и шить себѣ бѣлье...

Въ Либавѣ мы веселились по-своему. Какъ-то на пирушкѣ у Кузьмина былъ въ числѣ гостей авторъ пьесъ «Иванъ Ключникъ» и «Влуджающіе огни» Л. Н. Антроповъ съ женою. Онъ пѣлъ

много куплетовъ собственнаго сочиненія подь аккомпаниментъ жены на роялѣ. Между прочимъ онъ пѣлъ:

Посѣщеніе министра
Совершилось очень быстро;
И на станціи Либавѣ
Много сильно захворали.
Всѣхъ ругалъ онъ понемногу;
А за что, извѣстно Богу.
А строителей по порту
Отослалъ всѣхъ прямо къ чорту.

Затѣмъ мы пропѣли вирши на начальство, припѣвая послѣ каждой строчки: «ходи браво, ходи смѣло, лучше будетъ дѣло».

Вотъ часть этихъ стиховъ:

Предѣдатель нашъ фонъ-Меккъ
Превосходный человѣкъ.
Нашъ начальникъ Балкашинъ
Не любитъ кислыхъ минъ.
А начальникъ нашъ Пановъ
Вѣчно занятъ, вѣчно новъ.
Участковый же Евграфъ
У него крутъ очень нравъ.
Ададуровъ Михаилъ
Отродясь вина не пидъ.
А начальникъ мастерскихъ,
Своимъ нравомъ очень тихъ.
Училища смотритель
Настоящій сочинитель и т. д.

6 февраля (1880 г.) получено было извѣстіе о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Слава Богу, все обошлось благополучно. Неужели же не могутъ открыть этихъ злодѣевъ...

Въ маѣ мѣсяцѣ, по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, я задумалъ тоже устроить праздникъ. Сдѣлавъ изъ картона щитъ, я окрасилъ его въ голубой цвѣтъ и нарисовалъ на немъ лавровый вѣнокъ, внутри котораго помѣстилъ портретъ Пушкина. Кругомъ щита изображены были корешки переплета книгъ съ надписями на нихъ важнѣйшихъ его произведеній. Щитъ приставленъ былъ къ стѣнѣ, обитой краснымъ кумачомъ и украшенной зеленью. Открытіе памятника назначено было на 28 мая, а я пригласилъ гостей на 25 мая. Мною произнесеца была рѣчь о значеніи Пушкина и о томъ, какъ онъ любилъ Россію и все русское, при чемъ мною прочитано было нѣсколько его произведеній.

Въ декабрѣ записался въ купцы I гильдіи. 31 декабря у Черенцовыхъ весело встрѣчали новый годъ. При первомъ ударѣ двѣнадцати часовъ одна изъ дѣвицъ оторвала заглавный листокъ на стѣнномъ календарѣ, я сталъ бить молоткомъ въ мѣдный подносъ

и затѣмъ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ всѣ хоромъ пропѣли «Боже царя храни». Пѣли русскія пѣсни и плясали камаринскую.

6 января (1881 г.) утромъ было торжественное освященіе воды съ музыкой при 15° мороза. Вечеромъ былъ въ концертѣ, откуда поѣхалъ съ женой къ Коржевымъ. Я подеѣлъ было къ играющимъ въ карты, какъ вдругъ Н. В. заиграла на роялѣ и запѣла русскую пѣсню. Я сейчасъ же пошелъ въ гостиную слушать, подошелъ къ окну и залюбовался ландшафтомъ. Тянется длинная лента желѣзнодорожнаго пути, пропадающая вдаль, мелькаютъ огни, чернѣютъ вагоны; кругомъ все снѣгъ и снѣгъ, на которомъ, какъ черныя пятна, кое-гдѣ разбросаны курляндскія хаты; за ними деревья съ бѣлыми отъ нависшаго на нихъ снѣга вѣтвями. Вся долина залита яркимъ свѣтомъ луны. Вотъ набѣжали облака и все покрылось матовымъ свѣтомъ. Понемногу онъ сталъ свѣтлѣть, зарябили волны разныхъ тѣней, и вся мѣстность какъ бы задвигалась, зашевелилась. Опять выплыла луна, и на темногубомъ небѣ заблистали звѣзды. Н. В. въ это время пѣла:

Ночь темна. На небѣ тучи.
Бѣлый снѣгъ кругомъ и т. д.

И отъ созерцанія природы и отъ пѣнія я пришелъ въ какое-то блаженное состояніе. Думаю, что самый жестокій прозаикъ и тотъ пришелъ бы въ восторгъ. Меня приковывала къ себѣ чудная картина природы и тянуло къ роялю. Мнѣ хотѣлось любоваться молодымъ лицомъ пѣвицы, стройнымъ ея станомъ, всею ея фигурой, полной молодости жизни, желаній... Я какъ бы помолодѣлъ. Мнѣ хотѣлось жить, жить безъ конца, съ любовью ко всему прекрасному, захотѣлось подняться въ небесную высь, «сорвать вѣнецъ съ звѣзды восточной» и увѣнчать ее, воодушевившую меня своимъ пѣніемъ, хотѣлось броситься въ объятія природы и той, которая живетъ и дышитъ жизнью молодой.

Вотъ какія впечатлѣнья
Производятъ зимнія ночи,
И какія вдохновенья
Навѣвають ясны очи...

Январь мѣсяцъ былъ тяжелымъ мѣсяцемъ для русской литературы. Умеръ писатель Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій. Я встрѣчался съ нимъ у Кублицкаго и Андреева, у котораго онъ читалъ иногда свои произведенія. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Писемскаго въ 1876 г. въ театрѣ на первомъ представленіи его пьесы «Просвѣщенное время». Пьеса принята была довольно сочувственно, и Писемскій былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Его поздравляли. Онъ кланялся и говорилъ: «нехорошо, но правдиво».

28 января умеръ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ издатель и редакторъ журнала «Развлеченіе». Умеръ и Ѳ. М. Достоевскій, правдивый писатель, мученикъ идеи.

Посылалъ статьи и въ «Новое Время» и въ нѣмецкую газету. Понять не могу, почему это газеты никогда не помѣщаютъ такихъ простыхъ статей, какъ мои.

2 марта, во второмъ часу ночи, не успѣлъ я затворить дверей за ушедшими гостями, какъ послышался звонокъ. Явился блѣдный Чернцовъ и сообщилъ о смерти государя императора Александра II. Заплакали оба. На другой день узнали о мученической его кончинѣ. О, Господи, что это за темная сила! Какое названіе дать этимъ извергамъ... Безъ слезъ мы не могли читать о послѣднихъ минутахъ жизни государя. И послѣднее его дѣяніе было состраданіе и человѣколюбіе,—онъ шелъ оказать помощь раненому... Городъ погрузился въ трауръ, лавки закрыты, на улицахъ тихо. Общее уныніе. Принимали присягу. Молились. Собирали на вѣнокъ Царю-Освободителю. Москва приглашаетъ государя переселиться изъ Петербурга въ Москву. О, какъ было бы это хорошо. Я всегда желалъ этого. Кто знаетъ, можетъ быть, Россія зажила бы новою жизнью. На смерть государя написалъ стихи и послалъ въ «Новое Время». Знаю напередъ, что не напечатаютъ, но я удовлетворилъ свою душу, исполнилъ свой долгъ. Если и не напечатаютъ, все-таки хоть редакція, да будетъ знать, что чувствуютъ бывшіе крѣпостные и какъ чтутъ память Царя-Освободителя. Что такое я? Маленькая спица. А между тѣмъ мнѣ царь сдѣлалъ все. Онъ переродилъ меня. Я былъ рабъ, а теперь свободный гражданинъ. Какое счастье для человѣка свобода. А свободой мы обязаны ему, доброму государю, такъ безчеловѣчно убитому. Всѣ эти дни мы разсуждали только о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры противъ этихъ злодѣевъ. Собираемъ деньги на памятникъ.

25 мая, по случаю окончанія работъ, приѣзжала комиссія, осмотрѣла зданіе таможни, осталась довольна постройкой и выразила благодарность И. С. Зиберту. Въ октябрѣ по вызову Зиберта приѣхалъ въ Петербургъ, рассказалъ ему о покункѣ мною дома и попросилъ дать взаймы 3 тысячи рублей. Онъ далъ и послалъ меня въ Новоладожскій уѣздъ для осмотра мѣстности и собранія свѣдѣній о цѣнахъ на матеріалъ, необходимый при ремонтѣ Новоладожскаго канала. Черезъ два дня я уже ѣхалъ въ Шлиссельбургъ на пароходѣ. Я такъ долго жилъ среди нѣмцевъ, латышей и евреевъ, что мнѣ доставляло большое удовольствіе слушать русскую рѣчь, которая ни разу не перебивалась не роднымъ звукомъ. Въ Шлиссельбургѣ нанялъ лошадей и поѣхалъ дальше по плохой санной дорогѣ (снѣгъ съ пескомъ). На постоялыхъ дворахъ вездѣ встрѣчалъ пьяныхъ, шумѣвшихъ и игравшихъ на гармоніяхъ. 23 октября приѣхалъ въ Новую Ладугу. Городъ плохой, грязный и неопрятный.

Осматривая городъ, подошелъ къ рѣкѣ Волхову и зашелъ въ трактиръ. Въ одной комнатѣ пьяные и оборванные рабочіе пьютъ водку и ругаются съ проститутками, въ другой еще хуже,—пьяные и мужчины и женщины валяются по полу. Разузнавъ о цѣнахъ, возвратился въ Шлиссельбургъ и сѣлъ на пароходъ, отходящій въ Петербургъ. Кругомъ фабрики. Отдѣльно стоитъ домъ. Я заинтересовался, что это за зданіе, и мнѣ рассказали, что это дворецъ временъ Павла I. Здѣсь, говорили мнѣ, было семь дворцовъ. Однажды, по неизвѣстной мѣстнымъ жителямъ причинѣ, Павелъ I приказалъ 6 дворцовъ снести и мѣста, на которыхъ они стояли, заровнять и запахать. Когда ему было доложено объ исполненіи приказа и добавлено, что седьмой стоитъ въ цѣлости, онъ изумился и сказалъ: «А я думалъ, что тамъ всего шесть. Если седьмой остался, пусть стоитъ. Приставить къ нему часового и вещи беречь». Съ тѣхъ поръ дворецъ стоитъ неприкосновенно, и въ немъ, по увѣренію крестьянъ, водятся черти.

Возвратившись въ Петербургъ, пошелъ въ театръ, въ балетъ. Публика молчаливая, въ получерномъ, лица блѣдныя, серьезныя, таинственныя. Такъ и смахиваютъ всѣ на социалистовъ...

26 октября поѣхалъ поклониться праху царя-мученика въ Петропавловскую крѣпость. Я долго плакалъ на его могилѣ. Царь и въ крѣпости. Нѣтъ, это невозможно. Мы должны перенести его въ будущій храмъ. Его могила должна быть выдѣлена отъ гробницъ другихъ государей. Петръ и Екатерина были велики своими дѣлами, а онъ былъ великъ своею кротостью и милостью. Это былъ посланникъ Божій, вдохнувшій новую жизнь въ миллионы людей. Нѣтъ. Онъ не долженъ лежать

На островѣ тихомъ, за крѣпкой оградой,
Омытый волнами Невы.

Онъ долженъ покоиться въ храмѣ, созданномъ въ его память благодарнымъ и любящимъ народомъ.

И тутъ вокругъ святой могилы
Шумятъ не волны невскихъ водъ,
А движутся народны силы,
И русскій молится народъ...

Грустный возвратился въ Либаву. Попалъ на собраніе русскихъ жителей въ нѣмецкомъ клубѣ. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи русскаго клуба. Нашли, что необходимо для этой цѣли собрать семь тысячъ. Въ подпискѣ принялъ участіе и я.

Все начальство порта вызвано въ Петербургъ. Вслѣдствіе жалобъ купцовъ, министерство недовольно тѣмъ, что каналъ (баръ) плохо очищается. Либавскій портъ заносится пескомъ такъ сильно, что если сегодня какое мѣсто будетъ углублено на два фута, завтра оно опять сравняется. Работамъ, кромѣ того, постоянно

мѣшаетъ вѣтеръ, дующій вдоль канала. Поэтому въ мѣсяцъ приходится работать не болѣе 8 дней. Объ устройствѣ мола только говорятъ. Правленіе Либаво-Роменской желѣзной дороги, на обязанности котораго лежитъ улучшение порта, относится къ этому дѣлу халатно, не ставитъ настоящаго агента и въ лицѣ главнаго инженера имѣетъ въ то же время и исполнителя работъ. Понятно поэтому, какъ идетъ дѣло.

12 февраля директоръ Либаво-Роменской желѣзной дороги вмѣстѣ съ французскими инженерами осматривалъ гавань. Кажется, пришли къ заключенію портъ не увеличивать. Слѣдовательно, всѣ работы пропали даромъ. Машины передаются купцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они производили очистку порта на свои средства и подъ своимъ руководствомъ и наблюдениемъ. Поговариваютъ, что общество Либаво-Роменской желѣзной дороги беретъ ихъ себѣ, на свои надобности и что новое зданіе таможни будетъ строиться по ту сторону канала. Именно тамъ и слѣдовало строить зданіе таможни, потому что теперь подача вагоновъ къ зданію неудобна и для города и для дороги. У насъ все такъ. Конечно, все это происходитъ потому, что во всемъ имѣется въ виду лишь одна личная выгода, а не общественная польза, не интересы государства. Все дѣлается и потомъ передѣлывается, не достигая цѣли, ни общегосударственнаго блага.

Въ № 58 «Современныхъ Извѣстій» напечатали, наконецъ, мою корреспонденцію изъ Либавы о томъ, что прахъ государя долженъ покоиться въ новомъ храмѣ. Напечатали и стихи.

По порученію И. С. Зиберта переселяюсь на работы въ Оренбургъ.

Ф. Д. Бобковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(По архивнымъ документамъ).

Въ числѣ немногихъ лицъ, коимъ выпало на долю сопровождать императора Александра I въ южную Россію, гдѣ въ небольшомъ городѣ Таганрогѣ было суждено государю окончить свои дни, былъ И. И. Дибичъ.

Ознакомленіе съ довольно обширною перепискою Дибича, которую ему пришлось вести изъ Таганрога со многими представителями власти тогдашней Россіи, проливаетъ нѣкоторый новый свѣтъ на обстановку кончины Александра Павловича.

Начинается переписка письмомъ Дибича отъ 15 ноября 1825 г. князю П. В. Лопухину. Въ этомъ письмѣ Дибичъ, между прочимъ, писалъ: «По возвращеніи изъ Крыма въ Таганрогъ 5-го сего мѣсяца его императорское величество почувствовалъ еще на возвратномъ пути сюда сильную простуду; въ первые дни своего пріѣзда признаки желчной горячки ознаменовались постепенно, но не подавали повода къ большому сомнѣнію; съ 13-го же и въ особенности 14-го числа припадки сдѣлались гораздо сильнѣе и положеніе болѣзненное его величества возрождало тѣмъ болѣе безпокойства, что родъ горячки сей возобновляетъ припадки почти безпрерывно. Таковое состояніе августѣйшаго больного рѣшило окружающихъ его величество совѣтовать прибѣгнуть къ священнымъ таинствамъ. Съ утра въ 5-ть часовъ государь императоръ изволилъ исповѣдаться

и причаститься святыхъ таинъ съ свойственною его величеству вѣрою и твердостью. Съ тѣхъ поръ употребленіе пива и другихъ средствъ успокоило нѣсколько жаръ и припадки, и хотя медики не теряютъ вовсе надежды, однакоже и не скрываютъ, что они находятъ положеніе его величества весьма опаснымъ». Извѣщалъ Дибичъ Лопухина въ виду его «предсѣдательства въ первомъ верховномъ мѣстѣ въ государствѣ», т. е. въ государственномъ совѣтѣ, «на его благоусмотрѣніе», какъ «о несчастномъ для всѣхъ вѣрноподанныхъ положеніи его величества».

О положеніи здоровья государя въ тотъ же день извѣщалъ Дибичъ графа М. А. Милорадовича, А. Л. Воинова, князя Д. В. Голицына, А. Н. Потапова и Г. И. Вилламова; послѣдняго Дибичъ просилъ «доложить съ крайнею осторожностію», по его усмотрѣнію, содержаніе письма императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

На другой день Дибичъ кратко писалъ Потапову, что «нѣтъ ни малѣйшаго облегченія его величеству».

17 ноября Дибичъ тѣмъ же лицамъ сообщалъ, что «вчерашній день состояніе здоровья государя императора было еще въ большей опасности, но сегодня, благодаря Всевышнему, положеніе его величества подаетъ намъ хотя слабую надежду».

18 ноября Дибичъ писалъ Вилламову, что «положеніе здоровья его величества не соответствовало нашей надеждѣ въ ожидаемомъ сего числа облегченіи» и что императрица Елизавета Алексѣевна не можетъ писать сама «по непрерывному присутствію при государѣ императорѣ, ибо состояніе августѣйшаго больного сего требуетъ». Роковой конецъ приближался быстрыми шагами; развязка подвигалась, и 18 ноября Дибичъ увѣдомлялъ И. А. Рунковского, что «положеніе здоровья государя часъ отъ часу становится опаснѣе» и что поэтому «признано нужнымъ сегодняшнюю экстр-почту пріостановить до дня слѣдующаго ея отправленія».

Наступилъ памятный день 19 ноября, день кончины государя. Въ этотъ день И. И. Дибичъ писалъ императрицѣ-матери письмо съ горестною вѣстью. «По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать въ вашему императорскому величеству письмо сіе; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сіе выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ вашего императорскаго величества обожаемый нами государь нашъ императоръ Александръ Павловичъ въ сіе утро кончилъ жизнь свою отъ тяжелой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе. По отправленіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Вилламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды, съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную. Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ

новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича. Отправивъ къ его императорскому величеству курьера, я не осмѣлился замедлить симъ донесеніемъ вашему величеству, по обязанности, службою на меня возлагаемой».

Любопытны и отвѣтныя письма къ графу Дибичу. Вилламовъ писалъ Дибичу, что содержаніе письма послѣдняго отъ 15 ноября онъ довелъ до свѣдѣнія государыни, «при помощи г. лейбъ-медика Рюля съ возможною при такомъ случаѣ осторожностію»; государыня была «сильно поражена опасностію, угрожавшею августѣйшему сыну», и «материнское сердце ея величества тревожилось и мучилось еще болѣе подозрѣніемъ величайшаго изъ несчастій, ночь проведена была большею частию въ безпокойствіи до шести часовъ, когда короткій сонъ подкрѣпилъ силы ея величества». На другой день былъ отслуженъ молебень о здравіи государя, во время котораго Вилламовъ получилъ отъ Дибича новое письмо отъ 17 ноября; это письмо Вилламовъ представилъ государынѣ тотчасъ по выходѣ государыни изъ церкви. Вилламовъ всѣ эти свѣдѣнія сообщалъ Дибичу 26 ноября, т. е. по истеченіи недѣли со дня кончины императора Александра I въ Таганрогѣ, откуда еще не могло въ то время дойти свѣдѣніе въ Петербургъ о трагической развязкѣ.

Того же 26 ноября М. А. Милорадовичъ писалъ И. И. Дибичу: «я не теряю надежды, испытавъ самъ на себѣ подобную болѣзнь въ Валахіи и бывъ уже оставленъ докторами; убѣждаюсь и по христіанству полагаю на Всевышняго надежду, что отведетъ столь ужасный ударъ отъ столькихъ милліоновъ народовъ».

27 ноября въ Петербургъ уже дошла роковая вѣсть, и въ тотъ же Г. И. Вилламовъ писалъ И. И. Дибичу, что государыня проситъ его сообщить подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ часахъ и послѣднихъ словахъ императора Александра I.

Вслѣдствіе такого предложенія, Дибичъ 7 декабря написалъ Вилламову пространное письмо.

Начинаетъ Дибичъ письмо съ заявленія, что онъ «не въ состояніи изобразить съ такою точностію, съ каковою нынѣ же объясняетъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій всѣ подробности послѣднихъ дней жизни и слова государя». Далѣе Дибичъ рассказываетъ аб оyo путешествіе государя по Крыму. «Предъ отъѣздомъ въ Крымъ его величество наслаждался совершеннымъ здоровьемъ; переѣздъ отъ Таганрога до Симферополя былъ весьма счастливъ, и хотя въ сіе время мы имѣли въ послѣдніе дни неприятную погоду, именно: 22-го октября—между Ногайскимъ и Альтенау большую бурю съ дождемъ, а 24-го между Перекопомъ и Симферополемъ сильный вѣтеръ, но государь императоръ не имѣлъ въ здоровьѣ своемъ ни малѣйшей перемѣны, былъ всегда веселъ и доволенъ. Въ Симферополѣ его величество, усмотря въ

нижнихъ чинахъ Крымскаго пѣхотнаго полка (коего рота была въ караулѣ) болѣзненный видъ, сдѣлалъ въ первый разъ замѣчаніе насчетъ нездороваго климата въ Крыму, что и впоследствии довольно часто изволилъ повторять. На другой день, 25 октября, его величество, отслушавъ въ Симферополѣ обѣдню, изволилъ отправиться на южный берегъ Крымскаго полуострова. Дорогою осматривалъ баталіонъ Нашебургскаго пѣхотнаго полка, находящійся въ горахъ на работахъ для дѣланія дороги, изволилъ быть весьма доволенъ состояніемъ сего баталіона и въ особенности хвалилъ здоровый видъ нижнихъ чиновъ. Въ сей день государь императоръ проѣхалъ верхомъ какъ по горамъ, такъ и вдоль моря около 30 верстъ, но сія ѣзда, казалось, нимало не беспокоила его величество. Прибывши въ Юрзуфъ (Гурзуфъ), государь изволилъ обѣдать; послѣ стола имѣлъ небольшой отдыхъ; потомъ занимался до 2-го часа ночи дѣлами и отправленіемъ фельдъегерей въ С.-Петербургъ и послѣ того имѣлъ отдыхъ до 9-го часа утра. 26 числа изъ Юрзуфа отправились верхомъ же въ Алупку. Во время сего переѣзда государь императоръ изволилъ ходить весьма много пѣшкомъ въ Никитскомъ саду и во вновь купленномъ имѣніи Гріандѣ (Ореандѣ). Жаръ былъ чрезвычайный, но, несмотря на то, въ его величествѣ не примѣтно было усталости. Потомъ въ деревнѣ Корейсѣ (Корейзѣ) государь императоръ изволилъ заходить къ живущей тамъ княгинѣ Голицыной. Наконецъ прибыли въ Алупку, гдѣ имѣли обѣдъ и ночлегъ. Послѣ обѣда его величество, по обыкновенію своему, еще занимался дѣлами. 27-го числа, обходя сады въ Алупкѣ пѣшкомъ, государь императоръ изволилъ опять сѣсть верхомъ. За деревнею Симеисѣ (Симеизѣ) прекрасная погода первыхъ двухъ дней по выѣздѣ изъ Симферополя перемѣнилась и стала вѣтренѣе, а послѣ затруднительнаго взѣзда по лѣстницѣ въ лѣсъ передъ Байдарскою долиною¹⁾ сдѣлалось довольно свѣжо. Мнѣ казалось—хотя, впрочемъ, не могу сказать утвердительно—что сія неприятная погода и усталость верховой лошади имѣли нѣкоторое вліяніе на его величество. Прибывъ изъ Байдаръ въ деревню Кадикой въ коляскѣ, государь императоръ изволилъ опять ѣздить верхомъ въ Балаклаву, гдѣ у полковника Равеліоти кушалъ—весьма мало—жаркое и рыбу. Изъ Балаклавы поѣхали въ коляскѣ далѣе къ Георгіевскому монастырю. Не доѣзжая онаго, по моему разумѣнію версты за три, его величество уже въ темнотѣ и при довольно сильномъ вѣтрѣ изволилъ сѣсть верхомъ и поѣхалъ въ монастырь самъ съ одними только проводниками, приказавъ мнѣ дожидаться его величество съ коляскою. Поѣздка сія въ монастырь продолжалась болѣе часа. Его

¹⁾ Нынѣ тамъ проложено прекрасное южно-бережное шоссе, знакомое каждому побывавшему въ Крыму, и находится живописное имѣніе Кузнецова Форосъ съ церковью.

величество совершалъ оную въ одномъ мундирѣ, у проводника находились шинель и бурка, но государь не изволилъ одѣвать оныхъ. Несмотря на то однакожь, я, какъ по возвращеніи государя изъ монастыря, такъ и во время остального переѣзда до Севастополя, куда отправились уже въ коляскѣ, не могъ замѣтить въ здоровьѣ его величества никакой перемѣны. Въ Севастополѣ, 28 числа, государь императоръ осматривалъ сначала сухопутныя войска, полковой лазаретъ и морское училище; потомъ принималъ морскихъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; послѣ того присутствовалъ при спускѣ вновь построеннаго судна и, при семъ случаѣ, противъ обыкновенія своего, изволилъ нѣсколько позавтракать у контръ-адмирала Бычинскаго; завтракъ былъ приготовленъ на берегу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ спустили судно. Послѣ завтрака государь императоръ изволилъ отправиться на катерѣ по гавани, всходилъ на одинъ корабль, оттуда проѣхалъ на другую сторону гавани, гдѣ осматривалъ гошпиталь и казармы; потомъ сѣлъ опять на катеръ, на коемъ переѣхалъ довольно большое разстояніе до укрѣпленій, осматривалъ сіи послѣднія и, наконецъ, заѣзжалъ въ острогъ. Всѣ сіи смотры продолжались до 5-ти часовъ пополудни. Погода была теплая и отменно пріятная, и государь во весь день, какъ при осмотрахъ, такъ и во время ѣзды на водѣ, былъ въ одномъ мундирѣ. Въ 6-мъ часу его величество изволилъ имѣть большой обѣденный столъ, а послѣ онаго занимался дѣлами до 1-го часа ночи. На другой день 29-го числа изволилъ осматривать морскіе экипажи и ходить по всѣмъ укрѣпленіямъ Сѣверной стороны, послѣ чего отправился въ Бахчисарай. Тутъ его величество изволилъ обѣдать одинъ. 30-го числа ѣздилъ верхомъ для осмотра находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая караимскаго мѣстечка Чуфуть-Кале, гдѣ изволилъ выкупать немного вина, сказавъ при томъ мнѣ, что его величество опасается, что его желудокъ испорченъ. Однако, по возвращеніи изъ Чуфуть-Кале въ Бахчисарай, его величество изволилъ обѣдать за большимъ столомъ, къ коему были приглашены нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ крымскихъ татарскихъ дворянъ, но послѣ государь изволилъ сказать мнѣ, что чувствуетъ нѣкоторую слабость въ желудкѣ и что полагаетъ тому причиной выпитый стаканъ воды съ барбарисовымъ сокомъ, который былъ прокисшимъ. На другой день поутру 31 числа его величество изволилъ отозваться, что чувствуетъ себя хорошо, но мнѣ казалось, какъ я и прежде замѣтилъ при въѣздѣ въ Байдарскую долину, что его величество не имѣлъ прежней обыкновенной веселости. Выѣхавши въ сей день, 31-го числа, изъ Бахчисарая по дорогѣ къ Козлову, государь императоръ изволилъ заѣхать въ селеніе Сабли, графу Завадовскому принадлежащее, дабы осмотрѣть оное. Приближаясь къ Козлову, испаренія изъ гнилого

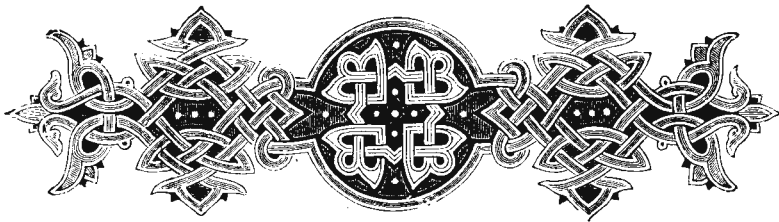
озера, близъ сего города находящагося, сдѣлали непріятное впечатлѣніе на его величество. Послѣ ночлега въ Козловѣ 1 ноября поутру государь императоръ казался весьма бодрымъ и веселымъ. Отслушавъ обѣдню въ соборной церкви, осматривалъ городъ, былъ доволенъ чистотою онаго, заходилъ въ древнюю мечеть, гдѣ, впрочемъ, былъ пронзительный сквозной вѣтеръ; потомъ немного завтракалъ у караимскаго головы, заходилъ въ ихъ синагогу и осматривалъ карантинъ и казармы. Послѣ сего, при переѣздѣ 1-го числа изъ Козлова въ Перекопъ и 2-го числа— изъ Перекопа въ Знаменку, я опять замѣтилъ, какъ и прежде, что государь императоръ не имѣлъ обыкновенной веселости, причемъ также казалось мнѣ, что его величество имѣлъ нѣкоторую усталость, каковой прежде я никогда не замѣчалъ. 3-го числа поутру государь императоръ, осмотря въ Знаменкѣ и Водяной артиллерійскія роты, изволилъ имѣть опять всю обыкновенную свою бодрость, входилъ во всѣ подробности и, будучи весьма доволенъ, обходилъ всѣ заведенія сихъ ротъ. Но при дальнѣйшемъ переѣздѣ отъ Знаменки къ Орѣхову, а особливо послѣ обѣда, я вновь замѣтилъ въ его величествѣ потерю обыкновенной его веселости. По приѣздѣ въ Орѣховъ, когда получено было непріятное извѣстіе, что фельдъегерь Масковъ, ѣхавшій въ свитѣ позади его величества, убится до смерти, то государь императоръ принялъ оное съ живѣйшимъ участіемъ и съ свойственнымъ его величеству всегдашнимъ состраданіемъ и милостію. При выѣздѣ 4-го числа изъ Орѣхова государь императоръ получилъ бумаги, коихъ давно ожидалъ, но мнѣ казалось замѣчательнымъ, что его величество не распечаталъ оныхъ и не читалъ ихъ въ дорогѣ. Въ сей же день во время обѣда, по замѣчанію моему, государь императоръ изволилъ кушать болѣе обыкновеннаго, особливо рыбу; также довольно примѣчательно, что за симъ же обѣдомъ его величество завелъ разговоръ съ лейбъ-медикомъ Вилліе о крымскихъ лихорадкахъ и леченіи оныхъ. На переѣздѣ послѣ обѣда къ Маріуполю я имѣлъ счастье докладывать въ коляскѣ послѣдніе нерѣшенные аудиторіатскіе доклады. Его величество, выслушавъ оныя, изволилъ дать рѣшенія. Но не приказалъ, по обыкновенію, продолжать докладъ другихъ дѣлъ, сказавъ мнѣ только тогда, что его величество еще въ Орѣховѣ почувствовалъ родъ лихорадочнаго припадка, также чувствуетъ необыкновенную усталость и тяжесть въ головѣ. Подъѣзжая къ Маріуполю, таковое состояніе его величества весьма примѣтно было по блѣдности и очевидной усталости. Но государь императоръ изволилъ надѣяться, что, принявъ легкое средство къ испаринѣ, стаканъ слабаго пунша, сей недугъ пройдетъ на ночлегѣ. 5-го числа утромъ и до самаго обѣда примѣтна однакожь была также необыкновенная усталость и блѣдность. За обѣдомъ его величество почти ничего не кушалъ и во

время всего переѣзда до Таганрога непримѣтно было улучшенія. Въ Таганрогѣ, по заведенному порядку, ходилъ я къ его величеству съ докладами только два раза въ день, въ 12-мъ часу утра и въ 9-мъ вечера, и по сему не могу судить со всею подробностію о продолженіи и усиленіи болѣзни его величества; съ 14-го же числа, по вѣрнопоподданнической преданности моей и по счастью, которое я имѣлъ, пользоваться милостию и довѣренностию обожаемаго государя и благодѣтеля моего, хотя находился я почти безотлучно вблизи августѣйшаго больного, но, не имѣя столь безпрестаннаго случая быть въ присутствіи его величества во время болѣзни, какъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, пользовавшійся 30 лѣтъ счастьемъ быть приближеннымъ къ высочайшей его особѣ, я ничего не могу прибавить къ тому, что ея величество всемилостивѣйшая государыня изволила увидѣть изъ письма князя Волконскаго къ вашему превосходительству. Почитаю только долгомъ объяснить, что государь императоръ, по прибытіи въ Таганрогъ, хотя уже не принималъ настоящихъ докладовъ, но не только изволилъ самъ заниматься бумагами 6-го и 7-го числа, но еще 10-го въ вечеру призывалъ меня къ себѣ и далъ приказаніе о самыхъ важныхъ предметахъ, и 11-го числа выслушалъ во всей подробности сдѣланное мною исполненіе».

Въ концѣ письма Дибичъ сообщалъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по перевезенію тѣла почившаго государя, причемъ писалъ, что нѣкоторыя распоряженія онъ не можетъ сдѣлать «безъ высочайшей воли» и что о нихъ онъ доносилъ «въ Варшаву, но получилъ отвѣтъ, что на все то дано будетъ высочайшее разрѣшеніе изъ С.-Петербурга».

Михаилъ Соколовскій.

ЧОРТОВЫ ЛИТЕРЫ.

(Изъ дѣлъ тайной канцеляріи).

I.

ВЕСНОЮ 1720 г. у одного изъ зажиточныхъ домовъ мѣстечка Филлингъ въ Лифляндіи остановился небольшой кавалерійскій отрядъ. Офицеръ и двое солдатъ, быстро спѣшившись, ушли внутрь дома, остальные же остались на коняхъ, съ нетерпѣніемъ ожидая приказанія отдохнуть послѣ долгой и утомительной дороги. Измученныя лошади стояли, уныло понутивъ головы, и всей своей фигурой олицетворяли все то же непреодолимое желаніе отдыха. Между тѣмъ въ домѣ творилось что-то неладное: слышался властный голосъ командира отряда, повелительно приказывавшій что-то, и въ отвѣтъ ему рѣзкіе крики женскаго голоса на непонятномъ языкѣ, то гнѣвные, то просящіе.

— Видно, нѣмцамъ-то не очень по нутру капитанская команда показалась, — замѣтилъ одинъ изъ рейтаровъ, молодой, широкоплечій парень, повидимому, москвичъ: — ишь, баба-то заливается, даромъ, что не наша, не расейская, а спуску-то тоже не даетъ!..

— Бабы-то онѣ вездѣ одинаковы: что наши, что чухонскія, — отвѣтили ему другой, державшій въ поводу капитанскую лошадь: — какъ заляются, ты ихъ хоть ножомъ рѣжь — не остановишь... Вона и остальная нечисть собирается, на голосъ-то... — добавилъ онъ, указывая на порядочную группу людей, столпившуюся около дома.

Толпа эта, состоявшая преимущественно изъ молодежи, глухо волновалась и выражала замѣтное желаніе войти въ домъ, но при-

сутствіе отряда ненавистныхъ «московитовъ» сдерживало этотъ порывъ.

Вдругъ дверь на крыльцо распахнулась, и на него почти выбѣжалъ весь красный отъ ярости драгунскій капитанъ, таща за собою отчаянно упиравшуюся и кричавшую женщину. Волосы ея были распущены, рукава платья разорваны во время борьбы и голосъ охрипъ отъ крика.

— Пустите меня, господинъ капитанъ!.. — кричала она по-нѣмецки, тщетно стараясь вырваться изъ сильныхъ рукъ. — Пустите... Вы не смѣете брать меня, я не простая крестьянка и наконецъ мой мужъ извѣстенъ лично генералу Шлиппенбаху!..

— Молчать!.. — грубо закричалъ на нее капитанъ: — драгуны, связать бабѣ руки, а чтобъ не кричала, кляпъ въ ротъ, да заготовить повозку и раздобыть фуража! Кто здѣсь старшій? — грозно обратился онъ къ столпившимся у крыльца. Глухой гулъ поднялся ему въ отвѣтъ, и десятки рукъ съ угрозой было ухватились за палки, но зоркій глазъ офицера успѣлъ замѣтить это движеніе, и раздалось властное: «Фузеи на руку! Готовь!..»

Быстро, привычнымъ движеніемъ, перекинули солдаты ружья на руку, и полсотни дулъ уставилось на толпу.

— Ну, долго ли мнѣ еще ждать старшаго? Если онъ здѣсь, то выходи, — крикнулъ капитанъ. Въ толпѣ произошло движеніе, и къ крыльцу подошелъ бодрый еще на видъ старикъ, совершенно сѣдой, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросилъ:

— Что угодно приказать господину капитану?

— Именемъ его царскаго величества объявляю, что жена Андрея Ланга по данному мнѣ указу арестована, чему долженъ подвергнуться и отсутствующій мужъ ея. Буде же мнѣ здѣсь не окажутъ удовлетворенія, то селеніе ваше подвергнуто будетъ секвестру. Понялъ, старикъ?

Старшина молча поклонился и, обратившись къ толпѣ, сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ. Между тѣмъ солдаты усадили тихо плакавшую плѣнницу въ приготовленную тѣмъ временемъ крытую повозку и, плотно окруживъ ее, двинулись по дорогѣ къ Пернову, провожаемые полными ненависти взглядами молчаливо разступившейся передъ ними толпы.

II.

Для того, чтобы въ достаточной степени освѣтить послѣдующія событія, необходимо вернуться нѣсколько назадъ. Политическое состояніе Лифляндіи въ разсматриваемый нами періодъ было далеко неспокойно. Несмотря на недавнее взятіе русскими войсками Нарвы и Дерпта и прекращеніе войны, глухое броженіе царило среди населенія и общее недовольство новыми московскими поряд-

ками проявлялось повсюду. Грубость царскихъ эмиссаровъ, мародерствующие солдаты, отсутствіе сильной власти, — все это въ сравненіи съ порядками, бывшими при шведахъ, не могло, разумѣется, вызвать сочувствія въ туземцахъ. Оживленные толки о возможныхъ перемѣнахъ шли повсюду и, какъ всегда, чередовались съ самыми нелѣпными слухами. Прибытіе бывшего шведскаго генерала Шлиппенбаха¹⁾ и свободное проживаніе его въ курляндскомъ имѣніи обсуждалось какъ предвѣстіе скорого возвращенія къ старымъ порядкамъ. Въ началѣ 1719 года во всемъ Рижскомъ уѣздѣ стали говорить о страшномъ и необъяснимомъ явленіи: во многихъ мѣстахъ на дворахъ и стѣнахъ домовъ начали замѣчать написанными какія-то странныя литеры на никому неизвѣстномъ языкѣ, написанныя красною или черною краскою. Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи перебросилась въ Дерптскій и Перновскій уѣзды, гдѣ въ скоромъ времени не замедлили появиться тѣ же чудеса. Молва увеличивалась, какъ снѣжный комъ: вездѣ попотомъ передавалась вѣсть, что «чортовы литеры» (такъ прозвали ихъ лифляндцы) означаютъ скорое и полное поработеніе края русскими; съ ужасомъ сообщали извѣстіе, что даже на стѣнахъ кирки появилась проклятая надпись. Возбужденіе росло съ каждымъ днемъ и наконецъ обратило на себя вниманіе русскихъ властей, которыя немедленно сообщили въ Петербургъ, государю. Петръ, не любившій суевѣрій и при всякомъ удобномъ случаѣ старавшійся ихъ искоренять рѣшительными мѣрами, поручилъ графу Александру Румянцову²⁾ разыскать наиболѣе ярыхъ распространителей злостнаго вымысла, но дабы не вызвать осложненій, приказалъ дѣйствовать съ «великою осторожностью» и ждать благопріятнаго случая. Случай этотъ скоро представился.

III.

За мѣсяць до описаннаго въ первой главѣ событія въ домѣ зажиточнаго обывателя мѣстечка Филлинга, Андреаса Ланга, шла обычная предпраздничная уборка. Самого хозяина не было дома, и молодая жена его торопилась исполнить всѣ хозяйственныя обязанности до возвращенія мужа. А сдѣлать нужно было много и за всѣмъ необходимо было усмотрѣть зоркимъ хозяйскимъ глазомъ. Нужно осмотрѣть всѣ уголки обширнаго хозяйства, наблюдать, заданъ ли скоту кормъ, въ порядкѣ ли дворъ, да и прикрикнуть необходимо иногда, для пользы дѣла, на лѣнливыхъ работ-

¹⁾ Генералъ баронъ Шлиппенбахъ, шведскій полководецъ. Участвовалъ въ Полтавскомъ бою, былъ взятъ въ плѣнъ и остался на русской службѣ. Пользовался большимъ довѣріемъ Петра Великаго.

²⁾ Ал-дръ Ив. Румянцовъ, отецъ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, былъ очень близокъ къ Петру I, который давалъ ему особо важныя порученія.

никовъ. Вотъ и сейчасъ поручила она работнику слить пиво изъ чана въ кладовой и строго велѣла сдѣлать это не мѣшкая, а онъ, точно на зло, ушелъ и обратно не показывается.

— Хозяйка,—взволнованнымъ голосомъ произнесъ вошедшій въ эту минуту молодой работникъ:—и у насъ бѣда... и у насъ случилось!..

— Что случилось?.. говори толкомъ, не пугай!—испуганно бросилась она ему навстрѣчу.

— Тамъ... въ чану... въ кладовой... літеры... чортовы літеры!..— съ трудомъ выговорилъ онъ и, запинаясь и путаясь, кое-какъ объяснилъ, что, придя въ кладовую и начавъ сливать пиво, онъ къ своему ужасу увидѣлъ на стѣнкѣ чана, совершенно до того чистой, невиданную надпись.

— Молчи, покажѣсть никому ни слова. Идемъ и посмотримъ,— быстро овладѣвъ собою, проговорила Анна Лангъ.

Придя въ кладовую, она при помощи работника вычерпала остатки пива изъ чана и, повернувъ его бокомъ, подкатила къ окну. На внутренней стѣнкѣ его, близко къ краю, ясно вырисовывалась надпись, понять которую однакоже не было возможности. При внимательномъ осмотрѣ, знаки надписи представляли собою слѣдующее:

Долго разсматривали хозяйка и работникъ проклятыя буквы, но никакія старанія не помогли имъ разгадать ихъ смыслъ. Подумавъ, Анна рѣшила сейчасъ же послать за мужемъ. Пока сдѣлали лошадь и работникъ приготовлялся къ отъѣзду, она нарисовала углемъ на подоконникѣ таинственную надпись, подлинную же стерла сырой тряпкой. Вспомнивъ, что Андреасъ Лангъ находился въ это время у сестры ея, жены управляющаго имѣніемъ генерала Шлиппенбаха, Рейнгольда Крея, и что къ дѣтямъ сестры ходитъ учитель, Анна немедленно же написала письмо къ сестрѣ, прося ее показать учителю надпись (рисунокъ которой она прилагала) и просить его объяснить ея значеніе. Вручивъ письмо нарочному, она съ тревогой стала ждать возвращенія мужа. Между тѣмъ молва о случившемся быстро разнеслась по селенію, и каж-

дый считалъ своимъ долгомъ взглянуть на надпись и на чанъ. Толкамъ и пересудамъ не было конца, и молва о новомъ чудѣ, быстро увеличиваясь и пополняясь, понеслась по Лифляндіи.

IV.

Изумленію и испугу Андреаса Ланга не было границъ. Прочитавъ вмѣстѣ съ Креемъ и его женой письмо и наскоро разспросивъ о происшедшемъ посланнаго, быстро собравшись и не давъ отдохнуть гонцу, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился домой. Проскакавъ безостановочно всю ночь, они къ утру уже выѣзжали въ Филлингъ. Несмотря на ранній часъ, нѣсколько сосѣдей пробовали было остановить ихъ, но, не обративъ на нихъ вниманія, всадники галопомъ промчались по улицѣ. Бросивъ поводья, Лангъ быстро вѣжалъ въ домъ и первымъ его словомъ было: гдѣ надпись? Заплаканная и грустная жена указала ему на окно. Внимательно и долго разбиралъ онъ надпись и наконецъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Что тутъ написано, худое или доброе, знать мудрено!.. А думаю я завтра поѣхать самъ къ учителю, онъ человѣкъ ученый, онъ навѣрно разберетъ, что тутъ значитъ!..

Переписавъ утромъ на листъ бумаги литеры, Лангъ снова отправился изъ дому, не подозрѣвая, что никогда болѣе уже не вернется въ него.

Старый учитель дѣтей Рейнгольда Крея напрасно и долго ломалъ голову надъ таинственными литерами, но, несмотря на всѣ старанія, прочесть ихъ ему не удалось. Тщетно Лангъ обращался направо и налево, никто не могъ объяснить «чортовыхъ литеръ» и считавшіеся очень опытными и знающими люди, пожавъ плечами, молча отходили въ сторону. Упорное желаніе Ланга добиться истины привело къ тому, что русскій правительственный комиссаръ въ Перновѣ, узнавъ о распространителѣ вздорнаго слуха о «чортовыхъ литерахъ», распорядился арестовать его вмѣстѣ съ женою и причастными лицами и отправить въ Петербургъ.

V.

Отрядъ, везшій Анну Лангъ, а также и взятаго въ домѣ работника, быстро подвигался по дорогѣ къ Нарвѣ. Измученная, полубольная, лежала въ повозкѣ Анна; неизвѣстность объ участи мужа, смутное предчувствіе чего-то ужаснаго впереди, все это сдѣлало бѣдную женщину неузнаваемой: съ опухшими отъ слезъ глазами, въ измятой и изорванной одеждѣ, она внушала жалость къ себѣ даже въ солдатахъ. Молча, безъ обычныхъ шутокъ, ѣхали драгуны возлѣ повозки и старались не смотрѣть на несчастную.

Но нежданная, хотя и короткая радость ждала плѣнницу. На одномъ изъ поворотовъ дороги отрядъ встрѣтился съ другимъ, конвоировавшимъ Андреаса Ланга. Отряды соединились. Съ горькимъ плачемъ бросилась Анна на шею мужа, и солдатамъ съ трудомъ удалось разнять ихъ. Видя состояніе убитой горемъ женщины, начальникъ отряда разрѣшилъ Лангу помѣститься вмѣстѣ съ ней въ одной повозкѣ. Послѣ долгаго и утомительнаго похода арестанты въ началѣ марта 1720 г. прибыли на берега Невы.

VI.

О привезенныхъ преступникахъ Румянцовъ немедленно доложилъ государю, а затѣмъ отослалъ ихъ въ тайную канцелярію при письмѣ на имя Петра Андреевича Толстого, слѣдующаго содержания¹⁾:

«Превосходительнѣйшій господинъ тайный совѣтникъ,—писалъ Румянцовъ.—Царское величество указалъ в канцелярію розысканныхъ дѣлъ веденія Вашего Превосходительства, отослать иноземца, Перновскаго дистрикта²⁾ Андреаса Ланга з женою; а о дѣлѣ ихъ уповаю, что Ваше Превосходительство извѣстны, однакожъ, симъ моимъ покорно доношу, что у вышепомянутаго Ланга в домѣ явились літеры, вымышленные, написаны на пивномъ чанѣ, а ево Ланга не было дома и другихъ никого не было жъ, одна была ево жена съ однимъ ихъ служителемъ и по всему видно, такія літеры вымыслила написать оная женка и вышеозначенныя літеры при семъ моемъ покорно посылаю до Вашего Превосходительства. Вашего Превосходительства покорный слуга Александръ Румянцовъ. Санктъ-Петербурхъ, марта 7 дня 1720 года».

Преступники были помѣщены въ разныхъ камерахъ подъ строгимъ карауломъ. Первый допросъ былъ произведенъ черезъ недѣлю, 14 марта. Такъ какъ оба обвиняемые не знали русскаго языка, то для перевода ихъ рѣчей былъ командированъ присяжный толмачъ государственной коммерцъ-коллегіи Аванасій Ершовъ. Судъ состоялъ изъ Петра Андреевича Толстого, И. И. Бутурлина и А. И. Ушакова.

Приведенная въ присутствіе, Анна Лангъ подробно и чисто-сердечно изложила всю исторію своего открытія: по ея словамъ, чанъ, на которомъ явились літеры, былъ въ ихъ домѣ уже шесть лѣтъ и всегда стоялъ въ сѣняхъ, наполненный пивомъ, и если бы на немъ ранѣе были какія-либо буквы, то она не могла бы ихъ не замѣтить. Указывая на то, что бѣсовское навожденіе (въ чемъ она была увѣрена) случилось не только у нихъ, но замѣчалось во

¹⁾ Госуд. Архивъ, разр. VII, № 70.

²⁾ Дистриктъ—обыватель, житель посада.

«истор. вѣстн.», июль, 1907 г., т. сѣх.

многихъ мѣстахъ по всему уѣзду и что «такія литеры, разными видами, а больше красными и черными красками писаны во многихъ мѣстахъ «ухоромъ» на стѣнахъ, дверяхъ и заборахъ и о томъ всѣ обыватели свѣдомы»¹⁾, она добавила, что даже на пути въ Петербургъ, когда ее съ мужемъ сюда везли, остановились они въ корчмѣ близъ Нарвы, и хозяинъ сказалъ имъ по-нѣмецки, что у него въ чуланѣ на дверяхъ невѣдомо какъ появились написанныя красною краскою буквы и часть ихъ онъ стеръ, а одно оставшееся слово видѣли, кромѣ Анны и ея мужа, также и караульные солдаты. Кромѣ того, тоже близъ Нарвы, въ пути, встрѣтился имъ неизвѣстный всадникъ, который, разговорясь и узнавъ, что у нихъ случилось, сказалъ, что въ ихъ мѣстности чудесныя буквы явились на стѣнѣ кирпичи. Эти два случая такъ убѣдительно на нее повліяли, что она окончательно увѣрилась въ существованіи чуда. На вопросы суда, не имѣла ли она съ мужемъ злого умысла на его царское величество и не являются ли эти литеры условнымъ знакомъ къ бунту, Анна Лангъ отвѣчала отрицательно. Допрошенный въ свою очередь Андреасъ Лангъ, подтверждая все показанное женою, упорно отрицалъ обвиненіе въ политическихъ замыслахъ.

Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ была поставлена въ затруднительное положеніе: отнестись къ преступникамъ, какъ къ обыкновеннымъ суевѣрнымъ людямъ, она не могла, т. к. въ наличности имѣлось волненіе цѣлаго края, имѣвшее, по донесеніямъ, политическое значеніе; съ другой стороны, искренность показаній не оставляла сомнѣній въ томъ, что супруги Лангъ, подъ вліяніемъ толковъ и слуховъ, впали въ заблужденіе и приняли обыкновенную помѣту²⁾ за «чортовы литеры».

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній члены суда признали необходимымъ навести тщательныя справки на мѣстѣ объ образѣ жизни Ланга, а пока содержать обоихъ подъ стражей въ казематѣ. Къ этому времени въ Лифляндіи все было спокойно и ничто не грозило осложненіями. Царь былъ занятъ польскимъ вопросомъ и съ дѣломъ можно было повременить. Слѣдствіе повелось вяло. Только спустя три мѣсяца послѣ перваго допроса получились извѣстія изъ Лифляндіи, но совершенно безрезультатныя и не давшія ничего новаго для измѣненія участи несчастныхъ заключенныхъ.

17 іюня того же 1720 г. Анна Лангъ вторично подверглась допросу, на этотъ разъ уже въ застѣнкѣ. За упорное заперательство и непризнаваніе за собою вины, она была подвергнута пыткамъ

¹⁾ Госуд. Архивъ, разр. VII. д. № 70.

²⁾ Очевидно, что чанъ былъ сдѣланъ изъ старой винной бочки и вырѣзанная на одной изъ стѣнокъ торговая помѣта, потемнѣвъ отъ времени и осадковъ, выдѣлилась на общемъ тонѣ. Тѣмъ болѣе, что рисунокъ можетъ, приблизительно, напомнить слѣд. буквы и цифры: «I. П. L.—320».

и, кромѣ того, поднята на дыбу и наказана пятью ударами кнута. Несмотря на страшное наказаніе, бѣдная женщина осталась при прежнемъ показаніи и была возвращена въ темницу, въ которой и умерла 22 сентября. Андреасъ Лангъ, также перенесшій пытку, пережилъ жену лишь на двѣ недѣли.

Такъ трагически окончилась эта печальная исторія людского невѣжества и жестокости, погубившая двухъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Счастливецъ ихъ оказался слуга Юрій Андреевъ, также томившійся въ заключеніи. О немъ, опредѣленіемъ слѣдственной комиссіи, состоялась такая резолюція: «1720 года, ноября въ 22 день. По указу великаго государя, дѣйствительный тайный совѣтникъ и отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, генераль-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи подполковникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, бригадиръ и лейбъ-гвардіи маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, слушавъ сего дѣла, приказали: вышеписаннаго иноземца, Андрисова хлопца, Юрія Андреевича изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ отдать въ домъ генераль-лейтенанта Шлиппенбаха, кому отъ него принять повелѣно будетъ, съ роспискою». Юрій Андреевъ въ тотъ же день былъ отосланъ къ генералу Шлиппенбаху, бывшему въ то время въ Петербургѣ, и принять подъ расписку генеральнаго писаря Евстафія Трунова.

М. Корольковъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

II.

Наканунъ реформъ ¹⁾.

XI.

ПРЕДОВЫЕ дни добраго согласія между силами общественными и правительственными были не долги, и элементъ обоюднаго недовѣрія и разочарованія, какъ быстро дѣйствующая ржавщина, скоро проявилъ свое разрушительное дѣйствіе. Съ того момента, какъ Александръ II открыто сталъ на сторону освободительнаго движенія въ области крестьянскаго вопроса, родилась надежда, что либеральныя тенденціи получаютъ право реальной гражданственности въ скоромъ времени и въ остальныхъ сферахъ жизни. Но эти надежды не нашли себѣ какого-либо обоснованія и обратились въ пустыя иллюзіи, повлекшія за собою именно горечь разочарованія, откуда въ качествѣ логическаго слѣдствія родилось оппозиціонное движеніе въ разныхъ общественныхъ слояхъ и социальныхъ группахъ, начиная съ высшихъ бюрократическихъ и кончая міромъ учащихъ и учащихся. Самъ вдохновитель эпохи, молодой государь, переживалъ въ тѣ дни моменты разныхъ колебаній и, очевидно, кромѣ крестьянскаго вопроса, гдѣ онъ, вопреки вліянію окружающихъ, успѣлъ открыто и опредѣленно высказаться, въ остальныхъ вопросахъ не находилъ подъ собою твердой идейной опоры и не имѣлъ въ личномъ распоряженіи опредѣленной го-

¹⁾ Окончаніе, см. «Историческій Вѣстникъ», 1907 г. т. CVII, стр. 994.

сударственной точки отправления. Несомнѣнно одно: онъ понималъ, что режимъ, созданный покойнымъ отцомъ, отжилъ свой вѣкъ и нуждается въ радикальной ломкѣ, что своевластію бюрократіи долженъ быть положенъ предѣлъ и что силы общественныя имѣютъ хотя бы нѣкоторое право свободы и самостоятельности. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить его взгляды по вопросамъ о составленіи ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ министерскихъ отчетовъ и объ облегченіи цензурныхъ строгостей.

Въ бумагахъ покойнаго историка Есипова, приобретенныхъ въ свое время редакціей «Историческаго Вѣстника», имѣется слѣдующая любопытная копія съ записки извѣстнаго графа Протасова, посвященной описанію одного изъ засѣданій въ комитетѣ министровъ, имѣвшаго мѣсто въ самомъ началѣ новаго царствованія. На этомъ засѣданіи шелъ вопросъ о новой формѣ губернаторскихъ отчетовъ, которые предположено было представлять не прямо государю, какъ то практиковалось прежде, а предварительно подвергать разсмотрѣнію государственнаго совѣта и уже съ его замѣчаніями подносить государю.

«При этомъ сужденіи—повѣствуетъ графъ Протасовъ,—великій князь Константинъ Николаевичъ сказалъ, что не худо бы также годовые отчеты министровъ отдавать на предварительный пересмотръ государственнаго совѣта; тогда двое (князь Орловъ и графъ Панинъ) замѣтили вполголоса, что въ такомъ случаѣ министры сдѣлаются отвѣтственными. «Что же въ томъ худого?» спросилъ государь.—«Худо то, ваше величество,—отвѣчалъ князь Орловъ:—что отвѣтственность министровъ поведетъ къ конституціонному правленію».—«Впрочемъ,—продолжалъ графъ Панинъ,—если вашему величеству угодно дать Россіи конституцію, то предполагаемая мѣра будетъ хороша, а въ противномъ случаѣ она не соотвѣтствуетъ нынѣ существующему порядку». Между тѣмъ крикотолки и разногласія продолжались; наконецъ, засѣданіе кончилось тѣмъ, что государь выразилъ свое мнѣніе почти въ слѣдующихъ словахъ: «Я вообще недоволенъ отчетами губернаторовъ и министровъ; покойный государь часто поручалъ ихъ мнѣ разсматривать: признаюсь—съ особеннымъ презрѣніемъ читалъ я отчеты бывшаго министра народнаго просвѣщенія и бывшаго министра государственныхъ имуществъ. Что это были за отчеты! одна лесть и лесть, а самое дѣло все спутано или о немъ вовсе не говорится.

«Первый отчетъ, который, по вступленіи уже моемъ на престолъ, я прочиталъ съ особеннымъ удовольствіемъ, былъ вашъ, Сергѣй Степановичъ,—сказалъ государь, обращаясь къ Ланскому:—вы высказали мнѣ правду, хотя и горькую, но полезную. Я увидалъ все, что у насъ есть, въ натуральномъ видѣ, и еще разъ благодарю васъ. Зато многіе изъ васъ, господа, представляютъ мнѣ такіе отчеты,

что прочесть ихъ ни у кого не станетъ ни терпѣнія, ни физической силы (тутъ у министровъ вздрогнули сердца и всѣ съ трепетомъ ожидали, кого назоветъ государь). Вотъ, напримѣръ, вы, Николай Николаевичъ,—продолжалъ государь, обращаясь къ государственному контролеру Анненкову,—вы представили мнѣ отчетъ такой толщины (государь приподнялъ руку отъ стола на поларшина). Есть ли человѣческая возможность прочесть эту книгу въ два-три мѣсяца, читая даже каждый день? А при такомъ долгомъ чтеніи и при другихъ занятіяхъ вниманіе теряется. Кромѣ того, весь вашъ отчетъ наполненъ мелочами, которыя запутываютъ умъ и отвлекаютъ его отъ нужнаго дѣла. Онѣ, можетъ быть, и хороши и нужны для вашихъ соображеній, какъ государственнаго контролера, или для разсужденій въ государственномъ совѣтѣ или комитетѣ министровъ, но мнѣ, какъ государю, они вовсе излишни. На будущее время, господа, я буду отчетъ каждаго отдавать на предварительный просмотръ пяти, четырехъ или тремя членамъ государственнаго совѣта, которыхъ самъ выберу, т. е. три или четыре члена будутъ просматривать одинъ отчетъ, а другіе четыре или пять—другой отчетъ. Я не специалистъ; въ иныхъ отчетахъ, напримѣръ, по вѣдомству путей сообщенія или другихъ техническихъ, многаго я не понимаю и не могу обсудить. Избранныя мною лица должны будутъ сдѣлать краткіе выводы и свои замѣчанія, а потомъ я самъ прочту каждый отчетъ и соображу ихъ замѣчанія».

Приведенная со словъ графа Протасова сцена засѣданія въ комитетѣ министровъ рисуется передъ нами достаточно рельефно Александра II въ его отношеніяхъ къ министрамъ, обнаруживаетъ его желаніе внести порядокъ и добросовѣстность въ бюрократическій механизмъ и намѣреніе поставить «слугъ отечества» хоть подъ какой-нибудь контроль съ требованіемъ отъ нихъ дѣла, а не угодливости и лести. Рядомъ съ этимъ мы видимъ и тѣ орудія угрозъ, которыя сторонники стараго порядка вещей пускаютъ въ ходъ для парализованія реформаторскихъ стремленій монарха: на сцену выдвигается грозный призракъ конституціи, передъ которымъ у самодержца парализуется новаторская рѣшимость и энергія. Расчетъ оказывается правильнымъ, и эффектъ достигается въ должной мѣрѣ.

Заслуживаетъ вниманія и небольшая сцена, разыгравшаяся въ Зимнемъ дворцѣ 4 декабря 1858 г., гдѣ дѣйствующими лицами были консерваторъ-министръ Чевкинъ и либераль-министръ князь Горчаковъ. Между ними въ присутствіи государя произошелъ слѣдующій діалогъ, какъ то записано у Погодина ¹⁾:

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Кн. 16. Николая Барсукова.

Чевкинъ: Жизнь наша бурное море; чтобы корабль вѣрнѣ держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

Князь Горчаковъ: Помилуйте! Что вы говорите! Изъ вѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ вонъ, чтобы корабль легко носило по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

Государь: Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балластѣ и волнахъ; это очень интересно.

Чевкинъ: Недостаточно выбросить балластъ; надо умѣть войти въ пристань.

Князь Горчаковъ: Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

Чевкинъ: Этого мало; надобно, чтобы при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

Князь Горчаковъ: Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ, пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности

«При этихъ словахъ государь всталъ и дружески пожалъ руку князю Горчакову; у Чевкина же затряслись генераль-адъютантскіе аксельбанты, что и доказало государю дѣйствіе внутренней лихорадки отъ страха достигъ до гласности»—отмѣчено въ записи Погодина.

И здѣсь опять-таки мы видимъ Александра Николаевича сторонникомъ обновленія русскаго уклада жизни, склоннаго къ упраздненію того страшнаго института, который такъ грозно держалъ въ порабощеніи мысль и рѣчь передовыхъ элементовъ тогдашняго общества; склоннаго, но далеко еще не пришедшаго къ опредѣленному рѣшенію. «Подводные камни» ему рисуются опасными скалами, о которыя можетъ разбиться государственнй корабль, завѣщанный ему предками съ обязанностью хранить его неприкосновеннымъ, а онъ... онъ уже переступилъ завѣтную программу, посягнувъ на одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ жизни—крѣпостной строй. На большее у него не хватаетъ рѣшимости, и бюрократическій строй продолжаетъ оставаться неизмѣненнымъ со всеми его аксессуарами и орудіями дѣйствія. Жизнь встрепенулась, заколыхалась, забурилась, а формы жизни въ ихъ главнѣйшихъ контурахъ сохранились прежними.

Чѣмъ тѣснѣ кручи береговъ, тѣмъ стремительнѣ бѣгъ потока, тѣмъ больше пѣны выбрасываютъ волны, тѣмъ звончѣ бьются онѣ о прибрежный камень, оглашая даль простора эхомъ своего рокота и кипѣнія... Узкія формы дореформенной жизни оказались уже несоотвѣтствующими самому содержанию этой жизни и, несмотря на все доброе расположеніе къ реформамъ самого Александра II и его личныя намѣренія, онъ очутился въ двойственномъ и трагическомъ положеніи. Ему и хотѣлось нѣсколько

раздвинуть ви́шнія формы государственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣ давленіемъ постоянныхъ угрозъ на такое начинаніе у него не хватало рѣшимости. Поэтому на всѣхъ начинаніяхъ того времени, за исключеніемъ крѣпостного вопроса, ложился отпечатокъ нерѣшимости: правительство дѣлало шагъ впередъ и сейчасъ же слѣдомъ шагъ назадъ. Получалось положеніе неустойчивости, что, съ одной стороны, дискредитировало значеніе государственной власти, а съ другой—раздражало общественныя силы, придавало ихъ стремленіямъ и ихъ поступкамъ нервность и порывистость. То, что рисовалось близкимъ, казалось столь легко осуществимымъ, неожиданно куда-то удалялось, обращалось въ миражъ, взамѣнъ котораго наступали снова сѣрые дни съ безнадежнымъ состояніемъ на обновленіе всей жизни въ полномъ ея объемѣ. Отсюда отчаяніе нѣкоторыхъ, наиболѣе страстныхъ и убѣжденных и ихъ рѣшимость идти напроломъ въ твердомъ намѣреніи или принести себя освободительнымъ идеямъ въ жертву, или достигнуть намѣченныхъ преобразованій. Такая рѣшимость созрѣла не сразу, а на первыхъ порахъ наблюдаются попытки легальной борьбы, изъ которой родилось явленіе отечественной жизни, извѣстное у насъ впоследствии подѣ наименованіемъ «земскаго либерализма». Этотъ либерализмъ нисходитъ своими корнями именно къ періоду «кануна» реформъ, зарождается въ нѣдрахъ помѣстнаго дворянства, призваннаго государемъ къ активному разрѣшенію въ редакціонныхъ комиссіяхъ крѣпостного вопроса. Къ тому же періоду относятся и проявленіе революціонныхъ тенденцій, получающихъ свое главное развитіе въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, редакціонныхъ кабинетахъ и тѣхъ общественныхъ центрахъ, которые какимъ-либо образомъ находили соприкосновеніе съ руководителями политической русской мысли. Сюда все явственнѣе и громче доносятся звуки герценовскаго «Колокола», вызывающіе соответственное настроеніе, которое подѣ влияніемъ фактовъ текущаго дня отливается въ явленія оппозиціоннаго характера разнаго отгѣнка и значенія, начиная съ литературнаго и общественнаго «нигилизма», массовыхъ студенческихъ беспорядковъ и кончая политическими заговорами и террористическими выступленіями.

ХІІ.

Избранные отъ губерній для занятій въ редакціонныхъ комиссіяхъ депутаты ѣхали въ сѣверную столицу, рассматривая себя, согласно даннымъ имъ косвеннымъ обѣщаніямъ, въ качествѣ истинныхъ депутатовъ съ законодательными правами; по прибытіи въ Петербургъ вскорѣ ихъ постигло разочарованіе: изъ наказа для ихъ занятій, имъ прочитаннаго, они узнали, что ихъ роль сводится къ простой экспертизѣ, къ голосу свѣдущихъ лю-

дей, призванныхъ подавать свои отзывы лишь по своимъ губерніямъ. Такая постановка вопроса родила первое острое недоразумѣніе, гдѣ вполне опредѣленно выяснилось, что бюрократія и враги широкой постановки дѣла реформированія Россіи сумѣли сохранить за собою, вопреки еще недавнимъ указаніямъ самого монарха во время его отмѣченнаго путешествія, всю силу власти законодательной и исполнительной. Какъ представители консервативнаго склада мыслей и защитники узко-сословныхъ интересовъ, такъ и носители либеральныхъ тенденцій одинаково, но по совершенно различнымъ причинамъ, остались крайне недовольны отведенной имъ въ Петербургѣ ролию. Обѣ группы прекрасно понимали, что крѣпостному укладу пришелъ конецъ и думать о сохраненіи стараго порядка вещей невыносимо; но консерваторы, соглашаясь съ болью въ сердцѣ на уступки, тайно надѣялись, съ одной стороны, свести эти уступки въ пользу народа на minimum, а съ другой, какъ то было въ свое время при Аннѣ Іоанновнѣ¹⁾, использовать этотъ моментъ въ специально-сословныхъ интересахъ, въ цѣляхъ «полегченія себя» и подѣленія съ верховной властью хотя бы частью ея неограниченныхъ правъ. Что касается либеральнаго дворянства, то это послѣднее, во-первыхъ, стремилось поставить вопросъ о реформѣ крѣпостнаго строя какъ можно шире въ пользу народа, и, во-вторыхъ, ставило себѣ задачей расширить программу реформы не только въ направленіи освобожденія населенія отъ рабства, но и внесенія въ жизнь тѣхъ новыхъ началъ, которыя наиболѣе полно были очерчены Герценомъ въ его «Колоколѣ» и отъ совокупности которыхъ, по ихъ справедливому мнѣнію, зависѣло оздоровленіе всего русскаго государственнаго организма. Параллельно уничтоженію крѣпостнаго строя они ставили на очередь и вопросъ о правѣ гласности и реформѣ суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ о преобразованіи основной формы правленія и измѣненіи «основныхъ законовъ» изъ деликатности въ отношеніи царя-реформатора и политической тактики вопросъ никѣмъ, включая и Герцена, формально не ставился.

Такимъ образомъ оба теченія въ нѣдрахъ депутатовъ, почерпая свое происхожденіе изъ различныхъ источниковъ, въ результатѣ, однако, создавали общую картину недовольства, которая и реализовалась вскорѣ единичными и коллективными столкновеніями партій, какъ между собою, такъ и каждой въ отдѣльности съ властью бюрократической.

Въ извѣстныхъ «Запискахъ и дневникѣ» А. В. Никитенко броженіе въ депутатской средѣ, поскольку оно отразилось въ мнѣніи и голосѣ общественномъ, изображено довольно характерно. Подъ 28 сентября Никитенко записалъ: «Быль у Позена. Туда

¹⁾ «Годы смуты и борьбы». «Историч. Вѣстн.» за 1905 г.

пріѣзжалъ кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ сильнѣйшемъ негодованіи на крестьянскій комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли бы обязать крестьянъ къ большому денежному вознагражденію за землю, чего комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу, и проч.

«Говорятъ, депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но государь очень спокойно отвѣчалъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются».

23 октября. «Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ, будто бы явно стремятся къ конституціи».

26 октября. «Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о болѣе свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ ее передать на разсмотрѣніе государственному совѣту. Но отчего же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?»¹⁾

Дыма безъ огня не бываетъ: хотя на самомъ дѣлѣ депутаты были довольно далеки отъ конституціонныхъ требованій, но тѣмъ не менѣе въ запискахъ, ими на высочайшее имя поданныхъ, опредѣленно отражались тѣ групповыя тенденціи, о которыхъ упомянуто выше. Характернымъ отраженіемъ тенденцій первой категоріи, то-есть дворянско-сословной и тайно-олигархической, служатъ записки, поданныя симбирскимъ депутатомъ Шидловскимъ и камергеромъ М. А. Безобразовымъ, которыя и проводимъ здѣсь съ соотвѣствующими отмѣтками Александра II, рисующими его душевное настроеніе въ тѣ дни и отношеніе къ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

Шидловскій, осуждая вызовъ депутатовъ отъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, не представляютъ собою настоящихъ желаній и мнѣній дворянства, и жалуясь, что редакціонная комиссія отвергла безъ всякихъ доказательствъ «Положенія» губернскихъ комитетовъ и составила предположенія, не только не примѣнимыя къ Россіи, но и заставляющія опасаться

¹⁾ На поляхъ «Дневника» потомъ отмѣчено: «Слухъ не вѣренъ: подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ».

за сохраненіе общественнаго порядка, писалъ¹⁾: «Въ виду такой опасности и очевиднаго наплыва западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, сліяніе самодержавія съ дворянствомъ, какъ первымъ и самымъ естественнымъ охраненіемъ престола и отечества—необходимо, государь!.. Удостой призвать, государь, къ подножію престола твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи, подъ личнымъ твоимъ, государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія твоего». На этомъ письмѣ Александръ II сдѣлалъ пометку: «Вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ».

Записка Безобразова была еще характернѣе. На поляхъ ея государемъ были сдѣланы слѣдующія замѣчанія²⁾.

При словахъ: «Государь императоръ повелѣтъ соизволилъ сообразъ по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ для окончательнаго разсмотрѣнія положенія объ устройствѣ быта крестьянъ» —

Государь отмѣтилъ: «Не для окончательнаго разсмотрѣнія, а для нужныхъ поясненій и примѣненія общихъ началъ къ частнымъ мѣстностямъ».

«Такимъ образомъ достигали разомъ до уничтоженія значенія депутатовъ, сохраняя однако ихъ званіе и тѣмъ полагая маскировать дѣйствительное нарушеніе высочайшей воли, лично государемъ объявленной».

— Вздоръ.

«Очевидно, что депутаты присланы не отъ дворянства, и даже не отъ губернскихъ комитетовъ, а отъ мѣстныхъ властей, въ угодность властямъ центральнымъ. Для бѣльшаго ручательства въ ничтожествѣ этого сборища положено созвать его одновременно изъ нѣсколькихъ только губерній, и то по усмотрѣнію редакціонной комиссіи, которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, сдѣлалась распорядительницею судьбы депутатовъ, предназначавшихся прежде къ поступленію въ составъ главнаго комитета».

— Никогда.

«Собранные для составленія адреса матеріалы заключаютъ въ себѣ прямое обличеніе нарушителей государственнаго порядка и безопасности съ полнымъ выраженіемъ чувства преданности къ государю».

— Т. е. личности.

«Объявлена депутатамъ инструкція, по которой они разбиты на единицы».

— Такъ и должно было быть.

---

¹⁾ «Паденіе крѣпостного права въ Россіи». Профессора П. Иванюкова.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Николай Барсукова. Книга семнадцатая.

«Имъ нуженъ переворотъ, ибо переворотъ въ Россіи значитъ распадёніе. Вотъ для чего рескриптъ государя затертъ и потопленъ въ наплывѣ противорѣчащихъ ему объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній и административныхъ распоряженій. Вотъ для чего искажено повелѣніе государя о созывѣ депутатовъ».

— Вздоръ.

«Сочинители конституцій, по образцамъ Запада, полагаютъ дойти до своихъ цѣлей избраннѣмъ нынѣ путемъ. Теперь они стараются».

— Кто они?

«Между тѣмъ, обуздать министерство и редакціонную комиссію въ ихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ».

— Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать.

«Безъ всякаго сомнѣнія, несравненно лучше бы было потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ.

— Т. е., чтобы произвести бѣльшій хаосъ.

«Но какъ надѣяться, чтобы правительство, шедшее все это время разными извилистыми тропами»

— Непомѣрная наглость.

«избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ безъ немедленнаго обличенія?»

— Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ губернскіе комитеты.

«Полагаю необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе: собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія.

— Хорошъ софизмъ!

«Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи: вторые совѣмъ не знаютъ русской исторіи, русскаго народа и, главное, не понимаютъ, что такое самодержавіе».

— Онъ видно хорошо это понимаетъ.

«Дворянство горячо сочувствуетъ государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его».

— Хорошо доказало!

«Да убѣдится государь, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то для того, чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства».

— Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе.

Финалъ записки былъ для автора печаленъ. По опредѣленію главнаго комитета, куда его записка была передана на разсмотрѣніе съ помѣтками государя, Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія и заводы въ Пермской губерніи, съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицы.

ХІІІ.

Не менѣе печаленъ былъ и результатъ адреса, поданнаго государю за подписью пяти депутатовъ, Унковскаго, Хрущова, Шретера, Дубровина и Васильева, явившихся представителями либеральнаго меньшинства. Онъ, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные адреса, и гораздо болѣе умѣренные и безличныя, были разсмотрѣны главнымъ комитетомъ и по постановленію послѣдняго всѣмъ подписавшимъ адреса былъ сдѣланъ черезъ губернаторовъ выговоръ, съ оставленіемъ нѣкоторыхъ подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. Этотъ надзоръ былъ главнымъ образомъ примѣненъ къ пяти, подписавшимъ либеральный адресъ. Вотъ текстъ послѣдняго¹⁾:

«Всемиловѣйшій государь!

«Державнымъ словомъ вашего императорскаго величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоятъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій»

«Первый истекаетъ изъ любви вашей, государь, къ Россіи и ея счастію.

«Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

«Въ неизреченной милости вашей, великодушный монархъ, къ дворянству вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать быть земледѣльцевъ,

«Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать вашему величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ.

«Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ вамъ, государь, и живой преданности къ престолу и отечеству.

«Да будетъ надъ нами судъ вашего величества.

«Согласно высочайше утвержденной вашимъ императорскимъ величествомъ инструкціи, мы представили въ редакціонныя ко-

---

¹⁾ «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическая справка». Гр. Джаншіева.

мисси наши подробныя соображенія и замѣчанія; но изъ внимательнаго изученія заключеній комиссій мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а быть крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ, и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ быть свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

«Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

«Вѣруя въ благодушіе вашего величества, зная волю вашу, государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія; убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что быть сословію не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы держимъ, государь, всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ земель въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ и

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

«Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ дворянскому сословию, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе ваше, государь, наши откровенныя убѣжденія въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ престолу и отечеству».

Этотъ адресъ былъ охарактеризованъ Александромъ II въ письмѣ къ Ростовцеву «ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности». Такимъ образомъ попытка общественныхъ элементовъ занять въ вопросѣ кардинальной государственной и исторической важности независимое положеніе съ правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти потерпѣло рѣшительное фіаско. Выговоры, сдѣланные подписавшимъ адреса, создали имъ въ общественномъ мнѣніи «имена» и были зачтены въ ихъ почетную общественную службу. И самъ Александръ II, не давшій себѣ отчета въ важности происшедшаго, и его правительство сдѣлали въ данномъ случаѣ роковой и печальный шагъ, создавъ совершенно искусственно и безъ малѣйшей надобности шумный инцидентъ, имѣвшій, однако, печальныя послѣдствія. «...Постановленіе правительства возбудило ропотъ неудовольствія не только въ средѣ дворянства, но и во всей либеральной части общества,—говоритъ г. Иванюковъ ¹⁾. — Въ этомъ постановленіи всѣ увидѣли преслѣдованіе за одно лишь свободное выраженіе мысли; увидѣли возвращеніе къ старому времени, когда слово человѣческое считалось дерзостью, и мысль сама по себѣ подозрительной; что думать и говорить (т. е. приказывать) должно только правительство, для подданнаго это роскошь и ведетъ лишь къ пересудамъ дѣла, не касающагося его. Такое впечатлѣніе имѣло это постановленіе тѣмъ болѣе, что конецъ 1859 г. былъ ознаменованъ правительственными распоряженіями и дѣйствіями, въ которыхъ всѣ усматривали признаки приближающейся реакціи... Эти дѣйствія, главнымъ образомъ, состояли въ усиленіи цензуры надъ печатью, въ запрещеніи журналовъ и газетъ, въ изданіи правилъ à la Магницкій для студентовъ университетовъ, въ начавшихся политическихъ арестахъ и административныхъ ссылкахъ по самымъ пустымъ предлогамъ... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ быстро начали исчезать ожиданія отъ правительства либеральной политики, которыми было проникнуто образованное общество въ первые четыре года нынѣшняго царствованія. Такое измѣнившееся настроеніе общества вело за собой и ослабленіе довѣрія къ трудамъ редакціонной комиссіи, какъ правительственнаго органа. Распространенію этихъ опасеній особенно способствовало то обстоятельство, что цензурѣ, вопреки желанію Ростовцева, было приказано не допускать разборы трудовъ редакціонной комиссіи. Такимъ образомъ, та сила, которая по своимъ стремленіямъ всего роднѣе была духу трудовъ редакціонной комиссіи, принуждена была молчать, и правительство само лишило себя сильнаго адвоката въ самомъ важномъ изъ преобразованій. Но и тѣ, которые имѣли возможность близко ознакомиться съ трудами редакціонной комиссіи, знали благія ея на-

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи».

мѣренія, опасались, что работы комиссиі будутъ существенно измѣнены, въ ущербъ народу, главнымъ комитетомъ. Что и дѣйствительно случилось... Въстѣ съ тѣмъ не переставали ходить слухи, что не совѣмъ оставлено еще предположеніе главнаго комитета объ учрежденіи по всей Россіи генераль-губернаторовъ и военной уѣздной полиціи и передачѣ всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и другихъ земскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ. Надо читать заграничныя корреспонденціи этого времени, чтобы понять, какое сильное разочарованіе, какая грусть охватила просвѣщенное русское общество».

Депутаты перваго призыва послѣ почти двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ, недовольные и раздраженные уѣхали на родину, гдѣ ихъ ожидали губернаторскіе выговоры и надзоръ полиціи. Анонимный историкъ того времени такъ изобразилъ настроеніе дворянской провинціи за тѣ дни въ изданной имъ въ Лейпцигѣ брошюрѣ, приведенной г. Иванюковымъ въ цитированномъ его трудѣ «Паденіе крѣпостного права»: «Губернаторскія отношенія съ выговорами подписавшимъ адреса и отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подѣ надзоръ мѣстнаго начальства, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни «Колоколь», ни всѣ прочія запрещенныя книги не могли совершить того, что сдѣлали эти копии. Всѣ заговорили: у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, и за нами не хотятъ признать даже права обращаться къ правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ, подкупленныхъ выгодами крѣпостного права, въ томъ теперь невозможно намъ отказать. Теперь бояться и терять намъ нечего. Пусть устраняютъ насъ отъ мѣстнаго управленія, и тогда мы увидимъ послѣдствія управленія чиновниками.

«И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ закатъ ротъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могли они противопоставить слѣдующимъ соображеніямъ и толкамъ: возможно ли ставить депутатамъ въ вину, что они позволили себѣ, путемъ всеподданнѣйшаго ходатайства, высказать свои мнѣнія на возможность измѣненій въ предположеніяхъ редакціонной комиссиі, и особенно въ дѣлѣ такой колоссальной важности, какъ полное преобразование сельскаго быта? Къ чему было теперь, при новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти? Другія времена — другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостного права какъ бы захлопнуло дверь—

такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать — за прежними временами.

«Въ какой сильной степени неполитичны, во вредъ правительству были упомянутыя рѣшенія главнаго комитета, это видно уже изъ того, что для депутатовъ сдѣланные имъ выговоры получили значеніе медалей за усердіе. Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ вели себя слишкомъ уклончиво; сдѣланные имъ выговоры убѣждали депутатовъ, и неудовольствіе противъ бюрократизма отъ того усиливалось и углублялось. Враждебное чувство противъ бюрократіи въ Москвѣ и внутренности Россіи растеть не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ». Дѣйствительно, таковыя во многихъ провинціальныхъ центрахъ разыгрались, и электрическій токъ общаго недовольства бюрократической Россіей быстро пробѣжалъ по провинціи и отозвался на берегахъ Темзы, гдѣ въ редакціи «Колокола» напряженно прислушивались ко всему, происходящему на «родномъ берегу».

XIV.

Застрѣльщиками оппозиціи правительству были главнымъ образомъ представители спеціально-дворянскихъ интересовъ, затронутые со стороны своихъ матеріальныхъ выгодъ. Факторъ экономической заслонилъ собою всѣ остальные стороны государственной жизни, и главная опора трона, каковою его считали, — «россійское благородное дворянство» вмѣсто содѣйствія своему «обожаемому (на словахъ) монарху» первое создало вокругъ этого монарха атмосферу реального недовольства. Партія либеральная, съ своей стороны, также сгущала эту атмосферу, и бѣдный Александръ II оставался такимъ образомъ предоставленнымъ самому себѣ, вслѣдствіе чего по естественному ходу вещей его союзъ съ бюрократіей, начавшій было распадаться, сталъ снова крѣпнуть. Являлся лишь вопросъ, какой масти бюрократія получитъ перевѣсъ: партія ли прогрессивная съ Ростовцевымъ и Милютинымъ въ центрѣ при поддержкѣ во дворцѣ со стороны великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, или партія придворно-консервативная съ графомъ Панинымъ, графомъ Строгановымъ, княземъ Гагаринымъ и Муравьевымъ во главѣ.

При жизни Ростовцева, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ крестьянскомъ, перевѣсъ оставался за партіей прогрессивной, средо которой было изложено Милютинымъ въ одной изъ бесѣдъ у себя на дому въ слѣдующихъ словахъ¹⁾: «Никогда, никогда, пока я стою у

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Кн. 17.
«истор. вѣстн.», июль, 1907 г., т. сѣх.

власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль инициаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. *Tout pour le peuple — rien par le peuple*». Такова была догматика прогрессивнаго чиновничества, не допускавшаго и мысли о какомъ-либо общественномъ починѣ въ дѣлѣ громадной исторической важности, гдѣ былъ поставленъ вопросъ о всѣхъ интересахъ отечества въ ихъ внутренней совокупности. Просвѣщенный абсолютизмъ—дальше этого бюрократія не шла, хотя нельзя не отмѣтить, что, воюя въ данномъ случаѣ противъ общественности, она имѣла главнымъ образомъ въ виду темныя силы, преслѣдовавшія исключительно эгоистическіе сословные интересы. Но, ударяя по эгоизму, бюрократія не находила въ себѣ ни желанія, ни мужества протянуть руку и той альтруистической группѣ, которая вполнѣ на первыхъ порахъ искренно и сердечно искала союза съ правительствомъ, предпочтя этому союзу позицію изолированности съ отчужденіемъ отъ силъ общественныхъ. Старые методы управленія оставались въ полной силѣ и новое вино жизни вливалось въ старые мѣхи полицейско-бюрократической государственности, хотя и согрѣтой въ настоящемъ случаѣ лучомъ сочувствія къ народу и его экономическимъ интересамъ, въ разрѣзъ съ которымъ шла дворянская оппозиція, выраженная какъ меньшинствомъ, такъ и большинствомъ депутатовъ. На этой-то почвѣ въ нѣдрахъ редакціонныхъ комиссій и разыгрались конфликты, въ коихъ общественное прогрессивное мнѣніе естественно становилось на сторону либеральной бюрократіи. Въ результатѣ оппозиція была подавлена, депутаты отпущены по домамъ, и надъ поверхностью русской дѣйствительности поднялся первый чадъ и туманъ, внесшій въ эту дѣйствительность нервность, злобу, недовѣріе и раздражительность. Въ одинъ узелъ спутались разныя нити, почерпавшія свое происхождение изъ диаметрально-противоположныхъ областей. Чтобы разрубить этотъ узелъ, надо было много смѣлости и рѣшимости, и у Александра II на одно историческое мгновеніе нашлась-таки рѣшимость, но только на одно мгновеніе, причемъ полной ликвидаціи исторической путаницы имъ произведено не было. Опираясь на доброжелательное меньшинство либеральной бюрократіи, онъ довелъ до благополучнаго болѣе или менѣе конца разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, хотя и съ уступками здѣсь въ пользу сословныхъ эгоистическихъ интересовъ своей «опоры престола» — дворянства. И это была громадная заслуга его передъ исторіей, которая совершенно справедливо была оцѣнена Герценомъ, заявившимъ ¹⁾: «Александръ II, и никто иной,

¹⁾ «Колоколъ», 1859 г., № 32 и 33.

поднялъ крикъ «освобожденіе крестьянъ», и я еще разъ повторяю, если онъ ничего не сдѣлаетъ, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнутъ изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнценосцами-реформаторами». А черезъ два года, когда пронесся уже по всей Россіи набатъ о волѣ,

А. Юрковскій

въ 1860 г.

знаменитый русскій эмигрантъ писалъ¹⁾: «Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ— и сломилъ ихъ! Этому ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая

¹⁾ Тамъ же, 1861 г., № 59.

горькой улыбки, — мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя!»

Не упреждая, однако, хода изложенія событій, остановимся нѣсколько на тѣхъ любопытныхъ моментахъ нашей внутренней жизни, которые послѣдовали послѣ роспуска депутатовъ первого призыва.

Въ послѣдній мѣсяць 1859 года и въ началѣ 1860 года открылись во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія и тутъ-то разыгрались тѣ конфликты съ властью, которые явились прямымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ отмѣченнаго выше выговора депутатамъ, какъ равно и послѣдовавшаго за симъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ дворянству запрещалось на выборахъ имѣть «сужденіе по предметамъ, до крестьянскаго быта касающимся».

Первыя волненія среди дворянства обнаружались въ Рязанской губерніи, засимъ въ Тверской, Ярославской, Владимирской, Новгородской и Калужской, съ большимъ или меньшимъ подъемомъ голосовъ и протестующихъ по адресу правительства рѣчей и адресовъ. Уже выговоры депутатамъ явились своего рода печальными признаками начинающагося въ дѣлѣ освобожденія регресса, циркуляръ же министра внутреннихъ дѣлъ не оставлялъ сомнѣнія, что начавшемуся было развитію общественности будетъ положенъ энергичный конецъ. Наиболѣе рѣзко оппозиція дворянства сказалась въ Тверской губерніи, гдѣ душою ея явился губернскій предводитель Унковскій, участвовавшій въ работахъ редакціонныхъ комиссій, подписавшій «адресъ пяти», получившій выговоръ и отданный подъ мѣстный надзоръ полиціи, а лидеромъ оппозиціи—Европеусъ. По открытіи собранія Европеусъ произнесъ слѣдующую рѣчь¹⁾. «Господа! по прочтеніи 77-й статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру, не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя вы-

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи».

годы, прямо противоположныя и интересамъ всего общества, и волѣ государя императора. Изъ представленнаго намъ отчета о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ вы можете видѣть, господа, до какой степени простирается произволъ и неисполненіе законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильного совѣщательнаго собранія протестовать официальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ предъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому, принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX тома, я, на основаніи 72-й, 73-й и 77-й статей 1 тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77-й статьи, телеграфируя г. министру, и предложеніе это прошу баллотировать».

Баллотировка дала 184 шара за предложеніе Европеуса и 54 противъ. Губернаторъ отказался переслать министру постановленіе собранія, и тогда послѣднее постановило большинствомъ голосовъ «составить прошеніе въ собственныя руки государя», каковое и было переслано по назначенію, редактированное въ духѣ первоначальнаго заявленія министру внутреннихъ дѣлъ. Прошеніе это, пройдя черезъ горнило главнаго комитета, было оставлено «безъ послѣдствій» по существу возбужденнаго вопроса, но съ послѣдствіями для Унковскаго, какъ предсѣдателя собранія, чья подпись значилась первою на прошеніи: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности губернскаго предводителя дворянства и собранію предложено было избрать ему замѣстителя. Въ Петербургѣ и среди консервативнаго мѣстнаго меньшинства надѣялись, что дворянство начнетъ протестовать противъ высочайшаго рѣшенія, зарвется въ своемъ протестѣ, чѣмъ и будетъ нанесенъ непоправимый ударъ либерализму, какъ ставшему на путь революціонный. Но ожиданія не оправдались; тверское дворянство дѣйствительно протестовало, но въ совершенной, легальной, оппозиціонной формѣ: оно произвело выборы, но никого не выбрало. Въ 8 уѣздахъ не было выбрано ни предводителей, ни депутатовъ, какъ равно осталась безъ замѣстителя

должность губернскаго предводителя дворянства. Кромѣ того, считая долгомъ принести А. М. Унковскому признательность за его полезную общественную дѣятельность, было постановлено основать 12 стипендій въ московскомъ университетѣ съ присвоеніемъ имъ имени Унковскаго и съ предоставленіемъ ему права назначенія стипендіатовъ.

Тогда на должность губернскаго предводителя былъ назначенъ мѣстный дворянинъ Клокочевъ, который, немедленно по вступленіи въ должность, получилъ рѣзкое письмо отъ Головачева, какое онъ и препроводилъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ указаніемъ, что присутствіе въ губерніи Унковскаго, Головачева и Европеуса волнуетъ умы дворянства. Последнее было зачтено въ столицѣ въ разрядъ крамольнаго сословія и всему инциденту было придано преувеличенное значеніе, вслѣдствіе чего Унковскій былъ сосланъ въ Вятку, Европеусъ—въ Пермь, а Головачевъ отданъ подъ судъ, каковой послѣ долгой волокиты окончился ничѣмъ, т. е. былъ прекращенъ въ новыхъ уже судебныхъ учрежденіяхъ.

XV.

Тверской эпизодъ чрезвычайно характеренъ, если вспомнить то общественное состояніе умовъ и духа, которое царило по всей Россіи еще пять лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Николая, когда никто не смѣлъ поднять громко своего голоса протеста. Теперь, мы видимъ, говорятъ достаточно смѣло и откровенно не только личности, но и корпораціи. Общественная эволюція совершила быстро свой кругъ, получила совершенно опредѣленную окраску и являлась знаменательнымъ показателемъ наступившаго новаго времени. Ясно и опредѣленно создалась и оформилась «легальная оппозиція» либеральнаго характера, получившая впослѣдствіи наименованіе «тверскаго либерализма», а носители ея—«тверскихъ либераловъ». И родоначальники этихъ либераловъ, въ лицѣ Унковскаго, Европеуса, Головачева и др., и эпигоны, ихъ, какъ, напр., гг. Бакунинъ, Петрункевичъ, де-Роберти, Родичевъ и др., стоя всегда на формальной почвѣ законности, тѣмъ не менѣе являлись по духу своей дѣятельности порою скрытыми, порою активными представителями оппозиціи, сходясь здѣсь, въ зависимости отъ характера и значенія историческаго и общественнаго дня, то съ представителями лѣвыхъ тенденцій революціоннаго даже оттѣнка, то находя для себя возможнымъ сближеніе съ элементами правыхъ и консервативныхъ фракцій, поскольку дѣло касалось интересовъ землевладѣнія и общественной власти. Правительство, ударивъ по Унковскому и его единомышленникамъ, создало имъ необыкновенную популярность и имя «борцовъ за свободу»; себѣ же оно приготовило и въ настоящемъ и въ будущемъ немало осложненій и случаевъ къ нареканіямъ и недовѣрію.

Тверской инцидентъ выдѣлился съ особенною силою, благодаря своему шумному финалу, но для характеристики тогдашняго настроенія провинціальныхъ умовъ не меньшее значеніе имѣютъ событія, разыгравшіяся во Владимирѣ на дворянскихъ выборахъ. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія рѣчь, произнесенная поклонникомъ Унковскаго, покровскимъ депутатомъ Протопоповымъ. Высказавъ общегосударственныя *ria desideria* либеральныхъ тогдашнихъ группъ, онъ мотивировалъ ихъ необходимость слѣдующими соображеніями¹⁾: «Безъ таковыхъ предварительныхъ и единственно полезныхъ государственныхъ измѣненій, если мы нынѣ воспользуемся прежними выборными правами, то мы сами какъ будто отодвинемся назадъ навсегда и выключимъ себя добровольно изъ общей массы государственнаго народонаселенія въ какой-то отдаленный, высшій классъ, ничего не знающій и вмѣстѣ съ тѣмъ желающій удержать за собою какое-то особое, бесполезное значеніе.

«Нынѣ, господа, пользы и нужды наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно, цѣлаго государства.

«Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и все это прежнее гордое и суетно-бесполезное величіе наше и всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть, да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судомъ производствомъ и общимъ выборнымъ судомъ присяжныхъ!

«Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!

«Воспользуемся же этимъ разумнымъ законнымъ правомъ! Будемъ вполнѣ достойны всегдашняго къ намъ довѣрія августѣйшаго монарха. Не хитрыми, недостойными происками, а чистымъ, честнымъ откровеніемъ повергнемъ къ престолу государя разумнія и сознанія наши!

«Онъ самъ созналъ и пробудилъ въ народѣ эту жизнь. Онъ пойметъ чувства наши.

А мы, съ своей стороны, свято и неукоризненно исполнимъ цѣль высшаго божественнаго призванія челоуѣка въ жизни и наше земное предназначеніе.

«Озари же, государь, Россію вполнѣ свѣтомъ истины! дай намъ средство быть вѣрными тебѣ помощниками и сынами отечества! уничтожь темные доклады произвола!

¹⁾ «Паденіе крѣпостного права въ Россіи».

«Мгновенно оживутъ всё, воскреснутъ павшія жертвы добра и истины и обще и дружно пойдутъ къ свѣтлой жизни и къ новому, честному служенію тебѣ и Россіи.

«Только такимъ чистымъ возрожденіемъ можетъ быть предано совершенному забвенію все несправедливое и произвольное старое».

Именно въ такой же мотивировкѣ былъ составленъ адресъ владимирскаго дворянства, подписанный 186 лицами (противъ 34 несогласныхъ), гдѣ выставлены были въ резолютивной части слѣдующія положенія, желанныя дворянству къ осуществленію¹⁾:

1) Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

2) Управление, общее для всѣхъ сословій.

3) Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единогласно правильностью избранія.

4) Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5) Руководимое только закономъ гласное гражданское судопроизводство, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

7) Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.

Адресъ владимирскаго дворянства оставленъ былъ безъ послѣдствій по существу дѣла, а губернскому предводителю сдѣланъ выговоръ. И на другихъ дворянскихъ собраніяхъ 1860 г. наблюдаются общія одушевленія, но они не получаютъ своей реализаціи въ конкретныхъ явленіяхъ. Правительство, хотя и признавало уже въ тѣ дни необходимость реформъ въ указываемыхъ ему общественными группами направленіяхъ, однако было крайне смущено сыпавшимися ему заявленіями и опасалось, какъ бы таковыя не слишкомъ взволновали широкіе слои населенія, почему и поспѣшило издать циркуляръ по цензурѣ, по коему запрещалось пропускать какія-либо извѣстія о рѣчахъ и событіяхъ на дворянскихъ собраніяхъ, кромѣ сообщеній о выборныхъ лицахъ и увеселеніяхъ, обычно сопутствующихъ собраніямъ дворянъ.

Дамокловъ мечъ цензуры въ тѣ годы, о чемъ будетъ болѣе подробно говорено въ слѣдующей части нашихъ очерковъ, былъ

¹⁾ «Колоколъ» 1860 г. № 71.

излюбленнымъ и вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ бюрократіи въ ея борьбѣ съ ожившею общественностью и со всякаго носителя этого меча правительство строго взыскивало, если тотъ слишкомъ мягко или неумѣло пользовался врученнымъ ему орудіемъ. Такъ, цензоръ Н. Ѳ. Крузе¹⁾ за пропускъ въ печати извѣстныхъ уже рѣчей Кокорева на московскихъ обѣдахъ былъ отставленъ отъ должности. По случаю отставки Н. Ѳ. Крузе литературныя партіи дружно сомкнулись и, по инициативѣ Каткова, въ его пользу, какъ бы въ компенсацію за утраченное казенное мѣсто, была по подпискѣ собрана довольно значительная сумма и ему вручена передъ отъѣздомъ за границу. Катковъ предлагалъ даже сдѣлать въ пользу либеральнаго цензора, о которомъ А. Майковъ въ свое время воскликнулъ: «Ура, нашъ цензоръ Крузе! онъ руки развязалъ россійской музѣ»—своего рода всероссійскую подписку, какъ своего рода демонстрацію противъ репрессивныхъ мѣръ правительства. Но послѣднее, узнавъ о намѣреніяхъ московскихъ литераторовъ, приняло мѣры къ тому, чтобы таковая подписка не состоялась, что и было возложено высочайшимъ повелѣніемъ на министра народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, не считая студенческихъ волненій и возбужденія въ университетской средѣ, о чемъ также будемъ говорить далѣе, мы наблюдаемъ почти повсемѣстно, какъ въ провинціальной, такъ и столичной средѣ рядъ оппозиціонныхъ правительству вспышекъ, свидѣтельствующихъ, что общество переросло созданную надъ нимъ столѣтіями опеку, сознало свои силы и обязанности передъ родиною и вступило въ открытую борьбу съ бюрократіей безъ всякой, однако, пока тѣни посягательства на верховныя права вѣнценоснаго вождя Россіи. Шелъ только вопросъ объ осуществленіи тѣхъ безспорныхъ гражданскихъ правъ, надъ освѣщеніемъ которыхъ работали такъ бесплодно и съ жертвами представители предшествовавшихъ прогрессивныхъ элементовъ. Борьба

---

¹⁾ Личность нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшагося Николая Федорова очень слабо освѣщена въ нашей литературѣ и главнымъ образомъ по отсутствію на сей предметъ воспоминаній современниковъ и мемуаровъ самого знаменитаго московскаго цензора. Авторъ настоящихъ очерковъ, служа въ концѣ восьмидесятихъ годовъ въ одномъ учрежденіи съ Н. Ѳ., неоднократно говорилъ ему о необходимости составленія записокъ. Крузе обѣщавъ составить свои мемуары и говорилъ даже, что начало ихъ написано и находится въ его деревнѣ, но сохранилось ли это начало и, если да, то куда оно дѣвалось, неизвѣстно. Роль Крузе была очень значительною въ дѣятельности Каткова за періодъ его англоманства, которое относится именно къ эпохѣ «кануна реформъ». Покойный Н. Ѳ. рассказывалъ автору, какъ ему приходилось подчасъ просто понуждать Каткова къ составленію текущихъ «Современныхъ лѣтописей», брать на себя отвѣтственность за ихъ появленіе и успокаивать трусившаго Каткова. Любопытное явленіе: свободный писатель колеблется и труситъ, а подневольный цензоръ его подстегиваетъ на пути либерализма!

Авт.

за волю становилась только все интенсивнѣе, захватывая въ свой кругъ заданій все болѣе широкіе сознательные элементы отечественной общественности. И чѣмъ болѣе эта борьба близилась къ благополучному концу, чѣмъ побѣда казалась болѣе осязательною, тѣмъ тяжелѣе становилось претерпѣвать встрѣчавшіяся на пути тренія, тѣмъ страшнѣе и горше казались всѣ шаги правительства, бравшаго въ иные моменты курсъ вспять или въ сторону отъ намѣчавшагося пути разрѣшенія насущнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Особенно напугало всѣхъ прогрессистовъ назначеніе ультрабюрократа и крѣпостника графа Панина на мѣсто скончавшагося 20 февраля 1860 г. Ростовцева. Это назначеніе всѣмъ по первому разу рисовалось, какъ окончательный поворотъ къ дореформенному періоду и не находило себѣ прямого согласованія съ волею государя императора. Но впоследствии оказалось, что при новомъ назначеніи Панину было поставлено условіемъ вести дѣло въ прежнемъ направленіи, хотя и противно своимъ убѣжденіямъ. И Панинъ согласился на это условіе, изложивъ при этомъ въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ слѣдующимъ образомъ свое служебное *profession de foi* ¹⁾: «...У меня есть убѣжденія, сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнать волю государя императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать совершенно наперекоръ съ тою и даже большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями».

Появленіе Панина у отвѣтственнаго и священнаго дѣла, на ходъ котораго съ такимъ благоговѣніемъ смотрѣла почти вся Россія, повергло всѣхъ въ уныніе, и если дома по сему предмету, въ силу цензурныхъ условій, нельзя было откровенно высказаться, то Герцену въ «Колоколѣ» нечего было стѣсняться. Онъ помѣстилъ извѣщеніе о назначеніи Панина въ траурной рамкѣ и писалъ ²⁾: «Невѣроятная вѣсть о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи—поставленъ главою освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ до-

¹⁾ Дневникъ Валуева. «Русская Старина» 1891 г., № 11.

²⁾ «Колоколъ» 1860 г., № 65 и 66.

рога память, которую они оставляютъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобы пугать, но она слишкомъ узка, чтобы застать собою черты Николая второго¹⁾. Мы недавно совѣтовали государю сорвать маски съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! Истина прежде всего, истина, какая бы она ни была!» Того же мнѣнія о естественномъ уходѣ въ отставку всѣхъ членовъ редакціонной комиссіи держался и И. С. Аксаковъ, но думавшій вмѣстѣ съ тѣмъ, «что мысль о томъ, что дѣло можетъ погибнуть или перейти въ руки Шувалова съ братіей, хотящихъ освобожденія безъ земли», послужить причиною къ сохраненію ими своего поста.

Послѣ первой, произнесенной передъ членами комиссіи, рѣчи, гдѣ между прочимъ Панинъ просилъ не писать о ходѣ занятій въ комиссіяхъ «за границу», называя эти занятія дѣломъ частнымъ, семейнымъ, Герценъ совсѣмъ обозлился и разразился филиппикой²⁾: «Безсмысленныя слова этого графа-чиновника почти совсѣмъ примирили насъ съ нимъ, намъ стало жаль эту длинную фигуру больного, у котораго на такой высотѣ размягчился мозгъ (и прежде не очень твердаго состава, по правдѣ)—писалъ издатель «Колокола». — Онъ подлежитъ исключительно медицинскому суду; суду общественнаго мнѣнія подлежитъ тотъ, кто его посадилъ вмѣсто сумасшедшаго дома въ освободительный!» Обращаясь же къ послѣднему, т. е. къ Александру II, Герценъ говорилъ: «Насъ упрекнуть нельзя. Мы держались до послѣдней крайности, до открытой измѣны, до преступнаго назначенія Панина, до самоуправства въ дѣлѣ Унковскаго и Европеуса, до полицейскаго заговора, вслѣдствіе котораго похватили студентовъ, профессора Качановскаго, и мы не знаемъ, кого еще. Мы могли подаваться и уступать, когда главный потокъ шелъ своимъ русломъ, теперь другое дѣло!

«Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage! Намъ сюда».

Страхъ за дѣло освобожденія крестьянъ при назначеніи Панина былъ значительно преувеличенъ, и, хотя дѣйствительно предсѣдатель редакціонныхъ комиссій былъ извѣстенъ за лицо крайнихъ реакціонныхъ убѣжденій, однако онъ сумѣлъ въ общемъ ходѣ вопроса значительно поступиться своими личными убѣжденіями передъ волею монарха. Работа депутатовъ второго призыва подъ

¹⁾ То-есть сына и преемника Николая I, дѣйствующаго въ духѣ и направленіи отца, а потому какъ-бы повторяющимъ его. Авт.

²⁾ «Колоколь» 1863 г., № 68—69.

его предсѣдательствомъ и его руководствомъ, хотя и не безъ треній и не безъ извѣстныхъ уступокъ дворянской партіи, но пришла къ благополучному концу 1860 года, откуда уже черезъ главный комитетъ она въ началѣ 1861 г. заключилась извѣстнымъ манифестомъ 19 февраля 1861 г., съ котораго и начинается въ Россіи новая эпоха—эпоха реформъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой достопамятной эпохѣ, необходимо очертить, какъ отразился «канунъ реформъ» на литературѣ и жизни университетовъ и что онъ отсюда почерпнулъ въ интересахъ какъ освободительнаго движенія, такъ и революціоннаго.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПОМИНКИ.

ДЖЕЛО говорить о смерти дѣятеля, котораго мы привыкли видѣть на своемъ посту долгіе годы и представленіе о которомъ слилось у насъ съ представленіемъ объ его дѣлѣ, остающемся сирымъ послѣ своего вдохновителя, такъ какъ часто у насъ люди не находятъ достойныхъ преемниковъ и продолжителей начатаго ими труда. То же приходится испытывать, говоря о смерти не одного лица, а цѣлаго научнаго предпріятія—историческаго журнала «Кіевская Старина». Въ апрѣлѣ 1907 г. вышла послѣдняя книжка журнала, которая должна была выйти еще въ декабрѣ 1906 г. Съ этою книжкою «Кіевская Старина» умерла. Собственно, «Кіевская Старина» духовно умерла еще раньше. За послѣдніе годы она лишилась многихъ талантливыхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ и влачила довольно безличную жизнь, интересуясь лишь старыхъ ея любителей и небольшой кругъ лицъ со специальными научными интересами. Но прошлое журнала было въ высокой степени полезно въ научномъ отношеніи, и раньше онъ живо интересовалъ не только людей, занимающихся южно-русскою стариною, но всѣхъ вообще, кто интересовался судьбою родины на всемъ ея пространствѣ, даже не будучи ученымъ.

Мысль объ изданіи органа, посвященнаго научной разработкѣ

вопросовъ исторіи Кіева и всего, что стояло и стоитъ съ нимъ въ культурной связи, возникла еще въ 1835 г. среди официальныхъ круговъ: предполагалось изданіе подъ названіемъ «Кіевскія Новости», гдѣ бы, между прочимъ, помѣщались «историческія и археологическія открытія». Нѣсколько позже явилась попытка М. А. Максимовича издавать «Кіевлянинъ», о цѣли котораго издатель писалъ слѣдующее: «Ислѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой—составляетъ особенную и собственную цѣль моего «Кіевлянина».

Начало «Кіевской Старинѣ» было положено Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ сотрудничествѣ съ кружкомъ кіевскихъ историковъ. Въ 1881 г. Лебединцевымъ была подана въ министерство внутреннихъ дѣлъ программа, намѣчавшая цѣль и характеръ предполагавшагося изданія «Кіевской Старины», изъ которой мы приводимъ наиболѣе существенную часть:

«Значительный по своему составу кружокъ кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ знатоковъ и любителей южно-русской старины ставитъ себѣ задачею изслѣдованіе минувшей жизни южной половины Россіи и ознакомленіе съ нею не только мѣстной, но и вообще отечественной публики въ разнообразной, живой и доступной каждому читающему формѣ».

«Для осуществленія такой задачи общими силами этого кружка съ 1 января 1882 г. предпринимается въ Кіевѣ изданіе ежемѣсячнаго историческаго журнала подъ названіемъ: «Кіевская Старина».

«Кіевъ, помимо своей собственной исторіи, представляющей еще много не раскрытыхъ и не прочтенныхъ страницъ, имѣетъ широкое историко-этнографическое значеніе.

«Несмотря на разрозненность частей южно-русскаго народа и превратность своей собственной политической судьбы, онъ никогда не переставалъ быть средоточіемъ духовной его жизни. Поэтому все, что жило одною съ нимъ жизнью, тяготѣло къ нему, какъ къ своему духовному центру, думало съ нимъ одною общею мыслью и говорило однимъ языкомъ, гдѣ и въ какихъ условіяхъ оно теперь ни очертилось бы, все это отъ устьевъ Днѣпра до береговъ Буга и Нѣмана, до верховьевъ Сана и подножія Карпатъ, имѣетъ одну съ Кіевомъ исторію, и все ихъ прошлое является намъ въ одномъ, нераздѣльномъ образѣ кіевской старины. Говоря такъ, мы устанавливаемъ смыслъ принятаго для изданія названія, опредѣляемъ общее содержаніе изданія, намѣчаемъ и самыя рамки онаго.

«Потребность въ такомъ изданіи понятна сама собою. Отечественная наша исторія подверглась серьезной разработкѣ лишь въ недавнее время, при томъ она посвящалась преимущественно той половинѣ Россіи, въ которой издавна утвердился политическій ея центръ. Судьбы различныхъ частей Южной Россіи приходятъ

въ нѣкоторую извѣстность лишь ко времени возвращенія ихъ къ общему политическому центру Россіи и по мѣрѣ того, какъ онѣ входили въ общую ея жизнь. Въ этого ихъ исторія почти вовсе не существуетъ, а судьба и жизнь ихъ въ послѣднія два столѣтія мало или вовсе неизвѣстны намъ. Одна изъ древнѣйшихъ ея частей, Русь Холмская, до послѣднихъ дней считалась за одно съ Польшею, а Русь Галицкая и Угорская утрачены нами изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ очутились онѣ за кордономъ. Труды разныхъ историческихъ обществъ и комиссій, то отчасти, то вполне посвященные исторіи Южной Россіи, представляютъ изъ себя груды историческаго матеріала, нерѣдко хорошо подобранаго и обработаннаго, но недоступнаго большинству читающей публики по строго научной ихъ формѣ и другимъ причинамъ. Между тѣмъ стремленіе къ уразумѣнію нашего прошлаго, вкусъ къ историческому чтенію растутъ въ читающей публикѣ все больше и больше, на что указываютъ какъ число существующихъ у насъ повременныхъ историческихъ изданій, такъ и ихъ распространенность. Излишне говорить, что потребность въ удовлетвореніи такому стремленію и вкусу чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе и среднѣе въ области прошлаго предметы, къ которымъ они направлены. Несмотря на особенность своего содержанія, предпринимаемое изданіе чуждо будетъ всякой предвзятой мысли и какой бы то ни было политической точки зрѣнія. Что преслѣдуютъ появившіяся у насъ доселѣ повременныя историческія изданія, какъ «Русская Старина», «Русскій Архивъ», «Древняя и Новая Россія» и «Историческій Вѣстникъ» относительно Россіи вообще, то мы будемъ преслѣдовать относительно южной половины Россіи. Раздѣленіе труда можетъ вести лишь къ облегченію и болѣе успѣшному его выполненію, въ результатѣ можно ожидать обогащенія нашей исторической науки.

Такимъ образомъ журналъ долженъ былъ носить всецѣло научный характеръ. Дѣло съ разрѣшеніемъ не затянулось. Министрство секретно прислало программу изданія «Кіевской Старины» на заключеніе извѣстнаго попечителя кіевского учебнаго округа при генераль-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ, тогда предсѣдателя комиссіи для разработки древнихъ актовъ, тайнаго совѣтника М. В. Юзефовича, который не высказалъ соображеній, противныхъ задуманному изданію. Благопріятный также отзывъ о программѣ изданія далъ тогдашній кіевскій генераль-губернаторъ Дрентельнъ, и съ 1882 г. «Кіевская Старина» начала выходить. Журналъ открылся статьею Нестора южно-русской исторіи, профессора В. Б. Антоновича: «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе».

Первый годъ изданіе имѣло самый большой тиражъ, котораго оно не достигало никогда впослѣдствіи, а именно около тысячи подписчиковъ, что было, впрочемъ, до нѣкоторой степени случай-

ностью. Много подписчиковъ оказалось изъ Москвы изъ среды купечества, которые, очевидно, были введены въ заблужденіе названіемъ журнала, предполагая найти въ немъ нѣчто въ родѣ описанія кievскихъ святыхъ и ихъ исторіи. На слѣдующій годъ подписка на журналъ нѣсколько понизилась, но все же для научнаго изданія стояла достаточно высоко. Значительную поддержку «Кievской Старинѣ» оказали митрополитъ Платонъ, который рекомендовалъ журналъ по епархіи, да и сотрудничество въ немъ брата Ѳ. Г. Лебединцева, кафедральнаго протоіерея Петра Григорьевича, внушало довѣріе къ журналу среди южно-русскаго духовенства. Журналъ издавался Лебединцевымъ на собственные средства; ни отъ кого субсидіи онъ не получалъ, если не считать субсидіею то, что Г. П. Галаганъ ссудилъ Лебединцеву въ долгъ нѣкоторую сумму на изданіе «Кievской Старины», которая и была сполна возвращена Лебединцевымъ. Редакція «Кievской Старины» состояла, кромѣ самого издателя, изъ его брата, протоіерея П. Г., В. В. Антоновича, А. М. Лазаревскаго, О. И. Левицкаго, а также нѣкоторыхъ лицъ, которыя къ наукѣ отношенія не имѣли, но приглашались Лебединцевымъ на редакціонныя собранія для почта. Хотя среди послѣднихъ были лица съ очень высокимъ положеніемъ, да наконецъ и всѣ члены редакціи занимали то или другое официальное положеніе, и хотя «Кievская Старина» велась съ величайшею осторожностью и сдержанностью, тѣмъ не менѣе нашлись люди, которые относились подозрительно къ изданію и изъ разныхъ закоулковъ противъ «Кievской Старины» раздавались шипѣнье темныхъ личностей и обвиненія въ сепаратистскихъ стремленіяхъ, совершенно ни на чемъ не основанныя.

Мѣстная цензура, въ лицѣ цензора Луки Рафальскаго, особенно безцеремонно относилась къ «Кievской Старинѣ», стараясь задержать и сузить дѣятельность журнала. Эта безцеремонность доходила иногда до того, что Рафальскій позволялъ себѣ кричать на старика Лебединцева, человека заслуженнаго, и Лебединцевъ со слезами на глазахъ рассказывалъ въ редакціи объ этихъ униженіяхъ, которыя заставляла его переносить только любовь къ наукѣ. Наконецъ въ Петербургѣ по доносамъ мѣстныхъ лицъ былъ опредѣленно поставленъ вопросъ о закрытіи журнала. Экспертиза благонадежности «Кievской Старины» была поручена академику А. Ѳ. Бычкову. Лебединцевъ успѣшилъ послать ему комплектъ вышедшихъ номеровъ журнала, и Бычковъ, разсмотрѣвши содержаніе «Кievской Старины», далъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что журналъ безупреченъ въ политическомъ отношеніи и высоко цѣненъ въ научномъ. Такимъ образомъ подозрѣніе въ неблагонадежности на нѣкоторое время съ «Кievской Старины» было снято.

Впрочемъ, неудовольствіе администраціи на «Кievскую Старину» проявлялось и впоследствии при Лебединцевѣ, но уже по

частнымъ поводамъ. Такъ, въ журналѣ принималъ участіе извѣстный историкъ и фольклористъ, бывший профессоръ университета св. Владимира, М. П. Драгомановъ, жившій эмигрантомъ за границей. Участіе его въ журналѣ выражалось въ такихъ статьяхъ вполне научнаго характера, какъ «Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.», «Старѣйшія русскія драматическія сцены», «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности», «Шелудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ» и др., въ которыхъ по самому существу разрабатываемыхъ темъ совершенно не могло быть чего-либо некорректнаго въ политическомъ смыслѣ. Драгомановъ писалъ подъ двумя псевдонимами: П. Кузьмичевскій и М. Т.—въ (Толмачевъ, т. е. Драгомановъ), тѣмъ не менѣе Рафальскій какимъ-то способомъ узнавалъ, кто скрывается подъ этими псевдонимами, и генераль-губернаторъ Дрентельнъ призывалъ однажды по этому поводу Лебединцева и сдѣлалъ ему строжайшее предупрежденіе, что если онъ будетъ печатать статьи политическихъ эмигрантовъ, то журналу грозитъ закрытіе.

Лебединцевъ довелъ журналъ до 1887 г. Много неутомимаго труда положилъ онъ на пользу изданія. Все веденіе журнала до самыхъ мелочей лежало исключительно на немъ, что, конечно, мѣшало ему самому работать для «Кіевской Старины» въ научномъ отношеніи. Поэтому онъ не писалъ въ журналъ большихъ статей, но почти въ каждой книжкѣ «Кіевской Старины» появлялась его небольшая статья или какая-либо замѣтка подъ далекимъ, не напоминающимъ фамиліи автора псевдонимомъ, какъ, напримѣръ, Т. Шнейдеръ, Кулюмбашъ, В. Д—ръ и др. Въ 1887 г. Лебединцевъ рѣшилъ прекратить «Кіевскую Старину», такъ какъ ему стало не подъ силу вести изданіе одному, о чемъ и было напечатано въ ноябрьской книжкѣ журнала. Послѣднему предстояло погибнуть.

Но группа лицъ, отчасти входившихъ въ составъ первой редакціи, отчасти новыхъ, рѣшила спасти «Кіевскую Старину». Въ это время въ Кіевѣ жилъ черниговскій помѣщикъ А. С. Лашкевичъ, земскій дѣятель и библіофилъ. Его-то и рѣшили привлечь къ дѣлу изданія «Кіевской Старины», внушивъ ему мысль купить у Лебединцева журналъ. Покупка состоялась, при чемъ Лашкевичъ заплатилъ Лебединцеву не за самое право издавать «Кіевскую Старину», которое переуступалось безвозмездно, а за нераспроданные экземпляры изданія. Приобрѣтеніе затянулось; самая процедура перехода журнала въ другія руки также длилась долго, и потому только въ мартѣ вышла тройная книжка «Кіевской Старины» подъ новою редакціею Лашкевича. Но фактическимъ редакторомъ этой книжки журнала былъ извѣстный классикъ профессоръ Ѳ. Г. Мищенко.

При Лашкевичѣ журналъ сталъ выше и по своему содержанію и по вѣщности, хотя подписка на журналъ шла очень плохо.

Лашкевичъ старался привлекать къ журналу сотрудниковъ, выпускалъ толстыя книжки и улучшилъ видъ изданія. Слѣдующій 1889 г. въ смыслѣ подписки также не далъ «Кіевской Старинѣ» хорошихъ результатовъ, а между тѣмъ дѣла самого Лашкевича шли все плоше и плоше. Въ сентябрѣ этого года Лашкевичъ заболѣлъ, а въ октябрѣ скончался, до послѣднихъ минутъ заботясь объ изданіи журнала. Передъ смертью онъ сказалъ о немъ: «Кіевская Старина»—это мое третье дитя». (У Лашкевича осталось двое дѣтей). Денежныя дѣла Лашкевича оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, близкомъ къ банкротству. Тутъ среди той же группы лицъ, о которой уже говорилось, явилась мысль взять «Кіевскую Старину» изъ частныхъ рукъ и вести дѣло сообща.

На этотъ разъ переходъ журнала въ собственность новыхъ лицъ не задержалъ выхода очередныхъ номеровъ. Юзефовичъ, сынъ стараго М. В. Юзефовича, служившій въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, явился при Лашкевичѣ неожиданнымъ покровителемъ «Кіевской Старины» и самъ немного сотрудничалъ въ ней. Онъ выхлопоталъ право продолжать изданіе подъ фирмою наслѣдниковъ Лашкевича, при чемъ официально представителемъ изданія былъ признанъ д-ръ Гамалія, а редакторомъ Е. Кивлицкій. Переходъ журнала въ собственность названной группы лицъ состоялся на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ «Кіевская Старина» перешла отъ Лебединцева къ Лашкевичу, а именно покупались нераспроданные экземпляры журнала, оплачивались долги по типографіи и за бумагу, а также выпускалась двѣнадцатая книжка за 1889 г., которую вдова Лашкевича вслѣдствіе полного отсутствія средствъ издать уже не могла.

Но дѣла «Кіевской Старины» и въ новыхъ рукахъ шли по-прежнему плохо, и къ 1891 г. изданіе дало три тысячи дефицита. Съ половины 1891 г. стало видно, что при томъ же положеніи далѣе вести дѣло нельзя. Поэтому было рѣшено прежде всего не нанимать для редакціи отдѣльной квартиры, а также не платить редактору даже того небольшого жалованья въ шестьсотъ рублей, которое онъ получалъ. Стали хлопотать объ официальной передачѣ редакціи въ руки В. П. Науменка, но послѣдній, хотя и былъ преподавателемъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ въ кадетскомъ корпусѣ, однако для редактированія журнала былъ признанъ человѣкомъ неблагонадежнымъ, и за редактора продолжалъ подписываться Кивлицкій. Только съ августа 1893 г. В. П. Науменко по протекціи кіевского генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева становится официальнымъ издателемъ-редакторомъ «Кіевской Старины». Журналъ продолжалъ вестись по прежней программѣ, но сочувствія въ публикѣ находилъ очень мало, и изданіе каждый годъ давало до полуторы тысячи убытку. Въ 1897 г. число подписчиковъ упало до 387. Тогда рѣшено было оживить

журналь включеніемъ въ его программу беллетристики на украинскомъ языкѣ. По совѣту графа А. П. Игнатьева В. П. Науменко, взявъ съ собою большое количество рукописнаго беллетристическаго матеріала, отправился съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ разрѣшеніе для напечатанія его въ «Кіевской Старинѣ». Хотя этотъ матеріаль былъ разсчитанъ на продолжительный срокъ, все же цензурованіе беллетристики за предѣлами Кіева было громаднымъ неудобствомъ для журнала. Поэтому въ бытность генералъ-губернаторомъ Юго-Заладнаго края М. И. Драгомирова В. П. Науменко ходатайствовалъ объ установленіи кіевской цензуры для печатающейся въ журналѣ украинской беллетристики. М. И. Драгомировъ отъ себя представилъ объ этомъ докладъ въ Петербургъ, и это ходатайство въ отмѣну высочайшаго указа было удовлетворено.

Со включеніемъ беллетристики въ программу журнала дѣло начало нѣсколько оживать, но все же каждый годъ приносилъ убытокъ. Наконецъ, въ 1905 г. и слѣдующемъ году, когда газета и мелкая уличная политическая брошюра отодвинули на задній планъ серьезную журналистику, а научные интересы въ публикѣ понизились, подписка на «Кіевскую Старину» пала до невѣроятна малаго предѣла, и уже съ начала 1906 г. среди нѣкоторыхъ руководителей журнала зашла рѣчь объ его прекращеніи, но кое-какъ журналъ догянулъ до конца года, просуществовавъ ровно 25 лѣтъ. Такимъ образомъ юбилейный годъ «Кіевской Старины» былъ въ то же время и годомъ ея смерти.

«Кіевская Старина» представляетъ собою обширную главу въ исторіи не только южной, но вообще русской историко-этнографической науки. Ссылки на «Кіевскую Старину», на ея матеріалы, на ея самостоятельныя изслѣдованія можно встрѣтить почти во всякомъ научномъ трудѣ, такъ или иначе касающемся исторіи и быта Малороссіи. Это богатая сокровищница, которая долго еще не будетъ исчерпана; это широкая программа, намѣчающая для будущихъ изслѣдователей Украины пути и цѣли. Въ области исторіографіи обойти молчаніемъ «Кіевскую Старину» невозможно: въ теченіе 25 лѣтъ она была органомъ исторической мысли для всѣхъ ученыхъ, занимавшихся Малороссіей. На ея страницахъ мы встрѣчаемъ имена не только южныхъ, но и сѣверныхъ русскихъ ученыхъ: Н. И. Костомаровъ, А. А. Потебня, А. Н. Веселовскій, Орестъ Миллеръ, Н. И. Стороженко, Ѳ. Г. Мищенко, М. П. Драгомановъ, изъ здравствующихъ: В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалъйи, П. И. Житецкій, Н. П. Данкевичъ, М. Владимірскій-Будановъ, М. В. Лучицкій, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, И. Н. Петровъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, — вотъ, можетъ быть, наиболѣе популярныя имена, которыя украшали страницы «Кіевской Старины». Мы не будемъ перечислять именъ остальной «ученой дружины», но мало най-

дятся историковъ и этнографовъ, занимавшихся Кіевскою Русью и Малороссіей, имена которыхъ не появлялись бы въ «Кіевскоіи Старинѣ».

За «Кіевскою Стариною» навсегда останется громадная заслуга передъ наукою, такъ какъ она дала мѣсто многимъ научнымъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ, открывъ для нихъ свои страницы. Съ кончиною «Кіевскоіи Старины» украинская исторія и этнографія у насъ въ Россіи остались безъ своего органа.

В. В. Даниловъ.

ЧТО ГРОЗИТЪ ОБЩЕДВОРЯНСКОМУ АРХИВУ.

ТО не знаетъ, какъ печальна судьба нашихъ русскихъ архивовъ. Всякій мало-мальски знакомый съ архивнымъ дѣломъ согласится, что врядъ ли найдется на всемъ материкѣ Европы еще другая культурная страна, въ которой бы историческіе архивы находились въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ у насъ на Руси. Несмотря на то, что уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ поднять у насъ, по почину незабвеннаго Н. В. Калачева, такъ называемый архивный вопросъ, несмотря на то, что за послѣдніе годы съ особенною настойчивостью взываютъ къ сохраненію и упорядоченію нашихъ архивныхъ сокровищницъ лучшіе общественные дѣятели и люди науки,—архивы попрежнему остаются въ «запустѣніи» и «небреженіи». Ихъ историческое и общественное значеніе до послѣдняго времени остается чуждымъ нашимъ высшимъ властямъ, которыя никакъ не могутъ прискаты необходимыхъ средствъ для упорядоченія архивовъ и памятуя твердо только одно «уничтоженіе старыхъ дѣлъ». Можно подобрать десятки и болѣе случаевъ, когда г.г. министры сто разъ охотнѣе разрѣшали выдачи въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на ремонтъ казенныхъ квартиръ высшихъ чиновниковъ своихъ министерствъ, нежели соглашались уступить какое-нибудь чердачное или подвальное помѣщеніе въ зданіи министерства для храненія старыхъ дѣлъ. Такое отношеніе къ нашимъ архивамъ и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ несомнѣнное исто-

рическое и общественное значеніе, продолжаться долѣе не можетъ и не должно, не только въ интересахъ научныхъ, но и общественно-государственныхъ.

Это заключеніе съ особенною настойчивостью вызывается у насъ при чтеніи напечатанной въ майской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» статьи В. Е. Рудакова, впервые въ литературѣ сообщающаго «историко-статистическія свѣдѣнія» объ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената, этомъ «всероссійскомъ хранилищѣ дворянскихъ дѣлъ». Нужно ли говорить о томъ, насколько является важнымъ и цѣннымъ названный всероссійскій дворянскій архивъ, и какъ онъ соотвѣтственно своему значенію долженъ быть устроенъ, а между тѣмъ... Впрочемъ, послѣдуемъ за авторомъ этой статьи и вкратцѣ познакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника» съ прошлымъ и настоящимъ названнаго архива.

«Объ архивѣ герольдіи», читаемъ на стр. 1—2, «не только въ печати, но и въ департаментскихъ годовыхъ отчетахъ не говорится, почти ни слова; вслѣдствіе этого даже лица, близко соприкасавшіяся съ нимъ и причастныя къ департаменту, имѣли о немъ смутное понятіе и часто смѣшивали его съ прочими департаментскими архивами, въ которыхъ хранятся дѣла за послѣднія 50 лѣтъ и даже менѣе и которыя занимаютъ лишь «пріуготовленіемъ» дѣлъ къ сдачѣ въ общій сенатскій архивъ. Между тѣмъ, герольдіискій архивъ, основанный почти одновременно съ учрежденіемъ герольдмейстерской конторы (1722 г.), представляетъ собою совершенно особое самостоятельное учрежденіе - хранилище, какъ по своему исключительному роду дѣлъ, такъ равно и по той живой связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ. Заключая въ себѣ до 250.000 дѣлъ, изъ которыхъ большинство, около 180.000, по производству въ потомственное дворянство, болѣе 3.000 разнаго рода книгъ, журналовъ, опредѣленій, родословныхъ и проч., онъ можетъ считаться богатѣйшимъ дворянскимъ архивомъ. Принимая во вниманіе, что губернскіе архивы дворянскихъ депутатскихъ собраній «всѣ лежатъ въ забвеніи и находятся на попеченіи архиваріусовъ, стариковъ-пенсіонеровъ дворянства, мечтающихъ только о томъ, чтобы ихъ не беспокоили»¹⁾; что нѣкоторые изъ этихъ архивовъ, какъ, напримѣръ, архивы с.-петербургскаго, гродненскаго, смоленскаго, симбирскаго и казанскаго дворянскихъ депутатскихъ собраній въ значительной степени выгорѣли, и что, наконецъ, въ 1895 г. были перевезены изъ Варшавы въ С.-Петербургъ всѣ дѣла по дворянству и почетнымъ титуламъ уроженцевъ Привислинскаго

¹⁾ Эти слова принадлежатъ извѣстному русскому генеалогу Л. М. Савелову (см. «Труды XI археологическаго съѣзда», т. II, стр. 28.)

края, — архивъ департамента герольдіи долженъ занять мѣсто общаго, всероссійскаго дворянскаго архива».

Но какъ же устроился и приводился въ порядокъ этотъ всероссійскій дворянскій архивъ?

Слагаясь постепенно изъ «дѣлъ разрядныхъ», шляхетскихъ списковъ, списковъ о недоросляхъ, дѣлъ о производствѣ въ чины, почетное гражданство и т. д. и т. д., онъ уже къ самому началу 1840-хъ годовъ разросся до того, что возбудилъ мысль въ министерствѣ юстиціи объ образованіи изъ него «общаго дворянскаго архива».

Но этой мысли не суждено было осуществиться. Необходимо было предварительно привести «крайне разстроенныя дѣла», по отзывамъ архиваріусовъ, въ надлежащій порядокъ, а это послѣднее требовало, помимо удобнаго помѣщенія, денежныхъ средствъ и подходящихъ лицъ. Только особая жалоба на неустройство архива, крайне тормозящее текущее дѣлопроизводство, побудило министерство юстиціи въ 1840—1850-хъ г.г. прибѣгнуть къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Такъ, въ декабрѣ 1849 г. была образована, согласно предписанію министра юстиціи графа В. Н. Панина, особая комиссія, которой поручалось «предварительно разобрать дѣла, въ канцеляріи находящіяся, гдѣ также обнаружена запутанность и беспорядочность въ храненіи» и только послѣ этого «приступить къ устройству особаго дворянскаго архива». «Что сдѣлала эта комиссія», составленная изъ товарища герольдмейстера, чиновника особыхъ порученій министерства юстиціи и 12 канцелярскихъ служителей и снабженная особой инструкціей, — «изъ дѣлъ», пишетъ г. Рудаковъ, «не видно, и только 12 августа 1850 г. новый завѣдывающій доводитъ до свѣдѣнія герольдмейстера, что онъ окончилъ осмотръ дѣлъ канцеляріи и предполагаетъ приступить къ разбору и приведенію въ порядокъ дѣлъ архива герольдіи». Проработавъ два года, этотъ завѣдывающій, вслѣдствіе плохого вознагражденія и наличности у него малограмотныхъ писцовъ, поспѣшилъ покинуть герольдію. Его замѣнили, по назначенію изъ министерства, другимъ, нѣкимъ г. Серчевскимъ, котораго за разборъ и описаніе почти 40.000 дѣлъ вознаградили всего лишь 60 рублями. По отношенію къ двумъ, одновременно работавшимъ, преемникамъ послѣдняго министерство лишь писало запросы о ходѣ работъ и требовало ускоренія. Но они не торопились. Только назначенный въ 1865 г. извѣстный архивовѣдъ П. И. Барановъ во главѣ «разборнаго архива» успѣлъ кое-какъ привести разборъ послѣдняго къ концу... Вотъ и всѣ мѣры, предпринимавшіяся министерствомъ юстиціи для приведенія въ порядокъ и образованія «общаго дворянскаго архива».

Но, кромѣ недостатка въ лицахъ и необходимости ассигнованія денежныхъ средствъ, указывали министерству еще и на

недостаточность помѣщенія. Для рѣшенія этого вопроса оно никогда и ничего не находило иного, какъ только «уничтоженіе старыхъ дѣлъ». Несмотря на постоянные и давнишніе протесты со стороны людей науки и многочисленныхъ болѣе развитыхъ общественныхъ дѣятелей, къ этому чисто варварскому средству у насъ прибѣгали и прибѣгаютъ издавна и очень часто. Несомнѣнно, что уничтоженіе архивныхъ дѣлъ — крайне печальная страница въ исторіи архивовъ и въ то же время весьма поучительная; поэтому мы позволимъ себѣ нѣсколько болѣе остановиться на III-й главѣ разсматриваемой нами статьи В. Е. Рудакова.

«Главной побудительной причиной», читаемъ въ ней, «вызывавшей уничтоженіе дѣлъ во всѣхъ нашихъ русскихъ архивахъ, былъ, какъ извѣстно, недостатокъ помѣщенія. Архивъ департамента герольдіи въ этомъ отношеніи не только не составлялъ исключенія, но, наоборотъ, болѣе прочихъ, даже провинціальныхъ архивовъ, на примѣръ, нѣкоторыхъ дворянскихъ депутатскихъ собраній, являлся бездоленнымъ. Онъ отъ основанія и до сихъ поръ не имѣлъ не только особаго, но даже опредѣленнаго, постояннаго помѣщенія. Каждый разъ, съ привнесеніемъ въ него болѣе или менѣе значительнаго количества новыхъ дѣлъ, поднимался вопросъ о недостаткѣ помѣщенія, разбивавшійся вслѣдствіе крайней неподатливости оберъ-прокурора перваго департамента, какъ начальника всего сенатскаго зданія, болѣе заботившагося о снабженіи обширными квартирами начальника сенатской типографіи и смотрителя сенатскаго зданія. Отсюда, естественно, оставалось прибѣгать къ одному общепринятому у насъ средству—уничтоженію старыхъ дѣлъ. Но чѣмъ при этотъ руководились губители архивныхъ документовъ и что именно они уничтожали изъ сокровищъ герольдійскаго архива, въ теченіе первой половины XIX столѣтія, свѣдѣній не имѣется. Но что тогда немало дѣлъ и документовъ архива, какъ чиновпроизводныхъ, такъ особенно и герольдмейстерскихъ, было уничтожено,—это несомнѣнно. Встрѣченныя же нами герольдмейстерскія дѣла о порядкѣ уничтоженія дѣлъ немногочисленны, но весьма интересны. Они, помимо точно устанавливаемаго числа уничтоженныхъ дѣлъ, рисуютъ намъ взгляды и соображенія лицъ, которыя вѣдали герольдмейстерскія дѣла и которымъ поручался разборъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они опредѣляютъ до нѣкоторой степени «проникновеніе» и высшихъ властей въ цѣнность и значеніе этихъ дѣлъ».

«Первое изъ такихъ дѣлъ относится къ 1860—1861 гг. Управляющій министерствомъ юстиціи, Д. Замятинъ, предложилъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ представить, на основаніи уже утвержденныхъ правилъ военнаго министерства, свои соображенія о порядкѣ уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ. Герольдмейстеромъ были затребованы по этому поводу мнѣнія завѣдываю-

щихъ отдѣльными экспедиціями. Два товарища герольдмейстера, Луостоно и Щедринъ, заявили, что «дѣла департамента герольдіи, по существу своему, подлежатъ вѣчному храненію въ архивѣ департамента, ибо дѣла прежнихъ лѣтъ имѣютъ постоянную связь съ дѣлами, поступающими по справкамъ; посему циркулярное предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи о способахъ уничтоженія архивныхъ дѣлъ до департамента герольдіи касаться можетъ лишь въ отношеніи печатныхъ по дѣламъ записокъ, изъ которыхъ оставшіяся въ излишествѣ могутъ быть уничтожены и то въ теченіе не менѣе 10 лѣтъ. Завѣдывающій чинопроизводными дѣлами признавалъ необходимымъ хранить сенатскіе указы, опредѣленія и журналы, равно какъ «нужные для справокъ» реестры входящимъ и исходящимъ бумагамъ и алфавиты; «самыя же дѣла о производствахъ въ чины», говорилъ онъ, «могутъ быть уничтожены: одни при самой сдачѣ въ архивъ, другія черезъ пять и третьи черезъ десять лѣтъ, и не иначе, какъ чрезъ сожженіе». Любопытно, что и подлинныя документы заинтересованныхъ лицъ, часто попадавшіеся въ чинопроизводныхъ дѣлахъ, обрекаются этимъ завѣдывающимъ на сожженіе. Завѣдывающій герольдмейстерскими дѣлами изъ цѣлаго ряда группъ этихъ дѣлъ находилъ возможнымъ оставить на храненіи лишь: 1) «списки всѣмъ дворянамъ по законамъ о состояніяхъ» (которые, кстаті замѣтитъ, почти и не велись) «и лицамъ, лишеннымъ дворянства» (ихъ также не имѣется), и 2) дѣла о дворянствѣ (т.-е. выписки по запросамъ объ отдѣльныхъ лицахъ, дѣлаемые на основаніи общихъ дворянскихъ дѣлъ); а всѣ остальные совѣтовалъ уничтожать черезъ годъ послѣ исполненія, черезъ 10 или 12, лишь путемъ продажи. Предлагая хранить имѣющее мало значенія или вовсе несуществующее, этотъ завѣдывающій, помимо другихъ важныхъ дѣлъ, совершенно игнорировалъ дѣла, касающіяся департамента и лицъ, служащихъ въ немъ, другими словами, стиралъ съ лица земли исторію учрежденія и свѣдѣнія о составѣ чиновъ послѣдняго. Наконецъ, экзекуторъ-казначей всѣ свои книги, отчеты и вѣдомости относилъ къ разряду дѣлъ, подлежащихъ немедленному уничтоженію или, въ крайнемъ случаѣ, послѣ 5—10-лѣтняго храненія.

Герольдмейстеръ Л. М. Муравьевъ (впослѣдствіи сенаторъ) въ своемъ рапортѣ министру юстиціи лишь нѣсколько измѣнилъ суровыя приговоры казначея-экзекутора и завѣдывающаго герольдмейстерскими дѣлами и въ то же время дѣла о службѣ чиновъ департамента предназначалъ временному храненію, а дѣла по исторіи герольдійскаго архива—немедленному уничтоженію. Въ дѣлахъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, онъ не видѣлъ «никакой тайны и потому подлежащихъ продажѣ съ публичнаго торга».

Совершенно иное отвѣтилъ восемь лѣтъ спустя (въ 1869 г.) другой герольдмейстеръ, баронъ О. О. Штакельбергъ, на подобное

же предписание министра юстиции представить соображения, «какія изъ рѣшенныхъ дѣлъ прежняго времени могутъ быть предназна-чаемы къ уничтоженію, не сдавая ихъ въ архивъ». Онъ находилъ, что дѣла департамента герольдіи, заключающія въ себѣ свѣдѣнія или документы, касающіеся опредѣленія правъ состоянія частныхъ лицъ, не только не могутъ сдѣлаться излишними, но, напротивъ, по самому существу своему, сдача ихъ для храненія въ архивъ представляется крайнею необходимостью и въ особен-ности въ виду закона, что на отыскиваніе правъ состоянія не полагается давности» (стр. 13—16).

Несмотря на такое мнѣніе компетентнаго лица, его ближайшіе преемники нимало не поколебались уничтожить все чиновпроизводныя дѣла, за время съ 1847 по 1890 г., въ числѣ свыше 130.000 дѣлъ, зато доставили казнѣ доходу отъ продажи ихъ 1.735 р. 25 к. Между тѣмъ, къ этимъ дѣламъ за справками, въ подкрѣпленіе доказательствъ о дворянствѣ и вообще о правахъ состоянія, при отыскиваніи формулярныхъ списковъ, прибѣгаютъ и учрежденія и частныя лица до настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что, какъ читаемъ на стр. 19, въ числѣ документовъ при нихъ находились «подлинныя метрическія свидѣтельства, свидѣтельства о дворянствѣ, аттестаты объ окончаніи курса наукъ, формулярные списки отцовъ лицъ, представляемыхъ къ чинамъ, и проч. (а за выдачею ихъ оставались копии, которыя за потерю подлинника получали важное значеніе)».

Любопытны при этомъ и доводы, приводимые виновниками уничтоженія. Такъ, въ 1877 г. одинъ изъ товарищей герольдмейстера въ своемъ рапортѣ герольдмейстеру пишетъ слѣдующее: «Принимая въ расчетъ, что приведеніе этихъ дѣлъ (рѣчь идетъ о дѣлахъ по производству въ чины съ 1 сентября 1858 г. по 1877 г.) въ порядокъ для сдачи въ архивъ (изъ канцеляріи) потребуетъ много времени и труда и оторветъ наличный составъ чиновниковъ отъ текущаго дѣлопроизводства, и что эти дѣла, какъ показала 20-лѣтняя практика, не надобны..., я полагаю ихъ уничтожить». Къ этимъ аргументамъ своего товарища герольдмейстеръ А. Д. Батуричъ прибавилъ еще одинъ: «потребуется-де для этой сдачи тысяча рублей». Этотъ аргументъ окончательно склонилъ министерство юстиціи отдать немедленный приказъ уничтожить названныя дѣла. Увлекаемый желаніемъ предать уничтоженію чиновпроизводныя дѣла бывшаго инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства (съ 1847 по 1857 г.), герольдмейстеръ Н. И. Непорожневъ въ 1892 г. писалъ: «Ознакомившись съ ними, я нашелъ, во-первыхъ, что дѣла тѣ, числомъ свыше 80.000, помѣщающіяся въ трехъ большихъ комнатахъ, не имѣютъ ни описей, ни алфавитовъ, вслѣдствіе чего разыскать какое-нибудь дѣло не представляется никакой возможности; во-вторыхъ, что дѣла тѣ приняты безъ по-

вѣрки ихъ содержанія, и въ-третьихъ, что почти всѣ тѣ дѣла состоятъ лишь изъ краткихъ формулярныхъ списковъ, которые съ формальной стороны ни для кого не могутъ имѣть какого-либо значенія. Принимая во вниманіе вышеизложенное и что за справками съ 1889 по 1892 г. не обращалось ни одно правительственное учрежденіе, а со стороны частныхъ лицъ было только три или четыре ходатайства о разысканіи формулярныхъ списковъ для подкрѣпленія доказательствъ о дворянствѣ,—я пришелъ къ заключенію, что дальнѣйшее оставленіе упомянутыхъ дѣлъ въ настоящемъ положеніи не можетъ оправдаться разумными основаніями». Къ счастью, министерство юстиціи не согласилось воплѣ съ этими доводами и отдалило моментъ уничтоженія дѣлъ, благодаря чему уцѣлѣли формулярные списки, переплетенные въ особые фоліанты.

Въ 1885 г. были уничтожены и герольдмейстерскія дѣла, въ количествѣ 32.224 изъ всѣхъ 35.685 дѣлъ, значить, на храненіе оставлено только 3.461 дѣло. «Къ сожалѣнію», читаемъ на стр. 20, «ни тогдашній архиваріусъ, ни герольдмейстеръ въ своихъ рапортахъ не сообщаютъ данныхъ, къ какимъ именно годамъ относятся уничтоженныя дѣла и какіе ими выдѣлены подлинныя документы и опредѣленія. Судя же по ихъ количеству, можно смѣло думать, что сюда вошли, «кромѣ переписки по запросамъ присутственныхъ мѣстъ о дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ», и многія другія изъ дѣлъ герольдмейстера, заслуживающія вѣчнаго храненія».

Переходя далѣе къ современному составу архива департамента герольдіи, который В. Е. Рудаковъ дѣлитъ на 14 группъ, мы отмѣтимъ только, что главную и самую крупную изъ нихъ составляетъ— вторая: «дѣла о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ герольдіи, временнаго присутствія и департамента герольдіи», свыше 170.000 дѣлъ. «Въ научно-историческомъ отношеніи наиболѣе интересны дѣла фамилій владѣльческихъ, такъ какъ въ нихъ много старинныхъ документовъ XVI—XVIII вѣка: разнаго рода грамотъ (иногда подлинныхъ), столбцовъ, выписей изъ разрядныхъ, писцовыхъ, переписныхъ, помѣстныхъ и другихъ книгъ, копій формулярныхъ списковъ и указовъ объ отставкѣ выдающихся государственныхъ дѣятелей, ихъ метрическихъ свидѣтельствъ и т. п. Встрѣчаются копіи грамотъ и документовъ, уже утраченныхъ, а также и имѣющихъ общенсторическій интересъ» (стр. 26).

Всѣ эти дѣла по производству въ герольдіи начинаются лишь съ начала XVIII столѣтія; отъ болѣе ранняго времени въ архивѣ имѣются всего лишь 132 книги, за время съ 1748 по 1812 г. Любопытна приводимая авторомъ статьи переписка по поводу этихъ дѣлъ между управляющимъ московскимъ архивомъ мини-

стерства юстиціи и герольдмейстеромъ, изъ которыхъ каждый желалъ сосредоточить у себя всѣ дѣла герольдмейстерской конторы.

Хотя въ послѣднее время и пристушено къ пересмотру и составленію новыхъ описей дворянскимъ дѣламъ, но и этому сильно мѣшаетъ, съ одной стороны, крайне тѣсное помѣщеніе архива, попросту темная кладовая, и съ другой—постоянная и многочисленная отправка архивныхъ дѣлъ въ канцеляріи, гдѣ все почти текущее дѣлопроизводство основано на архивныхъ справкахъ. Въ виду этого мы вполне присоединяемся къ заключительнымъ словамъ В. Е. Рудакова, видимо, съ болью въ сердцѣ взывающаго: «Неприглядна нарисованная нами картина какъ прошлаго, такъ и современнаго состоянія архива. Не только дворяне и другіе сословные представители, но и всѣ, кому только дороги историческія реликвіи нашего прошлаго, реликвіи, которыя до сихъ поръ еще, можно сказать, не имѣли своихъ изслѣдователей, съ сожалѣніемъ и скорбью отнесутся къ такому состоянію этого всероссійскаго дворянскаго хранилища. Но еще ужаснѣе представляется намъ его будущее, если только немедленно не притти къ нему на помощь устройствомъ новаго, постояннаго и просторнаго помѣщенія, съ канцеляріей для занятій чиновниковъ и постороннихъ лицъ, ассигнованіемъ особыхъ суммъ для приведенія въ порядокъ и для болѣе точнаго описанія всѣхъ дѣлъ, книгъ и документовъ и увеличеніемъ штатовъ архива людьми съ высшимъ образованіемъ и хорошо знакомыми съ архивовѣдѣніемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова» (стр. 33).

Д—овъ.

ПО ОКЪ.

I.

Подходъ поѣзда къ Рязани. — Рязани. — Переѣздъ на пристань. — Успенскій соборъ. — Пристань «Вѣтка». — Пароходство Качкова и пароходъ «Елена».

ВЫСТРО и плавно бѣжалъ скорый кавказскій поѣздъ изъ Москвы. Тяжелые пульмановскіе вагоны вздрагивали лишь на стрѣлкахъ гѣхъ станцій, мимо которыхъ поѣздъ мчался, не останавливаясь. На востокѣ открылась Ока; подъ нависшими тучами ея воды казались изсиня-черными. А впереди уже были видны храмы и дома древней Рязани. Поѣздъ почти полнымъ ходомъ подошелъ къ дебаркадеру. Было около трехъ часовъ дня. Такъ какъ пароходъ изъ Рязани уходилъ лишь утромъ другого дня, то мнѣ не было необходимости торопиться.

Пароходная пристань отстоитъ отъ города верстахъ въ двухъ и переѣздъ на нее отъ вокзала совершается въ полчаса, при чемъ приходится проѣзжать по лучшей части города.

Ну, и хороша же дорожка отъ вокзала къ городу! Видно, тутъ самъ чортъ игралъ въ свайку. Мнѣ припомнились слова покойнаго Глѣба Успенскаго изъ описанія его путешествія по Окѣ, названной имъ «проселочной рѣчкой»: «проѣхавъ по мостовой минутъ пять, мы вдругъ какъ бы поплыли на пролеткѣ: ни звука колеса о камень, ни треска, ни стука копытъ. Клюкаетъ что-то слегка, какъ кузнечикъ, въ колесахъ пролетки, а сама она плыветъ не то по облакамъ, не то по волнамъ. Начинаетъ всякаго изъ находящихся въ пролеткѣ покачивать, поламывать, поталки-

вать, но все-таки довольно нѣжно и плавно. Оказывается, что мостовая только близъ вокзала, а далѣе идетъ самая натуральная грязь, мягкая, нѣжная, какъ вата, или перина». Эти строки были написаны болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, однако ни отцы города, ни земскіе дѣятели не озаботились и до сего времени привести дорогу въ удобопрѣзжій видъ.

Проѣхали по Московскоѣ улицѣ, на которой находится старый гостинный дворъ, взглянули на театръ, миновали Соборную улицу и Ильинскую площадь и остановились около собора. Двѣ названные улицы и третья—Астраханская, пересекающая Соборную—лучшія въ городѣ.

Успенскій соборъ—одинъ изъ лучшихъ храмовъ въ Россіи—стоитъ на высокомъ и обрывистомъ берегу рѣки Трубежа, недалеко отъ впаденія его въ Оку. Настоящій соборъ построенъ въ концѣ XVIII вѣка: онъ обширенъ, свѣтелъ, украшенъ хорошою иконописью. Широкая лѣстница ведетъ къ нему. Помолвившись передъ чтимыми иконами Переяславль-Рязанской и Федотьевской Божіей Матери о «спасеніи» меня «плавающего и путешествующаго», я вышелъ на балконъ, окаймляющій соборъ. Какой чудный видъ открывается съ этого балкона! Внизу на много верстъ раскинулась темно-зеленая долина нашей кондовой рѣки, усыпанная, словно грибами стогами, съна тихій Трубежъ вливаетъ свои воды въ быструю Оку; нѣтъ городъ скромный, провинціальный, а за нимъ сооруженія одной изъ самыхъ бойкихъ желѣзныхъ дорогъ; почти напротивъ постройки-карлики Рязанско-Владимирской желѣзной дороги и нѣсколько мачтъ стоящихъ на Окѣ судовъ. Картина мягкая, нервы успокаивающая...

Успенскій соборъ соединенъ балкономъ съ архіерейскимъ домомъ—древнимъ стильнымъ зданіемъ, бывшимъ теремомъ князей Рязанскихъ.

Рядомъ съ Успенскимъ соборомъ находится древній Архангельскій соборъ, служащій усыпальницей рязанскихъ митрополитовъ и архіепископовъ, въ томъ числѣ знаменитаго митрополита Стефана Яворскаго.

Спустившись отъ собора по отвратительной горѣ, мы покинули городъ и поѣхали по шоссе, проложенному по обширной рѣчной долинѣ. Подъѣхали къ пристани. Парохода у нея не оказалось.

— Эй, любезный,—крикнулъ извозчикъ:—аль пароходъ еще не пришелъ?

На пристани показался «любезный» въ разорванной рубахѣ и стоптанныхъ сапогахъ.

— Придетъ въ восемь часовъ, когда разведутъ мостъ.

— Развѣ пароходъ не пришелъ еще изъ Нижняго?—спросилъ я.

— Зачѣмъ изъ Нижняго? Изъ Нижняго онъ давно пришелъ, а теперь ушелъ на «Вѣтку» грузиться. Вы ѣзжайте туда, тамъ и сядете на пароходъ.

— А далеко до «Вѣтки»?

— Версты съ полторы будетъ.

Оказалось, что «Вѣткой» называютъ товарную пристань, къ которой проложена вѣтвь Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Я, конечно, предпочелъ отправиться на пароходъ, чѣмъ просидѣть четыре часа на скверной пристани.

Переѣхали черезъ разводной окскій мостъ и потащились по песчаной полосѣ лѣваго берега. Прямо у моста находится станція Рязанско-Владимірской узкоколейной желѣзной дороги.

— А гдѣ же вокзалъ?

— А вонъ,—указалъ извозчикъ на маленькій, деревянный, мерзкій домикъ, похожій скорѣе на закуту, чѣмъ на вокзалъ.—Да что, баринъ, вся эта дорога—одна грусть, рѣдкую недѣлю на ней не бываетъ несчастья.

У праваго берега у пристани стоялъ красивый бѣлый пароходъ «Елена», на который меня перевезъ лодочникъ.

«Елена»—новѣйшій пароходъ «пароходнаго общества наследниковъ А. В. Качкова»—совершала лишь третью навигацію. Пароходъ—американскаго типа, съ электрическимъ освѣщеніемъ, хорошенькимъ салономъ, прекрасно отдѣланными каютами. Кухню на немъ держитъ касимовскій татаринъ и держитъ ее, надо сознаться, образцово: такой кухни не имѣютъ даже нѣкоторые изъ лучшихъ волжскихъ пароходовъ. «Елена» построена по тому же типу, по какому построены и шесть другихъ пароходовъ общества, совершающіе ежедневные рейсы между Рязанью и Нижнимъ-Новгородомъ. По пассажирскому движенію это общество въ настоящее время является монополистомъ, такъ какъ фирмы Щербакова и Фанталова прогорѣли.

Качковскіе пароходы въ Рязани во время «стойки» служатъ мѣстомъ загородной прогулки для городскихъ компаній, которыя, какъ я лично убѣдился, умѣютъ здѣсь изрядно напиваться.

II.

Видъ Оки.—Льговскій монастырь.—С. Алканово.—Перекаты.—С. Вышгородъ.—Нефтяной кризисъ.—С. Троице-Паленица.—С. Старая Рязань.—Спаскъ.—Штормъ.—С. Киструсь.—С. Исады.—С. Шилово.—Тырновская слобода.

Въ 8 часовъ утра «Елена» отвалила отъ рязанской пристани.

Ока—узкая. Мели, перекаты, многочисленные острова... Мѣстами фарватеръ такъ узокъ, что пароходъ еле пробирается впередъ, а иной разъ кажется, что онъ вотъ-вотъ сядетъ кормою на берегъ. Вьется, извивается Ока; Рязань намъ видна то съ праваго борта,

то съ лѣваго, то съ кормы. Оба берега низки и довольно пустыньны; рѣдкія села на нихъ являются желанными оазисами.

Въ двадцати верстахъ¹⁾ отъ Рязани на правомъ повышенномъ берегу находится Льговскій (Ольговъ) Богородицкій-Успенскій женскій монастырь. Обнесенный каменною оградою, онъ производитъ впечатлѣніе тихой, благоустроенной обители. Красивая молодая рощица сбѣгаетъ къ рѣкѣ, а черезъ нее проложена удобная деревянная лѣстница. Ранѣе Ока протекала отъ монастыря на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень. Съ годами рѣка все болѣе и болѣе подмывала берегъ и теперь подошла уже подъ самый монастырь и грозитъ паденіемъ древнему Успенскому собору. По преданію, монастырь, древнѣйшій въ рязанской епархіи, былъ основанъ около 1220 года княземъ Ингваремъ Игоревичемъ въ благодарность за то, что Господь избавилъ его отъ гибели, которую готовили ему двоюродные его братья при с. Исадахъ. Рязанскіе князья Глѣбъ и Константинъ Владимировичи задумали одни завладѣть Рязанскимъ княжествомъ и поэтому рѣшили убить всѣхъ своихъ родственниковъ. Подъ предлогомъ княжескаго съѣзда они заманили въ село Исады родного брата Изяслава Владимировича и двоюродныхъ братьевъ Михаила Всеволодовича, Ростислава Святославовича и Глѣба и Романа Игоревичей; въ началѣ пира они набросились съ войсками на гостей и изрубили ихъ всѣхъ. Однако князья Ингваръ и Юрій Игоревичи, не поѣхавшіе на съѣздъ, остались живыми и подъ Рязанью разбили князя Глѣба, который послѣ того бѣжалъ въ половецкія земли, гдѣ и окончилъ жизнь, подобно Святополку Окаянному. Прошлое монастыря тѣсно связано съ исторіей Рязанскаго княжества и его князей, всячески поддерживавшихъ его. Послѣ разоренія татарами, великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ въ 1355 году возобновилъ монастырь, который съ тѣхъ поръ и носитъ имя своего возстановителя. Соборный Успенскій храмъ построенъ въ немъ около 1666 года на средства князя Михаила Ивановича Щетинина; въ немъ обращаетъ на себя вниманіе отчетливостью и ясностью ликовъ иконостасъ греческаго письма, существующій со времени основанія храма.

Подъ сѣнью святой обители покоится прахъ нашего симпатичнѣйшаго поэта, рязанскаго уроженца, Якова Петровича Полонскаго.

За монастыремъ лежитъ село Льгово (Ольгово).

Почти напротивъ села Льгова, на лѣвомъ берегу рѣки, при озерѣ Козарскомъ, расположено значительное село Алеканово, къ которому примыкаетъ богатое имѣніе извѣстнаго фабриканта В. А. Хлудова. Эта экономія славится своимъ образцовымъ луго-

¹⁾ По береговой дорогѣ до монастыря всего 13 верстъ.

Рязань. Успенскій соборъ.

вымъ хозяйствомъ: обширные заливные луга, осушенные канавами, подсеянные кормовыми травами, даютъ огромное количество сѣна, пресуемаго на собственномъ заводѣ и сбываемаго въ Москву.

— А скоро будетъ Вышгородъ?— спросилъ я официанта.

— Не можемъ знать.

Рязань. Разливъ Оки.

— А сколько лѣтъ плаваете по Окѣ?

— Плаваю шестую навигацію.

Спросилъ о томъ же одного, другого матроса, и они отозвались незнаніемъ. Обратился къ содѣйствію командира; тотъ оказался человѣкомъ свѣдущимъ.

— Вы будьте добры пожаловать къ намъ на верхнюю рубку, когда вамъ нужно будетъ получить какія-либо свѣдѣнія. Если меня не будетъ тамъ, то лоцмана вамъ все поразкажутъ.

— Да вѣдь у васъ, командиръ, выставлено объявленіе, воспрещающее пассажирамъ подниматься на командирскій мостикъ.

— Этимъ не смущайтесь. Если бы не было этого объявленія, то каждый полѣзъ бы туда. Каково бы было намъ тогда управляться съ пароходомъ! Будьте у насъ, пожалуйста, какъ дома,—прибавилъ любезный командиръ.

И во все время плаванія и командиръ и вся команда относились ко мнѣ съ замѣчательною предупредительностію.

Оба берега низки, пустынны: широкій разливъ весенней воды отдалилъ селенія отъ рѣки. Ока сильно обмелѣла. Съ командирскаго мостика постоянно слышится короткій свистокъ. На носу появляется матросъ съ шестомъ; «есть», кричитъ онъ и начинаетъ промѣръ: «девять, восемь, пять, семь, девять, девять, подъ—табакъ, не маячить». Благополучно миновали перекатъ.

На правомъ берегу раскинулось большое село Гаретово, съ красивымъ храмомъ. У села—прекрасная барская усадьба; отличный домъ окруженъ огромнымъ тѣнистымъ садомъ.

Верстахъ въ трехъ ниже названнаго села на томъ же берегу находится село Вышгородъ, бывшее въ старину городомъ Ожскъ. Но исторія не оставила здѣсь слѣдовъ. Будучи расположено на плоскомъ берегу, село имѣетъ унылый, сѣрый видъ; его даже мало украшаютъ два храма. Желѣзнодорожное полотно проложено почти по самому берегу рѣки. Въ селѣ находится станція того же имени Московско-Казанской ж. д., или извѣстной своимъ неблагоустройствомъ «Казанки».

Некрасивы и два рядомъ ниже лежація селенія—деревня Гавердова и село Польное, которыя пересѣкаются желѣзной дорогою. За послѣднимъ селомъ правый берегъ поднялся и покрылся некруною зарослью. Противъ села Польнаго изъ веселой рощицы выглядываетъ красивая дача рязанскаго купца-лѣсопромышленника.

«Тихій ходъ, задній ходъ», командуетъ въ рупоръ помощникъ командира, и «Елена» тихо пошла назадъ. Оказалось, что Полосскій перекатъ былъ занятъ буксирнымъ пароходомъ, съ трудомъ тащившимъ за собою нѣсколько баржъ. Еле-еле разошлись съ нимъ. А вдругъ за нимъ показался другой пароходъ съ удивительнымъ названіемъ «Потомственный крестьянинъ». Его мы уже совершенно прижали къ правому берегу.

Ока стала пошире. Верстѣ на пятнадцать до самаго села Троице-Паленицы оба берега низки, имѣють скучный, пустынный видъ.

Касимовъ. Видъ города и Окскаго моста.

— Почему мы такъ мало встрѣчаемъ буксирныхъ пароходовъ съ баржами? — спросилъ я у командира: — или уже они доставили весь грузъ на ярмарку, а теперь ждутъ новаго груза съ ярмарки?

— Какое тамъ. Почитай, и половина груза не доставлена на мѣста. Повѣрите ли, что большинство буксировъ уже теперь стало на зимовку. А знаете, кто въ этомъ виноватъ? Нобель и Ротшильдъ. Эти милые господа составили синдикатъ и, пользуясь своимъ монопольнымъ правомъ, подняли цѣну на нефть до той степени, когда пользование ею становится прямо невозможнымъ. Подумайте только—вѣдь за пудъ нефти мы теперь платимъ цѣлыхъ 22 копейки! Въ прежніе годы, если нефть поднималась въ цѣнѣ до 12 коп. за пудъ, судовладѣльцы и то вопили благимъ матомъ. У насъ, Качковыхъ, дѣло старое, насиженное, у хозяевъ хорошіе капиталы, а несмотря на все это и мы жестоко стонемъ. Ну, а судовладѣльцамъ съ среднимъ или малымъ капиталомъ, конечно, не подъ силу работать при такой безбожной цѣнѣ на топливо и поневолѣ пришлось имъ закрыть свои лавочки.

Когда же будутъ умѣрены аппетиты бакинскихъ монополистовъ? Вѣдь волжскому судоходству, дѣйствительно, грозитъ близкая смерть.

Расположенное на правомъ берегу село Троице-Паленица вы узнаете по новому большому красному храму. Село, некрасивое по виду, довольно значительно и имѣетъ нѣкоторое торгово-промышленное значеніе; оборотъ его сѣно-прессовальнаго завода достигаетъ до 25 тысячъ рублей въ годъ. У села находится станція Московско-Казанской ж. д., недавно переименованная въ Ясаково. Отъ Троице-Паленицы есть паромная переправа черезъ Оку, отъ которой идетъ на семь верстъ большакъ въ городъ Спасскъ. А по Окѣ отъ села до города цѣлыхъ тридцать верстъ.

Опять безлюдные, низкіе берега.

Наконецъ-то лѣвый берегъ на нѣсколько верстъ покрылся молодымъ, свѣжимъ лѣсомъ. И на правомъ берегу показался лѣсъ. Сразу стало весело, отрадно.

— Вотъ здѣсь отецъ нажилъ капиталъ—сводилъ у барина лѣсъ по сорока цѣлковыхъ за десятину,—повѣствовалъ одинъ кулакъ другому:—а теперь тошно смотрѣть на этакую мерзость—такъ, какая-то гадость произрастаетъ.

Все впечатлѣніе испортилъ этотъ милый культуртрегеръ...

Въ восьмидесяти верстахъ отъ Рязани на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по правому повышенному берегу тянется рядъ селеній. Большой оврагъ отдѣляетъ село Шатрище отъ села Старая Рязань, бывшаго когда-то городомъ. Нынѣшняя Рязань до начала XVIII вѣка называлась Переяславлемъ Рязанскимъ въ отличіе отъ древнѣйшей Рязани (Старой). Послѣдняя—по времени возникновенія одинъ изъ первыхъ русскихъ городовъ и въ лѣтописяхъ уже упоминается подъ 1096 г. Крупную историческую роль сыграла Рязань въ 1237 году, во время нашествія Батыя, принявъ на себя первые удары грозныхъ татарскихъ полчищъ. Въ пре-

Касимовъ. Набережная.

красной поэмѣ «Евпатій Коловратъ» Мей такъ описываетъ это событіе:

И нахлынули орды поганья
 На Рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ,
 Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
 И людей изрубили безъ жалости,
 И пошли на Рязань. Сутокъ съ четверо
 Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
 А на пятые сутки ордынцы проклятыя
 Ворвались-таки въ городъ по дѣвницамъ.
 Сквозь проломы кремлевской стѣны и сквозь поляны;
 Ворвались и въ церковь соборную,
 Тамъ убили княгиню великую
 Со снохами ея и съ княгинями прочими,
 Перебили священниковъ, иноковъ;
 Всенародно дѣвицы осквернили и инокинъ;
 Храмы Божьи, дворы монастырскіе
 Всѣ пожгли, городъ предали пламени,
 Погубили мечомъ все живущее,
 И свершилось по слову Батыеву:
 Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталось...
 Плакать некому было и не по комъ.
 Все богатство рязанское было разграблено,
 И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище.

Послѣднимъ рязанскимъ княземъ былъ Ѳеодоръ Васильевичъ, который, умирая, завѣщалъ свой удѣлъ своему дядѣ, великому князю московскому Ивану III Васильевичу. Съ той поры Старая Рязань утратила всякое значеніе.

Старая Рязань въ былое время была обнесена валомъ, слѣды котораго находятся и понынѣ. Въ 1822 году Калайдовичемъ были найдены на берегу Оки два обширныхъ кургана, образовавшіеся отъ разрушившихся каменныхъ зданій. Около одного кургана были найдены древнія княжескія бармы, что указываетъ на нахожденіе здѣсь ранѣе княжескаго дворца. Въ 1836 году одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ археологомъ Тихомировымъ, причемъ оказалось, что на этомъ мѣстѣ былъ древній храмъ, въ которомъ, по освобожденіи его отъ мусора, были найдены восемь каменныхъ гробницъ, заключавшихъ кости, очевидно, погибшихъ при нашествіи Батяи рязанскихъ князей и княгинь. На этомъ мѣстѣ въ настоящее время стоитъ часовня, видимая съ палубы парохода.

Въ селѣ или урочищѣ Старой Рязани находится прекрасная усадьба помѣщика Стерлигова; отъ стариннаго каменнаго стильнаго дома къ Окѣ спускается густой тѣнистый садъ.

Отъ Старой Рязани «Елена» сдѣлала крутой поворотъ и вошла въ Старорѣчье—протокъ, соединяющій Оку съ озеромъ Спасскимъ, на берегу котораго находится уѣздный городъ Спасскъ.

— Трави кормовую, травы, говорятъ тебѣ, отдай чалку,—командуетъ помощникъ командира. Празъ. Пароходъ бортомъ такъ сильно ударился о пристань, что вся она затрещала.

Касимовъ. Вознесенскій соборъ.

— Эхъ, Александръ Ивановичъ, сколько разъ говорилъ я тебѣ,—сказалъ командиръ своему помощнику:—что пока не разобьешь въ лоскъ пристани три, не научишься до тѣхъ поръ хорошо приставать. Разбивалъ бы ихъ уже поскорѣе.

На пристани красуется безграмотная вывѣска «Г-дѣ Спаск.». Городъ, или, вѣрнѣе сказать, городишко стоитъ на низкомъ песчаномъ берегу и съ парохода плохо виденъ. Мощенныхъ улицъ въ немъ нѣтъ—всѣ онѣ буквально тонуть въ песокъ. Торгово-промышленнаго значенія онъ не имѣетъ.

— Нѣтъ, нашъ городокъ ничего себѣ, жить можно: сломается у васъ карета, есть кому ее починить; нужно вамъ сдѣлать порядочный столъ или стулъ, опять есть къ кому обратиться. А наша соборная колокольня самая высокая во всей губерніи,—хвастался мнѣ мѣстный обыватель.

Правъ или нѣтъ послѣдній, я не знаю, но соборная колокольня въ городѣ, дѣйствительно, очень высока.

Въ писцовыхъ книгахъ Старо-Рязанскаго стана Спасскъ упоминается подъ 1629 и 1630 г.г. въ качествѣ монастырской вотчины «Васкиной Поляны село Спасское тожъ».

На версту за Старою Рязанью правый берегъ высокъ, изрытъ глубокими оврагами, почти лишень растительности,

Затишье передъ бурей... Надъ рѣкою туча нависла. Сначала мелкій дождь, потомъ крупный, наконецъ ливень разразился надъ нами. Поднялся вѣтеръ, который скоро перешелъ въ штормъ. Задрожала наша «Елена», затрепали тонкія переборки каютъ, въ салонѣ вѣтеръ воегъ, словно въ какой-нибудь избушкѣ въ жестокую зимнюю вьюгу. Сѣренкіе, плоскіе берега... Унылая, тоску наводящая картина. Къ счастью, буря скоро пронеслась, среди разорвавшихся тучъ показалось солнышко.

Два храма села Киструса видны издалека. Это село одно изъ значительнѣйшихъ въ Спасскомъ уѣздѣ, имѣетъ до 5 тысячъ жителей, нѣсколько лавокъ, грузить на пристани значительное количество лѣсного матеріала.

Опять страшно крутится, извивается Ока; то бросится на правый берегъ, то на лѣвый. Руль отчаянно работаетъ, поворачивая «Елену» почти подъ прямымъ угломъ. Мы идемъ дугою, огибающею возвышенность, на которой стоитъ Старая Рязань, въ виду села Исадъ. Впереди огромный исадскій перекать. Навстрѣчу намъ съ трудомъ тащится буксирный пароходъ съ баржами; разойтись съ нимъ на такомъ мелкомъ мѣстѣ не представлялось возможности, и «Еленѣ» снова пришлось итти заднимъ ходомъ, потерявъ на это добрыхъ четверть часа.

Село Исады, высоко расположенное на правомъ берегу, едва ли не самое красивое мѣсто на Окѣ ниже Рязани. Среди великолѣпнаго сада стоитъ прекрасный домъ помѣщика Кожина, а близъ усадьбы находится храмъ, построенный предками нынѣшняго владѣльца. Для улажденія взоровъ обитателей этого идиллическаго уголка и противоположный лѣвый берегъ здѣсь чрезвычайно красивъ.

— Эй, рыжий, давай свистокъ,—сказалъ помощникъ командира лодману:—развѣ не видишь, что намъ съ балкона машутъ?

Раздался многократный свистокъ; молодежь еще усерднѣе замахала платками.

Касимовъ. Базарная площадь.

О кровавой драмѣ, разыгравшейся въ 1217 г. на исадскихъ поляхъ, было говорено выше. Въ былые дни это село принадлежало Ляпуновымъ, изъ рода которыхъ вышелъ знаменитый Про-

кофій Ляпуновъ. По мѣстному преданію, въ стѣнахъ древняго храма села замурованы кожаныя деньги для возобновленія храма.

Исады (или исадъ) въ старину было нарицательнымъ названіемъ для рыболовныхъ поселковъ, рѣчныхъ пристаней, отмелей, на которыхъ ловилась рыба.

Небо совершенно чисто. Ока не шелохнется. Правый повышенный берегъ, покрытый кустарникомъ, красиво отражается въ водѣ, освѣщаемой склоняющимся къ западу солнцемъ. У берега бабы полощутъ бѣлье, а десятки ребятишекъ весело барахтаются въ водѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая набѣга волнъ, разведенныхъ парходомъ. Тихая, мирная картина.

Рядъ селеній тяготеетъ къ большому и богатому селу Шилову, находящемуся на правомъ берегу рѣки у желѣзнодорожной станціи. Въ древности на мѣстѣ Шилова стоялъ городъ того же имени. Во вторую половину истекшаго столѣтія шиловская пристань имѣла чрезвычайно важное значеніе для мѣстнаго района: находясь въ центрѣ крупныхъ имѣній, принадлежащихъ помѣщикамъ и разнымъ господамъ Колупаевымъ, эта пристань грузила болѣе 1½ милліона пудовъ хлѣба. Но въ послѣдніе годы «Казанка» большинство грузовъ перетянула къ себѣ.

Въ верстѣ ниже Шилова на томъ же берегу стоитъ среди прекрасной рощицы изящный барскій домъ-дача г. Полунина, принадлежавшая ранѣе г. Колемину, который въ эпоху освобожденія крестьянъ владѣлъ въ Спасскомъ уѣздѣ 20 тысячами десятинъ земли.

Веселая, свѣжая заросль покрыла оба берега. Ока стала замѣтно шире и въ то же время значительно выпрямилась.

Около 9 часовъ вечера «Елена» имѣла остановку у Тыриновской свободы. Намъ видны были хорошіе, зажиточные дома селенія, утопающаго въ садахъ. Слобода имѣетъ около 3½ тысячъ жителей и нѣсколько лавокъ; пристань ея грузитъ до 100 тысячъ пудовъ, главнымъ образомъ лѣсныхъ матеріаловъ.

Теплая, тихая ночь. На небѣ ни облачка. Полная луна красиво отражается въ зеркальной поверхности заснувшей рѣки; ея лучи разсыпаются на зыби, образуемой движеніемъ парохода, на тысячи блестящихъ, разноцвѣтныхъ точекъ. Съ береговъ несется чудный ароматъ отъ стоженнаго сѣна. Торжественная тишина великолѣпной ночи нарушалась лишь непрерывной работой парходнаго винта и пѣніемъ касимовскаго купчика, несшимся изъ одной каюты.

«Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрмѣ моей темно...»

вопилъ касимовскій Шаляпинъ до тѣхъ поръ, пока его вокальные порывы не были умѣрены командиромъ парохода.

Касимовъ. Техническое училище.

III.

Касимовъ.—Соборная площадь.—Большая улица.—Памятники татарской старины.—Соборъ.—Мѣстные производства.—Касимовцы на заработкахъ.—Историческая справка.

Около 5 часовъ утра мы подходили къ Касимову. По лѣвому берегу среди массы садовъ живописно раскинулся городъ. Передъ нимъ въ лѣсу расположены дачи, принадлежащія главнымъ образомъ татарамъ, а у самаго города стоитъ большая льнопрядильная фабрика Зайцева. Оба берега высоки, покрыты отличнымъ лѣсомъ и чрезвычайно красивы. Пароходъ у Касимова обыкновенно стоитъ два-три часа, т. е. столько времени, сколько нужно туристу для ознакомленія съ городомъ.

Поднявшись въ гору, мы приѣзжаемъ на Соборную площадь, на которой находятся соборъ, старинный гостиный дворъ и огромное, старинное, архитектурное зданіе земства, въ которомъ помѣщаются, кромѣ земской управы, земская аптека, камера городского суда и «Семейный кружокъ».

Отъ площади идетъ лучшая въ городѣ улица—Большая, прекрасно вымощенная, съ асфальтированными тротуарами. На ней помѣщаются вполне приличные магазины и въ прекрасномъ большомъ зданіи среднее техническое училище.

За Большой улицей расположена татарская часть города, обстроенная хорошенькими домиками, утопающими въ садахъ.

На границѣ татарской части, надъ Окою, стоятъ мечеть и минаретъ, построенные царевичемъ Касимомъ. Возлѣ мечети за рѣшеткою находится обширная текія (мавзолей), въ которой похороненъ, по выраженію моего извозчика, «хозяинъ» города, царевичъ Касимъ.

Напротивъ города, прямо за окскимъ мостомъ, разбитъ небольшой садъ, въ которомъ пріютился ресторанъ. Это—«Острова» для касимовскимъ обывателей. Вдали виденъ лѣсъ, въ которомъ устроила себѣ дачи русская часть городского общества.

Вознесенскій соборъ построенъ сравнительно недавно на мѣстѣ сгорѣвшаго древняго храма. Онъ обширенъ и богато отдѣланъ; въ немъ хранится евангеліе, напечатанное въ 1644 г.

Касимовъ издавна славится своею кожей и издѣліями изъ нея; касимовскіе тулупы и обувь расходятся по всей Россіи; не менѣе извѣстны и касимовскіе колокольчики.

Многіе татары уходятъ на заработки въ столицы и другіе города. Кто не знаетъ многочисленныхъ Абдуловъ и Аслановъ, отлично прислуживающихъ въ ресторанахъ или содержащихъ прекрасные буфеты на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти «князья» на «отхожихъ промыслахъ» скапливаютъ кругленькіе капиталы,

которые цѣликомъ переводятъ въ свой родной Касимовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прїѣзжающихъ лѣтомъ въ отпускъ на парохо-

Касимовъ. Татарская мечеть.

дахъ въ первомъ или второмъ классѣ, у пристани встрѣчаютъ кровные рысаки въ экипажахъ на резиновыхъ шинахъ.

Вотъ краткая біографія Касимова, лучшаго города Рязанской губерніи. Онъ былъ основанъ въ 1152 г. великимъ княземъ суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ и назывался Городцомъ, а по окрест-

ному населенію—Мещерскимъ Городцомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, именно здѣсь, а не въ Городцѣ на Волгѣ, скончался 14 ноября 1263 г. Александръ Ярославовичъ Невскій, который, возвращаясь изъ Орды, остановился тамъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, принялъ схиму въ несуществующемъ нынѣ Богоявленскомъ мужскомъ монастырѣ. Въ 1376 г. Городецъ былъ разоренъ татарами. Впослѣдствіи городъ былъ возобновленъ. Въ 1452 г. онъ былъ пожалованъ въ удѣлъ ордынскому царевичу Касиму, чѣмъ положено было начало Касимовскому царству, а городъ получилъ имя Касимова. Послѣдствіемъ отдачи Городца Касиму было поселеніе въ немъ большого числа татаръ, шедшихъ къ то время уже охотно на русскую службу.

При послѣдней касимовской царицѣ Фатимѣ-Султанѣ городъ былъ присоединенъ къ вѣдомству приказа Казанскаго дворца, а послѣ ея смерти (около 1681 г.) сталъ управляться на общемъ основаніи.

Отваливъ отъ городской пристани, «Елена» опшвартовалась у товарной пристани, у фабрики Зайцева. Здѣсь мы сдали большую часть груза, взятаго въ Рязани.

«Бери, поидеть, поидеть», «бери, поидеть, поидеть, — пошла», пѣли эту своеобразную пѣсенку крючники, выкатывая изъ трюма бочки съ сахаромъ и тюки хлопка.

IV.

Видъ Оки.—С. Балушевы Починки.—Перекать Каменка.—Пристань Ватажки.—Р. Мокша.—Елатъма.—С. Досчатое.—Выксунскіе заводы.—Ока-Липня.—Муромъ и с. Карачарово.—Ночной инцидентъ.

Ока широка. Это уже не та узкая, извилистая рѣка, по которой мы плыли вчера. То правый берегъ поднимается, то лѣвый; то на одномъ берегу покажется лѣсокъ, то на другомъ и скраситъ тамъ пустынность берега.

Село Балушевы Починки, у котораго пароходъ имѣетъ первую остановку послѣ Касимова, находится на высокомъ правомъ берегу, покрытомъ обширнымъ густымъ лѣсомъ. Особенно красивый видъ открывается намъ черезъ нѣсколько минутъ хода послѣ села: на лѣвомъ берегу на огромное пространство раскинулся боръ, красавицы-сосны рѣзко выдаются, благодаря песчанымъ отмелямъ.

Впереди рядъ Толстиковскихъ острововъ, сильно затрудняющихъ пароходство; «Елена» тихо и осторожно лавируетъ между ними.

Верстахъ въ десяти ниже Балушевыхъ Починковъ, на лѣвомъ берегу рѣки лежитъ село Щербатовка, пристань котораго грузитъ до 200 тысячъ пудовъ.

— Сейчасъ будетъ Каменка; пойдѣмте на носъ смотрѣть ее,—
позвалъ меня командиръ.

Каменка — знаменитый окскій перекалъ, являющійся самымъ опаснымъ по всей Окѣ мѣстомъ для судоходства. Этотъ перекалъ въ сущности каменная гряда, представляющая словно отполированную плиту, ширина которой достигаетъ здѣсь, какъ мнѣ говорили, до восемнадцати сажень. Изъ воды кое-гдѣ торчатъ огромные камни; вода около нихъ бурлитъ, словно кипитъ въ котлѣ. «Елена» тихо, съ трудомъ пробирается между ними, соображая свой ходъ съ рядомъ бакеновъ, разставленныхъ здѣсь. На берегу сложены большіе валуны и цѣлыя кучи мелкаго камня, получае-

Касимовъ. Татарская текія.

маго отъ дробленія гряды почти непрерывно работающею здѣсь машиною. Каменка и по внѣшнему виду и по той опасности, которую она представляетъ для судоходства, сильно напоминаетъ знаменитый порогъ — переборъ, по мѣстному выраженію, — Споки на р. Сухонѣ въ 60-ти верстахъ выше Великаго Устьяга.

— Отчего бы, командиръ, не взорвать Каменку динамитомъ? Вѣдь такимъ способомъ сразу очистили бы весь фарватеръ рѣки.

— Объ этомъ уже было и говорено и писано не мало. А инженеры все-таки продолжаютъ находиться въ недоумѣніи. Нечего, конечно, и говорить, что взрывъ такой огромной гряды стоилъ бы очень большихъ денегъ. А принесло ли бы это дѣлу пользу, вопросъ очень сомнительный. Дѣло въ томъ, что здѣсь уже нѣсколько лѣтъ

усердно работаетъ дробильная машина, и замѣчено, что чѣмъ болѣе она раздробляетъ гряду, тѣмъ менѣе становится воды выше ея. Слѣдовательно, есть основаніе опасаться, что съ совершеннымъ уничтоженіемъ переката Ока выше его настолько обмелѣетъ, что тамъ придется прекратить пароходство.

Дѣйствительно, не легко разрѣшить такую дилемму.

— Если бы вы знали,—добавилъ командиръ:—сколько муки тернимъ мы здѣсь въ низкую воду. Несмотря на то, что тогда мы по большей части паузимся, прямо дрожншь за судьбу парохода. Поневолѣ перекрестншься, какъ пройдешь благополучно это проклятое мѣсто.

Опять невысоки оба берега и совершенно пустынные; вдали тянутся почти непрерывные лѣса. Ока снова дѣлаетъ огромную излучину.

Въ «Официальномъ указателѣ» въ расписаніи пароходства по Окѣ пристань Ватажка отпечатана жирнымъ шрифтомъ. Поэтому я ожидалъ увидѣть здѣсь по меньшей мѣрѣ крупное торговое селеніе. И каково же было мое удивленіе, когда «Елена» ошвартовалась у жалкой пристани или «конторки» ¹⁾, одиноко приткнутой къ унылому, плоскому берегу, на которомъ нѣтъ ровно никакого селенія. Отъ Ватажки идетъ стоверстный путь въ Саровскую пустынь, впрочемъ, много менѣе проторенный, чѣмъ черезъ городъ Арзамасъ. Суровый, безжизненный берегъ, громада чернѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ—хорошее преддверіе для путешествія въ обитель святаго аскета-монаха. У пристани стоитъ десятокъ ямщиковъ съ такими удобными тарантасами, которые на первой же верстѣ заставятъ васъ заплакать объ утратѣ того комфорта, которымъ вы пользовались на пароходѣ.

Пароходъ далъ уже два свистка, когда по дорогѣ отъ Сарова показалась скачущая взмыленная пара лошадей съ тарантасомъ, въ которомъ сидѣлъ батюшка. Третій свистокъ... «Отдай кормовую; отдай сходни», командуетъ помощникъ командира. А въ это время батюшка всталъ въ тарантасѣ и замахалъ шляпой. Усмотрѣлъ эволюціи бѣднаго батюшки помощникъ командира и вновь присталъ къ пристани. Увидавъ это, батюшка выскочилъ изъ тарантаса, схватилъ чемоданчикъ и бросился бѣжать къ пристани. Но и тутъ не повезло ему: на бѣгу вѣтеръ сдулъ ему шляпу—пришлось еще ее ловить. Систематическое запаздываніе пароходовъ приучило и пассажировъ систематически опаздывать на пристани.

Названіе пристани произошло отъ слова «ватага» ²⁾. Близость слиянія Мокши съ Окою вполне оправдываетъ такое названіе мѣста, гдѣ естественно можетъ быть становище рыбаковъ. Мокша впа-

¹⁾ Пристани на Волгѣ и Окѣ называются «конторками».

²⁾ Пристань эта еще носитъ названіе Саватѣевой.

даетъ въ Оку справа въ 330 верстахъ отъ Рязани; съ парохода слиянія рѣкъ не видно, такъ какъ Мокша впадаетъ, по мѣстному выраженію, въ «старицу» Оки. Въ былое время эта рѣка славилась раками.

Опять однообразные, скучные, незаселенные берега...

Въ трехъ верстахъ выше Елатымы, на томъ же лѣвомъ берегу стоитъ древнее село Адрианова Пустынь, гдѣ въ XVI вѣкѣ былъ основанъ мужской монастырь, просуществовавшій около полутора ста лѣтъ. Передъ городомъ берегъ Оки представляетъ большой интересъ въ геологическомъ отношеніи: здѣсь онъ прорѣзывается большимъ оврагомъ, въ которомъ обнажаются юрскіе пласты со

Касимовъ. «Острова».

множествомъ аммонитовъ, белемнитовъ и грифей. На этотъ оврагъ, по его оригинальности, не можетъ не обратить вниманія туристъ.

Полагаю, что ни одинъ елатомецъ, какъ бы онъ ни любилъ свой городъ, не дерзнетъ сказать про Елатьму не только, что она не «Москвы уголокъ», но даже, что она и не уголокъ Тамбова.

Елатьма (Елатомъ) въ первый разъ упоминается въ 1381 г. въ договорной грамотѣ между Дмитріемъ Донскимъ и Олегомъ Рязанскимъ. Городъ былъ основанъ мещеряками и мордвою и приобрѣтенъ московскими великими князьями покупкою у мещерскаго князя Александра Уковича. Городъ очень не великъ и не важенъ; ни торговаго, ни промышленнаго значенія онъ не имѣетъ, если, впрочемъ, не считать нѣсколькихъ мельницъ, вырабатывающихъ

«истор. вѣстн.», июль, 1907 г., т. six.

16

замѣчательную по своей бѣлизнѣ муку, извѣстную подъ именемъ елатомской и сбываемую въ Москву. Масса садовъ очень красить городъ и даетъ ему чудный воздухъ. Въ Елатъмѣ есть мужская гимназія.

За городомъ у села Иванчина находится скверный иванчинскій перекалъ. Послѣ Елатьмы лѣвый берегъ на много верстъ чрезвычайно красивъ — онъ высокъ, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ; въ то же время правый берегъ низокъ и голъ — лѣса его отошли далеко отъ рѣки.

На лѣвомъ берегу стоитъ людное село Дмитріевы Горы, за которымъ Ока на версту совершенно выпрямляется. О происхожденіи названія села на пароходѣ мнѣ никто не могъ объяснить.

Долина рѣки сильно расширилась; оба берега упали. У большой излучины Оки на лѣвомъ берегу находится значительное село Ляхи, у пристани котораго, не обозначенной въ расписаніи, пароходъ имѣлъ остановку.

Передъ селомъ Досчатымъ Ока суживается и дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ излучинъ. Село красиво расположено по правому берегу. Въ немъ находится Досчатинскій желѣзодѣлательный заводъ, который выдѣлываетъ листовое желѣзо и производитъ котлы, кастрюли, лопаты и пр. Этотъ заводъ принадлежитъ къ группѣ знаменитыхъ Выксунскихъ заводовъ, основателями которыхъ были въ концѣ XVIII вѣка братья Баташевы изъ Тулы. Въ настоящее время это огромное предпріятіе принадлежитъ акціонерному обществу Выксунскихъ заводовъ, владѣющему здѣсь болѣе 100 тыс. дес. земли. Центръ управленія находится въ селѣ Выкѣ, отстоящемъ отъ Оки въ двѣнадцати верстахъ, а по сосѣдству съ заводами стоитъ богатый Иверскій женскій монастырь, въ которомъ подъ сѣнью вѣковыхъ Муромскихъ лѣсовъ спасаются 600—700 инокинь. Отъ Досчатинскаго завода къ Выкѣ идетъ конножелѣзная дорога.

Послѣ часового хода отъ Досчатого пароходъ подходилъ къ Окѣ-Липни, расположенной почти напротивъ Мурома. Отъ этой пристани на протяженіи тридцати верстъ идетъ подѣздной желѣзнодорожный путь къ извѣстному Кулебакскому чугуноплавильному и сталелитейному заводу, принадлежащему акціонерному обществу коломенскихъ заводовъ.

По лѣвому высокому берегу красиво раскинулся древній Муромъ. Озаряемые луною, ярко сіяютъ кресты и купола его восемнадцати храмовъ. Повсюду видны сады.

— Командиръ, долго простоишь у Мурома?

— Нѣтъ. Стойки не будетъ, т.-е. только спустимъ пассажировъ, примемъ новыхъ и сейчасъ же отвалимъ.

Мнѣ было крайне обидно, что не представилось возможности ознакомиться съ этимъ интереснымъ историческимъ городомъ.

Касимовъ. Ледоходъ на Олѣ.

Въ двухъ верстахъ выше Мурома находится знаменитое древнее село Карачарово, которое, по словамъ былинь, было родиною Ильи-Муромца.

«Изъ того ли то изъ города Муромля,
Изъ того села же да Карачарова
Выѣзжалъ удаленькій дородній добрый молодець,
Еще старый казакъ да Илья Муромецъ».

Археологическія изысканія и раскопки, предпринятія здѣсь графомъ Уваровымъ, повели къ открытію различныхъ остатковъ доисторическихъ временъ; между прочимъ здѣсь были найдены кости мамонта и древнія палеолитическія кремневые орудія.

Въ Муромѣ мы приобрѣли свѣжія газеты. Цѣлыхъ два дня мы были отрѣзаны отъ міра, цѣлыхъ два дня мы не знали, что творится на бѣломъ свѣтѣ. И это въ то время (іюль 1905 г.), когда Россія переживала глубоко-историческій моментъ своей исторіи. Но я долженъ сознаться, что за эти два дня я отдохнулъ душою, не читая о всѣхъ ужасахъ и тревоженіяхъ, которымъ была подвержена наша бѣдная страна.

— Ну, что, тяга на полицейскихъ все продолжается?—спрашиваетъ одинъ пассажиръ другого, читающаго московскую газету.

— Да. Въ Лодзи ранили околоточнаго надзирателя, а въ Бѣлостокѣ убили городского.

— Такъ. Значитъ все попрежнему. А не пишутъ объ образованіи новой комиссіи изъ сановниковъ песочнаго возраста, носящихъ бѣлые штаны, для выработки проекта о томъ, сколько пуговицъ дать на брюки коллегскимъ регистраторамъ и сколько дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ?—острилъ первый пассажиръ.

Ночью я проснулся отъ тревожныхъ свистковъ. Пароходъ тихо двигался, а потомъ остановился. Отдернувъ шторку, я увидѣлъ, что мы стоимъ около «Сосуна» ¹⁾, а вблизи его стоитъ буксирный пароходъ съ баржею.

— Ахъ, ты св. . . . . этакая,—гремѣлъ съ мостика нашъ командиръ,—с. . . ты сынъ. Какъ ты смѣешь дѣлать такія пакости. Изъ-за тебя, подлеца, я могу пароходъ изувѣчить.

— Право, я не виноватъ, Василій Ивановичъ,—неся умоляющій голосъ съ буксира:—никакъ не справлюсь съ перегруженной баржею.

— Врешь, скотина, развѣ я не вижу, какъ она у тебя мелко сидитъ: небось одну бочку съ тухлыми селедками везешь. Я вотъ завтра донесу на тебя въ Нижнемъ кому слѣдуетъ.

И долго еще продолжались эти милые переговоры.

¹⁾ Землечерпательная машина.

V.

Видъ Оки.—Рѣка Клязьма.—Горбатовъ.—Красивая мѣстность.—Селеніе Черное.—Дачи.—Вѣтвь Московско-Казанской жел. дороги.—Приходъ въ Нижній-Новгородъ.

Благодаря ночному «конфликту», происшедшему между нашимъ пароходомъ и буксиромъ и прервавшему сонъ, я на другое утро проспалъ и вышелъ на палубу уже тогда, когда «Елена» отвалила отъ села Павлова.

Картина Оки и ея береговъ была великолѣпна: передъ нами катилась могучая, широкая, полноводная рѣка; правый очень высокій берегъ круто обрывается къ водѣ, крупный или мелкій лѣсъ, покрывающій его, особенно рельефно выдѣляется на красноватомъ фонѣ этого берега; лѣвый берегъ низкій.

Нижній-Новгородъ. Вокзалъ-Московско-Казанской ж. д.

— Однако вы, командиръ, здорово ругаетесь, — сказалъ я ему утромъ, здороваясь съ нимъ.

— Или слышали ночную исторію?

— Какъ было не слышать, когда у васъ шла такая перепалка.

— Какъ съ ними, подлецами, и не ругаться. Произошло это на Сапунскомъ перекатѣ. Команда буксира не зажгла сигнальныхъ фонарей, а сама заснула и застряла на перекатѣ. Если бы не было луны, непременно мы налетѣли бы на него.

Вдали виденъ Абабковскій Никольскій монастырь, основанный въ началѣ прошлаго столѣтія купцами Акинфіевыми. Въ обители стоитъ новый большой храмъ.

На 575 верстѣ отъ Рязани и на 75 верстѣ отъ Нижняго среди низкихъ береговъ, покрытыхъ зарослью, въ Оку слѣва впадаетъ р. Клязьма. Устье ея довольно широко. Пароходство по ней совер-

шается лишь на протяженіи верстъ 25, до знаменитой слободы Холуя, стоящаго почти при слияніи Клязьмы съ р. Тезою.

Вокругъ парохода закружились вѣстники близкой Волги—чайки.

Издали виденъ Горбатовъ. Онъ расположенъ на правой внутренней сторонѣ излучины Оки, такъ что мы подходимъ къ нему, какъ бы огибая его. Городъ расположенъ по склону огромной возвышенности (280 фѳут. надъ уровнемъ рѣки), онъ весь въ садахъ и чрезвычайно живописенъ. Мѣстность, занимаемая нынѣ городомъ, принадлежала ранѣе князю Андрею Михайловичу Горбатову-Шуйскому, стяжавшему себѣ въ исторіи недобрую память. Послѣ смерти великаго князя Василя Іоанновича этотъ князь однимъ изъ первыхъ, «по наущенію діавола», затѣялъ крамолу противъ правительницы Елены и малолѣтняго великаго князя. Сосланный Еленой, онъ возвратился изъ ссылки уже послѣ ея смерти. Будучи псковскимъ намѣстникомъ, князь Шуйскій, по словамъ лѣтописца, «былъ свирѣпъ, какъ левъ, а люди его какъ звѣри дикіе до христіанъ», и «дѣла его были злы на пригородахъ». По возвращеніи изъ ссылки онъ сталъ во главѣ боярскаго правленія. Озлобленный боярами и рано наученный ими всевозможнымъ жестокостямъ, тринадцатилѣтній Іоаннъ Грозный началъ свое самостоятельное правленіе съ страшной казни боярскаго главы: онъ приказалъ схватить князя Горбатова-Шуйскаго и отдалъ его своимъ псарямъ, которые и убили его, волоча по тюрьмамъ. Въ 1565 г. эта мѣстность была пожалована суздальскому Спасо-Евфиміевскому монастырю. Ранѣе тутъ была деревня Мещерская-Поросль, переименованная въ 1672 г., съ построеніемъ въ немъ храма, въ село Горбатово. Черезъ сто пять лѣтъ послѣ этого село было преобразовано въ уѣздный городъ.

Горбатовъ, имѣющій въ настоящее время около 4 тыс. жителей, является значительнымъ центромъ торговли пенькою, веревками и канатами.

Верстахъ въ 18 ниже Горбатова, на склонѣ праваго берега, среди лѣса стоитъ обширная изящная дача нижегородскаго богача Руковишникова. Внизу находится хорошенькая пристань «Подвязье». А далѣе стоитъ оригинальный по виду Дудинскій монастырекъ, обнесенный оградой; его небольшой храмъ еле виденъ изъ-за верхушекъ деревьевъ. Вся эта мѣстность удивительно красива. Здѣсь находятся богатые залежи алебастра, которыя до сихъ поръ не разрабатываются.

По лѣвому низкому берегу у самой рѣки длинной полосой протянулось селеніе Черное, въ которомъ находится станція Московско-Нижегородской жел. дороги, недавно переименованная въ Растяпино. Намъ видно много хорошихъ домовъ. Населеніе здѣсь весьма зажиточно: имѣя ничтожный надѣлъ земли, да при томъ, благодаря пескамъ, совершенно не хлѣбородный, почти все муж-

ское населеніе служитъ на Волгѣ матросами, лоцманами и капитанами на буксирныхъ пароходахъ. За желѣзнодорожнымъ полотномъ на большое пространство тянется чудный казенный сосновый лѣсъ, въ которомъ нижегородскій beau monde построилъ не мало дачъ. За селеніемъ находятся алебастровые заводы. Было бы болѣе правильно это селеніе называть Черными Выселками, такъ какъ оно основано выходцами изъ села Чернаго, находящагося на версту ниже.

За Чернымъ Ока дѣлаетъ крутую излучину налѣво, затѣмъ направо и подходитъ къ значительному селу Дуденеву, которое находится собственно въ затончикѣ у подножья очень высокаго праваго берега.

Нижній-Новгородъ. Сліяніе Оки съ Волгой.

— Больше остановокъ не будетъ, — сказалъ командиръ: — до Нижняго остается менѣе сорока верстъ, часа черезъ три будемъ тамъ. Вы, кажется, ѣдете на Волгу?

— Да.

— Оставайтесь у насъ ночевать. Мы уйдемъ изъ Нижняго завтра, въ 11 часовъ утра. Вы и побудьте у насъ до отвала.

Я поблагодарилъ милого командира, но воспользоваться его гостепріимствомъ отказался, такъ какъ для меня была уже готова каюта на меркурьевскомъ пароходѣ.

По правому берегу непрерывно идутъ дачи. Дѣйствительно, трудно выбрать болѣе подходящее мѣсто для дачъ, чѣмъ именно эта мѣстность: нагорный берегъ, сплошной тѣнистый лѣсъ, чудный воздухъ, великолѣпные виды, широкая, многоводная рѣка, удобное сообщеніе по нѣсколько разъ въ день съ городомъ на чистенькихъ пароходахъ «Товарищества Нижегородскаго легкаго пароходства».

Въ 7—10 верстахъ отъ Нижняго, по откосу праваго берега красиво вьется полотно вѣтви Московско-Казанской жел. дороги ¹⁾, такъ называемой Ромодановской жел. дороги. Съ палубы парохода вы можете видѣть извѣстные оползни горы, доставившіе г. инженерамъ не мало хлопотъ.

Вотъ и красавецъ Нижній. Направо видно красивое зданіе вокзала Казанской жел. дороги, а за нимъ и городъ; налѣво видны зданія всероссійскаго торжища и новый ярмарочный соборъ.

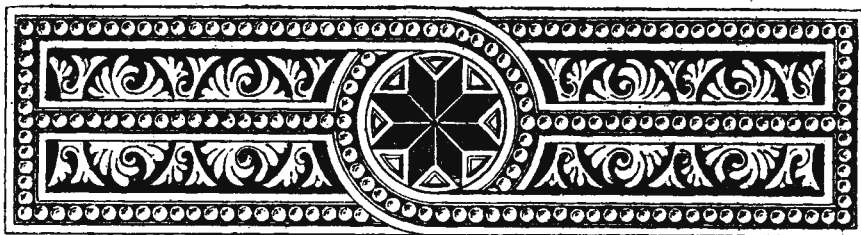
Въ 3 часа дня «Елена» ошвартовалась у нижегородской пристани, опоздавъ противъ расписанія всего на одинъ часъ, не взирая на сильное мелководье Оки. Качковская пристань находится въ Благовѣщенской слободѣ, напротивъ главнаго ярмарочнаго дома, вблизи древней церкви Рождества св. Іоанна Предтечи, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ плашкоутнаго моста.

Андрей Фирсовъ.

---

¹⁾ Вѣтвь (284 вер.) кончается у станціи Тимирязево магистральной линіи.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Гоннаръ. — Европейская эмиграція въ XIX в. — Англія. — Германія. — Италія. Австро-Венгрія.—Россія. (Prof. K. Gonnard. L'émigration au XIX siècle. Paris. Ed. Collin. 1906.).

ЕВЯТНАДЦАТЫЙ вѣкъ является по преимуществу вѣкомъ европейской эмиграціи и колонизаціи, вѣкомъ насильственныхъ захватовъ бѣлолицою расою всѣхъ земельныхъ пространствъ, какія еще можно захватить на земномъ шарѣ.

Въ концѣ истекшаго вѣка великія державы наперывъ другъ передъ другомъ старались выкроить себѣ возможно болѣе значительныя колоніальныя владѣнія, не останавливаясь ради этого и предъ взаимными столкновениями. На ряду съ колоніальною политикою, болѣе или менѣе настойчиво проводимою государственными людьми, и сами народы, въ лицѣ внушительной арміи эмигрантовъ, обнаруживаютъ стихійное стремленіе использовать невѣдомыя страны, осѣдая на земляхъ, находящихся либо подъ охраною національнаго флага, либо подъ охраною флаговъ чужестранныхъ.

Въ своихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ XIX в. великія европейскія державы словно опасались не упустить благоприятнаго момента, который, пожалуй, болѣе не представится.

Надо, впрочемъ, и то сказать, что въ XIX вѣкѣ европейскія державы находились въ наилучшихъ условіяхъ для колонизаціонныхъ предпріятій. Онѣ обладали населеніемъ, дававшимъ быстрый и значительный приростъ (за исключеніемъ Франціи), а предъ

иными племенами имѣли существенное преимущество въ отноше-
ніи военныхъ, экономическихъ и финансовыхъ способовъ воздѣй-
ствія, предъ коими низшимъ расамъ приходилось пасовать.

Въ этомъ смыслѣ послѣднее сорокалѣтіе, открывшееся англо-
французскою экспедиціею въ Китай и закончившееся Русско-Япон-
скою войною, представляется апогеемъ европейскихъ замысловъ—
подчинить себѣ весь міръ, подъ вліяніемъ самообольщенія, будто
европейцы не встрѣтятъ достаточно сильнаго противника.

Но уже теперь въ нѣкоторыхъ направленіяхъ дотолѣ побѣдо-
носное шествіе европейскихъ завоеваній приостановлено, а въ
иныхъ направленіяхъ поступательное движеніе европейцевъ, пожа-
луй, скоро будетъ отброшено назадъ. Желтолицый міръ пробуж-
дается и грозитъ переворотомъ, а чернокожіе и семиты таятъ
въ себѣ не одинъ роковой сюрпризъ, подобный тому, который
испытали итальянцы въ Абиссиніи. Но пока Европа еще имѣетъ
у себя нѣкоторое время для использованія выгодъ своей цивили-
зации и могущества своихъ капиталовъ и армій. Вся даль-
нѣйшая будущность Европы въ значительной степени ставится
въ зависимость отъ того, что она въ ближайшее пятидесяти-
лѣтіе сможетъ фактически и прочно подчинить своей власти, на-
садивъ въ своихъ внѣевропейскихъ владѣніяхъ европейскую куль-
туру и обезпечивъ дальнѣйшее ея процвѣтаніе трудомъ своихъ
представителей. Все сводится къ тому, какая изъ гипотезъ полу-
чить осуществленіе на дѣлѣ: удержится ли бѣлая раса только въ
предѣлахъ первоначальныхъ своихъ европейскихъ и отчасти аме-
риканскихъ владѣній, или же она успѣетъ до окончательнаго воз-
рожденія желтолицыхъ племенъ, уже начинающихъ проявлять
подвижность и жажду къ завоеваніямъ, и до перехода семитиче-
ской и чернокожей расъ въ наступленіе, образовать новыя націи
своихъ выходцевъ въ мало и совсѣмъ не населенныхъ областяхъ
остальныхъ четырехъ частей свѣта.

Окончательный раздѣлъ земного шара между потомками Сима,
Хама и Іафета, пожалуй, уже состоится въ XX столѣтіи, а потому,
опираясь на непреложные факты прошлыхъ мирныхъ завоеваній
европейцевъ, можно съ нѣкоторою достовѣрностью гадать о до-
стигнутыхъ уже и предстоящихъ еще результатахъ внѣевропей-
ской колонизаціи.

Исторія современной демографіи отмѣчаетъ любопытный фактъ
рѣзкаго видоизмѣненія въ соотношеніи этническихъ элементовъ,
слагающихъ европейскую эмиграцію—Англія и Германія оттѣсня-
ются постепенно на второй и третій планъ, а на первое мѣсто
среди переселенцевъ выступаютъ итальянцы, русскіе и вообще
славяне.

«Наши племянники увидятъ чудныя дѣла», увѣрялъ Воль-
теръ, предвѣщая революцію. Если подъ чудными дѣлами разумѣть

событія существенно интересныя по той уже причинѣ, что они близко касаются всей дальнѣйшей эволюціи рода человѣческаго и развитія его цивилизаціи, то можно по справедливости утверждать, что и наши племяники и мы сами, пожалуй, явимся свидѣтелями событій болѣе разительныхъ, чѣмъ французская революція XVIII в., ибо борьба европейцевъ съ низшими расами изъ-за образованія внѣевропейскихъ колоній рано или поздно послѣ ряда потрясеній установитъ болѣе или менѣе прочное равновѣсіе между различными расами, обитающими земной шаръ.

Въ теченіе минуваго вѣка Великобританія имѣла предъ остальными культурными народами то преимущество, что обладала въ одинаковой мѣрѣ какъ колоніями, такъ и излишкомъ населенія для ихъ заселенія. Германія и Италія за отсутствіемъ колоній принуждены были излишкомъ своего населенія увеличивать богатство и силу соперничающихъ націй, что же касается Франціи, то, владея, хотя и въ ограниченныхъ количествахъ, свободными для заселенія колоніальными землями, она испытывала недочетъ въ эмиграціонномъ матеріалѣ. Этотъ послѣдній фактъ представляетъ собою весьма тревожное явленіе, съ которымъ придется, пожалуй, считаться впоследствии и другимъ культурнымъ народамъ. Дѣло въ томъ, что успѣшность расширенія заморскаго владычества европейцевъ обуславливалась тѣмъ, что потокъ европейскихъ эмигрантовъ въ теченіе всего XIX вѣка непрестанно разрастался, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что такъ будетъ продолжаться и впредь. Мальтузіанизмъ, въ смыслѣ стремленія къ искусственному подавленію дѣторожденія, сказывается все сильнѣе и сильнѣе среди всѣхъ культурныхъ народовъ.

Въ совершенно исключительныя условія въ отношеніи эмиграціи поставлена Россія.

Русская эмиграція въ концѣ XIX в. приобрѣла значительное развитіе. Разсуждая теоретически, на первый взглядъ кажется ни съ чѣмъ не сообразнымъ, когда на земельную тѣсноту жалуется народъ, насчитывающій населенія въ 115 милліоновъ на площади земель въ 5.849.000 кв. километровъ, такъ какъ густота населенія въ Россіи представляется менѣе значительной, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, Швеціи и Норвегіи).

Здѣсь слѣдуетъ однакоже принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: Россія, по настоящее время удержавъ характеръ преимущественно земледѣльческой страны, ведетъ сельское хозяйство по первобытнымъ способамъ, а между тѣмъ четверть ея площади (1.400.000 кв. килом.) падаетъ на долю Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерній, мало пригодныхъ для культурныхъ цѣлей, и такимъ образомъ главная масса русскаго населенія скучивается въ болѣе южныхъ губерніяхъ, достигая густоты 52 душъ на кв. километръ. При такой густотѣ населенія

и дальнѣйшемъ приростѣ его, выражающемся въ Россіи ежегодно во внушительной цифрѣ отъ 1.100.000 до 1.200.000 душъ, и для населенія обширнѣйшей имперіи переселенческой вопросъ къ концу XIX вѣка сдѣлался уже злободневнымъ.

Но Россія среди остальныхъ колонизирующихъ странъ обладаетъ тѣмъ завиднымъ преимуществомъ, что можетъ производить колонизацію, такъ сказать, у себя дома, не переправляя переселенцевъ за моря.

Россія составляетъ одно цѣлое со своими колоніями, которыя являются какъ бы продолженіемъ коренной территоріи. Русскій человѣкъ, переваливъ за Уралъ, находитъ въ сибирскихъ долинахъ ту же почву, тотъ же климатъ и тѣ же произведенія земли, съ какими онъ свыкъся и по сю сторону Урала.

И какъ же русскимъ людямъ не тянуться въ Сибирь къ привлекательному ея простору 13.000.000 кв. километровъ, на которыхъ теряется отъ 5 до 6 милліоновъ коренныхъ сибиряковъ (что даетъ 0,5 жителя на 1 кв. километръ)¹⁾.

Конечно, значительная часть этой громадной площади состоитъ изъ неудобныхъ земель, но во всякомъ случаѣ земель, пригодныхъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, въ Сибири насчитывается отъ 2 до 4 милліоновъ кв. километровъ, а это обезпечиваетъ широкой просторъ для дальнѣйшихъ выселеній изъ Россіи, пока развитіе промышленности и усовершенствованіе сельско-хозяйственной культуры не обезпечатъ и въ коренной Россіи ея жителямъ болѣе широкихъ заработковъ.

Несмотря на выгоды, представляемая переселеніемъ въ Сибирь, передвиженіе туда вольныхъ переселенцевъ до 1889 г. не превышало нѣсколькихъ тысячъ душъ ежегодно. Въ 1889 г. переселеніе въ Сибирь достигло цифры 50.000 душъ, къ 1895 г. поднялось до 100.000 душъ; а въ 1896 г. перешло за 200.000 душъ, — т. е., другими словами, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{6}$ ежегоднаго прироста населенія Россіи поглощается переселеніемъ въ Сибирь. Эта крупная цифра

¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ переписи 28 января 1897 года:

Въ Сибири.	Площадь земель въ кв. километр.	Совокупность населе- нія.
Тобольская губернія.	1.387.000	1.438.000
Томская »	848.000	1.917.000
Енисейская »	2.542.000	567.000
Иркутская »	762.000	501.000
Якутская обл.	3.970.000	283.000
Забайкальск. »	594.000	669.000
Амурская »	447.000	112.000
Приморск. обл. и Сахалинъ	1.921.000	240.000
А всего	12.451.000	5.731.000

переселенцевъ обезпечиваетъ быстрое упроченіе русскаго владычества въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи: съ обращеніемъ же Сибирской желѣзной дороги, по окончаніи Русско-Японской войны, къ первоначальному ея мирному и цивилизаторскому назначенію, снабженіе Сибири эмиграціоннымъ матеріаломъ за счетъ Россіи, вѣроятно, еще увеличится; этого тѣмъ болѣе можно ожидать, что русскій элементъ въ своихъ колонизаторскихъ начинаніяхъ не натолкнется въ Сибири на иноплеменную конкуренцію; что же касается мѣстныхъ инородцевъ, то они вообще не многочисленны и, вѣроятно, въ дальнѣйшихъ судьбахъ Сибири сыграютъ не большую роль, чѣмъ какая досталась краснокожимъ въ дѣлѣ заселенія Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ единственно развѣ только азіатскіе выходцы изъ Китая и Японіи могли бы на крайнемъ Далекомъ Востокѣ выступить соперниками славянскихъ переселенцевъ. Въ Приморской области и Амурскомъ краѣ передъ Русско-Японской войной число переселенцевъ изъ Китая и Японіи не превышало 90.000 душъ, а если по замиреніи количество это и возросло, то едва ли оно можетъ серьезно угрожать дальнѣйшей русской колонизаціи.

Въ сущности сибирское побережье на Дальнемъ Востокѣ, которымъ Европа непосредственно смыкается съ желтымъ міромъ, подвергается гораздо меньшей угрозѣ захвата со стороны желтолицей расы, чѣмъ болѣе удаленныя области, куда эта раса направитъ свою колонизацію, если устранятся препятствія, мѣшающія дальнѣйшему расселенію монголовъ. Несомнѣнно, они своихъ переселенцевъ направятъ въ части Сѣверной и Южной Америки, омываемыя Тихимъ океаномъ, а равно на острова Малайскаго архипелага и Австралазіи¹⁾.

Такимъ образомъ, общее направленіе территорій, уже занятыхъ японцами, орографія и гидрографія Китая и островное положеніе Японіи предназначаютъ монгольскую расу къ дальнѣйшему распространенію скорѣе въ восточномъ и южномъ направленіи, чѣмъ къ отливу на сѣверо-западъ. Если японскія побѣды временно и преградили Россіи доступъ къ Восточному океану, то весьма мало вѣроятно, чтобы онѣ и въ будущемъ могли помѣшать цивилизаторской миссіи Россіи заселить своими выходцами всю Сѣверную Азію. Серьезнымъ залогомъ успѣшности русской эмиграціи въ Сибирь является уже тотъ неоспоримый фактъ, что эти переселе-

---

¹⁾ Можно даже допустить, что японская колонизація распространится отъ Канады до Чили. Въ Канадѣ японцы уже теперь захватываютъ ловъ лососины, а японскіе контрабандисты даже на Аляскѣ оснаиваютъ у американцевъ промыслы за пушнымъ звѣремъ. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ американскаго побережья японцы пытаются прибрать къ своимъ рукамъ виноградарство и постепенно монополизируютъ въ своихъ интересахъ воздѣлываніе свекловицы, спаржи, картофеля, земляники и т. п.

нія въ отношеніи географическомъ и демографическомъ представляютъ существенныя аналогіи съ американскою эмиграціею въ Канаду.

Впрочемъ, русская эмиграція за послѣдніе годы далеко не ограничивается азіатскимъ Востокомъ, но направляется и въ Америку. Недавно еще русскіе колонисты въ Соединенныхъ Штатахъ являлись почти сказочнымъ міеомъ, въ настоящее же время русскіе якобы выходцы кишмя кишатъ въ крупныхъ центрахъ Новой Англій, а особенно въ Нью-Йоркѣ.

Русская эмиграція въ Соединенные Штаты составляла:

въ 1901 г.	85.000	душъ.
» 1902 »	107.000	»
» 1903 »	136.000	»
а въ 1905 »	184.000	»

т. е. давала свыше $\frac{1}{6}$ всего количества переселенцевъ, выразившагося въ круглой цифрѣ 1.000.000 душъ.

Впрочемъ, большинство переселенцевъ этой категоріи вовсе не русскіе по племенному происхожденію и только политически принадлежатъ къ русской націи. Первое мѣсто среди выходцевъ этой категоріи принадлежитъ евреямъ, переполняющимъ *telemend houses* и *sweadshops* (ночлежные пріюты и тѣсныя лавчонки) Нью-Йорка и Бостона, далѣе здѣсь фигурируютъ поляки (хотя Польша вообще вслѣдствіе широкаго развитія промышленности даетъ по сравненію съ Россіею гораздо меньше эмиграціоннаго матеріала), и наконецъ со времени аграрныхъ безпорядковъ, разыгравшихся подъ эгидою освободительнаго движенія, замѣчается теперь еще и притокъ нѣмецкихъ колонистовъ, покинувшихъ насиженные ими мѣста въ Саратовской и Самарской губерніяхъ.

Переселенцы, которыхъ Россія шлетъ въ Соединенные Штаты, принимающіе этихъ гостей далеко не восторженно, конечно, далеко не столь полезны для своей родины, какъ переселенцы въ Сибирь; первые—если только уживутся въ Америкѣ—обречены на утрату прежней національности; Впрочемъ, едва ли Россія станетъ особенно и жалѣть объ утратѣ этихъ своихъ подданныхъ—во-первыхъ, потому, что число ихъ по сравненію съ массою населенія и ея ежегоднымъ приростомъ довольно ничтожно, а, во-вторыхъ, и потому еще, что эмигранты этой категоріи принадлежатъ по племенному происхожденію къ національностямъ, плохо поддающимся ассимиляціи въ Россіи. Такимъ образомъ, эмиграція русскихъ подданныхъ изъ Россіи въ общемъ оказывается для метрополіи выгодною въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, коренные русскіе переселенцы, направляясь въ Сибирь и Среднюю Азію, утверждаютъ и упрочиваютъ для русскаго племени обладаніе половиною Азіи, съ другой же стороны, инородческіе русскіе

подданные, выселяясь въ Америку, очищаютъ русскому элементу то мѣсто, которое ими было захвачено на пріемной ихъ родинѣ.

Если таково современное положеніе переселенческаго вопроса въ Россіи, то съ иною совершенно стороною этого вопроса знакомитъ обширное изслѣдованіе, предпринятое пасторомъ Конрадомъ Келлеромъ. Авторъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ и подробнаго изученія предмета на мѣстахъ поставилъ себѣ задачею прослѣдить исторію постепеннаго культурнаго развитія нѣмецкихъ поселеній въ Южной Россіи. Въ первомъ томикѣ своего изслѣдованія Келлеръ рисуетъ общую характеристику устройства нѣмецкихъ колоній на югѣ Россіи по почину Екатерины и Александра I, а въ будущемъ обѣщаетъ дать подробную исторію и поволжскихъ нѣмецкихъ колоній. К. Келлеръ. Нѣмецкія колоніи въ южной Россіи. (P. Conrad Keller. Die Deutschen Kolonien im Südrussland. I Händchen, Odessa. 1905 г.).

Среди всѣхъ прочихъ недоразумѣній, которыми столь изобилуетъ новѣйшая эпоха освободительнаго движенія, не разъ выражалось осужденіе Екатерины II и Александру I, допустившимъ заселеніе Новороссіи, Крыма и Черноморіи иноземными колонистами; но для правильной оцѣнки этого явленія достаточно вспомнить примѣръ Пруссіи, которая, начиная со второй половины XVII вѣка по начало XIX, прилагала всѣ усилія къ привлеченію изъ-за границы, какъ въ города, такъ и въ сельскіе округа, трудолюбивыхъ переселенцевъ въ интересахъ поднятія сельскаго хозяйства, промышленности и торговли¹⁾.

Въ заботахъ о приумноженіи населенія Браденбурга и Пруссіи прусское правительство отдавало особенное предпочтеніе иноземцамъ, проявляя широкую вѣротерпимость и оказывая широкую поддержку новымъ переселенцамъ.

И въ Пруссіи, отнюдь не склонной къ расточительности, колонисты получали отъ казны пособія на переселеніе, освобожденіе привозимаго ими имущества отъ таможенныхъ пошлинъ, пособія на постройки съ отпускомъ строительныхъ матеріаловъ, освобожденіе въ теченіе до 15 лѣтъ отъ несенія государственныхъ и общественныхъ повинностей, освобожденіе отъ вербовки и несенія рекрутской повинности для трехъ поколѣній, не говоря уже о предоставленіи земельныхъ участковъ, скота, сельскохозяйственныхъ орудій, сѣмянъ для посѣва и пр.

Насколько значительные расходы понесла прусская казна на это предпріятіе, можно заключить изъ того, что расходы на осѣдность одной колонистской семьи составляли на кругъ отъ 400 до

¹⁾ Любопытныя подробности по этому предмету см. въ статьѣ проф. Шмоллера «Die Preussische Kolonisation im XVII und XVIII Jahrhunderte» въ сборникѣ *Schriften des Vereins f. Socialpolitik* T. XXXIII, стр. 1 и посл.

600 талеровъ. Хотя точныхъ статистическихъ данныхъ о колонизаціонныхъ прусскихъ операціяхъ XVIII вѣка не имѣется, но извѣстно, что Фридрихъ II за одно свое царствованіе затратилъ на колонизацію до 25 милліоновъ талеровъ.

Результаты этой колонизаціи отразились самымъ благотворнымъ образомъ на всемъ прусскомъ народномъ хозяйствѣ. Число иммигрировавшихъ въ Пруссію новоселовъ съ 1640 по 1786 годъ опредѣляется свыше чѣмъ въ 500.000 душъ, т. е. составило до 10⁰/₀ всего населенія, которое въ Пруссіи въ 1786 г. исчислялось въ 5.500.000 душъ. На самомъ же дѣлѣ можно допустить, что колонисты и ихъ нисходящіе въ разное время составляли отъ ¹/₃ до ¹/₆ наличнаго населенія. Одинъ уже Фридрихъ II основалъ до 900 колонистскихъ деревень и значительно еще большее количество мелкихъ колонистскихъ поселковъ и обзаведеній.

Въ частности значеніе сельской колонизаціи для пяти провинцій Пруссіи, куда она по преимуществу направлялась правительствомъ (а именно для Восточной и Западной Пруссіи, Помераніи, — кромѣ Штральзунда, — Бранденбурга и Силезіи) явствуется уже изъ того, что пришлый элементъ образовалъ отъ 30 до 40 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, обзаведшихся лошадьми, и отъ 100 до 120 тысячъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ, а для обѣихъ категорій колонистовъ главнымъ образомъ отъ казны было предоставлено отъ 2¹/₂ до 3 милліоновъ моргеновъ земли (625—750 тысячъ десятинъ)¹).

Если маленькая сравнительно Пруссія въ XVIII вѣкѣ рѣшилась отнять изъ коренной своей территоріи нѣсколько милліоновъ моргеновъ земли и почитала за благо вкрапленіе среди кореннаго населенія нѣсколькихъ сотенъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ иноземныхъ колонистовъ, то этотъ дальновидный расчетъ Фридриха Великаго оправдался блистательно на дѣлѣ.

Вліяніемъ этого примѣра и обусловилась та политика, которую проявила Екатерина II въ отношеніи внутренней колонизаціи южно-русской окраины, по завоеваніи ея у турокъ и татаръ представлявшей пустынную голую степь.

Послѣ того какъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. обезпечилъ за Россіею свободу судоходства по Черному морю, а Ясскій миръ, заключенный 9 января 1792 г., увеличилъ русскія владѣнія черноморскимъ побережьемъ отъ Очакова до Днѣстра, а согласно позднѣйшему Бухарестскому миру 1812 г. совершилось присоединеніе къ Россіи и Бессарабской области по рѣку Прутъ, русское правительство предприняло рядъ мѣръ для насажденія граждан-

¹) A. Meitzen u. Fr. Grossmann. Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates B.VI. S. 333—335 pas. Berlin P. Parey's Verlag.

ственности во вновь присоединенныхъ южно-русскихъ провинціяхъ.

Первоначально Новороссійская губернія въ 1774 г. была образована въ составѣ теперешней Екатеринославской губерніи и Елизаветградскаго уѣзда Херсонской губерніи.

Затѣмъ въ 1783 г. было образовано екатеринославское намѣстничество въ составѣ теперешнихъ уѣздовъ Херсонскаго, Елизаветградскаго, Ольвiопольскаго и Александрійскаго.

Въ 1795 г. было учреждено вознесенское намѣстничество въ составѣ уѣздовъ Вознесенскаго, Херсонскаго, Елизаветградскаго, Новомиргородскаго, Вогопольскаго, Тираспольскаго, Еленскаго, Ольгопольскаго, Уманскаго, Чигиринскаго, Екатеринопольскаго и Черкаскаго.

Въ 1796 г. изъ этихъ намѣстничествъ за присоединеніемъ Крыма, перешедшаго во власть Россіи въ 1783 г., образовалось новороссійское генераль-губернаторство, которое въ 1802 г. подраздѣлено на Николаевскую (а съ 1803 г. Херсонскую), Екатеринославскую и Таврическую губерніи, съ резиденціею генераль-губернатора до 1805 г. въ Екатеринославѣ, а затѣмъ въ Одессѣ.

Если великолѣпный князь Тавриды ознаменовалъ себя громкими военными подвигами въ войнахъ съ Турціею и взялъ 6 декабря 1788 г. штурмомъ пограничную крѣпость Очаковъ, чѣмъ была сломлена власть турецкаго султана надъ Черноморьемъ и онъ, постепенно хирѣя, сталъ превращаться въ «больного человѣка», самое существованіе котораго въ Европѣ достигается ухищреніями дипломатіи великихъ державъ, то еще большую заслугу Потемкинъ стяжалъ въ качествѣ насадителя мирной цивилизаціи въ Новороссійскихъ степяхъ, дотолѣ знавшихъ лишь разбойничьи набѣги татаръ и турокъ.

Какъ ни умаляется слава Потемкина завистливыми и враждебными отзывами о его лѣни, произволѣ, введеніи Екатерины въ заблужденіе декораціями не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ поселеній и городовъ, тѣмъ не менѣе Потемкинъ обладалъ широкимъ государственнымъ умомъ и смѣлыми штрихами намѣтилъ тѣ формы, въ какія воплотилась гражданственность Новороссіи. По его почину были основаны Херсонъ (1779), Мариуполь (1778), Севастополь (1783), Екатеринославъ (1787), Николаевъ (1789), Тирасполь (1793) и Одесса (1794). Несмотря на скудное свое образованіе, тотъ же Потемкинъ, охотно низводимый на степень «случайнаго человѣка» и алчнаго фаворита, пѣствовалъ на югѣ Россіи и научное знаніе. По его мысли указъ отъ 4 сентября 1784 г. намѣтилъ учрежденіе въ Екатеринославѣ университета, въ который и было даже назначено 4 профессора, но дальнѣйшему осуществленію этихъ благихъ намѣреній былъ положенъ конецъ вновь возгорѣвшеюся войною съ турками. Точно также Потемкинъ въ

1790 г. основалъ на рѣкѣ Бугѣ при Витовкѣ (позднѣйшемъ Николаевѣ) земледѣльческую школу, которая по смерти ея основателя въ 1791 г. была закрыта. Далѣе въ ордерѣ отъ 14 іюня 1790 г., данномъ Потемкинымъ на имя екатеринославскаго губернатора, предписано было во всѣхъ казенныхъ поселеніяхъ и частновладѣльческихъ имѣніяхъ по морскому побережью и отъ Хортицы до лимана Буга насадить виноградники и поставить ихъ подъ наблюденіе профессоровъ и адъюнктовъ екатеринославскаго университета, а чубуки лозъ для посадки взять съ Дона, а въ случаѣ недостаточности въ Крыму или Молдавіи.

Для насажденія сельскаго хозяйства въ Новороссійскихъ степяхъ были привлечены по знакомству съ аналогичными климатическими и хозяйственными условіями выходцы изъ Сербіи, Болгаріи, Черногоріи и Греціи, но еще и Потемкинъ успѣлъ убѣдиться, что колонисты изъ западныхъ славянъ неважные носители культуры. Поэтому дѣло дальнѣйшей колонизаціи Новороссіи предположено было продолжать съ помощью нѣмецкихъ силъ, и Потемкинъ началъ съ вызова многочисленныхъ нѣмецкихъ ремесленныхъ семей въ Херсонъ. Далѣе были основаны первыя въ Новороссійскомъ краѣ такъ называемыя шведскія колоніи Альгъ-Дандигъ и Шведендорфъ (въ 1787 г.). Въ 1789 г. возникли колоніи Ямбургъ, Лозефсталь и Рыбальскъ и въ томъ же году было положено начало къ образованію на Хортицѣ менонитскихъ поселеній, въ 1803 г. они распространились и на Таврическую губернію (при Молочныхъ Водахъ).

Широкіе замыслы Потемкина насчетъ дальнѣйшихъ судебъ Новороссіи были пріостановлены внезапною его кончиною, и только въ 1801 г., по восшествіи на престолъ Александра I, былъ разработанъ новый планъ для колонизаціи пустынной Южной Россіи.

Такъ какъ правительство изъ неудачнаго опыта, произведеннаго въ приволжскихъ и южно-русскихъ шведскихъ колоніяхъ, убѣдилось, что поселенцевъ, хотя бы и нѣмецкихъ, надо допускать съ большимъ разборомъ, то на сей предметъ была дана особая инструкція комиссарамъ и агентамъ, вербовавшимъ переселенцевъ для Новороссіи (отъ 20 марта 1804 г.).

Этотъ любопытный документъ, какъ и многіе другіе, заимствованные изъ подлинныхъ дѣлъ новороссійскаго генераль-губернаторства, пасторъ Келлеръ приводитъ цѣликомъ.

Озаглавленъ онъ такъ:

Привилегіи, предоставляемыя иноземнымъ колонистамъ, которые пожелали бы поселиться въ южныхъ провинціяхъ Россійской имперіи.

1. Полная свобода вѣрованій.
2. Освобожденіе отъ податей и всѣхъ повинностей въ теченіе десяти лѣтъ.

3. По прошествіи 10 льготныхъ лѣтъ колонисты въ отношеніи уплаты податей приравняются остальнымъ русскимъ подданнымъ, но освобождаются отъ постоянной повинности за исключеніемъ лишь прохожденія войсковыхъ частей походомъ.

4. Хотя колонисты и освобождаются отъ несенія военной и гражданской службы, но каждый воленъ по доброй волѣ поступать на казенную службу, что однакоже не освобождаетъ его отъ уплаты податей.

5. Каждый колонистъ получаетъ ссуду на устройство хозяйства и по истеченіи первыхъ десяти льготныхъ лѣтъ обязывается въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ такую погасить.

6) Каждая семья можетъ ввезти съ освобожденіемъ отъ таможенныхъ пошлинъ движимое свое имущество и, кромѣ того, еще товаровъ на продажу цѣнностью не свыше 300 р.

7) Ремесленникамъ предоставляется объединяться въ гильдіи и цехи. Равнымъ образомъ каждый воленъ невозбранно передвигаться и заниматься торгомъ въ предѣлахъ имперіи.

8) Каждая семья получаетъ изъ казны безвозмездно земельныхъ угодій отъ 30 до 80 десятинъ, сколько въ состояніи обработать. По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ съ поселенцевъ взимается земельный налогъ, который вмѣстѣ со сборомъ на содержаніе земской полиціи составитъ отъ 15 до 20 к. съ десятины.

9) Кто пожеласть покинуть Россійскую имперію и вернуться на родину, долженъ напередъ погасить казенную ссуду и уплатить земельный налогъ за пользованіе землею въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

О ходѣ нѣмецкой колонизаціи въ Новороссіи, почерпавшей иммиграціонный матеріалъ главнымъ образомъ изъ Эльзась-Лотарингіи, Рейнскаго Пфальца, Бадена, Вюртемберга, Баваріи, Швейцаріи и Пруссіи, даетъ понятіе всеподданныѣйшій докладъ новороссійскаго генералъ-губернатора, высочайше одобренный 20 февраля 1804 г. Герцогъ Ришелье здѣсь пишетъ:

«Иностранецъ Циглеръ, который въ прошломъ (1803) году привезъ нѣкоторое число колонистовъ изъ Германіи, прибылъ сюда и предлагаетъ свои услуги для новой доставки колонистовъ.

«По разсмотрѣніи предложеній Циглера и тщательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла, я осмѣливаюсь всеподданныѣйше доложить вашему императорскому величеству слѣдующее:

«Приглашеніе колонистовъ производилось и производится по сей часъ на точномъ основаніи манифеста 1763 года. Манифестъ этотъ не содержитъ въ себѣ указаній насчетъ того, какихъ людей приглашать, и лишь въ общихъ чертахъ намѣчаетъ сословіе и занятія колонистовъ. Вслѣдствіе этого по началу являлись очень многіе дрянные и большею частью совсѣмъ бѣдные хозяева, которые принесли государству до сихъ поръ мало пользы; истина этого подтверждается примѣромъ саратовскихъ и нѣкоторыхъ новороссійскихъ колоній. Насколько можно судить, и теперь пригла-

шенные Циглеромъ и Эшеромъ люди брались безъ разбора. Изъ описаній, доставленныхъ Циглеромъ, явствуетъ, что среди переселенцевъ имѣется не мало совершенно бесполезныхъ ремесленниковъ, увѣчныхъ, слабыхъ одинокихъ и страдающихъ застарѣлыми болѣзнями. Къ этому надлежитъ еще присовокупить, что большая часть переселенцевъ чрезвычайно бѣдна.

«Императрица Екатерина соизволила призвать иностранцевъ, желая заселить пустынные степи. Такъ какъ увеличеніе населенія во внутреннихъ губерніяхъ и возникающая отсюда тѣснота можетъ потребовать въ будущемъ расселенія и собственныхъ уже русскихъ подданныхъ, а слѣдственно для заселенія юга уже не окажется избытка въ свободныхъ земляхъ, то нынѣ же надлежитъ не столько стремиться къ заселенію юга иностранцами вообще, сколько озабочиваться водвореніемъ ограниченнаго числа такихъ переселенцевъ, которые бы дѣйствительно могли служить населенію примѣромъ толковаго веденія сельскаго хозяйства и занятія ремеслами. Поэтому если и впредь признано будетъ за полезное привлечь изъ-за границы переселенцевъ, то необходимо ограничить притокъ самонужнѣйшими предѣлами и выписывать лишь надежныхъ и зажиточныхъ хозяевъ.

«Такъ какъ поселеніе колонистовъ ограничивается главнымъ образомъ Новороссійскою областью, а здѣсь казенныя земли имѣются лишь въ ограниченномъ количествѣ и отводъ земель подъ устройство колоній весьма затруднителенъ, то представляется необходимымъ еще до прибытія колонистовъ напередъ опредѣлять, гдѣ ихъ устраивать, подыскивая удобныя для того казенныя земли или приобретаая потребное количество земли у частныхъ владѣльцевъ. Это представляется необходимымъ, такъ какъ за несвоевременнымъ отводомъ земель и протекающимъ отсюда замедленіемъ въ водвореніи поселенцевъ на мѣсто, они до двухъ лѣтъ проживаютъ безъ дѣла на счетъ казны и вызываютъ значительные расходы. Разъ земли уже отведены подъ новыя поселенія и предохранены отъ иного использования, то на нихъ слѣдуетъ водворять лишь такихъ иноземцевъ, которые могутъ быть наиболѣе полезны для края, а именно дѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, людей хорошо ознакомленныхъ съ виноградарствомъ, разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и иныхъ полезныхъ растеній, а равно опытныхъ въ скотоводствѣ вообще и въ овцеводствѣ въ частности или вообще обладающихъ свѣдѣніями, потребными для веденія рациональнаго сельскаго хозяйства. Такіе поселенцы особенно желательны. Равнымъ образомъ можно выписывать и ремесленниковъ, пригодныхъ въ сельскомъ обиходѣ, какъ, на примѣръ, портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ, кузнецовъ, горшечниковъ, мельниковъ, ткачей и штукатуровъ. Что же касается всѣхъ прочихъ мастеровъ и искусниковъ, которые въ сельскомъ быту бесполезны,

то привлекать ихъ для колонизаціи безцѣльно, за исключеніемъ того случая, гдѣ бы признавалось за неотложное обезпечить города, возникшіе на югѣ, умѣреннымъ количествомъ ремесленниковъ.

«Руководствуясь вышеизложенными началами, представляется неумѣстнымъ завлекать переселенцевъ путемъ уговариваній или иныхъ способовъ и употреблять особыхъ комиссаровъ и иныхъ людей для привлеченія переселенцевъ. вмѣсто этого слѣдовало бы объявить, что желающіе переселиться въ Россію должны заявлять о томъ россійскимъ резидентамъ и дипломатическимъ агентамъ. По просмотрѣ предъявляемыхъ просителями паспортовъ, аттестатовъ и иныхъ свидѣтельствъ, выданныхъ отъ магистратовъ и общинъ въ удостовѣреніе благонадежнаго поведенія предъявителя, резиденты будутъ снабжать переселяющихся паспортами для слѣдованія къ предѣламъ Россіи. При этомъ необходимо требовать, чтобы переселяющіеся напередъ выполнили по отношенію къ своему правительству всѣ обязательства, возлагаемыя на нихъ отечественными и имперскими законами.

«Такъ какъ для одной или двухъ семей, слѣдующихъ къ русской границѣ, путешествіе можетъ представлять значительныя затрудненія, то надлежитъ уполномочить россійскаго резидента въ Регенсбургѣ, чтобы онъ соединялъ людей, желающихъ переселиться въ Россію, въ партіи отъ 20 до 30 семей сразу и отправлялъ бы ихъ сухимъ или воднымъ путемъ, нанимая за счетъ русскаго правительства суда или подводы и назначая изъ среды переселяющихся старосту, которому всѣ и обязаны повиновеніемъ во время пути.

«Вслѣдствіе уже проявленной ловкости и распорядительности иностранецъ Циглеръ можетъ получить нѣкоторую поддержку; ему же возможно было бы поручить собрать нѣсколько десятковъ семей переселенцевъ, законтрактовать суда и подводы для перевозки и провѣрить какъ удостовѣренія, представленныя переселяющимися, такъ и личныя ихъ обстоятельства. Циглера для его дѣйствій необходимо снабдить инструкціей, а за труды назначить ему приличное жалованіе. Многочисленныя семьи иностранцевъ, уже выразившія желаніе переселиться, могутъ избрать изъ своей среды одного или нѣсколькихъ довѣренныхъ и послать ихъ впередъ для ознакомленія съ отводимыми подъ колоніи землями и ихъ свойствами.

«Въ общемъ ежегодное переселеніе изъ Германіи колонистовъ не должно превышать 200 семействъ въ годъ, такъ какъ большаго количества не представляется возможнымъ прочно поселить и устроить. Поэтому необходимо предписать резиденту принимать для переселенія и доставленія по назначенію отъ 100 до 150 семей въ томъ предположеніи, что остальное количество семей бу-

детъ самостоятельно переселяться въ Россію изъ мѣстностей, не отдаленныхъ отъ ея границъ.

«Состоящимъ при иноземныхъ дворахъ министрамъ, до которыхъ сіе можетъ касаться, надлежитъ разъяснить: 1) чтобы они переселенцамъ никакихъ денегъ впередъ не выдавали, исключая уплаты за провозъ на судахъ и подводяхъ тѣхъ семей, которыя уже предназначены для переселенія; 2) чтобы они отъ заявляющихъ о желаніи переселиться требовали предъявленія удостовѣреній либо поручительства въ томъ, что они обладаютъ въ наличныхъ деньгахъ или товарахъ собственными средствами, не менѣе 300 гульденовъ; тѣхъ же, кто такихъ средствъ съ собою взять въ Россію не можетъ, и не переселять вовсе, такъ какъ опытъ показалъ, что переселеніе немущихъ идетъ вообще медленно и неудачно; 3) само собою разумѣется, въ переселенцы надо брать людей семейныхъ; людей одинокихъ совсѣмъ не слѣдуетъ переселять, если только они не входятъ въ составъ какой-нибудь изъ переселяющихся семей; 4) равнымъ образомъ семей, состоящихъ только изъ мужа и жены, лучше не переселять, ибо изъ опыта извѣстно, что бездѣтнымъ трудно вести хозяйство и достигать благосостоянія, за неимѣніемъ способовъ держать работниковъ»¹⁾.

Упомянутый выше въ докладѣ герцога Ришелье Циглеръ доставилъ въ Одессу въ 1803 году 2990 колонистовъ, большею частью швабовъ; въ послѣдующіе годы изъ г. Ульма, сдѣлавшагося сборнымъ пунктомъ для переселяющихся, послѣдніе стали притекать значительными группами въ Одессу, и въ 1804 и 1805 г. скопленіе ихъ тамъ оказалось настолько уже значительно, что власти не знали, куда временно размѣстить колонистовъ на зимнія квартиры по сосѣдству отъ города.

При такихъ условіяхъ колонистамъ пришлось считаться съ нуждою, болѣзнями, а подчасъ они не мало терпѣли и отъ недобросовѣстности русскихъ чиновниковъ.

Въ видѣ образчика тѣхъ невзгодъ, которыя по началу обрушивались на переселенцевъ, Келлеръ приводитъ жалобу, направленную въ январѣ 1805 г. къ коменданту Овидіополя отъ колонистовъ, водворенныхъ тамъ временно въ крайней тѣснотѣ.

«Мы, покорные и готовые къ услугамъ овидіопольскіе колонисты, не можемъ долѣе терпѣть и въ нашемъ затруднительномъ положеніи обращаемся къ военнымъ и гражданскимъ русскимъ властямъ, въ лицѣ господина крѣпостного коменданта, ходатайствуя о его покровительствѣ, такъ какъ мы не можемъ быть довольны нашею судьбою. Мы всѣ надѣялись на улучшеніе положенія, а между тѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ оно становится хуже.

---

¹⁾ Дѣла новороссійскаго генералъ-губернаторства за 1803—1805 гг. № 13, стр. 512.

По приглашенію російскаго комиссара Циглера, мы на родинѣ распродали все наше имущество и, рискуя нашею жизнью, предприняли далекій путь, а потому въ правѣ были рассчитывать, что будутъ выполнены и данныя намъ обѣщанія. Уплата намъ суточныхъ, по 40 к., и проѣздныхъ на судахъ и подводахъ обѣщалась, начиная съ Ульма, на каждой станціи, а на дѣлѣ мы ничего не получили. Только на границѣ въ Радзивилловѣ выдали намъ по 15 к. на каждаго взрослога, а дѣтямъ до 15 лѣтъ по 6 к., да чрезъ промѣнъ мы изъ этихъ денегъ потеряли одну четвертую часть. И вотъ тѣ, которые имѣли кое-какія деньги, принуждены были помогать спутникамъ, чтобы какъ-нибудь всѣмъ вмѣстѣ сюда добраться въ чайніи, что намъ хотъ здѣсь выплатятъ все должное. Между тѣмъ, мы всего только и получаемъ, что суточные и при томъ съ большими затрудненіями, такъ какъ наши старосты (*conducteurs*) каждый мѣсяцъ въ Одессѣ проживаютъ по 8 дней, чтобы получить деньги. Все это причиняетъ намъ большіе убытки. А здѣсь въ казармахъ мы въ теченіе всей зимы мало получали топлива и совсѣмъ почти свѣта не видѣли, ночевать же принуждены, тѣсно скученные другъ съ другомъ, и отъ угара, испареній и иныхъ неудобствъ не можемъ даже поддержать своего здоровья.

«Всѣ мы, благодареніе Создателю! прибыли сюда здоровыми, а въ здѣшнемъ заточеніи многіе родители и многія дѣти уже потеряли своихъ близкихъ, да сжалится надъ ними Господь! И если мы въ скорости не получимъ помощи, то и всѣмъ намъ суждено погибнуть. А когда мы обращаемся съ претензіями къ г. надворному совѣтнику (Бѣму), то онъ насъ ругаетъ скверными словами и обзываетъ негодяями да бродягами; если же мы ссылаемся на наши аттестаты, то кричитъ: «на...ть мнѣ на нихъ». А если какой добропорядочный человѣкъ вздумаетъ ему поперечить, то онъ грозитъ, что ему голову обреютъ и за границу выпроводятъ... А недавно онъ нашего старшину (*Schultheis*) Гѣтца безо всякой причины отколотилъ палкою по головѣ и по груди.

«По этой причинѣ мы просимъ достопочтенное начальство озаботиться улучшеніемъ нашихъ печальныхъ обстоятельствъ и выдачею причитающихся намъ денегъ, такъ какъ иначе мы даже и одеждою обзавестись не можемъ».

Для разслѣдованія жалобы изъ херсонской медицинской управы въ Овидіополь былъ командированъ врачъ Короленко, который призналъ положеніе колонистовъ совершенно возмутительнымъ и доложилъ о томъ одесскому коменданту генералу Кобле. Послѣдній въ свою очередь представилъ 8 марта 1805 г. исполняющему должность генераль-губернатора Розенбергу, что овидіопольскія казармы для скопленныхъ тамъ колонистовъ слишкомъ тѣсны, сыры, зловонны и грязны. Люди спятъ вповалку, всѣ вмѣстѣ,

здоровые, больные и умирающіе. Всѣ въ отчаяніи, жалуются и умоляютъ о помощи. 21 февраля (1805 г.) 150 человекъ заболѣло злокачественною лихорадкою, и всѣ больные въ нѣсколько дней перемерли.

Тогда въ Овидіополь былъ отряженъ изъ Грослибенталя врачъ Пизенко, а прибывшій вскорѣ изъ Петербурга герцогъ Ришелье взялъ въ свои руки дальнѣйшую судьбу колонистовъ, тотчасъ же изыскалъ средства, какъ наличную партію колонистовъ, такъ и дальнѣйшія, прибывавшія съ 1805 по 1812 г., размѣщать на зимнія квартиры въ либентальскихъ колоніяхъ.

Не всегда, однакоже, домогательства нѣмецкихъ колонистовъ были такъ справедливы, какъ то произошло въ описанномъ выше случаѣ.

Пришлые изъ Баваріи и Швабіи сектанты-піетисты, мечтая о какомъ-то несбыточномъ христіанскомъ общежитіи, плохо уживались съ дѣйствительностью, ссорились со своими проповѣдниками и стремились на Кавказъ. Наболѣе предприимчивые посылали отъ себя депутатовъ къ государю Александру Павловичу, домогаясь переселенія на границы Персіи съ миссіонерскими цѣлями.

Давая нѣкоторымъ изъ просителей желаемое разрѣшеніе, русское правительство предупреждало ихъ, однакоже, что не можетъ ручаться за ихъ безопасность, и эти опасенія неоднократно и сбылись.

Сложность задачъ, ложившихся на правительство въ отношеніи къ пестрымъ иноземнымъ элементамъ, привлеченнымъ изъ-за границы для насажденія сельскаго хозяйства и другихъ промысловъ во вновь присоединенныхъ областяхъ, требовала созданія особаго правительственнаго органа. Завѣдываніе дѣлами объ устройствѣ колонистовъ уже Екатериною въ 1782 г. было возложено на попечительную о колонистахъ канцелярію, во главѣ которой былъ поставленъ графъ Орловъ, но затѣмъ дѣла колонистскія были объединены съ завѣдываніемъ государственными крестьянами. Жалобы колонистовъ на паденіе ихъ хозяйства и притѣсненія со стороны русскихъ чиновниковъ побудили правительство образовать особый административно-судебный органъ для нѣмецкихъ поволжскихъ и новороссійскихъ колоній въ лицѣ попечительныхъ конторъ объ иностранныхъ колонистахъ.

Екатеринославская контора была подчинена новороссійскому генералъ-губернатору и состояла изъ предсѣдателя, 2 членовъ, секретаря и нѣсколькихъ низшихъ чиновниковъ. Всѣ дальнѣйшіе успѣхи, достигнутые колонизаціею нѣмецкихъ переселенцевъ въ Южной Россіи, были въ значительной степени обусловлены неуспынными и настойчивыми стараніями такихъ дѣятелей, какъ герцогъ Ришелье, Контеніусъ, Инзовъ, Ганъ и Николь, характеристики которыхъ и даетъ книга Келлера.

Герцогъ Эмануилъ Ришелье, сынъ герцога Фронзака, родился въ Парижѣ 25 сентября 1766 г.; по окончаніи образованія въ началѣ революціи Ришелье выселился въ Россію, въ 1790 г. подъ начальствомъ Суворова принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за проявленные подвиги военной доблести былъ пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ 1803 г. Ришелье былъ назначенъ губернаторомъ въ Одессу, а въ 1805 г. былъ переименованъ въ генералъ-губернаторы Новороссіи.

Когда Ришелье пріѣхалъ въ Одессу, она насчитывала всего 4.000 жителей и была скорѣе похожа на деревушку чѣмъ на городъ. Низенькіе домишки, покрытые тростникомъ и землянки были широко разбѣяны по пустынному побережью. Одесса предназначалась сдѣлаться приморскимъ городомъ, но не имѣла гавани, въ которой приходящіе суда могли бы находить безопасное убѣжище; Одесса предназначалась сдѣлаться торговымъ центромъ, но не имѣла ни торговыхъ фирмъ, ни товарныхъ складовъ; Одесса предназначалась сдѣлаться разсадникомъ просвѣщенія, но о какихъ-либо учебныхъ заведеніяхъ и школахъ даже помину не было.

Послѣ 11 лѣтъ управленія Ришелье Одесса сдѣлалась неузнаваемою. Герцогъ, построивъ храмы для всѣхъ вѣроисповѣданій, создалъ больницы, школы, рынки, обезпечилъ городъ водою, завелъ театръ, разбилъ сады, построилъ казармы и разныя общепольныя учрежденія. Но въ началѣ, когда былъ поднятъ вопросъ о возведеніи необходимыхъ построекъ, въ Одессѣ обнаружилось полное отсутствіе мастерскихъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, Ришелье обратился къ Румянцову и просилъ выслать ему ремесленниковъ изъ Петербурга. 14 мая 1803 г. Румянцовъ отвѣчалъ: «Ваше донесеніе, въ которомъ описывается чрезвычайная недостака ремесленниковъ въ Одессѣ, было много доложено государю и съ соизволенія его величества я на этихъ же дняхъ отправляю въ Одессу одного столяра съ двумя или тремя подмастерьями, одного пекаря съ помощникомъ и одного слесаря съ подмастерьемъ». Не удивительно, что, пріѣхавъ въ Одессу, Ришелье не могъ найти для себя даже дюжины простыхъ стульевъ и долженъ былъ ихъ выписать изъ Херсона.

Вскорѣ, впрочемъ, отсутствіе рабочихъ рукъ въ Одессѣ прекратилось — въ 1804 г. прибылъ изъ-за границы новый транспортъ переселенцевъ, среди которыхъ оказалось не мало ремесленниковъ. Ришелье предложилъ имъ основаться въ Одессѣ, гдѣ такимъ образомъ и образовался зародышъ нѣмецкой ремесленной колоніи, въ составѣ 42 семей.

Въ 1812 г. Одессу посѣтила чума, и въ этомъ случаѣ герцогъ проявилъ трогательную и самоотверженную заботливость о спасеніи жителей отъ этого бѣдствія. Для локализациі эпидеміи была принята весьма дѣйствительная и энергичная мѣра: входы и во-

рота во всѣ дома были наглухо заколочены, и обитатели ихъ сообщались съ вѣшнимъ міромъ только чрезъ оставленныя форточки. Уличное движеніе такимъ образомъ было совершенно прекращено, и только самъ герцогъ, въ сопровожденіи своего друга патера Николая и многочисленной прислуги объѣзжалъ всѣ улицы для снабженія жителей провіантомъ и духовнымъ утѣшеніемъ.

Созданіемъ города и его благоустройства далеко не исчерпывались заботы генераль-губернатора. Онъ съ особенною внимательностью относился къ нуждамъ иностранныхъ переселенцевъ и, по единогласнымъ отзывамъ современниковъ, съ трогательною заботливостью входилъ въ нужды колонистовъ, терпѣливо выслушивалъ ихъ жалобы и прилагалъ всѣ мѣры къ удовлетворенію ихъ домогательствъ, если только признавалъ ихъ дѣльными.

Кара чиновниковъ, провинившихся въ притѣсненіяхъ и мздоимствѣ, постигала такъ же неумолимо, какъ преслѣдовалъ генераль-губернаторъ лѣнь и преступленія среди колонистовъ. Ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ герцогъ въ сопровожденіи адъютанта производилъ объѣздъ всѣхъ колоній, которыя чистились и прихорашивались, такъ какъ отъ внимательнаго глаза герцога не ускользали никакой беспорядокъ и неустройство, и даже кухни колонистовъ подвергались тщательному инспекторскому смотру.

Восторженные отзывы пастора Келлера о герцогѣ Ришелье подтверждаетъ и свидѣтельство современника Ришелье, А. М. Фадѣева. — «Герцогъ Ришелье, — читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», — одинъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей и администраторовъ, коихъ въ Россіи и донинѣ насчитывается очень мало. Всему, что въ краѣ есть хорошаго, основаніе было положено имъ; весь край благоговѣлъ къ нему и душевно соболѣзновалъ, когда герцогъ окончательно и тоже съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ его» (назначенный Людовикомъ XVIII на постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1814 г.)¹⁾.

Ближайшее завѣдываніе нѣмецкими колоніями выпало на долю предсѣдателя екатеринославской конторы иностранныхъ колоній статскаго совѣтника Самуила Христіановича Контениуса. Повидимому, это была свѣтлая, но таинственная личность (такъ же, какъ и его позднѣйшій начальникъ И. И. Инзовъ).

По officialнымъ свѣдѣніямъ, Контениусъ родился въ 1750 г. въ Вестфалии, слылъ за сына протестантскаго пастора, получилъ

¹⁾ Герцогъ Ришелье былъ вынужденъ обстоятельствами выйти въ 1818 г. въ отставку и удалился въ частную жизнь съ весьма ограниченными средствами къ существованію, такъ какъ вотиванный ему палатами даръ 50.000 фр. пожертвовалъ на расширеніе госпиталя въ Бордо. Въ 1820 г. назначенный министромъ-президентомъ, герцогъ Ришелье вскорѣ по болѣзни, его постигшей, покинулъ государственную дѣятельность и 17 мая 1822 г. скончался на рукахъ у своего вѣрнаго друга патера Николая.

университетское образованіе, обладалъ знаніемъ важнѣйшихъ европейскихъ языковъ и въ молодыхъ годахъ переселился въ Россію, гдѣ занялъ скромную должность домашняго наставника. Очень скупой на автобіографическія сообщенія, такъ описывалъ свое раннее прошлое Контеніусъ, но молва упорно возводила его въ рангъ принца французской королевской крови.

Въ 1785 г. Контеніусъ поступилъ на русскую казенную службу, служилъ по дипломатической части и, произведенный 9 августа 1800 г. въ коллежскіе совѣтники, при учрежденіи конторъ иностранныхъ колонистовъ былъ назначенъ въ Екатеринославъ.

Неутомимый и безконечно терпѣливый Контеніусъ влагалъ все свое сердце въ дѣло устройства и благосостоянія новыхъ колоній, самолично подыскивалъ удобныя земли для основанія новыхъ поселеній, составлялъ планы ихъ и, точно обосновывая все будущее хозяйство колоній, представлялъ ихъ на утверженіе по начальству. Такъ какъ по незауряднымъ своимъ познаніямъ и рассудительности Контеніусъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ государя Александра Павловича и герцога Ришелье, то его предположенія объ устройствѣ колоній утверждались безпрекословно и безо всякихъ измѣненій.

Съ большимъ знаніемъ дѣла Контеніусъ убѣдилъ колонистовъ перейти къ четырехпольному хозяйству, поощрялъ лѣсонасаженіе, выписывалъ отборныя сѣмена для посѣвовъ, настоялъ на заведеніи въ колоніяхъ садовъ и плодоводства, улучшилъ породы рогатаго скота и положилъ начало шелководству и овцеводству. Постоянно объѣзжая ввѣренныя его попеченію колоніи, онъ входилъ во всѣ подробности хозяйства и сумѣлъ снискать довѣріе колонистовъ настолько, что могущественно и благотворно въ теченіе 25 лѣтъ вліялъ на общественную и семейную жизнь южно-русскихъ колоній. При посѣщеніи южной Россіи въ 1818 г. государь Александръ Павловичъ пожелалъ ознакомиться съ менонитскими колоніями на Молочныхъ Водахъ, куда прибылъ и Контеніусъ, собиравшійся на покой и незадолго передъ тѣмъ получившій пенсію.

Государь остался очень доволенъ распорядами, введенными въ колоніяхъ, и процвѣтаніемъ ихъ, но справедливости, приписалъ трудамъ и попеченіямъ Контеніуса. Государь передъ отъѣздомъ изъ Молочной пожаловалъ Контеніуса очень почетною тогда аннинскою звѣздою и убѣдилъ его не покидать службы и занять должность помощника предсѣдателя только что образованнаго попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи.

Дѣятельно помогая Инзову въ управленіи колонистами, Контеніусъ умеръ 30 мая 1830 г. въ Екатеринославѣ и завѣщалъ на поощреніе образованія сыновей колонистовъ свои скромныя сбереженія (15.000 р.).

Странныя обстоятельства, предшествовавшія кончинѣ Контеніуса, до нѣкоторой степени придають вѣроподобіе смутнымъ слухамъ о его таинственномъ происхожденіи и записаны близкимъ его другомъ и сослуживцемъ А. М. Фадѣевымъ. «С. Х. Контеніусъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Фадѣева,—несомнѣнно, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ мнѣ удавалось знать въ теченіе моей жизни, и одинъ изъ немногихъ иностранцевъ, принесшихъ существенную пользу Россіи на томъ служебномъ поприщѣ, которое онъ проходилъ... Онъ былъ другомъ герцога де-Ришелье и покойнаго сенатора Габленца... огромныя кипы ихъ писемъ къ нему, въ коихъ много поучительнаго и интереснаго, Контеніусъ оставилъ мнѣ и онѣ до сихъ хранятся у меня»... Недѣли за двѣ до своей кончины Контеніусъ попросилъ къ себѣ Е. П. Фадѣеву (мужъ ея въ это время по дѣламъ находился въ Петербургѣ) и освѣдомился, скоро ли она ожидаетъ его возвращенія. «Я долженъ,—шепталъ больной,—непремѣнно долженъ открыть ему тайну, чрезвычайно важную тайну. Но только передъ смертью и только ему одному. Я не долженъ умереть, не сказавъ ее ему... Если же я увижу, что мнѣ не дожить до его пріѣзда, я рѣшился открыть эту тайну вамъ, чтобы вы передали ее ему»...

Черезъ нѣсколько дней умирающій опять вызвалъ къ себѣ Е. П. Фадѣеву. Когда она вошла въ спальню, лицо Контеніуса какъ бы оживилось; онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы она затворила дверь и подошла къ нему... Взявъ Фадѣеву за руку, онъ крѣпко ее сжалъ, потянулъ поближе къ себѣ и, съ усиленіемъ поднявшись на локтяхъ, внятно сказалъ: «Скажите ему, что... что»,—тутъ голова его упала на подушки, ротъ конвульсивно подернулся, глаза закатились, онъ раза два-три вздохнулъ и умеръ.

Такъ тайна Контеніуса и умерла вмѣстѣ съ нимъ.

«Что онъ хотѣлъ мнѣ передать? никогда я не могъ постигнуть,—прибавляетъ А. М. Фадѣевъ.—Такой достойный, благородный, вполне добродѣтельный человѣкъ не могъ имѣть на совѣсти своей никакого отягчающаго дѣла; да и для чего онъ бы мнѣ его сообщилъ? Онъ бы обратился къ священнику. Одно несомнѣнно, что открытіе этой тайны должно было повлечь за собою какія-либо послѣдствія, что-нибудь исправить или измѣнить, кому-нибудь принести пользу или отвратить зло, потому что немыслимо, чтобы при серьезномъ, солидномъ умѣ Контеніуса онъ такъ настойчиво, можно сказать, страстно желалъ открыть свою тайну, если бы это было безцѣльно. Замѣчательно то, что онъ не хотѣлъ пережить открытія этой тайны; поэтому онъ и отлагалъ до послѣдней крайности, до послѣдняго своего вздоха, чтобы за объявленіемъ ея сейчасъ же умереть. Можетъ быть, онъ былъ дѣйствительно не то лицо, за которое себя выдавалъ, какъ многіе говорили, и это хотѣлъ сказать мнѣ. О прошломъ своемъ до пріѣзда въ Россію

онъ почти никогда не вспоминалъ; съ тѣхъ же поръ жизнь его въ теченіе болѣе 40 лѣтъ всѣ знали. Въ ней не было ни одного загадочнаго поступка, ни одного подозрительнаго дѣйствія. Это была чистая труженическая жизнь честнѣйшаго человѣка, безъ пятна и упрека. Онъ оставилъ мнѣ, какъ я уже говорилъ выше, всѣ свои бумаги. Я ихъ тщательно пересмотрѣлъ, перечиталъ всѣ его старыя письма, замѣтки, рукописи. Ни тѣни чего-либо тайнаго или особеннаго въ нихъ не содержалось. И эта тайна навсегда осталась для меня неразрѣшимой тайной¹⁾.

Такъ какъ иностранныя колоніи съ каждымъ годомъ разрастались на югѣ и личный составъ екатеринославской конторы оказывался слишкомъ малочисленнымъ для выполнения ложившихся на нее задачъ, то правительство создало 22 марта 1818 г., новыя установленія въ лицѣ главнаго попечителя и попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи.

Объектомъ попеченій этихъ установленій являлись всѣ уже созданныя въ южномъ краѣ и устраивавшіяся колоніи, независимо отъ національности и вѣроисповѣданія колонистовъ.

Задачею этого управленія было принятіе колонистовъ въ русское подданство, управленіе колоніями по установленнымъ правиламъ, защита правъ, вольностей и привилегій, дарованныхъ колонистамъ, и наконецъ надзоръ за соблюденіемъ обязательствъ, принятыхъ колонистами въ отношеніи къ русскому правительству. Комитету были подчинены колонисты въ деревенскихъ поселеніяхъ, но не въ городахъ, за исключеніемъ одесской ремесленной колоніи и бердянской колонистской общины.

Одновременно съ высочайшимъ утвержденіемъ положенія о попечительномъ комитетѣ главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ ген.-лейт. Ив. Ник. Инзовъ, который дотолѣ былъ извѣстенъ по военной службѣ, какъ благодушный, дѣятельный полковой командиръ, дежурный генераль и начальникъ штаба 2-ой арміи графа Беннигсена²⁾.

Инзовъ родился въ 1768 г. отъ невѣдомыхъ родителей, младенцемъ былъ привезенъ гр. Як. Ал. Брюсомъ въ пензенское имѣніе своего друга кн. Юр. Ник. Трубецкого, на воспитаніе Инзова (по сокращенію «Шной Зовъ») Брюсъ высылалъ крупныя деньги, но со смертію Брюса присылка денегъ прекратилась, и кн. Трубецкой, воспитавъ Инзова въ московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, довелъ о загадочномъ положеніи своего пи-

¹⁾ Воспоминанія А. М. Фадѣева (1790—1867) въ 2 ч. Одесса. 1897. Стр. 44—45; 106—107.

²⁾ И. Н. Инзовъ издавна пользуется симпатіями Россіи за участливое отношеніе къ Пушкину, въ эпоху его первой ссылки въ Кишиневъ.

томца до свѣдѣнія императрицы Екатерины. Инзовъ получилъ три тысячи червонцевъ на обмундированіе и обзаведеніе и въ 1785 г. былъ зачисленъ на военную службу кадетомъ въ Сумскій легко-конный полкъ съ занесеніемъ въ послужной списокъ коротко: «изъ дворянъ». Уже будучи старикомъ и полнымъ генераломъ, Инзовъ, обѣдая за царскимъ столомъ въ Одессѣ, былъ неожиданно спрошенъ государемъ Николаемъ Павловичемъ: «Кто былъ вашъ отецъ?» Инзовъ на это отвѣчалъ просто и спокойно: «Не знаю, ваше величество». Государь внимательно посмотрѣлъ на него и умолкъ.

Честный, прямой, благодушный человѣкъ, чуждый всякихъ искательствъ, но снискавшій расположеніе Екатерины, Александра и Николая, Инзовъ, въ качествѣ главнаго попечителя иностранныхъ поселенцевъ, оказался на мѣстѣ и былъ воодушевленъ искреннимъ намѣреніемъ принести посильную пользу опскаемымъ. И задача эта, нѣсколько для него тяжелая, какъ для военнаго человѣка, чуждаго сельско-хозяйственныхъ познаній, въ значительной степени облегчалась совѣтами и помощью хорошо ознакомленнаго съ колонистскими дѣлами Контеніуса. Ожидая государя Александра Павловича на югъ Россіи, Инзовъ составилъ подробный всеподданнѣйшій докладъ о судьбахъ и участи болгарскихъ переселенцевъ на югѣ Россіи и ходатайствовалъ о царскомъ имъ покровительствѣ и предоставленіи имъ тѣхъ же правъ и привилегій, коими уже пользовались другіе иностранные поселенцы. Докладъ этотъ отъ 19 марта 1819 г., представленный государю чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея, возымѣлъ полный успѣхъ. Въ 1820 г. Инзовъ былъ назначенъ, съ сохраненіемъ должности главнаго попечителя, исправляющимъ должность полномочнаго намѣстника Бессарабской области, а съ 17 іюля 1822 г., по увольненіи гр. Ланжерона, получилъ въ управленіе и весь Новороссійскій край. Это бремя сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей оказалось уже не подъ силу старику, страдавшему отъ ранъ и всякихъ недуговъ. Современникъ Инзова, желчный и злой Ф. Ф. Вигель, характеризуя его дѣятельность, замѣчаетъ, что «обремененный свыше силъ, безпрестанно въ трудахъ, безпрестанно въ заботахъ, Инзовъ не могъ произвести ничего полезнаго, истощая время свое въ разныхъ мелочахъ; онъ, входя во всякія подробности, упускалъ изъ виду всѣ важныя предметы. Ходъ дѣлъ останавливался, безпорядки возрастали и все шло къ совершенному разстройству».

Заботы о насажденіи виноградниковъ и разведеніи садовъ и сопряженныя съ этими хозяйственными обзаведеніями хлопоты до конца жизни оставались слабостью Инзова. Особенно много труда и любви положилъ И. Н. Инзовъ на устройство болгарскихъ колоній въ Бессарабіи и снискалъ себѣ отъ тамошнихъ переселенцевъ признательность, но за всѣмъ тѣмъ маленькими слабостями

Инзова и его пристрастіемъ къ занятіямъ ботаникою, естествознаніемъ и мистикою не упускали воспользоваться тѣмъ изъ подчиненныхъ, для которыхъ было важно усыпленіе его правительственной дѣятельности¹⁾. Жалобы на мздоимство и хищенія чиновниковъ и притѣсненія колонистовъ, осиротѣвшихъ послѣ смерти Контеніуса, составляли тѣневую сторону управленія колоніями въ эпоху попечительства Инзова, хотя онъ и былъ воодушевленъ наилучшими намѣреніями, какъ показываетъ инструкція о внутреннемъ устройствѣ и управленіи новороссійскими иностранными колоніями и инструкція объ обязанностяхъ сельскихъ приказовъ для болгарскихъ переселенцевъ.

Для устраненія разстройства въ управленіи колоніями въ помощь Инзову въ 1841 г. былъ назначенъ статскій совѣтникъ Евгений фонъ-Ганъ, который по смерти Инзова и занялъ должность главнаго попечителя колоній (1845—1849), ознаменовавъ свою дѣятельность преобразованиемъ въ колоніяхъ мѣстныхъ школъ и устройствомъ школъ центральныхъ.

Дальнѣйшими преемниками Гана по управленію иностранными колоніями, которое съ упраздненіемъ конторъ иностранныхъ поселенцевъ (съ 1 іюля 1833 г.) по интригамъ графа Закревскаго сосредоточилось въ рукахъ попечительнаго комитета съ постепеннымъ сокращеніемъ состава его служащихъ, были:

Баронъ Ѳедоръ Розенъ (1849—1853).

Баронъ фонъ-Местмахеръ (1853—1856).

Иславинъ (1856—1858).

Александръ Гаммъ (1858—1866).

Ѳедоръ Лизандеръ (1866—1867).

Владимиръ Эттингеръ (1867—1871).

Приведенные на предшествующихъ страницахъ факты составляютъ лишь незначительную часть любопытныхъ матеріаловъ, собранныхъ пасторомъ Келлеромъ, книга котораго существенно пополняетъ напечатанныя въ 60-хъ годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» статьи Клауса о южно-русскихъ колоніяхъ и изслѣдованіе Штаха²⁾.

Значеніе этихъ колоній въ русскомъ народномъ хозяйствѣ совершенно правильно охарактеризовано А. М. Фадѣевымъ, который по близкому знакомству со всѣмъ этимъ дѣломъ даетъ о немъ полнѣ компетентный и безпристрастный отзывъ:

«Вообще,—говоритъ А. М. Фадѣевъ,—за послѣднія 20—30 лѣтъ много было писано въ нашихъ журналахъ о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Преобладающее мнѣніе заключалось въ томъ, будто основаніе и распространеніе нѣмецкихъ колоній въ Россіи составляло ошибку

¹⁾ С. Потоцкій. И. Н. Инзовъ. Біографическій очеркъ. Лендеры 1904. Стр. 31

²⁾ P. I. Stach, Die deutsche kolonien in Sudrussland. 1904. Verlag bei Schad in Prischib.

правительства, ибо этимъ нанесенъ ущербъ русскимъ земледѣльцамъ, лишивъ ихъ при размноженіи народонаселенія простора къ переселенію. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Если въ финансовомъ отношеніи, по причинѣ данныхъ переселенцамъ большихъ льготъ (особенно менонитамъ), правительство и не имѣло прямыхъ отъ ихъ водворенія выгодъ, то взамѣнъ того введеніемъ разныхъ отраслей хозяйства и промышленности и самымъ примѣромъ хозяйственнаго ихъ устройства нѣмецкіе колонисты оказались для Россіи далеко не бесполезны. Ихъ примѣръ, сколько ни спорять о томъ, хотя и медленно, но оказываетъ вліяніе не только на русскихъ поселянъ, но даже и на магометанскихъ. Это доказали и ногайцы въ Крыму и татары въ Закавказскомъ краѣ, перенявъ у нѣмцевъ повозки, посѣвъ картофеля, а въ иныхъ мѣстахъ даже и лучший образъ построенія домовъ.

«Благодаря терпѣнію и настойчивости Контеніуса, онъ наконецъ достигъ того, что «шпанское» овцеводство составило и составляетъ главный источникъ благосостоянія нѣмецкихъ поселенцевъ во всей Екатеринославской губерніи и во всей степной части Таврической. Шелководство также служило и служитъ подспорьемъ благосостоянія колонистовъ нѣкоторыхъ изъ колоній этихъ двухъ губерній. Иныя колоніи (какъ, напримѣръ, Іозефсталь, близъ Екатеринослава) постоянно уплачивали всѣ подати, на нихъ лежація, доходами отъ этой отрасли хозяйства. Что касается до садоводства, то оно въ частности оказалось довольно прибыльнымъ въ Молочанскихъ колоніяхъ, гдѣ также по старанію и убѣжденіямъ Контеніуса разведены и лѣсныя плантаціи, столь полезныя въ степныхъ мѣстахъ».

Наконецъ екатеринославскій городской садъ, предназначенный сдѣлаться разсадникомъ садоводства въ губерніи, достигъ своей цѣли благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ и неусыпнымъ попеченіямъ все того же Контеніуса: «Не только въ Екатеринославской губерніи, но частію въ Херсонской, на Молочныхъ Водахъ въ Таврической и у помѣщиковъ и поселянъ и въ городахъ вновь устраиваемые сады пополнялись деревьями и прививками всѣхъ родовъ изъ екатеринославскаго сада и многіе изъ жителей распространеніемъ и улучшеніемъ своихъ садовъ улучшили и свое состояніе».

Такимъ образомъ нѣмецкая колонизація, пожалуй, окупилась, ибо благотворно отразилась на поднятіи сельскохозяйственной культуры и промышленности всего юга Россіи и породила такіе промысла (овцеводство, шелководство, виноградарство и пр.), которые въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ едва ли бы привились въ пустынной Новороссіи при косности коренного и рѣдкаго населенія.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1906 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1907.

ТКРЫВАЕТСЯ названный отчетъ небольшою замѣткою, посвященною памяти Н. П. Стороженка и заключающею въ себѣ характеристику покойнаго, какъ бібліотекаря музеевъ, много заботившагося объ организаціи особой бібліотеки въ читальной залѣ. Для внутренней жизни Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ довольно важное значеніе имѣютъ новыя правила о совѣтѣ музеевъ, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія 9 января 1906 г. Этими правилами, во-первыхъ, расширенъ составъ совѣта, въ который введены помощники бібліотекаря, помощники хранителей, консерваторъ картинной галлерей и завѣдывающій читальной залой; затѣмъ, болѣе точно опредѣлены и расширены и самыя предметы вѣдѣнія совѣта музеевъ, которому предоставлено распредѣленіе жертвуемыхъ суммъ и коллекцій по отдѣленіямъ и установленіе условій, на которыхъ пожертвованія могутъ быть приняты, составленіе инструкцій для служащихъ въ музеяхъ, составленіе правилъ о времени и порядкѣ занятій и т. д.

По числу пожертвованій 1906 годъ не уступалъ предшествующимъ годамъ, но по значенію эти пожертвованія, говорится въ отчетѣ, «не выходили изъ ряда среднихъ» (стр. 9). Наибольшая доля ихъ выпала на «Отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ». Здѣсь среди 21 нумера рукописей

имѣются два евангелія XVI вѣка, октояхъ и минея мѣсячная того же вѣка, катехизисъ Лаврентія Зизанія, «мелкаго поморскаго письма»; «Сборникъ словъ», писанный скорописью XVIII вѣка, и др. Въ группу «актовъ и автографовъ» вошли: 1) архивъ рода Чичаговыхъ, составленный изъ бумагъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова, бумагъ адмирала Павла Васильевича, морского министра и главнокомандующаго Дунайской арміею въ 1812 г., и бумагъ епископа Серафима, въ мирѣ полковника гвардейской артиллеріи Леонида Михайловича Чичагова; 2) бумаги композитора Виктора Никандровича Пасхалова и В. В. Пасхалова, между которыми находится и записная книжка Д. Л. Мордовцева, въ 16-ю долю, содержащая въ себѣ нѣсколько неизданныхъ его юношескихъ стихотвореній, посвященныхъ его сыну В. Н. Пасхалову; 3) бумаги Ник. Фед. Щербины, содержащія матеріалы по народному творчеству, въ 21 тетради, и 2) бумаги Алексѣя Алексѣевича Тучкова.

Пожертвованная еще въ 1904 г. переписку Герцена и Огарева къ 1907 г. была окончательно разобрана и поступила съ этого года во всеобщее пользованіе. Общее количество писемъ, входящихъ въ составъ этой переписки, равняется 478; изъ нихъ 314 писемъ А. П. Герцена и 163 письма Н. П. Огарева. Переписка относится къ послѣднимъ годамъ жизни Герцена (1855—1870). «Письма ихъ, по своему содержанію», читаемъ на стр. 43, «представляютъ собою послѣдовательную и подробную исторію какъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ жизни, такъ и постепеннаго хода волновавшихъ ихъ думъ и плановъ и развитія ихъ личныхъ талантовъ, ихъ литературныхъ и организаторскихъ дарованій, ихъ философскихъ и политическихъ убѣжденій»... и такимъ образомъ «являются драгоцѣннѣйшимъ, документальнымъ, биографическимъ матеріаломъ».

— Несмотря на ограниченность мѣста для отзывовъ, мы все-таки приведемъ двѣ-три выдержки изъ этой переписки. По поводу желанія и надеждъ А. П. Герцена добровольно возвратиться въ Россію Огаревъ, отъ 30 марта 1869 г., пишетъ: «Что касается до свободнаго возвращенія въ Русь, о которомъ ты говоришь въ каждомъ письмѣ, чѣмъ больше объ немъ думаю, тѣмъ больше нахожу, что мы такъ поставлены, что худшаго наказанія для насъ найти невозможно».

17 июля 1863 г. Герценъ писалъ Огареву: «Вчера былъ Достоевскій. Онъ наивный, не совѣмъ ясный, но очень милый человекъ. Вѣрить съ энтузіазмомъ въ русскій народъ».—29 іюня того же года Герценъ сообщалъ Огареву: «Читаю романъ Чернышевскаго («Что дѣлать?»). Господи, какъ гнусно написано, сколько кривлянья... что за слогъ! Какое дрянное поколѣнье, котораго эстетика такъ удовлетворена. И ты хвалившій—куртизанъ! Мысли есть прекрасныя, даже положенія,—и все полито изъ семинарски-петербургско-мѣщанскаго ур.... à la Niederhuber».—8 августа 1867 г. Герценъ писалъ Огареву по тому же предмету: «Когда ты начнешь романъ Чернышевскаго? Это очень замѣчательная вещь. Въ немъ бездна отгадокъ и хорошей и дурной стороны ультра-нагилистовъ. Ихъ жаргонъ, ихъ аляповатая грубость, презрѣніе формъ, натянутость, комедія простоты, и съ другой стороны много хоро-

шаго, здороваго, воспитательнаго»...—8 января 1868 г. Герценъ писалъ Огареву: «Дорого бы я далъ, если бъ ты могъ пробѣжать книгу, которая доставляетъ мнѣ перцовое наслажденіе—сочиненія Писарева. Они изданы въ четырехъ частяхъ. Какъ досадно, что я порядкомъ узналъ этого Маколея петербургскаго нигализма такъ поздно. Вотъ собственное сознаніе п самооправданіе, сдѣланное не дуракомъ, не мошенникомъ, а умнымъ человѣкомъ. Онъ заставилъ меня иначе взглянуть на романъ Тургенева и на Базарова. Можетъ, я напишу что-нибудь объ немъ. Безграмотная ненависть къ Пушкину, сноходительное снисхожденіе къ Бѣлинскому и къ намъ то отношеніе, какъ къ выжившимъ изъ ума безокойнымъ старичкамъ».—15 января 1870 г. Герценъ писалъ Огареву: «Тургеневъ былъ. Весель и здоровъ, у него подагра и больше, кажется, ничего. Разсказываетъ анекдоты, съдѣ, какъ лунь».

Изъ другихъ отдѣленій, кромѣ библиотеки, въ которую въ отчетномъ году, болѣе прочихъ лѣтъ, поступило до 17312 томовъ, посчастливилось отдѣленію изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей, и именно отдѣлу гравюръ, куда пожертвована большая и цѣнная коллекція рисунковъ и гравюръ почетнымъ членомъ музеевъ Н. С. Мосоловымъ. Не мало также поступило и въ Дашковскій этнографическій музей, который, кстати сказать, сильно нуждается въ расширеніи помѣщенія.

Въ третьемъ приложеніи къ отчету находимъ «инвентарную опись коллекціямъ, находящимся въ комнатахъ людей 40-хъ годовъ», устроенной при музеяхъ, благодаря инициативѣ и содѣйствію покойной писательницы Екатерины Степановны Некрасовой, и заключающей въ себѣ печатные и рукописные матеріалы, а также портреты, фотографическіе снимки и др. предметы, касающіеся преимущественно жизни и литературной дѣятельности А. П. Герцена и Н. П. Огарева.

Общее количество посѣтителей музеевъ, явившихся для обзорѣнія и занятій, въ отчетномъ 1906 году было 53012 человѣкъ, изъ которыхъ въ читальной залѣ занималось 11674 человѣка. Сравнивая послѣднюю цифру съ количествомъ посѣтителей, имѣвшихъ билеты для чтенія въ читальной залѣ императорской публичной библиотеки въ С.-Петербургѣ, гдѣ было выдано 26.370 билетовъ, при вмѣстимости залы на 500 человѣкъ,—нельзя не признать ее весьма значительною, тѣмъ болѣе, что читальная зала музеевъ не вмѣщаетъ болѣе 170 человѣкъ.

В. Рудаковъ.

П. Покрышкинъ. Православная церковная архитектура XII—XVIII столѣтій въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. Изданіе императорской академіи художествъ. Спб. 1906.

О сербской церковной архитектурѣ въ русской археологической литературѣ свѣдѣній мы почти не имѣемъ, если не считать краткихъ замѣчаній нѣкоторыхъ путешественниковъ. Настоящій трудъ г. Покрышкина восполняетъ этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Авторъ былъ командированъ императорской академіею художествъ въ Сербію для изученія особенностей сербскаго церковнаго зодчества. Во время

своей командировки онъ снялъ около 200 фотографій и сдѣлалъ обмѣры четырехъ церквей. Въ разсматриваемой книгѣ дано краткое описаніе интересныхъ памятниковъ и помѣщено 106 наиболѣе характерныхъ рисунковъ.

Собранный въ Сербіи матеріалъ г. Покрышкинъ группируетъ по эпохамъ, которыя отличаются одна отъ другой различными посторонними вліяніями, въ зависимости отъ хода историческихъ событій.

Древнѣйшій періодъ въ исторіи сербскаго церковнаго зодчества характеризуется во вѣншнемъ своемъ обликѣ перевѣсомъ западнаго или, такъ называемого, «приморскаго» вліянія (т.-е. вліянія далматинскихъ береговъ, которые, въ свою очередь, вдохновлялись архитектурою восточнаго побережья Италіи) надъ византійскимъ. Сербы и вообще славяне много помогли въ развитіи византійскаго и далматинскаго стилей. Они внесли въ эти стили много стройности, сочности и колорита. Въ удлинненныхъ планахъ сербскихъ церквей, въ деталяхъ карнизныхъ тягъ и фронтоновъ, двойныхъ и тройныхъ оконъ и въ орнаментикѣ замѣчается сильное далматинское вліяніе. Причины такого вліянія, говоритъ изслѣдователь, какъ всегда, кроются въ географическихъ и историческихъ условіяхъ, въ близкомъ сосѣдствѣ Сербіи къ приморью и политическихъ обстоятельствахъ того времени. Это есть эпоха св. Стефана Нѣмани, объединителя Сербіи, который, по преданію, родился близъ Далмаціи, вначалѣ даже крещенъ былъ въ католическую вѣру и, хотя снова крестился въ православіе, будучи уже 40-лѣтъ отъ роду, но задачу своей государственной дѣятельности поставилъ сверженіе греческаго ига и водвореніе самодержавія, а также эпоха усердной строительницы церквей, кралицы Елены, католички, супруги Стефана I Храпаваго. Къ этому раннему періоду сербской архитектуры относятся церкви: Великая Студеницкой лавры 1190 г., Великая Арильская XIII столѣтія и Градацкая середины XIII вѣка. Второй періодъ, характеризующійся исключительно византійскимъ вліяніемъ, обнимаетъ собою царствованіе короля Милутина (начало XIV вѣка), который поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ Византіей. Сербскія церкви этого времени—одноили пятикупольнаго типа. Изъ нихъ извѣстны: Студеницкая Милутина 1314 г. и двѣ въ Старой Сербіи—одна въ Нагоричѣ, близъ Куманова, и другая въ Грачаницѣ, близъ Приштины. Третій періодъ въ развитіи сербскаго церковнаго зодчества—конецъ XIV и начало XV вѣка. Церкви этого времени—наиболѣе самобытные памятники архитектуры. Сербскіе художники, по словамъ г. Покрышкина, вложили свою душу въ украшенія церквей народною кружевною рѣзбою въ камнѣ, придали барабанамъ куполовъ своеобразную стройность (расчленивъ ихъ по образу солунской церкви св. пророка Іліи, но уменьшивъ діаметръ) и своеобразную группировку (западная нара малыхъ куполовъ отстоитъ отъ восточной дальше, чѣмъ сѣверная отъ южной); остановились, главнымъ образомъ, на «триконхидальномъ» планѣ, вѣроятно, также подъ вліяніемъ плана церкви пророка Іліи въ Солуни; украсили грани трехъ главныхъ и двухъ малыхъ полукруглыхъ выступовъ тонкими изящными колонками, поставили барабаны куполовъ на особыя декоративныя арки, имѣющія отдаленное сходство съ русскими кокошниками, и т. п. Къ этой группѣ относятся церкви: Раваницкая, Любостывьская, Манасійская, Каленицкая,

Смедеревская и др. Типъ этихъ церквей очень устойчивъ и повторяется вплоть до XIX вѣка включительно.

Нельзя не благодарить г. Покрышкина за новыя интересныя свѣдѣнія, а императорскую академію художествъ—за новое очень изящное изданіе.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что заглавіе своему труду г. Покрышкинъ далъ неправильное или, по крайней мѣрѣ, неточное. Дѣло въ томъ, что въ своей работѣ онъ удѣляетъ немало вниманія и мѣста интереснымъ фрескамъ и вообще стѣнописямъ, украшающимъ сербскіе храмы; много и иллюстрацій относятся къ стѣннымъ же росписямъ. Конечно, и о нихъ знать намъ весьма интересно; но тогда и заглавіе должно быть иное—именно указывающее на архитектуру и живопись въ сербскихъ храмахъ. Архитектура и живопись—двѣ совершенно самостоятельныхъ отрасли искусства.

Приватъ-доцентъ А—скій.

Францевъ, В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906.

Паденіе Польши было ударомъ грома, разразившимся надъ польскимъ народомъ. Государство пало, но народъ ожилъ. Усиленно заработала народная мысль, и поляки слѣшили на полѣ науки и литературы возмѣстить хоть отчасти утраты, понесенныя на поприщѣ политическомъ. Научное и умственное движеніе сосредоточилось около знаменитаго варшавскаго общества друзей наукъ. «И прежде полякъ занимался науками, видя въ нихъ украшеніе для себя; тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ долженъ отдаться имъ теперь», заявилъ, характеризуя цѣль этого общества, Станиславъ Потоцкій: «это единственный, оставшійся для насъ путь славы». — «Будемъ жить въ наукахъ!» писалъ графъ Өаддей Чацкій, и эти слова стали девизомъ всего образованнаго общества.

Какъ всѣ славянскія возрожденія начала XIX вѣка, и польское не обошлось безъ стремленія обосновать свое народное дѣло на болѣе широкой основѣ—всеславянства. Уже въ концѣ XVIII вѣка графъ Янъ Потоцкій ѣздитъ по Европѣ и ищетъ повсюду слѣдовъ былой славянской жизни. Изслѣдованіямъ славянской древности посвящаетъ свои досуги могилевскій римско-католическій митрополитъ Сестрэнцевичъ-Богушъ. Позднѣ князь Александръ Санъга, исходя изъ мысли, что «нѣтъ человѣка, для котораго могло бы быть чуждымъ имя отца или побратима», совершаетъ трехлѣтнее путешествіе по южно-славянскимъ землямъ, заглядывая въ такіе уголки, куда въ то время почти не ступала нога путешественника. Это первые провозвѣстники новаго теченія. Вскорѣ вслѣдъ за ними Линде начнетъ на славянской основѣ свою монументальную работу надъ словаремъ польскаго языка, Суравецкій углубится въ польскія и славянскія древности, Зоріанъ Доленга Ходаковскій, обходя Русь и Польшу чуть не пѣшкомъ, будетъ строить свою теорію древне-славянскихъ городищъ и староствъ. Наконецъ, на славянской западъ, югъ и востокъ поѣдутъ уже не диллетанты, а специально откомандированные для изученія славянства молодые ученые Бобровскій и Кухарскій.

Но славянство не мыслимо безъ Руси. И, какъ это ни удивительно, но въ минуту, когда судьбы истории выкапывали между русскимъ и польскимъ народомъ пропашть, которую теперь такъ тщетно стараемся мы засыпать, явился въ Польшѣ особенный интересъ къ Россіи. Уже придворный поэтъ короля Станислава Августа Станиславъ Трембецкій пѣлъ о братскомъ единеніи русскихъ и поляковъ. Въ 1790 г. польскій Новиковъ, знаменитый ксендзь Станиславъ Сташиць, призываетъ поляковъ «объединиться съ Россіей подъ одной короной, ибо родственное славянское племя, сохранявшее всегда каждому изъ покоренныхъ имъ народовъ его національныя и бытовыя черты, не можетъ быть опаснымъ для поляковъ, тогда какъ другіе сосѣди являются дѣйствительными врагами самаго существованія польскаго народа». «Никогда не забывайте, дорогіе соотечественники,—пишетъ онъ,—этихъ моихъ послѣднихъ словъ: соединяйтесь съ Россіей и просвѣщайтесь». Даже князь Адамъ Чарторыйскій, который послѣ признавался, что «онъ не можетъ безъ отвращенія видѣть русскаго», писалъ тогда: «Сходство языка, единство нашего происхожденія и подчиненіе скипетру монарха, свои взоры на котораго обращаютъ всѣ славянскіе народы, связываютъ насъ общими узами съ русскими и объединяютъ въ одну семью. Неужели одни только поляки должны отдѣлиться отъ другихъ славянскихъ племенъ и единные предпочли бы покориться чуждому господству?»

Война 1812 г. сразу и рѣзко понизила тонъ всѣхъ этихъ голосовъ. Взоры поляковъ обратились въ сторону Наполеона. Въ одѣ «На пожаръ Москвы» Каэтанъ Козьмянъ называетъ Россію «чудовищемъ» (*potwór natury*), Москву «новымъ Вавилономъ» и утверждаетъ, что «самъ Богъ не далъ бы полякамъ болѣе того, что они получили отъ Наполеона». Но скоро полчища французовъ съ оборванными орлами потянулись изъ Москвы, и тотъ же поэтъ пишетъ уже новое стихотвореніе о Наполеонѣ—«Оду на паденіе гордаго». Когда на Вѣнскомъ конгрессѣ было установлено царство Польское, рядъ поэтовъ въ торжественныхъ одахъ привѣтствовалъ Александра. Тогда между прочимъ былъ написанъ Фелинскимъ въ честь императора считающійся теперь революционнымъ извѣстный гимнъ *Boże coś Polskę*. Ваврежцкій въ политическихъ рѣчахъ своихъ призываетъ согражданъ къ единенію съ русскимъ народомъ; одинъ изъ первыхъ польскихъ славянофиловъ Вороничъ посвятилъ этой мысли цѣлый рядъ своихъ стихотвореній, а послѣ смерти Александра писалъ: «Троя и существованіе Польши связаны съ могуществомъ и славой Россіи. Въ будущемъ одно тѣло должно имѣть одинъ духъ жизни. Не стремиться къ этой цѣли значить не желать добра самимъ себѣ. Священные останки первыхъ основателей нашей державы въ Краковѣ не перестанутъ благословлять новую династію польскихъ королей, возродившуюся и прославившуюся въ могущественномъ императорско-россійскомъ родѣ».

Что здѣсь было искренняго, а что льстиваго и по официальной надобности составленнаго, трудно отличить. Авторъ разбираемой книги и не пытается этого сдѣлать: онъ принимаетъ на вѣру все, но, если даже откинуть половину изъ собраннаго имъ для характеристики общаго настроенія матеріала, все же, несомнѣнно, придется удостовѣрить руссофильскія и славянофильскія тенденціи

современнаго польскаго общества. Отсутствіе при этомъ всякихъ заднихъ мыслей особенно очевидно въ научной дѣятельности польскихъ ученыхъ, въ области собственно славяновѣдѣнія, исторіи котораго посвящена книга г. Францева.

На первомъ планѣ здѣсь вырисовывается привлекательный образъ Линде. Шведъ родомъ, полунѣмецъ по воспитанію, онъ сдѣлалъ такъ много для польскаго языка, какъ рѣдко кто изъ природныхъ поляковъ. Его словарь, собравшій въ одно цѣлое все лексическое богатство польскаго языка, и до сихъ поръ сохранилъ свое научное значеніе. Плодъ труда многолѣтняго, безкорыстнаго, самоотверженнаго, онъ въ одно и то же время и патріотическій подвигъ и свидѣтельство широкихъ всеславянскихъ симпатій Линде. Каждое слово сравнивается польскимъ ученымъ съ родственными славянскими словами: Линде старается всюду подчеркнуть «слѣды единства славянскаго рода», замѣнить галлицизмы словами, взятыми изъ родственныхъ языковъ, и усовершенствовать польскій языкъ при помощи славянскихъ. Ему видится вдалекѣ славянское единство, онъ сочиняетъ всеславянскую азбуку и задумываетъ польско-славянское общество, которое бы подготовило почву для взаимнаго сближенія славянскихъ языковъ и созданія въ будущемъ для всѣхъ славянъ одного языка, которымъ, по его мысли, долженъ быть усовершенствованный общими трудами языкъ польскій. Общество это должно дополнить и переработать изданный имъ словарь, составить біографію каждаго слова или, лучше сказать, его генеалогію со всѣми многообразными развѣтвленіями по боковымъ и нисходящимъ линіямъ. Позднѣе въ качествѣ профессора только что учрежденнаго Александровскаго университета онъ переводитъ книгу Греча о русской литературѣ, руководитъ трудами молодыхъ ученыхъ и оберегаетъ ихъ первые шаги. Это—ученый съ широкими горизонтами и идеалистическими стремленіями, и страницы, посвященныя ему, лучшая часть книги г. Францева.

Патріотическимъ и всеславянскимъ чувствомъ были вызваны и труды польскаго Шафарика, изслѣдователя славянскихъ древностей Суровецкаго. «Погибла отчизна, но не погибнетъ народъ при свѣтѣ факеловъ науки», провозглашаетъ онъ и пускается въ самыя отдаленныя времена славянской исторіи, ища тамъ начала польскаго и другихъ славянскихъ народовъ. Онъ читаетъ свидѣтельства древнихъ писателей, дѣлаетъ изъ нихъ выписки, доходящія вмѣстѣ съ примѣчаніями до 300 печатныхъ листовъ, слѣдуетъ имъ и провѣряетъ, а въ то же время одинъ изъ первыхъ устанавливаетъ новые методы изслѣдованія, привлекая въ качествѣ свидѣтельствъ топографическую номенклатуру, языкъ, народныя преданія, памятники вещественные. Разысканія надо начинать и вести не сверху внизъ, не отъ Адама къ нашему времени, а отъ послѣднихъ слѣдовъ постепенно восходить къ древнѣйшимъ. Это было въ славянской польской наукѣ новымъ словомъ, и книга Суровецкаго «Изслѣдованія начала славянскихъ народовъ» была основою, на которой построены были потомъ «Славянскія древности» Шафарика.

Рядомъ съ Суровецкимъ на томъ же полѣ дѣйствуетъ Игнатій Бенедиктъ Раковецкій. Подъ непосредственнымъ влияніемъ Линде онъ обращается къ изученію русскаго права и издаетъ изслѣдованіе о Русской Правдѣ и догово-

рахъ Олега и Игоря съ греками. Трудъ этотъ вышелъ шестью годами раньше извѣстной работы Эверса и является такимъ образомъ первымъ опытомъ научной обработки исторіи русскаго права въ древнѣйшій періодъ его развитія. Справедливо поэтому думаетъ львовскій профессоръ Бальцеръ, что настоящимъ отцомъ исторіи русскаго права слѣдовало бы признать не Эверса, а Раковецкаго, тѣмъ болѣе, что онъ первый высказалъ мысль о національныхъ началахъ русскаго права—взглядъ, утвердившійся въ наукѣ вопреки мнѣнію Эверса, который искалъ началъ русскаго права въ источникахъ германскихъ. Наша академія удостоила трудъ Раковецкаго золотой медалью. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ къ жизни заставилъ его обратиться къ другому рода занятіямъ, и онъ былъ утраченъ для науки.

Еще болѣе, чѣмъ Раковецкій, были близки къ русской наукѣ Бобровскій и Ходаковскій, которымъ посвящена слѣдующая глава книги г. Францева. Изъ нихъ первый, открывшій Супрасльскую рукопись, внослѣдствіи изъ униатскаго кеендза сдѣлался даже православнымъ протоіереемъ, а второй все почти свои изслѣдованія городищъ произвелъ въ сѣверной Руси. Оба вышли изъ кружка князя Адама Чарторыйскаго, котораго дѣятельности и вліянію, можетъ быть, слѣдовало бы удѣлять въ книгѣ болѣе вниманія.

Послѣдняя глава работы г. Францева посвящена подробнѣйшему описанію поѣздки по славянскимъ землямъ стипендіата Александровскаго университета Андрея Кухарскаго и его приготовленія къ кафедрѣ славяновѣдѣнія, которой онъ никогда не занялъ, и къ научной дѣятельности, которая свелась къ изданію одной неуклюжей компіляціи и двухъ-трехъ незначительныхъ брошюръ. Война 1830 г. роковымъ образомъ отразилась на польскомъ славяновѣдѣніи. Она отдѣлила польскія ученые силы отъ русскихъ и чешскихъ и сузила ихъ горизонтъ надолго. На 1830 г. обрывается и книга г. Францева.

Ученая добросовѣстность автора, кропотливое изслѣдованіе имъ всякой мелочи, боязнь упустить и незначительное, а то и совсѣмъ пустячное, дѣлають его книгу неинтересной для широкой публики. Хотѣлось бы видѣть болѣе жизненности въ изложеніи и характеристикахъ, болѣе широкія и округленные линіи въ постройкѣ всей книги, но и то, что дано, несмотря на свою сухость, составляетъ полезный вкладъ въ нашу скудную литературу по славяновѣдѣнію. Наряду съ изданной недавно авторомъ корреспонденціей Ганки и издаваемою имъ же въ Прагѣ корреспонденціей Добровскаго новая книга г. Францева даетъ матеріалъ, изъ котораго кто-нибудь построитъ намъ со временемъ живую и яркую картину славянскихъ взаимодействій.

Андрей Сиротининъ.

«Вѣстникъ археологіи и исторіи», издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVII. Спб. 1906.

Настоящій XVII выпускъ «Вѣстника археологіи и исторіи» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; въ первомъ изъ нихъ помѣщены изслѣдованія и замѣтки, а во второмъ матеріалы. Во главѣ «изслѣдованій» находимъ статью Н. Ш. Веселовскаго «Мнимыя каменные бабы», въ которой онъ предупреждаетъ относиться

скептически къ такъ называемымъ «каменнымъ бабамъ» и между прочимъ отвергаетъ долго державшееся убѣжденіе въ подлинности «золотой бабы», которая, по его утверженію, не что иное, какъ «остяцкій идолъ».

Далѣе слѣдуетъ любопытная статейка В. М. Грибовскаго: «Что такое «зубояжа», какъ преступленіе», о которой, вышедшей ранѣе настоящаго тома, въ видѣ отдѣльнаго выпуска, см. «Историческій Вѣстникъ», 1906 г., августъ, 630 стр. Изъ другихъ статей этого отдѣла наиболѣе интересная: «Софія премудрость Божія» А. Никольскаго, въ которой сообщаются «новыя данныя для разъясненія доселѣ еще темныхъ вопросовъ о св. Софіи», какъ выразился Н. В. Покровскій; «Москва и первый самозванецъ» А. И. Соболевскаго, гдѣ приводится любопытное послѣсловіе иона Константина, сообщающаго разныя свѣдѣнія о себѣ и своемъ времени и преимущественно о первомъ самозванцѣ, котораго онъ прямо называетъ «Гришкою Отреньевымъ, именуемымъ Разстрига» и въ то же время относится къ нему безъ всякой вражды или ненависти; «Военный Журналъ, какъ періодическое изданіе 1817—1818 гг.» М. К. Соколовскаго и «Происхожденіе нотнаго музыкальнаго письма у сѣверныхъ и южныхъ славянъ по памятникамъ древности, преимущественно византійскимъ» К. П. Пападопуло-Керамевса.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены: «Царскіе иконописцы въ XVII вѣкѣ» (матеріалы, извлеченныя изъ документовъ московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора) А. И. Успенскаго, «Записныя взносныя книги большому государеву наряду» (заимствованы изъ того же архива) С. Н. Кологривова, «Писцовая книга Великаго Новгорода 1583—1584 гг.» П. Л. Гусева и «Статейный списокъ» Н. Спаарія (1675—1678 гг.) А. Ю. Арсеньева. По поводу писцовой книги П. Л. Гусевъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: «эта драгоценная, единственная для древняго Новгорода, опись дошла до насъ не вполне и частію въ крайне печальномъ видѣ. Въ настоящее время книга распадается на двѣ части: одна, которую мы начинаемъ печатать, относительно хорошей сохранности (она включаетъ въ себѣ окончаніе описанія Загородскаго конца, весь Гончарскій конецъ и большую часть Славенскаго конца); другая же, въ особенности въ началѣ, концѣ и по краямъ, сошла отъ сырости и читать ее можно только съ крайнею осторожностью. Обѣ части, формата обыкновенной четвертки, писаны съ обѣихъ сторонъ почеркомъ несомнѣнно второй половины XVI столѣтія. Матеріаломъ, заключающимся въ нихъ, до сихъ поръ никто еще не пользовался»... Книга хранится въ академіи наукъ.

Таково содержаніе лежащаго передъ нами XVII выпуска «Вѣстника археологіи и исторіи», содержаніе безспорно разнообразное и цѣнное въ научномъ отношеніи. Одно только крайне удивляетъ насъ, почему редакторы «Вѣстника» рѣшили совершенно изгнать изъ содержанія его отдѣлъ библиографическій. Съ 1900 г. вы не найдете въ этомъ историко-археологическомъ журналѣ ни одного отзыва, не говоря уже о критическихъ разборахъ, о какой бы то ни было научной работѣ однороднаго съ журналомъ содержанія. Между тѣмъ незабвенной памяти основатель института Н. В. Калачевъ и его достойный преемникъ П. Е. Андреевскій въ редактируемыхъ ими «Сборникъ археологи-

ческаго института» и нынѣшнемъ «Вѣстникѣ» удѣляли библиографіи значительное мѣсто. Намъ еще памяты четверговыя бесѣды членовъ и слушателей института, руководимыя покойнымъ И. Е. Андреевскимъ, на которыхъ распространялись для рецензирования и обсуждались новыя книги, по особому списку, составляемому самимъ директоромъ. Результатомъ этихъ бесѣдъ былъ пространный указатель всѣхъ книгъ и статей по археологіи и исторіи, напечатанныхъ въ 1886 г., съ болѣе или менѣе подробными рецензіями о 28 книгахъ, и краткій очеркъ дѣятельности шести археологическихъ и историческихъ обществъ. Все это и было напечатано въ VII выпускѣ «Вѣстника» (1888 г.). Подобный же указатель былъ заготовленъ и за 1887 г. для VIII выпуска, но онъ, за смертію И. Е. Андреевскаго и замѣною его А. Н. Труворовымъ, очень мало имѣвшимъ отношенія къ наукѣ, свѣта не увидалъ. Работало при И. Е. Андреевскомъ всего десятка полтора человекъ, теперь же число членовъ и слушателей института возросло до грандіозныхъ размѣровъ, и среди нихъ, несомнѣнно, найдется немало любителей библиографіи. Вотъ, на нашъ взглядъ, нынѣшнему директору и слѣдовало бы воспользоваться услугами послѣднихъ и обогащать въ редактируемомъ имъ «Вѣстникѣ» историко-археологическую библиографію погодными обзорами, наподобіе изданныхъ И. Е. Андреевскимъ, тѣмъ болѣе, что все разрастающаяся библиографія далеко не находитъ себѣ мѣста въ разныхъ историческихъ журналахъ и потому остается большинству совершенно неизвѣстной. В. Рудаковъ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IX. Царствованіе государыни императрицы Анны Іоанновны. 1735 — 1737 гг. Спб. 1905. Томы I и II. Царствованіе государыни императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1745 гг. Спб. 1899 и 1907.

Изданіе высочайше учрежденной комиссіи по описанію синодальнаго архива съ вышеприведеннымъ заглавіемъ содержитъ въ себѣ высочайшіе указы и повелѣнія по вѣдомству православнаго исповѣданія и опредѣленія (протоколы) святѣйшаго синода, касающіяся разъясненія высочайшихъ указовъ, утвержденія православной вѣры, уменьшенія ересей, раскола, сектъ, распространенія просвѣщенія, книгопечатанія, высшаго и епархіальнаго духовнаго правленія и т. д. Указанные томы даютъ болѣе 300 синодальныхъ опредѣленій за 6, 7 и 8 годы царствованія Анны Іоанновны, когда православная церковь и духовенство несли на себѣ тяжесть иноземнаго вліянія, и до 1000 синодальныхъ опредѣленій за первые четыре съ небольшимъ года царствованія Елизаветы Петровны, когда правительство старалось исправить крайнія увлеченія временъ Анны Іоанновны и совершенно изгладить изъ народной памяти всѣ слѣды правленія — принцессы Анны Леопольдовны Брауншвейгъ-Люнебургской и Іоанна VI. Многіе милостивые манифесты императрицы Елизаветы Петровны свидѣтельствовали о полномъ доброжелательствѣ новаго правительства къ духовному сословію. «Собраніе постановленій» даетъ ма-

теріаль для сужденія о вѣсѣхъ сторонахъ дѣятельности святѣйшаго синода, какъ высшаго центрального управленія православною русскою церковью со всѣми ея отдѣльными учрежденіями. Изданіе это начинается «Духовнымъ Регламентомъ» (1721 г.) и въ первыхъ девяти томахъ напечатаны постановленія за 1721—1737 гг.; послѣдній X томъ (1738 — 1741 гг.) печатается; въ первыхъ двухъ томахъ второй серіи даны постановленія 1741—1745 гг. царствованія Елизаветы Петровны (продолженіе будетъ); начата печатаніемъ и третья серія—царствованіе императрицы Екатерины II (напечатаны постановленія за 5 лѣтъ).

Для лицъ, интересующихся этимъ изданіемъ, не лишнимъ будетъ упомянуть и о дешевизнѣ изданія, а именно: I—VIII томы включительно, если выписывать одновременно, можно приобрести съ уступкою 75⁰/₀, т. е. за 3 рубля, если же покупать по одному тому, то уступка 50⁰/₀; остальные томы IX и I—II второй серіи продаются по общимъ правиламъ; словомъ, всѣ 11 томовъ изданія можно купить за 10 рублей, между тѣмъ какъ они содержатъ въ себѣ историческіе матеріалы чуть не за 25 лѣтъ существованія святѣйшаго синода и его всесторонней дѣятельности.

М—овъ.

Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. Томъ первый. 1470—1700 г.г. Томъ второй. 1701—1839 г.г. Спб. 1897 и 1907.

Архивъ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ переданъ въ синодальный архивъ изъ бѣлорусской духовной коллегіи, закрытой въ 1843 году. Историческая важность документовъ архива, обнимающихъ собою періодъ времени почти въ четыре столѣтія, тогда же обратила на себя вниманіе какъ высшаго духовнаго правительства, такъ и представителей науки. Однако неразборчивость почерковъ, ветхость древнихъ документовъ и отсутствие компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ отдалили научное описаніе архива до настоящихъ дней. Нынѣ эта нелегкая задача исполнена членомъ Высочайше учрежденной комиссіи по описанію синодального архива С. Г. Рункевичемъ. Осталось только нѣсколько (свыше 20) такъ называемыхъ «книгъ», содержащихъ въ себѣ документы самаго разнообразнаго содержанія и самыхъ различныхъ годовъ, а также—инвентарная опись «визитъ». Описаніе всего этого будетъ помѣщено въ начатомъ печатаніемъ III-мъ (послѣднемъ) томѣ «Описанія».

Невозможно въ краткой библиографической замѣткѣ передать все разнообразное содержаніе 3501 описаннаго документа. Необходимо, однако, замѣтить, что содержаніе архива шире, чѣмъ обѣщаетъ его названіе. Оно обнимаетъ всю совокупность церковной, общественной, политической и бытовой жизни западно-руссовъ, начиная съ давняго времени, когда объ уніи еще и не помышляли, и кончая 1839-мъ годомъ, когда снова восторжествовало православіе. Документы подтверждаютъ слова медали, выбитой въ память воссоединенія уніатовъ:

«Отторгнутые насиліемъ» (1595 г.)—относится къ 1-му тому,

«Возсоединены любовію» (1839 г.)—относится ко 2-му тому.

Ходъ историческихъ событій вполне отразился не только на содержаніи документовъ, но и на языкѣ ихъ: начавшись сплошнымъ русскимъ языкомъ, постепенно смѣнившимся въ XVII ст. польскимъ и латинскимъ, документы съ середины XVIII вѣка получаютъ снова русское письмо и кончаются чисто русскимъ текстомъ. Образцы письма документовъ приложены къ 1-му тому «Описанія» въ 15 фототипическихъ снимкахъ. Оба тома имѣютъ по три указателя—лицъ, мѣстъ и предметовъ, а второй томъ и четвертый указатель—хронологическій. Ко второму тому присоединена инвентарная опись 113 метрическихъ книгъ 1244-хъ приходскихъ церковей брестской и луцкой униатскихъ епархій за 1667—1801 г.г.

Трудъ «Описанія» выполненъ съ великимъ терпѣніемъ, но еще съ большимъ знаніемъ дѣла и глубокимъ сознаніемъ ожидаемой отъ него пользы для науки. Изъ каждаго документа извлечена его эссенція, а гдѣ содержаніе интереснѣе и цѣннѣе, приведены цѣлыя подробныя выписки. Четыре указателя—небывалая роскошь въ описаніяхъ архивовъ.

Первый томъ «Описанія» почти весь разошелся (осталось не болѣе 10 экземпляровъ), такъ какъ со времени его изданія прошло уже 10 лѣтъ, а второго тома налицо—200 экземпляровъ, хотя онъ вышелъ въ февралѣ текущаго года.

М—овъ.

С. Г. Вилинскій. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906.

Старцемъ Артеміемъ, осужденнымъ за религиозное вольнодумство Московскимъ соборомъ 1554 г. и вскорѣ послѣ этого бѣжавшимъ въ Литву, занимались многіе изслѣдователи русской литературы и просвѣщенія, напримѣръ, Н. Рудневъ, Костомаровъ, графъ М. В. Толстой, преосвященный Макарій, И. Малышевскій, Н. Лебедевъ, П. М. Занковъ, С. Садковскій и др. При этомъ лишь послѣдніе двое занимались имъ спеціально, остальные говорили мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе ни біографія, ни литературная дѣятельность Артемія не могли считаться окончательно выясненными. Изъ вопросовъ біографическаго характера необходимо было рѣшить два важныхъ: во-первыхъ, слѣдуетъ ли считать Артемія только послѣдователемъ заволжскихъ старцевъ, развившимъ ученіе ихъ «до крайности», или же возможно видѣть на немъ и вліяніе тогдашнихъ рационалистическихъ ученій; во-вторыхъ, не является ли осужденіе Артемія не только однимъ изъ эпизодовъ проявленія партійной борьбы іосифлянъ съ приверженцами Нила Сорскаго, но и результатомъ его провинностей (стр. 35). Что же касается литературной дѣятельности Артемія, то въ этой области нерѣшенныхъ вопросовъ еще больше. Здѣсь является необходимымъ точнѣе установить хронологію посланій Артемія, доказать принадлежность ихъ ему, указать ихъ главные источники, опредѣлить отношеніе ихъ къ другимъ произведеніямъ русской литературы XVI вѣка и, въ частности, къ проникновенію въ послѣднюю западнаго вліянія.

Разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе С. Г. Вилинскаго. Принявъ à priori догадку В. М. Ундольскаго о принадлежности по-

сланій Артемію, г. Вилинскій сначала изслѣдуетъ характеръ первоисточника, т. е. рукописи, въ которой эти посланія дошли до насъ, затѣмъ извлекаетъ изъ нихъ возможные указанія на личность автора, сопоставляетъ съ свѣдѣніями, заключающимися въ другихъ памятникахъ литературы и государственныхъ актахъ, наконецъ обзрѣваетъ высказанныя современными учеными мнѣнія объ Артеміи. На основаніи этихъ матеріаловъ изслѣдователь возстановляетъ жизнь Артемія, сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Литвѣ. Далѣе, на почвѣ детального анализа содержанія посланій и сопоставленія заключающихся въ нихъ данныхъ съ историческими условіями, г. Вилинскій устанавливаетъ приблизительную хронологію посланій, удачно опровергая нѣкоторые взгляды на нее священника Садковского, впервые сдѣлавшаго попытку въ этомъ направленіи. Въ четвертой главѣ авторъ разсматриваетъ содержаніе посланій, указывая ихъ прямые или только вѣроятные источники. Разскаанія объ источникахъ посланій—лучшая часть изслѣдованія. Она свидѣтельствуетъ о начитанности г. Вилинскаго въ области переводной аскетической литературы, которую такъ хорошо знаетъ руководитель его занятій, академикъ В. М. Пстринъ, а многіе выводы въ концѣ концовъ очень убѣдительны. Затѣмъ онъ даетъ характеристику религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній Артемія, а затѣмъ переходитъ къ вопросу о принадлежности послѣднему посланій.

Таковъ планъ работы. Мысль, что всѣ 14 посланій являются плодомъ авторства одного лица, изслѣдователь доказываетъ слѣдующими соображеніями: 1) всѣ посланія отличаются одинаковымъ слогомъ, причемъ нерѣдко повторяются цѣлыя одинаковыя выраженія, 2) всѣ они написаны на основаніи однихъ и тѣхъ же источниковъ и 3) во всѣхъ высказываются одинаковыя воззрѣнія автора. А что авторомъ былъ Артемія, видно, во-первыхъ, изъ совпаденія данныхъ автобіографическаго характера, находящихся въ посланіяхъ, съ данными, извѣстными изъ другихъ источниковъ о личности Артемія; во-вторыхъ, изъ прямыхъ, правда, скудныхъ указаній на это, заключающихся въ «Поморскихъ отвѣтахъ» и въ посланіи Артемія къ Симону Будному (стр. 290).

Въ послѣдней главѣ, имѣющей общій характеръ, опредѣляется мѣсто посланій въ литературѣ XVI вѣка. Здѣсь авторъ, на основаніи главнымъ образомъ чужихъ историко-литературныхъ трудовъ, даетъ характеристику направленій умственной жизни русскаго общества въ XVI вѣкѣ: консервативнаго, рационалистическаго и особенно—мистическаго. Опредѣленіе отношенія къ этимъ теченіямъ Артемія и отраженіе послѣднихъ въ его общественной и литературной дѣятельности—наиболѣе интересныя мѣста въ изслѣдованіи. «Отправная точка его (Артемія) развитія, по словамъ изслѣдователя,—вліяніе рационалистическаго направленія, своего рода свободомысліе, приведшее его къ исканію истины. Въ этомъ исканіи Артемія встрѣчаетъ ученіе мистиковъ, воспринимаетъ его и понемногу освобождается отъ вліянія рационалистическаго ученія». Полемиическая же дѣятельность его въ Литвѣ, гдѣ онъ боролся съ врагами православія, «внѣшнимъ образомъ сближаетъ его съ сторонниками консервативнаго направленія. Но это сближеніе только внѣшнее, ибо Артемія вовсе не былъ защитникомъ старины и даже въ защитѣ имъ обрядности виденъ заволжскій старецъ». Другими словами, старецъ Артемія является ти-

пичѣйшимъ представителемъ своего времени, которое носило характеръ переходной эпохи, эпохи борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ мирнаго уживанія старыхъ началъ съ новыми и которое наложило свою печать на личность Артемія (стр. 352). Что же касается «Посланий» его, то они являются памятникомъ, характеризующимъ одно изъ теченій XVI вѣкаволжскую доктрину въ примѣненіи ея къ литературной борьбѣ съ шедшими съ Запада направленіями. Въ этой роли,—какъ замѣчаетъ г. Вилинскій, «заволжская доктрина превращается въ пользованіи ея сторонника въ основаніе для защиты православія, но отнюдь не всей старины».

Несмотря на подробности, въ которыя часто вдается авторъ, имѣющій въ виду спеціальныя цѣли, его книга представляетъ большой интересъ не только какъ изслѣдованіе жизни и дѣятельности Артемія, но и какъ мастерская картина умственного состоянія русскаго общества въ XVI вѣкѣ. А. Я.

А. Е. Крымскій. Древне-кіевскій говоръ. Спб. 1907.

Брошюра г. Крымскаго ничтожна во всѣхъ отношеніяхъ, и мы обращаемъ на нее вниманіе только какъ на характерный образецъ современной русскої научной литературы. Брошюра представляетъ собою перепечатку статьи, появившейся первоначально на страницахъ органа академіи наукъ («Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ» 1906 года). Самъ авторъ подчеркиваетъ, что онъ пишетъ «въ органѣ академіи наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра».

Посвящена брошюра глубоко интересному вопросу о языкѣ и національности древнихъ кіевлянъ, тому вопросу, по которому «ломали копья» еще Погодинъ и Максимовичъ. Академикъ А. П. Соболевскій и профессоръ М. О. Ключевскій, достойные преемники Погодина, высказались въ недавнее время согласно въ томъ смыслѣ, что древній русскій Кіевъ былъ населенъ прямыми предками нынѣшнихъ великоруссовъ. Противъ нихъ-то—точнѣе, только противъ одного академика Соболевскаго — и мечетъ свои громы и перуны—увы!—уже не Максимовичъ, а... г. Крымскій.

Можно соглашаться съ общимъ взглядомъ г. Крымскаго, но нельзя не смѣяться надъ «методомъ» его «доказательствъ». Главное изъ этихъ «доказательствъ» г. Крымскаго заключается въ противопоставленіи взглядовъ и мыслей критикуемаго автора мнѣніямъ другихъ русскихъ ученыхъ, съ подраздѣленіемъ этихъ послѣднихъ на различные ранги по ихъ сравнительному достоинству. Тутъ мы видимъ «всемирное (sic!) свѣтило лингвистики», онъ же «лучшій авторитетъ» (читатели врядъ ли догадаются, что рѣчь идетъ объ академикѣ Коршѣ); дальше идетъ «патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдцовъ» (академикъ Ягичъ); онъ же «главный столпъ славяновѣдѣнія»; чутьчку ниже стоитъ въ «табели о рангахъ» г. Крымскаго «глубоко-авторитетное имя» академика Шахматова; дальше идетъ «заслуженный славяновѣдъ» (академикъ Ламанскій), еще дальше «очень заслуженные слависты» и просто «солидные ученые» (безъ обозначенія ихъ именъ).

Академикъ Соболевскій имѣлъ дерзость выступить въ наукѣ съ мнѣніемъ, несогласнымъ съ взглядами этихъ «всемірныхъ свѣтилъ», «главныхъ столповъ» и т. д. и т. д. Ясно, что онъ неправъ. Такова «упадочная» логика г. Крымскаго — «филолога, кропотливо изучившаго исторію малорусскаго языка, безукоризненно знающаго свою родную рѣчь» (собственная характеристика автора въ той же брошюрѣ).

Вѣроятно, для цѣльности эффекта критикуемый г. Крымскимъ академикъ и профессоръ Соболевскій именуется имъ просто «г. Соболевскимъ», тогда какъ противники его титулуются всегда «академиками» и «профессорами». Уловка автора очень послѣдовательная. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если читателю будетъ извѣстно, что академикъ Соболевскій по табели о рангахъ стоитъ ничуть не ниже всѣхъ этихъ «свѣтилъ» etc., если онъ такой же заслуженный ученый, то всѣ «доказательства» г. Крымскаго падаютъ сами собою. А это дѣйствительно такъ. И громадныя научныя заслуги академика Соболевскаго давно признаны какъ разъ тѣми же «глубоко-авторитетными именами» и «заслуженными славяновѣдами», мнѣнія которыхъ составляютъ для г. Крымскаго непререкаемый авторитетъ.

Напомнимъ еще, что «европейское свѣтило лингвистики» г. Крымскаго прославилось больше всего знаменитою защитою мнимой «Русалки» Пушкина. И если держаться «метода» г. Крымскаго, то «защиту эту придется признать безупречною»: вѣдь «европейское свѣтило» науки врядъ ли можетъ погрѣшать такъ грубо, какъ это думаютъ противники «Русалки» академика Корша.

Тому, что г. Крымскій пользуется столь своеобразнымъ научнымъ «методомъ», мы нисколько не удивляемся; въ наше время немало «ученыхъ», «методъ» которыхъ еще своеобразнѣе. Но мы нѣсколько удивлены, какъ подобныя научныя произведенія попадаютъ на страницы ученыхъ академическихъ органовъ.

Z.

Бердяевъ, Н. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философскіе, социальные и литературные. Сборникъ статей. Спб. 1907.

Книга г. Бердяева представляетъ рядъ статей, напечатанныхъ имъ въ различныхъ журналахъ за періодъ отъ 1900—1906 г.г. Авторъ принадлежитъ къ наиболѣе виднымъ представителямъ того умственнаго теченія въ русской мысли, которое извѣстно подъ именемъ идеалистическаго индивидуализма. Это теченіе, возникнувъ и самоопредѣлившись сравнительно недавно, въ настоящее время, внѣ всякаго сомнѣнія, привлекло значительное число адептовъ, оказало извѣстное вліяніе на нашу общественную мысль. Будущему историку и изслѣдователю нашей общественности несомнѣнно придется имѣть дѣло съ этимъ умственнымъ теченіемъ. Много поможетъ ему определить генезисъ послѣдняго, прослѣдить постепенное развитіе и, наконецъ, установить моментъ окончательнаго оформленія настоящая книжка г. Бердяева. Въ статьяхъ автора можно замѣтить противорѣчія, измѣнчивость, непослѣдовательность, отсутствіе вѣншей связи, но между ними есть внутренняя связь, пси-

хологическая зависимость, по нимъ хорошо можно прослѣдить, изъ какихъ элементовъ слагалось его міросозерцаніе, по какимъ путямъ оно развивалось. Это обстоятельство и сообщаетъ сборнику цѣнность, дѣлаетъ его интереснымъ для изслѣдователя исторіи общественныхъ идей, настроеній. Слѣдя, какъ постепенно оформлялось міросозерцаніе одного изъ видныхъ представителей идеалистическаго индивидуализма, мы тѣмъ самымъ можемъ прослѣдить тѣ фазы, по которымъ зрѣло и возникало у насъ это теченіе. Статьи г. Бердяева ясно показываютъ, что оно является продуктомъ сложной критической работы мысли: автора коснулись всѣ вѣяніи нашего времени, начиная съ марксизма, кончая нитцшеанствомъ, подвергнувъ которыя строгому критическому анализу, онъ пришелъ къ идеализму. Очерки свидѣтельствуютъ о вдумчивости г. Бердяева, о присутствіи въ немъ, съ одной стороны, способности къ тонкому критическому анализу, съ другой, о наличности въ немъ страстнаго стремленія найти истину во что бы то ни стало. Особенно ярко обнаруживаются критическія способности автора въ статьяхъ «Борьба за идеализмъ» и «Критика историческаго матеріализма», въ которыхъ онъ подвергъ вдумчивой критикѣ главнѣйшія основанія марксизма. Въ свое время эти статьи произвели большое впечатлѣніе на общество, вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній между представителями историческаго матеріализма и молодыми адептами идеализма. На первомъ мѣстѣ среди помѣщенныхъ статей, безъ сомнѣнія, по своей вдумчивости и глубинѣ нужно поставить «Этическія проблемы въ свѣтѣ философскаго идеализма», помѣщенную въ знаменитомъ сборникѣ «Проблемы идеализма», среди статей котораго она выдѣлилась, какъ наиболѣе талантливая, глубокая по мысли.

Мы не беремъ на себя задачи сдѣлать оцѣнку взглядовъ г. Бердяева,—она зависитъ отъ той точки зрѣнія, на которой стоитъ каждый,—для объективнаго же подведенія итоговъ этого теченія еще не наступило время: оно слишкомъ близко къ намъ, не сказало еще своего послѣдняго слова, не сыграло своей роли. Отмѣтимъ лишь то общее значеніе выдвинутыхъ г. Бердяевымъ и его единомышленниками идей, которое отрицать невозможно, на какой бы точкѣ зрѣнія мы ни стояли. Идеалисты въ эпоху преклоненія передъ позитивизмомъ, историческимъ матеріализмомъ выступили со смѣлой критикой господствующихъ умственныхъ теченій, указали ихъ слабыя стороны, дали толчокъ къ выходу нашей общественной мысли изъ того заколдованнаго позитивистическаго круга, въ которомъ она была заключена въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Для всякаго изслѣдователя исторіи нашихъ общественныхъ идей, настроеній, будь онъ даже марксистомъ, если онъ только хочетъ вникнуть во внутренній процессъ нашего умственнаго развитія, книга г. Бердяева дастъ интересный и цѣнный матеріалъ.

А. Фоминъ.

Львовъ-Рогачевскій, В. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907.

Сборникъ статей г. Львова-Рогачевского ничѣмъ не отличается по своему составу отъ большинства книгъ съ подобнымъ заглавіемъ. Что обыкновенно представляютъ онѣ?—Собраніе статей, написанныхъ въ разное время, въ различныхъ журналахъ, въ силу этого не имѣющихъ между собой связи, различнѣйшихъ по качеству, разнообразныхъ по содержанію. Такой же характеръ носитъ и сборникъ г. Львова-Рогачевского. Критикъ взялъ и собралъ свои статьи, относящіяся къ разному времени, придѣлалъ глубокомысленные заголовки въ родѣ—«Бездорожье», «Мертвое царство», «На распутьи», «Жрецы и жертвы», «Общественная пирамида» и т. п., напечаталъ ихъ отдѣльной книгой, далъ ей кричащее заглавіе—«Борьба за жизнь»—и дѣло готово. Такъ подъ заголовкомъ «На распутьи» мы находимъ небольшой поверхностный разборъ перваго тома сочиненій г. Арцыбашева. По выходѣ первой отдѣльной книжки его рассказовъ критикъ отмѣтилъ, что писатель еще не опредѣлился въ достаточной степени, и теперь заглавіе готово—«На распутьи». Подъ не менѣе громкимъ заглавіемъ—«Жрецы и жертвы»—авторъ пустилъ бѣглый журнальный отзывъ о «Поединкѣ» г. Куприна, а подъ—«Общественная пирамида» такого же поверхностнаго характера разборъ VII сборника т-ва «Знанія». Очевидно, критикъ большой любитель выдумывать заглавія. Въ этомъ нужно отдать ему должную дань. Всякій знаетъ, какой характеръ носятъ въ большинствѣ случаевъ критическіе разборы текущей беллетристики въ нашихъ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналахъ. Они обыкновенно пишутся наспѣхъ, для очередной книжки, ставятъ свою главнѣйшую цѣлью—познакомить читателя съ тѣмъ или инымъ новымъ произведеніемъ. И такіе-то очерки авторъ для чего-то выпускаетъ отдѣльной книжкой. Мы понимаемъ смыслъ изданія журнальныхъ статей отдѣльной книжкой, если онѣ имѣютъ интересъ не только для текущаго момента, но и вообще представляютъ цѣнность, являются продуктомъ долгой работы, изученія предмета. Но этого вѣдь нѣтъ въ большинствѣ статей автора—это типичные, поверхностные, очередные журнальные очерки. Критикъ даже не счелъ нужнымъ оговориться объ этомъ.

Нельзя не сочувствовать прогрессивности міросозерцанія критика, ряду свѣтлыхъ и гуманныхъ мыслей, высказанныхъ имъ. Но неужели этого достаточно, чтобы эти мелкія статьи выпускать отдѣльной книгой? Намъ кажется, этого слишкомъ мало. Мы признаемъ благородство и гуманность взглядовъ автора, но отказываемся признать въ немъ сколько-нибудь значительный критическій талантъ. Въ разборахъ видно хорошее знакомство автора съ разсматриваемыми имъ произведеніями писателей, но нѣтъ самаго важнаго для критика—глубины психологическаго анализа. Даже въ лучшей статьѣ сборника, которая далеко оставляетъ за собою остальные, посвященной разбору творчества Чехова, критикъ ужасно многословенъ, на десяткахъ страницъ подробно онъ разбираетъ произведенія писателя, высказываетъ попутно не одну свѣтлую и правильную мысль, но въ результатѣ все-таки не далъ вдум-

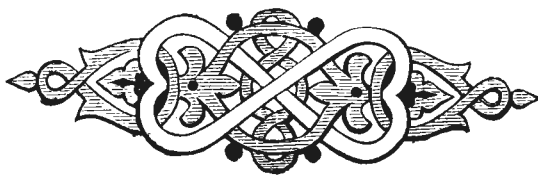

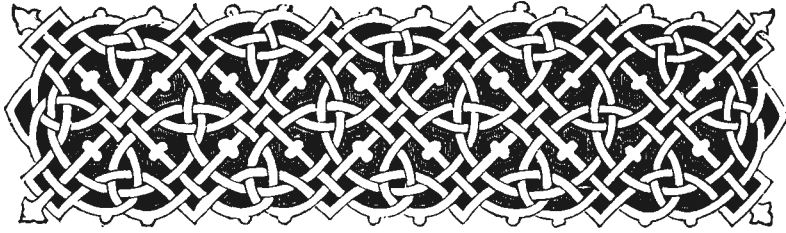
чиваго анализа его міросозерцанія и творчества, сказалъ то, что можно было сказать въ нѣсколькихъ словахъ, что высказано уже давно другими, что знаетъ всякій мало-мальски понимающій писателя и знакомый съ критической о немъ литературой. Статья о Чеховѣ, помѣщенная въ журналѣ, имѣла значеніе въ свое время, воссоздавая обликъ недавно умершаго писателя. Для журнальной статьи подобнаго характера — особыя требованія, и эта статья, какъ таковая, была хороша, но зачѣмъ теперь было ее перепечатывать въ отдѣльномъ сборникѣ, и, быть можетъ, только для нея одной выпускать его, такъ какъ она самая большая и лучшая, и авторъ, ставя на первомъ планѣ, выдѣляетъ ее изъ остальныхъ, помѣщенныхъ, очевидно, лишь для увеличенія толщины книги.

Что касается взглядовъ автора, то многіе изъ нихъ основательны и правильны. Но въ то же время попадаются и такіе, съ которыми нельзя никоимъ образомъ согласиться. Особенно мы протестуемъ противъ такого утвержденія критика. «Вокругъ Чехова, — говоритъ онъ, — жизнь новая творилась, зрѣлъ и ширился протестъ не только отдѣльныхъ лицъ, а громаднхъ общественныхъ слоевъ, назрѣвали и развивались новыя силы, новыя слова, а Чеховъ не замѣчалъ протеста и не отмѣчалъ въ своемъ творествѣ новыхъ силъ». Намъ представляется это совершенно невѣрнымъ. Чеховъ, обладающій такой чуткой душой, больше, чѣмъ кто-либо, чувствовалъ, что старый міръ разрушается, что идетъ новая жизнь. Но онъ лишь не вѣрилъ въ возможность скорого прихода ея на землю.

Если очерки малоцѣнны по существу, то они могли быть цѣнны для характеристики отношенія марксизма къ современной литературѣ, такъ какъ авторъ марксистъ. Но и въ этомъ отношеніи они представляютъ мало интереснаго. Личность критика-марксиста отражается въ нихъ довольно блѣдно и не идетъ далѣе полемическихъ выходовъ противъ адептовъ философскаго идеализма.

А. Ф.—нъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ старой системы врачеванія въ XVIII вѣкѣ. — Въ Россіи почти совѣмъ неизвѣстно имя женевского доктора XVIII вѣка, Теодора Троншена, а между тѣмъ съ его именемъ связаны полный переворотъ въ системѣ врачеванія и введеніе въ негигіены и діеты. Въ ту эпоху худшей изъ болѣзней была сама медицина, и въ письмѣ къ одному изъ сотоварищей Троншенъ, какъ нельзя лучше, охарактеризовалъ ея состояніе слѣдующими словами: «Сокрушаетъ меня безпорядокъ въ самомъ прекрасномъ, полезномъ, необходимомъ и опасномъ изъ искусствъ. Время и арабы причинили менѣ зла Пальмирѣ, чѣмъ невѣжество врачей — медицинѣ». Дѣйствительно, когда на поприщѣ врачеванія выступилъ Троншенъ, оно было въ самомъ дикомъ состояніи: врачи, не разбирая ни пола, ни возраста, ни сложенія, производили больнымъ безконечное количество кровопусканій и пичкали ихъ слабительными. Троншенъ рассказывалъ, какъ одной знатной дамѣ сдѣлали восемьсотъ тридцать три кровопусканія, и, когда здоровье больной ухудшилось, врачъ объявилъ, что необходимо сдѣлать еще одно. Однако, у больной не оказалось болѣе ни капли крови, и врачъ отложилъ операцию на недѣлю, въ надеждѣ, что за это время, можетъ быть, образуется кровь. На счастье больной, къ ней пригласили Троншена, который объявилъ, что не только восемьсотъ тридцать четвертаго кровопусканія не слѣдуетъ дѣлать, но что и первое было безцѣльно. Вотъ въ какомъ положеніи была медицина, когда появился докторъ Троншенъ. Этой полезной для человѣческаго рода личности Анри Троншенъ посвятилъ цѣлую книгу ¹⁾, недавно появившуюся въ Парижѣ и тѣмъ болѣе интересную, что въ ней найдется не мало

¹⁾ Théodore Tronchin, par Henry Tronchin. Paris. 1907.

свѣдѣній по исторіи общества при Людовикѣ XV. Кромѣ того, Троншенъ былъ врачомъ Вольтера, благодаря которому прозвище «Эскулапа» навсегда осталось за нимъ.

Троншенъ родился въ Женевѣ 24 мая 1709 г., въ старинной провансальской семьѣ и провелъ дѣтство въ имѣніи отца, Бессенжъ, на рукахъ бабушки - итальянки, такъ какъ его мать умерла во цвѣтъ лѣтъ. Его отецъ, завѣдывалъ большой банкирской конторой, и въ домѣ Троншена царилъ достатокъ. По окончаніи ученья въ коллегіи, а затѣмъ въ Кальвиновской академіи его родные, какъ истинные гугеноты, хотѣли сдѣлать изъ юноши духовное лицо, но встрѣтили съ его стороны отпоръ: страстно любя танцевать, онъ по нѣсколько верстъ ходилъ пѣшкомъ, чтобы попасть на какой-нибудь балъ, и совсѣмъ не чувствовалъ призванія сдѣлаться пасторомъ. Неудачныя операціи банкирскаго дома измѣнили матеріальное положеніе его отца, и Троншенъ отправился въ Англію, въ Кембриджскій университетъ, на средства вліятельныхъ и богатыхъ родственниковъ. Здѣсь въ немъ проявилось призваніе къ медицинѣ, которую онъ усердно принялся изучать и съ этой цѣлью посѣщалъ лондонскія больницы, а затѣмъ отправился въ Голландію, куда его привлекъ знаменитый Бургавъ. Любовь къ наукѣ заставила его отрѣшиться отъ многихъ легкомысленныхъ привычекъ въ родѣ тщательно завитыхъ волосъ, о которыхъ одинъ профессоръ замѣтилъ ему: «Такіе прекрасные кудри заставляютъ терять слишкомъ много времени». Послѣ этого замѣчанія Троншенъ пересталъ собою заниматься и весь отдался наукѣ. Курсъ медицинскихъ наукъ онъ прошелъ въ три года и 22 августа 1730 г. получилъ званіе доктора, 26 октября того же года его приняли въ число гражданъ Амстердама, а 31-го того же мѣсяца внесли въ списокъ городскихъ врачей. Тамъ онъ женился на очень некрасивой дѣвицѣ, Виттѣ и оставался до 1734 г., когда политическія обстоятельства, а также частныя дѣла заставили его отправиться въ свое имѣніе, Бессенжъ. Однако онъ тамъ не поселился, а устроился въ Женевѣ, жители которой устроили ему торжественный пріемъ. Слава о немъ распространилась не только по всей Швейцаріи, но даже по всей Европѣ, и въ Женеву стало стекаться такъ много больныхъ со всѣхъ концовъ Европы, особенно изъ Франціи, что въ городѣ не хватало квартиръ. Поэтому обиліемъ швейцарскихъ пансіоновъ жители обязаны Троншену.

Кромѣ паціентовъ, являвшихся лично въ Женеву, онъ давалъ письменные совѣты коронованнымъ особамъ: шведской королевѣ, датскому королю, Фридриху Прусскому, папѣ Клименту XIV и многимъ другимъ знатымъ особамъ. Съ Женевой онъ разстался лишь въ крайнихъ случаяхъ, только когда ему предстояло лечить принцевъ королевской крови, какъ было въ 1764 г., когда онъ отправился въ Парму, а затѣмъ нѣсколько разъ въ Парижъ, «рай женщинъ и адъ лошадей». Въ Парижѣ его ожидала слава: онъ удачно лечилъ герцога Орлеанскаго и его имя раздавалось во всѣхъ углахъ Парижа; въ его честь сочиняли куплеты, и появлялись карикатуры. Въ 1766 г. ему пришлось перебраться въ Парижъ, по настоянію герцога Орлеанскаго; здѣсь онъ провелъ пятнадцать лѣтъ почти вдали отъ общества, не вмѣшиваясь въ послѣднія безумія стараго режима. Онъ жилъ съ семьей въ Пале-Рояль и гово-

рилъ дочери, что «видитъ самое крупное зрѣлище человѣческой комедіи, какое только видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ. Печально, очень печально быть его зрителемъ, но еще ужаснѣе быть въ немъ участникомъ».

Троншенъ хотя и былъ ученымъ, но довольно своеобразнымъ: онъ оставался болѣе практикомъ, чѣмъ теоретикомъ. Можетъ быть, вслѣдствіе того, что слишкомъ быстро прошелъ курсъ ученія, онъ никогда не рѣшался напечатать ничего другого, кромѣ восьмидесяти двухъ страницъ своихъ «*Colique du Poitou*». Сторонникъ предупредительнаго леченія оспы онъ, однако, не дѣлалъ своихъ наблюдений, которыя могъ бы собрать въ одно цѣлое. Даже свои лекціи въ Женевѣ, гдѣ въ его честь устроили кафедрѣ, которую уничтожили, когда онъ уѣхалъ въ Парижъ, онъ читалъ скорѣе для свѣтскихъ людей, чѣмъ для студентовъ. Парижскіе коллеги его такъ же не любили, какъ и швейцарскіе, и оказывали ему почести только по настоянію высокопоставленныхъ лицъ.

Какъ врачъ, Троншенъ первый понялъ, какое важное вліяніе имѣетъ моральное состояніе больного на его физическую природу и что заниматься тѣломъ, не врачуя души, — безплодная потеря времени, сколько кровопусканій ни производи. Поэтому онъ старался расположить къ себѣ пациентовъ, добиться ихъ дружбы, чтобы дѣйствовать одинаково на ихъ моральную и физическую природу. Въ его время главной причиной болѣзни было объяденіе, поэтому онъ понималъ, что вмѣсто кровопусканій слѣдуетъ примѣнять діету и прописывать легкій столъ изъ овощей, фруктовъ и бѣлаго мяса. Напитка онъ признавалъ только два — чистую воду и молоко, особенное послѣднее; вино же, чай и кофе, а главное послѣдній, онъ совершенно запрещалъ. Онъ предписывалъ спать на волосяныхъ подушкахъ, не болѣе семи часовъ, и какъ можно болѣе провѣтривать комнату. Можно себѣ представить, какъ это возмущало его коллегъ и приводило въ замѣшательство непривычное къ подобному режиму общество. Особенно большой шумъ поднялся среди врачей, когда, явившись по приглашенію къ больной принцессѣ Маріи-Жозефинѣ, Троншенъ первымъ дѣломъ заявилъ: «Принцесса отравлена. Надо растворить окна». Несмотря на январскую стужу, окна были растворены. Такое предписаніе привело въ негодованіе весь медицинскій міръ: въ ту эпоху болѣе всего боялись холодной воды, чистаго воздуха и движенія. Троншенъ все перевернулъ по своему, и дѣло дошло до того, что глаголъ «se rompre» былъ замѣненъ въ обществѣ словомъ «se troncher», что означало итти гулять въ башмакахъ безъ каблучковъ, съ палкой въ рукѣ и въ короткомъ платьѣ безъ всякихъ украшеній, которое называлось «*tronchine*».

Несмотря на свои ироническія вышучиванія Троншена, Вольтеръ также подчинялся его предписаніямъ и только благодаря этому протянулъ до 86 лѣтъ. Извѣрясь въ познаніяхъ врачей, онъ продолжалъ лечиться самъ и употреблялъ невѣроятное количество лекарствъ, интересуясь каждымъ появившимся новымъ средствомъ. Его восхищеніе удивительно работало въ придумываніи новыхъ лекарствъ, и только Троншену удалось его облагоразумить. Правда, случилось, что Вольтера мучило искушеніе послать къ чорту всю троншеневскую діету, приняться за паштетъ изъ куропатокъ и запить его нѣсколькими чашками чернаго кофе.

Отношенія Вольтера и Троншена не могли быть дружескими: они были слишком противоположными натурами и никогда не могли бы понять другъ друга. Троншень, до знакомства съ нимъ, называлъ его вѣтренникомъ дурного поведенія. Вольтеръ не остался у него въ долгу и въ своей «Galette de Genève» представилъ въ смѣшномъ видѣ своего «Эскулапа».

Троншень скончался 30 ноября 1781 г., повторяя слова, что сравнительно съ вѣчностью его смерть—черная точка, за которой слѣдуетъ безконечная бѣлая черта.

— Продолженіе воспоминаній графини де-Буань.—Въ появившихся въ «Revue hebdomadaire» отрывкахъ изъ второго тома воспоминаній графини де-Буань ¹⁾ обнимающаго 1815—20 г.г., особенно интересны для русскихъ нѣсколько страницъ относительно баронессы Крюденеръ. Автора воспоминаній ввела къ ней въ домъ г-жа Рекамье. Впечатлѣніе, произведенное на графиню де-Буань, было очень благопріятное для г-жи Крюденеръ. По ея словамъ, послѣдняя, женщина лѣтъ пятидесяти, худая, блѣдная, была очень красива. Ея, хотя вналые глаза, были прекрасны, а взглядъ выразителенъ, и на лицѣ отражались слѣды минувшихъ страстей. Особенно очаровывалъ всѣхъ ея звонкій, нѣжный, гибкій голосъ. Простая прическа ея съдыхъ волосъ, раздѣленныхъ прямымъ, ровнымъ проборомъ, казалась особенно опрятной. Черное, безъ всякихъ украшеній, платье не лишено было нѣкоторой изысканности. Вся мебель, зеркала, бронза въ ея большомъ домѣ въ улицѣ Сентъ-Онорэ были покрыты сѣрыми полотняными чехлами; даже часы стояли въ чехлѣ. Садъ, прилегающій къ дому, тянулся до Елисейскихъ полей, и императоръ Александръ, жившій въ Елисейскомъ дворцѣ, проходилъ къ ней чрезъ него во всякое время дня и ночи.

Появленіе графини и г-жи Рекамье прервало урокъ, который г-жа Крюденеръ давала шести какимъ-то личностямъ. Послѣ обычныхъ свѣтскихъ привѣтствій она продолжала свой урокъ. Только выраженія ея глазъ и звуки голоса измѣнились, когда она начала свою рѣчь: она говорила о вѣрѣ. Графиня пришла въ восторгъ отъ ея импровизаціи, которая длилась 1½ часа. Когда г-жа Крюденеръ смолкла, ея глаза сомкнулись и казалось, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ; ея ученики предупредили г-жу де-Буань, что это было сигналомъ для ухода посѣтителей.

Графиня ея очень заинтересовалась, но не рассчитывала присутствовать при второмъ подобномъ представленіи, которое было назначено въ опредѣленный день. Поэтому, выбравъ свободный день, г-жа де Буань захала къ ней и передала карточку; къ своему удивленію, она была принята. Г-жа Крюденеръ была одна и сказала, что ожидала ея посѣщенія: «Голосъ» предупредилъ ее, что графиня находится въ рядахъ «пророчицъ» и будетъ ея преемницей, такъ какъ предназначена пойти далѣе ея въ божественномъ призваніи: она, Крюденеръ, только «слышитъ», а графиня можетъ даже «видѣть». «Голосъ» предупредилъ ее, что предназначенная для этой роли женщина должна сохранить въ высшемъ свѣтѣ чистые нравы, и она встрѣтила ее

¹⁾ Mémoires de madame de Boigne. «La Revue hebdomadaire» 16 Juin 1907.

въ такой моментъ, когда менѣе всего этого ожидала и когда ничто не подготовило ихъ къ сближенію. Въ ея сновидѣніяхъ, которыя она не смѣла называть видѣніями, такъ какъ не была призвана къ высокому назначенію «видѣть», черты ея преемницы представлялись ей похожими на черты лица г-жи де-Буань. Графиня съ искренней скромностью защищалась отъ чести быть призванной къ такой славной роли, но г-жа Крюденеръ съ жаромъ стояла на своемъ и даже вызвала у графини слезы умиленія. Г-жа Крюденеръ вообразила, что она приобрѣла въ ней ученицу, если не преемницу себѣ, и просила графиню посѣщать ее. Въ это утро она такъ очаровала графиню, что та оставалась у нея нѣсколько часовъ, и пророчица рассказала ей, какъ она попала въ Парижъ. По ея словамъ, въ теченіе мая 1815 г. она отправилась въ Южную Италію, гдѣ ее ожидалъ сынъ, но между Боловню и Сіенной ей сдѣлалось какъ-то не по себѣ, и предчувствіе подсказало ей, что она удаляется съ пути, по которому должна слѣдовать. Послѣ борьбы, длившейся всю ночь, она рѣшилась возвратиться, и какое-то пріятное чувство говорило ей, что она на хорошемъ пути. Такъ чувствовать себя она продолжала до Модены, но черезъ нѣкоторое время, по дорогѣ въ Туринъ, тревожное чувство вновь овладѣло ею, и она рѣшила направиться въ Миланъ. Прибывъ туда, она узнала, что одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ, другъ ея дѣтства, адъютантъ императора Александра, опасно занемогъ въ Германіи. Теперь она поняла волю «Голоса», такъ какъ, безъ сомнѣнія, она предназначена внести свѣтъ въ душу больного и утѣшить его. Черезъ Тироль она направилась въ Гейдельбергъ, гдѣ находились союзные государи, но ея двоюродный братъ лежалъ больной въ другомъ городѣ. Она узнала о мѣстѣ его пребыванія и уѣхала на другой день, никого не видя. Но едва она покинула Гейдельбергъ, какъ ее охватило прежнее тревожное чувство, еще въ болѣе сильной степени. Она, наконецъ, подчинилась ему, и опять вернулась въ Гейдельбергъ. Тогда прежнее спокойствіе воцарилось въ ней, и она поняла, что ея миссія не здѣсь, но гдѣ именно—она еще не знала. Императоръ Александръ уѣхалъ на нѣсколько дней, и безпокойство, испытываемое ею во время его отсутствія, указало ей, кому показать свѣтъ она призвана. Тщетно она боролась противъ воли «Голоса»: она молилась, постилась, просила, чтобы ее миновала чаша, но «Голосъ» оставался непреклоненъ -- и ей пришлось повиноваться. Однако она не рассказала графинѣ де-Буань, какимъ образомъ она добилась близости императора Александра I; но она ея достигла. Она избрѣла для него новый родъ поклоненія. Ему уже прискучили преклоненія предъ нимъ, какъ предъ земнымъ державнымъ властелиномъ, Агамемнономъ среди королей и т. д., и г-жа Крюденеръ начала говорить ему о мистическомъ могуществѣ его молитвъ. Чистота его души, по ея увѣреніямъ, давала ему такую силу, которой никакой другой смертный не могъ бы добиться, такъ какъ никто изъ смертныхъ не устоялъ противъ столькихъ соблазновъ. Вышеяся надъ ними, онъ выказалъ себя самымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, а потому самымъ могущественнымъ послѣ Бога. Съ помощью подобной лестни она подчинила Александра своей волѣ. Она заставляла его молиться за себя, за нее, за Россію, за Францію, поститься, раздавать милостыню, отказывать

себѣ во всемъ — и добилась отъ него всего, обѣщая увеличить его вліяніе на небѣ.

«Голосомъ» былъ, по ея мнѣнію, самъ Іисусъ Христосъ: она никогда его иначе не называла, какъ «Голосъ» и, заливаясь слезами, говорила, что грѣхи коности запрещаютъ ей навсегда видѣть его. «Невозможно описать, — говоритъ г-жа де-Буань, — съ какимъ умиленіемъ описывала она судьбу того, кому суждено его видѣть. Безъ сомнѣнія, читая эти холодныя строки, скажутъ: «Это была сумасшедшая или интриганка. Можетъ быть, личность, которая вынесла такое мнѣніе, находилась подъ чарами этой блестящей энтузіастки». Что касается меня, не очень способной увлекаться, я очень опасалась, чтобы она не возымѣла надо мною власти, и потому возвращалась къ ней изрѣдка въ пріемныя дни, когда она была менѣе соблазнительна, чѣмъ съ глазу на глазъ. Я иногда думала, что Талейранъ, чувствуя, насколько сильно онъ поссорился съ Александромъ I, нашелъ средство вернуть чрезъ нее свое личное на него вліяніе. Навѣрно извѣстно, что г-жа Крюденеръ была очень расположена къ Франціи во время печальной эпохи 1815 г.» Когда она проводила по нѣсколько часовъ въ молитвѣ съ Александромъ, то, по словамъ г-жи де-Буань, облако, открытое ею на звѣздѣ Франціи, исчезало; когда она просила Александра употребить на эту работу силу своего ходатайства на небесахъ, когда она его убѣждала, что «Голосъ» объявилъ ей, что внялъ его просьбѣ, то почти возможно сказать, что если на завтрашней конференціи другія державы объявятъ какія-нибудь статьи, гибельныя для Франціи, императору, придя на помощь просящимъ, приложить свои мистическія молитвы къ тяжести своего земного величія — и Франція будетъ спасена.

Г-жа Крюденеръ употребляла свое вліяніе на Александра не только въ политическихъ дѣлахъ, но и въ общественныхъ, и когда молодая жена Лабедуайера пришла къ ней, умоляя ее попросить Александра о помилованіи мужа, то была принята ею привѣтливо и радушно и она обѣщала ей сдѣлать все, что было возможно. Затѣмъ она заперлась въ своей молельнѣ и оставалась тамъ цѣлый часъ. Александръ I увидѣлъ ее всю въ слезахъ и въ ужасномъ состояніи. Она перенесла тяжелую борьбу съ «Голосомъ», не добившись у него разрѣшенія представить прошеніе императору, тѣмъ болѣе, что душа Лабедуайера была въ такомъ состояніи, что не заслуживала милости, — и казнь совершилась. Тогда г-жа Крюденеръ убѣдила государя, что ему надо исполнить долгъ — употребить въ пользу этого несчастнаго, котораго онъ покинулъ на произволъ человѣческой мести, все вліяніе могущественнаго покровительства предъ Богомъ. Она удержала его восемь часовъ въ своемъ святилищѣ, молясь на колѣняхъ на мраморномъ полу. Она проводила его въ два часа ночи, а въ восемь извѣстила записочкой, что «Голосъ» сообщилъ ей, будто желанія императора услышаны. Въ то же время г-жа Лабедуайеръ, проводя нѣсколько часовъ въ чистилищѣ, узнала, что ея мужъ по молитвѣ императора получилъ великолѣпное мѣсто въ раю и что она довольна, имѣя возможность ей это подтвердить, вполне увѣренная, что это было лучшимъ утѣшеніемъ въ ея горѣ.

Между прочимъ г-жа де-Буань вспоминаетъ объ одной комической сценѣ, свидѣтельницей которой она сама была. Въ присутствіи восьми человѣкъ

г-жа Крюденеръ разсказывала своимъ вдохновеннымъ тономъ о сверхъестественныхъ добродѣтеляхъ императора Александра и очень восхваляла мужество, съ какимъ онъ отказался отъ связи съ г-жой Нарышкиной, пожертвовавъ ради долга самыми дорогими чувствами и шестнадцатилѣтней связью. На это присутствовавшій Эльзеаръ де-Сабранъ съ сокрушеніемъ замѣтилъ: «Увы! иногда легче отказаться отъ шестнадцатилѣтней связи, чѣмъ отъ шестнадцатидневной». Всѣ расхохотались, и первая показала примѣръ г-жа Крюденеръ. Но вскорѣ она опять вошла въ свою роль и удалилась въ другой конецъ комнаты, какъ бы извиняясь предъ «Голосомъ» за эту погрѣшность.

Лично графиня де-Буанъ считала г-жу Крюденеръ убѣжденной энтузіасткой, какой бы мотивъ ею ни руководилъ. Она признаетъ ее покровительницей Франціи во все время, пока велись переговоры о мирѣ, и говоритъ, что она была настоящей зачинницей Священнаго Союза. Окружавшіе ее русскіе досадовали на императора за смѣшныя стороны его отношеній къ ней, и графъ Нессельроде даже упрекалъ графиню де-Буанъ за ея посѣщенія этой интриганки, какъ онъ ее прозвалъ. Въ числѣ ея сторонниковъ находился и Бенжаменъ Констанъ, но при этомъ графиня прибавляетъ слово «кажется» и говоритъ, что трудно открыть истинные мотивы поступковъ Констана. Г-жа Крк деверъ заставляла его постыться, молиться, вести суровый образъ жизни, что отозвалось неблагоприятно на его здоровьи и онъ сильно измѣнился. Но г-жа Крюденеръ замѣчала ему, что хорошо страдать, такъ какъ это будетъ искупленіемъ, а время искуса приближается. Графиня прибавляетъ, что трудно сказать, хотѣлъ ли Бенжаменъ утѣшиться «Голосомъ», или ему надо было обезпечить себѣ покровительство Александра I, въ виду ложнаго положенія, какое онъ занималъ въ это время во Франціи, такъ что даже хотѣлъ покинуть родину.

— Героическая Греція 1821—27 г. г. — Во Франціи все еще не умираетъ интересъ къ античнымъ государствамъ, какъ Греція, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ переносится теперь на героическую Грецію позднѣйшихъ временъ, 1821—27 г. г. И въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ «*Revue Bleue*» ей посвящена статья академика Уэз¹⁾.

Если древняя Греція—синонимъ искусства, поэзіи, философіи, героизма и принциповъ политической свободы, которые она первая нашла, формулировала и примѣнила къ дѣлу, то современная Греція въ послѣднемъ вѣкѣ выказала настойчивое и упорное стремленіе сдѣлаться «націей». Для этого она добилась удивительныхъ и быстрыхъ успѣховъ въ промышленности, торговлѣ, а также въ умственномъ развитіи, о чемъ лучше всего говорятъ многочисленные школы, усердно посѣщаемыя юношествомъ. Въ героическомъ отношеніи новая Греція также имѣла свою замѣчательную эпоху и выказала воинственную храбрость въ борьбѣ за независимость съ первыхъ же дней турецкихъ побѣдъ, когда греки, какъ одинъ человѣкъ, отъ крайняго сѣвера до крайняго юга взяли за оружіе для защиты греческой земли, своего знамени и креста. Никогда

¹⁾ La Grèce héroïque 1821—27. «*Revue Bleue*», 4 Mai 1907.

господство турокъ не могло основательно утвердиться въ Греціи: пожаръ вспыхивалъ то тутъ, то тамъ; греки иногда одерживали побѣды, но чаще побѣждаемые, отгѣняемые въ горы и въ глубины овраговъ, заставляли своихъ враговъ дорого платить за побѣды. Они никогда не оставляли въ бездѣйствіи своего оружія и голоса: когда они не сражались, то воспѣвали славную смерть бойцовъ за независимость Греціи и, воодушевляясь пѣснями, зажигали въ сердцахъ любовь къ родинѣ и религиозную вѣру. Турецкое владычество было невыносимо для грековъ. И предводитель отряда Николай Тцувопрасъ поднялъ знамя возстанія—красный съ синимъ флагъ съ серебрянымъ крестомъ. Окруженный турками, онъ пробилъ себѣ дорогу послѣ кровавой схватки и вернулся въ Карниевизи справлять Пасху, «праздновать воскресеніе Христа, жарить ягненка и ѣсть красныя яйца». Послѣ двадцатаго сраженія паликары Чолкаса, утомленные и голодные, отказались идти противъ врага, говоря: «Какъ же ты хочешь, чтобы мы сражались въ июльскую жару подъ знойнымъ августовскимъ солнцемъ. Наши горячія ружья не хотятъ болѣе ѣсть пороха». На это Чолкасъ, вынувъ саблю изъ ноженъ, отвѣтилъ: «Обнажите ваши сабли и впередъ: чтобы города и деревни знали, что предводитель Чолкасъ сражался противъ трехъ тысячъ турокъ въ июльскую жару и при знойномъ августовскомъ солнцѣ». Битва длилась три дня и три ночи, и полководецъ прошелъ со всеми своими паликарами сквозь ряды непріятели, направляясь на вершины высокихъ горъ. Трое изъ храбрыхъ составили планъ захватить городъ Грабузь. Первымъ взобрался на валъ Буцо-Марко и убилъ саблею нѣсколькихъ человекъ изъ непріятельскаго войска, но самъ былъ смертельно раненъ и сказалъ товарищамъ: «Подойдите, храбрые товарищи; я не могу болѣе идти впередъ: моя смерть близка». Вскорѣ на томъ же мѣстѣ были убиты и остальные два храбреца. Любовь къ независимости и стойкость, съ какой греки добивались ея, доходила до того, что они жертвовали своими дѣтьми ради нея. Когда янинскій паша Али, имѣвшій заложниками шестерыхъ греческихъ дѣтей, послалъ гонцовъ предупредить двухъ вожakovъ возстанія, Цавеласса и Дракоса, что если они не капитулируютъ, ихъ оба ребенка подвергнутся той же участи, какъ и другіи дѣти, то хотя ихъ горе было безгранично, они все-таки не сдались. Собравъ солдатъ, они позвали священника и сказали: «Преклоните колѣна и помолитесь, а ты пой заукойные псалмы по нашимъ шестерымъ заложникамъ, которыхъ паша велѣлъ убить». Другой образецъ беззавѣтной храбрости грековъ какъ нельзя лучше рисуетъ слѣдующая фраза стараго воина Димотзіоса: «Я уже старъ, чтобы быть полководцемъ: первое мѣсто мнѣ болѣе не подобаетъ; но у меня есть одинъ сынъ для сабли, одинъ сынъ для ружья и самый младшій для знамени.» Паликары, т.-е. наемные воины, считали самой завидной участью—умереть на полѣ битвы и у нихъ даже былъ излюбленный тостъ за обѣдомъ на бивакахъ,— «за счастливую пулю». Смерть не страшила греческихъ героевъ, она ихъ вдохновляла и даже въ послѣднюю минуту жизни они сохраняли это вдохновеніе. Такъ одинъ умирающій клефтъ съ Олимпа, смотря прямо смерти въ лицо, говорилъ: «Ѣшь мое мясо, Ѣшь мое мясо, орелъ, чтобы твои крылья выросли на локоть, а твои когти на пядень». Другой грекъ, умирая, сказалъ товарищу:

«Товарищъ, я раненъ. Покончи со мною, отсѣки мнѣ голову и спрячь ее, чтобы непріятель не возликовалъ отъ моей смерти.» На смерть отъ руки непріятеля они смотрѣли, какъ на нѣчто почетное, славное, и грекъ Китзозъ говорилъ: «Смерть для меня не важна: кровь храбрыхъ заставляетъ такъ много вырастать лезвія сабель, какъ много родится пшеница». Греческія женщины обладали не меньшимъ мужествомъ, чѣмъ мужчины, и среди нихъ были отважные воины. Приводя причины греческой революціи, историки напоминаютъ объ основаніи въ Одессѣ грекомъ Скуфой союза для борьбы за освобожденіе Греціи, «филикегетеріи», цѣлью котораго было соединеніе всѣхъ христіанъ Оттоманской имперіи для побѣды надъ турками. Они упомипаютъ о смутныхъ идеяхъ, планахъ и обѣщаніяхъ Александра I вторженіи въ Молдо-Валахію, возбужденномъ и подготовленномъ въ Одессѣ Александромъ Инсиланти, о возмущеніи янинскаго паши Али противъ Турціи, послѣдствіемъ чего было возвращеніе суліотовъ въ горы. Признавая всѣ эти факты, авторъ однако не соглашается, чтобы великая апрѣльская революція 1821 г. была подготовлена военными средствами, а не зародилась въ умахъ и въ сердцахъ грековъ. Между начальниками арматоловъ, т.-е. турецкой милиціи изъ мѣстныхъ жителей сѣверной Греціи и Албаніи, созданной для охраны безопасности, преимущественно противъ клефтовъ, и муниципалитетомъ не было никакого соглашенія относительно момента, когда взяться за оружіе, ни относительно наступательнаго движенія, ни даже относительно сосредоточенія войскъ. Во всей Греціи ожидали сигнала, но онъ не послѣдовалъ; тогда ружья сами дали залпъ: каждая область, какъ бы по импульсу, подняла оружіе за свободу, не спрашивая, пойдетъ ли съ нею сосѣдняя область.

4 апрѣля епископъ Германъ, возбуждавшій толпу, водрузивъ крестъ предъ церковью св. Георгія, заставилъ народъ поклоняться, что онъ будетъ сражаться до послѣдняго дыханія за освобожденіе родины. Въ Магнии два начальника клановъ, Колькотрони и Петровій, соединивъ своихъ воиновъ, двинулись на Каламату, а въ Лаконіи молодая дѣвушка, Констанца Захаргасъ, призвала къ оружію пятьсотъ крестьянъ, изгнала турокъ изъ деревни и принудила ихъ укрыться въ замкъ-крѣпости, Мистрѣ. Въ Беотіи паликаръ Діакосъ съ тремястами воинами поднялъ всю страну; на островахъ Эгейскаго моря объявили возстаніе тетрархи Псаріи, судьи Спеціи, сенаторы Гидры, которые единогласно подали голосъ за слѣдующую декларацию: «Греческая нація, уставъ отъ ярма, которое ее гнететъ въ теченіе четырехъ вѣковъ, поднялась и бросилась къ оружію, чтобы разбить свои цѣпи. Жители Гидры, желая раздѣлить онаасности, рѣшили, употребить всѣ средства, всѣ свои личныя достатки и выгоды своего острова, чтобы побить общаго врага». Одобренная народомъ, эта прокламація была послана въ Спецію, Псару, на всѣ острова Хіосъ, Андросъ, Делосъ, Цеосъ, Самосъ. Достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы превратить торговый флотъ острововъ въ военный. Каждый приложилъ руку къ дѣлу организаціи войны за свободу. Изъ арсеналовъ вытащили пушки и вооружили ими всѣ суда и рыбацкія ладьи включительно; самыя невинныя суда теперь были нагружены бочками пороха, ружьями и

прочими боевыми припасами. Деньги, необходимы для первой кампаніи, были собраны по подпискѣ. Богатые греки Лазарь Кундуріотисъ, Гидріотъ и Орланди дали по 56.000 франковъ въ мѣсяцъ на содержаніе десяти кораблей. Богатая вдова, знаменитая Баболина, на свой счетъ снарядила три брига, а красавица Модена Маврожени объявила, что отдастъ свою руку и состояніе тому изъ предводителей милиціи, который больше всѣхъ убьетъ турокъ. Такимъ образомъ въ концѣ апрѣля флотъ мятежниковъ дошелъ до ста семидесяти шести бриговъ, шебекъ, полякръ, на которыхъ въ общемъ находилось сто пятьдесятъ пушекъ. Въ одинъ мѣсяцъ пламя мятежа вспыхнуло во всей Греціи. Маленькіе турецкіе гарнизоны въ ожиданіи помощи укрылись въ акрополяхъ, замкахъ-крѣпостяхъ, предоставивъ грекамъ цѣлые города, какъ Спарту, Мистру, Патрасъ, Аргосъ, Нопли, Коринось, Мегару, Аэины, Фивы, Тисось, Андросъ, Самось и Гидры.

Болѣе семи лѣтъ длилась кровавая драма борьбы за независимость, въ которой греки стяжали для своей родины имя героической Греціи. Застыгнувшій въ Фермопильскомъ ущельи съ десятию воинами, гдѣ двигался авангардъ Омеръ Вріона, паликаръ Діакосъ обрекъ себя на смерть. Онъ отказался отъ лошади, которую ему предложилъ его пріемный сынъ, и принялся стрѣлять въ турокъ, благодаря чему задержалъ ихъ на цѣлый часъ. Его спутники, пораженные пулями, падали одинъ за другимъ. Самъ онъ, серьезно раненый, не могъ защищаться, и турки, сваливъ его на землю, связали, а затѣмъ отправили въ Цитуніи. Не считая грековъ непріятелями, а только мятежниками, турки обращались съ ними, какъ съ возставшими, и согласно строгому военному кодексу Ислама могли даровать жизнь тому изъ мятежниковъ, который соглашался измѣнить вѣру. Въ отвѣтъ на такое предложеніе Діакосъ отвѣтилъ: «Убей меня, моя смерть не имѣетъ большого значенія для Греціи, такъ какъ въ Греціи много Діакосовъ».

18 іюня 1825 г. на рейдѣ Хіуса адмиралъ Кара Али устроилъ на своемъ кораблѣ празднество по случаю избавленія отъ одного изъ важныхъ враговъ, француза Балеста, сражавшагося въ рядахъ грековъ. Его голову привезли командовавшему пашѣ, и весь штабъ пріѣхалъ съ поздравленіемъ. Главныхъ офицеровъ пригласили также остаться на банкетъ. Всѣ торжествовали и рассчитывали справить ночь Рамазана спокойно съ своей командою въ 2000 на кораблѣ, вооруженномъ 80 пушками и окруженномъ болѣе чѣмъ пятидесятью военными судами. Но греки не способны были оставить безъ возмездія побѣду враговъ: въ тотъ же день два советъмъ маленькія греческія судна отплыли изъ Исары; на одномъ было 20 маряковъ, на другомъ—14. Это были поджигатели во главѣ съ Константиномъ Канарисомъ. Пробравшись ночью среди турецкой стражи на двухъ турецкихъ фрегатахъ, оберегавшихъ проходъ на рейдѣ и пролавирававъ среди стоявшихъ на якорѣ судовъ, они приблизились къ адмиральскому кораблю и быстро, какъ стрѣла, ринулись на адмиральскій корабль. Самъ Канарисъ уцѣпился за носъ корабля, достигнувъ бушприта, ухватился за него и бросилъ дреки въ кранбалкъ. Сдѣлавъ это, онъ спустился въ свой брандеръ, зажегъ его и прыгнулъ на свое судно, перерубивъ швартовъ ударомъ сабли. Его помощникъ съ немалымъ успѣ-

хомъ продѣлалъ то же съ фрегатомъ Ріала Бея, присоединился къ Канарису, и они оба подъ турецкимъ огнемъ удалились, торжественно восклицая: «Побѣда за крестомъ!» Отважные моряки даже не скрывались отъ глазъ турокъ; въ ихъ лодкахъ находились бочки съ порохомъ, взятые на всякій случай и если бы враги вздумали пресѣчь имъ путь, они взорвали бы свои лодки. Но турки пропустили ихъ: они были озабочены пожаромъ, который угрожалъ охватить все суда. Адмиральскій корабль пылалъ, и вслѣдствіе внезапно поднявшагося вѣтра пламя быстро распространялось. Отъ сильнаго жара пушки палили сами собою, возбуждая ужасъ во флотѣ и распространяя вокругъ смерть. Командующій паша спустился въ ялботъ, но воспламенившаяся мачта упала на него, и онъ пошелъ ко дну, а у Кара Али оказались сломаны ребра, и матросы вылавы доставили его на берегъ, гдѣ онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Его судно и много другихъ фрегатомъ были сожжены.

Въ продолженіе восьми лѣтъ войны Канарисъ нѣсколько разъ повторялъ подобныя набѣги на турецкій флотъ, какъ ночью, такъ и при яркомъ солнцѣ. 16 февраля 1824 г., среди бѣла дня онъ съ помощью одного только брандера сжегъ фрегатъ въ Самоскомъ проливѣ. Когда впоследствии спрашивали секретъ, благодаря которому онъ такъ успѣшно сжигалъ суда, то онъ давалъ единственный отвѣтъ, показывая рукою на сердце: «Секретъ нашего успѣха здѣсь.» На замѣчаніе по поводу его отваги онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что за нимъ нѣтъ никакой заслуги относительно храбрости, такъ какъ «пуля не брала его».

Греки были неодолимы, когда скрывались за скалами или стѣнами, но иногда и въ открытой битвѣ они одерживали верхъ, какъ случилось въ сраженіи съ 12.000 арміей Мустафа Бея. Послѣ сраженія при Петѣ, во время котораго вся западная греческая армія была разбѣяна, Маврокордато съ тридцатью пятью и Марко Ботцарисъ съ тридцатью семью воинами достигли Миссолонги, защищенной съ моря лишь пришедшимъ въ разрушеніе валомъ и рвомъ, наполовину наполненнымъ мусоромъ. Море было еще свободно, и въ порту стояли многочисленныя суда, но Маврокордато заурячился и не хотѣлъ сѣсть на корабль, говоря, что умереть здѣсь. Ботцарисъ выразилъ то же желаніе, и они такъ воодушевили этимъ жителей, что послѣдніе отправили изъ города женщинъ, дѣтей и стариковъ, а сами въ количествѣ 350 человекъ присоединились къ Маврокордато и Ботцари. Къ городу приблизилась армія изъ 11.000 человекъ подъ начальствомъ Омера Вріонъ; съ ними была сильная артиллерія. Турки осадили городъ и начали его бомбардировать, но это не устранило защитниковъ, пожертвовавшихъ и своимъ имуществомъ и жизнью. Тогда Омеръ Вріонъ открылъ переговоры. Маврокордато, желая выиграть время, все обѣцалъ непріятелю капитулировать, а тѣмъ временемъ принялся укрѣплять дома и валъ. Такъ прошло шесть недѣль, и Омеръ Вріонъ продолжалъ бомбардировать городъ ночью и вести переговоры днемъ. Тѣмъ временемъ съ моря подошло къ грекамъ подкрѣпленіе изъ 700 челопонесцевъ подъ начальствомъ Петровія, Андреаса Цапмиси и Ханелоса Дельяни; это были избранные войны, закалившіеся въ долгой смертельной защитѣ Акрополя Аргосскаго. Другое подкрѣпленіе состояло изъ 2.500 человекъ.

Мустафа послалъ послѣднее требованіе о сдачѣ, на которое Маврокордато уже отвѣтилъ письменно: «Если хотите занять наше мѣсто, приѣзжайте и возьмите его». Осаждающіе потеряли уже слишкомъ много времени: они ослабли отъ лишней и болѣзней, и Мустафа запоздалъ съ осадой. Хотя турецкіе солдаты храбро двинулись впередъ, но теперь грековъ было значительное количество и они оказались хорошо защищенными. Оставивъ восемьсотъ убитыхъ турокъ, непріятель быстро снялъ осаду, узнавъ о приближеніи Мавромихаласа, и бросилъ на мѣстѣ большую часть артиллеріи и багажа.

Въ ночь на 19 августа 1823г. Вотцарисъ съ 400 суліотовъ проникъ въ самый лагерь Кареницы, произведя тамъ переполохъ. По звуку рожка лагерь былъ окруженъ съ трехъ различныхъ пунктовъ, но при схваткѣ Вотцарисъ былъ раненъ и умеръ со словами, что онъ уплатилъ долгъ родинѣ. Послѣ взятія Псары въ іюлѣ 1824 г. двѣсти магнезійцевъ, запертые въ цитадели, сопротивлялись осадѣ восемь дней. У нихъ не было ни воды ни нищи, и они приготовились умереть и устроить себѣ прекрасныя похороны. При новой осадѣ, когда турецкая колонна стянулась подъ стѣнами и начала настаивать лѣстницы, они бросили факелы и пороховые погреба, и крѣпость взлетѣла на воздухъ, похоронивъ подъ собою болѣе тысячи вражескихъ солдатъ.

Съ тѣхъ поръ Миссолонги прекрасно укрѣпились; гарнизонъ увеличился, и когда армія Ренидъ-паша осадила его 1825 г., то онъ сопротивлялся семь мѣсяцевъ, и турки должны были прекратить атаку и переждать три мѣсяца.

На слѣдующую зиму Ибрагимъ-паша съ египетской арміей присоединился къ арміи Ренида-паша въ то время, какъ турецкій флотъ приблизился къ Миссолонги съ моря. На этотъ разъ на городъ наступилъ непріятель и съ суши и съ моря. Защитниковъ города приходилось 2 на 20 человекъ и, несмотря на такую разницу, они упорно и удачно защищались, отвѣчая на огонь огнемъ, оттѣняя осаждавшихъ и разрушая смѣлыми выходами непріятельскую работу по приближеніи. Однако съ 15 февраля пришлось убавить порцію хлѣба до 180 граммомъ на человека, а съ 1 марта нисколько не осталось муки. Въ продолженіе шести недѣль они питались только небольшими запасами риса, собаками, крысами и проч. Къ голоду присоединился холодъ, такъ какъ не хватало болѣе дровъ и вдобавокъ среди защитниковъ развилась дизентерія. Тогда Ибрагимъ-паша предложилъ грекамъ капитуляцію на условіяхъ, что жители остались бы въ городѣ, гдѣ ихъ личность и имущество будутъ гарантированы, солдаты свободно выйдутъ, но сложивъ оружіе. На это Тцавелласъ отвѣтилъ парламентарамъ, что нельзя требовать отъ Греціи сложить мечи, омоченные въ крови враговъ.

Для избѣжанія голодной смерти осажденные рѣшили выйти массами и удалиться въ горы, пройдя черезъ непріятельскіе ряды. Этотъ выходъ послѣдовалъ 22—23 апрѣля. Они раздѣлялись на три колонны, подъ предводительствомъ Вотцариса, Тцавеласа и Макриса. Въ каждой колоннѣ сначала шли солдаты, затѣмъ женщины и старики и потомъ отрядъ солдатъ. Больные и раненые размѣстились въ старой мельницѣ, гдѣ былъ сложенъ порохъ. Три дня спусти они тамъ взорвали себя. Непріятель былъ на сторожѣ и едва греки от-

крыли двери подземелья, какъ на нихъ набросились турки. Однако они пробили себѣ кровавый проходъ, оставивъ половину своихъ на полѣ битвы. Преслѣдуемые албанцами до перваго укрѣпленія Цигоса, женщины, чтобы избѣжать насилія, успѣли удалиться на скалы. Не видя преслѣдованія солдатъ, шестьдесятъ женщинъ прочитали молитву и бросили въ пропасть дѣтей, затѣмъ, взявшись за руки, пропѣли заукойный гимнъ и устроили нѣчто въ родѣ похороннаго хоровода, каждое движеніе котораго приближало ихъ къ пропасти. Когда женщина, руководившая хороводомъ, приближалась къ пропасти, то бросалась въ нее, за нею слѣдовала ея товарка и такъ далѣе, такимъ образомъ всѣ женщины, не разнимая рукъ, бросились одна за другой въ пропасть.

Вооруженное вмѣшательство Европы, сраженіе при Наваринѣ, отплытіе изъ Морей тѣла генерала Мэзона и особенно переходъ черезъ Балканы русскихъ съ Дибичемъ—положили конецъ войнѣ. Но, по мнѣнію автора, несправедливо сказать, что съ 1827 г. Греція была унижена и съ этихъ поръ не могла оказывать сопротивленія, ибо турки въ одинаковой степени были истощены. Турція, конечно, какъ страна болѣе могущественная, богатая, съ лучшей военной организаціей, кончила бы побѣдой, но для того ей надо было бы много усилій и время. Несмотря на рѣшительныя дѣйствія Франціи, Англіи и Россіи въ пользу Греціи,—честь завоеваннаго освобожденія все-таки принадлежитъ грекамъ.

— Разоблаченія германскихъ скандаловъ.—Последняя книжка «Zukunft» въ своихъ разоблаченіяхъ нѣмецкой пресловутой нравственности раскрываетъ истинное положеніе Германіи. Уже извѣстный своими статьями объ этомъ предметѣ редакторъ вышеозначеннаго журнала Максимиліанъ Гарденъ, безошадно клеймившій все высшее придворное общество, добился своимъ перомъ, что наконецъ императоръ открылъ глаза на творившіяся вокругъ него безобразія. Нигдѣ, какъ въ Германіи, печать не играетъ столь видной и значительной роли, и ея слова не проходятъ безслѣдно, а заставляютъ бояться ее даже самые высшіе слои общества. Когда Гарденъ помѣстилъ первую статью о придворной камарильи, то высшіе сановники завели съ нимъ переговоры и дѣлали попытку задобрить его. Развратъ развился въ Германіи въ такой сильной степени, что перешелъ даже въ армію, и сами офицеры являлись къ Гардену съ просьбой разоблачить дѣянія членовъ «Круглаго Стола». По ихъ словамъ, если все такъ будетъ идти въ арміи, то грязь хлынетъ со всѣхъ сторонъ и забрызгаетъ многихъ. Однако Гарденъ все еще медлялъ, не зная, въ какой формѣ представить дѣло и всего ли касаться, или ограничиться только замѣчаніями объ извращеніи половыхъ чувствъ въ нѣмецкой арміи. Въ виду того, что это частное дѣло, ояъ нѣсколько колебался вмѣшаться въ него, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ замѣшанныхъ лицъ — берлинскій президентъ полиціи, хотя человѣкъ съ такими же неестественными наклонностями, но свое дѣло исполнявшій хорошо. Однако его успокаивали письма врачей-спеціалистовъ, считавшихъ, что эти разоблаченія не могутъ быть приняты за диффамацию и статья 175 здѣсь непримѣнима, такъ какъ, къ счастью, подобные скандальные случаи все чаще и чаще проявляются на вершинѣ берлинскаго общества.

Появление первых обличительных статей Гардена вызвало настоящій переполохъ въ высшемъ обществѣ среди членовъ Круглаго Стола, и къ Гардену явилась миссія отъ князя Эйленбурга съ запросомъ, за что Гарденъ такъ ненавидитъ князя, уже не занимавшаго официальнаго поста, также и графа фонъ-Мольтке. На это Гарденъ отвѣтилъ, что личной ненависти къ нимъ онъ не питаетъ, но ихъ некрасивыя дѣла при дворѣ, ихъ спиритуализмъ, мистическій культъ императора—все это ему кажется опаснымъ. Императоръ не можетъ знать, что окружающіе люди женоненавистники, съ извращенными половыми чувствами, и если дѣло раскроется раньше, чѣмъ императоръ самъ вѣдѣетъ въ него, то разразится ужасный скандалъ, а потому надо сдѣлать все, чтобы просвѣтить монарха. «Я самъ буду радъ,—сказалъ въ заключеніе Гарденъ,—если мнѣ не придется болѣе писать объ этихъ дѣлахъ. Для этого необходимо Эйленбургу совсѣмъ удалиться отъ политики, перестать быть совѣтникомъ короны, а также не пользоваться услугами графа Мольтке при дворѣ». Последнее замѣчаніе, очевидно, воздѣйствовало на Эйленбурга: онъ уѣхалъ въ Швейцарію, и Гарденъ прекратилъ свои нападки. Однако удаленіе Эйленбурга было лишь простымъ маневромъ. Гарденъ узналъ, что послѣдній продолжаетъ вести свою политическую роль и въ его замкѣ устроилось свиданіе императора съ графомъ Леконтъ, членомъ французскаго посольства. Это обстоятельство ясно говорило, что Эйленбургъ продолжаетъ непрежнему свою работу, такъ какъ обыкновенно императоръ лично имѣлъ дѣло только съ посланникомъ, а не съ его чиновниками. Прошло нѣсколько времени и оказалось, что Эйленбургъ видѣлся съ императоромъ въ Висбаденѣ, хлопочетъ о сближеніи Германіи съ Франціей и самъ займетъ постъ намѣстника Эльзасъ-Лотарингіи, а Леконтъ—видный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тогда Гарденъ снова принялся за разоблачительную работу и достигъ своей цѣли: 2 мая императоръ прочиталъ два нумера «Zukunft», доставленные ему наследникомъ престола. Императоръ разгнѣвался, и начались разслѣдованія, за ними немилость и отставка.

Эти разоблаченія едва не стоили дуэли Гардену. 11 мая къ нему явилась миссія въ лицѣ полковника Отто фонъ-Мольтке со стороны коменданта Берлина генерала Куно фонъ-Мольтке. Выслушавъ объясненія Отто фонъ-Мольтке, Гарденъ далъ ему слѣдующую расписку: «Вы были такъ добры сообщить мнѣ, что графъ Куно фонъ-Мольтке никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ лицами мужскаго пола, въ чемъ онъ далъ вамъ свое честное слово. На это сообщеніе я вамъ скажу, что у меня нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ правдивости этого честнаго слова». Это дѣло было утромъ, а послѣ обѣда Гарденъ раздумалъ и заявилъ, что онъ не хотѣлъ драться на дуэли съ Мольтке, ибо, даже не сомнѣваясь въ честномъ словѣ графа, онъ считаетъ, что онъ, Гарденъ, могъ быть политически обязанъ доказать, что неестественная дружба нѣкоторыхъ мужчинъ, хотя и самая идеальная, имѣла бы непріятныя политическія послѣдствія. На это полковникъ Мольтке заявилъ, что совсѣмъ не понимаетъ, что подразумѣваетъ Гарденъ подъ фразой «неестественная дружба, хотя бы и самая идеальная», и потому требуетъ у него до

этому поводу объясненій. Но Гарденъ отказался дать ему какія-либо объясненія и потому получилъ вызовъ на дуэль, которую однако отклонилъ.

Въ своихъ статьяхъ Гарденъ безошадно клеймитъ Бюлова и Чирсаго «неспособными», при всякомъ случаѣ пускающими пыль въ глаза и воспѣвающими торжественные гимны въ честь политики Германіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они унизили и осрамили ее. Изъ блестящаго положенія, какое занимала эта держава въ международной политикѣ, они въ нѣсколько лѣтъ низвели ее до жалкаго положенія. Многіе изъ упрековъ, адресованныхъ къ этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, въ сущности направлены къ самому императору. Впрочемъ, Гарденъ сознается, что не желаетъ паденія канцлера, ибо преемникъ его предвидится не лучше. Два года тому назадъ Делькассэ ловко завязалъ переговоры съ англійскимъ правительствомъ объ изолированіи Германіи, и они такъ удачно устроили, что даже составили противъ нея болѣе или менѣе мирную коалицію. Въ отвѣтъ на это Германія приняла наступательную политику въ мароккскомъ вопросѣ, загнугала Францію, заставила выйти въ отставку Делькассэ и хвасталась, что своей смѣлостью сразу пресѣкла всѣ попытки коалиціи. Но она ошиблась: на другой же день послѣ этихъ событій коалиція снова составила, и теперь Германія изолирована еще болѣе и окончательно, чѣмъ то было въ 1905 г. Все это ловко устроилъ Эдуардъ VII съ помощью цѣлой сѣти трактатовъ, конвенцій и соглашеній, напимѣръ, какъ франко-англійское, франко-итальянское, франко-японское, англо-русское и англо-японское, которыя вмѣстѣ съ франко-русскимъ совершенно сдавили Германію желѣзнымъ кольцомъ.

Впрочемъ, нѣмецкіе министры не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что Германія попала въ сѣти и дѣлая *bonne mine au mauvais jeu*, увѣряютъ въ парламентѣ, что на политическомъ горизонтѣ—ни тучки, а незначительное свиданіе двухъ императоровъ выдаютъ за крупную дипломатическую побѣду. Они рукоплещутъ сближенію Англии съ Италіей и Испаніей, которое, по ихъ словамъ, благоприятно для Германіи и если вредно, то лишь для Франціи. Италія вотъ-вотъ покинетъ Германію съ тройственнымъ союзомъ и бросится въ объятія дружескаго соглашенія, о чемъ уже не стѣсняясь говорятъ итальянскіе журналисты и политическіе дѣятели. Поведеніе Висконти Веноста на конференціи въ Алжезирасѣ слишкомъ ясно говорило о намѣреніяхъ Италіи, и надо быть Чирскимъ и Бюловымъ, чтобы не сумѣть правильно это истолковать. Италія, впрочемъ, говоритъ Гарденъ, всегда была «прежде всего» союзницей Англии, и когда Англія ненавидѣла Россію, отводилась враждебно къ Франціи и дружески соглашалась съ Германіей, Италія, которая въ то время имѣла причины бояться Франціи, отъ всего сердца приставала къ австро-германскому союзу. Теперь Англія обнаруживаетъ къ Франціи дружескія чувства, примирилась съ Россіей, теперь совсѣмъ неопасной, и ведетъ походъ противъ Германіи. Италія уже давно примирилась съ Франціей и сгѣшитъ повиноваться внушенію прежней британской союзницы и падаетъ въ объятія своей заальпійской сестры. Бюловъ ничего этого не хочетъ понять и послѣ минутнаго дурного настроенія (на другой день послѣ Алжезираса) сталъ любезничать и выражать Италіи довѣріе, хотя никто изъ итальянскаго

правительства, начиная съ короля, не выразилъ сожалѣнія относительно поведенія Висконти Веноста. Во время свиданія съ Бюловымъ онъ «осмѣлился» говорить о «тройственномъ союзѣ еще болѣе крѣпкомъ», о все возрастающей близости Италіи и Германіи, о томъ, что никакой политической вопросъ не разъединитъ обѣихъ странъ. «По правдѣ, спрашиваетъ Гарденъ по-французски: «Qui trompe t' on ici?»

Руководящая мысль Италіи—завоевать гегемонію на Адриатическомъ морѣ и въ одинъ прекрасный день присоединить къ себѣ Албанію, и можетъ быть Триестъ и Далмацію. Для этого плана ей необходимъ союзъ съ Англіей; Австрія навѣрно будетъ ея противникомъ, а изъ-за Триеста—Германія возможнымъ конкурентомъ Гарденъ сомнѣвается, что Австрія—спокойный союзникъ Германіи; славянскія расы не терпятъ ея, а въ Австріи ихъ большинство; дружба же венгерцевъ—непостоянна, да и домъ Габсбурговъ еще не забылъ Садовы и объединенія Германіи надъ скипетромъ Гогенцолерновъ. Къ тому же новый канцлеръ Эренталь не очень горячій германофилъ.

— Отовсюду.—Начало XX столѣтія ознаменовалось въ Испаніи рѣзкимъ переходомъ отъ эпохи упадка ко времени постепеннаго возрожденія литературы и особенно журналистики. Но сперва добрыя намѣренія оказались призрачными и быстро ступевались: новые журналы, использовавъ громкія заглавія, какъ, напримѣръ, «Resurgimento», просуществовали самое короткое время. Все же молодое поколѣніе, образовавшееся послѣ тяжелаго періода несчастной войны съ Америкой, взяло свое, и съ помощью крупныхъ старинныхъ писателей, Франциско Виллегоса, Гомеца Бакеро и нѣкоторыхъ другихъ, мало-по-малу усовершенствовало и утвердило современную испанскую печать, болѣе обращая вниманіе общества на серьезные, соціальныя, научныя и философскіе вопросы. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди вождей печатнаго слова занялъ теперь Мигуэль Унамоно, отличающійся глубокимъ самостоятельнымъ и независимымъ умомъ: вокругъ него сомкнулись тѣсною цѣпью болѣе юные таланты: Марьяно Кавія, Альфредо Виценти, братья Бланко, Крестобаль Кастро, Бернардо Кондамо и прочіе. Съ каждымъ годомъ журналистика въ главныхъ центрахъ Испаніи стала замѣчательно развиваться при замѣтномъ успѣхѣ и книжной литературы.

Въ первыхъ книжкахъ испанскихъ журналовъ за нынѣшній годъ появилось значительное количество интересныхъ статей по различнымъ вопросамъ, научнымъ, общественнымъ и литературнымъ. Въ «Nuestro Tiempo» молодой критикъ Гонзалесъ Бланко оканчиваетъ свой замѣчательный очеркъ подъ названіемъ «Хвала критикѣ», по случаю выхода въ свѣтъ сочиненія Антоніо Кортиня о Эспринцеда. По своему значенію эта книга составляетъ въ испанской критикѣ совершенно новую эпоху. Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ того же журнала помѣщены три статьи, посвященныя новѣйшему соціальному прогрессу въ Испаніи: въ одной изъ нихъ обсуждается вопросъ о юныхъ преступникахъ и о болѣе рациональномъ обращеніи съ ними. Во второй дѣло идетъ о правѣ здоровыхъ обезпечивать себя отъ опасности прилипчивыхъ недуговъ. Въ третьей говорится о свободѣ ученія. Въ обстоятельной статьѣ синьора Хозе Рокамора трактуется въ новѣйшемъ выпускѣ вышеупомянутаго журнала о медленномъ

прогрессъ воспитанія въ Испаніи. Авторъ оплакиваетъ тотъ фактъ, что половина народа—неграмотна, что школы, преимущественно сельскія, содержатся неудовлетворительнымъ образомъ и что учителей до нелѣпости мало въ странѣ—менѣе тридцати тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ одномъ Нью-Йоркѣ ихъ находится до тридцати трехъ тысячъ. Вообще Испанія расходуетъ на народное воспитаніе только двадцать восемь милліоновъ пезетовъ, т. е. не болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ.

«*Revista Contemporanea*» чрезвычайно основательно и интересно разсуждаетъ о конституціяхъ различныхъ южно-американскихъ республикъ и посвящаетъ историко-критическую статью Сервантесу, разсматривая его не какъ писателя, а какъ воина. Извѣстно, что онъ воевалъ въ Италіи, но нельзя ничѣмъ доказать, что онъ участвовалъ во Фландрской войнѣ, хотя его собственныя сочиненія наводятъ на мысль объ этомъ. Онъ былъ раненъ въ грудь и потерялъ лѣвую руку въ знаменитой битвѣ при Лепанто. Вислѣдствіи онъ боролся съ турками и, возвращаясь домой въ Испанію, былъ взятъ въ плѣнъ корсарами, которые продержали его въ Алжирѣ пять лѣтъ, пока наконецъ за него внесенъ былъ значительный выкупъ въ 1580 г., и тѣмъ окончилась его военная карьера, о которой вообще имѣется очень мало свѣдѣній.

Докторъ Вилладіерна помѣстилъ въ «*Espana Moderna*» двѣ оригинальныя статьи объ употребленіи въ пищу конины и собачьяго мяса. Онъ особенно большой партизанъ гишпофагін и не понимаетъ, почему не ѣдятъ конины въ Испаніи. По его мнѣнію, это просто нелѣпый предразсудокъ въ Испаніи, и если бы бѣдный людъ попробовалъ ее, то убѣдился бы, что она пріятна на вкусъ и гигиенична. Въ Германіи, особенно въ Пруссіи, она очень распространена, а французы во время Крымской войны предпочитали мясо лошадей—бычьему. Одни англичане никакъ не могли преодолѣть своего отвращенія къ этой пищѣ. Что же касается до пользованія собачьимъ мясомъ, то оно, повидимому, началось въ Саксоніи и въ настоящемъ столѣтіи значительно тамъ распространилось. Въ Дессау даже заведена особая скотобойня для собакъ. Въ Силезіи и Баваріи собаки въ большомъ употребленіи, но въ Берлинѣ докторъ Вилладіерна не могъ достать собачьяго мяса, хотя очень желалъ отвѣдать его. Онъ не совѣтуетъ ѣсть собакъ съ точки зрѣнія гигиенической діеты; ихъ мясо не такъ питательно, какъ лошадиное, и въ немъ очень много трихинъ и другихъ вредныхъ микроорганизмовъ. Въ томъ же журналѣ извѣстная испанская романистка Эмилія Нардо Базанъ изучаетъ современную французскую литературу и указываетъ, какъ влияют на нее русскіе и скандинавскіе писатели.

Хозе Альварецъ въ «*Espana y America*» объясняетъ въ обстоятельной статьѣ современное положеніе Перу. Эта страна вообще очень прогрессивная: ея конституція основана на республиканскомъ правленіи съ двумя представительными палатами. Замѣчательная черта этой конституціи та, что она даетъ политическія права иностранцамъ и обезпечиваетъ имъ права собственности. Перувианская республика въ международномъ отношеніи принадлежитъ къ Гаагскому союзу, но въ ней нѣтъ ни экономической партіи, какъ въ Англіи, ни социалистской, какъ во Франціи и Бельгіи. Тутъ преобладаютъ «цивилисты» и они заботятся исключительно о матеріальномъ и интеллектуальномъ разви-

тій націи. Въ литературномъ отношеніи есть два національныхъ свѣтила: Шокано, великій эпическій поэтъ, и Рикардъ Пальма, вольтерьянецъ и острый юмористъ—однимъ словомъ Перу достойна всякаго вниманія.

Въ испанской журналистикѣ замѣчается новое теченіе: неожиданное появленіе нѣсколькихъ духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ капуцинами въ Барселонѣ и бенедиктинцами въ Монсерратѣ. Оригинально то, что писатели-клерикалы въ этихъ журналахъ впервые держатся современныхъ идей въ умственной борьбѣ, тогда какъ до сихъ поръ въ Испаніи духовенство всегда было систематическимъ врагомъ прогресса.

Если мы перейдемъ къ Италіи, то замѣтимъ также, какъ въ новѣйшей литературѣ, такъ и въ журналистикѣ проявленіе нѣкотораго оживленія со стороны римской куріи и оппозиціонной духовной дѣятельности либеральныхъ патеровъ. Въ первомъ отношеніи замѣчательнъ только что вышедшій декретъ папы, поручившаго бенедиктинцамъ вновь пересмотрѣть текстъ латинскаго перевода священнаго писанія, который употребляется уже тысячу пятьсотъ лѣтъ римскою церковью и приписывается св. Іерониму. Какъ ни умалется въ настоящее время вліяніе клерикализма, все-таки новый латинскій переводъ библіи будетъ имѣть большое значеніе для всего болѣе или менѣе преданнаго церкви католическаго міра. Наоборотъ, среди живо протестующихъ противъ крайнихъ клерикаловъ либеральныхъ католиковъ недавно надѣлала много шума анонимная брошюра подъ заглавіемъ: «Шій X», въ которой изложены отъ имени группы свободомыслящихъ патеровъ принципы католическаго реформизма и выражено порицаніе папѣ за то, что онъ противоdѣйствуетъ реформистскому движенію. Авторы брошюры требуютъ для патеровъ свободы совѣсти и особенно они возстаютъ противъ недавняго лишенія папою священства аббата Мури, стоящаго во главѣ демократическаго движенія въ католическомъ духовенствѣ. Отъ этой брошюры перейдемъ къ появившимся на дняхъ замѣчательнымъ итальянскимъ книгамъ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ новое сочиненіе Джузеппе Финзе о Петраркѣ, которому онъ посвящаетъ вниманіе преимущественно какъ первому итальянскому писателю, посвятившему себя идеѣ развитія итальянскаго единства. Въ самое тяжелое время Италіи старикъ Петрарка со своей чисто-итальянской поэзіей поддерживалъ бодрость приходившихъ въ разочарованіе согражданъ. Чрезвычайно интересна эта основательная книга о національномъ значеніи Петрарки, который однако изучается Финзе, какъ инициаторъ эпохи возрожденія, гуманистъ, указавшій умамъ новые пути и бывшій предвозвѣстникомъ новой интеллектуальной жизни.

Итальянскій историкъ Лазари посвятилъ цѣлый томъ основательному разсмотрѣнію одного эпизода знаменитой кампаніи Наполеона въ Италіи въ 1796 г. Этотъ эпизодъ касается возстанія и ограбленія Луго, и поэтому все сочиненіе носитъ заглавіе «La sommossa e il sacco di Lugo nel 1796». Хотя этотъ эпизодъ маловажный, но онъ имѣлъ большое значеніе на политическія событія, удержавъ въ Легациі генерала Ожеро въ теченіе нѣсколькихъ дней, и онъ только 10 іюля могъ исполнить предписаніе, данное ему главнокомандующимъ, Наполеономъ, помѣшать Вурмзеру оказать помощь Мантуѣ. Монографіи, по-

добныя той, которая написана Лазари, служатъ краеугольными камнями исторіи.

Адольфъ Падованъ, уже извѣстный нѣсколькими сочиненіями о природѣ генія, недавно написалъ еще одно изслѣдованіе о томъ же любимомъ и неистощимомъ предметѣ, подъ заглавіемъ «*Che cosa é il genia?*» Съ помощью вполне убѣдительныхъ аргументовъ и точнымъ, живымъ стилемъ авторъ опредѣляетъ геній слѣдующимъ образомъ: «Геній есть физиологическое состояніе исключительнаго положенія нервовъ». Эта формула, по его мнѣнію, одинаково приложима къ Леонарди и Гёте. Трудно себя вообразить, съ какимъ жаромъ и знаніемъ дѣла доказываетъ Падованъ свой тезисъ.

Болонскій профессоръ Бенедетти, специалистъ по вопросу о среднемъ образованіи, на дняхъ напечаталъ чрезвычайно цѣнный трудъ, названный имъ «*Verbo la meta*», въ которомъ онъ развиваетъ всѣ вопросы, касающіеся его излюбленнаго предмета. Онъ трактуетъ въ немъ о гигиенѣ занятій, о методахъ ученія, о воспитаніи воли, объ образованіи памяти, объ искусствѣ чтенія и т. д. Въ концѣ этой полезной книги онъ даетъ цѣлый рядъ совѣтовъ, необходимыхъ въ педагогическомъ отношеніи.

— Мнѣніе генерала Чіальдини и его сослуживцевъ о завосваніи королевства обѣихъ Сицилій¹⁾. — 23 іюля нов. стили въ Италіи предстоитъ торжество по случаю столѣтія со дня рожденія извѣстнаго патріота Іосифа Гарибальди. Не отнимая нисколько заслугъ отъ патріота Гарибальди, справедливость требуетъ указать на нѣкоторые факты, которые до сего времени оставались въ тѣни.

По занятіи гарибальдійцами обѣихъ Сицилій генералъ Чіальдини напечаталъ въ газетѣ «Вечерній Курьеръ» письмо, въ которомъ доказывалъ, что гарибальдійцы пришли въ королевство обѣихъ Сицилій, когда тамъ правительственными войсками уже все было кончено.

Гарибальди печатно отвѣчалъ на эту статью Чіальдини, но факта по существу не опровергнулъ.

Королю Виктору-Эмануилу I была крайне непріятна эта размолвка двухъ генераловъ, и король пригласилъ Чіальдини и Гарибальди во дворецъ на обѣдъ, и, когда оба генерала пришли, король приказалъ имъ примириться, подать другъ другу руки и расцѣловаться. Генералы, разумѣется, исполнили волю короля, миръ между ними наружно былъ заключенъ, но внутренняя вражда осталась. Не касаясь вопроса, кто изъ нихъ былъ правъ, Чіальдини или Гарибальди, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ и оцѣнить ихъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Раздробленная на мелкія части Италія давно мечтала объ объединеніи подъ знаменемъ короля Виктора-Эмануила. Со временъ карбонариевъ до плѣвенія Наполеона III подъ Седаномъ, провозглашенія республики въ Парижѣ, отозванія изъ Рима французскаго отряда, охранявшаго независимость папы-

---

¹⁾ Настоящая замѣтка доставлена редакціи Николаемъ Ардаліоновичемъ Поповымъ.

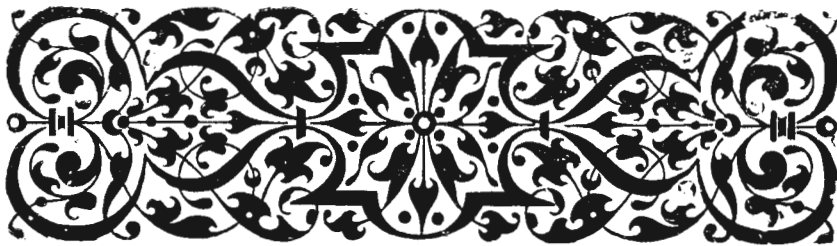
короля, и занятія итальянскими войсками Рима, въ этотъ періодъ времени много пало патриотовъ, стремившихся къ завѣтной мечтѣ объединенія Италіи; достаточно припомнить, что знаменитый Мадзини былъ приговоренъ къ смертной казни и эмигрировалъ въ Англію. Отсюда легко понять, что вся нація стремилась къ объединенію. Главная и несомнѣнная заслуга Гарибальди заключалась въ томъ, что онъ понялъ это общее желаніе и безкорыстно всѣми зависящими отъ него средствами стремился къ завѣтной цѣли, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ сталъ кумиромъ итальянскаго народа. Экспедиціи 1000 изъ Генуи въ Марсалу въ свое время придавали чрезчуръ, слѣдуетъ замѣтить, одностороннее значеніе. Между тѣмъ набрать 1000 волонтеровъ для экспедиціи въ Сицилію было вовсе не трудно, тѣмъ болѣе, что волонтеры ничѣмъ не рисковали. Сицилія также стремилась соединиться съ Италіей. Когда флотилія «тысячи» приплыла изъ Генуи, на рейдѣ было много бурбонскихъ крейсеровъ и броненосцевъ, которые салютовали гарибальдійцамъ. Историкъ говоритъ «салютовали», потому что ни одинъ выстрѣлъ не причинилъ вреда гарибальдійцамъ, и они совершенно безпрепятственно высадились на берегъ. Трудно, даже прямо невозможно предположить, чтобы на бурбонскихъ судахъ не было людей, способныхъ направить орудіе въ толпу людей. Обстоятельство это объясняется очень просто. Всѣ командиры и прислуга на бурбонскихъ судахъ горячо сочувствовали гарибальдійцамъ. Затѣмъ, когда послѣдніе пришли въ Марсалу, они не встрѣтили никакого препятствія. Мадзини и Криспи съ прокламаціями Гарибальди были отправлены внутрь страны, чтобы поднять народъ противъ Бурбоновъ; но это оказалось совершенно лишнимъ, народъ уже давно рѣшилъ соединиться съ Италіей; когда Криспи чрезчуръ энергично пропагандировалъ, Мадзини ему говорилъ: «что вы, Криспи, горячитесь, развѣ вы не видите, что народъ и безъ вашей революціонной пропаганды давнымъ-давно готовъ?»

Въ то время, когда Гарибальди съ своей тысячею занялъ Палермо, тамъ было нѣсколько тысячъ бурбонскихъ солдатъ, и всѣ они, при появленіи гарибальдійцевъ, сложили оружіе и присоединились къ Гарибальди. Вотъ фактъ, занесенный на страницы исторіи объединенія Италіи; но этотъ фактъ либералы 60 годовъ нашли неудобнымъ освѣтить надлежащимъ образомъ. Далѣе слѣдуетъ абсурдъ: революціонеры 60 годовъ ставятъ въ величайшую заслугу Гарибальди, что онъ отказался отъ званія диктатора и не воспользовался секвестрованнымъ имъ золотомъ. Первое объясняется тѣмъ, что разумный Гарибальди, несмотря на свои республиканскія убѣжденія, прежде всего желалъ счастья своей родинѣ Италіи и былъ увѣренъ, что благо это можетъ быть только при монархическомъ образѣ правленія, а такъ какъ послѣдняя не совмѣстима съ диктаторствомъ, то онъ и отказался отъ почетнаго званія диктатора. Далѣе слѣдуетъ уже болѣе чѣмъ забавный курьезъ. Гарибальди восхваляютъ за то, что онъ не присвоилъ чужой собственности. Милліоны, брошенные королемъ Францискомъ II, конечно, составляли національную собственность Итальянскаго королевства. Спрашивается, какимъ образомъ честный и всегда безкорыстный Гарибальди могъ вдругъ превратиться въ вора? Положимъ, многіе и весьма многіе республиканскіе и монархическіе

дѣтели преспокойно прикарманили эти секвестрованные миллионы, но Гарибальди по своей честности и безкорыстію не могъ этого сдѣлать, всѣ мѣшки съ золотомъ онъ отдалъ итальянскому королю, а самъ съ мѣшкомъ бобовъ отправился на свою пустынную Каиреру разбивать гряды и сажать картофель; поступокъ вполне достойный честнаго и безкорыстнаго Гарибальди. Хищники былого времени и современные не могутъ и не должны служить примѣромъ итальянскому народному кумиру Гарибальди, всегда отличавшемуся своей честностью и безкорыстіемъ.

Генералъ Чіальдини и его сослуживцы хотя и освѣтили нѣкоторые факты, относившіеся къ завоеванію королевства обѣихъ Сицилій, но тотъ ореолъ, который украшалъ чело знаменитаго итальянскаго патріота Гарибальди, не могъ быть снятъ, Гарибальди по многимъ и весьма многимъ причинамъ остался народнымъ кумиромъ.

С М Ъ С Ъ.

АКЛАДКА памятника Гоголю въ Москвѣ. Въ воскресенье, 27 мая, въ Москвѣ торжественно совершена была закладка памятника Н. В. Гоголю, сооружаемаго въ началѣ Пречистенскаго бульвара, со стороны Арбатской площади. Мѣсто, отведенное для постройки памятника, представляетъ обширную четырехугольную площадку, обнесенную заборомъ. Въ серединѣ площадки возвышался шатеръ, декорированный внутри цвѣтами и тропическими растеніями. Къ шатру отъ входа на площадку со стороны Арбатскихъ воротъ вела аллея изъ пальмъ и лавровыхъ деревьевъ. За шатромъ находилось мѣсто закладки памятника въ видѣ углубленія, въ которомъ сооружается фундаментъ памятника, заложенный на глубинѣ 6-ти аршинъ. На 4 аршина въ высоту фундаментъ уже выложенъ. Въ углубленіе къ фундаменту ведетъ лѣстница. Въ 12 часовъ дня въ шатрѣ началось молебствіе, совершенное мѣстнымъ духовенствомъ при хорѣ пѣвчихъ въ присутствіи московскаго градоначальника А. А. Рейнбота, председателя комитета по сооруженію памятника городского головы Н. П. Гучкова, временнаго председателя общества россійской словесности А. Е. Грузинскаго, членовъ названнаго комитета: московскаго губернатора В. Ѳ. Джунковскаго, председателя московскаго окружнаго суда Н. В. Давыдова, почитателя московскаго учебнаго округа А. М. Жданова, ректора императорскаго московскаго университета А. А. Мануилова, А. А. Федотова и В. В. Калаша, а также членовъ городской управы, нѣкоторыхъ гласныхъ думы, художника-скульптора, по модели котораго сооружается памятникъ, Н. А. Андреева, П. С. Остроухова, городскихъ инженеровъ, принимающихъ участіе въ постройкѣ памятника и др. Въ концѣ молебствія совершена была закладка памятника. Въ углубленіе въ фундаментъ участниками закладки положены были золотыя и

серебряныя монеты, а затѣмъ углубленіе закрыто мѣдной доской со слѣдующей надписью: «Мая 27-го дня въ лѣто 1907-е, благополучнаго царствованія государя императора Николая II тринадцатое, при предсѣдателѣ комитета по сооружеію памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ, московскомъ городскомъ головѣ Н. И. Гучковѣ, членахъ того же комитета и московскомъ градоначальникѣ А. А. Рейнботѣ, заложенъ сей памятникъ Николаю Васильевичу Гоголю, воздвигаемый по модели художника Н. А. Андреева на средства, собранныя по всероссійской подпискѣ».

По окончаніи молебствія городской голова Н. И. Гучковъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ слѣдующее: 27 лѣтъ тому назадъ, 8 іюня 1880 г., на торжественномъ собраніи общества любителей Россійской словесности по случаю открытія памятника Пушкину, А. А. Потѣхинъ отъ имени литераторовъ предложилъ соорудить памятникъ Н. В. Гоголю. Предложеніе это было принято, и 1-го августа того же года послѣдовало высочайшее соизволеніе на всероссійскую подписку для сбора пожертвованій на постановку памятника Гоголю въ Москвѣ. Черезъ 10 лѣтъ образовался особый комитетъ по сооружеію памятника Гоголю, и покровителемъ этого комитета изъявилъ согласіе быть наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ. Долгое время комитетъ не могъ остановиться на выборѣ мѣста для постройки памятника, и только 6-го апрѣля 1896 года мѣстомъ для памятника избрана была Арбатская площадь, и лишь въ прошломъ году рѣшено было строить памятникъ въ началѣ Пречистенскаго бульвара. Нынѣшней весной приступлено было къ подготовительнымъ работамъ и удалось уже заложить фундаментъ. Комиссія имѣетъ полное основаніе предполагать, что освященіе и открытіе памятника совершится осенью настоящаго года и русскій народъ исполнитъ свой долгъ передъ памятью своего великаго учителя и національнаго поэта. Временный предсѣдатель общества А. Е. Грузинскій сказалъ слѣдующую рѣчь: «Позвольте засвидѣтельствовать съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ томъ видномъ національномъ дѣлѣ, которое нынче перешло въ послѣдній періодъ своего осуществленія, и первый починъ, и дальнѣйшій ходъ принадлежатъ нашему обществу любителей Россійской словесности. Гюго сказалъ: «Ни одно растеніе не вырастаетъ изъ земли съ такимъ трудомъ, какъ статуя великаго человѣка». Дѣйствительно, первая мысль о памятникѣ Пушкину, родившаяся въ 1860 году, чуть не заглохла и возродилась лишь въ 1870 году, и только черезъ 10 лѣтъ послѣ этого монументъ былъ поставленъ; съ памятникомъ Гоголю дѣло шло еще труднѣе. Мы слышали, что еще 8-го іюня 1880 года Потѣхинъ предложилъ увѣнчать торжество открытія памятника Пушкину устройствомъ подписки на памятникъ Гоголю. 27 лѣтъ прошло, и только теперь мы приступаемъ къ сооружеію памятника. Отчего это? Можетъ быть, тутъ не обошлось безъ вліянія тѣхъ причинъ, о которыхъ говорилъ нашъ геніальный сатирикъ 70 лѣтъ назадъ: «Люди не слышатъ могучей силы смѣха, — «что смѣшно, то низко», — говорить свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, даютъ названіе высокаго». Какъ бы то ни было, теперь мы близки къ наглядному увѣковѣченію памяти великаго творца побасенокъ, одного изъ

тѣхъ русскихъ геніевъ, безъ которыхъ, по его словамъ, «обметѣла бы наша жизнь, плѣсенью и тинной покрылись бы души». Близокъ день, когда скорбная и задумчивая фигура великаго меланхолика вознесется надъ площадью и устремить взглядъ на несущуюся кругомъ жизнь. Памятникъ Гоголю сооружается въ безпокойную и тревожную пору русской жизни, когда многое тронулось съ мѣста, и все застоявшееся пришло въ движеніе. Это какъ будто — неблагопріятный моментъ для культурнаго праздника. Но Гоголь былъ тонкій и строгій аналитикъ русской жизни, и, можетъ быть, есть свой смыслъ въ томъ, что Россія вспомнить его тогда, когда ей особенно нуженъ анализъ ея жизни».

Во 2-мъ часу дня въ большой залъ ресторана «Прага» состоялся завтракъ для участниковъ въ торжествѣ закладки памятника. Меню «фриштика», украшенное гоголевскими типами (рисунокъ Н. А. Андреева), было слѣдующее: Закуски: грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, лепешки со всяческими припеками, припекой съ лукомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со снѣточками и не вѣсть что — со стола Коробочки. Грибки съ чабрецомъ, съ гвоздикой и волошскими орѣхами, грибки съ сморданнымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ — изъ кладовой Пульхеріи Ивановны. Колбасы и окорока, искусно приготовленные Гапкой изъ бурой свиньи, съѣвшей Ивана Никифоровича. Лабарданъ отъ купца Абдулина, по заказу А. Ф. Земляники. Арбузъ въ семьсотъ рублей, всякія солености и иныя возбуждающія благодати. Водки: на персяковыхъ листьяхъ, на черемуховомъ цвѣтѣ, на золототысячникѣ, на вишневыхъ косточкахъ изъ хозяйства Пульхеріи Ивановны. Бутылки толстобрюшки отъ купца Абдулина. Рябиновка, имѣющая совершенный вкусъ сливокъ, изъ погреба г. Ноздрева. Горилка Тараса Бульбы, чистая пѣнная. Горилка съ выдумками, съ изюмомъ и всякими вытребеньками. И другія. 1. Кулебяка на четыре угла, отъ П. П. Пѣтуха. 2. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ изъ Парижа. 3. Осетръ — произведеніе природы съ полицеймейстерской кухни. 4. Бараній бокъ, отъ Собакевича. 5. Вареники, отъ Пацюка. Вина: Хересь, портвейнъ, губернская мадера отъ купца Абдулина. Бурдашка изъ погреба штабсъ-ротмистра Поцѣлуева. Бургоньонъ и шампаньонъ вмѣстѣ изъ погреба г. Ноздрева. Клико-матрадура съ ярмарки, привоза его же, г. Ноздрева. За завтракомъ былъ произнесенъ рядъ тостовъ. Первый тостъ былъ возглашенъ Н. И. Гучковымъ за здравіе Высочайшаго покровителя комитета по сооруженію памятника Н. В. Гоголю, Государа Императора. Здравяца была встрѣчена восторженнымъ «ура.» Далѣе предсѣдатель комитета поднялъ бокалъ за скорое и удачное осуществленіе памятника великому русскому писателю. Ректоръ московскаго университета А. А. Мануиловъ пилъ за предсѣдателя и членовъ комитета; Н. И. Гучковъ отвѣчалъ тостомъ за московскій университетъ и его представителя. Слѣдоваль тостъ за процвѣтаніе общества любителей россійской словесности. Затѣмъ Н. И. Гучковъ провозгласилъ тостъ за здравіе московскаго градоначальника, который отвѣчалъ тостомъ за счастье и благоденствіе Москвы. Слѣдовали тосты за губернатора В. Ѳ. Джунковскаго, за П. С. Остроухова, который принимаетъ живѣйшее участіе въ постройкѣ памятника, за исполнителя памятника Н. А. Андреева, за всѣхъ сотрудинокъ по

сооруженію памятника, за супругу городского головы и другихъ присутствовавшихъ дамъ.

Капиталь на сооруженіе памятника Гоголю достигъ въ настоящее время 112,000 руб. Комитетъ по сооруженію памятника Гоголю организованъ былъ 6-го октября 1890 года по мысли состоявшаго въ то время председателемъ общества любителей россійской словесности Н. С. Тихонравова, который до своей смерти былъ душою всего дѣла. Мѣсто для памятника избрано на Арбатской площади какъ по ея центральному, очень удобному расположенію, такъ и потому, что площадь эта граничитъ съ Никитскимъ бульваромъ, гдѣ около трехъ лѣтъ жилъ и умеръ Н. В. Гоголь въ домѣ, недавно принадлежавшемъ Шереметевой и украшенномъ мраморной доской. 14-го февраля 1902 года, ко дню 50-тилѣтія кончины Гоголя, открытъ былъ конкурсъ проектовъ памятника нашему великому писателю. Хотя комитетъ и выдалъ за нѣкоторые проекты преміи, но ни одинъ изъ нихъ не удостоился полного одобренія. Въ маѣ 1905 года комитетъ, не связывая себя премированными ранѣе моделями памятника, рѣшилъ обратиться къ лучшимъ скульпторамъ и художникамъ съ просьбой доставить новые проекты для монумента Гоголю. Въ засѣданіи Гоголевскаго комитета 28-го апрѣля 1906 года былъ одобренъ новый проектъ памятника, представленный скульптуромъ Н. А. Андреевымъ. По его модели Гоголь изображенъ въ задумчивой позѣ, въ плащѣ съ кашпономъ, присѣвшимъ на скамейку, высѣченную изъ зеленого гранита. Открытая голова писателя нѣсколько наклонена внизъ, выраженіе лица—скорбное, грустное. Лѣвая рука опущена подъ плащомъ на колѣнку ноги, а правая придерживаетъ лѣвую полу плаща. Прямоугольный пьедесталь состоитъ изъ двухъ неравныхъ массивовъ темно-сѣраго гранита, раздѣленныхъ бронзовымъ поясомъ барельефовъ на сюжетъ главныхъ произведеній Гоголя. На передней сторонѣ памятника представлены типы изъ комедіи «Ревизоръ»: городничій съ Анной Андреевной и Марьей Антоновной, Бобчинскій и Добчинскій, Хлестаковъ, судья, Артемій Филипповичъ Земляника, почтмейстеръ, смотритель Хлоповъ и др. На задней сторонѣ памятника барельефы изображаютъ типы изъ петербургскихъ повѣстей Гоголя, съ лѣвой стороны памятника—типы изъ малороссійскихъ повѣстей (Солоха, Хивря, Тарасъ Бульба съ Остапомъ и Андреемъ, Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ и др.), а съ правой стороны—типы изъ «Мертвыхъ душъ» (Чичиковъ, Маниловъ, Собакевичъ, Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Ноздревъ, Коробочка, Плюшкинъ и др.). Памятникъ возвышается надъ круглымъ газономъ, окаймленнымъ гранитнымъ кольцомъ. Вся высота памятника—10 аршинъ, а бронзовой статуи—3¹/₂ аршина. Статуя будетъ обращена лицомъ къ Арбатской площади. Модель статуи уже отправлена въ Петербургъ для отливки на заводѣ Моранъ, и къ сентябрю статуя будетъ готова, такъ что открытіе памятника предполагается въ половинѣ сентября. Подъ памятникъ отведена вся передняя часть бульвара въ длину 20 сажень и въ ширину—12 сажень. На этой площадкѣ памятникъ воздвигается на разстояніи 15 сажень отъ Арбатской площади. Путемъ земляной насыпи площадка подъ памятникомъ будетъ приподнята надъ остальной частью буль-

вара на высоту около 2-хъ аршинъ. Съ Арбатской площади на нее будетъ вести 2 небольшихъ лѣстницы: одна—въ 2, а другая—въ 4 ступени, а съ площадки на бульваръ—лѣстница въ 7 ступеней. Площадка эта будетъ обнесена желѣзной рѣшеткой, вдоль которой будутъ сдѣланы посадки кустарниковъ. Рѣшетка устраивается въ стилѣ ешріге, съ гранитными бѣлыми тумбочками, съ наложенными на нее украшеніями изъ бронзы со стороны Арбатской площади и изъ чугуна—съ остальныхъ сторонъ. По угламъ площадки поставлены будутъ высокіе фонари, каждый съ тремя помпейскими свѣтильниками, увѣнчанные золочеными шарами, со стоящими на нихъ статуэтками. Внутри площадки будутъ поставлены скамейки, а самая площадка будетъ усыпана пескомъ.

Московскій историческій музей. Въ скоромъ времени въ московскомъ Историческомъ музеѣ открываются пять новыхъ залъ, предназначенныхъ для предметовъ эпохи царя Ивана Грознаго, царя Θεодора Ивановича, Бориса Годунова и смутнаго времени. Вся отдѣлка залъ, на которую затрачено не мало времени и труда, произведена въ строгомъ соответствіи съ упомянутыми эпохами. Архитектурныя и лѣбныя украшенія взяты съ такихъ историческихъ памятниковъ, какъ соборъ Василія Блаженнаго, колокольня Ивана Великаго, Успенскій соборъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ (построенъ при царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ) и т. д. Роспись потолоковъ также взята частью изъ тѣхъ же памятниковъ, частью же съ орнаментовъ, находящихся въ Историческомъ музеѣ. Залы еще не вполне готовы къ открытію, но часть предметовъ, несомнѣнно, относящихся къ эпохѣ, обнимаемой временемъ царя Ивана Грознаго и Смутнымъ, уже выдѣлена изъ огромныхъ коллекцій бытовыхъ памятниковъ Историческаго музея. При входѣ въ первую, посвященную эпохѣ Смутнаго времени, залу бросаются въ глаза огромныя историческія картины: въѣздъ въ Москву Лжедмитрія, вѣнчаніе его съ Мариной Мнишекъ, гдѣ вмѣсто Самозванца стоитъ дякъ Власовъ, въѣздъ Лжедмитрія въ Краковъ и два портрета Самозванца и Марины Мнишекъ; всѣ эти художественныя произведенія представляютъ собою рѣдкіе историческіе памятники; написаны эти картины въ началѣ XVII ст., вѣроятно, какимъ-нибудь польскимъ художникомъ и происходятъ изъ замка Вишневецкихъ. Въ слѣдующей, самой большой залѣ, посвященной Грозному, эффектно выдѣляются въ четырехъ углахъ стѣнъ, покрытыхъ красною краскою, живописныя изображенія Сирина, Альконоста и Малкафета, представленнаго въ видѣ игицы съ головою старца съ длинною бородою. Потолокъ этой залы великолѣпно расписанъ разноцвѣтнымъ орнаментомъ XVI вѣка по золотому фону. Въ залахъ уже установлены желѣзныя витрины, которыя частью уже заполнены различною мѣдной посудой: братинами, сковородками, кувшинами и т. д., украшенными чеканкою; на нѣкоторыхъ есть и надписи. Предметы, выставленные въ витринахъ, помѣщены въ этихъ залахъ временно, такъ какъ они относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ XVI вѣкъ. Но есть уже нѣсколько предметовъ, несомнѣнно относящихся къ эпохѣ второй половины XVI и начала XVII вѣка. Между прочимъ, пицаль съ весьма интересной надписью на дулѣ, гласящей о принадлежности ея князю Касаткину-Ростовскому, извѣстному дѣятелю и историку смутнаго вре-

мени. Особенный интересъ представляетъ мѣдное распятіе, вымѣненное, какъ гласитъ надпись на немъ, какимъ-то старцемъ Геронгіемъ на деньги, присланныя въ какой-то архангельскій монастырь царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ на помигъ души по убитомъ имъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ. Рукописный листокъ—«память», писанный рукою Нефедя Минина, сына знаменитаго Кузьмы Минина, съ приложеніемъ восковой печати самого Кузьмы. Два прекрасныхъ мѣдныхъ паникадила и одно серебряное кадило, съ надписями о вкладѣ ихъ въ церковь женою, сыномъ и дворовыми людьми князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Великолѣпное серебряное кадило съ превосходными чеканными изображеніями святыхъ, украшенное длинною надписью, гласящею о передѣлкѣ его въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Два любопытныхъ портрета царя Ѳедора Ивановича и Скопина-Шуйскаго, того времени, написанныхъ на деревѣ. Портреты эти находились нѣкогда въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, изъ котораго были перенесены въ Историческій музей по Высочайшему повелѣнію. Повидимому, портретъ царя Ѳедора Ивановича служилъ нѣкогда иконою, такъ какъ въ старинныхъ рукописныхъ святцахъ въ числѣ святыхъ упоминается и царь Ѳедоръ Ивановичъ. Цѣлая витрина заполнена предметами бытового характера: желѣзными топорами, копыями, подковами и т. д.; тутъ же находится кожаный сапогъ со шпорою. Всѣ эти предметы происходятъ изъ села Тушина, подъ Москвою, гдѣ нѣкогда находился лагерь второго самозванца. На полу залы расположено нѣсколько десятковъ надгробій XVI и XVII вѣковъ, найденныхъ въ Москвѣ или ея окрестностяхъ. На многихъ встрѣчаются имена коренныхъ московскихъ жителей, напр., торговаго гостя Тараканова, Дуды Квашнина—вѣроятно, одного изъ родоначальниковъ существующаго рода Квашниныхъ. Надгробіе XVI вѣка нѣкоего Марка Никитина—«палача», какъ гласитъ надпись, что весьма любопытно, такъ какъ показываетъ, что это позорное въ наше время названіе въ XVI вѣкѣ было официальнымъ званіемъ. Крайне интересно также каменное надгробіе съ прекрасною рельефною надписью, сооруженное, вѣроятно, надъ могилою царевича Дмитрія до его канонизаціи. Въ залахъ лежатъ гипсовые слѣпки съ такъ называемаго «трона Мономаха», этого великолѣпнаго деревяннаго рѣзнаго сооруженія времени Ивана Грознаго, находящагося въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Копія съ этого трона еще не вполне закончена, но въ скоромъ времени будетъ украшать большую залу Грознаго. Хотя въ настоящее время всѣ эти залы еще не вполне готовы къ открытію, но уже можно сказать, что онѣ будутъ представлять громадный научный и воспитательный интересъ.

Археологическій институтъ. Въ четвергъ 17 мая состоялось въ квартирѣ В. Г. Глазова и подъ его предѣтельствомъ засѣданіе совѣта московскаго археологическаго института. Въ составѣ преподавателей института утверждены министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующія лица, избранныя въ засѣданіи совѣта 26 минувшаго февраля на соответствующія каѳедры. Профессора: А. Н. Филипповъ (юридическія древности), С. И. Соболевскій (греческая палеографія), Р. Ѳ. Брандтъ (исторія русскаго языка, славяно-русская палеографія); приватъ-доценты: А. И. Успенскій (христіанская археоло-

гія, історія русскаго искусства), С. К. Кузнецовъ (историческая географія, бібліотековѣдѣніе и музеевѣдѣніе, метрологія), хранитель историческаго музея В. А. Городцовъ (первобытная археологія, бытовья древности), архивариусъ московскаго архива министерства юстиціи Н. Н. Ардашевъ (дипломатика, архивовѣдѣніе), хранители Оружейной палаты—Ю. В. Арсеньевъ (геральдика) и В. К. Трутовскій (нумизматика, сфрагистика), секретарь общества історіи и древностей російскихъ и редакторъ его «Чтеній» Е. В. Барсовъ (исторія русской литературы) и предѣдатель историко-родословнаго общества Л. М. Саволовъ (генеалогія). Остаются незамѣщенными пока каѳедры: русской історіи (исторія учреждений и проч.), всеобщей історіи искусства, історіи русской архитектуры, этнографіи и греческой эпиграфики, — всѣ изъ числа отнесенныхъ къ программѣ 2-го курса. Возможно замѣщеніе нѣкоторыхъ каѳедръ лекторами изъ Петербурга. Одно такое предложеніе уже поступило въ совѣтъ. Одновременно избранные попечителемъ археологическаго института бывшій министр народнаго просвѣщенія В. Г. Глазовъ и директоромъ его архивариусъ московскаго архива императорскаго двора А. И. Успенскій представлены министромъ на высочайшее утвержденіе. Секретаремъ избранъ членъ-учредитель Н. Г. Высотскій. Что касается помѣщенія для археологическаго института, то оно предоставляется въ зданіи гимназіи имени Медвѣдниковыхъ, о чемъ и ведется теперь переписка. Въ томъ же засѣданіи обсуждались вопросы: о составленіи расписанія лекцій на 1907—8 академической годъ; о гонорарѣ за чтеніе лекцій—соотвѣтственно университетской нормѣ за дополнительные часы; объ изданіи печатнаго органа. Въ заключеніе состоялось избраніе почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Были также приняты денежныя пожертвованія и предложенія рефератовъ и услугъ со стороны лицъ, сочувствующихъ задачамъ археологическаго института.

Музей имени Крамского. Въ наше тяжелое время, когда, кажется, все поглощено политической борьбой и революціей, есть еще люди, живущіе другими интересами и стремящіеся создать что-нибудь болѣе эстетическое. Въ Воронежской губ. въ небольшомъ городкѣ Острогожскѣ, гдѣ родился Иванъ Николаевичъ Крамской, членъ суда В. И. Сѣдаковъ задумалъ увѣковѣчить память своего земляка, очень популярнаго у насъ художника, и, устроивши маленькую картинную галерею имени Крамского, украсить свой городъ. При галерей предполагается открыть и рисовальную школу. Идея В. Сѣдакова воодушевила многихъ въ Острогожскѣ и очень быстро составилъ кружокъ, къ которому примкнули члены правленія острогожеской общественной бібліотеки, члены родительскаго комитета мужской и женской гимназій и другія лица. На хорошій призывъ съ радостью откликнулись вдова, дочь и сыновья покойнаго художника и уже отослали нѣсколько работъ П. Н., его академическіе этюды и рисунки, а также и часть картинъ другихъ художниковъ, составлявшихъ коллекцію самого Крамского. Узнавъ про основаніе музея, открытіе котораго, говорятъ, совпадаетъ съ семидесятилѣтней годовщиной рожденія Крамского (27 мая 1837 г.), многіе художники обѣщали дать что-либо изъ своихъ работъ; не безучастно къ этому отнеслась и академія художествъ, рѣшивъ послать туда кое-какія вещи изъ музея. Вѣроятно, она поддержитъ и

задуманную рисовальную школу, снабдивъ ее нужнымъ инвентаремъ, хотя бы состоящимъ изъ гипсовыхъ слѣпковъ. Было бы хорошо, если бы въ музеѣ Крамского было отведено соответствующее мѣсто и для увѣковѣченія его памяти, какъ лучшаго и перваго русскаго художественнаго критика, въ свое время, какъ извѣстно, оказывавшаго огромное вліяніе на журналистовъ, на собирателя картинъ П. М. Третьякова и на многихъ своихъ товарищей. Въ отдѣльной комнатѣ должны бы быть собраны его автографы—письма къ выдающимся современникамъ, «Письма П. Н. Крамского», изданные А. С. Суворинымъ подъ редакціей В. В. Стасова, и, если можно, его письменный столъ, чернильница, кресло...

Посмертный даръ А. М. Рылѣва. Скончавшійся 3 апрѣля сего года генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Александръ Михайловичъ Рылѣвъ, участникъ обороны Севастополя, завѣщалъ передать въ музей севастопольской обороны нижеслѣдующіе предметы, кои онъ при жизни благоговѣйно хранилъ, какъ священные воспоминанія о въ Божѣ почившемъ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ: 1) Маску съ лица императора. 2) Слѣпокъ съ его лѣвой руки. 3) Видъ Николаевскаго дворца въ Москвѣ, гдѣ родился императоръ Александръ II. 4) Портретъ масляными красками (въ формѣ л.-гв. Гусарскаго полка), когда ему было 15 лѣтъ. 5) Большой альбомъ съ изображеніемъ его коронованія. 6) Фотографическій портретъ его (въ мундирѣ л.-гв. Преображенскаго полка), сдѣланный въ годъ восшествія на престолъ. 7) Портретъ масляными красками, изображающій его во время прогулки въ Царскомъ Селѣ въ саняхъ. 8 и 9) Изображенія верхомъ въ походной формѣ, во время нахождения на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1877 г. 10) Фотографическій портретъ, въ лѣтнемъ пальто и въ фуражкѣ, подаренный императоромъ Александромъ II генераль-адъютанту Рылѣву въ 1878 году. 11) Фотографическій портретъ, сдѣланный въ Ялтѣ въ 1879 году. 12) Фотографическій портретъ, въ морскомъ мундирѣ, сдѣланный въ послѣдніе годы жизни. 13) Фотографическій портретъ, сдѣланный въ послѣдній годъ жизни. 14) Медальонъ бронзовый, въ рамѣ подъ стекломъ. 15) Изображеніе его кабинета, въ которомъ онъ скончался (въ Зимнемъ дворцѣ). 16) Фотографическій снимокъ съ картины Маковского, изображающій императора Александра Николаевича на смертномъ одрѣ. 17) Видъ Петропавловскаго собора, гдѣ онъ похороненъ. 18) Нѣсколько портретовъ, медальоновъ и литографій, изображающихъ императора Александра II. Кромѣ того, въ двухъ витринахъ заключаются еще слѣдующіе предметы: 1) Гоговальня императора Александра II, находившаяся при немъ во всѣхъ путешествіяхъ и оставленная имъ генераль-адъютанту Рылѣву по духовному его завѣщанію. 2) Три печатки, подаренныя императоромъ Александромъ II генераль-адъютанту Рылѣву въ разное время, составлявшія, по словамъ государя, «съ незапамятныхъ временъ принадлежность моего рабочаго стола». 3) Полотенце, уштанное кровью императора Александра II, когда онъ, привезенный 1 марта 1881 года въ Зимній дворецъ, лежалъ, исходя кровью, за нѣсколько минутъ до кончины. 4) Пакетъ съ кусочками матраца, обогрѣннаго кровью императора (1 марта 1881 года). 5) Два пера изъ султана его каски, которая была на немъ 1 марта 1881 г.; на перьяхъ

видны слѣды его крови. 6) Иностраннѣй крестъ, который былъ на немъ 1 марта 1881 года. 7) Сюртукъ императора Александра II (л.-гв. Коннаго полка). 8) Его китель. 9) Пакетъ съ лентами его орденовъ. 10) Его лента андреевская. 11) Его лента прусская (желтая) и многіе другіе мелкіе предметы. Всѣ перечисленные предметы 4 минушаго мая были осмотрѣны на квартирѣ умершаго генералъ-адъютанта А. М. Рылѣва (Бол. Конюшенная, д. 1) его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, августѣйшимъ предсѣдателемъ комитета по возстановленію памятниковъ севастопольской обороны, и нынѣ благоговѣнно принимаются на храненіе музеемъ севастопольской обороны, какъ священная память о его основателѣ, императорѣ Александрѣ II, повелѣвшимъ въ 1869 году приступить къ устройству музея славной обороны Севастополя и пожертвовавшимъ средства на устройство этого музея. Въ музей передается также портретъ, изображающій А. М. Рылѣва флигель-адъютантомъ въ годъ участія А. М. въ оборонѣ Севастополя.

Годовое собраніе общества востоковѣдѣнія. Въ обществѣ востоковѣдѣнія 16-го мая вечеромъ состоялось годовое собраніе общества, на которомъ предсѣдатель общества ген.-лейт. Н. К. Шведовъ сообщилъ о дѣятельности общества въ истекшемъ году, все болѣе и болѣе развивающейся. Главныя заботы общества были направлены на развитіе и расширеніе курсовъ восточныхъ языковъ при обществѣ. На нихъ въ теченіе года было 30 слушателей, обучавшихся турецкому, персидскому, японскому и китайскому языкамъ. Преподаваніе велось частью профессорами и специалистами, частью самими туземцами. Курсы эти, съ теченіемъ времени, предполагается преобразовать въ академію восточныхъ языковъ. Завѣдывалъ курсами бывший директоръ владивостокскаго института г. Позднѣевъ. Въ истекшемъ году возобновило свою дѣятельность бухарское отдѣленіе общества, поднявшее вопросъ объ открытіи въ Бухарѣ торгово-промышленнаго музея, а также вновь открылось отдѣленіе общества въ Харбинѣ. Последнее намѣтило себѣ задачи: изученіе Монголіи; изслѣдованіе вопроса о задолженности монгольскихъ князей китайцамъ; выясненіе мѣстной торговли и промышленности и шансы на сбытъ русскихъ товаровъ въ Монголіи; изученіе быта и жизни монголовъ; вопросъ о японской и китайской колонизаціи Дальняго Востока; изданіе монгольской газеты. Нельзя пропустить молчаніемъ и дѣятельность русской больницы въ Тегеранѣ, оказавшей амбулаторную помощь въ теченіе года почти 3,000 лицамъ. Дальнѣйшія предположенія общества: расширеніе курсовъ, что будетъ въ сильной степени зависѣть отъ увеличенія слабыхъ ресурсовъ общества; основаніе собственнаго органа печати; оказаніе помощи и расширеніе дѣятельности мѣстныхъ отдѣленій общества; организація экспедиціи на Дальній Востокъ. Собраніе благодарило предсѣдателя общества ген.-лейт. Н. К. Шведова и совѣтъ общества за ихъ труды на пользу общества и уполномочило ихъ продолжать и расширять дѣятельность общества. На годовомъ собраніи общества предсѣдатель средне-азиатскаго отдѣла его, полк. А. Е. Снѣсаревъ сдѣлалъ въ высшей степени интересный докладъ на тему: «Пробужденіе социализма въ Азіи». Годовое собраніе общества почтили своимъ присут-

ствіемъ министръ народнаго просвѣщенія П. М. Кауфманъ, ген.-ад. Ливевичъ и многія другія лица.

Общее собраніе Краснаго Креста. 27 мая состоялось годовое общее собраніе членовъ общества Краснаго Креста. За 1906 г. въ кассу Краснаго Креста поступило 1.723.028 руб., расходы выразились въ 1.293.573 руб. Собранію былъ доложенъ отчетъ по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ во время Русско-Японской войны, изъ котораго усматривается, что приходъ выразился въ суммѣ 44.443.380 руб., расходъ же по войнѣ опредѣлился суммою въ 31.708.388 руб. Открытыя въ концѣ 1905 г. столовыя въ С.-Петербургѣ для семей безработнаго люда въ минувшемъ году продолжали дѣйствовать, выдавъ въ общемъ 947.336 обѣдовъ; расходъ по содержанію ихъ достигъ къ 1 января 1907 г. 53.965 руб. Затраты Краснаго Креста на помощь населенію нѣкоторыхъ городовъ, посадовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень, пострадавшему отъ пожаровъ, достигли 90,948 руб. Военскимъ чинамъ въ 1906 г. обществомъ Краснаго Креста выдано въ пособіе деньгами 178.960 руб. Расходъ на врачебно-продовольственную помощь увеличился до 4.713.112 руб. 93 коп. Въ столовыхъ Красный Крестъ кормитъ ежедневно свыше 430.000 человекъ. Общій же обзоръ дѣятельности по оказанію помощи въ голодающихъ губерніяхъ будетъ представленъ по окончаніи продовольственной кампаніи. Раненымъ и больнымъ военскимъ чинамъ, а также запаснымъ и отставнымъ сестрамъ милосердія и лицамъ санитарнаго персонала Краснаго Креста было назначено денежнаго пособія 4.132 лицамъ на сумму 66.339 руб. 62 коп. По вопросу объ уменьшеніи взноса за знаки Краснаго Креста, которые выдаются за особыя заслуги по обществу, общее собраніе постановило понизить плату за нихъ до 5 руб. (вмѣсто требуемыхъ положеніемъ 25 руб.). Въ члены главнаго управленія взамѣнъ семи выбывавшихъ оказались избранными: князь Хилковъ, Малиновскій, баронъ Мейендорфъ, князь Васильчиковъ, Ратьковъ-Рожновъ, Мартенсъ и фонъ-Кауфманъ; въ члены повѣрочной комиссіи для разсмотрѣнія отчетности за 1906 г. избраны князь П. А. Накашидзе, генераль Н. Н. Трегубовъ и П. К. Никифоровъ, а въ члены бюджетной комиссіи — Боткинъ, Никифоровъ, Кабатъ, князь Накашидзе, Трегубовъ и Шубинъ-Поздѣевъ. Въ почетные члены общества избраны: военный министръ генераль Редигеръ и бывшіе главноуполномоченные на Дальнемъ Востокѣ князь Васильчиковъ, П. М. фонъ-Кауфманъ и П. П. Балашовъ.

Чествованіе Н. Д. Струкова. 5 іюня происходило чествованіе правителя дѣлъ и члена комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины Москвы и московской епархіи архитектора Н. Д. Струкова, по случаю исполнившагося 25-лѣтія его научно-художественной дѣятельности. Вечеромъ въ помѣщеніи канцеляріи комиссіи было совершено молебствіе протоіереемъ Троицкой, что въ Листахъ, церкви, Н. А. Соловьевымъ, соборнѣ, при пѣніи хора пѣвчихъ, закончившееся многолѣтіемъ. Протоіерей Н. А. Соловьевъ въ своемъ привѣтствіи высказалъ лучшія пожеланія юбиляру и его семейству. Затѣмъ привѣтствовали Н. Д. Струкова директоръ археологическаго инсти-

туда А. И. Успенскій, который принесъ поздравленіе и выразилъ наилучшія пожеланія отъ комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины. Протоіерей Н. Д. Извѣтковъ указалъ на заслуги юбиляра и его покойнаго родителя. Священникъ В. П. Лукинъ привѣтствовалъ Н. Д. Струкова отъ мытниковскаго церковно-приходскаго поочетельства Русскаго уѣзда, которому юбиляръ пришелъ на помощь въ дѣлѣ постройки зданія для церковно-приходской школы. Отецъ Лукинъ благодарилъ юбиляра за сочувствіе церковной школѣ. Затѣмъ привѣтствія были принесены Ю. В. Арсеньевымъ, придворнымъ конописцемъ В. П. Гурьяновымъ, сослуживцами и почитателями. Юбиляръ въ отвѣтной рѣчи благодарилъ духовенство за молитвы, въ которыхъ онъ видитъ залогъ для будущей его дѣятельности. Выражая благодарность мытниковскому поочетельству, Н. Д. Струковъ заявилъ, что онъ и на будущее время готовъ оказывать содѣйствіе насажденію церковныхъ школъ. Глубокую благодарность принесъ юбиляръ членамъ комиссіи по осмотру и изученію церковныхъ памятниковъ, а также и кліентамъ. Были прочитаны полученные привѣтствія: отъ предѣдателя императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ генераль-лейтенанта В. Г. Глазова, отъ прокурора московской синодальной канцеляріи Ф. П. Степанова, отъ профессора живописи В. М. Васнецова и другихъ. Затѣмъ было подано шампанское и провозглашенъ рядъ тостовъ.

Юбилей Ц. А. Кюи. 18 іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ научно-педагогической дѣятельности заслуженнаго профессора Николаевской инженерной академіи инженеръ-генерала Цезаря Антоновича Кюи. Какъ извѣстно, послѣдній является извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ и композиторомъ, внесшимъ много цѣннаго въ наше національное музыкальное искусство. Благодаря выдающимся способностямъ Ц. А., заслуги его на военно-научно-педагогическомъ поприщѣ также немаловажны. Ц. А. родился въ 1836 году. Получивъ высшее образованіе въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и академіи, Ц. А. всю послѣдующую свою службу провелъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Будучи профессоромъ фортификаціи въ академіяхъ Николаевской инженерной, артиллерійской и генеральнаго штаба, Ц. А. въ свое время преподавалъ этотъ предметъ Его Императорскому Величеству Государю Императору. Принадлежа къ числу выдающихся русскихъ военныхъ инженеровъ, Ц. А. написалъ весьма много цѣнныхъ въ научномъ смыслѣ работъ, изъ которыхъ замѣчательны: «Атака и оборона современныхъ крѣпостей», «Опытъ рациональнаго опредѣленія величины гарнизона современныхъ крѣпостей», «Краткій историческій очеркъ долговременной фортификаціи», «Краткій учебникъ полевой фортификаціи», принятый во всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ и выдержавшій многочисленный рядъ изданій. Наконецъ, во время Русско-Турецкой войны Ц. А. былъ командированъ для осмотра нашихъ укрѣпленій на Дунаѣ. Слѣдствіемъ этой командировки явилось извѣстное въ военномъ мірѣ сочиненіе: «Путевыя замѣтки инженернаго офицера на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи».

Юбилей Н. Ф. Лабзина. 18 іюня исполнился пятидесятилѣтній юбилей общественной и педагогической дѣятельности Николая Филипповича

Лабзина, заслуженнаго профессора Николаевской морской академіи и с.-петербургскаго технологическаго института, члена совѣта торговли и мануфактуръ и совѣта министра народнаго просвѣщенія. Н. Ф. родился въ 1837 году. Получивъ высшее техническое образованіе въ спб. технологическомъ институтѣ, Н. Ф. вскорѣ занялъ кафедру по технологии дерева. Свои лекціи по этому предмету Н. Ф. читалъ съ 1862—1874 г.г. Въ 1857 г. ему было поручено преподавать великому князю Александру Александровичу механику, а также руководить токарными и столярными работами великихъ князей Александра и Владимира Александровичей. Будучи, кромѣ технологии металловъ и дерева, знатокомъ промышленности, Н. Ф. впоследствии занялъ постъ члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и совѣта торговли и мануфактуръ. На этомъ посту Н. Ф. пребываетъ вплоть до настоящаго момента. Н. Ф. является также авторомъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ отмѣтимъ: «Исслѣдованіе промышленности: ножевой, металлическихъ издѣлій, замочной—въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. и Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губ.», «Проволока, ножевой товаръ и мелкія слесарныя издѣлія», «Машинные двигатели на международной выставкѣ промышленности», «Станки для обработки дерева», «Записки по отдѣлу лѣсного товара, деревянныхъ издѣлій, металловъ и металлическихъ издѣлій, съ статистическими и промышленными свѣдѣніями» и мн. др.

Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1908 г. Золотая медаль, учрежденная въ 1878 г. с.-петербургскимъ педагогическимъ обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого общества, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи с.-петербургскаго общества грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1908 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ: 1) «Исторія возникновенія и развитія обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности». Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной инициативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности обществъ. 2) «Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи». Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни

Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту. Всѣ представляемыя на конкурсѣ сочиненія должны удовлетворять требованіямъ литературнаго изложенія. Труды эти могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные. Условія присужденія медали въ память А. С. Воронова. 1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, таковая можетъ быть присуждена за сочиненіе, явившееся въ предшествующіе два года предъ послѣднимъ присужденіемъ медали, а такъ какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1907 г., то нынѣ таковая можетъ быть присуждена лишь за сочиненія, появившіяся не раньше 1905 года. 2) Сочиненіе должно быть представлено въ правленіе с.-петербургскаго общества грамотности (Спб., Театральная ул., д. № 5), или избранную для присужденія медали Воронова особую комиссію не позже 1 декабря 1907 года, причемъ до этого срока каждый дѣйствительный членъ общества имѣетъ право письменно заявить о тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнію, имѣли бы право на присужденіе медали. 3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное сочиненіе, то таковое, по соглашенію правленія с.-петербургскаго общества грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ общества, съ уплатою автору вознагражденія по соглашенію.

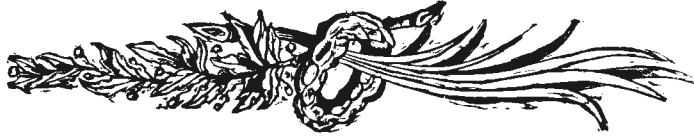
Конкурсъ драматическихъ писателей. Союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявленъ 3-й конкурсъ драматическихъ сочиненій имени А. Н. Островскаго (премія 600 руб.). Крайній срокъ представленія пьесъ на конкурсѣ 1 сентября 1907 г. Срокъ объявленія результатовъ конкурса — 1 марта 1908 г. Членами жюри состоятъ слѣдующія лица: В. Г. Авсѣенко, К. С. Баранцевичъ, Г. Г. Ге, А. А. Измайловъ, В. А. Мичуринъ и А. П. Петровскій. Пьесы на конкурсѣ должны быть присылаемы въ запечатанныхъ конвертахъ, подъ девизами, по адресу: Спб., Ямская, 1, кв. 2, канцелярія правленія союза др. и муз. пис. Туда же можно обращаться за полученіемъ подробныхъ правилъ конкурса.

Совѣтъ по управленію домомъ писателей имени В. Ф. Голубева доводитъ до свѣдѣнія живущихъ въ Петербургѣ литераторовъ и ученыхъ, что въ домѣ писателей (Карповка, 17, домъ въ саду) въ настоящее время есть нѣсколько свободныхъ свѣтлыхъ высокихъ комнатъ, цѣною отъ 15 до 18 руб. въ мѣсяцъ; онѣ съ полной комфортабельною обстановкою, съ освѣщеніемъ, прислугой, съ ванной, постельнымъ бѣльемъ и стиркою его. При домѣ общія гостиная и бібліотека, получающія газеты и журналы. Комнаты сдаются только писателямъ и ученымъ, преимущественно немолодымъ. За справками просятъ обращаться къ завѣдующей г-жѣ Ивановой, въ томъ же домѣ.

Открытіе посмертной выставки рисунковъ профессора И. Прокофьева. Надняхъ въ залахъ бібліотеки императорской академіи художествъ открылась выставка рисунковъ одного изъ старѣйшихъ русскихъ профессоровъ академіи художествъ И. И. Прокофьева, скончавшагося въ 1826 г. Выставка эта представляетъ изъ себя продолженіе дѣлаго цикла подобныхъ выставокъ, предпринятыхъ завѣдующимъ бібліотекой академіи художествъ г. Беренштамомъ съ цѣлью ознакомленія любителей искусства съ рѣдкими коллекціями,

хранящимся въ академической библіотекѣ и въ обыкновенное время недоступными для обозрѣнія публики. Выставка заключается въ сотнѣ рисунковъ и кроки этого талантливаго художника, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго большинству публики, несмотря на то, что его художественная фантазія способствовала лучшимъ украшеніямъ петергофскихъ садовъ, въ то время, когда преимущество въ этомъ отношеніи было всецѣло завоевано иностранными зодчими и скульпторами. Выставка продолжится около мѣсяца и входъ въ нее бесплатный для всѣхъ.

НЕКРОЛОГИ.

ВОГУСЛАВСКИЙ, Н. Д. 17 мая скончался ординарный профессор военной статистики Николаевской академіи генеральнаго штаба полковникъ Николай Дмитріевичъ Богуславскій. Скромный, совершенно чуждый всего показнаго и бьющаго на эффектъ, Н. Д. былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Глубокое, всестороннее образованіе и замѣчательныя лингвистическія способности покойнаго, унаслѣдованныя имъ отъ отца, извѣстнаго языковѣда и знатока Востока генерала Д. Н. Богуславскаго, открывали ему широкія двери въ тотъ непочатый уголь иностранныхъ матеріаловъ по изученію сопредѣльныхъ съ нами странъ, сравнительно незначительная часть котораго доступна, а въ особенности знакома большой публикѣ. Стремясь внести посильную лепту въ дѣло боевой подготовки нашей на окраинахъ и внимательно слѣдя за измѣненіями нашей внѣшней политики, Н. Д. въ 1899 г. издаетъ переводъ труда Юнгхесбэнда «Война на границахъ Индіи», дополняя его своими цѣнными комментаріями, благодаря чему въ большей мѣрѣ уяснились условія возможной борьбы нашей съ Англіей въ Средней Азій. Идя далѣе по тому же пути и какъ бы прозрѣвая будущее, еще въ августѣ 1901 г., когда не только въ нашемъ обществѣ, но даже среди лицъ, близко стоящихъ къ вопросамъ иностранной политики и обороны государства, обращалось столь мало вниманія на страну Восходящаго Солнца и ея возрастающее могущество, онъ избираетъ темой для диссертациі военно-статистическое описаніе Японіи. Тема была утверждена конференціей академіи 23 ноября 1901 г. и срокомъ ея представленія было назначено 1 сентября 1902 г. Съ лихорадочной поспѣшностью и изумительной производительностью труда Н. Д. въ вѣскольکو мѣсяцевъ создаетъ совершенно самостоятельный трудъ: «Японія. Военно-географическое и статистическое обзорѣніе». Трудъ этотъ, основаніемъ которому послужило болѣе сотни иностранныхъ источниковъ, явился первымъ по своей полнотѣ и обработкѣ въ нашей и даже иностранной лите-

ратурѣ. Сознавая однако неизбѣжный пробѣлъ при пользованіи исключительно печатнымъ матеріаломъ, Н. Д. проситъ и добивается отъ военного министерства разрѣшенія на командированіе его на нѣсколько мѣсяцевъ въ Японію и принимается за изученіе японскаго языка. Но, увы, историческія событія шли быстрѣе предвидѣній канцелярій; открытіе военныхъ дѣйствій мѣшаетъ осуществленію разрѣшенной поѣздки. Несомнѣнно, всякій новый русскій изслѣдователь военнаго могущества Японіи неизбѣжно поставитъ въ основу своихъ работъ капитальный и строго-научный трудъ Н. Д. Получивъ въ 1904 г. кафедру военной статистики въ академіи генеральнаго штаба, Н. Д. всецѣло отдался любимому труду, не щадя своего и безъ того некрѣпкаго здоровья. Настойчивые совѣты врачей не могли остановить его рвеніе до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлала преждевременная смерть. Еще за три дня до кончины, съ юношескимъ жаромъ и горячей любовью къ тому дѣлу, которому онъ отдалъ лучшія силы, диктовалъ онъ своему близкому другу и сослуживцу соображенія по возбужденному вопросу о преобразованіи научной подготовки слушателей Николаевской академіи. Но не однѣ усиленные кабинетныя работы были причиной безвременной кончины Н. Д. въ 39-лѣтнемъ возрастѣ. Горячій патріотъ, нервный, впечатлительный, онъ необычайно близко принималъ къ сердцу тяжкіе удары, обрушившіеся на Россію въ минувшую войну; а еще болѣе волновали его внутреннія невзгоды, которыя не переставали омрачать его духъ до послѣдней минуты его сознанія. Всеѣмъ, кто близко зналъ покойнаго, бросалось въ глаза, какъ разрушительно подѣйствовали на него послѣдніе три года. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, одной изъ многочисленныхъ жертвъ переживаемой эпохи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11204).

† **Гейденъ, графъ П. А.** Скончавшійся 15 іюня въ Москвѣ графъ П. А. Гейденъ родился въ 1840 г. въ городѣ Ревелѣ. Образование покойный получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и Михайловской артиллерійской академіи. Не чувствуя призванія къ военной службѣ, П. А. скоро вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Съ 1868 г. П. А. состоялъ членомъ окружнаго суда сначала въ Воронежѣ, а затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ впоследствии занималъ должность товарища председателя окружнаго суда и члена судебной палаты. Съ 1886 — 1890 гг. П. А. былъ начальникомъ канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ.

Въ 1895 г. графъ былъ избранъ на должность опочецкаго уѣзднаго предводителя дворянства. При этомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ опочецкаго уѣзднаго и псковскаго губернскаго земствъ. Съ того же года П. А. состоялъ и президентомъ вольно-экономическаго общества. Президентство это совпало съ тяжелымъ временемъ въ жизни общества, когда пришлось ликвидировать дѣла петербургскаго комитета грамотности, закрытаго администраціей. Наконецъ, въ 1906 г. была приостановлена дѣятельность и самаго общества. Покойный съ тѣхъ поръ и до конца жизни неустанно защищалъ вольно-экономическое общество отъ всѣхъ нападокъ на него. Еще въ прошломъ году передъ созывомъ первой государственной думы П. А. выступилъ съ горячимъ протестомъ, когда засѣданіе общества съ участіемъ

депутатовъ было прекращено полиціей. Съ 1904 г. покойный принималъ участіе въ земскихъ сѣздахъ. Въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 1905 г. сѣзды эти прошли подъ его предѣдательствомъ. 6 іюня того же года П. А. былъ въ составѣ депутаціи, представившей Государю петицію о тяжеломъ положеніи Россіи и необходимости реформъ. Въ этой же депутаціи участвовать, какъ извѣстно, и покойный князь С. Н. Трубецкой.

Въ 1906 г. П. А. былъ избранъ депутатомъ въ первую государственную думу отъ октябристовъ. Тамъ онъ скоро отдѣлился отъ правыхъ и постепенно затѣмъ пытался образовать новую партію—мирнаго обновленія. Покойный принималъ участіе также и во второй избирательной кампаніи и былъ избранъ въ выборщики въ Исковской и Орловской губерніи. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 132).

† **Демяненковъ, П. А.** 31 мая скончался послѣ тяжелой болѣзни членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-артиллеріи Николай Аванасьевичъ Демяненковъ. Покойный до 1899 года былъ начальникомъ Михайловской артиллерійской академіи и училища, съ которыми связаны многіе годы его плодотворной дѣятельности. За время его управленія академія замѣтно развилась и усовершенствовалась. Благодаря умѣлой постановкѣ преподаванія, наша артиллерія перестала пуждаться въ посылкѣ офицеровъ за границу для ознакомленія съ усовершенствованіями въ артиллерійской техникѣ. П. А. проводилъ въ жизнь академіи начала честнаго отношенія къ дѣлу въ соединеніи съ любовью къ государю и родинѣ. Подъ его руководствомъ получило высшее артиллерійское образованіе нѣсколько сотъ офицеровъ. Покойный родился въ 1830 г., общее образованіе закончилъ въ Спб. университетѣ, специальное—въ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи курса былъ прикомандированъ къ Дворянскому полку (нынѣ Константиновское артиллерійское училище) репетиторомъ. Черезъ три года перевелся преподавателемъ въ Михайловское артиллерійское училище и затѣмъ уже вся дальнѣйшая его дѣятельность до 1899 г. сосредоточилась въ этомъ училищѣ и академіи. Сперва онъ былъ инспекторомъ классовъ, затѣмъ профессоромъ и съ 1881 г. начальникомъ. Кромѣ того, онъ преподавалъ артиллерию императору Александру III и нынѣ царствующему Государю Императору Николаю Александровичу, бывшему тогда наследникомъ цесаревичемъ, а также и другимъ членамъ императорской фамиліи. Одновременно преподавалъ артиллерию въ Николаевской инженерной академіи, въ Константиновскомъ военномъ и въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищахъ. П. А. состоялъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія съ 1865 г. въ теченіе 42 лѣтъ. За ученые заслуги былъ избранъ почетнымъ членомъ Николаевской инженерной и Михайловской артиллерійской академій. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной сердечностью и доброжелательствомъ. Умеръ 77 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память среди всѣхъ, кому пришлось встрѣчаться и работать съ нимъ или подъ его руководствомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.214).

† **Жмакинъ, В. И.** 26 мая послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался редакторъ «Церковныхъ Вѣдомостей», настоятель синодальной

церкви, членъ учебнаго комитета при св. синодѣ, протоіерей Василій Ивановичъ Жмакинъ. Покойный принадлежалъ къ числу весьма серьезныхъ и плодотворныхъ изслѣдователей по исторіи русской церкви и древней духовной литературы; онъ умеръ, не имѣя полныхъ 54 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ силъ и съ непоколебимымъ желаніемъ поработать еще не мало лѣтъ на избранной имъ ученой нивѣ. Отъ этого-то его внезапная смерть еще горше и тяжелѣе отзывается на всѣхъ близко знавшихъ его общественную и ученую дѣятельность. В. И. Жмакинъ родился 12-го іюля 1853 г., въ бѣдной семьѣ дьякона с. Николаевки Николаевского уѣзда, Самарской губерніи. По окончаніи самарской духовной семинаріи, онъ, какъ лучший воспитанникъ, былъ посланъ на казенный счетъ въ с.-петербургскую духовную академию. Подъ влияніемъ тогдашнихъ профессоровъ академіи: П. В. Чельцова, П. Е. Троицкаго, М. О. Кояловича и др., В. И. Жмакинъ съ особеннымъ усердіемъ работалъ надъ изученіемъ прошлаго русской церкви и уже на третьемъ курсѣ написалъ сочиненіе о митрополитѣ Даниилѣ, которое, какъ кандидатское, было признано однимъ изъ лучшихъ и вмѣстѣ съ сочиненіемъ его товарища В. В. Болотова удостоено высшей студенческой преміи. Назначенный, по окончаніи академіи, помощникомъ инспектора с.-петербургской духовной семинаріи, онъ продолжалъ работать надъ избранной темой въ петербургскихъ архивахъ, затѣмъ въ московскихъ и наконецъ поѣхалъ на мѣсто, гдѣ учился и игуменствовалъ митрополитъ Даниилъ—въ Волоколамскій монастырь. Эта послѣдняя поѣздка, предпринятая съ цѣлью изученія тамошнихъ рукописныхъ сокровищъ, была имъ описана въ «Древней и Новой Россіи» за 1880 г., т. XVI.

Результатомъ всѣхъ этихъ работъ и былъ его главный, увѣнчанный полной уваровской преміею объемистый трудъ, представленный на соисканіе ученой степеніи магистра богословія: «Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія». (М. 1881 г.). Въ первой его части авторъ рисуетъ Даниила, какъ церковнаго и государственнаго дѣятеля, предпославъ этому изложенію блестящую характеристику двухъ противоположныхъ направленій, господствовавшихъ до митрополита Даниила и имѣвшихъ своими главными представителями Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго, и исторію ихъ взаимной борьбы. Точно также и во второй части своего труда детальному критическому разбору сочиненій Даниила онъ предпосылаетъ довольно подробную исторію русской проповѣди въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ заключеніе онъ съ точностію устанавливаетъ степенъ влиянія сочиненій митрополита Даниила на древне-русскую церковную письменность вплоть до XVIII в. Какъ проф. Е. Е. Голубинскій, такъ и проф. Пл. Качановскій, которымъ былъ порученъ академіею наукъ разборъ этого труда, отзывались о немъ, какъ о «капитальномъ вкладѣ въ науку», какъ о «возможно полномъ, о возможно тщательномъ и обстоятельномъ обзорѣ сочиненій митрополита Даниила, черезъ который они становятся наконецъ всѣмъ вполне вѣдомыми». За годъ до выхода въ свѣтъ своей диссертациі В. И. Жмакинъ познакомилъ публику съ частью результатовъ своихъ научныхъ изысканій по избранной темѣ, сообщивъ пространную и, можно сказать, впервые столь обоснованную характеристику «русскаго общества XVI вѣка» на страницахъ «Древней и Новой Россіи» (1880 г.).

Въ поискахъ матеріаловъ для своей диссертациі онъ открылъ рядъ новыхъ документовъ и источниковъ, которые и публиковалъ на страницахъ «Христіанскаго Чтенія» и «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Изъ нихъ укажемъ хотя бы на слѣдующіе. Въ статьѣ «Памятникъ русской противокатолической полемики XVI в.» («Журн. Мин. Нар. Просв., 1880 г., № 10) онъ приводитъ наиболѣе существенныя и характерныя мѣста изъ сочиненія русскаго полемиста, возражавшаго противъ католическихъ идей Николая Нѣмчина. Эти возраженія имѣютъ несомнѣнную историческую цѣнность, какъ образчикъ взглядовъ русскихъ людей XVI в. на католическую церковь. Другой не менѣ любопытный литературный памятникъ XVI в. открытъ имъ среди рукописей Новгородской Софійской бібліотеки. Въ немъ неизвѣстный авторъ, во-первыхъ, касается права церкви и монастырей владѣть вотчинами и крестьянами, отстаивая это право; затѣмъ приводитъ правило митрополита Кирилла II противъ симоніи; трактуетъ о высококомъ значеніи Москвы, какъ третьяго і'има; вооружается противъ порока содомства; сѣтуетъ на слабость представителей церкви и т. д. (См. «Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1882 г., № 6). Въ 1884 г. В. И. Жмакинъ покинулъ духовную семинарію и, рукоположенный во священники, опредѣлился законоучителемъ Николаевскаго кадетскаго корпуса, гдѣ и пробылъ цѣлыхъ двадцать два года, состоя въ то же время много лѣтъ законоучителемъ въ частной женской гимназіи Е. М. Гедда. Въ 1900 г. назначенъ «постоянно присутствовать членомъ учебнаго комитета при св. синодѣ» и наконецъ въ началѣ 1906 г., по смерти А. Гр. Балдовскаго, избранъ редакторомъ «Церковныхъ Вѣдомостей» и настоятелемъ синодальной церкви, когда и оставилъ совершенно педагогическую дѣятельность.

Продолжая и послѣ изданія названной диссертациі изученіе исторіи церковной и общественной XVI вѣка, покойный посвятилъ цѣлый рядъ трудовъ описанію жизни и дѣятельности духовныхъ «работорцевъ» XVIII и XIX вѣковъ. Такъ имъ были составлены обстоятельныя, всегда основанныя на новыхъ рукописныхъ матеріалахъ, біографическіе очерки: Амвросія Протасова, архіепископа тверскаго, 1762 — 1831 годовъ (въ «Русской Старинѣ» 1882 года, т. XXXIV, стр. 615 — 640); пресвященнаго Иринея Нестеровича, епископа пензенскаго (въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1881 г., № 5—6); священника Θεодосія Левицкаго (въ «Русской Старинѣ» 1882 г., т. XXXV, стр. 587 — 604¹⁾); Амвросія Орнатскаго, епископа пензенскаго, 1778—1827 г. (въ «Русской Старинѣ» 1882 года, т. XXXIX, стр. 129—178); Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго (СПб., 1885); Филарета Дроздова, митрополита московскаго²⁾ и др. Далѣе, не малое научное

¹⁾ См. въ дополненіе къ этому очерку ст. Н. В. «Священникъ Θεодосій Левицкій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 годовъ» (въ «Русской Старинѣ» 1885 года, № 1).

²⁾ Этотъ очеркъ (неоконченный) составленъ покойнымъ по матеріаламъ, собраннымъ редакціей «Русской Старины», и поэтому не представляетъ собою полной, всесторонне освѣщающей жизнь московскаго митрополита біографіи. Напечатанъ онъ въ «Русской Старинѣ» за 1885 и 1886 годы.

значение имѣютъ изданныя съ его предисловіями и примѣчаніями: «Матеріалы для исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ переписки братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ» (Спб. 1890), «Путешествіе іеромонаха Аникиты по св. мѣстамъ Востока въ 1834—1836 годахъ» (Спб. 1891) и «Автобіографія юрьевского архимандрита Фотія» (въ «Русской Старинѣ» за 1894—1896 годы). Старшій изъ братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, Сергій Александровичъ, былъ болѣе 20 лѣтъ воспитателемъ морского кадетскаго корпуса, затѣмъ постригся въ монахи въ Юрьевскомъ монастырѣ и умеръ настоятелемъ русской миссіи въ Аѳинахъ въ 1837 году. Другъ А. С. Шишкова и архимандрита Фотія, онъ во многомъ расходился по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ съ своими братьями Павломъ и Алексѣемъ, и это-то ихъ разногласіе съ особою рельефностью и характерностью для современной эпохи выразилось въ ихъ обширной перепискѣ. Издавая ее, В. И. Жмакинъ распредѣлилъ, по содержанию, на пять главъ: къ первой отнесъ письма, трактующія о степени догматической важности изданныхъ и распространяемыхъ св. синодомъ катехизисовъ, переводовъ св. писанія на русскій языкъ и учебниковъ по христіанскому богословію іеромонаха Ювеналія; ко второй—разсужденія «о необходимости для человѣка религіознаго просвѣщенія въ дѣлѣ полученія имъ спасенія души»; къ третьей—о степени полезности западно-богословской литературы, о важности церковныхъ обрядовъ; къ четвертой—о значеніи монашества и о сравненіи его съ древнимъ отшельничествомъ, и къ пятой—о религіозно-нравственномъ значеніи Юрьевскаго монастыря и о нравственномъ достоинствѣ Фотія. «Путешествіе» по св. мѣстамъ Востока іеромонаха Аникиты, въ мірѣ Сергія Александровича князя Ширинскаго-Шихматова, два года передъ тѣмъ объѣзжавшаго святыни московскія и новгородскія и заносившаго почти исключительно свои впечатлѣнія и чувства въ веденныя имъ «Путевыя Записки», интересно какъ матеріаль для характеристики этого паломника XIX вѣка, какъ иллюстрація его глубокаго благочестія, аскетическаго настроенія.

Сестрѣ братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, Аннѣ Александровнѣ, въ монашествѣ Августѣ, бывшей игуменіей Вяземскаго Аркадіевскаго монастыря, В. И. Жмакинъ посвятилъ особый біографическій очеркъ (СПб. 1897). Кромѣ того, покойному принадлежатъ слѣдующія обстоятельныя работы: «Англійская миссія за Байкаломъ (1817—1840)» въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1881 годъ, № 9—10; «Основаніе русской духовной миссіи въ Аѳинахъ» (ib., 1893 года, т. II); «Коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ, 1724—1856. Очеркъ» (въ «Русской Старинѣ», т. XXXVII, стр. 499—538 и т. XXXVIII, стр. 1—36); «Коронація русскихъ императоровъ и императрицъ. Выпускъ I. Съ 1724 по 1801 годъ» (Спб. 1898 годъ); «Россия и Черногорія въ началѣ XIX столѣтія» (въ «Древней и Новой Россіи», за 1881 годъ, № 3); рядъ статей о единовѣрїи въ «Христіанскомъ Читеніи» и много другихъ, болѣе мелкихъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». «Во всѣхъ его трудахъ», пишетъ авторъ некролога въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1907 года, № 22), «помимо уже отвлеченной строгой научной добросовѣстности замѣчается и другая черта.

Во всѣхъ своихъ работахъ, не исключая и самыхъ мелкихъ, Василій Ивановичъ никогда не повторяетъ другихъ и всегда даетъ что-нибудь безусловно новое. Онъ всегда работалъ по сырымъ архивнымъ матеріаламъ и былъ своимъ человѣкомъ во всѣхъ петербургскихъ архивахъ, даже и мало доступныхъ для частныхъ лицъ. Строгая научная безпристрастность работы почившаго никогда не переходитъ въ архивную сухость». По нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, В. И. Жмакинъ всегда представляется какъ бы погруженнымъ въ свои древне-русскіе идеалы и потому какъ бы чуждымъ современности. Онъ крайне рѣдко заводилъ рѣчь о своихъ научныхъ работахъ, сравнительно мало говорилъ и вообще старался казаться незамѣченнымъ, отчего для многихъ изъ своихъ сослуживцевъ-педагоговъ онъ былъ въ своемъ родѣ—знакомымъ незнакомцемъ.

В. Рудаковъ.

† **Іустинъ, архіепископъ.** Въ Москвѣ скончался 25 мая пользовавшійся большою извѣстностью настоятель ставропигіального Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря, высокопреосвященный архіепископъ Іустинъ, бывший херсонскій и одесскій. Архіепископъ Іустинъ (въ мѣрѣ Іоаннъ Охотинъ) родомъ изъ Нижегородской губерніи. Высшее богословское образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи, курсъ которой онъ окончилъ со степенію кандидата магистранта. Чувствуя влеченіе въ иноческую жизни, былъ постриженъ въ монашество. Въ 1855 г., получивъ магистерскую степень, назначенъ былъ инспекторомъ ярославской духовной семинаріи, а затѣмъ, въ санѣ архимандрита, состоялъ въ теченіе трехъ лѣтъ ректоромъ той же семинаріи. Съ 1871 г. начинается архіерейское служеніе скончавшагося архипастыря, сначала въ должности викарнаго епископа острожскаго. Послѣ того онъ послѣдовательно занималъ самостоятельныя кафедры епископа харьковскаго (1879 г.), подольскаго (1882 г.), курскаго (1887 г.) и херсонскаго и одесскаго (1893 г.). Въ санѣ архіепископа возведенъ былъ въ 1893 г. Послѣдніе два года высокопреосвященный состоялъ настоятелемъ монастыря Новый Іерусалимъ въ Москвѣ. Почившій архипастырь былъ извѣстенъ какъ выдающійся духовный писатель. Перу его принадлежатъ «Догматическое богословіе», сочиненіе «Что такое жизнь» и много другихъ духовно-назидательныхъ произведеній. Скончался высокопреосвященный въ преклонномъ возрастѣ — 78 лѣтъ. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ» 1907 г., № 143).

† **Ковалевскій, П. М.** Недавно скончался на 85-мъ году жизни одинъ изъ старѣйшихъ и даровитыхъ русскихъ поэтовъ Павелъ Михайловичъ Ковалевскій. Утрата эта прошла совсѣмъ незамѣченною въ водоворотѣ текущихъ тревожныхъ событій, а между тѣмъ въ лицѣ покойнаго наша поэзія лишилась яркаго представителя эпохи своего расцвѣта и талантливаго художественнаго критика, всегда отличавшагося объективностью взглядовъ и тонко развитымъ чувствомъ прекраснаго. П. М. родился 5 декабря 1823 г. въ имѣніи своего отца, селѣ Вертѣвкѣ Харьковской губ. Воспитывался онъ до тринадцати лѣтъ дома, послѣ чего былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ образованіе въ Горномъ институтѣ. Окончивъ здѣсь курсъ съ чиномъ поручика (1845 г.), покойный служилъ на Луганскомъ литейномъ заводѣ, а затѣмъ

уѣхалъ въ заграничную командировку для изученія каменно-угольнаго дѣла. Вскорѣ по возвращеніи на родину онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, но уже въ 1853 г. разстроенное здоровье снова вынудило его отправиться за границу. Почти пять лѣтъ прожилъ П. М. въ разныхъ городахъ Швейцаріи и Италіи и главнымъ образомъ — въ Римѣ. Въ періодъ этой невольной разлуки съ Россіей и началась литературно-художественная дѣятельность покойнаго. Онъ открылъ ее полвѣка назадъ, въ 1857 г., живыми описаніями своей заграничной поѣздки, которая подъ общимъ заглавіемъ «Картины Италіи и Швейцаріи» появились тогда же на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ». Очерки эти потомъ были значительно дополнены, переработаны и собраны авторомъ въ отдѣльной книгѣ: «Этюды путешественника» (Сиб. 1864 г.), встрѣченной какъ публичкой, такъ и критикой весьма сочувственно. Возвратившись въ 1859 г. въ Петербургъ, П. М. увлекся поэзіей и сталъ помѣщать стихотворенія, сперва переводныя (изъ Берне, Барбье и Шевье), а затѣмъ и оригинальныя, въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій. Стихи покойнаго, нѣсколько академичныя по формѣ, всегда отличались изяществомъ и образностью. Кромѣ нихъ, его перу принадлежали двѣ повѣсти: «Непрактическіе люди» (1864 г.) и «Итоги жизни» (1883 г.), рассказы. «Уголокъ въ Италіи» (1861 г.), «Лѣто въ Путбусѣ» (1868 г.), рядъ отчетовъ о художественныхъ выставкахъ и интересныя воспоминанія, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1888 г., №№ 1—3) подъ заглавіемъ «Встрѣчи на жизненномъ пути». Въ 1862 г. покойный вновь поступилъ на службу по морскому министерству, гдѣ довольно долго занималъ должность управляющаго контрольною экспедиціей. Съ конца 80 гг. онъ вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ же приблизительно поръ остановилась его прежняя кипучая литературная дѣятельность. Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ П. М. уже ни разу не выступалъ въ печати; переживъ многихъ собратій по перу, онъ умеръ въ полномъ уединеніи, вдали отъ литературнаго міра. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 115).

† **Прохницкій, В. Л.** Въ ночь на 23 мая въ Одесѣ, въ университетской клиникѣ скончался Всеволодъ Львовичъ Прохницкій. Болѣзнь его (воспаленіе червеобразнаго отростка и брюшины) продолжалась болѣе недѣли и была очень мучительна. Заболѣлъ онъ внезапно, черезъ нѣсколько дней состояніе его ухудшилось, и онъ былъ перевезенъ въ клинику проф. Левашева. В. Л. находился въ полномъ сознаніи и хорошо сознавалъ серьезность своего положенія. Когда служителя вносили его въ палату, то онъ просилъ ихъ объ осторожности, ибо малѣйшій толчокъ причинялъ ему невыносимую боль. Его пользовали проф. С. В. Левашевъ и д-ръ Звоницкій. Въ послѣдніе дни В. Л. сталъ чувствовать сильную слабость. Она дошла до того, что онъ не въ состояніи былъ принимать пищу. Организмъ постепенно ослабѣвалъ. Послѣдніе два дня онъ часто терялъ сознаніе и до того сильно измѣнился въ лицѣ, что его трудно было узнать. Болѣзнь его требовала операціи, но въ виду сильнаго истощенія организма ее нельзя было произвести, и вскорѣ В. Л. не стало. Смерть отняла у жизни молодого, энергичнаго, честнаго, талантливаго труженика печати... В. Л. было всего только 23 года, но за свою недолгую жизнь ему пришлось

очень много пережить. Воспитывался онъ сначала во 2-ой кишиневской гимназiи, а затѣмъ въ кишиневской 1-ой гимназiи. Онъ много читалъ, въ предметахъ успѣвалъ выполнѣть и уже въ 6-мъ классѣ гимназiи это былъ выполнѣ зрѣлый юноша, своимъ развитiемъ обращавшiй на себя вниманiе педагогическаго надзора, который по самому незначительному поводу и постарался избавиться отъ «многознающаго и «строптиваго» ученика. Выйдя изъ гимназiи, В. Л. много бѣдствовалъ. Матерiальныя условiя заставили юношу работать по земской статистикѣ, но жажда научнаго званiя не покидала его и за самой разнообразной практической работой онъ много читалъ и, главнымъ образомъ, по социальнымъ вопросамъ, увлекаясь очень сильно марксизмомъ. Та же жажда знанiя заставила его спустя нѣсколько лѣтъ выдержать экстерномъ въ гимназiи экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и затѣмъ поступить на естественный факультетъ въ новороссiйскiй университетъ. Заниматься приходилось, живя случайными уроками. Изъ Одессы онъ перевелся въ Петербургъ на юридическiй факультетъ; въ Петербургъ его влекла лучшая постановка дѣла въ университетѣ и общественная дѣятельность. Въ столицѣ онъ много работалъ, обратилъ на себя вниманiе наиболѣе выдающихся профессоровъ своими научными рефератами; партiйные же кружки тоже очень дорожили имъ. Тутъ же въ Петербургѣ онъ выступилъ и на журнальное поприще, начавъ сотрудничать въ «Юридической Газетѣ» и въ другихъ органахъ. Два года тому назадъ судьба занесла его въ родной ему Кишиневъ, гдѣ онъ свою журнальную работу продолжалъ въ газетѣ «Бессарабская Жизнь», завѣдуя отдѣломъ передовыхъ статей. Въ декабрѣ 1905 г. онъ снова переѣхалъ въ Одессу, гдѣ все время предавался научнымъ занятiямъ, совмѣщая ихъ съ постояннымъ сотрудничествомъ въ «Одесскомъ Листкѣ». Весной этого года онъ началъ держать государственныя экзамены, готовясь выступить осенью на поприще адвокатуры. Ему оставалось сдать еще только одинъ экзаменъ для того, чтобы получить дипломъ, но... смерть унесла молодого журналиста и будущаго, несомнѣнно, виднаго общественнаго дѣятеля... (Некрологъ его: «Одесскiй листокъ», № 119).

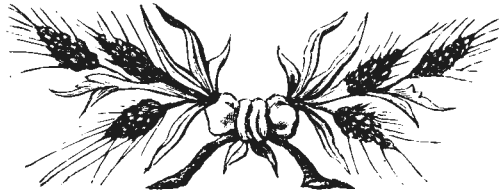
† **Сгамбати, М. М.** 1 iюня послѣ краткой тяжелой болѣзни въ цвѣтѣ лѣтъ скончалась въ Римѣ Марiя Михайловна Сгамбати; перитонитъ подкосилъ въ три дня молодую, полную надеждъ жизнь. Дочь композитора М. М. Иванова, она принадлежала къ семьѣ сотрудниковъ «Новаго Времени», состоя въ послѣднiе два года римскимъ корреспондентомъ этой газеты. Уже въ Литейной гимназiи ея литературныя способности обращали на себя вниманiе преподавателей русскаго языка, ея классныя и годовыя сочиненiя нерѣдко передавались, какъ образецъ, въ другiя гимназiи вѣдомства императрицы Марiи. Получивши помимо школы блестящую домашнюю подготовку, владѣя въ совершенствѣ пятью языками, она еще до замужества перевела нѣсколько сочиненiй Фогатцаро, д'Аннунцио, Р. Бракко, д'Амичеса и другихъ итальянскихъ писателей, изданныхъ отдѣльно. Выйдя три года назадъ замужъ за римскаго медика, доктора О. Сгамбати, сына знаменитаго композитора, она поселилась въ Римѣ, откуда присылала корреспонденцiи въ «Новое Время», обратившия на себя общее вниманiе основательнымъ знанiемъ Италии, хорошо извѣстной ей съ

дѣтства, ясными, трезвыми взглядами на общественную и политическую жизнь этой страны, точно такъ же, какъ и изяществомъ изложенія. Несчастная Япопская война и послѣдовавшія за нею смуты въ нашемъ отечествѣ отозвались на ея здоровьѣ, къ тому же ей приходилось испытывать огорченія, встрѣчая глубокое непониманіе и незнакомство съ нашими дѣлами итальянскаго общества и печати. Она принимала близко къ сердцу эти огорченія, горячо стоя за честь обожаемой ею родины, всегда и всюду стараясь высоко держать ея знамя. Несмотря на ея молодость (она умерла 30 л.), домъ ея въ Римѣ сталъ центромъ, гдѣ начиналось русско-итальянское сближеніе, что чрезвычайно важно при усиліяхъ, которыя враги Россіи дѣлаютъ всюду, чтобы скомпрометировать нашу родину въ глазахъ Европы, гдѣ и какъ только можно. Старанія, прилагавшіяся покойною для ознакомленія Италіи съ Россіею, могли бы принести плоды, но судьба рѣшила иначе. Выдающіяся римскія газеты — «*Italie*», «*Tribuna*», «*Popolo Romano*» и др. почтили ея память статьями, отдавъ должное ея дарованіямъ. Королева Елена прислала телеграмму съ выраженіемъ своего соболѣзнованія по поводу ея неожиданной смерти. Добрая половина интеллигентнаго Рима, гдѣ Сгамбаты пользуются большою извѣстностью, также выразила свое сочувствіе по поводу этой скорбной утраты. Цвѣтовъ и вѣнковъ было возложено столько, что капелла на протестантскомъ кладбищѣ Тестаціо, гдѣ пока покоится ея прахъ, превратилась въ сплошной садъ. (Некрологъ ея: «*Новое Время*» 1907 г., № 11.227).

† **Стояновъ, А. Н.** Скончавшійся 2 іюня на 78 году жизни заслуженный профессоръ харьковскаго университета А. Н. Стояновъ принадлежалъ къ числу старѣйшихъ и наиболѣе популярныхъ изслѣдователей въ области юридическихъ наукъ. Покойный получилъ высшее образованіе въ харьковскомъ университетѣ, которому затѣмъ посвятилъ большую часть своей долготѣней учено-педагогической дѣятельности. Въ 1859 году онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и былъ допущенъ къ чтенію лекцій, а спустя три года блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра энциклопедіи права и международного права, подъ заглавіемъ: «*Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія.*» (Харьковъ, 1862 г.). Послѣ того А. Н. провелъ около двухъ лѣтъ въ заграничной командировкѣ. Вернувшись на родину съ докторскою диссертацией «*Адвокатура у древнихъ народовъ*» (Харьковъ 1865 г.), онъ занялъ въ харьковскомъ университетѣ кафедру исторіи законодательства и сохранялъ ее за собою въ теченіе двадцати лѣтъ—до 1885 г., когда по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. Кромѣ своего курса, покойный долгое время читалъ римское и международное право и энциклопедію права. (Некрологъ его: «*Московскія Вѣдом.*» 1907 г. № 132).

† **Эльсницъ, А. Л.** Въ Женевѣ скончался докторъ Александръ Леонтьевичъ Эльсницъ. Послѣднія 20 лѣтъ покойный жилъ въ Ниццѣ и хорошо былъ извѣстенъ русской колоніи всей французской Ривьеры, какъ прекрасный и добросовѣстный врачъ и умный, гуманный и широко образованный человѣкъ. А. Л. долженъ былъ оставить Россію вмѣстѣ со своими товарищами по медицинскому факультету московскаго университета гг. Ралли и Гольстейномъ послѣ такъ

называемой полунинской исторіи и въ началѣ нечаевнаго дѣла и вмѣстѣ съ ними основался сначала въ Женевѣ, гдѣ въ то время ютилось большинство русской эмиграціи. Здѣсь же потомъ онъ близко сошелся съ французскими эмигрантами и съ нѣкоторыми изъ нихъ,—въ томъ числѣ съ Français,—до самой смерти поддерживалъ очень близкія отношенія. Первое время своей заграничной жизни А. Л. Эльеницъ жилъ литературнымъ трудомъ, сотрудничая между прочимъ въ «Дѣлѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Порядкѣ», но потомъ, рѣшивъ докончить свое медицинское образованіе (онъ эмигрировалъ студентомъ 4-го курса, если не ошибаемся), онъ поступаетъ на медицинскій факультетъ въ Женевѣ, сдаетъ благодаря содѣйствію профессора Бриссо докторскій экзаменъ въ парижской медицинской школѣ и поселяется врачомъ въ деревнѣ, въ французской Турени. Въ деревнѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ довольно широкой практикой среди крестьянъ. Въ серединѣ 80-хъ годовъ онъ устраивается въ Ниццѣ, очень скоро пріобрѣтаетъ себѣ общее расположеніе проживающихъ тамъ русскихъ, становится любимымъ и уважаемымъ членомъ всей русской колоніи, въ числѣ которой были тогда между прочимъ Н. А. Вѣлоголовый, М. М. Ковалевскій, поэтъ А. Н. Плещеевъ и много другихъ представителей русской литературы и интеллигенціи. А. Л. умеръ отъ аневризма. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 131).

Уэсси взглядывалась въ его доброе лицо, въ его прекрасные голубые глаза и подумала: «Вотъ человѣкъ, который могъ бы быть всегда счастливъ, если бы не былъ королемъ».

Появились другіе гости. Между прочими Фердинандъ Тройя, который имѣлъ портфель въ первомъ министерствѣ Филанджіери. Его провела въ совѣтъ тоже Марія-Терезія, какъ человѣка способнаго ловко противодѣйствовать всѣмъ начинаніямъ перваго министра. Главными достоинствами Тройя были ханжество и низкопоклонство.

Подойдя къ Филанджіери, онъ сказалъ ему, что вдовствующая королева желаетъ его видѣть и ожидаетъ въ залѣ принцевъ.

Первый министръ поспѣшилъ исполнить приказаніе Маріи-Терезіи.

Тогда какъ въ половинѣ молодой королевы царило если не шумное веселье, то все-таки оживленіе, движеніе и хорошее настроеніе духа, въ апартаментѣхъ ея свекрови все было мрачно, уныло, безмолвно, всѣ окна были заперты; канделябръ о двухъ свѣчахъ слабо освѣщалъ обширный роскошный покой, въ которомъ вдовствующая королева ожидала перваго министра.

Марія-Терезія не была никогда красавицей. Но въ этотъ моментъ обычная блѣдность ея лица особенно бросалась въ глаза, благодаря траурному одѣянію. Она была вся въ черномъ вплоть до шеи, плотно охваченной густой креповой оборкой. Только ея замѣчательно красивыя руки съ локтя были открыты. Она ходила по комнатѣ; длинный шлейфъ волочился по художественной мозаикѣ пола. Ея большіе глаза, которые такъ любилъ Фердинандъ II, не утратили своей почти обаятельной красоты. Теперь они были глубоко задумчивы. Лицо этой горделиво-властной женщины было печально — лицо покинутой, но не примирившейся съ своимъ безсиліемъ царицы. Она еще не могла позабыть, что всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ повелѣвала всѣмъ...

Когда Карлъ Филанджіери вошелъ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу. Онъ низко поклонился. Она нѣсколько секундъ молчала. Видимо, ей хотѣлось спокойно отнестись къ этому ненавистному ей человѣку. Но, не овладѣвъ собой, она почти закричала:

— Я не желаю этой нелѣпой итальянской федераціи, этого сближенія съ сардинскимъ революціонеромъ¹⁾. Я вамъ запрещаю заикаться обо всемъ этомъ при Франчесkelло²⁾. Ваша федерація погубитъ бурбонскую корону. Францискъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ уклоняться отъ политики австрійскаго дома... моего дома...

¹⁾ Королемъ Викторомъ-Эмануиломъ II.

²⁾ Францискъ II.

«истор. вѣстн.», июль, 1907 г., т. сѣх.

понимаете? Австрія требуетъ, чтобы самодержавіе осталось неприкосновеннымъ.

Голосъ королевы звучалъ презрительно и гнѣвно; а когда она не могла сдерживать гнѣва, то всегда обнаруживался тщательно скрываемый недостатокъ: она немного заикалась. Это ее еще болѣе раздражало.

— Ваше величество,—спокойно отвѣчалъ министр:—я обязанъ доложить вамъ, что вы ошибаетесь: только федерація можетъ спасти тронъ Франциска II. Если онъ будетъ медлить вступить въ нее, то не далѣе, какъ черезъ годъ, объединеніе Италіи надъ властію короля Виктора-Эмануила Савойскаго будетъ совершившимся фактомъ.

Марія-Терезія позеленѣла отъ ярости. Въ ея груди клокотало такое жестокое негодованіе противъ человѣка, который осмѣлился говорить ей, вдовѣ Фердинанда II, объ единой Италіи, какъ о неизбѣжномъ въ близкомъ будущемъ фактѣ, что она слова не могла произнести, только вперила въ него пронизательный взглядъ, полный непримиримой ненависти.

Затѣмъ по лицу ея скользнула слабая улыбка, подобная улыбкѣ умирающаго человѣка, который впадаетъ въ агонію, она приблизилась къ князю и плюнула ему въ лицо.

У Филанджіери сжались кулаки; онъ рванулся было впередъ, но удержался.

— Негодяй, революціонеръ!—крикнула, или, вѣрнѣй, прошипѣла Марія-Терезія и внѣ себя удалилась изъ залы.

Первый министръ Карлъ Филанджіери, оставшись одинъ, нѣсколько мгновеній стоялъ недвижимъ, какъ статуя. Онъ чувствовалъ, что на его глаза навернулись слезы. Онѣ были вызваны невозможностью отплатить за неслыханное оскорбленіе.

— Безумецъ я,—произнесъ онъ почти вслухъ:—я жертвую покойемъ послѣднихъ лѣтъ моей жизни, и жертва моя бесплодна. Сколько бы я ни старался, мнѣ не отвратить отъ несчастнаго Франциска роковаго удара, навстрѣчу которому онъ идетъ.

Опомнясь наконецъ, старикъ вышелъ изъ дворца и, уже сидя въ экипажѣ, продолжалъ размышлять о томъ же.

«Вѣнецъ Франциска уже и теперь, думалъ Филанджіери нечто иное, какъ блуждающій огонекъ, который неминуемо долженъ потухнуть, и очень скоро потухнетъ».

Экипажъ министра спускался съ Каподимонтскаго холма по широкой платановой аллеѣ, ведущей къ городу. Его сначала обогнало, а потомъ остановилось у тротуара закрытое ландо. Какой-то человѣкъ, видимо поджидавшій экипажъ, приблизился къ спущенному окну, черезъ которое ему подали клочокъ бумажки. Затѣмъ ландо быстро укатило, а мужчина подошелъ къ фонарю и читалъ записку.

— Любовью занимаются!—подумалъ Филанджіери.

Но передъ нимъ промелькнулъ не любовный, а политическій эпизодъ. Въ ландо сидѣла и подала записку мужчинѣ миссъ Уэсси, возвращавшаяся съ раута молодой королевы. Бумажку получилъ Цезарь Бесси. А въ запискѣ было начертано: «Филанджіери старается устроить итальянскую федерацію, союзъ Неаполя съ Пьемонтомъ».

— Ну, эта федерація,—подумалъ Бесси,—только затормозитъ на многіе годы полное объединеніе. Надо поскорѣй извѣстить революціонный комитетъ и Маццини.

XV.

Бѣлое письмо.—Святые въ революціонныхъ лентахъ.—Арестъ англичанки.

Подозрѣнія министра Аюссы, порожденныя прїѣздомъ въ Неаполь англичанки Уэсси, были основательны. Но вскорѣ она была принята двумя принцами королевской крови, ихъ супругами и затѣмъ попала въ интимный кружокъ молодой королевы, самъ августѣйшій супругъ которой очень милостиво относился къ знатной иностранкѣ. Эти знаменательные признаки благонадежности не могли не разсѣять опасеній высшей полиціи, чуткій министръ едва не попался впросакъ. Но его хранилъ добрый геній чернаго кабинета. Въ то время въ соответствующихъ отдѣленіяхъ главнаго почтамта постоянно работали опытнѣйшіе полицейскіе чиновники. Они просматривали входящія и исходящія письма. Мало-мальски подозрительныя изъ нихъ вскрывали, прочитывали и потомъ закрывали такъ артистически, что получатели не могли догадаться о произведенной надъ ихъ корреспонденціей операціи. Конечно, революціонеры знали о черномъ кабинетѣ и прибѣгали къ шифровкѣ или инымъ пріемамъ, маскирующимъ смыслъ ихъ переписки.

Какъ только Уэсси появилась въ Неаполѣ, ея письма были обречены къ прохожденію черезъ черный кабинетъ, который не переставалъ интересоваться ими даже тогда, когда Аюсса пересталъ интересоваться англичанкой. Однако рѣшительно ничего подозрительнаго ни входящихъ, ни въ исходящихъ не оказывалось.

Но около половины іюня полицейскій комиссаръ чернаго кабинета представилъ министру письмо, подозрительное не по своему содержанію, а по отсутствію всякаго содержанія: простой бѣлый дѣвственный листъ почтовой бумаги, вложенный въ конвертъ. По штемпелю судя, оно пришло изъ Генуи, а по наведеннымъ полиціей справкамъ оно было опущено тамъ въ ящикъ, ближайшій

къ виллѣ Спинола, гдѣ собирались и даже временно проживали опаснѣйшіе революціонеры, эмигрировавшіе изъ Неаполитанскаго королевства: Палиццола, Нино Бексіо, Ризолино Пило, Орсини ¹⁾ и пр.

Таинственное письмо, будучи подвергнуто химическимъ испытаніямъ, оказалось дѣйствительно революціонной прокламаціей. Аюсса былъ взбѣшенъ, сознавая, что его дурачили раньше, и рѣшилъ, что онъ не только арестуетъ Уэсси, но засадитъ ее въ самую строгую политическую тюрьму и сгноитъ въ казематахъ Сантъ-Эльмо. Однако, какъ ни былъ рѣзокъ и грубъ глава полиціи, онъ понималъ, что съ женщиной, которая обласкана при королевскомъ дворѣ, надо поступать осторожно. И вмѣсто того, чтобъ схватить ее немедленно, принялъ мѣры, чтобъ она была арестована безъ скандала слѣдующею ночью. Слѣдующая же ночь предшествовала великому празднику католической церкви, празднику тѣла Господня (*corpus Domini*).

Весь городъ съ утренней зари готовился къ пышному церковному торжеству. Теплое іюньское солнце взошло и ярко освѣтило улицы, разукрашенныя по окнамъ и балконамъ гобеленами, дорогими матеріями, шитыми коврами, цвѣтами, растеніями. На первые удары соборнаго колокола откликнулись колокола всѣхъ четырехсотъ слишкомъ неаполитанскихъ церквей. Толпы народа, жизнерадостныя, веселыя, въ праздничныхъ нарядахъ, потокомъ переливались повсюду. Соборная паперть была, какъ снѣгомъ, покрыта множествомъ маленькихъ дѣвочекъ въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ и вуаляхъ. Малютки держали въ рукахъ корзиночки съ пышными душистыми розами, оципывали лепестки и сыпали ихъ окрестъ наземь.

Вотъ распахнулись колоссальныя историческія врата древняго собора, на улицу хлынули величаво-гармоничные звуки двухъ органовъ, и оиміамъ кадилницъ смѣшался съ ароматомъ розъ. Крестный ходъ двинулся.

Впереди, какъ облачка, шли бѣлыя группы малютокъ, которыхъ изъ оконъ и балконовъ засыпали цвѣтами. Затѣмъ попарно выступали служащіе при церквахъ, въ своихъ древнихъ живописныхъ костюмахъ, съ жезлами или инструментами, соответствующими ихъ занятіямъ; потомъ ряды дьяконовъ, викарныхъ священниковъ; семинаристовъ въ бѣлыхъ накидкахъ, духовныхъ коллегій, протоіереевъ въ пурпурныхъ ризахъ. А за ними начиналась нескончаемая лента статуй святыхъ угодниковъ, въ натуральную величину. Ихъ усердствующіе несли высоко на своихъ плечахъ; шедшіе около дьяконы не переставая кадили. И святыхъ тоже осы-

---

1) Орсини впоследствии въ Парижѣ покушался на жизнь Наполеона III, и былъ казненъ.

пали цвѣтами. Умиленные и радостныя толпы народа вторили пѣнію пѣвчихъ.

Кардиналь архіепископъ Ріаріо Сфорца въ полномъ облаченіи, въ расшитой драгоцѣнными каменьями длинной ризѣ, шлейфъ которой несли два камергера, слѣдовалъ непосредственно за тѣломъ Господнимъ, самъ кадиль ему, и время отъ времени благословлялъ народъ. За его свитой шествовали свѣтскіе сановники, кавалеры ордена св. Дженаро, св. Константина, Франциска I и пр. Всѣ въ черныхъ фракахъ, короткихъ черныхъ брюкахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками.

Рядомъ съ архіепископомъ-кардиналомъ шелъ старшій дядя короля, графъ Сиракузскій, высокій, величавый мужчина. Его лицо было не только красиво, но привлекательно своимъ добродушнымъ, чуждымъ всякаго чванства выраженіемъ. Онъ вопреки всѣмъ полицейскимъ и дисциплинарнымъ правиламъ носилъ длинную бороду, въ которой начинала серебриться сѣдина.

Когда процессія останавливалась и кардиналь давалъ благословленіе, то сановники, какъ и весь народъ, становились на колѣни. Только четыре принца королевскаго дома, которые обязаны были нести балдахинъ надъ тѣломъ Господнимъ, ограничивались склоненіемъ головы, ибо ихъ ноша не позволяла имъ опускаться на колѣни.

Въ моментъ одной изъ такихъ остановокъ кардиналь запѣлъ, и всѣ духовные подхватили псаломъ. Кругомъ все торжественно безмолствовало. Легкія облачка оміама изъ дьяконскихъ кадильницъ поднимались на воздухъ. И вдругъ изъ толпы раздался многоголосый мощный кличъ:

— Да здравствуетъ Италія единая! Да здравствуетъ конституція!

И, что было еще изумительнѣе, высокая статуя св. Януарія ¹⁾ оказалась обвитою черезъ плечо широкой трехцвѣтной революціонной лентой.

Жандармы бросились въ толпу; королевскіе стрѣлки приготовились стрѣлять. Могла бы произойти кровавая рѣзня. Но принцъ Леопольдъ, быстро выступивъ передъ солдатами, громко скомандовалъ, пользуясь своимъ положеніемъ королевскаго дяди:

— Стой! Всѣ по мѣстамъ!

Кардиналь Ріаріо Сфорца, поднявъ высоко дароносицу, приказалъ ближайшему дьякону снять со статуи св. Януарія революціонный шарфъ. Спокойствіе возстановилась, и процессія продолжала свое шествіе.

---

¹⁾ По-итальянски Дженаро, святой мученикъ IV столѣтія. Онъ признается святымъ и греко-россійской церковью. Неаполь почитаетъ его своимъ патрономъ.
Пер. перев.

Когда принцъ Леопольдъ вернулся домой, то онъ засталъ адъютанта короля, который былъ нарочито посланъ къ нему, чтобъ доложить объ арестѣ миссъ Уэсси прошлой ночью и о заключеніи ее въ сантъ-эльмскую тюрьму.

— Ее во что бы ни стало надо спасти,—воскликнулъ сильно разгнѣванный принцъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету, которая еще не отбѣзжала отъ крыльца, и отправился къ племяннику.

Онъ объяснилъ Франциску II, что нѣтъ никакого основанія сажать въ тюрьму иностранку только потому, что она получила прокламацію. Развѣ она виновата, что ей прислали такое письмо. Всѣ получаютъ нынче прокламаціи; революціонныя воззванія носятя въ воздухѣ.

Король, повидимому, убѣдился доводами дяди. Миссъ Уэсси была освобождена, но до границы королевства ее провожали жандармы.

Королева Софія значительно содѣйствовала герцогу Сиракузскому.

Какъ ни хлопоталъ Аюсса, чтобы удержать въ рукахъ добычу, онъ ничего не могъ сдѣлать.

XVI.

Ультиматумъ премьера Филанджіери.—Тревога королевы Софіи.

Приближалась осень. На сѣверѣ Италіи Австрія проиграла кампанію и уступила сардинскому королю Виктору-Эмануилу II городъ Миланъ и всю Ломбардію. Мелкіе владѣтельные герцоги (креатуры Австріи) въ средней Италіи отказывались отъ престоловъ, а мѣстное населеніе всеобщей подачей голосовъ провозгласило своимъ государемъ того же Виктора-Эмануила, котораго уже называли королемъ итальянскимъ. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій революціонно-объединительное движеніе разрасталось даже въ самой столицѣ, Неаполѣ.

Францискъ II все это зналъ, но продолжалъ жить въ Каподимонте, ничего не предпринимая. Первый министръ Филанджіери, чувствуя свою бесполезность, проживалъ большею частью въ подгородномъ помѣстьѣ Поццано. Однажды вечеромъ, когда король сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, погруженный въ обычную унылую апатію, ему доложили о прибытіи генерала Филанджіери и герцога Санвито. Король ихъ увидалъ и, поднявшись съ кресла, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ навстрѣчу.

— Радъ васъ видѣть, господа,—привѣтствовалъ онъ вошедшихъ:—я пригласилъ васъ, потому что мнѣ надо съ вами посовѣтоваться. Присядьте.

— Ваше величество желаете выслушать мое мнѣніе, — заговорилъ первымъ Филанджіери, какъ только опустился на стулъ. — Да развѣ вы сами не знаете, что я вамъ могу сказать? Событія надвигаются быстро, неудержимо, а вы еще ничего не предпринимаете... Государь, вы обратились въ воплощенную нерѣшительность. Разрѣшите мнѣ быть вполне откровеннымъ: вы идете навстрѣчу гибели вашего престола... Простите меня, но я не выйду изъ этой комнаты прежде, чѣмъ не выскажу вашему величеству все, что я думаю о настоящемъ положеніи королевства. Можетъ быть, вы будете гнѣваться на меня... Но я этого не боюсь, потому что говорю вамъ правду и, можетъ быть... можетъ быть, впоследствии... въ изгнаніи... вы вспомните мои слова, но будетъ уже поздно.

Король, давно привыкшій къ нраву стараго генерала, котораго Наполеонъ I звалъ *Tête de vulcain*, спокойно, безстрастно выслушивалъ эти рѣчи. Герцогъ Санвито, поджимая свои бульдожьи губы, тихо произнесъ:

— Это неисправимый вольтерьянецъ.

Санвито зналъ, что Филанджіери тугъ на ухо и не услышитъ этого восклицанія. Генералъ продолжалъ:

— Теперь наступилъ моментъ, когда надо твердо и ясно объяснить Франціи и Англійѣ, чтобы отстраниться отъ Австріи, подъ игомъ которой находились столько лѣтъ ваши предшественники. Пора наконецъ вашему величеству взглянуть прямо въ глаза объединительной революціи, которая готовится лишить васъ королевства. Обезоружить же революцію можно, только обнарудовавъ либеральную конституцію. Вы должны наконецъ убѣдиться, государь, что ваши подданные далеко не таковы, какими были подданные вашего родителя; что грозовыя тучи все больше и больше заволакиваютъ политическій горизонтъ, что ваша столица неспокойна, что возмущеніе зрѣетъ повсюду, что подъ вашимъ трономъ клокочетъ вулканъ, который можетъ поглотить династію.

Францискъ слушалъ не возражая; казалось, онъ готовъ былъ безропотно перенести все, чѣмъ грозилъ ему первый министръ. Онъ напоминалъ пѣшехода, который захваченъ на пути ливнемъ и не заботится о томъ, чтобъ поискать убѣжища отъ непогоды.

А Санвито бормоталъ себѣ подъ носъ, однако достаточно громко, чтобъ король могъ слышать:

— Явно, что онъ (т. е. Филанджіери) продался Наполеону III...

— Государь, — воскликнулъ рѣшительнымъ тономъ первый министръ: — соблаговолите дать мнѣ ваше согласіе, и завтра же все переѣмнится: вы будете союзникомъ сардинскаго короля, Франція вамъ возвратитъ свою дружбу, Англія придетъ вамъ на помощь, а вашъ народъ будетъ васъ благословлять.

Однако Филанджіери видѣлъ, что ему не удастся убѣдить государя. Онъ всталъ, подошелъ къ Франциску, взялъ его за руку,

крѣпко сжалъ ее въ своихъ и сердечно, ласково, дрожащимъ отъ волненія голосомъ обратился къ нему:

— Ваше величество, чрезъ меня само Провидѣніе взываетъ къ вамъ: объявите конституцію, вступите въ итальянскую федерацію и, какъ того желаетъ Викторъ-Эмануилъ и объединительная революція, займите вашими войсками папскія владѣнія...

Францискъ II вскочилъ какъ ужаленный. Онъ былъ блѣднѣе полотна. Онъ воскликнулъ:

— Довольно, генералъ, ни слова больше. Быть всегда вѣрнымъ союзникомъ главы нашей святой католической церкви— вотъ мое несокрушимое рѣшеніе.

Министръ выпустилъ изъ своихъ рукъ руку монарха. Лицо старика приняло строгое выраженіе человѣка, принявшаго тоже несокрушимое рѣшеніе.

— Я не хочу, государь, чтобы вашъ вѣнецъ рассыпался въ моихъ рукахъ. Сблагovolите замѣнить меня другимъ лицомъ. Будьте счастливы, да не исполнятся мои предсказанія.

Сказавъ это, Филанджіери твердыми шагами, съ высоко поднятой головой вышелъ изъ комнаты и даже не оглянулся назадъ.

Король былъ очень смущенъ. Онъ понималъ, что потерялъ лучшаго совѣтника, преданнаго, прямодушнаго друга и искуснаго дипломата. Развѣ покойный отецъ не совѣтовалъ ему обращаться къ Филанджіери во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?

И, несмотря на все это, Францискъ, немного оправясь, тихо произнесъ, какъ бы про себя:

— Нѣтъ, я никогда не измѣню святѣйшему отцу¹⁾.

А лукавый Санвито, который избѣгалъ вступать въ споръ съ Филанджіери, сталъ высказывать свои мысли, едва только тотъ вышелъ.

— Конечно, ваше величество,—заговорилъ онъ:—конечно, все въ мірѣ прогрессируетъ. И намъ не слѣдуетъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Но всему есть предѣлъ. Припомните, что говаривалъ блаженной памяти родитель вашъ: «Конституція—значитъ революція... Отнять у папы его владѣнія— значитъ призвать на главу нашу грома небесные». Возстать противъ святѣйшаго отца! Господи насъ сохрани! Ужъ лучше умереть въ голодъ и холодъ на навозной кучѣ, какъ Іовъ, чѣмъ предать свою душу вѣчному проклятію и гееннѣ огненной.

Мистикъ-король содрогнулся; лицо его выразило смертельный ужасъ.

— Угодно вашему величеству выслушать мое мнѣніе? Осмѣливаюсь думать, оно получше совѣтовъ этого еретика...—сказалъ Санвито медовымъ голосомъ.

¹⁾ Папѣ римскому.

Примѣч. перев.

Король кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Славная Бурбонская династія имѣетъ враговъ. Что же? Это очень просто, очень естественно. Все великое возбуждаетъ зависть и даже ненависть. Но вы, государь, вы достойный сынъ святой Маріи-Христіны,—развѣ вы можете принять святотатственные совѣты тѣхъ, которые, прикрываясь прогрессомъ, имѣютъ въ виду разрушить нашу святую, католическую, апостольскую церковь.

Послѣдствіемъ этого историческаго собесѣдованія молодого король съ двумя своими министрами было то, что его еще разъ ввели въ заблужденіе, что лукавство и регрессъ одержали побѣду надъ здравымъ смысломъ, прямодушіемъ и прогрессомъ.

Несмотря на то, что Софія была умна, энергична, несмотря на то, что между нею и мужемъ существовала теплая взаимная любовь и откровенность, ей все-таки не удавалось быть ему полезной, какъ королю.

Она была слишкомъ молода, неопытна, слишкомъ нова въ придворныхъ неаполитанскихъ сферахъ для того, чтобъ успѣшно бороться съ вліяніемъ Маріи-Терезіи, которое проникало во всѣ отрасли управленія, хотя король не довѣрялъ уже мачехѣ послѣ открытія фоджійскаго заговора, хотя онъ явно сторонился отъ нея и избѣгалъ ея присутствія даже.

Софія понимала, что Францискъ утрачиваетъ свою популярность, что народная любовь, которая привѣтствовала его при вступленіи на престолъ, быстро слабѣетъ. Она хотѣла содѣйствовать восстановленію этой любви, тѣмъ болѣе, что сама, доступная, искренно привѣтливая, веселая, быстро заслужила расположеніе всѣхъ слоевъ населенія. Она старалась сблизить мужа съ высшимъ обществомъ, и это его немного оживляло, но ненадолго. Она старалась, чтобы народъ видалъ его чаще, но это тяготило молодого короля. У него иногда являлись проблески веселаго добродушія, но большею частью онъ имѣлъ видъ унылый, казался несчастнымъ. А массѣ, особенно такой вулканически-бурной и веселой, какъ южно-итальянская, это никогда не нравится.

Въ Новый годъ (1860) Софія устроила, съ согласія мужа, большой народный праздникъ. Она сама угощала неаполитанцевъ, десятками тысячъ наполнившихъ огромный Каподимонтскій паркъ. Она вездѣ появлялась со своей милой улыбкой, обращалась ко всѣмъ съ привѣтливымъ словомъ, была внимательна. Простонародье было очаровано своей юной «королевочкой». Но ея надежды, что вѣнценосный супругъ вмѣстѣ съ ней приметъ участіе въ праздникѣ, не осуществились. Францискъ на нѣсколько минутъ показался своимъ подданнымъ на балконѣ, но потомъ скрылся въ своихъ аппаратахъ; когда жена пришла къ нему, онъ сидѣлъ у камина унылый, печальный. На ея ласки онъ отвѣчалъ ласками, а на ея во-

прось: что съ нимъ?—разсказалъ, что его еще съ утра мучитъ воспоминаніе о приснившемся ночью предзнаменованіи. Ему привидѣлась страшная буря на морѣ, погибающіе на корабляхъ люди и между ними его предки и отецъ. Онъ былъ суевѣренъ, вѣрилъ примѣтамъ и снамъ и весь день терзался, пытаясь разгадать значеніе этого ужаснаго сновидѣнія.

— Дорогой мой, ты вездѣ хочешь видѣть мракъ и несчастія! Развѣ можно обращать вниманіе на сны,—не удержалась постѣловать королева, но спохватилась, види, что ему стало еще тоскливѣе.

Весьма можетъ быть, что сонъ этотъ былъ вызванъ ожиданіемъ спуска большого корабля, который долженъ былъ получить демонстративное въ то время названіе «Ворбоне».

Сама королева съ радостію готовилась къ этому торжеству, надѣясь, что Францискъ поневолѣ развлечется величавымъ зрѣлищемъ, на чистомъ воздухѣ, среди своего шумнаго народа, который въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ настроенъ жизнерадостно и добродушно.

День, назначенный для спуска «Бурбона», выдался веселый, ярко солнечный. Весь путь—около 15 верстъ—отъ столицы до кастеллармарской верфи былъ окаймленъ народомъ въ праздничныхъ нарядахъ и настроеніи. Толпы шумно и радостно привѣтствовали королевскую чегу. Городъ Кастеллармаре и верфь были убраны пышно; вся аристократія съѣхалась туда и размѣстилась на красивыхъ эстрадахъ, окружавшихъ королевскую ложу. Благополучный спускъ колоссальнаго морского чудовища, символа могущества королевства, возбудилъ общій энтузіазмъ. Клики «Viva il Re! Viva la Regina!»¹⁾ потрясали воздухъ. Но едва Францискъ, приподнявшись съ своего кресла, отвѣтилъ поклономъ на привѣтъ своихъ подданныхъ, какъ поблѣднѣлъ, пошатнулся, почти упалъ. Его усадили; онъ былъ почти безъ чувствъ. Благодаря женѣ и придворнымъ, инцидентъ прошелъ не замѣченнымъ публикой. Но глубоко огорченная Софія поспѣшила, какъ только позволилъ этикетъ, уѣхать съ мужемъ обратно въ Неаполь.

Съ тѣхъ поръ король часто хирѣлъ, онъ сталъ еще грустнѣе и апатичнѣе. Врачи утверждали, что это слабость; что ее легко устранить частію лекарствами, а главное холодными душами. Главнѣе же всего—полнымъ спокойствіемъ.

— Всякія заботы и занятія, особенно государственными дѣлами должны быть безусловно устранены,—объявилъ Рамалья, лейбъ-медикъ короля.

Софія съ ужасомъ выслушала этотъ приговоръ.

— Какъ можно монарху не заниматься государственными дѣлами, да еще въ такой критическій періодъ его царствованія?

¹⁾ Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева.

XVII.

Бессознательная жертва Фоджійскаго заговора.—Тюремный вѣстникъ.

Въ день спуска корабля «Бурбонъ» случился инцидентъ, касающійся одного изъ второстепенныхъ лицъ нашего романа.

Когда король и королева, возвращавшіеся въ Неаполь, выѣхали изъ Кастелламаре, какой-то молодой простолоудинъ въ лохмотьяхъ подбѣжалъ къ ихъ экипажу, протягивая бумагу, очевидно, прошеніе. Королева хотѣла было принять конвертъ; но жандармы мгновенно накинулись на смѣльчака и вырвали у него бумагу; убѣдясь, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго, они выпустили жертву изъ своихъ рукъ и пихнули просителя въ густую толпу народу, бѣжавшую за экипажемъ. Бѣдняга былъ такъ блѣденъ и слабъ, что рисковалъ быть раздавленнымъ. Однако чья-то длинная рука, схвативъ его за плечо, быстро оттащила на относительно свободное мѣсто, гдѣ его принялъ въ объятія маленькій, гладко выбритый и тщательно напомаженный пожилой человекъ.

— Карлуччо—ты?—воскликнулъ онъ.—Что ты—изъ больницы, что ли? Кровинки у тебя нѣтъ въ лицѣ?

— Не изъ больницы я, а изъ тюрьмы,—отвѣчалъ Карлуччо.

Это былъ тотъ самый молодой парень, котораго (какъ было сказано въ первой главѣ нашего романа) Нина Риццо, камерфрау королевы Софіи (тогда еще супруги наслѣднаго принца), рекомендовала донъ-Рафаэле Кришколо, любимому камердинеру умирающаго Фердинанда II, чтобы помогать ухаживать за больнымъ.

Маленькій человекъ донъ-Дженаро именно и рекомендовалъ Карлуччо Нинѣ Риццо, потому что зналъ его съ дѣтства за надежнаго молодого человека, который, несмотря на свое заброшенное сиротство, на нищенское житіе и соблазны уличнаго разврата, остался честнымъ и трудолюбивымъ.

Самъ донъ-Дженаро былъ по профессіи цырюльникомъ; онъ пользовался большою популярностью въ своемъ околоткѣ. Онъ, какъ и большая часть его сотоварищей по оружію, любилъ узнавать мѣстные новости и распространять ихъ. Однако, никогда не сплетничалъ, никогда не выносилъ раздора; а напротивъ, мягко и ловко умиротворялъ, кого и когда было надобно. Въ политическіе разговоры онъ не вмѣшивался, но когда онъ къ нимъ прислушивался, то по выраженію его лица, можно было предположить (и основательно), что онъ понималъ въ этомъ дѣлѣ больше многихъ другихъ.

У него была одна особенность. Послѣ 1848 года, когда Фердинандъ II обманулъ націю конституціей, донъ-Дженаро говорилъ вмѣсто «честное слово»—«даю вамъ королевское слово». И тогда всѣ знали, что донъ-Дженаро шутитъ, либо морочитъ. Онъ былъ безсемейный, зналъ Карлуччо съ младенчества и чувствовалъ къ нему отцовское расположеніе.

Молодой человекъ съ длинными руками, вытацившими Карлуччо изъ толпы, былъ тоже взрощенникъ улицы, но попорченный ею, мелкій каморристъ. Онъ никогда не былъ друженъ съ Карлуччо, но теперь, какъ будто обрадовался ему, и во всякомъ случаѣ заинтересовался имъ. Звали его Спито.

Оба они забросали молодого человека разспросами. Но донъ-Дженаро благоразумно рѣшилъ, что около большой дороги—бесѣда плохая, и увелъ обоихъ въ отдаленную и безлюдную остерію. Тамъ Карлуччо и рассказалъ свои похождения, имъ неизвѣстныя.

Будучи принятъ въ штатъ придворной прислуги по рекомендаціи Кришколь, онъ до самой кончины Фердинанда II помогаль этому королевскому фавориту ходить за королемъ. Когда король скончался и дворъ переѣхалъ въ Каподимонте, то Карлуччо оставался подручникомъ Кришколо, котораго удержала при себѣ вдовствующая королева Марія-Терезія. Вскорѣ донъ-Кришколо возложилъ на него порученіе, повидимому, не представлявшее ничего особеннаго, а именно Карлуччо долженъ былъ ѣхать въ городъ Фоджіа къ нѣкому мѣстному полицейскому чиновнику Меренда, отвезти ему довольно значительную сумму денегъ и нѣсколько писемъ, затѣмъ получить отъ него отвѣтныя письма и привезти ихъ въ Каподимонте. При имени Меренда, который, какъ онъ зналъ, былъ главной пружиной Фоджійскаго заговора, донъ-Дженаро широко раскрылъ глаза, привскочилъ на стулъ и воскликнулъ: «ого!»

Карлуччо пріѣхалъ въ Фоджіа, отдалъ, что было приказано, Меренда, получилъ отъ него пакеты, адресованные Кришколо и отцу Помпею, и остался ночевать въ городѣ, такъ какъ было уже очень поздно.

Ночью къ нему нагрянули жандармы, объявили, что онъ подозрѣвается въ кражѣ какого-то ожерелья, и произвели обыскъ. Ожерелья не нашли, потому что онъ его никогда не кралъ. Но зато нашли письма отъ Меренда, повидимому, очень этому обрадовались, отобрали ихъ, а самого парня, скрутивъ ему руки назадъ, отвезли въ Неаполь. Въ Викарійской тюрьмѣ его продержали нѣсколько мѣсяцевъ, не сообщая, за что и про что. А вчера встъ выпустили на всѣ четыре стороны, тоже неизвѣстно по какой причинѣ.

— Просьбу-то ты какую подавалъ?—полюбопытствовалъ донъ-Дженаро, когда Карлуччо кончилъ свой рассказъ.

— Просилъ у его величества суда и справедливости: за что меня въ тюрьму посадили, я не знаю, а добрые люди будутъ полагать, что я воръ, либо убійца.

— Нашелъ у кого искать справедливости?—пробормоталъ Спито.

Со стороны каморриста, хоть и мелкаго, такой неуважительный отзывъ о королѣ былъ изумителенъ. Донъ-Дженаро испытующе

взглянулъ на него, повидимому, остался доволенъ, и промолвилъ, обращаясь къ Карлуччо:

— Пожалуй, что просьба-то даромъ бы пропала. А тебѣ я вотъ что посоветую: убирайся изъ Неаполя и пробирайся въ Сицилію.

— Миѣ и донъ-Гаэтано объ этомъ въ тюрьмѣ говорилъ. Да на что я тамъ буду годенъ?

— Э! да ты и донъ-Гаэтано знаешь, вотъ и чудесно,—радостно отозвался цырюльникъ.

Карлуччо сказалъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ его заключенія въ тюрьму туда же былъ посаженъ Гаэтано Гальди. Гальди былъ знаменитый редакторъ не менѣе знаменитой въ то время газеты «Verita e Bugie». ¹⁾ Онъ въ свое время много содѣйствовалъ организаціи переворота 1860 г. и былъ еще ранѣе извѣстенъ подъ прозвищемъ Тюремнаго Вѣстника, ибо по волѣ министерства полиціи, завѣдывавшаго цензурой, Гальди каждый мѣсяцъ три или четыре раза появлялся на нѣсколько дней въ тюрьму для отсидки своихъ газетныхъ прегрѣшеній.

Ему было лѣтъ шестьдесятъ, онъ имѣлъ очень располагающую наружность, обширный умный лобъ, съ котораго спадала до плечъ львиная грива. Происходилъ онъ отъ когда-то богатаго дворянскаго рода, но теперь, по словамъ его сотрудника, карикатуриста Танкреди, у Гаэтано оставалось только два сокровища: золотой левъ въ гербѣ, который не могъ его кормить, и стальное перо, которое кормило по преимуществу на казенный счетъ, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Его товарищи по заточенію въ Викаріи—по преимуществу изъ простонародья—очень его любили ²⁾ за то, что каждый разъ, когда онъ возвращался въ заточеніе съ воли, Гаэтано приносилъ имъ грошовыхъ сигаръ, а нѣкоторымъ даже вѣсти объ ихъ семьяхъ, многимъ же надежду, что не долго остается сидѣть подъ замкомъ. «Не унывайте, друзья, революція уже у самыхъ воротъ Неаполя», часто повторялъ онъ. И совершенно былъ увѣренъ, что не ошибается.

Но такъ какъ и его газета съ самаго 1848 г. твердила: «революція у воротъ Неаполя», то многіе перестали этому вѣрить. Полиція его давно бы засадила въ каторжную тюрьму и прекратила бы его газету, если бы либеральный принцъ Леопольдъ Сиракузскій не ходатайствовалъ за него и не увѣрилъ своего брата, Фердинанда II, что Гальди человекъ неопасный и просто полумный. Конечно, за его газетой слѣдила полицейская цензура, а

¹⁾ «Правда и Ложь».

²⁾ Въ неаполитанскихъ тюрьмахъ—за крайне рѣдкими исключеніями—осужденные всѣхъ категорій содержались въ общихъ камерахъ.

излишнія увлеченія наказывались Викаріей. Когда его отправляли туда, онъ, взглянувъ на билетъ, который вручался ему по сему случаю, улыбался и непремѣнно пояснялъ смотрителю: «На двѣ недѣли! Слишкомъ это. Вѣдь революція уже у дверей Неаполя».

Даже у суроваго полицейскаго эти слова вызывали улыбку, и онъ былъ въ душѣ согласенъ съ принцемъ Леопольдомъ, что у Гальди мозги не на мѣстѣ.

Когда донъ-Гаэтано (личность историческая, которую помнятъ еще сторожилы Неаполя) вновь являлся предъ смотрителемъ тюрьмы, послѣдній говаривалъ ему:

— О, это опять вы, синьоръ Гальди! Для васъ у меня всегда припасено мѣстечко. Что? Поди вы опять что-нибудь противъ короля настрочили? Видите, вотъ вы снова къ намъ вернулись, а революція-то еще все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Гальди умѣлъ и въ тюрьмѣ приносить пользу революціонной партіи. Онъ краснорѣчиво говорилъ, внушалъ своимъ слушателямъ идеи объ единствѣ Италіи, о конституціи и проч.

Однажды, послѣ бесѣды на эту тему съ Гальди одинъ внимательно слушавшій его простолюдинъ замѣтилъ:

— Донъ-Гаэтано, глупъ же однако король, если посылаетъ тебя къ намъ, чтобы учить насъ всему этому.

Гальди, подобно Маццини, считалъ объединительную революцію первымъ шагомъ на пути общественнаго возрожденія. По его мнѣнію, истинная цивилизація заключается въ томъ, чтобы не было ни угнетаемыхъ, ни угнетателей, ни рабовъ, ни владыкъ, чтобы не существовало привилегированныхъ классовъ, располагающихъ большимъ того, что имъ нужно, и голодныхъ массъ, ровно ничего не имѣющихъ.

Отзвуки мощнаго голоса генуэзскаго изгнанника ¹⁾ доносились такимъ образомъ подъ мрачные своды Викарійской тюрьмы. Рѣчи Гальди, который, познакомившись съ нимъ въ тюрьмѣ, полюбилъ Карлуччо и много съ нимъ разговаривалъ, пробудили въ юношѣ мощное, дотолѣ совсѣмъ незнакомое ему чувство страстной любви къ отечеству.

Когда Карлуччо, сидя въ остеріи, рассказалъ все подробно о себѣ, то цырульникъ опять воскликнулъ:

— Вотъ и чудесно! Сегодня утромъ Тюремный Вѣстникъ отсидѣлъ свой срокъ. Его изъ тюрьмы выпустили. Если хочешь—сходимъ вечеромъ въ кафе Постоянства.

Это кафе находилось въ Константинопольской улицѣ. Содержалъ его нѣкто донъ-Микеле. Полиція считала это заведеніе притономъ

¹⁾ Маццини.

главарей революціи. Вольпе, Буономо, Пессина ¹⁾ и много других, менѣ видныхъ либераловъ (къ числу которыхъ принадлежалъ и Гальди) собирались тамъ ежедневно.

Вечеромъ, когда Карлуччо пришелъ въ Постоянство, Гальди ему очень обрадовался. Когда же молодой человѣкъ объявилъ, что желаетъ отправиться въ Сицилію, дабы сражаться въ рядахъ повстанцевъ противъ Бурбоновъ, то старый публицистъ обнялъ, расцѣловалъ его, восклицая:

— Ахъ! зачѣмъ это я состарѣлся? Подрался бы и я въ Сициліи...

— Не сокрушайтесь, донъ-Гаэтано, — отозвался Пессина, сидѣвшій по близости: — если намъ не дадутъ конституціи, мы и здѣсь настроимъ баррикадъ.

XVIII.

Легальный заговоръ.—Последній премьеръ-министръ послѣдняго Бурбона.

Сумерки осенняго вечера быстро сгущались въ ночную тьму ²⁾. Изъ незатѣливой гостиницы одного изъ городковъ или, скорѣе селъ, которыя разбросаны между Неаполемъ и Везувіемъ, вышли двое мужчинъ и направились къ близлежащему холму, на вершинѣ котораго бѣлѣлъ небольшой домикъ. Одинъ изъ мужчинъ былъ полковникъ Ланди, которому черезъ немного мѣсяцевъ предстояло съ оружіемъ въ рукахъ стать лицомъ къ лицу съ Гарибальди, когда тотъ высадился въ Сициліи.

Другой былъ знакомый читателямъ «философъ» Либоріо Романо (извлеченный изъ калабрійскаго изгнанія принцемъ Лунджи). Провидѣніе судило тоже и ему чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ быть послѣднимъ премьеръ-министромъ послѣдняго неаполитанскаго короля. Пока онъ еще не имѣлъ никакой должности и занимался въ Неаполѣ адвокатурой. Но связи и вліяніе его были уже очень значительны.

Нѣкоторые историки превозносятъ этого человѣка до небесъ; другіе топчутъ его въ грязь.

Его роль въ концѣ революціоннаго періода была очень серьезная, и мы считаемъ не лишнимъ высказать наше мнѣніе объ этой, во всякомъ случаѣ интересной, исторической личности.

Романо не заслужилъ, по нашему мнѣнію, ни мраморныхъ, ни бронзовыхъ монументовъ. Онъ былъ инициаторомъ той оппортунистской политики, которая такъ процвѣла при новомъ режимѣ.

¹⁾ Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ юристовъ Италіи. Послѣ переворота 1860 г. былъ тотчасъ же избранъ членомъ парламента, а вскорѣ назначенъ сенаторомъ.

²⁾ Осень 1859 года.

Либерализмъ его былъ поверхностный. Онъ былъ способенъ поддерживать и ограниченную конституцію и демократическую республику, когда это ему лично казалось подходящимъ.

Онъ принадлежалъ къ «видоизмѣнчивымъ»,—не знаемъ, по натурѣ или по расчету,—разрядамъ животнаго царства. Онъ старался сохранить монархію и заигрывалъ съ демосомъ. Онъ, повидимому, желалъ возвеличить монарха и въ то же время колебалъ всѣ основы этого величія. Твердостію характера онъ одаренъ не былъ. Многіе прославляли его патріотизмъ; но онъ никогда не былъ самоотверженнымъ патріотомъ, какъ не былъ и выдающимся государственнымъ дѣятелемъ.

Онъ всегда былъ ослѣпленъ сознаніемъ своихъ личныхъ, высокихъ дарованій.

Въ маленькомъ домикѣ, куда пришли Ланди и Романо, они нашли ожидавшаго ихъ принца Луиджи, дядю короля, генералъ-адмирала неаполитанскаго флота. Комната, въ которой онъ встрѣтилъ своихъ позднихъ посѣтителей, была очень скромно обставлена. Онъ пригласилъ ихъ сѣсть и спросилъ полковника:

— Какія вѣсти вы мнѣ привезли о королѣ? Я его уже нѣсколько дней не видалъ: увлекся здѣсь охотой.

— Говорятъ, что холодные души, предписанные ему докторомъ Рамалья, значительно укрѣпили государя. Но ему еще нуженъ полный покой и заниматься дѣлами строго запрещено.

Принцъ опустился на диванъ, оперевъ голову на его спинку. Лицо его выражало сильное волненіе. И, будучи сухимъ эгоистомъ, конечно, онъ волновался не изъ сожалѣнія къ королю. Помолчавъ нѣсколько минутъ въ раздумьи, онъ сказалъ:

— Да, Рамалья правъ, королю покой необходимъ. Только въ такія минуты, какія мы переживаемъ, мнѣ кажется, король неаполитанскій покоенъ быть не можетъ... За дѣлами надо зорко слѣдить... Что вы скажете, донъ-Либоріо!

— Я думаю,—отвѣчалъ своимъ обычнымъ мягкимъ тономъ Либоріо:— что король дѣйствительно боленъ... И дѣлами государственнымъ особенно заниматься не можетъ... Между тѣмъ эти дѣла часто не терпятъ ни минуты отерочки. Чтобъ спасти корону Бурбоновъ, слѣдуетъ...

Оба его собесѣдника впелись глазами въ его лицо.

— Продолжайте, донъ-Либоріо,—поощрилъ его принцъ.—Я васъ слушаю съ величайшимъ вниманіемъ.

Лицо-Либоріо стало еще серьезнѣе. Онъ продолжалъ почти медленно, даже съ паусомъ, быстро жестикулируя руками, по адвокатской привычкѣ:

— Я полагаю и утверждаю, что только регентство можетъ спасти корону Франциска II. Для регентства нуженъ человѣкъ твердый, смѣлый, опытный, знакомый съ политическими отношеніями къ нашему королевству европейскихъ державъ.

Онъ смолкъ опять.

— Говори же, говори,— снова поощрилъ принцъ, имѣвшій привычку переходить на ты съ лицомъ, которымъ былъ доволенъ.

— Вашему высочеству извѣстно, въ какомъ положеніи нынче государство. Въ Сициліи, которая столько разъ доказывала свою преданность монархамъ, теперь повсюду вспыхиваютъ возмущенія. Въ остальныхъ провинціяхъ и въ столицѣ революція пока не обнаруживается, но она уже созрѣла. Опаснѣе же всего сочувствіе подданныхъ Франциска II объединительному движенію. Понятно, вѣдь они тоже итальянцы. Англія поддерживаетъ въ своихъ годахъ революцію и желаетъ устранить Бурбоновъ...

— Да, вы правы, положеніе неаполитанскаго престола печально: опасности со всѣхъ сторонъ,— замѣтилъ принцъ.

— Къ этому ваше высочество должны добавить, что у Франциска нѣтъ воли. Онъ колеблется, какъ тростникъ: сегодня въ одну, завтра въ другую сторону. Относится онъ мягко къ обѣимъ партіямъ, революціонной и реакціонной. И все это себѣ во вредъ. Конечно, это объясняется его болѣзнью, физической слабостью... я согласенъ. Но все-таки онъ ведетъ себя и насъ къ гибели.

— Словомъ, по вашему мнѣнію, дорогой донъ-Либоріо, для Бурбонской династіи не остается никакого спасенія?—грустно покачавъ головой, спросилъ Ланди.

— Спасеніе только въ регентствѣ, и я увѣренъ, что разъ оно будетъ довѣрено принцу, то онъ не позволитъ вырвать власть изъ его рукъ.

Водворилось краткое молчаніе, послѣ котораго принцъ Луиджи всталъ, крѣпко пожалъ руку «философа» и сказалъ ему:

— Завтра я вернусь въ Неаполь. Мой племянникъ долженъ будетъ меня выслушать. Я настою, чтобъ онъ смѣнилъ Аюссу и назначилъ тебя министромъ полиціи съ правомъ предсѣдательства въ совѣтѣ. Твое положеніе будетъ очень вліятельно. Конечно, ты не позабудешь обо мнѣ.

— Ваше высочество изволите помнить нашъ прежній разговоръ... Если я буду министромъ, то вы будете непремѣнно регентомъ.

Это было сказано философомъ тихо, мягко, почти униженно. Въ своихъ личныхъ видахъ онъ желалъ поддерживать заблужденія своего высокаго покровителя.

Выйдя изъ охотничьяго домика, Ланди и Романо разошлись: первый пошелъ домой, а второй направился къ гостиницѣ. Онъ шелъ въ пріятной задумчивости и вздрогнулъ, когда почти у самыхъ дверей гостиницы кто-то неожиданно опустилъ руку на его плечо. Романо поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собой коренастую фигуру Цезаря Бесси.

Они были знакомы съ юности, хорошо изучили другъ друга. Цезарь по выраженію лица Либоріо понялъ, что тотъ чѣмъ-то очень доволенъ.

— Ну-съ, такъ какъ же?—спросилъ его Цезарь.

— Что тебѣ отъ меня нужно?—рѣзко возразилъ Либоріо, оскорбившійся безцеремоннымъ вопросомъ.

— Я только хочу знать: съ нами ты или нѣтъ. Мнѣ интересно: продолжаешь ли ты быть революціонеромъ, или измѣнился подъ протекціей двора и принца Луиджи?

— Ты мнѣ задаешь слишкомъ много вопросовъ. А я желаю знать только: по какому праву?

— По праву любви къ родинѣ,—почти крикнулъ Цезарь.

Лицо Либоріо омрачилось, и онъ тихо сказалъ:

— Знаешь, вѣдь я могу принять мѣры, чтобъ тебя арестовали.

— Что же, принимай мѣры: тѣмъ скорѣй вступишь въ исполненіе должности шпіона и измѣнника,

Либоріо, сжавъ кулакъ, приблизился къ своему оскорбителю; но одумался и быстро удалился. А Цезарь, глядя ему вслѣдъ, думалъ:

— Странно, какъ счастье мѣняетъ людей... Да... А впрочемъ, было бы еще страннѣе, если бы я не убрался немедленно отсюда. Вѣдь этотъ господинъ способенъ отомстить мнѣ. Около Неаполя я наладилъ все, что мнѣ было поручено комитетомъ. Въ Сициліи и мнѣ безопаснѣе и больше дѣла.

У него явилось желаніе передъ отъѣздомъ повидаться съ племянникомъ Бруно, котораго онъ любилъ, какъ сына. Но это было бы опасно. Бруно несъ военную службу при дворцѣ и нѣсколько озабочивалъ дядю. Прежде молодой человекъ хотя и впадалъ по временамъ въ поэтическую печаль, свойственную его натурѣ, но вообще былъ боекъ и веселъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ онъ жилъ при дворѣ, дядя, выдавшій его неоднократно, замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Очевидно, юношу что-то мучило. Цезарь зналъ, что его племянникъ былъ страстно и, конечно, бѣзнадёжно влюбленъ въ королеву Софію. Это озабочивало дядю не только, какъ родственника, но и какъ заговорщика, ибо революціонный комитетъ поручилъ Бруно расположить дворцовыхъ военныхъ къ революціи. А его несчастная любовь могла, помимо его воли, испортить все дѣло...

Цезарь Бесси не откладывалъ своихъ рѣшеній въ долгій ящикъ. Зная опасность, которой со стороны Романо подвергается не только онъ самъ, но и дѣло, которому онъ служитъ, старый революціонеръ приказалъ осѣдлатъ своего коня и отправился въ путь по дорогѣ въ Калабрію.

Ночь давно уже наступила и была очень темна. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, окаймлялась деревьями и кустарниками... Вдругъ

кто-то, выскочивъ изъ-за этихъ кустовъ, схватилъ лошадь за уздцы. Цезарь хотѣлъ было вынуть изъ кобуръ свои пистолеты, но передъ нимъ, словно изъ земли, выросли еще два человѣка, которые почти повисли на немъ самомъ. Онъ не могъ пальцемъ пошевелить и понялъ, что спасеня нѣтъ. Однако только что его стащили на землю, онъ попробовалъ вырваться.

— Либоріо предалъ меня скорѣй, чѣмъ можно было ожидать,— подумалъ плѣнникъ.—Если бы я хоть могъ скрыть какимъ-либо манеромъ документы...

Но, очевидно, это было невозможно: державшіе его люди приготавливали уже ручные кандалы. Тогда, взбѣшенный до нельзя, онъ громко почти прорычалъ:

— Скажите предателю Либоріо Романо, что я оповѣщу о немъ такія истины, которыя заставятъ его раскаяться въ моемъ арестѣ.

Въ этотъ моментъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Крупная, хотя невысокая мужская фигура, прятанная за деревьями, быстро приблизилась къ Цезарю; властнымъ голосомъ приказала людямъ, державшимъ Цезаря, освободить его, а потомъ обратясь къ самому Бесси, на ухо шепнула ему:

— Помни, что я, Либоріо Романо, спасъ тебя!

Черезъ минуту Цезарь остался одинъ со своей лошадью и вскочилъ въ сѣдло, совершенно озадаченный,

— Чортъ разберетъ этого Либоріо—думалъ онъ:—то арестуетъ меня, то спасаетъ. Дружить съ принцемъ Луиджи и Францискомъ II и въ то же время сознательно содѣйствуетъ революціи въ моемъ лицѣ. Задача, право!

XIX.

Наполеонъ III и герцогиня Кастильоне.

Не только внутреннія дѣла Неаполитанскаго королевства были безотрадны, но и отношенія къ нему иностранныхъ державъ возбуждали опасенія. Франція какъ бы игнорировала правительство Франциска II; одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Англіи публично, въ парламентѣ, назвалъ это правительство «безбожнымъ». Къ бурбонскимъ правителямъ Европа потеряла всякое уваженіе, а подданные всякое довѣріе.

Министерство молодого короля рѣшилось обратиться за совѣтомъ и покровительствомъ къ Наполеону III, императору французовъ.

Наполеонъ малый сначала выразилъ нѣкоторое желаніе покровительствовать королю обѣихъ Сицилій, однако предъявилъ условія. А именно: прежде всего Францискъ II долженъ дать конституцію и объявить полную амністію по политическимъ преступленіямъ;

затѣмъ владѣнія Бурбоновъ должны быть раздѣлены на двѣ части: на Неаполитанское и Сициліанское королевства, съ особыми монархами, принадлежащими, впрочемъ, къ царствующему уже дому.

Болѣе всего Наполеонъ настаивалъ на томъ, чтобъ Францискъ II заключилъ немедленно союзъ съ Пьемонтомъ.

Эти условія, будучи обсуждены въ неаполитанскомъ совѣтѣ министровъ, были признаны неподходящими. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ короля, рѣшилъ послать въ Парижъ особаго уполномоченнаго, командора де-Мартино, для личныхъ переговоровъ съ императоромъ.

Дѣло шло о спасеніи Бурбонской династіи, о благоденствіи всего королевства. Медлить нельзя было ни минуты. Де-Мартино, умный и опытный человѣкъ, тотчасъ же поѣхалъ въ Парижъ, а прибывъ туда, немедленно испросилъ аудіенцію.

Наполеонъ III принялъ итальянскаго уполномоченнаго въ своемъ любимомъ рабочемъ кабинетѣ. Это былъ обширный покой съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ, со стѣнами, обитыми темнымъ штофомъ. Нѣсколько рѣдко разставленныхъ стульевъ и креселъ дополняли обстановку. Большой портретъ Наполеона Великаго во весь ростъ прежде всего бросался въ глаза всякому, кто входилъ въ комнату.

Императоръ ожидалъ итальянскаго уполномоченнаго, стоя около письменнаго стола, слегка опираясь на него рукой. Одѣтъ онъ былъ просто, въ генеральскій мундиръ императорской гвардіи. Только орденъ Почетнаго Легіона украшалъ его грудь. Зато въ прическѣ, въ усахъ—вообще въ туалетѣ лица, если такъ можно выразиться, сказывалось желаніе замаскировать признаки надвигавшейся старости.

Строгий стиль комнаты, огромный портретъ великаго дяди, составлявшій какъ бы фонъ фигуры Наполеона III, придавали ему самому нѣкоторое величіе. Голубые глаза пристально вглядывались въ собесѣдника. Голосъ его, даже тогда, когда онъ говорилъ серьезно, сохранялъ ту мягкую вкрадчивость, ту ласкающую интонацію, съ которой онъ привыкъ обращаться къ женщинамъ. А женщинъ онъ весьма любилъ. Руки его были очень красивы, и онъ предпочиталъ держать ихъ на виду, часто покручивая длинные прямые концы усовъ.

— Вы пріѣхали сюда,—обратился императоръ къ вошедшему,— для того, чтобы получить разъясненія моего письменнаго отвѣта, недавно отправленнаго въ Неаполь?

— Я бы не осмѣлился просить у вашего величества разъясненій, но разъ что вамъ угодно было упомянуть объ этомъ, я не скрою, мнѣ было бы очень желательно услышать отъ васъ слово, могущее успокоить моего государя и короля,— отвѣчалъ неаполитанскій посланецъ.

Съ минуту Наполеонъ молчалъ, словно ему очень не хотѣлось отвѣчать. Наконецъ, стараясь придать своему голосу нѣкоторую строгость, онъ произнесъ:

— Король обѣихъ Сицилій, къ сожалѣнію, черезчуръ поздно обратился ко мнѣ за посредничествомъ. Революціи словами не удержишь. Присоединеніе Тосканы къ владѣніямъ короля Виктора-Эмануила совершилось вопреки моему желанію и въ ущербъ моимъ интересамъ... то-есть интересамъ Франціи. То же произойдетъ и съ королевствомъ обѣихъ Сицилій.

— Этого не случится, если ваше величество окажете содѣйствіе моему государю, какъ вы обѣщали. Революціи подобны большимъ пожарамъ. Не трудно знать, гдѣ они начинаются, но невозможно предвидѣть, гдѣ они кончатся. Если революція охватила одну націю, то сосѣднія должны предвидѣть, что огонь можетъ перекинуться и къ нимъ.

Наполеонъ слушалъ очень внимательно и улыбнулся, когда собесѣдникъ смолкъ. Они глядѣли другъ другу въ глаза и, повидимому, у обоихъ одновременно мелькнула одна и та же мысль— объ опасности господства Англіи на Средиземномъ морѣ.

Они сидѣли другъ противъ друга, разговоръ развился. Казалось, императоръ соглашается со многими доводами де-Мартино. Онъ даже высказалъ, что, можетъ быть, раздѣленіе владѣній Франциска на двое не составляетъ необходимаго условія... Но въ эту минуту разыгралась странная сцена.

Тяжелая штофная драпировка, закрывавшая одну изъ дверей, которая приходилась противъ Наполеона и, слѣдовательно, сзади де-Мартино, слегка пошевелилась. Шорохъ былъ едва замѣтенъ, но императоръ его услышалъ и поднялъ глаза. Въ разрѣзѣ драпировки показался прелестный женскій носикъ и блеснули два не менѣ прелестныхъ глаза. Они принадлежали флорентійской красавицѣ, герцогинѣ Кастильоне.

Наполеонъ разглядѣлъ даже хорошенькія губки своей фаворитки, и ему казалось, что онѣ выражаютъ негодованіе. Между тѣмъ ничего не подозрѣвавшій де-Мартино продолжалъ:

— Неаполитанское правительство было вынуждено обстоятельствами доселѣ не итти на уступки. Но нынче король готовъ даровать требуемыя народомъ права. Первая обязанность его охранить спокойствіе царства и прочность династіи.

— Да, вы правы, конечно, вы правы, — разсѣянно бормоталъ императоръ, все вниманіе котораго было сосредоточено на разрѣзѣ драпировки. Теперь, по движенію глазъ и носа красавицы, онъ сообразилъ, что она отрицательно качаетъ головой.

— Революція доселѣ сильна, — все продолжалъ де-Мартино: — потому что она черпаетъ свою силу изъ другихъ... изъ другихъ, сосѣднихъ государствъ. Но если ваше императорское величество

рѣшитель и примете строгія мѣры, если южно-итальянскіе революціонеры узнаютъ, что повелитель Франціи не допускаетъ рѣзни и не допуститъ кровопролитія...

— Вы забываете о «невмѣшательствѣ»,—перебилъ Наполеонъ и всталъ со стула.

— Извините меня, будьте добры, подождите, я сейчасъ вернусь,—прибавилъ онъ, обращаясь къ изумленному неаполитанцу и исчезъ за драпировкой, изъ-за которой секунду ранѣе исчезла Кастильоне. Она уже ждала его въ слѣдующей комнатѣ.

Наполеонъ съ нѣжной фамильярностью взялъ ее за руку.

— Дорогая герцогиня, какъ я счастливъ видѣть васъ сегодня такъ рано утромъ,—сказалъ онъ съ принужденной веселостью.

— Зачѣмъ вы приняли посланника неаполитанскаго короля?—спросила она, не отвѣчая на привѣтъ. — Развѣ вы не поклялись мнѣ содѣйствовать полному объединенію Италіи. Не хотите ли вы начать объединеніе съ того, что оторвете Сицилію отъ Неаполя?

Она это сказала негодующимъ тономъ, съ вызывающей рѣзкостью. Императоръ молчалъ. Она присовокупила:

— Такъ-то вы исполняете ваши обѣщанія?

Эти слова были произнесены съ лихорадочнымъ искреннимъ волненіемъ, съ досадою и тревогой. Кастильоне понимала, что вздумай Наполеонъ обѣщать свое покровительство Франциску, то миссія, которую она приняла на себя, ни къ чему не приведетъ.

На мгновеніе маска, всегда скрывавшая выраженіе лица вѣнчаннаго лукавца, соскользнула, напряженная улыбка исчезла, и онъ отвѣтилъ флорентійкѣ:

— Я говорю послу именно то, чего не сдѣлаю. Я знаю, что неаполитанскому престолу суждено исчезнуть. И, конечно, не я явлюсь его спасителемъ.

Герцогиня Кастильоне взглянула на собесѣдника съ радостной улыбкой, до того очаровательной, до того обаятельной, что ея всемогущій любовникъ готовъ былъ пожертвовать въ эту минуту не только Францискомъ II, но всѣмъ міромъ, лишь бы угодить своей возлюбленной...

Вернувшись въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ де-Мартино, Наполеонъ, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, сказалъ болѣе чѣмъ холоднымъ, почти небрежнымъ тономъ:

— Я рѣшительно ничего не могу сдѣлать для вашего короля—слишкомъ поздно. Если революціонное движеніе еще можетъ быть остановлено, то единственно вліяніемъ Пьемонта. Поэтому вамъ слѣдовало бы обратиться не ко мнѣ, а въ Туринъ, къ Виктору-Эмануилу. Я связанъ условіемъ «невмѣшательства, тогда какъ для пьемонтскаго короля оно не обязательно: онъ въ дѣлахъ Италіи не чужеземецъ.

Въ это время императору доложили о приходѣ министра Тувенеля. Наполеонъ его велѣлъ принять и заканчивалъ при немъ бесѣду съ неаполитанскимъ посланникомъ. Тувенель понялъ, къ чему клонится его владыка, и замѣтилъ:

— А главное—Европа не можетъ оставаться безучастной зрительницей тѣхъ ужасовъ, которые совершаются неаполитанскимъ правительствомъ.

Эта фраза окончательнао убѣдила командора де-Мартино въ томъ, что король обѣихъ Сицилій покинуть всеми великими державами, не исключая Россіи, которая въ то время относилась къ итальянскому вопросу въ соглашеніи съ Франціей.

Онъ откланялся и удалился.

XX.

Подготовка революціи въ Сициліи.—Монахи-инсурденты.—Репрессіи.

Надъ дивнымъ островомъ Сициліей вѣяла весна ¹⁾. Разгоралось солнце, пышно расцвѣтали алые миндали. Любовь зажигала молодья сердца.

Но въ этомъ году сициліанская весна шла съ краснымъ беретомъ на головѣ. Ея нѣжныя пѣсни звучали любовью къ отечеству, смѣшивались съ пѣснями свободы, которой жаждали милліоны южныхъ итальянцевъ.

Пробилъ роковой часъ революціи.

Вся Сицилія волновалась.

На горахъ появились вооруженные отряды повстанцевъ, грозившіе даже столицѣ Палермо, хотя ее охраняло болѣе 20.000 бурбонскихъ войскъ. Правда, внутри страны въ мелкихъ стычкахъ, начавшихся еще съ прошлой осени, бурбонскіе солдаты одерживали верхъ, но, пользуясь успѣхомъ, такъ жестоко, такъ безумно и безчеловѣчно обращались съ жителями, что только увеличивали негодованіе и удваивали число тайно вербуемыхъ революціонными комитетами добровольцевъ. Бурбонскія войска сжигали цѣлыя селенія, стрѣляли безъ разбора въ дѣтей и женщинъ, думая этимъ подавить возстаніе, но они только раздували его.

Истрадавшіеся сициліанцы поголовно клялись драться до послѣдней капли крови съ Бурбонами, которые раздавили ихъ въ 1820 г., которые нарушили свою клятву конституціи въ 1848 г. и обманули въ 1859 году.

Жестокое то было время. Женщины тихо плакали у очаговъ, на которыхъ нечего было варить. Мужчины съ винтовками за

¹⁾ 1860 г.

плечами убѣгали въ горы. Поля не обрабатывались. Знатные и богатые владѣльцы содѣйствовали искренно подготовкѣ революціи. Духовенство, особенно монахи, столь многочисленные въ Сициліи, готовились къ борьбѣ. Одинъ изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ настоятелей, игуменъ монастыря Ганчіа въ Палермо, былъ другомъ Маццини, переписывался съ нимъ и говорилъ своей братіи въ тайныхъ собраніяхъ:

— Душа человѣческая имѣетъ право стремиться къ высшимъ видамъ свободы и равенства, ибо житейскія потребности народа не могутъ быть удовлетворяемы одними матеріальными благами. Хлѣбъ насущный пріобрѣтаетъ настоящій добрый вкусъ только тогда, когда духъ челоѣка независимъ.

Революціонные комитеты въ то же самое время не дремали. Маццини изъ Генуи неустанно помогалъ и направлялъ совѣтами, его единомышленники были разсѣяны по всему Апеннинскому полуострову и называли себя сынами Молодой Италіи (Giovanne Italia). Правда, эта партія, согласно инициативѣ Маццини, не принимала¹⁾ прямого участія въ войнѣ между Пьемонтомъ и Франціей противъ Австріи. Однако, вытѣсненіе послѣдней съ равнинъ Ломбардіи, побѣды подъ Палестро и Сольферино, одержанныя Викторомъ-Эмануиломъ II въ союзѣ съ Наполеономъ III, пробудили радостный энтузіазмъ и закрѣпили надежды революціонеровъ-объединителей во всей странѣ.

Но Виллафранкскій миръ²⁾ сильно поколебалъ эти надежды. Неутомимый агитаторъ Маццини и его ближайшіе сотоварищи рѣшили, что свобода и объединеніе Италіи могутъ быть осуществлены только революціоннымъ путемъ, причемъ считали необходимымъ организовать прежде всего возстаніе въ Сициліи. Маццини, еще осенью 1859 г., вскорѣ послѣ заключенія Виллафранкскаго мира, направилъ для подготовки движенія Розолино Пило въ Романью, а Франциска Криспи³⁾ на его родину, Сицилію. Криспи тайно высадился въ Мессинѣ, инкогнито, съ безпрестанными переодѣваніями, онъ объѣхалъ весь обширный, родной ему островъ, и вездѣ подготовлялъ возстаніе на подготовленной народными страданіями и общимъ недовольствомъ высшихъ классовъ почвѣ. Онъ пробрался въ Палермо, гдѣ былъ радушно встрѣченъ мѣстнымъ комитетомъ, въ составъ котораго входили и представители высшей аристократіи, и представители рабочаго элемента. На ихъ совѣща-

¹⁾ Лѣтомъ 1859 г.

²⁾ Виллафранкскимъ трактатомъ былъ заключенъ миръ между союзными Франціей и Пьемонтомъ, съ одной стороны, и Австріей — съ другой. Ломбардія была отдана Пьемонту, но Пьемонтъ уступилъ за это Франціи Савойю и Ниццу родину Гарibaldi. Прим. перев.

³⁾ Криспи послѣ 1860 г. игралъ видную роль въ правительствѣ и неоднократно былъ премьеромъ. Прим. перев.

ніяхъ было рѣшено, что возстаніе должно произойти 9-го октября одновременно въ четырехъ пунктахъ Сициліи, въ томъ числѣ и столицѣ Палермо.

Намѣстникомъ Сициліи въ то время былъ генераль-адъютантъ Кастельчикала, человекъ дюжинный, мало соотвѣтствовавшій критическому моменту и увѣренный, что при тѣхъ 25.000 солдатъ, которые находились въ его распоряженіи, бояться нечего. Зато полицеймейстеръ города Палермо, Сальваторе Манискалько, никогда не дремалъ. Онъ былъ проницателенъ и рѣшителенъ, жестокъ безпредѣльно и прямолинеенъ въ своей преданности старому режиму, одаренъ рѣдкой физической силой; не спавъ ночью и оставаясь безъ лица цѣлыя сутки, онъ работатъ такъ же бодро, какъ при самомъ нормальномъ образѣ жизни. Практически онъ, а не намѣстникъ, управлялъ Сициліей, хотя, къ его великой досадѣ, онъ не могъ распоряжаться самостоятельно войсками. У него было, впрочемъ, цѣлое полчище шпионовъ, доставлявшихъ ему свѣдѣнія изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ страны.

Благодаря этимъ шпионамъ, полиція узнала заблаговременно о назначенномъ на 9-е октября возстаніи и приняла, по соглашенію съ военнымъ начальствомъ, такія мѣры, что оно не могло состояться. Королевскій намѣстникъ распорядился, чтобы у всѣхъ безъ исключенія обывателей было отобрано оружіе. Манискалько могъ отащировать въ Неаполь, что «благодаря дѣятельности сицилианскихъ полицейскихъ властей, отвращено приведеніе въ исполненіе безстыднаго и нечестиваго предпріятія злонамѣренной шайки».

Главные организаторы движенія Криспи, Маруцца, Кампо успѣли покинуть Сицилію.

Остальные ихъ сообщники, конечно, должны были скрываться. Но они не упали духомъ. Напротивъ, къ нимъ присоединилось много лицъ изъ высшихъ классовъ, съ одной стороны, и простолудиновъ, съ другой. Особенно энергиченъ и полезенъ былъ въ то время Франческо Ризо, простой, но очень умный рабочій.

Не смотря на зоркость полиціи, сѣть конспиративныхъ союзовъ и комитетовъ продолжала разрастаться. Задуманное на 9-е октября общее возстаніе не могло состояться. Но чрезъ нѣсколько дней, именно 6 ноября, вожаки движенія уже собрались въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Палермо, у подошвы горы Пеллегрини, на дачѣ графа Андрея Раммака. Совѣщаніе было посвящено внимательному разсмотрѣнію обстоятельствъ, въ которыхъ находится страна и осужденію средствъ для улучшенія такого положенія. Между прочимъ вотъ что было говорено на этомъ засѣданіи.

Гаэтано Ла Лоджіа замѣтилъ: «Сицилія лишена всякаго промышленнаго и торговаго движенія; она наполнена нищими; буржуазія грубо подавлена; дворянство еле дышитъ».

— Государственные сборы идутъ исключительно на содержаіе шпіоновъ и деморализацію народа. Единственную твердую опору правительства представляетъ начальникъ полиціи,—добавилъ баронъ Сальваторе де-Бенедето.

— Это шпіоно-полицейское правительство, — воскликнулъ Пизани, — поддерживаетъ власть вѣроломной династіи. Его ненавидятъ не только вся Сицилія, но и Европа. Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ, что сициліанцы конспирируютъ и проливаютъ свою кровь, чтобы освободиться отъ гнусныхъ цѣпей, въ которыхъ они закованы.

Тутъ же было прочитано письмо Криспи, въ которомъ онъ писалъ:

«Пять мѣсяцевъ назадъ, когда на поляхъ Ломбардіи сыны нашего общаго отечества боролись съ Австріей, со всѣхъ концовъ Італіи сходились подъ національныя знамена тѣ, кто воодушевленъ любовью къ родинѣ. Одна Сицилія не выслала своихъ представителей. Кто же виноватъ? Конечно, цѣпи, которыми она скована; море, которымъ она окружена. Но знайте, однако, что ваше отсутствіе всѣ мы чувствовали, и не одни вы скорбѣли, что сициліанцы не имѣли возможности появиться на полѣ брани.

«Въ настоящій моментъ борьба съ Австріей пріостановлена. Она, отступивъ за рѣку Минчіо, укрѣпилась тамъ и не выпускаетъ еще изъ рукъ итальянской земли. Сателиты Австріи — Бурбоны и папа—подавляютъ своихъ подданныхъ необузданнымъ деспотизмомъ; покинувшіе было свои престолы герцоги грозятъ вновь водвориться у насъ. Въ виду всего этого итальянцы не могутъ наслаждаться мирнымъ покоемъ, они должны неусыпно заботиться объ устроеніи своего будущаго.

«Мы обязаны добиваться, чтобы всѣмъ этимъ опасеніямъ положить конецъ, чтобы итальянская нація получила право господства на своей землѣ, стала хозяиномъ отъ Альпъ до Африки.

«Сѣверъ и центръ Апеннинскаго полуострова усердно готовятся къ новому столкновенію съ Австріей. Оно неизбѣжно закончится изгнаніемъ чужеземцевъ и полнымъ объединеніемъ Італіи.

«Пьемонтъ вооружается; Модена, Парма, Тоскана, Эмілія уже независимы и содѣйствуютъ увеличенію юныхъ итальянскихъ полчищъ. Венеція, стонущая подъ гнетомъ 250000 нѣмцевъ, не имѣетъ силы возстать. Но она посылаетъ своихъ сыновъ подъ знамена Гарибальди, этого воина, этого народнаго трибуна, желая участвовать въ опасностяхъ и славѣ будущей народной войны.

«Сициліанцы! ужели вы не отзоветесь на этотъ общій порывъ!

«На васъ лежитъ великая обязанность; вамъ суждены великая честь и слава: раздавите на вашемъ островѣ власть Бурбоновъ

и завоюйте себѣ свободу. Когда вы будете свободны, вамъ будетъ уже легко протянуть руку вашимъ континентальнымъ братьямъ, присоединиться къ нимъ для достиженія политическаго освобожденія всей Италіи.

«Для всякой борьбы необходимы организація и дисциплина. Иначе трудно побѣдить. Одной силы—мало. Вы и безъ того сильны. Но чтобъ восторжествовать, необходимо сознательно относиться къ своей силѣ. Мы будемъ съ вами въ дни испытаній и приносимыхъ вами жертвъ».

Это письмо будущаго премьера объединенной Италіи вызвало восторженные рукоплесканія. По обсужденіи его было рѣшено, что начало возстанія должно возникнуть въ самомъ Палермо.

Въ селахъ налаживались отряды волонтеровъ. Въ столицѣ организовалось тайное, можно сказать, войско волонтеровъ. Простолюдины, благодаря энергіи Франческо Ризо и его сподвижниковъ, вступали въ ряды революціоннаго отряда съ восторгомъ, а кто и оставался въ сторонѣ, все-таки сочувствовалъ цѣлямъ движенія. Достаточное количество оружія было скоплено. Часть его изготовлялась въ самомъ Палермо и хранилась въ двухъ тайныхъ складахъ, изъ которыхъ одинъ находился въ связи съ мастерской Ризо. Большая доля огнестрѣльнаго оружія, снарядовъ и пороха подвозилась тайно съ моря на рыбацкихъ лодкахъ, съ виду совершенно невинныхъ.

Главный складъ подвозимаго находился въ старинномъ монастырѣ Ганчіа. Стѣны его, окаймляющія сады и огороды, подходятъ къ берегу моря, а главныя зданія и соборъ вдаются въ городъ и доходятъ до самаго центра Палермо.

Къ марту 1860 г. сициліанскій комитетъ считалъ революцію настолько подготовленною, что по письменному соглашенію съ Криспи (жившимъ опять на континентѣ Италіи) рѣшился приступить къ дѣлу и прежде всего поднять знамя революціи въ Палермо. Ризо ручался за народную партію; средній и высшій классы въ лицѣ своей молодежи тоже были готовы, всѣ были снабжены оружіемъ. Монахи обители Ганчіа, съ благословенія своего либеральнаго настоятеля, тоже рѣшились принять непосредственное участіе. Четвертое марта было назначено днемъ возстанія.

XXI.

Вождь рабочихъ.—Подготовка возстанія въ Палермо.

Вскорѣ послѣ засѣданія на дачѣ Раммака въ ряды конспираторовъ вступилъ замѣчательный простолюдинъ, человекъ мало образованный, но съ благороднѣйшимъ сердцемъ, непоборимо храбрый. Это былъ Францискъ Ризо, послѣдній титанъ Сициліи. Онъ

возбуждалъ народъ къ борьбѣ противъ угнетателей своей родины. Правда, потомъ самъ онъ палъ въ борьбѣ, былъ раздавленъ. Однако его призывъ къ возстанію былъ такъ мѳощенъ, что онъ потрясъ бурбонскій тронъ и разбудилъ итальянскихъ эмигрантовъ, скрывавшихся въ Генуѣ и Туринѣ.

Францискъ Ризо былъ простой рабочій. Онъ проводилъ воду въ дома и общественные водоемы, т. е. былъ—какъ зовутъ сицилианцы — фонтанщикомъ. Руки его были грубы и мозолисты, но сердце твердо, какъ алмазъ. Онъ во всякую минуту былъ готовъ съ ружьемъ за плечами выйти на площадь противъ враговъ свободы. Онъ всегда готовъ было «дѣлать дѣло», даже тогда, когда остальные либералы предпочитали размышлять, не двигаясь съ мѣста.

Этотъ человекъ имѣлъ огромное вліяніе на рабочее населеніе, всѣ его любили и повиновались ему. Живи онъ нѣсколькими вѣками раньше, онъ могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ Мазаньелло. Изъ простонародья къ нему прежде всего пристали Джузеппе Ла-Руа, столяръ, и Сальваторе Ла-Плака, мелкій прасолъ. Они съ увлеченіемъ отдались дѣлу; усердно вербовали сторонниковъ, добывали оружіе, приготовляли порохъ, снаряды, патроны.

Жилъ фонтанщикъ въ Лавровой улицѣ, недалеко отъ монастыря Ганчіа. Домикъ его былъ небольшой, но опрятный; хозяинъ старался держать его въ порядкѣ и посылно даже украшать. Жена его увѣшала всѣ внутреннія стѣны изображеніями святыхъ, начиная съ свѣтлокудрой святой Розаліи, покровительницы Палермо, и кончая черноликимъ св. Калогеромъ. Передъ домомъ былъ небольшой дворикъ, который, благодаря трудолюбію хозяина, превратился въ садикъ. Кругомъ онъ былъ обсаженъ фиговыми опунціями¹⁾, составлявшими живую изгородь. Нѣсколько миндальныхъ деревьевъ отѣняли крыльцо.

Въ этомъ гнѣздышкѣ честный труженикъ прожилъ много лѣтъ съ женой и дѣтьми, которыхъ очень любилъ.

Въ концѣ марта мѣсяца въ дверь домика Франциска Ризо постучался человекъ среднихъ лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ рабочую блузу, но черты и цвѣтъ лица, особенно же бѣлыя, холенныя руки обличали его принадлежность къ высшимъ слоямъ населенія.

— Войдите!—кликнулъ изнутри мягкій молодой голосъ.

Онъ вошелъ въ горницу. У окна сидѣла хорошенькая молодая дѣвушка лѣтъ 17-ти; она пряла ленъ, напѣвая прелестную сицилианскую народную пѣсню «Cicadella», которою Беллини украсилъ одну изъ своихъ оперъ. Эта дѣвушка была дочь Франциска Ризо.

¹⁾ Лапчатые кактусы, дающіе вкусные ляцеобразные плоды (индѣйская фи́га). Прим. перев.

— Вамъ отца надо?— сказала она вошедшему блузнику:— онъ дома Онъ васъ ждетъ.

Въ слѣдующей, болѣе просторной комнатѣ, обставленной самой необходимой простой мебелью, старикъ Джіованни Ризо, сѣдовла- сый отецъ Франциска, сидѣлъ у большого стола и растиралъ селитру. Его сынъ стоялъ у окна.

Джіованбатиста Маринуцца (незнакомецъ въ блузѣ былъ именно тотъ извѣстный въ то время писатель, одинъ изъ дѣя- тельнѣйшихъ конспираторовъ), невольно любуясь мужественной фигурой, обрисовавшейся, какъ въ рамкѣ, на фонѣ окна, не могъ не подумать: «Настоящій герой; напоминаетъ рыцарей старой Кастиліи; только Сидъ былъ жестокъ, а у Франциска Ризо сердце истинно ангельское».

Фонтанчикъ подошелъ къ гостю и протянулъ ему руку. Нѣ- сколько мгновеній, не прерывая рукопожатія, они глядѣли при- стально другъ другу въ глаза, Маринуцца, — повидимому, по крайней мѣрѣ, совершенно спокойно; Францискъ—взволнованно. Его смуглое лицо поблѣднѣло, глаза блестѣли. Выраженіе его лица было строго и вдумчиво, оно внушало невольное уваженіе. Нако- нецъ онъ добродушно улыбнулся и, пододвинувъ къ гостю стулъ, заговорилъ первый:

— Кто много разговариваетъ, тотъ мало дѣлаетъ... Что же вашъ комитетъ? Все еще полагаетъ, что надо ждать? Я вчера всѣмъ имъ въ собраніи сказалъ, что не стану больше ходить на эти совѣща- нія болтуновъ-адвокатовъ и академиковъ. Я одинъ справлюсь съ дѣломъ.

— Успокойтесь же немножко, донъ-Чиччіо ¹⁾,—возразилъ Мари- нуцца:—въ дѣлѣ такой важности, какъ возстаніе, необходимо мно- гое взвѣсить...

— И ничего не дѣлать?!—насмѣшливо воскликнулъ фонтанчикъ.

— Нѣтъ, напротивъ. Не далѣе, какъ вчера, послѣ того, что вы въ сердцахъ убѣждали отъ насъ...

— Я имѣлъ основаніе,—перебилъ Ризо:—мои товарищи-рабочіе, всѣ, кто изъ народа присталъ къ намъ, давно готовые выйти на площадь съ винтовками за плечами, чтобы биться за свободу, они начинаютъ теперь уже сомнѣваться въ насъ. Они говорятъ, что мы, вожаки, трусимъ, что у насъ не хватитъ смѣлости... что мы ровно ничего не добьемся... Сегодня насъ осмѣиваютъ, а завтра совсѣмъ покинутъ.

Тонъ Ризо былъ строго укоризненный. Онъ едва сдерживался отъ рѣзкаго выраженія своего негодованія. Вдругъ лицо его вспых- нуло, и онъ воскликнулъ:

¹⁾ «Чиччіо»—уменьшенное Францискъ.

Прим. перев.

— Послушайте, синьоръ Маринуцца, вы думаете, что я не мучусь, не страдаю, идя навстрѣчу всѣмъ опасностямъ революціи? Вѣдь для этого я покидаю семью, которую люблю и которая меня любитъ. Однако это неизбѣжно, это необходимо для Италіи.

Онъ всталъ со стула, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ бы стараясь успокоиться. Потомъ подошелъ къ окну, взглянулъ на дочь, которая продолжала пряхать за окномъ; лицо его омрачилось, слезы выступили на глаза, и онъ едва слышно прошепталъ: «Вѣдняжка Сарина (имя его дочери), можетъ быть, завтра у тебя уже не будетъ отца». Совладавъ съ собой, онъ приблизился къ Маринуцца, который, будучи глубоко тронутъ, крѣпко пожалъ его руку, и сказалъ:

— Да развѣ я одинъ настаиваю на необходимости ускорить дѣло? Я даже не разумѣю, какъ возможно медлить... Вѣдь вы же сами... Развѣ вы забыли, что намъ пишетъ Маццини?

И, не ожидая отвѣта, Ризо вполголоса процитировалъ слова изъ письма, которое Маццини прислалъ въ началѣ марта барону Казимиру Пизани: «Признаюсь — и не хочу отъ васъ скрывать, — что я въ нынѣшнихъ сициліанцахъ не узнаю тѣхъ, кто въ 1848 году поднялъ знамя свободы».

— Да, вы правы, — произнесъ Маринуцца.

— Разумѣется, я правъ, — восторженно отозвался фонтанщикъ. — Видите ли, синьоръ Маринуцца, революція уже проникла въ сознание простонародья, въ душу его, такъ же, какъ въ душу немногихъ приверженцевъ стараго порядка проникъ ужасъ и страхъ. Положеніе Бурбоновъ распатано; автократизмъ въ агоніи. Надо только найти того, кто можетъ имъ нанести окончательный ударъ.

На этотъ разъ Маринуцца, увлеченный энтузіазмомъ фонтанщика, перебилъ его:

— Да, вы правы, правы. Послѣдній ударъ будетъ нанесенъ и скоро.

Черезъ нѣсколько минутъ гость и хозяинъ вышли вмѣстѣ и направились къ президенту тайнаго комитета барону Пизани. Пизани не замедлилъ пригласить къ себѣ всѣхъ находившихся въ Палермо заговорщиковъ.

Тайный комитетъ подъ вліяніемъ писемъ Маццини и Криспи, а также убѣжденій Ризо, котораго всѣ основательно признавали вожакомъ народной партіи, согласился, что подготовленія къ революціи зашли слишкомъ далеко, стали извѣстны слишкомъ многимъ, чтобы оставаться тайными. Рѣшено было не медлить долѣе. Днемъ рѣшительнаго открытаго возстанія было назначено 4 апрѣля.

Въ распоряженіи тайнаго комитета находились три склада оружія, постепенно подготовленнаго помимо вѣдома мѣстныхъ властей: одинъ въ монастырѣ Ганчіа, другой около площади Манжіоне, и третій около Цекка.

Планъ вооруженнаго возстанія, составленный комитетомъ, былъ таковъ: оно должно было вспыхнуть на разсвѣтѣ 4 апрѣля одновременно въ трехъ пунктахъ города, а именно: въ самомъ монастырѣ Ганчіа, на площади Манжіоне и около Цекка. Овладевъ площадью Стараго Базара, инсургенты должны направиться къ городскимъ воротамъ Термини, дабы, обезоруживъ охраняющихъ эти ворота королевскихъ солдатъ, очистить дорогу въ городъ вооруженнымъ отрядамъ своихъ сельскихъ сообщниковъ, которыхъ ожидали со стороны городковъ Мизильмери и Виллабате.

Если столичное населеніе окажетъ хотя бы слабое содѣйствіе революціонерамъ, то побѣда послѣднихъ вполне обезпечена. Такъ полагалъ комитетъ, собравшійся по требованію Ризо у барона Пизани, тѣмъ болѣе, что моментъ былъ намѣченъ весьма благоприятный, ибо, по полученнымъ извѣстіямъ, Рабіоло (условное имя одного изъ энергичнѣйшихъ вождей обще-итальянскаго освободительнаго движенія) уже высадился около города Мессины, гдѣ возстаніе должно вспыхнуть также 4 апрѣля.

Наканунѣ этого дня, около 4-хъ часовъ пополудни Ризо сидѣлъ въ кабачкѣ Лавровой улицы, извѣстномъ подъ именемъ трактира Козлятника. Окружавшіе его пріятели замѣчали, что онъ нѣсколько блѣденъ, грустенъ, почти не пьетъ своего любимаго вина амарена, хотя другихъ угощаетъ имъ щедро. Время отъ времени появлялся какой-нибудь рабочій, съ которымъ Ризо перешептывался. Изрѣдка онъ самъ выходилъ на улицу и что-то словно высматривалъ изъ-за угла, откуда былъ виденъ монастырь Ганчіа.

Передъ самымъ этимъ монастыремъ замѣтно было суетливое движеніе, причина котораго, впрочемъ, повидимому, не представляла ничего особеннаго: остановился большой возъ, нагруженный бочками; что-то поломалось въ телѣгѣ.

Покуда Ризо стоялъ на углу улицы, какой-то паренекъ подбѣжалъ къ нему; не останавливаясь, сунулъ въ руки фонтанщика клочокъ бумаги и умчался обратно. Ризо развернулъ записку и пробѣжалъ ее: она состояла изъ нѣсколькихъ строкъ цифръ, изрѣдка перемежавшихся съ буквами. Смыслъ ея былъ пріятенъ для Франциска: она извѣщала, что всѣ оповѣщенные имъ заговорщики будутъ къ назначенному времени на своихъ мѣстахъ, что виѣнго-родскіе отряды приблизятся къ тому же времени къ воротамъ Термини и что, слѣдовательно, королевскіе солдаты, охраняющіе входъ въ столицу, очутятся межъ двухъ огней. Маринуцца и другіе члены комитета съ соотвѣтствующими хорошо вооруженными отрядами уже на пути къ Палермо.

— Такъ что, — размышлялъ Ризо, — завтра на разсвѣтѣ нашихъ болѣе тысячи соберется около Термини. Мы поднимемъ на ноги весь Палермо, и побѣда будетъ наша.

Прежде, чѣмъ вернуться въ трактиръ Козлятника, онъ направился на сосѣднюю площадь Манжюне, куда ночью долженъ собраться отрядъ городскихъ простолюдиновъ, предводительствуемый Ла-Плака.

Когда Ризо переходилъ широкую улицу Кассаро, солнце спускалось съ опаловаго небосклона; послѣдніе лучи ласково падали на прелестнѣйшую улицу очаровательнѣйшаго города Золотой Раковины ¹⁾. Въ аломъ свѣтѣ заката катились ряды экипажей; умирающіе лучи солнца сверкали какъ молніи въ хрустальныхъ окнахъ и фонаряхъ каретъ, въ дорогихъ серьгахъ, брошкахъ рядныхъ дамъ, граціозно раскинувшихся на мягкихъ подушкахъ своихъ колясокъ и ландо; онъ весело болтали со своими спутниками, ласково имъ улыбающимися.

Толпа на тротуарахъ какъ всегда съ удовольствіемъ глядѣла на эту ежедневную блестящую выставку роскоши и красоты ²⁾.

Толпа была необычайно густая, экипажи двигались медленно. Народу было тьма, все мужчины; но никакого шума. Большинство было какъ-то серьезно, озабочено, молчаливо: отъ одного къ другому едва слышно передавалось слово: св. Георгій.

Когда Ризо проходилъ около угла улицы Карафіелло, тамъ скопилась кучка рабочихъ. Многіе ему поклонились; но подошелъ къ нему только одинъ:

- Мы уже знаемъ, что это на завтра,—молвилъ подошедшій.
- И знаете слово для сбора? имя святого?
- Да: св. Георгій.
- Вы въ какомъ отрядѣ?
- Въ отрядѣ Кассарской Богоматери. Сейчасъ вотъ пойдемъ ружья чистить да патроны готовить.
- Къ полуночи вы должны быть въ сборѣ.
- Не беспокойтесь; еще раньше придемъ на мѣсто.

Францискъ Ризо пожалъ ему руку, поклонился всѣмъ остальнымъ и двинулся дальше.

Въ это же самое время молодой маркизъ Филиппъ Патти, катившійся въ роскошной коляскѣ, низенькой до того, что она почти касалась тротуара, обратился къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ красавицѣ полусвѣта:

- Прелесть моя, сегодня вечеромъ, смотри, покрѣпче меня поцѣлуй. Завтра не успѣешь.
- Отчего?—спросила молодая женщина.
- Потому, что завтра намъ придется строить баррикады... подѣ... крылышкомъ святого Георгія. Если ты меня больше не увидишь,

¹⁾ Conca d'ore зовется обширная долина, въ центрѣ которой, у самаго моря лежитъ Палермо. Прим. перев.

²⁾ Во всѣхъ большихъ итальянскихъ городахъ зажиточная часть населенія гуляетъ и катается передъ заходомъ солнца. Прим. перев.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

АВГУСТЪ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1907 г.

	СТРАН.
I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. LIV—LX. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	337
II. Записки репортера. XI—XXIII. (Продолженіе). Александра Чехова (Съдого)	366
III. На трудовомъ пути. Разсказъ. С. И. Васюкова	398
IV. Группы и портреты. (Листочки изъ воспоминаній). V. Д. И. Стахѣва	424
V. Бытковщина. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). В. В. Брусянина	438
VI. Прежде и теперь. (Воспоминанія прошлаго). I—IV. М. М. Щуцкаго	446
VII. Геніальная мысль. (Памяти кіевскаго митрополита Феоноста). Разсказъ. I—VI. Г. А. Цвѣтаева	475
VIII. Изъ поволжской старины. М. С.	493
IX. Лже-Петръ III у черногорцевъ. А. И. Яцимирскаго	515
X. Петръ Петровичъ Боткинъ. Князя Б. А. Щегинина	547
иллюстрація: Петръ Петровичъ Боткинъ.	
XI. Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. (Наканунъ реформъ). XVI—XXII. Б. Б. Глинскаго	555
XII. Борцы за славянскую свободу. (Раковскій — Ботевъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго	585
XIII. Развалины замка графа Паца. А. С. Карцова	593
иллюстраціи: 1) Развалины замка Паца.—2) Замокъ графа Паца.	
XIV. Нѣсколько дней въ китайскомъ городѣ Чугучакѣ и его окрестностяхъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). П. И. Соколова	615
иллюстраціи: 1) Домъ чугучакскаго губернатора.—2) Кумирня на чугучакскомъ базарѣ.—3) Статуя привратника Будды, находящаяся внутри преддверія кумирни.	
XV. Критика и библиографія	625
1) Записки императрицы Екатерины Второй. Переводъ съ подлинника, издавнаго императорской академіей наукъ. Съ 12 портретами и 5 автографами. Изданіе А. Суворина. Спб. 1907. Б—въ.—2) Askenazy, Szymon. Rosya—Polska. 1815—1830. Lwów. 1907. (Ашкенази, Симеонъ, Россія—Польша. 1815—1830. Львовъ. 1907). Н. Любвича.—3) А. А. Шахматовъ. Корсунская легенда о крещеніи Владимира. Спб. 1906. А. я.—4) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ I. Годъ третій. М. 1907. В. Руданова.—5) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XV—1735 годъ. Спб. 1907. Томъ XVI—1736 годъ. Спб. 1906. М—ва.—6) Ю. В. Румель. Отечественный флотъ какъ средство обороны и международной политики. Изданіе дѣли обновленія флота. Спб. 1907. В.—7) Инв. Глубоковскій, ордин. проф. сб. духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебноиъ комитетѣ при свѣтѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907 г. Профессора А. Бронзова.—8) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ	

(См. слѣд. стран.).

1904—1905. Вып. XV и приложение. Спб. 1907. г. п.—9) П. Симои. Материалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX столѣтіяхъ. Выпускъ I. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907. А. Ф.—10) Вл. Рязановъ. Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Спб. 1907. А. Я.—11) М. Хилквитъ. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907. п. Б.—12) Н. Родниковъ. Греческій консерваторъ V-го вѣка до Р. Х. Комизъ Аристофанъ. Казань. 1906. в. Б.—13) К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Спб. 1907. п. Б.—14) Г. Н. Езерскій, бывший членъ государственной думы. Государственная дума перваго созыва. Пенза. 1907.—2. Партія демократическихъ реформъ. Рѣчи членовъ партіи въ первой государственной думѣ. Спб. 1907.—3. А. К. Брянчаниновъ. Роспускъ государственной думы, причины—послѣдствія. Съ приложеніемъ официальныхъ документовъ. Псковъ. 1906. в. Кузнецова.—15) Материалы по археологій Кавказа. Выпускъ XI, подъ редакціей графини Уваровой. Москва. 1907. А. Хах—ова.—16) Труды подтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи Н. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мядцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. Выпускъ третій. Подтава. 1907. в. Р—ва.—17) Исторія человечества. Всемирная исторія, подъ общей редакціей Г. Гельмгольца. Т. VIII. Переводъ съ нѣмецкаго Я. А. Лурье. Спб. 1907. Я. Бирюкова.—18) Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1907 годъ. Изданіе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета, Н. И. Влгдовъшенскій. Петрозаводскъ. 1907. в. Р—ва.—19) Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1907. А. Ф.—20) Ю. Кулаковскій и А. Сонни. Амманъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Вып. I. (Книги I—XIX). Кіевъ. 1906. в. Б.—21) Palaeographisches Album enthaltend sechsundzwanzig Abbildungen rumänisbher Urkunden aus dem XV Jahrh. Von I. Rogdan, Prof. an der Bukarester Universität. Mitglied der Rumänischen Akademie. Букурешть. 1905. А. Яцимирскаго.—22) Н. Серебрянскій. Къ вопросу о времени возникновенія г. Пскова. Псковъ. 1907. Д. Зеленина.—23) Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г. Съ приложеніемъ рисунка. Изданіе владимирской ученой комиссіи, подъ редакціей и съ предисловіемъ пожизненнаго члена Г. А. Рязскаго. Губ. гор. Владимиръ. 1906. В. Руданова.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 657

1) Кольбергъ, какъ реальный государственный человѣкъ. — 2) Ученіе Робеспьера. — 3) Новыя воспоминанія о Вагнерѣ. — 4) Новое посмертное сочиненіе Джона Стюарта Милля. — 5) Эдуардъ VII, какъ хозяинъ, и Вильгельмъ II въ качествѣ помѣщика. — 6) Трехсотлѣтіе Альдрованди и двухсотлѣтіе Линнея. — 7) Аббатъ Мурири.

XVII. Сибирь 675

1) Десятилѣтіе архива и бібліотеки св. синода, какъ отдѣльной части въ центральномъ управленіи вѣдомства (1897—1907). — 2) Новая система регистраціи книгъ. — 3) Грозящее разрушеніе памятниковъ въ столицѣ. — 4) Дѣятельность лиги образованія. — 5) Благое начинаніе. — 6) Коллекція автобіографій членовъ первой государственной думы. — 7) Менделѣевскій сѣздь.

XVIII. Некрологи 679

1) Александровъ, Н. А. — 2) Алихановъ, А. М. — 3) Вилеништейнъ, А. — 4) Профессоръ Ге, А. Г. — 5) Кетрицъ, В. Э. — 6) Кобелякскій, А. Н. — 7) Миллютинъ, И. А. — 8) Солдатовскій, И. И. — 9) Графъ Тизенгаузенъ, В. А.

XIX. Замѣтки и поправки 686

1) Къ статьѣ «Смутное время въ Харьковѣ», и. Д. коменданта г. Харькова, подполковника Горбанева. — 2) Живучая легенда. Павелъ Россіевъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Паца. — 2) Послѣдняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. XXII—XXV.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I).

LIV.

Стаканъ лафита.

ВИБОПЬЕРЪ вошелъ въ гостиную, гдѣ Паленъ и Бенигсенъ продолжали сидѣть безмолвно и невозмутимо, одинъ прихлебывая лафитъ, а другой въ позѣ египетской статуи.

— Позвольте мнѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ вашему сіятельству! — сказалъ Саша, подсаживаясь къ Палену.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, графъ, — прищуривъ глаза, отвѣтилъ Паленъ. — Не хотите ли стаканъ лафита?

— Я не хочу лафита, благодарю васъ.

И Саша сталъ рассказывать не разъ уже рассказанное имъ за это утро.

— Офицеры въ Софіи, въ почтовомъ домѣ, съ женами, дѣтьми, безъ средствъ, въ бѣдственномъ положеніи? — переспросилъ Паленъ. — Но какъ же это можетъ быть? Офицеры гвардіи, сосланные по высочайшему повелѣнію, послѣ того, какъ открылась ихъ невинность, возвращены въ ихъ мѣстности, но не получили права приѣзда въ столицу. И, наконецъ, они не могутъ оказаться безъ средствъ, ибо конфискація имущества ихъ въ дѣйствіе приведена не была.

— Вы говорите объ офицерахъ гвардіи, я же сообщаю вамъ объ армейскихъ офицерахъ!

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СІХ, стр. 41.

«истор. вѣстн.», августъ, 1907 г., т. СІХ.

— Объ армейскихъ!? А-а-а!—протянулъ Паленъ.—Чего же вы отъ меня хотите?

— Я почелъ долгомъ своимъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, какъ военнаго губернатора столицы, вѣдомству коего принадлежатъ заставы, о столь печальномъ положеніи боевыхъ офицеровъ, невинно пострадавшихъ и взысканныхъ милостью монаршей, и коимъ самая милость сія обратилась въ злополучіе, что, конечно, не было въ путяхъ монаршихъ предусмотрѣно.

— Если моему вѣдомству подлежатъ заставы, то изъ этого слѣдуетъ, что меня касается лишь печальное положеніе самыхъ сихъ заставъ, буде таковыя въ неисправности оказались, а со всѣмъ не тѣхъ проѣзжихъ, кои на сихъ заставахъ въ почтовыхъ домахъ по нерадѣнію застряли.

— Но войдите же въ положеніе несчастныхъ, графъ! — взмолился Саша.—Человѣколюбіе возмущается, взирая...

— Ба! ба! ба! Мой юный дипломатъ! Вы не знаете этой армейщины! Онъ дорогой проигрался, промотался, въ баняхъ парясь съ дѣвками въ Валдаѣ, проицлся и теперь не имѣетъ штановъ! А вы вѣрите! Вы, графъ, есть еще неопытнѣй.

— Но если это и такъ окажется, то я прошу хоть разслѣдовать дѣло. Увѣренъ, что это подлинно страждущіе не по своей винѣ. И во всякомъ разѣ жены и дѣти невинны въ мотовствѣ мужей.

— Э, графъ, да не сдѣлала ли впечатлѣнія на ваше сердце какая-либо изъ сихъ армейскихъ Эвридикъ и Антигонъ? Хе! хе! Впрочемъ, обратитесь къ Ливену. Ему, какъ военному министру, это болѣе подвѣдомственно, нежели мнѣ.

— Да я только что къ нему обращался!

— Ну, и что же?

— Онъ послалъ меня къ вашему сіятельству.

Графъ Паленъ развелъ руками.

Негодование овладѣло юношей. Взвинченные нервы не выдержали. Это безчеловѣчіе, это ледяное равнодушіе возмутило его до глубины сердца.

— Графъ,—сказалъ онъ, и голосъ его юношески зазвенѣлъ.— Вы упомянули о гвардейскихъ офицерахъ. Я тоже видѣлъ нѣсколько ихъ въ Софіи. Не мое дѣло доносить на нихъ, но я убѣжденъ, что вы, начальникъ полиціи, не можете не быть освѣдомлены о томъ, что кричатъ при открытыхъ окнахъ, что наконецъ и здѣсь громко говорятъ въ средѣ гвардейцевъ. И вотъ, графъ, въ то время, какъ гвардейскіе офицеры, осыпанные милостями, сыновья богатыхъ родителей, имѣющіе связи, состоянія, имѣнія, взысканные судьбою баловни, только за строгость военнаго устава, только за тягости карауловъ и вахтъ-парада, только потому, что открыто не могутъ метать банкъ и фараонъ и принуждены но-

сить пукли, косу и старопрусскій кафтанъ, громко, не стѣсняясь поносятъ государя, при своихъ недостаткахъ, полнога высокаго рыцарства и лучшихъ намѣреній, и это проходитъ для нихъ безнаказанно,—въ то время, говорю я, офицеры арміи, проливавшіе кровь въ бояхъ, губившіе силы и здоровье въ походахъ, невинно пострадавшіе и для кого самая милость монарха въ кару обратилась, голодные, холодные, босые и видящіе въ болѣзняхъ, голодѣ и холодѣ женъ и дѣтей,—какъ они говорятъ о государѣ?! О, если бы вы слышали ихъ! Сколько беззавѣтной преданности, вѣры, любви къ царю въ этихъ простыхъ сердцемъ честныхъ рубакахъ! Сколько истинно-русской покорности Промыслу и Божію помазаннику! И что же? Когда я говорю о незаслуженныхъ, вопіющихъ страданіяхъ вѣрныхъ слугъ царя и отечества, говорю военному министру, говорю вамъ, военному губернатору, что встрѣчаю я въ васъ? Полное равнодушіе! Полное безучастіе!

Задыхаясь, Саша остановился.

И Паленъ и Бенигсенъ сидѣли недвижно, устремивъ на него пылавшіе злобой глаза.

— Да... не хотите ли... стаканъ лафита? — медленно, тихимъ, шипящимъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ наконецъ фонъ-деръ-Паленъ.

— Я не хочу лафита! Я вамъ уже сказалъ!.. — теряя всякое самообладаніе, крикнулъ Рибопьеръ. — Нѣтъ, я такъ не оставляю этого дѣла! Я найду путь довести о немъ до свѣдѣнія государя! Я скажу ему, что начальники такъ исполняютъ его повелѣнія, что даже милость царскую обращаютъ въ бѣдствіе подданныхъ!

— А знаете, юноша,—зловѣще проговорилъ Паленъ:—что вы затѣваете опаснѣйшую игру.

— Я ему скажу,—совершенно ослѣпленный чувствомъ благороднаго негодованія и своими девятнадцатью годами, продолжалъ Саша.—Я скажу все государю! Какъ! Ни за что ссылаются сотни офицеровъ, обнесенныхъ предъ царемъ! И когда ошибка открылась, когда онъ ихъ прощаетъ, хочетъ видѣть, чтобы лично утѣшить, вознаградить за всѣ напрасныя страданія, начальники такъ устраиваютъ, что они нищими, въ рубищѣ прибываютъ къ столицѣ! И когда я говорю это людямъ, имѣющимъ власть, надо мной смѣются! О, гдѣ же правда? Гдѣ честь? И что же это такое? Сколько такихъ офицеровъ? Ропотъ гвардейцевъ я знаю. Что же, хотятъ возстановить противъ государя и армію? Но я этому воспротивлюсь. Долгъ и честь и совѣсть мнѣ то повелѣваютъ! Я спасу государя!

— Ого! какой острый юноша!—крикнулъ Паленъ. — Да... не хотите ли стаканъ лафита?—прямо проскрежеталъ онъ въ ярости.

Глаза Бенигсена пламенѣли, какъ у волка. Но онъ не произносилъ ни звука.

Вдругъ въ гостиную вошелъ графъ Ливенъ. Онъ сіялъ счастьемъ.

— Все кончилось благополучно! Маленькое землетрясеніе... Государь вышелъ въ ботфортахъ, шляпѣ и съ тростью... Два раза принимался метать молніи... Я стоялъ опустивъ глаза... Наконецъ вулканъ изсякъ, потухъ, и тогда... все обошлось... Мы сидѣли на софѣ рядомъ и говорили, какъ друзья... Благодареніе Богу! Государь опять ко мнѣ милостивъ! И надо признаться, что въ свѣтлыя свои минуты онъ прямо обаятеленъ. Я руку его, на моемъ плечѣ лежащую, цѣловалъ, какъ у любовницы. Вѣдь я не чаялъ и возвратиться къ вамъ, мои добрые! Что это вы сидите съ такими фізіономіями? Рибопьеръ, что съ тобою? Ты сообщилъ свою просьбу графу!

— Да, вотъ прикатилъ къ намъ изъ Вѣны дипломатъ, начиненный порохомъ. Хочетъ спастись государя!

— Что такое, что?—внимательно вслушавшись, переспросилъ Ливенъ.

— А вотъ самъ расскажетъ. А мы съ Бенигсеномъ пойдемъ. Насъ призываютъ дѣла службы и мы не читали «Новой Элоизы». До завтра, Ливенъ!

LV.

Противорѣчія.

— Что у тебя-то съ нимъ вышло? Расскажи, пожалуй? Что ты затѣялъ? Какъ это—спастись государя?!—въ крайнемъ безпокойствѣ спрашивалъ Ливенъ, когда они остались одни съ Рибопьеромъ.

Тотъ передалъ весь разговоръ и свое намѣреніе довести до свѣдѣнія государя о несчастныхъ офицерахъ.

— Какъ ты неостороженъ, милый другъ! И какъ наивентъ! Я не ожидалъ этого отъ тебя. Что съ тобою сдѣлали въ Вѣнѣ? Ты совсѣмъ мальчикомъ отправился и тебѣ можно было повѣрить весьма важное порученіе. И ты выполнилъ его блестяще. Знаешь, письма уже въ рукахъ Селаниры. Она благодаритъ тебя. Ты скоро удостоенъ будешь и аудіенціи. Конечно, если не наглупишь! Вѣдь вотъ выпалъ денекъ! Впрочемъ, и я далъ же маху, непостижимымъ образомъ позабылъ высочайшій приказъ. А это со мною въ первый разъ случилось. Такъ можно и тебя извинить. Очевидно, ты-таки отвыкъ отъ російской дѣйствительности въ счастливой Вѣнѣ, и она ударила тебѣ столь сильно въ голову, что ты угорѣлъ. И подлинно, мы живемъ въ какомъ-то смѣшеніи бреда и бдѣнія, въ кровавомъ туманѣ, въ хаосѣ, засасывающемъ насъ. Надо привыкнуть, приспособиться. Успокойся. Что съ тобой?

Саша, дѣйствительно, почувствовалъ головокруженіе и присѣлъ на кресло.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я угорѣлъ отъ Россіи и Петербурга!— сказалъ бѣдный юноша.

— На, выпей вотъ!—наливая изъ паленскаго графина и подавая стаканъ Сашѣ, сказалъ Ливенъ.

И Саша отвѣдалъ-таки лафита съ водой.

— Государь меня отпустилъ сегодня. Вечернихъ занятій не будетъ,—продолжалъ Ливенъ.—Сейчасъ я только схожу къ Дашенькѣ и успокою ее. Я вернусь черезъ четверть часа. Вонъ на клавишинѣ флейта и ноты. Вспомни прежнее и посвисти.

Такъ какъ четверть часа растинулись въ добрый часъ, то Саша отъ скуки посвисталъ немного. Гармонія успокоила его.

Наконецъ явился Ливенъ. На лицѣ его сіялъ тихій свѣтъ влюбленности. Гименей связывалъ эту чету еще цвѣточными узами.

— Выслушай меня, милый другъ,—сказалъ Ливенъ.—Я дамъ тебѣ въ руки путеводную нить, при помощи которой ты безопасно будешь странствовать по нашему лабиринту. Я не скрою отъ тебя, да это вѣдь всѣ и всюду говорятъ, что долго такъ продолжаться не можетъ и въ скорости произойдутъ великія перемѣны. Но въ чемъ онѣ будутъ состоять, я не знаю и не желаю знать. Я исполняю долгъ службы и не стараюсь проникнуть въ тайны, знаніе которыхъ слишкомъ опасно, даже невыносимо ужасно. Ты съ безпечностью, отвагой и неопытностью юности устремился по тропѣ, къ симъ тайнамъ ведущей. Что будетъ, если ты ее разгадаешь, если ты напалъ на тотъ планъ, которымъ полагаютъ прійти къ избавленію Россіи отъ безумнаго самовластія. Какъ долженъ ты поступить съ столь опасною тайною, тобою угаданной? Ты говоришь: долгъ повелѣваетъ снасти императора. Ахъ, другъ мой, это долгъ каждаго вѣрнопопданнаго. Ты дѣйствуешь. Но что же дальше? Вѣдь это будетъ равносильно тому, чтобы предать императору на отомщеніе и суровый гнѣвъ все великое и возвышенное, что имѣется налицо въ Россіи. Бѣдствія отечества, гоненія, притѣсненія, запрещеніе ввоза книгъ, закрытіе типографій, все это терзаетъ сердца патріотовъ, лучшихъ сыновъ Россіи. И подумай, сколь сіи недовольные многочисленны. Можно сказать— все общество. И сколько среди нихъ твоихъ родныхъ, близкихъ, товарищей, знакомыхъ! Значить—эшафоты, ссылка и тюрьма для всѣхъ? А дальше что же послѣдуетъ? Еще пуціи гнетъ, чѣмъ тотъ, подъ бременемъ котораго изнемогаетъ вся Россія! Подумай обо всемъ этомъ.

— Ливенъ, клянусь тебѣ, та нить, которую ты мнѣ, по словамъ твоимъ, даешь въ руки, только глубже завела меня въ лабиринтъ!—сказалъ Рибопьеръ.—Я не постигаю твоихъ намековъ. Или, вѣриже, не хочу постичь то ужасное, что въ нихъ скрыто. Когда я сегодня ѣхалъ къ тебѣ, я видѣлъ передъ собой только

несчастныхъ, требующихъ помощи. Когда я встрѣтилъ въ тебѣ и въ Паленѣ упорное нежеланіе помочь, страшная мысль возникла въ моемъ сознаниі: нарочно такъ выполняютъ высочайшее повелѣніе, чтобы недовольство изъ гвардіи перешло и въ армію. Тутъ мелькнула предо мною опасность, грозящая государю, и я ужаснулся! Но теперь ты говоришь, и предо мною еще шире развернулся адскій планъ погубить государя: нарочно всѣ его приказанія, всѣ намѣренія исполняя такъ, какъ онъ и не предполагалъ, сдѣлать его ненавистнымъ всѣмъ и...

— Несчастный, замолчи!—крикнулъ Ливенъ, блѣдный, какъ полотно.—Я ничего не слышалъ, понимаешь ты, ничего! Ты сумасбродствуешь! Что за демонъ обуялъ тобою? Что ты болтаешь? Куда влечетъ тебя ослѣпленіе страстей? Что ты хочешь дѣлать?

— То, что велитъ долгъ и честь.

— Ну, такъ знай же, что если ты и спасешь государя, ты погубишь другихъ... Ты погубишь ее... Селаниру и того, кого самъ всегда называлъ Фебомъ—лучезарнымъ солнцемъ Россіи! Да, ты ихъ погубишь! Знаешь ли ты, что было на этихъ дняхъ? Государь случайно вошелъ въ его комнату и, подойдя къ столу, увидѣлъ трагедіи Вольтера. Книга была раскрыта на словахъ Брута, послѣ смерти Цезаря:

Rome est libre: il suffit.
...Rendons grâces aux dieux! ¹⁾.

— Если на столѣ лежали трагедіи Вольтера,—сказалъ Рибопьеръ:—то, конечно, не одни заключительные стихи могли возбудить подозрѣнія императора... Знатокъ французскаго театра, государь, конечно, помнитъ, что, по Вольтеру, заговорщикъ Брутъ былъ сыномъ Цезаря; помнитъ и эти слова Кассія, обращенныя имъ къ Бруту:

Toi, son fils! Rome enfin n'est-elle plus ta mère?
Chacun des conjurés n'est-il donc plus ton frère?..
Qu'importe qu'un tyran, esclave de l'amour,
Ait séduit Servilie et t'ait donné le jour?
Laisse-là les erreurs et l'hymen de ta mère:
Caton forma tes moeurs, Caton seul est ton père;
Tu lui dois ta vertu, ton âme est toute à lui:
Brise l'indigne nœud que l'on t'offre aujourd'hui;
Qu'à nos serments communs ta fermeté réponde,
Et tu n'as de parents que les vengeurs du monde. ²⁾

¹⁾ Римъ освобожденъ и доволенъ: Воздадимъ благодарность богамъ!

²⁾ Ты—его сынъ. Но развѣ Римъ—столица міра—не болѣе является твоею матерью? И не болѣе ли тебѣ братъ—каждый изъ заговорщиковъ? Что изъ того, если тиранъ, рабъ похоти, обольстилъ Сильвію и далъ тебѣ жизнь? Оставь ошибки и гимнъ твоей матери! Катонъ образовалъ твои нравы, одинъ Катонъ—твой отецъ; ему ты обязанъ своею добродѣтелью, вся душа твоя дана тебѣ имъ; раз-

И отвѣтъ Брута:

Je ne trahirai point mon pays pour mon père,
Que l'on approuve ou non ma fermeté sévère. ¹⁾

— У тебя отличная память,—сказалъ Ливень:—но слушай, что дальше. Государь ушелъ въ свои апартаменты и взялъ въ библіотекѣ исторію Петра Великаго, сочиненную Вольтеромъ, открылъ на той страницѣ, гдѣ описана смерть царевича Алексѣя, и приказалъ графу Ростопчину снести книгу нашему Фебу и дать ему прочесть эту страницу. Видишь ли, въ какія пропасти заглянулъ ты, по своей неопытности и неосторожности. Ты, какъ щенокъ на кегляхъ, впутался въ сложную игру великихъ страстей, въ игру, отъ исхода которой зависитъ судьба Россіи и всей Европы, и своими прыжками перепутаешь кегли, все приведешь въ разстройство, никого не спасешь, все разстроишь и самъ погибнешь. Уже одно должно тебя остановить, что ты возстановилъ противъ себя фонъ-деръ-Палена. А этотъ человѣкъ... Какъ бы тебѣ сказать!.. *Er hat die Piffologie studiert!* ²⁾

LVI.

Розовое письмо съ золотой каемкой.

Въ самомъ смутномъ настроеніи, боримый противорѣчивыми чувствами, мыслями и намѣреніями, вернулся Саша домой отъ военнаго министра.

Саввушка сообщилъ ему, что за нимъ пріѣзжала дама изъ Зимняго дворца, бесѣдовала съ папенькой и оставила розовое письмо съ золотой каемкой. «Папенька,—прибавилъ Саввушка,—спрашивали о васъ, хотѣли даже посылать за вами нарочнаго къ министру, но раздумали и велѣли сказать, какъ прибудете, чтобы шли къ нимъ сію минуту».

Заинтересованный въ высшей степени, Саша поспѣшилъ къ родителю. Онъ не сомнѣвался, что этимъ письмомъ назначалась ему желанная аудіенція у таинственной дамы его рыцарскаго служенія, царевны Селаниры.

Мудрый Dieu du Silence сидѣлъ въ шлафрокѣ въ креслахъ у топившагося тонкими липовыми дровами камелька и согрѣваясь его живительной теплотой, вслухъ скандировалъ стихи Овидія.

бей же недостойныя узы, которыя накладываютъ на тебя нынѣ; пусть нашимъ общимъ клятвамъ отвѣчаетъ твоя стойкость, и у тебя нѣтъ родныхъ, кромѣ мстителей вселенной.

¹⁾ Я не измѣню своей странѣ ради моего отца, одобрять ли, или нѣтъ мою суровую стойкость.

²⁾ Онъ изучилъ науку вознедѣйства.

— Тебѣ изъ Зимняго письмо, розовое, съ золотой каемкой,—сказаль онъ, лукаво улыбаясь.—Вонъ тамъ на булѣ возьми подѣ гранатовымъ яблокомъ.

Саша, стараясь не выказать волненія и торопливости, взялъ письмо въ указанномъ мѣстѣ и, дрожавшими пальцами распечатавъ его, прежде всего посмотрѣлъ на подпись и не могъ скрыть разочарованія:

— Да, это письмо отъ княгини Гагариной!

— Ну, да, отъ Гагариной. А ты отъ кого же ожидалъ?—проницательно посмотрѣвъ на сына, спросилъ старикъ.

— Я... ни отъ кого! Это отъ Гагариной.

— Письмо привезла твоя старая пріятельница госпожа Жерберъ; она теперь за Гагариной во дворецъ переселилась, дуэньей. Княгиня зоветъ тебя. Прочти же письмо! Видно, тебя въ Вѣнѣ избаловали дамы.

Саша равнодушно пробѣжалъ французскія строки розоваго письма. Княгиня выражала радость, что старыи ея пріятель возвратился въ отечество, и просила его пріѣхать въ Зимній (подѣздъ былъ указанъ) на чашку шоколада, поболтать о старомъ и новомъ, о вѣнскихъ удовольствіяхъ и петербургскихъ веселостяхъ. «Государь знаетъ и позволилъ», прибавляла княгиня.

— Ъдешь?—спросилъ старикъ.

— Не могу не ѣхать,—пожавъ плечами, отвѣчалъ Саша.

— Такъ поди, переодѣнься, пора.

— Я полагаю, фракъ и шнага,—сказаль разсѣянно Саша.—Въ Вѣнѣ такъ всегда пріѣзжаютъ на вечера.

— Нѣтъ, положительно надо за каждымъ шагомъ твоимъ слѣдить,—сказаль старикъ въ необычномъ для него безпокойствѣ. И даже поднялся съ кресла, уронивъ на коверъ томикъ Овидія.— Ты въ вольной вѣнской жизни совсѣмъ отвыкъ отъ нашихъ порядковъ и позабылъ всѣ принятые здѣсь обычаи. Онъ хочетъ ѣхать въ Зимній во фракъ! Ты прямо не въ своемъ умѣ! Да тебя и во дворецъ не пустятъ, а прямо плацъ-адъютантъ отошлетъ на гауптвахту. А государь сочтетъ это намѣренной дерзостью и признакомъ того, что ты заразился за границей вольномысліемъ. Самое меньшее, если вышлетъ, а вѣдь подѣ какую минуту попадешь. Можешь и въ Сибирь угодить. А за тобою и всѣ мы. Ахъ, Саша! Саша! Гдѣ твоя уравновѣшенность? Что съ тобой случилось? Въ дорогѣ по ухабамъ тебя, что ли, очень наколотило, и всѣ дрожжи юности въ тебѣ поднялись и забурили! Во фракъ! Силы небесныя! Въ Зимній во фракъ! И въ жилетъ? Пожалуй, и въ круглой шляпѣ?! Я просто похолодѣлъ весь и теперь не согрѣюсь до ночи, несмотря на яркое пламя моего камелька. Ужели ты позабылъ, могъ позабыть, что по высочайшему повелѣнію фраки, жилеты, круглыя шляпы запрещены строжайше, какъ

виѣшнее проявленіе вольнаго духа якобинства, безбожія, развратныхъ правилъ, подъ страхомъ тягчайшаго наказанія! Посмотрѣлъ бы ты, что было въ утро, когда повелѣніе вышло и еще о немъ знали одни сенаторы! Полиція бѣгала по улицамъ и со всякаго встрѣчнаго рвала шляпы, жилеты, срывала длинноволосые парики и все это тутъ же драла въ мелкіе клочья. Улицы были усыпаны частями одежды; тряпки и волосы летѣли по вѣтру. А потомъ все это оборванное стадо гнали на гауштвахту.

— Простите, папенька, мою разсѣянность. Впредь буду слѣдить за собою,—сказалъ Саша.

— Да, другъ мой, слѣди за собой. Я дамъ тебѣ реестръ всѣхъ приказовъ государя. У меня списаны они въ особливую книжку. Изволь, потрудись для себя списать, да и на зубокъ вытверди. Я тебя проэкзаменую.

— Не упущу исполнить приказаніе ваше, батюшка,—смирено сказалъ Саша. Но онъ, дѣйствительно, чувствовалъ въ себѣ пробудившагося демона возмущенія и бурлящія дрожжи вольнодумства. Только не противъ государя.

— Да, я выучу всѣ приказы,—продолжалъ онъ, не будучи въ силахъ скрыть терзавшую его мысль:—но все больше я убѣждаюсь, что эти приказы исполняются подлежащими начальствами какъ можно обременительнѣе для подданныхъ, и что имѣется въ нихъ страннаго, то возводится уже въ нелѣпное. И такъ разжигаютъ въ обществѣ недовольство.

— Ты все разсуждаешь! Ты все разсуждаешь!—съ огорченіемъ сказалъ старый Рибоньеръ, покачивая головой.—Нѣтъ, пребываніе въ Вѣнѣ пользы тебѣ не принесло. И не диво: это городъ прожектеровъ, дипломатовъ на письменныхъ столахъ и стратеговъ на александрійскихъ листахъ. Что сказалъ тебѣ Ливенъ на просьбу твою за офицеровъ? Или не просилъ остеречься? Вотъ еще была нужда чужихъ дѣтей качать!

— Это не чужія дѣти, но лучшіе сыны отечества, батюшка!—пылко сказалъ Саша.

— Сыны отечества! Вотъ какъ ты ихъ вызволишь, да они тебѣ, по російскому обычаю, хорошенько въ благодарность нагадятъ, такъ и поймешь, какіе они сыны. Но полно. Отвѣчай мнѣ: говорилъ Ливену? Видѣлъ у него Палена?

— Видѣлъ Палена и обоимъ имъ говорилъ, батюшка.

— И что же?

— Отнеслись съ полнымъ безучастіемъ.

— Ага! Ну, милый другъ, если ты будешь продолжать въ этомъ дѣлѣ упорствовать, какъ нѣкій Донъ-Кишотъ, то добра не увидишь. Вотъ ты ѣдешь къ Гагаринной. Не вздумай и ей надоѣдать со своими несчастными. Ступай теперь. Переодѣнься и поѣзжай. Храни тебя Минерва.

LVII.

Jus primae noctis.

За послѣдніе мѣсяцы княгиня Анна Петровна пережила необычайныя волненія. Какъ только состоялось ея бракосочетаніе съ княземъ Гагаринымъ, отношеніе къ ней государя, до тѣхъ поръ рыцарски-почтительное, совершенно перемѣнилось. Павелъ сталъ преслѣдовать Анну Петровну самыми настойчивыми и опредѣленными исканіями, повидимому, поставивъ своей цѣлью низвести ее въ рангъ обыкновенной вульгарной куртизанки и фаворитки. Казалось, Павелъ мстилъ этими преслѣдованіями за ту идеализацію, въ свѣтѣ которой романтическое воображеніе его видѣло нѣкогда даму сердца. Этотъ идеальный образъ былъ для него разрушенъ съ той минуты, какъ онъ убѣдился, что избранница его могла лгать предъ нимъ и трусливо отъ него таить привязанность къ тайному своему обрученнику. Но княгиня противилась исканіямъ государя всѣми силами, и не потому, что любила мужа. Увы, эта дѣтская привязанность быстро отцвѣла и замѣнилась сперва удивленіемъ, потомъ негодованіемъ и наконецъ презрѣніемъ и ненавистью. Да, княгиня Анна Петровна возненавидѣла мужа въ первый же мѣсяцъ ихъ супружества. Съ невыразимымъ цинизмомъ князь объявилъ ей, что, сочетавшись съ нею бракомъ по высочайшему повелѣнію, онъ, однако, не настолько глупъ, чтобы пользоваться своими супружескими правами и тѣмъ навлекать на себя гнѣвъ истиннаго обладателя ея прелестей; что онъ понимаетъ требованія такта и не хочетъ потерять милость монаршую, а то и угодить въ Сибирь. Вѣдь если того захочетъ монархъ, то и подведутъ и укутутъ даже невиннаго. А то и просто безъ всякаго повода сгноять въ Шлиссельбургѣ.

Когда же изумленная, оскорбленная княгиня въ слезахъ стала напоминать ему клятвы юности и обрученія и все то, что говорилъ іерей у святаго алтаря, сочетая ихъ, князь Гагаринъ прямо расхохотался.

— Я удивляюсь, княгиня, къ чему вся эта комедія?—сказалъ онъ. — Или вы станете утверждать, что у васъ не было уговора съ государемъ? Неужели же вы считаете меня такимъ глупцомъ, что не понимаю своей роли? Наконецъ, не вы ли первая нарушили клятвы юности и обрученія? Не вы ли сошли на ложе монарха простой наемницей, за почести и чины родителей и за свои четыре звѣзды? Бракъ нашъ есть бракъ по наружности. Ваше же настойчивое преслѣдованіе меня ласками я могу только объяснить коварствомъ. Сами побудивъ меня къ безумству, вы затѣмъ донесете государю на оскорбленіе, мною нанесенное его величеству, и быстро меня спровадите. Конечно, на положеніи вдовы вамъ бу-

детъ удобнѣе припустить къ ложу своему вашихъ любовниковъ! Я понимаю это отлично. Я вѣдь не идиотъ!

— Чудовище! что говорите вы? Какая наглая клевета!—вскричала княгиня.—О какихъ любовникахъ смѣете вы упоминать? Это наглая ложь!

— Одного весь свѣтъ знаетъ и называетъ, потому что его самъ императоръ всей Европѣ пальцемъ указалъ, выславъ въ Вѣну. Я видѣлъ этого подлеца и тщательно испытывалъ. Преувертливый, прескрытный и очень хорошенькій мальчикъ!

— Саша Рибопьеръ! Какая низость! Какая клевета! Государь на него разсердился просто за то, что онъ, танцуя со мною вальсъ, держалъ меня за талию по-модному, и послалъ его кавалеромъ посольства въ Вѣну. Но никакихъ интимностей между нами не было. Вы въ великомъ вообще заблужденіи, князь. И отношенія мои къ государю чисты и непорочны. Кромѣ почтительнаго поцѣлуя руки, кромѣ рыцарскаго обожанія, государь ничего не позволялъ себѣ со мною.

— Ха! ха! ха! ха!.. — залился смѣхомъ князь Гагаринъ. — Подлинно женщина вся соткана изъ лжи! И къ чему вы меня морочите, не понимаю? Вы же умная женщина. Къ чему же комедіи? Оставьте это госпожѣ Шевалье.

— Я — дѣвственница, — сказала княгиня Анна Петровна.

— Ха! ха! ха! ха!..—заливался смѣхомъ князь Гагаринъ.—Она дѣвственница! Это весьма обидно для его величества и можетъ быть истолковано имъ какъ желаніе уронить его репутацію мужчины.

— Я — дѣвственница, и по праву мужа вы можете убѣдиться въ правдѣ моихъ словъ!—пламенѣя отъ стыда и негодованія, сказала княгиня.

Тонъ словъ ея прервалъ легкомысленный смѣхъ князя Гагарина. Онъ сталъ серьезенъ.

— Что я слышу отъ васъ? Могу ли вѣрить сему?

— Клянусь тебѣ спасеніемъ души моей, что я чиста и невинна передъ тобою, мой милый, любезный другъ! — заливаясь слезами и простирая руки къ избраннику своей юности, сказала бѣдная княгиня.

— Я этого не ожидалъ! Я этого не ожидалъ!—отстраняясь съ испугомъ, бормоталъ повѣрившій наконецъ Гагаринъ.—Но если это истина, то тѣмъ болѣе не осмѣлюсь я коснуться собственности его величества, и, какъ вѣрный вассалъ, уступлю ему право первой ночи.

— Подлецъ! — сказала княгиня Анна Петровна и плюнула въ лицо князя Гагарина.

Онъ выбѣжалъ изъ ея спальни, крича:

— Jus primae noctis! Jus primae noctis!

. . . . .

Положеніе княгини было ужасное. Избѣгаемая мужемъ, ни дѣвица, ни жена, ни вдова, преслѣдуемая настойчивыми исканіями императора, котораго не могла полюбить, противящаяся роли простой фаворитки-наложницы и всѣмъ свѣтомъ почитаемая за такую, оскорбленная въ святѣйшихъ правахъ и чувствахъ женщины, одинокая, безъ опоры, безъ друга, преслѣдуемая ненавистью развратной мачехи, встрѣчающая холоднаго интригана и честолюбца въ отцѣ, окруженная интригами и врагами, сотней глазъ слѣдящими за каждымъ ея шагомъ, движеніемъ, словомъ, съ цѣлью погубить ее, по обязанности придворной дамы постоянно приглашенная ко двору, княгиня Анна Петровна молилась и плакала ночи напролетъ, но отъ этого становилась еще прекраснѣе, еще обаятельнѣе. Родъ ея красоты былъ таковъ.

Съ 17 іюля 1800 г. по сентябрь дворъ пребывалъ въ Царскомъ Селѣ. Императоръ Павелъ сначала совершенно забросилъ Царское, ненавистное ему воспоминаніями о матери, и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать. Все начало gloхнуть, порастать крапивою, покрываться тинью, портиться, валиться, приходить въ ветхость и разрушеніе.

Случайно во время маневровъ посѣтивъ заглохшіе царкосельскіе сады, Павелъ восхитился и приказалъ на два лѣтніе мѣсяца переѣхать сюда. Но его восхитила, видимо, эта именно мерзость запустѣнія тѣхъ мѣстъ, гдѣ все было покрыто памятниками предшествоващаго царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ запретилъ касаться чего-либо, и аллеи стояли, устланныя горами гнилыхъ листьевъ. На старыхъ деревьяхъ чернѣли гнѣзда грачей, успѣвшихъ съ кончины Екатерины облюбовать запущенные парки. Ихъ немолчный крикъ оглашалъ поляны, на которыхъ стояли потрепавшіеся статуи, колонны,obelisks. Въ прудахъ зацвѣла вода и квакали лягушки. И екатерининскіе гордые лебеди пачкали бѣлоснѣжныя крылья въ липкой тинѣ. И вотъ посреди этого запустѣнія, обрушенныхъ мостиковъ, скамеекъ, бесѣдокъ, поваленныхъ бурями и зимнимъ снѣгомъ и неубранныхъ деревьевъ, гулялъ Павелъ Петровичъ и ухаживалъ за княгиней Гагариной, печальный видъ которой, постоянно заплаканныя черныя очи и разметанные по плечамъ черныя кудри какъ нельзя болѣе подходили къ сей романтической обстановкѣ.

Императоръ говорилъ, что царкосельскіе сады и парки напоминаютъ ему спящее царство въ сказкѣ и себя онъ воображаетъ счастливымъ принцемъ, долженствующимъ пробудить красавицу-принцессу, вмѣстѣ съ царствомъ усыпленную чарами злой волшебницы.

Императрица Марія Ѳеодоровна съ грустью наблюдала все это и не рѣшалась даже выйти въ запущенныя и грязныя аллеи парка.

Наконецъ княгиня не вынесла и, объявивъ госпожѣ Жерберъ, что ѣдетъ въ Петербургъ къ отцу и больше ко двору не вернется, потребовала подать ей карету.

Госпожа Жерберъ была въ страшномъ затрудненіи—что дѣлать? Совѣщалась съ графомъ Кутайсовымъ и рѣшили, не докладывая государю, просто кареты не давать. Но княгиня черезъ каждыя пять минутъ спрашивала:

— Что же карета?

Наконецъ, ей почтительно доложили, что всѣ кареты и лошади въ разгонѣ и раньше ночи не освободятся.

— Что же, я здѣсь въ заточеніи, въ плѣну, лишена свободы, какъ невольница въ стамбульскомъ сералѣ султана! Если не дадутъ кареты, я пойду пѣшкомъ.

Это было такъ сказано, что карета немедленно была подана. Княгиня сѣла въ нее и захлопнула дверцу передъ носомъ госпожи Жерберъ, хотѣвшей сѣсть съ нею вмѣстѣ.

Княгиня умчалась въ Петербургъ.

Въ этотъ день Павелъ Петровичъ былъ мраченъ и разстроено. Самолюбіе его сильно страдало. Упорство княгини, какъ ни былъ онъ рыцарски деликатенъ и вѣжливъ съ женщинами, начинало его бѣсить и возмущать привыкшую къ неограниченному самовластію волю. Утромъ, гуляя съ Гагариной около косматого, обросшаго дикими кустами и неприступнаго «Каприза», посреди гигантскихъ лопуховъ, опутанной розовыми нитями чужедной повилки, крапивы, ростомъ съ императора и сладко пахнущей медомъ, цвѣтущей бѣлыми воздушными метелками сныти, подъ крикъ грачей, онъ сталъ упрекать предметъ своихъ ухаживаній въ безсердечіи и неблагодарности, упомянувъ о милостяхъ, коими онъ осыпалъ ее, ея мужа и родителей.

— Я не искала милостей, государь,—сказала княгиня Анна Петровна.—И въ моемъ положеніи онѣ только цѣпи для меня. Я уже разъ просила васъ отпустить меня въ монастырь. И нынѣ вновь умоляю васъ о сей истинной милости.

— *Tout cela, ce sont des exagérations!*—вскричалъ сиповатымъ голосомъ императоръ, принялся пыхтѣть и отдуваться, подхватилъ даму свою крѣпко подъ руку и скорымъ шагомъ по кучамъ прѣлыхъ листьевъ, по сучкамъ и сору, черезъ гнилые мостики, по кротовымъ кучамъ, повелъ ее во дворецъ.

Разставаясь съ нею у дверей своихъ апартаментовъ, онъ еще разъ неистово крикнулъ:

— *Tout cela, ce sont des exagérations!*—и исчезъ.

Послѣ бѣгства княгини придворные совѣщались: какъ быть? Доложить государю о внезапномъ самовольномъ отъѣздѣ княгини взялся ея двоюродный братъ, флигель-адъютантъ Лопухинъ. А

вслѣдъ за нею помчался графъ Кутайсовъ. Такъ какъ княгинѣ нарочито были даны самыя старыя клячи изъ всей императорской конюшни, то Кутайсовъ легко догналъ и перегналъ княгиню, и задолго до ея прибытія уже достигъ Петербурга и Невской набережной и подкатилъ, только не къ подъѣзду Лопухиныхъ, а рядомъ, къ подъѣзду дома актрисы Шевелье . . . . .

Вечеромъ, послѣ доклада, флигель-адъютантъ Лопухинъ попросилъ позволенія у его величества ѣхать въ Петербургъ.

— Болванъ, на что тебѣ?—крикнулъ Павелъ.

— Желалъ бы поскорѣ видѣть сестру Анну. Она уѣхала совершенно разстроенная,—доложилъ, какъ самую обыкновенную вещь, Лопухинъ.

— Какъ уѣхала? Когда? Куда уѣхала?—закричалъ Павелъ Петровичъ.

Тѣмъ же равнодушнымъ тономъ Лопухинъ доложилъ, что сестра Анна потребовала карету и уѣхала въ Петербургъ къ отцу еще утромъ, сейчасъ послѣ прогулки съ его величествомъ:

— *Tout cela, ce sont des exagérations*¹⁾—въ третій разъ сказалъ пораженный Павелъ.

И долго, молча, усиленно сопѣлъ носомъ . . . . .

Княгиня Анна Петровна, въ крайнемъ нервномъ возбужденіи, всю дорогу плакала, молилась и разговаривала сама съ собой.

Отецъ ее встрѣтилъ равнодушно и какъ бы не замѣчая ужаснаго состоянія дочери. Онъ далъ ей вылить накопившіяся чувства въ беспорядочныхъ словахъ, въ которыхъ смѣшались упреки, жалобы, мольбы и заявленія о желаніи уйти изъ міра въ келью, постричься, постричься!..

Когда наконецъ обезсиленная княгиня умолкла и лишь тихо всхлипывала, князь-отецъ спокойно сказалъ:

— Пока ты была въ дѣвицахъ, я по отцовской обязанности тебя защищалъ; теперь ты замужемъ, у тебя есть защитникъ; мнѣ до васъ дѣла никакого нѣтъ. Впрочемъ, я тебя не гоню. Поживи подъ отчей кровлей, на дѣвичьемъ положеніи, успокой себя. Ты будешь одна здѣсь и полной хозяйкой. Мать уже въ подмосковной, и я туда сію минуту выѣзжаю, извини, ужъ и карета подается. А ты поживи, поживи... Вообрази, что это монастырь!— посмѣиваясь, кончилъ старый князь.

— Хорошо, папенька! Спасибо, что не гоните, папенька!—машинально твердила бѣдная княгиня.

— Милый другъ, я тебѣ все же отецъ,—съ благороднымъ великодушіемъ сказалъ князь Лопухинъ.—Уже смеркается. Послѣ волненія, слезъ и ѣзды въ каретѣ покушать не вредно. Я тебѣ ве-

¹⁾ Все это преувеличеніе!

лѣлъ приготовить ужинъ въ моей библіотекѣ, что съ моей спаль-ной рядомъ. Поди туда. Я замѣчалъ, что присутствіе книгъ, сихъ лучшихъ друзей человѣчества, удивительно успокаиваетъ *Nous autres savants!*. Поди, моя милая, въ библіотеку. Поди! поди!

Княжна повиновалась. Князь-отецъ уѣхалъ.

Въ библіотекѣ открыты были огромныя окна, выходящія на Неву. Бѣлая іюльская ночь лежала на водахъ. Взадъ и впередъ скользили крытыя лодки, везшія веселыя компаніи господъ. Доносился вмѣстѣ съ ропотомъ струй подъ веслами то звонкій смѣхъ, то пѣсня гребцовъ.

Бѣлыя сумерки смѣшивались съ освѣщеніемъ тихаго покоя и придавали ему странную тусклость. Нога тонула въ великолѣпномъ смирскомъ коврѣ. Посреди покоя, на драгоцѣнномъ мозаичномъ столѣ, опиравшемся на четырехъ филиновъ, изваянныхъ изъ ляписъ-лазури, съ яхонтовыми глазами, на плато изъ живыхъ цвѣтовъ стоялъ изысканный ужинъ, великолѣпныя вазы съ фруктами и конфетами, бутылки, закуски въ различныхъ, прикрытыхъ хрустальными колпаками блюдахъ и три прибора, дивнаго севра. Двери библіотеки были широко распахнуты въ роскошную, парадную спальню князя. Тамъ высилось широкое ложе подъ балдахиномъ, украшеннымъ княжеской короной, амурами съ факелами, пугами страусовыхъ перьевъ. Внутри, въ складкахъ балдахина приспособлены были зеркала, отражавшія свѣтъ горѣвшихъ на стѣнахъ восковыхъ разноцвѣтныхъ свѣчъ и какъ бы осыпавшія лучами пышныя подушки въ валансьенскихъ кружевахъ, одѣяло, шелковое, вышитое гладью, не имѣвшее прямо цѣны по искусству работы, и ослѣпительное полотно простынь.

Безучастнымъ взоромъ окинула княжна Анна всѣ эти пригото-вленія, не понимая ихъ значенія.

Потомъ присѣла на кресло у окна и, любуясь величавой Невую, замечталась и забылась...

Вдругъ шорохъ легкихъ шаговъ раздался за ней. Она вздрогнула, обернулась и вскрикнула отъ неожиданности.

Передъ ней стояла высокая, прелестная женщина; въ ухахъ ея покачивались и сверкали огромные солитеры.

— Кто это? — спросила княгиня. И съ изумленіемъ узнала актрису Шевалье.

— Такая же несчастная, такая же оскорбленная въ святѣйшихъ требованіяхъ сердца, какъ и вы, дитя мое! — сказала незнакомка гармоничнымъ, шепчущимъ, низкимъ, груднымъ голосомъ и, опустившись на колѣни, взяла за руку княгиню и стала говорить ей, глядя эти блѣдныя ручки, цѣлуя ихъ, цѣлуя заплаканныя очи. Княгиня добѣрчиво отвѣчала.

О чемъ они говорили, то осталось тайной. Но всего черезъ часъ обѣ уже сидѣли за столомъ, кушали и пили вино, смѣясь и болтая.

— Пейте, дорогая, пейте! Вино дано несчастнымъ для утѣшенія!—повторяла блистательная Шевалье.

Еще черезъ часъ княгиня Гагарина невѣрнымъ почеркомъ написала нѣсколько французскихъ строкъ на листѣ алой бумаги съ золотой каймой. Потомъ, чувствуя утомленіе, она перешла въ спальню, не раздѣваясь прилегла на ложе, но не могла заснуть, такъ какъ сидѣвшая у ея изголовья прекрасная женщина ее минутно будила, смѣшила, щекотала, что-то рассказывала... Княгиня не понимала, что дѣлается съ ней. Забытѣе и бдѣніе смѣшались въ розовато-золотистыхъ видѣніяхъ. Все въ покоѣ свѣтилось. Шевалье представлялась ей сказочной феей. Сколько времени прошло, она не знала. Но вдругъ Шевалье исчезла. На мгновеніе, казалось ей, комнату прикрыли чернымъ крепомъ. Потомъ она засіяла ослѣпительно. Боги и богини сошли съ Олимпа, изображеннаго на потолкѣ бібліотеки, и чопорно пролили по обѣимъ сторонамъ кровати. На голубомъ облакѣ подплылъ къ ней Зевесъ. Княгиня взглядѣлась... То былъ Павелъ Петровичъ. Его прекрасные, мягкіе, большіе глаза съ любовью смотрѣли на нее. Въ первый разъ замѣтила княжна, какъ величественъ и дивно прекрасенъ императоръ. Съ легкимъ крикомъ восторга бросила она руки ему на плечи и привлекла его въ свои объятія. . . . .

Черезъ недѣлю происходилъ спускъ новаго судна, наименованнаго «Благодатью», въ честь фаворитки ¹⁾).

Счастливымъ, сіяющимъ Павель Петровичъ совершалъ торжественную церемонію. Рядомъ съ нимъ стояла блѣдная, холодная, неподвижная, какъ мраморная статуя, княгиня Анна Петровна Гагарина. Когда судно двинулось и легко, красиво сошло на сверкающія воды залива, при громѣ орудійнаго салюта, играя флагами, стоявшій въ толпѣ придворныхъ графъ Росточинъ шепнулъ на ухо накрахмаленному, напыщенному, словно аршинъ проглотившему графу Бенигсену:

— Анна сошла плавно!

На что Бенигсенъ ничего не отвѣтилъ, но на устахъ его появилось подобіе той гримасы, которая искажаетъ лицо человѣка, неожиданно понюхавшаго крѣпкаго уксуса.

Это нѣмецъ улыбнулся.

¹⁾ Анна—значить «благодать».

LVIII.

Въ Зимнемъ.

Княгиня Гагарина не то заплакала, не то засмѣялась, увидѣвъ Сашу Рибопьера.

Она приняла его въ гостиной, такой же розовой, съ золочеными панелями и карнизами, какъ и ея письмо.

Бѣлый хитонъ, надѣтый на ней, перевязывалъ радужный шарпъ. Медальонъ съ портретомъ Павла Петровича покоился на груди. Въ черныхъ волосахъ ея, перевитыхъ нитями крупнаго жемчуга, алѣла роза. Но ни кровинки не было въ ея печальномъ лицѣ, и черные глаза, полные невыразимой скорбью, лишь на мгновеніе, при видѣ гостя, выразили радость.

Глубокая вертикальная морщинка врѣзалась между ея сведенныхъ внутренней болью бровей.

При свиданіи присутствовала сильно постарѣвшая госпожа Жерберъ. Но послѣ церемоннаго реверанса, она сѣла въ глубинѣ покоя и занялась шитьемъ, стараясь быть незамѣтной.

— Какъ я вамъ рада... Какъ я вамъ рада, Саша... Я могу васъ такъ называть? Вы уже взрослый, дипломатъ, кавалеръ посольства... Вѣдь это было такъ давно, давно, когда мы встрѣчались съ вами у Долгоруковыхъ... И танцовали... Давно? Впрочемъ, давно ли? Ахъ, мнѣ кажется, что годы, десятки лѣтъ, цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ!..

Произнося эти беспорядочныя слова, княгиня хваталась за високъ, точно отъ боли, и безпокойно оглядывалась. Взоръ ее то останавливался на гостѣ, то блуждалъ, какъ бы съ дикимъ изумленіемъ встрѣчая предметы. Рибопьеръ не успѣлъ отвѣтить ей, потому что рѣчь ея хлынула неудержимымъ потокомъ, и неслась, несвязная, странная. Она вспоминала дѣтство, московскій домъ, слугъ, шута Иванушку, садъ подъ Москвой-рѣкой, и потомъ перескакивала къ ихъ танцамъ и играмъ въ домѣ Долгоруковыхъ, потомъ опять переходила къ московскимъ днямъ, говорила о монастырѣ, гдѣ они бывали у заутрени, о доброй настоятельницѣ и сестрахъ, угощавшихъ ее лакомствами, и опять бросалась въ сторону, говорила о свадьбахъ великихъ княженъ, о томъ, какъ гадко въ запущенномъ царскосельскомъ саду и вдругъ стала спрашивать о Суворовѣ, о битвѣ при Требиѣ, о переходѣ черезъ Чортовъ мостъ...

Саша Рибопьеръ, пытавшійся сначала вставлять и свои замѣчанія, наконецъ умолкъ и слушалъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ. Сердце его начинала давить невыразимая тоска. Онъ ясно видѣлъ, что духъ бѣдной княгини въ совершенномъ разстройствѣ и что она, видимо, порою смѣшиваетъ его съ кѣмъ-то другимъ,

говоря о такихъ вещахъ, которыхъ онъ не могъ знать, какъ будто они вмѣстѣ ихъ пережили.

Когда она заговорила о битвѣ при Требіи, госпожа Жерберъ вдругъ встала и, подойдя къ княгинѣ, пошептала ей что-то на ухо.

— Ахъ, да! Ну, конечно... Ахъ, я смѣшала! Ничего! Да! да!— кивая головой на ея шопотъ, сказала княгиня, умолкла, стала оправлять на себѣ платье и улыбаться деревянной улыбкой.

Вдругъ послышались шаги, и въ гостиную вошелъ Павелъ Петровичъ, одѣтый такъ, какъ обычно посѣщаль онъ *incognito* Анну Петровну, еще въ то время, когда она проживала въ родительскомъ домѣ.

Рибопьеръ преклонилъ колѣно. Княгиня, не переставая улыбаться, и госпожа Жерберъ присѣли въ низкомъ реверансѣ.

— Здравствуйте, кавалеръ, — сказалъ императоръ, милостиво протягивая руку для поцѣлуя Рибопьеру и потомъ дѣлая ему знакъ подняться.—Очень радъ, что вы прибыли изъ Вѣны. Княгиня скучала безъ васъ. Она находитъ, что никто не можетъ васъ замѣнить въ вальсѣ. Не правда ли, княгиня?

— О, да, ваше величество, — улыбаясь, сказала Анна Петровна.—Я всегда вспоминаю о тѣхъ дняхъ... счастливыхъ дняхъ...— Она вздохнула, продолжая улыбаться.—Мы были такъ безпечны и рѣзвились, какъ дѣти! Ахъ, будемъ ли и теперь мы такъ же безпечно пѣть, смѣяться и танцовать? Она поднесла руку къ виску.— Эта битва съ Макдональдомъ при Требіи у меня съ ума нейдегъ!— произнесла она съ искаженнымъ отъ боли лицомъ.

Мадамъ Жерберъ тихо взяла ее за руку и стала ласково гладить ее.

— Ахъ, да! да! Ну, конечно... Ахъ, я смѣшала! Ничего! да! да!— кивая головой и улыбаясь, сказала княгиня и сѣла.

— Конечно, я ничего не имѣю противъ вальса,—сказалъ государь,—если только его танцуютъ благопристойно, а не такъ, какъ вы себѣ тогда позволили!

Императоръ шутя погрозилъ пальцемъ Рибопьеру.

Потомъ онъ сталъ задумчивъ и, взглянувъ раза два на княгиню Гагарину, улыбающуюся и разбирающую складки своего хитона, взялъ кавалера за локоть и отвелъ въ конецъ обширнаго покоя.

— Княгиня послѣднее время немного разстроена, — сказалъ онъ.—Все это пройдетъ. *Tout cela, ce sont des exagérations!*

Онъ сталъ прохаживаться поперекъ комнаты, дѣлая быстрые и разнообразные вопросы о вѣнскомъ дворѣ и обществѣ, новинкахъ вѣнскаго театра, искусствѣ, разспрашивалъ о посѣщеніи Суворовымъ столицы и расхохотался, услышавъ о томъ, какъ фельд-маршалъ упорно кричалъ «Вивать, Іосифъ».

— Да, да, покойный зналъ австрійцевъ, этихъ прожектеровъ, интригановъ и предателей, которые любятъ только загребать жаръ чужими руками!

И государь съ горестью отозвался о великой утратѣ, понесенной Россіей въ лицѣ полководца. Какъ всегда, мысль государя шла скачками, но онъ быстро набросалъ картину австрійскихъ интригъ и ничтожныхъ эгоистическихъ цѣлей, ради которыхъ они погубили великое предпріятіе. Онъ отлично понималъ происки барона Тугута, не давшіе Суворову перенести войну во Францію. Но теперь, когда Суворова не стало, безумно враждовать съ Бонапартомъ. Государь живыми чертами означилъ геній этого чело-вѣка, который далъ порядокъ Франціи, вывелъ ее изъ анархіи и террора. Онъ понимаетъ административный, политическій и военный геній перваго консула. Онъ долго вѣрилъ въ эмиграцію, но убѣдился въ полной ея ничтожности. Всѣ эти Конде, Шуазели, Сегюры и самъ Людовикъ XVIII-й, котораго онъ не намѣренъ кормить на счетъ русскаго народа, ему надобли. Кромѣ интригъ, подкоповъ другъ подъ друга, они ни на что неспособны. И всѣ они жалкіе наемники Англіи. Но, соединясь съ Бонапартомъ, имѣя Мальту и флотъ въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ, государь убѣжденъ въ томъ, что могущество Англіи на морѣ будетъ сломлено. Вся революція была совершена на англійскія деньги и началась во флотѣ, въ грозномъ французскомъ флотѣ, который Англія и погубила. Если теперь Англія поддерживаетъ эмигрантовъ-роялистовъ, она, которая вырыла пропасть подъ трономъ Людовика и сыпала золото въ карманы якобинцевъ, то это потому, что во Франціи явился геній, способный вознести ея величіе на недостижимую высоту. Но, бросивъ въ Индію своихъ казаковъ, русскій монархъ потрясетъ Англію и вслѣдъ затѣмъ овладѣетъ Константинополемъ, Іерусалимомъ и св. Гробомъ. Тогда онъ подѣлитъ съ Бонапартомъ Европу!

Между тѣмъ въ Мальтійскомъ орденѣ объединится дворянство Европы и возродится рыцарство, и русское шляхетство очиститъ заматерѣлые свои нравы, вскормленные подлымъ ласкательствомъ, а крестьянство получитъ просвѣщенныхъ господъ, кои насадятъ у подданныхъ своихъ ремесла, улучшенные способы земледѣлія и сдѣлаютъ ихъ счастливыми и достаточными.

Рибошьеръ сперва внимательно приглядывался къ государю, съ цѣлью убѣдиться, правы ли тѣ, кто распространялъ вѣсти о его помѣпательствѣ? Но глаза Павла Петровича сіяли высокимъ разумомъ, и наконецъ юноша былъ совершенно увлеченъ широкими картинами будущаго величія Россіи, къ которому, казалось, велъ свою страну и народъ императоръ!

«Нѣтъ, это не умалишенный!—думалъ Сапа. Такъ кто же онъ? Геній?»

Государь вдругъ умолкъ и быстро повернулся въ сторону княгини Гагариной: она пила что-то изъ чашки, поднесенной Жерберъ, и казалась болѣе спокойной.

— Проститесь теперь съ княгиней,—сказалъ императоръ.—Она утомлена. Но я рассчитываю на вашъ веселый нравъ. Вы будете вліять полезно на ея взволнованный духъ.

Они подошли къ княгинѣ:

— Прощайте, милый Саша!—сказала она.—Ваше величество позвольте мнѣ такъ именовать моего стараго пріятеля? Я сердечно рада видѣть васъ. Поклонитесь отъ меня чтимому батюшкѣ вашему. Я не совсѣмъ здорова... Эта битва съ Макдональдомъ при Требиі... Прощайте! прощайте!—поспѣшно сказала она, замѣтивъ, что императоръ недовольно хмурится.

Откланиваясь, Рибопьеръ вышелъ, не оборачиваясь лицомъ къ двери.

И только уже отъѣхавъ отъ Зимняго, вспомнилъ о своихъ злополучныхъ офицерахъ, о которыхъ и запамятовалъ, поглощенный впечатлѣніями этого необыкновеннаго свиданія съ государемъ и фавориткой.

LIX.

Zu bleue Eselin.

Бурный вѣтеръ со взморья бушевалъ на мокрой площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Небо, загроможденное взволнованными горами тучъ, низко нависло и грозило разразиться ливнемъ. На площади былъ мракъ. Рѣдкіе огоньки фонарей на краяхъ ея мерцали слабыми искрами.

Такъ же темно и бурно было въ душѣ молодого человѣка, когда онъ переѣзжалъ площадь.

Непримиримыя противорѣчія терзали его. То въ ухахъ его звучали слезныя просьбы несчастныхъ офицеровъ, мольбы ихъ женъ, дѣтей и представлялась страшная картина по всей Россіи по осенней распутицѣ бредущихъ и ѣдущихъ къ столицѣ несчастливцевъ. Тутъ же представлялась ему бездушная, насмѣшливая фигура Палена и ненависть къ этому интригану, ради своихъ тайныхъ цѣлей не останавливающемуся предъ такимъ адскимъ средствомъ вызвать недовольство въ арміи,—ненависть слѣпая, страстная жгла грудь юношѣ. Но тутъ слышались ему предостереженія родителя и Ливена. Настаивая на своемъ, возстановивъ противъ себя всемогущаго военнаго губернатора, какимъ опасностямъ подвергнетъ онъ не только себя, но и всю свою семью, родню, друзей, знакомыхъ! Опала косить всѣхъ полосой, захвативъ разъ одного. Но попытка его открыть глаза императору грозила опасностью той, рыцарскимъ обожаніемъ и служеніемъ которой жило и трепетало

его сердце! Прекрасная Селанира и ея супругъ, лучезарный Фебъ, будущее счастье Россіи!.. Предостереженія Ливена вспоминались юношѣ. Но весь еще подъ обаяніемъ бесѣды съ императоромъ, онъ не могъ не возмущаться клеветой, распространенной въ обществѣ и народѣ о его помѣшательствѣ. Нѣтъ, съ нимъ бесѣдовалъ не помѣшанный, а великій монархъ, взоръ котораго видѣлъ дальше своего времени, изумительно оцѣнивалъ политическія комбинаціи и полагалъ основы величію и счастью своего народа. Что Павелъ Петровичъ не былъ умалишеннымъ, ясно было Сашѣ по противоположенію съ несчастной княгиней Гагариной, духъ которой, несомнѣнно, былъ потрясенъ. Сашѣ вспоминались надежды, съ которыми встрѣтилъ новое царствованіе его родитель, радовавшійся тогда, что молодой монархъ подтянетъ чиновниковъ и гвардейцевъ. Саша вспоминалъ слова отца: «Міръ живетъ примѣромъ государя». Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра. Съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ дворца, всѣ люстры и всѣ каминны пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе. «Съ головы началось!»—говорилъ тогда старый Рибошьеръ.

Страшный заговоръ противъ государя во всей полнотѣ представлялся теперь воображенію юноши. Распоряженія монарха, направленные къ благу подданныхъ, такъ приводятся въ исполненіе, что у всѣхъ получается такое впечатлѣніе, что Россіей править помѣшанный!.. Что же дѣлать? Саша терялся въ противорѣчіяхъ и не находилъ прямого пути.

Требованія чести и долга сталкивались съ требованіями сердца, личной безопасности, любви къ семьѣ, обязанностями его рыцарскаго служенія.

Саша выѣхалъ на Невскую перспективу. Здѣсь болѣе было свѣта изъ окошекъ домовъ и отъ фонарей, скрипѣвшихъ на перекинутыхъ черезъ улицу отъ крыши до крыши цѣпяхъ. Вѣтеръ качалъ, гнулъ вершины, хлесталъ вѣтви деревьевъ, растущихъ въ двѣ линіи посреди этой длиннѣйшей изъ столичныхъ улицъ. Никого почти не видно было на перспективѣ. Рѣдкіе прохожіе закутывались въ плащи и брели, шлепая по лужамъ, подгоняемые вѣтромъ.

Этотъ ночной хаосъ, лужи, вѣтеръ, темное мрачное небо, низкіе дома, первобытные фонари, визгъ и скрежетъ цѣпей, на коняхъ они висѣли,—соотвѣтствовали хаосу и бурѣ въ умѣ и сердцѣ молодого человѣка. Вспомнилась ему плѣнительная Вѣна, духъ порядка, довольства, изящнаго вкуса, тамъ царившій! Онъ не узнавалъ самого себя, такъ въ три дня русская дѣйствительность преобра-

зила юнаго дипломата, выѣхавшаго изъ Россіи безопаснымъ мальчикомъ, вернувшася возмужалымъ осмысленнымъ юношей.

Вдругъ бурный топотъ коней, хлопанье бича, крики «пади» раздалися за нимъ, и сейчасъ поровнялась съ его каретой другая. Изъ окна ея высунулся молодой бравый преображенскій офицеръ и крикнулъ:

— Сашка, ты, что ли, обезьяна заграничная?..

Это былъ Нефедьевъ, одновременно съ Рибоьеромъ отъ конной гвардіи, Неклюдовымъ отъ Семеновскаго полка и Опочининнымъ отъ Измайловскаго назначенный оруженосцемъ къ великому магистру.

— Нефедушко, милый другъ мой!—обрадовался истомленный одиночествомъ Саша.

— Я забѣжалъ къ тебѣ, обезьяна! Сказали, счастливецъ поѣхалъ строить куры Гагариной въ Зимній. Оставилъ было записку. Сегодня мы, оруженосцы, назначили попойку въ кабачкѣ. Прикажи, обезьяна, заворотить въ нашъ старый притонъ. Помнишь, чай?!

— Zu bleue Eselin?..

— Zu bleue Eselin!..

Нѣмецкій гербергъ, подъ вывѣской «Голубой Ослицы», находился по Невской перспективѣ недалеко отъ адмиралтейства и до отѣзда Саша служилъ мѣстомъ еженедѣльныхъ засѣданій четырехъ оруженосцевъ.

Теперь около него стояло нѣсколько каретъ. Маленькія окошки были закрыты ставнями. Внутри набилось въ душныхъ, прокопченныхъ и наполненныхъ тучами табачнаго дыма низкихъ комнатахъ десятка два гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ. Они пѣли, шутили съ хорошенькими нѣмочками, разносившими пиво и сосиски, и играли въ лото.

Появленіе Нефедьева съ Рибоьеромъ встрѣчено было громкими привѣтственными криками:

— Вивать, кавалеръ и камергеръ! Вивать, побѣдитель вѣнскихъ престелницъ! Вивать! Вивать!

Опочининъ и Неклюдовъ поднялись изъ-за стола, уже отягченнаго бутылками и яствами, навстрѣчу двумъ оруженосцамъ и заключили Сашу въ объятія.

Всѣ четверо, еще два года тому мальчики, теперь возмужали и находили другъ въ другѣ множество перемѣнъ.

Посыпались вопросы, начались рассказы о полковыхъ новостяхъ, повышеніяхъ, актрисахъ, приключеніяхъ и попойкахъ.

Между тѣмъ дѣвушки принесли огромныя кружки, изъ которыхъ валила пѣна.

— Господа,—крикнулъ Нефедьевъ, стуча кружкой по столу:—прошу вниманія!

Общій говоръ прервался. Всѣ обернулись въ сторону Нефедьева.

— Господа,— сегодня въ нашъ пріютъ возвратился камергеръ его величества, кавалеръ російскаго посольства въ Вѣнѣ и оруженосецъ великаго магистра, прозванный въ нашемъ кругу Сашка Обезьяна. Мы, его товарищи, оруженосцы великаго магистра, прозванные Нефедушко Малый, Петя Улитка и Неклюдовъ Неуклюжіи Медвѣдь, предлагаемъ исполнить въ честь прибывшаго «Большую пѣснь Голубой Ослицы».

— Одобряемъ! Исполнить! Начинай, Нефедушко, начинай!

Оруженосцы поднялись съ огромными кружками въ рукахъ, и Нефедьевъ запѣлъ:

Прекрасно вся вселенна
Устроена для насъ —
Съ гренками кружка пѣнна,
Съ похмелья хрѣнь и квасъ!

Всѣ сидѣвшіе въ кабачкѣ подхватили хоромъ, хлопая въ тактъ кружками:

Дай Богъ тому здоровье,
Кто выдумалъ сіе!
Вивать! Вивать!
Кто выдумалъ сіе!

Рибоньеръ пропѣлъ второй куплетъ «Большой пѣсни Голубой Ослицы»:

У Голубой Ослицы—
Хмельное молоко!
А надобны дѣвицы—
Ходить не далеко!

— Чего—далеко! Подъ каждымъ локтемъ по сударкѣ!—крикнулъ Нефедьевъ, подхватывая за талии двухъ нѣмочекъ и послѣдовательно каждой влѣпляя по поцѣлюю въ розовыя губки, между тѣмъ какъ онѣ съ притворнымъ смущеніемъ отворачивались отъ оруженосца и, хихикая, рвались изъ его мощныхъ дланей.

Хоръ голосилъ вразбродъ:

Дай Богъ тому здоровье,
Кто выдумалъ сіе!
Вивать! Вивать!
Кто выдумалъ сіе!

Третій куплетъ пропѣлъ Опочининъ:

Красотки поцѣлуемъ,
Васъ нѣжатъ вечеркомъ,
Мы пьяные танцуемъ
И вертимся волчкомъ!

Хоръ подхватилъ:

Дай Богъ тому здоровье,
Кто выдумалъ сіе!
Вивать! Вивать!
Кто выдумалъ сіе!

Послѣдній куплетъ пропѣлъ, или, точнѣе, проревѣлъ по-медвѣжьей огромнѣйшій семеновецъ Неклюдовъ:

Но что тому дивиться
И много разсуждать—
Вселенна вся вертится
Такъ намъ не устоять!

— Не устоять, братъ, не устоять!—закричалъ Нефедьевъ.
Хоръ голосилъ:

Дай Богъ тому здорovie,
Кто выдумалъ сіе!
Вивать! Вивать!
Кто выдумалъ сіе!

Оруженосцы состукнули неизмѣримыя свои кружки и, запрокинувъ свои головы, принялись тянуть содержимое безъ передышки, пока не вытянули до дна. Тогда опрокинули кружки вверхъ дномъ и показали всему обществу въ удостовѣреніе выполненія принятаго ритуала.

—Вивать! Вивать! Возвеселитесь, пьяницы! Рукоплещите, всѣ піющіе вино!—заорала компанія.

Огромное количество проглоченнаго пива ошеломило Сашу, отвыкшаго отъ «Большой пѣсни Голубой Ослицы». Въ голову ему ударило. На мгновеніе комната пошла кругомъ. Потомъ въ головѣ немного прочистилось, но пріятное расслабленіе и пьяная смѣшливость овладѣли юношей.

Онъ грохнулся на лавку и захохоталъ.

— Все по старому кабакъ!—проговорилъ онъ.

— Ты сейчасъ убѣдишься, что не по старому,—сказалъ ему Нефедьевъ серьезно.

Дѣйствительно, изъ-за одного стола поднялся совершенно трезвый офицеръ съ блѣднымъ, энергичнымъ лицомъ. Парикъ его висѣлъ возлѣ на стѣнѣ, и клоки черныхъ волосъ осѣняли высокій лобъ. Впавшіе глаза лихорадочно горѣли подъ черными бровями, подбородокъ загибался вверхъ, и верхняя губа какимъ-то крѣпкимъ клювомъ смыкала тонкую и змѣящуюся нижнюю.

Въ рукѣ онъ держалъ бокалъ съ игристымъ виномъ.

— Только радостью, которую пробудило въ насъ возвращеніе Рибоньера, объясняется, что мы въ эти мрачные дни общаго унынія и злостраданія отечества пропѣли шутивый гимнъ прежнихъ, мальчишескихъ нашихъ попоекъ! Не для того мы теперь здѣсь собираемся. Мы знаемъ долгъ, который лежитъ на всѣхъ патріотахъ. Сыны отечества, оно ожидаетъ вашего содѣйствія! Оно томится во мракѣ, въ неволѣ, въ узахъ звѣрообразнаго самовластия и ждетъ сіяющаго дня освобожденія!

— Освобожденіе! Освобожденіе!—закричали всѣ, наполняя бокалы игристымъ виномъ и высоко поднимая ихъ.

— Выпьемъ за освобожденіе!—крикнулъ блѣдный офицеръ, осушилъ бокаль до дна и швырнувъ, его объ полъ, разбилъ вдребезги.

— Такъ да сокрушится самовластіе и гордый идолъ, снаружи позлащенный, внутри полный безумія и мерзости, на выяхъ чело-вѣческихъ взгромоздившійся, да падеть и распадется и не возстанетъ никогда!

— Да сокрушится самовластіе! Освобожденіе! Освобожденіе!—закричали всѣ, осушая и разбивая бокалы.

— Что же ты не наполнилъ своего, не всталъ и не пилъ!—шепнулъ Нефедьевъ съ недоумѣніемъ и даже опасливымъ страхомъ Сашѣ Рибопьеру.—Всѣ пили, а ты—нѣтъ. Это для всѣхъ замѣтно будетъ, и ты у товарищей на дурномъ счету окажешься.

Рибопьеръ не отвѣчалъ и отвернулся нахмурившись.

Вдругъ сидѣвшій по сосѣдству низенькій офицеръ, съ неприятнымъ, прыщавымъ лицомъ и косыми глазами, наполнивъ бокаль виномъ, протянулъ его Рибопьеру.

— Если вы не хотите пить за освобожденіе вашего отечества, — сказалъ онъ нагло—то не хотите ли выпить за освобожденіе прекрасной Селаниры отъ объятій ласкающей ее Химеры!

Саша задрожалъ и воззрися на дерзкаго.

— Что такое? О какой Селанирѣ вы говорите? Что вамъ о ней извѣстно?—спросилъ онъ.

— Селанира—героиня романа, который прочитали всѣ любители изящнаго,—нагло улыбаясь, отвѣчалъ офицеръ.

— Значить, вы предлагаете мнѣ почему-то пить за созданіе воображенія? спросилъ Саша.

— *Nihil est in intellectu, quod non est in sensu*, — отвѣчалъ офицеръ.

— Но что говорите вы о Химерѣ?

— Химера! Это, говорятъ, польскій князь, который ласкаетъ Селаниру!

— Государь мой, что значить ваше нелѣпое предложеніе пить за героев романа?

— Что же въ этомъ обиднаго для васъ, графчикъ, если любовь Селаниры и Химеры—мечта авторскаго воображенія?

— Вы забываетесь! — поднимаясь, блѣдный крикнулъ Рибопьеръ.—Вы, государь мой, наглець!

— А вы—предатель, если не хотѣли пить за освобожденіе отечества!

— Вы—подлецъ! Я васъ вызываю,—проскрежеталъ Саша въ неистовомъ гнѣвѣ.

— Мои секунданты будутъ у васъ завтра утромъ, графчикъ!

— Что такое? Вызовъ?—послышались голоса.

— Рибопьеръ вызвалъ кого-то...—Его оскорбилъ фонъ-Фогель!— Въ чемъ дѣло?—Изъ-за какой-то Селаниры? Кто такая Селанира, господа?—И кто—Химера?—Но Рибопьеръ не выпилъ за освобожденіе отечества!—Не можетъ быть! Онъ не способенъ на такую низость!—Я видѣлъ. Онъ сидѣлъ и не пилъ. — Странно! — Вонъ Рибопьеръ уходитъ!—Друзья его остались за столомъ!—Странно!— Кто такая Селанира? Гагарина?—А Химера ужъ не...—Вотъ почему онъ не пилъ за освобожденіе!

— Menage à trois!—Ну, нѣтъ, это даже menage à quatre!—Подойдемте къ фонъ-Фогелю, онъ намъ, быть можетъ, объяснитъ, изъ-за чего дерется!

Но господинъ Фогель ничего не отвѣчалъ на разспросы и тоже всталъ, раскланялся и исчезъ.

LX.

Умиреніе своеправнаго.

Вернувшись домой, Саша не сказалъ ничего родителю о столкновении въ кабачкѣ и предстоящей дуэли. Саввушка, замѣтивъ возбужденное состояніе своего молодого барина, даже постарался незамѣтно и безшумно проводить его на покой. Саввушка ждалъ его возвращенія въ прихожей и самъ отворялъ. Впрочемъ, предположивъ, что Саша непременно будетъ справлять возвращеніе въ отечество, и зная, что за нимъ заѣзжалъ Нефедьевъ, старикъ не беспокоился о сынѣ.

Однако, когда Саша поздно проснулся на другой день утромъ съ тяжелой головой и вспомнилъ все происшедшее съ нимъ, онъ смутился. Что онъ скажетъ отцу? Онъ не зналъ и не рѣшался открыть ему вчерашній подвигъ. Онъ сидѣлъ на кровати, и въ ухахъ его звучали глупѣйшія слова ослинаго гимна:

Прекрасно вся вселенна
Устроена для насъ, —
Съ гренками кружка пѣнна,
Съ похмеля хрѣвъ и квась!

Вошелъ Саввушка и таинственно доложилъ, что къ папенькѣ чуть свѣтъ пріѣзжалъ адъютантъ фонъ-дерь-Палена и о чемъ-то долго бесѣдовалъ.

Едва Саша одѣлся, явились секунданты господина Фогеля для предварительныхъ переговоровъ. Саша написалъ записки къ своимъ пріятелиамъ, прося содѣйствія. Было рѣшено, что секунданты обѣихъ сторонъ съѣдутся сегодня вечеромъ для обсужденія всего казуса и условій поединка.

Они уѣхали. Саша прохаживался по комнатѣ своей на антре-соляхъ, не рѣшаясь спуститься внизъ къ родителямъ. Вдругъ

самъ старикъ Рибопьеръ вошелъ къ нему. Онъ былъ въ парикѣ и кафтанѣ и имѣлъ суровую и торжественную внѣшность.

Сынъ хотѣлъ поцѣловать руку родителя, но тотъ не далъ и отстранилъ его.

— Окончательно убѣждаюсь, — сказалъ онъ строго: — что пребываніе въ Вѣнѣ на пользу тебѣ не послужило. Какъ! Прямо изъ дворца, только что осчастливленный аудіенціей княгини въ присутствіи его величества, ты изволишь отправиться въ харчевню и тамъ, въ компаніи распутниковъ, пьянствуешь, пьешь здоровье Гагариной, начинаешь изъ-за нея ссору и вызываешь на поединокъ. Все это уже дошло до свѣдѣнія государя. Онъ повелѣтъ мнѣ соизволилъ, пока не разсмотрѣлъ обстоятельно твое дѣло, подвергнуть тебя домашнему аресту на хлѣбѣ и водѣ, что я и не премину исполнить въ точности. Государь особенно недоволенъ тѣмъ, что въ пьяную ссору впутано имя княгини Гагариной и ты затѣялъ выступить какимъ-то ея паладиномъ. И надо признать, глупѣе ничего выдумать ты не можешь!

— Батюшка, княгиня Гагарина тутъ ни при чемъ, — сказалъ пораженный Саша. — Ея имени даже и не было произнесено. Я дерусь совѣмъ не за нее, а за даму, скрытую подъ вымышленнымъ наименованіемъ героини изъ романа.

— Ты драться не будешь. Твой противникъ уже на гауптвахтѣ. А тебя я сейчасъ запру на ключъ. Сиди, читай молитвенникъ. Я самъ тебѣ буду носить хлѣбъ и воду. Ты меня осрамилъ. И какъ еще повернется дѣло, неизвѣстно. Сиди.

Старый Рибопьеръ повернулся и вышелъ изъ комнаты, которую и замкнулъ за собою на ключъ.

Внѣ себя отъ изумленія, Саша даже не могъ унывать. Все это приключеніе было такъ дико, такъ нелѣпо, что онъ раза два ущипнулъ себя, дабы убѣдиться, что не спитъ.

Онъ просидѣлъ весь день, и отецъ въ самомъ дѣлѣ принесъ ему кружку воды и большой ломоть хлѣба, посыпанный крупной солью, при чемъ на его мольбу простить доставленное имъ безпокойство ничего не отвѣчалъ.

Впрочемъ, Саша проголодался и съ великимъ удовольствіемъ скушалъ весь ломоть, запивая водою. Но тутъ раздался стукъ въ форточку. Оказалось, что Саввушка умудрился спустить въ кулькѣ на веревочкѣ разныхъ съѣдобностей изъ слухового окна. Саша легко досталъ кулекъ и великолѣпно полакомился.

Молитвенника онъ читать и не думалъ, а принялся на старой своей флейтѣ свистать подъ сурдину.

Время шло. Наконецъ сильно смерклося. Вдругъ послышались шаги по лѣстницѣ. Замокъ щелкнулъ. Вошелъ отецъ, а за нимъ адъютантъ Палена. За ними изъ двери выглядывало отчаянное лицо Саввушки.

— По высочайшему повелѣнію я васъ арестую, — сказалъ адъютантъ. — Отдайте вашу шпагу.

Саша повиновался.

— Извольте слѣдовать за мною, — сказалъ адъютантъ и вышелъ.

Тогда старый Рибопьеръ задержалъ сына и, обнявъ его, прошепталъ на ухо:

— Ни о чемъ не безпокойся и нисколько не страшись. Въ крѣпости ты будешь въ большей безопасности, нежели на свободѣ. Храни тебя Минерва!

Онъ нѣжно поцѣловалъ сына и подтолкнулъ къ выходу.

На лѣстницѣ кинулся къ Сашѣ, всхлипывая и цѣлуя ему руки, вѣрный Саввушка.

Внизу, въ передней, стояло нѣсколько солдатъ.

Матери и сестеръ Саша и не видалъ. Онъ сѣлъ въ карету съ адъютантомъ и они помчались къ дому военного губернатора.

Адъютантъ всю дорогу разспрашивалъ его о Вѣнѣ и самъ общилъ множество анекдотовъ изъ петербургской жизни.

Палена они ждали около часа въ проходной комнатѣ, черезъ которую изъ разныхъ дверей проводили къ нему и дамъ, и мужчинъ изъ всѣхъ слоевъ общества. По тяжкимъ вздохамъ, убитому виду, слезамъ всѣхъ этихъ добровольныхъ и недобровольныхъ посѣтителей видно было, что все то жертвы «деспотическаго вихря», свирѣпствовавшаго въ сѣверной столицѣ.

Наконецъ дошла очередь и до Саши.

Паленъ сидѣлъ въ совершенно пустой, украшенной только портретомъ государя, комнатѣ, въ креслѣ, возлѣ круглаго столика съ неизмѣннымъ графиномъ.

— А, юноша, — сказалъ онъ, посмѣиваясь: — не хотите ли стаканъ лафита?..

Саша молча поклонился, чувствуя, какъ тяжкая злоба мутить его разумъ при сознаніи, что онъ въ рукахъ этого огромнаго, лобастаго, зловѣщаго орангутанга въ ботфортахъ. Саша стиснулъ зубы и рѣшился молчать, что бы ни говорилъ его мучитель.

— Ну, что жъ, юноша, придется васъ отправить на казенную квартиру, — продолжалъ Паленъ. — Такова воля государя императора. А воля монаршая священна. Не унывайте, юноша. Можетъ быть, это спасло васъ отъ шальной пули или удара сталью не въ безопасное мѣсто. Я знаю, что противникъ вашъ отличный дуэлянтъ. Онъ изъ гейдельбергскихъ студентовъ, а тамъ не столько пишутъ на бумагѣ перомъ, сколько на человѣчьихъ лицахъ шпагой. Видите, что быть благотворителемъ небезопасно. Я васъ предупреждалъ. Впрочемъ, опять говорю вамъ, не унывайте. Къ тому же сегодня пришлось вамъ, а завтра, быть можетъ, и до меня очередь дойдетъ. Я всѣмъ это говорю. Видѣли, сколько народа

ко мнѣ валить? Того высылаютъ, а у него дѣла не окончены. Просить отсрочки. Разориться долженъ иначе. Или, положимъ, больны жена, дѣти, мать, отецъ. И мало ли еще что! Невозможно, немислимо. Воля монаршая священна и должна быть приводима въ дѣйствіе безъ промедленія по точной силѣ приказа. Ступайте же, милый юноша, въ крѣпость! Я приказалъ подыскать вамъ удобную, по возможности сухую келью. Обѣдъ вамъ будетъ доставляться самый изысканный. Книги — какія пожелаете. Даже я сейчасъ распорядился, чтобы арестовали и велѣдъ за вами отправили вашего лакея Саввушку. Продувной малый. Онъ будетъ вамъ прислуживать въ крѣпости. Государь приказалъ не слишкомъ сурово васъ держать, а отечески, отечески! Э, въ крѣпости вы будете въ большей безопасности, нежели на свободѣ. Теперь же наступаетъ темное, зимнее время. Въ вашемъ возрастѣ къ тому же полезно этакъ побыть наединѣ съ собою, познать самого себя, поразмыслить, сосредоточиться. Посидите до весны. Когда же пройдутъ иды марта, благорастворенный Фавоній растопитъ лдяныя оковы, земля станетъ пробуждаться для новой жизни, и наступятъ свѣтлые дни весенняго освобожденія всей природы, тогда и вы, я увѣряю въ этомъ, покинете свою тихую келью¹⁾.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, вмѣстѣ со многими другими узниками, былъ выпущенъ изъ Петропавловской крѣпости въ первые же дни по воцареніи Александра Перваго. Выходя изъ камеры, графъ мѣломъ написалъ на дверяхъ ея: «Свободенъ отъ поста», — такъ онъ вѣровалъ въ силу либеральныхъ намѣреній юнаго императора. Предсказаніе графа не оправдалось. Петропавловская крѣпость не свободна отъ «постоя» даже и до сего дня.

Прим. автора.

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XI.

ВОЛИТИКА, вездѣ и во всемъ политика. Даже въ такомъ повидимому, всенаучномъ и безпартійномъ учрежденіи, какъ академія наукъ, соблюдается политика. Не знаю, по какому поводу, за какія заслуги императорская академія наукъ избрала въ свои почетные члены папу Льва XIII. Возможно и даже вѣроятно, что это сдѣлано изъ высшихъ политическихъ соображеній, коихъ намъ, простымъ смертнымъ, знать не дано. Публичное провозглашеніе такихъ почетныхъ избраній приурочивается обыкновенно къ торжественному годовому собранію, бывающему всегда 29 декабря въ большой конференцъ-залѣ, украшенной бюстомъ Петра I и портретами императоровъ. Зала эта обыкновенно цѣлый годъ пустуетъ за исключеніемъ тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда въ ней открываются художественныя выставки. Зимой она за ненадобностью и ради экономіи не отапливается и въ ней держится полярный холодъ. Когда же подходит 29 декабря, то ее нагрѣваютъ и нагрѣваніе начинаютъ довольно любопытно за полторы недѣли. Сразу вывести ее изъ полярнаго климата нельзя: можетъ пострадать зданіе. Поэтому отопленіе ведутъ такъ, что за полторы недѣли нагрѣваютъ ее каждый день на одинъ градусъ, начиная съ нуля. Ко дню торжественнаго засѣданія въ ней бываетъ сносно, но все же случается иногда поеживаться во фракѣ. Фракъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СІХ. стр. 71.

же въ этотъ день обязательнъ, потому что вся публика сплошь состоитъ изъ высокопоставленныхъ особъ, приѣзжающихъ въ полной парадной формѣ. Особы эти получаютъ именныя приглашенія отъ академіи. Приглашается и высшее духовенство. Благодаря избранію Льва XIII въ почетные члены, на этотъ разъ были приглашены академіей и два высшихъ представителя римско-католической церкви, проживающіе въ Петербургѣ. Они должны были собственными ушами услышать провозглашеніе имени его святѣйшества и описать ему объ этомъ въ Римъ. Приглашены были также и російскіе іерархи, въ томъ числѣ митрополитъ Іоанникій. Казалось бы, вѣжливость соблюдена и все обстоитъ благополучно. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Передъ началомъ торжественнаго собранія экзекуторъ академіи былъ очень озабоченъ вопросомъ, куда посадить представителей католическаго духовенства съ такимъ расчетомъ, чтобы и честь была имъ оказана, и чтобы они не встрѣтились съ Іоанникіемъ.

— Вамъ-то не все ли равно?—спросилъ я.

— Митрополитъ можетъ обидѣться. У нихъ своя политика,— отвѣтилъ озабоченно экзекуторъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ посадилъ католиковъ во второмъ ряду справа, а митрополиту Іоанникію предоставилъ мѣсто въ первомъ ряду слѣва. Католики въ своихъ цвѣтныхъ мантияхъ и шапочкахъ, напоминающихъ середину между ермолкою и скуфьею, держали себя скромно и старались не обращать на себя вниманія, но большинство присутствующихъ съ нетерпѣніемъ ожидало конца засѣданія, чтобы посмотреть, раскланяются ли между собою представители восточной и западной церкви. Отъ Іоанникія отвѣта на поклонъ не ждали заранее. Такъ оно и вышло. Какъ только закрылось засѣданіе, католики быстро, робко и точно конфузясь поднялись съ своихъ мѣстъ и торопливо пробрались къ выходу. Іоанникій же выждалъ ихъ ухода и затѣмъ уже прошелъ величественно и строго. Политическая душа почтеннаго экзекутора успокоилась...

ХII.

По Петербургу разнеслось грустное извѣстіе—умеръ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ). Проводить его до могилы и написать о томъ, что происходило на похоронахъ, редакція поручила мнѣ, но сдѣлалъ это гораздо талантливѣе, нежели сдѣлалъ бы я, Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ (Леонтьевъ), напечатавшій статью: «Миръ праху». Описаніе его правдиво. Утверждаю это, какъ очевидецъ, но поправку въ его описаніе внести необходимо. Дѣло въ томъ, что онъ черезчуръ снисходительно отнесся къ надгробной рѣчи, произнесенной надъ открытой могилой Щедрина. Иванъ Леонтьевичъ, повидимому, плохо запомнилъ, или, можетъ

быть, изъ присущей ему деликатности смягчилъ эту рѣчь. Но она, по ярой храбрости произнесшаго ее оратора, заслуживаетъ того, чтобы ее не только запомнить, но даже и записать. Произнесъ ее господинъ въ малороссійской рубахѣ, нѣкто Петръ П—новъ—личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Это—человѣкъ мягущійся, всюду слонявшійся, всѣмъ недовольный, все порицающій, но глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ изображаетъ собою сосудъ, вмѣщающій высокія идеи, а потому и имѣющій неотъемлемое право примазать свою невѣдомую личность къ похоронамъ знаменитаго человѣка: знайте и нашихъ! Пробовалъ онъ и учиться, и пѣть, и въ народъ ходить, и даже былъ вольнымъ слушателемъ технологическаго института, но вездѣ и всюду дѣлалъ дѣло только на половину, ничего не заканчивалъ, вездѣ оказывался не у мѣста и изъ всѣхъ перипетій вынесъ на своихъ плечахъ одну только малороссійскую рубаху. Таковъ ужъ, видно, жребій!.. Пока шествовала къ могилѣ траурная процессія, онъ у кладбища, въ одной изъ лавочекъ, торгующихъ вѣнками, купилъ деревянный, аляповатый крестъ съ цвѣтами изъ папиросной бумаги, подошелъ съ нимъ къ краю могилы Салтыкова, выдвинулъ крестъ передъ собою, какъ священникъ, и разрѣшился слѣдующей рѣчью:

«Передъ свѣжей, зіяющей могилой нѣтъ мѣста краснорѣчію и рѣчамъ. Я буду кротокъ: могила говоритъ сама за себя. Мы опускаемъ въ нее дѣятеля, и поэта, и сатирика, вѣрившаго въ народъ и умершаго за народъ. Мы погребаемъ писателя, который, если бы теперь и всталъ изъ гроба, то всталъ бы только для того, чтобы сказать намъ всѣмъ, что мы не имѣемъ права жить. Аминь».

Вдова Салтыкова—мнѣ пришлось стоять около нея—не выдержала и, несмотря на душившія ее слезы, тихо сказала сыну-гимназисту:

— Это что еще за олухъ?

Сынъ тоже рыдалъ и рыдалъ неутѣшно. Онъ во все время погребенія цѣловалъ у матери руки и сквозь рыданія старался утѣшать ее. Когда рѣчи замолкли, могилу грубо и прозаически засыпали землей. На свѣжій холмъ были положены вѣнки. Публика идолопоклоннически набросилась на нихъ и стала разрывать на части, чтобы унести на память о почившемъ сатирикѣ хоть листокъ или лепестокъ. Сынъ посмотрѣлъ на эту картину хищничества грустными глазами и сказалъ:

— Пойдемте, мама. Здѣсь намъ больше дѣлать нечего...

Возвращаясь съ кладбища домой на конкѣ, я почему-то вспомнилъ фразу изъ сочиненій Щедрина: «Жилъ-жилъ старичина, да и умеръ»... Мнѣ кажется, что фраза эта могла бы служить самымъ лучшимъ образцомъ надгробныхъ рѣчей. Даже выдающимся ораторамъ иногда не слѣдовало бы переступать ея предѣловъ...

XIII.

Какіе мы въ душѣ глубокіе и несправимые чиновники, привыкшіе все и вся облекать въ канцелярскую форму, съ «симми» и «онными!» Александровскій кадетскій корпусъ праздновалъ свой двадцатипятилѣтній юбилей. Одинъ изъ газетныхъ сотрудниковъ, нѣкто Лурье, за день до юбилея побывалъ въ канцеляріи корпуса, чтобы заблаговременно запастись матеріаломъ для изложенія историческаго очерка въ газетахъ. Матеріалы ему дали въ видѣ корректурнаго оттиска, но это ему обошлось не дешево. Секретарь канцеляріи бѣгалъ къ директору корпуса за разрѣшеніемъ дать этотъ матеріалъ, затѣмъ произвелъ злополучному Лурье цѣлый инквизиторскій допросъ, выдалъ оттискъ только подъ расписку и при этомъ отобралъ подписку въ томъ, что оттискъ будетъ возвращенъ. Рассказывалъ мнѣ объ этихъ мытарствахъ самъ Лурье. Я сначала не повѣрилъ было ему и подумалъ, что человекъ привираетъ ради краснаго словца. Не можетъ же быть, чтобы такую простую просьбу облекли въ такую каторжно-канцелярскую форму! Но потомъ мнѣ пришлось допустить, что подобное событіе весьма возможно. Дѣло въ томъ, что наша редакція получила написанное на Ремингтонѣ приглашеніе прислать на юбилей своего сотрудника. Обычный и принятый повсюду типъ приглашеній на торжества таковъ: «Такое-то учрежденіе или общество, свидѣтельствуя вамъ, милостивый государь, свое почтеніе, покорнѣйше проситъ почтить своимъ присутствіемъ такое-то торжество». Коротко и ясно. Иногда прибавляется: «Военныхъ просятъ быть въ мундирахъ, а статскихъ во фракахъ». Или же еще проще: «форма одежды парадная». Такихъ приглашеній у меня уже накопилось около сотни и всѣ они—на одинъ ладъ. Начальство же корпуса прислало въ нашу редакцію слѣдующій перлъ:

«Министерство военное. Александровскій кадетскій корпусъ. Число и годъ. № 0000. Въ С.-Петербургѣ. Канцелярія. Въ редакцію газеты (такой-то)».

«По порученію директора корпуса, канцелярія онаго проситъ редакцію газеты (имярекъ), если она найдетъ это для себя возможнымъ, прислать на имѣющее быть въ корпусѣ такого-то числа по случаю 25-лѣтняго юбилея со дня его основанія торжество своего корреспондента, такъ какъ препятствій къ присутствію корреспондентовъ на торжествѣ со стороны заведенія не будетъ встрѣчено. Секретарь корпуса надворный совѣтникъ. (Подпись)».

Сколько, подумаешь, труда и мозга потрачено для того, чтобы «сочинить» многословную «исходящую» и занумерованную приглашительную бумагу «съ препятствіями». Разъ «заведеніе» приглашаетъ корреспондента, значитъ входъ открытъ, препятствій не полагается, стало быть, и расписывать о нихъ нечего. Честъ быть

«присланнымъ» на торжество выпала на мою долю. Но торжество вышло обычное, казенное и закончилось праздничнымъ обѣдомъ для кадетъ. Въ газетахъ оно описано подробно.

XIV.

То, что я пережилъ сегодня, кажется, долго не изгладится изъ моей памяти. На Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Невскаго стояло круглое большое кирпичное зданіе панорамы съ стеклянною крышею на желѣзныхъ стропилахъ. Зданіе это отслужило свой короткій вѣкъ и было продано на сломъ. При разборкѣ его крыша рухнула и убила нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Происшествіе это надѣлало много шума, и о немъ заговорили и газеты, и общество, а на мѣсто происшествія полетѣли судебныя власти. Общественное мнѣніе ругнуло архитектора-строителя и подрядчиковъ. Убитыхъ рабочихъ убрали и свезли въ покойницкія для обычнаго судебно-медицинскаго вскрытія, а на мѣсто несчастія стала толпами стекаться праздная публика, но уже ничего она тамъ не находила, кромѣ двухъ-трехъ желѣзныхъ стропиль и груды кирпичей.

Объ этомъ несчастіи прочиталъ въ газетахъ за утреннимъ чаемъ и никакъ не подозрѣвалъ, что въ этомъ печальномъ событіи придется играть нѣкоторую роль и быть свидѣтелемъ глубокаго трагизма и мнѣ.

Часовъ около двѣнадцати дня, или немножко попозже, сидѣлъ я въ редакціи и прочитывалъ послѣднія иностранныя газеты, которыя редакціями получаютъ безъ цензурной «икры». Подходить ко мнѣ лакей и говоритъ, что звонятъ въ телефонъ и просятъ кого-либо изъ сотрудниковъ. Я подошелъ къ аппарату и слышу незнакомый голосъ:

— Пришлите опытнаго репортера на Фонтанку, въ домъ № 00.

— Зачѣмъ? Кто говоритъ?

— Нужно. Насчетъ панорамы, на которой людей убило. Нуженъ репортеръ опытный...

— А вы кто?

— Послѣ узнаете... А впрочемъ, скажу и теперь. Я подрядчикъ. Я разбираю эту самую крышу и это моихъ людей убило...

— Такъ что же вамъ собственно угодно?

— Въ газетахъ написана неправда, а я хочу, чтобы правду.

Пришлите опытнаго...

— Хорошо. Я сейчасъ къ вамъ приѣду. Повторите адресъ.

— А вы кто?

— Репортеръ.

— Опытный?

— Опытный.

— Тогда прїѣзжайте. А ежели неопытный, то не надо: я въ другую газету позвоню...

Послѣдовалъ отбой, а затѣмъ новый сильный звонокъ.

— Что еще?—спросилъ я.

— Вы не сумнѣвайтесь. Я вамъ за ваши труды заплачу.

— Платить мнѣ не нужно. Мнѣ заплатитъ редакція.

— Ну, все равно. Какъ хотите. Я заплачу, чтобы въ газетѣ напечатали. Если вамъ брать не велятъ, такъ я самой газетѣ заплачу, чтобы напечатали. Такъ прїѣдете?

— Если будете говорить о платѣ, то не поѣду.

— Ну, все равно, дома у меня сторгуемся... Только чтобы опытный...

Трясаясь на извозчикѣ по набережной Фонтанки, я раздумывалъ надъ необычайнымъ приглашеніемъ. Несчастіе уже было описано въ газетахъ; стало быть, репортеры дѣло свое уже сдѣлали. Странно то, что приглашаетъ репортера самъ подрядчикъ, судя по всему, человѣкъ простой и не особенный поклонникъ гласности. И для чего собственно понадобился ему именно репортеръ и при томъ такой, которому можно заплатить? Я знаю, что репортеры мелкой прессы иногда берутъ; но въ такомъ случаѣ ему и слѣдовало бы обратиться именно туда, а не въ нашу редакцію, которая сама очень щедро платитъ за все... Не понадобилось ли подрядчику обѣлить себя и доказать свою невинность путемъ печати? Можетъ быть, онъ во всемъ этомъ несчастномъ происшествіи и въ этихъ смертяхъ рабочихъ дѣйствительно не виноватъ нисколько, а между прочимъ общественное мнѣніе, привыкшее обвинять въ такихъ случаяхъ архитекторовъ, инженеровъ и подрядчиковъ, сваливаетъ всю вину именно на него — и ему тяжело? Что онъ хочетъ заплатить репортеру и даже газетѣ — меня нисколько не удивляетъ: онъ — человѣкъ коммерческій и мѣряетъ деньгами все. Кромѣ того, я уже привыкъ къ тому, что къ намъ въ редакцію нерѣдко являются авторы статей и въ особенности стихотвореній и предлагаютъ газетѣ плату за то только, чтобы увидѣть себя въ печати.

Добрую половину набережной Фонтанки мы уже проѣхали. Все чаще и чаще стали попадаться дома небольшіе и непохожіе на дворцы центральной части города. Я рисовалъ себѣ подрядчика человѣкомъ бородатымъ, толстымъ, въ картузѣ и въ сапогахъ бутылками и непременно съ золотой, тяжелой цѣпью поперекъ объемистаго брюха. Еще не видя его, я уже представлялъ себѣ его не иначе, какъ несимпатичнымъ кулакомъ. Но я ошибся. Подѣхали мы съ извозчикомъ къ небольшому домику довольно грязной внѣшности и съ порядочно грязнымъ дворомъ. Искать квартиру, указанную по телефону, пришлось довольно долго въ какихъ-то закоулкахъ съ темными, грязными и скользкими отъ

пролитыхъ помоевъ лѣстницами. Самая квартира, въ которую я вошелъ, поразила меня своею бѣдностью, ситцевыми занавѣсками и грязью. На полу стояло корыто, и въ немъ спалъ завернутый въ засаленное одѣяло изъ ситцевыхъ кусочковъ ребенокъ. Около него копошилась простая грязная баба съ другимъ ребенкомъ на рукахъ. Комнаты были маленькія и пропитанныя какимъ-то непріятнымъ запахомъ.

Встрѣтилъ меня небольшой и тщедушный, средняго рода человѣчекъ съ заплаканными глазами. Похожъ онъ былъ на рабочаго. Волосы и борода были всклокочены, и весь онъ и лицомъ, и походкой производилъ впечатлѣніе человѣка испуганнаго и растерявшагося.

— Вы звонили по телефону и просили пріѣхать... — началъ было я.

— Вы, стало быть, репортеръ? Очень пріятно. Пожалуйста сюда, а то здѣсь грязно.

Онъ провелъ меня въ слѣдующую, тоже маленькую комнату, но немного почище первой и съ круглымъ столомъ, покрытымъ запятнанной скатертью.

— Садитесь пожалуйста.

— Въ чемъ дѣло?

— Слыхали, какое несчастье случилось? Знаете?

— Знаю.

— Вотъ то-то и оно! Горе-то, горе какое... И не думалъ, и не гадалъ... А скажите пожалуйста за что? Чѣмъ я передъ Господомъ Богомъ согрѣшилъ? Жилъ я, можно сказать, тихо, никого не обижалъ...

— На что собственно я вамъ понадобился?—перебилъ я.

— Насчетъ газетъ понадобились. Въ газетахъ написано неправильно и выходить, будто я виноватъ во всемъ, а я—ни Боже мой. Я во всю свою жизнь, можно сказать, мухи не обидѣлъ. Вся сила въ томъ, что панорама построена нахально... Она не такъ построена, какъ надо...

— По строительной части я ничего не понимаю,—снова перебилъ я.—Говорите прямо, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ...

— Чѣмъ полезенъ? А вотъ чѣмъ. Скажите пожалуйста, чѣмъ я-то виноватъ въ этой исторіи? Сколько народу безвиннаго перебито! Страшно даже подумать... А все—будто бы я...

Подрядчикъ замигалъ учащенно глазами, закрылъ лицо обѣими руками и заплакалъ, встряхивая плечами. Слезы его показались мнѣ искренними и мнѣ стало жаль его. Вытеревъ лицо ладонью и выморкавшись на полъ, онъ продолжалъ:

— Вы послушайте, какъ я вамъ расскажу, и такъ и напечатайте въ газетѣ. Тогда будетъ правда настоящая. А то, что написано,—это неправильно, и страдаю я напрасно... Можно сказать,

всю свою жизнь ничего въ ротъ не бралъ, а теперь съ горя выпилъ... Понимаете вы это?

Тутъ только я замѣтилъ, что онъ слегка на взводѣ, и тотчасъ же слезы его показались мнѣ не нормальными, а вызванными и потрясеніемъ и алкоголемъ—и мнѣ стало жаль его еще болѣе.

— Вотъ поглядите, я сейчасъ вамъ нарисую,—продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана засаленную записную книжку и огрызокъ карандаша.—Тамъ, на крышѣ, въ панорамѣ этой, желѣзныя стропила положены не какъ слѣдуетъ, а черезъ одну... Оттого онѣ и провалились. Поняли?

— Нѣтъ, не понялъ...

— Ну, погодите, я вамъ лучше нарисую.

Густо послунивъ карандашъ, онъ снова началъ чертить какіе-то іероглифы.

— Это вотъ посрединѣ—кругъ и отъ него во всѣ стороны идутъ желѣзныя стропила... Понимаете теперь? Только идутъ они не рядомъ, не одно за другимъ, а черезъ одно... Построено совершенно нахально. Какъ только рабочіе сняли одну балку, такъ прочія полетѣли внизъ... Теперь поняли?

— Къ сожалѣнію, и теперь плохо понимаю...

— Ахъ, ты Господи, незадача какая! Вѣдь говорилъ я, чтобы прислали репортера опытнаго! Ну, какъ я вамъ въ голову втолкую?

— Я васъ предупредилъ, что я въ строительномъ дѣлѣ ничего не понимаю,—обидѣлся я.—Поэтому самое лучшее—распрощаться съ вами и уѣхать. Если все дѣло—въ балкахъ и въ стропилахъ, то вы обратитесь къ инженеру или къ архитектору. Пусть онъ вамъ напишетъ то, что нужно, а вы пришлите или принесите въ редакцію. Если это будетъ статья дѣльная и если вы дѣйствительно неповинны въ несчастномъ случаѣ, то мы напечатаетъ. А теперь—будьте здоровы.

Подрядчикъ вскочилъ съ мѣста, испуганно замигалъ глазами и почти вскрикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, стойте... Куда же вы?.. Человѣкъ, можно сказать, погибаетъ и тонетъ, а вы отъ помощи отказываетесь... На васъ вся надежда... Это даже передъ Богомъ грѣшно... Пожалѣйте...

— Я вамъ вполне сочувствую и мнѣ жаль васъ. Но что же дѣлать, если мы другъ друга не понимаемъ?! Вѣдь съ такими чертежами и съ балками черезъ одну мы съ вами ни до чего не договоримся...

— Эхъ,—махнулъ онъ горестно рукою,—все это оттого, что я, грѣшнымъ дѣломъ, съ горя выпивши и языкъ не то говоритъ, что голова хочетъ... Будь я въ себѣ и при своемъ разумѣ, я сразу выложилъ бы передъ вами все, какъ на ладони... Вотъ что,

господинъ хорошій, не бросайте меня въ моемъ горѣ, поѣдьте вмѣстѣ со мною въ панораму. Вы тамъ посмотрите—и все сразу сами поймете... Отъ этого, можно сказать, вся моя жизнь зависить... Можетъ, когда вы правду истинную напишете, меня полегче судить будутъ... Будьте благодѣтелемъ, поѣдьте... Вѣкъ свой буду за васъ Бога молить.

— Поѣдте,—согласился я.—Только скорѣе. Время дорого.

— Сейчасъ, сію минуту. Только пальто и картузь надѣну.

Подрядчикъ завертѣлся и безтолково засуетился по комнатѣ.

Въ это время вошелъ рабочій—тоже съ вкклокоченной головой и растеряннымъ взглядомъ.

— Это ты?—обратился къ нему подрядчикъ.

— Я... Тамъ анатомить кончили... Говорятъ, что теперь можно и панафиду...

— Панафиду?.. Да, да, панафиду... Ты ужъ похлопочи тамъ насчетъ панафиды безъ меня... Чтобы и свѣчи, и ладанъ, и все по православному. Я на панафиду не попаду—съ господиномъ на стройку ѣду... Пожалуйста постарайся... Надо, чтобы въ газетахъ пронечтали истинно, какъ оно было... Ты тамъ скажи, что хоронить буду я, за свои деньги... Не моя вина, самъ знаешь, а погребеніе пуцай будетъ мое... По-христіански, по-Божьему... Такъ тамъ и объясни...

— Да кому объяснять-то?—замялся рабочій.

— Все равно кому... Главное, чтобы знали, что похороны—мои, отъ меня...

— Некому объяснять... Деньжатъ надо бы...

— Денегъ? Много? Ну, вотъ тебѣ три рубля... Будетъ? Хватитъ?

— Маловато будто бы... Какъ-нибудь обойдемся... Не во время ты загулялъ...

— Загулялъ? Стрясись надъ тобою горе такое, ты развѣ не выпилъ бы?... Я вѣдь не отъ баловства, а отъ горя... Самъ видишь...

— Оно, положимъ,—согласился рабочій.

— Такъ похлопочи насчетъ панафиды... Ладонь... Чтобы свѣчи... Пойдемте, господинъ хорошій. Смотри же, чтобы все было какъ слѣдуетъ...

— Ладно. Съ горя-то по дорогѣ въ трактиры не заѣзжай: послѣднюю голову потеряешь и господина даромъ замучаешь...

— Ни Боже мой!.. Какіе тутъ трактиры... Я не одинъ, а съ ними... Такъ похлопочи насчетъ панафиды...

Послѣ этого разговора между хозяиномъ и рабочимъ предстоящая перспектива улыбалась мнѣ мало. Я понялъ, что и подрядчикъ, и рабочій были страшно потрясены неожиданными смертями ближнихъ, что положеніе ихъ полно трагизма и что подряд-

L. Pauc

ГРАФЪ ЛЮДОВИКЪ ПАЦЪ.

чикъ, какъ человѣкъ слабый характеромъ, сейчасъ же прибѣгъ къ алкоголю. Теперь онъ былъ, если не пьянъ, то полупьянъ, но, можетъ быть, по дорогѣ на мѣсто происшествія очухается, и я дѣйствительно могу оказаться ему хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ. Но если онъ, какъ опасался рабочій, будетъ заѣзжать въ трактиры, то мнѣ придется съ нимъ разстаться, не сдѣлавъ ничего.

Выйдя на улицу, подрядчикъ нанялъ извозчика на панораму, и мы поѣхали. Усаживаясь рядомъ со мною, онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Вотъ сейчасъ сами увидите—и все поймете...

Два трактира мы миновали благополучно, но противъ третьяго подрядчикъ приказалъ извозчику остановиться.

— Я здѣсь слѣзу на минуточку, а вы будьте милостивы, подождите. Я въ одинъ моментъ... Можетъ быть, и вы рюмочку коньячку выпьете? У меня сердце горитъ... Какъ вспомню, что ихъ анатомили и внутренности наружу выворачивали, такъ у меня сердце и перевернется.

Я началъ было протестовать, но онъ скрылся въ дверяхъ заведенія. Я не зналъ что мнѣ дѣлать: оставаться на извозчикѣ, или же слѣзть и уйти. Послѣднее показалось мнѣ недобросовѣстнымъ. Къ тому же и желаніе посмотреть картину разрушенія большого зданія было любопытно. Пока я колебался, мой компаньонъ спѣшно выскочилъ изъ трактира и, что-то жуя, проговорилъ:

— Видите, не задержалъ... Теперь легче стало. Пошелъ!..

— Только пожалуйста въ слѣдующіе трактиры не заѣзжайте. Иначе я уйду.

— Ни Боже мой... Будьте спокойны...

Онъ повеселѣлъ, пріободрился и даже сталъ рассказывать, какъ произошло несчастіе, но не проѣхали мы и ста саженей, какъ онъ снова скомандовалъ:

-- Свороти-ка, любезный, въ переулокъ... Тамъ у меня двоюродный братъ живетъ... Надо будетъ ему документы изъ кармана на сохраненіе оставить... Всего одна минуточка...

Двоюродный братъ оказался живущимъ въ трактирѣ. Я началъ протестовать. Подрядчикъ сложилъ руки крестомъ на груди и самымъ убѣдительнымъ образомъ проговорилъ:

— Вы думаете, я пить? Ей же ей нѣтъ. Только документы за буфетъ отдать... Человѣкъ я слабый. Будьте добры и милостивы, зайдѣмъ вмѣстѣ, чтобы вы сами видѣли, что я только бумаги отдамъ... Зайдите для вѣрности... Благодареніе мнѣ окажете... Отдамъ документы—и махнемъ на панораму.

Дѣлать нечего. Пришлось согласиться. Зашли. За буфетомъ дѣйствительно оказался какой-то родственникъ, которому подряд-

чикъ передалъ на сохраненіе свою записную книжку съ торчавшими изъ нея во всѣ стороны разноцвѣтными клочками бумаги.

— Сбереги, Вася, пожалуйста,—попросилъ онъ буфетчика.— Горе-то какое, а? Слышалъ небось? Вотъ съ господиномъ репортеромъ ѣду: въ газетахъ будемъ писать... Дай намъ по этому случаю по рюмочкѣ коньяку, только покрупнѣе... Будьте милостивы, чокнитесь, перепрокиньте...

Отказавшись наотрѣвъ, я сталъ прощаться.

— Куда же вы?—опять испугался подрядчикъ.— А панорама.

— Такъ мы съ вами и до ночи не доѣдемъ. Будьте здоровы.

— Голубчикъ, господинъ хорошій... Вы же хотѣли мнѣ помочь...

Засудятъ вѣдь меня... Помогите...

— И въ самомъ дѣлѣ, сударь,—обратился ко мнѣ буфетчикъ:— помогите ему, если вы можете написать въ газетахъ... Отдѣльный кабинетикъ съ нимъ займите... Человѣкъ—въ напасти и вѣрно съ самаго утра только пилъ, а ничего не ѣлъ... Селяночку подамъ... Рыбка самая свѣжая, малосольная...

— Окажите благодареніе,—взмолился и подрядчикъ.—Вася, дай-ка мнѣ еще...

Я положительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. И жаль мнѣ было бѣднаго загулявшаго подрядчика и страшное зло брало меня на то, что онъ такъ слабъ, и на всю обстановку. А онъ, между тѣмъ, выпивъ налитую рюмку, бодро и радостно заговорилъ:

— Именно, Вася, именно, съ утра маковой росинки не было... Селяночку покислѣе... Поѣмъ, отойду и все имъ какъ слѣдуетъ расскажу, а они напишутъ... Въ кабинетъ мы послѣ, а покажѣсть—къ окошечку за этотъ столикъ сядемъ... Милости просимъ, пожалте, садитесь... Безъ васъ, господинъ хорошій, меня засудятъ и сошлютъ, а я—какъ передъ Богомъ—не виновать... Постройка нахальная... Вася, ты намъ водочки, семушки, грибка, огурчика... Садитесь...

Я все еще колебался и съ жалостью смотрѣлъ на него, но въ то же время серьезно помышлялъ о бѣгствѣ. Грубо оборвать и прямо уйти казалось мнѣ неделикатнымъ: человѣкъ и безъ того убитъ и разстроенъ. Къ тому же онъ рассчитывалъ такъ довѣрчиво на мою помощь. А чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть, правдивымъ освѣщеніемъ факта въ печати я могъ бы оказать ему, темному человѣку, хоть маленькую услугу. Я остановился на мысли оставить ему свой адресъ и посоветовать пріѣхать ко мнѣ на квартиру, когда онъ отрезвится. Но я не успѣлъ привести свои мысли въ исполненіе. Подрядчикъ положилъ на столъ руку, легъ на нее вискомъ и—заснулъ. Я взялся за шанку и направился мимо буфета къ выходу. Буфетчика за стойкой уже не было: онъ ушелъ заказывать селянку. Двое половыхъ смотрѣли на меня равнодушно и устало. На улицѣ извозчикъ, увидѣвъ меня одного, освѣдомился о судьбѣ моего компаньона.

— Онъ заснулъ,—отвѣтилъ я и не безъ грусти направилъ стопы къ дому. Уже была пора обѣдать.

Вотъ онъ типъ настоящаго русскаго, слабаго и робкаго чело-вѣка! Свалилась на голову бѣда, въ которой онъ вовсе не виновать—и онъ, вмѣсто того, чтобы защитить себя, первымъ дѣломъ прибѣгаетъ къ чарѣ зелена вина и этимъ, можетъ быть, губить и себя, и дѣло, и самую защиту, и возможность во время оправдаться. Это ли не трагедія?..

XV.

Беллетристъ Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ умеръ душевно-больнымъ и покончилъ съ собою трагически. За послѣдніе дни его земного бытія потребовался за нимъ такой же тщательный уходъ и бдительный надзоръ, какой сопровождаетъ печальное существованіе сумасшедшихъ. Но дѣло не обошлось безъ грѣха: за нимъ не досмотрѣли. Онъ ухитрился выбѣжать на площадку лѣстницы, перевѣсилъ черезъ перила и бросился головою внизъ. Подняли его уже мертвымъ. Такова повѣсть, облетѣвшая весь Петербургъ въ день его смерти. Отпѣвали его на Волковомъ кладбищѣ и опустили въ могилу на Литераторскихъ мосткахъ. Провожавшихъ было порядочно, и большинство изъ нихъ были поклонники и въ особенности поклонницы покойнаго писателя. Преобладала молодежь. На могилѣ, какъ и подобало, произносились рѣчи. Въ нихъ была искренность, была и дѣланность. Послѣдняя особенно рельефно выступала въ словоизверженіяхъ поэтовъ, изъ числа которыхъ въ этомъ отношеніи отличился поэтъ Минскій (Виленинъ). Я—не юдофобъ, но этому поэту, право, посовѣтоваль бы воздержаться отъ надгробныхъ рѣчей: до того онъ былъ некрасивъ на могилѣ Гаршина, до того онъ чувствовалъ себя актеромъ на театральныхъ подмосткахъ, до того видно было, что онъ произноситъ рѣчь не въ силу потребности души, но для того лишь, чтобы на могилѣ Всеволода Гаршина отрекомендоваться, что онъ есть не кто иной, какъ поэтъ Минскій. Гимназисты и гимназистки, бывшіе на похоронахъ, должны были узрѣть его фигуру съ высоты могильной насыпи, плѣниться его надгробнымъ стихотвореніемъ и узнать, что онъ—есть онъ. Жаль и даже досадно было смотрѣть на него въ это время. Весь онъ былъ дѣланный. Читалъ онъ свои собственные стихи, въ которыхъ онъ, конечно, оплакивалъ Гаршина. Стихи были не очень высокой пробы, но жалостные, а, стало быть, и прочесть ихъ надобно было жалостно для того, чтобы порисоваться передъ молодежью. По смыслу стихотворенія нужно было «уронить слезу», но настоящихъ слезъ на глазахъ, какъ на грѣхъ, не было. Онъ скорчилъ гримасу, надулся, запыхтѣлъ и зажмурился, но слезъ все нѣтъ. Получилась одна только типичная еврейская фізіономія. Чтобы помочь горю, онъ началъ послѣ

каждой строки дѣлать паузы, какъ будто его «душать слезы», — но и тутъ ничего не выходило. Чувствовалъ онъ это и самъ... Между тѣмъ стихотвореніе подходило къ концу, а добиться желаемого «слезнаго» эффекта все-таки нужно было во что бы то ни стало, иначе поэтъ рисковалъ потерпѣть передъ публикой фіаско. Что было дѣлать? Надо было собрать послѣднія силы и дѣйствовать во всю. Онъ такъ и поступилъ. Онъ поднесъ руку къ глазамъ, закрылся ею, будто бы отъ слезъ, но такъ, что изъ-подъ ладони могъ свободно читать по бумажкѣ, надулся, взвизгнулъ и патетически крикнулъ:

— «Безъ тебя намъ стыдно жить!..»

Кое-гдѣ послышался смѣхъ, а какой-то господинъ въ сорочкѣ съ косымъ воротомъ довольно громко и демонстративно проговорилъ:

— Вѣр-рр-но! А съ такими виршами выступать еще стыднѣе!..

Но поэтъ сдѣлалъ видъ, будто бы не слышалъ этого возгласа и сходилъ съ могильнаго помоста съ такою улыбкой, какой плохіе актеры благодарятъ публику за жиденскіе аплодисменты.

Сказалъ надгробное слово и Максимъ Вѣлинскій (Геронимъ Ясинскій). Взобрался онъ на помостъ съ трудомъ, пыхтя и задыхаясь отъ тучности. Говорилъ онъ скромно, безъ аффектаціи, но вся его рѣчь сводилась къ одному: ряды наши рѣдѣютъ, съ каждымъ днемъ насъ становится все меньше и жить намъ дѣлается тяжелѣе. Трудно намъ жить, но еще труднѣе намъ писать. Мы и т. д. Однимъ словомъ «мы»...

Досталось и ему, бѣдному, на орѣхи: кто-то въ толпѣ жалостно замѣтилъ:

— И чего онъ лѣзетъ съ такою одышкой!..

XVI.

Умеръ много лѣтъ сидѣвшій въ Москвѣ генераль-губернаторомъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ. Зналъ я его при жизни и много разъ видѣлъ во времена своего студенчества. Относился онъ къ московскимъ студентамъ хорошо и съ большимъ тактомъ. Студенты, въ свою очередь, каждый годъ приглашали его почетнымъ гостемъ на «студенческій балъ», гдѣ всегда составляли вокругъ него цѣпь. Онъ обходилъ раза два вокругъ всей большой залы московскаго дворянскаго собранія и, оказавъ такимъ образомъ своимъ визитомъ студенчеству вниманіе, уѣзжалъ ранѣе полночи, а молодежь продолжала веселиться до утра.

Умеръ онъ въ Парижѣ и когда тѣло его привезли въ Петербургъ для погребенія въ фамильномъ склепѣ, то я почувствовалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы встрѣтился съ прахомъ своего давняго, хотя и отдаленнаго знакомаго. Фамильный склепъ Долго-

руковых помѣщается на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Похороны, какъ и подобаетъ, сопровождались воинскими почестями и залпами, но были очень обыкновенны, чинны и даже сухи. Умри онъ въ Москвѣ—его похоронили бы иначе. За гробомъ шли высокопоставленныя гражданскія и военныя лица. Было не мало дамъ изъ большого свѣта, и всѣ онѣ были, конечно, въ глубокомъ траурѣ. Однѣ шли пѣшкомъ, другія же ѣхали въ экипажахъ, составлявшихъ довольно длинный кортежъ. Лица у всѣхъ были, если не траурныя, то во всякомъ случаѣ соотвѣтственныя обстановкѣ.

Въ одной изъ каретъ ѣхала какая-то великосвѣтская дама, не особенно молодая. Она очень заинтересовала насъ, репортеровъ, и всѣхъ, кто ее видѣлъ, своею набожностью. Сколько разъ мнѣ и товарищамъ ни приходилось заглядывать случайно и нарочно въ окно ея кареты, оказывалось, что она усердно и безъ перерыва молится по маленькому карманному молитвеннику и ничѣмъ не развлекается. Такъ продолжалось всю дорогу до самаго кладбища. Все время выраженіе лица ея было благочестиво и полно молитвеннаго настроенія. Выходя у воротъ кладбища изъ кареты, она спрятала молитвенникъ въ карманъ и пошла вслѣдъ за другими за гробомъ, стараясь итти какъ можно ближе къ браннымъ останкамъ. Подошли къ склепу, который представляетъ собою очень часто встрѣчающійся въ Петербургѣ типъ небольшого грота, сложеннаго изъ гранитныхъ камней. На днѣ грота было открыто отверстіе, ведущее въ подземелье съ гробами. Весь гротъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой, за которой могло помѣститься не болѣе девяти-десяти человекъ. Внесли за рѣшетку гробъ съ тѣломъ князя, вошло духовенство, и затѣмъ остальное тѣсное пространство заняли люди, близкіе къ покойному. Въ числѣ ихъ была и великосвѣтская дама, о которой идетъ рѣчь. Остальная толпа размѣстилась внѣ рѣшетки.

Тѣло опустили въ могилу. Дьяконъ провозгласилъ «вѣчную память». Присутствовавшіе стали креститься, а дамы сочли за нужное, какъ того требуетъ этикетъ, поднести къ сухимъ глазамъ платки. Благочестивая дама также полѣзла въ карманъ и, вынимая платокъ, выронила свою книжечку — молитвенникъ. Въ тѣснотѣ въ этотъ моментъ поднять его было невозможно. Для этого нужно было дождаться конца церемоніи. Но, къ общему удивленію, дама, вмѣсто того, чтобы поднять свой молитвенникъ, наступила на него ногою и начала потихоньку закидывать его носкомъ ботинки въ щель между двумя ближайшими памятниками, стараясь при этомъ дѣлать это какъ можно незамѣтно. Но это ей не удалось, несмотря на всѣ ея старанія. Тогда она сдѣлала глазами едва уловимый знакъ стоявшему подлѣ нея молодому человеку и уступила ему свое мѣсто. Тотъ въ свою очередь сначала наступилъ на

книжку ногой, а потомъ сталъ тоже толкать ее кончикомъ сапога въ ту же щель. Но и ему это не удалось. Въ это время погребеніе уже кончилось и надо было очистить мѣсто могильщикамъ. Всѣ вышли изъ-за рѣшетки, и молитвенникъ такъ и остался на мѣстѣ. Очевидно, его оставили на произволъ судьбы. Публика стала расходиться. Начались взаимныя прощанія, и всѣ стали разъѣзжаться. Улучивъ минуту, я зашелъ за рѣшетку и поднялъ книжку. Взглянувъ на обертку, мы, репортеры, сразу всѣ расхохотались. Набожная дама благочестиво молилась въ каретѣ по итальянской скабреной книжечкѣ. На оберткѣ былъ рисунокъ, изображающій молодую голоногую даму, сидящую въ своемъ будуарѣ верхомъ на стулѣ въ самой вызывающей позѣ. Заглавіе гласитъ: «I rescatti de una bella donnina», т. е. «Прегрѣшенія миленькой барыньки». Само собою разумѣется, что дама о своей потерѣ предержавшимъ властямъ не заявляла, и книжка осталась у меня... на память.

XVII.

Близъ Московской заставы стоитъ Воскресенскій женскій монастырь, который въ Петербургѣ почему-то принято и печатно и устно называть Новодѣвичьимъ. Название это невѣрно и не мало волнуетъ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, который при неоднократныхъ встрѣчахъ со мною всякій разъ заводилъ одну и ту же рѣчь:

— Почему въ газетахъ все пишутъ: Новодѣвичій? Какой онъ Новодѣвичій монастырь?—тотъ въ Москвѣ. Пишите всегда правильно, а именно Воскресенскій женскій монастырь.

Но рвеніе отца іерея пропало даромъ. Ему не вняли, и монастырь попрежнему ходитъ въ устахъ и въ печати подъ неправильною кличкой. Монастырь этотъ очень богатъ и живетъ, помимо вкладовъ и капиталовъ, главнымъ образомъ своимъ аристократическимъ кладбищемъ, вѣчное упокоеніе на которомъ стоитъ очень крупныхъ денегъ, даже въ самомъ отдаленномъ углу. Между прочимъ за послѣднее время кладбище это расширилось покупкою новаго клочка земли, что само по себѣ указываетъ на благотворное воздѣйствіе смертности на монастырскую казну.

Обитель сія купила за Московской заставой, или, кажется, около нея, мѣсто для возведенія монастырской школы. Закладка зданія совершена была съ великимъ торжествомъ. Изъ монастыря двинулся крестный ходъ, въ которомъ управляющій канцеляріей святѣйшаго синода Владимиръ Карловичъ Саблеръ — первое лицо послѣ К. П. Побѣдоносцева—самолично несъ икону. Игуменья монастыря, дебелая, упитанная и важная мать Валентина, блиставшая золотымъ крестомъ на груди, молилась на насыни фундамента такъ величественно, что хоть отбавляй. Съ нею рядомъ молилась

приѣхавшая съ Кавказа игуменья грузинскаго монастыря св. Нины (приѣхала за подаваніемъ). Въ сравненіи съ Валентиной она казалась убогою, захудалою монашенкой съ восточнымъ, горбатымъ носомъ. Тутъ же была и черномазая дѣвица, по имени Марія, вывезенная кѣмъ-то изъ Абиссиніи и отданная временно на жительство въ монастырь. Она выдавалась своей соломенной шляпой и рванными ушами. Она, дополняя собою духовное торжество, обращала на себя всеобщее вниманіе. За что и кѣмъ у нея были изуродованы и разорваны мочки ушей—сказать трудно. Вѣроятно, это—слѣды любезности какого-нибудь абиссинскаго кавалера, сорвавшаго съ нея серьги. Въ это время, какъ разъ, общественное мнѣніе было занято абиссинскими подвигами вольнаго казака Ашинова.

На закладкѣ было не мало представителей и представительницъ большого свѣта. Былъ между прочимъ камергеръ Константинъ Константиновичъ Случевскій, были и другія важныя лица, которыхъ я не называю, потому что въ этой повѣсти они роли не играютъ.

Закладка окончилась, и крестный ходъ двинулся обратно въ монастырь. Въ монастырѣ, въ келіи игуменьи Валентины для высокопоставленныхъ лицъ былъ сервированъ монашескій столъ, куда и были приглашены всѣ именитыя персоны. Затесались туда незваные-непрошеные и два газетныхъ сотрудника—я и еще одинъ репортеръ изъ «Сына Отечества». Сначала мы оба думали было освободить себя отъ этой тяготы, но потомъ, посоветовавшись между собою, рѣшили остаться, предполагая, что за трапезой будутъ рѣчи, интересныя для газетъ. Приглашены мы не были, поэтому положеніе наше было очень неловкое. Но назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Во всю длину келіи, которую въ мірѣ можно было бы назвать большою залой, протянулся прекрасно сервированный столъ, замѣчательный однако тѣмъ, что на немъ не было ни одной бутылки вина, но зато блестяло нѣсколько хрустальныхъ графиновъ съ прекраснымъ монастырскимъ квасомъ. Для утѣшенія мірянъ въ сторонкѣ стоялъ второй столъ съ водками и закусками. Столъ этотъ соблазнялъ всѣхъ присутствовавшихъ, порядочно проголодавшихся во время церемоніи. К. К. Случевскій, усладившись шедшей въ это время натянутой бесѣдой о предстоящемъ престольномъ праздникѣ, повидимому, потерялъ терпѣніе и, указывая на боковой столъ, дерзнулъ сказать:

— Что же, пора бы уже, кажется, и приступить?!

Но одинъ изъ присутствовавшихъ іереевъ степенно и строго замѣтилъ:

— Безъ благословенія нельзя. Слѣдуетъ предварительно молитву прочесть.

Молитвы этой за отсутствіемъ игуменьи, переодѣвавшей рясу, пришлось ждать еще минутъ десять. Наконецъ она явилась, и молитва была прочтена. Водки и закуски опустошены были быстро. Всѣ, въ томъ числѣ и мы съ товарищемъ, сѣли за столъ. Игуменья Валентина изрѣдко бросала на насъ косые вопросительные взгляды, въ которыхъ мы ясно читали: «Что это за незнакомые люди? Какъ они сюда затесались?»—Это насъ еще болѣе конфузило, но мы рѣшили терпѣть до конца, въ надеждѣ, что кѣмъ-либо будетъ произнесено: «слово о значеніи вновь устрояемой школы», о ея цѣляхъ, средствахъ и т. д. Но уха слѣдовала за кулебякою, отварная рыба за ухую, а рѣчи говорить, по всѣмъ видимостямъ, никто не собирался,—можетъ быть, потому еще, что къ застольнымъ рѣчамъ располагаютъ вина, а ихъ-то здѣсь и не было. Гостямъ былъ предоставленъ только квасъ.

Съ этимъ-то квасомъ и случилась исторія. Послѣ рыбы и сухихъ взглядовъ игуменьи у насъ съ товарищемъ явилось желаніе промочить горло. Я протянулъ руку къ графину, стоявшему между моимъ приборомъ и приборомъ моей визави — аристократки съ громкимъ именемъ — и наполнилъ стаканы себѣ и коллегѣ. Выпили мы съ наслажденіемъ. Но зато какъ посмотрѣла на меня великосвѣтская дама! Какимъ взглядомъ укоризны окинула она меня за дерзость, съ которою я позволилъ себѣ взять графинъ, предназначавшійся, какъ оказалось потомъ, собственно для нея! Онь, этотъ графинъ, составлялъ принадлежность ея прибора и вовсе не предназначался для сосѣдей!.. Кромѣ того, я, какъ оказалось, совершилъ безтактность, за которую въ большомъ свѣтѣ строго наказываютъ. Игуменья, въ свою очередь, окатила меня свирѣпѣйшимъ взглядомъ...

Намъ съ товарищемъ стало одновременно досадно. Что въ самомъ дѣлѣ за чертовщина! Мы явились на этотъ глупый обѣдъ не для собственнаго удовольствія, а по порученію редакцій и не для себя, а для того, чтобы та же Валентина прочла завтра въ газетахъ о своемъ духовномъ торжествѣ и та же аристократка встрѣтила свое имя въ печати. За что же насъ, людей, явившихся не по собственной волѣ, а по обязанности, награждаютъ такими убійственными взглядами?! Всему есть мѣра. Человѣческое достоинство оскорбляется...

Мы шепнули другъ другу: «пойдемте», встали изъ-за стола, не дождавшись конца длиннаго обѣда, и ушли, глубоко обиженные въ душѣ. Но едва мы вышли изъ «келіи» на чистый воздухъ и сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, какъ намъ стало вдругъ ужасно весело, и мы оба расхохотались и хотали долго, произнося хвалебные гимны квасу.

Въ графинѣ, изъ котораго мы такъ дерзко выпили по стакану, подъ видомъ кваса было шампанское. Теперь мы поняли, что знали убійственные взгляды...

XVIII.

Быль въ Питерѣ созванъ первый пчеловодный съѣздъ. Созвало его російское общество пчеловодства. При съѣздѣ была устроена и пчеловодная выставка. Руководилъ всѣмъ дѣломъ астрономъ, онъ же и пчеловодъ, профессоръ петербургскаго университета Сергѣй Павловичъ Глазенапъ. Съѣздъ былъ многолюденъ. Пчеловоды съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи. Были даже пріѣзжіе и съ Кавказа. Засѣданія велись въ Соляномъ Городкѣ и сошли хорошо и гладко. Не мало было рѣшено вопросовъ, не мало намѣчено и новыхъ для будущихъ съѣздовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ числѣ членовъ этого всероссійскаго съѣзда были и люди интеллигентные, и простецы-мужики. Послѣдніе преобладали. Говорить красно они не умѣли, но зато познанія въ своемъ дѣлѣ выказывали удивительныя.

Когда съѣздъ кончился, составилось послѣднее, прощальное засѣданіе. Стали говорить рѣчи. Первымъ говорилъ, какъ и подобало, профессоръ Глазенапъ, а за нимъ и остальные ораторы. Когда интеллигентные ораторы кончили, одинъ изъ мужиковъ-простецовъ кашлянулъ, сталъ усиленно копать у себя за пазухой, вытащилъ оттуда измятый листокъ и прочелъ по нему слѣдующую благодарственную рѣчь:

— Позвольте и мнѣ сказать окончаніе дѣла. Черезъ съѣздъ мы, пчеловоды, собравшись, и держали рѣчь, и я теперь могу стать въ центръ себя и тоже сказать отъ себя. Съ искреннею любовію души моей подѣлиться намѣренія моего, всѣ другіе, чувствомъ тронутые. Давайте же дружнѣе, рука за руку цвѣсти, чтобы было значеніе съ пользой. Желательно соединиться въ одну семью примѣнительно. Желательно выразить благодарность русскому обществу пчеловодства за ихъ принятіе, гостепрѣимство и покровительство; особливо приняли насъ, малыхъ некрупновладѣльцевъ. Царскіе дворцы мы видѣли и всякое такое удивительное съ богатствомъ. Мнѣніе моего намѣренія такое: примите отъ насъ, пріѣзжающихъ, благодарность и обществу и намъ всѣмъ!..

Отвѣтомъ на эту безхитростную и симпатичную рѣчь послужили дружныя аплодисменты. Подобныхъ публичныхъ рѣчей я еще ни разу ни на какихъ засѣданіяхъ не слыхивалъ.

XIX.

Петербургъ долго хлопоталъ о томъ, чтобы засыпать рѣчку Лиговку, или, вѣрнѣе, вонючій Лиговскій каналъ. Если вѣрить знатоку старины М. И. Пыляеву, каналъ этотъ былъ прорытъ для питанія прудовъ Таврическаго дворца Петромъ Великимъ и въ первое время вода въ немъ была такъ чиста и хороша, что счи-

талась лучшею во всемъ Петербургѣ для самоваровъ. Теперь времена уже не тѣ: въ Лиговкѣ плаваютъ утки, и бабы полощутъ бѣлье, а подъ мостами скопляется всякая дрянь и соръ, отъ которыхъ несетъ страшной вонюю. Каналь Лиговскій замѣчательнъ также и однимъ изъ рѣдкихъ инженерныхъ сооруженийъ, а именно—акведукомъ. Лиговка пересѣкаетъ почти перпендикулярно Обводный каналь, но не смѣшиваетъ своихъ водъ съ его водами, а проходитъ по особому водопроводу, проложенному внутри каменнаго моста, перекинутаго въ этомъ мѣстѣ черезъ Обводный каналь. Мостъ этотъ въ мѣрѣ специалистовъ-техниковъ считается какимъ-то особеннымъ и замѣчательнымъ сооруженіемъ прежнихъ временъ.

Вопросъ о засыпкѣ Лиговки поднимался неоднократно и въ думѣ и въ печати. Въ думѣ особенно хлопоталъ о засыпкѣ гласный и заводчикъ Ф. Ф. Санъ-Галли и имѣлъ полное къ тому основаніе, такъ какъ его роскошный домъ выходитъ фасадомъ прямо на этотъ вонючій каналь. Интересъ къ засыпкѣ былъ такъ великъ, что едва только дума рѣшила положительно лишь въ принципѣ какъ журналъ «Нива» успѣшилъ уже дать на своихъ страницахъ рисунокъ прекрасныхъ бульваровъ, разведенныхъ и уже разросшихся на мѣстѣ Лиговки. Вскорѣ послѣ этого приступлено было къ работамъ по засыпкѣ, за которыя взялся какой-то инженеръ. Работы эти состояли въ томъ, что каналь въ нѣсколькихъ мѣстахъ запрудили, спустили воду и стали насыпать на обнажившееся, грязное дно слой песка, а на песокъ начали класть керамиковыя трубы сравнительно очень небольшого діаметра. Работы начались отъ Обводнаго канала, и начало ихъ было ознаменовано своеобразнымъ торжествомъ закладки въ тотъ моментъ, когда труба была доведена уже до больницы принца Ольденбургскаго. Закладка состояла въ томъ, что къ извѣстному часу прибылъ градоначальникъ Грессеръ, нѣсколько думцевъ и нѣсколько репортеровъ. Въ присутствіи всей этой компаніи было уложено нѣсколько керамиковыхъ звеньевъ и пазы между ними были залиты гудрономъ. Этимъ дѣло и закончилось. Черезъ нѣсколько времени, когда засыпка была почти уже закончена, а у больницы принца Ольденбургскаго торчало изъ земли отверстіе трубы, состоялось второе торжество—открытіе засыпаннаго Лиговскаго канала. Собрались предрежащія власти, гласные думы и репортеры и сгруппировались у этого отверстія. Тутъ же находился и инженеръ-строитель. Когда наступилъ торжественный моментъ, инженеръ подалъ условный знакъ по направленію къ Обводному каналу своему подручному, тотъ передалъ этотъ знакъ слѣдующему и т. д. Это значило, что настало время пустить по трубамъ воду. Скоро получился обратный условный знакъ, обозначавшій, что вода пущена. Всѣ почетные гости сгруппировались тѣснѣе и съ напряженіемъ стали ждать, когда изъ трубы покажется первая

струя воды. Инженеръ-строитель сталъ у самой трубы и, наклонившись надъ нею, вставилъ въ ея просвѣтъ кисти своихъ рукъ.

— Вотъ гдѣ надо грѣть руки!—произнесъ онъ.

— На такомъ хорошемъ дѣлѣ руки погрѣть можно,—послышался сдержанный, но довольно громкій голосъ кого-то изъ присутствующихъ.

Всѣ расхохотались. Инженеръ слегка сконфузился. Вышелъ каламбуръ. Инженеръ своею фразою хотѣлъ сказать, что воздухъ, вытѣсняемый изъ трубы хлынувшей въ нее водою гораздо теплѣе наружнаго осенняго воздуха. Невинная фраза эта однакоже подала поводъ къ довольно колкому каламбуру.

Торжество закончилось тѣмъ, что гласные думы сѣли въ заранее приготовленные вагоны конки съ надписью «заказные» и проѣхали въ нихъ вдоль по Лиговкѣ туда и обратно. Эта поѣздка обозначала, что отцы города обозрѣваютъ, хорошо ли произведена работа. Не думаю, чтобы они, лицомъ другъ къ другу въ закрытыхъ вагонахъ, что-нибудь увидѣли...

XX.

Военно-медицинская академія совершенно неожиданно понесла большую потерю. Заболѣлъ брюшнымъ тифомъ извѣстный гигиенистъ профессоръ А. П. Доброславинъ. Тифъ осложнился еще какимъ-то недугомъ—и онъ умеръ. Потеря эта дѣйствительно громадная. При жизни—сравнительно очень короткой—онъ написалъ много сочиненій и прочелъ не мало публичныхъ серьезныхъ и популярныхъ, платныхъ и бесплатныхъ лекцій и всюду проповѣдывалъ гигиеническую обстановку; главнымъ же условіемъ здоровья ставилъ чистоту окружающей человѣка обстановки. Злые языки между тѣмъ утверждали, будто у самого проповѣдника чистоты на черной лѣстницѣ квартиры лежитъ такая грязь, которая смѣло могла бы послужить прекрасной иллюстраціей къ его лекціямъ на тему: какъ не должно содержать квартиру. Можетъ быть, это была и правда, а можетъ быть и нѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что если это и было, то Доброславинъ не вѣдалъ объ этомъ, потому что никогда не ходилъ по своей черной лѣстницѣ. Въ Петербургѣ это не рѣдкость. Я могу назвать сотни лицъ, которыя живутъ по нѣскольку лѣтъ въ одной и той же квартирѣ и о существованіи черной лѣстницы вспоминаютъ только тогда, когда отъ парадной двери потеряется ключъ, или сломается замокъ, или же случится что-либо, выходящее изъ ряда вонъ. Наконецъ, я самъ живу нѣсколько лѣтъ въ квартирѣ, лѣстница которой для меня служитъ единственной—и парадной, и черной, а для моихъ сосѣдей—визави—только черной, потому что у нихъ есть настоящая парадная, со швейцаромъ. Никогда ни одного изъ этихъ со-

сѣдей я не видывалъ на своей лѣстницѣ: видѣлъ только ихъ прислугу и не одинъ разъ страдалъ отъ кухоннаго чада, котормъ угощали меня и моихъ присныхъ сосѣдскія кухарки, растворяя свои черныя двери на мою «парадную» лѣстницу. Никто изъ этихъ сосѣдей, стало быть, не видѣлъ и той грязи, которая царитъ на ней вѣчно. Могъ, слѣдовательно, и Доброславинъ не знать о томъ, что у него дѣлается на задворкахъ. Но это, впрочемъ, только къ слову.

Умеръ онъ какъ разъ въ то самое время, когда находился на высотѣ своей широкой популярности, послѣ ряда интересныхъ лекцій въ Солянмъ Городкѣ и въ залѣ Кредитнаго общества. Некрологъ его въ газетѣ писалъ я, какъ сотрудникъ, напечатавшій цѣлую уйму отчетовъ о его лекціяхъ. Когда я явился на квартиру къ покойному за свѣдѣніями и за его портретомъ,—дѣло было позднимъ вечеромъ,—я засталъ тамъ цѣлый ареопагъ профессоровъ военно-медицинской академіи, которые встрѣтили меня очень любезно и сообщили мнѣ всѣ необходимыя біографическія данныя. Особенно много помогъ мнѣ профессоръ Сергѣй Владимировичъ Шидловскій, тоже гигиенистъ, занимающій очень почетное мѣсто на поприщѣ охраненія народнаго здравія, въ ряду гигиенистовъ. Съ научными трудами Доброславина я былъ знакомъ не вполне; въ некрологахъ же принято упоминать два-три сочиненія покойнаго, если они у него существуютъ. Поэтому я попросилъ гг. профессоровъ назвать мнѣ одно-два. вмѣсто отвѣта С. В. Шидловскій развернулъ передо мою цѣлый печатный каталогъ, въ котормъ названія статей, брошюръ и сочиненій покойнаго на разныхъ языкахъ занимали нѣсколько страницъ.

— Выбирайте, какое вамъ будетъ угодно,—не безъ легкой ироніи прибавилъ С. В. Шидловскій.

Увидѣвъ такой длинный и обширный списокъ, я устыдился своего невѣжества...

Во время похоронъ за гробомъ Доброславина шло много публики и особенно учащейся молодежи обоого пола. На могилѣ говорились рѣчи. Похоронили его въ Александрo-Невской лаврѣ, недалеко отъ композиторовъ Даргомыжскаго, Бородина и Липина, но опустили въ землю не такъ-то скоро. Тѣло его было набальзамировано, и близкими были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы оно, лежа въ гробу, сохранилось, если не вѣчно, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно дольше. Поэтому его положили въ металлическій гробъ, который рѣшено было запаять, чтобы туда не попала ни одна гнилостная бактерія и не заползъ бы ни одинъ червякъ. По окончаніи духовной церемоніи и послѣ рѣчей, паяльщики отнесли гробъ въ сторону, на нѣсколько шаговъ отъ могилы, сняли крышку и тотчасъ приступили къ дѣлу. Завязжали два подпилка, очищавшіе на гробъ и на крышкѣ мѣста для спайки, загудѣла жаровня,

нагрѣвавшая паяльники. Особое лицо съ серьезной миной и дѣловымъ видомъ наблюдало за тѣмъ, чтобы спайка была произведена какъ можно тщательно и чтобы наружный воздухъ не проникалъ къ покойнику отнынѣ и довѣка. Послѣ долгой и усердной работы тѣло запаляли герметически, какъ сардинку. Но всѣ эти хлопоты пропали даромъ. Оказалось, что упустили изъ виду двѣ большія круглыя дыры въ крышѣ, сквозь которыя пропущены толстыя проволоки, прикрѣпленныя обычный на гробахъ металлическій, вызолоченный крестъ. Спихватились, когда было уже поздно. Каждая дыра была не менѣе дюйма въ діаметрѣ и запаять ее можно было не иначе, какъ только изнутри. Оторвать же крестъ, чтобы запаять ихъ теперь, было невозможно. Посудили, порядили, похвалили себя за догадливость и кончили тѣмъ, что опустили прахъ Доброславина въ могилу на съѣденіе тѣмъ гнилостнымъ бактеріямъ, противъ которыхъ онъ безпощадно вооружался при жизни. Но если эти незапаянныя двери озаботили живыхъ, то онѣ во всякомъ случаѣ должны доставлять удовольствіе самому покойнику: Доброславинъ такъ же, какъ и извѣстнѣйшій гигиенистъ Э. Э. Эрисманъ, при жизни проповѣдывалъ, что трупъ дѣлается тѣмъ безвреднѣе для живущаго въ мірѣ человѣчества, чѣмъ онъ скорѣе разложится и сгниетъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра.

Возвращался я съ кладбища вмѣстѣ съ химикомъ, профессоромъ Александромъ Васильевичемъ Пелемъ, знаменитымъ по тому шуму, который надѣлалъ его сперминъ. А. В. Пель довезъ меня въ своей каретѣ до моей квартиры.

— Хорошій былъ человѣкъ Доброславинъ, — сказалъ онъ мнѣ по дорогѣ. — Жаль только, что онъ изъ науки сдѣлалъ доходную для себя статью и нерѣдко, ради своей выгоды, подтасовывалъ факты. Вспомните исторію съ маргариномъ...

Я закусилъ губу, чтобы не засмѣяться. Доброславинъ при жизни неоднократно отзывался объ А. В. Пелѣ такъ:

— Это—настоящій и самый патентованный дѣлецъ. Онъ прикрывается наукой, какъ щитомъ, чтобы лучше надувать публику своимъ сперминомъ. Лучше его никто не сумѣетъ подтасовать факты, лишь бы извлечь пользу для своего кармана...

Выходитъ, что своя своихъ не познаша...

XXI.

Исторія съ маргариномъ и исторія со сперминомъ—обѣ одинаково интересны и заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать два слова.

Начну съ маргарина. На Обводномъ каналѣ, недалеко отъ его впаденія въ одну изъ вонючихъ рѣчекъ, омывающихъ Екатерин-

гофъ, стоитъ маргариновый заводъ, нѣкоего Андерсена, снабжающій этимъ благодатнымъ продуктомъ не только Петербургъ, но и провинцію. Петербургскія бойни каждое утро доставляютъ на этотъ заводъ въ закрытыхъ фургонахъ массы всякаго скотскаго сала и жира, вмѣстѣ съ потрохами и всякой дрянью. На заводѣ рабочіе валятъ сало въ котлы, гдѣ оно нагрѣвается при помощи пара и затѣмъ изъ него прессованіемъ нагрѣтой массы въ особыхъ мѣшкахъ выдѣляютъ съѣдобное животное сало. Въ мѣшкахъ же остается негодный для внутренняго употребленія стеаринъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ ученые мужи и техники о производствѣ маргарина.

Долгое время и на заводѣ и на рынкахъ все шло прекрасно. Петербургъ превосходно ѣлъ маргаринъ въ видѣ подмѣсей къ коровьему маслу и въ чистомъ видѣ, думая, что это — масло. Торговцы не клали охулки на руку по части фальсификаціи и валяли маргаринъ въ масло безъ церемоніи. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока кому-то, — а кому, доподлинно не знаю — не вздумалось поднять голосъ противъ маргарина. Газеты забили въ набатъ, общество насторожилось, «Новое Время», по личному распоряженію А. С. Суворина, стало ежедневно печатать свое знаменитое «Memento» объ опасности маргарина для общественнаго здоровья, на андерсеновскій заводъ нагрянули санитарныя власти (въ томъ числѣ и профессоръ А. В. Пель) — и пошла писать губернія. Маргарину была объявлена открытая и при томъ беспощадная война.

Дѣло, между прочимъ, заключается въ слѣдующемъ. Всѣ мы ѣдимъ животные жиры и не морщимся. Если бы кухня держалась на одномъ только чистомъ коровьемъ маслѣ, то нашъ столъ стоилъ бы втрое дороже. Хорошія хозяйки, купивъ на рынкѣ мясо съ жиромъ, ежедневно вытапливаютъ сало и даже утверждаютъ, что картофеля нельзя пожарить иначе, какъ «на салѣ»; пирожки во фритюрѣ, рыба-кольбѣрь, оладьи и т. п. должны обязательно жариться въ кипящемъ салѣ. Сало уступаетъ коровьему маслу только тѣмъ, что въ составъ его входитъ плохо усвояемая желудкомъ стеариновая кислота. Французскій химикъ Межь-Мурье нашелъ способъ удалять заводскимъ и фабричнымъ путемъ эту ненужную для организма кислоту. Послѣ его операціи надъ жиромъ остаются только удобоваримыя олеиновая и другія кислоты, входящія также и въ составъ коровьяго масла. Этотъ-то продуктъ химика Межь-Мурье, имѣющій видъ топленаго коровьяго масла, и былъ названъ маргариномъ. Будучи прекраснымъ и недорогимъ пищевымъ веществомъ, маргаринъ нашелъ себѣ широкое примѣненіе во всей Европѣ и его расхвалили такъ, что многіе петербургскіе первоклассные рестораны, а за ними и наши богатые дома стали выписывать изъ Франціи маргаринъ и ѣсть его подъ именемъ французскаго масла. Но этотъ маргаринъ имѣетъ очень

мало общаго съ тѣмъ маргариномъ, которымъ кормить петербуржевъ заводъ Андерсена.

Появленіе въ Петербургѣ самостоятельнаго маргариноваго завода, съ коммерческой точки зрѣнія, понятно само собою и андерсеновская фабрикація шла очень успѣшно до тѣхъ поръ, пока не пошло на маргаринъ гоненіе, къ слову сказать, вполне заслуженное. Профессоръ А. В. Пель при обзорѣ завода выудилъ изъ котла кусокъ какого-то животнаго органа съ заключавшимися въ немъ животными же нечистотами, замуравалъ его въ глицеринъ или въ какую-то ушлотняющую жидкость и демонстрировалъ его повсюду, какъ доказательство того, что на заводѣ Андерсена изготовляется продуктъ вредный. Другимъ санитарамъ тоже удалось вытащить кое-что изъ заводскихъ котловъ. Но все это служило пока еще только уликою въ нечистоплотности; главное же обвиненіе, предъявленное заводу, заключалось въ томъ, что онъ изготовляетъ не настоящій и безвредный маргаринъ Межь-Мурье, а какую-то дрянъ и притомъ—вредную дрянъ. Отсюда и загорѣлся весь сыръ-боръ. «Новое Время» стало метать громы и молніи; публика вдругъ начала чувствовать изжогу и другіе признаки отравленія; досужіе языки заговорили, будто бы въ заводскіе котлы попадаетъ жиръ съ дохлыхъ собакъ и кошекъ; въ лавкахъ покупатели стали брать пробы масла и отсылать ихъ къ химикамъ; въ городской думѣ поднялся шумъ; въ ученыхъ обществахъ стали дѣлать доклады о вредѣ этого продукта; мужи науки стали препираться въ специальныхъ журналахъ; профессоръ А. П. Доброславинъ началъ читать публичныя лекціи о нежелательности и небезвредности маргарина, репортеры были поставлены на ноги и къ гигиенистамъ былъ предъявленъ вопросъ: вреденъ маргаринъ или полезенъ? Словомъ, началась шумная маргариновая эпопея, на нѣкоторое время всколыхнувшая петербургскую общественную жизнь. Заводу Андерсена, повидимому, стало угрожать банкротство.

Весь этотъ шумъ кончился, однакоже, довольно курьезно. Заводъ на Обводномъ каналѣ принужденъ былъ на время пріостановить свою дѣятельность. Ему предержавшими властями предложено было перенести свои работы изъ столицы въ провинцію (какъ будто бы въ провинціи живутъ не люди, а существа, на желудокъ которыхъ посягать можно безнаказанно!). Въ столицѣ же разрѣшено было продавать вредный продуктъ желающимъ и любителямъ не иначе, какъ изъ бочекъ, снабженныхъ красными жестяными вывѣсками съ устрашающею надписью «Маргаринъ». Въ концѣ концовъ профессоръ А. В. Пель въ числѣ реакцій на маргаринъ помѣстилъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что крысы и мыши, охотно поѣдающія коровье масло и сало, упорно отказываются отъ маргарина.

Все въ мірѣ кончается. Замолкъ, наконецъ, и газетный набатъ. Замолкъ и противникъ маргарина А. П. Доброславинъ, громившій этотъ продуктъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ своихъ лекціяхъ и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Замолкъ какъ-то странно и совсѣмъ неожиданно для всѣхъ остальныхъ противниковъ этого продукта, видѣвшихъ до сихъ поръ въ профессоръ-гигиенистѣ свою твердую опору. Особенно же сильныя упованія стали возлагать на А. П. Доброславина, когда стало извѣстнымъ, что русское общество охраненія народнаго здравія назначило въ своихъ стѣнахъ экстренное засѣданіе для преданія маргарина анаемѣ. Прокурорскія обязанности въ этомъ засѣданіи были возложены на профессора Доброславина. Онъ долженъ былъ сдѣлать докладъ, и всѣ были увѣрены, что онъ такъ разнесетъ этотъ вредный продуктъ, что его безповоротно изгонятъ изъ рынка. Публика въ этотъ вечеръ просто ломилась въ залу; не было ни одного свободнаго мѣста. Предсѣдательствовалъ лейбъ-медикъ Николай Федоровичъ Здекауеръ—величина могучая и всесильная. Доклада Доброславина ждали съ нетерпѣніемъ и, когда онъ началъ, то жадно ловили каждое его слово. Заговорилъ онъ о жирахъ, объ ихъ химическомъ составѣ, о химикѣ Межь-Мурье, о стеариновой, олеиновой и пальмитиновой кислотахъ и... когда дѣло дошло до заключенія, до приговора маргарину, когда всѣ ждали неминуемой анаемы—онъ вдругъ неловко замаялся и объявилъ, что маргаринъ вовсе ужъ не такъ вреденъ, какъ это думаютъ и говорятъ...

— Вѣдь ѣдимъ же мы жиры,—закончилъ онъ.

Публика и всѣ присутствовавшіе ученые мужи и члены общества разинули рты отъ удивленія и никакъ не могли понять, что это вдругъ сдѣлалось съ Доброславинымъ и почему это онъ такъ внезапно переѣхалъ фронтъ. Газеты, конечно, подчеркнули на другой день эту измѣну, и извѣстный до сихъ поръ гигиенистъ сталъ притчею во языцѣхъ. Вѣра въ него поколебалась. На него это, видимо, подѣйствовало. Когда дня черезъ три послѣ этого онъ долженъ былъ читать гдѣ-то публичную лекцію и передъ началомъ ея встрѣтился со мною, то первыя слова его были:

— Опять въ газетѣ бранить будете?..

Слова эти онъ произнесъ какъ-то сконфуженно и виновато.

Переѣхна фронта объяснилась нѣсколько позже и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ, а именно: давленіемъ, будто бы, со стороны лейбъ-медика Н. Ѳ. Здекауера. Доброславинъ оказался во всей этой исторіи въ роли кура во щажъ. Предсѣдательствуя въ обществѣ охраненія народнаго здравія, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауеръ былъ въ то же время, будто бы, и негласнымъ компаньономъ заводчика Андерсена. Почти всѣ его деньги были, будто бы, вложены въ маргариновый заводъ на Обводномъ каналѣ... Утверждали это лица разныхъ лагерей и профессій: говорили и

коммерсанты, и врачи, и люди, причастные къ городскимъ боянямъ. Но всѣ говорили съ опаскою и оглядываясь, и почти каждый прибавлялъ осторожно:

— Это, конечно, между нами. Я вамъ ничего не говорилъ, а вы отъ меня ничего не слышали...

Если это вѣрно, то остается сказать только одно: *da ist der Hund begraben...*

XXII.

Теперь перехожу къ сперминной эпопее и расскажу о ней лишь въ предѣлахъ того, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Главное дѣйствующее лицо въ ней—докторъ химіи и профессоръ Александръ Васильевичъ Пель, владѣлецъ аптеки на Васильевскомъ островѣ и глава большой химической лабораторіи, производящей, кромѣ анализовъ, еще и всевозможные фармацевтическіе препараты. Профессоръ Пель и ученый и торговый человѣкъ.

Ученый Броунъ-Секаръ прославилъ себя тѣмъ, что открылъ сперминъ и его дѣлебныя свойства. Въ первое время публика даже думала, что стоитъ впрыснуть сперминъ подъ кожу старику и онъ помолодѣетъ. Будущность спермину пророчилась удивительная, и упованія и надежды на него возлагались огромнѣйшія.

А. В. Пель сталъ изготавлять сперминъ въ своей лабораторіи и пустилъ его въ продажу подъ названіемъ *Sperminum Phoeli*, т. е. сперминъ Пеля. О своемъ препаратѣ и о его дѣйствіи Пель не молчалъ, а дѣлалъ доклады и печаталъ брошюры на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ того, онъ неустанно писалъ о немъ въ текущей медицинской и фармацевтической прессѣ, русской и иностранной. Въ самое короткое время и сперминъ, и его производитель въ Петербургѣ стали модными. Появились и почитатели, и враги. Въ прессѣ получилось то же самое явленіе: одни газеты стояли горою за сперминъ, а другія называли его шарлатанствомъ. Въ медицинской литературѣ та же исторія, но только въ строго научной формѣ. Въ результатѣ профессору Пелю пришлось пережить три очень тяжелыхъ момента, когда большая часть общественнаго мнѣнія была направлена противъ него и когда его безъ всякой церемоніи въ ученыхъ обществахъ и въ частныхъ разговорахъ называли прямо шарлатаномъ. Первый моментъ—это его дѣло съ Френкелемъ, второй моментъ—скандалъ въ обществѣ охраненія народнаго здравія и третій—полемика по поводу спермина въ литературѣ. Я же начинаю свое повѣствованіе съ той поры, когда въ самый разгаръ сперминной эпопеи врачи и ученые раздѣлились на два лагеря: одни не признавали вовсе идеи Броунъ-Секара и бранили Пеля, какъ его сознательнаго послѣдователя, а стало быть, и шарлатана; другіе же, признавая Броунъ-Секара, все-таки относились къ продукту, изго-

товляемому Пелемъ, съ недоувѣрiемъ. Были лица, открыто утверждавшiя, что изготовляемый въ лабораторiи профессора Пеля продуктъ—вовсе не сперминъ, а какая-то недодѣланная химическая дрянь. Настоящiй же сперминъ, который пропагандируется нѣкоторыми врачами въ Петербургѣ и прiобрѣтается на Васильевскомъ островѣ отъ Пеля, выписывается будто бы изъ-за границы тѣмъ же Пелемъ. Какъ бы тамъ ни было, но публика и печать волновались по этому поводу порядочно. Въ это самое время подлилъ масла въ огонь и процессъ профессора Пеля съ Френкелемъ.

Френкель служилъ лаборантомъ у Пеля и изготовлялъ у него въ лабораторiи сперминъ. Не поладили они въ чемъ-то между собою на тему о сперминѣ, и дѣло обострилось до того, что Пель позвалъ полицію, объявилъ, будто бы лаборантъ похитилъ у него тетрадь, въ которой записывался у него ходъ химическихъ работъ по изготовленiю спермина и затѣмъ похитилъ будто бы и самый продуктъ—сперминъ. Полиция составила протоколъ и притянула Френкеля къ суду. Дѣло разбиралось у мирового судьи Васильевской части г. Медвѣдева. Камера была набита биткомъ. Публика, заранѣе извѣщенная газетами, собралась, какъ на спектакль. Былъ и я. Обвинителемъ явился представитель полиции. Профессора Пеля на судѣ, конечно, не было. Экспертомъ былъ вызванъ старый фармацевтъ-профессоръ Траппъ. Во время разбирательства дѣла судья предъявилъ ему пробирку съ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, якобы сперминомъ, отобранномъ у Френкеля, и задалъ вопросъ:

— Что это такое? Сперминъ?

Профессоръ Траппъ выразилъ на своемъ лицѣ глубокое презрѣнiе и съ иностраннымъ акцентомъ сердито отвѣтилъ:

— Что это? Это—дрянь; это—грязь; вотъ все равно, какъ на полу валяется грязь...

Для вящей убѣдительности старый экспертъ поднялъ слегка ногу и указалъ на свой каблукъ, къ которому, по его мнѣнiю, могла пристать съ пола грязь. Френкель былъ оправданъ по всѣмъ статьямъ. Но, благодаря экспертизѣ профессора Траппа, большая часть присутствовавшей на судѣ публики пришла къ заключенiю, что въ лабораторiи профессора Пеля, вмѣсто цѣлебнаго спермина, изготовляется какая-то дрянь. Фонды Пеля сразу упали. Помогли ему въ этомъ отношенiи и газеты, напечатавши отчетъ о разбирательствѣ дѣла съ односторонней и далеко не объективной окраской. Особенно въ этомъ направленiи постаралась пресса мелкая.

Но наибольшее поражение было нанесено профессору Пелю въ обществѣ охраненiя народнаго здравiя. Во время одного изъ самыхъ многочисленныхъ засѣданiй этого общества, когда председа-

тельствовалъ лейбъ-медикъ Н. О. Здекауеръ, а товарищемъ председателя былъ бывший ректоръ петербургскаго университета Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, попросилъ слова докторъ Герценштейнъ, считавшійся въ средѣ всѣхъ знавшихъ его идеально честнымъ человѣкомъ. За то, что казалось Герценштейну правдой, онъ готовъ былъ лѣзть на ножи. Получивъ отъ председателя разрѣшеніе говорить, Герценштейнъ заявилъ, что профессоръ Пель ведетъ себя такъ недобросовѣстно и недостойно со своимъ сперминомъ, что общество охраненія народнаго здравія, если только оно себя уважаетъ, не можетъ и не должно терпѣть его въ своей средѣ, въ качествѣ своего члена.

— Если собранію угодно, — твердо заявилъ докторъ Герценштейнъ:— я съ документами въ рукахъ и на основаніи неопровержимыхъ фактовъ берусь доказать, что Пель—фальсификаторъ, что его сперминъ—вовсе не сперминъ и что въ Россіи о своемъ сперминѣ онъ печатаетъ одно, а за границею—совсѣмъ другое. Я берусь доказать это...

Докторъ Герценштейнъ говорилъ долго, горячо и убѣжденно и приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Всѣ ждали, чѣмъ кончится дѣло, т. е. разрѣшить ли Здекауеръ Герценштейну приступить къ изложенію его доказательствъ. Если разрѣшить, то Пелю—нездоровать.

Н. О. Здекауеръ задумался и не менѣе семи минутъ тяжело размышлялъ среди всеобщаго, буквально гробового молчанія. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову и видно было, что онъ чувствовалъ всю щекотливость настоящаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ тяжесть, неудобство и отвѣтственность председателя. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ общее настроеніе становилось напряженнѣе, точно въ воздухѣ нависали и накапливались грозовыя тучи. А Герценштейнъ стоялъ все время неподвижно и прямо какъ колонна. Наконецъ, Н. О. Здекауеръ глубоко вздохнулъ и заговорилъ о томъ, что на его долгомъ вѣку ни въ одномъ ученomъ обществѣ не было еще примѣра, чтобы сочленъ былъ исключаемъ съ позоромъ, хотя бы онъ былъ и не вполне безукоризненъ...

Рѣчь Здекауера на этотъ разъ не отличалась особенной связностью. Онъ ясно видѣлъ, что собраніе напряженно ждетъ отъ него одного: или полнаго оправданія, или же исключенія профессора Пеля. И то и другое влекло бы за собою страшную нравственную отвѣтственность, а взять ее на себя онъ, Здекауеръ, конечно, не хотѣлъ. Исключить человѣка изъ среды ученаго общества—значить подвергнуть его публичному поруганію и прописать его ученой карьерѣ полный шахъ и матъ...

Общее настроеніе стало еще напряженнѣе. Отвѣтъ председателя не удовлетворилъ никого. Публика ждала не уклончивой рѣчи, а рѣшительнаго: да, или нѣтъ. Тутъ неожиданно выскочилъ—не

поднялся съ своего мѣста, а прямо-таки выскочилъ — И. Е. Андреевскій и поспѣшилъ на помощь Здекауеру.

— Можетъ быть,—заговорилъ онъ,—щекотливый вопросъ этотъ можно рѣшить, господа, такъ: не будемъ изгонять Пеля, а если онъ захочетъ уйти самъ, то не станемъ ему препятствовать...

Сказано это было такъ дѣтски наивно и такъ простодушно, что все собраніе, несмотря на серьезность переживаемаго момента, единодушно расхохоталось. И. Е. Андреевскій, не подозрѣвавшій, что онъ сказалъ глупость, долго и съ удивленіемъ озирался по сторонамъ и никакъ не могъ понять, чему это смѣются?¹⁾

Наконецъ, все кое-какъ улеглось, скандалъ замялся, Герценштейнъ, не получивъ разрѣшенія говорить, умолкъ и сѣлъ—и профессоръ Пель такимъ образомъ уцѣлѣлъ. Само собою разумѣется, что въ собраніи его не было. Но о происшедшемъ онъ узналъ на другой день изъ газетъ, а вмѣстѣ съ нимъ узнала и публика. Фонды его упали еще больше.

При такихъ условіяхъ А. В. Пелю оставалось или реабилитировать себя во что бы то ни стало, или же погибать. Пель предпочелъ реабилитацию. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ пригласилъ къ себѣ на квартиру нѣсколькихъ врачей и представителей прессы (былъ тамъ и я), при всѣхъ вскрылъ стеклянную ампулу съ прозрачной желтоватой жидкостью, смѣшалъ жидкость съ магніемъ и хлорнымъ золотомъ и пригласилъ всѣхъ убѣдиться въ томъ, что смѣсь эта издаетъ характерный запахъ спермы. Былъ пущенъ въ ходъ микроскопъ, гдѣ на предметномъ стеклышкѣ образовались особаго вида кристаллы. Все вышло какъ нельзя болѣе удачно. Реакціи были убѣдительно въполнѣ. Сеансъ закончился закускою. Врачи и специалисты констатировали, что они во время опыта въ квартирѣ доктора химіи Пеля видѣли подлинный и настоящій сперминъ. Но, выйдя на улицу и расходясь по домамъ, они высказали другъ другу подозрѣніе въ томъ, что сперминъ оказался настоящимъ потому, что онъ вышелъ не изъ лабораторіи Пеля, а былъ выписанъ изъ-за границы. Подозрѣніе высказывалось громко и довольно убѣжденно. Пелю и тутъ не повезло.

Но онъ все-таки не утонулъ, а вынырнулъ. Его сперминъ скоро приобрѣлъ въ медицинѣ права гражданства и сталъ прописываться и продаваться въ аптекахъ подъ именемъ *Sperminum Phoeli*. Наконецъ, поладилъ онъ и съ прессою. Мелкая пресса о немъ

¹⁾ Покойный И. Е. Андреевскій былъ очень умный человѣкъ съ хохлацкимъ «себѣ на умѣ». То, что автору настоящей статьи казалось наивностью и глупостью, было его обычнымъ маневромъ, когда нужно было тушить бушующія въ обществѣ страсти. И этотъ маневръ ему всегда удавался, благодаря чему всякое засѣданіе подъ его предсѣдательствомъ проходило гладко и съ благополучнымъ концомъ.

скоро замолчала, а въ «Новомъ Времени» научный обозрѣватель, относившійся въ своихъ статьяхъ къ спермину Пеля научно-скептически, въ одинъ прекрасный день печатно призналъ за этимъ препаратомъ извѣстныя достоинства.

Теперь, когда я это пишу, все улеглось и превратилось въ недавнее прошлое. Но когда это прошлое было еще настоящимъ, Доброславинъ и Пель, въ общей неразберихѣ, имѣли много основаній упрекать заочно другъ друга въ умышленной подтасовкѣ научныхъ фактовъ.

XXIII.

Повѣсть о томъ, какъ митрополитъ Палладій подложилъ игуменьѣ Валентинѣ свинью.

На Лахтѣ, подъ Петербургомъ есть на самомъ берегу моря историческая сосна, давно уже засохшая. Когда-то она была зелена и жива, но теперь представляетъ собою одинъ только почернѣвшій, безжизненный и разрушающійся отъ времени остовъ сосны. О Лахтѣ существуютъ, какъ извѣстно, два преданія: одно изъ нихъ гласитъ, что на этомъ мѣстѣ осѣли черти, изгнанные откуда-то какимъ-то святымъ человѣкомъ; а другое повѣствуетъ, что тутъ, именно противъ этой сосны, Петръ Великій спасъ во время бури утопавшихъ въ морѣ. На этомъ основаніи и сосна считается исторической и ее мѣстные жители берегутъ, насколько можно сберечь отъ всеокрушающаго времени. Мѣстность, на которой расположена Лахта, принадлежитъ графу Стенбокъ-Фермору и заселена очень густо преимущественно петербуржцами; которые настроили себѣ здѣсь дачь. Лѣтомъ же она кишмя кишитъ дачниками. Эти-то обыватели и дачники рѣшили увѣковѣчить подвигъ Петра Великаго такимъ памятникомъ, который символически наименовалъ бы о бурѣ и соснѣ. Придумали они у самой сосны, на самомъ берегу моря построить часовню и на вершинѣ часовни повѣсить колоколъ-самозвонъ. Колоколъ этотъ долженъ былъ быть снабженъ крыльями наподобіе мельничныхъ и съ помощью ихъ звонить во время бури. Хотя при современномъ состояніи сообщеній на Лахтѣ трудно и даже почти невозможно ожидать какихъ-либо кораблекрушеній, которыя могли бы быть предупреждены звуками колокола-самозвона, тѣмъ не менѣе мысль эта лахтинцамъ понравилась. Часовню они построили, но колоколъ на нее почему-то не повѣсили.

Потребовалось эту часовню освятить. Лахтинцы постановили произвести это освященіе съ помпой и торжественностью и съ этой цѣлью ударили челомъ митрополиту Палладію, недавно переведенному въ Питеръ изъ экзарховъ Грузіи. Разказали они ему объ историческомъ значеніи сосны и о колоколѣ-самозвонѣ. Митрополитъ безъ колебаній разрѣшилъ духовное торжество и даже

благосклонно вызвался самъ освятить часовню. Лахтинцы обрадовались и пригласили много разныхъ почетныхъ лицъ и духовенства. Была приглашена и игуменья Поводѣвичьяго монастыря мать Валентина. Этимъ приглашеніемъ устроители торжества хотѣли конечно, почтить старицу, но они не знали только одного: что она не въ ладахъ съ митрополитомъ. Валентина все-таки пріѣхала, и въ духовномъ торжествѣ и въ крестномъ ходѣ участвовала и во время освященія часовни молилась усердно и истово. Церемонія прошла съ эффектомъ. По окончаніи ея присутствовавшіе были приглашены полюбоваться динамитными взрывами въ водѣ. Съ этою цѣлю одинъ изъ дачниковъ, снявъ сапоги и засучивъ до колѣнъ панталоны, раза три или четыре вбѣгалъ въ воду, подкладывая подъ торчавшіе изъ нея камни динамитные заряды, поджигалъ ихъ и опасно вбѣгалъ на берегъ. На мѣстѣ взрывовъ поднимались небольшіе столбики воды.

Послѣ того, какъ эта часть программы была исполнена, владыку и всѣхъ именитыхъ гостей гостепріимные лахтинцы пригласили въ одинъ изъ домовъ откушать. Трапеза была весьма обильная и пришлась очень кстати, потому что участники церемоніи сильно проголодались. За столомъ митрополита Палладія и игуменью Валентину, какъ самыхъ почетныхъ гостей, помѣстили другъ противъ друга. Когда первый голодъ былъ жадно и лихорадочно утоленъ, начались рѣчи и тосты. Здравницы въ честь свѣтскихъ лицъ сопровождались крикомъ «ура», а въ честь духовныхъ лицъ пѣлось «многая лѣта». Духовенства за трапезой было много, вина тоже было много, и аппетиты у всѣхъ, послѣ многоверстной прогулки съ крестнымъ ходомъ, были прекрасные. На вино налегли довольно усердно, и тосты однимъ изъ діаконовъ провозглашались зычно и изъ глубины души. Пропѣли «многая лѣта» высокопреосвященнѣйшему митрополиту Палладію, потомъ — святѣйшему синоду и затѣмъ далѣе, по чину. Перебрали всѣхъ и больше пить было уже не за кого. Тогда одинъ изъ хозяевъ-устроителей, мірянинъ, провозгласилъ здравицу «за высокочтимую матушку игуменью Валентину». Духовенство обрадовалось, взялось за стаканы и грянуло было многолѣтіе. Но лишь только было пропѣто слово: «многая», какъ зашнулось и смущенно умолкло: митрополитъ Палладій сдѣлалъ рукою запретительный знакъ. Всѣ безъ исключенія были смущены и съ недоумѣніемъ стали переглядываться. Владыка подалъ новый знакъ, что онъ желаетъ говорить. Въ ожиданіи митрополичьяго тоста все моментально и почтительно смолкло.

— Да, да, ничего, — заговорилъ Палладій. — Валентина у меня — игуменья ничего себѣ... Игуменья добрая... Да, да... Хорошая игуменья.

Валентина привстала съ мѣста, отвѣсила надъ столомъ владыкѣ монашескій поясной поклонъ и опять сѣла. Краткій тостъ

митрополита за игуменью былъ произнесенъ такимъ тономъ, что духовенство уже не дерзнуло пропѣть ей многолѣтіе. Кто-то изъ дьяконовъ, сидѣвшихъ на дальнемъ концѣ стола, проговорилъ вполголоса:

— Однако... владыка свинью подложилъ...

Поднялся всеобщій шопоть, и начались толки, догадки, предположенія и комментаріи. Чтобы замять ихъ и прекратить общее неловкое положеніе, кто-то поспѣшилъ произнести тостъ за о. Іоанна Кронштадтскаго. На этотъ разъ многолѣтіе грянуло невозбранно и даже съ одушевленіемъ, а затѣмъ трапеза до самаго своего окончанія протекла, какъ по маслу, мирно и спокойно. Но лишь только поднялись изъ-за стола,—игуменья Валентина первая уѣхала въ своей каретѣ въ городъ и, надо полагать, всю дорогу думала и размышляла о подложенной ей Палладіемъ свиньѣ...

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА ТРУДОВОМЪ ПУТИ.

Разказъ.

ТО ВЫ думаете дѣлать теперь по окончаніи гимназіи?—спрашивала въ моемъ присутствіи женщина лѣтъ со-рока слишкомъ молодую восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, подвижную, съ блестящими карими глазами.

— Думаю поступить на курсы,—отвѣчала послѣдняя.

— На какіе?..

— На медицинскіе...

— Не дѣлайте этого,—заволновалась старшая собесѣдница.—Правда, это въ высшей степени увлекательное, интересное дѣло... изучать медицину, но служить... работать женщинѣ-врачу при современныхъ условіяхъ—это ужасно!.. говорю вамъ по опыту... вы, какъ знаете, конечно!..

Обѣ замолчали. На лицо женщины-врача набѣжали тѣни, которыя обыкновенно появляются при невеселыхъ воспоминаніяхъ. Дѣвушка смотрѣла въ сторону, ея взоръ былъ загадочно-восторженный: вѣра въ будущее, свѣтлое, трудовое, и мечты, вѣроятно, охватили своей властью граціозную и пылкую головку.

Мои симпатіи были на сторонѣ дѣвушки.

I.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этой бесѣды, которую я забылъ. Однако пришлось вспомнить и подумать: «да, права тогда была не дѣвушка своимъ вызывающимъ задоромъ, но опытная женщина, права въ томъ смыслѣ, что, кромѣ способностей и знаній, интереса къ спеціальности, быть женщиной-врачомъ трудное дѣло,

требующее энергіи и характера, что особенно сказывается при работѣ на «нивь народной». Но расскажу по порядку.

За исключеніемъ нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ, я постоянно проживалъ въ глухомъ приморскомъ селеніи кавказскаго побережья. Отъ городскихъ центровъ было далеко (не менѣе 100 верстѣ), почтового отдѣленія не существовало, пароходы не заходили въ это дикое, но прелестное мѣстечко, гдѣ все было такъ свѣжо и непосредственно.

Представьте себѣ небольшую, съ версту, бухту по обѣимъ сторонамъ которой высятся горы, разнообразными перевалами идущія туда, къ тѣмъ высокимъ горамъ, замыкающимъ долину, или, по мѣстному, «щель».

Особенно хорошо быть на морскомъ берегу вечеромъ передъ закатомъ солнца, лѣтомъ, когда играютъ и блещутъ лучи свѣта, скользя по широкой груди морского великана. То серебромъ, то перламутромъ прокатится легкая волна и разсыплется по красивымъ мелкимъ камнямъ берега. Даль моря безконечна и пустынна: рѣдко и далеко пройдетъ пароходъ, чаще фелюга съ высокимъ бѣлымъ парусомъ виднѣется долго въ морѣ. Вѣрно, рыболовы-турки ѣдутъ въ городъ съ рыбой... А море мѣняетъ тоны красокъ, то потемнѣетъ вмѣстѣ съ набѣжавшими облаками, то засверкаетъ трепетнымъ блескомъ, когда снова безоблачно небо.

Море тянетъ, влечетъ... Но если долго смотрѣть въ его даль и слушать однообразный шелковый шумъ его волнъ, то тихая печаль заползаетъ въ сердце, и томить и вызываетъ грустныя воспоминанія... Тогда оглянитесь назадъ!.. Веселыя, зеленыя горы потемнѣли въ балкахъ и перевалахъ. Хороши, граціозны ихъ выгибы и вершины и эти переходы зелени отъ свѣта къ тѣнямъ!..

Долина упирается въ цѣлую группу особенно красивыхъ вершинъ, замыкающихъ станицу и отдѣльные хутора. На берегу немного жилыхъ помѣщеній; почти всѣ постройки расположены по низинѣ, гдѣ и церковь, и торговыя заведенія, и сельское правленіе. Только одно зданіе народнаго училища построено на возвышенности, и его красная изъ черепицъ крыша видна какъ съ моря, такъ и долины. Населеніе смѣшанное изъ русскихъ и малорусскихъ переселенцевъ, имѣются и бывшіе кубанскіе казаки. Вся эта пестрота по волѣ и неволѣ послѣ завоеванія Кавказа русскими заняла мѣста бывшихъ черкесскихъ ауловъ и поставила въ горахъ степную культуру, вмѣстѣ съ тѣмъ пользуясь оставленными черкесскими садами, отъ которыхъ въ настоящее время осталось, да и то мѣстами, самое слабое воспоминаніе.

Однимъ словомъ, люди изъ степей были заброшены въ прибрежныя горы и оставлены на волю судьбы. Всѣ помыслы этихъ странныхъ переселенцевъ-культурщиковъ были лишь прокормиться и избѣжать лихорадки, этого бича, особенно въ то прежнее время

своего неустройства. Медицинской помощи, разумѣется, не было, начальство находилось далеко отъ переселенческихъ труппъ, да и оно по своему развитію и совершенному незнанію особенностей и характера края находилось въ равномъ положеніи съ рядовыми переселенцами.

Культура, по отсутствію путей сообщенія и другимъ условіямъ, не проникала въ эти полудикія станицы, и жили люди сами по себѣ, храня преданія и суевѣрія своихъ степняковъ дѣдовъ и отцовъ. Жили, вспоминая Россію и равнодушно и даже съ пренебреженіемъ относясь и къ морю и къ горамъ, которыя не распашешь подъ пшеницу, производившую плохо, и, если бы не черкесскіе сады, то, мнѣ думается, разбѣжались бы «русскіе завоеватели» изъ чуднаго края: они собирали большіе урожаи яблокъ и бергамотовъ и возили въ городъ, гдѣ промѣнивали фрунты очень выгодно на муку.

— Такъ на такъ, т. е. пудъ на пудъ, мѣняли мы «фрунту ихнюю»,—разсказывали мнѣ старожилы.

— Значитъ, хорошая была фрухта?—интересовался я.

— И-и!.. задумывался переселенецъ. Хорошая была «фрухта», рѣсно ¹⁾, богато рожала. Яблокъ во какой!—показывалъ разсказчикъ на свой кулакъ.—А бергамотъ и того больше!..

— Гдѣ же теперъ эти деревья? Что случилось съ садами черкесскими?

— Пропали,—отвѣчалъ уныло собесѣдникъ.—Оно, конечно, и мы сами виноваты, много порубили!..

— Зачѣмъ же?.. вѣдь лѣса и безъ того было много?!

— Всего было много... лѣсъ дремучій... Бывало, пріѣдешь по осени на мѣсто черкесскихъ ауловъ, глянешь на фрунтовыя деревья, плодовъ страсть что... Какъ ихъ собрать, а спѣшить надо везти на продажу... Ну, и рубятъ и валятъ деревья, чтобы снять фрунту... а деревья-то высокія, вѣтви развѣсистыя!.. Много такимъ манеромъ порубили «ихнихъ» садовъ... Послѣ, кто поумнѣй изъ нашихъ, собрали сходъ, да раздѣлили по домохозяевамъ «фрунту» эту самую, за которой, по правдѣ сказать, и ходить-то мы не умѣли... Ну, кои «деревя» сами погибли, а больше мы погубили по глупости да изъ-за спѣшки!.. И сады же были!..—вспоминалъ, смотря въ горы, собесѣдникъ.

Такимъ образомъ русскіе первые поселенцы порѣшили съ черкесской культурой!

Сады порѣшили еще и потому, что черкесскія аульныя мѣста были до нѣкоторой степени удобренныя, годныя для распашки. Ну, и рубили фрунтовыя деревья, корчевали и сѣяли пшеницу, заводили въ горахъ степное хозяйствѣ.

¹⁾ Много.

Пропали колодцы, дороги черкесскія; выстроилось Сухумское шоссе отъ Новороссійска, пошло пароходство, обстроились богатые курорты, Сочи, Гагры и др., но та же нудная жизнь въ прибрежныхъ и горныхъ станицахъ. Живутъ, рождаются, умираютъ люди, какъ и въ первые годы своего переселенія, такими же, безъ свѣта, знанія и безъ врачебной помощи.

— Помилуйте!—говорили мнѣ.—Да какъ вы здѣсь живете?.. Спаси Богъ заболѣешь, или что случится!.. Вѣдь наша русская деревня куда выше, культурнѣе вашего «блестящаго побережья»!..

— Да,—соглашался я,—вы правы относительно медицинской помощи! Ближе чѣмъ за 100 верстъ доктора нельзя найти!.. Сюда же онъ вовсе не показывается!..

— А крестьяне какъ же?

— Лечатся сами.

II.

Да, читатель, обыватели лечились сами. Были, конечно, и практиковали знахарки, шептуны, но больше прибѣгали къ своимъ весьма сильнымъ средствамъ: больного лихорадкой завертывали въ одной рубашкѣ въ разсолъ тузлука и просаливали, отъ болѣзней желудка принимались прямо невозможныя средства, о которыхъ неудобно и говорить въ печати. Толкли дно непременно пивной бутылки, обливали толченное стекло растворомъ уксуса и принимали. Это же средство служило полосканьемъ при зубной боли. Однимъ словомъ, все, что можетъ выдумать полудикій человѣкъ, чтобы отвлечь боль, вводилось въ организмъ, который, несмотря на свою природную крѣпость, съ трудомъ выдерживалъ такіе рецепты и, конечно, разстраивался окончательно.

Болѣе безопасные врачеватели были «шептуны», преимущественно изъ старыхъ и религіозныхъ женщинъ. Онѣ надъ больными шептали молитвы и sprыскивали водой. Это не былъ промыселъ, а доброе дѣло, за которое оригинальные доктора не брали ничего.

— Во внутрь ничего не даете?—спрашивалъ я знакомую старушку-шептуна.

— Нѣтъ... зачѣмъ?!. Однѣми молитвами обходимся. Помолимся Богу, святымъ угодникамъ его, Пантелеймону, Николаю и больше ничего... съ вѣрой только молиться надо!

— И помогаетъ?

— Какъ же... сейчасъ полегчаетъ, а то и совѣмъ броситъ... при тяжелыхъ родахъ добре помогаетъ!..

Все это было ужасно. Мимо моего домика почти каждый день проносили гробики съ маленькими покойниками: смертность дѣтей была огромная, что понятно, если и къ малому человѣчку принимались «свои» средства. Послѣ, когда округа со мной освоилась,

то нѣкоторые больные стали приходять къ женѣ, которая давала имъ при лихорадкѣ хины, салицилки. Конечно, помогать отъ всѣхъ болѣзней жена, совсѣмъ не специалистка, не могла, да и не пробовала, но къ больнымъ ходила, причемъ наблюдала, что огромный процентъ женщинъ страдаетъ женскими, послѣродовыми болѣзнями.

— Вамъ непременно надо въ больницу, во всякомъ случаѣ къ доктору ѣхать,—совѣтуетъ жена.

— Куда?.. какъ можно!—отвѣчаетъ больная.—У насъ и коней нѣтъ, развѣ на волахъ доѣдемъ болѣ ста верстъ... на кого же ребятники останутся!..

— Умереть, непременно умереть и скоро Килина,—заявляетъ мнѣ взволнованная жена послѣ посѣщенія больной.—Прямо ужасъ, вѣдь у нея пятеро маленькихъ дѣтей!..

— Что же дѣлать?

— Я не понимаю, у насъ въ Россіи, даже въ глухой губерніи, помощь найдется... а здѣсь?.. Курорты, «русская Ривьера», и въ такомъ положеніи народъ!?. Надо объ этомъ кричать, писать, наклеивать!..

При этомъ мнѣ вспомнилась цѣлая полемика въ мѣстной газеткѣ одного петербургскаго журналиста съ врачебной инспекціей, которая отрицала эпидемію оспы, года два или три свирѣпствовавшую по станицамъ черноморскаго побережья. Полиція требовала отъ урядниковъ и сельскихъ старшинъ регистраціи каждаго случая, а врачебный инспекторъ не зналъ, ибо никакой врачебной статистики въ этой опереточной губерніи не имѣется.

Журналистъ собралъ по сельскимъ правленіямъ цифры больныхъ оспою и торжественно заявилъ: «а что? у васъ оспы нѣтъ?» И ничего, прошло, забыли! Много дѣтей тогда снесли на кладбище, умирали и взрослые, больше почему-то дѣвушки, а рябыхъ, «конопатыхъ», какъ называетъ народъ, объявилось порядочно.

Конечно, неудобно было придавать гласности, что на блестящемъ побережьи свободно, безъ всякаго стѣсненія дѣйствуетъ оспа, когда на курорты съѣзжаются богатые и властные люди. Не лучше ли, по-русски, промолчать о непріятной болѣзни.

Говоря правду, не по силамъ окружному доктору и больницей завѣдывать и посѣщать больныхъ по мѣстамъ—времени нѣтъ буквально. Да не только медицинскій персоналъ, но и судебный... Мнѣ говорилъ мировой судья: «Развѣ мыслимо мнѣ справляться одному съ цѣлымъ округомъ!.. Вѣдь населеніе возросло, сколько каждый годъ переселенцевъ селится!.. Всѣ судятся, особенно пропасть земельныхъ неурядиць... Прямо невозможное положеніе!..»

Да, печальная и бѣдная губернія, хотя имѣются губернаторъ, вице-губернаторъ и много, много полиціи, особенно «безлошадныхъ» урядниковъ, которые, получая «лошадныя деньги», за-

нимаются главнымъ образомъ хозяйствомъ: садятъ табакъ или капусту, смотря по культурности своей и по вкусу. Этимъ «чи-намъ» совершенно нечего дѣлать въ побережныхъ станицахъ, въ которыхъ тихо до урюмости, тихо и голодно!

— Зачѣмъ намъ урядникъ? — говорятъ постоянно поселяне. — Одно — только жалованье получать!.. Довольно намъ и одного старшины... какія-такія наши дѣла?..

Дѣлъ, дѣйствительно, полицейскаго характера (если ихъ не выдумывать) въ станицахъ нѣтъ, и вѣдается уголовная и гражданская сторона жизни сельскими старшиной, судомъ, которымъ много недовольныхъ, идущихъ правды искать къ мировому судѣ, который и изнываетъ подъ «бременемъ дѣлъ».

Любопытно, что урядникъ получаетъ 38 рублей въ мѣсяцъ жалованья, а выборный сельскій старшина только 10 рублей.

III.

Въ послѣдніе годы переселенцы двигались на побережье и занимали мѣста вокругъ еще нестроенныхъ въ земельномъ отношеніи старо и новоселовъ. Неясно и неопредѣленно было положеніе этихъ переселенцевъ, трудно имъ работать и устраиваться въ горахъ, которыя они видѣли въ первый разъ въ жизни.

Нѣкоторые, «побачивъ» такія земли и покачавъ головами, дивились и уходили обратно. Другіе, наоборотъ, приступали къ хозяйству, корчевали лѣсъ, ладили постройки, но тоже уходили, не выдержавъ и года горной жизни.

Проѣзжаешь, бывало, по шоссе и видишь прекрасно, по-русски, срубленный сарай, рядомъ начатая хата, выкорчеванное мѣсто, поваленный лѣсъ — и никого, ни души.

— Что это?.. ушли переселенцы?

— Ушли, — отвѣчаетъ мѣстный человѣкъ: — много ихъ уходитъ, не могутъ приспособиться!..

Отчего? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни опыта, ни указаній, кругомъ живутъ болѣе 50 лѣтъ нестроенные люди, между которыми идутъ нескончаемые земельные споры. Все дорого, и хлѣбъ и картофель.

Бѣгутъ переселенцы также отъ бездорожья, бѣгутъ, но взамѣнъ ихъ приходятъ новые.

Вотъ, благодаря этому переселенческому движенію, стали у насъ носиться слухи, что переселенческое управленіе отпустило деньги на врачебный пунктъ, который рѣшено устроить въ нашей многолюдной и центральной для переселенцевъ станицѣ. Кто говорилъ, что будетъ только фельдшерскій пунктъ и аптека, другіе увѣряли, что врачъ и даже приемный покой.

«Хотя что-нибудь, — думалъ я: — какая-нибудь медицинская помощь!.. Лишь бы не это дикое, варварское, свое леченье!.. Бу-

дутъ лекарства настоящія, а не толченое стекло и не животные экскременты!»

Поселяне, впрочемъ, къ этой новости относились равнодушно. Они были недовольны училищемъ, учителемъ, ибо для дѣла просвѣщенія общество должно было привозить воду и дрова. «Что толку въ такомъ ученѣ?—говорили старики.— Одно баловство и больше ничего!.. отъ работы отвычка!..»

Дѣйствительно, суровые, непреклонные это были люди, особенно староселы, почти всѣ неграмотные. Впрочемъ, не отставали отъ нихъ и поздніе поселенцы, новоселы. Недовѣріе къ иному, культурному міру было полное, чиновникъ и панъ пользовались съ ихъ стороны недоброжелательствомъ. Начальство есть нѣчто враждебное, которое все можетъ сдѣлать, но только недоброе. Одинъ только «батюшка» пользовался поселянскимъ расположеніемъ и уваженіемъ — все равно какой бы ни былъ, хоть самый первый ихъ эксплуататоръ... «Батюшкѣ» все можно, онъ при церкви поставленъ, ближе къ Богу и его угодникамъ.

Суровая природа, угрюмый лѣсъ и скалы и грозное море въ зимнее время—все наложило на жителей печать сдержанности, непривѣтливости и недовѣрія. Ничто извнѣ не приходило и не касалось этихъ суевѣрныхъ православныхъ людей. Жизнь сложилась однообразно и традиціонно, только звонъ колокола и служба церковная отличали будни отъ праздника, когда не работали, а «гуляли». Гуляли не значитъ пьянствовали, нѣтъ: ходили другъ къ другу въ гости, пили чай, рѣдко водку и «балакали»¹⁾ «Гуляли» и такъ: сидѣли около сельскаго правленія или мелочной лавки и тоже балакали. Одни только паробки и дивчата гуляли иначе и самостоятельно—они играли пѣсни.

Обѣдня кончается до восьми часовъ утра, а до девяти всѣ уже пообѣдали и, по праздничному одѣвшись, отправлялись на станицу, т. е. къ правленію.

— Куда, Алексѣй, спѣшишь?—спрашиваю знакомаго новосела.

— Гулять, на станицу,—отвѣчаетъ онъ и приглашаетъ меня.

— Подожди, сейчасъ пойдемъ!..

И мы отправляемся «гулять».

— Что новаго, Алексѣй?

— Не слыхалъ ничего,—отвѣчаетъ онъ.—А вотъ развѣ фельдшеръ пріѣхалъ, квартиру ищетъ...

— Вотъ какъ!.. это хорошо!.. а докторъ, не знаешь, тоже пріѣдетъ?

— Не слыхалъ. Фельдшеръ въ училищѣ остановился... Вѣрно, будетъ на станицѣ... посмотримъ!..

¹⁾ Бесѣдовали,

Мы не спѣша, мимо всевозможнаго рода плетней спускаемся подъ гору. Надъ нами качаются сильныя вѣтви воложскаго орѣха и черкесскихъ яблонь. Это въ низинѣ такой гигантскій, сильный ростъ необрѣзанныхъ и «некоханыхъ» фруктовыхъ деревьевъ. Тамъ дальше въ садочкахъ виднѣются груши, сливы, вѣтви которыхъ переплелись между собою въ тѣнистой, мрачной гущинѣ. Экая сила роста! и какіе урожаи фруктовъ даютъ деревья въ садочкахъ даже въ этихъ ненормальныхъ условіяхъ, когда мало воздуха и солнца!

Проходимъ «монополію», неподалеку отъ дверей которой подъ тѣнью огромнаго орѣховаго дерева расположились рабочіе съ шоссе; передъ ними бутылка водки и кусокъ сѣраго хлѣба.

Кланяемся и проходимъ мимо.

Центръ станицы, т. е. правленіе, церковь, торговыя помѣщенія, расположены по шоссе, гдѣ и происходитъ праздничное гулянье. По правдѣ сказать, нѣтъ хуже, неудобіе этого мѣста, грязнаго въ дождливую пору и пыльнаго въ сухое время, но такая ужъ мода, ибо сюда стремятся и старъ и младъ и гуляетъ именно здѣсь народъ до самаго вечера.

Вотъ налѣво по шоссе столъ, около котораго скамейки и разнообразныя по формѣ бутылки. Это мѣстный сапожникъ торгуетъ квасомъ. Скамьи всѣ заняты, и гуляющіе люди наслаждаются напиткомъ, отъ котораго добре пучитъ въ желудкѣ. Недалеко другой сапожникъ продаетъ остатки мяса.

Вообще здѣшніе сапожники занимаются коммерціей, вѣроятно, потому, что «православные» обувь берегутъ и больше ходятъ босыми.

На крыльцѣ правленія сидятъ самые почтенные сельчане. Всѣ держатъ въ рукахъ тонкія кизилевыя палочки, которыми что-то чертятъ по землѣ и балакаютъ «богато»¹⁾.

Поздоровались. Мы съ Алексѣемъ усѣлись тутъ же на дубовомъ бревнѣ.

— Что новаго? какъ дѣла?—спрашиваю вообще.

— Новаго мы отъ васъ ожидаемъ, — отвѣчаютъ старики. — Вы газеты получаете... что пишутъ о думѣ?

Я рассказываю. Качаютъ головами и чертятъ палочками.

— Не уступаютъ министеры, жаль, вѣрно, съ жалованьемъ разстаться, — замѣчаетъ одинъ.

— И жалованья и земли, все у нихъ, — добавляетъ другой. — Тогда бери жалованье, а землю отдай!.. Ему съ жалованьемъ добре, а мужику безъ земли нельзя...

— Знамо, невозможно!..

Въ это время съ мѣстнымъ учителемъ прошелъ еще молодой человѣкъ въ фуражкѣ съ кокардой.

¹⁾ Много.

— Вотъ фелшаръ новый пріѣхалъ... Квартиру шукаетъ... Вѣрно, къ Кривоножкѣ пошелъ!..—проговорилъ кто-то.

Всѣ молчали и смѣтрѣли вслѣдъ фельдшеру.

— Что жъ,—сказалъ я,—квартира у васъ найдется...

— Чего не найдется?—усмѣхнулся старый казакъ Загибайко.— Да мало грошей даютъ.. казенныхъ денегъ жалѣютъ!.. квартиры въ станицѣ добрыя, у Кривоножки, у Поныря, у Бѣлоуса...

— Что же вы довольны, что у васъ докторъ, фельдшеръ будетъ?—спросилъ я.

— Намъ что?—отвѣчалъ старшина.—Пуцай живутъ и лечатъ, только безпокойства бы не было...

— Какого безпокойства?—спросилъ я не безъ удивленія.

— Всякаго! — продолжалъ не безъ раздраженія старшина.—И то, и другое подай... теперь квартира дорогая!.. а гдѣ я имъ дешевую найду, не свою же отдать. Знамо, каждый желаетъ больше грошей получить.

— Да вѣдь это не дачники, не какіе-нибудь посторонніе люди!— недоумѣвалъ я. — Помилуйте, они васъ будутъ лечить, вамъ же пользу приносить...

— Намъ не надо!—послышались голоса.—Жили и проживемъ безъ докторовъ!

Не ожидалъ я такого пріема медицинскаго персонала. Мало того, узналъ, что врачебный пунктъ, если не найдется помѣщенія подходящаго, можетъ основаться верстахъ въ двадцати пяти, тоже въ большой станицѣ. И ничего!.. «Пуцай уѣзжаютъ!» говорятъ странные люди. «Намъ что... одно безпокойство!»

Это ужасно! Какое-то дикое упорство, нежеланіе себѣ и другимъ пользы!

— Да сколько дѣтей вашихъ помираетъ... — горячился я. — А оспу вспомните! лихорадки постоянныя... Вѣдь отъ всего этого помощь будетъ!..

— Отъ Бога, кто помираетъ!—сказалъ суровый съ нависшими бровями человѣкъ.—Развѣ могутъ твои доктора противъ Бога? Скажи—могутъ?

Я молчалъ. На меня съ лукавой насмѣшкой глядѣли другіе. Въ это время послышался ужасный крикъ, видимо женскій, еще и еще. Это было недалеко, и я поспѣшилъ туда, на этотъ крикъ. Когда я подходилъ къ мѣсту, мнѣ представилась ужасная сцена: еще молодую, съ окровавленнымъ лицомъ несли на рукахъ женщину. Она была безъ памяти.

— Что это? отчего такое несчастье?

— Мужъ жену побилъ,—отвѣчали мнѣ, улыбаясь.—Вотъ тѣмъ дрючкомъ!.. добре человѣкъ бабу обучалъ...

— Да вѣдь это не человѣкъ, а звѣрь!.. Развѣ можно такъ бить?! Какое онъ имѣетъ право?

— Развѣ мужъ не имѣеть права бить жену? — удивились и засмѣялись люди.— Ишь что баять!.. ха! ха!

— Нѣтъ, не имѣеть!.. никто не можетъ драться, бить!..

— Такъ можетъ у пановъ! а у насъ, братъ, ежели жена провинилась передъ мужемъ, то не только бить, но и убить онъ ее можетъ!.. Вотъ какой нашъ законъ! и мы тебѣ не совѣтуемъ въ наши порядки мѣшаться!..

Мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ уйти!

«Да,—думаль я,—хороши порядки!.. нечего сказать... лечить, учить не надо... вотъ бить и даже убить можно!...»

Я возвращался къ себѣ. Передо мной въ серебряномъ сіяніи застыло море, вдали подернутое дымкой. Справа и слѣва огрудились зеленныя горы. Какъ хороша, очаровательна природа и какъ жалки и жестоки люди!.. А еще говорятъ о Богѣ, несчастные!..

IV.

Скоро я познакомился съ фельдшеромъ Диденкомъ. Онъ былъ изъ хохловъ и произвелъ на меня въ первый разъ неопредѣленное впечатлѣніе, долженъ признаться, не въ лучшую сторону. Когда онъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ служилъ до этого времени въ глубинѣ Кавказа, какое было тамъ трудное положеніе среди горцевъ-магометанъ,—я слушалъ внимательно, но почему-то не вѣрилъ. По правдѣ сказать, мнѣ было неловко: почему я съ перваго раза не вѣрю этому человѣку? Такое безпредметное недовѣріе совѣмъ не въ моемъ характерѣ. Можетъ быть, онъ говоритъ сущую правду?

Между тѣмъ, фельдшеръ былъ, несомнѣнно, способный и неглупый человѣкъ, человѣкъ дѣйствительно на все руки. Онъ и сапоги работалъ, и могъ сдѣлать столъ, комодъ и проч. Я видѣлъ его работы, завидовалъ ему, когда присутствовалъ при нихъ. Онъ былъ бережливъ, совершенно трезвъ, отказывался постоянно выпить стаканъ мѣстнаго вина въ компаніи, онъ свободно говорилъ о химическихъ реакціяхъ, положимъ, въ области фармакологіи. Однимъ словомъ, Диденко былъ человѣкъ до нѣкоторой степени приличный и, повидимому, сознательный фельдшеръ-работникъ. Вотъ слишкомъ глаза его бѣгали и смотрѣли въ сторону,—но это могло быть отъ излишней нервности натуры.

Я расположенъ былъ относиться къ нему самымъ лучшимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой фельдшеръ въ дикомъ, среди горной пустыни, селеніи, да вѣдь это находка!

— Стало быть, рѣшено именно у насъ устроить врачебный пунктъ?—спросилъ я его еще при первой встрѣчѣ.

— Вѣроятно!—отвѣчалъ Диденко.—Впрочемъ, окончательно это будетъ зависеть отъ врача.

— Вы не знаете, кто сюда назначенъ?

— Женщина-врачъ...—отвѣчалъ собесѣдникъ, назвавъ незнакомую мнѣ фамилію.

Я выразилъ по этому поводу удовольствіе и спросилъ, скоро ли онъ ждетъ этого врача.

— Думаю, что должна прибыть скоро, — отвѣчалъ онъ:—вѣдь надо устраиваться, квартиру найти, позаботиться о помѣщеніи для аптеки... дѣла не мало! Долженъ прибавить, что для меня не совѣмъ пріятно, что на пунктъ назначена женщина... мужчина былъ бы удобнѣй и для меня, и для народа!..

— Почему? — возразилъ я.—Напрасно такъ думаете... Въ станицѣ преобладаютъ дѣтскія и женскія болѣзни... Здѣсь именно женщина-врачъ и нужнѣе... Кромѣ того, наши русскія женщины-врачи зарекомендовали себя прекрасно, главнымъ образомъ съ идейной стороны... Русскія земства ими не нахвалятся... Это неутомимыя самоотверженныя работницы!

Диденко промолчалъ, лицо его скривилось въ непріятную улыбку.

Разговоръ перемѣнился. Мы говорили о морѣ, и фельдшеръ мнѣ рассказывалъ, что онъ хорошій шкиперъ, что много разъ управлялъ баркасомъ въ критическія, бурныя минуты.

— Удивляюсь,—замѣтилъ я:—вы дѣйствительно «на всѣ руки»... и всякія мастерства знаете и даже опытный шкиперъ!.. Гдѣ всему этому научились?

— Въ монастырѣ... когда я тамъ обучался.—Диденко назвалъ извѣстный, богатый монастырь на морскомъ берегу въ очаровательной мѣстности.

— А гдѣ вы кончили курсъ вашей спеціальности?

— Въ военной школѣ,—отвѣчалъ онъ.

«Однако, — подумалъ я, — сложное воспитаніе! человекъ огонь и воду прошелъ!.. монахи и военные!.. разнообразная дисциплина!»

— Налаживаются наши дѣла плохо,—говорилъ фельдшеръ.

— Почему такъ?

— Да кулаковаты у васъ мужики, да и хитры каналы!.. никакъ не уступаютъ квартиры... Что? — говорю имъ—мои, что ли, деньги? казенныя, вѣдь! беречь я ихъ долженъ... «Ишь, беречь!—отвѣчаютъ.—Съ насъ деньги-то берутъ... ну, значитъ, случай пришелъ обратно гроши получить!» Не угодно ли, какая политическая экономія! Не только для медикаментовъ, но лично себѣ не найду квартиру... Пока рѣшилъ обосноваться въ большой комнатѣ при сельскомъ правленіи, только холодъ тамъ собачій: приходится подъ шубой спать, а отъ оконъ дуетъ, особенно во время нордъ-оста, прямо до невозможности!.. Жду жену, скоро пріѣдетъ, — тогда нужно какъ-нибудь иначе устроиться...

— Ахъ, вы женаты!..

— А то какъ же!.. по всякимъ трущобамъ скитаться, безъ жены, въ одиночествѣ, этакъ съ ума сойдешь!..

— Но съ семействомъ еще труднѣе...

— У меня жена молодецъ!.. посмотрите, какая работница... Не подумайте, барыня!.. ни, Боже мой!..

— Итакъ, съ нашими поселянами не поладили? — смѣялся я, когда Диденко прощался со мной.

— Кремни, а не мужики!—отвѣчалъ фельдшеръ.—Посмотримъ, какъ съ такими поладить женщина-врачъ! Очень любопытно, посмотримъ!—повторилъ онъ злорадно.

Фельдшеръ Диденко очень скоро вошелъ въ колею жизни нашей станицы. Я постоянно его видѣлъ въ обществѣ то пола, то урядника, съ которыми онъ, очевидно, дружилъ и которые, повидимому, относились къ бойкому человѣку хорошо.

Встрѣчаясь съ фельдшеромъ часто, я постоянно спрашивалъ: не знаетъ ли, не получалъ ли извѣстій, когда пріѣдетъ врачъ?

— Не знаю... вотъ медикаменты пришли и пора бы открывать правильный пріемъ и леченіе, а вотъ, видите, ни слуха, ни духа... Все на мою голову... работай, молъ, мы на готовое пріѣдемъ!..

Злая раздражительность такъ и чувствовалась въ послѣднихъ словахъ страннаго, несимпатичнаго фельдшера Диденка!

V.

Наконецъ пріѣхала «докторша», какъ ее стали называть въ станицѣ. Я узналъ, что она сняла квартиру, т. е. одну комнату, крайне незатѣйливо и мало мебелированную, у нѣкоего Радомича, отставнаго поручика, не знаю какого полка.

Любопытная и прекрасная была эта личность, воплощенная скромность и деликатность.

Сравнительно образованный, вдумчивый, Радомичъ 25 лѣтъ тому назадъ, находясь на службѣ, пришелъ къ убѣжденію, что военная служба, въ основѣ которой лежатъ убійство и кровь, не соответствуетъ назначенію человѣческой личности, бросилъ эту дѣятельность, бросилъ и совершенно порвалъ съ тѣмъ міромъ, къ которому онъ принадлежалъ и гдѣ воспитывался.

— Не думайте,—говорилъ онъ мнѣ:—что это случилось подъ влияніемъ пропаганды или влѣдствіе политическихъ идеаловъ... о, нѣтъ!.. На меня просто нашло какое-то просвѣтлѣніе, все существо, и душа и тѣло протестовали противъ военной среды и нелѣпой жизни. Я рѣшилъ уйти, потому что не могъ оставаться. Правда, съ дѣтства я любилъ природу, меня тянуло къ простотѣ... Мои товарищи теперь генералы, полковые командиры, но видить Богъ, я имъ не завидую и вы, пожалуй, засмѣетесь, что считаю себя счастливѣе. У меня пять десятинъ (которыя въ то время я купилъ за пустякъ), я работаю, жена помогаетъ и мнѣ ничего не нужно... Вотъ въ книгахъ нуждаюсь, но теперь благодаря вамъ и этотъ недостатокъ пополненъ... Спасибо вамъ!

Радомичъ страстно любилъ море и купался почти круглый годъ. Въ первое время, когда онъ поселился въ ужасной глуши, среди полудикихъ людей, общество попросило его быть сельскимъ писаремъ, и онъ согласился. Но служилъ недолго, до перваго посѣщенія станицы начальникомъ округа (по воспитанію городovýmъ), который не могъ понять такого человѣка и отнесся къ нему по-своему, попросту говоря—по-свински. Общество потеряло рѣдкаго и честнаго писаря, а начальникъ округа еще разъ показалъ свою дикую власть.

Однимъ словомъ, Радомичъ былъ идеалистъ, ровный и необыкновенно мягкій.

Поселившись у такого человѣка, «докторша» лучшаго мѣста не могла найти. Въ этомъ случаѣ ей повезло: и покойно, и предупредительно!

Я нѣсколько разъ видѣлъ на станицѣ ея небольшую, просто и даже бѣдно одѣтую фигуру, которая ярко напоминала петербургскую студентку. Не первой свѣжести касторовая полумужская шляпа, холщевая синяя юбка и далеко не фасонисто сшитая кофта. Ходила она быстро, мелкими шагами, не смотря по сторонамъ и спѣша.

Я съ ней еще не познакомился. Очень этого хотѣлъ, но...

Со дня ея пріѣзда меня почти каждый день сталъ посѣщать фельдшеръ и все съ новостями. Вотъ и теперь.

— Ваша женщина-врачъ по старинному рецепту составляетъ, совсѣмъ за наукой не слѣдить, не знаетъ, что это въ медицинѣ давно брошено!..

Онъ назвалъ составъ какого-то лекарства, и затѣмъ продолжалъ:

— Я ей сказалъ, а она молчитъ и по-своему дѣлаетъ... Мнѣ что жъ?.. Я фельдшеръ, она докторъ!..

На этотъ разъ фельдшеръ мнѣ былъ противенъ, такъ радостно и злобно онъ мнѣ это рассказывалъ. Я думалъ: какое нахальство!.. аптекарскій ученикъ какого-то монастыря, полуграмотный, неразвитой, хотя, можетъ, и способный, а сверху внизъ смотритъ на женщину, долгіе и лучшіе годы отдавшую на систематическое изученіе и на служеніе медицинѣ. Я вспомнилъ слова одного извѣстнаго профессора женскихъ врачебныхъ курсовъ: «онѣ, женщины, — говорилъ онъ, — вообще освѣдомлены въ медицинѣ куда глубже, нежели мужчины-врачи... Въ нашемъ дѣлѣ нужно терпѣніе, и при томъ дьявольское, а онѣ имъ обладаютъ въ высокой степени... Надо принять во вниманіе и выборъ: вѣдь лучшія, энергическія дѣвушки стали первыми врачами, а много ли ихъ у насъ!»

Такъ говорилъ благородный профессоръ, а монашествующій фельдшеръ, не угодно ли, критикуетъ и самымъ грубымъ образомъ?!

Надо пойти познакомиться, рѣшилъ я, нечего откладывать, живемъ въ такомъ медвѣжьемъ углу!

— Докторша сегодня про васъ спрашивала, — точно угадалъ мои мысли Диденко: — кто вы такой? Зачѣмъ здѣсь живете?

— Что же вы сказали?

— Сказалъ, что писатель, что зимой въ Петербургъ уѣзжаетъ... ну!.. она и говоритъ: писатель!.. а я хотѣла познакомиться!.. Видите, какая важная!.. Ей съ губернаторами дружбу водить!..

Я недоумѣвалъ. Что это въ самомъ дѣлѣ? Наглое вранье? Но человекъ такъ спокойно, между прочимъ говоритъ: да и что ему, если я съ ней познакомлюсь? Можетъ быть, дѣйствительно какая-нибудь странная женщина, да и время теперь странное... всякое бываетъ.

А фельдшеръ, внимательно посматривая на меня, продолжаетъ:

— Скупая, знаете, какъ чортъ... За пять рублей я нанялъ прибирать пріемную, аптечку, въ мѣсяць. За пять... такъ, что вы думаете? дорого, говоритъ! Поди, ищи теперь сама прислугу... вѣдь не свои, казенныя деньги платить!.. Чего жъ рабочему человеку не передать цѣлковый!.. Что ей отъ того убудетъ... Очень скупая!..

А вѣдь фельдшеръ то же говорилъ, что тогда крестьяне про него самого говорили?

Я забылъ сказать, что у Диденка голосъ былъ тонкій, женскій, а когда онъ волновался, то даже пищаль. Этотъ пискъ былъ крайне непріятенъ, а для меня тѣмъ болѣе въ эту минуту. Но гость не покидалъ меня. Онъ, повидимому, былъ полонъ негодованія, и «докторша» не выходила у него изъ памяти.

Помню, онъ что-то еще говорилъ про нее во враждебномъ тонѣ, кажется, что она познакомилась и часто проводитъ время съ молодой учительницей, про которую учитель говоритъ и т. д...

Но я уже не слушалъ и ждалъ, когда меня оставитъ этотъ пискунъ.

— Купаться не пойдете?—предложилъ онъ, взявъ свою съ кокардой фуражку.

— Нѣтъ, благодарю васъ...

— Отчего? Вода превосходная, и на морѣ зыби нѣтъ... Пойдемте!..

— У меня зубы болятъ, — отвѣчалъ я для самого себя неожиданно.

— Болятъ?.. Что же не сказали... Я вылечу, у меня вѣрное средство...

— Спасибо! у меня тоже есть капли... сейчасъ займусь!

«Чортъ знаетъ! — проговорилъ я послѣ его ухода. — Изъ деликатности врать приходится... Просто слѣдовало сказать: убирайтесь къ чорту!.. Нѣтъ, не можемъ... зубы, молъ, болятъ!.. ложная деликатность!»

Бесѣда съ Диденкомъ привела меня въ дурное настроеніе. Какъ я желалъ, радовался, что дѣйствительно среди безпомощно умирающаго населенія поселятся медики и будутъ лечить, вылечить, а благодарные крестьяне душевно относиться къ нужнымъ, интеллигентнымъ работникамъ, и все пойдетъ такъ хорошо, нравы станутъ смягчаться, ибо благодарность и признательность будутъ закрадываться въ жесткія, но простыя и искреннія сердца... А что вышло? Непріязнь, вражда между самимъ персоналомъ и недовѣріе со стороны народа! Грустно, больно! и не было желанія у меня встрѣчаться съ фельдшеромъ и знакомиться съ докторшей... Зачѣмъ?

VI.

— Зайдите въ садочекъ... что же мы съ вами у воротъ разговариваемъ?! — говорилъ мнѣ Радомичъ. — Давненько у насъ не были...

Мы вмѣстѣ съ хозяиномъ отворили мудреную калитку, и я вошелъ въ знакомый садочекъ, въ которомъ частыя и невысокія «сливы» давали хорошую тѣнь и прохладу.

«Докторша» и молодая учительница близъ крылечка хаты налаживали самоваръ и смѣялись.

Нельзя было не познакомиться съ ними.

Радомичъ представилъ меня дамамъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости.

— Наконецъ-то!.. — просто и мило проговорила «докторша» Марья Ивановна. — Я давно, очень и очень хотѣла познакомиться съ вами... Отчего не заходили?..

Я замаялся, подыскивая отвѣтъ.

— Не въ этомъ дѣло, — продолжала, улыбаясь, Марья Ивановна. — Зашли и теперь будемъ знакомы. Знаете, я сама хотѣла къ вамъ пойти, но вотъ этотъ рыцарь (она указала рукой на Радомича) возмутился, что дама первая отдастъ визитъ мужчинѣ. Садитесь, пожалуйста... Я васъ не приглашаю въ комнату, тамъ душно... будемъ пить чай здѣсь. Вы не имѣете ничего противъ этого?

— Прекрасно, — отвѣчалъ я, усаживаясь на ступени крыльца.

— Не хотите ли вотъ на табуретку...

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ очень хорошо!..

— У насъ простота, — продолжала Марья Ивановна: — примите во вниманіе, что за вами ухаживать не будутъ... устраивайтесь, какъ знаете!.. Вѣра, смотрите, самоваръ закипѣлъ... сейчасъ я посуду принесу.

«Докторша» скрылась въ хату.

Съ моей души свалилась какая-то тяжесть и мнѣ стало легко и весело, хотѣлось шутить, быть остроумнымъ. Спустя какихъ-

нибудь полчаса между нами образовались дружескія отношенія повѣяло студенческими годами, прошлой молодостью и воспоминаніями. Среди дикой, нетронутой природы, среди людей, находящихся подъ властью только этой природы, здѣсь, въ этомъ садочкѣ подъ сливою и вишенькою появилась та атмосфера, которая, бывало, наполняла убогую комнатку на Выборгской сторонѣ, гдѣ раздавались и пылкія рѣчи и вѣра, вѣра безъ конца. Повѣяло милымъ и дорогимъ.

«Зачѣмъ я такъ долго не приходилъ сюда?» упрекнулъ я себя мысленно и посмотрѣлъ на «докторшу». Да, это она, изъ тѣхъ, которыя мечтали о пользѣ, о народѣ, говорили о жертвахъ, о благородной работѣ, изъ тѣхъ идеалистокъ-народницъ, которымъ жизнь открыла свои жесткія, суровыя стороны. Да, та простота костюма осталась, погнулись только плечи, появились суровыя складки на лбу, и голубые, когда-то довѣрчивые глаза, порой смотрятъ сурово. Пережито, передумано, а главное пережито! Въ самомъ дѣлѣ, русскій человѣкъ особенно много чувствуетъ, а тѣмъ болѣе русская, да еще идейная женщина!

— Какъ вы устроились, Марья Ивановна, довольны ли работой, народомъ?.. Здѣсь народъ нѣсколько иной, нежели въ Россіи.

— Да, я это замѣтила. Въ Россіи народъ лучше... я не скажу, чтобы культурнѣе... та же темнота и суевѣріе, но мягче народъ, и отдѣльныя лица попадаются совсѣмъ хорошія. Я вѣдь почти все время служила по земствамъ. Служить тоже несладко, работы пропасть, а нравственнаго удовлетворенія мало. Работай, лечи, продѣлывай все, что знаешь, и маршъ въ сторону, больше не нужна, придуть, позовутъ другіе и такъ далѣе. Ты докторъ, а не свой, не напѣ человѣкъ... такъ живешь и работаешь въ одиночествѣ и среди одиночества. Устаешь и тяжело!.. Не такъ и не го я думала прежде...

Марья Ивановна на минуту задумалась.

— Сюда я пріѣхала служить, — говорила она: — потому что страстно люблю море, природу — это меня успокаиваетъ. Мнѣ бы хотѣлось имѣть клочокъ, самый небольшой, конечно, земли, маленькое хозяйство... Впрочемъ, объ этомъ мы съ вами послѣ поговоримъ. Налить вамъ еще чаю?

— Пожалуйста, — отвѣчалъ я: — небольшой кусокъ земли, конечно, купить можно, но хозяйничать здѣсь трудно.

— Почему?

— Край неустроенъ, рабочій трудъ дорогъ, насущные предметы тоже...

— Намъ наемнаго труда не нужно... Мы сами будемъ работать...

— Какъ можно?! — вмѣшался Радомичъ: — здѣсь земля почти каменная, физически работать вашими руками...

— Ну, кавалеръ, я васъ не слушаю,—засмѣялась Марья Ивановна и перемѣнила разговоръ.

— Нравится вамъ фельдшеръ?

«Докторша» подумала, не сразу отвѣтивъ.

— Сначала онъ мнѣ очень понравился. Помилуйте, и столяръ, и сапожникъ... все умѣетъ, такой способный, лекарства тоже умѣло, хотя не чисто, приготовляетъ, но... невоспитанный онъ, что ли?.. Вообще мои симпатіи оказались преждевременными. А вы его какъ находите? Вѣдь знакомы съ нимъ?

— Мнѣ онъ не нравится,—отвѣчала я рѣшительно.—По моему мнѣнію, онъ интриганъ и лгунъ.

— Какъ лгунъ?! Этого я не замѣчала.

— А я замѣтилъ и въ этомъ убѣжденъ; скоро, вѣроятно, и вы сами убѣдитесь.

— Да,—проговорила Марья Ивановна,—тяжело имѣть такихъ помощниковъ... фельдшеръ долженъ быть младшимъ товарищемъ доктора, а гдѣ такихъ фельдшеровъ найти? Женщины-фельдшерицы куда воспитаннѣе, образованнѣе—это я наблюдала постоянно въ своей практикѣ.

— Ничего вы относительно Диденка не замѣчали? — продолжалъ я.

— Ничего особеннаго. Грубъ, невѣжливъ и только. Но это для меня не важно.

— Какъ не важно!?—привскочилъ даже съ мѣста Радомичъ.— Это... это... самая дурная черта... да-съ... очень дурная!

— Нехорошій человѣкъ этотъ фельдшеръ! — сказала просто жена Радомича, не произносившая до сихъ поръ ни одного слова.

«Докторша» слегка покраснѣла. Мы замолчали. Для меня было ясно, что фигура и дѣятельность фельдшера для всѣхъ, въ томъ числѣ и для «докторши», представлялись болѣе разносторонними и опредѣленными, но каждый по деликатности и влѣдствіе хорошаго и искренняго отношенія къ Марьѣ Ивановнѣ не затрагивалъ этого дѣйствительно непріятнаго предмета.

Десятникъ сельскій въ это время принесъ полученные съ почты газеты.

Мы набросились съ жадностью на послѣднія новости, которыя, по обыкновенію, были ужасны: разстрѣлы, избіенія, погромы...

— Думаю, не выдержитъ русскій народъ,—говорила, прочтя телеграммы, «докторша»,—не выдержитъ такого ужаснаго положенія дикости и варварства. Помилуйте, вѣдь и это всѣ русскіе, которые во главѣ ужасовъ стоятъ... Знаете, чѣмъ мы страдаемъ? Задачами, огромными задачами при отсутствіи выдержки и культурности... Мы разоряемся и нравственно и экономически. . Нельзя же годами по колѣно въ крови жить... Подумайте, подумайте о будущемъ!..

— Я вѣрю въ будущее, Марья Ивановна, въ свѣтлое будущее,— замѣтилъ я на ея пессимистическое разсужденіе.

— А я нѣтъ!—горячо отвѣтила «докторша»!—Прежде вѣрила, а теперь нѣтъ! Я вѣрю только въ развитіе личности, а мы дѣло имѣемъ съ какой-то стадностью, въ которой личности тонуть и того значенія, которое должны имѣть, вовсе не имѣютъ... Мы мало воспитаны, ужъ не говоря образованы.

— Здравый смыслъ, непосредственное, неиспорченное чувство не измѣняютъ народу,—замѣтилъ я.

— А эти ужасы, звѣрство, и съ той и съ другой стороны... и кровь, и кровь безъ конца!..

— Борьба стараго съ новымъ... Въ крови и мукахъ дѣти рождаются, а мы присутствуемъ при возрожденіи огромнаго народа, даже народовъ, національностей...

Темнѣло, наступалъ свѣжій вечеръ. «Докторша» пригласила насъ въ комнату, я поблагодарилъ и простился.

— Смотрите, не надолго!—вдогонку прокричала мнѣ Марья Ивановна. Я махнулъ шляпой. Въ станицѣ по хатамъ еще свѣтились огни, отражаясь бурнымъ некрасивымъ цвѣтомъ. То здѣсь, то тамъ выло и сонно лаяли собаки. На темномъ небѣ золотымъ дождемъ сверкали и мигали звѣзды.

VII.

Мы видѣлись съ «докторшей» почти каждый день. Диденко рѣшительно безъ всякой причины пересталъ со мной кланяться. Какъ о курьезѣ, я сообщилъ объ этомъ Марьѣ Ивановнѣ, которая нисколько не удивилась и прибавила: «А со мной онъ уже давно не кланяется и не разговариваетъ».

— Какъ же такъ!—удивился я.—Не совсѣмъ понимаю... Вѣдь вы дѣлаете одно дѣло, вмѣстѣ принимаете больныхъ и...

— И не разговариваемъ... очень просто! Онъ не хочетъ меня удостаивать своей бесѣдой... Когда я прихожу на приемъ, онъ становится ко мнѣ спиной...

— Да, вѣдь, это чортъ знаетъ что такое?!

— Неприятно. Мѣшаетъ покойно и внимательно работать. Идешь въ аптеку съ тяжелымъ чувствомъ, которое все время не оставляетъ на приемѣ...

— И вы ему ничего не скажете? не замѣтите? Вѣдь вы въ нѣкоторомъ родѣ начальство!

— Не въ этомъ дѣло! Такой человѣкъ еще хуже можетъ сдѣлать...

— Но необходимо все-таки что-нибудь предпринять...

— Да, я думаю...—отвѣчала Марья Ивановна грустно.—Предпринять надо. Уйти отсюда!..

— Что?! я не понялъ васъ...

— Уйти, говорю... и больше ничего. Неужели вы думаете, что съ фельдшеромъ, потому что онъ нахаль и грубый интриганъ, я должна вступить въ борьбу? въ какую? жаловаться по начальству? или прибѣгнуть къ другимъ средствамъ? скажите, пожалуйста, къ какимъ? Я знаю, что и теперь на меня строчатъ разные доносы... воображаю!.. Вы знаете, какъ я живу?.. Никакого знакомства... развѣ вы зайдете, а то на пріемъ и дома... Скромная жизнь, не правда ли?.. Но я, несомнѣнно, имъ мѣшаю, всѣмъ, и попу, и лавочнику, его женѣ, уряднику, учителю. Вѣроятно, для нихъ женщина-врачъ жупель, бунтовщица и во всякомъ случаѣ не вѣрующая въ Бога! Народъ... но народъ равнодушенъ по своему невѣжеству... Помогла, вылечила отъ болѣзни, ладно, такъ ты на это поставлена... а если нѣтъ, то ужасно... вы не гарантированы отъ оскорбленій!.. Недавно со мной былъ случай съ Поньрей, вѣдь это вліятельный и богатый человѣкъ...

— Я слышалъ,—проговорилъ я:—но это грубый и горячій казакъ!

— А гдѣ найдете деликатныхъ?.. Ну, что я могла сдѣлать, когда цѣлый мѣсяцъ не шлютъ медикаментовъ, несмотря на мои три заявленія. Мальчику камнемъ голову проломилъ кто-то... Я пришла, въ сущности спасла его, остановивъ кровотеченіе, а въ нашей аптекѣ не было средствъ для дальнѣйшаго леченія... Я написала рецептъ и сказала, что надо послать за 20 верстъ въ вольную аптеку и купить лекарство... «Какъ купить?.. должна дать бесплатно».—Да нѣтъ въ аптекѣ... «А, нѣтъ!.. такъ за что ты намъ сдалась, бісова душа!..» Вотъ отношеніе, благодаря которому я такъ разстроилась, что ночь не могла заснуть... и за что? за что?—воскликнула «докторша».

Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ постараться успокоить разстроеннаго человѣка.

«Какая разница»,-- думалъ я,—быть врачомъ-чиновникомъ или работать среди народа, нашего, непосредственнаго!»

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь деревенскаго рабочаго человѣка цѣнится дешево; такъ складывались обстоятельства, такія были и есть условія. Заболѣлъ, неможется—пройдетъ! Становится хуже—ждетъ человѣкъ, что переможется и скоро пойдетъ на поправку. А выходитъ наоборотъ и приходится обращаться къ врачу, когда ужъ поздно.

— Гдѣ же ты былъ раньше? Что же не приходилъ, когда заболѣлъ?—спрашиваетъ послѣ осмотра врачъ.

— Думалъ, что пройдетъ... По первоначалу-то будто ничего!..

— Всегда такъ... а теперь, братъ, плохо...

— Знамо, плохо,—говоритъ несчастный паціентъ.

Сейчасъ, когда я пишу эти строки, ко мнѣ пришелъ крестьянинъ, отличный и неутомимый работникъ, настоящій хлѣборобъ, какъ онъ самъ себя называетъ. Онъ заболѣлъ. Но это еще съ полгоря: онъ заболѣлъ въ страдную, рабочую пору и не можетъ работать въ такое время, когда его трудъ въ высокой степени производителенъ. Цѣлая драма совершается въ душѣ хозяина. Надо понять его состояніе, когда онъ видитъ, понимаетъ, что вотъ то-то и то-то надо, сейчасъ надо сдѣлать, и онъ не можетъ.

По правдѣ сказать, это ужасно!

— Былъ ты у «докторши»?

— Ходилъ...

— Ну и что же? Еще сходи!..

Молчить.

— Чего молчишь,— говорю я:— она поможетъ...

— Мало лекарства даетъ.

— Стало быть, такъ надо.

— Можетъ, жалѣеть...

Мнѣ стало смѣшно и печально.

— А что,— говоритъ больной, загадочно посматривая на меня,— а что, ежели ей полтину дать?

— Зачѣмъ?! Она не возьметъ... ей нельзя брать!..

— То-то я и думаю,— грустно размышляетъ больной.

У другого заболѣлъ на правой рукѣ палецъ, а надо косить, убирать сѣно. Веселый, бодрый человѣкъ совсѣмъ измѣнился, цѣлый день ходитъ и глядитъ, какъ нарываетъ больное мѣсто. Въ его головѣ въ это время работаетъ мысль, сколько бы прошелъ онъ прокосовъ, сколько стожковъ сложилъ бы сѣна... а вотъ не можетъ и ходить и бродить, какъ дурной, когда, смотри, всѣ работаютъ и какъ работаютъ, во всю ночь!

— Всѣ наши мечты были о народѣ,— продолжала, успокоившись, Марья Ивановна:—еще съ самыхъ первыхъ курсовъ мы жили мыслию и чувствомъ облегчить трудную долю народную. Но, оказывается, это не такъ легко, надо подойти къ народу и заслужить его довѣріе. Одного желанія приносить пользу мало, слишкомъ много препятствій въ самомъ народѣ, который очень мало цѣнитъ свое здоровье самъ. Подумайте и замѣйте, на водку, на табакъ денегъ крестьянинъ не пожалѣетъ, купить своей хозяйкѣ платокъ, дѣтямъ отвратительныхъ, вредныхъ пряниковъ, а истратить на лекарство какой-нибудь двугривенный—нѣтъ... это не входитъ въ его бюджетъ... платить за свое здоровье—этого онъ не понимаетъ. Я помню, еще на четвертомъ курсѣ нѣсколько насъ собрали свои небольшіе капиталы, на которые купили всякихъ лекарствъ, и отправились практиковать по деревнямъ. Была поставлена такса за полное леченіе съ лекарствами 20 копеекъ. И что же вы думали? Никто намъ этихъ 20 копеекъ не отдавалъ,

хотя лечились и сравнительно богатые крестьяне. Они не отказывались, но, улыбаясь, говорили: «отдадимъ потомъ!» Очевидно, и тутъ мысль: за такое неважное, моль, дѣло платить не стоитъ! Не угодно ли?

Но пока мы съ «докторшей» разговоры разговаривали, интрига не дремала.

VIII.

Еще въ то время, когда фельдшеръ удостоивалъ меня своимъ знакомствомъ, помню, онъ какъ-то говорилъ: «Знаете, «докторша», не одно только это жалованье (100 рублей въ мѣсяцъ), но и изъ другого мѣста получаетъ, гдѣ она только числится... я навѣрно знаю!»

Я тогда не обратилъ на это вниманія и не повѣрилъ, такъ какъ вообще пересталъ вѣрить фельдшеру.

Но другое дѣло крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ не только повѣрили этой пропагандѣ Диденка, но передавали, какъ несомнѣнный фактъ, другимъ.

Говорили и мнѣ.

Я возражалъ и доказывалъ, что это невозможно, что такіе слухи явная и преднамѣренная ложь.

— Кто говоритъ? — спрашивалъ я.

— Фелшаръ...

— А...а!.. понимаю. — И мнѣ было противно продолжать разговоръ.

Какъ-то разъ, между прочимъ, я выразилъ среди нѣсколькихъ крестьянъ сожалѣніе, что «докторша», полезный для деревни человекъ, покидаетъ насъ и уѣзжаетъ на другое мѣсто. Тогда это было уже рѣшено, но еще не состоялось обычнаго утвержденія.

— Нѣтъ, не сама уѣзжаетъ, а ее губернаторъ прогоняетъ, — перебилъ меня одинъ, впрочемъ, довольно глупый человекъ.

— Откуда ты это узналъ?

— Да фелшаръ говорилъ... онъ знаетъ!

Фельдшеръ все знаетъ, а главное довольно ловко и умѣло распространяетъ разныя небывлицы. Онъ, несомнѣнно, рѣшилъ сжить женщину-врача, чтобы хотя на время остаться одному полнымъ хозяиномъ и аптеки и леченья. Другъ его, урядникъ, называетъ его докторомъ, а при имени «докторши» загадочно и хитро улыбается.

Теперь эта парочка, т. е. фельдшеръ и урядникъ, всегда вмѣстѣ; ихъ умы тоже неразлучны. Они покупились, что въ нашемъ краю считается важнымъ обстоятельствомъ, какъ бы скрѣпленіемъ дружбы.

Благодаря суевѣрной и невѣжественной почвѣ, дѣла друзей идутъ хорошо, и дѣйствительно Марья Ивановна съ грустью въ

сердцѣ ничего не остается дѣлать, какъ бѣжать, покинувъ любимое море и эти зеленыя, прелестныя горы, разстаться съ непосредственнымъ мѣстечкомъ, гдѣ она надѣялась найти покой и полезную работу.

Да, трудна и сложна жизнь интеллигентнаго труженика!.. Какими только терніями ни обставлена! Попробуй, поброди съ мѣста на мѣсто и всю свою жизнь устранвай!!.

Какъ-то мнѣ пришлось посѣтить станцію разгонной почты. Когда я подходилъ туда, со звономъ и трескомъ выѣхала изъ воротъ бричка, на которой сидѣлъ толстый человекъ въ фуражкѣ съ кокардой.

— Кто это?—спросилъ я у завѣдующаго почтой.

— Помощникъ врачебнаго инспектора,—отвѣчалъ послѣдній.— Все о «докторшѣ» наводилъ справки, говоритъ, много жалобъ поступаетъ на нее. Не знаю, кто жалуется и почему? Меня спрашивалъ, я сказалъ, что ничего не знаю. Живетъ, молъ, и лечитъ, и больше ничего.

Я думалъ: «Идетъ пропаганда, здорово идетъ!»

Зашелъ къ Марьѣ Ивановнѣ и спросилъ: не былъ ли у нея помощникъ врачебнаго инспектора?

— Нѣтъ, а что? Развѣ онъ пріѣзжалъ сюда?—удивилась она.

— Я самъ его видѣлъ.

— Очень странно, что не заѣхалъ ко мнѣ,—печально размышляла женщина.

«И невѣжливо», хотѣлось мнѣ прибавить, но я промолчалъ.

Грустно проводили мы послѣднее время. Погода была мрачная и непривѣтливая, дожди и сильная зыбь на морѣ. Ни купаться, ни пройтись не было возможности.

Вообще настроеніе въ станицѣ было унылое и не безъ причины: дожди «лежмя» положили пшеницу, испортили сѣнокосъ, табакъ и баштаны. Много суроваго, упорнаго труда пропало даромъ. Впереди предстояла полуголодная зима и безкормица. Поселяне уже теперь раздумывали, что оставить и что продать: лошадь или корову.

Въ послѣднемъ случаѣ дѣтямъ ѣсть совсѣмъ будетъ нечего! Одинъ фельдшеръ не унывалъ, и послѣ дождя онъ и его другъ урядникъ прохаживались по шоссе, такіе чистенькіе и франтоватые. При случаѣ друзья собирали кружокъ поселянъ и мирно бесѣдовали. Большею частію предметомъ ихъ бесѣды была «докторша», ея скупость и хитрость, благодаря которой она получаетъ два жалованья.

— Скажите, пожалуйста,—обратился ко мнѣ сидѣлецъ винной лавки.—Правда ли, что докторша получаетъ два жалованья?

Меня обозлилъ этотъ глушій, нелѣпый вопросъ.

— Какъ вамъ не совѣстно вѣрить такой нелѣпости?!

— Я и самъ думаю... какъ же это?!

— Сплетня и больше ничего!..

Я пересталъ слушать, что говорятъ, о чемъ балакають. Да и «докторша» махнула рукой.

— Однимъ я довольна,—какъ-то разъ замѣтила она:—что больные идутъ да идутъ ко мнѣ... Скоро полгода, какъ я здѣсь. Какъ вы думаете, сколько перебивало на приѣмѣ?

— Право, не угадаю!—отвѣчалъ я.

— Двѣ тысячи и почти триста человѣкъ!—съ видимымъ удовольствіемъ и даже нѣсколько торжественно проговорила Марья Ивановна. Недурно для начала!? Дорожку все-таки я открыла...

Я радовался вмѣстѣ съ нею. А уѣзжать все-таки приходилось; хотя я всѣми силами протестовалъ противъ этого, но тщетно.

— Подумайте, Марья Ивановна, что и на новомъ мѣстѣ, можетъ быть, еще хуже интриги будутъ... вѣдь отъ этого не уберешься... хорошихъ людей мало!

— Да, вы правы, но я не могу здѣсь больше... подумайте, каждый день такая пытка... наконецъ онъ можетъ самымъ грубымъ образомъ оскорбить меня... отъ такого человѣка это станется!..

Трудно было возражать. Я предложилъ свои услуги переговорить съ Диденкомъ, но «докторша» нашла это неудобнымъ.

— Онъ васъ и то моимъ агентомъ называетъ!—замѣтила она.

— Ну, это все равно для меня!.. Недавно я встрѣтилъ учителя, который, не знаю почему, очень хвалилъ урядника, говорилъ, что крайне либеральный господинъ...

— Вотъ и прекрасно!

IX.

Въ заключеніе очерка я долженъ, хотя кратко, остановиться на сельскихъ училища министерства народнаго просвѣщенія и учителяхъ. Можно пройти молчаніемъ церковно-приходскія школы, въ которыхъ учатся дѣвочки.

— Умѣешь читать, Марія?—спрашиваю я окончившую курсъ дѣвочку.

— Нѣтъ, забыла...

— Сколько времени ходила въ школу?

— Три года. Молитвы вотъ знаю...

Присутствовавшій при моихъ вопросахъ молодой станичникъ Егоръ засмѣялся и добавилъ: «я два года ходилъ въ училище, а писать не умѣю и трудно прочитываю печатное. Это еще что? Кривобочка восемь лѣтъ учился, а ни читать, ни писать не умѣетъ... Какое ученіе!.. учимся, учимся, а письмо надо написать, идемъ къ писарю. Чему, говорятъ, васъ тамъ учатъ?! а чему? банямъ, стахамъ да молитвамъ!..»

Мнѣ просто не вѣрилось.

Великолѣпное зданіе училища, всякія пособія, бібліотека, «завѣдующій» (учитель), важный, съ кокардой человѣкъ, три отдѣленія и дѣйствительно въ теченіе, кажется, 10 лѣтъ изъ многочисленныхъ учениковъ ни одного вышедшаго на льготу по отбыванію воинской повинности.

— Плохое у насъ ученіе!..—говорятъ поселяне и неохотно отбываютъ натуральную училищную повинность.

Какія же причины?

Программа, а главное учительскій персоналъ, «съ бора да съ сосенки», самоувѣренныхъ, необразованныхъ и неразвитыхъ молодцовъ съ кокардами! Немудрено, что такимъ полуграмотный урядникъ кажется пріятнымъ товарищемъ. А сколько гордости и важности! Это не земскіе труженики, деликатные и образованные.

— Знаете,—говоритъ мнѣ какъ-то завѣдующій:—думаю перейти въ Москву...

— Что такъ?

— Тамъ мой двоюродный братъ генераль-губернаторомъ, да и этотъ (слѣдуетъ громкая фамилія) тоже мнѣ родственникомъ доводится.

«Зачѣмъ онъ вретъ?» думаю я и молчу.

При разговорѣ сообщаю о такомъ родствѣ учителя Радомичу, который говоритъ: «конечно, вретъ!»

— Вы знаете здѣшняго дворянина Таможнева?—спрашиваетъ онъ.

— Видѣлъ!.. это что такое?..

— Именно!—восклицаетъ Радомичъ.—А знаете, какое онъ мнѣ недавно предложеніе сдѣлалъ? очень серьезное? «Переѣдемъ», говоритъ, «и станемъ жить въ городѣ». Зачѣмъ?—спрашиваю я. «А въ городѣ много генераловъ живетъ, и мы будемъ тамъ!»... Не угодно ли? Это то же, что учительское родство... одни мотивы!

И вотъ въ такую темную учительскую среду попала дѣвушка, кончившая въ Россіи курсъ гимназіи, молодая, съ искреннимъ желаніемъ работать, трудиться.

Боже! какія гоненія, грязныя и грубыя, возбудила она со стороны «завѣдующаго». Онъ не давалъ ученикамъ ея отдѣленія пособій; когда нужно было съ ней переговорить, онъ манилъ ее къ себѣ пальцемъ, вѣроятно, думая, что такъ поступаютъ его «знатные родственники», и вообще распускалъ про дѣвушку-учительницу оскорбительные слухи.

Она работала усердно, держась въ сторонѣ отъ учителей и урядника.

Учительница и «докторша» были два свѣтлыхъ явленія на фонѣ невѣжества и разнузданности; онѣ были дѣйствительно образованными людьми въ захолустѣ.

Читатель, вы не можете себѣ представить, что такое въ сущности черноморская, такъ называемая, интеллигенція!..

Священники (жалованье въ годъ, кромѣ подаваній, 800 р.) не окончившіе курса въ семинаріи, знаю одного даже малограмотнаго! Учителя... кто ихъ знаетъ откуда?!. Наконецъ служатъ и дѣйствуютъ агрономы безъ агрономическаго образованія, какіе-то коллежскіе регистраторы.

Это ужасная губернія: нестроенная во всѣхъ отношеніяхъ, темная и невѣжественная, поглощающая изъ казны большія деньги, а въ сущности замѣчательно богатая!

Весной я былъ приглашенъ на публичный экзаменъ въ училище. Пошелъ изъ любопытства. Тамъ собрались учителя, учительницы и мѣстный инспекторъ, обыкновенный и, повидимому, добродушный человѣкъ. Учителя ласково и твердо смотрѣли ему въ глаза, что, по-моему, и неудобно и неделикатно. Учениковъ было мало и они были отборные. Учителя и учительницы изъ другихъ станицъ привезли съ собой ихъ по одному или по двое. На экзаменѣ былъ и священникъ.

Никогда мнѣ не забыть той скуки, того тягостнаго однообразія, которыя я пережилъ при этомъ испытаніи, несмотря на то, что оно было подготовлено, чтобы блеснуть талантами и знаніями учениковъ.

Но чуткаго человѣка обмануть трудно и отъ такого публичнаго экзамена, кромѣ отвращенія, ничего нельзя вынести. Никакой простоты, ни одной живой мысли, кромѣ официальнаго къ мальчикамъ отношенія.

Вотъ картина.

За большимъ столомъ сидитъ учительскій персоналъ, всѣ смотрятъ въ глаза инспектору, около котораго находится священникъ, задумчиво поглаживающій бороду. У всѣхъ строгія, задумчивыя лица. Почему задумчивыя, я понялъ послѣ: они задумываютъ головоломные вопросы ученикамъ, вопросы, на которые и сами съ толкомъ не отвѣтили бы, вопросы, чтобы показать: какіе, моль, мы умные люди!

— Что такое паръ?—спрашиваетъ одинъ учитель.

Ученикъ молчитъ. У него страдальческое лицо.

— Отчего бываетъ громъ и молнія?—спрашиваетъ другой.

Молчитъ мальчикъ.

— А ну, скажи мнѣ, Кукуменко,—вопрошаетъ священникъ:—что есть вѣчность?

У мальчика на глазахъ слезы. Экзаменаторы довольны и говорятъ: «Ступай на свое мѣсто, Кукуменко!»

На доскѣ пишутъ мѣломъ многозначныя цифры, дѣлятъ, множатъ, складываютъ, но совершенно безсознательно, учителя необыкновенно хитро подсказываютъ своимъ ученикамъ, и въ концѣ концовъ получается результатъ. Читаютъ между прочимъ по складамъ, стихи говорятъ безъ сознанія, какъ попуган. По-моему,

лучше были развиты мальчики отдѣленія молодой учительницы, бѣгло читавшіе и не такъ деревянно говорившіе стихи. Но вышло на этомъ публичномъ экзаментѣ (?) такъ, что ея-то курсъ и есть самый плохой.

Милліоны дѣлать и множить они не умѣли, мудренныя задачи не рѣшали, но ихъ лица носили болѣе живой отпечатокъ и не было такого утомленнаго и безсмысленнаго выраженія, какъ у другихъ учениковъ. Я замѣтилъ, что первые мальчики съ любовью посматривали на свою учительницу, а вторые со страхомъ на учителей-экзаменаторовъ.

Трудно было дышать педагогической атмосферой, и я вышелъ на крыльцо, откуда открывался великолѣпный видъ и на море и на горы. Скоро шумно выбѣжали мальчики во время перерыва экзамена. Они шумѣли, играли, и выраженіе ихъ лицъ теперь не было такимъ мертвымъ, какъ тамъ, въ экзаменаціонномъ классѣ.

Вышелъ и сельскій старшина, о которомъ я забылъ упомянуть. Онъ былъ безграмотный и «до страсти» любилъ «экзаменты».

— Ну, что?—спросилъ я его.

— Хорошо!—отвѣчалъ онъ, зажмуривая глаза.—Не могутъ мальчишки отвѣта дать... Гдѣ имъ?!

— Ну, а по-вашему, что такое паръ?

— Паръ,—отвѣчало начальство,—когда, значить, вода по при-мѣру въ самоварѣ въ родѣ какъ дыма... Дымъ, значить, водяной!..

— Такъ... Ну, а про вѣчность что скажете?

— Это, значить, когда... когда, значить,—повторилъ и задумался старшина.

Около насъ шмыгали дѣти, ярко свѣтило солнце, и вѣтеръ съ моря свѣжѣлъ, вызывая желаніе купаться.

— А мы знаемъ, отчего громъ гремитъ и молнія сверкаетъ,—сказали, улыбаясь, два мальчугана.

— Отчего? разсмѣялся я.

— Потому, что тучи сталкиваются,—сказалъ шустрый, бѣлоголовый мальчуганъ.

— Ахъ, ты дрянъ этакая! что говоришь?—закричалъ на мальчика старшина.—Да тебя выдрать за такія слова надо!..

— А про вѣчность-то не сказали?—замѣтилъ я.

— Потому мы какъ неученые и намъ нѣтъ времени этимъ заниматься,—отвѣчалъ онъ начальственно-гордымъ тономъ.

Я не пошелъ больше смотрѣть и слушать, какъ «пытаютъ»¹⁾ дѣтей, мнѣ ихъ было жаль.

Море манило къ себѣ, играя и сверкая голубой съ лазурью волной. Тамъ хорошо, на берегу, а здѣсь, въ училищѣ, нудно и безжизненно!

С. Васюковъ.

¹⁾ Спрашиваютъ, расспрашиваютъ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

(Листочки изъ воспоминаній)¹⁾.

V.

Дѣятели «Русскаго Слова». — Насмѣшка «Искры» и журнальный водевиль съ переодѣваніемъ.

НЗДАТЕЛЬ журнала «Русское Слово» Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, охотно принявшій отъ меня статью о Кяхтѣ, поморщился, когда прочелъ мою вторую статью «Очерки бурятской жизни».

— Интересно-то оно, пожалуй, и интересно, — хмурясь сказалъ онъ: — напечатаю, конечно, и эту статью, но, помните, она не будетъ имѣть такого успѣха, какой выпалъ на долю статьи вашей о Кяхтѣ. Да, не будетъ.

— Но почему же? — спросилъ я.

— Гм... гм... Какой вопросъ! Понятно почему, — одна статья другой далеко не родня. Первая — горячая, въ носъ бьетъ, а эта вторая... Ну что въ ней? Бытовая — и только. Такія статьи успѣха не даютъ. Да! И знаете, что я вамъ скажу, — слушайтесь опытныхъ людей. Вы — новичокъ и тѣмъ болѣе вамъ необходимо прислушиваться къ нашему мнѣнію. Первое и самое главное для успѣха вотъ что — надо оживлять всякую статью, окрашивать въ яркіе цвѣта, чтобы она за версту бросалась въ глаза. Статья о жизни бурятъ этнографическая и яркихъ цвѣтовъ въ ней нѣтъ, — старайтесь ихъ найти, оживляйте статью встав-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 130.

ками, въ видѣ, напримѣръ, разсказовъ собесѣдниковъ. Эпизодически, понимаете, эпизодически разсказывайте о разныхъ тамъ, напримѣръ, злоупотребленіяхъ купцовъ, о взяточничествѣ чиновниковъ и т. п. Этнографія, значитъ, сама по себѣ, а разоблаченія сами по себѣ. Статья будетъ живѣе и — заиграетъ. Перцу прибавляйте больше, перцу.

Этотъ разговоръ съ Благосвѣтловымъ памятенъ мнѣ до сихъ поръ, несмотря на то, что съ доводами его я не согласился и въ статью бытовую никакихъ эпизодовъ вставлять не захотѣлъ. Онъ собственно на этотъ разъ и не настаивалъ и оговорился, что указанія свои даетъ «на предбудущее время». Памятенъ разговоръ съ нимъ и тономъ его рѣчи, нервной и нѣсколько какъ будто угрюмой. Разговорившись, онъ сталъ болѣе и болѣе возвышать голосъ и размахивать правой рукой. Кулакъ его при этомъ былъ сжатъ, онъ выразительно потрясалъ имъ въ воздухъ и потомъ, видимо утомившись отъ громкаго говора, зашипѣлъ змѣинымъ шопотомъ, гнѣвно сверкая глазами.

— Обличайте, разите неправду. Вытаскивайте на видъ злоупотребленія и поражайте злодѣевъ смѣлымъ словомъ!

Не помню, носилъ ли онъ очки, но выраженіе лица его памятно мнѣ именно своей... какъ бы поделикатнѣе сказать,—бессодержательностію. Онъ былъ менѣе чѣмъ средняго роста, носилъ усы щетинистые, напоминавшіе что-то грубое, солдатское, держался прямо и всею своей фигурой и манерами имѣлъ сходство,— не въ обиду сказать,— съ писаремъ какого-нибудь маленькаго казеннаго учрежденія. Въ департаментахъ, въ военныхъ штабахъ, въ переднихъ банкахъ иногда встрѣчаются лица съ подобными ухватками. Манеры у него были угловатыя, взглядъ подозрительный, рѣчь, при спокойномъ душевномъ состояніи, тихая и сдержанная, онъ видимо не договаривалъ всего, что думалъ, но зато въ раздраженномъ состояніи говорилъ громко, даже кричалъ и размахивалъ при этомъ крѣпко сжатымъ кулакомъ. Семинарское воспитаніе наложило на него прочную печать, и какъ онъ иной разъ ни старался держаться «по-господски» и говорить важнымъ и авторитетнымъ тономъ, но ни тонъ, ни манеры не удавались.

Помощникомъ его по «Русскому Слову», подписывавшимся редакторомъ, былъ Николай Александровичъ Благовѣщенскій. Онъ уже являлъ собою настоящаго, такъ сказать, безъ всякой шлифовки, семинариста. Рѣчь его была, что называется, безъ поддержки, грубая, нерѣдко дерзкая, въ особенности при разговорѣ о деньгахъ за полистную плату. Помню, я не разъ былъ свидѣтелемъ при такихъ разговорахъ. Приходитъ, напримѣръ, нѣкто Бажинъ, появившійся въ тѣ годы въ печати, потомъ впоследствии пріютившійся въ «Наблюдателѣ» (уже лѣтъ тридцать спустя), а затѣмъ совершенно исчезнувшій гдѣ-то въ провинціи. Этотъ

Бажинъ былъ очень скромный, бѣдный и болѣзненный. Приходилъ онъ въ редакцію за деньгами, слѣдовавшими ему по журналу. Благовѣщенскій, завидя его, хмурился, перебрасывалъ по письменному столу корректурные листы и ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Робкій Бажинъ откашливался, стараясь обратить на себя вниманіе, и понемногу, медленно, шагъ за шагомъ, приближался къ столу, за которымъ сидѣлъ Благовѣщенскій.

— Здравствуйте... гм... гм... — тихо произносилъ онъ.

— А-а!.. Это вы? Что скажете, Николай Ѳедотовичъ!

— Да вотъ... гм... гм... всё то же, насчетъ презрѣннаго металла...

— Такъ-съ... Понимаю... Гм... Что же вамъ не терпится? Подождите еще дня три-четыре...

— Да вѣдь трудно... Необходимость...

— Вотъ выдумали! Эва что,— необходимость! У кого ея нѣтъ. Подождите, говорю, вотъ подписка понаберется, наскребемъ и вамъ тогда что слѣдуетъ. Не вы одни терзаете насъ проклятыми напоминаніями о деньгахъ!..

Такъ, бывало, проворчитъ, кидая исподлобья недружелюбные взгляды, и убѣжитъ изъ комнаты, слышавъ изъ сосѣдняго помѣщенія призывающій его голосъ Благосвѣтлова.

Въ обращеніи съ Благосвѣтловымъ, какъ съ хозяиномъ журнала, онъ былъ, конечно, сдержанъ, указанія его и распоряженія выслушивалъ молча и съ примѣрнымъ терпѣніемъ, хотя Благосвѣтловъ иногда въ раздраженіи и бурчалъ на него весьма неласково. По редактированію журнала онъ, разумѣется, подчинился во всемъ Благосвѣтлову, какъ вообще и почти всегда редакторы подчиняются въ этомъ отношеніи издателямъ, какъ хозяевамъ дѣла, и пословица: «Хозяинъ умнѣ мастера», всего чаще оправдывается именно въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Исключенія, конечно, бываютъ, но—рѣдко.

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій смотрѣли на журнальное дѣло прежде всего, разумѣется, съ матеріальной стороны; тамъ, молъ, что ни рассказывайте, а мы знаемъ, что подписка—прежде всего, безъ подписки намъ пропадать надо. Направленіе журнала—само собой, служеніе идеѣ—тоже само собой, но если, какъ говорится, «не попадешь въ точку» — безъ сапогъ останешься. Не знаю, были ли они искренни въ своемъ задорѣ, имѣли ли въ виду общественную пользу, но задору у нихъ было много, и, грѣшный человѣкъ, смѣю думать, что задоръ этотъ вызывался главнымъ образомъ желаніемъ именно «попасть въ точку». Въ точку они попали и подписчиковъ нашли не мало. Слова Благосвѣтлова: «Перцу побольше, перцу подсыпайте въ статьи», высказывались, несомнѣнно, съ тою мыслию, что перецъ этотъ всего вѣрнѣе и надежнѣе велъ къ увеличенію подписки.

Въ романахъ, печатавшихся въ «Русскомъ Словѣ», его всегда подсыпано было много. Между читателями, восторгавшимися главнымъ образомъ описаніями молодыхъ героевъ и героинь, возставшихъ противъ «гнилыхъ устоевъ семейнаго деспотизма», попадались иногда и такіе, которые придавали этимъ описаніямъ со-всѣмъ не то значеніе, которое имѣли въ виду авторы романовъ. Напримѣръ, въ одномъ изъ такихъ романовъ, изображавшихъ семейный гнетъ и протестъ героя, возставшаго противъ этого гнета, описывалось, какъ герой, жившій при родителяхъ въ довольствѣ, оставилъ отчій домъ и махнулъ въ Питеръ «искать свѣта». Описывалась въ романѣ та беспросвѣтная нищета, въ которой онъ очутился, пріѣхавъ въ Петербургъ, и то бодрое состояніе духа, въ которомъ онъ находился, переживая свои лишенія. Простодушный читатель съ видимымъ одобреніемъ отзывался иной разъ о такихъ произведеніяхъ и, чуть не захлебываясь отъ восторга, рассказывалъ въ своей семьѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на него героемъ романа.

— Жиль, скотина, у родителей въ довольствѣ, въ теплѣ, — бросилъ отцовскій домъ и попалъ въ нищету, холодъ и голодъ сталъ переносить. Такъ его, дурака, и надо! Хорошій романъ, — говорилъ онъ, — поучительный. Спасибо сочинителю!

Издатели-практики смотрятъ на журнальное дѣло, разумѣется, прежде всего съ матеріальной стороны. Идеалистовъ въ такихъ предпріятіяхъ бываетъ мало, а если иной разъ и встрѣчаются они въ несвойственной имъ дѣятельности, то появленіе ихъ на этомъ поприщѣ недолговременно. Подобно тому, какъ летятъ на огонь и гибнутъ ночныя бабочки, гибнутъ и издатели, взявшіеся за несвойственное имъ дѣло. Такъ, наприимѣръ, погибла въ семидеся-тыхъ годахъ «Заря», издававшаяся нѣкоторое время Кашпиревымъ, и «Русская Рѣчь» Навроцкаго, тоже просуществовавшая, какъ говорится, безъ году недѣлю. Ранѣе ихъ, значительно ранѣе, лѣтъ, пожалуй, на двадцать, погибъ «Женскій Вѣстникъ», который издавали супруги Мессарошъ (издатель — жена, редакторъ — мужъ), но нужно, впрочемъ, оговориться, что они были уже ни въ какомъ случаѣ не идеалисты и не практики, а какъ бы деликатнѣе выразиться... ну, скажемъ, — они были лица, не имѣвшія никакого отношенія къ литературѣ, а всего болѣе имѣвшія отношенія къ судебнымъ протоколамъ въ томъ участкѣ мирового судьи, въ которомъ находилась занимаемая ими квартира.

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій были не изъ идеалистовъ. Былъ ли Благовѣщенскій единомышленникомъ Благосвѣтлова и искреннимъ — этого сказать не могу, но, само собою, онъ дулъ всегда въ одну съ нимъ дудку.

Въ то время, въ концѣ шестидесягыхъ годовъ, подобныхъ единомышленниковъ было много и искреннихъ и притворныхъ, и Благосвѣтлову не представлялось трудности найти ихъ вездѣ и въ духовныхъ семинаріяхъ и въ университетахъ. Вопросы общественнаго значенія громоздились тогда одинъ на другой, порождая крикотопки и не только среди недоучившихся юнцовъ, но и въ огромной массѣ достопочтенныхъ сѣдовласыхъ жителей російскихъ селъ и городовъ. И освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и судебная реформа, и дешевая водка и т. д. и т. д.—все сразу всплыло на поверхность моря русской жизни и взбудоражило ее сверху донизу.

Помню, одинъ стихотворецъ, теперь уже умершій, декламировалъ тогда мнѣ свои стихи: «Бросай эти старьятряпки—и мать, и отца и семью». Помню, одна барышня, тоже баловавшаяся стихами, если не ошибаюсь, Барыкова, выразилась въ стихахъ о своемъ нежеланіи нѣжиться въ «тепломъ навозѣ семейнаго счастья». И такой отзывъ о семейномъ счастьи былъ напечатанъ въ журналѣ, издававшемся самыми выдающимися тогда писателями, о которыхъ впоследствии, спустя лѣтъ двадцать пять, Т. И. Филипповъ въ своемъ «Сборникѣ» высказалъ, что «ихъ слава составляетъ нашъ стыдъ» («Сборникъ» Т. И. Филиппова, стр. 289).

Благосвѣтловъ и Благовѣщенскій, принявъшись къ дувшему въ описываемое время вѣтру, поставили паруса по его направленію и, какъ я сказалъ выше, «попали въ точку».

Разсказывать о томъ, какое направленіе имѣла въ тѣ годы литература, полагаю, нечего, — это всѣмъ извѣстно. Главная ея задача сводилась, можно сказать, къ одному — обличать, порицать, ломать все старое, ни на что будто бы не годное. «Современникъ» стоялъ впереди «Русскаго Слова» и тоже обличалъ, порицалъ и силился сваливать авторитеты, и ученые, и литературные, и церковные, и политическіе, тонъ его статей, надо отдать справедливость, былъ значительно мягче и рѣчь толковѣе. Но «Русское Слово» о тонѣ не заботилось, вѣрнѣе сказать, заботилось именно о томъ, чтобы онъ былъ намѣренно грубый и рѣзкій. Досталось тогда отъ этого журнала и Пушкину, и Пирогову, и университетамъ и институтамъ и всему складу русской жизни, начиная отъ высокихъ палатъ до хаты крестьянина.

Самые смѣлые и, такъ сказать, до безумія задорные были въ «Русскомъ Словѣ» Писаревъ и Зайцевъ. Вся программа ихъ дѣятельности заключалась въ двухъ словахъ: «ломай и сваливай». По ихъ заключеніямъ, въ Россіи все было скверно, нелѣпно и ни къ чорту не годилось. Такія сужденія могъ, разумѣется, высказывать всякій дуракъ, ибо для этого не требовалось ни ума, ни воспитанія. Писаревъ силился свалить Пушкина, называлъ его въ своихъ скоропалительныхъ писаніяхъ дуралеемъ, Шекспира творенія

онъ ставилъ ниже и бесполезнѣе работы сапожника. Шелгуновъ, тоже бывшій въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Слова» и считавшійся его украшеніемъ, не менѣе Писарева и Зайцева потрудился въ порицаніи русской жизни. Онъ былъ менѣе рѣзокъ, чѣмъ Писаревъ и Зайцевъ, но тоже наговорилъ въ своихъ писаніяхъ не мало такихъ бездоказательныхъ осужденій, читая которыхъ теперь, изумляешься тому, какъ можно было дойти въ печати до такого издѣвательства надъ своей родиной. Запальчивость Писарева и Зайцева можно еще до нѣкоторой степени объяснить ихъ молодостію, но Шелгуновъ, имѣвшій въ то время уже лѣтъ сорокъ, могъ именно только удивлять каждаго серьезнаго человѣка своими запальчивыми рѣчами.

Самооплевателями назвалъ кто-то такихъ писателей, и съ этимъ названіемъ нельзя не согласиться. Всего обиднѣе и больнѣе въ этомъ именно то, что подобное самооплеваніе не ограничивалось только писателями, его производившими, но распространялось среди молодежи, заражало ихъ неокрѣпшія головы, отравляло нравственность... И кто можетъ спорить противъ того, что наша «неучающаяся молодежь» — дѣти отцовъ того времени, — не усвоила отъ своихъ безпочвенныхъ родителей ихъ отрицательныхъ взглядовъ?.. Но объ этомъ помолчимъ. Стоитъ только вспомнить то, что творилось и творится теперь въ нашей изстрадавшейся родинѣ, чтобы уныло поникнуть головой и заплакать горькими слезами. Кто же двигатели такъ называемаго «освободительнаго движенія», кто эти студенты, превращающіе университеты — храмы науки — въ вертепы разбойниковъ. Они — дѣти отцовъ, выросшихъ во время безпорядочнаго шатанія русской мысли, слышавшихъ въ дни своей юности однѣ только насмѣшки надъ родной страной и отравлявшихъ себя отрицательными ученіями. Къ нимъ именно и относятся слова Гоголя: «Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!» И увы, теперь «сыны беззаконія» уже не смѣются, а злобно завываютъ, грозятъ ужасами и требуютъ себѣ всевозможныхъ правъ, не признавая никакихъ обязанностей, ни заповѣдей Божіихъ, ни самого Бога.

До какой рѣзости и безцеремонности въ выраженіяхъ доходили писатели «Русскаго Слова», можно судить, на примѣръ, по слѣдующей фразѣ, которую привожу здѣсь дословно изъ повѣсти Потанина «Старое старится, молодое растетъ», помѣщенной въ тѣ годы въ «Русскомъ Словѣ». Вотъ она: «Если въ обществѣ встрѣтится мерзавецъ и подлець, такъ нечего его винить и судить, вините то общество, которое сдѣлало его мерзавцемъ и подлецомъ, отъ мерзавцевъ онъ вышелъ мерзавцемъ и отъ подлецовъ подлецомъ».

Мысль вѣрная, но какова форма выраженія, въ которой она высказана! Перцу тутъ, видите, подсыпано не только вдоволь, но даже до безобразія много. Думаю, что самъ главный руководитель журнала, Благосвѣтловъ, самодовольно улыбался и облизывался, читая такія строки: ловко, молъ, я его натравилъ.

Смѣю предположить, что такая разухабистая брань была по праву и Благовѣщенскому, хотя онъ самъ въ своихъ писаніяхъ ея не придерживался. Въ его романѣ «Предъ разсвѣтомъ», запрещенномъ на первыхъ же главахъ, никого изъ описываемыхъ лицъ (всѣ они—священники, дьякона, дьячки) онъ ни мерзавцами, ни подлецами не называлъ, но, разумѣется, жизнь ихъ, душевныя свойства и взаимныя отношенія рисовалъ не въ розовомъ свѣтѣ. Также и въ статьяхъ его объ Аѳонѣ подобной брани не было. Кстати сказать, статьи его объ Аѳонѣ, давшія ему нѣкоторую извѣстность, серьезнаго вниманія не заслуживаютъ, да и тогда, въ дни «великихъ реформъ», восхищались ими только такія лица, которыхъ, какъ говорится, хлѣбомъ хоть не корми, только дай что-нибудь «забористое». Думаю, да проститъ мнѣ такой отзывъ покойный писатель, и не безъ основаній думаю, что любой изъ безусыхъ юнцовъ, исключенный изъ четвертаго, изъ пятаго класса гимназіи за свободомысліе, могъ бы настрочить такое же описаніе Аѳона, какое настрочилъ Благовѣщенскій, и имѣлъ бы такой же успѣхъ... среди гимназистовъ, ему подобныхъ, и среди публики равною съ ними развитія.

Благовѣщенскій, какъ и самъ глава журнала, Благосвѣтловъ, имѣлъ тоже угловатыя манеры, говорилъ на ó, иностранныя слова, вставляемые въ разговоръ, произносилъ по-семинарски, въ родѣ, напримѣръ: ломъ—мужчина, лафамъ—женщина. Вставляютъ въ разговоръ иностранныя слова онъ, правду сказать, любилъ. Всего чаще я слышалъ отъ него слѣдующія: «индифферентно» и «игнорирую». Помню тоже, какъ онъ иногда, поглаживая свою маленькую бородку и прищуривая глаза, подобно коту, нѣжащемуся на солнцѣ, наслаждался собственной особой.

— М-м... да-а,—говорилъ онъ,—эта статья... м-м... мнѣ... какъ бы повѣжливѣе сказать,—не особенно благоприятна. Стараюсь объ этомъ... гм... гм... помолчать. Откровенно скажу, я къ такого рода писаніямъ отношусь индифферентно. Вотъ мое откровенное о ней мнѣніе. Разумѣется, я занимаю въ журналѣ не первое мѣсто и не могу сказать рѣшительнаго слова. Желаетъ Григорій Евлампіевичъ помѣстить ее—его дѣло, не желаетъ—тоже его дѣло. Я лично прошу объ этомъ игнорирую.

Эти слова Благовѣщенскаго мнѣ памяты, главнымъ образомъ, потому, что въ то время въ редакціи «Русскаго Слова» произошелъ какой-то внутренній разладъ между сотрудниками и издателемъ. Къ сожалѣнію, не помню, въ какой именно книжкѣ журнала «Русское Слово» было въ то время напечатано въ видѣ заявленія сотрудниковъ, что журналъ этотъ будетъ издаваться не однимъ Благосвѣтловымъ, а всѣми сотрудниками, на какихъ-то особыхъ артельныхъ началахъ. Какъ и почему именно заявленіе это попало на первую страницу,—не знаю, но что заявленіе оста-

лось только заявленіемъ; и журналъ остался попрежнему во власти собственника Благосвѣтлова—это само собою подтвердилось продолженіемъ изданія однимъ Благосвѣтловымъ. Видимо, былъ какой-то взрывъ со стороны сотрудниковъ, нѣчто похожее на захватъ изданія ими въ свои руки, но онъ или не удался, или Благосвѣтловъ во время спохватился и прервалъ замыселъ лицъ, покушавшихся на его собственность. Болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ этомъ взрывѣ я передать не могу.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ стариковъ, мнѣ подобныхъ, еще не освободившихся до сего времени отъ тлѣнныхъ одеждъ міра сего, расскажетъ подробности о внутреннемъ бунтѣ, происшедшемъ тогда въ редакціи «Русскаго Слова» и окончившемся безъ всякихъ послѣдствій.

Благовѣщенскій, помню, говорилъ мнѣ что-то намеками по поводу бунта, но по обыкновенію свелъ разговоръ на обычное свое заключеніе.

— Я, знаете... я этотъ вопросъ игнорирую,—вотъ и все!

Помню еще два слова, часто повторявшіяся имъ, а именно: «метаморфоза» и «метаплазмъ.» Онъ вставлялъ ихъ въ разговоръ при каждомъ удобномъ случаѣ и многозначительно закатывалъ при этомъ глаза въ самодовольномъ сознаніи своего редакторскаго значенія и яко бы ученой бесѣды.

«Ученныя бесѣды» дальше этихъ словъ, пожалуй, и не заходили, по крайней мѣрѣ я изъ разговоровъ съ Благовѣщенскимъ никогда не получалъ никакого даже намека на что-либо подобное.

Всего чаще разговоръ его и самого Благосвѣтлова съ сотрудниками ограничивался предѣлами грубыхъ отзывовъ и жалобъ на цензуру, которая, по словамъ Благосвѣтлова, «сिलилась заковать русскую мысль въ кандалы».

Случалось видать, какъ онъ, получивъ изъ цензуры перечерканныя листы, расшвыривалъ ихъ по письменному столу и шипѣлъ змѣинымъ шопотомъ.

— Это что такое? Посмотрите,—развѣ это не посягательство на чужую собственность? Полюбуйтесь, какое самоуправство дозволяютъ себѣ узурпаторы власти! Вѣдь отъ статьи и десятой части не осталось. И какая прекрасная статья безжалостно исковеркана, округужена... Но скажите мнѣ, скажите вы, варвары чиновничьяго начальства,—кто мнѣ заплатитъ деньги за наборъ?

Могу себѣ представить, какіе перлы краснорѣчія уничтожались «узурпаторами власти», если въ подобныхъ статьяхъ оставались уцѣлѣвшими отъ уничтоженія «подлецы и мерзавцы».

— Расходы! Сколько расходовъ!—ворчалъ Благосвѣтловъ, порывисто шагая по своему кабинету и нервно подергивая плечами:—

тысячи тратятся на бесполезный трудъ... А не тратить—невозможно. Безъ этой тактики пропадать надо!..

Тактика его заключалась именно въ томъ, что въ каждой такой статьѣ, которая, по его соображеніямъ, должна была подвергнуться строгой цензурѣ, онъ прибавлялъ, говоря его словами, «перцу елико возможно больше».

Какъ-то однажды въ минуту откровенности онъ рассказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ цензурѣ.

— Умѣніе нужно, да! Тактъ особый, хитрые маневры нужны въ обращеніи съ представителями цензорскаго самовластия. За носъ ихъ водить приходится, да, за носъ. Я цензора нашего не разъ такъ-то проводилъ и самымъ такимъ манеромъ,—возьму его за кончикъ носа и потащу, куда мнѣ нужно. Да. Какъ же съ нимъ иначе обращаться, если онъ по невѣжеству своему иного болѣе осмысленнаго обращенія не понимаетъ. И не разъ я самолично бывалъ свидѣтелемъ его дурацкаго положенія. Случалось, не часто положимъ, а все-таки случалось, входишь къ нему въ кабинетъ, а онъ морщится, хмурится, сидя за корректурнымъ листомъ. Извините, говоритъ, не могу статьи пропустить. Ну что жъ, какъ угодно, не можете—ваше дѣло. Отвѣчаю ему такъ сухо, нехотя, а самъ смотрю, что онъ дѣлаетъ съ корректурой, много ли вымаралъ, и соображаю про себя, уцѣлѣетъ ли то, что мнѣ хочется видѣть уцѣлѣвшимъ.—Да-съ, да-съ,—говоритъ,—не могу... Вотъ, если угодно, если вы, говоритъ, всё вотъ это, помѣщенное на первой гранкѣ, согласитесь выбросить,—тогда пропущу статью...—Ну, что съ вами дѣлать, будь по-вашему. Я согласенъ,—не въ комитетъ же вносить на проволочку, выпускъ книги задерживать. Извольте, говорю, короче дѣло.—Да-съ, это хорошо,—со вздохомъ подсказываетъ онъ,—въ комитетъ, говоритъ, конечно, дѣло задержится, и комитетъ тоже, сами знаете, не очень-то долюбливаетъ такія представленія. Я потому васъ и пригласилъ, чтобы прійти къ мирному соглашенію... Онъ милостиво улыбается, передаетъ мнѣ статью и жметъ руку, прощаясь, а того не замѣчаетъ, что я его уже заколдовалъ. Онъ исчеркалъ безжалостно статью, но того, что мнѣ нужно—не тронулъ, самый-то, значить, перецъ и остался въ ней. А почему онъ остался,—вотъ въ этомъ и секретъ. Потому, извольте видѣть, что я намѣренно одурачивалъ его,—и вотъ какъ: я передъ строками, которыя мнѣ хотѣлось видѣть уцѣлѣвшими въ статьѣ, преподносилъ ему на жертву строкъ пятнадцать или двадцать такихъ забористыхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли уцѣлѣть. Я зналъ заранѣе, что онъ ихъ не пощадитъ, зато дальнѣйшія двадцать пять, изложенныя въ болѣе утонченномъ тонѣ, покажутся ему невинными—и пройдутъ. Вотъ съ какими приѣмами приходится пробираться черезъ цензорскія трупобы, чтобы проводить мысль въ общественное сознаніе!

Такъ разсказывалъ Благосвѣтловъ, мрачно хмурясь и поводя, какъ котъ, своими жесткими усами.

Извините. Я считаю нужнымъ дать нѣкоторое объясненіе къ словамъ Благосвѣтлова. Само собою понятно, что я не могу дословно припомнить все, что имъ было говорено о его тактикѣ въ отношеніяхъ къ цензурѣ, я передаю только суть его рѣчей и передаю въ той формѣ, въ какой онѣ теперь слагаются въ моей памяти. Дословно онѣ, можетъ быть, были болѣе рѣзки и болѣе выразительны и грубы. Замѣчу, онъ не былъ краснорѣчивъ, скорѣе — малоразговорчивъ и медлителенъ въ выраженіяхъ. Другое дѣло, когда онъ былъ не въ духѣ, — о, тогда онъ и кричалъ громко, и шицѣлъ по-змѣиному, и рѣчь его была не медлительная, вѣрнѣе сказать, злобная и порывистая, иногда сопровождаемая выразительными жестами, всего чаще размахиваніемъ въ воздухѣ крѣпко сжатымъ кулакомъ.

Нѣкто Моригеровскій, бывшій когда-то учителемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ Введенской прогимназіи, на имя котораго Благосвѣтловъ получилъ разрѣшеніе открыть типографію, восхищается, бывало, слушая строгія и ворчливыя рѣчи Благосвѣтлова.

— Влюбленъ я въ Григорія Евлампіевича, да-съ! Истинно скажу, влюбленъ! Свѣтлая голова и практикъ! Великій практикъ, на аршинъ въ глубь земли его опытный глазъ проникаетъ! Да-съ! Я, знаете,—разсказывалъ онъ, понизивъ тонъ рѣчи и приложивъ обѣ руки себѣ на грудь,—я далъ ему свою подпись на открытіе типографіи на мое имя, далъ безвозмездно, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія. Я цѣню его очень высоко и искренно желаю успѣха въ дѣлахъ. Да-съ! Дѣятель онъ! общественный дѣятель! Правду сказать, такого рѣдкаго дѣятеля я не видывалъ, несмотря на то, что уже четвертый десятокъ лѣтъ околачиваюсь на бѣломъ свѣтѣ. Орелъ онъ, да-съ! Орелъ!..

Замѣчу однако, что восторженные рѣчи Моригеровскаго были все-таки не безкорыстныя, ибо хотя Благосвѣтловъ и бесплатно пользовался его именемъ при открытіи типографіи и бесплатно печаталась на книжкахъ журнала его фамилія, какъ собственника типографіи, но зато Благосвѣтловъ давалъ ему при журналѣ корректурную работу, а можетъ быть и кой-какія тайныя подачки, о которыхъ Моригеровскій, однакоже, упорно умалчивалъ.

Онъ былъ малорослый и тощій, говорилъ слабымъ голосомъ, носилъ темныя очки и нюхалъ табакъ. Иногда, недовольный какимъ-нибудь газетнымъ сообщеніемъ, онъ отбрасывалъ отъ себя газетный листъ, торопливо заряжалъ носъ табакомъ и, снова взявшись за газету, уныло произносилъ:

— Проклятіе!

Это было его обычное восклицаніе. Придетъ, бывало, къ кому-нибудь изъ знакомыхъ и, услышавъ, что его дома нѣтъ, унылымъ тономъ восклицаетъ: «Проклятіе!» Или попроситъ, случилось, займы рубль-другой и, получивъ отказъ, поспѣшно заряжаетъ носъ табакомъ и со вздохомъ проговорить:

— Проклятіе!

Забавная сторона этого восклицанія заключалась именно въ томъ, что онъ произносилъ его безъ гнѣва, даже безъ досады, а какимъ-то особенно грустнымъ тономъ.

Онъ былъ тоже, какъ и Благосвѣтловъ съ Благосвѣщенскимъ, изъ духовнаго званія и при разговорѣ о томъ, почему онъ не пошелъ по слѣдамъ родителей, презрительно пожималъ плечами и, поправляя сползавшія съ носа очки, обычнымъ унылымъ тономъ отвѣчалъ:

— Не могу я, понимаете, я не могу итти по ложной дорогѣ. Къ чему я буду изображать изъ себя пастыря, когда этого самаго пастырства я вовсе не признаю. Вздоръ все, выдумки, да-съ!..

Понюхавъ нѣско́ро табаку, онъ однажды какъ-то вдругъ особенно, воодушевился, торопливо поднялся со стула и, пародируя тотъ моментъ, когда священникъ во время литургіи воздымаетъ обѣ руки кверху, опустил на колѣна и, молитвенно поднявъ руки, сталъ кощунственно передразнивать молящагося священника.

— Что это такое, а? Я васъ спрашиваю, къ чему это, а? Комедія все это, больше ничего. Воздымаетъ руки попъ, глаза возводитъ къ небесамъ, а зачѣмъ, спрашиваю, къ кому обращается? Никого тамъ нѣтъ и незачѣмъ продѣлывать эти штуки. Да-съ!.. Все сіе есть заблужденіе... Свѣту надо больше! Свѣту!..

— Другъ! — таинственнымъ шопотомъ передавалъ онъ мнѣ, сидя какъ-то вечеркомъ у меня на квартирѣ, — вы, другъ, имѣете обо мнѣ ложное понятіе. Вы такъ меня понимаете, что я только и дѣлаю, что мальчишекъ грамматикѣ учу да корректуру у Григорія Евлампіевича читаю. О, нѣтъ! Далеко не то я дѣлаю. Я не одну корректуру читаю. Да-съ! Я работаю. Я прежде всего гражданинъ и желаю служить родинѣ, желаю торжества правдѣ, уничтоженія зла! Да-съ!..

Онъ оглядывалъ черезъ очки комнату, желая удостовѣриться, плотно ли притворены двери, и, придвинувшись ко мнѣ поближе, шопотомъ добавилъ:

— Работаю, другъ, да-съ!.. За границу къ Герцену Александру Ивановичу отправляю статьи-сь! Услышу что-либо о правительственныхъ безобразіяхъ — и черкну. Вотъ каковъ я!..

И, наливъ себѣ не первый уже стаканъ пива, онъ прикладывалъ къ нему губами и самодовольно косилъ глаза на меня. Помѣщалъ ли Герценъ о сообщаемыхъ Моригеровскимъ «правительственныхъ безобразіяхъ» — не знаю, но самодовольное его созна-

ніе собственнаго достоинства при разговорѣ о Герценѣ помню и, какъ теперь вижу предъ собой его охмелѣвшіе отъ пива глаза, несмотря на то, что уже съ того времени протекло болѣе со-рока лѣтъ.

Таковы свойства старости: недавнее, то, что было вчера или недѣлю тому назадъ, забывается, а давно прошедшее воскресаетъ въ памяти съ необычайною ясностію.

Памятны мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ строкъ изъ «Русскаго Слова», помѣщенныхъ въ немъ Богъ вѣсть при какихъ условіяхъ. Самъ ли Благосвѣтловъ разрѣшилъ ихъ помѣстить, или положился на Моригеровскаго, а онъ, по небрежности, не обратилъ на нихъ вниманія, — объ этомъ я ничего положительнаго сказать не могу. Дословно всѣхъ этихъ словъ привести здѣсь тоже не могу, и теперь, живя въ далекомъ отъ Петербурга городкѣ, не имѣю возможности указать точно номеръ журнала и годъ его изданія. Памятно мнѣ только начало этихъ строкъ, помѣщенныхъ на послѣдней страницѣ книжки предъ объявленіями. Эти строки достойны вниманія, какъ доказательство невѣроятной распущенности литературныхъ нравовъ того времени. Теперь, положимъ, въ наше время встрѣчается въ литературѣ еще большая безцеремонность, но — не о нашемъ времени рѣчь.

Былъ въ «Русскомъ Словѣ» сотрудникъ Соколовъ, военный человѣкъ. На какую-то его статью было напечатано въ «Современникѣ» возраженіе, какого содержанія, — не помню, но, видимо, обидное для Соколова. Онъ написалъ отвѣтъ «Современнику», который начинался слѣдующими словами: «Эй вы, хозяева «Современника», кто тамъ изъ вашихъ молодцовъ настрочилъ на меня шельмовскій пасквиль»... Дальше я не помню. Въ отвѣтѣ этомъ было около двадцати или пятнадцати строкъ. Сатирическій журналъ «Искра», иногда очень мѣтко осмѣивавшій вообще рѣзкій и задорный тонъ многихъ статей «Русскаго Слова», помѣстилъ на отвѣтъ Соколова «Современнику» замѣтку, въ заголовкѣ которой было напечатано: «Береги рыло», а дальше въ текстѣ — перефразировка словъ Соколова въ тонѣ еще болѣе рѣзкомъ, начинавшаяся тоже словами: «Эй вы, хозяева «Современника» и т. д.

Что за симъ послѣдовало между писателями, вызвавшими насмѣшку «Искры», — не помню. Можетъ быть, такъ дѣло и окончилось печатной перебранкой, но, можетъ быть, перешло и на кулачную расправу. Такіе случаи бывали. Нельзя же допустить, чтобы браунинги и бомбы такъ сразу, какъ говорится, ни съ того ни съ сего появились въ наше время въ рукахъ «сознательныхъ товарищей». Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, нужна, конечно, постепенность: сначала молодежь воспитывается на рѣзкихъ и бранныхъ статьяхъ въ печати, потомъ, попривыкнувъ къ

такому ея тону, начинаетъ и сама поругиваться отборными словами,—молодежь, разумѣется, переимчива,—потомъ выступаетъ на первый планъ и личная расправа, а дальше доходить дѣло и до браунинговъ и до бомбъ и т. д. Таковъ неумолимый законъ жизни, и увы, забыта та вѣчная истина, что сѣющій вѣтры пожинаетъ бурю.

Изъ немалой кучки лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ редакціи «Русскаго Слова», памятны въ особенности два большерослыхъ широкоплечихъ семинариста, братья Луканины, появившіеся на службѣ у Благосвѣтлова. Они у него появились вскорѣ послѣ какой-то шумной его размолвки съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ журнала. Старшему, Юлію, Благосвѣтловъ поручалъ кой-какія дѣловыя по журналу справки и сношенія, а младшій,—имени его не помню,—болѣе рослый и широкоплечій, постоянно находился въ комнатѣ конторы журнала, ближайшей къ кабинету Благосвѣтлова. Причины приглашенія на службу къ себѣ этихъ рослыхъ богатырей Благосвѣтловъ не объяснялъ. Какъ-то однажды при разговорѣ о внушительныхъ размѣрахъ ихъ роста и плечъ онъ уклончиво промывалъ сквозъ зубы:

— Да, ребята ничего, надежные... Бѣдные они. Добрались изъ мрака семинарскаго застѣнка до Петербурга чуть не Христовымъ именемъ... Свѣта ищутъ!..

Таковъ былъ его отвѣтъ.

Моригеровскій, завернувшій какъ-то ко мнѣ подъ хмелькомъ, сообщилъ таинственнымъ шопотомъ о причинахъ появленія такихъ рослыхъ молодцовъ въ конторѣ журнала:

— Были непріятности съ сотрудниками, и крикъ велий въ кабинетѣ Григорія Евлампіевича... Гм... гм... Были сказаны и угрозы ему, — вотъ на этомъ основаніи и выросли въ дверяхъ кабинета два стражника. Въ этомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени есть и вмѣшательство судьбы: заявили эти внушительнаго вида молодцы какъ разъ на другой день послѣ вспышки въ кабинетѣ. Появились,—просятъ работы. Ну, вотъ Григорій Евлампіевичъ и обрадовался, — сейчасъ же и снарядилъ ихъ на мѣста, съ тайнымъ, разумѣется, внушеніемъ, если, моль, кто-либо да что-либо, такъ дѣйствуйте, моль, во всю. Да-съ! Кулачищи у обоихъ—молоты!.. Такіе великаны сократятъ грубости. Истинно говорю, глаза у нихъ, какъ у разбойниковъ!.. О, Григорій Евлампіевичъ большого ума человекъ, знаетъ, гдѣ что нужно! И повѣрьте, другъ,—иначе нельзя. Грубые у насъ нравы, жестокіе! Иной сотрудникъ ворвется въ контору звѣрь-звѣремъ,—чѣмъ его сократить, говоритъ, — губы дрожатъ отъ злости. Вотъ они два брата, киргизъ-кайсаки, и сократятъ его, такъ сказать, во мгновеніе ока.

Таковы были литературные нравы въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтїя.

Къ слову сказать, Благосвѣтловъ, несмотря на свои постоянныя жалобы «на цензорскій гнетъ», на траты, производимыя напрасно за наборъ статей, будучи при началѣ изданїя журнала безъ гроша въ карманѣ, оставилъ сей тлѣнный мїръ собственникомъ, имѣвшимъ каменный домъ въ Петербургѣ на Надеждинской или гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ ней!

Дописались журналисты описываемаго шумнаго времени, наконецъ, до того, что «Русское Слово» и «Современникъ» были закрыты по распоряженію правительства. Замѣчу кстати, лазейка для выхода изъ труднаго положенїя издателей была ими найдена и добродѣтельнымъ начальствомъ допущена, разумѣется, на основанїи статей свода законовъ, приложений къ нимъ и примѣчаній, на коихъ, какъ на трехъ китахъ, лежащихъ въ основанїи міра, заждется благополучїя россиянъ. Благодаря этимъ статьямъ, приложениямъ и примѣчаніямъ, «Русское Слово» переименовалось въ «Дѣло», «Современникъ» въ «Отечественныя Записки». Но не то удивительно, что издатели, Некрасовъ и Благосвѣтловъ, нашли такую лазейку для выхода изъ безвыходнаго положенїя, а удивительно главнымъ образомъ, что лица, стоявшїя у власти, не замѣчали или не хотѣли замѣчать, что издатели разыгрываютъ, такъ сказать, водевиль съ переодѣваніемъ...

Д. И. Стахѣвъ.

БЫТКОВЩИНА.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

БЫ ТЪХАЛИ по узкому болотистому проселку.

Съ ранняго утра шелъ мелкій холодный дождь. Небо хмурилось, а когда сквозь расщелины тучъ выглядывало солнце, мелкія низкорослыя березки съ пожелтѣвшими листочками отливали золотомъ. Кое-гдѣ виднѣлись широколиственные грабы, осинки съ трепещущими листочками и низкорослая частая лоза. За листовнымъ лѣсомъ тянулась гряда вѣковыхъ сосенъ и елей.

Иногда сосны встрѣчались у самой дороги, опускаая надъ экипажемъ свои тяжелыя хвойныя пальцы. Намъ приходилось наклонять голову и отстранять рукою вѣтки, и на насъ падали крупныя капли дождевой воды.

— Заклятая эта дорога... Будь она не ладна,—ворчалъ нашъ возница, бѣлоруссъ Пѣтро.

А колеса брички прыгали по рытвинамъ и кореньямъ сосенъ, выступавшимъ изъ земли, и еще больше сердили Пѣтро.

— Нехай буде пусто пану Зашовскому,—ворчалъ онъ.

— За что же ты бранишь пана?—спросилъ Пѣтро мой спутникъ, лѣсничій Игнатій Николаевичъ.—И какой такой панъ Зашовскій?..

— Панъ нашъ старый... Баринъ...

Пѣтро повернулъ лицо въ нашу сторону и, не скрывая неудовольствія въ своихъ сѣрыхъ глазахъ, окаймленныхъ бѣлыми рѣсницами, добавилъ:

— Панъ Зашовскій, старый діаволь, приказаль намъ тую дорогу прорубить... Не приказываетъ онъ, вишь ты, напимъ крестьянамъ ѣздить по его дорогѣ... А что дорогѣ сдѣлается!..

Онъ взмахнулъ кнутомъ и принялся хлестать лошадей, точно онъ вмѣстѣ съ паномъ Заповскимъ провинились передъ хлопцемъ.

— Дюже люгъ панъ Зашовскій. Его только одни бытковцы не боятся,—ворчалъ себѣ подъ носъ Пётро.

Мы миновали мокрую ложбинку, пересѣкавшую дорогу, и выѣхали на грудокъ ¹⁾.

— Кстати,—обратился ко мнѣ Игнатій Николаевичъ,—вы не знаете, что такое Бытковщина?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Да? Это весьма любопытная деревня...

— Эге!—почему-то съ восторгомъ воскликнулъ и Пётро.—Бытковщина—совсѣмъ особая деревня... На всей землѣ не найти еще такой!.. Бытковцы наши ничего не боятся! Живутъ себѣ, какъ орлы въ гнѣздахъ...

— Говорятъ, не одни паны, но и крестьяне ихъ побаиваются?—спросилъ Пётро мой спутникъ.

— Боятся-то, пожалуй, мы ихъ не боимся, а только, вправду сказать, бытковцы совсѣмъ особые люди.

Меня заинтересовали «совсѣмъ особые люди», и я спросилъ:

— Ну, а вы покажете же мнѣ-то ихъ, бытковцевъ?

— А вотъ подождите,—сказалъ Игнатій Николаевичъ:—выѣдемъ на Екатерининскій шляхъ, тогда и покажемъ вамъ бытковцевъ.

Черезъ полчаса мы выбрались съ проселка на Екатерининскій шляхъ, съ глубокими канавами по сторонамъ и съ громадными березами, кое-гдѣ уцѣлѣвшими около дороги.

Лошади поѣжали быстро. Изъ-подъ колесъ летѣли мокрая грязь и брызги дождевой воды. Концы краснаго платка, повязаннаго вокругъ шеи Пётро, отдувались вѣтромъ, и самъ онъ точно ожилъ, прикрикивая на лошадей и размахивая кнутомъ.

— А вотъ и Бытковщина виднѣется!—воскликнулъ Пётро, когда мы проѣхали по шляху версты четыре.

Онъ сидѣлъ на козлахъ съ вытянутою рукою и показывалъ кнутовищемъ въ сторону темнѣвшихъ вдали построекъ.

Я ясно различалъ острые гребни крышъ съ печными трубами и высокіе деревянные заборы.

¹⁾ Грудкомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ называютъ песчаные холмы, встрѣчающіеся на болотахъ.

Надъ постройками возвышались отдѣльно стоявшія сосны съ суковатыми искривленными верхушками. На двухъ соснахъ темнѣли громадныя гнѣзда аистовъ.

— Да что же это за деревня?—спросилъ я.—Вѣдь то какой-то сарай...

— Ха-ха!—разсмѣялся Игнатій Николаевичъ.—Многіе думаютъ, что Бытковщина—это корчма, пріютившаяся у дороги, а тутъ цѣлая деревня въ пять или шесть дворовъ.

Подъѣзжая ближе, я сталъ различать подробности постройки.

Прежде всего мое вниманіе остановилъ высокій деревянный заборъ, огибавшій довольно обширный участокъ земли сплошнымъ четырехугольникомъ, Заборъ одной стороною тянулся у самой большой дороги. Въ трехъ-четырехъ мѣстахъ надъ нимъ возвышались воротные столбы съ крышами изъ теса. Полотнища воротъ были плотно приперты. Нигдѣ у воротъ не видно было обычныхъ скамеечекъ, на которыхъ въ весенніе вечера забавляются дивчины и хлопцы и поютъ пѣсни.

Изъ-за забора виднѣлись кровли домовъ; въ двухъ мѣстахъ вытягивались къ небу журавли колодцевъ, виднѣлись верхушки копенъ прошлогодняго хлѣба.

— Бытковцы народъ джоже богатый! Вотъ сколько у нихъ хлѣба-то! Всего не прѣли!—воскликнулъ Пѣтро.

Съ веселой и даже радостной улыбкой онъ говорилъ о плодородной землѣ бытковцевъ, объ ихъ заливныхъ лугахъ и волахъ, которые славятся на всю округу.

Мы порѣшили заѣхать въ Бытковщину, чтобы поближе познакомиться съ этими оригинальными поселенцами.

Впослѣдствіи изъ рассказовъ мѣстныхъ сторожиловъ я познакомился съ исторіей заселенія бытковцами принадлежащаго имъ участка земли.

Объ исторіи этого заселенія рассказываютъ различно, и даже трудно опредѣлить, въ какомъ году бытковцы появились въ Виленской губерніи. Одни говорятъ, что они высланы сюда изъ великорусскихъ губерній при Іоаннѣ Грозномъ, другіе увѣряютъ, что переселеніе это «ученено» по «именному» приказу Екатерины II «за озорство среди помѣщиковъ различныхъ помѣстій». Третьи увѣряютъ, что бытковцевъ-предковъ никто и ни въ чемъ не обвинялъ и что, напротивъ, переселили ихъ «съ честью» послѣ мятежныхъ событій въ 1831 году. Въ то время правительство имѣло цѣлью заселить Виленскую губернію крестьянами великорусскихъ губерній въ цѣляхъ колонизаціи (заселенія) края, и на бытковцевъ была возложена обязанность оберегать край отъ мятежа. Съ этой цѣлью поселеніе было обнесено деревянной стѣною и представляло изъ себя родъ небольшой крѣпости. Съ тѣхъ поръ

бытковцы не измѣняютъ образа своей жизни, живя замкнуто отъ сосѣдей и оберегая свои «прежніе» порядки отъ вторженія новой жизни.

Мѣстные знатоки прошлаго, относящіе моментъ появленія Бытковицины къ екатерининской эпохѣ, рассказываютъ нѣчто иное, «понося» былыхъ поселенцевъ Бытковицины, сосланныхъ изъ разныхъ губерній и поселенныхъ здѣсь на «правахъ ссыльныхъ».

— Екатерина II,—рассказывалъ мнѣ одинъ священникъ отецъ Аонасій,—отвела для бунтовщиковъ участокъ земли и «приказала» обнести усадебное мѣсто высокимъ заборомъ, разрѣшивъ продѣлать въ томъ заборѣ только одни ворота. А избы-то вотъ имъ не приказано было строить такъ, чтобы окна выходили на улицу. Живите молъ, вотъ какъ въ острогѣ!.. Съ тѣхъ поръ они вотъ такъ и живутъ, на положеніи осторожныхъ людей!

Ворота отворила намъ невысокая женщина съ платочкомъ на головѣ и съ подоткнутымъ подоломъ.

Изумленными глазами уставилась она на насъ и громко заявила:

— Наума Иваныча надо спросить, а потомъ и заѣзжать!..

Отъ трехконнаго домика въ глубинѣ двора-крѣпости къ намъ направлялся высокій рыжій мужикъ безъ шапки и въ зипунѣ, наброшенномъ на плечи. Быстро подойдя къ экипажу, онъ остановился, пристально всмотрѣлся въ насъ и недружелюбнымъ голосомъ спросилъ:

— А кто, господа, вамъ здѣсь понадобился?

— Видите, какъ они не любятъ свѣтлыхъ пуговицъ и кокарды!—прошепталъ мнѣ на ухо Игнатій Николаевичъ, осмотрѣвъ свой костюмъ, и потомъ громко добавилъ:

— А намъ Наума Иваныча надо! Чайку вотъ хотимъ у него попить!..

— А-а!.. Чайку?.. Наумъ Иванычъ вотъ тамъ, въ третьей избѣ живетъ,—показывая рукою въ сторону, отвѣтилъ рыжій человѣкъ, и въ его голосѣ прозвучали уже болѣе дружелюбныя нотки.

Все время, пока мы бесѣдовали съ рыжимъ человѣкомъ, во дворѣ стонъ стоялъ отъ собачьяго лая. Штукъ шесть или семь дворовыхъ псовъ разныхъ возрастовъ и масти окружили нашъ экипажъ и злобно лаяли на враговъ изъ другого міра, и только окрикъ рыжаго человѣка нѣсколько успокоилъ вѣрныхъ сторожей былой замкнутой жизни.

Молоденькая дѣвушка ввела насъ въ избу Наума Иваныча. Мы переступили порогъ и очутились въ обширной комнатѣ съ лавками по стѣнамъ, съ гардинками на окнахъ и съ большой печью въ углу.

Въ переднемъ углу стоялъ большой столъ, покрытый дешевой клеенкой. Изъ угла слѣва, гдѣ подь ситцевой занавѣской стояла кровать, намъ навстрѣчу вышелъ высокій плечистый старикъ съ большой бородой и съ гривой густыхъ сѣдыхъ волосъ. Сощуривъ голубые, немного выцветшіе глаза, онъ протянулъ намъ руку и сказалъ:

— Добро пожаловать! Будьте гостями, коли съ хорошими мыслями пріѣхали.

— Чайку хотѣлось бы напиться у васъ, Наумъ Ивановичъ, — началъ лѣсничій.

— Хоша у меня и не постоянный дворъ и не корчма, — съ достоинствомъ отвѣтилъ старикъ:—но все же чайку напиться можно. Чайкомъ насъ Господь Богъ не обдѣлилъ.

Онъ медленно вышелъ въ сѣни и захлопнулъ за собою тяжелую деревянную дверь.

— А! Какое патріархъ! Держится съ достоинствомъ и говоритъ не безъ ехидства,—замѣтилъ Игнатій Николаевичъ.

— Да... Но эта фигура мнѣ нравится,—сказалъ я.

— Ого! говорятъ, онъ тутъ у нихъ въ родѣ начальника; безъ его слова и одобренія ни одного дѣла не дѣлается.

Чай по стаканамъ разливалъ самъ Наумъ Ивановичъ и угощалъ насъ баранками и колбасой, сопровождая свое обращеніе «просимъ пожалуйте!» добродушной улыбкой.

— А вотъ ужъ водочки или винца у насъ не встрѣтите, потому мы не балуемся... Оно, конечно, молодежь и пошаливаетъ съ этой водочкой на сторонѣ. А ужъ у насъ здѣсь этого не полагается... Съ молодежью-то, съ этой, просто бѣда! Не сладишь!

Вопросъ о поведеніи молодежи для Наума Ивановича былъ, очевидно, однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Упомянувъ въ своей бесѣдѣ о молодежи, онъ долго ворчалъ, упрекая внуковъ своихъ и правнуковъ въ измѣнѣ «ихъ» прежней, бытковой жизни. Съ особеннымъ неудовольствіемъ обрушился онъ на «дивчинъ».

— Скучно, видите ли, имъ стало жить здѣсь!.. А мы-то прожили всю жизнь и не скучали! Замужъ за своихъ ребятъ найдутъ, а все норовятъ на волю!.. Точно у насъ здѣсь замокъ, прости ты меня Господи! Живи и здѣсь вольно, какъ тебѣ надо, а не разстраивай хозяйства. Дѣвки со стороны тоже вотъ неохотно идутъ за нашихъ парней!.. Вотъ вѣдь куда соблазнъ-то жизни пошелъ!

— Что же имъ здѣсь не нравится?—спросилъ я.

— А то и не нравится, что вотъ не хотятъ въ четырехъ стѣнахъ жить! — «Дозволь, говорятъ, намъ, Наумъ Ивановичъ, заборъ этотъ уничтожить». Чтобы, значить, хатка-то оконцами на дорогу выходила. А я говорю имъ: доколѣ Наумъ живъ, этого не бу-

дети, потому я всю жизнь такъ прожилъ. Семьдесятъ восемь лѣтъ выжилъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ, здѣсь родился, здѣсь и умру. А избы съ оконцами на дорогу это одно баловство, одинъ соблазнъ!..

— Почему же вы такъ странно поселились?—спросилъ Игнатій Николаевичъ.

— А ужъ это надо спросить нашихъ отцовъ и дѣдовъ — зачѣмъ они такъ селились-то?.. Да вишь ты, всѣ они давно примерли и ничего не скажутъ.

На вопросъ о времени заселенія Бытковщины и о самой исторіи этого заселенія Наумъ Иванычъ не далъ намъ никакихъ указаній и только уклончиво отвѣтилъ:

— Ничего этого я не знаю! Знаю только съ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, что мы всегда такъ жили и будемъ жить... Злые люди вонъ говорятъ, что будто дѣды наши были бунтовщиками и ихъ поселили здѣсь, какъ ссыльныхъ. А мнѣ сдается: дѣды наши были праведниками и жили себѣ здѣсь, какъ въ обители. Да, вишь ты, жизнь-то ключомъ вѣдь бьетъ, особенно несправедная жизнь!.. Вотъ эта несправедная-то жизнь и ничего не оставила отъ нашей обители.

Онъ говорилъ о гибели былой обители съ дрожью въ голосѣ, и въ его голубыхъ глазахъ отражалась тревога.

Послѣ того Наумъ Иванычъ показалъ намъ «свое» хозяйство. Изъ его разказа выяснилось, что въ Бытковщинѣ въ настоящее время осталось только пять домохозяевъ, вѣрнѣе пять фамилій. Всѣ эти семьи давно уже перероднились другъ съ другомъ и живутъ, какъ лица близкія.

На поляхъ каждая семья работаетъ особо «на свой дворъ» и на свой рискъ. На общее пользованіе для всѣхъ семей заведены усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія и машины, включительно до молотилки. Въ работѣ семьи помогаютъ другъ другу, а въ иныхъ случаяхъ пользуются и наемными батраками. Средній достатокъ всѣхъ семей почти одинаковъ: «нѣтъ ни бѣдняковъ, ни богатѣевъ».

Мы прошли мимо хорошо обстроенныхъ избъ и очутились въ той части двора, гдѣ были выстроены хлѣвы, амбары, завозни и зданіе молотилки. Последняя въ день нашего посѣщенія Бытковщины стояла безъ дѣйствія: шелъ ремонтъ.

Пока Игнатій Николаевичъ и старикъ разсматривали устройство молотилки, я подошелъ къ молодому бытковцу, который оттачивалъ какіе-то большіе стальные зубья.

— Советѣмъ особая у васъ жизнь!—сказалъ я, чтобы вызвать его на разговоръ.

— Чего же особеннаго, живемъ, какъ люди! — отвѣтилъ онъ не особенно охотно. — Работаемъ и день и ночь, а не поработать, такъ и кусать нечего будетъ.

Неподалеку отъ насъ стоялъ кудластый человѣкъ съ соломинами въ бородѣ и волосахъ. Повидимому, передъ этимъ онъ усиленно работалъ: такое утомленное было у него лицо.

— Бытковцы, баринъ, живутъ по-особливому, это ваша правда. Намъ вотъ, со стороны-то, часто приходится дивиться... А все у нихъ старикъ Наумъ Ивановичъ ведетъ дѣло... Только вотъ съ молодежью не сладить. Онъ наровитъ по-своему, а тѣ на свою линію гнуть.

— Молодой хочетъ по-молодому и жить, — вмѣшался въ разговоръ и бытковецъ, оттачивавшій стальные зубья.

Свое замѣчаніе высказалъ онъ такимъ тономъ, изъ котораго явственно, что порядки Наума Ивановича не очень-то нравятся ему.

— Да! — съ ироніей въ голосъ замѣтилъ кудластый человѣкъ. — Ты вотъ, Артемъ, зубья-то отъ молотилки точишь, а свои все еще не успѣлъ отточить! Съ Наумомъ-то воюешь - воюешь, а все онъ тебя побиваетъ.

— Ничего... потерпимъ...

Къ намъ подошли Наумъ Ивановичъ и лѣсничій, и разговоръ оборвался.

Старикъ посмотрѣлъ на работу Артема, сдѣлалъ ему какое-то замѣчаніе вполголоса и пошелъ къ избамъ. Я немного задержался, чтобы побесѣдовать съ Артемомъ, этимъ, какъ мнѣ показалось, носителемъ разлада прежняго бытковского уклада, но намѣреніе мое не осуществилось: Артемъ поднялся и быстро отошелъ въ глубину сарая, гдѣ помѣщалась молотилка.

Послѣ обхода по хозяйству старикъ вдругъ сталъ какимъ-то угрюмымъ и молчаливымъ. Повидимому, онъ скоро утомлялся на ногахъ и, опираясь на суковатую палку, немного прихрамывалъ и волочилъ ноги...

— Старъ вотъ я сталъ — вотъ бѣда! — проговорилъ онъ, поднимаясь на ступеньки крыльца. — Бывало, и въ поле пройдешь, и въ лѣсу побываешь, да и здѣсь-то за всемъ присмотришь. А теперь силы-то не тѣ стали...

Взобравшись на крылечко, онъ усѣлся на скамейку и, окинувъ дворъ печальнымъ взоромъ, добавилъ:

— Скоро, вѣрно, Наумъ Ивановичъ къ отцамъ и дѣдамъ уберется... И начнутъ здѣсь новые порядки заводить... Можетъ, и вправду молодежь-то тяготится мною, ну да ничего — пусть еще немного потерпитъ. Скоро Наумъ Ивановичъ уберется! скоро!..

Мы распрощались со старикомъ и стали усаживаться въ экипажъ. Лѣсничій хотѣлъ заплатить Науму Ивановичу за угощеніе, но тотъ съ негодованіемъ отвергъ.

— Слава Богу, насъ не обидѣли тѣмъ, что чайку чашку выпили да двѣ баранки откушали.

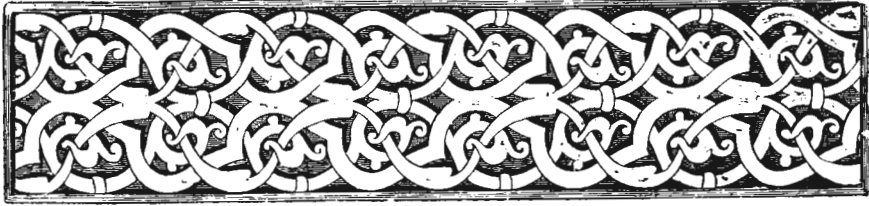
Отдохнувшія лошади рванулись съ мѣста, какъ угорѣлыя, и мы быстро выѣхали въ раскрытыя ворота изъ своеобразнаго царства старика Наума Иваныча.

Чѣмъ-то такимъ диковиннымъ и старымъ вѣяло отъ этого страннаго поселенія, еще сохранившаго свой, какой-то особый, укладъ.

Но и за высокіе заборы съ поросшими мохомъ крышами надъ воротами пробралась новая жизнь и манитъ къ себѣ такихъ, какъ Артемъ, втайнѣ отъ старика оттачивающій свои зубы.

Вас. Брусянинъ.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(Изъ воспоминаній).

I.

ВЪ СЕРЕДИНѢ іюля 1835 г. въ городѣ Калишѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ кипѣли и съ изумительной быстротой происходили приготовления къ царскому смотру. Предстояло что-то необычайное. Императоръ Николай I, зорко слѣдя за политикой Европы, и, какъ извѣстно, пользуясь въ этомъ отношеніи большимъ авторитетомъ, находилъ необходимымъ подчеркнуть передъ всѣми дружелюбность отношеній къ Пруссіи и боевую силу своей державы. Съ этой цѣлью онъ предложилъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму III прислать часть войскъ въ нашъ (чуть не пограничный) городъ Калишъ, съ тѣмъ, чтобы когда туда явится большой отрядъ русскихъ, произвести рядъ военныхъ эволюцій. При этомъ войска обоеихъ государствъ будутъ смѣшаны въ одно цѣлое и на смотрахъ одновременно представятся своимъ вождямъ, какъ бы слитная, недѣлимая армія.

Для осуществленія такой затѣи ожидалось однихъ только приглашенныхъ болѣе 500 лицъ, включая сюда особъ царской крови, ихъ свиту, иностранцевъ и нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ.

Чтобы размѣстить ихъ и огромное войско, собираемое изъ двухъ государствъ, нужно было устроить нѣсколько отдѣльныхъ лагерей и болѣе 200 квартиръ.

Въ концѣ іюля зданіе калишской воеводской комиссіи было обращено во дворецъ для коронованныхъ особъ, а въ бывшемъ кадетскомъ корпусѣ устроены придворная церковь и громадная сто-

ловая для нашихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ офицеровъ и отведено помѣщеніе для своднаго эскадрона четырехъ нашихъ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ. Кромѣ того, приготовлены госпитали, конюшни, сараи и навѣсы для тѣхъ лошадей и экипажей, которые государь отъ себя назначилъ всѣмъ приглашеннымъ. Для передѣланнаго заново театра вызваны балетная и драматическая труппы изъ Берлина и Варшавы.

На лѣвомъ берегу рѣки Просны, между пѣхотными войсками обѣихъ державъ красовалась императорская ставка. Въ разныхъ мѣстахъ устроены офицерскія столовыя; такъ, для прусскихъ кавалеристовъ три залы съ бельведеромъ въ селеніи Добжець (гдѣ былъ ихъ лагерь), а для всѣхъ пѣхотинцевъ, русскихъ и прусскихъ, среди лагерей—баракъ на 400 офицеровъ. Для солдатъ же приготовлено 299 кухонь и 95 хлѣбопекаренъ. Всѣхъ офицеровъ довольствовались на казенный счетъ или выдавали имъ столовыя деньги (въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ).

Все приобреталось только на чистыя деньги; никакія поставки въ видѣ повинностей не допускались. Казна платила за мѣста, занятія подъ лагерь, и за малѣйшій убытокъ, причиняемый частному хозяйству отъ движенія войскъ на маневрахъ.

Съ своей стороны и нѣмцы проявляли свое вниманіе къ русскимъ тѣмъ, что, когда наша гвардейская пѣхота, сѣвъ 14 іюля на суда въ Кронштадтѣ, высадилась черезъ 10 дней въ Данцигѣ, то все время, пока она шла по прусской территоріи до границы царства Польскаго, король угощалъ ее на свой счетъ, а его подданные, всѣхъ общественныхъ положеній, изъявляли дружбу и встрѣчали русскихъ по-братски. Гвардейская пѣхота явилась въ Калишъ только къ 15 августа, самую послѣднюю изъ числа русскихъ войскъ, такъ какъ весь третій пѣхотный корпусъ, квартировавшій въ царствѣ Польскомъ, прибылъ еще въ концѣ іюля. Части гвардейской кавалеріи, выступившія изъ Петербурга 1 мая, были на мѣстѣ назначенія 2 августа, а кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ принцъ Альбертъ, младшій сынъ прусскаго короля Вильгельма III, выступивъ изъ посада Новой Праги, Херсонской губерніи, 18 мая, явился 3 августа.

Императоръ, прибывъ въ Калишъ 7 августа и дѣлая смотры нашимъ войскамъ до 18 числа, выѣхалъ въ этотъ день къ городу Лигницу, встрѣтить своего тестя, короля прусскаго. Прогостивъ у него и присутствовавъ на смотрахъ двухъ прусскихъ корпусовъ, возвратился въ Калишъ въ ночь на 28 августа, а утромъ прибыла туда наша государыня Александра Оеодоровна съ дѣтьми, великой княгиней Ольгой и великимъ княземъ Константиномъ.

Въ то время на мѣстѣ уже были: эрцгерцоги австрійскіе Францъ-Карлъ и Юганнъ; принцы прусскіе, дѣти короля Вильгельма III, наслѣдный Вильгельмъ съ супругой, Карлъ и Аль-

бертъ; братъ короля Вильгельмъ съ супругой и дѣтьми Адальбертомъ, Вольдемаромъ и принцессой Елизаветой; племянникъ короля Фридрихъ и принцъ Августъ; принцы: Фридрихъ Нидерландскій съ супругой, Фридрихъ Вюртембергскій; наслѣдны: Павелъ Мекленбургскій съ супругой, Гессенъ-Дармштадтскій и Гессенъ-Кассельскій; владѣтельный герцогъ Нассаускій, герцоги: Кумберландскій, Евгений Вюртембергскій съ сыномъ, Карлъ Мекленбургъ-Стрелицкій, герцогъ Карлъ и принцъ Фридрихъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Занденбургъ-Глюксбергскіе. Изъ числа высшаго начальства были: великій князь Михаилъ Павловичъ, главнокомандующій дѣйствующею арміею фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій, которому подчинялись всѣ калишскія войска обѣихъ державъ, и прусскій военный министръ Вицлебень.

30 августа произошла торжественная встрѣча короля прусскаго его дочерью, т. е. нашею государыней, и войсками съ императоромъ во главѣ, а вечеромъ «заря съ церемоніей»; 31-го же всѣ названныя лица встрѣтили прибывшій рано утромъ прусскій отрядъ. Наша царица была верхомъ въ амазонкѣ цвѣта кавалергардскаго ея имени полка, Вильгельмъ III сталъ во главѣ своего войска и подвелъ его къ нашему, которымъ командовалъ самъ Николай I, въ мундирѣ прусскаго кирасирскаго № 6 полка, шэфомъ котораго онъ числился. Затѣмъ всѣ вообще войска прошли общимъ церемоніальнымъ маршемъ мимо обонхъ государей.

Перваго сентября, по случаю воскресенья, происходилъ церковный парадъ въ каждой дивизіи отдѣльно, а со слѣдующаго дня предназначался рядъ смотровъ и маневровъ.

Этого понедѣльника всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Начальство и вѣрныя имъ части по духу того времени жаждали блеснуть передъ зрителями, въ составѣ которыхъ были и знатоки военного дѣла, и восхитительныя дамы, и любопытныя иностранцы; приглашенныя же лица и такъ называемая «публика» не безъ основанія надѣялись увидѣть небывалое зрѣлище, чуть не феерическое по красотѣ и грандіознѣйшее по численности участвовавшихъ въ немъ образцовъ военной подготовки.

Но вотъ и утро желаннаго 2 сентября.

На обширномъ полѣ, покрытомъ невысокой травой, точно бархатистымъ зеленымъ ковромъ, пестрѣютъ массы публики и войска въ ожиданіи смотра двухъ государей. И безъ того всегда изящныя и кокетливыя польки, повидимому, поставили себѣ задачей явиться сюда олицетвореніемъ всѣхъ чаръ женскаго соблазна. Дѣйствительно, ихъ костюмы, лица, даже позы, изысканны и прекрасны, какъ на манерныхъ картинахъ художника Вато, а нѣкоторыя дамочки такъ и кажутся живыми головками граціозныхъ портретовъ Грѣза.

Въ чистомъ воздухѣ свѣтлаго утра носится щебетаніе неземныхъ созданій и слащавые комплименты ихъ поклонниковъ. Среди же безчисленнаго войска уже давно водворилась глубокая тишина. Ежеминутно ожидаютъ появленія державныхъ вождей со многими великими князьями и нѣсколькими иностранными принцами. Вотъ уже всѣ прибыли на поле, исключая царицы и обоеихъ государей. Но вотъ и они. Публика замерла подѣ тѣмъ обаяніемъ, которое производилъ императоръ Николай I всѣмъ существомъ своимъ. Одѣтый въ блестящую форму прусскаго 6-го кирасирскаго полка, шефомъ котораго былъ Николай I, громаднаго роста, на конѣ-великанѣ, онъ казался не человѣкомъ, а монументомъ, образцомъ царственнаго величія и могущества. На прусскомъ королѣ былъ мундиръ нашего гренадерскаго полка его имени. Оркестры заиграли, штандарты со знаменами преклонились, и, какъ громовый раскатъ, раздалось молодецкое «ура».

Ослѣпительною живою картиной стояло войско двухъ державъ, красуясь разнообразіемъ одѣянія и оружія. Пѣхота казалась не массою живыхъ существъ, а какимъ-то монолитомъ, созданнымъ изъ тысячъ людей, хотя и продолжающихъ видѣть и понимать, но превратившихся въ нѣчто окаменѣлое по своей почти математически однообразной прямолинейности и недвижимости. Педантически вытянутые въ одну негнущуюся линію зарядные ящики и боевыя оси пушекъ превращали артиллерію какъ бы въ передвижную, но нераздѣльно-общую архитектурную фигуру,—до того геометрически правильными прямоугольниками были размѣщены батареи. Даже въ кавалеріи, несмотря на неспособность лошадей въ подражаніе людямъ замирать въ строю, даже и въ ней, благодаря артистическому искусству всадниковъ держать коня, какъ говорилось тогда, «въ шенкеляхъ и поводу», не нарушалась пресловутая перпендикулярность цикъ и клинковъ.

Въ тѣ отдаленныя времена отъ войска требовались не столько мѣткость стрѣльбы и наѣздничество, сколько умѣніе проявлять чуть не фокусы относительно всего, что касалось выправки, однообразія и одновременности въ дѣланіи такъ называемыхъ «пріемовъ» огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ. Обѣзжая вмѣстѣ съ нашимъ императоромъ и прусскимъ королемъ войска, иностранцы изумлялись окаменѣлостью и архитектурностью всей массы вообще и ея частей.

Въ тѣ дни многіе русскіе пѣхотинцы умѣли маршировать такъ плавно и увѣренно, что стаканъ воды, поставленный на дно кивера, не только не падалъ, но даже не проливался; нѣкоторые же кавалеристы ѣздили съ такимъ умѣньемъ, что серебряный рубль, положенный между сѣдломъ и ногой всадника, не выпадалъ на всѣхъ аллюрахъ.

Таковыми искусниками гордилось начальство и, достигая разных кунштпюковъ, искренно радовалось, забывая, что для этого позволялось изъ десяти обучаемыхъ шестерыхъ забивать чѣмъ и какъ попало. Но возмутительные способы дрессировки практиковались лишь на домашнихъ ученьяхъ; на смотрахъ же происходили чуть не театральныя представленія подъ звуки тоже отлично вымуштрованныхъ музыкантовъ. Поэтому немудрено, что публика стремилась на плацъ-парадъ какъ бы на своеобразный спектакль.

Наконецъ насталъ и главный актъ смотра, «церемониальный маршъ». Съ огромными помпонами на киверахъ и съ ружьями, поставленными прикладами въ сжатую ладонь лѣвой руки, слѣдовательно, искусственно повышеннымъ строемъ, тронулась пѣхота. Не нарушенная въ ней даже и при движеніи прямолинейность фронта вызвала въ царѣ и королѣ неоднократныя похвалы. Вскорѣ на смѣну соединенному оркестру всѣхъ пѣшихъ полковъ выѣхали трубачи отъ каждой кавалерійской части и дружнымъ хоромъ заиграли одинъ изъ маршей моднаго русскаго дирижера - композитора Гунгеля.

Напоминая рыцарей кирасами и касками, величаво прослѣдовали кирасиры въ своихъ бѣлыхъ колетахъ; темной красивой стѣной пронеслись крупной рысью драгуны съ пестрыми уланами, а за ними пролетѣли галопомъ изящные гусары. Въ заключеніе свѣтлозеленой массой, блистая нарочно къ смотру отчищенными какъ самоваръ, мѣдными пушками и единорогами, стройно проѣхала артиллерія, зычно громяхая множествомъ металлическихъ предметовъ.

Императоръ былъ въ духѣ и такъ доволенъ, что пожелалъ еще разъ пропустить мимо себя особенно любимую имъ кавалерію. Все шло пока благополучно; но когда къ нему приближался одинъ изъ эскадроновъ нашего кирасирскаго полка (имени принца Альберта прусскаго), лошадь ѣхавшаго впереди ротмистра чего-то испугалась и взвилась на дыбы; но сѣдокъ не растерялся, «далъ шпоры» и такъ ловко направилъ мундштукомъ своего скакуна, что, не касаясь передними ногами земли, караковый жеребецъ совершилъ подобіе дугообразнаго полета, на секунду сталъ, какъ вкопанный, и плавно пошелъ шагомъ, какъ надлежало по только что раздавшейся командѣ. Государь обратилъ вниманіе на красивую фигуру ротмистра еще на галопѣ, съ любопытствомъ наблюдалъ эффектную сцену укрощенія коня, а затѣмъ своимъ сильнымъ теноромъ произнесъ:

— Ротмистръ, ко мнѣ!

Во мгновеніе ока кирасиръ описалъ вольтъ и, салютуя палапомъ, недвижимо остановился противъ императора.

— Отлично ѣздишь. Какъ фамилія и давно ли въ послѣднемъ чинѣ?

— Барвиненко; ротмистромъ съ 1833 года, ваше императорское величество, — отчетливо и не спѣша отвѣтилъ эскадронный командиръ.

— Ты малороссіянинъ? Какого уѣзда?

— Глуховского, Черниговской губерніи, ваше величество.

— Хочешь въ гвардію, говори не стѣсняясь.

— Позвольте остаться въ полку, съ которымъ я участвовалъ въ незабвенной атакѣ 13 февраля 1831 года на Граховомъ полѣ подъ Варшавой.

— Знаменитая атака; твои чувства понятны. Продолжай служить такъ же, награжу.

Черезъ день Михаилъ Романовичъ уже зналъ о пожалованіи ему государемъ массивнаго перстня съ прелестнымъ брилліантомъ.

Происходя изъ потомственныхъ дворянъ Черниговской губерніи, Михаилъ Романовичъ Барвиненко, какъ любитель лошадей еще съ дѣтства, по окончаніи курса въ глуховской гимназіи вступилъ юнкеромъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Малороссіи. Произведенный въ корнеты при концѣ царствованія Александра Благословеннаго, онъ скоро приобрѣлъ репутацію искуснаго ѣздока и ординарца, а съ теченіемъ времени знатока лошадей и кавалерійскаго дѣла вообще. Офицеры считали его безупречнымъ товарищемъ, начальство—дѣльнымъ служакою, а солдаты,— чѣмъ всего болѣе дорожилъ Барвиненко,— признавали въ немъ милостиваго, сердечнаго человѣка.

Въ тѣ времена, когда въ Россіи такъ грубо и нагло проявлялось право сильныхъ вообще, а рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ въ особенности, природное добродушіе Михаила Романовича, развитое мягкимъ, осмысленнымъ домашнимъ воспитаніемъ его родителей, завоевало ему всеобщую симпатію.

Прекраснымъ душевнымъ качествамъ и благородству понятіи соотвѣтствовала и наружность энергичнаго брюнета съ ласковыми глазами на благообразномъ лицѣ, украшенномъ пушистыми усами и бакенбардами.

Прекрасно настроенный похвалою императора, Барвиненко легко переносилъ утомленіе, голодъ и жажду на продолжительныхъ послѣдующихъ высочайшихъ смотрахъ въ городѣ и его окрестностяхъ, а ихъ было много.

3 и 4 сентября происходило ученье, 5-го и 7-го маневры, 9-го опять ученье, сначала русскому гвардейскому отряду, а потомъ пруссакамъ; вечеромъ же всѣ оркестры, соединясь вмѣстѣ, играли передъ дворцомъ въ присутствіи всѣхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ. Кромѣ того, 6 сентября былъ военный праздникъ въ лагеряхъ, гдѣ 2.400 музыкантовъ исполняли между прочими пьесами маршъ, сочиненный королемъ прусскимъ Вильгельмомъ III еще до его воцаренія; затѣмъ сожгли фейерверкъ, разгромили 110 ору-

діями нарочно устроений городокъ и окончили вечеръ «зарей съ церемоніей».

Наканунѣ же, по случаю престольнаго праздника въ петербургскомъ храмѣ Кавалергардскаго полка (св. Захарія и Елисаветы), въ 4 часа дня, послѣ окончанія маневровъ, происходилъ церковный парадъ въ саду передъ дворцомъ. Вслѣдъ за тѣмъ нашъ государь далъ обѣдъ прусскимъ гвардейскимъ кирасирамъ. За однимъ столомъ сидѣли офицеры, а за другимъ, между нижними чинами пруссаками размѣстились солдаты нашего кавалергардскаго взвода съ цѣлю раздѣлить съ ними трапезу, во время которой они угощали нѣмцевъ, а державныя особы обходили пирующихъ и разговаривали съ ними.

10 сентября ротмистръ Барвиненко съ особеннымъ чувствомъ явился передъ фронтомъ своего эскадрона, такъ какъ именно этотъ день былъ назначенъ для выступленія въ обратный походъ всѣмъ пруссакамъ, нашей гвардіи и кирасирскому полку, въ которомъ онъ служилъ.

Пройдя мимо императора и короля въ послѣдній разъ, этотъ полкъ простился со своимъ шефомъ, принцемъ Альбертомъ прусскимъ, и двинулся въ походномъ порядкѣ въ Херсонскую губернію. Тамъ, въ посадѣ Новой Прагѣ, помѣщалась штабъ-квартира полка съ 10 мая 1826 г., когда, по новой дислокаціи, полкъ явился туда изъ города Сумъ (Харьковской губерніи, называвшейся тогда Слободско-Украинской губерніей).

Въ день выступленія кирасиръ императоръ провожалъ до границы короля Вильгельма III, уѣзжавшаго въ Бреслау, и съ 10-го же сентября начали отбывать почетные гости. 12-го выѣхалъ нашъ государь съ членами своей фамиліи въ городъ Теплицъ, и выступили остальные наши войска на свои постоянныя квартиры.

На пути изъ Калиша Барвиненко успѣшилъ воспользоваться разрѣшеннымъ ему отпускомъ и помчался въ Новороссію, къ своей невѣстѣ.

Въ прочный собственный тарантасъ на длинныхъ деревянныхъ дрогахъ, успѣшно исполнявшихъ назначеніе едва вводившихся тогда въ употребленіе лежачихъ рессоръ, впрягались перемѣнныя лошади за прогоны. Хотя въ подорожной Барвиненка и значилась стереотипная фраза «ѣдетъ по частной надобности», щедрое награжденіе ямщиковъ при полученіи ими «на водку» давало ротмистру возможность доѣхать до гор. Елисаветграда быстрѣе многихъ изъ тѣхъ, кто вписывался станціонными зрителями въ книгу «по казенной» подорожной.

Миновавъ Радомъ и Люблинъ, Барвиненко остановился на нѣсколько часовъ лишь во Владимирѣ Волынскомъ, вслѣдствіе разгона лошадей по курьерскимъ и казеннымъ подорожнымъ, но большая часть пути осталась уже позади, а между городами Дубно и Новомир-

городомъ дорога выдалась такая превосходная, что тысячеверстное пространство между Калишемъ и селомъ Дмитріевкой, ближайшимъ къ имѣнію, куда спѣшилъ уланъ, было осилено въ недѣлю.

Вечерняя заря едва начинала разливать свои чудныя краски по небосклону, когда передъ глазами Михаила Романовича раскрылась красивая панорама огромнаго хутора, въ которомъ жила его невѣста. Ей шель только 22-й годъ, а между тѣмъ она вдовѣла уже около 2-хъ лѣтъ, проживъ почти столько же времени въ Кіевѣ съ мужемъ, который, возвратясь изъ турецкаго похода 1828 г., очаровался женственностью и красотой одесской институтки Надежды Григорьевны Пильницкой, а женись на ней, считалъ себя счастливѣйшимъ человекомъ. Случившійся съ нимъ апоплектичeskій ударъ окончился смертью и, молодая вдова поспѣшила въ Новороссію, на хуторъ, въ родовое имѣніе ея и двухъ ея братьевъ, Николая и Константина.

Это былъ прекрасный уголокъ южной Россіи, раскинувшійся на гористыхъ берегахъ рѣки и вокругъ широкаго длиннѣйшаго пруда. Три помѣщичьи усадьбы, примыкавшія къ частямъ хутора, отдѣлялись одна отъ другой естественными границами. Между двумя смежными усадьбами пролегла «балка» съ плотиной, окаймленной высокими вербами, сплетавшими вѣтви наподобіе сводчатаго потолка. Самая же дальняя усадьба какъ бы отрѣзывалась отъ остальныхъ излучистымъ ручьемъ и сообщалась съ широкой проѣзжей дорогой небольшимъ мостомъ и такъ называемыми «кладками», переброшенными противъ двухъ улицъ, спускавшихся къ водѣ съ противоположныхъ береговъ. Во всѣхъ трехъ усадьбахъ барскія жилища примыкали къ затѣйливо распланированнымъ садамъ и хорошо устроеннымъ надворнымъ строеніямъ.

Вездѣ было вдоволь экипажей, лошадей и всего, что составляло обычную обстановку и принадлежность жизни болѣе состоятельный помѣщиковъ первой половины XIX столѣтія.

Одинъ изъ братьевъ Надежды Григорьевны, отставной гусаръ, щеголялъ породистыми скакунами и рысистыми обитателями его обширныхъ конюшенъ и, какъ любитель музыки,—хоромъ крѣпостныхъ пѣсенниковъ, извѣстныхъ въ уѣздѣ прекрасными мужскими и женскими голосами. Другой братъ, Николай, окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ не безъ основанія гордился своей библіотекой, въ которой были всѣ сочиненія Вольтера, Монтескье, Расина, Ламартина и французскихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Въ противоположность старшему брату, Константину, онъ долго оставался холостымъ и теперь, въ періодъ вдовства сестры, былъ ея ежедневнымъ посѣтителемъ и преданнѣйшимъ другомъ.

Несмотря на службу въ кавалеріи и любовь къ лошадямъ, Барвиненко не находилъ въ бывшемъ гусарѣ ничего, что вызы-

вало бы къ нему особенное расположеніе, тогда какъ со вторымъ братомъ невѣсты у него довольно скоро установились близкія отношенія.

«Вотъ еще нѣсколько минутъ», думалъ Михаилъ Романовичъ: «мы горячо обнимемся съ Николаемъ, и, пока будутъ вносить къ нему вещи, я полечу къ ней, моей ненаглядной, къ владычицѣ сердца, къ моей богинѣ...»

Начитанный Жуковскимъ и проникнутый лиризмомъ многихъ романовъ, которые Барвиненко любилъ слушать и даже пѣть когда-то небольшимъ своимъ теноромъ, онъ невольно впадалъ въ сантиментальный тонъ, когда мечталъ о невѣстѣ. Онъ любилъ ее со всею страстью 35-лѣтняго степеннаго, нравственнаго человѣка, не позволявшаго себѣ подражать кавалеристамъ въ ихъ былой привычкѣ увлекать женщинъ для «срыванія цвѣтовъ наслажденія» въ легкой мимолетной интрижкѣ.

Михаилъ Романовичъ въ сущности никѣмъ даже серьезно не плѣнялся до встрѣчи Надежды Григорьевны и ей первой сознательно и беззавѣтно отдавалъ всего себя, признавая ее душою души своей.

Внутреннимъ, сердечнымъ взоромъ Барвиненко видѣлъ въ эту минуту исключительно лишь ее, эту прелестную, граціозную блондинку съ кроткимъ взоромъ сѣровато-голубыхъ глазъ и улыбкой, отъ которой все милое, нѣжное лицо озарялось какъ бы свѣтомъ. А его дѣйствительно было вдоволь въ душѣ добродѣтельной, привѣтливой и ласковой для крестьянъ помѣщицы, всегда справедливой и доступной каждому, кто въ ней нуждался. Средняго роста, пропорціонально сложенная, она производила чарующее впечатлѣніе манерою держать себя просто, но всегда изящно, и умѣніемъ какъ-то плавать и летать во время танцевъ.

Остановясь у ея брата Николая, Барвиненко помчался къ невѣстѣ и, какъ только увидалъ ее, не совладѣвъ съ собою, буквально упалъ передъ нею на колѣни и, схвативъ ея выхоленную маленькую руку, припалъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ.

Надежда Григорьевна съ выраженіемъ тихаго счастья въ лицѣ и голосѣ привѣтствовала сангвиника, готоваго и плакать и говорить безъ конца отъ восторга.

Едва въ концѣ ноября возвратился кирасирскій полкъ изъ похода, и эскадронъ, которымъ командовалъ Михаилъ Романовичъ, по-прежнему занялъ ту деревню, которая отстояла лишь на 20 верстъ отъ усадьбы Надежды Григорьевны.

II.

Уже полтора года, какъ женатъ Барвиненко, а ему кажется, будто бы еще недавно совершилось великое для него событіе, обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго онъ пересталъ быть одинокимъ и

томиться невыразимою жаждою скорѣе соединиться съ Надеждой Григорьевной. А теперь онъ такъ безгранично счастливъ; все такъ по сердцу въ небольшомъ его хозяйствѣ, въ этой уютной и тѣсноватой квартирѣ, гдѣ надо всѣмъ царить она, этотъ ангелъ во плоти, царить не по желанію первенствовать, а потому, что и влюбленный мужъ и вся прислуга такъ охотно и радостно смотрять на нее, какъ бы на высшее достойнѣйшее существо.

Даже деревня, съ ея однообразно вытянувшейся улицей и домиками, кое-гдѣ занесенными снѣгомъ, кажется Барвиненкѣ симпатичной, несмотря на сѣрое небо и отсутствіе солнца. Какое ему дѣло до того, что морозъ пощипываетъ ему уши, а вѣтеръ, крутя передъ глазами иглистые блестки, сбиваетъ съ ногъ. Вѣдь Михаилъ Романовичъ возвращается изъ манежа въ свой уютный уголокъ, въ это гнѣздышко, свитое взаимной любовью. На душѣ ясно, спокойно, чего же ему еще, тѣмъ болѣе, что не только родные, но и однополчане всегда рады ихъ появленію и принимаютъ ихъ въ своихъ семьяхъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ. Проникнутый такимъ сознаніемъ, Михаилъ Романовичъ вошелъ въ калитку своего двора, съ цѣлью взглянуть, въ какомъ положеніи недавно заболѣвшая лошадь. Едва завидя его, черный пестъ, слегка подпрыгивая, побѣжалъ къ нему навстрѣчу, толкнулъ мордой въ колѣни, быстро лизнулъ погладившую его руку хозяина и, замѣтивъ, что онъ идетъ въ конюшню, опередилъ его и съ привѣтливымъ лаемъ проскользнулъ въ двери. Въ свою очередь и жеребецъ Марсъ, уже извѣстный намъ со времени смотра подъ Калишемъ, повернувъ голову въ сторону Барвиненка, потянулъ къ нему свою красивую морду и заржалъ во всю мощь своей широкой груди. Даже и упряжная, несмотря на безпокоившую ее болячку, довѣрчиво повела глазами на вошедшаго и ничѣмъ не препятствовала ему осмотрѣть свою спину.

На вопросы Барвиненка по поводу лошадей рейткнехтъ, уса-тый уланъ, отвѣчалъ тономъ, въ которомъ слышалось не раболѣпство подневольнаго, а та сдержанная дисциплиною но безыскусственная привязанность, которую умѣли обнаруживать солдаты тѣмъ изъ начальниковъ, кого они любили. Добрѣйшій ротмистръ высоко цѣнилъ всякое проявленіе искренности, а потому направился въ свою квартиру едва ли не въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ прежде.

Онъ увидалъ свою «ненаглядную» передъ пальцами краснаго дерева за вышиваніемъ ему нарядныхъ туфель.

— На все ты мастерица: и музыкантша, и рукодѣльница, а ужъ какая хозяйка, а въ особенности... Не договоривъ мысли и подойдя сзади кресла, Барвиненко поцѣловалъ жену, а она, протянувъ къ нему вверхъ свои бѣлыя руки и граціозно изогнувшись назадъ, прильнула къ нему съ выраженіемъ нѣжности и благодарности на прекрасномъ лицѣ.

— Я самая обыкновенная женщина, а ты продолжаешь превозносить меня, точно мы новобрачные.

— Какъ не обожать тебя, Ниночка, когда за всѣ годы, въ теченіе которыхъ я тебя знаю, ты проявляешь только одно симпатичное и, даже больше...

— Нѣтъ, Мишель. Мнѣ даже страшно подчасъ, когда ты ставишь меня въ положеніе чуть не богини. Такъ и кажется, что такое счастье на землѣ не можетъ быть продолжительнымъ, что какая-либо неожиданность вдругъ...

— О! замолчи, моя радость, что за охота смущаться, — поспѣшилъ возразить Барвиненко, невольно тревожась убѣжденнымъ тономъ жены. — Вѣдь ты молода и здорова; я тоже крѣпокъ, а Господь такъ милосердъ, что не только продлитъ нашъ вѣкъ, но, быть можетъ, обрадуетъ еще потомствомъ, — говорилъ мужъ и, чтобы скорѣе измѣнить тему бесѣды, началъ высказывать предположеніе, какъ бы слѣдовало перемѣстить двери въ гостиную, чтобы образовалось пространство, необходимое для помѣщенія фортепіано.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы это было хорошо, а то вѣдь я потому только и не могу перевезти кое-чего изъ моего хутора, что эти казенные офицерскіе дома распланированы такъ неудачно.

— Я давно бы попросилъ волостного командира прислать ребѣчихъ, вѣдь тутъ дѣла только на одинъ день; но ты знаешь, что прежній штабсъ-ротмистръ былъ несговорчивъ.

— А преемникъ его, повидимому, премилый, — замѣтила Надежда Григорьевна.

— Ты не ошиблась, моя радость; при первомъ же свиданіи попрошу перенести дверь ближе къ углу, послѣ чего мы размѣстимъ въ гостиной все еще лучше и удобнѣе. Пойдемъ-ка, я покажу тебѣ, что слѣдовало бы сдѣлать.

Здѣсь кстати пояснить, что въ 30-хъ годахъ минувшаго вѣка значительная часть кавалеріи со своею артиллерію была размѣщена въ округахъ военнаго поселенія. Такъ назывались тѣ части Россіи, въ которыхъ казенные крестьяне несли службу своеобразнымъ способомъ. Въмѣсто того, чтобы поступать въ ряды войска «рекрутами» на общемъ основаніи, они отбывали эту повинность на льготныхъ условіяхъ; получали отъ казны опредѣленный участокъ земли, рабочій скотъ (лошадей или воловъ), земледѣльческія орудія и весь матерьялъ для устройства жилища съ хозяйственными постройками. Луга же и пастбища оставались въ общемъ недѣлимымъ пользованіи. За это крестьяне подъ названіемъ «военныхъ поселянъ» были обязаны три дня въ недѣлю обрабатывать большія пространства казенной земли, съ цѣлью добывать такимъ образомъ провіантъ и фуражъ для войскъ, квартирующихся въ данномъ округѣ. Оставаясь постоянно въ земледѣльческомъ быту, военные поселяне были изъяты изъ вѣдѣнія общей полиціи и гражд-

данской власти, такъ какъ во всемъ подчинялись своему спеціальному начальству, подлежали дисциплинѣ и военно-уголовному суду наравнѣ съ солдатами.

Получаемые трудами поселянъ: мука, сѣно, дрова, кирпичъ, доски и т. п. шли на потребности тѣхъ войскъ, которыя были размѣщены въ районѣ военныхъ поселеній. Организация ихъ заключалась въ томъ, что данная губернія, независимо отъ раздѣленія на уѣзды, размежевывалась на нѣсколько округовъ, а каждый изъ нихъ на три волости, состоящія изъ селеній и деревень. Волостнымъ командиромъ могъ быть штабъ- или оберъ-офицеръ изъ числа служившихъ прежде въ конныхъ частяхъ; онъ пользовался правами эскадроннаго командира; окружнымъ преимущественно былъ полковникъ на правахъ полкового командира; начальство надъ четырьмя округами ввѣрялось генералъ-майору, а надъ восемью округами — генералъ-лейтенанту.

Въ 1817 г. по личной инициативѣ Александра I округа военныхъ поселеній учреждались: а) въ губерніяхъ Могилевской, Витебской и Новгородской и назывались округами «пахотныхъ солдатъ», б) въ видѣ одного «пѣхотнаго округа» для поселенныхъ ротъ охтенскаго порохового завода (подъ Петербургомъ) и в) въ числѣ 20 округовъ «кавалерійскаго» военнаго поселенія. Изъ нихъ 8 округовъ находились въ Харьковской губерніи и назывались украинскими, а 12 въ Херсонской и лишь нѣсколько селеній въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи — всѣ подъ названіемъ новороссійскаго военнаго поселенія.

Позднѣе, въ 1837 г., изъ земель, конфискованныхъ у польскихъ помѣщиковъ (за возстаніе 1831 г.), образовано два округа кievскаго и три подольскаго военнаго поселенія.

Въ каждомъ селеніи кавалерійскихъ военныхъ поселеній, т. е. южныхъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, были сооружены изъ камня: храмъ, манежъ, цейхгаузъ, конюшни и дома для офицеровъ строевыхъ и для волостного командира. Гдѣ же находился штабъ полка, тамъ были, кромѣ названныхъ зданій: полковая церковь, гауптвахта, госпиталь, дѣловой дворъ (со всевозможными мастерскими) и дома для командировъ полка, округа, а кое-гдѣ для начальниковъ дивизіи, четырехъ и восьми округовъ.

Продолжая говорить, счастливые супруги Барвиненки вошли въ комнату, гдѣ въ два окна проникало довольно свѣта и вся она имѣла нарядный видъ, благодаря фисташковому цвѣту стѣнъ, покрытыхъ клеевой краской (въ то время обои составляли еще рѣдкость въ глухой провинціи), и бѣлымъ занавѣскамъ, сотканнымъ съ рисунками въ видѣ лиръ, бабочекъ и цвѣтовъ. Надъ окнами и дверьми, по модѣ той эпохи, блистало вызолоченное дерево въ формѣ стрѣлы, къ которой были прикрѣплены занавѣски и драпировки, подхваченныя не шнурами, а бронзовыми «бра», напоми-

навшими виноградные листья съ гроздьями, выпукло вытѣсненные на широкихъ полосахъ. Сочетаніе желтоватаго цвѣта мебели изъ корельской березы съ голубой ея обивкой и большимъ ковромъ съ преобладающимъ въ немъ коричневатымъ оттѣнкомъ довершали пріятное впечатлѣніе.

Въ числѣ предметовъ, особенно нравившихся супругамъ, здѣсь было три подвижныхъ столика, съ прямоугольнымъ верхомъ, устроенныхъ такъ, что наименьшій изъ нихъ могъ вдвигаться въ средній, а этотъ столикъ въ наибольшій, послѣ чего всѣ три представляли собою красивую фигуру. На большемъ столикѣ стояли бронзовые подсвѣчники настоящей французской работы въ стилѣ «рококо» и темно-синяя курильница съ амбре; на среднемъ — купидонъ изъ массы, которую трудно было отличить отъ бѣлаго мрамора, а на меньшемъ столикѣ — зеркало, тоже прекрасной заграничной работы. Эта изящная хрустальная вещь, чуть не въ полъаршина вышиной, состояла изъ постамента, обведеннаго бронзой, витой колонны и прикрѣпленнаго къ ея бронзовой капители такой же дугообразной вилки. Въ ней, на 2 штифтахъ, какъ на осяхъ, вращалось круглое зеркало съ отводомъ, въ бронзовой оправѣ. Всѣ металлическія части были покрыты гирляндами и позолотой. Предметы, размѣщенные на столикахъ, были подарены Надеждѣ Григорьевнѣ передъ первымъ ея замужествомъ баронессою Бервинъ, ея теткой (сестрою отца), вышедшей за англичанина и возвратившейся послѣ смерти мужа изъ Лондона на родину.

Все, что нравилось женѣ Михаила Романовича, было пріятно и ему, будь это не только вещь, но и одушевленное существо; а происходило это не потому, чтобы мужъ старался доставить Надеждѣ Григорьевнѣ удовольствіе похвалами чего-либо ей въ угоду. Нѣтъ, между супругами существовала такая рѣдкая солидарность ощущеній и единопудіе во всѣхъ проявленіяхъ ихъ бытія, что эту особенность можно признавать едва ли не феноменальной.

Сходство вкусовъ выражалось даже въ выборѣ кушаній для обѣда, который происходилъ всегда во второмъ часу незамѣтно, въ мирной бесѣдѣ и ясномъ настроеніи. Если мужъ возвращался со службы утомленный или чѣмъ-нибудь недовольный, жена умѣла легко и скоро возстановить въ его душѣ равновѣсіе и ту ясность, которая была свойственна этому великодушному, высокогуманному добряку. Впрочемъ, зимой и не было причинъ разстраиваться на службѣ, потому что лишь со времени полнаго очищенія земли отъ снѣга, т. е. съ половины марта, можно было дѣлать эскадронныя ученія въ полѣ, готовясь къ такъ называемому полковому кампаненту. Съ половины же октября до марта производились занятія въ манежѣ, откуда послѣ полудня солдаты уже расходились по избамъ, появляясь въ общія конюшни только въ часы, назначенные для уборки лошадей, кормленія ихъ и водопоя

Привольно и хорошо жилось тогда офицерамъ. Въ виду того, что эскадронами занимались исключительно ихъ полные хозяева, т. е. ихъ командиры, а субалтернъ-офицерамъ нечего было дѣлать, всю зиму при эскадронахъ не оставалось ни единого. Кто желалъ— получалъ официальное разрѣшеніе уѣзжать въ любой городъ или въ свое имѣніе, если обладалъ имъ. Только въ столицахъ проживать было можно не иначе, какъ съ документомъ объ отпускѣ, который при нормальныхъ условіяхъ давался не долѣе, какъ на 28 дней. Офицеры же, не имѣвшіе надобности уѣзжать за предѣлы полка, жили съ осени до весны въ томъ посадѣ, гдѣ находилась штабъ-квартира полка, т. е. гдѣ квартировалъ лейбъ (первый) эскадронъ, адъютантъ, казначей, квартирмейстеръ, полковой аудиторъ (тогдашній органъ военной юстиціи), священникъ, врачи и самъ командиръ полка.

Тамъ не могло быть скучно, потому что за рѣдкимъ исключеніемъ всѣ сослуживцы духовно сливались въ большую семью, умѣвшую дѣлать радость и горе своихъ сочленовъ во взаимномъ общеніи.

По условіямъ жизни тѣхъ лѣтъ, значительная часть офицеровъ легко и охотно соединялась «узами Гименея» съ мѣстными помѣщиками, и потому семейныхъ домовъ въ районѣ штаба полка бывало вдоволь. Зимній періодъ и вообще время между дивизионнымъ и полковымъ кампанентами проходило въ посѣщеніи офицерами ихъ семейныхъ сослуживцевъ, причемъ одни занимались музыкой, играя на разныхъ инструментахъ или распѣвая иногда дуэты, другіе же играли въ шахматы и карты, или устраивали танцы, пользуясь тѣмъ, что въ жилищѣ полкового командира пріемныя комнаты всегда были обширны, а трубачи знали много балльных пьесъ.

Случалось, что нѣсколько молодыхъ офицеровъ, съ разрѣшенія, а иногда даже по инициативѣ своего командира, перекочевывали отъ одного помѣщика къ другому въ сопровожденіи своего полкового оркестра. Къ условленному дню собирались къ данному помѣщику его сосѣди, устраивалось подобіе семейнаго вечера съ мазуркой, продолжавшейся иногда послѣ ужина, а затѣмъ, передохнувъ, послѣ поздняго обѣда вся компанія нагрянеть бывало на другого помѣщика, и такъ далѣе, пока не объѣдетъ всѣхъ, у кого возможно коротать зимніе вечера.

Такіе наѣзды нравились также кучерамъ и трубачамъ, потому что всѣхъ ихъ не только хорошо угощали, но и одаряли всемъ, что было имъ полезно.

Но едва земля очищалась отъ снѣга (въ Новороссіи съ половины марта), эскадроны начинали учиться на полѣ, сначала безъ субалтернъ-офицеровъ, а съ апрѣля уже вмѣстѣ съ ними. Съ мая всѣ эскадроны собирались на полтора мѣсяца въ штабъ полка, а

на августъ въ тотъ городъ, гдѣ находился начальникъ дивизіи со своимъ штабомъ. Въ теченіе этихъ-то сборовъ, называемыхъ кампаментами, полковымъ и дивизионнымъ, и проявлялась самая кипучая и далеко не легкая служба. Къ 5^{1/2} ч. утра хоръ трубачей подъѣзжалъ къ квартирѣ адъютанта проиграть, какъ требовалось тогда въ кавалеріи: «всадники други, въ походъ собирайтесь». Этотъ «генераль-маршъ» служилъ оповѣщеніемъ для эскадроновъ готовиться къ выступленію. Въ 6 ч. трубачи играли сборъ, по которому части полка изъ разныхъ мѣстъ съѣзжались на плацъ-парадъ. Затѣмъ конный взводъ подъѣзжалъ къ дому командира взять хранившіеся у него штандарты (прежде ихъ было по 1-му въ каждомъ дивизионѣ, слѣдовательно по 3 штандарта у кирасиръ и отъ 3 до 4 въ полкахъ легкой кавалеріи), и полкъ подъ звуки марша двигался на поле. Тамъ продолжалось ученіе, съ 7 ч. до 12, а передъ вечеромъ нѣсколько разъ въ недѣлю происходили опять разныя упражненія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: стрѣльба, вольтижировка, фехтованіе и т. п.

Въ эскадронѣ, которымъ командовалъ Барвиненко, всѣ офицеры были не женаты, а потому въ теченіе своего обязательнаго нахожденія при эскадронѣ для апрѣльскихъ занятій, если заходили къ нему, пользовались всегда радушнымъ приемомъ, но не совсѣмъ такимъ, какой бывалъ въ особенности у холостыхъ командировъ. Михаилъ Романовичъ, никогда не бравшій картъ въ руки по принципиальному нерасположенію къ игрѣ, не предлагалъ ея и офицерамъ. Онъ даже никогда не курилъ и почти не пилъ вина; поэтому, изъ уваженія къ нему, за его столомъ обильнаго возліянія никто себѣ не позволялъ, несмотря на образцовое гостепріимство и хлѣбосольство хозяевъ. Для курильщиковъ же по модѣ тѣхъ дней даже и у Барвиненка въ кабинетѣ стояло на полу подобіе рамы изъ краснаго дерева на устойчивыхъ ножкахъ съ вырѣзами. Въ нихъ, какъ ружья «въ сошкахъ», перпендикулярно стояло нѣсколько длинныхъ черешневыхъ чубуковъ съ янтарными мундштуками и красноватыми трубками, для набивки ихъ табакомъ, исключительно приготовляемымъ на фабрикѣ Жукова. Свообразный его запахъ, существенно отличавшійся отъ папироснаго, былъ необыкновенно пріятенъ и любимъ даже тѣми, кто не курилъ ничего.

Когда къ Барвиненкамъ собирались гости, буфетчикъ Андрей и его жена, горничная Прасковья, проявляли свое искусство въ дѣлѣ сервировки и прислуживанья за столомъ. Эта брачная чета, отданная Надеждѣ Григорьевнѣ въ услуженіе навсегда ея братомъ Николаемъ (изъ числа его крѣпостныхъ дворовыхъ людей), отличалась столько же знаніемъ своихъ обязанностей, сколько преданностью и добронравіемъ. Прасковья была разумная, кроткая и благообразная шатенка лѣтъ 28, а ея мужъ, тоже темноволосый, казался

старше своихъ 33 лѣтъ вслѣдствіе медленности движеній, неразговорчивости и обилія густыхъ волосъ, покрывавшихъ большую часть его выразительнаго лица.

Офицеры знали по опыту, что Прасковья такъ мастерски печетъ крендельки на сметанѣ и сдобныя баранки, что ей завидуетъ поваръ-денщикъ, и варитъ кофе какимъ-то особеннымъ способомъ, не удающимся завзятой любительницѣ кофе, женѣ «штабъ-лекаря», т. е. старшаго врача.

Несмотря на отсутствіе картъ, никто изъ гостей не испытывалъ этого лишенія, благодаря любезности обаятельной Надежды Григорьевны и превосходному характеру ея мужа, всегда внимательнаго и обходительнаго по отношенію къ каждому, кто бы ни посѣтилъ его домъ. Повидимому, онъ былъ ничѣмъ особенно не одаренный человѣкъ; но стоило лишь поглубже взглянуть въ него и покороче узнать, чтобы почувствовать неотразимое обаяніе его нравственныхъ правилъ и всего склада его чистой души. Михаилъ Романовичъ никогда ничѣмъ не рисовался и, какъ врагъ всякой дѣланности, не старался напускать на себя что-либо, съ цѣлью представиться въ выгодномъ свѣтѣ. Онъ держалъ себя съ простотою искренняго, безконечно-доброжелательнаго человѣка и, вѣроятно, благодаря этимъ качествамъ, Барвиненко невольно, безъ участія его желанія, становился среди своихъ знакомыхъ общимъ любимцемъ.

Какъ бы въ соотвѣтствіе симпатичнымъ особенностямъ Михаила Романовича судьба послала ему жену съ превосходнымъ характеромъ и неистощимымъ запасомъ любви къ мужу, котораго Надежда Григорьевна вполне понимала и цѣнила. Благодаря всему, этому въ жизни супруговъ нравственная гармонія царяла съ такой силой, что быть у Барвиненковъ въ гостяхъ считалось большимъ удовольствіемъ. Въ ихъ домѣ каждый чувствовалъ себя легко и хорошо именно потому, что тамъ моральной атмосферой были непритворное участіе и правдивость хозяевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ хутора Надежды Григорьевны привезли ея одесское фортепіано, она доставляла своимъ гостямъ истинное наслажденіе своей умѣлой игрой. Она не отличалась такою техникой, которою бравируютъ современныя консерваторіи, превращая полегъ пальцевъ по клавишамъ въ подобіе жонглерства, съ молніеобразнымъ паденіемъ рукъ и взмахомъ ихъ съ головокружительной быстротой. О, нѣтъ, Надежда Григорьевна играла, заботясь не о фокусахъ, а о томъ, чтобы инструментъ пѣлъ и плакалъ, выражая ея лиризмъ и мысли, какъ бы живое существо.

Вообще талантливая, она отличалась музыкальностью еще въ Одессѣ, когда была воспитанницею моднаго пансіона «мадамъ Шедѣвръ», гдѣ многіе завидовали ея богатой памяти, манерѣ игры и превосходному «toucher».

Любимыми ея операми были созданныя Беллини, Доницетти и Россини, а изъ композиторовъ различныхъ піесъ она предпочитала Бертини, Гензельта, Листа, Мейера (Леопольда), Мендельсона, Тальберга, Фильда, Херца, Черни, Шопена и Штейбеля.

Если когда-нибудь молодежь затѣвала танцы, Надежда Григорьевна, не уступая профессиональному таперу въ неутомимости, исполняла произведенія модныхъ въ тѣ времена Гунгля, Лабицкаго, Ляннера и Штрауса, того Юганна, который сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ Штраусовъ, прославившихся въ особенности своими вальсами и польками.

Въ тѣ времена въ составъ кавалерійскихъ офицеровъ поступало лишь немного кадетъ; большинство же производилось изъ юнкеровъ (прежняго типа), т. е. дѣтей состоятельныхъ дворянъ. Согласно режиму людей этого круга, въ своихъ родительскихъ семьяхъ они получали образованіе, соединенное съ виѣшнимъ лоскомъ и знакомствомъ съ искусствами.

Обыкновенно юнкера были обязаны служить 2 года для полученія чина; но тѣ изъ нихъ, которые поступали въ полкъ съ аттестатомъ объ окончаніи курса въ университетѣ или лицее, производились въ офицеры ранѣ истеченія одного года службы. При такихъ условіяхъ неудивительно, что между сослуживцами Барвиненка встрѣчались и такіе, которые умѣли играть и пѣть, чѣмъ очень была довольна его жена.

Несмотря на стоянку кирасиръ въ глуши Новороссійскаго края, и туда проникали музыкальныя новости чрезъ одесскіе и харьковскіе потные магазины. Поэтому тѣ офицеры, которые обладали голосомъ, были знакомы также почти со всѣми модными романсами: Алябьева, Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дюбука, Верстовскаго и Титова. Чаше другихъ пѣлись романсы Варламова, въ особенности: «Не отходи отъ меня», «Ты скоро меня позабудешь», «Что такъ сильно, сердце, бьешься», «Ангель» и «Сомнѣніе».

Въ патріархальные дни, описываемые въ этомъ очеркѣ, совмѣстная игра молодой женщины и какого бы ни было симпатичнаго мужчины не вызывала мысли о возможности затѣять игру въ чувства. Флиртъ, распространенный въ великовѣтскомъ кругу и начинавшій лишь кое-гдѣ проявляться въ омутѣ густо-населенныхъ городовъ, еще не подкапывался пока подъ брачныя устои полковыхъ семействъ.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ особенности среди кавалерійскихъ офицеровъ, не казалось смѣшнымъ проявлять въ дѣлѣ чести и долга рыцарскія традиціи. Въ силу этого, хотя Барвиненкѣ, какъ мужу, завидовали многіе, никто однако не позволилъ себѣ чѣмъ-либо обнаружить свои чувства въ отношеніи той, которою онъ дорожилъ болѣе, чѣмъ жизнью.

III.

Мирная, но въ сущности однообразная жизнь кавалерійскихъ полковъ, квартировавшихъ въ южномъ военномъ поселеніи, вдругъ всколыхнулась и при томъ совсѣмъ для нихъ неожиданно. Причиною была фантазія, вѣрнѣе, самодурство, генерала графа Витта, человѣка ловкаго и ни передъ чѣмъ не останавливавшагося для достиженія личныхъ выгодъ.

Честолюбивый инспекторъ и начальникъ военныхъ поселеній и расположенныхъ тамъ дѣйствующихъ войскъ, графъ жаждалъ случая еще болѣе выдвинуться въ глазахъ государя. Ему хотѣлось во что бы ни стало наглядно убѣдить императора, будто бы съ тѣхъ поръ, какъ военныя поселенія попали подъ его почти безконтрольное владычество, все достигло въ нихъ совершенства: хозяйство разрастается и процвѣтаетъ, военные поселяне считаютъ себя счастливѣйшими изъ числа крестьянъ, а «поселенныя» войска достигли наивысшаго искусства въ дѣлѣ военныхъ упражненій.

Для осуществленія смѣлой мысли по грубой поговоркѣ «втирать очки въ глаза», графъ выѣхалъ изъ Одессы, гдѣ постоянно жилъ со своимъ штабомъ, въ Петербургъ и упросилъ Николая I сдѣлать грандіозный смотръ подъ гор. Вознесенскомъ (Херсонской губ.) осенью 1837 года.

О томъ, какими послѣдствіями отразится затѣя на хозяйствѣ чуть не цѣлаго края, графъ не хотѣлъ слушать компетентныхъ людей. Онъ авторитетно потребовалъ, чтобы командиры округовъ военнаго поселенія прокормили въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стотысячное войско. Да и какъ же было ему не настаивать на этомъ, когда не по мысли царя, а по хвастливому побужденію графа рѣшено было собрать подъ Вознесенскъ не однѣ лишь тѣ части, которыя квартировали въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, но также всю армейскую кавалерію съ ея обозомъ, понтонными парками и артиллеріей.

Объявивъ категорично, что кто не придумаетъ способа, какъ скорѣе осуществить требуемое, тотъ будетъ удаленъ со службы, графъ энергично сталъ приводить въ исполненіе свой разорительный проектъ. Великое множество военныхъ поселянъ съ явнымъ ущербомъ для полевого хозяйства было отвлечено отъ своихъ прямыхъ и естественныхъ занятій на перевозку всевозможнаго строительнаго матеріала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Для насажденія сада въ Вознесенскѣ стали перевозить на особо устроенныхъ дрогахъ настолько огромныя деревья, что впрягали отъ 12 до 20 воловъ разомъ. Различныя казенныя зданія ломались, перестраивались и воздвигались вновь. Создались театръ и временныя помѣщенія для особъ царской фамиліи съ дворцовой

обстановкой, а изъ манежа съ его конюшнями образовался залъ съ будуарами и гостиными для предстоявшаго бала. Драпировщику, выписанному изъ Парижа, доставлены цѣнные матеріи и мебель, заказанная въ Одессѣ.

Всѣ начальники, начиная отъ корпусныхъ до полковыхъ и окружныхъ командировъ, по распоряженію графа, не только удалялись изъ своихъ квартиръ, предназначаемыхъ для высочайшихъ особъ и лицъ, приглашенныхъ къ царскому смотру, иностранцевъ и многочисленной свиты, но были также обязаны снабдить на свои средства всѣ ихъ жилища экипажами, лошадьми, утварью и даже столовой сервировкой. Для продовольствованья всѣхъ приглашенныхъ лицъ вызванъ изъ Одессы французъ, содержатель моднаго ресторана. Все необходимое для прокормленія войскъ съ ихъ лошадьми доставлялось въ Вознесенскъ съ весны до осени военными поселянами; различныя же работы исполнялись казенными мастеровыми, присланными изъ округовъ не только Херсонской, но также Харьковской, Кіевской и Подольской губерній.

Распоряжаясь совокупными силами военныхъ поселеній: украинскихъ, новороссійскихъ, кіевскихъ и подольскихъ, графъ Виттъ не ограничился только пересозданіемъ внѣшности Вознесенска. Стремясь произвести чарующую иллюзію порядка и благосостоянія, онъ не остановился и передъ явнымъ обманомъ. На земляхъ, прилегающихъ къ царскому пути, со сказочной быстротой поставлены обширные дома, съ замысловатыми крыльцами, баллюстрадой и крышами, бросавшимися въ глаза глазурью разноцвѣтной черепицы. Къ этимъ, будто бы крестьянскимъ жилищамъ, примыкали дворы, изобиловавшіе стогами запаснаго хлѣба, а кое-гдѣ видѣлись даже клуны и токъ со многими скирдами хлѣба.

Къ счастью фокусника, его дерзкій обманъ не былъ обнаруженъ, такъ какъ въ голову строгаго царя не приходила мысль о томъ, что въ эти дома сгонялись лишь временные ихъ обитатели; что хлѣбъ, демонстративно свезенный сюда, давно уже обмолоченъ, и въ дѣйствительности не что иное, какъ простая солома; что волы, предназначенные свидѣтельствовать своею внѣшностью о блестящемъ состояніи скотоводства, нарочно выбраны изъ самыхъ лучшихъ, причемъ у нихъ рога велики не вслѣдствіе породистости, а потому, что было приказано купить ихъ на бойнѣ, распарить въ водѣ и насадить на тѣ рога, которые малы.

Если свѣтлѣйшему Потемкину легко удалось обморочить проницательную Екатерину II, выдавая ей размѣщенные въ Новороссійскихъ степяхъ декораціи за настоящіе лѣса и поселки, то почему бы не попытать счастья и другому самоувѣренному лгуну. И графъ не ошибся. Именно благодаря его безграничному нахальству и дерзкой рѣшимости лгать передъ суровымъ Николаемъ I цѣль была достигнута блистательно.

Для царя навсегда осталось тайной, что осуществление своекорыстной затѣи Витта легло тягостнымъ бременемъ на военное поселеніе, которое три года сряду не могло поправить своего надорванного хозяйства послѣ отвлеченія рабочихъ рукъ и воловъ въ Вознесенскъ. Часть хлѣба такъ и осталась не убранный; у трети поселянъ погибъ скотъ, заморенный непосильными срочными работами, вслѣдствіе чего многіе посѣвы совсѣмъ не производились. Несмотря на урожайный годъ, обнаружился такой значительный недостатокъ хлѣба, что его пришлось покупать, потому что изъ запасныхъ магазиновъ онъ былъ проданъ для полученія тѣхъ суммъ, которыя требовались на расходы къ грандіозному смотру.

Графъ Виттъ обладалъ несомнѣннымъ талантомъ представлять «товаръ лицомъ», зналъ хорошо, что нравилось царю, помнилъ впечатлѣніе, произведенное на него эволюціями большихъ войсковыхъ массъ, собранныхъ подъ Калишемъ, и потому вѣрно рассчиталъ, что когда подъ Вознесенскомъ онъ стянетъ почти вдвое болѣе силъ и притомъ преимущественно въ видѣ кавалеріи, то эффектъ получится огромный. Такъ и было.

Едва 1-го сентября прибылъ императоръ съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, а 2-го числа пріѣхала государыня съ великой княгиней Марьей Николаевной, которую уже поджидалъ женихъ ея герцогъ Лейхтенбергскій, начались ежедневные смотры, которыми государь всегда оставался доволенъ и не утомлялся, хотя объѣздъ войскъ и церемоніальный маршъ 3-го сентября длился съ 10 ч. утра до 4-хъ, т. е. ровно шесть часовъ.

Подъ Вознесенскъ съ полкомъ явился и Барвиненко (уже въ чинѣ майора), но безъ жены, по невозможности найти для нея сколько-нибудь сносное помѣщеніе. Малѣйшее подобіе жилища бралось, какъ говорится, съ боя, тѣмъ болѣе, что очень многіе помѣщики цѣлыми семействами наѣхали туда любоваться царскими смотрами по распространенной среди дворянства того времени привычкѣ собираться туда, гдѣ ожидался пріѣздъ двора.

Разлука съ Надеждой Григорьевной болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, включая походное движеніе въ оба конца, очень дурно вліяла на общее настроеніе Михаила Романовича. Только благодаря частымъ и при томъ усиленнымъ служебнымъ занятіямъ онъ не поддался уже начинавшимся приступамъ мучительной хандры.

Утомительныя и надоевшія Барвиненкѣ военныя представленія получили 7-го сентября неожиданный для всѣхъ, исключительный характеръ. Вдругъ государю вздумалось вызвать войска по тревогѣ. Хотя до ближайшихъ лагерныхъ стоянокъ было около двухъ верстъ, черезъ полчаса всѣ уже собрались, затѣмъ превосходно показали себя на произведенныхъ небольшихъ маневрахъ и, награждаемые царскими похвалами, уже стали возвращаться домой.

Было около полудня; въ воображеніи проголодавшихся и утомленныхъ людей заманчиво представлялся обѣдъ и отдыхъ. Но въ это время съ языка какого-то иностраннаго гостя сорвалась неосторожная фраза о томъ, что войску, проявившему образцовую быстроту при исполненіи трудныхъ эволюцій, несомнѣнно необходимъ соотвѣтственный отдыхъ. Чтобы наглядно доказать неутомимость русскихъ, государь велѣлъ трубить «сборъ», послѣ чего началось что-то невѣроятное. Исполняя различныя команды, артиллерія помчалась по оврагамъ, косогорамъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, кавалеристы носились по полямъ, загроможденнымъ еще не убранными копнами хлѣба, и всѣ задыхались отъ зноя и пыли, поднимавшейся непроницаемыми тучами. Ничего не видя, лошади наскакивали на препятствія, калѣчились и распивались до смерти. Опрокинувшимся орудіемъ убито нѣсколько людей и лошадей; давка и суматоха были чудовищныя. Погублено также и множество всякой амуниціи и оружія. Происходило что-то адское; но царь ничего не могъ видѣть отъ пыли и никогда не узналъ, къ чему привела болтливость иностранца. Едва черезъ четыре часа измученныя, загрязненныя, страдающія отъ жажды войска были отпущены въ свои лагеря.

Происходившіе 9-го числа смотръ и ученье окончились очень эффектно. Для стрѣльбы въ цѣль былъ устроенъ цѣльный городокъ въ турецкомъ вкусѣ. По мѣрѣ того, какъ батареи, дѣйствуя по очереди, попадали въ центральныя зданія, они загорались. Когда же наконецъ, слѣдуя указанному порядку, открыли огонь по главному зданію и пробили требуемое мѣсто, все распалось на части, и надъ руинами загорѣлись царскіе вензеля. 12-го сентября государь пробылъ съ царской фамиліей до двухъ часовъ ночи на балу, данномъ ему всѣми офицерами, 14-го сдѣлалъ послѣдніе маневры и выѣхалъ въ Одессу, а дня черезъ два двинулись и войска въ мѣста ихъ всегдашней стоянки.

Съ появленіемъ 24 марта 1840 г. на свѣтъ первенца-дочки отношенія между супругами Барвиненками сдѣлались еще полнѣе и совершеннѣе. Все, что было прекраснаго въ тайникахъ ихъ сердецъ, слилось въ общее мощное чувство къ новорожденной. Уступая настоянію медика, молодой матери не удалось осуществить завѣтное желаніе самой быть кормилицей черноглазенькой Мери. Ея рожденіе унесло такъ много силъ Надежды Григорьевны, что она не могла встать съ постели гораздо долѣе, чѣмъ предполагалось.

Наконецъ она появилась опять желаннымъ «добрымъ геніемъ», какъ называлъ ее братъ Николай, въ своей семьѣ, оживляя голосомъ и присутствіемъ всѣхъ обитателей квартиры. Тамъ не было никого, кто не порадовался бы искренно благополучному исходу того событія, которое нерѣдко заключается въ полученіи жизни

ребенкомъ посредствомъ смерти его матери. Не только ближайшіе къ Барвиненкамъ изъ числа ихъ прислуги, но даже кучеръ и эскадронный вахмистръ, при удобномъ случаѣ, отъ чистаго сердца выразили самыя добрыя пожеланія Надеждѣ Григорьевнѣ, мужу и ребенку. О Михаилѣ Романовичѣ нечего и говорить. Любовь къ женѣ онъ обратилъ чуть не въ культъ поклоненія ей, какъ виновницѣ жизни дочки, вызывавшей въ немъ умиленіе, когда онъ любовался ея кудрявыми волосиками и, какъ ему казалось, осмысленнымъ выраженіемъ благообразнаго личика.

Какъ-то разъ, возвратясь ранѣе обыкновеннаго изъ манежа, Барвиненко вошелъ въ комнату Надежды Григорьевны въ моментъ, когда она, еще не совсѣмъ одѣтая, приводила въ порядокъ свою шевелюру. Тонкими, изящными пальцами разбирая тяжелую косу, она сдѣлала движеніе, отъ котораго пышные волосы, выскользнувъ изъ рукъ, благоухающими прядями покрыли ея обнаженную грудь и плечи. Роскошь свѣтлыхъ волосъ и бѣлизна тѣла въ соединеніи съ безыскусственно граціозной позой ошеломили сангвиника, всегда готоваго опозитизировать свою жену. Будто никогда еще прежде не вида ея такою красивою, онъ отдался вдругъ охватившему его чистому чувству и, склонясь передъ ней, какъ божествомъ своимъ, на колѣни, восторженно любовался ею, какъ бы чуднымъ произведеніемъ живописи или ваянія. И дѣйствительно, Надежда Григорьевна производила въ эту минуту впечатлѣніе скорѣе картины или статуи, чѣмъ живого существа. Во всей фигурѣ, въ выраженіи глазъ и въ неподвижности проявлялось жизни менѣе, чѣмъ можно было ожидать при такомъ задушевномъ привѣтѣ мужа.

— Сокровище мое, какъ ты меня балуешь, я такъ счастлива съ тобой.

Если бы Михаилъ Романовичъ не былъ въ эстетическомъ экстазѣ, онъ подмѣтилъ бы, что въ организмѣ прелестной женщины уже нѣтъ прежней энергіи для выраженія ея чувствъ, хотя послѣ рожденія дочери сила нѣжности въ отношеніи къ любимому человѣку въ ней даже увеличилась значительно.

Прошло уже около двухъ съ половиною мѣсяцевъ со времени рожденія Мериньки, а къ ея прекрасной матери все еще не возвращалось прежнее здоровье. Сообразно съ этимъ въ ней уже не замѣчалось и былого настроенія. Она сдѣлалась сосредоточенной, даже склонной къ грусти. Иногда мужъ ловилъ свою «ненаглядную» на такой интонаціи голоса, позѣ и выраженіи глазъ, которыя обнаруживали секретъ Надежды Григорьевны, т. е. стараніе скрыть отъ мужа, что въ нее закралась какая-то мысль, мучительная, но неизбѣжная и даже роковая.

Былъ праздникъ. Барвиненки ѣздили въ церковь и причастили ребенка. Возвратясь домой, они вышли въ садъ пить чай (слѣдуя старинному обычаю не ѣсть до обѣдни). Несмотря на половину

іюня, въ воздухѣ ощущалась нѣкоторая прохлада послѣ обильнаго ночного дождя. Обильныя тучи, скользя мимо солнца, заслоняли его настолько, что тѣнь покрывала землю тамъ, гдѣ лѣтомъ обыкновенно играютъ яркіе блики.

Озабоченный пошатнувшимся здоровьемъ жены, Барвиненко неохотно согласился съ ея настоятельнымъ желаніемъ подольше оставаться въ саду. Ей такъ нравилась эта влага и она такъ жаждала ея, что отказать ей значило бы лишить того, что составляло не капризъ, а дѣйствительную потребность больного организма. Усѣвшись за чайный столъ и поставивъ свои маленькія ножки на принесенную мужемъ бархатную скамейку, Надежда Григорьевна вскорѣ, сама того не замѣчая, сильно задумалась. Ея кроткій взоръ остановился на чемъ-то какъ бы далеко; грудь дышала слабо, въ лицѣ сказалось утомленіе. Уловивъ печальное выраженіе какъ бы во всей фигурѣ обожаемой женщины, Михайлъ Романовичъ почувствовалъ, что екнуло и заняло его сердце. Какъ сангвиникъ, онъ чуть было не выдалъ своего испуга; но во время онъ овладѣлъ собой. Не сказавъ ни слова, онъ только обнялъ ее и нѣжными поцѣлуями вывелъ ее изъ состоянія, въ которомъ никогда еще ее не видѣлъ.

— Я испугала тебя, не правда ли, мой безцѣнный; но ты не придавай особеннаго значенія моему...

Она не находила слова, которое скрыло бы ея настроеніе. Она хотѣла еще что-то сказать, но вдругъ закашлялась, торопливо взяла руку мужа и прильнула къ ней горячими губами.

Въ эту минуту изъ дѣтской послышался жалобный голосъ ребенка, и оба супруга поспѣшили къ своей крохотной Меринкѣ. Но тревога ихъ была напрасной. Дѣвочка, вскрикнувъ почему-то во снѣ, продолжала мирно поконяться въ своей постелькѣ, подъ наблюденіемъ румяной кормилицы. Движимая какимъ-то невысказаннымъ побужденіемъ, Надежда Григорьевна тихо опустилась на колѣни передъ малюткой, пристально посмотрѣла на нее и, опершись исхудалой рукой на колыбель, осталась недвижимой въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. А Барвиненко, стоя сбоку, въ первый разъ за 4 года своей брачной жизни взглянулъ на близкое ему существо невольно совѣмъ съ новой точки зрѣнія. Всегда плѣбавшійся внѣшностью Надежды Григорьевны, какъ женщины, онъ невольно представлялъ ее въ эту минуту воплощеніемъ ангела, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ роскошными свѣтлыми волосами, съ изящной рукой, простертой надъ ложемъ младенца, впереди кормилицы такого сложенія, сравнительно съ которымъ Надежда Григорьевна тѣмъ болѣе казалась неземнымъ созданіемъ.

Не отлетитъ ли она отъ насъ, какъ ангелъ? вдругъ возникъ роковой вопросъ въ головѣ чловѣка, который въ силу безгранич-

ной любви къ женѣ тѣмъ тщательнѣе скрывалъ отъ нея свои мучительныя думы о ней, чѣмъ нагляднѣе замѣчалъ, что силы ея уплываютъ.

IV.

Къ концу августа отъ прежней округлой фигуры Надежды Григорьевны остался только остовъ. Молодая женщина таяла, мучимая кашлемъ и бессонницами. Врачи не произносили въ присутствіи Барвиненка рокового названія болѣзни, но самый способъ леченія указывалъ, что прелестная женщина стала жертвой скоротечной чахотки.

17 сентября, счастливый въ прежніе годы день именинъ Надежды Григорьевны, прошло въ семьѣ Барвиненка такъ же печально, какъ и ближайшіе къ нему осенніе дни. Подобно Михаилу Романовичу и больная, въ свою очередь, старательно избѣгала чѣмъ-либо подчеркнуть переживаемое настроеніе; но зато лично себя она не обманывала, сознавая всю опасность своего положенія. Именно понимая его вполне, она лишала себя великой отрады — общенія съ ребенкомъ. Страшась передать чахотку малюткѣ, несчастная мать подъ разными предлогами старалась держаться въ сторонѣ отъ Мериньки, тогда какъ цѣловать и прижимать ее къ своей страдающей груди она хотѣла столько же, какъ и жить среди тѣхъ, кого боготворила.

Вѣдь ей было только 28 лѣтъ, и она на каждомъ шагу видѣла, понимала и чувствовала, какую любовью окружаютъ ее всѣ, кто успѣлъ узнать ее хотя немного.

Со времени болѣзни Надежды Григорьевны число преданныхъ ей людей увеличилось еще однимъ новымъ членомъ семьи Барвиненка, Анной Романовной, родною сестрою Михаила Романовича. Видя, какъ быстро таютъ силы жены и сознавая невозможность заниматься одновременно домашними дѣлами и эскадрономъ, Барвиненко поспѣшилъ вызвать съ мѣста своей родины сестру, съ которой дружилъ въ дѣтствѣ болѣе, чѣмъ съ другими вслѣдствіе того, что, бывъ его ровесницей, она имѣла почти одинаковый съ нимъ нравъ и образъ мыслей.

Дѣйствительно, никто бы иной не могъ явиться болѣе кстати въ домъ Барвиненка, какъ разумная, распорядительная, пожилая и незамужняя сестра, ничѣмъ не связанная и одаренная всѣми качествами для безупречнаго ухода за малюткой и ея больной матерью.

Въ силу любви къ брату эта добрая и неутомимая женщина превзошла всѣ его ожиданія въ проявленіи ласковаго вниманія къ его женѣ и ребенку и въ стараніи утѣшать и успокаивать брата въ горестное время.

Но какъ ни велики были попытки окружавшихъ Надежду Григорьевну сохранить ее, неумолимая чахотка производила свое роковое дѣйствіе. Появились удушья, а на лѣвомъ боку какія-то темныя пятна, причинявшія сильную боль и какъ бы увеличившія собою невыносимое состояніе въ груди и въ спинѣ. Открылось кровохарканіе, аппетитъ пропалъ, бессонница увеличилась до того, что даже днемъ больной не удавалось заснуть хотя бы ненадолго. Она страдала физически и морально, видя, что мужъ и самъ ходитъ, какъ тѣнь, подобно ей понимая неизбѣжность катастрофы, но не рѣшаясь высказаться передъ дорогимъ существомъ, съ которымъ скоро придется разстаться.

Какъ-то разъ, въ началѣ сумерекъ, въ отдѣльной комнатѣ, занимаемой больною, никого не было. Анна Романовна, готовая явиться каждую секунду, сидѣла въ смежной комнатѣ, а Михаилъ Романовичъ, стоя по близости отъ сестры, чутко прислушивался къ тому, что происходитъ съ больной.

И вотъ, случайно взглянувъ черезъ открытую дверь на зеркало, висѣвшее противъ кровати, онъ увидѣлъ ясное отраженіе жены, которая не могла предполагать, что зеркало выдастъ ее. А между тѣмъ оно обнаруживало послѣдовательно, какъ Надежда Григорьевна повернула голову къ образу Успенія Богоматери, особенно чтимой ею фамильной святынь, какъ поднялись дрожащія руки, точно вознося молитву къ небу, и какъ троекратно совершила больная крестное знаменіе по тому направленію, гдѣ ея малютка. Потомъ она поднесла платокъ къ глазамъ, видимо, стараясь скрыть слѣды слезъ; но отъ избытка волненія она мучительно закашлялась, а когда къ ней бросился Михаилъ Романовичъ, она лежала недвижимая, и струя крови, хлынувъ горломъ, окрашивала подушку...

Прошелъ ровно одинъ мѣсяць со дня именинъ Надежды Григорьевны, и въ 10 часовъ вечера 16 октября 1840 г. не стало страдальцы.

Едва наступило утро, несчастный вдовецъ, одѣвъ священный для него трушъ такъ, какъ если бы предстояло ѣхать живой Надеждѣ Григорьевнѣ изъ дому, бережно перенесъ ее въ свою коляску и повезъ ее изъ села Комиссаровки въ село Макариху, гдѣ были хутора покойницы и ея братьевъ.

Погруженный въ мысли о постигшемъ ударѣ, Барвиненко смотрѣлъ теперь на окружавшій его Божій міръ своеобразно, не по-прежнему. Послѣ дождливой ночи солнце взшло на ясное, почти безоблачное небо какъ бы для того, чтобы вызвать радость въ людяхъ картиною превосходнаго осенняго утра. Оно посыпало золотымъ пескомъ луга и пашни, горѣло яркой звѣздочкой на крестѣ попутной церкви, играло на листвѣ лѣса, выступавшаго на лиловатомъ горизонтѣ желтыми и зеленовато-красными поло-

сами. Передъ глазами Михаила Романовича, помимо его воли, проходила нарядная панорама природы, съ ея отраженіями въ прудахъ, какъ въ громадномъ зеркалѣ, а чистый прохладный воздухъ обильно вливался въ грудь. Поэтичная натура Барвиненка, разумѣется, не могла не восчувствовать обаянія всего, что окружало его. Но какъ? Все, что веселило его прежде, чаровало и настраивало подчасъ восторженно, теперь увеличивало его страданія до степени нравственной пытки. Ему вспомнилось, какими счастливыми любовались они такими же красотами мірозданія годъ назадъ, когда въ концѣ прелестной, какъ и теперь, южной осени они ѣзжали къ роднымъ незабвенной Надежды Григорьевны по этой же дорогѣ, сидя въ этомъ же экипажѣ. Тогда въ Макарихѣ ихъ ждали съ хорошимъ чувствомъ, любуясь ихъ надиво превосходною супружеской жизнью. Они жадно вдыхали въ себя здоровый воздухъ и не разъ восхищались солнечнымъ восходомъ... А теперь? Вдовецъ уже одинъ смотритъ на вселенную, которая какъ бы потускнѣла и померкла для него, потому что черный крепъ у него не только на рукавѣ мундира, но и на глазахъ, а грудь вмѣщаетъ только страданія сердца.

Вотъ и хуторъ, гдѣ она родилась и, выходя замужъ, одарила Барвиненка великимъ счастьемъ; а сегодня здѣсь же она скроется въ могилѣ навсегда и ото всѣхъ.

Въ этотъ ужасный для Михаила Романовича день, т. е. 20-го октября 1840 г., онъ еще разъ былъ вмѣстѣ съ Надеждой Григорьевной въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ четыре года назадъ происходило другое и тоже незабвенное для него богослуженіе. Тогда, полный силъ и радужныхъ надеждъ, онъ стоялъ рядомъ съ цвѣтущей молодостью и красотой невѣстой. Совершался радостный обрядъ вѣнчанія, и весь міръ казался прекраснымъ и лучезарнымъ счастливицу-мужу. Она поцѣловала его, и съ этой минуты влила въ его сердце отраду, а въ умъ ясныя, жизнерадостныя мысли и направила ихъ къ благодатной заботѣ о трудѣ, для осуществленія скромнаго, но серьезнаго плана семейной жизни.

О! какъ привѣтливъ были тогда лица тѣхъ, кто окружалъ брачную чету! Какъ благообразенъ казался синій иконостасъ съ золотомъ въ сѣроватыхъ стѣнахъ уютной деревянной церкви, наполненной ликующими звуками хора пѣвчихъ, ароматомъ кадила наго ладона и свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей и лампадъ. А теперь? Барвиненко хотя опять съ нею, но какою?—исхудалымъ матово-блѣднымъ мертвецомъ, въ гробу, рѣжущемъ зрѣніе и мозгъ своими угловатыми формами. Этотъ разъ его поцѣлуй уже не вызываетъ отвѣта,—смерть отняла у той, которая была украшеніемъ жизни, все земное, вмѣстѣ съ бытіемъ ея. Его губы прикасаются не къ свѣжимъ, улыбающимся губамъ, а къ холодному лбу, пугающему ужаснымъ атрибутомъ покойника,—вѣнчикомъ. Это прощальное

лобзаніе, какъ эмблема послѣдняго разставанія, навсегда подавляетъ все существо, вѣдряя точно холодный свинецъ въ сердце и голову, жестоко давитъ, но не уничтожаетъ сознанія безысходности горя.

Если бы не крохотная дочь,—проносится въ мысляхъ страдальца,— не стоило бы жить... Уйти за женой въ могилу, чтобы не очнуться уже никогда, всего бы отраднѣе. Но ея братья и друзья что-то говорятъ ему сквозь слезы, куда-то ведутъ... Изъ глазъ исчезаетъ церковь, гдѣ теперь все мрачно, непривѣтливо, гдѣ свѣчи тусклы, а ладонь и пѣніе угнетаютъ нервы.

А это что за яма, глубокая и сырая, вымоченная октябрьскимъ дождемъ? Почему она у самой церкви, вдоль сѣверной стѣны, почти по серединѣ ея? И вдругъ въ глазахъ Михаила Романовича все опять получаетъ мучительную ясность. Вѣдь это могила для его «ненаглядной», погребаемой рядомъ съ ея первымъ мужемъ. Вотъ бѣлый газетъ гроба уже въ тѣни могилы; сыплется земля и загрязняетъ собою мишурой украшенную оболочку ящика, въ которомъ истлѣетъ бывшая краса мірозданія.

Если бы Барвиненко не былъ воспитанъ въ строго христіанскомъ духѣ и не проникся бы издавна религіозностью, онъ не вынесъ бы несчастья. Но истинный другъ его, Анна Романовна, благотворно вліявшая на брата, успѣшила сосредоточить его мысли на дочуркѣ.

Кое-какъ прошла зима, а съ весной наступили усиленные строевыя занятія, и Барвиненкѣ, какъ эскадронному командиру, волей-неволей пришлось отвлекать свои личныя мысли въ сферу его служебныхъ обязанностей.

Чтобы не пропасть отъ тоски по женѣ, онъ упросилъ сестру остаться съ нимъ. Пока Михаилъ Романовичъ находился внѣ дома, онъ казался молодцоватымъ попрежнему; но едва онъ возвращался домой, имъ всецѣло овладѣвали убійственныя впечатлѣнія недавно пережитыхъ страданій. Вѣдь здѣсь все напоминало ему Надежду Григорьевну; все наглядно заявляло о недавнемъ присутствіи того существа, за выздоровленіе котораго онъ не задумываясь пожертвовалъ бы половиною своей жизни.

Руководимый потребностью и послѣ смерти жены поддерживать иллюзію ея бытія, несчастный вдовецъ переселился въ комнату, гдѣ она провела послѣдніе мѣсяцы своей безвременно угасшей жизни. Вотъ ея туалетъ и зеркало, въ которомъ отражался прелестный образъ красивой женщины; на полочкѣ ея любимые духи, едва начатые... Онъ понюхалъ ихъ, скользнулъ глазами по черепуховому гребню, увидѣлъ кое-что изъ ея одѣянія, и вдругъ цѣлая ассоціація мыслей и ощущеній нахлынула на него, воскрешая картины былой семейной жизни... Тогда, находя своеобразную отраду въ процессѣ мученія себя, онъ ушелъ туда, гдѣ ея гарде-

робный шкафъ; перецѣловаль ея платье, вынулъ изъ комода бѣлые шелковые чулки и туфли, которые были на изящныхъ ногахъ Надежды Григорьевны при вѣнчаніи, бросился опять въ комнату, гдѣ она скончалась, взглянуть на вѣнчальные свѣчи. Онѣ стояли среди образовъ въ небольшой божницѣ, гдѣ сияли золотыя ризы въ огнѣ розовой лампадки.

— Боже! вѣдь этими иконами насъ благословляли на радость и счастье,—вырвалось изъ груди Барвиненка и онъ упалъ пылающей головой на ту самую кушетку, на которой сиживала она и мечтала съ нимъ когда-то о томъ, какую отраду и полноту интересовъ внесетъ съ собою ожидаемый тогда ребенокъ.

Барвиненко не выдержалъ и разрыдался. Когда же приступъ ѣдкаго горя миновалъ и Михаилъ Романовичъ вышелъ въ столовую, на порогѣ стоялъ бравый вахмистръ, являсь съ докладомъ по дѣлу, требовавшему немедленнаго распоряженія.

Какъ ни рѣзокъ и непріятенъ былъ переходъ отъ проявленія поклоненія усопшей красавицѣ къ вопросамъ казармы и манежа, но именно эта здоровая реальность воздѣйствовала врачующе на болѣзненно-напряженные нервы страдальца.

Весна все болѣе проявляла себя. Мартовское солнце благодатной Новороссіи, обративъ остатки снѣга въ наиболѣе глубокихъ «балкахъ» (т. е. оврагахъ) въ журчащія ручейки, вызвало кое-гдѣ молодую травку.

«Все оживаетъ въ природѣ, принаряжается къ предстоящей Пасхѣ, а у меня на сердцѣ прежняя безпросвѣтность», думалъ Барвиненко и остановился на воспоминаніи о томъ, какъ радовало Надежду Григорьевну наступленіе этого времени года.

Теперь, когда онъ замѣчалъ въ себѣ приступы тоски, онъ не шелъ уже къ предметамъ, которые доставляли ему своеобразную отраду вызываемою ими скорбью. Нѣтъ, онъ спѣшилъ къ своей дочкѣ и къ вѣрному другу-сестрѣ.

Въ концѣ Вербной недѣли, когда весна уже вполнѣ показала свою живительную силу въ Екатеринославской губерніи и возлѣ такъ называемаго «офицерскаго дома», занимаемаго Барвиненкомъ въ Комиссаровкѣ, деревья были покрыты почками, Михаилъ Романовичъ опять затасковалъ, вспоминая, какъ въ былые годы въ это время его «ненаглядная» наслаждалась созерцаніемъ пробуждавшейся природы. Мысль, что въ этомъ году онъ первый разъ встрѣтитъ великій праздникъ уже безъ Надежды Григорьевны въ Макарихѣ, куда обѣщалъ пріѣхать съ Меринькой и Анной Романовой, эта мысль вызвала невольное заключеніе, что свѣтлый день будетъ для него мрачнымъ и глубоко скорбнымъ. Съ камнемъ въ сердцѣ Барвиненко появился въ дѣтской, взялъ на руки свою «безцѣнную доченьку» и поспѣшилъ въ свой небольшой садъ. Меринька, хотя еще и безсловесная, по-своему ярко стала выражать ощущенія,

вызываемая въ ней прогулкой. Она усиленно вдыхала чистый воздухъ, напоенный ароматомъ молодой зелени, а ея черные глазки радостно свѣтились, глядя на полетъ красивыхъ облачковъ по бирюзовому небу, на веселую игру дворовыхъ собакъ, на прозрачныя капли еще не совсѣмъ испарившейся росы, блиставшей брильянтами на гибкихъ вѣтвяхъ сирени.

Отецъ съ умиленіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ мощно вліялъ Божій міръ на чувства ребенка, еще не понимающаго его красоту, но уже поддающагося его обаянію.

— О! какъ счастлива была бы твоя мамочка, если бы видѣла тебя въ эту минуту,—неволью обратился безутѣшный вдовецъ къ своей Меринкѣ, а она, какъ бы инстинктивно раздѣляя его чувства, протянула къ нему пухленькія ручки, улыбаясь провела ими по его лицу и этимъ движеніемъ омочила свои пальчики въ слезы, струившіяся изъ кроткихъ глазъ нѣжнѣйшаго отца.

Наступило лѣто. У Меринки прорѣзывались зубки. Обычное въ этомъ случаѣ нездоровье осложнилось дизентеріей, отъ которой 21 іюля 1841 года, когда дѣвочкѣ былъ годъ и четыре мѣсяца, ея уже не стало.

Какъ громомъ пораженный новымъ ударомъ судьбы, Барвиненко отвезъ свою дочурку въ с. Макариху тѣмъ же способомъ, какъ и Надежду Григорьевну, и 22 іюля вмѣстѣ съ Меринкой зарылъ въ могилу драгоцѣннѣйшую и живую связь съ былымъ счастьемъ промелькнувшей семейной жизни.

М. М. Щуцкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕНІАЛЬНАЯ МЫСЛЬ.

(Памяти кievскаго митрополита Теогноста).

Разсказъ.

ЕВРАЛЬ 1879 года. Чиновники владимирской консисторіи собираются на службу. Пришли писцы, пришли помощники, возсѣли на своихъ мѣстахъ столоначальники. Вотъ одинъ за другимъ появляются отцы-члены. Наконецъ вперевалку пришелъ въ консисторію и секретарь Герасимъ Ѳеодоровичъ. Грузно помѣстившись въ кресло, сталъ онъ разсматривать поступившія бумаги, выбравъ прежде всего пришедшія изъ Петербурга отъ новаго владимирскаго епископа Теогноста. Давно секретарь ждалъ этихъ бумагъ, надѣясь по нимъ понять характеръ новаго преосвященнаго, чтобы по пріѣздѣ послѣдняго сразу же приспособиться къ нему.

Хорошо жилось Герасиму Ѳеодоровичу при покойномъ Антоніи, спокойно правилъ онъ своей консисторіей: ни одно мало-мальски интересное дѣло не проходило мимо его рукъ. И сильно горевалъ онъ, когда почилъ преосвященный Антоній: никто такъ чистосердечно не горевалъ во всемъ городѣ по почившемъ, какъ Герасимъ Ѳеодоровичъ, развѣ только домашній секретарь архіерея, Леонидъ Ивановичъ.

Благодушный былъ преосвященный. Хорошо жилось при немъ его чиновникамъ. Правда, кромѣ консисторскихъ чиновниковъ, въ епархіи есть еще духовенство. Можно бы и объ немъ позаботиться, да вѣдь что такое духовенство? Гдѣ оно? Да и возможно ли одному знать тысячи людей? Достаточно съ архіерея и того, что имъ довольны его секретари. И далеко не каждый архіерей можетъ по-

хвастаться тѣмъ, что смерть его непременно будетъ оплакиваема секретарями.

Но плачь, не плачь, а не воскресишь. А тутъ вскорѣ послѣдовалъ указъ о бытіи епископомъ владимирскимъ астраханскому пресвященному Теоносту, котораго мало кто зналъ во Владимирѣ. Всѣхъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ обѣгали консисторскіе, чтобы разузнать что-нибудь о новомъ пресвященномъ и добытыми свѣдѣніями порадовать другъ друга, порадовать секретаря. Но мало кто зналъ новаго архіерея. Только и узнали, что пресвященный Теоностъ выѣхалъ изъ своей прежней епархіи и прослѣдовалъ въ Петербургъ, гдѣ, конечно, остановится на владимирскомъ подворьѣ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали консисторскіе чины первыхъ бумагъ отъ новаго архіерея. О чемъ онъ будетъ писать, какимъ тономъ, милостиво или грозно,—вотъ вопросы, которыми всѣ интересовались и особенно секретарь. Но вотъ и бумаги, долго жданные первые указы. За разборомъ ихъ мы и застаемъ секретаря Герасима Ѳедоровича въ одинъ изъ февральскихъ дней 1879 года.

Но не успѣлъ секретарь прочитать первой резолюціи новаго пресвященнаго, какъ лицо его заиграло, можно сказать, и тысячью впечатлѣній. Ни одной секунды онъ не могъ усидѣть на своемъ стулѣ послѣ первыхъ же словъ этой резолюціи и ни одной секунды удержаться, чтобы не подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ отцами-членами, которые издали наблюдали за чтеніемъ секретаря.

— Отцы-члены! сюда, ко мнѣ. Вотъ такъ штука! — кричалъ Герасимъ Ѳедоровичъ. — Читайте-ка... прежде всего резолюцію... вотъ тутъ: «Благословить»...

И секретарь раскатился неудержимымъ смѣхомъ, вспоминая смѣшную фигуру того, кого новый пресвященный благословлялъ первой своей резолюціей. А резолюція была положена на прошеніи хорошо извѣстнаго консисторскимъ чиновникамъ глазовскаго попа Андрея, который однажды въ пьяномъ видѣ комкомъ грязи запустилъ съ улицы въ залу засѣданій консисторіи въ отместку консисторскимъ чиновникамъ, начиная съ секретаря и кончая послѣднимъ писцомъ, которыхъ при этомъ онъ ругалъ разными неподобными словами. Правда, консисторскіе чины отомстили отцу Андрею за это, пославъ его на три мѣсяца въ Спасскій монастырь «толочь воду», но фигура пьянаго попа, бросающаго съ большой улицы грязью въ консисторію, надолго сохранилась въ ихъ памяти и невольно возбуждала смѣхъ.

Консисторскіе чиновники незлобивы и забывчивы: безъ всякой злобы берутъ, кто что можетъ дать, и скоро забываютъ объ этомъ; забыли они и своего оскорбителя, о чемъ онъ, впрочемъ, постарался самъ.

Прежде, бывало, его можно было видѣть въ консисторіи почти каждый мѣсяць. Робко входитъ онъ въ это святилище, тихонько попросить сторожа вызвать къ нему чиновника Архангельскаго, тайно переговорить о чемъ-то съ послѣднимъ и скрывается. А на слѣдующій день о. Андрея уже видѣли съ прошеніемъ въ рукахъ на архіерейскомъ дворѣ. Очевидно, Архангельскій сообщалъ ему, гдѣ открылось новое мѣсто, и о. Андрей отправлялся проситься на это мѣсто.

Много годовъ ходилъ онъ съ такими прошеніями, но изъ этого ровно ничего не выходило, и всѣ домогательства попа Андрея разрѣшились смѣшной сценой съ грязью, послѣ чего онъ все-таки съ худого прихода изъ села Суворотскаго былъ переведенъ на такой же худой приходъ въ село Глазово, Суздальскаго уѣзда... подальше отъ консисторіи. Удачно выбрали консисторскіе чиновники этотъ новый приходъ для о. Андрея. Перебрался на него попъ Андрей зимой 1872 года, и больше шести лѣтъ объ немъ не было ни слуху, ни духу. Даже Архангельскій не зналъ, что съ нимъ случилось, и иногда задавалъ вопросъ: ужъ не умеръ ли о. Андрей? Но глазовскій попъ былъ живъ. Онъ только притихъ, затаивъ свою злобу на консисторію. Не о мести онъ думалъ. Гдѣ же мстить маленькому попу большимъ консисторскимъ чиновникамъ?! О. Андрей возложилъ всю надежду на перемѣну обстоятельствъ со смертью преосвященнаго Антонія. Смерть эта явилась въ концѣ 1878 года, и о. Андрей опять выступилъ на сцену и опять напомнилъ консисторскимъ чиновникамъ о своемъ существованіи.

Резолюція новаго преосвященнаго переходила изъ рукъ въ руки отцовъ-членовъ и возбуждала въ нихъ веселое настроеніе, смѣшанное, правда, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потому что они не знали, что въ сущности думаетъ объ этой резолюціи секретарь... А секретарь все еще смѣялся.

— Благословить на арбузовскій приходъ... Да вѣдь это, помните, тотъ попъ, который грозилъ насъ всѣхъ подъ судъ отдать... жаловался на насъ въ синодъ и запустилъ грязью... О, протоіерей!—обратился секретарь къ члену Харизоменову:—помните, тогда, вѣдь онъ васъ чуть было всего грязью не облѣпилъ...

— Помню, Герасимъ Оедоровичъ... Какъ не помнить... Вѣдь онъ мой товарищъ по выпуску... Только вотъ насчетъ грязи вы напрасно... Мнѣ столько же досталось, какъ и другимъ... а пожалуй, и вовсе ничего не досталось. Я вѣдь и членомъ-то въ то время не былъ. Я только слышалъ объ этомъ. А хорошій былъ семинаристъ,—вставилъ некстати о. Харизоменовъ:—умный, знающій. Латынь зналъ лучше всѣхъ. Сочиненія писалъ отлично. На экзаменѣ, я помню, прежде, чѣмъ приняться для себя, онъ успѣлъ написать двумъ товарищамъ... Самъ ректоръ удивлялся его способностямъ.

— Да, видно, что умный, — прервалъ секретарь о. Харизоменова. — Дуракъ такъ не сдѣлаеть. Вотъ теперь извольте писать ему указъ.

— Вотъ дурень. Да неужто ему писать указъ? — заговорилъ наконецъ первенствующій членъ консисторіи протоіерей Жудро, про котораго среди духовенства ходило выраженіе: «Жудро не мудро, но ужъ очень пискливо». — Миѣ хотъ отъ грязи и ничего не досталось, а все же я совѣтую подождать пріѣзда преосвященнаго. Онъ отмѣнитъ.

— Нѣтъ, о. протоіерей, не годится такъ, — сказалъ вздохнувши секретарь. — Что подумаетъ новый преосвященный, если мы опротестуемъ первую его резолюцію?.. Да и какъ это сдѣлать?.. Вотъ если бы преосвященный былъ здѣсь, ну, тогда можно бы вставить словечка два. А писать ему въ Петербургъ... Нѣтъ, увольте меня, отцы святые... не могу. Перехитрилъ насъ глазовскій попишко. Ни за грошъ получилъ одинъ изъ богатѣйшихъ приходовъ епархіи. И какъ это его угораздило...

Указъ глазовскому попу былъ посланъ.

II.

Въ январѣ 1879 года о. Андрей по снѣжной дорогѣ, постоянно поскальзываясь и погружаясь въ рытвины, въ возбужденномъ состояніи, отражавшемся на всей его фигурѣ, шелъ поторапливаясь въ село Борисово къ благочинному. Блестящая мысль пришла въ голову о. Андрею, и это видно было во всей его фигурѣ: глаза блестѣли, улыбка не сходила съ лица, то и дѣло вскидывалъ онъ правую руку, какъ бы въ тактъ своему душевному настроенію, и прикладывалъ ее къ носу. Чаше обыкновеннаго онъ останавливался, чтобы понюхать. Увлеченный своей мыслью, о. Андрей не замѣчалъ, что холодный вѣтеръ щиплетъ его за носъ, уши и пальцы и иногда пронизываетъ насквозь. Но стоитъ ли обращать на эти пустяки вниманіе, когда въ головѣ бродитъ гениальная мысль, отъ осуществленія которой зависитъ все его благополучіе.

Правда, эта мысль явилась у него не сегодня, онъ уже съ ней носится давно, и пора бы о. Андрею успокоиться, тѣмъ болѣе, что ранѣе у него бывало тысячи подобныхъ же мыслей, изъ которыхъ, однакоже, ровно ничего не выходило, но не таковъ былъ о. Андрей, чтобы сразу бросить блестящую мысль; да и нельзя ему разставаться скоро съ такими мыслями: вѣдь онъ только ими и жилъ. Дѣйствительность противорѣчила не только гениальнымъ мыслямъ, но и исключала всякую мысль о чемъ-либо другомъ, кромѣ мысли о сегодняшнемъ днѣ, о насущномъ хлѣбѣ. Приходъ бѣдный, дѣтей много, одѣть и кормить нечѣмъ, питаются пустыми щами да кашей, чаю не бываетъ по недѣлямъ, одежка у всѣхъ

рваная. Самъ о. Андрей ходитъ въ полукафтаны, какъ дьячокъ. Кажется, только въ первые годы его священства была у него ряса. Но она давно уже износилась, а сшить новую было не на что. И даже не каждый день о. Андрей обѣдалъ. И если бы не геніальныя мысли, такъ и жить не стоило бы о. Андрею; но онъ у него бродили непрерывно, и онъ жилъ и надѣялся.

Неудачи преслѣдовали о. Андрея съ самаго окончанія имъ семинарскаго курса. Думалъ онъ окончить курсъ съ званіемъ студента въ числѣ первыхъ учениковъ, а между тѣмъ его выпустили во второмъ разрядѣ, да еще подъ № 34. У него являлась надежда попасть на казенный счетъ въ академію, а между тѣмъ, и то только черезъ четыре года по окончаніи курса, онъ съ большимъ трудомъ получилъ бѣдный приходъ въ Александровскомъ уѣздѣ. Первые дни по полученіи нежданнаго свидѣтельства о. Андрей рѣшительно не хотѣлъ помириться съ мыслью быть второразряднымъ, и, можетъ быть, подъ вліяніемъ той путаницы, которая была у него въ это время въ головѣ, онъ рѣшился на необдуманый шагъ, казавшійся ему подъ вліяніемъ обиды геніальнымъ, но обошедшійся ему очень солоно. Поглядѣлъ о. Андрей на аттестаты товарищей «студентовъ» и диву дался. «Аттестаты» первыхъ студентовъ ничѣмъ не лучше его «свидѣтельства», и его другъ Александръ Невскій выпущенъ подъ № 2, а между тѣмъ его, котораго товарищи ставили рядомъ съ знаменитымъ впослѣдствіи, тогда ученикомъ перваго отдѣленія, Субботинымъ, ректоръ Евфимій закатилъ подъ № 34. И вотъ у бѣднаго семинариста блеснула первая геніальная мысль: запечатать свидѣтельство въ конвертъ съ жалобой, въ которой разъяснить все несоотвѣтствіе разряда съ отмѣтками и даже отмѣткой по поведенію и послать ее въ св. синодъ, который, несомнѣнно, предпишетъ семинарскому правленію выдать просителю вмѣсто свидѣтельства студенческой аттестатъ.

И мысль, что свирѣчый ректоръ Евфимій останется съ носомъ, доставляла обиженному семинаристу невыразимое удовольствіе. Задумано—сдѣлано и... семинаристъ остался безъ документовъ, безъ вида, безъ гроша въ карманѣ, въ рваномъ халатѣ и дырявыхъ сапогахъ. На службу не принимаютъ: нѣтъ документовъ. Пришелъ о. Андрей къ архіерею проситься на приходъ. Архіерей принялъ его довольно ласково, но нужно же было ему полюбопытствовать заглянуть къ просителю въ аттестатъ (о. Андрей сказалъ, что онъ окончилъ курсъ студентомъ). Сконфуженный и дрожащій тощій семинаристъ стоялъ передъ его преосвященствомъ и отъ волненія не могъ выговорить ни слова. Наконецъ онъ коекакъ овладѣлъ собой и объяснилъ архіерею дѣло.

— Такъ вотъ ты какой студентъ! Да еще и въ синодъ дерзнулъ жаловаться, — кричалъ преосвященный. — Ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

Повернулъ его архіерей и вытолкалъ за дверь.

Какъ ошпаренный вылетѣлъ изъ пышныхъ хоромъ архіерейскихъ маленькій голодный семинаристъ и долго слышалъ за собой хохотъ. Но, конечно, это хохоталъ не архіерей, а его келейникъ, посылая семинаристу вдогонку выкрики:

— Вотъ такъ студентъ! Вотъ такъ окончилъ курсъ по первому разряду!

Дорого обошлась о. Андрею его первая геніальная мысль. Цѣлыхъ четыре года онъ шатался безъ мѣста въ ожиданіи отвѣта изъ синода. И будь у него хоть какія-нибудь потребности въ удобствахъ жизни, онъ не выдержалъ бы этихъ четырехъ лѣтъ голоданія и скитанія по чужимъ квартирамъ. За помощь въ написаніи сочиненія, въ разъясненіи урока семинаристы охотно давали ему пріютъ и пищу днемъ, а ночью онъ спалъ на полу, на кончикѣ чужой постели. Когда же семинаристы уходили на уроки, даровой ихъ жилецъ оставался хозяиномъ квартиры, и тогда ничто не мѣшало ему предаваться своему любимому занятію—чтенію книгъ, чтенію всего, что попадало подъ руку. И чего только онъ не перечиталъ въ эти годы.

Охотно семинаристы давали ему у себя пріютъ и даже наперерывъ звали къ себѣ на квартиру, потому что о. Андрей былъ во многихъ отношеніяхъ неоцѣнимый человѣкъ, особенно въ дѣлѣ писанія «задачекъ» и сочиненій. Никто такъ не умѣлъ разъяснить и разыскать матеріалъ, какъ онъ. Множество сочиненій онъ написалъ другимъ отъ слова до слова. И на какіе только вопросы онъ не писалъ. Особенно, онъ помнилъ, удачно у него вышло сочиненіе на тему: «Счастливитъ ли философія нашу жизнь». Эта тема была задана ученикамъ, только что перешедшимъ въ «философію» и не имѣвшимъ никакого понятія о философіи. Чуть ли не десяти ученикамъ о. Андрей написалъ на эту тему. Его блестящія дарованія были великолѣпно подкрѣплены опытомъ семинарской жизни, а извѣстно, что никто такъ хорошо не философствуетъ, какъ наголодавшійся семинаристъ.

А отвѣта изъ синода все еще не было.

И неизвѣстно, получилъ ли бы онъ когда-нибудь отвѣтъ, если бы ограничился ожиданіемъ. Въ 1852 г. о. Андрей женился. Важное родство принесла ему въ приданое его молодая жена: она была архіерейская племянница (правда, архіерей-то былъ въ другой епархіи), сестра профессора семинаріи; у нея въ Петербургѣ были братья чиновники. И хотя о. Андрей никакой пользы не извлекъ себѣ изъ этого родства, но все-таки удовлетворилъ своему честолюбію. Братья жены разыскали въ синодѣ дѣло о. Андрея и въ томъ же 1852 г. послѣдовало изъ синода предписаніе правленію владимирской семинаріи выдать окончившему курсъ въ 1848 г. воспитаннику Андрею Цвѣтаеву студенческой аттестатъ ¹⁾.

¹⁾ См. «Ист. В—ской сем.» Вып. III М. 1902 г., стр. 313.

Геніальная мысль осуществилась.

Хорошо чувствовалъ себя въ это время о. Андрей. Онъ полноправный гражданинъ владимирской епархіи, онъ смѣло можетъ явиться къ архіерею. Зажиточный тестъ помогаль ему. И келейникъ архіерейскій не будетъ хохотать ему вслѣдъ, тѣмъ болѣе, что теперъ о. Андрей въ состояніи сунуть ему даже полтину денегъ. О. Андрей получилъ приходъ, худенькій, одинъ изъ послѣднихъ, но получилъ. Бѣдному семинаристу на голодное брюхо и это кушанье казалось необычайно вкуснымъ.

Жена о. Андрею попалась такая же простая, нетребовательная, какъ и онъ самъ.

Черезъ шесть лѣтъ мы видимъ о. Андрея на новомъ приходѣ въ селѣ Суворотскомъ В—скаго уѣзда. Не изъ корысти онъ перепросился на этотъ приходъ, такой же плохой, какъ и первый въ с. Бунаковѣ, а изъ желанія быть поближе къ своимъ роднымъ мѣстамъ, поближе къ губернскому городу. Хотя о. Андрей и видѣлъ, что новый приходъ не будетъ лучше прежняго, но мечтательное настроеніе его создавало ему несбыточные доходы. Въ С—мѣ жилъ богатый баринъ. О. Андрей воображалъ, что доходъ отъ прихожанъ самъ по себѣ, а отъ помѣщика тоже самъ по себѣ, особенно въ Рождество, въ Пасху, въ именины барина и барыни. Да и мужики тутъ, казалось о. Андрею, не то, что въ глухомъ Александровскомъ уѣздѣ,—народъ ловкій, богатый, московскіе подрядчики.

Но о. Андрей обманулся какъ въ помѣщикѣ, такъ и въ мужикахъ. Первый былъ хуже Плюшкина, осложненный прибавленіемъ Плюшкина въ юбокѣ, а мужики были большею частію пропившіеся московскіе каменщики и штукатуры, возвращавшіеся на зиму домой безъ гроша денегъ, притомъ страшные сутяги.

Простой, безхитростный попъ неоднократно попадалъ изъ-за нихъ подъ консисторскій нелицепріятный судъ и даже подвергался запрещенію въ священнослуженіи съ водвореніемъ на временное, часто продолжительное, пребываніе въ какомъ-нибудь монастырѣ.

Формуляръ о. Андрея былъ испорченъ совершенно.

А между тѣмъ у него подрастало шесть человѣкъ дѣтей: двое уже учились во Владимирѣ. Содержать дѣтей о. Андрею было не на что, и онъ сталъ осаждать архіереевъ покорнѣйшими прошеніями, сначала ведшаго созерцательную жизнь, а потомъ смѣнившаго его эпикурейца, исключительно ублажавшаго свою плоть. Но, странное дѣло,—результатъ былъ одинъ и тотъ же, какъ у созерцательнаго, такъ и у эпикурейца: мимо секретаря невозможно было подать прошенія, невозможно было обойти безъ того, чтобы не убоготворить его. Но убоготворить было нечѣмъ, заслугъ у

о. Андрея не было никакихъ, а формуляръ... лучше вовсе не заглядывать въ этотъ несчастный формуляръ.

Пять лѣтъ сряду о. Андрей неизмѣнно каждый мѣсяцъ являлся въ консисторію за справками о свободныхъ мѣстахъ и неизмѣнно каждый мѣсяцъ подавалъ прошеніе о переводѣ. Разъ онъ даже чуть-чуть не получилъ хорошее мѣсто. Преосвященный, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, положилъ какъ-то на прошеніи о. Андрея милостивую резолюцію, назначивъ его въ село Клементьево. Но когда о. Андрей явился въ консисторію за указомъ, то оказалось, что увольненіе за штатъ клементьевскаго попа отложено на полгода. О. Андрей былъ огорченъ, но что значитъ подождать полгода? Зато потомъ хорошо будетъ.

Долго ли тянулись для о. Андрея эти полгода—точно сказать не могу, только все-таки прошли, и онъ опять появился въ консисторіи. Но каково же было его удивленіе, когда чиновникъ Архангельскій сообщилъ о. Андрею, что въ Клементьево недавно опредѣленъ молодой священникъ... И чему послѣ этого удивляться, если о. Андрей потерялъ полностью самообладаніе и въ пьяномъ видѣ выругалъ всѣхъ консисторскихъ ворами и запустилъ въ нихъ грязью, за что снова попалъ въ монастырь, на этотъ разъ въ знаменитый суздальскій Спасскій монастырь, куда посылали еретиковъ, особенно ересіарховъ. По почему о. Андрей, назвавшій консисторскихъ чиновниковъ ворами, оказался среди еретиковъ, это ясно было только самимъ судьямъ, а для постороннихъ тутъ рѣшительно не было никакой ереси.

Семья въ старомъ приходѣ дѣлать было нечего, и она переѣхала въ губернский городъ. Попадья стала держать семинаристовъ, обратившись такимъ образомъ въ ихъ прислугу.

Отбывъ срокъ наказанія за ересь, о. Андрей поселился вмѣстѣ съ семьей во Владимирѣ и добывалъ нѣсколько копеекъ ежедневнымъ служеніемъ раннихъ обѣденъ. Это было самое тяжелое время въ жизни семьи о. Андрея. Дѣти не имѣли угла и ютились у печки, у порога, питались пустыми щами и ворованнымъ у семинаристовъ хлѣбомъ.

Крестьяне села С—го подали заявленіе въ консисторію, что ихъ попъ сбѣжалъ, и о. Андрей былъ отрѣшенъ отъ прихода... впрочемъ, ненадолго. Черезъ три недѣли онъ получилъ назначеніе въ Суздальскій уѣздъ на такой же бѣдный приходъ, какъ и прежній. Это было въ 1872 году. Заѣхалъ о. Андрей туда и, скрѣпя сердце, рѣшился не тревожить начальство прошеніями до тѣхъ поръ, пока не умретъ архіерей.

Долгонько о. Андрею пришлось ожидать переменъ въ управленіи епархіей. Хотя и много было годовъ Антонію, но его духъ не сразу разстался съ мощной плотью. Антоній умеръ въ 1878 году.

Какъ встрѣтили его смерть другіе попы—неизвѣстно, но глазовскій попъ отслужилъ благодарственный молебенъ и чуть-чуть опять не угодилъ въ монастырь. Зато теперь у о. Андрея опять зароились геніальныя мысли.

Съ одной изъ такихъ мыслей о. Андрей и спѣшилъ въ январѣ 1879 г. къ благочинному.

III.

— Ба, о. Андрей! Какими судьбами? Давно я васъ не видалъ,—ласково говорилъ благочинный, встрѣчая о. Андрея.—Вѣрно, съ геніальными мыслями.

Благочинный зналъ о. Андрея не только какъ своего подчиненнаго, но и вслѣдствіе нѣкоторыхъ родственныхъ отношеній.

— Есть, о. благочинный. Иначе зачѣмъ бы я къ вамъ и пришелъ. Къ такимъ людямъ, какъ вы, я только и хожу съ геніальными мыслями.

— Не можете вы жить безъ нихъ, о. Андрей!—какъ бы укоризненно говорилъ благочинный.—И когда вы ихъ оставите?

— Это ужъ послѣдняя, о. благочинный! Больше не будетъ.

— Послѣдняя! Правда ли? Что вы хотите этимъ сказать?

— Правда... Вы сами подумайте: если она осуществится, то мнѣ больше и надобности не будетъ въ геніальныхъ мысляхъ, потому что я тогда буду сытъ и пьянъ и носъ въ табакъ, какъ говорилъ одинъ умный консисторскій чиновникъ... Чего еще нужно?

— Послушаемъ... Только подождите. Мы сначала попросимъ чайку да водочки... Вы вѣдь, кажется, рюмочку не прочь выпить,—иронизировалъ благочинный, зная очень хорошо нѣкоторую невоздержность о. Андрея.

— Какъ будто бы такъ,—подакнулъ о. Андрей, предвкушая удовольствіе, котораго онъ давно уже не испытывалъ, съ самыхъ святокъ. Что грѣха таить: любилъ о. Андрей выпить, хотя и не на свой счетъ. При случаѣ, когда угощаютъ, когда человѣку нельзя отказать, чтобы не обидѣть его, о. Андрей пьетъ. А пить на свой счетъ о. Андрею не приходится: гдѣ ужъ тутъ думать о водкѣ, когда на сахаръ денегъ не хватаетъ, и семья по недѣлямъ не пьетъ чаю.

Скоро на столѣ появилась водка. Хозяинъ и гость выпили по рюмочкѣ. Благочинный пилъ истово, какъ бы смакуя водку и желая понять, что въ ней люди находятъ хорошаго (только въ водкѣ благочинный сталъ понимать только впоследствіи). О. Андрей хватилъ рюмку безъ разсужденій, какъ человѣкъ привычный и знающій цѣну удовольствія, доставляемаго водкой. Послѣ второй рюмки о. Андрей совсѣмъ преобразился. Вообще довольно молча-

ливый и хандрящій, о. Андрей подъ вліяніемъ водки дѣлался разговорчивымъ до безконечности и забывалъ всѣ невзгоды. Глядя на подвыпившаго глазовскаго попа, можно было подумать, что счастливѣе его нѣтъ на свѣтѣ человѣка и что все ему казалось просто и естественно.

Выпилъ о. Андрей еще рюмочку и сталъ развивать передъ благочиннымъ геніальную мысль.

— Хочу, о. благочинный, проситься на новое мѣсто,—началь о. Андрей.

Благочинный расхохотался.

— Въ этомъ и геніальная мысль?—недоумѣвая спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ,—смѣясь продолжалъ о. Андрей:—а въ томъ, какъ я хочу проситься.

— Да кому же неизвѣстно, какъ просятся на мѣста?—возразилъ благочинный, какъ бы потерявъ интересъ къ геніальной мысли глазовскаго попа.—Что вы развѣ никогда не просились? А чего вы достигли?

— Просился и ничего не достигъ,—согласился о. Андрей.—Это все такъ, только я иначе хочу проситься. Я вѣдь какъ просился? Больше все старался на даровщинку. Много-много тамъ дашь полтину или рубль. Всѣмъ консисторскимъ заранѣе было извѣстно, что больше рубля отъ меня не получишь, поэтому не про всѣ мѣста мнѣ даже сообщали... больше про неважныя. А такъ какъ хуже моего суворотскаго прихода трудно было вообразить что-нибудь другое, то я радъ бывалъ первому попавшемуся и отправлялся къ архіерею съ прошеніемъ. Архіерея самого я никогда не видалъ, а прошеніе съ прибавленіемъ вручалъ секретарю съ униженной просьбой замолвить словечко передъ его преосвященствомъ. А вслѣдъ за мной къ тому же секретарю являлся другой проситель и тоже съ прибавленіемъ. А такъ какъ меньше моего едва ли кто давалъ, то мое прошеніе клалось далеко не на первое мѣсто, и я ничего не добивался. Можетъ быть, я и добился бы чего-нибудь, если бы мнѣ удалось хоть разъ поговорить какъ слѣдуетъ съ архіереемъ, да этого счастья при Антоніи я никакъ не могъ дождаться. Вы знаете, что я не былъ у архіерея съ 1872 г., больше шести лѣтъ, но мысли проситься на другой приходъ не оставлялъ, а все думалъ, какъ бы это похитрѣе сдѣлать. Когда умеръ Антоній, у меня вдругъ блеснула геніальная мысль... Не смѣйтесь и послушайте.

— Слушаю, слушаю, что-то какъ будто интересно,—ободрялъ благочинный попа-мечтателя.

— Ну, такъ вотъ: пока вновь назначенный архіерей,—продолжалъ съ разстановкой о. Андрей,—не пріѣхалъ въ свою епархію и не привезъ съ собой или не завелъ здѣсь домашняго секретаря, то у него можно все выпросить. Недавно я прочиталъ, что преосвя-

ценный Θεогностъ проѣхалъ въ Петербургъ. А тутъ какъ разъ вчера я узналъ, что умеръ попъ въ Арбузовѣ. Вотъ я и думаю махнуть прошеніе прямо туда... въ Петербургъ. Да вы не смѣйтесь. Вы обдумайте. Мое прошеніе будетъ первое. Преосвященный, несомнѣнно, чувствуетъ себя хорошо, получивши богатѣйшую владимирскую кафедру, особенно по сравненію съ астраханской. Секретаря у него еще нѣтъ, а если и есть, то все равно ему не съ кого взять за этотъ богатый приходъ... Ну, какъ при этихъ условіяхъ не выгорѣтъ моему дѣлу?!

Благочинный весело смѣялся, слушая мечтанія подвыпившаго о. Андрея. Мысль его онъ признавалъ дѣйствительно геніальной и находилъ психологическія соображенія о. Андрея геніально-правдоподобными, особенно относительно секретаря.

Хороши были во Владимирѣ архіереи, одинъ даже прославился на всю Россію созерцательною жизнью¹⁾, но всегда выходило какъ-то такъ, что помимо секретаря нельзя было получить никакого мѣста, а за это нужно было платить, и мѣсто доставалось тому, кто могъ заплатить больше.

— Такъ вы хотите проситься въ Арбузово!—удивлялся благочинный.—Да вѣдь этотъ приходъ вдвое лучше моего и въ десять разъ вашего.

— Ну, такъ что жъ? Развѣ мнѣ не все равно писать прошеніе, что на худой, что на хорошій приходъ,—отшучивался о. Андрей.— Да въ прошеніи своемъ я вовсе и не пишу, что это одинъ изъ лучшихъ приходоу епархіи. И секретарь у новаго архіерея не знаетъ, что за него у насъ можно взять съ пятидесяти поповъ по пятидесяти рублей, а отдать приходъ пятьдесятъ первому, взявши съ него сто рублей.

— Ну, и языкъ у васъ, о. Андрей! Недаромъ васъ консисторія-то не жаловала. Чѣмъ же однако я могу вамъ помочь?

— Усерднѣйше прошу васъ, о. благочинный, напишите на моемъ прошеніи, что я очень нуждаюсь, что у меня большое семейство, что служу 25 лѣтъ...

— Да поможетъ ли?

— Поможетъ, всенепремѣнно поможетъ... Чего еще нужно для новаго архіерея?

— Не лучше ли и не проще ли приложить формуляръ?—иронизировалъ благочинный.—Изъ него преосвященный самъ все узнаетъ.

О. Андрей безнадежно махнулъ рукой.

Благочинный досталъ изъ дѣлъ формуляръ о. Андрея и сталъ читать про себя.

¹⁾ Ист. В—ской сем., выпускъ 2, стр. 231.

— Да,—сказалъ онъ, вздохнувши,—такой формуляръ лучше не показывать... И какъ васъ угораздило столько разъ быть подъ запрещеніемъ.

— А за что запрещали?—оживленно возражалъ о. Андрей.— Единственно за то, что нечѣмъ было откупиться. Возьмите мое первое дѣло о повѣнчаніи въ близкомъ родствѣ. Гдѣ же мнѣ было въ первое время на новомъ приходѣ знать всѣ родственныя отношенія? А дьячокъ не сказалъ... А что я получилъ за это повѣнчаніе? Даже меньше того, что обыкновенно платили. И нашли вы съ кого взять. Да въ этомъ приходѣ бывало такъ, что десяти рублей не было у всѣхъ крестьянъ. Они у меня неоплатные должники. За пятнадцать лѣтъ службы у меня за ними столько накопилось по мелочи, что если бы собрать эти долги теперь, то я былъ бы богатый человѣкъ. Они меня обманывали на каждомъ шагу. А консисторія меня осудила по подозрѣнію, что за повѣнчаніе я много взялъ, а имъ ничего не далъ. Кажется, ясно, что въ пустомъ карманѣ ничего не бываетъ, но въ консисторіи увѣрены, что если хорошенько постараться, то и изъ пустого кармана можно кое-что вытрясти.

— Ну, о. Андрей, вы этакъ и второе свое дѣло, пожалуй, опочтите.

— Второе дѣло еще глупѣе перваго. Вы только подумайте: попъ пришелъ къ мужику въ гости, да еще званый. Ну, выпивали и разговаривали, а въ концѣ концовъ попа обвинили въ томъ, что онъ въ пьяномъ видѣ изругалъ хозяина. Нашлись свидѣтели, и попа послали въ монастырь. Мужикъ-то богатый... денегъ не жалѣлъ. Это дѣло консисторія долго тянула. Я думалъ, что и конца ему не будетъ. Съ меня взять было нечего, ну, а мужикъ-то часто ѣздилъ въ губернію. Я и сейчасъ не знаю, что я сдѣлалъ этому мужику... Ужъ очень глупо. Подумайте: пришелъ въ гости и обидѣлъ. Вѣдь это то же было бы, если бы вотъ сейчасъ я пришелъ къ вамъ и оказался бы за это въ монастырѣ.

— Ну, а другія дѣла?—подразнивалъ благочинный расходившагося о. Андрея.

— Да и другія дѣла такого же рода. Одни связаны съ другими. Что удивительнаго, если я не могъ равнодушно разговаривать ни съ однимъ консисторскимъ чиномъ и не удержался отъ того, чтобы не обозвать ихъ нехорошимъ словомъ. За что, напримеръ, я былъ въ Спасскомъ монастырѣ? За то, что секретарь продалъ мѣсто въ селѣ, въ которое я былъ опредѣленъ на полгода раньше.

О. Андрей подробно рассказалъ благочинному о своемъ опредѣленіи въ Клементьево.

— Все-таки, о. Андрей, смиритесь бы вамъ нужно, а вы все горячитесь и Богъ знаетъ, что дѣлаете.

— Что я дѣлаю?—встревожился о. Андрей.

— Ну, да вотъ хоть бы насчетъ молебна. Вѣдь это мнѣ уже извѣстно. А вдругъ дойдетъ до консисторіи и мнѣ же предпишутъ произвести слѣдствіе... А чего его производить, когда я знаю, что это было дѣйствительно...

— Простите, о. благочинный. Конечно, глупо, но вѣдь я двѣнадцать лѣтъ ждалъ этого случая. Да и не думалъ я, что вамъ это будетъ извѣстно. Вѣдь и служилъ-то я почти украдкой, безъ дьячка. Въ церкви были только мои дѣти. Такъ, глупая блажь. Развѣ я не понимаю, что такихъ господъ молебнами не проймешь.

— Я, конечно, могу помолчать, когда меня не спрашиваютъ, но могутъ донести другіе.

О. Андрей задумался и молчалъ. Не во время онъ отслужилъ молебенъ, и какъ бы въ самомъ дѣлѣ не дошло до консисторіи. А дойдетъ, то и у новаго архіерея его репутація будетъ замарана.

Благочинному жаль стало бѣднаго глазовскаго попа, и онъ счелъ нужнымъ загладить впечатлѣніе своихъ словъ.

— Ну, о. Андрей, Богъ милостивъ. Если что и будетъ, все въ нашихъ рукахъ. Все-таки какъ же быть съ вашимъ формуляромъ? Ну, хоть бы что-нибудь въ немъ было хорошаго, а то какъ есть ничего. Вотъ вы служите больше 25 лѣтъ, а у васъ даже набедренника нѣтъ.

— Да за что же его дать мнѣ было?—говорилъ о. Андрей.— Другимъ даютъ, напримѣръ, за законоучительство, а я и тутъ ничего не сдѣлалъ. Правда, я училъ крестьянскихъ ребятъ, только никому это не извѣстно. А школъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ я былъ священникомъ, и въ поминѣ не было. Это меня больше всего и губило. При всемъ желаніи что-нибудь дѣлать я никогда не имѣлъ никакого дѣла. Въ одно время я даже самъ пахалъ, и была у насъ лошадь. И это было лучшее время въ моей жизни. И дѣло было и какъ будто бы я не чувствовалъ прежней нужды. Но погубилъ меня тотъ же архіерейскій секретарь. Говорю я разъ попадѣ: «что жъ давать по рублю! Сдѣлаемъ, какъ другіе: дадимъ сразу»... И рѣшили мы продать буланку. Жаль было лошади, больно была хороша. Повели мы ее на базаръ и продали за 45 рублей. Всѣ хотѣли отдать секретарю, да тутъ столько нужды приспѣло, что секретарю-то осталось только 15 рублей. Взять-то онъ ихъ взялъ, только попрежнему ничего не сдѣлалъ. Это вотъ тогда, когда я былъ назначенъ въ Клементьево. Съ этого времени, помню, особенно быстро я покатился подъ гору. Подъ гору-то, вы понимаете, можно катиться и безъ лошади.

— Знаете что, о. Андрей, вы теперь не подавайте прошенія... Ничего не выйдетъ. А вотъ что лучше сдѣлаемъ: я васъ представлю къ набедреннику, когда пріѣдетъ новый архіерей. У васъ и будетъ заручка. А то Богъ знаетъ, что у васъ въ формулярѣ: «довольно хорошаго поведенія».

— Нѣтъ, о. благочинный, набедренникъ мнѣ не нуженъ. Не до него, когда ѣсть нечего. А насчетъ поведенія... развѣ вы не можете написать, что я хотя бы очень хорошаго поведенія. Шестъ лѣтъ обо мнѣ никто не слыхалъ... кромѣ вотъ этого молебна.

Благочинный больше не возражалъ. Онъ былъ вполне готовъ оказать о. Андрею услугу и обдумывалъ, какъ бы это сдѣлать получше, но ничего другого не придумалъ, кромѣ того, о чемъ просилъ о. Андрей. На прошеніи благочинный написалъ, что проситель очень хорошаго поведенія, многосемейный, по службѣ исправенъ и хотя наградъ не имѣеть, но заслуживаетъ поощренія. О. Андрей былъ очень доволенъ такой аттестаціей и былъ теперь вполне увѣренъ, что дѣло его выгоритъ. Когда онъ возвращался отъ благочиннаго, его мечтамъ не было конца. У него въ Глазовѣ 200 душъ, а тамъ, куда онъ просится, 1.300 душъ, да къ приходу присоединена фабрика съ рабочими до 3.000 человѣкъ. Сторона лѣсная... Село на самой большой рѣкѣ губерніи... Доходу по-памъ видимо-невидимо. «То-то у меня дѣти будутъ рады», думалъ о. Андрей: «всѣхъ одѣну да и себѣ рясу сошью».

На слѣдующій день о. Андрея видѣли въ суздальской почтовой конторѣ, гдѣ онъ сдавалъ свое прошеніе въ С.-Петербургъ на имя епископа Теогноста.

IV.

Хорошо чувствовалъ себя преосвященный Теогностъ. Исполнилось давнишнее его желаніе попасть на кафедру въ центральную губернію. Тверской уроженецъ, проведеншій большую часть службы въ чисто православной обстановкѣ, сначала въ Новгородской и Петербургской губерніяхъ, а потомъ въ Орловской, онъ не вполне на мѣстѣ чувствовалъ себя, когда жизнь толкнула его въ Юго-Западный край, гдѣ онъ пробылъ въ званіи ректора подольской семинаріи, а потомъ епископа балтскаго, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Мало утѣшенія для него было и въ Астрахани, куда онъ былъ назначенъ въ 1870 году на самостоятельную кафедру. И вотъ въ 1879 году его назначаютъ въ одну изъ самыхъ богатыхъ и старыхъ епархій, край сплошь православный, съ многочисленными храмами. Теперь преосвященный надѣялся удовлетворить и свою любовь къ археологіи, направивъ ее на изученіе и восстановление владимирскихъ древностей.

Въ Петербургѣ всѣ принимали его хорошо, привѣтливо. Изъ новой епархіи приходили хорошія извѣстія. Тамъ ждуть его съ нетерпѣніемъ. Преосвященный собирался уже ѣхать во Владимиръ.

Однажды, возвратившись изъ синода, онъ увидѣлъ у себя на столѣ множество бумагъ, положенныхъ его секретаремъ. Это были дѣловые бумаги, большею частію изъ новой епархіи. Въ числѣ ихъ было и прошеніе глазовскаго попа. Оно первое бросилось въ глаза преосвященному. Архіерей сталъ читать его внимательно.

Прошеніе было длинное, на трехъ листахъ. О. Андрей употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы разжалобить преосвященнаго, и послѣдній ужаснулся. По правдѣ сказать, служа въ астраханской епархіи, гдѣ нѣтъ вовсе бѣдныхъ приходо́въ, вѣри́те сказать, нѣтъ кандидатовъ на бѣдные приходы, онъ забылъ, что въ централь-ныхъ епархіяхъ ихъ довольно, и вотъ сразу же встрѣчается съ такимъ просителемъ.

— Ну, что жъ,—думаетъ преосвященный,—пусть его идетъ въ Арбузово. Идите-ка сюда, о. Иванъ,—позвалъ преосвященный своего секретаря, котораго онъ везъ изъ Астрахани:—вотъ почитайте это прошеніе.

О. Иванъ прочиталъ и улыбнулся. Онъ сразу проникъ въ замысль о. Андрея и сразу почувствовалъ, что у него есть уже врагъ въ новой епархіи.

— Какъ вы думаете, можно ли благословить?—спрашивалъ преосвященный серьезно.

— Что же, ваше преосвященство, нѣтъ причины не благословить,—уклончиво отвѣчалъ секретарь. — Развѣ вотъ какъ бы не обидѣть консисторію, что безъ ея вѣдома, безъ справокъ...

— Что вы, что вы, о. Иванъ! — удивленно говорилъ преосвященный.—Да развѣ я не могу назначить священника безъ консисторіи? По-вашему, я сразу же долженъ спрашивать, что скажутъ въ консисторіи. Да откуда вы это взяли?

Видя, что архіерей не сердится, хотя и шумить, о. Иванъ сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій.

— Вотъ и формуляра тутъ нѣтъ. Неизвѣстно, кто просится... Да неизвѣстно, что это за приходъ... Можетъ быть, туда протоіереи будутъ проситься...

— Какъ неизвѣстно, кто просится? Бѣдный священникъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, прослужившій 26 лѣтъ, студентъ семинаріи и, по отзыву благочиннаго, заслуживающій перевода. Неужели вамъ этого мало? А консисторскій секретарь не обидится. Я скажу ему, когда пріѣду, что очень хотѣлось сдѣлать доброе дѣло. А насчетъ протоіереевъ... ахъ, о. Иванъ, какъ люди забывчивы. Давно ли мы были въ такомъ же положеніи, какъ этотъ проситель. Когда скончался преосвященный Антоній, я при васъ же говорилъ, что хорошо бы попасть во Владимиръ и вотъ, какъ вы теперь, тоже прибавилъ: на хорошую кафедру найдется много охотниковъ, болѣе меня достойныхъ, и когда посылалъ въ Петербургъ справиться о томъ, могу ли я быть назначенъ во Владимиръ, то вотъ такъ же, какъ и этотъ бѣдный священникъ, боялся, что мнѣ откажутъ... Нѣтъ, о. Иванъ, такъ не по-Божески... Я назначаю.

И преосвященный рѣшительно положилъ на прошеніи о. Андрея резолюцію: «благословить просителя на арбузовскій приходъ».

Получивъ изъ консисторіи указъ о назначеніи о. Андрея въ Арбузово, благочинному захотѣлось самолично вручить его глазовскому попу, благо ему нужно было давно уже поѣздить по своему благочинію.

Когда о. Андрей увидалъ благочиннаго у себя въ домѣ, то очень смутился, потому что вовсе не ждалъ его.

— Здравствуйте, не ожидали?— здоровался благочинный. — Я вѣдь говорилъ, что скоро увидимся... Вотъ и пріѣхалъ.

— Зачѣмъ, о. благочинный?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ о. Андрей, вспомнивъ свѣй разговоръ съ благочиннымъ о молебнѣ и вообразивъ, что онъ пріѣхалъ разслѣдовать это дѣло.

А что благочинный могъ самолично привезти отвѣтъ отъ архіерея на прошеніе, этого о. Андрею не пришло тогда въ голову. Всего какихъ-нибудь три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ послалъ прошеніе. Да и радужное настроеніе о. Андрея давно уже прошло: онъ пересталъ вѣрить въ свою гениальную идею.

— Да вотъ насчетъ молебна, о. Андрей!— весело говорилъ благочинный.—Придется намъ съ вами побесѣдовать. Вотъ извольте-ка почитать.

И благочинный подалъ о. Андрею указъ консисторіи. Дрожащими руками взявъ его многострадальный глазовскій попъ, сталъ читать и глазамъ своимъ не вѣрилъ. Недоумѣваяще смотрѣла на него не менѣе многострадальная попадья и ждала новой бѣды. Но мгновеніе... и изба глазовскаго попа наполнилась неопишуемой радостью.

— А вы, о. Андрей, сначала испугались,—говорилъ благочинный.—Вы какъ будто забыли про свое прошеніе.

— Нѣтъ, я не забылъ,—отвѣчалъ о. Андрей:—но пересталъ вѣрить, чтобы на него послѣдовалъ даже отвѣтъ.

— А вѣдь дѣйствительно мысль-то ваша была гениальная. Это васъ самъ Господь вразумилъ.

На слѣдующій день о. Андрей, пѣшкомъ, съ драгоценнымъ указомъ за пазухой, отправился одинъ на новый приходъ, а черезъ три недѣли прибыло къ нему и семейство.

V.

Въ Пасху 1879 г. преосвященный Теогностъ пріѣхалъ во Владимиръ. Торжественно онъ былъ встрѣченъ многочисленнымъ владимирскимъ духовенствомъ, консисторскими чиновниками, учителями духовно-учебныхъ заведеній и гражданскимъ начальствомъ. Проѣздъ новаго архіерея въ Успенскій соборъ, подъ звонъ двухсотъ колоколовъ, былъ великолѣпенъ. Потомъ преосвященный принималъ у себя въ покояхъ свою богоспасаемую паству. Когда къ нему подошелъ секретарь консисторіи, преосвященный вспом-

нилъ про прошеніе глазовскаго попа и, желая сгладить нѣсколько непріятность своей первой резолюціи для самолюбія секретаря, сказалъ:

— Вотъ недавно я назначилъ одного священника на новый приходъ... Посланъ ли ему указъ?

— Да, конечно, ваше преосвященство,—отвѣчалъ почтительно секретарь.—Онъ заслуживалъ этого. Только не судилъ ему Богъ воспользоваться милостью вашего преосвященства: на новомъ приходѣ онъ черезъ три недѣли померъ.

Непріятно былъ пораженъ преосвященный Оеогность этой вѣстью. Онъ такъ близко принялъ участіе въ бѣдномъ глазовскомъ попѣ, и вотъ конецъ. Всю жизнь человѣкъ мечталъ о томъ, чтобы создать себѣ хотя бы приличное положеніе, а когда мечта была близка къ осуществленію, неожиданно подкралась смерть, подкралась, когда объ ней вовсе не думали.

Секретарь не зналъ ближайшей причины смерти о. Андрея. Но дѣло произошло просто. Когда о. Андрей явился въ новый приходъ, начало таять, а онъ ходилъ въ валяныхъ сапогахъ (кожаныхъ еще не на что было купить). Въ деревнѣ случился покойникъ, котораго нужно было провожать до церкви. Охотно о. Андрей исполнилъ свою пастырскую обязанность, но когда послѣ похоронъ возвратился домой, то немедленно слегъ въ постель и ужъ больше не вставалъ. Голодный организмъ не могъ выдержать напора сильнѣйшей простуды.

Умеръ о. Андрей въ чужой избѣ, покинувъ свою семью среди незнакомыхъ людей, безъ гроша денегъ, безъ пенсіи, съ единственнымъ правомъ ходить по міру.

Ну, а что же случилось съ семьей о. Андрея?

Есть легенда. Богъ послалъ ангела вынуть душу изъ женщины. Ангелъ явился, но, увидавъ у нея двухъ грудныхъ младенцевъ, не исполнилъ Божія повелѣнія, недоумѣвая, кто же тогда будетъ кормить дѣтей. Всемогуцій во гнѣвѣ разсѣкъ жезломъ камень и спросилъ ангела: «Что ты тамъ видишь?»—«Двухъ червяковъ», отвѣчалъ ангелъ. Тогда Богъ сказалъ: «Кто питаетъ этихъ червяковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ младенцевъ».

И семья о. Андрея не погибла. Его вдова жива и сейчасъ и живетъ въ Арбузовѣ. Лѣтомъ къ ней пріѣзжаютъ гости въ количествѣ двадцати душъ: ея дѣти съ внучатами. Между послѣдними можно видѣть петербургскаго студента-юриста, въ память дѣдушки названнаго Андреемъ, московскаго студента-медика, курсистку изъ медицинскаго института, гимназистовъ и гимназистокъ. Нѣтъ только между дѣтьми о. Андрея ни души духовнаго званія, а между внучатами ни души духовнаго происхожденія. Дѣти охотно исполнили послѣднюю волю своего отца: не ходитъ въ духовное званіе.

Лѣтомъ стонъ стоитъ въ Арбузовѣ отъ нашествія орды на мирное и тѣсное жилище вдовы о. Андрея, а она радуется этому шуму несказанно. Приѣзжаетъ иногда къ ней и сынъ ея, директоръ реального училища.

— Ахъ, старая, пора бы тебѣ и умирать, — шутить онъ надъ матерью.

— Нѣтъ, сынокъ, — отвѣчаетъ она любовно: — теперь мнѣ нѣтъ расчета умирать. Вотъ 27 лѣтъ тому назадъ я готова была живая лечь въ гробъ вмѣстѣ съ о. Андреемъ... А теперь я вовсе не думаю о смерти, какъ это ни грѣшно говорить.

Г. Цвѣтаевъ.

ИЗЪ ПОВОЛЖСКОЙ СТАРИНЫ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ существованія симбирской архивной комиссіи исполнилось 30 іюля 1905 г. Этотъ скромный юбилей комиссія ознаменовала изданіемъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ спеціального «Сборника» и «Каталога» своего музея¹⁾. Являясь хронологически послѣдними, названныя изданія подводятъ итогъ десятилѣтней дѣятельности одного изъ провинціальныхъ обществъ, имѣющихъ своею задачей посильное служеніе исторической наукѣ. За эти десять лѣтъ симбирская архивная комиссія сдѣлала не мало: разборъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ, устройство центрального губернскаго историческаго архива, бібліотеки и историко-археологическаго музея, организація экскурсій для археологическихъ изслѣдованій и изданіе матеріаловъ по исторіи края—вотъ результаты ея дѣятельности. Нѣкоторыя отрасли послѣдней за столь непродолжительный періодъ достигли значительнаго развитія. Такъ, историко-археологическій музей обратилъ на себя вниманіе иногородныхъ ученыхъ; профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій, въ трудахъ XI археологическаго съѣзда, отмѣтилъ, что «симбирская губернская ученая архивная комиссія по справедливости можетъ гордиться богатымъ развитіемъ мѣстнаго музея». Особенно же поучительна издательская дѣятельность комиссіи. Она показываетъ, что въ глухой провинціи, при крайне

¹⁾ «Сборникъ въ память десятилѣтія симбирской губернской ученой архивной комиссіи». 1895—1905. Составленъ подъ редакцію П. Л. Мартынова. Симбирскъ. 1906.—«Каталогъ музея симбирской губернской ученой архивной комиссіи». Симбирскъ. 1906.

скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, находятся безкорыстные труженики, дѣлающіе общимъ достояніемъ матеріалы, имѣющіе весьма значительный историческій интересъ, которые, въ противномъ случаѣ, лежали бы въ пыли общественныхъ и частныхъ архивовъ, почти никому неизвѣстные и подверженные постоянной опасности безслѣдно исчезнуть. Комиссіей издано книгъ и брошюръ—34, а общее количество печатныхъ листовъ превосходитъ 400. Огромное большинство этихъ изданій заключаетъ въ себѣ сырые, необработанные матеріалы, каковы: челобитныя, благословенныя грамоты, «памяти», указы, выписи изъ «строельныхъ», «писцовыхъ», «отдѣльныхъ», «отказныхъ», межевыхъ и «дозорныхъ» книгъ, купчія крѣпости, приходо-расходныя книги и т. п. акты и документы. Изученіе ихъ даетъ картину заселенія Симбирскаго края, управленія, земельныхъ отношеній и экономической эволюціи, а также знакомитъ съ бытовою исторіей населенія.

Изданія архивной комиссіи сухи и скучны, но помѣщенные въ нихъ старинные документы—продуктъ жизни, которая, при добросовѣстномъ ихъ изученіи, встаетъ предъ нами съ ея потомъ и кровью, игрой страстей и работой ума людей, жившихъ раньше насъ,—такъ же, какъ и мы, страдавшихъ и радовавшихся, стремившихся къ лучшему, какъ они его понимали. Не имѣя претензій исчерпать все наиболѣе интересныя данныя, заключающіяся въ этихъ изданіяхъ, мы, въ предлагаемой статьѣ, попытаемся ознакомить читателей съ фактами, имѣющими общій интересъ, такъ или иначе характеризующими прошлое Средняго Поволжья, пользуясь при этомъ и данными архива и музея комиссіи.

I.

Заселеніе Симбирскаго края.—Земельные споры.

Аборигенами Симбирскаго края были чуваша и мордва, составляющіе и въ настоящее время значительный процентъ населенія этой губерніи; а съ XIII вѣка здѣсь появляются татары.

Первыя русскія поселенія «на мордовскихъ земляхъ» относятся еще къ домонгольскому періоду, а въ 1372 г. городецкій князь Борисъ Константиновичъ уже построилъ на рѣкѣ Сурѣ гор. Курмышъ, первый русскій укрѣпленный пунктъ въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи. Но до паденія Казанскаго царства русскія селенія основывались по лѣвую сторону рѣки Суры. Во время похода Ивана Грознаго на Казань (въ 1552 г.) былъ построенъ г. Алатырь, откуда правительство начало высылать наблюдательные разѣзды по рѣкамъ Сурѣ и Барышу. Мѣста обычныхъ стоянокъ этихъ разѣздовъ постепенно обратились въ укрѣпленные пункты, подъ прикрытіемъ которыхъ образовалась дорога къ Самарѣ, а оттуда на Яикъ; по сторонамъ этой дороги

возникли русскія селенія, чему способствовало начавшееся тогда же пожалованіе «государевыхъ порожнихъ земель» въ собственность боярамъ и монастырямъ. Такъ, село Собакино, Сенгилеевскаго уѣзда, было основано дядею третьей жены Ивана Грознаго, урожденной Собакиной, на пожалованныхъ ему земляхъ.

Но особенно усиленная колонизація края началась вмѣстѣ съ постройкою гор. Симбирска. 10 февраля 1648 г. «указалъ государь и бояре приговорили» быть окольному Богдану Хитрову, съ дьякомъ Григорьемъ Кунаковымъ, «въ понизовыхъ городахъ для обереганья отъ приходу ногайскихъ людей и для строенія новыхъ городовъ и засѣчныхъ крѣпостей отъ рѣки Барыша до рѣки Волги». Окольный Хитрово «съ товарищи» въ томъ же году прибылъ на мѣсто своего назначенія и немедленно приступилъ къ исполненію порученія, положивъ основаніе городу на берегу Волги—Симбирску, который первоначально назывался Синбирскомъ, и отсюда повелъ «черту» (т. е. валъ со рвомъ и небольшими городками, расположенными на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга) къ г. Карсуну, который за годъ передъ тѣмъ былъ построенъ имъ на рѣкѣ Барышѣ.

Для построенія Симбирска высылались изъ низовыхъ городовъ «посошные» люди, а также переводились сюда служилые и ратные люди, сначала изъ ближайшихъ, а затѣмъ и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Эти «переведенцы» получали здѣсь въ вознагражденіе за службу извѣстное количество земли. Начало частному землевладѣнію въ Симбирскомъ краѣ положили боярскіе дѣти, прикомандированные къ Богдану Хитрову въ качествѣ «товарищей», при постройкѣ города получившіе «помѣстныя земли» вблизи этого послѣдняго. Они записаны были въ «служилый списокъ» по горду Симбирску, почему и назывались «синбирянами». Затѣмъ начали прибывать сюда служилые люди изъ Москвы; они также получали здѣсь помѣстья.

При обилии въ то время «порозжихъ» земель и «дикихъ полей» новые помѣщики обыкновенно не ограничивались участками, данными имъ «въ помѣстный окладъ», а захватывали еще и смежныя свободныя земли. Поэтому со временемъ у нихъ получалось много «примѣрной» (т. е. излишней противъ пожалованнаго количества) земли. Земля эта часто, по ходатайству ихъ и ихъ наследниковъ, укрѣплялась за ними. Таково происхожденіе латифундій, заключавшихъ въ себѣ десятки тысячъ десятинъ великолѣпной черноземной земли, которыми въ XVIII вѣкѣ обладали Толстые, Бестужевы, Бекетовы, Кротковы, Татищевы и другіе богатые дворянскіе роды.

Получая «порозжія земли», помѣщики переводили на нихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходило и добровольное переселеніе сюда крестьянъ и посадскихъ людей,

которымъ также отводились здѣсь свободныя земли. Ихъ привлекало «на крымскую сторону», какъ называли тогда мѣстность южнѣе симбирской черты, природное богатство края, плодородный глубокий черноземъ, дѣвственные лѣса со множествомъ пчелъ и дичи, обиліе рѣкъ съ «бобровыми гонами» и рыбными ловлями. Правительство, заинтересованное въ заселеніи русскими этихъ «степей», охотно предоставляло имъ разныя льготы по платежу повинностей.

Несмотря на избытокъ свободныхъ земель, уже въ XVII столѣтіи возникли споры о землѣ между владѣльцами разныхъ категорій. Люди сильные были не прочь расширить свои помѣстья на счетъ своихъ слабыхъ сосѣдей. Такъ, въ 1681 г. тимерсянская мордва спорила о землѣ съ синбиряниномъ Никитою Чириковымъ, утверждая, что «о которой землѣ бѣеъ челомъ синбиренинъ Никита Чириковъ, тою землею владѣютъ они, мордва, и отведена имъ та земля въ ясакъ при стольникѣ и воеводѣ, при князѣ Иванѣ Дашковѣ, а отводилъ ту землю приказной избы подъячій Данила Кожевниковъ, и отводныя книги въ Симбирскѣ, въ приказѣ были поданы, и съ тѣхъ отказныхъ книгъ выписъ дана, но тѣ отказныя книги въ Симбирскѣ, въ пожарное время (въ 1671 г.) сгорѣли, а выписъ у нихъ утерялась въ бунтѣ воровскихъ казаковъ, а есть той ихъ отводной землѣ отводныя книги въ Москвѣ». Мордвѣ былъ данъ семинедѣльный срокъ для представленія выписи съ отводныхъ книгъ; но они ея не представили, и землю получилъ Чириковъ.

Во время генеральнаго межеванія пахотные солдаты с. Прислонихи утверждали, что прапорщикъ Языковъ владѣетъ въ ихъ селѣ землею «усильствомъ», безъ всякихъ документовъ. Языковъ, съ своей стороны, доказывалъ, что документы на спорную землю у него были, но сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ еще при жизни его отца. Межевая канцелярія, а затѣмъ сенатъ рѣшили, что Языкову не слѣдуетъ отводить земли при селѣ Прислонихѣ.

II.

Духовное завѣщаніе Н. И. Куроѣдовой. — Неповиннованіе и буйство крестьянъ. — Ихъ усмиреніе. — Миѣнія графа Завадовскаго и Адама Чарторыйскаго. — Отпускная Куроѣдовой дворовымъ людямъ и ея судьба. — Убийство М. М. Анненковой. — Разинъ и Пугачевъ.

Не однѣ спорныя земли служили источникомъ несогласія и вражды между помѣщиками и крестьянами. Болѣе глубокия причины ихъ коренились въ основахъ соціального строя того времени, въ крѣпостномъ правѣ. На этой почвѣ разыгрывались ужасныя трагедіи. Особенно характерны въ этомъ отношеніи дѣла о духовномъ завѣщаніи Н. И. Куроѣдовой и объ убійствѣ М. М. Анненковой.

Образъ Надежды Ивановны Курофдовой рельефно очерченъ С. Т. Аксаковымъ въ «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ», гдѣ она выведена подъ именемъ Прасковьи Ивановны Куролесовой, урожденной Багровой (т. е. Аксаковой). Дѣвочкой пятнадцати лѣтъ, еще «совершенное дитя», игравшее въ куклы, вышла она замужъ за «изверга рода человѣческаго», Михаила Максимовича Курофдова. «Кровожадная натура Курофдова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка». Въ теченіе четырнадцати лѣтъ Надежда Ивановна ничего не знала объ оргіяхъ своего мужа, которымъ онъ предавался, уѣзжая въ отдаленныя имѣнія. Она мирно и счастливо жила въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Чуфаровѣ Симбирскаго уѣзда. Ея мужъ, прекрасный хозяинъ, выстроилъ тамъ великолѣпный домъ, отдѣлавъ его на славу, меблировалъ отлично, расписалъ красками внутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всѣхъ; домъ поставилъ на небольшомъ косягорѣ, изъ котораго били и кипѣли болѣе двадцати чудныхъ родниковыхъ ключей. Домъ, косягоръ, родники, все это обхватывалось и заключалось въ богатомъ плодовомъ саду, на двѣнадцати десятинахъ, со всевозможными сортами яблокъ и вишенъ. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади, все было устроено богато и прочно. Окружныя сосѣди, которыхъ было не мало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чуфаровѣ: ѣли, пили, гуляли, играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились.

И вотъ на пятнадцатомъ году брачной жизни завѣса спадаетъ съ ея глазъ: она застаётъ мужа въ уфимскомъ имѣніи во время отвратительной оргіи и убѣждается въ его нечеловѣческой жестокости по отношенію къ дворовымъ. Ее самое онъ сбиль съ ногъ ударами палки и билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ, а затѣмъ заперъ въ каменный подвалъ, гдѣ она пробыла шесть дней на хлѣбѣ и водѣ, пока, наконецъ, не была освобождена дѣдомъ, авторомъ «Семейной Хроники». Наконецъ, этотъ ужасный человѣкъ былъ отравленъ своими крѣпостными, выведенными изъ терпѣнія его жестокостями.

Оставшись тридцатилѣтней вдовой, Надежда Ивановна продолжала жить въ Чуфаровѣ, въ роскоши, окруженная многочисленной дворней, постоянно принимая гостей. «Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца. Мимо корыстныхъ расчетовъ, окруженная вполнѣ заслуженнымъ общимъ

уваженіемъ, эта женщина, не получившая никакого образованія, была чужда многихъ пороковъ, слабостей и предрасудковъ, которые неодолимо владѣли тогдашнимъ людскимъ обществомъ. Она была справедлива въ поступкахъ, правдива въ словахъ, строга ко всѣмъ безъ разбора и еще болѣе къ себѣ самой». Хозяйствомъ она сама не занималась, но заботилась о томъ, чтобы крестьяне ея жили «въ довольствѣ и богатствѣ».

Такъ характеризуетъ С. Т. Аксаковъ эту «замѣчательную, рѣдкую женщину» и говоритъ, что «явленіе такой личности въ то время и въ той средѣ, въ которой она жила, есть уже само по себѣ изумительное явленіе».

Съ такимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, зная духовное завѣщаніе Н. И. Курофдовой. Она умерла 21 января 1806 года, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому принадлежавшіе ей крестьяне села Чуфарова, въ числѣ 264 ревизскихъ душъ, «со всѣми ихъ семействами и со всѣми принадлежащими къ оному селу землями, навсегда, вѣчно и потомственно, оставались вольными хлѣбопашцами», съ тѣмъ, чтобы они, сверхъ обыкновенныхъ податей, платили ежегодно, съ каждой души, по два рубля въ приказъ общественнаго призрѣнія, на содержаніе сибирской Александровской больницы. Тѣмъ же крестьянамъ завѣщала она двѣ водяныя мукомольныя мельницы, луга, два каменныхъ флигеля и свой прекрасный фруктовый садъ. Умирая, она была увѣрена, что ея крестьяне и послѣ ея смерти будутъ жить «богато», и при томъ свободными.

Не такъ вышло въ дѣйствительности. Она не выполнила одной формальности. По указу 20 февраля 1803 г., «отпускъ крестьянъ помѣщиками въ свободные земледѣльцы не иначе могъ быть сдѣланъ, какъ по взаимному условію». Курофдова же такого условія съ крестьянами не заключила, ограничившись письмомъ на имя губернатора, такъ какъ не сомнѣвалась въ согласіи крестьянъ получить свободу и принять на себя указанное обязательство. Но этимъ не преминулъ воспользоваться ея ближайшій наслѣдникъ И. Л. Бекетовъ, человекъ весьма богатый. Дѣло прошло всѣ инстанціи и было рѣшено не въ пользу крестьянъ: имѣніе было утверждено за Бекетовымъ.

Крестьянамъ не легко было примириться съ такимъ рѣшеніемъ, навсегда оставившимъ ихъ крѣпостными, и они подали прошеніе на высочайшее имя, ходатайствуя объ оставленіи ихъ свободными хлѣбопашцами. Когда начался вводъ во владѣніе Чуфаровымъ наслѣдницъ умершаго Бекетова, крестьяне «оказали неповиновеніе и буйство». Исправникъ, прибывъ въ село, собралъ полный сходъ и потребовалъ отъ крестьянъ обязательства въ томъ, что они будутъ находиться въ полномъ повиновеніи у новыхъ помѣщицъ (дочерей Бекетова). На это они съ «азарт-

ностью единогласно кричали: во владѣніе ни къ какимъ наследникамъ итти не хотимъ... съ чѣмъ-де приѣхалъ, съ тѣмъ поѣзжай обратно». На слѣдующій день крестьяне «вновь вразумляемы были», но безуспѣшно, и исправникъ, «избѣгая разныхъ послѣдствій», оставилъ непослушное село и донесъ объ этомъ губернатору.

Управлявшій тогда губерніей графъ Толстой поручилъ уѣздному предводителю дворянства Самойлову отправиться въ Чуфарово и «внушить крестьянамъ важность ихъ преступленія». На внушенія Самойлова крестьяне отвѣчали, что «они повиноваться господамъ Бекетовымъ теперь не могутъ, по той причинѣ, что отправили въ Петербургъ повѣреннаго, который подалъ всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о новомъ разсмотрѣніи ихъ дѣла».

Получивъ такой отвѣтъ, графъ Толстой рѣшилъ самъ отправиться въ Чуфарово съ военною командой и уже потребовалъ отъ симбирскаго батальона 60 человекъ рядовыхъ, съ унтеръ-офицерами, при благонадежномъ оберъ-офицерѣ. Но въ это время вступилъ въ управленіе губерніей новый губернаторъ, Лукьяновичъ, который прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, вызвалъ къ себѣ мужа одной изъ наследницъ и отобралъ отъ него подписку объ «общемъ всѣхъ наследницъ согласіи» оставить крестьянъ на самомъ умѣренномъ оброкѣ; затѣмъ, вытребовавъ изъ Чуфарова четверыхъ крестьянъ, «дѣлалъ имъ разныя убѣдительныя внушенія».

Какъ губернатору, такъ и потомъ на слѣдствіи, крестьяне говорили, что они «упорствуютъ не съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ не повиноваться указу, но сожидая разрѣшенія отъ государя императора» на поданное ихъ уполномоченными прошеніе; когда же «послѣдуетъ противное желанію ихъ разрѣшеніе, тогда къ помѣщичамъ Бекетовымъ согласны они явиться съ полнымъ по законамъ повиновеніемъ». Губернаторъ не сталъ ожидать результата ихъ ходатайства, а «по такой ихъ упорности и явной ослушности законной власти», одиннадцать человекъ предалъ суду, а въ Чуфарово послалъ военную команду. Земскій судъ приговорилъ четверыхъ крестьянъ наказать плетью и сослать на поселеніе, а семерыхъ также наказать плетью и «оставить въ жительствѣ, для всегдашняго напамятованія и вразумленія крестьянамъ, какія могутъ происходить слѣдствія отъ подобныхъ возмущеній»; прочимъ же крестьянамъ непокорнаго села судъ сдѣлалъ «строжайшее подтвержденіе, чтобы они впредь отъ дерзостныхъ и буйственныхъ поступковъ воздержались». Уголовная палата и сенатъ утвердили этотъ приговоръ.

Пройдя судебныя инстанціи, дѣло о духовномъ завѣщаніи Куроѣдовой разсматривалось затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ

и вызвало тамъ интересный обмѣнъ мнѣній. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій доказывалъ, что «формы» при увольненіи крестьянъ на волю установлены «на тотъ единственно предметъ, чтобы удостовѣрить взаимное согласіе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, а въ настоящемъ случаѣ согласіе съ обѣихъ сторонъ очевидно». Князь Чарторыйскій говорилъ, что завѣщательница обратилась къ губернатору, съ цѣлью «болѣе обезопасить исполненіе своихъ благихъ намѣреній». Этимъ ея поступкомъ «цѣль закона равномерно была выполнена, и оный достаточенъ былъ бы для судебного мѣста, которое судило бы по одной совѣсти (le tribunale d'équité)». Но такъ какъ «исполненіе сей цѣли не сообразно съ обрядами, закономъ постановленными», то имѣніе должно перейти къ законнымъ наслѣдникамъ Курофдовой; крестьяне же должны быть признаны свободными, потому что «дарованная свобода не можетъ быть уже отъемлема», и «человѣкъ, единожды получившій добросовѣстно (bona fide) свободу, не можетъ уже паки быть порабощенъ».

И тѣмъ не менѣе чуфаровскіе крестьяне, «добросовѣстно» получившіе свободу, были «паки порабощены», такъ какъ недобросовѣстные люди сумѣли воспользоваться оплошностью Курофдовой. Подобную же оплошность сдѣлала она и въ дѣлѣ освобожденія своихъ дворовыхъ людей, которымъ она также «даровала вѣчную вольность». Въ 1805 году она написала имъ отпускную и вручила ее на храненіе своему племяннику Аксакову, который передалъ ее Ивану Леонтьевичу Бекетову, а послѣдній удержалъ ее у себя «безгласно». Изъ-за этого у него были споры съ дворовыми, искавшими себѣ вольности.

Таковы были послѣдствія добрыхъ намѣреній этой «замѣчательной рѣдкой женщины». Не такими ли намѣреніями вымощенъ адъ? И не ихъ ли имѣлъ въ виду поэтъ, говоря: «суждены намъ благіе порывы, да свершить ничего не дано?»

Какъ бы то ни было, изъ подобныхъ дѣлъ крестьяне выносили убѣжденіе, что судъ и администрація на сторонѣ людей богатыхъ и сильныхъ, что имъ трудно найти себѣ защиту при тѣхъ порядкахъ, которые создали пословицу: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись». Когда же злоупотребленія помѣщицъей властью достигали крайнихъ предѣловъ, тогда крестьяне прибѣгали къ самосуду, къ жестокой мести за свои страданія и страданія своихъ близкихъ. Выше было сказано объ отравленіи крѣпостными Курофдова. Жертвою такой же мести сдѣлалась прабабка извѣстнаго писателя П. В. Анненкова, Марья Михайловна Анненкова, помѣщица села Чирикова, расположеннаго вблизи Чуфарова. Она была «звѣрски убита» въ 1769 году своими крестьянами.

Изъ слѣдственнаго производства по этому дѣлу, копія котораго сохранилась въ библіотекѣ Анненковыхъ, видно, что убійство Марьи Михайловны было совершено выборнымъ Семеномъ Галаунинымъ и рядовымъ крестьяниномъ Алексѣемъ Масленковымъ. Помѣщица жестоко обращалась съ сестрой Галаунина, бывшей у нея ключницей; послѣдняя бѣжала изъ барскаго дома и скрывалась у своего брата. Анненкова, подозрѣвая его въ укрывательствѣ «бѣглою дѣвкою», «чинила ему изгоненіе». У Масленкова же она отняла лучшаго жеребенка. По словамъ инициатора преступленія, Галаунина, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Марья Михайловна съ дѣвочкой-воспитанницей и съ гостьей, дѣвицею Нѣмчиновой, отправилась на одноколкѣ въ рощу для прогулки. Галаунинъ и Масленковъ спрятались въ чащѣ и лежали, вооружившись дубинами. Какъ только одноколка поровнялась съ ними, убійцы, «повязавъ рожи платками, выбѣжали оба съ дубинами на дорогу». Алексѣй ударилъ по лошадямъ и сбиль съ одноколки мальчика, сидѣвшаго на запяткахъ, Семень же билъ кучера. Затѣмъ оба бросились на Анненкову и дубинами «убили до смерти» какъ ее, такъ и сидѣвшую съ ней дѣвочку-пріемыша. Нѣмчинова же успѣла убѣжать въ село и тамъ «подняла булгу».

Убійцы на слѣдующій же день сознались въ своемъ преступленіи и рассказали о немъ подробно. Судъ приговорилъ имъ «за то смертное убійство учинить жестокое наказаніе кнутомъ, вырѣзать ноздри и, поставя указные знаки, сослать на Нерчинскіе заводы вѣчно».

Такъ разрѣшались въ доброе старое время жизненныя противорѣчія, созданныя строемъ, который попиралъ всякія человѣческія права большей части населенія, когда Курофдовы могли «наказывать на смерть» «своихъ людей», не опасаясь возмездія со стороны юридическаго правосудія.

Проявленіемъ мести угнетенныхъ народныхъ массъ были и такія грандіозныя «самоуправства», какъ бунты Разина и Пугачева. Какъ успѣхъ этихъ «воровъ», такъ и жестокости въ отношеніи господствующаго класса могутъ найти объясненіе только въ вѣковомъ угнетеніи крестьянства. Въ «прелестныхъ листахъ», распространявшихся сторонниками Разина, особенно подчеркивалось то, что они идутъ противъ бояръ. Населеніе сель и городовъ встрѣчало ихъ, какъ своихъ избавителей, и охотно присоединялось къ нимъ, съ намѣреніемъ «бить помѣщиковъ». Жестокость бунтовщиковъ доходила до того, что они начинали женщинъ порохомъ, зажигали и «забавлялись такими оригинальными минами».

И Симбирску, дворянскому въ будущемъ городу по преимуществу, суждено было видѣть пораженіе грознаго атамана. «Симбирская катастрофа,—говоритъ Костомаровъ,—навсегда погубила дѣло, предпринятое Стенькою».

Видѣлъ Симбирскъ пойманнымъ и другого «разбойника», на котораго дворянство смотрѣло, какъ на своего личного врага, врага своихъ привилегій, Пугачева, который вмѣстѣ съ женою и сыномъ былъ привезенъ сюда въ деревянной клѣткѣ, подъ наблюдениемъ Суворова. Главнокомандующій, графъ Панинъ, прибывъ въ Симбирскъ, приказалъ вывести напоказъ скованнаго по рукамъ и ногамъ Пугачева, который, по словамъ графа, «передъ народомъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злѣдѣніи». И отвѣдалъ онъ, — прибавляетъ Панинъ, — «тутъ отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злѣдѣнія нѣсколько моихъ пощечинъ». А злѣдѣнія эти графъ Мелинъ описываетъ такъ: «бѣдные дворяне по дорогамъ, который повѣшенъ, у котораго голова отрублена, у котораго ноги и руки отрублены, и разными другими муками, которыя себѣ представить невозможно, неисчислимо много истреблено».

Современники въ усмиреніи бунтовщиковъ видѣли провиденціальное назначеніе Симбирска. А. П. Сумароковъ выразилъ это въ «Стансѣ городу Симбирску на Пугачева», гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Прогналъ ты Разина стоявшимъ войскомъ твердо,
Симбирскъ, и удалилъ ты древняго врага,
Хоть онъ и наступалъ съ огнемъ немилосердно
На Волгины брега!

А Разинъ нынѣшній въ твои падеть оковы
И во стѣнахъ твоихъ окованный сидитъ.
Пристойныя ему возмездія готовы;
Судъ злости не щадитъ!

III.

Солидарность симбирскихъ дворянъ.—Роскошь и веселье ихъ жизни.—Ивашевы Лабзинъ, Баратаевъ.

Какъ единичные случаи мести озлобленныхъ крестьянъ, такъ и массовыя возстанія, бунты ихъ противъ дворянства, сопровождавшіеся множествомъ жертвъ съ той и другой стороны, лишь временно нарушали обычный, вѣками слагавшійся строй жизни. Крестьяне попрежнему оставались «повинны работѣ», а помѣщики продолжали обогащаться и получали все новыя и новыя привилегіи, пока, наконецъ, не получили свободы отъ обязательной службы, въ вознагражденіе за которую первоначально и были даны имъ земли. Наибольшей степени благосостоянія симбирское дворянство достигло въ концѣ XVIII и особенно въ первой половинѣ XIX столѣтій. Мы уже упоминали о богатыхъ помѣщикахъ второй половины XVIII столѣтія. Кромѣ потомковъ «синбирянь» и лицъ, приобрѣтавшихъ въ Симбирской губерніи земли покупкою

или получавшихъ ихъ по наслѣдству, появляются здѣсь новые богатые помѣщики, которымъ жаловались земли щедрыми государями. Такъ, были пожалованы Екатериною II графу Х. С. Миниху 1698 десятинъ въ 1778 году, когда онъ женился на ея фрейлинѣ, а Павломъ I въ 1798 году тайному совѣтнику А. Г. Окуневу 6.000 десятинъ изъ казенныхъ земель, по его выбору.

Общность интересовъ сплотила симбирскихъ дворянъ въ тѣсный кругъ, скрѣпленный при томъ близкимъ родствомъ, что обусловливало ихъ огромное вліяніе на мѣстную жизнь. «Если,— говоритъ бытописатель,— дѣйствія кого-либо изъ ихъ среды были неправильны, то все общество, даже иногда въ ущербъ справедливости, принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ-нибудь оправдать поступокъ виновнаго и вообще выгородить его; если же случалось кому-нибудь изъ нихъ быть обиженнымъ, то гнѣвъ всего сплоченнаго общества обрушивается на виновника». При такой солидарности дворянства съ нимъ принуждены были очень и очень считаться губернаторы, не говоря уже о людяхъ низшаго ранга. Въ случаѣ несогласій съ дворянствомъ они должны были оставлять губернію. Напримѣръ, изъ-за конфликта съ мѣстнымъ дворяниномъ Бестужевымъ, занимавшимъ должность управляющаго удѣльною конторой, былъ переведенъ отсюда въ Витебскъ Жиркевичъ, одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ николаевского времени. «Хотя правда и справедливость были безусловно на сторонѣ Жиркевича, но онъ долженъ былъ уступить дружному заступничеству симбирскаго дворянства». Преемникомъ Жиркевича былъ Хомутовъ, женатый на дочери извѣстнаго писателя Озерова. Его жена однажды проговорила, что симбирское общество для нея мелко; послѣднее тотчасъ же отвернулось отъ нея. Узнавъ объ этомъ, Хомутовъ, смѣясь, сказалъ: «Бабьи сплетни, я дамъ хорошій балъ, и помиримся». Балъ былъ назначенъ, и приглашенія разосланы. Кромѣ того, самъ губернаторъ сдѣлалъ визиты приглашеннымъ. Въ назначенный день вечеромъ губернаторскій домъ блисталъ огнями, игралъ оркестръ, сервированъ ужинъ, а гостей нѣтъ. Въ 10 часовъ услышали, что ѣдутъ кареты; хозяйка приготовилась встрѣчать гостей; но кареты проѣхали мимо; немного погодя опять ѣдутъ кареты—и опять мимо. Это повторялось нѣсколько разъ: ѣздили пустыя кареты. Примиреніе оказалось невозможнымъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ Хомутова перевели въ Вятку.

Праздность и матеріальная обеспеченность имѣли слѣдствіемъ то веселое препровожденіе времени, которое сатирикъ назвалъ «пошехонскимъ раздольемъ». По зимамъ безпрестанно бывали балы, обѣды, катанья, такъ что «недоставало дней въ недѣлѣ, чтобы удовлетворить гостепріимныхъ хозяевъ». Деньги тратились безъ счета, всѣ старались жить, что называется, въ свое удоволь-

ствіе. Открытый здѣсь въ 1838 г. дворянскій клубъ процвѣталъ; доходы его превышали 20.000 руб. въ годъ. Въ клубѣ велась широкая карточная и бильярдная игра. Проигрывались цѣлыя состоянія.

Веселая дворянская жизнь была ключомъ не только въ городѣ, куда помѣщики съѣзжались на зиму; то же было и по селеніямъ, гдѣ были разсѣяны многочисленныя «дворянскія гнѣзда». Однимъ изъ болѣе значительныхъ такихъ гнѣздъ было сего Ундоры, въ 35 верстахъ отъ Симбирска, принадлежавшее богатымъ дворянскимъ родамъ—сначала Толстымъ, затѣмъ Ивашевымъ и, наконецъ, Языковымъ. Александръ Васильевичъ Толстой, первый симбирскій гражданскій губернаторъ, оставилъ въ наслѣдство своей дочери Вѣрѣ Александровнѣ 2.700 душъ крестьянъ и болѣе 43.000 десятинъ земли. Вѣра Александровна вышла замужъ за Петра Никифоровича Ивашева, екатерининскаго генерала, сподвижника Суворова, героя Очакова и Измаилова, который также имѣлъ большое состояніе. Одна изъ дочерей Ивашевыхъ сдѣлалась женою Петра Михайловича Языкова, брата извѣстнаго поэта. Постояннымъ мѣстомъ жительства этихъ трехъ поколѣній и было село Ундоры, расположенное вблизи Волги и славившееся «изрядными садами и оранжереями». Здѣсь въ прекрасномъ паркѣ, среди села, до сихъ поръ сохранился огромный барскій домъ, изящной архитектуры, въ которомъ въ былое время жили владѣльцы. Сюда съѣзжалось къ нимъ высшее общество не только мѣстное, но и изъ другихъ губерній. Нѣкоторые пріѣзжали со специальною цѣлью лечиться водою минеральнаго источника, свойства котораго, впрочемъ, не были научно изслѣдованы. Шумная, роскошная жизнь продолжалась въ Ундорахъ до конца 1825 года, когда Ивашевыхъ постигло большое горе: единственный ихъ сынъ, ротмистръ гвардіи, Василій Петровичъ Ивашевъ, за участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ сосланъ въ каторжныя работы.

Къ выясненію условій, вліявшихъ на нравственное развитіе декабриста Ивашева, могутъ служить характеристики его родителей, принадлежація современникамъ. По словамъ послѣднихъ, Петръ Никифоровичъ имѣлъ «умъ, просвѣщенный высшимъ образованіемъ, свойства души истинно-благородныя, характеръ кроткій, сердце доброе»; Вѣра Александровна была «достоинѣйшею изъ рода Толстыхъ, которая по вступленіи своемъ въ имѣнье, какъ благотворный лучъ солнечный, освѣтила и согрѣла всѣхъ своею добродѣтелью».

Вокругъ Ивашевыхъ мы видимъ образованнѣйшихъ людей того времени. Такъ, у нихъ въ Ундорахъ лечился минеральными водами бывший вице-президентъ академіи художествъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», А. Ѳ. Лабзинъ. Лишенный должности, онъ въ 1822 г. былъ сосланъ въ Сенгилей, гдѣ жилъ въ крайней нуждѣ. Въ

1823 г. судьба его была облегчена, ему была пожалована пенсія въ 2.000 руб. и позволено переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ онъ умеръ и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ. На могилѣ его поставленъ крестъ изъ дикаго камня и сдѣлана надпись на бронзовой дощечкѣ въ стихахъ М. А. Дмитріева:

Всю жизнь онъ вѣренъ былъ ученію Христову,
 Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,
 И, братьямъ путь открывъ къ Спасителю слову,
 Онъ западъ дней своихъ страданьемъ освѣтилъ.

Въ Симбирскѣ Лабзинъ былъ весьма радушно принятъ въ кругу мѣстныхъ масоновъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ, авторъ замѣчательнаго труда «Нумизматическіе факты грузинскаго царства», за который онъ былъ избранъ членомъ петербургской академіи художествъ, а также академіи французской, берлинской и копенгагенской. Европейскіе ученые коллекторы до сихъ поръ пользуются изобрѣтеннымъ имъ способомъ полученія снимковъ съ монетъ. Въ 1816 г. онъ былъ выбранъ симбирскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1820 г.—губернскимъ «и исполнялъ эту должность съ честью и достоинствомъ въ продолженіе пяти трехлѣтій»; въ 1839 г. былъ назначенъ управляющимъ таможеннымъ округомъ въ Грузіи. Выйдя въ отставку въ 1844 г., онъ возвратился въ Симбирскую губернію и прожилъ въ своемъ имѣніи Баратаевкѣ, въ 12 верстахъ отъ губернскаго города, до конца своихъ дней. Онъ умеръ въ 1856 г. и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ, вблизи могилы Лабзина.

Будучи уѣзднымъ предводителемъ, Баратаевъ учредилъ въ Симбирскѣ масонскую ложу «Ключъ къ добродѣтели», бывшую въ зависимости отъ ложи «Астрея». Собранія симбирской ложи происходили въ Баратаевкѣ, гдѣ для нихъ былъ устроенъ въ саду специальныйъ гротъ, сохранившійся и до настоящаго времени. Это—круглое помѣщеніе со сводомъ, вышиною около 5 аршинъ, а въ діаметрѣ около 3 сажень. Свѣтъ проникалъ туда черезъ три круглыхъ окна. Снаружи гротъ имѣлъ лѣпныя украшенія символическаго характера. Сохранились въ Баратаевкѣ и предметы масонскаго ритуала.

Общеніе съ выдающимися людьми своего времени, занятіе наукой и литературой, масонство и присутствіе художественнаго элемента—все это скрашивало и облагораживало жизнь наиболѣе просвѣщенной части дворянства того времени. Не то представляла собою жизнь большинства дворянъ. Свободное время, матеріальныя средства и физическія и духовныя силы тратились на угощенія, танцы, псовую охоту, карты и вообще на «веселую» жизнь, о которой такъ много говорятъ описанія современниковъ. Сюда же необходимо прибавить и разгулъ низшаго сорта, вызвавшій горькія

слова поэта о жизни бесплодной и пустой «среди пировъ безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства». Не останавливаясь подробно на этой сторонѣ старой дворянской жизни, породившей не только «обломовщину», но и «куролесовщину», сдѣлаемъ лишь одну выдержку изъ повѣствованія П. Л. Мартынова. «Въ селѣ К—ѣ, Сызранскаго уѣзда, жили, на разныхъ концахъ, два помѣщика, Т. и К.; у нихъ кутежи, псовая охота, картежная игра смѣнялись одно другимъ и сопровождались всегда какими-либо эксцентрическими выходками. Напримѣръ, у обоихъ изъ нихъ было по пушкѣ большого калибра, и когда вздумается одному изъ нихъ позвать другого къ себѣ въ гости, то онъ дѣлалъ выстрѣлъ; если приглашаемый былъ согласенъ, то отвѣчалъ тоже выстрѣломъ, а если нѣтъ, то стрѣлялъ два раза, что означало приглашеніе къ себѣ; но когда ни тотъ, ни другой не хотѣлъ уступить, то перестрѣливались до тѣхъ поръ, пока не истощался запасъ пороха. Потомъ сѣзжались на половинѣ пути и заключали договоръ, куда ѣхать и чѣмъ потѣшаться».

IV.

Симбирцы-писатели: Тургеневы, Карамзинъ, Дмитріевы, Языковъ, Гончаровъ
Анненковъ, Минаевъ, Невоструевъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ бардовъ, воспѣвая Симбирскъ, говорить между прочимъ:

Край—отчина поэтовъ! Здѣсь всюду жива
Память ихъ, населеніемъ чтимая:
Здѣсь языковскихъ гѣсенъ не замеръ призывъ...
Карамзинская статуя мѣдная...
Гончаровымъ прославленный въ роцѣ обрывъ...
И могила Минаева бѣдная...

И дѣйствительно, будучи «дворянскимъ гнѣздомъ», Симбирскъ въ то же время—увы, въ былое время!—пользовался репутаціей интеллигентнаго города, города образованнаго общества, давшаго Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ писателей. Это относится преимущественно ко второй половинѣ XVIII и къ первой половинѣ XIX вѣковъ, т. е. ко времени расцвѣта симбирской дворянской жизни вообще. «Во второй половинѣ XVIII вѣка,—читаемъ въ рѣчи профессора Корсакова по поводу 250-лѣтія Симбирска,—среди симбирскаго дворянства мы встрѣчаемъ не мало сторонниковъ ученія «свободныхъ каменщиковъ»,—ученія, имѣвшаго въ свое время большое цивилизующее значеніе для Россіи. Однимъ изъ симбирскихъ масоновъ является членъ старинной дворянской фамиліи Тургеневыхъ Разумѣю Ивана Петровича Тургенева—куратора московскаго университета и друга Новикова. Сыновья Ивана Петровича Тургенева—Андрей Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Николай

Ивановичъ—являются носителями лучшихъ просвѣтительныхъ идей эпохи Александра I».

Всѣ три брата Тургеневы родились въ Симбирскѣ. Старшій изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, другъ Жуковского и Мерзлякова, стоялъ, по словамъ современниковъ, на распутии всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ, но умеръ слишкомъ молодымъ—на 23 году. Младшій братъ, Николай Ивановичъ, авторъ капитальныхъ трудовъ «Опытъ теоріи налоговъ» и «La Russie et les russes», былъ горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. За прикосновенность къ дѣлу декабристовъ онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, и съ 1825 г. до смерти (1871 г.) жилъ во Франціи. Средній братъ, Александръ Ивановичъ, былъ «человѣкомъ большого общаго и спеціальнаго историческаго образованія, твердыхъ нравственныхъ принциповъ и просвѣщеннаго религіознаго пониманія. Студентъ геттингенскаго университета, любимый ученикъ Авг. Людв. Шлёцера и затѣмъ Круга, Тургеневъ въ теченіе долгихъ лѣтъ пробылъ за границей, въ Германіи, Франціи, Англии и Италіи; въ архивахъ этихъ странъ онъ открылъ и собралъ большое количество неизданныхъ иностранныхъ источниковъ по русской исторіи, древней и новой. Громадные фоліанты, вывезенные имъ изъ-за границы, доселѣ далеко еще не всѣ изданы... Они разъяснили дипломатическія сношенія Московскаго государства, начиная съ XV в., съ Италіей, Франціей, Англіей, Германіей и Голландіей и сообщили много интереснѣйшихъ данныхъ для внутренней исторіи Россіи эпохи Іоанна Грознаго, Смутнаго времени, Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ». Александръ Ивановичъ пользовался искреннею дружбою Пушкина, Жуковского, Крылова, Дмитриева; былъ близко знакомъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, Гёте, Лагарпомъ, Талейраномъ, Гизо и другими знаменитостями того времени.

Особенно въ близкихъ отношеніяхъ стоялъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ къ другому знаменитому симбирцу—Н. М. Карамзину, съ которыми связывали ихъ еще симбирскія отношенія. На духовное развитіе Карамзина оказалъ благотворное вліяніе отецъ Александра Ивановича, Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Съ Александромъ Ивановичемъ Карамзинъ находился въ оживленной перепискѣ и во время писанія «Исторіи Государства Россійскаго» постоянно обращался къ нему за различными совѣтами и разъясненіями въ области русской исторіи и археологіи. И Тургеневъ, «будучи большимъ знаткомъ нашей старины, всегда протягивалъ Карамзину руку помощи».

Въ настоящее время всякому пріѣзжающему въ Симбирскъ напоминаютъ о Карамзинѣ поставленный ему памятникъ и карамзинская общественная бібліотека. Памятникъ проектированъ въ ложно-классическомъ стилѣ Гальбергомъ, а отлитъ, за смертью послѣдняго, барокомъ П. А. Клодтомъ. Доминирующая фигура—муза исторіи

Клю, ниже которой въ пьедесталѣ, въ круглой нишѣ, помѣщенъ бюстъ «Колумба русской исторіи», какъ назвалъ его Пушкинъ. Съ двухъ другихъ сторонъ пьедестала врѣзаны два мѣдныхъ барельефа съ аллегорическими фигурами. Превосходно выполненный, памятникъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно непонятенъ для массы народа, который называетъ его «чугунной бабой». Эта «баба» создала въ народной фантазіи нѣсколько легендъ, подавшихъ поводъ одному извѣстному поволжскому артисту написать юмористическій рассказъ, всегда имѣющій успѣхъ на литературныхъ вечерахъ въ Симбирскѣ. Торжество открытія памятника происходило 23 августа 1845 года, причемъ произнесъ соответствующую рѣчь специально приглашенный для этого въ Симбирскъ академикъ М. П. Погодинъ. Карамзинская бібліотека открыта 18 апрѣля 1848 г. на пожертвованіи, собранныя главнымъ образомъ Петромъ Михайловичемъ Языковымъ, братомъ поэта. Въ ея составъ вошли цѣлыя бібліотеки поэта Языкова—2.325 томовъ, П. И. Ивашева—546 томовъ и проч.

Мѣстомъ рожденія Н. М. Карамзина, по преданію, было село Карамзинка Симбирскаго уѣзда. До 17-тилѣтнаго возраста будущій исторіографъ прожилъ въ Симбирскѣ, гдѣ получалъ образованіе въ пансіонѣ Фовеля. Затѣмъ, пробывъ въ Петербургѣ, въ Преображенскомъ полку, менѣе года, онъ возвратился на родину и провѣлъ здѣсь еще два года, послѣ чего окончательно оставилъ Симбирскъ.

Село Карамзинка, Знаменское тожъ, расположено въ 40 верстахъ отъ Симбирска, въ сторонѣ отъ пензенскаго тракта, среди черноземныхъ полей, около пруда съ большими ветлами. При домѣ, въ которомъ жили родители историка и который еще недавно былъ цѣль, находился тогда тѣнистый садъ съ липовыми аллеями, съ искусственно вырытымъ водоемомъ, съ кустами сирени и бузины и съ деревьями по берегамъ. Здѣсь жилъ братъ Н. М. Карамзина, Василій Михайловичъ, пользовавшійся его искренней дружбой. Когда послѣдній выстроилъ себѣ въ Симбирскѣ, на «Вѣнцѣ» домъ, Николай Михайловичъ писалъ ему: «Воображаю живо моего любезнѣйшаго брата, сидящаго подъ окномъ прекраснаго домика и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ съ дѣтства. Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ немногимъ въ Европѣ. Вы живете, любезный братъ, въ древнемъ отечествѣ болгаровъ, народа довольно образованнаго и торговаго, поработченнаго татарами. Близъ Симбирска въ лѣтніе мѣсяцы кочевалъ тогда славный Батый, завоеватель Россіи». Такимъ образомъ, мысль писателя, даже по поводу построеннаго братомъ новаго дома, обращается къ прошлому родного края.

В. М. Карамзинъ не былъ женатъ, но имѣлъ «воспитанниковъ», дѣтей проживавшей у него въ экономкахъ дѣвицы Рамзи-

ной, Николая, Михаила, Ольгу и Анастасію Васильевыхъ. Въ 1827 г. онъ умеръ, оставивъ, по завѣщанію, родовое имѣніе, Карамзинку, одной изъ своихъ воспитанницъ, Ольгѣ, вышедшей замужъ за дворянина Ниротморцева. Младшій братъ его, Александръ Михайловичъ, упоминаемый между прочимъ С. Т. Аксаковымъ въ «Дѣтскихъ годахъ», предъявилъ противъ его завѣщанія споръ, доказывая, что родовое имѣніе Карамзиныхъ не можетъ перейти къ «чужероднымъ», хотя прекрасно зналъ, что Ольга Васильевна не «чужеродная». Когда сенатъ отказалъ ему въ искѣ, онъ подалъ всеподданнѣйшую жалобу, которая была уважена, дѣло вновь пересматривалось и было рѣшено въ его пользу. Между тѣмъ Ниротморцева уже умерла, и мужъ ея, какъ опекунъ малолѣтнихъ сыновей, подалъ на высочайшее имя прошеніе о пересмотрѣ дѣла въ государственномъ совѣтѣ, который окончательно разрѣшилъ споръ въ пользу малолѣтнихъ. Эти сыновья Ниротморцевыхъ были «красивы собою, но съ дикими нравами; они недолго служили въ военной службѣ, въ 1840-хъ годахъ вышли въ отставку и окончили свою жизнь весьма печально: одинъ лишилъ себя жизни, а другой, по судебному приговору, отданъ былъ въ солдаты».

Отъ Карамзина мысль невольно переходитъ къ другому, не столь знаменитому, но всѣмъ извѣстному симбирскому уроженцу, И. И. Дмитріеву, министру юстиціи, поэту и баснописцу, автору «Чужого толка». Карамзинъ и Дмитріевъ «были друзьями съ молодости, живя въ Симбирскѣ вмѣстѣ, сидѣли они на Вѣнцѣ и читали съ разсужденіемъ полезныя книги»,—такъ повѣствуетъ одинъ изъ мѣстныхъ авторовъ. Симбирскій «Вѣнецъ», т. е. наиболѣе возвышенная часть города съ прекраснымъ видомъ на Волгу, любимое мѣсто прогулокъ симбирцевъ, особенно съ поэтическими склонностями. Видъ съ Вѣнца Карамзинъ находилъ однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. У Дмитріева онъ вызвалъ стихи:

О, Волга пышна, величава,
Прости, но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца незнаемаго въ мірѣ,
Но воспoеннаго тобой...

Записки Дмитріева «Взглядъ на мою жизнь» сообщаютъ много интереснаго о симбирской жизни его времени. Имъ очень интересовался Карамзинъ, который писалъ автору: «Какъ бы хотѣлось мнѣ стоять у тебя за плечами и слѣдить глазами за твоимъ перомъ: сколько случаевъ и людей были намъ равно извѣстны! Вѣрно, никто не будетъ читать твоихъ записокъ съ такимъ любопытствомъ, какъ я».

Семья Дмитріевыхъ дала не одного, а нѣсколькихъ писателей. Старшій братъ И. И. Дмитріева, Александръ Ивановичъ, былъ тоже писатель и преемственно передалъ литературныя склонности

своему сыну, Михаилу Александровичу, переводчику Горація, и внуку, Ф. М. Дмитріеву, профессору московскаго университета. Не лишены интереса письма Михаила Александровича Дмитріева къ А. М. Языкову, доложенныя въ одномъ изъ засѣданій симбирской архивной комиссиі ея предсѣдателемъ. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 20 января 1854 г.) онъ между прочимъ пишетъ: «Читали ли вы «Москвитянинъ?» Тамъ я печатаю «Мелочи изъ запаса моей памяти», но цензура такъ обрѣзываетъ, что онѣ выходятъ еще мельче. Чуть гдѣ вспыхнетъ огонекъ, она тотчасъ и задуетъ; чуть гдѣ покрупнѣе, она и просѣетъ сквозь самое мелкое сито. Въ третьей статьѣ должно быть о дядѣ моемъ Иванѣ Ивановичѣ и о томъ, какъ онъ боролся, въ отсутствіе покойнаго государя за границу, съ государственнымъ совѣтомъ и комитетомъ министровъ: тутъ предвижу напередъ, что выключать 20 страницъ! Послѣ этого можно ли судить русскихъ авторовъ? Легкій вздоръ весь у меня пропустили, а свѣдѣнія, которыя могли бы пригодиться, какъ правда, всѣ исключаютъ». Во второмъ письмѣ (отъ 22 декабря 1858 г.) читаемъ: «Вы, я думаю, читали, какъ отозвались въ «Отечественныхъ Запискахъ» о моемъ переводѣ сатиръ, а въ «Современникѣ» о «Московскихъ элегіяхъ». О первыхъ, правда, говорятъ, что я не отступаю почти ни въ одномъ словѣ отъ своего оригинала, и что рѣдко случалось имъ видѣть даже нѣмецкіе переводы Горація, которые отличались бы такою точностью, но находятъ мой стихъ прозаическимъ и проч. А знаютъ ли они, что языкъ сатиръ и эпистолъ Горація—самый простой и даже небрежный, чего я себѣ даже и не позволилъ. О немъ самъ Горацій говоритъ, что онъ отличается отъ прозы только мѣрой стиха!—Весь этотъ разборъ пересыпанъ грубыми и пошлыми насмѣшками! Что касается до элегій, то онѣ въ «Современникѣ» рѣшительно оклеветаны: представлены какими-то плаксивыми и въ карикатурѣ; между тѣмъ какъ ни въ одной изъ нихъ нѣтъ плаксивости, а чтобы предметъ и направленіе возбуждали карикатуру, надобно быть очень безсовѣстнымъ и не имѣть никакого чувства къ роднѣ. Онѣ или содержатъ описаніе мѣстъ и нравовъ, или легкую насмѣшку; такъ что очень справедливо спросилъ меня Филаретъ, почему я назвалъ ихъ элегіями,—и я очень откровенно отвѣчалъ ему, что «и самъ не знаю, почему, развѣ по общему тону». Въ молодости несправедливость журналовъ меня бы огорчила, а теперь, съ лѣтами, я сталъ къ нимъ какъ-то очень равнодушенъ. Жалѣю только, что у насъ и въ литературѣ не стало честности; это одно заставляетъ меня вѣрить, что и въ ней началась эпоха національности».

Письмо заканчивается вопросомъ о положеніи дѣла въ симбирскомъ комитетѣ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи М. А. Дмитріевъ былъ заинтересованъ непосред-

ственно, какъ владѣлецъ с. Троицкаго Сызранскаго уѣзда; имѣніе это перешло послѣ него къ его сыну, сенатору и бывшему профессору Ф. М. Дмитріеву.

Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ примыкалъ къ славянофильскому направленію. Представителями того же направленія были Д. А. Валуевъ и трое братьевъ Языковыхъ, Николай, Петръ и Александръ Михайловичи. «Одинъ изъ корифеевъ славянофильства, А. С. Хомяковъ, не симбирецъ родомъ, былъ женатъ на Языковой, родной сестрѣ упомянутыхъ трехъ братьевъ. Аксаковы, Константинъ Сергѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ, эти также корифеи славянофильства, если и не были уроженцами Симбирской губерніи, то по предкамъ своимъ принадлежатъ къ старѣйшимъ симбирскимъ дворянамъ»: ихъ прадѣдъ, Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, владѣвшій здѣсь селомъ Аксаковымъ, переселился въ уфимское намѣстничество. Не останавливаясь здѣсь на общезвѣстныхъ біографическихъ данныхъ названныхъ писателей, приведемъ лишь собранныя П. Л. Мартыновымъ свѣдѣнія о поэтѣ Языковѣ, какъ землевладѣльцѣ. Именованійся въ официальныхъ документахъ «изъ дворянъ канцеляристомъ», Н. М. Языковъ былъ богатымъ помѣщикомъ Симбирскаго уѣзда: послѣ отца къ нему перешли въ 1837 году село Языково (405 душъ крестьянъ и 6.066 десятинъ земли), деревня Шиловка (164 души и 1.748 дес. земли) и Степная Сычевка (45 душъ и 360 дес. земли). Любимымъ мѣстомъ жительства его было Языково, гдѣ прошло его дѣтство и лучшіе годы жизни и гдѣ до сихъ поръ сохранился домъ, въ которомъ онъ жилъ и который дважды посѣтилъ Пушкинъ.

Не одному славянофильскому лагерю дала Симбирская губернія видныхъ представителей. Противоположный ему лагерь западниковъ и ихъ продолжателей также можетъ указать въ своихъ рядахъ такихъ симбирцевъ, какъ И. А. Гончаровъ, П. В. Анненковъ и Д. Д. Минаевъ.

Все біографы перваго согласны въ томъ, что Симбирскъ далъ матеріалъ для его художественныхъ произведеній и положилъ начало развитію его духовныхъ силъ. Живя впоследствии въ Петербургѣ, онъ находился въ перепискѣ со своими симбирскими родственниками.

Въ 1901 году, по случаю десятилѣтія со дня смерти Гончарова, симбирская архивная коммисія возбудила ходатайство объ открытіи всероссійской подписки на сооруженіе ему въ Симбирскѣ памятника. На это ходатайство былъ полученъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ отрицательный отвѣтъ, мотивированный преждевременностью сооруженія такого памятника: «въ виду незначительности періода времени, прошедшаго послѣ смерти Гончарова, извѣстность его, какъ писателя, и заслуги его на этомъ поприщѣ едва ли приобрѣли настолько распространенное во всѣхъ слояхъ

населенія значеніе, чтобы было своевременнымъ въ настоящее время возбудить вопросъ о почтеніи его памяти сооруженіемъ ему памятника путемъ повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій».

Единственнымъ памятникомъ Гончарову въ его родномъ городѣ остается бесплатная народная библіотека-читальня его имени, открытая на частныя средства въ 1893 году, если не считать таковымъ знаменитый «обрывъ», который описанъ имъ въ его послѣднемъ романѣ и который находится въ трехъ верстахъ отъ Симбирска.

П. В. Анненковъ, членъ кружка Вѣлинскаго, первый издатель полнаго собранія сочиненій Пушкина и матеріаловъ для его біографіи, критикъ и авторъ замѣчательныхъ воспоминаній о людяхъ сороковыхъ годовъ, былъ владѣльцемъ села Чирикова, Симбирскаго уѣзда. Въ 1849 году онъ жилъ въ своемъ имѣніи и здѣсь написалъ свои «Провинціальныя письма». Въ Чириковѣ до сихъ поръ въ многочисленныхъ шкапахъ опустѣвшаго барскаго дома хранится его огромная библіотека. Здѣсь же до послѣдняго времени хранились прекрасный бюстъ Вѣлинскаго, его посмертная маска и маска Пушкина. Въ числѣ другихъ рукописей здѣсь были найдены покойнымъ Д. И. Саложниковымъ подлинныя рукописи Пушкина, не вполне использованныя Анненковымъ и недоступныя послѣдующимъ издателямъ сочиненій великаго поэта. Рукописи эти были описаны Саложниковымъ въ «Русскомъ Архивѣ» и переданы имъ въ Московскій Румянцовскій музей. Изъ той же чириковской библіотеки получена музеемъ архивной комиссіи книга «Сочиненія Пушкина», изданія Анненкова, т. I, содержащій «Матеріалы» для біографіи поэта, въ хорошемъ шагреневои переплетѣ; на первомъ бѣломъ листѣ ея сдѣлана надпись такого содержания: «Автору образцовой біографіи Пушкина и добросовѣстному издателю сочиненій великаго нашего поэта—Павлу Васильевичу Анненкову—отъ его литературныхъ друзей и знакомыхъ въ память обѣда 17 февраля 1855 года.» Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Иванъ Тургеневъ, Иванъ Панаевъ, Василій Боткинъ, Ник. Некрасовъ, Александръ Дружининъ, Мих. Михайловъ, Михаилъ Авдѣевъ, Алексѣй Писемскій, А. Майковъ, Г. Геннади, В. Гаевскій, Е. Коршъ, М. Языковъ, А. Жемчужниковъ, гр. Алексѣй Толстой, Арапетовъ, Н. Гербель, Я. Полонскій.

Д. Д. Минаевъ—сынъ симбирскаго сторожила, Д. Ив. Минаева, извѣстнаго въ литературѣ главнымъ образомъ стихотворнымъ переводомъ «Слова о полку Игоревѣ». Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ въ Симбирскѣ родился, учился въ мѣстной гимназій, служилъ въ молодости, затѣмъ доживалъ свою жизнь и похороненъ, рядомъ съ отцомъ, на Духовскомъ кладбищѣ, подъ горой, среди садовъ, вблизи любимой имъ Волги. Долгое время на могилахъ отца и сына лежала одинаковыя плиты съ соответствующими надписями. Плита надъ могилой «обличительнаго поэта» въ 1899 году была

замѣнена чугуннымъ памятникомъ, въ видѣ четырехгранной колонны, поставленнымъ по подпискѣ мѣстнымъ обществомъ.

Блестящій версификаторъ, онъ особенно прославился своими эпиграммами; нѣкоторыя изъ нихъ приобрѣли всероссійскую извѣстность: ихъ многіе повторяютъ, не зная даже ихъ автора. Въ прошломъ году газеты припоминали его четверостишіе, сказанное имъ будто бы Лорисъ-Меликову на вопросъ послѣднаго относительно необходимыхъ въ то время реформъ:

Въ виду порядка строгаго,
Мы просимъ лишь немногаго:
Вы дайте намъ хоть кучую,
Но только конституцію.

Въ Симбирскѣ, въ многочисленныхъ спискахъ, сохранилось его стихотвореніе «Симбирская фотографія», въ которомъ онъ осмѣиваетъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ своихъ современниковъ-симбирцевъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой «сатиры», довольно остроумной, но не глубокой, какъ всѣ вообще писанія Минаева.

О, муза волжская! Садись-ка,
И, не стыдясь, безъ покрываль,
Всѣмъ обитателямъ Симбирска
Сложи пристойный мадригалъ.
Воспой помѣщицы заразы,
Землевладѣльцевъ плачь и гамъ,
И нашихъ барышень проказы,
И прогрессивность нашихъ дамъ.
Давно, по милости Зевеса,
Переступивъ черезъ порогъ,
Тѣнь современнаго прогресса
Зашла въ нашъ тихій городокъ.
И вотъ теперь, друзья Свѣяги,
Пою гражданскій идеалъ
И, какъ пѣвецъ симбирской саги,
Жду пышныхъ лавровъ и похвалъ.
Поставивъ ящикъ фотографа
И противъ правды не грѣша,
Съ кого начну?—Хоть съ фата графа
Или съ NN-скихъ антрапа.
Мнѣ все равно. Мнѣ каждый житель
И миль, и дорогъ былъ всегда.
Вѣдь даже самъ убогій ...тель
Хоть слова стоитъ, господа.
Благослови жь, отецъ Евгеній,
Меня съ приволжскаго Вѣнца,
Чтобъ безъ особыхъ приключеній
Довелъ я пѣсню до конца.
Пою тебя, святой владыка,
За то, что кистью всей руки,
Въ обѣдню, близъ святаго лика
Дьячкамъ ты ставишь синяки.
Ты перлъ Россійскихъ семинарій,
Резервъ для будущихъ мощей,
Съ церкви берущій гонорарій
И бьющій служекъ, какъ кощей.

Пою тотъ край...
 Гдѣ NN въ проказахъ чванства
 Всѣхъ наглою роскошью дивитъ
 И, къ славѣ дряхлаго дворянства,
 Жену шутами веселитъ.
 И, мужиковъ лишая крова,
 Бросаетъ деньги каждый годъ;
 На лбу написаны два слова:
 Аристократъ и идіотъ.
 Глядитъ —скій либераломъ,
 Крестьянъ считая за дѣтей,
 И въ то же время за бокаломъ
 Читаетъ рѣчи въ честь плетей.
 Мнѣ милъ нашъ городъ. Въ немъ не знаютъ,
 Какъ обойтись безъ картъ и сна.
 Тамъ такъ дивятся и поражаютъ
 Всѣхъ шаровары ... на...
 Пока довольно. Берегъ, берегъ,
 Ужъ я боюсь не безъ причинъ
 Отъ дамъ дожидаться лишь истерикъ
 И грозной брани отъ мужчинъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаемъ необходимымъ упомянуть о К. И. Невоструевѣ, извѣстномъ сотрудникѣ протоіерея А. В. Горскаго по описанію славянскихъ рукописей, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ. Труды Невоструева по этому описанію по достоинству оцѣнены специалистами. Подготовку къ работамъ этого рода онъ получилъ въ Симбирскѣ, гдѣ былъ преподавателемъ семинаріи съ 1840 по 1849 гг. Явившись пионеромъ архивовѣдѣнія въ Симбирской губерніи, онъ выполнилъ огромную работу по приведенію въ порядокъ монастырскихъ архивовъ и собиранію матеріаловъ для историко-археологическаго и статистическаго описанія симбирской епархіи. Часть этихъ матеріаловъ была напечатана самимъ Невоструевымъ; другая—и большая—ихъ часть считалась утраченной. Только въ минувшемъ году въ семинарской библіотекѣ случайно было обращено вниманіе на «сложенный въ углу, на полу, какой-то, казалось, библіотечный хламъ», оказавшійся затѣмъ рукописями Невоструева и собраннымъ имъ епархіальнымъ архивомъ. Уже бѣглый обзоръ показалъ, что «въ архивѣ Невоструева заключаются дѣйствительно драгоценныя матеріалы, которые имѣли и могутъ имѣть огромное значеніе при изученіи мѣстной старины—и не только въ церковно-археологическомъ отношеніи». Во время своихъ частыхъ поѣздокъ по Симбирской губерніи онъ изучалъ архивы не только церквей и монастырей, но и гражданскихъ учреждений и частныхъ лицъ, набрасывалъ виды бывшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, собиралъ народныя преданія и прочее.

М. С.

ЛЖЕ-ПЕТРЪ III У ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

СРЕДИ рукописей стариннаго сербскаго монастыря Раваницы, живописно ютящагося у подножія Фрункой горы, хранится краткая лѣтопись XVIII вѣка, преимущественно мѣстнаго характера и довольно бѣдная обще-европейскими событіями. Подъ 1762 годомъ въ ней помѣщена замѣтка о томъ, что государь Петръ Осодоровичъ, «императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая», живъ и находится въ Сербіи. Въ другихъ лѣтописяхъ такого извѣстія нѣтъ, и мы передадимъ его возможно ближе къ сербскому оригиналу.

Въ 1762 году русскій государь спрятался и распустилъ слухъ, будто онъ «преставился отъ этой жизни»; на самомъ же дѣлѣ онъ «премудростью своею утаился», во всемъ послѣдовавъ стопамъ премудраго своего дѣда, императора Петра Великаго Алексѣевича, и затѣмъ странствовалъ по всей державѣ турецкой. Сопоставленіе Петра Третьяго съ Первымъ, очевидно, стоитъ въ связи съ тѣми легендами о монашесствѣ послѣдняго, которыя распространены среди румынъ и другихъ балканскихъ народностей и приведены нами въ одной изъ прежнихъ статей¹⁾. Далѣе лѣтопись говоритъ о появленіи Петра III среди славянъ, сначала на Дунаѣ и Савѣ, въ Бѣлградѣ. Однажды императоръ вошелъ въ церковь во время литургіи и положилъ на тарелку дукать, на которомъ «напечатанъ его образъ и надписаніе». Оттуда онъ прошелъ по всему царству турецкому, былъ

¹⁾ «Румынскіе рассказы и легенды о Петрѣ Великомъ». «Историческій Вѣстникъ», 1903, кн. V.

въ Царьградѣ и прочихъ мѣстностяхъ, раньше принадлежавшихъ державѣ сербской, а теперь находящихся подъ игомъ тиранскимъ, и наконецъ прошелъ въ Черную Гору. Вторая замѣтка помѣщена подъ 22 декабря 1767 года: государь Петръ Ѳеодоровичъ объявился живымъ въ Черной Горѣ «своимъ ручнымъ писаніемъ», т. е. собственноручной грамотой.

Въ нашихъ глазахъ очень цѣнны эти замѣтки, неизвѣстныя другимъ историкамъ и принадлежація какому-то сербскому монаху Раваницы, который, очевидно, вѣрилъ въ подлинность слуховъ о русскомъ императорѣ, появившемся у черногорцевъ и мечтавшемъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ монарховъ противъ турокъ—врага, общаго всѣмъ славянамъ. Какъ будетъ видно дальше, у сербскаго лѣтописца была подъ руками странная по содержанію грамота, которую мнимый Петръ III далъ своему уполномоченному, командированному къ австрійскому императору. Очевидно, монахъ не сомнѣвался и въ ея подлинности и не зналъ, что авторъ ея—до сихъ поръ не вполне разгаданная личность, во всякомъ случаѣ самозванецъ и сербъ по происхожденію, смѣлый и умный авантюристъ, называвшій себя Степаномъ Малымъ—личность замѣчательная и полная обаянія. По крайней мѣрѣ, иначе нельзя объяснить его быстрыхъ и прочныхъ успѣховъ среди черногорцевъ.

I.

Таинственность, которой самозванецъ окружилъ себя во время всего пребыванія въ Черногоріи, скрытность и осторожность его собственныхъ разказовъ о прошлой жизни, нѣкоторое хвастовство и намѣренная сбивчивость исторіи его прежнихъ походовъ, завѣдомое мистификаторство его первыхъ сторонниковъ,—все это дѣлало личность самозванца загадочной и для современниковъ. Едва ли кто-нибудь даже изъ его ближайшихъ сторонниковъ зналъ больше, чѣмъ ловкіе венеціанскіе шпіоны и цѣлый судъ государственныхъ инквизиторовъ яснѣйшей Венеціи, не щадившей средствъ и энергіи, чтобы проникнуть въ тайну этой, какъ будто недосказанной, «*persona ignota*¹⁾». Повидимому, Степанъ былъ сербъ изъ Босніи, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—изъ Скутарійскаго пашалыка, начитанный въ церковныхъ книгахъ послушникъ или мо-

¹⁾ Литература о Степанѣ Маломъ не велика. Кое-какія молодостовѣрныя свѣдѣнія сообщены въ книгѣ «*Les imposteurs démasqués et les usurpateurs punis*» (Парижъ, 1776); «*Storia del Stefano Piccolo*»—рукопись библиотеки Кукулевича-Сакцинскаго въ Загребѣ (№ 698) передаетъ біографію Степана въ самыхъ общихъ чертахъ; Стефанъ Зановичъ, «*Le fameux Pierre III, empereur de Russie ou Stefan Mali, qui parut dans le duché de Monténégro*» и т. д. (1874)—фантастическая біографія, написанная другимъ самозванцемъ въ Черногоріи; «*Stié-*

нахъ, знакомый съ военнымъ дѣломъ, хорошо ѣздившій на конѣ— типичный монахъ-воинъ православныхъ областей Турціи, какихъ можно встрѣтить и теперь; а въ старину соединеніе этихъ знаній являлось необходимымъ. Онъ родился около 1737 года, долго скитался по разнымъ славянскимъ землямъ Балканскаго полуострова и Австріи, занимался контрабандой, одно время былъ корсаромъ и въ концѣ пятидесятихъ или началѣ шестидесятихъ годовъ ѣздилъ въ Россію съ кѣмъ-нибудь изъ сербскихъ игуменовъ или епископовъ, пріѣзжавшихъ для обычнаго сбора милостыни. Повторяемъ, все это—догадки, основанныя на словахъ самого самозванца или догадкахъ его современниковъ. Въ Россіи онъ, по всей вѣроятности, слышалъ рассказы о сверженіи Петра III, его таинственной смерти, о самозванцахъ, принимавшихъ имена русскихъ царей—Богомоловъ и Кремневъ,—и вернулся въ Турцію съ фантастическимъ планомъ воспользоваться недовольствомъ славянъ, томительно долго страдавшихъ подъ игомъ, и объявить себя русскимъ императоромъ, чудесно спасшимся отъ смерти. Возможно, конечно, что сначала у него не было вполне определенной мысли объ оснѣваніи великаго славянскаго православнаго царства путемъ освобожденія всѣхъ балканскихъ народовъ и присоединенія къ нему Россіи. Какъ всякій авантюристъ, на первыхъ порахъ онъ дѣлалъ только развѣдки, готовилъ почву, а объ определенной программѣ не думалъ, хотя первое извѣстіе сербской лѣтописи вписано подъ 1762 годомъ—годомъ смерти Петра III.

По Турціи онъ скитался семь лѣтъ, ходилъ въ албанскомъ платьѣ, осматривалъ крѣпости и, дѣйствительно, изучилъ ихъ хорошо. Однажды онъ выдалъ себя за старшину геговъ и въ этой роли получилъ доступъ въ важныя укрѣпленія, но обманъ обнаружился, и Степанъ бѣжалъ. Тогда онъ нанялся къ одному

---

pan-Mali, c'est-a-dire Etienne Petit ou Stépano-Piccolo, le pseudo-Pierre III, empereur de Russie, qui parut dans le Grand-Duché de Monténégro» и т. д.—самая подробная біографія, написанная очевидцемъ, лицомъ близкимъ Степану, попавшимъ впоследствии въ Индію и служившимъ при дворѣ набоба Гейдеръ-али (Мангалоръ, 1778); Е. П. Ковалевскій, «Четыре мѣсяца въ Черногоріи» (СПб. 1841); «Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору въ 1769 г.» («Русскій Вѣстникъ», 1848, т. III); Н. Поповъ, «Путешествіе въ Черногорію»; В. Макушевъ, «Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній съ Рагузой» («Чтенія общ-ва ист. и древн.» 1866, книга III, и его же статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1869, кн. VII—IX; Д. Мордовцевъ, «Самозванцы и понизовая вольница» (СПб. 1867); его же «Новыя данныя о черногорскомъ Лже-Петрѣ III» («День», 1862, № 33—пересказана записка Н. В. Всеволожскаго на французскомъ языкѣ, сообщенная М. Погодиннымъ); Петръ II Петровичъ Негошъ, владыка Черногоріи, «Лажни цар Штёпан Мали» (Загребъ, 1861)—драматическая поэма, написанная по народнымъ преданіямъ и рассказамъ учителя владыки С. Милутиновича; наконецъ историческіе труды сербскихъ ученыхъ Милаковича, С. Любиши, П. Ровияскаго и др.

турку въ пастухи. Но и здѣсь открыли его стратегическія развѣдки, и онъ снова бѣжалъ въ Дубровникъ съ какимъ-то священникомъ, который взялъ его въ услуженіе. Затѣмъ Степанъ попалъ въ венеціанскую Герцеговину, изъ Кастель-Нуово—въ Которъ, оттуда пробрался въ свободныя черногорскія нахіи. Онъ бродилъ безъ денегъ, постоянно спасаясь отъ преслѣдованій, нигдѣ не засиживался подолгу, нанимаясь на поденныя работы, и уходя дальше послѣ того, какъ зарабатывалъ нѣсколько «газетъ» или «пара» на скромное пропитаніе и плату за проѣздъ въ лодкѣ. Нѣсколько разъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и впослѣдствіи показывалъ слѣды на ногахъ отъ цѣпей, но судьба его щадила, и каждый разъ ему удавалось бѣжать.

О своихъ приключеніяхъ Степанъ любилъ не безъ хвастовства рассказывать венеціанскимъ шпіонамъ, которые передавали его слова которскому генеральному проведитору съ сохраненіемъ прямой рѣчи:

— Во время путешествія по Цесаревинѣ (Австріи) меня приняли за шпіона,—говорилъ онъ венеціанскому подполковнику Бубичу;—комендантъ крѣпости приговорилъ меня къ висѣлицѣ, но его жена вымолила у него прощенія. Проходя черезъ Вѣну, я сбился съ пути и наткнулся на отрядъ солдатъ. Они меня избили и хотѣли взять въ плѣнъ. Но одинъ изъ нихъ сжалился надо мной. Онъ убѣдилъ товарищей отпустить меня и указалъ дорогу.

Подобныхъ эпизодовъ онъ рассказывалъ много, но вѣрить имъ можно не всегда; кромѣ того, они мало прибавляютъ фактическихъ данныхъ къ біографіи самозванца. Болѣе интересны подробныя описанія внѣшности Степана и обстановки его жизни, сохранившіяся въ донесеніяхъ тѣхъ же венеціанскихъ шпіоновъ и нѣсколько сбивчивыя. Онъ невысокаго роста, стройный, костлявый. худощавый; небольшое блѣдное лицо со слѣдами оспы, длинные свѣтлорусые волосы, живые черные глаза и темные или свѣтлые усы, длинные и хорошо сложенные пальцы. Какъ увидимъ дальше, многіе находили въ немъ поразительное сходство съ Петромъ III. Одѣвается онъ по-морлацки или по-албански. На немъ турецкая шелковая рубаха и такія же шаровары, сверху—турецкая безъ рукавовъ куртка, подшитая бобромъ. На ногахъ—нитяные чулки и турецкіе «папучи». На головѣ—греческая феска или солдатская шапка. Нѣкоторые прибавляли, будто онъ надвигалъ феску на глаза и избѣгалъ появляться на полномъ свѣту съ цѣлью не обнаружить несходства съ русскимъ императоромъ, но это мало вѣроятно. Жилъ онъ бѣдно, сначала въ роли работника, затѣмъ самостоятельно, любилъ хорошее вино и крѣпкій табакъ, обходился съ людьми просто, а потому пользовался общими симпатіями. Только иногда, напримѣръ, при приемѣ особенно важныхъ шпіоновъ, въ комнатѣ Степана находился кто-нибудь изъ его приближенныхъ

въ вооруженіи—съ обнаженной саблей или пикой, нѣсколько часовыхъ стояло у входа въ его домъ, и, провожая шпионовъ, Степанъ приказывалъ сдѣлать нѣсколько привѣтственныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ, это—хорошо извѣстный сербскій обычай, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимый.

Говорить онъ краснорѣчиво, бойко и выразительно, любитъ прибѣгать къ поговоркамъ, пословицамъ, сравненіямъ, всякаго рода образнымъ выраженіямъ и изреченіямъ изъ Писанія, что избличаетъ въ немъ духовное лицо. Онъ полонъ ума и твердаго характера, необыкновенно учтивъ. Хорошо говоритъ только по-сербски, но съ замѣтнымъ нѣмецкимъ или русскимъ (?) произношеніемъ. Иные видѣли въ его рѣчи боснійскій говоръ, и это показаніе приходится считать какъ самое драгоцѣнное для вопроса о національности самозванца. Сербскій языкъ онъ понималъ лучше другихъ, а потому просилъ переводитора перевести отвѣтъ венеціанскаго сената на сербскій языкъ — «чтобы я могъ понять». Кромѣ сербскаго, онъ зналъ по-нѣмецки, по-турецки и, повидимому, совсѣмъ не зналъ или плохо зналъ тѣ языки, которые, по мнѣнію черногорскаго владыки Саввы, врага самозванца, долженъ знать русскій императоръ, — французскій, русскій, греческій и итальянскій.

Себя онъ называлъ Степаномъ Малымъ, «малѣйшимъ изъ всѣхъ», причемъ прибавлялъ, что изъ «малыхъ» Богъ творитъ «великихъ». Итальянскіе чиновники и шпионы рѣдко называютъ его по имени: «*persona ignota*», «*un ignoto perturbatore*», «*impostore*» или «*forastiere*»—обычныя выраженія, подъ которыми власти разумѣли загадочнаго самозванца.

Въ Черногоріи Степанъ провелъ около года, какъ онъ самъ говорилъ, «наблюдая права и образъ жизни ея жителей», и весной 1767 г. поселился въ Маинахъ, принадлежащихъ Венеціи. Сюда онъ прибылъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

II.

Въ концѣ осени 1766 г. Степанъ пришелъ въ черногорскую общину Нѣгупи, нанялся въ батраки къ одному хозяину и въ то же время выдавалъ себя за опытнаго доктора по внутреннимъ болѣзнямъ. Лечилъ онъ цѣлебными травами, которыя собиралъ самъ, при этомъ не бралъ никакого вознагражденія, если не помогалъ больнымъ. Это давало ему возможность сблизиться съ черногорцами, познакомиться съ ихъ настроеніемъ, а безкорыстіе доктора внушало имъ довѣріе къ нему. Между прочимъ, онъ вылечилъ отъ хронической болѣзни Вука Марковича и ему первому объявилъ о своемъ царственномъ происхожденіи. Вскорѣ къ

нему обратился черезъ родственника житель венеціанской Кафель-Ластвы Николай Давыдовичъ, страдавшій желчью, и просилъ пріѣхать въ Ластву. Сначала Степанъ не соглашался, но потомъ отправился къ больному — съ тайной цѣлью изучить пограничныя съ Турціей владѣнія венеціанской Албаніи. Незадолго до этого турки и черногорцы ограбили нѣсколько пограничныхъ сель, принадлежащихъ общинѣ Пастровичей. Увидя слѣды опустошеній, Степанъ покачалъ головой и воскликнулъ:

— Бѣдный дождь венеціанскій! Бѣдные Пастровичи! О, что за несчастная граница!

Результаты осмотра приморскихъ позицій показались будущему самозванцу благоприятными, и въ концѣ февраля слѣдующаго года Степанъ послалъ дождю чрезъ проведитора первое письмо. Въ немъ онъ говорилъ о провиденціальной роли какого-то невѣдомаго «свѣтъ-императора», который явится въ Которѣ. Онъ проситъ дожда снарядить для этого пріема два корабля, украшенныхъ живыми и мертвыми цвѣтами, съ позолоченными флагами. Корабли должны стоять у Котора 12 дней, пока къ нимъ не присоединятся другіе корабли, посланные вѣнскимъ дворомъ. Кромѣ того, онъ проситъ дожда оставить на корабляхъ нѣсколько паръ одеждъ монашескихъ, итальянскихъ и сербскихъ. На письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Въ августѣ Степанъ отправилъ къ дождю второе такое же таинственное письмо, также безъ подписи. Генеральный проведиторъ Далмаціи, жившій въ Которѣ, приказалъ шпионамъ разыскать автора, и это имъ скоро удалось, потому что Степанъ не только не скрывалъ, что письма написаны имъ, но высказалъ еще неудовольствіе по поводу неучтиваго молчанья дожда. Впрочемъ, кромѣ одного имени, онъ не пожелалъ открыть никакихъ другихъ свѣдѣній о себѣ, потому что, какъ онъ выразился, еще не пришло время «вкусить сладость моего предназначенья».

Шпионы терялись въ догадкахъ и доносили, что свободная рѣчь Степана, то скромная, то надменная, ставитъ всякаго въ недоумѣніе насчетъ его личности.

— Я врагъ всякихъ обмановъ,—прибавилъ онъ въ заключеніе одной бесѣды,—и никому, кромѣ яснѣйшаго дожда, не открою, кто я такой!

Шпионъ передалъ Степану желаніе проведитора повидаться съ нимъ лично. Сначала Степанъ отвѣтилъ отказомъ: безъ разрѣшенія венеціанскаго сената онъ этого не сдѣлаетъ, и, какъ показалось шпиону, даже «обнаружилъ страхъ», но затѣмъ послалъ проведитору чрезъ своего приверженца слѣдующее письмо:

«Я узналъ, что ваше превосходительство желали бы видѣться со мной. Исполненію такового желанія вашего, если то отъ Бога, никто не можетъ помѣшать. Въ противномъ же случаѣ намъ угрожаетъ гнѣвъ Господень. Сердце Степана Малаго твердо! Онъ не

боится враговъ! Цвѣтъ не расцвѣтаетъ безъ воли Господа, управляющаго землею и людьми. Вѣрьте тому, что скажетъ Марко Тановичъ. Я могъ бы и написать объ этомъ, но лучше такъ. Маины. 4 сентября 1767 г.

Степанъ Малый».

Очевидно, Тановичъ зналъ о «царственномъ» происхожденіи самозванца, но самъ Степанъ не рѣшался говорить объ этомъ венеціанскому чиновнику. Ничего не узнали о «неизвѣстной особѣ» и другіе шпіоны, подсланные тѣмъ же провекиторомъ. Они могли донести только о внѣшности Степана, образѣ его жизни, передать нѣсколько лестныхъ и всегда учтивыхъ отзыовъ о Венеціи, наконецъ, о гостепримствѣ Степана и самыхъ далекихъ намекахъ на его высокую миссію.

— Мое имя Степанъ Малый,—сказалъ онъ одному изъ шпіоновъ,—самый малый на свѣтѣ. Я въ бѣдной одеждѣ, какъ вы видите. Но по милости Божіей съ каждымъ днемъ буду все большій и большій!

Чаще онъ говорилъ загадками, умѣстными въ устахъ экзальтированныхъ юродивыхъ:

— Черезъ рѣчку построено тридцать мостовъ, и я долженъ перейти черезъ нихъ. Двадцать девять изъ нихъ заперты, и одинъ только открытъ. Во что бы то ни стало, я перейду мостъ! Таковъ мой обычай: оставлять за собою путь ровный и безъ терній.

Онъ выразилъ неудовольствіе по поводу нежеланія провекитора отправить письма къ яснѣйшей республикѣ и къ австрійскому императору Іосифу. Если бы это было сдѣлано, то провекиторъ былъ бы осчастливленъ навѣки, а теперь онъ «мѣшаетъ плевелы съ пшеницей, и отъ его хлѣба кружится голова». Онъ совѣтуетъ провекитору помирить разныя черногорскія общины, прекратить кровавыя распри сосѣднихъ селъ, освободить арестованныхъ несправедливо, водворить спокойствіе среди враждовавшихъ родовъ, и прибавляетъ:

— Я видѣлъ кое-какія политическія книги и знаю, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла чужого государства. Но мое высокое мнѣніе о яснѣйшей республикѣ и желаніе блага христіанству побуждаютъ меня просить о водвореніи мира и спокойствія между здѣшнимъ народомъ. Есть змій, разверзшій пасть, чтобы поглотить христіанство. Но, съ Божьей помощью, онъ будетъ погранъ и убитъ... Пришло время напомнить о рабскомъ служеніи моемъ туркамъ въ теченіе столькихъ лѣтъ. Надѣюсь, что они поневолѣ послужатъ мнѣ и моимъ.

И въ такихъ разказахъ слышалось что-то тревожное.

Не получая отвѣта отъ Степана относительно его происхожденія и дальнѣйшихъ намѣреній, шпіоны просили его открыться, по

крайней мѣрѣ, генеральному проведитору, который не сдѣлаетъ ему никакого зла, и 5 сентября Степанъ отправилъ проведитору длинное письмо, полное такихъ же неясныхъ намековъ и такихъ же гадательныхъ выраженій, какія мы встрѣчали и раньше.

«Уже болѣе года нахожусь я въ Черногоріи и въ здѣшнихъ мѣстахъ, — писалъ онъ. — Съ большимъ трудомъ достигъ я этой земли. Я остановился здѣсь и сталъ наблюдать, по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ, — могу ли надѣяться на мудрость правителей, и ошибся въ надеждахъ. Сколько разъ умъ внушалъ мнѣ искать иного пути, но мнѣ это невозможно, потому что я долженъ исполнить крѣпкую заповѣдь, данную мнѣ Богомъ. Изъ страха нѣтъ силъ мыслить. Страхъ этотъ объемлетъ всякаго смертнаго—и невиннаго, и преступнаго. Добрые будутъ награждены, злые наказаны. Но довольно. Вы понимаете смыслъ моихъ словъ: «съ радующимися возрадуется черная земля». Но страхъ сковываетъ мнѣ языкъ: не забудьте этого времени. Мысль моя ищетъ чистыхъ путей, и нѣтъ иного, кромѣ одного. И я желаю вотъ чего. Я снялъ съ себя божественныя знаменія и посылаю ихъ въ сенатъ. Не могу миновать этого пути: это — солнце, которое я созерцаю. Предѣлы пройдены, за ними—откровенія. Жду отъ сената отвѣта: отъ него зависитъ связать или развязать языкъ. Для меня нѣтъ исхода безъ этого отвѣта, а сообразно съ нимъ я направлю мои дѣйствія». Затѣмъ Степанъ проситъ адресата держать въ тайнѣ его посланіе и безъ колебаній послать въ сенатъ, послѣ чего такія же «знаменія» будутъ посланы имъ и австрійскому императору. Успѣхъ Степана порадуетъ и проведитора, потому что «прійдетъ къ намъ на помощь Богъ: надѣющіеся на Него не погибнуть—и солнце станетъ грѣть. Имя и фамилія, которыми подписываюсь—Rane Gradianija. Я—пахарь, пашущій землю; пашу и буду пахать ее, пока не родитъ она плодъ. Хочу или умереть, или работать — и вскорѣ окончить работу. Такъ повелѣваетъ мнѣ Богъ, надъ Которымъ нѣтъ владыки. Настанетъ время, когда уразумѣете мое слово. Не забывайте его и вѣруйте въ его исполненіе».

Положеніе проведитора становилось все болѣе и болѣе двусмысленнымъ. Правда, шпіоны подробно сообщали ему всѣ рѣчи Степана, его совѣты проведитору и самому дожу, передаваемые «неизвѣстной особой» слухи о мобилизации стотысячной русской арміи, цѣль его прихода — не провозгласить себя императоромъ Будвы, а только «для блага этого обманутаго народа», и т. д., но главный пунктъ сомнѣній оставался неразрѣшеннымъ. Къ тому же отзывы всѣхъ шпіоновъ о таинственномъ незнакомцѣ полны самыхъ лестныхъ похвалъ: «онъ отличается быстрымъ и возвышеннымъ умомъ».

— Кто бы онъ ни былъ, его фізіономія очень схожа съ фізіономіей русскаго императора Петра III, — заключаетъ свое донесеніе полковникъ Марко Бубичъ.

Проведиторъ понималъ, что похожіе на пророческій бредъ рассказы Степана волнуютъ черногорцевъ и православныхъ венеціанской Албаніи, питая ихъ давнишнюю надежду освободиться отъ турецкихъ и венеціанскихъ притязаній. И въ самомъ дѣлѣ, Степанъ пользовался расположеніемъ народа, психологія котораго ему была понятна, и приверженцы его не скрывали своего убѣжденія въ царственномъ происхожденіи незнакомца. Первымъ приверженцемъ его былъ хозяинъ его Вукъ Марковичъ, затѣмъ—родственникъ послѣдняго Марко Тановичъ, какой-то Майнота и монахъ Ѳеодосій Мерковичъ. Яновичъ и Мерковичъ были въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ или же только говорили черногорцамъ, что были и видѣли Петра III, и теперь увѣряли всѣхъ, что Степанъ очень похожъ на русскаго императора. Случайно или съ цѣлью, они отыскиали въ православномъ монастырѣ Маинъ портретъ Петра III, и всякій могъ убѣдиться въ этомъ таинственномъ сходствѣ.

Что это сходство было на самомъ дѣлѣ, видно изъ донесенія одного венеціанскаго шпіона, которому не было интереса лгать.

— Я внимательно разсмотрѣлъ его лицо, сравнивая съ портретомъ русскаго императора Петра III, и нашелъ его очень схожимъ,—доноситъ проведитору тотъ же Бубичъ. — Лицо продолговатое, маленькій ростъ, толстый нѣмецкій подбородокъ, блестящіе глаза съ изогнутыми дугой черными бровями. На лѣвой щекѣ два рубца — какъ на портретѣ. На лицѣ признаки бѣдствій и слѣды недавней болѣзни. Цвѣтъ тѣла бѣлый, приближающійся къ оливковому.

Были и другія данныя, какъ будто подтверждавшія мысль объ этомъ сходствѣ. О нихъ скажемъ немного дальше.

III.

Въ черногорцахъ Степанъ нашелъ удобную почву для своей смѣлой авантюры, хотя сначала ему не вѣрили. На одной свадьбѣ въ Нѣгушахъ, когда Степанъ налилъ себѣ стаканъ вина, его хозяинъ Вукъ Марковичъ сейчасъ же всталъ съ лавки и снялъ шапку—почетъ, оказываемый у сербовъ только знатнымъ особамъ. Гости не поняли этого и начали смѣяться надъ Вукомъ:

— Если ты такъ уважаешь своего работника, то почему не одѣнешь его получше? Если у тебя нѣтъ одежды, то занялъ бы у насъ.

— Почему ты не снабдилъ его оружіемъ? — шутили другіе. — Если у тебя нѣтъ сабли, то преполсалъ бы его палкой!

Но рѣшительность и тактичность Степана вскорѣ прекратили всякія шутки и завоевали ему общія симпатіи. На сходкахъ общинъ онъ подавалъ свой голосъ съ такой смѣлостью и такимъ властнымъ голосомъ, въ немъ свѣтилось столько мудрости и знанія людей, которые всегда поработаются надменнымъ обращеніемъ,—что его приговору тяжущіеся подчинялись охотнѣе, чѣмъ мнѣнію выборныхъ. Выборные оставались недовольны вмѣшательствомъ иностранца, обѣщали побить его, но Степанъ нисколько не растерялся.

— Пока въ рукахъ моихъ только ружье, а скоро будетъ цѣлая галера,—спокойно сказалъ онъ.

Какъ увидимъ дальше, смѣлость и строгость не разъ выводили Степана изъ затрудненій и приобрѣтали ему уваженіе со стороны черногорцевъ.

Однажды, когда Степанъ былъ признанъ уже «господаремъ», на судъ скупщины привели вора. Степанъ велѣлъ бить его по пяткамъ, потомъ повѣсить сначала за ноги, затѣмъ—за руки, наконецъ оштрафовалъ его на 40 цехиновъ, и никто не увидѣлъ въ этомъ какой-нибудь жестокости. Другой разъ ему донесли, что въ Цермницкой нахи совершено братоубійство, что убійца бѣжалъ за Морачу и скрывается въ церкви — у того святого убѣжища, гдѣ, по византійскимъ и славянскимъ церковнымъ законамъ, всякій преступникъ находился въ безопасности. Степанъ зналъ обычай и все-таки велѣлъ схватить «новаго Каина» и повѣсить передъ дверьми родного дома. Такая увѣренность въ своихъ рѣшеніяхъ, близкая къ деспотизму, дѣйствовала обаятельно. Благодаря нѣсколькимъ строгимъ наказаніямъ, воровство вывелось среди черногорцевъ, и Степану приписываютъ такое же вліяніе, какое находимъ, между прочимъ, въ сказаніяхъ о валашскомъ господарѣ Владѣ Цепешѣ-Дракуличѣ. По дорогѣ между Которомъ и Цетиньемъ Степанъ положилъ въ разныхъ мѣстахъ десять червонцевъ и цѣнный пистолетъ въ серебряной оправѣ. И все это лежало на тѣхъ же мѣстахъ долгое время: никто не рѣшался коснуться ихъ.

По этому поводу мнѣ припомнился слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто два года тому назадъ.

Жена австрійскаго посланника въ Черногоріи потеряла драгоценное кольцо, на стоимость котораго любой черногорецъ могъ бы обезпечить себя на всю жизнь. Посланникъ немедленно явился къ черногорскому князю Николаю и доложилъ ему о случившемся.

— Кольцо вашей жены лежитъ на дорогѣ въ Нѣгуши, на разстояніи ста шаговъ отъ большой пещеры,—сказалъ князь.

Когда же удивленный посланникъ спросилъ, откуда князь узналъ объ этомъ, то получилъ отвѣтъ:

— Десять или болѣе моихъ подданныхъ уже донесли мнѣ, что собственными глазами видѣли это кольцо.

— Но почему же они не доставили его во дворецъ?

Князь улынулся.

— Гей,— окликнулъ онъ проходившаго мимо окна черногорца,— скажи, почему ты не поднялъ кольца?

— Господарь,— отвѣчалъ черногорець: — я не желалъ, чтобы кто-либо хотя на минуту подумалъ, что я желалъ присвоить его себѣ.

Если это и легенда, то во всякомъ случаѣ характерная для черногорцевъ.

Благодаря смѣлымъ поступкамъ самозванца, его считали чародѣемъ. Въ записи на рукописи Троицкаго монастыря у Плеваля говорится, что въ 1767 году показался въ Черной Горѣ одинъ человекъ, именемъ Степанъ. Нѣкоторые прибавляли, что онъ — москвитъ, и провозгласили его кралемъ. Онъ творилъ такія чудеса, что ѣздилъ на конѣ по морю. И утрашились турки его чарованій и пошли войной.

Нѣсколько такихъ фактовъ вполне гармонируютъ съ общими заботами самозванца о нравственности народа.

— Я замѣтилъ дурную жизнь епископовъ, полную неправды, обмана, корыстолюбія и нарушенія церковныхъ правилъ,— говорилъ онъ Бубичу.— Они подавали дурной примѣръ этому слѣпому народу. Видя, что народъ вводится въ обманъ, я написалъ владыкѣ Саввѣ увѣщаніе собрать все духовенство, черное и бѣлое. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не можетъ собрать духовенство турецкихъ областей, чтобы не заподозрѣли его тамошніе начальники, и что венеціанскимъ подданнымъ запрещено общеніе съ Черногоріей по случаю заразы. Мнѣ не понравился этотъ глупый отвѣтъ, неосновательный и дурно придуманный!

И вотъ Степанъ начинаетъ лично убѣждать черногорцевъ оставить кровавую месть, исправить жизнь и помнить, что взаимныя ссоры ослабляютъ ихъ силы, необходимыя для борьбы съ турками. А когда онъ убѣдился, что его авторитетъ силенъ, то въ началѣ осени выпустилъ первую прокламацію. Себя онъ называетъ въ ней «малѣйшимъ въ мірѣ, добрымъ съ добрыми», намекаетъ на то, что «два яблока еще не созрѣли, но вскорѣ созрѣютъ». «Но когда настанетъ время и созрѣютъ плоды, народъ найдетъ въ нихъ неисчерпаемая сокровища—драгоценные камни, рубины, смарагды, сапфиры, алмазы, золото и серебро,— и каждый, кто увѣруетъ въ насъ, будетъ имѣть все, чего ни пожелаетъ. Миръ и благоденствіе тѣмъ, кто покорится намъ. Горе невѣрующимъ и непокорнымъ: они погибнутъ отъ меча и будутъ брошены въ море, которое ждетъ только нашего голоса, чтобы встать и поглотить все живущее». Въ концѣ прокламаціи онъ проситъ черногорскихъ старшинъ примирить враждовавшія общины и жить мирно. Престарѣлому владыкѣ Саввѣ Петровичу, человеку неумному и ко-

рыстололюбивому, подкупленному Венеціей и боявшемуся Австріи' Степанъ совѣтуетъ созвать соборъ и обратить вниманіе на распутное и недостойное духовенство, а для примѣра остальнымъ — прогнать изъ Черногоріи наиболѣе плохихъ поповъ и монаховъ. Нерѣшительный и безличный владыка испугался, но до поры до времени рѣшился ничего не отвѣчать Степану.

Между тѣмъ на 3-е октября была назначена въ Цегличахъ Катунской нахіи большая скупщина. Предсѣдательствовалъ Степанъ. Онъ говорилъ краснорѣчиво и повелъ дѣло такъ, что всѣ приглашенныя общины постановили заключить миръ до Юрјева дня и забыть старыя несогласія, разъединявшія общія силы черногорцевъ. Здѣсь впервые раздался общій кликъ:

— Да здравствуетъ царь Петръ!

Съ этого времени начинается широкая популярность Степана. Онъ посылаетъ письма старшинамъ тѣхъ общинъ, которыя не прислали депутатовъ на скупщину, укоряетъ ихъ въ братской ненависти, призываетъ къ единенію и вѣчному миру, общается присоединить къ Черногоріи пограничныя венеціанскія владѣнія съ православнымъ населеніемъ и т. д. Съ такой же увѣренностью онъ принимаетъ у себя владыку Савву, который теперь не могъ уже оставить безъ отвѣта грозное обличеніе духовенства въ прокламаціи. Степанъ громко бранилъ владыку за нераспорядительность, ставилъ ему въ вину развращенность и жадность духовенства, его самого считалъ дурнымъ примѣромъ для паствы и своимъ обличеніемъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на слабого духомъ старика, что при прощаніи тотъ упалъ на землю и хотѣлъ поцѣловать ногу у Степана. До этого онъ не допустилъ, приподнявъ владыку и еще разъ напомнилъ, что необходимо исправиться, чтобы не подавать примѣра всему духовенству.

Послѣ этого у черногорцевъ и венеціанскихъ албанцевъ не оставалось никакихъ сомнѣній въ высококомъ происхожденіи Степана. Они стали присылать ему оружіе, скотъ, коней, съѣстные припасы, одежду, деньги. У дверей дома, гдѣ жилъ Степанъ, стояла стража. Доступъ къ нему былъ сопряженъ уже съ извѣстными затрудненіями. Предъ нимъ шли его приверженцы и привѣтствовали народъ словами:

— Добра вѣра! Добра блага!

Волненіе черногорцевъ дошло до того, что венеціанскія власти рѣшили прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, требовали, чтобы самозванецъ покинулъ Майны. Въ біографіи Степана Малаго разсказывается даже о штурмѣ приморскаго городка Рисано, который выказалъ расположеніе къ самозванцу, и неудачныя дѣйствія галеръ, посланныхъ дожемъ, были приписаны тому, что самозванецъ дѣйствительно Петръ III, избѣгшій смерти въ Россіи и семь лѣтъ скитавшійся по разнымъ землямъ. Опять находились люди, даже

среди капитановъ галеръ, которые вѣрили этому. Интересно, между прочимъ, что однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ идентичности Петра III и самозванца служило замѣтное пристрастіе послѣдняго къ водкѣ и вину — очевидно, характерная черта для русскихъ въ глазахъ черногорцевъ XVIII вѣка.

Событія росли съ каждымъ днемъ. Въ срединѣ октября происходила огромная скупщина въ Цетиньѣ — болѣе семи тысячъ представителей отъ всѣхъ свободныхъ нахій Черногоріи и венеціанской Албаніи. Степанъ не явился на скупщину и прислалъ Вука Марковича, недавно назначеннаго личнымъ секретаремъ «господаря», и Марка Тановича, адъютанта и «государственного канцлера». Замѣтимъ, между прочимъ, что, по словамъ біографіи самозванца, Тановичъ, «будущій канцлеръ великой російско-славянской державы», совсѣмъ не зналъ грамоты. Всѣ общины выбрали «гувернадура» (губернатора) Юву Станишича, признали вторымъ владыкой Арсенія, племянника владыки Саввы, поклялись соблюдать «вѣчный миръ», то-есть безъ извѣстныхъ сроковъ, и забыть кровавую месть, и рѣшили отправить 60 старшинъ къ «царю, пребывающему въ Маинахъ». Между прочимъ, Тановичъ публично поклялся жизнью и имуществомъ, что Степанъ — тотъ самый Петръ III, котораго онъ видалъ въ Петербургѣ и котораго руку не разъ цѣловалъ. Никто теперь не протестовалъ противъ этой клятвы. Здѣсь же однимъ монахомъ былъ четыре раза прочитанъ указъ Степана Малаго, который повторялъ призывъ къ единенію и просилъ оставить братоубійственную вражду: кто подниметъ руку на ближняго или совершитъ кражу, долженъ быть изгнанъ изъ Черногоріи. Если скупщина обѣщаетъ исполнять всѣ приказанія Степана, то онъ откроетъ имъ свое происхожденіе. Вечеромъ того же дня толпа черногорцевъ пришла въ Маины и остановилась у дома господаря. Онъ вышелъ въ сопровожденіи двухъ тѣлохранителей, съ пикой въ рукѣ. На поклонъ и привѣтствія онъ сказалъ:

— Призываю на васъ благословеніе Бога, Владыки неба и земли. Да даруетъ Онъ вамъ силу и храбрость противъ враговъ! Да будутъ остры ваши сабли, и крѣпки ваши мышцы!

Далѣе въ его рѣчи доказывалось значеніе обѣщаннаго черногорцами мира, «этого благодатнаго солнца», высказывалась благодарность за прощеніе старыхъ обидъ, и отдано приказаніе угостить прибывшихъ виномъ и бараниной. На слѣдующіе дни въ Маины приходило еще нѣсколько группъ черногорцевъ изъ разныхъ мѣстъ, даже изъ Турціи. Они выслушивали такія же рѣчи Степана и уходили съ ружейными выстрѣлами, съ пѣніемъ сербской пѣсни: «Пой, братъ! Богъ намъ въ помощь. Да здравствуетъ нашъ царь». Одну депутацію онъ принялъ въ болѣе пышной обстановкѣ — съ жезломъ въ рукѣ, окруженный воинами съ обнаженными саблями.

18 октября Степанъ торжественно посѣтилъ церковь. Несмотря на близкій путь, онъ поѣхалъ верхомъ на конѣ, вооруженный, въ сопровожденіи почетнаго эскорта. Его встрѣтили и проводили залпами изъ ружей.

Въ концѣ того же мѣсяца получилъ аудіенцію какой-то архимандритъ, уроженецъ Скопля, учившійся, по слухамъ, въ Россіи; иные говорили, что онъ—духовникъ Петра III, посланный русскимъ дворомъ спеціально на розыски бывшего императора и съ важными порученіями. При свиданіи они облобызались, говорили долго, и архимандритъ передалъ ему письмо, по мнѣнію венеціанскихъ шпионовъ, отъ русскаго посла въ Константинополь и ковчежець съ мощами. Кромѣ того, онъ сообщилъ Степану массу важныхъ фактовъ: что Петръ III въ сущности не лишенъ престола, потому что императрица еще не помазана на царство; что Павелъ Петровичъ обрученъ съ англійской принцессой; что эскадра австрійскаго императора стоитъ наготовѣ въ Триестѣ и ожидаетъ только приказанія выйти въ море и т. д. Если бы это и было вымысломъ приверженцевъ самозванца, то все-таки на народъ дѣйствовало неутрашимымъ образомъ.

Въ итальянскихъ источникахъ не указано имя архимандрита и не говорится о дальнѣйшемъ участіи его въ предпріятіяхъ самозванца. Упомянутая въ началѣ очерка раваницкая лѣтопись даетъ важныя и интересныя дополненія. Здѣсь напечатаны три документа. Первый—открытый листъ Степана Малаго, данный тому же архимандриту, Аввакуму Милаковичу, который отправленъ имъ «къ цесарскому его величества двору» 23 декабря 1767 г. Степанъ проситъ всѣхъ «судій, повелителей, паче же комендантовъ» принимать предъявителя листа «безъ всякаго препятствія и сомнѣнія», такъ какъ посланный «свободно марширъ имѣть будетъ путь до Віены» цесарско-королевской почтой. Въ концѣ листа—замѣтка: «панъ находится въ Черной Горѣ». Изъ другого документа, письма архимандрита Аввакума, видно, что онъ дошелъ благополучно только до Дмитровачской «контаминаціи», гдѣ былъ задержанъ, и 21 января 1768 года написалъ письмо «сіятельному господину, князю, ея императорскаго величества государыни кавалеру и тайному совѣтнику», по всей вѣроятности, русскому посланнику въ Вѣнѣ кн. Голицыну. Аввакумъ пишетъ, что онъ «посланъ отъ его императорскаго величества государя Петра Ѳеодоровича, подъ именемъ Степана Малаго, который находится въ Черной Горѣ, съ грамотой къ его цесаро-королевскаго величества двору, а особенный вашему высокосіятельному врученный указъ—устно изъяснить». Но теперь его задержали за «оглашеніе» Петра Ѳеодоровича, и Аввакумъ проситъ исходатайствовать возможно скорый приказъ о пропускѣ въ Вѣну. Отвѣта, конечно, не послѣдовало, и на слѣдующій день его препроводили въ Земунъ, гдѣ къ нему присоеди-

нились другіе посланцы отъ «императора» изъ Черной Горы: Григорій, архимандритъ изъ Дрекаловичъ, постриженникъ монастыря Раваницы, съ нимъ какой-то монахъ изъ Черной Горы и воеводинъ братъ «сана воинскаго». Послѣ допроса, всѣ четверо не получили «милости и граціи» для дальнѣйшаго пути въ Вѣну, и нѣмцы вернули ихъ обратно за руку Саву. Сербы перешли рѣку выше Острожницы зимой, поздней ночью въ среду 21 февраля, а затѣмъ вернулись въ Черную Гору.

Если венеціанскіе чиновники и не знали объ этомъ посольствѣ, миновавшемъ зоркость генеральнаго проведитора, то во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что съ этого именно времени донесенія венеціанскихъ шпионовъ приобрѣтаютъ еще болѣе тревожный характеръ. Теперь они не описываютъ наружности Степана, не передаютъ его несвязныхъ рѣчей съ таинственными намеками. Они говорятъ, что въ распоряженіи самозванца можетъ быть сильное войско; что къ властямъ Венеціи онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ и смѣло грозитъ собственноручно снести голову первому, кто явится сюда; что въ Константинополь посланы курьеры съ извѣстіями о самозванцѣ, но султанъ такъ же нерѣшителенъ, какъ и Венеція, а подгорицкій паша отзывается о немъ съ похвалой: отдаетъ должное его мудрости и правосудію, готовъ даже вѣрить всѣмъ рассказамъ о царственномъ происхожденіи «неизвѣстной особы» и т. д. Наконецъ, шпионы доносили, что въ Герцеговинѣ ожидаются русскія и австрійскія войска; что многіе сербы турецкихъ областей признали самозванца Петромъ III и т. д. «Хотя онъ открыто и не говоритъ, что онъ—царь, но прибѣгаетъ къ таинственнымъ выраженіямъ и символическимъ знакамъ, возбуждающимъ воображеніе массы, — писалъ генеральный проведиторъ Далмаціи венеціанскому агенту при дворѣ султана. — Онъ распускаетъ молву о своей перепискѣ съ Петербургомъ и съ русскими посланниками въ Вѣнѣ и Константинополѣ, желая, какъ мнѣ кажется, продлить эту сцену. Владыка черногорскій своими посѣщеніями и подарками, состоящими изъ одежды и съѣстныхъ припасовъ, укрѣпляетъ ежедневно простой народъ въ его заблужденіи и своими совѣтами руководитъ его дѣйствіями изъ личныхъ своихъ видовъ и для поддержанія возбужденнаго фанатизма. Турецкія власти въ Албаніи и Герцеговинѣ зорко слѣдятъ за движеніемъ черногорцевъ и православныхъ сербовъ въ областяхъ». Тѣмъ не менѣе, проведитору не удалось убѣдить Степана уѣхать изъ венеціанской области, а болѣе дѣйствительныя мѣры, по его мнѣнію, могли повлечь за собой открытое сопротивленіе возбужденнаго населенія.

IV.

Послѣдніе дни октября 1767 г. Степанъ провелъ въ объѣздѣ разныхъ сель свободныхъ черногорскихъ нахій, гдѣ его всюду привѣтствовали, какъ русскаго императора, и 2 ноября онъ получилъ грамоту отъ лица всего черногорскаго народа, признающаго его Петромъ III и своимъ господаремъ. Тогда Степанъ приказалъ владыкѣ дать ему грамоту Петра Великаго, присланную съ полковникомъ Михаиломъ Милорадовичемъ къ прежнему владыкѣ Черногоріи, Даниилу, въ 1711 г., вмѣстѣ съ золотыми медалями для старшинъ. Изъ 160 медалей у Саввы нашлось только 20: онѣ были сейчасъ же розданы старшинамъ, а вмѣсто остальныхъ владыка долженъ былъ выплатить Степану 300 цехиновъ. Черезъ нѣсколько дней въ Маины къ самозванцу прибылъ полковникъ Трифонъ Стефановичъ, посланный генеральнымъ проведиторомъ для развѣдокъ, и между ними произошла пространная бесѣда, изъ которой венеціанскій шпіонъ могъ вынести впечатлѣніе, что имѣеть дѣло съ умнымъ и тактичнымъ дипломатомъ, на сторонѣ котораго всѣ выгоды.

— Господинъ Степанъ, что вамъ угодно отъ меня? Вы не разъ изъявляли желаніе меня видѣть,—началъ полковникъ.

— Я не «господинъ», а Степанъ, «малѣйшій изъ малыхъ», и желалъ знать отъ васъ о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, чтò злого я сдѣлалъ въ области яснѣйшей венеціанской республики? Развѣ то, что внушилъ этому грубому народу уваженіе къ Божескому и человѣческому закону? Во-вторыхъ, почему генеральный проведиторъ старается изгнать меня изъ венеціанскихъ владѣній и даже, быть можетъ, покушается на мою жизнь?

— Господинъ Степанъ, ваши поступки несообразны съ нашими мыслями, потому что вы взволновали здѣшній народъ и даже православныхъ подданныхъ Турціи, увѣряя, что вы—русскій царь Петръ III.

— Я никогда этого не говорилъ. Я—Степанъ малый, а Богъ изъ малыхъ творитъ великихъ и изъ великихъ малыхъ.

— Но такого рода рѣчи возбуждаютъ народное воображеніе, которое рисуетъ васъ царемъ-избавителемъ!

— Я не дѣлаю ничего иного, какъ излагаю только заповѣди Божіи и законъ христіанскій, по которому мы должны любить ближнихъ, какъ самихъ себя, и прощать во имя Христова обиды и оскорбленія. Иначе, ничего злого я не дѣлаю, соблюдая заповѣди Господни.

— Это дѣло духовенства, и безъ разрѣшенія властей никто не можетъ проповѣдывать въ венеціанскихъ владѣніяхъ. А потому вы хорошо сдѣлали бы, если бы перенесли вашу проповѣдь въ

иныя страны, напимѣръ, хоть въ сосѣднюю Черногорію, которая очень нуждается въ хорошихъ проповѣдникахъ.

— Прошло уже семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Господь заповѣдалъ мнѣ итти въ міръ и проповѣдывать монархамъ заповѣдь Его, чтобы все единодушно соединились противъ общаго врага креста Христова.

— Такъ можетъ говорить только человѣкъ съ разстроеннымъ разумомъ, и внимать ему можетъ только невѣжественная чернь!

Степана эти слова оскорбили. Онъ сбросилъ съ головы феску и сказалъ:

— Я слѣдую внушенію свыше! Я готовъ претерпѣть всякую казнь и всякія страданія, чтобы заслужить мученической вѣнецъ!

— Если вы таковы, если Господь столь милосердъ къ вамъ, то сотворите чудо надо мною. Пусть я сдѣлаюсь вашимъ послѣдователемъ и пойду въ міръ по вашимъ стопамъ, проповѣдуя царямъ и народамъ этотъ союзъ.

— Наступитъ время, когда божественное вдохновеніе осѣнитъ васъ, и исполнится заповѣдь Господня.

На это полковникъ сказалъ, что Венеція не намѣрена ссориться съ Портой, а истинный послѣдователь Христа не долженъ подвергать опасности столько народа, увлеченнаго ложной молвой о царственномъ происхожденіи собесѣдника.

— Богъ этого не допуститъ,—сказалъ Степанъ.

— А если бы это случилось?

— Семь христіанскихъ государей соединенными силами уничтожатъ, по волѣ Господней, этого врага нашей вѣры.

— Ваши доводы не убѣждаютъ меня, а потому вы поступили бы благоразумно, удалившись отсюда и перенеся вашу божественную миссію въ иныя страны.

Когда полковникъ опять повторилъ этотъ совѣтъ, Степанъ опять сбросилъ феску и съ гнѣвомъ закричалъ:

— Я не могу уѣхать отсюда до полученія отвѣта!

— Ну, этому конца не будетъ... Скажите, ради Бога, чего вы хотите?

— Полковникъ, не призывайте напрасно имени Божія. Увѣряю васъ, что черезъ 15 или 20 дней я получу отвѣтъ и тогда отправлюсь отсюда.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ Степанъ предложилъ полковнику выпить розолія, а затѣмъ пообѣдать вмѣстѣ. Тотъ отказался. Степанъ откупорилъ бутылку, признался, что любитъ вино, выпилъ стаканъ, велѣлъ набить чубукъ, закурилъ, и бесѣда возобновилась. Стефановичъ напомнилъ, что царь Петръ III умеръ вскорѣ послѣ отреченія отъ престола, что тѣло его трое сутокъ было выставлено напоказъ подданнымъ.

— Итакъ, какимъ образомъ вы хотите увѣрить этотъ невѣжественный народъ, что императоръ живъ и что онъ воплощенъ въ васъ?

— Я никогда не говорилъ, что я—царь Петръ. Что же касается его смерти, то Господь можетъ показать одно за другое.

— Если не вы говорите, такъ ваши послѣдователи говорятъ, что вы—царь Петръ. Не быть добру ни для нихъ, ни для васъ. Повѣрьте человѣку честному, совѣтующему вамъ искать спасенія. Вѣдь вы не минуете гибели, если этотъ народъ откроетъ обманъ.

— Полковникъ! уже семь лѣтъ я блуждаю по міру и доселѣ Провидѣніе спасло меня отъ 33 опасностей. Во время моихъ странствій я десять разъ перемѣнялъ имя и фамилію!

— Доселѣ вы были счастливы. Но послѣ столькихъ обмановъ наступитъ день наказанія. Да сохранитъ васъ Богъ отъ печальнаго конца! Послушайтесь меня и избавьте отъ гибели столько христіанскихъ душъ, страждущихъ подъ игомъ турецкимъ.

— Да будетъ надо мною воля Господня,—отвѣчалъ Степанъ со вздохомъ.—Не знаю теперь, на что иное рѣшиться.

Затѣмъ, еще разъ упомянувъ о «семерыхъ братьяхъ», которые не оставляютъ его, Степанъ сказалъ, что чрезъ него дѣйствуетъ Богъ: «Я—слѣпое орудіе его воли. Изъ великихъ онъ творилъ малыхъ и изъ малыхъ великихъ». Полковникъ опять возвратился къ шаткости самаго самозванства, такъ какъ Петръ III былъ низложенъ вслѣдствіе намѣренія развестись съ Екатериной, жениться на лютеранкѣ и ввести лютеранство въ Россіи. А потому, если бы Петръ на самомъ дѣлѣ былъ живъ, ему не удалось бы вернуть престолъ. Императрица, высшее духовенство, государственные сановники и всѣ, которые способствовали его низложенію, употребили бы всѣ средства, рискуя даже жизнью, чтобы Петру не стать царемъ. Въ концѣ концовъ Степанъ обѣщалъ уѣхать куда-то на западъ или въ Морею, но только по полученіи отвѣта на письма. Иначе онъ не уѣдетъ изъ Маинъ.

Но достаточно знать хотя бы въ общихъ чертахъ обычные приемы политики Венеціи, ея всегда сомнительныя отношенія къ сосѣднимъ державамъ, чтобы заранѣе угадать, что никакого отвѣта и не могло быть. Укрѣпленіе границъ съ Черногоріей, посылка нѣсколькихъ военныхъ галеръ къ Котору, арестъ лицъ, собиравшихъ деньги въ пользу самозванца, казнь двухъ монаховъ, его приверженцевъ, наконецъ «оцѣнка головы» самозванца высокой суммой—вотъ всѣ мѣры, которыя входили въ политическую программу сената. Въ 1767 г. судъ опытныхъ въ подобныхъ дѣлахъ инквизиторовъ яспѣйшей республики обратился къ проведитору съ секретнымъ приказомъ разыскать «лицо наиболѣе ловкое, способное и вѣрное, хотя бы и преслѣдуемое закономъ», объявить ему прощеніе всѣхъ прежнихъ преступленій и награду въ двѣсти

цехиновъ за прекращеніе жизни «неизвѣстнаго человѣка, виновника происшедшихъ въ Черногоріи волненій, могущихъ причинить еще большія безпокойства и насилія». При инструкціи послано было пять предметовъ:

Пузырекъ № 1: «четвертая его часть дѣйствуетъ въ нѣсколько дней».

Склянка № 2: «соль для соленія всякаго кушанія въ количествѣ, достаточномъ для вкуса».

Склянка № 3: «корица для употребленія тамъ, гдѣ нравится. Дѣйствуетъ медленно».

Свертокъ № 4: «шоколадъ; четвертая его часть, положенная въ чашку настоящаго, дѣйствуетъ чрезъ нѣсколько дней».

Пузырекъ № 5: «сорокъ капель, смѣшанныхъ съ розолію, производятъ свое дѣйствіе».

Такого «способнаго и вѣрнаго» лица долго не находилось, и судъ инквизиторовъ нѣсколько разъ повторялъ инструкцію съ увеличеніемъ награды. Степанъ помнилъ послѣдній разговоръ съ Стефановичемъ и сталъ осторожниѣе, никуда не показывался безъ стражи, доступъ въ его домъ охраняло нѣсколько часовыхъ. Сами черногорцы охраняли своего господаря, который былъ имъ нуженъ, котораго они полюбили, въ котораго вѣрили.

V.

Въ то же время число дѣлъ по управленію народомъ у Степана постоянно увеличивалось. Во-первыхъ, не малаго труда стоило ему примирить разныя отдѣльныя общины, въ которыхъ Венеція всячески поддерживала вражду. Во-вторыхъ, онъ систематически приготавливалъ черногорцевъ къ военнымъ дѣйствіямъ, приказалъ всѣмъ быть наготовѣ и по зову явиться вооруженными въ Майны; по его словамъ, русскія войска вступаютъ уже въ Валахію, а австрійскія готовятся занять Боснію. Къ предполагавшемуся походу приготавлился небольшой провіантъ, кое-какія деньги, которыя Степанъ взималъ съ тяжущихся сторонъ въ видѣ штрафовъ или добровольныхъ пожертвованій. Въ концѣ января, къ глубокому огорченію владыки Саввы, возбуждавшаго народъ противъ самозванца, въ Майны прибылъ бывшій печскій патріархъ, Василиій Беричичъ, извѣстный печальникъ о судьбѣ православнаго славянства, врагъ высокой Порты и янѣйшей Венеціи, бѣжавшій сначала съ Кипра, куда былъ заточенъ по приказанію султана, а затѣмъ изъ Печа, гдѣ снова временно получилъ патріаршество, вмѣсто ненавистнаго народу грека. Сербы любили Василія и просили шумадинскаго пашу простить своего патріарха.

— Надоѣла райя пашѣ, моля его утромъ и вечеромъ вернуть меня, и дѣйствительно, стало ему какъ будто жаль, и позвалъ онъ

меня назадъ, — рассказывалъ Василиій черногорцамъ. — Тутъ, едва прошелъ годъ, кто-то изъ арнаутъ оболгалъ меня, будто я говорилъ, что въ Цетиньѣ прибылъ московскій царь, и будто я послалъ ему въ подарокъ своего коня «берняша» (съ лысиной на лбу). Тутъ, если бы я въ ту же ночь не бѣжалъ, папа навѣрное повѣсилъ бы меня.

Теперь бывшій патриархъ былъ въ безопасности, а цѣлый рядъ его собственныхъ авантюръ сближалъ его со смѣлымъ Степаномъ. Степанъ встрѣтилъ его при вѣздѣ въ село. Всю ночь они провели въ бесѣдѣ, къ утру патриархъ, какъ и владыка Савва, оказался, повидимому, вполне убѣжденнымъ, что предъ нимъ бывшій русскій императоръ. Ему отвели монастырь Берчели и просили ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Свое мнѣнiе Савва немедленно сообщилъ проведитору, отъ котораго получалъ награды за шпионство, но черезъ три дня его постигло разочарованiе. Онъ получилъ отъ русскаго резидента въ Константинополѣ Алексѣя Обрѣскова официальное увѣдомленiе, что «императоръ всероссійскій Петръ III преставился 6 iюля 1762 г. и погребенъ торжественно со всѣми пристойностями въ соборной церкви Александрo-Невскаго монастыря». Резидентъ не скрывалъ удивленiя, что владыка до сихъ поръ не знаетъ объ этомъ, «впалъ въ равное съ невѣжливымъ народомъ заблужденiе» и вѣрить «появившемуся у васъ плуту или вралю, наученному кѣмъ-нибудь изъ собственныхъ злостныхъ или корыстныхъ видовъ». Далѣе слѣдовало предостереженiе, что такое легкомыслiе владыки и черногорскаго народа будетъ очень «прогнѣвительно» для русскаго двора, если владыка не приложитъ крайняго старанiя вразумить заблуждающiйся народъ «во мнѣнiя его о человекѣ, въ вашемъ мѣстѣ находящемся», обличить плутовство и прогнать самозванца. Въ противномъ случаѣ Черногорiя и ея монастыри навсегда лишатся царскихъ милостей.

Савва немедленно разослалъ окружное посланiе во всѣ общины, въ томъ числѣ и венеціанскiя, призывая народъ не вѣрить самозванцу, предать его въ руки проведитора или же просто убить. Узнавъ объ этомъ, Степанъ пригласилъ въ Маины представителей главныхъ общинъ и объявилъ имъ, что владыка подкупленъ венеціанскими чиновниками за пять тысячъ червонцевъ, и что письмо Обрѣскова — подложное. Наконецъ, клялся головой, что онъ — Петръ III и отомститъ владыкѣ.

— Или моя, или его голова должна пасть! — заключилъ онъ свою рѣчь къ цетинянамъ и озриничамъ.

Владыка не унимался, чувствуя, очевидно, подъ собою почву, и ядовито замѣчалъ, что русскій царь не сталъ бы питаться подаянiемъ отъ бѣдныхъ черногорцевъ и не избѣгалъ бы сношенiй съ проведиторомъ Котора. Чтобы доказать самозванство Степана, онъ приказалъ секретарю написать Степану письма на тѣхъ язы-

кахъ, которые долженъ знать настоящій Петръ III: на итальянскомъ, французскомъ, русскомъ и греческомъ. Впрочемъ, результатъ послѣдней уловки намъ неизвѣстенъ.

Тѣмъ не менѣе, посланіе владыки произвело нѣкоторое впечатлѣніе, и 9 февраля въ Станевичахъ, монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, собралась скупщина отъ всѣхъ черногорскихъ и венеціанскихъ общинъ. Рѣшено было пригласить Степана и сдѣлать ему очную ставку съ владыкой. Степанъ не уклонился отъ приглашенія, явился вмѣстѣ съ приверженцами и своею смѣлостью, находчивостью, властною рѣчью и вызывающимъ видомъ произвелъ на скупщину такое впечатлѣніе, какъ будто допросъ касался одного владыки. Черногорцы забыли, кого они должны судить, а когда Степанъ обѣщалъ имъ дать всю сумму, которая, по его словамъ, была уже у Саввы въ награду «за голову господаря», они бросились на домъ владыки, разграбили его, взяли около 32.000 цехиновъ, увели сотни головъ скота, его самого посадили подъ арестъ въ келію, монаховъ разогнали и остальные монастыри заняли войсками, на случай, если бы монахи вздумали стать на сторону врага ихъ господаря, въ котораго теперъ всѣ вѣрили.

Какъ мы знаемъ, Савва и прежде не пользовался довѣріемъ черногорцевъ, какъ венеціанскій шпионъ, льстецъ и челоуѣкъ корыстолюбивый. Еще до послѣдней расправы съ нимъ, онъ возбудилъ сильное негодованіе со стороны нѣкоторыхъ старшинъ за сообщеніе письма Обрѣскова проведитору. Собралась толпа и хотѣла убить его, а когда старикъ заперся въ домѣ, они кричали:

— Выходи сюда, латинянинъ!

Эта побѣда надъ единственнымъ законнымъ правителемъ свободныхъ нахій Черногоріи придала Степану еще больше увѣренности. Съ этого времени онъ не упускаетъ случая, чтобы доказать свое царственное происхожденіе. Такъ, 29 іюня онъ праздновалъ необыкновенно торжественно свое тезоименитство и щедро угощалъ черногорцевъ «въ память Петра Великаго», а на слѣдующій день—тезоименитство Павла, своего сына и наслѣдника престола. Когда онъ слушалъ литургію, и на ектеніяхъ поминали наслѣдника цесаревича Павла Петровича, Степанъ дѣлалъ видъ, что не можетъ удержаться отъ слезъ, вытиралъ глаза платкомъ и отворачивалъ голову къ стѣнѣ. Конечно, все это производило извѣстное впечатлѣніе. И вотъ, въ концѣ февраля онъ посылаетъ черезъ итальянскаго генерала-отъ-артиллеріи Маньянини жалобу венеціанскому сенату на которскаго проведитора, угрожая убить его, если въ скоромъ времени не послѣдуетъ резолюція. Угроза испугала проведитора. Посланный въ Майны военный агентъ Венеціи нашелъ позицію почти неприступной, войско и вооруженіе Степана превосходными, а потому не совѣтовалъ «употребленія правильной и открытой силы». Далѣе развѣдокъ республика ничего

не предпринимала. Болѣ энергичныя приготовленія дѣлала одна Турція. Въ Скардръ было отправлено шесть пушекъ, нѣсколько ящичковъ ружей, сабель, пороху, олова, былъ отданъ приказъ не подпускать самозванца къ турецкимъ границамъ, привести крѣпости въ боевую готовность, стянуть войска къ границамъ Черногоріи и венеціанскихъ владѣній.

Приготовленія велись и черногорцами. Прежде всего они убѣдили черногорцевъ, жившихъ на заработкахъ въ Константинополѣ, вернуться на родину для защиты страны отъ угрожавшаго нападенія враговъ. Во-вторыхъ, въ концѣ марта бывшій печскій патріархъ Василій переселился въ Маины и разослалъ окружную грамоту, убѣждая духовный и свѣтскій чинъ чтить Степана, какъ царя Петра III, умершаго для своей страны, для родныхъ и враговъ, и теперь живущаго для православныхъ сербовъ, для ихъ блага и спасенія. Патріархъ указываетъ на символическое значеніе греческаго имени Степана—по-славянски «Вѣнценосца», и прозвища «Малый»—добровольное умаленіе по Христовой заповѣди. Въ-третьихъ, въ Великій четвергъ Страстной недѣли созвана была скупщина съ военными дѣлами. Такъ какъ къ этому времени подъ Снужемъ турки напали на отрядъ черногорцевъ, и была пролита первая кровь, то Степанъ началъ свою рѣчь съ напоминанія, что «на начинающаго Богъ», что онъ не имѣлъ намѣренія воевать, а теперь столкновение неизбежно. Черногорцы должны собраться по первому сигналу, а всѣхъ ихъ должно быть около 30.000 человекъ. Въ-четвертыхъ, Степанъ оставилъ патріарха въ Маинахъ, а самъ переселился въ болѣе безопасную Катунскую свободную нахію, въ село Мирецъ, и, чтобы успокоить турокъ, послалъ румелійскому беглебею слѣдующее письмо:

«Слава великому Богу и граду Іерусалиму! Степанъ Малый. Находясь здѣсь во главѣ управленія этимъ испорченнымъ народомъ и стараясь исправить его погрѣшности, я предлагаю вамъ снова помириться, вступить съ нами въ добрыя сношенія и заключить миръ до смерти или на время, или же вѣчный, необходимый для насъ. И да будете вы такъ же увѣрены въ насъ, какъ мы въ васъ. Вы сможете пользоваться нами противъ вашихъ великихъ враговъ, и это будетъ вамъ на пользу, потому что грѣхъ проливать столько невинной турецкой и черногорской крови. Миръ—благодѣяніе.»

Затѣмъ Степанъ назначилъ въ Цетинѣ вторую скупщину, сказалъ здѣсь, что поѣдетъ на дняхъ въ Вѣну, откуда не получаетъ отвѣта, а старшинамъ поручилъ правленіе народомъ, пока онъ не вернется съ войсками и деньгами. Послѣ свиданія съ владыкой Саввой, попрежнему заключеннымъ въ монастырѣ Станевичахъ, и патріархомъ Василиемъ, жившимъ въ Маинахъ, онъ отправился въ Нѣгуши и поселился въ домѣ «гувернадура» Іовы Станишича.

VI.

Слухи о самозванцѣ дошли до русскаго двора частью официальнымъ путемъ, частью изъ иностранныхъ газетъ. Императрица думала, что черногорскій авантюристъ—«тотъ самый итальянецъ Вандини, который въ канцеляріи опекунства здѣсь дѣло имѣлъ и, обманувъ здѣсь, вымани алмазы у греческаго купца и заложил оныя, денегъ взялъ и самъ ускакалъ». Не были извѣстны болѣе подробныя свѣдѣнія ни о Степанѣ, ни объ отношеніяхъ къ нему населенія. Между тѣмъ черногорцы нужны были Россіи для начинавшейся войны съ Турціей, и русскому послу въ Вѣнѣ, князю Голицыну, было поручено послать кого-нибудь въ Черногорію съ грамотой императрицы. Въ грамотѣ подтверждался актъ смерти и погребенія Петра III, и требовалось изгнаніе самозванца изъ предѣловъ Черногоріи. Вполнѣ естественно, что сдѣлать это надо было секретно. Планъ былъ такой: самозванецъ долженъ быть схваченъ неожиданно, послѣ этого и царская грамота могла произвести болѣе сильное впечатлѣніе на народъ.

Выборъ Голицына палъ на совѣтника посольства Юрія Мерка, который выѣхалъ изъ Вѣны слишкомъ поздно, и о тайномъ порученіи французскій посланникъ, а отъ него и венеціанскій, узналъ раньше, чѣмъ А. Обрѣсковъ. На каждомъ шагу Мерка встрѣчали препятствія, главнымъ образомъ со стороны Венеціи, которая сначала не позволила ему высадиться въ Бокѣ Которской, а по томъ не разрѣшила черногорскимъ старшинамъ прибыть въ Которъ вмѣстѣ съ владыкой Саввой на свиданіе съ Меркомъ и зорко слѣдила за самимъ уполномоченнымъ. Въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ уѣхать въ Венецію безъ всякаго успѣха.

Никакого впечатлѣнія не произвело энергичное посланіе черногорскихъ старшинъ, отправленное генеральному провектору 7 іюля 1768 г. изъ Нѣгусей. Черногорцы напоминали прежнія услуги ихъ Венеціи, указывали на благодарность венеціанскихъ генераловъ, жаловались на неисправный платежъ обѣщанной имъ субсидіи и не понимали, почему теперь республика считаетъ ихъ своими врагами. Единственно, въ чемъ они могли бы провиниться, это—признаніе Степана Малаго, но венеціанскія власти, по мнѣнію старшинъ, не имѣютъ права вмѣшиваться въ подобныя дѣла. «Если вы сердитесь, что мы держимъ этого человѣка, то мы думаемъ, что насъ никто не держитъ и не защищаетъ, кромѣ Бога,—писали они.—А потому мы сами по себѣ въ своей землѣ и вольны держать въ ней даже турка, не только своего брата христіанина, да притомъ такого, который оказалъ намъ столько добра, а вдобавокъ еще человѣка изъ царства Московскаго, служить которому и оберегать мы должны всегда до послѣдней капли крови—

служить и умереть за него. Къ тому насъ обязываетъ единство вѣры, закона и языка. Если Богу будетъ угодно, чтобы мы всѣ умерли, то и тогда мы не можемъ отступиться отъ Московскаго царства, пока хоть одинъ изъ насъ останется въ живыхъ». Къ общимъ соображеніямъ прибавлялось частное — препятствіе со стороны проводителя русскому уполномоченному, къ которому не подпускаютъ ни одного черногорца. Поэтому старшины просятъ отпустить Мерка въ Черногорію въ самомъ непродолжительномъ времени, «чтобы онъ передалъ нашей землѣ и нашему народу возложенное на него порученіе. Если же къ утру вы не пошлете къ намъ этого человѣка и попрежнему будете намъ возбранять мирно проходить въ ваши города чрезъ вашу землю, намъ дружескую, то погодите и будьте увѣрены—говоримъ мы тебѣ!—что съ Божьей помощью и нашимъ оружіемъ мы проложимъ путь къ морю, потому что не вы сами завоевали эти города и земли, но мы проливали за нихъ кровь нашу. Пусть съ тебя дождь взыскиваетъ будущіе убытки, а мы не виноваты, если ты насъ не слушаешь». Отвѣта не было, и, какъ мы знаемъ, Меркъ вернулся въ Вѣну, не выдавъ ни одного черногорца.

Тѣмъ временемъ число войскъ Степана увеличивалось. Ежедневно приходили къ нему босняки, албанцы и греки изъ турецкихъ областей—всего около 10.000 человѣкъ,—присылалось оружіе, припасы, деньги, строились временныя укрѣпленія со стороны Никшича, перехватывались письма турецкихъ военачальниковъ съ планами будущей войны, наконецъ, среди христіанъ Балканскаго полуострова пошелъ слухъ о грандіозномъ походѣ противъ турокъ нѣмецкихъ христіанскихъ государей подъ предводительствомъ русскаго императора, и кстати припоминались грозныя пророчества византійскихъ эсхатистовъ о «гибели полумѣсяца отъ сѣвернаго царя.»

Черногорцевъ воодушевлялъ какой-то Яковъ, въ которомъ всѣ видѣли русскаго генерала, посланнаго изъ Петербурга на помощь бывшему императору.

Хорошо освѣдомленная чрезъ венеціанскихъ шпионовъ Турція также готовилась къ войнѣ противъ Черногоріи. Въ Босніи и Албаніи собиралась стотысячная армія. Главнокомандующимъ былъ назначенъ румелійскій беглебий Мехмедъ-паша. Предполагалось сначала предъявить черногорцамъ требованіе о выдачѣ самозванца, патріарха Василия и владыки Саввы, а также не выплаченнаго еще «харача» за семь лѣтъ. Эти требованія, естественно, не могли быть выполнены, и тогда обѣ арміи должны были напасть на черногорцевъ съ двухъ сторонъ, затѣмъ соединиться, опустошить страну, сжечь села и посѣвы, перерѣзать всѣхъ жителей старше семи лѣтъ. Венеція должна была помогать Турціи въ томъ смыслѣ, чтобы охранять границу и не пускать въ свои владѣнія черно-

горцевъ, выдавать всѣхъ призывающихъ къ оружію, позволить нѣсколькимъ турецкимъ корпусамъ занять венеціанскія общины съ черногорскимъ населеніемъ, организовать въ самой Черногоріи партію противъ самозванца, пользуясь для этого владыкой Саввой, наконецъ, не забывать прежней вѣрной службы — шпіонажа. Особенно надѣялись они на поддержку Саввы, который продолжалъ переписку съ проведиторомъ, несмотря на запрещеніе черногорцевъ и всякія угрозы.

— И никто, кромѣ Бога, не знаетъ моей неволи, которую нельзя ни описать, ни словами передать,—жаловался владыка венеціанскому чиновнику:—но, слава Богу, есть за кого терпѣть: за моего яснѣйшаго дожа, которому я вѣрно служилъ цѣлыхъ 50 лѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ живу на его землѣ, я всегда былъ его вѣрнымъ слугой. Клянусь, что я никогда передъ нимъ не провинился, и пусть накажетъ меня Богъ, если изъ-подъ крылъ его я пойду куда-нибудь. Я въ его власти и пусть онъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ!

Впрочемъ, старый измѣнникъ напрасно лишній разъ клялся въ вѣрности Венеціи: и безъ того ему вѣрили въ сенатѣ и ненавидѣли въ каждой скупщинѣ.

Военная гроза надвигалась. Въ первыхъ числахъ сентября 1768 года боснійская армія пошла съ трехъ сторонъ на атаку траншей на скалахъ подъ Острогомъ, что противъ Никшича. Несмотря на выгодную позицію, на узкій горный проходъ, препятствовавшій соединенію турецкихъ армій, на воодушевленіе войска Степана Малаго,—черногорцы были выбиты изъ траншей и въ безпорядкѣ бѣжали къ Оздриничамъ. Возможно, что увлеченные первой удачей черногорцы спустились въ долину, гдѣ турецкая кавалерія могла развернуться. Исходъ битвы былъ печальный. Степанъ едва спасся при переправѣ черезъ рѣку и заперся въ хорошо укрѣпленномъ верхнемъ монастырѣ подъ Острогомъ во имя Введенія, который турки осаждали два дня. Когда нижній монастырь св. Георгія былъ сожженъ, Степанъ оставилъ убѣжище и скрылся. На полѣ сраженія было покинуто много раненыхъ, масса плѣнныхъ, и въ Константинополь отправлены трофеи—два знамени, 25 головъ, мѣшки ушей и носовъ, выставленныхъ затѣмъ напоказъ народу на площади. Вѣстники получили отъ султана по нѣскольку кошелековъ золота, торжественно праздновалась побѣда, но болѣе точныя донесенія съ поля битвы значительно ослабляли первое радостное впечатлѣніе, и главнокомандующій подвергся даже гнѣву султана.

Между тѣмъ турецкія войска соединились и двигались впередъ, уже не думая о преслѣдованіи черногорцевъ, сожигая села, грабя дома, отсылая черезъ границу тысячи мальчиковъ и дѣвушекъ, тысячи головъ убитыхъ мужчинъ. Въ одной рукописи бѣлградской

академіи сдѣлана замѣтка о нападеніи на Черную Гору двухъ великихъ визирей и восьми пашей съ войскомъ болѣе ста тысячъ. Больше всѣхъ пострадала община Бѣлопавловичей: были сожжены ихъ дома, церковь въ Острогѣ, и Бѣлопавловичи массами переселились въ Новопазарскую турецкую нахію къ Смаилу-пашѣ. Въ другой замѣткѣ, на рукописи Плевальскаго монастыря, говорится, что великое турецкое воинство пошло на «чародѣя и антихристову предтечу Стефана»: въ результатѣ оказалось плѣненіе тѣхъ же Бѣлопавловичей, разореніе храмовъ, заустѣніе монастырей, гоненіе на священнической и иноческой чинъ и т. д. Отъ полного погрома страну спасли случайныя неудачи турокъ. Молнія попала въ обозъ съ порохомъ, и погибъ почти весь запасъ снарядовъ; въ то же время проливной дождь подмочилъ запасы, которые находились при войскахъ, а часть обоза, шедшая на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи, была перехвачена отрядомъ черногорцевъ; наконецъ, турецкія войска утомились.

Во всякомъ случаѣ, первая неудача Степана возбудила противъ него если не вражду, то извѣстное недовѣріе. Стали раздаваться голоса о необходимости покориться туркамъ, о невозможности сопротивляться имъ, даже о выдачѣ самозванца, патріарха и владыки. Теперь начался самый тяжелый періодъ войны—замиреніе Черногоріи, которое велось необыкновенно энергично, конечно, при помощи венеціанскихъ войскъ, занявшихъ области венеціанской Албаніи. Приверженцы Степана были казнены въ Маинахъ. О самомъ самозванцѣ никто не зналъ опредѣленно. Одни говорили, что онъ перешелъ на сторону турокъ, другіе—что онъ убитъ, и что его лошадь, подарокъ патріарха Василя, отправлена турецкому главнокомандующему; третьи доносили проведитору, что Степанъ скрывается въ Маинахъ или бѣжалъ въ Цермницу въ Градьяны. Но ни одинъ изъ этихъ слуховъ не оправдывался, и, чтобы покончить съ Черногоріей, султанъ отдалъ приказъ не только простить гяуровъ, но обѣщать имъ покровительство Высокой Порты, почему не было обращено вниманія на нѣсколько нападеній черногорцевъ на пограничныя герцеговинскія села. Эти мѣры, въ связи съ девятимѣсячнымъ удаленіемъ Степана, принесли Черногоріи временное спокойствіе.

VII.

Неудачное посольство Мерка не остановило естественнаго желанія русской дипломатіи вернуть преданность Черногоріи, и лѣтомъ 1769 г. былъ посланъ генераль-майоръ кн. Юрій Васильевичъ Долгоруковъ съ грамотой, призывавшей черногорцевъ къ войнѣ противъ турокъ и обѣщавшей помощь со стороны Россіи, а также съ деньгамъ, порохомъ и оловомъ. Изъ Анконы онъ перебѣжалъ со

свитой на греческихъ судахъ въ село Заошъ, куда прибыли черногорцы съ лошадьми и, нагрузивъ подарки, немедленно вернулись въ горы, такъ что турецкій отрядъ, извѣщенный услужливыми венеціанцами, не могъ догнать черногорскаго обоза и ограничился усмиреніемъ прибрежныхъ сель, въ которыхъ теперь снова появился приверженецъ самозванца, призывающій къ возстанію. Въ свитѣ Долгорукова, кромѣ четырехъ офицеровъ и солдатъ, былъ офицеръ-сербъ Иванъ Васильевичъ Княжевичъ, человекъ, преданный русскимъ интересамъ и служившій переводчикомъ Долгорукову. Сохранился рассказъ девяностолѣтняго старика-черногорца Родована, принимавшаго Долгорукова и передавашаго нашему туристу Е. П. Ковалевскому пріемъ русскаго посланнаго въ бѣдномъ черногорскомъ селѣ. Темной ночью, во время бури, кто-то постучался въ двери. Семья черногорцевъ сидѣла за ужиномъ.

— Кого Богъ принесъ въ такую пору?—сказалъ старикъ.— Ужъ не банда ли?

— Нѣтъ, отче, банда не просится, а ломится,—отвѣчалъ старшій сынъ.—А вотъ, посмотрю да внушу гостей: если не званые, то, быть можетъ, желанные.

Въ домъ вошли два незнакомца. Одинъ совсѣмъ не былъ похожъ на черногорца, другой говорилъ по-сербски. Они присѣли къ огню и начали рассказъ о своихъ приключеніяхъ.

— Мы прибыли сюда изъ Анконы на рыбацкѣмъ суднѣ. Турки и венеціанцы сторожили насъ, да проглядѣли. Мы пристали безъ препятствій близъ самой границы вашей съ турками и Боккой. Товарищи наши еще на суднѣ, стерегутъ пожитки. Но Боже упаси, если утро застанетъ ихъ на суднѣ. Ты понимаешь... Не станемъ же терять времени! Ты христіанинъ—нашъ по крови и по вѣрѣ. Дай намъ проводника или проводи самъ до берега и укрой насъ потомъ здѣсь на время.

— Сколько васъ всѣхъ?

— Человѣкъ двадцать, большею частью иллирійцы.

— А этотъ кто?

— Это—нашъ начальникъ, русскій, изъ знатнаго рода Долгоруковыхъ. Онъ сердаръ и воевода въ своемъ краю.

— Русскій... Знаю! У нихъ былъ великій царь Петръ Первый. Отецъ мой видалъ его, когда былъ въ Россіи съ владыкой Даниломъ. А теперь на Руси нѣтъ, вѣдь, царя. Царь ея, Петръ III, теперь правитъ Черногоріей.

— На Руси есть царь великій—Екатерина Алексѣевна, —сказалъ Долгоруковъ, поднимаясь съ мѣста. —И правитъ она Русью потому, что Петръ III волею Божіею умеръ. А тотъ, что у васъ,—не царь, а лжецъ и самозванецъ.

— Кто бы вы ни были, —отвѣтилъ старикъ: —зачѣмъ бы ни пришли вы сюда, я дамъ вамъ проводника и пристанище. Никто

не скажетъ, что христіанинъ выдалъ своихъ единовѣрцевъ туркамъ или венеціанцамъ. 'А въ случаѣ нужды онъ сумѣетъ защитить васъ и отъ своихъ. Родованъ! — обратился онъ къ сыну, — ступай съ ними и не приходи безъ нихъ.

Вѣсть о прибытіи важнаго уполномоченнаго изъ Россіи снова всколыхнула всю Черную Гору, и 17 августа въ Цетиньѣ собралась скупщина, которая отъ лица всѣхъ черногорцевъ присягнула въ вѣрности императрицѣ и обѣщала снова вооружиться противъ стараго врага. Затѣмъ князь Долгоруковъ прочелъ грамоту, уличавшую самозванство ихъ «господаря» и подтверждавшую смерть Петра III. Скупщина пришла къ мысли, что надо разыскать Степана и призвать для допроса передъ русскимъ посломъ. Степанъ и здѣсь повелъ дѣло обычнымъ для него способомъ, и его вѣздъ въ Цетиньѣ отличался торжественностью — верхомъ на конѣ, въ красивомъ нарядѣ, со свитой всадниковъ.

Увидавъ его, черногорцы вспомнили свое прежнее расположеніе къ нему, привѣтствовали залпами изъ ружей и кликами:

— Благо намъ! Вотъ нашъ господарь!

Долгоруковъ рѣшилъ дѣйствовать напрямикъ, и неожиданно для всѣхъ Степанъ былъ обезоруженъ русскими солдатами, а сабля передана гувернадуру Станишичу. На скупщинѣ присутствовалъ патріархъ Василій. Савва не явился, потому что не считывалъ на то, что народъ такъ легко позволитъ русскому послу арестовать Степана.

Послѣ этого самозванца заковали въ цѣпи и посадили въ келью монастыря во второмъ этажѣ, приставивъ стражу изъ русскихъ солдатъ.

Степанъ не растерялся и говорилъ стражѣ:

— Видите, самъ Долгоруковъ признаетъ меня императоромъ. Иначе онъ помѣстилъ бы меня не выше, а ниже себя!

Дѣйствительно, Долгоруковъ занялъ комнаты нижняго этажа, и шутка Степана могла показаться въ извѣстной степени правдоподобнымъ фактомъ.

Впрочемъ, по другимъ версіямъ, черногорцы сразу же перемѣнились къ Степану, какъ только прочтенъ былъ манифестъ императрицы, и закричали:

— Повѣсите его! Повѣсите! Мы не хотимъ его больше!

Они продолжали кричать, будто бы, даже тогда, когда появился Степанъ, а отрядъ его привѣтствовалъ скупщину залпами. Но затѣмъ, когда Долгоруковъ замѣтилъ, что русскіе солдаты съ нанятымъ имъ небольшимъ отрядомъ черногорцевъ не смогутъ противостоятъ свитѣ самозванца, черногорцы снова вернули Степану прежнія симпатіи. Это замѣтилъ и русскій посолъ. Чтобы не потерять престижа, онъ сказалъ, что императрица никогда не наказываетъ, не выслушавъ оправданій обвиняемаго, и Степану пред-

ложено было отвѣтить, почему онъ называетъ себя Петромъ III. Самозванецъ отказался отъ своихъ словъ и увѣрялъ, что сами черногорцы выдумали это, но онъ ихъ не разубѣждалъ только потому, что иначе не имѣлъ бы возможности соединить подъ своей властью столько войска противъ турокъ.

Во время слѣдующаго допроса Степанъ также не открывалъ своей фамиліи: сначала далъ обычный отвѣтъ, что онъ «малѣйшій въ мірѣ» Степанъ, затѣмъ назвалъ своей родиной Янину, потомъ перемѣнилъ показаніе и назвался Раичевичемъ, фамиліей извѣстныхъ сербовъ Далмаціи.

Распуская скупщину, Долгоруковъ роздалъ черногорцамъ 400 цехиновъ и обѣщалъ выдать имъ для военныхъ нуждъ разные запасы.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны дальнѣйшія событія и причины, по которымъ Степанъ былъ освобожденъ, присягнувъ на вѣрность императрицѣ, получилъ отъ русскаго посла нѣсколько сотъ цехиновъ, русскій мундиръ, дипломъ и всѣ военные снаряды, а на прощаніе облобызался съ Долгоруковымъ, котораго провожалъ до корабля; кромѣ того, Долгоруковъ велѣлъ черногорцамъ во всемъ повиноваться ихъ господарю. Очень возможно, что русскій посланникъ убѣдился въ томъ, что никто, кромѣ Степана, не въ силахъ поддерживать среди черногорцевъ миръ и питать ихъ симпатіи къ Россіи, тѣмъ болѣе, что владыка Савва самъ сознался, что потерялъ всякую власть въ Черногоріи.

По другимъ извѣстіямъ, Долгоруковъ покинулъ Черногорію такъ скоро потому, что измѣнились общіе планы войны, и русская эскадра вышла изъ Ливорно въ Архипелагъ, о чемъ графъ Орловъ увѣдомилъ его черезъ курьера, или же потому, что скутарійскій наша усилъ «оцѣнить голову» Долгорукова.

Итальянскіе источники передаютъ только тѣ факты, которые приведены выше.

Біографія Степана рассказываетъ о пребываніи Долгорукова нѣсколько иначе. Прежде всего, прибытіе его не было для черногорцевъ неожиданнымъ, потому что они давно ожидали русскихъ друзей своего господаря, какъ его прежнихъ министровъ и генераловъ, награжденныхъ имъ, Степаномъ, орденами и титулами. Согласно ихъ точнымъ ожиданіямъ, русскіе и привезли припасы и подарки.

Даже самое свиданіе произошло словно по программѣ: Долгоруковъ держалъ себя, какъ подчиненный, обнаруживалъ нѣкоторое смущеніе. А когда онъ прочиталъ грамоту, подтверждавшую смерть Петра III, черногорцы привѣтствовали Степана и не повѣрили грамотѣ, почему русскій посолъ вскорѣ тайно ушелъ изъ Черногоріи, растерявъ всѣ деньги и съ трудомъ добравшись до Ливорно на рыбацьемъ суднѣ, не запасшись водой и провизіей.

VIII.

По отъѣздѣ русскаго посла Степанъ продолжалъ властно и умѣло править черногорцами. Онъ отражаетъ нападенія венеціанскихъ войскъ на черногорскіе села и монастыри и въ то же время издаетъ приказъ не нападать на владѣнія Венеціи. Онъ вступаетъ въ переписку съ бывшимъ своимъ врагомъ Мехмедъ-пашой и въ то же время снабжаетъ оружіемъ и военными припасами отдѣльныя общины Черногоріи для будущей религіозной войны, онъ проводитъ дороги, судить народъ, искореняетъ преступленія—однимъ словомъ, остается полновластнымъ господаремъ, и всѣ его старанія направлены къ одной цѣли — удержать черногорцевъ отъ всякихъ военныхъ дѣйствій до снаряженія русской эскадры. Нѣсколько комиссаровъ съ іеромонахомъ были посланы имъ для переписи всего населенія, чтобы господарь могъ знать число своего войска. Онъ увѣрилъ черногорцевъ, что скоро придутъ русскія войска, и приказалъ строить для нихъ въ Цермницѣ казармы. Наконецъ, въ той же Цермницѣ онъ учредилъ постоянный высшій судъ изъ 12 старшинъ; одни постоянно находились въ резиденціи, другіе разъѣзжали по нахіямъ и судили на мѣстѣ. Народъ опять вздохнулъ свободно, и давно ожидаемое спокойствіе казалось прочнымъ. Однимъ словомъ, все, казалось, шло надлежащимъ образомъ, но случайная неосторожность Степана лишила его возможности довести задуманное дѣло до конца.

Однажды, во время работъ по устройству дороги у Цермницы онъ не успѣлъ отойти отъ заложенной подъ скалу мины, и взрывомъ его ранило настолько сильно, что онъ потерялъ память и упалъ. Степана отнесли въ ближайшій монастырь, позвали доктора. Оказались поврежденія на рукѣ, ногѣ, головѣ, сожжены глаза — всего 62 раны. Такъ онъ навѣки сдѣлался слѣпымъ и никогда не выходилъ изъ монастыря, откуда продолжалъ управлять страной, управлять такъ же мудро, съ такимъ же довѣріемъ со стороны черногорцевъ, какъ и на первыхъ шагахъ своего пребыванія среди нихъ. Епископъ Арсеній сдѣлался ближайшимъ другомъ слѣпотаго господаря и не оставлялъ его до самой смерти, которая постигла Степана въ концѣ лѣта 1774 года. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Султанъ Мустафа III не могъ допустить, чтобы самозванецъ навсегда оставилъ свои широкіе планы въ борьбѣ съ турками, свои мечты о великомъ славянскомъ царствѣ, и голова Степана была отсѣчена. Скадрекій визирь нашелъ челоуѣка «способнаго и вѣрнаго», чего не могли сдѣлать раньше государственные инквизиторы Венеціи. Это былъ морейскій грекъ Станко Класомунья, въ то время бывший въ плѣну у турокъ, прекрасный пѣвецъ,

игравшій на лирѣ. За пятнадцать кошелевъ золота Станко могъ сдѣлать какое угодно преступленіе: нужно было только добиться довѣрія черногорскаго господаря. Онъ явился въ Цермницу съ нѣсколькими товарищами и сказалъ, что бѣжалъ изъ турецкой неволи. Бѣглецовъ приняли и обѣщали не выдавать туркамъ. Разказомъ о своихъ походахъ, пѣніемъ и игрой онъ понравился слѣпому Степану. Товарищи Станка были препровождены въ монастырь Ораховицу, а самъ онъ оставленъ въ Цермницѣ и сдѣланъ слугою у Степана. Господарь привязался къ греку, который умѣлъ ему угодить, принося кипрское вино или фрукты изъ Сполато, играя ему греческіе народные романсы.

Въ теченіе цѣлаго года Станко успѣлъ изучить обстановку Степана, его привычки. Однажды епископъ Арсеній уѣхалъ въ Цетинье, монахи были на работѣ въ полѣ, въ монастырѣ осталось только нѣсколько стариковъ, стража уснула. Станко усердно угощалъ хозяина виномъ, и тотъ уснулъ подъ звуки пѣсенъ и лиры. Тогда слуга отрубилъ ему голову, заперъ двери келіи, разбудилъ одного изъ часовыхъ и велѣлъ никому не беспокоить спящаго господаря, а самъ уѣхалъ въ Орахово, а оттуда съ товарищами— въ Скадръ, чтобы получить награду. Кромѣ золота, онъ получилъ украшенный серебромъ панцырь цѣною въ 18 червонцевъ. Когда стража замѣтила, что господарь спитъ какъ будто слишкомъ долго,—дали знать игумену. Выломали двери и увидели трупъ Степана въ крови. На другой день бывшего черногорскаго господаря похоронили въ монастырѣ Берчели, подъ церковью св. Николая. Отпѣваніе совершалъ его другъ епископъ Арсеній.

Но не всѣ могли и желали вѣрить, что Степанъ Малый умеръ, не сдѣлавшись «великимъ» и не основавъ великой славянской державы. Бывшій его канцлеръ, неграмотный Марко Тановичъ, долго ходилъ по разнымъ городамъ и селамъ черногорскихъ нахій и всѣхъ увѣрялъ, что враги господаря распустили ложный слухъ о его смерти; что на самомъ дѣлѣ Степанъ живъ и снаряжаетъ въ Россіи грозный флотъ, который окажетъ чудеса храбрости и затмитъ славу Чесмы; что онъ покоритъ мусульманъ, займетъ Константинополь и возобновитъ державу сербовъ въ тѣхъ же предѣлахъ, какой она была при Стефанѣ Душанѣ.

Говорятъ, что онъ видѣлся съ Орловымъ-Чесменскимъ и клялся ему, что Степанъ живъ, что онъ воскреснетъ для всего славянства. Графъ старался разубѣдить бредившаго старика, далъ ему денегъ. Марко увидѣлъ здѣсь козни венеціанцевъ и продолжалъ вѣрить въ свою мечту. Напрасно онъ ходилъ по городамъ и селамъ, произнося пламенные рѣчи, повторяя сочиненные имъ завѣты Степана, оставленные будто бы при удаленіи изъ Черногоріи.

— Я увѣряю васъ, что придетъ нашъ государь Степанъ Малый, котораго вы видѣли, которому повиновались. Неужели вы теперь не вѣрите моимъ обѣщаніямъ. Неужели вы не ожидаете его?

Грозная дѣйствительность дѣлала свое дѣло. Теперь никто не вѣрилъ пророчеству «бывшаго канцлера», никто не слушалъ его, и туманная тѣнь симпатичнаго борца за справедливость и за свободу славянъ оставалась одинокой среди другихъ самозванцевъ— національнаго русскаго явленія.

А. И. Яцимирскій.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ БОТКИНЪ.

Блаженъ, кто вѣритъ до конца,
Кого не тѣшитъ временная слава,
И чья любовь ко всѣмъ даетъ святое право
Сказать: «Я сынъ Небеснаго Отца»...

Я. Полонскій.

МОСКВА понесла еще одну горестную утрату: 3-го іюля скончался на 76-мъ году жизни человекъ, пользовавшийся среди москвичей огромной и вполне заслуженной популярностью. Положительно во всѣхъ слояхъ столичнаго населенія имя этого замѣчательнаго русскаго человека звучало, какъ нѣчто давно-давно знакомое, родное, близкое. Всѣ любили и уважали покойнаго, цѣнили въ немъ высокія нравственныя качества, ясный умъ и нѣжную, кристально-чистую душу. Крѣпкими, казалось, неразрывными нитями связана была съ Москвою долготѣнная, труженическая жизнь Петра Петровича Боткина, и мысль, что его вдругъ не стало, что навѣки угасъ этотъ дивный свѣтильникъ добра, такъ тепло и ярко свѣтившій людямъ,—мысль эта больно обжигала мозгъ и заставляла тоскливо сжиматься сердце.

П. П. Боткинъ принадлежалъ къ старѣйшему купеческому роду. Отецъ его, Петръ Кононовичъ, болѣе ста лѣтъ назадъ основалъ торговое дѣло и велъ торговлю непосредственно съ Китаемъ. Торговля эта была чисто мѣновая: въ Китай сбывались сукна, а оттуда вывозился чай. Изъ сыновей старика Боткина только одинъ Петръ Петровичъ пошелъ по коммерческой дорогѣ, остальные получили извѣстность въ совершенно иныхъ сферахъ. Такъ, Василий

Петровичъ прославился своими знаменитыми «Письмами изъ Испаніи» и близостью къ кружку Станкевича и Грановскаго, гдѣ онъ игралъ выдающуюся роль; другой, Сергѣй Петровичъ, приобрѣлъ всемірное имя въ медицинѣ; третій, Михаилъ Петровичъ, благополучно здравствующій по настоящее время, выдвинулся на художественномъ поприщѣ и за свои картины удостоился званія академика исторической живописи. Такимъ образомъ, на долю одного лишь Петра Петровича выпало продолжать начатое отцомъ торговое дѣло, которое и было имъ вскорѣ преобразовано въ акціонерное товарищество. Сукожное дѣло было оставлено, такъ какъ исчезла необходимость непосредственнаго обмѣна съ Китаемъ, и возникло только чайное торговое товарищество. Параллельно съ послѣднимъ П. П. основалъ самостоятельное предпріятіе—сахарное: были заведены свекловичныя плантаціи, гдѣ работало до десяти тысячъ чело-вѣкъ на заводѣ, вырабатывающемъ ежегодно около 800 тысячъ пудовъ сахару.

Старикъ Боткинъ, конечно, и мечтать не могъ, что его скромныя начинанія въ области торговли современемъ получатъ такое грандіозное развитіе въ искусныхъ рукахъ сына. И дѣйствительно, нуженъ былъ для этого особый коммерческій талантъ, какимъ безспорно обладалъ покойный Петръ Петровичъ, нужны были его смѣлая инициатива, широкій коммерческій кругозоръ, находчивость, самообладаніе, способность быстро схватывать умомъ и взвѣшивать всѣ обстоятельства даннаго момента, словомъ, всѣ тѣ блестящія качества, какими покойный столь богато былъ одаренъ.

Въ сущности, П. П. Боткинъ былъ не только талантливый купецъ, но, пожалуй, даже своего рода художникъ, артистъ въ коммерческомъ искусствѣ. Его мало интересовало самое приобретеніе денегъ, какъ таковое, но, такъ сказать, эстетическая сторона накопленія богатства, тѣ или иные методы и приемы торговли, въ примѣненіи которыхъ на практикѣ онъ проявлялъ всегда очень много изобрѣтательности, тщательное изученіе мельчайшихъ деталей даннаго коммерческаго предпріятія—вотъ что, собственно, занимало его, поглощало большую часть его досуга. Какъ талантливый самородокъ, П. П. любилъ доходить до всего самъ, безъ посторонней помощи, и терпѣть не могъ никакихъ совѣтовъ и указаній. «А вотъ погодите, я увижу, разберу самъ, въ чемъ дѣло!»—часто говаривалъ онъ, когда ему спѣшили навязать какое-либо предвзятое мнѣніе. И ужъ разъ онъ примется за какой-нибудь вопросъ, то дѣйствительно «разберетъ» его, что называется, по косточкамъ, углубится въ него весь и буквально не сойдетъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не изучитъ предмета вдоль и поперекъ. Къ тому же онъ обладалъ изумительной памятью: никогда ничего не записывая въ памятные книжки, которыхъ никогда даже не имѣлъ съ собой, онъ могъ цитировать наизусть сложныя цифровыя выкладки

изъ торговыхъ книгъ, не ошибившись, какъ говорится, ни въ одномъ нулѣ.

П. П. Боткинъ дѣлалъ очень много добра людямъ,—пожалуй, больше, чѣмъ они этого заслуживали,—смѣло можно сказать, что вся его долгая жизнь посвящена была добрымъ дѣламъ; но онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ «рекламныхъ» благотворителей, имена которыхъ чуть не ежедневно пестрятъ въ газетахъ и зна-

Петръ Петровичъ Боткинъ.

чатся въ спискахъ разныхъ филантропическихъ учреждений. Врагъ всякой рекламы, онъ творилъ добро втайнѣ, какъ истинный христіанинъ, и не любилъ даже, когда его благодарили за оказанную услугу или помощь. «За что же благодарить? Я только исполнилъ свой долгъ!»—казалось, говорили его умные, добрые глаза, прямо и ласково, иногда съ выраженіемъ легкаго недоумѣнія смотрѣвшіе на собесѣдника. Съ добродушной ироніей, являвшейся вообще от-

личительной чертою его характера, относился онъ всегда къ получению официальныхъ наградъ за то или иное благотворительное дѣло, и искренно удивлялся, какъ могутъ тѣшить людей подобныя «награды».

— Петръ Петровичъ! пожертвуйте въ пользу такого-то (имя рекъ) учрежденія 50 тысячъ!—частенько обращались къ нему разные «радѣтели о благѣ человѣчества» при помощи чужихъ кармановъ.

Боткинъ молча посматривалъ на «радѣтеля» съ еле замѣтной иронической усмѣшкой на губахъ, а тотъ продолжалъ:

— Право, Петръ Петровичъ, раскошелились бы... Ну, что вамъ стоитъ? Денегъ у васъ много... Для васъ вѣдь это сущій пустякъ, а тамъ благодарить будутъ, имя ваше золотыми буквами напишутъ...

— Хе-хе-хе!—раздавался въ отвѣтъ добродушный смѣшокъ.— Золотыми буквами, вы говорите? Это очень соблазнительно... А то, можетъ быть, еще медальку дадутъ, или тамъ крестикъ какой-нибудь? Ахъ, Господи! Вотъ вѣдь соблазнъ какой! Да, да, надо подумать... Ужъ не согласится ли, въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно, надо согласиться: вѣдь не Богъ знаетъ какая сумма!

— Совсѣмъ плѣвое дѣло,—взялъ, да и отвалилъ пятьдесятъ тысячъ: гуляйте, молъ, денешки по вѣтру!

«Радѣтель» догадывался, что Петръ Петровичъ шутитъ, и принималъ обиженный видъ. А тотъ спѣшилъ перемѣнить тонъ и говорилъ уже совсѣмъ серьезно:

— Нѣтъ, знаете, я ужъ лучше приберегу эти денешки для другой цѣли: у меня еще много всякаго народу, которому помогать нужно; бѣдняковъ-то все прибываетъ каждый день, а не уменьшается... Такъ-то-съ!

И дѣйствительно, ежедневно толпились у него въ амбарѣ разнаго рода просители и просительницы, и онъ всѣмъ имъ помогать, никогда никому не отказывалъ. Одному нужно платѣ выкупить изъ ломбарда, другому нечѣмъ платить за квартиру, у третьей мужъ горькій пьяница, весь заработокъ пропиваетъ, а дѣтишки по цѣлымъ днямъ сидятъ безъ хлѣба, плачутъ... Вотъ молодая учительница пріѣхала изъ далекой провинціи искать себѣ мѣста; въ дорогѣ у нея украли кошелекъ съ деньгами, и она очутилась въ незнакомомъ городѣ безъ одной копейки... Кто-то посоветовалъ ей обратиться къ Боткину: «Душа-человѣкъ! Обязательно поможетъ!» И дѣвушка смѣло идетъ по указанному ей адресу, въ знаменитый боткинскій амбаръ...

Петръ Петровичъ не можетъ видѣть человѣческаго горя: по мѣрѣ силъ и возможности онъ старается его утолить; и всѣ уходять отъ него обласканные, очарованные его добротой, удовлетво-

ренные. Не было случая, чтобы кто-либо изъ просителей остался имъ недоволенъ или могъ упрекнутьъ его въ недостаткѣ вниманія и сочувствія,—въ этомъ отношеніи П. П. былъ безусловно непогрѣшимъ.

Разсказываютъ, между прочимъ, какъ П. П. оригинально помогъ одному бѣдняку-студенту, которому грозила голодная смерть. Болѣзненно самолюбивый и гордый юноша, очутившись въ желѣзныхъ тискахъ нужды, ни къ кому не хотѣлъ обращаться за помощью. Онъ предпочиталъ голодать, и дѣйствительно дня три уже ничего не ѣлъ и не выходилъ изъ дому. Случайно узнавъ объ этомъ, П. П. страшно взволновался и немедленно послалъ студенту сто рублей при анонимномъ письмѣ. Какъ вдругъ пакетъ возвращается обратно съ припискою на немъ: «подачекъ я ни отъ кого не принимаю, а отъ неизвѣстныхъ мнѣ благодѣтелей—тѣмъ болѣе». Боткинъ совсѣмъ разогорчился.

— Вотъ чудакъ—проговорилъ онъ съ досадою.—Я вѣдь не хотѣлъ его обижать, нарочно даже скрылъ свое имя... У этого юноши, повидимому, совсѣмъ большое самолюбіе! Однако надо же его спасти какъ-нибудь!.. Вотъ что,—придумалъ онъ:—сейчасъ же попрошу NN (одного изъ своихъ служащихъ), чтобы онъ пригласилъ этого несчастнаго студента къ своему сыну въ качествѣ репетитора, а я буду платить за него.

Но тутъ случилось новое препятствіе: NN неожиданно, какъ говорится, всталъ на дыбы.

— Увольте, Петръ Петровичъ!—взмолился онъ.—Кто его знаетъ, этого студента,—можетъ, онъ социалистъ какой-нибудь? Съ нимъ еще бѣды наживешь... Ну его совсѣмъ къ Богу! Наконецъ, мой сынъ и безъ репетитора хорошо учится... Зачѣмъ ему репетиторъ? Только порча одна!

Видя, что съ NN не сговорится, Боткинъ махнулъ рукой и сталъ размышлять, къ кому бы ему еще обратиться. Тутъ его выручилъ другой служащій Z, который охотно предложилъ свои услуги.

— Но у васъ вѣдь и дѣтей нѣтъ?—спохватился П. П.—Что же вы предлагаете?

— Я буду учиться самъ,—отвѣчалъ Z:—буду готовиться къ экзамену на чинъ...

— Ну, хорошо!—обрадовался Боткинъ.—Отправляйтесь же къ этому студенту и переговорите съ нимъ объ условіяхъ.

Гордый юноша съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Z и сталъ давать ему уроки. Кстати сказать, онъ оказался прекраснымъ преподавателемъ и даже совсѣмъ не «социалистомъ».

Необыкновенную заботливость и доброту П. П. Боткинъ проявлялъ рѣшительно ко всѣмъ окружающимъ, а о близкихъ и род-

ныхъ, конечно, и говорить нечего: участливое, сердечное отношеніе его къ нимъ прямо не знало границъ. Такъ, послѣ смерти брата, Сергѣя Петровича, на его попеченіи осталась вдова и семеро дѣтей—дѣлая многочисленная семья,—и нужно было видѣть, какъ онъ о нихъ заботился, какою истинно отеческой лаской, какимъ нѣжнымъ уходомъ они были окружены, хотя и жили вдали отъ него, въ другомъ городѣ. Не было случая, на примѣръ, чтобы онъ во время не послалъ имъ денегъ и заставилъ ихъ терпѣть нужду хотя бы нѣсколько дней. Единственно, что онъ позволялъ себѣ иногда дѣлать, это—немного урѣзывать сумму, которую требовала отъ него вдова (урожденная княжна Оболенская), любившая широко пожить, вслѣдствіе чего между нимъ и ею нерѣдко происходили конфликты.

— Охота вамъ заводить исторію!—уговаривали его близкіе.— Посылайте ей, сколько она требуетъ: что вамъ за дѣло? Деньги принадлежатъ ей, ну, и пусть себѣ тратитъ...

Но П. П. оставался непреклоненъ.

— Ахъ, нѣтъ, я не могу этого допустить,—возражалъ онъ:— она, можетъ быть, на наряды тратитъ или еще тамъ на какіе-нибудь пустяки, а дѣтей-то много, надо, чтобы имъ побольше осталось... А кому же о нихъ и подумать, какъ не мнѣ?

У П. П. было огромное количество всякихъ родственниковъ, и онъ никого изъ нихъ не забывалъ, обо всѣхъ заботился, стараясь каждому принести пользу, каждому сдѣлать что-нибудь хорошее и пріятное. Особенно близко стояла къ нему семья московскаго городского головы Н. И. Гучкова, женатаго на его дочери. Съ этой семьей онъ жилъ одной общей жизнью, дѣлилъ съ нею горе и радости, считалъ ея интересы своими собственными. Онъ горючо любилъ зятя, какъ родного сына, а дѣтей его, своихъ внучатъ, не только любилъ, но даже прямо обожалъ, боготворилъ ихъ. Когда онъ, больной, слегъ въ постель и ему подолгу не приходилось видѣться съ ними, то онъ тосковалъ и даже плакалъ. Но стоило кому-нибудь изъ дѣтишекъ появиться около его постели, какъ лицо больного расцвѣтало счастливою улыбкой. Говорятъ, что за 20 минутъ до смерти онъ вспомнилъ, что не видѣлъ въ этотъ день одного изъ своихъ любимыхъ внучатъ.

— А Пѣтушокъ-то ко мнѣ не приходилъ!—вдругъ пожаловался умирающій и сокрушенно вздохнулъ.

— Нѣтъ, онъ, кажется, былъ у васъ, недавно былъ,—пробовали его успокоить.

— Не былъ, не былъ...—упрямо шепталъ старикъ, и на потухающихъ глазахъ его блестѣли слезы.—Забылъ меня Пѣтушокъ...

Вѣроятно, нѣтъ такого чловѣка, который помянулъ бы лихомъ покойнаго.

Добрый, гуманный, ласковый со всѣми, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы помочь кому-нибудь, дать полезный совѣтъ, оградить отъ ложнаго шага. Богатый житейскимъ опытомъ, одаренный сильнымъ, живымъ умомъ, онъ, разумѣется, всякаго могъ направить на надлежащій путь... И въ этомъ отношеніи покойный не зарывалъ въ землю даннаго ему Богомъ таланта.

Гуманность и доброта Боткина къ домашней прислугѣ, къ дворниѣ порой были прямо изумительны. Запьянствуетъ ли кто-нибудь или попадетъ въ безчестномъ поступкѣ, онъ ни за что не уволитъ виновнаго, не попытавшись сначала воздѣйствовать на него морально, силою убѣжденія.

— Какъ же можно увольнять?—разсуждалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ.—А, можетъ быть, человѣкъ исправится?

Разсказываютъ, что одинъ изъ его дворниковъ страдалъ запоемъ. П. П. долго терпѣлъ его, не отказывалъ ему отъ мѣста. Наконецъ, однажды призываетъ дворника къ себѣ и говоритъ ему:

— Вотъ что, милый мой, поѣзжай-ка ты къ нахабинскому батюшкѣ ¹⁾ и дай ему обѣтъ, что не будешь больше пьянствовать... Понялъ? Вотъ тебѣ три цѣлковыхъ и съ Богомъ!

Проходитъ дня два. Встрѣчается П. П. съ дворникомъ и видитъ, что онъ все въ томъ же положеніи: глаза блуждающіе, языкъ, какъ говорится, лыка не вяжетъ...

— Эге, братецъ! Да ты въ Нахабинѣ-то не былъ! А деньги, что я далъ на дорогу, гдѣ?

Дворникъ бухъ ему въ ноги.

— Простите, Петръ Петровичъ,—деньги я ваши пропилъ!

Въ отвѣтъ на это П. П. даже не разсердился и не возвысилъ голоса. Помолчавъ немного, онъ лишь спокойно сказалъ:

— Хорошо, голубчикъ, теперь ужъ я самъ поѣду съ тобой!

И дѣйствительно, онъ лично сvezъ пьяницу въ Нахабино, и тамъ, въ церкви, вмѣстѣ съ нимъ горячо молился Богу. А исцѣлившійся отъ злого недуга дворникъ долго не могъ забыть услуги, оказанной ему «добрымъ бариномъ», и называлъ его своимъ благодѣтелемъ.

П. П. Боткинъ былъ человѣкъ глубоко религіозный и притомъ чуждый малѣйшаго ханжества. Это былъ настоящій вѣрующій христіанинъ въ самомъ лучшемъ и истинномъ значеніи слова. Окружающіе его не разъ удивлялись, съ какимъ мужествомъ онъ

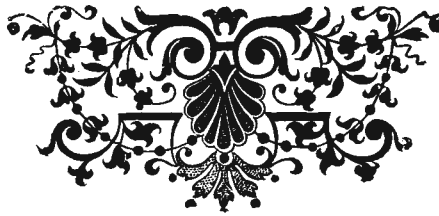
¹⁾ Недалеко отъ Москвы есть село Нахабино, куда много дѣтъ уже стекаются отовсюду пьяницы, страдающіе запоемъ. Здѣсь у мѣстнаго священника они молятся и даютъ клятвенное обѣщаніе не пить больше вина. Обѣщаніе дается обыкновенно на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго опять возобновляется. Авт.

переносилъ смерть близкихъ ему людей: источникомъ этого мужества, несомнѣнно, была сильная, глубокая вѣра.

Самъ онъ умеръ удивительно хорошо, спокойно, безмятежно: его прекрасная душа, казалось, тихо отлетѣла на небо...

— Такой смерти можно завидовать,—говорилъ мнѣ Н. И. Гучковъ со слезами умиленія на глазахъ.—И знаете, что я вамъ скажу: когда увидишь подобную смерть, совсѣмъ не страшно становится умирать...

Князь Б. А. Щетининъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ¹⁾.

II.

Наканунѣ реформъ.

XVI.

ГУЩАВШАЯСЯ надъ Россіей оппозиціонная атмосфера особенно усиливалась отношеніемъ правительственной власти и всемогущей бюрократіи къ печати. Послѣ крестьянскаго вопроса вопросъ о «свободѣ слова» былъ самымъ острымъ и жгучимъ и надо отдать справедливость представителямъ власти конца пятидесятихъ годовъ, что ими было сдѣлано все отъ нихъ зависящее, чтобы донелзя раздражить въ области этого жгучаго вопроса общественное чувство, а также показать здѣсь полную свою несостоятельность,—административную, законодательную и реформаторскую.

Право свободы рѣчи, уничтоженіе цензурныхъ тисковъ, какъ уже это неоднократно было отмѣчено на протяженіи настоящихъ очерковъ, было завѣтно мечтою передовыхъ людей Россіи, всѣхъ фракцій и политическихъ отбѣнковъ, и за слабыя подчасъ попытки къ осуществленію этой свободы, какъ намъ это уже извѣстно, многіе платились жестоко, начиная съ «выговоровъ», сидѣній на гауптвахтѣ, надзоровъ полиціи и кончая ссылками и тяжкими тюремными заключеніями. Борьба за свободу рѣчи наложила на нашу литературу особый отпечатокъ, создала въ ея обиходѣ своеобразные литературные

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ. стр. 180.

пріемы и втянула ее, независимо отъ ея специальныхъ задачъ, въ кругъ общей борьбы за свободу личности и гражданственности. Во всѣ царствованія, начиная съ Екатерины II, литераторъ по большей части отождествлялся если не съ явнымъ «заговорщикомъ», то, во всякомъ случаѣ, находился подъ постояннымъ подозрѣніемъ въ сочувствіи къ заговорщикамъ. Въ послѣднемъ была извѣстная доля правды, но такую близость создало само правительство съ его реакціоннымъ упорствомъ въ дѣлѣ насущнѣйшихъ реформъ русской жизни и съ нежеланіемъ признать за литераторами и журналистами право хоть нѣкоторой свободы слова и право подачи голоса по текущимъ вопросамъ отечественной дѣятельности. Николаевскій режимъ съ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ по адресу корифеевъ нашей изящной словесности былъ жестокимъ періодомъ въ судьбѣ русской литературы: стальные административные тиски сжали русское слово до послѣдней степени, и естественно, что при малѣйшемъ ослабленіи этихъ неестественныхъ тисковъ независимое слово вырвется на волю насильственно и такъ или иначе постарается недобромъ отплатить своимъ гонителямъ и врагамъ, въ число которыхъ оно зачтетъ всю правительственную власть отъ ея вершинъ до низовъ. Такъ оно и случилось, и надо было имѣть въ наличности много государственной предусмотрительности, такта и политическаго дарованія, чтобы не дать литературѣ почти цѣликомъ уйти въ оппозицію и обратиться въ орудіе политической пропаганды и непримиримой борьбы. Но у бюрократіи «кануна реформъ» этихъ качествъ не было, и она стояла передъ зарею новыхъ дней все съ тою же программю воздѣйствія и руководства: не позволять и карать. А эта программа только разжигала страсти и приготавливала все большіе кадры враговъ, смѣлыхъ и даровитыхъ, борьба съ которыми становилась все непосильнѣе и бесплоднѣе.

Самъ Александръ II былъ какъ будто до нѣкоторой, хотя и слабой, степени сторонникомъ освобожденія печати отъ гнета, созданнаго и упроченнаго его родителемъ, что мы видѣли изъ сцены во дворцѣ, гдѣ дѣйствующими лицами были Горчаковъ и Чевкинъ; но по настоящему вопросу у него, очевидно, не было желанія, какъ это имѣло мѣсто въ крестьянскомъ дѣлѣ, сдѣлать какой-нибудь опредѣленный и рѣшительный шагъ. Тутъ его инициатива отсутствовала, и онъ лично по крайней мѣрѣ совершенно не былъ склоненъ итти по пути, который ему указалъ корифей славянофильства, лирикъ-идеалистъ К. Аксаковъ, обратившійся въ тѣ дни къ государю съ стихами:

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью
 Въ честь правды и добра безъ страха ты идешь.
 Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу Божью:
 Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ—прикрываетъ ложь.

Любовь и истину дать Русь тебѣ готова;
 Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ;
 Ты возвратишь, о царь, землѣ свободу слова,
 И Богъ благословитъ съ народомъ твой союзъ!..

Эти стихи, не предназначенные для печати, были доставлены въ собственныя руки государю, но не послужили для него источникомъ какихъ-либо начинаній. Цензурная машина старательно работала по старому, «свободное» независимое слово или приходило въ Россію «съ того берега», или растекалось по поверхности родной земли старымъ испытаннымъ способомъ, въ видѣ рукописей, рукописныхъ прокламацій, писемъ и т. д. или, наконецъ, находило себѣ выраженіе въ иносказательныхъ формахъ беллетристическихъ произведеній по преимуществу. Здѣсь бюрократія была безсильна что-нибудь сдѣлать рѣшительное, но зато въ вопросахъ текущаго дня, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ политикѣ, она стояла на высотѣ своихъ «историческихъ» правъ и обязанностей, не желая въ данномъ случаѣ считаться ни съ запросами времени, ни съ потребностями дня. Польза страны, польза народа совершенно сознательно приносились въ жертву рутинѣ и обычаю дореформенной старины. Главное зло, которое проходитъ красною нитью черезъ весь тотъ періодъ, заключалось въ томъ, что печать стремилась указать на необходимость коренной ломки бюрократическаго строя, увѣнчаннаго несчастною севастопольскою катастрофою, а правительство, и въ лицѣ самого Александра II, и особенно въ лицѣнаиболѣе вліятельныхъ его тогдашнихъ сподвижниковъ, совершенно не имѣли въ виду не только этой ломки, но даже не признавали нужнымъ его реформированіе болѣе или менѣе основательно и торопливо. Признана была желательность только частичныхъ реформъ, и притомъ взятыхъ каждая порознь, причемъ по личной волѣ царя на первую очередь былъ поставленъ крестьянскій вопросъ. Остальныя реформы, хотя и имѣлись принципиально въ виду, но съ ними не считали нужнымъ торопиться и ихъ откладывали на вторую дальнюю очередь; да и самое признаніе этихъ реформъ далеко не было достояніемъ всѣхъ правящихъ лицъ, и право ихъ осуществленія ставилось въ зависимость отъ общаго состоянія умовъ. Насущность реформъ для печати была аксіомою, какъ равно въ ея распоряженіи были и достаточно обдуманые способы ихъ осуществленія. Въ силу этого она считала себя въ правѣ и своею обязанностью по всѣмъ этимъ вопросамъ подать свой голосъ, какъ голосъ, выражающій собою мнѣніе всей сознательной Россіи. Въ такомъ настроеніи сливались всѣ литературныя фракціи, за весьма малыми исключеніями, почему высшая бюрократія и смотрѣла на печать и ея представителей, какъ на силу себѣ враждебную *quand même*, и зачисляла послѣднихъ безъ разбора по существу дѣла въ разрядъ крамольниковъ.

Такое отношеніе представителей власти къ представителямъ печати чрезвычайно характерно сказалось въ справкѣ знаменитаго московскаго генераль-губернатора Закревскаго, представленной въ 1858 г. шефу жандармовъ кн. Долгорукому, о московскихъ литераторахъ. Онъ писалъ ¹⁾: «По разнымъ слухамъ и секретнымъ негласнымъ дознаніямъ можно предположить, что такъ называемые славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей русской старины. Центръ этого общества—Москва. Литературные органы его: 1. «Русская Бесѣда», редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ. 2. «Сельское Благоустройство», отдѣлъ «Русской Бесѣды»; редакторъ и сотрудники тѣ же. Денежный двигатель общества—Кокоревъ, поддержанный множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.

«Общество славянофиловъ развиваетъ общественныя или демократическія начала. Оно составлено отъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.

«Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе, «Московскій Сборникъ», выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году. Кромѣ упомянутыхъ двухъ журналовъ, необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдующіе издаваемые также въ Москвѣ:

1. «Русскій Вѣстникъ». Редакторы Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ фонъ-Крузе.
2. «Атеней». Редакторъ Коршъ, сотрудники Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же.
3. «Московскія Вѣдомости». Редакторъ Коршъ.

«Все эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе:

1. Крестьянскій вопросъ — орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и послѣднихъ противъ правительства.
2. Безсрочно-отпускные нижніе чины.
3. Раскольники. Имъ стараются внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, и должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1885 г., кн. 7-я.

4. Фабричный народъ. Этотъ классъ людей давно готовится уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ.
  5. Театральныя представленія. Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена, и дарили эти пьесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы.
  6. Распространеніе сочиненій Герцена. Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги—толкованіе Евангелія». Къ этой сумбурной запискѣ, имѣвшей непосредственною цѣлью вооружить правительство противъ главнѣйшихъ руководителей періодической печати, былъ присоединенъ «списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ» съ ихъ слѣдующею характеристиккою:
Аксаковъ, Константинъ Тимофеевичъ ¹⁾ ,	}	Славянофилы и издатели «Паруса».
магистръ словесности		
Аксаковъ, Иванъ Тимофеевичъ, кол-		
лежскій совѣтникъ		
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, отстав-		
ной ротмистръ		Славянофилъ.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, на-		
дворный совѣтникъ		Славянофилъ и издатель журнала «Сельское Благо-
		устройство».
Армафельдъ, Александръ Осиповичъ,		
д. ст. с. и профессоръ		Славянофилъ.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, кол-		
лежскій совѣтникъ		Западникъ и издатель жур-
		нала «Русскій Вѣстникъ»
Кокоревъ, Василій Александровичъ, ком-		
мерціи совѣтникъ		Западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ.
Мамонтовъ, Иванъ Федоровичъ, купецъ		
1-ой гильдіи		Другъ Кокорева и това-
		рищъ его во всѣхъ пред-
		пріятіяхъ.
Степановъ, Петръ Ивановичъ, прапор-		
щикъ		Помощникъ Кокорева по сочиненію статей.

¹⁾ У обоихъ Аксаковыхъ отчества перевраны; надо читать: Сергѣевичъ.

- Кетчеръ, Николай Яковлевичъ, коллеж-
скій совѣтникъ . . . . . У него бываютъ сборища
съ неблагонамѣренными
замыслами.
- Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ, подпол-
ковникъ . . . . . Сынъ ссыльнаго Якуш-
кина, прикосновеннаго къ
14 декабря 1825 г.
- Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, по-
четный гражданинъ . . . . . Раскольникъ, западникъ,
пріятель Кокорева, же-
лающій безпорядковъ и
возмущеній.
- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, д. с. с. Корреспондентъ Герцена,
литераторъ, стремящійся
къ возмущенію.
- Фонъ-Крузе, Николай Ѳедоровичъ, на-
дворный совѣтникъ . . . . . Цензоръ, пріятель всѣхъ
западниковъ и славянофи-
ловъ, другъ Каткова, кор-
респондентъ Герцена, гото-
вый на все и желающій
переворотовъ.
- Павловъ, Николай Филипповичъ, тит.
совѣтн. . . . . Литераторъ, корресп. Гер-
цена и готовый на все.
- Князь Оболенскій, Юрій Александров. Корреспондентъ Герцена.
- Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ, актеръ Желаетъ переворотовъ и
готовый на все.
- Щепкинъ, Николай Михайловичъ, отстав-
ной поручикъ и временный купецъ,
книготорговецъ . . . . . Дѣйствуетъ одинаково съ
отцомъ.
- Геръ, Осипъ, московскій купецъ . . . . . Агентъ Кокорева и гото-
вый на все.
- Пикулинъ, Павелъ Яковлевичъ, коллеж.
совѣтн. . . . . Желаетъ безпорядковъ и
готовый на все.
- Самаринъ, Юрій, коллежск. ассессоръ. . . . . Славянофилъ и литера-
торъ, желающій безпоряд-
ковъ и на все готовый.
- Козловъ, преподаватель русской словес-
ности въ школѣ межевыхъ топо-
графовъ . . . . . Изъ числа вертепниковъ.

Сюда было причислено еще нѣсколько человекъ, менѣе извѣстныхъ, съ наименованіемъ ихъ «вертепниками», а другіе безъ столь лестнаго эпитета.

Такимъ образомъ, графъ Закревскій, смѣшавъ въ одну общую кучу рядъ лицъ разнообразныхъ званій и профессій, но несомнѣнно объединенныхъ общимъ желаніемъ насущныхъ реформъ для страны, веѣхъ ихъ подвелъ подъ рубрику «лицъ подозрительныхъ», вредно воздѣйствующихъ на населеніе столицы при помощи печатнаго слова, въ цѣляхъ возмущенія противъ правительства.

Въ Петербургѣ на литературу и литераторовъ также смотрѣли косо, и журнализмъ въ глазахъ бюрократическихъ сферъ не считалось добродѣтелью, достойною поощренія, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ подавалъ голосъ по вопросамъ внутренней жизни въ прогрессивномъ смыслѣ. Здѣсь правительство становилось болѣзненно чутко, и лѣтописи цензурнаго вѣдомства обогащались не однимъ курьезомъ. Запрещались не только темы писанія, но даже на нѣкоторыя литературныя имена налагалась печать молчанія. О Бѣлинскомъ нельзя было говорить, такъ что Чернышевскій, напримѣръ, въ «Современникѣ» вынуждаемъ былъ упомянуть о своемъ литературномъ учителѣ обиняками и иносказательно ¹⁾. Третье отдѣленіе стояло неукоснительно на стражѣ русскаго слова и продолжало упорно по отношенію его держаться системы и завѣтовъ побѣдителя декабристовъ, что, конечно, ставило писателей въ необходимость ударять правительству Александра II челомъ его же добромъ. Вотъ, напримѣръ, оригинальный разговоръ, происшедшій въ тѣ годы между министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ и И. С. Аксаковымъ, переданный Никитенкомъ ²⁾.

— Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи—говорилъ министру Аксаковъ. — Вы правы, намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

— Какъ?—спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ,—гдѣ они?

— Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ.

XVII.

Въ этихъ словахъ при всей ихъ парадоксальности заключалась большая доля истины. Дѣйствительно, главнѣйшіе сотрудники Александра II совершенно искусственно создавали рознь между царемъ и классомъ журналистовъ, отодвигая послѣднихъ

¹⁾ Напримѣръ: «авторъ статей о Пушкинѣ».

²⁾ «Записки и Дневникъ» А. В. Никитенка.

«истор. вѣстн.», августъ, 1907 г., т. сіх.

отъ текущей жизни и обрекая на молчаніе въ тѣ дни, когда всякое разумное слово по главному интересующему государя вопросу могло итти только на пользу благополучнаго рѣшенія этого вопроса, вслѣдствіе чего въ значительной степени этому обстоятельству и обязаны были нѣкоторыя аномальности въ направленіи тогдашней печати. Лишенная возможности серьезно и откровенно дебатировать ходъ подготовлявшейся крестьянской реформы, она вынуждена была направить свои силы на борьбу съ такими явленіями жизни, идѣ третье отдѣленіе и красныя цензорскія чернила не грозили ей особыми бѣдами. Она хоть этимъ вознаграждала себя за невольное молчаніе въ другихъ областяхъ, а на этомъ пути трудно было удержаться въ рамкахъ сдержанности и порою, пожалуй, даже серьезности и деликатности. Отрицаніе стало какъ бы общимъ знаменемъ, подъ сѣнь котораго становились густые ряды, у которыхъ отняты были близорукою правительственною недалководидностью инныя болѣе полезныя знамена; сначала на первую очередь было выдвинуто отрицаніе стараго режима и всѣхъ входящихъ сюда разнообразныхъ элементовъ—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, бытовыхъ, церковныхъ и др., а затѣмъ, когда предрержащая правительственная власть устранила печать отъ участія въ важномъ историческомъ моментѣ, который она же въ значительной мѣрѣ приуготовила, она бросилась отъ отрицанія стараго къ отрицанію и новаго, надвигающагося и осуществляющагося, не довѣряя, чтобы это новое могло быть справедливо осуществлено сторонниками стараго режима. Недовѣріе стало какъ бы общимъ настроеніемъ, озлобленнымъ, раздражительнымъ и желчнымъ. Обида севастопольскаго погрома создавала общее сочувствіе широкихъ массъ такому настроенію, и изъ этихъ массъ въ литературу широкимъ потокомъ хлынула струя разночинства, которое принесло въ нее всю горечь своей невеселой жизни, всѣ свои историческія обиды, страданія и горькія думы. Литература дворянская, какою она была въ золотые дни сороковыхъ годовъ, съ красивыми формами и изящными образами, обратилась въ литературу шумной улицы съ пылью, шумомъ и нескладной порою суетою и толчеею, сопровождаемою обычными здѣсь криками, толчками и подчасъ ругательствами. Старый николаевскій литературный околоточный, вооруженный краснымъ перомъ вмѣсто алебарды, былъ безсиленъ справиться съ этою прорвавшеюся толпою, безъ толку хватая то того, то другого за шиворотъ, нанося своимъ оружіемъ то тутъ, то здѣсь удары; но улица продолжала шумѣть и гудѣть въ своемъ тѣсномъ проходѣ, предусмотрительно, однако, остерегаясь перелѣзть за тѣ рогатки, которыя были по бокамъ ея временно поставлены повелѣніемъ свыше. Толпа косилась на эти казенныя рогатки, но бессильная пока ихъ сдвинуть, обращала свой гнѣвъ и на того,

именемъ кого онѣ были поставлены, кто ихъ поставилъ, и на тѣхъ, кому за предѣлами рогатокъ были отведены привилегированныя мѣста. По адресу послѣднихъ двухъ соціальныхъ категорій она отпускала свистъ и язвительный хохотъ, увѣренная въ томъ, что охранителямъ районнаго порядка не до этихъ свистковъ, шутокъ и остроловій. И дѣйствительно, послѣдніе, строго соблюдая старыи уставъ цензурской службы, оторопѣло смотрѣли на невѣдомую для нихъ дотолѣ картину закипавшей жизни, въ ожиданіи, пока высшее начальство не скажетъ по сему предмету какого-нибудь новаго слова и не предпишетъ новой программы дѣйствій. А начальство по обыкновенію, занятое высшими соображеніями и заботою о сохраненіи своего дореформеннаго бюрократическаго существованія, медлило съ этимъ словомъ, да и не имѣло въ своемъ распоряженіи запаса идей, откуда это слово могло бы быть почерпнуто. Оно продолжало держаться традицій былаго времени и тѣмъ только усиливало трагизмъ момента, укрѣпляло ряды недовольныхъ и озлобленныхъ и приготавливало печальныя страницы русской жизни съ каплями крови на нихъ, которыя съ наступленіемъ эпохи реформъ все чаще стали мелькать въ отечественной лѣтописи второй половины восьмисотыхъ годовъ. Оппозиціонность печати въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на счетъ именно отношенія къ ней бюрократіи кануна реформъ.

Уже Николай Павловичъ прекрасно сознавалъ недостатки цензурнаго вопроса и полагалъ нужнымъ въ этомъ отношеніи что-нибудь предпринять, что именно—не было яснымъ, но, во всякомъ случаѣ, крайности знаменитаго бутурлинскаго комитета, несомнѣнно, не могли быть поставлены вѣнцомъ будущаго литературнаго зданія.¹⁾ Но, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, покойный императоръ проявилъ крайнюю нерѣшительность дѣйствій въ положительную сторону и съ удивительной послѣдовательностью катился вснять, оставивъ такимъ образомъ въ наслѣдіе своему сыну нелѣпый цензурный уставъ, гдѣ между прочимъ красовалась ст. 12, по коей воспрещалось пропускать въ печати «всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ улучшенія какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства».

Первый, подавшій въ бюрократическихъ рядахъ свой голосъ за облегченіе печати отъ ужаснаго гнета, былъ П. А. Валуевъ, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, писавшій въ своей надѣлавшей такъ много шума «Думѣ русскаго»: «...Вездѣ преобладаетъ

¹⁾ Бутурлинъ, напримѣръ, предлагалъ сдѣлать купюры въ акафистѣ Покрову святой Богородицы, гдѣ призывается заступничество Царицы Небесной отъ жестокихъ владыкъ.

у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ». По мнѣнію Валугева, высказанному имъ въ своемъ «Дневникѣ»¹⁾, самая насущная у насъ потребность это «преобразование цензуры», но при этомъ онъ отмѣчаетъ, что «каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство».

Новый государь также былъ убѣжденъ въ необходимости цензурной реформы, но былъ очень далекъ отъ мысли о полной свободѣ слова, которую такъ горячо пропагандировалъ «Колоколь» и о которой поднимали рѣчь, какъ то мы уже знаемъ, выдающіеся представители провинціальной общественности на губернскихъ собраніяхъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія Норовъ представилъ Александру Николаевичу въ 1857 г. обзоръ современной литературы съ точки зрѣнія цензуры и отмѣтилъ тутъ необходимость «уяснить и упростить дѣйствія цензуры, возстановивъ нынѣ только нарицательно существующій цензурный уставъ 1828 года и сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія», императоръ повелѣлъ: «заняться этимъ безотлагательно и при составленіи новаго цензурнаго устава взять за основаніе, что разумная бдительность со стороны цензуры необходима». Отношеніе Александра II къ тогдашнему состоянію литературы достаточно рельефно обрисовалось въ его помѣткахъ, сдѣланныхъ на представленіи товарища министра народнаго просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго, который сталъ на сторону «Русскаго Вѣстника» и «Морского Сборника», подвергшихся гнѣву графа Панина. Князь Вяземскій писалъ²⁾: «Осмѣливаюсь всеподданнѣйше изъяснить свое мнѣніе, что благонамѣренныя и скромно изложенныя сужденія о предметахъ, подобныхъ порядку судопроизводства, могли бы быть у насъ допускаемы не только въ отдѣльныхъ книгахъ и диссертацияхъ, но и въ журналахъ, имѣющихъ по своей программѣ отдѣлъ наукъ. Такія статьи не должны однако быть облакаемы въ несвойственную имъ форму беллетристическихъ легкихъ статей и являться въ газетахъ, доступныхъ многочисленнымъ и необразованнымъ читателямъ, которые легко могутъ перетолковать и исказить содержаніе и самой благонамѣренной, но по существу предмета недостаточно понятной для нихъ статьи. Безъ сомнѣнія, цензура должна съ особеннымъ тактомъ взвѣшивать достоинства, добросовѣтность

¹⁾ «Русская Старина» 1891 г., кн. 5.

²⁾ Мих. Лемке. «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія».

и дозволительность сужденій авторомъ по такимъ предметамъ, которые касаются болѣе или менѣе области дѣйствій правительственныхъ учреждений.

«Никакъ не должно смѣшивать благородное желаніе улучшеній съ тенденціями (государемъ подчеркнуто и написано: «Да, но онѣ иногда весьма тѣсно связаны и часто проявляются подъ видомъ улучшеній») къ политическимъ преобразованіямъ.

«Смѣю думать, всемилостивѣйшій государь, что великодушная милость, дарованная вашимъ величествомъ со вступленіемъ на престолъ, чрезъ дозволеніе ученому и литературному сословію выражать съ умѣренной свободой, въ границахъ, начертанныхъ законами, мысли, относящіяся часто до важныхъ государственныхъ предметовъ, безъ порицанія настоящаго порядка, принесла уже обильные плоды и нельзя сомнѣваться, чтобы такая литературная дѣятельность (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: «желалъ бы имѣть это убѣжденіе»), слѣдуя указаннымъ вашимъ императорскимъ величествомъ путемъ, не принесла еще вящей пользы (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: «весьма въ томъ сомнѣваюсь»), но что, напротивъ того, запретительная система при общемъ теперь стремленіи къ наукѣ, направленной, благодаря Бога, на улучшеніе всѣхъ государственныхъ частей, была бы несогласна съ высокими царскими цѣлями вашего императорскаго величества и вызвала бы только размноженіе тайныхъ рукописей и ввозимыхъ изъ-за границы враждебныхъ Россіи сочиненій и породила бы, можетъ быть, тайныя общества. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству высочайше повелѣть, чтобы г.г. министры и главноначальствующіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятъ причины быть недовольными какими-либо печатаемыми статьями по предмету ихъ вѣдомствъ, предварительно доклада о томъ вашему величеству, сносились съ министромъ народнаго просвѣщенія и, если затѣмъ найдутъ нужнымъ доводить о томъ до высочайшаго свѣдѣнія, то присоединяли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и полученный отъ министра народнаго просвѣщенія отзывъ».

На этомъ докладѣ Александръ II поставилъ резолюцію:

«Подобныя сужденія о вопросахъ государственной и общественной нашей жизни, весьма часто несогласныя съ моими мыслями, возбуждая только напрасно умы, могутъ насъ весьма далеко повести; вотъ почему возлагаю на вашу обязанность доводить до моего свѣдѣнія всѣ подобныя статьи, въ которыхъ проявляются стремленія къ нововведеніямъ, дабы я могъ судить о нихъ и останавливать тѣ, кои сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю на прочихъ г.г. министровъ, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили прямо мнѣ, о чемъ и прошу ихъ увѣдомить».

Результатомъ такой резолюціи явилось секретное предложеніе по цензурѣ Норова: «Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ тенденціями къ политическимъ преобразованіямъ; но сіи послѣднія нерѣдко облакаютъ въ благовидныя наружныя формы и потому г.г. цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя наукѣ, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ». Здѣсь, въ этомъ предложеніи Норова заключался первый шагъ къ установленію надъ печатью гласной опеки и надзора чуть ли не со стороны всѣхъ министерствъ, откомандированныхъ вслѣдъ за симъ въ петербургскій цензурный комитетъ своихъ довѣренныхъ представителей для наблюденія за благопріемъ печати по дѣламъ этихъ вѣдомствъ, что поставило журналистику въ совершенно невозможное положеніе и породило среди литераторовъ еще большее озлобленіе и недовольство.

XVIII.

Главная обида, которая была нанесена въ ту эпоху печати, состояла въ томъ, что всемогущимъ врагамъ крестьянской реформы удалось до minimum'a свести ея роль въ дѣлѣ обсужденія этой реформы, почти устранить ее отъ вопроса, на который она въ теченіе ряда десятилѣтій, начиная съ Радищева, потратила столько силъ. Намъ уже извѣстно, какъ радостно и сердечно привѣтствовала вся пресса, и отечественная и зарубежная, рескрипты Александра II, данные на имя Назимова и Игнатьева, и сколько теплаго чувства по адресу автора рескриптовъ выказалъ изъ своего далека Герценъ. Въ интересахъ широкаго и всесторонняго обслуживания очереднаго вопроса русской жизни печать энергично отдалась ему, открывая для него особые отдѣлы и даже основывая спеціальныя органы, какъ, наиримѣръ, «Сельское Благоустройство».

Въ теченіе времени до апрѣля 1858 г. въ газетахъ и журналахъ было напечатано по крестьянскому дѣлу не мало дѣльныхъ и обстоятельныхъ статей, при чемъ тонъ этихъ статей былъ спокойный, серьезный, соответствующій важности историческаго переживаемаго момента и самой разрабатываемой животрепещущей темѣ. Но вотъ въ февралѣ 1858 г. появляется въ «Современникѣ» начало статьи Кавелина «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», а въ апрѣльскомъ номерѣ окончаніе ея, въ которое была включена извѣстная его записка по крестьянскому вопросу, о коей было говорено выше (гл. V). Въ этой статьѣ шла рѣчь о вы-

купѣ полевой земли и о необходимости замѣнить сословныя административныя привилегіи общимъ мѣстнымъ управленіемъ. Такія положенія, высказанныя убѣдительно и громко, вызвали переполохъ въ бюрократическомъ муравейникѣ крѣпостниковъ, поспѣшившихъ объявить, что мнѣнія автора возмутительны, крамольны и идутъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства. Въ результатѣ цензоръ, пропустившій статью, получилъ выговоръ, Кавелинъ отставленъ отъ чтенія лекцій наслѣднику цесаревичу, а цензурная хроника обогатилась новыми циркулярами, изъ коихъ въ первомъ было произнесено осужденіе статьѣ Кавелина именно за то, что онъ считаетъ обязательнымъ надѣленіе крестьянъ землею, которою они нынѣ пользуются, что, по мнѣнію правительства, противорѣчитъ основнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами. Второй циркуляръ, отъ 22 апрѣля, былъ болѣе общаго характера и съ исполнѣ определенными уже указаніями по части мѣропріятій относительно всей цензуры.

Здѣсь было сказано ¹⁾: «Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ, излагается необходимость освободить крестьянъ исполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и, наконецъ, стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей властью .. Кромѣ того, дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ ²⁾. Поэтому, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ и крестьянъ, предписывается: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ. Съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ цензурѣ дозволяется допускать къ печатанію только тѣ чисто ученые теоретическія, историческія и ста-

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права», И. Иванюкова.

²⁾ Исслѣдователи эпохи такихъ случаевъ изъ практики цензуры не указываютъ, почему и можно предположить, что данное утвержденіе голословно выставлено для усиленія вѣщнаго антагонизма между печатью, цензурою и верховной властью.

тистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи, не противныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразования. вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатанію статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другого, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія».

Этотъ циркуляръ палъ, какъ снѣгъ на голову, журналистикѣ, благодаря чему изъ ея статей по крестьянскому вопросу выпала самая жгучая и животрепещущая часть, что, конечно, вызвало страшный переполохъ и озлобленіе. Результатомъ ближайшимъ было то, что литература продолжала, вопреки запрещенію, все же говорить по сему предмету, но только «эзоповымъ языкомъ», что, конечно, вносило въ общественную атмосферу совершенно ненужную и вредную ложь и начало фарисейства, которому по естественной необходимости либеральная часть цензурнаго вѣдомства тайно покровительствовала. Циркуляръ 22 апрѣля, помимо всего прочаго, выдавалъ головою и Александра II, обосновывая положенія, въ циркулярѣ выставленныя, якобы его волею, высказанною въ рескриптѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ рескрипты ничего положительнаго не предрѣшали. Титулованная крѣпостническая бюрократія какъ бы мстила царю-реформатору и, выставляя его впередъ, спѣшила обрушить на него недобрыя чувства тѣхъ, кто непосредственно задѣвался циркуляромъ 22 апрѣля. И расчетъ оказывался построеннымъ правильно: отмѣчая годовщину существования «Колокола», Искандеръ-Герценъ писалъ по адресу государя ¹⁾:

«Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи. Въ прошломъ іюнѣ онъ еще стоялъ, какъ богатырь нашихъ сказокъ на перекресткѣ — пойдетъ ли онъ направо, пойдетъ ли онъ налево, нельзя было знать, казалось, что онъ непременно пойдетъ по пути развитія, освобожденія, устройства... вотъ шагъ и еще шагъ — но вдругъ онъ одумался и повернулъ:

Слѣва да направо.

«Можетъ, еще есть время... но его мчатъ дворцовые кучера, пользуясь тѣмъ, что онъ дороги не знаетъ. И нашъ «Колоколъ» на-

¹⁾ «Колоколъ», 1858 г. № 18.

прасно звонить ему, что онъ сбился съ дороги, звонить ему бѣдствія Россіи и *собственную опасность* ¹⁾).

«Но въ томъ-то и бѣда, что сильные міра сего не умѣютъ ни слушать, ни даже вспоминать. Исторія передъ ними, но не для нихъ она передаетъ горькій опытъ народовъ и строгій судъ царей и потомства».

Развивая далѣе главныя положенія, съ которыми выступилъ «Колоколъ», Герценъ въ заключеніе говоритъ: «Мы поставили эпиграфомъ—*Vivos voco!* Гдѣ же живые въ Россіи? Намъ показалось, что живые есть въ самомъ дворцѣ, мы обращали нашу рѣчь къ нимъ, мы не расканиваемся въ этомъ. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положившій начало освобожденію крестьянъ, заслужилъ великое имя въ исторіи, и благодарность наша останется неизмѣнной. Но говорить намъ съ нимъ нечего. Живые—это тѣ разбѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволии въ полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувствіемъ читаютъ насъ.

«Колоколъ» ихъ органъ, ихъ голосъ—на бесплодныхъ, каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздаваться сильнѣе въ долинѣ».

Настоящая статья Герцена знаменательна: здѣсь и какъ бы предсказаніе трагическаго будущаго царя-освободителя съ указаніемъ, кто именно первый направилъ его къ кровавой пропасти, здѣсь же впервые мы видимъ и намѣченные кадры будущихъ носителей русской революціонной идеи, которыхъ издатель «Колокола» приготавлилъ къ борьбѣ. Офицеры, студенты, интеллигентныя женщины—вотъ на кого онъ указывалъ, какъ на активную рабочую массу, долженствующую посвятить себя разрушенію стараго порядка вещей.

Циркуляръ 22 апрѣля создалъ ужасную путаницу въ жизни. Не достигнувъ главной своей цѣли и не предупредивъ обходовъ, онъ возстановилъ противъ власти печать и дискредитировалъ въ очень короткое время ту самую монаршую волю, на которую онъ безъ всякаго права опирался. Уже черезъ семь мѣсяцевъ по его изданіи для правительства стало яснымъ, что врядъ ли освобожденіе безъ земли можетъ состояться, что врядъ ли удастся сохранить вотчинную полицію. Къ такого рода заключенію приходили и многіе губернскіе комитеты, это же предположеніе высказывалось и въ вліятельныхъ столичныхъ кругахъ. Отсюда примѣнительно къ печати

---

¹⁾ Курень нашъ. Здѣсь Герценъ прозорливо указалъ на то, что и послѣдовало въ скоромъ будущемъ, начиная съ выстрѣла Каракозова и кончая днемъ 1 марта 1881 г.

выходъ былъ одинъ: упразднить самый циркуляръ, расширить права литературы въ обсужденіи крестьянскаго дѣла и воспользоваться разработанными ею матеріалами въ кругу крѣпостнаго вопроса. Неустойчивость политики въ отношеніи прессы такимъ образомъ стала ясна, какъ равно бросалось въ глаза, какъ легко и недобросовѣстно царедворцы и бюрократія пользуются для своихъ цѣлей монаршею волею, то произвольно дѣлая ее основаніемъ своихъ распоряженій, то упраздняя ее подъ давленіемъ насущной необходимости и требованіемъ общаго хода вещей.

Хотя съ апрѣля 1858 г. пресса и получила вновь возможность болѣе обстоятельно и свободнѣе говорить по крестьянскому дѣлу, но тѣмъ не менѣе дѣйствовать въ тискахъ неререформированнаго цензурнаго устава, опутаннаго сѣтью дополнительныхъ разъясненій и распоряженій, было въ высшей степени тяжело. Задача сознательнаго, честнаго и прямого служенія родинѣ была почти невыполнима, и грустное разочарованіе охватывало все больше мыслящіе круги. За невозможностью высказываться по всему крестьянскому вопросу во всей его полнотѣ «по независящимъ обстоятельствамъ» закрылся Кошелевское «Сельское Благоустройство», обезцвѣтились и аналогичныя по идеѣ рубрики въ прочихъ журналахъ. Писатель былъ обреченъ на молчаніе и отстраненъ отъ работы, къ которой онъ такъ рвался съ полнымъ довѣріемъ къ своему царю и его благимъ замысламъ. И онъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, ушелъ въ обличительную литературу и оппозицію, отдавъ сюда свои лучшія силы, которыя, при разумномъ ихъ использовании правящими сферами, могли бы пригодиться для живой созидательной работы. Надъ Россіей продолжалъ тяготѣть печальный рокъ, и ея обновленіе рождалось не при ровномъ утреннемъ свѣтѣ, а черезъ непогоду и подъ мелко сѣющимъ осенній дождикъ, налагавшіе на все окружающее сѣрый колоритъ. вмѣсто общности радостнаго чувства и дружной общей работы, на сцену выступали злоба, обида и несправедливости, не сулившія въ будущемъ ничего добраго.

XIX.

Стѣсняя кругъ заданій и темъ журналистики, правительство побуждало цензоровъ къ проявленіямъ чрезмѣрной строгости, что при отсутствіи правильно установленныхъ законовъ вело къ произволу и беспорядку. «Гоненіе мысли, произволъ невѣждъ,—отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко,—сдѣлали изъ цензуры сѣбзжую и съ мыслями обращались, какъ съ ворами и убійцами», при чемъ въ другомъ мѣстѣ указывалъ, кому печать обязана гоненіемъ: «враги всякой мысли, всякаго гражданскаго умственнаго и нравственнаго совершенствованія—министръ юстиціи графъ Панинъ, Чевкинъ, и др. внушили государю, что всѣ революціи

бываютъ отъ литературы». Въ цѣляхъ предотвращенія этой революціи и предпринимались всѣ гоненія на мысль, и послѣдовательно закрывались отдѣльные органы печати, какъ «Молва», «Парусъ», «Русская Газета» и «Слово» («Slowo»), запрещенные не за какія-либо революціонныя мысли и политическія провинности, а только за пылкія выраженія своихъ мнѣній и по причинамъ формальнаго характера. Главный гнѣвъ бюрократіи по обычаю прежнихъ временъ падалъ опять-таки на славянофиловъ за ихъ откровенность и полное несогласіе съ принципами полуиѣмецкаго управленія Россіей.

Въ печальной судьбѣ «Паруса» сыграла рѣшающая роль вступительная статья редактора И. Аксакова ¹⁾, посвященная вопросу о гласности, гдѣ авторъ говорилъ: «Неужели не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать и безмолствовать. Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изогались совѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась официальная ложь—владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели?

«Развѣ не выгоды для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснить правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношеніе къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностію и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія!..»

Доканала «Парусъ» статья Погодина по вопросамъ внѣшней политики и славянскому, доказывавшая недостаточную заботливость правительства о нашемъ національномъ могуществѣ. Со втораго № молодая славянофильская газета была закрыта и ея

---

¹⁾ «Парусъ» 1858 г. № 1.

короткая печальная судьба окончательно убѣдила общество, что бюрократическія сферы никоимъ образомъ не желаютъ своротить со стараго пути прижимокъ и репрессій. Въ связи съ закрытіемъ «Паруса» пострадала и «Русская Газета» за сочувствіе своему собрату. Вслѣдъ за славянофильскою газетою катастрофа разыгралась и надъ польскою газетою «Слово», основанною Огрызко по идеѣ Кавелина въ цѣляхъ примиренія русскихъ съ поляками. Причиной закрытія «Слова» было помѣщеніе на его столбцахъ письма политическаго эмигранта Лелевеля, извѣстнаго ученаго и участника польскаго возстанія (1830 г.). Появленіе имени Лелевеля въ «Словѣ» и послужило поводомъ къ его крушенію, и резолюція государя по сему предмету свелась къ тому, что «Слово» было запрещено, редакторъ Огрызко посаженъ въ крѣпость, попечителю округа Делянову сдѣлано замѣчаніе, а профессору университета Чайковскому, привлечшему Лелевеля къ сотрудничеству, сдѣланъ выговоръ. Инцидентъ съ польскою газетою произвелъ на печать удручающее впечатлѣніе, и П. Щебальскій писалъ по сему предмету Погодину¹⁾: «Редакторъ польскаго журнала «Слово», какъ говорятъ, посаженъ въ крѣпость за помѣщеніе письма Лелевеля,—письма, впрочемъ, не имѣющаго ничего политическаго, но въ которомъ выражалось сочувствіе къ этому изданію. Рѣшеніе это мотивировано не содержаніемъ письма, а тѣмъ, что Огрызко былъ въ сношеніяхъ съ измѣнниками и политическими преступниками. Слухъ прошелъ объ этомъ только вчера въ вечеру и... произвелъ самое тяжкое и грустное чувство. Четыре года этого не было, мы отвыкли отъ этой *jus sommaire*».

Удары правительства падали всего чаще на головы тѣхъ, кто дѣйствовалъ прямо и откровенно и кто въ сущности былъ чрезвычайно далекъ отъ потрясенія такъ называемыхъ «основъ». Тѣ же, кто ставилъ себѣ задачею явное дискредитированіе правительства и вышучиваніе всего строя, тѣ оставались внѣ этихъ ударовъ и съ достаточнымъ успѣхомъ осуществляли свои цѣли. Была выработана цѣлая система дѣйствій, противъ которой правительство оказывалось безсильнымъ со всѣми своими явными и тайными циркулярами, административными мѣропріятіями и реформаторскими затѣями подчасъ совершенно комическаго характера.

Къ числу такихъ именно затѣй должна быть отнесена попытка, по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ Горчакова, «нравственнаго вліянія на печать», т. е. учрежденіе въ Петербургѣ на подобіе Франціи и Пруссіи «Bureau de la presse». Цѣль этого bureau опредѣлялась комитетомъ министровъ такъ, чтобы: «служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ; направлять по возможности

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Н. Барсуковъ, кн. XVI.

новыя періодическія литературныя изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ».

Такое учрежденіе, по мнѣнію комитета¹⁾, «вовсе не должно имѣть вида цензурнаго установленія: цензура предупреждаетъ и сдерживаетъ литературу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но цензура бессильна дѣйствовать на самое направленіе литературы; новое предполагаемое учрежденіе имѣло цѣлью обратить литературу на полезное поприще, указывая дѣятельности литераторовъ или специалистовъ на такіе предметы, по которымъ правительство желаетъ или подготовить общественное мнѣніе, или получить разъясненіе, или собрать свѣдѣнія и т. п. Совѣтъ министровъ единогласно призналъ большую пользу отъ подобнаго учрежденія, при чемъ совѣтъ полагалъ, что такое дѣло можетъ быть поручено только лицамъ, назначеннымъ по непосредственному усмотрѣнію и полному довѣрію къ нимъ государя императора. Его величество, раздѣляя эту мысль, остановился на слѣдующихъ предположеніяхъ:

1) лица, которыя будутъ для сего избраны, состоятъ внѣ всякой зависимости отъ министровъ;

2) для успѣха ихъ дѣйствій имъ должно быть извѣстно направленіе, которому министры и главноуправляющіе слѣдуютъ или намѣрены слѣдовать въ кругу своихъ обязанностей;

3) лица эти должны будутъ находиться постоянно въ личныхъ сношеніяхъ съ министрами для безотлагательнаго разрѣшенія могущихъ встрѣтиться недоумѣній. Съ другой стороны, имъ необходимо быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ редакторами главнѣйшихъ журналовъ и замѣчательнѣйшими авторами, дѣйствуя на нихъ не силою официальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія и пріобрѣтая такимъ образомъ нравственное на нихъ вліяніе;

4) имъ предоставляется право поручать разнымъ лицамъ, по ихъ усмотрѣнію, составленіе статей, въ видахъ правительственныхъ, для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ и въ такомъ случаѣ испрашивать, если сочтутъ нужнымъ, вознагражденіе автору статьи за его литературный трудъ, и

5) не касаясь распоряженій цензуры, дѣйствующей въ предписанномъ ей предѣлѣ, означенныя лица, если найдутъ полезнымъ, передаютъ свои замѣчанія по общему ходу литературы министру народнаго просвѣщенія. Могущія встрѣтиться столкновенія съ общою цензурою разрѣшаются тѣмъ же министромъ, если это не превышаетъ его власти, въ противномъ же случаѣ онъ, министръ, представляетъ о томъ на высочайшее благоусмотрѣніе».

---

¹⁾ Мих. Лемке. «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія».

Это курьезное учрежденіе, наименованное «комитетомъ о книгопечатаніи», состоялось въ 1859 г. въ составѣ трехъ лицъ («троемужіе» — по выраженію поэта Тютчева): графа А. В. Адлерберга 2-го (сынъ министра двора), Н. А. Муханова (товарищъ министра народнаго проевѣщенія) и А. Е. Тимашева (начальникъ штаба корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣленіемъ). Впослѣдствіи туда былъ приглашенъ и профессоръ университета, цензоръ А. В. Никитенко, сохранившій въ своемъ «Дневникѣ» память о дѣятельности этого «троемужія». По его характеристикѣ, «если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!.. Любопытно, какъ попалъ сюда Тимашевъ. Онъ былъ сперва отвергнутъ. Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли, и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ: «Такъ какъ,—говорилъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай приобрести ее». Превосходный предлогъ!»

Врядъ ли приходится распространяться о томъ, что учрежденіе, основанное въ интересахъ воспитанія и руководства печати, да еще въ такомъ составѣ, не могло оказаться жизненнымъ и съ первыхъ же шаговъ сошло на путь соглядатайства за цензурою и печатью съ карательными тенденціями. По сему предмету въ «Дневникѣ» Никитенка имѣется немало записей, подтверждающихъ такое направленіе и роль комитета. Такъ, подъ 7 февраля 1859 г. онъ записалъ¹⁾: «Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Муханову дано, между прочимъ, право задерживать до его разрѣшенія выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото. Что же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе.

«Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, кто мыслить въ Россіи, съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію (1859 г.), какъ ни мало у насъ средствъ... но тутъ неизбѣжно зло и зло великое. Съ одной стороны, быстрое послѣдовательное погруженіе

¹⁾ «Записки и дневникъ» (1826—1877) А. В. Никитенка.

въ хаосъ всяческихъ административныхъ беспорядковъ и неурядицы, съ другой—разливъ мнѣній, ужъ совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію — мнѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ, опасныхъ всегда, даже и у насъ. А наверху плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ,—вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно!» 12 марта: «Въ комитетѣ Мухановъ свирѣпствовалъ противъ «Искры», на которую сперва напалъ Тимашевъ за стихи «На Невскомъ проспектѣ» (№ 9). Но Тимашевъ полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а Мухановъ бредилъ гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на сильныя мѣры. Послѣ я разсказалъ о приѣмѣ, который сдѣлалъ кнѣзь вчера государь, и особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя».

8 октября: «Мухановъ и *** сильно озлоблены противъ литературы, особенно противъ такъ называемой обличительной литературы, послѣдними выходками ея. Они, кажется, расположены къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Мухановъ на мои возраженія замѣтилъ, что во мнѣ виденъ литераторъ—впрочемъ, весьма любезно, шутя. Я отвѣчалъ ему, что я вѣрю въ то, что не Россія для литературы создана, а литература для Россіи, и что такъ какъ это сила, призванная ей на службу, то надо, чтобы она дѣйствовала. Вырывая плевелы, не должно уничтожать пшеницы».

Осуществляя только отрицательную сторону своей возможной дѣятельности, комитетъ о книгопечатаніи вскорѣ убѣдился, что его существованіе совершенно бесполезно, и въ январѣ 1860 г. онъ былъ слитъ съ главнымъ управленіемъ цензуры, послѣ нѣкотораго преобразованія послѣдняго, не оставивъ по себѣ ни въ комъ ни добраго воспоминанія, ни сожалѣнія и не ознаменовавъ своей дѣятельности ни однимъ мало-мальски сноснымъ и разумнымъ начинаніемъ.

XX.

Печать встрѣтила учрежденіе о книгопечатаніи одни холоднымъ молчаніемъ, другіе пренебрежительно, а Катковъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» гнѣвною статьею. Онъ говорилъ между прочимъ въ № 12 «Современной лѣтописи» за 1859 г. и № 2 за 1860 г.: «Для полной искренности надобно каждому оставить его свободу, а безъ полной искренности все будетъ гибельнымъ развратомъ, разрушительнымъ тлѣніемъ. Правительство, одушевленное истинно-благими намѣреніями, правительство сознательное и просвѣщенное не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы бы ни были люди, никто безъ тяжкаго грѣха пе-

редь Богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины; правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу и слабость на чредѣ власти; отчего же изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу?.. Пусть, наконецъ, правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ—это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы, иначе оно ошибется въ расчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умственному разврату, нравственному растлѣнію... Пусть наемные риторы твердятъ что угодно въ своихъ журналахъ,—никто не приметъ ихъ слова за выраженіе общественнаго мнѣнія; свободные и честные органы будутъ хранить молчаніе, потому что они не захотятъ чувствовать и мыслить по командѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы мыслили и чувствовали заодно съ правительствомъ. Но отнять у общественнаго мнѣнія свободу выраженія еще не значить измѣнить его элементы, перестроить его основы на свой ладъ и по своему изволенію. Эти элементы, эти основы останутся во мракѣ и будутъ дѣйствовать во мракѣ. Думать, что все неблагоприятное намъ исчезнетъ, если мы зажмуримъ глаза и заткнемъ себѣ уши, не наивное ли ребячество?»

Отповѣдь Каткова разсердила Петербургъ. По высочайшему повелѣнію цензорамъ Драпусову и Гилярову-Платонову, пропустившимъ эти «лѣтописи», былъ сдѣланъ выговоръ, а самому редактору «Русскаго Вѣстника» поставлены на видъ «все неприличіе, вся непозволительность статей, такъ и господствующихъ въ «Современной Лѣтописи» его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей) не соотвѣтствующихъ началамъ нашего государственнаго устройства духа и направленія» съ предостереженіемъ, «что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры».

Такимъ образомъ, всѣ правительственныя по дѣламъ печати дѣйствія за тотъ періодъ вносили въ нее только элементъ раздраженія, обиды и нервности; съ каждымъ новымъ мѣропріятіемъ пресса, еще въ 1857 г. готовая итти съ добрымъ чувствомъ навстрѣчу новой зарождавшейся въ Россіи жизни, все болѣе отодвигалась «влѣво» отъ правящихъ сферъ, готовая въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ органовъ поддержать всякое общественное движеніе, направленное противъ не желающаго сойти со сцены жизни бюрократическаго строя, всякую оппозицію ему, съ рѣшимостью даже перейти, въ случаѣ надобности, отъ слова и теоріи къ дѣлу и активнымъ дѣй-

ствіямъ. Оппозиція, относительно умѣренная, сосредоточилась въ Москвѣ въ редакціи «Русскаго Вѣстника», въ Петербургѣ — въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» Краевского. Болѣе крайнее, боевое направленіе принимаютъ «Современникъ» подъ руководствомъ Чернышевскаго и Добролюбова и «Русское Слово» Кушелева-Безбородко, откуда вышла цѣлая плеяда молодыхъ силъ въ лицѣ Благосвѣтлова, Шелгунова, Писарева, Зайцева и др. Въ интесахъ бичеванія бытовой дѣйствительности за невозможностью касаться вопросовъ внутренней политики въ «Современникѣ» былъ открытъ отдѣлъ «Свистокъ», порою тонко и язвительно высмѣивавшій остатки старины и все то, что такъ или иначе съ нею соприкасалось, было ей родственно по духу и являлось врагомъ, явнымъ или скрытымъ, намѣчавшихся новыхъ формъ жизни, новыхъ вѣяній и политическихъ идеаловъ, нашедшихъ себѣ наиболѣе рельефное выраженіе на страницахъ «Колокола». Въ помощь «Свистку» и объ руку съ нимъ шла «Искра», талантливое обличительное юмористическое изданіе, основанное въ 1858 г. В. С. Курочкинымъ, при участіи цѣлаго рода талантливыхъ писателей прогрессивнаго направленія. Обо всѣхъ упомянутыхъ органахъ намъ придется еще говорить въ слѣдующей части нашихъ очерковъ, посвященной «эпохѣ реформъ», а потому, во избѣжаніе повтореній, скажемъ пока только нѣсколько словъ объ «Искрѣ».

По свидѣтельству Н. К. Михайловскаго ¹⁾, «общество, освѣженное приближающимся вѣяніемъ реформъ, откликнулось и создало для В. С. Курочкина или, пожалуй, вѣрнѣе, онъ самъ создалъ себѣ положеніе совершенно исключительное. Это былъ какъ бы предсѣдатель суда общественнаго мнѣнія по множеству дѣлъ, часто очень мелкихъ и вполнѣ личнаго характера, но иногда и крупныхъ и, во всякомъ случаѣ, захватывающихъ, въ своей совокупности, всю грамотную Россію. Положеніе высокое, трудное и отвѣтственное. Многіе и многіе боялись «Искры», многіе и многіе возлагали на нее надежды. Тройственная формула писательской дѣятельности — мысль, слово, дѣло,—если не всегда и не вполнѣ осуществлялась для Курочкина, то была все-таки близка и возможна. Надо замѣтить, что тогда провинціальная печать не существовала, и, значитъ, тѣ факты всероссійской жизни, которые нынѣ черпаются столичными газетами и журналами изъ провинціальной прессы, «Искрѣ» приходилось получать изъ первыхъ рукъ; это создавало особенно живое общеніе между редакціей газеты и читателями, которые были или могли стать въ любую минуту также и сотрудниками». На связь «Искры» съ читателями, особенно въ провинціи, указываетъ и Г. З. Елисеевъ, одинъ изъ видныхъ со-

¹⁾ Н. Михайловскій «Литературныя воспоминанія и современная смута». «истор. вѣстн.», августъ, 1907 г., т. ох.

трудниковъ изданія ¹⁾). Онъ говоритъ: «Въ «Искрѣ», кромѣ безчисленныхъ обличительныхъ корреспонденцій во всѣхъ родахъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ разсказахъ, и замѣткахъ, подписанныхъ обыкновенно псевдонимами, существовалъ еще особый отдѣлъ «Намъ пишутъ» составлявшійся по корреспонденціямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Цензура не позволяла называть обличаемыхъ по имени, но даже называть тѣ города, гдѣ они живутъ и гдѣ происходятъ обличаемыя дѣйствія. Поэтому образовался цѣлый словарь городовъ съ условными названіями: Краснорѣцкѣ, Кутерма, Лиліенгардъ, Тмутаракань, Златогорскѣ, Чернилинѣ, Бѣлокаменскѣ и т. д., съ условными именами дѣйствующихъ въ нихъ героевъ, въ особенности, если они занимали въ нихъ выдающійся постъ по своему общественному положенію. Въ провинціи каждый городъ, о которомъ шла рѣчь, немедленно узнавалъ свой псевдонимъ, такъ какъ описываемое то или другое совершившееся въ немъ безобразіе было, конечно, извѣстно цѣлому городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, узнавалось и лицо, о которомъ шла рѣчь. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ цѣль гласности такимъ путемъ не могла достигаться, — развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда какой-нибудь крупный скандалъ дѣлался извѣстнымъ всему городу. Тогда дѣлу гласности помогали отчасти рисунки «Искры». Покойный Степановъ, прекрасный рисовальщикъ, давалъ изображаемому на этихъ рисункахъ лицамъ такое сходство съ подлинными, что цензура нерѣдко приказывала или обривать бакенбарды съ изображаемаго лица, или поставить не en face, а въ профиль, чтобы не такъ рѣзко бросалось въ глаза сходство. Кромѣ того, у «Искры», вѣроятно, благодаря рисункамъ, появились совершенно неизвѣстные редакціи добровольные словесные сотрудники въ пользу гласности».

Такимъ образомъ, если специально-политическіе органы печати, какъ, напримѣръ, «Современникъ», давая оппозиціонный тонъ интеллигентнымъ общественнымъ кругамъ, преимущественно черпали свой матеріалъ изъ научнаго арсенала и явленій внутренней хроники, причѣмъ кругъ работниковъ журнала былъ ограниченъ, «Искра» вела свою оппозиціонную пропаганду въ широкихъ массахъ, преимущественно провинціальныхъ, создавая себѣ своимъ смѣхомъ здѣсь чуткую аудиторію и привлекая обывателей къ дѣятельному сотрудничеству на страницахъ своего изданія ²⁾). И вотъ, въ то время, когда бюрократія выдумываетъ мертворожденное «Bureau de la presse», въ интересахъ воздѣйствія на умы писателей и читателей, стремясь

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Исторія «Искры», ея содержаніе со множествомъ иллюстрацій, выдержекъ и справокъ представлена въ большой полнотѣ въ книгѣ г. Лемке «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистикѣ», на которую мы неоднократно ссылались.

оградить жизнь отъ печати репрессіями и сонмомъ цензоровъ, эта печать, въ обходъ всему этому, слагаетъ особо свою жизнь, свои задачи и средства осуществленія и ведетъ общество въ направленіи, противномъ тому, куда его старались отвлечь Тимашевы, Панины, Долгорукіе и пр. На одну сторону стали бездарность, духовное ничтожество и ограниченность, на другую—талантъ, сила мысли и чувства. Съ кѣмъ пойти объ руку, не могло быть сомнѣнія для общества: свѣтъ сіялъ не справа, а слѣва. Сюда и потянулись наиболѣе отзывчивые, нервные и кипучіе общественные элементы, чутко воспринимавшіе пульсацію историческаго періода.

XXI.

Герценъ не даромъ выставилъ эпитафій «vivos voco» своему журналу и указывалъ, кого онъ считаетъ въ числѣ этихъ живыхъ, «имѣющихъ уши»,—это между прочимъ студенты, армія учащейся молодежи, которая должна была примкнуть къ оппозиціи во имя ненависти къ дореформенному строю. Его расчетъ оправдался и даже, какъ случилось это далѣе, перешагнувъ за предѣлы ожидаемаго, вопреки его личнымъ убѣжденіямъ и складу ума. Молодежь второй половины пятидесятихъ годовъ начинаетъ понемногу принимать активное участіе въ политическомъ броженіи нашего отечества, а заботливое начальство на первыхъ же порахъ старательно само вгоняетъ его въ оппозицію, возстановляетъ противъ себя и приобщаетъ своими безтактными дѣйствіями къ остальному закипавшему революціонной непогодой отечественному морю. Мы знаемъ, что въ русскихъ университетахъ отъ времени до времени обнаруживались, даже въ суровую николаевскую эпоху, теченія политическаго характера, являвшіяся, однако, единичными моментами изъ жизни учащейся молодежи, не захватывавшими ее всецѣло и не отражавшимися на общемъ академическомъ строѣ ¹⁾. Со второй половины пятидесятихъ годовъ мы уже встрѣчаемся съ болѣе частыми вспышками молодой жизни, причемъ на первыхъ порахъ поводы къ такимъ вспышкамъ не носятъ на себѣ явной политической окраски, а должны быть относимы къ проявленіямъ избытка силъ, нѣкотораго легкомыслія и общаго отечественнаго нервнаго настроенія.

Первыя «студенческія исторіи» разыгрались въ 1857 г. и почти одновременно въ университетахъ московскомъ, харьковскомъ и казанскомъ. О харьковской исторіи будетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатано подробно въ одной изъ ближайшихъ книжекъ текущаго года. Что касается московской, то о ней подъ 13-мъ апрѣля сказано въ «Дневникѣ» Никитенка: «Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами

¹⁾ «Историч. Вѣстн.» за 1906 г. наши очерки «Борьба за конституцію».

было человекъ пять-шесть поляковъ. Вдругъ къ нимъ явился квартальный надзиратель съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человекъ двадцать полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали двери, другіе полѣзли въ окна; стали всѣхъ вязать съ криками, что тутъ все измѣнники, ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были отведены на съѣзжую. Четверо такъ пострадали, что опасаются за ихъ жизнь. Генералъ-губернаторъ Закревскій далъ знать телеграммою государю въ Кіевъ, что «въ университетѣ бунтъ». Государь отвѣчалъ: «Не вѣрю».

«Производится слѣдствіе. Теперь государь въ Москвѣ. Общій голосъ, что молодые люди въ этомъ дѣлѣ вели себя превосходно. Даже враги университета во всемъ винятъ полицію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшенія государя».

Тютчевъ по этому же предмету писалъ Погодину: «Мы здѣсь живемъ въ тревожномъ ожиданіи августѣйшаго рѣшенія по слѣдующему вопросу: подобаесть ли московской полиціи распорядиться въ первопрестольномъ градѣ, вѣрнолюбезной Москвѣ нашей, какъ англичане и башибузуки распорядились въ Керчи».

Какъ потомъ опредѣлилось, полиція, принимавшая участіе въ избіеніи студентовъ, была отдана подъ судъ. Въ томъ же университетѣ разыгралась и послѣдующая исторія изъ-за нежеланія студентовъ слушать лекціи проф. Варнека, въ коей профессорскій ареопагъ сталъ на сторону своего обижаемаго и отвергаемаго по причинѣ бездарности товарища. Результатомъ исторіи было исключеніе нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ университета, исключенію же подверглись и многіе казанскіе студенты за аплодированіе, вопреки запрещенію, проф. Буличу. Аналогичная же по своему настроенію и со столь же печальными послѣдствіями разыгралась исторія и въ петербургскомъ университетѣ.

Всѣ эти инциденты, которые легко могли быть разрѣшаемы и безъ столь значительныхъ жертвъ, озлобляли молодежь, порождали ряды недовольныхъ и вносили въ общественную атмосферу еще большую нервность и раздражительность. Отмѣчая на страницахъ «Колокола» университетскіе конфликты съ ихъ послѣдствіями, Герценъ по поводу ихъ обращался съ горячею рѣчью и къ государю и къ молодежи.

Обращаясь къ Александру Николаевичу, онъ говорилъ ¹⁾: «...Путь, по которому Россія идетъ, можно исказить, покрыть грязью, усыпанъ битымъ стекломъ, и изъ свѣтлаго, правильнаго шествія сдѣлаеъ утомительный переходъ и непрерывную драку, въ которой

¹⁾ «Колоколъ» 1860 г., № 60.

правительство, какъ матеріально гораздо сильнѣйшее, погубить бездну людей, надѣлаеть бездну несчастій безъ нужды и безъ пользы. Вотъ почему эти реакціи, эти возвращенія ко времени, которое надобно забыть, эти перевѣсы въ сторону прошедшаго— не повергають насъ въ отчаяніе, но заставляютъ дрожать отъ гнѣва и досады.

«Вотъ почему мы входимъ съ раздумьемъ въ новое десятилѣтіе, и, переступая послѣднюю черту прошедшаго, останавливаемся еще разъ, чтобъ сказать государю:

«Государь, проснитесь, новый годъ пробилъ, новаго десятилѣтія, которое можетъ будетъ носить ваше имя, но вѣдь нельзя одной и той же рукой ярко и свѣтло записывать свое имя въ исторію, какъ освободителя крестьянъ, и подписывать нелѣпныя повелѣнія противъ свободной рѣчи и противъ молодости—юношей. Васъ обманываютъ, вы сами обманываетесь—это святки, это ряженые. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья Россіи и кто любитъ только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что еще друзья Россіи могутъ быть и вашими. Велите поскорѣе снять маски. Вы удивитесь—этотъ маскарадъ, васъ окружающій, не похожъ на тотъ, который дѣлали два года тому назадъ для великихъ князей въ кадетскомъ корпусѣ: тамъ дѣти представляли волковъ и вепрей, а тутъ вепри и волки представляютъ сановниковъ и отцовъ отечества!»

Что касается студентовъ, то Герценъ, описавъ подробно перипетіи, имѣвшія мѣсто въ московскомъ университетѣ, въ статьѣ «Синхедрионъ московскихъ университетскихъ фарисеевъ»¹⁾ въ заключеніе обратился къ юношеству «съ совѣтомъ, или, вѣрнѣе, съ горячей просьбой», говоря: «Мы, нисколько не обинуюсь, обвиняемъ военно-судныя наклонности московскаго профессорскаго аудиторіата. Въ нашемъ сочувствіи вамъ сомнѣваться грѣшно. Вся наша жизнь, всѣ ея отдѣльныя событія могутъ служить свидѣтельствомъ, что если бъ даже мы были вознесены судьбою на мѣста Баршевыхъ и Крыловыхъ²⁾, то и тогда оставались бы вѣрны нашимъ убѣжденіямъ, а потому съ чистой совѣстью и съ откровенностью любви мы рѣшаемся умолять васъ быть осторожными, вы можете погубить не только себя, но гораздо больше.

«Россія обязываетъ васъ къ этой жертвѣ. Есть стадіи развитія организма, требующія болѣе строгой гигіены. Россія именно теперь находится въ такомъ состояніи. Ничто старое не вырвано съ корнемъ, ничто новое не пустило еще корни. Опереться не на что. Внѣ благородныхъ инстинктовъ государя, съ одной стороны, и части общества, съ другой, внѣ удвоенной умственной дѣятель-

¹⁾ «Колоколь» 1859 г. № 55.

²⁾ Профессора московскаго университета.

ности и того трепетнаго ожиданія, которое предваряетъ всякое будущее—ничего нѣтъ, ничто не обезпечено! Не давайте повода, чтобъ снова спустили на васъ присмирѣвшихъ андреевскихъ шакаловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ палачей. Память Новосильцевыхъ и Пеликановъ не за горами и пятилѣтніе всходы не такъ сильны, чтобъ противостоятъ реакціи

«Возлѣ васъ великій примѣръ, взгляните на тихій океанъ крестьянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства. Какъ были бы рады плантаторы-помѣщики, если бѣ они могли вызвать бурю.

«Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея, не тратьте ихъ попустому, вамъ столько дѣла впереди, столько борьбы».

Въ апрѣльскомъ номерѣ (№ 67) въ отдѣлѣ «Смѣси» ¹⁾ Герценъ сообщаетъ уже тревожную вѣсть подъ рубрикой «Начало новыхъ гоненій въ Россіи»: «Въ Петропавловской крѣпости велѣно приготовить казематы,—сказано здѣсь.—На дняхъ ждутъ двѣнадцать студентовъ харьковскаго и кievскаго университетовъ, обвиняемыхъ въ революціонномъ образѣ мыслей и въ революціонныхъ замыслахъ!—«Times» отъ 24 марта подтверждаетъ страшную вѣсть объ арестахъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, прибавляя, что такія же аресты были въ Казани. Между арестованными находится профессоръ Качановскій. Корреспондентъ Теймса замѣчаетъ, что, вѣроятно, по обычному усердію русской полиціи какое-нибудь литературное общество принято за заговоръ.

«За работу, г. Тимашевъ! за работу III отдѣленіе!... Батракъ вашъ Лузинъ ²⁾ доставилъ вамъ грубую матерію, прославьте царствованіе—гласности и мягкаго прекраснодушія. À l'oeuvre, господа!».

Всѣ имѣвшіяся до тѣхъ поръ свѣдѣнія объ университетской жизни молодежи свидѣтельствовали лишь о ея нѣсколько нервномъ, возбужденномъ настроеніи, объясняемомъ, какъ уже отмѣчено, всѣмъ ходомъ тогдашней общественности и связанныхъ съ нею явленій, какъ положительнаго, прогрессивнаго характера, такъ и регрессивнаго, являвшагося слѣдствіемъ неустойчивости внутренней правительственной политики. Вліяніе оппозиціонной печати играло также здѣсь немаловажную роль, и студенты явились важными факторами распространенія какъ въ публикѣ, такъ и въ средѣ учащихъ герценовскихъ изданій. Они ихъ перепечатавали въ видѣ лекцій и развозили цѣлыми партіями по городу. Сообщение Герцена о казематахъ было вѣстью, что сближеніе активной политической дѣя-

¹⁾ «Колоколь» 1860 г.

²⁾ Харьковский губернаторъ, собственноручно избившій одного студента и на основаніи частнаго дневника послѣдняго, гдѣ были набросаны мысли о самодержавіи, донесшій въ Петербургъ, что имъ открытъ политическій заговоръ въ университетѣ противъ особы государя.

тельности и студенчества состоялось: на сцену выступает уже не университетскій карцеръ, а мрачные своды политической тюрьмы... Очевидно, событія начали разворачиваться быстро, чѣмъ то ожидалъ издатель «Колокола», и студенчество отъ бурленія по домашнимъ поводамъ и мѣстнымъ причинамъ перешло на арену активной борьбы, куда постепенно и съ удивительной послѣдовательностью его толкали роковыя обстоятельства всей совокупности русской жизни и на которую звалъ и самъ знаменитый эмигрантъ, восклицая: «vivos voso!»

XXII.

Участникъ тогдашнихъ событій въ жизни петербургскаго университета, извѣстный общественный дѣятель и книгоиздатель, Л. Ф. Пантелѣевъ сообщаетъ много любопытныхъ страницъ изъ той эпохи въ своей книжкѣ «Изъ воспоминаній прошлаго», о коей два года назадъ мы уже давали отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Къ его живо-написаннымъ воспоминаніямъ мы будемъ еще имѣть случай обратиться въ части нашихъ очерковъ, посвященной эпохѣ реформъ, когда придется говорить о революціонныхъ подготовленіяхъ разныхъ группъ вообще и учащейся молодежи въ частности. Пока же отмѣтимъ лишь, что изъ повѣствованія автора наглядно видно, что огромная бушующая жизнь за стѣнами университетовъ того періода со всѣми ея животрепещущими вопросами гулко отзывалась и въ аудиторіяхъ, заставляя юныхъ слушателей переживать всѣ тѣ недуги и горести, которые испытывали на себѣ ихъ отцы, старшіе братья и руководители.

Все чаще повторявшіяся въ разныхъ университетахъ «студенческія исторіи» и обнаружившаяся связь учащейся молодежи съ прогрессивными и оппозиціонными общественными элементами привели правительство, въ цѣляхъ болѣе внимательнаго надзора за учащимися, къ сознанію о необходимости подчиненія ихъ внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Какъ ни относиться къ такого рода мѣропріятію, но нельзя не отмѣтить, что оно въ результатѣ не достигло своей непосредственной цѣли, и молодежь даже подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи въ очень скоромъ времени «ушла въ политику» и связала свою жизнь съ самыми рѣзкими проявленіями революціонныхъ движеній.

Обозрѣвая все сказанное въ настоящей части нашихъ очерковъ, посвященныхъ «кануну реформъ», мы видимъ, что, несмотря на личное желаніе новаго государя стать на путь реформъ и несмотря на сдѣланный имъ въ крестьянскомъ вопросѣ рѣшитель-

ный шагъ, котораго такъ долго ожидало отъ предшествовавшихъ ему вѣнценосцевъ русское общество,—это не привело къ залогу мирной жизни нашей родины. Доброе желаніе монарха было замедлено осуществленіемъ окружавшими его совѣтниками и со-трудниками, которые успѣли вооружить его противъ наиболее вліятельныхъ, талантливыхъ и энергичныхъ представителей общест-венности и посѣять въ послѣдней сѣмена недовѣрія и нераспо-ложенія къ царю-освободителю. Эти сѣмена съ годами дали свой буйный ростъ и, когда пробилъ часъ реформъ, было уже поздно: духъ мира и любви отлетѣлъ отъ нашей родины и мѣсто его за-нялъ духъ злобы и кровавой борьбы, который, расправляя съ годами все шире свои крылья, охватилъ ими къ нашимъ уже днямъ все лицо русской земли.

Б. Глинскій.

БОРЦЫ ЗА СЛАВЯНСКУЮ СВОБОДУ.

(Раковскій—Ботевъ).

ОНЕЦЪ 1906 г. и первая половина 1907 года напоминаютъ намъ о двухъ историческихъ годовщинахъ, которыя трудно обойти молчаніемъ: о 40-лѣтїи смерти Саввы Стойкова (Раковского) и о 30-лѣтїи смерти Христа Ботева, выдающихся писателей и гражданъ зарубежнаго славянскаго міра.

Смерть—безсмертна. Она подкашиваетъ, уноситъ и въ то же время окружаетъ величіемъ и сіяньемъ имена героевъ, сошедшихъ въ могилу.

Раковскій и Ботевъ — болгары, родственные другъ другу по мощному духу могучихъ, мятежныхъ натуръ, дѣти страсти и стихійнаго порыва, а не холодной разсудочности.

Каждый изъ нихъ—вполнѣ опредѣлившаяся крупная величина не только для историка литературы или вообще историка, но и для каждаго мало-мальски интересующагося дѣломъ возрожденія болгарской народности, столь близкой къ русской, что, право, равнодушіе съ нашей стороны было бы или преднамѣреннымъ по какимъ-нибудь особеннымъ, неяснымъ причинамъ, или неестественнымъ.

Цѣль моей настоящей бѣглой замѣтки — исключительно напомянуть объ умершихъ великихъ славянахъ, давъ нѣкоторые эпизоды изъ ихъ бившей ключомъ жизни, а не изучать или критиковать ихъ творенья.

Скажу о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, а затѣмъ представляю читателямъ самимъ познакомиться съ произведеніями Раковского и Вотева, имѣющимися на русскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ ¹⁾.

I.

Савва Стойковъ, болѣе извѣстный подъ фамиліей Раковского (1818 — 1867),— одинъ изъ наиболѣе крупныхъ пробудителей болгарскаго возрожденія, заслуженный борецъ за свободу, вдохновенный поэтъ и публицистъ съ огненнымъ боевымъ темпераментомъ, археологъ, бытописатель, революціонный агитаторъ и, наконецъ, балканскій гайдукъ.

Иванъ Вазовъ, лучшій художникъ слова въ современной Болгаріи, посвятилъ памяти Раковского прекрасное стихотвореніе, мѣтко очертившее покойнаго политическаго дѣятеля. При чтеніи этихъ стиховъ ярко встаетъ передъ глазами сказочный образъ богатой рыцарской души.

Вотъ эта элегическая поэма, охватывающая жизнь, полную самыхъ удивительныхъ приключеній ²⁾:

«Безумный мечтатель съ душой непонятной,
Сынъ темной години, тревожной и ратной,
Раковский, почіеъ твой прахъ подъ кустомъ,
Едва осѣненный подгнившимъ крестомъ.
Спи послѣ волненій! Ночами и днями
Ты вихремъ носился, кипѣлъ ты страстями,
Ты точно купался въ стихійномъ огнѣ...
Никто не мѣшаетъ твоей тишинѣ...

Ошиблась природа, тебя не познала,
И генія путь для тебя расчищала,
И мысли твои надѣлила она
Горячимъ восторгомъ, лишивъ тебя сна;
Но, видно, невѣдомый демонъ вмѣшался,—
Изъ крайностей только твой духъ созидался:
И страстью, и желчью, и мощью горя,
Душа твоя—буря, и мракъ, и заря,
А ненависть адская—вотъ твое право!
Любовь до небесъ—вотъ любви твоей слава!..
Ее до конца, точно глыбу—утесь,
Какъ тягостный крестъ, ты безропотно несъ.

Девизомъ твоимъ была смерть или воля,
Мечтою—Балканы, святынею—доля
Народа, что кровью облитый страдалъ!
Какъ призракъ туманный, ты въ жизни виталь.

¹⁾ Напр. «Славянскіе поэты» Н. В. Гербеля, «Славянская Муза» (3-е изд.) В. Уманова-Каплуновскаго и др.

²⁾ Переводъ съ болгарскаго этого стихотворенія и другихъ, приводимыхъ ниже, принадлежитъ автору настоящей замѣтки.

Въ грядущую мглу ты смотрѣлъ боязливо,
 Но въ тайны былого проникнулъ на диво
 И выдвинулъ міру изъ сумрака бѣдъ
 Вѣка золотые, величье побѣдъ,
 О славныхъ царяхъ-чудодѣйцахъ преданья,
 Поросшіи мхомъ вѣковыя сказанья.
 Повсюду орлиный твой взоръ находилъ
 Засохшіе лавры болгарскихъ могилъ.

Глубокую тьму старины той родимой
 Открылъ передъ свѣтомъ ты, неудержимый;
 Ничто для тебя не являлось сверхъ силъ
 И всѣ ты мечтанья свои воплотилъ;
 Загадчиковъ хитрыхъ, всегда безответныхъ,
 Смущалъ ты напоромъ вопросовъ завѣтныхъ;
 Ни тьма, ни событийъ безчисленныхъ рой,—
 Ничто не стоитъ на пути предъ тобой.
 О, духъ безпокойный, мечтатель несчастный,
 Ты думалъ, апостоль, воитель ужасный,
 Въ минуту задачи столѣтій постичь?
 И робко мы слышали гордый твой кличъ,
 Когда ты на Савѣ и за Дембовицей
 Воскликнулъ: «Свобода, сіяй намъ зарницей!»
 И тутъ же, горя вдохновеннымъ огнемъ,
 Надежду посѣялъ въ народъ своею.
 Въ громадной толпѣ только ты лишь,—неспящій,
 За всѣхъ, точно демонъ какой-то всеврящій,
 Съ судьбою боролся, страдалъ, шелъ на бой,
 То стойкій мудрецъ, то безумецъ шальной,
 То вожь на Балканахъ, то узникъ въ Стамбулѣ,
 Поэтъ и разбойникъ въ широкомъ разгулѣ...
 И мысли, и битвы, и съ лирой труба,—
 Для нихъ ты былъ созданъ и весь былъ—борьба!
 Исторіи много придется размыслить,
 Къ какимъ тебя ликамъ безсмертнымъ причислить...
 Ты умеръ. Нѣма гробовая плита,
 Сокрыта подъ дикою тѣнью куста,
 А прахъ твой гнѣтъ безъ слезы умиленья...
 Но, вѣдай, открыть намъ, о сынъ искупленья,
 Проломъ тотъ широкій, что въ радостный часъ
 Въ туманной дали уготованъ для насъ!»

Раковскій, этотъ изумительный человѣкъ 40 — 60-хъ годовъ, обладавшій непреклонной волей, своими зажигательными пѣснями, а также изданіемъ историческихъ памятниковъ далекой старины, первый началъ пробуждать въ дремавшихъ болгаряхъ народное самосознаніе, приготавливая ихъ къ воспріятію будущей свободы; путемъ газетъ, редактируемыхъ при личномъ наблюденіи, воодушевлялъ народъ, подымая его къ поголовному возстанію; наконецъ онъ соединялъ шайки гайдуковъ подъ общій стягъ и организовалъ ихъ, проповѣдая всегда и вездѣ одну и ту же мысль, точно по кашлямъ долбящую камень,—и мысль эта всецѣло была направлена къ спасенію Болгаріи, порабощенной турками.

Первоначально, до Раковского, гайдуками считались не что иное, какъ мѣстные разбойники.

Болгары, собиравшіеся въ гайдучьи шайки, имѣли единственною цѣлью—убивать турокъ, мстя имъ за ихъ несправедливости, и, въ особенности, за поруганіе христіанской святыни, и преслѣдовать богатыхъ гражданъ, называвшихся «чорбаджіями», которые притѣсняли подчиненныхъ, жили ихъ трудами и, вдобавокъ, еще были туркофилами, стало-быть, явными врагами своего народа (среди такихъ гайдуковъ преданіе сохранило имя славнаго Минчовоеводы).

Нѣкто Панайотъ Хитовъ, подъ энергичнымъ руководствомъ Раковского, создалъ изъ гайдуковъ политическую партію поборниковъ за свободу.

Раковский учился въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ и, какъ писатель, проявлялъ, помимо несомнѣннаго таланта, большую начитанность, хотя и безъ серьезной научной эрудиціи, скорѣй дилетантство.

По существу характера это былъ болгарскій революціонеръ стараго вакала — жестокосердый, лукавый, эгоистъ до мелочности и рядомъ съ недостатками — поразительно мужественный и работоспособный; ненависть къ туркамъ онъ возвелъ въ какой-то недосягаемый культъ...

Изъ этой ненависти, какъ неминуемое слѣдствіе, вытекало плохое пониманіе политическихъ отношеній. Личное отгѣсняло на задній планъ общее.

Средства его, понятно, нерѣдко бывали далеко несогласными съ принятыми началами, но цѣль постоянно сводилась къ святой задачѣ—къ освобожденію родины.

На свѣтѣ мало людей, столько перенесшихъ, такъ много пережившихъ и выстрадавшихъ, какъ Савва Стойковъ.

Судьба бросала его въ разныя страны: то онъ принималъ участіе въ набѣгахъ на Турцію (1841 г.), то служилъ секретаремъ въ Турціи же по военному совѣту, но за сношенія съ русскими былъ обвиненъ въ измѣнѣ и вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, убивъ предварительно турецкаго жандарма, или «заптія» (1854 г.).

Плодотворная политическая и литературная дѣятельность Раковского имѣла громадныя успѣхъ.

Во время скитаній, вольныхъ и невольныхъ, по различнымъ городамъ и государствамъ (Новый Садъ, Бѣлградъ, Бухарестъ, Одесса) онъ выпускалъ книги, брошюры, журналы, листки, газеты.

Австрійскія власти конфисковали какъ-то одно изъ его революціонныхъ изданій («Българска дневница») и арестовали самого Раковского, но онъ ускользнулъ изъ-подъ стражи, бѣжалъ въ Одессу, потомъ перебрался въ Сербію, былъ высланъ и оттуда, по требо-

ванію турецкаго правительства, и поселился въ Румыніи, но, задержанный и тамъ, вынужденъ былъ опять скрываться въ Россіи.

Онъ извѣздилъ вдоль и поперекъ всю Европу, неоднократно предводительствовалъ повстанническими отрядами, состоялъ членомъ нѣсколькихъ революціонныхъ организацій, а передъ крымской кампаніей пріѣзжалъ даже въ Петербургъ просить русское правительство о защитѣ болгаръ передъ Турціей, но его миссія потерпѣла крушеніе, и Раковскаго едва не посадили въ крѣпость. Тогда онъ черезъ Одессу кинулся въ Румынію, ставъ навсегда непримиримымъ врагомъ русскихъ. Раковскій первый изъ болгаръ началъ писать противъ Россіи, такъ что когда она сдѣлала воззваніе къ Болгаріи о переселеніи желающихъ въ южно-русскія земли,—онъ стойко пропагандировалъ какъ устно, такъ и путемъ брошюръ, что Русь преслѣдуетъ не челоувѣколюбивыя, а однѣ лишь завоевательныя цѣли.

Раковскій умеръ на 50-мъ году жизни въ Бухарестѣ, оставивъ послѣ себя нѣкоторыя неизданныя сочиненія, изъ которыхъ, между прочимъ, вышелъ въ свѣтъ «Ключъ» къ изученію болгарскаго языка.

Изъ другихъ его произведеній имѣютъ значеніе: «Русската убійственна политика» и «Български хайдуци».

II.

Прямой послѣдователь Саввы Стойкова—Христо Ботевъ (1849—1876), сынъ калоферскаго народнаго учителя, — такая же достойная удивленія личность, если не еще болѣе даровитая. Будучи 15-лѣтнимъ мальчикомъ, почти юношей, онъ поступаетъ въ одесскую семинарію, но неотвязчивая горячая идея итти на помощь угнетенной отчизнѣ гвоздитъ мозгъ и не даетъ Ботеву окончить образованіе.

Страстный и развитой не по лѣтамъ, онъ окунается въ волны революціоннаго движенія, направленнаго противъ турецкой гегемоніи.

Ботевъ поневолѣ превращается въ эмигранта и въ 1870 г. приступаетъ въ румынскомъ городѣ Браиловѣ къ изданію газеты «Дума», затѣмъ, тѣснымъ «миролюбивыми соотечественниками», которые подлаживались къ Турціи, считая это для себя выгоднымъ, онъ перебирается въ Бухарестъ, гдѣ становится въ ряды наборщиковъ въ типографіи не менѣе выдающагося политическаго агитатора и писателя, Любена Каравелова, который подготавливалъ національный духъ болгаръ къ борьбѣ съ турецкимъ вліяніемъ и рядомъ постоянно знакомилъ Россію съ Болгаріей, участвуя въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Близкія дружескія отношенія къ И. С. Аксакову расширяли его кругозоръ.

Подобно знаменитому Раковскому, Каравеловъ неустанно работалъ на пользу Болгаріи, издавая повѣсти, обличительныя стихотворенія, ученныя статьи, критическія, памфлеты и прокламаціи.

Вся читающая Болгарія, равно какъ и болгарская эмиграція въ Румыніи, предпочитала тогда публицистику произведеніямъ изящной литературы и въ то время, когда повѣсти и рассказы Каравелова часто лежали неразрѣзанными,—критическіе очерки и сатиры, въ родѣ, на примѣръ, его замѣтокъ: «Ты знаешь, кто мы?»—читались нарасхватъ во всѣхъ слояхъ общества.

Писательская дѣятельность Каравелова среди русскихъ была, пожалуй, еще важнѣе для болгаръ, чѣмъ дѣятельность его на родинѣ.

Будучи по преимуществу агитаторомъ, проникнутымъ духомъ отрицанья, Каравеловъ, самъ того не замѣчая, зачастую впадалъ въ крайности и вмѣстѣ съ султаномъ и его чиновниками-казнокрадами громилъ и возрождающуюся болгарскую церковь въ своихъ газетахъ «Независимость», «Будильникъ» и «Знамя».

Въ этихъ-то газетахъ вскорѣ сдѣлался членомъ редакціи и ближайшимъ сотрудникомъ молодой Ботевъ и быстро приобрѣлъ первенствующее значеніе въ колоніи болгаръ-эмигрантовъ.

Бурная и мрачная жизнь поэта, пронесшаяся яркой полосой на страницахъ новѣйшей болгарской исторіи періода до освобожденія, картинно отразилась въ его малочисленныхъ небольшихъ стихотвореніяхъ, оставшихся послѣ Ботева всего въ количествѣ 16. Они проникнуты суровымъ пессимизмомъ, и въ каждой ихъ строкѣ слышится крикъ наболѣвшей души патріота-борца, ищущаго выхода. Всѣ жили тогда подобной жизнью, и Ботевъ сталъ любимцемъ молодежи, выразителемъ ея сердечныхъ настроеній.

Братскія чувства къ униженнымъ и оскорбленнымъ, любовь къ народу, покрывающая всѣ другія чувствованія, грусть о людской несправедливости — вотъ мотивы его поэзіи. Языкъ всегда простъ и ясенъ.

«Оставь эти пѣсни и рѣчи,—
 Миѣ ядъ онѣ въ сердце вливають...
 Любовныя нѣжныя встрѣчи
 Лишь раны мои разжигаютъ.
 Ищу я напрасно забвенья
 И злобно кляню увлеченья...
 Любовь подчинилъ я разсудку...»

Въ этой строкѣ отчетливо звучитъ приговоръ желѣзнаго сердца, которое было способно раскаляться только въ борьбѣ за гибнущее отечество, за страдающихъ братьевъ и оставалось холоднымъ къ утѣхамъ и соблазнамъ личнаго счастья. Лучшее изъ ботевскихъ стихотвореній посвящено смерти славнаго «юнака», Хаджій-Ди-

митра, ставшаго гайдукомъ и завербовавшаго въ свой отрядъ въ качествѣ знаменосца баснословнаго храбреца Караджу.

Этотъ Димитръ въ маѣ 1868 г. со своей небольшой ратью въ 18 человекъ напалъ на четыре турецкихъ полка у Шипки (на вершинѣ горы Бузлуджи) и навелъ на правовѣрныхъ мусульманъ такой панической страхъ отчаяннымъ мужествомъ, что, когда потерялъ всѣхъ товарищей и остался одинъ, тяжело раненый, — турки побоялись приблизиться къ нему. Черезъ нѣсколько дней его трупъ былъ найденъ молодыми болгарками и преданъ погребенію. День его смерти до сихъ поръ справляется политически-національнымъ торжествомъ.

... «Кто гибнетъ за свободу,
Вѣка несчетные живетъ,
Угоденъ міру, и народу
О немъ пѣвецъ передаетъ».

Такъ говоритъ Ботевъ о Хаджіи - Димитрѣ; такъ можно сказать и о немъ самомъ.

Не менѣе извѣстны другіе его стихи, на примѣръ, хотя бы «Молитва», написанная въ духѣ раціонализма.

«Я тебѣ молюсь, мой Разумъ,
Богъ рабовъ и другъ свободы!
Будутъ дни,—въ тебя всѣ разомъ,—
Всѣ увѣруютъ народы»,—

воскликаетъ поэтъ, видя Бога не только въ томъ, «что надъ вселенной», но и въ томъ, что живетъ въ сердцѣ и таится въ «мысли вдохновенной». Его Богъ—не тотъ,

«Что, міръ впервые
Человѣку открывая,
Цѣпи рабства вѣковыя
Далъ ему, изгнавъ изъ рай;
И не тотъ, что лишь для власти
Все сатраповъ грозныхъ ставилъ,
Отъ неволи жъ, отъ напасти
Нищихъ братьевъ не избавилъ;
И не тотъ, что—богъ кровавыхъ
Разрушителей, бесплодныхъ,
И кумиръ ханжей лукавыхъ
И губителей народныхъ».

Свое молитвословіе такъ заканчиваетъ Ботевъ:

«Въ души, полныя отравой,
Влей любовь къ свободѣ милой,
Чтобъ сражались мы со славой
Съ нашей вражескою силой!
Поддержи мнѣ въ битвѣ руку,
Чтобъ я могъ въ рядахъ возстаня,

Заглушивъ подь сердцемъ муку,
 Лечь костью безъ поруганья!
 Не давай остыть душою
 Мнѣ, скитальцу, на чужбинѣ
 Съ пѣсней скорбною, больною,
 Вопиющею въ пустынь!»

Это стихотвореніе долго служило откровеніемъ для сознательнаго болгарскаго юношества.

Однако, несмотря на внѣшній успѣхъ, Ботевъ быстро убѣдился, что писаніемъ зажигательныхъ статей и стиховъ хотя и можно пріобрѣсти славу, но нельзя освободить отечество, и приступилъ къ организациі партизанскаго отряда, проявляя такую же силу воли и находчивость, какъ и его идейный учитель, Раковскій. И вотъ по телеграфу въ 1876 г. вся Европа узнала въ одинъ майскій день роковую вѣсть о томъ, что горсть молодыхъ болгарскихъ повстанцевъ (20 человекъ), переодѣтыхъ рабочими, подь предводительствомъ Ботева, собрались изъ румынскихъ городовъ и сель, взосли на австрійскій пароходъ «Радецкій» и заставили себя перевезти на турецкій берегъ.

Тамъ они сбросили верхнюю одежду, прикрывавшую нарядный костюмъ, поцѣловали «мать сыру-землю» и пошли на смертный бой, заранѣ обрекая себя на жертву.

Конечно, черезъ 2—3 дня почти всѣ погибли, а тяжело раненые были захвачены въ плѣнъ. Ботевъ, какъ воспитанный имъ Хаджій-Димитръ, былъ послѣднимъ изъ убитыхъ героевъ.

Словно сознавая этотъ конецъ, онъ говорилъ въ своей «Элегіи» о томъ, что

«Бѣдное сердце чуть бьется..
 . . . . . Тоскою боля,
 Безплотнымъ оно унесется
 Туда, гдѣ духъ смерти витаетъ,
 Гдѣ пѣсня немолчно рыдаетъ».

Болгарскіе борцы за свободу умѣли жить, умѣли и умирать богатырями.

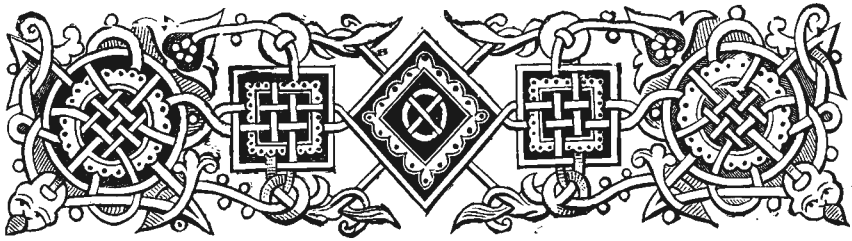
Вспоминаешь ихъ и хочется сказать:

«Нетлѣнный лавръ, невянущія розы
 Вамъ обовьютъ терновые вѣтви...¹⁾».

В. Умановъ-Каплуновскій.

¹⁾ Изъ стих. Д. Мережковскаго.

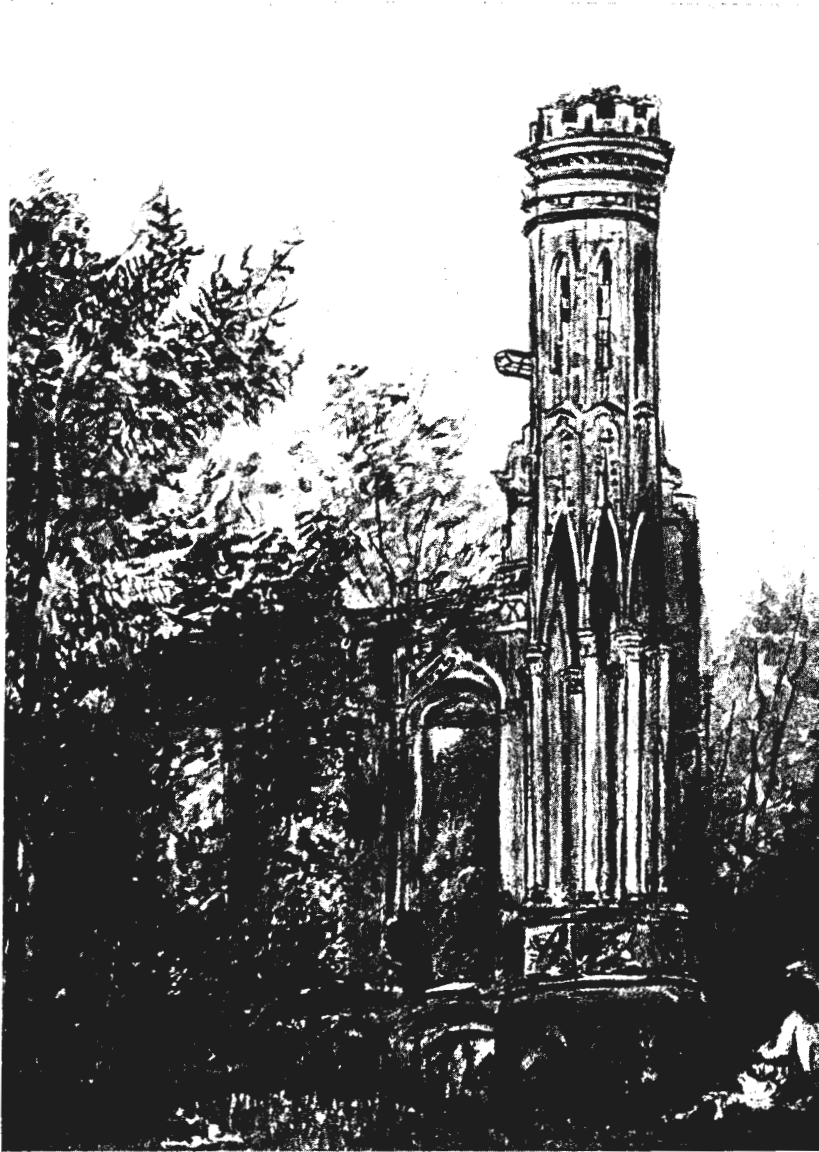
РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ГРАФА ПАЦА.

УТЕШЕСТВЕННИКЪ, направляющійся за границу на Вержболово и Эйдкуненъ (въ быстроходномъ поѣздѣ нордъ-экспрессѣ), мало интересуется оставляемой имъ съ правой стороны мѣстностью, именуемой Сувальской губерніей, входящей въ составъ Россійской имперіи подъ общей рубрикой Привислинскаго края. Мѣстность эта ближе знакома русскимъ—такъ называемымъ майоратнымъ землевладѣльцамъ-собственникамъ высочайше пожалованныхъ земель, конфискованныхъ у мятежныхъ поляковъ; чиновникамъ, присланнымъ изъ Россіи, стоящимъ во главѣ управленія этого края, и, наконецъ, многочисленнымъ представителямъ всѣхъ родовъ русскаго войска, охватывающаго плотнымъ кольцомъ прусскую границу и ограждающаго Россію отъ случайностей германскаго вторженія. Едва ли однако кто-либо изъ этихъ трехъ категорій русскихъ дѣятелей съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Сувальской губерніи и не смотритъ на таковое какъ на вынужденную ссылку. Такая репутація этой губерніи прочно установилась еще со временъ польскихъ королей, когда въ ея предѣлы ссылались государственные преступники и она по справедливости именовалась польскою Сибирью. И дѣйствительно, по сравненію съ благодатными берегами Вислы, не говоря уже о прежнихъ польскихъ владѣніяхъ Волыни и Подола, Сувальская губернія съ ея непостояннымъ климатомъ и скудною почвою вполне заслужила такое непріятное названіе. Подъ влія-

ніемъ близости Балтійскаго моря въ ней господствуютъ порывистые вѣтры, вздымающіе песчаную землю, и только наличность большихъ дремучихъ лѣсовъ нѣсколько умѣряетъ это непріятное жизненное условіе. Суровыя стужи смѣняются внезапными оттепелями и обратно; поздніе заморозки въ маѣ, губительные для садовъ и огородовъ, а также и ранніе осенніе, повреждающіе посѣвы картофеля, этого главнаго пищеваго продукта всего населенія, не составляютъ рѣдкости. Что же касается до почвы, то она даетъ удовлетворительные урожаи только при обильномъ удобреніи, и мѣстный земледѣлецъ для успѣшнаго хозяйствованія долженъ обладать обширными свѣдѣніями во всемъ, что касается искусственныхъ удобреній, суперфосфата, томасъ-шлака, кайнита, чилійской селитры и т. п. Особенно безотрадное впечатлѣніе производитъ мѣстность вдоль полотна вновь построенной желѣзной дороги отъ станціи Ораны С.-Петербурго-Варшавской ж. д. на Олиту и Сувалки. Здѣсь можно видѣть цѣлый рядъ холмовъ, какъ бы большихъ кургановъ, со скуднымъ песчанымъ и каменистымъ грунтомъ, раздѣляемымъ мелкими колбоинами съ болотистою почвою, покрытою жесткою осокой. Для такихъ полей невозможно даже удобреніе: питательныя вещества съ холмовъ уносятся въ ложбины, гдѣ пропадаютъ безцѣльно, такъ какъ вслѣдствіе общаго рельефа спускъ грунтовыхъ водъ является невозможнымъ и мѣстность сохраняетъ присущій ей характеръ неплодной пашни и пустыннаго болота. Въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣстностью находится и самая желѣзная дорога, пассажирскіе поѣзда которой двигаются съ поразительной медленностью, а товарные появляются лишь изрѣдка за неимѣніемъ грузовъ для перевозки. Около пустынныхъ вокзаловъ жалкой архитектуры происходятъ убійственныя остановки; публика все такая же печальная и сѣрая, какъ и все окружающее, и только изрѣдка появляющаяся молодцоватая фігура драгунскаго унтеръ-офицера въ сапогахъ съ огромными звонкими шпорами и щеголеватомъ мундирѣ нѣсколько оживляетъ унылый пейзажъ.

Несмотря на эти неблагопріятныя условія, Сувалкская губернія все же въ достаточной степени населена, плотностью до 55 жителей на одну квадратную версту, такъ что является почти въ три раза населеннѣе плодородной области войска Донскаго, располагающей лишь 17 жителями на квадратную версту. Правда, что наряду съ только что описанными нами безотрадными мѣстами имѣются плодородные уѣзды: Волковышскій, Маріампольскій и Кальварійскій, съ ровною площадью и почвою съ значительнымъ запасомъ перегноя. Уѣзды эти, какъ, напримѣръ, Волковышскій, обратили на себя благосклонное вниманіе первыхъ майоратныхъ владѣльцевъ, особенно искательныхъ, которые сумѣли добиться для себя и своего потомства помѣстій, приносящихъ 30 тыс. руб. и болѣе ежегоднаго дохода.

Развалины замка Паца.

По этнографическому составу население Сувалкской губернии составляет переходную ступень отъ литовцевъ-жмудиновъ Ковенской губернии къ наиболее характернымъ представителямъ польской народности. Они болѣе извѣстны подъ названіемъ мазуровъ. Рѣчь ихъ нѣсколько протяжная, хотя по своему составу вполне

17*

однородная съ польскимъ языкомъ, но не содержитъ въ себѣ характерно отчеканенныхъ звуковъ варшавскаго говора и мелодичныхъ оттѣнковъ краковскаго нарѣчья. Коренные поляки, считающіе себя истыми потомками Рѣчи Посполитой, относятся съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ уроженцамъ Сувалкской губерніи.

Что же касается до экономическаго положенія населенія, то оно весьма разнообразно. На ряду съ зажиточными домохозяевами, располагающими десятками тысячъ рублей, посылающими своихъ сыновей въ университеты, имѣется безземельный пролетаріатъ, составляющій основу польскаго батрачества. Благодѣтельная реформа 1863 г., проведенная русскимъ правительствомъ подъ руководствомъ Н. А. Милютина, коснулась лишь незначительной части польскаго крестьянства и создала вышеупомянутую рѣзкую противоположность въ матеріальномъ положеніи населенія. Еще недавно обычная годовая плата для работника той мѣстности составляла отъ 25 до 30 руб. въ годъ. Одновременно отводилось помѣщеніе для его семейства, моргъ (поддесятины) подъ посѣвъ картофеля и дозволялось содержать на хозяйскомъ корму одну или двѣ коровы, смотря по заслугамъ; кромѣ того, вмѣсто хозяйскаго продовольствія отпускалась, такъ называемая, ординарія, или опредѣленное количество разныхъ продуктовъ, какъ мука, горохъ, ячмень и т. п.—все это однако въ довольно ограниченныхъ дозахъ. По тому же договору съ нанимателемъ члены семейства рабочаго обязаны были, за опредѣленную плату, работать исключительно въ хозяйствѣ перваго. Само собой разумѣется, что положеніе такихъ батраковъ являлось бы безысходнымъ, если бы не одно счастливое обстоятельство, которое съ одной стороны вызвало приливъ въ край постороннихъ значительныхъ средствъ, а съ другой—вынудило мѣстныхъ землевладѣльцевъ нѣсколько улучшить условія вознагражденія и содержанія своихъ рабочихъ. Такимъ обстоятельствомъ явилась эмиграція въ Америку. Можно себѣ представить, какой переворотъ въ понятіяхъ населенія создали первыя вѣсти піонеровъ этого движенія когда оно узнало объ условіяхъ работы въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ чернорабочіе нерѣдко получаютъ до 3-хъ долларовъ въ сутки, или 6 руб., т. е. почти четвертую часть того, что взрослый рабочій на родинѣ зарабатываетъ въ годъ. А когда эти первыя вѣсти подкрѣплены были не пустыми словами, а солидными переводами въ нѣсколько сотъ рублей, высылаемыми счастливыми выходцами своимъ сородичамъ, то восторгамъ не было конца, и лихорадочное движеніе къ эмиграціи охватило всю здоровую деревенскую молодежь.

По внѣшнему виду населеніе Сувалкской губерніи производитъ пріятное впечатлѣніе. Несмотря на то, что картофель составляетъ главный пищевой продуктъ, мужчины довольно сильнаго физическаго развитія, стройные, сухощавые, блондины съ нѣсколько

безжизненнымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ; женщины того же типа, недурны собой; онѣ большею частью склонны къ нарядамъ, и въ праздничный день по пути въ ближайшій костелъ можно видѣть вереницы деревенскихъ красавицъ и пожилыхъ девокъ несущихъ, для сбереженія, на палкахъ свою обувь. Въ костелѣ же такая обязательно надѣвается на ноги. Отсутствуя изъ Сувалкской губерніи въ теченіе 15 лѣтъ, мы замѣтили въ характерѣ населенія значительную переѣну: народъ держится самоувѣреннѣе, нѣтъ болѣе прежнихъ унижительныхъ заискиваній, лобзаній рукъ у встрѣчнаго-поперечнаго. Въ своемъ физическомъ развитіи онѣ сдѣлалъ также значительные успѣхи: въ то время, какъ въ центральной Россіи отмѣчается упадокъ роста и объема въ груди, что ставитъ въ затрудненіе военныхъ приѣмщиковъ, въ Сувалкской губерніи постоянно увеличивается процентъ поступающихъ въ гвардію.

Что же касается духовнаго развитія, то русская школа и общеніе съ военными, находящимися на стоянкѣ въ губерніи, несомнѣнно, оказываютъ благотворное вліяніе на настроеніе крестьянъ. Какъ уже было сказано, зажиточные изъ нихъ, давая своимъ сыновьямъ хорошее образованіе, тѣмъ самымъ пополняютъ ряды польской интеллигенціи, въ силу чего обрекаютъ ихъ на вражду къ Россіи; бѣдные же и средняго состоянія завидуютъ всѣмъ въ жадности къ землѣ и матеріальному достатку и смѣшиваютъ въ общей ненависти внѣ всякой политической тенденціи и богатаго мужика, и польскаго помѣщика или арендатора, и русскаго майоратнаго владѣльца. Вершителемъ душъ и настоящимъ хозяиномъ положенія является ксендзъ. Это обыкновенно человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма пріятный въ обращеніи и особенно предупредительный по отношенію къ русскимъ. Любитель выпить, поиграть въ винтъ, страстный охотникъ, во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ не переступая умѣренности, ксендзъ является гостепріимнымъ хозяиномъ для русскихъ офицеровъ, наиболѣе просвѣщенныхъ. Къ приѣзду каждаго гостя имѣется всегда изрядный боченокъ легкаго венгерскаго вина, запасъ котораго заботливо пополняется прихожанами, а для начальника уѣзда, потребляющаго, какъ извѣстно, болѣе крѣпкіе напитки, всегда хранится старая литовская водка или финь-шампань лучшаго достоинства, чаще же всего и то и другое. Экономка ксендза (по мѣстному названію—ахмистриня), женщина среднихъ лѣтъ, но съ слѣдами былой красоты, не имѣетъ себѣ равной въ приготовленіи разныхъ закусокъ: литовскихъ сыровъ, колбасъ, ветчинъ, полендицъ и т. п., причемъ искусство ея нерѣдко распространяется и на область напитковъ, какъ-то изготовленіе наливковъ, сливовицъ, запеканокъ и т. п. И, несмотря на такое изобиліе, аппетитъ гостей столь великъ, что домашнихъ запасовъ не хватаетъ и приходится за подкрѣпленіемъ прибѣгать къ городской бакалеѣ: икрѣ,

сардинкамъ, омарамъ и т. п., которую охотно доставляетъ пану ксендзу Файвишгъ Зелькиндъ, торгующій въ губернскомъ городѣ этимъ товаромъ. Помимо своего духовнаго авторитета надъ паствой, ксендзъ по своему развитію и образованію является мужемъ добраго совѣта во многихъ дѣлахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вліятельнымъ посредникомъ. Нѣтъ того обывателя, который бы за содѣйствіемъ не обращался къ ксендзу, охотно принимающему участіе въ дѣлахъ своихъ прихожанъ. Вліяніе его часто проявляется при семейныхъ распряхъ, ссорахъ отца съ сыномъ, не раздѣленныхъ братьевъ, жены съ мужемъ и т. п. Ксендзъ выступаетъ въ роли третейскаго судьи, рѣшенія котораго безапелляционны; онъ же является нерѣдко хранителемъ значительныхъ капиталовъ, о существованіи которыхъ участники споровъ часто и не подозреваютъ. И вся процедура совершается безъ всякихъ документовъ, при участіи однихъ заинтересованныхъ лицъ.

Отдавая должное искусству, съ которымъ ксендзъ умѣетъ завоевывать политическое и нравственное вліяніе на окружающихъ, было бы, однако, напрасно идеализировать его дѣятельность. Въ дѣйствительности ксендзъ любитъ только богатыхъ, а къ задачамъ общественной благотворительности относится болѣе чѣмъ сдержанно. Тѣмъ, которые по своему положенію обязаны платить, не дается никакого снисхожденія: намъ случилось присутствовать при объясненіяхъ ксендза съ однимъ крестьяниномъ, пришедшимъ договариваться по поводу совершенія брачнаго обряда, и въ рѣзкости приемовъ и безцеремонности торга просвѣщенный ксендзъ едва ли нашелъ бы себѣ подобнаго среди самыхъ алчныхъ представителей нашего сельскаго духовенства. Бѣдныя служанки-девки, записавшіяся въ составъ различныхъ конгрегацій и обязанныя платежами, также не получаютъ никакой пощады, и ксендзъ не скупится на громы по адресу ихъ за неаккуратные взносы.

Въ довершеніе бѣглой картины той мѣстности, которая составляетъ предметъ нашего повѣствованія, намъ еще остается упомянуть о положеніи крупныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Скудная почва, рабочій кризисъ вслѣдствіе эмиграціи въ Америку, таможенныя стѣсненія, налагаемыя Германіей, обложившей пошлинами хлѣбъ и запретившей пропускъ скота и птицы, наконецъ, внутренняя конкуренція на мѣстныхъ рынкахъ продуктовъ черноземныхъ русскихъ губерній центральной полосы и малороссійскихъ, все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ незавидное положеніе мѣстныхъ помѣщиковъ, въ разоренныхъ усадьбахъ которыхъ желанными гостями являются посредники-евреи, дающіе задатки подѣ будущій хлѣбъ: ветхозавѣтный Хацкель съ наружностью библейскаго старца, юркій Лейба, зорко слѣдящій за настроеніемъ рынка въ Кенигсбергѣ, а въ особенноти рыжій Мовша, особенно щедрый на авансы подѣ будущій урожай, приобретаемый имъ по самымъ низкимъ цѣнамъ и съ неимоверными прижимками при сдачѣ.

Несмотря на тяжелыя условія, предъявляемыя евреями, нужно думать, что безъ нихъ помѣщикамъ было бы еще хуже; въ этомъ можно убѣдиться по безвыходному положенію землевладѣльцевъ, проживающихъ внѣ черты еврейской осѣдлости, гдѣ роль евреевъ играютъ русскіе кулаки, армяне и греки; послѣдніе, не имѣя между собою такой острой конкуренціи, какъ между евреями въ Польшѣ, обращаются со своими должниками очень жестоко и быстро приводятъ ихъ къ печальному концу. Евреи—наоборотъ: если они облюбовали жертву и пришли къ заключенію о ея дѣловитости и работоспособности, то они охотно ввѣряютъ ей свои небольшіе капиталы, нисколько не заботясь объ ихъ реализаціи, но лишь при одномъ условіи, чтобы они приращались процентами. Вотъ тутъ-то и лежитъ роковая сторона польскаго землевладѣнія: если даже принять умѣренный ростъ 12⁰/₀ годовыхъ, то и то они составляютъ бремя совершенно непосильное, такъ какъ земля въ лучшемъ случаѣ даетъ отъ 4⁰/₀—5⁰/₀, такимъ образомъ 7⁰/₀—8⁰/₀ годовыхъ нужно покрыть за счетъ капитальнаго фонда. Но 12⁰/₀ считаются только номинально, такъ какъ обязательства переписываются по нѣскольکو разъ въ годъ, причемъ проценты нарастаютъ на проценты и, кромѣ того, заимодавецъ, покупая у должника продукты, вывариваетъ въ свою пользу различныя уступки. Какъ же полякъ справляется съ такимъ невыносимымъ положеніемъ? Отвѣтъ намъ даетъ прекрасный разсказъ Клеменса Юндши «Сизифъ», въ которомъ изображенъ молодой землевладѣлецъ, который, побуждаемый любовью къ семьѣ и желаніемъ сохранить родовое имѣніе, работаетъ на ростовщиковъ, выполняя, какъ бы подъ ударомъ экономическаго кнута, тяжелыя ихъ требованія и совершая такимъ образомъ настоящую Сизифову работу. Помѣщикъ со всей своей семьей трудится съ энергіей, примѣняетъ новѣйшія усовершенствованія сельскохозяйственной науки, старается даже что-нибудь выгадать за счетъ меньшаго брата-батрака или поденщика, но всѣмъ этимъ не достигается цѣли: родовое имѣніе въ каждомъ поколѣніи все таетъ и таетъ: дѣдъ имѣлъ 3.000 морговъ, сынъ 2.000, внукъ 1.000, а правнуки уже едва ли воспользуются дѣдовскимъ наслѣдіемъ.

Такова невеселая современная картина жизни польскаго дворянства; а между тѣмъ старики еще помнятъ время, когда въ усадьбахъ помѣщиковъ даже средняго достатка была полная чаша. Щеголевато одѣтые паничи и паненки лихо отхватаывали краковьякъ и мазурку. Объ ипотекахъ никто не думалъ, а рыжій Мовша, который является теперь вершителемъ судьбы и важно сидитъ въ гостиной, ютился въ то время на задней кухнѣ и терпѣливо ожидалъ минуты, когда его позовутъ предстать передъ очами ясно-вельможнаго пана. Даже многочисленная шляхта жила весело и безопасно, наполняя собой пріемныя и охотничьи замки магнатовъ; о благосостояніи послѣднихъ можно было бы и не говорить, такъ

какъ оно слишкомъ общеизвѣстно. Въ Польшѣ майоратовъ не существовало, но знатные и сильные роды ничего отъ этого не теряли, такъ какъ пользовались учрежденіемъ староствъ, подобныхъ удѣламъ, имѣвшихъ громадную цѣнность и которыя давались пожизненно въ награду за военныя и гражданскія заслуги; назначеніе ихъ принадлежало королямъ.

Значительная раздача земель производилась въ южныхъ губерніяхъ Рѣчи, Украины и Подоліи; эти награжденія должны были бы доставаться лицамъ, оказавшимъ серьезныя услуги государству; въ дѣйствительности же однако они были исключительно достояніемъ могущественныхъ родовъ, у которыхъ различныя высокія званія были наслѣдственными. Неудовлетворенные этими преимуществами, эти знатные роды пополняли свои средства еще поборами съ епископствъ и аббатствъ, между которыми одно Краковское аббатство давало своему владѣльцу болѣе милліона дохода. «То были часы, они не вернуться»,—вздыхаютъ поляки, забывая, что блескъ магнатовъ и разореніе народа и были причинами ихъ національнаго несчастья. Но, относясь отрицательно къ политической роли польскаго дворянства, мы тѣмъ не менѣе считаемъ изученіе той эпохи крайне интереснымъ и наилучшій матерьялъ даютъ намъ историческія преданія, а также уцѣлѣвшіе памятники даже недалекой старины.

Развалины замка графа Паца, которыя и составляютъ предметъ настоящаго очерка, находятся въ бывшемъ родовомъ имѣніи Паца—Довспуда, конфискованномъ русскимъ правительствомъ за участіе Паца въ польскомъ мятежѣ 1831 г. и перешедшемъ путемъ высочайшаго пожалованія въ родъ Карцовыхъ, представителемъ котораго и владѣльцемъ майората является въ настоящее время Ю. С. Карцовъ, извѣстный бывшей своей дѣятельностью на дипломатическомъ поприщѣ, въ качествѣ секретаря посольства въ Константинополь, императорскаго консула въ Мосулѣ (Малой Азій) и Виддинѣ (Болгаріи), нынѣ оставившій службу и посвятившій себя интересамъ сельскаго хозяйства въ своемъ имѣніи. Майоратъ Довспуда находится въ Августовскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи, въ 12-ти верстахъ отъ губернскаго города Сувалки, въ полуверстѣ отъ еврейскаго посада Рачки и въ 5 верстахъ отъ прусской таможенной заставы, именуемой Липовка. Путь въ бывшее владѣніе Паца лежитъ по описанному нами желѣзнодорожному пути—Ораны—Олита—Сувалки. Въ конечномъ пунктѣ путешественникъ долженъ воспользоваться многочисленными предложеніями еврейскихъ возницъ, нанять старомодную коляску, проѣхать въ ней по главной улицѣ Сувалокъ, къ величайшему недоумѣнію обывателей, взирающихъ съ удивленіемъ на появленіе всякаго новаго лица, затѣмъ выѣхать въ поле и, оставляя въ сторонѣ цѣлый городокъ казармъ 2-й кавалерійской дивизіи и 5-й стрѣлковой бригады, не до-

Замокъ графа Паца.

ѣзжая огромнаго лѣса, составляющаго соединительное звено между Сувалками и Августовымъ, спуститься по шоссе, направленному въ Рачки. Благодаря хорошей дорогѣ, путь покажется близкимъ. Проѣхавъ черезъ лѣсъ, являющійся однимъ изъ многочисленныхъ развѣтвленій того же необъятнаго Августовскаго лѣса и не доѣзжая Рачекъ, съ лѣвой стороны шоссе вниманіе путника невольно обращается на находящееся на нѣкоторомъ отдаленіи на возвышенности значительное насажденіе древесной растительности листовенныхъ породъ, нарушающее однообразіе окружающей природы. Всматриваясь ближе, взоръ различаетъ среди силуэтовъ огромныхъ деревьевъ причудливую башню въ готическомъ стилѣ (рис. I)¹⁾. По мѣрѣ приближенія очертанія башни дѣлаются болѣе отчетливыми и обнаруживается, что аисты соорудили на вершинѣ ея огромное гнѣздо; нерѣдко своимъ пребываніемъ они довершаютъ поэтическую картину—развалины художественнаго сооруженія.

Экипажъ дѣлаетъ поворотъ въ сторону башни, проѣзжаетъ черезъ мелководную, но быструю рѣчку Роспуду, затѣмъ двигается по насыпи, построенной на низменномъ луговомъ мѣстѣ, гдѣ виднѣются слѣды бывшихъ запрудъ и искусственныхъ озеръ, и постепенно вѣзжаетъ въ роскошный паркъ, поднимаясь по шоссе, обсаженному деревьями причудливыхъ формъ, старыми липами, кленами, ясенями и т. п. По достиженіи горы новый поворотъ около можжевельнаго дерева, составляющаго рѣдкость, по мнѣнію ботаниковъ, такъ какъ можжевельникъ обыкновенно остается кустомъ, не достигая размѣровъ дерева, и передъ взоромъ наблюдателя открывается обширная площадка, въ нѣсколько десятинъ, окаймленная деревьями, центральное мѣсто которой и занималъ бывший замокъ Паца, а теперь лишь нѣкоторыя составныя части его бывшаго величія. Но прежде, чѣмъ удѣлять мѣсто подробному описанію этого замѣчательнаго дворца, намъ необходимо для уясненія той эпохи и блестящаго замысла инициатора постройки, графа Паца, нѣсколько остановиться на его выдающейся исторической личности, равно и коснуться тѣхъ событій 1831 г., которыхъ онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ.

Современные ему историки такъ описываютъ его личность: Паць родился въ 1780 году²⁾, ему около 50-ти лѣтъ; ростомъ онъ выше средняго, самъ пріятной и благородной наружности; состояніе здоровья не позволяло ему принять участіе въ зимнемъ походѣ; характеръ его спокойный и обдуманый, взгляды правильные и не безъ тонкаго пониманія вещей; недостаточно честолюбивый, онъ, несмотря на свои выдающіяся способности, былъ недовѣр-

¹⁾ Фотографія сдѣлана съ акварели, исполненной М. А. Мордвиновой † сестрой фельдмаршала Д. А. Милютина.

²⁾ Powszechna Encyclopedia Oldebrandta Pać.

чивъ къ своимъ силамъ, вслѣдствіе чего являлся нерѣшительнымъ въ острые моменты политическихъ кризисовъ; какъ человѣкъ добродѣтельный, благородный, онъ остался вѣренъ своимъ принципамъ въ теченіе всей своей жизни; его военное поприще было блестяще; онъ отличился въ Испаніи въ качествѣ офицера генеральнаго штаба; какъ флигель-адъютантъ императора Наполеона, пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ; отъ него удостоился получить званія бригаднаго и дивизіоннаго командира, и даже командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, составленнымъ изъ поляковъ, въ кампанію 1814 года; онъ не поступалъ на службу къ русскому правительству, жилъ въ уединеніи, сохранялъ отношенія съ видными патріотами своего края и поддерживалъ въ нихъ надежду на лучшее будущее; назначенный сенаторомъ при Александрѣ I онъ былъ всегда членомъ оппозиціи, сохраняя свое достоинство и независимость во всѣхъ подобающихъ случаяхъ. Несмотря на то, что графъ Пацъ сражался въ рядахъ его враговъ, императоръ Александръ I, оцѣнивая, повидимому, его положеніе польскаго патріота, не относился къ нему съ такимъ негодованіемъ, какъ впослѣдствіи императоръ Николай I за его участіе въ революціи 1831 года, что доказывается тѣмъ, что въ 1813 году императоръ Александръ I, направляясь за границу, имѣлъ ночлегъ въ домѣ графа Паца. Этотъ фактъ приведенъ въ субботнемъ № 6 «Сѣверной Почты» отъ 18 января 1813 года, въ письмѣ изъ императорской главной квартиры въ Лыхъ (въ Пруссіи), отъ 20 января 1813 года новаго стиля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Его величество въ день своего отъѣзда изъ Сувалокъ 6 числа по старому стилю слушалъ тамъ обѣдню, и потомъ, простившись съ духовенствомъ и тамошнимъ подпрефектомъ, кои его провожали, отправился въ исходѣ 3-го часа пополудни въ саняхъ въ мѣстечко Рачки, отстоящее въ трехъ миляхъ отъ Сувалокъ. Совершивъ сей путь въ три четверти часа, императоръ пріѣхалъ въ Рачки еще въ четвертомъ часу и остановился въ домѣ графа Паца, находящемся отъ мѣстечка въ полуверстѣ. Управляющій имѣніемъ упомянутаго помѣщика и еврейское общество встрѣтили его величество за версту отъ мѣстечка. На другой день, 7 числа по старому стилю, когда императоръ при отъѣздѣ своемъ изъ Рачекъ въ первомъ часу пополудни изволилъ выйти на крыльцо, нашель уже тамъ передъ домомъ евреевъ, пришедшихъ по своему обыкновенію со скрижальми для сопровожденія его величества. Они воскликнули нѣсколько разъ радостно «ура», и первенствующій изъ нихъ произнесъ потомъ передъ государемъ привѣтствіе, которое выслушано было съ благоволеніемъ, послѣ чего его величество изволилъ сѣсть на лошадь и отправиться просельнымъ ближайшимъ путемъ прямо въ Лыхъ».

Существуетъ преданіе, что польскій родъ Пацовъ произошелъ отъ выходцевъ изъ Флоренціи Pazzi, которые оттуда удалились

вслѣдствіе вѣковой вражды съ болѣе могущественнымъ семействомъ Медичи. Происхожденіемъ его отъ итальянскихъ предковъ эпохи Возрожденія, можетъ быть, и объясняется пристрастіе героя нашего повѣствованія графа Людовика Паца къ итальянскому стилю и къ художественнымъ архитектурнымъ постройкамъ. Какъ извѣстно изъ исторіи, родъ Пацовъ обладалъ несмѣтными богатствами и на Литвѣ боролся за вліяніе съ князьями Радзивиллами. Особенно богатъ былъ послѣдній представитель: ему принадлежала чуть ли не половина Сувалкской губерніи, дворецъ въ Варшавѣ, гдѣ находится нынѣ окружный судъ, монастырь въ Ковнѣ и проч. Пацы владѣли также огромными помѣстьями въ Галиціи. Передъ войной 1831 года Паць, проживая въ небольшомъ охотничьемъ домикѣ въ паркѣ своего имѣнія, слѣдилъ за постройкой чудеснаго дворца, который своими причудливыми архитектурными формами долженъ былъ явиться осуществленіемъ его художественной фантазіи. На плацу передъ замкомъ дефилировали подчиненныя ему войска. Сохранилась память о многочисленной дворнѣ, о скороходахъ, которымъ для выносливости въ бѣгѣ подрѣзывали икры, и другихъ магнатскихъ затѣяхъ.

Всему этому, однако, наступалъ быстрый конецъ. Надвигались событія 1830 года—польская революція, въ которой Пацу суждено было играть видную роль. Онъ близко сошелся съ партіей крайнихъ, представителемъ которыхъ былъ историкъ Лелевель; послѣ переворота 17 (29) ноября и удаленія изъ Варшавы великаго князя Константина Павловича былъ членомъ наблюдательнаго комитета отъ сейма при диктаторѣ Хлопицкомъ, короткое время главнокомандующимъ польской арміи, а затѣмъ въ тылу ея стоялъ во главѣ корпуса для формированія резервовъ. Подъ Остроленкой командовалъ отрядомъ отборныхъ войскъ, состоявшимъ изъ одной дивизіи кавалеріи и одной—пѣхоты. Въ этомъ дѣлѣ онъ мужественно защищалъ переходъ черезъ Наревъ; раненъ былъ двумя пулями и замертво унесенъ съ поля битвы.

Послѣ сраженія при Остроленкѣ графъ Паць возвратился въ свое помѣстье Довспуду. Нужно быть тонкимъ психологомъ и талантливымъ бытописателемъ, чтобы изобразить душевное состояніе патріота, и полководца, проигравшаго битву и потерявшаго надежду добиться независимости для своего отечества. Принявъ участіе своимъ именемъ и богатствомъ въ неудавшемся возстаніи, онъ тѣмъ самымъ подвергъ свою родину еще худшимъ испытаніямъ, и на немъ была нравственная отвѣтственность за необдуманныя и неразсчитанныя дѣйствія. Личное его положеніе было также весьма печально: еще недавно могущественный магнатъ, передъ которымъ трепетала вся окрестность, нынѣ онъ былъ политическимъ преступникомъ, нарушившимъ присягу своему государю, и ему оставалось только бѣгствомъ спасать свою мятежную го-

лову. Огромныя имѣнія, съ которыми приходилось разстаться навѣки и гдѣ долженъ былъ водвориться ненавистный москаль, эти необъятныя помѣстья графъ Пацъ считалъ не только источникомъ своего богатства, но и поприщемъ своей культурной дѣятельности среди окружающаго населенія. Съ особеннымъ сожалѣніемъ онъ покидалъ замокъ, находившійся въ періодъ окончательной отдѣлки, и на устройство котораго имъ было затрачено такъ много художественнаго замысла. То было зданіе готико-итальянскаго стиля; зубчатыя башни, по стѣнамъ статуи польскихъ королей; для вѣзда роскошный фронтонъ, увѣнчанный кружевными зубцами и украшенный базиликами фамильнаго герба Паца. Внутри стѣны были *al fresco*. Наверху подъ потолкомъ устроенъ былъ бассейнъ, въ которомъ плавали рыбы; огромная терраса устроена была съ сѣверной стороны замка и заканчивалась двумя башнями въ готическомъ стилѣ. Въ общемъ дворецъ былъ построенъ въ смѣшанномъ стилѣ французской и итальянской готики. Мотивы итальянской готики давали боковыя башни, а французской—подъѣздъ. Башни главной и средней части, облицованныя мѣдью, составляли смѣсь итальянской готики съ собственной фантазіей строителя. Для кирпичныхъ работъ были выписаны мастера изъ Англіи, а для декоративныхъ—итальянцы. Вокругъ замка былъ разбитъ роскошный паркъ, состоящій изъ цѣлаго ряда липовыхъ аллей, хвойныхъ деревьевъ, лиственницъ и изящныхъ куртинъ кустарниковыхъ породъ: шиповника, сирени, жасмина и т. под. Дороги были обсажены фруктовыми деревьями, а живыя изгороди состояли изъ боярышника и бѣлой акаціи.

Заботы графа Паца касались не однѣхъ художественныхъ построекъ и древесныхъ насажденій, а обнимали всѣ новѣйшія усовершенствованія того времени въ области сельскаго хозяйства. Намъ еще пришлось застать молотильную машину съ коннымъ приводомъ, построенную Пацомъ въ 20-хъ годахъ по модели, выписанной изъ Англіи. Приводъ помѣщался въ нижней части огромнаго, уцѣлѣвшаго и нынѣ каменнаго зданія, въ нѣсколько этажей, по устройству напоминающаго элеваторъ. Полученное изъ-подъ молотилки зерно перелопачивалось, отвѣивалось и распредѣлялось по закромамъ, расположеннымъ въ различныхъ этажахъ. Магазинъ этотъ заканчивается обсервационной башней, въ которой имѣлись приборы, указывающіе направленіе вѣтра, и гдѣ вообще производились метеорологическія наблюденія. Къ этому огромному амбару, построенному изъ дикаго камня, примыкаютъ два огромныхъ сарая изъ такого же матерьяла, предназначенные для храненія хлѣба въ снопахъ. Всѣ эти хозяйственныя постройки находятся на фольваркѣ (хуторѣ) Шкоція, расположенномъ въ двухъ верстахъ отъ мѣстонахожденія бывшаго замка. Тамъ же сохранилось и зданіе бывшаго пацовскаго винокуреннаго завода, нынѣ

перестроеннаго въ крахмальный. Такимъ образомъ мы видимъ, что Паць являлся просвѣщеннымъ агрономомъ и устроилъ у себя рѣдкое для того времени гармоническое сочетаніе техническаго производства съ чистымъ земледѣліемъ. Отбросы отъ винокуренаго завода (барда) давали возможность содержать огромное количество скота и вносить массу удобренія въ скудную отъ природы песчаную и каменистую почву. По преданіямъ того времени, дикій клеверъ на паровомъ полѣ достигалъ полъ-аршинной высоты. Накопленный Пацомъ въ почвѣ запасъ питательныхъ веществъ давалъ возможность его преемникамъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ снимать обильные урожаи. Вообще Паць своимъ воздѣйствіемъ оказалъ значительное вліяніе на развитіе сельскаго хозяйства въ краѣ. Въ довершеніе характеристики Паца было бы желательно имѣть свѣдѣнія объ его просвѣтительной дѣятельности среди многочисленныхъ крѣпостныхъ. Такая забота касается ближе всего польскихъ изслѣдователей, на обязанности которыхъ лежитъ собрать все цѣнное и сохранить въ народѣ память о своихъ замѣчательныхъ людяхъ. Не располагая данными по этому предмету, мы тѣмъ не менѣе должны заявить, что намъ въ концѣ 70-хъ годовъ пришлось слышать отъ крестьянъ много благодарныхъ отзывовъ о Пацѣ, среди которыхъ однако преобладали рассказы о его богатствѣ и могуществѣ. Съ его личностью соединилась и легенда. Извѣстно, что онъ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ скрывался въ маленькомъ городкѣ Олецко (Марграбово), а въ 1835 году скончался въ Смирнѣ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ жить въ сознаніи народа; когда же въ возстаніи 1863 года появились революціонныя банды, подъ начальствомъ (довудцы) Вавера, то всѣ утверждали, что это не кто иной, какъ Паць.

Рассказъ о Пацѣ оконченъ; воспоминаніе о немъ и его чудномъ дворцѣ (палацѣ) не умретъ въ памяти польскаго народа и укрѣпилось въ поговоркѣ «Вартъ палацъ Паца, Паць палаца¹⁾», въ которой одновременно отдается честь какъ самому художнику, такъ и исполненному имъ замыслу. Теперь перейдемъ къ изложенію того, что случилось со всѣми этими культурными начинаніями и какія ими испытаны были превратности судьбы.

Послѣ подавленія возстанія 1831 года помѣстья всѣхъ участниковъ были конфискованы въ казну, а въ числѣ ихъ и земли, нѣкогда принадлежавшія Пацу. Въ 1839 году изданъ былъ высочайшій указъ о надѣленіи майоратами изъ состава казенныхъ земель лицъ православныхъ, русскаго происхожденія, заявившихъ себя особыми заслугами въ минувшую русско-польскую войну 1831 года. Майораты по закону нельзя было ни закладывать ни продавать; они переходили къ старшему сыну, а за прекращеніемъ прямого поко-

¹⁾ Достоинъ дворецъ Паца, Паць—дворца.

лѣнія—къ старшему представителю боковой линіи того же рода; новый владѣлецъ обязательно долженъ былъ быть русскимъ и православною вѣроисповѣданія. Майоратные владѣльцы должны были лично управлять своими имѣніями и не имѣли права отдавать ихъ въ аренду иновѣрцамъ. Майораты не подлежали продажѣ за долги владѣльцевъ, а таковыя погашались лишь изъ удержанія нѣкоторой части чистаго дохода. Долги владѣльца не переходили на его наслѣдника, и уплата ихъ не была для него обязательной.

Таковыми законоположеніями предполагалось поставить на прочныхъ началахъ русское землевладѣніе въ Польшѣ. Въ лицѣ многочисленныхъ майоратныхъ владѣльцевъ правительство рассчитывало имѣть какъ бы свои форпосты и черезъ нихъ поддерживать непрерывную связь съ завоеваннымъ краемъ. Нѣкоторые, можетъ быть, даже лелѣяли мысль, что такимъ образомъ удастся привлечь значительное число русскихъ въ Польшу и тѣмъ самымъ произвести легкое обрусеніе. Нельзя не сказать, что въ то время (1839 г.) будущность русскаго государства представлялась весьма неопредѣленной, а также еще не обозначилось движеніе населенія на востокъ и юго-востокъ. На Кавказѣ еще только продолжалось предпринятое А. П. Ермоловымъ заселеніе казаками Сунженской линіи; край этотъ былъ далеко не покореннымъ, такъ какъ только 25 лѣтъ спустя произошло движеніе мюридовъ подъ предводительствомъ Шамиля, съ захватомъ въ плѣнъ котораго кавказская война считается законченной. О возможности колонизаціи Туркестана и покоренія Средней Азіи никто тогда и не помышлялъ, особенно послѣ неудачной экспедиціи Перовскаго противъ Хивы. Сибирь же и вовсе не входила въ кругъ мѣстностей добровольнаго заселенія, а лишь только служила назначеніемъ ссылки. Въ то время народная волна направлялась въ Новороссію въ видѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ, о чемъ мы находимъ описаніе у Данилевскаго, или же Херсонскія степи заселялись самими помѣщиками переводомъ туда своихъ крестьянъ, на что мы встрѣчаемъ указаніе у Гоголя въ его «Мертвыхъ душахъ». Такимъ образомъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ движеніе на западъ и даже мысль о наводненіи Польши русскими выходцами вовсе не представлялись такими абсурдными, какъ въ настоящее время, когда по прошествіи десятковъ лѣтъ русское переселеніе окончательно опредѣлилось въ сторону Азіи, а за нимъ перемѣстился и центръ самаго государства. Доказательствомъ, что русскій простой народъ можетъ благополучно существовать и въ Польшѣ, служатъ старообрядческіе поселки, гдѣ такъ называемые «кацапы» довольно благополучно уживаются съ окружающимъ польскимъ и еврейскимъ населеніемъ.

Многочисленные помѣстья Паца были раздроблены на нѣсколько майоратовъ и розданы разнымъ лицамъ; усадьба Довспуда,

а съ ней и чудный замокъ достались генералу Сулимѣ. По преданіямъ, этотъ новѣйшій Гензерихъ совершилъ по отношенію къ дворцу невѣроятный актъ вандализма: имъ были проданы паркеты, двери, окна, различные предметы роскоши, мѣдныя покрытія зубцовъ и свѣсовъ, кровли; говорятъ, хрустальный бассейнъ, въ которомъ нѣкогда плавали рыбы, разбивали топорами на куски. Совершивъ этотъ достойный подвигъ и, вѣроятно, не находя дальнѣйшаго поприща для своей дѣятельности, генералъ Сулима подалъ заявленіе о возвращеніи майората обратно въ казну взаменъ ежегодной пенсіи въ 6 тысячъ рублей. Желаніе его было исполнено, и онъ отправился въ Парижъ коротать остатокъ своихъ дней.

Ободранный, обципаный замокъ оказался такимъ образомъ на попеченіи казеннаго вѣдомства. Такъ продолжалось довольно долго, прошли цѣлые десятки лѣтъ, а на обладаніе этимъ сокровищемъ не находилось охотниковъ. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1839 г. и кончая 1875 г., когда закончилась раздача майоратовъ, лицамъ, которыя имѣли получить таковыя, предоставлено было выбирать изъ состава казеннаго имущества свои будущія помѣстья. Польскія окраины оживились появленіемъ искусныхъ ходоковъ, среди которыхъ были и сановныя лица, внимательно подыскивавшихъ земли, наиболѣе соответствующія ихъ матерьяльнымъ вожделѣніямъ. Здѣсь участвовали также еврейскіе и польскіе маклера, которые умѣли своевременно указать на оброчныя статьи, находящіяся въ пониженной арендѣ, на лѣсокъ, по пожалованіи котораго евреи тутъ же при продажѣ его предлагали хорошія наличныя деньги, на такія имѣнія, за арендованіе коихъ на много лѣтъ въ обходъ закона полякъ-арендаторъ отваливалъ изрядный кушъ и т. п. Намѣтивъ себѣ опредѣленный лакомый кусокъ, владѣлецъ-ищейка старался заручиться хорошимъ отзывомъ казенной палаты той мѣстности, гдѣ расположено было желанное имѣніе, для полученія котораго нерѣдко пускался въ ходъ и подкупъ; затѣмъ заключительная стадія была уже въ Петербургѣ, въ комитетѣ по дѣламъ царства Польскаго и въ соответствующемъ отдѣлѣ министерства финансовъ. Большинство искателей, однако, тщательно избѣгало Августовскаго уѣзда Сувалкской губерніи, гдѣ именно и находился замокъ Паца, такъ какъ эта мѣстность, какъ нами и описано выше, не отличалась и въ то время выгодными почвенными и экономическими условіями, а слѣдовательно не могла служить поприщемъ для обогащающихъ комбинацій. Майораты выбирались главнымъ образомъ въ окрестностяхъ города Варшавы, въ губерніяхъ Калишской, Люблинской, Ломжинской, въ Волковышскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи, гдѣ превосходная почва, и вообще вездѣ, гдѣ къ тому представлялись болѣе выгодныя условія. Такимъ образомъ замокъ Паца благополучно пребывалъ въ казенномъ управленіи, подвер-

гаясь разрушенію времени и хищническому нападенію мародеровъ, пока, наконецъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, когда хорошія, свободныя майоратныя угодья уже подобрались, не согласилась его принять вмѣстѣ съ имѣніемъ Довспуда дочь генераль-лейтенанта Левицкаго, но и новая владѣлица, повидимому, осталась недовольна своимъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ вскорѣ отъ него отказалась взамѣнъ ежегодной пенсіи въ 1200 рублей.

То изображеніе замка, которое приведено здѣсь, представляетъ собой фотографическій снимокъ, исполненный пожеланіемъ туристовъ-любителей въ началѣ 1870 года, т. е. въ то время еще, когда какъ самое имѣніе Довспуда, такъ и замокъ находились въ казенномъ управленіи. При внимательномъ разсмотрѣніи изображенія замка послѣ перваго чарующаго впечатлѣнія отъ его изящной и легкой, какъ бы кружевной конструкціи, представленіе о цѣльности этого зданія исчезаетъ и для изслѣдователя становится очевиднымъ, что онъ имѣетъ дѣло съ развалинами очень красиваго сооруженія, быстро подвигающагося къ полному разрушенію. Въ этомъ, конечно, убѣждаютъ, помимо общаго характера заустѣнія, деревья, вырастающія изъ нѣдръ фундамента, утраченныя башни на лицевомъ фронтонѣ, отсутствіе металлической крыши на главныхъ башняхъ, хаотическое состояніе лишенныхъ стеколъ оконныхъ отверстій, изъ которыхъ нѣкоторыя заложены кирпичами, другія забиты досками. Намъ пришлось видѣть замокъ въ моментъ, близкій къ изображенному на фотографіи. Минувъ изящный фронтонъ и пройдя подъѣздъ, изображенный на нашемъ рисункѣ съ западной стороны и существующій понынѣ, посѣтитель вступалъ въ просторный вестибюль, украшенный двумя рядами гипсовыхъ колоннъ, занимающій центральное положеніе въ нижнемъ этажѣ зданія. Слева открывалась большая зала съ статуями польскихъ королей и съ фресками на стѣнахъ, изображавшими одна въѣздъ Яна Собѣскаго въ Вѣну, а другая—также какой-то эпизодъ изъ польской исторіи. Далѣе, въ боковомъ павильонѣ помѣщалась зала или, вѣрнѣе, круглая гостиная въ 2 свѣта, украшенная также статуями. Съ правой стороны замка совершенно симметрично находилось такое же помѣщеніе, стѣны котораго были разрисованы изображеніями деревьевъ; залъ этотъ, повидимому, могъ служить столовой или зимнимъ садомъ. Изъ главной залы, которую мы назовемъ рыцарской, по винтовымъ лѣстницамъ, заключеннымъ въ башняхъ, можно было подняться въ верхній этажъ; онъ же вели и въ нижній подвальный. Лѣстницы въ башняхъ не были вполнѣ безопасными, многія ступеньки отвалились и приходилось дѣлать большіе прыжки. Верхній этажъ уже не существовалъ, половъ не было, торчали лишь оголенные балки. По распредѣленію комнатъ можно было видѣть, что онѣ предназначались для жилья, а не для пріемовъ, какими являлись залы нижняго этажа. Подымаясь

далѣе по лѣстницамъ, можно было выйти на пологую цинковую крышу, въ общемъ еще крѣпкую, но требующую ремонта. Въ стѣнахъ верхняго карниза, на крышѣ, росли деревья; помнится мнѣ, была одна береза въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ, могущая составить прекрасное украшеніе на Троицынъ день. Подъ первымъ этажомъ, состоявшимъ изъ пріемныхъ апартаментовъ, расположенъ огромный подвальный этажъ, предназначенный, очевидно, для различныхъ служебныхъ цѣлей: кухонь, помѣщенія для прислуги, комнаты для купаній и т. п.; нигдѣ не было видно слѣдовъ печей, что наводило на мысль, что замокъ былъ недостроенъ, или же во всякомъ случаѣ, что имъ не пользовались какъ жилымъ помѣщеніемъ. Подъ подвальнымъ этажомъ, сохранившимся и по сіе время, существуютъ подземные ходы, о которыхъ пришлось слышать маловѣроятныя легенды: такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, подземные ходы предназначены были Пацомъ для склада оружія, пороха и т. п., что весьма возможно, такъ какъ мысли о вооруженномъ возстаніи, конечно, занимали его умъ въ моментъ постройки замка; другіе смотрятъ на вещи проще и полагаютъ, что загадочныя ходы суть не что иное, какъ своеобразно выполненная, по техническимъ даннымъ того времени, канализація для спуска нечистотъ. Въ народѣ же ходятъ различныя, мало правдоподобныя, толки; такъ, увѣряютъ, что подземный ходъ тянется въ Пруссію за предѣлы русской границы, что когда русскіе явились арестовать Паца, то онъ бѣжалъ отъ нихъ именно черезъ этотъ подземный ходъ, наконецъ, что въ этихъ подвалахъ имѣются потайныя двери, за которыми сложена вся пацовская казна.

Въ началѣ 70-хъ годовъ бывшее пацовское имѣніе Довспуда и Шкоція изъ вѣдомства сувалкской казенной палаты перешло въ собственность малолѣтняго Юрія Карцова (нынѣшняго владѣльца майората), какъ правопреемника своего отца Сергѣя Николаевича Карцова, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Алексѣевича Милютина, извѣстнаго организатора крестьянской реформы 1863 г. въ царствѣ Польскомъ. Опекуншей Ю. С. Карцова была его мать Е. С. Карцова, а настоящимъ хозяиномъ въ майоратѣ былъ полякъ Валентій Марковскій, взявшій это имѣніе въ администрацію за ежегодную плату въ пользу Карцова 2-хъ тысячъ рублей. Екатерина Сергѣевна, какъ женщина просвѣщенная, побывавшая во всѣхъ музеяхъ Европы, не могла оставаться равнодушной къ судьбѣ чуднаго дворца, поставленнаго злою волей рока въ зависимость отъ ея слабыхъ средствъ. Въ видахъ предохраненія его отъ разрушенія она старалась не безъ нѣкоторой доли романтизма воздѣйствовать на крѣпкую голову Марковского, возбудить въ ней искру польскаго патріотизма и обязанности съ его стороны пожертвовать чѣмъ-либо для сохраненія этого дивнаго памятника польскаго творчества. Самъ Марковскій представлялъ

собою такую видную фигуру, что мы находимъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ моментъ нашего знакомства то былъ высокій, бодрый старикъ, съ сѣдыми польскими усами, юношескимъ цвѣтомъ лица и ласковымъ выраженіемъ большихъ плутоватыхъ, сѣрыхъ глазъ. Происходя изъ простого народа (хлоповъ), затѣмъ поднявшись до званія эконома (приказчика), потомъ посессора (мелкаго арендатора) и, наконецъ, администратора, т. е. управляющаго крупными имѣніями, Марковскій представлялъ собою одинъ изъ тѣхъ трудоспособныхъ элементовъ, на которыхъ зиждется самостоятельность всякой націи. Поднявшись въ три часа, онъ въ своей коляскѣ, запряженной тройкой бѣлыхъ лошадей, объѣзжалъ многочисленные фольварки (хутора), находившіеся въ его арендномъ пользованіи, дѣлалъ распоряженія экономамъ, поощряя трудолюбивыхъ, а нерадивыхъ награждая нелестными эпитетами и даже легкими ударами своего увѣсистаго костыля. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Марковскій не былъ хозяиномъ отсталымъ, охотно шелъ на всякія улучшенія, производилъ обширные посѣвы клевера, пользовался искусственными удобрениями, содержалъ хорошій скотъ, но все это, однако, въ предѣлахъ, не переходящихъ границы выгоды. Въ народѣ Марковскій пользовался безусловнымъ авторитетомъ; его многочисленные батраки имъ гордились, и для каждаго изъ нихъ онъ былъ тѣмъ доступнымъ идеаломъ успѣха, къ которому каждый стремился. Но когда изъ сферы реальныхъ интересовъ Марковскій переходилъ въ область чувствъ, то здѣсь онъ казался совершенно неподвижнымъ. Повидимому, въ немъ не было никакого польскаго патріотизма; съ русскими владѣльцами онъ отлично ладилъ, эксплуатировалъ ихъ, не переходя въ крайность, и охотно выдавалъ имъ денежные авансы съ легкимъ отгѣнкомъ шутиваго презрѣнія. Такъ же холодно и здравомысляще онъ относился и къ пацовскому сооруженію; его сѣдая голова какъ бы мысленно переоцѣнивала стоимость дворца и переводила ее на количество скота, удобрений, орудій и т. под., которое могло бы способствовать благосостоянію края и осчастливить многочисленныхъ обездоленныхъ бѣдняковъ; можетъ быть, ему вспоминался тяжелый трудъ его молодыхъ годовъ, и онъ вычитывалъ тѣ десятки тысячъ мужицкихъ спинъ, работавшихъ на постройкѣ этого никому не нужнаго замка. То, что для непосвященнаго зрителя было плодомъ художественной фантазіи гениальнаго замысла просвѣщеннаго мецената, то для Марковскаго, современника постройки, было не чѣмъ инымъ, какъ чудовищнымъ итогомъ народныхъ лишеній и болѣзней, безумной затѣей сумасброднаго деспота, позорнымъ памятникомъ недавняго рабства. Но и здѣсь Марковскій, представитель мужицкой логики и холоднаго анализа, не давалъ воли своимъ чувствамъ, не проявлялъ никакой ненависти и даже возымѣлъ мысль воспользоваться пацовской по-

стройкой такимъ своеобразнымъ способомъ, отъ котораго умершій графъ, вѣроятно, перевернулся бы въ гробу. Замокъ долженъ былъ превратиться въ казарму для размѣщенія кавалерійской части. Марковскій заранѣе подсчитывалъ выгоды отъ наличности массы удобренія, получаемаго отъ лошадей, отъ продажи фуража и другихъ продуктовъ своего хозяйства. Москалей били рублемъ, столь трудно собираемымъ съ крестьянъ русскихъ губерній, и такимъ путемъ воздѣйствовалъ невольный мститель за насилія, произведенныя русскими надъ поляками. хлопоты по устройству казармъ Марковскій предоставилъ Е. С. Карцовой, а такъ какъ замокъ разрушался отъ испортившейся цинковой крыши, то потребовалъ съ нея тысячу рублей на ремонтъ. Переписка по вопросу объ устройствѣ казармъ въ Довспудѣ тянулась два года; въ ней принимали участіе начальникъ главнаго штаба графъ Фѳдоръ Логиновичъ Гейденъ, варшавскій генералъ-губернаторъ графъ Павелъ Евстафѳевичъ Коцебу, сувалкскій губернаторъ Сергѳий Евгениевичъ Головинъ и многочисленныя *dii minores*. Выяснилось, однако, крайне неудобное расположеніе пацовскихъ апартаментовъ и притомъ не только для неприхотливыхъ солдатъ, но и вообще для жилья, изъ чего можно думать, что комфортомъ пожертвовано было въ интересахъ красоты. Затѣмъ въ лучшемъ случаѣ въ замкѣ можно было размѣстить не болѣе одного эскадрона, отъ 100—150 человекъ. Если принять во вниманіе незначительную квартирную плату (особенно въ 70-хъ годахъ) за содержаніе нижняго чина, то въ общемъ получалась ничтожная сумма за передачу зданія, требовавшаго большого расхода на ремонтъ и приспособленіе. Недоставало также конюшенъ и помѣщеній для многочисленныхъ службъ. Военные, присылаемые для осмотра дворца, высказывали также свои возраженія; имъ не особенно улыбалась мысль имѣть стоянку въ глуши, въ 16-ти верстахъ отъ губернскаго города; а въ высшихъ военныхъ кругахъ уже тогда было стремленіе не дробить части, а содержать ихъ въ интересахъ лучшаго наблюденія и совмѣстнаго обученія въ одномъ пунктѣ крупными единицами, не менѣе полка, а при возможности и дивизіи. Такъ какъ въ то время еще не существовало фонда для постройки казармъ, то военное министерство отказалось выдать какой-либо авансъ для устройства ихъ въ Довспудѣ, а предоставило расходовать опекуншѣ малолѣтняго Карцова. Послѣдняя, хотя и располагала нѣкоторыми средствами, но считала ихъ собственностью другихъ дѣтей, а потому затруднялась затрачивать ихъ на майоратъ, обратное полученіе съ котораго было весьма затруднительно, такъ какъ по строго соблюдаемымъ законамъ того времени его нельзя было ни продать, ни заложить. Затѣмъ, какъ уже было сказано, прямыя выгоды (плата за казармы) были ничтожны, а имѣли значеніе лишь косвенныя: полученіе навоза и продажа продуктовъ, составлявшія, однако

исключительный интересъ Марковскаго; но и этотъ интересъ, нужно полагать, былъ для него недостаточно значительнымъ, такъ какъ затрачивать на это дѣло собственныя деньги онъ отказался наотрѣзъ.

Судьба замка была безповоротно рѣшена. Сравнительно слабый ремонтъ крыши не могъ остановить разрушительнаго дѣйствія времени; балки верхняго этажа стали загнивать отъ просачивающейся воды и висѣли беспорядочными клочьями, угрожая паденіемъ и опасностью для осматривающихъ замокъ. Въ 1885 г. старика Марковскаго уже не было въ живыхъ, а управлялъ Довспудой его пріемный сынъ—безпутный расточитель и плохой хозяинъ, вслѣдствіе чего ослабѣло и наблюденіе за замкомъ и усилились нападенія мародеровъ. Замокъ сдѣлался для деревенской молодежи любимымъ мѣстомъ посѣщеній, далеко не безкорыстныхъ. Ни одинъ не уходилъ съ пустыми руками: кто тащилъ фигурные изразцы, кто огромный желѣзный крюкъ отъ дверей, кто каркасы отъ статуй, рѣзбу отъ лѣстницы, и т. под.. Хищники не довольствовались этимъ милымъ занятіемъ, но иногда внутри замка устраивали настоящія оргіи, оставляя за собою пустыя бутылки и объѣдки пищи. Въ 1885 г. надо полагать, что подобная честная компанія, не довольствуясь обычными развлеченіями, доставляемыми разрушаемымъ замкомъ, пожелала еще полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ пылающаго дворца, для чего и подожгла обрывки обоевъ, а также различный мусоръ. Пожаръ уничтожилъ всѣ деревянныя части, крыша провалилась внутрь зданія, а огонь разрушительно повліялъ на прочность стѣнъ. Въ такомъ видѣ замокъ простоялъ еще пять лѣтъ. Въ 1890 г. майоратный владѣлецъ Ю. С. Карцовъ, возвратившись въ Довспуду изъ Болгаріи, гдѣ онъ занималъ должность консула, устранилъ молодого Марковскаго отъ арендованія и вступилъ въ личное управленіе имѣніемъ. Были приняты мѣры къ возможному благоустройству и упорядоченію построекъ вообще.

Одинъ замокъ сохранялъ свой ужасный видъ, угрожалъ опасностью для гуляющихъ по близости его въ паркѣ и представлялъ собою нѣмой укоръ чужихъ грѣховъ; еще немного, и отъ тяжести обломковъ долженъ былъ обвалиться подвальный этажъ, а за нимъ закрыться и всѣ интересные подземные ходы. Въ Довспудѣ не было подходящаго жилого дома, и владѣльцу, желающему жить въ имѣніи, приходилось строить таковой, но кирпича въ наличности не было, вслѣдствіе чего всѣ благоразумные хозяева указывали на готовый источникъ—разрушивающійся замокъ. По зрѣломъ обсужденіи рѣшено было разобрать замокъ; полученный кирпичъ употребить на постройку дома, а въ случаѣ чего нѣкоторое количество и продать, отремонтировать подвальный этажъ и на полученные отъ разборки замка средства поддержать подѣзды, а также и готическую башню, расположенную на сѣверной сторонѣ. Къ

разборкѣ замка приступлено было осенью 1890 г.; затрудненія представляли лишь высокія башни; остальные стѣны разбирались довольно легко, несмотря на различные толки о необычайной прочности пацовской постройки, которую придется взрывать чуть ли не динамитомъ. По желобамъ спускались кирпичи; они были превосходно обожжены, размѣромъ $9 \times 4\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ верш. — болѣе нормального приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза. Работы по разборкѣ обошлись около 500 рублей при наличности 150 рабочихъ въ продолженіе 10 дней; кирпича было добыто сравнительно очень мало, менѣе 200 тысячъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые опредѣляли возможное полученіе въ миллионъ. Такая незначительная добыча объясняется огромными размѣрами оконныхъ и другихъ проемовъ.

Sic transit gloria mundi!

Отъ всего бывшаго великолѣпія сохранились въ настоящее время только подъѣздъ, башня въ готическомъ стилѣ, подвальные этажи и таинственные подземные ходы; существуетъ и пышно разросшійся тѣнистый паркъ, на зеленомъ фонѣ котораго красиво выдѣляются развалины бывшаго дворца. Память о немъ служить поученіемъ о непрочности единичнаго замысла, какъ бы художественно онъ ни былъ задуманъ и талантливо исполненъ, если онъ является плодомъ отдѣльнаго, хотя бы и выдающагося дѣятеля, а не результатомъ просвѣщенія и высокой культуры цѣлаго народа.

А. С. Карцовъ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ КИТАЙСКОМЪ ГОРОДѢ ЧУГУЧАКѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

ИЗЪ города Зайсана (Семипалатинской области) мой путь лежалъ въ Семирѣченскую область. Но чтобы туда пробраться, необходимо пройти Монракскія ущелья, проѣхать Чиликтинскую долину, перевалить черезъ Тарбагатайскій хребетъ, черезъ который проходитъ китайская граница, и заѣхать ненадолго въ китайскія владѣнiя. Это, такъ сказать, кратчайшiй путь и, конечно, наиболѣе интересный, дающiй возможность посмотрѣть на «китайщину». Монракъ и Таргабатай были пройдены довольно благополучно, хотя и не безъ ущерба для моей повозки, у которой, при проходѣ чрезъ Монракскія ущелья, камнями оторвало желѣзныя подножки. Съ горными массами шутки плохи, перевалъ черезъ нихъ всегда оставляетъ слѣды. Каменные коридоры, подъемы и спуски миновали, и наша маленькая экспедицiя, состоявшая изъ трехъ человекъ, очутилась на берегу пустынной рѣчки Аци-Удасъ, гдѣ и занялись мы пищею и отдыхомъ. Солнце ярко свѣтило и порядочно припекало (несмотря на конецъ сентября), повсюду желтѣли выжженные заросли чiя, который вездѣ растетъ въ русскихъ и китайскихъ ближнихъ степяхъ. Открывалась безконечная долина, обрамленная отрогами Тарбагатая. Было тихо и мертво, не слышно щебетанья птицъ, не видно признаковъ животныхъ,

только изрѣдка раздавался скрипъ арбы да звукъ бубенчика, привязаннаго къ сбруѣ лошади китайскаго киргиза, котораго только и можно было встрѣтить въ этой безлюдной степи. Такая же приблизительно степь Чиликтинская лежитъ и по ту сторону Тарбагатай, въ русскихъ предѣлахъ, но эта степь была оживлена при нашемъ проѣздѣ присутствіемъ массы кочующихъ киргизовъ, которые переходятъ черезъ китайскую границу и, какъ муравьи, расползаются по степи. Этотъ переходъ послужилъ поводомъ къ крупному инциденту и конфликту между русскими и китайскими властями. Когда мы перевалили черезъ Тарбагатай и очутились на китайской территоріи, въ такъ называемой Эмильской долинѣ, намъ встрѣтилась многочисленная толпа всадниковъ, которые при приближеніи повозокъ сейчасъ же слѣзились, увидавъ русскихъ людей и между ними казака, сопровождавшаго меня изъ города Семипалатинска. Начались переговоры черезъ переводчика. Всадники оказались кочующими китайскими киргизами, которые, признавъ во мнѣ русскаго чиновника, просили о разрѣшеніи поселиться въ русскихъ предѣлахъ и жаловались на китайскихъ властей, обременявшихъ ихъ непосильными сборами. Конечно, на это я не могъ ничего имъ отвѣтить, сказавъ, что я проѣзжаю совершенно по другому дѣлу, ничего разрѣшить не могу, и пожелалъ имъ добраго здоровья. Съ тѣмъ мы и разстались, переживъ нѣсколько непріятныхъ минутъ среди желтолицей незнакомой толпы и не зная ея настроенія. Но эта неожиданная встрѣча наводила на нѣкоторыя размышленія. И, несмотря на безлюдіе степи, ближайшей къ Чугучаку, казалось, что въ ней творится что-то неладное, ненормальное, создается невозможныя отношенія между людьми...

Ночь, предшествовавшую стоянкѣ на рѣкѣ Ащи-Удасъ, мы провели въ сильномъ волненіи среди степи, не рѣшаясь остановиться въ китайско-киргизскомъ аулѣ Кропъ-шакъ (Джаксыбаева), не увѣренные въ настроеніи степныхъ кочевниковъ.

Часа черезъ три ѣзды отъ рѣки Ащи-Удасъ мы вѣзжали уже въ предмѣстья города Чугучака, по широкой аллеѣ изъ топей, ведущей къ китайскимъ воротамъ и къ знаменитой стѣнѣ, отдѣляющей китайскій городъ отъ русской факторіи. Проѣхавъ черезъ ворота, прорубленные черезъ невѣроятной толщины стѣны, гдѣ едва не изломался мой тарантасъ, наткнувшись колесомъ на низкую желѣзную тумбу, неизвѣстно зачѣмъ (вѣроятно, для препятствій къ проѣзду любопытныхъ туристовъ) вдѣланную въ землю, мы вѣхали въ крѣпость, охраняемую солдатами, но, Боже мой, какими солдатами! Это были тѣни, а не люди. Блѣдныя лица, пропитанныя опіумомъ, съ совершенно безжизненными стеклянными глазами. Скелеты, одѣтые въ какія-то синія тряпки, съ повязками такого же цвѣта на головахъ, напоминавшими повойники

русскихъ бабъ. Въ рукахъ у нихъ были старинныя заржавленныя алебарды. При проѣздѣ нашемъ они не выказали никакого удивленія и флегматично провожали насъ глазами. Обѣхавъ дома

Домъ чугучакскаго губернатора.

губернатора и воинскаго начальника съ пагодами и драконами у воротъ и крыльца и аляповатой отдѣлкой въ китайскомъ стилѣ, мы въѣхали въ китайскій базаръ съ узкими закоулками и прс-

ходами, гдѣ едва поворачивался тарантасъ съ опасностью отдалить ноги повсюду снующимъ китайцамъ и китайчатамъ. Нельзя сказать, чтобы взгляды встрѣченныхъ китайцевъ были особенно дружелюбными. Они съ гримасами, а то и ворчаньемъ уступали дорогу. Сразу бросилась въ носъ страшная вонь, которая вась повсюду преслѣдуетъ на китайскомъ базарѣ и нѣсколько уменьшается въ сартовскомъ. Но тутъ переулки и проходы стали еще уже, и нашъ тарантасъ едва пробился въ русскую часть города, отдѣленную стѣною отъ китайской. Въ русской факторіи мы встрѣтили самое широкое гостепрїимство у чугучакскаго императорскаго консула С. В. Сокова, которому, пользуясь случаемъ, и приношу глубокую благодарность.

Мнѣ, какъ никогда не бывшему въ китайскихъ предѣлахъ и не имѣвшему случая имѣть какія-либо сношенія съ китайцами, крайне интересно было ориентироваться на мѣстѣ и проникнуть въ настоящія отношенія китайскаго населенія къ русскому элементу и въ такомъ городѣ, гдѣ то и другое населеніе живетъ бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Изъ первыхъ же разговоровъ консула я убѣдился, что эти отношенія крайне натянуты и обострились еще болѣе благодаря слѣдующему инциденту, имѣющему связь съ нашей встрѣчей около китайской границы. Передъ нашимъ прїѣздомъ болѣе 2.000 кибитокъ китайскихъ киргизовъ перекочевали въ русскія владѣнія, а для китайцевъ, въ особенности для чугучакскихъ китайскихъ властей, это событіе произвело громадный матеріальный ущербъ. Дѣло въ томъ, что мѣстные чиновники брали съ нихъ ежегодно до 80.000 барановъ, что при средней цѣнѣ по 3 рубля за голову составитъ сумму въ 240.000 рублей. Конечно, по слухамъ, до 200.000 рублей приходилось дао-таю (губернатору) отсылать въ Пекинъ для подмазки тамошнихъ сатовниковъ, но во всякомъ случаѣ крупный кушъ оставался у лица, подъ чьимъ вѣдѣніемъ находились кочевники. Въ это время года какъ разъ собранъ былъ такъ называемый международный съѣздъ въ с. Бахты для рѣшенія судебныхъ русско-китайскихъ дѣлъ (которыхъ накопилось болѣе 6000). Членами этого съѣзда были сосѣдніе уѣздные начальники, особый чиновникъ отъ степного генераль-губернатора, крестьянскіе начальники и со стороны китайцевъ разные представители власти. Вслѣдствіе происшедшаго инцидента съ кочевниками китайскія власти стали упрекать русскихъ въ томъ (указывая на отдѣльныхъ лицъ), что они подбили будто бы кочевниковъ переселиться. Русскіе, конечно, возмутились, начались на этомъ съѣздѣ такія пререканія и отношенія такъ обострились, что консулу, открывшему торжественно этотъ съѣздъ, пришлось его своею властью скоро закрыть. Должностныя лица въ родѣ уѣздныхъ начальниковъ, оторванные отъ исполненія своихъ обязанностей на мѣстахъ службы, пребывали

въ бездѣйствіи, разѣзжая изъ Чугучака въ Бахты и обратно. Китайскія власти по обыкновенію виляли и ежедневно мѣняли свои требованія. Сначала, конечно, закинули уду о возвращеніи всѣхъ бѣжавшихъ киргизовъ на свою территорию, но, убѣдив-

Кумирня на чугучакскомъ базарѣ.

шись, что это требованіе неосуществимо, такъ какъ кочевники разсѣялись по степи и ихъ искать равносильно бы было исканію въ полѣ вѣтра, они стали упрекать русскихъ въ допущеніи и подбиваніи киргизовъ на переселеніе, надѣясь, конечно, получить

изъ этого выгоды. Консуль поставилъ такъ дѣло, что китайскія власти должны были извиниться въ неправильномъ обвиненіи русскаго должностнаго лица. Китайскіе мандарины упирались. Отношенія между главными представителями власти—губернаторомъ китайскаго Чугучака и консуломъ—обострились. Полетѣли изъ Пекина и въ Пекинъ телеграммы... и въ концѣ концовъ мнѣ пришлось случайно присутствовать при дипломатическомъ посѣщеніи одного изъ важныхъ китайскихъ мандариновъ (по порученію губернатора) резиденціи русскаго консула. Мнѣ пришлось видѣть тѣ церемоніи, съ которыми этотъ мандаринъ вошелъ въ залу, по приглашенію консула, въ сопровожденіи своихъ слугъ. По этикету онъ самъ мало двигался, съ его головы слуга снялъ шляпу съ шишкой и чернымъ перомъ и при угощеніи консула наливалъ ему вина, когда его господинъ только пилъ и велъ дипломатическій разговоръ. Его витіеватая рѣчь началась вступленіемъ: «губернаторъ и консуль—одно сердце и душа» (въ этотъ-то моментъ!), и, конечно, она клонилась якобы къ примиренію, а на самомъ дѣлѣ вертѣлась около обсуждаемаго предмета, и этотъ продолжительный визитъ мандарина такъ ни къ чему и не привелъ, несмотря на низкіе поклоны и присѣданія даже на дворѣ, передъ тѣмъ, какъ садиться мандарину въ каретку-одноколку, запряженную въ одну лошадь, съ той характерной особенностью, что кучеръ, когда каретка двинулась, не сѣлъ на козлы, а пошелъ рядомъ съ кареткой, погоняя лошадь, вмѣстѣ со слугами¹⁾.

Въ то время, когда мандарины пикировались съ представителями русской власти, китайскіе торговцы отлично торговали и усиленно любезностью по отношенію къ русскимъ гостямъ словно хотѣли загладить неблагопріятное впечатлѣніе, производимое китайскою администраціею. Чиновникъ П. (степного генераль-губернаторства), представлявшій изъ себя *bête noire* для китайскихъ властей, пользовался широкою популярностью среди китайскихъ торговцевъ на базарѣ. Знающій китайскій языкъ, онъ явился для насъ желаннымъ спутникомъ по базару и переводчикомъ. Его затаскивали въ каждую крупную лавку, хлопали по плечу съ криками «хао, хао!..» и мы съ нимъ чувствовали себя въ своей тарелкѣ среди откормленныхъ, съ длиннѣйшими косами китайскихъ купцовъ. Особенной любезностью среди нихъ отличался Ванъ-Фунъ-Тай, угостившій насъ отличнымъ желтымъ чаемъ (стоившимъ тамъ пустяки: $\frac{3}{4}$ фунта 80 коп.) въ маленькихъ чашкахъ и продавшій намъ нѣкоторыя вещи довольно дорого.

Всѣ лавки китайцевъ открыты и, несмотря на прекрасную погоду, все-таки нельзя болѣе четверти часа въ нихъ находиться и раз-

¹⁾ Описанный конфликтъ былъ улаженъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Чугучака, благодаря дипломатическому такту С. В. Сокова, склонившаго китайскія власти на уступки и извиненія.

Статуя привратника Будды, находящаяся внутри преддверия кумирни.

сматривать товары, какъ бы они ни были интересны, изъ-за невыносимаго запаха (кунжутнаго масла), которымъ пропитаны сами китайцы и даже стѣны. Кромѣ того, тутъ же рядомъ съ роскошнымъ магазиномъ варится всякая дрянь на вертелѣ и валяется всякій хламъ старьевщиковъ. Вы зажимаете носъ отъ вони, и все-таки вамъ жалко оставить этотъ базаръ,—такъ разнохарактерна, пестра и оживленна эта кричащая и движущаяся толпа. При яркомъ солнцѣ все сверкаетъ и переливается яркими красками, начиная съ горъ фруктовъ, наваленныхъ на лоткахъ разносчиковъ и на землѣ, и кончая вычурными украшениями кумиренъ, разбросанныхъ по всему городу. Въ главную кумирню, гдѣ находится божество Будды, меня не пустили, а только во дворъ. Нужно было сдѣлать визитъ губернатору, а при столь натянутыхъ отношеніяхъ, по мнѣнію консула, такой визитъ былъ бы неудобенъ,—онъ могъ бы быть понять, какъ заискиванье съ русской стороны.

Была осмотрѣна другая кумирня, находящаяся среди базара, во дворѣ которой стояла огромная фигура въ высокой шалкѣ служителя или привратника Будды. Въ этой кумирнѣ находится изображеніе женскаго божества (Ню-ня) съ ребенкомъ на рукахъ. Передъ нимъ зажженъ огонь на очагѣ. Когда я хотѣлъ снять внутренность кумирни своимъ аппаратомъ, то вошедшій бонза воспрепятствовалъ и, сдѣлавъ сердитую мину, потушилъ огонь на очагѣ и закрылъ статую желтымъ знаменемъ. Китайцы, сопровождавшіе (изъ любопытства) меня, весьма безцеремонно держали себя въ кумирнѣ, курили, бросали зернышки орѣховъ на полъ и безъ всякаго почтенія относились къ своему храму, куда вбѣгали безпрепятственно собаки и гдѣ валялся птичій пометъ. Для нихъ и домъ молитвы является чѣмъ-то въ родѣ клуба или театра, до котораго они большіе охотники. Представленія въ театрѣ идутъ почти цѣлый день, причѣмъ зрители стоятъ на улицѣ, а только актеры двигаются на сценѣ, имѣющей характеръ нашихъ загородныхъ открытыхъ сценъ.

Съ не меньшимъ удовольствіемъ они посѣщаютъ бани, гдѣ въ общемъ резервуарѣ всѣ вмѣстѣ моются, а предбанникъ, болѣе самой бани, представляетъ большую свѣтлую комнату съ разноцвѣтными стеклами, гдѣ они бреются, пьютъ чай, слушаютъ игру своихъ музыкантовъ и нисколько не стыдятся кейфовать въ адамовомъ костюмѣ. Ихъ харчевни тоже составляютъ родъ клуба; въ лучшей изъ нихъ меня попотчевали блюдами изъ вареныхъ морскихъ червей, плавниковъ акулы и свиныхъ котлетъ, при этомъ предлагалась подогрѣтая водка джинь-пинь, одинъ сивушный запахъ которой можетъ поселить къ ней отвращеніе на всю жизнь. Въ той же харчевнѣ лежатъ на диванахъ курильщики опиума, ухитряющіеся выкуривать до 20 трубокъ въ день. Одинъ

китайскій телеграфистъ сознался намъ, что онъ прокуриваетъ $\frac{3}{4}$ всего получаемаго жалованья.

Мы ходили по 2—3 раза въ день на базаръ. Не могу забыть одного эпизода. Однажды мы услышали частые выстрѣлы, напоминающіе стрѣльбу изъ пулемета, и вся улица передъ нами покрылась дымомъ. Встревоженные, мы стали спрашивать, что сей сонъ значить. Оказывается, что одно китайское семейство, китайскаго офицера, переѣзжало въ новый домъ, и это событіе торжественно сопровождалось взрывомъ петардъ, которыя тамъ продаются въ родѣ игрушекъ по 10 коп. штука. При этомъ торжествѣ ихъ истребили безчисленное множество. Затѣмъ на улицѣ появилась процессія съ ударами гонъ-конга (тамъ-тамъ), съ разными принадлежностями домашняго обихода и съ военными атрибутами во главѣ (алебардами, пиками и пр.).

Нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго контраста въ социальномъ положеніи между высшимъ и низшимъ классами. Въ то время, какъ мандарины и вся китайская администрація, пользующаяся неограниченными доходами, живетъ съ большой роскошью, низшій классъ страшно бѣденъ и жалокъ. Вотъ гдѣ громадное поле для борьбы съ капитализмомъ по истинѣ угнетеннаго населенія. И когда-нибудь эта борьба вспыхнетъ съ небывалой свирѣпостью и жестокостью, на которыя способны китайцы. И теперь еще у нихъ въ полной силѣ царятъ палочные удары и публичныя пытки и казни за самыя ординарныя преступленія, какъ-то: воровство, побѣгъ и прочее. Но чѣмъ держатся мѣстныя власти, о злоупотребленіяхъ которыхъ трудно составить представленіе у насъ? Очевидно, крѣпкими устоями и старой культурой, которая сказывается во всѣхъ мелочахъ китайской жизни. И эта культура, эти обычаи, которыми въ массѣ дорожатъ китайцы, составляютъ главную плотину, сдерживающую недовольство и ропотъ черни по отношенію къ мандаринамъ. Но прорвись когда-нибудь эта плотина, и бурный потокъ общественныхъ страстей можетъ снести все, произведя ужасную катастрофу не только среди туземнаго населенія, но и по сосѣдству... Все это вы чувствуете, проходя по чугучакскому базару, видя лохмотья этой черни, эти голыя ноги, почернѣвшія отъ яркаго солнца, одинаково льющаго свои лучи на богачей и нищихъ, которыхъ такое множество въ китайской части Чугучака.

Въ заключеніе этихъ краткихъ путевыхъ замѣтокъ, касающихся города Чугучака и его окрестностей, можно сказать, что этотъ городъ въ торговомъ отношеніи составляетъ весьма замѣтный пунктъ при сношеніи съ Китаемъ; недаромъ устроена таможня въ селеніи Бахты, отстоящемъ на 18 верстъ отъ Чугучака. Въ стратегическомъ отношеніи онъ имѣетъ не меньшее, если не большее, значеніе, почему китайцы имѣютъ въ чугучакской крѣпости постоянное войско въ 1.500 человекъ, хотя и очень плохо содержимое.

Конечно, по мѣрѣ надобности оно можетъ быть увеличено. Въ виду этого, если когда-нибудь осуществится желѣзнодорожная линія отъ гор. Семипалатинска вдоль Чарскаго тракта на Кокпекты и Зайсань, то эта линія будетъ имѣть немаловажное значеніе въ стратегическомъ отношеніи на случай войны съ Китаемъ, конечно, при условіи улучшенія дороги черезъ Монракскій и Тарбагатайскій горные хребты; въ мирное же время этотъ будущій рельсовый путь облегчитъ торговыя сношенія съ Китаемъ.

П. И. Соколовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки императрицы Екатерины Второй. Переводъ съ подлинника, изданнаго императорскою академіею наукъ. Съ 12 портретами и 5 автографами. Изданіе А. Суворина. Спб. 1907.

БЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ и психологическомъ интересѣ «Записокъ» Екатерины II много говорить не приходится—значеніе ихъ давно установлено какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской критикѣ. Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся указаніями на главныя отличія новыхъ изданій отъ прежнихъ.

Въ прошломъ году редакціей «Историческаго Вѣстника» перепечатанъ русскій переводъ «Записокъ», вышедшій въ 1859 г. въ Лондонѣ; онъ перепечатанъ былъ также въ «Русской Старинѣ» и г. Врублевскимъ; еще ранѣе (пять разъ) онъ былъ изданъ г. Каспровичемъ въ Лейпцигѣ (Международная библіотека, т. XV); наконецъ извѣстны переводы нѣмецкій, датскій, шведскій и польскій.

Всѣ эти изданія воспроизводятъ одну только редакцію «Записокъ», напечатанную Герценомъ и задолго передъ тѣмъ ходившую по рукамъ въ копіяхъ; самъ Герценъ также имѣлъ лишь копію.

Изданная академіею наукъ «Записки императрицы Екатерины» и напечатанный г. Суворинымъ переводъ ихъ отличаются отъ прежнихъ тѣмъ, во-первыхъ, что они основаны на подлинныхъ рукописяхъ императрицы, хранящихся въ государственномъ архивѣ и въ собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ. Во-вторыхъ, здѣсь напечатаны всѣ редакціи «Записокъ», а также мелкія замѣтки и письма, имѣющія автобіографическое значеніе. Редакція, напечатанная Герценомъ, занимаетъ въ суворинскомъ изданіи лишь 258 страницъ, а весь текстъ—720.

Въ предисловіяхъ къ академическому и суворинскому изданіямъ указанъ порядокъ, въ какомъ шла работа императрицы. Первая редакція относится къ тому времени, когда Екатерина была еще великой княгиней, послѣдняя—къ концу царствованія. За эти десятки лѣтъ императрица не вырабатывала все одинъ и тотъ же текстъ, а набрасывала новыя и новыя замѣтки, по большей части не справляясь съ прежними. Отсюда—въ различныхъ редакціяхъ разное освѣщеніе лицъ и событій; многія подробности, внесенныя въ одну редакцію, уступаютъ мѣсто новымъ деталямъ въ другой; то—вниманіе сосредоточено на раннемъ дѣтствѣ, то—на послѣднихъ годахъ замужества; часто какое-нибудь сравнительно позднее событіе влечетъ за собой воспоминанія изъ далекаго прошлаго и, наоборотъ, въ рассказъ о давно минувшемъ включены живыя черты позднѣйшей поры. Это не значитъ, конечно, что въ «Запискахъ» нѣтъ никакой послѣдовательности. Екатерина тщательно выдерживаетъ, на примѣръ, хронологическую канву; но главная цѣль «Мемуаровъ»—написать автопортретъ во весь ростъ—заставляетъ императрицу на каждомъ шагу говорить объ ея мысляхъ, чувствахъ и настроеніяхъ того именно времени, когда она писала, а не того, которое описывала. Вотъ почему новыя изданія «Мемуаровъ» въ ихъ полномъ составѣ рѣзко отличаются отъ предшествующихъ не только количественно, но и качественно.

По связи съ «Записками» напечатаны многочисленныя замѣтки и письма императрицы; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, были опубликованы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но большая часть оставалась неизвѣстной или печаталась со значительными урѣзками. Таковы, на примѣръ, «Чесменскій дворецъ», два письма къ Н. И. Салтыкову, «Чистосердечная исповѣдь», письмо къ кн. Потемкину (о разрывѣ Екатерины II съ ея фаворитомъ гр. А. Д. Мамоновымъ), «Завѣщаніе», переписка съ гр. Понятовскимъ (о переворотѣ 1762 г.), различные «анекдоты», «Размышленія о Москвѣ и Петербургѣ», замѣчанія на книги Струбе-де-Пирмонта и аббата Денина.

Всѣ эти документы содержатъ не только автобіографическій матеріалъ; они отражаютъ среду, въ которой росла, страдала и царила Екатерина.

Вотъ нѣсколько отрывковъ, относящихся къ раннему дѣтству: «Мнѣ было семь лѣтъ», рассказываетъ императрица: «когда у меня сдѣлался очень сильный кашель... не было кругомъ ни одного искуснаго врача; мнѣ давали разныя лекарства, но Богъ вѣсть, какова они были». Слѣдствіемъ простуды было искривленіе позвоночника; отецъ и мать очень беспокоились, какъ бы дочь не осталась кривою; «наконецъ, посоветовавшись въ глубокой тайнѣ кое съ кѣмъ изъ людей опытныхъ, рѣшили искать свѣдущаго человѣка, который сумѣлъ бы исправить искривленіе. Искали тщетно; единственнымъ человѣкомъ, свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, было противно воспользоваться, потому что это былъ мѣстный палачъ. Долго колебались, наконецъ рѣшили позвать его»... «Человѣкъ этотъ», пишетъ Екатерина далѣе: «осмотрѣвъ меня, приказалъ, чтобы каждое утро въ 6 часовъ дѣвушка натошакъ приходила натирать мнѣ въ постели плечи своей слюной, а потомъ позвоночникъ. Затѣмъ онъ самъ сдѣлалъ родъ корсета, который я не снимала ни днемъ, ни ночью, развѣ только чтобы смѣнить бѣлье: онъ приходилъ черезъ день рано утромъ снова меня

осматривать. Сверхъ того онъ заставлялъ меня носить широкую черную ленту, которая шла вокругъ шеи, охватывала съ праваго плеча правую руку и была закрѣплена на спинѣ»... Черезъ полтора года такого леченія Екатерина стала подавать надежду, что выпрямится, но продолжала носить свой безпокойный корсетъ лѣтъ до 10 или 11.

Едва она выпрямилась, какъ изъ рукъ палача едва не перешла въ объятія любовника: въ нее влюбился дядя, принцъ Георгъ. «Онъ былъ тогда очень красивъ», говоритъ Екатерина: «глаза у него были чудесны; онъ зналъ мой характеръ, я уже свыкла съ нимъ; онъ началъ мнѣ нравиться, и я его не избѣгала. Онъ-таки добился моего согласія выйти за него замужъ, подъ условіемъ, что отецъ и мать не окажутъ никакого препятствія. Я узнала потомъ, что мать все это знала; да и нельзя было ей не замѣтить его ухаживанья... Получивъ мое согласіе, дядя со всей силой отдался своей страсти, не знавшей границъ, онъ ловилъ мгновенья, чтобы меня поцѣловать, онъ умѣлъ ихъ создавать; однако, если не считать нѣсколькихъ объятій, все обошлось очень невинно».

Наконецъ пришло извѣстное письмо, которымъ императрица Елизавета вызвала принцессу Цербтскую «съ ея старшей дочерью» въ Россію. Екатерина мелькомъ увидѣла эти слова, когда мать читала письмо, и отгадала остальное. Отъ нея тщательно скрывали содержаніе письма. Но она твердо рѣшила ѣхать. Проф. Вильбасовъ настаиваетъ на томъ, что поѣздка въ Россію устроена всецѣло принцессой Юганной-Елизаветой; но, по свидѣтельству самой Екатерины, ея мать покровительствовала своему брату, принцу Георгу-Людвигу. «Она уже начинала видѣть во мнѣ», пишетъ Екатерина, «будущую не вѣстку; не знаю и никогда не знала, обязалась ли она ему въ чемъ-нибудь; но я осмѣлилась это предположить, ибо, я знаю, она отклоняла отца отъ мысли о нашей поѣздкѣ въ Россію; я сама заставила ихъ обоихъ на это рѣшиться».

Давно извѣстенъ разсказъ о неблагопріятномъ впечатлѣніи, какое сразу произвелъ в. к. Петръ Ѳеодоровичъ на свою не вѣсту. Вотъ что говоритъ она объ этомъ въ первоначальной редакціи «Записокъ»: «Великій князь, во время разговора императрицы Елизаветы съ матерью, занялся мною, и я ему такъ понравилась, что онъ цѣлую ночь отъ этого не спалъ... Я была удивлена, что нашла его такимъ ребенкомъ во всѣхъ его рѣчахъ, хотя ему исполнилось на слѣдующій день ровно 16 лѣтъ. Онъ мнѣ не совсѣмъ однако не нравился. Онъ былъ красивъ, и я такъ часто слышала о томъ, что онъ много обѣщаетъ, что долго этому вѣрила».

Впервые мы узнаемъ изъ этой редакціи также о покушеніи Екатерины на самоубійство: «Я была въ такомъ сильномъ отчаяніи (по случаю сплетни объ Андрѣ Чернышевѣ), что... это заставило меня покончить съ собою; такая полная волненій жизнь и столько со всѣхъ сторонъ несправедливостей и никакого впереди выхода заставили меня думать, что смерть предпочтительнѣе такой жизни; я легла на канале и, послѣ получасу крайней горести, пошла за большимъ ножомъ, который былъ у меня на столѣ, и собиралась рѣшительно вонзить его себѣ въ сердце, какъ одна изъ моихъ дѣвушекъ вошла, не знаю зачѣмъ, и застала меня за этой прекрасной попыткой»...

Въ парижскомъ архивѣ найдены проф. Вильбасовымъ матеріалы, касающіеся отношеній Екатерины II къ Сергѣю Салтыкову; въ «Мемуарахъ» гр. Понятовскаго есть разсказъ о томъ, какъ Петръ III отнесся къ его связи съ Екатериной; въ «Исторіи кавалергардовъ» г. Панчулидзева приведенъ новые матеріалы, иллюстрирующіе отношенія между Екатериной II и кн. Потемкинымъ—на всѣ эти вопросы читатель найдетъ отвѣты въ новыхъ изданіяхъ «Записокъ» императрицы.

Приведемъ еще одну выписку, чтобы показать, какой драгоценный матеріалъ для характеристики Екатерины II содержится въ ея черновыхъ «Мемуарахъ»:

«Все дворянство тогда (во времена императрицы Елизаветы) еще болѣе, чѣмъ теперь, съ величайшимъ трудомъ покидало Москву, это излюбленное ими всѣми мѣсто, гдѣ главнымъ ихъ занятіемъ является бездѣліе и праздность и гдѣ они охотно проводили бы всю жизнь въ томъ, чтобы таскаться цѣлый день въ каретѣ шестерикомъ, раззолоченной не въ мѣру и очень непрочной сработанной, этой эблемѣ плохо понимаемой роскоши, которая тамъ царитъ и скрываетъ отъ глазъ толпы нечистоплотность хозяина, безпорядокъ его дома вообще и особенно его хозяйства. Нерѣдко можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами и прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная драгоценностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжей внѣшностью. Вообще и мужчины, и женщины изнѣживаются въ этомъ большомъ городѣ... Повинуясь, такъ сказать, только своимъ капризамъ и фантазіямъ, они обходятъ всѣ законы... Предрасположеніе къ деспотизму выращается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обитаемомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ самаго ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ, съ какой жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь вѣтъ дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ инструментовъ для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія. Едва посмѣешь сказать, что они такіе же люди, какъ мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тѣмъ, что въ меня станутъ бросать камнями; чего я только не выстрадала отъ такого безразсуднаго и жестокаго общества, когда въ комиссіи для составленія новаго уложенія стали обсуждать нѣкоторые вопросы, относящіеся къ этому предмету, и когда невѣжественные дворяне, число которыхъ было неизмѣримо больше, чѣмъ я когда-либо могла предполагать, ибо слишкомъ высоко оцѣнивала тѣхъ, которые ежедневно меня окружали, стали догадываться что эти вопросы могутъ привести къ нѣкоторому улучшенію въ настоящемъ положеніи земледѣльцевъ... Я думаю, не было и двадцати человекъ, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и какъ люди. А въ 1750 г. ихъ, конечно, было еще меньше и, я думаю, мало людей въ Россіи даже подозрѣвали, чтобы для слугъ существовало другое состояніе, кромѣ рабства».

Не говоря уже о книгѣ г. Дирина («Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея вѣцаренія 1729—1761»), даже капитальный трудъ проф. Бильбасова основанъ главнымъ образомъ на «Мемуарахъ» императрицы; теперь и этотъ трудъ нуждается въ серьезныхъ поправкахъ, такъ какъ изданіе полныхъ «Записокъ» даетъ совершенно новыя подробности и освѣщеніе многихъ событій.

В—въ.

Askenazy, Szymon. Rosya — Polska. 1815 — 1830. Lwów. 1907.
(Ашкенази, Симеонъ. Россія — Польша. 1815 — 1830. Львовъ. 1907).

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Ашкенази, профессоръ львовскаго университета, сообщаетъ, что она написана имъ по просьбѣ кембриджскаго университета и вошла въ составъ коллективнаго историческаго англійскаго изданія Cambridge Modern History; но онъ нашелъ возможнымъ согласиться также на изданіе этой работы и на польскомъ языкѣ въ надеждѣ, что она можетъ пригодиться его университетскимъ слушателямъ и быть полезной читающей польской публикѣ, а въ особенности учащейся молодежи. Заглавіе сочиненія г. Ашкенази таково, что невольно привлекаетъ къ этой книгѣ вниманіе въ особенности въ наше время, когда вслѣдствіе теперешнихъ политическихъ теченій въ польскомъ обществѣ пріобрѣтаетъ столько интереса продѣланный прежнимъ царствомъ Польскимъ опытъ самостоятельной конституціонной жизни подъ русскимъ владычествомъ. Исторія царства Польскаго въ эпоху между его созданіемъ и потерей конституціи далеко не разработана. Поэтому съ тѣмъ большимъ интересомъ берешься за книгу, когда, какъ въ данномъ случаѣ, она, судя по заглавію, обѣщаетъ заняться разъясненіемъ отношеній, сложившихся между Россіей и Польшею въ этотъ замѣчательный періодъ ихъ совмѣстной жизни.

Трудъ автора построенъ довольно просто. Въ первой части онъ трактуетъ на шестидесяти страницахъ разгонистой печати о Россіи въ указанную эпоху; а во второй, обнимающей большую часть книги (слишкомъ сто страницъ), онъ касается судьбы поляковъ, не только жившихъ въ границахъ Рѣчи Посполитой до ея перваго раздѣла, но даже силезскихъ, значительно ранѣе утратившихъ свою политическую независимость.

Говоря о Россіи, г. Ашкенази изображаетъ ее государствомъ варварскимъ, стоящимъ въ культурномъ отношеніи неизмѣримо ниже царства Польскаго, которому она будто даже многимъ обязана въ дѣлѣ своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ на пути просвѣщенія. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ онъ внутреннее состояніе Россіи въ царствованіе Александра I. Все въ Россіи — армія, судъ, церковь, разныя другія государственныя учрежденія — все находилось на низкомъ уровнѣ развитія. Администрація и судъ представляли, по словамъ автора, «одну большую гніющую, неизлечимую рану». Рисуя положеніе русскихъ крестьянъ, онъ собралъ всѣ рассказы о жестокомъ обращеніи съ ними помѣщиковъ и обобщилъ отдѣльные случаи въ одну картину. Если бы не Россія, то, по мнѣнію автора, поляки въ Литвѣ освободили бы въ

эту эпоху своихъ крестьянъ. Зато благотворное вліяніе Польши сказывалось на Россіи во многихъ отношеніяхъ. «По примѣру царства Польскаго начали заниматься (въ Россіи) пробужденіемъ промышленности», говоритъ г. Ашкенази. И школьное дѣло и литература подверглись также благотворному вліянію поляковъ. Либеральный духъ занесенъ былъ при Александрѣ I въ Россію изъ царства Польскаго. Какъ видно изъ только что сказаннаго, страницы сочиненія г. Ашкенази, посвященныя Россіи, не свидѣтельствуютъ о научномъ отношеніи автора къ трактуемому имъ предмету, а представляютъ скорѣе историческій памфлетъ, притомъ разсчитанный только на полное незнакомство читателей съ русскою исторіей. Не менѣе тенденціозна и другая часть работы этого автора, посвященная Польшѣ; но тенденція здѣсь направлена въ иную сторону. Особенный интересъ для насъ представляетъ, понятно, изложеніе г. Ашкенази судьбы царства Польскаго. Онъ дѣлаетъ краткій очеркъ созданія его на Вѣнскомъ конгрессѣ, надѣленія его императоромъ Александромъ конституціей, а также передаетъ ея содержаніе. Но почти ничего не говоритъ авторъ о тѣхъ усиліяхъ, которыхъ стоило Александру I созданіе царства Польскаго, о тѣхъ матеріальныхъ жертвахъ, которыя понесло для него Русское государство; не говоритъ онъ также о томъ, съ какимъ великодушіемъ относился Александръ I къ многочисленнымъ случаямъ измѣны ему со стороны поляковъ, между прочимъ, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, о чемъ такъ обстоятельно и документально было разсказано покойнымъ Дубровинымъ. Очеркъ культурнаго состоянія царства Польскаго сдѣланъ г. Ашкенази чрезвычайно поверхностно. Онъ, видимо, избѣгалъ останавливаться на этомъ вопросѣ, чтобы не раскрыть разныя темныя стороны внутренней жизни Польши. Онъ скользнулъ по вопросу относительно положенія шляхты, мѣщанства и крестьянъ. Онъ не отмѣтилъ того, что въ положеніи крестьянъ въ эпоху конституціонной жизни царства Польскаго наступило ухудшеніе сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ они находились ранѣе, и что императоръ Александръ часто напоминалъ полякамъ о необходимости заняться улучшеніемъ положенія крестьянъ, а также ихъ просвѣщеніемъ. Уклончиво и очень осторожно говоритъ онъ, что царство Польское не сумѣло организовать у себя судъ. Лишь вскользь упоминаетъ онъ о томъ, какъ Россія, разоренная недавними войнами, организовала, несмотря на это, на свой собственный счетъ польское войско. Между тѣмъ извѣстно, что Россія поступалась во многихъ случаяхъ своими финансовыми интересами, чтобы помочь разоренной Польшѣ, казна которой была совершенно пуста. Изъ сочиненія Розы Люксембургъ («Промышленное развитіе Польши») г. Ашкенази могъ бы узнать, насколько царство Польское было обязано Россіи своими успѣхами въ дѣлѣ промышленности. Что касается школы, то, какъ видно изъ сеймовыхъ рѣчей, она была поставлена далеко неудовлетворительно въ царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ, оказывается, что царство Польское, несмотря на благопріятныя условія, въ которыхъ оно находилось, чтобы организовать свою внутреннюю жизнь, не много сдѣлало въ этомъ отношеніи. Особенно бросается въ глаза то обстоятельство, какъ воеводскія комиссіи и воеводскіе совѣты, пользовавшіеся довольно широкими правами въ дѣлѣ мѣст-

наго управленія, мало проявляли способности къ культурной дѣятельности на пользу своего края. Зато реакціонный духъ, клерикализмъ дали себя сейчасъ почувствовать въ только что созданномъ царствѣ Польскомъ. Конституція 1815 года не сдерживала такъ католическое духовенство, какъ конституція 1807 г., данная великому герцогству Варшавскому Наполеономъ. Недаромъ одинъ современникъ, Каэтанъ Козьмянъ, находилъ, что поляки не доросли до либеральной конституціи, данной Александромъ I.

Но г. Ашкенази, не давшій намъ сколько-нибудь удовлетворительнаго изложенія культурнаго состоянія царства Польскаго, чего мы въ правѣ были отъ него ожидать, судя по характеру его сочиненія, сдѣлалъ очень обстоятельный очеркъ развитія тайныхъ революціонныхъ обществъ и революціоннаго движенія въ царствѣ Польскомъ. Оказывается, что тайныя общества возникли среди поляковъ еще до созданія царства Польскаго — въ 1814 году и затѣмъ стали быстро развиваться. Образовались тайныя общества въ польской арміи, возникли они и среди учащейся молодежи, и среди дворянства. Результатомъ революціоннаго духа, охватившаго населеніе, было ноябрьское возстаніе 1830 года. Г. Ашкенази довольно обстоятельно излагаетъ причины, которыя его вызвали. Наиболѣе распространено мнѣніе, что польское возстаніе 1830 г. было вызвано постоянными нарушеніями со стороны Россіи конституціи 1815 г., а также и поведеніемъ великаго князя Константина. Но это ходячее объясненіе причинъ польскаго возстанія 1830 г. уже давно отвергалось нѣкоторыми польскими писателями. Между прочимъ, Мохнацкій, принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ возстаніи, говоритъ, что оно было вызвано желаніемъ поляковъ возстановитъ прежнюю Рѣчь Посполитую. Лисицкій въ предисловіи къ IV-му тому сочиненія «Aleksander Wielopolski» указываетъ на то, что поляки обыкновенно сваливаютъ всю вину за ноябрьское возстаніе на Россію, а между тѣмъ не обращаютъ вниманія на то, что польскій народъ не подчинялся обязанностямъ, возложеннымъ на него конституціей, и не слѣдовалъ здоровой политикѣ. По мнѣнію г. Ашкенази, были двѣ главныя причины, вызвавшія возстаніе 1830 года: одна историко-политическаго характера, а другая публично-правового. Первая, которая чувствовалась обществомъ скорѣе инстинктивно, нежели сознательно, сводилась къ территориальному вопросу, къ вопросу о Литвѣ, которая не была присоединена къ царству Польскому. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, ноябрьская революція была, главнымъ образомъ, войною Польши съ Россією изъ-за Литвы. Вторая причина революціи, доступная пониманію всѣхъ и болѣе очевидная, хотя, въ сущности, меньшаго значенія, заключалась въ нарушеніи польской конституціи. Дѣйствительно, г. Ашкенази въ своемъ сочиненіи постоянно подчеркиваетъ то обстоятельство, какъ поляки надѣялись, что Александръ I присоединитъ къ территоріи царства Польскаго губерніи Северо-Западнаго края, и какъ императоръ часто намекалъ имъ на это. У поляковъ бывшей автономной Польши мы нерѣдко слышимъ жалобы, что царство Польское, созданное на Вѣнскомъ конгрессѣ, представляетъ организмъ очень слабый въ политическомъ отношеніи, и ими часто выражались пожеланія, чтобы къ Польшѣ были присоединены тѣ земли, которыя входили въ

составъ прежней Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ утвержденьемъ г. Ашкенази, что главной причиной польской революціи 1830 г. было стремленіе къ восстановленію прежней Рѣчи Посполитой. Правда, онъ говоритъ собственно о войнѣ Польши съ Россіей изъ-за Литвы, но дѣлаетъ онъ это, вѣроятно, потому, чтобы не повторять дословно взгляды Мохнацкаго, писавшаго еще полвѣка тому назадъ, что Литва и Русь (въ польскомъ значеніи этого слова) были цѣлью войны 1830 — 1831 г.

Н. Любичъ.

А. А. Шахматовъ. Корсунская легенда о крещеніи Владимира Спб. 1906.

Лѣтописное повѣствованіе о крещеніи Владимира, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя компилятивную работу. На немъ отразилось нѣсколько источниковъ, скомбинированныхъ лѣтописцемъ въ одно цѣлое, съ устраненіемъ изъ нихъ наиболѣе явныхъ противорѣчій, вродѣ рассказовъ о крещеніи Владимира въ Кіевѣ послѣ проповѣди греческаго «философа», или повѣствованія объ обращеніи его въ христіанство въ Корсуни, связанномъ съ чудеснымъ исцѣленіемъ его отъ болѣзни.

Поэтому не разъ поднимался вопросъ объ опредѣленіи источниковъ этого во многихъ отношеніяхъ загадочнаго лѣтописнаго рассказа, но до послѣдняго времени онъ не считался рѣшеннымъ. Такъ, видные историки церкви—преосв. Макарій и Е. Голубинскій—считали такимъ источникомъ житіе Владимира, но А. И. Соболевскій и Н. К. Никольскій опровергли ихъ доводы, доказывая независимость лѣтописи отъ житія, а наоборотъ. Не можетъ быть признана, какъ убѣдительно доказываетъ А. Шахматовъ, и попытка Н. К. Никольскаго признать источникомъ «Слово о томъ, како крестися Владиміръ, возьма Корсунь», такъ какъ и это «Слово», подобно житію, стоитъ въ прямой зависимости отъ лѣтописи. Сравненіе же обоихъ названныхъ памятниковъ—житія и слова—съ лѣтописью, а также тщательное изученіе другихъ относящихся сюда памятниковъ (древняго житія Владимира, проложнаго житія обычной редакціи, распространенной редакціи проложнаго житія, краткаго житія «особаго состава» и др.)—привело изслѣдователя къ мысли, что, помимо лѣтописи, существовали и иные первоисточники, посвященные крещенію Владимира и послужившіе источникомъ для самой лѣтописи. При этомъ, въ указаніи источниковъ лѣтописнаго рассказа акад. А. А. Шахматовъ сошелся съ догадками Костомарова, съ одной стороны, Бѣляева и Жданова, съ другой. Именно онъ пришелъ къ тому мнѣнію, что повѣсть о крещеніи Владимира составила изъ соединенія двухъ мотивовъ, взятыхъ изъ области народнаго творчества и принадлежащихъ двумъ различнымъ въ культурно-историческомъ отношеніи мірамъ. Легенда о крещеніи Владимира въ Корсуни послѣ настоячивыхъ требованій византійскихъ царей и чудеснаго исцѣленія его отъ болѣзни возникла въ христіанской обстановкѣ, въ средѣ греческаго населенія Корсуни, какъ это признавали Бѣляевъ и Ждановъ. Былина же о походѣ

На Корсунь, взятія его и сватовствѣ Владимира на греческой царевнѣ сложилась въ полугражданской Кіевской Руси XI в., въ средѣ княжеской дружины, подъ впечатлѣніемъ присущаго дружинной поэзіи образа «молодца», добывающаго городъ, наводящаго страхъ на побѣжденныхъ и заставляющаго ихъ давать себѣ дары, изъ которыхъ онъ выбираетъ себѣ, какъ самое драгоценное, дѣвицу. Объ этомъ въ свое время говорилъ Костомаровъ. Конечно, въ рамкахъ этихъ агиографическихъ и эпическихъ чертъ, въ лѣтописномъ разсказѣ заключаются еще и черты историческія и бытовыя. Къ первымъ, напирѣжь, относятся такіе факты, какъ взятіе Корсуни, бракъ Владимира съ Анной, выводъ изъ Корсуни поповъ, ко вторымъ — указаніе на то, что при отпращиваніи въ Корсунь царевна Анна съѣла въ Царьградѣ въ «кубару» и т. д.

Установивъ источники лѣтописнаго разсказа, изслѣдователь переходитъ къ вопросу о его составителѣ, каковымъ считаетъ уроженца Корсуни, проживавшаго въ Кіевѣ въ концѣ XI в. «Желая придать историческую достовѣрность факту крещенія Владимира въ Корсуни, — говоритъ онъ далѣе, — составитель разсказа воспользовался былинами о Владимирѣ, извлекъ изъ нихъ подходящій матерьялъ и осмыслилъ его агиографическими мотивами, ясно выставившими значеніе и цѣль Владимірова похода, неминуемо приведшаго русскаго князя, по Божію устроенію, къ принятію христіанства» (стр. 83). Тотъ же фактъ, что нѣкоторыя данныя, встрѣчающіяся въ житійныхъ разсказахъ о Владимирѣ, не могутъ быть возведены къ лѣтописи, — на основаніи анализа указанныхъ житій и словъ объясняется А. Шахматовымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на Руси существовало не дошедшее до насъ сказаніе о Владиміровомъ крещеніи, которое и послужило источникомъ житійныхъ разсказовъ, на ряду съ лѣтописной повѣстью. Изъ сравнительнаго изученія послѣдней и житійныхъ разсказовъ дѣлается попытка возстановить первоначальное сказаніе.

Въ послѣдней, XII-ой, главѣ изслѣдованія авторъ разбираетъ другія отраженія легенды о крещеніи и былины о сватовствѣ князя Владимира, отраженія, постепенно утратившія и тотъ слабый историческій колоритъ, который носили ихъ источники. Такимъ образомъ, кромѣ «разрушенія» легенды, теперь предъ нами намѣченъ тотъ путь, которымъ шло ея созданіе, и историческая основа ея подкрѣплена цѣнными фактами литературнаго характера.

А. Я.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ I. Годъ третій. М. 1907.

Московское историко-родословное общество, благодаря энергіи и любви къ дѣлу его предсѣдателя, Л. М. Савѣлова, неустанно проявляетъ свою плодотворную дѣятельность. За два года своего существованія оно издало уже 9 выпусковъ своей «Лѣтописи». О первыхъ восьми мы имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и указывали на довольно богатое содержаніе этихъ выпусковъ. Довольно содержательнымъ является и девятый, только что изданный выпускъ «Лѣтописи». Открывается онъ статью Н. В.

Мятлева: «Челобитная Михаила Татищева». Въ ней авторъ, приведя цѣликомъ заимствованную имъ изъ собранія графа А. С. Уварова и нигдѣ еще не напечатанную челобитную Михаила Игнатьевича Татищева, сына Игнатія Петровича Татищева, пожалованнаго въ 1598 г. Борисомъ Годуновымъ въ «казначей», останавливается болѣе подробно на мѣстныхъ счетахъ Татищевыхъ съ извѣстными Щелкаловыми и на выясненіи родства Татищевыхъ съ Писемскими. Послѣднія свѣдѣнія составляютъ дополненіе къ извѣстной книгѣ С. С. Татищева «Родъ Татищевыхъ».

Вслѣдъ за статью Н. В. Мятлева помѣщена «Поколѣнная роспись рода дворянъ Масловыхъ (Орловская вѣтвь)», сообщенная В. С. Арсеньевымъ. Родословная эта ограничивается приведеніемъ почти однихъ именъ и не лишена промаховъ. Такъ, на стр. 26 въ ней показанъ Павелъ Ивановичъ (№ 29) сыномъ Ивана Евграфовича (№ 24), тогда какъ по даннымъ архива департамента герольдіи онъ значителенъ сыномъ Ивана Ивановича, внукомъ Ивана Ивановича и правнукомъ Ивана Ѳедотовича. Затѣмъ, отъ Петра Ивановича (№ 23) не показано ни одного сына; между тѣмъ двое изъ нихъ: Алексѣй, съ сыномъ Иваномъ, родившимся въ 1835 г., и Иванъ утверждены были вмѣстѣ съ отцомъ и другими родичами въ древнемъ дворянствѣ герольдіей еще въ 1840 годахъ..... Не останавливаясь на другихъ болѣе мелкихъ замѣткахъ, укажемъ на «Приложеніе» къ настоящему выпуску: «Столицы Щербачевыхъ изъ архива Кашкиныхъ», сообщаемые Н. Н. Кашкинымъ. Въ эти «столицы» вошли разнаго рода документы, начиная съ показанія нѣкоего «Титка Иванова» о дачѣ «на себя кабалы», 1628 г., и кончая отпускнуой 1793 г., подписанной Николаемъ Ѳедоровичемъ Щербачевымъ. Г. Кашкинъ уклоняется здѣсь отъ какихъ-либо генеалогическихъ примѣчаній, въ той надеждѣ, что ихъ сдѣлаетъ въ свое время Ю. Н. Татищевъ, уже нѣсколько лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ своего рода. В. Рудаковъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XV — 1735 годъ. Спб. 1907. Томъ XVI — 1736 годъ. Спб. 1906.

Высочайше учрежденная комиссія по описанію синодальнаго архива описываетъ и издаетъ документы и дѣла его годъ за годомъ. Важность, значеніе и польза этихъ научныхъ трудовъ не нуждаются въ доказательствахъ, — они удовлетворяютъ самому широкому историческому интересу. Помѣщаемые въ «Описаніи» историческіе матеріалы касаются не одной только церковной стороны жизни прошлаго, но освѣщаютъ и государственную, и общественную, и частную, и семейную жизнь того времени. Документы и дѣла, описаніе коихъ помѣщено въ XV и XVI томахъ, относятся къ 6-му и 7-му гг. царствованія императрицы Анны Іоанновны. Насколько тяжело было это царствованіе для православной церкви и духовенства, свидѣтельствуетъ преобладающее въ этихъ томахъ большинство дѣлъ слѣдственныхъ и судебныхъ о духовныхъ лицахъ, начиная съ высшихъ представителей (судъ, лишеніе сана и ссылка) и

кончая низшими и ихъ дѣтьми (безжалостные разборъ дѣтей церковниковъ). Немало найдется въ указанныхъ томахъ матеріаловъ для исторіи высшаго духовнаго управленія и мѣстнаго епархіальнаго, для исторіи отдѣльныхъ церквей (соборныхъ, приходскихъ, придворныхъ, полковыхъ, домовыхъ въ Россіи и за границей) и монастырей съ ихъ земельными владѣніями, угодьями и подворьями, для исторіи ересей, раскола, сектъ, миссій и проч., а также для исторіи духовнаго просвѣщенія, книгопечатанія и т. д. Въ приложеніи къ «Описанію» помѣщено много цѣнныхъ документовъ, какъ-то: жалованныхъ грамотъ, архіерейскихъ писемъ и духовныхъ завѣщаній, списокъ синодальныхъ и монастырскихъ вотчинъ, вѣдомостей о доходности ихъ, о школахъ и ученикахъ ихъ и др. Каждый томъ снабженъ обстоятельными личнымъ и предметнымъ указателями, составленными по существующимъ для того правиламъ. Нельзя не упомянуть о дешевизнѣ этого изданія, имѣющаго уже 14 томовъ. Первый томъ за 1542—1721 гг. — библиографическая рѣдкость (въ продажѣ нѣтъ); томы съ II (въ 2 частяхъ) по VIII включительно продаются съ уступкою 75°%, если выписываются одновременно (т. е. за всѣ—8 р. 50 к.), при покупкѣ же одного тома — уступка 50°%, а по общимъ правиламъ продаются остальные томы—X, XI, XII, XV и XVI, словомъ за 25 рублей можно получить всѣ вышедшіе томы «Описанія», кромѣ I тома. Томы IX, XIII, XIV, XVII, XX, XXVII и XXXI печатаются, а остальные, касающіеся дѣлъ и документовъ конца царствованія Елизаветы Петровны, готовятся къ печати. Въ недалекомъ будущемъ архивъ святѣйшаго синода получитъ научное описаніе до времени царствованія императрицы Екатерины II, что въ общемъ составитъ свыше 40 томовъ.

М—въ

Ю. В. Руммель. Отечественный флотъ какъ средство обороны и международной политики. Изданіи лиги обновленія флота. Спб. 1907.

Недавно возникшая лига обновленія флота, ставящая своей задачей содѣйствіе развитію морскихъ силъ и средствъ Россіи и популяризованіе морской идеи среди широкихъ слоевъ общества, выпустила съ этой цѣлью нѣсколько изданій и объявила рядъ конкурсовъ на сочиненія по морскимъ вопросамъ.

Первую премію на одномъ изъ конкурсовъ — въ размѣрѣ 500 руб. — получилъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ лиги Ю. В. Руммель, написавшій уже нѣсколько популярныхъ сочиненій по вопросу о флотѣ, какъ-то «Житье-бытье матроса», «Чѣмъ грозитъ Россіи отсутствие флота» и т. д.

Настоящая работа г. Руммеля, какъ видно изъ предисловія, написана имъ на срокъ, и обстоятельство это не могло не отразиться на характерѣ сочиненія, изложеннаго въ чрезчуръ отрывистой и незаконченной формѣ. Тѣмъ не менѣе работа эта является весьма цѣннымъ вкладомъ въ небогатую до сихъ поръ отечественную морскую популярную — не спеціальную — литературу и заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія.

Въ первой части книги разбирается вопросъ — чрезвычайно жгучій и серьезный — о необходимости воссозданія морской силы Россіи, безъ которой немислима успешная оборона морского побережья. Отмѣтивъ значеніе флота, какъ одного изъ орудій международной политики, авторъ даетъ въ сжатой формѣ очеркъ дѣйствій флота во время войны и приводитъ историческія данныя, иллюстрирующія вліяніе морскихъ силъ на исторію — въ частности на исторію Россіи, обязанной, какъ извѣстно, весьма многимъ своему флоту въ развитіи могущества ея и международнаго значенія.

Вторая часть сочиненія посвящена вопросу о значеніи торговаго флота въ экономической жизни страны съ указаніемъ на связь торговаго мореплаванія съ развитіемъ вѣтшей торговли. Авторъ разсматриваетъ этотъ флотъ какъ орудіе международной политики, а также какъ резервъ и школу для военнаго флота. Затѣмъ приводятся условія, способствующія развитію національнаго торговаго флота, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что національная торговля немислима безъ собственнаго флота, отъ котораго поэтому зависитъ и экономическая самостоятельность Россіи. Въ этой части приведено много интересныхъ статистическихъ данныхъ, характеризующихъ положеніе настоящаго вопроса въ Россіи и за границей.

Въ заключительной статьѣ г. Руммель разсматриваетъ вопросъ, какой военный флотъ нуженъ въ настоящее время Россіи, — и рядомъ данныхъ доказываетъ, что для могущества имперіи и даже только для охраны ея береговъ недостаточно одного подводнаго и миннаго флота, а необходимъ и корабельный.

Въ видѣ приложений въ книгѣ Руммеля помѣщены списки самыхъ большихъ боевыхъ и быстроходныхъ торговыхъ пароходовъ міра, замѣтка о современномъ положеніи вопроса о турбинахъ и таблица статистическихъ чертежей.

Написанная вполне популярнымъ и яснымъ языкомъ, разсматриваемая книга читается съ большимъ интересомъ и остается только пожелать автору ея успешныхъ дальнѣйшихъ трудовъ въ этой области нашей литературы.

В.

Ник. Глубоковскій, ордин. проф. спб. духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебномъ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907 г.

Послѣдніе годы обнаружили много язвъ въ русской школѣ—высшей, средней и низшей. Средняя, а въ особенности высшая школа функционируютъ болѣе чѣмъ жалко, едва влачатъ свое существованіе, на время даже совсѣмъ замирали. И только съ горькою ироніею можно было бы отозваться объ ихъ функционированіи такъ, какъ отозвались въ государственномъ совѣтѣ представители московскаго университета. Лекціи или не читаются, или не посѣщаются; профессора, не записывающіе передъ студентами и занимающіеся только чистою наукою, не политиканствующие, обычно считаются «черносотенными»; несущіе всякій вѣдоръ въ современномъ «освободительномъ» духѣ,

ставящіе хорошія отмѣтки за дурныя отвѣты и проч., слывуть, напротивъ, нерѣдко за единственно передовыхъ и т. д. Все перемѣшалось въ современномъ хаосѣ. Хорошее часто считается дурнымъ и наоборотъ. А цѣлое поколѣніе, между тѣмъ, гибнетъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься. Общая зараза коснулась, конечно, и духовной школы. Въ духовныхъ семинаріяхъ за послѣдніе два года творилось вѣчто невѣроятное: забастовки, гнуснѣйшія кощунства, убійства ректоровъ и инспекторовъ, анархическія организаціи и проч.—все это стало до извѣстной степени недиковиннымъ явленіемъ, къ которому посторонній глазъ уже успѣлъ присмотрѣться. И въ духовныхъ академіяхъ дѣла шли, въ свою очередь, очень плохо за оба послѣднихъ года: то бойкотировались экзамены, то не подавались сочиненія, то устраивались демонстраціи съ «проповѣдями», то дѣлались попытки подчинить студенчеству профессорскій совѣтъ и проч. Коротко сказать: и въ семинаріяхъ, и въ академіяхъ духовныхъ совершалось далеко не то, что наблюдалось въ нихъ раньше. Предсоборное присутствіе, функціонировавшее въ теченіе прошлаго 1906 г., обратило серьезнѣйшее вниманіе на развалъ духовной школы, на причины этого болѣе чѣмъ грустнаго явленія и усиленно изыскивало и обсуждало мѣры и средства къ возможному исправленію и улучшенію дѣла. Мы съ живѣйшимъ и понятнымъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью присутствія, за горячими дебатами членовъ его, за выдвигавшимися тамъ проектами по вопросу объ улучшеніи духовной школы. Насколько позволяли судить печатавшіеся въ официальныхъ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» протоколы засѣданій, посвященныхъ школьному дѣлу, всего больше поработалъ для послѣдняго проф. Н. Н. Глубоковскій. Отсюда становится совершенно понятнымъ тотъ интересъ, съ какимъ мы встрѣтили появленіе разсматриваемой нами книги этого профессора—книги, передающей то, что было сказано авторомъ на засѣданіяхъ присутствія, и, кромѣ того, получающей еще особое значеніе въ виду того, что рефератъ автора объ учебномъ комитетѣ по какой-то причинѣ не былъ напечатанъ при «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и нынѣ является, слѣдовательно, впервые предъ широкой публикой. Учебный комитетъ существуетъ уже довольно долго (40 лѣтъ), выступивъ на мѣсто «комиссіи духовныхъ училищъ (1808—1839 гг.) и духовно-учебнаго управленія (1839—1867 гг.). Его задачи чрезвычайно важны: собственно въ его рукахъ—судьба низшей и средней духовной школы. Организациія той и другой—учебныя программы, учебныя руководства и пособія, педагогическій персоналъ, ревизія экстренная и всякое вообще наблюденіе за жизнью той и другой школъ—все это находится въ вѣдѣніи даннаго комитета, который, кромѣ того, до извѣстной степени претендуетъ и на ученія права, распоряжаясь присужденіемъ макарьевскихъ премій за научныя изслѣдованія и проч. Какъ исполнялъ учебный комитетъ свои задачи, насколько сильны для него онѣ были,—какія измѣненія въ его организаціи были бы желательны,—не пора ли ему выродиться въ учрежденіе другого, новаго, болѣе цѣлесообразнаго типа и проч.—всѣ эти вопросы сами собою напрашиваются особенно въ послѣдніе дни, дни школьныхъ неурядицъ и нестроений всякаго рода. Разобраться въ этихъ вопросахъ, освѣтить ихъ на основаніи наиболѣе цѣннаго и обширнаго по возможности

материала и проч.—все это и взялъ на себя проф. Н. Н. Глубоковскій, нарисовавшій интересную и поучительную картину, достойную заслуженнаго имъ титула глубокаго и объективнаго ученаго изслѣдователя, для котораго важно только дѣло, но не мнѣнія «Марьи Алексѣевны», къ какой многіе не прочь приспособляться и приспособляются съ легкимъ сердцемъ... Помимо учебнаго комитета, авторъ останавливаетъ продолжительное вниманіе затѣмъ на средней духовной школѣ, комитету подчиненной. Школа эта прекрасно автору извѣстна, какъ учившемуся въ ней и какъ служившему въ ней въ теченіе нѣкотораго времени. Кромѣ того, обширныя историческія свѣдѣнія о всей судьбѣ этой школы, присущія автору,—всякаго рода сообщенія о современномъ ея положеніи, хорошо ему извѣстныя и проч.—все это дѣлало проф. Глубоковскаго полнымъ хозяиномъ вопроса. Онъ—авторъ—терпѣливо изслѣдуетъ недостатки школы, отыскиваетъ ихъ причины, избѣгая при этомъ одно-сторонности, пристрастія..., взвѣшиваетъ предлагаемыя различными лицами врачевства противъ школьныхъ недуговъ,—смотритъ на среднюю духовную школу съ точки зрѣнія пригодности ея для настоящаго времени и его религіозно-просвѣтительныхъ нуждъ и т. под. Продолжительное изслѣдованіе приводитъ автора къ мысли о необходимости «полнаго обособленія христіанскаго гуманитарнаго образованія и пастырскаго приготовленія». Выводъ—очень серьезный, предполагающій капитальное переустройство нынѣшней средней духовной школы. Положеніе ея, въ самомъ дѣлѣ, настолько критическое, что ограничиться ничтожными починками и случайными передѣлками ни въ какомъ случаѣ нельзя. Въ свою очередь, медлить съ дѣломъ также невозможно... Въ теченіе 16-ти лѣтъ состоя профессоромъ высшей духовной школы—академіи, всецѣло ей преданный, не пожелавшій промѣнять ее на университетъ, несмотря на многократную возможность перейти на службу въ послѣдній,—авторъ не могъ, наконецъ, обойти молчаніемъ и современнаго положенія академіи. Рѣчи о нихъ онъ удѣляетъ не мало мѣста. Авторъ, въ частности, обсуждаетъ вопросы: о существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академическаго преподаванія, о планѣ послѣдняго, объ организациі студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни—объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ духовнымъ академіямъ, о приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ, о присужденіи духовными академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ... Автору академическая жизнь извѣстна въ совершенствѣ. Современныя академическія нестроенія извѣстны ему до послѣднихъ мелочей. Все онъ взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ, дѣлая выводы. Ему знакомы и врачевства противъ недуговъ, устраненіемъ которыхъ онъ былъ озабоченъ еще давно, уже давно высказавъ въ печати свои *ria desideria* по данному вопросу. Авторскія соображенія по академическимъ дѣламъ должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса объ академической реформѣ (равно какъ и авторскія разсужденія по другимъ, обсуждаемымъ въ книгѣ, предметамъ), кто бы ни взялся за такое рѣшеніе. При глубокомъ знаніи дѣла, проглядывающемъ въ каждой авторской строкѣ, невольно подкупаетъ читателя авторская искренность: если онъ, напр., бичуетъ

студентовъ за ихъ поступки (напр., за грязную выходку противъ профессоровъ 9-го іюня текущаго года, напоминающую въ пзвѣстной степени и въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣянiя въ Думѣ гг. Якубсона, Зурабьянца, Церетелли и прочихъ «инородцевъ», какъ таковыхъ): то поступаетъ безцеремоннымъ же образомъ и въ отношенiи къ профессорамъ (напр., выясняя вопросъ о правѣ академiй присуждать ученые степени по философскимъ наукамъ), въ отношенiи къ учебному комитету и проч. Въ виду всего этого, въ виду авторскаго желанiя добиться только истины, только пользы для дѣла, едва ли у кого (даже у затронутыхъ имъ прямо или прикровенно лицъ) хватить духу поставить автору на счетъ его «новышенную порывистость», въ какой онъ самъ сознается (стр. V), признаваемая имъ «нѣкоторую единичность обобщенiй и субъективность освѣщенiя» (стр. 141—142) и проч. Серьезная, написанная въ отвѣтъ на самые жизненные запросы, книга должна найти самое широкое распространенiе въ публикѣ, даже въ той ея части, которая по авторскимъ вопросамъ можетъ имѣть свои особыя мнѣнiя и сужденiя. Читается книга съ неослабѣвающимъ, скорѣе—съ возрастающимъ интересомъ отъ начала и до конца.

Профессоръ А. Бронзовъ

**Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1904—1905.
Вып. XV и приложение. Спб. 1907.**

Роскошно изданная книга самаго ежегодника со множествомъ художественно исполненныхъ снимковъ съ постановокъ пьесъ, артистовъ въ исполненныхъ ими роляхъ, портретовъ представляетъ собою прекрасно составленный справочникъ дѣятельности императорскихъ театровъ за два сезона.

Къ сожалѣнiю слишкомъ позднiй выходъ въ свѣтъ ежегодника относительно разсматриваемаго въ немъ періода (сезонъ 1904/5 г. появляется только въ 1907 г.) значительно уменьшаетъ интересъ, а равно и спросъ на это изданiе. *Tout casse, tout lasse, tout passe!* справедливо замѣчаетъ французская поговорка, интересъ къ новой пьесѣ не можетъ, за рѣдкимъ исключенiемъ, продолжаться такъ долго... Приложение къ ежегоднику составлено чрезвычайно интересно и несомнѣнно послужитъ прекраснымъ справочнымъ матерьяломъ для каждаго любящаго театръ и близко къ нему стоящаго.

Двѣ прекрасно составленныя статьи по исторiи русскаго театра, именно: «Стопятидесятилѣтiе императорскихъ театровъ (по новымъ архивнымъ свѣдѣнiямъ)», бар. Н. В. Дризена и «Столѣтiе организации императорскихъ московскихъ театровъ (опытъ историческаго обзора)», В. П. Погожева вносятъ много новыхъ, еще неизвѣстныхъ свѣдѣнiй въ исторiю русскаго театра.

Биографiя драматурга Д. В. Аверкиева, а равно и слѣдующая статья объ отношенiяхъ его къ театру рисуютъ очень ярко личность автора «Каширской старины», «Княгини Ульяны Вяземской», «Столичнаго слетка» и др. пьесъ. Довольно точно составлены некрологи скончавшихся въ минувшiй періодъ артистовъ, музыкантовъ и пр. дѣятелей сцѣны. Интересно описанiе чествованiя Мартынова литераторами въ 1859 году, а равно и самое факсимиле подписей подъ адресомъ, поднесеннымъ артисту. Между именами подписавшихся ли-

тераторовъ находятся фамилии такихъ корифеевъ литературы, какъ И. С. Тургеневъ, М. А. Гончаровъ, А. Плещеевъ, В. Курочкинъ, Добролюбовъ, М. Салтыковъ - Щедринъ и Н. Чернышевскій... Разногласицы въ оцѣнкѣ великаго русскаго комика не было, это можно судить по вышеприведеннымъ подписямъ, среди которыхъ еще много другихъ славныхъ именъ русской литературы.

Г. П.

П. Симони. Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX столѣтіяхъ. Выпускъ I. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907.

Настоящая книжка г. Симони составляетъ лишь небольшую часть задуманнаго имъ обширнаго труда—«Книга, книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ», надъ которымъ изслѣдователь работаетъ уже давно. Все изданіе предполагается заключить въ три тома: первый томъ будетъ посвященъ XI—XVII вв., второй—XVIII в. и, наконецъ, третій—XIX в. Трудъ составляется на основаніи первоисточниковъ и архивныхъ документовъ и будетъ носить историческій характеръ, а также является справочнымъ и библиографическимъ пособіемъ. Въ изслѣдованіи найдутъ мѣсто перечни трудовъ и изданій, біографическія данныя и различныя свѣдѣнія о книжныхъ производителяхъ (писцахъ - каллиграфсахъ и типографщикахъ), обрядчикахъ (знаменщикахъ и переплетчикахъ), распространителяхъ (книгопродавцахъ), хранителяхъ и почитателяхъ (библіофилахъ и библіоманахъ) и описателяхъ книгъ (библіографсахъ). Кромѣ того, будутъ приложены снимки съ портретовъ дѣятелей, заглавныхъ листовъ, обложекъ, фронтисписовъ, разныхъ родовъ шрифта и набора, типографскихъ и издательскихъ марокъ, экслибрисовъ и т. п.

Настоящій выпускъ разсматриваетъ книгоиздательскую и книгопродавческую дѣятельность извѣстнаго дѣятеля въ области нашего просвѣщенія Н. И. Новикова и купеческаго рода Кольчугиныхъ, который выдвинулъ въ теченіе XVIII и XIX вв. цѣлый рядъ книгопродавцевъ, прекрасно знакомыхъ практически съ библиографіей. Если Новикову у насъ посвященъ рядъ работъ и его дѣятельность болѣе или менѣе выяснена, то по отношенію къ Кольчугинымъ изслѣдователю пришлось потратить очень много труда на разысканіе матеріаловъ. Къ книгѣ приложенъ рядъ портретовъ—Екатерины II, Новикова, Хераскова и И. Г. Кольчугина, а также нѣсколько снимковъ съ заглавныхъ листовъ книгъ, выпущенныхъ Кольчугиными.

Судя по настоящему очерку, изданіе г. Симони будетъ представлять большой интересъ. Помимо того, что исторія книги глубоко интересна и такого труда мы до сихъ поръ не имѣли, не надо забывать, что она тѣсно связана съ исторіей просвѣщенія. Въ силу этого трудъ изслѣдователя имѣетъ не только узкое специальное значеніе, но и самое широкое: подробно изслѣдуя исторію книги авторъ, безъ сомнѣнія, дастъ массу цѣнныхъ данныхъ и въ области исторіи просвѣщенія. Еще большее значеніе имѣла бы эта работа, если бы г. Симони разсматривалъ дѣятельность того или иного лица въ самой тѣсной

связи съ общими историческими условіями современной ему эпохи, съ общимъ состояніемъ просвѣщенія. Тогда трудъ, по нашему мнѣнію, получалъ бы большій интересъ и значеніе: дѣятельность каждаго лица, къ какой бы области она ни относилась, возстанетъ гораздо ярче тогда, какъ она будетъ разсматриваться въ связи съ исторической обстановкой.

Но какъ бы то ни было, и въ настоящемъ видѣ изслѣдованіе г. Симони имѣетъ большое значеніе. Работа по библиографіи требуетъ много затраты труда и въ то же время для нея очень трудно найти издателя. Въ силу этого вопросы библиографіи у насъ занимаютъ очень немногіе. Это обстоятельство значительно повышаетъ заслуги г. Симони, въ продолженіе многихъ лѣтъ посвятившаго себя этой области и составившаго собѣ имя усерднаго и неутомимаго библиографа. Мы можемъ только пожелать ему силы и энергіи закончить задуманное имъ обширное изслѣдованіе, важное значеніе котораго и интересъ не подлежатъ сомнѣнію.

А. Ф.

Вл. Рѣзановъ. Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Спб. 1907.

Съ XVI вѣка въ области русской письменности происходитъ, какъ извѣстно, замѣтное сближеніе ея съ литературой западно-европейскихъ народовъ. При отсутствіи школъ, недостаточности образованія и скудости средствъ для международныхъ сношеній,—прямого культурнаго воздѣйствія Запада на Русь быть не могло: какъ раньше между Москвой и Византіей посредниками были юго-славянскія земли, такъ теперь между Москвой и Западомъ посредницей явилась Польша, съ которой у насъ уже давно завязались отношенія политическія, торговыя и отчасти культурно-церковныя. По этому-то пути и пришли въ Москву новыя произведенія западныхъ литературъ и особенно одинъ родъ ихъ—«рыцарскіе романы», наводнявшіе письменность во второй половинѣ XVII вѣка и даже въ первой XVIII, когда на своей родинѣ они давно уже пережили славу.

Среди этихъ романовъ особенную популярность на Руси приобрѣла занимательная «Исторія о храбрѣмъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевицѣ Магилетъ неаполитанской». Исторія повѣствуетъ о любви графа Прованскаго къ Магилетѣ, объ ихъ разлукѣ, страданіяхъ, вѣрности и благочестіи, за которыя въ концѣ концовъ они были вознаграждены судьбой и затѣмъ жили долго и счастливо. Этотъ романъ, оригиналъ котораго восходитъ къ XV вѣку, пользовался огромной извѣстностью и на Западѣ: онъ выдержалъ до 200 изданій на французскомъ, нѣмецкомъ, испанскомъ, итальянскомъ, новогреческомъ, чешскомъ, польскомъ и другихъ языкахъ. Нѣмецкій переводъ романа, сдѣланный Варбекомъ въ 1527 году, явился проводникомъ его на скандинавскій сѣверъ и къ славянамъ: уже въ 1565 г. онъ появился въ чешскомъ переводѣ, который къ концу XVI столѣтія перешелъ въ Польшу, а оттуда въ слѣдующемъ вѣкѣ—въ Москву. Авторъ брошюры отмѣчаетъ интересную подробность: нося на себѣ, какъ указалъ еще Галаховъ, несомнѣнные слѣды польскаго изданія (зостать — сдѣлаться; шурманіе, зажить — при-

обрѣсти, кроль, шляхтичъ и др.), этотъ романъ въ то же время очень близокъ и къ французскому оригиналу, отъ котораго извѣстный въ Чехии и Польшѣ нѣмецкій переводъ значительно разнится. Такъ, въ русскомъ изданіи многія мѣста сокращены или выпущены, напримѣръ, о дружбѣ Петра и Генриха, сонъ Магилены, о встрѣчѣ Петра съ родственникомъ Яковомъ Прованскимъ и др.; другія мѣста, наоборотъ, распространены и даже вставлены, напримѣръ, плачъ и причитанія матери Петра при разлукѣ съ сыномъ, упражненія Петра съ кошемъ передъ турниромъ въ Неаполѣ и др. Точно также видоизмѣнено и дополнено и окончаніе романа. Впрочемъ, г. Рѣзановъ не имѣлъ подъ руками чешскихъ и польскихъ переводовъ, вслѣдствіе чего вопросъ о степени самостоятельности этихъ дополненій и измѣненій въ русскомъ переводѣ остается открытымъ. При этихъ условіяхъ его работа не имѣетъ, конечно, рѣшающаго значенія.

Фабула романа представляла значительный драматическій интересъ, почему уже въ XVI вѣкѣ онъ подвергся драматической обработкѣ, которую впервые далъ Лопе-де-Вега въ комедіи «Los tres diamantes». Последняя прошла почти тотъ же путь, что и романъ: въ 1527 г. она появилась въ нѣмецкомъ переводѣ В. Варбека, вызвавшемъ три нѣмецкія драматическія обработки сюжета. На русскомъ языкѣ было двѣ драматическихъ обработки романа: одна—прозаическая, сохранившаяся въ небольшихъ отрывкахъ (напечатана профессоромъ И. А. Шляпкинымъ въ книгѣ «Царевна Наталья» и т. д., стр. 7—8), другая—въ стихахъ, изданная недавно Г. П. Георгіевскимъ подъ названіемъ «Дѣйствіе о князѣ Петрѣ». «Ни та, ни другая,—говоритъ г. Рѣзановъ,—при сопоставленіи, не обнаруживаютъ зависимости отъ обработокъ нѣмецкихъ драматурговъ... Такимъ образомъ, приходится думать, что обѣ русскія драмы о Петрѣ и Магиленѣ—продукты болѣе или менѣе самостоятельной (?) работы русскихъ авторовъ». Въ виду этого, если указанное предположеніе подтвердится болѣе вѣскими доказательствами, то названныя «драмы» могутъ представлять дѣйствительно значительный интересъ для знакомства съ приемами тогдашняго драматическаго искусства. Анализъ ихъ и посвящена большая часть работы г. Рѣзанова. Сюжетъ романа и «драмъ» о Петрѣ Златыхъ-Ключахъ, подобно другимъ заимствованіямъ съ Запада, очень рано перешелъ въ лубочныя изданія, изъ которыхъ извѣстны 16 лицевыхъ изданій и 6 отдѣльныхъ картинъ, другими словами, въ лубочной литературѣ онъ былъ гораздо популярнѣе, напримѣръ, повѣсти о «Бовѣ Королевичѣ», не говоря уже о сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ и другихъ герояхъ «былиннаго» эпоса.

А. Я.

М. Хилквитъ. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ.
Спб. 1907.

Социализмъ очень туго прививается въ Америкѣ, и этотъ фактъ подтверждается книгой Хилквита, несмотря на то, что самъ авторъ сочувствуетъ этому ученію.

Своего сколько-нибудь оригинальнаго социализма никогда не было въ Соединенныхъ Штатахъ; переселенцы занесли туда разныя теоріи, выработанныя

въ Европѣ, иногда даже пробовали примѣнять ихъ на практикѣ. Такъ, напр., въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка учрежденъ былъ сѣверо-американскій фаланстеръ, основанный по теоріи Фурье, но просуществовалъ онъ всего 12 лѣтъ, и имущество его было продано съ аукціона. Это былъ сравнительно удачный опытъ, другія коммунистическія общины, напр., оуэнистской группы, существовали обыкновенно не долѣе двухъ лѣтъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка Америка находилась въ исключительно хорошихъ условіяхъ. Земледѣліе было сравнительно легкимъ и доходнымъ дѣломъ, и большая часть американскихъ жителей состояла изъ независимыхъ фермеровъ въ то время, какъ ремесла и фабрики преобладали въ Европѣ. Обиліе земли, привлекавшей къ земледѣлію большую часть физически здоровыхъ людей, обуславливало недостатокъ рабочихъ рукъ для молодой промышленности и удерживало заработную плату на исключительной высотѣ. Въ 1870 г. предложеніе труда было значительно меньше спроса на него.

Несмотря на усилія международныхъ агитаторовъ, въ 70-хъ годахъ социалистическая пропаганда не возбуждала никакого интереса въ рабочемъ классѣ Америки. Въ Нью-Йоркѣ и Чикаго образовались только небольшія общества изъ нѣмецкихъ социалистовъ.

Въ 1877 г. учреждена была социалистическая рабочая партія Сѣверной Америки, но среди ея членовъ было не болѣе 10 процентовъ природныхъ американцевъ, громадное же большинство, въ томъ числѣ наиболѣе дѣятельные и вліятельные вожди партіи, были иностранцы. Къ концу вѣка появилось извѣстное недовольство среди американскихъ рабочихъ, явилось немалое количество безработныхъ, и стачки часто кончались неудачей.

Несмотря на эти элементы, социалистическая рабочая партія послѣ нѣкотораго успѣха быстро склонилась къ упадку и въ настоящее время насчитываетъ не больше 3 тысячъ членовъ. Социалистическая рабочая партія была основана въ то время, когда социализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ былъ скорѣе академической идеей, чѣмъ народнымъ движеніемъ. Социалисты были немногочисленны, и состояли они по большей части изъ людей, выработавшихъ свое социальное міровоззрѣніе въ европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ въ Германіи. Они очень мало соприкасались съ американскимъ населеніемъ и вращались почти исключительно въ своемъ собственномъ кругу. За двадцатилѣтній періодъ движеніе сдѣлало мало успѣха среди коренного американскаго населенія.

Въ 1897 г. по инициативѣ Дебса образовалась новая партія социаль-демократовъ Америки. Въ 1900 г. она насчитывала 5 тысячъ членовъ и въ настоящее время возросла до 20 тысячъ членовъ. Для Соединенныхъ Штатовъ цифра эта небольшая, и едва ли социализму въ Америкѣ можно предсказать блестящее будущее, такъ какъ американскіе рабочіе обеспечены втрое лучше, чѣмъ европейскіе.

П. В.

Н. Родниковъ. Греческій консерваторъ V-го вѣка до Р. Х. Космикъ Аристофанъ. Казань. 1906.

Политика проникаетъ у насъ въ такія области, гдѣ ея появленія можно было бы ожидать менѣе всего, напримѣръ, въ исторію греческой словесности. Въ томъ убѣждаетъ чтеніе брошюры профессора Родникова, заглавіе которой выписано выше и которая представляетъ собою рѣчь для годичнаго акта казанской духовной академіи 8 ноября 1906 года. Здѣсь мы читаемъ такія откровенія: «противъ новаго движенія говорить у Аристофана не столько сознаніе, сколько животный инстинктъ» (стр. 19); «литературная борьба съ вреднымъ новымъ образованіемъ у Аристофана носитъ характеръ клеветы и доноса» (20); «въ той или иной степени въ смерти Сократа Аристофанъ повиненъ» (стр. 21); «Аристофанъ совершенно не понимаетъ не только мірового, но и временнаго значенія продолжительной Пелопонесской войны» (48); «его кругозоръ очень ограниченный и не идетъ далѣе указанія ближайшихъ практическихъ слѣдствій. Аристофанъ не человѣкъ мысли, а простая непосредственная натура» (57).

Всѣ эти удивительныя изреченія создались у автора рѣчи, повидимому, слѣдующимъ образомъ. Онъ прочелъ «Облака» Аристофана и на основаніи ихъ построилъ слѣдующій силлогизмъ. «Сократъ—философъ, представитель просвѣщенія. Аристофанъ его высмѣиваетъ, стало быть Аристофанъ врагъ просвѣщенія.» И затѣмъ начинаетъ не разбирать Аристофана и его образъ мыслей, а «раздѣлывать» въ духѣ того, какъ лѣвья газеты въ наши дни отдѣлывали «черносотенныхъ писателей». Но Аристофанъ не Грингмутъ, и приемы, годные для полемики съ послѣднимъ, для обличенія Аристофана совсѣмъ непримѣнимы. Авторъ совершенно не принимаетъ въ расчетъ ни культурныхъ условій того времени, ни традицій и шаблоновъ аттической комедіи. Только игнорируя все это, могъ г. Р.—въ обвинять Аристофана «въ кощунствѣ, превосходящемъ всякую мѣру» изъ-за того, что «въ его комедіяхъ очень часто встрѣчаются пародіи на пророчество и насмѣшки надъ пророками» стр. (26). Какъ долженъ быть «ограниченъ въ умственномъ отношеніи» критикъ, считающій интересъ къ драматической поэзіи признакомъ малаго развитія (стр. 23).

Авторъ, вообще, видимо, очень мало знакомый съ греческой литературой и ея научной разработкой, не потрудился даже просмотрѣть литературу по выбранной имъ темѣ. Иначе онъ зналъ бы хотя работу W. Süss'a: «De personarum antiquae comoediae Atticae usu atque origine». (Bonn. 1905 г.), гдѣ подробно разобранъ «Сократъ» Аристофана и установлено съ неопровержимой точностью, какъ мало общаго имѣетъ историческій Сократъ съ Сократомъ комедіи. Аристофанъ взялъ ходячій типъ комедіи *Alazon doctus*, описалъ его традиционными чертами и только придалъ ему совершенно внѣшнимъ образомъ имя популярнаго современника. При такихъ условіяхъ понятна и засвидѣтельствованная исторіей дружба Аристофана съ Сократомъ, совершенно неестественная съ точки зрѣнія г. Родникова.

Его брошюра свидѣтельствуесть въ одинаковой степени какъ о «прогрессивности» его политическихъ взглядовъ, такъ и о полномъ невѣжествѣ въ той области знанія, о которой онъ рискнулъ говорить передъ ученымъ собраніемъ. Во всякомъ случаѣ, уже давно у насъ не появлялось такихъ слабыхъ работъ по исторіи античной литературы и приходится только недоумѣвать, какъ могло подобное «произведеніе» выйти изъ стѣнъ такого именитаго разсадника знанія, какъ казанская духовная академія. В. В.

К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію.

Спб. 1907.

Въ книгѣ Тахтарева имѣется небольшой исторической очеркъ эволюціи представительства, но преслѣдуетъ она главнымъ образомъ публицистическую цѣль. Она стремится выяснитъ, во-первыхъ, сущность представительнаго образа правленія. Во-вторыхъ, выяснитъ повѣйшія стремленія политическаго развитія современнаго общества и прослѣдитъ эволюцію представительной системы. Въ-третьихъ, опредѣлитъ новую политическую систему, соответствующую тому новому состоянію общества, которое характеризуется выступленіемъ на политическую сцену социалистической демократіи.

Идеаломъ авторъ считаетъ демократическую республику, въ которой видную роль игралъ бы такъ называемый референдумъ, т. е. обращеніе къ народу. Посредствомъ народнаго голосованія граждане должны рѣшать сами важнѣйшіе политическіе вопросы. Народу должна принадлежать инициатива въ дѣлѣ предложенія всевозможныхъ законовъ и правительственныхъ мѣропріятій, народъ долженъ самъ выбирать властей.

Такое народовластіе едва ли осуществимо въ обширныхъ государствахъ, и вообще о немъ пока можно только мечтать. Для того, чтобы государство могло управляться при помощи народнаго голосованія, народъ долженъ стоять на необыкновенной умственной и нравственной высотѣ.

Соціалисты, по словамъ автора, считаютъ, что ни дѣйствительная политическая свобода, ни дѣйствительное равенство не могутъ быть основаны на почвѣ существующаго неравенства и капиталистической эксплоатаціи чело-вѣка чело-вѣкомъ. Исходя изъ этого положенія и защищая интересы неимущихъ классовъ, соціалисты требуютъ уничтоженія частной собственности на средства производства, обмѣна и распределенія посредствомъ ихъ обобществленія. Понимая, что это обобществленіе можетъ быть произведено лишь властью народа, они ставятъ условіемъ его осуществленія достиженіе народовластія, самодержавія народа, которое въ ихъ глазахъ въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ, вродѣ Англии, естественно совпадаетъ съ политическимъ господствомъ или диктатурой пролетаріата! Все это дѣлаесть вполне понятною ту неразрывную связь, какая существуетъ между соціализмомъ и демократической системой. Они взаимно обусловливаютъ другъ друга. Безъ достиженія самодержавія народа соціализмъ невозможенъ. Безъ соціализма самодержавіе народа не можетъ быть фактическимъ самодержавіемъ трудящихся. Въ этой взаимообусловленности демократизма и соціализма заключается весь внутренній смыслъ, вся сущность социаль демократизма.

Авторъ вмѣстѣ съ социаль-демократами вращается въ заколдованномъ кругу. Безъ социализма невозможно самодержавіе народа, безъ самодержавія народа невозможенъ социализмъ. Но прежде всего нужно доказать, что когда-нибудь удастся осуществить социалистическій идеаль. Серьезная критика это отрицаетъ.

П. В.

1. Н. Езерскій, бывшій членъ государственной думы. Государственная дума перваго созыва. Пенза. 1907. — 2. Партія демократическихъ реформъ. Рѣчи членовъ партіи въ первой государственной думѣ. Спб. 1907. — 3. А. К. Брянчаниновъ. Роспускъ государственной думы, причины — послѣдствія. Съ приложеніемъ официальныхъ документовъ. Псковъ. 1906.

Книжка г. Н. Езерскаго представляетъ собою прекрасно составленный разсказъ объ общемъ ходѣ работъ государственной думы перваго созыва. Автору удалось на немногихъ страницахъ изложить все существенное, касающееся предвыборнаго революціоннаго періода, выборной кампаніи, открытія, дѣятельности и конца думы. Въ особой главѣ дается основательный разборъ мнѣній о тактикѣ думы, отмѣчаются ошибки думы въ этомъ отношеніи, и вообще весь вопросъ о тактикѣ думы освѣщается съ разныхъ сторонъ. Очень цѣлесообразнымъ является выдѣленіе авторомъ статейъ объ отдѣльныхъ партіяхъ изъ общаго разсказа о дѣятельности думы. Характеристика партіи народной свободы, трудовой группы и правыхъ въ думѣ отличается корректностью и сдержанностью тона, что производитъ особенно хорошее впечатлѣніе на читателя. Въ приложеніяхъ къ тексту напечатаны наиболѣе важные документы, каковы тронная рѣчь и отвѣтъ на нее, декларация кабинета, резолюція думы по поводу декларации, сообщенія и матеріалы по аграрному вопросу, манифестъ о роспускѣ думы и разные законопроекты, принятые думою и внесенные на ея разсмотрѣніе. Интересны таблички о распредѣленіи членовъ думы по партіямъ въ половинѣ мая и къ концу сессіи и распредѣленіе членовъ трудовой группы въ маѣ по партіямъ. Въ общемъ брошюра написана связно и изложеніе отличается хорошимъ литературнымъ языкомъ.

При всемъ томъ не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся личныхъ мнѣній и взглядовъ автора. По его мнѣнію, думѣ «слѣдовало сыграть рѣшающую роль», но она этой провиденціальной миссіи не выполнила»; «та колоссальная задача, которая выпала думѣ на долю, была ей не по росту»; «въ ней не было такой выдающейся личности, которая могла бы группировать вокругъ себя остальныхъ», «не нашлось генія», «и посреди потока умныхъ и благородныхъ рѣчей никто не нашелся сказать слово, которое зажгло бы сердца». И «это слово единое и могучее не было произнесено», не было произнесено даже въ послѣднемъ обращеніи представителей къ народу, которое поражало своей сухостью и блѣдностью, отсутствіемъ силы, огня... Вообще «намъ можетъ казаться обиднымъ отсутствіе красоты, эффектности въ русской революціи, эта честная посредственность первой думы».

Не со вѣмъ сказаннымъ здѣсь авторомъ можно согласиться. Генія въ думѣ дѣйствительно не было, но слово, какое было въ ея силахъ, ею было сказано. И слово это — отвѣтъ на тронную рѣчь. Требованіе отъ думы другого слова является преувеличеннымъ: оно могло бы быть сказано другимъ учрежденіемъ, болѣе независимымъ и властнымъ.

Авторъ признаетъ, что въ настоящей исторической моментъ въ Россіи «поставлена задача организаціи 150-милліоннаго народа». Но онъ думаетъ, что «не стихійный порывъ, не смѣлость той или иной партіи, не взрывъ народныхъ чувствъ, вообще не революціонная романтика рѣшить тяжбу народа съ правительствомъ», «время революціоннаго героическаго эпоса миновало». Для рѣшенія тяжбы необходима «парламентская тактика», «преимущество» которой «предъ активными дѣйствіями» слѣдуетъ признать.

Не касаясь существа этихъ мнѣній, которыя вообще могутъ казаться далеко не безспорными, нельзя не замѣтить, что въ нихъ авторъ впадаетъ въ принципиальное противорѣчіе съ другими своими же собственными мнѣніями, изложенными въ вышеприведенныхъ цитатахъ.

Изданіе «партіи демократическихъ реформъ» имѣло спеціальное назначеніе: предъ началомъ избирательной борьбы за мѣста во второй думѣ предложить общественному вниманію рѣчи членовъ партіи въ первой думѣ и «тѣмъ самымъ представить отчетъ о ихъ дѣятельности». Несмотря однако на такой спеціальный характеръ, на свое временное, преходящее значеніе, книжка заслуживаетъ вниманія и теперь, такъ какъ въ ней, кромѣ рѣчей членовъ партіи (въ томъ числѣ М. М. Ковалева, В. Д. Кузьмина-Караваева, кн. С. Д. Урусова), помѣщено обращеніе отъ партіи демократическихъ реформъ и напечатаны «основныя положенія программы партіи», которыя сами по себѣ представляютъ извѣстный интересъ. Въ «приложеніяхъ», какъ и въ книжкѣ г. Н. Езерскаго, даются акты, законопроекты и т. п., относящіяся къ дѣятельности первой думы.

Такими же «приложеніями» снабжена и брошюрка А. К. Брянчанинова. Но въ этомъ только и заключается сходство ея съ двумя первыми изданіями. Во всемъ остальномъ она не имѣетъ съ послѣдними ничего общаго ни по содержанію, ни по характеру, ни даже по стилю. Авторъ называетъ себя «образованнымъ псковскимъ гражданиномъ» и преподноситъ въ поученіе «своимъ (псковскимъ) согражданамъ» брошюру своего собственнаго сочиненія съ цѣлью «постараться облегчить (имъ) уясненіе истиннаго значенія происходившихъ событій». Въмѣсто изложенія дѣйствительныхъ фактовъ и объективнаго ихъ освѣщенія, которыя находимъ въ двухъ предыдущихъ брошюрахъ, г. А. К. Брянчаниновъ наполнилъ свою книжку собственными «разсужденіями», напоминающими недоучившагося школьника, который изъ кожи лѣзетъ, чтобы казаться взрослымъ, и всемѣрно «старается», чтобы въ немъ видѣли «общественнаго дѣятеля», умницу и «литератора». Г. А. Брянчаниновъ недоволенъ вѣмъ и вѣми и все подвергаетъ своей «безпощадной критикѣ». Передъ нимъ всѣ виновны: и чиновники, бюрократы, правительство, и партіи, и дума, — эти «вѣсколько сотъ человѣкъ», которые «засѣдаютъ весьма бурно и выражаются весьма рѣзко» и, въ особенности, «смутьяны», «проходимцы»,

которые «подобно волкамъ въ овечьей шкурѣ»... и т. д. Виноваты и крестьяне, желающіе получить землю, несмотря на то, что умѣютъ только «варварски ковырять» ее. Достается отъ г. А. К. Брянчанинова и «грубо-хулиганскому анархизму» и «всѣмъ революціонно-соціалистическимъ организаціямъ міра», рѣшившимъ извести Россію «не только мыслью и словомъ, но и деньгами». Однимъ словомъ, — всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, и чтобы никому впредь не повадно было. А самъ г. А. К. Брянчаниновъ считаетъ себя «либераломъ» «въ положеніи третьей собаки», которая не имѣетъ ничего общаго ни съ какими партіями, даже мирнаго обновленія» и «союза 17-го октября» и готова сойти «со сцены съ гордымъ сознаніемъ, что лучше погибнуть благородно, чѣмъ преуспѣть, извиваясь и подличая передъ пережѣвчивыми кумирами».

Вотъ и говорите послѣ этого... Впрочемъ, говорить тутъ собственно болѣе не о чемъ. «Миръ праху твоему, доблестный юноша!» В. Кузнецовъ.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ XI, подъ редакціей графини Уваровой. Москва. 1907.

Въ составъ XI выпуска матеріаловъ по археологіи Кавказа вошелъ одинъ памятникъ, именно греческое евангеліе на пергаментѣ, прежде извѣстное подъ именемъ Гелатскаго, а нынѣ названное Коридетскимъ. Оно было найдено въ Сванетіи въ монастырѣ Кирика и Улиты полковникомъ Бартоломеемъ въ 1851 г. Впослѣдствіи оно было принесено въ Гелатскій монастырь (близъ Кутаиса), а оттуда передано въ Тифлисъ, въ грузинскій церковный музей при Сіонскомъ соборѣ. Нѣкоторое время оно находилось въ Берлинѣ, гдѣ имъ занимался профессоръ Зоденъ. По возвращеніи этого замѣчательнаго памятника въ Россію московское археологическое общество предприняло его изданіе, поручивъ его изученіе члену общества П. Е. Евсѣеву. Весь выпускъ, посвященный Коридетскому евангелію, названному такъ по монастырю, которому оно долгое время принадлежало, состоитъ изъ трехъ частей. Въ немъ помѣщено предисловіе профессора Зодена на нѣмецкомъ языкѣ, результаты изысканій П. Е. Евсѣева и фототипическія таблицы (50 листовъ) съ текстомъ евангелія отъ св. Марка, признаннаго изслѣдователями болѣе другихъ интереснымъ по вариантамъ. Профессоръ Зоденъ, ссылаясь на свой капитальный трудъ «Текстъ Новаго Завѣта въ древнѣйшемъ достижимомъ для насъ видѣ», доказываетъ, 1) что Коридетское евангеліе (050 по обозначенію Зодена) по своему тексту ближайшимъ образомъ родственно съ двумя списками: одинъ изъ нихъ—Codex Catabrigensis, другой—текстъ, изданный Hoskier'омъ, причемъ текстъ Коридетскаго евангелія составляетъ связующее звено между ними; 2) что всѣ три рукописи—представители своеобразнаго типа, которымъ всего вѣрнѣе передается текстъ, установленный въ Кесаріи Панфиломъ и Евсеіемъ около 300 г., и 3) что этотъ кесарійскій текстъ въ свою очередь всего ближе къ первоначальному евангельскому тексту. Первый отдѣлъ статьи профессора Зодена посвященъ очисткѣ коридетскаго текста, второй—доказательству его родственной связи съ вышеозначенными списками. По

мнѣнію г. Евсеѣва, Коридетское евангеліе написано въ VIII—IX в, судя по палеографическимъ признакамъ рукописи. Дѣѣ греческія вкладныя записи, датированныя временами императора Никифора Фоки (970—976) и императора Андроника (1185—1194), равно грузинскія приписки, по опредѣленію академика Броссе, XIV—XV вв., устанавливають принадлежность этого евангелія Коридетскому монастырю во имя Пресвятой Богородицы. Топографія этого монастыря въ точности не установлена и всего вѣроятнѣе, что онъ находился въ Сванетіи или въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи. Наименованіе Коридеть—грузинскаго происхожденія, хотя нельзя согласиться съ г. Евсеѣвымъ въ толкованіи его, именно съ комментариемъ: «но грузински ети—страна». «Ети»—суффиксъ для образованія названія мѣстности, но само по себѣ оно не означаетъ «страну».

Жаль, что грузинскія приписки не приведены, не переведены на русскій языкъ и не комментированы.

А. Хаховъ.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. Выпускъ третій. Полтава. 1907.

Настоящій выпускъ «Трудовъ» полтавской архивной комиссіи открывается статьею епископа Θεодосія: «Раскольничій патріархъ въ Полтавѣ», въ которой, вслѣдъ за краткой характеристикой личности Семена Кузьмина и его дѣятельности на пользу Преображенскаго кладбища въ Москвѣ до закрытія послѣдняго, сообщаются данныя о пребываніи его въ ссылкѣ въ Крестовоздвиженскомъ мужскомъ монастырѣ Полтавской губерніи въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни (1854—1859). Зорко наблюдавшее за главаремъ едосѣвщины монастырское начальство всегда свои обычные полугодовые рапорты заключало слѣдующими словами: «Кузьминъ ведетъ себя во всемъ безукоризненно, кромѣ вѣрованія». Авторъ статьи, между прочимъ, подчеркиваетъ свое недоумѣніе по поводу того, что при описи имущества покойнаго не оказалось ни одной книги, по которой онъ совершалъ моленье, какъ рапортовало само же начальство монастырское, да и самаго имущества оказалось только на 17 рублей, хотя извѣстно, что при вступленіи въ монастырь у него однѣхъ денегъ было свыше 1000 рублей.

Любопытною и весьма содержательною является помѣщенная вслѣдъ за этимъ статья съ приложеніемъ многихъ подлинныхъ документовъ, объ «Ильинской ярмаркѣ въ періодъ ея существованія въ г. Ромнахъ» (до 1852 г., когда она была переведена въ Полтаву). Авторъ ея Θ. Николайчикъ попутно съ историческимъ обзоромъ развитія Ильинской ярмарки сообщаетъ и исторію гор. Ромень, едва ли не самую полную изъ всѣхъ имѣющихся въ печати. Много интереснаго затѣмъ для исторіи нашего школьнаго обученія въ первой четверти XIX столѣтія находимъ въ статьѣ В. Л. Василевскаго: «Полтавская гимназія съ 1808 по 1831 годъ. Очеркъ по архивнымъ даннымъ». Наконецъ, въ заключеніе разсматриваемаго третьяго выпуска «Трудовъ» редакція

помѣстила замѣтку А. Липеровскаго: «Гдѣ похоронены шведскіе войны послѣ битвы 27 іюня 1709 года?», какъ «первую попытку выяснитъ вопросъ о мѣстѣ погребенія павшихъ шведовъ». Изъ четырехъ могильниковъ, въ которыхъ, по приказанію Петра Великаго, были похоронены убитые шведы, авторъ замѣтки сообщаетъ свѣдѣнія лишь объ одной, открытой на «пограничной линіи, отдѣляющей владѣнія колоніи душевно-больныхъ отъ земель с. Тахтаулова». Остальные до сихъ поръ остаются неизвѣстными.

В. Р.—въ

Исторія человѣчества. Всемирная исторія, подъ общей редакціей Г. Гельмгольца. Т. VIII. Переводъ съ нѣмецкаго Я. А. Лурье. Спб. 1907.

Предпринятое въ 1903 г. товариществомъ «Просвѣщеніе» и продолжаемое товариществомъ «Культура» русское изданіе коллективнаго труда «Исторіи человѣчества» въ настоящее время уже близится къ концу; изъ предполагаемыхъ 9 томовъ VIII томъ вышелъ въ началѣ текущаго года. Настоящее изданіе «Всемирной исторіи» представляетъ собою полный переводъ печатающагося одновременно въ «Библиографическомъ институтѣ» (Лейпцигъ) подлинника, причемъ русское изданіе значительно полнѣе нѣмецкаго, въ особенности въ русскомъ, славянскомъ и восточномъ отдѣлахъ, вслѣдствіе внесенія въ соответствующіе отдѣлы дополненій и поправокъ, какъ самого д-ра Гельмгольца, такъ и русскихъ профессоровъ, взявшихъ на себя трудъ по редактированію отдѣльныхъ томовъ.

Предлагаемый вниманію VIII т., вышедшій подъ редакціей проф. Е. В. Тарле, содержитъ шесть довольно крупныхъ статей, изъ которыхъ первыя четыре охватываютъ событія изъ жизни Зап. Европы съ XIX в. до весны 1903 г. Пятая же статья, принадлежащая проф. Рихарду Майру, посвящена «наукѣ, искусству и народному просвѣщенію Зап. Европы» въ періодъ времени отъ начала XVI в. и до настоящаго времени. Что же касается шестой статьи— «Историческое значеніе Атлантическаго океана», то она, являясь отчасти заключительною главою ко всему труду, служитъ въ то же время и переходомъ къ исторіи Америкѣ, которой былъ посвященъ I т. Къ разсматриваемому VIII т. приложенъ указатель, нѣсколько географическихъ картъ, 13 гравюръ и авто-типій и 3 хромофотографіи.

Я. Вирюковъ.

Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1907 годъ. Изданіе олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1907.

Неустанный работникъ на почвѣ разработки мѣстной исторіи, И. И. Благовѣщенскій уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ аккуратно выпускаетъ въ свѣтъ объемистыя «памятныя книжки Олонецкой губерніи», въ значительной степени снабжая ихъ историческимъ и историко-этнографическимъ матеріаломъ.

Въ настоящей книжкѣ онъ, во-первыхъ, сообщаетъ историческія свѣдѣ-

нія о дворянахъ Олонецкой губерніи за первую половину XIX ст. Оказывается, что, несмотря на нѣкоторую численность дворянъ въ губерніи, дворянскіе выборы еще 1811 г. «не проходили съ успѣхомъ». Сохранился документъ, свидѣтельствующій о томъ, что олонецкое дворянство «не стояло на высотѣ своего положенія и позволяло себѣ на дворянскихъ выборахъ 28 января и 1 февраля 1811 г. даже непристойныя выходки, за что дворянству и было объявлено высочайшее неудовольствіе». Впослѣдствіи очень часто губернскіе предводители назначались; наконецъ, въ 1841 году было закрыто и существовавшее до того олонецкое дворянское депутатское собраніе. Болѣе всего дворянъ было въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, но всѣ почти они находились въ большой нуждѣ.

Далѣе слѣдуетъ небольшая историческая замѣтка о Кончезерскомъ чугунно-плавильномъ заводѣ, которому въ нынѣшнемъ году минуло 200 лѣтъ со времени его основанія, и, наконецъ, небольшой словарь архаическихъ словъ и выражений древнерусскихъ X—XVII в.в., сохранившихся до настоящаго времени въ живой рѣчи олончанъ. Словарь этотъ, составленный Н. Шайжинымъ, съ указаніемъ времени и рукописей, въ которыхъ впервые упоминаются современные архаизмы олончанъ, можетъ имѣть значеніе вообще для исторіи древне-русскаго языка.

Въ отдѣлѣ статистики небезынтересны сообщенныя составителемъ «Книжки» статистическія свѣдѣнія за послѣднія 30 лѣтъ «о землевладѣніи въ Олонецкой губерніи».

В. Р — въ.

Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1907.

Эта книга, выйдя первымъ изданіемъ, вызвала очень много толковъ и критическихъ замѣчаній. Все это не осталось безъ вниманія со стороны г. Андреевича; въ послѣдніе годы своей жизни онъ переработалъ свой трудъ, и такимъ образомъ настоящее изданіе является во многомъ исправленнымъ.

Хотя идеи, высказываемыя критикомъ въ этой книгѣ, приведены въ стройный порядокъ въ его трудѣ—«Опытъ философіи русской литературы», явившемся какъ бы синтезомъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ при разсмотрѣніи въ «Очеркахъ» тѣхъ или другихъ писателей, литературныхъ теченій и направленій,—новое изданіе ихъ имѣетъ значеніе, такъ какъ они представляютъ интересъ, какъ попытка разобраться въ нашей литературѣ второй половины прошлаго вѣка.

Не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе мыслей г. Андреевича, высказываемыхъ въ «Очеркахъ», такъ какъ книга выходитъ уже третьимъ изданіемъ и они достаточно извѣстны обществу и оцѣнены критикой, а скажемъ лишь нѣсколько словъ о приложенной къ книгѣ литературной характеристикѣ г. Андреевича, принадлежащей перу г. Пильскаго.

Прежде всего въ характеристикѣ бросается въ глаза отсутствіе какихъ-либо датъ и біографическихъ свѣдѣній. Къ біографическому элементу г. Пильскій отнесся очень презрительно, не видя нужды въ «біографически-кумов-

скихъ» справкахъ, какъ названъ этотъ элементъ въ предисловіи. Отношеніе автора къ этому вопросу довольно странное: важное значеніе біографическаго элемента въ литературной характеристикѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ внѣшніе факты жизни писателя оказываютъ громадное вліяніе на его литературную дѣятельность, часто даютъ ключъ къ пониманію ея, къ опредѣленію источника его настроенія. Такъ, рѣшительно избѣгая «біографически-кумовскихъ» справокъ, г. Пильскій самъ вналь въ «кумовской» тонъ. Въ его характеристикѣ, на ряду съ вѣрной обрисовкой основныхъ чертъ возрѣній г. Андреевича, рѣзко выступаетъ какое-то странное, тенденціозное стремленіе возвеличить его талантъ и заслуги. Мы не отрицаемъ извѣстной талантливости г. Андреевича, но отказываемся признать ее въ той степени, въ которой выставляетъ г. Пильскій. Въ его обрисовкѣ г. Андреевичъ чуть ли не самая талантливая, крупная и оригинальная величина въ нашей критикѣ за послѣдніе годы, чуть ли не глашатай новыхъ истинъ, общественный вѣждъ. «Среди современныхъ писателей на литературныя темы, равнодушныхъ, большею частью тусклыхъ, безъ огня, безъ искръ, безъ вдохновенія, среди тихоголосыхъ кастратовъ «критики», среди будничныхъ и сѣрыхъ, залежалыхъ статей,—съ паѳосомъ заявляетъ г. Пильскій,—покойный со своими писаніями прошелъ, какъ съ факеломъ бодрости, какъ съ призывной пѣсню, неугомонный, будящій и рвущійся». Слова г. Андреевича, по мнѣнію г. Пильскаго, были цѣлымъ откровеніемъ для той тусклой эпохи, въ которую жилъ критикъ—его голосъ «раздавался, какъ звонъ предчувствія утра».

Очевидно, работа въ бойкой, кричащей петербургской газетѣ надоѣла г. Пильскому, и онъ принялся за составленіе литературныхъ характеристикъ. Но манера писать, пріобрѣтенная въ усердномъ изготовленіи фельетоновъ къ очередному номеру газеты, наложила свой отпечатокъ—г. Пильскій не считаетъ возможнымъ говорить иначе о г. Андреевичѣ, какъ «высокимъ стилемъ», подпуская изрядную дозу «фельетонной поэзіи». Привыкнувъ къ присущей фельетону болтливости, г. Пильскій и здѣсь не можетъ отрѣшиться отъ нея. Литературная характеристика должна дать сжатую и вмѣстѣ съ тѣмъ яркую обрисовку писателя, многословіе здѣсь совершенно неумѣстно, а г. Пильскій удивительно многословенъ, все, что онъ сказалъ, можно бы сжать на вѣсколькихъ страничкахъ, и написанное имъ нисколько отъ этого не потеряло бы.

А. Ф.

Ю. Кулаковскій и А. Сонни. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Вып. I. (Книги I—XIX). Кіевъ. 1906.

Извѣстный изслѣдователь историческаго прошлаго нашего юга, кіевскій профессоръ Ю. А. Кулаковскій, недавно справившій 30-лѣтіе своей учено-литературной дѣятельности, предпринялъ, при содѣйствіи профессора А. П. Сонни, трудъ высокой важности и несомнѣнной пользы. Амміанъ Марцеллинъ, римскій историкъ, жившій въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х., оставилъ послѣ себя историческій трудъ, обнимающій событія отъ 96 до 378 г. Правда, до насъ дошла только часть, излагающая событія отъ 353 по 378 годъ, но и

этотъ отрывокъ, относящійся къ эпохѣ высоко любознѣтной, представляетъ большую цѣнность для всѣхъ занимающихся исторіей римской имперіи и ранняго средневѣковья, тѣмъ болѣе, что Амміанъ Марцеллинъ внесъ въ свой трудъ массу данныхъ по исторической географіи и этнографіи. Всѣмъ занимавшимся этими отдѣлами историческаго знанія постоянно приходилось обращаться къ Марцеллину, но трудность языка этого писателя и туманность его изложенія дѣлали «Дѣянія» Марцеллина доступными только для немногихъ специалистовъ. Теперь переводъ профессоровъ Кулаковскаго и Сонни устраняетъ это затрудненіе и дѣлаетъ римскаго историка доступнымъ для самыхъ широкихъ круговъ лицъ, серьезно интересующихся исторіей, и поэтому мы увѣрены, что трудъ кіевскихъ профессоровъ будетъ встрѣченъ съ полной признательностью и займетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Переводъ такого труднаго и спорнаго источника, какъ «Дѣянія» Марцеллина, по необходимости превращается въ ученое изслѣдованіе: прежде, чѣмъ перевести то или другое мѣсто, переводчикамъ приходилось, путемъ специальныхъ и подчасъ весьма сложныхъ изысканій, опредѣлять его дѣйствительное значеніе, и поэтому трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія и специалистовъ, которымъ, несомнѣнно, надо будетъ считаться съ толкованіями такого компетентнаго въ данной области ученаго, какъ Ю. А. Кулаковскій.

Переводу предпослано «введеніе», заключающее въ себѣ краткій очеркъ общихъ свѣдѣній объ Амміанѣ Марцеллинѣ и характерѣ его труда, а также краткій обзоръ данныхъ о важнѣйшихъ особенностяхъ государственнаго устройства того времени. Для ясности взаимныхъ отношеній приложена генеалогическая таблица династіи Константина Великаго. Обиліе географическихъ данныхъ заставило переводчиковъ дать карты Востока и Галліи, составленныя по указаніямъ Амміана Марцеллина, а также карту Галліи по даннымъ древней карты, извѣстной подъ названіемъ «*tabula Peutingeriana*», и карту имперіи при Діоклетіанѣ. Эти карты вполне отвѣчаютъ необходимымъ требованіемъ наглядности и изящества. Большое достоинство разсматриваемаго выпуска представляютъ его изящная внѣшность и удобный форматъ.

Настоящую замѣтку едва ли слѣдуетъ заканчивать банальнымъ пожеланіемъ увидѣть скоро продолженіе и окончаніе этого труда: энергія неутомимыхъ ученыхъ, взявшихся за переводъ, слишкомъ хорошо извѣстна и ручается, что скоро у насъ будетъ подъ руками полный и образцово выполненный переводъ одного изъ важнѣйшихъ историческихъ источниковъ. В. В.

Palaeographisches Album enthaltend sechsundzwanzig Abbildungen rumänischer Urkunden aus dem XV Jahrh. Von I. Bogdan, Prof. an der Bukarester Universität, Mitglied der Rumänischen Akademie. Букурешть. 1905.

Для юго-славянскаго дипломатическаго палеографіи, сравнительно съ русской, очень бѣдной датированными памятниками и, въ то же время, очень важной для изученія наиболѣе древнихъ памятниковъ русской письменности, громадную услугу оказываютъ грамоты румынскаго происхожденія. Это — акты

и документы, вышедшіе изъ господарскихъ или епископскихъ канцелярій, писанные кириллицей и на славянскомъ языкѣ въ XIV—XVII вѣкахъ.

По содержанию своему эти документы касаются, главнымъ образомъ, исторіи и стариннаго быта Валахін и Молдавіи, но для юго-славянской дипломатики, титулатуры, исторіи стереотипныхъ формулъ, техническихъ и юридическихъ терминовъ, сигиллографіи и исторіи искусства они незамѣнимы, такъ какъ, повторяемъ, собственно болгарскіе и отчасти даже сербскіе документы сохранились въ очень маломъ числѣ, иногда только въ позднихъ копіяхъ, въ плохомъ видѣ, безъ печатей и т. д. Изъ недавней статьи профессора софійскаго университета С. Бобчева: «Значеніе на хрисовулитѣ за историко-правната наука» (Софія, 1906), всѣмъ стало видно, что безъ систематическихъ занятій надъ румынскими грамотами слависту совершенно невозможно обойтись, потому что все темное и случайное въ древнихъ юго-славянскихъ грамотахъ легко и быстро объясняется только румынскими, правда болѣе поздними, грамотами. Во многихъ же случаяхъ послѣдніа важнѣе даже, чѣмъ византійскіе документы, чаще привлекаемые для сравнительнаго изученія. Поэтому понятенъ тотъ интересъ, который представляетъ для славянской и русской науки новый палеографическій альбомъ, содержащій 26 автотипическихъ снимковъ румынскихъ документовъ XV вѣка и составляющій приложение къ первому тому изданія проф. І. Богдана: «Документы, относящіеся къ сношеніямъ Валахін съ Брашовомъ и Венгріей въ XV и XVI вѣкахъ». Разборъ послѣдняго изданія, напечатаннаго на румынскомъ языкѣ, мы сдѣлаемъ на страницахъ одного изъ специальныхъ филологическихъ органовъ, а въ настоящей замѣткѣ скажемъ только нѣсколько словъ о важности этихъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были извѣстны намъ и раньше. Двадцать славянскихъ и латинскихъ документовъ воспроизведены въ натуральную величину, причемъ шесть изъ нихъ «болѣе или менѣе уменьшены». Издателю слѣдовало бы точно опредѣлить размѣры уменьшенія или же въ оглавленіи показать размѣры оригиналовъ въ миллиметрахъ. Это—пріемъ мало научный и вызываетъ первое же замѣчаніе со стороны занимающихся альбомомъ.

Древнѣйшіе документы такъ называемой «Брашовской» серіи (Брашовъ—городъ въ Трансильваніи, по-нѣмецки Kronstadt) писаны на пергаментѣ, очевидно, мѣстнаго происхожденія и такихъ размѣровъ, на которыхъ долженъ былъ умѣститься весь текстъ; но иногда расчеты писцовъ оказывались невѣрными, и послѣдніа слова помѣщались уже на узкихъ поляхъ. Бумага появляется одновременно съ пергаментомъ, причемъ форматы листовъ сначала также не представляютъ собой чего-нибудь устойчиваго ни по вышинѣ, ни по ширинѣ листовъ, какъ, напримѣръ, русскіе «столбцы», но затѣмъ форматъ болѣе или менѣе опредѣляется. Грамоты пишутся только на одной сторонѣ, и если содержаніе ихъ велико, то склеиванія двухъ листовъ не наблюдается, а самыя буквы и разстояніе между строками становятся меньше. Бумага шла, главнымъ образомъ, изъ Италіи или нѣмецкихъ земель, а въ XVI вѣкѣ выработывалась уже въ самомъ Брашовѣ и имѣла гербъ этого города. Бумажные знаки оказываютъ громадную услугу при датировкѣ документовъ и еще разъ подтверждаютъ цѣнность грандіозной работы Н. П. Лихачева надъ филигра-

нами. Матеріаломъ для письма служатъ черныя чернила, изрѣдка—съ голу-бымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ; киноварью пишутся несложные инициалы и монограммы—подписи господарей; другія украшенія, напримѣръ, миниатюры или цвѣточные орнаменты, неизвѣстны. І. Богданъ невѣрно называетъ письмо грамотъ первой половины XV вѣка «полууставомъ». Помимо того, что это опредѣленіе само по себѣ страдаетъ неточностью,—всѣ документы написаны не вызывающей никакихъ сомнѣній скорописью, т.-е. «индивидуализованнымъ письмомъ», иногда болѣе дисциплинированнымъ школой, иногда же болѣе характернымъ для личности писца. Наконецъ, выдающійся интересъ представляютъ печати, вислые восковые, сургучныя или прикладныя бумажныя, съ фигурными изображеніями (гербами Валахій или частныхъ лицъ) и латинскими или славянскими надписями.

Какъ видно изъ краткаго обзора, изданные снимки даютъ богатый и свѣжій матеріалъ, безъ котораго нельзя обойтись при изученіи славяно-русской старины.

А. Яцимирскій.

Н. Серебрянскій. Къ вопросу о времени возникновенія г. Пскова. Псковъ. 1907.

Брошюра г. Серебрянскаго даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики нашихъ провинціальныхъ историковъ. У нихъ весьма много научнаго увлеченія, искренняго желанія внести посильную лепту въ дѣло изученія родного края; всегда—прекрасное знаніе литературы, особенно мѣстной, столь малодоступной для присяжныхъ ученыхъ; очень обычно также умѣлое пользованіе научнымъ методомъ. Чего недостаетъ, такъ это—научной инициативы. Пережевываніе однихъ и тѣхъ же вопросовъ, часто неразрѣшенныхъ,—самое обычное дѣло.

Городъ Псковъ, какъ извѣстно, былъ родиною св. княгини Ольги. Никакихъ другихъ данныхъ о его начальной исторіи нѣтъ. Вопросъ, казалось бы, исчерпанъ. Но псковскіе историки не преминули посвятить этому вопросу три специальныхъ работы (Иваницкаго, Васильченко и разсматриваемая), не говоря уже о множествѣ эпизодическихъ экскурсовъ. Два автора заканчивали свои «изслѣдованія о времени основанія города Пскова» выраженіемъ пожеланія и вмѣстѣ надежды на появленіе обстоятельной монографіи по тому же вопросу. И только третій, г. Серебрянскій, оказался дальновиднѣе своихъ коллегъ. Разсмотрѣвъ на 24 страницахъ всю литературу вопроса, обсудивъ всѣ данныя въ пользу того или иного его разрѣшенія, онъ закончилъ свою брошюру исполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ: «Намъ кажется, что... всѣ новыя изслѣдованія этого очень стараго вопроса не принесутъ существенной пользы для науки».

Рекомендуя провинціальнымъ историкамъ этотъ трезвый приговоръ ихъ же собрата, мы позволимъ себѣ указать на отдѣлъ русской исторіи, давно ожидающій для себя изслѣдователей. Этотъ «непечатый уголъ»—русскія бытовыя древности.

Д. Зеленинъ.

Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленое въ 1784 г. Съ приложеніемъ рисунка. Изданіе владимирской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей и съ предисловіемъ пожизненнаго члена Г. А. Ряжскаго. Губ. гор. Владимиръ. 1906.

«Настоящее изданіе, — читаемъ въ предисловіи, — имѣеть цѣлью воспроизвести одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ памятниковъ русской топографіи XVIII вѣка — атласъ Владимирской губерніи», составленный въ 1784 г., на основаніи сенатскаго указа (Полное собраніе законовъ, № 14671). «Атласъ» находится въ Гумяновскомъ музеѣ въ отдѣлѣ рукописей въ собраніи Федорова подъ № 18 (2929) и представляетъ собою переплетенную тетрадь, писанную скорописью конца XVIII вѣка. На первомъ листѣ находятся раскрашенные губернской и уѣздные гербы, въ текстѣ — 15 статистическихъ таблицъ и 14 раскрашенныхъ картъ уѣздовъ. Текстъ представляетъ собою сводку всевозможныхъ свѣдѣній о Владимирской губерніи Екатерининскаго времени: историческихъ, географическихъ, бытовыхъ, статистическихъ и т. п. Полнота и разнообразіе этихъ свѣдѣній придають большую цѣнность «Атласу», какъ историко-географическому источнику о Владимирской губерніи конца XVIII в. Вслѣдствіе разныхъ техническихъ затрудненій, не приложены къ нему карты, и это нѣсколько умаляетъ значеніе изданія, въ общемъ выполненнаго съ большою добросовѣстностью. Къ «топографическому описанію», распределенному на 29 главъ (по числу городовъ и уѣздовъ, съ общимъ описаніемъ губерніи), присоединено еще «краткое присовокупленіе нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ историческихъ происшествій, построенія церквей и народныхъ басней» о городѣ Владимирѣ, о Владимирской округѣ, о городѣ Суздальѣ, о городѣ Переяславлѣ-Залѣскомъ и друг.

В. Рудakovъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КОЛЬБЕРЪ, какъ реальный государственный человѣкъ. Французскій историкъ Лависсъ недавно издалъ XII томъ ¹⁾ своей «Исторіи Франціи», часть которой посвящена Людовику XIV, и въ этомъ томѣ помѣстилъ прекрасную, вѣрную характеристику великаго министра финансовъ, Кольбера. Возведя его, вопреки прежнимъ историкамъ, на степень серьезнаго, реалистичнаго государственнаго человѣка, Лависсъ полагаетъ, что если бы французская монархія могла спастись, то это чудо сдѣлалъ бы Кольберъ. Согласно прежнимъ характеристикамъ, Кольберъ представлялся прекраснымъ «приказчикомъ», но не государственнымъ человѣкомъ. Таковъ былъ взглядъ на него историковъ, взглядъ поверхностный и односторонній, людей, мало знакомыхъ съ наукою о государствѣ, ибо если въ чемъ Кольбера и можно упрекнуть, то въ слишкомъ несвоевременной смѣлой попыткѣ все прежнее смести, все очистить отъ грязи и на этомъ мѣстѣ возвести новое зданіе, новую Францію—богатую, первенствующую среди европейскихъ государствъ.

Кольбера обвиняли въ меркантильности, въ желаніи сдѣлать изъ Франціи громадный торговый домъ, но все эти обвиненія могутъ служить ему лишь похвалою: онъ былъ государственный человѣкъ плюсъ—финансистъ, что важно для государства, ибо революціи во имя принциповъ происходятъ главнымъ образомъ по причинѣ недостатка въ деньгахъ. Еще за сто лѣтъ до революціи Кольберъ угадалъ этотъ принципъ; онъ угадалъ, что финансовое благоденствіе имѣетъ преимущество надъ политикою и единственно способно дать опору трону Бурбоновъ: французская монархія умерла отъ дурнаго финансоваго устройства, и если бы Кольбера послушались, она была бы впоследствии спасена.

¹⁾ Lavisse, Histoire de France. Tome XII. Louis XIV. Colbert.
«ИСТОР. ВѢСТН.», АВГУСТЪ, 1907 г. т. сѣх.

Такое рвеніе къ обогащенію своей родины, а не къ расширенію ея территории, объясняется отчасти тѣмъ, что Кольберъ происходилъ не изъ аристократической семьи, а изъ разночинцевъ, и даже мелкихъ: его отецъ былъ су-конщикомъ. Поэтому также неудивительно, что онъ не питалъ дружелюбныхъ чувствъ къ старой аристократіи и духовенству, находя, что они съ своимъ величіемъ служатъ препятствіемъ къ благоденствію государства, ибо, пользуясь всеми привилегіями, избѣгаютъ нести обязательства по отношенію къ нему. Надо было быть Людовикомъ XIV, чтобы взять себѣ въ министры не блестящаго кардинала, а «приказчика изъ лавки», который имѣя предъ глазами примѣръ Фука, ослѣплявшаго своей роскошью дворъ, отлично понималъ, что ему не слѣдуетъ выходить изъ своей скромной рамки. Фука сдѣлалъ громадную ошибку, свойственную людямъ, обращающимся съ общественными деньгами, какъ съ собственными, изъ тщеславія принимая своего государя по-царски, чѣмъ нерѣдко наносилъ самолюбію послѣдняго уколы, какъ это случилось однажды, когда онъ разостлалъ предъ Людовикомъ XIV такой коверъ, какого король не имѣлъ возможности приобрести. Кольберъ, напротивъ, своей скромностью поражалъ аристократію, привыкшую видѣть при своихъ короляхъ пышныхъ, блестящихъ министровъ въ кардинальскомъ одѣяніи. Она никакъ не могла примириться съ скромнымъ министромъ, который пробирался къ королю съ чернымъ бархатнымъ мѣшкомъ подъ мышкой, какъ самый настоящій приказчикъ на отчетѣ, являвшійся сдать выручку хозяину. Но именно эта скромность была главнымъ козыремъ въ глазахъ короля: Кольберъ своимъ практическимъ умомъ и торговой смекалкой понималъ это и даже, когда нажилъ миллионы, никогда не выходилъ изъ этой рамки, оставаясь всю жизнь скромнымъ «приказчикомъ»—въ этомъ и была его политика.

Государственнымъ людямъ приходится держаться одного изъ двухъ—пускать пыль въ глаза тѣмъ, кто ихъ провѣряетъ, или предупреждать ихъ недоверіе своей скромностью. Съ Людовикомъ XIV необходимъ былъ послѣдній приемъ—Кольберъ это понималъ и выигралъ, а Фука не понималъ и погибъ. Первому съ его скромностью не трудно было сразить Фука цифрами, и съ тѣхъ поръ король съ большимъ уваженіемъ сталъ относиться къ «приказчику». Правда, онъ не сдѣлалъ его сразу главнымъ интендантомъ финансовъ,—не далъ ему этого громкаго титула, который былъ отмѣненъ, но впоследствии назначилъ его главнымъ контролеромъ. И никогда еще слово «контролеръ» такъ не оправдывало своего значенія, какъ относительно Кольбера: онъ принялся провѣрять все и всехъ, начиная съ королевскаго двора и кончая всей Франціей.

Нельзя возводить Кольбера на пьедесталъ безукоризненной честности; напротивъ, онъ даже былъ безчестенъ и оберегалъ свои интересы, а на государственныя должности ставилъ своихъ родственниковъ, требуя, чтобы они заботились о пользѣ государства не меньше, чѣмъ о своей. Правой рукой Кольбера былъ его дядя, Пузоръ, завѣдывавшій юстиціей въ «интересахъ порядка и справедливости», а его окомъ были многочисленные Кольберы, занявшіе различныя духовныя должности. Сына своего, будущаго маркиза Сеньелэ, онъ подготавливалъ на постъ министра короля послѣ своей отставки. Благодаря своему выгодному положенію министра, онъ безъ зазрѣнія совѣсти обога-

щался на счетъ различныхъ финансовыхъ предпріятій, и преобразование Франціи въ страну благоденствія, также служило его интересамъ. Но всё эти темныя стороны искупались благими намѣреніями обогатить свою страну.

Эта жажда обогащенія не служила ему для удовлетворенія низкихъ инстинктовъ: Кольберъ не былъ надокъ на женскій полъ, какъ канцлеръ Сеге, котораго окружали дамы и, несмотря на его подражикъ, называли фамильярно «Пьеро»; нѣтъ, онъ, по словамъ его жены Мари Шаронъ, отъ которой у него было шесть сыновей и три дочери,—«спалъ только съ Франціей». Поэтому, вопреки обычаемъ министровъ, обычаемъ, вреднымъ особенно для финансовъ государства, женщины не составляли особаго параграфа расходовъ Кольбера. Онъ также не питалъ страсти къ вину, напротивъ, онъ даже чувствовалъ къ нему антипатію, доходившую до того, что онъ писалъ управлявшему Бордо, будто въ государствѣ слишкомъ много вина, и уговаривалъ народъ превратить виноградныя плантаціи въ хлѣбныя поля. «Если эти требованія были чрезмѣрны, то его преслѣдованія кабатчиковъ,» насаждавшихъ лѣнь и дебошъ,—достойны подражанія. Угрюмый и воздержанный, онъ вездѣ выдѣлялся, благодаря своему скучному нраву, и г-жа Севиньи мѣтко прозвала его «Сѣверомъ».

Такою же антипатію, совершенно для него естественную, онъ питалъ къ аристократіи: ему все въ ней не нравилось, и онъ хотѣлъ свести ее къ нулю. Но онъ все-таки не былъ исполнѣй предтечей великой революціи 1789 г.: онъ ненавидѣлъ только «господъ» и монаховъ, однимъ словомъ — привилегированное сословіе; короля же онъ обожалъ и возставалъ именно противъ того, что погубило монархію — противъ солидарности короля съ привилегированнымъ классомъ, давнишнимъ противникомъ Канетовъ, которая укрѣпилась именно при Людовикѣ XIV. Въ этотъ рѣшительный моментъ Кольберъ хотѣлъ помѣшать такому союзу или, по возможности, разстроить его. Въ этомъ случаѣ Кольберъ-финансистъ превратился въ государственнаго человѣка. Ревнивый до крайности относительно вліянія своихъ сотоварищей, онъ этимъ выказывалъ, что его любовь направлена единственно къ власти. Король видѣлъ и старался смягчить эту крайность и въ одномъ изъ писемъ высказалъ, что его оскорбляетъ эта ярость, но онъ сознаетъ, что она исходитъ изъ хорошаго побужденія.

Людовикъ XIV подписывалъ всѣ бумаги, подаваемыя ему Кольберомъ для подписи; таковъ былъ Король-Солнце: ему «требовались идеи другихъ», ибо самъ онъ не любилъ создавать рѣшеній, и ясныя рапорты Кольбера исполнѣй его удовлетворяли. Когда ему подавали дѣла для просмотра, онъ неизмѣнно отвѣчалъ «посмотрю», что значило — воспользуюсь совѣтомъ Кольбера, Теллье, маркиза Лувуа или графа Лионна. Онъ уже такъ привыкъ къ ихъ системѣ и темпераменту, что не спорилъ съ ними, хотя расходился съ ними во мнѣніяхъ. Впрочемъ, сознание своего величія казалось ему совмѣстимымъ съ признаніемъ ихъ способными.

По мнѣнію короля, одинъ финансистъ имѣлъ право говорить, и Кольберъ мало-по-малу начергалъ предъ королемъ свой планъ, въ которомъ главное мѣсто занимали два нововведенія—чтобы король и Франція поставили себѣ

главной задачей нажать какъ можно болѣе, денегъ. Это было дѣйствительно нововведеніе: до тѣхъ поръ не только французскіе монархи вѣками не могли разбогатѣть, но и само государство находилось всегда въ затрудненіи вести войны, которыя случались очень часто: ему всегда не хватало главнаго нерва—денегъ. Французскіе короли были крупными землевладѣльцами, по кусочкамъ округлявшіе свои владѣнія, лучшія во всей Европѣ; но, мечтая лишь объ увеличеніи своей территоріи, они советѣмъ не заботились объ обогащеніи своей казны. Эти земли могли бы по крайней мѣрѣ приносить значительный доходъ, но ихъ безпрестанно отчуждали и онѣ были настолько обременены долгами, что имѣнія приносили королю ничтожную сумму въ 80.000 ливровъ. Король не могъ найти себѣ кредита въ виду того, что «этого» залога не было у него въ рукахъ, и потому бывалъ очень счастливъ, когда разбогатѣвшіе за его счетъ «господа» презрительно открывали для него свои кошельки. При Мазарини король походилъ на разорившагося сынка въ погонѣ за ростовщиками, и именно въ этотъ моментъ благодѣтелемъ явился Фуке, въ роли поручителя короля, доставивъ ему дорогою цѣною и за громадные проценты—милліоны.

Впрочемъ, у короля были еще источники доходовъ—продажа служебныхъ должностей, относительно чего одинъ изъ его министровъ писалъ: «Одно изъ самыхъ прекрасныхъ преимуществъ французскихъ королей то, что, когда король создаетъ должность, Богъ тотчасъ же создаетъ дурака, который ее покупаетъ». Но эта статья дохода была уже болѣе стѣснительна: продавая должность, король какъ бы продавалъ свой авторитетъ и поэтому, когда купившій должность злоупотреблялъ ею, какъ было его преслѣдовать? Кромѣ того, этотъ доходъ былъ скоротечный, и, продавъ должность, перепродавать ее король уже не могъ и польза отъ перепродажи шла въ руки перваго покупателя.

Третій доходъ королей—налоги были такъ несправедливы, что по одному этому являлись непроизводительными, и не только правосудіе, но даже интересы короля отъ этого страдали. Привилегированный классъ правдами и неправдами или уклонялся отъ уплаты нѣкоторыхъ налоговъ, или, въ другихъ случаяхъ, налогъ не простирался на него, между тѣмъ какъ дворяне и духовенство были самыми богатыми во Франціи. Слѣдовательно, налоги падали только на классъ неимущихъ, а потому естественно король всегда нуждался въ деньгахъ, а вмѣстѣ съ нимъ и государство, и Кольберъ проявилъ свой талантъ финансиста именно въ рѣшеніи этого вопроса.

Но еще болѣе онъ выдвинулся впередъ, вырвавъ правдами и неправдами капиталы у капиталистовъ, разбогатѣвшихъ изъ остатковъ королевскихъ богатствъ. Въ этомъ дѣлѣ правой рукой Кольбера былъ его дядя Пюзоръ, ибо для возвращенія правъ приходилось переступать законъ. Эта смѣлая операція Кольбера, конечно, заставила задуматься короля о томъ, кто же будетъ одолжать ему деньги? Однако комбинація Кольбера настолько была обдуманна, что королю не надо было прибѣгать къ кредиту: хорошо управляемая страна сама собою стала богата. Изъ 103 милліоновъ, вырванныхъ у капиталистовъ, сто употребили на скупку должностей. Кольберъ намѣревался скупить ихъ всѣ,

что было бы препятствіемъ къ образованію громадной олигархіи чиновниковъ, которые вмѣстѣ со старой аристократіей, владѣвшей землями, представляли препятствіе для новыхъ реформъ Кольбера.

Затѣмъ онъ приступилъ къ устройству земель короля, и земли приносившія только 8000 ливровъ въ 1661 г., въ 1682 г. дали 5¹/₂ милліоновъ. Особенно Кольберъ подтянулъ лѣсной департаментъ, гдѣ происходилъ повальный грабежъ, учиняемый чиновниками, на которыхъ возложено было охраненіе лѣсовъ. Онъ такъ строго ихъ преслѣдовалъ, что были даже случаи смертной казни надъ ними. Очистивъ департаментъ отъ этой язвы, Кольберъ принялся за урегулированіе продажи лѣса и довелъ дѣло до того, что черезъ двадцать лѣтъ доходъ, получавшійся отъ нея, увеличился на цѣлый милліонъ, да еще король получилъ «хорошій крѣпкій лѣсъ на постройку флота». Такимъ образомъ Кольберу удалось увеличить доходъ съ имѣній и лѣса; оставалась еще монополія на соль, та самая, которая была главной поддержкой государства и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавистнымъ гнетомъ для народа. Но Кольберъ былъ нечувствителенъ къ его жалобамъ и преслѣдовалъ чиновниковъ, которые недостаточно строго исполняли свои обязанности относительно сбора, и добился увеличенія этого налога на 4 милліона.

Однако главное завѣтное преобразованіе Кольберу не удалось. Пока онъ касался удѣловъ, король соглашался, но когда смѣлый финансистъ хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ дворянству и духовенству и этимъ увеличить доходъ короля съ сорока милліоновъ до двухсотъ съ помощью возвышенныхъ налоговъ на привилегированные классы, то король далъ энергичный отпоръ. Ему нужна была богатая аристократія для украшенія Версаля и преданное духовенство для поддержки въ Ватиканѣ, поэтому Кольберу надо было отступить и сузить рамки задуманныхъ имъ широкихъ реформъ: по-прежнему богатые продолжали царствовать за счетъ неимущихъ.

Потерпѣвъ въ этомъ неудачу, Кольберъ попытался преобразовать короля. Его расходы приводили министра въ ужасъ, и онъ придумывалъ средства обуздать расточительнаго Людовика XIV. Съ этой цѣлью онъ придумалъ бюджетъ, что въ настоящее время никого бы не удивило, но тогда, въ 1661 г., это возбуждало чуть не революцію. Свой планъ Кольберъ думалъ привести въ исполненіе, создавъ три росписи — фондовъ, расходовъ, и третью, гдѣ фонды и расходы были представлены королю въ видѣ баланса. Кольберъ старался заставить короля одуматься, напоминая ему какъ можно чаще о состояніи казны. Для этого въ карманѣ короля всегда должна была находиться маленькая памятная книжка, въ которой записаны были доходы и расходы и, кромѣ того, онъ долженъ былъ рабовать каждыя три мѣсяца по два часа для выясненія положенія финансовъ. Въ принципѣ король все это принималъ, не желая огорчать старательнаго министра, но на дѣлѣ продолжалъ расточать народныя деньги.

Такъ Кольберу и не удалось преобразовать ни короля, ни государство, и онъ всецѣло отдался идеѣ обогащенія Франціи за счетъ другихъ европейскихъ государствъ. Въ этой головѣ «приказчика» зарождались положительно гениальные планы для его времени. Его не удовлетворяли скромные пути сообщенія, и онъ задумалъ планъ полного ихъ преобразованія: но онъ былъ

столь грандіозенъ, что казался его современникамъ безумнымъ, а главное требовалъ милліоновъ и милліоновъ. Эти милліоны и нашлись бы по расчету Кольбера, но они требовались на версальскія затѣи; поэтому Кольберу и здѣсь пришлось терпѣть неудачу, хотя, насколько возможно, онъ усовершенствовалъ пути сообщенія. Главнымъ рычагомъ обогащенія своей страны Кольберъ считалъ, конечно, торговлю: онъ мечталъ завоевать весь европейскій рынокъ, изгнать съ него всѣ остальные народы и занять господствующее положеніе войной. Войны, требовавшей пушекъ и укрѣпленій, онъ не признавалъ: для него существовала одна война, грандіозная, война экономическая, полемъ которой являлась эксплоатація всего свѣта. Два вѣка съ половиной тому назадъ Кольберъ уже предвидѣлъ то, что теперь поставили себѣ задачей европейскіе народы. Король мечталъ увеличить территорію Франціи, а Кольберъ—обогатить ее, «ибо, писалъ онъ, торговля—денежная война противъ всѣхъ государствъ Европы». Для него торговля была «арміей», а товары «резервами», и онъ принялся за устройство этихъ «резервовъ». Для снабженія рынковъ товарами надо было ихъ имѣть въ большомъ количествѣ, и Кольберъ позаботился объ улучшеніи земледѣлія, чтобы земля сдѣлалась плодороднѣе и давала наибольшее количество продуктовъ, лучшаго качества. Но, какъ реалистъ, болѣе склонный къ положительной прибыли, онъ еще болѣе обратилъ вниманіе на промышленность, считая земледѣліе гадательной прибылью, зависящей отъ капризовъ природы, тогда какъ первая вполнѣ находилась въ рукахъ человѣка. Впрочемъ, это не мѣшало ему сознавать, что плантаціи оливокъ въ Провансѣ, картофельныя—въ Нормандіи, виноградныя въ Меданѣ и хлѣбныя въ Босѣ—самыя богатыя во Франціи, и потому онъ заботился объ улучшеніи культуры земли. Онъ добивался, чтобы король зналъ, въ какомъ положеніи находится земля, говоря: «надо, чтобыеговеличество видѣлъ, въ какомъ положеніи находится большинство скота въ каждомъ округѣ». Кольберъ ревниво слѣдилъ, чтобы ни одинъ су не выходилъ за предѣлы Франціи, и потому, узнавъ, что ежегодно за границу уходятъ милліоны на покупку лошадей, онъ завелъ конскій заводъ, который послѣ его смерти далъ значительные результаты.

Извлекая какую только было возможно пользу изъ земли, онъ требовалъ, чтобы человѣческія руки также были вполнѣ использованы, и съ этою цѣлью уменьшилъ сельскіе праздники, а патерамъ запретилъ создавать новыхъ святыхъ. Особенно его возмущали монастырскія подачки: по его мнѣнію, онѣ размножали тунеядцевъ. Онъ требовалъ осмысленной помощи и распорядился, чтобы монастыри раздавали бѣднымъ хлѣбъ и шерсть, съ тѣмъ, чтобы изъ шерсти вырабатывались чулки. Повсюду закипѣли фабричныя работы; нѣкоторыя изъ фабрикъ были улучшены и много основано новыхъ, промышленныя товарищества находили поддержку въ министрѣ, и торговля французскими товарами такъ стала процвѣтать, что англійскіе, итальянскіе и венеціанскіе посланники забили тревогу, что Кольберъ обогащаетъ Францію, обирая другія державы. Онъ ненавидѣлъ Венецію, но еще болѣе Голландію, которую встрѣчалъ на всѣхъ рынкахъ онъ, уже терялъ надежду завоевать ее мирными путями и даже, вопреки своему отвращенію къ войнѣ, готовъ былъ поднять оружіе противъ этого государства. Въ своихъ мечтахъ онъ видѣлъ

Францію господствующей державой на Востокъ и уже овладѣлъ Мадагаскаромъ. Для выполненія своего плана онъ дѣлалъ все, что было возможно въ то время и при тогдашнемъ государственномъ порядкѣ: основалъ левантское и остъ-индскія товарищества и даже угрожалъ Бордо лишеніемъ его преимуществъ, если городъ не подпишется на акціи этихъ товариществъ.

Вопросы о процвѣтаніи Франціи вели за собою и вопросы объ увеличеніи народонаселенія. Для этого онъ предложилъ сложить налоги съ молодыхъ людей, которые женились до двадцати лѣтъ, а также съ семействъ, гдѣ было десять человѣкъ дѣтей, но съ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ монахомъ или монахиней. Хотя въ то время Франція была населена пропорціонально, но онъ все-таки вызвалъ изъ Голландіи, Швейцаріи, Германіи и Англіи эмигрантовъ, большая часть которыхъ чрезъ двадцать лѣтъ была выброшена отъѣной Нантскаго эдикта за предѣлы Франціи. Въ головѣ Кольбера зарождались такіе широкіе планы колонизаціи, которые начали осуществляться лишь недавно. Канада служила ему для этого базисомъ и точкой отправления для его предпріятія.

Считать Кольбера только финансистомъ, какъ это дѣлали прежніе историки,—нельзя: идеи, планы и задачи, зарождавшіеся въ его головѣ, были выше этого и они принимали все болѣе широкій размахъ по мѣрѣ того, какъ онъ подымался по іерархической лѣстницѣ, занимая послѣдовательно должности завѣдывавшаго постройками, морского министра, государственнаго министра и члена всѣхъ совѣтовъ. Въ его головѣ зрѣли радикальныя мѣры и планъ не только преобразованія, но даже переворота одряхлѣвшаго государственнаго строя со всѣми его опасными для народа развалинами. Но парламентъ не подходилъ къ его взглядамъ, а еще менѣе дворянское правосудіе: онъ мечталъ о королевской власти, но о королѣ—правосудномъ, который объѣзжалъ бы страну съ судьями и произносилъ бы приговоры скорѣе по естественной справедливости, чѣмъ по праву. Особенно онъ не терпѣлъ государственныхъ штатовъ и охотно уничтожилъ бы ихъ, особенно провинціальныя. Вообще онъ не любилъ провинціи и старался, чтобы король жилъ всегда въ Парижѣ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ буржуазіей, особенно мелкой.

Онъ не любилъ прессы, пасквили которой противъ короля его раздражали; кромѣ того, какъ финансистъ, онъ приводилъ тотъ доводъ, что это вызываетъ безпорядокъ, а послѣдній портить кредитъ.

Хотя въ принципѣ Кольберъ былъ противъ войны, но считалъ необходимымъ для избѣжанія ея имѣть наготовѣ хорошую армію, и потому расходы на дворъ короля его еще болѣе возмущали, такъ какъ, по его словамъ, великіе короли, Францискъ I и Генрихъ IV, не дѣлали различія между домомъ короля и арміей. Еще его возмущало обиліе монаховъ, монахинь и паторовъ, которые жирѣли, изъ милосердія поддерживали праздность, держали въ застоѣ капиталы и не помогали увеличивать народонаселеніе. Онъ завидовалъ Голландіи и Англіи, гдѣ не было монаховъ; іезуитовъ же онъ просто ненавидѣлъ, и, несмотря на то, что у него были родственники среди духовныхъ лицъ, онъ уже тогда, сто двадцать лѣтъ до революціи, хотѣлъ просить разрѣшенія папы, или даже, при необходимости, прибѣгнуть къ насилію, чтобы продать церковныя имуществы, которыя онъ считалъ народной собственностью.

Несмотря на нѣкоторыя темныя стороны Кольбера, ему все-таки надо воздать должное за широкія стремленія завоевать своей родинойъ первенствующее мѣсто въ Европѣ и очистить старый государственный строй отъ прежней грязи. Однако родина и король не поняли Кольбера и вмѣсто благодарности онъ заслужилъ со стороны короля недовольство за постоянныя урѣзыванія суммъ на его расходы, а со стороны народа — ненависть, и столь яростную, что когда въ 1683 онъ умеръ, то погребальную колесницу пришлось оберегать отъ разъяренной толпы.

— Ученіе Робеспьера. — Казалось, что матеріаль о личности Робеспьера весь исчерпанъ и новаго сказать о немъ болѣе нечего, но его поклонники все-таки время отъ времени находятъ что-нибудь о немъ упомянуть. Однимъ изъ нихъ, Деймъ-Дюэ, недавно написано изслѣдованіе*) объ его ученіи, для чего автору пришлось ознакомиться не только со всѣми рѣчами Робеспьера въ конвентѣ и въ учредительномъ собраніи, а также относящимися до «декларации правъ человѣка», написанной почти подъ его диктовку, но и со всѣми сочиненіями Руссо, Монтескье, Рэнала и Мабли, манифестомъ и декларацией юной Америки. Несмотря на столь богатый подготовительный матеріаль, трудъ Деймъ-Дюэ отличается непоследовательностью и въ немъ не хватаетъ связи, чтобы сдѣлать прямой выводъ. Авторъ приводитъ въ одной главѣ, что Робеспьеръ дѣлалъ то-то, въ другой, что онъ сдѣлалъ это, но между различными частями мыслей Робеспьера авторъ не дѣлаетъ связи, не выясняетъ отношеній или противорѣчій, чтобы потомъ доказать, насколько эти отношенія правильны или какъ должно и можно объяснить эти противорѣчія. Во всемъ этомъ приходится разобратся самому читателю.

Робеспьеръ былъ ученикомъ Руссо и Монтескье, болѣе перваго, чѣмъ послѣдняго, но въ общемъ одинъ дополнялъ другого и это служитъ объясненіемъ того, что Робеспьеръ нѣкоторое время былъ роялистомъ. Демократомъ онъ былъ всегда, но роялистомъ только нѣсколько лѣтъ, и отдавался съ жаромъ, если не «королевской демократіи», то, по крайней мѣрѣ, этой системѣ. Онъ всегда придерживался идеи исчезновенія съ лица земли аристократовъ, и это перешло къ нему отъ Руссо, а исчезновеніе безличнаго деспотизма было имъ заимствовано отъ Монтескье. Вопросъ о королевствѣ, будь оно парламентское, конституціонное или республиканское, казался ему сначала второстепеннымъ, и онъ устроился бы съ первымъ за неимѣніемъ второго.

Внѣ этого вопроса, почти единственнаго, въ которомъ Робеспьеръ расходился самъ съ собою, онъ хранилъ слѣдующія существенныя идеи. Онъ болѣе, чѣмъ кто, представлялъ революцію, если считать представленіемъ эпохи то, что должно отъ нея остаться впоследствии, когда второстепенныя, разнородныя или случайныя элементы отпадутъ или исчезнутъ. А отъ французской революціи остались лишь догматы равенства и догматы господства народа. Хотя форма революціи была иная, но ея сущность была именно такова, ибо это все, что отъ нея осталось и во что она обратилась. Хорошимъ кригикомъ считается тотъ, кто объявилъ въ 1668 г. хорошимъ то, что въ 1760 г. всемірно

*) Les doctrines politiques de Robespierre. Par Deymes Dumé. 1907.

было объявлено хорошимъ; точно также настоящий представитель великаго національнаго движенія тотъ, кто заранѣе представилъ, что съ этимъ движеніемъ станетъ и что оно дастъ вѣкъ снустя. Поэтому прежде всего Робеспьеръ радикально сторонникъ равноправія и радикально партизанъ господства народа. Оба эти принципа онъ неуклонно поддерживалъ, подтверждалъ, объявлялъ ихъ неотъемлемыми, и въ этомъ онъ былъ воплощеніемъ революціи. Но можетъ возникнуть вопросъ: почему онъ былъ либераломъ и отчего онъ не былъ социалистомъ? Авторъ представляетъ его энергично возстававшимъ противъ какихъ бы то ни было аграрныхъ законовъ, желавшимъ лишь одного,—чтобы каждому человѣку былъ обезпеченъ достаточный источникъ существованія. Съ другой стороны, Робеспьеръ является убѣжденнымъ сторонникомъ всѣхъ индивидуальныхъ и даже коллективныхъ свободъ, что заслуживаетъ особаго вниманія. Авторъ представляетъ его читателямъ, какъ убѣжденнаго и краснорѣчиваго сторонника правъ человѣка: никогда произвольно не быть арестованнымъ и всегда имѣть судей; сторонникомъ права высказывать открыто свои мысли, письменно или живымъ голосомъ, сторонникомъ права исповѣдовать религію, какая ему нравится. Онъ былъ даже сторонникъ коллективной свободы, что нѣсколько удивительно, такъ какъ чертой людей той революціи являлась любовь къ индивидуальной свободѣ, а не къ коллективной, какъ, напримѣръ, право собираться и соединяться съ той или другой цѣлью. Они видѣли если не въ этомъ правѣ, то въ образовавшемся изъ него обычай: въ ассоціаціяхъ, корпораціяхъ, синдикатахъ — «аристократическія вещи», а даже тѣнь аристократизма заставляла ихъ содрогаться. Робеспьеръ же поддерживалъ свободу ассоціацій. Положимъ, онъ хотѣлъ поддерживать особенно одну ассоціацію, а именно якобинцевъ, но догматически, какъ доктринеръ, онъ формально произнесъ слово въ пользу свободы ассоціацій и пропаганды путемъ ассоціацій. Въ этомъ онъ превзошелъ «декларацію правъ человѣка», которая ни словомъ не обмолвилась, можетъ быть намѣренно, о коллективной свободѣ ассоціацій, конгрегацій, преподаванія и т. д.

Такимъ образомъ Робеспьеръ въ 1793 г. бывшій вдохновителемъ и сотрудникомъ созданія «деклараціи правъ человѣка», пошелъ еще далѣе ея: онъ сдѣлался «индивидуалистомъ»; онъ былъ если не свободомыслящимъ, то по крайней мѣрѣ либераломъ. Но возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ Робеспьеръ, сторонникъ господства народа, могъ быть либераломъ? Если онъ былъ за равноправіе, какъ онъ могъ быть анти-социалистомъ? Вѣдь права человѣка—граница народнаго господства, граница какого бы то ни было господства, будь оно господство народа, королевское или аристократическое, и тотъ, кто объявляетъ себя сторонникомъ «правъ человѣка», объявляетъ себя сторонникомъ ограниченнаго господства народа, а ограниченное господство — уже болѣе не господство.

Съ другой стороны, если Робеспьеръ былъ сторонникомъ равноправія, какъ онъ могъ быть анти-социалистомъ, такъ какъ социализмъ не что иное, какъ само равноправіе, уничтоженіе всѣхъ искусственныхъ неравенствъ, какія до сихъ поръ общество установило, допустило и разрѣшило. Объясненіе этому

противорѣчію, какъ либеральное равноправіе Робеспьера и его равноправный либерализмъ, а также антисоціалистическое равноправіе, въ которыя впадали революціонеры того времени, заключается въ томъ, что когда идеи еще свѣжи, то ихъ не охватишь сразу до конца, потому что конца и не видно. Вообще революція останавливалась всегда и во всемъ на полупути, а потому неудивительно, что Робеспьеръ и его друзья не усмотрѣли всего, что содержалъ въ себѣ догматъ равенства въ вопросѣ интегральнаго социализма и коммунизма, такъ какъ пока одинъ человѣкъ будетъ богаче другого, равенства не должно существовать, и то, что носить это названіе, не что иное, какъ насмѣшка; они не видѣли позднѣйшихъ послѣдствій, ни даже очень близкихъ послѣдствій своихъ принциповъ.

Другая причина этого противорѣчія Робеспьера, относительно свободы, совмѣстимой съ господствомъ народа, та, что онъ имѣлъ иллюзію, совершенно естественную для людей, жившихъ подъ королевскимъ деспотизмомъ, подъ королевскимъ господствомъ, что только послѣднее господство, деспотизмъ короля, можетъ быть противорѣчіемъ человѣческихъ правъ и разрушителемъ свободъ. Доказательствомъ такого воззрѣнія Робеспьера служить слѣдующія строки VII статьи деклараціи правъ 1793 г.: «Право высказывать свои мнѣнія, будь то въ печати или другимъ способомъ, право свободно собираться, свобода вѣроисповѣданій не могутъ быть воспрещаемы. Необходимость изложенія этихъ правъ вызвана предположеніемъ существованія деспотизма или еще свѣжимъ воспоминаніемъ о немъ». Это означаетъ, что для редакторовъ «декларации правъ» извѣстенъ былъ одинъ деспотизмъ— королевскій, который могъ быть гонителемъ и притѣвителемъ «правъ человѣка» и какъ только этотъ деспотизмъ былъ сброшенъ, права человѣка сами собою расцвѣли; но редакторы не думали, не воображали, что господство народа, деспотизмъ народа можетъ сдѣлать то же самое, что и королевскій. Къ тому же они были полны идей Руссо, который говорилъ, что народъ не можетъ ошибаться и что «общая воля всегда права», они думали, что господство народа будетъ лишь поддерживать, укрѣплять «права человѣка» и не можетъ иначе дѣйствовать, какъ въ обратномъ смыслѣ прежняго королевскаго господства, и если королевское господство было разрушителемъ правъ человѣка, то господство народа будетъ лишь ихъ защитникомъ. Робеспьеръ, будучи сторонникомъ равноправія, не былъ социалистомъ потому, что люди революціи были лишь на половину тѣмъ, чѣмъ они должны были являться, и надо было дожидаться Бабёфа, чтобъ найти послѣдовательнаго сторонника равноправія. Кромѣ того, они были болѣе чувствительны къ равенству правъ, чѣмъ къ равенству наслажденій, и это дѣлаетъ имъ честь. Ихъ смущало то неравенство, когда плебей не такъ легко допускался къ публичнымъ должностямъ и обязанностямъ, какъ дворянинъ, и неравенство, возмущавшее ихъ, было то, что дворянинъ и духовное лицо пользовались большими почестями и отличіями, чѣмъ плебей. Неравенство же матеріальное ихъ смущало менѣе: это было второстепеннымъ вопросомъ. Они были слишкомъ идеалистами, чтобъ отдаться мысли, что самая жестокая несправедливость — неравенство состояній, а равенство капитала—самое существенное, реальное равенство, стоящее выше всѣхъ другихъ.

— Новыя воспоминанія о Вагнерѣ. — Въ Лейпцигѣ появились мемуары А. Неймана, теперь директора пражскаго театра, который одинъ изъ первыхъ увѣровалъ въ талантъ Вагнера и достоинство его произведеній. Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ поставилъ его «Кольцо Нибелунговъ» на сценахъ Лейпцига, Берлина, Лондона, Италіи, Австріи и Россіи и тѣмъ еще болѣе распространилъ его славу. Въ его воспоминаніяхъ есть кое-что о великомъ композиторѣ еще неизвѣстномъ публикѣ. Самъ Нейманъ сначала не очень цѣнилъ музыку Вагнера и сохранилъ свое мнѣніе, когда въ 1864 г. онъ случайно оказался сосѣдомъ Вагнера по комнатѣ въ одной изъ стутгартскихъ гостиницъ. Въ это время Вагнеръ страдалъ безденежемъ и все время шагаль, какъ безумный, взадъ и впередъ по комнатѣ, озабоченный своимъ труднымъ положеніемъ и раздражая нервы Нейману скрипомъ сапогъ и потрескиваніемъ половыхъ досокъ¹⁾. Встрѣтя его на лѣстницѣ, послѣдній даже не подумалъ съ нимъ знакомиться. Только нѣсколько лѣтъ спустя состоялось это знакомство.

По словамъ Неймана, Вагнеръ былъ не только композиторомъ, но и режиссеромъ и даже актеромъ. Нейманъ присутствовалъ въ 1875 г. при новой постановкѣ, подъ руководствомъ Вагнера, его «Тангейзера» и «Лоэнгринна» на сценѣ вѣнскаго опернаго театра. Вагнеръ самъ руководилъ всѣми подробностями и чудесно представилъ Тангейзера въ тотъ моментъ, когда тотъ приходитъ въ себя въ Тюрингенскомъ лѣсу отъ очарованія на Веровой горѣ. Вагнеръ стоялъ какъ статуя, простирая къ небу руки, но, когда стали приближаться странники, его охватила дрожь, которая все усиливалась, и, наконецъ, отъ невыразимаго волненія онъ упалъ на колѣни, восклицая: «Увы, какъ тяжело нести бремя грѣха!». Вагнеръ съ необыкновенною живостью и рыцарскимъ пламенемъ представлялъ Тангейзера во время пѣнія Вольфрама, а сцену послѣдняго дѣйствія онъ такъ чудно изобразилъ, что она запечатлѣлась навсегда въ памяти видѣвшихъ ее. Въ «Лоэнгринѣ» онъ для образца изобразилъ мимику какъ Лоэнгринна и Тельрамунда, такъ и короля. Онъ также указалъ актрисѣ мимику Эльзы и каждое движеніе руки отъ самаго выхода ея на сцену и до конца дѣйствія. Когда же Вагнеръ въ обыкновенной одеждѣ надѣлъ на голову каску Лоэнгринна и съ щитомъ и коньемъ бросился на Тельрамунда, первымъ движеніемъ присутствовавшихъ было расхохотаться; но затѣмъ, когда Вагнеръ провѣлъ сцену битвы, всѣ пришли въ восторгъ, такъ хорошо онъ ее исполнилъ.

Первое представленіе «Кольца Нибелунговъ» состоялось въ маѣ 1881 г. въ Берлинѣ. «Золото Рейна» привлекло весь дворъ и все берлинское высшее общество. Рукоплесканія очень взволновали Вагнера. Представленіе «Зигфрида» имѣло меньшій успѣхъ, такъ какъ Вагнеръ не послушался совѣта Неймана и передалъ роль Зигфрида Егеру, который не могъ съ нею справиться. Уже съ перваго акта обнаружился этотъ неуспѣхъ, а послѣ втораго къ Нейману явилась депутація отъ Wagner-Verein съ просьбою, чтобы на другой день пѣлъ пѣвецъ Фогль. Между тѣмъ взбѣшенный Вагнеръ вбѣжалъ на сцену, восклицая: «Какъ этотъ субъектъ можетъ называть себя пѣвцомъ, ему надо быть пова-

¹⁾ Erinnerungen an Richard Wagner von Neumann, Leipzig. 1907.

ришкой!». Затѣмъ онъ закричалъ: «завтра поетъ Фогль!». На это Нейманъ отвѣчалъ, что наканунѣ предупреждалъ его обо всемъ и теперь ничего нельзя измѣнить. Егеръ пѣлъ сегодня, онъ будетъ пѣть еще завтра; опасности, впрочемъ, будетъ меньше; онъ не одинъ будетъ на сценѣ. Такимъ образомъ несчастный пѣвецъ долженъ былъ пѣть противъ воли Вагнера, и во второй вечеръ онъ былъ лучше. Однако, несмотря на это, какъ только окончилось представленіе, онъ уѣхалъ. Но въ послѣдствіи Егеръ примирился съ Вагнеромъ. Съ физической стороны пѣвецъ былъ превосходенъ, а также и его игра, и дѣло кончилось тѣмъ, что его пригласили въ Байретъ играть Парсифаля.

Первое представленіе «Парсифаля» состоялось въ 1882 г. Вагнеръ все свое время отдавалъ релігіямъ и съ Нейманомъ видѣлся мало. Однажды вечеромъ они встрѣтились въ Ванфридѣ, въ обществѣ, при чемъ Нейманъ рассказываетъ, какъ одна княгиня, совершенно охьяненная присутствіемъ Вагнера, все время вертѣлась около него, и когда онъ хотѣлъ удалиться съ Нейманомъ въ уединенный уголокъ для бесѣды, то и она послѣдовала за ними. Вагнеръ былъ возмущенъ ея назойливостью и крикнулъ ей: «Развѣ не видите, что мы хотимъ остаться одни, что я хочу говорить съ этимъ господиномъ!» Онъ взялъ Неймана подъ руку и увлекъ его въ противоположный уголокъ комнаты. Несчастливая дама такъ смутилась, что жалко было на нее смотрѣть.

На первомъ представленіи публика съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, сохраняя глубокую тишину, слушала оперу, будто происходило какое-то священнодѣйствіе. Послѣ представленія всѣ отправились обѣдать. На обѣдѣ присутствовалъ самый злой противникъ Вагнера, вѣнскій критикъ Эдуардъ Гансликъ, который послѣ «Парсифаля» сдѣлался молчаливъ и гораздо милостивѣе къ Вагнеру. Всѣ были въ восторженномъ настроеніи, пока Фёрстеръ не испортилъ впечатлѣнія своимъ восклицаніемъ: «Вы увидите, что Вагнеръ не замедлитъ умереть». Это заставило всѣхъ смолкнуть. — «Отчего у васъ такое печальное предчувствіе?» спросилъ Нейманъ. — «Отчего?» возразилъ Фёрстеръ: «да оттого, что человѣкъ, создавшій то, что мы сегодня слышали, не можетъ долго жить. Его творчество окончено, онъ долженъ умереть!» Слезы показались у него на глазахъ, а голосъ задрожалъ. Присутствовавшіе принялись разговаривать о другомъ, но уже веселье не вернулось. Дѣйствительно чрезъ годъ Вагнеръ умеръ.

— Новое посмертное сочиненіе Джона Стюарта Милля. — Съ іюня мѣсяца началъ выходить въ Англій общео-университетскій журналъ, подъ заглавіемъ: «Оксфордское и Кембриджское Обзорніе», стоящій довольно не дорого — полкроны или 75 к. за номеръ. Его программа оригинальна и имѣетъ цѣлью сдѣлать его мѣстомъ объединенія «всѣхъ, кто заботится о благоденствіи обоихъ университетовъ и своимъ свободнымъ обсужденіемъ стремится къ разрѣшенію университетскихъ вопросовъ». Первый номеръ отличается интересными статьями профессоровъ, какъ нынѣшнихъ, такъ и прежнихъ. На главномъ же мѣстѣ находится блестящая посмертная статья¹⁾ Джона Стюарта

¹⁾ On social Freedom. «By John Stuart Mill. Oxford and Cambridge Review. June. 1907.

Милля о социальной свободѣ, еще никому не известная, найденная въ Авиньонѣ, въ домѣ, гдѣ онъ умеръ.

Великій мыслитель признаетъ два рода свободы: «свобода дѣлать, что хочешь, и свобода дѣлать то, чего не желаешь». Въ первомъ отношеніи существуетъ много свободъ, столько же, сколько различныхъ людей на свѣтѣ. Потомъ авторъ опредѣляетъ индивидуальную свободу, достижимую каждымъ индивидуумомъ въ своей сферѣ дѣйствій,—обезпеченіемъ и строгимъ ограниченіемъ этой свободы въ его сферѣ дѣйствій. «Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, совершенно свободенъ въ своей сферѣ дѣйствій,—когда онъ не ограниченъ никѣмъ другимъ. Первая свобода заключается въ томъ, чтобы онъ имѣлъ, напримѣръ, возможность умереть съ голода, когда захочетъ; но большее число человѣческихъ желаній удовлетворяется спеціальными отношеніями ихъ другъ къ другу, причѣмъ они руководствуются сравнительной свободой и не свободой. Человѣкъ, который дѣйствуетъ по высшему мотиву, свободнѣе, чѣмъ руководимый низшими побужденіями». Если нѣтъ градаціи человѣческихъ мотивовъ въ нравственной лѣствицѣ, то авторъ полагаетъ, что нѣтъ и науки этики. По его мнѣнію, животные апетиты стоятъ на низшей степеніи человѣческихъ мотивовъ.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на любопытное изслѣдованіе человѣческихъ дѣйствій, въ которыхъ человѣкъ болѣе или менѣе свободенъ. Не сила юридическаго понужденія всего болѣе ставитъ границу человѣческой свободѣ: напротивъ, по словамъ Милля, существуетъ громадная мистическая власть, бросающая тѣнь на всѣ человѣческія дѣла и имѣющая болѣе силы условности: человѣкъ испытываетъ странный и смутный страхъ дѣлать то, что никогда еще никто другой не дѣлалъ; такимъ образомъ его много ограничиваетъ сознаніе, что онъ становится исключительнымъ. Въ слѣдующихъ словахъ статьи Милля ясно обнаруживается, что она написана съ замѣтнымъ юморомъ: «Какое сознаніе несвободы ощущаетъ человѣкъ,—говоритъ онъ,—платя государственные налоги, мѣстные подати или составляя статистику, или, наконецъ, являясь въ судъ по повѣсткѣ; я совершенно увѣренъ, что его гнететъ то же чувство, что испытывалъ, принимая порядочнаго человѣка въ обществѣ непріятныхъ для него людей, или присутствуя при религіозной службѣ, непріятной ему, или говоря любезности дамѣ, очень дурно поющей, или, наконецъ, слушая разговоръ нестерпимаго болтуна».

Въ числѣ другихъ статей общаго университетскаго журнала выдается изслѣдованіе мистриссъ Берtrandъ Россель о совмѣстномъ мужскомъ и женскомъ университетскомъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ. По ея словамъ, въ Сѣверной Америкѣ все болѣе и болѣе распространяется это объединеніе женщинъ и мужчинъ въ университетскихъ аудиторіяхъ. Въ 1870 г. было только тридцать процентовъ коллегій, въ которыхъ женщины получали образованіе наравнѣ съ мужчинами, а въ 1898 г. ихъ число дошло до 70⁰/. Что же касается университета для однѣхъ женщинъ, то онъ считается теперь нежелательнымъ и даже невозможнымъ. Профессоръ Майрессъ доказываетъ необходимость открыть въ каждомъ университетѣ бюро биометриі, а профессоръ Гарднеръ доказываетъ, что англійская школа въ Аѳинахъ—са-

мое идеальное учрежденіе для занятій послѣ университетовъ. Виконтъ Валь-мэръ сожалѣть о пренебреженіи политикой во многихъ университетахъ и считаетъ, что, напротивъ, необходимо завести въ университетахъ собранія для развитія дара краснорѣчія.

— Эдуардъ VII, какъ хозяинъ, и Вильгельмъ II въ качествѣ помѣщика.—Въ «Grand Magazine» отъ іюня мѣсяца Констансъ Бирбомъ помѣстилъ любопытный очеркъ¹⁾ о томъ, какъ хозяйничаютъ дома англійскіе король и королева. Оба они чрезвычайно дѣятельны: напримѣръ, король имѣетъ при себѣ пятерыхъ постоянно занятыхъ секретарей и столько же разнаго рода чиновниковъ. Ежедневно онъ получаетъ четыре большихъ связки писемъ, а королева часто диктуетъ секретаршѣ, миссъ Шарлотѣ Ноллисъ, до пятидесяти писемъ въ день. Хотя Эдуардъ VII увеличилъ свои расходы сравнительно съ Викторіей, но менѣе ея бросаетъ денегъ на ненужные предметы. Что касается до королевы, то она очень любитъ садоводство, и въ Сандрингамѣ, по ея собственному рисунку, разбито нѣсколько отдѣльныхъ садиковъ. Одинъ изъ нихъ украшенъ исключительно произведеніями южно-африканской флоры, въ томъ числѣ прекрасными лиліями и бѣлыми розами. Другой садикъ посвященъ исключительно дикимъ цвѣтамъ, а третій фіалкамъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны пурпуровыя, подаренныя покойнымъ Александромъ III. Королева такъ любитъ эти русскіе цвѣты, что въ ихъ сезонъ, гдѣ бы она ни была, дома или за границей, ей подаютъ ежедневно по букету царскихъ фіалокъ. Король и королева гордятся тѣмъ, что изобрѣтаютъ особую мебель: такъ королева придумала художественную ширму изъ атласнаго дерева, а король—софу съ придѣланнымъ къ ней передвижнымъ столомъ.

Относительно ихъ домашняго хозяйства можно замѣтить, что они завтракаютъ въ 2 часа, пятичасовой чай составляетъ необходимую принадлежность дня; и обѣдъ бываетъ въ 9 часовъ, когда они живутъ въ Лондонѣ въ Букингамскомъ дворцѣ, а въ Сандрингамѣ на четверть часа ранѣе. Эдуардъ много пьетъ различныхъ винъ, особенно шампанскаго, стариннаго токайскаго и хереса, который теперь сталъ появляться на его столѣ, такъ какъ онъ доставленъ ему только недавно испанскимъ, королемъ, а личный запасъ королевы Викторіи былъ израсходованъ весь. За завтракомъ онъ пьетъ исключительно содовую воду съ водкой или бургонское вино. Что же касается до королевы, то она только прикасается губами къ шампанскому. Они оба не любятъ пить крѣпкихъ напитковъ между завтракомъ и обѣдомъ и когда чувствуютъ жажду, то утоляютъ ее только лимонадомъ. Король куритъ много папиросъ, которыя онъ получаетъ чрезъ день изъ Каира, сигаръ не болѣе четырехъ въ день и всегда съ острова Кубы. Относительно расходовъ на хозяйство извѣстно только, что Эдуардъ платитъ своему французскому повару 2000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Онъ терпѣть не можетъ, чтобы гости давали прислугѣ на чай, и даже предлагалъ своимъ друзьямъ устроить для этой цѣли конилки.

¹⁾ King Edward as Housekeeper; by C. Beerbohm. «Grand Magazine». June 1907.

Нѣсколько въ иномъ видѣ охарактеризованъ въ «Ueber Land und Meer» Вильгельмъ II, какъ помѣщикъ и сельскій хозяинъ. Авторъ этой статьи, Лотаръ Вендэ, описываетъ помѣстье императора «Кадиненъ» въ восточной Пруссіи на Фришгафѣ, которое онъ приобрѣлъ въ 1899 г. Прѣжній его владѣлецъ, ландратъ Биркнеръ, уступилъ ему это помѣстье подъ условіемъ пожизненной ежегодной уплаты 15000 марокъ. Каждую осень, въ концѣ охотничьяго сезона, императоръ проводитъ нѣсколько дней въ Кадиненѣ, но императрица тамъ живетъ около нѣсколькихъ недѣль. Вильгельмъ обращается съ кадиненцами самымъ патріархальнымъ образомъ.

Кадиненъ находится въ живописной горной странѣ, но въ земледѣльческомъ отношеніи этотъ участокъ земли очень неудовлетворительный. Какъ ни красивъ паркъ, но домъ и окружающія постройки пришли въ упадокъ и много надо было поработать, чтобы сдѣлать помѣстье образцовымъ. Вездѣ потребовалась новыя постройки и основательная обработка земли. Прежде всего было обращено вниманіе на самый домъ; теперь въ паркѣ выстроены новыя конюшни, сарай и большое помѣщеніе для шести моторовъ и для резервуара, наполненнаго бензиномъ. Въ числѣ построекъ находится обширный домъ для тридцати человекъ военной охраны. Водоснабженіе для усадьбы уже окончено, но вскорѣ будетъ готово и для всего селенія. Скотный дворъ построенъ въ новомъ стилѣ и заведены лучшія земледѣльческія машины. Все, что дѣлается въ Кадиненѣ, совершается съ разрѣшенія императора и ежедневно ему представляется отчетъ обо всѣхъ работахъ.

Когда первый рабочій домъ для четырехъ семействъ, живущихъ въ Кадиненѣ, былъ оконченъ, то не понравился Вильгельму, и потому пришлось приступить къ передѣлкѣ, а остальные дома выстроить въ англійскомъ стилѣ съ садами. Много вниманія было обращено на внутреннее устройство хозяйства рабочихъ; каждое изъ четырехъ семействъ имѣетъ комнату, кухню и отдѣльную прихожую. Прошло не мало времени, пока рабочіе привыкли къ своимъ новымъ, опрятнымъ жилищамъ, такъ какъ старыя дома, по замѣчанію императора, были хуже хлѣбовъ. Въ Кадиненѣ устроена школа, почтовое отдѣленіе и покойницкая. Для социальнаго улучшенія быта рабочихъ примѣнена система пенсій старикамъ. Въ помѣстьѣ устроено производство майолики и терракоты, и императоръ разсчитываетъ на развитіе этого дѣла.

— Трехсотлѣтіе Альдрованди и двухсотлѣтіе Линнея.—Очень немногіе, исключая ботаниковъ, знаютъ имя Альдрованди и то потому, что его именемъ названо извѣстное растеніе *Aldrovandia Vesiculosa*, Дарвиномъ признанное мясояднымъ и составившее славу итальянскаго естествоиспытателя. Вотъ какъ о немъ отзывается по-итальянски поэтъ того времени: «Если князь греческихъ писателей, Гомеръ, въ стихахъ прославлялъ своего Улисса, то нашъ Улиссъ, Альдрованди, слава Италіи и даже всей Европы, имѣлъ герольдами своей славы знаменитыхъ поэтовъ своего времени и между ними знаменитаго кардинала Барберини, нынѣ папу Урбана VIII». Знаменитые ученые не скупились на похвалы въ честь Альдрованди, и Бюффонъ говорилъ: «Альдрованди, самый ученый и знающій изъ всѣхъ натуралистовъ, оставилъ послѣ себя шестидесятилѣтній трудъ, состоящій изъ громаднхъ томовъ объ

естественной исторіи, которые были напечатаны послѣ его смерти. Эти книги слѣдуетъ считать за самыя лучшія по естественной исторіи».

Альдрованди родился въ Болоньѣ въ 1527 г.; онъ былъ ученикомъ Лукки Гини, перваго профессора ботаники эпохи итальянскаго возрожденія. Въ мрачный періодъ средневѣковья естествознаніе изучалось по сочиненіямъ древнихъ ученыхъ, и Альдрованди прежде всѣхъ началъ описывать животныхъ и растенія съ натуры; онъ не спрашивалъ себя, что древніе думали о такомъ-то животномъ или растеніи, а самъ изслѣдовалъ его природу. Успѣхъ Альдрованди былъ значительный въ началѣ XVII столѣтія, но онъ продолжался не долго, потому что Альдрованди только представлялъ длинное описаніе растеній, но не классифицировалъ ихъ по категоріямъ, почему вскорѣ произошла значительная сумятица въ естественной исторіи, прекратившаяся только черезъ двѣсти лѣтъ, когда явился гений Линнея, справедливо заслужившаго названіе отца систематической ботаники.

Карлъ Линней родился въ 1707 г. въ маленькой шведской деревушкѣ Ротскультъ въ самой южной части Скандинавскаго полуострова. Онъ, по словамъ одного изъ своихъ панегиристовъ, родился естествоиспытателемъ, какъ Паскаль родился физикомъ, Ньютонъ—астрономомъ, Вольтеръ—поэтомъ и философомъ, а Наполеонъ—воинемъ. Его отецъ, сельскій пасторъ, отдалъ мальчика десяти лѣтъ въ школу, но онъ мало учился, а болѣе собиралъ растенія, и начальство наконецъ признало его неспособнымъ къ наукѣ, такъ что его пришлось взять изъ школы. Отецъ уже хотѣлъ отдать его въ ученіе къ знакомому сапожнику, но докторъ Ротманъ уговорилъ отца позволить сыну заниматься медициной и ботаникой. Въ 1727 г. Линней поступилъ въ уисальскій университетъ; онъ находился въ самомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи и нашелъ поддержку только въ извѣстномъ ученомъ Цельзи, который дозволилъ ему пользоваться своей библіотекой. Первая статья Линнея «о полѣ растеній» заслужила вниманія профессора Рутбека, и послѣ окончанія университетскаго курса онъ передалъ ему часть своихъ лекцій. Линнею еще не минуло двадцати пяти лѣтъ, какъ ему было поручено правительствомъ путешествіе въ Лапландію съ цѣлью изучить ея флору. Онъ отправился въ путь одинъ, и весь его багажъ состоялъ изъ двухъ рубашекъ, аршина для измѣренія, бумаги и перьевъ.

Большую часть онъ исходилъ Лапландію пѣшкомъ и едва не погибъ въ обледенѣлыхъ болотахъ и отъ дикихъ туземцевъ. Наконецъ, возвратясь въ Уисалу, онъ издалъ свой первый ученый трудъ «*Floa lapponica*». Впослѣдствіи онъ занимался минералогіей и, наконецъ, отправился въ Голландію, гдѣ получилъ дипломъ доктора медицины. Нѣсколько лѣтъ онъ занимался тутъ ботаникой, а затѣмъ посѣтилъ Лондонъ и Парижъ. По возвращеніи на родину онъ принужденъ былъ изъ-за куса хлѣба заниматься врачебной практикой. Наконецъ въ 1739 г. онъ получилъ званіе королевскаго ботаника и началъ читать лекціи по ботаникѣ и минералогіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ, до самой своей смерти онъ занимался классификаціей растеній, составившей его славу и существовавшей долгое время послѣ него, несмотря на свою искусственность. Въ 1778 г. онъ умеръ 71 года.

— Аббатъ Мурри.— Въ Италіи произошелъ еще небывалый случай въ исторіи литературы и церкви, а именно занесеніе Ватиканомъ въ Index expurgatorium періодическаго изданія, появившагося только съ января мѣсяца журнала «Rinnovamento». Его издатель, извѣстный писатель Антоніо Фогаццаро, съ своими друзья поставили себѣ задачей помѣщать въ немъ статьи, исключительно касающіяся религіозныхъ вопросовъ или имѣющія отношеніе къ религіи: о церковной реформѣ, о возможномъ примиреніи церкви съ современной наукой и цивилизаціей, о политическомъ положеніи итальянскихъ католиковъ, папской политикѣ, о христіанскомъ социализмѣ и т. д. Направленіе этого журнала въ религіозномъ отношеніи ультра-либеральное, а въ политическомъ и социальномъ—ультра-демократическое, и его главными сотрудниками являлись глава партіи демократическо-христіанской, извѣстный аббатъ донъ Ромоло Мурри, его помощникъ, замѣчательный писатель, герцогъ Галларти Скотти и, наконецъ, знаменитый Антоніо Фогаццаро,

Въ первомъ номерѣ журнала послѣ обычнаго введенія было помѣщено слѣдующее объясненіе заглавія журнала: «Оно указываетъ на желаніе,—говорилось тамъ,—преобразовать насъ самихъ и обновить людей, симпатизирующихъ нашему общему идеалу въ поискахъ истины... Надо преобразовать совѣсть или, лучше сказать, довести ее до той точки, гдѣ сама истина, покоящаяся въ глубинѣ каждой совѣсти, освободить ее. Надо, чтобы она съ трудомъ сама въ себѣ возвысилась до первоисточника, до прямого свѣта чрезъ все, доставшееся ей по наслѣдству, чрезъ блѣдный отблескъ пріобрѣтенной вѣры». Далѣе говорится: «Въ насъ христіанство—сама жизнь... это прогрессивное возвышеніе насъ самихъ въ страстныхъ, иногда томительныхъ поискахъ истины. Надо совмѣстно работать съ искренними невѣрующими въ поискахъ истины, которая субъективно развивается въ насъ». По словамъ автора, католицизмъ представляетъ естественную базу поисковъ, которымъ авторъ и его сотрудники посвящаютъ себя.

Послѣ подобнаго поясненія въ журналѣ были помѣщены самимъ Фогаццаро программа журнала, длинное извлеченіе изъ новаго труда Эдуарда Кэра, затѣмъ статья аббата Мурри относительно роли социалистической партіи и довольно рѣзкое нападеніе на клерикальную реакцію, свирѣпствующую въ Ватиканѣ: доктринерскую нетерпимость, іезуитскія традиціи, клерикальную риторіку и т. д. Въ подтвержденіе своего тезиса авторъ перевелъ длинную статью изъ «Times», гдѣ поведеніе папы строго осуждалось. Наконецъ одинъ изъ редакторовъ помѣстилъ свое слово въ защиту исключеннаго изъ іезуитовъ отца Тирреля и, подвергнутого отрѣшенію отъ священнаго званія конгрегаціей епископовъ. Обѣ эти мѣры сильно критиковались въ журналѣ.

Во второмъ номерѣ находились переводъ лекцій Фогаццаро въ Парижѣ объ идеяхъ Джіовани Селива, и нѣсколько другихъ статей. Въ третьемъ же номерѣ находилась такъ напугавшая клерикаловъ статья аббата Мурри. Она вызвала настоящую бурю негодованія въ Ватиканѣ, послѣ чего послѣдовало не только наложеніе церковнаго запрещенія на журналъ, но отлученіе аббата Мурри отъ церкви и попытка папы чрезъ посредничество миланскаго епископа прекратить существованіе этого журнала. Это запрещеніе однако при-

шло на руку социалистамъ и радикаламъ, которые, конечно, не замедлили воспользоваться случаемъ для доказательства, насколько католическое духовенство нетерпимо. Оно требуетъ отъ сыновей своей Церкви рабскаго повиновенія, даже умственнаго, и какъ только одинъ изъ ея членовъ вздумалъ выразити свою любовь къ народу, его тотчасъ же подвергли отлученію отъ церкви. Анонимный авторъ, помѣтившій въ томъ же журналѣ протестъ противъ деспотическаго распоряженія папы, говоритъ: «Мурри, оракуль демократовъ-христіанъ, священникъ, съ которымъ мы связаны общей любовью къ истинѣ и вѣрѣ, работалъ и боролся въ продолженіе десяти лѣтъ за приведеніе современнаго общества въ христіанство. Многіе люди хотятъ видѣть въ церкви нѣчто въ родѣ жандарма, отдающаго свои силы и авторитетъ на службу нѣкоторыхъ классовъ общества. Донъ-Ромоло все сдѣлалъ, чтобы разсѣять этотъ роковой предрасудокъ: никакое другое произведеніе не могло быть болѣе полезно религіи, чѣмъ эта статья. Мурри упрекали за нѣкоторыя презрительныя фразы, относящіяся къ Монтаньини, игравшему некрасивую роль во Франціи. Но истинный католикъ, сознающій сверхъестественный характеръ религіи и возвышенную цѣль, какую должна себѣ поставить церковь, можетъ ли сдержатъ негодованіе, видя этого прелата, представителя церкви, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ унижавшаго церковь, именемъ которой онъ говорилъ, доходя до самыхъ грубыхъ политическихъ комбинацій. Религіозная вѣра и нравственность дона Ромоло Мурри не подлежатъ оспариванію: его можно упрекнуть только въ интеллектуальныхъ ошибкахъ, но развѣ этого достаточно, чтобы онъ сдѣлался недостойнымъ священнаго сана».

Типъ подобнаго аббата, какъ глава партіи демократовъ-христіанъ Мурри, явленіе новое, которое было бы совершенно невозможно во время папы Пія IX или Льва XIII. Папа Пій IX запрещалъ итальянскимъ католикамъ не только выставять свою кандидатуру на законодательныхъ выборахъ, но даже быть выборщиками, а Лезъ XIII строго хранилъ это правило. Теперь время измѣнилось, и новый папа Пій X объявилъ католикамъ, что имъ разрѣшается подавать голоса, когда ихъ къ тому призываютъ высшія соображенія ради социальнаго самосохраненія. Поэтому, на выборахъ 1904 г. они не только подавали голоса, но и ставили свою кандидатуру, а во главѣ анти-клерикальныхъ партій стали появляться такія личности, какъ аббатъ Мурри.

С М Ъ С Ъ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ архива и библіотеки св. синода, какъ отдѣльной части въ центральномъ управленіи вѣдомства (1897—1907). 31 іюля текущаго года исполнилось 10 лѣтъ со времени высочайшаго утвержденія «Положенія объ архивѣ и библіотекѣ св. синода», отдѣлившаго ихъ отъ синодальной канцеляріи и утвердившаго за ними права и преимущества отдѣльной части въ центральномъ управленіи. Съ глубочайшею благодарностію поминая своихъ почившихъ устроителей—бывшаго синодальнаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева и бывшихъ начальниковъ—А. И. Львова и А. А. Завьялова, архивъ и библіотека пользуются въ настоящее время прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ помѣщеніемъ, благоустроены и открыты для ученыхъ изслѣдователей. Архивъ хранитъ около полумилліона дѣлъ и цѣлыхъ книгъ документовъ, принадлежащихъ частью бывшимъ, а частью и доннынѣ существующимъ многимъ учрежденіямъ вѣдомства, за 1479—1905 гг. (учрежденія эти слѣдующія: синодальная канцелярія, хозяйственное управленіе, контроль, типографія, училищный совѣтъ, духовно-учебный комитетъ, канцелярія оберъ-прокурора, комиссія духовныхъ училищъ, духовно-учебное управленіе, комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, руссiйское библейское общество, главное присутствіе по дѣлахъ православнаго духовенства, новгородское снархіальное управленіе, комиссія по постройкѣ Казанскаго собора въ Сиб., грекоуніатскихъ митрополитовъ, II департаментъ римско-католической духовной коллегіи, грекоуніатская духовная коллегія, бѣлорусско-литовская духовная коллегія, общее собраніе римско-католической духовной коллегіи, холмскихъ уніатовъ и др.). Библіотека насчитываетъ у себя до 70000 книгъ, брошюръ и картинъ преимущественно богословскаго, церковно-историческаго, философскаго и религіозно-нравственнаго содержанія, имѣетъ изданія почти всѣхъ русскихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, періодическія изданія (до 120 названій)—преимущественно духовныя (замѣчательное

собрание всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей), свыше 1000 старинныхъ церковно-славянскихъ книгъ и до 4000 славянскихъ и русскихъ рукописей. Какъ архивъ, такъ и библіотека знакомятъ публику съ своими сокровищами, печатая десятки томовъ «Описаній» дѣлъ, документовъ, рукописей и книгъ. Издательское дѣло это ведется подъ руководствомъ ординарнаго академика А. П. Соболевскаго. Изъ распоряженій св. синода по части археологій въ послѣднее время должны быть отмѣчены главнымъ образомъ два. Циркулярный указъ 15 февраля 1906 г. — о мѣрахъ къ охраненію рукописей и старопечатныхъ книгъ: настоятелямъ церквей и монастырей предоставлено ненужныя рукописи и старопечатныя книги присылать или въ библіотеку св. синода, или въ мѣстныя епархіальныя древлехранилища. Сохранность памятниковъ древней письменности въ провинціи, какъ показала дѣйствительность, зависитъ часто отъ личнаго взгляда на нихъ епископа или настоятеля монастыря и церкви; въ специально-археологическихъ учрежденіяхъ этого случиться не можетъ. Вторымъ циркулярнымъ указомъ 22 февраля 1907 г. опубликованы утвержденныя св. синодомъ правила пересылки рукописей и книгъ изъ одного учрежденія въ другое. До сего времени съ большимъ трудомъ можно было получить рукопись изъ хранилищъ духовнаго вѣдомства; каждый разъ на это требовалось разрѣшеніе св. синода. Теперь все это передано въ непосредственное вѣдѣніе самихъ хранилищъ, — правила предусматриваютъ различные случаи, могущіе встрѣтиться при пересылкѣ и пользованіи рукописями. Нельзя не упомянуть еще о проектѣ учрежденія при св. синодѣ церковно-археологическаго комитета для охраненія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ церковной старины съ отдѣльными комитетами по епархіямъ (синодальное опредѣленіе 12 апрѣля—2 мая 1906 г.); собраны матеріалы о существующихъ въ епархіяхъ церковныхъ древлехранилищъ, стоящихъ во главѣ ихъ лицахъ, объ ученыхъ трудахъ по описанію епархій и проч. Что касается библіотеки, то, кромѣ напоминаній отъ св. синода духовнымъ цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ о присылкѣ книгъ, имѣетъ быть возбуждено ходатайство о включеніи синодальной библіотеки въ число тѣхъ учрежденій, кои пользуются «обязательными» экземплярами всѣхъ печатаемыхъ въ Россіи изданій.

За послѣднія десять лѣтъ въ архивѣ занималось учеными изслѣдованіями до 300 лицъ, въ числѣ коихъ были и ученые академики, и архіереи, и профессора, но больше всего чиновниковъ и студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній. Кромѣ изслѣдованій по церковной исторіи и богословію, въ послѣднее время, на основаніи архивныхъ данныхъ, написано разными лицами болѣе 1000 біографій духовныхъ лицъ почти на всѣ буквы алфавита для «Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей», для «Богословской Энциклопедіи» и другихъ энциклопедическихъ словарей.

Такъ тихо и скромно, но не безъ пользы для исторической науки течетъ жизнь архива и библіотеки св. синода, вступившихъ во второе десятилѣтіе самостоятельнаго существованія.

Новая система регистраціи книгъ. Библіографическимъ отдѣломъ главнаго управленія по дѣламъ печати, при которомъ сосредоточено полученіе

обязательныхъ экземпляровъ всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгъ и снабженіе ими государственныхъ книгохранилищъ, 1 іюля введена новая система регистраціи книгъ. Результаты этой регистраціи будутъ опубликовываться еженедѣльно въ «Книжной лѣтописи главнаго управленія по дѣламъ печати». Этимъ путемъ имѣется въ виду предоставить возможность всѣмъ интересующимся книжнымъ дѣломъ своевременно получать не только полные списки вновь выходящихъ книгъ, но и подробныя библиографическія ихъ описанія, удовлетворяющія какъ научнымъ, такъ и практическимъ требованіямъ. «Книжная лѣтопись главнаго управленія по дѣламъ печати» будетъ выходить по слѣдующей программѣ: 1. Еженедѣльно: 1.—а) перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи какъ на русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ; б) предметный указатель, представляющій собою сводъ всего напечатаннаго за недѣлю; 2.—а) перечень выдающихся статей нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ и газетъ; б) перечень отзывовъ и рецензій о вновь вышедшихъ книгахъ; в) разныя извѣстія, касающіяся книгопечатанія и книжной торговли; г) объявленія. 2. 4 раза въ годъ: а) указатель авторовъ за 3 мѣсяца; б) сводный предметный указатель за то же время; в) указатель переводовъ съ русскаго на другіе языки; г) руководящія статьи. 3. Ежегодно: сводные годовые указатели какъ авторовъ, такъ и предметовъ. Кромѣ того, съ 1-го января будущаго года предполагено расширить программу еженедѣльнаго изданія «Книжной лѣтописи главнаго управленія по дѣламъ печати» включеніемъ въ него двухъ новыхъ отдѣловъ: «Rossica», въ которомъ будетъ помѣщаться перечень книгъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи, вышедшихъ за границу, и «Slavica», который будетъ заключать въ себѣ перечень книгъ, вышедшихъ за границу на славянскихъ языкахъ. Подписная цѣна съ 1 іюля по 1 января 1908 г. съ приложеніемъ трехмѣсячнаго и полугодового сводныхъ указателей опредѣлена въ 2 руб. Цѣна отдѣльнаго нумера—10 коп.

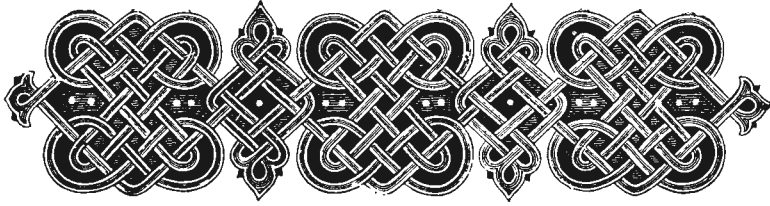
Грозящее разрушеніе памятниковъ въ столицѣ. Въ императорскомъ обществѣ архитекторовъ поднятъ вопросъ о грозящемъ разрушеніи нѣкоторыхъ памятниковъ зодчества Петербурга. Дѣло въ томъ, что непрочность финляндскаго гранита, изъ котораго сооружены многіе памятники столицы, въ томъ числѣ Александровская колонна, въ настоящее время ясно обнаружилась: составными частями финляндскаго гранита являются кварцъ, слюда и ортоклазъ — породы вывѣтривающіяся. Вслѣдствіе этого долгое время производился постоянный ремонтъ наружныхъ частей Исаакіевского собора. Процессъ разрушенія замѣчается и на Александровской колоннѣ. Что же касается мраморныхъ работъ, то, напримѣръ, облицовка Исаакіевского собора во время послѣдняго ремонта, взамѣнъ финляндскаго, флорентійскимъ мраморомъ врядъ ли окажется цѣлесообразной. И дѣйствительно, уже теперь замѣтна трещина на фасадѣ Исаакіевского собора съ западной его стороны. Общество приходитъ къ убѣжденію, что ремонтъ многихъ историческихъ учреждений С.-Петербурга является настоятельно неотложнымъ и необходимымъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непрочности горныхъ породъ, употреблявшихся при ихъ постройкѣ.

Дѣятельность лиги образованія. Въ послѣднее время лига образованія организовала у себя библіотеку, назначеніе которой служить общедоступнымъ пособіемъ для каждаго желающаго ознакомиться съ народнымъ образованіемъ, какъ школьнымъ, такъ и внѣшкольнымъ. Библіотека заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) учебники для учениковъ и руководства для преподавателей, 2) книги и статьи по педагогикѣ и соприкасающимся съ нею наукамъ: философіи, психологіи и физиологіи, 3) школьной гигиены, 4) исторіи народного образованія и школьнаго дѣла: отчеты министерствъ, главныхъ управленій, земствъ и различныхъ образовательныхъ обществъ и учреждений, содержащіе данныя по народному образованію, а также по школьной и общественной статистикѣ. Императорское вольно-экономическое общество, сочувствуя цѣлямъ, преслѣдуемымъ лигой образованія, постановило передать во владѣніе лиги библіотеку, бывшую комитета грамотности, состоящую изъ 13.350 томовъ.

Благое начинаніе. Съ сентября сего года будетъ издаваться въ Петербургѣ, подъ редакціей С. О. Цыбульскаго и А. У. Малейна, новый журналъ «Гермесъ, научно-популярный вѣстникъ античнаго міра». Цѣль журнала—объединеніе высшей школы со средней и внесеніе въ послѣднюю научныхъ элементовъ. Программа слѣдующая: 1. Библиографія: а) русская и б) иностранная. 2. Археологическая хроника классическаго міра: а) Россіи, б) Эллинскаго Востока, в) Запада. 3. Статьи и замѣтки научно-популярнаго характера: а) по языку, б) по исторіи, в) по литературѣ, г) по искусству, д) по философіи. 4. Переводы авторовъ. 5. Статьи по дидактикѣ и методикѣ преподаванія древнихъ языковъ. 6. Хроника гимназій. 7. Вопросы читателей и отвѣты на нихъ редакціи. 8. Объявленія о вновь вышедшихъ книгахъ. Въ первый номеръ войдутъ статьи: проф. Θ. Н. Зѣльяскаго, проф. С. А. Жебелева, проф. М. И. Ростовцева, проф. А. У. Малейна, Н. Θ. Анненскаго, П. Д. Погодина, С. В. Мирошникова, П. П. Соколова, Θ. А. Лютера, С. О. Цыдривскаго и многихъ другихъ. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць.

Коллекція автобіографій членовъ первой государственной думы. У нѣкоего В. Ф. Токарева находится въ рукахъ любопытная и единственная въ своемъ родѣ коллекція—собраніе автобіографій всѣхъ членовъ первой государственной думы. Къ г. Токареву обращались уже съ предложеніемъ продать это собраніе американцамъ, но онъ отклонилъ это предложеніе. Автобіографіи написаны рукой самихъ членовъ первой государственной думы.

Менделѣевскій съѣздъ. Русское физико-химическое общество при императорскомъ Сиб. университетѣ возбуждаетъ ходатайство объ утвержденіи «Менделѣевскаго съѣзда по общей и прикладной химіи». Лица, желающія сдѣлать на предпологаемомъ съѣздѣ доклады, благоволятъ прислать заявленія дѣлопроизводителю отдѣленія химіи русскаго физико-химическаго общества В. Е. Тищенко (Сиб. университетъ, химическая лабораторія) заблаговременно. Съѣздъ имѣетъ быть въ Петербургѣ съ 20 по 30 декабря 1907 г.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСАНДРОВЪ, Н. А. Въ одной изъ петербургскихъ больницъ скончался небезызвѣстный литераторъ и художественный критикъ Николай Александровичъ Александровъ. Умеръ онъ въ преклонномъ возрастѣ, 67 лѣтъ, проведя послѣдніе годы больнымъ, разслабленнымъ отъ паралича и въ крайней бѣдности. На литературномъ поприщѣ покойный проработалъ болѣе 45-ти лѣтъ, отмѣтивъ свою дѣятельность вереницею трудовъ самаго разнообразнаго содержанія. Онъ родился въ 1840 году въ Ставрополь-Кавказскомъ, воспитывался въ первой кievской гимназій и затѣмъ слушалъ лекціи въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ. Помѣстивъ въ началѣ 60-хъ годовъ нѣсколько публицистическихъ статей и стихотвореній въ петербургскихъ газетахъ, Н. А. Александровъ потомъ велъ критическій отдѣлъ въ «Женскомъ Вѣстникѣ», принималъ участіе въ редактированіи «Современнаго Обозрѣнія» и вмѣстѣ съ А. Н. Струговицкимъ издавалъ журналъ «Библиографъ». Въ началѣ 70-хъ годовъ покойный былъ членомъ педагогической комиссіи народныхъ чтеній въ Солянѣмъ Городкѣ, и къ этому времени относится длинный рядъ его научно-популярныхъ очерковъ, преимущественно этнографическаго характера. Переѣхавъ затѣмъ въ Москву, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ редактировалъ здѣсь «Русскую Газету» (1875—76 гг.), а послѣ возвращенія въ Петербургъ основалъ собственное періодическое изданіе, подъ названіемъ «Художественный Журналъ», въ которомъ, между прочимъ, впервые въ Россіи явились фототипическіе снимки съ картинъ. Изданіе это просуществовало около десяти лѣтъ и прекратилось за недостаткомъ подписчиковъ. Въ 90-хъ годахъ Н. А. Александровъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Художникъ», гдѣ имъ было помѣщено много критико-біографическихъ очер-

ковъ, живо изображающихъ почти всѣхъ выдающихся представителей нашей современной живописи. Въ 1896 году онъ состоялъ редакторомъ журнала «Сѣверъ». Кромѣ массы статей, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, покойному принадлежали два сборника «этнографическихъ разсказовъ».—«Народы Россіи» (1872 г.) и «Волга» (1874 г.), имѣвшіе въ свое время большой успѣхъ. (Некрологъ см.: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 148).

† **Алихановъ, А. М.** Въ ночь на 3 іюля злодѣйски убитъ въ Александрополь, Эриванской губерніи, бывшій кутанскій губернаторъ А. М. Алихановъ. Покойный по своей жизненной судьбѣ принадлежалъ къ числу довольно замѣчательныхъ людей. По происхожденію аварецъ, онъ родился въ 1845 году въ Хузахѣ, гдѣ его отецъ, отличившійся преданностью Россіи, служилъ въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку и имѣлъ чинъ полковника. Послѣ воспитанія въ тифлисской гимназій, покойный получилъ образованіе въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ Сумской гусарскій полкъ. Но его болѣе тянуло на родину, на Кавказъ, куда онъ, дѣйствительно, и перевелся состоящимъ при намѣстникѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Съ тѣхъ поръ предъ нимъ открылось боевое поприще. Прежде всего онъ участвовалъ въ хивинскомъ походѣ, гдѣ былъ раненъ, но за столкновение съ однимъ изъ офицеровъ мангышлакского отряда, по приговору военного суда, былъ разжалованъ изъ ротмистровъ въ рядовые и лишенъ орденовъ. Не падая духомъ, покойный лихо продолжалъ свою военную службу: съ открытіемъ Русско-Турецкой войны онъ провелъ всю кампанію съ эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова и за боевые подвиги вернулъ себѣ чинъ прапорщика (1878 г.); затѣмъ покойный участвовалъ въ закаспійской экспедиціи генерала Ломкина и въ рекогносцировкѣ Мерва; любопытно, что покойный въ 1882 году пробрался въ Мервъ подъ видомъ приказчика купцовъ Коншиныхъ и хорошо изучилъ мѣстныя условія этого оазиса. За успѣшные переговоры при занятіи Мерва А. М. Алихановъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ Мервскаго округа (1884 г.). Съ той поры онъ продолжалъ беззавѣтно служить Россіи до послѣдняго часа своей жизни. Кромѣ боевыхъ подвиговъ, А. М. Алихановъ былъ извѣстенъ и своими литературными занятіями: его «Описаніе Хивинскаго похода» появилось въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а замѣчательныя письма подъ заглавіемъ: «Русскіе въ Мервѣ», напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1882 г.). Наконецъ, года три тому назадъ, онъ обнародовалъ свои «Закаспійскія воспоминанія» въ «Вѣстникѣ Европы» (1904 г., кн. 9—10). (Некрологъ см.: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 153).

† **Биленштейнъ, А.** Скончавшійся въ Митавѣ въ 80-лѣтнемъ возрастѣ д-ръ философіи Августъ Биленштейнъ извѣстенъ своими трудами по до-историческимъ древностямъ Балтійскаго поморья. Нѣкоторые труды его по этой спеціальности пользуются европейской извѣстностью и изданы вашей академіей наукъ, изслѣдованіе его на латышскомъ діалектѣ увѣнчано демидовскою преміей. Главными работами его считаются: «Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen» и «Die Grenzen des lettischen Volksstammes».

Кенигсбергскій университетъ призналъ за нимъ докторскую степень *honoris causa*. Во время смуты, въ концѣ 1905 г., толпа, вторгшаяся въ его квартиру, изорвала дорогія ему тетради и рукописи, плоды долготѣныхъ трудовъ. Этотъ вандализмъ латышей, съ далекимъ прошлымъ которыхъ Биленштейнъ первый познакомилъ европейскую науку, произвелъ угнетающее впечатлѣніе на престарѣлаго ученаго. (Некрологъ см. «Новое Время» 1907 г. № 11245).

† **Профессоръ Ге, А. Г.** Скончавшійся заслуженный профессоръ казанскаго университета — Александръ Генриховичъ Ге былъ хорошо извѣстенъ въ медицинскомъ мірѣ своими цѣнными изслѣдованіями о кожныхъ болѣзняхъ. Покойный ученый родился въ Казани 26 октября 1842 года. Онъ былъ сыномъ скромнаго учителя французскаго языка, преподававшаго въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По выпускѣ изъ гимназіи А. Г. поступилъ на медицинскій факультетъ казанскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1865 году, съ оставленіемъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію. Осенью 1866 г. покойный былъ назначенъ ординаторомъ казанской губернской земской больницы, но уже спустя два года, послѣ защиты диссертации на степень доктора медицины (о физиологическомъ дѣйствіи хинина на организмъ высшихъ животныхъ) уѣхалъ въ продолжительную командировку за границу. Обращая особенное вниманіе на болѣе подробное изученіе кожныхъ болѣзней, гистологій, физиологій и общей патологій, А. Г. занимался въ Вѣнѣ у Гебры, Зигмунда, Цейселя, а также въ лабораторіяхъ Штриккера и Брюкке. По возвращеніи на родину и послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій, покойный въ 1872 году получилъ званіе приватъ-доцента казанскаго университета. Занимая затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1882 г.) кафедру ординарнаго профессора по кожнымъ болѣзнямъ, онъ одновременно исправлялъ должностъ декана медицинскаго факультета, а въ 1897 году былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Многочисленныя изслѣдованія А. Г. разсѣяны на страницахъ «Медицинскаго Вѣстника», «Русской Медицины» и журнала «Здоровье». Курсъ его лекцій, выпущенный впервые въ 1880 году, успѣлъ уже выдержать девять изданій. (Некрологъ см. «Московскія Вѣдомости» 1907 г. № 154).

† **Кетрицъ, В. Э.** 23 іюня, въ 10 часовъ утра, отъ паралича сердца на станціи Курскъ скончался старшій инспекторъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ тайный совѣтникъ Валеріанъ Эрнестовичъ Кетрицъ на 69-мъ году жизни. Вся 44-лѣтняя служба покойнаго протекла на желѣзныхъ дорогахъ и послѣднія 15 лѣтъ онъ провелъ въ должноти старшаго инспектора желѣзныхъ дорогъ, принимая дѣятельное участіе во многихъ комиссіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу. Обладая рѣдкою способностью къ работѣ, онъ буквально до послѣдней секунды находился при дѣлѣ, и смерть застала его за писаніемъ служебной депеши, которую онъ давалъ изъ Курска въ Харьковъ, куда онъ и ѣхалъ. Послѣднее время ему часто приходилось улаживать деликатныя порученія, какъ, напримѣръ, окончаніе дѣла со служащими Николаевской желѣзной дороги, гдѣ почти всѣ инженеры привлекались начальствомъ къ отвѣту за участіе въ событіяхъ послѣдней забастовки. Обладая прекраснымъ, уравновѣшеннымъ и мягкимъ характеромъ,

столь важнымъ въ этого рода дѣлахъ, ему удалось разоблачить неосновательность дознанія, и многіе изъ инженеровъ и не инженеровъ—служащіе на Николаевской дорогѣ—остались цѣлы и невредимы. У В. Э. Кетрица были всѣ ордена до Вѣлаго Орла включительно. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.244).

† **Кобеляцкій, А. И.** 22 іюня въ Петербургѣ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры погребенъ скончавшійся за границей послѣ продолжительной болѣзни товарищъ министра путей сообщенія Алексѣй Ивановичъ Кобеляцкій. Покойный родился въ 1862 г., и по окончаніи гимназическаго курса продолжалъ свое образованіе въ университетѣ св. Владимира, откуда былъ выпущенъ въ 1882 г. со степенью кандидата, съ золотою медалью и преміей имени Пирогова за представленное научное сочиненіе. Служебная дѣятельность А. И. Кобеляцкаго началась въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, гдѣ онъ постепенно исправлялъ цѣлый рядъ должностей до начальника отдѣленія включительно, а затѣмъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію. Послѣ назначенія статсъ-секретаремъ, покойный въ мартѣ текущаго года былъ призванъ на отвѣтственный постъ товарища министра путей сообщенія, который ему пришлось занимать лишь три мѣсяца, такъ какъ разстроенное здоровье вынудило его въ началѣ іюня выѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ и скончался. Покойный за краткое время пребываніе товарищемъ министра успѣлъ заявить себя блестящимъ знаткомъ бюджетной техники. Имъ было составлено нѣсколько цѣнныхъ справочниковъ торгово-промышленнаго характера, какъ на примѣръ: «Полный сборникъ узаконеній о наймѣ рабочихъ на фабрики» (1893 г.), «Уставъ о промышленности» (1896 г.), «Промышленная собственность» (1896 г.) и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1907 г. № 146).

† **Милютинъ, И. А.** ¹⁾ 4-го іюля послѣ непродолжительной болѣзни скончался череповецкій городской голова Иванъ Андреевичъ Милютинъ, 78 лѣтъ отъ роду. Покойный, пробывшій безсмѣнно 46 лѣтъ городскимъ головою, принадлежалъ къ числу выдающихся общественныхъ дѣятелей. Его имя неразрывно связано съ именемъ города Череповца, возродившагося при немъ изъ малонаселеннаго городка до степени значительнаго уѣзднаго города и извѣстнаго всюду подъ именемъ «сѣвернаго центра народнаго просвѣщенія». Происходя изъ мѣстныхъ мѣщанъ, И. А. Милютинъ, по окончаніи курса ученія въ череповецкомъ уѣздномъ училищѣ, долженъ былъ заняться дѣломъ своего отца—торговлею скотомъ. 24 лѣтъ отъ роду онъ вступилъ въ службу по выборамъ въ городскую ратушу и черезъ два года, въ 1855 г., былъ уже выбранъ бургомистромъ череповецкаго городского магистрата. Въ 1861 г. его избираютъ городскимъ головою, и съ этого-то года начинается его неизмѣнное и наиболѣе плодотворное служеніе родному городу, открывшее послѣднему новую эру жизни. Ставъ съ 1860 г., при участіи своего родного брата Василія, однимъ изъ крупныхъ мѣстныхъ судопромышленниковъ, онъ къ тому же имѣлъ возможность широко употреблять и собственные средства на нужды

¹⁾ Некрологъ А. И. Милютина сообщенъ редакціи В. Е. Рудаковымъ.

городского общественнаго дѣла. Помимо вѣшняго и внутренняго по управленію устройства города, И. А. Милютинъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность городского головы озаботился поднятіемъ въ родномъ городѣ народнаго просвѣщенія. Не скрывая недостаточности собственнаго образованія, для пополненія котораго онъ много и долго работалъ, покойный на первыхъ же засѣданіяхъ городской управы сталъ твердить: «надо учить дѣтей и не оставлять безъ вниманія дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей семейства». Но прошло цѣлыхъ два года на то, чтобы сломить невѣжественное упорство тогдашнихъ управцевъ и добиться наконецъ устройства женскаго трехкласснаго училища. Въ томъ же 1863 г. онъ устроилъ на собственные средства въ Череповцѣ техническое училище, первое, по своему широко задуманному плану въ Россіи. Цѣлыя десять лѣтъ И. А. былъ главнымъ и почти единственнымъ его руководителемъ; цѣлыя десять лѣтъ онъ тратилъ на него свои собственные средства, расходуя въ послѣднее время до 15.000 р. ежегодно; городъ же далъ для него лишь клочокъ земли, изрытой ямами. И только въ 1873 г., послѣ переустройства училища по плану проф. Н. Ф. Лабзина и при дѣятельномъ участіи директора Н. Н. Потапова, оно было принято въ свое вѣдѣніе министерствомъ финансовъ и нынѣ является однимъ изъ лучшихъ разсадниковъ ученыхъ и дѣльныхъ мастеровъ, примѣняющихъ свои свѣдѣнія по различнымъ концамъ обширной Россійской имперіи. Немедленно послѣ передачи техническаго училища въ министерство финансовъ покойный озаботился устройствомъ въ Череповцѣ: реальнаго училища (1873), учительской семинаріи (1875) и женской гимназіи (1878), затративъ при этомъ значительныя собственные средства и употребивъ не мало хлопотъ и въ своей управѣ и земствѣ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1887 г. онъ добился открытія сельско-хозяйственнаго низшаго училища (Милютинскаго) и женскаго профессиональнаго двухкласснаго училища. Послѣднее, по выработаннымъ имъ программѣ и плану, было совершенно новымъ и послужило образцомъ для министерства народнаго просвѣщенія при выработкѣ послѣднимъ планомъ подобнаго рода училищъ для всей Россіи. Стремясь при помощи этого училища установить, какъ онъ выражался, «наиболѣе живую связь между школой и населеніемъ», въ 1893 г. онъ исходатайствовалъ для него новый уставъ, съ расширеніемъ программы до пятикласснаго училища съ трехгодичнымъ курсомъ руководѣльно-ремесленныхъ классовъ и съ переименованіемъ его въ «женское хозяйственно-ремесленное училище». Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ покойнаго въ дѣлѣ народнаго образованія въ Череповецкомъ краѣ была постройка новаго зданія для череповецкаго городского училища и учрежденіе при немъ ремесленнаго отдѣленія. Когда въ 1896 г. о столь плодотворной просвѣтительной дѣятельности И. А. Милютина было доведено до свѣдѣнія государя императора Николая Александровича, то послѣдній на представленіи министра внутреннихъ дѣлъ изволилъ начертать: «это дѣлаетъ ему честь»,—и пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Не останавливаясь на другихъ проявленіяхъ его широкой дѣятельности въ пользу роднаго города, вродѣ устройства механическаго завода, дока при впаденіи Ягорбы въ Шексну, называемаго «Алексѣвскимъ», въ

честь великаго князя Алексѣя Александровича, учрежденія городского банка, общества взаимнаго кредита уѣзднаго земства и т. д. и т. д., будущій биографъ долженъ обратить особое вниманіе на его труды и заботы по проведенію Петербурго-Вологодско-Вятской желѣзной дороги, которая примыкаетъ къ г. Череновцу благодаря только его настойчивости, и по устройству на Шекснѣ у самаго города гавани, связующей Сѣверную желѣзную дорогу съ Волго-Камскимъ бассейномъ и являющейся такимъ образомъ петербургскимъ аванпортомъ. Въ будущемъ эта устроенная гавань должна имѣть безспорно большое общегосударственное значеніе. Хлѣбные грузы и нефтяные продукты при помощи череновецкой гавани могутъ быть доставляемы въ Петербургъ и скорѣе и дешевле, нежели черезъ Рыбинскъ. Дѣятель-практикъ по преимуществу, И. А. Милютинъ былъ не чуждъ и литературныхъ занятій, всегда стоявшихъ въ тѣсной связи съ его дѣятельностью. Въ 1880 г. онъ сталъ печатать въ «Русской Рѣчи» свои «Письма городского головы къ согражданамъ»; черезъ два года напечаталъ брошюру «Одна изъ существенныхъ мѣръ къ оживленію металлическаго производства въ Россіи»; въ 1884 г.—«Маринскій водяной путь или продолженіе Волги до Финскаго залива»; въ 1885 г.—«Бѣлое море и Волга. Записки по поводу Вятско-Двинской желѣзной дороги»; въ 1898 г.—«Значеніе магистральной линіи желѣзной дороги Петербургъ-Вологда-Вятка въ области государственно-экономической и политической»; въ 1902 г.—«Основная земская единица въ предѣлахъ прихода» и мн. др. Покойный былъ членомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, председателемъ рыбинскаго биржевого комитета (1869—1872), членомъ высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру и выработкѣ новаго проекта о городскомъ положеніи и проч. и проч. Состоявшіяся 8 іюля его похороны свидѣтельствуютъ о весьма широкой популярности покойнаго и о неподдѣльной любви и уваженіи къ нему не только со стороны жителей города Череновца и его уѣзда, но и всѣхъ, кто только сблизался и зналъ этого всѣмъ интересовавшагося, всегда живого и дѣятельнаго и готоваго отозваться на всякое благое и полезное общественное дѣло человѣка. Ограничиваясь здѣсь по необходимости этими краткими замѣтками, мы можемъ только пожелать, чтобы скорѣе вышелъ въ свѣтъ обстоятельный и полный очеркъ жизни и дѣятельности И. А. Милютина, могущій послужить прекраснымъ руководствомъ для многихъ настоящихъ и будущихъ общественныхъ дѣятелей.

† **Соллертинскій, И. И.** Скончавшійся 24-го іюня въ Петербургѣ тайный совѣтникъ, сенаторъ Иванъ Ивановичъ Соллертинскій, принадлежалъ къ виднымъ юристамъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ и по окончаніи высшаго юридическаго образованія поступилъ въ 1875 г. на службу по министерству юстиціи, занимая различныя судебныя должности до старшаго председателя харьковской судебной палаты. Въ 1891 г. И. И. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1906 г. покойный былъ назначенъ сенаторомъ съ возложеніемъ на него обязанностей оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, а затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, товарищемъ министра юстиціи. Въ этой должности покойный нѣсколько разъ выступалъ во второй государственной думѣ и по роспускѣ ея оставилъ должность

товарища министра. П. И. состоялъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ почетнымъ мировымъ судьей витебскаго окружнаго суда. (Некрологъ см. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г. № 139).

† **Графъ Тизенгаузенъ, В. А.** Въ Вюрцбургѣ, въ клиникѣ профессора Лаубе, скончался послѣ тяжкой болѣзни сенаторъ, тайный совѣтникъ, гласный спб. городской думы графъ Викторъ Александровичъ Тизенгаузенъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи. Родился 28-го марта 1842 года, получилъ первоначальное образованіе въ дворянской школѣ въ Ревелѣ; 1-го января 1859 года поступилъ въ дерптскій университетъ, осенью того же года перешелъ въ московскій университетъ; съ 1861 по 1864 годъ слушалъ лекціи въ гейдельбергскомъ университетѣ и по возвращеніи въ Россію въ томъ же 1864 году, въ качествѣ вольнослушателя, сдалъ экзаменъ въ московскомъ университетѣ на степень кандидата юридическихъ наукъ. На службу вступилъ въ январѣ 1866 года въ 1-й отдѣлъ 5-го департамента правительствующаго сената помощникомъ секретаря; въ томъ же году назначенъ временнымъ судебнымъ слѣдователемъ по Московской губерніи; въ 1867 году — товарищемъ предсѣдателя пензенской уголовной палаты; въ 1868 году — пермскимъ губернскимъ прокуроромъ; въ 1870 году членомъ самарскаго окружнаго суда; въ 1872 году — товарищемъ предсѣдателя саратовскаго окружнаго суда, въ 1876 году переведенъ на ту же должность въ спб. окружный судъ; въ 1877 году назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента сената; въ 1879 году — членомъ учрежденной при морскомъ министерствѣ комиссіи для пересмотра законовъ объ аваріяхъ и вообще о происшествіяхъ по мореплаванію; затѣмъ участвовалъ въ качествѣ старшаго чиновника въ производившейся сенаторомъ Мордвиновымъ общей ревизіи въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ; въ 1885 году командированъ въ Саратовъ для производства слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ саратовско-сибирскомъ банкѣ; въ 1887 году назначенъ членомъ консултанціи при министерствѣ юстиціи; въ 1889 г. — оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассационнаго департамента и 2 апрѣля 1895 года — сенаторомъ того же департамента. Покойный отличался энергіей и настойчивостью во всѣхъ дѣлахъ, за которыя брался. Онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ изучалъ каждый вопросъ въ малѣйшихъ его подробностяхъ и доводилъ до конца каждое изъ своихъ начинаній. Онъ сдѣлалъ блестящую карьеру исключительно благодаря самому себѣ. Графъ В. А. Тизенгаузенъ вступилъ въ число гласныхъ спб. городской думы 1 января 1902 года. Особенно дѣятельное участіе принималъ въ исполнительной комиссіи по распредѣленію 1¹/₂ милліоновъ, ассигнованныхъ городскою думою для потребностей, вызываемыхъ обстоятельствами военнаго времени въ войнѣ съ Японіей. Состоялъ членомъ подготовительныхъ комиссій: о мѣрахъ къ упрощенію порядка судопроизводства въ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; для разработки вопроса о пересмотрѣ положенія 8 іюня 1903 года; для разсмотрѣнія проекта о порядкѣ производства дѣлъ въ думѣ; для выясненія взаимныхъ расчетовъ городского общественнаго управленія съ бывшимъ обществомъ конно-железныхъ дорогъ; для разслѣдованія обстоятельствъ, сопро-

вождавшихъ постройку городской дѣтской больницы, для разработки вопроса о способѣ ознаменованія дня обнародованія высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года. Какъ думскій дѣятель, онъ былъ человѣкомъ очень цѣннымъ еще и въ томъ отношеніи, что умѣлъ замѣчательно сжато, но въ то же время толково и ясно излагать свои мысли, и вообще въ качествѣ оратора былъ незамѣнимъ для той группы членовъ нашей думы, въ составъ которой онъ входилъ. По тактикѣ своей въ общественной дѣятельности онъ примыкалъ скорѣе къ такъ называемой новодумской группѣ. Особенно усиленную дѣятельность, какъ намъ помнится, онъ проявилъ во время бывшихъ два года назадъ волненій среди служащихъ городскихъ больницъ. Нашумѣвшая въ свое время исторія съ докторами Реформатскимъ, Трошинымъ и т. д. очень заинтересовала покойнаго. Онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ за работой натѣ разслѣдованіемъ причинъ этихъ волненій и подробно знакомился съ порядками городскихъ больницъ, съ положеніемъ служащихъ въ нихъ, съ ихъ требованіями, нуждами и запросами. Отказался отъ званія гласнаго 23 сентября 1906 года. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ покойный считался либераломъ, но трудно сказать, какой изъ существующихъ у насъ политическихъ партій онъ сочувствовалъ. Деликатный, умный и разносторонне образованный, В. А. былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Бодрый, хорошо сохранившійся, онъ носилъ свои лѣта незамѣтно и поражалъ своей энергіей и цвѣтущимъ здоровьемъ. По наружности это былъ дипломатъ старой школы — корректный, даже изысканный, стройный, съ красивымъ и выразительнымъ лицомъ. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости» 1907 г., № 9889).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Смутное время въ Харьковѣ».

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» за февраль сего года, въ статьѣ князя М. Л. Шаховскаго «Смутное время въ Харьковѣ» между прочими свѣдѣніями, представляющими, несомнѣнно, богатый матеріалъ, при описаніи баррикады (см. стр. 537) сообщается слѣдующее:

«Былъ командированъ комендантъ города Харькова, подполковникъ Горбаневъ, въ качествѣ парламентаря. Осажденные прежде всего заявили, что они сдадутся только на слѣдующихъ условіяхъ...» Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе условій. Это сообщеніе, касающееся меня, не соответствуетъ дѣйствительности. Никакимъ парламентаремъ ни тогда, ни потомъ я командированъ не былъ. Да и надобности въ отправленіи какихъ-либо парламентарей не было, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, переговоры между засѣвшими за баррикады и гражданскими властями, при дѣятельномъ участіи университетской

администраціи, велись задолго передь моимъ прибытіемъ, и только уже послѣ состоявшагося между ними соглашенія начальникъ гарнизона, получивъ сообщеніе отъ харьковскаго губернатора, отдалъ мнѣ соответствующія распоряженія, касающіяся дѣятельности вызванныхъ частей, а также временно снятъ воинскій караулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было разрѣшено.

И. Д. коменданта г. Харькова, подполковникъ Горбаневъ.

II.

Живучая легенда.

По поводу статьи великаго князя Николая Михайловича «Легенда о кончинѣ императора Александра I» (юльская книжка «И. В.») считаю не лишнимъ сообщить то, что я слышалъ отъ уважаемаго и почтеннаго Ивана Трофимовича Тарасова, известнаго ученаго, читающаго курсъ административнаго права въ московскомъ университетѣ: сопровождавшій въ числѣ немногихъ на этотъ разъ лицъ императора Александра Павловича медикъ Тарасовъ былъ его дядя Димитрій Клементьевичъ Тарасовъ, врачъ-хирургъ, который въ молодости вмѣстѣ съ братомъ Трофимомъ Клементьевичемъ явился въ Петербургъ учиться. Отецъ-священникъ, благословивъ сыновей, сказалъ: «пробивайте сами себѣ дорогу»; съ этимъ они и покинули родительскій домъ.

Оба брата сдѣлались врачами, причемъ судьба очень милостиво улыбнулась Димитрію Клементьевичу, приблизивъ его къ царской семьѣ. Известенъ случай, когда Александра I выбросило изъ экипажа и государь ушибъ ногу; ее лечилъ Д. К. Тарасовъ, ежедневно налагая «ароматическую» повязку; 19 ноября 1825 года застаеть его уже лейбъ-хирургомъ.

Лейбъ-хирургъ Тарасовъ скончался въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. Будучи воспитанникомъ императорскаго училища правовѣдѣнія, Ив. Троф. Тарасовъ съ 13 до 19-ти лѣтъ ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводилъ у него въ Царскомъ Селѣ; дядя Димитрій Клементьевичъ представлялъ собою какъ бы живую лѣтлонисъ этого города; паркъ, дворцы и памятники—все находило въ немъ своего подробнаго и точнаго историка, и онъ охотно дѣлился съ племянникомъ своими знаніями и свѣдѣніями. II когда приходилось касаться имени Благословеннаго, то благоговѣніе передъ нимъ Д. К. Тарасова восходило буквально до апофеоза, и старикъ многозначительно выражался: «святой человѣкъ»... или: «это человѣкъ святой жизни». Тѣмъ не менѣе, однако, онъ всегда замѣтно избѣгалъ разговоровъ какъ о 19-мъ ноября 1825 года, такъ и о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ. «Разъ, впрочемъ, — рассказываетъ проф. И. Т. Тарасовъ, — когда у насъ въ домѣ зашелъ разговоръ о старцѣ, и моя мать высказала предположеніе о возможности такого конца для Александра I, присутствовавшій дядя Димитрій Клементьевичъ, помню, страшно взволновался, словно его задѣли за живое или какъ-будто поднимался покровъ надъ вѣчною тайной, которую онъ сторожилъ».

Что касается до фельдгегера Маскова, то, вспоминая о немъ, Д. К. Тарасовъ говорилъ, что вотъ, дескать, сходство Маскова съ Александромъ I послужило поводомъ къ легендѣ, по которой хоронили, молъ, не Александра, а Ма-

скова, Александръ же исчезъ неизвѣстно куда. И объ этомъ Д. К. Тарасовъ говорилъ опять-таки съ подчеркиваньемъ, назиданьемъ: явный, моль, вздоръ, который надо разъ навсегда выкинуть изъ головы.

Бросается и это въ глаза: до 1864 года онъ не служилъ панихидъ по государю Александръ I; когда же въ Сибири умеръ старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, то Дмитрій Клементьевичъ сталъ это дѣлать ежегодно, причемъ панихиды всегда обставлялись какою-то таинственностью; онъ тщательно скрывалъ, что служить ихъ. Объ этихъ панихидахъ случайно узнали отъ кучера, а ѣздили ради нихъ въ приходскую церковь или въ Казанскій и Исаакіевскій соборы и никогда въ Петропавловскую крѣпость.

Въ извѣстномъ своемъ трудѣ Н. К. Шильдеръ ссылается на записки Д. К. Тарасова; въ рукописномъ видѣ эти записки-мемуары обнимали четыре объемистыхъ тетради въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ.

Послѣ смерти Дмитрія Клементьевича сынъ его, камергеръ Александръ Дмитріевичъ Тарасовъ, передалъ ихъ М. И. Семеvскому, у котораго «Записки» и появились въ «Русской Старинѣ» съ сокращеніями. Любопытно: сохранилась ли до нашего времени ненапечатанная часть записокъ-мемуаровъ Д. К. Тарасова, и если—да, кто ими владѣеть? Что содержится въ этой части? Отчего она не увидѣла свѣта? Тутъ не можетъ быть рѣчи, будто бы «Записки» въ цѣломъ не представляли интереса для публики.

Дмитрій Клементьевичъ Тарасовъ оставилъ значительный капиталъ и недвижимость. Сынъ его, камергеръ А. Д., женившись на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Бярятинской, получилъ за женою имѣніе Лазовку (Раненбургскаго уѣзда Рязанской губ.), которое еще недавно было продано его сыномъ, а Дмитрія Клементьевича внукомъ, Д. А. Тарасовымъ г. Карандѣву. Съ убитымъ въ бою подъ Тюренченомъ Д. А. Тарасовымъ погасъ родъ лейбъ-хирурга Тарасова. Повидимому, г. Карандѣву достались многоцѣнные семейныя «памятки», какъ и фамиліные портреты, въ томъ числѣ кисти Н. А. Майкова (отца поэта А. Н., критика Валерьяна Н. и академика Л. Н. Майковыхъ). Въ семьѣ Тарасовыхъ долго хранились, между прочимъ, дорожная аптека императора Александра I, его подтяжки, собственноручно вышитыя супругой—императрицей Елизаветой Алексѣевной, и другія вещи; но особенное значеніе заключалось въ золотой медали, полученной Д. К. Тарасовымъ (не для ношенія) послѣ 19 ноября 1825 года; эта медаль не разъ играла роль волшебнаго слова Али-Бабы: «сезамъ!» въ сказкахъ Шехерезады, и уже въ царствованіе государя императора Александра Александровича вдова лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова (урожд. Граматина), имѣя ту медаль, удостоилась исключительной высочайшей милости.

Павель Россіевъ.

то можешь продать всѣ брильянты, которые я тебѣ подарилъ. Только пуще всего береги Фидо. Ты вѣдь знаешь, какъ я люблю этого пёсика.

— Больше, чѣмъ меня? — перебила красавица, рассчитывая въ отвѣтъ услышать комплиментъ, но въ эту минуту коляска повстрѣчалась съ огромнымъ кочемъ; четверкой великолѣпныхъ коней правилъ молодой графъ Маццарино. Прелестница не могла не послать ему нѣжной улыбки.

Патти былъ уменъ, хорошо зналъ женщинъ вообще, а полусвѣтскихъ въ особенности. Онъ, конечно, замѣтилъ улыбку своей спутницы, направленную по чужому адресу. Когда экипажъ Маццарино проѣхалъ, она однако повторила свой вопросъ:

— Ты любишь Фидо, собаку,—больше меня?

— Лучше не дѣлать сравненій между Фидо и тобой. По части вѣрности ты могла бы даже поучиться у него...

Немного далѣе Ризо повстрѣчалъ барона Казимира Пизани. Его окружало нѣсколько друзей, съ которыми онъ разговаривалъ. Ихъ лица выдавали ихъ водненіе. Всѣ они хотѣли дать понять итальянцамъ другихъ областей свою преданность объединительному движенію, но въ то же время понимали трудность своего предпріятія, неравенство борьбы, въ которую они вступали, серьезность предстоявшей опасности.

Баронъ Пизани, замѣтя Ризо, отдѣлился отъ группы своихъ знакомыхъ, отвелъ въ сторону фонтанчика и сообщилъ, что двѣ деревянныя, окованныя желѣзомъ пушки изготовлены слесаремъ Кастеллано и переправлены уже въ складъ.

— Я знаю. Какъ только совсѣмъ стемнѣетъ, мы потушимъ гдѣ надо фонари и перетащимъ ихъ подъ портикъ монастыря Ганчіа,—прибавилъ Ризо шутливо:—на зарѣ ваше сіятельство услышите ихъ голоса.

— Жребій брошенъ. Отступать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Насколько возможно предвидѣть, исходъ будетъ удачный. А, впрочемъ, надо полагаться на Провидѣніе,—отозвался баронъ.

— И немножко на нашу собственную смѣлость да на помощь народа,—воскликнулъ Ризо:—народа, котораго слѣдуетъ признать душой возстанія 4 апрѣля и его настоящимъ руководителемъ.

Гораздо позднѣе, когда уже совсѣмъ стемнѣло, палермитанцы прогуливавшіеся еще по приморской набережной, съ изумленіемъ взирали на зрѣлище необычайное.

На всѣхъ значительнѣйшихъ холмахъ, цѣпью окаймляющихъ знаменитую Золотую Раковину, въ центрѣ которой гнѣздится Палермо, ярко пламенѣли огни, по всѣмъ соображеніямъ—очень большіе костры: горизонтъ, казалось, былъ объятъ пожаромъ.

Этими огнями инсургентскіе отряды, двигавшіеся къ столицѣ изъ разныхъ мѣстностей страны, оповѣщали городскихъ сообщниковъ о своемъ приближеніи.

— Завтра,—сказалъ Филиппъ Патти,—мы подъ крылышкомъ св. Георгія будемъ строить баррикады.

И онъ сказалъ правду. Городъ Вечеренъ ¹⁾ вновь былъ готовъ вызвать на бой династію тирановъ, дни которой были сочтены.

XXII.

Кровавое утро 4 апрѣля 1860 года.

Въ тотъ же самый вечеръ Сальваторе Манискалько, начальникъ сициліанской полиціи, человекъ болѣе могущественный, чѣмъ самъ генераль, намѣстникъ короля, спокойно сидѣлъ дома, собираясь ужинать. Опасенія, порожденныя въ его умѣ прежними доносами о подготовкѣ революціи въ Палермо, о складѣ оружія въ монастырѣ Ганчіа, мало-по-малу совершенно разсѣялись. Въ монастырѣ никакихъ ружей и сабель обыскъ не обнаружилъ; населеніе столицы невозмутимо занималось своими обычными житейскими дѣлами.

Не далѣе, какъ сегодня, на обычныхъ катаньи и гуляньи всего Палермо по улицѣ Кассаро и морской набережной, Манискалько самъ видѣлъ и наблюдалъ людей разныхъ общественныхъ положеній и исполнѣ убѣдилъ, что никто и не помышляетъ о возстаніи. Возвращаясь домой, онъ сказалъ своему помощнику:

— Какая тутъ революція! Всѣ они ѣдятъ плотно; а вѣдь бунтуютъ всегда и вездѣ только голодные.

Словомъ, въ этотъ вечеръ начальникъ полиціи былъ добродушенъ, веселъ и чувствовалъ прекрасный аппетитъ.

Усаживаясь за столъ, онъ съ удовольствіемъ окинулъ взглядомъ облазнительныя яства. Его столъ былъ всегда аппетитно обставленъ.

Но онъ только что принялся за второе блюдо, какъ услышалъ какой-то шумъ въ передней и приказалъ лакею, служившему у стола, пойти узнать, въ чемъ дѣло. Слуга не успѣлъ еще выйти изъ комнаты, какъ въ нее, съ трескомъ распахнувъ двери, словно ворвался какой-то человекъ, задыхавшійся, видимо, отъ поспѣшной ходьбы и волненія.

Это былъ нѣкто Базиле, сыщикъ тайной полиціи. Онъ во все горло закричалъ было: «Ваме превосходительство...», но Манискалько его оборвалъ:

¹⁾ Сициліанскія вечерни XIII вѣка; при звукѣ ихъ благовѣста началось заранее условленное жителями Палермо избиеніе французовъ, господствовавшихъ тогда въ Сициліи.

— Ну, чего ты? Кто тебя звалъ сюда? Еще вчера я приказывалъ, чтобъ меня на дому не беспокоили... Терпѣть этого не могу... Знаете вѣдь, что я принимаю въ присутствіи...

Манискалько усердно пользовался услугами сыщиковъ, однако это не мѣшало ему питать къ нимъ нѣчто въ родѣ отвращенія.

— Ну, да въ чемъ дѣло-то, чортъ побори?—прибавилъ онъ:—сказывай.

Взрывъ начальническаго гнѣва не смутилъ шпіона, который отвѣчалъ:

— Возстаніе назначено на эту ночь, ваше превосходительство. Со всѣхъ сторонъ къ городу стягиваются отряды бунтарей. Все должно сосредоточиться около воротъ Термини и монастыря Ганчіа...

Манискалько былъ такъ далекъ отъ опасеній, что сразу какъ будто не понялъ словъ взволнованнаго сыщика; однако велѣлъ слугѣ подать Базиле стулъ и стаканъ марсалы. А когда тотъ немного отдышался, спросилъ:

— Ну, теперь ты можешь говорить со мной, Базиле. Объясни все толкомъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ сообщилъ что-нибудь путное.

— Ахъ, ваше превосходительство!.. Вы не знаете, какъ важно то, что я пришелъ сообщить,—выговорилъ, снова задыхаясь, Базиле.

— Да что же такое? Говори наконецъ, — понукалъ его начальникъ, начинавшій уже и самъ волноваться.

Тогда сыщикъ подробно рассказалъ, какимъ образомъ онъ проникнулъ намѣренія бунтовщиковъ. Сообщение было обстоятельно, не допускало никакого сомнѣнія: инсургенты извнѣ и изнутри города сойдутся около Термини, одновременно нападуть на казарму королевскихъ солдатъ, охраняющихъ входъ въ городъ; затѣмъ укрѣпятся около монастыря Ганчіа.

Эти вѣсти въ данную минуту произвели на Манискалько впечатлѣніе грома съ яснаго неба. На минуту онъ какъ бы растерялся; но только на минуту.

Подумавъ, онъ понялъ теперь смыслъ телеграммъ, о которыхъ ему утромъ сообщило надлежащее вѣдомство. Содержаніе ихъ было таково: «Приготовьтесь; завтра моя дочь выходитъ замужъ, ровно въ 12 часовъ. Прошу прибыть; у Термини мы васъ встрѣтимъ». Подписаны всѣ были однимъ и тѣмъ же именемъ: Рабини. Разосланы депеши были одновременно къ разнымъ лицамъ, жившимъ въ главныхъ центрахъ обширнаго острова. Теперь Манискалько сообразилъ, что это циркулярное приглашеніе палермскаго комитета общества Молодой Италіи, разосланное для свѣдѣнія и исполненія всѣмъ членамъ революціонной организациі. Онъ никогда не робѣлъ передъ опасностію и никогда не медлилъ, рассчитывалъ быстро и хладнокровно. Онъ рѣзко позволилъ: нѣсколько слугъ явились на его зовъ.

— Мою палку съ кинжаломъ, пистолеты и шляпу,—приказалъ онъ одному изъ нихъ.

— Сію же минуту позвать ко мнѣ Пачеко,—сказалъ онъ другому. И, покуда слуги исполняли приказанія, обратился къ Базиле:

— Да тебя озолотить мало за твою услугу... И клянусь, что озолочу. А покуда отнеси, пожалуйста, вотъ эту записку къ генералу Санцано, командующему войсками.

Манискалько быстро написалъ нѣсколько словъ генералу, запечаталъ записку въ конвертъ и вручилъ ее Базиле, который бѣгомъ направился въ казармы.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, или, вѣрнѣе, вбѣжалъ Пачеко, молодой человекъ съ очень смышленнымъ лицомъ; это былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ полицейскихъ сыщиковъ, состоявшихъ при начальникѣ. Манискалько послалъ его съ другой запиской къ командующему артиллеріей.

Исполнивъ все это, Сальваторе Манискалько самъ направился въ жандармскія казармы и приказалъ тамъ полицейскому комиссару Сгарлата черезъ два часа, не позже, находиться со всѣми жандармами на улицѣ Ветрера около Ганчіа. Затѣмъ онъ быстрымъ шагомъ пошелъ къ генераль-намѣстнику, жившему тогда во дворцѣ королей нормандскихъ.

Начальникъ полиціи нимало не сомнѣвался, что возмущеніе будетъ подавлено: въ городѣ стояло подъ ружьемъ безъ малаго тридцать тысячъ солдатъ, четыре артиллерійскихъ батареи, шесть кавалерійскихъ полковъ—съ такой силой нечего бояться.

— Я эту революцію въ бараній рогъ согну,—повторялъ Манискалько.

Въ дивномъ храмѣ св. Маріи Ганчійской царил торжественная тишина. Горѣла только одна лампада, подвѣшенная высоко, ея слабый свѣтъ едва нарушалъ глубокій мракъ и слабо обозначалъ линіи арокъ и колоннъ.

Едва ударили къ заутренѣ, какъ монахи безмолвной вереницей потянулись въ церковь, гдѣ располагались на хорахъ.

Шла Страстная недѣля, начинались предпасхальныя богослуженія. Главный алтарь былъ завѣшенъ чернымъ сукномъ. Передъ нимъ стояли два колѣнопреклоненныхъ монаха, съ руками, скрещенными на груди, окутанные своимъ черными мантиями. Мнилось—то были тѣни безстрастнаго неотвратимаго рока. Глаза ихъ были молебно устремлены на едва обозначившійся на стѣнѣ образъ Распятаго.

Величавые звуки органа стройно сливались съ хоровымъ пѣніемъ иноковъ и, гулко отзываясь подъ сводами, казались скорбными стенаніями безжалостно терзаемой души человѣческой.

Настоятель обители Ганчіа, другъ и союзникъ Маццини, былъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и горячо молился. Онъ молился о своихъ монахахъ, которые томились въ тюрьмѣ со дня обыска, совершеннаго полицейскими Манискалько, молился за тѣхъ, кто готовился къ борьбѣ, молился за свою беззавѣтно любимую родину. Скорбное пѣніе, стонущія волны органныхъ аккордовъ усиливали его тяжкую скорбь.

Онъ молился, а лицо его выражало тревогу, взглядъ его ни на секунду не отрывался отъ главнаго входа въ церковь, какъ будто онъ съ минуты на минуту ожидалъ узнать нѣчто жадно желанное.

Мало-по-малу, мягко разсѣиваясь подъ куполомъ, смолкли звуки пѣнія и музыки. Храмъ вновь былъ объятъ подавляющей могильной тишиной, монахи длинными рядами потянулись изъ церкви. Первый лучъ солнца, проникавшій сквозь цвѣтныя стекла, обогривъ кровавымъ свѣтомъ черное убранство главнаго алтаря.

Настоятелю мнилось, что Божій храмъ былъ залитъ кровью. Онъ невольно опустилсѣ на колѣни и воскликнулъ:

— О, Господь Всемогуцій! осѣни благостью твоей свободу родины нашей!

Въ это самое мгновеніе на трехъ ближайшихъ колокольняхъ ударили въ набатъ, монахи въ испугѣ возвращались въ церковь. Въ церкви раздавались внушительныя клики: «Да здравствуетъ Италія единая. Да здравствуетъ республика!»

У самыхъ воротъ обители грохотали пушки. Со стороны улицы Ветрера слышался густой трескъ карабинныхъ выстрѣловъ. Съ противоположной Лавровой улицы доносился конскій топотъ.

Прослѣдимъ событія этого знаменательнаго дня: онъ принадлежитъ исторіи, составляетъ часть эпопеи освобожденія.

Энергичный Манискалько, узнавъ, какъ мы видѣли, о подготовкѣ возстанія, не потерялъ ни минуты и сталъ подготавливаться къ отпору. Въ какіе-нибудь два часа времени онъ успѣлъ окружить монастырь Ганчіа съ двухъ сторонъ отрядомъ жандармовъ, которые находились въ его непосредственномъ распоряженіи. По соглашенію съ военными властями онъ обставилъ дѣло такъ. Эскадронъ кавалеріи прибылъ на площадь Стараго Базара (гдѣ было назначено собраться сторонникамъ Франциска Ризо), и когда толпа революціонеровъ стала скопляться, разогналъ ее. Цѣлый пѣхотный полкъ былъ выстроенъ на улицѣ Ветрера. Нѣсколько остальныхъ полковъ заняли мѣстности, окружающія городскія ворота, дабы воспрепятствовать прорваться въ Палермо извнѣ отрядамъ инсургентовъ.

Какъ только въ монастырѣ Ганчіа ударилъ въ набатъ, Манискалько направился къ воротамъ обители во главѣ двухъ стрѣлковыхъ ротъ и взвода артиллеріи. И въ то же время сообщилъ полковнику Черроне, командиру 7-го пѣхотнаго полка, и начальнику

отряда жандармовъ, чтобы они атаковали Ганчіа со стороны улицъ Ветрера и Лавровой.

Теперь обратимся къ инсургентамъ. Ночью, за нѣсколько часовъ до набата Филиппъ Патти (тотъ самый молодой человѣкъ, котораго мы видѣли на вечернемъ великосвѣтскомъ катаньи въ обществѣ его возлюбленной) и Джузеппе Кордоне постучались въ калитку двора домика, гдѣ жилъ Францискъ Ризо. Имъ тотчасъ же отперъ самъ фонтанщикъ. У него за плечами былъ штуцеръ.

— Потише, друзья,—предостерегъ онъ:—я не хочу будить семью. Они всѣ спятъ спокойно. Оттого я самъ ждалъ васъ у калитки.

Всѣ трое направились къ монастырскимъ воротамъ Святой Земли (Terra Santa), стараясь шагать беззвучно и держась около стѣнъ, чтобы не быть замѣченными. Приблизясь же къ невзрачному низенькому зданію, словно прислоненному къ вѣншей стѣнѣ обители, постучались въ дверь едва слышно.

Изнутри открылось маленькое окошечко, продѣланное въ двери, и въ немъ показалось лицо пожилого монаха.

— Кого вамъ надо?—спросилъ онъ.

— Святого Георгія,—отвѣтилъ Ризо и добавилъ:— отоприте, фра¹⁾ Антонио, это мы.

Три заговорщика вошли въ обширный сводчатый покой, въ глубинѣ котораго была маленькая, едва замѣтная дверь: она общалась, съ внутренностью монастыря, стѣны были выбѣлены известью. На одной стѣнѣ приклеено изображеніе св. Розаліи, по срединѣ большой круглый некрашенный столъ, а около него нѣсколько грубыхъ стульевъ. Большой фонарь, подвѣшенный къ потолку, освѣщаль комнату.

Фра Антонио у стола заряжалъ ружья и располагалъ ихъ правильными рядами, прислоняя къ стѣнѣ.

— Могутъ намъ пригодиться,—промолвилъ онъ, впустивъ гостей и возвращаясь къ своему занятію.

Джузеппе Кордоне былъ простой рабочій, каменщикъ, очень бѣдный, всегда голодный, такъ же, какъ и вся его многочисленная семья, къ тому еще кривобокій и длинный, какъ верста. Онъ, какъ только вошелъ, сталъ бродить кругомъ комнаты, словно что-то отыскивая. Ошарилъ въ одномъ углу двѣ небольшихъ пушки, а въ другомъ вытащилъ изъ-подъ соломы нѣсколько бутылокъ вина, изрядно запыленныхъ.

— Канонира намъ бы нужно толковаго,—замѣтилъ Ризо.

— На каждый выстрѣлъ изъ этихъ пушекъ пойдетъ по четыре ротоло²⁾ пороху и шесть ротоло пуль,—отозвался монахъ, не прекращая своей работы.

¹⁾ Фра сокращенное Frate (братъ). Такъ въ Италіи зовутъ послушниковъ и монаховъ, еще не принявшихъ большаго постриженія. Прим. пер.

²⁾ Rotolo—безъ малаго 2 фунта.

— Вы дѣло-то знаете, какъ я вижу,—сказаль ему Патти, закуривая сигару.

— Только, пожалуйста, будьте осторожны,—вмѣсто отвѣта посоветоваль свѣтскому юношѣ фра Антоніо:—въ боченкѣ возлѣ васъ 60 ротоло пороху.

— Что за бѣда! Вѣдь порохъ для того и существуетъ, чтобы его жечь,—отвѣчалъ Патти, пожимая плечами и улыбаясь какой-то безнадежной улыбкой человѣка, который отъ жизни не ждетъ ничего хорошаго.

Фра Антоніо подняль тяжелый боченокъ, какъ легкій стулъ. Поставивъ его подальше отъ молодого человѣка, онъ продолжалъ заряжать ружья. Кордоне тѣмъ временемъ поставиль на столъ три бутылки вина и, раскупоривая одну изъ нихъ складнымъ ножомъ, объяснилъ:

— Если порохъ предназначенъ для сжиганія, то это вино предназначено для выпивки.

Тѣмъ временемъ подошло еще съ десятокъ заговорщиковъ. Одинъ изъ нихъ, Рафаэле Валенте, вытащиль изъ-подъ блузы трехцвѣтное знамя—символь объединенія Италіи.

— Какъ только станеть свѣтать и народъ начнетъ собираться, знамя надо водрузить на колокольнѣ. Тогда поймутъ, что мы не шутимъ,—предложилъ Ризо.

Кордоне жадно пиль вино прямо изъ бутылки; покончивъ съ первой, онъ вытеръ губы рукой и промолвилъ:

— Чудесное это игуменское вино. Вотъ и мы всѣ когда добьемся свободы, такое же будемъ пить...

Скептикъ Патти—единственный изъ всѣхъ присутствующихъ одѣтый элегантно—пробормоталь себѣ подъ носъ:

— Какъ бы у насъ не отняли и того, что имѣемъ!

Затѣмъ рабочіе, всѣ съ загорѣлыми лицами и мозолистыми руками, зарядили двѣ самодѣльные пушки, перетащили ихъ во внутренность монастыря, расположивъ передъ самыми воротами, которыя оставались плотно запертыми.

Ризо съ фра Антоніо пошелъ на колокольню вывѣшивать знамя. Патти продолжалъ молча курить, а Кордоне тянулъ вино изъ второй уже бутылки. Когда Ризо, къ которому всѣ относились, какъ къ главарю, возвратился, то воздержаль его отъ дальнѣйшихъ возліаній.

— Слушай, Пеппино, ты вѣдь будешь пьянъ, — сказалъ онъ кривобокому каменщику.

Остальные расхотались, видя жалкую фізіономію бѣдняка, огорченнаго тѣмъ, что у него словно кусокъ изъ горла вырвали. Однако онъ не посмѣль протестовать, тихонько поставиль бутылку на столъ, тщательнo закупориль ее и направился къ дверцѣ, ведущей во внутренность обители.

— Куда ты?—спросилъ Ризо.

— На колокольню... звонить, чтобы скорѣе обѣдно начинали. Надоѣло мнѣ ждать-то!

— Это ему вино въ голову ударило, — замѣтилъ одинъ изъ вновь пришедшихъ рабочихъ.

Патти всталъ, спокойно взявъ Кордоне за руку, посадилъ его рядомъ съ собой и объяснилъ ему:

— Къ обѣднѣ еще рано благовѣститъ. Подожди немножко—будетъ и обѣдня; большая, съ музыкой, изъ нашихъ морталлети¹⁾ будутъ палить.

За виѣшней дверью послышалось нѣсколько голосовъ, взволнованно повторявшихъ: «Св. Георгій! Св. Георгій!.. Впустите насъ поскорѣй».

Имъ мгновенно отперли, вбѣжало съ десятокъ молодыхъ простолудиновъ. Одинъ изъ нихъ, постарше, по имени Мартиларо, приведшій съ собой двухъ юныхъ сыновей, рассказалъ, что, проходя по улицѣ Бутера, они видѣли сквозь ночную тьму неясныя очертанія какихъ-то людей, словно солдатъ, а приближаясь къ монастырю, ясно слышали топотъ кавалеріи.

При этихъ словахъ въ комнатѣ все стихло, и Ризо, внимательно прислушиваясь у двери, выходявшей на улицу, тоже уловилъ звуки конскаго топота, который, однако, прекратился черезъ нѣсколько минутъ. Тогда сочли нужнымъ послать кого-либо изъ своихъ освѣдомиться о томъ, что происходитъ около монастыря, а также узнать, собрались ли, какъ было условлено, палермитанскіе инсургенты на Старо-Базарной площади.

— Я туда схожу,—вызвался Патти; ушелъ и скоро вернулся: оказалось, по его словамъ, что на улицахъ темно и пустынно, что на Старо-Базарной—ни души. Это послѣднее извѣстіе омрачило Ризо. Въ его умѣ возникло подозрѣніе, что значительная часть тѣхъ, кто клялся быть на мѣстѣ въ минуту опасности, не сдержали слова.

Фра Антоніо съ двумя изъ товарищей принялся за перетаскиваніе на колокольню бомбъ, которыя предполагалось бросать внизъ на улицу, если бы тамъ появились войска.

Мартиларо приблизился къ Ризо, который въ эту минуту прищипливалъ къ борту своего пиджака трехцвѣтную кокарду, и сказалъ:

— Насъ здѣсь и двухъ десятковъ не наберется. Мнѣ сдается, что остальные намъ измѣнили.

Фонтанщикъ, не желая, чтобъ другіе слышали его отвѣтъ, отвелъ Мартиларо въ сторону.

¹⁾ Mortaletti—большія металлическія, толстостѣнные ступки, изъ которыхъ южныя итальянцы любятъ стрѣлять по большимъ праздникамъ. п. п.

— Да, — сказалъ онъ, — и мнѣ кажется, что намъ измѣнили. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Но самъ-то я не измѣню... Если вы замѣтите, что я стану робѣть, то, умоляю, пристрѣлите меня. Мы теперь въ такомъ положеніи, что рано или поздно полиція все узнаетъ и, конечно, насъ разстрѣляютъ. Для насъ нѣтъ иного пути: надо выходить на борьбу съ врагомъ.

— Правда ваша. Мы такъ далеко зашли, что и спереди и изъ-за спины должны ждать смерти. Конечно, драться это наше единственное спасеніе... Можетъ быть, народъ, глядя на насъ, и пристанетъ къ дѣлу. Ну, да и сельскіе отряды подойдутъ.

— Да, — отозвался Ризо: — если намъ удастся продержаться хоть три часа только, то, несомнѣнно, и отряды подойдутъ, и народъ весь подыметъ противъ нашихъ враговъ.

На монастырской башнѣ пробило пять часовъ. Городъ, казалось, еще спалъ, подавленный зловѣщимъ кошмаромъ террора. На улицѣ Кассаро кавалерія протянулась двойнымъ рядомъ, батальонъ пѣхоты загоразивалъ съ обоихъ концовъ улицу Бутера; на углу Ветреры была выставлена полевая батарея; Лавровую улицу охранялъ эскадронъ жандармовъ: эти солдаты держали наголо свои длинные остроконечные ножи.

Когда первые солнечные лучи скользнули по крышамъ домовъ, еще ни одинъ обыватель не появлялся на улицахъ. Двери, окна, лавки, все было закрыто. Войско, какъ живая стѣна, охватывала кругомъ каменные стѣны монастыря Ганчіа.

Вдругъ послышались рѣзкіе протяжные звуки трубы, и пѣхотинцы, занимавшіе Ветрера, проворно отступили нѣсколько шаговъ назадъ. Защитники Ганчіа услышали радостные для нихъ крики: «Да здравствуетъ Италия! Да здравствуетъ революція!» И затѣмъ наступила гробовая тишина. Но тишина длилась всего нѣсколько секундъ. Она была нарушена ружейнымъ залпомъ, шумомъ града пуль, сыпавшихся на стѣны, вдребезги разбиравшихъ стекла. Передъ главнымъ входомъ въ монастырскій соборъ тоже заревѣли пушки...

А трехцвѣтное знамя развѣвалось на башнѣ. Кавалерія быстро пронеслась, словно въ атаку, съ кликами: «Да здравствуетъ король!»

Тогда Ризо понялъ, что это Ла-Плака привелъ свой отрядъ на мѣсто побоища, что королевскія войска по немъ стрѣляли. Фонтанчикъ рѣшился выступить на помощь товарищамъ. По его распоряженію, монастырскія ворота Св. Земли, выходящія на улицу, разомъ распахнулись, и изъ-за нихъ грянули выстрѣлы картечью изъ двухъ инсургентскихъ пушекъ. Вся масса близстоявшей пѣхоты шарахнулась назадъ. Раздавались стоны и крики. Жандармы поспѣшно подбирали раненыхъ, убитыхъ же сваливали кучей на большія носилки.

На солдатъ напалъ страхъ, когда ихъ внезапно осыпали градомъ пуль два маленькія орудія, когда столько ихъ товарищей, минуто назадъ бодрыхъ, веселыхъ, обратились въ трупы или, облитые кровью, стонали въ предсмертныхъ мукахъ.

Какая-то собака, запертая на террасѣ противоположнаго дома, сначала бѣшено, неистово лаяла, потомъ начала выть протяжно, жалобно, зловѣще.

Наступила минута передышки. Колокола перестали бить набать; инсургенты спѣшили заряжать свои двѣ пушки. Въ свободномъ передѣ воротами Св. Земли пространствѣ вдругъ появился какой-то человекъ съ бѣлымъ знаменемъ въ рукахъ. Это былъ парламентаръ отъ главнокомандующаго королевскими войсками. Видя, что инсургенты передѣ знаменемъ мира опустили свое оружіе, онъ подошелъ къ нимъ ближе и громкимъ голосомъ провозгласилъ:

— Враги короля и порядка! слушайте меня, слушайте! Сдавайтесь. Вашъ Ла-Плака палъ уже. Народъ отрекся отъ васъ. Сельскіе отряды лишены возможности явиться вамъ на помощь. Если вы не сдадитесь, то всѣ будете перебиты.

Онъ смолкъ. Молчали всѣ окрестъ; слышался только бѣшеный лай собаки. Ризо выступилъ на самый порогъ воротъ Св. Земли и твердо, спокойно произнесъ:

— Мы сдадимся только тогда, когда вы предоставите намъ право безпрепятственно выступить изъ города для соединенія съ нашими товарищами, которые собрались по нашему зову на горѣ Карини.

Парламентаръ немедленно отвѣтилъ:

— Мы не вступаемъ ни въ какія соглашенія съ бунтовщиками. Надѣяться вамъ не на что. Сдавайтесь безусловно и положитесь на великодушіе монарха. Сложите оружіе, или мы васъ немедленно атакуемъ.

— Что жъ, атакуйте!—крикнулъ Ризо и отступилъ подѣ ворота.

Катастрофа приближалась, приближалась побѣда надъ жизнью, суть которой есть смерть.

Едва только парламентаръ удалился, инсургенты были осыпаны градомъ ружейныхъ пуль. На это они отвѣчали тѣмъ же.

Первый залпъ смертельно ранилъ Мартиларо и Кордоне. Завязался бой, страшный, безпощадный. Ружейные залпы, грохотъ пушекъ, колокольный звонъ. И надо всѣмъ сіяло яркое весеннее солнце.

Филиппъ Патти бился храбро. Онъ не терялъ времени на заряженіе ружей: дѣлалъ выстрѣлы, бросалъ ружье и хваталъ одно изъ тѣхъ, которыя были заряжены ранѣе фра Антоніо.

Двухстволка Ризо жгла ему руки, но онъ не обращалъ вниманія, стрѣлялъ, заряжалъ, опять стрѣлялъ; карманы его были полны патронами. Онъ въ то же время ободрялъ товарищей:

— Пали, пали, братцы! Продержимся маленько еще. Отряды наших друзей ужь недалеко. Придутъ!..

Одного изъ товарищей онъ послалъ на колокольню, чтобы сбрасывать оттуда бомбы на войска. Но бомбами не удалось заставить неприятеля удалиться, потому что онѣ были очень плохо сфабрикованы.

Борьба съ минуты на минуту становилась все ожесточеннѣе. Она не могла закончиться безъ рукопашнаго боя.

Жандармы съ большими усиліями, но все-таки проникли въ тотъ самый обширный сводчатый покой, въ которомъ мы видѣли инсургентовъ ночью. Онъ былъ заваленъ трупами.

Фра Антонио, раненый пулей въ шею, прислонился было къ стѣнѣ, но тотчасъ палъ наземь, уже мертвый.

Въ этой комнатѣ, среди еще не остывшихъ труповъ, наполненной непроницаемымъ пороховымъ дымомъ, шла отчаянная, отвратительная рукопашная борьба не на животь, а на смерть. Странная подробность: большинство сотоварищей Франциска Ризо были въ это время вооружены такими же длинными ножами, какіе имѣли жандармы; ружья тутъ оказывались бесполезны; инсургенты ихъ бросали и вырывали изъ рукъ враговъ ихъ оружіе, достойное мясниковъ. Все и всѣ были въ крови, потому что всѣ были ранены. Одинъ Ризо какимъ-то чудомъ оставался живъ и невредимъ. Его пожирала скорбь, душевная мука, досада на неудачу; но духомъ онъ не падалъ: онъ бился, какъ левъ. Наконецъ жандармы совсѣмъ окружили его и пытались, поразить своими длинными остроконечными ножами. Онъ все-таки отбивался, защищался, какъ вепрь, загнанный стаей псовъ. Перепрыгивалъ по трупамъ, по густымъ лужамъ, покрывавшимъ весь полъ. Онъ бился еще, но жизнь словно уже была чужда ему.

Вдругъ кто-то около крикнулъ: «Сдавайся, всѣ твои убиты!»

То былъ голосъ Манискалько. Этотъ желѣзный человекъ, который готовъ бы былъ сразиться со своей матерью и съ самимъ Богомъ, если бы они явились на защиту революціонеровъ, все время съ самаго вечера лично распоряжался осадой Ганчіа.

Когда пушечныя ядра разбили одни изъ монастырскихъ воротъ, называемыя св. Маріи, Манискалько первый ворвался въ брешь и приказалъ послѣдовавшимъ за нимъ солдатамъ немедленно, на его же глазахъ перестрѣлять монаховъ. Покончивъ съ этимъ, онъ пробрался черезъ дверцу, ведущую изъ внутренности монастыря, въ знакомый намъ сводчатый покой, гдѣ шла битва революціонеровъ съ жандармами.

Здѣсь Сальваторе Манискалько, воплощеніе абсолютизма, и Францискъ Ризо, воплощеніе свободы и искупленія народнаго, очутились лицомъ къ лицу. Манискалько, довольный сво-

нимъ успѣхомъ, улыбался; подавленный отчаяньемъ Риво скрежеталъ зубами.

— Сдавайся или смерть тебѣ!—еще разъ крикнулъ начальникъ полиціи.

— Да здравствуетъ Италия!—крикнулъ въ отвѣтъ герой, плюнулъ прямо въ лицо могущественному врагу и еще разъ воскликнулъ: «Viva l' Italia».

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ смертельно раненъ и скоро скончался.

Возстаніе было окончательно подавлено.

«Въ Палермо,—какъ рапортовалъ Манискалько въ Неаполь,—вновь возстановилось полное спокойствіе», т. е. самые смѣлые и дѣятельные пали, многіе притаились. Массы трепетали передъ потоками крови, которыми былъ обогренъ ихъ родной городъ.

Въ пущее назиданіе народу по главнымъ улицамъ столицы провели въ кандалахъ 14 монаховъ Ганчіа, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и эти монахи были всенародно преданы смертной казни. Это совершилось вопреки королевской волѣ.

Францискъ II еще наканунѣ прислалъ къ Манискалько депешу о помилованіи этихъ 14 монаховъ. Но Манискалько все-таки ихъ казнилъ. А, казнивъ, отправилъ его величеству рапортъ, въ которомъ безцеремонно изъяснялъ, что долженъ былъ нарушить волю государя ради подавленія революціи въ Сициліи.

Генералъ же намѣстникъ доносилъ королю, что власти ежедневно и повсюду одерживаютъ верхъ надъ инсургентами, которые хотя и показываются въ разныхъ пунктахъ обширнаго острова, но не осмѣливаются вступать въ бой съ королевскими войсками; при появленіи же послѣднихъ немедленно отступаютъ и разбѣгаются въ горахъ.

Факты были дѣйствительно таковы, но подобная тактика революціонеровъ не являлась признакомъ ихъ робости, а, какъ мы увидимъ ниже, была выраженіемъ обдуманной системы.

Какъ бы то ни было, репрессіи и ихъ, повидимому успѣшные результаты только содѣйствовали приближенію развязки.

Приготовленія къ всеобщему возстанію велись еще дѣятельнѣе, но еще осторожнѣе прежняго. А обѣщаніе популярнаго «героя свободы» генерала Гарибальди прибыть въ Сицилію для руководства революціею возбуждало во всѣхъ классахъ населенія не только надежду, но увѣренность въ полномъ успѣхѣ.

Послѣ побѣды Манискалько 4-го апрѣля въ Палермо, подъ стѣнами монастыря Ганчіа, въ столицѣ, дѣйствительно, все казалось спокойнымъ. Но зато въ провинціяхъ, въ мелкихъ городкахъ, селахъ и селеніяхъ численность революціонныхъ отрядовъ возрастала, непрерывно происходили засѣданія мѣстныхъ комитетовъ, состоявшихъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ. Они

умудрялись скрываться отъ рысѣхъ глазъ агентовъ Манискалько даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Палермо. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ организовались временныя мѣстные правительства, члены которыхъ были полиціей постоянно подозрѣваемы, но крайне рѣдко уловимы. Впрочемъ, нѣкоторые главари, особенно изъ тѣхъ, кто принадлежалъ къ высшей аристократіи, жили внѣ столицы, умѣя ускользать отъ рукъ полиціи, и не скрывали своего участія въ подготовкѣ возстанія.

11 апрѣля повсюду появились литографированныя копія такого документа:

Городъ Мизильмери. 11 апрѣля 1860 г.

Главная квартира инсургентовъ, возставшихъ для освобожденія Италіи.

Братья!

Доблестное возстаніе Сициліи нынче — явный фактъ. Мы всенародно и официально можемъ это оповѣстить.

Мы возстали для того, чтобы освободить народъ отъ ига какъ матерьяльнаго, такъ и нравственнаго. Для того, чтобы воссоединить всю итальянскую націю подъ державой Виктора-Эмануила.

Поэтому мы обращаемся ко всѣмъ добрымъ братьямъ и согражданамъ нашимъ, дабы они содѣйствовали успѣху святого дѣла всѣмъ, чѣмъ могутъ: людьми, деньгами, оружіемъ... Да здравствуетъ Италія!

Да здравствуетъ Викторъ-Эмануиль, король всей Италіи.

За президента комитета князь Санъ-Джузеппе.

XXIII.

Неуловимый заговорщикъ.—Неутомимый полицеймейстеръ и неунывающій генералъ-намѣстникъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ рѣзни подъ стѣнами Ганчіа отрядъ добровольцевъ приблизился къ сельской тавернѣ полудикихъ Каринскихъ горъ, весьма отдаленныхъ отъ Палермо.

Нѣсколько молодыхъ людей уже сидѣли въ горницѣ, когда туда вошелъ командиръ каринскаго отряда, Верга, въ сопровожденіи мужчины зрѣлыхъ лѣтъ. Мужчина же этотъ только что прискакалъ карьеромъ изъ-за ближайшаго большого лѣса, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Сантанна, командиромъ другого отряда, котораго предупредилъ, что завтра королевскія войска будутъ стараться вызвать на бой

добровольцевъ. При этомъ онъ настойчиво посовѣтоваль Сантанна избѣгать битвы до поры до времени.

Этотъ мужчина былъ Цезарь Бесси. Въ немъ теперь очень трудно было узнать мирнаго элегантнаго баварскаго профессора Армана фонъ-Флуге, который въ Казертѣ былъ арестованъ Аюссой и освобожденъ королевой Софіей.

Голову Бесси покрывала традиціонная сициліанская *berritta* (черная феска); жакетка была тоже протонародная сициліанская— узкая изъ чернаго плисса; красный широкій поясъ; короткіе, по колѣно штаны и высокіе кавалерійскіе сапоги дополняли его костюмъ.

Въ Сициліи онъ являлся представителемъ главнаго неаполитанскаго комитета, много содѣйствовалъ подготовкѣ возстанія въ провинціи и вообще среди сельскихъ жителей. Кромѣ того, онъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ генуэзскимъ центромъ, съ Маццини и Гарибальди.

Бесси и Верга вошли въ горницу таверны и, отвѣтивъ на поклоны находившихся тамъ добровольцевъ, сѣли въ сторонкѣ. Говорили они вполголоса, стараясь, чтобы ихъ никто не могъ слышать.

— Ну-съ, какія вы мнѣ сообщите распоряженія?—спросилъ Верга.

— Никакихъ, или, вѣриѣ, всѣ разомъ, — спокойно отвѣтилъ Бесси. — Вникните, Верга. Въ настоящее время важнѣе всего, чтобы отряды инсургентовъ дѣйствовали въ возможномъ между собою соглашеніи; если мы допустимъ наши силы дробиться, то ихъ навѣрно непріятель уничтожить по частямъ.

— Вѣрно! воскликнулъ Верга очень громко.

Онъ былъ впечатлительный, пылкій человекъ. Бесси даже романтикомъ называлъ его, и теперь улыбнулся.

— Да вы выслушайте меня внимательнѣе—продолжалъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ,—то, что мнѣ вамъ нужно сказать, было взвѣшено, обдуманно и передумано кѣмъ слѣдуетъ и составляетъ суть тѣхъ инструкцій, которыя мнѣ поручено вамъ передать. Вотъ: движеніе, поднятое въ Палермо Франческо Ризо, вождемъ народной партіи добровольцевъ, повидимому, пропало даромъ. Но это только такъ кажется. Въ Палермо революція получила ударъ и притаилась, но она жива. Въ провинціяхъ же она явно и сильно развивается. Только слѣдуетъ поступать благоразумно. Надо утомлять непріятеля. Никогда не наступать въ открытомъ полѣ, или если онъ превосходитъ насъ числомъ. Надо противопоставлять ему всевозможныя препятствія: мельницу, заборы, сарай, какой-нибудь заводъ; словомъ, выводить его изъ терпѣнья и завлекать по возможности дальше и дальше отъ Палермо. Когда у Бур-

боновъ въ Палермо останется мало войска, то 2—3 тысячи нынче уже готовыхъ народныхъ добровольцевъ, спустясь съ горъ, овладѣютъ столицей и властями. Тогда побѣда для насъ будетъ всюю обезпечена.

— Вы такъ увѣрены, что Палермо присоединится къ нашимъ? спросилъ Верга.

— Совершенно увѣренъ. Я вамъ говорю, что если въ городѣ останется мало войска, то какая-нибудь тысяча-двѣ инсургентовъ, появясь у его воротъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, подымутъ все населеніе и одержатъ верхъ.

— Только вотъ очень печально, что Гарибальди какъ будто все еще не вполне рѣшился,—продолжалъ Цезарь послѣ минутнаго молчанія. Вчера я получилъ письмо изъ Генуи отъ Криспи. Онъ сообщаетъ, что генераль писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я долженъ, кажется, отправиться въ Сицилію. Покуда я совѣтовалъ имъ оставаться спокойными. Но разъ что тамъ возстаніе разгорается,—нельзя имъ не помочь. Нашъ боевой кличъ будетъ: Италия и Викторъ-Эмануилъ!»

— Не довѣряю я этому Криспи—замѣтилъ Верга.

— Однако,—возразилъ Бесси,—онъ много работаетъ для нашего дѣла. Во всякомъ случаѣ, если во главѣ всѣхъ нашихъ повстанцевъ станетъ опытный и популярный вождь, то все пойдетъ на ладъ. Словомъ, мы должны выждать, не разоружаясь и не подвергаясь опасности быть разбитыми. Если же тамъ, т. е. въ Генуѣ, узнаютъ, что революція въ Сициліи раздавлена, то никто пальцемъ не пошевелитъ, чтобы притти намъ на помощь.

Палермской полиціи, а тѣмъ паче ея начальнику Манискалько было хорошо извѣстно, что въ концѣ зимы въ городъ пріѣхалъ баварскій подданный Арманъ фонъ-Флуге, повидимому, богатый и знатный господинъ; онъ жилъ открыто; и у себя много принималъ и самъ бывалъ въ обществѣ.

Для Манискалько онъ, разумѣется, сразу показался подозрительнымъ. И хотя, снесясь съ неаполитанскимъ министерствомъ полиціи, ничего подтверждающаго его подозрѣнія не узналъ (къ тому времени Аюсса былъ замѣненъ Либоріо Романо, который былъ назначенъ одновременно первымъ министромъ), Манискалько, руководимый чутьемъ ищейки, обставилъ баварца негласнымъ, но весьма тщательнымъ надзоромъ, соблюдая, однако, большую осторожность и деликатность, ибо освѣдомился, что предметъ наблюденія лично извѣстенъ матери молодой королевы; что его родной племянникъ служитъ при дворѣ и пользуется благосклонностію государя и государыни.

Манискалько окружилъ домъ на Морской площади, гдѣ жилъ Цезарь, и персону такъ называемаго баварца фонъ-Флуге своими ловчай-

шими шпионами. Онъ не жалѣлъ казенныхъ денегъ на подкупы и всякаго рода расходы по этому дѣлу. И все-таки въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не могъ собрать противъ загадочнаго человѣка никакихъ положительныхъ уликъ, хотя мелкихъ фактовъ, подкрѣпляющихъ подозрѣнія, накопилось немало.

Арманъ фонъ-Флуге нерѣдко утромъ или вечеромъ выходилъ изъ дому. И тогда за нимъ слѣдили шпионы, большею частію искусно переодѣтые и загримированные. Иногда онъ направлялся къ прибрежнымъ, бѣднымъ окраинамъ города, поворачивалъ въ какой-нибудь глухой переулокъ и внезапно куда-то исчезалъ безъ слѣда, по крайней мѣрѣ для полицейскихъ, хаживалъ онъ также за городъ и тоже гдѣ-нибудь у кладбища или рощи пропадалъ.

Случалось, что его по нѣсколько дней въ городѣ не было. А внезапно потомъ онъ появлялся въ своей роскошной квартирѣ, какъ будто бы ни на минуту ее не покидалъ.

Безсиліе накрыть Флуге приводило Манискалько въ ярость.

Быль вечеръ 2-го мая 1860 г. Къ Манискалько явился Пачеко, мудрѣйшій изъ шпионовъ, приставленныхъ къ мнимому баварцу.

— Ну, что, добился чего-нибудь? спросилъ начальникъ.

— Я его сегодня прослѣдилъ по всему берегу; онъ зашелъ въ переулокъ Теремуцца, вошелъ въ одинъ домъ, поднялся во второй этажъ.

— И тамъ ты его накрылъ?

— Нѣтъ, онъ тамъ исчезъ—докончилъ Пачеко.

— Опять?—сердито закричалъ Манискалько.— Чего жъ ты раньше ко мнѣ не пришелъ доложить объ этомъ?

— Оттого, что я кой-что разузнавалъ; узналъ, что сегодня вечеромъ у этого господина будетъ пріемъ, ужъ и теперь множество каретъ съѣхалось,—отвѣчалъ Пачеко, многозначительно глядя въ глаза начальника.

Начальникъ, опустивъ глаза, молча обдумывалъ значеніе сообщенной новости. Онъ понималъ, что положеніе Сициліи очень опасно. На вновь назначеннаго намѣстника, генерала Ланца, разсчитывать было нельзя. Манискалько былъ имъ весьма недоволенъ. Ланца былъ старъ, вялъ, нерѣшителенъ; все откладывалъ со дня на день; много говорилъ, много смѣялся; и ни къ какому серьезному дѣлу способенъ не былъ.

Манискалько былъ увѣренъ, что баварецъ человѣкъ опасный. И рѣшился принять противъ него мѣры, не стѣсняясь уже теперь протекціей, которую тотъ имѣетъ при дворѣ. Полицеймейстеръ взглянулъ на часы: было за полночь. Снявъ свою обычную домашнюю феску и взявъ шляпу, онъ сказалъ Пачеко: «пойдемъ на Морскую площадь», и вышелъ изъ дома.

Окна квартиры, занимаемой Флуге, были ярко освѣщены. Небольшая площадь была заставлена экипажами. Кучера, слѣзшіе съ козелъ, стояли кучей, около воротъ и тихо между собой переговаривались. Послышалось раза два имя Гарибальди, слово республика.

Манискалько, распорядившійся, чтобы у него подъ рукой были полицейскіе, когда ему понадобятся, незамѣченный—онъ былъ одѣтъ въ партикулярное платье—вошелъ въ швейцарскую. — Передъ нимъ предсталъ величавый, въ блестящей ливреѣ швейцаръ, и, узнавъ полицеймейстера, поблѣднѣлъ.

— Ты меня не бойся, пріятель,—обратился къ нему Манискалько:—мнѣ только твоему барину надо сказать два слова.

Швейцаръ бросился было къ звонку, который возвѣщалъ о прибытіи новыхъ посѣтителей, но Манискалько остановилъ его.

— Нѣтъ, подожди, я хочу поговорить съ господиномъ фонъ-Флуге, когда всѣ гости разъѣдутся. Покуда я посижу въ твоей комнаткѣ. Когда изъ гостей никого не останется, ты доложи мнѣ, да смотри, чтобъ никто не зналъ, что я тутъ, а не то... и полицеймейстеръ многозначительно погрозилъ пальцемъ вновь поблѣднѣвшему швейцару.

Когда уѣхалъ послѣдній гость, то незванный посѣтитель условнымъ свисткомъ созвалъ своихъ полицейскихъ, ожидавшихъ сигнала въ разныхъ уголкахъ площади, приказалъ привратнику плотно запереть всѣ выходы и взбѣжалъ наверхъ.

Арманъ фонъ-Флуге спокойно принялъ главу полиціи и присутствовалъ при обыскѣ. Онъ былъ серьезенъ, но изрѣдка улыбался.

Всѣ уголки въ домѣ были тщательно обшарены; всѣ бумаги внимательно просмотрѣны, но ровно ничего подозрительнаго не оказалось.

Между тѣмъ многоопытный начальникъ полиціи готовъ былъ дать свою голову на отсѣченіе, что за Флуге водятся дѣла, ведущія прямо на каторгу, а не то и на висѣлицу.

Онъ вернулся домой весьма озабоченный. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему явился Пачеко, который хотя и не официально, но находился во время обыска въ квартирѣ баварца.

— Что скажешь, Пачеко?—обратился къ нему начальникъ.— Даромъ только ночь пропала. А?

— А все-таки этотъ господинъ еще своей партіи не выигралъ,—возразилъ Пачеко, подавая полицеймейстеру какой-то комочекъ бумаги,—вотъ посмотрите.

Въ комочкѣ оказалась маленькая трехцвѣтная кокарда.

— Гдѣ ты ее нашелъ? спросилъ Манискалько.

— Подъ кроватью господина фонъ-Флуге.

— Конечно, кокарда принадлежитъ ему. Это подкрѣпляетъ наши подозрѣнія, но этого очень мало все-таки...

Манискалько однако внимательно осмотрѣлъ бумажку. Она походила на записку: на ней были написаны три слова: Борель, Пало, Менфи, окруженные множествомъ арабскихъ и римскихъ цифръ. Полицеймейстеръ долго пытался разобрать ее, наконецъ въ досадѣ затопалъ ногами.

— Что за таинственный человѣкъ этотъ Флуге. Записка, несомнѣнно, помогла бы намъ многое разобрать. Да какой чортъ ее разберетъ...

Однако онъ вспомнилъ, что революціонеры въ нѣкоторыхъ (перехваченныхъ полиціей) письмахъ называли Гарибальди Борелемъ. Но дальше этой догадки не могъ подвинуться.

Пачеко уже давно храпѣлъ на креслѣ, когда благовѣсть къ заутренѣ какъ бы разбудилъ его начальника, все время погруженнаго въ изслѣдованіе таинственнаго документа.

Каковы бы ни были многочисленные недостатки этого человѣка, надо сознаться, что онъ обладалъ неоспоримо однимъ великимъ достоинствомъ: былъ ревностнымъ исполнителемъ своего долга и не зналъ усталости.

Вспомнивъ, что онъ еще не просматривалъ послѣдней почты, Манискалько занялся ею. Пробѣжавъ одну изъ бумагъ, онъ громко воскликнулъ: «Вотъ оно!» быстро всталъ съ кресла, надѣлъ шляпу, разбудилъ Пачеко и сказалъ ему.

— Можешь идти спать домой. Сегодня ты мнѣ не понадобишься. Вѣдь знаешь—ты отгадалъ, баварецъ-то еще не обыгралъ насъ, и мы не даромъ, возясь съ нимъ, потеряли ночь.

Выйдя изъ дому, полицеймейстеръ быстрыми шагами направился къ королевскому дворцу, въ которомъ жилъ тогда намѣстникъ. Свѣтало, но утро было сѣрое, туманное. Такіе дни рѣдко случаются въ Палермо.

Во дворцѣ только что вставшій слуга провелъ его въ кабинетъ генерала, но объяснилъ, что его превосходительство не приказалъ себя рано беспокоить.

Намѣстникъ Ланца былъ ветхъ уже, когда Францискъ II назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Сицилію. Порохового дыма онъ въ жизнь свою не нюхалъ и дослужился до генераль-лейтенанта не за отличіе, а по линіи.

Манискалько пришлось ждать очень долго, покуда къ нему наконецъ вышелъ Ланца, тучный человѣкъ съ коротенькими ногами и съ большущей головой. Несмотря на ранній часъ, генералъ былъ въ полной парадной формѣ, со множествомъ орденовъ на груди. Полицеймейстеръ передалъ ему, какимъ образомъ ему удалось открыть важную тайну революціонеровъ.

— Потрудитесь взглянуть на эту шифрованную записку,—сказалъ онъ, передавая намѣстнику таинственную бумажку.—Я ни

за что бы не понялъ ее, если бы не получилъ сегодня ночью одного важнаго извѣщенія изъ Неаполя. Вотъ и оно. Если вашему превосходительству угодно прочесть...

— Ужъ лучше вы сами прочтите,—прервалъ его генераль.

Манискалько прочелъ слѣдующее:

«Авантюристъ Гарибальди готовится къ высадкѣ въ Сициліи. Съ нимъ прибудетъ не менѣе тысячи человекъ. Если вы присоедините къ нимъ мѣстныхъ бунтовщиковъ, а также тѣхъ, кого эта высадка можетъ побудить взяться за оружіе и воспользоваться тѣмъ, которое привезетъ съ собой Гарибальди,—тогда вы убѣдитесь, что наши бурбонскія войска, разсѣяныя по всему острову мелкими отрядами, не могутъ противостоять этой челяди, особенно, если она будетъ вкупѣ дѣйствовать подъ начальствомъ Гарибальди».

— Кто это вамъ прислалъ?—почти закричалъ Ланца.—Этого писака слѣдовало бы повѣсить.

— Въ настоящую минуту важно не то, кто мнѣ пишетъ, а важно то, что это правда, необходимо сейчасъ же принять энергичныя мѣры,—сдерживая негодованіе, возбужденное тупостью намѣстника, отвѣчалъ Манискалько.—Важно то, что эти строки разъясняютъ загадку, найденную въ домѣ Флуге. Потрудитесь обратить вниманіе, ваше превосходительство: Борель, т. е. Гарибальди, высаживается въ гавани Пало, около города Менфи...

— Ха-ха,-ха—раскатисто захохоталъ Ланца въ отвѣтъ на эти слова,—какое у васъ, однако, пылкое воображеніе. На какіе пустяки вы обращаете вниманіе... Вотъ вы еще ничего не знаете?.. я только вчера вечеромъ получилъ королевское повелѣніе... А сегодня вы увидите, чортъ побери, какъ я во исполненіе воли государя нѣсколькими словами обращу всѣхъ палермитанцевъ къ повиновенію законнымъ властямъ. И забудутъ они о своей революціи. Ну, и тогда пусть является къ намъ Гарибальди; милости просимъ. Поймаемъ его, ха-ха-ха, закуемъ въ кандалы и отправимъ въ Неаполь.

— Прощайте, прощайте,—заключилъ генераль, всласть еще похотавъ,—мнѣ некогда. Сегодня утромъ все сами увидите. Только ради Бога не выдумывайте больше загадокъ, Я лучше всѣхъ васъ знаю народъ... ха-ха...

И, продолжая смѣяться, намѣстникъ удалился, молодецки покручивая усы и выставляя впередъ грудь, украшенную орденами.

— Что это за человекъ такой!—думалъ про себя озадаченный Манискалько—Если такимъ господамъ поручается охранять монархію, такъ, пожалуй, надо сознаться, что она не долго продержится.

И онъ быстро вышелъ на улицу. Тамъ его ожидало разъясненіе намековъ генерала на «только что полученныя имъ важныя повелѣнія изъ Неаполя».

Обѣ главныя улицы, Толедо и Макведа, пересѣкающіяся на небольшой изящной площади Quattro Cantoni (Четырехъ угловъ) и раздѣляющія городъ на четыре части, были заняты длинными линіями войска, пѣхоты и кавалеріи. Мѣстами выглядывала артиллерія. Тутъ было 20.000 солдатъ. Казалось, ихъ вывели на смотръ. Всѣ ожидали начальства. Зрѣлище было внушительное: повидимому, правительство имѣло въ виду показать строптивымъ обывателямъ, какими средствами располагаетъ оно для того, чтобы держать ихъ въ повиновеніи.

На стѣнахъ домовъ были наклеены большіе листы манифеста, коимъ возвѣщалось, что его величество Францискъ II даруетъ вновь конституцію 1812 года и объявляетъ полную амністію по политическимъ преступленіямъ.

Это и былъ тотъ манифестъ, о которомъ упомянулъ Ланца въ разговорѣ съ Манискалько.

Невзирая на красиво разставленныя войска,—что всегда привлекаетъ толпу,—улицы были совершенно пусты; окна и ворота въ домахъ заперты; ни одинъ магазинъ, ни одна лавочка еще не открывались, хотя былъ уже десятый часъ. А главное, на всѣхъ запертыхъ воротахъ и ставняхъ были наклеены широкія полосы черной бумаги, которыя въ Сициліи обыкновенно означаютъ семейный трауръ. Сегодня же не нѣсколько частныхъ семействъ выражали этимъ способомъ свой трауръ, а все населеніе столицы.

Между тѣмъ намѣстникъ Ланца назначилъ военный смотръ по случаю объявленія манифеста, увѣренный, что и то и другое вызоветъ всеобщую радость, восторги обывателей. И вдругъ мертвая тишина и трауръ, мрачная тѣнь котораго какъ бы ложилась на бурбонскую монархію.

Намѣстникъ генералъ Ланца появился въ десять часовъ на главной улицѣ Толедо верхомъ, сверкая звѣздами и крестами, на груди, повязанный трехцвѣтнымъ шарфомъ цвѣтовъ объединенія. Окруженный блестящей, многочисленной свитой, онъ объѣхалъ длинныя линіи войскъ: ни одного пѣшехода, ни одного лица въ окнахъ. Когда онъ доѣхалъ до порта Феличе, триумфальной арки, которою заканчивается главная, всегда кипящая бойкимъ оживленіемъ улица, то наконецъ сообразилъ, что произошло нѣчто неладное. Онъ сорвалъ съ себя трехцвѣтный шарфъ революціонеровъ и спросилъ одного изъ своихъ адъютантовъ:

— Да что же это значитъ? Развѣ народъ не хочетъ больше конституціи? Чего ему еще надо?

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ молодой человекъ, который впоследствии былъ однимъ изъ доблестнѣйшихъ офицеровъ войскъ Виктора-Эмануила,—я полагаю, что это месть павшихъ за свободу въ 1799 и 1848 годахъ.

XXIV.

Гарибальди въ Сициліи—Высадка.—Восторженная встрѣча.—Калатафимскій бой.

Цезарь Бесси, конечно, ни секунды не медля послѣ обыска, скрылся изъ Палермо. Манискалько былъ такъ пораженъ неудачей своихъ поисковъ, что забылъ распорядиться тотчасъ же насчетъ наблюденія за мнимымъ баварцемъ. А когда вспомнилъ о немъ, возвращаясь отъ намѣстника, то уже простылъ и слѣдъ опаснаго заговорщика.

Бесси направился съ величайшими предосторожностями къ западному берегу Сициліи, гдѣ, какъ онъ зналъ, на дняхъ долженъ высадиться Гарибальди. Онъ по дорогѣ встрѣтилъ Карлуччо, который, по совѣту писателя Гальди, давно уѣхалъ изъ Неаполя въ Сицилію и принималъ дѣятельное участіе въ возстаніи. Его хорошо зналъ Цезарь, любилъ его за прямодушіе, смышленность и преданность дѣлу и нерѣдко возлагалъ на него серьезные порученія.

Утромъ 14-го мая они оба подходили пѣшкомъ къ городу Марсалѣ и едва завидѣли море, внимательно стали вглядываться въ суда, двигавшіяся около залива.

Они уже знали отъ попавшагося имъ у города пастуха, который гналъ на пастбище своихъ козъ, что на одномъ изъ этихъ судовъ плыветъ генералъ Галибардо. ¹⁾ Пастухъ былъ, видимо, въ очень радостномъ настроеніи духа.

— Гарибальди здѣсь! Гарибальди въ Марсалѣ. Герои объединенія и свободы въ Сициліи!—восклицалъ Цезарь Бесси, задыхаясь отъ радостнаго волненія.—Понимаешь ли ты, Карлуччо, что значитъ это? Это значитъ — спасеніе острова Сициліи и единство всей Италіи.

И оба побѣжали къ побережью залива, чтобъ видѣть, что совершается на морѣ.

Море и живописный городокъ были облиты яркимъ, веселымъ утреннимъ свѣтомъ. Три бурбонскихъ корабля, «Стромболи», «Капри» и «Партенопе», гнались за двумя судами—«Ломбардія» и «Пьемонтъ», на мачтахъ которыхъ развѣвались трехцвѣтные флаги. Бурбонскія суда подошли къ широкому входному отверстію въ заливъ и стали по обѣимъ сторонамъ, какъ бы намѣреваясь схватить быстро приближающіяся «Пьемонтъ» и «Ломбардію».

Бесси былъ человѣкъ твердый, много испытавшій, безстрашный; но въ эту минуту онъ трепеталъ. Карлуччо закрылъ лицо руками.

¹⁾ Южно-итальянское простонародье, среди котораго Гарибальди популяренъ какъ полубогъ, спасшій отъ сатаны, доселѣ коверкаетъ его фамилію.

Неужели бурбонская флотилія овладѣтъ гарибальдійскими судами? Послѣднія все-таки шли смѣло впередъ ко входу въ заливъ. Вотъ уже можно отличить на нихъ фигуры матросовъ. Вонъ на самомъ носу «Ломбардіи» стоитъ Гарибальди. Онъ спокойно отдаетъ приказанія и, кажется, улыбается. Улыбается—когда на непріятельскихъ корабляхъ зажженные фитили уже у затравокъ.

И вдругъ со всѣхъ сторонъ раскатились грохотъ и эхо пушечныхъ выстрѣловъ. Море, берега залива, суда—все исчезло въ густыхъ облакахъ дыма.

Прошло нѣсколько минутъ мучительной неизвѣстности, покуда дымъ разсѣивался. А когда прояснилось, то съ берега стало видно, что два англійскихъ военныхъ колосса, «Аргусъ» и «Быстрый», уже нѣсколько дней крейсировавшіе вблизи Марсалинскаго залива, продвинулись между бурбонскими кораблями и судами, на которыхъ приплыла Тысяча ¹⁾.

Высадка волонтеровъ началась скоро.

Дотолъ всѣ жители Марсалы толпой стояли на соборной площади. Теперь съ оружіемъ и трехцвѣтными знаменами въ рукахъ они сбѣгали къ прибрежью.

Гарибальдійцы спускались со своихъ кораблей вполне вооруженные. Немногіе солдаты бурбонской военной стражи, замѣшкавшіеся въ городѣ, слышали вонъ, что есть мочи. Въ какіе-нибудь пять минутъ весь городокъ украсился трехцвѣтными флагами.

Самъ Гарибальди былъ встрѣченъ радостными восторженными кликами народа. Толпа—едва онъ ступилъ на берегъ—подхватила его и внесла на рукахъ въ зданіе думы, гдѣ въ этотъ историческій моментъ жизни Италіи громогласно и единодушно онъ былъ провозглашенъ диктаторомъ. Повсюду гремѣли клики: «Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ король Викторъ-Эмануиль!»

Слѣдующей ночью изъ революціоннаго комитета Марсалы были разсланы всѣмъ сициліанскимъ комитетамъ слѣдующія воззванія:

«Вы, которые первые въ Италіи вступили въ союзъ съ нами для того, чтобы сражаться съ бурбонской ордой, извѣстите насъ, гдѣ именно вы имѣете въ виду сойтись для соглашенія съ нами и для установленія плана дѣйствій противъ королевскихъ войскъ. Славный генераль Гарибальди съ нами». «Ла Масса».

Гарибальди же со своей стороны обнародовалъ такую прокламацію.

«Сициліанцы!

¹⁾ Несмотря на дипломатическія и историческія изслѣдованія, доселѣ не выяснено, намѣренно или случайно англійскія военныя суда защитили отъ бурбонскихъ экспедицію Гарибальди въ этотъ критическій моментъ. Тысячей вовуть вообще отрядъ волонтеровъ Гарибальди, едва достигавшій этого числа.

«Я къ вамъ привелъ отрядъ храбрецовъ, собравшихся на геройскій кличъ Сициліи. Со мной уцѣлѣвшіе бойцы ломбардской борьбы; мы будемъ съ вами.—Намъ ничего не нужно, кромѣ свободы земли вашей.—Всѣ въ единеніи,—тогда работа наша будетъ легка и коротка. Итакъ, къ оружію! Кто не возьмется за оружіе — тотъ, значить, подлый трусъ или измѣнникъ. У насъ ружья будутъ для васъ; но, покуда можно, за нуждой довольствоваться какимъ бы то ни было оружіемъ.—Городскія и общественныя думы озаботятся о малыхъ дѣтяхъ, о женщинахъ и старцахъ.—Всѣ къ оружію!—Сицилія еще разъ покажетъ, какъ выражается истинная любовь къ свободѣ единодушно дѣйствующаго народа.

«Джузеппе Гарибальди».

Цезарь Бесси, вновь очутившійся среди своихъ друзей, стремящихся къ одной и той же великой цѣли, былъ невыразимо счастливъ. Онъ вмѣстѣ съ толпой шумно и радостно привѣтствовалъ диктатора-освободителя.

— Да,—сказалъ онъ Криспи,—сила можетъ подавлять право, но никогда не можетъ его раздавить. Сегодня въ Марсалѣ провозглашено право Италіи на свободу и независимость.

Мы не задаемся цѣлю описывать торжественное шествіе Джузеппе Гарибальди изъ конца въ конецъ Сициліи. Оно блистательно изложено другими писателями.

Однако мы обязаны прослѣдить за дѣйствующими лицами нашего романа, принимавшими участіе въ событіяхъ, которыя нынче, спустя менѣе, чѣмъ полстолѣтія, представляются легендарными.

Марсала встрѣтила гарибальдійцевъ съ энтузіазмомъ. Старые и молодые, женщины и мужчины, бѣдные и богатые, люди всѣхъ классовъ и положеній могучимъ единодушнымъ хоромъ потрясали стѣны древняго города кликами: «Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Италія!»

Прибывшихъ гарибальдійцевъ буквально носили на плечахъ по улицамъ. То были лавры.

Но Гарибальди не любилъ успокоиваться на лаврахъ. Онъ хорошо зналъ, что побѣда часто является послѣдствіемъ быстрыхъ и рѣшительныхъ движеній.

Онъ прибылъ вчера утромъ, высадился благополучно, почти что чудодѣйственно приобрѣлъ для революціи такой важный торговый городъ, какъ Марсала.

А на зарѣ слѣдующаго утра уже двинулся въ походъ, навстрѣчу неприятелю, намѣреваясь разбить его на высотахъ Калатафиме.

Казалось, «Левъ» ¹⁾ сгоралъ отъ нетерпѣнья, жаждалъ помѣряться силами съ врагомъ, чтобъ окрестить кровью своихъ добро-

¹⁾ Такъ прозвали Гарибальди въ то время.

вольцевъ. Словно его сердце чуюло побѣду, изъ которой должна возродиться яркая звѣзда Итали.

Въ Рампагалло, имѣнны барона Мистретта, гарибальдійцы радостно встрѣтились съ первымъ отрядомъ вооруженныхъ сицилианскихъ *ricciotti*, (парней, парубковъ), подъ предводительствомъ барона Сантанна. Далѣе въ Салеми къ нимъ присоединились другіе, вооруженные отличными ружьями и карабинами, отряды, подъ командой Коппола и монаха отца Пантелея.

Сантанна сообщилъ генералу, какими отрядами и подъ чьей командой заняты для защиты отъ бурбонскихъ войскъ мѣстности, лежащія по бокамъ пути слѣдованія отряда, предводимаго Гарибальди.

Гарибальди, остановивъ свою лошадь, покуда Сантанна ему докладывалъ, съ мягкой улыбкой замѣтилъ:

— Я здѣсь тоже для того, чтобы защищать страну отъ бурбонцевъ. Намъ нужно спѣшить; надо побѣдить быстро, чтобъ успѣть на подмогу храбрымъ сицилианцамъ, которые шесть мѣсяцевъ борются неустанно.

Сказавъ это, онъ приложилъ руку къ шляпѣ и поскакалъ впередъ, сопровождаемый своимъ старшимъ сыномъ, Менотти Гарибальди, и офицерами Скиафини и Эліа.

Душа Гарибальди была чиста, какъ алмазъ, и такъ же тверда. Онъ смѣло шелъ навстрѣчу непріятелю, далеко не слабому, отлично вооруженному, дисциплинированному, успѣвшему окопаться. Численно непріятель превосходилъ небольшое войско, слѣдовавшее за генераломъ Гарибальди.

Онъ все это понималъ, сознавалъ великую отвѣтственность въ дѣлѣ, которое добровольно принялъ на свои плечи, но оставался добръ, веселъ, шутилъ и смѣялся.

Иногда, не прерывая движенія колонны впередъ, онъ самъ уклонялся въ сторону для развѣдокъ вмѣстѣ съ вожатыми.

Въ 10 часовъ 15 мая онъ сталъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

У полковника Ланди было 3.000 солдатъ. Кромѣ того, у него было значительное число артиллерійскихъ орудій. Онъ успѣлъ хорошо укрѣпиться и окопаться на горѣ Піанто, около Калатафиме. Вершина Піанто почти плоская, обрамленная низкими скалами, за которыми очень расчетливо были расположены бурбонскіе стрѣлки и артиллерія.

Противъ Піанто, отдѣленная отъ нея узкой и неглубокой долиной, вздымается величаво гора Піетралунга. На сѣверной ея оконечности (слѣдовательно, съ сѣверной стороны Гарибальди) и какъ бы нѣсколько отдѣляясь отъ Піетралунга, стоитъ высокій, но узкій скалистый утесъ, называемый Ландро, покрытый кустарниками, мхомъ и частію полями пшеницы.

Гарибальди быстро, какъ всегда, сообразилъ, какія выгоды онъ можетъ извлечь изъ такого топографическаго положенія, и сообразно

своимъ расчетамъ размѣстилъ войска, которыми командовалъ. Въ сущности по численности у него подъ рукой было едва ли болѣе 2.000; но размѣстилъ онъ своихъ солдатъ изумительно выгодно. Ихъ позиціи не могли быть укрѣплены, но естественныя прикрытія были имъ очень полезны, а главное мѣсто ихъ расположенія находилось выше, чѣмъ вершина горы Піанто, гдѣ стояли бурбонцы.

На лѣвой сторонѣ горы Піетралунга, имѣющей форму огромныхъ, немного раскрытыхъ ножницъ, стояли развернутымъ фронтомъ одна за другой шеренги генуэзскихъ карабинеровъ, 7-ая рота волонтеровъ подъ командой Кайкроли, а также—въ центрѣ позиціи—8-ая рота подъ командой Карини. Правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ 6-ой и 8-ой ротъ волонтеровъ, командовалъ Анфосси.

Остальныя роты волонтеровъ расположились во второй линіи, а за ними, на самомъ ребрѣ горы, стоялъ батальонъ Нино Биксіо. Это былъ резервъ.

Орудій у Гарибальди было только два, привезенныхъ на «Ломбардіи». Прислугу при нихъ замѣняли матросы судовъ, на которыхъ приплыли гарибальдійцы. Эти пушки теперь стояли на склонѣ горы Ландро, онѣ приходились немного выше бурбонскихъ окоповъ, но были скрыты кустарниками. Командовалъ ими Орсини¹⁾.

На значительной высотѣ этой горы существовалъ, и существуетъ доселѣ, могучій старый дубъ, раскинувшійся такъ густо и широко, что горячіе лучи солнца не могутъ проникать подъ его сѣнь. Тамъ всегда тѣнисто и прохладно.

Солнце было уже высоко; оно обливало яркимъ золотомъ и горы и долины. Но ни на поляхъ, ни около жилищъ и садовъ внизу не видно было никакого движенія. Всюду царила тишина.

Вдругъ въ самой глубинѣ долины раскатился дружный взрывъ многихъ голосовъ, и опять все погрузилось въ безмолвіе.

— Это, значить, наши пиччуотто²⁾ пришли,—замѣтилъ Турръ, старшій адъютантъ Гарибальди.

— Да,—отозвался генералъ:—черезъ полчаса, когда атака начнется, наши два орудія должны быть перенесены вонъ туда—указывая на одинъ изъ скалистыхъ гребней между Піетралунга и Ландро. — Распорядитесь, чтобы пушки перетасили на рукахъ. Для прикрытія имъ назначьте отрядъ парубковъ. Скажите Сантанна и графу Коппола, что они непременно должны сбить съ позиціи непріятельскія батареи.

¹⁾ Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ Орсини въ Парижѣ бросилъ бомбу подъ экипажъ Наполеона III и былъ казненъ. Пр. пер.

²⁾ Пиччуотто (Picciotto) слово южно-итальянскаго діалекта, означаетъ вообще—молодого человѣка, парня, парубка. Но имѣетъ много отгѣчныхъ значеній. Гарибальди называлъ такъ молодыхъ добровольцевъ изъ мѣстнаго простонародья. Мы далѣе будемъ замѣнять это слово—парубками.

Примѣч. перев.

— А вы, Сартори,—обратился Гарибальди къ начальнику своего штаба,—передайте мое приказаніе Орсини: онъ долженъ поддерживать колонну парубковъ.

Сартори побѣждалъ бѣгомъ исполнять приказанія.

Колоколь какой-то деревеньки, едва замѣтной, затерянной въ горахъ, пробилъ полдень. Еще не смолкло эхо, какъ Гарибальди, ни на секунду не сводившій глазъ съ непріятельской позиціи, подмѣтилъ движеніе. Небольшая колонна бурбонскихъ стрѣлковъ Санніо стала въ большемъ порядкѣ развертываться по скату горы и готовится стрѣлять.

— Турръ! — крикнулъ Гарибальди: — бѣги скорѣе къ Орсини, скажи чтобъ онъ не позволялъ стрѣлять—даже шевелиться—своимъ людямъ, которые теперь скрываются, лежа въ поляхъ пшеницы.

И когда Турръ удалился, генераль самъ быстрыми шагами направился въ другую сторону, къ крутому склону Ландро, на который съ великимъ трудомъ взбирался отрядъ парубковъ.

— Цезарь,—подозвалъ онъ знакомаго намъ Бесси:—обѣгите наши отряды, скажите всѣмъ командирамъ, чтобы ни за что не допускали своихъ ни одного выстрѣла сдѣлать. Намъ надо беречь порохъ.

Оставшись одинъ, генераль поспѣшно вернулся подъ дубъ и, недвижимый, опять сосредоточилъ все вниманіе на непріятеля: королевскіе стрѣлки продолжали спускаться съ горы.

— Это они помогаютъ нашей побѣдѣ,—негромко воскликнулъ герой, ударивъ въ ладоши по своей привычкѣ.

Разосланные адъютанты возвращались одинъ за другимъ, сообщали ему о движеніяхъ непріятеля и ожидали новыхъ распоряженій. Онъ приказывалъ не торопиться. Но, узнавъ, что люди Биксіо слишкомъ нетерпѣливо рвутся къ бою, разрѣшилъ Биксіо развернуть свой батальонъ въ боевомъ порядкѣ.

Гарибальди самъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Онъ жаждалъ видѣть трехцвѣтное знамя на вершинѣ горы Піанто. Онъ послалъ для изслѣдованія пути сначала Бесси, потомъ двухъ вожатыхъ. Онъ бы самъ понесъ туда на плечахъ пушки, если бы долгъ не приковывалъ его къ наблюдательному пункту.

Словно чуя опасность, бурбонскіе стрѣлки Санніо приостановились на половинѣ горы, сдѣлавъ только нѣсколько выстрѣловъ: ихъ пули просвистѣли надъ головами гарибальдійцевъ, скрывшихся въ поляхъ высокой пшеницы.

Гарибальди надѣялся, что бурбонцы поведутъ на него серьезную атаку. Но, увидя, что стрѣлки стали подниматься обратно, съ досады обругался, крикнулъ къ себѣ Титони, единственнаго трубача всей своей арміи, и приказалъ ему трубить «въ атаку». А адъютанту велѣлъ двинуть впередъ «парубковъ».

Гарибальди понималъ, что Ланди медлитъ атаковать его, ибо ожидаетъ подкрѣпленія изъ Палермо. Значитъ, ему, Гарибальди, не только должно одержать побѣду, но одержать ее немедленно: иначе явится двадцатитысячное войско и разобьетъ его отрядецъ.

Ему еще сегодня утромъ донесли, что изъ Палермо двинуты противъ него двѣ бригады, которымъ приказано привезти голову «авантюриста» для отправки ее въ Неаполь, въ подарокъ королю Франциску II.

Онъ, стоя подъ дубомъ словно прикованный къ нему, сталъ замѣчать движеніе на плоской вершинѣ Піанто: слышалась команда, сверкали штыки. Онъ встрепенулся и быстро, какъ молнія, разослалъ своимъ приказаніе атаковать врага.

Трубачъ трубилъ; адъютанты бѣжали во все стороны. Первой двинулась въ атаку колонна генуэзскихъ карабинеровъ. Но на первыхъ же шагахъ ея командиръ, храбрый Скіафино, былъ осыпанъ вражьиими пулями и палъ. Менотти (сынъ Гарибальди) былъ раненъ; другой командиръ, Банди, раненый продолжалъ идти впередъ.

— Въ тебѣ, знать, не одна душа сидитъ? сколько?—крикнулъ ему Кайроли.

Однако атака этой колонны была отбита: карабинеры, правда, въ порядкѣ, но отступили.

На гору словно сумерки спустились, такъ густо она застлалась дымомъ. Однако, ружейная перестрѣлка прекратилась. Но въ лѣсистыхъ частяхъ мѣстности было всеѣмъ мрачно.

Биксио, стоявшій со своимъ батальономъ въ резервѣ, двинулся впередъ, бросился въ атаку, однако геройская смѣлость не помогла: позиція непріятели была слишкомъ хорошо укрѣплена.

Весь склонъ горы былъ уже усѣянъ мертвыми и ранеными. Земля жадно пила кровь славныхъ сыновъ Италіи; солнце ярко освѣщало театръ жестокаго боя. А труба Титони все еще призывала къ атакѣ.

Миссори, командовавшій отрядомъ вожатый¹⁾, былъ искалѣченъ: лѣвый глазъ былъ выбитъ, лицо истерзано пулей, окровавлено. Но онъ продолжалъ усердно прислушиваться къ звукамъ, доносившимся съ плоской вершины Піанто. То были торжествующіе клики: «да здравствуетъ король!»

Генуэзскіе карабинеры переводили духъ и набирались силъ. Волонтеры Биксио, разъ выдвинувшись на позицію, не отступали, но стрѣляли вяло, стоя за скалистымъ прикрытіемъ.

Карини, Анфосси, Кайроли и другіе начальники не переставали воодушевлять волонтеровъ.

Трубачъ все трубилъ «въ атаку». Однако, никто не двигался впередъ: чувство позора и отчаянія распространялось повсюду.

¹⁾ Вожатыми назывались лица, замѣняющія офицеровъ генеральнаго штаба.

Биксіо схватилъ свою саблю за оба конца и въ неописуемомъ отчаяніи собирался переломить ее. Чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо. Это былъ Гарибальди; онъ пришелъ умереть со своими товарищами. Въ этотъ моментъ поручикъ Банди подбѣжалъ къ генералу, раскрылъ ротъ, чтобы сообщить ему что-то. Но упалъ на колѣни, потомъ растянулся: его разомъ поразило нѣсколько пуль, послѣдняя пришлась въ грудь.

— Не унывай,—крикнулъ ему Гарибальди:—отъ такихъ ранъ не умираютъ.

Вмѣстѣ съ Биксіо генераль перенесъ раненаго въ болѣе безопасное мѣсто, а потомъ обратился къ столпившимся около него добровольцамъ.

— Отдохните, дѣтки, отдохните; а затѣмъ понатужьтесь немножко—и побѣда наша.

Вождь былъ совершенно спокоенъ и говорилъ просто, но съ увѣренностію.

Обѣ враждующія стороны было одинаково воодушевлены, одинаково храбры. Только королевскія войска числомъ превосходили гарибальдійскія.

— Подождемъ еще нѣсколько минутъ,—прибавилъ генераль, внимательно поглядывая на гору Ландро, изъ-за которой, какъ онъ ожидалъ, должны съ секунды на секунду появиться «парубки».

Онъ замѣтилъ, что около этой горы вьется между кустами тропка, и пошелъ по ней въ обходъ совершенно одинъ; скоро онъ очутился такъ близко къ непріятельской позиціи, что могъ довольно ясно различать лица солдатъ королевско-неаполитанскаго батальона, расположившихся подъ прикрытіемъ низкаго выступа скалы. Около ногъ Гарибальди съ горы бѣжалъ, ласково журча, ключевой ручеекъ, освѣжая росшій по его берегамъ мохъ. Все было тихо, то былъ часъ передышки и вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщаго трепетнаго ожиданія...

Вдругъ послышалось ржанье коня. Ретивая сициліанская лошадка изъ мѣстной породы горячихъ коней, словно родившихся въ кратерѣ Этны, не терпящихъ узды, мчалась, какъ вихрь, прямо къ непріятельскимъ окопамъ, надъ которыми развѣвался бѣлый бурбонскій флагъ. Юноша сидѣлъ на ней, уцѣпясь руками за густую длинную гриву. Гарибальди зналъ въ лицо всѣхъ своихъ. Глаза его блеснули на мигъ, но лицо омрачилось, и онъ прошепталъ.

— Бѣдный Эрнестъ несетя навстрѣчу вѣрной смерти.

Этотъ юноша былъ родомъ изъ Брешии ¹⁾, его звали Эрнестъ делла Торре. Ему было всего шестнадцать лѣтъ, онъ былъ красивъи строенъ; къ отряду Гарибальди онъ присоединился еще въ Генуѣ.

¹⁾ Въ Сѣверной Италіи.

— Въ атаку!—раздался мощный голосъ великаго вождя. Его войско, къ которому онъ вновь приблизился, встрепенулось. Онъ самъ, съ обнаженной саблей въ рукѣ, шелъ впереди, зорко глядя впередъ на укрѣпленныя позиціи врага, который мгновенно открылъ сплошной безпощадный огонь. Пули свистѣли около Гарибальди.

Добровольцы съ ружьями, сверкавшими штыками, бойко шли въ атаку.

Долина и склоны горы обратились въ какой-то адъ.

Одинъ неаполитанецъ, участвовавшій въ этой битвѣ, какъ королевскій солдатъ, рассказывалъ много лѣтъ спустя автору о тогдашнихъ впечатлѣніяхъ:

— Мы смерть словно глазами видѣли, словно руками осязали ее. Гарибальдійцы дрались, какъ дьяволы, вырвавшіеся изъ преисподней.

Этотъ старый ветеранъ не преувеличивалъ. Бурбонцы отважно защищались, а гарибальдійцы нападали съ неудержимою яростью. Они дрались на глазахъ своего любимаго вождя, и это удесятряло ихъ силы, ихъ беззаветную храбрость.

Гарибальди уже достигъ непріятельскихъ окоповъ. До нихъ оставалось какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ, когда Эліа, одинъ изъ его полковниковъ, сказалъ ему:

— Генералъ, берегитесь: если васъ поразитъ пуля—все погибло...

Эліа не успѣлъ еще договорить, какъ замѣтилъ, что бурбонскій стрѣлокъ цѣлится въ Гарибальди. Не задумываясь ни секунды, полковникъ сталъ, какъ щитъ, впереди своего вождя и тутъ же палъ наземь, смертельно раненый. Генералъ остался невозмутимъ; взглядомъ поблагодарилъ своего спасителя, а самъ продолжалъ итти впередъ.

Нино Биксіо, другой изъ его сподвижниковъ, хотѣлъ было остановить его.

— Нѣтъ, Нино, теперь надо или побѣдить, или умереть,—отвѣтилъ онъ невозмутимо и бѣгомъ ринулся въ атаку вмѣстѣ со своими храбрецами.

Въ это время со стороны горы Ландро раздались радостные клики: двѣ пушки, доголѣ спрятанныя на ея склонахъ, которыми командовалъ Орсини, открыли огонь, успѣшно направленный на непріятельскія прикрытія, такъ успѣшно, что бурбонскіе солдаты, стоявшіе въ сферѣ орсиньевскихъ выстрѣловъ, скоро вынуждены были отступить. Счастье какъ будто начинало улыбаться Италиі... И улыбнулось.

Объединители Италиі побѣдили врага подъ Калатафиме, хотя потери съ обѣихъ сторонъ были огромныя. Въ приказѣ, отданномъ Гарибальди вечеромъ этого великаго дня, вождь говорилъ:

«Глубоко скорбя, что по жестокой необходимости намъ пришлось драться противъ итальянскихъ солдатъ, мы, однако, обязаны сознаться, что они сопротивлялись съ доблестью, достойной лучшей цѣли».

Въ письмѣ же, написанномъ на другой день своему другу Бельтрани, онъ говоритъ между прочимъ:

«Неприятель отступилъ передъ штыками моихъ старыхъ альпійскихъ стрѣлковъ. Защищался онъ очень храбро и покинулъ свои позиціи только послѣ жестокаго рукопашнаго боя».

«Сраженія, въ которыхъ мы принимали участіе въ Ломбардіи, далеко не были столь серьезны и упорны, какъ вчерашнее. Неаполитанцы королевскихъ войскъ, разстрѣлявъ всѣ патроны, въ отчаяніи осыпали насъ градомъ камней, которые подбирали тутъ же около себя на землѣ».

До конца своей жизни Гарибальди повторялъ, что битва при Калатафиме была самымъ славнымъ дѣяніемъ сыновъ Италіи, что родина должна вѣчно помнить о ней.

XXV.

Картонные генералы.—Сдача королевской арміи.—Бурбонскіе солдаты братаются съ гарибальдійцами.

Гарибальди, какъ Юлій Цезарь въ Галліи, могъ бы сказать въ Сициліи: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

На холмахъ Жибильрозы, на вершинѣ горы Пеллегрино, надъ развалинами Сагунта, надъ черными утесами развѣвалось трехцвѣтное знамя свободы.

Италія во вѣки вѣковъ не забудетъ, что она обязана своимъ единствомъ и освобожденіемъ доблестнымъ сынамъ Этны и Орето ¹⁾.

Гарибальди побѣдилъ врага подъ Калатафиме, въ Палермо, подъ Милаццо. Высадившись въ Марсалѣ въ половинѣ мая, онъ побѣдоносно прошелъ по всей Сициліи; 8-го августа уже переплылъ Мессинскій проливъ; а 20-го того же мѣсяца расположился лагеремъ около калабрійской равнины Бевилаква.

Бурбонскій генералъ Гіо, которому король довѣрилъ командованіе четырнадцатитысячнымъ войскомъ, подвелъ свою армію къ этой же равнинѣ узкимъ горнымъ проходомъ, такъ что королевскіе полки очутились въ положеніи, весьма сходномъ съ тѣмъ, въ которомъ когда-то были римскіе легіоны, попавшіе въ Кавдинское ущелье.

Давъ роздыхъ войску, генералъ Гіо созвалъ военный совѣтъ. Совѣтъ собрался въ горной хижинѣ, куда съ трудомъ втащили добытый гдѣ-то большой столъ и нѣсколько стульевъ для старѣйшихъ офицеровъ.

¹⁾ Этна—вулканъ въ Сициліи, Орето—рѣка.

Другой мебели въ закопченной съ потолка до полу хатѣ не было. Зато изъ окна были ясно видны противолежащія за равниной холмы, на которыхъ расположились гарибальдійскіе волонтеры.

Послѣ совѣта генераль Гіо объѣхалъ свои войска, стоявшія бивакомъ въ западнѣ, куда онъ ихъ завелъ. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, со множествомъ орденовъ и звѣздъ, которые были приобрѣтены имъ за то, что онъ умѣлъ хорошо танцевать съ безстыжей супругой покойнаго Франциска I, и за то, что умѣлъ угождать монсиньору епископу Кокіе.

Гіо, человѣкъ, которому династія его благодѣтелей обязана своимъ окончательнымъ паденіемъ, былъ назначенъ капитаномъ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего появленія на свѣтъ благодаря придворнымъ интригамъ, а главное взяткамъ, которыя получилъ всемогущій Микель-Анжело Велья, старшій камердинеръ короля.

Поэтому не только военные, но и придворные прозвали его кавалеромъ ордена свивальника. Поговаривали, что онъ большой пьяница.

Какъ мы уже сказали, Гіо вечеромъ объѣзжалъ свои войска. Онъ былъ выпивши, хвастался; вообще держалъ себя неприлично. Безпрестанно соскакивалъ съ лошади и обращался къ группамъ офицеровъ, солдатъ, даже маркитантокъ и вездѣ повторялъ: «Веселитесь, пируйте, потому что теперь Гарибальди—капуть».

Однако на слѣдующее утро онъ вынужденъ былъ опять созвать военный совѣтъ.

Онъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, поддерживая голову обѣими руками, и старался имѣть весьма озабоченный видъ. На самомъ же дѣлѣ у него трещала голова отъ вчерашней попойки, и его злила сигара, которая скверно курилась. Вѣки его безпрестанно смыкались; глаза были осовѣлые, а взглядъ неподвижный.

Ближе къ нему сидѣли Гуарини Кенигъ, Марквецъ, Мортелли, такіе же паркетные рыцари, какъ и онъ самъ, извѣстные въ аристократическомъ Café d'Europe подъ общимъ прозвищемъ «картонныхъ генераловъ». Они болтали теперь между собой, но вполголоса, дабы не нарушать глубокой задумчивости президента, злившася на непокорную сигару.

Полковникъ Капассо, получившій образованіе въ военномъ училищѣ, весьма храбрый офицеръ, родомъ неаполитанецъ, стоялъ у окна. Онъ только что покинулъ свое мѣсто за совѣщательнымъ столомъ, гдѣ довольно крупно поспорилъ съ картонными генералами. Распахнувъ окна, онъ старался успокоиться, вдыхая живительный горный воздухъ и любуясь величавыми очертаніями горы Суваріи, господствовавшей надъ ущельемъ.

Всталъ тоже и Гіо. Онъ положилъ на столъ свою шляпу съ плюмажемъ, которой раньше не снималъ, прошелся по комнатѣ,

все еще стараясь казаться глубокомысленнымъ. Потомъ приблизился къ окну, чтобы полюбоваться своимъ конемъ-парадеромъ, котораго на улицѣ денщикъ держалъ подъ уздцы.

— Ты положилъ въ кобуры мои пистолеты?—спросилъ онъ денщика.

Мирный генералъ, который въ жизнь свою ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья, всегда наблюдалъ, чтобъ его заряженные пистолеты находились поблизости.

Два солдата стояли вытянувшись на часахъ по обѣимъ сторонамъ дверей лачужки, въ которой засѣдалъ совѣтъ, и никого не пропускали въ нее. Довольно многочисленная группа офицеровъ всѣхъ родовъ оружія скопилась на дорогѣ недалеко отъ лачужки, желая возможно скорѣй узнать, что рѣшатъ начальники. Изрѣдка раздавался ружейный выстрѣлъ; эхо перекатывалось по ущелью, и опять наступала тишина. Офицеры вполголоса обмѣнивались мыслями.

— Такъ вотъ чего хочетъ кавалеръ свивальника!—замѣтилъ стрѣлковый поручикъ Ди Джіакомо.—Только, по-моему, лекарство окажется опаснѣе болѣзни.

— Наше войско находится въ такомъ положеніи, наши военныя власти такъ безпечны и безтолковы, что ни въ Салерно ¹⁾, ни въ Неаполѣ королевскія войска не могутъ задержать никакого непріятеля. И могу васъ увѣрить, что Гарибальди вступитъ въ столицу, не удостоивъ насъ даже обнажить свою саблю,—добавилъ другой офицеръ.

Между тѣмъ засѣдавшіе въ хижинѣ члены военнаго совѣта безмолвствовали, поглядывая на Гіо, который продолжалъ тоже молча шагать взадъ и впередъ. Онъ еще больше и больше хмурился; повидимому, его безпокоила забота, тяжелая забота.

Неожиданно между двумя зѣвками и затыжкой табакомъ онъ разразился безцеремонными жалобами на положеніе, въ которомъ находилось войско, довѣренное ему королемъ.

— Со всѣхъ сторонъ мы окружены этими бунтовщиками,—кричалъ онъ.—Они могутъ обстрѣливать насъ какъ хотятъ, потому что укрѣпились на выгодныхъ высотахъ... Намъ здѣсь удержаться невозможно...

И Гіо сердито ударилъ кулакомъ по столу, который былъ покрытъ зеленымъ сукномъ, какъ бы въ ознаменованіе того, что тутъ идетъ игра, ставкой въ которой корона Франциска II.

Кенигъ поспѣшилъ склонить голову въ знакъ согласія.

— Это совершенная правда,—отозвался и Марквецъ:—мы въ отвратительномъ положеніи. Непріятель за плечами. Самая ничтожная попытка сопротивляться намъ можетъ стоить жизни.

¹⁾ Большой городъ между Калабріей и Неаполемъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮЛѢ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

І. Богословіе.

Горючко, Платонъ. Аванасій Вольховскій, епископъ моголевскій и полоцкій. Гор. Могилевъ. 1902. Ц. 15 к.

Свѣтловъ, п. я. Крестъ Христовъ. Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ. (Опытъ изъясненія догмата искупленія). К. 1907. Ц. 3 р.

ІІ. Философія, психологія, логика.

Аттинсонъ, Вильямъ Вольнеръ. Уходъ за памятью. Искусство наблюденія, запоминанія и припоминанія. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Синга, Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Васманъ Эрихъ. Неодарвинизмъ и христіанство. Переводъ съ нѣмецк. С. Троицкаго. Спб. 1907. Ц. 30 к.

«Эозимъ». Перев. съ англ. подъ ред. В. Синга. Шестая часть, такъ называемой, серіи Флауэра. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Румянцевъ Н. Экспериментальное изслѣдованіе личности. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Толстой, Л. Н. Въ чемъ моя вѣра? М. 1907. Ц. 60 к.

— І. О жизни. ІІ. О новомъ жизнепониманіи. М. 1907. Ц. 50 к.

«Чтеніе мыслей». Сост. Б. Ф. Пер. съ англ. подъ ред. В. Синга. Съ иллюстр. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Шестовъ, А. Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше. (Философія, и проповѣдь). Спб. 1907. Ц. 1 р.

ІІІ. Словесность.

Алухтинъ, А. Н. Сочиненія. Шестое, по-смертное, изданіе. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Спб. 1907. Ц. 4 р.

Бальмонтъ, К. Д. Жаръ-Птица. Свирль славянина. М. 1907. Ц. 2 р.

Бахметевъ, А. Профессоръ атлетики. Сценны изъ жизни школы физическаго развитія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Богумиль, А. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. (XVI в.—1812 г.). К. 1907. Ц. 2 р. 20 к.

Боделэръ, Шарль. Цвѣты зла. Полный переводъ А. А. Панова съ французскаго. Съ біографіей-характеристикой и портретомъ Шарля Боделэра. Изданіе Ф. И. Булгакова, 2 тома. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

«Истор. вѣстн.» августъ, 1907 г., т. сѣх.

1/225

- Брюсовъ, В. Лицейскіе стихи Пушкина. М. 1907. Ц. 1 р.
- Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія со вступительной статьей Нестора Котляревскаго. Томъ первый и второй. Спб. 1907. Ц. за два тома 2 р. 40 к.
- Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Въ двѣнадцати томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями О. А. Венгерова. Томъ VIII. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Бѣлыя ночи. Петербургскій альманахъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 35 к.
- Васильевъ, А. И. Дружьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Венгеровъ, С. А. Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Гамсунъ, Кнутъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Голодь. Романъ. Переводъ О. Х. Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1906. Ц. 1 р.
- Д'Аннунціо, Г. Коррадо Брандо. Современная трагедія. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Дневникъ натуралиста. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Дрожининъ, С. Д. Стихотворенія. Завѣтныя пѣсни. М. 1907. Ц. 30 к.
- Занашляева, Е. Сочиненія. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Кей, Еленъ. Очерки. Женщина. Жизненные потребности. Индивидуальность. Эволюція души. М. 1907. Ц. 1 р.
- Куперусъ. Миръ всему міру. Переводъ А. Н. Толстой. Изданіе Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Лассаль, Фердинандъ. Францъ фонъ-Зинкингенъ. Историческая трагедія. Переводъ А. и С. Крыль. Спб. Ц. 1 р.
- Лебланъ, М. Необычайныя приключенія Арсена Люпана. Перев. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Левинскій, А. И. Стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Лѣтопись. Историко-Филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. XII. Одесса. 1905. Ц. 2 р.
- XIII. Византійско-Славянское отдѣленіе. VIII. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- XIV. Одесса. 1907. Ц. 2 р.
- XV. Педагогическое отдѣленіе. Одесса. 1906. Ц. 70 к.
- Марръ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Книга X. Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Мясницкій, И. И. «Милды дамы». Юмористическіе рассказы. Изданіе пятое Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1907. Ц. 1 р.
- Навроцкій, А. А. Стенка Разинъ. Драматическая хроника въ 11-ти картинахъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Новое Слово. Товарищескія сборники. Книга первая. Москва. 1907. Ц. 1 р.
- Петровъ, Г. С., священ. Живые цвѣты. (Дѣти и взрослые). Изданіе 4-е. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Плесскій, Н. «Гамлетъ» Шекспира. X. 1907. Ц. 60 к.
- Розенеръ, П. Яковъ послѣдній. Исторія крестьянина нашего времени. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1907. Ц. 60 к.
- С. Я. Д. З. Пьесы. «А все-таки я ему измѣню», въ 1-мъ дѣйствіи. «Лебеди», въ 1-мъ дѣйствіи. Тюмень. Ц. 75 к.
- «Поклоненіе богамъ», въ 2-хъ дѣйствіяхъ. «Одичъ изъ вопросовъ», въ 1-мъ дѣйствіи. «Спаси меня», въ 1-мъ дѣйствіи. Тюмень. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1907 г. Книга восемнадцатая. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Семеновъ, Л. Диктаторъ. Политич. фантазія. 2-е изд. М. 1907. Ц. 10 к.
- Ивановъ 16-й и Соколовъ 18-й. Политическ. фантазія (продолженіе «Диктатора»). М. 1907. Ц. 10 к.
- Серета, Т. В. Опытъ критическаго разбора пьесы «Дѣти солнца» М. Горькаго. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Синилеръ, Ултонъ. Царь промышленности. Исторія одного американскаго миллионера. Перев. съ англійскаго. М. 1907. Ц. 45 к.
- Сѣтнова, А. (Катенкамль). Артель босяковъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.
- Тетмайеръ, Назимиръ. Революція. Драма. (Собраніе сочиненій т. II). Переводъ прозой А. Торскаго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Толстой, Л. Н. Письмо къ китайцу (октябрь 1906 г.). Китайская мудрость. Мысли китайскихъ мыслителей, собранныя Л. Н. Толстымъ. Изданіе «Посредника». № 685, Москва, 1907. Ц. 15 к.
- Чириковъ, Евгений. Томъ VII. Пьесы. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Шаломъ, Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Шараловъ, С. Земля и воля безъ денегъ. Публичная лекція. М. 1907. Ц. 15 к.
- Эльснеръ, А. «Гродный идолъ» или строители ада на землѣ. Соціальныи романъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Арсеньева, С. Д. Русская Великая Княжна Елена Ивановна на чужбинѣ. (Страничка изъ исторіи Западной Руси). Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Божеряновъ, И. Н. Съ міру по зерну—голодному хлѣбъ. Голодовка русскаго народа. Съ 1824 г. по 1906 г. Въ помощь голодающимъ. Спб. 1907. 20 к.
- Грушевскій, М., проф. Вопросъ объ украинскіихъ каедряхъ и нужды украинскій науки. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Грушевскій, М., проф. Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Дни Императора Павла. Записки курляндскаго дворянина. (Съ нѣмецкаго). Изданіе Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Екатерина Вторая, Императрица. Записки. Переводъ съ подлиннаго, издавнаго Императорской Академіи Наукъ, Съ 12 портретами и 5 автографами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 4 р.

Жандръ, В. (Никитина). Революціонная Россія. Перев. съ франц. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Задонскій, В. А. Фраимасонство во Французская революціи. 2 изд. X. 1907. Ц. 20 к.

Исторія культуры. Расцвѣтъ и увяданіе въ жизни народовъ. Въ 3-хъ частяхъ. Выпускъ второй. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Кайгородовъ, Д. П. И. Чайковскій и природа. Биографическій очеркъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Нулаковскій, Ю. А. Проф. Аммианъ Марцелинъ. Исторія. Перев. съ латынскаго. Выпускъ II. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Кутшебъ, С. Очеркъ исторіи обществено-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей прив.-доцента П. И. Ястребова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Мюнстербергъ, Г. Американцы. Духовная и социальная жизнь. Томъ второй. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1907. Ц. 2 р.

Тарле, Е. В. Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ. Историческіе очерки. Часть первая. Изданіе Т-ва М. О. Вольфа. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. Сельское хозяйство.

Бетнеръ, І. Садоводство для начинающихъ и любителей. Цветоводство. Огородничество. Плодоводство. Общедоступное руководство къ устройству и веденію домашняго сада. Переработалъ примѣнительно къ русскимъ условіямъ Н. И. Кичуновъ. Съ 45 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1907. Ц. 2 р. 75 к.

Винеръ, В. Навозъ и искусственныя удобрения. М. 1907. Ц. 10 к.

— Сколько земли нужно хозяйну, чтобы выгодно работать. М. 1907. Ц. 10 к.

Виноградовъ, М. Ч. Наставленіе въ ловлѣ рыбы и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Съ 85 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. Ц. 50 к.

Вороновъ, С. Домашняя сушка плодовъ и овощей и домашнее приготовленіе нѣкоторыхъ консервовъ. Съ 9-ю рис. въ текстѣ. Второе изданіе. Изданіе Ф. А. Девріена. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Еремѣева, Ю. С. О мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго сельскаго хозяйства. Докладъ 1-му отдѣленію И. В. О. въ засѣданіи 8 января 1907 г. К. 1907. Ц. 10 к.

Наменградскій, П. И. Доходное грибоводство. Культура шампиньоновъ и искусственное разведеніе трюфелей, сморчковъ, рыжиковъ, подберезовиковъ, бѣлыхъ, красныхъ и нѣкоторыхъ другихъ грибовъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Кичуновъ, Н. И. Промышленное плодоводство въ странахъ южнаго полушарія въ связи съ сухой плодовой, преимущественно солнечной. Съ 30 рис. въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Рабцевичъ, Н. Укрѣпленіе дѣйствующихъ овраговъ. Краткій практической курсъ. Съ 62 рисунками въ текстѣ, 14 фотографіями и альбомомъ чертежей. 2 части. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Сельско - хозяйственное животноводство. Сборникъ статей и свѣдѣній. Подъ редакціей проф. П. И. Кулешова. М. 1907. Ц. 1 р.

Шубартъ, И. Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хозяйства. Съ прилож. статьи проф. Леске. Перев. съ нѣм. Ю. С. Еремѣевой. 4-е изд. К. 1907. Ц. 25 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

Архангельскій, С. И. Кустарное производство растительныхъ красокъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

— Луженіе металлическихъ издѣлій. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Гартманъ, Ф. Практическое руководство для покрытія однихъ металловъ другими. Вып. I. Общія свойства металловъ. Переводъ съ 5-го нѣмецк. изд. В. Зеленкова. Спб. 1907. Ц. 40 к.

— Тоже. Вып. II. Луженіе. Перев. съ 5-го нѣмецк. изд. В. Зеленкова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Корстень, И. Желѣзо-бетонныя сооруженія. Производство работъ и расчетъ основныхъ формъ. Примѣненія желѣзо-бетона въ различныхъ сооруженіяхъ. Руководство для учащихся и для практиковъ. Перев. съ нѣмецк. С. И. Каменецкій. Часть I съ 120 чертежами въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Межеричеръ, П. И. Техническое черченіе,

расчетъ и вычерчиваніе главнѣйшихъ деталей машинъ. Съ прил. 12-ти раскрашенныхъ листовъ чертежей и 5 фигуръ въ текстѣ. Изд. 3-е, испр. и дополнен. М. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

Николаевъ, Н. Пиротехникъ - любитель. Систематическое руководство для рациональнаго изготовленія садовыхъ, водяныхъ, театральныхъ и комнатныхъ фейерверковъ. Съ 98 рис. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. Ц. 1 р. 35 к.

Орловскіе, Н. А. и П. А. Практическое руководство къ обращенію съ двухколесными моторами новѣйшаго типа. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Паленгутъ, А. Ф., инж. Деревянные дома-дачи. Руководство къ постройкѣ лѣтнихъ и зимнихъ деревянныхъ домовъ-дачъ. Съ 21 рис. въ текстѣ и атласомъ, содержащимъ проекты домовъ и хозяйственныхъ службъ, а также конструкціи отдѣльныхъ

частей ихъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Полное руководство по гражданской архитектурѣ. (Bauleitung des Architektens). Полный перев. съ 5-го нѣмецк. изданія съ измѣненіями и дополн. инженеро-строителей В. Леви и В. Келдышъ, подъ редакціей гражданского инженера Л. П. Шнишко. Отдѣлъ первый. Каменные работы. Спб. 1907. Ц. 3 р. 50 к.

Пруссаиъ, Н., инж. Сооруженіе памятника Императрицѣ Екатерицѣ Второй въ гор. Вильнѣ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Радцигъ, А. А. Прикладная механика. По лекціямъ и подъ ред. проф., составили и издали студенты А. С. Винаицкій и П. П. Ларионовъ. К. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Татариновъ, В. В. Напечатательный безпорочный прессъ. Докладъ въ Механическомъ отдѣлѣ Императорскаго Техническаго Общества 1 ноября 1906 г. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Фенисовъ, П. Н., инж. Проектъ желѣзнодорожнаго съѣзда по верху моста черезъ р. Матьеру изъ литого желѣза, отверстіемъ 30 саж. Пояснительная записка и расчетъ съ 6 листами чертежей. Спб. 1907. Ц. 3 р. 30 к.

— Проектъ желѣзнодорожнаго съѣзда по низу моста черезъ р. Малый Воронежъ изъ литого желѣза, отверстіемъ 20 саж. Пояснительная записка и расчетъ съ 8 листами чертежей. Спб. 1907. Ц. 3 р. 30 к.

— Проектъ петинскаго путепровода въ гор. Харьковѣ подъ обыкновенную дорогу длиной 133 саж. Пояснительная записка и расчетъ съ 27 листами чертежей. Спб. 1907. Ц. 10 р.

Холмогоровъ, И. Изъ побѣдки по англійскимъ машиностроительнымъ заводамъ. Краткій очеркъ современнаго состоянія англійскаго машиностроения и позднѣйшихъ успѣховъ въ конструированіи станковъ для обработки металловъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Бернштейнъ, Э. Стачка. Перев. съ нѣмецкаго. Подъ ред. А. Ю. Влоха. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Бирна труда. (По докладу Е. Пономаревой). Спб. 1907. Ц. 5 к.

Вигуру, Л. Соціальная эволюція въ Австралязіи. Переводъ К. И. Дебу. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Джемсъ, Левъ. Наша политическая экономія съ точки зрѣнія японцевъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе «Посредника». № 681. Москва. 1907. Ц. 30 к.

Джорнъ, Г. Земельный вопросъ. Его сущность и его единственное рѣшеніе. Переводъ съ англійскаго. М. 1907. Ц. 10 к.

Ермоловъ, А. С. Слово о землѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Ершовъ, М. Д. Земская реформа въ связи съ государственнымъ избирательнымъ закономъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Клоначевъ, В. Бракъ офицеровъ. Законоположенія главнѣйшихъ государствъ Запада, Исторія развитія и современное положеніе вопроса въ Россіи. Критическій обзоръ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Клячко, В. Л. Желѣзнодорожное право. Алфавитный указатель вопросовъ желѣзнодорожнаго права и претензионной практики. Вып. II. (дополненіе). Ростовъ-на-Дону. 1907. Ц. 1 р.

Кузминъ, С. Народъ и власть. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Лисенковъ, Г. И. Земельный вопросъ. (О томъ, что можно сдѣлать для поднятія благосостоянія крестьянъ). Спб. 1907. Ц. 60 к.

Мансимова, В. Артели биржевыя и трудовыя съ разъясненіями Правительствующаго Сената и приложеніемъ всѣхъ дѣствующихъ узаконеній, правилъ, образцовъ уставовъ биржевыхъ и трудовыхъ артелей и устава общества содѣлствія артельному дѣлу въ Россіи. Москва. 1907. Ц. 1 р.

Международное профессиональное движеніе. 1903—1904 гг. Отчетъ международнаго секретаріата профессиональных союзовъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. и съ предислов. Н. Розанова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Миклашевскій, А., проф. Арбитражъ и приглашеніе въ промышленныя споры. Юрьевъ-Дерптъ. 1907. Ц. 80 к.

Михайлъ, А. Какъ я сталъ народнымъ социалистомъ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1907. Ц. 10 к.

Могиленскій, Е. А. Къ вопросу о перевозкѣ донецкаго угля въ Прибалтійскій районъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Озеровъ, И. Х., проф. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. Критика русскаго расходнаго бюджета и государственнаго контроля. По неизданнымъ документамъ. Второе изданіе. Москва. 1907. Ц. 1 р.

Печковскій, В. Н. Современные задачи русской желѣзнодорожной политики и мѣстныя желѣзныя дороги. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Письма І. Ф. Беккера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др. Перев. съ нѣмецк. Политкуса. Съ письмами и биографіей Ф. А. Зорге Евг. Дицгена. Съ предисл. Н. Ленина. Ц. 2 р. 25 к.

Рейнгардъ, И. В. Радикальный переворотъ въ русскомъ государственномъ стрѣбѣ мирнымъ путемъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Россовъ, С. Характеръ дѣятельности 2-й Государственной Думы. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Ротенбергъ Л. М. Предметный алфавитный указатель къ полному своду рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Часть III и IV. Межеваніе. — Феодосія. Еваторинославъ. 1907. Безплатно по подпискѣ.

Суриный, М. Что говорятъ крестьяне о своихъ нуждахъ. М. 1907. 10 к.

Трубэцкой, Е. Н. Кн. проф. Лекція по энциклопедіи права (вмѣсто рукописи). М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Урусовъ, С. Д. Кн. Записки губернатора. Изд. 2-е. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Утинъ, В. Л. Къ вопросу о правѣ предъ-

явленія исковъ въ казнѣ по подрядамъ и поставкамъ. Спб. Ц. 15 к.

Штамлеръ, Рудольфъ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи. Переводъ со 2-го нѣмецк. изд. подъ редакціей и со вступ. статью І. А. Давыдова. Т. II. Спб. 1907. Ц. 2 р.

VIII. Медицина, гигиѣна и анатомія.

Венгловскій, Р. I. Краткій учебникъ микрoскопической и лабораторной техники. Съ 60 рисунками. Спб. 1907. Ц. 2 р. 20 к.

Гаммондъ, Вильямъ, д-ръ мед. Грѣхи молодости. Половое безсиліе мужчинъ и женщинъ. Переводъ съ послѣдняго авторизованнаго нѣмецкаго изданія. Подъ ред. д-ра К. Нейбюргера. Съ рис. Москва. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Манаровъ, Г. А. О діететическомъ значеніи кислаго молока проф. Мечникова. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Медвѣвъ, И. И., д-ръ. Какъ сохранять глаза отъ заразы и поврежденія. Изданіе 2-е исправл. и дополненное Спб. 1907. Ц. 10 к.

О половомъ сношеніи. Совѣты холостымъ и новобрачнымъ. Составлено по сочиненіямъ проф. А. Гейма и д-ра Мейера. Москва. 1908. Ц. 40 к.

Реледеръ, Г., д-ръ. Овазизмъ. Его причины, послѣдствія, распознаваніе, предупрежденіе и леченіе. Наставленіе для родителей и воспитателей. Перев. съ нѣм. Москва. 1908. Ц. 30 к.

Сила и здоровье. Продленная жизнь по-

средствомъ метода пр. Броунъ-Секара. Состав. докт.-мед. Гуазе, основатель Броунъ-Секарскаго Института въ Парижѣ. Перев. съ франц. Е. Кулябко, подъ ред. докт. Г. Петрова. М. 1907. Ц. 1 р.

Тубанскій, Д. М. Какъ сохранить зубы. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Форель, Августъ, д-ръ мед. Половая этика. Лекція, читанная 23 марта 1906 года въ Мюнхенѣ. Съ приложеніемъ 19 примѣровъ конфликтовъ половой этики, взятыхъ изъ жизни. Перев. съ нѣм. Москва. 1907. Ц. 30 к.

Форель, Августъ. Половой вопросъ. Естественно-историческій, психологическій, гигиеническій и социологическій этюдъ, предназначенный для образованныхъ читателей. Перев. съ 6-го послѣдн. нѣмецк. изд. С. Э. Фуксъ. Съ предисл. автора къ русскому изд. Единственное авторизованное русское изданіе. Вып. I. 2-е испр. и дополн. изд. А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. за 2 тома поподпискѣ 3 р. 50 к.

Чудновскій. Предохранительныя мѣры отъ чумы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

IX. Искусство.

Ге., Н. Н. Альбомъ художественныхъ произведеній. М. 1904. Ц. 10 р.

Русскій музей Императора Александра III. Редакція и текстъ А. Вепуа. Вып. 14 и 15. М. Ц. по подпискѣ по 2 р. вып.

X. Военное и морское дѣло.

Борьба за Портъ-Артуръ. Приложение къ австрійскому военному журналу Штефлера. Съ 4 планами и 8 приложеніями. Съ нѣмецкаго, подъ редакціей и примѣчаніями А. В. фонъ-Шварца. Ю. Д. Романовскаго. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Гавриловъ, А. Морская справочная книга для моряковъ военнаго и коммерческаго флота и яхтсмена. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Гамилтонъ, Сэръ Янгъ. Записная книжка штабнаго офицера во время русско-японской войны. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. Ю. Лазаревича. Съ иллюстр., планами и кроки. Томъ II. Изд. Березовскаго. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Геруа, А. Послѣ войны. О нашей арміи. 2-о доп. изд. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Гибель 5-го стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ. Сост. офицерами 5-го стрѣлковаго полка, участниками мукденскихъ операцій. Спб. 1907. Ц. 40 коп.

Голицинскій, А. Н. На позиціяхъ Портъ-Артура. Изъ дневника ротнаго и батальоннаго командира. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1907. Ц. 80 коп.

Парфеновъ, М. М. Какъ погибъ, но не сдался крейсеръ «Рюрикъ». Спб. 1907. Ц. 5 к.
Теттау, баронъ. Восемнадцать мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками. Переводъ съ нѣмецкаго Грулева. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1907. Ц. 3 р.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Вихертъ, Э., проф. Введеніе въ геодезію. Лекціи для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ нѣмецк. съ 41 рисунк. Одесса. 1907. Ц. 35 к.

Горбатовъ, М. Единная средняя школа. (Къ вопросу о реформѣ средняго образованія). Николаевъ. 1907. Ц. 15 к.

-- Заветъ природы. (Неписанный законъ). Николаевъ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

— Новый человекъ. Николаевъ. 1906. Ц. 15 к.

Городицвъ, П. Начальные уроки по Закону Воиню. Курсы начальныхъ училищъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

- Начальные уроки по Закону Воюю. Курсъ приготовительнаго класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Григорьевичъ, А. С. Руководство къ составленію сочиненій. Сборникъ разработанныхъ темъ литературнаго содержанія съ планами, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и при конкурсныхъ испытаніяхъ. Часть I. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Зоргенфрей, Г. Вопросы современной школы. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Назанцевъ, П. Вукварь и первый курсъ нѣшкольнаго образованія. Москва. 1907. Ц. 30 к.
- Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. М. 1907. Ц. 50 к.
- Клечковскій, М. По Эльсландеру. Современное воспитаніе и новые пути М. 1907. Ц. 40 к.
- Лемзъръ, Г. Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Задачи на построене. Переводъ съ французскаго. М. 1907. 1 р. 50 к.
- Орловскій, С. Клубы мальчиковъ въ Стокгольмѣ. Москва. 1907. Ц. 15 к.
- Педагогическая психологія. Седьмая книжка. Подъ редакціей А. П. Нецаева. Т. II. ч. I. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Петръ Шлемиль. Удивительная исторія. (По его дневнику). Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1907. Ц. 35 к.
- Пириговъ, Н. И. О еврейскомъ образованіи. Незданная записка. Вступленіе С. Я. Штрайха. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій. Кіевъ. 1907. Ц. 20 к.
- Рогозинскій, А. Географія, какъ научная дисциплина и какъ предметъ преподаванія въ школахъ. Кіевъ. 1907. Ц. 30 к.
- Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ новѣйшей литературы, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и конкурсныхъ испытаніяхъ. Часть V. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Тэддъ, Л. Новый путь для художественнаго воспитанія юношества и дѣтей. Руководство къ одновременному воспитанію руки, глаза и ума. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
- Шкаринъ, А. Н. Устройство и содержаніе въ деревнѣ дѣтняго приюта-яслей. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Шмулевичъ, П. К. Курсъ прямолинейной тригонометріи и методы рѣшенія триг. задачъ. Спб. 1907. Ц. 2 р. 85 к.

ХII. Книги для дѣтей и юношества.

- Библиотека «Пчелки». Новая мама и другіе рассказы и стихи для маленькихъ дѣтей. М. 1907. Ц. 15 к.
- Богдановъ, М. Н., проф. Ванька и колдунъ волкъ. Рассказъ. Изъ русской природы. Съ рисунк. М. 1907. Ц. 10 к.
- Вагнеръ, Ю. Рассказы о животныхъ. Съ 25 рисунк. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Горе-Купцы. Американская народная сказка и др. рассказы для маленькихъ дѣтей. (Библиотека «Пчелки»). Москва. 1907. Ц. 15 к.
- Ниплингъ, Редьярдъ. Маленькія сказки. Съ рисунокъ, автора. Перев. съ англійск. Л. В. Хавшиной. М. 1907. Ц. въ пацкѣ 75 к.
- Петръ Павловичъ Ершовъ и его сказка «Конекъ-Горбунокъ» въ пересказѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Фонъ-Горнъ, В. О. Военныя походы Фридерикса въ 1812 году. Съ рис. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Изданіе В. Н. Губинскаго. Спб. Ц. 35 к.

ХIII. Естествознаніе.

- Битнеръ, В. В. Исповѣдь земли. Популярная геологія и палеонтологія. Спб. 1907. Ц. 12 к.
- Ботаническія записки, издаваемые при Ботаническомъ садѣ Императорскаго Спб. университета проф. Хр. Гоби. Выпускъ XXIV. Спб. 1907. Ц. 3 р.; то же XXV. Спб. 1907. 2 р.
- Бюхнеръ, А. Сила и матерія. Общедоступный очеркъ естественнаго міроваго порядка. Съ приложеніемъ этики, построенной на естественнонаучномъ познаніи. Перев. съ нѣмецкаго Г. и С. Соинныхъ, подъ редакціей В. В. Витнера. Выпускъ второй. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Виньола, А. Женщины всего міра. Переводъ съ французскаго. Съ 64 рис. Москва. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Дарвинъ, Ч. Мое міросозерцаніе. — Религіозное міросозерцаніе. — Происхожденіе видовъ. — Происхожденіе человѣка. — Зачатки духовной жизни. — Правственна культура. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Догель, А. С., проф. Строеніе и жизнь мелкихъ частицъ (кѣтокъ), изъ которыхъ состоятъ тѣло человѣка и животныхъ. Съ 17 рис. Изданіе т-ва М. О. Вольфа. Спб. Ц. 30 к.
- Терминеловъ, Н. М. подъ редакц. Н. И. Каракаша. Происхожденіе земли и первые дни ея жизни до появленія организмовъ. Съ 28 рисунк. М. 1907. Ц. 35 к.

XIV. Физика, химія, математика.

- Лемаръ, Г. Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Задачи на построене. Перев. съ франц. Н. Маракуева. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Ройтманъ, Дм. Общедоступные очерки изъ области астрономіи. Двѣ лекціи о формахъ и движеніи земли. Выпускъ I. Изданіе т-ва И. Д. Сыгина. Москва. 1907. Ц. 40 к.

XV. Географія, этнографія, путешествія.

Пантюховъ, Кіевскій и Уманскій уѣзды въ антропологическомъ отношеніи. Кіевъ. 1907. Ц. 30 к.

XVI. Коммерческія науки.

Гинрихсонъ, А. К. Практическое руководство къ веденію книгъ по двойной (итальянской) бухгалтеріи для аптекарей, дрогистовъ и владѣльцевъ химическихъ лабораторій и заведеній минеральныхъ водъ. Юрьевъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Дитмаръ, Н. Ф.-Фонъ. Основы счетоводства по новой формѣ. К. 1907. 1 р. 50 к.
Ростовцевъ, С. И. Товаровѣдніе на основѣ химіи. Руководство для учениковъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Со 100 рис. въ текстѣ. Москва 1907. Ц. 1 р.

XVII. Справочный отдѣлъ.

Астромъ, Александръ. Какъ я спасся отъ вѣрнаго разоренія въ игорномъ вертепѣ въ Монте-Карло. Вильна. Ц. 75 к.

Китайская Восточная желѣзная дорога. Сообщение Европы съ Дальнимъ Востокомъ черезъ Сибирь. Лѣто 1907. Спб. Ц. 15 к.

Тоне на французскомъ языкѣ. Ц. 15 к.

Тоне на англійскомъ языкѣ. Ц. 15 к.

Невѣжинъ, К. А. Руководство по приему и отравленію международныхъ и внутреннихъ почтовыхъ посылокъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоры текущей популярной литературы. Выпускъ II. Изданіе библиотечной комисіи Кіевского Общества грамотности. Кіевъ. 1907. Ц. 15 к.

Орловъ, Н. П. Записная книжка на періодъ 1900 г. для сахарныхъ заводовъ и ихъ правленій. Специально для г. контролеровъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Полицейскія собачи. Выпускъ I. Спб. 1907. Ц. 35 к.

Правила и программы женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. Съ приложеніемъ всѣхъ послѣднихъ распоряженій и разъясненій программъ и устава гимназій. Спб. 1907 — 8. Ц. 40 к.

„Русскіе банки“. Перечень городовъ и селеній, въ коихъ находятся кредитныя учрежденія и ихъ филиальныя отдѣленія. Къ 15 апрѣля 1907 г. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Шайминъ, Н. С. Олонецкіе водопады: Кивачъ, Поръ-Порогъ и Гирвасъ въ описаніяхъ туристовъ. Петрозаводскъ. 1907. Ц. 50 к.

Шмуловичъ, П. К., инж. Прибавленіе къ справочной книгѣ изданія 1906 г. (Условія приѣма въ 1907 г.; темы для сочиненій; фотограф. съ орнамента; свѣдѣнія о конкурсныхъ баллахъ въ 1906 году; практическія свѣдѣнія и совѣты для экзаменуемыхъ; форма прошенія и проч.). Спб. 1907. Ц. 25 коп.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

1 оступл. о въ продажу

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА:

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ДЕКАБРИСТЫ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Къ этой книгѣ приложено факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ, произведеннаго о немъ въ комитетѣ по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ въ 1826 г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. Въ дѣлѣ даны воспроизведенія собственноручныхъ показаній Грибоѣдова, Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Рылѣва, кн. Трубецкого и друг. декабристовъ.

Цѣна 10 рублей

Изданіе напечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“

Фототипическое воспроизведеніе перваго изданія «Слова», вышедшаго въ 1800 году.

Наряду съ первымъ изданіемъ, представляющимъ теперь библиографическ. рѣдкость, настоящее изданіе замѣняетъ собою сгорѣвшую рукопись «Слова о полку Игоревѣ».

Всего напечатано 150 экземпляровъ.

Всѣ экземпляры напечатаны на ватманской бумагѣ, каждый за особымъ номеромъ.

Цѣна экземпляра десять рублей.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

его жизнь и царствованіе.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

его жизнь и царствованіе.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

Типографія А. С. Суворина. Спб., Эртелевъ пер., 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
СЕНТЯБЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1907 г.

	СТРАН.
I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. LXI—LXXI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	689
II. Записки репортера. XXIV—XXXIV. (Продолженіе). Александра Чехова (Съдого)	726
III. Баригонъ русской оперы. (Повѣсть). I—V. С. И. Васюкова	755
IV. Прежде и теперь. (Воспоминанія прошлаго). V—VII. (Окончаніе). М. М. Щуцкаго	779
V. Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева	796
VI. Семейная драма. (Бытовой очеркъ изъ прошлаго). П. С. Бѣльева	807
VII. Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ. Т. А. Мартемьянова	828
Иллюстраціи: 1) Стенька Разинъ.—2) Разграбленіе Разинныхъ Астрахани.—3) Разинъ бросаетъ въ Волгу свою любовницу.	
VIII. Убийство Боку Чалкадыкова. (Очеркъ изъ быта кара-киргизовъ). Е. П. Ковалева	862
IX. Первая харьковская университетская исторія. (Изъ воспоминаній стараго студента). Н. Н. Мазуренко	879
X. Политическій арестантъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного дѣятеля). М. Чу—цкаго	891
XI. Архіерей-самоубійца. (Къ біографіи Моисея, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго). Александра Лебедева	898
XII. «Домъ писателей». (Исторія одного литературнаго предпріятія). Р. И. Сементковскаго	902
XIII. Свѣтлое Поморье. I—III. П. А. Россіева	917
Иллюстраціи: 1) Городъ Кемь.—2) Главная улица въ Кемѣ. — 3) Рѣка Кемь.—4) Мостъ на срубкахъ въ Кемѣ.—5) Старый Кемскій Успенскій соборъ.—6) Царскія врата въ придѣлѣ св. Николая Чудотворца въ старомъ кемскомъ Успенскомъ соборѣ.—7) Новый соборъ въ Кемѣ.—8) Обѣтныи деревянныи крестъ въ Кемѣ.—9) Старообрядческое кладбище въ Кемѣ.—10) Лепъ-островъ съ часовней Ильи Пророка въ Кемѣ.—11) Зашеекъ.—12) Порогъ Ужма.—13) Село Подужема.—14) Старо-Преображенская церковь въ Подужемѣ.—15) Подужемское кладбище.—16) Порогъ Ужма близъ Подужемы.—17) Порогъ Ужма.—18) Семужій заборъ на порогъ Ужма.—19) Малый семужій заборъ на порогъ Ужма.—20) Поморское село.—21) Село Шуя. Церкви и колокольня безъ верха.	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	955
XV. Критика и бібліографія	989
1) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Т. XI. Юрьевъ 1907. —И.—2) Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпуски I и II. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Слб. 1907. я. Барюнова .—3) Проф. В. Уднцовъ. Русское торгово-промышленное право. Кіевъ. 1907. В. Г.—4) Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Выпускъ 1. (Эпоха Петровская). Пособіе при изученіи русскаго права	
(См. слѣд. стран.).	

императорскаго періода. Составилъ почетный членъ и преподаватель императорскаго археологическаго института, приватъ-доцентъ императорскаго с.-петербургскаго университета В. М. Грибовскій. Спб. 1907. Профессора М. Красножена.—5) С. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907 г. А. Фомина.—6) Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцовскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Н. Лернера.—7) А. Фомина. Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библиографическаго указателя. Спб. 1907. И. Александрова.—8) Искусство въ буржуазномъ обществѣ. Сборникъ статей Вандервельде, Вальтера, Райха, Берга и Марсея. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Фриче. Спб. 1906. В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Часть I. Англія, Германія, Австрія, Скандинавія. М. 1907. Г. В. Плехановъ. Пролетарское движеніе и буржуазное искусство. Спб. 1907. Jiří Karásek ze Lvovic, Umění jako kritika života. Прага. 1906. А. И. Яцимирскаго.—9) Деличъ, Ф. Библия и Вавилонъ. Переводъ съ нѣмецкаго барона А. А. Нольде. 2-е изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. Деличъ, Ф. Вавилонъ и Библия. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Розен—на. Книгоиздательство «Свѣтъ». Москва. 1907. Я. Бирюнова.—10) Народный печальникъ, о Александрѣ Васильевичѣ Рождественскій. Изданіе Александро-Невскаго общества трезвости, съ 25 рисунками и портретами. Спб. 1907. и. п. м.—11) И. И. Трусовичъ. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Спб. 1907. С. В.—12) Александръ Грушевскій. М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX вѣка. Спб. 1906. А. Я.—13) Вѣляевъ, И. С. Слѣдственное дѣло объ убійствѣ Дмитрія-царевича въ Угличѣ 15 мая 1521 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ. Москва. 1907. Я. Бирюнова.—14) Д. А. Червонецкій. Мошенничество по уголовному праву. Юрьевъ. 1906.—ий.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1012

1) Настоящее происхожденіе легенды о мудромъ рѣшеніи царя Соломона.—2) Петрарка и Боккаччо—гуманисты.—3) Представитель Наполеона въ Петербургѣ послѣ Тильзитскаго мира.—4) Леди Гесгеръ Стэнгопъ.—5) Столѣтіе Гарибальди.—6) Польскіе и августовскіе некрологи.

XVII. Смѣсь 1034

1) Освященіе храма Воскресенія Христова.—2) Новая усыпальница для особъ императорской фамиліи.—3) Памятникъ Р. И. Кондратенку.—4) Архивъ крымскихъ хановъ.—5) Археологическія раскопки.—6) Находка въ Головинской башнѣ Шлиссельбургской крѣпости.—7) 30-лѣтіе археологическаго института.—8) Политическія убійства.—9) Торговля бунчичствомъ въ Петербургѣ.

XVIII. Некрологи 1043

1) Бебуговъ, К. А. князь.—2) Кипнесъ, Н. Т.—3) Марковичъ, М. А. (Марко-Вовчекъ).—4) Мингалева, Л. С.—5) Никольскій, Д. П.—6) Остроградскій, А. Ф.—7) Шилевскій, С. М.—8) Языковъ, С. Д.

XIX. Замѣтки и поправки 1048

1) Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. Павла Россіева.—2) До поводу статьи «Пятидневная республика». полковника Шадрина и подпоручика Кноблоха.—3) По поводу архива партизана Д. В. Давыдова. Петра Давыдова.—4) По поводу статьи о П. П. Боткинѣ. Людмилы Ботиной.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Стеньки Разина.—2) Послѣдняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на. XXV—XXXI. (Окончаніе).

СОДЕРЖАНИЕ СТО ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1907 года).

	СТРАН.
Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича. Великаго князя Николая Михайловича.	5
<i>иллюстраціи:</i> 1) Гипсовая маска съ лица императора Александра I.— 2) Почеркъ императора Александра I.—3) Конвертъ съ адресомъ, писаннымъ Федоромъ Козьмичемъ.—4) Займка Хромова.—5) Келія Федора Козьмича на займкѣ Хромова.—6) Часовня на могилѣ старца Федора Козьмича.	
Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XLVII—LXXI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта. 41, 337,	689
Записки репортера. I—XXXIV. Александра Чехова (Сѣдога). . 70, 366,	726
Непутевый дьяконъ. (Разсказъ). Александра Круглова.	100
Грушны и портреты. (Листочки изъ воспоминаній). IV—V. Д. И. Стахѣва.	130, 424
Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка. XIV—XVIII. (Окончаніе). Ф. Д. Бобкова.	143
Послѣдніе дни императора Александра I. (По архивнымъ документамъ). Михаила Соколовскаго.	165
Чортовы литеры. (Изъ дѣлъ тайной канцеляріи). М. Я. Королькова.	172
Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. (Наканунъ реформы). XI—XXII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	180, 555
<i>иллюстрація:</i> А. Уиковскій въ 1860 г.	
Литературныя поминки. В. В. Данилова.	205
Что грозитъ общедворянскому архиву. Д—ова.	213
По Окѣ. Андрея Фирсова.	221
<i>иллюстраціи:</i> 1) Рязань. Успенскій соборъ.—2) Рязань. Разливъ Оки.— 3) Касимовъ. Видъ города и Окскаго мѣста.—4) Касимовъ. Набережная.—5) Касимовъ. Вознесенскій соборъ.—6) Касимовъ. Базарная площадь.—7) Касимовъ. Техническое училище.—8) Касимовъ. Татарская мечеть.—9) Касимовъ. Татарская текія.—10) Касимовъ. «Острова».—11) Касимовъ. Ледоходъ на Окѣ.—12) Нижній-Новгородъ. Вокзалъ Московско-Казанской ж. д.—13) Нижній-Новгородъ. Саліаніе Оки съ Волгой.	
Иностранцы о Россіи. В. Ш.	249, 955
На трудовомъ пути. Разсказъ. С. И. Васюкова.	398
Бытковицина. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). В. В. Брусянина.	438
Прежде и теперь. (Воспоминанія прошлаго). I—VII. М. М. Щуцнаго . 446,	779
Геніальная мысль. (Памяти кіевского митрополита Феогноста). Разсказъ. I—VI. Г. А. Цвѣтаева.	475
Изъ поволжской старины. М. С.	493
Лже-Петръ III у черногорцевъ. А. И. Яцимирскаго.	515
Петръ Петровичъ Боткинъ. Князя Б. А. Щетинина.	547
<i>иллюстрація:</i> Петръ Петровичъ Боткинъ.	
Борцы за славянскую свободу. (Раковскій Ботевъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	585

Развалины замка графа Паца. А. С. Карцова.	593
иллюстраци: 1) Развалины замка Паца.—2) Замок графа Паца.	
Нѣсколько дней въ китайскомъ городѣ Чугучакѣ и его окрестностях. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). П. И. Соколова.	615
иллюстраци: 1) Домъ чугучакскаго губернатора.—2) Кумирня на чугучакскомъ базарѣ. — 3) Статуя привратника Будды, находящаяся внутри преддверія кумирни.	
Баритонъ русской оперы. (Повѣсть). I—V. С. И. Васюкова.	755
Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева.	796
Семейная драма. (Бытовой очеркъ изъ прошлаго). И. С. Бѣлнева.	807
Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ. Т. А. Мартемьянова.	828
иллюстраци: 1) Стенька Разинъ.—2) Разграбленіе Разинымъ Астрахани.—3) Разинъ бросаетъ въ Волгу свою любовницу.	
Убіеніе Боку Чалкадыкова. (Очеркъ изъ быта кара-киргизовъ). Е. П. Ковалева.	862
Первая харьковская университетская исторія. (Изъ воспоминаній стараго студента). Н. Н. Мазуренко.	879
Политическій арестантъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного дѣятеля). М. Чу—цнаго.	891
Архіерей-самоубійца. Къ біографіи Моисея, епископа еоодосійскаго и маріупольскаго). Александра Лебедева.	898
«Домъ писателей». (Исторія одного литературнаго предпріятія). Р. И. Сементковскаго.	902
Свѣтлое Поморье. I—III. П. А. Россіева.	917

иллюстраци: 1) Городъ Кемь.—2) Главная улица въ Кемѣ.—3) Рѣка Кемь.—4) Мостъ на срубкахъ въ Кемѣ.—5) Старый кемскій Успенскій соборъ.—6) Царскія врата въ предѣлѣ св. Николая Чудотворца въ старомъ Кемскомъ Успенскомъ соборѣ.—7) Новый соборъ въ Кемѣ.—8) Обѣтныи деревянный крестъ въ Кемѣ.—9) Старообрядческое кладбище въ Кемѣ.—10) Лѣсъ-островъ съ часовней Ильи Пророка въ Кемѣ.—11) Замесекъ.—12) Порогъ Ужма.—13) Село Подужема.—14) Старо-Преображенская церковь въ Подужемѣ.—15) Подужемское кладбище.—16) Порогъ Ужма близъ Подужемъ.—17) Порогъ Ужма.—18) Семужій заборъ на порогѣ Ужма.—19) Малый семужій заборъ на порогѣ Ужма.—20) Поморское село.—21) Село Шуя. Церкви и колокольня безъ верха.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	273, 625, 989

1) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1906 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1907. В. Рудакова. — 2) П. Покрышкинъ. Православная церковная архитектура XII—XVIII столѣтій въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. Изданіе императорской академіи художествъ. Спб. 1906. Приватъ-доцента А—снаго.—3) Францевъ В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская. 1906. Андрея Сиротинина.—4) «Вѣстникъ археологій и исторіи», издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVII. Спб. 1906. В. Рудакова.—5) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IX. Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны. 1735—1737 гг. Спб. 1905. Томы I и II. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1745 гг. Спб. 1899 и 1907. М—ова.—6) Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. Томъ первый. 1470—1700 гг. Томъ второй. 1701—1839 гг. Спб. 1897 и 1907. М—ова.—7) С. Г. Вилинскій. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906. А. Я.—8) А. Е. Крымскій. Древне-кѣвскій говоръ. Спб. 1907. З.—9) Бердяевъ Н. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, социальныя и литературныя. Сборникъ статей. Спб. 1907 г. А. Фомина.—10) Львовъ-Рогачевскій, В. Воряба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907. А. Ф—на.—11) Записки императрицы Екатерины Второй. Переводъ съ подлинника, изданнаго императорской академіей наукъ. Съ 12 портретами и 5 автографами. Изданіе А. Суворина. Спб. 1907. Б—въ.—12) Askenazy, Szymon. Rosya—Polska. 1815—1830.

- Łwów. 1907. (Ашкенази, Симеонъ, Россія—Польша. 1815—1830. Львовъ. 1907). Н. Любовича.—13) А. А. Шахматовъ. Корсунская легенда о крещеніи Владимира. Спб. 1906. А. Я.—14) Летопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1907 годъ. Выпускъ I. Годъ третій. М. 1907. В. Рудакова.—15) Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XV—1735 годъ. Спб. 1907. Томъ XVI—1736 годъ. Спб. 1906. м—ва.—16) Ю. В. Руммель. Отечественный флотъ какъ средство обороны и международной политики. Изданіи лиги обновленія флота. Спб. 1907. в.—17) Ник. Глубоковскій, ордин. проф. спб. духовной академіи. По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ учебномъ комитетѣ при свѣтѣйшемъ синодѣ. Спб. 1907 г. Профессора А. Бронзова.—18) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1904—1905. Вып. XV и приложение. Спб. 1907. г. п.—19) П. Симои. Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX столѣтіяхъ. Выпускъ I. Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907. А. Ф.—20) Вл. Рязановъ. Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Спб. 1907. А. Я.—21) М. Хилквитъ. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907. п. б.—22) Н. Родниковъ. Греческій консерваторъ V-го вѣка до Р. Х. Козимъ Аристофанъ. Казань. 1906. в. б.—23) К. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Спб. 1907 п. б.—24) I. Н. Эзерскій, бывшій членъ государственной думы. Государственная дума перваго созыва. Пенза. 1907.—2. Партія демократическихъ реформъ. Рѣчи членовъ партіи въ первой государственной думѣ. Спб. 1907.—3. А. К. Брянчаниновъ. Роспускъ государственной думы, причины—послѣдствія. Съ приложеніемъ официальныхъ документовъ. Псковъ. 1906. В. Кузнецова.—25) Матеріалы по археологій Кавказа. Выпускъ XI, подъ редакціей графини Уваровой. Москва. 1907. А. Хах—ова.—26) Труды полтавской ученой архивной комисси. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комисси И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. Выпускъ третій. Полтава. 1907. в. р—ва.—27) Исторія человечества. Всемирная исторія, подъ общей редакціей Г. Гельмгольца. Т. VIII. Переводъ съ нѣмецкаго Я. А. Лурье. Спб. 1907. Я. Бирюнова.—28) Памятная книжка Олонейской губерніи на 1907 годъ. Изданіе Олонейскаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета И. П. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1907. в. р—ва.—29) Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1907. А. Ф.—30) Ю. Кулаковскій и А. Сонин. Амміанъ Марцеллианъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Вып. I. (Книги I—XIX). Кіевъ. 1906. в. б.—31) Palaeographisches Album enthaltend sechsundzwanzig Abbildungen rumänischer Urkunden aus dem XV Jahrh. Von I. Rogdan, Prof. an der Bukarester Universität, Mitglied der Rumänischen Akademie. Букурештъ. 1906. А. Яцимирскаго.—32) Н. Серебрянскій. Къ вопросу о времени возникновенія г. Пскова. Псковъ. 1907. Д. Зеленина.—33) Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г. Съ приложеніемъ рисунка. Изданіе владимирской ученой комисси, подъ редакціей и съ предисловіемъ познанияго члена Г. А. Рязскаго. Губ. гор. Владимиръ. 1906. В. Рудакова.—34) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Т. XI. Юрьевъ 1907. —и.—35) Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпуски I и II. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1907 Я. Бирюнова.—36) Проф. В. Удницовъ. Русское торгово-промышленное право. Кіевъ. 1907. в. г.—37) Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Выпускъ I. (Эпоха Петровская). Пособіе при изученіи русскаго права императорскаго періода. Составилъ почетный членъ и преподаватель императорскаго археологическаго института, приватъ-доцентъ императорскаго с.-петербургскаго университета В. М. Грибовскій. Спб. 1907. Стр. II+208. Профессора м. Красножена.—38) С. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907 г. А. Фомина.—39) Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцовскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Н. Лернера.—40) А. Фомины. Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библиографическаго указателя. Спб. 1907. И. Александрова.—41) Искусство въ буржуазномъ обществѣ. Сборникъ статей Вандервельде, Вальтера, Райха, Берга и Марсея. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Фриче. Спб. 1906. В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Часть I. Англія, Германія, Австрія, Скандинавія. М. 1907. Г. В. Плехановъ. Пролетарское движеніе и буржуазное искусство. Спб. 1907. Jiri Kalások ze Lvovic, Umění jako kritika života. Прага. 1906. А. и. Яцимирскаго.—42) Делитчъ, Ф. Виблія и Вавилонъ. Переводъ съ нѣмецкаго барона А. А. Нолде. 2-е изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. Делитчъ, Ф. Вавилонъ и Виблія. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Розен—на. Книгоиздательство «Свѣтъ». Москва. 1907. Я. Бирюнова.—43) Народный печальникъ, о Александрѣ Васильевѣ въ Рождественскій. Изданіе Александро-Невскаго общества трезвости, съ 25 рисунками и портретами. Спб. 1907. и. п. м.—44) Я. И. Трусевичъ. Западная и русская

дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Спб. 1907. С. в. — 45) Александръ Грушевскій. М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX вѣка. Спб. 1906. А. я.—46) Въллевъ, И. С. Слѣдственное дѣло объ убіеніи Дмитрія-царевича въ Угличѣ 15 мая 1521 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1907. Я. Бирюкова.—47) Д. А. Червонецкій. Мошенничество по уголовному праву. Юрьевъ. 1906. —ий.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 291, 657, 1012

1) Преобразователь старой системы врачеванія въ XVIII вѣкѣ.—2) Продолженіе воспоминаній графини де-Буанъ.—3) Героическая Греція 1821—1827 гг.—4) Разоблаченія германскихъ скандаловъ.—5) Отовсюду.—6) Мѣтніе генерала Чадьдина и его сослуживцевъ о завоеваніи королевства объихъ Сицилій. 7) Кольберъ, какъ реальный государственный челоѣкъ. —8) Ученіе Робеспьера.—9) Новыя воспоминанія о Вагнеръ.—10) Новое посмертное сочиненіе Джона Стюарта Милля.—11) Эдуардъ VII, какъ хозяинъ, и Вильгельмъ II въ качествѣ помѣщика. —12) Трехсотлѣтіе Альбрехта и двухсотлѣтіе Линнея.—13) Абатъ Мурри.—14) Настоящее происхождение легенды о мудромъ рѣшеніи царя Соломона.—15) Петрарка и Боккаччо—гуманисты.—16) Представитель Наполеона въ Петербургѣ послѣ Тильзитскаго мира.—17) Лади Гестеръ Стэнношъ.—18) Столѣтіе Гарibaldi.—19) Июльскіе и августовскіе некрологи.

СМѢСЬ 312, 675, 1034

1) Закладка памятника Гоголю въ Москвѣ.—2) Московскій историческій музей.—3) Археологическій институтъ.—4) Музей имени Крамского.—5) Посмертный даръ А. М. Рылѣва.—6) Годовое собраніе общества востоконѣднн.—7) Общее собраніе Краснаго Креста.—8) Чествованіе Н. Д. Струкова.—9) Юбилей Ц. А. Кюи.—10) Юбилей П. Ф. Лабзина.—11) Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Стенановича Воронова въ 1908 г.—12) Конкурсъ драматическихъ писателей.—13) Отъ совѣта по управленію домоѣ писателей имени В. Ф. Голубева.—14) Открытіе посмертной выставки рисунковъ профессора И. Прокофьева.—15) Десятилѣтіе архива и библиотеки св. синода, какъ отдѣльной части въ центральномъ управленіи вѣдомства (1897—1907).—16) Новая система регистраціи книгъ.—17) Грозное разрушеніе памятниковъ въ столицѣ.—18) Дѣятельность лиги образованія.—19) Благое начинаніе.—20) Коллекція автобиографій членовъ первой государственной думы.—21) Менделѣевскій сѣздь.—22) Освященіе храма Воскресенія Христова.—23) Новая усыпальница для особъ императорской фамиліи.—24) Памятникъ Р. И. Кондратенку.—25) Архивъ крымскихъ хановъ.—26) Археологическія раскопки.—27) Находка въ Головинской башнѣ Шлиссельбургской крѣпости.—28) 30-лѣтіе археологическаго института.—29) Политическія убійства.—30) Торговля бумажистовъ въ Петербургѣ.

НЕКРОЛОГИ 326, 679, 1043

1) Богуславскій, П. Д.—2) Гейденъ, графъ П. А.—3) Демьянковъ, Н. А.—4) Жмакинъ, В. И.—5) Густинъ, архіепископъ.—6) Ковалевскій, П. М.—7) Прохницкій, В. Л.—8) Стамбати, М. М.—9) Стояновъ, А. Н.—10) Эльсницъ, А. Л.—11) Александровъ, П. А.—12) Алихановъ, А. М.—13) Вилентштейнъ, А.—14) Профессоръ Ге, А. Г.—15) Кетрицъ, В. Э.—16) Кобеляцкій, А. И.—17) Милотинъ, И. А.—18) Солдартинскій, И. И.—19) Графъ Тизенгаузенъ, В. А.—20) Бебутовъ, К. А., князь.—21) Кинесень, И. Т.—22) М. А. Марковичъ (Марко-Вовчекъ).—23) Мингалева, Л. С.—24) Никольскій, Д. П.—25) Остроградскій, А. Ф.—26) Шилевскій, С. М.—27) Языковъ, С. Д.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 686, 1048

1) Къ статьѣ «Смутное время въ Харьковѣ». И. д. номента г. Харькова, подполковника Горбанева.—2) Живучая легенда. Павелъ Россіевъ.—3) Старецъ Федоръ Кузьмичъ. Павла Россіева.—4) По поводу статьи «Пятидневная республика». Полковника Шадрина и подпоручика Кноблоха.—5) По поводу архива партизана Д. В. Давыдова. Петра Давыдова.—6) По поводу статьи о П. П. Боткинѣ. Людмилы Боткиной.

Приложенія: 1) Портретъ Федора Козьмича.—2) Портретъ графа Паца.—3) Портретъ Стеньки Разина.—4) Последняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на. XV—XXXI. (Окончаніе)

Wahre Abbildung DER HERRN KAYSERLICHEN Haupt-Regiments in Moskowien
 welche seinen gehörlichen Fürsten zu rächen mit zusammenrottung etliche Häupter Cossackischen Haupte gespielt,
 solgende durch aufreichtung einer Armee Hingefeld Obersten erwachsen. Die reiche Handel Stadt Astrachan samt
 vielen andern Orten ein genömmen. Die Armaden des grossen Zäars etliche mahl auf dem feldt geschlagen durch
 ir sich hierhäng viele fürnehmten Missethugten ihn selbst in solche Gefahr gesetzt. Daß ihm die Krone wa
 kelt, und also diesen Potentaten der vorhinmachenden Kronen so blühlig gestrebt seine eigenen verunsichert hat.

СТЕПЬКА РАЗИНЪ.

Съ современной ему гравюры Фюрета.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Le beau coup à faire, ma chère Atropos! Remplissons d'étonnement l'Europe et l'Asie; tranchez ce fil: c'est un meurtre digne de nous. Otons la vie et la couronne à ce jeune empereur qui fait concevoir à ses peuples de si belles espérances. (Прекрасный случай для удара ножницами, моя дорогая Атропосъ! Исполнимъ удивленія Европу и Азію; перерѣжьте эту нить: это покойникъ достойный наст. Лишимъ жизни и короны этого молодого императора, который внушилъ народамъ столь прекрасныя надежды).

Lesage. Une journée des parques.

Il est dans la destinée des peuples, comme dans celle des individus, de vivre dans un état presque perpétuel de souffrance; aussi les peuples, comme les malades, aiment à changer de position: tout mouvement leur donne l'espoir de se trouver mieux. (Участь народовъ, какъ и отдѣльныхъ личностей, жить въ состояніи почти непрерывнаго страданія; потому народы, какъ и больные, любятъ мѣнять положеніе: всякая перемѣна даетъ имъ надежду, что имъ станетъ отъ того лучше). Comte de Ségur.

LXI.

Принцъ изъ Карлсруэ.

ВЪЧЕРОМЪ 17 февраля 1801 года объемистая возокъ-каре́та остановилась около зданія перваго кадетскаго шляхетнаго корпуса на Васильевскомъ островѣ.

Двери подъѣзда съ угрюмыми колоннами отворились, и толпа служителей со свѣчами въ рукахъ выбѣжала на подъѣздъ, толкаясь и сѣбша.

Вѣтеръ задувалъ оплывавшія и чадившія салныя свѣчи и засыпалъ служителей сухимъ струящимся сѣбгомъ. Огромное пространство темной Невы дышало ледянымъ вѣяніемъ. Въ небѣ дрожало и переливалось сѣверное сіяніе.

Служители стали помогать выйти сидѣвшимъ въ каретѣ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 337.
«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1907 г., т. СІХ.

Первымъ вышелъ или, скорѣе, былъ вынесенъ, нѣкто очень невысокій, закутанный въ долгополую лисью шубу съ бобровымъ воротникомъ.

За нимъ послѣдовала другая столь же невысокая фигурка въ такой же шубѣ. Наконецъ вышелъ иностранный офицеръ—красивый, складный нѣмецъ высокаго роста въ щегольскомъ полушубкѣ, украшенномъ шнурами на груди...

Прибывшіе вступили въ вестибюль зданія, ярко освѣщенный и озаренный цѣлымъ костромъ дровъ, пылавшихъ въ каминѣ. На лѣстницѣ, шедшей прямо и круто, какъ на колокольнѣ, вверхъ изъ вестибюля, стояли шпалерами въ полной формѣ офицеры драгунскаго полка съ ихъ командиромъ во главѣ.

Служители раскутали двѣ шубы. Изъ одной появился толстый, коротенькій подростокъ, однако облеченный въ стараго образца драгунскую форму генераль-майора, въ зеленый кафтанъ, желтый узкій жилетъ и желтыя панталоны—необычайное соединеніе цвѣтовъ, напоминавшее личницу съ лукомъ.

Только конечности и голова маленькаго генерала не были обряжены по формѣ, ради мороза и дорожныхъ обстоятельствъ. На ногахъ были валенки, внутри подбитыя мѣхомъ, а на головѣ соболья шапка съ наушниками, малиновымъ верхомъ и бисерной кистью. Изъ-подъ шапки вырывались каскадомъ великолѣпные золотые волосы, отросшіе за долгій путь, совершенный изъ Карлсруэ въ Петербургъ генераломъ. Изъ другой шубы вытащили такого же роста карикатурнѣйшаго старикашку въ старо-прусскомъ кафтанѣ, въ парикѣ съ косичкой, который сверху защищалъ отъ мороза уборъ, напоминавшій нѣсколько женскій капоръ, подбитый кошачьимъ мѣхомъ. Ноги старикашки тоже были въ валенкахъ. Онъ успѣшилъ снять капоръ и оправить парикъ.

Трудно изобразить впечатлѣніе, которое теперь производило это маленькое, невыразимо уродливое существо. Можно было сравнить его съ болваномъ, что въ цырюльняхъ служатъ для надѣванія париковъ! съ механической куклой-щелкунчикомъ, разгрызающей орѣхи! или съ тѣми безобразными фарфоровыми фигурками, которыя ставились иногда на обѣденные столы у нѣмецкихъ принцовъ старомодныхъ, незначительныхъ дворовъ!

Маленькій генераль снялъ соболью шапку. Открылись его большіе голубые глаза и окончательно освободились золотые локоны. То былъ принцъ Евгений Вюртембергскій, сынъ извѣстнаго героя Семилѣтней войны, родной племянникъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и нарочито посланный за нимъ въ замокъ Карлсруэ, въ Силезію, близъ города Оппельна (не смѣшивать съ многолюднымъ городомъ Карлсруэ въ Западной Германіи!) и привезшій принца въ Россію, по повелѣнію государя Павла Петровича, генераль баронъ Дибичъ, служившій подъ начальствомъ

отца принца въ Семилѣтнюю войну, въ офицерскомъ чинѣ, и раненый подъ Цорндорфомъ. Особливую милость государя баронъ заслужилъ еще тѣмъ, что написалъ книгу о домашней жизни Фридриха Великаго, поклонникомъ коего былъ Павелъ.

Командиръ драгунскаго полка церемоніальнымъ шагомъ подошелъ, поздравилъ его высочество съ благополучнымъ прибытіемъ въ російскіе предѣлы и рапортовалъ, какъ шефу полка, о состояніи послѣдняго.

Затѣмъ принцъ, въ сопровожденіи барона Дибича и иностраннаго офицера, учителя военныхъ наукъ принца, послѣдовательно прошедшаго саксонскую, голландскую и прусскую службу, ротмистра фонъ-Требра, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

За ними и передъ ними толпой бѣжали слуги со свѣчами. Другая толпа слугъ со свѣчами встрѣтила ихъ наверху, когда они вступили въ анфиладу огромныхъ, великолѣпно убранныхъ комнатъ.

Всѣ они изъясляли шумную радость, толкали другъ друга и спѣшили показать путь его высочеству и освѣтить его, хотя и безъ помощи ихъ оплывавшихъ и чадившихъ сальныхъ свѣчекъ въ высокихъ шандалахъ достаточно свѣта давали стѣнные канделябры и люстры, всюду зажженные.

Слуги проводили принца въ столовую, гдѣ былъ накрытъ на три прибора великолѣпно сервированный столъ

За креслами стояли придворные лакеи, и парадный метръ-д'отель еще съ цѣлымъ отрядомъ офиціантовъ готовился командовать трапезой августѣйшаго гостя.

Командиръ драгунскаго полка, сопровождавшій своего шефа, взявъ за локоть ротмистра фонъ-Требра, учтиво по-французски сообщилъ ему, что собственно ему предстоитъ ужинать за столомъ офицеровъ внизу.

Неудовольствіе изобразилось на красивомъ лицѣ статнаго нѣмца, и онъ отвѣчалъ тоже по-французски, но съ самымъ дурнымъ произношеніемъ:

— Я вижу, однако, три прибора и, какъ наставникъ его высочества, не могу быть лишенъ преимущества, коего удостоенъ баронъ Дибичъ!

— Третій приборъ предназначается собственно для господина премьеръ-директора корнуса, васъ же я прошу раздѣлить трапезу со мною и съ офицерами полка, шефомъ коего состоитъ его высочество!—любезно, но настойчиво объяснилъ командиръ.

— Конечно, я къ вашимъ услугамъ и почту честью познакомиться съ офицерами столь почтеннаго полка, но предпочтеніе, оказанное барону, не соответствуетъ...

Фонъ-Требра не кончилъ, ибо вся орава лакеевъ со свѣчами, по знаку командира, устремилась, въ то же время кланяясь и

указывая путь, впередъ, и находившіеся теперь среди этой толпы командиръ и ротмистръ принуждены были скорымъ шагомъ миновать опять всю безконечную анфиладу огромныхъ, гулкихъ, остывшихъ и великолѣпныхъ покоевъ; опять спуститься по крутой лѣстницѣ между шеренгами офицеровъ и, уже окруженные послѣдними и опять-таки нижней толпой лакеевъ со свѣчами, пройти по неизмѣримой длины коридору со сводами въ офицерскую столовую корпуса. Послѣ мороза, ночной тьмы и тѣснаго пространства возка, ротмистръ совсѣмъ ошалѣлъ отъ множества огней, обширности зданія, суеты и многолюдства. Къ тому же сей часъ ротмистръ былъ подведенъ къ столу съ закусками и водкой-трапнникомъ, называемымъ «ерофеичемъ» и, убѣждаемый съ дороги послѣ морозу погрѣться, осушилъ объемистую чарку. Затѣмъ началась шумная и обильно поливаемая винами трапеза.

Между тѣмъ, едва командиръ повелъ ротмистра въ столовую, гдѣ надлежало трапезовать самъ-третей маленькому принцу, вошелъ генералъ, въ звѣздахъ и въ мундирѣ.

— Имѣю честь представиться вашему высочеству!—почтительно сказалъ онъ по-нѣмецки:—премьеръ-директоръ и шефъ шляхетнаго корпуса, вступленіемъ въ среду воспитанниковъ коего мы очастливлены вашимъ высочествомъ,—князь Платонъ Зубовъ! Благополучно ли совершили путь вашъ, принцъ?

— Благодарю вашу свѣтлость...—началъ было въ отвѣтъ золотокудрый генералъ.

Но Дибичъ прильнулъ къ его уху и яростно прошепталъ:

— Этого господчика не надо величать свѣтлостью!..

— Благодарю васъ...—поперхнувшись повторилъ мальчикъ.— Мы ѣхали прекрасно, прекрасно.

— Не страдали ли отъ російскаго мороза, ваше высочество?

— Нисколько, благодаря шубѣ, шапкѣ и этимъ мягкимъ русскимъ сапогамъ! Въ возкѣ было очень тепло и укрыто.

— Возокъ имѣлъ нарочитое приспособленіе,—невъразимо скрипучимъ голосомъ сказала баронъ Дибичъ.—Подъ сидѣньемъ приспособленъ желѣзный ящикъ, наполняемый на каждой станціи горячими угольями.

— О, съ такимъ приспособленіемъ морозъ не страшенъ!—согласился князь Зубовъ.

Онъ самъ отодвинулъ кресла, предназначенныя для принца. Мальчикъ сѣлъ. Взгромоздился на другое кресло и баронъ. Сѣлъ и Зубовъ.

Онъ угощалъ принца, ведя съ нимъ любезнѣйшую бесѣду. Баронъ вставлялъ скрипучія, отрывистыя замѣчанія и жевалъ, странно двигая и прищелкивая челюстями и непомѣрно разѣвая ротъ, когда подносилъ къ нему кусокъ или кубокъ.

Въ послѣднемъ случаѣ длинный носъ его едва не обмакивался въ благородную виноградную влагу.

LXII.

На сонъ грядущій.

Когда ужинъ былъ оконченъ, князь Зубовъ любезно показалъ принцу приготовленные для него покои и спальню.

Почему-то для послѣдней была выбрана особенно обширная комната, почти пустая, съ кроватью подъ балдахиномъ, напоминашею саркофагъ. Несмотря на истопленную изразцовую печь, покой былъ достаточно прохладенъ. Огромныя окна, ничѣмъ занавѣшены не были и выходили на ледяное пространство Невы. Сѣверное сіяніе все всплывало и переливалось въ величественныхъ пространствахъ небесныхъ. И въ покоѣ, и за окнами все было такъ огромно, пустынно, великолѣпно и холодно.

— Желаю вашему высочеству спокойной ночи на новосельи!— сказалъ князь Зубовъ и вслѣдъ за тѣмъ удалился.

— Да знаете ли вы, что это за человѣкъ?— спросилъ Дибичъ.

— Поскольку могу судить изъ бесѣды, пріятный,—отвѣчалъ маленькій генераль, съ тоской поглядывая на ложе и потирая стывшія руки.

— Это одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и коварнѣйшихъ любимцевъ императрицы Екатерины! Но теперь онъ и братья его въ упадкѣ. При дворѣ передъ нимъ не извольте расточать слишкомъ вашихъ любезностей!

— Въ придворныхъ сплетеніяхъ, баронъ, я еще неопытенъ, какъ крестьянскій мальчикъ,—сказалъ принцъ Евгеній.

— Тѣмъ болѣе должно вамъ слѣдовать моимъ указаніямъ!— возразилъ баронъ Дибичъ.—Вы въ самомъ дѣлѣ такъ разговаривали съ княземъ Зубовымъ, будто находились съ нимъ гдѣ-нибудь на охотничьемъ бивуакѣ.

— Я слышалъ, что придворная жизнь уюждается лѣсу, гдѣ охотятся за крупною дичью чиновъ, орденовъ, милостей. То, значить, въ семъ лѣсу возможны и бивуаки.

— Вы блистаете остроуміемъ, ваше высочество. А я васъ предупредилъ. Хотя Зубовы и возвращены изъ ссылки, но императоръ имъ показываетъ холодность. Вы же болтали съ нимъ и вообще осыпали его милостивыми словами...

— Ахъ, Дибичъ! Сейчасъ всего больше устрашаетъ меня, что эта пышная кровать показываетъ холодность! Ну, какъ я буду здѣсь спать!

Тутъ въ спальню вошелъ ротмистръ фонъ-Требра, съ сильно покраснѣвшимъ отъ тостовъ лицомъ.

— Ну, сейчасъ начнутъ они ссориться!—подумалъ принцъ Евгеній.

Дибичъ и фонъ-Требра всю дорогу вздорили, каждый заявляя исключительныя права на принца; одинъ, какъ его наставникъ, другой, какъ посланный императоромъ.

И теперь, едва ротмистръ вошелъ, Дибичъ принялъ вызывающую осанку, вздернувъ голову, при чемъ парикъ его едва не слетѣлъ на полъ и коса задорно выгнулась крючкомъ. Съ своей стороны, ротмистръ заложилъ руки за спину и съ высоты окинулъ пренебрежительнымъ взоромъ карикатурную фигурку барона.

— Господинъ баронъ фонъ-Дибичъ!—сказалъ онъ рѣзко:—увѣдомился я, что его величеству благоугодно завтра же дать аудиенцію его высочеству!

— Господинъ ротмистръ фонъ-Требра,—самымъ скрипучимъ голосомъ отвѣчалъ Дибичъ.—Ежели это и такъ, то вы тутъ при чемъ?

— При чемъ я тутъ!—закричалъ ротмистръ, и его покраснѣвшее лицо стало пламеннымъ.—Странно слышать мнѣ это отъ васъ, баронъ, когда вамъ извѣстно, что его высочество мой воспитанникъ и родителемъ его препорученъ моему надзору.

— Мнѣ же препоручено самимъ императоромъ доставленіе его высочества въ столицу Россійской имперіи!—наступая, проскрипѣлъ Дибичъ.

— Такъ что же!—въ свою очередь наступая, кричалъ ротмистръ:—вы препорученное вамъ исполнили, а доставленіе ко двору его высочества не прямая ли обязанность воспитателя?

— Въ какихъ правилахъ воспитывали вы принца? Въ якобинскихъ?—еще наступая, кричалъ Дибичъ.

— Въ правилахъ чести, баронъ! Ибо я преподавалъ принцу токмо военныя науки!—тоже наступая, кричалъ фонъ-Требра.

— Вы есть якобинецъ! Вы послѣдователь извѣстнаго кенигсбергскаго вольнодумца Иммануила Канта. У васъ подъ подушкой, вмѣсто молитвенника, его всеразрушающая «Kritik der reinen Vernunft»! Вы—безбожникъ!

— А вы есть извѣстный клеветникъ! Что у меня подъ подушкой лежало, до того вамъ дѣла нѣтъ. Я преподавалъ принцу не «Kritik», а воинскій уставъ прусской службы!

— А я сей уставъ производилъ въ дѣйствіе на поляхъ Цорндорфа!

— Что вы производили въ дѣйствіе на поляхъ Цорндорфа, я не знаю!

— Весь свѣтъ о семъ извѣстенъ! И самъ великій Фридрихъ...

— Я знаю одно, что завтра имѣю сопровождать его высочество во дворецъ на аудиенцію!

— Никогда!

— Нѣтъ, им-мѣю!..

— Ни-когда!!..

— Н-нѣтъ, им-м-мѣ-ѣ-ю!!!...

— Ни-ког-да!!!...

Произнося послѣднія слова, каждый изъ спорившихъ поднималъ палецъ кверху и потомъ махалъ имъ передъ носомъ противника, причемъ коротенькій баронъ приподнимался на цыпочки и подскакивалъ, чтобы дотянуться до физиономіи рослаго ротмистра.

Затѣмъ оба отступили, словно два пѣтуха.

— Я есмь другъ императора Павла!—крикнулъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, баронъ Дибичъ.—Это я имѣю доставить его высочество во дворецъ!

— А я назначенъ принцемъ-родителемъ имѣть неотступное смотрѣніе за его высочествомъ и потому сопровождаю его завтра!—тоже ударивъ себя кулакомъ въ грудь, крикнулъ ротмистръ.

— Господа,—сказалъ наконецъ принцъ, наскучивъ этимъ преканіемъ,—идите ссориться куда-нибудь въ другое мѣсто и дайте мнѣ спать!

Наставники разсѣянно оглянулись на принца и шумно вышли, продолжая браниться.

LXIII.

Несчастія принца Евгенія.

Принцъ остался одинъ. Нечего было дѣлать! Онъ набожно сложилъ руки, прочелъ вечернія молитвы, потомъ раздѣлся и забрался въ холодную кровать, гдѣ, свернувшись, старался какъ-нибудь согрѣться. Несмотря на дорожное утомленіе, онъ не могъ заснуть. Странно и страшно было на новомъ мѣстѣ. Одинокій мальчикъ вспоминалъ далекій родительскій замокъ и чувствовалъ себя очень несчастнымъ.

— Бѣдный Евгений! Бѣдный, бѣдный принцъ!—повторялъ онъ тоскливо.

Въ самомъ дѣлѣ, принцъ Евгенийъ былъ игрушкой прихоти русскаго императора, безъ вѣдома мальчика устроившаго судьбу его въ противность всѣмъ природнымъ склонностямъ принца. Всѣ несчастія мальчика начались послѣ того, какъ въ замокъ Карлсруэ пріѣхалъ фельдъегерь русскаго императора, возвѣстивъ о восшествіи на престолъ Павла Петровича и передалъ пакетъ, гдѣ для матушки принца находился орденъ св. Екатерины и на имя самого принца Евгенія рескриптъ. Императоръ производилъ его въ драгунскіе полковники.

Евгению было тогда всего восемь лѣтъ. Не стѣсняемый никѣмъ, подъ благодушнымъ присмотромъ дядьки, стараго гусара,

цѣлые дни проводилъ онъ въ цвѣтущихъ гвоздикою лугахъ и въ рощахъ, окружавшихъ замокъ, въ перелѣскахъ, въ зеленыхъ канавахъ, игралъ съ крестьянскими дѣвочками, слушалъ простыя сельскія пѣсни и былъ вполнѣ счастливъ. Зимой онъ игралъ съ пажами и фрейлинами въ старинныхъ залахъ замка, ласкаемый всею дворней. Ему рассказывали сказки, старинныя преданья, и его воображеніе обогатилось особомъ міромъ поэтическихъ образовъ. Лѣсной король въ коронѣ изъ еловыхъ шишекъ съ длинной сѣдой бородой кивалъ ему изъ-за вершинъ старыхъ елей; его дочери плясали съ бѣлыми шарфами въ вечерніе часы на лѣсныхъ полянахъ... Всѣ стихіи населились кобольдами, эльфами, прекрасными ундинами. И вдругъ этотъ чудный сонъ золотой свободы прервался!

Когда родители принца узнали, съ чѣмъ пріѣхалъ фельдъегерь, конечно, не было конца ихъ ликованію. Въ рескриптѣ императора возвѣщалось, что со временемъ, подготовленный къ прохожденію военной службы, принцъ Евгенийъ отличится подъ російскими знаменами. Широкія дали открывались воображенію родителей принца!

Они пожелали сдѣлать сюрпризъ Евгению и, ничего не сказавъ мальчику о перемѣнѣ въ судьбѣ его, разрѣшили ему съѣздить въ близлежащій Бреславль, къ золотыхъ дѣлъ мастеру и часовщику, брату его дядьки, стараго гусара. Сюрпризъ предполагался по возвращеніи.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ отъ поѣздки, такъ какъ лавка искуснаго часовщика была въ его воображеніи царствомъ чудесъ. Тамъ были всякія механическія игрушки, куранты съ выходящими подъ музыку фигурами, и самъ часовщикъ представлялся ему чародѣемъ, по мановенію котораго живутъ и движутся эти занимательнѣйшія существа, и всѣ эти гири, колеса, маятники двигаются, качаются, стучатъ денно и ношно, наполняя разнообразными звуками старинный домъ въ три этажа, выстроенный такъ, что верхній этажъ выдвигался надъ нижнимъ, съ рѣзными украшеніями, причудливой вывѣской, высокими трубами, съ аистомъ и множествомъ ласточекъ подъ карнизамы. Кромѣ разсматриванія механическихъ сокровищъ лавки, принца ожидали здѣсь и другія удовольствія. Жена часовщика угощала его пряниками съ перцемъ, а бѣлокуроыя дочки показывали ему садикъ, полный цвѣтущихъ розъ, не менѣе цвѣтущій огородъ и дворъ со всякой живностью. Кромѣ того, городъ Бреславль наполненъ былъ всевозможными достопримѣчательностями. Однако, на этотъ разъ посѣщеніе часовщика было кратко. И самъ часовщикъ, и жена его, и дочери послѣ того, какъ дядька съ ними о чемъ-то перешепнулъ, стали убѣждать принца съ многозначительнымъ видомъ поскорѣ вернуться въ замокъ... Дѣлать нечего, Евгенийъ отпра-

вился домой. Здѣсь его ожидало необыкновенное торжество. На ступеняхъ лѣстницы Карлсруйскаго замка его встрѣтило благородное юношество Оппельна, главнаго города регентства (въ городѣ считалось до пяти тысячъ жителей!), одѣтое въ національные старо-силезскіе костюмы и пѣвшее хоромъ хвалебную пѣснь въ честь наслѣдника принца-регента. Въ то же время дѣвицы, благородныя дочери почетныхъ гражданъ города Оппельна, одѣтыя въ бѣлыя платья, осыпали его путь цвѣтами. Примадонна труппы его высочества принца-регента Оппельнъ-Карлеруэ-Вюртембергскаго, игравшей въ городскомъ театрѣ, одѣтая сценической принцессой, произнесла торжественную рѣчь, наполненную мифологическими картинами и тонкими политическими намеками на отношенія Оппельна къ сосѣднимъ государствамъ, городамъ и странамъ, Берлину, Польшѣ, Моравіи, Богеміи и Россіи, и похвалами будущимъ военнымъ подвигамъ принца Евгенія. Эту рѣчь въ звучныхъ нѣмецкихъ стихахъ сочинилъ придворный поэтъ его высочества, господинъ Гагеманъ, оппельнскій театральнй режиссеръ и авторъ многихъ трагедій, комедій, оперъ и прологовъ.

На верху лѣстницы Евгенія встрѣтили родитель и украшенная орденомъ св. Екатерины родительница, окруженные придворнымъ штатомъ, состоявшимъ изъ оберъ-камергера, оберъ-церемоніймейстера, оберъ-шталмейстера, оберъ-статсъ-дамы, оберъ-статсъ-фрейлины и нѣкоторыхъ другихъ особъ, нарочито съѣхавшихся изъ своихъ имѣній; всѣ они были въ парадныхъ костюмахъ.

Тутъ принцъ узналъ причину необыкновеннаго торжества, но, противъ ожиданія всѣхъ, извѣстіе о пожалованіи его русскимъ императоромъ въ полковники, вмѣсто радостнаго восторга, извлекло изъ глазъ его потоки слезъ.

— Я не хочу быть русскимъ полковникомъ!—воскличалъ, рыдая, принцъ Евгеній.—Я хочу быть прусскимъ гусарскимъ корнетомъ.

Это неожиданное заявленіе и слезы чрезвычайно огорчили придворныхъ, городскую молодежь и даже господина Гагемана, придворнаго и театральнаго поэта, такъ какъ все торжество было испорчено, и сюрпризъ не удался. Что касается родителя Евгенія, то онъ чрезвычайно разгнѣвался.

— Какъ, неблагодарный!—вскричалъ онъ.—Самъ императоръ російскій препровождаетъ твоей матушкѣ брильянтами осыпанный орденъ, а тебя, восьмилѣтняго молокососа, жалуетъ драгунскимъ полковникомъ, а ты ревешь и кричишь, что этого не хочешь! Да я немедленно крѣпко и больно выскѣку тебя за такую дерзость! И откуда ты взялъ, что быть прусскимъ гусарскимъ корнетомъ лучше, чѣмъ русскимъ полковникомъ? Кто вбилъ тебѣ это въ голову? Нѣтъ, должно приняться за твое образованіе!..

— Да, да, должно приставить опытныхъ наставниковъ къ молодому принцу!—хоромъ поддержали придворные.

—Осмѣлюсь донести вашему высочеству,—сказаль почтительно оберъ-церемоніймейстеръ:— что эти длинные волосы, которые носить его высочество, скорѣе приличны пажу, чѣмъ наслѣдному принцу нашего знаменитаго регентства Оппельнъ. Необходимо заплетать принцу косу!

— О, да! принцу должно заплетать косу!—хоромъ поддержали придворные.

— Его высочеству пора носить косу!—подхватили городская депутация, театральная примадонна и господинъ Гагеманъ, поэтъ и режиссеръ.

Дѣйствительно, на другой же день роскошные, золотые, низко спускавшіеся кудри маленькаго принца обращены были въ туго заплетенную косу. Но это единственно явилось слѣдствіемъ производства его въ русскіе драгунскіе полковники. Въ остальномъ все осталось по старому, и менторомъ принца попрежнему былъ старый гусарь-дядька хотя это именно онъ внушилъ ему убѣжденіе, что не можетъ быть на свѣтѣ большаго благополучія, какъ сдѣлаться прусскимъ гусарскимъ корнетомъ. Однако коса была зловѣщимъ предзнаменованіемъ! Еще прошло два года золотой свободы, и въ замокъ примчался второй фельдъегерь російскаго монарха. Десятилѣтній принцъ производился въ генераль-майоры и шефы драгунскаго полка.

LXIV.

Продолженіе несчастій принца Евгенія.

Свернувшись на торжественной кровати въ огромномъ, остывшемъ покоѣ, маленькій принцъ не могъ ни согрѣться, ни заснуть, и въ воображеніи его вереницей проходила цѣль событій, перебросившихъ его изъ ничтожнаго Оппельна въ столицу неизмѣримой, многомилліонной Россійской имперіи.

Производство въ генераль-майоры сразу оборвало свѣтлые дни независимости, игръ, мечтаній золотого дѣтства. Теперь уже мало было одной косы. Къ ней присоединили еще круто-завитыя пукли. Толстенькую фигурку принца запрятали въ узкій желтый жилетъ и зеленый кафтанъ, а короткія ножки въ желтыя панталоны и высокіе жесткіе сапоги съ золотыми шпорами. На бокъ прицѣпленъ былъ тяжелый палашъ, а въ рукахъ генераль-майоръ въ торжественные случаи долженъ былъ держать короткую, толстую, изукрашенную командирскую палку, между тѣмъ какъ сверху косы и локоновъ качалась на головѣ его плоская, какъ тарелка, трехрогая шляпа. О прежнихъ веселыхъ прыжкахъ по полямъ, лугамъ и цвѣтущимъ перелѣскамъ и думать было нечего! Все это замѣнилось пристойнымъ и мѣрнымъ прохожденіемъ обширной пло-

щади замка на пути изъ комнатъ принца къ обѣду, въ сопровожденіи новаго наставника военныхъ наукъ ротмистра фонъ-Требра.

Часто при этомъ палашъ, попадая между ногъ мальчугана, повергала его на землю. Голова трещала и отъ крутой косы съ пулями, и отъ непрерывнаго зубренія вокабулъ, военныхъ уставовъ и различныхъ трактатовъ по стратегіи, тактикѣ, осадѣ крѣпостей и кавалерійскому дѣлу, не считая уже зубренія отличій въ обмундированіи различныхъ частей и чиновъ російской арміи. Несмотря, однако, на зубреніе, муштровку, ежедневныя военныя экзерциціи, принцъ не только не худѣлъ, но все толстѣлъ и, коротенькій въ ущербъ росту, расплывался въ ширину, что придавало еще больше комизма малюткѣ генераль-майору.

Принцъ теперь долженъ былъ являться на парады и инспекторскіе смотры, при чемъ эскадронные командиры присылали ему на ординарцы фридриховскихъ гигантовъ-гренадеръ. Они прыскали со смѣху, представляясь малюткѣ. Вообще, торжественное появленіе генераль-майора, какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ, всюду вызывало смѣхъ, шутливыя замѣчанія и сдѣлало изъ него притчу всей Силезіи. Невозможно передать безконечныя терзанія, которымъ подвергалось все существо толстенькаго принца! Невозможно описать, какъ терзалось самолюбіе маленькаго человѣка и въ какую пучину неисходныхъ страданій ввергли его милости далекаго русскаго императора!

Однажды на кантонирь-квартирахъ, недалеко отъ Бреславля, крестьянскіе мальчишки, окруживъ генераль-майора, забросали его съ ногъ до головы грязью, приговаривая: «Подожди ты, олухъ! Мы тебя, русскаго генерала, угостимъ прусской грязью!» Генераль обнажилъ палашъ и замахнулся имъ съ свирѣлымъ намѣреніемъ обрубить уши ближайшему изъ обидчиковъ, но промахнулся и, перетянутый тяжелымъ для дѣтской руки оружіемъ, растянулся во весь ростъ, чѣмъ далъ возможность мальчишкамъ угостить его новымъ залпомъ насмѣшекъ и грязи.

Это переполнило чашу страданій бѣднаго принца! Онъ рѣшилъ просить отца освободить его отъ ненавистнаго зеленаго мундира, муштры, военнаго устава и дать ему свободу слѣдовать своимъ склонностямъ. А склонности эти приняли совершенно неожиданное направленіе. Принцу уже не казалось высшимъ блаженствомъ быть гусарскимъ корнетомъ! Нѣтъ, онъ мечталъ быть поэтомъ и драматургомъ! Онъ свелъ дружбу съ господиномъ Гагеманомъ, поэтомъ и режиссеромъ, который давалъ ему тайно книги, такъ что онъ познакомился съ драмами Клингера и Коцебу и съ другими произведеніями нѣмецкой драматургіи начинавшагося романтическаго періода «бури и натиска» Воображеніе его особенно увлекалось битвой подъ Прагой, и Вильгельмъ, женихъ-привидѣ-

ніе Леоноры, увозящій красавицу въ свою могилу, тревожилъ сонъ принца! Ротмистръ фонъ-Требра не пренятствовалъ этому опасному знакомству, такъ какъ самъ былъ поклонникомъ Канта, новой поэзіи и страстный театралъ, чему способствовало томящее однообразіе жизни глухого Оппельна и прелести примадонны городского театра. Впрочемъ, и сердечко генераль-майора не оставалось равнодушнымъ къ театральной принцессѣ, и что-то въ немъ творилось непостижимо сладкое, когда примадонна сажала генерала себѣ на колѣни и заглядывала ему въ глаза, обдавала огнемъ черныхъ очей и серебристымъ смѣхомъ. Потомъ, ночью принцу представлялось, что онъ сидитъ съ нею на пышащемъ огнемъ конѣ и они куда-то мчатся, мчатся, мчатся, какъ Вильгельмъ съ Леонорой—но только не на кладбище...

Понятно, однако, къ чему привела принца попытка заявить строгому родителю о желаніи слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ.

— Какъ, неблагодарный, ты отказываешься отъ блистательнаго поприща, открываемаго предъ тобою безмѣрными милостями російскаго императора?—сказалъ принцъ-отецъ.—Дерзкій, неблагодарный мальчишка! Онъ желаетъ слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ! Вы должны слѣдовать примѣру доблестныхъ предковъ, ваше высочество!—указывая на длинный рядъ портретовъ съ перекошенными лицами, въ латахъ, мантияхъ, съ жезлами и мечами, грознымъ сонмомъ уставившихъ въ пространство злые глаза, торжественно произнесъ принцъ-отецъ—И къ чему влекутъ васъ природныя склонности, прошу сказать?

— Къ занятіямъ свободными науками и искусствами!—пролепеталъ принцъ.

— И эти свободныя науки и искусства поведутъ васъ къ свободной жизни гейдельбергскихъ буршей, къ длиннымъ волосамъ, мензурамъ, трактирнымъ попойкамъ и долгамъ! Не правда ли? А свободная жизнь гейдельбергскаго студента дастъ свободное развитіе всѣмъ вашимъ порочнымъ наклонностямъ, сѣмена которыхъ таятся въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Извольте посмотреть, ваше высочество, на этотъ садъ,—продолжалъ родитель, подойдя къ окну и указывая на разбитый въ подражаніе (конечно, миниатюрное, соответствовавшее доходамъ регентства Оппель) версальскимъ садамъ прихотливое произведеніе придворнаго садовника замка.—Извольте посмотреть! Вы видите здѣсь очаровательныя картины, прелестныя боскеты, лужайки, клумбы, дорожки, деревья, которыя радуютъ взоръ прихотливыми формами куба, шара, конуса, различныхъ звѣрей и наконецъ—верхъ искусства!—двумъ искривленнымъ соснамъ приданы профили нашего благодѣтеля, императора Павла, и Фридриха Великаго! А что бы вышло, если бы устранить бдительную и искусную руку мудраго са-

довника, его кривой ножъ, пилу, заступъ, ножницы и всему предоставить, какъ вы выразились, свободно слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ? Въ нѣсколько мѣсяцевъ нельзя было бы узнать это прелестное мѣсто, составляющее рѣдкостное украшеніе замка Карлеруэ! Все бы разрослось въ разныя стороны, выйдя изъ мѣры. Сорные травы заглушили бы клумбы и куртины косматя вѣтви уничтожили бы изящныя формы боскетовъ; сквернымъ соромъ обросли бы дорожки; все наводило бы уныніе! Вотъ что значитъ слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ!

— Но теперь уже выходятъ изъ моды подстриженные сады,—осмѣлился возразить Евгений.—Находятъ, что человѣкъ только портитъ мудрый планъ свободной природы и, желая ее улучшить, вносить въ вольныя красоты естества—принужденность, однообразіе, скуку и холодъ пустой симметріи и регулярности.

— Что слышу отъ моего сына!—въ ужасѣ вскричалъ принцъ-отецъ.—Да это якобинство, чистѣйшее якобинство! Послушайте, мой любезный, гдѣ вы почерпнули столь вольныя мысли? Отвѣчайте мнѣ немедленно! Свобода! Мудрый планъ природы! Вольное слѣдованіе природнымъ склонностямъ! А! Это говоритъ щедро осыпанный милостями російскаго императора генераль-майоръ и шефъ драгунъ его величества! Это говоритъ принцъ Вюртембергскій!—обращая взоръ къ перекошеннымъ фізіономіямъ предковъ на стѣнахъ, восклицалъ родитель.

— Откуда вы заразились сими гибельными мыслями? Отвѣчайте! Отвѣчайте!—топая ногами, страшнымъ голосомъ кричалъ принцъ-родитель.

— Но, батюшка, это всѣ говорятъ,—сказалъ трепетнымъ голосомъ мальчикъ.—Это въ воздухѣ носится!..

— А, понимаю! Носится въ воздухѣ—какъ сѣмена сорныхъ травъ! Но я поступлю, какъ мудрый садовникъ, и извлеку сіи зловредные злаки изъ вашего сердца, пока еще оно мягко и юно и плевелы въ немъ не укоренились! Я самъ ежедневно буду преподавать вамъ прусскій воинскій уставъ и исторію войнъ Великаго Фридриха, въ конхъ съ честью, думаю, самъ принималъ участіе! И, кромѣ того, хотя ты и генераль, я высѣку тебя сегодня же крѣпко и больно!

— Ахъ, я лишу себя жизни, если лишенъ свободы!—въ отчаяніи, заливаясь слезами, вскричалъ Евгений.

— Ка-акъ! Что вы сказали, ваше высочество? Вы хотите лишиться себя жизни? Извольте сейчасъ отдать вамъ палаши! Ну, какимъ способомъ вы теперь лишите себя жизни?

— Я перерѣжу себѣ горло,—всхлипывая, сказалъ мальчикъ,—ножницами...

— Нож-ни-ца-ми!?. Согласно старому прусскому закону неудачнаго самоубійцу судятъ, какъ дезертира, посягнувшаго на похи-

щеніе у короля его собственности. Ибо каждый способный быть солдатомъ подданный прусскаго короля есть собственность его величества и отечества. Ты есть неудачный самоубійца, ибо сейчасъ будешь запертъ подъ арестъ въ библіотечной башнѣ. И ты есть солдатъ. Значить, ты есть дезертиръ. Знаешь, чему по воинскому уставу подверженъ дезертиръ?

— Смертной казни черезъ повѣшеніе,—прошепталъ бѣдный принцъ, повѣся голову.

— А-а! Ну, а кому подсуденъ дезертиръ?

— Военному совѣту.

— Прекрасно! Ротмистръ фонъ-Требра! Позвать ротмистра фонъ-Требра!

Ротмистръ явился.

— Ротмистръ фонъ-Требра! — торжественно сказалъ принцъ-отецъ,—сей молодой человекъ имѣлъ преступное намѣреніе дезертировать. Онъ арестованъ. Извольте отвести его въ библіотечную башню, запереть тамъ и приставить карауль къ дверямъ! А я сейчасъ соберу военный совѣтъ для сужденія сего злоумышленника по законамъ военнаго времени!

LXV.

Продолженіе несчастій принца Евгенія.

Блѣдный, дрожащій, рыдающій принцъ Евгеній былъ отведенъ ротмистромъ фонъ-Требра въ башню замка, гдѣ помѣщалось пыльное собраніе толстыхъ фоліантовъ, лагинскихъ трактатовъ по теологии и геральдикѣ, хроникъ и всевозможныхъ хартій и документовъ. Въ башнѣ былъ всегда угрюмый сумракъ, сырость, пахло плѣсенью и мышами.

Преступникъ былъ здѣсь запертъ, и два инвалида съ нарочито выданными кортиками и мушкетами стали на часахъ у дверей башни.

Преступникъ чувствовалъ себя настоящимъ преступникомъ и не сомнѣвался, что онъ дезертиръ короля прусскаго и подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе, если только король не подтвердетъ приговора, милостиво замѣнивъ казнь вѣчнымъ заточеніемъ въ крѣпости. Но странно, среди рыданій, среди ужасныхъ мыслей, маленькій дезертиръ ощущалъ въ сердечкѣ своемъ и наслажденіе необыкновенной занимательностью своего трагическаго положенія... Особенно усилилось это чувство, когда за дверью послышался громкій шопотъ, шхтѣнье и борьба. То пришла старая девятилѣтняя няня принца. Она яростно, но шопотомъ ругалась съ инвалидами, безстрашно ухвативъ дрожащими пальцами раструбы древ-

нихъ мушкетеновъ, которые отважные витязи приставили было къ ея груди, грозя разстрѣлять ее, если она не уберется прочь!

— Стрѣляйте! убивайте! мнѣ все равно. Но я хочу слышать голосъ моего дитяти и услышу его!

Нянька-таки настояла на своемъ. Инвалиды отступились. Она прильнула къ замочной скважинѣ и, рыдая, звала Евгенія, называя его самыми нѣжными уменьшительными, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ ротмистра фонъ-Требра, мучающаго и пугающаго милое дитя, и сообщая, что всѣ въ замкѣ и сама матушка принца плачутъ навзрыдь, узнавъ о жестокомъ надъ нимъ тиранствѣ, и что она принесла ему пряниковъ съ перцемъ и сахарныхъ королей и принцессъ съ сусальными коронами. И няня стала совать въ щель источенной червями, разохшейся двери башни гостинцы.

Участіе няни, сообщенное ею извѣстіе, что матушка и всѣ въ замкѣ плачутъ о злключеніи его, равно какъ и гостинцы, все это сильно обрадовало принца Евгенія. Но появленіе именно няни у дверей его темницы затронуло самолюбіе мальчика. Онъ вспомнилъ, что имѣеть честь быть генераль-майоромъ и шефомъ драгунъ его величества императора російскаго; съ другой стороны, чувство военной дисциплины и субординаціи въ немъ возмутилось грубымъ нарушеніемъ нянькой и часовыми распоряженія его родителя.

Подойдя къ двери, онъ благодарилъ няню и всѣхъ, принимающихъ въ немъ участіе, но въ то же время твердо потребовалъ, чтобы няня ушла и знала, что ротмистръ фонъ-Требра тутъ ни при чемъ, что онъ лишень свободы по приказанію самого родителя, какъ дезертиръ, и, вѣроятно, будетъ казненъ; онъ проситъ няню передать его послѣднее прощаніе матушкѣ и всѣмъ въ замкѣ. Часовымъ принцъ Евгеній напомнилъ присягу и то наказаніе, которому они подвергаются по воинскому уставу, допуская переговоры постороннихъ съ государственнымъ преступникомъ. Услыша всѣ эти страшныя слова изъ устъ самого принца, древняя няня повѣрила и просто обезумѣла отъ ужаса и горя. Съ воплями затѣмъ кинулась она въ залу, гдѣ происходило засѣданіе военнаго совѣта подъ предѣдательствомъ самого принца-родителя и состоявшаго изъ ротмистра фонъ-Требра, лейбъ-медика Отто Шумперникеля, бывшаго ротнаго хирургуса, и дядьки-гусара. Совѣтъ важно и по всѣмъ правиламъ военной юриспруденціи обсуждалъ преступленіе принца Евгенія, который «имѣлъ намѣреніе дезертировать». Дверь залы сторожили два другихъ инвалида съ мушкетонами.

Судъ только что вынесъ приговоръ, обсудивъ дѣло всесторонне и принявъ во вниманіе всѣ смягчающія вину обстоятельства, какъ-то несовершеннолѣтіе принца и всѣ обстоятельства, вину отягчающія, хотя бы чинъ генераль-майора и шефа и зва-

ніе принца, обязуюціе къ особо строжайшему выполнению долга,— когда за дверью послышались пронзительные на этотъ разъ вопли няньки и затѣмъ она ворвалась въ залу, волоча за собою инвалидовъ, ухватившихъ ее за широкія одежды.

— Что такое? Какъ смѣли впустить стороннее лицо въ залу военнаго совѣта!—сказалъ строго и торжественно принцъ-регентъ, поднимаясь съ кресель. Нянька вырвалась, оставивъ цѣлое полотнище въ рукахъ воиновъ, и съ воплями и причитаніями кинулась въ ноги принцу, умоляя его простить сына и не казнить его.

— Ротмистръ фонъ-Требра!—приказалъ принцъ.—Взять старую дуру и вывести ее изъ залы военнаго совѣта! Посадить ее на хлѣбъ и на воду въ оружейную башню замка!

Но едва ротмистръ приступился къ старухѣ, она поднялась, грозная, какъ орлица, у которой отнимаютъ орленка, и принялась осыпать ругательствами и принца, и ротмистра, и лейбъ-медика, и самого прусскаго короля, называя ихъ варварами, извергами, Иродами, пьющими кровь младенцевъ, и т. д., и т. д.

— Но это прямой бунтъ и возмущеніе противъ власти верховной!—сказалъ было принцъ, но тутъ старуха грохнулась на полъ въ обморокъ.

Члены военнаго совѣта смутились и поспѣшили оказать помощь нянюшкѣ, чувствуя, что зашли нѣсколько далеко. Когда она пришла въ чувство, принцъ сталъ объяснять ей, что вся исторія предпринята имъ лишь примѣрно, съ воспитательными цѣлями, дабы не дать укорениться въ мягкомъ, дѣтскомъ сердцѣ зловреднымъ плеведамъ непослушанія. Въ этомъ случаѣ онъ отчасти руководился примѣромъ короля Фридриха-Вильгельма, отца великаго Фридриха, который говаривалъ, что дезертирство вышло изъ ада; что это дѣло чады дьявола, и никогда Божьи чады въ немъ не провинятся; а когда сынъ его попытался бѣжать, такъ какъ старый король разорвалъ его «Генріаду» и переломилъ объ его голову флейту, на которой тотъ любилъ свистать, то лишь вмѣшательство голландскихъ штатовъ, королей Швеціи и Польши и императора Германіи спасло наслѣдника прусскаго престола отъ смертной казни за дезертирство!..

Принцъ-родитель поспѣшилъ въ библіотечную башню и объявилъ сыну приговоръ военнаго совѣта:

— Лишить косы и мундира на двѣ недѣли!

Засимъ Евгенийъ былъ свободенъ.

Можно себѣ представить его радость!

Наказаніе было ему лучшей наградой. Онъ поспѣшилъ въ объятія родительницы, которая, впрочемъ, заранѣе была предупреждена о «примѣрной» экзекуціи, хотя и находила чрезмѣрнымъ такой воспитательный пріемъ; няня не помнила себя отъ радости, хотя потрясеніе, пережитое ею, не прошло для нея даромъ. Ста-

руха заболѣла. Всѣ въ замкѣ праздновали освобожденіе принца. Исторія его дезертирства разнеслась по городу и окрестностямъ замка, и Евгенийъ двѣ недѣли чувствовалъ себя героемъ. Потомъ опять заплели ему косу и затащили его въ зеленый мундиръ съ желтымъ жилетомъ...

Быстро минуло еще три года...

И въ первыхъ числахъ января 1801 года въ Карлсруэ прибылъ генералъ баронъ Дибичъ съ порученіемъ императора привезти въ Россію принца Евгенія. Эта уродливая фигурка произвела невыразимое впечатлѣніе на принца!

Баронъ держалъ себя съ величайшей важностью, повторяя по-минутно:

— Императоръ мой другъ! Императоръ мой другъ!

Родители принца не знали, какъ посадить и угостить уродца, расточая предъ нимъ, посломъ могущественнаго російскаго монарха, самую изысканную любезность, которую тотъ принималъ, какъ должное.

Баронъ проэкзаменовалъ принца изъ военныхъ наукъ и тутъ впервые онъ столкнулся съ ротмистромъ фонъ-Требра, который ему доказалъ, что самъ онъ болѣе силенъ въ знаніи домашнихъ обычаевъ Фридриха Великаго, чѣмъ въ тактикѣ и стратегіи.

День отъѣзда былъ назначенъ, наступилъ и принцу пришлось проститься съ родителями и старымъ замкомъ, съ полями, лѣсами, рощами, съ городомъ Оппельномъ, примадонной и театральнымъ поэтомъ, господиномъ Гагеманомъ.

Тоска разрывала сердце Евгенія, когда онъ сѣлъ съ барономъ и ротмистромъ въ карету-возокъ и по зимней дорогѣ понесся въ невѣдомую грозную даль. Тѣмъ страшнѣе было покидать родной Оппельнъ, что сюда уже дошли положительные слухи, что російскій императоръ помѣшался и все трепещетъ отъ его необузданнаго тиранства; что изступленное бѣшенство его становится кровожаднымъ; что каждый день десятки невинныхъ ссылаются въ Сибирь и самая милость императора опасна, ибо приближаетъ къ нему и заставляетъ ежеминутно трепетать своенравной перемѣны его настроенія. Конечно, эти слухи извѣстны были и родителямъ принца и они отпускали сына съ тяжкимъ чувствомъ и всю надежду возлагали на барона Дибича, который не переставалъ самодовольно повторять:

— Императоръ мой другъ!

При переѣздѣ границы близъ Гродны принца встрѣтили мѣстные русскія власти, затѣмъ, по прибытіи въ Гродну, начались пріемы, парады, торжественные обѣды, что весьма быстро принцу наскучило и утомило его. Утѣшительницей явилась прекрасная молодая полька, хозяйка того дома, гдѣ принцъ остановился. Она обѣдала съ нимъ и образъ ея снился ночью Евгенію. Новая

торжества, приемы и парады разныхъ частей мѣстныхъ войскъ настолько утомили его высочество, что, вернувшись домой, онъ ударился въ слезы. Тутъ прекрасная хозяйка наединѣ, отбросивъ въ сторону всякіе этикеты, прижимала генеральчика къ груди своей, съ особенной нѣжностью гладила его по головкѣ и старалась ему втолковать, что въ мірѣ семь сладкія эссенціи никогда не доводится глотать безъ примѣси къ нимъ нѣкоторой доли болѣе горькихъ экстрактовъ, но что это не должно отвращать отъ наслажденія. Послѣ этого принцъ отъ души танцевалъ и чувствовалъ себя блаженнымъ.

И теперь образъ прекрасной польки, мѣшаясь съ образомъ театральнѣйшей принцессы города Опельна, возникъ въ дремлющемъ воображеніи принца и окуталъ его продрогшіе члены сладкой теплотой. Принцъ заснулъ крѣпко на торжественномъ ложѣ въ падномъ помѣщеніи шляхетнаго корпуса.

LXVI.

Продолженіе несчастій принца Евгенія.

— Ваше высочество, извольте встать! Встать извольте!

Скрипучій голосъ барона Дибича прервалъ безжалостно сладкій предутренній сонъ принца.

— Извольте вставать! Костюмеры ждутъ!—продолжалъ будить баронъ.

Принцъ открылъ глаза. Въ покой смотрѣло раннее, туманное, угрюмое утро. Но было еще очень сумрачно. Холодъ въ спальнѣ стоялъ нестерпимый и рѣзалъ горло принца.

— Костюмеры должны по формѣ причесать ваше высочество,—объяснялъ баронъ Дибичъ, и паръ валилъ изъ его рта клубами:— а это займетъ не мало времени.

Дѣлать нечего, принцъ принужденъ былъ покинуть кровать и дрожа ноги всунуть въ туфли, а тѣло облегчить въ приготовленный шлафрокъ.

Затѣмъ онъ перешелъ въ сосѣднюю уборную, тоже огромную комнату. Здѣсь находилось шесть костюмеровъ въ сажень росту, поставлены были три скамьи, на одной изъ нихъ уже сидѣлъ ротмистръ фонъ-Требра, и одинъ изъ костюмеровъ производилъ операцію надъ его головой. Въмѣсто пудермантеля на плечахъ его былъ попросту кулъ рогожный.

Евгенію предложено было тоже сѣсть на скамью и такой же рогожный пудермантель закрыть его плечи.

— А не то промочишь бѣлье!—объяснилъ гигантъ-костюмеръ.

Взявъ довольно тупыя ножницы, онъ остригъ переднюю часть

головы принца подъ гребенку, а затѣмъ началъ съ товарищемъ натирать остриженное мѣсто мелко толченымъ мѣломъ. Комната завертѣлась кругомъ принца, искры и слезы посыпались изъ глазъ!

— Тише! Бога ради, тише!—взмолился онъ.

— Мы и такъ не крѣпко, ваше высочество!—увѣряли костюмеры. И, видимо, они говорили правду, ибо въ этотъ моментъ ротмистръ фонъ-Требра, за натирание мѣломъ головы котораго тоже принялись, но, видно, уже какъ слѣдуетъ, заоралъ во все горло, посылая костюмеровъ къ дьяволу и увѣряя, что они такъ сдерутъ съ головы его скальпъ, какъ дикіе американскіе индѣйцы.

— Сухой продѣлки на головѣ довольно!—рѣшилъ хладнокровно старшій костюмеръ. — Теперь только надо смочить да засушить!

Бѣдный принцъ задрожалъ.

— Начинай мокрую операцію!—скомандовалъ оберъ-костюмеръ.

— Хведоръ, подай артельного кваса!—фистулой крикнулъ другой оберъ-костюмеръ подручному.

Принесено было ведро солдатскаго артельного кваса и большой ковшъ. Костюмеръ сталъ противъ принца ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица съ ковшомъ квасу въ рукахъ.

Набравъ російскаго квасу въ ротъ, такъ что багровыя щеки его надулись, какъ двѣ половинки яблока, костюмеръ началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе нѣмецкаго принца.

Едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ принялся обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ.

— Прочесывай волосы!—скомандовалъ оберъ.

Костюмеры ухватили необыкновенныхъ размѣровъ гребни и съ обѣихъ сторонъ принялись усердно драть ими волосы принца, словно они имѣли дѣло съ лошадиной гривой.

— Сидите смирно, ваше высочество,—сказалъ оберъ, когда прочесываніе кончилось.—Не ворочайте головы. Дайте время образоваться клейстеръ-корѣ!

Оглянувшись, принцъ имѣлъ утѣшеніе увидѣть, что баронъ и ротмистръ на своихъ скамейкахъ подверглись такой же операціи и сидѣли, въ ожиданіи образованія «клейстеръ-коры»...

Въ скорости принцу сзади въ волосы привязали желѣзный, длиною восьми вершковъ пруть для образованія косы по формѣ. Заплетя ее, дали просохнуть и вытащили вонъ пруть. Коса затвердѣла и торчала трубой. Тутъ и пукли придѣлали войлочныя, огромной натуры посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ и держала войлочные фальконеты съ обѣихъ сторонъ на высотѣ уха.

Составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ, какъ изверженная лава вулкана, мучительно натянувъ волосы. Тутъ послужила принцу предварительная школа въ видѣ тугой косы. Онъ выносилъ прическу стойчески.

Принца затѣмъ одѣли въ свѣтлозеленый мундиръ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и съ золотымъ аксельбантомъ. Ноги вдѣты были въ сапоги съ высокимъ раструбомъ и шпорами. Части костюма оказались несоотвѣтствовавшими размѣрамъ членовъ принца. Онъ утѣшился лишь тѣмъ, что когда заглянулъ въ большое зеркало, то увидѣлъ въ немъ отразившіяся три огородныя чучела. Рослый ротмистръ и карикатурный щелкунъ-Дибичъ представляли достойное зрѣлище.

Баронъ доложилъ, что генералъ Клиндеръ, директоръ корпуса, будетъ присутствовать за утреннимъ столомъ принца и дожидаетъ выхода его высочества въ пріемной.

— Клиндеръ! Самъ великій Клиндеръ! Какъ! я увижу этого мужа! О, ведите меня поскорѣе, чтобы я могъ поцѣловать руку величайшаго драматурга Германіи, руку, написавшую такія безсмертныя произведенія!—вскричалъ восторженно Евгений.

— Генералъ Клиндеръ точно считается знаменитымъ авторомъ въ его отечествѣ, но здѣсь, въ Россіи, онъ начальникъ корпуса и только,—наставительно сказалъ Дибичъ.—По собственному его настоянію даже запрещенъ въ предѣлы имперіи ввозъ его произведеній, для которыхъ руссійская публика, едва вышедшая изъ варварства, по мнѣнію генерала, не созрѣла.

— Возможно ли? Великія произведенія изъяты самимъ авторомъ! Онъ самъ закрываетъ источникъ чистой поэзіи! Въ его драмахъ раскрыто, такъ сказать, евангеліе природы. Это мнѣ не разъ объяснялъ господинъ Гагеманъ, нашъ оппелънскій театральннй поэтъ. Великій Клиндеръ! Поклонникъ Руссо, Канта...

— Т-с-с-съ! Ради Бога, принцъ, не произносите здѣсь этихъ именъ. Сіе можетъ погубить и васъ, и меня. Что касается генерала Клингера, то я убѣдительноше васъ прошу даже и виду не показывать, что вы знакомы съ его произведеніями! Иначе онъ васъ аттестуетъ императору какъ якобинца.

Принцъ вздохнулъ и умѣрилъ свой восторженный порывъ. Но въ головѣ его никакъ не могло умѣститься различіе поэта-романтика Клингера, которымъ бредила вся молодежь Германіи, и генерала Клингера, неумолимаго формалиста, начальника русскаго корпуса!

Въ пріемной его дожидался не одинъ генералъ Клиндеръ, но и графъ Кутайсовъ.

— Отъ имени государя императора,—сказалъ онъ,—имѣю честь освѣдомиться о здоровьи вашего высочества и просить на высочайшую аудіенцію въ Михайловскій замокъ.

Къ величайшему неудовольствію ротмистра фонъ-Требра оказалось, что сопровождать принца долженъ одинъ только баронъ Дибичъ.

LXVII.

Холодный замокъ.

Пронзительный вѣтеръ, бушевавшій надъ бѣлой пустыней Невы, леденилъ лицо и руки и захватывалъ дыханіе. Загроможденное сѣрыми тучами февральское небо нависло бездушно и грозно надъ сѣверной столицей. Стекла кареты, въ которой ѣхалъ принцъ Евгений съ барономъ Дибичемъ, морозъ расписалъ причудливыми арабесками, и принцъ съ большимъ трудомъ дыханіемъ и пальцами протаялъ небольшое отверстіе, чтобы видѣть новый для него городъ.

Теперь, безъ шубы и мѣховой шапки, въ узкой парадной формѣ и принцъ и спутникъ его жестоко страдали отъ холода и усиленно хлопали руками и стучали ногами, чтобы хоть нѣсколько согрѣться.

— Это хорошо, что окна замерзли и насъ нельзя видѣть, какъ мы танцуемъ сарабанду!—замѣтилъ Дибичъ, ухвативъ себя за пошинѣлый длинный нюхательный органъ.

Карета быстро катилась. Мелькали будки, шлагбаумы —полосатые, черно-красно-бѣлые...

«Какъ у насъ въ Пруссіи!» думалъ принцъ. Миновали занесенные снѣгомъ сады, дома вельможъ и домишки линій острова, жестоко терпѣли на снѣжной пустынѣ среди Невы, гдѣ вѣтеръ воздвигъ прямо снѣжную бурю и скрылъ изъ глазъ окрестности, выѣхали къ зданію сената, и принцъ увидѣлъ мѣднаго гиганта на мѣдномъ вздернутомъ на дыбы конѣ, который, презирая снѣжную бурю, летѣлъ въ пространствѣ надъ созданной его могуществомъ столицей.

Въ огромныя окна вице-канцлерскаго дома видно было, что тамъ всѣ люстры и всѣ каминны пылаютъ.

Тутъ принцъ замѣтилъ чиновниковъ, которые шли на службу въ мундирахъ, ботфортахъ, съ короткими толстыми тростями въ рукахъ по формѣ. Несчастные бѣжали, подгоняемые морозомъ и вѣтромъ и повязавъ уши свѣрхъ пуклей и шляпы платками. Казалось, что это они гонятся за кѣмъ-то со своими палками, намѣреваясь ими раздѣлаться.

— Уши повязаны,—замѣтилъ Дибичъ:—это не по формѣ.

Миновали огромный Зимній дворецъ и прилегающія зданія и вновь потерялись въ пустынѣ Марсова поля, въ снѣжной бурѣ, пока наконецъ не показалась выкрашенная красной краской огромная уродливая каменная масса, окруженная экзерциргаузами, рвами, подъемными мостами и вооруженная двадцатью новыми бронзовыми пушками, блестящія жерла которыхъ зіяли во всѣ стороны.

— Михайловскій замокъ!—прошепталъ Дибичъ помертвѣлыми губами и, сложивъ руки, нѣсколько разъ твердилъ: Nun, Gott, sei uns gnädig!—Боже, буди къ намъ милостивъ.

Пустыня Марсова поля, огромные сады съ голыми деревьями, надъ которыми съ карканьемъ летало множество галокъ и воронъ, и красноватая груда замка-крѣпости, все казалось мертвымъ, уснувшимъ подъ темнымъ небомъ, въ вихряхъ снѣжной бури и подавляло неумолимымъ величьемъ. Такъ вотъ оно, убѣжище безумца, повелѣвающего милліонами въ Европѣ и Азiи, неограниченнаго монарха неизмѣримой имперiи! Все кругомъ было недвижно и не замѣчалось въ этотъ ранній часъ утра ни единой живой души. Когда карета обогнула сады и подѣвжалась со стороны Невской перспективы къ тремъ рѣшетчатымъ воротамъ замка, между четырьмя гранитными столбами, снѣжныя тучи раздвинулись, вѣтеръ ушалъ, и вдругъ яркое солнце озарило улицы, сады и замокъ, камни котораго, выкрашенные рыцарственнымъ Павломъ по данной имъ для образца красной перчаткѣ чернокудрой княгини Гавариной, казались теперь вымазанными кровью...

— Признаюсь, окраска замка не кажется мнѣ удачной,—замѣтилъ принцъ.

Дибичъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на него и замахалъ руками, запрещая критику.

Трескъ барабановъ гулко отдался среди зданій. Имъ встрѣтилась императорская лейбъ-гвардія, роскошно освѣщенная лучами солнца. Офицеры въ зеленыхъ мундирахъ, съ бѣлымъ аксельбантомъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, въ ботфортахъ одной рукой держали эспантонъ — родъ алебарды на длинномъ тонкомъ древкѣ, конецъ которой былъ воткнутъ въ фалду. Въ другой рукѣ была короткая толстая палка. Руки были въ кожаныхъ желтыхъ перчаткахъ. Зеленые мундиры рядовыхъ были богато испещрены золотыми галунами. Заостренныя прусскія томпаковой жести шапки такъ блестяли на солнцѣ, что ослѣпляли зрителя.

Пудренныя прически, косы аршинныя, старомодный покрой мундировъ, все придавало лейбъ-гвардейцамъ видъ толпы комедіантовъ.

Но возникновеніе этой идеи сейчасъ же подавлялось серьезностью, написанной на всѣхъ лицахъ. А строго размѣренный торжественный шагъ, какъ бы нарочно удалявшій близкую цѣль марша въ непредѣльное пространство, скорѣе заставлялъ думать, что они совершаютъ похоронное шествіе, или сопровождаютъ на казнь преступника, а не идутъ на ежедневную смѣну караула.

Всѣ трое воротъ замка, гдѣ императоръ помѣстился всего двѣ недѣли тому назадъ, вели въ широкую аллею изъ старыхъ, душлистыхъ липъ и березъ, посаженныхъ еще при императрицѣ Аннѣ, когда здѣсь находился старый деревянный лѣтній дворецъ.

Одновременно въ одни ворота вступилъ караулъ, а въ другія въѣхала карета принца.

Барабаны трещали, и ворѣны, галки съ крикомъ срывались съ деревьевъ и летѣли въ разныя стороны, безтолково.

По сторонамъ аллеи были экзерциргаузы и конюшни, какъ бы въ воспоминаніе о любителѣ лошадей и берейторства герцога Биронѣ. Далѣе высились симметрично два павильона для чиновъ двора и карета загремѣла колесами по спущенному подъемному мосту черезъ ровъ, окружавшій замокъ.

Затѣмъ въѣхала она на «коннетабль» или большую дворцовую площадь.

Здѣсь высилась колоссальная конная статуя Петра Великаго, работы Мартелли, отлитая еще при Елизаветѣ въ 1744 году.

Павель Петровичъ отыскалъ ее гдѣ-то въ сараяхъ, велѣлъ отчистить отъ наростшей зелени и поставилъ на «коннетаблѣ» своего съ чудесной быстротой воздвигнутаго чудовищнаго замка.

Лошадь идетъ на этомъ монументѣ шагомъ, и всадникъ, въ одѣяніи римскаго цезаря, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, кажется погруженнымъ въ раздумье...

«Прадѣду — правнукъ!» прочиталъ надпись принцъ Евгенийъ.

Замокъ составлялъ совершенно правильный квадратъ, окруженный со всѣхъ сторонъ рвами, облицованными гранитомъ, съ пятью подъемными мостами.

Подвалы и нижній этажъ замка былъ изъ тесанаго гранита; верхъ — кирпичъ и мраморъ.

Обращалъ вниманіе порталъ замка и фронтонъ изъ паросскаго мрамора, работы братьевъ Стаджи, изображавшій исторію въ видѣ Молвы, какъ мы это видимъ на колонѣ Траяна.

На фризѣ принцъ прочиталъ золотую загадочную, мистическую надпись:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней!»

Со стороны «коннетабля» въ замокъ вели ворота, называвшіяся Воскресенскими.

Проѣздъ во внутренній осьмиугольный дворъ съ каждой стороны имѣлъ колоннаду изъ 24-хъ дорическаго ордера колоннъ. Между ними на пьедесталахъ стояли великолѣпныя вазы изъ бѣлаго мрамора.

Въѣзжать въ этотъ дворъ позволялось лишь членамъ императорскаго семейства и посланникамъ.

Лишь только карета съ громомъ подкатила ко дворцу, одинъ взглядъ на поблѣднѣвшее лицо Дибича далъ понять всю важность предстоящей рѣшительной минуты. Судорожная дрожь старика заставляла опасаться за его существованіе.

Прикосновеніе его холодной руки напоминало статую командора въ «Донъ-Жуанъ».

— Напрасно, видно, толковалъ, что государь ему другъ!—подумалъ принцъ.—Вотъ такъ другъ!

ЛXVIII.

Заплѣсневѣлое великолѣпіе.

Четыре лѣстницы вели со двора во внутренность дворца и запирались большими стеклянными, великолѣпными дверями; изъ нихъ парадная съ гранитными ступенями шла между двумя баллюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора съ плиастрами изъ полированной бронзы. Стѣны выложены были мраморами разныхъ сортовъ.

Выйдя изъ кареты, два маленькихъ генерала стали маленькими прыжками подниматься по этой безконечной лѣстницѣ, чувствуя себя, среди этого мрачнаго величія неизмѣримыхъ стѣнъ и сводовъ, между глыбами гранита и мрамора, совершенно ничтожными букашками.

Медленное восхожденіе сопровождалось Дибичемъ длинными наставленіями замирающимъ шопотомъ...

На одной изъ площадокъ лѣстницы помѣщалась на пьедесталѣ изъ драгоценныхъ мраморовъ разнаго цвѣта превосходная копія знаменитой умирающей съ присосавшимся къ обнаженной груди аспидомъ Клеопатры Капитолійскаго музея.

Около статуи стоялъ придворный въ пудрѣ, который отвѣсилъ низкій поклонъ принцу.

— Имѣю честь предоставить себя милостивому благоволенію вашего высочества,—сказалъ онъ.—Я—Августъ фонъ-Коцебу...

— Августъ фонъ-Коцебу!—воскликнулъ было съ порывомъ восторга принцъ Евгений и оглянулся на Дибича, вспомнивъ исторію съ Клингеромъ. Удивительная судьба свела его съ обонми нѣмецкими драматургами новой, романтической школы, произведеніями которыхъ онъ бредилъ еще въ Оппельнѣ, а имена которыхъ, благодаря режиссеру Гагеману, привыкъ почитать. Но если Клингеръ въ Россіи былъ только корпуснымъ начальникомъ, то кто знаетъ, можетъ быть, и Коцебу здѣсь не терпѣлъ упоминанія о его драмахъ и отправлялъ должность какого-нибудь главнаго смотрителя дворцовыхъ кордегардій!..

Итакъ, принцъ поспѣшилъ подавить движеніе сердца и умолкъ.

— Кажется, мое скромное имя нѣсколько извѣстно вашему высочеству,—склонивъ голову на бочекъ, сладкимъ голосомъ сказалъ Коцебу.—Какъ составляющему описаніе сего грандіознаго

архитектурнаго созданія, государь императоръ повелѣтъ мнѣ высочайше соизволилъ показать и объяснить вамъ, принцъ, достопримѣчательности замка!

И съ семи словами Коцебу повелъ гостя и его спутника во внутренность дворца, сперва съ цѣлью дать ему понятіе о размѣрахъ зданія. Это былъ истинный лабиринтъ темныхъ лѣстницъ и мрачныхъ коридоровъ, въ которыхъ день и ночь горѣли масляныя лампы и всюду пронизывали сырые сквозняки. Попадавшіеся навстрѣчу придворные служители неизмѣнно чихали, кашляли, хрипѣли, плевали, охали, страдая зубною болью, простуженные въ ужасныхъ подвальныхъ помѣщеніяхъ, имъ отведенныхъ.

Своды циклопическихъ коридоровъ тонули во мракѣ, и лѣстницы поминутно то поднимались, то опускались. Казалось, то былъ какой-то мрачный пургаторій, и гулъ шаговъ, разнообразныя звуки, разносившіеся въ гулкихъ пустотахъ, рисовали въ воображеніи толпы томящихся здѣсь призраковъ. Когда же Коцебу сталъ повѣствовать о системѣ подваловъ со сводами на множествахъ гранитныхъ столбовъ, о колодцахъ, потайныхъ ходахъ и другихъ скрытыхъ приспособленіяхъ, то принцу представился подъ ногами его истый мрачный Адъ.

Но вотъ Коцебу довелъ гостей до великолѣпныхъ дверей красного дерева, богато украшенныхъ щитами, оружіемъ и медузинными головами изъ бронзы.

— Дверь въ парадные апартаменты императора!—торжественно возвѣстилъ драматургъ.

Овальная передняя украшена была бюстомъ Густава-Адольфа, славнаго короля Швеціи. За ней слѣдовала обширнѣйшая зала; стѣны ея были отдѣланы желтымъ съ пятнами мраморомъ. Огромныя картины русскаго художника Угрюмова изображали Полтавскую битву, покореніе Казани, вѣнчаніе на царство Михаила Романова, Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ, крещеніе Руси.

Страшный холодъ царилъ въ этой патристической залѣ, несмотря на огромныя костры пылающихъ дровъ въ двухъ камінахъ.

Полосы льда въ дюймъ толщиною, а шириною въ нѣсколько ладоней сверху донизу намерзли по угламъ. Туманъ стоялъ въ залѣ.

— Признаться должно, что въ замкѣ мѣстами нѣсколько сырвато, — замѣтилъ умильно Коцебу. — Причиной тому чудесная быстрота стройки; еще не успѣвшая и просохнуть известь стѣнъ даетъ при топкѣ испаренія. Но сіе, конечно, временно и не мѣшаетъ величію сооруженія, коему мало въ свѣтѣ подобныхъ!

Пройдя колоннаду, вступили въ новую грандіозную залу.

— Тронная зала!—благословѣнно прошепталъ Коцебу.—Убранство превосходно! Извольте обратить ваше вниманіе, принцъ! Здѣсь стѣны обтянуты зеленымъ бархатомъ съ золотомъ... Печь въ тринадцать аршинъ обложена художественной бронзой, изображающей муки св. Лаврентія на раскаленной рѣшеткѣ. Тронъ—краснаго бархата! Балдахинъ—шатеръ съ лѣсомъ страусовыхъ перьевъ—преизряденъ... По стѣнамъ — гербы областей російскихъ... Рыцарская мысль! Замѣьте это зеркало. Оно цѣльное и самое большое во всемъ дворцѣ. Къ несчастію, нѣсколько пострадало отъ сырости и благодаря тому потускнѣло! Но вообще убранство превосходно!

Убранство, дѣйствительно, было превосходно, но, къ сожалѣнію, сырость испортила не одно зеркало. Зеленый бархатъ стѣнъ не только покрылся плѣсенью, но и мохнатыми, бѣлыми, отвратительными грибами, разраставшимися цѣлыми плантаціями.

Принцъ вспомнилъ, что появленіе въ жилищѣ грибовъ — очень дурная примѣта, возвѣщающая покойника, но, конечно, промолчалъ объ этой примѣтѣ, между тѣмъ какъ Дибицъ истощался въ выраженіи восторга убранствомъ тронной залы російскаго могущественнаго императора.

— Галерея арабскъ!—возвѣстилъ Коцебу, выходя изъ большой тронной залы.—Обратите вниманіе на фрески...

Фрески были лучшихъ мастеровъ, но зловѣщія черныя пятна сырости поѣдали ихъ...

— Бюстъ Марка Аврелія, коему приданы черты лица государя! И по достоинству. Монархъ великодушнѣйшій! Всякій это скажетъ, кто чуждъ косо глядящей подлости, изъ чьихъ очей сіяетъ чистая невинность!

— Галерея Лаокоона, борющагося со змѣями! Группа высѣчена изъ одной глыбы мрамора безъ пятенъ и жилокъ!.. Гоблены, принцъ! Обратите вниманіе на гоблены! Тутъ изображена рыбная довля св. Апостола Петра, а тутъ Діана и Эндиміонъ! Тутъ—Воскресеніе Лазаря, а рядомъ—Амуръ и Психея!

Такое соединеніе евангельскихъ образовъ съ языческими было довольно странно, но, все равно, гобелены совершенно посѣрѣли и позеленѣли отъ налета все пожирающей плѣсени и разобратъ что-либо не представлялось возможности.

Два унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи съ эспантонами въ рукахъ стояли у входа въ овальную гостиную—интимный покой императора.

Мебель въ ней была огненнаго цвѣта, отдѣланная серебряными шнурками и кистями, что дѣйствительно давало восхитительный эффектъ. Сырость пощадилъ этотъ покой. Плафонъ, работы Виги, очаровывалъ красками. Юпитеръ на немъ словно плавалъ въ морѣ свѣта съ сонмомъ боговъ и богинь.

Дальше прошли въ малую круглую тронную залу. Но она была великолѣпнѣе большой. Шестнадцать атлантовъ поддерживали куполь.

— Все предметы и украшенія этой залы,—сказалъ Коцебу:—даже и тронъ должны быть сдѣланы изъ массивнаго серебра. Серебряныхъ дѣлъ мастерамъ уже отпущено на этотъ предметъ 40 пудовъ серебра!

— Эта дверь во внутренніе апартаменты императрицы. А сюда, черезъ Рафаэлевскую ложу, во внутренніе апартаменты государя...

Обитая свѣтло-голубыми коврами съ видами Павловска, вытканными на нихъ съ высокимъ совершенствомъ, комната вела на половину Маріи Ѳеодоровны.

Но они пошли въ Рафаэлевскую ложу и вступили въ частную бібліотеку Павла Петровича. Тамъ стояло шесть шкаповъ краснаго дерева, а на нихъ двадцать великолѣпныхъ вазъ.

— Эта дверь,—сказалъ, понизивъ голосъ, Коцебу,—въ кабинетъ-спальню его величества! Подождите здѣсь. Императоръ въ скорости выйдетъ.

Коцебу исчезъ.

Принцъ и спутникъ его остались предъ роковой дверью. Этотъ огромный, ледяной дворецъ, по безконечнымъ, великолѣпнымъ покоемъ котораго они блуждали, казался принцу сказочнымъ. Это былъ Рай, но столь же ужасный, полный повисшаго подъ потолками тумана, съ пятнами плѣсени, съ нарощими хлопьями грибовъ, съ намерзшимъ льдомъ и комами изморози, какъ и Пургаторій колоннадъ, лѣстницъ и лабиринта коридоровъ и какъ мрачный Адъ сокровенныхъ нѣдръ крѣпости, окруженной со всѣхъ сторонъ глубокими каналами, тонущей въ постоянныхъ туманахъ.

И за этими дверями скрывался властитель холоднаго замка и всѣхъ его сырыхъ плѣсневѣлыхъ и обледенѣлыхъ великолѣпій.

— Nun, Gott sei uns gnädig!—боязливо творилъ молитву Дибичъ.

LXIX.

Браво! браво!

Роковая дверь отворилась.

Въ бібліотеку вошелъ императоръ.

Павелъ Петровичъ былъ совершенно такой, какимъ принцъ его давно зналъ по множеству портретовъ: сухопарый человекъ средняго роста, съ крайне невзрачными чертами блѣдно-желтаго лица. Глаза его были сощурены, словно его слѣпилъ дневной свѣтъ; верхняя губа отвисла, нижняя выпятилась впередъ; носъ короткий и приплюснутый.

На немъ былъ старомодный, синевато-зеленый мундиръ съ простымъ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, безъ лацкановъ, безъ золотыхъ пуговицъ и аксельбантовъ и бѣлаго сукна панталоны, въ высокихъ ботфортахъ. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. Въ прорѣзи мундира вдѣта шпага. Шитья не было, но лѣвую сторону груди украшали двѣ звѣзды. Несмотря на странное и непріятное впечатлѣніе, производимое его внѣшностью во всей ея совокупности, взоръ императора не имѣлъ ничего устрашающаго и даже показался принцу добрымъ, быть можетъ, потому, что онъ настроенъ былъ увидѣть какое-нибудь чудовище вродѣ сказочнаго людоѣда...

По данному ему наставленію, принцъ долженъ былъ преклонить одно колѣно передъ самодержцемъ, но это никакъ ему не удавалось.

Напрасно сился согнуть жесткое голенище высокої ботфорты на лѣвой ногѣ, онъ внезапно рухнулъ на оба колѣна. Отъ императора не укрылось, чего стоило принцу все это усиліе и какъ твердо онъ преодолевалъ упорство своего голенища. Онъ улыбнулся, при чемъ непріятныя черты лица его озарились свѣтомъ и смягчились, потомъ поднялъ принца обѣими руками вверхъ, опустил на стулъ и сказалъ своимъ особеннымъ сиповатымъ голосомъ:

— Садитесь, милостивый государь! Какъ вы провели ночь у насъ? Что вамъ снилось?

— Ничего, ваше величество, не снилось,—простодушно отвѣчалъ принцъ.

Отвѣтъ этотъ, повидимому, совершенно поразилъ и ужаснулъ Дибича. «Другъ» государя, болѣе удачно преклонивъ колѣно передъ монархомъ и облобызавъ поданную ему Павломъ руку, теперь стоялъ съ бѣлымъ лицомъ, опутивъ глаза и дрожалъ мелкой дрожью.

— Да, да,—поспѣшилъ прибавить принцъ безопасно, кивая Дибичу, чтобы ободрить его,—я слишкомъ усталъ, и потому не видѣлъ никакого сна.

Дибичъ посинѣлъ, словно на горлѣ его затянули петлю.

— Вы еще въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда ночью часто ничего не снится, а наяву грезятся прекраснѣйшіе сны,—милостиво сказалъ императоръ.

Взоръ Дибича прояснился, и онъ нѣсколько отдохнулъ, хотя продолжалъ пребывать въ оцѣпенѣніи отъ смѣлости принца, такъ запросто бесѣдующаго съ грознымъ властелиномъ.

— Подлинно, ваше величество, мнѣ наяву снятся изумительные сны,—бойко говорилъ принцъ Евгений.—Развѣ это не сонъ наяву вдругъ изъ маленькаго Оппельна перенестись въ столицу величайшей въ свѣтѣ имперіи, въ этотъ дворецъ и бесѣдовать съ вами?

— Да, да, вы правы, милостивый государь!—подтвердилъ Павелъ:—вы совершенно правы. Жизнь человѣческая—сонъ. И когда мы умираемъ, то просыпаемся. Это великая мысль!

— Но я бы желалъ пока подольше не просыпаться,—сказалъ принцъ.

— Ну, конечно, обманчивый сонъ земной жизни еще новъ для васъ и занимателенъ. Это еще розовый, утренній сонъ. И я когда-то зналъ его. Но подъ осень дней жизнь наша становится хмурымъ бредомъ, и мы наконецъ жаждемъ пробужденія; только цѣпи долга заставляютъ насъ идти земной, скорбной долиной.

— Я полагаю, ваше величество,—вспомнивъ прусскій законъ о дезертирахъ и всю исторію, которую ему пришлось изъ-за него претерпѣть, сказалъ принцъ Евгенийъ,—я полагаю, ваше величество, что самъ человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться своею жизнью. Старый прусскій законъ гласитъ, что неудачный самоубійца долженъ быть судимъ, какъ дезертиръ короля.

— Прекрасно, милостивый государь! Если самоубійцы и не могутъ почитаться дезертирами своихъ царей, то они явно дезертиры Царя царей, посланнаго ихъ сюда на борьбу со своими страстями и пороками и со зломъ и княземъ міра сего, клеветникомъ и оболъстителемъ. Самоубійца дезертиръ христіанской арміи Царя царей! Поэтому онъ и получить строжайшее осужденіе въ загробной жизни. А, Дибичъ!—коснувшись плеча барона, милостиво сказалъ государь,—какого философа ты привезъ къ намъ!

— О, ваше величество, успѣхи его высочества чрезвычайны!.. проговорилъ тутъ Дибичъ, расцвѣтая и по пѣтушинуму даже вздернулъ голову.

Но императоръ уже опять обратился къ принцу.

— Вамъ понравится у насъ, — сказалъ онъ. — Сколько вамъ лѣтъ?

— Тринадцать, ваше величество.

— Видѣли свѣтъ?

— Я имѣлъ честь вамъ доложить, что увидѣлъ его тринадцать лѣтъ тому назадъ.

— Не о томъ рѣчь,—возразилъ съ улыбкою императоръ.—Я спрашиваю, случалось ли вамъ путешествовать? Видѣли ль людей и...

На этомъ принцъ прервалъ его. Дибичъ поблѣднѣлъ снова.

Принцъ, не обращая на него вниманія, оживленно заговорилъ:

— Я мало еще видѣлъ постороннихъ людей и никогда почти не покидалъ своего мѣстожителства; но люди вездѣ одинаковы и здѣсь такіе же, какъ у насъ.

— Я этому радъ,—возразилъ, отъ души засмѣявшись, императоръ, и черты лица Дибича озарились счастьемъ.—Я радъ, что вы такъ скоро освоились съ нами; а чего еще не знаете, тому скоро научитесь.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ принцъ. — Жизнь слишкомъ коротка, чтобы научиться всему, чему мы должны и чему хотѣли бы научиться.

— Bravo!—вскричалъ императоръ, значительно взглянувъ на Дибича и милостиво подмигнувъ принцу.

Затѣмъ онъ быстро всталъ со стула и, пославъ принцу поцѣлуй рукою, вышелъ, приговаривая:

— Очень радъ, милостивый государь, вашему знакомству! Очень радъ! Очень радъ! Подождите, я доложу о васъ императрицѣ.

Императоръ все время говорилъ по-нѣмецки совершенно чисто.

Когда звукъ шаговъ государя затихъ въ Рафаэлевской галереѣ, ведущей на половину государыни, Дибичъ вздѣлъ глаза и ладони къ потолку библиотеки и прошепталъ:

— Благодареніе Богу! Императоръ къ намъ милостивъ!

LXX.

C'est excellent!

Черезъ нѣкоторое время въ библиотеку вошла подъ руку съ государемъ императрица Марія Ѳеодоровна.

Появленіе ея было подобно сошествію олимпійской богини изъ тѣхъ, что купались въ морѣ свѣта на плафонѣ въ овальной гостиной замка. Какъ зеркало свѣтлыя, черты ея прекраснаго лица составляли разительную противоположность съ курносой маской императора.

Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ и сказала супругу, пристально глядя на Евгенія:

— *P a l'air bien pourri!*

— *C'est un joli garçon!* — отвѣчалъ императоръ.

Принцъ поспѣшилъ произнести довольно витіеватое привѣтствіе по-французски.

— Смотрите, онъ весьма недурно говоритъ по-французски! — сказалъ императоръ. — Bravo, милостивый государь!

— Ваше величество, я обученъ нѣсколько и русскому языку, — поспѣшилъ похвастать Евгеній.

— Вотъ какъ! Но вѣдь русскій языкъ чрезвычайно труденъ для васъ, нѣмецъ. И гдѣ же вы это выучились?

— Дома въ Карлсруэ у меня былъ учитель русскаго языка.

— Русскій учитель въ Карлсруэ! Прекрасно! — хлопая въ ладони, сказалъ Павелъ. — Нѣтъ, какъ онъ обученъ, а? Не то, что наши російскіе олухи!

— Это меня не удивляетъ, — сказала императрица. — Родители моего племянника, конечно, сдѣлали все возможное, чтобы Евгеній былъ достоинъ вашихъ милостей, государь.

— Онъ обученъ отлично, я это и говорю. Но почему наши русскіе растутъ невѣждами? Сыновья вельможъ въ его лѣта только и знаютъ, что лазить на голубятни.

Тутъ ободренный похвалами принцъ черезчуръ развязно вмѣшался въ разговоръ:

— Ваше величество совершенно ошибаетесь; я боюсь, что не выдержу экзамена, но буду прилежно учиться и, можетъ быть, наверстаю то, чего мнѣ недостаетъ.

— Bravo! bravo!—вдругъ громко сказалъ императоръ.—Bravo! bravo! bravo!

И такъ повторялъ въ продолженіе цѣлой минуты почти безпрестанно.

Императрица, видимо, нѣсколько встревожилась этими безконечными « bravo » и замѣтила, что въ Европѣ юноши болѣе путешествуютъ, при чемъ многое видятъ.

— Да, конечно, путешествія развиваютъ человѣка и необходимы для его образованія.—согласился императоръ, успокаиваясь.

— Знаете, ваше величество, путешествія не дѣлаютъ человѣка умнѣ,—еще развязнѣе и бойче сказалъ принцъ.

— Почему вы такъ думаете? — съ улыбкою спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Да потому, что Иммануиль Кантъ никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга, а мысль его обнимала весь міръ,—брякнулъ мальчикъ фразу, которую двадцать разъ слышалъ отъ ротмистра фонъ-Требра.

Лицо Павла Петровича омрачилось. Императрица стала подобна мраморной статуѣ.

Дибичъ опять посинѣлъ, словно ему затянули петлю на шеѣ.

У Павла Петровича началась отдышка. Онъ откинулъ голову назадъ. Морщины бороздили его лобъ, какъ сильный вѣтеръ поверхность водъ. Вдругъ онъ сильно топнулъ ногой.

— А что такое, маленькій человѣчекъ, знаете вы о Кантѣ? — сурово спросилъ онъ у Евгенія.

Въ головѣ принца мелькнула мысль о рѣшительномъ отвращеніи Павла Петровича ко всѣмъ философамъ, которыхъ онъ считалъ причиной революціи, источникомъ безбожія и якобинства и всѣхъ развратныхъ правилъ и воспалительнаго состоянія умовъ, потрясшаго троны и алтари Европы.

— Я ничего не знаю о твореніяхъ Канта, ваше величество,—бойко поспѣшилъ поправиться мальчикъ. — Они для меня гіероглифы. Но этотъ мыслитель самъ сдѣлался историческимъ лицомъ, и его не обходятъ молчаніемъ въ классахъ исторіи.

Императоръ судорожно расхохотался.

— C'est excellent! — вскричалъ онъ, схвативъ принца за обѣ руки. — C'est excellent! C'est excellent! — повторилъ онъ разъ десять подъ рядъ.

Повернулся потомъ столь же судорожно къ императрицѣ, снова захохоталъ изо всей мочи и, какъ бы довольный собою, ударилъ себя ладонью нѣсколько разъ въ грудь.

Эхо разнесло дикій хохоть императора подъ гулками сводами грандіозныхъ покоевъ замка.

— *C'est excellent! ha! ha! C'est excellent! ha! ha! ha!* — смѣялся императоръ.

И вдругъ успокоился.

— *Savez vous, que ce petit drôle a fait ma conquête?*¹⁾ — сказалъ онъ императрицѣ, съ страннымъ выраженіемъ напирая на послѣднемъ словѣ.

И столь же неожиданно вышелъ, пославъ еще разъ принцу рукою поцѣлуй и напѣвая какія-то трели...

Слова: «*J'en suis charmée*» — замерли на устахъ встревоженной императрицы. Слѣдя за удаляющимся императоромъ, она, казалось, вдумывалась съ безпокойствомъ въ причину этой странной выходки.

Потомъ, обратясь къ принцу, произнесла по-нѣмецки, скороговоркой, полукротко, полусерьезно и слегка грозя ему пальцемъ:

— А все же ты маленькій смѣльчакъ! Сыночекъ мой, вѣдь здѣсь слова взвѣшиваются строже, чѣмъ въ Карлсруэ. Да и вообще ребенку приличнѣе молчать, чѣмъ слишкомъ много говорить. Прими это къ свѣдѣнію, если хочешь быть счастливымъ. Пойдемъ ко мнѣ.

Императрица ласково обняла за шею мальчика и провела его въ свою голубую гостиную.

— Если ты хочешь быть счастливымъ, — продолжала императрица: — то знай, что здѣсь каждое слово можетъ тебя погубить.

— Ахъ! вѣкъ отечества для меня нѣтъ счастья! — сказалъ принцъ. — Но воля родителей для меня священна.

— Молчи, коль скоро ихъ любишь.

— Я буду нѣмъ, милая тетя, какъ рыба. Но я не умѣю притворяться.

— Кто же тебя къ этому принуждаетъ?

— Генераль Дибичъ. Онъ того мнѣнія, что его любилъ Фридрихъ Великій. Отсюда онъ выводитъ, что великій знатокъ искусства поддѣлываться къ монарху, который...

Императрица вздрогнула и зажала мальчику ротъ рукой.

— Ради Бога, только не надо подобныхъ разсужденій! Ты доброе, невинное дитя, но тебя надо заботливо охранять, чтобъ ты не обжегся на огнѣ.

— Ахъ, милая тетя, — указывая на паръ, выходившій изъ ихъ усть, сказалъ принцъ Евгеній: — тутъ скорѣе можно замерзнуть, чѣмъ обжечься.

¹⁾ Знаете ли вы, что этотъ маленький проказникъ меня завоевалъ?

Императрица улыбнулась.

— Неисправимое дитя!— сказала она.— Но я не дамъ тебѣ ни обжечься, ни замерзнуть. Я замѣню тебѣ здѣсь мать и не дамъ тебя въ обиду.

Императрица съ любовью прижала его къ груди, словно скрывая въ объятіяхъ отъ грозящей опасности, и поцѣловала.

— Ты напомнилъ мнѣ моего любимаго брата!— сказала она, и въ очахъ ея засверкали слезы.

Принцъ поцѣловалъ ея платье.

— Расскажи мнѣ о родителяхъ, о томъ, что ты дѣлалъ въ Карлсруэ!

LXXI.

Въ покояхъ императрицы.

Поощренный царственной тетей, принцъ Евгенийъ сталъ рассказывать о приключеніяхъ въ Карлсруэ, заставляя императрицу то улыбаться и качать головой, то задумываться и вздыхать.

Она спросила, былъ ли онъ въ ея родномъ замкѣ Монтбельярѣ, гдѣ протекли свѣтлые дни ея дѣтства и дѣвчества, и, узнавъ, что еще не былъ, сама отдалась воспоминаніямъ.

— Воспоминанія ранней юности подобны сохраннымъ цвѣтамъ,—говорила она мечтательно.— Любишь вдыхать ихъ далекое благоуханіе. Воображеніе оживляетъ ихъ поблекшія краски. И видишь ихъ вновь такими прекрасными и такими свѣжими!

Императрица вспоминала огромныя мощныя зданія—соединеніе монастыря съ крѣпостью—замка Монтбельяра, на обрывистой горѣ, надъ старымъ городомъ графства. Она вспоминала мощные ливанскіе кедры, которые окружали замокъ. Они выросли изъ сѣмянъ, привезенныхъ изъ Святой земли графомъ Монтбельяромъ въ 1400 году,—и огромные каштаны и березы, дававшіе столько тѣни въ широкихъ дворахъ внутри замка. Она вспоминала лѣтнюю резиденцію—изящный, милый Этюпъ!

— Я перенесла свои воспоминанія въ Россію,—говорила императрица.— Я ими живу и здѣсь. Посмотри, это виды Павловска! Вотъ и Этюпъ. Въ немъ все такъ же почти, какъ и въ моемъ родномъ Монтбельярѣ...

Императрица показала на ковры «en haute lice», которыми покрыты были стѣны гостиной.

На свѣтло-голубомъ фонѣ ковровъ были вытканы сельскіе уголки, шале, гроты, различные виды Павловска, но они не гармонировали съ торжественнымъ великолѣпіемъ прочаго убранства гостиной, съ нишей въ глубинѣ ея, поддерживаемой двумя великолѣпными порфиристыми колоннами іоническаго ордера, передъ

которой стояла группа из каррарскаго мрамора, изображавшая Аполлона и Дафну—копія съ Беллиніевоі скульптуры. Но ниша скорѣе напоминала пещеру Борея, такимъ холодомъ несло изъ ея заплѣсневѣлой глубины. Роскошная дверь вела въ кабинетъ императрицы. Императрица продолжала разсказывать о счастливомъ правленіи принца отца ея, она говорила, что въ Монтбельярѣ и Вюртембергѣ всюду пѣли и танцевали постоянно, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ; она вспоминала чиновниковъ ея отца, совѣтниковъ, носившихъ средневѣковую одежду, на половину черную, на половину желтую—цвѣтовъ Вюртембергскаго дома, вспоминала знамя графства Монтбельяра, лазурное съ золотыми рогатыми морскими рыбами. Она перечисляла достопримѣчательности Этюпа: вспоминала оранжерею, считавшуюся лучшей въ Германіи; бесѣдку изъ розъ съ высокими штаблами, образующую храмъ; ея ароматный сводъ былъ самымъ плѣнительнымъ мѣстомъ въ мірѣ, чтобы тамъ читать или болтать! А молочная въ видѣ швейцарскаго домика, гдѣ были великолѣпныя фаянсовыя вазы, poteries XVI столѣтія, грубо расписанныя красками, но высоко цѣнившіяся знаатоками искусства! А гроты Этюпа! Они полны сталактитовъ, при свѣтѣ факеловъ сверкающихъ подобно брилліантамъ!

А множество искусственныхъ островковъ на рѣчкѣ, соединенныхъ китайскими мостиками! А триумфальная арка, построенная изъ капителей и обломковъ колоннъ, привезенныхъ изъ развалинъ древняго римскаго поселенія Eromandurum, находящагося на югъ отъ города Монтбельяра! Арка посвящена была Фридриху Великому. А «избушка угольщика» въ лѣсу! Мебель этой избушки, элегантноі простоты, вся привезена была изъ Парижа.

Императрица, улыбаясь, припоминала, какъ однажды она, уже будучи невѣстой, переночевала въ этой избушкѣ, что привело въ истинный ужасъ старую дежурную даму госпожу Гендель, ходившую всегда въ шумящемъ лиловомъ платьѣ съ огненными лентами и помѣшанную на этикетъ и величіи Вюртембергскаго дома. Много лѣтъ подъ рядъ госпожа Гендель, при каждомъ упоминаніи избушки угольщика съ парижскоі мебелью, съ трагическимъ жестомъ говорила:

— Когда подумаешь, что будущая императрица московитовъ и такого обширнаго государства ночевала тамъ!

И она произносила французское слово *vaste* (обширный), открывая ротъ во всю его вертикальную ширину.

Смѣшная, старая, добрая госпожа Гендель! Тогда въ модѣ была экстравагантная прическа, называвшаяся «*roufs au sentiment*». Это было въ 1774 году, когда Людовикъ XVI вступилъ на тронъ.

Волосы украшали изображеніемъ любимаго лица или предмета.

То были портреты отца, матери, любимаго человѣка или любимой кошки, собачки, птички...

— Я носила изображеніе дамы со связкой ключей въ рукахъ, напоминавшей госпожу Гендель. И госпожа Гендель не помнила себя отъ счастья и гордости, что ея портретъ носить будущая императрица—*de si va— a—aste Etat!* А между тѣмъ Вюртембергскихъ стали титуловать *Altessees sérénissimes* только по повелѣнію императора Леопольда I-го, а раньше ихъ именовали просто *Votre Grâce.*—И Марія Теодоровна вздыхала о счастливомъ времени, когда она была еще Доротеей? Задумавшись, она шептала:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria... (1)

— *Miseria! Miseria!*—повторяла императрица, склонивъ прекрасную голову на прекрасную руку. И ея слова странно и мрачно звучали въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ ея супруга, неограниченнаго повелителя великой имперіи, многомилліонной, неизмѣримой. Императрица стала вспоминать посѣщеніе Страсбурга Маріей Антуанеттой, въ 1770 году, тогда еще счастливой «*Madame de dauphine*».

— Пойдемъ, я покажу тебѣ розу изъ ея букета. Она хранится въ моемъ «*herbier de souvenir*»!

Императрица не останавливаясь провела Евгенія черезъ огромный кабинетъ, обремененный украшеніями и художественными предметами до такой степени, что они утомляли глаза, и не обличавшій никакого признака обитанія его хозяйкой.

Столь же быстро прошли они и парадную спальню съ мраморными, ослѣпительными стѣнами, гдѣ за баллюстрадой изъ массивнаго серебра стояла кровать, украшенная богатою вызолоченною рѣзьбою, подъ свѣтло-голубымъ балдахиномъ съ серебряными кистями. При низкой температурѣ покоя надо было въ самомъ дѣлѣ принадлежать къ безсмертнымъ Олимпа, привыкшимъ поживать въ облакахъ, чтобы пользоваться этой спальней. Коринтскія колонны поддерживали лазурный куполъ покоя. Между колоннами стояли голубые бархатные диваны, и въ стѣны вдѣланы были цѣльныя огромныя зеркала. Замѣчательнъ былъ карнизъ спальни, расписанный арабесками на золотомъ полированномъ фонѣ.

Принцъ Евгенийъ былъ пораженъ всей этою красотою, но едва успѣлъ окинуть взглядомъ великолѣпнѣ олимпійскаго чертога, такъ быстро шла императрица, спѣша въ «жилой» покой. То была ея рабочая комната, вся отдѣланная бѣлымъ деревомъ, и потому менѣе доступная сырости. Книжные шкапы и комоды были изъ лучшаго краснаго и душистаго розоваго дерева,

1) Нѣтъ больше горя, какъ въ бѣдствіи вспоминать о счастливомъ прошломъ.

(Данте).

Середину комнаты занимал письменный столъ.

Показавъ мальчику розу изъ букета «Madame de dauphine», 1770 года, сморщенные лепестки которой ничего ровно не сказали ему, императрица повела принца знакомиться съ кузинами, въ сосѣднемъ покоѣ занимавшимися подъ присмотромъ самой строжайшей, величественной гофмейстерины Ливенъ, которая показала принцу злымъ грифономъ. Великія княжны Марія и Екатерина, которыхъ сторожилъ этотъ старый грифонъ, были истинно прекрасны, какъ Граціи. Онѣ обошлись съ очаровательной привѣтливостью съ гостемъ, но все время графиня Ливенъ не спускала съ него грознаго, испытующаго взгляда, видимо, находя, что принцъ плохо воспитанъ, слишкомъ развязанъ, мужиковатъ. Взвѣсивая каждое его слово и каждое движеніе, гофмейстерина, видимо, все осуждала и качала зловѣще головой. Какъ мало походила она на ворчливыхъ, но добродушныхъ и любящихъ придворныхъ старушекъ замка Монтбеляра, о которыхъ только что рассказывала императрица. Мальчикъ скоро почувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ ядовитыми взорами грифона. Ему казалось, что графиня Ливенъ опутываетъ его невидимой сѣтью; онъ становился все болѣе неловокъ, угловатъ и оглядывался на графиню исподлобья.

Замѣтивъ это, императрица повела его на половину великаго князя Александра и его супруги Елизаветы, чтобы познакомиться и съ ними.

Великія княжны, съ ихъ видомъ стерегомыхъ дракономъ античныхъ нимфъ, кротко простились съ кузеномъ. Опять начались сказочно великолѣпные покои. Гостиная великой княгини Елизавета была обтянута лионскою матеріей; двѣ прекрасныя колонны олонецкаго мрамора, краснаго съ бѣлымъ, украшали нишу; около нея были двѣ мраморныя статуи: горюющая женщина, подпершая голову рукой, и молодая дѣвушка, играющая съ голубемъ. Смежный кабинетъ весь былъ въ зеркалахъ съ мебелью, обтянутой розовымъ бархатомъ. Трудно описать отрадное и успокоительное впечатлѣніе, которое производило это убранство. И комната была жилая. Письменный столъ, покрытый книгами, и фортепіано, доказывали, что не одна муза здѣсь нашла себѣ пріютъ. Но въ спальнѣ уже невозможно было жить, несмотря на дивное убранство ея. Здѣсь такая господствовала сырость, что Елизавета нѣсколько разъ отъ нея заболѣвала, тѣмъ болѣе, что спальня была почему-то смежна съ огромной залой антиковъ, въ которой стояло до сотни статуй, бюстовъ и саркофаговъ. Все это нѣмое население залы тревожило воображеніе Елизаветы и, когда ее душилъ кошмаръ подъ вліяніемъ сырости спальни, герон и олимпійцы процессіей входили къ ней, брали ее и клали въ скульптурный саркофагъ, готовясь прикрыть крышкой, или самое ее помѣщали, превращенную въ мраморъ, на крышкѣ саркофага...

Елизавета и Александръ, оба юные, златокудрые, прекрасные не менѣе императрицы и великихъ князей, напоминали олимпійцевъ въ земномъ изгнаніи. Сколько доброты и любезности свѣтилось во взорахъ Александра! Какъ мила была Елизавета въ греческой туникѣ съ золотой широкой бахромой, съ высоко подъ предестной дѣвственно округленной грудью опоясаннымъ блестящимъ эшарпомъ стройнымъ станомъ, съ цвѣтами въ локонахъ.

Принцъ не удержался и воскликнулъ, цѣлуя ея руку:

— Такъ вотъ она—царевна Селанира!

Елизавета смугилась. Императрица нахмурилась и только проговорила сквозь сжатые губы:

— Какъ, ты уже читалъ романы, маленькій плутъ!

Александръ странно улыбался.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XXIV.

РАЗДНОВАЛСЯ одинъ изъ многочисленныхъ юбилеевъ петербургскаго митрополита Исидора. Извѣстно, что чѣмъ дольше человѣкъ живетъ и чѣмъ старше становится, тѣмъ все больше и больше накапливается его юбилеевъ. Официальнаго торжества изъ этого Исидоръ не сдѣлалъ и ограничился пріемомъ поздравленій у себя въ митрополичьихъ покояхъ въ Александроневской лаврѣ. Собрались туда послѣ обѣдни духовныя и нѣкоторыя свѣтскія лица, произнесли свои привѣтствія и разъѣхались. Не было, кажется, даже и завтрака. Юбилей этотъ, однакоже, доставилъ настоятелю Исаакіевскаго собора протоіерею о. Смирнову нѣсколько непріятныхъ минутъ и на вѣки вѣчныя поссорилъ его съ репортерами. Начиная съ этого юбилея, онъ отказался признавать представителей газетъ людьми и произвелъ ихъ въ итицы. Дѣло въ томъ, что о. Смирновъ на этомъ торжествѣ привѣтствовалъ владыку рѣчью собственнаго сочиненія. Объ этой рѣчи онъ, видимо, былъ очень высокаго мнѣнія и потому заранѣе приготовилъ съ нея нѣсколько списковъ для раздачи репортерамъ. Онъ ожидалъ, что газетные люди станутъ просить у него разрѣшенія напечатать его элоквентное слово и, по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 366.

жалуй, даже начнутъ ссориться между собою изъ-за этой чести. Но, къ прискорбію о. настоятеля, предусмотрительность его пропала даромъ. На этотъ юбилей митрополита изъ числа газетныхъ людей попалъ только одинъ я; отъ другихъ газетъ репортеровъ не было ни одного. О. Смирновъ, увидѣвъ меня въ митрополичьихъ покояхъ, надвинулся на меня всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ и сообщилъ вполголоса:

— Вы не уходите. Послѣ произнесенія привѣтствія владыкъ я дамъ вамъ свою рѣчь. Можете помѣстить ее въ своей газетѣ цѣликомъ.

Слово «цѣликомъ» о. протоіерей надавилъ и подчеркнул, а потомъ прибавилъ:

— Когда придутъ изъ другихъ газетъ, то скажите имъ, что я и имъ дамъ свою рѣчь. Тоже могутъ цѣликомъ.

Наша газета печатаетъ на своихъ страницахъ рѣчи не особенно охотно и всячески избѣгаетъ ихъ, справедливо разсуждая, что застольная или юбилейная рѣчь интересна бываетъ только для лица, произносящаго ее; для слушающаго она бываетъ интересна не всегда; въ глазахъ же читателя она сплошь и рядомъ не имѣетъ цѣны никакой. Несмотря на это, я все-таки счелъ своею обязанностью самымъ добросовѣстнымъ образомъ прослушать привѣтствіе, когда почтенный настоятель читалъ его владыкъ. Результатомъ этой добросовѣстности было то, что я счелъ за нужное улизнуть изъ квартиры митрополита по возможности незамѣтно и не попадаясь на глаза о. Смирнову. Рѣчи о. Смирнова вообще особенной галантливостью и содержательностью не отличаются, но эта была — прямо плоха. Когда я шелъ изъ лавры, о. протоіерей нагналъ меня на извозчикѣ и проѣхалъ мимо, не сказавъ ни слова и только окинувъ весьма недовольнымъ взглядомъ. Зато, когда я прошелъ еще нѣсколько шаговъ, меня нагналъ дьяконъ и сокрушенно заговорилъ:

— А васъ о. протоіерей въ покояхъ владыки все искалъ и спрашивалъ... Насчетъ своей рѣчи...

— Рѣчь о. протоіерея такъ слаба, что ее не только цѣликомъ, но даже и въ извлеченіяхъ не напечатаетъ ни одна газета,— отвѣтилъ я откровенно.—Посоветуйте ему, о. дьяконъ, отдать ее въ «Епархіальную». Тамъ навѣрное напечатаютъ.

— А у васъ не напечатаютъ?—переспросилъ дьяконъ.

— Не только у насъ, но и ни въ одной газетѣ не напечатаютъ,—повторилъ я.

— Жаль. А рѣчь какъ будто бы и ничего себѣ...

Дьяконъ, конечно, передалъ этотъ разговоръ автору. О. Смирновъ понялъ, и его авторское самолюбіе было уязвлено, но при послѣдующихъ встрѣчахъ со мною онъ, какъ умный человекъ, не сдѣлалъ даже и намека, но въ душѣ все-таки не могъ простить

Съ тѣхъ поръ при встрѣчѣ со мною и вообще съ репортерами у себя въ соборѣ или же на какихъ-нибудь торжествахъ онъ немедленно дѣлаетъ презрительную гримасу и произноситъ, будто бы про себя, но умышленно-громко:

— А! И грачи здѣсь! Безъ грачей нигдѣ дѣло не обходится!..

Почему онъ окрестилъ насъ именно грачами, а не какой-нибудь другой птицей,—не знаю; но въ этомъ выражается его месть. Я, впрочемъ, вхожу всей душой въ его положеніе. Сочинилъ чловѣкъ элоквентную рѣчь, заготовилъ цѣлый ворохъ копій съ нея, думалъ, что ее будетъ читать вся Россія—и вдругъ такой афронтъ. Прилетѣлъ одинъ только грачъ, да и тотъ вѣроломно сбѣжалъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ обидно...

XXV.

Описаніе пожаровъ, пожарные смотры и вообще пожарное дѣло въ Петербургѣ лежитъ на моей обязанности. Лишь только гдѣ-нибудь возникаетъ пожаръ, мнѣ тотчасъ же доставляютъ изъ пожарной части телеграмму, я немедленно сажусь на извозчика и ѣду. Съ брандмайоромъ Анатолиемъ Петровичемъ Паскинымъ и съ пожарными я въ большихъ ладахъ. Работаютъ они на пожарахъ молодцами, и я не забываю упоминать объ этомъ въ своихъ отчетахъ и замѣткахъ. Это пріятно для ихъ самолюбія. Бываютъ случаи, что пожарные работаютъ съ удивительнымъ безстрашіемъ и даже самопожертвованіемъ, и хроника петербургскихъ пожаровъ богата трагическими случаями. Пожарные нерѣдко получаютъ увѣчья и даже гибнуть.

Записываю одинъ изъ такихъ случаевъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. На Петербургской сторонѣ горѣлъ дрянной, деревянный домишко, которому цѣна была—ломаный грошъ. Крышу съ него сняли и стѣны разобрали. Осталась только одна кирпичная труба. На ребрѣ полуразобранной стѣны стоялъ пожарный со стволомъ и управлялъ струею. Въ это время совершенно неожиданно труба рухнула, упала верхней своей частью прямо на ствольника, увлекла его за собою и заволочла все дымомъ и пылью. Всѣ ахнули. Но когда дымъ и пыль разсѣялись, отъ ствольника уже не осталось и слѣда. Онъ лежалъ, погребенный живо подъ толстымъ слоемъ раскаленныхъ кирпичей и мусора внутри полуразобраннаго дома. Перекрестились, пожалѣли и продолжали тушеніе. Когда съ огнемъ сладили, изъ мусора былъ извлеченъ обгорѣлый трупъ пожарнаго со стволомъ въ обгорѣлыхъ рукахъ и съ сильно сплюснутой головой; когда же дотронулись до каски, то она безъ труда снялась вмѣстѣ съ половиною черепа и съ мозгомъ. По всѣмъ признакамъ, смерть была моментальная.

Хоронили этого бѣднягу съ помпой. Тѣло его до похоронъ было выставлено въ закрытомъ гробѣ въ трубномъ сараѣ Выборгской части. Товарищи-пожарные съ трогательною заботливостью окружили простой гробъ дешевенькими вѣнками. На крышкѣ его были положены мѣдный стволъ и каска. Похоронили его на Большеохтенскомъ кладбищѣ. По дорогѣ, начиная отъ Выборгской каланчи и до Полюстрова, игралъ пожарный оркестръ. За гробомъ шли пожарные—по два человѣка отъ всѣхъ петербургскихъ частей. Шелъ брандмайоръ А. П. Паскинъ. Шелъ и я. Въ церкви кладбища была отслужена заупокойная обѣдня. Послѣ отпѣванія пожарные донесли гробъ до могилы, опустили въ нее и сами же засыпали, отстранивъ могильщиковъ. Въ головахъ могилы былъ поставленъ деревянный крестъ, въ который товарищи уже успѣли вѣзать мѣдную иконку, принадлежавшую покойному. Послѣ похоронъ А. П. Паскинъ, а за нимъ и я, повернули было къ выходу, но насъ догналъ пожарный съ глиняной миской, въ которой былъ рисъ, перемѣшанный съ изюмомъ. Тутъ же была и деревянная ложка.

— Ваше—скородіе, помянуть требуется...

— Коли требуется, такъ и помянемъ,—отвѣтилъ брандмайоръ и съѣлъ ложку куты.

Пожарные послѣ нашего отъѣзда остались на кладбищѣ довершать поминки...

За время долгой практики я привыкъ къ пожарамъ и никогда не волнуюсь. Это даетъ мнѣ возможность наблюдать, какъ волнуются другіе и нерѣдко говорятъ и дѣлаютъ во время пожаровъ глупости. Загорѣлось въ училищѣ правовѣдѣнія на Фонтанкѣ. Благодаря нелѣпо устроеннымъ вентиляціоннымъ трубамъ, пожаръ быстро принялъ серьезные размѣры. Огонь перешелъ на домовую церковь, охватилъ ея куполъ и чердаки, получился огромный самоваръ съ сильной тягой—и пламя пошло гулять, какъ слѣдуетъ. Для воспитанниковъ училища это было событіемъ, въ которомъ они принимали самое дѣятельное и нервное участіе. Они вытаскивали во дворъ училища мебель, картины, портреты и все, что попадалось подъ руку. Всѣ они были возбуждены и красны. Воспитатели тоже были взволнованы, а нѣкоторые изъ нихъ даже и растерялись. Одинъ изъ воспитанниковъ хотѣлъ со двора войти въ дверь, въ которой не было огня и въ которую совершенно безопасно входилъ и выходилъ народъ. Взволнованный и растерявшійся воспитатель остановилъ его.

— Куда вы, голубчикъ?

— Вынесу что-нибудь.

— Не рискуйте собою. Не надо. Не ходите.

Воспитанникъ сдѣлалъ было движеніе впередъ, но воспитатель охватилъ его обѣими руками.

— Я хочу икону взять... Надо же икону спасти,—протестовалъ юноша.

— Не надо. Не ходите. Вѣрьте, голубчикъ, икона сама себя спасетъ... Она—святая...

Воспитанникъ повѣрилъ и не пошелъ.

XXVI.

Пришлось мнѣ на моемъ репортерскомъ поприщѣ столкнуться съ русскимъ изобрѣтателемъ въ собирательномъ смыслѣ слова. Изобрѣтатель у насъ, на Руси—особенный и при томъ оригинальный и цѣлостный типъ.

Существуетъ въ городѣ Тарусѣ помѣщикъ, изобрѣтатель телефона, особенность котораго заключается въ томъ, что съ помощью этого аппарата можно разговаривать по телеграфной проволоцѣ независимо отъ того, идетъ по ней въ это время передача депешъ, или не идетъ. Другими словами, телефонный разговоръ нисколько не мѣшаетъ передачѣ депешъ, и наоборотъ. Токи, бѣгущіе по одной и той же проволоцѣ, не смѣшиваются между собою и не путаются. Другое важное преимущество этого изобрѣтенія заключается въ томъ, что для передачи разговора не требуется непременно мѣдная проволока, которую принято употреблять въ телефонномъ дѣлѣ въ качествѣ проводника.

Идея заключается въ слѣдующемъ. По линіи желѣзной дороги на каждой станціи устанавливается телефонный аппаратъ. Мимо этихъ станцій проходитъ поѣздъ, снабженный точно такимъ же аппаратомъ. Пока въ поѣздѣ все благополучно,—всѣ эти аппараты бездѣйствуютъ. Но если случилось чтонибудь—поломка, сходъ съ рельсовъ или что-нибудь въ этомъ родѣ и объ этомъ нужно дать знать на одну изъ ближайшихъ станцій, то уже нѣтъ надобности отправлять пѣшкомъ кондуктора, какъ это дѣлается теперь, или прибѣгать къ телеграфному аппарату, который, по закону, ѣздитъ съ каждымъ поѣздомъ, но на которомъ поѣздная прислуга не умѣетъ работать. Дѣло рѣшается проще. Берется деревянный шестъ такой длины, чтобы имъ можно было достать до проволоки телеграфа, идущаго вдоль дороги. На этотъ шестъ насаживается очень нехитрый зажимъ, который, будучи накинутъ на проволоку, во-первыхъ, очищаетъ ее отъ ржавчины, а во-вторыхъ, защемляетъ проволоку очень сильно и устанавливаетъ контактъ. Отъ этого зажима идетъ мѣдный проводъ въ вагонъ поѣзда и соединяется съ разговорнымъ аппаратомъ. Какъ только шестъ съ зажимомъ надѣтъ на проволоку—сообщеніе со станціями готово. Съ помощью штенселя можно посылать токъ, а стало быть и направлять разговоръ, въ любую сторону.

Изобрѣтателемъ былъ произведенъ публичный опытъ на линіи Николаевской дороги, между станціями Петербургъ и Обухово. На опытъ были приглашены учителя физики, нѣсколько членовъ физико-химическаго общества при петербургскомъ университетѣ и представители печати. Въ числѣ послѣднихъ былъ приглашенъ и я. Для производства испытанія на станціяхъ «Петербургъ» и «Обухово» были установлены неподвижные телефоны, а въ вагонъ поѣзда былъ поставленъ подвижной. Поѣздъ былъ нанятъ изобрѣтателемъ экстренный. Всѣхъ насъ провезли съ торжествомъ по линіи къ будкѣ № 3, лежащей приблизительно на полупути между станціями. Здѣсь инженеръ, сопровождавшій поѣздъ, сообщилъ, что везти насъ далѣе онъ не имѣетъ права, остановилъ поѣздъ и предложилъ приступить къ опыту. Изобрѣтатель безъ труда накиннулъ зажимъ на телеграфную проволоку, соединилъ конецъ проводника съ аппаратомъ, находившимся въ вагонѣ, другой проводникъ соединилъ съ рельсомъ, т. е. съ землею, и мы начали говорить по желанію то съ Петербургомъ, то съ Обуховымъ. Говорили, конечно, пустяки, спрашивали: который часъ, хорошо ли слышенъ голосъ? и т. д. Отвѣты получались по силѣ звука и по отчетливости настолько прекрасные, что лучше и желать нельзя. По окончаніи опыта тотъ же поѣздъ привезъ насъ обратно въ Петербургъ, и мы въ кабинетѣ начальника станціи составили протоколъ, подъ которымъ подписались учителя физики и въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей мы, сотрудники газетъ. Изобрѣтатель поблагодарилъ насъ за этотъ протоколъ, сказалъ, что вставить его въ рамку, и мы разстались и разошлись, кому куда надо, искренно и нелицемѣрно предсказывая изобрѣтенію великую будущность. Изобрѣтатель тоже уѣхалъ въ Тарусу что-то улучшать въ своемъ аппаратѣ.

Проходитъ около полугода. Изобрѣтатель опять пріѣзжаетъ въ Петербургъ и повторяетъ тотъ же опытъ, но уже съ другимъ, еще болѣе компетентнымъ составомъ ученыхъ экспертовъ и съ прежними представителями печати. Снаряжается снова экстренный поѣздъ. По окончаніи опытовъ вагонъ второго класса въ этомъ поѣздѣ превращается въ столовую. Появляются вина, закуски и обильный завтракъ. По прибытіи на станцію снова составляется протоколъ, и на этотъ разъ не одними только учителями физики, но и заправскими специалистами удостоверяется, что приборъ— великолѣпенъ и что лучше и выдумать трудно. Изобрѣтатель веселъ, доволенъ, потираетъ отъ удовольствія руки, общается вставить протоколъ въ рамку и т. д. и уѣзжаетъ изъ Петербурга. При прощаніи онъ даетъ торжественное обѣщаніе, что не долѣе какъ черезъ мѣсяць весь цивилизованный міръ заговоритъ въ его телефоны.

Проходитъ послѣ этого еще годъ, если не больше. Объ изобрѣтателѣ и объ его телефонѣ—ни слуху, ни духу. Цивилизован-

ный міръ не знаетъ о немъ ничего. Открывается въ Петербургѣ, въ Солянѣмъ Городкѣ, освѣтительная выставка. Слоняюсь въ качествѣ газетнаго человѣка по этой выставкѣ и я, болтаю отъ нечего дѣлать съ кассиршами и съ барышнями, продающими входные билеты, и неожиданно встрѣчаю около кассы нашего малѣйшаго изобрѣтателя изъ города Тарусы. Обрадовался я, накинулся на него, какъ на стараго знакомаго, и сталъ разспрашивать о судьбѣ его изобрѣтенія: пошло ли оно въ ходъ, далеко ли онъ раскинулъ сѣть своихъ телефоновъ и отчего о немъ ничего не слышно въ газетахъ. Къ великому моему удивленію, онъ молчитъ, и за него отвѣчаетъ барышня, продающая билеты.

— Гдѣ ужъ намъ,—говоритъ барышня:—мы—помѣщики. Забрались въ Тарусу, попали въ свое имѣніе, улеглись на мягкій диванъ, закурили папиросу и давнымъ-давно забыли о своемъ изобрѣтеніи.

Голосъ у барышни звучитъ не то ироніей, не то худо скрываемымъ презрѣніемъ. Изобрѣтатель не протестуетъ и только виновато улыбается. Его видъ показываетъ, что барышня говоритъ сущую правду.

Этотъ изобрѣтатель былъ г. Голубицкій.

Когда я редактировалъ журналъ «Пожарный»,—а это было въ 1891 году,—то на мою же долю выпало слѣтъ въ своемъ родѣ ледяную пѣсню изобрѣтенію г. Голубицкаго. Въ этомъ году мастерская г. Голубицкаго въ Тарусѣ со всѣми инструментами и телефонами сгорѣла. Узналъ я это изъ телеграммы, напечатанной въ газетахъ, и посвятилъ этому пожару въ своемъ журналѣ довольно длинную статью. Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не встрѣчалъ Голубицкаго ни на улицѣ, ни въ печати. Вспомнилъ я о немъ опять въ Солянѣмъ Городкѣ же, на электрической выставкѣ. Тамъ были выставлены телефоны, и я слушалъ въ нихъ ночью, какъ переговаривались между собою на рельсахъ Варшавской дороги сторожа, слышалъ шумъ ихъ тяжелой походки, слышалъ трескъ вѣтвей въ ближайшемъ къ полотну лѣсу и слышалъ въ то же время отдаленную игру на дрянной гармоникѣ. Все это происходило въ тридцати верстахъ отъ Петербурга и все это съ поразительной ясностью и отчетливостью слышно было въ стѣнахъ Солянаго Городка. Завѣдующій этимъ отдѣломъ на выставкѣ объяснилъ мнѣ, что телефонъ, воспринимающій эти звуки, виситъ снаружи у дверей будки желѣзнодорожнаго, линейнаго сторожа и что звуки передаются по телеграфной проволоцѣ, нѣсколько немѣшая прохожденію по ней и телеграммъ. Телефоны были прекрасны, но съ ними были связаны другое имя и другая фирма. Тутъ я невольно вспомнилъ г. Голубицкаго и его мягкій диванъ...

XXVII.

Какъ репортеръ, я былъ свидѣтелемъ удачи, а затѣмъ и провала, или, вѣрнѣе, кражи русскаго изобрѣтенія. Редакціей поручено было мнѣ присутствовать при испытаніи снѣгоочистителя Лобачевскаго. Снѣжные заносы на южныхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ даютъ себя чувствовать каждый годъ и ложатся бременемъ на карманъ и желѣзнодорожнаго хозяйства, и казны. Появленіе снѣгоочистительнаго аппарата поэтому слѣдуетъ привѣтствовать. И мы привѣтствовали...

Исторія такова. Въ свое время жилъ въ Казани знаменитый математикъ и авторъ геометріи на новыхъ началахъ профессоръ Лобачевскій. Мы учили и дѣти наши учатъ и, вѣроятно, всегда будутъ учить геометрію, созданную древнимъ грекомъ—Эвклидомъ. Лобачевскій создалъ эту науку на новыхъ началахъ, и современные математики признали геометрію въ новомъ ея видѣ гениальною. Онъ произвелъ также на свѣтъ и сына-инженера. Последний, въ свою очередь, произвелъ на свѣтъ ротативный снѣгоочиститель и сына Митеньку, къ слову сказать, прекраснаго молодого человѣка, служащаго въ правленіи какихъ-то желѣзныхъ дорогъ. Совершивъ эти двѣ заслуги передъ человѣчествомъ, инженеръ Лобачевскій умеръ и предоставилъ осуществлять свое изобрѣтеніе своей вдовѣ (писательницѣ, подписывающей себя фамиліей второго мужа) и сыну Митенькѣ. Оба наслѣдника стали проводить въ свѣтъ полученное наслѣдство съ полнымъ уваженіемъ къ памяти изобрѣтателя — и натерпѣлись, бѣдные, ужасно. Натерпѣлись потому, что у насъ не Америка и не Англія, а матушка Россія, въ которой чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, осуществляется изреченіе: нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ.

Ротативный снѣгоочиститель, который я имѣлъ честь видѣть въ работѣ, представляетъ собою небольшую, но мощную машину съ двумя лопастями, движущимися въ одной плоскости, но въ разныя стороны. Аппаратъ этотъ для работы ставится впереди паровоза и питается его паромъ. Отработавшій паръ выходитъ при помощи особой трубы черезъ трубу паровоза. Последний толкаетъ снѣгоочиститель впередъ, а самъ идетъ уже по расчищенному отъ снѣга пути. Изобрѣтеніе — очень остроумное, оригинальное и привилегированное. Привилегію на него Лобачевскій, умирая, оставилъ вдовѣ и сыну. Съ этого исторія и начинается.

Наслѣдники, желая провести въ жизнь снѣгоочиститель, сошлись съ инженеромъ Якубенко и поручили ему техническую сторону дѣла. Съ его помощію былъ организованъ опытъ, на которомъ я и былъ въ качествѣ газетнаго представителя. Г-р. Лобачевскіе—люди очень небогатые--на послѣдніе гроши наняли экстрен-

ный поѣздъ на Николаевской дорогѣ, созвали инженеровъ-экспертовъ и прессу и произвели пробу на Путиловской вѣтви, на станціи «Новый Портъ». Тамъ, на самой станціи, гости, прибывшіе на экстренномъ поѣздѣ, нашли на рельсахъ заранѣе заготовленный, искусственный заносъ, но не изъ рыхлаго снѣга, какъ бываетъ на настоящихъ заносахъ, а изъ плотнаго, мокраго, тяжелаго и слежавшагося. По словамъ экспертовъ, эти качества должны были задать аппарату очень и даже очень трудную работу: если онъ съ этимъ снѣгомъ справится, то будетъ молодцомъ. Самое зданіе станціи ради цѣлости стеколъ было завѣшано брезентомъ. Въ сторонкѣ стояли наготовѣ паровозъ и пристроенный къ нему снѣгоочиститель.

Начался опытъ. Эксперты, пресса и публика расположились на указанномъ имъ мѣстѣ; инженеръ Якубенко взобрался на паровозъ, взявъ въ руки сигнальный рожокъ и началъ трубить. Аппаратъ пустили въ ходъ и паровозъ сталъ помаленьку подвигаться впередъ, надвигая снѣгоочиститель на искусственный заносъ. Лопастіи начали работать, и мокрый снѣгъ крупными и мелкими комьями полетѣлъ въ обѣ стороны. Наступилъ самый интересный моментъ. Эксперты уже приготовились выразить свое удивленіе и восторгъ, — но въ это время раздался выстрѣлъ и все стало. Оказалось, что лопнула резиновая кишка, соединявшая трубу аппарата съ трубою паровоза. По чьей-то винѣ, или по чьему-то недосмотру она оказалась гнилою — вещь въ нашемъ русскомъ духѣ. Другой, запасной кишки взять съ собою не догадались, на мѣстѣ же достать ея было негдѣ, а руководившій опытомъ инженеръ Якубенко объявилъ, что онъ этого казуса не предвидѣлъ. Для чего-то набрали ящикъ мокраго снѣга и взвѣсили его. При этомъ г. Якубенко нѣсколько разъ привскочилъ и, уплотнивъ ногами снѣгъ, крикнулъ, что это — не снѣгъ, а ледъ и камень. Затѣмъ экстренный поѣздъ, забравъ привезенную публику, печально потянулся назадъ, на Николаевскій вокзалъ. Во время пути инженеръ Якубенко клялъ всѣхъ и вся, кромѣ, разумѣется, себя самого.

На время исторія умолкла. Но въ Питерѣ стали доходить и попадать въ газеты слухи, что будто бы снѣгоочиститель Лобачевского испытывается гдѣ-то въ провинціи. Въ то же время въ русскомъ техническомъ обществѣ въ Петербургѣ объ этомъ снѣгоочистителѣ былъ сдѣланъ научный докладъ. Митенька и инженеръ Якубенко стали бомбардировать меня просьбами, чтобы я напечаталъ въ газетахъ, что опыты съ аппаратомъ вполне и блестяще удались тамъ-то и тамъ-то. Я, по мѣрѣ силъ и возможности, выполнялъ это. Сами же они, т. е. Митенька Лобачевскій и инженеръ Якубенко, начали бѣготню по министерствамъ, и единственною ихъ молитвою была молитва о томъ, чтобы Богъ послалъ побольше заносовъ. Прошло еще немного времени. Дѣло

почему-то затихло и приостановилось. Лобачевскій и Якубенко сошли со сцены.

Проходитъ годъ. Наступаетъ новая зима. Заносы на югъ — страшные. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за газетами, но нигдѣ, при извѣстіяхъ о заносахъ и ихъ расчисткѣ, не встрѣтилъ даже и намека на снѣгоочиститель Лобачевского. Наконецъ приходитъ ко мнѣ какъ-то Митенька Лобачевскій и со скорбью заявляетъ, что еще при жизни его покойнаго отца кто-то укралъ его чертежи и продалъ въ Америку. Въ Америкѣ, конечно, звать не стали и пустили ихъ въ ходъ немедленно. Снѣгоочистители, построенные по идеѣ Лобачевского, работаютъ тамъ прекрасно и съ выгодой. Но этого, по словамъ Митеньки, еще мало: настоящее горе впереди. Истекаетъ срокъ привилегіи, а они, наслѣдники, никакъ не могутъ собраться съ силами, чтобы построить аппаратъ для того, чтобы фактически удержать за собою права. Не удастся также и войти съ кѣмъ-либо въ соглашеніе. Но и это еще не все. Самое важное и самое страшное для нихъ, Лобачевскихъ, то, что ихъ повѣренный, другъ и пріятель инженеръ Якубенко видоизмѣнилъ въ аппаратъ какой-то ничтожный винтикъ и подалъ куда слѣдуетъ прошеніе о выдачѣ ему привилегіи на его собственный будто бы снѣгоочиститель, умалчивая, конечно, о томъ, откуда взята самая идея. Разказавъ мнѣ объ этомъ, Митенька ушелъ еще печальнѣе, чѣмъ пришелъ.

Такъ и погибъ снѣгоочиститель Лобачевского. О немъ нигдѣ ни слуху, ни духу. Инженеръ Якубенко тоже куда-то сгинулъ. А въ техническомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ объ американскихъ снѣгоочистителяхъ. Докладъ былъ иллюстрированъ съ помощью волшебнаго фонаря картинами. На одной изъ картинъ я и многіе инженеры узнали того самаго стараго знакомаго, съ которымъ случилось неожиданное несчастіе въ Новомъ Портѣ...

XXVIII.

Только что вернулся съ смѣхотворно-грустнымъ извѣстіемъ объ аэростатѣ-птицѣ, изобрѣтенномъ помѣщикомъ М—нымъ и пропитомъ въ ресторанѣ Малый Ярославецъ. Зная это изобрѣтеніе и видѣвъ его собственными глазами, я ждалъ всего, чего угодно, но только не такого финала.

Является въ редакцію нашей газеты весьма благообразный, почтенный и довольно пожилой господинъ, рекомендуется помѣщикомъ —ской губерніи М—нымъ. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и офицеръ учебной воздухоплавательной команды Д. Д. Б — въ, съ которымъ я былъ знакомъ раньше и котораго я зналъ, какъ смѣлаго воздухопавателя. Мнѣ не разъ приходилось писать о его подъемахъ на аэростатахъ военнаго вѣдомства. Войдя въ редакцію,

оба эти посетителя объяснили, что имъ хотѣлось бы повидать кого-либо изъ сотрудниковъ, который былъ бы свѣдущъ въ воздухоплавательномъ дѣлѣ. Въ виду того, что отчеты о засѣданіяхъ воздухоплавательнаго отдѣла технического общества даю въ газету я и кое-какія событія, совершающіяся въ воздухоплавательномъ паркѣ, даю тоже я, редакторъ представилъ имъ меня. Г. М—нинъ обратился тогда ко мнѣ съ просьбою поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и съ Д. Д. Б—вымъ посмотреть изобрѣтенный имъ новый летательный аппаратъ. Особенность этого аппарата заключается въ томъ, что, по теоріи, онъ долженъ быть управляемъ. Но будетъ ли онъ слушаться человѣка при полетѣ — покажетъ опытъ. Теперь же меня, какъ представителя редакціи, изобрѣтатель покорнѣйше проситъ поѣхать и посмотреть на его изобрѣтеніе. При этомъ г. М—нинъ прибавилъ, что аппаратъ его стоитъ ему нѣсколькихъ лѣтъ усидчивой кабинетной работы, а осуществленіе его обошлось въ десять тысячъ рублей. Постройка аппарата производилась въ мастерскихъ учебнаго воздухоплавательнаго парка подъ руководствомъ Д. Д. Б—ва. Я, конечно, согласился на поѣздку безъ всякихъ возраженій и былъ уже въ пальто въ одну минуту, но уѣхали мы не такъ скоро. Въ редакціи во время этого разговора присутствовалъ сотрудникъ В. К. П—нъ. Онъ полюбознательствовалъ узнать, что именно представляетъ собою это изобрѣтеніе. Г. М—нинъ тотчасъ же отвѣтилъ, что это — огромная, искусственная птица съ крыльями и съ хвостомъ. Крылья будутъ махать и давать поступательное движеніе, а хвостъ долженъ служить рулемъ.

— Чѣмъ же будетъ держаться ваша птица въ воздухѣ?—спросилъ П—нъ.

— Надъ нею помѣщается аэростатъ съ водородомъ или свѣтильнымъ газомъ,—отвѣтилъ г. М—нинъ.

— А гдѣ будетъ помѣщаться аэроавтъ?

— Въ гондолѣ подъ птицею. Сидя въ корзинѣ, онъ будетъ приводить веревками въ движеніе крылья и хвостъ.

— Но вѣдь это нелѣпость!—вскричалъ П—нъ.—Вы разрѣзали аэростатъ пополамъ—и только.

— Совсе не нелѣпость. Это вы черезчуръ сильно выразились,—спокойно и увѣренно возразилъ М—нъ.—Я вамъ объясню это сейчасъ въ двухъ словахъ. Фультонъ, строя свой первый пароходъ, взялъ за образецъ рыбу; я же, имѣя въ виду воздушную среду, взялъ птицу. Я взялъ убитую утку, положилъ ее на листъ бумаги и тщательно очертилъ ея контуръ; потомъ я повернулъ утку на бокъ и тоже очертилъ; потомъ снова повернулъ и очертилъ и такъ далѣе. По этимъ контурамъ я составилъ себѣ ясное понятіе о туловищѣ птицы и по нимъ изъ бамбука и изъ шелковой матеріи построилъ туловище гигантской птицы. Точно такимъ же

образомъ я изучилъ и построилъ крылья и хвостъ. Будучи подражаніемъ живой птицѣ, моя искусственная птица непременно должна будетъ полетѣть туда, куда я захочу, потому что изгибами и движеніями крыльевъ и хвоста буду управлять я. Кажется, ясно и нелѣпости тутъ нѣтъ никакой. А чтобы тяжелая птица могла держаться въ воздухѣ, я подвѣсилъ ее къ аэростату въ формѣ сигары.

— Повторяю вамъ, что это — нелѣпость, — закипятился П—нъ. — Чтобы поднять ваше чудище, т. е. вашу птицу, нуженъ аэростатъ большихъ размѣровъ и съ большою поверхностью. Прибавьте къ этому поверхность вашей птицы и поверхность корзины, и вы увидите, что полетите только туда, куда понесетъ васъ вѣтеръ.

— Нѣтъ, я полечу туда, куда захочу, — тѣмъ же тономъ отвѣтилъ М—нинъ. — Я буду дѣйствовать крыльями и хвостомъ.

— Да вѣдь поверхность однихъ только крыльевъ у птицы гораздо больше поверхности всего ея туловища. Поэтому она и можетъ летать. А у васъ поверхность всей вашей системы въ нѣсколько разъ превосходитъ площадь крыльевъ. Если высчитать сопротивление...

Завязался споръ, затянувшійся на добрыхъ полчаса. Я только слушалъ. М—нинъ твердо и убѣжденно стоялъ на своемъ. П—нъ кипятился и то и дѣло пожималъ плечами и хлопалъ себя руками по бедрамъ. Не выдавъ еще самаго аппарата и только прислушиваясь къ спору, я уже готовъ былъ стать на сторону П—на. Исходилъ я изъ простого соображенія. Живая птица, работая крыльями, несетъ только самое себя; здѣсь же искусственная птица, махая крыльями, должна нести себя и, кромѣ того, волочить еще за собою громоздкій аэростатъ и корзину съ воздухоплателемъ... Хватитъ ли у нея, у искусственной птицы, для этого силъ? И, наконецъ, хватитъ ли у человѣка, сидящаго въ корзинѣ, его мускульныхъ силъ для того, чтобы, махая огромными крыльями, преодолѣвать сопротивление вѣтра?

Внизу насъ ждалъ экипажъ. Мы усѣлись втроемъ и поѣхали на Охту. Птица г. М—нина находилась въ пустой казармѣ Ново-черкасскаго полка. Она была подвѣшена къ потолку и не была еще готова. Дѣйствительно, по сравненію съ настоящею птицей, это было огромное чудище. Крылья были сдѣланы изъ бамбуковыхъ тростей, обтянутыхъ шелковой матеріей. Головы не было. Отъ каждой или почти каждой бамбуковой трости шла внизъ веревочка. Всѣ эти веревочки сходились въ одинъ узелъ. Дергая съ помощью этихъ привязей, воздухоплатель долженъ былъ махать крыльями и придавать имъ по своему усмотрѣнію любое положеніе. Задача воздухоплателя заключалась въ томъ, чтобы тянуть ихъ книзу. Кверху же они поднимались сами, благодаря цѣлой сѣти толстыхъ резинокъ. Вотъ все то небольшое, что я увидѣлъ. Г. М—нинъ да-

валъ мнѣ объясненія съ убѣжденіемъ фанатика. Д. Д. Б—въ, какъ строитель, пояснялъ техническую сторону дѣла, но больше отмалчивался изъ скромности. Когда мнѣ стало все ясно, какъ на ладони, и я сталъ откланиваться, г. М—нинъ рѣшилъ за меня, что я понялъ и уяснилъ себѣ не все и что мнѣ необходимо, въ его и моихъ интересахъ, выслушать еще дальнѣйшія поясненія и подробности. Лучшимъ же мѣстомъ для такихъ разговоровъ можетъ служить только какое-нибудь нейтральное помѣщеніе, напримѣръ, трактиръ «Малоярославецъ». Къ тому же и русскій обычай не обижать хозяина отказомъ отъ хлѣба-соли и т. д. Дѣло свелось къ тому, что мы сѣли снова въ экипажъ и поѣхали въ «Малый Ярославецъ». За столомъ у насъ разговоровъ было меньше, чѣмъ выпивки и ѣды. Г. М—нинъ на этотъ счетъ оказался далеко не постникомъ. Д. Д. Б—въ не отставалъ отъ него, а я не отставалъ отъ нихъ обоихъ. На другой день въ газетѣ появилось мое объективное, репортерское описаніе птицы и будущаго летательнаго снаряда, и я считалъ свое дѣло поконченнымъ. Но я ошибся. Вечеромъ въ этотъ же день гг. М—нинъ и Б—въ прибыли ко мнѣ на квартиру сказать мнѣ спасибо за напечатанную замѣтку. Я предложилъ гостямъ чаю, но они рѣшили, что гораздо удобнѣе и пріятнѣе замѣнить чай простенькимъ ужиномъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Палкина. Ужинъ состоялся, и возліяніе было обильное. Черезъ день оба мои знакомца опять пожаловали ко мнѣ, и вечеръ мы провели опять въ какомъ-то ресторанѣ. Сначала я подумалъ было, что изобрѣтатель угощаетъ меня, какъ газетнаго человѣка, но г. М—нинъ увѣрилъ меня, что здѣсь, въ Питерѣ, онъ поневолѣ долженъ питаться трактирной пищей, какъ человѣкъ чужой и пріѣзжіи, и что безъ компаніи имъ вдвоемъ съ Б—вымъ скучно. Вскорѣ я убѣдился, что это—дѣйствительно правда, что поползновеній у изобрѣтателя на мою личность нѣтъ никакихъ и что ему просто хочется выпить. Кутнули мы нѣсколько разъ основательно.

Тѣмъ временемъ товарищъ мой по газетѣ В. К. П—нъ тиснулъ статью, въ которой безъ обвиняковъ назвалъ новое изобрѣтеніе нелѣпостью. Изобрѣтатель нисколько не обидѣлся и только сказалъ, что авторъ статьи запоетъ совсѣмъ иную нѣсню, когда увидитъ его летательный снарядъ въ дѣлѣ. Разъ, когда мы подпили и я спросилъ у Д. Д. Б—ва, вѣритъ ли онъ, строитель, въ будущность этой птицы, онъ отвѣтилъ, что вѣритъ плохо.

— Къ чему же вы въ такомъ случаѣ огорождъ городите? Почему вы не скажете М—нину, что его идея—чепуха?—удивился я.

— Не мое дѣло доказывать изобрѣтателю, что его идея—сумасбродство,—отвѣтилъ Д. Д. Б—въ.—Вы сами знаете, что разубѣждать какого бы то ни было изобрѣтателя—совершенно напрасный трудъ. Хорошо еще, что М—нинъ имѣетъ дѣло со мною: я экономничаю каждой его копейкой. А обратись онъ къ кому-нибудь другому, такъ его карманъ сильно пострадалъ бы...

Г. М—нинъ вскорѣ уѣхалъ въ свою —скую губернію и вернулся въ Петербургъ только съ наступленіемъ весны. Въ одинъ прекрасный весенній день я увидѣлъ его и Д. Д. Б—ва у себя въ квартирѣ. Явились они ко мнѣ, какъ къ старому и доброму знакомому. Оказалось, что зимнаго времени они даромъ не теряли и что мастера военного воздухоплавательнаго парка за эти мѣсяцы уже изготовили весь аппаратъ, т. е. и сигару-аэростатъ, и птицу и корзину. Оставалось только сѣсть и полетѣть. Пригласили меня опять ѣхать на Охту. На этотъ разъ дѣйствительно все было готово. Военное министерство для установки этого аппарата дало изобрѣтателю одну изъ старыхъ верфей, выходящихъ на Неву. На этихъ верфяхъ, какъ рассказали мнѣ, въ Крымскую кампанію строились канонерки, а затѣмъ эти сооруженія были заброшены и запущены. Ихъ, впрочемъ, военное вѣдомство отдавало при случаѣ напрокатъ. Въ одной изъ нихъ, какъ говорятъ, знаменитый Костовичъ строилъ свой не менѣе знаменитый и прогремѣвшій на всю Россію, но неудавшійся «Воздушный Корабль», а затѣмъ г. М—нинъ строилъ свою птицу.

По дорогѣ г. М—нинъ сообщилъ, что онъ готовится къ опыту. Опытъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ. Шаръ-сигару наполнятъ газомъ и Д. Д. Б—въ сядетъ подъ птицею въ корзину. Весь аппаратъ въ такомъ видѣ выведутъ изъ-подъ крыши на Неву. Д. Д. Б—въ начнетъ махать крыльями и полетитъ одинъ. Задача его будетъ заключаться въ томъ, чтобы описать надъ Неввою по воздуху кругъ и вернуться на то же мѣсто. Если этотъ опытъ удастся, то г. М—нинъ будетъ считать свою идею осуществленной, а самый аппаратъ нѣсколько упроститъ, а именно: онъ уничтожитъ теперешнюю сигару надъ птицей. Онъ построитъ новую, огромную птицу и станетъ наполнять ее самъ газомъ. Это будетъ удобнѣе, потому что вся система будетъ легче. Теперь же, въ настоящую минуту, важно произвести только первый опытъ, а что дальше дѣлать—видно будетъ. Для опыта готово все, припасена и кислота для добыванія водорода, и команда воздухоплавательнаго парка готова оказать всякое содѣйствіе и помощь. Нужно выждать только подходящую погоду.

Осмотрѣли мы сооруженіе въ новомъ его видѣ и затѣмъ— снова начались хлѣбосольные «Малоярославцы» и «Палкины». Ожидали все подходящей погоды. Наконецъ опытъ состоялся, но я, не знаю, къ счастью или же къ сожалѣнію, участія въ немъ не принималъ. Вышло какъ-то такъ, что я прозѣвалъ его и о результатахъ узналъ уже на другой или на третій день отъ начальника воздухоплавательной команды А. М. Кованько. Съ его словъ и записываю подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Назначенъ былъ, по словамъ А. М. Кованько, день и часъ полета. Къ условленному времени на верфь прибыли люди съ

Волкова поля, т. е. изъ воздухоплавательнаго парка со всеми необходимыми аппаратами для добыванія водорода и для спуска. Прибыли гг. М—нинъ и Б—въ. День склонялся къ вечеру. Погода была благоприятна. Съ согласія изобрѣтателя, команда принялась за наполненіе шара газомъ. Но такъ какъ наполненіе—дѣло долгое, то г. М—нинъ, чтобы не сидѣть сложа руки, предложилъ присутствующимъ съѣздить «на минуточку» въ «Малоярославецъ». Одни согласились и уѣхали, а другіе отказались и остались. Проходитъ часъ и другой. Шаръ уже наполненъ, но ни М—нина, ни Б—ва еще нѣтъ. Проходитъ еще часъ—ихъ попрежнему нѣтъ. Дѣло начинаетъ принимать не особенно благоприятный оборотъ: водородъ начинаетъ просачиваться сквозь поры шара и улетучиваться. Пора бы уже и летѣть, а воздухоплавателей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Команда между тѣмъ все ждетъ да ждетъ. Ей давно уже пора ѣхать домой спать, но она все-таки ждетъ. Наконецъ шаръ начинаетъ уже виснуть и понемногу склоняться къ землѣ, а виновники торжества—все еще въ городѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени, и давно ожидаемая компанія является веселенька и готовая летѣть. Но летѣть уже не на чемъ. Водорода улетучилось такъ много, что шаръ потерялъ свою подъемную силу.

— Какъ же теперь быть?—спрашиваетъ разочарованно изобрѣтатель.

— Если у васъ есть въ запасѣ кислота,—отвѣчаютъ:—то мы добудемъ еще водорода и подполнимъ шаръ. Тогда, можетъ быть, полетъ состоится...

— Нѣтъ, кислоты нѣтъ. Вся вышла...

Воздухоплавательная команда, проведя попусту безсонную ночь, собрала свои пожитки и двинулась домой, на Волково поле. Г. М—нинъ сѣлъ вмѣстѣ съ Д. Д. Б—вымъ въ экипажъ и тоже уѣхалъ въ городъ. Въ результатѣ команда осталась въ обидѣ на г. М—нина, а г. М—нинъ—въ обидѣ на команду, а птица осталась на верфи, не совершивъ полета...

Тѣмъ дѣло и кончилось. Г. М—нинъ бросилъ все и уѣхалъ изъ Питера въ свое имѣніе. Рассказывали, будто бы онъ огорчился и поставилъ на свое изобрѣтеніе крестъ. А я ставлю точку.

XXIX.

Провожалъ я на родину мужичка, который пріѣзжалъ въ Питеръ искать у царя правды. Усѣлся онъ въ вагонъ четвертаго класса съ нѣсколькими жалкими двугривенными въ карманѣ и уѣхалъ къ себѣ въ глухую деревушку, заброшенную въ далекомъ и урюмомъ Полѣсьѣ. Уѣхалъ съ твердымъ и глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ Петербургѣ правды добиться нельзя, по-

тому что въ столицѣ живутъ «господа», всегда готовые затоптать сѣраго мужика въ грязь и загородить ему дорогу. Увезъ онъ въ свою глухую деревню глубочайшее и ничѣмъ неискоренимое сознание, что весь Петербургъ живетъ одною только кривдой, и эта самая кривда и не допустила его до Батюшки-Царя, которому онъ несъ въ подарокъ самое вѣрное средство уничтожить разъ навсегда желѣзнодорожныя катастрофы. Виноваты во всемъ «господа».

Является къ намъ въ редакцію сѣрый, невысокаго роста мужикъ-бѣлоруссъ—страшный бѣднякъ—и со слезами на глазахъ рассказываетъ такую исторію. Родился онъ и жилъ въ глухой деревушкѣ въ Полѣсьѣ. Кругомъ—лѣсъ, вода по колѣна и песокъ. Городъ лежитъ отъ деревушки далеко, и чтобы попасть въ этотъ городъ, нужно ѣхать болѣе ста верстъ до желѣзной дороги, а потомъ и по самой желѣзной дорогѣ нужно катиться чуть не половину сутокъ. Есть и другой путь въ городъ—по лѣсной дорогѣ, черезъ болота. Этотъ путь—ближе и короче, но по немъ можно ѣздить только зимою, когда болота замерзнутъ.

Дошла до этой глухой деревушки вѣсть о томъ, что не такъ давно, а именно 17 октября 1888 года батюшку-царя чуть не убило, когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ со своей семьей по желѣзной дорогѣ. Въ газетахъ было писано, что вышло это оттого, что будто бы лопнулъ рельсъ и весь поѣздъ разнесло въ щепы. Много народа побило—кого на смерть, а кого изувѣчило. Писано было жалостно: когда читали, такъ у тѣхъ, кто слушалъ, духъ захватывало. А виновата во всемъ желѣзная дорога, потому что была съ изъяномъ. Не будь изъяна—не было бы и крушенія. А изъянъ этотъ вышелъ оттого, что господа, которые дорогу строили, чего-то не доглядѣли и до чего-то не додумались.

— Дай я догляжу,—авось и пойму, въ чемъ сила и чего господа не доглядѣли,—рѣшилъ мужичокъ.

Собралъ онъ въ котомку хлѣба, перекинулъ ее черезъ плечи, взялъ въ руки палку, помолился и пошелъ пѣшкомъ черезъ лѣса и болота, за сто верстъ, на желѣзную дорогу посмотреть, что въ ней за изъянъ такой, отъ котораго крушенія дѣлаются. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, но только до желѣзной дороги дошелъ, осмотрѣлъ до тонкости и до послѣдняго гвоздика, какъ она сдѣлана,—и нашелъ изъянъ, увидѣлъ то, чего господа строители не досмотрѣли и до чего не додумались. Тѣмъ же путемъ, черезъ лѣса и болота, вернулся онъ пѣшкомъ въ родную заброшенную деревушку, взялъ топоръ, пилу и стамеску, срубилъ дерево и сталъ мастерить рельсы, гайки и все прочее. И вышла у него желѣзная дорога не такая, какую ее господа дѣлають, а такая, какъ ее нужно дѣлать, чтобы крушеній не было. Сдѣлавши аршина полтора такой дороги изъ дерева, мужичокъ заколотилъ ее

въ ящикъ, раздобылъ въ деревнѣ съ грѣхомъ пополамъ деньжатъ, взвалилъ ящикъ на плечи и пошелъ уже знакомою дорогою на желѣзную дорогу. Здѣсь онъ купилъ билетъ и повезъ свою дорогу въ Питеръ, прямо къ царю, чтобы батюшка-царь посмотрѣлъ и приказалъ своимъ строителямъ дѣлать желѣзную дорогу безъ изъяновъ.

Похожденія этого мужичка изъ Полѣсья съ его моделью желѣзнодорожнаго полотна были, какъ и слѣдовало ожидать, печальны. Онъ не доѣдалъ и не досыпалъ, съ утра до ночи толкался по разнымъ министрамъ и присутственнымъ мѣстамъ и все добивался одного: какъ бы ему дойти до царя. Но господа до царя его не допустили, а нѣкоторые даже прямо ему говорили, что взялся онъ-де не за свое дѣло и выдумалъ не желѣзную дорогу, а глупость. Въ одномъ важномъ присутственномъ мѣстѣ, однакоже, его милостиво выслушали, работу осмотрѣли и отправили вмѣстѣ съ ящикомъ въ такое мѣсто, гдѣ сидятъ тѣ самые господа, которые желѣзныя дороги съ изъяномъ строятъ. Пусть они эту новую дорогу обсудятъ—и какъ они рѣшатъ, такъ тому и быть. Можетъ быть, имъ и станеть за свои изъяны и недосмотры стыдно и, можетъ быть, они и скажутъ сѣрому мужичку спасибо за науку. Мѣсто это называется: императорское русское техническое общество и находится оно въ Солянномъ Городкѣ на Фонтанкѣ.

— Ступай, милый другъ, туда; тамъ и отвѣтъ получишь,— сказали мужику.

Мужику пошелъ туда и нашелъ свою модель уже тамъ. Господа инженеры осмотрѣли ее и сказали, что вся работа не стоитъ и ломанаго гроша, что мужикъ подмѣтилъ изъяны, но только не тѣ, и что такъ строить желѣзныя дороги, какъ придумалъ онъ,—нельзя. Мужикъ обидѣлся и справедливо рѣшилъ, что господа инженеры и не могли дать ему иного отвѣта. Самъ себѣ никто не врагъ. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Если бы они сознались въ своихъ изъянахъ, то царь призвалъ бы ихъ къ себѣ и сказалъ: «Какъ же вы смѣете строить дороги съ изъянами? Быть по сему!..»

Ушелъ мужикъ, оскорбленный и обиженный неправдой, и опять сталъ добиваться того, чтобы повидать самого царя, но къ царю его опять не пустили. Тогда кто-то сказалъ ему, что царь читаетъ газеты и можетъ о его мытарствахъ и о его дорогѣ узнать изъ газетъ. Нужно только одно, чтобы обо всей этой неправдѣ напечатали въ газетахъ. Добрые люди, подавшіе мужику такой совѣтъ, направили его прямо въ нашу редакцію.

— Нѣту правды на бѣломъ свѣтѣ,—закончилъ мужикъ свой рассказъ въ редакціи.—Завладѣли всемъ господа и не даютъ нашему брату-мужику хода.

Безхитростный и печальный рассказъ неграмотнаго мужика изъ глухой деревушки, вздумавшаго передѣлывать русскія желѣзныя

дороги, заинтересовалъ редактора—и мнѣ было поручено съѣздить въ техническое общество и узнать, въ чемъ дѣло. Въ техническомъ обществѣ мнѣ показали модель и объяснили, въ чемъ заключается идея деревенскаго изобрѣтателя. Желѣзнодорожный отдѣлъ общества самымъ добросовѣтнымъ образомъ рассмотрѣлъ модель и нашелъ, что новый Кулибинъ придумалъ слѣдующія усовершенствованія: связалъ рельсы черезъ каждыя три четверти аршина поперечной желѣзной перекладиной, какъ это дѣлается теперь только на стрѣлкахъ и, кромѣ того, пришелъ къ заключенію, что рельсы въ стыкахъ должны прилегать другъ къ другу плотно, а промежутки между ними, которые оставляются нарочно, какъ запасъ для расширенія рельсовъ отъ теплоты, не нужны и вредны. Нужно, чтобы рельсы отъ станціи до станціи и отъ города до города составляли одну сплошную стальную линію безъ перерывовъ. А посему изобрѣтатель рекомендовалъ заткнуть всѣ щели въ стыкахъ между рельсами особыми желѣзными дощечками. Въ техническомъ обществѣ мужику объяснили, что поперечины не нужны и что онѣ стоили бы милліоны, и что если рельсы сдѣлать сплошными, то лѣтомъ ихъ выпирало бы и вспучивало бы, а зимою они разрывались бы, и тогда крушенія стали бы неминуемы на каждомъ шагу. Мужикъ долго спорилъ, не повѣрилъ и упорно стоялъ на томъ, что «господа» умышленно не даютъ ему, мужику, ходу. Правды нѣтъ на землѣ. Чтобы успокоить изобрѣтателя, канцелярія общества выдала ему точную копію съ постановленія желѣзнодорожнаго отдѣла, т. е. съ формальнаго протокола.

Эти вѣсти я и привезъ въ редакцію.

— Это вѣрно: бумагу они мнѣ выдали,—согласился мужикъ.— Только что въ ней толку, если въ ней написана неправда? Самъ себѣ никто не врагъ. А вотъ вы помогите: напишите въ газетѣ, чтобы меня къ самому царю допустили...

Онъ досталъ изъ-за пазухи копію съ протоколомъ и далъ ее прочесть. Въ протоколѣ было изложено довольно просто то, что я изложилъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Послѣ этого ему въ редакціи сказали то же самое, что и въ обществѣ. Онъ выслушалъ смиренно и безъ возраженій и все-таки остался при глубокомъ убѣжденіи, что нѣтъ правды на землѣ и что «господа» нарочно его къ царю не допустили. Передъ уходомъ изъ редакціи онъ слезно попросилъ хоть какой-нибудь помощи: ему не съ чѣмъ тронуться въ обратный путь въ свое Полъсье. Ему собрали нѣсколько рублей. Потомъ въ день его отъѣзда въ рабочемъ поѣздѣ, въ вагонѣ четвертаго класса я принесъ ему на вокзалъ и еще немножко дополнительныхъ рублей. Онъ поблагодарилъ искренно и былъ очень тронутъ, но уѣхалъ печальный, разочарованный и озлобленный.

— Видно, правда только у Бога!—крикнулъ онъ мнѣ, когда поѣздъ уже тронулся.

XXX.

— Голодное торжество!.. Чортъ бы васъ всѣхъ забралъ! На стаканѣ чаю экономію наводятъ!..

Такъ, и даже еще крѣпче и внушительнѣе бранились члены петербургскаго общества взаимнаго страхованія, выходя изъ думскаго зала, гдѣ общество это праздновало свой двадцатипятилѣтній юбилей и устроило по этому поводу торжественное засѣданіе. Какъ и подобаетъ, были приглашены повѣтками члены, представители финансоваго міра, директоры разныхъ банковъ и конторъ и, конечно, и пресса. Было много и агентовъ различныхъ страховыхъ обществъ. Всю эту публику, созванную къ 12 часамъ дня, продержали среди торжественной обстановки до 6 часовъ и такъ проморили голодомъ, что одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ общества чуть не на всю залу крикнулъ:

— Чортъ съ вашими отчетами! Пока васъ всѣхъ переслушаешь до конца, такъ съ голоду издохнешь!..

Этотъ энергичный членъ ушелъ, не дождавшись конца засѣданія. Остальной же публикѣ пришлось терпѣливо изнывать въ неистощимомъ потокѣ рѣчей, цифръ и громкихъ фразъ.

Страховое общество помѣщается и ведетъ свои операціи въ зданіи думы, на Невскомъ. Входъ въ него по знаменитой гранитной лѣстницѣ подъ каланчою. Юбилейный день былъ днемъ рабочимъ, буднимъ. Всѣ клерки, писцы и бухгалтера сидѣли на своихъ мѣстахъ и съ утра щелкали на счетахъ и скрипѣли перьями. Къ полудню, однакоже, когда стали собираться приглашенные гости, операціи были прекращены. Явилось духовенство въ ризахъ и отслужило молебень. Послѣ этого всѣмъ собравшимся объявлено было, что торжественное засѣданіе состоится въ большой залѣ думы, куда и просятъ подняться. Поднялись. Въ большой залѣ на эстрадѣ былъ уже приготовленъ огромный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За него усѣлись чинно и важно члены правленія общества. Публика размѣстилась на безконечномъ рядѣ стульевъ. Начались чтенія—объ операціяхъ, произведенныхъ обществомъ за двадцать пять лѣтъ, о страховомъ капиталѣ, о пожарахъ и балансахъ, о пользѣ взаимнаго страхованія и о всякой всячинѣ. Публика терпѣливо слушаетъ часъ, слушаетъ другой и начинаетъ чувствовать истому подъ ложечкой, такъ какъ многіе привыкли въ эти часы уже обѣдать. Въ душахъ возникаетъ надежда, что чтеніе скоро окончится и распустятъ по домамъ. Отчетъ дѣйствительно окончился, и публика было зашевелилась, но тутъ поднялся новый ораторъ и началъ патетическую рѣчь о пользѣ именно взаимнаго страхованія, а не какого-либо иного. Въ публикѣ слышатся сокрушенные вздохи. Рѣчь,

благодаря интонаціи оратора, смахиваетъ на отдаленныя завыванія.

— Ну, послѣ этой рѣчи навѣрное сдѣлають перерывъ и хоть по стакану чаю дадутъ,—шепчетъ мой сосѣдь справа.

— Недурно было бы. Животы подвело,—отвѣчаетъ ему сосѣдь слѣва.

Слѣдъ ораторъ, завывавшій о пользѣ взаимности. Публика зашевелилась. Нѣсколько человѣкъ поднялись съ мѣстъ и стали поглядывать на выходныя двери. Но съ эстрады послышался новый, свѣжій голосъ—и посыпался трескуцій фейерверкъ громкихъ, но ничего не говорящихъ фразъ. Ораторъ тянетъ долго, повторяется, возвращается къ тому, что было уже сказано, опять повторяется и, видимо, вовсе не намѣревается кончить. Онъ производитъ впечатлѣніе узника, долго сидѣвшаго въ принудительномъ молчаніи въ тюрьмѣ и вырвавшагося на свободу. Ему хочется говорить и говорить безъ конца. Онъ радъ, что у него есть слушатели, радъ, что его никто не удерживаетъ, и сыплеть, и сыплеть фразами безъ пути и безъ толку. Проходитъ еще часъ—и публика начинаетъ безъ стѣсненія зѣвать и двигаться на стульяхъ. Кто не завтракалъ, тотъ уже испытываетъ настоящія муки голода, а кому пора обѣдать, тотъ изнываетъ. У многихъ лица отъ голода и скуки осунулись. То тамъ, то сямъ слышны урчанія въ желудкахъ и раздаются шопотъ:

— Пора бы ужъ кончить... Довольно...

— Хотъ бы по стакану чаю дали... Нельзя же такъ томить публику... Однѣми рѣчами сытъ не будешь...

— Этакая, прости Господи, мельница!...

Наконецъ, и этотъ ораторъ къ общему удовольствію умолкаетъ. Всѣ облегченно вздыхаютъ и изъ вѣжливости жиденько хлопаютъ. Онъ садится довольный и въ сладостной истомѣ вдоволь наговорившагося человѣка. Часы на думской каланчѣ бьютъ четверть пятого. Изголодавшаяся публика демонстративно и съ облегченіемъ поднимается съ мѣстъ. Слышны возгласы:

— Наконецъ-то отпустили души на покаяніе...

— Пора ко щамъ... Червякъ расходился, заморить пора...

— Молоди-молоди битыхъ четыре часа... А кому это, спрашивается, нужно?

— Хотъ бы рюмку водки дали... Въ порядочныхъ заведеніяхъ на юбилеяхъ хотъ жиденькую закуску, а все-таки даютъ... Отъ голода даже брюки ослабли...

— Какъ же, ждите. Экономію наводятъ... Хотятъ показать, что надъ каждой копейкой трясутся...

— Фунтъ колбасы не миллионы стоитъ.

Публика рѣшительно направляется къ выходу, но въ это время изъ перваго ряда кресель выскакиваетъ тонкій господинъ,

поднимаетъ руку, трясетъ въ воздухѣ кистью и, растопыривъ пальцы, заявляетъ:

— Шш! Шш! Погодите, господа, не расходитесь!... Еще одно слово... На одну только минуточку... Я не задержу васъ.

Часть публики отмахивается и уходитъ, а другая со вздохами и нехотя садится.

— Это что жъ за господинъ?—слышится шопотъ.

— Не знаете развѣ? Медвѣдевъ, мировой судья... Сынъ товарища городского головы Медвѣдева... Этотъ какъ начнетъ канитель тянуть, такъ до вечера не кончить... Помяните мое слово...

Новый ораторъ подошелъ къ углу эстрады, повернулся къ ней задомъ, а къ публикѣ—лицомъ, выждалъ, пока публика успокоилась, и началъ рѣчь. Прежде всего онъ заявилъ, что говоритъ по довѣренности своей матери, которой здѣсь нѣтъ, но которая имѣетъ два голоса, а потомъ сообщилъ, что всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ взаимнаго страхованія—четыре тысячи. Ровно четыре тысячи, не больше и не меньше. Столько ихъ было при основаніи общества и ровно столько же осталось и теперь, когда общество празднуетъ свой четвертьвѣковой юбилей.

— Это—цифра фатальная. Но почему же насъ только четыре тысячи?—воскликнулъ ораторъ. Задавшись такимъ вопросомъ, онъ сталъ и отвѣчать на него. Отвѣтить по существу—трудно. Четыре тысячи—есть четыре тысячи и только. Но проанализировать вопросъ можно и должно. Станемъ анализировать и увидимъ, что виновата въ этомъ публика: она относится почему-то равнодушно къ взаимному страхованію и почему-то предпочитаетъ страховать свои имущества въ коммерческія общества. Виноваты члены общества и члены правленія: они не умѣютъ привлекать публику. Виноваты далѣе...

Ораторъ началъ долго и скучно выискивать виноватыхъ и выискивалъ ихъ съ такимъ усердіемъ, что запутался, вступилъ въ заколдованный кругъ и самъ почувствовалъ, что уже никакъ не можетъ изъ него выйти. Но онъ все-таки не теряетъ апломба и продолжаетъ говорить.

Думскіе часы бьютъ пять. Въ публикѣ начинается движеніе ногами и стульями. Потомъ всѣми присутствующими овладѣваетъ покашливаніе—очень понятное и вразумляющее. Но ораторъ не обращаетъ на это вниманія и все ищетъ лазейки изъ заколдованнаго круга. Въ разныхъ концахъ залы раздаются сдержанные голоса:

— Довольно!... Будетъ!.. Устали!.. Животы подвело!.. Ораторствуй у себя въ камерѣ...

Г. Медвѣдевъ стойко держитъ рѣчь. Думскіе часы отбиваютъ четверть.

— Фу ты, Господди, Боже мой!..—доносится изъ публики.—Безъ конца!...

Ораторъ произноситъ еще нѣсколько фразъ и умолкаетъ. Публика, выражая самую шумную и обидную для лица, державшаго рѣчь, радость, бѣжитъ къ выходу. Одинъ потокъ ея устремляется по лѣстницѣ на Думскую улицу, а другой—черезъ канцелярію думы. И тутъ—о радость—стоитъ столъ, на столѣ огромный мельхіоровый самоваръ, чайная посуда, разрѣзанный на куски сладкій тортъ и два лакея во фракахъ. Къ стаканамъ протягиваются сотни рукъ.

— Благодартели, дайте горло промочить...

Лакеи едва успѣваютъ наливать, но скоро опускаютъ руки.

— Чаю... Дайте и мнѣ чаю...

— Чаю больше нѣтъ-съ,—отвѣчаютъ лакеи.—Самоваръ пусть... Въ самоварѣ только двадцать четыре стакана, а публики двѣсти человѣкъ...

— Хоть бы ужъ юбилейный двадцать пятый стаканъ прибавили,—злбно остритъ кто-то.

— Сейчасъ самоваръ подогрѣютъ... Черезъ полчаса новый самоваръ будетъ,—утѣшаетъ лакей.

— Черезъ полчаса самъ пей...

Поднимается сдержанная ругань. На счастливецъ, успѣвшихъ захватить стаканы, устремляются завистливые и даже злобные взгляды. Заправиламъ, устроившимъ юбилейный праздникъ, за глаза достается безъ всякой церемоніи.

— Морили, морили битыхъ шесть часовъ и стакана чая дать не могутъ...

— Черррти полосатые!..

— А все Медвѣдевъ... Говорилъ, говорилъ, говорилъ, а что говорилъ—чортъ его знаетъ!.. И кто его просилъ высказывать?!

— Никто не просилъ. Самъ встрялъ, въ родѣ своего папеньки. Тотъ всегда въ думѣ во всякое дѣло встрянуть норовить... На рюмкѣ водки экономію наводятъ...

— Чаю даже пожалѣли... Сторожъ, возьми номерокъ отъ платья, только поскорѣе поворачивайся: жрать хочется... Юбилей, чтобъ ему пусто было... Да ну же, поскорѣй... Черти, ей-Богу, черти...

XXXI.

Характерная страница изъ жизни Н. М. Баранова, героя «Весты», нижегородскаго губернатора и человѣка вообще настолько популярнаго, что о немъ ходятъ даже анекдоты. Я къ его имени до сихъ поръ относился съ уваженіемъ и былъ увѣренъ, что онъ—фигура исторически крупная и ужъ, конечно, не мелочная. На дѣлѣ же оказалось, что и онъ страдаетъ мелочнымъ тщеславіемъ и честолюбіемъ. Обнаружилъ это обстоятельство случай, виновникомъ котораго—я.

При императорскомъ российскомъ соединенномъ пожарномъ обществѣ, вѣдающемъ интересы пожарнаго міра, открылся третьяго дня такъ называемый «Голубой Крестъ»—учрежденіе, поставившее себѣ задачей помогать семьямъ убитыхъ во время пожаровъ и выдавать пособія и вспомошествованія пожарнымъ, получившимъ увѣчья. Цѣль добрая и благая. Предсѣдатель пожарнаго общества князь А. Д. Львовъ и милѣйшій дѣлопроизводитель, на плечахъ котораго держится все дѣло, Д. П. Струковъ, постарались обставить открытіе «Голубого Креста» какъ можно торжественнѣе. Князь Львовъ надѣлъ по этому случаю свой камеръ-юнкерскій мундиръ, а Струковъ вырядился въ полную парадную форму. На торжество было приглашено не мало почетныхъ лицъ. Былъ приглашенъ и генералъ Н. М. Барановъ. Его заранѣе намѣтили и рѣшили провести въ члены правленія «Голубого Креста» и не потому, чтобы ожидали отъ него какой-либо особенной дѣятельности, а просто изъ-за его громкаго имени. Имя должно было помочь дѣлу. На открытіи рѣчь произнесъ Евгенийъ Васильевичъ Богдановичъ, бывшій староста Исаакіевскаго собора и извѣстный авторъ картинъ и брошюръ патріотическаго содержанія. Его изданія раздаются и войскамъ и народу бесплатно. Откликается онъ чуть ли не на все общественныя, государственныя и стихійныя событія. Откликнулся онъ и на открытіе вновь народившагося «Голубого Креста». Передавая мнѣ и другимъ репортерамъ свою только что произнесенную рѣчь, онъ ставилъ условіемъ напечатать ее не въ извлеченіяхъ, а непремѣнно цѣликомъ, потому что, по его словамъ, ее будетъ читать вся Россія.

Какъ и слѣдовало, въ этомъ же первомъ торжественномъ за сѣданіи состоялись выборы въ главное управленіе «Креста». Избрали—какъ было заранѣе намѣчено—въ числѣ прочихъ и генерала Н. М. Баранова. Печатавъ въ газетѣ отчетъ объ этомъ торжествѣ, я написалъ, что въ члены управленія избраны: князь А. Д. Львовъ, капитанъ Д. П. Струковъ и генералъ Н. М. Барановъ. Первые двое—какъ должностныя лица, т. е. какъ предсѣдатель и дѣлопроизводитель. На слѣдующее утро, когда газета уже была прочитана, Д. П. Струковъ звонитъ мнѣ по телефону и сообщаетъ, что Барановъ страшно обиженъ и даже отказывается отъ званія члена потому, что въ газетномъ отчетѣ онъ упомянутъ не первымъ лицомъ, а третьимъ, уже послѣ Львова и Струкова. Онъ считаетъ себя униженнымъ. Услышавъ такую вещь, я удивился и сначала не хотѣлъ было даже вѣрить, но Струковъ совершенно серьезно увѣрилъ меня, что это именно такъ и что генералъ Барановъ дѣйствительно проявилъ подобную мелочность.

— Исправь, голубчикъ, если можно,—закончилъ Струковъ.— Совѣтъ пожарнаго общества такъ ошеломленъ этою неожиданностью, что собирается даже писать въ редакцію официальное

письмо съ просьбою напечатать, что сначала былъ избранъ Барановъ, а потомъ уже и Львовъ...

— Хорошо, исправлю,—отвѣтилъ я.

Когда я передалъ этотъ разговоръ редактору, то тотъ только пожалъ плечами отъ удивленія и проговорилъ:

— Быть этого не можетъ... А впрочемъ, напишите...

Я и написалъ: «Первымъ членомъ управленія общества «Голубого Креста» единогласно былъ избранъ генералъ Н. М. Барановъ». Такъ и было напечатано. На слѣдующій день Д. П. Струковъ опять позвонилъ въ телефонъ и лаконически сказалъ:

— Спасибо. Барановъ доволенъ и успокоился...

XXXII.

Получилъ приглашеніе пожаловать на открытіе небывалаго до сихъ поръ въ Питерѣ учрежденія — «лечебницы врачей-спеціалистовъ». Тамъ врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ не будетъ имѣть права проколоть простой нарывъ, а хирургъ ни за что не рискнетъ прописать касторки: каждый будетъ знать только одно свое дѣло и свою специальность. Такъ, по крайней мѣрѣ, поняла публика значеніе этой новой лечебницы. Любопытства ради, накануне открытія, взялъ я камеру, сходилъ въ Чернышевъ переулокъ и сфотографировалъ зданіе, въ которомъ помѣщается это учрежденіе. На обратномъ пути слышу, кто-то громко позвалъ меня. Я обернулся. Передо мной былъ директоръ медицинскаго департамента Левъ Ѳедоровичъ Рагозинъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій онъ, какъ фотографъ-любитель, сталъ спрашивать меня, откуда и куда я иду съ камерой и что снимаю. Я отвѣтилъ.

— Знаю я эту лечебницу,—заявилъ Левъ Ѳедоровичъ.—Она открывается завтра. Много ихъ теперь открывается. Мы, т. е. медицинскій департаментъ, рѣшили теперь *laisser faire, laisser passer*: не препятствуемъ теченію, махнули рукой. Посмотримъ, что изъ этой лечебницы—какой гешефтъ выйдетъ.

— Ужъ будто бы и гешефтъ?

— Конечно—не иначе. Что теперь дѣлается, такъ и сказать трудно. Одни гомеопаты чего стоятъ. Слышали про нихъ? А сколько зубныхъ и зубоврачебныхъ кабинетовъ чуть ли не съ даровой помощью открывается! Развѣ это не гешефтъ? Мы постановили теперь все разрѣшать. Теперь теченіе такое. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

— А долго смотрѣть будете?

— Пока кто-нибудь изъ нихъ не устроитъ какой-нибудь каверзы и не проштрафится... А я радъ васъ видѣть... Хотите пapiroсу?..

Разговоръ нашъ перешелъ на житейскія темы, и вскорѣ мы разстались.

На слѣдующій день лечебница открылась съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ торжествомъ. Во-первыхъ, былъ молебенъ, а вторыхъ, завтракъ съ обиліемъ питій и яствъ. На завтракъ я не остался—ушелъ раньше, но столы видѣлъ: нагружено на нихъ было порядочно.

Лечебница устроена врачами-спеціалистами на товарищескихъ началахъ въ складчину и въ расчетъ на авось: выгорить — хорошо, а не выгорить—такъ тому и быть. Если дѣло провалится, то первоначальный убытокъ для каждаго изъ участниковъ будетъ не великъ. Задумали, однакоже, врачи на широкую ногу—пригласить сразу шестьдесятъ спеціалистовъ для пріемовъ утромъ и вечеромъ, но оказалось, что во всемъ Питерѣ шестидесяти достойныхъ не нашлось. Одинъ изъ врачей-участниковъ (*nomina sunt odiosa*) пояснилъ мнѣ слѣдующее:

— Чтобы занять мѣсто въ нашей лечебницѣ, нужно обладать дипломомъ. Врачей-то съ дипломами нашлось много, а какъ стали пропускать ихъ черезъ товарищескій фильтръ, то и не хватило: шестидесяти не набралось. Всего только сорокъ пять набрали, да и то съ трудомъ...

— Чѣмъ же остальные вамъ не угодили?—спросилъ я.

— Больше все—гешефтмахеры...

Неволью вспомнился мнѣ разговоръ съ Л. О. Рагозинымъ.

XXXIII.

Похоронили на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря извѣстнаго профессора и акушера Крониды Федоровича Слявянскаго. Гремѣлъ человекъ когда-то. Привезли его тѣло съ юга по Николаевской дорогѣ. На вокзалѣ собралось встрѣтить народа не много—почти одни только студенты и родные. Отпѣвали въ церкви военно-медицинской академіи. За гробомъ до кладбища изъ профессоровъ шелъ пѣшкомъ одинъ только физиологъ Ив. Петр. Павловъ; остальные предпочли ѣхать въ экипажахъ. Погода была претовратительная: дождь, вѣтеръ и слякоть. Итти было не весело. Траурная колесница была обвита гирляндами бумажныхъ цвѣтовъ и блестѣла электрическими лампочками, напоминавшими горящія лампадки. Похороны были «бѣлыя»: колесница бѣлая, шестерка лошадей цугомъ—въ бѣлыхъ пополахъ, факельщики—въ бѣлыхъ балахонахъ, ящикъ съ ельникомъ—бѣлый и колесница для вѣнковъ—бѣлая. Странный контрастъ представляла собою черная грязь на бѣлыхъ штанахъ факельщиковъ. Такъ и рѣзала глаза. Не подходитъ вообще вся эта бѣлая мишура къ петербургскому климату. Временами дождикъ такъ и

рѣзалъ въ лицо. Вода въ Невѣ поднялась на три фута. Все было печально, сумрачно, сѣро и грязно. На Загородномъ проспектѣ заговорилъ я съ профессоромъ-хирургомъ Максимомъ Семеновичемъ Субботинимъ.

— Предполагаются ли рѣчи на могилѣ?

— Да, да, будутъ,—отвѣтилъ онъ.—Фишеръ собирается говорить. А если никто ничего не скажетъ, такъ я скажу.

Обогналъ я процессію и отъ технологическаго института до Новодѣвичьяго монастыря проѣхалъ на конкѣ подъ сильнымъ дождемъ. На паперти церкви въ монастырѣ встрѣтилъ я спрятавшагося отъ дождя преемника покойнаго С. П. Боткина—профессора Михаила Владимировича Яновскаго.

— Были въ академіи въ церкви на отпѣваніи?—спросилъ я.

— Былъ. Церковь была полна, только профессоровъ въ ней мало было. Какъ теперь стало профессоровъ подчищать: 11-го умеръ Славянскій, а 13-го Костюринъ. Слышали? Чахотка. Умеръ на кумысахъ.

Монастырскій дворъ сталъ понемногу наполняться передовыми провожающими. Подошелъ къ намъ профессоръ-хирургъ Евгений Васильевичъ Павловъ.

— А я только сегодня утромъ изъ Одессы. Едва успѣлъ въ больницѣ бумаги подписать. Приѣхалъ, смотрю—на креслѣ разложены мундиръ, шапка, шпага... Спрашиваю: что это за беспорядокъ? А жена отвѣчаетъ: «Одѣвайся и поѣзжай на похороны. Славянскій умеръ».

— Отчего онъ умеръ?

— Воспаленіе легкихъ.

— Что вы?! У него вѣдь была аневризма. Я его слушалъ...

— Горло у него часто заболѣвало. Бывало, какъ захвораетъ горломъ, такъ сейчасъ же—ко мнѣ, какъ къ хирургу. «Захворалъ, говоритъ; смотри, говоритъ, какъ только что-нибудь серьезное, такъ ты сейчасъ же—трахеотомію!!» Мы вѣдь съ нимъ одна кашники... Смерти не боялся...

— Философски къ ней относился...

— Философски—не философски, а все же не любилъ о ней думать. «Все равно, говоритъ, расчетъ съ нею неизбѣженъ, но лишь бы не была мучительна...» Послѣдніе годы, однакоже, безъ пилокарпина обходиться не могъ...

— Какъ безъ пилокарпина?

— Впрыскиванія себѣ дѣлалъ... А все-таки любилъ по субботамъ въ клубъ послѣ обѣда стаканъ шампанскаго выпить... Пульсъ—полтораэта...

Подошелъ профессоръ физики Николай Григорьевичъ Егоровъ.

— А? Что?

Въ это время во дворъ вѣхала колесница и стала огибать монастырское зданіе. Бесѣда прекратилась. Тяжелый металлическій гробъ съ большимъ трудомъ донесли профессора и врачи до могилы, вырытой рядомъ съ могилою Чудновскаго. Одинъ изъ врачей, несшій гробъ спереди, шель задомъ, оступился и полетѣлъ прямо въ могилу. Всѣ ахнули. Могильщики вытащили его. Но все обошлось благополучно: пострадавшій только отдувался— неизвѣстно только: отъ волненія и испуга, или же отъ усталости. Теперь онъ имѣетъ право сказать, что уже побывалъ въ могилѣ..

Прошѣли вѣчную память и началась рѣчи. Профессоръ Лебедевъ, акушеръ, прочелъ по бумажкѣ погребальное слово, въ которомъ сравнилъ индивидуальную жизнь съ волною: волна вздымается и исчезаетъ, но ея энергія не пропадаетъ, а вызываетъ появленіе новыхъ волнъ. Такъ и жизнь покойнаго подобна волнѣ—она прошла не даромъ: онъ оставилъ по себѣ учениковъ...

Рѣчь, помимо ея достоинствъ, была еще и тѣхъ хороша, что была коротка. Выступилъ профессоръ Субботинъ и началъ:

— Я не затѣмъ пришелъ сюда, товарищъ, чтобы восхвалять твою дѣятельность. Я не затѣмъ пришелъ, чтобы говорить о твоихъ заслугахъ. Я не затѣмъ пришелъ, повторяю, чтобы...

Рѣчь была длинная. Ораторъ даже прочелъ выдержки изъ адреса, поднесеннаго покойному двадцать лѣтъ тому назадъ,—но все-таки такъ никто изъ присутствовавшихъ и не узналъ, зачѣмъ собственно пришелъ сюда почтенный профессоръ. Быть можетъ, вышло это оттого, что во время рѣчи дулъ сильный вѣтеръ и поролъ дождь. Всѣ стояли подъ зонтиками... Послѣ рѣчи подождали безмолвно еще минутъ пять въ ожиданіи новыхъ ораторовъ, а затѣмъ раздался прозаическій возгласъ:

— Бери лопаты! Ребята, засыпай!..

XXXIV.

Мнѣ же пришлось хоронить и профессора военно-медицинской академіи Степана Дмитріевича Костюрина. Умеръ онъ въ Ялтѣ. Тѣло его привезли по Николаевской дорогѣ съ дневнымъ поѣздомъ, прибывшимъ въ 2 ч. 15 мин. дня. Вагонъ, въ которомъ стоялъ гробъ, оказался замѣчательно приличнымъ. До сихъ поръ возили покойниковъ въ простыхъ товарныхъ вагонахъ; теперь же, какъ оказывается, Николаевская дорога обзавелась специальными новенькими вагонами, отличающимися отъ багажныхъ только своимъ траурно-темнымъ цвѣтомъ. Для публики этотъ приличный виѣшній видъ имѣетъ огромное значеніе. Раньше съ

вагонами было много хуже. Когда изъ Питера увозили въ Москву тѣло редактора «Современныхъ Извѣстій» Гилярова-Платонова, то полъ товарнаго вагона не позаботились даже вымести.

Встрѣтить гробъ прибыли на вокзалъ не многіе. Былъ между прочимъ профессоръ Вячеславъ Авксентьевичъ Манасеинъ въ старинной шинели съ капюшономъ и въ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Въ старину въ такихъ костюмахъ ходили провинціальныя чиновники древней фракціи. Былъ и писатель Сергѣй Васильевичъ Максимовъ. Онъ предыдущимъ лѣтомъ вмѣстѣ съ покойнымъ Костюринымъ лечился «на кумысахъ» и онъ же привезъ въ Питеръ точное извѣстіе о болѣзни, которая свела въ могилу Костюрина. Докторъ «на кумысахъ», выслушивая покойнаго, говорилъ не разъ при С. В. Максимовѣ, что легкое у Костюрина могло бы еще протянуть, но сердце — плохо. Онъ и умеръ отъ паралича сердца. Эти самыя вѣсти Сергѣй Васильевичъ — какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ — долженъ былъ сообщить и въ военно-медицинской академіи, куда его приглашали профессора для допроса въ качествѣ «благороднаго свидѣтеля».

Въ ожиданіи поѣзда съ тѣломъ какой-то черноволосый священникъ очень волновался по поводу того, что на двоѣхъ вокзала не видно траурной колесницы. Съ ея присылкою, видимо, не спѣшили. Гробъ вынули изъ вагона только въ половинѣ пятаго. Кто-то изъ присутствовавшихъ объяснилъ это тѣмъ, что въ академіи въ то время шла конференція и профессора не свободны. Такъ это, или нѣтъ, но къ выносу тѣла изъ профессоровъ прибылъ одинъ только Сергѣй Владимировичъ Шидловскій. Былъ тутъ и извѣстный воздухоплаватель полковникъ Мих. Мих. Поморцевъ. Вдова покойнаго, его дочь и сыновья оставались на платформѣ отъ прибытія поѣзда и до постановки гроба на дроги. С. В. Максимовъ все время не отходилъ отъ нихъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разговора, когда они встрѣтились на вокзалѣ. Вдова, обливаясь слезами, стала сѣтовать на то, что мужъ ея умеръ слишкомъ рано.

— Надулъ насъ. Всѣхъ насъ надулъ и обманулъ, сударыня: слишкомъ рано умеръ. Не ожидали мы этого отъ него, — утѣшилъ С. В. Максимовъ.

Хорошо, тепло и сердечно вышло у него это обвиненіе покойнаго въ надувательствѣ.

Кромѣ С. В. Шидловскаго, изъ профессоровъ не пріѣхалъ никто. За гробомъ шла довольно густая толпа читателей покойнаго. Товарищи же по академіи выказали порядочное равнодушіе.

Похоронили его на Большеохтенскомъ кладбищѣ и похоронили, можно сказать, чуть ли не позорно. Профессоровъ и публики было значительно меньше, чѣмъ можно было ожидать, а жалобъ было много. Во-первыхъ, жаловались на то, что о днѣ погребенія не

было оповѣщено въ газетахъ, а во-вторыхъ, многимъ было обидно, что для похоронъ былъ назначенъ почему-то черезчуръ ранній часъ. По распоряженію начальника академіи заупокойная обѣдня началась почему-то въ восемь часовъ утра вмѣсто обычныхъ десяти. А такъ какъ Костюринъ былъ уже отпѣтъ въ Ялтѣ и панихиды длинной не было, то его гробъ тотчасъ же послѣ обѣдни поставили на дроги и повезли на кладбище—въ началѣ одиннадцатаго. Большинство публики не ожидало такой ничѣмъ необъяснимой поспѣшности и опоздало на погребеніе. Въ двѣнадцать часовъ на кладбищѣ все было уже кончено: рѣчи были произнесены и могильщики уже насыпали холмъ. Обѣдня Костюрину насчетъ похоронъ не повезло: вчера профессора академіи не могли явиться на вокзалъ для встрѣчи тѣла, потому что засѣдали въ конференціи. Въ повѣсткахъ, розданныхъ имъ, рекомендовалось собраться на вокзалъ къ пяти часамъ, а въ половинѣ пятаго гробъ, по чьему-то распоряженію, былъ уже вынутъ и установленъ на дроги. Въ обозначенное на повѣсткахъ время процессія, къ общему огорченію профессоровъ, была уже на Невскомъ. Во всей этой неурядицѣ всѣ заинтересованныя лица обвиняли начальника академіи В. В. Пашутина, которому, между прочимъ, по поводу его ничѣмъ необъяснимаго желанія начать обѣдню въ восемь часовъ и священникъ докладывалъ, что слѣдовало бы «по обычаю» начать въ десять. Но В. В. Пашутинъ своего рѣшенія не измѣнилъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что день былъ воскресный, а по воскресеньямъ въ академической церкви обѣдня никогда ранѣе десяти не начиналась. Вообще во всей этой исторіи было что-то странное. Всѣ сожалѣли. На кладбищѣ мнѣ пришлось слышать отъ многихъ лицъ одну и ту же почти что стереотипную фразу:

— Славный былъ человекъ покойный Степанъ Дмитриевичъ, хороший человекъ, а похороны вышли такія неудачныя... Вѣдь вотъ поди жъ ты... А все—Пашутинъ...

На могилѣ говорили рѣчи профессоръ Виноградовъ и докторъ Жандръ. Рѣчи были теплыя. Ожидались и еще рѣчи, но авторы ихъ, благодаря неурядицѣ, запоздали и нашли уже пустое кладбище.

Александръ Чеховъ. (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БАРИТОНЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ.

Повѣсть.

I.

ВЪ ЭТОТЪ вечеръ большая зала частной оперы была полна. Шла въ первый разъ «Хованщина» Мусоргскаго и дебютировалъ еще неизвѣстный баритонъ. Въ театрѣ находились знакомыя лица первыхъ представлений: рецензенты большой и малой прессы, театралы и артисты. Передъ началомъ спектакля въ заднихъ рядахъ партера показалась широкоплечая фигура Лентовскаго въ неизмѣнной поддевкѣ. Шумно и оживленно было въ коридорахъ. Цѣпители, знакомые и незнакомые, предугадывали, спорили, никто не зналъ новаго баритона. Изъ двери, на которой начертано было, что «входъ постороннимъ на сцену воспрещается», вышелъ человекъ лѣтъ 50-ти съ круглымъ лицомъ, окруженнымъ небольшою бородой русскаго характера, съ большими круглыми глазами и облысѣвшей головой. Въ общемъ его фигура была довольно стройная и плотная при среднемъ ростѣ. По временамъ капризное выраженіе лица этого любителя-антрепренера, Ивана Платоновича Строева, свидѣтельствовало о характерѣ настойчивомъ, привыкшемъ повелѣвать, приказывать. Онъ былъ человекъ съ большими средствами изъ крупной фамиліи московскихъ кушцовъ, но съ университетскимъ образованіемъ. Московскіе купцы характерны въ отношеніи настойчивости и упрямства. Если задумалъ миллионеръ устроить что-нибудь грандіозное, типичное, въ области благотвори-

рительности или общей полезности, то онъ не остановится передъ затратами и пойдетъ со своимъ широкимъ карманомъ напроломъ. При настойчивости, при широкой натурѣ Строевъ все-таки не подходилъ къ такого рода типамъ. Онъ стоялъ несравненно выше купцовъ вообще по чуткости и безусловному пониманію искусства въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, причемъ отдавалъ предпочтеніе русскому искусству въ живописи, литературѣ и музыкѣ. Самъ онъ былъ диллетантомъ по всѣмъ этимъ отраслямъ: онъ прекрасно аккомпанировалъ, рисовалъ, лѣпилъ и не былъ чуждъ литературныхъ занятій. Его салонъ былъ извѣстенъ литературному и музыкальному міру, на его обѣдахъ и завтракахъ всегда почти присутствовали знаменитости.

Былъ ли онъ очень богатъ?

Несомнѣнно. Строевъ стоялъ во главѣ очень большого коммерческаго предпріятія. Но былъ ли онъ дѣлецъ? Этого сказать не могу и думаю, что художественная сторона его симпатій превышала дѣловую. Но деньги были ему нужны и деньги большія, чтобы ихъ тратить на любимое дѣло, т. е. на развитіе и поддержку русскаго искусства.

Строева обступилъ тѣсный кружокъ газетчиковъ и театраловъ. Онъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы, сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ.

— Ничего, ничего не скажу о новомъ баритонѣ,—говорилъ онъ улыбаясь, услышите, тогда цѣните!.. неопытенъ, правда, но... Строевъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ и вошелъ въ директорскую ложу.

Оркестръ началъ увертюру.

Мрачна, оригинальна музыка Мусоргскаго, которая властно бросаетъ васъ въ сѣдья, тяжкія времена жестокой борьбы раскола съ новшествами Петра I. Жуткая, упорная трагедія, борьба на жизнь и смерть, ужасъ и ужасъ при дикихъ, безумныхъ мѣрахъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, — вотъ какіе мотивы музыки Мусоргскаго въ «Хованщинѣ». Тамъ все мрачно, надо всѣмъ лежитъ тяжелый колоритъ тѣхъ временъ и той эпохи... Мрачна и дика поэзія, соткана изъ чернаго флера любовь, самый патріотизмъ принималъ тогда чудовищный характеръ казней и самосожженій.

Лѣса дремучіе, рѣки печальныя, дебри невѣдомыя и среди всего народъ русскій, далекій зачатковъ культуры, предоставленный самому себѣ въ нуждѣ и горѣ, полудикій, земледѣльческій... Какая у такого народа радость? Какова его поэзія? Темная, какъ осенняя ночь, унылая, какъ вѣтеръ лѣсной... Какія мечты у такого народа? Какая у него музыка? О чемъ звучать его струны?

О смерти и страданіяхъ.

Умереть нетрудно... Но какъ? отъ сѣкиры ли царской, или отъ костра, зажженнаго самими страдальцами? Не все ли равно!

На большинство публики первое дѣйствіе произвело неопредѣленное, гнетущее впечатлѣніе. Несомнѣнно, глубина авторскаго творчества была недоступна пониманію пестрой толпы, собравшейся въ театрѣ для зрѣлища и эффектовъ музыкальныхъ, но не для звуковъ горькой правды и близкихъ къ отчаянію молитвъ. Повидимому, «Хованщина» не будетъ имѣть успѣха, музыка Мусоргскаго пугала зрителей, между которыми, я полагаю, и половины не было знакомыхъ съ современными народными воззрѣніями, а тутъ народъ русскій, да еще нѣсколько столѣтій тому назадъ...

Ждали дебютанта.

Въ антрактахъ мало говорили объ оперѣ и, несмотря на множество народа, не было такъ шумно и оживленно, какъ передъ спектаклемъ. Въ атмосферѣ театра чувствовалось настроеніе не то подавленное, не то недоумѣвающее.

Спектакль между тѣмъ шелъ своимъ порядкомъ, не вызывая подъема настроенія у людей, не привыкшихъ къ такому реальному творчеству. Ни оазиса, ни отраднаго легкаго мотива на сплошномъ фонѣ ужаса, фанатизма и невѣжества народнаго. Нѣтъ, ничего нѣтъ! и пѣснь любви звучитъ скорбно, какъ погребальный напѣвъ. Ни свѣта, ни воздуха тамъ, гдѣ власть могильная пытокъ и застѣвка, палачей и костровъ!..

Ужасная правда, далекая, изъ временъ минувшихъ; мрачные, кровавые образы встаютъ, вызываются властными звуками-стонами истерзанной русской души.

«Кто же наконецъ ворогъ земли русской?» поетъ баритонъ, поетъ и молится и проситъ у Бога спасенія, проситъ свѣта и жизни...

Зрительная зала всколыхнулась и замолкла, когда стонъ молитвы пронесся и замеръ на необыкновенно грустномъ и мягкомъ звукѣ, который, казалось, еще не умолкнулъ, а дрожитъ мольбою и просится прямо въ сердце человѣка.

Баритонъ кончилъ, а публика еще не вздохнула, еще не справилась съ впечатлѣніемъ... Боже, спаси Россію!

Но вдругъ, какъ одинъ человѣкъ, заволновалась толпа, ахнула и загудѣла: «браво! бисъ!» Дебютантъ вышелъ неловкой и непривычной походкой новичка, съ шапкой въ рукахъ, дрожащій отъ волненія, сконфуженный. Аплодисменты продолжались болѣе минуты, нѣкоторые встали со своихъ мѣстъ, дирижеръ ждалъ молчанія, держа вверху свою палочку-жезлъ.

Артистъ и во второй разъ произвелъ впечатлѣніе, но опять въ концѣ, на этой замирающей, молящей нотѣ, которой онъ отдавалъ все свое существо, всю свою душу. И театръ понялъ и призналъ въ немъ артиста. Онъ тронулъ, заставилъ проснуться толпу, и толпа ему отвѣтила. Это было все. Этого было довольно! Кто знаетъ, быть можетъ, баритонъ былъ отчасти обязанъ своему

успѣху тѣмъ, что пѣлъ почти безъ оркестра, подъ рѣдкій, тихій аккомпаниментъ, что мрачные звуки, потрясающіе стоны на время смолки, и для зрителя арія Шапловитова была тѣмъ оазисомъ среди мрака времени, котораго она ждала и жаждала. Можетъ быть! Но весь театръ выслушалъ дебютанта и отвѣтилъ ему горячимъ сочувствіемъ. Это былъ успѣхъ!

Я помню выступавшую боязливо на сцену, къ самой рампѣ, нѣсколько согнутую на бокъ фигуру артиста съ мѣховою стрѣлцкой шапкой въ рукахъ. Онъ подходилъ, словно крадучись, и когда начиналъ пѣть свою арію, его движенія были несвободны и угловаты. Когда же кончалъ, вся его фигура выпрямлялась, и передъ зрителями появлялся стройный, граціозный человѣкъ съ мужественнымъ жестомъ. Такимъ онъ покидалъ сцену.

Послѣ акта выступленія баритона въ фойэ и коридорахъ было большое оживленіе, особенно волновались дамы.

— Неуклюжій какой-то,—говорилъ военный:—но голосъ ничего, не сильный только...

Три дамы въ отвѣтъ ему заговорили разомъ:

— Что вы понимаете?.. Вы самъ кривобокій!.. Помилуйте, человѣкъ въ первый разъ на сценѣ... вѣдь страшно! а когда забылся, вошелъ въ роль, то... да что съ вами говорить! Этотъ баритонъ одна прелесть... Да, прелесть! Голосъ превосходный, мягкій, какъ бархатъ!

Съ дамами было спорить невозможно, и офицеръ только раскланялся на сыпавшіеся на его голову упреки.

— Ничего особеннаго!—говорилъ рецензентъ своему товарищу:—а публикѣ нравится...

— Ну, и надо хвалить, когда такъ... успѣхъ былъ!—отвѣчалъ присяжный цѣнитель.

— А ты его знаешь?—спрашивалъ первый.

— Нѣтъ, а что?

— Какъ же хвалить совѣмъ незнакомаго?

— Познакомимся, братъ, успѣемъ... Отъ нашихъ рукъ не увернется!.. Пойдемъ, вонъ вышелъ Строевъ... Что-нибудь узнаемъ!..

Но рецензенты опоздали. Блестящій антрепренеръ уже былъ окруженъ любопытными мужчинами и дамами.

— Откуда достали такую прелесть?—спрашивали Строева. — Вѣрно изъ провинціи!

— Нѣтъ! повѣрьте мнѣ, въ первый разъ вышелъ публично на сцену...

— Вѣримъ, вѣримъ, Иванъ Платоновичъ, — трещали дамы: — а въ чемъ онъ теперь выступить?

— Еще не рѣшено! — отвѣчалъ антрепренеръ. — Вѣдь у него почти совѣмъ нѣтъ репертуара!.. Думаемъ въ «Фаустѣ»...

— Съ Глотовымъ?..

— Нѣтъ! другой будетъ Мефистофелемъ...

— Да, да! а то, знаете... мало вниманія обратятъ!

— Значить,— спросилъ Строевъ,— вамъ, mesdames, баритонъ понравился?

— Да, да!.. — отвѣчали любительницы. — А онъ совсѣмъ молодой?

— Только что кончилъ курсъ, — сказалъ Строевъ, пробираясь на сцену.

— Гдѣ? Въ консерваторіи?

— Нѣтъ, въ университетѣ!

Когда спектакль кончился, и публика расходилась, можно было слышать фразы: «Однако, угостилъ Иванъ Платоновичъ! словно на отпѣваніи архіерея были...» — «Нѣтъ, глубина-то, сила какая», говорили другіе. «Но ужъ слишкомъ мрачно!» — «А баритонъ ничего?» — послышался голосъ у самаго выхода. «Совсѣмъ хорошій баритонъ!» — отвѣчалъ другой. «Куда? въ Московскій или къ Тѣстову?..»

Извозчики и кучера суетились.

II.

Евгеній Николаевичъ Обдорскій проснулся поздно и то потому, что стучали въ дверь его номера.

— Кто тамъ?

— Свои! — отвѣчали знакомые голоса.

Вошли двое, молодой студентъ и пожилой человѣкъ съ нервнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Это былъ довольно извѣстный литераторъ-идеалистъ, человѣкъ нѣсколько странный, прошедшій русскую школу борьбы и лишеній, вольныхъ и невольныхъ и потому неровный, то мягкій, то рѣзкій, то рѣшительный, то сомнѣвающійся. Въ рукахъ студента были газеты.

— Сейчасъ, господа, одѣнусь!.. Позвоните, пожалуйста... и самоваръ поскорѣй!.. Экъ, заспался!..—говорилъ хозяинъ, и лицо его сіяло радостью.

— Для насъ твой чай завтракъ, — сказалъ студентъ:— распорядись!..

— Все, все будетъ... Какъ я радъ, что вы пришли!.. Именно вы! — крикнулъ Обдорскій изъ-за перегородки спальни.

— Благодари, Мосоловъ, — сказалъ гость студенту.

— Иди скорѣй, Евгеній, и слушай, что про тебя пишутъ въ газетахъ,— вскричалъ Мосоловъ.

Евгеній молчалъ. Его охватило странное волненіе, котораго онъ не испытывалъ даже на экзаменахъ.

Человѣкъ принесъ самоваръ и пошелъ за закуской. Началось чтеніе рецензій. Студентъ волновался и радовался. Литераторъ

молчалъ, и легкія тѣни набѣгали на его нахмуренный лобъ и на грустные глаза.

— «Подавленность, мрачная религіозность», напечатано было въ одной газетѣ, «вотъ характеристика музыки Мусоргскаго»... Ну, это объ оперѣ,—сказалъ Мосоловъ:—а это о тебѣ... слушай: «Баритонъ-дебютантъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Онъ не только былъ замѣченъ, но награжденъ шумными аплодисментами. Арію заставили биссировать. Что же касается его голоса, то опредѣленнаго по одному спектаклю сказать нельзя, впрочемъ, тембръ пріятный»... Вотъ видишь! Посмотримъ, что въ другой пишутъ? «Публика была пріятно удивлена безусловно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ дирекціей русской оперы новаго баритона. Мягкій, звучный его голосъ очаровалъ театръ, и успѣхъ, выпавшій на еще неопытнаго артиста, былъ большой и, пожалуй, имъ заслуженный».

— Мнѣ очень нравится это «пожалуй!» — замѣтилъ литераторъ.—Что, Евгенийъ Николаевичъ, они еще незнакомы съ вами?

— Кто это они? — отвѣтилъ Обдорскій на вопросъ вопросомъ.

— Да рецензенты...

— Нѣтъ, одного видѣлъ разъ въ конторѣ!

— Ну, приготовляйтесь знакомиться... Позвольте, Евгенийъ Николаевичъ, послѣ этихъ пустыхъ рецензій сказать вамъ нѣсколько словъ, — началъ литераторъ.

— Ну, ужъ пустыхъ... — возразилъ студентъ. — Вообще приличные рецензіи!..

— Не станемъ спорить,—продолжалъ писатель,—и не въ этомъ дѣло! Вы теперь окончательно вступили въ сферу артистической дѣятельности... Надъ мечтами молодости, надъ предполагаемой дѣятельностью среди народа надо поставить крестъ!..

— Но, Иванъ Петровичъ, вѣдь и служеніе искусству... возразилъ было Обдорскій.

— Пойдите, пойдите! дайте мнѣ сказать, что я считаю нужнымъ и сказать именно теперь, въ этотъ день, когда ваша карьера совершилась... Итакъ, вы, Евгенийъ Николаевичъ, артистъ и будете служить искусству. Превосходно! Артистъ и любимецъ... многіе вамъ позавидуютъ, но въ ихъ числѣ не считайте меня... и не удивляйтесь!.. Я васъ люблю и уважаю и, можетъ быть, поэтому...

— Ну, несправимый пессимистъ, — горячо вскричалъ студентъ, — осѣдлалъ своего конягу...

— Постои, постои, Мосоловъ! — махнулъ рукой хозяинъ.

— Вы увлекающийся и искренній человѣкъ, Евгенийъ Николаевичъ,—продолжалъ писатель:—у васъ нѣтъ выдержки, вы не можете вести «политики»...

— Какая такая политика на сценѣ?—не сдержался студентъ.

— Да, политика и интрига!—сказалъ твердо писатель.—И чѣмъ успѣшнѣе вы будете подвигаться, тѣмъ болѣе васъ будетъ окру-

жать зависть, злоба... съ этимъ надо считаться... а можете ли вы? Сцена, театральные подмостки хороши, когда васъ слушаютъ и вамъ аплодируютъ... Ну, а за сценой, въ кулисахъ, въ уборныхъ тамъ другое... такое, что въ состояніи довести до раздраженія, до запальчивости даже хладнокровнаго человѣка! а вѣдь вы горячій, искренній...

— До сихъ поръ были товарищескія отношенія, — замѣтилъ Обдорскій: — да, наконецъ, Иванъ Платоновичъ...

— Знаю, это хорошій человѣкъ и вашъ хозяинъ, но не вѣчно будете у него служить, да и онъ вамъ не поможетъ, дѣла у него безъ васъ не мало... Теперь онъ возился съ вами, какъ съ интересной находкой, какъ съ талантомъ, который онъ самъ открылъ, но вы поставлены на ноги и вы самостоятельный артистъ, обеспеченный персонажъ... Вотъ тогда-то и начнутся другія товарищескія отношенія! Повѣрьте мнѣ... я знаю хорошо театральные нравы... сестра моя лѣтъ десять мучается и уйти не можетъ... А почему? Потому что ни къ какой другой жизни неспособна, неспособна быть нормальнымъ человѣкомъ... Какъ алкоголикъ не можетъ бросить водку, такъ и она театръ... Вы думаете проводить идеи искусства, тогда придется бороться съ рутинной, а это въ настоящее время сила, ибо искусство, ваше святое искусство снизошло до ремесла! Вотъ въ этомъ-то вся и штука! Въ вашей корпорации идетъ борьба за существованіе и тѣмъ она безобразнѣе, чѣмъ люди нервнѣе, самолюбивѣе и чѣмъ больше ушли отъ нормальной жизни, отъ общихъ человѣческихъ интересовъ. Трудно, дорогой Евгеній Николаевичъ, трудно слѣпить, всегда слѣпшитъ и гнаться за успѣхомъ, нервы болѣютъ, и эта боль переходитъ въ хроническій, неизлечимый недугъ! Даже не для часовъ, а для минутъ живеть артистъ, и жизнь такая, извините меня, собачья жизнь!..

— Bravo!

Студентъ захолопалъ, а Обдорскій сказалъ:

— Можетъ быть, вы, Иванъ Петровичъ, и правы, но я увѣренъ, что не совсѣмъ. Я пошелъ на сцену не для того, чтобы размѣняться на мелочи и истратить попустому свои силы... О, нѣтъ! Я внесу въ товарищескій кружокъ свѣтлыя традиціи нашего студенчества, надежду и вѣру въ обновленнаго свободнаго человѣка, которому не сродны и чужды темныя начала, эти первые враги искусства и человѣчества. Если ремесленная среда станетъ захватывать меня въ свои руки, повѣрьте мнѣ, уйду безъ сожалѣнія и уйду въ жизнь, на самую черную работу!

Обдорскій былъ въ эту минуту положительно хорошъ. Увлеченный, онъ всталъ, протянулъ, словно для клятвы, свою руку, и взоръ его горѣлъ, и легкій румянецъ покрылъ смуглую кожу лица. Писатель былъ тронутъ и жалъ ему руку, студентъ торжествовалъ!

Въ эту минуту послышался стукъ въ дверь, и за обычнымъ «войдите» вошла стройная, блестящая брюнетка, изящно одѣтая, быстрая въ движеніяхъ, лѣтъ двадцати пяти. Всѣ при ея появленіи встали.

— Насилу васъ отыскала! — заговорила припешая быстро и въ то же время сама представилась гостямъ Обдорскаго словамъ: «артистка Руднева».

— Вы пойдете на репетицію? Тогда отправимся вмѣстѣ, — говорила артистка, посматривая на часы. — Еще есть время и я попрошу чашку чая!..

— Пожалуйста! — отвѣчалъ Обдорскій, но Мосоловъ уже наливалъ чай.

— Представьте, Евгеній Николаевичъ, что я слышала? У меня хотятъ отнять роль Зибеля и передать ее Стежкиной... Хорошая штука! Я имѣла такой успѣхъ... Но еще посмотримъ, удастся ли имъ? Вы поддержите меня, Евгеній Николаевичъ, я надѣюсь...

— Я, право, не знаю!.. смѣшался Обдорскій. — Кто же хочетъ отнять у васъ роль Зибеля? Вы говорите они... но кто «они»?

— Вы развѣ не знаете, — удивилась и сдѣлала большіе глаза Руднева. — Не знаете, что режисеръ ухаживаетъ за Стежкиной; кромѣ того, Звонковъ теноръ тоже за нее... О, эта партія интригановъ! Вы берегитесь ихъ...

— Богъ съ ними! — задумчиво отвѣчалъ хозяинъ.

Писатель все время значительно смотрѣлъ на Обдорскаго, какъ бы безмолвно говоря: «вотъ оно, начинается»...

— Ну, нѣтъ! — живо продолжала артистка. — Видно, что вы новичокъ!.. Не Богъ съ ними, а надо бороться, они всю труппу заинтригуютъ... тогда житья не будетъ! О, нѣтъ! я не изъ такихъ, чтобы дать себѣ наступать на ноги! нѣтъ!..

— Стоить ли пачкаться въ этихъ дразгахъ? Лучше переговорить съ ними на чѣстоту, выяснить...

— Что вы? что вы? развѣ можно?! Они надъ вами смѣяться станутъ. Вотъ лучше переговорите съ Иваномъ Платоновичемъ, который такъ хорошо къ вамъ относится...

— Вѣроятно, какъ ко всѣмъ артистамъ...

— Нѣтъ, вы его любимчикъ!..

Обдорскій окончательно сконфузился и могъ только сказать: «Оставимъ это, Марья Александровна». Артистка пытливо посмотрѣла на Обдорскаго и промолчала. Съ ней произошла вдругъ перемѣна. Она задумалась, глаза подернулись грустной влагой, и говорить она стала такъ тихо, нерѣшительно.

— Извините меня, господа, что я отняла время нашими театральными дѣлами, которые для васъ, вѣрно, не интересны!.. Но что дѣлать? Мы, женщины, часто терпимъ отъ интригановъ... Вотъ, если бы всѣ артисты были такіе, какъ Евгеній Николаевичъ!..

— Я думаю, Марья Александровна, бороться съ этимъ зломъ, которое самымъ вреднымъ образомъ отражается на искусствѣ... не правда ли?

— О, еще бы!—оживилась Руднева, и въ ея глазахъ снова заблесталъ огонекъ.—Вы, мужчины, конечно, можете, а мы?!

— Женщины, мужчины—товарищи одного дѣла, стремящіеся къ одной цѣли и потому должны поддерживать другъ друга! Не ясно ли это, какъ день?—почти рѣзко произнесъ Обдорскій.

— Мнѣ кажется, что стоитъ возбудить такой вопросъ, и дѣло кончено!—вскричалъ горячо Мосоловъ.

— Ну, нѣтъ!—горько улыбнувшись, отвѣчалъ писатель:—не кончено и только наступить начало, изъ котораго неизвѣстно что выйдетъ!.. Не знаю, какъ въ составѣ вашей оперы, но вообще по развитію, образованію и положенію артисты разнообразны, ихъ вкусы тоже!.. Эти люди смотрятъ разна на вещи. Вообще, извините меня,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Обдорскому и Рудневой,—всѣмъ вамъ нуженъ успѣхъ, потому что всѣ самолюбивы, а для успѣха нужна публика!.. стало быть, сборы. Вотъ въ какомъ положеніи находится искусство... Въ коммерческомъ, господа! а это дѣло schwach!.. Не знаю, какъ у васъ, а въ провинціи будутъ давать самую слабую бездарную оперу или пьесу, если таковыя нравятся публикѣ, и не поставятъ серьезной музыки, не покажутъ истиннаго творчества изъ боязни, что сборовъ не будетъ!..

— Это къ намъ не относится,—замѣтила Руднева:—у насъ не то!.. что нравится антрепренеру, то онъ и ставитъ... О публикѣ нѣтъ и рѣчи... у насъ чортъ знаетъ на что бросаютъ тысячи, для одного, двухъ спектаклей!..

— Вотъ видите!—продолжалъ Иванъ Петровичъ:—стало быть, у васъ можно бы сдѣлать что-нибудь, а попробуйте?

— И попробуемъ,—горячо сказалъ Обдорскій,—и всякія сплетни и интриги выгонимъ со сцены!

— Сомнѣваюсь!—покачалъ головою писатель.

— Однако намъ пора!—обратилась къ хозяину артистка. Бе, видимо, стала утомлять затнувшаяся бесѣда, смыслъ которой не совсѣмъ былъ для нея ясенъ.

Стали собираться и изъ номера вышли всѣ вмѣстѣ.

III.

Въ прошломъ году Евгеній Николаевичъ Обдорскій кончилъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету. Уроженецъ Волги, единственный сынъ мелкаго хлѣботорговца, онъ былъ любимцемъ своихъ родителей, особенно матери, женщины доброй и съ мечтательнымъ настроеніемъ, которое въ свободное время вы-

ражалось въ пѣніи. Голосъ у нея былъ тихій, нѣжный, характеръ напѣвовъ грустный. Бывало вечеромъ, до ужина, усядется она къ окошку, да и начнетъ мурлыкать про себя, а черезъ нѣкоторое время увлечется, и грустная пѣсня звучить и дрожить по комнатамъ, вырывается на волю и замираетъ въ сумракъ вечера. Тихое, но властное пѣніе матери производило большое впечатлѣніе на сына и отца, которые умолкнуть бывало оба, да и сидятъ, очарованные нѣжными звуками. Работница придетъ изъ кухни, станетъ у двери, подперевъ голову рукой, и тихія слезы катятся по ея грубому лицу. Възмъ что-то вспоминается, мелькаетъ!.. А что? неизвѣстно! Замереть сердце и бьется такъ же тихо, какъ колеблются звуки.

Остыль ужинъ, похолодѣли жирныя щи и погасла печка. Ночь наступила, а люди не то во снѣ, не то въ дремѣ слушаютъ да слушаютъ странную пѣвицу, а Женья такъ и заснетъ подъ пѣсню.

Небольшое мѣстечко, красавица Волга, бугры и перелѣски— все радовало сердце Евгенія и было ему хорошо дома, покойно и свободно. Незамѣтно складывалось и мировоззрѣніе: любовь къ природѣ, къ людямъ и къ волжской пѣснѣ, то разгульной, смѣлой до дерзости, то печальной, какъ лютое горе. Мотивы пѣсенъ матери еще съ ранняго дѣтства глубоко запали въ его сердце и въ чужомъ городѣ, въ гимназій, во время урока вдругъ налетитъ на него воспоминанія и ждетъ онъ невѣдомо чего, прислушивается и забудется мальчикъ.

— Что ты, Обдорскій? боленъ, что ли?—спросить учитель, хорошій такой, Семеновъ.—Пошелъ бы домой... я скажу инспектору!

Но молчать ученикъ, а слезы дрожатъ на рѣсницахъ, и самъ дрожить, какъ въ лихорадкѣ. На весь классъ нападаетъ тревога, а учитель продолжаетъ безпокоиться.

Въ университетскіе годы молодой человѣкъ окрѣпъ, легкіе нервныя припадки прекратились, работать приходилось много: и учиться и добывать средства къ жизни, ибо въ то время умеръ отецъ, и сынъ отказался отъ присылаемыхъ матерью денегъ, зная, что у нея средствъ нѣтъ и существуетъ она кое-какъ. Столичная шумная студенческая жизнь шла стороной отъ него и того маленькаго кружка студентовъ, съ которыми онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, такими же, какъ и онъ, бѣднягами-тружениками. Единственной страстью его былъ театръ, въ особенности опера. Пораженный блестящей обстановкой громаднаго театра, чуднымъ оркестромъ и прекрасными пѣвцами, юноша почти бредилъ оперой и жилъ, что называется, отъ спектакля до спектакля. Когда онъ шелъ въ театръ, смотрѣлъ и слушалъ какую-нибудь оперу, то это былъ его праздникъ. Увлекался Обдорскій до того, что не замѣчалъ почти времени спектакля, и когда опускался за-

навѣсь послѣдняго акта, говорилъ товарищу: «Неужели кончилось?»

— А что жъ? тебѣ до утра сидѣть?—отвѣчалъ студентъ.—Пора, братецъ и спать!

Но долго не засыпалъ Евгенийъ послѣ театра. Въ его воображеніи носились картины, пьесы, звучали аріи, дуэты оперы, ему грезились смѣлые рыцари и блестящія дамы...

Обдорскому очень хотѣлось познакомиться съ артистами, которые представлялись ему людьми важными, особенными. Впрочемъ, случай скоро представился. Родители праздновали именины сына, ученика Обдорскаго, и пригласили учителя и вообще гостей, въ числѣ которыхъ былъ пѣвецъ оперы, теноръ. Это былъ веселый и легкомысленный господинъ, самомнящій и рисующійся. Послѣ ужина открыли рояль, молодая еще хозяйка сыграла двѣ пьесы Шопена, послѣ чего стали просить артиста хоть что-нибудь спѣть. Нѣкоторое время теноръ поломался, но все-таки спѣлъ, съ трескомъ, съ эффектомъ. Обдорскій не спускалъ съ него глазъ; въ свою очередь, и артистъ былъ доволенъ искреннимъ вниманіемъ студента. Они разговорились. Въ это время составилъ небольшой хоръ, который довольно сносно началъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

— А вы поете?—спросилъ артистъ Евгенія.

— Самъ съ Волги, да не пѣть!—замѣтилъ хозяинъ:—навѣрно поеть!

— Пойдемъ, поддержимъ,—игриво и снисходительно сказалъ теноръ, взявъ студента подъ руку. Они подошли къ роялю, и ихъ голоса смѣшались съ любительскими. Пѣніе стало стройнѣй. Артистъ взглянулъ быстро на Обдорскаго и далъ сильную, блестящую ноту, послѣ которой прозвучалъ мягкій, сочный голосъ баритона.

Раздались аплодисменты. Игроки встали изъ-за стола съ картами въ рукахъ, ожидая дальнѣйшихъ эффектовъ. Спѣли еще какую-то хоровую, и между артистомъ и студентомъ завязался живой разговоръ.

— Не учитесь?—спросилъ серьезно артистъ.

— Т. е. какъ это? учусь въ университетѣ...

— Знаю,—перебилъ теноръ.—Я хочу спросить: не учитесь пѣнію?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нѣсколько удивленный студентъ.

— Помилуйте! у васъ великолѣпный голосъ, обширный діапазонъ... Вы и не знаете, какими богатствами владеете... Ноты знаете?

— Да, знаю,—отвѣчалъ Обдорскій:—не особенно, впрочемъ...

— Это пустяки... Ахъ, молодой человекъ!—покачалъ головой артистъ и, взявъ его за руку, продолжалъ:—заходите ко мнѣ, я всегда дома отъ 4 до 6 часовъ; поговоримъ!

Въ это время къ артисту подошли просить его спѣть еще что-нибудь.

— Господа!—отвѣчалъ онъ:—среди насъ оказался такой голосъ, такая дорогая находка, что давайте просить вмѣстѣ г. Обдорскаго спѣть намъ какую-нибудь волжскую пѣсенку. Я же не отказываюсь и спою послѣ... Г. Обдорскій, пожалуйста!..

Всѣ, и гости и хозяйва, приступили къ молодому человѣку, теперь совершенно сконфуженному.

— Не могу, простите!—говорилъ студентъ:—какой же я пѣвецъ! что вы?

— Не ожидала отъ васъ, Евгеній Николаевичъ, этого,—убѣжденно заговорила хозяйка...—У насъ не концертное отдѣленіе и мы веселимся по домашнему, кто во что гораздъ. Совсѣмъ не ожидала!

Въ голосѣ хозяйки звучала обида.

Обдорскій стоялъ передъ ней, склонивъ голову. Потомъ, махнувъ рукою и встряхнувъ волосами, онъ подошелъ къ роялю и взялъ два аккорда. Всѣ притихли, приготовившись слушать: рекомендація артиста дѣло не шуточное! Карточные игроки входили въ азартъ, и ихъ «пассъ» и «двѣ пики» раздавались теперь довольно громко. Обдорскій съ минуту просидѣлъ неподвижно, затѣмъ, тихо ударивъ по клавишамъ, началъ низкой, но необыкновенно мягкой нотой:

«Въ мятель снѣговую погибала птичка»...

Обдорскій вспомнилъ пѣсенку матери, въ которой изображалась борьба грубой силы съ нѣжной, деликатной, которой и могучая Волга, скованная льдомъ, не могла помочь, хоть внутри «бурлила и рвалась».

Оригинальная, поэтическая пѣсенка, совершенно новая, никто ея не слышалъ!

Всѣ молчали, игроки стояли у дверей, прислуга, уносившая ненужную посуду, тоже остановилась съ тарелками, полуобернувшись.

Студентъ запѣлъ другую пѣсню: про волю вольную, про горе молодецкое. Станный мотивъ! то онъ рвется изъ груди, то смолкаетъ, такъ тихо, такъ жалобно, что у слушателей замираетъ отъ боли сердце. Въ этой пѣснѣ сказался сильный, приятный и замѣчательно выразительный голосъ Обдорскаго. Молчали, потому что были изумлены, совершенно не подготовлены къ такому сильному впечатлѣнію. Первые загудѣли игроки, и, вскочивъ съ мѣста, хлопалъ передъ самымъ лицомъ студента взволнованный артистъ. Хозяйка долго жала руку молодому человѣку, и лицо у нея было такое виноватое.

— Вы непременно научите меня этимъ пѣсенкамъ,—тормошилъ Евгенія артистъ.—Купить ихъ можно? какъ называются?

— Нѣтъ, эти пѣсни народныя, въ продажѣ ихъ нѣтъ!—отвѣчалъ студентъ, ставшій теперь предметомъ общаго вниманія.

Съ того самаго вечера знакомство Обдорскаго съ артистами завязалось. Каждый изъ нихъ старался быть любезнымъ со студентомъ, предлагалъ контрамарки въ театръ, бесѣдовалъ, что-нибудь объяснялъ по музыкальной части.

Зима скоро прошла, прошла и масленица, сезонъ кончился, и знакомые артисты разъѣхались.

Прошли въ университетѣ экзамены, Обдорскій перешелъ на послѣдній курсъ и былъ на лѣто приглашенъ для подготовки въ третій классъ гимназiи того ученика, на именинахъ котораго онъ обнаружилъ свои артистическiя дарованiя. Мать ученика м-ше Федорова была заинтересована голосомъ студента и его музыкальностью и задумала въ лѣто заняться его музыкальнымъ образованiемъ. М-ше Федорова была хорошая женщина и совершенно искренно относилась къ молодому человѣку, къ тому же она была страстная любительница оперы и вообще вокальнаго искусства.

Рѣшено было, что Обдорскій отправится на мѣсяцъ на Волгу къ матери и затѣмъ прiдетъ къ нимъ на хуторъ въ Полтавскую губернiю.

— Не забудьте запасться мотивами и пѣснями на Волгѣ... Мы положимъ ихъ на ноты,—говорила Федорова при прощанiи съ юношей.

Лѣто, проведенное на хуторѣ Федоровыхъ, принесло для Евгенiя большую пользу: онъ сталъ бѣгло играть на пианино и быстро разбирать ноты.

Въ тотъ годъ, когда Обдорскій кончалъ курсъ въ университетѣ, въ Москвѣ открылась русская частная опера, антрепренеромъ которой, какъ намъ извѣстно, былъ И. П. Строевъ. Съ нимъ встрѣчалась въ обществѣ м-ше Федорова.

Какъ-то въ праздникъ приглашенный Обдорскій пришелъ къ ней обѣдать.

— Знаете,—сказала ему хозяйка:—съ вами хочетъ познакомиться Иванъ Платоновичъ... Онъ будетъ у меня во вторникъ... Пожалуйста, приходите непременно!—Затѣмъ, замѣтивъ его смущенное, какъ-бы недоумѣвающее выраженiе лица, прибавила:—Вы, можетъ быть, не знаете, кто такой Иванъ Платоновичъ? Это Строевъ, антрепренеръ!

— Я знаю,—отвѣчалъ студентъ и задумался.

— Вы какъ будто недовольны мной, что я стараюсь?!—замѣтила хозяйка.

Послѣ обѣда Обдорскій, закуривъ папиросу, сказалъ: «Неужели, Варвара Васильевна, вы думаете, что во мнѣ нѣтъ той благодарности, которая навсегда останется... Вашего теплаго отношенiя ко мнѣ я никогда не забуду, но...» Обдорскій замолчалъ.

— Но?!. что такое это «но»?

— Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ передо мною откроется дѣятельность юриста и, признаться, я боюсь карьеры артиста... я не увѣренъ!

— Дѣятельность юриста, — горячо вскричала Варвара Васильевна, — отъ васъ не уйдетъ, но у васъ такой голосъ, такой голосъ... прямо замѣчательный! и вамъ надо выступить...

— Это ваше мнѣніе, Варвара Васильевна...

— Что же? я ничего не понимаю?.. Слава Богу, всю свою жизнь вожусь съ музыкой...

— Нѣтъ, этого я не говорю, но по добротѣ своей увлекаетесь немного.

Федорова встала, прошлась по комнатѣ и, остановившись передъ нимъ, произнесла:

— «Ну, хорошо! оставимъ это до вторника, пусть Строевъ рѣшитъ... онъ не ошибется! Какую карьеру сдѣлалъ Глотовъ... Эта громкая знаменитость, а благодаря кому? Ивану Платоновичу!

На этомъ разговоръ кончился.

Во вторникъ Строевъ, слушая Обдорскаго, развелъ руками, посмотрѣлъ на хозяйку, на студента и сказалъ: «И онъ не желаетъ быть артистомъ?.. да вѣдь это преступленіе и грѣхъ большой!»

Сердце у Евгенія Николаевича сильно билось.

— Давайте еще разъ пропоемъ ту первую вашу пѣсенку!..

Обдорскій, взволнованный и счастливый, спѣлъ смѣло и съ необыкновеннымъ чувствомъ. Строевъ не далъ ему кончить, всталъ и обнялъ по-товарищески.

Варвара Васильевна сіяла отъ восторга.

— Ну, что теперь скажете, г. юристъ?..

Обдорскій молча улыбался. Карьера артиста была рѣшена.

IV.

Обдорскій съ Рудневой поѣхали въ театръ. Дорогой артистка опять попросила Евгенія Николаевича, чтобы онъ постоялъ за нее и не далъ въ обиду, а главное, чтобы у нея не отняли партіи Зибеля.

— Мнѣ такъ хочется съ вами учавствовать въ «Фаустѣ», — проговорила Руднева, отдавая его ласковымъ взоромъ своихъ красивыхъ глазъ.

Марья Александровна Руднева уже пятый годъ «служила» въ оперѣ и достаточно свыклась съ той мишурой и съ той сферой дьявольскаго самолюбія, которыя составляли существенную часть артистовъ. Сама по себѣ Руднева была женщиной недурной, доброй и искренней, но не «проницательной», какъ другія артистки-карьеристки. Голосъ былъ у нея прекрасный, такъ называемое

«бархатное контральто», но особеннымъ успѣхомъ она не пользовалась, потому что не умѣла его «дѣлать».

При организаціи на будущій сезонъ оперныхъ труппъ въ провинціи ее не спѣшили приглашать, у нея не было особенныхъ заручекъ и ея безпокойство, чтобы не остаться безъ ангажемента, продолжалось обыкновенно до начала осени. Но если какая-нибудь контральто проваливалась, то антрепренеры сейчасъ же хватались за Рудневу, которая считалась «полезностью», но не звѣздой. Но едва ли послѣднее было справедливо. Дѣло въ томъ, что Марья Александровна, будучи вообще легкомысленной и довѣрчивой, была крайне сдержанной по отношенію артистовъ и всякихъ ухаживателей. Она не покупала своего успѣха ни кокетствомъ, ни ужинами съ «богатыми покровителями искусства». Странное дѣло, несмотря на свою природную откровенность, она всегда стояла на сторонѣ, почти въ одиночествѣ, не принадлежала ни къ какой «партіи».

Прошлое Рудневой было таково: рано выданная опекуномъ замужъ за какого-то служащаго въ кредитномъ обществѣ, она чуть ли не черезъ недѣлю своего брака очутилась въ полномъ одиночествѣ, если не считать общества больной психически племянницы мужа. Одиночество не только было физическое, но и нравственное. Съ утра мужъ уходилъ на службу, приходилъ домой обѣдать, послѣ чего спалъ и, проснувшись, уѣзжалъ въ клубъ, откуда возвращался поздно, когда Руднева спала. Очень скоро жена и мужъ стали чужими, и послѣдній пересталъ даже обѣдать дома. Онъ былъ дѣловой человѣкъ, а въ то время процвѣтала страшная спекуляція на дома, которые закладывали, продавали и покупали, не минуя дѣльцовъ кредитнаго общества, которыхъ называли «шахеръ-махерами».

Марья Александровна, получившая нѣкоторое музыкальное образованіе, стала заниматься музыкой и пѣніемъ, ѣздила часто въ оперу и этимъ наполняла свою духовную жизнь. Голосъ и ея пѣніе одобряли товарищи Руднева, которые однажды затащили одного стараго итальянца, учителя пѣнія, на вечеръ къ Рудневу, который за ужиномъ получилъ предложеніе отъ хозяина быть преподавателемъ пѣнія женѣ. Итальянецъ увлекся голосомъ своей ученицы, разучилъ съ ней нѣсколько оперныхъ партій и нашелъ недурной ангажементъ.

Марья же Александровна разошлась фактически съ мужемъ, который почти не имѣлъ ничего противъ этого.

Вотъ краткая біографія артистки, съ которою Обдорскій приѣхалъ въ театръ, когда репетиція уже началась и на сценѣ и въ фойѣ, а нѣкоторая часть артистовъ и артистокъ, составивъ кучку, бесѣдовали между собою въ коридорѣ, по которому проходили Обдорскій и Руднева. Странно!—при ихъ приближеніи товарищи замолчали, а

нѣкоторые, съ лукавымъ любопытствомъ поздоровавшись, смотрѣли на артистку и баритона.

— Хорошо вчера поужинали у Ивана Платоновича?—спросилъ теноръ Пулярдинъ.

Обдорскій сразу не нашель, что отвѣтить на глупый вопросъ.

— Какъ всегда,—сказалъ онъ:—и весело и интересно!

Теноръ хотѣлъ, повидимому, еще что-то спросить, но его позвали на сцену.

Обдорскій положительно чувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Несомнѣнно, отношенія товарищей къ нему перемѣнились, за исключеніемъ нѣкоторыхъ и, нужно сказать, самыхъ несимпатичныхъ. Эти были любезны и даже приторны. «Что за причина такая?» думалъ Евгений.—«И это со вчерашняго дня! Неужели мой успѣхъ?.. Не можетъ быть... это ужъ совсѣмъ!..» и новый артистъ не могъ подобрать подходящаго слова.

Артисты продолжали между собою бесѣдовать о вчерашнемъ спектаклѣ, объ оперѣ «Хованщина», которая, по ихъ мнѣнію, невыигрышная и въ провинціи успѣха, конечно, не будетъ имѣть никакого, да ни одинъ изъ антрепренеровъ ее и не поставитъ.

— Какъ можно!—сказалъ другой теноръ, Григорьевъ:—да въ ней нѣтъ ни одной роли, нѣтъ возможности артисту показать себя...

— Ну, этого не скажите, Василій Ивановичъ,—вскричала примадонна Ставская и, улыбувшись, глянула на Обдорскаго.

— Это не въ счетъ, Анна Павловна,—отвѣчалъ ей Григорьевъ и продолжалъ:—русская музыка, русская музыка! что въ ней такого... оркестровка, хоры, а персонажу разойтись нельзя!.. То ли дѣло «Трубадуръ», «Травиата»!

Обдорскій не возражалъ и пошелъ на сцену, сопровождаемый «пронзительными» взглядами оставшихся въ коридорѣ артистовъ.

Въ это время сцена представляла собой домашнюю обстановку. Артистки въ шляпахъ и перчаткахъ подходили къ оркестру и, переговариваясь съ дирижеромъ, проходили свои партіи, рабочіе передвигали декорации, разные люди бѣгали, хлопотали. Пѣвцы, такъ называемые персонажи, тоже въ шляпахъ на головѣ и модныхъ пиджакахъ, выступали къ рамѣ, репетируя партіи, участвуя въ дуэтахъ, тріо и проч. Ихъ манеры во время репетицій были до крайности важны, нескромны, въ каждомъ ихъ жестѣ и движеніи такъ и сказывалось: «не шутите, я, вѣдь, талантъ, знаю все это и если репетирую, то шутя... для другихъ!»

Дирижеръ съ одними обращался серьезно, дѣловито, съ другими шутилъ, былъ снисходителенъ. Иногда на репетиціи происходили сцены драматическаго характера, сцены, въ которыхъ обнаруживались въ сильной степени характеры артистовъ и отношенія ихъ между собой.

Въ это время холодная, темная, огромная зрительная зала молчала. Отъ высокаго потолка до стульевъ партера царило безмолвіе, темныя ложи казались зловѣщими камерами.

Какая разница! Зрительная зала полная народа и вся освѣщенная и та же зала въ будничномъ дневномъ положеніи и сцена и декорации, малеванныя и сколоченныя на скорую руку. Если театръ во время спектаклей храмъ искусства, живой, блестящій, то во время репетицій это храмъ пустой, холодный и покинутый!

Официально, бездушно проходила на сценѣ репетиція артистовъ. Въ фойѣ работаль хоръ. Тамъ было оживленіе, раздавались шутки, хористки и хористы дружно проходили свои мѣста.

Прорепетировавъ свою партію Валентина¹⁾, Обдорскій хотѣлъ было уходить, какъ къ нему подошла Руднева, взволнованная и нѣсколько таинственная.

— Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ пить чай, а послѣ пойдемъ въ театръ, вѣдь сегодня и я и вы не заняты!..

— Не обѣщаю, право...—отвѣчалъ артистъ.

— Ну, пожалуйста, я буду ждать!..

— Постараюсь!..

Руднева пошла, но вернулась.

— Нѣтъ, не могу дождаться вечера... — заговорила она шопотомъ.—Вы ушли, а «они» что говорили?!... Гадкіе, гадкіе люди!

— Что же такое?

— Будто вчера успѣхъ вамъ создали студенты и пресса и все это, они говорятъ, грубо устроено, подкуплено... Ну, въ родѣ этого...

Обдорскій даже поблѣднѣлъ.

— Кто же говоритъ?

— Да веѣ... не стоитъ обращать вниманія—это отъ зависти!

Изъ-за кулисъ показалась высокая и серьезная фигура Глотова, сухо и официально раскланивающагося съ артистами. Онъ подошелъ въ упоръ къ дирижеру и, не обращая вниманія, что послѣдній репетироваль съ примадонной, спросилъ: «Почему я не участвую завтра въ «Фаустѣ»?»

— Не знаю, — отвѣчалъ маэстро. — Это распоряженіе Ивана Платоновича.

— Кто же поетъ мою партію?

— Любовь репетироваль...

— Ага!--произнесъ Глововъ, отходя отъ ramпы. Сухо поздоровавшись съ Обдорскимъ, онъ произнесъ: «Поздравляю! Читалъ, читалъ въ газетахъ!»

¹⁾ Въ оп. «Фаустъ».

Евгенія отъ такого привѣтствія передернуло, а на душѣ стало тоскливо, одиноко. «На что мнѣ его іезуитскія поздравленія? зачѣмъ?».

А Глотовъ оживленно и предупредительно бесѣдовалъ съ двумя молодыми, юркими брюнетами. Это были рецензенты, очень вхожіе въ «Русскую оперу». Прощаясь съ ними, онъ указалъ рукой на Обдорскаго и пошелъ такой важный, неприступный.

Молодые журналисты быстро подошли къ Евгенію и заговорили наперебой.

— Какъ это до сихъ поръ мы съ вами не познакомились? Мы и не ожидали того сюрприза, которымъ вы насъ вчера одолжили... Превосходно! Успѣхъ полный... Мы отмѣтили въ газетахъ. Читали, вѣроятно?

— Читалъ,— сконфузился Евгеній.

— Позвольте спросить, — началъ одинъ изъ журналистовъ: — вы кончили въ здѣшнемъ университетѣ и, я слышалъ, по юридическому?

— Да, по этому факультету,— отвѣчалъ Евгеній.

— Тогда мы съ вами коллеги, — пожималъ ему руку журналистъ, продолжая задавать вопросы: когда началъ Обдорскій учиться вокальному искусству? у какого профессора? сколько времени бралъ уроки? ѣздилъ ли въ Италію?

Обдорскому было трудно отвѣчать на такіе категорическіе вопросы и читатель знаетъ почему? Его карьера артиста произошла отъ цѣлаго ряда случайностей, и спеціальнаго, систематическаго образованія онъ не получилъ. Въ сущности ему только помогали, а любовь къ искусству и талантъ сдѣлали артиста. Какъ было все это объяснить незнакомымъ людямъ, и потому Обдорскій отвѣчалъ неясно, неопредѣленно, что представители прессы отнесли къ его нежеланію вообще сообщать о себѣ свѣдѣнія.

Бесѣда все-таки продолжалась, когда они ушли отъ кулисъ и остановились въ коридорѣ!

— Какъ вы себя чувствуете въ положеніи артиста? — задалъ вопросъ журналистъ.

— Ничего себѣ,— отвѣчалъ Евгеній и думалъ: «Зачѣмъ они заставляютъ меня лгать и что имъ нужно?»

Въ это время другой рецензентъ, вынувъ часы, заявилъ: «Не пора ли позавтракать? Вы гдѣ завтракаете?» — обратился онъ къ артисту.

— У меня, знаете, дѣло есть, надо переговорить съ режисеромъ и портнымъ,— отвѣчалъ Обдорскій: — а то бы я съ вами съ удовольствіемъ!

— Ну, тогда до другого раза! — благосклонно отвѣчалъ журналистъ. — Будемъ знакомы теперь. Вотъ моя карточка, — позвольте, напишу адресъ.

Другой тоже далъ Обдорскому свою карточку.

— Извините, господа, что я не приглашаю теперь васъ, ибо мѣняю квартиру... Очень далеко живу отъ театра!..

Собесѣдники сейчасъ же посовѣтовали, въ какой гостиницѣ устроиться... И странное дѣло — именно въ той, гдѣ жила Руднева и гдѣ уже думалъ поселиться Обдорскій, какъ только получить свое первое артистическое жалованье.

Рецензенты, уходя изъ театра, покачивали головами, говоря: «Станный, мѣшковатый какой-то человѣкъ! ничего въ немъ артистическаго, ни розмаха, ни остроумія!»

— Положимъ, еще студентъ... обвыкнется, отшлифуется!..

Евгеній Николаевичъ походилъ нѣкоторое время изъ одного мѣста въ другое, зашелъ въ контору, гдѣ происходилъ какой-то споръ изъ-за купленного не у той фирмы бархата, зашелъ опять на сцену и, почувствовавъ тоску и одиночество, одѣлся и, встрѣтивъ Рудневу, пошелъ вмѣстѣ изъ театра.

— Вы домой, Марья Александровна? — спросилъ онъ артистку.

— Домой, а что? Мнѣ ѣсть что-то хочется!..

— Знаете, что, — вскричалъ Обдорскій: — угостите меня сегодня обѣдомъ!

Артистка радостно взглянула на него.

— Милый мой, пойдете! пойдете! рада очень!

И Руднева, взявъ Евгенія подъ руку, заставила его идти бы-стрѣе.

V.

Ити было недалеко. Одна большая площадь раздѣляла зданіе театра отъ гостиницы, гдѣ жила Руднева. Гостиница эта была удобная, комнаты не шаблонныя, раздѣленныя между собою солидными стѣнами, что представляло важное значеніе для артистовъ, упражняющихъ каждый день свои голоса и проходящихъ или повторяющихъ дома свой репертуаръ. Цѣны въ гостиницѣ были среднія, коридоры широкіе, прислуга обходительная, что вмѣстѣ взятое давало покой и уютъ.

Артистка, войдя въ свои комнаты (ихъ было двѣ), сейчасъ позвонила и приказала вошедшему человѣку принести обѣденную карточку.

— Дадите къ обѣду краснаго вина, — сказала Марья Александровна.

— Какого прикажете? крымскаго или заграничнаго?

— Какое вы предпочитаете, Евгеній Николаевичъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь, я васъ хочу хорошо угостить... Ну, дадите бутылку французскаго, хорошаго. Закуску тоже, икры, балыка!..

— Водки прикажете?..

— Давайте и водки!— весело вскричала Руднева и, быстро проигравъ что-то бурное, страстное и хлопнувъ крышкой піанино, подошла къ Обдорскому.

— Что вы такой скучный, Евгений Николаевичъ, не понимаю! Вчера имѣли успѣхъ такой!.. Не повѣрите, какъ я была рада, когда вы биссировали, мнѣ и самой хотѣлось прыгать, хлопать и кричать!

Обдорскій улыбнулся, мрачное настроеніе его оставляло. «Чего въ самомъ дѣлѣ», думалъ онъ, «я раскисъ!»

— Неужели васъ разстроила я, рассказавъ про «ихъ» глупое вранье!? Стоитъ обращать вниманіе на такихъ людей. Говорю вамъ, зависть и больше ничего! Вѣдь и я завидую вашему успѣху, если по правдѣ сказать!—прибавила и засмѣялась Марья Александровна.

— Ну, полноте!—и Обдорскій рассказалъ Рудневой, какъ приходили къ нему рецензенты, о чемъ бесѣдовали. Но какъ только упомянулъ, что отказался завтракать съ ними, Марья Александровна, всплеснувъ руками, даже привскочила съ мѣста.

— Да неужели вы отказались?.. Что вы сдѣлали, Евгений Николаевичъ?.. Какъ это можно!..

— По правдѣ сказать, у меня не было денегъ...— тихо отвѣчалъ Обдорскій.

— Скажите пожалуйста, не было денегъ... Да взяли бы у меня, вѣдь знали, что я въ театрѣ... Какой вы, однако, непрактичный. Они вамъ это припомнятъ, непременно припомнятъ!

— Чѣмъ же? и за что, наконецъ?

— А тѣмъ, что будутъ молчать,—гѣмъ же горячимъ тономъ продолжала Марья Александровна:—вотъ выступите въ партіи Валентина, будете въ публикѣ имѣть успѣхъ, а въ газетахъ ничего, ни одной строчки!

— Жалѣть не буду... Что мнѣ мнѣнія такихъ рецензентовъ!

— Для васъ лично—да, но для вашего успѣха вовсе нѣтъ! Я знаю, Евгений Николаевичъ, и могу указать примѣры, когда бездарности дѣлали карьеру при помощи прессы... Публика хотя ругаетъ газеты, но вѣритъ имъ. Безъ газетъ, безъ друзей въ прессѣ, развѣ получилъ бы такую бѣшеную извѣстность Готовъ?!

— А знаете,—перебилъ ее Обдорскій:—онъ мнѣ не нравится!..

— Потому и не нравится, что хитрый, неискренній, и это чувствуется.

Внесли закуску и обѣдъ.

— Вино прикажете подать теплымъ?—спросилъ Василій.

Артисты посмотрѣли другъ на друга и разсмѣялись.

— Какъ знаете, Василій,—отвѣчала Руднева.

— Господа которые... красное въ теплотѣ предпочитаютъ!—съ нѣкоторою важностью доложилъ слуга, уходя за супомъ.

Обѣдъ прошелъ довольно весело и оживленно. Бесѣдовали, переходя съ предмета на предметъ. Ъли хорошо приготовленные кот-

леты и хвалили, пили теплое вино и отдавали должное проницательности Василя.

Обдорскій чувствовалъ себя теперь хорошо, угнетенное настроеніе прошло, напротивъ Марья Александровна начала задумываться и по временамъ тихо вздыхала.

— На васъ вино, повидимому, оказываетъ дурное дѣйствіе,— замѣтилъ Евгенийъ.

— Нѣтъ, это не вино.— отвѣчала хозяйка:— а такъ вспомнила свое прежнее...

— Расскажите!..

— Что рассказывать?! — покачала головой артистка.— Богъ съ нимъ... Ни свѣта, ни радости не было!

Руднева встала, прошла по комнатѣ со скрещенными на груди руками, потомъ сѣла за пианино и вдругъ начала: «Я видѣлъ безрезку, сломилась она»...

Евгенийъ слушалъ. Василий осторожно и медленно убиралъ со стола посуду и остатки обѣда. На Евгения симпатичный романсъ производилъ впечатлѣніе, и онъ думалъ: «И она... тоже бабочка съ разбитымъ крыломъ»!.. Онъ слушалъ и смотрѣлъ на ея красивую голову, роскошныя плечи и на густые волнистыя волосы. Почти полгода они знакомы, встрѣчаясь у Строева и въ театрѣ, но Евгенийъ не замѣчалъ до сихъ поръ ея красоты, не чувствовалъ той мягкости, искренности, которыми сегодня вѣяло отъ Рудневой.

И этотъ романсъ... какъ сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто она передаетъ его!

Марья Александровна, кончивъ пѣть, нѣкоторое время молчала.

— Спойте еще!—нарушилъ странную тишину Обдорскій.

-- Хотите меня слушать? Вамъ нравится, Евгенийъ Николаевичъ?.. И пѣвица обернулась къ нему и посмотрѣла глазами, полными не то грусти, не то нѣги. Сердце у Обдорскаго дрогнуло, по его тѣлу пробѣжала электрическая дрожь, онъ плотно усѣлся на диванѣ и словно замеръ. Онъ ничего ей не отвѣтилъ на вопросъ, не зная, что сказать.

Руднева снова посмотрѣла на него, шумно двинула стуломъ и, громко ударивъ по клавишамъ, запѣла по-итальянски какой-то жгучій, страстный романсъ. Ея сильный голосъ рвался изъ груди, но сейчасъ же сдерживался, переходя на низкіе, мягкіе звуки. Еще и еще! страстный до отчаянія призывъ рвался и разсыпался по комнатѣ красивой и оригинальной трелью.

Евгенийъ всталъ и невольно шагнулъ къ артисткѣ, которая быстро поднялась со стола. Теперь взглядъ ея горѣлъ, губы были полуоткрыты, и на нихъ блуждала какая-то неопредѣленная улыбка. Онъ взялъ ее за руку, которая слегка дрожала, и говорилъ: «Безподобно!.. такъ выразительно, что я будто понималъ по-итальянски!»

— Въ самомъ дѣлѣ? — вскричала Руднева, прибавивъ загадочно:—поняли?—и, пожавъ его руку, позвонила, чтобы приказать подать самоваръ.

— Давайте пить чай! у меня какая-то жажда... Я вся горю, мнѣ душно и пить, пить хочется.

Она подошла къ зеркалу. Ея смуглыя щеки были покрыты румянцемъ.

— Вамъ хорошо со мной? То есть, я хотѣла спросить,—поправилась Марья Александровна,—вы хорошо чувствуете себя? успокоились теперь?

— Что вы спрашиваете? — и Обдорскій сдѣлалъ движеніе. Артистка улыбулась, проговоривъ: «Я очень рада».

Василій принесъ чай, зажегъ лампу и хотѣлъ уходить, когда Обдорскій спросилъ его:

— А что, Василій, есть у васъ свободныя комнаты?

— Въ настоящее время нѣтъ, но 8-й номеръ, въ этомъ коридорѣ, скоро освободится... Хорошее помѣщеніе, въ родѣ этого! Цѣна 60 рублей въ мѣсяцъ... Можно сейчасъ посмотрѣть, жильца нѣтъ, а ключъ у меня.

— Вы хотите сюда переѣхать?—живо спрашивала Руднева.— Ахъ, какъ хорошо придумали! Я вамъ давно хотѣла посоветовать... Вѣдь вы очень далеко живете отъ театра, да и неудобно... Что жъ, пойдемте, посмотримъ!

Комнаты были хорошия, и Обдорскій, смѣясь, замѣтилъ, что еще никогда не жилъ въ такихъ «аппартаментахъ».

— Какъ можно! вы артистъ, а для артиста сухая и теплая квартира необходима... Надо беречь себя и свой голосъ... Я у васъ утромъ озябла порядочно!

— Знаете, мнѣ и рецензенты совѣтовали поселиться здѣсь!

— Вотъ видите, какіе они умные! — засмѣялась Руднева.— А знаете что? Вѣдь можно поправить дѣло... Переѣзжайте и давайте справимъ новоселье и пригласимъ ихъ! Въ самомъ дѣлѣ.

— Можно! Какая вы, Марья Александровна, предусмотрительная.

Время шло въ тихой бесѣдѣ, которая мало-по-малу свелась на грустное настроеніе. Обдорскому было, впрочемъ, хорошо и уходить ни въ театръ, ни тѣмъ болѣе домой не хотѣлось. Марья Александровна задумывалась и по временамъ вздрагивала.

— Что это со мной?—сказала она, накидывая на плечи шерстяной платокъ. — Какъ будто нездоровится. Знаете, я не пойду въ театръ. Ступайте одинъ.

— Да и мнѣ охоты нѣтъ. Позвольте посидѣть немного у васъ.

— Пожалуйста, очень рада, — отвѣчала хозяйка, показывая Обдорскому мѣсто около себя на диванѣ.

— Что вы такая грустная, Марья Александровна, и меня заразили вашимъ настроеніемъ.

Онъ невольно взялъ руку Рудневой, слегка ее пожалъ и замѣтилъ, что нѣсколько влажная рука слегка дрожала.

— Да вы прямо больны!—вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! со мной такъ бываетъ... Пройдетъ, не беспокойтесь. Задумаешься о прошломъ и вотъ...

Руднева достала платокъ и приложила къ своему лицу. Обдорскому стало невыразимо жаль эту красивую женщину и ему такъ хотѣлось ее утѣшить, приласкать...

Онъ молчалъ. Артистка, не отнимая своей руки, тихимъ голосомъ говорила: «Все одна, одна, Евгений Николаевичъ, съ самаго дѣтства, ну, и взгрустнется, вспомнится... Когда разсталась съ мужемъ и попала на службу въ Ростовъ, думала, что товарищество, сцена, работа встряхнуть меня, заставятъ забыть...».

— Долго вы жили съ мужемъ?—перебилъ ее Обдорскій.

— Долго ли жила?—усмѣхнулась артистка.—Право, не припомню, лѣтъ шесть или семь... Какое это было житье!.. Я почти его не видала... Все одна и одна!..

— Стало быть...—началъ Обдорскій.

— Стало быть,—перебила Руднева,—я прозябала, убивала дни, плакала ночи...

— Какъ же вы вышли замужъ?

— Выдали, да и все! Опекуну нужно было развязаться со мной, еще дѣвчонкой...

— И вы... не любили мужа? — тихо и тревожно спросилъ Обдорскій.

— Нѣтъ,—прошептала артистка:—я не знала любви, я всегда была одинока! Вѣрно, вся моя жизнь...

Руднева почти вырвала у Обдорскаго свою руку, наклонилась и вдругъ порывисто зарыдала. Ея плечи вздрагивали, небольшой шерстяной платокъ спустился и упалъ на колѣна Обдорскаго, который сидѣлъ, пораженный вырвавшимся, очевидно, неожиданно припадкомъ пережитыхъ страданій. О чемъ она рыдала? О молодости, прошедшей безъ ласки и радости? Или о той тяжелой долѣ, которая ей выпала теперь въ ея артистической дѣятельности? Обдорскій не зналъ, но его сердце прислушивалось, замирая, къ затихавшимъ рыданіямъ.

— Марья Александровна! дорогая моя, успокойтесь! Все пройдетъ... Вѣдь передъ вами цѣлая жизнь. Зачѣмъ это отчаяніе?

— Для кого мнѣ жить? ну, скажите..

Обдорскій этого сказать не могъ и молчалъ, не зная, что ему дѣлать, какъ быть.

Артистка закрыла лицо руками. Прошло нѣсколько минутъ. Часы пробили десять.

— Уходите, Евгений Николаевичъ, уходите!—вдругъ порывисто вскричала Руднева.

— Уйду, когда вы нѣсколько успокоитесь! — сказалъ Обдорскій.—Что вы меня гоните?

— О, Господи!—тяжко вздохнула Руднева.

Этимъ вздохомъ она рѣзнула его по сердцу. Евгений въ порывѣ набѣжавшей тоски и жалости схватилъ ее за руку выше локтя и привлекъ къ себѣ. Артистка отклонилась въ сторону, но мгновеніе спустя, быстро прижавшись къ груди его, снова зарыдала прерывисто и неудержимо, уцѣпившись за его плечи красивыми руками.

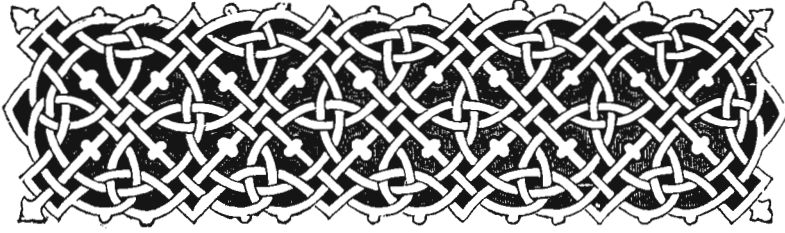
Обдорскій потерялъ голову. Близость упругаго женскаго тѣла, эти впившіяся въ него руки, вздымавшаяся грудь, полумракъ отъ лампы съ густымъ абажуромъ и новый взрывъ сердечной печали, словно передавшейся его сердцу,—все сдѣлало свое дѣло, увлекая молодого человѣка.

Евгений Николаевичъ гладилъ ея роскошные волосы, цѣловалъ, цѣловалъ безъ конца эту, теперь дорогую, но несчастную голову, и говорилъ и утѣшалъ, вспоминая и свою мать, и Волгу, и тишину, и бурю...

С. Васюковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ ¹⁾.

ОСЛѢ нѣсколькихъ лѣтъ подавляющаго одиночества въ высшей степени предрасположенный къ семейной жизни вдовецъ Михаилъ Романовичъ сдался наконецъ на дружественные совѣты пріятельницы покойной Надежды Григорьевны и сталъ присматриваться къ той дѣвушкѣ, на которую она указывала, какъ на рѣдкое существо по обилію достоинствъ.

Дѣйствительно, Ольга Михайловна была человѣкомъ недюжиннымъ. Съ ровнымъ характеромъ, значительной волей и сознательнымъ стремленіемъ къ добру въ ней соединялось ясный умъ, большія способности къ живописи и солидное образованіе.

Дочь предводителя дворянства, потомка старинной малороссійской фамиліи, Ольга Михайловна была столько же любима отцомъ, бывшимъ гвардейцемъ и хорошимъ музыкантомъ, сколько отгалкиваема своею матерью. Какъ бы предчувствуя, что ждетъ семью послѣ его смерти, извѣстный добросердечіемъ и благотворительностію отецъ Ольги Михайловны не разъ, лаская ее, внушалъ ей мысль о необходимости возлагать надежды только на Бога и свои силы и потому серьезно относиться къ предлагаемому ей образованію.

Указывая дочери на ея умъ и дарованія, отецъ говорилъ, что она некрасива и потому ея успѣхъ въ жизни можетъ зависѣть лишь отъ головы, а не лица. Насколько было нужно убѣждать въ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 446.

этомъ юную дѣвушку—осталось тайной старика; въ результатѣ же получилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Добрякъ и не воображалъ, что для любимой имъ дочери такая откровенность по щекотливому вопросу о ея наружности будетъ неизсякаемой каплей яда, отравлявшаго дальнѣйшее ея существованіе.

Внезапно предводитель дворянства скоропостижно умеръ, не успѣвъ составить духовнаго завѣщанія, и бразды правленія надъ семьей и всѣмъ имуществомъ самодержавно забрала въ свои мощныя руки крутая вдова. Крестьяне, благословлявшіе судьбу при старикѣ, прежде всѣхъ почувствовали на себѣ желѣзную руку суровой помѣщицы. Всѣ, кто пользовался различными щедротами покойнаго, наглядно увидѣли, что со смертью Михаила Семеновича закатилось для нихъ красное солнышко. Тяжелой плитой навалилась суровая вдова и на собственныхъ дѣтей. Несмотря на совершеннолѣтіе нѣкоторыхъ сыновей, она и надъ ними ставала не разъ съ поднятой рукой, буквально опускавшейся своею рѣдкою для женщины тяжестью на тѣхъ изъ нихъ, кто чѣмъ-либо не угодилъ деспоткѣ. Всѣ зависѣвшіе отъ старухи много претерпѣвали отъ нея; но по духу того времени даже и женатые сыновья покорялись жестокой самодуркѣ безъ малѣйшаго протеста.

Объ Ольгѣ Михайловнѣ и говорить нечего. Дикая мамаша хотя и колачивала сыновей, по крайней мѣрѣ не обездоливала ихъ матеріально; несчастной же дочери,—именно за то, что она была любимицей отца, защищавшаго ее передъ супругой-мегерой,—эта послѣдняя не дала даже и той «указной части», которая назначается дочери, когда наслѣдство передается не по духовному завѣщанію, а въ силу самаго закона.

Что сталося бы съ Ольгой Михайловной во власти ея чудовищной родительницы, понять не трудно; но ее взяла къ себѣ одна изъ родственницъ покойнаго Михаила Семеновича, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого на нее обратилъ вниманіе вдовецъ Барвиненко.

Въ октябрѣ 1842 г. произошло вѣнчаніе Михаила Романовича съ Ольгой Михайловной, а 20 іюня 1843 г. она чуть не умерла, производи на свѣтъ мертваго мальчика. Черезъ 14 мѣсяцевъ, въ сентябрѣ 1844 г., Ольга Михайловна была опять на волосокъ отъ смерти, такъ какъ, по мнѣнію врачей, для спасенія жизни матери предстояло пожертвовать ребенкомъ. Уже все было приготовлено для совершенія медицинскаго убійства неповиннаго существа; роковые инструменты лежали на столѣ, а супруги, несмотря на душевныя страданія, увеличиваемыя физической мукой Ольги Михайловны, все еще не рѣшалась уступить требованію акушера.

Они молились, вѣря чистыми сердцами не только въ божественное милосердіе, но даже въ чудо. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, напряженное вниманіе тѣхъ, кто окружалъ больную, было отвлечено явственнымъ крикомъ въ утробѣ... Какъ бы самолично спа-

сая себя еще до видимаго появленія на свѣтъ, младенецъ вскорѣ осчастливилъ родителей, внеся съ собой,—какъ онъ потомъ слышалъ отъ нихъ, подобіе того, какъ если бы въ ихъ семьѣ поселился ангелъ мира и любви.

Дѣйствительно, вся послѣдующая жизнь Барвиненокъ до 12-лѣтняго возраста ихъ сына Олимпа была осуществленіемъ того значенія, которое ему придали въ моментъ его рожденія 44-лѣтній отецъ и 38-лѣтняя мать. Проявляя въ полной мѣрѣ богатый запасъ своихъ интеллектуальныхъ силъ въ дѣлѣ воспитанія своего единственнаго дѣтища, родители обнаруживали при этомъ и ту солидность, которая была свойственна ихъ возрасту.

Въ результатѣ уже въ десять лѣтъ Олимпъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе любознательностью, живостью, воспримчивостью ко всему прекрасному, благородными порывами, ласковостью и добротой, граничащей нерѣдко съ феноменальной чувствительностью.

Можно сказать безъ преувеличенія, что если бы нормальное теченіе жизни Барвиненокъ не было нарушено, изъ Олимпа выработался бы полезный дѣятель въ области искусствъ. Унаслѣдовавъ отъ матери способности къ живописи, отъ отца къ музыкѣ, а отъ обоихъ даръ красиво выражать мысли перомъ и словомъ, Олимпъ въ теченіе всей долгодѣтней жизни своей въ разной формѣ проявлялъ поэтичность и художественность натуры. Но, къ несчастью для Барвиненокъ, надъ мирной и скромной ихъ жизнью разразилось нѣсколько такихъ ударовъ судьбы, послѣ которыхъ съ ними произошло почти то же, что съ деревомъ, когда на него налетитъ ураганъ и гроза. Отъ прежняго дерева, плѣвившаго взоры пышной зеленью, стройностью и силою всѣхъ его частей, остается опаленный молніей остовъ съ изломанными и обнаженными вѣтвями.

Въ дальнѣйшей жизни Барвиненокъ случилось что-то почти невозможное, если смотрѣть на отношенія между людьми съ евангельской точки зрѣнія, а на ближнихъ, какъ на братьевъ во Христѣ.

Ольга Михайловна, высоко цѣнившая душевныя качества и правила мужа, пострадала первая, проникнувъ яснымъ умомъ въ глубину ужасныхъ козней тѣхъ нравственныхъ уродовъ, которымъ было выгодно вырыть яму своему ближнему. Нервы не выдержали. Проболевъ съ недѣлю воспаленіемъ мозга, она умерла 23 января, какъ разъ въ самый день рожденія мужа, когда ему исполнилось 59 лѣтъ. Въ это время единственное дѣтище Барвиненокъ Олимпъ уже 3-й годъ томился болѣе чѣмъ за 1000 верстъ отъ отца, вынужденнаго отдать его въ гимназію на казенный счетъ. Одинокій, совершенно разоренный и уже вышедшій въ отставку, Михаилъ Романовичъ если не сошелъ съ ума отъ тоски единственно лишь вслѣдствіе ясно сознаваемаго моральнаго долга въ отношеніи сына.

Старецъ понималъ, что при исключительности отношеній, прочно установившихся между ними съ дѣтства, никто не сможетъ замѣнить его Олимпу, что послѣдній боготворить отца и потому его смерть была бы для сына величайшимъ несчастіемъ.

Прекраснѣйшій изъ отцовъ не ошибся. Онъ дѣйствительно приносилъ сыну въ теченіе послѣдующей жизни именно ту громадную пользу, какую могъ оказать только онъ. Сколько разъ, изнемогая подъ наплывомъ удручающей скорби, старикъ желалъ смерти, какъ прекращенія непосильныхъ страданій; но тотчасъ же воплѣтъ естественное эгоистическое чувство побѣждалось сознаніемъ родительскаго долга, и несчастливецъ горячо начиналъ молить Бога не объ отозваніи его туда, гдѣ «нѣтъ ни печали, ни воздыханія», а, напротивъ, о продленіи жизни, пока она будетъ нужна Олимпу.

Провидѣнье, внявъ мольбамъ того, кто безропотно несъ посланные ему испытанія, продлило его вѣкъ до глубокой старости и дало этимъ возможность неразлучно прожить 20 лѣтъ съ сыномъ, почитавшимъ отца какъ патріарха и любившимъ его буквально болѣе всѣхъ близкихъ ему людей.

Но вотъ и со дня праведной кончины достойнѣйшаго Михаила Романовича пошелъ 21-й годъ. А что же случилось съ тѣмъ, кто былъ кумиромъ родителей, всѣми любимымъ, бойкимъ, смышленнымъ мальчикомъ; какія качества составляютъ характерную черту фамиліи Барвиненко въ данное время?

Для полученія отвѣта взглянемся пристально въ Олимпа Михайловича и примемъ въ соображеніе не только видимое извнѣ, но и то, что наполняетъ его умъ и сердце. Постараемся сфотографировать замѣченное, не щадя ничего, что попадется въ поле нашего зрѣнія.

V.

Передъ нами небольшая комната въ 4-мъ этажѣ каменнаго ящика, т. е. петербургскаго дома чуть не съ сотней квартиръ. За исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя нѣкоторыми окнами выходятъ на узкую улицу, остальные жилища обращены во внутрь трехъ небольшихъ дворовъ! Вслѣдствіе значительной высоты всего зданія эти дворы производятъ впечатлѣніе колодцевъ, съ сыростью и почти постояннымъ отсутствіемъ свѣта чуть не до половины ихъ глубины. Несмотря на два окна въ данной комнатѣ, въ нее никогда не проникаетъ солнечный лучъ, потому что она обращена на сѣверъ. Въ ней мало свѣта даже и въ рѣдкіе для Петербурга ясные дни, вслѣдствіе того, что одно изъ оконъ заслонено стѣной, выступающей къ нему подъ острымъ угломъ. Письменный столъ, поневолю притиснутый къ простѣнку, отъ котораго дуетъ, библиотечный шкафъ, рукомойникъ и двѣ кровати размѣщены такъ,

что между мебелью едва можно пройти. Тѣснота бросается въ глаза и въ остальныхъ комнатахъ квартиры.

Въ ней пріютились двѣ родственныя семьи: Барвиненки и Вагины. Жалкій кабинетъ занялъ Олимпъ Михайловичъ съ женой Еленой Федоровной, а въ комнатѣ изъ коридора бездѣтный сынъ отъ перваго брака Елены Федоровны съ Вагинымъ Василиемъ со своей женой Екатериной. Приемная и столовая настолько невелики, что единственному 9-лѣтнему сыну Барвиненка Алѣшѣ приходится спать въ подобіи коридора съ узкимъ окномъ, рядомъ съ комнатой его родителей.

Все обитатели этой квартиры давно испытываютъ ея недостатки: имъ не только тѣсно, но и дышать не легко вслѣдствіе дыма и копоти изъ громадной сосѣдней мастерской. До 4-го этажа нужно одолѣть 76 ступеней; если соберется даже немного гостей, ихъ размѣстить почти негдѣ. Зато нигдѣ нѣтъ сырости, недалеко отъ центра города и платитъ Барвиненко съ дровами только около 70 рублей въ мѣсяцъ. При общей столичной дороговизнѣ волей-неволей приходится цѣпко держаться за такое жилище.

Январь 1906 г. въ половинѣ, зима не холодна, но солнца попрежнему слишкомъ недостаточно. Въ теченіе ноября и декабря лампы горѣли нерѣдко съ 2¹/₂ ч. дня, а безъ огня читать было можно только съ 9 утра, въ теченіе 5¹/₂ часовъ, вслѣдствіе тумана или скопленія облаковъ, извергавшихъ снѣгъ въ изобиліи. Теперь, хотя день и сталъ продолжительнѣе, но петербуржцы знаютъ объ этомъ лишь по календарю, и Барвиненко продолжаетъ сильно тяготиться тѣмъ, что нѣтъ солнца, въ которомъ для него, какъ уроженца Новороссіи, главная живительная сила.

О! съ какою радостью вырвался бы онъ изъ сѣверной столицы навсегда, подальше отъ ея болотъ, ненавистной ему лжи и дѣланнаго благообразія, отъ мишурнаго маскарада, скрывающаго собою физическое и еще болѣе нравственное разложеніе и убожество. Олимпъ Михайловичъ истинно страдаетъ, сознавая, что онъ связанъ сильно и фатально съ такими обстоятельствами, которыя хотя мучатъ и гнетутъ его, но не могутъ быть отстранены имъ отъ себя, потому что внѣ ихъ ядовитой атмосферы нѣтъ для него смысла и цѣли существованія.

Ему особенно тяжело сегодня. Вѣдь это день рожденія его отца, съ которымъ соединено столько чистыхъ, почти священныхъ воспоминаній. Несмотря на болѣе чѣмъ зрѣлый возрастъ Барвиненка, съ именемъ покойнаго отца для него сливается представленіе о цѣломъ мірѣ прекраснаго, въ которомъ прошло его дѣтство, вырабатывались основы его характера и сформировались духовныя потребности. Со смертью же отца Олимпъ Михайловичъ лишился одновременно и обожаемаго имъ человѣка и всего, что придавало жизни симпатичную окраску. Не стало Михаила Романовича, и съ тѣхъ

поръ его любимецъ сознаеть себя вездѣ одинокимъ, непонятымъ семьей, лишеннымъ въ ней не только любви, но даже сочувствія. А между тѣмъ онъ безгранично добръ, и многіе знакомые не напрасно признають въ немъ способность всей душою откликнуться на прекрасное и благородное. Но самъ Олимпъ Михайловичъ, послѣ многихъ разочарованій въ людяхъ, уже не довѣряеть большинству изъ нихъ. Они скоро ему надоѣдаютъ и среди нихъ ему скучно.

Когда на душѣ у Барвиненка безпросвѣтная мгла, какъ и сегодня, онъ ищетъ врачеванія въ обществѣ незабвенныхъ покойниковъ, т. е. отца и матери, и, глядя на ихъ портреты, изливается предъ ними въ безсловесной, но сильной рѣчи сердца. Вотъ и сейчасъ Олимпъ Михайловичъ весь предался этому своеобразному общенію съ единственными дорогими ему существами, выражая имъ мысленно горькую жалобу на неудачу семейной жизни и всего болѣе на самого себя. Онъ растроганъ до слезъ; разбитые нервы напряжены, а въ головѣ некстати услужливая фантазія создаетъ цѣлыя картины діаметрально-противоположнаго содержания, то лучезарныя, давноминушаго дѣтства, то безоградно-мрачныя современныхъ явленій.

Олимпъ Михайловичъ въ грустномъ, но дорогомъ ему экстазѣ смотритъ на родные портреты; въ душѣ происходитъ сложный процессъ претворенія недавняго раздраженія въ покорность судьбѣ, близкую къ примиренію съ тѣмъ, что видишь въ своемъ семействѣ.

Вотъ только что пробило 12 ч. дня. «Самое удобное время продолжать сегодняшнюю работу», думалъ Барвиненко: «а между тѣмъ изъ смежной комнаты чрезъ дверь слышится какой-то несносный шумъ, мѣшающій заниматься».

На столѣ Олимпа Михайловича объемистая, убористо-напечатанная въ Берлинѣ книга—сочиненіе германскаго ученаго по вопросамъ политической экономіи. Согласно условія, заключеннаго одной изъ книгоиздательскихъ фирмъ съ Барвиненкомъ, онъ долженъ не только перевести книгу, но и составить нѣчто вродѣ руководящей статьи для объясненія, почему обращается вниманіе публики на данное сочиненіе. Трудъ хотя кропотливый и суховатый для чело-вѣка художественной натуры, тѣмъ не менѣе Барвиненко охотно справляется съ нимъ, исключая того времени, когда имъ овладѣваетъ состояніе, подавляющее все существо его какъ бы холодной могильной плитою. А это случается все чаще послѣднее время.

Вдругъ, безъ видимой причины, что-то, какъ бы живое, подбирается къ сердцу и сосетъ его; все замѣтнѣе притупляются мысли и ощущенія, исключая одного, которое растетъ и захватываетъ все нравственное существо Барвиненка. Это тоска, не поддающаяся описанію, ничѣмъ не проявляющаяся во внѣшности чело-вѣка, но окутывающая его умъ, волю и чувства, подобно морскому чудо-

вищу-спругу, безчисленными щупальцами, отъ которыхъ нѣтъ спасенія тому, кто ими захваченъ. Во время такихъ припадковъ сознание не покидаетъ Барвиненко и потому онъ переживаетъ невыразимо-тягостныя ощущенія. Такіе приступы сердечнаго недуга являются прямымъ послѣдствіемъ моральнаго истязанія, которому Олимпъ Михайловичъ подвергается довольно часто отъ жены, а иногда и старшаго своего пасынка.

Вотъ и сегодня, когда Барвиненко, несмотря на шумъ въ столовой, сосѣдней съ кабинетомъ, заставилъ себя продолжать свой переводъ съ нѣмецкаго ученаго изслѣдованія, дверь въ его комнату распахнулась, и надъ ухомъ его раздался гнѣвный голосъ жены:

— Опять ты купоришься, запирая свою конуру; вѣдь и такъ въ квартирѣ дышать нечѣмъ несчастнымъ людямъ, которыхъ ты, вѣроятно, для того и пригласилъ въ проклятую свою берлогу, чтобы на каждомъ шагѣ проявлять свой деспотизмъ.

Благообразное лицо Елены Ѳедоровны было искажено раздраженіемъ; отыскивая что-то въ своемъ комодѣ (стоявшемъ въ кабинетѣ мужа), она отбрасывала вещи съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Почему ты влетѣла бурей, да еще съ несправедливыми упреками? Даровое помѣщеніе я предложилъ Вагинымъ, какъ тебѣ безызвѣстно, по доброду побужденію и стѣснилъ себя ради ихъ же денежныхъ интересовъ; а запираюсь я поневолѣ. Нельзя же работать головой, когда вы съ невѣсткой трещите о нарядахъ; а вѣдь слѣдовало бы уважать мои занятія и, уже кстати сказать, подумать о бережливости при нашихъ плохихъ финансахъ, а не заботиться о томъ, чтобы безумно гоняться за разными франтихами и дурами.

— Мели, Емеля, твоя недѣля,—презрительно крикнула жена.—Завелъ свое; всѣхъ помоями облилъ, а самъ, небось, лучше брильянта. Въ сущности ты фарисей и холодный эгоистъ.

Съ этими словами Елена Ѳедоровна направилась къ выходу, но такъ порывисто, что задѣтыя ею бумаги соскользнули съ края стола и, падая, разсыпались по полу въ безпорядкѣ.

— Ненавидь меня лично, сколько хочешь, но уважай по крайней мѣрѣ серьезное дѣло. Вѣдь чуть не сволокла заодно и чужую книгу. Если бы и она разсыпалась, какая бы неприятность...

— Не желаю слушать и потому зажимаю уши,—послышался рѣзкій отвѣтъ, слившійся съ какими-то неясными словами, долетавшими изъ гостиной.

Это была своеобразная смѣсь нотаций, обращенныхъ женою Василя Вагина къ его матери, и ея же критика по адресу Олимпа Михайловича.

Сцены вродѣ этой, повторяясь въ послѣдніе мѣсяцы чаще, чѣмъ въ былые годы, дѣйствовали на обоихъ супруговъ сокрушительно. Ихъ нервы и терпѣніе разрушались. Но Еленѣ Ѳе-

ровнѣ жилось все же легче, чѣмъ Барвиненкѣ, потому что на ея сторонѣ всегда была невѣстка со своимъ мужемъ и всѣ они трое сумѣли вполне овладѣть 9-лѣтнимъ Алешей. И не мудрено. Елена Федоровна въ сущности была очень добра для всѣхъ, исключая своего второго мужа, полна самопожертвованія для обоихъ Вагиныхъ и безграничной любви къ Алешѣ. Самъ же Барвиненко оставался безъ всякихъ союзниковъ по причинамъ, которыя будутъ ясны изъ послѣдующаго изложенія.

VI.

Только что происшедшая непріятность разомъ отняла у Олимпа Михайловича способность продолжать работу при данной обстановкѣ. Онъ порывисто всталъ, быстро одѣлся и вышелъ изъ дому. Но, очутившись на улицѣ, онъ вдругъ почувствовалъ, что ему идти некуда, потому что при его настроеніи все ему безотрадно и только въ тягость.

— А почему бы не заглянуть въ публичную библіотеку или на художественную выставку?—промелькнулъ у него вопросъ и тотчасъ же, какъ бы само собою, слѣдовало мотивированное отрицаніе.—На что все это, когда, того и гляди, умрешь не сегодня, такъ завтра отъ разрыва сердца, не выносящаго почти ежедневныхъ стычекъ «съ ближайшими изъ близкихъ», или же отъ современной революціи, когда каждый интеллигентъ сознаетъ себя между молотомъ и наковальней... Именно всѣ мы въ такомъ положеніи, съ тою лишь разницей, что для людей одного направленія молотомъ является правительство, а наковальней недовольныя имъ, взволнованныя толпы, для другихъ же, наоборотъ, молотъ въ лицѣ протестующихъ, а наковальней оказывается уголовный законъ.

— О! будь они прокляты, всѣ эти современные ужасы и бѣдствія,—мысленно сказалъ Олимпъ Михайловичъ и, чтобы успокоиться, пошелъ къ той единственной близкой ему по духу женщинѣ, съ которой могъ говорить ничѣмъ не стѣсняясь. Такою была Ирина Павловна, вдова моряка, одного изъ севастопольскихъ героевъ. Несмотря на свой очень почтенный возрастъ, она сохранила еще явные признаки былой красоты и огромной памяти, въ соединеніи съ прекраснымъ характеромъ и солиднымъ образованіемъ.

Встрѣченный ею по обыкновенію съ искренней привѣтливостію Олимпъ Михайловичъ, не обинуясь, съ первыхъ же словъ объявилъ, что его гложетъ хандра и онъ все чаще испытываетъ крайнюю неудовлетворенность всѣмъ современнымъ направленіемъ жизни. Въ особенности же его доводятъ иногда до отчаянія придирчивость жены и ея ссоры къ нимъ изъ-за бездѣлицъ.

— Вполнѣ понимаю,—замѣтила Ирина Павловна:—что при такихъ условіяхъ жизнь въ семьѣ вродѣ каторги.

— Отлично сказано,— согласился Барвиненко—и вотъ въ этой-то каторгѣ мучается теперь потомокъ Михаила Романовича и Ольги Михайловны, которыхъ вы лично знали, какъ образцовую чету съ прекрасными завѣтами.

— Тѣмъ непонятнѣе для меня, какимъ образомъ ихъ сыну не удалось примѣнить къ собственной семьѣ тѣ правила, которыя ему переданы по наслѣдству.

— Не удалось по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, я женился совсѣмъ не по примѣру родителей. Они обвѣнчались послѣ того, какъ, ознакомясь со взглядами другъ друга, знали, что не испортятъ своихъ отношеній. Я же 23 года назадъ, несмотря на свои 39 лѣтъ, влюбился, какъ юноша, и, находясь въ своеобразномъ угарѣ, поспѣшилъ увѣрить себя, будто бы съ тѣлесною красою Елены Ѳедоровны совмѣщаются непремѣнно совершенства ума и сердца. Я почти не зналъ ее, какъ человѣка, но зато быстро усвоилъ себѣ разныя подробности изъ ея прошлаго. Такъ, напри- мѣръ, я твердо помнилъ, что, родившись въ 1854 г., она 20 лѣтъ вышла за артиллерійскаго офицера Вагина, отъ котораго имѣла сыновей: Василія, Дмитрія и Ѳедора; что, схоронивъ мужа, когда младшему ребенку было лишь около 6 мѣсяцевъ, она пробыла вдовою года полтора, а когда выходила за меня въ 1883 г., ея первенцу было 8 лѣтъ, среднему сыну 6, а младшему около 2 лѣтъ.

«Въ то время я получалъ хорошее содержаніе, служа по министерству народнаго просвѣщенія и мнѣ въ голову не приходило, что Елена Ѳедоровна согласилась быть моею женою лишь по расчету. Вѣдь я не думалъ тогда о томъ, что въ наше практическое время куда какъ трудно даже и очень плѣнительной женщинѣ устроиться церковнымъ бракомъ съ человѣкомъ солиднаго общественнаго положенія и нестарымъ, когда ея приданое состоитъ исключительно изъ дѣтей прежняго замужества.

«Года черезъ 2 послѣ нашего брака, со смертью нашей дочки, просуществовавшей едва нѣсколько мѣсяцевъ, моя благовѣрная стала все рѣшительнѣе обнаруживать несходство своихъ взглядовъ съ моими, едва ли не по всѣмъ вопросамъ семейнаго обихода.

«Рожденіе еще двухъ, тоже умершихъ потомъ, дѣтей не сблизило жену со мною. Между нами часто происходили недоразумѣнія изъ-за ея расточительности и вопросовъ воспитанія, причемъ, къ сожалѣнію, я ограничивался только совѣтами, т.-е. теоріей, потому что жена не допускала вмѣшательства въ ея дѣйствія съ ея дѣтьми. Я же, страшась еще болѣе испортить мои отношенія къ Еленѣ, уступалъ ей въ этомъ постоянно.

— Какую же роль вы играли въ глазахъ дѣтей, которыя, исключая развѣ Василія, вступили въ вашъ домъ такими маленькими, что могли бы смотрѣть на васъ, какъ на родного отца?

— Игралъ самую фальшивую роль. Я вѣчно кипятился, старался наладить воспитаніе и ничего не достигалъ, встрѣчая холодъ и противодѣйствіе жены. Ея упрямство и предвзятое недоверіе къ моимъ взглядамъ были изумительны.

— Не находилась ли ваша жена подъ вліяніемъ кого-либо изъ тѣхъ, кому, почему-либо, хотѣлось уничтожить вашъ авторитетъ въ ея глазахъ?

— Вы удивительно догадливы, Ирина Павловна. Дѣйствительно, на Елену дурно вліяли кое-какіе людишки. Моими недругами оказались двѣ женщины, послѣ того, какъ одна изъ нихъ замѣтила, что Елена, выйдя за меня, начинаетъ понемногу освобождаться изъ-подъ ея авторитета и непрошенной опеки.

— Надѣюсь, вы говорите не о теткѣ вашей жены; ее вы мнѣ хвалили.

— Разумѣется, не о ней, а о нѣкоей совѣтѣ посторонней и ничуть не родственной эгоисткѣ. О ней когда-то я чуть не написалъ цѣлую повѣсть. Увѣренъ, что угодилъ бы читателямъ вполне, потому что героиня оказалась бы во вкусѣ уголовныхъ романовъ. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ мысль о приближающейся смерти и отвѣтъ за собственные свои прегрѣшенія вызвала во мнѣ новое направленіе. Прежде я охотно описывалъ все, что видѣлъ въ жизненномъ калейдоскопѣ. Рядомъ съ высокими, чистыми явленіями мое перо очерчивало и тайны будуаровъ до адюльтера включительно. Я интересовался всѣмъ, что создается самою жизнью, а потому воспроизводилъ въ беллетристической формѣ идеально-прекрасное и нравственно-безобразное, отталкивающее проявленіями деспотизма, косности и жестокосердія. Теперь же я пишу съ большимъ разборомъ и лишь о томъ, что можетъ содѣйствовать развитію этическихъ началъ.

— И я спѣшу сказать правду, — отозвалась старушка: — что такія произведенія удаются вамъ лучше прежнихъ. Вѣдь я внимательно читала все, что вы мнѣ приносили, и особенно осталась удовлетворена вашей книгой «О нравственности». Она превосходна по искренности тона, богатству эрудиціи и той ясности, съ которою вамъ удалось высказаться о сложныхъ вопросахъ.

— Я истинно счастливъ, что эта работа произвела такое впечатлѣніе, — скромно и грустнымъ тономъ сказалъ Барвиненко.

— Но почему же вы говорите объ этомъ какъ-то нерадостно?

— А потому, что многіе, даже совѣтъ чужіе люди, раздѣляютъ мои взгляды, а мои ближайшіе, т.-е. жена и ея дѣти, ничего не признаютъ во мнѣ цѣннаго и ровно ничѣмъ не интересуются изъ того, что мною написано.

— Но чѣмъ же это вы объясните? — недоумѣвала Ирина Павловна.

— Если позволите, выскажусь вполне опредѣленно.

-- Слушаю съ большимъ интересомъ.

Но какъ разъ въ это мгновеніе, отстраняя портьеру, въ дверяхъ гостинной появилась очень видная дама и со словами: «Я къ вамъ только на минуту, потому что спѣшно уѣзжаю въ Парижъ», поздоровалась и сѣла такъ, какъ будто хотѣла сказать своею позою: «любуйтесь мною».

Когда хозяйка, знакомя своихъ гостей, произнесла: «баронесса фонъ-Гершелькиндъ, Александра Кузьминична», это чисто-русское отчество невольно обратило на себя вниманіе Барвиненка, при сопоставленіи съ еврейско-нѣмецкой фамиліей дамы.

Ея визитъ, продолжаясь около получаса, былъ неумолкаемымъ повѣствованіемъ о несомвѣстимыхъ, казалось бы, предметахъ. Но баронесса трещала о нихъ увѣреннымъ голосомъ такъ быстро и многословно, что оставалось только удивляться, какъ она не изнемогаетъ отъ утомленія. А между тѣмъ она съ неослабвующей энергіей вставляла въ свой словесный винигретъ варіаціи на тему о выдающихся ея достоинствахъ: о музыкальныхъ дарованіяхъ, о томъ, какъ вездѣ ее замѣчаетъ публика, какъ она дальновидна въ политикѣ и т. п.

Съ особеннымъ же энтузіазмомъ она объясняла, что, сочувствуя дѣлу обновленія Россіи, она вся на сторонѣ тѣхъ, кто для осуществленія своихъ «государственныхъ задачъ» готовы ни передъ чѣмъ не останавливаться. «Если у насъ все прогнило насквозь и вмѣсто головъ торичелліева пустота», говорила гостя: «пусть убѣжденные борцы испепелятъ все, что не ладно, и хотя бы бомбами проложатъ путь къ свободѣ. Я потому и ѣду изъ нашей Азіи въ Европу, что хочу слушать тѣхъ, кого здѣсь называютъ анархистами, тогда какъ ихъ слѣдовало бы признавать пионерами мысли и друзьями народа. Право, иногда я даже жалѣю, что насъ не покорили японцы, пусть бы хотя они или германцы взяли насъ подъ опеку и создали въ несчастной странѣ порядокъ и культурность, которыхъ намъ недостаетъ».

Выслушивая, хотя и невольно, словесный ералашъ баронессы, Олимпъ Михайловичъ пришелъ къ заключенію, что передъ нимъ не женщина, а какая-то шумиха словъ и выставочная реклама. Ужъ черезчуръ искусственными казались и ея анархизмъ, и свѣжесть удивительныхъ красокъ лица, великолѣпіе волосъ и архитектурная симметричность черезчуръ роскошныхъ формъ бюста и бедръ.

Когда удивительная гостя уѣхала, Ирина Павловна вздохнула съ чувствомъ человѣка, освободившагося отъ тяжести, и насмѣшливо спросила Барвиненка:

— А сколько ей лѣтъ, этой пустомелѣ, какъ вамъ кажется?

— Ея лицо сбиваетъ меня; судя же по голосу—не молода.

— Да вѣдь она 60-лѣтняя старуха; но морфинистка, вся на пружинахъ и ватѣ, въ парикѣ и въ то же время одержима жаждой чув-

ственной любви. Насколько я ее знаю издавна,—продолжала Ирина Павловна:—все, что она болтала въ революціонномъ духѣ,— не болѣе, какъ пустая бравада. Вѣрьте, она ничуть не опасна, боится каждаго околоточнаго и урядника, а выбывъ за границу, даже не заинтересуется нашей политикой. У нея совѣзмъ не то на умѣ. Она всѣ свои средства проживаетъ на Альфонсовъ, а для того, чтобы приманивать наиболѣе пріятныхъ изъ нихъ, ѣздитъ въ Парижъ «обновлять фізіономію» секретнымъ способомъ, ремонтировать зубы и совершенствоваться въ искусствѣ придавать глазамъ блескъ какими-то каплями.

— Простите, Ирина Павловна, но я спрошу, чего ради вы, такая серьезная, высоконравственная, оскверняете свое жилище, впуская въ него эту красующуюся уродину?

— Мудрено не впускать, когда она всегда такъ же, какъ и сегодня, влетаетъ внезапно и очень рѣдко, раза 2—3 въ годъ. Главное же то, что она, увы, родственница моего покойнаго старика; а онъ по своей снисходительности не отказывалъ ей въ добрыхъ совѣтахъ, пока она еще не была такою; это уже послѣ его смерти она вышла за банкира, а потомъ, овдовѣвъ, стала именно, какъ вы выразились, «красующейся уродиной».

Послѣ неожиданнаго перерыва откровенной бесѣды Барвиненка съ Ириной Павловной онъ хотѣлъ уйти, но она настояла на томъ, чтобы Олимпъ Михайловичъ высказался вполнѣ.

— Благодаря слѣпой любви моей жены къ ея первенцу отъ брака съ Вагинымъ,—такъ началъ Барвиненко,—Елена смотритъ на мои дѣйствія глазами Василья; а вѣдь онъ не любитъ меня съ дѣтства, бывъ свидѣтелемъ моихъ распрей съ женой по вопросамъ воспитанія и денежныхъ тратъ; подобно своей матери онъ тоже весь въ долгахъ; финансовая же запутанность Вагиныхъ ставитъ Елену въ крайне тягостное положеніе передъ тѣми, у кого она занимала для первенца. Разумѣется, она всегда раздражена; но съ обоими Вагиными (т. е. съ сыномъ и его женой Екатериной) Елена не позволяетъ себѣ дерзостей, а выкричаться ей необходимо; поэтому козломъ отпущенія во всемъ являюсь я. Вслѣдствіе этого нерѣдко мнѣ приходилось такъ невыносимо и безотрадно, что, не будь я воспитанъ во взглядахъ религіи на тягости жизни, я давно бы покончилъ съ собой.

«Не мало ѣдкихъ огорченій причиняетъ мнѣ и пасынокъ Василій тѣмъ, что яростно порицаетъ меня, какъ педагога, испортившаго его и братьевъ. При этомъ, оправдывая мать, онъ винитъ исключительно меня, доказывая, что уродливость ихъ воспитанія есть неизбежное послѣдствіе разлада между взглядами Елены и моими. Разумѣется, въ этомъ Василій правъ, исключая лишь его предвзятаго желанія сваливать вину только на меня.

«Что же касается отношеній между мною и Екатериной, то есть женою пасынка, то скажу, что она не переноситъ моихъ политическихъ взглядовъ. Я смотрю на ходъ современныхъ роковыхъ событій, не забывая юридическихъ наукъ, пройденныхъ мною въ университетѣ, очень считаюсь съ ихъ принципами и не вѣрю газетамъ на слово. Я знаю по опыту, что одному и тому же факту дается самая разнообразная окраска въ зависимости отъ того, какъ желаетъ его истолковать данный органъ печати. Напротивъ, Екатерина слѣпо вѣритъ лишь тѣмъ газетамъ, которыя навязываютъ читателямъ взгляды лѣвыхъ партій. Она повторяетъ слова мужа, а Василій, если вслушаться въ то, что онъ провозглашаетъ у себя, среди близкихъ, почти фанатикъ террора».

— Воображаю, — замѣтила Ирина Павловна: — какую долю отравы вносить въ жизнь двухъ вашихъ семействъ эта политическая рознь, тѣмъ болѣе, когда и безъ того всѣ вы дышите нездоровой атмосферой.

— Мы какъ въ аду. Моя жена хотѣла бы во многомъ протестовать противъ утопій Вагиныхъ, но не рѣшается даже и тогда, когда Екатерина создаетъ какія-то собственныя религіозныя теоріи, не имѣя, однако, точнаго представленія о томъ, на чемъ основаны порицаемыя ею требованія православной религіи. Елена выноситъ заиранія невѣстки даже и тогда, когда та выпаливаетъ ихъ въ кощунственной формѣ при Алешѣ, этомъ чуткомъ ребенкѣ съ огромной памятью и любознательностью.

— Слушая васъ, — замѣтила старушка: — я получаю еще новое подтвержденіе моему личному наблюденію о томъ, что съ каждымъ поколѣніемъ развивается все болѣе склонность относиться къ религіи съ осужденіемъ. Православіе порицаютъ будто бы за провозглашеніе имъ началъ то деспотическихъ, то косныхъ вообще, то бессмысленныхъ. Къ дѣлу вѣры стали примѣнять способъ критическаго анализа и, такимъ образомъ, почти все, что очаровывало насъ въ религіи великостью и таинственностью, все это опошлили, осмѣяли, превратили въ предметъ поруганія.

— Да, таково знаменіе времени, — согласился Барвиненко: — а давно ли было время, когда такіе ученые, какъ профессора московскаго университета историкъ С. М. Соловьевъ и юристъ Б. А. Чичеринъ наглядно доказывали своею жизнью и изслѣдованіями, что религія и наука вполне могутъ ужиться въ одной и той же развитой головѣ. А такіе всемірно-извѣстные астрономы, какъ, напримеръ, Коперникъ, Тихо-Браге, Кеплеръ, и математики-философы — Паскаль, Лейбницъ, наконецъ ученые — Ньютонъ, Гумфрей-Дэви, Амперъ, Либихъ и многіе другіе, которыхъ сейчасъ я не припомню, развѣ они не служатъ яркимъ примѣромъ тому, что умственное развитіе и широкое образованіе не мѣшаютъ людямъ быть глубоко-религіозными.

Барвиненко замолчалъ, но, видя, что старушка ждетъ дальнѣйшихъ объясненій, добавилъ:

— Насколько сильна проклятая склонность отрицать и коверкать все прежнее, я видѣлъ не только среди посторонней молодежи, но, къ несчастію и въ собственной семьѣ въ лицѣ Василя и Екатерины. Хотя Елена, когда я женился на ней, была солидарна со мной въ вопросахъ религіи, а сыновья ея отъ перваго брака были малышами, намъ не удалось привить къ нимъ нашихъ вѣрованій. Поступая въ учебныя заведенія, они набирались отъ товарищей грошоваго вольнодумства. Въ результатѣ—Василій атеистъ, а Дмитрій и Федоръ, несмотря на то, что одному 29, а другому 25 лѣтъ, въ религіозномъ отношеніи не болѣе, какъ жалкіе нули. Къ тому же они настолько эгоистичны, что не только ко мнѣ, но и къ матери относятся, какъ чужіе, за исключеніемъ случаевъ, когда мы имъ чѣмъ-нибудь нужны. Тогда къ намъ обращаются почтительно и даже ласково... Несомнѣнно, во всемъ этомъ значительная доля и нашей личной вины, какъ неудачныхъ воспитателей... Когда-нибудь выскажу вамъ, что именно осуждаю въ себѣ, а теперь уже пора дать вамъ покой. Вѣдь я и такъ злоупотребилъ вашимъ расположеніемъ,—сказалъ Барвиненко, собираясь уйти.

— Оно никогда не уменьшится, и ваши скорби всегда найдутъ во мнѣ искреннее сочувствіе,—ласково отвѣтила старушка, прощаясь съ гостемъ.

Возвратясь домой, Барвиненко снова подвергся атакѣ жены, обрушившейся на него послѣ того, какъ въ теченіе его отсутствія Елена и Екатерина перемывали его косточки за его недавній отказъ занять денегъ у бывшаго сослуживца для осуществленія прихотей невѣстки.

Надѣясь отвлечь свои мысли и впечатлѣнія отъ незаслуженной непріятности газетами, Олимпъ Михайловичъ началъ читать ту изъ нихъ, которую не просматривалъ сегодня. Но она еще болѣе разстроила его описаніемъ всевозможныхъ насилій, варварскихъ саморасправъ, несправедливостей и безграничной корысти, дикой мести среди сѣрыхъ массъ и взаимной ненависти представителей противоположныхъ политическихъ партій.

— Смертныя казни, грабежи, наглая подтасовка фактовъ, политическія убійства, бессмысленныя истребленія громаднхъ цѣнностей, полевые суды, поджоги, аресты, бомбы, терроръ, карательные отряды, общее ожесточеніе, опять ссылки и такъ далѣе и такъ далѣе до безконечности. Ничего успокоительнаго, примиряющаго... Нѣтъ! отъ такого чтенія можно сойти съ ума,—мысленно говорилъ Барвиненко и, отбросивъ газету, началъ сосредоточенно думать, насколько онъ несчастливъ, страдая какъ членъ не удовлетворяющей его семьи и какъ гражданинъ государства, исторія котораго пятнается кровью и наполняется позорящими ее фактами.

VII.

Октябрь 1906 г. былъ на исходѣ. Стояла мрачная, ненастная погода, такая именно, какая составляетъ печальную особенность петербургскаго климата.

Несмотря на это, Елена Ѳедоровна съ невѣсткой отправились въ Гостиный дворъ за какими-то, по ихъ мнѣнію, необходимыми покупками; пасынокъ же Барвиненка, Василий, ушелъ въ учрежденіе, гдѣ служитъ мелкимъ чиновникомъ. Въ квартирѣ остался лишь Алеша съ отцомъ.

Для старика такая случайность была рѣдкимъ исключеніемъ. Онъ могъ заниматься, не отвлекаясь болтовней «своихъ дамъ», какъ онъ шутя говорилъ о женѣ и Екатеринѣ, а главное — надолго остался съ любимцемъ.

Умный мальчикъ, понимая, что отецъ дорожитъ временемъ, чтобы не мѣшать собою, какъ только уѣхала мать, приготовилъ въ столовой все, что было необходимо для рисованія, которое ему особенно нравилось. Но прежде, чѣмъ уѣхать, Алеша подбѣжалъ къ отцу и, обнявъ его, сказалъ:

— Только поцѣлую тебя, мой безцѣнный папочка, и больше мѣшать не стану.

Олимпъ Михайловичъ, тронутый до глубины души лаской ребенка, горячо обнялъ его, показалъ въ столовой, какъ удобнѣе пользоваться акварельными красками, которыя онъ же и подарилъ сынку, и возвратился въ кабинетъ продолжать работу.

Переводъ книги нѣмецкаго ученаго приближался къ концу. Руководящую статью Барвененко уже написалъ; осталось перевести лишь послѣднюю главу. И вотъ, чтобы скорѣе справиться съ тѣмъ, что онъ обязался исполнить для книгоиздательской фирмы, Олимпъ Михайловичъ усердно работаетъ, хотя сегодня ему что-то особенно не по себѣ.

Онъ не выноситъ этихъ мрачныхъ, туманныхъ дней, когда его тѣсная комната, со стѣною сосѣдняго дома, загораживающей одно изъ двухъ оконъ, производитъ на него еще болѣе впечатлѣніе склена. Передъ глазами черно, на сердцѣ почти всегда такъ же, впереди ничего, кромѣ террора со всеми его ужасами! Тоскливо и безотраднo, а все же необходимо энергично работать, и Барвиненко, сознавая это, уже нѣсколько часовъ сидитъ за дѣломъ, не вставая.

Но вотъ звонокъ на черной лѣстницѣ, и черезъ минуту Барвиненкѣ подали заказное письмо съ Кавказа отъ бывшаго сослуживца.

Перевернувъ страницу и продолжая читать, Олимпъ Михайловичъ сильно вздрогнулъ и склонилъ голову, вѣроятно, ничего уже

не видя, такъ какъ въ остановившихся глазахъ не обнаруживалось признака смысла. Въ то же мгновение старикъ сдѣлался бѣлъ, какъ полотно, и тяжело рухнулъ со стула.

Хотя и занятый своими картинками, Алеша увидѣлъ, однако, чрезъ дверь, выходящую изъ столовой какъ разъ къ письменному столу отца, что случилось, и съ крикомъ ужаса бросился къ старику.

Въ первую минуту девятилѣтній мальчикъ такъ растерялся, что, потрясенный мертвенной неподвижностью отца, разразился отчаяннымъ плачемъ. Потомъ, какъ бы овладѣвъ собою, онъ поспѣшилъ въ кухню, умоляя единственную служанку бѣжать на помощь въ кабинетъ.

Пока позвали дворника и положили Барвиненка на кровать, прошло значительное время, а обморокъ все еще продолжался. Смышленный Алеша, страстно упрашивая не удерживать его, выбѣжалъ на улицу.

Благодаря огромной памяти и наблюдательности, онъ быстро вспомнилъ, гдѣ именно недалеко отъ своей квартиры онъ видѣлъ мѣдную дощечку доктора, и сталъ тревожно звонить къ нему.

По счастью, врачъ оказался дома и, видя отчаяніе ребенка, поспѣшилъ къ его отцу.

Часамъ къ четыремъ съ половиной, когда возвратилась Елена Федоровна съ невѣсткой, хотя обморокъ Олимпа Михайловича уже прошелъ, онъ находился въ какомъ-то психически ненормальномъ состояніи. Врачъ выразилъ сомнѣніе, возвратится ли къ пациенту ясность пониманія и не послѣдуетъ ли прогрессивный параличъ мозга.

Узнавъ отъ Елены Федоровны, что Барвиненко издавна страдалъ нервнымъ расстройствомъ и долго задумывался надъ бѣдствиями, вызванными волненіями въ Россіи, врачъ объяснилъ, что полученное письмо не могло не подѣйствовать роковымъ образомъ.

А въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорилось:

«...Я имѣлъ случай неоднократно убѣждаться, насколько вы были правы, признавая Петра Сергѣевича лучшимъ своимъ другомъ. Онъ былъ дѣйствительно исключительный человекъ. Помню, какими взаимными чувствами вы были связаны съ нимъ издавна, а потому считаю нравственной обязанностью сообщить подробности событія, котораго я былъ очевидцемъ... Проклятая бомба, не оставила почти ничего отъ незабвеннаго Петра Сергѣевича.. Проходя случайно вблизи мѣста, гдѣ произошла катастрофа, онъ въ числѣ многихъ пострадалъ неповинно». Далѣе слѣдовало подробное описаніе обстоятельствъ, при которыхъ убитъ закадычный другъ Барвиненка.

— Но, ранѣ этого письма, зналъ ли вашъ мужъ изъ газетъ, кто именно погибъ въ данномъ случаѣ? — спросилъ врачъ, что-то соображая.

— Нѣтъ, въ газетахъ фамиліи не были названы.

— Въ такомъ случаѣ вопросъ объ исходѣ потрясенія, испытаннаго моимъ паціентомъ, осложняется... Придется вооружиться большимъ терпѣніемъ. Во всякомъ случаѣ прошу: разъ только замѣтите, что больной волнуется, шумитъ, поспѣшите меня увѣдомить.

— Значитъ, онъ можетъ сдѣлаться даже буйнымъ, то есть опаснымъ безумцемъ? — не то боязливо, не то печально спросила Елена Федоровна.

— Пока еще не знаю, — уклончиво отвѣтилъ эскулапъ, прощаясь.

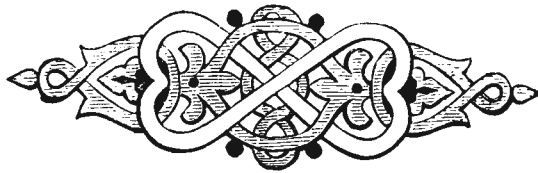
— Мамочка, родная моя, — раздался отчаянный голосъ Алеши: — докажи еще разъ, что меня любишь... Позови другого доктора... Ради Бога спаси несчастнаго папочку... Я не перенесу этого, мнѣ такъ больно...

И чувствительный ребенокъ, не имѣя возможности договорить отъ волненія, упалъ передъ матерью на колѣни, прижимаясь разгорѣвшимся лицомъ къ ея рукѣ.

Елена Федоровна быстро наклонилась къ обожаемому сыну, схватила его въ объятія и залилась слезами.

Но врачебная помощь оказалась бессильной, и черезъ нѣсколько дней Олимпъ Михайловичъ скончался.

М. М. Щуцкій.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ судьи).

IV ¹⁾.

Христіанская кровь.

МПРОКО раскинулся богатый посадъ Новинскій по холмамъ и оврагамъ и занялъ мѣста куда больше, чѣмъ его убогій уѣздный городишко съ одной высоко на горѣ стоящею церковью да съ пятью-шестью каменными домами. А въ самомъ Новинскомъ каменныхъ домовъ скоро, пожалуй, и не перечесть! Одна базарная площадь чего стоитъ! Огромная, когда-то мощеная, съ тремя величественными храмами, окружена она, почитай сплошь, каменными домами съ лавками - палатками, да съ амбарами, да со складами, и чего-чего только въ этихъ амбарахъ и складахъ не перебывало! Давно, когда желѣзныхъ дорогъ не было еще и въ поминѣ, Новинскій посадъ процвѣталъ, и далеко разносилась слава о немъ. Тысячи, а то и десятки тысячъ, чумацкихъ подводъ выѣзжали изъ посада на югъ и везли туда изъ посадскихъ складовъ и кожи, и сало, и воскъ, и овесъ, а назадъ возвращались съ иппеницею да съ солью, и отъ всего этого копеечка-другая оставалась у посадскихъ людей, и посадъ бога-

¹⁾ Первые три разсказа были напечатаны въ июльской и августовской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» 1906 г.

тѣлъ и обстраивался. Только, сказываютъ, давно это было; было и былѣемъ поросло!

А нынче обѣднѣли посадки и чѣмъ живутъ и какъ живутъ—одному Господу Богу извѣстно. Правда, не сразу пришло это обѣднѣніе, а такъ исподволь подходило оно. Сначала Крымская война отняла много чумацкихъ подводъ, да и спросу на товары, которые въ посадскихъ складахъ лежали скупленными, стало поменьше, а потомъ начали желѣзныя дороги прокладывать и по нимъ товары повезли, а какъ обошли въ концѣ концовъ инженеры Новинскій дорогою да верстахъ въ 15 въ чистомъ полѣ за рѣкой да за озеромъ поставили станцію—такъ и совсѣмъ захирѣлъ посадъ. Захирѣлъ, разорился, и понемножку стали пустѣть и обваливаться его каменные дома и лавки-палатки, а амбары и склады теперь уже лѣтъ двадцать, а то и больше, и товара-то никакого не видали.

Но все же площадь—краса и гордость посадцевъ—осталась; еже-недѣльно происходятъ на ней базары, а два раза въ годъ такъ и цѣлыя ярмарки.

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ въ одномъ изъ заброшенныхъ каменныхъ домовъ на площади поселился мѣщанинъ Йосель Бороховъ Воробейчикъ вмѣстѣ съ женой своей Саррой Моисеевой и въ сосѣдней лавкѣ открылъ «столичный магазинъ готоваго платья и мануфактуръ», какъ гласила большая вычурная вывѣска надъ входными дверями, на которыхъ были прибиты по куску какой-то яркой ситцевой матеріи. И надо правду сказать, что для неграмотныхъ посадскихъ и окрестныхъ жителей, съѣзжавшихся на базары и являвшихся главными посѣтителями «столичнаго магазина», эти яркіе лоскутки были куда болѣе заманчивой приманкой, чѣмъ вывѣска, хитро разрисованная, по просьбѣ Воробейчика, губернскимъ живописцемъ.

Супруги Воробейчики были бездѣтны и жили уединенно. Цѣлый день, съ того часа, какъ открываются лавки, вплоть до запора ихъ, Йосель Воробейчикъ безотлучно находился въ своей лавкѣ, а Сарра Моисеевна—дама лѣтъ тридцати, видная, довольно полная, съ крупными чертами лица и типичнымъ еврейскимъ горбатымъ носомъ—хлопотала у себя по хозяйству и также нерѣдко возсѣдала за кассою въ «столичномъ магазинѣ». Вечеромъ по пятницамъ «столичный магазинъ» запирался раньше обыкновеннаго, и на площади передъ нимъ появлялась съ вѣникомъ въ рукахъ старая-престарая бездомная вдова-солдатка, «родомъ латышка», нанявшаяся въ услуженіе къ «купцамъ» Воробейчикамъ еще до пріѣзда ихъ въ Новинскій посадъ, и подъ руководствомъ Сарры Моисеевны, стоявшей у окна, подметала улицу. А въ это время въ задней горницѣ воробейчиковой квартиры самъ Воробейчикъ и еще шесть-семь его единовѣрцевъ, проживавшихъ

въ Новинскомъ посадѣ и занимавшихся тамъ разными гешефтами, облачались въ хламиды, подвязывали себѣ на голову коробочки съ заповѣдями и становились на молитву. Потомъ, когда наступалъ вечеръ, въ квартирѣ Воробейчика зажигались шабашевыя свѣчи, и супруги Воробейчики садились за праздничную трапезу. Такъ мирно и невозмутимо текла жизнь Воробейчиковъ въ Новинскомъ посадѣ, гдѣ ни друзей, ни враговъ у нихъ не было: «Ничего, торгуютъ себѣ—обыкновенно жидаы»—вотъ краткая характеристика, которую бы выслушалъ отъ простодушнаго новинскаго обывателя тотъ, кто сталъ бы любопытствовать и разспрашивать о жизни Воробейчиковъ въ Новинскомъ посадѣ.

Но года три тому назадъ, осенью, по посаду прошли слухи о томъ, что «новинскіе жидаы» ищутъ себѣ по деревнямъ ребенка и что взялись за это дѣло Воробейчики.

Появленіе этихъ слуховъ совпало какъ разъ съ осенними еврейскими праздниками—суднымъ днемъ и новымъ годомъ—и молва связала такіе поиски евреями ребенка съ желаніемъ ихъ имѣть «христіанскую кровь» къ праздникамъ. Объ этомъ стали говорить въ посадѣ все больше и упорнѣе. И слухи эти не были неосновательными. Дѣйствительно, одна бобылка изъ сосѣдней съ Новинскимъ посадомъ деревни Зименокъ, «цыганка»—Дарья Антропова, нѣсколько разъ уже сидѣвшая въ острогѣ «за вино» и за пріемъ краденаго, стала похаживать за послѣднее время къ Саррѣ Моисеевнѣ, свела съ нею какую-то таинственную дружбу и начала справляться у знакомыхъ бабъ по окрестнымъ деревнямъ о томъ, что нѣтъ ли у нихъ какой-нибудь дѣвки или солдатки, поджидавшей къ зимѣ возвращенія со службы мужа домой, которая бы была на-сносяхъ. Заинтересовались посадскіе слухами о Воробейчикахъ и начали за ними и Дарьей Антроповой слѣдить. Послѣдніе скоро узнали объ этомъ и стали осторожнѣе устраивать свои свиданія, которыя, однакожъ, не могли укрыться отъ зоркихъ глазъ любопытныхъ посадскихъ кумушекъ.

Какъ-то однажды, въ темный осенній вечеръ, были замѣчены извѣстной въ Новинскомъ посадѣ торговкой теткой Ариной, возвращавшейся къ себѣ домой вмѣстѣ съ золовкой изъ гостей отъ пріятельницы, двѣ какія-то женскія фигуры, сторонкою, возлѣ плетня пробравшіяся по огородамъ. У одной изъ фигуръ на рукахъ былъ какой-то свертокъ, изъ котораго по временамъ вырывались глухіе, неясные звуки, точно котенокъ мяукалъ, и фигура начинала тогда усиленно трясти и прижимать къ груди свою ношу. Вглядѣвшись пристальнѣе, тетка Арина узнала въ шедшихъ огородами цыганку Дарью Антропову и бездомную старуху-латышку, живущую у Воробейчиковъ.

Сразу догадалась тогда тетка Арина, что дѣло нечисто; что несутъ это безбожницы христіанское дите «поганымъ жидамъ» и

распнуть жида младенца и напьются на бѣсовскихъ праздникахъ своихъ его невинной мученической крови. Шепнула догадку свою тетка Арина золовкѣ, и въ тотъ моментъ, когда Дарья Антропова и бездомная латышка (тотка Арина не ошиблась: это дѣйствительно были онѣ и несли новорожденного ребенка) подходили ко двору Воробейчика и стучали условнымъ стукомъ въ запертую тесовую калитку,—нѣсколько уже человѣкъ посадцевъ, взволнованныхъ и охваченныхъ злобой и негодованіемъ къ «жидамъ, собирающимся пролить христіанскую кровь», сбѣжали къ дому Воробейчика.

Лишь только Воробейчикъ успѣлъ отпереть калитку и впустить вошедшихъ женщинъ во дворъ, какъ на площади, возлѣ дома раздались угрожающіе крики и въ окнѣ зазвенѣло стекло, разбитое брошеннымъ въ него камнемъ. Воробейчики поняли, что прибытіе къ нимъ Дарьи Антроповой съ ребенкомъ обнаружено и испугались не на шутку.

Наскоро посовѣтовавшись между собой, дрожащій отъ страха Воробейчикъ вывелъ незамѣтно черезъ дворъ и огородъ Дарью Антропову съ ребенкомъ на сосѣднюю улицу и вслѣдъ затѣмъ дѣтскій крикъ огласилъ крыльцо одного посадскаго домовладѣльца, усадьба котораго соприкасалась съ домомъ, занимаемымъ Воробейчикомъ.

Между тѣмъ на площади, несмотря на позднее время, толпа все росла и росла, и въ ней все чаще и чаще слышались призывы «бить жидовъ» и «ломать двери»; скоро на мѣсто происшествія прибылъ мѣстный становой приставъ съ нѣсколькими урядниками и, выбравъ понятыхъ изъ толпы, вошелъ съ ними въ квартиру Воробейчиковъ. Дверь имъ отперъ самъ хозяинъ и хотя онъ былъ полудѣтъ и говорилъ, что «уже крѣпко спалъ», однако слѣдовъ сна на лицѣ его не отыскалъ бы и самый внимательный фізіономистъ. Приставъ обошелъ всю квартиру, но ничего подозрительнаго въ ней не нашелъ, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ и, видно, еще не бывшихъ въ употребленіи дѣтскихъ пеленокъ; почтенная Сарра Моисеевна покоилась въ постели на мягкихъ перинахъ, обложенная горою пуховыхъ и грязныхъ подушекъ, а бездомная латышка ютилась на какомъ-то тряпкѣ въ чуланѣ при кухнѣ. На всѣ разспросы обитатели воробейчиковской квартиры категорически утверждали, что они спали, ничего не слышали и никто къ нимъ съ ребенкомъ не приходилъ, пеленки же Сарра Моисеевна, по ея словамъ, готовила въ подарокъ своей какой-то родственницѣ, у которой будто бы недавно родился ребенокъ. Въ то время, когда приставъ находился у Воробейчиковъ и разспрашивалъ ихъ, прибѣжали къ нему и сообщили, что на задахъ усадьбы Воробейчика, на крыльцѣ дома ихъ сосѣда только что подкинутъ новорожденный младенецъ мальчикъ и что ребенокъ живъ. Извѣстіе это, съ

одной стороны, нѣсколько успокоило волновавшуюся толпу, старавшуюся проникнуть въ домъ Воробейчика съ цѣлью отысканія тамъ ребенка, такъ какъ всѣ какъ-то сразу повѣрили, что оказавшійся подброшеннымъ у сосѣда ребенокъ и есть именно тотъ, котораго видѣла тетка Арина на рукахъ у цыганки, а съ другой— поселило совершенную увѣренность въ томъ, что «жидамъ» нуженъ ребенокъ, что онъ у нихъ былъ и что, только будучи выслѣженными и испугавшись, они поспѣшили избавиться отъ него. По распоряженію пристава найденный ребенокъ былъ отнесенъ къ нему въ домъ и большая часть толпы отправилась за ребенкомъ, желая удостовѣриться, что онъ живъ и невредимъ. Это обстоятельство, а также поздняя ночь и хлынувшій проливной дождь — спасли Воробейчиковъ отъ неминуемой расправы съ ними посадцевъ... На утро домъ и дворъ Воробейчиковъ были оцѣлены собранными урядниками и стражниками, а сами Воробейчики вмѣстѣ съ бездомной латышкой сидѣли подъ арестомъ на сѣзжей до прибытія судебныхъ властей.

Посадъ между тѣмъ волновался. Слухи, одинъ другого нелѣпѣе и чудовищнѣе, быстро росли и распространялись. Явились очевидцы, которые увѣряли, что видѣли въ домѣ Воробейчиковъ копы, запачканное кровью, кровь на стѣнѣ въ комнатѣ, гдѣ Воробейчикъ съ единовѣрцами совершалъ богомоленья по праздникамъ, а нашелся одинъ сапожникъ, который впоследствии клятвенно утверждалъ слѣдователю, что самъ своими глазами видѣлъ и осязалъ у младенца, когда его несли въ квартиру пристава, свѣжія, кровоточація язвочки на обѣихъ ладоняхъ и ножкахъ, «прямо сказать—распятъ былъ»—увѣрялъ онъ. Было несомнѣннымъ, что если бы дѣло происходило не въ Новинскомъ посадѣ, въ коренной Россіи, гдѣ всего-то навсего жило шесть или семь еврейскихъ семей, а въ какомъ-либо мѣстечкѣ со смѣшаннымъ еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ, то погромъ и избіеніе евреевъ были бы неизбѣжны. Но здѣсь все обошлось благополучно: евреи поспѣшили выѣхать изъ посада еще раннимъ утромъ по добру, по здорову, а Воробейчики охранялись на сѣзжей.

Непроходимая новинская грязь, въ которой утонули по ступицу телѣги, и не перестававшій осенній дождь много способствовали благополучному исходу дѣла; однако ни дождь, ни грязь не помѣшали собраться огромной толпѣ передъ домомъ становаго пристава въ то время, когда въ немъ прибывшимъ изъ губерніи слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ и тремя врачами производился судебно-медицинскій осмотръ подкинутаго ребенка.

Ребенокъ, рожденный, какъ показалъ осмотръ, дня два-три тому назадъ, оказался вполне здоровымъ и положительно никакихъ слѣдовъ наслія на тѣлѣ его найдено не было. Къ осмотру были допущены многіе именитые посадцы, но все же это не уничтожило

слуховъ о томъ, что евреи пытались распинать ребенка и добывать себѣ христіанскую кровь. Увѣренность эта какъ въ положительномъ фактѣ осталась и живетъ въ Новинскомъ посадѣ и его окрестностяхъ и понынѣ.

Воробейчики—мужъ и жена—и ихъ прислуга, бездомная латышка, остались при прежнихъ своихъ объясненіяхъ и утверждали, что никогда никакого ребенка они не имѣли, Дарью Антропову о доставленіи новорожденного младенца не просили и о томъ, кѣмъ и когда подкинутъ былъ ихъ сосѣду ребенокъ,—имъ неизвѣстно. Въ ту же ночь, освобожденные изъ-подъ ареста, Воробейчики вмѣстѣ съ своей вѣрной бездомной латышкой тихонько выѣхали изъ Новинскаго посада, приславъ впоследствии своего довѣреннаго ликвидировать «столичный магазинъ готоваго платья и мануфактуръ».

Ребенка отправили въ губернской городъ, въ дѣтскій пріютъ. Дарья Антропова долго, мѣсяца два, не могла быть спрошена, такъ какъ съ той ночи, когда ее видѣла тетка Арина съ ребенкомъ въ Новинскомъ посадѣ, она скрылась изъ Зименокъ и вернулась лишь тогда, когда выпалъ снѣгъ. Долго ни въ чемъ не сознавалась Дарья, увѣряя, что никогда никакого ребенка она Воробейчикамъ не носила, а отлучалась изъ Зименокъ на богомолье, но впоследствии рассказала слѣдующее.

Какъ-то разъ минувшимъ лѣтомъ прислала за ней Сарра Моисеевна, угостила ее чаемъ и, заставивъ побожиться въ томъ, что она никому ничего не скажетъ, предложила осенью около Покрова достать ей, Саррѣ Моисеевнѣ, новорожденного ребенка, но только такого, который бы былъ безъ рода, безъ племени, и чтобы никто объ этомъ ничего и никогда не узналъ. Сулила за это Сарра Моисеевна заплатить ей такъ щедро, что и въ десять бы лѣтъ ей не выручить столько на тайной продажѣ вина. Сказывала Сарра Моисеевна, что ребенокъ нуженъ въ хорошій домъ бездѣтнымъ господамъ, и клялась и божилась, что ребенку никакого лиха не будетъ. Соблазнилась она на посулы Сарры Моисеевны и, согласившись достать ей ребенка, стала разузнавать, не ждетъ ли по осени какая-нибудь изъ деревенскихъ дѣвокъ либо солдатокъ ребенка. Однажды вскорѣ послѣ Воздвиженья, не предупредивъ Сарры Моисеевны, она даже принесла ей ребенка, рожденного вдовой въ починкѣ возлѣ Зименокъ, да Сарра Моисеевна не приняла этого ребенка и велѣла вернуть его обратно, сказавъ, что теперь еще не время, и при этомъ строго-настрого наказала, чтобы ребенокъ былъ безпремѣнно крещеный и чтобы метрика объ этомъ была выправлена и доставлена ей. Недѣли черезъ полторы послѣ того одна изъ дѣвокъ-работницъ въ сосѣдней барской экономіи должна была родить, о чемъ по секрету призналась ей, Дарьѣ, дознавшей о томъ стороной, и согласилась отдать ребенка; Сарра Моисеевна велѣла ребенка того принести ей

а прежде того окрестить его въ приходской церкви и, чтобы при томъ не было какого обмана, послала на крестины свою бездомную старуху-солдатку. Какъ приказала Сарра Моисеевна, такъ она и сдѣлала: младенца-мальчика по рожденіи взяла къ себѣ въ Зименки, на другой день въ присутствіи присланной старухи-солдатки окрестила его въ сельской церкви, куда были приходомъ Зименки, взяла у причта метрику и, дождавшись ночи, понесла его къ Воробейчикамъ. Когда она увидѣла, что приходъ ея съ ребенкомъ къ евреямъ не остался незамѣченнымъ и народъ сталъ собираться къ дому Воробейчиковъ, то она унесла ребенка отъ Воробейчиковъ и, пробравшись по огороду, подкинула его въ сосѣдній домъ, а сама на деньги, данныя ей Воробейчиками, у которыхъ она оставила метрику ребенка, уѣхала въ городъ, наскоро прибравъ и заперевъ въ Зименкахъ свою хату.

Воробейчики были вскорѣ разысканы у себя на родинѣ, гдѣ-то въ Виленской губерніи, и снова допрошены, но опять ни въ чемъ не сознались, объяснивъ, что Дарья Антропова оговариваетъ ихъ ложно, плететь небылицу и что метрики никакой она имъ не отдавала. Однако въ приходской церкви Зименокъ по указанію Дарьи Антроповой была найдена въ метрической книгѣ о родившихся запись о рожденіи и крещеніи незаконнорожденного младенца мужского пола, восприемниками котораго значились — Дарья Антропова и безпробудный пьяница одинокій зименскій коноваль.

Предварительное слѣдствіе, надѣлавшее при своемъ возникновеніи много шума не только въ Новинскомъ посадѣ, но и во всей губерніи и даже за предѣлами ея, въ послѣдствіи въ распорядительномъ засѣданіи мѣстнаго окружнаго суда было прекращено «за отсутствіемъ въ изслѣдуемомъ событіи признаковъ преступленія, посяданаго общимъ судебнымъ мѣстамъ».

Результатомъ всего описаннаго происшествія въ Новинскомъ посадѣ было вѣщнее укрѣпленіе въ народныхъ массахъ извѣстнаго ходячаго мнѣнія о томъ, что евреямъ при выполненіи ими религиозныхъ церемоній требуется «христіанская кровь», и что для этой именно цѣли Воробейчики и добыли ребенка. Въ особенности убѣждало въ этомъ прежде еще колебавшихся деревенскихъ скептиковъ то обстоятельство, что крещеніе младенца Воробейчики ставили бобылкѣ Дарьѣ Антроповой непремѣннымъ условіемъ и придавали, повидимому, этому крещенію такое значеніе, что требовали даже присутствія при совершеніи его своей вѣрной прислуги, а затѣмъ и метрическое свидѣтельство отъ причта.

Однако какая же въ самомъ дѣлѣ была истинная цѣль, ради которой евреи Воробейчики отважились на опасное и рискованное предпріятіе достать себѣ, живя среди сплошнаго христіанскаго населенія, непремѣнно крещенаго ребенка?

Ни разу еще, кажется, за время дѣйствія судебныхъ уставовъ 1864 г. не приходилось точно устанавливать цѣлей, для которыхъ евреи будто бы похищали христіанскихъ дѣтей, хотя процессы объ этомъ кое-гдѣ и возникали, но на этотъ разъ слѣдствію посчастливилось и удалось выяснить эту цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить дѣйствительно готовившееся преступленіе. Помогло этому два обстоятельства, на которыя было обращено вниманіе: это, во-первыхъ, желаніе Воробейчиковъ имѣть не только крещенаго ребенка, но также и метрическую выписку о его рожденіи и, во-вторыхъ,—стремленіе ихъ приобрести такого младенца, который былъ бы рожденъ не раньше и не позднѣе послѣднихъ чиселъ сентября мѣсяца. И вотъ что было обнаружено слѣдствіемъ...

Но надо рассказать все по порядку и вернуться года за два назадъ.

Кто не знаетъ или не слыхалъ въ Н — скомъ уѣздѣ фамиліи Желобиныхъ? Испоконъ вѣковъ жили именитые столбовые дворяне Желобины въ этомъ уѣздѣ и владѣли тамъ многими землями и угодьями, жалованными имъ неоднократно еще царями московскими за вѣрную ихъ службу. Водили не разъ Желобины и царскіе полки ратные въ бои съ ляхами да съ крымскими татарами, сидѣли Желобины на воеводствахъ, правили цареву службу и въ посольствахъ и при дворѣ государевомъ, и имена ихъ не разъ встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ послѣднее время состояніе Желобиныхъ сильно пошатнулось и, можетъ быть, десятой доли не осталось изъ того, что было еще сравнительно недавно, въ николаевское время, но все же состояніе ихъ было весьма значительно, и связи у Желобиныхъ съ высшимъ кругомъ еще сохранились. Въ царствованіе Александра II и Александра III главными представителями Желобиныхъ были два брата. Одинъ изъ нихъ, старшій, служилъ въ Петербургѣ, занимая видный постъ въ военномъ вѣдомствѣ и умеръ генераль-адъютантомъ, оставивъ послѣ себя громадную семью и совершенно разстроенное и обремененное несмѣтными долгами состояніе, а другой, младшій, почти безвыѣздно жилъ у себя въ имѣніи въ Н — скомъ уѣздѣ. Младшій братъ былъ полная противоположность старшему: онъ былъ прекрасный хозяинъ, жилъ очень скромно и въ то время, какъ братъ постоянно нуждался въ деньгахъ и закладывалъ понемногу свои земли, — младшій все больше и больше округлялъ свои капиталы и владѣнія. Въ концѣ концовъ случилось какъ-то такъ, что всѣ родовыя земли генераль-адъютанта очутились въ залогъ у младшаго брата, но генераль-адъютантъ и его семейство нисколько не тужили, а даже весьма радовались этому обстоятельству, такъ какъ младшій Желобинъ прожилъ до старости одинокимъ неисправимымъ холостякомъ и наслѣдниками его состоянія являлись все тотъ-же генераль-адъютантъ и дѣти послѣдняго. Операцин по закладу генераль-

адъютантскихъ земель младшему Желобину особенно понравились генераль-адъютантскимъ дѣтямъ — молодымъ офицерамъ блестящихъ кавалерійскихъ полковъ, которые нашли очень для себя удобнымъ и выгоднымъ закладывать деревенскому дядюшкѣ свои земли, надѣясь въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ получить ихъ обратно, и особенно поспѣшили развить такія финансовыя операціи послѣ смерти родителя своего, генераль-адъютанта. Дядюшка оказывался довольно снисходительнымъ и сговорчивымъ кредиторомъ. И вдругъ случилось то, чего никто изъ желобинскихъ родственниковъ не ожидалъ и что почему-то казалось совершенно невозможнымъ. Младшій Желобинъ на старости лѣтъ, не говоря никому ни слова и не предупреждая никого изъ родныхъ, женился, да еще женился-то на молоденькой дѣвушкѣ, жившей у него въ экономіи, Глашѣ, одинокой сироткѣ, родственники которой, простые крестьяне, жили верстъ за четыреста отъ желобинской усадьбы, въ другой губерніи, въ Новинскомъ посадѣ, откуда была родомъ и сама Глаша.

Понятно, что такой бракъ вызвалъ у племянниковъ Желобина крайнее негодованіе, такъ какъ, помимо того, что столбовые Желобины были весьма шокированы такимъ мезальянсомъ, возникло еще опасеніе за дядюшкины земли, которыя теперь могли не только не достаться молодымъ господамъ офицерамъ въ ближайшемъ будущемъ, но, пожалуй, даже и въ отдаленномъ. Молодая Глаша, скромная и тихая, пока была дѣвушкой, оказалась очень практичной и ловкой особой, когда стала madame Желобинной. Въ самое короткое время она сумѣла такъ привязать къ себѣ стараго мужа, что изъ осторожнаго онъ сдѣлался расточительнымъ и мотомъ на капризы и требованія своей жены. А требованія эти были значительны и увеличивались не по днямъ, а по часамъ. Деревенская усадьба была «молодыми» Желобинными заброшена и они жили, по желанію молодой, въ Москвѣ, широко и шумно. Замѣтивъ склонность и любовь жены къ драгоценнымъ камнямъ и деньгамъ, старый Желобинъ спѣшилъ удовлетворить ее, дѣлалъ дорогіе подарки, даря ей значительныя денежныя суммы. Сомнѣнія не было, что если бы Богъ послалъ новобрачному года два-три такой жизни, то племянники его не только бы не увидѣли дядюшкиныхъ капиталовъ, но навѣрное улыбнулись бы имъ и родовыя ихъ, ими же самими заложенныя дядюшкѣ, земли. Но, какъ это нерѣдко случается съ закоренѣлыми старыми холостяками, внезапная и рѣзкая переменна жизни такъ подѣйствовала на Желобина, что въ концѣ перваго же года своей брачной жизни онъ слегъ въ постель и послѣ непродолжительной, то тяжелой болѣзни скончался въ Москвѣ на рѣкахъ своей жены.

Вѣсть о смерти стараго Желобина дошла радостнымъ благовѣстіемъ до племянниковъ, и они немедленно прибыли на погреб-

беніе. Радость племянниковъ наслѣдниковъ Желобина, слѣдившихъ уже давно за расточительностью своей молодой тетушки, была такъ велика, что они собирались было быть великодушны съ вдовою, но каковы же ихъ были ужасъ и удивленіе, когда вдова тотчасъ же послѣ похоронъ мужа уединилась въ свои апартаменты и выслала сказать, что барыня чувствуетъ себя нездоровой, потому что третій мѣсяцъ чувствуетъ себя беременной.

Желанное наслѣдство уплыло: ожидался, слѣдовательно, прямой и законный наслѣдникъ, имѣющій родиться ребенокъ только что почившаго Желобина. Разумѣется, племянники рѣшили слѣдить за здоровьемъ тетушки, такъ какъ беременность ея показалась имъ подозрительной, и наблюденія эти должны были особенно усиливаться къ тому времени, когда тетушка должна была подарить генераль-адъютантскимъ дѣтямъ двоюроднаго брата или сестрицу. Все это, конечно, понимала и вдова Желобина и, желая избѣжать докучливыхъ и зоркихъ глазъ, приставленныхъ къ ней ставшими на рѣдкость внимательными племянниками людей, начала переѣзжать изъ одного города въ другой, изъ одной усадьбы въ другую, объясняя свои путешествія необходимостью приведенія дѣлъ по хозяйству въ порядокъ. Въ одно изъ такихъ путешествій въ концѣ іюля, мѣсяца за два до того, когда, по ея увѣреніямъ, она должна была стать матерью, Желобина заѣхала въ Новинскій посадъ, гдѣ не была съ дѣтства и гдѣ, казалось ей, она была бы въ наибольшей безопасности отъ соглядатаевъ. Нѣсколько дней всего пробыла въ Новинскомъ Желобина, но здѣсь, то она и завязала тотъ таинственный и роковой въ ея дальнѣйшей судьбѣ узелъ, который долженъ былъ разрѣшиться для нея черезъ два мѣсяца. Случай свелъ ее съ Воробейчиками, и тѣ приняли въ ней такое горячее участіе, желая получить отъ богатой помѣщицы сумму, разъ въ пять превышающую стоимость всего «столичнаго магазина», что уѣхала она изъ посада совершенно успокоенная за свое будущее. Уѣхала она по совѣту Воробейчиковъ, съ которыми имѣла всего четыре, но зато весьма продолжительныхъ и секретныхъ, свиданія, прямо къ себѣ въ главную желобинскую усадьбу, гдѣ ранѣе всегда жила она и покойный Желобинъ и гдѣ у нея, какъ прежней экономки, было больше всего преданныхъ и близкихъ лицъ въ дворнѣ, окружила себя ими, заперлась и начала готовиться быть матерью. Раза два послѣ того въ сосѣдній городъ въ почтовую контору являлась вѣрная барынина подружка-горничная и получала адресованныя ей до востребованія письма съ почтовымъ штемпелемъ Новинскаго посада. Съ этихъ поръ завязалась въ Новинскомъ посадѣ и особенная дружба у Сарры Моисеевны съ бобылкой Дарьей Антроповой, съ этихъ поръ Дарья начала выискивать къ Покрову новорожденнаго ребенка.

Но, можетъ быть, спросятъ: зачѣмъ же Воробейчикамъ необходимо былъ ребенокъ испремѣнно крещеный и даже еще со взятой отъ причта при крещеніи метрической выписью объ этомъ, тогда какъ ребенокъ долженъ былъ быть выданъ за новорожденнаго законнаго сына Желобина и его жены и торжественно окрещенъ? Самый точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы дать одинъ почтенный святой цадикъ, живущій гдѣ-то въ Полѣсьѣ, рабѣ Абрамъ, къ которому вскорѣ послѣ посѣщенія Желобиной Новинскаго посада ѣздилъ Иосель Воробейчикъ за совѣтомъ. Мудрый цадикъ благословилъ Иоселя и рѣшилъ, что послѣдній не только хорошо заработаетъ и сдѣлаетъ славный гешефтъ, доставъ секретнѣйшимъ образомъ Желобиной нужнаго ей ребенка, но, имѣя въ рукахъ документъ о рожденіи этого ребенка, можетъ въ будущемъ понемногу перевести къ себѣ въ карманъ и всѣ желобинскіе капиталы, пугая время отъ времени вдову этимъ документомъ или, наконецъ, продавъ ей его за громадныя, разумѣется, деньги.

С. П. Рудневъ.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА.

(Бытовой очеркъ изъ прошлаго) ¹⁾.

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЯ Петра Великаго цѣлые потоки иностранцевъ разлились по Русскому государству. Не говоря уже о настойчивыхъ приказахъ Преобразователя, вмѣнявшихъ всѣмъ сословіямъ обиностраниваться какъ можно скорѣе, сами по себѣ ихъ нравы, взаимныя отношенія и частная семейная жизнь безспорно повліяли на бытовую сторону коренного русскаго населенія. Посѣщеніе самимъ царемъ ассамблей, появленіе иностранцевъ на всѣхъ поприщахъ службы и промышленности рядомъ съ русскими людьми сближали тѣхъ и другихъ; значительное умственное образованіе и внѣшній лоскъ пришельцевъ влекли къ подражательности, домашняя же жизнь ихъ своими новыми формами понемногу начала усваиваться и русскимъ обществомъ, расшатывая шагъ за шагомъ его семейныя устои, сложившіеся вѣками. Во внутренней жизни иностранцевъ были, конечно, и хорошія стороны, но порой появлялись такія, которыя могли дѣйствовать лишь отрицательно на окружающую русскую среду. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ, относящійся къ началу XVIII столѣтія и основанный на подлинномъ слѣдственномъ дѣлѣ, сохранившемся въ архивѣ, мы и предлагаемъ въ нашемъ очеркѣ вниманію читателей, предоставляя имъ самимъ судить, какъ могъ онъ отозваться на современникахъ.

¹⁾ Московскій архивъ министерства юстиціи. Дѣло юстицъ-коллегіи изъ вязки 1980 № 1. Собственныя и географическія имена приводятся изъ подлинника дословно, равно какъ и большинство разговоровъ.

I.

Въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII столѣтія въ Голландіи въ Амстердамѣ существовало крупное торговое дѣло, хозяевами котораго были родственники: Брантъ, Любсъ и два брата Вестгофъ. Послѣдніе въ 1703 г. отдѣлились отъ своихъ компаніоновъ и уѣхали изъ Голландіи: младшій изъ братьевъ въ столицу Ливоніи Ригу, а старшій — въ Россію.

Старшій Вестгофъ незадолго до отъѣзда женился на дочери амстердамскаго купца Софьѣ Брестовой Престенъ, здоровой, красивой и полной дѣвушкѣ. Вестгофу, когда онъ женился, было 26 лѣтъ, а невѣста считала себя на 5 л. моложе. Достатки отца Престенъ были столь же значительны, какъ и самого Вестгофа; за молодою женою онъ взялъ въ приданое «не малое денежное вознагражденіе», какъ сказано въ документѣ, и, кромѣ того, сундуки съ платьемъ, алмазными, золотыми, серебряными и брилліантовыми вещами. Молодая женщина съ охотою приняла предложеніе мужа отправиться въ далекую Россію навстрѣчу неизвѣстному будущему.

Лѣтомъ 1703 г. Вестгофъ съ женою, съ своимъ капиталомъ и капиталомъ жены, отданнымъ въ его распоряженіе, прибылъ въ Москву и поселился, какъ большинство иностранцевъ, въ Нѣмецкой слободѣ. Тотчасъ же онъ занялся тѣмъ дѣломъ, которое не бросалъ вплоть до смерти, именно — торговлей рыбой и преимущественно икрой, которую онъ сталъ брать на откупъ отъ казны. Дѣла его сразу пошли успѣшно. Вестгофъ и его жена начали учиться русскому языку, и года черезъ четыре послѣ пріѣзда они уже оба могли даже писать на немъ, голландецъ собственноручно красивымъ почеркомъ писалъ всѣ дѣловыя бумаги и изъ Вестгофа превратился въ Павла Павловича «Вестова», какъ стали его называть русскіе люди, и какъ съ тѣхъ поръ и самъ сталъ писать себя на челобитныхъ въ присутственныя мѣста.

Софья Брестовна одного за другимъ начала дарить мужу дѣтей. Помѣщеніе для нихъ въ Нѣмецкой слободѣ стало тѣснымъ, а отдаленность слободы отъ города при усиленіи дѣлъ Павла Павловича стала затруднять его. Въ 1714 году Вестовъ снялъ обширный домъ англичанина Карлуса Гутфела въ Бѣломъ городѣ, на Чистыхъ Прудахъ, въ приходѣ Архангела Гавріила и водворился въ немъ со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ уже въ это время, кромѣ жены, изъ семи человекъ дѣтей: 4 мальчиковъ и 3 дѣвочекъ. Домъ Гутфела былъ двухэтажный; внизу Павломъ Павловичемъ были устроены дѣтскія комнаты и помѣщеніе его канцеляріи, а въ верхнемъ этажѣ — спальня и «парадные покои». Торговля дѣла Вестова продолжали цвѣсти и онъ получалъ значительные «прибытки». На капиталъ жены имъ были куплены въ Московскомъ уѣздѣ стеклянные Филатьевскіе заводы; здѣсь онъ выстроилъ деревянный

домъ, на лѣто возилъ сюда свое семейство, а при возможности временами отдыхалъ тутъ и самъ.

Долгое время дѣла Вестова шли успѣшно, но къ окончанію Сѣверной войны счастье стало измѣнять ему; все больше и больше втягивался онъ въ долги, все меньше, и меньше отдыхалъ, все рѣже посѣщалъ стеклянные заводы, однако положеніе не улучшалось. Во время приѣзда императора въ Москву, послѣ Ништадтскаго мира, въ Нѣмецкой слободѣ и въ другихъ мѣстахъ у иностранцевъ шли оживленные пиры, только у Павла Павловича, очень хлѣбосольнаго хозяина, вопреки его обычаямъ, ихъ не было; среди общаго веселья такъ же хмуро и сосредоточенно было лицо его и до поздней ночи засиживался онъ въ глубокомъ раздумьѣ въ нижнихъ комнатахъ свой «канцеляріи».

Къ неудачамъ торговымъ присоединились неприятности семейныя. Женѣ Павла Павловича Софьѣ Брестовнѣ перевалило уже за 40, но она все еще была красивая, хорошо сохранившаяся женщина, когда дѣла Вестова были блестящи, согласіе между супругами было полное, Софья Брестовна заботливо вела хозяйство и зорко слѣдила за дѣтми; теперь же она стала относиться къ мужу порой равнодушно, а порой прямо непріязненно, упрекая его въ неумѣньѣ вести торговлю и даже въ растратѣ ея собственнаго приданаго; дѣти стали чувствовать недостатокъ материнской любви, а къ старшей изъ дочерей, очень миловидной дѣвушкѣ-подростку, именемъ также Софьѣ, напоминавшей отца, Вестовъ замѣчалъ со стороны жены какую-то непріязненность. Такъ какъ на всѣхъ весельяхъ, бывшихъ въ Москвѣ по случаю Ништадтскаго мира, Павелъ Павловичъ отсутствовалъ, то Софья Брестовна ѣздила на пирушки одна и далеко за полночь одна же возвращалась съ веселыхъ маскарадовъ изъ Нѣмецкой слободы.

Года шли за годами, а дѣла Вестова торговыя и семейныя не улучшались. Умеръ Великій Преобразователь Россіи, широко открывшій въ нее дверь иностранцамъ. Наступило господство Меншикова, иностранцы было приуныли, но вотъ 31 мая 1725 г. произошла свадьба герцога Гольштинскаго съ дочерью императрицы, Анною Петровною, и они вновь подняли голову. Вскорѣ послѣ этого событія въ царской семьѣ въ Москву прибылъ агентъ герцога, купецъ Генрихъ Генриховичъ Шлитеръ, очень красивый молодой человекъ, не имѣвшій и 30 лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ старикомъ-отцомъ. Шлитеръ исполнялъ разныя порученія герцога по покупкѣ вещей и въ дѣловыхъ бумагахъ именовался «агентомъ его высочества», изъ чего можно было заключить, что современники видѣли не малую честь въ его званіи.

Шлитеръ былъ очень состоятельный человекъ, имѣлъ очень много драгоценностей и въ Москву приѣхалъ съ цѣлью открыть торговлю ими. Отецъ былъ настолько старъ, что жилъ на попеченіи сына и въ его дѣла не вмѣшивался.

Какъ и большинство иностранцевъ, Шлитеръ на первое время поселился въ Нѣмецкой слагодѣ. Здѣсь въ домѣ одного изъ соотечественниковъ онъ познакомился съ Софьей Брестовой; та пригласила его къ себѣ и представила Шлитера мужу.

— Господинъ агентъ мнѣ очень понравился своимъ «приятнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ»,—говорилъ впоследствии о первой встрѣчѣ съ Шлитеромъ Павелъ Павловичъ Вестовъ.

— Но тогда же,—разсказывалъ Павелъ Павловичъ,—корысти поддался я, въ чемъ много виновенъ, а оттого здравіе свое утратилъ и жизнь сократилъ.

«Корысть» Вестова выразилась въ томъ, что черезъ недѣлю уже послѣ знакомства съ Шлитеромъ онъ занялъ у него 100 руб. Дѣла Павла Павловича шли такъ плохо, что онъ двоихъ старшихъ сыновей отправилъ отъ себя въ Ригу къ брату Якову Вестгофу, у котораго они и стали жить и благодаря стараніямъ котораго въ Ригѣ они поступили на службу.

Новый знакомый часто сталъ навѣщать домъ Вестова, успокаивалъ, насколько могъ Павла Павловича въ неудачахъ; послѣдній самъ говорилъ, что онъ сталъ «надѣяться на его вспоможеніе, ибо въ нынѣшнемъ его, Вестова, состояніи онъ въ добрыхъ друзьяхъ нужду имѣлъ».

На Чистыхъ же Прудахъ, недалеко отъ Вестовыхъ, продавался дворъ подъячаго Спиридонова о двухъ деревянныхъ домахъ. Генрихъ Генриховичъ купилъ его и послѣ Покрова вмѣстѣ съ отцомъ въ немъ поселился. При такомъ близкомъ сосѣдствѣ Шлитеръ еще чаще сталъ бывать въ домѣ Павла Павловича, и послѣднему казалось, что Шлитеръ сталъ обращать вниманіе на его молоденькую дочь Софью. Вестовъ, не отдавъ еще прежнихъ 100 рублей, успѣлъ вновь занять у сосѣда столько же. Однако, въ обезпеченіе послѣднихъ, Шлитеръ предложилъ Вестову дать ему заемное письмо съ залогомъ какой-нибудь вещи.

— Вещь эта нужна только для приказнаго порядка, она у васъ и останется,—пояснилъ Шлитеръ.

Остановились на сундукѣ съ драгоценностями и мѣхами, обитомъ красною кожею и назначенномъ въ приданое старшей дочери Павла Павловича, Софьѣ. Сундукъ не былъ тронутъ съ мѣста и остался въ домѣ Вестова.

Отношенія Шлитера къ Софьѣ Брестовицѣ были самыя почтительныя, предупредительныя; Павелъ Павловичъ замѣчалъ, что даже и къ нему жена стала внимательной, но это было не долго. Послѣ переѣзда Генриха Генриховича на Чистые Пруды, въ открытой коляскѣ почти ежедневно съ своимъ новымъ знакомцемъ Софья Брестовна стала дѣлать прогулки по Москвѣ, говоря мужу, что показываетъ городъ Шлитеру; не предупредивъ Вестова, уѣхала съ Генрихомъ Генриховичемъ на Филатьевскіе стеклянные

заводы на нѣсколько дней, а за всѣмъ хозяйствомъ поручила смотрѣть «поварихѣ» Марѣ; по ночамъ стала возвращаться изъ Нѣмецкой слободы въ сопровожденіи Шлитера. Такъ какъ Вестовъ былъ постоянно занятъ торговыми дѣлами, то дѣти почти лишились родительскаго присмотра.

Въ началѣ новаго 1726 г. на святкахъ цѣлые два дня пропадала и не ночевала дома Софья Брестовна. Встревоженный мужъ началъ поиски. Въ одномъ изъ домовъ Нѣмецкой слободы Вестову сказали, что жена была у нихъ вмѣстѣ съ Шлитеромъ, но скоро уѣхала. Черезъ два дня Софья Брестовна вернулась домой и прямо къ обѣду. Взволнованный Павелъ Павловичъ въ присутствіи дѣтей не сказалъ женѣ ни слова, но, оставшись наединѣ, въ порывѣ гнѣва, схвативъ жену за руку, закричалъ:

— Вѣрно, ты забыла случай съ капитаномъ, два года прошло, все было скрыто, а теперь ты вновь «опыты любви» начинаешь, объясняй, гдѣ скрывалась?

— Мѣста въ слободѣ много, съ Генрихомъ были на Даніэлевой ассамблеѣ, а ночевала у Бриккенъ.

— Бога ты забыла,—продолжалъ Вестовъ, но уже гораздо спокойнѣе:—мы живемъ 21 годъ вмѣстѣ, полонъ домъ дѣтей, а ты въ непотребное житіе вовлекаешься...

— Ты меня разорилъ, твои банкротства всѣ знаютъ,—возвышая голосъ, перебила мужа Вестова, вырывая руку.

— Правда, что я за тобою въ приданое капиталъ хорошій получилъ, токмо я оный не непотребнымъ образомъ потерялъ,—спокойно возразилъ Вестовъ:—но великими несчастливими случаями, а особливо пространымъ моимъ купечествомъ того лишился, что всѣмъ людямъ, которые со мною обхожденіе имѣли, извѣстно...

Но послѣднихъ словъ Софья Брестовна уже не дослышала: бѣгомъ бросилась она внизъ. Павелъ Павловичъ спустился за нею и изъ дверей своего дома видѣлъ, какъ жена, накинувъ подаренную имъ нѣкогда «енапанечку зеленую штофовую съ золотыми травами», направилась во дворъ «агента».

По уходѣ жены Вестовъ долгое время разговаривалъ съ своими дѣтьми: это его немного успокоило. Часа черезъ два Софья Брестовна вернулась, но не одна, а съ Шлитеромъ. Павелъ Павловичъ очень вѣжливо обошелся съ пришедшимъ, поварихѣ приказалъ подать въ столовую комнату лучшій фарфоровый чайникъ и такія же большія и малыя чашки съ фарфоровыми же блюдцами, изготовить чай; позвалъ жену, Шлитера и дѣтей и, выпивъ чашку чаю, ушелъ внизъ заниматься въ своей канцеляріи. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ это время положеніе торговое Павла Павловича было самое тяжелое. Бергъ-коллегія взыскивала съ него огромную недоимку

въ 14.793 руб. 61 коп. за проданную ему чрезъ сенатъ казенную икру, начиная съ 1714 года. Слѣдовало внести въ уплату за первый разъ 700 р., а наличныхъ у Вестова совѣмъ не было. Цѣлую недѣлю бился онъ и нигдѣ не могъ достать денегъ. Часто, какъ показывали дѣти, ночнымъ временемъ заходилъ онъ къ нимъ въ комнату и всматривался въ ихъ засыпавшія личики; при первомъ же ихъ пробужденіи онъ быстро уходилъ назадъ.

«Разсудивъ,—писалъ впоследствии Павелъ Павловичъ:—что такое несчастіе въ моихъ семейныхъ и купеческихъ дѣлахъ пришло изволеніемъ Божиимъ, яко наказаніе за грѣхи наши, вознамѣрился я терпѣть впредь».

Это «терпѣніе» однако въ концѣ концовъ выразилось тѣмъ, что въ половинѣ января мѣсяца 1726 г. Павелъ Павловичъ явился къ Шлитеру и сталъ его просить выручить изъ бѣды, давши ему займы 700 руб. Генрихъ Генриховичъ скоро согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Вестовъ далъ ему закладную крѣпость на три цѣнныхъ зеркала и еще нѣсколько другихъ вещей, принадлежавшихъ Павлу Павловичу, а въ обезпеченіе уплаты должныхъ процентовъ, а также и всей занятой суммы—крѣпость на Филатевскіе стеклянные заводы. Вестовъ выдалъ Шлитеру требуемыя записи, а послѣдній вновь заложенные вещи оставилъ въ домѣ Павла Павловича.

II.

Въ концѣ масленицы того же 1726 г. Вестовъ на рукахъ жены замѣтилъ новый перстень.

— Конечно, не твой; перестань спрашивать!—съ неудовольствіемъ отвѣтила Софья Брестовна на вопросъ мужа.

Павелъ Павловичъ повторилъ вопросъ, схватя жену за руку.

— Пусти, я скажу!—вырывая руку, воскликнула Софья Брестовна.—Это колечко мнѣ подарилъ Генрихъ съ своимъ именемъ, а я ему дала такое же съ своимъ, мы помѣнялись въ знакъ нашего дружества.

— А о моей чести ты вовсе забыла и стыда не знаешь? Ты должна мнѣ сказать сущую правду!—кричалъ Вестовъ.

— Ежели обо всемъ дальше искать станешь,—съ угрозой произнесла Софья Брестовна:—то кто-нибудь изъ насъ живъ не будетъ: ты или я,—почти шопотомъ добавила жена и такъ же, какъ на святкахъ, быстро выбѣжала изъ дома и скрылась во дворѣ Генриха Генриховича.

Почти цѣлый мѣсяцъ послѣ того Софья Брестовна избѣгала мужа, даже при дѣтяхъ не говорила съ нимъ ни слова. Какъ ни старался онъ войти съ женою въ объясненіе, оно ему не удавалось. Угнетаемый семейнымъ разладомъ и все худшающимися

торговыми дѣлами, Павелъ Павловичъ рѣшился наконецъ облегчить свою душу: онъ отправился къ своему пастору (лютеранскаго исповѣданія) Фрейгольдту и во всемъ ему открылся. Пасторъ, бывший духовникомъ Софьи Брестовны, обѣщалъ вызвать ее къ себѣ и постараться примирить супруговъ. Но когда черезъ нѣсколько дней Вестовъ вновь явился къ пастору, то послѣдній разсказалъ ему про свиданіе съ его женою, «крокодильное сердце» которой, по словамъ Фрейгольда, было до того ожесточено противъ мужа, что она и слушать не хотѣла его, пастора, о сожитіи съ Вестовымъ. Она призналась духовнику, что кольцами съ ихъ именами они дѣйствительно обмѣнялись съ Шлитеромъ въ знакъ обоюднаго ихъ влеченія, что она подлинно сговорила съ Генрихомъ разлучиться съ своимъ мужемъ, чтобы потомъ вступить съ Шлитеромъ въ законное супружество.

— Я прикажу теперь отнюдь въ дверь моего дома «агента» не пускать, шагу чтобъ онъ не смѣлъ ко мнѣ сдѣлать!—говорилъ въ заключеніе своей бесѣды съ пасторомъ взволнованный Вестовъ:—возьму изъ Амстердама послѣдній свой капиталъ отъ Бранта и Любса, выкуплю все у «агента», перестану торговлей заниматься и устрою наконецъ свои семейныя дѣла.

Но бѣднаго Павла Павловича дома ожидала новая и еще сильнѣйшая неприятность. Когда онъ вернулся къ себѣ въ канцелярію, то очень удивился, увидѣвъ, что въ ней появилась принесенная изъ ихъ спальни «кровать съ балдахиномъ зеленымъ стамеднымъ, съ тюфякомъ стамеднымъ же зеленымъ», вмѣсто всегдашнихъ четырехъ подушекъ на ней лежали только двѣ. При бѣгломъ осмотрѣ помѣщенія Вестовъ замѣтилъ, что со стѣнъ сняты «два большія зеркала въ рѣзныхъ рамахъ съ коронами». Въ предчувствіи чего-то недобраго Павелъ Павловичъ взбѣжалъ наверхъ и оторопѣлъ. Двери ихъ спальни и парадныхъ комнатъ были заперты на всячіе замки, и около нихъ расхаживалъ солдатъ съ фузеей и палашомъ.

— По чьему приказу ты здѣсь? — спросилъ испуганный Вестовъ.

— По приказу господина полковника Бутырскаго полка, для караула вещей, взятыхъ въ закладъ агентомъ его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, Генрихомъ Генриховичемъ Шлитеромъ,—отчеканилъ солдатъ.

— Да вѣдь это моя спальня! — все еще хорошо не понимая, сказалъ Вестовъ, стараясь приблизиться къ двери.

— Намъ, часовымъ, отъ своихъ офицеровъ приказъ данъ, что если къ стоящему на часахъ будетъ приступить кто изъ постороннихъ, то таковымъ велѣно сказать, дабы они шли прочь, а коли, то презирая, будутъ сильно итти, то таковыхъ по-военному колоть и стрѣлять!—указывая на свое вооруженіе, отвѣтилъ Павлу Павловичу солдатъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — въ отчаяніи произнесъ Вестовъ.

— А коли до часового имѣется какое дѣло или жалоба,—какъ бы въ отвѣтъ себѣ услышалъ Павелъ Павловичъ спокойный голосъ солдата:—то приходящій можетъ днемъ притти къ его командиру и донести обо всемъ.

Какъ убитый, спустился Вестовъ внизъ. Здѣсь его дѣти, а также и «домашніе его люди»—повариха Марѳа и дѣвки Пелагея и Марья—одна за другой передали ему, что въ его отсутствіе къ нимъ въ домъ явился «агентъ» Шлитеръ въ сопровожденіи офицера и четырехъ солдатъ. По указанію вышедшей къ нимъ Софьи Брестовны, солдаты вынесли изъ спальни кровать, а туда поставили сундукъ съ приданымъ дочери Вестова Софьи, два зеркала изъ канцеляріи и ящикъ съ алмазными вещами. Двери заперли принесенными замками, а ключи взяли съ собою, и всѣ ушли, оставивъ у дверей часового, которому офицеромъ указано стоять до восьми часовъ, когда на его смѣну пришлется новый.

Бѣдный Павелъ Павловичъ, гдѣ только могъ, сталъ просить о защитѣ. Но ему вездѣ отвѣчали, что солдаты даны «агенту» для «чести и славы его королевскаго высочества», что на заложенные у него Вестовымъ вещи Шлитеръ являлъ законныя крѣпости.

Часовые жили въ домѣ Шлитера и мѣнялись два раза въ день. Софья Брестовна жила вверху, въ парадныхъ покояхъ, ключи отъ которыхъ находились въ ея рукахъ. Къ ней часто являлся Генрихъ Генриховичъ въ сопровожденіи второго караульнаго, который сопровождалъ и Софью Брестовну, когда она приходила или уходила изъ дома. Дѣти у нея бывали, но съ Павломъ Павловичемъ она совсѣмъ прервала всякія отношенія.

Подходила Страстная недѣля. Много передумалъ за это время Вестовъ. Наконецъ онъ рѣшился написать своему духовнику слѣдующее письмо:

«Благочести достойный, блага учиненъ, особливо почтеннѣйшій господинъ пасторъ Фрегольдтъ!

«Вашей честности объявилъ я въ прошедшую пятницу о печальномъ дома моего состояніи. Теперь жена моя того же числа перешла вверхъ жить, дабы какъ наилучше по ея волѣ съ «агентомъ» вмѣстѣ пребывать. Съ немалою ужасностію принужденъ я видѣть, что господинъ агентъ того жъ дня и солдаты ко мнѣ поставили, изъ которыхъ одинъ у двери каморки моей жены и спитъ; къ тому жъ лѣстницы и двери запираютъ, такъ что когда жена моя тамо обрѣтается, то я туда притти не могу: все заперто. Ваша честность соизволите разсудить, какъ меня сіе дѣло печалитъ и сердечно крушитъ. Богу извѣстно, что я отъ того здравіе утратилъ и жизнь свою сократилъ, а уже отъ своихъ домашнихъ стыдно для такихъ непотребныхъ соблазновъ. Я не могу дознаться,

для чего у меня караулъ поставленъ. Прямо сказать, оный господинъ агентъ поступаетъ со мною самовластно, яко со своимъ подданнымъ. Что мнѣ дѣлать? Мочи моей нѣтъ ему противиться: предаю оное въ судъ Всевѣдущаго Бога!

«А жена моя честь свою такъ уничтожила, что никакого стыда не имѣеть, какъ Бога, такъ и честныхъ людей не стыдится. Два года назадъ съ немалымъ удивленіемъ увѣдомленъ я былъ, какъ и вамъ было извѣстно, о нѣкоторомъ случившемся дѣлѣ съ капитаномъ, но я чаялъ, что все уже скрыто; однако она оное грѣховатое житіе не оставляетъ. Господинъ пасторъ! я самъ не вѣдаю, какимъ образомъ сіе проклятое дѣло способствовать и ко благому концу привести. Каюся и самъ я, что за торговлей много виновенъ, что далъ тому распространиться, но въ женѣ моей упрямый нечистый духъ вселился; можно бы ей за меня, равно какъ и мнѣ за нее, терпѣть, и пристойнѣе было бы у Бога милости просить, а не такое сатанинское житіе вести, какое приведетъ на насъ гнѣвъ Божій. И тако ея безумное хотѣніе о разводѣ какъ Богу, такъ и свѣту непристойно и быть не можетъ.

«Болѣе сожалѣю о бѣдныхъ невинныхъ нашихъ дѣтяхъ, которыя все терпѣть принуждены, токмо она ни въ чемъ имъ доброе слово не даетъ, но угрожаетъ. Желая отъ всего сердца, чтобы въ сію святую Страстную недѣлю съ чистою совѣстью Богу служить. Я уже взнамѣрился сердце и умъ свой болѣе не утруждать: уже пушай идетъ, какъ идетъ. Предаю все волѣ Божіей, которая все вскорѣ перемѣнить можетъ. Прошу на меня не подосадовать, что въ такіе дни васъ утруждаю. Богу единому извѣстно; что сіе изъ глубины сердечной происходитъ. По прошествіи же святыхъ дней, буде Богъ изволитъ, болѣе обстоятельно о всемъ вамъ господину пастору изустно донесу, также письма и грамотки объявлю. Впрочемъ пребываю вашей честности служебно охотнымъ слугою Павелъ Вестовъ. 5 апрѣля 1726 г. въ Москвѣ».

Одновременно съ письмомъ къ пастору Вестовъ послалъ жалобу въ Петербургъ къ герцогу Голштинскому, прося его защитить «отъ насилій агента». Не получивъ отвѣта, Павелъ Павловичъ повторилъ свою жалобу и вновь сталъ ждать и надѣяться.

За это время Софья Брестовна перестала сходить даже къ обѣду. Отъ дѣтей и прислуги Вестовъ слышалъ, что жена ходила обѣдать въ домъ агента, а порою кунанья приносились и къ ней въ комнаты наверхъ. Поэтому Павелъ Павловичъ очень былъ изумленъ, когда однажды въ началѣ іюня жена его появилась у него въ канцеляріи и, не сказавъ ему ни слова, положила на столъ конвертъ, а сама сѣла у стола.

Въ конвертѣ оказалось письмо изъ Риги отъ мастера иноземца Бутнера, которымъ онъ извѣщалъ, что и второй срокъ уплаты старшими сыновьями Вестова заемныхъ денегъ 300 рублей истекъ;

угрожалъ бѣдному Павлу Павловичу, что если онъ черезъ недѣлю ихъ не выкупить, то будетъ требовать деньги по суду.

— Ты сама хорошо знаешь, что у меня не токмо нѣтъ трехсотъ, но и тридцати рублей, — сказалъ Вестовъ, передавая женѣ письмо Бутнера.

— Что же? Даніэлю и Карлу правеемъ мучиться? — какъ-то сухо, не смотря на мужа, произнесла Софья Брестовна.

— Разсудить должна ты, что не на банкеты я свой и твой капиталъ употребилъ... Оставимъ Москву и возвратимся въ Амстердамъ?—вдругъ переменяя разговоръ и умоляющимъ тономъ обратился Вестовъ къ женѣ.

— Видно, безъ Генриха опять не обойдешься! — какъ бы не слышавъ послѣднихъ словъ мужа, отвѣтила Софья Брестовна и, быстро взявъ письмо Бутнера, поднялась съ мѣста. Павелъ Павловичъ вемотрѣлся въ жену: все то же полное и красивое лицо, но оно было сурово; ни тѣни участія къ себѣ не замѣтилъ онъ на немъ. Онъ схватилъ было ее за руку, но она вырвала ее и быстро пошла вверхъ.

— Софья! — отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ Вестовъ, бросаясь по лѣстницѣ.

Но жена, не оглядываясь, подходила уже къ двери; Павелъ Павловичъ видѣлъ, какъ стоявшій солдатъ предупредительно пропустилъ ее. На лѣстницѣ Вестовъ остановился, постоялъ немного и, опустивъ голову, медленно спустился внизъ.

Черезъ два дня отъ дѣтей Павелъ Павловичъ узналъ, что жена 300 руб. взяла взаймы у Шлитера и послала въ Ригу къ Бутнеру. Подъ закладъ этихъ денегъ она дала «агенту» долговую запись еще на нѣсколько алмазныхъ вещей и на принадлежавшій Софѣ Брестовнѣ, купленный ею въ Нѣмецкой слободѣ «кабинетъ китайской работы, покрытый черною краскою». Кабинетъ, какъ и зеркала раньше, изъ канцеляріи Павла Павловича былъ перенесенъ наверхъ въ спальню подъ охрану караула.

Въ половинѣ августа Вестовъ былъ позванъ къ пастору Фрегольдту; послѣдній объявилъ ему, что получилъ копію съ рескрипта герцога Голштинскаго, посланнаго Шлитеру по жалобамъ его, Вестова. Рескриптъ въ переводѣ былъ слѣдующій:

«Божією милостію Карлъ Фридрихъ, и прочая, и прочая¹⁾).

«Понеже Павелъ Вестовъ уже двоекратно сюда писалъ, коимъ образомъ ты отстать не хочешь съ его законною женою непотребнымъ и незаконнымъ образомъ къ его величайшему поношенію и оскорбленію жить, такъ что всѣ употребляемые съ его стороны способы къ отвращенію такого злодѣянія, ни у тебя, ниже у его жены ни малого уснѣха не приобрѣли. И когда онъ въ деспе-

¹⁾ Отецъ императора Петра III.

рацію придетъ, отъ чего великое несчастье произойти можетъ. И какъ мы весьма не намѣрены отъ нашихъ служителей и тѣхъ, которые по имѣющимъ отъ насъ характерамъ никакому другому, какъ нашему суду подчинены, такихъ мерзкихъ житейскихъ поступковъ не токмо идѣ индѣ, а особливо въ здѣшнемъ государствѣ за благо принять и чрезъ то дать поводъ, чтобъ подъ претекстомъ отъ насъ имѣющаго характера—онъ чтобъ ни похотѣлъ, могъ дѣлать. О прочихъ же, изъ того происходящихъ неоптребностяхъ, умалчивается.

«Того ради мы тебѣ чрезъ сіе повелѣваемъ подъ необходимымъ штрафомъ 500 рублей на госпиталь, который мы на тебѣ за преслушаніе доправить дорогу сыщемъ, чтобъ ты отъ помянутаго Павла Вестова дома и отъ его жены съ того часа, когда тебѣ сей нашъ указъ объявленъ будетъ, всеконечно бѣ отсталъ и съ нею ни малѣйшаго бѣ обхожденія ни подъ какимъ видомъ не имѣлъ, а челобитчику всѣ алмазныя вещи и жемчугъ и что ты кромѣ того отъ его жены въ рукахъ имѣешь, безъ всякаго удержанія выдалъ и въ его домашнія дѣла ни подъ какимъ претекстомъ не вступался. По которому ты въ подданности поступать имѣешь, еже мы мнимъ—ревностью. Данъ въ С.-Петербургѣ 9 августа 1726 года. По указу его королевскаго высочества де-Бассевичъ».

III.

Однако «рескриптъ» герцога не оказалъ своего дѣйствія: Шли-теръ не только не снялъ караула отъ дома Вестова, но къ двоимъ дверямъ приложилъ свои печати. Тогда Павелъ Павловичъ рѣшился испробовать новый способъ въ своемъ семейномъ дѣлѣ. Въ томъ же августѣ мѣсяцѣ, по совѣту своего знакомаго секретаря Перепечина, Вестовъ подалъ въ московскую полицеймейстерскую канцелярію прошеніе «на жену свою Софью Брестовну», собственноручно написанное, въ которомъ, объясняя, что жена его живетъ непорядочно, мужемъ его не почитаетъ, сошла жить въ особыя верхнія палаты въ ихъ же домѣ, просить допросить жену, какимъ вымысломъ и по чьему наученью всякіе пожитки и алмазныя вещи отдала въ чужія руки подъ караулъ, ибо, прибавляетъ Вестовъ, «жена при мужѣ безъ воли мужа надъ домомъ ни въ чемъ власти не имѣетъ».

Софья Брестовна съ своей стороны подала въ канцелярію прошеніе «на мужа своего Павла Павлова», въ которомъ говоритъ, что мужъ порицаетъ ее поносительными дѣлами — съ малодумія своего, что она «отъ его безумія опасается себѣ смертнаго убивства». Про пожитки же говоритъ, что такъ какъ мужъ цѣны въ своемъ челобитѣ имъ не написалъ, то и вѣрить его челобитью не надлежитъ. Ходатаемъ вмѣсто себя она проситъ допустить

стряпчато прихода Большого дворца, Алексѣя Филиппова Болтунова.

Такъ какъ дѣло, по не виднымъ изъ документа причинамъ, принимало характеръ «приказной волокиты», а Вестовъ, какъ самъ говоритъ, «отъ несчастія весь изстрадался», то голландскій иноземецъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству.

26 сентября въ седьмомъ часу пополудни къ стоящему на часахъ у дверей спальни Софьи Брестовны солдату появились знакомые Вестова секретарь Перепечинъ, аптекаръ Шиманскій, «парукмахтеръ» Ѳеодоровъ, живущіе неподалеку отъ него въ приходѣ архидіакона Евпла, на Мясницкой, на дворѣ господъ Салтыковыхъ, съ аптекарскими учениками и парикмахерскими мастерами, всего 15 человѣкъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ часового Перепечинъ.

— Ѳеодоръ Артемьевъ Березинъ, 27 лѣтъ.

— Сколько лѣтъ на службѣ?

— Десять. Взятъ въ солдаты въ 1715 году изъ новгородскихъ ямщиковъ; служу въ 8-ой ротѣ Бутырскаго полка.

— Здѣсь у тебя за дверями скрылись неизвѣстныхъ 3 человѣка и намъ нужно ихъ взять, — обратился къ солдату Перепечинъ.

— Въ ночные часы пускать мнѣ никого не велѣно...

— Тогда ломись, братцы, насильно! — обратился къ сопровождавшимъ аптекаръ Шиманскій.

— Помогите! — началъ изо всей силы кричать Березинъ, не подпуская подступавшихъ къ дверямъ и угрожая имъ ружьемъ и палашомъ.

При крикахъ часового большинство нападавшихъ убѣжали, остались только Перепечинъ, Шиманскій и Ѳеодоровъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома Шлитера прибѣжали еще четверо солдатъ той же восьмой роты и служитель агента Иванъ Лукьяновъ.

Вновь явившимся солдатамъ Перепечинъ съ товарищами передалъ, что ищутъ за запечатанными дверями трехъ скрывшихся людей, что будутъ для ихъ поисковъ ждать полицейской команды; но когда солдаты и Лукьяновъ остались у дверей, то Перепечинъ и два его товарища ушли внизъ. Черезъ часъ же, когда все успокоилось, ушли и солдаты, остался только часовой Березинъ да служитель Лукьяновъ.

Въ 11 часовъ ночи у дома Вестова раздались звуки трещотки. Къ Березину подошли отъ полиціи прапорщикъ Ракитинъ съ сотскимъ, съ двумя пятидесятскими и десятскими, ихъ сопровождалъ самъ Павелъ Павловичъ Вестовъ, а также Перепечинъ съ Шиманскимъ и Ѳеодоровымъ.

— Здѣсь въ спальнѣ,—дрожащимъ голосомъ началъ говорить Вестовъ,—живетъ особо жена моя, со мною не видается и укрыла

у себя многіе пожитки. А нынѣ я усмотрѣлъ, что прошли и теперь у нея находятся три неизвѣстныхъ мнѣ человѣка, а какого чина, не знаю.

— Ступай прочь отъ двери!—крикнулъ Березину прапорщикъ Ракитинъ.

— А по чьему приказу?—спросилъ его тотъ.

— По моему офицерскому!

— По военному артикулу должно дать мнѣ на смѣну другого солдата,—невозмутимо отвѣчалъ Березинъ:—и даже если часовой впадетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, то повиненъ офицеръ спросить, какъ оное несчастіе сотворилось, и, призвавъ другого солдата, виноватаго смѣнить.

— А ради чего ты здѣсь стоишь?—спросилъ прапорщикъ Березина.

— У царской казны!—невозмутимо отвѣтилъ часовой.

Ракитинъ и Перепечинъ улыгнулись.

— Ты стоишь у пожитковъ, взятыхъ изъ этого дома агентомъ Шлитеромъ!—крикнулъ Березину прапорщикъ и, оттолкнувъ его отъ двери, вырвалъ у Березина ружье, палашъ и суму.

— Шлитеръ мой командиръ, — возразилъ прапорщику Березинъ:—прошу о моей смѣнѣ дать ему извѣстіе.

— Посылать къ нему не для чего: берегись онъ самъ, чтобы его не поймали и не свели бы на съѣзжій дворъ; сколько ему ни бѣгать, а быть въ нашихъ рукахъ! — обращаясь къ Вестову, сказалъ прапорщикъ:—если бы нынче попалъ, сейчасъ его туда же отправили бы, чтобы онъ, мошенникъ, васъ на караулъ въ чужомъ домѣ не ставилъ.

Ракитинъ сталъ стучать и ломиться въ дверь спальни, но она не отворялась.

— Возьми, ударъ топоромъ!—сказалъ Ракитину Вестовъ.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ дверь съ шумомъ раскрылась и за нею показались одинъ за другимъ трое.

— Что вы за люди?—крикнулъ Ракитинъ.

— Стряпчій приказу Большого дворца Алексѣй Филипповъ сынъ Болтуновъ,—отвѣтилъ старшій:—а это мой племянникъ Иванъ Павловъ, а то иноземца Шлитера человѣкъ Никита Лукинъ,—указывая на другихъ, продолжалъ онъ.—Слава Богу, теперь насъ не убьютъ—то полиція!—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ.

— Почто вы здѣсь въ неуказанное время?

— Я повѣренный Софьи Брестовой, а племянникъ мой ей челобитныя пишетъ. Человѣкъ же Шлитера для чего здѣсь, не вѣдаю,—отвѣтилъ стряпчій.

— Только тати ходятъ въ ночное время: отправляйтесь въ съѣзжую избу; тамъ васъ разберутъ. Уведите ихъ! — приказалъ Ракитинъ тремъ полицейскимъ.

По уходѣ Болтуновыхъ и Лукина Ракитинъ въ сопровожденіи Вестова и прочихъ оставшихся вошли въ спальню. Двѣ восковыя толстыя свѣчи, вставленные въ высокыхъ деревянныхъ подсвѣчникахъ «китайской работы», освѣщали комнату, по стѣнамъ которой висѣли картины въ золоченыхъ рамахъ. У чернаго кабинета, стоявшаго нѣкогда въ канцеляріи Павла Павловича, на дубовомъ стулѣ сидѣла Софья Брестовна.

Вестовъ быстро осмотрѣлся и подбѣжалъ къ двумъ орѣховымъ шкапамъ съ платьемъ, стоявшимъ въ спальнѣ, отомкнулъ ихъ одинъ за другимъ.

— Больше никого нѣтъ!—сказалъ онъ прапорщику, оглядѣвъ шкапы.

— Ступай-ка отсюда вонъ, курва!—крикнулъ Софьѣ Брестовнѣ Ракитинъ, сласкивая ее со стула и толкая въ плечо.

Вестова молча направилась внизъ.

— Чего же ради ты такъ бездѣльничаешь и меня хоронишься?—грозно спросилъ жену Павелъ Павловичъ, когда онъ въ сопровожденіи Ракитина и другихъ очутился въ своей «канцеляріи».

— Не хочу видѣть безумія твоего и себѣ обидѣ!—судорожно трясаясь, подавленнымъ голосомъ отвѣтила Вестова.

— Софья!—гораздо мягче проговорилъ Павелъ Павловичъ:—дай мнѣ при господинѣ прапорщикѣ запись, что будешь жить со мною попрежнему въ согласіи, а Шлитера оставишь и наши пожитки отберешь отъ него.

— Никогда!—рѣзко отвѣтила Софья Брестовна:—ты мнѣ не мужъ, а банкротъ!—какъ-то вызывающе крикнула она Вестову.

— Тогда посидишь у меня подъ карауломъ!—со злобой произнесъ Павелъ Павловичъ, выходя изъ канцеляріи и хлопнувъ дверью.

Въ глубокую полночь, когда въ домѣ все утихло, Софья Брестовна отворила дверь канцеляріи мужа.

— Пускать не велѣно!—громко крикнулъ ей полицейскій, толкая назадъ.

Вестова поняла, что находится въ заключеніи, и горько заплакала.

На слѣдующій день передъ обѣдомъ къ Вестовой явился Павелъ Павловичъ и вновь сталъ упрашивать ее жить съ нимъ попрежнему.

— Если ты паки уговаривать меня будешь,—сказала наконецъ съ раздраженіемъ Софья Брестовна мужу:—то я разобью окно и буду звать на помощь.

— Сиди тогда на хлѣбѣ и водѣ, крокодильное сердце!—съ угрозой отвѣтилъ Павелъ Павловичъ такъ же, какъ и вчера, хлопнувъ дверью.

Вскорѣ послѣ его ухода караульный солдатъ внесъ и поставилъ на столъ передъ Вестовой кружку съ водой, ломоть хлѣба и

соль. Софья Брестовна во все продолженіе дня ни до чего не дотронулась.

Раннымъ утромъ на второй день заключенія къ Софьѣ Брестовнѣ тихо вошли ея старшая дочь и маленькій сынъ и на колѣняхъ стали просить мать примириться съ отцомъ.

— Скорѣе умру, чѣмъ соглашуся жить съ нимъ!—сухо отвѣтила Вестова дѣтямъ: — а если онъ не выпуститъ меня отсюда, то запрещаю вамъ ходить ко мнѣ.

Въ обѣденную пору караульный вновь принесъ Софьѣ Брестовнѣ свѣжую воду и хлѣбъ, а прежніе унесъ съ собою. Время взяло свое, и Софья Брестовна съ удовольствіемъ отпробовала того и другого.

Весь третій день заключенія Вестова провела, по ея словамъ, «въ тоскѣ великой», а на четвертый въ обѣденную пору она услышала громкіе голоса, дверь отворилась, и къ ней вошли стряпчій Болтуновъ въ сопровожденіи «капитана при московской полицеймейстерской канцеляріи Рыкачова и канцеляриста Андрея Болотова».

— По указу полицеймейстерской канцеляріи,—сказалъ ей Рыкачовъ,—по челобитью вашего повѣреннаго Болтунова, за ссорою съ мужемъ Павломъ Вестовымъ, велѣно васъ изъ дома его уволить въ другой домъ на наемную квартиру, впредь до окончанія дѣла до указа.

— А пожитковъ тебѣ, Софья Брестовна, изъ дома брать не велѣно, также до указа,—пояснилъ ей Болтуновъ.

— Тогда уйдемъ отсюда, Алексѣй Филипповичъ,—быстро заговорила Вестова и, накинувъ на себя «кафтанчикъ штофный синій съ желтыми травами и платокъ пурпуровый, шитый серебромъ», она въ сопровожденіи Болтунова почти выбѣжала изъ дома, а спустя нѣсколько минутъ входила во дворъ «агента» Шлитера.

Послѣ оказалось, что, кромѣ Болтунова, въ полицеймейстерскую канцелярію на «самовольные поступки прапорщика Ракитина» принесъ 28 октября жалобу также и Генрихъ Генриховичъ Шлитеръ. Онъ доносилъ, что для смотрѣнія заложенныхъ Вестовымъ вещей, чтобы ихъ не покрали «воровскіе люди», въ домъ послѣдняго имъ, Шлитеромъ, былъ поставленъ караулъ, а Ракитинъ тотъ караулъ насильно прогналъ, печати сорвалъ. «А по указу блаженныя памяти императора Петра Алексѣевича,—писалъ Шлитеръ,—иностранныхъ людей кромѣ иностранной коллегіи никому вѣдать не велѣно». Шлитеръ просилъ «всѣ палаты Вестова осмотрѣть и чего не явится изъ заложенныхъ вещей описать». Прапорщикъ Ракитинъ по этому челобитью былъ допрашиванъ, но было ли ему сдѣлано наказаніе, или нѣтъ, въ документѣ свѣдѣній не имѣется.

3 октября Софья Брестовна съѣхала на «вольную квартиру» въ домъ посадскаго человѣка Сѣрина, противъ двора Шлитера. Всѣ дѣти остались у Павла Павловича.

Пока еще Вестова жила въ домѣ мужа, Павелъ Павловичъ крѣпился духомъ, но послѣ ея переѣзда «впалъ въ уныніе». Пасторъ Фрейгольдтъ приходилъ навѣщать его, и Вестовъ ему признался, что «уходъ жены не токмо всю фамилію, но и великій, славный домъ Вестовыхъ въ безчестіе и разореніе привелъ».

Горе за горемъ дѣйствительно давило бѣднаго Павла Павловича. 24 октября 1726 г. ему былъ присланъ указъ немедленно внести въ бергъ-коллегію второй взносъ въ 700 р. въ уплату доимки 14.793 р. 61 к. за купленную нѣкогда Вестовымъ икру. При невзносѣ же имъ денегъ предписывалось «имѣніе въ его домѣ все безъ остатка описать».

— Не токмо никакого капитала я не имѣю, — отвѣтилъ полубольной Вестовъ привезшему указъ капитану Станицеву-Лазареву: — но самъ впалъ въ конечную нищету и бѣдность.

Когда же капитанъ напомнилъ ему ту часть указа, которая касается «описанія» вещей, то Павелъ Павловичъ съ грустію замѣтилъ:

— Здѣсь ничего нѣтъ, а вверху смотрите сами!

«Въ нижнихъ апартаментѣхъ оказались вещи толь необходимыя для домашняго обихода, — доносилъ Станицевъ-Лазаревъ бергъ-коллегіи: — а двѣ верхнія палаты запечатаны печатами полицеймейстерской канцеляріи, которыя рушить я не смѣлъ».

Московская полицеймейстерская канцелярія на запросъ бергъ-коллегіи отвѣтила, что «верхнія палаты въ домѣ Вестова запечатаны канцелярію по челобитью его королевскаго высочества герцога Голстинскаго агента Генриха Шлитера для сохранности заложенныхъ Вестовымъ у господина агента вещей».

Отвѣтъ этотъ былъ отправленъ изъ Москвы 9 ноября 1726 года, а когда онъ получился въ бергъ-коллегіи, то «доимки» взыскивать было уже не съ кого.

17 ноября, когда дѣти Вестова вошли въ комнату отца звать его къ обѣду, то на постели Павелъ Павловичъ лежалъ мертвый.

Испуганныя, они бросились къ матери; ея не было дома; тогда они побѣжали къ знакомому отцу «парукмахеру» Ивану Ѳедорову, у котораго въ гостяхъ былъ прапорщикъ полиціи Ракитинъ. Ѳедоровъ съ женою пошли за дѣтьми въ ихъ домъ. Ракитинъ о скоропостижной смерти Вестова донесъ полицеймейстерской канцеляріи, по порученію которой и былъ произведенъ слѣдующій «осмотръ»:

«1726 г. ноября въ 21 день, медицинскаго вѣдомства дохтуръ Готлибъ Шабертъ, да при немъ лѣкарь Яганъ Зуръ мертвое тѣло иноземца Павла Вестова осматривали, а по осмотру — болѣзни у него уже съ годъ и больше были, понеже жаловался грудною бо-

¹⁾ Осмотръ печатается дословно.

лѣзнію, при которой былъ кашель сухой съ болію въ груди и вздыханіе тяжкое. И понеже отъ оной болѣзни имѣлась свобода, и приключилась водяная болѣзнь, отъ чего въ исподней долѣ животъ распухъ и въ печени затвердѣніе. Потомъ же приключилась горячка, и во оной горячкѣ пришла почечуйная болѣзнь, при которой многая кровь и жестокия мокроты изъ него происходили. И какъ оное происхожденіе перестало, то вдругъ приключилась жестокая горячка: и умре. Понеже ежели оная горячка вторично приключается, то бывають во оныхъ болѣзняхъ въ скорости умирають».

Тѣло Павла Павловича Вестова похоронили на кладбищѣ Нѣмецкой слободы. Софья Брестовна при погребеніи отсутствовала; провожали только дѣти.

IV.

Прошла недѣля. Въ концѣ ноября двое большихъ дорожныхъ саней, укрытыхъ мѣхами, отвозили семейство умершаго Вестова на Филатьевскіе стеклянные заводы. Въ первыхъ саняхъ сидѣли Софья Брестовна и Генрихъ Генриховичъ Шлитеръ, а во вторыхъ — всѣ дѣти Вестова. Наканунѣ обозомъ были отправлены изъ Москвы на заводы же множество домашнихъ вещей, принадлежавшихъ Вестовымъ и Шлитеру. Оживленіемъ и радостію дышало лицо Софьи Брестовны, самоувѣренность видѣлась въ чертахъ ея спутника. Понуро, опустивъ головки внизъ, съ печальными личиками сидѣли пятеро дѣтей Павла Павловича.

По пріѣздѣ на заводы всѣ размѣстились въ выстроенномъ Вестовымъ деревянномъ домѣ, который былъ обширенъ и мѣста хватило всѣмъ. Генрихъ Генриховичъ держалъ себя полнымъ хозяиномъ, «смотрѣлъ надъ мастерами, за выдѣлкою стеклянной посуды, ея продажею и за покупкою всякихъ припасовъ».

На заводѣ стало извѣстно, что «господинъ агентъ» — женихъ Софьи Брестовны, которая поварихѣ Марѣѣ, также привезенной на заводы, какъ-то проговорила, что Шлитеръ обѣщалъ ей, Софьѣ, скорое вѣнчаніе, но она упростила его отсрочить до года со дня смерти Павла Павловича.

Черезъ двѣ недѣли агентъ уѣхалъ въ Москву и затѣмъ сталъ «многократно» посѣщать Филатьевскіе заводы. Лѣтомъ 1727 года Софья Брестовна ѣздила въ Москву со всѣмъ семействомъ и оставивалась въ домѣ Шлитера въ «особомъ флигелѣ», въ который перевезла и всѣ свои оставшіяся вещи и заложенныя у агента. Съ мѣсяцъ прожила Вестова въ Москвѣ, а потомъ со всѣмъ семействомъ и въ сопровожденіи Шлитера вернулась на заводы. Все свое имущество оставила во флигелѣ «агента», а ключъ отъ покоевъ отдала Генриху Генриховичу.

Приближался мѣсяць ноябрь 1727 года. На заводахъ Шлитеръ былъ только въ сентябрѣ, а въ октябрѣ Софьею Брестовною было получено его письмо, что «за накопленіемъ дѣлъ по коммерціи прибыть на заводы вскорѣ не можетъ». Наступило 17 ноября, годовщина смерти Павла Павловича. Съ нетерпѣніемъ ждала Вестова въ этотъ день Генриха Генриховича, но онъ не пріѣхалъ. Такъ какъ мужъ ея былъ похороненъ 23 ноября, то Софья Брестовна стало казаться, что Шлитеръ могъ принять это число за окончаніе условленнаго срока: вновь стала она ждать, и опять агентъ не пріѣхалъ. Вестова не выдержала — 25 ноября поскакала въ Москву одна. Возвратилась она домой черезъ недѣлю; какія у нея были объясненія съ Шлитеромъ, въ дѣлѣ неизвѣстно. Повариха Марѳа, близкое къ Софья Брестовна лицо, въ первыя минуты пріѣзда хотѣла спросить свою хозяйку про «обѣщанное вѣнчаніе», но убитый видъ вернувшейся и безъ словъ разрѣшалъ вопросъ.

На масленицѣ Шлитеръ посѣтилъ заводы, Софья Брестовна оживилась, но «агентъ» пробылъ два дня и съ этого времени совсѣмъ пересталъ не только бывать здѣсь, но даже принимать участіе въ наблюденіи за работами на заводѣ. На Софью Брестовну отсутствіе Шлитера произвело страшное дѣйствіе: она стала худѣть, старѣться, сѣдѣть. Дѣти замѣчали у матери потерю памяти, она нерѣдко разговаривала сама съ собою. Однако, въ Петровъ день Вестова опять уѣхала въ Москву одна, также пробыла тамъ около недѣли, но вернулась еще болѣе разстроенной, чѣмъ уѣхала.

— Я дала много Генриху ложныхъ записей,—сказала она по пріѣздѣ своей старшей дочери. Когда же та ее спросила: «Какіихъ?»—Софья Брестовна промолчала, а потомъ какъ будто про себя вновь замѣтила: «Когда-нибудь узнаете».

— Мнѣ жаль вашего отца,—говаривала она потомъ дѣтямъ:—онъ больше любилъ васъ, чѣмъ я.

Во вторую годовщину смерти Павла Павловича Софья Брестовна старшую свою дочь на ночь положила спать вмѣстѣ съ собою на одну постель.

— Я очень боюсь нынѣшняго дня,—говорила она дочери:—мнѣ кажется, что вашъ отецъ вотъ-вотъ придетъ сюда.

Въ концѣ ноября Софья Брестовна получила письмо, сразу измѣнившее ея настроеніе. Одна изъ ея знакомыхъ, жившая въ Нѣмецкой слободѣ, писала ей, какъ слухъ, что Шлитеръ сдѣлалъ предложеніе дочери Карсона, а послѣдній жилъ также въ слободѣ и считается очень богатымъ купцомъ-иностранцемъ.

— Завтра же поѣдемте всѣ въ Москву!—сказала Вестова дѣтямъ.—Этой свадьбы не можетъ быть,—говорила она старшей дочери:—онъ долженъ мнѣ написать. Наши всѣ вещи у него въ домѣ, сундукъ съ твоимъ приданымъ у него же. Мы прямо поѣдемъ на нашу квартиру въ его домѣ: пробудемъ мѣсяць-два, и все рѣшимъ.

1 декабря Софья Брестовна отправила вперед повариху Марю да дѣвокъ Пелагею и Дарью предупредить Шлитера о приѣздѣ на свою квартиру въ его домъ и приказала имъ готовить кушанья. На другой же день, 2 декабря, въ двухъ саняхъ со всѣми дѣтьми поѣхала сама: въ первыхъ она со старшей дочерью и сыномъ, а въ другихъ—остальные дѣти. Оба дня, 1 и 2 декабря, Софья Брестовна была сильно возбуждена: распорядилась на заводахъ, выбирала припасы для отправленія съ поварихой, снаряжала дѣтей, такъ что послѣднимъ стало казаться, что къ матери ихъ вернулось прежнее здоровье. Но когда она подошла къ санямъ садиться, то вдругъ поблѣднѣла и зашаталась.

— Что-то дыханіе захватило!—отвѣтила она испуганнымъ дѣтямъ:—чаю, пройдетъ,—прибавила она, садясь въ сани и отдавая приказаніе ѣхать.

Но не доѣзжая верстъ трехъ до Москвы, Софья Брестовна, сидя въ саняхъ, вновь какъ-то судорожно затрепетала.

— Охъ, тяжело! едва слышно произнесла она, вскидывая глазами. Старшая дочь нагнулась къ матери: она была мертва.

Осиротѣвшая дѣвушка, придерживая холодящій трупъ, приказала ѣхать дальше въ Москву. Едва дѣти съ тѣломъ Софьи Брестовны прибыли въ деревянный флигель двора Шлитера и послѣднему стало извѣстно о смерти Вестовой, какъ агентъ приказалъ дѣтей разъединить: старшую отправить къ себѣ въ домъ въ особые покои подъ караулъ, а остальныхъ оставить при тѣлѣ во флигелѣ также за карауломъ, ни старшей, ни младшихъ изъ дома не выпускать. Самъ «агентъ» не отдалъ послѣдняго долга человеку, ему нѣкогда близкому, и поклониться праху покойницы не пришелъ.

Четыре дня подъ караульнымъ заключеніемъ томились несчастныя дѣти Вестовыхъ, по словамъ документа, «помирая голодною смертію», наконецъ безгрѣшная невинность получила свое искупленіе. Въ Москвѣ случайно оказался прибывшимъ мужъ племянницы умершей Софьи Брестовны, капитанъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Иванъ Альбрехтъ. Онъ пришелъ навѣстить тетку жены и, конечно, сильно изумился, увидѣвъ ее трупъ, а дѣтей въ заключеніи, при чемъ къ старшей дочери Вестова, Софьѣ, его даже совсѣмъ не допустили.

Сейчасъ же послѣ посѣщенія дѣтей Альбрехтъ отправился въ московскую губернскую канцелярію, въ которой и подалъ челобитную, чтобы дѣтей изъ-подъ заключенія освободить, а мертвому тѣлу учинить осмотръ, такъ какъ «я нижайшій съ прочими сродники,—писалъ Альбрехтъ,—желаемъ вѣдать, отчего ей оная смерть скоропостижно приключилась». 7 декабря состоящимъ при канцеляріи «дохторомъ Антоніемъ Савастомъ да лѣкаремъ Яганомъ Зуромъ», бывшимъ нѣкогда при свидѣтельствovanіи смерти Павла

Павловича Вестова, тѣло Софьи Брестовны въ деревянномъ флигелѣ Шлитера осматривано.

«А по осмотру явилось, — сказано въ документѣ:—что оная Софья Вестова предъ смертію во всеѣмъ тѣлѣ весьма оскудѣла и оттого признавается, что нѣкоторою жестокою болѣзнію хворала и отъ нея умерла».

Наконецъ Альбрехту удалось какъ-то увидѣть старшую дочь Вестова Софью. Дѣвушка передала, что агентъ говорилъ ей, что «если она будетъ къ нему ласкова, то онъ отдастъ ей всеѣ пожитки отца». Софья отвѣтила, что «она скорѣе умретъ, чѣмъ будетъ къ нему ласкова».

Кромѣ капитана Альбрехта, за бѣдныхъ сиротъ вступились еще родственники Вестова: его двоюродный дядя «архіатеръ и президентъ медицинскаго факультета Діадатусъ Блюментростъ Иванъ Лаврентьевичъ и братъ покойнаго Яковъ Павловичъ, жившій въ Риѣ. Всеѣ трое они подали въ губернскую канцелярію челобитную, въ которой писали, что они «бьютъ челомъ не о своемъ дѣлѣ, ниже ради прибыли какой, а сожалѣя сиротъ, которыхъ и просятъ отдать къ нимъ на пропитаніе, а пожитки Вестова отъ Шлитера отобрать». Въ челобитной они изложили указъ Петра Великаго отъ 1714 года:

«Малолѣтнихъ, оставшихся послѣ отца, пока возраста своего приспѣютъ: мужескій до 18, а женскій до 17 лѣтъ, должны наслѣдники кормить и снабжать и учить всеѣхъ грамотѣ, а мужескій полъ и цыфирному счету, также и наукамъ, въ которыхъ приклонность кто будетъ имѣть».

Вѣроятно, участіе, принятое въ сиротахъ такимъ виднымъ медикомъ, какъ Блюментростъ, способствовало исполненію ихъ челобитной, и Шлитеру пришлось уступить.

17 декабря 1729 г. губернская канцелярія постановила сиротъ отдать на попеченіе родственниковъ, которые въ принятіи ихъ и расписались. Дѣти «согласно ихъ желанію», были отданы въ слѣдующемъ порядкѣ.

Блюментросту два сына Вестова, Иванъ и Петръ, при нихъ было перина да 2 подушки, одѣяло лисье, покрыто камкою зеленою, вѣхое; да по одному камзольчику чернаго сукна.

Альбрехту двѣ дѣвушки, Софья большая и Ульяна меньшая, при нихъ 2 перины съ двумя подушками, одѣяло атласное стеганое осиноваго цвѣта. Кромѣ того, Софья были отданы шапка соболья съ алымъ бархатнымъ верхомъ да баула съ 10 рубахами женскими, 5-ю скатертями и 2 дюжины салфетокъ.

Якову Вестову—средняя дочь, Катерина; при ней также перина съ подушкой, одѣяло выбойчатое стеганое, посуды оловянной: 5 блюды и 17 тарелокъ; 2 сковородки мѣдныя; маленькій сундучекъ съ 9 женскими рубахами, 3 простынями и съ 5 салфетками.

Въ то время, когда продолжалось дѣло объ освобожденіи сиротъ Вестовыхъ, тѣло Софьи Брестовны все находилось непогребеннымъ въ домѣ Шлитера. Послѣдній оказался настолько наглымъ, что, несмотря на то, что, по его же словамъ, «отъ мертвѣго тѣла Вестовой имѣется не малый духъ, что онъ боится какъ бы какого поврежденія отъ того тѣла не учинилось», хоронить его все-таки отказался, дерзко предлагая въ своей челобитной это «тѣло отвезти изъ его дома къ челобитчикамъ, которые вступились за дѣтей и пожитки». Блюментростъ же, Альбрехтъ и Яковъ Вестовъ также отъ погребенія отказались, ядовито замѣчая, что «у кого она послѣдніе два года жила, яко жена, и къ кому мертвая была привезена, тотъ и долженъ погребать ее».

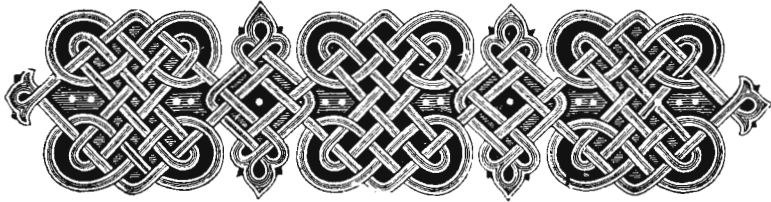
Почти 1¹/₂ мѣсяца лежало тѣло Вестовой въ домѣ Шлитера. Только 15 января 1729 г. нашелся добрый человѣкъ «Новонѣмецкой слободы изъ сѣвъжей избы полковникъ Купоръ», похоронившій Софью Брестовну на томъ же кладбищѣ, гдѣ лежало тѣло ея мужа, «своимъ коштомъ».

Дѣти Вестова были освобождены изъ когтей Шлитера, но дѣло о возвращеніи пожитковъ тянулось до начала 1733 г. Защитники дѣтей утверждали, что всѣ крѣпостныя записи на вещи и стеклянные заводы ложны, а Шлитеръ стоялъ на томъ, что давалъ деньги подъ закладъ и не получалъ процентовъ. Только въ январѣ мѣсяцѣ 1733 г., вѣроятно, по случаю выхода замужъ старшей дочери Вестова Софьи, онъ согласился возвратить «сундукъ съ ея приданымъ».

Кромѣ того, въ это же время оказалось, что Павелъ Вестовъ и въ самыя тяжелыя минуты своей «коммерціи» не забылъ родительскаго долга: Брантъ и Любсъ изъ Амстердама сообщили Блюментросту, что они высылаютъ къ нему послѣднюю часть ихъ умершаго компаніона, Павла Вестова, которая по его волѣ должна принадлежать его дѣтямъ только послѣ смерти какъ его самого, такъ и жены. Часть эта равнялась 5.000 червонныхъ.

И. С. Бѣляевъ.

ИЗЪ ПРЕДАНІЙ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

I.

Предшественники и преемники Разина.—Косолапъ, Болотниковъ, Разинъ, Булавинъ и Пугачевъ и ихъ программы.—Стенькина «прелесть».—Ея разнообразіе и неразборчивость въ средствахъ.—Стенькины титулы.—Царевичъ и патріархъ.—Вражда религіозная и сословная, какъ двигатель разищины.

СѢ наиболѣ крупныя «народныя смятенія» на Руси тѣсно связаны съ крѣпостнымъ правомъ. Крѣпостное право, введенное у насъ около 1592 года, прекратилось лишь въ 1861 году. И на протяженіи всего этого длиннаго періода крестьянство ведетъ чуть ли не непрерывную борьбу съ своими поработителями, носящую преимущественно партизанскій характеръ. Полнаго мира за это время тутъ почти никогда не бывало. Правда, временами борьба эта какъ бы затихала, замирала, но окончательно никогда не прекращалась. Опасная искра народнаго волненія постоянно мерцала—и порой разгоралась даже въ настоящую народную войну. Такихъ форменныхъ войнъ насчитывается въ теченіе «рабской эпохи» не мало—цѣлыхъ четыре. И четыре вождя прославились въ этихъ войнахъ, четыре «мужичьихъ» Спартака; то были: Хлопко Косолапъ и Ивашко Болотниковъ, дѣйствовавшіе почти одновременно, въ началѣ XVII в. (1600—1611 г.г.), на самой зарѣ крѣпостничества на Руси; потомъ—Стенька Разинъ и Пугачевъ, отдѣленные другъ отъ друга цѣлымъ столѣтіемъ (1670—1773).

Первые двое—Хлопко Косолапъ и Болотниковъ,—изъ «природныхъ холопей». Относительно Косолапа объ этомъ свидѣтельствуется самое имя его—Хлопко, повидимому, сокращеніе отъ «холопа»; о холопствѣ же Болотникова говорится прямо въ исторіи, которая называетъ его бывшимъ холопомъ «князя Телятевскаго».

Послѣдніе два Спартака—Разинъ и Пугачевъ—хотя и вышли въ вожди изъ донскихъ казаковъ, но тоже, вѣроятно всего, не чужды холопской крови, такъ какъ большинство сыновъ тихаго Дона ведетъ свою родословную отъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, искавшихъ на Дону «вольной жизни».

Замѣчательно, что хотя движенія эти, равно какъ и родственныя имъ—партизанскія, связаны между собою нѣкоторымъ единствомъ идеи—общностью программы, выразившейся въ главныхъ чертахъ стремленіемъ къ освобожденію народа отъ крѣпостного гнета, однако жъ къ этому свѣтлому, такъ сказать, началу здѣсь почти всегда примѣшивались нечистоплотныя, чисто разбойничьи вождельнія—желаніе весело пожить, сладко попить-поѣсть путемъ грабежа за счетъ не только богатей, но и бѣднаго трудящагося люда.

Съ этой стороны далеко не лишенымъ интереса представляется хотя бы краткое обозрѣніе «программъ», выставленныхъ на знаменахъ, осѣнявшихъ наиболѣе крупныя наши народныя возстанія.

Первенецъ русской «мужичьей революціи» Косолапъ поднимаетъ вольницу Сѣверской Украйны (Орловско-Курскій край, въ которомъ находится также и старинная присѣвская «вольная Камаринская земля»—нѣкогда любимый притонъ бѣглыхъ крѣпостныхъ) противъ царя Бориса и противъ бояръ и помѣщиковъ. Сподвижники его собирались повернуть все вверхъ дномъ въ старинной Москвѣ, а главное,—извести ненавистную боярщину. Въ то же время они наводятъ своими грабежами и разбоемъ страхъ не только на «верхній слой», провозглашенный народнымъ врагомъ, но и на самый народъ, на защиту котораго косолаповцы якобы подняли оружіе.

Не лучше была для народа и фактическая программа другого «народнаго печальника»—Ивашки Болотникова, появившагося вскорѣ послѣ Косолапа и дѣйствовавшаго въ смутное время послѣ гибели перваго самозванца.

Въ пьяныхъ мозгахъ «сѣверскаго атамана» Хлопки—«программа», какъ первенецъ русскихъ «народныхъ программъ», вырисовывалась еще не совсѣмъ ясно. Одно тутъ лишь было несомнѣнно: надо все «вверхъ дномъ» поставить. А что дальше—тамъ видно будетъ. На этотъ счетъ въ программѣ оказывался какъ бы пробѣлъ.

Болотниковъ восполняетъ этотъ «пробѣлъ», создаетъ какую-то евангельскую перспективу.

Бѣглый княжескій холопъ не только рѣшаетъ осуществить не удавшийся планъ Косолапа—перевести боярство, рекомендуя своимъ

соратникамъ—«черни»—безпощадно истреблять «своихъ господъ и жены ихъ», но «сулить» еще пріятно ласкающій слухъ этой черни «великій переворотъ», обѣщаетъ уцѣлѣвшихъ «баръ» поставить въ унижительное положеніе—въ мужики, и въ то же время возвеличить подлинное мужичье, сулить «безыменнымъ ворами» «боярство и воеводство, и окольниковство и дьячество», сулить «черни» господскія помѣстья и вотчины.

Бояре, говорилъ онъ, стануть мужиками, а холопы и мужики вознесутся—и будутъ «править землею». Какъ по Евангелію: первые да будутъ послѣдними. Нужды нѣтъ, что «правителей» будетъ больше, чѣмъ «управляемыхъ». Важно не это. Важно, чтобы мужикъ «повластвовалъ» надъ боярствомъ. То-то онъ потѣшится, ответеть свою душеньку!..

И на такіе «посулы» охотниковъ постоять за «болотниковское дѣло» въ «мужичьей» Украинѣ, въ Сѣверщинѣ, нашлось не мало; въ смутѣ эти чисто разбойничьи шайки сыграли видную роль, оставивъ, впрочемъ, по себѣ темную незавидную память въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Съ прекращеніемъ смуты мало-по-малу притихли и болотниковскіе идеалы.

Но далеко не совсѣмъ.

На протяженіи почти цѣлаго полувѣка тянутся безконечныя жалобы помѣщиковъ на партизанскіе набѣги бѣглыхъ крестьянъ, которые, чуть ли не открыто, «съ огненнымъ боемъ», нападали на помѣщичьи усадьбы, грабили ихъ, а чего не могли захватить съ собой—предавали въ жертву классическому «красному пѣтуху», безжалостно сжигали.

И все это нерѣдко продѣлывалось подъ звуки старинной пѣсни, оправдывавшей грабежъ «боярина», потому что:

У него казна не трудовал,
У него казна праховал,
У него казна слезовал,
У него ли съ кроволитя нажитая.

Наконецъ, около 1670 г. появляется достойный преемникъ Хлопки и Болотникова—Стенька Разинъ,—и «болотниковщина» воскресаетъ съ новой, невиданной еще раньше силой.

Практическая программа Стеньки («по тактическимъ соображеніямъ» она часто измѣнялась, сильно расширялась и дѣлалась почти неузнаваемою: подлинная сущность ея, впрочемъ, составляла тайну атамана, унесенную имъ въ могилу) отличалась краткостью и выразительностью, сближавшими ее съ революціонными планами Грознаго, Хлопки и Болотникова.

«Я пришелъ бить бояръ и богатыхъ господъ», говаривалъ Стенька, какъ бы стремясь выполнить «великое дѣло», задуманное

цѣлымъ столѣтіемъ раньше московскимъ коронованнымъ Робес-пьеромъ—Иваномъ Грознымъ.

Отличаясь, по свидѣтельству преданій и исторіи, необыкновенно сильнымъ, изобрѣтательнымъ умомъ, создавшимъ обладателю его славу великаго волшебника и чародѣя, Стенька, разумѣется, превосходно понималъ, что на одной только что приведенной нами программѣ далеко не уѣдешь. Чтобъ всколыхнуть и поднять «народное море», чтобъ тряхнуть «цѣлой Русью»,—кромѣ такой, нѣсколько общей, односторонней и не всѣмъ доступной «истребительной» программы, нужны еще иные приманки и соблазны, болѣе субъективнаго характера, на которые охотнѣе «клюетъ» не только лѣнивая чернь, но и все, что любитъ поблаженствовать на даровщинку.

И Стенька, превосходно понимавшій народную психологію, хорошо постигнутую имъ не только путемъ личныхъ непосредственныхъ наблюденій надъ живою народною массою, но, такъ сказать, и научно—путемъ наблюденія надъ психологіею народной словесности въ былинахъ и пѣсняхъ о богатыряхъ и разбойникахъ, которыя, какъ увидимъ дальше, были отлично извѣстны атаману голытьбы,—искусно пользуется и такими «приманками».

И вотъ, старинный испытанный разбойничій «кличъ» славнаго атамана новгородской вольницы Василія Буслаевича—знаменитое «слово отъ мудрости»: «кто хочетъ пить-ѣсть изъ готоваго», вести привольную беззаботную жизнь, «валися къ Васкѣ на широкій дворъ», поступай въ дружину буйнаго сына Буслая, повторяется Разинымъ въ обращеніи его къ «сударямъ-братцамъ», къ вольной «голи кабацкой», почти цѣликомъ.

И повторяется, можно сказать, съ величайшимъ и вполне понятнымъ успѣхомъ.

Та же «приманка» лѣтъ черезъ сорокъ послѣ Разина оказываетъ незамѣнимую услугу и его послѣдователю, атаману Булавину, рассылавшему такіа «прелестныя» грамоты: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аонасьевичемъ Булавинымъ погулять, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то прїѣзжайте въ черныя вершины Самарскія».

Въ томъ же духѣ раздается кличъ и булавинскаго соратника, атамана Голаго:

«Вы, голутьба, идите со всѣхъ городовъ нагіе и босые: будутъ вамъ платья и жалованье».

И на столь «ласковый кличъ» неизмѣнно отзывалась соответствующая публика, отовсюду «слетались» досужіе молодцы—«голытьба»:

Люди добрые, да хорошіе,
Все разбойнички—душегубнички.

Булавинскій бунтъ, какъ водится, былъ затушенъ кровью, жестокою расправою. О характерѣ послѣдней можно судить по грозному наказу Петра I войску, посланному усмирять бунтовщиковъ. Военнымъ отрядамъ была дана такая инструкція: «ходить по городамъ и деревнямъ, которые пристають къ воровству и оныя жечь безъ остатку, а людей рубить, заводчиковъ же на колеса и колья». Пощады никому: «ибо сія сарынь кромѣ жесточи не можетъ быть унята».

Несмотря, однако, на эту «крайнюю жесточъ», ненавистная Петру «сарынь» не была вмѣстѣ съ бунтомъ уничтожена окончательно.

Лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ булавинскаго движенія она снова воскресаетъ—и все на тѣхъ же историческихъ берегахъ тихаго Дона и Волги.

И опять созывается сюда голытьба, и опять слышится здѣсь страшная разинская заповѣдь: душишь господъ, душишь властей.

Пугачевская программа является какъ бы спискомъ съ разинской; такъ смотрѣлъ на это и народъ, который готовъ былъ даже видѣть въ лицѣ мятежнаго Емельки воскресшаго Стеньку, и тѣмъ охотнѣе, что пугачевщина почти совпала съ истеченіемъ столѣтняго «Стенькина юбилея», т. е. съ эпохой, когда, по народнымъ, преданіямъ, «батюшка Степанъ Тимооевичъ» долженъ былъ снова явиться «крещеному люду», снова начать недоконченную борьбу съ «проклятымъ дворянскимъ родомъ», побѣдить и устроить въ нашемъ отечествѣ навсегда казачье «царство правды», съ полнымъ «равенствомъ и братствомъ».

И приемы борьбы практиковались теперь тоже чисто разинскіе.

«Руби столбы, заборы сами повалятся», говаривали пугачевцы черни на своемъ воровскомъ метафорическомъ жаргонѣ.

Это значило: истребляй господъ, не оставляй на сѣмена «несытое дворянское отродье», этихъ исконныхъ разорителей и возмутителей имперіи, и все прочее само собою приложится...

Сошла въ свое время со сцены и пугачевщина, а разинская и булавинская «сарынь» все живетъ и умирать не думаетъ.

Вскорѣ послѣ пугачевского бунта на Волгѣ среди бурлаковъ, этихъ хранителей и пѣвцовъ тамошнихъ разбойничьихъ ученій и преданій, опять слышатся «старья пѣсни», проповѣдь всеобщей нивелировки, казачьяго равенства. Бурлаки не на шутку грозятъ всѣхъ уравнивать на казачьемъ «прокрустовомъ ложѣ». «Не надо шаршавыхъ, пусть всѣ будутъ гладкіе»,—вотъ бурлацкій идеаль.

Но какъ быть съ богатыми да съ «толстыми»? Рѣшеніе короткое: «всѣхъ ихъ черезъ колесо протащить», они и подравняются.

Насчетъ способовъ «привлеченія» въ ряды разинцевъ Стенька и его сподвижники отличались полною неразборчивостью. Всѣ средства тутъ считались хорошими, лишь бы достигали цѣли. На

STEPHANVS RAZINVS, PERDVELLIS
MOSCOVICVS.

Стенька Разинъ.
Съ гравюры того времени.

нравственную гармонию, на духовную солидарность при этомъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія: это считалось мелочью, пустякомъ, къ которому можно относиться совершенно равнодушно. Оттого-то здѣсь не рѣдкость встрѣтить полнѣйшія противоположности, крайности, казалось бы, рѣшительно не согласуемыя между собою. Всяческая ложь практиковалась совершенно свободно, тѣмъ болѣе, что истинныя намѣренія Стеньки, кромѣ самого атамана, были совершенно никому не вѣдомы, и самъ онъ по части лжи могъ любого Хлестакова за поясъ заткнуть.

Образцовъ этой разнообразной лжи не оберешься.

Стенька, на примѣръ, глядя по обстоятельствамъ, поговаривалъ, что онъ идетъ противъ бояръ, но стоитъ за царя; въ другое же время проповѣдывалось уже совершенно иное: выходило, что и царя не надо. Самъ Стенька царствовать не собирался и говорилъ: «Не хочу быть царемъ, хочу жить съ вами, какъ братъ».

Пріятные разговоры о равенствѣ тутъ были, конечно, только «хорошія слова», не больше. По многимъ даннымъ можно судить, что знаменитый атаманъ «на дѣлѣ» далекъ былъ отъ того, чтобы «всякаго» считать себѣ равнымъ. Одному обидѣвшему его воеводѣ онъ шлетъ такой гордый отвѣтъ: «Я не холопъ, я отъ рожденія вольный человекъ, а воевода осмѣливается говорить со мной, какъ съ холопомъ». Въ письмѣ, отправленномъ Стенькою, при посольствѣ, шаху персидскому, атаманъ надавалъ самому себѣ столько высокопарныхъ титуловъ, что передъ ними и многотитульному повелителю древняго Ирана оставалось только ахнуть отъ изумленія (самъ шахъ, впрочемъ, «укрѣпилъ» за нимъ только одинъ, да и то нелестный титулъ: «дикая свинья»). Мало того: и о коронѣ для себя онъ тоже не прочь былъ порою помечтать. Даже и новое имя на этотъ случай было подыскано: царь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ.¹⁾ Только разглашать эту мечту въ народѣ Стенька воздерживался, не считалъ для себя удобнымъ. Народъ онъ предпочиталъ морочить проповѣдью о равенствѣ да о царской «неправдѣ».

Съ цѣлью поселить въ народѣ неудовольствіе къ царской власти, противъ которой скрытный Стенька, однако, прямо выступать не рѣшался, распространялась такая сказка. Наивному люду звѣщалось, что «батюшка» Степанъ Тимоѣевичъ идетъ не самъ по себѣ, а сопровождаетъ царевича Алексѣя Алексѣевича, бѣжавшаго отъ жестокости царя, отца своего, утѣснявнаго его всячески по навѣтамъ бояръ, которые совѣмъ съ толку сбили царя и

¹⁾ Указаніе на это мы находимъ въ авторитетномъ источникѣ—въ перепискѣ Екатерины II. Въ одномъ изъ ея рескриптовъ лифляндскому генералъ-губернатору о Пугачевѣ читаемъ: «Его (Пугачева) исторія сходствуетъ во всемъ исторіи разбойника Стеньки Разина, который завладѣлъ Астраханью при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и многими городами, называя себя царемъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ». (Историческій сборникъ «Осмнадцатый вѣкъ», кн. III).

властуютъ имъ, какъ хотятъ. Царь-де «изъ боярскаго рта глядитъ», говоритъ только боярскими устами.

Идетъ, плыветъ по Волгѣ вверхъ и патріархъ Никонъ, который тоже стоялъ за народъ и за старую вѣру, и котораго тоже, какъ свою помѣху, бояре вмѣстѣ съ духовными свергли, но онъ спасенъ отъ нихъ и теперь идетъ, благословляя «за свободу и вѣру».

А чтобъ еще правдоподобнѣе казалась эта сказка о царевичѣ, тогда уже умершемъ, и о патріархѣ, которому и не грезилось стоять «за старую вѣру» и свободу, Стенька придумалъ еще такую штуку. По распоряженію атамана, были приготовлены два судна, одно было покрыто краснымъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ распространялись слухи, будто въ немъ находится царевичъ Алексѣй (или «Нечай»: потому что придетъ неожиданно-нечаянно).

Какой-то черкесскій князекъ, взятый казаками въ плѣнъ, принужденъ былъ поневолѣ играть роль царевича. Стенькины «прелестники» толковали народу, что Степанъ Тимоѣевичъ теперь идетъ возводить его на престолъ. Царевичъ, говорили они, приказываетъ всѣхъ бояръ, думныхъ людей и дворянъ и всѣхъ рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ и вотчинниковъ, и воеводъ, и приказныхъ людей искоренить, потому что они измѣнники и народные мучители; а какъ онъ воцарится, будетъ всѣмъ воля и равенство.

Насчетъ другого судна, покрытаго чернымъ бархатомъ, прелестники увѣряли, что въ немъ плыветъ самъ святѣйшій патріархъ Никонъ.

Не вездѣ, однако, можно было успѣшно «прельщать» народъ именемъ опального патріарха, выдавая его за гонимаго защитника «древляго благочестія». Мѣстами «публика» уже хорошо знала, что Никонъ не защитникъ, но гонитель «старой вѣры». Стенькины агенты и тутъ не падали духомъ, но находчиво изворачивались. Такъ, проникнувъ на дальній сѣверъ, гдѣ тогда собралось скопище противниковъ «Никоновской» реформы, они уже, конечно, не заикались о мнимомъ «Никоновомъ крѣпкостоятельствѣ» за древнее благочестіе. Соловецкимъ сидѣльцамъ нашъвалось совѣмъ другое. Стенькины эмиссары, которымъ ничего не стоило надѣть какую угодно личину, здѣсь уже, несмотря на свое разбойничье ремесло, совершенно чуждое богословію, выступали открыто въ роли поборниковъ старой вѣры въ соловецкомъ духѣ. «Постойте, братіе, за истинную вѣру», увѣщевали эти новоявленные богословы, соловецкихъ старовѣровъ, «не креститесь тремя перстами, это антихристова печать».

Короче — у разинцевъ не было ничего святого, ничего заветнаго.

Раздувая пламя сословной вражды, они не брезговали и національною, междуплеменной; вооружали, напримѣръ, черемисовъ, чувашей и мордву, разжигая въ нихъ неприязнь противъ русскихъ вообще; татаръ разгорячали фапатизмомъ магометанства.

Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрогивалъ Стенька, лишь бы произвести смуту и безпорядокъ. Холопъ вооружался на господина, противъ «бѣдой кости»; служилый на своего начальника; язычникъ и магометанинъ на христіанина. Стенька спознался даже съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать на Русь его опустошительныя орды. Бездомную гологу и босоту прямо заманивали прелестями вольной разбойничьей жизни—въ довольствѣ и сытости.

Наряду со всѣмъ этимъ циническимъ разнообразіемъ приемовъ, которымъ не многія изъ партій нашихъ дней могутъ похвастаться, разинцы не прочь были порой щегольнуть своей свободолюбивостью, отсутствіемъ, якобы, насилія, при вербовкѣ простаковъ въ свои ряды. Особенно любили блеснуть подобнымъ либерализмомъ самъ Стенька. Такъ, московскимъ «сиротамъ», попавшимъ къ нему въ плѣнъ, иногда дружески предлагалось на выборъ: вернуться домой къ мирнымъ занятіямъ, или остаться у Стеньки, поступить въ его дружину. Кто предпочелъ бы первое, тѣмъ заранѣе обѣщались полная безопасность. Дескать:

Кто не хочетъ въ бою смертью славною лечь,
Не держу. Уходи на нагрѣтую печь,
И свой вѣкъ коротай: ночью съ бабою въ клѣтъ,
А на утро спиной подъ боярскую плеть...

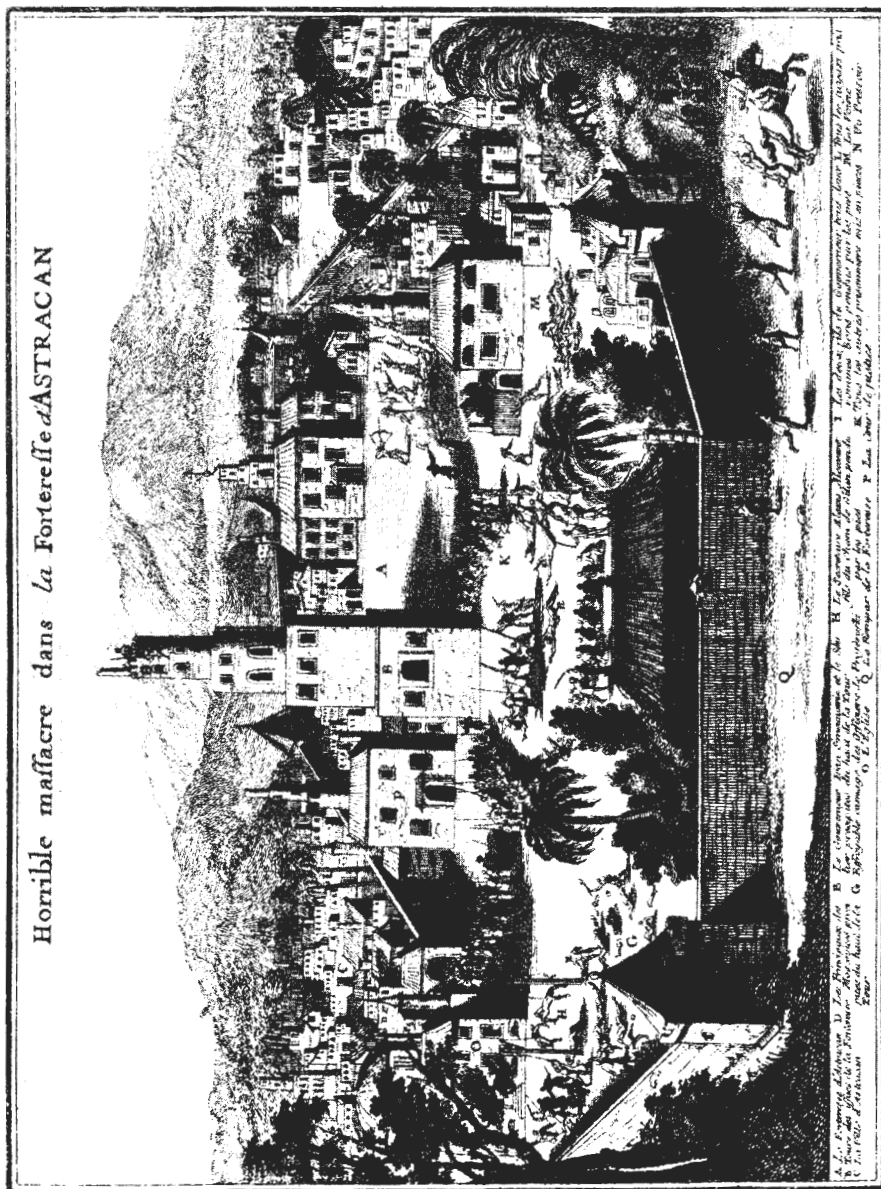
Но свобода эта, съ ироническимъ напутствіемъ, дальше словъ никогда не шла. Горе бывало тому, кто, довѣрившись ласковой Стенькиной рѣчи, увлекался «нагрѣтою печью» да забавою «съ бабой въ клѣтъ»—и оставлялъ разинскій лагерь. Такихъ наивныхъ простаковъ, чтобъ не почитать грубо и открыто атаманскаго «слова», случалось, дѣйствительно, отпускали на волю; но смерть уже сторожила эти свои жертвы: разинцы невдалекѣ достигали ихъ и... «сарынь на кичку»!

II.

Народная пѣсня у разинцевъ.—Расцвѣтъ ся здѣсь.—Гонимые царемъ скоромохи — пособники Разина.—Любопытный разинскій фарсъ.—Разинскія пѣсни.—Трудность опредѣлить ихъ.—Дворянская тюрьма.—Разинъ—самъ пѣснотворецъ.—Его вѣрнѣе участіе въ творествѣ другихъ пѣсней.

Стенька, отлично понимавшій значеніе и силу народной пѣсни, самъ отъ природы надѣленный пѣснотворческимъ талантомъ (ему приписывается нѣсколько разбойничьихъ пѣсней), повидимому, охотно насаждалъ народное пѣснотворчество среди своей сбродной рати «голодранцевъ», среди этой «голи кабацкой», черни неумытой. И, можно думать, съ большимъ успѣхомъ. Не даромъ же и въ самой народной пѣснѣ отмѣчается пѣвучее настроеніе разинцевъ.

Horrible massacre dans la Forteresse d'ASTRACAN

A. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. B. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. C. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. D. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. E. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. F. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. G. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. H. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. I. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. J. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. K. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. L. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. M. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. N. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. O. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. P. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. Q. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. R. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. S. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. T. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. U. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. V. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. W. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. X. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. Y. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722. Z. — Le fort de la ville d'Astrakhan, le 20 Mars 1722.

Разграбленіе Разиннымъ Астрахани.
 Съ гравюры того времени.

Обиліе и разнообразіе разинскихъ пѣсенъ говорятъ за то, что надъ созданиемъ ихъ потрудились не одна опытная голова—одной, даже очень талантливой, такая сложная и обширная работа была бы не по силамъ; вѣроятіе всего, головъ этихъ было не мало.

Отсюда мы въ правѣ заключить, что «пѣсенное дѣло» въ Стенькиномъ станѣ было организовано хорошо и поставлено на широкихъ началахъ. Можетъ быть, даже лучший цвѣтъ современныхъ мастеровъ-скоромоховъ подвизался на Волгѣ на этомъ поприщѣ.

И такое предположеніе нисколько не покажется неправдоподобнымъ, если только вспомнить нѣкоторые историческіе факты.

Факты же эти вотъ каковы.

Стенькинъ бунтъ разыгрался въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. А начало этого царствованія ознаменовалось небывалымъ раньше на Руси явленіемъ—грозной царской опалой, объявленной народной пѣснѣ и всему «скоморошьему чину». На пѣсню и на всякое иное скоморошество благочестивымъ царемъ былъ наложенъ «крѣпкій заказъ»—все это было запрещено. Музыкальные инструменты, эти «бѣсовскіе гудебные сосуды», приказано было всюду «вымать» и безпощадно жечь; въ то же время скоморохамъ повелѣвалось навсегда прекратить свой «сатанинскій промыселъ», выбросить изъ головы прежнюю дурь съ бѣсовскими и богомерзкими пѣснями, сидѣть смиренно да сокрушаться о своихъ прежнихъ великихъ грѣхахъ.

Съ ослушниками круто расправлялись.

Въ первый и второй разъ ихъ драли батогами нещадно. Кто же не исправлялся и снова попадался «въ третіе и четвертые», тѣхъ, какъ совершенно испорченныхъ «учениковъ сатаны», «отымали» и отправляли на окраины—въ ссылку, «за опалу».

Неисправимые, конечно, не представляли большой рѣдкости: трудно было ожидать, чтобъ «веселые» вдругъ всѣ переродились и, какъ по щучьему велѣнію, превратились изъ «бѣсовскихъ слугъ» въ святошь домостроевскаго покроя. Это было бы чудомъ, а такихъ чудесъ не слыхать. Скоморохи сошли со сцены, разумѣется, не сразу, не безъ попытокъ бороться за свое существованіе. Несомнѣнно, не мало между ними нашлось и такихъ, которые предпочли «ссылку» безропотной покорности; встрѣчались, несомнѣнно, и такіе, которые сами добровольно уходили съ царскихъ глазъ на окраины, гдѣ всякія крутыя московскія мѣры примѣнялись гораздо слабѣе.

Въ результатѣ — на окраинахъ, особенно на европейскихъ, вскорѣ, надо думать, очутилось, вольно и невольно, немалое число веселыхъ молодцовъ, созданныхъ потѣшать и забавлять крещеный людъ. Донъ и Поволжье получили ихъ, вѣроятно, больше

всего, такъ какъ тогда это былъ не только ссыльный край (Астрахань даже недавно считалась еще мѣстомъ ссылки), но и самый любимый эмигрантами-добровольцами.

На «новосельѣ» скоморохи, конечно, продолжали жить своимъ прежнимъ «промыслишкомъ», на который здѣсь всегда былъ хороший спросъ. Но на Дону и Поволжѣ водились совершенно другія птицы, мало похожія на тѣхъ, кого скоморохи тѣшили на родинѣ—на «мужичьей» Руси; тутъ была буйная вольница, головорѣзы, которые сами о себѣ игриво говаривали: «не воръ, не тать, только на ту же стать»; или: «то не покоръ, что за поясомъ топоръ (для разбоя): скажутъ—плотникъ, а не воръ».

Новымъ птицамъ и пѣсни потребовались совершенно иныя, новыя.

Они цѣнили не примученную уже тогда, осторожную «московскую» пѣсню, пѣсню подобную «стону», а другую—буйную, казацкую, босяцкую, съ кровью и пожарами; и новоселамъ-скоморохамъ поневолѣ приходилось здѣсь «перестраивать» свои струны, пѣть на новый ладъ, не по-московски. Для веселыхъ это, впрочемъ, отнюдь не представляло большой бѣды. Популярныя на окраинахъ «разбойничьи мотивы» не были совсѣмъ чужды московской народной скоморошьей музѣ. Напротивъ, «духовное родство» между ними всегда поддерживалось. Скоморошье ремесло у «веселыхъ», случалось, и на родинѣ соединялось съ похождениями по большимъ дорогамъ, ничѣмъ не отличавшимися отъ самаго заправскаго разбоя, процвѣтавшаго на Дону и Волгѣ. Походженія эти попали даже въ московскія пѣсни «веселыхъ». Скоморошьи идеалы, слѣдовательно, иногда сходились съ вождедѣніями той донской и поволжской голи кабацкой, которая всегда готова была «подъ дорогой стоять, вилуны-шубы снимать», поразбойничать и на синемъ морѣ, и на сушѣ.

И потому, намъ кажется, перестройка сравнительно мирной, хотя и по необходимости, московской лиры на буйный казачій ладъ совершалась довольно легко, безъ особенныхъ угрызений искони покладистой совѣсти тароватыхъ скомороховъ. «Съ волками жить, по-волчьи и выть». Нечего, стало быть, тутъ и спорить о пустякахъ. Лучше пользуйся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, той «свободой слова», о которой на рабской Москвѣ и слыхомъ не слыхать, да развертывайся во всю, отводи скоморошью душу надъ ненавистнымъ боярствомъ—опорой Москвы.

И вотъ развернулась скоморошина, развернулась не на шутку. Загудѣла, заиграла «кровавая», хотя нерѣдко и мрачная, безнадежно-госкливая, разбойничья пѣсня на берегахъ тихаго Дона и волжскаго понизовья; и не только такія пѣсни, но даже, того же пошиба, цѣлыя сцены, повидимому, созданы были тогда здѣсь «веселыми», которымъ нежданно-негаданно выпала на долю честь воспѣть «дѣянія» донской и поволжской гольтыбы.

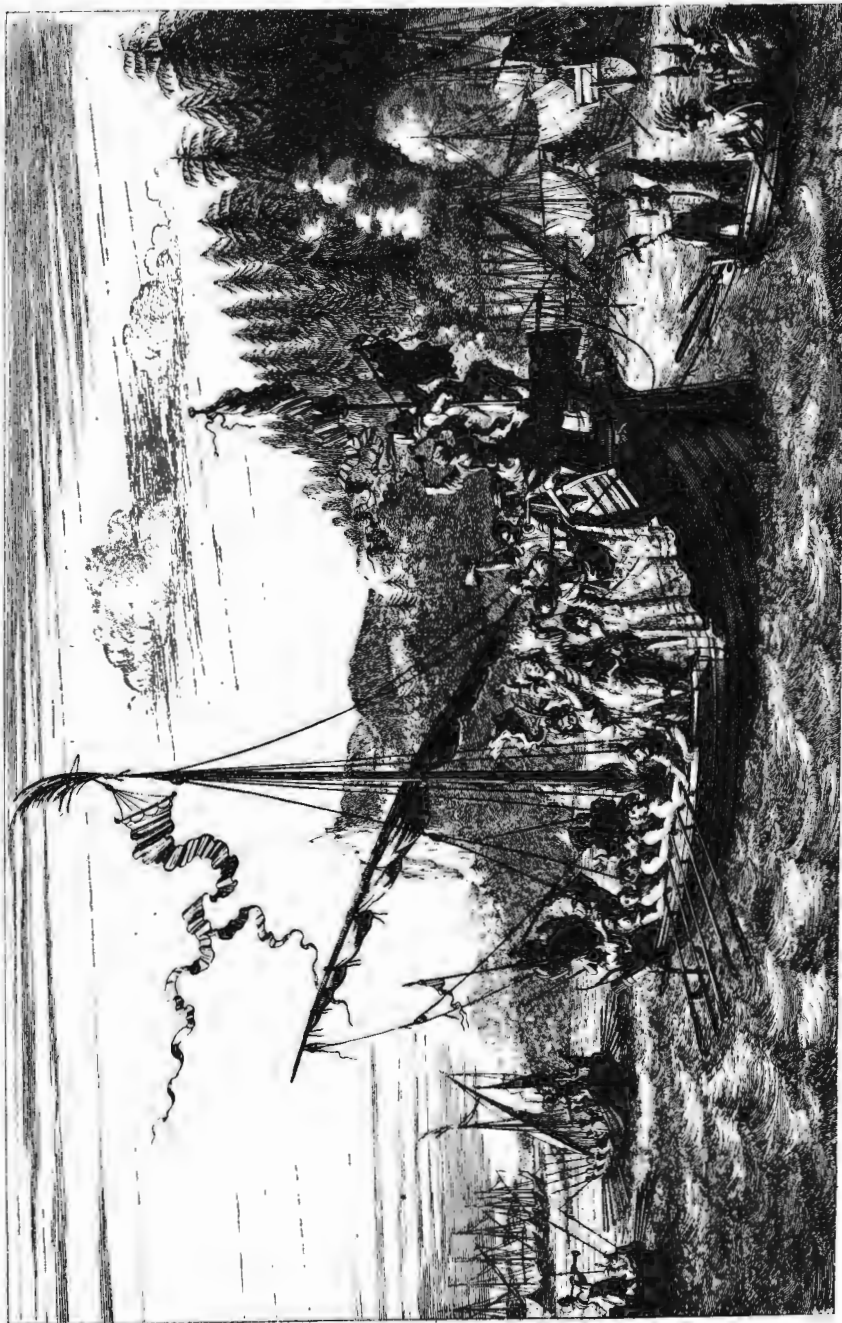
Съ этой стороны разинская эпоха представляетъ величайшій интересъ.

Съ прекращеніемъ разинскаго бунта многимъ плодамъ такой скоморошней музы, разумѣется, пришлось вскорѣ сгинуть изъ народной памяти, какъ «мятежнымъ воззваніямъ», но и то, что сохранилось въ ней изъ этой словесности, свидѣтельствуегъ уже о быломъ расцвѣтѣ ея въ разгаръ Стенькина бунта.

При отсутствіи у насъ полной всесторонней исторіи русской народной пѣсни, намъ теперь не легко разобраться въ вопросѣ: что именно изъ сохранившейся разбойничьей скоморошины можетъ быть «достоверно» отнесено къ собственно разинской эпохѣ. Далеко не всегда помогаетъ здѣсь даже и прямое упоминаніе въ пѣсняхъ имени Разина, ибо и относительно такихъ пѣсенъ возможны только догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, не больше. И это потому, что при ближайшемъ знакомствѣ съ нашею народною пѣнью скоро убѣждаешься, что здѣсь позанимствованіе въ большей или меньшей степени, до явнаго плагиата включительно, всегда практиковалось свободно. Въ особености въ историческихъ пѣсняхъ, гдѣ иногда съ этой цѣлью примѣнялись даже самые примитивные способы. Бралась, напримѣръ, какая-нибудь популярная пѣсня или былина, вмѣсто имени прежняго героя вставлялось новое, современное, и дѣло въ шляпѣ: плагиаторъ пожиналъ лавры. Иногда это дѣлалось даже просто съ самымъ благимъ намѣреніемъ: чтобъ спасти пѣсню, опальное или неудобное для даннаго момента имя замѣнялось другимъ. Оттого то мы нерѣдко видимъ теперь историческія пѣсни двухъименныя: въ одномъ, напримѣръ, вариантѣ рѣчь идетъ о Грозномъ, а въ другомъ, смотришь, вмѣсто Грознаго—уже Петръ I; или: здѣсь — о Разинѣ, а тамъ — (это мы видимъ въ двухъименной пѣснѣ «А по край было моря синяго») уже о Ермакѣ, покорителѣ Сибири, о которомъ послѣ Стенькина бунта можно было пѣть гораздо свободнѣе, чѣмъ о Разинѣ. Знаменитый Ванька Каинъ весьма удачно «приспособляетъ» старинную пѣсню о правожѣ къ собственной судьбѣ и появляется какъ бы новая съ превосходнымъ, уже чисто каиновскимъ началомъ: «Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка», и т. д.

При столь вольномъ обращеніи «пѣвцовъ» и пѣснотворцевъ съ чужимъ добромъ и съ народной исторіей, понятно, на пѣсенныя имена и событія полагаться далеко не всегда можно, не рискуя впасть въ грубую ошибку. Невольно приходится критически относиться къ этому матеріалу и пользоваться имъ съ большою осторожностью, когда пѣсенная «исторія» находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ, болѣе достоверныхъ данныхъ.

Но, держась этого правила, мы пришли къ убѣжденію, что «разинскій отдѣлъ» въ нашей народной словесности все-таки весьма богатъ и разнообразенъ. Добрыхъ десятка два, большею частью

Разинъ бросаетъ въ Волгу свою любовницу.
Съ гравюры того времени.

очень хорошихъ, составленныхъ по лучшимъ стариннымъ образцамъ пѣсенъ можетъ быть отнесено въ этотъ отдѣлъ, — богатство, которымъ, кромѣ Разина, не можетъ похвастаться ни одно изъ нашихъ самыхъ популярныхъ историческихъ именъ, не исключая даже князя Владимира и Ивана Грознаго.

Къ разинской же народной словесности долженъ быть по справедливости отнесенъ также одинъ фарсъ, весьма любопытный, какъ выхваченный, повидимому, непосредственно изъ жизни эпизодъ пропаганды разинскихъ молодцовъ—путемъ, такъ сказать, нагляднаго «обученія» недогадливой темной «черни мужицкой». Содержаніе фарса слѣдующее. На сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ: на головѣ горлатная шапка изъ дубовой коры; самъ—надутый, чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ: кучи щепня, неску, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости, но бояринъ ругаетъ ихъ, гонитъ прочь.

— Ой, бояринъ, ой, воевода, любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой, — говорятъ челобитчики — и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затѣмъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Тутъ же является купецъ и начинаетъ считать камешки, избражающіе деньги. Лохмотники бросаются на него и тормошатъ.

— Дѣлись съ нами, — кричатъ ему. — Награбилъ, дескать, съ народа за гнилой товаръ...

Отобравъ деньги и расправившись съ бояриномъ и купцомъ, добрые молодцы отправляются какъ бы «во царевъ кабакъ», пьютъ по чарѣ зелена вина и поютъ:

Ребитушки, праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкѣ-Волгѣ праздникъ!
Сходися, голытьба, на праздникъ!
Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Въ заключеніе скоморохи обращались къ толпѣ въ такихъ выраженіяхъ:

— Эй, вы, купцы богатые, бояре тароватые, ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую.

Фарсъ этотъ, полный горячей, неподдѣльной ненависти «голытьбы» къ купцамъ богатымъ и боярамъ тароватымъ, къ воево-

дамъ и приказнымъ, мы не колеблясь готовы отнести къ разинской эпохѣ—и дѣлаемъ это по слѣдующимъ вѣскимъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, по хронологическимъ.

Покойный Михневичъ, которымъ нашъ фарсъ впервые напечатанъ, прямоговоритъ о популярности его въ Великороссіи въ XVII в., т. е. въ томъ же самомъ столѣтїи, когда жилъ и подвизался Стенька Разинъ.

У Михневича, къ сожалѣнію, не указано, откуда добыты имъ этотъ фарсъ и свѣдѣнія объ извѣстности и даже популярности его въ XVII в. Тѣмъ не менѣе, отношеніе фарса именно къ этому, а не къ какому-либо другому вѣку не можетъ возбуждать никакихъ серьезныхъ сомнѣній. Въ пользу этого, прежде всего, языкъ фарса — несомнѣнно, бойкая донетровская скоморошина, слѣдовъ которой позднѣе XVII в. у насъ совсѣмъ не видать.

Потомъ: нѣкоторыя мѣста фарса сами вѣмъ, такъ сказать, своимъ существомъ говорятъ какъ о времени появленія ихъ на свѣтъ Божій, такъ и о связи ихъ съ разинскимъ движеніемъ — съ «великою Стенькиною дурастью».

Здѣсь, напримѣръ, мы читаемъ:

У батюшки праздникъ, праздникъ!
 На матушкѣ-Волгѣ праздникъ!
 Сходица, гольтьба, на праздникъ!
 Готовитесь, бояре, на праздникъ!

Развѣ это не «листочекъ» изъ самой чистѣйшей Разинщины?
 «У батюшки праздникъ, праздникъ, на матушкѣ-Волгѣ праздникъ».

Да это, безъ сомнѣнія, праздникъ у Степана Тимошеевича, у волжскаго атамана гольтьбы, который, по свидѣтельству пѣсенъ и исторїи, былъ героемъ-кумиромъ и отцомъ - покровителемъ всякой буйной бѣглой «босоты» на Дону, питалъ глубокую ненависть къ зажиточнымъ классамъ, даже къ зажиточнымъ собратьямъ-казакамъ «кармазинникамъ», «думалъ крѣпку думушку» только «съ гольтьбою», и котораго разинцы иначе и не называли, какъ «батюшка», батюшка Степанъ Тимошеевичъ... Никакого иного «батюшки», кромѣ Степана Тимошеевича, фарсъ не могъ тутъ имѣть въ виду, ибо до Разина наша исторїя на Волгѣ другого подобнаго батюшки не знаетъ.

«Сходица, гольтьба, на праздникъ... Эй, вы, кунцы богатые, бояре тароватые, ставьте меды сладкіе... Принимайте голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую»...

Въ этомъ торжествующемъ побѣдномъ кличѣ «голи» живо слышится «разинское эхо», чувствуется какъ бы сценическое переложеніе «разинскихъ» прокламацій—этихъ «предестныхъ грамотъ», кото-

рыми такъ горячо интересовалась и страстно увлекалась русская чернь разинскихъ временъ.

О «потѣхѣ» надъ боярствомъ и купечествомъ распространяться совѣмъ уже не стоитъ: она могла служить прекраснымъ средствомъ наглядной пропаганды Стенькиной программы и въ разинскомъ станѣ, и всюду въ другихъ мѣстахъ, куда только проникли на проповѣдь отважные разинскіе апостолы.

Особенный восторгъ тутъ у публики, надо полагать, вызывала «картинка», «какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ», потѣшаются надъ «бѣлою костью», прямо рассчитанная на грубые вкусы толпы, проникнутой ненавистью къ боярству, вообще къ «господамъ».

Покончивъ съ фарсомъ, возвращаемся къ разинскимъ пѣснямъ. Къ этой категоріи можно отнести слѣдующія: «А и по край было моря синяго»—сказаніе о легендарномъ хожденіи Стеньки посломъ къ султану и о заточеніи его въ Азовъ; «У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону»; «Что пониже было города Саратова»; «Ужъ какъ по морю, по морю синему»; «Ужъ вы горы, мои горы», «Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани»; «Какъ на матушкѣ на Волгѣ легка лодочка плыветъ»; «Изъ славнаго изъ устьяца синя моря»; «Ахъ, туманы вы, мои туманушки»—заунывную пѣсню, описывающую заточеніе товарищей Разина; «Какъ бывало мнѣ ясну соколу да времечко»; «Помутился славный тихій Донъ»; «Выпала пороша на талую землю»; «Ай, усы, усы появились на Руси»—и нѣсколько другихъ ¹⁾.

Въ разинскихъ пѣсняхъ больше всего, конечно, отводится мѣста самому «атаману-батушкѣ», Степану Тимофеевичу. Не забываются, впрочемъ, и его видные сподвижники. Напримѣръ, пѣсня «Ай, усы, усы появились на Руси» посвящается одному эпизоду изъ подвиговъ Стенькина «намѣстничка» въ Астрахани—кровожаднаго атамана Васьки Уса; здѣсь съ большою живостью и реальностью, и даже не безъ юмора, описывается набѣгъ Уса со своею шайкою на дворъ богатаго мужика и вымучиваніе у него «огненной пыткой» завѣтной кубышки съ деньгами. Въ пѣснѣ «Какъ бывало мнѣ ясну соколу да времечко» воспѣтъ братъ Стеньки, Фролка, окончившій свои дни въ тяжелой неволѣ, «во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ». Народные пѣвцы разинщины охотно также посвящали свою лиру вообще прославленію Стенькиныхъ «дѣтокъ», воспѣвая ихъ чудесныя похождения, дѣйствительныя и вы-

¹⁾ Въ нашей литературѣ высказывалась догадка, что и извѣстная юмористическая пѣсенка, вошедшая теперь даже въ дѣтскія хрестоматіи, о войнѣ грибовъ, также относится къ разинской народной словесности, представляя, будто бы, собою повѣствованіе объ осадѣ разинцами Далматова монастыря. Мы, однако, скорѣе готовы отнести эту маскированную пѣсню къ пугачевщинѣ, къ которой она и по обстоятельствамъ, и по языку лучше подходитъ.

мышленные. Въ томъ же родѣ замѣчательна еще пѣсня «Выпала пороша на талую землю»—какъ сжатое и картинное отраженіе разбойничьей карьеры отъ «выступленія» шайкой на добычу до неизбежнаго конца «на плашкѣ», подъ топоромъ, гдѣ-нибудь на Козьемъ болотѣ; вотъ эта «воровская пѣсенка», имѣющая нѣсколько вариантовъ:

Выпала пороша на талую землю;
По той порошѣ да ѣхала свадьба ¹⁾.
Во первыхъ саняхъ сидитъ попъ Емеля,
Сидитъ попъ Емеля, а крестъ на рамени,
А крестъ на рамени въ полторы сажени!.
Обозъ объѣзжаетъ, крестомъ ограждаетъ,
Кого ограждаетъ, тотъ ногами дрягаетъ.
Встрѣчали свадьбу въ Марьиной рошѣ,
Въ Марьиной рошѣ, у красной сосны,
Вѣнчали ту свадьбу на Козьемъ болотѣ,
На Козьемъ болотѣ, на курьемъ колодцѣ,
А дружка да свашка топорикъ да плашка.

Послѣ каждаго стиха характерный припѣвъ:

Охо-хо, князь Иваны, охо-хо, харлацаны!

Но это не всегда. Насчетъ же духовныхъ подвиговъ «попа» въ нѣкоторыхъ вариантахъ есть еще болѣе характерныя подробности. Напримѣръ, говорится, что онъ, идучи навстрѣчу «той свадьбѣ», далъ «поѣзжанамъ» такое «духовное» поученіе:

Богъ вамъ въ помощь красть-воровать,
Красть-воровать, на разбоѣ стоять!

А по другому варианту:

Дѣти, мои дѣти, давай свадьбу пѣти,
Давай свадьбу пѣти, ступайте-ка въ клѣти ²⁾.

¹⁾ На воровскомъ языкѣ свадьба—убійство.

²⁾ Попъ Емеля въ нашихъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ личность вообще популярная. Проф. Безсоновъ, издатель пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, склоненъ даже видѣть въ немъ опредѣленное историческое лицо, опираясь, главнымъ образомъ, на то, что въ одномъ изъ пѣсенныхъ вариантовъ «въ поѣздѣ» упоминается еще «во четвертыхъ саняхъ»—«самъ Гришка съ Маринкой», которыхъ ученый издатель пѣсенъ, не обинуясь, отождествляетъ съ первымъ самозванцемъ и Мариною Мишкевъ. Мы, однакожъ, зная, какъ свободно и совершенно безцеремонно наши народные пѣвцы обращались съ историческими именами и хронологіей, не можемъ всецѣло раздѣлить такой взглядъ. Почва здѣсь настолько шаткая, непрочная, что если бы даже, подобно проф. Безсонову, вполне довѣриться пѣсеннымъ именамъ, то и тогда колебанія все-таки были бы неизбежны. Прежде всего—историческаго попа Емели не существуетъ, личность эта—легендарная; даже постоянного имени у этого попа нѣтъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ называется уже иначе: Семень, Еремей. Въ то же время пѣсня о Емельѣ можетъ быть приурочена къ другому, позднѣйшему историческому батькѣ—

Языкъ пѣсни, какъ и всѣхъ ей подобныхъ, отличается темною, загадочностью, «непосвященному» въ немъ не разобраться.

Особенно любопытна здѣсь припѣвка: «Охо-хо, князь Иваны, охъ-хо, харлапаны», отъ которой вѣетъ древней скоморошиной.

«Охо-хо, охо-хо», или, какъ, пожалуй, звучнѣе говорится въ иныхъ пѣсняхъ: «ихъ, вохъ-вохъ» — скоморошья протяжная прибаутка, встрѣчающаяся даже въ современныхъ намъ частушкахъ, которыя этнографы не безъ основанія считаютъ продолженіемъ угасшей было скоморошины.

Но вотъ вопросъ: что за смыслъ припѣвки? Укоризненное ли это обращеніе къ помѣщикамъ, которыхъ разбойники грабили, (князь Иваны, харлапаны: горлопанъ—крикунъ, горланъ), или же это исполненное важности обращеніе разбойниковъ къ самимъ себѣ: мы, дескать, тоже теперь господа, горлопаны, даже повыше—на князей покрикиваемъ! Кажется, вѣрнѣе послѣднее. А въ результатѣ — «дружка да свашка, топорикъ да плашка», что значитъ на воровскомъ жаргонѣ—смерть отъ руки палача.

Къ слову сказать, пѣсня эта, на ряду съ фарсомъ, о которомъ говорилось выше, можетъ быть по своимъ намекамъ причислена къ немногочисленнымъ «документамъ» народной исторіи, освѣщающимъ отношеніе разинцевъ къ помѣщикамъ, чьимъ заклятымъ врагомъ провозгласилъ себя Стенька.

Въ этомъ же родѣ любопытно еще народное преданіе, связанное съ однимъ дикимъ ущельемъ на Волгѣ, носящимъ громкое названіе—«тюрьма Стеньки Разина». Тамъ, говорятъ, въ мрачныхъ подземельяхъ онъ запиралъ взятыхъ въ плѣнъ «господъ»; слѣдовательно, это была специально «барская темница», гдѣ «господа» хранились въ тяжкомъ заключеніи до того страшнаго часа, когда Стенькѣ угодно было ихъ «пожаловать» — позвать «на лютую казнь».

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ говорится еще о прелестяхъ «казначей жизни» у Стеньки; въ другихъ—о необычайной крутости и свирѣпости атамана, о его чародѣйствѣ, о чемъ еще больше, впрочемъ, повѣствуется въ народныхъ преданіяхъ.

Въ первой категоріи особенно характерна пѣсня:

въ кадомскому попу Саввѣ, современнику и послѣдователю Стеньки Разина, прославившемуся разбоемъ въ Кадомскомъ уѣздѣ. Отождествить этого Савву съ пѣсеннымъ Емелей тѣмъ легче, что въ одномъ вариантѣ говорится еще о спутницѣ Емели — колдуньѣ-попадѣ Оленѣ, которая разбойникамъ гадала—«на воду смотрѣла»: у Саввы, дѣйствительно, была какъ разъ такая спутница, тоже разбойница—«старуца Олева», великая волшебница, съ которою постоянно «ворожилъ» разинскій атаманъ въ Кадомѣ. Но мы думаемъ, что поппъ въ пѣснѣ нущенъ тутъ только для эффекта, рѣчь же въ ней идетъ просто о разбойникѣ, метафорически сопоставленномъ съ попомъ.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
 Породился удалъ добрый молодецъ,
 По имени Стенька Разинъ Тимошеевичъ!
 Во казачій кругъ Степанушка не хаживаль,
 Онъ съ нами, казаками, думу не думываль,—
 Ходилъ гуляль Степанушка во царевъ кабацкъ;
 Онъ думаль крѣнку думушку съ голытьбою.
 Судари мои братцы, голь кабацкая!
 Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
 Разобьемъ, братцы, басурманскій корабль—
 Возьмемъ мы казны сколько надобно.

Любопытна и другая подобная пѣсня: «Что пониже было города Саратова», въ которой ѣдущіе на стружкахъ Стенькины «удалые молодцы, воровскіе казаки» изображаются въ такомъ привлекательномъ видѣ:

На нихъ шапочки соболы, верхи бархатные,
 На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
 На нихъ штаники кумачны во три строчки строчены,
 На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ!

И живетъся имъ вольготно-весело:

Какъ и сѣли, да гребнули, пѣсенки зачѣли.

Въ третьей пѣснѣ той же категоріи Стенька такъ благодаритъ море синее:

Спасибо те, спасибо, морю синему,
 Еще жъ, братцы, спасибо Колыванскому острову.
 А и ушито тутъ было много, братцы, зеленого вина,
 Еще жъ, братцы, уѣдено сорочинскаго пшена,
 Еще жъ, братцы, уношено цвѣтнаго платья ¹⁾.

О необыкновенной лютости Разина и его «дѣтушекъ» не мало говорится и въ народныхъ преданіяхъ, и въ исторіи. При всякихъ народныхъ возстаніяхъ жестокость, обыкновенно, занимаетъ видное мѣсто. Но разинская изобрѣтательность по этой части, кажется, мало найдетъ себѣ достойныхъ соперниковъ. Не оставиваясь здѣсь на утонченно-жестокихъ мучительскихъ расправахъ съ московскими воеводами и прочими начальными людьми, въ особенности же съ астраханскимъ митрополитомъ, укажемъ лишь нѣсколько особенныхъ, выдающихся случаевъ мучительства простыхъ людей—черни и казаковъ, совершавшагося иногда даже ни съ того ни съ сего надъ ни въ чемъ неповинными людьми, просто ради дикой кровавой потѣхи. Такъ, по преданію, бунтовщики начиняли женщинъ порохомъ... Для чего бы, вы думаете? Да только ради забавы. Живыя мины зажигались, и разинцы тѣшились чудовищнымъ зрѣлищемъ!..

¹⁾ Григорьевъ. Архангельскія былины. М. 1904 г.

Сохранилось извѣстiе о не менѣе лютомъ мучительствѣ казаковъ, когда Стенька, разбитый подъ Симбирскомъ, «прибѣжалъ» на Донъ «подымать» ихъ на Москву. Затѣя не удалась—среди казаковъ тогда началась уже реакція,—и Стенькины воззванiя принимались не только холодно, но и враждебно; и вотъ, въ неистовой злобѣ, Стенька звѣрски принимается вымещать свою неудачу на попавшихся ему въ руки противникахъ—жжетъ ихъ живьемъ въ печи вмѣсто дровъ!

Изъ пѣсенъ про Стенькину лютость типичною можно считать ту, въ которой повѣствуется о намѣренiи его жестоко расправиться съ астраханскимъ воеводою, осмѣлившимся «схватить» разинскаго посланца—воровскаго казака, возмущавшаго Астрахань; въ пѣснѣ посланецъ этотъ называется «Стеньки Разина сыномъ», какъ величались всѣ воровскiе казаки.

Стенька, узнавъ о печальной судьбѣ сына путемъ вѣдательства (закручинившись, велитъ зачерпнуть воды «съ правой стороны» и подать ему «съ правой руки»—смотреть и видѣть, что его «сынъ» въ Астрахани «въ побѣдности сидитъ, въ побѣдности сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ»), общается расправиться съ астраханскимъ воеводою по-свойски, велитъ плыть къ Астрахани, прямо «къ бѣлокаменной тюрьмѣ»—и говорить:

Бѣлокаменну тюрьму всю по камню разберу,
Съ астраханскаго губернатора съ жива кожу сдеру!

И исполняетъ-таки, какъ гласитъ пѣсня, этотъ страшный обѣтъ.

Въ преданiяхъ, записанныхъ Якушкинымъ на Поволжьѣ, случай «сдиранiя шкуры» съ живого воеводы тоже приводится, только по другому поводу. Именно—по поводу любимой Стенькиной шубы, которую алчный воевода насильно забралъ у Разина въ подарокъ. Стенька ушрался, да ничего подѣлать не могъ,—воевода грозилъ доносомъ царю. Отдавая шубу, онъ, однако, зловѣще замѣтилъ: «Вотъ тебѣ, воевода, шуба, только не было бы шума».

И потомъ нагрянулъ къ воеводѣ со своимъ молодецами въ гости и съ него живого содралъ-таки шкуру.

Кстати, типичное преданiе это обратило на себя вниманiе А. С. Пушкина и послужило даже ему темой для слѣдующей, не допущенной въ царствованiе Николая I въ печать, пѣсенки:

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань-городъ
Торговать товаромъ:
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатя,
Нарчи золотя.

Сталь воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.
 Ему Стенька Разинъ
 Не отдаетъ шубы.
 «Отдай, Стенька Разинъ,
 «Отдай съ плеча шубу,
 «Отдашь—такъ спасибо,
 «Не отдашь—повѣшу,
 «Да во чистомъ полѣ,
 «На зеленомъ дубѣ,
 «Да въ собачьей шубѣ».
 Сталь Стенька Разинъ
 Думать думу:
 «Добро, воевода, возьми себѣ шубу,
 «Возьми себѣ шубу,
 «Да не было бы шуму».

Мы уже отмѣчали Стенькино чародѣйство въ пѣснѣ о разинскомъ сынкѣ. Еще ярче оно выступаетъ въ пѣснѣ: «Ужъ вы горы, мои горы», замѣчательной также, помимо своего содержанія, легкостью и музыкальностью языка. Сюжетъ—сказаніе о томъ, какъ астраханскіе воеводы, которымъ никакъ не удавалось доконать Стеньку, потому что этого чернокнижника ни пушки, ни ружья не брали, пытались было «залучить» волшебника-атамана черезъ приманку—красавицу Машу.

Стенька, однакожъ, и тутъ извернулся затѣйливымъ образомъ—посредствомъ стакана воды. Но, вмѣсто пересказа, лучше приведемъ всю пѣсню—она стоитъ того:

Ужъ вы горы, мои горы!
 Прикажите вы, горы, подь собою намъ постояти,
 Намъ не годъ-то годовати,
 Не недѣлюшку стояти—
 Одну ночку ночевати
 И тою намъ всю не спати,
 Легки ружья зарядати,
 Чтобы Астрахань намъ городъ
 Во глуху полночь проѣхать,
 Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
 Чтобъ никто насъ не услышалъ.
 Какъ увидѣлъ и услышалъ
 Астраханскій воевода,
 Приказалъ же воевода
 Сорокъ пушекъ зарядати,
 Въ Стеньку Разина стрѣляти.
 Ваши пушки меня не возьмутъ,
 Легки ружьца не проймаютъ;
 Ужъ какъ возьметъ ли не возьметъ
 Астраханска дѣвка Маша.

По бережку Маша ходитъ,
 Шелковымъ платкомъ машетъ,
 Шелковымъ платкомъ махала,
 Стеньку Разина прельщала;
 Стеньку Разина прельстила,
 Къ себѣ въ гости заманила,
 За убранный столъ посадила
 Пивомъ, медомъ угостила
 И до пьяна напоила,
 На кровать спать положила
 И начальству объявила.
 Какъ пришли къ нему солдаты,
 Солдатушки молодые,
 Что сковали руки-ноги
 Желѣзными кандалами,
 Посадили же да Стеньку
 Во желѣзную во клѣтку,
 Три дня по Астрахани возили,
 Три дня съ голоду морили.
 Попросилъ же у нихъ Стенька
 Стаканъ воды напиться
 И во клѣткѣ окатиться.

И немедленно же совершилось волшебство:

Онъ въ клѣткѣ окатился—
 И на Волгѣ очутился.

Кстати сказать, Стенькино волшебство съ водою, посредствомъ которой онъ умудрялся, подобно Фаусту, исчезать изъ темницъ, несмотря на самый зоркій присмотръ, весьма популярно въ народныхъ преданіяхъ. Въ одной изъ такихъ легендъ, записанной Якушкинымъ со словъ казака, это выражено довольно поэтически.

Бывало—повѣствоваль Якушкину казакъ-разказчикъ о Разинѣ—его засадятъ въ острогъ. Хорошо. Приводятъ Стеньку въ острогъ. «Здорово, братцы», крикнетъ онъ колодникамъ. «Здравствуй, батюшка нашъ, Степанъ Тимооевичъ...» А его ужъ всё знали.—«Что здѣсь засидѣлся, на волю ужъ пора выбираться».—«Да какъ выберешься,—говорятъ колодники:—сами собой не выберешь, развѣ твоими мудростями».—«А моими мудростями, такъ, пожалуй, и моими». Полежитъ такъ маленько, отдохнетъ, встанетъ.—«Дай, скажетъ, уголь». Возьметъ этотъ уголь, напишетъ на стѣнѣ лодку, насажаетъ въ ту лодку колодниковъ, плеснетъ водой: вода разольется отъ острога до самой Волги; Стенька съ молодцами грянуть ибѣню — да на Волгу. Ну, и поминай, какъ звали.

Однако господа наконецъ догадались, продолжалъ казакъ, и приказали: будетъ Стенька просить испить—не давай воды, пой квасомъ... А Стенька съ квасомъ ничего не подѣлать. Такъ и изловили...

По другому преданію, впрочемъ, Стенька гибнетъ не отъ кваса, а отъ соборнаго проклятія.

Митрополитъ проклялъ этого «еретика» и волшебника семью соборами.

Товарищи Разина, узнавши про эту страшную клятву, не рѣшились больше служить великому еретіку, связали его и отправили въ Москву. Стенька, ѣдучи, сидитъ въ желѣзахъ, да только посмѣивается. Привезли его въ Москву и посадили въ тюрьму. Стенька дотронулся до кандаловъ разрывъ-травою—кандалы спали; потомъ Стенька нашель уголекъ, нарисоваль на стѣнѣ лодку и весла и воду, все, какъ есть, да, какъ извѣстно, былъ колдунъ, сѣлъ въ эту лодку и очутился на Волгѣ. Только не пришлось больше гулять. Ни Волга-матушка, ни мать сыра земля не приняли его... Бродитъ, какъ Каинъ, еретикъ проклятый...

Одно изъ преданій гласитъ еще, что пришлось прибѣгнуть къ «священнымъ средствамъ», чтобы «побѣдить» Стеньку. Когда его привезли въ Черкасскъ, то казаки очень боялись, чтобы онъ не ушелъ изъ неволи: на то онъ былъ и чернокнижникъ; никакая тюрьма не удержала бы его, никакое желѣзо не устояло бы противъ его вѣдательства. Поэтому его сковали священою цѣпью и содержали въ церковномъ притворѣ, надѣясь, что только сила святыхъ уничтожитъ его волшебство. Говорятъ, будто въ Черкасскѣ даже и до сихъ поръ сохраняется эта священная цѣпь въ кладовой при соборѣ, какъ реликвія...

Нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить еще, что и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, повидимому, искренно вѣрилъ въ Стенькино чародѣйство; въ царской «сказкѣ» 1672 г., возвѣщающей о поимкѣ «заводчика всякаго зла» Стеньки и о томъ, что наконецъ-то онъ плѣнникомъ «не хотяще привезенъ къ Москвѣ», прямо говорится, что этого удалось достигнуть только по особой благодати свыше—«силою Вожіею, чрезъ архіерейскія молитвы»¹⁾.

III.

Подражаніе Разина былиннымъ героямъ.—Дунай Ивановичъ, вѣщій Олегъ, Всеславъ Полоцкій, Васька Буслаевъ и Садко гость—Стенькины образцы.

Мы считаемъ Стеньку, какъ уже упоминалось выше, глубокимъ знатокомъ нашей народной словесности, которою онъ искусно воспользовался для своихъ мятежныхъ цѣлей.

Не лишнее здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ любопытномъ вопросѣ.

Въ Стенькиной дѣятельности особенно ярко выступаютъ отголоски народныхъ преданій о вѣщемъ Олегѣ, былинъ о богаты-

¹⁾ Астраханск. Губ. Вѣд. № 46, 1844 г.

ряхъ (Дунай Иваловичъ, Васька Буслаевичъ), волшебникахъ (чародѣй Всеславъ, князь полоцкій,—изъ «Слова о полку Игоревѣ»).

Вотъ примѣры.

О вѣщемъ Олегѣ сохранилась легенда, объясняющая, что этому князю дана кличка «вѣщій» по случаю удачнаго набѣга его на Византію. Олегъ возвратился въ Кіевъ со своей дружиной изъ Византіи съ богатой добычей; суда были украшены шелковыми парусами, а дружина щеголяла въ великолѣпныхъ нарядахъ; картина эта такъ поразила народное воображеніе, что народъ, видя столь полную удачу счастливаго князя, назвалъ его вѣщимъ, чародѣемъ.

Стенька старательно копируетъ эту «картину» послѣ аналогичнаго олеговскому набѣгу погрома «воровскими казаками» персидскихъ владѣній.

Вернувшись изъ персидской земли съ своею «голытьбою» въ Астрахань, онъ воспроизводитъ, можно сказать, «въ живыхъ картинахъ» то, что кіевляне видѣли въ счастливые дни Олега.

Стенькины суда роскошно украшаются. «Воровскіе же казаки», эта вчерашняя голытьба, босяки, щеголяютъ на глазахъ у изумленныхъ астраханцевъ въ богатыхъ великолѣпныхъ нарядахъ, въ шелковыхъ, бархатныхъ одеждахъ; жемчугъ и драгоценные камни, въ видѣ вѣнцовъ, украшаютъ ихъ шапки. Не босяками, а богатыми тогдашними московскими франтами выглядѣла теперь эта «недавняя голь кабацкая», донскіе голыши. А денегъ—сколько хочешь: куры не клюютъ. Невиданное богатство это, конечно, не могло не поразить народное воображеніе, и результатъ получился, разумѣется, тотъ же, что и въ X вѣкѣ въ Кіевѣ: народъ сталъ смотрѣть на Стеньку, какъ на волшебника, какъ на великаго мага и чародѣя. О воровскихъ же казакахъ заплѣли теперь, что это — «удалые молодцы», которымъ можно только позавидовать:

На нихъ шапочки соболы, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки

и т. д.

«Сказки» эти были, понятно, очень на руку Стенькѣ, для котораго «обаяніе» его имени въ народѣ являлось уже важнымъ залогомъ успѣха затѣяннаго имъ «великаго дѣла».

И, само собою разумѣется, онъ не только не спѣшитъ разсѣивать ихъ, но, наоборотъ, старается еще больше убѣдить народъ въ своемъ волшебствѣ.

Подъ шумокъ, беззастѣнчивые разинскіе молодцы распускаютъ на этотъ счетъ самые невѣроятные слухи.

Говорятъ, напримѣръ, что Стеньку ни ружья, ни пушки не берутъ: все заговорено. Популярная легенда эта скоро находитъ себѣ мѣсто въ приведенной выше пѣснѣ — о присухѣ-Машѣ, въ пѣснѣ притомъ очень хорошей, что, конечно, только усиливало впечатлѣніе отъ легенды.

Попавши въ ловушку, Стенька, какъ извѣстно, спасается вѣдствомъ:

Попросилъ стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться.

Ему изъ жалости дали—и тотчасъ же совершилось чародѣйство:

Онъ во клѣткѣ окатился
И на Волгѣ очутился.

Легендарный эпизодъ этотъ сближаетъ Стеньку со сказочнымъ чародѣемъ, полоцкимъ княземъ Всеславомъ, оставившимъ по себѣ громкую память въ народныхъ преданіяхъ и въ нашей древней словесности. Но въ Стенькиной практикѣ это не единственный случай, напоминающій князя-оборотня. Есть и другіе, еще болѣе яркіе.

О Всеславѣ, напримѣръ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» говорится, что онъ

Въ ночи волкомъ рыскалъ,
До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ въ Тмутаракань,
Къ Херсону великому волкомъ онъ путь перерыскивалъ;
Ему въ Полоцкѣ рано къ заутренѣ зазвонили
Въ колокола у святыхъ Софій,
А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.

И все это потому, что у него «вѣщая душа была въ крѣпкомъ тѣлѣ», онъ былъ чародѣй.

Подобная же легенда создавалась и о Стенькѣ, и создавалась, по видимому, не безъ дѣятельнаго содѣйствія самого атамана, духъ котораго чувствуется здѣсь.

Говорили, что у волшебника и «еретика-богоотступника» Стеньки была чудная кошма-самолетка-самоплавка, что-то въ родѣ сказочнаго ковра-самолета, только усовершенствованнаго вѣщимъ атаманомъ, снабженнаго имъ еще чудесной способностью «самоплаванія»—свободнаго передвиженія по водѣ. На этой волшебной кошмѣ Стенька, по легендѣ, совершалъ изумительныя путешествія по водѣ и по воздуху—съ Дона на Волгу, а съ Волги на Донъ, путешествія, напоминающія сказочныя рысканія князя Всеслава. Оттого-то онъ и былъ неуловимъ. На Дону у него было мѣсто—называется камень, а на Волгѣ былъ у него бугоръ. Пограбятъ суда на Дону, полетитъ на Волгу.

Такимъ образомъ, Стенька представлялся народному воображенію въ двойномъ волшебномъ видѣ: и какъ вѣщій Олегъ, и какъ великій чародѣй князь Всеславъ, который «лютымъ звѣремъ скакалъ въ полночь, сизой мглою обвѣшанный».

По видимому, легендарный образъ этого Всеслава сильно привлекалъ къ себѣ могучее воображеніе перваго донскаго Спартака.

Но въ то же время Разинъ, кажется, сильно интересовался и легендарными фигурами богатырей: Дуная Ивановича и Васьки Буслаевича и новгородскаго богатаго гостя Садко.

Въ пѣсняхъ о Дунаѣ говорится о древнихъ вольныхъ бракахъ «у ракитова куста»:

Тутъ они обручались,
Кругъ ракитова куста вѣнчались.

Фантастическіе браки эти, о которыхъ въ народѣ сложилось неодобрительное присловье: «вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли», очень понравились Стенькѣ, и онъ задумалъ возстановить сей древній «свободный институтъ» въ такомъ же видѣ¹⁾, въ какомъ онъ существовалъ въ баснословныя времена Дуная.

И вотъ изъ устъ атамана-реформатора, недолюбливавшаго донскихъ поповъ, такъ какъ эти «царскіе богомольцы» казались ему весьма подозрительными (онъ не прочь былъ видѣть въ нихъ «царскихъ соглядатаевъ») полилась такая смѣлая для того времени проповѣдь:—Къ чему церкви? Къ чему попы?—Вѣнчать, что ли? Да не все ли равно! встаньте по парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вкругъ него—вотъ и повѣнчались!

Понимая, однакожъ, что подобныя крутыя реформы не могутъ привиться сразу, Стенька насильно сталъ практиковать столь упрощенные «дунаевскіе браки».

Говорятъ, онъ набиралъ молодежь, приводилъ къ вербѣ, заставлялъ ихъ парами проплясать вкругъ него и потомъ увѣрялъ, что они отъ этого стали мужъ и жена, потому что, по древнему обычаю—«кругъ ракитова куста повѣнчались». Выходило просто и коротко, безъ лишнихъ обременительныхъ церемоній. Совсѣмъ по-дунаевски.

Богатому новгородскому гостю, Садкѣ, Стенька подражаетъ въ своемъ знаменитомъ жертвоприношеніи Волгѣ.

О гостѣ-гуслирѣ въ былинѣ повѣствуется, что, захотѣвъ, послѣ двѣнадцати лѣтъ странствованія по Волгѣ, воротиться въ Новгородъ, онъ надумалъ поблагодарить великую рѣку:

Отрѣзаль хлѣба великій сахаръ,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ.
А спасибо тебѣ, матушка, Волга-рѣка;
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не выдывалъ надъ собой;
И въ добромъ здоровьѣ отъ тебя отошелъ.

¹⁾ «Дунаевскіе браки», впрочемъ, процвѣтали на Руси и до Стеньки; «мѣстами нашъ народъ еще въ XV вѣкѣ» церковное вѣнчаніе считалъ обязательнымъ только для бояръ, самъ же готовъ былъ довольствоваться «свадьбой» по-дунаевски, «вкругъ ели».

Стенька идетъ по стопамъ веселаго новгородскаго гостя; только даръ его былъ поцѣннѣе—не простой хлѣбный «сукрой», а «персидская княжна-половянка», невольная любовница атамана.

Но напутствіе жертвѣ живо напоминаетъ Садкино обращеніе:

Ахъ, ты Волга матушка, рѣка великая,
 Много ты дала мнѣ злата и серебра и всего добраго,
 Какъ отецъ и мать, славою и честью меня подѣлила,
 А я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ.
 На жъ тебѣ, возьми!

прогремѣлъ Стенька, бросая несчастную княжну въ воду.

Еще ближе, повидному, былъ Стенькину сердцу другой славный новгородецъ—Василій Буслаевичъ; ближе, быть можетъ, потому, что и по духу это «дворянское дите» новгородское было со всѣмъ не чуждо волжскому атаману, тѣмъ болѣе, что и могучій новгородскій богатырь, подобно Стенькѣ, былъ атаманомъ буйной новгородской вольницы.

И Стенька, повидному, охотно копируетъ свой новгородскій богатырскій образецъ.

Дворянинъ новгородскій, богатырь Васька, поссорясь съ новгородскимъ народомъ, «съ мужиками-новгородцами», грозно ополчился на нихъ—не кормилъ, не поилъ, да не чествовалъ ихъ, а «награждалъ» «по взашей да въ сутычъ», и однажды разошелся было даже до того, что принялся немилосердно истреблять «мужичье», грозился всѣхъ перевести—«не оставитъ мужиковъ на сѣмена».

Демократъ Стенька съ такою же грозой выступаетъ на бояръ, обѣщаетъ тоже не оставитъ ихъ на «сѣмена», чтобъ и въ заводѣ этого вражескаго племени не было.

Научившись грамотѣ, Василій Буслаевичъ снѣшитъ использовать эту науку—пишетъ и разсылаетъ такіе ярлыки:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 Вылися къ Васькѣ на широкій дворъ,
 Тотъ пей и ѣшь готовое,
 Носи платье разноцвѣтное.

Извѣстно аналогичное, приведенное выше, поэтическое обращеніе Стеньки къ голытьбѣ:

Судари мои, братцы, голь казацкая!
 Пойдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
 Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
 Возьмемъ казны, сколько надобно!

Возьмемъ и попьянствуемъ досыта, погуляемъ во «царевомъ кабакѣ».

По части «вѣрованій» Васька отличался большимъ вольномыслиемъ, многое открыто отвергалъ, погрязалъ въ матеріализмѣ; недаромъ онъ самъ о себѣ говаривалъ даже:

Не вѣрю я, Васюха, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрю я въ свой червяный вязъ.

И это говорилось не въ дни буйнаго разгула, которыми прославился Васька, а тогда, когда онъ, уже раскаявшись, «задумалъ душу спасти»—отправился паломничать по святымъ мѣстамъ.

Стенька могъ смѣло примѣнить къ себѣ этотъ Васькинъ «стихъ»; ему тоже не вѣрилось «ни въ сонъ, ни въ чохъ», хотя и онъ совершалъ въ молодости благочестивое паломничество—путешествовалъ съ тихаго Дона въ далекія Соловки. Несмотря на это «хождение», онъ потомъ очень усердно «гонитъ» церковь, преслѣдуетъ духовенство, «разоряетъ посты», богохульствуетъ.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, Стенькино разностороннее знакомство съ нашею старинною народною словесностью не подлежитъ, намъ думается, никакому сомнѣнію.

Впрочемъ, это подтверждается еще и тѣмъ, что Стенька и самъ выступалъ авторомъ—создавалъ народныя пѣсни. Одна изъ нихъ особенно популярна, быть можетъ, главнымъ образомъ, потому, что «вылилась» изъ многомятежной души атамана въ самыя тяжкія для него минуты—наканунѣ его казни. Преданіе говоритъ, что, сидя въ темницѣ и дожидаясь послѣднихъ смертныхъ мученій, Стенька «сложилъ» эту пѣсню, гдѣ онъ, какъ бы въ знаменіе своей посмертной славы, завѣщаетъ похоронить себя на распутии трехъ дорогъ земли русской.

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ,
Межь московской, астраханской, славной кievской,
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую;
Кто пройдетъ или проѣдетъ, остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается,
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодець,
Стенька Разинъ, Тимоеевичъ, по прозванію.

Упорно приписываемое преданіемъ Стенькѣ авторство этой пѣсни даетъ намъ основаніе думать, что его личный пѣснотворческій даръ не чуждъ былъ и другимъ разинскимъ пѣснямъ. Намъ кажется, многія изъ нихъ созданы если не цѣлкомъ самимъ Стенькою, то, по меньшей мѣрѣ, не безъ его участія—«корректирнаго и цензурнаго», ибо едва ли разинцы могли распѣвать что-либо «неодобренное» батюшкою Степаномъ Тимоеевичемъ, предъ которымъ въ разинскихъ станахъ все трепетало и преклонялось.

IV.

Конецъ бунта.—Покаянныя процессіи.—Жалостливыя пѣсни.—Народный судъ надъ памятью Стеньки.—Любопытное арзамасское моленіе.—Фантастическія легенды о Разинѣ.—Его безсмертіе.—Вторичное пришествіе Стеньки.—Стенька въ русской поэзіи.

Когда послѣ разгрома разинской рати подѣ Симбирскомъ «народное движеніе», поднятое Стенькою, всколыхнувшее было всю Русь, быстро пошло на убыль, въ особенности послѣ того, какъ самъ мятежный атаманъ былъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ, началось обычное у насъ въ такихъ случаяхъ разочарованіе въ недавнемъ народномъ кумирѣ.

Народъ, потрясенный беспощадными кровавыми расправами, обрушившимися на него со стороны правительства, смущенно запѣлъ покаянныя псалмы; начались паломничества, депутаціи къ «усмирителямъ»—«съ моленіемъ» о пощадѣ, о снисхожденіи.

Въ Саранскомъ уѣздѣ особенно характерно была образована депутація въ этомъ родѣ: она шла съ иконою, надпись на которой, гласившая: «плачь неутѣшимая», символически выражала настроеніе испуганнаго народа.

И не только простой народъ, эта «чернь мужицкая», которая никогда не отличалась особеннымъ мужествомъ, но и донскіе сподвижники Стеньки, казаки, тоже сильно были смущены и, тѣснимые всюду своею братією, преданною правительству, въ отчаяніи распѣвали:

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна моря.
Помѣшался весь казачій кругъ.
Атамана больше нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоеевича,
По прозванію Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменную Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Или:

Всѣ станы наши раззорены,
Всѣ друзья наши товарищи переловлены,
Въ крѣпки тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ихъ ноженъки въ кандалы заклепаны.

Разинская буря наконецъ совѣтъ стихла.

Начался безпристрастный судъ народной исторіи—нелицепріятное воздаяніе «коемуждо по дѣломъ его».

И на этомъ судѣ «кровоному атаману» не удалось добиться полного оправданія себѣ.

Снисходительно отнеслась народная совѣсть лишь къ памяти «вольныхъ и невольныхъ» сподвижниковъ Разина, этихъ невѣдомыхъ «сударей-братцевъ».

Недаромъ на мѣстѣ погребенія, послѣ страшной казни, многихъ изъ нихъ на горѣ близъ города Арзамаса ¹⁾, въ Божьемъ городкѣ и доселѣ еще ежегодно совершается по этимъ злополучнымъ жертвамъ заупокойное богослуженіе, установленіе котораго связано съ трогательной легендой, приведенною въ напечатанномъ въ «Нижегородскомъ Сборникѣ» (1905 г.) очеркѣ Короленко «Божій городокъ». Каждый годъ въ четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи арзамасское духовенство отправляется въ Божій городокъ (теперь съ постепеннымъ исчезновеніемъ городка народъ зоветъ уже остатки его «Божьими домами»), и тамъ, среди загадочныхъ домиковъ вьется въ воздухѣ синій кадильный дымъ, разносится запахъ ладана и заупокойное клирное пѣніе, живо напоминающее знаменитый синодикъ Іоанна Грознаго: «помяни, Господи, убійныхъ рабовъ твоихъ и отъ невѣдомой смерти умершихъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси». О комъ молятся, кому поютъ вѣчную память, чьи грѣшныя души живо внимаютъ молебному пѣнію, объ этомъ,—говоритъ г. Короленко—не знаетъ ни вздыхающій кругомъ и молящійся народъ, ни даже арзамасскій клиръ, для котораго эта молитва среди исчезающаго «городка» есть исконный обычай, завѣщаніе сѣдой старины.

Суровѣе и строже отнесся народный судъ къ памяти самого Разина.

Правда, онъ тоже не былъ окончательно и безповоротно осужденъ, не былъ признанъ величайшимъ злодѣемъ всѣхъ временъ и народовъ.

На это не посягнула чуткая къ правдѣ мірская народная совѣсть.

Какъ бы завороженная гигантскою фигурою страшнаго атамана, имя котораго въ свое время наводило ужасъ на цѣлыя области, она, совѣсть эта, не сказала прямого рѣшительнаго приговора ни въ ту, ни въ другую сторону. Но въ то же время замѣтно склонилась въ пользу обвиненія, что и выразилось въ многочисленныхъ легендахъ, связанныхъ съ именемъ Стеньки, которому здѣсь въ особенности ставится въ упрекъ его волшебство—«еретичество», т. е. именно то, что при жизни атамана сослужило ему лучшую службу, какъ превосходная реклама для отважнаго казака, создавъ ему громкую славу, эту великую притягательную силу для всякаго историческаго дѣятеля, будь то простой разбойникъ или знаменитый завоеватель.

Легенды надѣлили Разина таинственнымъ безсмертіемъ. Только это не почетное, не «святое», а какое-то безсмертіе Калла.

¹⁾ Арзамасъ—«городъ крови», городъ казней; въ его окрестностяхъ сложили свои буйныя головы многія тысячи вольницы. Здѣсь происходили страшныя казни разнищевъ, булавнищевъ, петровскихъ стрѣльцовъ...

По легендамъ, знаменитый нѣкогда атаманъ не умеръ и не истлѣлъ, какъ всѣ смертныя. Мать сыра-земля не приняла въ свои всепримиряющія нѣдра «плоть» великаго грѣшника, безжалостно проливавшаго цѣлыя рѣки человѣческой крови, — и онъ живетъ и будетъ жить еще долгіе годы, испытывая разрушительное жало времени, но не разрушаясь окончательно. Жизнь его — великая искупительная мука.

Стеньку, такъ сказать, постигла судьба его любимаго былиннаго персонажа--чародѣя Всеслава Полоцкаго, которому еще вѣщимъ Баяномъ сложена была такая пророческая припѣвка:

Будь хитерь, будь мудрь,
Будь по птицѣ гораздь,
Все же суда Божьяго не минуть.

И надъ Стенькой этотъ неподкупный судъ, по гласу народному совершился.

Мистическимъ ужасомъ окружила народная фантазія страшную фигуру ужаснаго казака.

Сложилась легенда¹⁾, что атаманъ-волшебникъ сидитъ гдѣ-то въ горѣ, сидитъ и мучится. Легенды повѣствуютъ даже о встрѣчѣ съ грознымъ атаманомъ. Его видѣли, будто бы, однажды собственными глазами матросы, возвращавшіеся изъ туркменскаго плѣна. Очевидцы эти говорили:

— Какъ бѣжали мы изъ плѣна, такъ проходили черезъ персидскую землю, по берегу Каспійскаго моря. Тамъ надъ берегами стоятъ высокія, страшныя горы. Случилась гроза. Мы подъ гору сѣли, говоримъ между собою по-русски, какъ вдругъ позади насъ кто-то отозвался: «здравствуйте, русскіе люди».

Мы оглянулись: анъ изъ щели, изъ горы вылазитъ старикъ сѣдой-сѣдой, старый, древній, ажно мохомъ поросъ.

— А что,—спрашиваетъ насъ,—вы ходите по русской землѣ, не зажигають тамъ салныхъ свѣчей вмѣсто восковыхъ?

Мы говоримъ: «Давно, дѣдушка, были на Руси, 6 лѣтъ въ неволѣ пробыли, а какъ живали еще на Руси, такъ этого не видали и не слышали».

— Ну, а бывали вы въ Божьей церкви въ обѣднѣ на первое воскресенье Великаго поста?

— Какъ же, дѣдушка, бывали.

— А слышали, какъ проклинають Стеньку Разина?

— Слышали.

— Такъ знайте же: я—Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за мои грѣхи. За нихъ я проклятъ. Суждено мнѣ страшно

¹⁾ Легенды эти сгруппированы въ монографіи Н. П. Костомарова «Бунтъ Стеньки Разина».

мучиться: два змѣя сосали меня, одинъ змѣй съ полуночи до полудня, другой съ полудня до полуночи ¹⁾. Сто лѣтъ прошло. Одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце. Я мучусь, къ полудню умираю и лежу совсѣмъ мертвый, а послѣ полудня оживаю и вотъ, какъ видите, живъ и выхожу изъ горы. Только далеко нельзя мнѣ идти: змѣй не пускаетъ, а какъ пройдетъ 100 лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго. Разкажите объ этомъ всѣмъ на Святой Руси.

За городомъ Царицыномъ, въ степной деревнѣ жилъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка стодесятилѣтній старикъ, глухой и слѣпой, и чуть движется, и трудно было съ нимъ говорить: надо было на ухо кричать во все горло; но онъ сохранялъ еще память и воодушевлялся, когда вспоминалъ старыя времена. Онъ собственными глазами видѣлъ Пугачева; тогда, говорилъ онъ, иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ: сто лѣтъ кончилось, онъ и вышелъ изъ своей горы. Впрочемъ, самъ старикъ не вѣрилъ этому, зато вполне вѣрилъ, что Стенька живъ и придетъ снова.

— Стенька, — говорилъ онъ, — это мука мірская, это кара Божія. Онъ придетъ, непременно придетъ, и станетъ по рукамъ раз-

¹⁾ Недавно въ газетѣ «Слово» (18-го февраля, 1907 г., № 78), въ статьѣ г. Аркатова «Воля и Дума», легенда о змѣяхъ приведена въ нѣсколько иномъ видѣ. Стенька здѣсь держитъ такую рѣчь матросамъ:

«За мои прегрѣшенія, за то, что я хотѣлъ кровью добыть волю народную, Господь лишилъ меня смерти и заточилъ здѣсь, въ глухой пещерѣ. И приставилъ ко мнѣ двухъ змѣевъ, чтобы они сосали мнѣ сердце. Одинъ прилеталъ ко мнѣ днемъ, другой ночью... И было мнѣ сказано, что буду я здѣсь томиться все время, пока будетъ томиться въ неволѣ народъ. И только тогда кончится моя мука, когда упадутъ съ народа послѣднія цѣпи... И поведетъ мнѣ тогда Господь выйти изъ горы на служеніе народу, но не кровью послужу я ему, а честной работой. И было мнѣ, братцы, облегченіе. Когда царь Александръ далъ народу волю, отлетѣлъ отъ меня ночной мой змѣй. И выхожу я теперь ночью на берегъ и слушаю, какъ стонетъ во снѣ народъ православный, и все жду, не стихнетъ ли стонъ? Но какъ ни послушаю—все еще стонетъ народъ, и какъ только загорится заря, прилетаетъ ко мнѣ дневной мой змѣй и сосетъ мое сердце. Но, слушая движеніе времени внутри заповѣдной горы моєї, я чую приближеніе новой желанной поры. Ржавѣютъ послѣднія цѣпи, растетъ свобода... Какъ изъ горныхъ родниковъ собирается Волга, такъ капля за каплей собирается воля народная, и придетъ пора—и разольется она по всей странѣ». Итакъ, выходитъ, что первый змѣй отлетѣлъ лишь послѣ манифеста 19 февраля 1861 г.. Не знаемъ, откуда взялась эта хронологическая прибавка, отсутствующая у Костомарова; но если вспомнить, что легенда о змѣяхъ «фиксировалась» еще до воли, такъ какъ у Костомарова она впервые напечатана раньше 1861 г., нельзя не прийти къ заключенію, что вариантъ г. Аркатова «приправленъ», очевидно, совсѣмъ новымъ, чуть ли не современнымъ намъ наслоеніемъ.

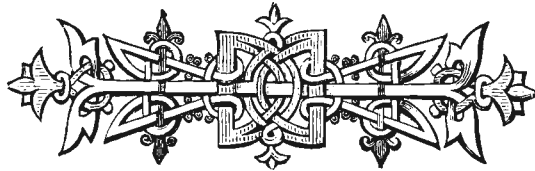
бирать. Ему нельзя не прійти... передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ, тяжкія настанутъ времена. Не дай Господи всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!...

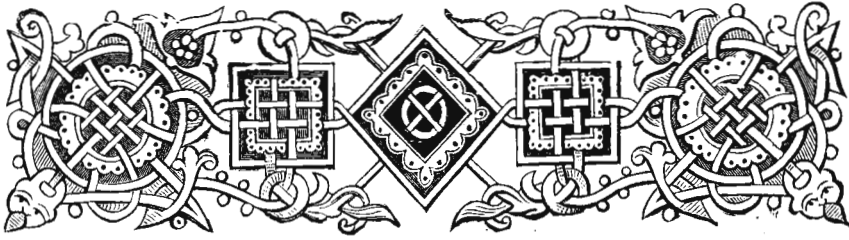
Имя Разина въ нашей литературѣ долгое время считалось запретнымъ, недоступнымъ для свободнаго слова. Изъ русскихъ поэтовъ нашихъ дней, когда цензурный запретъ, тяготѣвшій надъ этимъ именемъ, значительно ослабѣлъ, воспѣть Стеньку пытались г. Навроцкій, покойный Пановъ и еще совсѣмъ недавно А. В. Амфитеатровъ. «Есть на Волгѣ утесъ»—пьеса г. Навроцкаго, вещь довольно популярная, хотя и не блестящая; пановскіе стихи о Разинѣ слабоваты. Нельзя назвать особенно удачною и длинную стихотворную работу г. Амфитеатрова «Стенька Разинъ», напечатанную въ газетѣ «XX-й вѣкъ» (25 іюня 1906 г., № 87); въ этой послѣдней работѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и такіе стихи:

Я—атаманъ, не самозванецъ,
Объединилъ мой шумный сходъ
Всѣхъ голоштаныхъ, съ горя пьяницъ,
Казной обобранный народъ...
Дымятъ усадебныя гари,
Порубленъ садъ и огородъ,
Въ лѣса запрятались бояре...
Врешь, не уйдешь. Народъ найдетъ...
Жрецъ наказующаго долга,
Ты истребишь кромѣшный родъ,
Заплачешь алой кровью Волга...
Все за народъ! Все за народъ!...
Не вѣрь указу и молитвѣ,
Ломай московскій обиходъ!
Твое спасеніе въ смертной битвѣ...
Найдешь ты право въ ней, народъ...

Стенька, очевидно, ждетъ еще своего болѣе счастливаго пѣвца.

Т. А. Мартемьяновъ.

УБИЙСТВО БОКУ ЧАЛКАДЫКОВА.

(Очеркъ изъ быта кара-киргизовъ)¹⁾.

I.

Въ качествѣ проводника ѣхавшій со мною уѣздный джигитъ, киргизъ Орумбай, по обыкновенію остановился поговорить со встрѣчными киргизами. Поговорить, узнать, кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ, подѣлиться новостями,—это общая страсть киргизовъ. Однако новость, должно быть, очень интересная, такъ какъ они что-то ужъ очень долго и оживленно разговариваютъ. Въ ожиданіи возвращенія джигита, останавливаю лошадь, слѣзаю съ нея и съ наслажденіемъ смачиваю голову прохладной водой озера Иссыкъ-куля. Видъ озера съ окружающими его громадами снѣговыхъ горъ и на берегу группа киргизовъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ до того живописны, что я, чуть ли не въ десятый разъ въ этотъ день, вытаскиваю альбомъ и принимаюсь за этудь. Только что успѣлъ я сдѣлать карандашный набросокъ, какъ вижу, что всѣ киргизы, предводительствуемые Орум-

¹⁾ Кара-киргизы—племя монгольскаго происхожденія (скорѣе смѣсь монгольскаго и арійскаго племенъ), говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ съ небольшою примѣсью китайскихъ словъ. Заселяютъ, начиная съ Семирѣчья, отроги Тяньшаньскихъ горъ.

баемъ, направляются въ мою сторону и еще издали джигить кричить мнѣ: «Бай! большая новость, джанджалъ! ¹⁾ Боку убили».

Въ наивной простотѣ своей ему кажется, что я непременно долженъ знать какого-то Боку.

Подъѣхавшіе киргизы слѣзли съ лошадей и, отвѣсивъ мнѣ почтительный кульдукъ (поклонъ), по очереди поздоровались со мною за руку. Пригласивъ ихъ сѣсть, я обратился къ старшему изъ нихъ:

— Ну, бабай, говори, какого киргиза убили и въ чемъ дѣло?

— Я не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили человѣка, а потому ничего достовѣрнаго не знаю, слышалъ отъ нихъ,—указываетъ онъ на остальныхъ киргизовъ,—что зарѣзали Боку, а какъ и за что, не знаю,—политично увертывается старикъ.

Обращаюсь къ другому, третьему,—оказывается, никто ничего не знаетъ.

— Бай, они васъ боятся, поэтому ничего не говорятъ,—вмѣшивается джигить.

Кое-какъ удалось мнѣ убѣдить ихъ, что я не начальникъ, что ѣду не по казеннымъ дѣламъ, а какъ путешественникъ, интересующійся краемъ, и что если и спрашиваю ихъ объ убійствѣ, то лишь изъ простаго любопытства. Въ концѣ концовъ киргизы разговорились и вотъ что узналъ я отъ нихъ.

Кара-киргизъ Боку Чалкадыковъ, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, отличается атлетическимъ тѣлосложеніемъ, большою физическою силою и крайнею необузданностью нрава. Несмотря на богатую родню, которую онъ безсовѣстно обиралъ, Боку вѣчно нуждался какъ въ деньгахъ, такъ и въ скотѣ. У Боку былъ троюродный братъ Бусурманъ Кенембаевъ, трудолюбіемъ и бережливостью составившій себѣ порядочное состояніе. Богатство Бусурмана не давало Боку покоя, а потому, какъ только онъ чувствовалъ въ чемъ-нибудь недостатокъ, то и обращался къ Бусурману, грозясь, въ случаѣ отказа, убить его. Получивши отъ брата нѣсколько головъ скота, Боку продавалъ ихъ за безцѣнокъ и на вырученныя деньги отправлялся кутить въ ближайшій уѣздный городъ, гдѣ въ компаніи разныхъ гулякъ не только пилъ пиво, но и запрещенныя кораномъ водку и вино. Прокутившись, онъ снова обращался къ брату. Зная Боку за человѣка отчаяннаго, ни на минуту не задумавшагося бы надъ исполненіемъ своей угрозы, Бусурманъ вынужденъ былъ удовлетворять его требованія. Нѣсколько разъ обращался Бусурманъ съ жалобами на брата къ мѣстной администраціи, но та, не имѣя противъ него достаточныхъ уликъ, ничего не могла сдѣлать. Боку же, видя, что Бусурманъ его боится и что жалобы на него остаются безъ послѣдствій, день-ото-дня дѣлался

¹⁾ Джанджалъ—скандалъ.

все безсовѣстнѣе и нахальнѣе въ своихъ требованiяхъ и, наконецъ, дошелъ до того, что наканунѣ отправки Бусурмана со всѣмъ семействомъ въ горы на лѣтовку явился къ нему въ ауль и потребовалъ выдачи ему любимой жены Бусурмана, молодой и хорошенькой киргизки Кара-Юзъ. (Черные Глаза). Какъ ни убѣждалъ его Бусурманъ, предлагая даже взамѣнъ жены любимаго своего коня, сѣраго иноходца, Боку стоялъ на своемъ и уѣхалъ къ себѣ въ ауль, объявивъ брату, что если онъ завтра утромъ не привезетъ Кара-Юзъ къ Талды-булакскому ущелью, черезъ которое пролегалъ путь на лѣтовку, то онъ убьетъ его и тогда уже, по обычному праву, получить въ жены Кара-Юзъ.

Выведенный изъ терпѣнья нахальствомъ и безсовѣстностью брата и не видя конца его требованiямъ, Бусурманъ рѣшилъ разъ навсегда избавиться отъ него.

На другой день, рано утромъ, собравъ человекъ восемь товарищей, большею частью своихъ и Кара-Юзъ родственниковъ и уговорившись съ ними, Бусурманъ выѣхалъ къ Талды-булакскому ущелью. Семейство и скотъ его ѣхали за нимъ. При входѣ въ ущелье они увидѣли Боку и двухъ его товарищей киргизовъ сидящими около горнаго ручья. Лошади ихъ паслись тутъ же. Подѣхавъ къ Боку, Бусурманъ слѣзъ съ лошади и сталъ вновь уговаривать его отказаться отъ Кара-Юзъ и взять взамѣнъ ея иноходца. Какъ бы для большаго убѣжденiя, Бусурманъ, стоя съ правой стороны Боку, лѣвой рукой обнялъ его. Когда же тотъ снова отказался, Бусурманъ быстро перенесъ руку съ талии Боку на шею и, обхвативъ ее, нагнулъ Боку назадъ, правой же рукой выхватилъ изъ-за голенища большой андижанскiй ножъ и со всего размаха воткнулъ его въ животъ Боку. Это послужило сигналомъ для товарищей Бусурмана. Выхвативъ небольшiе ножи, носимые киргизами на поясѣ, они начали безпощадно колоть ими Боку. Товарищи Боку, боясь, чтобы и имъ не досталось, вскочили на лошадей и ускакали.

Всего нанесено было Боку 52 раны. Животъ былъ распоротъ, а лицо изувѣчено до неузнаваемости. Бусурманъ, убивъ брата, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ въ убѣздный городъ сообщить начальству, что Боку напалъ на него съ цѣлью грабежа и что въ схваткѣ, происшедшей при этомъ, онъ печально убилъ Боку. Показанiе это должны были подтвердить и его товарищи, но они, полагая, что Бусурманъ за убiйство Боку будетъ сосланъ въ Сибирь, рѣшили всю вину свалить на него, а такъ какъ они знали, что изъ Сибири рѣдко кто возвращается, то и напали на подошедшiй къ ущелью караванъ съ женами и имуществомъ Бусурмана и разграбили его, оставивъ несчастныхъ женъ тутъ же въ ущельѣ.

Вечеромъ прiѣхалъ я на станцію Чокталъ по иссыкъ-кульскому почтовому тракту. Часа въ 4 утра просыпаюсь, зову джи-

гита, его нигдѣ не могутъ найти. Оказывается, что, какъ только я легъ спать, Орумбай умчался по дорогѣ къ станціи Кумбель, официально называемой Чулпанъ-ата, въ 10-ти верстахъ отъ которой произошло убійство. Часовъ въ семь утра, запыленный, съ воспаленными отъ бессонницы глазами, на совершенно взмыленной лошади прискакалъ назадъ мой Орумбайка.

— Гдѣ это ты пропадалъ всю ночь и какъ смѣешь ты такъ мучить чужихъ лошадей (ѣхалъ онъ на смѣнныхъ киргизскихъ лошадяхъ),—набрасываюсь я на него.

Но Орумбай не даетъ мнѣ договорить и восторженно восклицаетъ:

— Бай! видѣлъ Боку: совсѣмъ распухъ, воняетъ. Ночью на Кумбель пріѣхалъ докторъ и слѣдователь, сегодня будутъ рѣзать Боку. Бай, пожалуйста, ѣдемъ туда скорѣе, а то опоздаемъ.

Присутствовать на анатомированіи было для меня не интересно; мѣстность же между станціями Чокталъ и Кумбель представляла столько занимательнаго, какъ въ археологическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніи, что на изслѣдованіе ея я рѣшилъ посвятить весь этотъ день, чѣмъ сильно опечалилъ Орумбая. На какія только хитрости ни пускался онъ, чтобы убѣдить меня ѣхать къ мѣсту убійства! Наконецъ, видя, что ничего не дѣйствуетъ, приводитъ ко мнѣ двухъ киргизовъ, которые сообщаютъ, что около станціи Кумбель умеръ какой-то дальній родственникъ Орумбая и что поэтому ему необходимо немедленно туда ѣхать. При этомъ Орумбай корчитъ такую уморительно-печальную фізіономію, что я едва удерживаюсь отъ смѣха, и хотя и сознаю, что все это выдумки, но, зная, что отъ Орумбая сегодня толку никакого не будетъ, отпустилъ его, условившись, чтобы онъ дожидался меня на томъ мѣстѣ, откуда начнется байга, (лошадиныя скачки), которая, какъ мнѣ сказали киргизы, должна состояться завтра, часовъ въ десять утра, послѣ похоронъ Боку.

II.

Роскошная картина предстала передо мною, когда на другой день я подѣхалъ къ мѣсту, предназначенному для скачекъ. Громадныя предгорья сѣвернаго Алатау живописными скалами изъ краснаго, мѣстами почернѣвшаго отъ времени песчаника и порфира подходятъ почти къ самому берегу озера Иссыкъ-куля, оставляя узкую полосу земли, покрытую ярко-зеленой свѣжей травой. Спокойная поверхность озера какъ въ зеркалѣ отражала въ себѣ снѣговыя вершины противоположнаго южнаго Алатаутскаго хребта. Бѣлыя, съ черными головками морскія чайки съ рѣзкимъ крикомъ, похожимъ то на плачь ребенка, то на мяуканье кошки, безпокойно летали около берега. Большіе грифы и орлы-рыболовы плав-

ными кругами высоко парили въ воздухѣ. Толпа человекъ въ 700 киргизовъ, въ яркихъ разноцвѣтныхъ праздничныхъ халатахъ, дополняла и оживляла эту картину.

Гулъ отъ говора, споровъ и рѣзкихъ призывныхъ окриковъ, ржанье лошадей и жалобный ревъ верблюдовъ слышался далеко за версту и глухимъ эхомъ разносился по ближайшимъ ущельямъ.

На высококомъ бугрѣ, по которому длинною бѣлой лентою пролегала почтовая дорога, живописно выдѣлилась группа почетныхъ киргизовъ. Послѣдніе при моемъ приближеніи сѣли на лошадей и, предводительствуемые Орумбаемъ, поѣхали ко мнѣ навстрѣчу. Шаговъ за сорокъ они слѣзли съ лошадей и, передавъ поводья сопровождавшимъ ихъ джигитамъ, выстроились вдоль дороги въ одну линію; во главѣ ихъ стоялъ толстый претолстый пожилой киргизъ съ ярко вычищеннымъ, блестящимъ на солнцѣ мѣднымъ значкомъ волостного управителя на груди. Когда я подъѣхалъ, всѣ они отвѣсили мнѣ почтительный поклонъ, и волостной по очереди отрекомендовалъ мнѣ остальныхъ киргизовъ. Былъ тутъ и старый волостной, и бій (судья), и аульные старшины, и просто почетныя лица въ синихъ суконныхъ съ позолоченными позументами халатахъ; у нѣкоторыхъ висѣли на шеѣ на станиславскихъ лентахъ большія серебряныя медали, у одного же изъ нихъ красовалась въ петличкѣ халата орденская ленточка съ серебрянымъ крестомъ св. Георгія. Орденъ этотъ, какъ я узналъ, получилъ онъ во время Кокандскаго похода. Послѣ представленій волостной преподнесъ мнѣ большую деревянную чашку съ кумысомъ.

Покуда я съ наслажденіемъ пилъ кумысъ, киргизы снова сѣли на лошадей. Навишись, я передаю чашку волостному и, по киргизскому этикету, прошу его также выпить кумыса. Волостной, видимо, просіялъ, но, выпивъ самъ, противъ обыкновенія, не угостилъ другихъ, а такъ какъ дѣлается это лишь при встрѣчахъ съ очень важными особами, то такая торжественность, а особенно суетливое поведеніе Орумбая нѣсколько озадачили меня.

— Навѣрное Орумбайка выкинулъ какой-нибудь фокусъ,— промелькнуло у меня въ головѣ.

Когда я, въ сопровожденіи почетныхъ лицъ, двинулся дальше, то волостной попросилъ у меня разрѣшенія приступить къ похоронамъ Боку.

— Какъ, развѣ еще не похоронили!?!—обращаюсь я къ Орумбаю, переважно ѣдущему рядомъ со мною уже на другой красивой гнѣдой лошади.

— Нѣтъ, бай, я приказалъ дожидаться васъ, чтобы вы могли увидѣть наши похороны.

Не мѣсто было распекаать его за это, а потому я и не побѣдился дать разрѣшеніе, при чемъ попросилъ позволенія присутствовать на нихъ въ качествѣ зрителя, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы

меня нисколько не стѣснялись и совершали обрядъ по всѣмъ правиламъ ихъ обычая.

Дорогой нѣсколько разъ долетали до меня шопотомъ передаваемые подѣзжающимъ киргизамъ слова: «урусъ дженераль» (русскій генераль). Тутъ-то я и догадался.

— Это ты произвелъ меня въ генералы?—обращаюсь я по-русски къ Орумбаю:—зачѣмъ же ты выдумываешь?

— Да я, бай, боялся, чтобы они не начали похоронъ безъ васъ,—оправдывается онъ.

И опять-таки вижу, что онъ вретъ.

Произвелъ онъ меня въ генералы, да произвелъ бы и въ генераль-фельдмаршалы, если бы зналъ о существованіи такого званія, не столько изъ желанія возвеличить меня, сколько изъ личного тщеславія и хвастовства: знай же, моль, вы, простые смертные киргизы, какую важную особу предоставили на мое, Орумбайкино, попеченіе.

Хвастливость эта присуща почти всѣмъ служащимъ въ уѣздныхъ правленіяхъ джигитамъ, часто любезно даваемымъ начальниками уѣздовъ для сопровожденія путешественниковъ. И если бы вамъ вздумалось разубѣждать киргизовъ въ томъ, что вы вовсе не генераль, то и тутъ джигитъ не потеряется, а станетъ увѣрять киргизовъ, что вы это изъ скромности или съ другою какою-нибудь цѣлью скрываете свое званіе.

Между тѣмъ такое возвеличеніе, не говоря уже о безтактности его и даже возможности, помимо воли, прослыть за Хлестакова, нерѣдко ставитъ путешественника, ѣхавшаго верхомъ по крайне утомительнымъ горнымъ дорогамъ, въ ужасно неприятное положеніе: мечтаешь лишь объ одномъ, какъ бы поскорѣ закончить дневникъ, привести въ порядокъ коллекціи и завалиться спать, а тутъ изволь принимать встрѣчи и дожидаться, другой разъ даже до 12 часовъ ночи, пока сварятъ барана, зарѣзаннаго въ честь прибытія въ аулъ такой важной персоны; отказаться же отъ угощенія нельзя, иначе кровно обидишь и хозяина юрты, и весь аулъ, въ которомъ остановился, и, кромѣ того, прослынешь за круглаго невѣжду. Путешественнику же, собирающему свѣдѣнія о жизни этого чрезвычайно гостепріимнаго народа, нарушить чѣмъ-нибудь ихъ гостепріимство даже невыгодно, такъ какъ вѣсть объ этомъ съ быстротою телеграфа разнесется по окрестности, и вы не только не встрѣтите радушнаго пріема въ слѣдующемъ аулѣ, но даже васъ не пустятъ переночевать въ юртѣ.

Но мѣрѣ приближенія нашего къ юртѣ, въ которой лежалъ покойникъ, все яснѣе и громче раздавались плачь и причитанія женщинъ, издали походившіе на дикій вой. Подѣхавъ къ юртѣ, я попросилъ позволенія войти въ нее.

Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была до того оригинальна, что я искренно пожурилъ въ душѣ Орумбая, благодаря небрежному обращенію котораго испортился мой фотографическій аппаратъ. Ситцевой занавѣскою внутренность юрты была раздѣлена на двѣ неравныя части. Въ лѣвой отъ входа, меньшей части лежалъ на землѣ покойникъ; надъ нимъ насыпанъ былъ песчаный бугоръ, безпрестанно поливаемый водою, чтобы тѣмъ хотя бы немного предотвратить дальнѣйшее разложеніе трупа.

Въ правой, большей половинѣ юрты, на разостланныхъ кошмахъ, покрытыхъ поверхъ стегаными ватными одѣялами, всѣ въ одной позѣ, сидѣли до двадцати женщинъ, большею частью старухъ. Поза ихъ была такая: лѣвая нога поджата подъ себя, правая согнута въ колѣнѣ; на него упирается правая рука, на ладонь которой положена правая щека.

Слегка задравъ голову назадъ и покачиваясь со стороны на сторону, по временамъ испуская пронзительный дикій вопль, онѣ причитали, или, вѣрнѣе, завывали какую-то безконечно монотонную погребальную пѣсню. Женщины эти—всѣ вдовы и называются у кара-киргизовъ «іелаукеръ-хатынъ» (плакальщицы). Узнавъ о чьей-либо смерти, онѣ, по приглашенію или сами, являются въ аулъ, гдѣ находится покойникъ, и предлагаютъ свои услуги въ качествѣ плакальщицъ, за что получаютъ какой-нибудь незначительный подарокъ, вродѣ нѣсколькихъ аршинъ дешеваго ситца, и угощеніе. Большею же частью это безкорыстныя любительницы своего дѣла.

Въ противоположной отъ входа сторонѣ юрты на разостланномъ коврикѣ сидѣли на колѣняхъ три молодыхъ женщины: двѣ жены покойника и его сестра.

Всѣ онѣ имѣли страшный видъ: распущенные, черные, какъ смоль, волосы клочьями торчали въ разныя стороны, на макушкѣ головы они покрыты были у женъ—небольшимъ чернымъ платкомъ, у сестры—бѣлымъ. Надѣтые на этихъ женщинахъ шелковые халаты и бѣлыя рубашки были спереди разорваны до половины живота и обнажали груди. Лица и груди ихъ были испараны ногтями. Запекшаяся черными струйками кровь придавала имъ еще болѣе ужасный видъ.

Дико и бессмысленно оставивъ глаза въ пространство, покачиваются эти три женщины корпусомъ въ разныя стороны; по временамъ онѣ начинаютъ неистово царапать ногтями кожу на лицѣ и грудяхъ и издавать дикіе, нечеловѣческіе вопли. И чѣмъ больше изуродуетъ себя жена покойника, тѣмъ больше доказательства ея любви къ нему.

Нужно имѣть воловьи нервы, чтобъ спокойно наблюдать эту картину.

Къ тому же зловоніе отъ лежащаго тутъ же разлагающагося трупа было до того сильно, что я не могъ пробыть въ юртѣ и пяти минутъ.

Надо сказать, что при моемъ входѣ въ юрту все женщины сразу смолкли, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ съ явною враждебностью посмотрѣли на меня.

Но, успокоенныя волостнымъ, не входившимъ, однако, въ юрту, онѣ продолжали, не спуская съ меня глазъ, свои причитанія.

Изъ отдѣльныхъ словъ, которыя мнѣ удалось разобрать, можно было понять, что плакальщицы, приравнивая покойника къ богатырю, прославляли его жизненные подвиги.

Выйдя изъ юрты и усѣвшись противъ входа въ нее шагахъ въ десяти на большой связкѣ маты¹⁾, предназначенной какъ для обертыванія покойника, такъ и въ вознагражденіе муллѣ за совершеніе обряда погребенія, я попросилъ волостного приступить къ похоронамъ.

Начался обрядъ обмыванія. Обмываютъ трупъ подогрѣтою водою, затѣмъ его обтираютъ кусками маты, поступающей въ пользу обмывальщиковъ. Обмываніе производятъ бѣдняки. Отъ богатства покойнаго или его родственниковъ зависитъ число человѣкъ, совершающихъ этотъ обрядъ. Но во всякомъ случаѣ число обмывальщиковъ не бываетъ меньше трехъ и больше девяти.

Въ данномъ случаѣ шесть человѣкъ самыхъ бѣдныхъ киргизовъ, обвязавъ предварительно носъ и ротъ кусками маты, чтобы тѣмъ хотя немного предохранить себя отъ зловонія разлагающагося трупа, вошли въ лѣвую половину юрты, и, раскопавъ бугоръ, покрывавшій трупъ, вынули послѣдній оттуда, и изъ нѣсколькихъ кунгановъ (мѣдныхъ и чугунныхъ кувшиновъ) вылили на него теплую воду; затѣмъ, наскоро обтеревъ трупъ, начали обертывать его матою. Обертываніе начинается съ головы, при чемъ руки покойника вытягиваются вдоль тѣла. Количество маты, употребляемой на обертываніе, одинаково какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго человѣка, а именно пять кусковъ по восьми аршинъ каждый—всего сорокъ аршинъ. Мата тщательно обертывается вокругъ тѣла, и покойникъ выглядитъ въ ней какъ запеленутый ребенокъ. Сверхъ маты тѣло Боку обернули въ новую, обшитую узорами изъ краснаго сукна, черную кошму и въ такомъ видѣ положили на внесенныя въ юрту носилки. Послѣднія дѣлаются изъ карагачеваго или другого какого-либо твердаго дерева и состоятъ изъ двухъ длинныхъ палокъ, связанныхъ тремя перемычинами; къ нижней сторонѣ, въ углахъ связокъ, придѣлываются шесть короткихъ ножекъ.

Во время обмыванія и пеленанія трупа женщины находились въ юртѣ.

Противъ же входа въ нее полукругомъ усѣлись на колѣни знающіе грамоту человѣкъ десять бѣдняковъ. Настоящаго муллы,

¹⁾ Мата—бязь—простая хлопчатобумажная ткань желтоватаго цвѣта.

за неимѣніемъ его въ ближайшихъ окрестностяхъ, на похоронахъ не было, исправлялъ его должность одинъ изъ болѣе грамотныхъ киргизовъ.

Привязавъ къ поводу первой попавшейся лошади длинный новый арканъ (шерстяная веревка), мулла съ другимъ концомъ его въ рукахъ подходилъ по очереди, слѣва направо, къ каждому изъ сидѣвшихъ противъ юрты грамотныхъ киргизовъ и, сунувъ въ его руку конецъ аркана и держа съ самъ за него одной рукой, а другою указывая на юрту, спрашивалъ: «принимаешь ли ты на себя грѣхъ покойника въ несоблюденіи имъ пяти молитвъ?» Всѣ отвѣчали утвердительно, тѣмъ болѣе, что такое согласіе, какъ я узналъ впоследствии, ни къ чему не обязываетъ; за исполненіе же этого обряда, называемаго «дауръ», получается какой-нибудь незначительный подарокъ. Обойдя такимъ образомъ по очереди всѣхъ сидѣвшихъ противъ юрты киргизовъ, мулла, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «Алла акбаръ, рахметъ кылысн!» (Богъ великъ, да помилуетъ онъ) и бросилъ арканъ въ сторону.

По окончаніи этой церемоніи всѣ участвовавшіе въ ней встали со своихъ мѣстъ и, уступивъ ихъ вышедшимъ изъ юрты женщинамъ, расположились за ними. Старшая жена Боку осталась въ юртѣ.

Какъ только женщины уѣзли, вынесли изъ юрты на носилкахъ, впередъ ногами, покойника. При этомъ поднялся такой невыносимый гвалтъ, такая суета, что человѣку непривычному стало бы даже жутко.

Женщины пришли въ сильный экстазъ и, въ порывѣ его, не только жены и родственницы, но и постороннія киргизки начали издавать дикіе крики и въ изступленіи рвать ногтями лица. Старухи-киргизки однѣ насильно сдерживаютъ руки изступленнымъ родственницамъ покойника, другія, съ чайной чашечкой въ рукахъ, обрызгиваютъ ихъ водою.

Плакальщицы повышаютъ голосъ до самыхъ высокихъ нотъ; мулла выкрикиваетъ молитву, грамотные киргизы вторятъ ему во весь голосъ. Киргизы толпою тѣснятся къ носилкамъ: каждый изъ нихъ хочетъ, притронувшись рукой до нихъ, дѣлать видъ, что желаетъ нести покойника. Голодные киргизскія собаки аккомпанируютъ шуму завываньемъ.

Остальные киргизы разбираютъ своихъ лошадей. Испуганная шумомъ и суетою животныя горячятся и вырываются изъ рукъ. Раздаются ругательства, да такія, которыя по своему смыслу перецеголяютъ наши русскія простонародныя и ни въ какомъ случаѣ уже не подходятъ къ мѣсту дѣйствія. Но никто изъ присутствовавшихъ не возмущился ими, — очевидно, это никого не шокировало.

Наконецъ все успокаивается. Похоронная процессія направляется къ находящемуся въ верстѣ отъ юрты возвышенному мѣсту

(бугру). Впереди идетъ мулла съ грамотными киргизами, за нимъ скорымъ шагомъ несутъ покойника, за послѣднимъ верхомъ и пѣшкомъ движутся родственники и посторонніе. Всѣ женщины остаются у юрты и при окончательныхъ похоронахъ не присутствуютъ.

Взойдя на пригорокъ, ставятъ на него носилки съ покойникомъ, и мулла читаетъ напутственную молитву, называемую «дауръ-уйлантурады»¹⁾. Послѣ нея уже двигаются къ самой могилѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что покойника несутъ пѣшіе, я сажусь на лошадь и скорѣе ѣду къ могилѣ, чтобы успѣть осмотрѣть ея устройство. Устраивается она такимъ образомъ: сначала вырывается круглая яма глубиною аршина въ полтора, а въ діаметрѣ немного болѣе; съ западной стороны ея, черезъ круглое отверстіе, не болѣе аршина ширины, вырывается вглубь и въ сторону другая яма, имѣющая высоту и ширину около двухъ аршинъ и длину, по направленію съ сѣвера на югъ, съ небольшимъ сажень. Дѣлается эта яма съ такимъ расчетомъ, чтобы слой земли надъ нею не былъ толще аршина. Вырываютъ могилу обыкновенно недалеко отъ воды и большой проѣзжей дороги. Любимыми мѣстами для погребенія служатъ древніе курганы. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ киргизскихъ родовъ есть свои излюбленныя мѣста для погребенія, нерѣдко отстоящія отъ мѣста ихъ жительства на цѣлыя сотни верстъ.

Въ такомъ случаѣ трупъ покойника или его костякъ тщательно заворачиваютъ въ нѣсколько кошмъ и, навьючивъ на верблюда и совершивъ молитву «дауръ-уйлантурады», везутъ на отдаленное кладбище.

Благодаря такому устройству могилы, земля надъ второю ямою нерѣдко обваливается. Киргизы приписываютъ это отнюдь не дурному устройству могилы, а тому, что покойникъ былъ великій грѣшникъ.

«Навѣрное,—говорятъ они,—покойникъ при жизни воровалъ, лгалъ, обижалъ бѣдныхъ, не подавалъ милостыни нищимъ, развратничалъ съ чужою женой и т. п.»

Пока я лазилъ въ могилу и осматривалъ ея устройство, подошла похоронная процессія. Покойника сняли съ носилокъ и, опять-таки впередъ ногами, сунули черезъ отверстіе въ первой ямѣ во вторую. Копіу, въ которую онъ былъ завернутъ, сняли, такъ что покойникъ остался въ одномъ свивальникѣ изъ маты. Тутъ меня поразило крайне безцеремонное и небрежное обращеніе съ покойникомъ. Боковое отверстіе изъ первой ямы во вторую оказалось, по сравненію съ громадными размѣрами покойника, слишкомъ тѣснымъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы расширить это отвер-

¹⁾ Молитва при выходѣ изъ дома.

стіе, покойника силой стали проталкивать во вторую яму. Два киргиза, бывшіе въ ней, приняли трупъ и, уложивъ его вдоль западной стѣнки на правый бокъ, лицомъ къ западу, а головой къ сѣверу, вылѣзли изъ ямы и тщательно задѣлали боковое отверстіе во вторую яму кусками дерна и земли (камень никогда для этого не употребляется) и затѣмъ уже кетменями (туземными лопатами) засыпали первую яму. Каждый, желавшій почтить память покойника, бросалъ въ могилу комокъ земли, при чемъ къ болѣе почетнымъ киргизамъ подходили бѣдняки и, подставивъ полу халата, собирали отъ нихъ комочки земли, которые потомъ и бросали въ могилу. Въ сторонѣ отъ могилы, въ позѣ плакальщицы, сидѣли родственники покойника.

Когда надъ могилою образовался небольшой бугоръ, мулла поднялся на него и громкимъ голосомъ спросилъ окружающихъ: «Хорошій ли человекъ былъ покойникъ?» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали утвердительно.

Тѣмъ и закончился обрядъ погребенія, называемый «яназа». Послѣ него приступили къ поминкамъ.

III.

Лишь только успѣлъ мулла сдѣлать опросъ присутствовавшихъ о нравственныхъ качествахъ покойника и сойти съ могильной насыпи, какъ человекъ четыре киргизовъ, родственникововъ Боку, бросились къ валявшейся около могилы кошмѣ, снятой съ покойника, и у нихъ завязался споръ объ обладаніи ею. Мулла разрѣшилъ споръ, отдавъ кошму двумъ бѣднякамъ, укладывавшимъ трупъ въ могилу. Они тутъ же разрѣзали кошму пополамъ и, по видимому, очень довольные, положивъ ее подмышку пошли къ мѣсту байги, заражая по пути воздухъ отвратительнымъ трупнымъ смрадомъ, пропитавшимъ кошму.

Съ переходомъ киргизовъ въ русское подданство баранта и разбойничьи набѣги, влѣдствіе строгаго преслѣдованія ихъ русскими властями, поневолѣ должны были прекратиться, а потому единственнымъ развлеченіемъ, въ которомъ киргизы могли бы выказать свое молодечество и удалъ, осталась скачка—байга. Вызаетъ байга двухъ родовъ: состязательная—на призы, или же байга съ козломъ—«кокъ-буре». Въ первой главную роль играетъ выносливость и быстрота бѣга лошадей, во второй не только хорошее качество лошадей, но, главнымъ образомъ, умѣнье наѣздника держаться въ сѣдлѣ и пользоваться обстоятельствами.

Скачки устраиваются обыкновенно только въ теплое время года и хотя по киргизскому старому обычаю онѣ должны были бы устраиваться лишь на поминкахъ по покойникамъ, но обычаи этотъ сталъ за послѣднее время нарушаться богачами (мана-

пами), которые, желая привлечь къ себѣ больше сторонниковъ во время выборовъ въ волостные старшины, стали пользоваться разными случаями для устройства скачекъ, напримѣръ, рожденіе сына, какая-нибудь удачная афера и т. п.

Вотъ почему, съ приближеніемъ весны, киргизы, имѣющіе у себя скакуновъ, начинаютъ ихъ заблаговременно готовить къ скачкамъ. Тренировка заключается въ томъ, что лошадь начинаютъ аккуратно кормить въ опредѣленное время и заставляютъ пробѣгать ежедневно постепенно увеличивающееся разстояніе. Такою подготовкою доводятъ лошадь до того, что она въ состояніи, безъ риска для своего здоровья, пробѣгать карьеромъ безъ отдыха до 15—20 верстъ.

Одновременно съ лошадью готовится къ скачкамъ и жокей. Жокеями служатъ наемные мальчики бѣдныхъ родителей, возрастомъ отъ 12 до 14 лѣтъ. Къ выносливости и быстрой бѣдѣ ихъ начинаютъ приучать съ семи-восьми лѣтъ, привязывая ихъ къ сѣдламъ и гоняя лошадей на кордѣ.

Стоитъ только кому-либо изъ манановъ заболѣть мало-мальски серьезно, какъ вѣсть о томъ съ быстротою телеграфа распространяется по округности. Подъ предлогомъ соболѣзнованія, владѣльцы скакуновъ начинаютъ навѣщать больного, сами же съ нетерпѣніемъ ждутъ его кончины. Въ то же время къ владѣльцамъ скакуновъ являются родители мальчиковъ-жокеевъ и предлагаютъ ихъ услуги. Нанимающій жокея заранѣе обуславливаетъ вознагражденіе, причемъ, при свидѣтеляхъ, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за какое-либо несчастіе, могущее случиться съ мальчикомъ во время скачекъ.

Смотря по условію, родителямъ выдается отъ одной девятой до одной четверти взятаго приза. Мальчику же выдается новый халатъ и тюбетейка (головной уборъ).

Жокей, не взявшій приза, не получаетъ никакого вознагражденія.

Привыкнувъ видѣть на европейскихъ скачкахъ выхолонныхъ, красивыхъ скакуновъ, я былъ пораженъ крайне невзрачнымъ видомъ лошадей, предназначенныхъ на скачки по поводу смерти Бьку. Небольшого роста, лохматая, съ большою неуклюжею головой, худая до того, что можно было пересчитать у нихъ всѣ ребра, онѣ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе.

Предназначенныя къ скачкамъ лошади были своеобразно раскрашены: холки на головахъ были туго перевязаны красными лентами и торчали султанами между ушами. Грива заплетена въ множество мелкихъ косичекъ, въ которыя вплетены были лоскутки кумача и разноцвѣтнаго ситца, хвостъ выше послѣдняго сустава туго перетянутъ цвѣтнымъ ситцевымъ платкомъ.

У мальчиковъ-жокеевъ халаты одѣты были не сверхъ штановъ, какъ обыкновенно носятъ ихъ, а внутрь. Чтобы ихъ не растрясло

во время скачекъ, туго перевязываютъ имъ чалмою крестъ на крестъ грудь, перетягиваютъ животъ, а чтобы они не задыхались отъ быстрой ѣзды, носъ и ротъ прикрывается платкомъ.

Около жокеевъ все время вертѣлся на старой худой клячѣ старикъ киргизъ-комикъ. Кривляясь и корча уморительныя гримасы, онъ пѣлъ какіе-то веселые куплеты, аккомпанируя себѣ на кобзѣ (родъ балалайки).

Осмотрѣвъ лошадей, выѣхали мы на высокій холмъ, съ котораго верстѣ на двадцать видна была ровная прибрежная полоса озера.

Верстахъ въ 12-ти отъ холма видна была почтовая станція, откуда и должны были начаться скачки.

Выстроившись въ рядъ, по данному волостнымъ управителемъ сигналу, жокеи легкою рысью двинулись къ почтовой станціи. Часть киргизовъ отдѣлилась и поѣхала съ ними.

Большинство же осталось на холмѣ и наблюдало за поѣхавшими жокеями. Двѣнадцать верстѣ, отдѣлявшія холмъ отъ станціи, жокеи прошли въ часъ тридцать пять минутъ.

Отдохнувъ минутъ двадцать, они снова выстроились около станціи и, по сдѣланному изъ ружья выстрѣлу, помчались къ холму, на которомъ находились мы.

Волненіе среди оставшихся киргизовъ было неописуемое. Шли споры о томъ, чей скакунъ придетъ первымъ, бились о закладъ, спорили на барановъ, лошадей и на наличныя деньги. Больше всѣхъ волновался толстый волостной управитель, пустившій своего скакуна въ первый разъ.

Когда пыль отъ мчавшихся лошадей приблизилась къ намъ верстѣ на шесть, владѣльцы скакуновъ помчались имъ навстрѣчу— на подмогу, называемую киргизами—«кутерме»; заключается подмога въ томъ, что хозяинъ скакуна, подѣхавъ къ нему, схватываетъ брошенный на лету жокеемъ длинный кожаный ремень, привязанный къ уздечкѣ скакуна и, мчась впереди скакуна на свѣжей лошади, таща за ремень, взвизгивая и крича во всю глотку, подбадриваетъ тѣмъ своего скакуна. Первымъ примчался скакунъ волостного управителя, пройдя все разстояніе въ двѣнадцать верстѣ въ 19 минутъ.

Старикъ волостной, несмотря на свою тучность и преклонные года, не вытерпѣлъ и самъ помчался на подмогу. Подѣхавъ къ холму, жокеи сбросилъ съ головы тубетейку.

1-й призъ состоялъ изъ 4 кусковъ ситцу, двухъ кусковъ тикю, трехъ кусковъ бязи, двухъ—адрасу (полушелковой матеріи), 4-хъ барановъ и около тридцати рублей деньгами. 2-й на половину меньше перваго и третій — четверть перваго. Снявъ жокеевъ съ сѣделъ и накрывъ скакуновъ кошомными попонами, работники стали водить лошадей.

Волостной такъ обрадовался взятому его скакуномъ призу, что всѣ куски матеріи тутъ же отдалъ своему жокею, барановъ же и деньги пожертвовалъ на угощеніе народа, и тутъ начался пиръ горой. Пока приготовлялся пловъ изъ баранины, начались незамысловатыя игры киргизовъ.

На площадку, на которой на кошмахъ сидѣли почетныя лица, выѣхалъ на лошади здоровенный киргизскій парень. Упершись въ колѣно нагайкою, сталъ онъ задорно вызывать охотниковъ побороться съ нимъ. Выѣхало нѣсколько молодыхъ киргизовъ и поочереды стали бороться съ первымъ. Борьба заключается въ томъ, чтобы ловкимъ движеніемъ сбросить сѣдока съ лошади. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ первый изъ киргизовъ, ловко ухвативъ своихъ соперниковъ одного за другимъ, за ногу, поднявъ его ногу кверху, перебрасывалъ ихъ черезъ сѣдло внизъ головой. Паденіе побѣжденных вызывало гомерическій смѣхъ у зрителей. Съ третьимъ киргизомъ борцу не такъ-то легко было справиться. Минуть десять вертѣлись киргизы одинъ около другого, хватили другъ друга за ноги, но ничего не могли подѣлать. Наконецъ простая случайность помогла борцу одолѣть и третьяго соперника. Крѣпко вѣшпившись въ ногу противника, онъ сразу и изо всей силы поднялъ ее кверху. Тонкій ремешокъ, замѣнявшій подпругу у сѣдла, лопнулъ, и киргизъ вверхъ ногами полетѣлъ на землю и съ такой силою ударился головой о подвернувшійся камень, что лишился сознанія. Борецъ же, не обращая вниманія на соперника, вновь сталъ вызывать желающихъ бороться. Но желающихъ уже не оказалось. Торжествующій борецъ слѣзъ съ лошади и, ставъ на колѣни передъ волостнымъ управителемъ, низко поклонился ему въ землю и отъ имени родственниковъ покойника былъ надѣленъ халатомъ изъ верблюжьяго сукна. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось привести въ чувство зашибленнаго киргиза.

Вставъ на ноги и размазывая кулакомъ струившуюся изъ раны по лицу кровь, онъ подошелъ къ своей лошади и, сѣвъ на нее, выхватилъ изъ гривы пучокъ волосъ. Этимъ пучкомъ онъ потеръ сначала ушибленное на головѣ мѣсто, затѣмъ поднесъ его къ глазамъ, ушамъ и ко рту, три раза сплюнулъ на него и перебросилъ пучокъ себѣ черезъ голову. Мнѣ объяснили, что этимъ онъ заговорилъ себя отъ послѣдствій ушиба.

На мѣсто борца выступили на арену одѣтые въ одни штаны два киргиза, въ рукахъ у нихъ были легкія и печень зарѣзанныхъ барановъ. Держа легкія за горла, они по очереди начали наносить одинъ другому удары по голой спинѣ, лицу и груди до тѣхъ поръ, пока одному не удалось вырвать изъ рукъ другого внутренности барана.

Затѣмъ принесли на арену одну глубокую деревянную чашку, наполненную разбавленнымъ водою кислымъ молокомъ (катыкомъ) и другую съ насыпанною до краевъ мукою.

Въ обѣ чашки набросали нѣсколько мѣдныхъ монетъ и тотчасъ же явились охотники, не притрогиваясь къ чашкамъ руками, достать губами изъ нихъ монеты. Но сдѣлать это было не такъ-то легко. Мука, забираясь въ нозь и ротъ, заставляла непрерывно чихать. Отъ забравшагося въ ротъ и нозь молока искатели монетъ захлебывались и поворно, вымазанные молокомъ и мукою, отступали отъ чашекъ.

Покуда возились около чашекъ, передъ ареною вырыли квадратную яму шириною по сторонамъ аршина въ полтора и глубиною почти въ аршинъ. На дно ея, ближе къ аренѣ, вбили деревянный колъ и къ нему, около самаго дна, привязали поводъ приведеннаго къ ямѣ стараго, искалѣченнаго верблюда и затѣмъ стали выкликать охотницъ отвязать верблюда. Задача заключалась въ томъ, чтобы женщина, раздѣвшись донага, ставъ на противоположный отъ арены край ямы, не сгибая колѣнъ, достала бы и развязала привязанный къ колу поводъ верблюда.

Если бы женщинѣ это удалось, то верблюдъ принадлежалъ бы ей.

Несмотря, казалось бы, на позорное фигурированіе въ костюмѣ Евы передъ толпою, охотницъ на это состязаніе явилось нѣсколько. Три изъ нихъ были худыя и тощія старухи лѣтъ около пятидесяти и двѣ сравнительно молодыя женщины.

Ставъ по очереди на край ямы и сдвинувъ плотно ноги, онѣ постепенно наклонялись впередъ, вытянувъ руки; но лишь только достигали руками до привязаннаго къ колу повода, какъ, теряя равновѣсіе, при оглушительномъ хохотѣ окружающихъ, падали вверхъ ногами въ яму. Такъ ни одной изъ женщинъ и не удалось отвязать поводъ и завладѣть верблюдомъ.

По окончаніи увеселеній, распрощавшись съ гостепріимными хозяевами, я собрался въ путь. Джигитъ мой Орумбай, вертѣвшійся до этого времени передъ глазами, вдругъ куда-то скрылся. Предполагая, что онъ поѣхалъ съ моимъ выючкомъ впередъ, я попросилъ волостного дать мнѣ кого-нибудь въ провозатѣе. Вызвалось нѣсколько человекъ желающихъ, которымъ было по пути ѣхать со мною. Дорогой разговорились о похоронныхъ обрядностяхъ, и киргизы удивились, что у насъ, православныхъ, совершаются поминки на сороковой и годовой день кончины. Тутъ я узналъ, что въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, киргизы также хоронятъ покойниковъ въ гробахъ и что обычай этотъ перешелъ къ нимъ отъ сосѣдей-китайцевъ. Устройство нашей могилы не понравилось ѣхавшему со мною аульному старшинѣ.

— Зачѣмъ у васъ не устраиваютъ второй ямы? А вдругъ человекъ не умеръ, а только окружающимъ показалось, что онъ скончался? Какъ же тогда онъ выйдетъ изъ могилы?

На заявленіе мое о томъ, что у насъ хоронятъ не въ тотъ же день, какъ у киргизовъ, а лишь на третій день и смерть покойника

долженъ удостовѣрить врачъ, киргизъ очень резонно отвѣтилъ, что и врачъ человѣкъ, а потому легко можетъ ошибиться.

— А вотъ послушай, бай, какую я расскажу тебѣ настоящую исторію. Было это лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ я еще тогда джигитомъ у славнаго батыря (богатыря) Сары-башей-Умбетъ-алы и кочевали мы тогда по Нарыну.

«Былъ у насъ одинъ человѣкъ, Кулкара Якшалыковъ. Никакою особенною болѣзнью онъ не страдалъ, а между тѣмъ день ото дня дѣлался все слабѣе и слабѣе и въ концѣ концовъ, превратившись въ настоящій скелетъ, умеръ. Похоронили мы его честь честью, справили байгу. Многие уже разѣхались по ауламъ, остались только родственники да дальніе гости. Улеглись спать. Вдругъ ночью изъ юрты покойника, въ которой осталась его вдова, раздался страшный нечеловѣческій крикъ. Мы подумали, что не забрался ли уже въ юрту тигръ или барсъ, вскочили, какъ сумасшедшіе, и, схвативъ, что было подъ рукой изъ оружія, потихоньку стали подходить къ юртѣ покойника. А баба такъ и реветъ благимъ матомъ. Подойдя къ юртѣ шаговъ на двадцать, мы услышали еще другой выходящій изъ юрты человѣческій голосъ. Мы въ недоумѣніи остановились. По нашему закону, никто въ теченіе трехъ дней послѣ похоронъ не имѣетъ права войти въ юрту къ вдовѣ, а тутъ ясно былъ слышенъ, хотя и слабый, но мужской голосъ, убѣждавшій въ чемъ-то не перестававшую реветъ бабу. Приблизясь еще шаговъ на пять, остановились, какъ вкопанные, морозъ прошелъ у насъ по кожѣ. Въ слабомъ мужскомъ голосѣ мы ясно узнали голосъ покойнаго Кулкары Якшалыкова.

«Былъ у насъ одинъ храбрый джигитъ Ирика Давиларбаевъ, — Аллахъ да помилуетъ его, — убитъ русскими при взятіи г. Мерке. Мы и говоримъ ему: «На, возьми мултукъ и посмотри, что тамъ дѣлается въ юртѣ». Потихоньку подкрался онъ къ юртѣ, а въ ней горѣлъ кизякъ (сушеный навозъ), приподнял край кошмы, заглянулъ въ юрту, да какъ вскрикнетъ: «Алла-акбаръ!» бросилъ мултукъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ отъ юрты. Мы за нимъ. Долго не могли мы ничего добиться отъ Давиларбаева. Наконецъ, успокоившись, онъ намъ сказалъ, что, видно, злой духъ Азраилъ разсердился на насъ за то, что мы перенесли юрту покойника на другое мѣсто раньше трехъ дней послѣ его похоронъ. А не перенести ее нельзя было, такъ какъ въ день похоронъ изъ горнаго ущелья вырвался потокъ и чуть было не снесъ юрту. Такъ вотъ злой духъ Азраилъ, обозлившись на насъ за это, оборотился въ покойника и вошелъ въ юрту, чтобы наказать жену.

«Собрали мы совѣтъ и порѣшили на немъ подождать до утра, а тѣмъ временемъ поставили невдалекѣ отъ юрты караулъ и заставили муллу громко выкрикивать заклинанія противъ злого духа Азраила.

«Черезъ нѣсколько времени изъ юрты раздался снова страшный крикъ, но на этотъ разъ уже не женскій, а мужской, затѣмъ кто-то въ юртѣ долго боролся и хрипѣлъ. У насъ такъ духъ и замеръ, никто въ эту ночь въ аулѣ не спалъ. На утро, чуть только стало всходить солнце, мы всѣмъ ауломъ подошли къ юртѣ. Подняли дверной войлокъ, да такъ и ахнули. Около потухшаго костра сидѣла верхомъ на своемъ мужѣ жена покойника. Уцѣпившись обѣими руками въ шею мужа, она пригнула голову его лицомъ прямо въ костеръ, да въ такомъ положеніи и замерла. Когда мы вошли въ юрту, она хотъ бы пошевелилась, а волосы на головѣ ея стали совсѣмъ серебряными. Позвали ее по имени—не откликается, тронули за плечо—повернула голову, смотреть безсмысленными глазами и бормочетъ какую-то чепуху. Насилу разжали ей руки и освободили покойника. Лицо его и руки жены были сильно обожжены и къ запекшейся кожѣ присталъ пепелъ отъ костра.

«Пошли посмотрѣть на могилу,—могила разрыта и покойника въ ней не было.

«Послали за волостнымъ управителемъ и за старыми муллами и когда они черезъ два дня пріѣхали, собрали совѣтъ и на немъ порѣшили: покойника вновь похоронить въ его же могилѣ и договорить семь муллъ читать молитвы по покойнику на седьмой, сороковой, сотый и годовой день его смерти».

— А что же случилось съ его женой?—спросилъ я.

— Да она такъ въ себя и не приходила и осталась дуваную (сумасшедшею). Лѣтъ черезъ пять послѣ этого отправились мы на лѣтовку въ предѣлы Китая, шли со стадами по горнымъ тропинкамъ. На отдыхѣ сумасшедшая сидѣла, задумавшись, на краю глубокой пропасти, по дну которой стремился горный потокъ. Испугалась ли она чего-нибудь, или ей привидѣлось что-то, но вдругъ она вскочила, подняла руки кверху и съ крикомъ бросилась въ пропасть.

— Такъ вотъ, бай, какія бываютъ дѣла. На все воля Аллаха,—закончилъ аульный старшина и сталъ со мною прощаться, такъ какъ пути наши разошлись.

Евгеній Ковалевъ.

ПЕРВАЯ ХАРЬКОВСКАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИСТОРИЯ.

(Изъ воспоминаній стараго студента).

ЕЩЕ всякія столкновенія студентовъ съ ихъ начальствомъ, всякія демонстраціи и манифестаціи въ стѣнахъ университета называютъ: «университетскіе беспорядки», «университетскія волненія», а въ годы моего студенчества это попросту называли—«университетская исторія», или «студенческая исторія».

Подобнаго рода «исторіи» въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія происходили довольно часто и во всѣхъ университетахъ, но въ харьковскомъ университетѣ первая такого рода исторія произошла, не вспомню съ точностью,—въ 1858 или 1859 году. Характеръ этой исторіи былъ, такъ сказать, бытовой, общественный, но политической подкладки она отнюдь не имѣла.

Прежде, чѣмъ разказать о ней, я нахожу не лишнимъ въ краткихъ чертахъ ознакомить читателей съ обликомъ студентовъ и профессоровъ того времени. Начать съ того, что въ то время молодежь училась прилежнѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе, да и выходила изъ гимназій, была лучше подготовлена, нежели теперь. Хотя подчасъ не только нѣкоторые, но даже большинство студентовъ по нѣсколькимъ днямъ сряду съ утра до ве-

чѣра играли кто въ карты, кто на бильярдѣ, кутили шибко и вовсе не являлись въ такіе дни на лекціи, но это случалось рѣдко, въ общемъ посѣщались лекціи исправно и учились прилежно. Каждый факультетъ имѣлъ одного какого-либо любимаго профессора, но къ большинству профессоровъ относились равнодушно, а надъ нѣкоторыми такъ прямо потѣшались. Такъ, на примѣръ, у насъ, филологовъ, былъ профессоръ древнихъ языковъ К., круглый, толстый, красный, какъ ракъ, человѣчекъ, говорившій глухимъ басомъ. На лекціяхъ онъ очень рѣдко давалъ какія-либо объясненія. Все дѣло его заключалось въ томъ, что онъ приказывалъ кому-либо изъ студентовъ читать велухъ то Горация, то Ксенофонта и тому подобное. Изъ насъ я очень любилъ и отлично зналъ древніе языки, остальные же товарищи и не любили этихъ языковъ и плохо были съ ними знакомы, и потому мы, убѣдясь въ разсѣянности и полномъ невниманіи профессора, устроили такъ, что постоянно читалъ я одинъ, нѣсколько измѣняя голосъ, и профессоръ ни разу этого не замѣтилъ. Облегчался этотъ обманъ еще тѣмъ, что профессоръ никогда не называлъ по фамиліи студента, которому приказывалъ читать, а всегда говорилъ такъ: «читайте кто-нибудь изъ васъ». Другой нашъ профессоръ имѣлъ привычку, если на лекціи цитируетъ какое-либо эффектное, красивое мѣсто, повторять, приговаривая: «это такъ хорошо, что повторимъ еще разъ». Его любимымъ конькомъ было рассказывать о Мараонской битвѣ. Съ необычнымъ наслажденіемъ, точно смакуя, онъ произносилъ фразу: «Мардоній леталъ на бѣломъ конѣ».

Грѣхъ сказать, чтобы занятія были уже очень усидчивы. Они смѣнялись картами, бильярдомъ, кутежами, балами и вечеринками, гдѣ мы вели упорную борьбу въ умѣніи танцовать и въ галантномъ ухаживаніи за дамами съ уланами и какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, квартировавшимъ въ Харьковѣ. Къ великой нашей радости, побѣда осталась за студентами, но дѣло доходило чуть ли не до дуэли.

Въ общемъ университетская жизнь текла ровно и спокойно, хотя ужасный обскурантизмъ времени Николая I угнеталъ ее крайне тяжело. Какъ-то чуть было не вспыхнуло серьезное столкновение студентовъ съ университетскимъ начальствомъ. Распространился слухъ, будто въ скоромъ времени каждый день въ теченіе часа послѣ лекцій будутъ учить студентовъ маршировкѣ. Въ то время многіе петербургскіе Скалозубы были на этомъ помѣшаны. Студентовъ это ужасно возмутило, и они рѣшили никоимъ образомъ не подчиняться такому требованію. По счастью, нашлись вліятельные благоразумные родители, которые предохранили молодежь отъ опасныхъ для ихъ учебной карьеры столкновеній. Ихъ энергичными ходатайствами предъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Лужинымъ и университетскимъ начальствомъ грозный

вопросъ о маршировкѣ былъ устраненъ, и все студенты успокоились.

Вскорѣ послѣ этого какъ-то утромъ, незадолго предъ экзаменами, приходимъ мы на лекціи, и тотчасъ нѣсколько товарищей сообщили намъ новость, страшно насъ возмутившую. Оказалось, что рано утромъ на двухъ почтовыхъ повозкахъ съ четырьмя жандармами были увезены на родину въ Новочеркасскъ два студента медицинскаго факультета четвертаго курса, Болдыревъ и Кутыревъ. Жившему въ томъ же домѣ, гдѣ жили эти студенты-медики, моему товарищу К. удалось узнать, въ чемъ было дѣло, такъ какъ Болдыревъ и Кутыревъ, возвратясь въ ту ночь домой часу во второмъ, рассказали К. о своихъ ночныхъ походахъ. На разсвѣтѣ они были арестованы, а въ седьмомъ часу утра уже отправлены изъ Харькова въ сопровожденіи жандармовъ.

К. тотчасъ былъ окруженъ громадной толпой студентовъ, желавшихъ поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло. Я и нѣкоторые другіе студенты посоветовали, чтобы не возбуждать преждевременно любопытства субовъ (такъ для краткости мы называли субъ-инспекторовъ, съ которыми постоянно вели ожесточенную войну), выйти изъ университета на университетскую горку, гдѣ можно было свободнѣй потолковать. Горкой называлось пространство за стѣнами университета, построеннаго на возвышенномъ мѣстѣ, на три или четыре сажени выше, чѣмъ Екатеринославская улица, куда съ горки вело десятка полтора ступенекъ. Университетская горка была засажена деревьями и образовывала нѣчто въ родѣ бульвара.

Выйдя на горку, К. тотчасъ началъ рассказывать все, что ему было извѣстно о Болдыревѣ и Кутыревѣ, внимательно слушавшей его толпѣ студентовъ.

«Какъ нѣкоторымъ изъ васъ, быть можетъ, извѣстно, Болдыревъ и Кутыревъ давно уже ухаживаютъ за двумя хорошенькими горничными князя Салтыкова,—повѣствоваль К.—Вчера послѣ полуночи они забрались къ нимъ. Замѣтилъ ли ихъ кто изъ княжеской челяди, или давно уже за ними слѣдили, но въ домѣ поднялся переполохъ, все задвигалось, зашевелилось, и товарищамъ нашимъ стало ясно, что имъ грозитъ нѣчто весьма враждебное. Но счастью, они успѣли уже одѣться и приготовиться къ защитѣ. Выйдя во дворъ княжескаго дома, примыкавшаго къ саду, чрезъ который они забрались въ окно комнаты горничныхъ, Болдыревъ и Кутыревъ были осаждены болѣе чѣмъ дюжиной кучеровъ, кучеренковъ, поваровъ и лакеевъ князя Салтыкова. Ну, какъ многимъ изъ васъ извѣстно, Болдыревъ и Кутыревъ такіе богатыри, что въ прахъ разнесутъ не только княжескую челядь, но и десятокъ отборныхъ городскихъ. Первое нападеніе княжескихъ холоповъ было отбито такъ ловко, что кучера и лакеи убѣдились въ страшной опасности, грозящей цѣлости ихъ skulls и зубовъ, и почувствовали нѣкото-

рое смущеніе. Въ этотъ моментъ на шумъ выбѣжалъ самъ князь Салтыковъ и, напустивъ на себя подобающую важность въ качествѣ зятя харьковскаго генераль-губернатора Лужина и вмѣстѣ съ тѣмъ его чиновника особыхъ порученій, грозно накинудся на Болдырева и Кутырева и обругалъ ихъ негодьями. Понятно, наши богатыри не стерпѣли обиды и, двинувшись на князька, крикнули: «Ахъ ты, каналья, да мы тебя такъ свистнемъ, что только мокро будетъ!» Князь немедленно и съ замѣчательной быстротой ретировался, крикнувъ прислугѣ: «Бей ихъ и пошлите за полиціей». Княжеская челядь въ этотъ моментъ опять набралась храбрости и бросилась на нашихъ богатырей, но тѣ до такой степени уже освириѣли послѣ оскорбленія, нанесеннаго княземъ, что нѣсколькими быстрыми и ловкими взмахами богатырскихъ кулаковъ разогнали толпу княжескихъ холоповъ во всѣ стороны. Въ этотъ моментъ двое изъ челядинцевъ, вспомнивъ о княжескомъ приказаніи позвать полицію, бросились къ калиткѣ воротъ, до сего времени запертой на засовъ въ надеждѣ спокойное расправиться съ студентами. Этимъ движеніемъ, понятно, тотчасъ воспользовались наши товарищи Кутыревъ и Болдыревъ и, отбросивъ двухъ кучеровъ, подошедшихъ къ калиткѣ, они моментально проскользнули въ нее и быстро зашагали къ себѣ на квартиру, гдѣ, разбудивъ меня, рассказали все, что я, господа, передалъ вамъ теперь. Больше я ничего не знаю».

— Кто же тебѣ передалъ, что ихъ на разсвѣтѣ арестовали и увезли подъ конвоемъ жандармовъ?—послышались голоса.

К. на это отвѣтилъ, что сегодня утромъ, когда онъ вышелъ изъ дома, направляясь въ университетъ, его встрѣтилъ у воротъ сынъ лавочника, торгующаго въ томъ же домѣ, и рассказалъ, что по порученію отца вынужденный проснуться на разсвѣтѣ онъ, выходя изъ дома, видѣлъ, что полиція и жандармы усадили Болдырева и Кутырева на почтовые повозки и куда-то увезли.

— Это же чортъ знаетъ что! — закричали въ толпѣ студентовъ.—Ни вопроса, ни суда, прямо на повозки и гайда на мѣсто жительства! Вѣдь они податного сословія, простые казаки! Теперь пропала ихъ карьера, а вѣдь они четвертаго курса, чрезъ годъ были бы врачами!

Нѣкоторые изъ насъ закричали:

— Такъ, господа, этого оставить нельзя; мы должны сію же минуту дѣйствовать и принять всѣ мѣры къ спасенію нашихъ товарищей!

— Еще бы! Понятно!—со всѣхъ сторонъ раздалось въ отвѣтъ на это предложеніе.

Тотчасъ мы начали обсуждать тѣ способы и пріемы, къ которымъ слѣдовало и возможно было прибѣгнуть.

Но вдругъ я и нѣкоторые другіе опомнились и сообразили, что такая толпа чуть не въ сто человѣкъ студентовъ, собравшихся на университетской горкѣ, неизбежно обратитъ на себя вниманіе университетскаго начальства, а затѣмъ полиціи, и все дѣло наше можетъ быть сильно испорчено. Вслѣдствіе этого тотчасъ было рѣшено немедленно разойтись и собраться по факультетамъ въ чьихъ-либо квартирахъ. При этомъ нѣкоторые изъ насъ предложили прежде, чѣмъ устраивать сходки, извѣстить обо всемъ студентовъ Хлопова и Бекмана, пользовавшихся большимъ уваженіемъ среди всѣхъ студентовъ за свою энергію, находчивость и умѣніе заставить себя уважать даже университетское начальство.

Раздѣлившись на группы, мы разошлись и человѣка по два выбранныхъ изъ каждой группы направились къ Бекману и къ Хлопову.

Оказалось, что они уже обо всемъ были увѣдомлены и уже какъ обдумываютъ, какія принять мѣры для освобожденія товарищей. Послѣ долгихъ споровъ и толковъ, въ которыхъ по обыкновенію больше кричали и рисовались, чѣмъ говорили дѣло, рѣшено было немедленно въ возможно большемъ числѣ студентовъ обратиться къ попечителю и ректору и самымъ настойчивымъ и энергичнымъ образомъ ходатайствовать предъ ними, чтобы они приняли на себя защиту студентовъ и обратились къ генераль-губернатору съ просьбой о возвращеніи обратно Кутырева и Болдырева, обязываясь въ такомъ случаѣ подвергнуть ихъ самому строгому дисциплинарному наказанію, наложенному совѣтомъ университета.

Выслушавъ нашу просьбу, начальство послѣ двухъ-трехъ часовъ размышленія и переговоровъ категорически и довольно рѣзко въ исполненіи ея отказало, не найдя нужнымъ сколько-нибудь мотивировать свой отказъ. Что могло быть нелегальнаго, что могло быть въ какомъ бы то ни было отношеніи предосудительнаго въ подобномъ ходатайствѣ предъ генераль-губернаторомъ со стороны высшаго университетскаго начальства? Вѣдь въ сущности ухаживанье за хорошенькими горничными нигдѣ въ мірѣ не сочтутъ не только преступленіемъ, но даже проступкомъ. А если изъ ревности, зависти или по другимъ соображеніямъ на двухъ студентовъ напала дюжина челядинцевъ, нельзя требовать отъ студентовъ, чтобы они дозволили себя избить. И защищались-то они не такъ, какъ теперь,—браунингами, а только богатырскимъ кулакомъ.

Выслушавъ такое скверное рѣшеніе университетскаго начальства, мы были до такой степени сдержаны и такъ умѣли собой владѣть, что вмѣсто свистковъ и брани, которыхъ вполнѣ заслуживало подобное рѣшеніе, ограничились только фдкими и проническими замѣчаніями о трусости и рабской покорности нашего уни-

верситетскаго начальства предъ всемогущимъ генераль-губернаторомъ николаевскаго режима Лужинымъ, бывшимъ предъ этимъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

Поспѣшивъ разстаться съ начальствомъ, мы тотчасъ принялись обсуждать, какъ быть и что дѣлать.

Долго думали и ряздили, какъ помочь товарищамъ, наконецъ мнѣ или кому-то другому пришла слѣдующая мысль въ голову. Подать всѣмъ студентамъ поголовно прошенія объ увольненіи ихъ изъ университета, такъ какъ они не желаютъ оставаться въ университетѣ, откуда такъ внезапно безъ суда и слѣдствія были удалены ихъ товарищи; устроить такъ, чтобы въ университетѣ остались одни только профессора и ни одного студента. Конечно, это представлялось крайне труднымъ дѣломъ. Какъ уговорить всѣхъ товарищей написать и подать прошеніе объ увольненіи? Какъ собрать, розыскать всѣхъ студентовъ и услѣдить за тѣмъ, чтобы всякій дѣйствительно подалъ написанное прошеніе? Большинству изъ насъ мысль эта очень понравилась. Мы живо представляли себѣ, какой переполохъ эта всеобщая подача прошеній объ увольненіи изъ университета должна была произвести среди профессоровъ. Университетъ безъ студентовъ, съ одними только профессорами, ректоромъ, инспекторомъ и субами представлялся чѣмъ-то страннымъ, невозможнымъ. Намъ казалось, что такое положеніе повело бы къ отставкѣ всѣхъ профессоровъ и что они, во избѣжаніе потери жалованія, согласятся пойти на компромисъ и будутъ ходатайствовать предъ генераль-губернаторомъ о возвращеніи высланныхъ изъ Харькова студентовъ, тѣмъ болѣе, что университетскимъ начальствомъ не было еще сдѣлано постановленія объ исключеніи Болдырева и Кутырева изъ числа студентовъ.

Хлоповъ, Бекманъ, я и еще около десяти студентовъ приняли на себя обязанность уговорить всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ студентовъ и прослѣдить, чтобы поданы были прошенія объ увольненіи. Дѣло было не изъ легкихъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не обошлось безъ значительнаго нравственнаго насилия. Приходишь къ какому-либо товарищу, рассказываешь ему, въ чемъ дѣло и къ какому мы пришли рѣшенію и чего надѣемся добиться. Большинство упорствовало, отпѣкивалось подъ разными предлогами. Иные говорили, что, конечно, поддержать, заступиться за товарищей ихъ долгъ, какъ честныхъ людей, но что родители у нихъ строгіе, не позволяютъ увольняться, а въ случаѣ непослушанія выгоняютъ изъ дома и лишаютъ всякихъ средствъ къ жизни. Это было весьма вѣскимъ аргументомъ, противъ котораго возраженія были очень трудны. Приходилось обѣщать общую матеріальную поддержку, наконецъ говорилось, что до поры до времени все это надо было скрывать отъ родителей и что во всякомъ случаѣ университетское начальство само не допуститъ увольненія всѣхъ

студентовъ, что эта комедія продлится не долѣе недѣли и что всѣ увольнившіеся студенты будутъ приняты обратно.

Такъ или иначе, но мы, организаторы и увѣщатели, для вѣщаго воздѣйствія ходившіе по три человѣка вмѣстѣ къ каждому товарищу, помня латинское изреченіе: «tres faciunt concilium»,— все-таки всегда и вездѣ заканчивали слѣдующей фразой: «Если ты порядочный человѣкъ, если ты честный человѣкъ, ты обязанъ подать прошеніе какъ добрый товарищъ. Поступишь иначе, значитъ поступишь подло, безчестно, и ни одинъ порядочный человѣкъ тебѣ руки не подастъ въ такомъ случаѣ!»

Когда случалось нарваться на упорнаго, неподатливаго товарища, мы прибѣгали и къ такого рода фортели: «Ужъ если ты боишься своего папеньки или своей маменьки, такъ можешь вратъ на насъ сколько хочешь! Скажи имъ, что мы чуть не грозили избить тебя до смерти, если не подашь прошенія, а все-таки прошеніе подавай».

Въ этой кипучей дѣятельности до глубокой полночи прошелъ весь день увоза нашихъ товарищей. На другой день рано утромъ оказалось, что дѣятельность наша увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, такъ какъ около трехсотъ прошеній объ увольненіи было написано и подписано. Увильнувшихъ и уклонившихся было не болѣе пятнадцати человѣкъ, да человѣкъ десять отсутствовало, выѣхавъ изъ Харькова на время по семейнымъ дѣламъ. Въ тотъ же день утромъ часовъ около одиннадцати всѣ эти прошенія были поданы ректору университета. Входили студенты къ нему въ кабинетъ по одному, чтобы избѣгнуть обвиненія въ подачѣ прошенія скопомъ. Двое изъ насъ, коноводовъ, зорко слѣдили за товарищами, чтобы эти прошенія были дѣйствительно поданы. Но какъ было услѣдить? Не трудно было увѣрить товарищей, что прошеніе подаль, а между тѣмъ не подать его! Такъ оно и оказалось впоследствии. Человѣкъ пять благонравныхъ маменькиныхъ сынковъ сумѣли даже снискать расположеніе ректора при этомъ обстоятельствѣ. Они, показывая ему прошенія, говорили, что товарищи угрозами заставили ихъ написать прошеніе, и просили ректора разорвать прошеніе на мелкіе куски и бросить въ корзину, такъ какъ опасаются спрятать не поданное прошеніе въ карманъ. Понятно, ректоръ хвалилъ ихъ благоразуміе и просьбу этихъ паинекъ охотно выполнялъ.

Однако такъ или иначе, но около двухсотъ восьмидесяти прошеній объ увольненіи все-таки были поданы и, какъ мы этого совершенно основательно ожидали, это почти поголовное оставленіе студентами университета, какъ громомъ, поразило университетское начальство и профессоровъ. Прямо замѣтна была какая-то паника. Тотчасъ доложили попечителю, которымъ тогда состоялъ г. Зиновьевъ. Собрался университетскій совѣтъ; хотѣли было донести въ Петербургъ, но рѣшили пообождать. Крѣпко задумались гг. профессора, но ничего пут-

наго придумать не могли, пока одному тонкому, хитрому между ними, впрочемъ, не профессору, но синдикку университета, нѣкому Косинскому, не пришла очень удачная мысль дать дѣлу ловкій оборотъ. Заключалось это въ слѣдующемъ. Онъ доказывалъ, что всѣ эти прошенія поданы подъ давленіемъ десяти-пятнадцати человѣкъ, энергично повліявшихъ на товарищей, и что если совѣтъ будетъ призывать по одиночкѣ подавшихъ прошеніе, то не трудно будетъ уговорить почти всѣхъ студентовъ принять обратно прошенія и заныть все дѣло. Онъ доказывалъ, что самое большее найдется десять или двѣнадцать человѣкъ упорныхъ, которыхъ, конечно, придется немедленно исключить, и всякая исторія прекратится, исчезнувъ, какъ мыльный пузырь. При этомъ синдикъ совѣтовалъ образовать для пріема студентовъ по одиночкѣ комиссію, состоящую изъ трехъ самыхъ любимыхъ студентами профессоровъ подъ предѣдательствомъ ректора.

Такъ оно и устроилось. На другой же день утромъ эта комиссія призывала каждого изъ подавшихъ прошеніе студентовъ и ласково, благодушно, а еще болѣе—хитро, уговаривала взять прошеніе обратно. Конечно, главными аргументами въ этомъ уговариваніи были слѣдующіе доводы: «Поступивъ иначе, т. е. не взявъ обратно прошеніе, вы глубоко огорчите вашихъ родителей, столько на васъ потратившихъ и такъ заботливо къ вамъ относящихся, наконецъ, вы не окончите образованія и погубите свою карьеру. Замѣьте при этомъ, что товарищи ваши никогда не узнаютъ, кто именно взялъ обратно прошеніе. Если же вы не возьмете прошеніе обратно, то будете не уволены, какъ вы просите, но исключены съ тѣмъ, чтобы ни въ одно учебное заведеніе не принимать».

Понятное дѣло, что всѣ эти ловкія рѣчи произвели надлежащее воздѣйствіе и всѣ студенты за исключеніемъ тринадцати человѣкъ взяли прошенія обратно. Не взявшимъ обратно комиссія предложила на самомъ прошеніи написать о мотивахъ, побуждающихъ ихъ не послѣдовать примѣру товарищей, отказавшихся отъ подачи незаконныхъ и нелѣпныхъ прошеній. Что писали мои товарищи, не взявшіе обратно своихъ прошеній, не знаю, но помню, что я написалъ слѣдующее:

«Я дѣйствовалъ сознательно, обдуманно, а не какъ мальчишка. Возмущенный насиліемъ надъ двумя товарищами, я не желаю оставаться въ университетѣ, въ которомъ завтра и со мною поступятъ, какъ съ Волдыревымъ и Кутыревымъ».

На другой день намъ объявлено было рѣшеніе совѣта. Хлоновъ и Бекмана исключили изъ университета навсегда и, кромѣ того, по распоряженію генералъ-губернатора, Бекманъ былъ сосланъ въ Тамбовскую губернію, а Хлоновъ, если не ошибаюсь, въ Вятскую. Остальные одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ и я, исключены были кто на два, кто на одинъ годъ, съ правомъ, по прошествіи

этихъ сроковъ, снова быть принятыми въ харьковскій университетъ. Относительно меня рѣшеніе было крайне снисходительно, но оно объясняется тѣмъ, что профессора и университетское начальство были хорошо знакомы съ моей матерью.

Такъ окончилась первая студенческая исторія въ Харьковѣ. Болдырева и Кутырева намъ не удалось спасти, но, если я не ошибаюсь, такъ какъ что-то смутно помню объ этомъ, они снова попали въ университетъ и курсъ окончили, благодаря ходатайству за нихъ наказнаго атамана войска Донского.

Что случилось съ моими товарищами по исключенію изъ университета, я не помню и даже не помню ихъ фамилій, но о своихъ дальнѣйшихъ походахъ скажу еще нѣсколько словъ, интересныхъ въ томъ отношеніи, что они рисуютъ то время и доказываютъ, что, несмотря на виѣшнюю строгость режима, не трудно было одурачить не только обыкновенную полицію, но и пресловутое III-е отдѣленіе.

Тотчасъ по исключеніи изъ университета, такъ какъ мать моя вмѣстѣ съ моими сестрами, воспитывавшимися въ Парижѣ въ частномъ пансіонѣ Гашеттъ-де-Масси, жила за границею, я задумалъ немедленно поѣхать къ ней. Однако, по наивности и неопытности я не зналъ, что по закону это окажется невозможнымъ и что въ силу существующихъ правилъ меня не выпустятъ за границу.

Обратился я къ свѣдущимъ людямъ за указаніями, какимъ путемъ получить паспортъ. Мнѣ сказали, что, какъ дворянинъ и землевладѣлецъ Полтавской губерніи, я долженъ прежде всего обратиться къ уѣздному предводителю дворянства, который дастъ мнѣ свидѣтельство, съ которымъ я обращусь къ губернатору Полтавской губерніи за полученіемъ паспорта. Кобелякскій предводитель дворянства далъ мнѣ какое-то свидѣтельство, содержаніе котораго я, понятно, теперь не вспомню. Съ этимъ свидѣтельствомъ ѣду я въ Полтаву и являюсь къ губернатору Волкову. Услышавъ мою фамилію, губернаторъ весьма ласково и улыбаясь говоритъ мнѣ: «Нѣтъ, милый другъ мой, никакого паспорта за границу я вамъ дать не могу, такъ какъ вы поручены особому моему надзору и, кромѣ того, находитесь подъ надзоромъ III-го отдѣленія». Я отвѣчалъ, что дѣйствительно я былъ исключенъ, недѣли двѣ тому назадъ, изъ харьковскаго университета, но о нахожденіи подъ надзоромъ III-го отдѣленія ничего мнѣ не было извѣстно. На это губернаторъ мнѣ отвѣтилъ: «Вѣроятно, III-е отдѣленіе насъ еще не увѣдомило объ этомъ, но въ скоромъ времени вы получите объ этомъ официальное извѣщеніе».

Что было дѣлать? Зло взяло. Съ досады я въ тотъ же вечеръ проигралъ въ гостиницѣ, гдѣ остановился, почти все деньги, собранныя на поѣздку за границу, и долженъ былъ тотчасъ возвра-

титься въ свое помѣстье. Но мысль поѣхать за границу, войти въ сношеніе съ Герценомъ, «Колоколъ» котораго былъ для насъ евангелиемъ, гвоздемъ засѣла мнѣ въ головѣ. Черезъ нѣсколько дней въ головѣ моей созрѣлъ довольно сложный и хитрый планъ, содержаніе котораго выяснится въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Собравъ въ два-три дня необходимую сумму денегъ, я на почтовыхъ, въ легкой колясочкѣ двинулся въ Варшаву изъ Полтавы. Прискакавъ туда что-то на четвертый или на пятый день, я написалъ письмо матери, жившей тогда въ Дрезденѣ съ сестрами, по случаю лѣтнихъ каникулъ. Въ этомъ письмѣ я просилъ ее извѣстить меня телеграммой о томъ, будто она больна и нуждается увидѣться со мною. Получивъ просимую телеграмму, я отправился къ намѣстнику царства Польскаго, которымъ въ то время былъ князь Паскевичъ. Князь былъ боленъ, и меня принялъ правитель его канцеляріи Платоновъ. Несмотря на девятнадцать лѣтъ, смотря точно пятнадцатилѣтній мальчикъ, чуть не со слезами на глазахъ я разсказалъ г. Платонову о моемъ положеніи, передавъ ему телеграмму матери и прося ходатайства передъ намѣстникомъ о выдачѣ мнѣ паспорта за границу, хотя бы на одинъ мѣсяць. Правитель канцеляріи, узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Полтавской губерніи и тамошній помѣщикъ, спросилъ меня, почему я не взялъ паспортъ у полтавскаго губернатора. Я на это отвѣтилъ, что вовсе не думалъ ѣхать за границу, а пріѣхалъ только покутить и познакомиться съ Варшавою, въ которой еще никогда не бывалъ. Платоновъ очень сочувственно ко мнѣ отнесся и обѣщалъ дать отвѣтъ для черезъ два. Въ назначенное время я являюсь къ любезному правителю канцеляріи и былъ чрезвычайно обрадованъ, что сегодня же мнѣ будетъ выданъ паспортъ на одинъ мѣсяць, но съ тѣмъ, чтобы я далъ ему честное слово возвратиться по первому требованію чрезъ посольство, такъ какъ обо мнѣ немедленно затребуются свѣдѣнія отъ полтавскаго губернатора. Понятное дѣло, я нисколько не колебался дать самое торжественное честное слово и въ тотъ же вечеръ помчался въ Дрезденъ. Надо замѣтить, что, къ счастью моему, въ то время телеграфнаго сообщенія съ Полтавой еще не было.

Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда моего въ Дрезденъ, гдѣ я очень усердно занялся посылкою корреспонденцій о Россіи Герцену въ «Колоколъ», я получилъ приглашеніе явиться въ русское посольство, гдѣ мнѣ было предъявлено требованіе въ двадцать четыре часа возвратиться въ Варшаву, что, конечно, было мною выполнено: выйдя изъ посольства, чрезъ четыре часа скорымъ поѣздомъ я уже мчался въ Варшаву. Пріѣхавъ туда, я тотчасъ явился къ Платонову, чтобы доказать безупречное выполненіе мною даннаго слова, но полученный паспортъ я припряталъ, а отобрать его у меня, вѣроятно, забыли.

Благодаря этому паспорту, чрезъ два мѣсяца я снова получилъ паспортъ на три мѣсяца, но, конечно, бралъ его не въ Полтавской, а въ Волынской губерніи. Годомъ позже я еще разъ бралъ паспортъ на три мѣсяца, но уже не въ Волынской, а въ Таврической губерніи и, такимъ образомъ, въ теченіе года удалось три раза побывать за границу, несмотря на надзоръ губернатора и бдительное око III-го отдѣленія.

По прошествіи года я было хотѣлъ снова поступить въ харьковскій университетъ, однако пріемъ ректора отбилъ у меня къ тому охоту. Когда я явился къ нему съ прошеніемъ о принятіи меня въ университетъ, онъ мнѣ заявилъ: «Смотрите, малѣйшее что-нибудь, и вы будете исключены». Такая угроза меня взорвала, и я тотчасъ отказался, заявивъ на прощаніе: «Не стоитъ поступать въ университетъ, когда впередъ угрожаютъ всякими придирками».

Въ Парижѣ я хотѣлъ поступить въ университетъ, но требовали какое-то удостовѣреніе или разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, а какое же разрѣшеніе могъ я представить, будучи подъ надзоромъ III отдѣленія съ запрещеніемъ выѣзда за границу?

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникло университетское движеніе въ Москвѣ, Казани, Петербургѣ, Кіевѣ, все это увлекало и привлекало, такъ что курса кончить не пришлось.

Въ 1860 году я было вздумалъ навсегда остаться за границу и не возвращаться въ Россію, но письмо Герцена ко мнѣ заставило меня измѣнить мое намѣреніе¹⁾.

17 ноября 1859 года.

Милостивый Государь!

Съ величайшей благодарностью получили мы ваши статьи; онѣ по содержанію не столько идутъ въ «Колоколъ», какъ въ «Русскіе голоса», за исключеніемъ послѣдней; изъ нея отрывокъ мы помѣщаемъ въ «Колоколъ».

Съ искреннимъ уваженіемъ благодарю васъ

А. Герценъ.

Если вы будете въ Лондонѣ, надѣюсь лично познакомиться съ вами. Вы меня почти всегда застанете дома отъ 4 часовъ.

3 февраля 1860 году.

Спѣшу отвѣчать вамъ на главный вопросъ: если вы не прервали себѣ путь (официально), то воздержитесь. Жизнь эмигранта

¹⁾ Письмо это было помѣщено въ июнѣ 1901 года въ журналѣ «Ежемесячныя Сочиненія» г. Яенискаго, при чемъ мнѣ совершенно непонятно, почему г. Яенискій не счелъ нужнымъ упомянуть, что письмо это писано Герценомъ ко мнѣ.

Авт.

и въ особенности русскаго ужасна — работая въ типографіи вы не выработаете больше 35 или 40 франковъ въ недѣлю; тайной это не можетъ остаться. Скорѣе безъ имени переводить съ русскаго на французскій или нѣмецкій.

Какъ можно теперь оставлять Россію, когда тамъ каждая сила нужна, когда все мы стремимся туда, и особенно человѣку, появившему, что время общенія съ народомъ наступило!

Статьи ваши я получилъ. Разговоръ на станціи нѣсколько фельетоненъ для «Колокола», другія мѣста употребимъ.

Романы надобно прочесть. Если ихъ можно печатать въ Россіи, вы можете продать ихъ въ редакціи «Отеч. Зап.» или «Совр.». Если нельзя и они хороши, можно спросить Тюбнера.

Пишу въ торопяхъ и отъ души кланяюсь

А. Герценъ.

Вотъ какъ сердечно, вотъ какъ предусмотрительно, осторожно и совершенно отечески относился Герценъ къ русской молодежи того времени, жалѣя ея силы и направляя и ее на работу у себя на родинѣ.

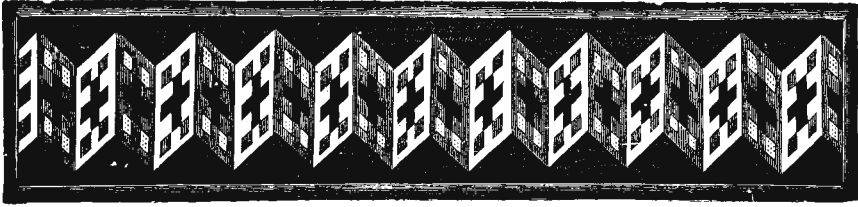
Получивъ это письмо, я тотчасъ уѣхалъ домой, въ помѣстье матери, и вскорѣ послѣ того отправился въ Петербургъ, гдѣ и работалъ въ «Современникѣ», «Очеркахъ», «Народномъ Богатствѣ» и «Заграничномъ Вѣстникѣ» Петра Лавровича Лаврова.

Особенно сердечно и привѣтливо отнеслись ко мнѣ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) и Г. З. Елисеѣвъ, редакторъ газеты «Очерки», издателемъ которой былъ Очкинъ, бросившій изданіе тотчасъ по полученіи мѣста директора Царскосельской желѣзной дороги и какого-то крупнаго ордена. Лишенная средствъ газета въ тотъ же день покончила свое существованіе.

Послѣ ареста Чернышевскаго я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга въ помѣстье матери въ Екатеринославской губерніи, такъ какъ къ тому времени у меня уже никакихъ слѣдовъ помѣстій не оставалось и я началъ жить трудомъ, но не кормиться кровью народной.

Н. Мазуренко.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ АРЕСТАНТЪ.

(Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля).

КОЛО двадцати лѣтъ тому назадъ я былъ товарищемъ прокурора окружнаго суда въ одномъ изъ городовъ московскаго судебнаго округа. Товарищей прокуроровъ при этомъ судѣ было семь человекъ и всѣ они жили въ губернскомъ городѣ, кромѣ одного, поселившагося въ отдаленнѣйшемъ уѣздномъ городѣ. Остальные уѣздные города нашей губерніи посѣщались товарищами прокуроровъ обыкновенно два раза въ мѣсяцъ при поѣздкахъ на сессіи окружнаго суда и на съѣзды мировыхъ судей. При каждой поѣздкѣ товарищъ прокурора былъ обязанъ посѣтить и мѣстный тюремный замокъ (такъ тогда назывались уѣздныя тюрьмы).

Однажды прѣѣхалъ я въ маленькій уѣздный городъ и сейчасъ же отправился въ тюрьму. Обыкновенно, подойдя къ тюремнымъ воротамъ, я дергалъ за ручку примитивно устроеннаго звонка, раздавался дребезжащій звонъ колокола и мнѣ сейчасъ же открывали калитку. Войдя во дворъ, я шелъ въ контору, гдѣ осматривалъ лежавшія на столѣ постановленія, по которымъ содержались арестанты, и затѣмъ въ сопровожденіи старшаго надзирателя отправлялся къ арестантамъ въ ихъ камеры. Въ это время, не торопясь, являлся и смотритель тюремнаго замка (начальникъ тюрьмы).

На этотъ разъ на мой звонокъ не распахнулась калитка, а открылось маленькое отверстіе въ воротахъ (оконце), въ немъ показалось лицо тюремнаго надзирателя и послышался суровый окрикъ: «Кого вамъ надо?»

— Я товарищъ прокурора. Отвори!— отвѣтилъ я.

— Не могу. Сейчасъ пойду доложить смотрителю,— послышался отвѣтъ.

Оконце захлопнулось. Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ послышались шаги, оконце опять открылось, и въ немъ показалось старческое лицо смотрителя. Узнавъ меня, онъ проговорилъ: «Честь имѣю кланяться», и велѣлъ отворить калитку. Звякнули ключи, калитка отворилась, и я былъ впущенъ въ тюремный дворъ.

— Здравствуйте!— сказалъ я.— Вы чѣмъ-то встревожены? Меня не хотѣли впускать. Что такое случилось?

— Охъ, и не говорите! Случилось... случилось. Крайне непріятное и опасное положеніе,— отвѣтилъ смотритель.

— Арестанты взбунтовались?

— Хуже. Что такое бунтъ?! Слава Богу, я 20 лѣтъ служу въ тюрьмѣ. Сумѣлъ бы справиться. Это не разъ бывало. А тутъ въ первый разъ. Пренепріятное и опасное положеніе. Степанъ, хорошо ли заперъ двери?

— Да что у васъ такое?

Смотритель наклонился ко мнѣ и таинственно прошепталъ: У меня въ тюрьмѣ важный политическій арестантъ.

— Политическій? важный? не можетъ быть!

— Ну вотъ видите, и вы не ожидали! Между тѣмъ, къ несчастью, это фактъ.

Я, дѣйствительно, не ожидалъ, чтобы въ эту тюрьму могъ быть помѣщенъ политическій арестантъ. Тюрьма была захолустная, маленькая и арестантовъ въ ней въ обыкновенное время бывало человѣка 3 или 4 и только передъ сессіей окружнаго суда количество ихъ временно доходило человѣкъ до 8, не болѣе.

Пока мы говорили, мы успѣли пройти маленькій дворъ и войти въ контору. Просмотрѣвъ вѣдомость и постановленія, я узналъ, что въ тюрьмѣ содержится всего 5 человѣкъ. Двое отбывали наказаніе по приговорамъ мирового судьи за кражу, двое числились за судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію въ нанесеніи кольями тяжкихъ побоевъ односельчанину, который отъ этихъ побоевъ умеръ, а одинъ политическій.

Прочитавъ документы политическаго арестанта, я узналъ все его несложное дѣло.

Сынъ деревенскаго священника, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ. Когда онъ былъ на второмъ курсѣ, то началъ бывать въ обществѣ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ. Вскорѣ у него произведенъ былъ обыскъ, при которомъ была найдена нелегальная литература и прокламаціи. Онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ предваритель-

наго заключенія, откуда до окончанія дѣла былъ отпущенъ на поручительство отца, у котораго и проживалъ въ деревнѣ въ теченіе года. Въ настоящее время дѣло о немъ въ департаментѣ полиціи было закончено и онъ былъ приговоренъ въ административномъ порядкѣ къ двухмѣсячному тюремному заключенію, послѣ чего подлежалъ освобожденію. Изъ приложеннаго къ документамъ свидѣтельства врача было видно, что у осужденнаго чахотка.

— Ну, это не важный, — сказалъ я смотрителю, прочитавъ документы.

— Какъ не важный! Политическій — значитъ, важный и опасный. Измучился я совѣмъ и сонъ потерялъ. Боюсь. Очень боюсь. Бѣжать можетъ. Можетъ взбунтовать арестантовъ. Можно ожидать нападенія на тюрьму для его освобожденія... Мало ли чего можно ожидать. Однимъ словомъ, бѣда!

— Да успокойтесь. Если бы онъ былъ важный, его въ вашу тюрьму не посадили бы. Важныхъ по окончаніи дѣла ссылаютъ, а этотъ послѣ того, какъ высидитъ свой срокъ въ тюрьмѣ, выпускается на полную свободу. Никуда онъ не бѣжитъ. Если бы онъ думалъ бѣжать, то давно бы скрылся. Вѣдь онъ въ теченіе цѣлаго года жилъ на свободѣ и не скрылся же.

— Такъ-то такъ, а все-таки политическій! И жалко мнѣ его отца, священника, моего стараго знакомаго. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ встрѣчаюсь я на улицѣ съ нимъ, спрашиваю, зачѣмъ пожаловалъ къ намъ изъ деревни въ городъ. «Да вотъ, говоритъ, сына возилъ къ доктору. Плохо. Чахотка». — «Ну, ничего, успокаиваю его, выздоровѣетъ. Докторамъ вѣрить нельзя. Врутъ часто». — «Нѣтъ, говоритъ, тутъ ужъ не врутъ. Сами видите, какой онъ». Дѣйствительно, сынчика худой, блѣдный, кашляетъ. Скромный такой молодой человѣкъ. — «А тутъ еще, говоритъ священникъ, того и гляди, что изъ-за товарищей петербургскихъ къ вамъ въ тюрьму посадятъ. Его чуть ли не заговорщикомъ сдѣлали...» — «Ну, какой онъ тамъ заговорщикъ. Гдѣ ему бунтовать!» отвѣчаю. Вотъ и угадай! А онъ и въ самомъ дѣлѣ оказался важнымъ политическимъ арестантомъ.

Сознавая, что разубѣждать смотрителя въ сложившемся у него убѣжденіи о важности его политическаго арестанта было невозможно и бесполезно, я замолчалъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ арестантамъ. Два уголовныхъ сидѣли въ одной камерѣ и два въ другой. Поговоривъ съ ними, я отправился къ политическому въ камеру, помѣщающуюся вдали отъ уголовныхъ.

— Я товарищъ прокурора, — заявилъ я блѣдному, истощенному молодому человѣку, входя въ камеру. — Можетъ быть, желаете что-нибудь заявить?

— Нѣтъ. Ничего. Мое дѣло вѣдь окончено, и я скоро долженъ быть освобожденъ.

— Я знаю. Спрашиваю васъ не по вашему дѣлу, а вообще, какъ наблюдающій за порядками въ тюрьмѣ.

— Въ такомъ случаѣ у меня есть просьба. Я боленъ. У меня чахотка. Миѣ нуженъ воздухъ. Между тѣмъ меня не выпускаютъ на прогулку. Я очень слабъ, а меня заставляютъ шваброй мыть полъ. Кромѣ того, я очень прошу дать миѣ разрѣшеніе курить. Докторъ говоритъ, что миѣ вредно, но не все ли равно. Я вѣдь знаю, что болѣзнь моя неизлечима, скоро умру. Поэтому, проживу ли я днемъ больше или меньше, для меня не имѣетъ значенія. Я страстный курильщикъ. Позвольте миѣ курить. Больше ничего миѣ не нужно. Больше ничего заявить не имѣю.

Я сейчасъ же объявилъ смотрителю, что онъ обязанъ ежедневно выводить арестанта на прогулку.

— А вдругъ уѣзжитъ. Я изъ опасенія побѣга.

— На основаніи инструкціи вы обязаны ежедневно выводить арестанта,—повторилъ я.

— Слушаю-съ. Знаю я, что я обязанъ. Только я опасался. Буду выводить, нечего дѣлать,—сокрушенно говорилъ смотритель.

— Зачѣмъ, почему вы его, больного, заставляете мыть полъ. Это должны дѣлать другіе осужденные арестанты.

— Это потому, что онъ въ это время можетъ сообщаться съ арестантами. Сказать имъ что-либо, передать, возмутить...

— Вы помѣстите его временно въ другую камеру, а когда полъ будетъ вымытъ, опять введите. Вотъ и не будетъ сообщаться.

— Что касается до разрѣшенія курить, то по инструкціи въ тюрьмѣ курить воспрещается,—сказалъ я, обращаясь къ смотрителю:—но, можетъ быть, какъ-нибудь это можно будетъ устроить частнымъ образомъ.

Выйдя изъ камеры, я повторилъ смотрителю, что онъ долженъ выводить на прогулку арестанта и не долженъ заставлять его мыть полъ.

— Онъ умирающій, сами видите, и возбуждаетъ жалость. Поэтому разрѣшите ему частнымъ образомъ куреніе. Въ самой тюрьмѣ нельзя курить по инструкціи и поэтому вы устройте такимъ образомъ. Передъ прогулкой введите его въ вану контору, дайте ему тамъ выкурить папиросу, потомъ ведите его на прогулку во дворъ и при возвращеніи въ камеру опять пусть войдетъ въ контору и выкурить вторую папиросу.

— Противно инструкціи будетъ. Какъ бы не вышло чего-либо. Я боюсь ответственности.

— Да вѣдь не въ тюрьмѣ же будетъ курить, а въ вашей канцеляріи и знать объ этомъ никто не будетъ. Сами же, по лицу вашему вижу, жалѣете его. Ну, и относитесь къ нему поспиходительнѣе.

— Такъ-то такъ! но... онъ политическій, важный!..

На этомъ наши разговоры окончились. Послѣ окончанія сѣзда мировыхъ судей, на третій день, я возвратился домой въ свой губернской городъ. Докладывая прокурору о результатахъ своей дѣятельности на сѣздѣ, я рассказалъ ему о посѣщеніи тюрьмы, о политическомъ арестантѣ и о моихъ распоряженіяхъ.

— Вы поступили совершенно правильно,—отвѣтилъ мнѣ прокуроръ.—Только, пожалуйста, сегодня же напишите мнѣ подробно о заявленіи арестанта, о распоряженіи смотрителя и о данныхъ вами ему инструкціяхъ. Мнѣ необходимо имѣть объясненіе на всякій случай. Смотритель передастъ исправнику, тотъ можетъ сообщить губернатору, и этотъ можетъ спросить меня. У меня и будетъ готовый матерьялъ для отвѣта. Хотя, повторяю, вы и правильно поступили, но сами знаете, какія у насъ всегда выходятъ пререканія изъ-за тюремъ.

Въ объясненіе этого разговора слѣдуетъ сказать, что тюремная администрація находилась тогда въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и поэтому въ губернскихъ городахъ главнымъ начальникомъ тюремъ являлся губернаторъ. Въ то время считалось непреложной истиной, что всѣ чины судебного вѣдомства вообще либеральны, при чемъ товарищи прокурора безъ исключенія считались «невыносимо либеральными». Каждый губернаторъ при случаѣ очень любилъ подчеркнуть либеральное направленіе чиновъ судебного вѣдомства, хотя матерьяла для этого было мало. Иногда при всемъ стараніи можно было обратить вниманіе лишь на нѣкоторое свободомысліе, выражавшееся въ томъ, что товарищъ прокурора являлся въ какомъ-нибудь присутствіи въ мундирѣ при сѣрыхъ, а не форменныхъ черныхъ брюкахъ. Больше всего матерьяла для столкновеній давали тюрьмы. Судебные слѣдователи сажали арестантовъ, прокурорскій надзоръ наблюдалъ за этими арестантами, судъ судилъ, присуждалъ къ заключенію и освобождалъ ихъ. Внутренняя же жизнь арестантовъ зависѣла отъ административной власти, которая имѣла свои инструкціи и циркуляры, по поводу которыхъ и происходили столкновенія между административной и судебной властями.

Конечно, столкновеній этихъ всегда можно было избѣгать. Существовали тюремные комитеты, въ которыхъ въ качествѣ членовъ засѣдали и члены прокурорскаго надзора.

Поэтому всегда можно было бы стовориться относительно способа выполненія разнаго рода инструкцій и циркуляровъ, но на практикѣ за рѣдкими исключеніями къ соглашенію никогда не приходили.

Представители разныхъ вѣдомствъ въ общежитіи, въ своей обыденной жизни, жили между собой мирно, бывали одинъ у другого, играли въ винтъ; но разъ дѣло касалось служебнаго интереса, сейчасъ вспоминали, что они непримиримые враги, такъ какъ

интересы вѣдомствъ, по ихъ мнѣнію, были всегда неизмѣнно различны. Они слѣдили одни за другими и, если только представлялась возможность, съ удовольствіемъ дѣлали одинъ другому непріятность, или, какъ говорили въ провинціи, выражаясь тривиальнымъ языкомъ, вставляли одинъ другому шпильку или подкладывали свищу. Если кто-либо заговаривалъ объ общегосударственныхъ интересахъ, на того смотрѣли съ недовѣріемъ, сейчасъ же дѣлались предположенія, что готовится какой-нибудь хитрый фортель со стороны этого лица, и его начинали особенно опасаться.

Дней черезъ десять послѣ моей поѣздки прокуроръ показалъ мнѣ бумагу, полученную отъ губернатора.

«До свѣдѣнія моего дошло», писалъ губернаторъ: «что товарищъ прокурора такой-то при посѣщеніи такого-то тюремнаго замка отмѣнилъ назначенныя арестанту обязательныя работы и разрѣшилъ ему курить. Имѣя въ виду, что этимъ онъ нарушилъ такіе-то параграфы инструкціи, утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, имѣю честь просить васъ, милостивый государь, затребовать у означеннаго товарища прокурора объясненіе, каковое мнѣ сообщить».

Хотя я чувствовалъ себя совершенно правымъ, но, признаюсь, струхнулъ. Пойдутъ объясненія, доведутъ до свѣдѣнія министра, выйдутъ непріятности. Я уже былъ старый чиновникъ и хорошо поэтому зналъ всѣ тонкости отзывовъ о служебной дѣятельности и всѣ послѣдствія такихъ отзывовъ. Чиновникъ работаетъ усердно, старается. Начальство говоритъ, что онъ, получая содержаніе, долженъ стараться и можетъ надѣяться получить награду въ порядкѣ постепенности. Вышло какое-нибудь недоразумѣніе, и фамилія запоминается. При первомъ же случаѣ начальство вспоминаетъ: «Это тотъ, который... Что такое онъ сдѣлалъ? Ахъ, да!.. Это тотъ, который не умѣетъ ладить съ администраціей».

Эти мысли быстро пронеслись въ моей головѣ, пока я читалъ бумагу.

-- А вотъ и мой отвѣтъ губернатору,—сказалъ прокуроръ и подалъ мнѣ другую бумагу:

«На отношеніе вашего превосходительства имѣю честь уведомить», читалъ я: «что по поводу распоряженій, сдѣланныхъ товарищемъ прокурора такимъ-то въ такой-то тюрьмѣ, мною было отъ означеннаго товарища прокурора затребовано объясненіе, каковое я и получилъ».

— Каковое и получилъ. Точка. Я ему не подчиненъ, чтобы онъ могъ требовать объясненіе, сказалъ прокуроръ.—Сегодня онъ желаетъ знать ваше объясненіе, а завтра потребуетъ лично отъ меня объясненій. Пора дать ему почувствовать, что судебное вѣдомство ему не подчинено. Да вы не безпокойтесь. Здѣсь уже за дѣло мое самолюбіе, и васъ я не дамъ въ обиду.

Прошло недѣли три. Однажды прокуроръ опять показываетъ мнѣ бумагу.

На этотъ разъ запросъ былъ уже отъ прокурора московской судебной палаты. Онъ писалъ, что губернаторъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ товарища прокурора сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, который передалъ объ этомъ министру юстиціи, и послѣдній послалъ на заключеніе его, прокурора палаты, и поэтому онъ, прокуроръ палаты, проситъ прокурора затребовать у меня объясненіе, которое со своимъ заключеніемъ ему и препроводить. Теперь пришлось задуматься не на шутку. Вся моя дальнѣйшая карьера и судьба зависѣли отъ прокурора палаты. Хотя онъ былъ талантливый человѣкъ, хорошій юристъ и самостоятельный человѣкъ, но какъ онъ взглянетъ на дѣло? Я понималъ, что моя личность въ данномъ случаѣ не имѣла никакого значенія. Все зависѣло отъ того, къ кому ближе лежало сердце прокурора палаты, къ губернатору или прокурору. Кого изъ нихъ онъ захочетъ поддержать?

— Вы не смущайтесь, — успокаивалъ меня прокуроръ: — ваше объясненіе я сегодня же посылаю прокурору палаты, а завтра я по другимъ дѣламъ ѣду въ Москву и тамъ, конечно, буду говорить съ прокуроромъ палаты и по этому дѣлу.

Невеселую недѣлю провелъ я въ ожиданіи прокурора. Наконецъ онъ пріѣхалъ.

— Ну-съ, — встрѣтилъ меня прокурора. — Я вамъ долженъ передать распоряженіе прокурора палаты.

Я невольно поблѣднѣлъ.

— Прокуроръ палаты просилъ вамъ передать, — продолжалъ прокуроръ: — что онъ ваши дѣйствія находитъ совершенно правильными и гуманными и рекомендуетъ вамъ поступать и на будущее время въ томъ же духѣ.

У меня отлегло отъ сердца. Я отъ всей души сталъ благодарить прокурора, такъ какъ, конечно, благодаря его отзыву вообще обо мнѣ, дѣло окончилось для меня такъ благополучно. Прокуроръ палаты могъ вѣдь поддержать прокурора и въ то же время передать мнѣ свое неудовольствіе.

А какъ же чувствовалъ себя политическій арестантъ? Стали ли къ нему относиться снисходительнѣе, или къ нему примѣнялись инструкціи во всей ихъ строгости безъ отступленія? Я этого не зналъ, потому что послѣ полученія запроса отъ губернатора прокуроръ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій, въ тотъ уѣздный городъ сталъ посылать другихъ товарищей прокурора. Недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда прокурора изъ Москвы я поѣхалъ въ тотъ городъ на сессію окружнаго суда и при посѣщеніи тюрьмы узналъ, что политическаго арестанта тамъ уже не было. Онъ отбылъ уже свой срокъ тюремнаго заключенія и уѣхалъ въ деревню къ отцу.

М. Чу—цкий.

АРХІЕРЕЙ-САМОУБІЙЦА.

Къ біографіи Моисея, епископа еодосійскаго и маріупольскаго).

По неизданнымъ матеріаламъ.

ИЗУЧЕНІЕ русской духовной литературы оставляетъ желать очень многого. До сихъ поръ далеко не каждый писатель «духовнаго чина» имѣетъ полную и обстоятельную біографію, составленную на основаніи всѣхъ печатныхъ данныхъ и архивныхъ документовъ, и лишь нѣкоторые писатели, напримѣръ, митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), митрополитъ Филаретъ и немногіе другіе имѣютъ болѣе или менѣе обстоятельныя біографіи. Для изученія же жизни большинства духовныхъ писателей приходится обращаться къ помощи различныхъ энциклопедическихъ словарей (Плюшара, Станевскаго, Березина, Толля, Брокгауза-Ефрона, Большой энциклопедіи, Граната, Аскарханова и др.), словарей русскихъ дѣятелей и писателей (Русскаго Біографическаго словаря, С. А. Венгерова, Г. Геннади и др.) и, наконецъ, специальныхъ работъ о писателяхъ духовнаго чина (митрополитовъ Евгенія и Филарета).

Но всякій, кому только приходилось обращаться къ перечисленнымъ изданіямъ, знаетъ, какъ кратки и часто невѣрны ихъ данныя; особенно хромаетъ въ этомъ отношеніи извѣстная работа архіепископа Филарета «Обзоръ русской духовной литературы». Почтенный авторъ, относящійся необыкновенно с рого и часто совершенно несправедливо къ трудамъ русскихъ духовныхъ писателей, дѣлаетъ нерѣдко самыя грубыя ошибки, смѣшивая одного

писателя съ другимъ и потому говоря объ одномъ писателѣ то, что слѣдуетъ говорить о другомъ, или дѣлая ошибочныя указанія литературы и проч.

Примѣръ перваго рода ошибокъ можно видѣть хотя бы въ данныхъ Филарета о двухъ Варлаамахъ¹⁾, а примѣръ ошибочныхъ указаній литературы находимъ въ статьѣ объ Іаковѣ (Вечерковѣ).

Не говоримъ уже о тѣхъ характеристикахъ, которыми награждаетъ Филаретъ многихъ духовныхъ писателей; нѣкоторыя изъ нихъ (особенно критика работъ Евгенія Болховитинова) являются прямо-таки смѣшными.

Но если можно жаловаться на недостатокъ изслѣдованій о писателяхъ духовнаго чина вообще, то надо замѣтить, что есть такіе духовные писатели, которые не имѣютъ рѣшительно никакихъ біографій, кромѣ коротенькихъ и разнорѣчивыхъ словарныхъ данныхъ и напечатанныхъ извлеченій изъ архивныхъ документовъ.

Къ числу такихъ обойденныхъ наукою писателей принадлежатъ, несомнѣнно, Моисей Гумилевскій, епископъ ѳеодосійскій и маріупольскій († 1792 г.). Несмотря на свою близость къ Потемкину и митрополиту Платону, онъ оставилъ о себѣ слишкомъ мало извѣстій. Между тѣмъ это былъ человекъ, который по своимъ дарованіямъ и учености принадлежалъ къ числу видныхъ лицъ современнаго ему московскаго духовенства, почему и пользовался особеннымъ вниманіемъ Платона, а чрезъ него и Потемкина²⁾.

Не задаваясь цѣлью пересказывать все извѣстное о Моисеѣ, мы остановимся на фактѣ его смерти, о чемъ всѣ почти печатныя извѣстія говорятъ крайне разнорѣчиво.

Несомнѣнно, что Моисей умеръ въ 1792 году. Общее указаніе на это событіе мы находимъ въ статьѣ князя И. М. Долгорукаго «Капище моего сердца»³⁾, который кратко говоритъ, что Моисей, «бывъ завезенъ Потемкинымъ въ новопріобрѣтенные края на Черномъ морѣ, скоро тамъ умеръ». Позднѣйшая же печатная литература утверждаетъ иное,—что Моисей былъ убитъ⁴⁾, это говоритъ такая точная работа, какъ «списки архіереевъ», составленные на основаніи всѣхъ данныхъ богатаго архива синода. Если Моисей убитъ, то возникаетъ вопросъ: кто же его убійцы?

Есть свѣдѣнія, что его убили свои же домашніе⁵⁾, другія свѣдѣнія говорятъ, что Моисей убитъ своими служителями⁶⁾,

¹⁾ Критико-біографическій словарь. Спб.

²⁾ А. Корсаковъ. Моисей Гумилевскій. «Русская Старина», 1888, т. XVII, 799—800.

³⁾ «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ», 1872, т. IV.

⁴⁾ «Списки архіереевъ Россійской іерархіи». Спб. 1896.

⁵⁾ Евгеній, словарь, т. II, и Смирновъ, С. «Исторія Славяно-греко-латинской академіи». М. 1855.

⁶⁾ Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», II, 81.

есть, наконецъ, свѣдѣнія, говоряція объ убійствѣ его татарами ¹⁾.

Это говоритъ одна сторона литературы о смерти Моисея.

Другая же сторона говоритъ, что Моисей не былъ убитъ, а самъ прибѣгнулъ къ самоубійству,—это официальный документъ, письмо таврическаго губернатора генераль-майора Жегулина къ тайному совѣтнику В. О. Попову, докладчику Екатерины II ²⁾.

Увѣдомляя его о «не токмо неожиданномъ, но и неслыханномъ невѣроятномъ приключеніи», онъ пишетъ, что «преосвященный Моисей кончилъ жизнь свою съ 5 на 6 октября несчастнымъ образомъ отъ своихъ собственныхъ рукъ. Не руки его ниже воля суть виновники сего несчастія, но закоснѣлые гемороидалные припадки, а отъ нихъ уже апоплексическихъ и меланхолическихъ сихъ послѣднихъ въ самомъ величайшемъ степени»... «Въ случаѣ пріѣзжающихъ къ нему, онъ усиленно скрывалъ свои болѣзненные припадки, а къ совершенію нещастія не было при немъ ни единого умнаго человѣка, который бы благовременно о семъ увѣдомилъ».

Профессоръ Иконниковъ въ своемъ «Опытѣ русской исторіографіи» (т. I, Кіевъ. 1891—92), указывая настоящій документъ, кратко характеризуетъ его содержаніе словами, что здѣсь идетъ рѣчь о самоубійствѣ Моисея.

Итакъ, одни данныя говорятъ объ убійствѣ Моисея, другія — о самоубійствѣ. При той краткости извѣстій о смерти Моисея, о которой мы уже говорили, этотъ вопросъ долженъ бы былъ остаться не разрѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что тогдашнее духовное или свѣтское начальство всячески старалось распространить слухъ объ убійствѣ и опровергнуть слухи о самоубійствѣ. Даже самый рапортъ губернатора Жегулина о смерти Моисея митрополитъ Платонъ называетъ «весьма неполнымъ и сумнительнымъ» ³⁾.

Къ счастью, вопросъ о смерти Моисея можетъ быть рѣшенъ окончательно на основаніи неизданныхъ данныхъ саратовской духовной семинаріи, заключающихся въ «Собраніи писемъ» разныхъ духовныхъ писателей конца XVIII, начала XIX столѣтій ⁴⁾.

Для рѣшенія вопроса особенно важны современныя письма Дамаскина (Семенова-Руднева), епископа нижгородскаго, Иннокентія (Полянскаго) и митрополита Платона, людей, хорошо знавшихъ Моисея, къ Аонасію (Иванову), бывшему въ то время епископомъ коломенскимъ.

¹⁾ Н. Д. «Иерархія Россійской церкви». М. 1892, в. I.

²⁾ Мурзакевичъ, Н. Н. «Записки одесской общественной исторіи», т. XIII, 260, и Иконниковъ, В. С. Историческія замѣтки. «Русская Старина», 1888, т. LVIII, 604—5.

³⁾ Письмо Платона къ Аонасію (Иванову), архіепископу екатеринославскому, въ сборникѣ саратовской семинаріи «Собраніе писемъ».

⁴⁾ Сборникъ сообщенъ нами императорской академіи наукъ.

По словамъ перваго (письмо отъ 27. V. 1792), Моисея свела въ могилу печаль и тѹга по Потемкинѣ, такъ какъ Моисей, «впадши въ невѣроятное безуміе, самъ на себя наложилъ руки» (письмо 20. XII. 1792).

Нѣсколько подробнѣе говоритъ о смерти Моисея митрополитъ Платонъ (письмо 2. I. 1793): «О Моисеѣ весьма сожалѣю. Кончина страшная! Особливо, что увѣрены, аки бы отъ себя. Жаль, что не разсуждено обстоятельнѣе въ сіе взойти. Я читалъ губернаторскій рапортъ по изслѣдованіи, имъ и кончено все, но онъ показался мнѣ весьма неполнымъ и сумнительнымъ».

Но едва ли не самымъ важнымъ и, такъ сказать, рѣшающимъ въ этомъ случаѣ является третій свидѣтель-современникъ, Иннокентій (Полянский), въ письмѣ котораго (17. XI. 1792) содержится описаніе послѣднихъ дней преосвященнаго Моисея.

«1 сентября», говоритъ Иннокентій, «Моисей писалъ къ преосвященному Вѣлоградскому ¹⁾, что онъ въ Старомъ Крыму заводитъ экономію, просилъ у него концертъвъ и пять пѣвчихъ. 30 сентября Моисей правилъ въ станціи Крыму панихиду по Потемкинѣ, плакалъ и жаловался на боль головы. 3 октября правилъ панихиду по преосвященномъ Амвросію ²⁾, плакалъ и былъ боленъ. 4 и 5 числѣ что съ нимъ происходило, не извѣстно. 6 октября по утру сысканъ въ спальнѣ въ крови на полу, мертвъ. По свидѣтельству духовныхъ и мірскихъ оказалось на шеѣ 3 раны и на полу церковной складной ножъ».

На основаніи представленныхъ документовъ вопросъ о смерти Моисея можно считать исчерпаннымъ. Что же касается вопроса о причинахъ самоубійства Моисея, то, какъ на одну изъ нихъ, можно указать на то, что послѣднее время Моисей жилъ вдали отъ образованнаго общества, среди однихъ исключительно мусульманъ ³⁾.

При такихъ обстоятельствахъ, въ связи съ одновременной почти потерей друзей—Амвросія и Потемкина—самоубійство стараго и больного обычной «архіерейской» болѣзью Моисея является вполне возможнымъ, хотя въ то же время его самоубійство едва ли не единственный случай во всей русской церковной исторіи.

Александръ Лебедевъ.

¹⁾ Феоктистъ (Мочульскій), извѣстный любитель и знатокъ пѣнія, авторъ нѣсколькихъ сочиненій; между прочимъ онъ также состоялъ въ перепискѣ съ Аванасіемъ.

²⁾ Серебряковъ, или Серебренниковъ, извѣстный въ свое время проповѣдникъ и любимецъ Потемкина.

³⁾ В. С. Иконниковъ. Историческія замѣтки: «Русская Старина», 1888, LVIII, 604.

«ДОМЪ ПИСАТЕЛЕЙ».

(Исторія одного литературнаго предпріятія).

ТО не задавался вопросомъ: почему у насъ гибнетъ столько полезныхъ начинаній, почему они, не расцвѣтши, отцвѣтають?

Трудно принскать болѣе наглядный отвѣтъ на этотъ жгучій вопросъ, чѣмъ исторія «Дома писателей», основаннаго года четыре тому назадъ въ Петербургѣ.

Все соединилось, чтобы обезпечить его пышный расцвѣтъ: благая цѣль, которому онъ призванъ служить, щедрыя пожертвованія, давшія ему жизнь, просвѣщенность его администраторовъ, принадлежащихъ къ цвѣту русской интеллигенціи, сочувствіе общества. И тѣмъ не менѣе это предпріятіе близко къ гибели: не прошло и четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оно основано, и оно уже отцвѣтаетъ. Разказать краткую его исторію значитъ представить печальную картину нашей общественности и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ истинныя причины увяданія или гибели многихъ общественныхъ предпріятій. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ широкимъ вопросомъ, охватывающимъ всю русскую жизнь: худосочіе часто сказывается въ появленіи отдѣльныхъ язвенокъ. Сами по себѣ онѣ могутъ казаться безобидными, но, относясь къ нимъ невнимательно, мы рискуемъ проглядѣть опасную общую болѣзнь.

Обратимся однако къ фактамъ.

Покойный В. Ф. Голубевъ, инженеръ и крупный предприниматель, склоненъ былъ удѣлять часть своихъ доходовъ и своего крупнаго состоянія на разныя благотворительныя цѣли. Между

прочимъ онъ приходилъ на помощь и пишущей братіи. Такъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ выдавалъ ежегодно Литературному Фонду по 6.000 рублей. Подъ конецъ жизни онъ надумалъ консолидировать этотъ доходъ, чтобы обезпечить его за Фондомъ на вѣчныя времена. Капитализація дохода въ 6.000 рублей изъ 4⁰/₀ и дала сумму въ 150.000 рублей, которую щедрый жертвователь и принесъ въ даръ Литературному Фонду.

Этимъ дѣло могло бы ограничиться, и писателямъ оставалось бы только хранить въ сердцѣ благодарную память о человѣкѣ, пришедшемъ имъ на помощь, а Литературному Фонду—распредѣлять ежегодно доходъ въ 6.000 рублей между писателями, наиболѣе заслуживающими матеріальной поддержки.

Но покойный Голубевъ, очевидно признавалъ обычную дѣятельность Фонда (раздачу денежныхъ пособій и ссудъ) не вполне исчерпывающею задачу общества для пособія нуждающимся литераторамъ. Онъ надумалъ иной родъ помощи. Онъ пожелалъ оказывать имъ поддержку не деньгами, а натурой: удовлетвореніемъ ихъ потребности имѣть свой домъ, свой пріютъ, въ которомъ наиболѣе нуждающіеся могли бы жить, а другіе сходиться для общаго мыслей, совмѣстныхъ работъ, дружескаго общенія. Это была прекрасная мысль, и осуществить ее было, повидимому, нетрудно, тѣмъ болѣе, что къ щедрому пожертвованію Голубева присоединилось другое, тоже крупное, пожертвованіе, которое, правда, не могло быть тотчасъ же реализовано, но которое обезпечивало «Домъ писателей» на будущее время. Это второе пожертвованіе достигаетъ 60.000 рублей.

Тутъ было надъ чѣмъ весело и бодро потрудиться. Два жертвователя сошлись на одной благой и заманчивой мысли. Фонду оставалось только ее осуществить, чтобы оправдать довѣріе, оказанное ему жертвователями.

Какъ же онъ принялся за дѣло? Съ этого и начинается исторія «Дома писателей»,—исторія, которую мнѣ предстоитъ рассказать, какъ человѣку, близко съ нею знакомому и отчасти принимавшему въ ней участіе. Передать ее значитъ въ то же время оказать посильное содѣйствіе той комиссіи, которая избрана 13-го мая текущаго года общимъ собраніемъ Фонда съ цѣлію спасти «Домъ писателей» отъ крушенія.

Къ сожалѣнію, В. Ф. Голубеву не пришлось самому принять участіе въ осуществленіи своей мысли. Онъ умеръ раньше, не оставивъ даже письменнаго завѣщанія. Но сыновья вскорѣ послѣ его смерти исполнили словесно выраженную имъ волю и вручили фонду 150.000 рублей. Съ своей стороны Фондъ, чтобы осуществить волю завѣщателя, долженъ былъ естественно остановиться

на вопросъ: нанять ли ему помѣщеніе для «Дома писателей», или приобрести недвижимую собственность? Онъ принялъ второе рѣшеніе. Къ этому его побудили слѣдующія соображенія.

24-го февраля 1899 г. скончался извѣстный писатель В. О. Михневичъ. Онъ оставилъ послѣ себя на Аптекарскомъ островѣ недвижимую собственность—сквозной земельный участокъ приблизительно въ 1800 кв. сажень съ 4 деревянными домами, выходящими на Карповку и на Песочную. По его духовному завѣщанію, собственникомъ этого земельного участка былъ въ двухъ третяхъ Литературный Фондъ, въ одной трети—вдова покойнаго писателя. Значитъ, приобретать недвижимую собственность Фонду не приходилось: онъ ее уже имѣлъ. Но дѣло усложнилось тѣмъ, что доходы съ участка были предоставлены покойнымъ писателемъ его вдовѣ пожизненно, и только послѣ ея смерти Фондъ вступалъ въ права собственника. Такимъ образомъ, при жизни Е. Н. Михневичъ (вдовы завѣщателя) устанавливалось совмѣстное владѣніе ея и Фонда пожертвованнымъ участкомъ.

Теперь, благодаря пожертвованію В. Ф. Голубева, Фондъ былъ поставленъ въ возможность сразу вступить въ полную собственность доставшагося ему по наслѣдству имущества. Такъ и было сдѣлано по моему предложенію. Цѣнность участка опредѣлялась приблизительно въ 90,000 рублей, по 50 р. за кв. сажень, не считая домовъ. Кромѣ того, на имуществовѣ лежалъ долгъ приблизительно въ 10,000 р. Въ общемъ Фонду приходилось уплатить 100.000 р. Фондъ погасилъ долгъ въ 10,000, уплатилъ Е. Н. Михневичъ 30,000 р., а остальные 60,000 р. превратилъ въ неприкосновенный капиталъ имени В. О. Михневича съ тѣмъ, чтобы при жизни его вдовы выплачивать ей проценты съ этого капитала, а послѣ ея смерти дать имъ назначеніе согласно волѣ завѣщателя, т. е. расходовать ихъ на общежитіе для престарѣлыхъ или инвалидовъ писателей.

Въ общемъ получилось слѣдующее положеніе дѣлъ. Фондъ приобреталъ имущество, дававшее прежней владѣлицѣ въ среднемъ болѣе двухъ тысячъ чистаго дохода. Кромѣ того, у Фонда въ рукахъ былъ капиталъ въ 50,000 р., изъ котораго часть могла быть употреблена на приспособленіе одного или двухъ домовъ подъ общежитіе литераторовъ. Оставалось приступить къ дѣйствию.

Фондъ и приступилъ къ дѣйствию. Прежде всего онъ естественно задался вопросомъ,—кто же будетъ завѣдывать приобретеннымъ имуществомъ и учреждаемымъ общежитіемъ? Если бы подобное дѣло возникло въ странѣ, болѣе культурной, чѣмъ Россія, то на этотъ вопросъ отвѣтили бы очень просто: завѣдывать домомъ и общежитіемъ должны люди, наиболѣе подготовленные къ этому дѣлу, понятно, подъ контролемъ самого Фонда, т. е. собственника. У насъ же въ Россіи на подобный вопросъ отвѣчаютъ иначе; его

рѣшаютъ по излюбленной трафареткѣ: надо избрать комиссію. А кто же долженъ войти въ ея составъ? Конечно, заслуженные дѣятели, находящіеся у всѣхъ на виду. Такъ и было поступлено. Возникла комиссія изъ видныхъ дѣятелей: председателя Фонда, представителей жертвователя, комитета и общаго собранія Фонда. Все это были люди очень занятые, съ массою разнообразныхъ обязанностей по другимъ должностямъ или дѣламъ, люди, у которыхъ, что называется, нѣтъ свободной минуты.

Мы сейчасъ познакомимся съ ихъ дѣятельностью. Но, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить эти первые шаги Фонда, намъ нужно остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ.

Покойный Михневичъ, пожертвовавшій Фонду на общежитіе крупный капиталъ въ 60,000 р., былъ человѣкъ, такъ сказать, вышедшій изъ ничего. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ страшно бѣдствовалъ и только постепенно, благодаря изумительной энергіи, недюжиннымъ способностямъ и предпримчивости, сумѣлъ завоевать себѣ матерьяльное положеніе, которое позволяло ему кое-что сберегать. Это были, при необезпеченности у насъ литературнаго труда, конечно, гроши, но въ общемъ у него образовалось за десять лѣтъ до смерти, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ, полученнымъ его женою, около 13,000 рублей.

Какъ всякій предусмотрительный человѣкъ, и покойный Михневичъ былъ озабоченъ вопросомъ, что съ нимъ станется, когда старость или болѣзнь лишитъ его трудоспособности. На тѣ 13,000 р., которые находились въ его распоряженіи, обезпечить свою и женину судьбу было трудно. Съ другой стороны, онъ былъ врагъ всякихъ благотворительныхъ подачекъ и неоднократно высказывался въ печати противъ того рода дѣятельности, которой преимущественно посвятилъ себя Фондъ. Какъ же быть? Михневичъ рѣшилъ вопросъ очень оригинально, какъ и подобало человѣку, обязанному всѣмъ въ жизни собственной инициативѣ и энергіи. На свои 13,000 р. онъ приобрѣлъ недвижимую собственность, упомянутый земельный участокъ. Это былъ, повидному, очень рискованный шагъ, и немногіе литераторы рѣшились бы на него, тѣмъ болѣе, что на участкѣ лежалъ значительный долгъ. Но Михневичъ, при его энергіи и предпримчивости, рѣшился,—и вотъ для него начинается цѣлая домовладѣльческая эпопея. Всѣ свои сбереженія, почти весь свой литературный заработокъ онъ вкладываетъ въ приобретенную недвижимую собственность, и дѣло кончается тѣмъ что домъ, не приносившіе первоначально почти никакого дохода, постепенно становятся все болѣе доходными. Въмѣсто бѣдноты въ нихъ селятся люди состоятельные или даже богатые. Много труда, много любви, много предпримчивости, энергіи и писательскихъ денегъ вложены въ этотъ домъ покойнымъ Михневичемъ и его хозяйственною женою. И это, конечно, не слѣдуетъ забывать тѣмъ, кому онъ пожертвовалъ львиную часть своего наслѣдства.

Собственно вопросъ былъ рѣшенъ. Не прошло 6 лѣтъ послѣ пріобрѣтенія участка на Карповкѣ, какъ Михневичу уже предлагали за него сто тысячъ рублей. Оставалось только продать его и, отрѣзывая купоны, получать вѣрный ежегодный доходъ въ 4,000 рублей, тѣмъ болѣе, что смертельный недугъ, первые признаки котораго появились у Михневича почти одновременно съ покупкою дома, началъ дѣлать быстрые успѣхи и подкашивалъ его жизненныя силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и энергію. Но тутъ примѣшалось нѣчто постороннее, нѣчто такое, что также составляетъ своего рода недугъ у всѣхъ настоящихъ литераторовъ,—страстная любовь къ литературѣ. Вслѣдствіе этой страсти онъ боялся продешевить участокъ, т. е. оставить пишущей братіи меньше, чѣмъ бы могъ. Онъ рѣшилъ ждать. Въ такомъ смыслѣ и было составлено его духовное завѣщаніе. Предоставляя двѣ трети цѣнности участка Фонду, онъ не предрѣшалъ вопроса о продажѣ, полагая, что его вдова вмѣстѣ съ Фондомъ выберутъ наиболѣе удобный моментъ для ликвидаціи наслѣдства, и выразилъ только желаніе, чтобы очистившаяся въ пользу Фонда сумма была ассигнована на учрежденіе общежитія для инвалидовъ или престарѣлыхъ писателей. О возможности крупнаго пожертвованія въ 150,000 р. на ту же цѣль онъ, понятно, не мечталъ.

Послѣ его смерти вдова его свято хранила его волю, т. е. продолжала держать въ своихъ рукахъ участокъ и не скупилась на посильные расходы, вызываемые ремонтомъ старыхъ деревянныхъ строеній. Крупное пожертвованіе В. Ф. Голубева сразу двинуло все дѣло и ставило его на прочное основаніе. Располагая болѣе чѣмъ достаточными средствами, Фондъ могъ успѣшно ликвидировать наслѣдство Михневича, т. е. купить у вдовы участокъ, выплатить ей третью часть его стоимости, образовать для осуществленія воли наслѣдователя неприкосновенный капиталъ въ 60.000 руб., предназначенный для поддержанія общежитія послѣ смерти вдовы, отвести одинъ или два дома подъ общежитіе и сохранить еще запасный и оборотный капиталъ въ 50.000 руб. При этомъ Фондъ ничѣмъ не рисковалъ, потому что, если бы даже общежитіе потерпѣло крушеніе, то при возрастающей цѣнѣ на землю въ столицѣ Фондъ непременно покрылъ бы свой расходъ въ 100.000 руб. и имѣлъ бы еще довольно значительную прибыль. Вотъ почему всю эту операцію можно признать очень удачною.

Но на самомъ дѣлѣ она не увѣличалась успѣхомъ, потому что не были приняты во вниманіе хозяйственныя способности Фонда.

Въ чемъ должны были проявиться эти способности? Понятно, въ умѣнн подобрать надлежащій составъ лицъ, которымъ доверено будетъ завѣдываніе пріобрѣтеннымъ участкомъ и организація общежитія. Задача эта была не трудная. Само собою разумѣется, что въ комиссіи не представлялось никакой надобности: требовался

просто хорошій управляющій, который подъ контролемъ представителей Фонда занялся бы изысканіемъ способовъ увеличенія доходовъ съ участка и устройствомъ общежитія. Какимъ условіямъ долженъ былъ удовлетворять этотъ управляющій? Въ немъ должны были соединяться: близкое знакомство съ участкомъ и съ тѣмъ хозяйствомъ, которое на немъ до сихъ поръ велось, любовь къ дѣлу, отсутствіе другихъ сложныхъ обязанностей, способность организовать такое учрежденіе, какъ общежитіе писателей, наконецъ готовность трудиться на пользу Фонда безвозмездно, чтобы не урѣзывать доходности участка. Всѣ эти условія соединялись въ лицѣ бывшей домовладѣлицы.

Но Фондъ предпочелъ избрать комиссію. Присмотримся теперь къ ея дѣятельности.

Прежде всего ей предстояло рѣшить, какъ организовать общежитіе. Подобнаго рода учрежденіе было у насъ чѣмъ-то новымъ, и трудно было предсказать, какъ и при какихъ условіяхъ оно привьется и будетъ соответствовать благимъ намѣреніемъ двухъ жертвователей. Тутъ первые шаги требовали особенной осторожности.

Сперва комиссія рѣшаетъ приспособить одинъ изъ домовъ подъ общежитіе. Это было рѣшеніе очень разумное. При новизнѣ предпріятія трудно было предвидѣть, насколько оно успѣшно будетъ развиваться. Дома, хотя и старые, были еще настолько хороши, что въ нихъ годами жили и живутъ люди состоятельные или даже богатые (сама бывшая домовладѣлица, банковый дѣятель Кузнецовъ, пѣвица Масальская, оптикъ Урлаубъ, интендантскій чиновникъ Рентюкъ, фабрикантъ Цвѣтковъ и мн. др.). Слѣдовательно, и немущіе литераторы могли прекрасно въ нихъ устроиться. Я самъ живу въ одномъ изъ этихъ домовъ два года и на квартиру не жалею.

Но почему-то этотъ первоначальный очень разумный планъ былъ брошенъ, и было рѣшено надстроить въ одномъ или двухъ домахъ верхніе этажи. Архитекторъ призналъ строенія вполне пригодными для этой цѣли, и немедленно былъ купленъ лѣсъ; жильцовъ попросили выѣхать, хотя одинъ изъ нихъ жилъ въ домѣ 13 лѣтъ (г. Грюнбушъ) и со слезами просилъ его не удалять безъ крайней къ тому надобности. Такимъ образомъ, два дома изъ четырехъ стали пустовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ доходы съ участка сократились на половину.

Но тутъ вдругъ оказалось, что стѣны дома, выходящаго на Карповку, вопреки первоначальному мнѣнію архитектора, не могутъ по ветхости выдержать надстройку второго этажа. Поэтому весь планъ былъ оставленъ, а закупленный лѣсъ былъ употребленъ

бленъ на постройку громадной дворницкой, въ которой не представлялось никакой надобности, такъ какъ помѣщеніе дворнику легко могло быть отведено въ одномъ изъ прежнихъ строеній.

За такого рода распорядительность управляющій вездѣ былъ бы немедленно уволенъ, но дѣлами участка Фонда завѣдывала комиссія изъ почтенныхъ лицъ, и объ ихъ увольненіи, понятно, не могло быть и рѣчи. Они, не подвергаясь никакой отвѣтственности, стали думать, да гадать, какъ бы поправить ошибку.

Прежде всего, предвидя нареканія въ будущемъ, когда придется дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, они поспѣшили сфотографировать одну изъ стѣнъ дома, съ которой была снята обшивка, чтобы сохранить доказательство, что надстройка была невозможна, словно въ самомъ дѣлѣ эта надстройка была нужна и нельзя было устроить общежитіе въ одномъ изъ домовъ безъ всякихъ большихъ строительныхъ работъ и затратъ.

Но фотографированіемъ нельзя было, конечно, довольствоваться: вопросъ объ устройствѣ общежитія все-таки оставался открытымъ. Думали, думали члены комиссіи и надумали наконецъ снести деревянный домъ на Карповкѣ и построить вмѣсто него каменный.

Это требовало большого расхода, который надо было чѣмъ-нибудь оправдать. Оправданіе тотчасъ же и нашлось: воля сыновей завѣщателя. До тѣхъ поръ они, по предложенію комиссіи, вполне соглашались съ помѣщеніемъ общежитія въ одномъ изъ старыхъ деревянныхъ домовъ. Но комиссія переубѣдила ихъ, и рѣшено было приступить къ постройкѣ каменнаго зданія съ дорого стоящей чугунной оградой, съ дорогими печами вмѣсто центрального отопленія, съ громадной кухней, рассчитанной на сорокъ человѣкъ, съ библиотечной залой и столовой. Комиссія такимъ образомъ вступала въ періодъ строительства.

И вотъ какъ она принялась за дѣло. Если уже рѣшено было построить каменный домъ, то надо было позаботиться о томъ, чтобы его построить по возможности дешевле. Для этого есть простой путь: объявить торги и сдать постройку тому, кто назначитъ наиболѣе выгодныя условія. Но это почему-то не соответствовало видамъ комиссіи. Нанять былъ платный архитекторъ, сынъ предсѣдателя Фонда,—хотя въ этомъ не представлялось никакой надобности, потому что въ виду симпатичной благотворительной цѣли нетрудно было найти дарового архитектора,—и ему предоставлено было строить домъ. Онъ взялъ подрядчика изъ числа своихъ знакомыхъ, и такимъ образомъ началось сооруженіе каменнаго дома для общежитія. Домъ этотъ строился больше года, хотя окончательная его отстройка тянулась еще дольше. Стоилъ онъ Фонду 38.000 р., на оборудованіе дома пошло еще 4.000, такъ что отъ капитала въ 50.000 р. осталось всего 8.000 р., которые тоже вскорѣ были болѣе или менѣе израсходованы, и участокъ остался безъ

всякаго оборотнаго и запаснаго капитала. Когда участкомъ завѣдывала прежняя домовладѣлица, чистый доходъ его составлялъ, какъ мы видѣли, въ среднемъ 2.000 р.; съ перваго года управленія Фонда вмѣсто чистаго дохода получился дефицитъ.

Лѣтомъ 1905 г. я послѣ продолжительнаго пребыванія за границею вернулся въ Петербургъ, и врачи посовѣтовали мнѣ поселиться въ такомъ домѣ, гдѣ въ моемъ распоряженіи былъ бы садъ. Мой выборъ палъ на дома, приобретенные Фондомъ, потому что въ одномъ изъ нихъ (въ среднемъ) я провелъ лѣто 1902 г. до осенней заграничной поѣздки и чувствовалъ себя хорошо. Воздухъ былъ чистый, зелени было много, вездѣ царствовалъ порядокъ. На этотъ разъ я рѣшилъ занять квартиру въ домѣ, выходящемъ на Песочную, стоворившись съ главнымъ хозяиномъ П. И. Вейнбергомъ, председателемъ Фонда, и поселился въ ней. Я не заглядывалъ на дворъ и на Карповку, убѣжденный, что все содержится въ прежнемъ порядкѣ. Но почти съ перваго дня моего переселенія я убѣдился, что произошли разительныя перемѣны къ худшему. Начать съ того, что я никакъ не могъ попасть въ одну изъ комнатъ нанятой мною квартиры. Ключъ куда-то затерялся; какой-то совершенно несуразный паренекъ, грязный и рваный (братъ управляющаго), никакъ не рѣшался позвать слесаря: безъ разрѣшенія управляющаго дескать невозможно. — Гдѣ же управляющій? — «Да живетъ за Карповкой, на Петербургской». — Нельзя ли къ нему послать? — «Они теперь-съ на службѣ; раньше вечера не будутъ».

Я распорядился позвать слесаря на собственный рискъ, нарушая этимъ правила, установленныя въ домѣ, и наконецъ попалъ въ запертую комнату. Но фактъ этотъ меня смутилъ, и я началъ внимательнѣе присматриваться къ тому, что происходитъ въ домѣ, и результатъ моихъ наблюденій оказался очень интереснымъ.

Каменный домъ, предназначенный для общежитія, все еще не былъ окончательно достроенъ. Передъ нимъ красовалась прекрасная чугунная ограда, но за нею вокругъ дома что за мерзость заустѣнія! Сбоку—обвалившійся заборъ, сзади средній домъ, въ которомъ я два года тому назадъ пріятно провелъ лѣто, пустовалъ, а садъ передъ нимъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ немъ хозяйничали древніе гунны или современные хулиганы. Вездѣ мусоръ, неубранные строительные матерьялы, грязь, вонь. И, подумаешь, этотъ средній домъ сдавался! Приходили, правда, наниматели, но они либо не могли доискаться дворника, либо отшатывались отъ зрѣлища полнаго заустѣнія. Дворникъ, когда его случайно заставляли, исполняя данную ему инструкцію, говорилъ нанимателямъ: «Что жъ, наймите, тогда приведемъ въ

порядокъ». Лица, давшія ему подобную инструкцію, очевидно, и не подозрѣвали, что наниматель составляетъ себѣ понятіе о порядкахъ, господствующихъ въ домѣ, по тому, что видитъ собственными глазами, и на общія не особенно разсчитываетъ... А видѣлъ онъ собственными глазами картину болѣе чѣмъ неприглядную.

Понятно, что я заинтересовался вопросомъ: кто же собственно управляетъ домомъ? Оказалось, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно, т. е. такъ, какъ должно обстоять въ бюрократической Россіи. Подъ общимъ контролемъ комитета Фонда дѣйствуетъ совѣтъ (прежняя коммиссія) изъ лицъ, весьма почтенныхъ и, какъ водится, очень занятыхъ, находящихся въ пріятныхъ отношеніяхъ между собою и, конечно, не желающихъ ихъ чѣмъ-нибудь нарушить. Это, такъ сказать, законодательная инстанція. Затѣмъ слѣдуютъ исполнительные органы. Предсѣдатель Фонда—главный хозяинъ; кромѣ того, онъ завѣдуетъ общежитіемъ; одинъ изъ членовъ коммисіи управляетъ участкомъ. Эти два управителя, однако, также оказывались людьми очень занятыми, и поэтому, конечно, и думать нельзя было о томъ, чтобы они лично управляли. Они вели только общій надзоръ, а управляли: какой-то канцеляристъ, избранный членомъ по завѣдыванію участкомъ, и особа, тоже гдѣ-то служащая, избранная членомъ по завѣдыванію общежитіемъ.

Такимъ образомъ управленіе находилось подъ главенствомъ П. И. Вейнберга въ рукахъ многоголоваго комитета, многоголоваго совѣта, двухъ главноуправляющихъ, двухъ просто управляющихъ, старшаго дворника и нанятаго ему въ помощь младшаго дворника. И тѣмъ не менѣе домъ носилъ явный отпечатокъ полной заброшенности. Тѣмъ не менѣе? Нѣтъ, именно потому: если вообще у семи нянекъ дитя безъ глазу, то въ рукахъ бюрократическихъ нянекъ оно неизбежно гибнетъ. Прежняя домовладѣлица одна, съ помощью дѣльнаго дворника, прекрасно справлялась съ домомъ и находила еще время принимать дѣйтельное участіе въ завѣдываніи однимъ изъ столичныхъ общежитій для неимущихъ интеллигентныхъ женщинъ. Теперь, когда бывшимъ ея домомъ управляли болѣе двадцати видныхъ общественныхъ дѣятелей и писателей, онъ приходилъ въ явный упадокъ. Независимо отъ бюрократической рутины, къ которой такъ склоненъ русскій человекъ, тутъ дѣйствовала еще другая причина: прежніе владѣльцы (покойный Михневичъ и его жена) расходовали на ремонтъ дома въ среднемъ около 2.000 руб. въ годъ, т. е. за 13 лѣтъ вложили въ участокъ 26.000 руб. А Фонду расходовать что-нибудь было трудно, потому что участокъ, благодаря его хозяйству, сдѣлался бездоходнымъ, а если что и оставалось, то шло на поддержаніе общежитія.

Вникнувъ въ положеніе дѣлъ, я счелъ своею обязанностью представить комитету Фонда записку, въ которой указалъ на недочеты управленія и предсказывалъ, что при такомъ управленіи дѣло дойдетъ до банкротства, т. е. до необходимости заложить участокъ или продать его. При сколько-нибудь нормальныхъ порядкахъ исторія этой моей записки была бы очень краткая. Комитетъ изучилъ бы ее безпристрастно, отвергъ бы то, что въ ней оказалось бы невѣрнымъ, призналъ бы то, что въ ней было вѣрнаго, и принялъ бы послѣднее къ свѣдѣнію и руководству. Такъ первоначально и было рѣшено, и одинъ изъ членовъ комитета хотѣлъ тотчасъ заѣхать ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ со мною обсудить мою записку. Но затѣмъ это рѣшеніе показалось слишкомъ простымъ, и дѣло приняло иной оборотъ. Черезъ два мѣсяца послѣ поступленія моей записки въ комитетъ, совѣтъ составилъ контръ-записку, въ которой доказывалъ, что въ моей запискѣ нѣтъ ни слова правды и что, слѣдовательно, «пессимистическій мой выводъ (относительно неизбежнаго банкротства) отпадаетъ самъ собою». Я теперь избавленъ отъ необходимости доказывать вѣрность вывода, къ которому я тогда пришелъ, потому что комитетъ и совѣтъ въ настоящее время сами пришли къ тому же выводу; но если бы они тогда обратили надлежащее вниманіе на мою записку и соотвѣтственно измѣнили бы способъ управленія домомъ, то они избавились бы отъ горькой для ихъ самолюбія необходимости признать вѣрнымъ то, что они два года тому назадъ признавали невѣрнымъ и, главное, не довели бы участка до теперешняго его печальнаго положенія.

Но въ то время записка моя только по прошествіи двухъ мѣсяцевъ вызвала длинную отписку, о которой мнѣ сообщено было отношеніемъ за № 534. Такъ какъ въ этой отпискѣ почти всѣ сообщенныя мною факты были подтверждены, общій мой выводъ, слѣдовательно, сохранялъ полную силу, и я вѣрилъ, что во всемъ этомъ кроется какое-то досадное недоразумѣніе, то я внесъ въ совѣтъ новую записку, въ которой подверждалъ опасенія, выраженные мною въ первой запискѣ. Тогда наконецъ совѣтъ рѣшился меня выслушать, и хотя онъ въ двухъ засѣданіяхъ ничего не опровергъ, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ положить мои записки подъ сукно. Очень характерно, что вся эта исторія тянулась ровно полгода, между тѣмъ какъ для разсмотрѣнія моей записки вполне достаточно было и двухъ часовъ. Но двухъ часовъ было бы достаточно при практической постановкѣ вопроса, а совѣтъ взглянулъ на дѣло совершенно иначе: онъ усмотрѣлъ въ моей запискѣ какое-то обвиненіе и постарался свести дѣло на нѣтъ. Это ему вполне удалось, потому что я, раздосадованный волокитною, махнулъ на все рукою: насильно милъ не будешь. Дальнѣйшіе факты подтвердили, что я былъ правъ, но совѣтъ

былъ такъ увѣренъ въ полной нормальности управленія, что ни на одномъ изъ общихъ собраній даже не намекнулъ на печальное положеніе дома, и только 13-го мая с. г. поразилъ всѣхъ категорическимъ заявленіемъ, что въ виду бездоходности дома лучше всего его продать. До этого дня общее собраніе думало, что все обстоит благополучно.

Въ моихъ запискахъ, которыя, конечно, хранятся въ архивѣ Фонда и могутъ быть прочитаны заинтересованными въ дѣлѣ лицами, выяснена вся неудовлетворительность управленія участкомъ и неизбежность его банкротства. Повидимому, эта моя мысль все-таки запала въ душу членовъ комитета, потому что они нашли нужнымъ произвести реформу, правда, единственную за все время управленія участкомъ, но тѣмъ болѣе характерную: число членовъ комиссіи по завѣдыванію участкомъ, переименованной въ совѣтъ, было увеличено. Вотъ все, до чего додумались: если дѣло идетъ не совѣтъ хорошо, то вѣрнѣйшее средство достигнуть улучшенія— это увеличить число членовъ комиссіи. Но при этомъ интересна одна подробность. Между прочимъ было рѣшено привлечь въ совѣтъ членовъ другихъ литературныхъ обществъ. Эта мысль при другой постановкѣ вопроса могла бы заслуживать сочувствія: создавалась почва для общей дѣятельности на пользу неимущей пишущей братии. На это и было указано въ общемъ собраніи, и между прочимъ предложено было привлечь къ дѣлу и академическую комиссію (фондъ императора Николая II), располагающую ежегоднымъ доходомъ въ 50,000 руб. Но противъ этого возстали самымъ рѣшительнымъ образомъ нѣкоторые члены комитета. Чѣмъ же они мотивировали свой протестъ? Тѣмъ, что академическая комиссія (состоящая, какъ извѣстно, изъ академиковъ и писателей)— учрежденіе бюрократическое, получающее свои денежные средства отъ правительства. Комитетъ, очевидно, забылъ, что и Литературный Фондъ получалъ и получаетъ часть своихъ средствъ отъ правительства. Кромѣ того, отказъ отъ совместной дѣятельности съ академической комиссіей былъ и крайне непрактиченъ, такъ какъ комиссія эта при значительныхъ своихъ средствахъ могла прийти общежитію на помощь, помѣщая въ немъ своихъ кліентовъ, нуждающихся въ дешевой квартирѣ. Но что практическая точка зрѣнія тутъ была ни при чемъ, подтверждается тѣмъ простымъ фактомъ, что включеніе въ совѣтъ двухъ членовъ отъ давно уже не существующаго, закрытаго правительствомъ Союза писателей было встрѣчено очень сочувственно. Понятно, что отъ этого предпочтенія несуществующаго Союза писателей академической комиссіи общежитію стало не легче.

Мы никогда не кончили бы нашего очерка, если бы хотѣли перечислить всѣ промахи управленія. Но для убѣдительности не мѣшаетъ остановиться еще на одномъ съ виду мелкомъ, но крайне

характерномъ фактѣ. Когда я поселился въ домъ Фонда, я тотчасъ же обратилъ вниманіе на часто повторяющееся зловоніе во дворѣ, гдѣ почти круглый годъ играютъ дѣти жильцовъ. Я указалъ управленію на этотъ серьезный дефектъ, угрожающій здоровью дѣтей и взрослыхъ. Онъ былъ устраненъ, но на это потребовалось почти два года (съ іюня 1905 г. по май 1907 г.), а все дѣло заключалось въ томъ, что выходъ въ магистральную городскую трубу былъ засоренъ, и что не была поставлена предохранительная воронка. На устраненіе зловонія требовалась полудневная работа и расходъ менѣе 15 рублей, но управленіе затянуло вопиющее неустройство почти на цѣлыхъ два года. Характерна еще и слѣдующая подробность: при бездоходности участка совѣтъ счелъ возможнымъ истратить болѣе 100 рублей на то, чтобы рассадить около общежитія акаціи, а крыши, стѣны, заборы остаются некрашенными уже болѣе четырехъ лѣтъ.

Однако пора подвести итоги.

Достаточно вникнуть во все вышензложенное, чтобы понять, какъ неумѣло велось хозяйство. Съ первыхъ же шаговъ совершенъ рядъ непростительныхъ ошибокъ. 38.000 руб. были затрачены на строительныя затѣи, въ которыхъ не представлялось надобности. Капиталь этотъ къ тому же былъ затраченъ безъ соблюденія элементарныхъ правилъ экономіи (платный архитекторъ, предоставленіе всей постройки знакомому подрядчику и т. д.); строгая отчетность по постройкѣ общежитія до сихъ поръ отсутствуетъ или по крайней мѣрѣ не была обнародована во всеобщее свѣдѣніе, хотя пишущая братія сильно заинтересована въ расходованіи столь значительной, ей принадлежащей, суммы.

Управленіе участкомъ было поручено лицамъ, очень занятымъ или совершенно неопытнымъ, а бывшая домовладѣлица, женщина опытная, хозяйственная, горячо любящая прежнюю свою собственность, была почему-то устранена и вынуждена была обратитъ свою склонность къ благотворительнымъ дѣламъ на чуждыя ей учрежденія (народныя столовыя и общежитія для интеллигентныхъ женщинъ, гдѣ она дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать съ большимъ усилѣніемъ). Въмѣсто бесплатной управительницы, естественно призванной къ этому дѣлу, были наняты совершенно къ нему неподготовленные платныя служащіе.

Лишеніе участка всякаго запаснаго и оборотнаго капитала при одновременномъ пониженіи его доходности поставило совѣтъ въ безвыходное положеніе: онъ не могъ предпринять ремонтныя работы и привести дома въ благоустроенный видъ, который привлекалъ бы солидныхъ жильцовъ и далъ бы возможность увеличить плату за квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доходность участка.

Къ этому приводила и другая крупная ошибка: смѣшеніе коммерческаго и благотворительнаго принциповъ. Хотя по мысли покойнаго В. Ф. Голубева въ общежитіе должны допускаться только платные жильцы, на самомъ дѣлѣ вышло такъ, что тѣ немногіе литераторы, которые при плохомъ хозяйствѣ рѣшались поселиться въ общежитіи, по большей части ничего не платили, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно доходность участка еще болѣе понижалась: общежитіе съѣдало весь доходъ съ участка, а представители Фонда утверждали, что онъ никакого дохода не даетъ. Это очевидная несообразность. Если Фондъ хочетъ благотворить лицъ, живущихъ въ общежитіи, то онъ долженъ платить за нихъ, а не содержать ихъ за счетъ участка. Поясню мою мысль примѣромъ. Предположимъ, что я, старый литераторъ, вслѣдствіе временныхъ денежныхъ затрудненій обратился бы въ Фондъ съ просьбою освободить меня на нѣкоторое время отъ уплаты квартирныхъ денегъ. Фондъ, вѣроятно, мнѣ бы не отказалъ въ виду моей 36-лѣтней литературной дѣятельности. Такимъ образомъ въ доходахъ участка образовалась бы значительная брешь. Но само собою разумѣется, что восполнить ее долженъ былъ бы не участокъ, а Фондъ, пришедшій мнѣ на помощь, потому что въ противномъ случаѣ не было бы возможности вести на участкѣ правильное хозяйство. Такое смѣшеніе коммерческаго и благотворительнаго принциповъ ни въ какомъ случаѣ не допустимо, и всякій сколько-нибудь дѣльный управляющій немедленно отказался бы отъ веденія хозяйства на такой шаткой основѣ. Но совѣтъ ведетъ свое хозяйство по-домашнему. Не все ли равно: вѣдь одинъ и тотъ же карманъ. Конечно, конечно, но только въ такомъ случаѣ нельзя составить себѣ опредѣленнаго понятія о доходности участка.

Вслѣдствіе плохого управленія общежитіе пустовало или въ немъ селились элементы, литературныя заслуги которыхъ сомнительны, а платежная способность еще болѣе сомнительна. Этимъ опять-таки въ корню подрывалась доходность участка. Писатели, временно живущіе для отдыха или для здоровья за границею, хорошо знаютъ, какъ прекрасно устроены тамошніе пансіоны. Даже за очень умѣренную плату вы окружены условіями, которыя вполне обезпечиваютъ пріятную жизнь. И замѣтимъ, что это—промышленныя предприятия, дающія своимъ хозяевамъ иногда весьма значительный доходъ, и что за границею жизнь гораздо дороже, чѣмъ у насъ. Но допустимъ, что заграничные порядки намъ не указъ, что мы вслѣдствіе нашей некультурности съ иностранцами тягаться не въ состояніи. Однако вѣдь и въ Петербургѣ такъ-называемыя дешевыя квартиры вездѣ нарасхватъ, и найти въ нихъ помѣщеніе очень трудно, потому что кандидатовъ всегда пропасть. Кромѣ того, общежитія для интеллигентныхъ женщинъ, на которыя я уже указывалъ, также процвѣтаютъ: и

туть всегда чувствуется недостатокъ свободныхъ комнатъ, и жилицы, за рѣдкими исключеніями, являются исправными плательщицами. Почему же въ общежитіи для писателей это невозможно? Если бы инвалидный, престарѣлый или временно пребывающій въ Петербургѣ писатель зналъ, что онъ найдетъ въ общежитіи тѣ условия жизни, какія существуютъ въ любомъ заграничномъ пансіонѣ или по крайней мѣрѣ въ нашихъ женскихъ общежитіяхъ, что онъ встрѣтитъ внимательное къ себѣ отношеніе, что ему въ непогоду не придется тащиться куда-нибудь на Большой проспектъ, чтобы позавтракать или пообѣдать въ плохой кухмистерской, что онъ въ случаѣ болѣзни найдетъ попеченіе и уходъ, словомъ, если бы Фондъ устроилъ для писателей то, что нѣмцы называютъ «Heim», то, конечно, общежитіе было бы всегда переполнено. Но для этого требуется опытная хозяйка, любящая свое дѣло, а такую хозяйку совѣтъ устранилъ, должно быть, въ расчетѣ на свои бюрократическія силы. Когда же одному изъ членовъ совѣта предложено было нѣсколькими дамами, отличающимися опытностью въ подобнаго рода дѣлахъ, взять въ свои руки общежитіе, чтобы его организовать на вышеуказанныхъ началахъ, то этому предложенію не было дано хода.

Такимъ образомъ управленіе участкомъ представляетъ нагроможденіе ошибокъ, которыя привели его къ банкротству или, выражаясь мягче, вызвали убѣжденіе комитета и совѣта, что единственный спасительный выходъ это—продажа участка. До 13-го мая текущаго года печальное положеніе хозяйства держалось въ секретѣ отъ общаго собранія, и предложеніе о продажѣ было сдѣлано наканунѣ разѣзда жителей Петербурга по дачамъ или въ разные курорты. Легко было предвидѣть, что общее собраніе будетъ очень немногочленно, и, кажется, для такого важнаго предложенія можно было бы выбрать болѣе удобный моментъ. Но комитетъ и совѣтъ торопились раздѣлаться съ участкомъ. Ихъ даже не страшилась потеря 22.000 рублей, такъ какъ онѣ шли на уступку участка со всѣми строеніями за 128.000 р. Эта крупная потеря составила бы премію, уплаченную пишущему братію за плохое управленіе совѣта и за излишнее къ нему довѣріе. Но весь планъ продажи участка потерпѣлъ крушеніе вслѣдствіе рѣшительнаго протеста со стороны общаго собранія: оно пожелало прежде всего увѣриться, не вызвано ли печальное положеніе участка плохимъ управленіемъ совѣта, и нельзя ли поправить его ошибокъ. Съ этою цѣлью и избрана коммиссія, которая приступила теперь къ дѣйствію, и которой можно только пожелать полного успѣха.

Но и тутъ дѣло не обошлось безъ курьеза. Понятно, что въ эту коммиссію не могли войти члены ни комитета, ни совѣта, потому что судьбою въ собственномъ дѣлѣ неудобно быть. Тѣмъ не менѣе въ нее попалъ одинъ изъ бывшихъ наиболѣе дѣятельныхъ.

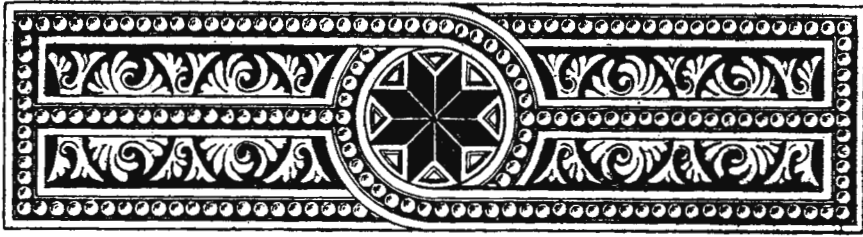
членовъ совѣта, управлявшій участкомъ въ теченіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ (Фондъ владѣеть участкомъ всего $3\frac{1}{2}$ года). Можно было ожидать, что со стороны этого члена немедленно послѣдуетъ отказъ принять избраніе, но этого отказа не послѣдовало, и такимъ образомъ совѣтъ будетъ имѣть въ комиссіи адвоката, хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ, въ то время, какъ остальные ея члены въ дѣлѣ новички.

Еще курьезъ. Когда комитетъ и совѣтъ пришли къ убѣжденію, что участокъ надо продать, а общежитіе упразднить, они стали сомнѣваться, имѣютъ ли они юридическое и нравственное право не исполнить воли завѣщателей. Чтобы разсѣять свои сомнѣнія, они обратились къ свѣтиламъ нашей адвокатуры за совѣтомъ. Тѣ имъ заявили, что съ нравственной точки зрѣнія это — неудобно. Подумаешь, до чего мы дожили! Писатели теперь поучаются у адвокатовъ простой нравственности; писатели сомнѣваются, честно ли не исполнить воли завѣщателя!

Такова исторія этого литературнаго предпріятія. Требуется ли комментарий? Не думаю: факты краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Они убѣждаютъ, какъ въ насъ крѣпко засѣлъ бюрократическій духъ, противъ котораго мы на словахъ такъ сильно возстаемъ. Онъ-то главнымъ образомъ и губитъ «Домъ писателей». Продавать участокъ и упразднять общежитіе съ потерей 22.000 руб. и съ нарушеніемъ воли завѣщателей нѣтъ, конечно, надобности: надо просто не повторять прежнихъ ошибокъ и довѣрить управленіе участкомъ и организацію общежитія лицамъ предпринчивымъ, энергичнымъ, любящимъ свое дѣло? Въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ цѣнность участка увеличилась вчетверо, а его доходность—въ 2.000 разъ; въ рукахъ Фонда цѣнность участка стала быстро понижаться, а его доходность доведена до нуля. Послѣ этого, кажется, нечего указывать на корень зла.

Р. Сементковскій.

СВѢТЛОЕ ПОМОРЬЕ.

I.

ЛИЗКО июльскаго полдня я стоялъ на дворѣ Соловецкой обители посреди многочисленныхъ чаекъ и кормилъ ихъ хлѣбомъ, который эти крикливыя морскія птицы ловко хватали на лету; вдругъ слышу за спиною голосъ: «Питаете пернатую тварь... блаженъ, иже и скоты милуетъ»... Я оглянулся; рослый монахъ съ остроконечною бородкою стоялъ возлѣ меня и усмѣхался.

— Пронзительная, правду сказать, сія птица и порато докучливая!—добавилъ онъ.

— Повидимому, не любите ихъ, отче?—сказалъ я.

— А быдто ихъ можно любить!—подхватилъ онъ:— всю-то всю межень (лѣто) покоя отъ нихъ не видишь; ишь, онѣ и гнѣзда вьютъ, и птенцовъ высиживаютъ подъ ногами богомольцевъ, знать ничего не хотятъ.

Понстинѣ смѣлая и злобная птица...

— Почему же «злобная»?

— А ужъ примѣчено,—внушительно проговорилъ монахъ:— что съ весны ни одна чайка моложе трехъ лѣтъ не летитъ сюда.

— Неужели?

— Но (Да).

— Да почему?

— А потому, что старыя заклевываютъ до смерти всѣхъ, какія моложе трехъ лѣтъ.

И послѣ этихъ словъ монахъ замолкъ, окинулъ сѣрыми глазами монастырскій дворъ, зѣвнулъ и, сдвинувъ сурово брови, сказалъ на прощанье:

— А вотъ въ Поморѣ чайка будетъ помельче нашей. Поѣдете, сами увидите. Вы въ Поморье собираетесь, али нѣтъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ вотъ увидите; въ Кеми, али гдѣ тамъ будете, припомните, што монахъ глаголилъ...

Влекло меня къ себѣ свѣтлое Поморье, колыбель отважныхъ мореходовъ; меня манили ширь Бѣлаго моря и гладь Онежскаго залива съ тихими городками и съ большими селами, пропитанными промышленнымъ, «новгородскимъ» духомъ; мнѣ хотѣлось увидѣть, къ сожалѣнію, мало-по-малу исчезающую старину, и хотѣлось узнать, насколько сильно наложило свой отпечатокъ на жемчужину Сѣвера время-преобразователь. И вотъ у соловецкой пристани ошвартовали пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества «Сергій Витте». Онъ возьметъ насъ ¹⁾ и доставитъ въ Кемь, отъ которой до Онеги и тянется свѣтлое Поморье.

Изъ Соловокъ въ Кемь 52 версты. Въ тихую, ясную, теплую погоду, вотъ какъ теперь, поѣздка моремъ одно удовольствіе Пароходъ скользитъ по серебристымъ бѣломорскимъ волнамъ, изъ которыхъ глядятся медузы и колыхаясь плывутъ, плывутъ. Кругомъ просторъ; носятся хлопотливыя чайки; глазамъ открываются тамъ и сямъ стамики (мели и камни); изъ морскихъ нѣдръ всплываютъ острова и все они купаются въ тишинѣ, благословляемой безоблачнымъ, или по-поморски—«крѣпкимъ», небомъ съ яркимъ, яркимъ солнцемъ. «Экая благодать!» хочешь воскликнуть, вдыхая полною грудью морской воздухъ, и вдругъ на память приходитъ прошлое, а именно тотъ 1785-й годъ, когда здѣсь чуть было не утонулъ «пѣвецъ Фелицы» Державинъ, плывшій изъ Кеми въ Соловки. Передъ нами—спокойное Бѣлое море, передъ нимъ было мятежное, съ «черными волнами, съ бѣлыми горами». И когда подумаешь, что съ новымъ вѣтромъ тишь можетъ смѣниться бурей, невольно потянетъ на «матерую» (материкъ) и спрашиваешь: скоро ли городъ? Но пароходъ къ городу не подходитъ; онъ останавливается въ восьми верстахъ отъ него, въ Кемской губѣ, близъ Попова острова, гдѣ устроенъ большой лѣсопильный заводъ и нѣсколько иностранныхъ паровыхъ и парусныхъ судовъ нагружаются лѣснымъ матеріаломъ къ удовольствію Меркурія, бога торговли и плутовства. Восемь верстъ, отдѣляющихъ Поповъ островъ отъ города Кеми, ѣдутъ на паровой шлюпкѣ.

¹⁾ Моимъ спутникомъ былъ художникъ Петръ Оседоровичъ Изоевъ (преподаватель 4-ой московской гимназіи), талантливыя произведенія котораго находятся въ галереяхъ извѣстныхъ любителей искусствъ.

Изъ-за веселящей Кемскую губу зелени виднѣтся новый каменный соборъ; сначала блеснулъ крестъ на главномъ куполѣ, потомъ показались главы, и наконецъ весь бѣлый храмъ явился передъ нами, а вокругъ него разсыпался городъ съ почернѣвшими и покачнувшимися на бокъ домами, среди которыхъ выдѣлялись немногіе привѣтливые дома купцовъ. Поодаль, на горѣ, темнѣлъ старый Успенскій соборъ, доживающая, повидимому, послѣдніе годы святыня. Не Богъ знаетъ, какой древній этотъ соборъ: построенъ онъ въ 1714 году,—но время, вѣдь, не щадитъ даже драгоценныхъ памятниковъ народнаго искусства. Что ему до нихъ? Впрочемъ, время разрушаетъ, время же и заставляетъ созидать. Одрахлѣлъ, сталъ гнить Успенскій соборъ—выступилъ богатый кемлянинъ Антоновъ и, ассигновавъ сто тысячъ рублей, рѣшилъ построить новый каменный соборъ. За постройку взялись соловецкіе монахи и создали храмъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣчательный; неудачно избрали мѣсто на лѣвомъ берегу рѣки Кеми; храмъ не представляется величественнымъ: главный куполъ вывели деревянный, явился храмъ столь сырой, что живопись въ немъ едва ли выдержитъ и не погибнетъ.

Старушка Кемь похожа на большинство нашихъ уѣздныхъ городовъ, сѣренькихъ, отсталыхъ, патриархальныхъ. Невзрачные двухъэтажные дома образуютъ «проспекты», заросшіе травой, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ, на сибирскій ладъ; за полуразвалившимися заборами и частоколами зеленѣютъ кусты малины и смородины, надъ которыми въ воздухѣ плаваютъ вѣтви яблонь, холимыхъ хозяйками. На тянущейся къ загородному кладбищу набережной огороды; дѣтвора копошится возлѣ нихъ, и не одного-то ни одного бѣловолосаго воробышка не соблазняютъ овощи. Честность въ Поморьѣ, какъ и въ сосѣдней Норвегіи, все не пустой звукъ: оттого калитки здѣсь не запираются, имущество оставляютъ безъ присмотра, а обязанность ночныхъ сторожей исполняютъ «женки» (женщины), которыя въ ночную пору изрѣдка постукиваютъ въ колотушки то на одномъ, то на другомъ концѣ длинныхъ улицъ. Въ городѣ нѣтъ извозчиковъ, нѣтъ и гостиницъ. Для генераловъ имѣется «отводная квартира», всякіе другіе пріѣзжіе находятъ пріютъ въ частныхъ домахъ, не исключая домовъ безпоповцевъ, давнымъ-давно переставшихъ чуждаться «міршонныхъ», т. е. «ніконіанъ», и пускающихъ на постой даже «табашниковъ». О томъ, что въ Кемь живутъ старовѣры, свидѣтельствуютъ грубо тесанные деревянные осьмиконечные кресты; начиная отъ Кеми и кончая Онегою, они встрѣчаютъ васъ тамъ и сямъ, какъ символы поморскаго благочестія или какъ ковчеги, собраніе надежды, обѣты и благодаренія простодушныхъ людей; уже далеко видны на этихъ крестахъ алые, бѣлые, зеленые и т. п. платы («пелены») и блестятъ серебряныя или болѣе деше-

выя подвѣски въ видѣ рукъ, ногъ, головы. Заболить ли у кого рука, нога или голова, собирается ли поморъ на промыслы, или задумала что-то поморка, они даютъ обѣтъ повѣсить на «крестъ святой» пелену (очень часто шелковую) или цѣнное украшеніе, если больной выздоровѣетъ, или промыслы закончатся благополучно, или задуманное сбудется. На крестахъ надписи, кромѣ І. Х. (Иисусъ Христосъ), имѣютъ символическое значеніе, поэтому онѣ повторяются и, кто разобралъ ихъ здѣсь, тотъ безъ труда прочтетъ и въ Шуѣ, и въ Сорокѣ, и въ Сумскомъ посадѣ, словомъ—во всемъ Поморьѣ. Н. І. К. А.—Я думалъ: означаетъ греческое «ника» (побѣждай), но это:—Н (асъ, І (скупивъ) К (ако кровію) А (дамовой). Ниже: Ѡ О. Н., т. е. Отъ небесъ приде. О (ни не познаша Его). Н (а крестѣ распяша). Далѣе, по обѣимъ сторонамъ креста М. Л. (Мѣсто Лобно) Р. В. (Распятъ Богъ) Н. И. (На крестѣ Искупилъ) К. А. (Кровь Адамова) К. Т. (Копіе Трость) Г. Г. (Гора Голгофа) Г. А. (Голова Адамова). Одинъ изъ такихъ крестовъ возвышается неподалеку отъ стараго Успенскаго собора,

Старый Успенскій соборъ въ настоящее время единственная достопримѣчательность Кемі. Жаль, что онъ обветшалъ до такой степени, что грозитъ разрушеніемъ, и вотъ уже 10 лѣтъ запертъ. «Покляпился» (покачнулся), говорятъ поморы. Торопясь слиться съ Бѣлымъ моремъ, рѣка Кемь вдругъ раздѣляется на два рукава, которые образуютъ островъ; на островѣ и стоитъ соборъ, тогда какъ большая часть городскихъ зданій разбросались на лѣвомъ берегу; обѣ городскія части соединяются мостомъ на срубяхъ. Чтобы осмотрѣть внутри старый соборъ, мы обратились къ о. настоятелю, и онъ любезно отперъ двери и ввелъ въ оставленную святыню; и снаружи, и внутри она представляетъ собою образчикъ русскаго вкуса и мастерства, не пожелавшихъ отразить на себѣ ничего зарубежнаго, не пожелавшихъ ничего заимствовать даже у родственной Византіи. Петръ Великій, любившій Западъ и старавшійся соединить отечественный укладъ съ иноземнымъ, долженъ былъ преклониться передъ самобытнымъ умомъ сѣверныхъ зодчихъ и предоставилъ имъ сооружать храмы, согласно требованіямъ края. Какъ велось при «Тишайшемъ», такъ повелось и при его сынѣ. Открытое крылечко съ западной стороны собора ведетъ на паперть, откуда переходъ въ трапезную, а изъ трапезной—въ отдѣленіе для молящихся. Встарину существовалъ обычай устранивать въ трапезныхъ братчины, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись¹⁾. Мѣстные жители и прибывшіе издалека въ большой праздникъ между завтраней и обѣдной собирались въ трапезной, куда являлся и попъ, и тутъ-то за однимъ столомъ они ѣли и толковали о церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ; съ теченіемъ времени церковныя тра-

¹⁾ Подъ 1159 годомъ.

Городъ Кемь.

Главная улица въ Кемь.

пезныя утратили такое значеніе, онѣ пережили обычай и сохранились только какъ странички изъ исторіи родной земли, дорогія страницы для тѣхъ, кто любитъ поднимать занавѣсъ столѣтій... Въ монастыряхъ, гдѣ богомольцы еще обѣдаютъ вмѣстѣ съ братіей при чтеніи житія либо поученія, — эти общія трапезы, хотя бы только слегка, напоминаютъ древнія складчины-братчины-каноны.

Соборъ строили изъ рудовой сосны; паперть «забирали въ столбы», но и столбы и стѣны уже обшиты тесомъ, такъ что нѣтъ представленія о первобытности, хотя, разумѣется, за церковную старъ говорятъ три шатровыхъ верха, соединившіе три церкви въ одну, при отдѣльныхъ алтаряхъ. «Тишайшій» воспретилъ шатровыя церкви, но «запрещеніе это выполнялось на самомъ дѣлѣ только въ городахъ и ближайшихъ мѣстахъ къ Москвѣ; въ глухихъ же частяхъ Россіи это постановленіе, въ силу извѣстныхъ привычекъ народа и отдаленности контроля, исполнялось рѣдко ¹⁾.

Направо и налево отъ трапезы придѣлы во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія и Николая Чудотворца.

Далекимъ, далекимъ прошлымъ вѣетъ отъ иконъ, писанныхъ извѣстными мастерами; на меня производитъ особенное впечатлѣніе иконопись съ отпечаткомъ большаго или меньшаго косвеннаго вліянія какого-нибудь «зографа», въ родѣ Симона (Пимена) Ушакова: о многомъ говорятъ уму лики съ аскетически-строгимъ выраженіемъ и съ серьезной энергіей въ чертахъ и складкахъ лба, углахъ рта, въ бровяхъ; чѣмъ дольше всматриваешься въ нихъ, чѣмъ глубже вникаешь въ эти лики, тѣмъ болѣе вѣрится, что стародавніе «травчики» и «лицевщники» не представляли себѣ ликовъ безъ національнаго выраженія: въ старинныхъ иконахъ свѣтится русская народность, сказывается именно та ея часть, которая со временъ патріарха Никона много претерпѣла за вѣру. Въ правомъ придѣлѣ находится весьма чтимый поморами образъ святителя Николая «съ чудесами по житію»; въ опредѣленное время его переносятъ въ новый соборъ, куда на поклоненіе чудотворцу приходятъ и безпоповцы. Въ томъ же придѣлѣ замѣчательны царскія двери, искусно и затѣйливо въ силѣ рококо вырѣзанныя, и рѣзное же деревянное Распятіе. Рѣзьба на деревѣ издавна составляла любимое занятіе русскихъ людей и ко времени постройки кемскаго собора она стала замѣчательной; на нее указывали въ своихъ запискахъ иноземцы, Рейтенфельсъ и другіе, подобно тому, какъ въ древней Греціи знатоки указывали на кубки и вазы съ чертежами Лизиппа, съ рисунками Эвфронія. Въ лѣвомъ придѣлѣ вы видите старинные свѣщникъ и паникадило.

У собора нѣтъ колокольной-звонницы. Въ полусгнившей тѣсной оградѣ погребенъ благодетель Антснговъ, стоятъ рядышкомъ часовня и навѣсъ надъ бывшимъ, теперь запущеннымъ, «святымъ

¹⁾ Академикъ В. В. Сусловъ. «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества»

колодцемъ»; вода въ немъ почиталась цѣлебной и весьма здоровой; поэтому набожные люди черпали ее и ставили дома на божницахъ къ образамъ; за оградю каменная поляна, спускающаяся къ рѣкѣ Кемь и благоухающая въ лѣтнюю пору, когда живетъ и дышитъ каждая травка, каждый еле замѣтный цвѣтокъ. Надъ рѣкою собралось нѣсколько черныхъ лачугъ, гдѣ нужда глядитъ изъ каждаго угла, а на нее смотритъ простой, топоромъ струганный крестъ, которымъ заканчивается или начинается человѣческое жилье. Прислонясь къ стѣнѣ, крестъ служитъ звеномъ, соединяющимъ Русь нашего времени съ Русью допетровскаго періода; въ то время крестъ воздвигали на томъ или другомъ мѣстѣ, не только какъ памятникъ важнаго событія, но и какъ межевой знакъ. Крестъ отдѣлялъ пустыню отъ селенія, города, появляясь на вѣздѣ и выѣздѣ... Сѣверная Русь въ особенности любила ставить такіе кресты и только она, кажется, сохранила священный обычай до нашихъ дней. На «и сходищяхъ путей» римляне нѣкогда ставили статуи боговъ, а наши предки кресты. И какъ у древнихъ римлянъ, такъ и у древнихъ россіянъ перекрестки имѣли, кромѣ религіознаго, административное значеніе. Христіане заимствовали обычай у язычниковъ; выводится онъ, почти вывелся на Руси, и только тихое, склонное къ древнимъ завѣтамъ Поморье не разстается съ нимъ; вотъ почему не ускользаютъ эти простые кресты отъ взора, — они не случайны! Переходя въ послѣдующія поколѣнія, они да рѣка Кемь могли бы рассказать многое, что выпадало «на вѣку» Поморью.

Кемская губа разстилается въ виду города, зыбкая, золотистая, заласканная солнцемъ. Всплылъ островокъ съ древнею часовнею во имя Іоанна Предтечи: на этомъ мѣстѣ явилась его икона. Задремали на водномъ просторѣ иностранные корабли, приплывшіе за «золотымъ руномъ» Сѣвера, т. е. за лѣсомъ, тамъ и сямъ покачиваются карбасы. Зеленъ на сушѣ изгибается подковами и купается, купается въ тишинѣ. Даль подернулась синью и сомкнулась съ небомъ, а оно, холодное, грузно опускается надъ зелеными зубцами, надъ пеленою водъ и, чудится, врѣзались въ него корабельныя мачты и кресты, вѣнчающіе иные корабли-храмы.

У городского моста стоитъ деревянная церковь въ честь соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Савватія, въ которой еще недавно находился образъ св. Христофора съ собачьей головой; этотъ образъ взятъ архангельской археологической комиссіей. «Отъ соблазна убрали». Однако, въ одной изъ сельскихъ церквей Пинежскаго уѣзда святой изображенъ даже съ ослиною головою, остается въ церкви, хотя и порождаетъ соблазнъ: во время спора или подъ хмелькомъ пинежскій крестьянинъ нѣтъ-нѣтъ да и броситъ въ знакомаго Христофора: «ахъ ты, ослиная голова!»¹⁾

¹⁾ Въ храмѣ села Ныроба (Пермской губ. Чердынскаго уѣзда) я видѣлъ изображеніе св. Христофора съ собачьей головой въ 1905 г.

Двухъэтажный острогъ, вооруженный пушками и пищалями, построенный соловецкими монахами въ 1657 году на Лѣптъ-островѣ, при кемскихъ устьяхъ, не простоялъ 250 лѣтъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія академикъ архитектуры В. В. Сусловъ еще видѣлъ ветхую острожную башню, а теперь только отдѣльные бревна напоминаютъ о былой твердынѣ, служившей какъ бы ключомъ къ Поморью, которое шведы мечтали (въ царствованіе Петра Великаго) покорить.

Царю-Преобразователю пришелъ на помощь гремящій пророкъ Ілія. Старый карельскій разсказалъ мнѣ преданіе, какъ изъ Вихляндіи (Финляндіи) выступила шведская рать и, блистая оружіемъ, вступила въ Карелію. Воздухъ дрожалъ отъ шведскаго ликованья, земля содрогалась, почувявъ на груди своей силу небывалую. Вотъ запыхалась та несмѣтная рать въ лѣса карельскіе. Идетъ, похваляется. Самъ кегно (злой духъ) ведетъ ее. Встрѣтныя болота, встрѣтныя озера переходить врагъ какъ будто сухія боровины, на которыхъ, вотъ, морощка съ кобылицею поспѣваетъ. Зеленые лѣса посинѣли, озера посинѣли: не видать ихъ, значить, а только видны синіе шведскіе мундиры... сплошь одни мундиры. Небо было крѣпкое, а тутъ и оно сдалось: кегно созвалъ облака, выпустилъ изъ-за пазухи бо-ольшую черную кошку, а она съ дерева на дерево и допрыгала до самаго солнышка, облапила его и стала мѣрочно. Былъ день—пала ночь. А шведская рать все идетъ впередъ, похваляется, и никто ея не видитъ, и никто ея не слышитъ: такъ кегно устроилъ. И дошли шведы до великаго и глубокаго озера. Вдругъ кегно какъ затрясется! Оттого онъ затрясся, что услышалъ, какъ сказалъ Дюмала (Богъ) Ильѣ-пророку: поди, грозъ и дождя хозяинъ, вороти шведовъ въ Вихляндію, а если не послушаются, то разсѣй-развѣй ихъ по вѣтру. Сошелъ Ілья съ неба среди громовъ и молніи и скажетъ шведскому военачальнику: «вороти назадъ». Да такъ-то онъ строго сказалъ, да громъ такъ-то страшно по небу прокатился, а молнія такъ-то сверкнула, что черная кошка съ солнца упала въ омутъ. Посвѣтлѣло. Военачальникъ было къ сатанѣ: «Кегно! Кегно! помогай!» Гдѣ ужъ! кегно въ корчахъ по землѣ катается.—«Вороти назадъ,—опять скажетъ Ілья шведскому военачальнику:—а то я всѣхъ васъ разсѣю-развѣю по вѣтру». Озябли шведы отъ грозныхъ словъ и воротили назадъ, и ужъ больше не показывались въ нашихъ мѣстахъ; такъ осталось Поморье подъ русскимъ царемъ...

Преданіе переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, преодолевая время. И не кто иной, а пророкъ Ілія явился исполнителемъ воли Бога, о славіи Котораго онъ ревновалъ прежде, чѣмъ былъ взятъ живымъ на небо; поморамъ-безпоповцамъ нужно было возвеличить преданіе, поэтому они избрали Ілію, который вмѣстѣ съ Енохомъ, вѣдь,—предтечи второго пришествія Христа и, по ученію прото-

Рѣка Кемь.

Мостъ на срубахъ въ Кемп.

попа Аввакума, «не вкусили смерти плотствено, но при антихристѣ и тѣ плотію постраждутъ». А какой же изъ безпоповцевъ не убѣжденъ, что антихристъ не воцарился съ 1666 года надъ русскою церковію и надъ русскимъ государствомъ? Въ этомъ порукою для него служитъ не только «духъ богомерзкаго отступленія отъ вѣры», но также жестокія мѣры и нечеловѣческія преслѣдованія старовѣровъ—«избранныхъ сыновъ истаго благочестія». Жестокія преслѣдованія заставили въ концѣ концовъ преслѣдуемыхъ поморовъ превращаться то въ какихъ-то улитокъ, прячущихся въ раковинкахъ, то въ какихъ-то зайцевъ, крайне осторожныхъ, недоувѣрчивыхъ, замкнутыхъ въ себѣ; думается мнѣ, что не столько нетерпимость и мысль, будто и въ самой кротости православнаго скрывается «лукавство льстиваго духа антихристова», сколько робость и недоувѣріе къ «гонителямъ» подсказывали гонимымъ отказываться отъ того, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ. На окраинахъ города Кеми зеленѣетъ многолѣтняя сосновая роща; подъ темно-зеленою сѣнью ея пріютилось кладбище, съ деревянными гробницами и крестами; тамъ и сямъ изъ травы подымаются рѣзные столбики, пестро размалеванные; одни изъ нихъ вросли въ землю, другіе она не хочетъ принять въ свои нѣдра. То могилы старообрядцевъ. Я искалъ среди столбиковъ фонарики съ теплящимися въ нихъ лампадкама и съ потускнѣвшими иконами, зная, что подобныя «надгробья» встрѣчаются на старообрядческихъ погостахъ, и не нашель.

— Нѣтъ, мы не ставимъ фонариковъ и не затепляемъ въ нихъ лампадокъ, — говорили мнѣ послѣ поморы: — по-што тревожить покой покойничковъ?

Я смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на нихъ. Люди «истиннаго благочестія» объяснились: ихъ, раскольничьи, кладбища невозбранно осквернялись. Миршонные не очень-то жалѣли ихъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ, напримѣръ, было старообрядческое кладбище... подходишь, бывало, къ нему, такъ запахъ... такой ли ужъ сладостный запахъ! роснымъ ладаномъ, бывало, вотъ какъ пахнетъ! Ну, такъ монахи стали допускать скотъ пастись на ихъ кладбищѣ; могилы порушились, не стало и запаха роснаго ладана... Чего ужъ! До фонариковъ ли съ огонечками?.. Поморъ-безпоповецъ становится разговорчивѣе и все откровеннѣе, убѣдившись, что передъ нимъ не врагъ и не предатель. Кто не куритъ, не осуждаетъ расколоучителей и мало-мальски знакомъ съ ихъ литературою и со святоотеческими твореніями, тотъ можетъ проникнуть и въ тайники, такъ сказать, въ святая-святыхъ ихъ помысловъ и думъ; простые, незамысловатые люди готовы тогда душу съ вами отвести, готовы раскрыть ее вамъ и «восплакаться»... И сколько вздоховъ, сколько вздоховъ!.. Хотя время дѣйствительно превосходный врачъ и уже успѣло залечить много ранъ, какія въ разное время наносились

«древлему благочестію». Время, которому не препятствовали ни школа, ни мимо идущая культура, время же переплело вмѣстѣ и существенныя различія толковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было неграмотному, малоразвитому народу оставаться подъ заповѣдями того или другого вѣроучителя и не перешагнуть границы, за которою звучала иная проповѣдь, повидимому, похожая, какъ двѣ капли воды, на ту? Простота не была въ состояніи останавливаться надъ

Старый Кемскій Успенскій соборъ.

тонкостями, надъ подробностями, а заимствовала только главное, нужное, съ ея точки зрѣнія, и непреложное. Я встрѣчалъ еле-еле разбирающихъ буквы безпоповскихъ наставниковъ: они въ почетѣ у своей паствы, но развѣ эти старики въ состояніи какъ слѣдуетъ истолковать разницу между вѣтвями безпоповщинскаго духовнаго дерева? нѣтъ; и оттого въ ясное русло ученія Павла Коломенскаго, Данилы Викулова и братьевъ Денисовыхъ влился миѣнія филипповщины, аароновщины, акулиновщины, новоженовъ и другихъ. Словомъ, ото всѣхъ по зернышку. Я спрашивалъ:

— Молитесь ли за государя?

И въ отвѣтъ слышалось какъ отъ стариковъ, такъ и отъ молодежи:

— А какъ не молимся! Мы молимся за Державнаго.

— Мы за благовѣрныхъ молимся, а быдто не молимся!

Упомянутое на молитвахъ Державнаго (нужды нѣтъ, что онъ носитъ титулъ императора—«іператора»,— а въ этомъ звукѣ «находится» апокалиптическое число 666, относящееся къ антихристу) вошло въ кругъ нравственныхъ обязательствъ аароновцевъ, отъ которыхъ перешло въ другія, не отличающіяся крайнимъ фанатизмомъ, согласія.

Поморскій толкъ (даниловщина) отвергаетъ бракъ, но новожены требуютъ уже обязательности браковъ, и къ нимъ склоняются тѣ же аароновцы, признающіе бракъ, заключенный безъ священниковъ; акулиновщина смотритъ на вещи проще и допускаетъ свободное сожитіе вмѣсто брака, а это имѣетъ огромное значеніе тамъ, гдѣ проявляется чувственность, или «сердце сердцу вѣсть подаетъ». Я наблюдалъ въ Поморьѣ: дѣвушка полюбила парня, онъ—се. Женки говорятъ, снисходительно улыбаясь: «эва-ко, дѣва захотѣла смѣнить повязку на повойникъ»... И ужъ видится всеѣмъ новое гнѣздышко, и ужъ чуеться возжигаемый семейный очагъ. Бракъ, разумѣется, обойдется безъ попа, но безъ брака влюбленные вовсе не желаютъ обойтись, хотя они и родились въ Даниловщинѣ. Казалось бы, какъ тутъ быть? Анъ, выходитъ просто: всякій долженъ вести дѣвственную жизнь,—это по требованію даниловщины, филипповщины, оеодосіевщины, между тѣмъ какъ аароновщина говорить: почему же и не вступить въ бракъ съ благословенія родителей и съ положенными молитвами?.. Влюбленные и опираются на аароновщину: не еретики, молъ, и они, а какъ и мы же!.. И вотъ совершается «нерасторжимый» бракъ. Увы, молодые не сошлись характерами и расходятся. Мужъ обзаводится новою женою, женка же его приглянулась другому поморцу; они опять-таки опираются на «вѣру»: акулиновщина, дескать, утверждаетъ «свободное сожитіе». На замѣчаніе иного блюстителя нравовъ, что это блудъ, они только пожимаютъ плечами и искренно изумляются. Вообще, нравственность среди поморянъ не высоко стоитъ, а религіозные толки, переплетаясь между собою, образовали путаницу, такую сѣть, изъ которой поморской простотѣ самой не выбраться, да, кажется, она и не старается выйти...

II.

Въ 17 верстахъ отъ города Кеми лежитъ село Подужема; тамъ весьма красивый порогъ Ужма, гдѣ ловится отличная семга, изъ которой подужемцы варятъ вкусную уху. Кемляне предупреждали насъ: «смотрите, не скушайте вмѣсто семги лоха». На Амурѣ мясо

Царскія врата въ придѣлѣ св. Николая Чудотворца въ старомъ Кемскомъ Успенскомъ соборѣ.

акулы частенько сходить за осетрину, отчего же лоху не замѣнить семги? Опъ имѣетъ на это право. Лохъ та же семга; облошаніе ея, по выраженію рыбаковъ, происходитъ, когда рыба поднимается вверхъ по рѣчкамъ для метанія икры; въ это время она темнѣетъ, и на кончикѣ нижней челюсти вырастаетъ хрящеватый отростокъ, по которому карелы и «угадываютъ» лоха. Но теперь межень (лѣто), ловъ семги во всемъ разгарѣ, и намъ нечего бояться разочарованья.

Вечеръ. «Земская» бричка подкатила къ крыльцу. Вотъ остались позади послѣдніе городскіе домишки, вотъ кладбище подъ сѣнью задумчивыхъ сосенъ какъ будто приблизилось къ намъ и торопливо отплыло. Бричка катится по дорогѣ среди мелкаго березняка, къ которому лѣплятся ельничъ и соснякъ. Это городская лѣсная дача, сливающаяся съ подужемской лѣсною дачей... Береза и ель—неразличны здѣсь; корявыя еловыя вѣтви тянутся къ березовымъ, какъ руки для пожатія. Угнетенный ростъ деревьевъ напоминаетъ вамъ о сѣверѣ, гдѣ вѣтры буйны, а весна, даже глубокая, борется съ морозами. Рядомъ съ угнетенной растительностью только рѣзче выдѣляются большіе, гладко отесанные камни, обрамленные мхомъ и пріютившіе подъ своимъ навѣсомъ чернику и сныть; кое-гдѣ видятся грибы; мѣстами цвѣтетъ багульникъ, мѣстами, пробиваясь сквозь кудрявый лишай, расправляетъ лиловыя кисти мышиный горошекъ; вдругъ покажется алая морощка, но вообще не стелются яркіе цвѣточные ковры. Лѣсное царство бѣдно и птицами: только разъ показалась намъ пичужка; это была «плишка», иначе—трясогузка, маленькая хлопотунья; очевидно, она ужинала, собирая насѣкомыхъ, да еще въ выси, перегоняя насъ, пронеслась утиная семья на ночлегъ,—вотъ и всѣ встрѣчныя изъ міра пернатыхъ. Притаились ли птицы, или онѣ залетѣли подальше, чтобы не заглушать своими голосами ропота Кемь-рѣки, кто знаетъ? А Кемь, дѣйствительно, ропщетъ, взявшись изъ озера Кидѣ, въ предѣлахъ Улеборгской губерніи, и встрѣчая на своемъ бѣгу пороги и пороги. — Много ли всѣхъ пороговъ? — спросишь славяциковъ бревенъ. — «Да если хорошо считать, — отвѣчаютъ они: — такъ и всѣхъ сорокъ наберется». — Терните вы отъ нихъ? — «Да какъ не тернимъ! всего бываетъ»... Рѣчной шумъ не стихаетъ, провожая фдущихъ всѣ семь верстъ, рѣка же то покажется, подбросивъ бѣлую кипень или сверкнувъ за путаницей березовыхъ вѣтвей, то спрячется. Но версты таюгъ незамѣтно... Вотъ и зашеекъ, отъ котораго 10 верстъ до села. Рѣка успокоилась, притихла, нѣжится на солнцѣ, какъ гигантская змѣя съ блестящей кожей. Насъ уже ждетъ лодка съ двумя карелками-гребцами, такъ какъ на лошадяхъ возятъ отъ Кемь лишь до зашейка. Бабы болтливыя (потому что «у бѣднаго человѣка-де всего и живота одинъ языкъ», а «языкъ вольнѣй»), берутся мускулистыми руками за

весла, дружно взмахиваютъ ими въ разъ и командуютъ, чтобы одинъ изъ насъ взялся за руль; лодка отшатнулась отъ берега и скользитъ, охваченная съ двухъ сторонъ все такою же, какъ и прежде, «угнетенною», хотя и прелестной въ зеленомъ нарядѣ, растительностью. Жара унималась. Долгій лѣтній вечеръ, казалось, шель лѣсомъ, останавливаясь надъ каждымъ деревомъ, надъ каждой былинкою, будиль ихъ отъ сна, и онѣ просыпались и улыбались. На берегахъ, на маленькихъ пожняхъ, страдали бабы: Пет-

Новый соборъ въ Кемѣ.

ровъ день прошелъ—пора траву жать. И, нагнувшись надъ землей, жницы подрѣзають косами-горбушами (наподобіе серпа) душистую траву, которую встряхиваетъ дѣдъ... поднимаются зароды (стоги), посылая намъ свое благоуханіе. Пьешь его, пьешь и не напитокся вдосталь: все хочется глотать цѣлительный воздухъ, и голова кружится, какъ кружится Кемь, лѣсная рѣка... И тутъ тишина, словно на кладбищѣ. А кстатѣ, вонъ и кладбище. На островѣ расположилось въ красивѣйшемъ бору.

— Какъ вы хороните покойниковъ, если кладбище не на матерой, а на островѣ?

Бабы смотрятъ на насъ съ улыбкою.

— Да все такъ же, — отвѣчаютъ: — на карбасъ и съ Богомъ. Поморь, хоть бы и покойникъ, порато любить въ карбасѣ прогуляться.

Обогнувъ кладбище, гдѣ «болшà могилка—болшà кручинка, а мала могилка — мала и кручинка», и поборовшись съ пучинами, мы подплываемъ къ лѣвому берегу: село Подужема на немъ раскинулось. Беспорядокъ почернѣвшихъ избъ олонцакаго типа не просится на полотно: въ немъ нѣтъ ничего живописнаго. Изъ двухъ церквей ближайшая къ берегу, въ честь Преображенія Господня, старинная; звонница безъ колоколовъ приклонилась къ ней, но плотно не примкнула, сохраняя особенность сѣверной стройки. Вдоль рѣки, карабаясь по холмамъ, гнутся, какъ столбѣнія старушонки, бани; это избенки съ маленькимъ предбанникомъ и смежной клѣтушкою (собственно банею), гдѣ устроены лолѣкъ и каменка; вода тутъ нагрѣвается при помощи раскаленныхъ камней; бани «закуриваются» еженедѣльно и особо подь большіе праздники; нагрѣвши баню и выпустивъ дымъ черезъ дверь и оконце, карелы запираются въ банѣ и моются и парятся до того, что даже зимою выбѣгаютъ на морозъ «притти въ себя». Подужема населена карелами, живущими бѣдно, или по-здѣшнему — «нужно». Бѣдность не прячется даже въ зелени, которая почти совсѣмъ отсутствуетъ; только огородцы да маленькія пашни веселятъ общую картину. Крестьяне сѣютъ жито, — такъ называются здѣсь хлѣбныя растенія, именно рожь и ячмень, способные созрѣвать подь очень высокими широтами; подь семидесятымъ градусомъ сѣверной широты ячмень и рожь даютъ сносный урожай, достаточно развившись въ какіе-нибудь три мѣсяца. Впрочемъ, главное занятіе жителей составляютъ рыболовство и промыслы на Мурманѣ, куда карель уходитъ «казакомъ» (матросомъ или работникомъ). Съ весны до глубокой осени село видитъ лишь немногихъ мужиковъ: всѣ на Мурманѣ да въ «Норвегѣ»; дома остаются старики, женки да хворые, но и эти не сидятъ, сложа руки: на женокъ ложатся обязанности сотскихъ, земскихъ гребцовъ и почтальоновъ, а старики и хворые берутся за весла всякій разъ, какъ нужда позоветъ «поѣздовать». Поѣздникомъ называется лодка обычныхъ у насъ размѣровъ; побольше ужъ карбасъ, а большой карбасъ именуется брæмою. Поѣздуютъ за семгою съ мая по сентябрь, называя ловъ: «весеннимъ» (отъ начала до Петрова дня), «межѣннымъ», т. е. лѣтнимъ (до Успеньева дня) и «осѣннымъ» (отъ Успенья до Покрова). Подь праздникъ ловъ не въ обычаѣ, развѣ только ужъ семга соблазнительна по размѣрамъ; въ такомъ слу-

Обѣтный деревянный крестъ въ Кемѣ.

Старообрядческое кладбище въ Кемѣ.

чаѣ «грѣхъ» преодолеваетъ правило и съ вечера до полуночи и позже поѣзда бродятъ по рѣкѣ¹⁾.

Мы нашли пріютъ на чисто содержимой земской станціи въ избѣ карела Ө. Т. Фадѣева; явилась возможность увидѣть внутренность карельскаго жилья, не измѣняющагося съ теченіемъ времени и похожаго на тѣ средневѣковыя жилища, которыя представляли собою хранилища для живыхъ существъ и для значительныхъ запасовъ хозяйственныхъ вещей. Нижняя половина занята животными и служитъ складомъ для инвентаря и провизіи, а верхняя есть жилые со многими окнами и царящей опрятностью; нѣкоторые хозяева устраиваютъ еще вышку: это, такъ сказать, третій этажъ, гдѣ мастеровой карелякъ работаетъ въ уединеніи и любитъ прикорнуть. Избы бѣднѣйшихъ и болѣе зажиточныхъ крестьянъ одного склада и вся разница только въ убранствѣ и обстановкѣ; если зажиточный карелякъ обзавелся посудой, то бѣдный довольствуется берестяными издѣліями; въ берестяномъ ковшѣ вамъ подадутъ воду, въ берестяной коробкѣ — топленое молоко. Хлѣбъ привозятъ изъ Архангельска; свой же, по бѣдности, выпекается вмѣстѣ съ соломой и сосновой корою; объ усвоемости такого «хлѣба» и о пагубномъ дѣйствіи его на организмъ говорить излишне, но бѣда въ томъ, что научныя свидѣтельства Эрисмановъ сами по себѣ, а нужда тоже сама по себѣ, и вотъ суррогатъ вмѣсто хлѣба я встрѣчаю, начиная съ Уссурійскаго края и кончая Кареліей.

Карелія до сихъ поръ еще полутаинственная часть великой Россіи, ожидающая этнографовъ, географовъ и просто добросовѣстныхъ картографовъ. На существующихъ картахъ не отмѣчено многое; цѣлыя большія озера не занесены на нихъ, а другія обозначены не точно. Племя, давшее братьямъ-финнамъ богатѣйшую народную поэзію, не перестаетъ быть и теперь родникомъ, изъ котораго новѣйшіе Аоанасьевы, Сахаровы и Якушкины могли бы черпать да черпать; но Карелія мало посѣщаема. Не оттого ли, что здѣсь «лѣшія озера, лѣшія рѣки, полѣшіе лѣса?» На сѣверѣ еще держится вѣра въ карельскихъ чародѣевъ и колдуновъ, которую карелы подогрѣваютъ вслѣдствіе своей первобытности, — вслѣдствіе того, что народъ едва вышелъ изъ младенчества и еще очень далекъ отъ зрѣлости. Въ лѣсныхъ деревушкахъ, отражающихся въ свѣтлыхъ озерахъ и слушающихъ голоса вѣтровъ, когда буря ходитъ по лѣсу, въ этихъ деревушкахъ, куда лишь изрѣдка заѣзжаютъ миссіонеры, — увы, не во всеоружіи знаній, — жителю, получеловѣку, полукроту, трудно разстаться съ дѣдовскими вѣрованіями; въ его глазахъ злая сила владычествуетъ надо всѣмъ, и

¹⁾ Ловъ описанъ С. В. Максимовымъ въ книгѣ «Годъ на Сѣверѣ», гл. «Терскій берегъ Вѣлага моря».

потому большее или меньшее благополучіе семьи и отдѣльныхъ ея членовъ зависитъ отъ степени почитанія кегно (сатаны), духовъ и слугъ его, колдуновъ и колдуній. Любопытно, что, по мнѣнію кареловъ, чортъ принимаетъ образъ черной кошки и затемняетъ солнце и луну; такая же вѣра живетъ среди дикарей западнаго африканскаго берега; во время затменій кареляки бѣгутъ къ озеру и окунаются въ немъ съ головою, надѣясь (подобно тоже туземцамъ Остъ-Индіи) такимъ образомъ спастись отъ когтей черной кошки. Въ этакихъ случаяхъ безсильны заклинанія и присутствіе колдуновъ. Заклинать и заговаривать мастера пастухи; заговоры не что иное, какъ, разумѣется, бессмысленный наборъ словъ; мольбы и угрозы въ нихъ чередуются, и также че-

Лъпъ-островъ съ часовней Ильи Пророка въ Кемі.

редуются имена Христа и святыхъ угодниковъ съ именами сатаны и аггеловъ. Съ заклинаніемъ карелы берутся за мастерство, съ заклинаніемъ пускаются на рыбный ловъ и на охоту. Карель осудитъ всякаго, кто бранится и понапрасну безпокоитъ чорта, и самъ же не задумается воскликнуть: «эхъ, глупый богъ», когда вдругъ тишь на озерѣ или въ лѣсу, гдѣ онъ теперь, смѣняется «погодюю» (ненастьемъ). Есть среди пастуховъ колдуны, о которыхъ слава гремитъ по всему краю; за ними посылають издалека, играется ли свадьба, или происходитъ кушля-продажа; ихъ приглашаютъ и на похороны. Въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ карель, купивши лошадь или корову, прямо ведетъ къ колдуну заговорить, чтобы животное не ходило къ прежнему хозяину. Въ болѣзняхъ

помогаютъ нашептыванія старухъ. Карельская колдунья не наша Баба-Яга, костяная нога, голова пестомъ, подпирается шестомъ, и не финская «пожируха», затѣйливое жилище которой окружено столбами, а на столбахъ человѣческія головы; напротивъ, это обыкновенная старуха, свекровь или теща, хозяйка-хлопотунья, баба гостепріимная. При встрѣчѣ и не подумаешь, что она «вѣдунья» и «колдунья». Правда, что онѣ неразговорчивы и смотрятъ на васъ, какъ всѣ дички, исподлюбя, но есть способъ подкупить старуху: это серебряный пяточокъ. На маленькихъ монетахъ карельскія вѣдуньи гадаютъ, съ помощью серебряныхъ пяточковъ дѣйствуютъ заговоры; но такъ какъ эти необходимые пяточки попадаютъ рѣдко въ карельскую глушь, то они цѣнятся очень высоко, и старуха готова поразвязать языкъ, чтобы получить нѣсколько пяточковъ.

Нравственность карелы понимаютъ по-своему: они трудолюбивы, весьма воздержны въ потребленіи вина, честны, привѣтливы, а вотъ противъ седьмой заповѣди много грѣшили и грѣшатъ; очень часто сѣти вмѣсто рыбы доставали трупы младенцевъ, которыхъ матери бросали въ воду или отъ страха, или подъ вліяніемъ охватившаго стыда. Вліяніе духовенства нельзя считать значительнымъ, если такова дѣйствительность, да и бытовья условія скорѣе способствовали торжеству «свободы совѣсти». Даже тѣ карелы, которые числятся православными, въ глубинѣ края ближе къ расколу (безпоповскому толку). На вопросъ: живутъ ли они «подъ священникомъ», или безъ него?—они отвѣчаютъ утвердительно: «Нонче всѣ подъ наша идутъ. Какъ безъ него быть?» А на самомъ дѣлѣ эти «православные» радушно принимаютъ безпоповскаго наставника, когда онъ обходитъ въ праздникъ деревню съ дымломъ¹⁾ въ рукѣ; ему же они каются и въ грѣхахъ и точно исполняютъ всѣ налагаемыя имъ эпитемія, напримѣръ, отвѣшивая по двѣсти земныхъ поклоновъ въ дни «великаго говѣнья». (Великій постъ). Наставники строго взыскиваютъ съ «овецъ словесныхъ», указывая, что «священнопротопопъ Аввакумъ ежедневно совершалъ на ночь 300 поклоновъ, 600 молитвъ Ісусовыхъ да 100 Богородицѣ». У многихъ по два имени: одно дано священникомъ при крещеніи, а другое «перекрещивавшей» бабкою; съ приближеніемъ родовъ она уводитъ беременную жепщину въ чуланъ или въ баню, словомъ, въ уединеніе, гдѣ и распоряжается ею, какъ вещью. Усердіе бабки чаще приноситъ непоправимый вредъ, а не пользу, и бабка бываетъ тогда похожа на «рожаницу», враждебную дѣву въ славянской мифологіи. Кстати сказать, карельскій обычай нашель откликъ въ Черногоріи, гдѣ, по свидѣтельству П. А. Ровинскаго, «при послѣднемъ времени родильница уда-

¹⁾ Это есть кадила съ изогнутой деревянной ручкою.

Зашеекъ.

Порогъ Ужма.

ляется изъ дома и родить иногда на дворѣ, или приходитъ домой ночью, когда всѣ спятъ, и къ утру оказывается въ домѣ ребенокъ; а какъ и когда онъ появился, то знаетъ, кромѣ матери, только свекровь или другая изъ пожилыхъ женщинъ въ домѣ». («Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ»). Можно и еще отыскать у кареловъ сходство съ черногорцами; напримѣръ, у тѣхъ и у другихъ въ ходу народная медицина—лечение съ помощью травъ, декоктовъ и настоевъ, и кровопусканія. Травы собираютъ бабки-вѣдуньи, какъ и въ Черногоріи (и въ Старой Сербіи), гдѣ ихъ называютъ «биларицами» (отъ «биле»—лекарственное растеніе). За сборомъ травъ онѣ выходятъ въ опредѣленное время, въ освященные обычаемъ часы: въ полночь, передъ восходомъ солнца, на зарѣ, въ Ивановъ день и т. д. и срываютъ растенія съ особенными «молитвами», заклиціями, приговорками; нѣкоторыя изъ карельскихъ лекарокъ «биларицъ» знаютъ легенды о растеніяхъ и отъ одной я слышалъ извѣстное сказаніе о звѣробѣ, который принадлежитъ не только къ цѣлебнымъ растеніямъ, но и къ «волшебнымъ средствамъ» изъ-за сока. «Вѣдунья» мнѣ рассказывала:

— Не зря къ осени краснѣетъ звѣробой-цвѣтъ, и не вѣтеръ-морянка краситъ его, а плачетъ звѣробой кровавыми слезами, весь кровью обливается. Порато давно то было,—при Продѣ-царѣ, когда плясавица Продиада пляскою ему угодила, и за ту пляску онъ отдалъ ей жизнь Предтечи Юанна. Вотъ она, малодушная, и бросилась къ матери: «Государыня-маменька, усѣкай, говоритъ, главу своему хулителю: свѣтъ-государь дозволил!»—«Пооди, усѣки», говоритъ мать. Отеѣкли голову Крестителю; плясавица положила ее на блюдо, бѣжить къ матери изъ темницы. «Вотъ усѣкновенная глава, маменька. Какъ изволишь?» Взяла царица усѣкновенную главу святого и стала хулить ее и порато хулила; а тутъ и совершилось чудо: долго слушала, а вотъ и молвила голова: «въ грѣхи, скажетъ, ты погрузилась, царица, на свою погибель. Не сообщно съ тобою царю быть. Охъ, опомнись!» Царица напугалась: «усѣкновенная глава заговорила!» побѣжала въ садъ и приказала садовникамъ вырвать языкъ изъ головы, а сама его иглою колеть. И потекла, потекла, потекла святая кровь, и что ни кольнетъ во гнѣвъ царица, то капля крови падаетъ на землю, и вырастаетъ на ней красный цвѣтокъ. Называютъ его звѣробоемъ, а кто знаетъ, скажетъ еще «Иванова кровь»...

Посты карелы соблюдаютъ строго; многіе не ѣдятъ скоромной пищи въ среду, пятницу и въ понедѣльникъ («ангельскій день»). Главную пищу ихъ составляетъ рыба и молоко; растительность и мясо дополняютъ обычный рыбный или молочный обѣдъ лишь зажиточныхъ крестьянъ. Въ 1871 году пахотной земли здѣсь насчитывалось тысячи четыре десятины, или полдесятины на каждое лицо мужского пола. (Докторъ Ульрихъ—«Кемскій уѣздъ»). Съ

тѣхъ поръ площадь Кареліи не увеличилась, слѣдовательно осталось тѣмъ же и количество годной для обработки земли; совсѣмъ плохо пришлось бы населенію, не будь морскихъ промысловъ, зимней охоты на звѣрей и рыбнаго лова; кромѣ того, «лѣсные люди» знаютъ кое-какія ремесла и извѣстны за искусныхъ судостроителей; дѣйствительно, на нашихъ глазахъ двое мастеровъ работали карбасъ съ такою ловкостью и проворствомъ, что имъ подвиглась бы сама поволжская Балахна. Въ мѣстныхъ охотничьихъ разсказахъ отсутствуетъ вымыселъ: кареляки—не хвастуны; ихъ разсказы, въ особенности про охоту на оленей, только доказываютъ, до чего они выносливы; они добровольно обрекаютъ себя на про-

Село Подужема.

должительный голодъ, лишь бы не выпустить изъ рукъ выслѣженное стадо осторожныхъ, боязливыхъ и быстрыхъ животныхъ. И что замѣчательно: люди, чуткіе къ перемѣнамъ погоды, надѣвающие теплую одежду даже лѣтомъ, стоятъ перемѣниться вѣтру, и до нельзя боящиеся простуды,—эти люди проводятъ на охотѣ въ снѣгахъ по нѣскольکو сутокъ; на пахтахъ (утесахъ) злые вѣтры играютъ съ ними, какъ со снѣжинками; надъ ними потѣшаются пурги (вьюги). И ничего... словно переродились въ неувязимыхъ Ахилловъ простоватые кареляки.

Но пора вернуться къ Подужемѣ. Хозяинъ подаль на столъ самоваръ и сейчасъ пойдетъ добывать свѣжей семги для ухи и

малосольной къ чаю. «За чѣною¹⁾ не стоять?» спрашиваетъ онъ. И прежде, чѣмъ мы успѣваемъ освѣдомиться: а почему теперь семга?—карелякъ добавляетъ, что дешевле, какъ по четвертаку за фунтъ малосольной и по 30 копеекъ за фунтъ свѣжей, не купить, да и непременно «чѣльными рыбами»... Мы согласились и только просили выбрать рыбы поменьше.

— Фунтовъ на восемь, девять, меньше у насъ не бываетъ,—сказалъ хозяинъ, уходя.

Такъ какъ самой мелкой семгой считается восьмифунтовая, а самая крупная достигаетъ полутора пудовъ, то ясно, что Поду-жема можетъ гордиться своими ловами; гдѣ добываются лососи вѣсистѣе?

— Вотъ и семга!—появляется нашъ О. Т. съ двумя рыбами, изъ которыхъ одна свѣжаго засола, а другая только вчера странствовала въ кемскихъ быстринахъ.

Къ малосольной семгѣ понадобилась соль, на которую наши окраинные засолыщики вообще скуповаты. «Чего ее солить, семгу? Она и такъ солоня,—отшучиваются они:—отчего же она и красная?» Попросивъ сварить намъ уха, мы отправились къ порогу. Верста отдѣляетъ его отъ села, но какъ слышенъ его шумъ, который съ каждою минутою становится все внушительнѣе и грознѣе! Наступающей ночи, видно, нравится шумная музыка волнъ, и въ угоду сѣверной красавицѣ онѣ расходуютъ запасъ своей энергіи, чтобы утромъ, когда великолѣпно засверкаютъ солнечные лучи, отдохнуть; вѣдь, еще А. Гумбольдтъ писалъ, что шумъ водопадовъ ночью слышится гораздо сильнѣе, чѣмъ днемъ: потоки поднимающагося теплаго воздуха, которые вслѣдствіе неравномѣрнаго смѣшенія эластической среды мѣшаютъ днемъ распространенію звука, во время ночного охлажденія земной коры прекращаются. Мало-по-малу разворачивается вся картина пѣнящагося труженика природы, который напрасно зоветъ къ себѣ любителей прекраснаго и тщетно предлагаетъ свою мощь промышленности. Дитя суровой Карелии, порогъ Ужма не похожъ ни на Иматру, ни на Кивачъ, ни на Нарвскій водопадъ, но у него есть сходство съ американскими водопадами Майпуре. Кемь-рѣка долго уныло бѣжала отъ «Вихляндіи» и вдругъ разъярилась: пороги ее доняли. Сѣрая пелена водъ разорвалась на мелкіе клочья, клочья превратились въ каскады, то маленькіе, то большіе, и вотъ они ярсясь несутся, какъ духи-мстители, впередъ, впередъ; одни бросаются на стѣснившія русло скалы, другіе пролетаютъ мимо, третьи наконецъ взвиваются надъ тѣми, падаютъ на нихъ и зарываются въ нихъ. Въ

¹⁾ Русская рѣчь у кареловъ не отличается чистотою; они перемѣшиваютъ согласныя подобно, напримѣръ, болоховитянамъ (въ Орловской губ.) Поэтому вмѣсто цѣны вы слышите: чѣна; вмѣсто: мѣсяць—мѣшячь и т. д.

Старо-Преображенская церковь въ Подужемѣ.

Подужемское кладбище.

хаотической красотѣ набросалъ Небесный Зодчій камни, но не для того, чтобы человѣческія руки создали изъ нихъ храмъ, а на потѣху тревожной рѣкѣ. Унылая, она вздрогнула, увидавши хаосъ, вскипѣла и погнала свои холодныя волны разрыть, смести препоны. Сталкиваясь, растекаются мятежныя волны, а растекаясь опять сталкиваются и желтѣютъ, словно старческая борода; гривообразная пѣна скатывается по двумъ главнымъ уступамъ. Каскады подбрасываютъ массу серебристыхъ и жемчужныхъ брызгъ, разлетающихся пылью, такую же холодной, какъ и неуловимую: съ камня на камень, со скалы на скалу перебрасываются бурныя воды. Видишь три параллельныхъ теченія, торопящихся другъ друга. Но рядомъ съ мятежными волнами бѣгутъ иныя: эти спокойно взбѣгаютъ на камни и ласково лижутъ ихъ и, кажется,— онѣ именно покрыли торчащія изъ воды маковки скалъ мхомъ. На правомъ берегу лѣсъ притаился: листокъ не дрогнетъ! Много поломала его на своемъ вѣку рѣка въ весеннія половодья, но больше того переправила къ лѣсопильнымъ заводамъ. Ежегодно сплавляютъ къ городу Кеми по 90—100 тысячъ бревенъ. На лѣвомъ берегу, среди каменистыхъ нагроможденій, земная жизнь выразилась, между прочимъ, въ появленіи ягодъ.

На солнышкѣ дозрѣвала земляника, возлѣ камешковъ ютилась костяника, черника, тамъ и сямъ смотрѣла брусника. Морошки здѣсь нѣтъ: сочная, освѣжающая ягода ждала насъ въ березнякѣ на противоположномъ берегу, да не было карбаса, чтобы переправиться туда. Очаровательная картина представлялась съ берега: видѣлось все паденіе воды съ высоты болѣе чѣмъ 15 футовъ; но этого мало: хотѣлось пробыть нѣсколько минутъ надъ самой бездною, среди шума kloкочущей стихіи. Спутники подужемцы повели насъ на середину падуна по гребню перегородки изъ свай и кольевъ съ прислоненнымъ къ нимъ плетнемъ; это—семужій заборъ; въ опредѣленныхъ мѣстахъ подъ водою перегородка имѣетъ отверстія, въ которыхъ устанавливаются сѣтчатыя мережи съ продыравленнымъ дномъ. Въ наше время падуны преграждали три забора въ разныхъ мѣстахъ; крестьяне оцѣниваютъ устройство каждаго забора рублей въ 500. «Тяжела и крайне опасна работа въ кипящей водѣ». Семга стремится по порогамъ противъ теченія, для метанія икры; отличный пловецъ, она преодолеваетъ напоръ противнаго теченія и, по выраженію мѣстныхъ рыбаковъ, не знаетъ усталости; рѣзваясь въ родимой стихіи, рыба и попадаетъ въ мережу, откуда не можетъ потомъ выбраться, такъ какъ привыкла спускаться хвостомъ впередъ: поперечныя мережныя бечевки натягиваются водою и семга оказывается въ плѣну. Зоркіе рыбаки поднимаютъ мережу, и, если «благословили» Никола-святитель либо преподобные (т. е. Зосима и Савватій соловецкіе), то въ ней окажется до 40 рыбъ. Не думайте, однако, что семга такъ

и претъ въ западню; случается, она бродитъ около забора по нѣскольکو дней и наконецъ обрекаетъ себя на стѣденіе людямъ... Вотъ мы надъ падуномъ. Рѣка мчится, обдавая насъ брызгами, и кажется—вотъ-вотъ разрушитъ перегородку, а насъ, стоящихъ на ней, броситъ въ водоворотъ да и закружитъ тамъ на смерть. Страхъ невольно овладѣваетъ вами, когда вы видите передъ собою стихію, неукротимую, какъ дикій звѣрь. Все кругомъ сотрясалось. Казалось, подъ землею работали мрачные духи, энергія и всѣ усилія которыхъ были направлены къ одной цѣли—сдвинуть съ мѣста рѣчные камни и расширить русло Кеми, такъ, чтобы всплыли прибрежные лѣса, поля и село. Въ ночномъ воздухѣ ревѣ

Порогъ Ужма близъ Подужемы.

падуна отдавался какимъ-то таинственнымъ хоромъ; онъ наполнял окрестность, будилъ дали и гналъ облака. Я крѣпче опирался на палку, боясь поскользнуться на гладкихъ камняхъ и сучьяхъ, и съ трудомъ подвигался впередъ по гребню безъ перилъ, между тѣмъ какъ ребятишки съ ловкостью и легкостью альпійскихъ козъ дѣлали прыжокъ за прыжкомъ, безстрашно лазали по крутымъ гладкимъ камнямъ и, взобравшись на самые высокіе изъ нихъ, бросали въ клубящуюся пѣну хворостины и доски, которыя падаютъ вертѣль, глоталъ, выбрасывалъ и гналъ отъ себя. Весною даже самыхъ большихъ камней не бываетъ видно: ихъ затопляетъ разлившаяся рѣка, и не только ихъ, но также берега. «Тогда-то стонъ стонѣтъ!—говорятъ мѣстные жители!— Вотъ то

такъ стоитъ! и не боязливаго испугаетъ... Кругомъ тогда будто голомя» (море). Верхній изъ двухъ главныхъ ужемскихъ уступовъ подхватываетъ сплавляемыя съ верховьевъ бревна и тѣшится надъ ними, стоймя пуская на нижній уступъ, перекатывая со скалы на скалу. Я видѣлъ захваченныя водоворотомъ бревна; они торчали между уступами, какъ мачты разбитаго корабля, а на скалахъ, перекосившись на сторону, желтѣли хорошо омытыя «харчевни» (крѣпко сколоченные шалаши съ погибшихъ плотовъ, гдѣ хранятся харчи бурлаковъ и сами бурлаки укрываются отъ ненастья); очевидно, порогъ захватилъ ихъ прежде, чѣмъ люди успѣли отвести ихъ отъ губительнаго мѣста. Спуститься по порогу въ карбасѣ рѣшаются только немногіе смѣльчаки, причемъ, говорятъ, лучше пускаются въ опасную прогулку съ женщинами-гребцами, чѣмъ съ рыбаками. Выше порога, на лѣвомъ берегу, находится несложный механизмъ, представляющій собою врытый въ землю столбъ, съ вращающимся вокругъ него колесомъ; привязавъ къ карбасу канатъ, другой конецъ котораго «сурочиваютъ» (прикрѣпляютъ) къ колесу, это колесо приводятъ въ движеніе и такимъ образомъ тянутъ карбасъ на берегъ, а вытянувъ, бурлаки или взваливаютъ себѣ на плечи, или по бревнамъ спускаютъ опять въ воду—тамъ, гдѣ рѣка уже не шумитъ, не пѣнится, не грозитъ, а спокойно течетъ, какъ будто отдыхая послѣ встрѣчи съ Ужмою... Намъ представились три семги, когда мы стояли надъ заборомъ и восхищались зрѣлищемъ; онѣ высовывались изъ воды близъ мережъ, подобно дельфинамъ и бѣлухамъ: то голову покажутъ, то хвостъ. Рыбы «вспрыгивали». При яркомъ солнцѣ, когда ясна рѣчная глубина, можно видѣть множество рыбъ, какъ въ обширномъ акваріумѣ, и вдосталь наблюдать за всѣми движеніями ихъ. Между тѣмъ надъ падонумъ сталъ клубиться туманъ. Закурился лѣсъ. Свѣжестью потянуло съ полянь. Надо было возвращаться въ избу, гдѣ уха ждала насъ, дымясь на столѣ.

На третій день мы уѣхали изъ Подужемы. Отъ села до зашейка плыли въ карбасѣ, отъ зашейка же до города полагается пѣшеествовать. На земскихъ коняхъ не возятъ, а вольныхъ въ лѣсу не достанешь. Вы идете въ сопровожденіи гребцовъ, несущихъ за плечами вашъ багажъ, въ плетеныхъ «крошняхъ», иначе—«пѣхтеряхъ», съ ручками, которыя придерживаютъ съ боковъ кладь, стянутую сверхъ того бечевками. Старики, подростки и женки не жалуясь, носятъ по три пуда и не потѣютъ; не служитъ ли это доказательствомъ того, что наши сѣверяне «крѣпко скроены и прочно сшиты» и обладаютъ здоровыми нервами? Карельскіе и лапландскіе пѣшеходы не уступаютъ выносливостью ходакамъ горныхъ странъ Западной Европы.

Порогъ Ужма.

Семужій заборъ на порогъ Ужма.

III.

Мы пустились изъ Кеми въ поморскія нѣдра на карбасѣ. Почтовые пароходы заходятъ не во всѣ деревни, между которыми лѣтнее сообщеніе поддерживается, поэтому, «сарафанной почтою». Вамъ, прїѣзжему, захотѣлось побывать въ нѣсколькихъ селахъ; обратитесь на почтовую станцію, и она дастъ вамъ карбасъ, гребцовъ и кормщика; смышленныя, ловкія и, прямо сказать, прочныя сѣверныя крестьянки, какія помоложе, ходятъ за гребцовъ, а пожилая женка, хаживавшая въ «окіанъ», бывавшая въ «Норвегѣ» и которую многократно разъ трепывали черныя бури, садится на кормѣ у руля. Это настоящій «каптейнъ», не словоохотливый, требовательный, сдержанный. Море и его термины она изучила, какъ печку въ своей избѣ; знаетъ каждую отмель, далече видитъ елочку, воткнутую въ песчаное дно, а въ извилинахъ и закрутахъ стрежь проводитъ карбасъ, какъ дощечку. Какъ она командуетъ поставить или собрать паруса! У нея «вахта» не задремлетъ! Полдюжины женокъ безпрекословно подчиняются этакой поджарой Матренѣ Ивановнѣ, что зябнетъ въ кацавейкѣ, укуталась платкомъ, ежится. Зато какъ она и встряхивается, коли вѣтеръ начинаетъ крѣпчать! Выпрямляется, съ хладнокровіемъ не разстается, но ужъ насторожилась, какъ дозорный гусь или щука, запримѣтившая карася. Взводень пойдетъ такой, что карбасъ наподобіе люльки качается, — Матренѣ Ивановнѣ горя мало: наливается себѣ чайкомъ. Розсыпь (бурунъ) грозитъ, а она пожевываетъ рыбникъ, ухомъ не ведетъ, какъ-будто розсыпь малозначащая пустяковина.

Женки «приняли» съ квартиры нашъ багажъ, уложили его въ карбасной будкѣ и, когда мы пришли къ пристани, онѣ уже посматривали на «семейный» самоваръ, предусмотрительно взятый въ дорогу и робко жавшійся къ борту на носу. — Сколько верстъ до Шуи? Женки, хоть и бывалые гребцы, точно не могли отвѣтить на вопросъ; однѣ изъ нихъ считали 30, другія—50. И пятьдесятъ верстъ оказались потомъ «большими», въ родѣ упоминаемыхъ игуменомъ Даніиломъ въ «Хожденіи».

— Сколько же вамъ платять за плаваніе?

— Нонь мы настояли на своемъ—выторговали по восьми гривенъ на каждую, а бывало, по полтиннику платили.

— Когда придемъ въ Шую?

— Въ Шуерѣцку-то? Да, видно, къ обѣду.

«Каптейнъ» Матрена Ивановна, до сихъ поръ молчавшая, вставила, что, молъ, замедлили отъѣздъ; на часъ бы раньше отплыть, такъ важно бы было, а теперь, энъ, корги (каменистыя мели) совсѣмъ открылись: полную воду упустили, придется топтаться на «сухой водѣ» (полный отливъ). Какъ бы то ни было, поплыли.

— А обратно вы когда же?—спросилъ я гребцовъ.

— Въ Кемь? Да когда! Напьемся чаю въ Шуерѣцкой—и айда: карбасъ требуется на станцію предоставить, мѣшкать нельзя. Въ вечерахъ быть въ Кеми.

— Стало быть, вы получаете по восьми гривенъ за оба конца?

— Но.

«Каптейнъ» убѣдился въ нашемъ сочувствіи къ «командѣ» и буркнулъ:

— Напрасницы не скажу: жирно нашей сестры не воспитываютъ (кормятъ).

Свѣтлая полночь приближалась. Вѣтерокъ перелетывалъ и бодрилъ. Спать не хотѣлось, да и какой сонъ, если около васъ завели

Малый семужий заборъ на порогѣ Ужма.

бесѣду шесть сорокъ; не думая о помолѣ, онѣ могутъ молоть и мелютъ безъ конца. Имъ до всего дѣло и забота. Только что мыа проѣхали мимо Лѣль-острова съ часовнею во имя Ильи пророк, и пошли, и пошли встрѣчные карбасы съ шуянами. Наши гребцы сперва лишь распознавали поѣзжанъ, а потомъ не выдержали и стали острословить.

— Ау-у-а!

«Встрѣтнѣй» карбасъ замедлилъ ходъ.

— Цево вамъ?—отозвался тамошній «каптейнъ» въ сарафанѣ.

— Шуерѣцкія никакъ?—кричитъ одна изъ нашихъ вострухъ.

— Оттуда.

— Да што васъ сколько, аль Шуя сгорѣла?

Встрѣтнѣй каптейнъ плюнулъ.

Надоѣло языкъ точить, одна запѣваетъ пѣсню, другія, кромѣ «каптейна», подхватываютъ — и дружныя пѣсни одна за другой несутся навстрѣчу лудамъ и коргамъ, на которыхъ гагары устраиваютъ свои незатѣйливыя гнѣзда. Причаливши къ одной лудѣ, блестящей отъ воды въ естественныхъ скалистыхъ блюдечкахъ и корытахъ, мы нашли гагарѣ гнѣздо недалеко отъ заплесковъ; на сухихъ вѣточкахъ и на мелкомъ плавникѣ лежали два бурыхъ, съ пятнышками, яйца, обложенныя пухомъ; гнѣздо было одиноко; по обыкновенію, осторожная хозяйка нырнула въ воду, почувявъ близость такого чудища, какъ карбасъ, да еще съ людьми, и, можетъ быть, слѣдила за нами изъ своего убѣжища и трепетала за гнѣздышко, гдѣ зарождались новыя жизни. Зато съ криками: «кипи-кипи»... носились красивые морскіе попугаи, множество которыхъ сѣверяне истребили въ угоду нашимъ и заграничнымъ франтихамъ-щеголихамъ.

Я, было, обрадовался пѣнію, надѣясь услышать мѣстныя «вечериночныя», «круговыя», «хороводныя» и т. п. пѣсни, но скоро пришлось разочароваться: тѣ пѣсни («мужицкія»!!) вытѣснены заносными; устная словесность—дѣтище предшествовавшихъ поколѣній—не удовлетворяетъ уже нынѣшнихъ архангельскихъ «моржеѣдовъ-шанежниковъ» и «чернотропницъ-икотницъ», ихъ женъ и дочерей. Заливаясь рожками, свирѣлками-самодѣлками, взвизгивая, звеня и томясь на нотахъ, «дѣвы» и «вдовицы» воспѣвали «хорошенькаго да распригоженькаго», вспоминали «соловьѣнку-соловьѣшку сладострастнаго», рассказывали про солдата-молодчика, томившагося на часахъ въ ожиданьи смѣны.

Идетъ смѣнушка—
Красна дѣвушка,
Да хорошенька,
Да пригоженька...

Увидѣла пригожая молодца часового, съ которымъ въ Кеми гуляла, и зоветъ его «на другу сторонушку». Говоритъ она:

Ай, на той сторонѣ приставащице,
Приставащице да гудьящице;
Тамъ гулялъ генераль съ генеральшею,
Тамъ гулялъ капитанъ съ капитаншею.

Тамъ и имъ-де мѣсто съ солдатомъ.

Въ большинствѣ пѣсенъ, пропитанныхъ фабричною копотью, которые мы слушали въ эту ночь, коренилась неприкрытая чувственность; такія пѣсни прерывались пѣніемъ на свой ладъ «Амалата» («Амалать молодой...»), лермонтовской «Тамары» («Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла...») и т. п. пѣсь, иногда безъ пониманія смысла.

Поморское село.

Село Шуя. Церкви и колокольня безъ верха.

— Отъ кого вы научились пѣть такіе стихи? — спросилъ я голосенъ.

— Ходяци да ѣздяци чему не научисся!.. — отвѣчала одна за всѣхъ.

— Аль страшно? — всполохился задремавшій было «каптейнъ».

Я поспѣшилъ успокоить Матрену Ивановну: благочиніе не поколеблено, и она можетъ сладко дремать. Но старуха воспрянула и сочла нужнымъ посовѣтовать гребухамъ пѣть «псалмы». Пѣсельницы даже обидѣлись. — «Аль мы раскольницы, чтобы псалмы выводить?» — Раскольники не однѣ псалмы поютъ, — замѣтилъ я. — «Другого на вѣку не слыхано», — упорствовали онѣ. Здѣсь кстати приведу варіантъ одной великорусской пѣсни въ старообрядческой окраскѣ; сказали мнѣ его въ Кеми:

Ужъ ты степь наша, степь плакучая,
 Далеко и широко ты, степь, протянулася,
 Протянулася наша степь отъ Москвы до Питера,
 Отъ Москвы до Питера, до князя Голицына,
 Отъ князя Голицына до двора царицына...
 Что и шли тутъ прошли молоды извоицики,
 Млады извоицики да все съ Бѣла-моря,
 Они везли-то, везли бѣлу-рыбицу,
 Бѣлу-рыбицу ко двору царицыну...
 Ужъ ты, степь наша, степь плакучая,
 Далеко и широко ты, степь, протянулася,
 Протянулася наша степь отъ Москвы до Питера,
 Отъ Москвы до Питера, до князя Голицына,
 Отъ князя Голицына до двора царицына.

Этотъ варіантъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія со стороны взаимныхъ отношеній между старообрядцами и «Державными» (при всѣхъ гоненіяхъ на людей «древляго благочестія»), и еще потому, что въ пѣснѣ старообрядцы цѣпляются за князя Голицына, который имъ близокъ и любъ; въ самомъ дѣлѣ, хотя «ярыги» крупнаго и мелкаго чина усердствовали вокругъ и около раскольниковъ, забывъ всякую «учтивость», однако отъ двора шли къ тѣмъ же раскольникамъ приказы доставить то то, то другое; извѣстно, напимѣръ, что въ 1722 году выгорѣцкая братія выслала 50 оленей «въ пресвѣтлѣйшій домъ ея Державствія» (Екатерины Алексѣвны). Вѣрно, и «бѣла-рыбица» и что-либо другое шло ко «двору царицыну»; не миновали, можно думать, бѣломорскіе «молодые извоицики» и хоромъ князя Василья Васильевича Голицына, любимца царевны Софьи, а позднѣе и кн. В. А. Голицына. Перваго старообрядцы упорно считаютъ приверженцемъ старой вѣры и знать не хотятъ, что онъ стоялъ за сближеніе съ Западомъ и покровительствовалъ іезуитамъ; съ нихъ достаточно голицынскихъ заступничествъ и открытаго расположенія князя къ нимъ и къ ихъ бытовому укладу, чтобы признать его не «миршоннымъ» и сво-

боднымъ отъ «прелестей антихристовыхъ»; мало того, князь Вас. Голицынъ былъ близокъ къ Софѣѣ, а «поморяне похвалялись, что у нихъ въ монастырѣ (т. е. въ Даниловскомъ скиту) есть ко Андрею (Денисову) собственноручныя писъма царевны Софьи Алексѣевны и что Андрей нерѣдкую переписку съ царевною имѣлъ»¹⁾. Вариантъ пѣсни не согласуется съ дѣйствительностью, ибо если только эта царица есть Екатерина I, то къ ней не приблизишь кн. Вас. Голицына: онъ уже былъ въ опалѣ; да дѣло въ томъ, что народъ-поэтъ играетъ временемъ, располагая имъ произвольно, то отодвигаетъ назадъ, то засылаетъ его впередъ, но все въ сторону отъ историческихъ данныхъ. Понадобился кн. Вас. Голицынъ, и народъ беретъ его и возводитъ въ герои своего творчества.

Среди коргъ съ рѣдкими зелеными заплатками Полтамъ-корга выдѣляется: ее освятило преданіе. Незабвенный С. В. Максимовъ передалъ поморскую повѣсть: «Дѣвушка этакъ въ порѣ: полной дѣвкой заводилась, плыла по ягоды съ прялкой, да божественныя старины пѣла: Сонъ Богородицы, Мученіе Христово, Плачъ Іосифа Прекраснаго, егда продаша братія его во Египеть, и прочее такое изъ стиховъ, что калики-перехожіе по ярмаркамъ поютъ. А какъ допѣла она до стиха въ Плачѣ-то Іосифа, что

Вуши-де, мати, плачъ горкій
И жалостный гласъ тонкій,
Виждь плачевный образъ мой,—
Прими, мати, скоро во гробъ твой.
Не могу азъ больше плакати,
Хотятъ врази мя заклати,
Отверзи гробъ, моя мати.
Прими къ себѣ свое чадо...

«И палъ, слышь, шалоникъ бойкій и опружилъ дѣвушку-то: потопилъ, значить... А сирота была, и ни одного мужика не знала, и всѣ горемъ горевали по ней... Погоревали, сказываютъ, немного-немало, да такъ и забыли, и забыли бы совсѣмъ.— Да выходитъ: въ сонныхъ видѣніяхъ являться стала то къ одному, то къ другому, и все съ прялкой своей, и все, слышь, просила, чтобы часовню на ея косточкахъ поставили. Взялись мужики, отыскали тѣло, зарыли, и часовню сдѣлали на берегу, гдѣ тѣло-то ея волной выбросило. Исцѣленія и чудеса были, молебны пѣли, да приѣхалъ разъ исправникъ съ понатыми и сжегъ часовню, и крѣпко-накрѣпко наказалъ не ходить къ тому мѣсту. Да народъ-то не будь глупъ: откопалъ дѣвушку и перенесъ ея тѣло на другое мѣсто»²⁾.

¹⁾ Протоіерей Андрей Іоанновъ. «Полное историческое Извѣстіе о Древнихъ Стригольникахъ и о новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ Старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ». СПб. 1799.

²⁾ «Годъ на Сѣверѣ», стр. 92—93, изд. 1890.

Наши гребцы настойчиво приглашали насъ «на дѣвью могилку», которой сами онѣ не могли объѣхать изъ благоговѣнія. Мы согласились, вышли изъ карбаса и, сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ вглубь острова, очутились около незатѣйливой деревянной часовни съ крестомъ; входъ былъ открытъ. Мы заглянули туда: у стѣны стоитъ деревянная гробница, покрытая парчею, платами и имъ подобными приношеніями; между прочимъ обращалъ на себя вниманіе значительный запасъ деревяннаго масла. Со стѣны смотрѣлъ потемнѣвшій ликъ Богоматери. Между нашими спутницами началось волненіе: каждой хотѣлось оставить свою ленту въ часовнѣ, да будто нарочно, какая ни полѣзетъ въ карманъ, анъ ничего, кромѣ дыры, въ горсти. Повздыхали бабенки— и давай истоиво креститься.—Откуда столько приношеній?— «Раскольники усердствуютъ». — Чѣмъ имъ такъ дорога утопленница?— «Своей ее называютъ». Поморскій сказъ, какъ его записалъ С. В. Максимовъ, разнится отъ слышаннаго нами тѣмъ, что послѣ долгаго пребыванія въ морѣ къ Полтамъ-коргѣ приплылъ нетлѣнный трупъ опруженной (опрокинутой) шалоникомъ (юго-западный вѣтеръ) дѣвушки съ прялкою. Ядро заключается, видите ли, въ нетлѣнности и въ томъ, что ни одинъ изъ морскихъ жителей не рѣшился броситься на трупъ, какъ на поживу; отсюда и изошелъ ореоль святости несчастной дѣвы, отсюда ея небесная слава и честь, и поклоненіе ей; мистикамъ (а сколько ихъ, особенно въ старообрядческомъ мірѣ!), жадно порывающимся къ таинственному и чудесному, не трудно было украсить деревянную гробницу на Полтамъ-коргѣ пышными цвѣтами чудесъ и завѣщать такимъ же, какъ они сами, мистикамъ-потомкамъ священный восторгъ и величаніе чистой дѣвы; здѣсь молебновъ, разумѣется, не совершаютъ, да и панихидъ также, но кто можетъ помѣшать крестьянской простотѣ подходить къ часовнѣ съ такими же чувствами, съ какими магометане приближаются къ «черному камню» Мекки?

А ночь тянется въ золотистыхъ переливахъ яснаго утра. Половину пути мы оставили за собою, вторая половина таетъ быстро. Уже показался таможенный постъ, ужъ долетаетъ хрипавая пѣсенка пастушьяго рожка; изъ-за набѣгающей на воду зелени показался крестъ: Шуя подаетъ вѣсть о себѣ. Близится она, близится, оттолкнула занавѣску изъ зелени и вотъ рисуется, распахнувшись во всю.—Сколько дворовъ на селѣ?—«Въ Шуерѣцкой-то?»—отзывается «каптейнъ»,—«старушоцька сказала къ двумстамъ близко».—Что за старушоцька?—«Да старушоцька... а ей писарь сказалъ...»—Повидимому, зажиточный народъ...—«Шуерѣцки-то? а всякихъ водится: есть и богаченьки, есть и нужные. Раскольники, ну, сей народъ-отъ покрѣпче». — Много ль ихъ въ Шуѣ?—«Но. (Да)». Вскорѣ довелось услышать, что шуерѣцкіе «ревнителі древяго благочестія» не только крѣпки, а и вліятельны:

они будто бы настояли на сломѣ старинной и потому драгоценной колокольни; верхнюю половину ея разобрали, а нижняя стоит и, чудится, угрюмо шепчетъ: «варвары! варвары!»! Деревянная колокольня, съ грудю заброшенныхъ древностей, и двѣ церкви: великомученицы Параскевы и во имя святителя Николая составляли главныя достопримѣчательности этого села, ничѣмъ больше не отличающагося отъ прочихъ поморскихъ селъ; Шуя строилась по мѣстному обычаю близъ рѣсныхъ водъ, притомъ недалеко отъ моря; такимъ образомъ смысленный русакъ обезпечивалъ себя пригодной для питья водою и не обижалъ кормилица моря: изъ рѣчного устья поморъ черпалъ «уху», а на разсолъ (море) любовно поглядывалъ, какъ на роугъ изобилія. Таковы и всѣ человѣческія гнѣзда въ Поморьѣ. И избы всѣ на одинъ ладъ. Но шуійскія церкви уже имѣли свою особенность: эти крылечки съ бочечками, эти подклѣти, эти слюдяныя оконца, эта св. Параскева, какъ памятникъ прежняго рѣзного искусства, — все говоритъ о былыхъ вѣкахъ, о крѣпкомъ корнѣ народнаго зодчества и о томъ, къ чему лежало русское сердце. Обетшались церкви, изваянные святые обратились въ устахъ народа въ «болванцевъ»... (Загляните въ Софійскій временникъ, — тамъ подь 1493 г. замѣчено, что «грозою два болванца деревянныхъ раздраило подь амвонъ»...) Но никогда никакой народъ не отрекался отъ своего прошлаго, и ни одинъ вѣкъ не требовалъ отъ вѣковъ, назначенныхъ послѣдовательно отводить его въ глубину вѣчности, чтобы было обезличено, разрушено и стерто съ лица земли его искусство, его творчество. Сиротливо выглядить колоколенный срубъ безъ шагровой шалки и безъ вѣнчающей шанку-крышу главки, точно это низложенный священнослужитель, съ котораго сняли одежды и знаки отличія сана и оставили въ такомъ видѣ стоять и страдать.

— На какомъ же основаніи старовѣры (безпоповцы) взяли верхъ надъ православными и снесли полколокольни?—спросилъ я одного изъ видныхъ сельчанъ. Онъ пожалъ плечами, а немного погодя, равнодушно молвилъ:

— Безпоповцы считаютъ себя настоящими опекунами надъ мѣстными святынями изъ-за давности.

— А что же духовенство не возвысило своего голоса въ защиту древностей?

— Духовенство-то...

И, оборвавъ фразу, шуянинъ опять пожалъ плечами.

Наблюденія показали скоро, что православное духовенство въ Карелии, въ Поморьѣ да и вообще въ Архангельской губерніи по недостаткамъ и по своимъ дѣйствіямъ не можетъ быть сравниваемо съ духовенствомъ въ большинствѣ нашихъ губерній: особой зажиточности тамъ не замѣчается въ церковныхъ домахъ, почти всѣ требы совершаются безплатно, за «спасибо»: сѣверяне плохо гнутса

и еще хуже понимаютъ, какъ можно за все поцу платить, да еще сколько бы онъ ни назначилъ... Видавшій виды поморъ знаетъ цѣну себѣ и знаетъ цѣну угрозамъ въ проповѣдяхъ, если бы онѣ слышались; онъ поцу въ глаза не заглядываетъ, передъ попомъ не занскиваетъ и въ угоду ему спины своей гнуть не станеть. Попъ на сѣверѣ самъ о себѣ промышляетъ; онъ на пожнѣ страдаетъ наравнѣ съ другими, своими руками «грабитъ» (сгребаетъ) сѣно и мастеритъ для него «остожья» (загороди). Чтобы хоть чѣмъ-нибудь ознаменовать открытіе города Кеми, поэтъ Державинъ рѣшился по крайней мѣрѣ отслужить обѣдню и молебень съ водосвятиемъ, но на бѣду священника не оказалось дома: насилу его отыскали на какомъ-то островѣ, куда онъ поѣхалъ на сѣнокосъ¹⁾; слѣдовательно, какъ было сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, такъ есть и въ наше время. То обстоятельство, что Поморье—нива и гнѣздо раскола, усиливаетъ только вѣру въ скромные достатки тамошняго духовенства; вдобавокъ на сѣверѣ уже осуществляется то, о чемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и, кажется, во всей остальной Россіи еще только поговариваютъ, а именно: выборное право прихожанъ. Напримѣръ, нынѣшняго настоятеля кемскаго собора, о. Николая, «пожелали горожане»—и епархіальный архіерей безпрекословно утвердилъ его въ настоящей должности. Тутъ о другихъ «достойныхъ кандидатахъ», о наслѣдственности «церковнаго мѣста» и т. под. не было рѣчи.

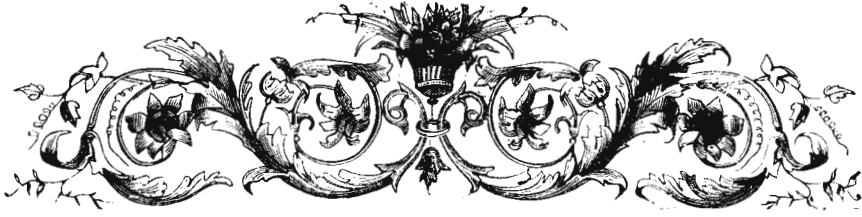
Древняя Русь аукнулась своимъ обычаемъ, свѣтлое Поморье откликнулось.

Павель Россіевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Державина, 8 томъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Victor Berard. La France et Guillaume II. Paris. Ed. A. Colin.
1907.

УССКО-ЯПОНСКАЯ война и послѣдовавшія вслѣдъ за нею коренныя преобразованія русскаго государственнаго строя составляютъ крупное мировое явленіе, которое должно измѣнить всѣ взаимоотношенія европейскихъ державъ.

Этому вопросу и посвящена книга Берара, обозначенная въ заголовкѣ.

Вѣроятность франко-русскаго соглашения начала постепенно обрисовываться еще съ 1875 г. Постигшія Россію въ 1878 г. на Берлинскомъ конгрессѣ неудачи въ значительной степени охладили старинную дружбу между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, и уже въ 1887 г., въ эпоху натянутыхъ отношеній, сложившихся между Берлиномъ и Парижемъ передъ громкимъ инцидентомъ шпіонства Шнебеле, брюссельская газета «Nord», получающая внушенія отъ русскаго правительства, разсуждала такъ: «Россія имѣетъ столь же мало права спекулировать на угрожаемое положеніе Франціи, покупая на счетъ послѣдней (à ses dépens) поддержку Германіи на Востокѣ, сколько не можетъ входить въ русскіе интересы пускаться въ воинственныя авантюры противъ Германіи и къ выгодѣ Франціи... Единственное, къ чему Россія въ настоящее время стремится, это охранять миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать европейское равновѣсіе; Россія поэтому

должна избѣгать всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ, чѣмъ, несомнѣнно, угрожалъ бы союзъ съ Франціею; но, разумѣется, поддержать равновѣсіе, если бы оно было поколеблено угрозою франко-нѣмецкаго конфликта во что бы то ни стало, Россія уже, конечно, не смогла бы путемъ сближенія съ Берлиномъ».

Въ 1891 г. Франція охотно пошла навстрѣчу русскимъ предложеніямъ въ цѣляхъ охраненія желаннаго для всѣхъ мира, но «отнюдь не въ смыслѣ вызова, который ускорилъ бы легко предвидимыя осложненія».

Съ 1891 по 1894 г. ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ не предпринималось никакихъ шаговъ, которые бы могли вызвать недобріе и опасенія Германіи, такъ какъ посѣщенія французскою эскадрою Кронштадта (въ іюль 1891 г.) и русскою эскадрою Тулона (въ октябрѣ 1893 г.) носили характеръ манифестацій исполнѣ мирныхъ.

Въ теченіе помянутаго трехлѣтія (1891 — 1894 гг.) спокойствіе, сознаніе достоинства и чувства мѣры и поддержаніе всеобщей устойчивости знаменовали цѣли франко-русской политики, тщательно избѣгавшей какой-либо враждебности въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ лондонскимъ и берлинскимъ дворами.

Хотя германскій канцлеръ кн. Бюловъ и подтверждалъ еще недавно, что «франко-русскій союзъ съ самаго возникновенія никогда угрозой для мира не являлся, но, наоборотъ, служилъ какъ бы регуляторомъ для безмятежнаго развитія европейской политики», тѣмъ не менѣ Пруссія никогда равнодушно къ франко-русскому сближенію не относилась, а особенно въ эпоху президентства Ф. Форя, когда двойственный союзъ между республикою и имперіею былъ официально оглашенъ.

Разсматривая періодъ современной исторіи съ 1894 по 1904 г., какъ законченное цѣлое, говоритъ Бераръ, нельзя не преклониться передъ дальновидною изворотливостію берлинской дипломатіи. Находясь между Парижемъ и Петербургомъ, Берлинъ къ своей выгодѣ использовалъ франко-русскій союзъ, сначала поощряя колоніальныя предпріятія Франціи (въ 1894—1898 гг.), а затѣмъ чистолюбивые замыслы Россіи на Манчжурію (въ 1898—1904 гг.).

Въ 1895 г. непосредственно вслѣдъ за Японо-Китайскою войною Берлинъ выступилъ противъ передачи Портъ-Артура японцамъ. Въ тотъ самый моментъ, когда эскадры двойственнаго союза направлялись въ Киль, нѣмецкіе дипломаты предупредительно присоединились къ русскимъ и французскимъ дипломатамъ для исправленія Симоносекскаго договора: Портъ-Артуръ у японцевъ былъ отнять, но, въ свою очередь занявъ Кіао-Чао, Вильгельмъ II убѣдилъ Россію (въ мартѣ 1898 г.) потребовать Портъ-Артуръ въ аренду для себя и сумѣлъ завлечь Россію въ роковую мышеловку.

Берлинъ имѣлъ основаніе поздравлять себя съ достигнутымъ дипломатическимъ успѣхомъ: тогда какъ вокругъ Кіао-Чао Шантунгъ являлся удобнымъ полемъ эксплуатаціи для германской промышленности и торговли, вокругъ Портъ-Артура Манчжурія и Корея стали тою безумною затѣею, на которую Россія въ нѣсколько лѣтъ нерасчетливо ухлопала массу денегъ и энергіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, занявъ удобную позицію въ Кіао-Чао, Берлинъ мнилъ сдѣлаться необходимымъ посредникомъ между Россіею, которая обречена была настойчиво цѣпляться за манчжурскія свои предпріятія, и Англіею, которая трепетала за свои владѣнія на Янцы-Кіангѣ. Такъ же ясно намѣчались цѣли Германіи на Западѣ. Втравивъ Россію въ дальне-восточную авантюру, Германія развязывала себѣ руки: русскія военныя силы снимались съ западной границы, вниманіе и симпатіи русскаго общества отвлекались отъ польскихъ провинцій Пруссіи; точно также въ дышащей на ладонь Австріи можно было наложить руку на славянъ, которые, пожалуй, легко бы добились рѣшающаго голоса въ австрійскихъ государственныхъ дѣлахъ, если бы Берлинъ не поддерживалъ австро-венгерскую тиранію: съ такимъ же успѣхомъ подъ шумокъ Русско-Японской войны возможно было подавить всякія поползновенія къ свободѣ и славянскихъ подданныхъ Турціи, такъ какъ интересы нѣмецкой промышленности и германскаго императора тѣсно связаны съ поддержаніемъ status quo политики Абдуль-Гамида.

Такимъ образомъ на Востокѣ, какъ и на Западѣ, Германія брала замѣтный перевѣсъ надъ осторожною политикою двойственнаго союза.

За всѣмъ тѣмъ, однакоже, дальновидныя ухищренія Германіи постепенно обращаются противъ нея же. Въ своихъ китайскихъ начинаніяхъ Германія приходится считаться съ послѣдствіями пораженія Россіи, и точно также по европейскимъ своимъ замысламъ Германія ежечасно убѣждается, что съ исчезновеніемъ угрозы панславистскаго призрака венгерцы начинаютъ проявлять щепетильную обидчивость и по достоинству оцѣнивають тиранію Германіи.

Прежніе успѣхи «новыхъ курсовъ», провозглашавшихся Вильгельмомъ, меркнутъ: долго и безнаказанно вода за носъ французовъ и англичанъ, русскихъ и итальянцевъ, американцевъ, буровъ и венгерцевъ, Вильгельмъ долженъ былъ ожидать, что рано или поздно всѣ жертвы, одураченныя германскою политикою, ополчатся противъ нея. Наступленіе этого момента близится и представляетъ Германіи серьезную угрозу.

Для заполоненія вселенной нѣмецкими издѣліями и торгово-промышленными предпріятіями Вильгельмъ, повидимому, располагалъ всѣми способами и средствами, какія только доступны знанію и упорству воли. Безспорно, обиліе искусныхъ, хорошо дис-

циplinированныхъ рабочихъ, совершенство и широта технического оборудованія фабрикъ, разумно и хорошо поставленная администрація ихъ, широкое примѣненіе научныхъ методовъ и разностороннихъ познаній—все это придало нѣмецкой промышленности несравненную мощь и по справедливости отмежевало ей совершенно исключительное положеніе въ исторіи новѣйшей цивилизаціи. Двухъ только вещей не хватаетъ Германіи для полнаго оплодотворенія ея промышленности; она не обладаетъ ни достаточными естественными богатствами, ни достаточными капиталами.

Давно уже миновала та пора, когда Германія изобиловала капиталами, накопленными успѣшными торговыми операціями патрицевъ имперскихъ и ганзейскихъ городовъ. Послѣ трехъ столѣтій войнъ и всевозможныхъ разгромовъ Германія къ моменту политическаго возрожденія (1870 г.) была въ хозяйственномъ и финансовомъ отношеніи довольно-таки разслаблена. Съ 1870 г. нѣмцы въ какихъ-нибудь 30 лѣтъ благодаря притоку миллиардной военной контрибуціи, взысканной съ Франціи, собственной незаурядной энергіи, бережливости и научнымъ познаніямъ достигли и экономической мощи, но огромныя сбереженія и барыши, доставляемые Германіи народнымъ трудомъ, вкладываются цѣликомъ обратно въ нѣмецкія промышленныя и торговыя предпріятія, ведомыя своеобразно и вопреки здравымъ коммерческимъ преданіямъ. Обычнымъ способомъ, обеспечивающимъ міровой сбытъ ихъ товарамъ, у нѣмцевъ является предоставлять покупателямъ широкіе кредиты, мало обращая вниманія на платежныя ихъ средства. Тогда какъ англичане отъ своихъ покупателей требуютъ немедленнаго расчета на наличныя, а французы открываютъ торговымъ кліентамъ кредитъ, обставляя его лишь прочными гарантіями, нѣмцы рассылаютъ во всѣ страны свѣта своихъ коммивояжеровъ, предупредительно навязывающихъ покупателямъ вексельныя сдѣлки на сроки отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Германія захватила цѣною предоставленія самыхъ широкихъ льготъ покупателямъ въ свои руки maximumъ заказовъ и навербовала массу кліентовъ, которые безропотно забираютъ нѣмецкую «дешевку». Вступивъ на этотъ путь, Германія была вынуждена соглашаться и на пересрочку обязательствъ и на частичныя уплаты, лишь бы и впредь удержать въ своихъ рукахъ старыхъ кліентовъ и заручаться отъ нихъ новыми заказами.

Этимъ способомъ нѣмецкіе коммивояжеры въ нѣсколько кампаній дѣйствительно расширили сбытъ нѣмецкихъ фабрикатовъ до огромныхъ размѣровъ; чтобы удовлетворить міровому спросу, Германія за десятилѣтіе 1890—1900 гг. сплошь покрылась фабриками; для оборудованія ихъ потребовались капиталы и, чтобы привлечь ихъ, займодавцамъ предоставлялось по ссудамъ отъ 8 до 9⁰/₀, а акціонерамъ сулились дивиденды отъ 14 до 16⁰/₀. Ка-

питалы, конечно, и явились къ услугамъ фабрикантовъ, но, чтобы оправдать принятія обязательства, Германія должна была свое производство чуть ли не удесятерить, а слѣдовательно вынуждена была и дальше на какихъ угодно условіяхъ расширять свою торговую кліентуру. Въ конечномъ результатѣ самая огромность кліентуры и задолженности послѣдней обеспечиваютъ нѣмецкую промышленность не столько притокомъ наличныхъ денегъ, сколько полученіемъ векселей, зачастую сомнительныхъ и съ трудомъ погашаемыхъ.

Въ 1900 г. нѣмецкую промышленность постигъ новый ударъ: Американскіе Соединенные Штаты, доставлявшіе Германіи ранѣе многочисленную кліентуру, завершили оборудованіе своихъ рудниковъ и копей, заводскихъ и фабричныхъ предпріятій и организацію трестовъ и оказались не только въ силахъ покрывать полностью запросъ своихъ рынковъ, но и сами начали выкидывать еще на иноземные рынки излишекъ своихъ фабрикатовъ. Американцы сбываютъ за границу свои товары по баснословно дешевымъ цѣнамъ отчасти ради рекламы, а отчасти и потому, что, реализуя крупные барыши по внутреннему торгу подъ охраною запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ, американцы свободный за покрытіемъ отечественнаго спроса излишекъ товаровъ находятъ выгоднымъ продавать по ничтожной цѣнѣ.

Въ Германію, какъ и въ другія страны, обслуживавшіяся нѣмецкою промышленностью, все болѣе вторгаются американскіе фабрикаты, точно воспроизводящіе типы, модели и качества нѣмецкихъ издѣлій и при томъ поставляемые по цѣнамъ, устраняющимъ конкуренцію. При этомъ сила обстоятельствъ понуждаетъ Германію оказывать даже содѣйствіе наступленію своего американскаго соперника. Дѣло въ томъ, что многочисленныя нѣмецкія пароходныя общества оборудованы настолько хорошо, что вывозка отечественныхъ грузовъ даетъ имъ уже недостаточную работу и они ищутъ, гдѣ можно, фрахтовъ, а въ особенности нуждаются въ обратныхъ грузахъ при доставкахъ въ Америку нѣмецкихъ товаровъ.

Поэтому нѣмецкія пароходныя общества наперерывъ другъ передъ другомъ понижаютъ провозную плату, лишь бы захватить въ свои руки транспортированіе американскихъ издѣлій. Такимъ образомъ широкая поддержка, оказываемая германскимъ имперскимъ правительствомъ отечественному судоходству, въ концѣ концовъ обращается на водвореніе въ Европу американскихъ товаровъ.

Благодаря всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, въ Германіи, начиная съ 1901 г., происходитъ непрерывный рядъ банкротствъ.

Хотя острый кризисъ, постигшій нѣмецкую промышленность въ 1901—1902 году, былъ нѣсколько залеченъ объединеніемъ по-

патнувшихся предпріятій въ могущественные синдикаты, и германская статистика, свидѣтельствуя о значительномъ увеличеніи ввоза и вывоза, какъ будто и сулитъ нѣмецкой промышленности новую эру благополучія, на самомъ дѣлѣ эти увѣренія не оправдываются: когда за истеченіемъ торговыхъ договоровъ Германія ввела новые таможенные тарифы (въ 1906 г.), стало постепенно выясняться, что колоссальные торговые обороты Германіи обусловливаются ничтожествомъ чистой прибыли, съ нихъ получаемой; цѣны на продукты первой необходимости и сырье, высота учетныхъ процентовъ и недостаточность свободной наличности, постепенно возрастающая, настолько затрудняютъ существованіе промышленныхъ предпріятій, что они живутъ день за днемъ, на счетъ кредита, въ надеждѣ, что авось завтра какъ-нибудь удастся возмѣстить прежніе убытки. Даже и въ ближайшихъ ко двору Вильгельма II кругахъ все чаще раздаются голоса пессимистовъ—или «schwarzseher'овъ», какъ теперь ихъ называютъ, предсказывающихъ приближеніе еще болѣе ужаснаго кризиса, чѣмъ въ 1901 году.

При такихъ условіяхъ Германія прибѣгаетъ къ способамъ, подчасъ далеко не щепетильнымъ, для пріисканія новаго сбыта своимъ товарамъ. Интриги Германіи при дворѣ султана закрыли австро-венгерской торговлѣ наиболее удобный путь въ Салоники, а расширеніе германскаго левантинскаго пароходнаго общества, значительно увеличившаго первоначальный складочный капиталъ и искусственно понижающаго фрахты противъ австро-венгерскаго ллойда, дѣлаетъ возможнымъ такое, повидимому, нелѣпное положеніе, что нѣмецкіе товары, идущіе изъ Гамбурга вокругъ всей западной и южной Европы въ македонскіе порты, обходятся тамъ дешевле, чѣмъ австро-венгерскіе товары, направляемые изъ Фіуме и Триеста.

Точно также въ послѣднее время неоднократно высказывались даже такіа обвиненія, будто нѣмецкіе фабриканты находятъ выгоднымъ дѣлать значительныя пожертвованія въ пользу польскихъ социалистическихъ и революціонныхъ партій, искусственно раздувая рабочее движеніе въ Привислинскомъ краѣ, такъ какъ разореніе лодзинскихъ фабрикъ и пріостановка тамошняго производства открываетъ доступъ въ Польшу нѣмецкимъ фабрикатамъ.

Такой же по меньшей мѣрѣ двусмысленный характеръ носитъ и заигрываніе Германіи съ Турціею.

Отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ европейскими державами въ Македоніи Германія уклонилась, въ Танжерѣ Вильгельмъ II представлялъ себя защитникомъ ислама противъ преступныхъ европейскихъ посягательствъ, въ надѣлавшемъ много шума дамаскомъ тостѣ (въ октябрѣ 1898 г.) Вильгельмъ объявилъ себя покровителемъ трехсотъ милліоновъ мусульманъ и обѣщалъ, что его всемогущая десница отвратитъ отъ мусульманскаго міра насилія и угрозы.

Благодаря подобнымъ манифестаціямъ, французскіе агенты въ Марокко уже въ іюлѣ 1905 г. констатировали безумныя надежды туземнаго духовенства и правительства на поддержку Германіи, а въ январѣ и февралѣ 1906 г. была перехвачена переписка, въ которой офицеры Терифа формально обѣщали вмѣшательство Германіи; одновременно съ этимъ было выяснено, что нѣкій прусскій дипломатическій чиновникъ въ Каирѣ графъ фонъ-Оппенгеймъ пытался напечатать въ Парижѣ отъ имени какого-то алжирца рядъ памфлетовъ въ защиту панисламизма, которые англійскою цензурою въ Египтѣ не были допущены къ печати.

Проявленіе показныхъ симпатій къ мусульманскому міру и предупредительная поддержка, оказываемая Германією политикѣ турецкаго султана, преслѣдовала сокровенную цѣль добиться особыхъ льготъ для торговыхъ предпріятій Германіи въ турецкихъ владѣніяхъ.

Обращаясь къ вопросу объ этихъ домогательствахъ, Бераръ говоритъ:

Съ 1882 по 1888 годъ единственно Константинополь, въ качествѣ штабъ-квартиры турецкой арміи, привлекалъ нѣмцевъ. Въ іюнѣ 1882 г. военная миссія, въ составѣ фонъ-деръ-Гольца и Рюстовъ-паши, взяла въ свои руки преобразование турецкой арміи, которая и сдѣлалась щедрою клиенткою Круппа — въ ту пору въ дѣлахъ Турціи Берлинъ былъ заинтересованъ единственно военными поставками.

Прусская военная миссія 1882 г., однакоже, возымѣла тѣ же послѣдствія, какія намѣчались за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ: въ 1840 году Мольтке съ Мюльбахомъ, объѣхавъ турецкія владѣнія до Анатоли и Месопотаміи включительно, разработали цѣлый планъ мирнаго завоеванія Турціи путемъ нѣмецкой колонизаціи.

Точно также военная прусская миссія 1882 г. пришла къ заключенію о цѣлесообразности нѣмецкой «пенетраціи» путемъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Черезъ это Германія рассчитывала достигнуть троякихъ результатовъ: прочно обезпечить туркамъ владычество надъ азіатскими провинціями Оттоманской имперіи, поднять цѣнность и безопасность этихъ владѣній, удаленныхъ отъ константинопольской штабъ-квартиры и европейскихъ рынковъ, и, наконецъ, чрезъ заведеніе нѣмецкихъ колоній и учрежденіе нѣмецкихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, создать заповѣдную область эксплуатаціи для берлинскихъ фабрикантовъ, инженеровъ, банкировъ и маклеровъ.

Съ 1888 по 1895 годъ было положено начало этому сложному предпріятію: нѣмцы произвели предварительныя изысканія и подробно разработали планъ сооруженія желѣзной дороги, которая бы перерѣзала Малую Азію и Месопотамію отъ Константинополя до Персидскаго залива.

Въ 1889 году началась постройка желѣзной дороги отъ порта Гайдаръ-наши, лежащаго насупротивъ Константинополя, и къ 1891 году была по мало-азіатскому побережью доведена до Эски-Шейра; такъ какъ отсюда въ направленіи отъ запада къ востоку протягиваются длинною полосою непроходимыя солончаковыя болота, то рельсовый путь съ сѣвера обогнулъ солончаки и къ 1893 году уже протянулся до Ангоры. Отсюда желѣзную дорогу предполагалось направить на протяженіи 400 километровъ по плодороднымъ долинамъ и холмамъ до Цезарей; далѣе проектировалось перерѣзать Тавръ у верховьевъ Евфрата съ помощью мостовъ, туннелей и виадуковъ и спуститься по южному склону Тавра къ Моссулу и Багдаду.

Въ 1893 году нѣмцы получили отъ оттоманскаго правительства концессию на сооруженіе желѣзнодорожной линіи отъ Ангоры до Цезарей, но на это предпріятіе наложило свое veto Россія. Она совершенно основательно признала, что проектированная линія съ проведеніемъ вѣтвей къ Сивашу и Эрзеруму получить огромное стратегическое значеніе, такъ какъ облегчитъ передвиженіе турецкой арміи къ Закавказью, а съ другой стороны откроетъ такіе источники для обогащенія турецкой Арменіи, которые вызовутъ тяготѣніе къ ней и русскихъ армянскихъ владѣній.

Не желая раздражать Россіи, нѣмцы въ февралѣ 1893 г. отказались отъ первоначальнаго проекта, добившись отъ султана концессіи на проведеніе желѣзной дороги до Коніи съ тѣмъ, чтобы перевалить чрезъ Тавръ около Киликіи и добраться до средняго теченія Евфрата въ Берджикѣ съ выходомъ къ Персидскому заливу чрезъ Багдадъ и Бассору.

Къ 1895 году была уже сооружена желѣзнодорожная линія отъ Эски-Шейра до Коніи (протяженіемъ около 450 километровъ), но тутъ интересъ Германіи къ проникновенію въ сердце Азіатской Турціи нѣсколько упалъ.

Съ одной стороны, ближайшее ознакомленіе съ дѣйствительностью показало, что Малая Азія менѣе богата и плодородна и гораздо болѣе пустынна, чѣмъ утверждали нѣмецкіе географы, а потому и не представляетъ особенной привлекательности для нѣмецкой колонизаціи; съ другой стороны, Германія, не обладая свободными капиталами, затруднялась приступать къ постройкѣ наиболѣе длиннаго желѣзнодорожнаго участка со сложными техническими сооруженіями; разсчитывать же на то, что турецкое правительство гарантируетъ акціи, было нельзя, ибо оттоманская казна и безъ того считалась съ непосильными для нея расходами, вызванными мятежными движеніями въ Арменіи, на островѣ Критѣ и въ Македоніи.

Къ тому же для нѣмцевъ, повидимому, открывалась новая и обѣщавшая большія выгоды сфера вліянія на противоположной окраинѣ Азіи.

Въ 1895 году Германія приняла участіе въ пересмотрѣ Симоносекскаго договора, въ 1896 г. она въ награду себѣ за это доби-лась отъ Китая предоставленія ей концессій въ Тяньцзинѣ и Ханькоу, а въ февралѣ 1897 г. германская морская миссія уже обслѣдовала Кіао-Чао, который былъ занятъ десантомъ нѣмецкихъ войскъ въ ноябрѣ того же года. Въ Шантунгѣ Германія мечтала взять подъ свою политическую опеку тридцать милліоновъ китайцевъ и постепенно распространять сферу своего коммерческаго вліянія на всѣ 18 провинцій Китая. Эти замыслы, постепенно развиваемые въ теченіе 1896—1902 г.г., однакоже встрѣтили отпоръ въ конкуренціи остальныхъ великихъ державъ и Японіи.

Нѣсколько разочаровавшись въ возможности прибрать къ рукамъ Китай и паложить экономическое ярмо на 300 милліоновъ его обитателей, Германія опять обратила свои вожделѣнія на Турцію.

Въ октябрѣ 1898 г. Вильгельмъ II снова появляется въ Константинополѣ подъ предлогомъ паломничества въ Сирію и Палестину. Какъ въ 1889 г. дружба, завязанная съ Абдуль-Гамидомъ, облегчила Германіи сооруженіе анатолійской желѣзнодорожной линіи, такъ въ 1898 г. дамаскій тостъ и проявленіе симпатій къ мусульманскому міру подсказывались расчетомъ обставить возможными выгодами сооруженіе рельсовыхъ путей въ Месопотаміи.

Нѣмцы этотъ вопросъ обдумали и изучили во всѣхъ подробностяхъ. Баронъ фонъ-Оппенгеймъ, пр. Захау, инженеры нѣмецкаго банка произвели развѣдки и нужныя изысканія, составили карты, расцѣнили естественныя богатства и размѣры вѣроятныхъ въ настоящемъ и будущемъ торговыхъ оборотовъ и высказались окончательно за направленіе Конія—Береджикъ—Моссуль—Багдадъ. Въ февралѣ 1902 г. Вильгельмъ добился отъ султана фирмана, по которому Германіи предоставлялась на 99 лѣтъ концессія на сооруженіе и эксплуатацію линіи Конія—Багдадъ съ гарантією акцій.

Моментъ для осуществленія этого предпріятія былъ выбранъ, повидимому, удачный. Англія, относящаяся съ подозрительностью ко всякимъ европейскимъ предпріятіямъ, имѣющимъ какое-либо касательство къ индійскимъ морямъ, была занята южно-африканскою войною; Франція, богатая свободными капиталами, принципиально соглашалась вложить въ Багдадскую желѣзную дорогу тѣ три четверти капитала, которыхъ не хватало Германіи для осуществленія ея предпріятія, а Россія должна была удовлетвориться успѣхомъ, какаго достигъ Зиновьевъ у Оттоманской Порты, добившись полной гарантіи того, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Арменіи будетъ предоставлено исключительно Россіи. Проектъ Багдадской желѣзной дороги, однакоже, по началу былъ русскимъ правительствомъ принятъ не особенно сочувственно, такъ какъ министерство финансовъ, въ лицѣ С. Ю.

Витте, намѣчало проведеніе желѣзнодорожнаго пути отъ Оренбурга чрезъ Бухару, Мервъ на Герать и Кветту, но Вильгельмъ взиралъ на багдадское предпріятіе какъ на излюбленный полетъ творческой своей фантазіи и, весьма вѣроятно, предпринимая въ августѣ 1902 г. доѣздку въ Ревель, преслѣдовалъ главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы склонить государя императора не препятствовать этому предпріятію, якобы не противорѣчащему русскимъ интересамъ и выгодному для союзной Франціи.

Выгоды, первоначально сулившіяся французскимъ капиталистамъ за участіе въ сооруженіи Багдадской желѣзной дороги, при ближайшихъ переговорахъ сводились лишь къ затратѣ капитала и полученію извѣстной доли участія въ барышахъ, но всю распорядительную часть и эксплуатацію предпріятія Германія желала удержать за собою—въ результатѣ предложенія такой комбинаціи совѣтъ министровъ Французской республики (въ октябрѣ 1903 г.) отказалъ допустить котировку акцій проектировавшагося нѣмецко-французскаго общества Багдадской желѣзной дороги на парижской биржѣ, а благодаря этому соглашеніе разстроилось, и постройка Багдадской дороги остается пока только бумажнымъ проектомъ.

Собранные въ книгѣ факты приводятъ Берара къ тому выводу, что истинною цѣлью тройственнаго союза въ глазахъ Пруссіи являлось создать въ центральной Европѣ гегемонію Берлина, а въ Германіи тиранію Пруссіи и обратить ближній Востокъ въ дойную корову для аппетита германской промышленности.

Установленія тѣснаго соглашенія между Англіею и Россіею касаются статьи, напечатанныя въ журналѣ Англо-Русскаго литературнаго общества.

Въ видѣ характернаго образчика разсужденій англійскихъ руссофиловъ мы постараемся изложить сущность статей Томаса Миллера Магира, капитана П. А. Чэръера и Арнольда Уайта, напечатанныхъ въ № 47 (октябрь по декабрь 1906 г.) журнала «Proceedings of the Anglo-Russian literary Society».

Внимательный взглядъ на географическую карту показываетъ, что Европа составляетъ лишь придатокъ Азіи, а исторія переселеній и религіозной мысли подтверждаетъ этотъ географическій фактъ. Вся исторія Восточной Европы со времени древне-персидскаго нашествія представляетъ непрерывный приливъ и отливъ волнъ азіатовъ, набѣгавшихъ изъ территорій, лежащихъ къ сѣверу отъ горнаго кряжа, протягивающагося отъ Монголіи къ Персидскому заливу, и набѣговъ изъ Аравіи и долины Евфрата на побережье Средиземнаго моря, на Грецію и Римъ, либо на Московское царство, либо на сѣверное побережье Чернаго моря, а оттуда на Польшу и по Дунаю на Вѣну.

Сухопутное вторженіе монголо-тюркскихъ племенъ въ Европу чрезъ Россію и Польшу возымѣло послѣдствіемъ практическое исчезновеніе христіанства изъ Азіи, а предпринимавшіеся по мѣрѣ развитія мореплаванія морскія экспедиціи культурныхъ народовъ увѣнчивались тѣмъ большимъ успѣхомъ, чѣмъ меньше завоеватели преслѣдовали цѣли религіознаго прозелитизма—отъ прежнихъ величественныхъ испанскихъ и португальскихъ завоеваній почти и слѣда не осталось, тогда какъ Франція властвуетъ надъ заднею Индією, Британія могущественно утвердилась въ Индіи, а Россія распространила свою власть на наслѣдіе Тамерлана и Чингисъ-хана. Воздерживаясь отъ посягательствъ на религіозное обращеніе Востока къ кресту, Западная Европа морскимъ путемъ, а Россія сухимъ путемъ съ непрестаннымъ успѣхомъ водворяли блага западной цивилизаціи на азіатскомъ Востокѣ. Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ назадъ казалось, что желтолицая раса—подобно темнокожимъ индусамъ въ Индіи—предназначена сдѣлаться жертвою оружія, политики и низкаго своекорыстія бѣлолицыхъ. Подобно тому, какъ западная островная держава спасла Европу отъ произвола Наполеона въ 1804—5 г., такъ островная держава Восточной Азіи выступила на арену войны въ 1894 г. съ полнымъ знаніемъ военного искусства, которое было вновь блистательно подтверждено въ 1904 и 1905 г. и разсѣяло мечтанія о превосходствѣ бѣлолицей расы. Австралійцы и американцы теперь трепещутъ предъ японцами гораздо сильнѣе, чѣмъ нѣкогда поляки и венгерцы боялись турокъ, и трепеть этотъ не безоснователенъ, ибо еще Банърофисъ отмѣтилъ, что бѣлолицыи земледѣльцы безнадежно уступаютъ самому плохенькому китайцу въ работоспособности.

«Я искренно смѣюсь,—говоритъ Магиръ,—когда убогіе мечтатели, охотящіеся за избирателями политиканы и самоувѣренные писаки высчитываютъ великолѣпныя выгоды, какія Англія почерпнетъ отъ союза съ Японіей, такъ какъ послѣдняя будто бы сохранитъ Индію для слабыхъ вырожденъ англо-саксонской расы, не способныхъ постоять за себя, за утратою старинной рыцарской доблести. Не зачѣмъ закрывать глаза на то, что положеніе англичанъ сильно измѣнилось къ худшему противъ 1860 г. и что они въ значительной степени и вполне заслуженно утратили престижъ въ глазахъ связаннаго съ ними, но враждебнаго Востока».

Происходитъ это въ силу нижеслѣдующихъ причинъ.

I. Англичане пренебрегли воспитаніемъ и охраненіемъ военной касты, единственной основы національнаго благосостоянія и единственной гарантіи неприкосновенности Англо-Индійской имперіи.

II. Англичане пренебрегли подготовленіемъ соотечественницъ къ материнству, словно позабывъ, что мать является для своихъ дѣтей всѣмъ; этотъ фактъ неоднократно подтверждался англійскими врачами и духовенствомъ.

III. Англичане во всѣхъ слояхъ общества неисцѣлимо заражены снобизмомъ въ смыслѣ преклоненія предъ вышними отличіями и почетными титулами и проявляютъ полное пренебреженіе къ истинному человѣческому достоинству и мудрости.

IV. Англичане обнаруживаютъ полное отсутствіе патріотизма и развращаются партійностью, а такъ какъ съ 1895 г. Англія не имѣетъ даровитыхъ партійныхъ лидеровъ, которые бы себѣ подчиняли обѣ палаты, она не разъ могла убѣдиться, что ея колоніи презираютъ англичанъ за рабское подчиненіе партійности.

V. Англичане окончательно развращаются увлеченіемъ игрою, зрѣлищами и всякими видами спортивнаго азарта.

Если англичане не скинутъ съ себя этого разврата и не воспитаютъ въ себѣ того трудолюбія, жажды къ познаніямъ и самоотверженія въ исполненіи долга, какія проявляютъ хотя бы желтолицыя японцы, Англія сама обречетъ себя на вѣковое отчаяніе.

Въ иномъ положеніи находится Россія по признанію капитана Черрера.

Съ того времени, какъ Рюрикъ основалъ на берегахъ о. Ильменя первую династію русскихъ государей, Россія заняла по отношенію къ Европѣ роль передоваго форпоста (bulwark).

Если бы религіозныя вѣрованія не вливали въ Россію бодрости, не воспитывали въ ней силу воли и не руководили властно всѣми чувствами и помыслами русскаго народа, вся исторія Европы, христіанства и европейской цивилизаціи подверглась бы существеннымъ измѣненіямъ и, пожалуй, Европа безъ Россіи давно уже и совсѣмъ бы сгибла, такъ какъ всѣ ужасы и послѣдствія монгольскихъ нашествій Россія принимала на свою грудь.

Если мы примемъ въ соображеніе энергію и дѣятельность, проявленныя азіатами въ вѣковой борьбѣ съ Россіею, Польшею, Австро-Венгрію и Испаніею, когда человѣчество еще не знало усовершенствованныхъ способовъ въ веденіи войнъ, то позволительно задаться вопросомъ: чего не смогутъ совершить азіаты, вступивъ въ обладаніе всѣми изобрѣтеніями современной науки?

Въ настоящее же время весь Востокъ полонъ газетъ, желѣзныхъ дорогъ, пушекъ, дальнобойныхъ ружей и броненосцевъ. Восточныя газеты преслѣдуютъ главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы воспитать въ восточныхъ расахъ самосознаніе, умѣніе стоять за свои права и презрѣніе къ бѣлолицымъ. Вездѣ основываются школы для обученія туземцевъ военному дѣлу и разъ началась эта подготовка, азіаты не успокоятся, пока не достигнутъ увѣренности въ своей непобѣдимости. Ничто не остановитъ ихъ поступательнаго движенія, если европейцы въ свою очередь не сумѣютъ воспитать въ себѣ большей, чѣмъ у азіатовъ, энергіи, доблести, рѣшимости, способности къ самоотреченію ради общаго блага и тѣхъ качествъ, которыя даются вѣрою въ особенное призваніе арійской расы.

Пробудивъ азіатовъ къ культурной жизни, мы должны теперь считаться съ послѣдствіями этого, а при розни, которая замѣчается въ христіанствѣ, позволительно даже усомниться въ шансахъ на возобладаніе европейцевъ надъ вереницею миллионѣвъ азіатовъ. Окажется ли Европа въ состояніи справиться съ бурей, которую она сама же подняла? При современномъ недовѣрїи державъ другъ къ другу и постоянныхъ взаимныхъ раздорахъ надежда на это плохая.

Россія, въ силу географическаго своего положенія первая, какъ и встарину, приметъ на свою грудь удары нападающихъ. Вслѣдъ за Россіею наступитъ для Великобританіи чередъ испытать послѣдствія роковой борьбы въ Индіи, а затѣмъ и остальные государственныя единицы христіанскаго міра подвергнутся той же участи.

Если же Россія окажется не въ состояніи отбросить азіатовъ назадъ, то еще менѣе вѣроятій можетъ на это имѣть разъединенная Европа.

Преобразованная и возрожденная Азія, конечно, станетъ двигать свои силы и сухимъ путемъ и по морямъ, а если она завладѣетъ господствомъ надъ морями, что станется дальше?

Если Европа, освоившись съ мореходствомъ и сильная вѣрою въ себя въ эпоху великихъ открытій, перешла океанъ, завоевала Америку, снесла прочь древнѣйшія тамошнія цивилизаціи и стала тамъ твердою ногою, водрузивъ знаменіе креста, то точно также и Азія, получивъ господство надъ морями и пользуясь сухопутнымъ, по которому не трудно проложить рельсы, сможетъ, пожалуй, съ такимъ же успѣхомъ уничтожить Европу.

Только сплоченная въ дружную семью Европа, честно поддерживая своихъ членѣвъ и стоя другъ за друга, въ состояніи будетъ дать отпоръ новому нашествію желтолицыхъ.

Стремленіе къ міровому владычеству, составляя завѣтную мечту азіатскихъ завоевателей съ древнѣйшихъ временъ до Чингисъ-хана, Тамерлана и теперешнихъ японскихъ поползновеній, стихійно выражается періодически и не можетъ не составлять серьезной угрозы для современной Европы.

Слѣдуетъ помнить, что въ будущемъ цивилизованный міръ и его противники окажутся одинаково вооруженными въ матеріальномъ смыслѣ слова. Поэтому перевѣсъ побѣдителю можетъ дать только нравственный элементъ.

Наконецъ въ статьѣ объ англо-русской дружбѣ и флотѣ Арнольдъ Уайтъ замѣчаетъ, что переговоры, въ настоящее время происходящіе въ высшихъ сферахъ объ установленіи лучшаго взаимнаго пониманія между Англїею и Россіею, могутъ быть въ значительной степени облегчены болѣе яснымъ разумѣніемъ истиннаго положенія обѣихъ странъ.

Если вообще справедлива поговорка, что друзья наших друзей и наши друзья, то, конечно, другъ Франціи долженъ сдѣлаться и другомъ Англии. Но дружба между бриттами и русскими не можетъ народиться въ одно мгновеніе. Пакостящая «англичанка» въ русскомъ міросозерцаніи играетъ совершенно такую же роль, какъ сѣверный медвѣдь въ англійскихъ юмористическихъ журналахъ со времени еще Крымской кампаніи.

На первый взглядъ можетъ показаться невразумительнымъ соотношеніе между англо-русскою дружбою и флотами обѣихъ державъ, но связь дѣла выяснится изъ послѣдующаго изложенія.

Стоимость построеннаго по послѣднему слову науки броненосца со всѣмъ вооруженіемъ достигаетъ нынѣ внушительной цифры 20.000.000 рублей, а содержаніе его обходится около 1 мил. рублей въ годъ. Всѣ офицеры и $\frac{2}{3}$ экипажа броненосца должны быть не только специалистами своего дѣла, но и получить надлежащую морскую подготовку съ дѣтства. Остальные $\frac{1}{3}$ экипажа военного судна должны быть хорошо дисциплинированы, обладать отвагою и способностью выполнять заданія, поручаемыя имъ начальствомъ. До сихъ поръ ни единая нація, включая сюда и Англию, не проводила рѣзкой грани въ разницѣ подготовки $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ судового экипажа. Что проведеніе этого различія отвѣчаетъ насущной потребности, показываетъ примѣръ экспедиціи эскадры Рождественскаго изъ Либавы въ Японское море. Эта экспедиція при наличныхъ обстоятельствахъ даннаго случая заслуживаетъ всяческой похвалы и сама по себѣ уже достаточна, чтобы внушить не предубѣжденному наблюдателю большое уваженіе къ русскимъ мореходнымъ способностямъ. Предъ выступленіемъ изъ Либавы на бортъ военныхъ судовъ были приняты команды матросовъ и мастеровыхъ совершенно неопытныхъ въ морскомъ дѣлѣ, и, несмотря на этотъ недостатокъ, невозможное было осуществлено идя походомъ, со скоростью 110 миль ежедневно, адмиралъ Рождественскій не потерялъ на пути ни единой боевой единицы и достигъ своего объекта, т. е. встрѣчи съ японскимъ флотомъ. Исходъ боя не имѣетъ значенія для того нравоученія, которое вытекаетъ изъ подвига русскаго адмирала. Нація, которая въ виду почти непреодолимыхъ препятствій можетъ оборудовать снаряженіе, укомплектованіе и посылку на противоположный край свѣта цѣлаго флота при борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ японцы, обличаетъ незаурядную потенцію морской мощи.

Разъ теперь сооруженіе одной морской боевой единицы требуетъ затраты до 20 мил. рублей и 800 хорошо подготовленныхъ людей, изъ которыхъ 320 должны быть знатоками военно-морского дѣла и при томъ обладать полнымъ расцвѣтомъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, то, очевидно, количество націй, могущихъ претендовать на властвованіе надъ морями, сильно

суживается. И дѣйствительно, господство надъ морями въ настоящій моментъ раздѣляется единственно между Англіею, Германіею, Франціею и Соединенными Штатами. Между тѣмъ за послѣднее время свершилось событіе чрезвычайной важности: въ Англии спущенъ на воду броненосецъ «Dreadnought», который по испытаніи оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды и повелъ за собою постройку трехъ боевыхъ единицъ того же типа, наименованныхъ «Invincibles».

Значеніе, представляемое новымъ типомъ броненосцевъ, превосходящихъ по своимъ боевымъ качествамъ и силѣ всѣ имѣющіяся въ европейскихъ флотахъ суда, таково, что этотъ типъ неизбѣжно долженъ быть принятъ всѣми великими морскими державами и въ силу логической необходимости сдѣлаетъ негодными всѣ прежнія морскія боевыя единицы. Разъ существующіе флоты не выдерживаютъ состязанія съ «Dreadnought», то и предшествовавшая гибель устарѣлаго русскаго флота утрачиваетъ значеніе невознаградимой потери. Вся разница между Россіею и хотя бы Германіею заключается въ томъ, что первая не имѣетъ флота, а Германія имѣетъ флотъ, не могущій соперничать съ «Dreadnought» и «Invincibles». Разница, впрочемъ, между Германіею и Россіею и та еще, что первая только изъ честолюбія выдумываетъ себѣ колониальныя интересы на азиатскомъ Востокѣ, Россія же кровно заинтересована послѣднимъ. Великій сибирскій желѣзнодорожный путь является для Россіи весьма существенною замѣною отсутствующаго флота. Для стратегическихъ цѣлей Сибирская желѣзная дорога успѣшно выполняетъ задачу флота въ смыслѣ обезпеченія сообщенія съ отдаленною базою. Разъ Россія теперь чрезъ закладку броненосца «Андрея Первозваннаго» (типа «Dreadnought») приступила къ обновленію своего флота, то чрезъ какое-нибудь десятилѣтіе она сможетъ вернуть себѣ обладаніе такими морскими силами, которыя вполне обезпечатъ ей прочность мира.

Не по повелѣніямъ произвола и алчнаго честолюбія, но въ силу стихійной необходимости устремляется Россія къ расширенію своихъ границъ впредь до овладѣнія незамерзающимъ портомъ—это стремленіе такъ же неотвратимо, какъ постепенное опусканіе Аляскаго глетчера въ Ронскую долину. Правда, въ ближайшее десятилѣтіе Россія не будетъ имѣть возможности использовать свой флотъ, но при ея громадныхъ естественныхъ богатствахъ и 140-милліонномъ населеніи мужественныхъ, закаленныхъ и трудолюбивыхъ людей нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что съ преобразованиемъ государственнаго строя, которое упрочитъ и улучшитъ ея правительство, Россія вернетъ себѣ прежнюю мощь.

Первое условіе, какое необходимо для созданія могучаго флота, отнюдь не деньги и матеріальное оборудованіе судовъ, но боевой духъ самоотверженнаго и рѣшительнаго судового личнаго состава

Если имѣется налицо боевой духъ и безстрашная готовность жертвовать жизнью за интересы родины, то требуется лишь подготовить путемъ морской практики офицеровъ и судовыя команды для несенія боевой службы. Въ виду той будущности, которая, несомнѣнно, въ скорости откроется для русскаго флота, чрезвычайно поучительна книга инженера Политовскаго «Отъ Либавы до Цусимы». Раскрывая недочеты русской военно-морской службы, авторъ въ надлежащемъ свѣтѣ рисуетъ желѣзную волю и отвагу русской природы. Народъ, который при наличныхъ обстоятельствахъ способенъ создавать людей, вынесшихъ все физическія, умственныя и нравственныя невзгоды, сопряженныя съ посылкою эскадры Рождественскаго на Далекій Востокъ, несомнѣнно предназначенъ для великихъ подвиговъ на морѣ и на сушѣ, если только будетъ имѣть время оправиться отъ ударовъ судьбы путемъ мирнаго развитія въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. За время этого вынужденнаго покоя Англія можетъ принести не малую пользу Россіи, являясь дозорнымъ, поддерживая сообщая миръ и способствуя ея поступательному развитію и въ частности содѣйствуя созданію и подготовленію новаго ея флота.

Die Volksbeglucker. Eine Studie über die Arbeitsgruppe (Trudowici) in der I Duma. Riga. 1907.

Подъ этимъ заглавіемъ анонимный авторъ даетъ любопытную характеристику народившейся въ первой государственной думѣ политической группѣ трудовиковъ, располагавшей 120 голосами. По мнѣнію автора, трудовики, однакоже, не представляли партіи въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ въ составъ ея, далеко не однородный, вошли все лѣвые демократическіе или, вѣрнѣе, радикально-соціалистическіе элементы, представленные въ Думѣ «сознательными» крестьянами и рабочими, почерпавшими внушенія отъ своихъ руководителей, въ лицѣ интеллигентовъ, болѣею частью принадлежавшихъ къ такъ называемому третьему элементу.

Въ такомъ огромномъ и въ сущности мало культурномъ государствѣ, какъ Россія, конечно, давно уже слагался типъ полуобразованныхъ, но привилегированныхъ людей, въ видѣ разношерстныхъ недоумковъ; отчасти тутъ встрѣчаются и талантливые самородки, но бѣдности и неблагоприятнымъ обстоятельствамъ оставленные на полупути въ своемъ развитіи; отчасти попадаются тутъ и властолюбцы, проникшіеся самомнѣніемъ благодаря тому, что главенствовали въ своей еще менѣе ихъ культурной муравьиной кучкѣ, а потому доходящіе до наглости въ своей безграничной самоувѣренности; есть между ними и неудачники и челоуѣко-ненавистники, питающіе непримиримую злобу ко всеѣмъ, кто богаче, образованнѣе и щедрѣе ихъ.

Пока русская дѣйствительность не давала этимъ «лишнимъ людямъ», выкинутымъ за бортъ нормальной уравновѣшенной жизни, способъ возвышать свой голосъ, они или постепенно сгорали въ собственномъ огнѣ озлобленія, или при счастливомъ оборотѣ случайностей выкарабкивались изъ тисковъ босячества; случалось и такъ, что они бросались очертя голову въ рискованныя приключенія и находили пристань въ золотыхъ чертогахъ, а порою и на висѣлицѣхъ либо на каторгѣхъ.

Изъ этой разночинной среды отбившихся отъ земли крестьянъ, мѣщанъ, чиновничьихъ сыновей и поповичей выходили террористы и агитаторы, корреспонденты, мелкіе ходатаи по дѣламъ, міроѣды и земскіе служащіе. Большею частью воспитанные за счетъ благотворителей, одни вступали въ борьбу за существованіе, пройдя чрезъ приходское училище или городскую школу, иные, болѣе рѣдкіе, обладали цензомъ средне-учебнаго заведенія и лишь немногія единицы, повертѣвшись въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, покидали ихъ безъ диплома.

Прирожденныя способности порою помогали инымъ лицамъ восполнить недочеты систематической выучки чрезъ чтеніе; но глотаніе книгъ безъ всякаго толка и разбора нерѣдко вносило въ головы недоучекъ полный сумбуръ.

Освободительное движеніе открыло шлюзы для проявленія почва межеумкамъ. При выступленіи на политическомъ горизонтѣ всей иной массы, необузданной, преисполненной злобы и ненависти, возбужденной и оторванной отъ общества, болѣе культурные элементы даже въ испугъ пришли, словно впервые повстрѣчались съ чудищами, а между тѣмъ всѣ эти люди существовали давно уже бокъ-о-бокъ и нужно было только поближе всмотрѣться въ новоявленныхъ трибуновъ-народолюбцевъ, чтобы узнать старыхъ знакомыхъ. Вотъ, напр., Жилкинъ, который часами выстаивалъ въ передней помощника правителя попечительской канцеляріи, чтобы почтительно освѣдомиться, не найдется ли для него ваканціи учителя народной школы; вотъ Аладьинъ, который за скромное вознагражденіе знакомилъ русскихъ путешественниковъ съ прелестями и вертепами Парижа и Лондона; вотъ Онинко, который всакивалъ на вытяжку предъ земскимъ начальникомъ и молилъ объ уютномъ мѣстечкѣ становаго пристава въ какомъ-нибудь захолустьи; вотъ профессоръ Локоть, который почтительно ходатайствовалъ предъ совѣтомъ Ново-Александрійскаго института о предоставленіи ему пособія хотя бы въ размѣрѣ 150 р.; вотъ Анкинъ, котораго инспекторъ народныхъ училищъ былъ принужденъ отставить отъ должности учителя народной школы за небрежное отношеніе къ обязанностямъ.

Попавъ въ думу, эти люди, мало образованные, но энергичные, позаботились приручить къ себѣ по мѣрѣ возможности простецовъ

представителей отъ крестьянства и въ то же время завели тѣснѣйшія отношенія со столичными теоретиками революціи. Въ самое короткое время группа или партія трудовиковъ преобразилась въ штабъ-квартиру всѣхъ существующихъ тайныхъ организацій; затѣмъ приступлено было къ разработкѣ программы, отвѣта на тронную рѣчь, запросовъ правительству, аграрнаго проекта и т. д. Болѣе осмысленные участники трудовой группы прекрасно сознавали, что всѣ измышленныя ими предложенія, если бы даже и были проведены черезъ Думу, въ концѣ концовъ оказались бы неприемлемыми. Это было настолько очевидно, что они первые, болѣе всѣхъ остальныхъ, были бы совершенно поражены, если бы Дума приняла какой-нибудь изъ ихъ проектовъ, тутъ они совѣмъ бы потерялись и не знали бы, что и начать дальше, такъ какъ искали они и добивались не творчества, но шума, скандала, возможности въ газетахъ трактовать извѣстныя темы, пропагандировать крайнія идеи въ народной средѣ и натравливать народъ на дикія революціонныя вспышки. Таковы были мечтанія, созданныя поутратившимъ всѣ мѣрки дѣйствительности воображеніемъ импровизированныхъ законодателей.

Изложеніе громкихъ дѣяній трудовиковъ по думскимъ отчетамъ показываетъ полную непригодность ихъ пресловутыхъ программъ и проектовъ, но документы эти, несомнѣнно, представляютъ интересъ для историка и психолога, какъ неслыханный образецъ политическаго безумія.

Программа трудовиковъ открывается категорическимъ требованіемъ амнистіи для всѣхъ политическихъ, аграрныхъ и религіозныхъ преступленій, а равно и освобожденія для понесшихъ кару за нарушенія законовъ о печати, за военные проступки, за устройство стачекъ и вооруженное сопротивленіе властямъ. Амнистіи и освобожденія, впрочемъ, оказывалось недостаточно и за освобожденными отъ несенія наказанія преступниками усвояется возстановленіе въ прежнихъ политическихъ и гражданскихъ правахъ и даже должностяхъ.

Трудовики прекрасно рассчитали, что для обезпеченія за своими планами хотя бы призрачнаго значенія необходимо опереться на единомышленниковъ, а такъ какъ въ мѣсяцъ на вербовать послѣдователей и извратить ихъ самосознаніе оказывалось задачей непосильною для ихъ агитаторовъ, то всего цѣлесообразнѣе было заручиться поддержкою заключенныхъ и ссыльныхъ, какъ людей, уже имѣющихъ извѣстное политическое прошлое и получившихъ цензъ красной окраски.

Обращаясь къ политической программѣ трудовиковъ, вполне естественнымъ представляется, что центръ ея тяжести сосредоточивался около земельного вопроса. Трудовики вовсе не скрывали, что исключительно преслѣдуютъ цѣль переворота политическаго и со-

ціального. Что собственно разумѣлось подъ переворотомъ, хоршенько не сознавали ни трудовики, ни наставлявшіе ихъ Богоразы и Водовозовы, ни даже ученые провозвѣстники теоретическихъ и революціонныхъ истинъ—переворотъ во всякомъ случаѣ сопровождался бы паденіемъ современной гражданственности и правительства, надѣленіемъ крестьянъ землею, а рабочихъ фабриками, развращеніемъ арміи, а какъ все остальное дальше устроится, этимъ никто не интересовался. Что же требовалось для переворота? Во-первыхъ, руководители массоваго движенія; и вотъ ради этого и слѣдовало добиться амнистіи политическихъ преступниковъ; а во-вторыхъ, требовалось участіе народныхъ массъ—а чтобы привести ихъ въ движеніе, что же лучше, какъ не посулить имъ конечное разрѣшеніе аграрнаго вопроса и широкое утолненіе земельного голода. Въ то время, какъ правительство занималось сущими пустяками (съ точки зрѣнія трудовиковъ), выясняя точныя статистическія данныя для обоснованія земельныхъ преобразованій, да и кадеты склонялись къ необходимости научной разработки аграрнаго вопроса, трудовики разрѣшали послѣдній съ гениальною простотою. Землю надо привести въ первобытное состояніе Божьяго дара, тогда земля сдѣлается безхозяйною, и пусть каждый беретъ такой ея кусокъ, какой можетъ самъ обработать. Ни въ какія дальнѣйшія подробности вдаваться не слѣдуетъ, такъ какъ заниматься мелочами и подробностями Дума не можетъ. Подробности будутъ разработаны на мѣстѣ особыми комитетами, избираемыми по системѣ четырехвостки—они все разберутъ и устроятъ, лишь бы и близко къ нимъ не подпускать правительственныхъ чиновниковъ.

Столь же упрощенно трактовалось и финансовое соотношеніе между землею и казною. Хотя земля и даръ Божій, но распределеніе ея использованія поручается государству, а за землепользованіе устанавливается умѣренный земельный сборъ, который и становится основою всего бюджета. Всѣ косвенные налоги на потребленіе признаются за зловерное измышленіе капиталистовъ, а потому упраздняются.

На ряду съ такими бюджетными ограниченіями казнѣ вмѣнялось въ обязанность переустроить все общество и надѣлить всѣхъ желающихъ землею съ доведеніемъ ея при воспособленіи отъ казны до размѣра трудовой нормы. Для пополненія же государственнаго казначейства сузились фантастическія поступленія отъ обложенія промышленности и роскоши.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ разрѣшенія рабочаго вопроса предполагалось установленіе восьмичасоваго труда и еженедѣльнаго 42-часоваго отдыха безъ перерыва; воспрещается сверхурочный трудъ безъ изыятій; вводится государственное обязательное страхованіе рабочихъ за счетъ предпринимателей; фабричная инспекція

ставится под контроль рабочих; денежные штрафы и вычеты совершенно упраздняются; минимальная же заработная плата по всемъ отраслямъ промышленности устанавливается смѣшанною комиссіею изъ рабочихъ разныхъ профессій въ соответствии съ мѣстными условіями.

Если принять во вниманіе, что земли съ самаго начала были бы отняты у частныхъ владѣльцевъ, что вслѣдствіе предлагаемаго социальнаго переворота государственные фонды и вообще процентныя бумажки превратились бы въ ничего не стоящія бумажки, что никакой предприниматель, находясь въ здоровомъ умѣ, не рѣшился бы вести никакого промышленнаго дѣла въ виду невыгодъ, созданныхъ исключительнымъ положеніемъ, служащимъ для облагодѣтельствованія рабочихъ, а наличныя деньги ушли бы за границу,—ясно, что трудовое государство въ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ окончательно бы обанкротилось.

Тѣмъ не менѣе трудовики, относясь отрицательно къ религіозному вопросу и осмѣивая вѣрующихъ, сами проявляютъ слѣпую вѣру въ государство будущаго, воображая, будто изъ крови и огня междуусобій, накликаемыхъ на Россію, возродится фениксъ дивной общественной организаціи. Восторженное невѣжество, впрочемъ, не окрыляетъ воображенія трудовиковъ и нарисовать положительныя черты будущаго общественнаго устройства они безсильны, а потому отыгрываются оговоркою: «всѣ подробности будутъ выработаны на мѣстахъ особыми комитетами въ видѣ отдѣльныхъ законовъ».

Дѣйствительно, если бы трудовики сами попытались свои бредни, выражаемая въ общихъ фразахъ, облечь въ трезвую форму опредѣленныхъ и ясныхъ законоположеній, безмыслица и неосуществимость послѣднихъ не замедлили бы обнаружиться.

Переходя къ характеристикѣ столповъ рабочей группы, анонимный авторъ очерчиваетъ личности Жилкина, Аникина, Рыжкова, Аладьина и др., но, кромѣ энергіи, не признаетъ за ними талантности—все это полуобразованные или необразованные люди, испытавшіе голодъ и холодъ, безцѣльно мотавшіеся изъ стороны въ сторону; разумѣется, эта человѣческая накупь не можетъ и не хочетъ успокоиться и изъ побужденій мелочнаго самолюбія и маніи величія силится разыграть крупную роль, но въ сущности представляетъ собою назойливыхъ трафаретныхъ агитаторовъ противъ собственности и общества, пережевывающихъ по грошевымъ брошюркамъ давно и всѣмъ извѣстную жвачку.

Весьма примѣчательны въ дѣятельности трудовиковъ два факта. Съ одной стороны, завѣдомые бѣдняки, существующіе исключительно на счетъ 10-рублевыхъ суточныхъ, полагающихся имъ по званію депутатовъ, они расходами вовсе не стѣсняются, предпринимаютъ въ агитаціонныхъ цѣляхъ частыя поѣздки въ провинціи

и въ своихъ путешествіяхъ неизмѣнно сопровождаются 2—3 еврейскими ораторами. Присутствіе еврейскаго вспомогательнаго элемента намекаетъ на то, что и вся группа приводится въ движеніе потаенными пружинами, которыя изъ-за кулисъ руководятъ всѣхъ ходомъ революціи.

Съ другой стороны, всѣ эти Дицы, Заболотные, Оникки, Недоносковы, Аонасьевы, Алехины, Якубсоны, Тарсуки въ предъявляемыхъ письмахъ и телеграммахъ ссылаются на желанія и требованія мѣстнаго населенія, удивительно согласующіяся съ измышленіями, сочиняемыми въ петербургскихъ подпольяхъ. Казалось бы, при полной будто бы солидарности съ избирателями для трудовиковъ послѣ роспуска Государственной Думы вполне естественно было вернуться на родину и осуществить угрозу, сдѣланную Жилкинымъ въ Думѣ, что если трудовики удалятся со сцены не удовлетворенными въ своихъ требованіяхъ, то самъ народъ сумѣетъ посчитаться лицомъ къ лицу съ своими угнетателями. На самомъ дѣлѣ иные изъ трудовиковъ предпочли совсѣмъ удалиться со сцены или потихоньку убраться за границу, а смѣльчаки, вернувшіеся домой, были приняты избирателями болѣе чѣмъ холодно: Вы сулили намъ землю—гдѣ же она? Вы хвастались, что обуздаете хилое правительство, а оно васъ же разогнало. Вы обѣщали намъ золотыя горы, а теперь прячетесь отъ полиціи!—Народъ изъ опыта прекрасно постигъ истинное положеніе вещей, и въ иныхъ мѣстахъ вчерашнимъ избранникамъ пришлось крутенько. За всѣмъ тѣмъ роль трудовой группы, къ сожалѣнію, далеко еще не сыграна до конца. Какъ прилипчивая зараза, ядъ, привитый крайними социалистическими группами къ организму Россіи, порождаетъ то тамъ, то здѣсь парывы и изъязвленія, трудно поддающіеся леченію.

Когда выступившія изъ береговъ рѣки воды возвращаются обратно въ первоначальное свое ложе, онѣ мѣстами оставляютъ озерца, они не глубоки, вода сравнительно скоро высыхаетъ, и только мѣстами держатся грязныя болотца. Не то ли же самое наблюдается и въ дѣятельности русскихъ революціонеровъ. Слово бурный потокъ, обрушилась трудовая группа на страну, натравливая населеніе на волненія и вспышки, одно время казалось, что волны новой дикой пугачевщины и совсѣмъ потопятъ страну въ морѣ крови и пожаровъ, но, встрѣтивъ отпоръ, взбаламученныя волны отлиди назадъ, оставивъ по себѣ озерца, болотца и топи, и, несомнѣнно, всесильное время осушить и уничтожить миазмы, распространяемыя тлетворнымъ гніеніемъ.

Въ параллель съ дѣятельностью русскихъ трудовиковъ можно поставить вождельнія сѣздовъ русскихъ студентовъ и студентокъ, яко бы учащихся за границею (какъ ихъ обрисовываетъ Сукенниковъ въ *Kongresse russischer Studenten* (Berlin Redes Verl).

Внѣшнимъ поводомъ для стремленія къ объединенію русскихъ кружковъ, образовавшихся въ заграничныхъ университетскихъ центрахъ, было то, что въ Германіи за послѣднее время стѣсненія русскаго студенчества начали принимать стихійный характеръ. Въ Гейдельбергѣ нѣмецкіе студенты протестовали противъ иностранцевъ, вывѣшивали памфлеты на дверяхъ аудиторій и обратились куда слѣдуетъ съ петиціею объ ограниченіи приѣма иностранцевъ; въ Лейпцигѣ университетскій сенатъ постановилъ не принимать русскихъ студентокъ ни подъ какими условіями. Въ Галле университетскій сенатъ постановилъ не принимать русскихъ студентокъ, представляющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ русскихъ женскихъ гимназіяхъ на томъ основаніи, что послѣднія стоятъ въ отношеніи программъ ниже *Nöhere Töchterschulen*. Въ Фрейбургѣ студенты высшей горной академіи, желая сохранить за нею исключительно нѣмецкій характеръ, просили сенатъ ограничить приѣмъ иностранцевъ, особенно изъ Россіи.

Берлинъ, который въ качествѣ умственнаго, культурнаго и политическаго центра, задаетъ тонъ всей Германіи, давно уже имѣя причины негодовать на русскихъ студентовъ, занимающихся болѣе политической агитаціею, чѣмъ науками, ставитъ русскимъ, какъ условіе для зачисленія въ университетъ, предъявленіе свидѣтельства о полученіи аттестата зрѣлости. На ряду съ этимъ за русскимъ студенчествомъ, особенно въ Берлинѣ, установленъ настолько строгій полицейскій надзоръ, что онъ превосходитъ русскіе распорядки. Для большей правильности и систематичности негласныхъ наблюденій при главномъ полицейскомъ управленіи Берлина заведено особое отдѣленіе, вѣдающее исключительно дѣла русскихъ студентовъ, и тамъ полиція прекрасно освѣдомлена, на какихъ народныхъ собраніяхъ бываетъ тотъ или другой студентъ, кого онъ посѣщаетъ, кто у него бываетъ, много ли у него собирается знакомыхъ, былъ ли онъ на кладбищѣ павшихъ въ мартѣ 1848 г., читаетъ ли онъ усердно «*Vorwärts*», покупаетъ ли онъ нелегальную литературу и т. д. Казалось бы, что если русскіе студенты пріѣзжаютъ за границу учиться, то имъ не зачѣмъ соваться съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь, а слѣдуетъ подчиняться тѣмъ или инымъ административнымъ распорядкамъ, но наша молодежь настолько привыкла своевольничать дома, что и за границею мечтаетъ завоевать себѣ достойное положеніе предъ лицомъ академическихъ сферъ, властей и низшей администраціи и общественнаго мнѣнія Западной Европы.

Въ этихъ видахъ русское студенчество за границу задалось цѣлью сорганизоваться, чтобы оно представляло собою силу, способную оказывать вліяніе и давленіе, чтобы противнику (?! т. е. нѣмецкимъ государствамъ и университетскимъ сенатамъ) была доказана сплоченность силъ, бывшихъ раньше разъединенными, и

чтобы съ должною яркостью была выражена общая солидарность русскаго студенчества, разбросаннаго по различнымъ центрамъ Западной Европы.

Помимо вопросовъ, касающихся жизни, нуждъ, положенія и взаимопомощи русскихъ студентовъ, пребывающихъ за границею, инициаторы обще-студенческихъ съѣздовъ намѣчали въ число предстоящихъ задачъ выясненіе отношеній заграничнаго студенчества къ студенчеству, учащемуся въ Россіи, и «къ той борьбѣ, какую оно ведетъ тамъ какъ специально академическаго, такъ и политическаго характера. Дѣломъ же исполнительнаго комитета обще-студенческихъ съѣздовъ является собрать необходимый теоретическій и фактическій матеріалъ по вопросамъ, наиболѣе волнующимъ студенчество, какъ, напр., отношеніе къ господствующимъ въ Россіи порядкамъ и режиму, отношеніе къ старымъ и новымъ теченіямъ русской политической и общественной мысли, — должно ли русское студенчество принимаетъ участіе въ современной политической борьбѣ въ Россіи и сплотиться со всѣми элементами, ведущими таковую, или сохранить свои силы до болѣе подходящаго выступленія, — проявленіе готовности со стороны заграничнаго студенчества не только поддерживать борющихся въ Россіи товарищей всѣми доступными и на первый взглядъ даже недоступными путями, мѣрами и способами, но и вести дальнѣйшую борьбу рука объ руку съ ними».

Исполнительный комитетъ съѣздовъ въ заключеніе таинственно заявляетъ: «Какія мѣры будутъ принимаемы для поддержанія товарищей, борющихся въ Россіи, какимъ путемъ будетъ установлена съ послѣдними прочная и постоянная связь, какого рода шаги и мѣропріятія будутъ дѣлаемы раньше и позже, все это должно быть секретомъ и оставаться таковымъ, пока общій врагъ (т. е. существующій русской общественной строй) силенъ и великъ».

Заданія трудовиковъ и намѣренія русскаго заграничнаго студенчества, вращающіяся въ рамкахъ конспирацій, направленныхъ противъ государственности, просятъ на сближеніе съ тою характеристикю русскихъ революціонныхъ кружковъ, какую дѣлаетъ Карлъ Шурцъ въ своей автобіографіи, печатаемой нынѣ въ Америкѣ. Карлъ Шурцъ, студентъ-филологъ боннскаго университета, дѣятель революціоннаго движенія въ Германіи, въ 1849 г. принималъ участіе въ баденской революціи, въ 1850 г. съ большою отвагою освободилъ своего друга революціонера Кинкеля изъ шпандауской тюрьмы, а въ 1852 г. выселился въ Америку. Сроднившись съ Соединенными Штатами, Шурцъ выступилъ на политическую арену, въ президентство Линкольна состоялъ американскимъ посланникомъ при мадридскомъ дворѣ (съ 1860 по 1862 г.), участвовалъ въ чинѣ генерала и командира дивизіи въ междуособ-

ной войны, въ 1868 г. былъ избранъ въ сенаторы отъ штата Миссури, въ 1877—81 г. занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а въ промежуткахъ между несеніемъ общественныхъ должностей занимался журналистикою и управлялъ дѣлами гамбургско-американской судоходной компаніи.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ К. Шурцъ (въ 1854 г.) чрезъ Мальвиду фонъ-Мейзенбургъ¹⁾ сошелся съ Герценомъ и, бывая у него, имѣлъ случай наблюдать русскихъ эмигрантовъ, поражавшихъ уравновѣшеннаго Шурца своими дикими выходками за застольною бесѣдою у пуншевой чаши. Герценъ, сознавая неприглядность своихъ соотечественниковъ, рекомендовалъ ихъ, однакоже, Шурцу какъ «хорошихъ людей».

«Я вполне увѣренъ», замѣчаетъ по этому поводу Шурцъ: «что они дѣйствительно хорошіе люди не только какъ отдѣльныя личности, но и какъ нація. Послѣдняя мнѣ представляется безформенною громадою съ блестящимъ виѣшнимъ лоскомъ на поверхности и съ бурно kloкочущими силами внутри; силы эти сдерживаются лишь страшнымъ давленіемъ власти, суевѣрія и, пожалуй, даже упорствомъ вѣры, но въ сущности силы эти далеко еще не укрошены и преисполнены дикою мощи. Полное разнузданіе этихъ стихійныхъ силъ должно породить ужасающіе катаклизмы, а тѣ въ свою очередь должны привести... Но къ чему? Трудно себѣ представить, чтобы Россійская имперія въ теперешнемъ ея составѣ, отъ Польши до восточныхъ границъ Сибири, могла сохранить сплоченность и управляться иначе, чѣмъ самодержавною властью, въ видѣ постоянно заявляющаго о себѣ и направляющаго центра, опирающагося на грозную организацію военныхъ силъ. Суворовый централистическій деспотизмъ, разумѣется, не можетъ не породить угнетающихъ злоупотребленій въ управленіи разнородными областями и народами, входящими въ составъ имперіи. Когда бремя угнетенія окажется уже нестерпимымъ, начнутъ, пожалуй, искать облегченія въ разныхъ попыткахъ грубыхъ, безсвязныхъ, болѣе или менѣе неосмысленныхъ, сумбурныхъ и представляющихъ ничтожныя шансы на успѣхъ. Недовольство непреклоннымъ абсолютизмомъ, разрастаясь, охватитъ интеллигенцію, которая проникнется пылкимъ стремленіемъ принять участіе въ управленіи странною.

«Въ то же мгновеніе, когда верховная власть уступитъ этимъ требованіямъ Россіи и согласится на конституціонное ограниченіе своего могущества или на такія преобразованія, которыя такъ или иначе дадутъ народу офіціальный авторитетный голосъ, — тутъ-то и начнется заправскій революціонный кризисъ. Народное не-

¹⁾ См. объ ней «Иностранцы о Россіи» въ октябрьской кн. «Историческаго Вѣстника» за 1903 г., стр. 257.

довольство на этомъ не успокоится, а только сильнѣе обострится вслѣдствіе уступокъ. Всѣ общественныя силы придутъ въ судорожное сотрясеніе, и разъ эти силы со своею стихійною мощью прорвутъ традиціонныя плотины, міру, быть можетъ, суждено будетъ узрѣть такой революціонный хаосъ, какому еще не было и примѣра въ исторіи. Возможно, что въ концѣ концовъ изъ этого хаоса выплывутъ новыя, невѣдомыя дотолѣ понятія о свободѣ, правѣ и правдѣ, своеобразныя формы общественнаго строя и новыя виды цивилизаціи. Но въ какихъ предѣлахъ разыграются эти вулканическія потрясенія и чѣмъ они окончательно разрѣшатся, это—тайна, предъ которой тупѣетъ воображеніе и къ которой самая уже мысль приступаетъ со страхомъ и трепетомъ».

J. H. Aubry. S. M. la reine Alexandra. Paris. Ed. F. Juven.

Подъ этимъ заглавіемъ французскій авторъ выпустилъ біографическій очеркъ королевы великобританской Александры, принцессы датской. Старшая сестра теперешняго короля датскаго Фридриха VIII, она жила всегда въ большой дружбѣ съ братомъ, проявлявшимъ большую склонность къ научнымъ занятіямъ и воодушевленнымъ идеями широкаго либерализма; вліяніе Фридриха не мало способствовало образованію у принцессы Александры трезваго ума и направленію его къ возвышеннымъ идеаламъ.

Сестра вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны, королева Александра къ «добрый Дагмарѣ», какъ зовутъ государыню въ ея датской семьѣ, съ ранняго дѣтства проявляла горячую привязанность и когда судьба привела обѣихъ сестеръ къ престоломъ могущественнѣйшихъ государствъ, онѣ продолжали поддерживать оживленную переписку, почти ежегодно видались въ Копенгагенѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, гдѣ принцесса Александра была часто гостею, такъ какъ покойный императоръ Александръ III раздѣлялъ любовь своей супруги къ ея старшей сестрѣ и высоко цѣнилъ ея общество; благодаря поддержанію тѣсной и постоянной связи королевы Александры къ російскому царственному дому, и всѣ дѣти императора Александра III съ дѣтства привыкли любить и почитать тетку. Нензмѣнная близость между королевою Александрою и императрицею Маріею Феодоровною, несомнѣнно, благотворно отражалась и на политикѣ сентъ-джемскаго и петербургскаго дворцовъ, такъ какъ обѣ государыни, дѣйствуя каждая въ своей сферѣ, могущественно способствовали устраненію и сглаживанію недоразумѣній, возникавшихъ въ разное время между сентъ-джемскимъ и петербургскимъ кабинетами.

Королева Александра доводится сестрою и королю Греціи Георгу, а такъ какъ послѣдній женатъ на великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ, то, благодаря этому, королева Александра состоитъ въ двойномъ родствѣ съ російскимъ императорскимъ домомъ.

Наконецъ королева Александра доводится теткой императору германскому, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, будущему королю румынскому, великому герцогу Гессенскому и т. д.

Принцесса Александра-Каролина-Марія-Шарлотта-Луиза-Юлія родилась отъ брака принца Христіана Глюксбургскаго съ принцессою гессенскою Луизою въ 1844 г., когда принцъ и не помышлялъ о томъ, что ему суждено будетъ занять датскій королевскій престолъ.

По дружбѣ къ герцогу Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскому тогдашній датскій король Христіанъ VIII принялъ участіе въ судьбѣ его сына, осиротѣвшаго въ 13-тилѣтнемъ возрастѣ, и поручилъ его попеченіямъ полковника Линда въ теченіе годовъ воспитанія принца въ копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ.

По окончаніи курса принцъ Глюксбургскій поступилъ въ датскую военную службу въ гвардейскій полкъ и, женившись на любимой племянницѣ короля Христіана VIII принцессѣ Луизѣ Гессенъ-Филипстальской, былъ обреченъ на болѣе чѣмъ скромный образъ жизни, такъ какъ средства къ существованію высокой четы сводились почти исключительно къ капитанскому жалованію и квартирѣ, отведенной молодымъ въ маленькомъ дворцѣ Гюль. По мѣрѣ увеличенія семьи принцъ принужденъ былъ напрягать всѣ усилія, чтобы сводить концы съ концами. Путешествія и развлечения совершенно исключались изъ скромнаго бюджета и единственно, что принцъ могъ себѣ позволить, это лѣтомъ, по примѣру копенгагенскихъ горожанъ, выселяться на дачу на берегъ Зунда, гдѣ семья его вела еще болѣе скромную жизнь, чѣмъ въ столицѣ. Не имѣя возможности нанимать учителей и гувернантокъ, принцъ съ женою сами занимались воспитаніемъ дѣтей, принцъ—сыновою, а принцесса—дочерей. Принцесса Луиза позаботилась доставить дочерямъ воспитаніе серьезное, но скромно буржуазное; она приучила дочерей къ домоводству, шитью и кройкѣ; прекрасная музыкантка, она приохотила дочерей къ пѣнію и игрѣ на фортепьяно; искусная художница, она же дочерей учила рисованію; наконецъ, прекрасно владѣя важнѣйшими европейскими языками, принцесса Луиза обучила имъ и дѣтей, а для практическаго усвоенія языковъ говорила съ дочерьми и съ сыновьями попеременно по-нѣмецки, по-французски и по-английски.

Стѣсненность матеріальнаго положенія принца Глюксбургскаго была такова, что стоустая молва увѣряла, будто онъ давалъ за плату уроки рисованія для приумноженія своего бюджета.

Измѣненіе къ лучшему наступило лишь тогда, когда въ родственномъ принцу датскомъ королевскомъ домѣ произошли непредвидѣнные событія. У короля Христіана VIII было всего два сына. Старшій, принцъ Фридрихъ, проявлялъ въ молодости большую склонность къ расточительности и вступилъ въ мorganaticкій бракъ съ простою горожанкой, которой былъ дарованъ титулъ графини Даннеръ. Этимъ кронпринцъ поставилъ себя въ фальшивое положеніе въ копенгагенскомъ обществѣ и, что еще важнѣе, если бы и имѣлъ нисходящихъ, то, по датскимъ законамъ, они исключались отъ престолонаслѣдія. Равнымъ образомъ и второй сынъ короля Христіана VIII оказался бездѣтнымъ. Поэтому въ 1846 г. король обратился въ риксдагъ съ посланіемъ, гдѣ, ссылаясь на предстоящее пресѣченіе королевской династіи, указывалъ на необходимость обезпечить престолонаслѣдіе, предоставивъ титулъ наслѣдника престола ближайшему сородичу королевскаго дома принцу Глюксбургскому.

Только въ 1852 г. риксдагъ утвердилъ предложеніе короля, и принцъ Христіанъ получилъ титулъ королевскаго высочества съ предоставленіемъ ему Бернторфскаго замка и цивильнаго листа, хотя и скромнаго, но позволившаго принцу повести образъ жизни, соотвѣтственный измѣнившемуся его положенію.

Начиная съ 1852 г. рамки семейной жизни принца нѣсколько раздвинулись—сыновья получили воспитателей, юныя принцессы гувернантокъ и начали брать уроки у извѣстныхъ копенгагенскихъ профессоровъ. За всѣмъ тѣмъ, хотя для принцессъ и открылись вѣроятные виды на блестящую будущность, родители, желая воспитать въ дочеряхъ скромную простоту, заставляли ихъ принимать дѣятельное участіе въ домоводствѣ и мелкихъ хозяйственныхъ заботахъ; семья принца неизмѣнно вела экономный образъ жизни, урегулированный съ математическою точностью ¹⁾. Впрочемъ, теперь иногда лѣтомъ пребываніе въ Бернторфѣ смѣнялось поѣздками въ Германію, резиденцію ландграфа Гессенскаго Румпенгеймъ, гдѣ принцесса Александра сблизилась съ своею бабушкою герцогинею Кембриджской (теткою королевы Викторіи) и ея дочерью, впоследствии вышедшею замужъ за герцога Тэка.

Насколько безпритязателенъ и скромнъ былъ домашній обиходъ принцессъ, можно заключить изъ того уже, что первыя золотыя вещи, полученныя принцессами, были обручальныя кольца отъ жениховъ; точно также, чтобы обзавестись модными въ 60-хъ годахъ платьями изъ муслина, имъ пришлось прибѣгнуть [къ предста-

¹⁾ Насколько во всемъ соблюдалась вынужденная бережливость, можно заключить уже изъ того, что въ лѣтніе мѣсяцы принцессы, проживая въ Бернторфѣ и Клампенборгѣ, по вторникамъ и пятницамъ ѣздили въ Копенгагенъ брать уроки у наставниковъ, чтобы не вызывать лишнихъ расходовъ на приглашеніе наставниковъ на дачную резиденцію принцессъ.

тельству отца, такъ какъ принцесса Луиза находила расходъ этотъ слишкомъ обременительнымъ. Всѣ сестры были очень дружны и, несмотря на разницу въ лѣтахъ, обнаруживали одинаковые вкусы, но расходились въ отношеніи рисовавшихся имъ идеаловъ. Принцесса Александра мечтала найти себѣ избранника по любви, чего и достигла, принцесса Дагмара жаждала такого положенія, которое бы ей позволило дѣлать много добра ближнимъ, а принцесса Тира стремилась къ возможно болѣе широкому образованію, которое сдѣлало бы ее мудрою.

Равнымъ образомъ дифференцировались принцессы и въ отношеніи темперамента: Александра или Аликсъ, какъ ее называли близкіе, отличалась простодушіемъ, привѣтливостью, мягкостью и тяготѣла къ мирному покою; принцесса Дагмара проявляла большую живость и твердость характера, на ряду съ впечатлительностью и терпѣніемъ; принцесса Тира, обладая золотымъ сердцемъ, отличалась вспыльчивостью и безпокойнымъ характеромъ.

Общею любимицею сестеръ и братьевъ была Аликсъ. Кронпринцъ Фридрихъ, по натурѣ очень серьезный и оживляющійся только въ научныхъ собраніяхъ, хотя и находилъ старшую сестру нѣсколько пустою и легкомысленною, тѣмъ не менѣе любилъ ея общество и избиралъ ее неизмѣнною спутницею для верховыхъ прогулокъ, совмѣстныхъ выѣздовъ и спортивныхъ походовъ; принцъ Георгъ, будущій король греческой, особенно цѣнилъ въ сестрѣ Аликсъ незаурядныя музыкальныя способности, цѣлыми часами готовъ былъ слушать ея мастерскую игру на роялѣ и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за успѣхами ея и принцессы Дагмары въ рисованіи (морскіе пейзажи принцессы Александры составляли видное украшеніе кабинета короля Христіана, тогда какъ принцесса Дагмара специализировалась на воспроизведеніи великихъ художниковъ и особенно удачно копировала картины Мейсонье); наконецъ принцъ Вальдемаръ, наиболѣе популярный изъ принцевъ въ Даніи, благодаря веселому своему нраву, приберегалъ для Аликсъ лучшія свои шутки и не зналъ большого удовольствія, какъ подразнить Аликсъ.

Въ копенгагенскомъ обществѣ семья кронпринца завоевала всеобщее расположеніе и не было такого праздника, въ которомъ бы принцесса Аликсъ не являлась *boute en train* всякихъ затѣй въ родѣ парадъ, лодочныхъ прогулокъ, устройства охотъ, *garden-parties* и пр.

Беззаботной дѣвической порѣ вскорѣ однакоже пришелъ конецъ.

Такъ какъ принцессы крови по условіямъ своего высокаго происхожденія долго на родинѣ не заживаютъ, то и для принцессы Александры пришла пора поискать подходящаго жениха. Въ 1860 г. принцъ Христіанъ съ женою и дочерью предпринялъ

поѣздку къ германскимъ родственнымъ дворамъ. Въ Вормсѣ принцесса Александра познакомилась съ принцемъ Валлійскимъ Альбертомъ и произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что, вернувшись въ Англію, онъ признался королевѣ Викторіи, что окончательно сдѣлалъ выборъ невѣсты. Пока принцъ Валлейскій посѣщалъ, по приглашенію президента Буханана, Соединенные Штаты, принцъ-супругъ королевы Викторіи наводилъ справки у близкихъ ему людей о суженой сына. И баронъ Штокмаръ, довѣренное лицо принцевъ Саксенъ-Кобургскаго дома, и принцесса прусская Викторія вполне одобрили намѣренія принца Альберта. Чтобы оформить предложеніе брата, наслѣдная принцесса прусская Викторія пригласила къ себѣ въ гости въ Шпейеръ и брата и принца Христіана съ семействомъ.

Свиданіе это состоялось 24 сентября 1861 г.; слѣдующій день суженые провели вмѣстѣ въ Гейдельбергѣ, и принцъ-супругъ королевы Викторіи вскорѣ уже увѣдомлялъ короля бельгійскаго Леопольда: «О принцессѣ Александрѣ и ея семьѣ мы получаемъ со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы. Молодые люди, повидимому, питаютъ другъ къ другу живѣйшія симпатіи».

Къ браку наслѣдника великобританскаго престола на датской принцессѣ одинаково сочувственно отнеслись и родня, и общественное мнѣніе Даніи и Англіи.

Датскій народъ ассигновалъ принцессѣ 100.000 на приданое, корпорація лондонскаго Сити поднесла невѣстѣ брильянтовый уборъ стоимостью въ 10.000 ф. ст., а самая свадьба была отпразднована въ Виндзорѣ 10 марта 1863 года съ большою пышностью.

Веселая, обходительная, обладающая живымъ воображеніемъ, принцесса Александра хотя никогда особенно не кичилась своимъ умомъ, но обладаетъ таковымъ въ незаурядной степени, равно какъ силою воли и чрезвычайнымъ тактомъ. Она всегда была настолько обаятельна въ своей женственности, что невольно подчиняла своимъ чарамъ мужчинъ и женщинъ безразлично. Ея сестра Викторія, супруга императора германскаго Фридриха, совершенно вѣрно отозвалась о принцессѣ Валлійской: «Я знавала многихъ женщинъ, которыя нравились всѣмъ мужчинамъ безъ исключенія, но никто не умѣетъ такъ, какъ Александра, снискивать расположеніе у особъ своего пола, не пробуждая и не возбуждая въ нихъ ни малѣйшей ревности».

Восторженное удивленіе, какое принцесса завоевала при первомъ же появленіи при виндзорскомъ дворѣ, съ теченіемъ времени только увеличивалось благодаря ея изощренному такту и чуткой внимательности.

Проведя медовый мѣсяцъ супружества въ уединеніи Осборнскаго замка, принцесса Валлійская совершенно неожиданно обнаружила свойства, дотолѣ у нея словно отсутствовавшія. Въ дѣ-

вичествѣ проявлявшая нѣкоторую суетность и кокетство, любившая свѣтскія развлечения и наряды, принцесса Александра искренно прониклась серьезностью своего новаго положенія. Отнюдь не уклоняясь отъ тѣхъ свѣтскихъ обязанностей, которыя для нея создавало главенство въ обществѣ по той причинѣ, что королева Викторія, не снимая траура по мужѣ, тяготилась всякими свѣтскими развлечениями, принцесса Валлійская вложила много любви въ созданіе домашняго очага, гдѣ вдали отъ нескромныхъ глазъ высочайшая чета могла пользоваться всеми прелестями уютой частной жизни. Отсюда явились долготѣнныя заботы объ устройствѣ имѣнія и замка, пріобрѣтенныхъ принцемъ въ Сэндриггамѣ; здѣсь высокіе хозяева, ведя по завѣтамъ англійской аристократіи «помѣщичій» образъ жизни, снискали своею доступностью и широкою разумною благотворительностью всеобщее расположеніе мѣстнаго населенія и своихъ многочисленныхъ фермеровъ.

Принцесса обнаружила гениальныя способности придать уютливость домашнему очагу. Наравнѣ съ обѣими своими сестрами, Дагмарою и Тирою, королева Александра этими стремленіями была всецѣло обязана тому примѣру, который имѣла предъ глазами съ самаго ранняго дѣтства въ лицѣ родителей, составлявшихъ образцовую супружескую чету, не имѣвшую никогда секретовъ другъ отъ друга, дружно дѣлившую семейныя радости, огорченія и заботы о воспитаніи дѣтей и за предѣлами семейныхъ интересовъ признававшую только заботы объ общественномъ благѣ и благоденствіи подданныхъ.

Принцессѣ Луизѣ принадлежитъ та неотъемлемая заслуга, что она сумѣла привить дочерямъ интересъ къ домоводству и посвятить ихъ въ искусство скрашивать домашнюю обстановку личнымъ творческимъ починомъ. Скучное матеріальное положеніе родителей, долгое время считавшихся съ необходимостью дѣлать пріемы и играть видную роль въ обществѣ, несмотря на ограниченность матеріальныхъ средствъ, побуждало супругу принца Христиана довольствоваться малымъ, используя всевозможныя средства для достиженія наибольшаго эффекта при скромныхъ и умѣлыхъ затратахъ. Благодаря этимъ заботамъ матери, и дочери датскаго короля сдѣлались домовитыми хозяйками и въ совершенствѣ постигли искусство «вызывать точно колдовствомъ радостное веселье изъ стѣнъ домашняго очага», по выраженію Александра III.

Съ другой стороны, вліяніе, оказанное принцемъ и принцессою Валлійскими на англійское общество въ смыслѣ смягченія нравовъ и воспріятія болѣе утонченныхъ французскихъ чертъ общестственности, гораздо многозначительнѣе, чѣмъ это принято думать. Такъ, напримѣръ, благодаря радушнымъ, но вполне корректнымъ пріемамъ принцессы въ ея городскихъ и сельскихъ резиденціяхъ, за послѣднія сорокъ лѣтъ въ Англій постепенно вышли изъ оби-

хода пресловутые обѣды, гдѣ на ряду съ излишествами чревоугодія дѣлались столь обильныя возліянія Бахусу, что порою даже самыя утонченныя и аристократическія сотрапезники не могли удержаться на ногахъ.

Независимо отъ воздѣйствія на свѣтскую жизнь, принцесса снискала сочувствіе со стороны англійскаго общества тою чуткою отзывчивостью и внимательностью, съ какою всегда относилась къ общественнымъ нуждамъ.

Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ 1874 г. въ Россію по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Ольденбургскимъ, принцесса Александра имѣла случай ознакомиться съ устройствомъ петербургскаго воспитательнаго дома и положила починъ къ устройству по петербургскому образцу такого же учрежденія въ Лондонѣ.

Узнавъ во время одного изъ посѣщеній Даніи, что профессоръ Финзенъ открылъ способъ излеченія волчанки съ помощью электричества, принцесса Александра отправила въ Данію д-ра Мэккензи для изученія новаго метода леченія и, опираясь на его наблюденія, убѣдила императрицу Марію Феодоровну и государя Александра III возложить такое же порученіе на профессора Вельяминова, а затѣмъ, по ея же настояніямъ, въ Лондонѣ и Петербургѣ были учреждены спеціальныя клиники для леченія волчанки.

Но мысли же принцессы для развитія музыкальнаго образованія въ Англійи была создана королевская музыкальная школа въ Кенсингтонѣ и организованы пріюты для консерваторокъ. Широкое покровительство и поддержка, оказываемыя начинающимъ музыкальнымъ талантамъ со стороны принцессы, принесли такую осязательную пользу, что дублинскій университетъ въ знакъ признательности удостоилъ принцессу почетнымъ званіемъ доктора музыки.

Неся съ достоинствомъ сложныя обязанности высокаго своего сана, принцесса Александра сумѣла гармонически сочетать свое служеніе общественности съ кровными интересами образцовой семьянинки, столько же заботливой о мужѣ, какъ и о своихъ дѣтияхъ.

По отношенію къ супругу принцесса проявляла неизмѣнную предупредительность, снисходительность, всемѣрно старалась сдѣлать его счастливымъ и съ большимъ самоотверженіемъ принимала на себя самыя докучливыя тяготы, если только надѣялась этимъ обезпечить принцу общественныя симпатія и увеличить его престижъ.

Чрезвычайно деликатная и сдержанная въ тѣхъ случаяхъ, когда принцъ Валлійскій увлекался игрою или отдавался во власть иныхъ страстей, или заставлялъ говорить объ опрометчивости своихъ поступковъ, принцесса Александра никогда не бросала

супругу ни единого слова укоризны и только старалась сдѣлать свои пріемы въ Марльборо-Гаузѣ болѣе привлекательными, чтобы развлечь мужа и больше привязать его къ дому.

Не разъ приходилось принцессѣ переживать терзанія ревности, особенно когда принцъ Валлійскій сталъ усиленно принимать въ своей резиденціи разныхъ американскихъ красавицъ и недвусмысленно за ними ухаживать; увлеченіе же принца американскою красавицею миссъ Чемберленъ настолько задѣло принцессу, что она собиралась уѣхать въ Данію, и потребовалось властное вмѣшательство королевы Викторіи, чтобы положить предѣлъ сумасбродствамъ ея сына.

Въ концѣ концовъ своей настойчивостью принцесса сумѣла добиться вліянія надъ мужемъ и, благодаря ея тактичности, прежнее предубѣжденіе англійскаго общества противъ принца Валлійскаго постепенно и незамѣтно перешло въ симпатію и уваженіе къ королю Эдуарду.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1871 г. принцесса Александра пережила особенно тягостныя испытанія въ супружеской жизни. Принцъ Валлійскій на охотѣ въ Скарборо у лорда Лондесборо заболѣлъ тифомъ, отъ котораго вскорѣ скончался и его гостепріимный хозяинъ, а принца Валлійскаго отъ смерти и продолжительной болѣзни въ значительной степени спасъ внимательный и самоотверженный уходъ принцессы; вспоминая о томъ, какъ его свояченица ухаживала за мужемъ, императоръ Александръ III замѣтилъ: «Я не знаю лучшихъ въ мірѣ сидѣлокъ при близкихъ больныхъ, чѣмъ дочери короля датскаго».

Другимъ тягостнымъ испытаніемъ для принцессы, но имѣвшимъ ту хорошую сторону, что оно подъ вліяніемъ горя тѣсно сблизило принца съ супругою, была внезапная кончина 14 января 1892 г. ихъ первенца 26-тилѣтняго герцога Кларенскаго, котораго инфлюенца, обострившаяся плевритомъ, менѣе чѣмъ въ недѣлю унесла въ могилу.

Провожая принцессу Александру предъ выходомъ въ замужество, король Фридрихъ VII выражалъ надежду, что его племянница, сдѣлавшись наслѣдной принцессою могущественнаго королевства, не перестанетъ быть и датчанкою.

Этого завѣта принцесса не забыла, и въ эпоху датско-прусской войны умоляла свекровь обратить могущество британской дипломатіи на обузданіе честолюбія и своекорыстныхъ захватовъ Пруссіи.

Королева Викторія къ этимъ мольбамъ отнеслась очень холодно и заявила принцессѣ: «Я никогда не соглашусь выступить враждебно противъ Германіи, такъ какъ она родина моей матери и моего супруга, а моя старшая дочь жена прусскаго наслѣднаго принца. Къ тому же Шлезвигъ и Гольштинія — страны нѣмецкія и необходимы Германіи для ея объединенія».

Эти политическіе доводы, несмотря на всю ихъ убѣдительность, мало удовлетворили принцессу, которая возненавидѣла Бисмарка, основавшаго всѣ дальнѣйшіе успѣхи своей политики на пораженіи Даніи, и въ значительной степени охладѣла и къ свекрови, которой, впрочемъ, никогда не симпатизировала, тяготясь ея властью и вмѣшательствомъ въ такія, напримѣръ, мелочи, какъ одобреніе и неодобреніе прически и костюмовъ принцессы.

По заключеніи мира въ 1864 г. принцесса Валлійская не замедлила посѣтить обездоленную Данію, гдѣ свершился рядъ перемѣнъ и въ королевской семьѣ: ея отецъ Христіанъ IX вступилъ на престолъ по смерти своего двоюроднаго брата Фридриха VII, ея братъ Георгъ былъ призванъ на греческій престолъ, а ея сестра Дагмара была обручена съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, котораго врачи уже приговорили къ смерти.

Хотя при такихъ условіяхъ свиданіе съ роднею въ Бернсторфѣ было далеко не радостно, тѣмъ не менѣе принцесса нѣсколько мѣсяцевъ прогостила на родинѣ, такъ какъ сохранила привязанность ко всему датскому, начиная съ языка и патріархальнаго быта и кончая общественными культурными стремленіями, обеспечившими маленькой мирной Даніи первенствующее значеніе среди скандинавскихъ странъ.

Любовь къ родинѣ у принцессы Александры соединялась съ горячею привязанностью, которую сумѣлъ внушить король Христіанъ и его супруга къ родному дому всѣмъ членамъ многочисленной ихъ семьи.

При полномъ отсутствіи придворнаго этикета, рѣдкости официальныхъ пріемовъ, королевская семья въ Копенгагенѣ вела всегда очень простой и интимный образъ жизни, который былъ одинаково привлекателенъ какъ для дѣтей короля, такъ и для высокихъ его зятей, принца Валлійскаго и государя Александра Александровича, настолько охотно отдохавшихъ въ Копенгагенѣ отъ тяжелыхъ обязанностей своего сана, что императоръ Александръ III даже выстроилъ себѣ виллу въ Фреденсборгѣ.

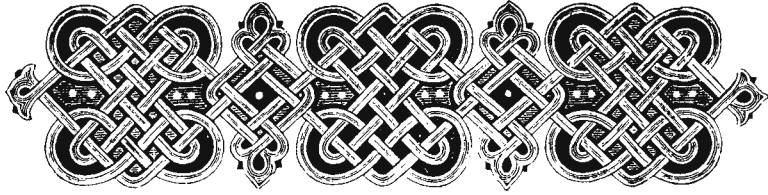
Поѣздки въ Данію къ дѣду и бабушкѣ являлись желаннымъ праздникомъ какъ для дѣтей Александра III, такъ и принца Валлійскаго.

А по возвращеніи домой любимымъ развлеченіемъ сыновей и дочерей принцессы Александры было выслушивать оживленные рассказы матери о томъ, какъ въ годы молодости она вмѣстѣ съ принцессою Дагмарою совершала продолжительныя нѣшеходныя прогулки въ бернсторфскихъ лѣсахъ и возвращалась домой испачканная, запыленная, на простой телѣгѣ къ немалому смущенію королевы; какъ позднѣе она въ обществѣ императора Александра III, страстнаго рыболова, цѣлые дни проводила въ лодкѣ на Эромскомъ озерѣ, помогая государю налаживать удочки; какъ

около Эсромскаго монастыря вся королевская семья на годовой ярмаркѣ разсаживалась на деревянныхъ коней и вертѣлась на карусели, приводъ который не уставалъ вертѣть государь Александръ Александровичъ, постепенно ускоряя движеніе, чтобы напугать свояченицъ. Эти рассказы иллюстрировались принцессою многочисленными фотографическими снимками, ею самою сдѣланными и воспроизводящими характерные эпизоды интимной и беззаботной жизни въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ датской королевской семьи. Фотографіи эти, и по сей часъ любовно сохраняемыя королевою Александрою въ многочисленныхъ ея альбомахъ, заключаютъ много любопытнаго—на одной, напримѣръ, императоръ Александръ III, только что купившій у торговки большой пряникъ, съ аппетитомъ имъ лакомится; на другой онъ же на прогулкѣ закуриваетъ сигару о сигару у прохожаго, на третьей фотографіи императоръ Николай II, въ ту пору юный наследникъ-цесаревичъ, въ обществѣ неразлучныхъ своихъ друзей, двоюроднаго брата принца Георга англійскаго и дяди принца Вальдемара, изображенъ на велосипедахъ и въ велосипедныхъ костюмахъ.

Приведенные отрывки свидѣтельствуютъ о безхитромъ интересѣ содержанія книги Обри и вполнѣ объясняютъ, почему привлекательная личность королевы Александры оказывала и оказываетъ неотразимое обаяніе и на родственныхъ ей высочайшихъ особъ и на широкіе общественные круги Даніи и Великобританіи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Т. XI. Юрьевъ 1907.

ВЫШЕДШІЙ въ свѣтъ XI томъ сборника¹⁾ содержитъ въ себѣ семь статей, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ большой современный интересъ.

Сборникъ начинается статьею профессора М. Красножена, подъ заглавіемъ: «Границы вѣротерпимости». Г. Красноженъ давно посвятилъ свое ученое вниманіе столь важнымъ и жизненнымъ вопросамъ, какими представляются вопросы о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости и, кромѣ своей докторской диссертациі²⁾, написалъ нѣсколько статей по этому предмету³⁾. Надо замѣтить, что въ текущей публицистической литературѣ вопросы эти рѣшаются столь же разнообразно, какъ разнообразно настроеніе совѣсти отдѣльныхъ лицъ, трактующихъ по содержанію вопросовъ и какъ различны многочисленныя вѣроисповѣданія, существующія и вновь являющіяся религіозныя секты. Новая статья профессора Красножена, помѣщенная въ настоящемъ

¹⁾ Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ (Т. I, II, III) ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія «рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и съ особенності рижскаго учебнаго округа.

²⁾ Иновѣрцы на Руси. Къ вопросу о свободѣ вѣры и вѣротерпимости. Т. I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Юрьевъ. 1903.

³⁾ См. его статьи: «О свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости» (въ сборникѣ учено-литературнаго общества, т. IX). «Какъ наши предки берегли православную вѣру» (тамъ же, т. XI) и др.

томъ сборника, вызвана изданіемъ новыхъ законовъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости (17 апрѣля 1905 года) и о порядкѣ устройства послѣдователями старообрядческихъ согласій и отдѣлившимися отъ православія сектантами общинъ, а также о правахъ и обязанностяхъ сихъ лицъ (17 октября 1906 года). Какъ извѣстно, новое законодательство о вѣротерпимости встрѣчено было въ Россіи весьма сочувственно не только въ свѣтскихъ, но и въ церковныхъ сферахъ. Иначе не могло быть, ибо историческіе факты свидѣтельствуютъ, что русскій народъ искони вѣковъ отличался рѣдкою вѣротерпимостью. Къ сожалѣнію, весьма скоро обнаружилась опасность, угрожающая, послѣ изданія новаго закона о вѣротерпимости, самому православію со стороны воинствующаго католицизма въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ Россіи и протестантизма въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Не опровергнутые факты насилій и оскорбленій «господствующей» православной церкви со стороны не въ мѣру усердствующихъ католическихъ ксендзовъ отмѣчались неоднократно не только русскою, но и заграничною печатью (см. «Новое Время», «Украины Россіи», «Neue Freie Presse» и др.). Совершенно справедливымъ является поэтому заключеніе профессора Красножена о томъ, что «принципъ христіанской терпимости не требуетъ непремѣнно равнаго отношенія государства ко всѣмъ признаннымъ и терпимымъ имъ религіознымъ обществамъ. Справедливость требуетъ только, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемой государствомъ истиной: принципъ справедливости не есть принципъ абсолютнаго равенства. Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей истинѣ и къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ. Въ области личнаго религіознаго убѣжденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти и не можетъ дѣйствовать въ этой области принудительно. Но отъ свободы личнаго исповѣданія должно отличать свободу религіознаго соединенія, публичнаго культа, образованія религіозныхъ обществъ; безграничная и безусловная свобода подобныхъ соединеній уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости; надзоръ и регламентація со стороны государства здѣсь является исполнѣ естественнымъ и справедливымъ» (стр. 4—6).

Тому же автору принадлежитъ и вторая статья, помѣщенная въ сборникѣ: «Какъ ваши предки берегли православную вѣру». «Въ наши дни колебанія всѣхъ основъ религіозной, общественной и семейной жизни и полнаго равнодушія къ православной вѣрѣ и православной церкви большимъ угѣшеніемъ», говоритъ профессоръ Красноженъ, «можетъ служить обращеніе къ исторіи прошлаго многострадальнаго русскаго народа. Примѣры изъ исторіи прошлаго нашихъ предковъ лучше всего могутъ свидѣтельствовать о томъ, какъ много обязано наше отечество своимъ величіемъ любви и преданности ихъ православію» (стр. 7). Авторъ подробно останавливается на весьма интересномъ и поучительномъ въ этомъ отношеніи примѣрѣ изъ нашей исторіи, изъ котораго видно, какъ русская княжна Елена, дочь великаго князя Іоанна III Васильевича и Софьи Фюминичны (Палеологъ), вышедшая замужъ за великаго князя литовскаго Александра, ревностнаго католика, несмотря на всѣ притѣсненія и принужденія къ принятію римской вѣры, геройски отстояла

свое православіе и соблюла завѣтъ своего отца, великаго князя Юанна III, убѣждавшаго его слѣдующимъ образомъ: «Дочка, памятуй Бога, да наше родство, да наше наказъ, держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, и хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать,—пострадай... но къ римскому закону не пристунай, чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятій и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай!» (стр. 15—17).

Далѣе, въ сборникѣ помѣщена статья профессора Е. Боброва: «Къ біографіи Н. М. Языкова». Николай Михайловичъ Языковъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, стихи котораго нѣкоторые современники ставили наряду со стихами его друга А. С. Пушкина еще не дождался себѣ отъ потомства обстоятельной и безпристрастной біографіи. Большинство имѣющихся его жизнеописаній составлены въ несоотвѣтственномъ тонѣ и скудны фактами: многое въ жизни поэта остается невыясненнымъ; инныя же указанія являются прямо ложными. Работая въ архивѣ императорскаго юрьевскаго (бывшаго дерптскаго) университета, въ которомъ М. М. Языковъ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ (съ 1823—1827) слушалъ лекціи, г. Бобровъ нашелъ много новыхъ матеріаловъ для біографіи нашего поэта (между прочимъ, профессоръ Бобровъ приводитъ полный текстъ аттестата, выданнаго Н. М. Языкову изъ горнаго кадетскаго корпуса и текстъ увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему же отъ имени совѣта дерптскаго университета), представляющихъ личность Н. М. Языкова и жизнь его въ Дерптѣ въ гораздо болѣе благоприятномъ видѣ, чѣмъ это принято полагать на основаніи недобрительныхъ отзывовъ «недоброхотовъ» поэта. «Если всѣ разрозненныя черты, приводимыя въ статьѣ г. Боброва на основаніи документальныхъ данныхъ собрать во едино, то образъ безпутнаго гуляки и лѣнтяя, всецѣло преданнаго Вакху и Венерѣ, какимъ представляютъ Н. М. Языкова, долженъ исчезнуть изъ исторіи литературы, и намъ надобно будетъ придти къ совершенно обратному заключенію, а именно, что среди разгульныхъ студентовъ Дерпта, и русскихъ, и нѣмцевъ, Языковъ былъ однимъ изъ юношей наиболѣе передовыхъ, читающихъ, занимающихся» (стр. 37). Статья профессора Боброва, содержащая рядъ новыхъ данныхъ для біографіи Н. М. Языкова, имѣетъ, безспорно, весьма важное значеніе и не можетъ быть игнорирована будущими біографами славнаго русскаго поэта.

Весьма интереснымъ является помѣщенный затѣмъ весьма обширный соціально-юридическій очеркъ профессора Н. Бѣлявскаго, подъ заглавіемъ: «Домашняя прислуга во Франціи и Германіи» (стр. 59—110). Вопросъ о положеніи домашней прислуги представляется однимъ изъ самыхъ жизненныхъ и современныхъ вопросовъ. Авторъ даетъ обстоятельный историческій очеркъ положенія домашней прислуги на Западѣ—во Франціи и Германіи. Жаль только, что г. Бѣлявскій оставляетъ безъ русскаго перевода латинскія и французскія цитаты, приводимыя въ его статьѣ, часто весьма обширныя (см. стр. 61, 65, 70 и др.); на 61-ой стр. онъ, напримѣръ, приводитъ до 30 названій слугъ римскаго патриція: *dispensatores, atriensens, atriarii, velarii... silentiares* и т. д. Подобное перечисленіе лишь затрудняетъ читателя и не даетъ ему никакого

представленія о томъ, что это были за слуги патриція и въ чемъ состояли ихъ обязанности. Въ виду важности вопроса о домашней прислугѣ нельзя не пожелать, чтобы почтенный авторъ не ограничился лишь очеркомъ положенія домашней прислуги въ Западной Европѣ и занялся также вопросомъ о положеніи домашней прислуги и у насъ въ Россіи.

Съ большимъ интересомъ прочтетъ читатель и слѣдующую статью профессора С. Богушевскаго: «Наше денежное обращеніе за послѣдніе три года» (стр. 111—156). Хотя авторъ не считаетъ себя глубокимъ знатокомъ въ области финансовой политики нашего отечества и мирового денежнаго оборота, однако трудъ его представляетъ весьма любопытный обзоръ выдающихся фактовъ, касающихся нашего денежнаго обращенія какъ во время войны съ Японіей, такъ и нѣкоторое время послѣ нея.

Послѣднія двѣ статьи, помѣщенныя въ сборникѣ, посвящены вопросамъ педагогики. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ «Замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ» (стр. 157—178). Эти замѣтки выработались у автора ихъ г. В. Боброва постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при занятіи этимъ предметомъ въ разныхъ классахъ реального училища (стр. 157). Специалисты исторіи найдутъ здѣсь много поучительнаго. Между прочимъ, г. Бобровъ совершенно справедливо жалуется на недостаточное число часовъ и учебнаго времени, опредѣленнаго на преподаваніе столь важнаго предмета, какъ исторія (стр. 177). Большой интересъ для педагоговъ имѣетъ и обширная работа послѣдователя московской математической школы (представителями которой являются, между прочимъ, профессора Бугаевъ, Некрасовъ, Лахтинъ и др.), профессора юрьевскаго университета В. Алексѣева. Профессоръ Алексѣевъ усердно занимается изученіемъ вопросовъ педагогики (см., напр., его сочиненіе «Плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталотци и Гербарта» и др.). Новая работа г. В. Алексѣева носитъ заглавіе: «I. Ф. Гербартъ и его педагогическая система». Надо замѣтить, что система Гербарта оказала огромное вліяніе на весь складъ семейной, общественной и государственной жизни нѣмецкой націи, вообще на весь строй и все современное культурное развитіе Германской имперіи (стр. 178), а потому не можетъ не обращать на себя общаго вниманія. Въ дѣлѣ воспитанія Гербартъ обратилъ особое вниманіе на образованіе воли и характера воспитуемыхъ, а также сумѣлъ выдвинуть на первый планъ своей научной педагогики религіозный элементъ, при этомъ онъ замѣчательно подробно развилъ ученіе о представленіяхъ, что привело его къ выясненію психологическихъ процессовъ усвоенія и къ концентраціонной идеѣ, благодаря чему явилась возможность сообщать воспитанникамъ такіа знанія, которыя не лежали бы въ душѣ тяжкимъ бременемъ, а побуждали бы ихъ къ самостоятельному прирѣненію этихъ знаній и сообщали бы характеру воспитанниковъ устойчивость (стр. 232). Статья профессора Алексѣева въ настоящее время, когда расшатаны всѣ устои нашей школьной жизни, должна обратить на себя особое вниманіе педагогическаго міра. «Наши педагоги», говоритъ почтенный профессоръ, «должны въ настоящее время оставить рутину нашего школьнаго дѣла, обратившись къ научнымъ даннымъ современной педагогики» (стр. 188).

Въ началѣ сборника помѣщенъ портретъ Н. М. Языкова въ бытность его студентомъ дерптскаго университета.

Такое богатое и разнообразное содержаніе XI тома сборника, редакторомъ котораго состоитъ теперешній предсѣдатель учено-литературнаго общества профессоръ М. Е. Красноженъ.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось десять лѣтъ существованія этого перваго въ г. Юрьевѣ русскаго ученаго общества, основаннаго нѣсколькими русскими профессорами съ тогдашнимъ ректоромъ юрьевскаго университета — талантливымъ публицистомъ, извѣстнымъ ученымъ и убѣжденнымъ русскимъ общественнымъ дѣятелемъ—А. С. Будиловичемъ во главѣ... Шли года, мѣнялись люди, перемѣнялась политика государственная по отношенію къ прибалтійской окраинѣ; но первое русское учено-литературное общество, руководимое людьми, всецѣло посвятившими себя его интересамъ, стояло твердо, преслѣдуя интересы чисто научныя, мало-по-малу ширилось и росло. Даже въ послѣдніе смутные годы, когда бездѣйствовали юрьевскій университетъ, состоящее при немъ общество не прерывало своей дѣятельности; наоборотъ, еще болѣе ее расширило, такъ какъ нашло возможность въ послѣднее время, вмѣсто одного тома трудовъ членовъ общества, издавать каждый годъ по два тома. Число членовъ общества (живущихъ въ г. Юрьевѣ, въ прочихъ городахъ Россіи и за границею), какъ видно изъ приложеннаго къ сборнику отчета о дѣятельности общества, достигло 78; кромѣ того, три лица состоятъ почетными членами общества. Общество издало 11 обширныхъ томовъ «сборника» и векорѣ выпускаетъ въ свѣтъ находящійся въ печати XII томъ. —іѣ.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпуска I и II. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. СПб. 1907.

Въ I вып. «Сборника консульскихъ донесеній» нашли себѣ мѣсто шесть статей, представляющихъ донесенія нашихъ консуловъ и секретарей консульствъ изъ Германіи, Норвегіи и Персіи: 1) «Торговля Бахрамабада» г. Миллера, 2) «Сельскохозяйственная промышленность въ Зап. Пруссіи» г. Островскаго, 3) «Эмиграція изъ Фуцзяна» г. Шуйскаго, 4) донесеніе вице-консула въ Гаммерфестѣ о «Промысловомъ судостроеніи въ Норвегіи», 5) «Очеркъ Кермана» г. Вѣляева и 6) донесенія консула Цейдлера «Ярмарки 1906 г. въ Лейпцигѣ».

Изъ всѣхъ этихъ статей наибольшій интересъ представляютъ двѣ статьи, какъ непосредственно касающіяся торговли Россіи съ иностранными государствами. Во-первыхъ, донесеніе изъ Кермана консула г. Миллера, а во-вторыхъ, статья г. Цейдлера «Ярмарки 1906 г. въ Лейпцигѣ».

Донесеніе г. Миллера особенно цѣнно своимъ указаніемъ, на что должны обратить вниманіе наши купцы, если они хотятъ болѣе широко поставить свою торговлю съ Персіей. Обрисовавъ современное положеніе рынка Бахрамабада и вообще Рафсиджанской провинціи, указавъ на нѣкоторые русскіе товары, уже теперь преобладающіе на рынкѣ, авторъ, заканчивая статью, гово-

ригъ: «Особеннаго вниманія нашихъ фабрикантовъ заслуживаетъ вопросъ о ввозѣ въ Персію бумажной пряжи» и вообще мануфактурныхъ издѣлій, какъ напр., ситцевъ, миткалю, коленкора и т. п., которыя, благодаря добротности, очень цѣнятся персами, настолько, что даже ситцы швейцарскихъ фабрикъ «сходятъ среди мѣстныхъ кушцовъ за русскіе». «Объясняется это тѣмъ», говоритъ г. Миллеръ: «что всякій, получаемый черезъ Тегераль добротнѣйшій товаръ, хотя бы и иностраннаго происхожденія, считается русскимъ, въ противоположность непрочной макулатурѣ, привозимой чередъ Бендеръ-Аббасъ изъ Бомбея». Вообще внимательное изученіе базара въ Бахрамабадѣ приводитъ къ убѣжденію, что вполнѣ возможно «удачное соперничество на мѣстномъ рынкѣ нашихъ товаровъ съ иностранными», но, разумѣется, при условіи проявленія со стороны нашихъ коммерсантовъ «большей энергіи и предпримчивости». Что же касается донесенія консула г. Цейдлера, то оно важно въ томъ отношеніи, что указываетъ на вліяніе нашихъ ярмарокъ (Нижній-Новгородъ, Прбитъ) на заграничныя ярмарки вообще и въ частности на лейпцигскія прошлаго года. Такъ, лейпцигская осенняя ярмарка значительно уступила въ оживленіи весенней потому, что «цѣны, уплаченныя за русскіе мѣхавъ Нижнемъ-Новгородѣ, были настолько высоки, что вызвали подавленное настроеніе на лейпцигскомъ пушномъ рынкѣ».

Переходимъ ко II выш. сборника. Въ составъ его вошли слѣдующія статьи: 1) «Торговля Тяньцзиня» кн. Д. Мещерскаго, 2) «Виѣшняя торговля Сербіи» г. Обнорскаго, 3) «Торговля Германіи по отчету гамбургской торговой палаты» г. Арсеньева, 4) «Портъ Цуруга» г. Максимова, 5) «Торгово-промышленный очеркъ Румыніи», 6) «Мусульманскія братства въ Алжиріи» г. Томашевскаго и 7) «Англійскія турбинныя суда» барона А. Гейкина. Отметимъ, какъ и выше, статьи, имѣющія непосредственное отношеніе къ русской торговлѣ. Такихъ статей въ II вып. можно указать двѣ, именно: «Торговля Тяньцзиня» и «Виѣшняя торговля Сербіи». Итоги первой статьи таковы для насъ, русскихъ: главными импортерами въ 1904 и 1905 гг. тяньцзинскаго рынка были Англія, Америка и Японія, — русскій же импортъ былъ очень незначителенъ, что консулъ кн. Мещерскій объясняетъ слѣдующими причинами. Начнемъ съ мануфактурныхъ издѣлій. Конкурировать въ этомъ отношеніи русскіе товары не могли потому, главнымъ образомъ, что наши мануфактурныя произведенія отличались дороговизною, въ то время какъ подобныя издѣлія, ввозимыя иностранными фирмами, «дошли до баснословной дешевизны» и въ то же время рисунки пришлись по вкусу мѣстному населенію, чего про русскія сказать нельзя. Еще въ худшемъ положеніи оказались русскія палирасы, которыя, по словамъ князя Мещерскаго, находятъ сбытъ «только среди русской колоніи». Въ болѣе счастливомъ положеніи находился импортъ стеариновыхъ свѣчей. «Наши свѣчи», говоритъ авторъ, «могли бы имѣть на рынкѣ очень хорошій сбытъ, ибо поступающія на него свѣчи американскаго производства очень низкаго качества. Товарищества Невской стеариновой мануфактуры и Братія Крестовниковы могли бы свободно конкурировать съ ними, если бы взялись изготовлять по 6 свѣчей на фунтъ. Это измѣненіе вѣса свѣчей совершенно необходимо въ виду легкости китайскихъ под-

свѣчниковъ». Одно, въ чемъ мы могли бы соперничать съ иностранцами,— это въ торговлѣ керосиномъ, «который очень охотно покупается въ Сѣв. Китаѣ», и въ торговлѣ лѣсомъ, который имѣетъ тамъ настолько большую цѣнность, что жители сѣверныхъ провинцій Китая покупаютъ растопку на фунты. Нельзя сказать, чтобъ и донесеніе 2-го секретаря миссіи въ Вѣлградѣ г. Обнорскаго—«Виѣшняя торговля Сербіи» (II вып.) рисовало болѣе благопріятное положеніе торговли Россіи съ послѣдней. Оказывается, что Россія до сихъ поръ пока по цѣнности ввоза товаровъ въ Сербію занимаетъ лишь 8-е, а по стоимости вывоза—только 10-е мѣсто, при чемъ главнымъ предметомъ ввоза изъ Россіи являются минеральные масла, затѣмъ соленая и сушеная рыба, хлопчатобумажныя и льняныя издѣлія, колоніальные товары и т. п. Само собою разумѣется, что при большей предпріимчивости русскихъ купцовъ можно было бы достигнуть преобладанія многихъ нашихъ продуктовъ на сербскомъ рынкѣ, какъ, напр., хлопчатобумажныхъ издѣлій, которыми Россія и теперь уже успѣшно конкурируетъ съ иностранцами, сахара, металлическихъ издѣлій и т. д. «Въ особенности же Сербія,— по словамъ автора настоящей статьи,— могла бы представить удобный рынокъ для сбыта нашихъ рельсовъ и иныхъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ» въ виду предложенныхъ и частью уже начатыхъ нынѣ постройкою новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Заключившая отчетъ, г. Обнорскій особенно совѣтуетъ воспользоваться «настоящимъ моментомъ», какъ особенно благопріятнымъ для развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Сербіею вѣлѣдствіе таможеннаго конфликта ея съ Австро-Венгріей.

Я. Вирюковъ.

Проф. В. Удинцовъ. Русское торгово-промышленное право. Кіевъ. 1907 г.

Книга г. Удинцова представляетъ собой любопытную попытку изложить въ системѣ и полностью нормы права, касающіяся промышленности вообще и торговли, какъ одного изъ ея видовъ. До сихъ поръ писались и читались курсы торговаго права; авторъ ставитъ вопросъ шире и въ извѣстной степени является новаторомъ въ своей области. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ г. Удинцовъ мѣняетъ и обычно принятую систему изложенія указанной отрасли права: онъ вноситъ, напримѣръ, ученіе о водоходцахъ и корабельщикахъ въ общее ученіе о торгово-промышленномъ персоналѣ, а не выдѣляетъ его въ видѣ части особаго морскаго права. Главнымъ образомъ почтенный ученый оперируетъ надъ русскимъ законодательнымъ матеріаломъ, дополняя его судебной практикой и данными иностраннаго законодательства. Въ книгу внесены, между прочимъ, всѣ послѣднія новеллы относительно, напримѣръ, праздничнаго отдыха, отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ и т. п. Въ цѣломъ рядъ спорныхъ вопросовъ авторъ проводитъ собственный взглядъ и является тонкимъ аналитикомъ: съ особой рельефностью онъ выясняетъ, напримѣръ, значеніе обычая въ русскомъ торговомъ правѣ и его отношеніе къ другимъ источникамъ этой области юриспруденціи. Приня-

тая авторомъ система заставляеть его широко пользоваться всѣмъ нашимъ сводомъ для обрисовки положенія того или другого торгово-промышленнаго института; но есть отдѣлы, гдѣ г. Удинцовъ беретъ родственныя торгово-промышленному праву нормы и вмѣсто вспомогательнаго матеріала обращаетъ ихъ какъ бы въ основной. Таковъ, на примѣръ, въ отдѣлѣ торгово-промышленныхъ установленій параграфъ «правительственныя торгово-промышленныя установленія». Критика, пожалуй, скажетъ, что такое самостоятельное изложеніе организаціи государственныхъ установленій, завѣдывающихъ торговлей, отягчаетъ университетскій курсъ торгово-промышленнаго права наряду съ существованіемъ специальныхъ курсовъ государственнаго и административнаго права. Въ указанномъ отношеніи трудъ г. Удинцова сближается съ учебниками, такъ называемой, коммерціи, предмета, преподаваемого въ торговыхъ училищахъ и представляющаго собою нѣчто вродѣ энциклопедіи коммерческихъ наукъ. Впрочемъ, дѣло зависитъ отъ круга читателей, на который разсчитана книга г. Удинцова. Если этотъ кругъ шире университетскихъ слушателей, то тогда упрекъ обращается въ удостовѣреніе достоинства. При всемъ томъ приходится признать, что г. Удинцовымъ произведена очень серьезная и цѣнная работа, облегчающая изученіе нашего неопредѣленнаго и запутаннаго торгово-промышленнаго права. В. Г.

Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Выпускъ 1 (Эпоха Петровская). Пособіе при изученіи русскаго права императорскаго періода. Составилъ почетный членъ и преподаватель императорскаго археологическаго института, приватъ-доцентъ императорскаго с.-петербургскаго университета В. М. Грибовскій. СПб. 1907.

Извѣстный нашъ ученый, докторъ государственнаго права В. М. Грибовскій предпринялъ изданіе новаго труда по исторіи русскаго права. Настоящій сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія имѣеть цѣлю, какъ говоритъ его составитель (стр. I—II), облегчить лицамъ, приступающимъ къ изученію исторіи русскаго права императорскаго періода, непосредственное ознакомленіе съ первоисточниками названной эпохи.

Въ нашей литературѣ для предшествовавшаго времени уже давно имѣется прекрасное соответствующее пособіе, въ видѣ извѣстной «Христоматіи по исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Что же касается XVIII и XIX столѣтій, то, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ отношеніи пособій указаннаго рода существуетъ ничѣмъ не заполненный пробѣлъ. Пользованіе первымъ собраніемъ законовъ затруднено уже потому, что сборникъ этотъ прежде всего громоздокъ, а затѣмъ самъ по себѣ является книжной рѣдкостью, почти не встрѣчающейся въ частныхъ книгохранилищахъ. То же самое нужно сказать объ отдѣльныхъ изданіяхъ регламентовъ, уставовъ, указовъ, грамотъ и прочихъ памятниковъ, давно сошедшихъ съ книжнаго рынка. Этотъ пробѣлъ имѣеть въ виду заполнить составитель настоящаго сборника.

Въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ собраны важнѣйшіе акты законодательной дѣятельности Петра Великаго, между прочимъ, воинскій уставъ (стр. 34—99), генеральный регламентъ (стр. 100—137), регламентъ главному магистрату (стр. 138—172), регламентъ или уставъ духовной коллегіи (стр. 173—184), табель о рангахъ (стр. 185—196). Каждый изъ этихъ памятниковъ снабженъ краткимъ историческимъ введеніемъ, соответствующими общими литературными указаніями, подстрочными примѣчаніями и ссылками на отдѣльныя монографическія работы. Нѣкоторыя введенія составлены изъ отрывковъ специальныхъ соответственныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ. Порядокъ размѣщенія матеріала принятъ хронологическій; отступленіе допущено только въ пользу предметной группировки указовъ о сенатѣ, гдѣ раздѣленіе ихъ нарушило бы цѣльность представленія о самомъ установленіи.

Въ приложеніяхъ (стр. 205—208) помѣщены справки о порядкѣ производства пытки («обрядъ како обвиняемый пытается») и старинныхъ дѣлахъ объ оскорбленіи величества; эти справки должны характеризовать наше уголовное матерьяльное право и процессъ въ XVIII столѣтіи.

Цѣль, поставленная составителемъ сборника, достигнута вполне.

Профессоръ М. Красноженъ.

С. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907 г.

Въ настоящей книгѣ г. Венгеровъ собралъ рядъ своихъ работъ, напечатанныхъ ранѣе, дополнивъ ихъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Главная цѣнность, на нашъ взглядъ, этихъ работъ заключается въ правильности общихъ положеній, того руководящаго принципа, котораго онъ держится. Считая характерной особенностью нашей литературы ея тѣсную связь съ общественной жизнью и отсюда вытекающую общественность, г. Венгеровъ полагаетъ, что наше литературное развитие должно разсматриваться въ тѣсной связи съ общественнымъ и что исторія новѣйшей русской литературы по преимуществу сводится 1) къ исторіи смѣны идей и настроеній, волновавшихъ русское общество и 2) къ указанію взаимодѣйствія между общественной жизнью и литературой. Взглядъ г. Венгерова представляется намъ вполне правильнымъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что изслѣдователь разсматриваетъ всѣ литературныя явленія и теченія, стоя на такой точкѣ зрѣнія, по нашему мнѣнію, заключается главная цѣнность его работъ.

Своему основному принципу, формулированному въ статьѣ «Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы», г. Венгеровъ остается вѣренъ во всѣхъ своихъ работахъ. Обратимъ вниманіе прежде всего на «Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы», краткій конспектъ котораго былъ напечатанъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона. Задача этого очерка заключается въ томъ, чтобы представить общую картину литературно-общественнаго движенія второй половины XIX вѣка. Эту задачу г. Венгеровъ выполнилъ вполне удачно. До сихъ поръ единственнымъ наиболее

связным обзором нашей литературы второй половины XIX вѣка была книга г. Скабичевскаго «Исторія новѣйшей русской литературы». Кромѣ того, что она устарѣла, кромѣ субъективныхъ оцѣнокъ, которыхъ долженъ былъ избѣгать по возможности въ такомъ трудѣ авторъ, отсутствія опредѣленной системы, неудовлетворительности классификаціи писателей на такія искусственныя группы, какъ «беллетристы-народники», «беллетристы-публицисты», «драма и комедія», «поэзія» и т. п., — этотъ трудъ слабо подчеркиваетъ главную особенность русской литературы — ея связь съ общественной жизнью — и не даетъ вполне яснаго представленія объ эволюціи русской литературы. Въ силу этого «Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы» г. Венгерова, въ основѣ котораго положена опредѣленная идея и который даетъ живую картину нашего общественно-литературнаго развитія, получаетъ еще большее значеніе и, безъ сомнѣнія, окажетъ большую услугу занимающимся новѣйшимъ періодомъ исторіи русской литературы. Трудно бываетъ замѣчать общія вѣхи, общія точки, — г. Венгеровъ выполнилъ эту трудную работу, далъ общую схему, что имѣетъ такое важное значеніе. Характеристики въ которыхъ писателей, сдѣланныя авторомъ въ двухъ-трехъ словахъ, иногда очень мѣткі.

Обширныя знанія и вдумчивость обнаруживаются и въ другихъ статьяхъ: о Гоголѣ — «Писатель-гражданинъ» и К. Аксаковѣ — «Передовой боецъ славянофильства». Въ «Очерки» вошла также начальная глава обширнаго задуманнаго г. Венгеровымъ изслѣдованія жизни и литературной дѣятельности Вѣлинскаго. Своимъ изданіемъ сочиненій критика и цѣнными примѣчаніями изслѣдователь стяжалъ себѣ имя лучшаго знатока этого вопроса, многія стороны котораго были впервые освѣщены имъ. Въ силу этого не приходится говорить объ интересѣ и цѣнности настоящей статьи. Отмѣтимъ лишь прекрасную оцѣнку юношеской драмы Вѣлинскаго «Дмитрій Калининъ», мало понятой и оцѣненной нашими изслѣдователями.

Отмѣчая достоинство «Очерковъ» г. Венгерова, мы, конечно, не хотимъ сказать, что въ нихъ нѣтъ мыслей, по отношенію которыхъ можно держаться и иного взгляда, чѣмъ держится изслѣдователь. Особенно это относится къ оцѣнкѣ Писарева. Прежде всего нельзя согласиться, что Писарева «создалъ не кто иной, какъ всѣми забытый тенеръ Благосвѣтловъ» (стр. 73). Извѣстная статья «Наша университетская наука», написанная послѣ окончанія университета, обнаруживаетъ, что еще студентомъ Писаревъ замѣчательно вдумчиво и критически относился къ окружающему; наконецъ, въ рецензіяхъ въ «Разсвѣтѣ» уже виденъ будущій нецривимый «отрицатель». Такимъ образомъ, намъ кажется, что не можетъ быть рѣчи о томъ, что Писарева создалъ Благосвѣтловъ: критикъ по природѣ своей былъ надѣленъ громаднымъ критическимъ талантомъ. Можно не согласиться съ г. Венгеровымъ и въ томъ, что Писаревъ «уже года за два до своей столь ранней смерти почти умеръ духовно, утративъ блескъ и силу» (стр. 69). Возможно держаться иного взгляда, чѣмъ держится г. Венгеровъ, и на слѣдующій вопросъ. Авторъ утверждаетъ, что «писаревщина» пала потому, «что она провозгласила основнымъ принципомъ жизни наслажденіе, потому что въ основѣ писаревакаго «разумнаго эгоизма» лежалъ не принципъ общественнаго блага, не самопо-

жертвованіе, не вѣковѣчный принципъ «положи душу за ближняго своего», а принципъ индивидуальнаго благополучія. Подъ девизомъ свободы личности Писаревъ далъ полную волю страстямъ. Протестуя безъ всякихъ ограниченій противъ стѣсненія личности, Писаревъ упустилъ изъ виду, что истинная мораль состоитъ въ томъ, чтобы ограничить себя во имя высшаго принципа» (стр. 71). Такое освѣщеніе намъ представляется одностороннимъ. «Разумный эгоизмъ», намъ кажется, былъ лишь формой, въ которой было другое содержаніе, и въ основѣ всѣхъ побужденій «писаревцевъ» лежали глубоко этическія начала; утверждая, что человѣкъ во всѣхъ поступкахъ долженъ ставить критеріемъ свою пользу, они постоянно поступали не такъ, какъ это было полезно для нихъ, а такъ, какъ это было полезно для другихъ. «Писаревщина», какъ міросозерцаніе, по нашему мнѣнію, пала именно потому, что въ немъ было противорѣчіе, что форма не соответствовала содержанію, что благородные порывы хотѣли прикрыть узкими формулами «разумнаго эгоизма», а не потому, что въ немъ не было нравственнаго элемента, что имъ игнорировался принципъ общественнаго блага. Можно не согласиться и съ нѣкоторыми другими мнѣніями г. Венгерова, особенно съ тѣмъ, что Толстымъ въ настоящее время «совершенно перестали интересоваться» (стр. 131). Хотя, правда, передовые слои нашей интеллигенціи разошлись съ Толстымъ, но нельзя отрицать, что маститымъ писателемъ интересуются и теперь.

Частности, отдѣльныя мысли, по отношенію которыхъ можно и не согласиться съ авторомъ, конечно, не могутъ уменьшить цѣнности и значенія его «Очерковъ» въ цѣломъ. Особенно привлекаетъ къ книгѣ живое изложеніе, которое несколько не уменьшаетъ научной цѣнности работъ. А. Фоминъ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцовскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907.

Небольшое изслѣдованіе В. Брюсова посвящено исключительно критикѣ текста лицейскихъ стихотвореній Пушкина, даваемого обими изданіями перваго тома академическаго собранія произведеній Пушкина. Такъ какъ главныя данныя для выработки текста лицейскихъ стихотвореній заключаются въ хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ бумагахъ Пушкина, то, ознакомившись съ этими бумагами, изслѣдователь имѣлъ возможность выяснитъ, что редакторомъ перваго академическаго тома, покойнымъ Л. Н. Майковымъ, было сдѣлано не мало ошибокъ въ передачѣ основнаго текста, весьма небрежно изданы варианты, не было выработано опредѣленнаго отношенія къ различнымъ рукописямъ, и былъ данъ большой произволь «эстетическому» хозяйничанью въ пушкинскомъ текстѣ. Важность указаній г. Брюсова очень велика, такъ какъ назначеніе академическаго изданія—быть канономъ въ отношеніи текста; только усердная кропотливая работа изслѣдователя, за которую г. Брюсову будутъ благодарны всѣ изучающіе Пушкина, могла обнаружить рядъ ошибокъ академическаго изданія. Майковымъ были сообщены

несуществующія въ рукописяхъ помѣты, невѣрно списаны заглавія, перепутаны года; рукописей Майковъ читать не умѣлъ (можемъ указать, что онъ въ своей біографіи К. Н. Батюшкова невѣрно передалъ текстъ эспиромита, сочиненнаго въ 1817 г. Пушкинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ); даже печатный текстъ онъ воспроизводилъ невѣрно. Огромныя заслуги Майкова по части біографической и историко-литературной, которая очень хорошо обработана въ его примѣчаніяхъ, не оправдываютъ тѣхъ его ошибокъ и промаховъ, иной разъ «почти анекдотическихъ», которые выяснилъ г. Брюсовъ. Въ этомъ отношеніи его работа совпадаетъ съ тѣмъ изслѣдованіемъ текста, которое даетъ въ своемъ новомъ изданіи С. А. Венгеровъ. Выводъ, къ которому пришелъ г. Брюсовъ, слѣдующій: «Томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина долженъ быть совершенно переработанъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ сейчасъ, не можетъ быть признанъ авторитетомъ». Мнѣніе г. Брюсова излишне строго, и текстъ академическаго изданія нуждается лишь въ нѣкоторыхъ поправкахъ и дополненіяхъ, которыя теперь не трудно сдѣлать благодаря достаточному матеріалу, заключающемуся въ рецензіяхъ на это изданіе, въ новомъ собраніи, выпускаемомъ С. А. Венгеровымъ, и въ тщательной работѣ самого г. Брюсова. Изслѣдователю удалось впервые разобрать нѣсколько строкъ въ трудночитаемомъ черновомъ наброскѣ: «Не угрожай лѣннвицу молодому»... (стр. 90), который иначе переданъ г. Якушкинымъ (Русск. Стар. > 1884 г., мартъ, 662; II т. акад. изд., примѣч. 126). Напрасно только г. Брюсовъ пытается изъ черновыхъ вариантовъ, осколковъ пушкинской работы, скленть «стихотворный отрывокъ, образуемый этими строками». Отъ такихъ соблазнительныхъ попытокъ г. Брюсова могъ бы отучить неудачный дебютъ Н. А. Шляпкина, тоже складывавшаго свои стихи изъ пушкинскихъ набросковъ; къ тому же эти попытки совсѣмъ не вяжутся съ тѣмъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ неприкосновенности пушкинскаго текста, которое г. Брюсовъ такъ справедливо вмѣняетъ въ обязанность издателямъ Пушкина. Пушкинскіе черновики должны быть передаваемы либо въ снимкахъ, либо въ точной транскрипціи и не должны служить матеріаломъ для упражненій въ писаніи стиховъ «подъ Пушкина». Вотъ примѣръ хозяйничанья г. Брюсова въ пушкинскихъ черновыхъ строкахъ. Сообщая текстъ, который можно извлечь изъ черновой второй редакціи посланія «Н. П. Кривоу» (стр. 79—80, 91), г. Брюсовъ передаетъ шестой стихъ такъ:

Тянетъ медленно другой

(Составился этотъ стихъ изъ слѣдующихъ несчерканныхъ строкъ¹⁾):

(Выпить) (до дна)
 (Выпить) медленно (до дна)
 Пьетъ медля[тельно] (до дна)
 (Пьетъ) медленно
 Тянетъ медленно

¹⁾ Въ круглыя скобки ( ) поставлены слова, зачеркнутыя въ рукописи; въ прямыя скобки [ ] заключены слова, добавленныя по догадкѣ г. Брюсова.

Откуда тутъ взялось слово «другой»? Его нѣтъ, и оно вставлено г. Брюсовымъ, взявшимъ его изъ бѣловой редакціи стихотворенія. Стихи, получаемые благодаря такимъ «извлеченіемъ», мало способны украшенію того тома сочиненій Пушкина, объ очищеніи котораго старается г. Брюсовъ,—но какіе бы ни получились въ результатъ подобныхъ «пзвлеченій» шедевры, имъ не мѣсто въ собраніяхъ Пушкина, творенія мысли котораго едва ли возможно возстановить по этимъ хаотическимъ остаткамъ.

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Въ кругу друзей я вѣчно омраченъ

взываетъ Пушкинъ (стр. 89) въ передачѣ г. Брюсова, не обращающаго вниманія на то, какъ тяжело и неуклюже выраженіе: «съ унылой думой я омраченъ». Между тѣмъ въ этой нескладицѣ виноватъ г. Брюсовъ, а не Пушкинъ, у котораго послѣ перваго изъ приведенныхъ стиховъ слѣдуетъ вотъ что (стр. 77):

Не спрашивай, зачѣмъ (я вѣчно) думой
(Любовницы) въ объятіяхъ лежу
(Любовницы) въ объятіяхъ я томлюсь
(Я на груди подруги) омраченъ
(Въ кругу друзей) я вѣчно омраченъ.

Изъ двухъ «извлеченныхъ» г. Брюсовымъ стиховъ первый отдѣленъ отъ второго «дистанціей огромнаго размѣра», и кто хочетъ узнать, къ какой редакціи пришелъ самъ Пушкинъ, тотъ можетъ заглянуть въ бѣловикъ пьесы, гдѣ сказано:

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ.

Почему г. Брюсову угодно было извлечь именно стихъ: «Въ кругу друзей я вѣчно омраченъ», и сдѣлать нескладное сочетаніе, а не передать, вапримѣръ, такъ:

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Любовницы въ объятіяхъ я томлюсь?

Связывать отдѣльные стихи въ черновомъ наброскѣ нельзя уже просто потому, что это значитъ соединять общей мыслью отдѣльныя выраженія, быть можетъ, вовсе не связанныя между собою, и насильственно сочетать то, что, быть можетъ, не сочеталось въ воображеніи автора. Вотъ ужъ по петигѣ—«излишняя роскошь», тѣмъ болѣе лишняя, что Пушкинъ оставилъ намъ неуправленный текстъ стихотворенія, дважды напечатанный имъ самимъ, текстъ, въ которомъ непорченные г. Брюсовымъ стихи читаются складно и хорошо. Правда, что г. Брюсовъ производитъ эти «извлеченія» лучше, чѣмъ г. Шляпкинъ, съ болышей осторожностью, съ болышимъ вкусомъ, но еще лучше совершенно отказаться отъ нихъ. У Пушкина достаточно стиховъ, несомнѣнно написанныхъ имъ, одиночно, безъ чужого соудничества, и при томъ очень хорошихъ стиховъ. Эти досадныя, ни къ чему ненужныя «извлеченія» да еще нѣсколько опечатокъ—единственные недостатки книжки г. Брюсова, которая

займетъ по своей цѣнности видное мѣсто въ пушкинианѣ. Автора можно судить только за то, что онъ намѣренъ былъ дать, но, право, жаль, что г. Брюсовъ не показалъ въ конечномъ выводѣ изъ своихъ изученій тѣхъ приемовъ, съ помощью которыхъ, наконецъ, можетъ быть выработана возможно совершенный пушкинскій основной текстъ. Впрочемъ, венгерское изданіе заставитъ нашу научную критику заняться этимъ вопросомъ и разрѣшить его окончательно.

Н. Лернеръ.

А. Фоминъ. Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библиографическаго указателя. Спб. 1907.

Необыкновенно тщательно составленный указатель критической и біографической литературы о пѣвцѣ «тоски по идеалу», талантливомъ пѣвцѣ русскаго «безвременья» А. Фоминъ начинаеть съ разбора двухъ аналогичныхъ работъ, появившихся въ 1905 и прошломъ году. Обѣ работы, П. Лыскова и Н. Покровскаго, страдаютъ отсутствіемъ системы, нѣсколько даже непонятной неполнотой, случайностью матеріала и т. д. Мы упомянули о критикѣ А. Фоминымъ своихъ предшественниковъ съ той цѣлью, что здѣсь, при указаніи недостатковъ чужихъ, лучше всего высказано имъ собственное представленіе о значеніи и назначеніи подобныхъ указателей. Что слова составителя новаго библиографическаго указателя, скромно названнаго «Опытомъ», не расходятся съ исполненіемъ,—показываетъ списокъ извѣстныхъ А. Фомину большихъ и мелкихъ работъ, относящихся къ Чехову, въ томъ числѣ помѣщенныхъ въ газетахъ, нерѣдко въ провинціальныхъ и почти забытыхъ широкой публикой. Составитель обращаетъ особое вниманіе на критическія статьи, появившіяся послѣ смерти Чехова и посвященныя уже не анализу отдѣльныхъ произведеній, а направленныя къ тому, чтобы подвести конечный итогъ литературной дѣятельности «пѣвца сумеречной эпохи».

Затѣмъ въ предисловіи слѣдуетъ попытка составителя «Указателя» найти нѣчто единое во взглядахъ наиболѣе выдающихся критиковъ и уже съ этой точки зрѣнія разбить ихъ на главныя группы, къ которымъ въ большей или меньшей степени примыкають критики или второстепенные по значенію, или же выступившіе позднѣе, по слѣдамъ чужимъ. Какъ оказывается, представителями главныхъ группъ являются К. Арсеньевъ, Н. Михайловскій, М. Протопоповъ, А. Скабичевскій, Булгаковъ, Волжскій и Е. Ляцкій. Эта часть работы г. Фомина представляетъ глубокій интересъ, несмотря на небольшіе размѣры, какъ первый опытъ подобнаго рода обобщеній, и, какъ всякая сводка сырыхъ матеріаловъ, можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Далѣе слѣдуетъ сжатая, также синтетическаго характера, общая оцѣнка Чехова, который лучше другихъ уловилъ общественное настроеніе 80—90 гг., и самъ же предсказалъ наступленіе новой эпохи (слова Сони въ «Дядѣ Ванѣ»).

Въ «Указателѣ» нашли мѣсто названія статей, авторовъ и повременныхъ изданій, начиная съ 1887 и кончая, повидимому, самымъ началомъ нынѣш-

ного года. По количеству названий (около 500) «Указатель» А. Фомина производит впечатлѣннѣе полной и тщательно редактированной библиографической работы.

И. Александровъ.

Искусство въ буржуазномъ обществѣ. Сборникъ статей Вандервельде, Вальтера, Райха, Берга и Марсея. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Фриче. Спб. 1906. В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Часть I. Англія, Германія, Австрія, Скандинавія. М. 1907. Г. В. Плехановъ. Пролетарское движеніе и буржуазное искусство. Спб. 1907. Jiri Karásek ze Lvovic, Umění jako kritika života. Прага. 1906.

Въ отзывѣ, помѣщенномъ въ X книгѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ, мы познакомили читателей съ книгами Вагнера, Вандервельде, Аничкова и Келлесъ-Крауза, проводившими параллель между искусствомъ и общественнымъ движеніемъ. Съ тѣхъ поръ появилось еще нѣсколько книгъ и брошюръ на ту же тему. Онѣ развиваютъ и дополняютъ мысли названныхъ авторовъ,—и общее наблюденіе всѣхъ ихъ сводится къ тому, что при современномъ буржуазномъ строѣ немислимо истинное художественное творчество, такъ какъ внѣ жизни искусство не существуетъ. Познакомимся со взглядами каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Въ сборникѣ, изданномъ книгоиздательствомъ «Колоколъ» подъ редакціей приватъ-доцента В. Фриче, собраны статьи шести авторовъ: Берга—«Капитализмъ и искусство», Марсея—«Художники-пролетаріи», Райха—«Буржуазное искусство и социальный вопросъ», Вальтера—«Свобода искусства и социаль-демократія», Вандервельде—«Искусство и социализмъ», Дестре—«Искусство и социализмъ». Статья Вандервельде читателямъ извѣстна уже по предыдущему реферату, небольшая замѣтка католическаго социалиста Вальтера носитъ полемическій партійный характеръ, поэтому наиболѣе интересными представляются очерки остальныхъ. Отвѣчая на вопросъ: на какомъ экономическомъ базисѣ покоится искусство? — Бергъ разсматриваетъ искусство, какъ проявленіе экономической и духовной зрѣлости «сильнѣйшихъ» классовъ. Такимъ образомъ, художникъ можетъ быть или независимымъ отъ другихъ, или же зависѣть отъ покупателей и заказчиковъ. Меценатство со стороны «власть имущихъ», по его мнѣнію, очень вредно отзывается на артистахъ, сковывая ихъ по рукамъ и по ногамъ. Поэтому, большей степенью свободы пользуются только артисты, принадлежащіе къ богемѣ, «смѣющіеся надъ законами», такъ какъ они ни въ чемъ не нуждаются, ни отъ кого не зависятъ и могутъ смѣло трактовать такіе сюжеты, которые коробятъ слишкомъ добродѣтельныхъ потребителей предметовъ искусства изъ буржуазіи. Но художниковъ и «богемцевъ» слишкомъ мало, ихъ культивируютъ только большіе центры, а остальные служатъ буржуазіи, находясь у нея въ вѣчной кабалѣ. Вопросъ о насущномъ кускѣ хлѣба играетъ въ жизни художниковъ огромную роль еще потому, что большинство ихъ происходитъ изъ бѣднѣйшихъ слоевъ средняго класса. Біографія каждаго почти художника— сплош-

ная борьба съ безпроевѣтной нищетой, и рѣдкіе выходятъ изъ нея побѣдителями. Ж. Дюпре, Т. Руссо, Жерико, Милле, Тассеръ, Тюркан, Мюрже и еще цѣлая галлерей «голодныхъ» — къ нимъ можно подобрать не менѣе яркія параллели изъ жизни русскихъ художниковъ, которые не желали служить интересамъ угнетателей, гибли сами и не губили искусства. Въ худшемъ случаѣ они отказывались отъ «химеры служенія чистому искусству», смѣло смотрѣли въ глаза судьбѣ и брали отъ нея то, что она даетъ. Они рисовали модели мебели, составляли рисунки для матерій, иллюстрировали дешевыя изданія, писали декорации и т. д. Обогащая фабрикантовъ и издателей, художники-пролетаріи все-таки служили и своему классу, такъ какъ ихъ рисунки скорѣе попадали въ углы рабочаго, чѣмъ картины, погибавшія въ салонахъ богачей.

О художникахъ-пролетаріяхъ подробно говорится въ статьѣ П. Марсея. Онъ рисуетъ ужасающія картины бѣдствій тѣхъ художниковъ, которые не «преклоняли гордой» главы предъ чудовищемъ-капитализмомъ, — и рядъ жанровыхъ сценокъ, выхваченныхъ изъ біографій извѣстныхъ артистовъ стараго и новаго времени, прекрасно иллюстрируетъ основную мысль автора, что жизнь «свободнаго» художника вся покрыта терніями, и даже часть смерти для него тяжелѣе, чѣмъ для кого бы то ни было другого. Не менѣе интересны собранныя Райхомъ иллюстраціи къ его очерку объ отношеніи буржуазіи къ тѣмъ художникамъ и тѣмъ произведеніямъ, которые являлись апостолами пролетаріата. Предъ читателемъ проходятъ Дангаузерь, Делакруа, Жерико, Робертъ, Курбе, Милле и другіе, — и печальный выводъ: военная слава и наслажденіе жизнью — вотъ кумиры привилегированныхъ классовъ, прославляемые художниками. Последняя статья, Дестре, носитъ характеръ агитационный. Это «манифестъ», обращенный къ социалистамъ и къ художникамъ: социалисты не должны выбрасывать изъ своей программы искусства, такъ какъ осуществленіе социальной революціи возможно лишь при гармоніи экономическихъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ преобразованій; а художники не должны вѣрить, будто представители социального строя, это — «новые варвары», потому что потребность въ искусствѣ должна быть много выше при социализмѣ. Очевидно, въ последнемъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду того же «грядущаго хама», о которомъ такъ страстно писалъ Мережковскій.

Впрочемъ, бывали такіе моменты, когда «теоретики революціи» въ вопросахъ искусства сходились съ требованіями буржуазіи. По поводу извѣстнаго закона Гейнце о «пуризмѣ» въ искусствѣ, столь нашумѣвшаго въ 1900 году въ Германіи, социалисты явились защитниками... свободы въ искусствѣ. Ихъ защита встрѣтила протестъ со стороны католическаго социалиста Ф. Вальтера. Надо признать, что возраженія его правильны: вѣдь законъ Гейнце направленъ противъ той «безнравственности» (конечно, условной) художественныхъ произведеній, которая такъ коробитъ лишь мѣщанскую добродѣтель невысокаго разбора. Такимъ образомъ, германскіе социалисты взяли подъ свою защиту современное искусство, какъ мы знаемъ уже, цѣликомъ выросшее на почвѣ капитализма, — и критикъ правъ, говоря, что пролетаріатъ долженъ штатъ только отвращеніе ко всему буржуазному искусству.

«Только тогда, когда падетъ этотъ тиранъ (буржуазный міръ), — изъ его пепла, какъ юный фениксъ, возродится искусство, и надъ обновленнымъ міромъ засіяетъ красота». Такovy заключительныя мысли полемической статьи.

Пересказать въ такомъ же видѣ содержаніе второй книги В. Фриче много труднѣ потому, что на 150 страницахъ онъ пересказываетъ почти всю исторію классовою борьбы въ Европѣ въ XIX вѣкѣ, иллюстрируя главные моменты этой борьбы примѣрами изъ литературныхъ и художественныхъ явленій. Наиболѣе слабый изъ отдѣловъ это «Австрія» (стр. 84 — 101), гдѣ авторъ останавливается на неоромантикахъ въ родѣ Шницлера и Гофманстала; затѣмъ говоритъ о тяготѣнн къ нирванѣ у Маріи Яничекъ, наконецъ о Лангманѣ, М. делле Граціе. Болѣе ярко и болѣе полно очерчено отношеніе интеллигенціи къ социализму вообще въ отдѣлѣ «Скандинавія». Здѣсь выяснено общественное значеніе Пбсена, Гарборга, Гамсуна, Стриндберга, Лагерлефъ, Бьерсона, Бергстрёма. Вся книга написана живо, убѣдительно, но общее благопріятное впечатлѣніе нарушаетъ фельетонность очерковъ вмѣстѣ съ любовью автора къ «словечкамъ», которыхъ съ успѣхомъ можно было бы избѣжать.

Брошюра г. Плеханова написана по поводу шестой международной художественной выставки въ Венеціи. Начинается она самымъ ординарнымъ обзоромъ выставки, статистикой экспонатовъ и экспонентовъ, замѣчаніями относительно русскаго отдѣла. Символическія картины голландскаго художника Яна Тоорона, котораго публика не понимала, наводятъ критика на мысль «осмыслить» безыдейность современнаго искусства, конечно, понимая послѣднюю въ «правовѣрномъ» духѣ хотя бы нашихъ передвижниковъ, которымъ никогда нельзя было отказать въ отсутствіи демократизма. Съ этой точки зрѣнія онъ и разбираетъ картины «съ содержаніемъ» въ рода «Ночные бродяги» Мункачи (а не Мункаши), «Рабыня» Гонцано, «Мадонна въ хижинѣ» Израэляса, «Человѣческая драма» и «Обѣтованная земля» Ларманса, «Благодѣлительность» Эрманса и другія. Объ остальныхъ картинахъ, преслѣдующихъ, очевидно, чисто «зрительныя» цѣли, авторъ говоритъ вскользь и «въ концѣ дѣлаетъ выводъ, что «современное искусство одностороннее, оно глухо къ стремленіямъ рабочаго класса» (стр. 28). Брошюра написана интересно, наблюденія вѣрныя, но при чемъ здѣсь громкое заглавіе ея «Пролетарское движеніе и буржуазное искусство» — объ этомъ нужно спросить или автора, или издательство Малыхъ.

Съ болѣе широкаго горизонта разсматриваетъ тотъ же вопросъ о связи между искусствомъ и социализмомъ чешскій поэтъ и художественный критикъ Юрій Карасекъ (Jiri Karásek ze Lvovic), авторъ интереснаго сборника статей, вышедшаго въ Прагѣ въ 1906 году «Искусство, какъ критика жизни». Послѣдней въ сборникѣ помѣщена статья «Соціализація искусства». Ходъ мыслей автора таковъ. Романтическая поэзія начала минувшаго столѣтія являлась въ сущности художественнымъ выраженіемъ теоріи Фихте. Она основана на его ученіи объ абсолютномъ «я», на ясномъ и твердомъ убѣжденіи, что нигдѣ и никогда это «я» не могло имѣть источника въ чемъ-нибудь

пномъ, кромѣ самого себя. И вотъ ученіе о «я»-творцѣ воплощено въ поэзіи Байрона, Гюго и нѣмецкихъ романтиковъ. Съ наступленіемъ же реакціи позитивизма, когда противъ «теологической философіи» Контъ выставилъ свою систему, какъ синтезъ всего точнаго знанія, — преклоненіе передъ «я» закончилось, признано было фикціей, результатомъ фантазіи. Изъ повелителя оно само превратилось въ нѣчто повелѣваемое. Въ литературѣ позитивизму соотвѣтствуетъ натурализмъ, и только Ницше въ видѣ протеста позитивизму снова поставилъ на пьедесталъ «я» — мощное и сильное, метающее грома и молніи.

Что сдѣлалъ Ницше въ философіи — то въ литературѣ сдѣлалъ новоромантизмъ. Въ своемъ «Der Egoismus» Юліи Гартъ рисуетъ отношеніе романтическаго искусства къ натуралистическому, какъ эгоизма къ альтруизму въ этникѣ, а весь натуралистическій періодъ — какъ антииндивидуалистическое теченіе, когда на человѣка смотрѣли только какъ на общественное существо, обязанное отдавать свои силы всецѣло дѣлу большинства. Поэтому и въ искусствѣ вопарились реально-материалистическая тенденція, гоненіе на всякое проявленіе индивидуализма, который сталъ удѣломъ только нѣкоторыхъ художниковъ, натуръ исключительныхъ. Это — социализація искусства. Въ Англии, въ странѣ высшаго развитія промышленности и практическаго матеріализма, послѣ исключительнаго индивидуализма, выразившагося въ прерафаэлитскомъ движеніи, начинается развитіе прикладнаго искусства (Моррисъ), и оно проникаетъ всюду, куда оно раньше не проникало, въ тѣ области, гдѣ до тѣхъ поръ нельзя было мечтать объ изяществѣ. Всякая постройка, имѣющая практическое назначеніе, должна была своимъ видомъ ласкать взоръ; вся обстановка рабочаго должна была украшать, скрашивать его жизнь, гармонировать съ ея непримѣтными сторонами и т. д. Красивое стихотвореніе играло такую же роль, какъ красивая рѣзьба на рабочемъ станкѣ, украшенномъ рисунками Юнеза въ радостныхъ и живыхъ тонахъ. «Искусство принадлежитъ людямъ и должно веселить какъ тѣхъ, кто имъ занимается, такъ и тѣхъ, кто имъ пользуется» — такъ повизвала искусство толпа. Заставивъ служить себѣ науку, наложивъ ярмо на химию и физику, XIX столѣтіе заставило быть полезнымъ и искусство. Плакатъ съ рекламой о новомъ ликерѣ цѣнился выше, чѣмъ стихотвореніе Готье, влюбленное въ свои собственныя рифмы и пріятныя слова. Однимъ словомъ, искусство существовало только для толпы, а не для художниковъ, служило, по социальной телеологіи Тарда, — цѣлямъ общественнымъ; художникъ не даетъ міру, а беретъ у него, и его произведеніе, обязанное «облагораживать народъ», — не создается уже собственнымъ «я». Искусство перестало быть творческимъ: оно — только репродукція; въ процессѣ созданія участвуетъ мозгъ, рефлексія, расчетъ; художникъ не стоитъ надъ средой, а составляетъ ея часть, — и все направлено къ уничтоженію индивидуализма. Тенденція довела искусство до абсурда.

Ю. Карасекъ говоритъ затѣмъ, что не нужно быть противникомъ прикладнаго искусства, чтобы видѣть всю несправедливость взглядовъ Г. Мурья («Lex Artis de la Vie»); съ другой стороны, было бы безмысленно считаться присяжнымъ партизаномъ правила «искусство для искусства», такъ какъ не-

опровержима та мысль, что искусство существуетъ для жизни, а не для виртуозной игры пальцами. Искусство должно жить, а не производить холодно. Но для того, чтобы искусство исполняло свое назначеніе, — мы не должны приспособляться къ толпѣ; можно интенсивно помогать ей, въ то же время не дѣлая ей ни въ чемъ уступокъ. Къ словамъ «искусство прикладное» очень идетъ прибавленіе: «прикладное (приспособленное) къ уровню толпы». А это равносильно униженію; нельзя раздавать народу искусство, обладающее своей красотой, какъ на королевской коронаціи раздаютъ толпѣ мелкія монеты. Нельзя стилизовать всякія линіи, чтобы онѣ приняли красивый видъ, — и заботливо уничтожать все, что могло бы не понравиться посредственности, потому что искусство перестало бы быть самимъ собой. Авторъ видитъ печальное будущее всякой социализаціи искусства, всякаго приложенія его, — и онъ рисуетъ идеальный образъ художника, который ставитъ себя выше гражданина, который живетъ надъ толпой, въ мірѣ собственныхъ ритмовъ, красокъ, радостей и печалей, служа одному искусству. А послѣднее не знаетъ иной цѣли, какъ культивировать жизнь среды и общества, въ которыхъ оно возникло; достигнетъ же этого только тотъ, кто культивируетъ каждое отдѣльное «я».

А. И. Яцмирскій.

Деличъ, Ф. Библия и Вавилонъ. Переводъ съ нѣмецкаго барона А. А. Нольде. 2-е изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906.
Деличъ, Ф. Вавилонъ и Библия. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Розен—на. Книгоиздательство „Свѣтъ“. Москва. 1907.

Передъ нами два перевода одного и того же труда извѣстнаго ассириолога Фридриха Делича: «Babel und Bibel», появленіе котораго вызвало въ свое время въ общественномъ сознаніи Германіи цѣлую бурю. Съ одной стороны, взгляды, высказанные авторомъ въ этомъ небольшомъ трудѣ, сразу пріобрѣли массу сторонниковъ, съ другой—его смѣлыя сопоставленія текста Библии съ дошедшими до насъ отрывками вавилонской и ассирійской литературы навлекли на него обвиненія въ томъ, будто онъ хочетъ подорвать устой религіи. Завязавшаяся ожесточенная полемика между приверженцами Делича и его недоброжелателями нерѣдко приводила къ полному извращенію фактовъ, вслѣдствіе чего послѣдующія изданія «Babel und Bibel» появились уже съ примѣчаніями автора. Примѣчанія эти дасть въ своемъ изданіи «Свѣтъ», но не находимъ ихъ въ изданіи А. С. Суворина. Зато изданіе А. С. Суворина даетъ 27 рисунковъ, между тѣмъ какъ «Свѣтъ» даетъ ихъ только 25. Что касается языка, какимъ переведены вышеозначенныя брошюры, то довольно трудно отдать предпочтеніе тому или другому переводчику, — и переводъ барона Нольде и переводъ г. Розен—на сдѣланы вполне удовлетворительно и читаются легко. Обращаясь къ самому изданію, нельзя не пожалѣть объ одномъ, а именно, что оба издателя не снабдили ихъ картою Ассиріи и Вавилона, что сдѣлало Hinrichs'sche Buchhandlung, и дали сравнительно съ подлинникомъ очень мало рисунковъ.

Я. Вирюковъ.

Народный печальникъ, о. Александръ Васильевичъ Рождественскій. Изданіе Александро-Невскаго общества трезвости, съ 25 рисунками и портретами. Спб. 1907.

Подъ такимъ заглавіемъ недавно выпущена книга, представляющая сборникъ двадцати двухъ статей разныхъ авторовъ. Каждый изъ нихъ въ художественныхъ разсказахъ отмѣтилъ ту или другую сторону многообразной дѣятельности покойнаго настоятеля Воскресенскаго храма, близъ Варшавскаго вокзала, о. Александра Васильевича Рождественскаго.

О. Александръ больше всего извѣстенъ, какъ «апостоль трезвости», какъ основатель Александро-Невскаго общества трезвости въ С.-Петербургѣ, въ настоящее время насчитывающаго болѣе семидесяти тысячъ членовъ-трезвенниковъ. Выдающійся проповѣдникъ, А. В. Рождественскій почти ежедневно привлекалъ своимъ вдохновеннымъ словомъ толпы народа въ Божій храмъ, которыя снѣшили принести обѣщаніе вести трезвую, нравственную жизнь. Особенною популярностью пользовался о. Александръ среди рабочаго люда Нарвской части столицы. Въ короткое время бѣдняки окраинъ города на свои трудовыя копейки воздвигли огромный каменный храмъ на площади у Варшавскаго вокзала. Этотъ храмъ, еще неоконченный, служитъ прекраснымъ памятникомъ исключительной дѣятельности молодого священника. Помимо участія въ разныхъ обществахъ, о. Рождественскій одновременно редактировалъ четыре журнала: «Отдыхъ Христіанина», «Трезвая Жизнь», «Воскресный Благовѣсть» и «Извѣстія по С.-Петербургской епархіи». Съ большою любовью онъ относился и къ издательскому дѣлу. Изъ его рукъ вышла масса книгъ и брошюръ, пользующихся широкимъ распространеніемъ среди русскаго народа.

О. Александръ Рождественскій умеръ на 33 году. Можно сказать, онъ сгорѣлъ въ своей многообразной дѣятельности. Когда извѣстіе о его смерти дошло до с.-петербургскаго митрополита Антонія, послѣдній между прочимъ написалъ: «Въ лицѣ его столица и епархія потеряли незамѣнимаго, энергичнаго и умнаго работника и на все свѣтлое и доброе отзывчиваго». Эти слова архиепископа лучше всего характеризуютъ человѣка, памяти котораго посвящена вышеназванная книга.

И. П. М.

Я. И. Трусевичъ. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древняго Востока. Спб. 1907.

Слушатели археологическаго института, а также филологи давно уже чувствовали необходимость въ хорошемъ, общедоступномъ учебникѣ дипломатики и сфрагистики. «Сфрагистика древняго Востока» и «Лекціи» профессора Лихачева не могутъ служить такимъ руководствомъ: при всей ихъ строгой научности, оба эти труда страдаютъ излишними подробностями, загромождающими и затемняющими сущность предмета, трудностью изложенія и плохой систематизаціей разсматриваемаго матеріала, вслѣдствіе чего пользованіе ими требуетъ уже извѣстной подготовки.

Въ виду этого книга г. Трусевича, отвѣчая назрѣвшей потребности, является вполне своевременной. Она представляетъ собой передѣлку въ популярной формѣ трудовъ профессора Лихачева, причемъ авторъ сдѣлалъ немало исправлений и добавленій. Такъ, имъ приведены нѣкоторые пергаментные и бумажные документы-рукописи, имѣющіе чисто дипломатическое содержаніе, которые лишь указаны у профессора Лихачева; при этомъ даты нѣкоторыхъ изъ нихъ исправлены; далѣе пополнены біографическія, библиографическія и хронологическія свѣдѣнія и также исправлены (напримѣръ, годъ смерти В. Н. Татищева).

Книга распадается на двѣ части: дипломатику и сфрагистику. Въ первой части, особенно въ отдѣлѣ западно-европейской дипломатики, выпущена масса именъ и книгъ по западной дипломатикѣ XVIII—XIX вв., приводимыхъ у профессора Лихачева: имъ мѣсто не въ общихъ курсахъ, а въ справочныхъ изданіяхъ.

Матеріалъ въ книгѣ прекрасно систематизированъ, текстъ подраздѣленъ на отдѣлы, главы и т. д. Въ концѣ приложены меморандумы по русской и западно-европейской дипломатикѣ и по хронологіи исторіи Россіи, Франціи, Италіи, Германіи и Византіи. С. В.

Александръ Грушевскій. М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX вѣка. Спб. 1906.

Небольшой очеркъ А. Грушевскаго посвященъ біографіи и обзору трудовъ украинскаго публициста, ученаго и отчасти поэта—М. А. Максимовича. Сравнительно рѣдко теперь воспоминаемый Максимовичъ занимаетъ важное мѣсто въ украинской исторіографіи. Его труды въ различныхъ областяхъ украиновѣдѣнія сохраняютъ цѣнность и для настоящаго времени, такъ какъ въ нихъ Максимовичъ являлся новаторомъ, открывшимъ забытое прошлое. «Пытливо разбираясь во всемъ, что могло бы служить для цѣлей научнаго изученія старины,—пишетъ А. Грушевскій,—Максимовичъ скопилъ богатый запасъ знаній, а это дало ему въ свою очередь прочный базисъ для критическаго анализа. И пониманіе задачей (?) исторіографіи, и критическая складка сближаетъ Максимовича съ младшими украинскими историками, но холодность его къ ихъ украинофильскимъ воззрѣніямъ и общій складъ взглядовъ—проводятъ между ними грань».

Въ ученой карьерѣ Максимовича поражаетъ его переходъ отъ наукъ естественныхъ къ гуманитарнымъ. Окончивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, (онъ родился въ 1804 году на хуторѣ Пимковщинѣ близъ г. Золотоноши), Максимовичъ отправился въ Москву съ завѣтною цѣлью всецѣло отдаться ботаникѣ. Окончивъ университетскій курсъ по естественно-историческому факультету, онъ въ 1827 г. получилъ степень магистра ботаники, а въ 1833 г. удостоился званія ординарнаго профессора ботаники. Въ Москвѣ развились и окрѣпли литературныя связи Максимовича. Онъ сотрудничалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого, затѣмъ въ «Телескопѣ» Надеждина и наконецъ самъ издавалъ альманахъ «Денницу», для котораго получалъ произведенія, между

прочимъ, отъ Пушкина, Жуковского, Вяземскаго, Кирѣевскаго, помѣстившаго въ альманахѣ литературное обозрѣніе за 1829 г., надѣлавшее столько шуму. Важное значеніе имѣлъ сборникъ Максимовича «Малороссійскія пѣсни», бывшій первымъ по времени обстоятельнымъ и сравнительно научно составленнымъ сборникомъ украинскихъ пѣсень. А. Грушевскій отмѣчаетъ большое вліяніе этого сборника на видныхъ литераторовъ и ученыхъ. «Сборникъ Максимовича произвелъ значительное впечатлѣніе на публику, — пишетъ авторъ, — и возбудилъ интересъ къ малорусской народной поэзи: его «обираль» Пушкинъ, Гоголь подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсень живѣе рисовалъ свою далекую родину, въ Бодянскомъ и Костомаровѣ онъ пробудилъ болѣе живой интересъ къ народному творчеству». Къ московскому періоду его дѣятельности относится, кромѣ сборника народныхъ пѣсень, разборъ пушкинской «Полтавы» «Размышленія о природѣ» и университетская рѣчь «О русскомъ просвѣщеніи». Въ 1841 г. Максимовичъ отказывается отъ ректорства и профессуры въ кievскомъ университетѣ, куда онъ перевелся изъ Москвы, и поселяется на Михайловой Горѣ, гдѣ прожилъ до самой смерти.

Михайлогорскому періоду жизни Максимовича А. Грушевскій посвящаетъ большую часть очерка. Здѣсь авторъ отмѣчаетъ дружескую переписку украинскаго историка съ Погодинымъ, Шеверовымъ, Бодянскимъ, Хомяковымъ и другими московскими друзьями. Максимовича сближали съ Погодинымъ, кромѣ постоянной и долгой дружбы, еще складъ міросозерцанія, именно общая обимъ національная основа убѣжденій. Въ спорѣ Погодина и Костомарова, закончившемся извѣстнымъ публичнымъ диспутомъ о норманской гипотезѣ и жмудской поправкѣ, Максимовичъ былъ на сторонѣ Погодина, хотя не разъ съ безпристрадною критикою разбиралъ мнѣнія Погодина о норманскомъ вліяніи на древнюю Русь и исторіи малорусскаго населенія. Изъ цѣльныхъ трудовъ Максимовича А. Грушевскій разбираетъ «Исторію древней русской словесности», не законченную, точно такъ же, какъ и его работа изъ области языкознанія — «Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» — и изъ области исторіи — разсужденіе «Откуда идетъ Русская земля» (1837) и подробно разработанныя статьи изъ эпохи казачества.

Въ изученіи народныхъ пѣсень и критикѣ источниковъ, въ этнографіи и разработкѣ исторіи языка — во всѣхъ этихъ областяхъ, отмѣчаетъ профессоръ Грушевскій, Максимовичъ далъ цѣныя работы: чтобы яснѣе представить себѣ его заслуги, надо помнить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ первый положилъ починъ, а тамъ, гдѣ шелъ независимымъ путемъ, все-таки долженъ былъ продѣлывать и всю подготовительную работу. Какъ положительною стороною своей научной дѣятельности, такъ и отрицательною — критикою общепринятыхъ воззрѣній и научныхъ выводовъ современниковъ — Максимовичъ принесъ большую пользу украинской исторіографіи, и его указанія и поправки во многихъ случаяхъ стали общепризнанными. Заканчивая нашъ отзывъ, не можемъ не пожалѣть вмѣстѣ съ А. Грушевскимъ, что неблагоприятно сложившіяся обстоятельства не дали Максимовичу удобныхъ условий для ученой работы, что у него не было обширной аудиторіи или широкаго круга читателей.

А. Я.

Бѣляевъ, И. С. Слѣдственное дѣло объ убіеніи Дмитрія-царевича въ Угличѣ 15 мая 1521 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1907.

Впервые, какъ извѣстно, «Слѣдственное дѣло объ убіеніи Дмитрія-царевича» было напечатано во 2-й части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» въ 1819 г., а затѣмъ второй разъ оно было напечатано въ приложеніи къ сборнику статей А. С. Суворина «О Дмитріи Самозванцѣ» въ прошломъ году. Это въ высшей степени интересное «дѣло» со стороны содержанія обсуждалось уже многими нашими историками-исслѣдователями, но съ палеографической стороны, если не считать небольшой замѣтки въ изданіи г. Суворина, оно разсматривалось до сихъ поръ не было. Настоящей статьёй И. С. Бѣляевъ и имѣетъ въ виду восполнить этотъ пробѣлъ, причѣмъ разборъ «Слѣдственного дѣла» онъ ведетъ въ связи съ новооткрытымъ «Духовнымъ завѣщаніемъ А. А. Нагоя въ 1617 г.», одного изъ главныхъ участниковъ дѣла. Въ концѣ статьи данъ алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, съ краткимъ изложеніемъ каждаго показанія, даннаго при допросахъ, — что даетъ возможность точно подсчитать показанія всѣхъ свидѣтелей по группамъ.

Я. Вярковъ.

Д. А. Червонецкій. Мошенничество по уголовному праву. Юрьевъ. 1906.

Тонкая брошюрка магистранта уголовного права юрьевского университета Д. А. Червонецкаго, представленная имъ въ видѣ работы pro venia legendi и для полученія званія приватъ-доцента, составлена не только поверхностно, но и небрежно. Цѣлью своей работы г. Червонецкій поставилъ критику новаго уголовного уложенія о мошенничествѣ; однако эта критика ограничивается не имѣющими значенія замѣчаніями (см. стр. 16 — 19) автора. Историческій очеркъ мошенничества совершенно неудаченъ, а статистическія свѣдѣнія о ростѣ обмановъ настолько неудовлетворительны, что съ успѣхомъ могли бы быть совершенно опущены. Страннымъ представляется упрекъ со стороны г. Червонецкаго редакторамъ новаго уголовного уложенія въ томъ, что они «отнюдь не руководились какимъ-либо высшимъ уголовно-политическимъ началомъ» (какимъ именно?), что «на первомъ планѣ для нихъ стояли интересы примѣнителей закона, потребности судебной практики» (что же въ этомъ плохого?)

Въ брошюрѣ г. Червонецкаго много модныхъ современныхъ выраженій («переоцѣнка всѣхъ цѣнностей», «новые пути» и т. п.): громкими фразами авторъ какъ будто старается прикрыть скудость и бѣдоту внутренняго достоинства его не имѣющей ни малѣйшаго значенія для уголовного права работы.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АСТОЯЩЕЕ происхожденіе легенды о мудромъ рѣшеніи царя Соломона. — Безпощадные изслѣдователи историческихъ сказаній, превратившихся за давностью времени едва не въ истинные факты, не хотятъ оставить ни одного изъ нихъ затянутымъ флеромъ фантазіи, а стремятся сорвать эту завѣсу, представивъ предъ глазами будущихъ поколѣній голый остовъ истины. Одинъ нѣмецкій ученый изслѣдователь древности, Гуго Грессманъ, лишилъ еврейскій народъ возможности гордиться мудрымъ рѣшеніемъ «мудрѣйшаго изъ царей» Соломона въ тяжбѣ двухъ матерей о спорномъ ребенкѣ. Въ своей статьѣ въ «Deutsche Rundschau» нѣмецкій ученый говоритъ, что дѣйствительнымъ изобрѣтателемъ знаменитаго мудраго рѣшенія является вовсе не библейскій царь Соломонъ, а одинъ индѣйскій царь, который былъ первымъ воплощеніемъ Будды, и это мудрое рѣшеніе приведено въ индѣйской книгѣ «Djatakos», отрывки изъ которой привелъ профессоромъ Германомъ Ольденбергомъ въ своемъ трудѣ «Древняя литература Индіи».

Эта легенда обошла весь свѣтъ: изъ Индіи она пошла въ Тибетъ, а оттуда въ Китай. Здѣсь ее передѣлали въ пьесу, озаглавленную «Гоепланъ-Ки», т. е. «Мѣловой Кругъ», поэтому ея интригу сдѣлали нѣсколько сложнѣе. Фабула этой пьесы слѣдующая: замужняя, но бездѣтная женщина украла у другой женщины ребенка съ цѣлью приобрести права на наследство послѣ смерти мужа. Судья Пао вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшеніе вопроса палачу, начертилъ мѣломъ кругъ и, помѣстивъ въ него ребенка, предложилъ обѣимъ женщинамъ стать по обѣ стороны круга, взять ребенка за руки и тянуть къ себѣ. Та изъ женщинъ, которой удастся вытянуть ребенка изъ круга, выиграетъ дѣло. Разумѣется, настоящая мать отказалась принять подобное

испытаніе, изъ опасенія оторвать ребенку руки и навсегда его лишиться,—и ребенокъ былъ возвращенъ ей. Изъ приведенной фабулы видно, что въ Тибетѣ и Китаѣ легенда о мудромъ правосудіи замѣтно различается отъ библейской. Напротивъ, въ одной арабской книгѣ, озаглавленной «Слова Магомета», легенда передана совершенно тождественно съ Библией, исключая одного варианта.

Для человѣчества довольно прискорбно, по замѣчанію Грессмана, установить фактъ, насколько невеликъ запасъ человѣческой мудрости, если Будда у древнихъ индѣйцевъ, Маріадрами современныхъ индѣйцевъ, Оока-Иешизен-но-Ками у японцевъ, Бокхорисъ и Мисеринусъ у египтянъ, Соломонъ у евреевъ, Гарунъ-аль-Рашидъ у арабовъ, Адрами у абиссинцевъ, оставившіе въ своихъ странахъ ренугацію необыкновенныхъ мудрецовъ, которымъ соотечественники приписывали цѣлый циклъ юридическихъ анекдотовъ,—все были призваны дѣлать судебныя постановленія въ тождественныхъ процессахъ.

Грессманъ задался цѣлью выяснить, какимъ образомъ эта легенда о «мудрѣйшемъ царѣ» попала къ западнымъ народамъ. «Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ:—что стѣнная живопись, открытая въ Помпѣхъ въ 1882 г., представляла судъ Соломона, но трудно сказать, въ какой мѣрѣ вліяніе еврейской легенды могло чувствоваться въ римскомъ городѣ, исчезнувшемъ въ 79 г. послѣ Р. X. Правда, въ спискѣ рабовъ попадаются имена Маріи и Марѳы, а изъ надписей на глиняныхъ сосудахъ видно, что въ Помпѣхъ приготавливали «еврейскій соусъ» для рыбы, но все-таки мало вѣроятности, чтобы въ ту эпоху римлянину явилась мысль украшать стѣны своего жилища живописью, изображающей эпизоды изъ исторіи Израиля». Въ *Columbarium* въ виллѣ Памфилия находится живопись съ подходящимъ сюжетомъ, но въ ней не такъ легко узнать именно судъ Соломона, также какъ на маленькомъ фризѣ дома Тиверія. Наоборотъ, недавно открытая живопись на могилѣ Назона ясно изображаетъ судъ Соломона, что можно угадать и безъ внимательнаго изслѣдованія.

Нѣмецкій ученый склоненъ предполагать, что у грековъ и римлянъ существовала своя собственная легенда, имѣющая сходство съ библейской,—но какому судѣ или царю приписывался подобный примѣръ мудрости, на это нѣтъ никакого опредѣленнаго указанія. Нить, которая вела легенду съ востока на западъ, еще не найдена, и хотя, по словамъ Гресселя, на большинство вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ, уже «брошенъ бѣглый лучъ свѣта, но все-таки послѣднее слово еще не произнесено». Вѣроятнѣе всего, что посредникомъ между Востокомъ и римскимъ міромъ служилъ Египетъ. Теперь уже все допускаютъ мысль, что живопись въ Помпѣхъ главнымъ образомъ состоитъ изъ воспроизведеній картинъ александрійской школы, и надо полагать, что въ странѣ, гдѣ сдѣланъ переводъ «*Le riante*», должны достаточно знать содержаніе Библии, и судъ Соломона наичаще служилъ сюжетомъ для греческихъ живописцевъ, украшавшихъ комнаты домовъ Рима и южной Италіи.

— Петрарка и Боккаччо—гумансты. —Лѣтъ пятнадцать тому назадъ М. Нолькъ, французскій изслѣдователь и поклонникъ таланта Франческо

Петрарки, издалъ результаты своей кропотливой работы, потребовавшей не мало уюорства при разыскиваніи книгъ, разсыянныхъ по разнымъ мѣстамъ Италіи и Франціи и составлявшихъ часть бібліотеки знаменитаго гуманиста и поэта. Многія изъ этихъ книгъ тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что на ихъ поляхъ сохранились замѣтки, написанныя рукою самого Петрарки и выразившія впечатлѣнія, произведенныя на него чтеніемъ той или другой изъ нихъ. Вѣрный своей мысли, «что, прочитавъ одну книгу, считаешь себя ученымъ, а прочитавъ много книгъ — считаешь себя большимъ невѣждой», Петрарка жадно дополнялъ свою богатую бібліотеку, разыскивая рукописи, списывая и покупая книги. Какъ извѣстно, онъ отказалъ большую часть ея послѣ своей смерти республикѣ, и она послужила основаніемъ бібліотекѣ св. Марка. Въ ней находились почти все латинскіе авторы, за исключеніемъ Тацита и Лукреція, а также много греческихъ, переведенныхъ для него. Теперь Нолькъ издалъ второе изданіе своего труда, значительно дополненнаго. Изучивъ соотношенія между мыслями Петрарки и авторами книгъ его бібліотеки, его любимыми учителями Цицерономъ и Виргиліемъ, историками и отцами церкви, Нолькъ сдѣлалъ свои выводы и къ наблюденіямъ надъ умственною жизнью поэта прибавилъ очеркъ его повседневной жизни.

Короткій, но ясный отчетъ ¹⁾ объ этой книгѣ даетъ Е. Родоконаки въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ «Hebdo Débats». По его словамъ, таланту Петрарки пришлось пережить три переоцѣнки. Совмѣщая въ себѣ двѣ различныя личности, въ сущности родственныя между собою, — ученаго и поэта, — судьба которыхъ сложилась неодинаково, Петрарка при жизни считался прекраснымъ ученымъ и неважнымъ поэтомъ. Любовныя стихи, впоследствии послужившіе основаніемъ для его славы, были въ глазахъ поэта и его современниковъ «грѣхами молодости», «*pugetdae*», какъ онъ тогда выражался. Авторъ думаетъ, что, несмотря на презрительное отношеніе къ своему прежнему энтузіазму, Петрарка, быть можетъ, снисходительно посмотрѣлъ бы на страсть, которая если въ дѣйствительности не очень серьезно взбудоражила ему жизнь и не захватила всехъ его мыслей, то, по крайней мѣрѣ, дала ему случай выказать себя нѣжнымъ, цѣломудренно влюбленнымъ и поэтически-постояннымъ. Но поэтъ не могъ этого сдѣлать: Петрарка ученый былъ бы этимъ опозоренъ. Его современники вполне раздѣляли съ нимъ это воззрѣніе: для нихъ онъ былъ великій ученый, нѣсколько походившій на кудесника, ибо постигъ тайны древнихъ. Папа Иннокентій считалъ его глубокимъ моралистомъ, у котораго друзья охотно просили совѣтовъ и поддержки въ минуту невзгодъ, «значительнымъ человѣкомъ», который не имѣлъ ничего общаго съ вздорными кропателями стиховъ. Въ то время мало занимался вопросомъ: воспѣвалъ ли только Петрарка свою любовь, или дѣйствительно любилъ? Такъ длилось довольно долго и поэту Петраркѣ не было мѣста на столахъ современниковъ, что видно изъ каталога бібліотеки маркиза Эста, гдѣ находилось много латинскихъ экземпляровъ Петрарки, но не было ни одной *Canzonier*'ы.

¹⁾ Pétrarque humaniste. Par E. Rodocanachi, «Hebdo Débats». 16 aout 1907.

Только въ позднѣйшее время, когда, по странному противорѣчю, дѣйствительно стали пользоваться его уроками, какъ ученаго, въ тотъ моментъ, когда гуманизмъ совершенно выбрался на предназначенный для него путь, въ Петраркѣ стали видѣть только поэта: ему начали подражать, вздыхали, любили по его образцу, — однимъ словомъ, «петраркизировали» до крайности, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи. Въ послѣдней сначала перевели его *Triumphes*, полные символовъ и эрудицій; для сонетовъ же нашелся переводчикъ только пятьдесятъ лѣтъ спустя. Съ тѣхъ поръ Петрарка остался только поэтомъ и вызывалъ восхищеніе, главнымъ образомъ, какъ поэтъ любви, самый совершенный «поэтъ чувствъ», какъ выражался о немъ Ламартинъ.

Въ наше время Петраркѣ сдѣлана новая переоцѣнка, и онъ снова является ученымъ и гуманистомъ. Особенно въ немъ выдѣляется неутомимость, съ которой онъ разыскивалъ, отмѣчалъ, комментировалъ и истолковывалъ старинные тексты. Если Петрарку такъ привлекали къ себѣ древніе писатели и онъ понималъ ихъ лучше, чѣмъ это дѣлали до него, то потому, что онъ читалъ ихъ, какъ поэтъ, безотчетно чувствуя, что въ нихъ надо искать главное — поэзію и искусство, ибо ихъ разсужденія скорѣе только словесныя, а не идейныя, особенно у грековъ, которые плѣвляли своимъ языкомъ. Если Платона онъ предпочиталъ Аристотелю, то потому, что первый трактовалъ философію, космографію и другія науки, какъ поэтъ; напротивъ, Аристотель изучалъ ихъ, какъ ученый. Поэтомъ же онъ возродилъ изученіе античнаго, сдѣлалъ его болѣе плодотворнымъ и точнымъ, и Ренанъ справедливо прозвалъ его «первымъ современнымъ человекомъ». Онъ самъ чувствовалъ, что былъ «на границѣ двухъ различныхъ народовъ». Онъ обрѣлъ міръ и это пріобрѣтеніе совершенно преобразовало тотъ міръ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ такъ имъ восторгался, что, исключая сонетовъ, всѣ его произведенія подражательныя.

Не менѣе интересно изложилъ въ «Figaro» ¹⁾ тотъ же Е. Родоконаки свой взглядъ на Боккачіо, указавъ на выраженные имъ глубоко нравственные стороны, ютившіяся рядомъ съ его смѣлами, вольными выселями. Надо согласиться съ авторомъ, что при глубокомъ изученіи произведеній итальянскаго поэта, сатирика, гуманиста и ученаго, въ нихъ найдется и моралистъ. Какъ извѣстно, подъ старость Боккачіо обратился въ отшельника и если бы не Петрарка, его другъ и совѣтникъ, то сдѣлался бы монахомъ. «Онъ, — говоритъ Родоконаки, — слишкомъ строго самъ себя осуждалъ, забывая, что во многихъ созданныхъ имъ романахъ, несмотря на вольность ихъ языка, цѣломудріе и постоянство высоко цѣнятся. Напримѣръ, свою книгу «*Le Corbaccio*» онъ всю посвятилъ одному вопросу — страсти и ея послѣдствіямъ, представивъ, какіе непріятные результаты влечетъ за собою страсть и насколько лжива и коварна женщина. Петрарка помнилъ лишь объ его «Декамеронѣ», хотя и тамъ Родоконаки находят не мало морали, приводя въ доказательство слова Боккачіо, взятыхъ изъ «*Corbaccio*»: «Я хочу служить руководителемъ каждому и особенно молодежи, у которой глаза закрыты». Въ сущности самъ Боккачіо

¹⁾ Boccace moraliste. Par E. Rodoconachi. Supplement litteraire du «Figaro». 3 août 1907.

былъ человѣкомъ, какихъ много: мечтателемъ, любившимъ пошутить, меланхоликомъ, который не прочь и посмѣяться, и мистикомъ, всей душою при-
вязаннымъ ко всему земному.

Физически онъ ничѣмъ не отличался отъ любящихъ всякаго рода насла-
жденія монаховъ, какими онъ изобразилъ ихъ въ «Декамеронѣ». Рыжеволо-
сый, высокаго роста, худощавый, круглолицый, толстогубый, Боккачю отли-
чался веселостью и даже жизнерадостностью; онъ очень любилъ поболтать и
умѣлъ превосходно вести легкія бесѣды. Съ моральной стороны—онъ былъ
ученый, поэтъ, влюбленный въ науку, красоту и идеалъ. Онъ, какъ и Петрарка,
любилъ уединяться въ монастырской библіотекѣ, углубляясь въ старыя, запы-
ленные рукописи, покрытыя мхомъ и уже разрѣзанныя монахами на куски для
дѣтскихъ игрушекъ. Боккачю охотно сдѣлался бы кабинетнымъ ученымъ,
доказательствомъ чему служитъ составленная имъ цѣлая серія біографиче-
скихъ словарей, «Римская исторія» и «Комментаріи Тита Ливія». Но прежде
всего и главное, Боккачю—поэтъ: болѣе всего его соблазняло въ философіи
ея пониманіе искусства и тайны поэзіи; а поэзія, по его мнѣнію, смягчала
душу, дѣлала ее болѣе податливой для страданій, и это объясняетъ, почему въ
его романахъ, по выраженію Родоканаки, «слышатся такіе красивые крики
страданій и такіе потрясающіе призывы любви». Боккачю унаслѣдоваль вкусъ
отъ своей матери, парижанки, и совѣтъ не былъ расположенъ къ практиче-
ской дѣятельности; отъ отца же, венеціанскаго купца, онъ ничего не заим-
ствовалъ и въ «Amoroso Vizione» выразилъ къ нему нѣкоторое презрѣніе,
представивъ его до изнеможенія скоблившимъ Золотую гору. Всю жизнь его
преслѣдовало отвращеніе къ торговлѣ, какъ неприятное воспоминаніе дѣтства
и въ комментаріяхъ къ «Божественной Комедіи», гдѣ одинаково онъ истолко-
вываешь какъ Данте, такъ и себя, имъ посвящены цѣлыя страницы, на кото-
рыхъ онъ поноситъ богатство и тѣхъ, кто «съ открытой частью только и
думаетъ, какъ бы проглотить собственность другихъ».

Этимъ именно объясняется его просвѣтлѣніе, когда, выгнанный изъ роди-
тельскаго дома, гдѣ «никогда или почти никогда не смѣялись», онъ поки-
нулъ темныя улицы торговаго квартала Флоренціи и попалъ въ ослѣпитель-
ный Неаполь. Это былъ рѣшающій моментъ въ его жизни. «Въ такой моментъ,—
говоритъ Родоканаки,— когда эмоціи чувствъ всего живѣе, когда душа жаждетъ
красоты и формируется на всю жизнь, онъ оказался лицомъ къ лицу съ чюд-
нымъ зрѣлищемъ, какое только можетъ быть. Онъ былъ ослѣпленъ, и это ча-
рующее ослѣпленіе длилось всю его жизнь, до старости: въ своихъ романахъ
юныхъ лѣтъ и позднѣйшихъ произведеніяхъ онъ безъ усталости описывалъ пора-
зившую его ослѣпительную панораму. Съ тѣхъ поръ чарующая прелесть при-
роды совершенно его захватила: онъ съ любовью воспѣваль весну, расцвѣтъ
цвѣтотъ, пробужденіе долинъ, лѣсовъ и полей».

Но Боккачю не только восторгался природой, какъ поэтъ,—онъ изучалъ
ее и какъ ученый. Въ «Ameto» перечислены цвѣты, растенія и деревья, при-
ведены подробныя свѣдѣнія объ ихъ достоинствахъ и характерныхъ особен-
ностяхъ, однимъ словомъ, передъ читателями представленъ чуть не ученый
трактатъ по ботаникѣ. Такая любовь къ природѣ оставила слѣды на его

нравственномъ обликѣ: она вдохновила ему высокія мысли, которыя простерли свое господство на его чувства и сдѣлали душу Боккачіо болѣе серьезной. Онъ чувствовалъ и ранѣе смыслъ жизни, но съ тѣхъ поръ онъ ее позналъ, и это придало его романамъ столько правды и душевнаго движенія. Первая и, можетъ быть, единственная любовь Боккачіо зародилась именно въ это время, а потому въ ней есть что-то милое, дѣлающее ее трогательной, даже подозрѣвая въ ней недостатокъ искренности. Въ продолженіе всей своей жизни онъ хранилъ о ней живое и даже драматическое воспоминаніе, такъ что минутами, по выраженію Родоконаки, беретъ искушеніе повѣрить, что Боккачіо былъ дѣйствительно очень влюбленъ и очень несчастливъ.

Была ли эта любовь искренняя, или притворная, но, судя по сдѣланному Боккачіо вѣрному ея анализу въ «Фіамметтѣ», она научила его понимать ее. Подъ именемъ Фіамметты, какъ извѣстно, онъ изобразилъ принцессу Марію, незаконную дочь короля Роберта, которая была въ него влюблена. Въ этомъ романѣ совсѣмъ нѣтъ дѣйствія: въ немъ просто разсказаны страданіе и горе покинутыхъ. Вольность употребляемыхъ Боккачіо выраженій, его слишкомъ реальныя описанія, по мнѣнію Родоконаки, не должны затуманивать мерали, проглядывающей въ его произведеніяхъ. «Данте,—говоритъ авторъ,—спасла изъ адской пучины—любовь, Боккачіо же изъ лабиринта любви («*Corbaggio*») вывелъ—разумъ. Въ «*Vita di Dante*» онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ жениться, только не тѣмъ, которые хотятъ посвятить себя литературѣ, ибо «во время занятій изящной литературой неожиданно появится супруга, которая прогонитъ похвальное размышленіе и заставитъ разбѣжаться ученыхъ друзей».

Боккачіо никогда не представлялъ женщины существенно порочною, но случайно; всѣ его героини, по выраженію Родоконаки, имѣли превосходныя причины совершить паденіе. Если Фіамметта послѣ упорнаго сопротивленія все-таки сдалась—значитъ сама Венера была заинтересована въ ея паденіи; Гризельда въ «*Il Filostrato*» сдалась только потому, что ей ловко дали почувствовать, какъ она молода и красива, а красота хочетъ любви. «Это,—говоритъ авторъ,—развратъ просачивается въ сердце женщины и онъ служитъ источникомъ бездны несчастій». Въ «*Ninphale*» сама природа и боги въ заговорѣ противъ Менсолы. Женщины въ его сказкахъ далеко не заслуживаютъ извиненія,—а какъ умно ведутъ себя ихъ слишкомъ предприимчивые обожатели! Семь разсказчицъ въ «Декамеронѣ», также какъ и семь нимфъ въ «*Ameto*» остаются чистыми среди развратныхъ разговоровъ, которые имъ нравятся.

Родоконаки высказываетъ мнѣніе, что, конечно, Боккачіо менѣе строгъ къ любовнымъ слабостямъ, чѣмъ Данте, и, разумѣется, помѣстилъ бы Франческу съ Паоло, а также тысячи и болѣе тѣней, которыхъ любовь лишила жизни, въ самое безопасное мѣсто ада, ибо, по словамъ самого Боккачіо, «хотя грѣхи тѣла—мерзки и причина многихъ золъ, все-таки они естественны и помогаютъ умножать родъ людской, а потому кажутся Богу менѣе ненавистными, чѣмъ другіе». Въ то же время Боккачіо возстаетъ противъ порока въ пѣснѣ V, гдѣ приведенъ эпизодъ съ Франческой, говоря, что «чувствен-

ность—источникъ всѣхъ пороковъ, она ослабляетъ зрѣніе, притупляетъ память, отупляетъ умъ и уничтожаетъ душевныя и тѣлесныя силы». Въ другомъ мѣстѣ онъ, какъ моралистъ, высказываетъ мысль, какое непоправимое зло можетъ причинить душѣ молодой дѣвушки легкомысленный разговоръ родителей въ ея присутствіи. Безнравственность его вѣка удивляла Боккачіо, и въ своей «Vita di Dante» онъ сожалеетъ о времени, «когда любили безъ желаній и страсть уходила не на немедленное удовлетвореніе чувственности». Теперь, говоритъ онъ въ «Фіамметтѣ», «такое поведеніе разсматривалось бы близкимъ къ чуду: все идетъ хуже и хуже».

Когда въ волосахъ Боккачіо показались сѣдины и борода побѣлѣла, то онъ сталъ подумывать о томъ, что ничего нѣтъ опаснѣе для любовниковъ, какъ чтеніе исторіи любви другихъ лицъ, и онъ упоминаетъ объ этомъ въ комментаріяхъ къ «Divina Comedia». Были ли подобныя взгляды внушены какимъ-нибудь монахомъ—неизвѣстно, но будто бы какой-то монахъ приходилъ къ нему и сообщалъ, что другому монаху въ видѣніи было предсказано все будущее и между прочимъ, что Боккачіо скоро умретъ. Послѣ этого поэтъ жилъ еще тринадцать лѣтъ, но уже велъ отшельническую жизнь. Всю жизнь Боккачіо приглядывался къ тому, насколько различны человѣческія сердца. Сердце женщины благодаря Боккачіо вышло изъ банальныхъ рамокъ загадки. Онъ первый представилъ его въ естественномъ видѣ. До него женщину представляли или какимъ-то недосыгаемымъ идеальнo-чистымъ существомъ, или грубо матеріальнымъ.

— Представитель Наполеона въ Петербургѣ послѣ Тильзитскаго мира.—Въ одномъ изъ номеровъ литературнаго прибавленія къ «Figaro» появился неизданный отрывокъ ¹⁾ изъ мемуаровъ перваго адъютанта Наполеона I Жана Савари, котораго при возобновленіи прерванныхъ сношеній послѣ Тильзитскаго мира императоръ отправилъ въ Россію въ качествѣ уполномоченнаго до назначенія новаго посланника. Кромѣ того, его появленіе въ Россіи было связано съ желаніемъ императора Александра I преобразовать военныя учрежденія по образцу французскихъ. Выборъ Наполеона палъ на Савари, какъ на чловѣка, который могъ бы прочистить для будущаго посланника путь въ общество старой аристократической партіи, разгнѣванной пораженіемъ и презрительно относившейся къ французамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ у Наполеона была и другая цѣль—побудить царя къ войнѣ съ Англіей, если она вздумаетъ помѣшать достиженію всеобщаго мира, такъ необходимаго вѣлмъ державамъ послѣ долгой борьбы.

Одного не разсчиталъ Савари, переѣзжая Нѣманъ, — трудности взятой на себя задачи. Онъ воображалъ, что достаточно одного желанія Александра, чтобы старая придворная партія забыла обиду и съ легкимъ сердцемъ раскрыла предъ уполномоченнымъ еще недавно враждебнаго государства двери въ великосвѣтское общество. Поэтому онъ очень удивился той ненависти, какую уже дорогою выражали ему русскіе, начиная съ дворянства и духовен-

¹⁾ Un dîner chez le Tsar. Par Edouard Gachot. Supplément littéraire du «Figaro» 10 août 1907.

ства и кончая почтовымъ начальствомъ, хотя Савари былъ официально аккредитованъ и послѣднее было обязано исполнять данныя ему приказанія. У петербургской заставы его очень долго задержали, производя тщательный осмотръ. Отправленному заблаговременно для устройства помѣщенія уполномоченнаго курьеру отказали сдать квартиру въ первыхъ пяти домахъ, которые онъ посѣтилъ, такъ что Савари едва могъ устроиться въ «Лондонской гостиницѣ» и то только благодаря тому, что управляющій былъ его землякъ.

Французскій уполномоченный старался какъ можно болѣе собрать точныхъ свѣдѣній обо всемъ, что дѣлается въ Россіи, черпалъ ихъ изъ всевозможныхъ источниковъ, и, какъ предусмотрительный человѣкъ, записывалъ ихъ. По его словамъ, возвращеніе Александра въ Петербургъ не произвело никакого впечатлѣнія на общество и не вызвало со стороны народа никакого восторга. Одинаково и заключеніе мирнаго договора не вызвало у него радости. Уже два года общественное мнѣніе все болѣе и болѣе возбуждалось противъ Франціи, и русскіе были слишкомъ воинственно настроены противъ нихъ, чтобы радоваться мирному окончанію.

Пріѣздъ Савари вызвалъ среди петербуржцевъ сильное волненіе: повсюду за нимъ слѣдовали русскіе и съ любопытствомъ разсматривали его. О политическихъ дѣлахъ, Тильзитѣ, мирѣ, французахъ и Наполеонѣ изъ страха никто въ Петербургѣ не говорилъ. Въ печати еще не появлялись извѣстія о заключеніи мира; хотя никто не сомнѣвался, что это совершилось, но нѣкоторыя личности дѣлали видъ, будто этому не вѣрятъ. Всѣ чувствовали, что потерѣли пораженіе, и это вызвало негодованіе глубоко уязвленной гордости. Въ газетахъ появилось сообщеніе о Фриланскомъ сраженіи, при чемъ признавалось, что потеря людьми опредѣлялась въ 10.000 человѣкъ. Однако, зная всѣ обстоятельства отступленія русскихъ за Нѣманъ, эта цифра считалась далеко не точной. Еще за два дня до пріѣзда Савари въ Петербургъ въ церквяхъ служили молебны о пораженіи французовъ, и только 24 июля вышли два указа: одинъ о прекращеніи молебновъ, а другой о запрещеніи непочтительно отзываться о французскомъ императорѣ, какъ въ печати, такъ и въ разговорѣ. Въ этихъ указахъ Наполеонъ величался королемъ неанолитанскимъ и голландскимъ и французскимъ государемъ.

Рядомъ съ этимъ во многихъ періодическихъ журналахъ появлялись статьи и пасквили на Наполеона, составленные эмигрантами съ цѣлью возбудить въ русскихъ презрѣніе къ французамъ, но по приказу императора печатаніе и продажа ихъ были воспрещены. На биржѣ осмѣливались публично говорить, что миръ не заключенъ, и открыто порицали императора за то, что онъ отправился на свиданіе къ Наполеону, тогда какъ послѣдній долженъ былъ самъ пріѣхать къ русскому императору. По пріѣздѣ Савари сдѣлалъ тридцать визитовъ, но его нигдѣ не приняли, исключая князя Лобанова и графа Толстого. По его словамъ, многіе не рѣшались съ нимъ разговаривать, даже офицеры, съ которыми онъ познакомился въ послѣднюю кампанію. Не только русскіе, но и соотечественники Савари, французскіе купцы, не смѣли являться къ нему съ визитомъ. Всѣ еще находились подъ впечатлѣніемъ присяги, согласно которой подъ угрозой смертной казни запрещалось всту-

пять въ сношенія съ французами. Многіе изъ французовъ находились въ необходимости оставаться связанными этой клятвой, не имѣя средствъ уѣхать на родину и обремененные семействомъ.

Относительно придворной жизни Савари говоритъ, что въ Петербургѣ въ то время было въ сущности два двора—императора съ императрицей и императрицы-матери. Последняя, хотя, повидимому, не вмѣшивалась въ политическія дѣла, но при случаѣ давала совѣты, имѣвшіе большое значеніе. Главною чертою ея характера являлась твердость убѣжденій. Въ ней было много общихъ чертъ съ ея братомъ, королемъ вюртембергскимъ: она была благородна и держала себя съ большимъ достоинствомъ. При ея дворѣ царилъ болѣе строгій этикетъ, чѣмъ при императорскомъ. Говорили, что она честолюбива, но Савари находилъ это несправедливымъ. По его словамъ, естественная склонность русскихъ къ женскому управленію страню могла бы имѣть здѣсь мѣсто, но нѣжная любовь императрицы Маріи къ сыну уничтожала всякіе толки на этотъ счетъ. Императоръ былъ ея любимымъ сыномъ и она предпочитала его великому князю Константину, поведеніе котораго не могло нравиться набожной императрицѣ безукоризненнаго поведенія. Молодые великіе князья и княжны воспитывались при ея дворѣ, который очень медленно высказывалъ свои мнѣнія относительно политическихъ событій.

Твердая воля императора руководила всеѣмъ дворомъ; императрица же Елизавета, застѣнчивая и сдержанная отъ природы, думала и говорила, что было желательнo Александру. Ея сестра, принцесса Амалия, обладала болѣе самостоятельнымъ характеромъ, но и ей приходилось по необходимости уступать, хотя не съ такой покорностью и мягкостью, какъ это дѣлала ея сестра. Во всемъ была видна воля императора: онъ былъ, по выраженію Савари, главою своего двора и государства. У него была, по мнѣнію француза, сильная воля, и онъ отстаивалъ свои мнѣнія съ такимъ упорствомъ и твердостью, что это принимали даже за упрямство. Все, что онъ дѣлалъ по возвращеніи въ Петербургъ, было послѣдовательно происшедшему въ Тильзитѣ. Онъ могъ встрѣтить въ Петербургѣ въ нѣкоторыхъ близкихъ личностяхъ, не раздѣлявшихъ съ нимъ мнѣніе, нѣкоторое возраженіе, но послѣдовательной системы оппозиціи не было. «Я повторяю,—говоритъ Савари,—въ Петербургѣ господствуетъ единственно воля императора».

Прибывъ въ Петербургъ 23 іюля 1807 г., въ три часа пополудни, онъ получилъ приглашеніе явиться къ царю въ 8 часовъ вечера. Первой фразой императора было: «Какъ поживаетъ мой дорогой другъ и союзникъ императоръ Наполеонъ»? Послѣ оказаннаго французскому уполномоченному, императоромъ вниманія посланники другихъ державъ, согласно этикету, принятому въ дипломатическомъ мѣрѣ, выразили ему, въ свою очередь, вниманіе. Представитель австрійскаго императора, генералъ Мерфельдъ, далъ большой объѣдъ 25 іюля. Тильзитскій трактатъ еще не былъ обнародованъ и не могъ появиться ранѣе 19 августа, а потому австрійскій и англійскій посланники старались узнать, хотя въ главныхъ чертахъ, его содержаніе. Савари пришлось лавировать, чтобы обойти молчаніемъ затруднительные вопросы и въ то же время успокоить тревогу посланниковъ. 29 іюля императоръ пригласилъ посланника

обѣдать къ себѣ на Каменный островъ. Савари находился сначала въ затрудненіи, какъ ему попасть туда, но хозяинъ гостиницы взялся все ему устроить. У Марсова поля на Невѣ съ шести часовъ его ожидала барка, украшенная красной матеріей и съ факелами на кормѣ. Когда посланникъ вошелъ въ залу, государь разговаривалъ съ графомъ Толстымъ и дипломатами княземъ Михайломъ Долгорукимъ и Лобановымъ, графомъ Румянцовымъ и морскимъ министромъ, а также княземъ Багратиономъ, генераломъ Уваровымъ, двумя генералами, бывшими во Фридрихсбургѣ. Необыкновенная любезность императора въ обращеніи съ Савари указывала на то, что его положеніе прочно. До прихода императрицы Елизаветы и ея сестры разговоръ велся непринужденный. Послѣ того какъ Савари привѣтствовалъ дамъ, императоръ повелъ гостей къ обѣденному столу. За столомъ служили черкесы «по восточной модѣ», какъ выразился Савари. Послѣ обѣда, окончившагося въ девять часовъ, общество расположилось въ двухъ смежныхъ залахъ. По удаленіи императрицы съ сестрою Александръ задалъ Савари вопросъ:—«Есть у васъ какія-нибудь новости отъ вашихъ?»—«Нѣтъ еще, государь».—«Вы ожидаете кого-нибудь?»—«Да, Лессенса, котораго, какъ мнѣ говорилъ князь Беневентъ, онъ пришлетъ изъ Дрездена».—«А! я съ удовольствіемъ узнаю объ этомъ; слышите, господа, Лессенсъ къ намъ возвращается. Поздравимъ себя съ этимъ. Это человѣкъ достойный уваженія, о которомъ сожалѣлъ весь городъ. Онъ знаетъ Россію лучше, чѣмъ кто-либо изъ моихъ министровъ».

Разговаривая такимъ образомъ, императоръ незамѣтно прошелъ въ садъ, и когда остался съ Савари наединѣ, то произнесъ:—«У васъ былъ не очень-то пріятный обѣдъ третьяго дня? (у Мерфельда). Но я очень радъ, что вы имѣли случай видѣть противную партію. Какъ вамъ понравился лордъ Гауэръ?»—«Государь, мнѣ было невозможно судить о немъ, такъ какъ онъ слова не проронилъ ни во время обѣда, ни послѣ».—«Это меня не удивляетъ: онъ лѣнтяй, который, имѣя другіе недостатки, еще не любитъ своей обязанности. Впрочемъ, мы увидимъ. Я ожидаю отсюда отвѣта». При этомъ государь улыбнулся.—«Я очень опасаясь,—сказалъ Савари:—что предложеніе вашего величества будетъ дурно принято этими господами».—«А, вы это знаете?»—«О, да, государь; впрочемъ, я это узналъ здѣсь».—«Какимъ образомъ? расскажите».—«Государь, я вамъ скажу это, какъ сказалъ бы императору, если бы былъ съ нимъ. Ваше величество хорошо знаете, что г. фонъ-Мерфельдъ владѣетъ даромъ разспрашивать, и я не замедлилъ замѣтить къ всѣмъ его любезностей».—«Да, я одного мнѣнія съ вашимъ повелителемъ: Мерфельдъ хитеръ и лукавъ. Что онъ вамъ сказалъ?»—«Онъ мнѣ задалъ много вопросовъ о Гильзитѣ, и я могъ подмѣтить необыкновенное любопытство относительно статей трактата, который онъ во что бы то ни стало хотѣлъ знать».

Когда Савари рассказалъ Александру о спорѣ съ Мерфельдомъ, то государь произнесъ: «Какъ? онъ все это вамъ сказалъ?»—«Да, государь; онъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ обнародованія трактата».—«Терпѣніе. Онъ узнаетъ, что должно касаться его. Ему сообщатъ, когда придетъ время; и это скоро случится. Что касается до его тревоги, тѣмъ хуже для него, если она имѣется. Эти господа должны будутъ довольствоваться этимъ и пусть ихъ».

поступаютъ, какъ хотятъ. Они замолчатъ, когда два государства, какъ Россія и Франція, заговорятъ...» — «Я въ этомъ болѣе чѣмъ убѣжденъ, государь, но, конечно, они въ чемъ-то сомнѣваются». — «Я далъ императору слово и сдержу его. Онъ сказалъ очаровательную вещь, которой я никогда не забуду; онъ сказалъ: «Я никогда не могъ устроиться втроемъ; я часто спалъ вдвоемъ, но никогда втроемъ». — И я совершенно одного съ нимъ мнѣнія... Когда вы будете писать императору, скажите мнѣ, чтобы я могъ дать къ нему письмо, если вы не найдете болѣе подходящимъ послать къ нему офицера...» — «Не думаю, чтобы императоръ обратилъ вниманіе на то, какимъ способомъ онъ получитъ отъ вашего величества извѣстія, если они придутъ прямо отъ васъ; но я убѣжденъ, что, имѣя удовольствіе получить ихъ, ничего не будетъ для него пріятнѣе, какъ узнать о скоромъ прибытіи въ Парижъ посланника вашего величества». — «Не безпокойтесь объ этомъ. Мой посланникъ отправится на курьерскихъ; вы можете ему это сказать». — «Ваше величество позволить мнѣ питать надежду, что императоръ увидитъ тамъ графа Румянцова?» — «Хорошо. Вы видѣли Румянцова? Вы видѣли, какой онъ слабый и разбитый. Онъ никакъ не подходитъ вашему государю. Я хотѣлъ бы выбрать посланника, который былъ бы въ совершенномъ разсудкѣ и который въ то же время умѣлъ бы внушить императору довѣріе къ себѣ, могъ бы слѣдовать за нимъ въ его поѣздкахъ и бесѣдовать съ нимъ, когда ему надо, какъ я это дѣлаю съ вами въ данный моментъ; для этого я хотѣлъ бы послать человѣка военнаго. Вы чувствуете, какое я придаю этому значеніе и какъ было бы опасно послать къ нему еще одного человѣка, какъ «московскаго господина». Я имѣю виды на одного человѣка, который пользуется моимъ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ и скоро сюда пріѣдетъ: это генералъ Толстой, братъ того, что сидитъ тамъ, тотъ самый, который командовалъ противъ васъ прошедшую зиму. У васъ будетъ случай видѣть его здѣсь, и вы мнѣ объ немъ выскажетесь. Я думаю, что онъ подойдетъ императору». — «Государь, если у генерала Толстого такой же характеръ, какъ у его брата, то онъ совершенно подходитъ императору и будетъ очень хорошо принятъ». — «Какъ проводите вы ваше время въ Петербургѣ? Я знаю, вы тамъ не очень веселитесь. Еще немного потерпите. Что вы узнали?» — «Немного, ваше величество. Мнѣ говорили о назначеніи новыхъ министровъ и между прочимъ мнѣ называли морскаго министра и военнаго министра, князя Лобанова. Признаюсь, если послѣднее назначеніе состоится, то я поспѣшу сообщить объ этомъ императору, какъ о новости, которая доставитъ ему большое удовольствіе: онъ его очень жаловалъ въ Тильзитѣ». — «Безъ сомнѣнія, здѣсь также много болтаютъ, какъ и въ Парижѣ, — замѣтилъ императоръ. — Что же касается до перемѣнъ въ министерствахъ, то мнѣ не много придется сдѣлать въ этомъ отношеніи. Морской министръ уже назначенъ: это Чичаговъ, котораго вы видите тамъ. Онъ совершенно подходитъ, и я имъ доволенъ. — Что же до Лобанова, то я говорилъ о немъ императору въ нашихъ soirées nocturnes и разсчитываю назначить его своимъ военнымъ министромъ, когда раздѣлю это министерство, какъ у васъ. Этотъ способъ безспорно хорошъ. Впрочемъ, я думаю, какъ и вашъ государь: лучше поставить министра на другую дорогу, чѣмъ лишиться его, когда

онъ въ состояніи хорошо служить. Вы до сихъ поръ видѣли здѣсь мало общества». — «Признаюсь вашему величеству, что безъ вашей доброты ко мнѣ, а также великаго князя, я не вышелъ бы еще изъ моихъ комнатъ. Я ему говорилъ объ этомъ довѣрчиво, такъ какъ зналъ, что ему все рассказали. Мое терпѣніе не ослабѣло, и пріемъ, которымъ вы меня удостоили, ободрилъ меня». — «Это скоро измѣнится. Подождемъ прибытія отвѣта. Поѣзжайте съ морскимъ министромъ посмотрѣть Кронштадтъ. Ему отданъ приказъ васъ сопровождать: вы увидите, что я готовъ хорошо принять этихъ господъ. Я также далъ приказъ открыть для васъ арсеналъ и литейныя мастерскія». — «Я не знаю, какъ выразить вашему величеству мою благодарность», — отвѣтилъ Савари. — «Видѣли ли вы великаго князя?» — спросилъ императоръ. — «Да, государь, я имѣлъ эту честь». — «Что же онъ вамъ сказалъ?» — «Что онъ надѣется сдержать обѣщаніе поѣхать въ Парижъ, но что это зависитъ не отъ него. Его, впрочемъ, ожидаютъ въ Парижѣ, государь, и для всѣхъ будетъ праздникъ принять его. Мнѣ поручили заставить его сдержать обѣщаніе». — «Да чтобы по моемъ пріѣздѣ я засталъ его по горло въ удовольствіяхъ... и никто, кромѣ меня, не вытащить его изъ нихъ. Я рассчитываю взять его себѣ въ спутники. Впрочемъ, у него есть работа. Гвардія прибудетъ только чрезъ мѣсяцъ, и я откровенно признаюсь, что ей придется понести значительныя потери. У меня также много работы; но разъ все будетъ окончено, ничто не воспрепятствуетъ этому путешествію, которое мнѣ многое обѣщаетъ... Прощайте, генераль, я васъ увижу въ Петергофѣ». — «Я буду имѣть эту честь, государь, и напишу императору только по возвращеніи вашего величества». — «Очень хорошо!»

Этимъ окончилась аудіенція. Опять Савари, какъ и по пріѣздѣ во дворецъ, сопровождалъ адъютанта государя графъ Ливень и тотъ же камергеръ Толстой проводилъ его до рѣшетки дворца. Для охраны посланника находились конные стражи. Уже наступила ночь, и по Невѣ въ лодкахъ возвращались въ городъ «бояре», какъ Савари называлъ богатыхъ русскихъ. Возвратясь въ гостиницу въ прекрасномъ настроеніи, онъ сказалъ ожидавшимъ его офицерамъ: «Мы все еще въ милости».

— Лэди Гестеръ Стэнонъ — Любопытную характеристику представительницы типичной эксцентричности англійской націи XVIII вѣка въ лицѣ племянницы Вильяма Питта, лэди Гестеръ Стэнонъ, представилъ Викторъ де-Блэдъ въ «Revue des deux mondes»¹⁾. Эта интересная съ психологической стороны женщина вызывала у современниковъ, особенно за послѣдніе годы своей жизни, двоякое мнѣніе: одни называли ее безумной, другіе, напротивъ, и въ числѣ нихъ Ламартинъ, признавали въ ней личность съ необычайнымъ интеллектуальнымъ развитіемъ, доходившимъ до границъ гениальности, и ея «безуміе» называли добровольнымъ, а не болѣзненнымъ. Личное мнѣніе автора статьи относительно пресловутой англійской эксцентричности тѣмъ болѣе интересно, что оно попутно касается и русскихъ: находя вообще англійскую

¹⁾ Lady Hester Stanhope: par Victor de Bled. «Revue des deux mondes» 15 avril 1907.

эксцентричность возмущающею французовъ отсутствіемъ мѣры, онъ подмѣчаетъ въ ней большое сходство съ русской. Онъ различаются между собою лишь тѣмъ, что русская эксцентричность сохраняетъ свое особое свойство, присущее только ей одной, ибо, по его словамъ, у русскихъ двѣ души—восточная и западная, которыя не всегда ладятъ между собою, да и вообще, въ дружбѣ или враждѣ, онъ всегда производятъ лабиринтъ безъ Ариаднѣ, безконечно сложные феномены. Впрочемъ, мнѣніе де-Влѣда не новость: приблизительно таково общее мнѣніе европейцевъ о русскихъ.

Что касается англійской лэди, то ея чрезмѣрная эксцентричность объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что къ типичной чертѣ англійскаго характера примѣшалось противорѣчіе въ воззрѣніяхъ отца и матери, принадлежавшей къ старинной англійской аристократической семьѣ лордовъ Чатамъ, изъ которой вышель и министръ Питтъ, братъ ея матери, сохранившей аристократическія привычки. Напротивъ, ея отецъ, поклонникъ Руссо и Мабли, по примѣру философовъ XVIII вѣка, склонялся на сторону демократовъ и думалъ больше о счастіи всего человѣчества, чѣмъ о своей семьѣ. Желая чѣмъ-нибудь выразить равенство съ народомъ, онъ снялъ со всѣхъ предметовъ домашняго обихода свой графскій гербъ, оставивъ его только на главныхъ воротахъ, приказалъ вынести въ сарай дорогіе ковры, столовый сервизъ, вѣсившій шестьсотъ фунтовъ, и продать экипажи и лошадей, чтобы заставить членовъ семьи ходить пѣшкомъ. Къ такого рода противоположностямъ въ характерѣ отца и матери прибавилось еще отсутствіе какого-либо воспитанія. Гестеръ осталась четырехлѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти матери на рукахъ чужихъ женщинъ, французскихъ и швейцарскихъ гувернантокъ, и на попеченіи нѣжной слабой бабушки со стороны отца. Ея мачеха, легкомысленная, пустая женщина, нимало о ней не заботилась и, по словамъ самой Гестеръ, она даже не узнала бы ее, если бы встрѣтила на улицѣ.

Неудивительно, что, проведя дѣтство на свободѣ, почти одна, Гестеръ выросла своенравной, повелительной, быстро поддававшейся гнѣву, не допускавшей относительно себя никакихъ выговоровъ или совѣтовъ и никогда ни сомнѣвавшейся въ своемъ успѣхѣ. Это имѣло свою хорошую сторону: Гестеръ научилась быть находчивой въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и смѣлостью покорять препятствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей не хватало дипломатическаго такта, необходимаго для ея положенія свѣтской женщины. Когда отецъ продалъ лошадей и экипажи, всѣ домашніе, начиная съ его жены, были въ какомъ-то угнетенномъ состояніи, и только одна Гестеръ не унывала; она раздобыла себѣ ходули и стала ходить по одной изъ грязныхъ улицъ, гдѣ, какъ она знала, часто проходилъ ея отецъ. На вопросъ отца, зачѣмъ она тамъ шла на ходуляхъ, дѣвушка отвѣтила: «Вы продали лошадей, и я думала, что надо взять ходули, чтобы ходить по грязи; впрочемъ, мама, вы знаете, меня не напугаешь ни грязью, ни чѣмъ другимъ: но для бѣдной лэди Стэнонъ это очень тяжело; подумайте, она привыкла всегда ѣздить въ каретахъ, и ея здоровье не очень хорошо». — «Что ты говоришь, малютка?» — воскликнулъ Стэнонъ. Потомъ, помолчавъ, онъ спросилъ: «Что ты скажешь, если я куплю для нея карету?» — «О, я скажу, что вы очень добры». — «Ну, хорошо, хорошо, посмотримъ, но къ

чорту всё гербы!» П Гестеръ-ребенокъ добилась того, на что большіе не смѣли надѣяться. Въѣстѣ со смѣлостью и находчивостью у нея развились фантазія и страсть къ похождениямъ: еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ она едва не пустилась въ лодочкѣ къ берегамъ Франціи, желая увидѣть страну, гдѣ такіе пріятные и любезные люди, какъ французскій посланникъ Людовика XVI и его свита, только что прибывшіе въ Англію.

Въ такой обстановкѣ прошло дѣтство будущей эксцентричной, но въѣстѣ съ тѣмъ не обыкновенной, не банальной женщины. Изъ дѣвочки она превратилась въ чрезвычайно высокую ростомъ дѣвушку, не отличающуюся красотой, судя по ея признанію въ мемуарахъ, такъ что если бы взять ея черты лица и разложить на столѣ, то ни одна не заслуживала бы вниманія. Впрочемъ, она хвасталась двумя особенностями: аристократической ножкой, подъ подъемомъ которой «могъ пройтись котенокъ», изамѣчательной бѣлизной кожи, на которой въ десяти шагахъ нельзя было различить бѣлаго жемчуга. Недостатокъ красоты, вѣроятно, и былъ причиной отсутствія жениховъ, хотя она едва не вышла замужъ за лорда Кемельфорда, такого же великана, какъ Питтъ. Это былъ перворазрядный оригиналъ, ежегодно вручавшій пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ на тайную раздачу бѣднякамъ и переодѣвавшійся матросомъ, чтобы ходить по тавернамъ и потихоньку раздавать деньги бѣднякамъ, но съ тѣмъ, чтобы они никому не рассказывали, иначе грозилъ кулачной расправой. Но этотъ бракъ не состоялся вслѣдствіе несогласія семьи Чатамъ изъ-за денежныхъ интересовъ. Второй ея женихъ, генералъ Муръ, былъ убитъ.

Гестеръ и ея братья ненавидѣли демократовъ и потому не могли ужиться въ отцовскомъ домѣ, который король прозвалъ Democracy Hall, такъ много собиралось тамъ демократовъ, и въ 1800 г. сбѣжали къ бабушкѣ Чатамъ, въ графство Сомерсе. Здѣсь она часто видѣлась съ своимъ обожаемымъ дядей Питтомъ и отсюда же она уѣзжала во Францію, куда стремительнымъ потокомъ бросились англичане послѣ заключенія Амьнскаго договора. По возвращеніи отсюда ее ожидала новая переменна: бабушка вскорѣ умерла и, не долго думая, Гестеръ обратилась къ Питту съ просьбою взять ее къ себѣ. Несмотря на привычки стараго холостяка, онъ охотно передалъ ей управленіе хозяйствомъ, и она сдѣлалась «помощникомъ государственнаго секретаря въ департаментѣ банкетовъ». Въѣстѣ съ нею переселились и ея братья, которыхъ смѣлая дѣвушка увезла изъ дома отца. Вскорѣ она сдѣлалась не только довѣренной Питта, но даже его Эгеріей. Она умѣла добиваться отъ него для своихъ знакомыхъ различныхъ назначеній, какія только желала, распечатывала его письма, иногда подписывалась подъ его руку на официальныхъ бумагахъ и писала отъ его имени письма.

Питтъ не могъ нахвалиться достаточно своей племянницей, какъ это видно изъ ея мемуаровъ, и шутя говорилъ: «У меня много хорошихъ дипломатовъ, но ни одинъ изъ нихъ ничего не понимаетъ въ войнѣ; у меня также много хорошихъ офицеровъ, которые не стоятъ и шести пенсовъ въ моемъ кабинетѣ. Ахъ, Гестеръ, если бы вы были мужчиной, я послалъ бы васъ съ 60000 солдатъ на континентъ, предоставивъ вамъ полную свободу дѣйствій, и я увѣренъ, что ни одинъ изъ моихъ плановъ не провалился бы,

какъ ни одного изъ монахъ солдатъ не увидѣли бы безъ хорошо вычищенныхъ сапогъ».

Гестеръ сдѣлалась другомъ герцоговъ Кумберландскаго и Юркскаго, но терпѣть не могла Валлійскаго, и это чувство испривязни не ускользнуло отъ его вниманія. На его вопросъ, Гестеръ ему прямо отвѣтила, что полюбитъ его, когда онъ будетъ походить на братьевъ. Подобные прямодушные отвѣты рисуютъ Гестеръ плохимъ дипломатомъ, и они создали ей не мало враговъ, хотя слава объ ея умѣ распространилась въ обществѣ и самъ король некалъ случая для бесѣды съ нею. Однажды она появилась подъ руку съ дядей на террасѣ Виндзорскаго дворца, и король въ присутствіи всего двора обратился къ Питту со словами: «Г. Питтъ, я выбралъ перваго министра на ваше мѣсто». — «Какъ вамъ угодно, ваше величество, я счастливъ, что вы нашли человѣка, который можетъ освободить меня отъ тяжелаго бремени дѣлъ: отдыхъ и хорошій воздухъ будутъ мнѣ полезны». — «И министра лучше васъ». — «Выборъ вашего величества не можетъ быть инымъ». — «Да, г. Питтъ, я вамъ вѣрно говорю: у меня есть министръ лучше васъ и при томъ хорошій генералъ». — «Я попрошу бы ваше величество познакомить меня съ этой замѣчательной личностью, чтобы я могъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, какого заслуживаетъ такой крупный талантъ и выборъ вашего величества», отвѣтилъ Питтъ. — «Но, вотъ она, — произнесъ король, разражаясь смѣхомъ и указывая на Гестеръ: — нѣтъ человѣка въ моемъ королевствѣ, который былъ бы лучшимъ политикомъ, чѣмъ лэди Гестеръ: я испытываю большое удовольствіе, объявляя, что не существуетъ другой женщины, которая оказала бы столько чести своему полу. Позвольте вамъ сказать, г. Питтъ, если у васъ нѣтъ никакой причины гордиться положеніемъ министра, ибо и до васъ были и послѣ васъ будутъ министры, то вы можете гордиться ею: она одна соединяетъ въ себѣ все, что можетъ существовать великаго въ мужчинѣ и женщинѣ». Такое лестное о ней мнѣніе короля еще болѣе вскружило Гестеръ голову и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавило количество враговъ.

Однако ея царство длилось не вѣчно. Питтъ умеръ, а съ нимъ исчезло для Гестеръ ея блестящее положеніе въ обществѣ и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Послѣ Питта осталось долгу 40000 фунтовъ стерлинговъ, и палата общинъ голосовала вопросы о кредитѣ на покрытие его долговъ и пеней въ 1200 фунтовъ стерлинговъ Гестеръ и въ 600 каждой изъ ея сестеръ. Фоксъ, противникъ Питта, предложилъ ей выхлопотать синекуру, а король — жить въ Виндзорскомъ дворцѣ, но она все это отклонила. Цѣлыхъ два года она старалась приучить себя къ скромной обстановкѣ, но этого ей не удалось достигнуть: прежнее блестящее положеніе слишкомъ ее избаловало и чтеніе книгъ въ одиночествѣ не могло ее удовлетворить: она жаждала прежняго могущества, политической цѣли, хотя знала, что въ Англии этого ей не добиться, и поэтому для своихъ честолюбивыхъ плановъ избрала Азію. Съ этого момента собственно начинаются самыя эксцентричныя и любопытныя страницы ея жизни, полныя романтическихъ приключеній, хотя и безъ любви. Свое новое существованіе она дѣлитъ на два періода — путешествій съ 1809 — 1817 гг. и на періодъ ея пребыванія въ Марь-Эліасѣ и Джувѣ въ 1817 г.

Разумѣется, подобныя путешествія въ Пальмиру, Тадморъ и Баальбекъ въ наше время не представляли бы диковины, но во время Гестеръ Стэнонъ посѣщеніе этихъ легендарныхъ мѣстностей считалось подвигомъ смѣлости и отваги, вслѣдствіе, съ одной стороны, алчности нашей и фанатизма народа, а съ другой — опасности имѣть дѣло съ арабами, занимавшимися разбоями, и солдатами, которые были не лучше ихъ. Во время пути приходилось безпрестанно вести переговоры, иногда угрожать или добиваться разрѣшенія на проѣздъ съ помощью денегъ и дипломатіи. Какъ женщицѣ, Гестеръ было еще труднѣе добиваться этихъ разрѣшеній въ виду ея пола, къ которому на Востокѣ относятся презрительно, и она прибѣгла къ хитрости. Сбросивъ женскую одежду, она стала носить мужское платье, курить трубку, ѣздить верхомъ по мужски, отличаясь чѣсто мужской смѣлостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ великодушіемъ, стойкостью и силою души. Ея соотечественники прозвали ее «Гестеръ, еврейская королева», а турки и арабы, очарованные ея смѣлостью — «Sytt Milady» и «Malikah», а послѣ ея путешествія въ Пальмиру — «королевой Тадмора» или «королевой Пустыни». Въ концѣ концовъ она серьезно приняла послѣднее прозвище, заранѣе стала считать себя оракуломъ этого народа и объявила себя бальвнемъ турецкой арміи. Дѣйствительно, диванъ относился къ ней очень предупредительно и даже далъ фирманъ, благодаря которому ей оказывали почести, какъ принцессѣ королевской крови. Слава о ней распространилась среди послѣдователей ислама и долго держалась. По словамъ бедуиновъ, ей это обошлось въ 30000 шастровъ. Но, вѣроятно, цифра была преувеличена съ цѣлью заставить появившихся послѣ нея путешественниковъ платить за все дороже. Со свойственной этому народу фантазіей они описывали ея путешествія въ такихъ яркихъ, сказочныхъ краскахъ, говоря, что по ея проѣздѣ дикія пустыни обрацались чуть не въ райскіе сады, изъ скалъ выбивались источники, какъ при Моисеѣ, на мѣстѣ, гдѣ она ночевала, вырастала газонъ, нѣжный, какъ индійская ткань, или появился сахаръ въ такомъ изобиліи, какъ песокъ. По прибытіи къ храму Тадморъ она украсила себя чудными бриллиантами и, благодаря ей, этотъ городъ сдѣлался такъ же богатъ, какъ Сидонъ, и столь же населенъ, какъ Стамбулъ. По ихъ словамъ, если бы она тамъ осталась, то сдѣлалась бы королевой города. Конечно, въ этихъ разсказахъ нѣтъ и самой части правды, но дѣйствительно она устроила себѣ въ пустынѣ чудный садъ съ европейскими деревьями, массою цвѣтовъ, съ мраморными фонтанами, воду для которыхъ привозили на мулахъ.

Сначала одинъ изъ ея восточныхъ друзей, эмиръ Беширъ, предоставилъ ей для жилия прежній монастырь Даръ-Маръ-Эліасъ, недалеко отъ Сидона, и она рѣшила тамъ временно поселиться, послѣ посѣщенія Баальбега. На эту поѣздку ей потребовалось много денегъ и она заняла ихъ, надѣясь, что англійское правительство заплатитъ этотъ долгъ, ибо, въ сущности, ея цѣль посѣщенія Азіи была политическая. Но правительство отказалось платить ея долги, и лэди Стэнонъ написала рѣзкое письмо своему двоюродному брату Букингаму, упрекая правительство и выражая ко всемъ англійскимъ государственнымъ людямъ — презрѣніе. Вторымъ жилищемъ на Даръ-Джунъ она овладѣла силой и назойливостью, какъ обыкновенно поступаютъ англичане, задумавшіе во что бы

то ни стало захватить въ свои руки облюбованный участокъ. Онъ принадлежалъ христіанину изъ Дамаска, Іосифу Сацайяху, занимавшемуся торговлею, и находился въ горахъ. Когда Гестеръ появилась съ большимъ караваномъ, онъ узналъ въ ней «Sylt Milady» и пригласилъ къ себѣ на кофе. Она приняла приглашеніе, осмотрѣла его владѣнія и стала съ нимъ бесѣдовать. Наступилъ часъ ужина; купецъ предложилъ ей отужинать; она приняла приглашеніе. Послѣ ужина она спокойно сѣла на диванъ и закурила трубку. Хозяинъ удивился ея странному поведенію и пригласилъ почевать. Она поблагодарила его и согласилась. Наступилъ слѣдующій день: повторились опять прежнія приглашенія, которыя лэди принимала. Прошло нѣсколько дней; она и не думаетъ уѣзжать. Наконецъ, купецъ рѣшилъ, что всему бываетъ конецъ, и спросилъ ее, не думаетъ ли она возвратиться въ Европу. На это лэди возразила, что и не думаетъ уѣзжать. «Развѣ я тебѣ не сказала, что остаюсь здѣсь», отвѣтила она. — «Здѣсь, въ окрестностяхъ», — спросилъ купецъ: — понимаю. Твоя честь хочетъ выстроить дворецъ на Даръ-Джунѣ или въ долинѣ?» — «Ничуть, я выстрою впоследствии; мнѣ здѣсь нравится и я устроюсь по своему желанію». «Здѣсь? но здѣсь, милэди, мой домъ». — «И его и возьму». — «Но я не хочу ни сдавать, ни продавать его». — «Прекрасно, а я не хочу его ни покупать, ни нанимать». Поднялся споръ; купецъ обратился за защитой къ эмиру, а Гестеръ, которая и не думала покинуть его домъ, прибѣгла къ фирману. Наконецъ, послѣ совѣщаній диванъ увѣдомилъ эмира, чтобы желаніе европейской принцессы было исполнено: «Выгоните того человѣка, который осмѣливается ей сопротивляться. Домъ принадлежитъ ей. Не забудьте, что это важная принцесса». Кончился споръ тѣмъ, что принцесса согласилась платить ему въ годъ тысячу франковъ и оставляла въ его собственность все постройки, какія она предприметъ. Такимъ образомъ англичанка завладѣла чужимъ домомъ и даже выселила самого хозяина.

Она безконечное количество разъ перестраивала этотъ домъ, и отъ прежняго зданія почти не осталось слѣда. Здѣсь именно она устроила чудный садъ, о которомъ мы уже говорили. Зданіе отличалось необыкновенной оригинальностью и походило на крѣпость. Квартыры были въ немъ такъ расположены, что живущіе въ нихъ могли жить цѣлые годы другъ возлѣ друга, не подозрѣвая, кто ихъ сосѣди; между тѣмъ сама Гестеръ видѣла изъ своей квартиры каждаго человѣка, входившаго въ домъ или выходившаго. Ея помѣщеніе, расположенное въ главномъ корпусѣ зданія, состояло изъ спальни, салона, диванной и выходило въ громадный, сказочный садъ, устроенный подъ руководствомъ самой лэди Стэнонъ.

Въ ея отношеніяхъ къ слугамъ изъ мѣстныхъ мусульманъ видна та же типичная для англичанъ нотка, которая и теперь еще звучитъ въ обращеніи съ покоренными дикарями. Она обращалась съ ними сурово и требовала отъ нихъ слѣплаго повиновенія. Но ея мнѣнію, эти люди не любили мягкаго обращенія и безиременно повторяли, что не хотятъ быть подъ командою старыхъ курицъ, а желаютъ имѣть главою тигра. Поэтому Гестеръ всегда имѣла въ рукахъ различное остроконечное оружіе со стальной рукояткой, которымъ она для острастки размахивала въ воздухъ, когда приходила въ негодованіе, какъ

будто хотѣла ударить виновнаго. Одинъ крестьянинъ принесъ ей ведро меду и признался, что собственными руками его накладывалъ, а такъ какъ его руки были грязны, то Гестеръ приказала прибить его палкою, затѣмъ раздѣть его, обмазать ему тѣло медомъ и оставить въ такомъ положеніи на солнцѣ съ доброй частью времени. Но, несмотря на такое строгое обращеніе со слугами, они все-таки ухитрялись ее обкрадывать.

Неудачное обращеніе за субсидіей къ англійскому правительству не смутило лэди Гестеръ: она все еще мечтала о великой роли на Востокѣ, какую хотѣла бы сыграть и которая стала для нея невозможна въ Англии со смертью Питта. вмѣстѣ съ тѣмъ она занималась оккультизмомъ и къ политическимъ иллюзіямъ примѣшивались оккультическія, благодаря чему ея мысли и разговоры были столь спутаны, что напоминали лавку старьевщика. Ловкіе фокусники такъ же, какъ дервиши и шейхи, все эксплуатировали ее. Нѣкоторые считали ее за Сивиллу, другіе—за сумасшедшую, а нѣкоторые мѣстные жители называли ее сумасшедшей даже за то, что она пила кофе съ сахаромъ.

Посѣтителей она принимала съ соблюденіемъ опредѣленнаго этикета. Ихъ впускали къ ней въ комнату ночью и французамъ она оказывала предпочтеніе. Когда Людовикъ XVIII послалъ своихъ агентовъ для пріобрѣтенія чисто-кровной арабской лошади, то она предложила ему въ подарокъ знаменитаго коня. Между прочимъ ее посѣтилъ въ 1832 г. Ламартинъ, который прозвалъ ее «богиней пустынь» и былъ о ней высокаго мнѣнія. Но лэди Стэнонъ заявила со свойственной ей рѣзкостью, что она никогда не читала его произведеній и не слыхала о немъ. Несмотря на прекрасные о ней отзывы Ламартина, она насмѣхалась надъ нимъ съ другими знакомыми. Она такъ была озлоблена противъ Англии и англичанъ за забвеніе ея прежней славы и отказъ правительства уплатить ея долги, что избѣгала обращаться къ англійскимъ консуламъ и отказывала въ пріемѣ соотечественникамъ, являвшимся къ ней массами. Можетъ быть, она это дѣлала влѣдствіе скудости денежныхъ средствъ для пріема и недостатка помѣщенія, но они безпощадно ее бранили и злословили. Наконецъ, уже старая, больная, обремененная долгами, она написала молодой королеви Викторіи рѣзкое и даже дерзкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, отказывалась отъ чести быть англійской подданной. Это было въ 1838 г., а черезъ годъ она умерла. Несмотря на то, что при ней всегда находился докторъ Меріонъ, она любила лечиться собственными средствами, и ея докторъ былъ скорѣе повѣреннымъ ея мыслей, терпѣливо выслушивавшимъ ее по цѣлымъ часамъ. Обладая талантомъ финансовыхъ спекуляцій, она ухитрялась существовать, опутывая левантинскихъ ростовщиковъ, извѣстныхъ своимъ плутовствомъ. Прежняя блестящая аристократка кончила жизнь всеми забытая, въ бѣдности, послѣ столькихъ опасныхъ походовъ среди чуждаго ей народа.

— Столѣтіе Гарибальди. — Въ іюль мѣсяцъ исполнилась столѣтняя годовщина рожденія великаго героя и несравненнаго патріота эпохи Risorgimento—изузеніе Гарибальди. По этому случаю во всей Европѣ и преимущественно въ Италіи и Франціи происходили чествованія: Римъ торжествовалъ цѣлую недѣлю. Парижъ ликовалъ три дня, соорудивъ юбиляру памятникъ, а

Ницца безконечно праздновала памятный день появленія на свѣтъ своего знаменитаго уроженца-героя. Предъ небольшимъ домомъ на морскомъ берегу Ниццы, гдѣ 3 июля 1807 г. родился всесвѣтнѣй герой, собиравшій громаднаыя толпы народа и славилъ его нѣсколько сутокъ. Создатель будущихъ единства и свободы Италіи еще десятилѣтнимъ ребенкомъ уѣхалъ изъ Ниццы съ своими товарищами съ цѣлю спасти свою родину. Но первая попытка маленькаго героя не удалась, и старый патеръ вернулъ его къ отцу, простому моряку, родившемуся въ Генуѣ. Шестнадцати лѣтъ Гарибальди поступилъ въ торговый флотъ и плавалъ по различнымъ морямъ и между прочими городами посѣтилъ Одессу. Затѣмъ онъ перешелъ въ государственный флотъ, но, подозрѣваемый въ заговорѣ съ Мадонни, принужденъ былъ бѣжать. Вскорѣ для него началась эпоха борьбы за свободу, и онъ сражался, какъ левъ, во многихъ чуждыхъ ему странахъ и за чуждый ему народъ, но близкій идеѣ свободы. Не будемъ слѣдовать за будущимъ героемъ въ Америку, гдѣ онъ участвовалъ въ эпоней республики Рио-Гранде, скажемъ только, что тамъ онъ женился на любимой Анитѣ, героини раздѣлившей его тяжелую жизнь и сражавшейся вмѣстѣ съ нимъ, какъ львица. Послѣ десятилѣтней борьбы въ Рио-Гранде Гарибальди переселился въ Монтевидео, гдѣ также боролся за свободу. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Италію съ Анитой и сражался вмѣстѣ съ нею противъ враговъ отечества. Когда погибла римская республика, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ женею въ Венецію, но по дорогѣ Анита умерла и была похоронена близъ Равенны въ скромной могилѣ, гдѣ она покоилась до послѣдующихъ побѣдъ своего мужа, который перенесъ ее на Капреру и тамъ на ея могилѣ воздвигнулъ памятникъ. Послѣ смерти Аниты и гибели римской республики Гарибальди снова уѣхалъ въ Америку и предпринималъ торговыя дѣла. Въ Нью-Йоркѣ онъ занялся производствомъ肥皂 и завелъ свѣчной заводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вступилъ въ общину американскихъ масоновъ, хотя уже принадлежалъ съ юныхъ лѣтъ къ итальянской. Въ 1851 г. онъ купилъ небольшое торговое судно и на немъ плавалъ въ центральную и южную Америку. Наконецъ онъ отправился съ торговыми цѣлями въ Китай и чрезъ два года явился въ Англію съ грузомъ каменнаго угля. Оттуда онъ отправился въ Италію и тамъ купилъ маленькій островъ Капреру, близъ Сардиніи.

Прошло не болѣе года послѣ мирнаго прозябанія земледѣльцемъ, и Гарибальди вступилъ въ командованіе полкомъ альпійскихъ стрѣлковъ во время войны Шлеонта съ Австріей и разбилъ австрійцевъ при Варезѣ и Сагъ-Фермо. Въ 1860 г. онъ предпринялъ свою великую экспедицію «тысячи», которая высадилась въ Марсаль и постепенно овладѣла всей Сициліей и Неаполемъ. Передавъ свое диктаторство Виктору-Эмануилу, который сдѣлался королемъ Италіи, онъ чрезъ два года пошелъ противъ Рима, но по дорогѣ встрѣтилъ войска королевскаго главнокомандующаго Чиапини, былъ тяжело раненъ при Асиро-Монте и принужденъ былъ сдаться со своими сторонниками. Получивъ свободу, онъ вернулся на Капреру и былъ избранъ депутатомъ въ парламентъ. Во время войны 1866 г. противъ австрійцевъ онъ командовалъ легиономъ волонтеровъ, снова былъ раненъ и разбитъ въ Тиролѣ. На слѣдующій годъ онъ опять попытался отнять Римъ, но потерѣлъ пораженіе отъ фран-

цусскихъ войскъ при Монтанѣ и принужденъ былъ бѣжать на Капреру. Во время франко-германской войны Гарибальди предложилъ французамъ защищать ихъ и сражался въ нѣсколькихъ битвахъ. Послѣ же заключенія мира былъ избранъ депутатомъ во французскій парламентъ, но въ виду неудовольствій отказался отъ депутатства, а потомъ торжественно вступилъ въ Монтеситаріо. Тамъ онъ оставался недолго, скончался въ 1882 г. и похороненъ на своей родной Капрерѣ.

По случаю юбилея знаменитаго героя въ честь его вездѣ появились книги, брошюры, а также журнальныя и газетныя статьи. Особенно замѣчательна англійская книга Джорджа Тревильяна «Защита генераломъ Гарибальди римской республики». Авторъ поѣтилъ все мѣста славныхъ подвиговъ несравненнаго героя и написалъ самое восторженное, самое живое изслѣдованіе этого памятнаго ряда подвиговъ героя, по выраженію Герцена, «цѣлкомъ взятаго изъ Корнелія Непота». Въ «Figaro» помѣщенъ рельефный, блестящій этюдъ Эдуарда Рода о женѣ Гарибальди Аннѣ; въ «Century Magazine» напечатанъ оригинальный и интересный очеркъ пребыванія въ Нью-Йоркѣ всесвѣтнаго героя въ роли свѣчнаго заводчика. Наконецъ комитетомъ для чествованія великаго юбиляра въ Римѣ выпущена брошюра съ привѣтствіями всевозможныхъ замѣчательныхъ людей, изъ числа которыхъ для насъ, русскихъ, любопытны имена Муромцева, предѣдателя первой Думы, и Максима Горькаго. Первый изъ нихъ упомянулъ по-итальянски, что только Италия могла создать такую «*una figura eminente drammatica*», какъ Гарибальди.

Что же касается до характеристики Гарибальди, то самую лучшую написалъ его другъ и такой же герой, какъ онъ, Мацини: «Имя Гарибальди окружено ореоломъ, котораго ничто не можетъ уничтожить. Вся его жизнь была посвящена одному предмету—отечеству, дѣламъ чести—сначала за границей, а потомъ дома, была исполнена простоты и обычаевъ, которые напоминаютъ людей древности, самыхъ грустныхъ потерь, мужественно имъ перенесенныхъ, славы и нищеты. Каждая мелочь, каждая подробность въ жизни этого человѣка—драгоценны!»

— Юльскіе и августовскіе некрологи. 5 июля въ Гейдельбергѣ скончался знаменитый историкъ философіи Куно Фишеръ. Онъ родился въ Сандсвальдѣ (въ Силезіи) въ 1824 г. и учился въ лейпцигскомъ и гальскомъ университетахъ. 26 лѣтъ Куно Фишеръ въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи философіи въ Гейдельбергѣ, но чрезъ три года ему, безъ всякаго объясненія причинъ, было запрещено продолжать лекціи и съ 1856 до 1872 г. онъ состоялъ профессоромъ въ іенскомъ университетѣ, а потомъ перешелъ опять въ Гейдельбергъ, гдѣ до послѣднихъ дней поражалъ въ теченіе тридцати лѣтъ своихъ слушателей блестящими лекціями. Какъ философъ, Куно Фишеръ принадлежалъ къ школѣ Гегеля, хотя въ его системѣ логики и метафизики было много своего собственнаго. Самымъ знаменитымъ его сочиненіемъ была «Исторія новой философіи» въ семи большихъ томахъ. Съ удивительною ясностью и знаніемъ дѣла онъ изложилъ философію Лейбница, Спинозы, Декарта, Канта и позднѣйшихъ философовъ: Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шюпенгауэра и т. д. Хотя Куно Фишеръ не отличался оригинальнымъ

творчествомъ въ области философіи и не создалъ никакой собственной теоріи, но онъ замѣчательно передавалъ чужія идеи. Кромѣ его главнаго сочиненія по философской критикѣ, онъ написалъ еще «Идею прекраснаго», «Логикѣ и метафизику или ученіе о знаніи», въ которыхъ онъ высказывается подъ сильнымъ влияніемъ Гегеля. Наконецъ Кюно Фишеръ написалъ еще о Шиллерѣ, какъ философѣ, о «Фаустѣ» Гёте, о судьбахъ гейдельбергскаго университета и много другихъ философскихъ статей. Онъ велъ самую скромную и тихую жизнь нѣмецкаго ученаго и умеръ на 84 году жизни.

Италія оплакиваетъ одного изъ послѣднихъ могикианъ эпохи Risorgimento—графа Константина Нигра. Онъ родился въ Кастелямонто въ 1827 г. Его отецъ былъ докторъ, а онъ обучался юридическимъ наукамъ въ туринскомъ университетѣ, но въ 1848 г. поступилъ на военную службу. Получивъ серьезную рану въ сраженіи при Риволи, онъ поступилъ на дипломатическую службу, къ которой сначала не питалъ большой привязанности. Не отличаясь особой ревностью къ своимъ обязанностямъ, онъ даже вселилъ начальству мысль о своей неспособности и почти простоватости, и когда Кавуръ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, то оно очень удивилось. «Мнѣ нужна,—сказалъ Кавуръ,—только пишущая машина». Вообще онъ обращался съ своимъ секретаремъ довольно небрежно и когда французскій посланникъ въ Берлинѣ Латуръ д'Овернь хотѣлъ пригласить его къ обѣду, то онъ сказалъ: «Полно, князь, этого совѣтъ не нужно: Нигру не приглашаютъ къ обѣду». Однако Кавуръ вскорѣ подмѣтилъ въ молодомъ секретарѣ значительныя достоинства и взялъ его съ собою въ Парижъ и Лондонъ, куда онъ сопровождалъ Виктора-Эмануила. Въ 1856 г., во время парижскихъ переговоровъ Нигра вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ на конгрессѣ. Здѣсь ему пришлось выказать свой дипломатическій талантъ: однажды вечеромъ Кавуръ сказалъ, чтобы онъ подождалъ его поздно ночью въ виду того, что ему придется писать важную дипломатическую бумагу. Когда онъ вернулся домой, то нашелъ на своемъ столѣ уже написанную бумагу. Онъ прочелъ ее и воскликнулъ съ восторгомъ: «Это вы ее написали?» Скромный секретарь отвѣтилъ: «Точно такъ, ваше превосходительство».—«Какъ же мнѣ васъ рекомендовали за простачка?» — замѣтилъ Кавуръ. — «Ваше превосходительство никогда не требовали другой работы, кромѣ работы простачка», замѣтилъ съ достоинствомъ секретарь. Кавуръ улыбнулся и произнесъ: «Вы положительно дипломатъ». Съ этой минуты судьба Нигры была рѣшена: онъ сдѣлался сотрудникомъ Кавура, и послѣдній говорилъ: «Нигра легко овладѣваетъ всѣми мощи мыслями».

Во время итальянской войны онъ слѣдовалъ повсюду въ Италіи за Наполеономъ III и послѣ мира былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ. Нигра въ это время былъ красивъ собою и отличался непреодолимой силой очарованія, поэтому о немъ говорили: «Въ одномъ лицѣ соединены Донъ-Жуанъ и Маккиавелли». Онъ сохранилъ этотъ постъ до конца имперіи и въ первые годы третьей республики, сначала въ качествѣ посланника, а потомъ посла. Все это время, особенно при императорѣ, онъ былъ «*persona grata*» въ Парижѣ. Болѣе всѣхъ къ нему благоволила императрица, и онъ часто катался съ нею въ венеціанской гондолѣ по пруду въ Фонтенбло и пѣлъ итальянскія пѣсни.

Когда же наступила послѣдняя минута имперіи, то онъ помогъ ей бѣжать изъ Тюльери. Послѣ блестящей эпохи своего посольства въ Парижѣ Ингра былъ посланникомъ въ Петербургъ, въ Лондонъ и до послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ красивомъ «palazzino» на Большомъ каналѣ въ Венеціи. Главнымъ его занятіемъ до самой смерти было составленіе мемуаровъ, которые чрезвычайно интересны и будутъ скоро напечатаны его сыномъ. Въ іюнѣ вышшняго года онъ отиравился въ «Rapallo», чтобы полечиться итальянскимъ солнцемъ, но его здоровье было уже серьезно разстроено, и онъ умеръ въ началѣ іюля на рукахъ одной сестры милосердія и мѣстнаго патера, въ то самое время, когда вся Італія праздновала столѣтіе Гарибальди.

8 іюля умеръ знаменитый норвежскій филологъ, профессоръ Софусъ Бутгэ, семидесяти четырехъ лѣтъ. Кромѣ изслѣдованій этрусскаго и армянскаго нарѣчій, онъ посвящалъ все свое время изученію сѣверныхъ языковъ и скандинавской культуры въ эпоху викинговъ. Лучше всего была извѣстна его теорія эддъ и раннихъ сагъ. Онъ доказывалъ, что онѣ сравнительно ранняго происхожденія и основаны на христіанскихъ легендахъ, занесенныхъ въ Скандинавію викингами. Самымъ замѣчательными его трудами были изслѣдованія эддъ и сѣверныхъ поэтическихъ преданій.

8 августа покончилъ свою жизнь въ Роя извѣстный библіофилъ, виконтъ Штельбергъ де-Ловенжуль. Онъ родился въ Брюсселѣ 30 апрѣля 1836 г. и принадлежалъ къ старинному аристократическому роду Бельгій. Богатый человекъ, онъ посвящалъ свою жизнь собиранію прекрасной французской бібліотеки, которую завѣщалъ французской академіи. Эта бібліотека замѣчательна собраніемъ рукоисей, книгъ и всевозможныхъ изданій о Бальзакѣ, Жоржъ Зандѣ, Теофилѣ Готѣ, Сентъ-Бѣвѣ и т. д. Ловенжуль извѣстенъ не только какъ библіофилъ, но и какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій по книжнымъ рѣдкостямъ: между прочимъ онъ написалъ исторію сочиненій Бальзака и Сентъ-Бѣва. Еще надѣлаю много шуму его сочиненіе «Находки библіофила».

Французская академія на дняхъ лишилась одного изъ своихъ безсмертныхъ, романиста Гектора Мало. Онъ родился въ Булѣ, и его отецъ, нотариусъ, готовилъ мальчика себѣ въ преемники. Хотя Мало и началъ свою карьеру въ конторѣ нотариуса, какъ желалъ отецъ, но вскорѣ бросилъ это тяжелое занятіе и предался литературѣ. Сначала онъ писалъ мелкія статейки для газетъ и политическія брошюры, которыя выдавалъ за свои одинъ сенаторъ. Потомъ въ 1859 г. онъ началъ писать романы, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался «Sans famille». Это произведеніе и вообще все, что писалъ Мало, отличалось простымъ, нравственнымъ направленіемъ и яснымъ, талантливымъ слономъ. Онъ также работалъ и для дѣтей; въ числѣ его дѣтскихъ книгъ пользовалось особеннымъ успѣхомъ «Приключеніе Ромэна Кальбріи». Послѣ тридцатипятилѣтней литературной работы онъ удалился въ деревню Фонтенэ, гдѣ и провелъ свои послѣдніе годы.

С М Ъ С Ъ.

СВЯЩЕНИЕ храма Воскресенія Христова. 19 августа въ высочайшемъ присутствіи торжественно освященъ памятникъ Царю-Освободителю — храмъ Воскресенія Христова на мѣстѣ смертельнаго пораненія императора. Со дня мученической кончины Царя-Освободителя по день официального освященія храма прошло 26 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 18 дней, со времени закладки зданія — 23 года, 10 мѣсяцевъ и 13 дней, а съ момента утвержденія проекта храма — 20 лѣтъ, 3 мѣсяца и 18 дней.

Мученическая кончина императора Александра II, съ глубокою скорбью отозвавшаяся въ сердцахъ народа, убоваго мѣсто смертельнаго пораненія государя иконами и цвѣтами черезъ нѣсколько часовъ послѣ злодѣйскаго покушенія, вызвала мысль соорудить на мѣстѣ страшнаго событія перваго марта 1881 года памятникъ. Первоначально предложено было поставить часовню, но когда начались крупныя пожертвованія деньгами, церковными принадлежностями и вещами, драгоценными иконами и различными цѣнными предметами, рѣшили создать нѣчто болѣе грандіозное, достойное памяти государя-мученика. Остановились на храмѣ. 28 марта 1883 года учреждена подъ предѣлательствомъ великаго князя Владимира Александровича коммисія изъ представителей императорской академіи художествъ, техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, синода и петербургскаго городского общественаго управления. Городская дума съ своей стороны объявила спеціальныи конкурсъ на составленіе проекта храма. 6 октября 1883 года была совершена закладка храма во имя Воскресенія Христова, первый кирпичъ

котораго собственноручно положилъ покойный государь Александръ Александровичъ. Окончательнаго проекта храма въ то время еще не было, такъ какъ то, что было представлено, комиссію не удовлетворяло. Изъ всѣхъ представленныхъ проектовъ лучшимъ былъ признанъ проектъ, разработанный академикомъ архитектуры А. А. Парландомъ. Императоръ Александръ III утвердилъ проектъ 1 мая 1887 года, поручивъ постройку храма академику Парланду, подъ наблюдениемъ комиссіи. 6 іюля 1897 года были подняты кресты на храмъ, а перваго марта 1906 года совершили въ сооруженномъ храмѣ на мѣстѣ смертельнаго пораненія Царя-Освободителя первую по немъ панихиду.

Храмъ Воскресенія Христова однопрестольный, съ алтаремъ, обращеннымъ по древнему обычаю на востокъ. Длина зданія съ востока на западъ 27 саж., ширина въ центральной части 14 саж. 1 арш., а въ западной 21 саж., вся же площадь застроеннаго пространства 362 кв. саж. Высота внутри храма въ центральной части подъ куполомъ до Пантократора—21 саж., наибольшая же высота его снаружи 38 саж. Въѣзжимость храма разсчитана на 1608 молящихся. Храмъ выстроенъ по типу древнихъ церквей, въ стилѣ временъ XVII столѣтія московскаго періода, онъ имѣетъ три апсида и четыре шлона, поддерживающихъ сводъ и куполь центральнаго его части. По фасаду центральная часть храма увѣнчана главами на свѣтовыхъ барабанахъ. Съ сѣверной и южной сторонъ находятся притворы храма, съ двумя отдѣльными входами въ каждый. Какъ входы, такъ и фасады храма и украшения на нихъ сдѣланы изъ такихъ матеріаловъ, которые наиболѣе сопротивляются времени и не требуютъ частыхъ ремонтовъ, а именно: изъ русскаго гранита темно-и свѣтло-сѣрыхъ цвѣтовъ и эстляндскаго мрамора.

Наружныя входныя двери храма сдѣланы изъ накладной бронзы, инкрустованной серебромъ. Подъ большимъ окномъ колокольни, подъ золоченымъ навѣсомъ вставлено изъ художественно-исполненной мозаики «Распятіе Спасителя», а въ квадратныхъ впадинахъ по сторонамъ колокольни расположены мозаичные губернскіе и областные гербы имперіи, въ знакъ участія всего населенія страны въ пожертвованіяхъ на сооруженіе храма. Наружныя стѣны храма и крыльчатые фронтоны богато украшены мозаичными иконами. Надъ сѣвернымъ входомъ помѣщено «Несеніе креста», надъ южнымъ «Сшествіе въ адъ», надъ западнымъ «Распятіе и снятіе со креста». Эти три мозаики исполнены по оригиналамъ В. М. Васнецова. На колокольнѣ съ сѣверной стороны вставлена мозаика «Спаситель съ Богоматерью и Іоанномъ Предтечей», набранная по рисунку В. В. Бѣльева, съ западной «Нерукотворенный Снасъ, Богоматерь и Іоаннъ Богословъ» съ картона М. В. Нестерова, его же «Воскресеніе Христова», съ южной «Божія Матерь, св. праведные Іоакимъ и Анна» по оригиналу Н. А. Бруни. Большая икона «Христосъ во славу» по рисунку Конселева, «Благословляющій Спаситель» и «Христосъ на крестѣ» исполнены по оригиналу А. А. Парланда. Кромѣ того, по наружнымъ фасадамъ расположено много мозаичныхъ иконъ и шестикрылыхъ серафимовъ, исполненныхъ по рисункамъ Васнецова, Афонасьева, Бруни, Бунина, Бѣльева, Дмитриева-Оренбургскаго, Журавлева, Зрѣлякова, Киселева, Кошелова, Новоскольцева, Отмара, Павлова, Парланда, Рябушкина и Савинскаго. Съ южной, восточной

и сѣверной сторонѣ храма на 20 гранитныхъ доскахъ выѣчены надписи пзъ выдающихся событій жизни и царствования Царя-Освободителя.

При самомъ входѣ, благодаря зеркальнымъ стекламъ, глазамъ зрителя открывается уже внутреннее богатое убранство храма. Въ серединѣ западной стороны храма, какъ бы въ его преддверіи, находится мѣсто смертельнаго раненія Александра II. Надъ этимъ мѣстомъ возвышается навѣсъ, сѣнь въ стилѣ царскихъ мѣстъ XVII столѣтія. 4 колонны навѣса, капители и базы сработаны изъ сѣро-фіолетовой яшмы, надкапительные столбики съ пирами, главный карнизъ и кокошники сработаны изъ зеленоволистой яшмы, ажурныя работы изъ темнозеленой съ синимъ отливомъ яшмы, цвѣты между кокошниками и низкая балюстрада вокругъ сѣни изъ орлеца, патробразная крыша надъ сѣнью декорирована флорентійской мозаикой, изъ моховика, схожаго съ нефритомъ. Сѣнь украшена крестомъ изъ граненаго горнаго хрусталя, называемаго еще бѣлымъ топазомъ. Всѣ части сѣни изготовлены на петергофской, кольванской и екатеринбургской казенныхъ гранильныхъ фабрикахъ. Подъ сѣнью находится часть мостовой изъ крупныхъ булыжниковъ со слѣдами взрыва бомбы и крови Царя-Мученика, а также та часть рѣшетки Екатерининскаго канала, къ которой прислонился смертельно раненый царственный страдалецъ.

Центральная крестообразная часть храма между пилонами перекрыта сферическими сводами, что придаетъ храму особую стройность и мягкость линий въ общихъ очертаніяхъ. Два яруса оконъ, съ постепенно переходящими изъ сиваго въ бѣлый цвѣтъ стеклами, давая много свѣта, въ то же время придаютъ всему своеобразный колоритъ. Подъ храмомъ сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ итальянскихъ мраморовъ въ Генуѣ и покрытъ ковромъ, стоящимъ 13,000 руб., даръ дамъ Краснаго Креста. Стѣны храма на высотѣ 3¹/₂ арш. облицованы зеленымъ калабрійскимъ мраморомъ, съ широкимъ плинтусомъ изъ краснаго левантинскаго камня. Всѣ четыре пилонъ облицованы кіевскимъ лабрадоромъ темно-зеленаго цвѣта, а союзя въ 9 ступеней сдѣлана изъ зеленаго мрамора. Иконостасъ сдѣланъ изъ итальянскихъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, онъ увѣнчанъ топазовыми крестами. Всѣ иконы иконостаса мозаичныя. Главныя мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери исполнены по оригиналу Васнецова, а «Сшествіе въ адъ» и «Вознесеніе» — по рисунку Нестерова, обошлись въ 24,000 руб., пожертвованныя чинами судебного вѣдства. Особенно хороши кіоты къ иконамъ, сдѣланныя изъ розоваго орлеца на екатеринбургской гранильной фабрикѣ. Кіоты по рисунку академика Парланда работали 12 лѣтъ. Всѣ стѣны и пилонъ, начиная отъ цоколя, своды и куполъ храма убраны священными изображеніями, выполненными по оригиналамъ и картонамъ художниковъ, а частью и орнаментами по рисункамъ строителя. Во всемъ храмѣ нѣтъ ни одного орнамента, который повторялся бы. Всего мозаичныхъ работъ на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ храма, не считая иконостаса и кіотовъ, неполно 3.574.538 кв. верш. Внутреннія мозаичныя иконы сдѣланы по рисункамъ художниковъ: Афоняева, Бодаревскаго, Бруни, Бѣльева, Васильева, Васнецова, Думитранко, Журавлева, Карелина, Киселева, Кошелева, Манасянца, Нестерова, Новосольцева, Отмара,

Павлова, Нарландта, Полякова, Порфиорова, Рябушкина, Смуковича, Соловьева, Титова, Харламова и Шаховского. Что же касается самаго выполненія мозаичныхъ иконъ, то все онѣ сработаны въ первой русской мастерской подъ руководствомъ академика Фролова.

Царскія врата — серебряныя, съ эмалевыми украшеніями по золотому фону, даръ столичнаго кунечества. Сѣверныя и южныя двери также серебряныя, даръ крестьянъ Могилевской губерніи. Все паннокадила и подвѣшники сдѣланы изъ посеребренной бронзы по рисункамъ А. А. Нарландта частью въ Миланѣ, а частью въ Россіи. Освѣщается храмъ 1589 электрическими лампочками, расположенными въ 6 люстрахъ, куполѣ и аркахъ. Отопленіе храма паро-духовое. На колокольнѣ повѣшено 14 колоколовъ, всѣящихъ 1603 пуда. Большой колоколъ вѣситъ 1010 пудовъ.

Многочисленныя пожертвованія будутъ помѣщены въ особой разницѣ. Пожертвованія состоятъ изъ иконъ, среди которыхъ имѣется «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ» работы Э. Мурильо и «Распятіе Христа» Боровиковскаго. Не мало также богослужебныхъ книгъ, на престольныхъ одеждахъ, воздуховъ, лампадъ, кадиль, колецъ, брошей съ брилліантами, есть даже чайныя серебряныя и металлическія ложки, раковины изъ Чернаго моря, камень изъ Тиверіадскаго озера, съ горы Синая, съ Фавора и т. д. Вокругъ храма разбита небольшая площадь, часть которой занята цвѣтникомъ. Екатерининскій каналъ передъ храмомъ перекрываетъ деревяннымъ мостомъ на протяженіи 45 сажень.

Новая усыпальница для особъ императорской фамиліи. Новая усыпальница при Петропавловскомъ соборѣ, сооружаемая по планамъ и чертежамъ архитектора Л. Н. Бенуа, съ своимъ оригинальнымъ, вызолоченнымъ куполомъ и покрытой шифромъ не менѣе оригинальной формы крыши видна еще далеко съ Невы и красиво гармонируетъ съ высокимъ тонкимъ шпилемъ Петропавловскаго собора.

Входъ въ новую усыпальницу — рядомъ съ главнымъ входомъ въ соборъ. Отъ большого двора крѣпости зданіе отдѣлено высокой красивой чугунной рѣшеткой съ бронзирвкой кое-гдѣ. Между рѣшеткой и главнымъ входомъ въ усыпальницу — небольшой чистый дворикъ. Кромѣ того, въ усыпальницу можно попасть прямо изъ собора, соединеннаго съ сѣверными дверьми.

Главный входъ ведетъ въ высокій, обширный вестибюль, соединенный съ самой усыпальницей большой, свѣтлой галереей. По лѣвую сторону тянутся императорскія комнаты, раздѣленныя на двѣ половины. Здѣсь — двѣ большія гостинныя и двѣ маленькія, обставленныя чрезвычайно просто, но съ большимъ вкусомъ.

Самая усыпальница съ очень высокими сводами поддерживается четырьмя огромными квадратными колоннами. Первая пара стоитъ совершенно самостоятельно, вторая, соединенная бронзовыми царскими вратами великолѣпной работы, образуетъ алтарь. Между колоннъ, на стѣнѣ противъ главнаго входа — прозрачный образъ Воскресенія Христова, хорошо исполненный красками на стеклѣ проф. Бруни. Подъ образомъ — изображеніе Тайной вечери. Въ каждой половинѣ царскихъ вратъ — по три круглыхъ образа, равно и въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ. Все художественныя работы исполнены тѣмъ же проф. Бруни.

Массивные бронзовые подвѣшники, высокій семисвѣчникъ, дарохранительница, одежда для престола, полное церковное облаченіе и проч. художественно исполнены въ мастерской Овчпникова

Самый образъ св. Александра Невскаго, имени котораго посвященъ придѣлъ, пожалованъ въ усыпальницу Государемъ Императоромъ. Обращаетъ еще на себя вниманіе чудной работы мозаичное распятіе, исполненное на императорской петергофской гранильной фабригѣ, побывавшее на выставкахъ за границей и оцѣненное въ 12 тыс. рублей.

Самая усыпальница украшена художественной лѣсной работой, а нижній уклонъ выложенъ внутри по окнамъ бѣлымъ мраморомъ, вышиною болѣе 3 аршинъ. Колонны подъ оконными арками—чернаго лабрадора съ бронзовыми подставками. Полъ—мраморный въ шашкахъ. Подъ нимъ, по Высочайше утвержденному плану, устроено 60 склеповъ-могилъ, глубиною въ 3¹/₂—4 арш. Освѣщеніе вездѣ электрическое.

Непосредственно къ усыпальницѣ примыкаетъ домъ съ запасными комнатами для духовенства. Здѣсь же—пѣвческая, ризница, библіотека, музей, куда будутъ перенесены нѣкоторыя достопримѣчательности и драгоценности изъ собора.

Въ общемъ усыпальница поражаетъ своей величественной простотой. Начатая кладкой около 10 лѣтъ тому назадъ, она въ настоящее время совершенно закончена, и 30 августа, въ день перенесенія мощей св. Александра Невскаго, предполагается торжественное богослуженіе въ придѣлѣ.

Памятникъ Р. И. Кондратенку. 12 августа на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры на могилѣ генерала Р. И. Кондратенка состоялось освященіе памятника, сооруженнаго на средства, отпущенныя по Высочайшему повелѣнію. Памятникъ представляетъ собою ажурной работы металлическую часовню, увѣчанную куполомъ съ крестомъ. Высота часовни 16 аршинъ. Внутри ея помѣщается иконостасъ изъ бѣлаго мрамора съ тремя образами: въ серединѣ Спасителя, съ лѣвой стороны образъ-копія съ портъ-артурской иконы Божіей Матери, находящейся во Владивостокѣ, и справа—св. Николая Чудотворца. Внутренность часовни-памятника утошаетъ въ тропическихъ растеніяхъ и массѣ вѣнковъ, преимущественно серебряныхъ съ георгіевскими лентами, возложенныхъ на гробъ при перевезеніи праха славнаго портъ-артурскаго героя. Къ часу дня около часовни собрались: вдова покойнаго съ сыномъ, питомцемъ Полтавскаго кадетскаго корпуса, и малолѣтнею дочерью, родственники покойнаго и много бывшихъ сотрудниковъ генерала по защитѣ крѣпости. Отсутствовали только генералы Стессель и Рейсъ, но бывший комендантъ крѣпости г.-л. Смирновъ находился тутъ же. Присутствовали также: товарищъ военнаго министра г.-л. Поливановъ, генералы: Мышлаевскій, Кондратьевъ, Марковъ, свиты г.-м. Семеновъ, адм. Лоцинскій и другіе. Денуціей отъ генеральнаго штаба на могилу возложенъ серебряный персвитый георгіевскою лентою вѣнокъ съ надписью: «Славною смертью погибъ онъ, вѣрный завѣтамъ доблестныхъ предковъ». Здѣсь же портретъ Кондратенка въ серебряномъ вѣнкѣ, съ надписью на лентѣ національнаго цвѣта: «незабвенному брату-сыну Р. И. Кондратенка отъ брата-отца Елсеѣя Пепдоровича Кондратенка», и

даръ Франціи—сѣрая доска со сломанной шпайгой, украшенной по бокамъ лавровою и пальмовою вѣтвями. Подъ иконою Спасителя прикрѣплена бѣлая мраморная доска съ золотою надписью: «Генераль-лейтенантъ Романъ Писидоровичъ Кондратенко, родился 30 сентября 1857 года, палъ славной смертію въ Портъ-Артурѣ 2 декабря 1904 года, самоотверженно защищая славу и честь Родины. Миръ праху доблестнаго воина», и ниже надпись: «Господи, вѣси, яко твориши яко же ты волиши, да будетъ воля Твоя». При пѣніи «Со святыми упокой» и «Вѣчной памяти» присутствовавшіе благоговѣйно опустили на колѣни. По окончаніи чина освященія памятника портъ-артурцы безъ различія ранговъ и чиновъ низко кланялись могилѣ покойнаго. Сооруженіе монумента обошлось въ девять тысячъ рублей.

Архивъ крымскихъ хановъ. Профессоръ факультета восточныхъ языковъ императорскаго с.-петербургскаго университета д. ст. сов. Смирновъ донесъ министру народнаго просвѣщенія, что, знакомясь въ бытность свою въ Крыму съ мѣстными архивами и съ качествомъ хранящагося въ нихъ архивнаго матеріала, онъ нашелъ въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ цѣлую коллекцію переплетенныхъ въ кожу тетрадей на турецко-татарскомъ языкѣ, которыя въ записи архива числились подъ именемъ книгъ на арабскомъ языкѣ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что это такъ-называемыя казы-эскерскія книги, т.-е. реестры, въ которые вносились въ видѣ извлеченій, а иногда и полностью, всѣ юридическія и административныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію казы-эскеровъ (верховныхъ судей) при диванѣ (судилищѣ) бывшихъ крымскихъ хановъ. Въ нихъ содержатся протоколы всевозможныхъ судебныхъ разбирательствъ по гражданскимъ и уголовнымъ искамъ, охранительныя описи имущества умершихъ, духовныя завѣщанія, раздѣльные акты, межевые акты, правительственныя распоряженія по финансовой части и общественному благоустройству, смѣты общественныхъ сооружений и построекъ, крѣпостей, мечетей и т. п. за время отъ первой половины XVII в. до самаго присоединенія Крыма къ Россіи. Пристальное обследованіе этой коллекціи привело профессора Смирнова къ убѣжденію, что это есть остатокъ крымско-ханскаго архива, который доселѣ считался погибшимъ при сожженіи ханскаго дворца въ Бахчисарѣ Минихомъ. Слѣдовательно, это есть не только драгоценный матеріалъ для изслѣдованія историческаго прошлаго Крымскаго ханства и всевозможныхъ сторонъ быта населявшихъ его инородцевъ, главнымъ образомъ господствовавшаго племени тюрковъ, а еще и государственный трофей Россійской имперіи, по счастью только уцѣлѣвшій послѣ покоренія цѣлаго татарскаго царства. Особенно цѣбною въ этихъ памятникахъ является масса данныхъ о положеніи и судьбѣ нашихъ русскихъ полоняниковъ, въ огромномъ количествѣ попадавшихъ въ Крымъ, служившій въ былыя времена рабопродавческимъ рынкомъ. Ничего подобнаго, сколько извѣстно, не находится ни въ какихъ другихъ старинныхъ памятникахъ. Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ таврическому губернатору передать архивъ въ императорскую публичную бібліотеку.

Археологическія раскопки. Текущимъ лѣтомъ произведены въ высшей степени интересныя археологическія раскопки въ окрестностяхъ древняго Маянскаго городища хозарь, близъ Дивногорскаго монастыря въ Острогжескомъ

уѣздѣ Воронежской губ. Раскопки велись воронежской ученой архивной комиссией подъ руководствомъ воспитателя мѣстнаго кадетскаго корпуса, подполковника В. Д. Языкова, старшаго врача корпуса А. П. Мартиновича и корпуснаго священника С. Е. Звѣрева. Раскопки дали въ высшей степени богатые результаты. Въ нѣдрахъ мѣловыхъ горъ Дивногорья обнаружены обширныя катакомбы и погребальныя склены хозаръ. Входъ въ катакомбы былъ обнаруженъ въ лѣвой сторонѣ обширной подземной камеры, высѣченной въ мѣловомъ грунтѣ, и оказался заложенымъ массивной каменной плугой, размѣромъ около 1 квадр. аршина. Обширная продолговатая пещера-катакомба оказалась почти на половину заполненною насыпной землей. Въ этой землѣ были найдены три прекрасно сохранившихся человѣческихъ скелета и поразительно большихъ размѣровъ черепъ. Изъ числа трехъ скелетовъ—одинъ женскій. Вблизи него найдены художественной работы женская подвѣска, осыпанная крупнымъ жемчугомъ, и масса бусъ изъ цвѣтныхъ камней, стекла и разноцвѣтной мастики. Нѣкоторыя бусы—съ остатками позолоты. Невдалекѣ отъ бусъ обнаруженъ кусокъ скнпѣвшейся металлической сѣтки, составлявшей, повидимому, принадлежность женскаго головного убора и осыпанной такими же бусинками, но только меньшаго размѣра. Въ различныхъ мѣстахъ катакомбы найдена масса черепковъ изъ терракоты и еписей глины, покрытыхъ художественными орнаментами. Въ центрѣ катакомбы обнаружены остатки грандіознаго жертвеннаго алтаря, съ покрывкой изъ массивной каменной плиты, съ продольнымъ сквознымъ отверстіемъ въ два вершка длины и $\frac{2}{3}$ вершка шириною. Невдалекѣ отъ катакомбъ, тоже въ мѣловомъ грунтѣ, обнаружены остатки подземныхъ полъхъ помѣщеній. Всѣ они квадратной формы и очень напоминаютъ землянки, существующія и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Сибири и на Кавказѣ. Ширина каждой камеры достигаетъ 4 аршинъ, при такой же длинѣ и высотѣ въ $2\frac{1}{2}$ аршина. Въ каждую пещеру ведетъ правильно высѣченный въ мѣловомъ грунтѣ входъ въ видѣ коридора, имѣющій небольшой наклонъ внутрь жилища и оканчивающійся двумя прочно врытыми массивными каменными ступенями. По краямъ входнаго коридора и вдоль стѣнъ каждого жилища отчетливо выдѣляются глубоко выдавленные въ мѣловомъ полу гнѣзда для деревянныхъ стоекъ, поддерживающихъ потолокъ пещеры. Въ этихъ жилыхъ помѣщеніяхъ найдено нѣсколько мѣловыхъ конусовъ въ полъ-аршина вышины и трехъ вершковъ въ основаніи, остатки терракотовой и глиняной посуды, покрытой рисунками и изразцами, ручныя мельницы изъ мѣловыхъ плитокъ, желѣзные ножи и топоры и терракотовыя пряслица. На самой окраинѣ могильнаго поля катакомбъ, на скатѣ глубокаго естественнаго оврага, обнаружено обширное труносаожженіе, повидимому, не имѣющее хронологической связи съ катакомбными усыпальницами. Здѣсь найдены груды жженныхъ человѣческихъ костей, кучи древеснаго угля и масса битой терракотовой и глиняной посуды. Всѣ добытые раскопками предметы, а также устройство пещеръ и катакомбъ были тщательно изучены и обследованы мѣстной архивной комиссией, которая признала эти катакомбы и пещерныя жилища относящимися къ VIII и IX вѣкамъ по Р. Х. и аналогичными съ такими же подземельями, обнаруженными въ Верхне-Салтовскомъ могильникѣ Волчанскаго уѣзда Харь-

ковской губерніи. VIII и IX вв. по Р. Х. являются эпохой распространения владычества хозаръ по бассейнамъ рѣкъ Днѣпра и Дона, послѣ ихъ вытѣсенія съ Кавказа воинственными племенами арабовъ. Основываясь на этомъ и принимая во вниманіе характерныя особенности найденныхъ предметовъ домашняго обихода, архивная коммисія признала обнаруженныя раскопками подземелья археологическими памятниками пребыванія хозаръ въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи.

Находка въ Головинской башнѣ Шлиссельбургской крѣпости. При ремонтныхъ работахъ въ Шлиссельбургской крѣпости въ одной изъ ея башенъ—Головинской—найдено обширное количество архивныхъ матеріаловъ, повидимому, имѣющихъ большую историческую цѣнность. Найденными дѣлами, кромѣ ученыхъ обществъ и исторіографовъ, заинтересовались также генеральный штабъ и штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Начальникъ генеральнаго штаба генераль Палицынъ просилъ передать относящіеся къ военно-историческимъ событіямъ документы въ архивъ военно-учебныхъ заведеній для разработки и дальнѣйшаго ихъ храненія. Штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ заинтересованъ въ дѣлахъ, касающихся политическихъ заключенныхъ. Петербургскій губернаторъ, осматривая Головинскую башню и найденные въ ней документы, нашелъ среди нихъ дѣла, относящіеся къ эпохѣ Петра Великаго, съ датами 1720 года. Инспекторъ народныхъ училищъ, членъ археологической коммисіи, предложилъ свои услуги по разборкѣ документовъ, но до полученія на этотъ счетъ Высочайшаго указазія къ обзорѣнію дѣлъ никто не допускается. Въ Головинской башнѣ, гдѣ найдены бумаги, открыта тюремная больница на 25 кроватей.

30-лѣтіе археологическаго института. 23 іюля минуло тридцать лѣтъ существованія одного изъ замѣчательныхъ учреждений, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Это—императорскій археологическій институтъ, который служитъ высокой научной цѣли: разысканію, изученію и сохраненію для потомства всего того, что оставило намъ древнее человѣчество въ качествѣ памятниковъ своего ума, своей жизни и культуры. Основателемъ института былъ покойный археологъ Н. В. Калачевъ, уже въ 60-хъ годахъ лелѣявшій мысль о созданіи въ Россіи учрежденія, подобнаго французской «Ecole des Chartes». Недостатокъ средствъ и нѣкоторые другія обстоятельства долго не давали возможности осуществиться его проекту, но къ 1877 г. притокъ частныхъ пожертвованій, собранныхъ при энергичномъ содѣйствіи Н. В. Калачева, оказался настолько значительнымъ что можно было приступить къ открытію первой въ Россіи «школы археологіи». Надежды, возлагавшіяся Н. В. Калачевымъ на свое дѣтище, не обманули его. Институтъ высоко поднялъ знамя археологической науки. Вышедшіе изъ него молодые ученые сдѣлались ревностными и полезными работниками на избранномъ ими поприщѣ. Создававшаяся тѣсная связь между бывшими слушателями института, его профессорами, общія работы, вызываемыя строго-научными интересами, и установившаяся простота отношеній между его дѣятелями,—пріобрѣли этому учрежденію всеобщее уваженіе. Располагая весьма скромными средствами, не предо-

ставляя никакихъ матеріальныхъ выгодъ своимъ питомцамъ, археологическій институтъ, тѣмъ не менѣе, не оскудѣваетъ числомъ слушателей.

Торговля букинистовъ въ Петербургѣ. За послѣдній годъ торговля дѣла столичныхъ букинистовъ пришла въ сильный упадокъ. Сирость публики на бывшія въ употребленіи книги сильно сократилась, и громадныя запасы собранныхъ букинистами сочиненій различныхъ авторовъ лежатъ въ магазинахъ и сараяхъ нетронутыми. Особенно замѣтно упала сирость на иностранную беллетристику, которая была прежде наиболѣе ходкимъ товаромъ у букинистовъ. Выѣтъ съ тѣмъ публика стала относиться гораздо требовательнѣе къ вѣшнему виду и чистотѣ приобретаемыхъ ею подержанныхъ книгъ. Растрепанные и загрязненные книги въ настоящее время совершенно не идутъ. Всѣ эти обстоятельства заставили букинистовъ сократить покупку подержанныхъ книгъ до минимума. Три года тому назадъ букинисты охотно платили по 30—40 копеекъ за подержанный томъ романовъ выдающихся французскихъ беллетристовъ—Золя, Додэ, Вурже и т. д.,—на которомъ значилась номинальная цѣна издателей 3 франка 50 сантимовъ (1 р. 40 к.). Теперь букинисты или вовсе отказываются отъ покупки такого рода книгъ, или предлагаютъ за нихъ 10—15—20 коп., если книги находятся въ очень хорошемъ видѣ. Однакоже переживаетъ большія затрудненія торговля рѣдкими антикварными книгами. Число русскихъ библіофиловъ, собирателей рѣдкихъ изданій, сильно уменьшилось за послѣдніе годы, вслѣдствіе чего цѣны на эти изданія упали на 25—40 процентовъ сравнительно съ прежде существовавшими.

Политическія убійства. По полученнымъ отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ свѣдѣніямъ, за истекшее полугодіе, т. е. съ 15 января по 15 іюля настоящаго года, всѣхъ случаевъ политическихъ убійствъ, нанесеній ранъ и ограбленій повсемѣстно въ Европейской Россіи зарегистрировано около 9.650. Изъ нихъ: политическихъ преступленій около 720 случаевъ; экспроприаций, т. е. ограбленій, совершенныхъ группами вооруженныхъ лицъ, 2700 случаевъ. На долю Петербурга, Москвы и Одессы падаетъ около трети всѣхъ совершенныхъ преступленій. Затѣмъ слѣдуютъ: Варшава, Прибалтійскій край и мѣстности, расположенныя по обѣ стороны Кавказской цѣпи. Значительное количество удавшихся и неудавшихся случаевъ ограбленій имѣло мѣсто на желѣзныхъ дорогахъ. Число пострадавшихъ при ограбленіяхъ жертвъ—приблизительно около 2000 человекъ; ранено и убито при самооборонѣ и преслѣдованіи преступниковъ значительно менѣе—около 420 человекъ. Жертвами политическихъ преступленій въ подавляющемъ большинствѣ являются члены городской и земской полиціи и представители администраціи. Гораздо рѣже случаи убійствъ и нанесеній пораненій между членами различныхъ политическихъ партій, исключая крупныя заводскіе центры.

НЕКРОЛОГИ.

БЕБУТОВЪ, К. А., князь. Погибшій 25-го іюля во время желѣзно-дорожнаго крушенія близъ Эйдкунена кн. Константинъ Александровичъ Бебутовъ хорошо извѣстенъ кавказцамъ какъ общественный дѣятель: какъ дѣятельный гласный тифлисской городской думы, какъ одинъ изъ основателей тифлискаго городского общества взаимнаго стахованія (первый предсѣдатель его правленія) и какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей тифлискаго городского кредитнаго общества, гдѣ онъ, во время владычества тамъ кн. Амагуніи, создалъ сильную оппозицію ему. Онъ одно время выставлялся кандидатомъ въ городскія головы со стороны мѣстной интеллигенціи, и не хватило при баллотировкѣ лишь одного голоса, чтобы быть ему избраннымъ. Но главной заслугой К. А. передъ мѣстнымъ обществомъ было изданіе имъ въ Тифлисѣ съ 1873 г. первой на Кавказѣ частной русской газеты «Тифл. Вѣстн.». Направленіе газеты было обличительное. Стрѣлы обличителей, по цензурнымъ условіямъ того времени, конечно, не могли идти далеко. Обличались мелкіе чиновники, редакція «Кавказа», городское управленіе, банки и пр.; но, благодаря таланту редактора и его молодыхъ сотрудниковъ, сфера обличеній, незамѣтно для цензоровъ, иногда расширялась, и ядовитыя стрѣлы фельетонистовъ достигали нѣкоторыхъ тузовъ. Подымался гвалтъ въ мѣстномъ муравейникѣ, и начинались острые столкновенія съ цензурой. Ближайшими сотрудниками покойнаго были тогда кн. Дав. Георг. Эрнстовъ (наслѣдственный поэтъ) и популярный преподаватель мѣстной гимназіи Л. П. Загурскій. Впослѣдствіи кругъ этотъ значительно расширился: въ него вошли П. А. Онушинъ, П. А. Измайловъ, Н. Я. Николадзе, Я. С. Гогобашвили, Г. М. Тумановъ и др. Газета стала ежедневной, а во время войны въ 1877—78 гг. тиражъ ея достигъ небывалой до того на Кавказѣ цифры— 3 тыс. экземпляровъ. Но послѣ войны тиражъ упалъ болѣе чѣмъ на половину, и К. А. оставилъ газету и переехалъ въ Петербургъ. Спустя 2 года послѣ того и самая газета закры-

лась. Въ Петербургѣ К. А. принималъ участіе въ «Голосѣ», «Порядкѣ» и др. газетахъ прогрессивнаго лагеря, посвящая свои статьи кавказскимъ вопросамъ. Но послѣ крушенія «диктатуры сердца» и закрытія этихъ газетъ К. А. вернулся опять въ Тифлисъ и возобновилъ свое участіе въ мѣстной печати: одно время завѣдывалъ редакціей «Нов. Обзор.» (во времена Степанова), а затѣмъ редакціей «Ардзатанка» (органъ Абг. Іоаннисиани). К. А. писалъ немного, но писалъ остроумно, умѣя ядовито осмѣивать сильныхъ міра сего. Вслѣдствіе этого онъ пользовался въ свое время въ мѣстномъ обществѣ большою популярностію. Популярность эта затѣмъ значительно пала. Послѣдніи 10 лѣтъ К. А. совсѣмъ оставилъ литературу и, являясь представителемъ крупныхъ кавказскихъ фирмъ въ Петербургѣ, вращался почти исключительно въ дѣловомъ мірѣ. Но и этотъ періодъ покойный не всегда былъ чуждъ общественной дѣятельности. Пользуясь своими знакомствами въ высшихъ сферахъ, К. А. умѣлъ отстаивать тамъ интересы своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда кн. Г. С. Голицынъ (бывшій главноначальствующій гражд. ч. на Кавказѣ) представилъ въ комитетъ министровъ записку о кавказскихъ дѣлахъ, К. А. добылъ эту записку и опубликовалъ въ англійскихъ газетахъ. За этотъ смѣлый по тогдашнему времени шагъ К. А. сильно пострадалъ. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ былъ освобожденъ съ обязательствомъ не жить въ предѣлахъ Россіи. Около 2-хъ лѣтъ онъ вынужденъ былъ проживать за границей. Въ лицѣ К. А. кавказцы и особенно его соотечественники потеряли крупнаго дѣятеля, умнаго и энергичнаго защитника общественныхъ интересовъ. (Некрологъ его: «Закавказье» 1907 г.).

† **Кипнесь, Н. Т.** 2 августа скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни на 68 году жизни Иннокентій Тимоѣевичъ Кипнесь, помощникъ экзекютора государственной канцеляріи. Покойный былъ извѣстенъ по своей долготѣлней службѣ (съ 1879 г. и до кончины) въ архивѣ государственнаго совѣта; онъ былъ рѣдкій знатокъ архива, и его помощью и указаніями пользовались все, кому приходилось заниматься въ архивѣ государственнаго совѣта. Общительный, живой и дѣятельный, несмотря на свои годы, Н. Т. Кипнесь радушно встрѣчалъ всякаго являющагося для занятій въ архивѣ и готовъ былъ помочь. Этимъ онъ извѣстенъ былъ ученому міру. За свою доброту покойный былъ любимъ сослуживцами и всеми его знавшими. Кроме того, Н. Т. Кипнесь извѣстенъ былъ и въ дѣлѣ общественной благотворительности, состоя въ теченіе 23 лѣтъ, съ ноября 1884 года, дѣлопроизводителемъ пріюта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ этомъ дѣлѣ покойный проявилъ свои обычные качества—большую доброту, отзывчивость и необыкновенную энергію, особенно въ дѣлѣ привлеченія жертвователей. Н. Т. Кипнесь погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

† **М. А. Марковичъ (Марко-Вовчекъ).** 28 іюля скончалась одна изъ старѣйшихъ русскихъ писательницъ, Марія Александровна Марковичъ, хорошо извѣстная въ нашей литературѣ подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ Марко-Вовчекъ. Покойная, въ дѣвичество Велицкая, родилась въ 1834 году. Семнадцати лѣтъ, по окончаніи институтскаго курса, она поселилась у своихъ родственниковъ въ Орлѣ и здѣсь вскорѣ вышла замужъ за извѣстнаго мало-

русскаго этнографа Аванасія Вас. Марковича, служившаго тогда правителемъ канцеляріи орловскаго губернатора. Увлеченная подъ вліяніемъ мужа въ кругъ его украинскихъ интересовъ, покойная дебютировала въ литературномъ поприщѣ двумя разказами, выхваченными изъ простонародной малорусской жизни. Эти первые литературные опыты были отпращены ею въ 1856 году П. А. Кулишу, для помѣщенія въ его сборникъ: «Записки о южной Россіи». Разказы, по собственному признанію Кулиша, доставили ему громадное удовольствіе; онъ напечаталъ ихъ и сталъ настоятельно требовать отъ молодой писательницы слѣдующихъ произведеній. Спустя два года, онъ выпустилъ отдѣльнымъ сборникомъ, подъ заглавіемъ: «Народніи оновидання Марка-Вовчка»—рядъ ея новыхъ повѣстей изъ малорусской жизни и на малорусскомъ языкѣ. Сборникъ имѣлъ выдающійся успѣхъ и былъ тогда же переведенъ по-русски П. С. Тургеневымъ. Дарованіе молодой писательницы было признано и публикой, и критикой. Въ лучшіе журналы открыли ей свои страницы. Окрыленная такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, М. А. Марковичъ перѣзжаетъ въ Петербургъ и, начиная съ 60-хъ годовъ становится въ ряды самыхъ видныхъ русскихъ беллетристовъ. Произведенія этого періода своей дѣятельности она посвятила изображенію быта нашего крестьянства. Они привлекали вниманіе читателей тонкою обрисовкой личности героевъ, сжатостью разказовъ и общимъ поэтическимъ колоритомъ, придававшимъ имъ особый мягкій, лирическій характеръ. Этого нельзя сказать о позднѣйшихъ произведеніяхъ покойной изъ жизни русскои интеллигенціи. Въ нихъ не было уже прежнихъ сочныхъ и яркихъ красокъ, обрисовка дѣйствующихъ лицъ выходила неясною и неопредѣленною, весь тонъ письма былъ сухимъ и жесткимъ. Лучшія произведенія М. А. Марковичъ это—разказы: «Червоный валець» и «Лихой человекъ», помѣщенные въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1860—61 гг., «Записки причетника» (1869 г.), повѣсти: «Теплое гнѣздышко» (1873 г.) и «Въ глуши» (1875 г.). Съ 1867 года началась обширная переводческая дѣятельность покойной; особенно много переводила она изъ Жюль Верна, Аидерсена и Эркмана-Шатриана. Въ 1871 году, подъ редакціей М. А. Марковичъ, издавался иллюстрированный журналъ «Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей». Последнее время, начиная съ 90-хъ годовъ, покойная уже рѣдко выступала въ печати. Она издала полное собраніе своихъ сочиненій (въ пяти томахъ, Саратовъ, 1896—98 гг.), затѣмъ въ 1902 году появилась изъ-подъ ея пера на малорусскомъ языкѣ сказка: «Чортова прыгода» (напечатанная въ «Кіевскои Старинѣ», кн. 10). Этимъ и закончилась полувѣковая литературная дѣятельность «Марко-Вовчка», имѣвшая въ свое время довольно крупное значеніе для нашей беллетристики. (Некрологъ ея «Московск. Вѣд.» 1907 г.).

† **Мингалева, Л. С.** Въ тихомъ, уединенномъ мѣстечкѣ, близъ города Вознесенска и въ виду Ново-Іерусалимской обители, въ скромномъ уютномъ домикѣ постепенно угасала и 23 іюля навѣки угасла старѣйшая «екатерининка», Любовь Сергѣевна Мингалева. Покойная родилась въ 1824 году и десятилѣтнею дѣвочкой поступила въ воспитанницы московскаго училища ордена св. Екатерины. Въ 1840 году она окончила курсъ и два года состояла пенинберкой, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ была воспитательницей дочерей оберъ-

гофмаршала гр. Олсуфьева, о чемъ сохранились сочувственные отзывы на страницахъ «Русскаго Архива» (1896 г., кн. 6, стр. 242). Въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтїа, по окончанїи занятїй въ семьѣ Олсуфьевыхъ, Л. С. съ 1 июля 1852 года вернулась въ родной институтъ и продолжала служить въ немъ классной дамой, потомъ— инспектрисой, наконецъ, съ 24 августа 1867 года, начальницей. Во всей этой долгой педагогической дѣятельности покойная неуклонно осуществляла всѣ «завѣты», положенные въ основу женскаго воспитанїа почившею императрицей Марїей, давшюю жизнь и свѣтъ своимъ «учрежденїямъ»: ея религіозность соединялась съ цѣлымъ рядомъ добрыхъ дѣлъ; заботы о дѣтяхъ, вѣренныхъ ей, не имѣвшей доли видѣть свою семью, простирались до самоотверженности; ея трудолюбіе и теплая сердечность стояли всегда образцомъ для всѣхъ служившихъ при ней въ Екатерининскомъ институтѣ. Но такая образцовая дѣятельность въ пользу молодого поколѣнїа истощала силы «идеальной воспитательницы»: Л. С. въ юль 1883 г. покинула постъ начальницы и, простившись съ роднымъ институтомъ и Москвою, почти двадцать пять лѣтъ провела въ мирной обстановкѣ своего подмосковнаго жилия, окруженная воспоминанїями и благословенїями многихъ своихъ прежнихъ «питомцевъ», при сознанїи, что свято выполнила свой «жизненный подвигъ». (Некрологъ ея: «Московск. Вѣд.», 1907 г., № 171).

† **Никольскій, Д. И.** Скончался на 50-мъ году жизни одинъ изъ замѣтныхъ представителей русской монархической прессы Дмитрій Петровичъ Никольскій. Покойный около двадцати лѣтъ работалъ въ петербургскихъ изданїяхъ этого направленїа, преимущественно по отдѣлу иностранной политики. Съ 1889 года онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ тогда еще ежедневнаго «Гражданина» кн. Менцера, а въ послѣднее время до самой своей смерти много работалъ въ новой газетѣ «Росїя», завѣдуя, между прочимъ, всѣмъ отдѣломъ иностранныхъ извѣстїй. Состоя одновременно на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ, покойный часы досуга, какъ страстный любитель музыки, посвящалъ обыкновенно занятїямъ этою областью искусства и довольно часто выступалъ въ газетахъ со своими, всегда живыми и интересными, музыкальными рецензїями. (Некрологъ его: «Московскїя Вѣдомости», 1907 г., № 190).

† **Остроградскій, А. Ф.** Въ Старой Руссѣ скончался 5 августа Александръ Федоровичъ Остроградскій. Покойный былъ однимъ изъ дѣятелей по обученїю и призрѣнїю глухонѣмыхъ. Большую часть своей педагогической дѣятельности онъ посвятилъ этимъ несчастнымъ, будучи инспекторомъ, а затѣмъ—послѣ смерти В. Д. Синовскаго—директоромъ училища глухонѣмыхъ. Онъ особенное вниманїе обращалъ на необходимость ознакомленїа глухонѣмыхъ дѣтей съ различными ремеслами, чтобы доставить имъ возможность зарабатывать себѣ пропитанїе личнымъ трудомъ. При немъ въ училищѣ глухонѣмыхъ былъ широко примѣненъ способъ обученїа глухонѣмыхъ звуковой рѣчи. Покинувъ училище глухонѣмыхъ, А. Ф. продолжалъ состоять въ вѣдомствѣ учрежденїй императрицы Марїи и много поработалъ для различныхъ благотворительныхъ учрежденїй и особенно для общества «Мели». Онъ былъ однимъ изъ учредителей этого общества и секретаремъ его. Замѣчательно

энергичный и дѣятельный, А. Θ. ревностно относился къ устройству различныхъ благотворительныхъ выставокъ и базаровъ. На международной выставкѣ костюмовъ въ Таврическомъ дворцѣ онъ былъ комиссаромъ, и успѣхъ этой выставки во многомъ зависѣлъ отъ его неутомимой дѣятельности. (Некрологъ его въ «Нов. Вр.» 1907 г., № 11279).

† **Шинлевскій, С. М.** Въ ночь на 21 іюля умеръ извѣстный профессоръ исторіи русскаго права, тайный совѣтникъ Сергій Михайловичъ Шинлевскій, бывшій не такъ давно директоромъ ярославскаго Демидовскаго лицея. Покойный ученый родился 8 мая 1833 года, среднее свое образованіе получилъ въ первой московской гимназій, а высшее—на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1856 году, со степенью кандидата. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ вниманіе профессоровъ своею цѣнною работой («О благоустройствѣ по уложенію и современнымъ ему памятникамъ»), за которую былъ удостоенъ золотой медали. По окончаніи же университетскаго курса, С. М., занимаясь педагогическою дѣятельностью въ Москвѣ, особенно тѣсно сошелся со славянофильскими кружками К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, и ихъ направленіе ярко отразилось на его историческихъ и историко-юридическихъ воззрѣніяхъ. Въ 1857 году онъ редактировалъ, между прочимъ, славянофильскій органъ Аксакова—газету «Молва». Избранный въ 1860 году адъюнктомъ казанскаго университета для преподаванія русскаго права, покойный, спустя шесть лѣтъ, блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра («Союзъ родственной защиты у древнихъ славянъ и германцевъ», 1866 года) и былъ назначенъ приватъ-доцентомъ. Въ 1870 году, послѣ присужденія докторской степени за диссертацию: «Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ», С. М. получилъ званіе экстраординарнаго, а вслѣдъ затѣмъ и ординарнаго профессора. Кромѣ лекцій по своему предмету, онъ несъ обязанности декана юридическаго факультета и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавалъ по вакантнымъ кафедрамъ международнаго и каноническаго права. Какъ глубокой знатокъ Казанскаго края, покойный оставилъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по мѣстной исторіи и археологіи. Его капитальный трудъ «Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губ.» (1877 г.) былъ увѣнчанъ академической преміей и золотой медалью императ. русск. географическаго общества. Наконецъ, свой 25-лѣтній періодъ службы въ Казани покойный отмѣтилъ изданіемъ двухъ газетъ: «Справочнаго Листка» (1867 г.) и «Камско-Волжскаго Слова» (1882 г.). Переселившись съ 1885 г. въ другой приволжскій городъ Ярославль, С. М. занималъ здѣсь около десяти лѣтъ должность директора Демидовскаго юридическаго лицея — до 1904 г., когда, сломленный болѣзнью, вышелъ въ отставку. Послѣдними трудами покойнаго были: цѣнное изслѣдованіе «О Вел. Кн. Смоленскомъ и Ярославскомъ Θεодорѣ Ростиславовичѣ Черномъ» (1899 г.) и прекрасно составленный очеркъ по поводу столѣтія Демидовскаго лицея (1903 г.). (Некрологъ его: «Московск. Вѣд.» 1907 г., № 169).

† **Изыковъ, С. Д.** Утромъ, 21 іюля послѣ продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ популярныхъ московскихъ врачей Сергій Дмитріевичъ Изыковъ. Покойный, сынъ заслуженнаго московскаго протоіерея, родился 15 января

ря 1853 года, среднее свое образование получилъ въ третьей московской гимназiи, а затѣмъ, поступивъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, окончилъ здѣсь курсъ въ 1878 году, со степенію лекаря. Выпускъ изъ университета совпалъ съ періодомъ Русско-Турецкой кампаніи, и молодой врачъ былъ прикомандированъ къ одному изъ санитарныхъ отрядовъ, оказывавшихъ помощь раненымъ русскимъ воинамъ. По окончаніи войны С. Д. состоялъ нѣсколько лѣтъ ординаторомъ при университетской процедурной клиникѣ профессора Чернинова, гдѣ, работая съ необычайнымъ рвеніемъ, скоро приобрѣлъ большой опытъ въ избранной имъ спеціальнойности—врача по внутреннимъ болѣзнямъ. Долгое время покойный завѣдывалъ кумысо-лечебнымъ заведеніемъ Марецкаго. Въ области медицинской литературы онъ отмѣтилъ свое имя цѣнными изслѣдованіями, какъ, наиримѣръ: «Два случая плевритическаго экссудата» (1882 г.). Обладая большою частною практикой, покойный пользовался извѣстностью хорошаго діагноста, съ рѣдкою проницательностью устанавливавшаго характеръ и причины болѣзни. Какъ врачъ, всегда строго, внимательно относившійся къ своему долгу, и какъ добрый, отзывчивый человекъ, онъ, несомнѣнно, оставляетъ по себѣ долгую и свѣтлую память среди своихъ многочисленныхъ пациентовъ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣд.», 1907 г., № 168).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Старецъ Федоръ Кузьмичъ.

Въ девяностыхъ годахъ заѣхалъ я въ Вѣлевъ (Тульской губерніи), посмотреть колыбель В. А. Жуковскаго — усадьбу Мишинское. Довелось увидѣть, однако, не только эту «колыбель», а и мѣсто кончины императрицы Елизаветы Алексѣевны. Передъ женской богадѣльней стоитъ простой памятникъ, — по мѣстнымъ сказаніямъ, — будто бы заключающій въ себѣ сердце императрицы. Отъ стариковъ я слышалъ, что Елизавета Алексѣевна «погасла отъ разлуки съ супругомъ», покинувшимъ міръ и поселившимся въ кельѣ посреди сибирекой тайги. И вотъ зарождалась легенда, и предо мною мало-помалу вырисовывался образъ таинственнаго сибирекаго старца Федора Кузьмича. Легенда о «царекомъ» происхожденіи его вѣдь никогда не замыкалась въ сибирскихъ предѣлахъ, но бродила отъ Перми до Тавриды, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Кодакды», отъ Москвы до глубины Забайкалья. Питаясь преданьями, она опиралась на брошюры, выходившія въ свѣтъ до самаго послѣдняго времени (наиримѣръ, Е. Я. Монаховъ. «Кто онъ?» Сказаніе о загадочномъ сибирекомъ старцѣ. М. 1906)¹⁾. Народъ тѣмъ

¹⁾ Не лубочнаго содержанія.

охотнѣ прислушивался къ легендарнымъ сказаніямъ, что авторы хватался обѣими руками за намеки авторитетовъ вродѣ Шильдера. Но если по сую сторону Урала личность Федора Кузьмича все-таки окружена таинственностью, зато въ Сибири на него смотрятъ прямо какъ на отрешагося вѣвценосца, разумѣется, въ тѣхъ классахъ населенія, которые ex bona fide принимаютъ легендарное за историческую дѣйствительность.

Мнѣ довелось быть въ Сибири, когда разгоралась война съ Японіей, и я воочию видѣлъ, какой ореолъ благоговѣнія сіяетъ вокругъ могилы Федора Кузьмича. Старчество и аскетизмъ искони въ почетѣ у русскаго народа, — старцы Амвросій Оутинскій, Серафимъ Саровскій и многіе другіе еще при жизни служили «правиломъ вѣры и образомъ кротости», но они все же были простыми смертными, а Федоръ Кузьмичъ «вышелъ-де изъ дворца». Къ могилѣ его запасные, призванные на войну, принадлежали за «отеческимъ благословеніемъ». Въ этомъ чувствуется не одна только вѣра въ старца, такъ сказать, канонизація его безъ участія синода (что наблюдается и въ Петербургѣ, на могилѣ «блаженной Ксеніи»), — нѣтъ, здѣсь нѣчто большее: взглядъ народа на старца Федора Кузьмича какъ на отца, вслѣдствіе тождества: царь — есть отецъ. И среди туляковъ, и среди сибиряковъ, и вообще, когда заходила рѣчь о Федорѣ Кузьмичѣ, обыкновенно приходилось слышать, что въ соборѣ Петропавловской крѣпости былъ погребенъ (въ 1825 г.) не Александръ Благословенный, а именно очень похожій на него «какой-то солдатъ»... объ этомъ упоминаетъ въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи и великій князь Николай Михайловичъ («Историческій Вѣстникъ», июль, стр. 30). — «Если тогда умеръ государь, то почему хоронили его таинственно: не выставляли на поклоненіе народу, не показывали его лица?» Въ доказательство того, что Федоръ Кузьмичъ нѣкогда занималъ высокое положеніе, приводились благодѣянія и услуги старца сибирякамъ и сибирячкамъ. Нужно было имъ устроить то или другое дѣло въ Петербургѣ. Время дореформенное... Россія была «въ судахъ черна неправдой черной», «сплошного зла стояла твердыня, царила безсмысленная ложь»... Не надѣясь на правоту, очевидную въ ихъ дѣлахъ, маленькіе люди, будто бы, являлись къ старцу Федору Кузьмичу, прося заступничества, и онъ не отказывалъ: давалъ письмо, всегда въ замечанномъ конвертѣ, подъ непремѣннымъ условіемъ никому, кромѣ адресата, письма не показывать. — «А то, смотри, пропадешь!» Затѣмъ онъ подробно наставлялъ, куда и къ кому въ Петербургѣ явиться. И вмѣшательство старца Федора Кузьмича всегда, говорятъ, оказывало желанное дѣйствіе. Любопытнo знать: сплошь ли баснословны эти рассказы, или имѣютъ основаніе? Не сохранилось ли въ петербургскихъ архивахъ, въ частныхъ и въ дворцовыхъ бібліотекахъ какихъ-либо изъ старцевыхъ «оказаній»? Сибиряки придавали значеніе и незауряднымъ похоронамъ Федора Кузьмича, — будто бы о кончинѣ его полетѣло извѣщеніе въ Петербургъ, откуда пожаловали высокопоставленныя лица. И надъ погребеніемъ праха старца нависъ покровъ той таинственности, въ которую для многихъ ушла сибирская жизнь и самая личность хромовекаго жилища.

Легенду о кончинѣ императора Александра I великій князь Николай Михайловичъ начинаеть въ «Историческомъ Вѣстникѣ» словами: «Въ такой

странѣ, какъ Россія, уже съ древнихъ временъ народъ часто поддавался самымъ нелѣпнымъ слухамъ, невѣроятнымъ сказаніямъ и имѣлъ склонность придавать вѣру всему сверхъестественному». Нужно, однако, замѣтить, что легендою объ императорѣ Александрѣ I въ образѣ старца Федора Кузьмича были плѣнены не только простые, безсильные для критико-историческаго анализа люди, но и представители интеллигенціи. Изъ числа этихъ послѣднихъ я могу указать на покойныхъ П. П. Баснина и А. А. Черкасова. Баснинъ недавно скончался въ Петербургѣ; съ 1897 года онъ издавалъ и редактировалъ въ Екатеринбургѣ газету «Рудоконъ», а позже былъ секретаремъ редакціи петербургской газеты «Россія» (издававшейся г. Сазоновымъ). Баснинъ склонялся къ сибирякамъ въ пониманіи и объясненіи личности старца Федора Кузьмича и нечисто выстуналъ по этому вопросу, хотя подцензурная печать не давала возможности распространяться на столь щекотливую тему, какъ таинственный сибирскій старецъ. Насколько мнѣ помнится изъ бесѣдъ съ П. П. Баснинымъ, интересъ въ немъ къ личности Федора Кузьмича возбуждалъ Александръ Александровичъ Черкасовъ, извѣстный сибирскій общественный дѣятель и авторъ «Записокъ охотника Восточной Сибири». Черкасовъ высказывалъ, что у него имѣются документы, проливающие истинный свѣтъ на личность Федора Кузьмича и срывающіе съ него покровъ таинственности. И опять-таки сибирскій старецъ выставлялся, какъ... «увлеченіе» и Н. К. Шильдера.

А. А. Черкасовъ умеръ въ 1895 году. И Баснинъ и онъ не были людьми легкомысленными и отошли въ землю въ почтенномъ возрастѣ.

Хорошо бы было дознаться: кому достались послѣ смерти А. А. Черкасова любознательные документы и какова ихъ послѣдующая судьба. А что, если они и въ самомъ дѣлѣ такъ или иначе выводить къ разгадкѣ изъ лабиринта предположеній о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ?

Павель Россіевъ.

II.

По поводу статьи «Пятидневная республика».

Въ июньской сего года книжкѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» въ статьѣ «Пятидневная республика» и въ №№ 161 и 163 газеты «Свѣтъ» все сообщаемое авторомъ факты и событія искажены до невозможнаго, и въ нихъ нѣтъ малѣйшей доли правды.

Авторъ не потрудился хотя бы сколько-нибудь провѣрить нелѣпые и ложные слухи и рѣшился въ такомъ извращенномъ видѣ описать событія и помѣтить ихъ въ серьезномъ журналѣ.

Все воспроизведенное въ статьѣ весьма легко можетъ быть опровергнуто официальными донесеніями, своевременно произведеннымъ дознаніемъ, предварительнымъ слѣдствіемъ и подтвержденіями очевидцевъ происшедшихъ событій и упоминаемымъ въ статьѣ мѣстнымъ судебнымъ садоводателемъ, кото-

рый, ручаясь, не откажется опровергнуть все вымышленное и искаженное въ статьѣ.

Въ городѣ Александровѣ въ декабрѣ 1905 года никакой пятидневной республики не было и быть таковою не могло, при наличіи достаточной военной силы.

Городѣ Александровѣ не служить штабъ-квартирою нѣсколькихъ воинскихъ частей, а въ немъ расположенъ лишь одинъ резервный саперный батальонъ четырехротнаго состава и незначительная при уѣздномъ военномъ начальникѣ конвойная команда до 20 человекъ. Саперный батальонъ въ то время въ городѣ весь былъ налицо, а не оставалась какая-то команда въ 50 саперъ.

Если эта, такъ величаемая въ статьѣ, революція въ городѣ Александровѣ, правильнѣе кукольная комедія, не могла быть прекращена въ самомъ началѣ мѣстной гражданской властью, то на долю батальона вносльдствіи, при возникновеніи безпорядковъ и забастовки на желѣзныхъ дорогахъ, вышло не мало труда по водворенію законнаго порядка въ городѣ и уѣздѣ, по восстановленію движенія по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ и т. п., и безъ всякой посторонней помощи, какъ со стороны гражданской администраціи, такъ и какихъ-либо другихъ воинскихъ частей.

Когда въ городѣ и уѣздѣ порядокъ былъ уже восстановленъ, то въ городѣ Александровѣ по распоряженію г. губернатора прибыло 30 казаковъ съ офицеромъ и по моей просьбѣ изъ Ростова взводъ артиллеріи, но какого-либо активнаго участія въ усмиреніи эти части не принимали.

Въ первый день открытаго мятежа въ городѣ Александровѣ, вѣрнѣе безпорядка, роль военного начальства, при наличіи гражданской власти, была пассивная, но когда, за арестомъ полиціи, власть перешла въ руки военного начальства, о чемъ мною было донесено на высочайшее имя и подлежащему начальству, то были приняты энергичныя мѣры, и законный порядокъ въ городѣ и уѣздѣ былъ восстановленъ быстро, открыто движеніе по желѣзной дорогѣ въ обѣ стороны отъ города Александра до Москвы и Ярославля, прекратившіяся на фабрикахъ работы возобновлены, бунтующіе фабричныя рабочіе обезоружены, главари-зачинщики безпорядковъ арестованы, чѣмъ и прекратились начатыя безпорядки.

Батальонъ, исполняя все время вѣрно свой долгъ службы, не могъ допустить и не допустилъ крупныхъ безпорядковъ: погромовъ, грабежей, насилій и т. п. со стороны бунтовавшихъ фабричныхъ рабочихъ, что могутъ подтвердить жители города съ городскимъ головой во главѣ. Вносльдствіи отъ города батальону былъ поднесенъ благодарственный адресъ. Въ городѣ и уѣздѣ я не объявлялъ военного положенія, а послѣ того, когда я принялъ на себя управление городомъ и уѣздомъ, то владимирскимъ губернаторомъ была объявлена въ городѣ и уѣздѣ чрезвычайная охрана и мнѣ были предоставлены должныя полномочія, какъ начальнику гарнизона города Александра.

На другой день открытаго безпорядка при мѣстномъ казначействѣ, гдѣ былъ арестованъ помощникъ исправника, оставшіеся за исправника, главный руководитель и зачинщикъ безпорядковъ С. Н. Барановъ самъ лично явился

ко мнѣ въ казармы батальона, дабы раздѣлить со мною власть по управленію городомъ и уѣздомъ, и здѣсь онъ за всѣ свои противозаконныя дѣйствія, особенно за арестъ чиновъ полиціи, по моему приказанію, былъ взятъ подъ стражу въ казармахъ батальона, гдѣ содержался до отправки его во владимирскую тюрьму.

Толпа рабочихъ, оставшись безъ предводителя, сразу притихла, а впоследствии и увѣрилась, что была имъ обманута.

Въ тотъ же день, когда былъ арестованъ С. Барановъ, 10 декабря, толпа рабочихъ, болѣе 1000 человекъ, подступила къ казармамъ батальона и требовала освобожденія С. Баранова. Не обращая вниманія на мои многократныя увѣщанія, переговоры съ выборными отъ толпы, что С. Барановъ не можетъ быть освобожденъ и чтобы разошлись, толпа не расходилась и продолжала требовать освобожденія Баранова, вследствие чего мною было объявлено толпѣ, что если не разойдется, то послѣ троекратнаго сигнала на рожкѣ будетъ произведенъ залпъ изъ ружей. Несмотря на такое мое предупрежденіе, толпа не расходилась, и изъ толпы слышны были крики: «пойдемъ громить офицерскія квартиры», послѣ: «что же не стрѣляете, стрѣляйте». Послѣ троекратнаго, съ большими промежутками, сигнала на рожкѣ былъ произведенъ залпъ изъ 12 ружей командой, стоявшей во дворѣ противъ воротъ, около которыхъ была толпа, другія же роты были во дворѣ наготовѣ на случай наступленія толпы во дворъ казармъ; послѣ залпа толпа разбѣжалась съ угрозами: «пойдемъ громить офицерскія семьи», но это имъ не удалось исполнить, такъ какъ на встрѣчу имъ была выслана вооруженная рота, увидя которую, толпа разбѣжалась въ разныя стороны. Послѣ залпа оказалось трое раненыхъ, убитыхъ же ни одного.

Въ послѣдующіе дни были одиночныя попытки къ освобожденію С. Баранова, но за нимъ зорко слѣдили и караулили.

Въ этотъ же день, послѣ стрѣльбы по толпѣ, семь офицеровъ и всѣ офицеры батальона изъ своихъ квартиръ на нѣкоторое время перешли въ казармы батальона, опасаясь особенно ночныхъ нападений со стороны фабричныхъ рабочихъ.

Въ казначействѣ же, какъ упоминается въ статьѣ, никто изъ дамъ и офицеровъ не жилъ, какихъ-либо ширшекъ въ казначействѣ ни разу не было; это наглядная ложь, что могутъ подтвердить самъ казначей и чиновники казначейства.

Помощникъ исправника г. Наумовъ не старикъ и не больной, а какъ оказалось, весьма слабый, нервнительный человекъ и прибылъ въ уѣздъ передъ самымъ возникновеніемъ открытаго безпорядка, а потому въ уѣздѣ былъ новымъ человекомъ, не принимавъ какихъ-либо рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ толпы рабочихъ, окружившихъ казначейство 9 декабря 1905 г. Настоящій исправникъ, по невѣстному для меня причинамъ, передъ самымъ возникновеніемъ открытаго безпорядка, оставивъ городъ и уѣздъ, отбылъ изъ города Александра въ городъ Владимиръ.

Упоминаемый въ статьѣ мѣстный судебный слѣдователь никакой, особенно активной, роли не игралъ и не могъ распоряжаться какими-либо сол-

датами, а тѣмъ болѣе распоряжаться стрѣльбой по толпѣ; это — чистый вздоръ и нелѣпость.

Во время безпорядковъ въ городѣ онъ помѣщался въ казармахъ батальона, какъ и жандармскій штабъ-офицеръ, который перенесъ съ собой въ казармы подъ охрану и всѣ свои дѣла, дабы не быть арестованнымъ бунтовщиками на своей квартирѣ.

Никакой стрѣльбы около казначейства не производилось, и толпа около него стояла цѣлый день довольно мирно, но, възбужденіе нешринятія подлежащихъ мѣръ со стороны помощника исправника, къ вечеру стала терять терпѣніе и грозила бросать въ окна казначейства камнями. Когда же помощникъ исправника былъ арестованъ, то толпа мирно разошлась на фабрику, а самое казначейство охранялось военнымъ карауломъ, а потому за цѣлость казначейства я вполнѣ ручался.

Величашмый въ статьѣ президентомъ республики С. Н. Барановъ не состоялъ въ то время городскимъ головой, не богатый фабрикантъ и не миллионеръ, а безнадежно прогорѣвшій и прожившійся бывший фабрикантъ и лишь управляющій изъ милости бывшей своей же фабрикой.

У фабричныхъ рабочихъ онъ дѣйствительно пользовался большимъ вліяніемъ и, будь у него средства, могъ бы осложнить дѣло безпорядковъ и затянуть таковыя на значительное время. Съ его арестомъ толпа осталась безъ средствъ и работъ, а потому рабочіе сразу поняли, что они были введены въ заблужденіе, почему такъ скоро и подчинились законному порядку и приступили къ работамъ на оставленныхъ ими фабрикахъ.

Какой-либо изъ полковниковъ съ 5-ю солдатами, какъ картинно и совершенно неправдоподобно изложено въ статьѣ, арестованнаго помощника исправника не освобождаютъ отъ ареста съ фабрики Баранова въ Струнищѣ. На третій же день послѣ ареста С. Барановымъ помощника исправника г. Наумова, т. е. 12 декабря, штабъ-капитанъ вѣреннаго мнѣ батальона Петровъ, съ моего разрѣшенія, ночью со взводомъ солдатъ (30 человекъ) отправился на фабрику, управляемую С. Барановымъ, не въ Струнино, за 8 верстъ отъ города, а всего лишь за городомъ около вереты, гдѣ и освободилъ г. Наумова и провелъ его въ казармы батальона, гдѣ онъ, не вѣтухая въ неправоленіе должности, находился до полного усмиренія безпорядковъ. При освобожденіи помощникъ исправника въ окно со 2-го этажа не выбрасывался на дворъ, а потому и не расшибался, при тревогѣ же разбилъ лишь стекло въ окнѣ, предполагая, что къ нему лезутъ рабочіе.

Священникъ фабричной церкви въ Струнищѣ не былъ арестованъ и у него никакого склада неиспользованныхъ бомбъ, оружія и другихъ подобныхъ матеріаловъ не найдено, что суицїй вздоръ.

Много еще возможно было бы сказать въ опроверженіе вполнѣ несоответствующей истинѣ статьи, но считаю пока и этого достаточнымъ.

Если потребуются, то могу, для освѣщенія хода событій, представить подробный дневникъ всѣхъ дѣйствій батальона по возстановленію законнаго порядка въ городѣ Александровѣ и уѣздѣ, каковой своевременно былъ представленъ въ штабъ московскаго военного округа.

И все чины батальона за свои дѣйствія по возстановленію законнаго порядка были удостоены телеграммой особой благодарности бывшаго въ то время командующаго войсками московскаго военнаго округа.

Подписалъ: Начальникъ гарнизона гор. Александрова, командиръ I-го резервнаго сапернаго батальона, полковникъ **Шадринъ**.

Скрѣпилъ: батальонный адъютантъ, подпоручикъ **Кноблохъ**.

III.

По поводу архива партизана Д. В. Давыдова.

Мнѣ пришлось случайно прочесть на страницахъ «Русскаго Инвалида», а теперь въ юньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», почти однообразную замятку по поводу архива дѣда моего, партизана Дениса Васильевича Давыдова, повидимому, одного и того же автора г. Жерве, въ которой особенно восхваляется «подвигъ» и «не легкая, но добросовѣстная работа» М. А. Труновой, а въ концѣ заявляется, что «теперь уже нетрудно оріентироваться въ этихъ полузабытыхъ и полузаброшенныхъ документахъ былой жизни военнаго общества и одного изъ выдающихся его представителей».

Передъ тѣмъ, чтобы писать подобныя фразы, надлежало достовѣрно узнать, дѣйствительно ли документы «полузабытые и полузаброшенные».

Позволю себѣ выяснитъ существованіе архива Д. В. Давыдова.

Мысль о его составленіи принадлежала въ концѣ 70-хъ годовъ его старшему сыну Василию Денисовичу Давыдову, который складывалъ все, что относилось и находилось въ бумагахъ и библиотекахъ, въ семьѣ и у знакомыхъ, въ одинъ сундукъ, какъ онъ самъ говорилъ: «до поры до времени».

Послѣ его смерти въ 80-хъ годахъ продолжалъ это дѣло сынъ его Денисъ Васильевичъ, мой двоюродный братъ, скончавшійся въ 1897 году.

Послѣ его смерти, жена его Софья Петровна передала этотъ собранный годами матеріалъ въ мое вѣдѣніе; и вотъ за послѣднія 7—8 лѣтъ я продолжалъ это дѣло, дополнивъ еще многими письмами и документами.

Мысль объ изданіи архива уже давно мной рѣшена; въ 1901 году я обращался въ Петербургъ къ одному редактору, но въ виду назначенной крупной суммы мнѣ пришлось рѣшеніе свое на время отложить.

Продавать архивъ я не намѣренъ (хотя и были предложенія), свои права на архивъ и на опись я не передавалъ никому, а уплатить столь крупную сумму за изданіе мнѣ тогда не представлялось возможнымъ.

Читающій эти строки видитъ, что способъ собиранія архива Дениса Васильевича неизбежно привелъ къ положенію, что часть бумагъ и документовъ (не изданныхъ) были въ безпорядкѣ.

Вотъ почему я и пригласилъ лица, чтобы систематизировать все собранное многими годами.

Трудъ, конечно, копотливый, но не невозможный, и «подвигомъ» его назвать нельзя.

Конечно, въ архивѣ есть документы, подвергшіеся порчѣ, нѣкоторые до-
ступны чтенію съ большимъ трудомъ, въ виду ихъ древности, но они и были
такими, когда я ихъ получилъ, поставилъ сундукъ въ подвальное помѣ-
щеніе съ каменными сводами въ свой домъ.

Имѣя въ виду всю дикую разнузданность революціи, во время которой
разграблялись дома (какъ кн. Голицына въ Балашевскомъ уѣздѣ), рвались
портреты, старинныя бібліотеки предавались огню, ломались и уничтожались
музейные предметы,—я помѣстилъ архивъ на это время въ совершенно безо-
пасномъ мѣстѣ, почему онъ и не могъ «подвергаться всякимъ случайностямъ»
и не рисковалъ «погибнуть въ наше непрочное время», какъ это заявляетъ
авторъ забѣтки г. Жерве.

Лично разобрать архивъ я не могъ, такъ какъ надо было всецѣло посвя-
тить себя этому дѣлу, у меня же по должности было масса обязанностей да
и на личныя дѣла уходило много времени, былъ третій неурожайный годъ въ
уѣздѣ.

М. А. Трунову лично я зналъ очень мало, но, благодаря давнему знаком-
ству моей жены и зная отъ нея, что въ 1904 г. у г-жи Труновой былъ сво-
бодный мѣсяцъ осенью, я при посредствѣ моей жены, за извѣстный гонораръ,
предложилъ М. А. Труновой пріѣхать ко мнѣ въ село Благодатное, на что она
и изъявила свое согласіе.

М. А. Трунову я пригласилъ не какъ знатока по дѣламъ семейныхъ архи-
вовъ, а по заявленію моей жены, что она можетъ справиться съ такимъ дѣломъ.

Дѣйствительно, въ полтора мѣсяца она разобрала всѣ документы и ихъ си-
стематизировала, сдѣлавъ подробную опись, за что я ей очень благодаренъ.

Долженъ добавить, что послѣ составленія описи М. А. Труновой, мнѣ вновь
удалось получить разныя письма дѣда Д. В. Давыдова.

Какъ видитъ читатель, слова: «полузабытыхъ и полузаброшенныхъ доку-
ментовъ», къ архиву моего дѣда не подходятъ.

Будучи болѣе свободнымъ въ будущемъ 1907—8 году зимою, я предпола-
гаю часть неизданныхъ документовъ издать.

Закачивая мое письмо, прошу васъ, господинъ редакторъ, не отказать
мнѣ въ любезности дать ему полностью мѣсто на страницахъ вашего уважа-
емаго изданія.

Петръ Давыдовъ.

IV.

По поводу статьи о П. П. Боткинѣ.

Въ августовскомъ № «Историческаго Вѣстника» былъ помѣщенъ очеркъ
кн. В. А. Щетинина, посвященный памяти П. П. Боткина и содержащій, между
прочимъ, невѣрныя данныя, касающіяся моей матери Екат. Алекс. Боткиной
(рожд. кн. Оболенской).

Полагая, что авторъ былъ введенъ въ заблужденіе кѣмъ-либо плохо освѣ-
домленнымъ и обнародовалъ недостаточно провѣренную справку, я считаю
своимъ долгомъ отъ своего имени и имени сестеръ моихъ, находящихся въ

данную минуту за границей, просить редакцію «Историческаго Вѣстника» въ ближайшемъ № журнала исправить это прискорбное недоразумѣніе.

Наши отношенія съ дядей всегда были самыя дружескія, и никакихъ конфликтовъ ни у насъ, ни у матери на какой бы то ни было почвѣ, а тѣмъ болѣе денежной, съ покойнымъ не происходило.

Послѣ смерти отца нашего Сергѣя Петровича мы остались матеріально обезпеченными и получали отъ дяди не помощь, а лишь $\frac{0}{100}$ съ принадлежащихъ намъ капиталовъ, находящихся въ оборотѣ его фирмы. Кромѣ того, моя мать располагаетъ своимъ личнымъ родовымъ капиталомъ, благодаря чему, мы никогда не могли «испытывать нужды». Наше собственное состояніе, благодаря попеченію матери, осталось въ полной неприкосновенности въ томъ видѣ, какъ было получено отъ отца, и ни въ какомъ случаѣ не было растрчиваемо ею.

Легкомысленное отношеніе къ безупречному имени нашей матери, положительней на насъ всю свою жизнь, глубоко возмутило насъ, дочерей. Остается только сожалѣть, что кн. Щетининъ бросаетъ здѣсь тѣнь на отношенія и имена лицъ, всѣми уважаемыхъ, а ему лично незнакомыхъ.

Людмила Боткина.

Остальные присутствующіе блѣдныя, какъ полотно, только бормотали: «да, это такъ, вы правы!»

Только полковникъ Капассо, вновь занявшій свое мѣсто за столомъ совѣта, не проронилъ ни слова. Поднявъ голову, онъ пристально глядѣлъ на кавалера свивальника. Этотъ взглядъ выражалъ какой-то настойчивый вопросъ.

Губы Капассо сложились въ презрительную улыбку.

— Все это несомнѣнно вѣрно,—замѣтилъ Мортелли. Онъ былъ фаталистъ.

Капассо не сводилъ глазъ съ фізіономіи Гію... Улыбка, минуту назадъ едва появившаяся на губахъ, стала явной, безпощадно насмѣшливой. Все лицо храбраго неаполитанца омрачилось; лобъ его грозно нахмурился, когда онъ убѣдился по выраженію лица главнокомандующаго, что тотъ постыдно труситъ.

— Намъ невозможно будетъ отстоять нашу позицію,—вдругъ рѣзко заговорилъ Гію:—во-первыхъ, у насъ нѣтъ провіанта. Кругомъ все населеніе—сплошь бунтовщики! Тутъ никакое умѣнье, никакое геройство не помогутъ...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія онъ добавилъ, слѣдя за дымомъ своей сигары.

— Намъ надо на что-нибудь рѣшиться... Намъ, господа, надо сдаться...

Роковое слово было произнесено: этого-то ему и хотѣлось давно. Картонные генералы, словно маріонетки, которыхъ дергали проволокой, закивали головами и забормотали...

— Да, да. Мы совершенно во власти Гарибальди. Онъ всѣхъ насъ можетъ переколотить.

— Разумѣется, намъ ничего больше не остается! Надо сдаться,—вставилъ свое слово Гуарини.

— Итакъ, господа, вы всѣ одного со мной мнѣнія: сдаться?

— Да, нечего больше дѣлать,—хоромъ откликнулись члены совѣта. Одинъ Капассо молчалъ.

— Полковникъ,—обратился къ нему главнокомандующій:—вы, можетъ быть, другого мнѣнія... Но вѣдь это было бы просто безуміемъ.

— Ваше превосходительство хладнокровно собираетесь совершить одно изъ постыднѣйшихъ дѣяній, когда-либо занесенныхъ въ лѣтописи военной исторіи,—громко вскричалъ Капассо, вскочивъ со стула.

Глаза его сверкали, и голосъ звучалъ грознымъ негодованіемъ. Остальные члены совѣта съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣли на смѣльчака, рѣшившагося высказаться такъ рѣзко.

Гію былъ пораженъ какъ молніей выходкой своего подчиненнаго, который до этой минуты держалъ себя весьма скромно.

Генераль тоже всталъ, первый нарушилъ молчаніе, подойдя къ Капассо и схвативъ его судорожно за руку:

— Замолчите, несчастный,—взволнованно восклицалъ главнокомандующій,—вы должны благодарить Бога, что я не хочу предавать васъ военному суду, отдавать на вѣрную казнь. Разумѣется... если вы возьмете назадъ ваши отвратительныя слова... объ измѣнѣ, которыя вы дерзнули высказать.

Капассо высвободилъ свою руку изъ рукъ генерала и схватился за рукоятку своей сабли. Это движеніе заставило трусливаго Гіо отступить нѣсколько шаговъ назадъ.

— Не бойтесь, генераль. Успокойтесь. Я вѣдь не убійца,— обратился къ нему Капассо миролюбивымъ и спокойнымъ голосомъ, но съ презрительной улыбкой.—Я не убійца, но я не могу перенести, когда вижу, что уклоняются отъ исполненія своего долга тѣ, кто клялся стоять за короля и кто обязашъ королю всѣмъ: и почестями и богатствомъ. Я могу уважать врага, но пресмыкающихся, которые норовятъ ужалить въ потемкахъ, я не могу не растоптать ногами...

— Я одинъ съ моимъ полкомъ,—прибавилъ онъ строго и громко,— готовъ двинуться на непріятеля, чтобъ пробиться сквозь его линіи, чтобъ спасти честь нашего войска.

Гіо замѣтилъ, что такія полныя достоинства рѣчи храбраго полковника начинаютъ производить нѣкоторое впечатлѣніе на другихъ членовъ совѣта, и поспѣшилъ его прервать...

— Ваша самонадѣянная смѣлость заходитъ за всякіе предѣлы здраваго смысла,—говорилъ главнокомандующій.—Вы въ безумномъ порывѣ отваги хотите вести на убой цѣлый полкъ солдатъ, жизнь которыхъ для меня священна.

— Зачѣмъ же вы ихъ завели въ это ужасное ущелье?—спросилъ Капассо.

Лицо генерала покраснѣло, какъ кумачъ. Взбѣшенный, онъ закричалъ прерывающимся голосомъ.

— Я главнокомандующій. Я отвѣтственъ за то, что дѣлаю... Но отвѣтственъ только передъ государемъ. Слова, сказанныя вами, полковникъ Капассо, оскорбляютъ весь мой штабъ. Ваше обвиненіе недостойно честнаго солдата...

— Настолько же, насколько сдача безъ боя четырнадцатитысячной арміи достойна труса или предателя!—отозвался взбѣшенный и донельзя взволнованный Капассо.

— Вы сумасшедшій, дерзкій наглець!—вскричалъ Гіо.

— Я добылъ мои эполеты не тѣмъ, что за Маріей-Елизаветой ¹⁾ ухаживалъ... Я не кавалеръ свивальника...

¹⁾ Жена покойнаго Франциска I. Бабка Франциска II.

Это уже было кровное оскорбленіе для генерала Гіо. Его словно хлыстомъ полоснули по лицу. Онъ кинулся на обидчика съ саблей въ рукѣ. Полковникъ, обнаживъ свою, ожидалъ нападенія. Все это произошло такъ быстро, что присутствующіе генералы не успѣли еще опомниться, какъ сабли скрестились.

Въ эту минуту вошелъ капитанъ стрѣлковаго батальона Кампанино. Гіо, видимо, былъ доволенъ и громко крикнулъ:

— Теперь не время намъ драться. Передъ нами непріятель... Въ другое время...

И онъ опустилъ саблю. Капассо сѣлъ на стулъ въ дальнемъ углу горницы. Онъ жестоко страдалъ, сознавая, что конецъ Бурбонской династіи близко.

Кампанино доложилъ, что капитанъ Ростовъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ отряда Гарибальди, явился для переговоровъ съ главнокомандующимъ королевскою арміею.

— Я иду, сейчасъ иду,—пробормоталъ Гіо и, даже не пригласивъ остальныхъ генераловъ ему сопутствовать, выбѣжалъ на улицу. Генераламъ, конечно, было интересно знать, что будетъ далѣе; они всѣ подошли къ окну; только Капассо остался въ своемъ углу.

На улицѣ Гіо подошелъ къ Ростову, одѣтому въ красную гарибальдійку. На плечи его былъ накинута короткій бѣлый плащъ; на головѣ шапочка съ золотымъ галуномъ—отличіе по чину.

Два человѣка въ національной калабрійской одеждѣ, въ высокихъ коническихъ шляпахъ, повитыхъ трехцвѣтными лентами, держали въ нѣкоторомъ отдаленіи за узды двухъ горячившихся коней.

Разговоръ между Гіо и Ростовымъ былъ кратокъ. Покончивъ его, они оба вскочили на лошадей и галопомъ поѣхали по дорогѣ въ Пиццо, гдѣ находился Гарибальди.

То, что произошло въ лагерѣ королевскихъ войскъ послѣ исчезновенія главнокомандующаго, неопишимо.

День едва разгорался. Было относительно тихо. Слышался солдатскій говоръ; кой-гдѣ раздавалась пѣсня.

И вдругъ пронесся могучій кличъ: «Да здравствуетъ Италія!». Тотчасъ же съ нимъ смѣшались звуки полковыхъ оркестровъ. Всѣ играли знаменитый гимнъ, сочиненный Мамели¹⁾.

На скатѣ противоположной горы, гдѣ стоялъ непріятель, нарастала широкая длинная пурпурная²⁾ полоса и спускалась въ долину. То были гарибальдійскіе отряды подъ командой Стокко. Они шли обняться съ своими братьями, считавшимися часъ тому ихъ врагами. Вся королевская армія спѣшила имъ навстрѣчу.

¹⁾ Такъ назыв. гимнъ Гарибальди.

²⁾ Красныя блузы гарибальдійцевъ.

Итальянцы наконецъ познали итальянцевъ. Они слились въ одномъ радостномъ крикѣ: «Да здравствуетъ Италия!» Они почувствовали мощь связующихъ ихъ узъ: единая нація, независимость общаго отечества.

Оба войска братались между собой, были охвачены энтузіазмомъ. Громкія здравицы, шумная радость, музыка, все это какъ раскаты грома наполняло долину. И внезапно все стихло. Офицеры сдержали коней; солдаты взяли на карауль.

Немного въ сторонѣ отъ большой дороги, около опушки лѣса было небольшое, тихое озерко, надъ которымъ еще курились остатки утренняго тумана.

На зеленомъ берегу этого озерка появился герой итальянской независимости, истинный рыцарь челоѣчества. Онъ былъ на конѣ; рука покоилась на эфесѣ сабли; въ своемъ легендарномъ костюмѣ, который такъ знакомъ намъ, итальянцамъ. Онъ весело улыбался, но въ большихъ глазахъ стояли слезы, слезы радости, ибо онъ видѣлъ повсюду, какъ его добровольцы обнимаются и братаются съ королевскими солдатами.

— Я знаю неаполитанцевъ,—сказалъ онъ улыбаясь ѣхавшему рядомъ съ нимъ адъютанту Плутино:—я былъ увѣренъ, что они не захотятъ сражаться съ тѣми, кто идетъ къ нимъ во имя свободы и независимости ихъ прекрасной родины.

Въ этотъ знаменательный день, 30-го августа 1860 г., Гарибальди письменно возвѣстилъ побѣду своимъ друзьямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вы можете всеѣмъ повѣдать, что, благодаря доблестнымъ калабрійцамъ, мнѣ удалось заставить сложить оружіе четырнадцатитысячную армію».

Полковникъ Капассо переломилъ надвое свою шпагу, которую не хотѣлъ вручить неприятелю, и удалился изъ Саварійскаго ущелья. Стоявшіе попережку на бивакахъ гарибальдійцы и ехбурбонцы отдали честь, когда онъ проходилъ.

Ростовъ, узнавъ объ удаленіи Капассо, прискакалъ, чтобы позжать руку тому, кто до конца оставался вѣренъ своему долгу, и проводилъ его съ почетнымъ конвоемъ.

XXVI.

Чернь и революція.

Чтобы дать понятіе о настроеніи массы столичнаго населенія во время побѣдоноснаго движенія гарибальдійскихъ войскъ по Сициліи и Калабрін, мы вернемся къ двумъ уже знакомымъ намъ личностямъ—робкому, либеральному цырюльнику донъ-Дженаро и свирѣпому каморристу Микоццо.

Микоццо, какъ было нами рассказано, содержалъ на приданое насильно обвѣнчанной съ нимъ жены Анжелины, гостиницу «Золотой Короны» въ Казертѣ, но за послѣднее время онъ почти разорился; отчасти потому, что Казерта была покинута дворомъ, и войска оттуда были выведены; главнымъ же образомъ потому, что онъ самъ все болѣе втягивался въ картежъ, пьянство и развратъ. Когда онъ остался безъ денегъ, то хотѣлъ было поправить обстоятельства, заставивъ свою молодую, красивую, но запуганную имъ жену сдѣлаться любовницей одного богача. Однако Анжелина не поддалась и скрылась безъ слѣда.

Тогда Микоццо продалъ за безцѣнокъ гостиницу и закутилъ пуще прежняго. Къ тому же у него были кредиторы, съ которыми при продажѣ «Золотой Короны» пришлось разсчитаться, такъ что онъ вскорѣ остался опять безъ денегъ. Однако не унывалъ, ибо въ качествѣ одного изъ главарей каморры добывалъ средства чрезъ своихъ подчиненныхъ всяческими путями, минуя законныя, а съ другой стороны онъ продолжалъ пользоваться благосклонностію бурбонской полиціи, очень нуждавшейся въ это критическое время въ союзничествѣ каморры. Правда, назначеніе Либоріо Романо министромъ полиціи, на мѣсто знакомаго намъ Аюссы значительно измѣнило отношеніе властей къ каморристамъ, но, во-первыхъ, закваска большей части полицейскаго состава оставалась прежняя; во-вторыхъ, каморристы той партіи, въ которой господствовалъ Микоццо, считали себя сильнѣе неизвѣстно откуда взявшагося выскочки министра, сумѣвшаго расположить къ себѣ немалую долю простонародья.

Что касается тщедушнаго донъ-Дженаро, то онъ продолжалъ кормиться помаленьку своими бритвами и ножницами. Въ душѣ онъ радовался успѣху революціи въ Сициліи и Калабріи, благоговѣлъ предъ Гарибальди, о геройствѣ котораго доходили въ столицу не только слухи, но и легенды.

Дженаро среди своихъ кліентовъ насчитывалъ не мало вліятельныхъ членовъ неаполитанскаго тайнаго комитета.

Но онъ былъ слишкомъ робокъ, чтобы открыто пристать къ которой-либо народной партіи. Однако благодаря своей мягкости и увертливости онъ зналъ многое о дѣяніяхъ какъ той, такъ и другой. Крайніе реакціонеры, т. е. чернь санлучійскаго квартала, въ числѣ главарей которой стоялъ Микоццо, относилась къ цырюльнику попрежнему дружелюбно, не стѣснялась при немъ излагать свои мнѣнія, считая его человѣкомъ ничтожнымъ въ политическомъ; смыслѣ, но въ то же время подъ веселую руку весьма охотно пользовалась его бесѣдой и слушала его рассказы.

Однажды въ концѣ августа 1860 года рано утромъ донъ-Дженаро, только что открывъ двери своей цырюльни, стоялъ около нея на панели, заинтересованный, какъ всегда, тѣмъ, что происходитъ въ

кабачкѣ тетки Джіакомини, который помѣщался на противоположной сторонѣ улицы. Этотъ кабачокъ издавна былъ излюбленъ каморристами; за послѣдніе дни въ немъ особенно часто появлялся Микоццо со своимъ другомъ и сотоварищемъ по каморрѣ Куоколо, однимъ изъ самыхъ опасныхъ каморристовъ. Руки его многократно бывали ради поживы безнаказанно обгарены невинной кровью.

Этотъ Куоколо входилъ въ кабачокъ, когда Дженао открывалъ ставни, и, замѣтивъ цырюльника на порогѣ лавочки, окликнулъ его:

— Эге! донъ-Дженао! донъ-Дженао! Иди-ка сюда къ намъ. Поболтаемъ. Тутъ все друзья собрались. И Микоццо пришелъ. Хочетъ что-то о своемъ дѣлѣ потолковать. Иди сюда; чашку кофе выпьешь съ нами.

— Ладно, иду,—откликнулся цырюльникъ, не будучи въ силахъ одолѣть своего любопытства, возбужденнаго намекомъ на дѣло Микоццо, а про себя подумалъ:—знаемъ мы, какой вы тамъ кофе дуете.

Когда донъ-Дженао вошелъ въ кабачокъ, то увидалъ, что довольно многочисленная компанія каморристовъ сидѣла у стола, заставленнаго пустыми уже графинами и изрядно початыми бутылками съ водкой. Кофе пила только одна сидѣвшая рядомъ съ Микоццо красивая женщина Маруча. Разодѣтая въ пухъ и прахъ, она обмахивалась дорогимъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ. Это была новая любовница Микоццо, на которую онъ тратилъ большую часть безчестно добываемыхъ денегъ.

— Ты погоди, Маруча,—говорилъ подпившій и изрядно утомленный разгуломъ предыдущей ночи ея любовникъ,—погоди. Вотъ ужъ дѣльце хорошее обдѣлаемъ, такъ надарю тебѣ брильянтовъ, что и королевѣ впору носить.

Донъ-Дженао зналъ, что это за хорошее дѣльце, и даже недавно, брея главнаго воротилу революціоннаго движенія въ Неаполѣ, самъ того не замѣчая, кой что пересказалъ ему. А дѣло заключалось въ томъ, что какъ только король Францискъ, не желавшій долѣе дожидаться появленія Гарибальди въ столицѣ, покинетъ ее, уведя за собой остальныхъ своихъ солдатъ, такъ часть черни, руководимая Микоццо и Куоколо, займется широкимъ грабежомъ, не стѣняясь ни политическими принципами, ни общественнымъ положеніемъ жертвъ грабежа.

Что король рѣшилъ на дняхъ покинуть столицу, всѣмъ достоверно было извѣстно. Правда, реакціонная придворная камарилья вынудила Франциска II назначить генераль-губернаторомъ Неаполя генерала Энтропіано, жестокаго деспота, необузданнаго абсолютиста, который не останавливался передъ самыми варварскими репрессивными мѣрами. И, что еще хуже, монархъ предоставилъ Энтропіано безусловно неограниченныя полномочія, которыми новый губернаторъ воспользовался съ перваго же дня всту-

пленія въ должность, составивъ такіе драконовскіе законы, что самыя мирныя, даже самыя преданныя Бурбонамъ обыватели не могли считать себя безопасными отъ жестокихъ преслѣдованій. «Законы Энтропиано писаны кровью», говорили неаполитанцы.

Надо отдать должную справедливость Либоріо Романо. Онъ воспротивился приведенію въ исполненіе этихъ законовъ и убѣдилъ короля не подписывать ихъ.

Въ тотъ же самый день Романо добился отъ Франциска II разрѣшенія увеличить численность національной гвардіи съ 9 до 12 тысячъ человѣкъ, въ видахъ общественной безопасности. Государь собственноручно написалъ на докладѣ: «Предоставляемъ и это трибуну Романо¹⁾». И онъ не ошибался: въ описываемые нами дни Либоріо Романо въ Неаполѣ былъ не менѣе могущественъ, чѣмъ въ свое время Кола-ди-Ріензи въ Римѣ.

Всѣ эти факты указываютъ, что столица все время словно на горячей лавѣ жила.

Мирныя и благонамѣренныя обыватели робѣли и держались въ сторонѣ, буйныя и злонамѣренныя приготовлялись грабить. Даже наиболѣе индифферентныхъ, которые составляли большинство населенія, коснулось бурное дыханіе революціи. То были вихри, налетавшіе со стороны давнихъ политическихъ волненій 1799, 1820 и 1848 годовъ. Они вносили тревогу и въ человѣческое сознаніе, и въ атмосферу общественной жизни.

Самознаніе народной массы съ тѣхъ годовъ значительно расширилось. Даже высшая аристократія, въ сущности любившая Франциска II, связанная съ его трономъ сословными привилегіями и матеріальными выгодами, и она желала политической свободы.

Многіе, повторяемъ, любили Франциска, но едва ли еще не большая часть интеллигенціи и даже аристократіи обожала, да обожала—Гарибальди, имя котораго было окружено свѣтомъ, возраставшимъ изо дня въ день. Правда, короля Виктора-Эмануила, будущаго государя и уже носившаго титулъ итальянскаго короля, неаполитанцы почти еще не знали.

Народныя массы часто возглашали: «Мы хотимъ свободу съ Гарибальди. Онъ намъ дастъ и денегъ и хорошаго вина вволю».

Словомъ, въ воображеніи неаполитанской черни Гарибальди являлся чѣмъ-то въ родѣ человѣколюбиваго банкира и честнаго, великодушнаго виноторговца. Такъ его понимало огромное большинство черни. Но не Микоццо. Ни въ какія будущія блага онъ не вѣрилъ; зато вѣрилъ, что можно умѣючи воспользоваться

¹⁾ Tribuno Romano — значить римскій народный трибунъ. Король называлъ своего новаго министра трибуномъ, ибо тотъ пользовался большою популярностью.

Прим. перев.

удобнымъ моментомъ и въ нѣсколько часовъ, а пожалуй и минутъ, разбогатѣть разъ навсегда. Стоитъ только разжечь народные волненія и подъ ихъ шумокъ ограбить все, чѣмъ пользуются зажиточные классы. Вотъ именно объ этомъ-то дѣльцѣ онъ и хотѣлъ поговорить съ пріятелями въ кабачкѣ тетки Джакомины.

— Укокошимъ, — предлагалъ онъ окружавшимъ его каморристамъ, — укокошимъ Либоріо Романо, потому что только имъ держится еще въ городѣ порядокъ. А когда его не станетъ — наша рука будетъ владыкой. Конечно, всѣ богачи, вся аристократія и буржуа безъ оглядки убѣгутъ изъ Неаполя, и намъ не трудно будетъ овладѣть всѣми богатствами бѣглецовъ. Вѣдь надо же, чтобы революція кому-нибудь въ самомъ дѣлѣ полезной оказалась.

Всѣ окружавшіе Микоццо товарищи съ восторгомъ отнеслись къ его проекту.

— Этакаго счастливаго случая не скоро опять дождешься, — подтверждалъ Куоколо: — рѣшено значить: какъ только войска уйдутъ за королемъ и городъ останется въ нашей власти, мы похозяйничаемъ.

Оставивъ своихъ пріятелей въ кабачкѣ тетки Джакомины, — кромѣ, впрочемъ, донъ-Дженаро, который ушелъ раньше въ свою цырюльню, — Микоццо направился въ полицейское управленіе св. Лаврентія, гдѣ ему надо было повидаться со своимъ старымъ покровителемъ и сообщникомъ, комиссаромъ донъ-Луиджи. Однако его ожидала неудача.

— Господинъ комиссаръ донъ-Луиджи, — объяснилъ Микоццо одинъ изъ жандармовъ полицейскаго управленія, — сегодня еще не бывалъ. Да врядъ ли и придетъ утромъ. Въ городѣ неспокойно. Очень что-то разбушевались и рыночные лаццарони, и носильщики Малаго порта, и свято-ивановскіе ветошники. Они уже подожгли полицейскій кварталъ въ Санита. Собираются перебить всѣхъ лучіанцевъ.

— За то, что только одни лучіанцы остаются вѣрными королю, — перебилъ другой находившійся тутъ же жандармъ.

Для Микоццо эти вѣсти были очень непріятны. Въ одной изъ послѣднихъ рукопашныхъ схватокъ между чернью Монтекальваріо и чернью, принадлежавшей къ лучіанскому околотку, ему пришлось вступить въ единоборство съ Санжованарой, и раскровянить ей лицо. Санжованара была грубая бабища, колоссальныхъ размѣровъ и не погналась бы за болью. Но она была еще молода, красива и не простила, что ее обезобразили. Она поклялась отомстить Микоццо. Монте-кальварійцы, какъ и рыночники и портовые, стояли за либерализмъ, лучіанцы, однимъ изъ главарей которыхъ былъ Микоццо, — были реакціонеры. Санжованара, благодаря своей силѣ, неустрашимости, умѣнью владѣть оружіемъ лучше любого каморриста, стояла во главѣ цѣлой сотни отчаянныхъ простолоудиновъ

и командовала ими. Микоццо она называла полицейскимъ шпиономъ и, слѣдуя рыцарскимъ обычаемъ каморры, послала сказать ему, чтобы онъ лучше ей на глаза не попадался; а если попадется, такъ она его уколошитъ, какъ паршивую собаку.

И Микоццо понималъ, что баба-великанъ не шутитъ; что лучше избѣгать съ ней встрѣчаться, тѣмъ болѣе, что она всегда окружена слѣпо повинующимися ей сподвижниками. Въ виду такихъ обстоятельствъ онъ сказалъ знакомымъ жандармамъ:

— Что жъ... Я лучше подожду господина комиссара наверху, въ его залѣ,—и поднялся въ третій этажъ, гдѣ помѣщался кабинетъ донъ-Луиджи.

Приемная комната, или, какъ ее называли, зала полицейскаго дома Лаврентьевской части было мѣсто зловѣщее. Какія преступленія не проходили по ней! Какія кровавыя драмы не заканчивались въ этомъ логовищѣ полицейскаго произвола, криводушія народныхъ тирановъ, каковыми при Бурбонахъ были начальники безконтрольно деспотической полиціи!

Комната была низкая, сырая, грязная. Стеклянная дверь балкона была широка, выходила на обширную площадь св. Гаэтано, но свѣтъ все-таки скудно проникалъ въ эту залу. Окна были тусклы, загажены; со стѣнъ мѣстами обвалилась штукатурка, углы наполнены паутиной, въ которой засѣдали огромные пауки.

Вся мебель — впрочемъ, она состояла только изъ трехногаго стола, шкапа и нѣсколькихъ продавленныхъ рыночныхъ стульевъ— была покрыта пылью, точно Везувій въ теченіе нѣсколькихъ дней осыпалъ ее своимъ пепломъ.

На одной изъ стѣнъ висѣла большая картина, усиливавшая отвращеніе къ этой комнатѣ всякаго свѣжаго человѣка: на ней была изображена ужасающая сцена испанской инквизиціи. Правда, пыль и грязь, насѣвшія на это художественное произведеніе, многое скрадывали. Но все-таки невольно бросалась въ глаза голая фигура молодой женщины, привязанная къ инквизиціонному колесу, которую поджаривали на медленномъ огнѣ и на которую съ небесъ взирала Пресвятая Дѣва.

Микоццо, выбравъ наименѣе просиженный стулъ, усѣлся въ темномъ уголкѣ между шкапомъ и стѣной. Ночь онъ провелъ почти безъ сна, кутилъ и развратничалъ, а утромъ въ кабацкѣ тетки Джакомины успѣлъ выпить нѣсколько рюмокъ водки. Покуда онъ былъ на ногахъ, на свѣжемъ воздухѣ, въ суетѣ и разговорахъ, онъ не чувствовалъ усталости. Но какъ только сѣлъ, его охватила истома, стало клонить ко сну. Тишина и полутьма подѣйствовали усыпительно.

Черезъ нѣсколько минутъ по залѣ прошелъ жандармъ и на ходу сказалъ:

— Вы напрасно только прождете. Господинъ комиссаръ не придетъ. Онъ, какъ я сейчасъ узналъ, уѣхалъ въ Казерту; тамъ случилось убійство.

Микоццо слышалъ, что кто-то говоритъ, но словъ жандарма не разобралъ. Его отяжелѣвшія вѣки смыкались; мозгъ отказывался работать. Онъ, насколько было возможно, растянулся на стулѣ, прислонилъ голову къ стѣнѣ и заснулъ. Спалъ онъ крѣпко, но видѣлъ тяжелые сны, обратившіеся въ невыносимый кошмаръ, отъ котораго внезапно пробудился, объятый безотчетнымъ ужасомъ. Его мучила жажда, горло словно горѣло.

Спалъ онъ не долго, но во время его сна случилось нѣчто весьма обычное въ то революціонное время. А именно. На площади св. Гаэтано появился небольшой отрядъ конныхъ драгунъ съ одной стороны, а съ другой весьма внушительная масса черни. Буйная толпа наступала на солдатъ; солдаты отступали, оставаясь однако лицомъ къ народу съ саблями наголо, съ заряженными пистолетами наготовѣ. Они отступали шагъ за шагомъ; слышался глухой топотъ лошадиныхъ копытъ. Кони, очевидно, пугались неистовыхъ криковъ и угрозъ нѣсколькихъ сотенъ лаццарони¹⁾

Демонстрація, какъ тогда называла полиція подобные бунты, была руководима полуголыми мужчинами, во главѣ которыхъ шла женщина-гигантъ. Ея волосы были покрыты небольшой красной шапочкой, на груди красовалась широкая трехцвѣтная перевязь— эмблема объединительной революціи. Въ рукахъ она держала большую саблю и грозно ею размахивала. Это была знаменитая Сан-жованара, любимица монтекальварійскаго околотка.

Справа шелъ съ ней рядомъ парень, высоко державшій трехцвѣтное знамя; слѣва мускулистый, плечистый мужикъ съ огромнымъ желѣзнымъ молотомъ въ рукахъ.

Вдругъ рѣзко раздался выстрѣлъ... Ни тогда, ни послѣ никто не зналъ, гдѣ и кто выстрѣлилъ. Никто не былъ раненъ, но все-таки выстрѣлъ явился сигналомъ къ насиліямъ. Все забушевало. Лаццарони пришли на площадь съ карманами, полными камешковъ. И теперь эти камешки благодаря традиціонной ловкости въ этомъ дѣлѣ неаполитанскаго простонародья градомъ сыпались на драгунъ, звеня по ихъ блестящимъ киверамъ непрерывно, словно удары молоточковъ.

Толпа, заревѣла пуще прежняго и бѣшено ринулась на кавалерію; лошади шарахались и вздымались на дыбы. Солдаты, понимая, что имъ не сдобровать, повертели коней и, вонзивъ въ ихъ бока шпоры, быстро скрылись въ боковой улицѣ.

¹⁾ Lazzari, Lazzaroni—такъ прежде называли бѣднѣйшихъ неаполитанцевъ, отъ слова Лазарь, который, какъ сказано въ евангельской притчѣ, во время земной жизни не имѣлъ куса хлѣба и былъ презираемъ богачомъ.

Тогда толпа, какъ прорвавшій плотину потокъ, залила всю площадь св. Гаэтано передъ полицейскимъ управленіемъ. Слышались плачь, вопли, крики перепуганныхъ женщинъ и дѣтей. Но эти крики тонули въ оглушающихъ возгласахъ въ честь Гарибальди и объединенной Италіи... Въ одинъ изъ относительно тихихъ моментовъ раздался властный призывъ Санжованары:

— Сожжемъ, братцы, лаврентьевское полицейское управленіе. Много страдальцевъ-патріотовъ прошло черезъ него...

Толпа съ шумнымъ восторгомъ приняла предложеніе: всѣ разступились передъ женщиной-гигантомъ и ея монтекальварійскими сателлитами.

Жандармы, охранявшіе полицейскій домъ, уже успѣли благо-разумно покинуть его, и скрыться. Тѣ изъ нихъ, которые были въ штатскомъ платьѣ смѣшались съ толпой.

Въ это-то время Микоццо и очнулся отъ своего краткаго, но тяжелаго сна; онъ выглянулъ въ окно и въ ужасѣ отшатнулся, увидѣвъ Санжованару, своего опаснѣйшаго врага. Каморристомъ овладѣлъ и страхъ и бѣшеная злоба, безсиліе которой словно парализовало его.

Шумъ, грохотъ, крики между тѣмъ возрастали. До его слуха ясно долетали слова тѣхъ, кто поднимался по лѣстницѣ, ведущей къ залѣ, гдѣ онъ находился. Онъ въ безсильной ярости скрежеталъ зубами. Замѣтивъ стоявшій у балконной двери шкафъ, Микоццо усмотрѣлъ въ немъ спасительное убѣжище, залѣзъ въ него и закрылъ дверцы. Черезъ нѣсколько минутъ толпа ворвалась въ комнату, гдѣ переверотила все вверхъ дномъ. Столъ, стулья, полки съ бумагами, картины со стѣнъ — все было искалѣчено, разбросано, а потомъ одно за другимъ полетѣло черезъ рѣшетку балкона на мостовую площади. Все это совершалось мгновенно. Дошла очередь до шкапа. Мгновенно же и онъ былъ подхваченъ двумя десятками рукъ, перетащенъ на балконъ, откуда сильнымъ толчкомъ переброшенъ черезъ рѣшетку внизъ на площадь.

Монтекальварійскіе лаццарони уже зажгли по срединѣ ея костеръ и поддерживали пламя, кидая въ него изъ полицейскаго управленія мебель, дѣла, все, что попадало подъ руку. Тамъ же пылала и большая картина инквизиціи. Около нея очутился шкафъ, въ которомъ Микоццо ожидалъ было найти спасеніе.

Когда онъ рухнулъ на мостовую, раздался раздирающей душу человѣческой крикъ: то былъ смертный крикъ каморриста.

Костеръ, разложенный около статуи св. Гаэтано, вскидывалъ пламя, обвивая имъ бронзовую фигуру монаха. Кругомъ толпа босыхъ людей въ лохмотьяхъ хохотала, прыгала и радовалась.

На паперти церкви сидѣла ветхая нищая и наблюдала. Когда шкафъ упалъ на мостовую, его доски раздались; старуха видѣла за ними окровавленную человѣческую фигуру. Она указывала съ

паперти костылемъ на пикапъ, кричала: «тамъ крещеный». Но на нее никто не обращалъ вниманія. Да и словъ ея никому не было слышно.

Костеръ пылалъ ярче и шире; публичныя женщины, вышедшія изъ своихъ логовищъ, чтобы полюбоваться новымъ зрѣлищемъ, кричали, обращаясь къ тѣмъ лаццарони, которые толпились еще на балконахъ полицейскаго управленія.

— Кидайте еще! Поддавайте жару! Будемъ сегодня св. Антонія праздновать¹⁾.

Отъ костра распространялось зловоніе, острое, отвратительное какъ отъ сжигаемой падали.

Толпа, повидимому, была удовлетворена; она отомстила ненавистной полиціи и, удовлетворенная, удалилась, не переставая яростно угрожать смертью консерваторамъ и реакціонерамъ.

Площадь опустѣла; костеръ понемногу догоралъ. Ветхая нищая медленно сошла со ступеней церковной паперти, приблизилась къ едва тлѣвшимъ остаткамъ костра и стала обшаривать ихъ концомъ своего длиннаго костыля, словно чего-то искала. Ея морщинистое, пергаментное лицо отвратительно улыбалось, обнаруживая два клыка въ черной пасти рта. Казалось, колдунья совершаетъ какія-то зловѣщія заклинанія.

Въ сущности она надѣялась найти въ золѣ какую-нибудь монету, серебряную, а не то и золотую, которая могла вывалиться изъ кармановъ заживо сгорѣвшаго человѣка.

— Не все же огонь съѣлъ,—бормотала вѣдьма, шевеля костылемъ въ дымящемся пеплѣ. И вдругъ, завизжавъ благимъ матомъ, бросилась бѣжать, насколько ей позволяли отслужившія свой вѣкъ ноги: она увидала обгорѣлую голову мертвеца.

XXVII.

Послѣдній балъ.—Новый дворцовый заговоръ.

Когда въ Сициліи и Калабріи совершались событія, описанныя нами, положеніе правительства короля Франциска II и его столицы Неаполя было таково:

Подъ вліяніемъ Либоріо Романо, назначеннаго министромъ, благодаря протекціи принца Луиджи, дяди короля, послѣдній рѣшился на нѣкоторыя либеральныя уступки. Мы видѣли, какъ была принята въ Палермо объявленная генераломъ Ланца конституція 1812 г. и политическая амнистія. Въ остальныхъ частяхъ королевства проявлялось тоже недовольство запоздалыми и не удовле-

¹⁾ Въ день св. Антонія неаполитанское простонародье сжигаетъ всю ненужную рухлядь въ кострахъ, которые раскладываютъ на всѣхъ площадяхъ города.

творяющими никого реформами, только въ менѣ рѣзкой формѣ. Тѣмъ не менѣ неаполитанское правительство вновь обратилось за дипломатическимъ содѣйствіемъ Наполеона III, заявивъ о дарованіи конституціи и прочихъ либеральныхъ палативахъ.

Переговоры по этому предмету шли одновременно съ началомъ побѣдоноснаго появленія въ Сициліи гарибальдійской тысячи. Императоръ французовъ отвѣчалъ неаполитанскому правительству, что всѣ либеральныя реформы явились такъ поздно, что уже невозможно остановить полное объединеніе Италіи и присоединеніе королевства обѣихъ Сицилій къ владѣніямъ пьемонтскаго короля. Этотъ отвѣтъ былъ полученъ въ іюнѣ.

Въ іюлѣ и августѣ революція сдѣлала гигантскіе и побѣдоносные шаги впередъ: въ Сициліи королевскія войска сложили оружіе; въ Калабріи генераль Гіо капитулировалъ, а его солдаты братались съ повстанцами и восторженно встрѣчали Гарибальди. Столица государства не была защищена. На королевскія войска, расположенныя между революціонными отрядами и Неаполемъ, рассчитывать было напрасно. Высшіе военные чины, всѣмъ обязанные Бурбонской династіи, подъ различными предлогами уклонялись отъ выполненія своего долга въ это критическое время и старались держаться подальше отъ двора.

Едва ли не первымъ такъ поступилъ тотъ самый генераль Нунцианте, который годъ назадъ перебилъ швейцарскій королевскій полкъ. Онъ внезапно заболѣлъ, а его жена, рожденная герцогиня Миньяно, состоявшая статсъ-дамой королевы, подала просьбу объ увольненіи отъ этой почетной должности.

Всѣ опасались, что въ самомъ Неаполѣ не сегодня завтра вспыхнетъ возстаніе; что опасность можетъ грозить всѣмъ честнымъ и мирнымъ жителямъ, не исключая членовъ королевскаго семейства.

При дворѣ королева-мачеха Марія-Терезія сплотила около себя реакціонную партію, которая, вовсе не считаясь съ приближающейся волной революціи, грозящей Бурбонской династіи, мечтала о полномъ возстановленіи самодержавнаго режима, о водвореніи на престолъ сына самой Маріи-Терезіи, юнаго принца Луиджи,¹⁾ графа Трани, своднаго брата Франциска II.

Въ народѣ происходило сильное броженіе. Съ одной стороны, вѣсти о блестящихъ успѣхахъ гарибальдійцевъ, двигавшихся къ Неаполю во имя свободы и единства націи, начинали пробуждать у многихъ гражданъ желаніе примкнуть къ нимъ.

Съ другой стороны, реакціонная партія старалась тоже обольщать массу надеждами.

¹⁾ Этого принца Луиджи, не должно смѣшивать съ его дядей, принцемъ Луиджи, консуломъ венеціанскимъ въ свою пользу при содѣйствіи Либоріо Романо.

Мощная каморра раздвоилась. Часть ея благопріятно относилась къ первому министру Либоріо Романо, который назначалъ каморристовъ полицейскими и таможенными сторожами.

Другая же часть каморристовъ была увѣрена, что какъ только Гарибальди приблизится къ Неаполю, такъ король, дворъ и высшія военныя власти покинуть на произволь судьбы столицу. Значить, тогда выгодно будетъ взбунтовать народъ, захватить — и если возможно убить—Романо, разграбить въ городѣ все, что можно. А потомъ, смотря по обстоятельствамъ, принять радушно Гарибальди, или, если это будетъ выгодно, поддержать реакцію, руководимую Маріей-Терезіей.

Въ среднихъ классахъ теперь явно проявлялось броженіе.

Собственно о Францискѣ II мало кто заботился, такъ ничтоженъ казался онъ на фонѣ великой драмы.

Да едва ли этотъ безхарактерный мистикъ самъ о себѣ заботился, хотя видѣлъ опасность своего положенія, хотя и страдалъ душевно, страдалъ отъ сознанія своего безсилія предотвратить свою гибель.

Генераль Гіо, какъ намъ извѣстно, со всей своей арміей сдѣлся 30-го августа; гарибальдійцы шли къ Неаполю и могли появиться въ столицѣ со дня на день. Между тѣмъ 2-го сентября въ королевскомъ дворцѣ былъ назначенъ балъ, послѣдній по волѣ исторіи балъ, данный бурбонскимъ королемъ.

Празднество было пышное. Дворецъ внѣ и внутри весело сіялъ огнями; залы были полны знати, сановниковъ, представителей науки, литературы, искусства. По желанію королевы Софіи (по настоянію которой балъ и былъ назначенъ: она все еще надѣялась развлечь мужа и, кромѣ того, показать, что королевская семья не падаетъ духомъ), по ея желанію этотъ праздникъ былъ отмѣченъ особой характерной чертой. А именно. Приглашенные, имѣющіе ордена, обязаны были явиться въ одѣянїяхъ, присвоенныхъ старыми статутами кавалерамъ даннаго ордена.

Напримѣръ, кавалеры св. Константина были одѣты въ бѣлый и голубой атласъ, а на ихъ красной бархатной шляпѣ было вышито брильянтами: *In hoc signo vinces*.

Кавалеры св. Януарія имѣли кафтаны изъ серебрянаго глазета, съ золотыми пуговицами; черныя шляпы съ длиннымъ чернымъ перомъ; бѣлые шелковые чулки съ цвѣтами, вышитыми золотомъ; а на плечахъ короткія мантии, пурпурныя, съ вышитыми на нихъ бѣлыми лиліями.

Проще всѣхъ былъ одѣтъ самъ король: въ генеральскомъ мундирѣ съ бѣлой лентой черезъ плечо и золотой цѣпью ордена Золотого Руна на груди. Онъ былъ блѣденъ, имѣлъ положительно болѣзненный, усталый и скучающій видъ. Онъ старался быть любез-

нымъ, переходилъ отъ одного гостя къ другому, разговаривалъ, пытался улыбаться. Но улыбка выходила натянутая, иногда почти горькая. Францискъ никогда не танцевалъ.

Его первый министръ Либоріо Романо, котораго звали чернымъ человѣчкомъ, былъ по своему обыкновенію весь въ черномъ. Только на фракѣ, застегнутомъ по самое горло, красовался недавно пожалованный бѣлый орденъ. Премьеръ производилъ впечатлѣніе траурнаго пятна на фонѣ пышно, ярко, блестяще разодѣтой толпы, и какъ будто не замѣчалъ этого. Между тѣмъ онъ далеко не былъ чуждъ мелкаго тщеславія. Но прежде всего онъ былъ великій скептикъ. А теперь вотъ уже три мѣсяца послѣ объявленія конституціи онъ былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ, могущественнѣе короля. На короля онъ наводилъ какой-то страхъ. Зато неаполитанскіе либералы чествовали его наименованіемъ освободителя родины; преданная ему каморра звала его *saro masso*; ¹⁾ а созданная имъ національная гвардія величала папашей.

А все-таки донъ Либоріо Романо оставался сфинксомъ. И историки доселѣ не могутъ разгадать его.

Черненькій человѣчекъ, лавируя между гостями, разсыпая рукопожатія, улыбки и любезности, приблизился къ королю. Францискъ въ это время стоялъ у открытаго балкона и разговаривалъ съ княземъ Искителло, командиромъ національной гвардіи. Искителло былъ большой пріятель Романо; онъ понялъ, что премьеръ желаетъ что-то сказать государю, и постепенно устранился.

Въ залѣ танцовали; танцовала и королева.

— Государь, — обратился Либоріо Романо къ Франциску съ улыбкой, которою онъ старался выразить любезность, но которая выражала почти всегда какое-то недоумѣніе:—государь, ея величество вдовствующая королева сію минуту пріѣхала во дворецъ и желаетъ что-то сказать вамъ.

— Но я не хочу съ ней говорить,—возразилъ король.

— Ваше величество, августѣйшая ваша мачеха сказала мнѣ, что должна передать вамъ свѣдѣнія высокой политической важности.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣчалъ Францискъ глядя прямо въ глаза министра:—я не могу видѣться съ той, которая составляетъ противъ меня заговоры.

— Государь, — вкрадчиво продолжалъ настаивать премьеръ:—мы переживаемъ такія тяжелыя времена, что вынуждены ко всѣмъ относиться терпимо.

— И именно поэтому-то вы каморристовъ назначаете полицейскими,—воскликнулъ король, который не только побаивался Романо, но начиналъ недоувѣрять ему.

---

¹⁾ Староста; старшина.

— Я дѣйствительно назначаю каморристовъ полицейскими, потому что, какъ вашему величеству извѣстно, прежде всѣ полицейскіе были въ сущности каморристами, — медоточиво возразилъ Либоріо и опять перешелъ къ вопросу о свиданіи съ Маріей-Терезіей.

— Государь, — убѣждалъ онъ: — вдовствующая королева сказала мнѣ, что ей нужно только сообщить о весьма важномъ обстоятельстве. Вы ее выслушаете, и только. Это васъ ни къ чему не обязываетъ. Она говоритъ, что сама придетъ сюда, если вы откажете ей въ аудіенціи. А запретъ передъ ней двери, конечно, невозможно.

У Франциска своей воли, какъ извѣстно, не было, онъ слушалъ, слабо возражалъ и наконецъ согласился.

Во дворцѣ существовала, отдаленная отъ парадныхъ комнатъ, гостиная, которой съ давнихъ временъ по традиціи могли пользоваться исключительно члены королевской фамиліи. Даже всюду проникающимъ золотымъ ключамъ, какъ звали при бурбонскомъ дворѣ камергеровъ, входъ туда былъ запрещенъ. Про богатство и убранство этого покоя ходили баснословные рассказы. Марія-Терезія ожидала именно тамъ своего царственного пасынка. Она была вся въ черномъ, стояла, облокотясь на мраморную доску камина, а когда онъ вошелъ, поклонилась ему, не теряя своей обычной величавости.

Король попросилъ ее сѣсть на бархатный диванчикъ и самъ опустился на стулъ противъ нея. Карсельская лампа ярко освѣщала ихъ обоихъ и замѣчательно-художественный гобеленъ, покрывавшій стѣну, на которомъ была изображена Ревекка у источника.

На лицѣ королевы было написано тревожное ожиданіе. Но все-таки она молчала, желая, чтобы Францискъ заговорилъ первый.

— Государыня, — наконецъ произнесъ онъ: — я готовъ васъ выслушать, несмотря на то, что помню зло, которое мнѣ причинили вы, вдова моего родителя.

Негодованіе блеснуло въ строгихъ глазахъ Маріи-Терезіи; она слегка задрожала даже, но тѣмъ не менѣе отвѣчала довольно спокойно:

— Нѣтъ, государь, не зло вы помните, а помните черныя клеветы на меня завистливыхъ и злыхъ придворныхъ...

Францискъ пристально поглядѣлъ ей въ глаза, горько улыбнулся и замѣтилъ:

— Извините, государыня, я не думаю, чтобы то были однѣ клеветы. Да проститъ вамъ Господь все то, что я перестрадалъ благодаря вамъ.

Марія-Терезія не могла долѣе сдерживаться; она сердито нахмурила лицо, вскочила съ дивана и топнула ногой.

— Ваше величество жестоко оскорбляете свою мать.

Францискъ тоже всталъ и спокойно, но твердо произнесъ:

— Моя мать была Христина Савойская. Она скончалась, когда я родился. Я не зналъ моей матери; я никогда не зналъ ни материнской ласки, ни материнскаго поцѣлуя. И въ этомъ также судьба была ко мнѣ жестока. Прошу васъ, государыня, не злоупотребляйте именемъ святой женщины, младенца-сына которой вы пытались отравить.

Обвиненіе было такъ ужасно, что Марія-Терезія отступила нѣсколько шаговъ назадъ и закрыла лицо руками. Но чрезъ минуту, опять овладѣвъ собой, приблизилась къ пасынку, взяла его за руку и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Государь, я равнодушно отношусь къ вашимъ оскорбленіямъ. Я презираю обвиненія, какъ бы они жестоки не были. Я нахожусь здѣсь для того только, чтобы спасти васъ, спасти вашъ престоль...

— О нѣтъ! Вы! моя мачеха! Вы Марія-Терезія! Развѣ вы способны заботиться обо мнѣ?—отвѣчалъ король.

Его голосъ звучалъ глубокой скорбью. Марія-Терезія стояла блѣдная, недвижимая, какъ мраморная статуя.

— Оскорбляйте меня сколько угодно, только выслушайте хоть разъ въ жизни, какъ всегда выслушивалъ меня вашъ отецъ... Государь, вы стоите надъ пропастью... поспѣшно выговорила она...

— Богъ свидѣтель, что не я эту пропасть вырылъ, я, какъ Людовикъ XVI, только искупаю грѣхи моихъ предковъ. Я несчастнѣйшій изъ монарховъ. Я страдаю потому, что мой народъ ненавидитъ меня. А ненавидитъ онъ меня за всѣ неправды, которыя совершали Фердинандъ I, Францискъ I ¹⁾ и,—да проститъ меня Господь,—совершалъ мой отецъ.

Эти слова особенно неприятно было слышать Маріи-Терезіи; ими выражалось обвиненіе противъ цѣлаго періода бурбонскаго самодержавія и въ особенности противъ политики послѣднихъ лѣтъ Фердинанда II, котораго она была оракуломъ. Она вскипѣла негодованіемъ, но сдержала свой гнѣвъ, чтобы не упустить случая высказать то, зачѣмъ пріѣхала во дворецъ.

— Ваше величество сію минуту увидите, гдѣ гнѣздится измѣна. Вы поймете разницу между безжалостно оклеветанной Маріей-Терезіей и вашими ближайшими родственниками.

— Измѣна!—воскликнулъ король, и по его лицу проскользнула снова горькая ироническая усмѣшка.—Измѣну я вижу повсюду: въ войскѣ, во флотѣ, при дворѣ... и даже въ моей семьѣ.

— Да, и не ошибаетесь, государь: принцъ Луиджи въ разговорѣ противъ васъ; онъ готовитъ государственный переворотъ.

¹⁾ Прадѣдъ и дѣдъ Франциска II.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1907 г., т. сж.

— Мой дядя? Братъ моего отца? — воскликнулъ король, не столько негодуя, сколько изумляясь.

— Слушайте,—продолжала мачеха:—вы знаете герцогиню Кастильоне. Она была любовницей Виктора-Эмануила; она очень ловко умѣетъ интриговать въ дипломатическихъ и придворныхъ сферахъ. Вы знаете, что въ Тюльери она принята очень радушно... Говорятъ, что она стала императрицей, разумѣется, съ лѣвой стороны. И нынче, подъ сѣнью своего алькова, она усердно хлопочетъ о пользѣ вашего дяди, принца Луиджи. Наполеонъ III уже обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

— И онъ тоже противъ меня!—тихо и печально произнесъ король.

— Слушайте дальше. Вашъ дядя Луиджи уже вызвалъ изъ Флоренціи одного генерала, закадычнаго друга Давида Манина и покойнаго генерала Пепе¹⁾. Недавно назначенный вами командиромъ неаполитанской національной гвардіи князь Искителло тоже въ заговорѣ; онъ со своими солдатами долженъ на дняхъ объявить все королевство въ осадномъ положеніи и назначить регентство, главою котораго будетъ принцъ Луиджи, графъ Аквила.

Лицо короля мгновенно вспыхнуло, и такъ же быстро поблѣднѣло. Онъ схватилъ мачеху за обѣ руки.

— Вы лжете, сударыня! Вы лжете. Нѣтъ! этого быть не можетъ. Сознайтесь, что это неправда.

— Я никогда не лгала... Выслушайте же меня до конца. Соберитесь съ силами; сумѣйте хоть однажды наказать, какъ настоящей король, того, кто заслуживаетъ наказанія.

Францискъ молчалъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и не могъ отрѣшиться отъ сожалѣнія къ самому себѣ. Зачѣмъ Провидѣніе возвело его на тронъ!

Марія-Терезія подала пасынку какое-то письмо:

— Вотъ доказательство измѣны вашего дяди. Прочтите.

На этотъ разъ Францискъ повиновался ей. Онъ прочелъ письмо. Это былъ манифестъ, подписанный самимъ принцемъ Луиджи, графомъ Аквила, генералъ-адмираломъ королевскаго флота. Онъ объявлялъ себя регентомъ... Король словно встрепенулся; негодованіе и гнѣвъ овладѣли имъ, и онъ воскликнулъ:

— Покуда я еще король, я сумѣю покарать измѣнника.

XXVII.

Королевская семья—Народное волненіе и смѣлая королева.

То были дни всеобщаго энтузіазма, безграничнаго возбужденія. Даже тѣ, кто относился къ единству Италіи, какъ къ неосуществимой мечтѣ и только втайнѣ болѣлъ душой за родину, встрепенулись при громахъ гарибальдійскихъ побѣдъ.

¹⁾ См. главу о заупокойной обѣднѣ.

Сильвіо Спавента¹⁾ стоялъ во главѣ комитета общественной безопасности въ Неаполѣ. Это былъ человѣкъ съ вулканической головой и съ желѣзнымъ организмомъ. Онъ нѣсколько разъ рисковалъ быть разстрѣляннымъ за измѣну бурбонскому правительству, но его спасалъ одинъ изъ тогдашнихъ министровъ Джіакки, его старыи пріятель, который читалъ ему наставленія, уговаривалъ не горячиться и старался успокаивать изреченіями изъ Тацита.

Въ провинціяхъ революціонное движеніе поддерживалось дѣятельнѣйшими членами комитета объединенія.

Кавуръ, министръ Виктор-Эмануила, прислалъ въ Неаполь Висконти Веноста, Финци, Меццокапо²⁾ и другихъ, поручивъ имъ употребить всѣ усилія, чтобы неаполитанское войско отказалось поддерживать Бурбоновъ. Донъ Либоріо Романо (премьеръ Франциска), этотъ политическій сфинксъ, лишенный чувства политической совѣсти, захлебывался въ волнахъ нахлынувшей на него революціи и перепугался. Онъ боялся, что его убьютъ, и каждую ночь прятался въ подвалахъ банка Арлота.

Бурбонскіе генералы Ланди, Ланца, Бриганти, Гіо бѣжали отъ побѣдоносныхъ добровольцевъ Гарибальди, который быстро приближался къ Неаполю.

Около полудня ярко-яснаго и теплаго сентябрьскаго дня часть королевскаго семейства сидѣла небольшими группами на обширной³⁾ террасѣ дворца, выходящей на Неаполитанскій заливъ.

Королева Софія сидѣла на длинномъ стулѣ у самой рѣшетки, ласкала и забавляла маленькую Граціелу, дочку своей любимой камерфрау Нины Риццо. Сзади, сидя на мраморной скамьѣ, король читалъ газеты. Статсъ-дама герцогиня Сангро и нѣсколько молодыхъ фрейлинъ прохаживались по террасѣ молча, чтобы не беспокоить государя.

Въ другомъ, отдаленномъ концѣ террасы, около распахнутой во внутренніе покои дворца, двери расположилась Марія-Терезія, (перевравшаяся въ Неаполь послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ разговора съ пасынкомъ), а около нея черныи человѣчекъ, т. е. первый министръ донъ-Либоріо Романо. Они говорили очень тихо, хотя на этой огромной террасѣ никто не могъ бы слышать ихъ словъ.

Но они не замѣчали, что посреди залы, двери которой были распахнуты, стоялъ дежурный офицеръ. Это былъ Урбанъ фонъ-

---

¹⁾ Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ революціонеровъ, извѣстный во то время писатель.

²⁾ Всѣ эти лица при новомъ царствованіи перебивали членами палаты, сенаторами, министрами.

³⁾ Эта терраса равняется среднихъ размѣровъ саду: около 150 саж. длины.

Флуге, или, вѣрнѣе, Бруно Бесси Морелли. До него изрѣдка долетали отдѣльныя фразы. Онъ видѣлъ, что вдовствующая королева озабочена и взволнована.

— Могу увѣрить ваше величество, — говорилъ Романо королевѣ: — необходимо, чтобъ государь немедленно уѣхалъ изъ Неаполя. Здѣсь ежедневно вспыхиваютъ очень опасныя волненія. А мы только тогда можемъ... (министръ едва шевелилъ губами, но собесѣдница, видимо, его понимала) только тогда можемъ провозгласить вашего сына принца Луиджи королемъ обѣихъ Сицилій...

Приближались двѣ фрейлины, и заговорщики перемѣнили тему бесѣды. Однако Бруно не вслушивался въ разговоръ, главное вниманіе его было обращено на королеву Софію, сидѣвшую въ отдаленномъ концѣ террасы. Онъ любилъ ее безумно, каждый день все болѣе. Онъ все забывалъ, кромѣ этой любви. Дядя Цезарь, Гарибальди въ Сициліи и почти у воротъ Неаполя, освобожденіе Италіи—все было поглощено роковой страстью. Страстью безнадежной,—онъ самъ это зналъ, страдалъ, таялъ, какъ свѣча, но оторваться отъ придворной жизни и возможности хоть издали видѣть молодую королеву не былъ въ силахъ.

Тѣмъ временемъ къ Софіи подошелъ кузень, испанскій принцъ донъ-Чичилло, и болталъ разный вздоръ. Она разсѣяно слушала его. Ее беспокоило хмурое выраженіе лица мужа, продолжавшаго читать газеты.

Вдругъ онъ нервно отбросилъ газету и поблѣднѣлъ. Его печатно обвиняли въ разстрѣляніи четырнадцати монаховъ въ Палермо, въ томъ, что по его приказу намѣстникъ стрѣлялъ изъ пушекъ по народу и бомбардировалъ столицу Сициліи 27 мая. Все это было неправда, или, что еще хуже, клевета. Онъ нарочито и во время послалъ Манискалько приказъ о помилованіи монаховъ. Оно никогда не думалъ даже приказывать стрѣлять изъ пушекъ въ Палермо по народу или бомбардировать Палермо.

Вступая на престолъ, онъ искренно любилъ свой народъ; сердце у него было доброе, мягкое. Онъ не разъ мечталъ о благоденствіи всего царства; не разъ клялся самому себѣ, что во время своего царствованія не допуститъ проливать крови. Онъ хотѣлъ уничтожить смертную казнь. Онъ никогда не хотѣлъ крови. Нѣтъ, лучше потерять вѣнецъ, чѣмъ видѣть кровь своихъ подданныхъ.

И вотъ теперь на него клеветуютъ. И ему больно отъ этихъ клеветъ, больно физически. Томительное безсиліе давило его. Впереди нѣтъ исхода; нѣтъ даже надежды передохнуть отъ этой муки.

Бѣдный безсильный король, безсильный, невзирая на свою доброту и великодушіе. Неумолимый потокъ событій властно уносилъ его куда-то. Въ какую-то мрачную глубину непрестанно увлекали его двѣ невыносимыя, тяжкія, какъ гири каторжника, силы: народная ненависть и слезы и кровь жертвъ абсолютизма, которые погибли въ 1799, 1820 и 1848 годахъ.

Передъ неизбѣжнымъ судомъ исторіи и неаполитанскіе Бурбоны могли предстать не безъ достоинства. За ними были немало-важныя заслуги. Они освободили королевство отъ ненавистнаго націи испанскаго ига, точнѣе, рабства. Бурбоны создали величіе королевства обѣихъ Сицилій. Фердинандъ I, Францискъ I и Фердинандъ II были тиранами. Это правда. Но онъ, онъ самъ, Францискъ II, вѣдь онъ всегда былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ.

Софія, видя, что король страдаетъ, подошла къ нему.

— Отчего ты такъ блѣденъ... Все эти газеты! Зачѣмъ ты ихъ читаешь,—сказала она.

Король только вздохнулъ и ласково поглядѣлъ на обожаемую женщину.

Она предложила ему спуститься въ садъ, онъ послѣдовалъ за ней, какъ ребенокъ. Когда они очутились въ гущѣ тропическихъ растений, гдѣ никто не могъ слѣдить за ними, Софія крѣпко обняла Франциска.

— Дорогой, скажи мнѣ, что тебя огорчаетъ?—спросила она.

— Ничего особеннаго; право, ничего...

— Нѣтъ, нѣтъ, не скрывай ничего отъ твоей Софіи. Я вижу, что ты сдерживаешь слезы, которыя навертываются на глаза, а я такъ люблю твои глаза. Я не хочу, чтобъ ты плакалъ.

Она улыбнулась, ласкаясь къ мужу; онъ прижалъ ее крѣпко къ своей груди, постарался самъ улыбнуться и отвѣчалъ:

— Ты не знаешь, Софія, какихъ невыразимыхъ усилій мнѣ стоило воздержаться отъ слезъ... отъ рыданій, когда я узналъ, что Сицилія, эта бѣдная страна, эта великая страна, отпала отъ моего королевства.

— Отпала, но не навсегда. Мы ее опять возьмемъ,—съ увѣренностію возразила молодая королева.—У тебя еще есть достаточно войска. У тебя есть отличный флотъ.

— Это не то! — какъ бы самъ съ собою разсуждалъ Францискъ.—Не то! Настоящая сила короля заключается въ народной любви. Я ничего дурнаго не сдѣлалъ моему народу. А онъ меня ненавидитъ. Даже Неаполь ненавидитъ Бурбоновъ. А вѣдь я Бурбонъ.

— Мой другъ, это все твой мистицизмъ; ты меланхоликъ и слишкомъ легко сдаешься во власть этой слабости, а она тебя доводитъ до такихъ мрачныхъ мыслей...

Софія и ласками и словами старалась успокоить этого фаталиста, этого вѣнчаннаго младенца, ободрить его, заставить смѣлѣе относиться къ окружавшимъ его опасностямъ.

Онъ ее слушалъ, былъ счастливъ близостію обожаемой женщины, но оставался безмолвенъ, сидѣлъ опустивъ голову, въ глупомъ раздумьи. Софія, уважая его страданья, тоже смолкла.

Такъ прошло съ полчаса. Они оставались въ саду, въ тишинѣ.

Внезапно со стороны обширной площади Сантъ-Фердинандо слышались громкіе голоса, угрожающіе крики, какой-то зловѣщій яростный, все заглушающій шумъ. Казалось, онъ потрясалъ стѣны королевскаго дворца. Вся площадь передъ нимъ была покрыта взволнованнымъ народомъ. Толпы черни все прибывали съ прибрежныхъ, бѣднѣйшихъ кварталовъ города; онѣ неслись, какъ мощные потоки сквозь прорвавшіяся плотины, такія же бурныя, такія же мощныя, какъ стихія.

Улица Гиганта (съ южной стороны дворца) была уже занята пѣхотой, которая стояла, скрестивъ ружья, дабы не быть раздавленной чернью.

По Толедо, главной улицѣ, съ сѣвера дворца спускался къ площади на рысяхъ гусарскій эскадронъ. Но онъ вынужденъ былъ остановиться передъ сплошной стѣной народа.

Носились слухи, что генералъ-адмиралъ принцъ Луиджи Бурбонскій, родной дядя короля, будучи арестованъ ночью послѣ бала по высочайшему повелѣнію, отправленный подъ стражей на корабль «Партенопе» въ изгнаніе, внезапно сегодня возвратился въ Неаполь, чтобы предать его огню, мечу и разграбленію въ пользу тѣхъ, кто пожелаетъ провозгласить его главой правительства. Утверждали, что военная эскадра, стоящая на рейдѣ противъ столицы, держитъ сторону своего генералъ-адмирала.

Другіе увѣряли, что въ городъ вступили отряды сициліанцевъ и калабрійцевъ, добывающихся, чтобы Францискъ II вновь отмѣнилъ конституцію.

Революціонеры объединительной партіи со своей стороны старались раздувать занявшійся пожаръ. Сильвіо Спавента повторялъ слова чернаго человѣчка: «если король не удалится изъ Неаполя, мы распахнемъ городскія ворота передъ Гарибальди».

Подонки черни, значительная часть каморристовъ, не получившихъ полицейскихъ мѣстъ, лаццарони и жители нижнихъ бѣднѣйшихъ кварталовъ надѣялись поживиться грабежомъ.

Говорили также, что національная гвардія овладѣетъ дворцомъ, принудитъ Франциска II отречься отъ престола и объявитъ присоединеніе его королевства къ объединенной части Италіи. Словомъ, поступитъ по примѣру тосканцевъ.

Многіе же, ничего не зная и не понимая, присоединялись къ бурной толпѣ ради волненія и шума. А шумъ и крики все возрастали. Казалось, они потрясали небо.

Кто кричалъ: «да здравствуетъ регентъ!» кто: «да здравствуетъ Галибардо», другіе—просто: «да здравствуетъ свобода!» Большинство же требовало объединенія Италіи. Возгласы реакціонные прорвались рѣдко, хотя каморристы, смѣшавшіеся съ этой толпой, принадлежали къ партіи, обозленной на правительство.

Либоріо Романо, съѣвъ три мѣсяца назадъ на курульное кресло въ министерствѣ, выпустилъ всѣхъ почти каморристовъ изъ тюремъ на свободу и значительной части ихъ далъ мѣста по полицейской части. Этимъ оставшіеся безъ мѣстъ были до того раздражены, что со своими шайками жгли полицейскіе участки, хранившіеся въ нихъ бумаги и не останавливались предъ убійствомъ полицейскихъ, своихъ вчерашнихъ товарищей по каморрѣ.

Конечно, огромное число этихъ недовольныхъ находилось въ бушующей передъ дворцомъ толпѣ. Они и ихъ сообщники были вооружены топорами, ломами и грозили разбить желѣзныя рѣшетки, окружающія садъ и дворецъ короля.

Королевская гвардія, находившаяся всегда во дворцѣ, выстроилась на дворѣ съ заряженными ружьями. Солдаты рѣшили дорого заставить заплатить за свою жизнь. Но побѣдить эту толпу никто не могъ и мечтать.

Вся королевская фамилія собралась въ залѣ Психей, три большихъ балкона которой выходили на площадь Санъ-Фердинандо.

Марія-Терезія была страшно перепугана, однако женское любопытство преодолѣло было страхъ. Она приблизилась къ одному изъ балконовъ, но въ ту же минуту быстро отошла въ глубь покоя.

— Господи Боже мой! тьма тьмущая народа,—воскликнула она, прижимая къ себѣ двухъ своихъ юныхъ сыновей принцевъ.

Король, тоже взглянувъ въ окно, тотчасъ отошелъ и, обезсиленный, бросился на диванъ:

— Что нужно этому народу? Вѣдь я далъ конституцію. Чего они всѣ хотятъ еще отъ меня?—шепталъ несчастный.

Между тѣмъ крики и шумъ на площади все возрастали.

Королева Софія сидѣла въ противоположномъ углу залы; около нея сгруппировались испанскій принцъ, статсъ-дама герцогиня Сангро и нѣсколько фрейлинъ. Маленькая Граціела, любимица Софіи, тутъ же жалась къ ней и плакала отъ страха.

Министръ Либоріо Романо куда-то исчезъ. Урбанъ фонъ-Флуге пошелъ разузнать подробнѣе обстоятельства. Нѣсколько камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и церемоніймейстеровъ, случившихся во дворцѣ, толпились у дверей залы, ожидая распоряженій государя, который едва ли былъ въ силахъ что сообразить.

Вернулся фонъ-Флуге и, приблизясь къ государю, доложилъ:

— Ваше величество, народъ сильно волнуется. Начальникъ королевской гвардіи приказалъ запретить всѣ дворцовыя двери и ворота. Все готово, чтобы защищаться до послѣдней капли крови.

Софія тоже подошла въ этотъ моментъ къ мужу и спросила Флуге:

— Да въ чемъ же собственно дѣло?

Францискъ пристально взглянулъ на нее. Лицо его выражало потрясающее изумленіе: онъ никогда не помышлялъ, что ненависть народа къ нему дойдетъ до угрозъ. Однако онъ понималъ, что ему должно же что-нибудь предпринять. Онъ всталъ съ дивана, словно хотѣлъ двинуться впередъ... постоялъ на мѣстѣ. И вдругъ, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ:

— О-о! насъ захватятъ, посадятъ въ тюрьму и покончатъ съ нами, какъ съ Маріей-Антуанеттой.

— Пресвятая Дѣва! Опомнитесь, государь, въ такой моментъ произносить это имя,—укоризненно, но твердо сказала Софія и направилась къ балкону, добавивъ:—я хочу видѣть.

— Ради Бога, Софія!.. Нѣтъ, не ходи! Я тебя умоляю.

И мужъ схватилъ было ее за руку. Она поглядѣла ему прямо въ лицо и рѣшительно возразила:

— Нѣтъ, пустите меня. Я хочу показаться на балконѣ.

Ветхій герцогъ Санвито, вѣрный своимъ монархическимъ традиціямъ, успѣвши приблизиться къ молодой королевѣ и сопроводить ее на балконъ. Его совершенно сѣдые, длинные волосы были въ этотъ моментъ весьма внушительны и весьма кстати.

Урбанъ фонъ-Флуге тоже приблизился къ королевѣ съ другой стороны. Сзади ея шелъ испанскій принцъ.

Марія-Тереза, наблюдавшая за этой сценой, не могла не сознаться:

— Однако смѣла же она, эта баварка.

Молодая королева переступила порогъ распахнутыхъ дверей балкона; вся огромная площадь была ей видна.

Всѣ присутствовавшіе въ залѣ, въ волненіи, многіе въ трепетѣ, не спуская глазъ, слѣдили за этой храброй женщиной, не боявшейся показываться многотысячной, яростно бушующей толпѣ.

Повернувъ голову въ сторону мужу, она какъ бы доложила ему ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— На площади очень много народа, густо столпились, тискаются. Всѣ они какъ бѣшеные. Рвутся къ дворцовымъ воротамъ. Дворцовая гвардія не можетъ выйти на площадь. А гусары не могутъ пробиться сквозь эти живыя стѣны и никакой пользы намъ принести тоже не могутъ...

Она на секунду закрыла лицо руками и прошептала: «Марія-Антуанетта!.. Какое ужасное напоминаніе».

Фонъ-Флуге выступилъ было передъ государыней, чтобъ защитить ее отъ опасности съ площади, но она сію же минуту оправилась и, отстранивъ офицера, продолжала обращаться къ мужу, все время остававшемуся въ глубинѣ залы.

— Вотъ съ улицы Пажерія скачутъ еще гусары, а съ противоположной стороны ѣдутъ жандармы. Пѣхота пробивается съ улицы Гиганта... Я вижу, какъ сверкаютъ карабины. Боже мой,—

сколько крови можетъ пролиться, сколько человѣческихъ жизней погибнуть...

И внезапно, съ громкимъ пронзительнымъ крикомъ, въ которомъ звучали и рѣшительность, и власть, и призывъ, она буквально ринулась впередъ къ самому краю балкона, висѣвшаго надъ площадью.

Невозможно описать, какъ въ этотъ ужасный моментъ были потрясены всѣ присутствовавшіе въ залѣ. Королева же, опершись о рѣшетку, крикнула на всю площадь рѣшительнымъ, властнымъ, хотя и пронзительнымъ голосомъ:

— Не нужно крови! Солдаты, не смѣйте проливать кровь! Король не хочетъ! Берегите мой народъ!

Огромная, бушующая толпа стихла, увидавъ на балконѣ молодую королеву, которая еще разъ повторила: «Не проливайте крови!»

Народъ былъ побѣжденъ смѣлостію своей обожаемой королевочки, и сталъ расходиться съ кликами: «Viva la Regina».

Придворные, окружившіе Софію, были такъ потрясены, что у многихъ навернулись слезы. Францискъ II плакалъ.

XXIX.

Францискъ наканунѣ паденія.—Поѣздка королевы Софіи въ Казерту.—Встрѣча Цезаря и Урбана Бесси.

Королева Софія выѣхала изъ неаполитанскаго дворца въ закрытой каретѣ, сопровождаемая своей неизмѣнной статсъ-дамой герцогиней Сангро. При ней не было никакого конвоя, кромѣ одного верхового, скакавшаго впереди экипажа. Она направлялась въ Казерту.

День былъ теплый и солнечный, улицы столицы оживленны и веселы. Народу встрѣчалось особенно много, потому что за послѣдніе дни сюда съѣхались всякіе люди изъ разныхъ провинцій королевства и даже изъ-за границы, особенно изъ Сициліи и Калабріи. Въ крайнихъ предмѣстьяхъ города эти пришлецы бросались въ глаза. Они выглядывали изъ оконъ, съ балконовъ, стояли группами на улицахъ. Ихъ не трудно было отличить отъ туземцевъ по ихъ краснымъ курткамъ и шляпамъ съ высокими остроконечными тульями, повитыми разноцвѣтными лентами.

Выѣхавъ за городъ, карета катилась быстро по широкой дорогѣ, отбѣняемой рядами столѣтнихъ платановъ. Вдругъ кучеръ остановилъ коней. Софія выглянула изъ окна и содрогнулась, слезы выступили на глазахъ ея. Зрѣлище было по-истинѣ печальное. По дорогѣ шла рота королевскихъ стрѣлковъ; солдаты двигались, медленно волоча ноги, подымая удушающія облака пыли. Боже мой!

какъ они были истомлены. Исхудалыя лица, запыленная одежда въ лохмотьяхъ, большинство босы, и всѣ безъ оружія. Это тѣ самыя блестящія бурбонскіе стрѣлки, которыхъ Софія видѣла года полтора назадъ на парадѣ въ Бари, куда покойный король со всей семьей пріѣзжалъ встрѣчать юную невѣсту своего первенца.

Какія потрясающіяся событія совершились за это короткое время!

То были солдаты королевской бригады, которою командовалъ генераль Сомерія Маннели, разбитый Гарибальди. Старѣйшіе изъ нихъ, узнавъ государыню, прокричали: «да здравствуетъ королева!» но такимъ слабымъ, хриплымъ голосомъ, что сердце сжалось отъ жалости. Они уже двое сутокъ не ѣли, нѣкоторые, какъ нищіе, протягивали руки за милостыней. Въ кошелкѣ королевы было десятка два золотыхъ монетъ: она всѣ ихъ высыпала на дорогу для несчастныхъ, откинулась въ глубь кареты и тихо заплакала.

Два дня тому назадъ въ Неаполѣ было получено официальное извѣщеніе отъ Гарибальди. Онъ сообщалъ о сдачѣ ему генераломъ Гіо четырнадцатитысячнаго корпуса, о своихъ успѣшныхъ стычкахъ съ другими частями бурбонскихъ войскъ, о занятіи главнѣйшихъ городовъ по пути къ столицѣ.

Дядя короля, принцъ Леопольдъ, графъ Сиракузскій, извѣстный своимъ либерализмомъ, прислалъ вѣнченосному племяннику слѣдующее письмо:

«Государь! покуда еще есть время, поспѣшите спасти вашу династію и вашу семью отъ проклятія всей Италіи! Послѣдуйте примѣру нашей благородной родственницы великой герцогини Пармской, которая во избѣжаніе междоусобій освободила отъ клятвы вѣрности ей своихъ подданныхъ и предоставила имъ самимъ распорядиться ихъ политической будущностью».

Совѣтъ министровъ, во главѣ котораго стоялъ донъ-Либоріо Романо, въ то же самое время представилъ королю адресъ, въ которомъ откровенно излагалъ, что его величеству необходимо покинуть столицу, которая чрезъ день или два будетъ занята Гарибальди и, конечно, передана королю Виктору-Эмануилу, котораго поддерживаютъ Франція и Англія,—каждая въ своихъ особыхъ выгодахъ.

Вручая этотъ адресъ государю, премьеръ Либоріо Романо добавилъ устно:

— Единственный совѣтъ, который я лично могу дать, таковъ: вашему величеству покидая съ семействомъ Неаполь, слѣдуетъ назначить надежное регентство съ надежнымъ министерствомъ, которому, вѣроятно, удастся отвратить междоусобіе, а можетъ быть современемъ добиться дипломатическимъ путемъ чего-либо для васъ, государь, благопріятнаго въ будущемъ.

— Если бы,—отвѣчалъ Францискъ на эту рѣчь,—я, какъ король, не считалъ себя отвѣтственнымъ передъ народомъ и передъ моею семьей за неприкосновенность короны, то я бы уже давно снялъ съ себя это угнетающее меня бремя.

Положеніе дѣйствительно было безысходное. Не только войско доведено до безсилія, не только флотъ настроенъ враждебно Франциску, не только народъ начиналъ явно сочувствовать утверженію единства Италіи, но даже, повидимому, дотолѣ преданнѣйшія аристократическія семьи, стоявшія всегда близко ко двору, отстранялись отъ него.

Утромъ описываемаго нами дня Францискъ попросилъ жену съѣздить въ Казерту.

— Тамъ,—говорилъ онъ,—въ бюро, которое стоитъ въ спальнѣ, хранится квитанція англійскаго банка на двѣнадцать миліоновъ ренты. Покидая Неаполь, я не хочу воспользоваться ничѣмъ, что лично мнѣ не принадлежитъ. Эта рента—наслѣдство, полученное мною отъ предковъ, и я считаю только ее моею по праву.

Королева тотчасъ же собралась, отказавшись отъ конвоя, вопреки просьбамъ супруга.

Она любила Казерту: тамъ она провела не одинъ, а нѣсколько подѣрядъ медовыхъ мѣсяцевъ съ горячо любимымъ и нѣжно любящимъ мужемъ. Тогда у нея было столько свѣтлыхъ надеждъ, теперь оставался только долгъ—быть опорой несчастнаго слабого человѣка.

Тяжкое впечатлѣніе произвела на нее нынче Казерта. Дворецъ опустѣлый; ни карауловъ, ни даже часовыхъ: солдаты почти всѣ были посланы на убійственную междоусобную войну.

Знакомые слуги всѣ исчезли. Даже въ саду сторожей и садовниковъ не было видно.

Взявъ изъ бюро документъ, она заперлась въ своей спальнѣ, долго обдумывала положеніе, въ которомъ находился ея мужъ, и то, что она должна предпринять, дабы поддержать его, какъ короля и любимаго человѣка. На душѣ у нея было очень тяжело.

— Однако,—сказала она самой себѣ,—главное дѣло—не падать духомъ. Я расхныкалась, какъ маленькая дѣвочка.

Она открыла широкое, выходящее въ паркъ окно и вдохнула въ себя живительный воздухъ.

Солнце было уже высоко. Обширныя лужайки между тѣнистыми аллеями ярко зеленѣли, мѣстами перерѣзывая лѣсъ легкими тѣнями мраморныхъ статуй, которыя были раскиданы по нимъ. Вдали искрились на солнцѣ, то высоко вздымаясь, то разливаясь въ затѣйливые бассейны, воды знаменитой группы фонтановъ.

Какой-то ветхій дворцовый егеръ брелъ по дорожкѣ со сворой собакъ. Одна собака залаяла; къ ней присоединились остальные. Лай сталъ даже угрожающій и, видимо, относился къ какимъ-то двумъ мужчинамъ, только что вошедшимъ чрезъ боковую калитку парка. Они однако только промелькнули и быстро скрылись за деревьями. Но зоркіе глаза королевы въ одномъ изъ нихъ узнали Урбана фонъ-Флуге. И ей въ тотъ же мигъ стало какъ-то спокойнѣе; она почувствовала, что вблизи ея есть кто-то, ее охраняющій.

Софія была женщина въ высшей степени чистая и честная, но, видя ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ страстно влюбленнаго въ нее молодого гвардейца, она не могла не замѣтить по его кроткимъ, смущеннымъ глазамъ, что онъ глубоко любить ее.

Никакая женщина, какъ бы она добродѣтельна ни была, не могла бы оскорбиться этой безмолвной, почтительной, преданной любовью человѣка, который ничего не требовалъ, ничего не ожидалъ, ни на что не надѣялся, кромѣ развѣ очень рѣдкой привѣтливой улыбки, которая была его единственной отрадой.

Самъ Урбанъ, истерзанный бесплодной страстью, пересталъ бороться съ ней; онъ былъ ею непрестанно охваченъ, но старался не думать объ ея послѣдствіяхъ для самого себя.

Урбанъ фонъ-Флуге (т. е. Бруно Бесси-Морелли) въ этотъ день былъ свободенъ отъ службы и, узнавъ случайно, что королева поѣхала въ Казерту безъ конвоя, приказалъ осѣдлатъ своего коня и прискакалъ туда, самъ не зная для чего.

Сойдя съ лошади у бокового входа въ паркъ, онъ совершенно неожиданно встрѣтился съ дядей, Цезаремъ Бесси, который, какъ намъ извѣстно, безъ малаго годъ пробылъ въ Сициліи и вернулся оттуда на континентъ вмѣстѣ съ гарибальдійцами. Оба они давно и крѣпко любили другъ друга. Бруно очень обрадовался, хотѣлъ было броситься въ объятія дяди, воскликнувъ: «какъ я радъ тебя видѣть!»

Но Цезарь сдержалъ его словами:

— Ты говоришь, что радъ меня видѣть, а я напротивъ; откровенно скажу тебѣ, что мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія встрѣча съ бурбонскимъ лакеемъ.

Молодой человѣкъ почти пошатнулся, такъ жестокъ былъ ударъ.

— Ты,—продолжалъ Цезарь,—явился сюда фальшивымъ баварцемъ, а здѣсь ты обратился въ фальшиваго республиканца. Ты забылъ клятвы, данныя на могилѣ отца—жертвы бурбонской тираніи, ты пресмыкаешься у ногъ Маріи-Софіи.

— Дядя, замолчи, ради всего святого не произноси этого имени.

Въ этомъ крикъ Бруно было столько страданія, столько отчаянія, столько душевной боли, что дядѣ стало его глубоко жалко. Онъ однако не поддался сожалѣнію и строго сказалъ:

— Бруно, наши товарищи не довѣряютъ болѣе тебѣ. Они называютъ тебя измѣнникомъ.

Въ глазахъ молодого человѣка блеснуло что-то страшное: невыразимая глубокая мука того, кто понялъ неизбежность оторваться отъ предмета, болѣе дорогого ему, чѣмъ жизнь, необходимость подчиниться своему неумолимому року.

— Я не измѣнникъ, воскликнулъ онъ:—я имъ не былъ никогда и никогда не буду.

Цезарь былъ тронутъ. Онъ вѣрилъ молодому человѣку. Онъ приблизился къ племяннику и, взявъ его за руку, дружески, какъ прежде, проговорилъ:

— Бруно, я еще вижу, что ты остался сыномъ твоего отца. Я знаю, что онъ обнялъ бы тебя въ эту минуту и сказалъ бы тебѣ: будь же вѣренъ правдѣ и человѣколюбію; будь безжалостенъ къ тѣмъ, кто заставляетъ страдать народъ, которымъ Господь судилъ имъ править.

— Черезъ двадцать четыре часа,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, блѣдный, какъ смерть,—я покину неаполитанскій дворъ.

И, не ожидая отвѣта дяди, онъ быстро удалился.

XXX.

Марія-Софія и революціонеры.—Попытка похитить ее.

Софія предчувствовала, что ей болѣе никогда не видѣтъ Казерты. Ей хотѣлось проститься съ паркомъ, съ уголками, дорогими по воспоминаніямъ о своемъ медовомъ мѣсяцѣ. Пригласивъ герцогиню Сангро сопровождать ее, она вышла изъ дворца.

Казертскій паркъ очень великъ, едва ли не обширнѣе своего первообраза—Версальскаго парка. Постепенно онѣ дошли до самой отдаленной его части, почти сливающейся съ сельскимъ просторомъ. Онѣ были у подножія горы, на вершинѣ которой виднѣлся маленькій охотничій королевскій домикъ.

Въ этой части парка прабабка Франциска II, королева Марія-Каролина, родная сестра Маріи-Антуанетты, устроила Трианонъ, по образцу версальскаго. Тутъ много разъ въ счастливейшія минуты своей жизни сживала Софія съ любимымъ мужемъ.

И теперь она опустила на мраморную скамью, начинавшую обрастать плющомъ. Видъ на окрестности отсюда обширный и прелестный. Однако около парка и всей этой его части было совершенно пустынно, что и замѣтила ее спутница, рѣшившись предостеречь королеву.

— Ваше величество, лучше бы намъ уйти отсюда; здѣсь неблагоприятно засиживаться. Вы замѣтили, въ кустахъ прошли два какихъ-то человѣка.

— Да,—отвѣчала Софія.—Вѣроятно, егеря.

— Едва ли! Я здѣсь много живала. Всѣхъ егерей видала. Лица этихъ двухъ мнѣ совершенно незнакомы... Зачѣмъ бы егерямъ, завидѣвъ насъ, поспѣшно скрываться.

— По всей вѣроятности, не хотѣли насъ беспокоить.

— Ваше величество, простите мнѣ мою откровенность... Но, право, я не знаю... Изъ Неаполя мы уѣхали какъ-то таинственно; и здѣсь остаемся такъ долго понапрасну. Этотъ необъятный паркъ нынче рѣшительно обратился въ пустыню. Просто страшно становится.

При словѣ страшно королева нахмурила брови.

— Да чего же вы боитесь, герцогиня? Потерпите. Мы посидимъ еще немного, и уйдемъ.

Статсъ-дама все больше тревожилась, и Софія наконецъ успокоила ее, попросивъ пойти во дворецъ и распорядиться, чтобъ запрягали лошадей. Герцогиня не безъ робости пустилась въ длинный, пугавшій ее путь. Молодая женщина осталась одна, прислушиваясь къ далекимъ пѣснямъ поселянъ, собиравшихъ виноградъ, и думая свою горькую думу о мужѣ и распатанномъ престолѣ, на который они оба вступили такъ недавно.

Вдругъ она слышала быстро приближающіеся къ ней шаги. Черезъ минуту передъ ней стоялъ капитанъ королевской гвардіи Урбанъ фонъ-Флуге (котораго мы будемъ называть его настоящимъ именемъ Бруно Бесси-Морелли). Королева изумилась, и ощутила нѣкоторое волненіе. Она глядѣла на него такъ, какъ будто хотѣла спросить: какъ вы сюда попали?

Что касается до Бруно, онъ былъ внѣ себя отъ волненія, сладостнаго или горькаго, онъ бы самъ не могъ объяснить. Ему въ первый разъ случилось быть одному съ обожаемой женщиной.

— Ваше величество, простите меня,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ:—что я позволилъ себѣ нарушить ваше уединеніе... Здѣсь пустынно... и бродятъ разныя личности.

— Если и такъ:—возразила высокомерно Софія:—мнѣ все-таки нечего бояться. Вотъ полтора года, что я королева,—и зла никому не сдѣлала.

— Но мой долгъ, какъ дворянина, предупредить всякую возможно-грозящую вамъ опасность.

— Долгъ дворянина! Вамъ бы слѣдовало сказать долгъ вѣрно-подданнаго и солдата.

— Простите, ваше величество... я могу показаться вамъ благодарнымъ, дерзкимъ. Вы меня спасли и облагодѣтельствовали. Я глубоко и всегда буду помнить, что я вамъ обязанъ счастливейшими днями моеї жизни...

У Бруно отъ волненія голосъ прервался. Послѣ краткаго молчанія онъ продолжалъ:

— Я пришелъ затѣмъ, чтобы откланяться вашему величеству: я завтра покидаю мою службу, отказываюсь отъ моего чина и оставляю королевство,

Софія взглянула на него съ презрительной усмѣшкой.

— Капитанъ фонъ-Флуге, я не считала васъ на это способнымъ... Это вы называете благодарностью: покинуть короля въ трудную минуту, какъ покинули его генераль Нунціанте, герцогиня Миньяно и имъ подобные.

Съ трепетнымъ восторгомъ и въ то же время съ глубокой скорбью глядѣлъ Бруно на обожаемую женщину. Въ этомъ взглядѣ его выражалось все неописуемое страданіе молодого человѣка. Онъ, подойдя къ Софіи, низко склонился передъ нею и слабымъ, полнымъ уваженія и обожанія голосомъ сказалъ:

— Вся душа моя проникнута любовью и скорбью. Не презирайте меня, не обвиняйте въ неблагодарности. Я умоляю о прощениі, умоляю ту, которую люблю. Любовь моя могуча и чиста. Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы потушить ее: напрасно! Я знаю, что осмѣлился полюбить существо во всѣхъ отношеніяхъ для меня недосягаемое. Мнѣ остается одно—удалиться. Я пришелъ проститься...

И, опустясь на одно колѣно, онъ взявъ руку Софіи и почтительно поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Молодая женщина все поняла. Она мягко отстранила свою руку. Но гнѣвъ и надменность въ ея лицѣ смѣнились сожалѣніемъ.

— Довольно,—произнесла она тихо:—уходите...

— Уйду, но умоляю васъ, когда меня не будетъ, не вспоминайте обо мнѣ, какъ объ измѣнникѣ. Помните, что я васъ безгранично люблю и безгранично вамъ преданъ...

— Довольно, довольно... Я всегда буду помнить васъ какъ благороднаго человѣка... и,—съ дрожаніемъ въ голосѣ заключила Софія,—я искренно молю Бога, да хранитъ, да подкрѣпитъ онъ васъ... уходите...

И Урбанъ ушелъ.

Въ это время со склоновъ горы Тафія слышалась звонкая, бойкая пѣсня молодежи. Это была большая толпа подстоличныхъ добровольцевъ, направлявшихся въ городъ Салерно, гдѣ квартировалъ Гарибальди со своимъ штабомъ. У всѣхъ у нихъ были ружья, а на шапкахъ трехцвѣтныя кокарды. Пѣсня боевая ихъ была о родинѣ, о свободѣ, о самопожертвованіи ради того и другого: это былъ почти боевой кличъ.

Добровольцы были не близко, но каждое слово ихъ пѣсни долетало до слуха королевы. Очи ея затуманились; блѣднота про-

ступила въ лицѣ. Она понимала трагическій для Бурбоновъ смыслъ пѣсни и не была въ силахъ бороться съ грустью, съ непривычною ей робостью, навѣяною пѣсней и думами. Ей такъ захотѣлось поскорѣе быть дома, съ Францискомъ. А объ экипажѣ ей еще не приходили докладывать; статсъ-дама все еще не возвращалась. Софія встала и сдѣлала уже нѣсколько шаговъ по направленію ко дворцу, какъ вдругъ изъ ближайшей рощи раздался какой-то особенный, пронзительный свистокъ, изъ кустовъ около Трианона повыскакали вооруженные люди и во мгновение ока окружили ее со всѣхъ сторонъ.

Еще нѣсколько минутъ тому назадъ подъ наплывомъ печальныхъ мыслей она чувствовала себя слабой и унылой. Но теперь, когда она инстинктомъ поняла опасность, къ Софіи вновь возвратилась вся ея обычная смѣлость. Она гордо взглянула на этихъ людей, такъ безцеремонно къ ней явившихся.

Для ясности нашего разсказа необходимо сказать нѣсколько словъ о фактахъ, которые предшествовали описываемой сценѣ.

Неустаннаго агитатора, или, какъ онъ самъ себя называлъ, *commis voyageur de la révolution*, Цезаря Бесси мы оставили послѣ того, что гарибальдійское войско переплыло въ Калабрию. Побывавъ въ городѣ Козенца, онъ направился въ Неаполь, гдѣ ему было необходимо сдѣлать нѣкоторыя сообщенія мѣстному революціонному комитету, работавшему въ то время надъ задачей, какъ присоединить Неаполь къ завоеваннымъ уже объединительной партией провинціямъ, безъ насилія, безъ выстрѣла, безъ пролитія крови.

У Цезаря Бесси былъ въ умѣ такой планъ. Королева Софія очень смѣла; она имѣетъ привычку выѣзжать изъ дворца, даже за городъ, даже въ Казерту, безъ всякаго конвоя, въ сопровожденіи какой-либо фрейлины или статсъ-дамы. Надо за ней внимательно слѣдить и похитить ее, не причиняя никакого вреда, конечно. Король обожаетъ жену и, чтобы выручить ее изъ плѣна, не остановится ни передъ чѣмъ, навѣрно согласится подписать отреченіе отъ престола.

Многіе члены комитета находили такую мѣру недостойной культурнаго вѣка. Цезарь оспаривалъ ихъ рыцарскіе средневѣковые предрасудки. Дѣло кончилось тѣмъ, что комитетъ не уполномочивалъ его на похищеніе, но и не препятствовалъ ему привести свой проектъ въ исполненіе.

И онъ, подготовясь надлежащимъ образомъ, рѣшился со своими сообщниками похитить королеву въ Казертѣ, когда узналъ, что она туда поѣхала.

Во главѣ людей, окружившихъ внезапно Софію, стоялъ самъ Цезарь Бесси. Онъ только не замѣтилъ, что невдалекѣ отъ устроенной революціонерами засады, скрытый густой группой деревьевъ, стоялъ и его племянникъ Бруно, еще не оправившійся отъ прѣщанья съ Софіей.

— Что вы за люди? Зачѣмъ вы здѣсь?—храбро спросила молодая женщина.

— Мы люди революціи, ваше величество,—отвѣчалъ Цезарь:—мы тѣ люди, которые хотятъ освободить и объединить Италію.

Софія сдѣлала шагъ назадъ; она поблѣднѣла.

— Ваше величество благоволите итти съ нами,—продолжалъ Цезарь:—мы вамъ ничего не сдѣлаемъ... разумѣется, если вы не будете сопротивляться.

У королевы глаза засверкали; она скрестила руки на груди и властно, громко почти скомандовала:

— Прочь, прочь отсюда: вы оскорбляете вашу королеву Марію-Софію.

Голосъ ея былъ услышанъ Бруно. Въ одинъ мигъ онъ очутился около нея съ обнаженною саблей въ рукахъ и яростно крикнулъ заговорщикамъ:

— Прочь съ дороги!

Одинъ изъ революціонеровъ стоялъ немного въ сторонѣ отъ товарищей, опершись на мраморную Наяду. Его звали Лоренцо, человѣкъ онъ былъ жестокій, почти дикій, прошедшій жизнь въ горахъ родной Калабріи. Онъ въ рукахъ держалъ ружье. Въ его жилахъ текла кровь калабрійскихъ разбойниковъ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ на разыгравшуюся предъ нимъ драму.

Цезарь Бесси сознавалъ опасность, которой подвергается его племянникъ. Цезарь зналъ, что прежніе товарищи считаютъ его измѣнникомъ, зовутъ бурбонскимъ лакеемъ. Теперь всѣ они, видя, что Бруно, на содѣйствіе котораго они должны бы были рассчитывать, защищаетъ королеву, не жалѣли оскорбительныхъ словъ по его адресу:

— Измѣнникъ, ренегатъ!

— Прочь съ дороги, гнусные похитители женщинъ!—кричалъ Бруно. Онъ прислонился къ толстому дереву, зорко наблюдалъ за врагами и держалъ саблю наготовѣ.

Софія была подавлена ужасомъ.

— Смерть предателю! Смерть отступнику!—продолжали кричать сподвижники Цезаря.

Всѣ они были наряжены королевскими егерями и вооружены длинными ножами. Только у немногихъ были карабины.

Сверкнули ножи, и революціонеры приблизились къ Бруно. Цезарь ихъ задержалъ и тѣмъ голосомъ, какимъ говорилъ съ племянникомъ прежде, какъ любящій отецъ, обратился къ нему:

— Бруно, хоть меня выслушай... Развѣ ты не видишь, что, продолжая безумно упорствовать, ты погибнешь.

— Пусть! Но до королевы они дойдутъ только чрезъ мой трупъ.

— Измѣнникъ! предатель своихъ братьевъ! бурбонскій шпіонъ!— яростно кричали его противники.

Лоренцо навелъ на него дуло своего карабина. Королева безъ чувствъ упала на траву. Ряженые егеря приблизились къ нему. Бруно удалось ловко отпарировать передовые ножи. Но революціонеры словно хотѣли растерзать защитника королевы, какъ Цезарь громко скомандовалъ:

— Стой и слушай!..

Хоръ трубачей гдѣ-то вблизи игралъ сигналъ «въ атаку»...

— Наше дѣло сорвалось, это королевскіе драгуны. Намъ не слѣдъ попадаться имъ.

Еще и еще раздались приближающіеся трубные звуки.

— Разбѣгайтесь,—гаркнулъ Цезарь, въ душѣ радуясь спасенію племянника, хоть и досадно ему было, что предпріятіе не удалось.

Все его спутники мгновенно скрылись въ разныя стороны. Только Лоренцо прежде, чѣмъ убѣжать, выстрѣлил изъ своего карабина почти въ упоръ: Бруно палецъ замертво наземь.

XXXI.

По всему Неаполю шелъ гулъ и сплошной шумъ, зловѣщій, подобный нарастающему приливу бурнаго моря, подобный подземнымъ раскатамъ сосѣдняго вулкана Везувія.

По главнымъ улицамъ столицы, какъ хищное воронье, пронеслись толпы людей съ освирипѣлыми отъ голода и нищеты фізіономіями: тощіе, оборванные грязные, отталкивающіе.

Двѣ сотни солдатъ королевской гвардіи въ боевомъ порядкѣ, съ обнаженными саблями, были выстроены на внутреннемъ дворцовомъ дворѣ.

Чуялось, что страшное бѣдствіе грозило великолѣпному, но теперь опустѣвшему, обиталищу Бурбоновъ; чуялось, что мощная буря грозила снести тронъ, предварительно унеся тѣхъ, кто его окружалъ, и сановниковъ и слугъ.

Слѣды послѣдняго пышнаго бала встрѣчались еще во всѣхъ пріемныхъ покояхъ дворца.

Въ залѣ Пословъ еще ютится эстрада для оркестра, на ней стулья для музыкантовъ, такъ усердно потрясавшихъ стѣны звуками Бурбонскаго гимна...

Увядшіе цвѣты, гирлянды еще не сняты, не выметены...

Но гдѣ же блестящіе кавалеры, гдѣ дамы, осыпанныя брилліантами, гдѣ чванливые, хвастливые генералы, министры?

Огромныя венеціанскія зеркала на стѣнахъ покрыты пылью такъ недавно промелькнувшаго въ нихъ бала. Сквозь эту пыль отражаютъ они въ настоящую минуту нѣсколько печальныхъ человѣческихъ фигуръ, собравшихся въ этой залѣ Пословъ.

Францискъ II, въ мундирѣ гусарскаго генерала, безъ орденовъ, безъ сабли, сидѣлъ у стола, подпирая голову правой рукой. Онъ былъ блѣденъ, скорбенъ, замкнулъ въ самомъ себѣ и безмолвенъ.

Въ другомъ концѣ комнаты стояли генералъ Ппанелли и премьеръ Романо. Первый сохранялъ свой привычный видъ ничѣмъ не смущающагося самодовольнаго бахвала. Второй сохранялъ свою обычную личину непостижимаго сфинкса.

Одна изъ дверей распахнулась; въ глубокой тишинѣ послышалось шуршанье шелка: вошла королева Софія, спокойная, величавая, прелестная. Она приблизилась къ мужу и сѣла около него. Францискъ поцѣловалъ ея маленькую мягкую ручку и тихо промолвилъ:

— Когда я не буду больше королемъ, ты, мое сердечко, попрежнему будешь любить меня?

— Всегда, всегда—нѣжно отозвалась молодая женщина.

Генералъ и министръ хотѣли было приблизиться, чтобы привѣтствовать королеву, но король жестомъ руки удержалъ ихъ въ отдаленіи. Потомъ всталъ самъ и сказалъ:

— Генералъ Сальваторъ Ппанелли, военный министръ, не умѣвшій заботиться о моемъ войскѣ, вы, конечно, желаете получить отставку?

И затѣмъ, обратясь къ черному человѣчку, гнѣвно произнесъ, указывая обоимъ министрамъ на дверь:

— А вы, донъ-Либоріо, возьмите себѣ паспортъ и удалитесь въ болѣе безопасное для васъ мѣсто.

Когда оба министра, понуривъ головы; исчезли, Францискъ нѣжно обнялъ свою супругу, сказавъ ей:

— Мы сегодня же покинемъ Неаполь. Я не хочу, чтобъ изъ-за меня пострадалъ народъ; чтобъ проливались слезы матерей и кровь жителей въ городѣ, гдѣ я родился...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

